

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

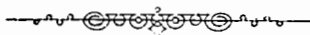
ТОМЪ Ш

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ Ш

1880

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1880

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.
СЕНТЯБРЬ, 1880.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Сентябрь, 1880 г.

	СТР.
I. ПРЕДАНИЯ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ: — 1. О татарахъ. — 2. О Грозномъ.—3. О Разинѣ.—4. О Пугачевѣ. Н. Я. Аристова	5
II. ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: — 3. П. П. Гулакь-Артемовскій. — 4. К. Д. Думитрашковъ.—5. В. А. Гоголь и Я. Г. Бухаренко. (Окончаніе). Н. И. Петрова	25
III. Н. И. ПИРОГОВЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ. Ф. И. Булгакова	58
IV. УСПѢХИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ ВЪ РОССИИ (1855—1880 г.) В. И. Майнова	70
V. КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА А. ЗАМОЙСКАГО. Н. В. Берга	97
VI. ОТНОШЕНІЯ КИТАЯ КЪ РОССИИ. Д. И. Завалишина	110
VII. ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ: — 1. Тяжелая година въ жизни Тамбовскаго духовенства. — 2. Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка. И. И. Дубасова	120
VIII. ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДРАМАТУРГОВЪ и БЕЛЛЕТРИСТОВЪ. А. Г. Брикнера	146
IX. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. Франція.—Эпоха революціи. Ио.....ла	159
X. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: 1. Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго. Въ 2 томахъ. Съ рисунками. 1880. Ф. Б. — 2. Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Отчетъ главноуполномоченнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Н. Абаза. Т. I. 1880. Ф. Б. —3. Дѣятельность Археографической коммисіи въ царствованіе Государя Императора Александра II. Спб. 1880. Дѣятельность общества любителей древней письменности. Спб. 1880. Ф. Б. —4. Записки Петра Андреевича Каратыгина, изданныя сыномъ покойнаго П. П. Каратыгинымъ. Спб. 1880. А. М. —5. Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакцію В. Ф. Корша. Спб. 1880. Выпуски 1, 2 и 3 (стр. 480). Фр. Миллера .—6. Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть I. Александръ Семеновичъ Шишковъ. Фр. Миллера .—7. Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію. И. Бѣлоруссова. Воронежъ. 1880. А. С—скаго .—8. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. III. Кіевъ. 1880. А. С—скаго .—9. В. И. Немпровича-Данченко. Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія корреспондента въ освобожденной Болгаріи. Спб. 1880. Ф. Б.	176
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Письма графа Сегюра къ Потемкину. Сообщены И. Я. Дашковымъ . — Апокрифическое стихотвореніе. Сообщено И. И. Каратыгинымъ	193
XII. СМѢСЬ: Китайскій Бисмаркъ. — Посѣщеніе императоромъ Александромъ II Липецкихъ минеральныхъ водъ.—Языкъ и литература современныхъ болгаръ. — Армянская историческая литература.—Владимірская епархіальная бібліотека. — Изданіе словатскихъ народныхъ пѣсень.—Внутреннее убранство будущаго историческаго музея въ Москвѣ.—Преображенскій дворець. — Наполеонъ I объ учебникѣ исторіи.—Новый опытъ евангельской хронологіи. — Оригинальная резолюція. — Столѣтіе Казанской губерніи	200
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. К. Френцеля . Окончаніе I части и часть II Главы I—II. 2) Портретъ И. И. Пирогова .	

Н. И. ПИРОГОВЪ.

Съ гравированнаго портрета рѣз. на деревѣ Панеманеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 юня 1880 г.
Типографія А. С. Суворина. Фрунзева пер., д. 11-2.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1880 г.).

	стр.
Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ: 1) О татарахъ. 2) О Грозномъ. 3) О Разинѣ. 4) О Пугачевѣ. Н. Я. Аристова	5
Очерки изъ украинской литературы: 3. П. П. Гулакъ-Артемовскій; 4. К. Д. Думитрашковъ; 5. В. А. Гоголь и Я. Д. Кухаренко. (Окончаніе). Н. И. Петрова	25
Н. Н. Пироговъ какъ педагогъ. Ө. И. Вулгакова	58
Успѣхи географическихъ знаній въ Россіи (1855—1880). В. Н. Майнова	70
Къ біографіи графа А. Замойскаго. Н. В. Верга	97
Отношенія Китая къ Россіи. Д. И. Завалишина	110
Изъ тамбовскихъ лѣтописей: 1) Тяжелая година въ жизни тамбовскаго духовенства; 2) Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка; 3) Тамбовское отжившее чиновничество. И. И. Дубасова	120, 320
Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ. А. Г. Брикнера	146
Современная историографія.—Франція. Эпоха революціи.—Англія. Иф.....ль	159, 603, 844
Карлъ Шайноха . Ф. К. Неслуховскаго	217
Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ . Главы: VI. Въ селѣ Михаѣ	

	стр.
ловскомъ; VII. Скитальческая жизнь; VII. Женатая жизнь. (Окончаніе) В. Я. Стоюнина	245, 679
Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей. В. И. Модестова .	282, 491
Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ, въ началѣ XIX вѣка. Е. А. Вѣлова	306
Поль Брокъ—основатель антропологін. В. Н. Майнова	331
Легенда о Велизаріи. В. Н. Корніевскаго	342
Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка. М. С. Ко- релина	353
Записки Каролины Бауреръ. Часть II. В. З—а	372
Русское посольство въ Англію въ 1662 г. А. Лодыженскаго	433
Тулскій вѣчень. Историч. разсказъ. Д. Л. Мордовцова	454
Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, русскій путешественникъ—музы- кантъ по Индіи въ концѣ XVIII вѣка. Ө. И. Вулгакова	515
Мертвый городокъ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. Н. Майнова	525
Эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ, Абдъ-Эль-Нишанъ. (Графъ Вацлавъ Ржевускій). Н. В. Верга	547
Симбирскіе юродивые. Н. Я. Аристова	566
Польскія смуты передъ возстаніемъ 1831 года. Н. С. Б.	576
Несмертельный Голованъ. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова	641
Извращеніе народнаго пѣснотворчества В. О. Михневича	743
Погибающая русская сила. Ө. М. Уманца	780
Къ характеристикѣ Іоанна, бывшаго епископа смоленскаго. Н. Я. Аристова	789
Крестьянскіе суды въ старину. Д. М. Мейчика	796
Госпожа Роланъ. С. С.	803
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	176, 399, 616, 854

Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго. Въ 2 томахъ. Съ рисунками. 1880. **Ө. В.**—Красный крестъ въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 гг. Отчетъ главноуполномоченнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ Н. Абаза. Т. I. 1880. **Ө. В.**—Дятельность археографической комиссіи въ царствованіе Государя Императора Александра II. Спб. 1880. Дятельность общества любителей древней письменности. Спб. 1880. **Ө. В.**—Записки Петра Андреевича Каратыгина, изданныя сыномъ покойнаго П. П. Каратыгинимъ. Спб. 1880. **А. Ж.**—Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакцію В. Ө. Корша. Спб. 1880. Выпуски 1, 2 и 3 (стр. 480). **Өр. Миллера.**—Историч. сочиненія В. Стоюнина. Часть I. Александръ Семеновичъ Шинковъ. **Өр. Мил-**

лера.—Личность Пушкина и взгляд его на поэта и поэзію. И. Бѣлорусова. Воронежъ. 1880. **А. С—скаго.**—Собрание сочиненій М. А. Максимовича. Т. III. Кіевъ. 1880. **А. С—скаго.**—В. И. Немировича-Данченко. Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія корреспондента въ освобожденной Болгаріи. Спб. 1880. **Ө. В.**—Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. М. 1880. **Б. Н. Вестужева-Рюмина.**—Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. I. Древнѣйшій періодъ. Спб. 1879. II. Періодъ съ XI—XIII в. Спб. 1880. **Его-же.**—Der polnische Kriegsschauplatz v. Sarmaticus. Berlin. 1880. **В. З.**—Русскій архивъ, 2 книга. М. 1880.—Соціальные реформаторы.—Ливерпульская ассоціація финансовъхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжула. М. 1880.—Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго. Историческій очеркъ Д. Иловайскаго. М. 1880.—Историческая записка 75-лѣтія спб. 2-й гимназін. Ч. I. Спб. 1880. **Ө. В.**—Русскій Архивъ. 1880. 3 книга. 1 часть. М. **Ө. В.**—Отчетъ интенданта Кавказской арміи съ 1 іюня 1876 г. по іюнь 1878. Составилъ генер.-лейтен. Шульманъ. Спб. 1880. **П. Д.**—Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора московской духовной академіи. Т. I. Періодъ первый Кіевскій или Домонгольскій. Первая половина тома. Москва. 1880. **А. С—скаго.**—The peasant-poets of Russia, by W. R. Morfill. London. 1880.—Волга. Виктора Рагозина. Т. I. Спб. 1880. **Ө. В.**—Былое. Стихотворенія В. Буренина. Спб. 1880. **А. Ж—ва.**—Послание Многословное. Сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI вѣка. (Съ приложеніемъ двухъ снимковъ). Трудъ Андрея Попова. М. 1880. **А. С—скаго.**—Le marquis Wielopolskii, sa vie et son temps. 1803—1877. Par M. Henry Lisicki. Wienne. 1880. **Н. С. Б.**

ИЗЪ ПРОШЛАГО 193, 410, 626, 863

Письма графа Сегюра къ Потемкину. Сообщ. **П. Я. Дашковъ.**—Апокрифическое стихотвореніе. Сообщ. **П. П. Баратынскій.**—Именные указы императрицы Елисаветы Петровны. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**—Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II. Сообщ. **Л. Н. Майковъ.**—Непреклонный маіоръ (картинка административной неурядицы александровскихъ временъ). Сообщ. **В. О. Михневичемъ.**—Деревенскій лѣтописецъ. Сообщ. **И. И. Дубасовъ.**—Стихотворное прошеніе придворныхъ лѣвчихъ Журавля и Кружка, поданное царицѣ Екатеринѣ I. Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**—Дѣло о нашествіи антикваріевъ (Къ исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій). Сообщ. **Л. С. Мацѣвичемъ.**—Новгородская депутація въ 1831 году. Сообщ. **Н. Г. Богословскій.** Письмо Н. В. Сушкова къ И. М. Снегиреву. Сообщ. **П. Я. Дашковъ.**

СМѢСЬ 200, 422, 633, 869

Китайскій Бисмаркъ. — Посѣщеніе императоромъ Александромъ II Липецкихъ минеральныхъ водъ.—Языкъ и литература современныхъ болгаръ.—Армянская историческая литература.—Владимірская епархіальная бібліотека.—Изданіе словацкихъ на-

родныхъ пѣсень.—Внутреннее убранство историческаго музея въ Москвѣ.—Преображенскій дворецъ.—Наполеонъ I объ учебникѣ исторіи.—Новый опытъ евангельской хронологіи.—Оригинальная резолюція.—Столѣтіе Казанской губерніи.—Празднованіе 500-лѣтней годовщины Куликовской побѣды.—Послѣднее слово о мѣсто-рожденіи А. С. Пушкина.—Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.—Въ какой день происходила Куликовская битва.—Памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ.—Анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ.—Археологическая находка въ Елабужскомъ уѣздѣ.—Археологическая находка близъ Херсонеса.—Казакъ, о происхожденіи яицкой общины.—Панславянское общество основанное Петрашевскимъ.—Сперанскій въ смыслѣ въ Перми.—Путешествіе полковника Пржевальскаго.—Археологическое открытіе.—Пушкинская выставка въ Петербургѣ.—Роскопка кургановъ близъ станціи Бутова въ Подольскомъ уѣздѣ.—Эпизодъ на годовщинѣ смерти С. М. Соловьева.

По поводу одного преданія, сообщеннаго Н. Я Аристовымъ.

А. К. 432

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1. Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. К. Френцеля. (Съ 5 главы I части до конца).—2. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ трехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ за 1880 г. Сост. М. И. Горюдецкимъ.

ПОРТРЕТЫ: 1) Н. И. Пирогова; 2) Карла Шайнохи; 3) Русскаго посла въ Англіи князя Прозоровскаго; 4) Г-жи Роланъ, и вновь сдѣланные портреты: С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и Мицкевича.

ПРЕДАНИЯ ОБЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ.

МНОГО у насъ издано пѣсень, даже самыхъ ничтожныхъ и бессмысленныхъ, довольно также былинъ и духовныхъ стиховъ съ пустѣйшими вариантами и объясненіями; но нѣтъ ни одного сборника народныхъ преданій, которыя имѣютъ громадное значеніе для исторіи и этнографіи русской. Не разъ я выяснялъ силу и значеніе народныхъ преданій ¹⁾ и давно напрасно ожидаю изданія сборника рассказовъ изъ разныхъ мѣстностей объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Въ настоящее время безъ всякихъ разглаговльствій сообщаю нѣсколько историческихъ преданій, которыя мнѣ удалось записать лично, и сопоставляю ихъ съ другими рассказами, уже извѣстными, и съ данными историческими.

1) О татарахъ.

Какъ туча саранчи, по мѣткому выраженію лѣтописи, (яко пружи), налетѣла на Россію толпа татаръ въ 500 или болѣе тысячъ, — и всеобщій ужасъ охватилъ ея сыновъ, не видавшихъ такого страшнаго и многочисленнаго врага. Хотя и русскіе не отличались особенной жалостью въ войнахъ, но ихъ поразила безпощадная бойня азіатскихъ варваровъ, не разбиравшихъ ни пола, ни возраста, рубившихъ населеніе „отъ старца и до сущаго младенца“; такой свирѣпости „не было ни отъ крещенья“; татары людей сѣкли, „аки траву“. Лѣтописныя картины о нашествіи татаръ совпадаютъ съ изображе-

¹⁾ Преданія о разбойникахъ. Сѣверн. Сіяніе 1864 г. Преданія о владахъ. Зап. Геогр. общ. 1871 г. Т. I. Преданія о мѣстныхъ святыхъ, Древ. и Нов. Рос. 1875 г. Т. II.

ніями народныхъ былинъ и пѣсень; въ былинѣ о Калинѣ царѣ-
который бралъ г. Кіевъ, видны тѣже черты лѣтописныя:

Когда подымался злой Калинъ царь
Ко стольному городу ко Кіеву
Со своею силою съ поганою;
Не дошедъ онъ до Кіева за 7 верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на 100 верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ она не разступится?
А отъ пару было отъ коннаго
А и мѣсяць, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта блага,
А отъ духу отъ татарскаго
Не можно крещенымъ живымъ быть.

(Древн. рос. стих. 242—3).

Въ южной лѣтописи изображается осада Кіева подобными же красками: „Приде Батый Кіеву въ силѣ тяжцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарская, и бысть градъ во обдержаньи велицѣ... И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдаху градъ,—и небѣ слышати отъ гласа скрипанія телѣгъ его, множества ревенія вельблудъ его, и ржанія отъ гласа стадъ конь его; и бѣ исполнена земля ¹⁾ руская ратныхъ“. (Ипат. 177).

Татары при нашествіи на Россію забирали всюду пожитки и отправляли въ плѣнъ по выбору лучшее здоровое населеніе. Лѣтопись сообщаетъ постоянно одно и то же: градъ и церкви |святѣя огневи предаша, и монастыри всѣ и села пожгоша, и много имѣнья вземше отъидоша... А что чернецъ уныхъ и черницъ и поповъ и попадѣй, и діаконы и жены ихъ и дчери и сыны ихъ, то все везоша въ станы своѣ, овы же вѣдуще босы и безъ покровень, издыхающа мразомъ. И бѣ видѣти страхъ и трепеть, и колебанье и бѣда, яко на хрестьянскѣ родѣ распространися“. (Лавр. 196—198).

Въ колыбельныхъ пѣсняхъ, навѣрно сложившихся еще въ эпоху порабощенія Россіи, высказываются тѣже черты грабежа имущества и плѣна, которыми сопровождалось татарское нашествіе.

Сни—усни, мое дитяtko!
Твоя матушка—полоняночка,
Твой батюшка—полоняночекъ.
Злы татары набѣгали,

¹⁾ Нагнано тутъ силы татарскія,
Что мать сыра земля колеблется,
Колеблется земля, погибается,
Померкло солнышко красное,
Отъ того отъ пару отъ татарскаго.
(Пѣсни Рыбникова I, 103).

Домы—теремы сжигали,
 Старыхъ стариковъ убивали,
 Молодыхъ въ полонъ полонили,
 Животы по себѣ дѣлили;
 Разлучили тебя, дитятко,
 Съ родимой ли матушкой,
 Отогнали прочь, дитятко,
 Твоего ли батюшку родимаго....

На горѣ, на горѣ да брутой
 Огни горять да все свѣтлые;
 На тѣхъ огняхъ на свѣтлыхъ
 Котлы кипятъ да кипучіе,
 Вокругъ огней да свѣтлыхъ
 Сидятъ татары да все злые.
 Сидятъ, дѣлятъ да все животы
 Твоего отца да родимаго...

(Пѣсни Шенна 70—73).

При нашествіи татаръ у сильныхъ могучихъ богатырей русскихъ „сердце приужахнулось“, сами стихіи не въ состояніи были сладить съ азіатской ордой; а народъ русскій отъ страха пустился въ бѣгство: „Тогда бѣ пополохъ золь по всей земли, и сами невѣдяху, игдѣ хто бѣжить“ (Лавр. 201).

Грозное нашествіе татаръ на Россію оставило слѣды не въ однѣхъ сказаніяхъ историческихъ и въ пѣсняхъ, но и въ народныхъ преданіяхъ, которыя доселѣ сообщаются нерѣдко со всей свѣжестью эпической. Нѣтъ сомнѣнія, что эти преданія сложились и бродили въ русскомъ народѣ издавна, по крайней мѣрѣ указанія на нихъ существуютъ съ половины XIII стол. (Изв. Акад. X, 192—3). Не смотря на отдаленность времени, и теперь въ мѣстностяхъ, которыя испытали свирѣпую и безпощадную силу татарскую, съ горькимъ отчаяннымъ чувствомъ передаются рассказы отъ отца къ сыну объ ужасномъ наводненіи страны азіатскими варварами.

Не вода въ города понахлынула,
 Злы татары понаѣхали;
 Какъ меня молоду во полонъ берутъ.
 Ахъ ты батюшка, выкупай меня!

(Чт. общ. Ист. 1877 г. III, 22).

Въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ, первыхъ подвергшихся натиску татаръ, рассказываютъ крестьяне, что когда-то давно прошелъ по русской землѣ страшный воитель Батей и на пути вырубилъ все православное населеніе; онъ никому не давалъ пощады, ни старику хилому, ни безпомощному малюткѣ, сжегъ по дорогѣ всякое жилье человѣческое, истребилъ всѣ лѣса и травы на сто верстъ въ ширину, а въ длину—на сквозь всей русской земли. Гдѣ шли его полчища многочисленныя, какъ муравьи, тамъ не осталось

ни одного звѣря, ни одной птицы да и рыба вся подохла въ рѣкахъ; одна лежала черная земля и та вся избита конскими копытами, а не заростала она сто годовъ. Съ той поры противъ этой широкой тропы земной, гдѣ шель Батей, и на небѣ выступило знаменіе въ видѣ бѣлой полосы, которую зовутъ Батевой дорогой, т. е. крестьяне считаютъ, что млечный путь образовался на небѣ со времени нашествія Батия на Россію, въ память страшнаго бѣдствія, и лежитъ въ томъ же направленіи, въ какомъ двигался свирѣпый завоеватель въ нашей странѣ.

Сочувствіе природы къ бѣдствіямъ русскихъ людей, во время нападенія Батия, изображается самыми поэтическими чертами и въ преданіяхъ народа и въ былинахъ. Чтобы не допустить татаръ къ г. Киеву, рветъ мосты, перевозки и переправы быстрый Днѣпръ, но скоро выбился изъ силъ и помутился, видя гибель народа православнаго. Мать земля сырая хотѣла погнуться и поколебаться подъ силой татарской, но за грѣхи людскіе осталась спокойной, хотя тоже испытывала опустошеніе и бѣдствія. Какъ при пораженіи князя Игоря Сѣверскаго „уныша градомъ забрамы, а веселіе пониче“; такъ и при взятіи Киева Батиемъ мать стѣна городова въ видѣ красной дѣвицы горько плакала, — „она вѣдала невзгодушку великую“ (Шѣсни Рыбникова I, 174); тамъ отъ духу отъ татарскаго не можно было крещенымъ живымъ оставаться, а по сказанію Тамбовскому при нашествіи татаръ разбѣжались звѣри, разлетѣлись птицы, подохла рыба и земля лишилась на сто лѣтъ производительной силы.

О страшномъ опустошеніи земли Рязанской Батиемъ историческая повѣсть выражается согласно съ народнымъ преданіемъ. „Погибе градъ и земля Рязанская, измѣнися доброта ея, и не бѣ что въ ней благо видѣти, токмо дымъ и земля и пецель“... Встрѣтивъ отпоръ Рязанцевъ, Батий „нача воевати Рязанскую землю, веля бити и сѣчи безъ милости... Іереи и черноризца до останка изсѣкоша, и храмы божиі разориша и во святыхъ алтаряхъ много крови проліяша“... (Свѣд. о малоизв. и неизв. памятн. Срезневскаго, 89. Прилож. къ Запис. Акад. XI, № 2).

Въ письменныхъ памятникахъ рѣзко изображена картина страшнаго нашествія татарскаго на Рязанскую землю. „Господь отъ насъ силу отня, а недоумѣніе и грозу, и страхъ и трепеть вложи въ насъ за грѣхи наша. И поглощена бысть премудрость могущихъ строити ратныя дѣла и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишася“. Татары, завязывая назадъ руки, въ огонь бросали людей“, и груди вырѣзываху, и жолчь выимаху, а съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за ногти бияху. Всеволодъ Пронскій и многіе князи мѣстныя и воеводы крѣпкія, и воинства удалцы и рѣзвцы—узорочье и воспитаніе рязанское—все равно умроша, и едину чашу смертную испиша, ни единъ отъ нихъ возвратися вспять“. (Тамъ же 78—9 84—6).

Когда Батый хозяйничалъ въ Рязанской области, по преданію, онъ дошолъ до такой дерзости, что „нача просити у князей дочерей и сестеръ ихъ себѣ на ложе“. Одинъ изъ лукавыхъ вельможъ сказалъ завоевателю о красавицѣ Евпраксіѣ, женѣ князя Ѳедора и онъ убилъ ея супруга, а тѣло его валялось на р. Воронежѣ, потомъ прибрано было вѣрнымъ человѣкомъ, который принесъ вѣсть княгинѣ о гибели ея мужа. Евпраксія въ это время стояла въ высокомъ теремѣ и на бѣлыхъ рукахъ держала любимаго своего сына Ивана, названнаго Постникомъ, потому что онъ по постнымъ днямъ не бралъ груди материнской. Она высматривала ласковаго и любимаго своего супруга, „да скоро видить его въ радости“. Вдругъ получаетъ вѣсть, что князь „любви ея ради и красоты отъ Батия убиенъ бытъ“; тогда она вмѣстѣ съ сыномъ бросилась съ высоты на землю и заразилась до смерти; по этому и городъ Зарайскъ получилъ свое названіе Зараскъ. И вотъ принесено было тѣло князя Ѳедора, погребено съ княгиней и сыномъ Иваномъ Постникомъ, и поставили надъ ними кресты каменные. (Ист. Гос. Рос. III, пр. 357. Опис. Рум. Муз. 325. О неизв. пам. Срезневскаго 80, 82, 90).

Пошелъ Батый отъ р. Воронежа далѣе къ Рязанской области, но тамъ на р. Ожѣ святыня Господня обуздала его безпощадный нравъ: онъ приступилъ къ одному монастырю, и тотчасъ ослѣпъ, а когда поклонился св. иконѣ до земли и просилъ прощенія, снова прозрѣлъ.

Такіе рассказы я слышалъ въ дѣтствѣ отъ крестьянина Ивана Климова Волчинскаго въ с. Стеньшинѣ Липецкаго у. Тамбовской губ. верстахъ въ 10 отъ р. Воронежа. Эти преданія о Батыѣ издавна ходили и по Рязанской области и занесены въ письменные памятники. Амвросій, въ „Исторіи Россійской Іерархіи“ сообщаетъ преданіе, сохранившееся въ Богословскомъ монастырѣ, (недалеко отъ устья р. Прони, впадающей въ Оку, въ 2 верстахъ къ сѣверу отъ Рязани, Пронскаго уѣзда), какъ Батый, во время опустошенія Россіи, пораженъ былъ ужасомъ около этого монастыря и, вмѣсто разоренія обители, снабдилъ ее своими сокровищами, и послѣ показывалъ уваженіе религіи христіанской. Особенно замѣчательно для знатоковъ старины русской, что это преданіе зашло, какъ несомнѣнное, въ официальные акты и служило опорой уваженія мѣстной святыни Богословскаго монастыря.

Рассказываютъ, что Батый подарилъ въ этотъ монастырь золотую печать, которую взялъ архіепископъ рязанскій Михаилъ въ 1653 году и положилъ въ городскомъ соборѣ, изъ боязни, какъ бы, мордовскіе разбойники не похитили старинной драгоценности. Спустя нѣсколько лѣтъ, духовныя лица поступили такъ же, какъ сдѣлала бы мордва, именно: печать Батия употребили на позолоту водосвятной части и другихъ утварей соборнаго храма (Ист. Гос. Рос. III, пр. 360). Что дѣйствительно есть въ преданіи основа историческая, объ этомъ

говорить документъ, составленный основательными лицами. Въ патриаршей грамотѣ 1692 г. находится прямое указаніе на народный рассказъ; въ ней говорится такимъ образомъ: „Бывъ оный Батый, христіанскаго рода несносный врагъ, въ предѣлахъ рязанскихъ, явленіемъ св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, приде отъ дерзномышленнаго своего суровства въ пристрашіе, и прибѣгши въ обитель къ пречестному и св. образу, приложилъ гербъ и печать свою золотую,—и тѣмъ его святымъ явленіемъ починися преславному жителству многонадежное и безбѣдное отъ нихъ враговъ защищеніе. О томъ чудномъ происшествіи, открывшемся заступленіемъ всехвальнаго наперстника Господня, и до нынѣ сіе во всемъ народѣ явлено извѣствуется“. (Ист. рос. іер. III, 396—7).

Это преданіе сложилось позже нашествія Батя на Рязанскую землю, можетъ быть, въ то время, когда ханы стали давать большія льготы монастырямъ и духовенству. Извѣстно по лѣтописнымъ даннымъ, что взятіе Пронска и Рязанской области татарами отличалось особенной жестокостью на первыхъ порахъ, чтобы внушить страхъ въ русскомъ населеніи, чего и достигли завоеватели.

Много характеристическихъ преданій, особенно въ Рязанской землѣ, сохранилось о нападеніе Батя на этотъ край. Одинъ изъ рязанскихъ вельможъ, Евпатій Коловратъ, бывший въ Черниговѣ во время нахождения татаръ, пригналъ въ землю рязанскую съ малою дружиною и увидѣлъ грады разоренныя, людей побитыхъ. Собралъ онъ тогда 1700 человекъ воиновъ, нагналъ Батя въ землѣ Суздальской, напалъ неожиданно на станы его, сталъ рубить и колоть силу татарскую. Самъ Батый струсилъ и татары думали, что оживѣли мертвецы русскіе, которые побиты были раньше ими; но взятые въ плѣнъ 5 воиновъ разъяснили, что они отъ полка Евпатіева, пришли честно проводить сильнаго царя и воздать почести, только не успѣли налить чары на великую силу—ратъ татарскую. Тавруль похвалился предъ Батемъ взять живьемъ Коловрата, но тотъ наскочилъ на него и разсѣкъ его пополамъ; начали тутъ рубить татаръ, кого до плечь, а кого до сѣдла. И наконецъ самъ Евпатій съ своею малою дружиною легъ костью на полѣ. Такъ богатыри рязанскіе, „чудища, а не людища“, по выраженію лѣтописному, „крѣпкіе удалцы лежаша на землѣ пустѣ, на травѣ ковылѣ, снѣгомъ и ледомъ померзаша“. (О малоизв. памятн. 86—88).

Въ лѣтописи читаемъ: „На зиму 1237 года придоша отъ восточныя страны на Рязанскую землю лѣсомъ безбожніи татары, и почаша воевати, и плѣноваху и до Пронска. Поплѣнивше Рязань весь и пожгоша, и князя ихъ убиша, ихъ же емше (въ плѣнѣ), овы растинахуть, другія же стрѣлами растрѣляху въ ня, а они онакы руцѣ связывахуть. Много же св. церквей огневи предаша, и монастырѣ и села пожгоша имѣнья не мало обою страну взяша“... Князя Юрѣя привели изъ Рязани нальсти къ г. Пронску, гдѣ

находилась его супруга; княгиню его тоже вывели изъ вѣрности нальсти (обманомъ), убили ихъ вмѣстѣ съ мужемъ „и всю землю избивша, и не пощадеша отрочать до сущихъ млека“. (Лавр. 196. Ипат. 175). При такихъ страшныхъ явленіяхъ, не могло зародиться благодушное преданіе въ Богословскомъ монастырѣ объ уваженіи Батгя къ русской святынѣ; очевидно, оно возникло въ другую пору и вотъ на какомъ историческомъ основаніи.

Татары до принятія ислама отличались рѣдкой вѣротерпимостью и уваженіемъ къ русскимъ духовнымъ лицамъ, какъ пишетъ ярлыкъ Узбека 1313 г. „тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. (Собр. гос. грам. II, № 7). Послѣ первоначальнаго звѣрскаго опустошенія Россіи и истребленія святынъ, трудно было объяснить нашимъ предкамъ перемѣну въ характерѣ татаръ и снисходительное отношеніе ихъ къ православнымъ храмамъ и духовенству. Поэтому они съ своей точки зрѣнія всю смягчающую силу и благое вліяніе на азиатскихъ варваровъ приписали своимъ святынямъ, которыя чудодѣйствованнымъ образомъ укрощали сердце свирѣпыхъ завоевателей. Такому воззрѣнію обязаны своимъ происхожденіемъ многіе лѣтописные рассказы и устныя преданія, къ которымъ относится и Пронское.

Особенно поэтическимъ характеромъ и прихотливой изобрѣтательностью отличается Нижегородское сказаніе о нашествіи татаръ, которое изукрашено фантазіей раскольниковъ. Тамъ существуетъ преданіе о подземномъ городѣ Китежѣ, который будто бы скрылся въ землю при осадѣ его азиатами во время нашествія Батгя. Сказанія народныя сообщаютъ, что городъ Большой Китежъ построилъ князь Псковскій Георгій въ Макарьевскомъ у. на берегу озера Свѣтлояра и поселился въ немъ; а Малый Китежъ (Городецъ) былъ раньше устроенъ съ укрѣпленіемъ. Недолго жилъ князь Георгій въ Китежѣ и отправился въ свой родной городъ Псковъ; однако грозное татарское нашествіе вызвало его оттуда на защиту русской земли. Собравъ войско, онъ хотѣлъ остановить полчища Батгя на берегу Волги, но былъ разбитъ, убѣжалъ и заперся въ Маломъ Китежѣ. Когда же ясно стало, что Батыева сила, обложившая этотъ городокъ, скоро можетъ взять его, Георгій удалился съ горстью избраннаго войска въ Большой Китежъ; татары преслѣдовали его, и только подошли къ городу, — онъ скрылся подъ землей и сдѣлался невидимъ. Такъ и не достался въ руки невѣрныхъ благочестивый городъ! Этотъ чудный городъ до селѣ стоитъ невидимъ со всѣми церквами и монастырями, населеніе въ немъ живетъ старинной жизнью благочестивою; въ опредѣленные часы дня раздается звонъ колоколовъ, который слышатъ избранные, сидя на берегу озера. Прежніе жители города, умирая постепенно, пополняются приходящими благочестивыми людьми: кто желаетъ поселиться въ Китежѣ, тотъ долженъ оставить домъ свой, отца, мать и жену, братьевъ и сестеръ, родныхъ

и знакомыхъ и идти по Батыевой дорогѣ, неоглядываясь по сторонамъ. По дорогѣ будутъ представляться большія искушенія и страхи отъ нечистой силы, явятся злыя звѣри и другіе знаменія, но православный долженъ творить молитву, не смущаться и продолжать путь въ чудный градъ Китежъ. Кто не смутится дьявольскимъ навожде-ніемъ, тотъ услышитъ звонъ колоколовъ, предъ нимъ откроется городъ и сдѣлается видимымъ; когда войдетъ благочестивый странникъ, его встрѣтятъ блаженные жители града и тамъ онъ будетъ наслаждаться предвкушеніемъ райской жизни.

Въ другихъ областяхъ и городахъ также сохранились преданія о нашествіи татаръ, напримѣръ, въ Смоленскѣ героемъ защитникомъ погибшимъ является св. Меркурій, въ Касимовѣ — Егорій и проч. (Очерки Буслаева II, 155. Легенды Афанасьева 132). Но этихъ общеизвѣстныхъ разсказовъ мы не будемъ касаться; а перейдемъ къ преданію, которое сообщается въ Курской губерніи и относится къ событіямъ конца XIII столѣтія, какъ татары раскололи образъ курской Богородицы и какъ онъ опять сросся. Это преданіе давно занесено въ лѣтопись Курскаго монастыря и читается такъ: „Страна курская, разореніемъ отъ татаръ пришедъ въ конечное запустѣніе, заросла лѣсами, избыльна бывъ птицами, для промыслу коихъ жители г. Рыльска почасту туда пріѣзжали—и одинъ изъ оныхъ ходя по лѣсу при рѣкѣ Тускарѣ, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ славная по своей ярмаркѣ Коренная пустыня существуетъ, обрѣлъ на корню образъ Знаменія Богоматери, лежащимъ ницъ къ землѣ. И при томъ самомъ случаѣ за первое чудо сочтено, что при поднятіи сего образа отъ земли, на томъ самомъ мѣстѣ произошелъ источникъ воды. Сіе случилось 1295 г. сентября 8 числа.

„Дошло оное происшествіе до свѣдѣнія г. Рыльска и до князя ихъ Шемяки, тамо пребывающаго, по желанію коего, посланными отъ него, образъ тотъ и принесенъ былъ въ г. Курскъ. Весь народъ благоговѣнно срѣтилъ, самъ же князь не былъ при томъ, за что и объять сталъ слѣпотою; по признаніи жъ своей погрѣшности и по принесеніи молебствія чудотворному образу сему, паки получилъ зрѣніе; въ знакъ же своего усердія соорудилъ въ г. Рыльскѣ церковь Рождества Богоматери, гдѣ и поставилъ сію чудотворную икону. Но произволеніемъ Божиимъ очутилась она опять въ пустынь, при найденномъ ея мѣстѣ; почему тамъ построена была часовня и при образѣ поставленъ священникъ г. Рыльска. Въ скоромъ потомъ времени нашествіемъ татаръ къ тѣмъ мѣстамъ, священникъ оной взятъ былъ въ полонъ, и образъ Знаменія Богоматери расколоть на многія части; но по искупленіи сего священника, какъ обратился онъ къ своей пустынь, обрѣлъ части чудотворныя иконы невредимы; почему будучи сложены оныя вкупѣ, составилъ образъ, какъ и былъ, цѣлой. Рыльчане, увѣдавъ о чудѣ семъ, со всѣмъ духовенствомъ изъ города, при множествѣ мірскихъ людей, троекратно покушались для перене-

нія образа въ городъ свой, въ церковь устроенную княземъ Шемякою; но святой образъ являлся всегда на мѣстѣ своемъ въ часовнѣ. Съ того времени, въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ съ небольшимъ, и пребылъ онъ тамъ неподвижно“. (Ист. рос. іер. IV, 197 — 8. 641 — 2)“.

Преданіе это сохранило воспоминаніе о свирѣломъ нападѣніи татаръ въ 1282 г. на курскую область, когда они страшно расправлялись съ боярами и другими жителями городовъ.

Баскакъ Ахматъ наклеветалъ хану Ногаю на князей рыльскаго—Олега и липецкаго—Святослава; Ногай велѣлъ занять войскомъ всю курскую область; князья скрылись отъ татаръ, которые пограбили и повоевали все княженіе; взяли 13 старѣйшихъ бояръ, заковали въ двоежелѣзны нѣмецкія и много людей забрали въ плѣнъ съ женами и дѣтьми; труны убитыхъ бояръ вѣшали по деревьямъ, отсѣкали у нихъ руку правую и голову и бросали псамъ на съѣденіе, а идя въ орду, на каждомъ станѣ убивали по человѣку. „Мнози же отъ мраза измраша людье излуплени и младенци“. Зло это было въ Курскѣ и прочихъ городахъ княжества. „Тако наведе Богъ сего бесурменина зло, за неправду нашу, мню бо и князи ради, зане живяху въ которохъ межи собою... И бяше видѣти дѣло стыдно и велми страшно, и хлѣбъ во уста не идяше отъ страха“. Съ этого времени, когда татары 20 дней грабили и опустошали курскую область, она совсѣмъ запустѣла.

Послѣ явленія иконы въ 1295 г. курская страна подверглась опустошенію въ 1310 г., когда татары разграбили г. Брянскъ; къ этому времени можно отнести плѣнъ священника, служившаго въ часовнѣ при иконѣ Знаменія Коренной. (П. Соб. Лѣт. VII, 176—7. 185. I. 206—207. IV, 43. V, 200).

Съ другой стороны, въ преданіи сохранился отголосокъ, когда изобиловала звѣрями и птицами курская страна; въ лѣтописи дѣйствительно Ахматъ совѣтуетъ послать туда сокольниковъ: „есть бо въ княженіи ловища лебединая“ (Воскр. 177).

Русскіе усердно молились своимъ святымъ объ освобожденіи отъ татарскаго господства, составляли молитвы угодникамъ и просили Бога, чтобъ онъ сподобилъ невѣрныхъ познать благодать христіанства, какъ выражается лѣтописецъ: „Обрати, Господи, поганья въ крестыанство, да и ти будутъ братья наша, пріемше святое крещеніе и да будетъ едино стадо и единъ пастыръ! ¹⁾“. Эти усердныя молитвы и надежды нашихъ предковъ рано стали оправдываться, потому что татары принимали христіанство. Петръ, царевичъ Ордынскій, бѣжалъ въ Россію, принялъ крещеніе около 1267 года и же-

¹⁾ П. Соб. Лѣт. IV, 98. Сохранилась молитва, обращенная къ препод. Феодосію Кіево-Печерскому, Авраамію и Меркурію Смоленскимъ. (Цзв. Акад. X. 193—4. Ист. рус. церкви, Макарія, III, пр. 265. Очерки Буслаева, II, 179.

нился на дочери богатаго вельможи татарскаго, жившаго въ Ростовѣ, а этотъ князь „прежде бѣше въ вѣру пришедъ“. (О житіяхъ святыхъ. Ключевскаго, 41). По преданію, въ г. Боровскъ (Калужской губ.) Батый опредѣлилъ баскака изъ татаръ для сбора даней, который обратился въ христіанскую вѣру, а отъ его сына родился знаменитый подвижникъ Панфутій Боровскій (Ист. рос. іер. III, 396, 432).

На сѣверѣ Россіи сохранилось преданіе объ обращеніи въ христіанство Багуя, иначе — Буга богатыря, баскака или намѣстника Батыева въ Великомъ Устюгѣ, и о постройкѣ имъ монастыря Іоанна Предтечи. Сказаніе это занесено въ „Архангельскій лѣтописецъ“ и въ лѣтопись о Великомъ градѣ Устюгѣ и несомнѣнно имѣетъ историческое основаніе, какъ и „повѣсть о Петрѣ ордынскомъ царевичѣ“. Баскакъ Бугай, проживая въ Устюгѣ для сбора ханскихъ даней, устроилъ свой дворъ на горѣ Сокольничьей, гдѣ проводилъ время въ любимой имъ соколиной охотѣ; онъ отнялъ у одного изъ Устюжанъ дочь дѣвицу, по имени Марью, и держалъ ее у себя въ качествѣ наложницы, но она была весьма привязана къ нему. Въ 1262 г., когда татары производили поголовную перепись и устанавливали новую систему налоговъ — подушную, тогда по многимъ городамъ народное вѣче взволновалось, перебило численниковъ и баскаковъ. Такая же судьба ожидала и Устюжскаго баскака Багуя, тѣмъ болѣе, что тамъ распространилось извѣстіе о побѣдѣ русскихъ надъ татарами по всѣмъ городамъ и будто „приде на Устюгъ грамота отъ великаго князя Александра Ярославича, что татаръ бити“. Узнавъ о грозной опасности жизни преданнаго человѣка, Марья сообщила Бугаю, что онъ можетъ спастись отъ смерти только принятіемъ христіанской вѣры, такъ какъ устюжане окончательно рѣшились убить его. При такомъ опасномъ положеніи, баскакъ послушался своей любовницы, заявилъ духовенству о своемъ желаніи креститься; тогда улеглось народное озлобленіе противъ него и забыты были его обиды и притѣсненія. Принявъ православіе, онъ названъ былъ именемъ Ивана и женился на Марьѣ, которая спасла его жизнь. Впослѣдствіи этотъ человѣкъ отличался благотвореніями и набожностью и снискалъ любовь и уваженіе народа. На Сокольничьей горѣ, гдѣ онъ прежде забавлялся охотой, онъ обратилъ свой дворъ въ монастырь и устроилъ церковь во имя своего ангела—Іоанна Предтечи. Эта мѣстность и доселѣ слыветъ Сокольею горою. (Ист. рос. іер. IV, 315—316. Ист. рос. госуд. IV, 55. Годъ 1262).

Этотъ рассказъ имѣетъ сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ съ житіемъ царевича Петра Ордынскаго, который тоже любилъ, какъ и Багуй, соколиную охоту: „Бѣ выѣздяй при езерѣ Ростовстѣмъ, птицами лова“. Точно также тотъ и другой, по принятіи христіанства, отличался усердіемъ къ религіи и построили монастыри (Справ. Собес. 1859 г. I, кн. 3). Но большая разница заключается въ побужденіяхъ

къ принятію христіанства: Петръ крестился добровольно, сознавъ несостоятельность идолопоклонства; а Багуй обратился ко Христу, боясь смерти, во время волненія русскихъ противъ татаръ 1262 года, „егда людіе по градомъ на враги своя гнѣвахуся, и подвигошася на бесерменъ, и изгнаша я вонъ изъ градовъ, а иныхъ избиша на вѣчи“ (П. Соб. Лѣт. V, 190). Сюда надо добавить, что предокъ Годунова, мурза Четь, обратившись въ христіанство, построилъ Ипатьевскій монастырь въ XIV столѣтіи.

2) О Грозномъ.

Въ дополненіе къ рассказамъ объ Иванѣ Грозномъ, сообщеннымъ мною Кіевскому археологическому съѣзду ¹⁾, я присоединю еще преданіе, которое нашель въ своихъ замѣткахъ: оно давно было напечатано по разнымъ указаніямъ и русскими и иностранными писателями; но я сообщаю преданіе, представляющее нѣкоторыя особныя подробности, которыя могутъ оказаться нелишними для изслѣдователя стариннаго русскаго быта.

Въ Липецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., въ родномъ моемъ селѣ Стеньшинѣ, я слышалъ рассказъ о Грозномъ такого рода: ходилъ ночью по Москвѣ царь одинъ, развѣдывая о благосостояніи своихъ подданныхъ, заглядывалъ въ питейные дома и разныя подозрительныя мѣста, сходился съ лицами всѣхъ сортовъ общества и разспрашивалъ ихъ за понибрата. Вотъ познакомился онъ съ однимъ ловкимъ воромъ и мошенникомъ, узналъ о его ремеслѣ и сталъ подбивать его обокрасть казну государеву; воръ съ первыхъ словъ обругалъ царя за это предложеніе, прибавивъ, какъ онъ смѣетъ посягать на общественное достояніе, и не хотѣлъ съ нимъ идти на воровской промыслъ. „Вотъ другое дѣло, сказалъ онъ, пойдемъ къ тѣмъ, которые крадутъ казну государеву. Это будетъ лучше!“ Пошли они по улицамъ московскимъ и увидѣли свѣтъ во второмъ этажѣ палаты близкаго къ царю боярина, у котораго было не мало народа. „Послушаемъ, шепнулъ воръ, о чемъ тамъ разговариваютъ“. Досталъ онъ изъ кармана кошки (желѣзные крючки, нашитые на пальцы кожаныхъ перчатокъ), навязалъ на руки ремнемъ и живо взобрался подъ окно втораго этажа, долго подслушивалъ разговоръ бояръ, спустился и сказалъ: „Плохо дѣло! Надо бы дать знать царю, что бояре сговорились завтра вечеромъ отравить его; зтотъ близкій бояринъ пригласитъ его завтра къ себѣ въ гости и поднесетъ ему задравную чарку съ ядомъ. Какъ бы ухитриться донести государю?“ Царь Грозный отвѣчалъ, что у него есть при дворѣ хорошій знакомый служитель и онъ чрезъ него сейчасъ же непременно сообщитъ государю о заговорѣ на его жизнь.

¹⁾ Труды III-го археологическаго съѣзда, Кіевъ. 1878 г. Т. I. 337.

Тутъ они распростились и переодѣтый царь пригласилъ на другой день утромъ вора къ себѣ въ гости; онъ разъяснилъ ему, чтобы пришелъ къ воротамъ царскихъ палатъ, гдѣ живетъ его пріятель придворный и назвалъ его по имени. „На, вотъ тебѣ мою палку, позови служителя и покажи ему: эта палка ему знакома, онъ—пуститъ тебя къ себѣ и тамъ мы съ тобой покутимъ на радости, что царя спасли. Да чего добраго, дадутъ намъ и награжденіе за это. Смотри же приходи, какъ услышишь колоколь къ поздней обѣднѣ; я тебя тамъ стану дожидаться“. Отдалъ ему палку—и скрылся.

На другой день воръ пришелъ къ царскому дворцу, вызвалъ служителя, о которомъ ему говорилъ неузнанный имъ царь, показалъ ему палку и тотчасъ приглашенъ былъ по заказу къ самому царю, который велѣлъ его накормить, напоить и держать до вечера. Онъ хотѣлъ увѣриться, дѣйствительно ли воръ сказалъ правду, что любимый имъ бояринъ хотѣлъ извести его на смерть. Когда время клонилось къ вечеру, бояринъ этотъ прибылъ къ царю и сильно сталъ просить его пріѣхать въ гости; царь принялъ его чудесно, какъ будто ничего не подозрѣвалъ и общался быть въ его домѣ черезъ часъ. Когда уѣхалъ бояринъ, Грозный велѣлъ поставить около его дома тайно отрядъ солдатъ, чтобы они по свисту его тотчасъ окружили и не выпускали никого оттуда; а вору заказалъ, при этомъ знакѣ, на кошкахъ прямо лѣзть въ окно второго этажа. Сдѣлавъ такія распоряженія, царь отправился на вечеръ къ боярину; началась пирушка, веселье общее и поднесли государю заздравную чару.

Тогда царь принялъ въ руки и сказалъ: „Любилъ я тебя, хозяинъ пуще всѣхъ бояръ и, въ знакъ этой любви, прими и пей чару государеву, а я выпью изъ твоей чарки“. Ужасъ обнялъ всѣхъ гостей, злоумышлявшихъ на жизнь царя; а бояринъ сталъ отказываться выпить, какъ недостойный прикасаться къ питью государеву.

Свиснулъ тогда въ окно Грозный; солдаты окружили домъ боярина, а воръ влѣзъ на кошкахъ во второй этажъ въ окно и сталъ обличать всѣхъ и передавать, что онъ слышалъ наканунѣ вечеромъ отъ каждаго. Царь заставилъ выпить приготовленную ему чару съ ядомъ хозяину, который и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ очень скоро передъ глазами царскими; другихъ бояръ государь велѣлъ перевязать солдатамъ, а вору драть ихъ своими желѣзными кошками. Съ ними онъ расправился на другой день; а вора велѣлъ наградить за вѣрность къ царю и къ казенному имуществу, далъ ему средства богатя и онъ сдѣлался потомъ хорошимъ человѣкомъ.

Подобный рассказъ, приуроченный къ личности Грознаго, слышалъ и занесъ въ свои записки Коллинсъ, докторъ царя Алексѣя Михайловича, жившій въ Россіи 1659—1667 г. (Рус. Вѣст. 1841 г. №№ 8 и 9. Чт. Общ. Ист. 1846 г. 1. Очерки Буслаева I, 512 — 514. Преданія о Грозномъ. Веселовскаго. Древн. и Нов. Рос. 1876 г. № 1, стр. 316, 318 и др.).

3) О Разинѣ.

Въ октябрѣ 1670 г., напали на г. Цивильскъ (Казанской губ, казаки, бунтовавшіе подъ предводительствомъ Стеньки Разина; жители стали защищаться и видѣли съ ужасомъ, что мятежники скоро завладѣютъ городомъ. Въ ночь приступа, вдова Ульяна Васильева задремала и узрѣла видѣніе, какъ Богородица Тихвинская, образъ которой находился въ соборной церкви города, велѣла объявить жителямъ, чтобы осажденные крѣпко сидѣли и сопротивлялись воровскимъ казакамъ, которые по предстательству св. Дѣвы потерпятъ неудачу и не возьмутъ города. Когда же минуетъ гроза и опасность, удалятся мятежники,—граждане въ благодарность должны построить монастырь во имя пресвятой Богородицы между рѣками Большимъ и Малымъ Цивилиями, между болотомъ и стрѣлецкимъ лугомъ. Дѣйствительно, предвѣщаніе вдовы сбылось: казаки ушли отъ города—и жители, движимые чувствомъ спасенія отъ убійствъ и разграбленія соорудили каменный мужской монастырь на указанномъ мѣстѣ. Они поручили снять копію съ иконы Богородицы, стоящей въ соборномъ храмѣ, и поставили въ монастырѣ. (Ист. Рос. Іер. VI, 651).

Въ этомъ преданіи основа заключается историческая, впрочемъ, разница есть во времени на одинъ годъ: въ октябрѣ 1671 года дѣйствительно весь Цивильскій уѣздъ наполненъ былъ казаками, приверженцами С. Разина, и городу Цивильску грозила опасность отъ мятежниковъ. Но послѣ 7-го ноября, князь Даниль Барятинскій, слѣдуя съ войскомъ изъ Казани, разбивалъ скопища бунтовщиковъ и очистилъ до 14-го ноября уѣзды Свіязскій, Цивильскій и Чебоксарскій. Отъ 7-го ноября писалъ изъ Васильсурска голова московскихъ стрѣльцовъ Юрій Лутохинъ, что изъ Казани пришелъ товарищъ полководца Долгорукаго, воевода Барятинскій, со многими ратными конными и пѣшими людьми къ 7 ноября, а дорогою отъ Казани ратные люди очистили Свіязской уѣздъ, Цивильскъ съ уѣздомъ и Чебоксарскій уѣздъ. Эти побѣды надъ мятежниками въ донесеніяхъ Долгорукова произошли „милостію Господа Бога и чудодѣйствомъ св. его образа, помощію и заступленіемъ Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ“. (Матер. для ист. возмущенія С. Разина. 117—118. Въ текстѣ 101).

Въ приволжскомъ краѣ сохранилось много преданій о Разинѣ и всѣ онѣ дѣлятся на двѣ категоріи: однѣ имѣютъ въ основѣ дѣйствительныя черты событій, какъ сказаніе объ освобожденіи г. Цивильска; другія отличаются фантастическимъ характеромъ, какъ Разинъ сидитъ, точно Змѣй Горынычъ или Кощей безсмертный, надъ грудями золота въ горныхъ пещерахъ. Предоставляя сближеніе преданій о Разинѣ фантастическаго склада съ мифическими сказаніями изслѣ-

дователямъ русской литературы, я останусь въ границахъ повѣствований, касающихся дѣйствительныхъ событій.

На этотъ разъ я слышалъ преданіе о Разинѣ, похожее на правду, отъ протопопа г. Симбирска П. Н. Охотина, который показывалъ мнѣ въ кафедральномъ соборѣ серебряный крестъ, погнутый въ срединѣ и разсказалъ слѣдующее изъ исторіи осады самозванцемъ г. Симбирска.

Когда Стенька Разинъ ночью напалъ на Симбирскъ, страшно стали стрѣлять и старался зажечь городъ, тогдашній воевода послалъ просить духовенство выдти на Вѣнецъ (гора со стороны Волги, около собора). Вышелъ протоіерей со всѣмъ духовенствомъ подъ самыя выстрѣлы; начался молебенъ о спасеніи града отъ враговъ и когда дьяконъ читалъ евангеліе, вдругъ ударила пуля въ самую средину серебрянаго креста, который держалъ въ рукахъ священникъ. Съ этого времени враги точно ошалѣли, трусили, бросились къ берегу Волги и стали садиться на суда. Такимъ образомъ Симбирскъ былъ спасенъ.

4) О Пугачевѣ.

Послѣ отступленія Пугачева отъ Казани и переправы черезъ Волгу, на правомъ ея берегу поднялось все инородческое и крѣпостное населеніе; съ особенной злобой оно мстило помѣщикамъ и духовенству. Прискакалъ гонецъ отъ самозванца въ с. Туваны и объявилъ отъ имени царя грамоту, въ которой говорилось о преслѣдованіи бояръ и поповъ и о будущихъ народныхъ льготахъ. Чуваши с. Туванъ и окрестныхъ сель знали уже, что идетъ войско и во главѣ его царь, что оно вѣшаетъ поповъ и господъ; по обнародованіи манифеста, они поднялись, заволновались и сами принялись за дѣло: стали ловить укрывавшихся священниковъ и вѣшать. Уже болѣе десятка успѣли чуваши погубить духовныхъ лицъ; но въ это время правительство приняло мѣры и прислало въ с. Туваны 3 роты солдатъ для усмиренія бунта. Чуваши рѣшились лучше умереть, чѣмъ выдать зачинщиковъ мятежа въ ихъ селѣ, но хорошенько не могли опредѣлить, царское это войско или царицyno.

— Кто здѣсь бунтовалъ и вѣшалъ поповъ и господъ? спросилъ воинскій начальникъ.

— Здѣсь, бачка, все было тихо и смирно, никто никого не думалъ вѣшать. Мы занимались своими дѣлами и ничего даже не слышали.

— Такъ кто же, не знаете ли, повѣшалъ поповъ здѣшнихъ, если вы не участвовали въ этомъ дѣлѣ?

— Знать не знаемъ! Видно, они сами повѣсились.

Видя явное соглашеніе и заперательство чувашъ, начальникъ отряда прибѣгнулъ къ хитрости, чтобы развѣдать, кто были главные зачинщики волненія. Зная, что самая дорогая вещь для чувашъ соль, онъ имъ сказалъ:

— Ахъ, вы дураки. Что же вы скрываете отъ меня?! Вѣдь я нарочно присланъ царемъ похвалить васъ за усердіе и пожаловать. Молодцы, вы, ребята, что хорошо расправлялись съ попами и господами и стояли за государя Петра Ѳедоровича; онъ вамъ прислалъ большую награду за вѣрность: кто изъ васъ вѣшалъ поповъ, тому жертвуетъ царь возъ соли, ступайте въ гор. Чебоксары (уѣздный городъ Казанской губерніи, называемый чувашскою столицею), тамъ изъ казеннаго подвала отпустить вамъ по 20 пудовъ каждому; вотъ только я напишу и дамъ вамъ грамотку.

Вручилъ чувашамъ туванскимъ воинскій начальникъ письмо, распрощался съ ними ласково, скомандовалъ солдатамъ и ускакалъ съ отрядомъ. Тутъ чуваша — большіе охотники до соли — стали тотчасъ запрягать лошадей, поѣхали въ Чебоксары и виновные и частью виновные; а военный начальникъ съ солдатами поджидалъ ихъ около дороги въ лѣсу, недалеко отъ с. Туванъ. Каждога проѣзжающаго чувашенина ловили солдаты и приводили къ своему командиру, а тотъ допрашивалъ ихъ:

— Ты куда ѣдешь?

— Въ Чебоксары за солью, царь пожаловалъ.

— Да ты вѣдь не бунтовалъ и поповъ не вѣшалъ, даромъ казну раззорять вздумалъ?

— Какъ не бунтовалъ? Вонъ и возжи мои были; на нихъ я поѣсилъ туванскаго попа съ другими товарищами.

Разумѣется, такихъ смѣльчаковъ солдаты брали и вязали имъ руки и ноги; иные сознавались, что поѣхали за солью даромъ, не участвовали въ бунтѣ, а только смотрѣли, какъ вѣшали поповъ другіе. Этихъ чувашъ прогоняли обратно въ село нагайками и тѣ скакали безъ оглядки, считая себя обманщиками царя.

Такимъ способомъ развѣдали, кто были главные зачинщики и кто пособники бунта. Привезли ихъ въ с. Туваны и передъ собраніемъ всѣхъ чувашъ, жестоко наказали батогами да въ добавокъ натерли имъ спины лакомой приправой ихъ кушанья — солью ¹⁾.

Это преданіе имѣетъ большой историческій смыслъ, потому что сложилось на основаніи дѣйствительныхъ событій и явленій. 1) Въ с. Большихъ Туванахъ мятежники Пугачева взбунтовали чувашское населеніе, входили въ храмъ съ оружіемъ въ рукахъ и въ шапкахъ, ограбили имущество церковное и выгнали укрывавшихся тамъ людей: все это поощрило инородцевъ храбро поступать противъ духовныхъ лицъ, которыхъ они ненавидѣли. (Ист. Пугачева бунта. Пушкина. I, въ прим. стр. 60). 2) Въ Пугачевскій бунтъ въ Курмышскомъ уѣздѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, побито духовныхъ лицъ: священниковъ умерщвлено 12 человекъ, (а въ Алатырскомъ только 7),

¹⁾ Этотъ рассказъ записанъ ученикомъ Симбирской семинаріи, уроженцемъ села Туванъ и сообщенъ мнѣ въ 1860 году.

дьяконовъ 10, причетниковъ 16. (Тамъ же, I, въ прим. 87—89). 3) Это явленіе не иначе можно объяснить, какъ излишнимъ усердіемъ инородцевъ, которые обнаружили сильную ненависть противъ духовенства и злобу свою выразили практически. А. С. Пушкинъ пишетъ: „Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и предалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещенные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне—изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отсюду приводила къ Пугачеву“. (Тамъ же, I, 140). 4) Зная хорошо потребности инородцевъ и желанія народа, самозванецъ объявилъ общую вольность, что онъ будетъ всѣхъ жаловать лугами и морями, травами, рѣками и лѣсами; онъ обѣщался простить старья повинности и безденежно раздать соль инородцамъ, а цѣну соли для всѣхъ установилъ 5 коп. за пудъ. (Тамъ же, I, 140, въ прим. стр. 59). При усмирении возставшихъ инородцевъ, воинскій начальникъ не могъ не знать о даровой раздачѣ имъ соли Пугачевымъ и воспользовался случаемъ, чтобы развѣдать о зачинщикахъ бунта.

О взятіи Пугачевымъ г. Курмыша и Алатыря народное преданіе рассказываетъ одинаково, хотя исторически это не точно. Народъ сообщаетъ, что самозванецъ взялъ г. Алатырь съ бою, окруживъ его со всѣхъ сторонъ казаками, которые полѣзли на стѣны крѣпости и скоро ворвались въ городъ, потому что многіе изъ жителей помогали имъ взбираться на укрѣпленія. Храбрымъ и главнымъ защитникомъ Алатыря былъ намѣстникъ его Бердо, который и поплатился за свою отвагу и смѣлость жизнью; а бояре, проживавшіе въ городѣ, зная о злобѣ противъ нихъ Пугачева, оставили Бердо одного съ гарнизономъ и разбѣжались по отдаленнымъ своимъ деревнямъ.

Взявъ г. Алатырь, самозванецъ торжественно въѣхалъ въ городъ на бѣломъ конѣ, съ вострой саблей въ правой рукѣ, богато наряженный и окруженный разукрашенной многочисленной свитой. Духовенство всѣмъ соборомъ встрѣтило его съ иконами и хоругвями у городской заставы и со всѣхъ церковей лился колокольный звонъ; принявъ отъ именитыхъ горожанъ хлѣбъ-соль, Пугачевъ направился къ главному храму. Отслужили благодарственный молебенъ за здравіе и спасеніе государя и громогласно возгласили пѣвчіе многолѣтіе царю Петру Фёдоровичу. За тѣмъ дьяконъ прочиталъ съ амвона манифестъ высочайшей православнымъ христіанамъ,—и началась поголовная присяга жителей на подданство императору, а не царицѣ.

Въ это время Пугачевъ отрядилъ молодцовъ разбить винный подвалъ и угощать народъ на царскій счетъ. „Пейте, говоритъ, дѣтushки, за царское здоровье, на радостяхъ, до отвалу!“ вмѣстѣ съ посланцами много прибѣжало складчиковъ изъ горожанъ, живо разбили казенный подвалъ и выкатили бочки; чтобы скорѣе достать вина, они начали выбивать дно полѣвьями: какъ хлопнуть по бочкѣ,

такъ и потечеть вино подъ гору къ р. Сурѣ. Ручьями текло вино, а всѣ охотники до выпивки подставляли шапки, черпали подъ горой и пили вдоволь, сколько душа приметъ. Послѣ всеобщей попойки, разбрелся народъ по всѣмъ окрестнымъ селамъ и забунтовалъ отъ имени царскаго.

Когда происходило это угощеніе войска и населенія мѣстнаго, Пугачевъ потребовалъ къ себѣ храбраго намѣстника г. Алатыря Бердо.

— Какъ ты смѣлъ не пускать царя Петра Ѳедоровича въ свой городъ, который ему достался по наслѣдству отъ блаженныхъ предковъ? закричалъ при народѣ самозванецъ.

— Царя Петра III нѣтъ въ живыхъ, отвѣчалъ храбрый Бердо, а управляетъ теперь русскимъ государствомъ его супруга императрица Екатерина II.

— Значать, ты вѣруешь и повинешься бабѣ и подчиняешься боярскимъ прихотямъ. Бояре завладели царицей совсѣмъ — и ты за ними! Ребята, онъ непригоденъ намъ, пустите его рыбу ловить.—Разумѣется, казаки тотчасъ увели намѣстника и утопили въ Сурѣ рѣкѣ.

Не далеко отъ этой рѣки, въ Алатырѣ показываютъ курганъ, въ которомъ похоронены, какъ говорятъ, защитники города и убитые по вѣдѣнію его Пугачевымъ. (Преданіе записано учениками симбирск. семинаріи Начаткинымъ и другими, 1860 г.).

Насчетъ этого преданія можно сдѣлать слѣдующія историческія замѣтки: 1) Никакого намѣстника Бердо не было въ Алатырѣ въ то время; убитъ Пугачевымъ премьеръ-майоръ Грабовъ съ женой, а въ Курмышѣ повышенъ начальникъ инвалидной команды Василій Юрловъ; 2) Торжественная встрѣча Пугачева едва ли не одинаково происходила по всѣмъ взятымъ имъ городамъ; по крайней мѣрѣ Державинъ былъ свидѣтелемъ такой сцены: „Подѣзжая къ г. Петровску, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ на встрѣчу съ образами и хлѣбомъ“. (Ист. Пугач. б. Пушкина, I, 148); 3) Присягу принимали и въ Курмышѣ и въ Алатырѣ не только мѣщане, но и чиновники; офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что они это сдѣлали не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса государыни и привелъ ихъ къ сему невольному грѣху смертный страхъ (Тамъ же, I, 144); 4) Какъ въ Курмышѣ и Саратовѣ, такъ и въ Алатырѣ происходило одинаковое явленіе вольной раздачи казеннаго вина и соли, обнародованія манифеста и освобожденія преступниковъ изъ остроговъ. Пушкинъ пишетъ: „20-го іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавь чрезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Начальникъ ея Юрловъ съ унтеръ-офицеромъ въ глаза обличали самозванца; ихъ

повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Пугачевъ велѣлъ раздать чувашамъ казенное вино". (Тамъ же. 143).

„Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодниковъ, отворили хлѣбные и соляные анбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, понавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла ихъ". (Тамъ же. 152).

Такимъ образомъ память народная доселѣ въ преданіи хранить черты исторической дѣйствительности.

Въ запискахъ Мертваго отлично обрисовано, какъ Пугачевская ватага преслѣдовала помѣщиковъ и дѣтей ихъ. Тоже злобное отношеніе казаковъ и крѣпостныхъ людей къ своимъ господамъ проявляется и въ преданіяхъ народныхъ. Въ с. Курмачкасахъ рассказываютъ о дѣйствіяхъ шаекъ Пугачева слѣдующее:

Какъ услышалъ баринъ Курмачкасскій о приближеніи Пугачева, тотчасъ осѣдлалъ лошадь, бросилъ домъ и семью на божью волю и ускакалъ въ дальнюю деревню. Возрастная дочь барина придумала способъ спастись отъ разбойниковъ: она взяла у своей сѣнной дѣвы сарафанъ, рубашку, платокъ и всѣ принадлежности одежды, принарядилась и сѣла прятаться въ крестьянской избѣ, чтобы не узнали ее пугачевцы. Но та же горничная, которая дала ей свое платье, первая указала мятежникамъ, гдѣ скрывается ея барышня, потому что она лиха была до прислуги. Тогда схватили боярышню-невѣсту въ избѣ, выволокли за длинные волосы на улицу и задушили на висѣлицѣ. Мать ея Курмачкасская барыня съ груднымъ ребенкомъ убѣжала въ лѣсъ, куда принесли слуги колыбель, повѣсили на сукъ дерева и качали барченка; но и барыню выдали свои крѣпостные крестьяне, указавъ мятежникамъ мѣсто, гдѣ она скрывается съ малюткой. Прискакали туда казаки, повѣсили барыню на деревѣ, на которомъ находилась люлька, а ребенка задушили. Когда усмирили волненіе и улеглась сумятица въ Симбирской губерніи, вернулся назадъ въ с. Курмачкасы баринъ; но никого уже не нашелъ изъ своего семейства, только указали ему мѣсто въ лѣсу, гдѣ погибла его супруга, и онъ отыскалъ тамъ люльку своего ребенка. Желя чѣмъ нибудь отличить это мѣсто, помѣщикъ, по совѣту священника, устроилъ тамъ пчельникъ съ условіемъ, чтобы вручаемый съ него воскъ жертвовать въ церковь на поминъ погибшихъ душъ боярскихъ. Съ той поры и получило это лѣсное урочище названіе Барченкова Пчельника ¹⁾.

Впрочемъ, сохранились преданія изъ исторіи Пугачевского бунта о вѣрности и сострадательномъ отношеніи крестьянъ къ своимъ господамъ въ безпомощномъ ихъ положеніи.

Пугачевъ вошелъ въ г. Саранскъ 27-го іюля и встрѣченъ былъ духовенствомъ, купечествомъ и народомъ. Здѣсь онъ повѣсилъ до 300 человекъ дворянъ и привлекъ на свою сторону многочисленное

¹⁾ Сообщено мнѣ въ 1860 г. ученикомъ симбирской семинаріи Елпидимъ.

крѣпостное населеніе, а 30-го іюля двинулся со своими скопищами къ г. Пензѣ. Ужасъ охватилъ помѣщиковъ при торжественномъ шествіи самозванца и они предались бѣгству; воевода пензенскій Всеволожскій содѣйствовалъ имъ во-время спастись отъ казни въ разныя отдаленныя мѣстности. Въ это время жилъ съ семействомъ около Пензы, въ своемъ имѣніи с. Симбухинѣ, господинъ Чемезовъ, Ефимъ Петровичъ; дошли до него слухи о звѣрскихъ поступкахъ Пугачева въ отношеніи помѣщиковъ, которыхъ онъ безпощадно вѣшалъ и убивалъ. Чемезовъ принялъ мѣры къ спасенію своего семейства и родственниковъ, жившихъ по близости: онъ отправилъ ихъ изъ с. Симбухина въ свою отдаленную вотчину, въ Саратовскую глушь, въ д. Чемезовку, далеко лежащую отъ проѣзжихъ дорогъ, какъ мѣсто совершенно безопасное, покрытое дремучими лѣсами по р. Медвѣдицѣ. Вѣрныя слуги укрыли въ этомъ захолустѣ родныхъ помѣщика; но недолго пришлось имъ и тамъ проводить время спокойно. Августа 4 Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и направился съ своимъ войскомъ къ г. Петровску, гдѣ встрѣтили его охотно жители, а на другой день двинулся къ Саратову, и Чемезовская глушь оказалась не безопаснымъ убѣжищемъ. Шайки Пугачева разспались по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, всюду разыскивали дворянъ и расправлялись съ ними; одна изъ такихъ шаекъ добралась и до деревни Чемезовки. Первымъ дѣломъ мятежниковъ было — навести справки, не скрываются ли гдѣ господа или ихъ дѣти; розыскали они двухъ малолѣтнихъ родственниковъ г. Чемезова и повѣсили ихъ близь ручья, извѣстнаго подъ названіемъ Дюпа.

Между тѣмъ, вѣрныя слуги боярина успѣли скрыть молодыхъ господъ своихъ, дѣтей Ефима Петровича; переодѣли ихъ въ крестьянское платье и отправили въ густую чащу лѣсовъ; тамъ они просидѣли опасное время, получая пищу отъ своихъ дворовыхъ людей. Старшій сынъ изъ спасшихся дѣтей Чемезова носилъ имя Николая и вотъ, благодарный родитель, увидѣвшій живыми и здоровыми своихъ дѣтей, приписалъ ихъ защиту и покровительство святителю Николаю. Съ той поры онъ установилъ во всѣхъ своихъ вотчинахъ праздники въ честь Николая угодника и къ названію деревни Чемезовки, въ которой спаслись его дѣти, присоединилъ наименованіе „сельцо Никольское“. (Собщено Казанскому Археолог. съѣзду благочиннымъ 1-го округа Аткарскаго уѣзда Саратовской губ., отцомъ Іаковомъ).

Сохранились въ исторіи данныя, что крѣпостные люди не всегда выдавали мятежникамъ своихъ господъ, но иногда содѣйствовали и давали имъ способъ укрыться отъ злодѣевъ. Такъ видно изъ официального донесенія, что помѣщица Юрлова, жена начальника Курмышской инвалидной команды, котораго велѣлъ повѣсить Пугачевъ, спасена была дворовыми своими людьми. Кромѣ того, не мало побито крѣпостныхъ людей, которые не приставали къ бунтовщикамъ,

а защищали интересы своихъ господъ. (Ист. Пугач. бунта, I, 143, въ прим. 76).

Въ высшей степени былъ бы я радъ, если бы мои сообщенія побудили ученыхъ людей издать сборникъ русскихъ преданій, которыя имѣютъ великую важность при изученіи старинной русской жизни.

Н. Аристовъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Псевдоклассицизмъ въ украинской литературѣ нынѣшняго вѣка и реакція ему ¹⁾).

III.

П. П. Гулакъ-Артемовскій.

ПЕТРЪ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій ¹⁾ (1790—1865 г.), сынъ священника, родился 16 января, 1790 года, въ м. Смѣлой, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи. Н. И. Костомаровъ, жившій у Петра Петровича во время своего студенчества, въ тридцатыхъ годахъ, слышалъ отъ него не разъ, что отецъ его всегда, и даже въ то время, когда Смѣла еще принадлежала Польшѣ, отличался горячею привязанностію къ Россіи, за то, что въ 1789 году, во время смуты, бывшихъ въ томъ краѣ, онъ подвергся жестокому истязанію со стороны поляковъ. Въ память этого событія, старикъ до смерти хранилъ тотъ пукъ розогъ, которымъ его истязали, въ кіотѣ, какъ святыню, вмѣстѣ съ образами. Артемовскій, унаслѣдовавъ послѣ смерти отца этотъ пукъ розогъ, вмѣстѣ съ кіотомъ, свято хранилъ его и любилъ показывать своимъ гостямъ, при чемъ входилъ во всѣ подробности приключенія. Получивъ первоначальное образованіе въ домѣ родительскомъ, молодой Артемовскій былъ отданъ въ Кіевскую Академію, гдѣ натерпѣлся всего, и даже однажды, послѣ большого по-

¹⁾ Окончаніе. См. „Истор. Вѣстн.“, № 8.

²⁾ Главные источники: 1) „Обзоръ Украинской Словесности“, Кулиша, въ „Основѣ“, за мартъ, 1861 г.; 2) „Поэзія Славянъ“, Гербеля, 1871 г.; 3) „Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій“, М. Де-Пуле, въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1874 г., т. I, стр. 83—88; 4) „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, Геннади, т. I, Берлинъ, 1876 г., стр. 47; 5) „Кобзарь П. П. Артемовскаго-Гулака“, Кіевъ, 1877 г.; 6) „Исторія славянскихъ литературъ“, Пыпина и Спасовича, 1879 г., т. I, стр. 359—360; 7) „Замѣтки“ Чулпыны въ Литературн. отд. Москов. Вѣдом., за 1856 г., № 41; 8) Библиотека украинскихъ писателей, Львовскаго изданія.

жара (1811 г.), который истребилъ чуть не половину Кіева, дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя онъ собиралъ на базарной площади. Въ Кіевской Академіи Артемовскій не окончилъ курса, по случаю закрытія ея передъ преобразованіемъ въ 1819 году, и въ 1817 году перешелъ въ Харьковскій университетъ, попечителемъ котораго состоялъ польскій магнатъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Здѣсь Артемовскій записался вольнослушателемъ университетскихъ лекцій и въ тоже время опредѣлился преподавателемъ польскаго языка. Въ 1818 году, онъ является преподавателемъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а съ 1820 года читаетъ въ университетѣ лекціи русской истории, географіи и статистики. Въ этомъ же году онъ выдержалъ кандидатскій и затѣмъ магистерскій экзамень, защитивъ въ 1821 году диссертацию „О пользѣ исторіи всеобщей и преимущественно отечественной и о способѣ преподаваніи послѣдней“. Въ январѣ 1823 года онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ, чему будто бы обязанъ былъ своей институтской службѣ. Съ 1831 года Артемовскій былъ инспекторомъ Харьковского института благородныхъ дѣвицъ, а съ 8 декабря 1841 года, до выхода въ отставку въ 1849 году, и ректоромъ университета. За это время г. де-Пуле представляетъ его намъ, какъ плохого профессора, представителя чиновной, казенной учености, которою онъ импонируетъ вездѣ и всюду, и на администрацію, и на все тогдашнее Харьковское общество. Но оставивъ университетъ по поводу неприятой исторіи съ однимъ студентомъ — грузиномъ, Артемовскій не оставлялъ института: въ началѣ 1854 года онъ производитъ экзамень въ Полтавскомъ институтѣ. Артемовскій умеръ въ 1865 году.

Кромѣ магистерской своей диссертации, П. П. Гулакъ-Артемовскій напечаталъ: рѣчь при открытіи курса его во 2 № Украинскаго Вѣстника за 1819 годъ; рѣчь 1 сентября 1828 года, отдѣльной брошюрой, и диссертацию *De expediendis quibusdam antiquitatis slavonicae modis*, 1827 года. Но въ область литературной исторіи онъ входитъ своими стихотвореніями, которыхъ насчитывается свыше сорока.

Первыя его стихотворенія были писаны на русскомъ языкѣ и помѣщались въ Украинскомъ Вѣстникѣ за 1817 годъ. Это были переводы съ иностраннаго на русскій языкъ, какъ напримѣръ: „Ослѣпленіе смертныхъ“ изъ Жанъ-Жака Руссо, „Мученіе Сатаны при воззрѣніи на Эдемъ“ изъ Мильтонова Потеряннаго Рая, и „Пророчество Юдая“ изъ Расиновой Гоеліи. Но несмотря на то, что переводъ этихъ произведеній былъ вольный, языкъ его отличается напыщенностію и тяжеловатостію. Вотъ какъ, напримѣръ, Артемовскій начинаетъ свой переводъ „Пророчества Юдая“:

„Но что? куда мой духъ смущенный возпаряетъ?
 Какой священный страхъ составъ мой потрясаетъ?
 Не духъ ли Еговы, во образѣ огня
 Объемля грудь мою, вдругъ озарилъ меня?“

Гулак-Артемовскій и самъ чувствовалъ неуклюжесть своихъ переводовъ и задавался вопросомъ объ отношеніи церковно-славянскаго языка къ чистому русскому въ литературныхъ произведеніяхъ. Посылая „Пророчество Юдая“ въ Украинскій Вѣстникъ, онъ писалъ издателямъ его слѣдующее: „Вы мнѣ скажете, что въ сей піесѣ есть много славянскихъ выраженій. Это правда. Но мнѣ казалось, что въ подобныхъ случаяхъ онѣ неизбѣжны, и не взирая на нынѣшнія усилія замѣнить ихъ чистымъ русскимъ языкомъ,—я осмѣливаюсь предполагать, что или изгнаніе славянскаго языка изъ круга нашей словесности (разумѣется въ духовныхъ матеріяхъ) не принадлежитъ нашему вѣку, или заставить вѣкъ нашъ жалѣть объ изгнаніи онаго. Одно только время можетъ приучить народное ухо съ такимъ же благоговѣніемъ слушать пророковъ, говорящихъ по-русски, съ какимъ оно внимаеъ имъ, выражающимъ высокія, божественныя и таинственныя истины на славянскомъ языкѣ“¹⁾. Очевидно, въ этихъ словахъ выразилось колебаніе автора между Шишковцами и Карамзинистами. Съ дѣтства привыкнувъ къ украинскому нарѣчію и воспитавшись на церковно-славянскихъ книгахъ, Артемовскій не могъ хорошо владѣть живою литературною рѣчью русскою и всегда отличался напыщенностію и высокопарностію своихъ выраженій на русскомъ языкѣ, а потому въ приведенномъ письмѣ, повидимому, склонялся на сторону Шишковцевъ и считалъ необходимымъ участіе церковно-славянскаго языка въ литературной рѣчи. Но скоро, даже въ томъ же 1817 году, онъ началъ писать свои малорусскіе стихи, которые были прямымъ осуществленіемъ правила Карамзинистовъ—„писать какъ говорятъ, и говорить какъ пишутъ“, въ примѣненіи этого правила къ украинскому нарѣчію. Эти-то малорусскіе стихи собственно и доставили Артемовскому литературную его славу. Они приобрѣли чрезвычайную популярность,—и можно встрѣтить много малоруссовъ, знающихъ большую часть изъ нихъ наизусть. „Артемовскій-Гулакъ,—по словамъ Костомарова,—былъ рѣдкій знатокъ самыхъ мельчайшихъ подробностей народнаго быта и нравовъ, и владѣлъ народною рѣчью въ такомъ совершенствѣ, выше котораго не доходилъ ни одинъ изъ малорусскихъ писателей. Нельзя не пожалѣть, что этотъ истинно-талантливый писатель рано покинулъ свое поприще. Въ старости онъ снова было обратился къ нему, но послѣднія его произведенія далеко уступаютъ первымъ“.

Изъ 38-ми извѣстныхъ намъ малорусскихъ стихотвореній Гулака-Артемовскаго, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ замѣчательны слѣдующія: 1) Справжня добрість (до Грицька Основьяненка), 17-го сентября 1817 г.; 2) Панъ та собака (казка), 2-го декабря, 1818 г., съ эпилогомъ изъ польскаго писателя Красицкаго: *Pies szczekał na złodzieja, sałę noc się trudnię!*; 3) Супплика до Грицька Основьяненка,

¹⁾ „Украинскій Вѣстникъ“, 1817 г., стр. 224 и сл.

при посилкѣ ему казки—Панъ та собака; 4) Солопій та Хивря, або горохъ при дорозі (казка), 25-го сентября 1819 г.; 5) Тюхтій та Чванько (подбрехенька), 1-го ноября 1819 года; 6) Де-що про того Гараська (Горація), 2-го ноября 1819 г.; 7) три приказки: „Лікаръ и здоровье“, „Цікавий и Мовчунъ“ и „Дурень и Розумный“, 1-го декабря 1820 г.; 8) Твердовський, малороссійская баллада, напеч. въ 1827 г.; 9) Рыбалка (баллада), съ эпилогомъ изъ Гете, 27-го октября 1827 г.; 10) Батько та Синь, 29-го октября, 1827 г.; 11) Двіпташкі в клітці, 1-го ноября 1827 г.; 12) Пліточка (байка), 4-го ноября 1827 г.; 13) До Пархома, два посланія, 4-го и 5-го ноября 1827 г.; 14) Раскаянїе Охрима (до Грицька Основьяненка), съ эпилогомъ изъ Горація, 26-го февраля 1828 г.; 15) До Теренка, съ эпилогомъ изъ Горація, 1831 г.; 16) До Грицька Основьяненка, съ эпилогомъ изъ Горація, 20-го февраля 1832 г.; 17) До Любки, съ эпилогомъ изъ Горація, 16-го марта 1856 г., переведенное Фетомъ на русскій языкъ; 18) „Текла річка невеличка“, стихи, переложенные на ноты харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ, неизвѣстнаго года, и 19) Упадокъ вѣка, съ эпилогомъ изъ Лермонтова „Печально я гляжу на наше поколѣнье“, 24-го марта 1856 года.

Мысль примѣнить Карамзинское правило къ украинской рѣчи, вѣроятно, навѣяна была Гулаку-Артемовскому не одними впечатлѣніями его дѣтства, но и примѣромъ Котляревскаго, написавшаго свою пародированную Энеиду на украинскомъ нарѣчїи. Литературное родство Гулака-Артемовскаго съ Котляревскимъ признаютъ почти всѣ украинскіе критики, хотя и отдають предпочтеніе первому изъ нихъ. „Подобно Котляревскому, говоритъ Костомаровъ, и Артемовскій-Гулакъ сперва имѣлъ намѣреніе посмѣшить, позабавить, и началъ пародіями на оды Горація, приспособляя воззрѣнія римскаго поэта къ понятіямъ мало-русскихъ поселянъ“. Гулака-Артемовскаго „ставятъ въ числѣ подражателей Котляревскаго, — говоритъ г. Чупрына, — и указываютъ на единственную его піесу Рыбалка, Гете, какъ на исключеніе, не подходящее подъ общій характеръ его произведеній, которыя будто бы отличаются стремленіемъ къ пародїи. Дѣйствительно, нельзя сказать, чтобы произведенія Гулака-Артемовскаго были совершенно чужды пародїи; но она является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма: содержаніе уже измѣнилось, и стоитъ только сравнить перелицованную Энеиду Котляревскаго съ передѣлками Гораціевыхъ сатиръ г. Артемовскаго, чтобы увидѣть всю разницу между ними. По нашему мнѣнію, — продолжаетъ Чупрына, — въ ходѣ украинской литературы произведенія Гулака-Артемовскаго представляютъ значительный шагъ впередъ. Правда, что заключенныя въ тѣсномъ кругу переводовъ или передѣлокъ изъ древнихъ писателей, они не были богаты внутреннимъ содержаніемъ и не представляли ничего полнаго, художественнаго; но вы не встрѣтите въ нихъ ни одной черты, которая бы могла обличить ихъ не малороссійское происхож-

деніе. Подъ бойкимъ перомъ его, какъ бы наперекоръ историческимъ условіямъ, латинскій нарядъ пришелся по вкусу малороссійской литературѣ: она въ немъ немного странна на первый взглядъ съ ея философскими увѣщаніями оставить жизнь и смерть въ покоѣ, да подумать о томъ, есть ли горилка, съ ея забавными шутками; но все это искренно и чуждо циническихъ продѣлокъ предшествовавшей народнѣ и такъ согласно съ малороссійскимъ народнымъ характеромъ, что нельзя отказать въ особенномъ значеніи передѣлкамъ г. Гулака-Артемовскаго и не признать ихъ въ тѣсномъ смыслѣ народными¹⁾. Въ примѣръ подобныхъ переложеній изъ Горация, приведемъ пьесу г. Артемовскаго „До Пархома“:

Пархиме! въ щастіи не брыкай!
 Въ нудзѣ прытьмомъ не лизь до неба,
 Людей пытай—свій розумъ май;
 Якъ не мудруй, а вмерты треба!
 Чы каратаешъ вкѣ въ журби,
 Чы то за поставцемъ горилки
 Въ шинку наризують тоби
 Цымбалы, кобзы и сошпка,
 Чы пьяный лідь тыномъ хрпешъ,
 Чы до господы лизешъ рачы
 И жинку макогономъ бьешъ,
 Чы самъ товчесся на вкулачкы;
 Оры и засивай ланы,
 Косы шыровн перелогы,
 И грошыкы за баштаны
 Лупы,—та все одкынешъ ноги,
 Покынешъ все—стижкы й скырты,
 Вес ласощы—паслннъ, цыбулю;
 Загарба пншый все, а ты
 Зисы за гирку працю дулю...
 Чы соцькымъ батько твій въ селі,
 Чы самъ на панщынн працюе,—
 А смерть зривняе всиъ въ земли:
 „Ни зъ кымъ скажена не жартуе...
 „Чы чить, чы лышка? загука.
 Ты кривнешъ: чить! „Ба брешешъ, сыну!“
 Озветця папюга съ кутка,
 Та й зцупыть зъ печи въ домовыну...

Пархомъ! въ щастіи не скачи!
 Въ нуждѣ не обращай ты непременно къ небу,
 Спрашивай людей, но разумъ свой имѣй;
 Какъ ни мудрись, а должно умереть!
 Короташъ ли свой вѣкъ въ печали,
 Или за кружаломъ вина
 Въ шинкѣ (кабакѣ) наигрываютъ тебѣ
 Цымбалы, кобзы²⁾ и дудка,

¹⁾ „Литературныя замѣтки по поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основы-
 яненкѣ“, въ Литературномъ отдѣлѣ Московскихъ Вѣдомостей, 1856 г., № 41.

²⁾ Музыкальные инструменты.

Иль няный подъ заборомъ спишь,
 Или домой ты лѣзешь на карачкахъ
 И толкачемъ жену колотишь,
 Иль самъ ты бьешься на кулачкахъ;
 Ори и засѣвай поля,
 Коси широкіе перелогы,
 И денежки за огородъ
 Дери,—да все протянешь ноги,
 Покинешь все: стога и скирды,
 Всѣ лакомства—паслѣнь и лукъ;
 Другой захватить все, а ты
 За горькій трудъ получишь кукнишь!
 Иль соткнишь батько твой въ селѣ,
 Иль самъ на барщину трудится,
 А смерть сравниваетъ всѣхъ въ землѣ
 Ни съ кѣмъ безумная не шутить...
 „Чѣтъ, плъ нечѣтъ?“ закричить;
 Ты крикнешь: „чѣтъ“.—„А врешь, сынокъ!“
 Отвѣтитъ подлая изъ-за угла
 Да и потащитъ съ печи въ домовину.

Слѣды подражанія Котляревскому г. Кулишъ видитъ даже въ басняхъ Гулак-Артемовскаго, считающихся болѣе самостоятельными и лучшими его произведеніями, и даже указываетъ въ нихъ почти буквальное заимствованіе изъ Энеиды Котляревскаго. Басня „Панъ та Собака“ у Гулак-Артемовскаго начинается такъ:

На землю злізла ничь... нигде ани шышырхне,
 Хыба то де-куды кризь сонъ що-небудь шырхне.
 Хочь въ око стрель соби—такъ темно на дворѣ!
 Уклався мѣсяць спать, нема ани зори,
 И ледви крадькома ява маленька зирка
 Зъ-за хмары выгляне, неначе мышъ зъ заснка.

На землю слѣзла ночь, нигдѣ ни шелохнетъ,
 Хоть въ глазъ коли,—такъ темно на дворѣ,
 Уклався мѣсяць спать, и нѣтъ ужъ и зари,
 И чуть украдкой маленькая зорька
 Изъ тучи выглянетъ, какъ будто изъ сусѣка мышъ.

Эти стихи написаны такимъ же тоническимъ размѣромъ, какъ и Энеида Котляревскаго, и имѣютъ почти буквальное сходство съ слѣдующими стихами послѣдней:

Якъ тільки та сумрачна, темна
 Изъ неба злізла чорна нічь,
 Година жъ стала дуже певна,
 Якъ повтікали зірки прічъ...

Какъ только та сумрачная, темная
 Съ неба слѣзла черная ночь,
 А время было очень удобное,
 Какъ побѣгали зорьки прочь...

Но, состоя въ литературномъ родствѣ съ авторомъ перелицованной Энеиды, Артемовской, „несмотря на то,—говоритъ Кулишъ, — одной

ужь тѣмой перваго (?) своего печатнаго произведенія („Папъ та собака“) придавъ украинскому слову достоинство, котораго оно въ литературѣ еще не имѣло. Языкъ Артемовскаго-Гулака также далеко чище, сильнѣе и разнообразнѣе языка Котляревскаго. Даже смѣшное у него является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а въ самомъ положеніи вещей. Простодушное, но не цѣнимое ни во-что усердіе Рыбка смѣшить насъ, не оскорбляя нашего уваженія къ личности, заключенной въ его сабачью шкуру; да и самъ авторъ ужь далекъ отъ смѣха Котляревскаго: каждая черта въ его юмористической живописи имѣетъ внутренній смыслъ, который придаетъ его смѣху достоинство благородной сатиры. И при этомъ вся сфера дѣйствія опредѣлена у него съ артистическою любовью къ изображаемому предмету“.

Не отрицая вліянія Энеиды Котляревскаго на басни Гулакь-Артемовскаго, по крайней мѣрѣ съ внѣшней ихъ стороны и языка, — мы, однако, имѣемъ основаніе полагать, что едва ли не болѣе сильное вліяніе на эти басни имѣла польская литература, которая была ему извѣстна, какъ преподавателю польскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ, и именно сочиненія Красицкаго (1735—1801 г.). Изъ его сочиненій Гулакь-Артемовскій взялъ эпилогъ къ своей баснѣ „Папъ та собака“, приведенный нами выше, который однако же не помѣщается при печатныхъ изданіяхъ ея. Не смотря на свой епископскій санъ, Красицкій былъ ревностный приверженецъ той философіи XVIII столѣтія, которая, затѣявъ войну на смерть со средними вѣками и вѣруя въ силу разума и въ свободу человѣка, мечтала о радикальномъ преобразованіи всего человѣчества, безъ крови и насилія, посредствомъ одного только знанія и успѣховъ просвѣщенія. Онъ содѣйствовалъ успѣхамъ этой философіи больше, чѣмъ всѣ остальные современные ему польскіе писатели, вмѣстѣ взятые. Красицкій сначала пробовалъ себя въ героическомъ эпосѣ, но неудачно. Гораздо лучше героическаго удался ему эпосъ шуточный, происходящій въ мірѣ животныхъ или заимствованный изъ быта монастырскаго. И по складу своего ума, и по духу времени, занятаго разрушеніемъ всякаго рода кумировъ, Красицкій былъ сатирикъ и только тамъ чувствовалъ себя на просторѣ, гдѣ могла разыгаться его наивная веселость и тонкая иронія, опирающаяся на необыкновенно мѣткую наблюдательность. Къ разряду такихъ шутливыхъ эпическихъ произведеній принадлежатъ три поэмы: „Мышеисъ“, „Монахомахія“ или война монаховъ и „Антимонахомахія“. Въ полнѣйшемъ же блескѣ сатирической талантъ Красицкаго выражался въ его басняхъ, посланіяхъ, особенно въ сатирахъ, которыя исполнены тонкой скептической ироніи въ отношеніи къ тѣмъ вѣкамъ варварства и суевѣрія, когда „скабины съ бурмистромъ жгли вѣдьмъ на площади, между тѣмъ какъ помощникъ старосты, чтобы исполнѣе удостовѣриться въ ихъ виновности, опускалъ ихъ на веревкѣ въ прудъ; когда старухи снимали съ дитяти зарокѣ, когда чортъ плясалъ нѣмчиномъ на развалившейся башнѣ, когда свирѣпствовалъ колтунъ вслѣдъ“.

ствіе чарованій и болтали по французски бѣснующіяся бабы, или, чихая на папертяхъ церквей по святымъ мѣстамъ, наводили неисповѣдимый страхъ на жителей“. Но, по отзыву г. Спасовича, „элегантная сатира Красицкаго была самаго незлобнаго характера; она одѣта въ кружева, носитъ пудру и манжеты и невиннымъ образомъ подсмѣивается, выставляя на показъ общіе пороки и недостатки переживаемаго вѣка“¹⁾).

Мы достали только сатиры Красицкаго, въ изданіи 1779 года, и хотя не нашли здѣсь его стиха, послужившаго эпилогомъ къ баснѣ Гулака-Артемовскаго „Панъ та собака“, — но за то нашли сатиру, подъ заглавіемъ— „Pan nie wart slugi (Панъ хуже слуги), совпадающую содержаніемъ своимъ съ этою баснею. Въ этой сатирѣ, между прочимъ, изображается панъ Мацѣй, выскочившій въ паны изъ лакеевъ и жестоко обращающійся со своимъ слугою Мартыномъ. „Спитъ его милость въ полдень, хоть и не трудился,—говоритъ сатира; не спитъ Мартынь, всю ночь не смыкалъ и глазъ: вольно панамъ и нисколько не вредитъ имъ, хоть немножко не годится для бѣдной челяди. Проснулся его милость; Мартынь слышалъ это, усердно возится, хочетъ какъ можно лучше угодить. Напрасное стараніе! Кто жѣ угодитъ панамъ? Какъ легъ, такъ и всталъ недоволенъ его милость господинъ: все ему не по вкусу; ночь проигралъ въ карты; все худо, проигрался, вчера заложилъ клейноты. Пришелъ купецъ съ роспиской, напоминаетъ срокъ; нужно отдать, а нечѣмъ; сто нагаекъ Мартыну! Онъ плачетъ въ уголкѣ, рыдаетъ, послѣ нагаекъ спрятался, а далѣе въ другой разъ—вдвойнѣ, почему не благодарилъ! Онъ благодаритъ и плачетъ; панъ за это разсердился, и Мартыну не пришлось бы послѣ другихъ нагаекъ получить и третью. Несчастные вы, служащіе игрушкой для злости палачей вашихъ, а не пановъ! Скоты по работѣ, а слуги по названію! И плакать вамъ нельзя, а говорить — еще хуже! Тѣмъ скорѣе придетъ за словомъ жестокая месть“²⁾). Тотъ же слуга Мартынь является и у Гулакъ-Артемовскаго, только въ собачьей шкурѣ. Въ его баснѣ „Панъ та собака“ рассказывается о дворовой собакѣ „Рябка“, которая всю ночь стерегла господское добро и безустанно лаяла, но, вмѣсто ожидаемой награды за усердіе, была страшно выбита по приказанію своего господина, который проигрался въ эту ночь въ карты и поутру не могъ заснуть будто бы отъ лая Рябка. Послѣ побоевъ Рябка забрался въ уголокъ и пересталъ по ночамъ лаять, чтобы не будить барина,—и опять попался въ бѣдѣ: онъ допустилъ воровъ обокрасть дворъ и выбить былъ еще больнѣе.

„Чорты бѣ убывъ твого, Явтухъ, зъ панамы батька

И дадыну, и дядька

За ласку ихъ! сказавъ Рябка тутъ на-одризъ.

¹⁾ „Очеркъ исторіи славянскихъ литературъ“. Пышина и Спасовича, 1865 года, стр. 435—443.

²⁾ Satyry. Warszawa, 1779, kart. 96—97.

Нехай имъ служить бильшь рябий въ болоти бись!
 Той дурень, хто дурнымъ иде панамъ служалты,
 А бильший дурень—хто имъ дума угодыты!
 Годывъ Рябко имъ, мовъ болячци й чыряку,
 А що жъ за те Рябку?
 Сяку мать та таку!
 А до того пше споролы батогами,
 А за выслугу палюгами.
 Чы гавкае Рябко, чы мовчки спить,
 Все выпадаеть—такы Рябка прытьмомъ побить...
 Зъ ледачымъ все бѣда: хочъ верть—круть, хочъ круть—верть,
 Вишь найде все тоби хочъ въ черепочку смерть.

Чортъ бы взялъ твоего, Явтухъ, съ господами батька
 И тятку и дядо
 За милость ихъ! сказалъ Рябко тутъ на отрѣзъ.
 Пусть служатъ больше имъ рябой въ болотѣ бѣсъ!
 Тотъ глупъ, кто служитъ глупымъ господамъ
 Глупѣ тотъ, кто думаетъ имъ угодить!
 Рябко имъ угождалъ, какъ чирью и коростѣ,
 А чтожъ за то Рябку?
 Сякую да такую мать!
 А сверхъ того еще одули батогами,
 А за выслугу палкамп.
 Лаеть ли Рябко, пль молча ночью спить,
 Выходить,—все-таки Рябка всенепремѣнно бить.
 Съ худымъ всегда бѣда: хочъ верть—круть, хочъ круть—верть,—
 Онъ все-таки найдеть тебѣ хочъ въ черепочкѣ смерть.

Въ свое время, басня „Панъ та собака“ вызвала довольно удачную пародированную эпиграмму въ „Телеграфѣ“ Полеваго, которая гласить такъ:

Пускай въ Зоилѣ сердце ноетъ,—
 Онъ Артемовскому вреда не принесетъ:
 Рябко хвостомъ его прикроетъ
 И въ храмъ безсмертья унесетъ.

Г. Де-Пуле передаетъ, что Гулакь-Артемовскій никакъ не могъ простить Полевому этого четверостишия и на своихъ университетскихъ лекціяхъ старался втоптать въ грязь его „Исторію русскаго народа“. Между тѣмъ, это четверостишіе дѣйствительно было пророчественнымъ. Послѣдующее поколѣніе выше всего цѣнило басню Артемовскаго „Панъ та собака“ и на ней особенно основывало литературную славу ея автора. „Изъ нѣсколькихъ басенъ, написанныхъ имъ, —говоритъ Н. И. Костомаровъ, „Панъ та собака“, по художественности, по глубинѣ мысли и народному колориту, занимаетъ высокое мѣсто, тѣмъ болѣе, что оно выражаетъ болѣзненное, но сдержанное чувство народа, безвыходно терпѣвшаго произволь крѣпостничества“. „Сцены дикаго произвола, —говоритъ Кулишъ, —подобныя представленной у г. Артемовскаго-Гулака, видно, дѣлали и сорокъ лѣтъ назадъ сильное впечат-

лѣніе на благороднѣйшія природы: иначе, эта пьеса не была бы такъ популярна въ Украинѣ не только послѣ, но и до ея напечатанія“.

Зная первоисточникъ этой басни Артемовскаго, мы, къ сожалѣнію, должны уменьшить нѣсколько ея значеніе и смотрѣть на нее только какъ на вольный переводъ или передѣлку польскаго оригинала. Заслуга Артемовскаго состоитъ развѣ въ томъ только, что онъ сообщилъ этой баснѣ народный украинскій колоритъ и явился съ нею весьма кстати. Въ то время въ Россіи, въ правительственныхъ сферахъ и въ обществѣ, поднятъ былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Многіе тогда стояли за крѣпостничество и между ними нашъ знаменитый историографъ Карамзинъ. Мы видѣли, какъ Белецкій-Носенко, самъ владѣвшій крестьянами и „будучи подстрекаемъ благостію мужей отличнѣйшихъ“, доказывалъ пользу крѣпостничества политическими соображеніями. Но Гулакъ-Артемовскій не былъ помѣщикомъ, не имѣлъ интереса защищать крѣпостничества и дѣйствительно направилъ свою басню противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. А для этого все-таки нужно было гражданское мужество, свидѣтельствующее о твердости и благородствѣ души нашего автора.

Согласно съ общимъ направленіемъ сатирическихъ сочиненій Красицкаго написана и другая басня Гулака-Артемовскаго „Солопій та Хивря, або горохъ пры дорози“. Содержаніе ея слѣдующее: Солопій добылъ весною гороху и совѣтовался съ женою своею Хиврею, что дѣлать съ горохомъ, — продать ли его, или посѣять? Порѣшили посѣять; но гдѣ посѣять, объ этомъ разошлись во мнѣніяхъ: Хивря совѣтовала посѣять при дорогѣ, не считая важнымъ, если ребятишки и будутъ таскать его понемногу, а Солопій думалъ посѣять его гдѣ нибудь вдали отъ дороги, за пашнею. На первый годъ онъ, однако уступилъ женѣ и, несмотря на убыль отъ ребятишекъ, — все-таки получилъ чистой прибыли пять мѣшковъ гороху; но на другой годъ онъ настоялъ на своемъ и посѣялъ горохъ между пшеницею и рожью. Однако на селѣ все-таки узнали, что Солопій посѣялъ горохъ и гдѣ именно, стали ходить въ него черезъ пшеницу и рожь и совершенно смяли ихъ. У Солопія не стало ни гороху, ни хлѣба, — и онъ пошелъ съ торбою (сумою) по-міру. Басня заключается такимъ нравоученіемъ:

Послушайте мене, вы вси Солопін,
Що знай мудруете и головы свои
Чортъ батька зна надъ чымъ морочите до ката,
Якъ въ борщъ, замисць курчать, намъ, класты кошенята,
Якъ грушы на верби и дули вамъ ростуть;
Якъ исты дазь бига, та ще й гладкымы бутъ;
Якъ ловшину варыть для війска изъ паперу,
Якъ квашу намъ робыть зъ чорныла и тетерю;
Якъ борошно молоть безъ жорнивъ языкомъ,
Якъ бджолы годувать безъ меду часныкомъ,
Якъ кохвы пыть нанамъ зъ квасолп зъ бурякамы;

Якъ нывы засивать безъ симъя кызякамы,
 Якъ зъ кожного зерна симъ кварть горилки гнать,
 Якъ сино намъ перомъ косыть, якъ кннѣмы жать,
 Щобъ людямъ п снопка не дать на заробитокъ
 И пташци ни зерна погодоваты дитокъ...
 Заплюйте лышъ оцю, скажени вы, брехню.
 Де треба руки грить, тамъ треба и огню!
 Та вже зъ васъ не одинъ оравъ пидъ небесамы;
 А якъ на землю злизъ,—пшшовъ въ старци съ торбама!..

Послушайте меня, вы всѣ Солопін,
 Что знай мудраете и головы свон
 Чортъ знаетъ чѣмъ морочите до нельзя:
 Какъ въ щн, въ замѣнѣ курей, намъ класть щенять,
 Какъ груши на вербѣ и дули ¹⁾ вамъ растутъ,
 Какъ їсть дастъ—Богъ—а, да быть и жирнымп,
 Какъ варить лапшу для войска изъ бумаги,
 Какъ квашу и тетерю ²⁾ дѣлатъ изъ чернила,
 Какъ хлѣбъ молоть безъ жерновъ языкомъ,
 Какъ пчель кормить безъ меду чеснокомъ,
 Какъ кофе пить господамъ изъ фасоли, съ свекловицей,
 Какъ поле засѣвать безъ сѣмени пометомъ,
 Какъ съ каждого зерна семь кварть водки гнать.
 Какъ сѣно намъ перомъ косить, какъ коньми жать,
 Чтобъ людямъ и снопка не дать на заробитокъ
 И пташкѣ ни зерна покормить дѣтокъ.
 Плюньте вы, сумазброды, на это вранье.
 „Гдѣ нужно руки грѣть, тамъ нужно и огню“.
 Да вотъ ужъ не одинъ изъ васъ оравъ подъ небесамп,
 А какъ на землю слѣзъ,—пошелъ въ нищѣ съ сумой.

Г. Кулишъ не очень высоко цѣнить эту сказку Гулака-Артемовскаго и замѣчаетъ, что она имѣетъ общій смыслъ, заключающійся въ недовѣрїи тогдашняго провинціального общества къ новѣйшимъ способамъ жизни. Пиша по-украински, Гулакъ-Артемовскій необходимо долженъ былъ взглянуть на предметъ своего сочиненія глазами простолюдина. Но намъ кажется, что какъ эта сказка, такъ и большая часть произведеній Гулака-Артемовскаго, писаны на извѣстные случаи и явленія, между дѣломъ. Этимъ объясняется ихъ малочисленность, но съ другой стороны ихъ живой, индивидуальный характеръ. Сказка „Солопій та Хивря“, по нашему мнѣнїю, имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ „Филотехническому обществу домоводства“, учрежденному въ Харьковѣ въ 1811 году по мысли и старанїями В. Н. Каразина и существовавшему до 1818 года. Оно имѣло задачей своею „распространять и усовершенять всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской Имперїи. „Самъ В. Н. Каразинъ, душа этого общества, занимался улучшенїемъ и упрощенїемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія пло-

¹⁾ Родъ грушъ.

²⁾ Кушанье, въ родѣ лапши, со скатанными изъ тѣста шариками.

довъ по новому имъ придуманному способу—теплотою водяныхъ паровъ, сушенія червца, т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта, опытами надъ красильными травами и минералами, выращиваніемъ у себя иностранныхъ житъ, опытами уваженія своихъ полей, проэктами новыхъ хлѣбныхъ хранилищъ, новаго изобрѣтеннаго имъ украинскаго овина, усовершенствованнаго имъ китайскаго молотильнаго катка и опытомъ въ собраніи общества надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вокругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ мясными консервами. Онъ дѣлалъ также опыты надъ превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя и въ 1813 году предлагалъ русской арміи поставку питательной вытяжки,—родъ сухаго бульона, на что почти прямо указываетъ Гулакъ-Артемовскій словами.

„Язъ локшину варить для війська изъ паперу“.

Вообще, каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила свое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него собственныя деньги и своими затѣями постепенно разстраивалъ свои хозяйственныя дѣла ¹⁾. Поэтому во всей силѣ къ нему должны быть отнесены заключительныя слова сказки Артемовскаго-Гулака:

Та вже зъ васъ не одинъ оравъ пидъ небесами;
А якъ на землю злизъ,—пишовъ въ старци съ торбами.

Доселѣ мы разсматривали стихотворенія Гулака-Артемовскаго, обращающіяся въ области классицизма, преимущественно шутиваго и сатирическаго характера. Но Артемовскій имѣетъ значеніе въ исторіи украинской литературы не только какъ комическій и сатирическій писатель въ классическомъ стилѣ, но и какъ одинъ изъ первыхъ представителей украинскаго романтизма. Въ западной Европѣ романтизмъ или новоромантизмъ имѣлъ важнѣйшими представителями своими Гёте, Шиллера и Байрона, и отразился у насъ въ Россіи въ поэзіи Пушкина и Лермонтова, а у поляковъ—въ поэзіи Мицкевича. Этотъ-то романтизмъ, затрогивающій лучшія стороны челоуѣческаго бытія, но безъ опредѣленныхъ очертаній, мечтательный и туманный, нашелъ себѣ долю сочувствія въ сердцѣ Гулака-Артемовскаго и вызвалъ въ его поэзіи новыя струны, болѣе задушевныя и симпатичныя. Въ этомъ отношеніи Гулакъ-Артемовскій извѣстенъ намъ своими переводами и передѣлками изъ Мицкевича, Лермонтова и Гёте, и самостоятельными стихотвореніями въ романтическомъ духѣ.

¹⁾ „Украинская Старина“, Г. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 133, 140 и слѣд.

Впрочемъ, нѣкоторые опыты Гулака-Артемовскаго въ романтичѣскомъ направленіи не были совершенно чужды нѣкотораго рода баллагурства и пародіи, хотя послѣдняя и является болѣе внѣшнимъ образомъ, какъ форма. Мы разумѣемъ здѣсь переводъ его баллады Мицкевича „Цанъ Твардовскій“ и передѣлку думы Лермонтова: „Печально я гляжу на наше поколѣнье“. Баллада Мицкевича уже сама по себѣ заключала долю комическаго элемента и въ переводѣ Гулака-Артемовскаго получаетъ только сильный украинскій оттѣнокъ. „Предметъ ея,—говоритъ г. Костомаровъ,—тотъ же, что и въ балладѣ съ такимъ же названіемъ, написанной по-польски Мицкевичемъ, но малорусскій вариантъ отличается большею образностію и народнымъ юмизмомъ, чѣмъ польскій“. Иначе хотѣлъ поступить Артемовскій съ думою нашего Лермонтова и думалъ написать только пародію на нее; но онъ не могъ измѣнить основнаго ея тона, и потому его пародія мѣстами превращается въ грустную иронію. Въ своей пародированной думѣ „Упадокъ вѣка“ Гулакъ-Артемовскій комически-печально смотритъ на теперешнее поколѣние людей, которые не пьютъ горѣлки, какъ пили ихъ отцы и дѣды, слабосильны, болѣзненны и неспособны въ серьезному труду и домовитости:

З похмілля нудяться, їдять за горобця,
Об Сѣмени дрижать, об Петрі зранку мліють;
А схопить триєця... гвалть! покличте панотця!
Хай сповіда!.. притьмом конають и дубіють!

Но заключительные стихи этой пародированной думы, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ выраженій,—такого рода, что они нисколько бы не нарушили общаго впечатлѣнія, производимаго „Думой“ Лермонтова:

И марно якъ жили, такъ марно и помрутъ,
Якъ ті на яблуні червиві скороспілки,
Що рано одцвіли, та рано й опадуть;
Ніхто по їх душі та й не лизне горілки.
И років через сто на цвинтарь прийде внук,
Де грішні кости їх в одну копицю сперли;
Поверне череп їх, та в лоб ногою — стук!
Та й скаже: „якъ жили, такъ дурнями и вмерли!“

И даромъ какъ жили, такъ даромъ и помрутъ,
Какъ тѣ на яблоні червивы скороспѣлки,
Что рано отцвѣли да рано и помрутъ;
Никто по ихъ душѣ и не лизнетъ горѣлки
И черезъ сто годовъ придетъ внукъ на кладбище
Гдѣ грѣшныя ихъ кости въ кучу сперли,
Повернетъ черепъ ихъ, да въ лобъ, ногою стукъ!
Да скажетъ: какъ жили, такъ и померли дураками.

Но къ чистѣйшимъ звукамъ романтизма въ поэзіи Гулака-Артемовскаго относится переводъ его Гетевой баллады „Рыбакъ“. „Это—безспорно, лучшее произведеніе г. Артемовскаго“, говоритъ г. Чу-

прйна: „оно сдѣлало бы честь любому изъ малороссійскихъ писателей. Особенно замѣчательна здѣсь та свободная гибкость стиха, съ какою авторъ передаетъ трудности нѣмецкаго произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ—большой мастеръ своего дѣла, и то, что на языкѣ другого явилось бы непременно въ простонародной одеждѣ, у него получаетъ простую, но изящную форму“. Приводимъ здѣсь самую балладу въ переводѣ Гулака—Артемовскаго:

Вода шумыть!.. вода гуля!..
 На берези Рыбалка молоденькый
 На поплавецъ глядыть и прымовля:
 Ловиця, рыбонькы, великы и маленькы!

Що рыба смыкъ, то сердце тѣхъ!..
 Серденько щось Рыболодчи вищуе:
 Чы то тугу, чы то переполохъ,
 Чы то коханячко?.. не зна винъ, а сумуе.

Сумуе винъ,—ажъ ось реве!
 Ажъ ось гуде! и хвыля утикае!..
 Ажъ—гулькѣ!.. зъ воды дивчынонька плыве,
 И косу счисуе, и бривками моргае..

Вона й морга, вона й кива:
 „Гей! гей! не надь, Рыбалка молоденькый,
 „На зрадный гакъ ни щуку, ни лына!..
 „На що ты инвечышь мий рідъ и плідъ любенькый?

„Колыбъ ты знавъ, якъ Рыбалкамъ
 „У мори жыть изъ рыбама гарненько,
 „Ты бѣ самъ прирувъ на дно къ лынамъ
 „И парубоцькее отдавъ бы намъ серденько.

„Ты жѣ бачышь самъ,—не скажешъ: ни,—
 „Якъ сонечко и мисяць червоненькый
 „Хлопощуця у насъ въ води на дни
 „И изъ воды на свить выходять веселенькы!

„Ты жѣ бачывъ самъ, якъ въ темну ничъ
 „Блещать у насъ зиронькы пидъ водою;
 „Ходы жѣ до насъ, покынь ту удку причъ!
 „Зо мною будешъ жыть, якъ братъ живе зъ сестрою.

„Зирны скуды!.. чы се жѣ вода?..
 „Се дзеркало: глянь на свою уроду!..
 „Ой, я не за тымъ прийшла скуды,
 „Щобъ намовлять зъ воды на парубка незгуду!“

Вода шумыть!.. вода гуде!..
 И ниженькы по кисточки займае!..
 Рыбалка вставъ, Рыбалка йде,
 То слынытьця, то внять все глыбиенько принае!..

Она жъ морга, вона й синва...
 Гулькь!.. прыснула на синимъ мори скалки!..
 Рыбалка хлюпъ!.. За нимъ шубовсть вона!..
 И больше вже нигде не бачылы Рыбалкы!
 Вода шумить!.. вода гуляетъ!..
 На берегу молоденькый рыбаць
 На поплавецъ глядитъ и приговариваетъ:
 Ловитесь, рыбочки, большія и малыя!
 Что рыбка клюнетъ, то сердце стукъ!..
 Сердечко предвѣщаетъ что-то рыбаку, —
 Печаль ли, или страхъ,
 Или любовь?.. не знаетъ онъ, а тоскуетъ.
 Тоскуетъ онъ, — и вотъ реветъ!
 И вотъ гудеть! и волна убѣгаетъ!
 И глядь! изъ воды дѣвица выплываетъ
 И чешетъ косу и бровками поводитъ...
 Она поводитъ, она и киваетъ:
 „Эй, эй! не мани, молодой рыбаць,
 На вѣроломный крюкъ ни шуки, ни лinya!..
 Зачѣмъ ты переводишь мой родъ и плодъ любезный?
 Коли бъ ты зналъ, какъ рыбакамъ
 Въ морѣ хорошо жить съ рыбаками,
 Ты и самъ бы нырнулъ на дно къ линиямъ
 И отдалъ бы намъ свое молодецкое сердце.
 Ты видишь самъ, не скажешь: „нѣтъ“, —
 Какъ солнышко и румяный мѣсяць
 Полощутся у насъ въ водѣ на днѣ
 И изъ воды на свѣтъ выходятъ веселыми!
 Ты видѣлъ самъ, какъ въ темную ночь
 Блестятъ у насъ зорьки подъ водой;
 Иди же къ намъ, брось ту уду прочь:
 Со мною будешь жить, какъ братъ живетъ съ сестрою.
 Взгляни сюда!.. Развѣ это вода?
 Это — зеркало: взгляни на свою красу!..
 Ой, я не затѣмъ пришла сюда,
 Чтобъ накликалъ изъ воды на молодца напасть!“
 Вода шумить, вода гудеть
 И ноженьки по косточки занимаетъ!
 Рыбакъ всталъ, рыбаць идетъ,
 То остановится, то опять все глубже ныряетъ!..
 А она манитъ, она и поетъ.
 Глядь! прыснули на синемъ морѣ брызги.
 Рыбакъ хлюпъ!.. За нимъ шубовсть она!..
 И больше ужъ нигдѣ не видѣли рыбака.

Было время, когда эту переводную балладу Артемовскаго считали
 исключеніемъ, не подходящимъ подъ общій характеръ его произведе-
 ній, которыя будто бы отличаются стремленіемъ къ пародіи. Но
 такъ думали при жизни автора, когда, еще не завершился и не опре-
 дѣлился весь кругъ его стихотвореній, которыя, при томъ же, онъ
 печаталъ весьма неохотно и рѣдко. Теперь мы можемъ указать и
 другія стихотворенія Гулака Артемовскаго, въ которыхъ менѣе всего
 заключается насмѣшки и пародіи и которыя по тону своему ближе

всего подходятъ къ его балладѣ „Рыбалка“. Таковы его стихотворенія: „Справжня Добрість“, — посланіе къ Квиткѣ; „Дві пташки в клітці“; „Пліточка (Рыбка)“, „Да Люби“ и пѣсня: „Текла річка невеличка“.

Не знаємъ по какому поводу написано посланіе къ Квиткѣ, подъ заглавіемъ „Справжня Добрість“; но по содержанию этой пьесы можно заключить что она служила какъ бы одобреніемъ Квиткѣ, оставившему монастирскую жизнь и старалась доказать, что истинная доброта возможна только въ мірской жизни, при гармоническомъ сочетаніи людскихъ наклонностей и страстей.

Хто Добрість, Грицьку, нам намалёвав плаксиву,
Понуру, мов чернець турецкій, и сопливу,
Той далєбі—що москаля підвіз;
Той Добрісти не зна, не бачив и не чує,
Не пендзлем той її, але квачем малює;
Той Добрість обікрав. Не любить Добрість сліз;
Вона на всіх глядить такъ гарно й веселенько,
Як дівка, од свого идучи панотця

До церкви до вінця,

Глядите на парубка, мов ясочка, пильненько.
Не квасить Добрість губ, бо из її очей

Палає ласка до людей.

Вона регоче там, де и другі регочуть;
Сокоче, без брехні, де и други сокочуть,
И не цураєця гульні и вечерниці.
Чорнявеньких дівчат и круглих молодичь.
Вона й до милого пригорнетця по—волі,
Та-ба! та не дає рукам свовільним волі.
Вона й горілочки ряди — вгоди хлісне,
Та носом—мов свиня — по улці не рне,
По соромицькому не кобинить, не вьє,
Під лавкою в шиню — мов цуцк — не засне.

Вона, де треба, пожартує,

Та з глуздом жарти всі и з разумом міркує...

Въ другомъ мѣстѣ пьесы говорится:

По сѣму ж, Грицьку, тут и Добрість пізнають:
Клеймо її — канчуки, имення її — тершиння;
Хто їх не коштував, — нехай не жде спасіння;
Того нехай поміж святими не кладуть!

Кто доброту, Грицько, нашъ написав плаксивую
Понурую, какъ монахъ турецкій, и сопливую, —
Тотъ, право, съ подвохомъ къ намъ подѣхавъ;
Тотъ доброты не знаєть, не видалъ и не слыхавъ,
Не кистью тотъ ее, мазилкою рисуєть,
Тотъ доброту обворовавъ. Не любить слезъ доброта;
Она на всѣхъ глядить такъ весело, пріятно,
Какъ дѣвка, идучи отъ своего отца

Въ церковь къ вѣнцу,

Глядить на молодца, какъ бѣлочка — привѣтно,
Не квасить губъ доброта, изъ ея очей

Привѣтъ пылаєть къ людямъ.

Она смѣється тамъ, гдѣ и другіє смѣются,

Болтаетъ безъ лжи, гдѣ и другіе болтають,
 И не отказывается отъ гулянья и посидѣнокъ
 Черноватенькихъ дѣвиць и полныхъ молодиць,
 Она и къ милому придвинется слегка,
 Да нѣтъ! не дастъ рукамъ своевольнымъ воли;
 Она и водочки порой хлыснетъ,
 Да носомъ, какъ свинья, по улицѣ не роетъ,
 Сквернословно не бранится, не воетъ,
 Подъ лавкой въ кабацѣ, какъ кутька, не заснетъ;
 Она, гдѣ нужно пошутить,
 Да съ толкомъ шутки всѣ и съ разумомъ мѣшаетъ...
 Поэтому, Грицько, тутъ и доброту узнають:
 Клеймо ей — кнутья, названье ей — терпѣнье.
 Кто ихъ не пробовалъ, пускай не ждетъ спасенья.
 Того пускай помежъ святыми не кладуть...

Такъ и кажется, что въ этой характеристикѣ Доброты у Артемовскаго представленъ первообразъ женскихъ типовъ въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки—Основьяненко, его Марусь, Оксанъ, Ганусь и проч.

Въ баснѣ „Пліточка“ маленькая плотичка жаловалась на судьбу за то, что своимъ ротикомъ не можетъ захватить червячка, надѣтаго на уду. Щука схватила червячка и вмѣстѣ съ нимъ очутилась на сушѣ. Плотичка испугалась.

И билышь не скаржылась на долю пліточокъ
 За ласенькый на удочки шматокъ:
 Що Богъ пославъ, чы то богато, чы то трошки —
 Въ куширь зализши, или мовчкы.

И больше не жаловалась на долю плотичекъ
 За лакомый на удочкѣ кусочекъ:
 Что Богъ послалъ, — много ли, иль мало,
 Въ поросли залѣзши, ѣла молча.

Въ другой баснѣ „Дві пташкі въ клітці“ старый снігирь упрекаетъ молодого за то, что онъ имѣетъ всего вдоволь, и сѣмечка, и проса, и пшеницы, и все-таки нарекаетъ на свою долю.

„Ой, дядьку! не глузуй!“ озвався молодой.
 „Не дарма я журюсь и слізенькой вмываюсь,
 „Не дарма я прісьця и сім'ячка цураюсь!
 „Ти радъ пожарні сій, бо зріс в ній и вродився,—
 „Я—ж вільний був, тепер в неволі опинився!“

Ой, дяденька! не насмѣхайся! отвѣтилъ молодой,
 Не даромъ я горюю и умываюся слезами,
 Не даромъ я чуждаюся просца и сѣмечка:
 Ты радъ пожарѣ этой, — ты въ ней и выросъ, и родился,
 А я былъ вольнымъ, и теперь въ неволѣ очутился.

Стихотвореніе „До Любки“ написано, вѣроятно, на какой либо случай изъ семейной жизни и нѣжными красками изображаетъ виновную застѣнчивость дѣвицы-невѣсты или новобрачной:

На що ти, Любочко, козацьке серце сушиш?
 Чого, як кізонька маненька та в бору,
 Що, чи то нізкою сухенький лист зворушить,
 Чи вітерець шепне, чи жовна де кору
 На липі подовбе, чи яшірка зелена
 Зашелестить в куші, — вона мов тороплена,
 Дрижить, жахається, за матірью втіка:
 Чого-ж, як та, и ти жахлива така?
 Як уздриш, то й дрижиш! себе й мене лякаеш!
 Чи я до тебе,—ти як від мари втікаеш.
 Та я-ж не вовкулак, та й не медвідь — бортняк
 З Литви; влюдовав я не з тим твою уроду,
 Щоб долею вертіть твоєю сляк и так
 И славу накликать на тебе и негладу!
 Ой час-би дівчині дівочьку й думку мать:
 Не вік же ягоді на гільці червоніти,
 Не вік при матері и дівці дівовать...
 Ой час теляточко від матки одлучити.

На что ты, Любушка, козацкое сердце сушишь?
 Зачѣмъ, какъ маленькая козочка въ бору,
 Что, ножкой ли затронетъ листь сухой,
 Иль вѣтерокъ шепнетъ, или гдѣ жолна кору
 На липѣ долбитъ, или зеленая ящерица
 Зашелеститъ въ кусточкѣ, — она, какъ оторопѣлая
 Дрожитъ, пугается, за матерью бѣжитъ:
 Отъ чего, какъ и она, и ты пугливая такая?
 Какъ увидишь, такъ и дрожишь! Себя и меня пугаешь.
 Чуть я къ тебѣ, ты какъ отъ пугала бѣжишь.
 Да я не оборотень и не медвѣдь бортнякъ
 Изъ Литвы; полюбилъ я не затѣмъ твою красу,
 Чтобъ долею твоей вертѣть и такъ и сьякъ,
 И славу накликать на тебя и напасть!
 Ой, пора-бы дѣвицѣ и мысли дѣвичьи имѣть:
 Не вѣкъ же ягодѣ на вѣткѣ красоваться,
 Не вѣкъ при матери и дѣвкѣ дѣвовать...
 Пора теленочка отъ матки отлучить.

Какъ одно изъ лучшихъ произведеній Гулака-Артемовскаго это стихотвореніе переведено г. Фетомъ на русскій языкъ.

Вѣроятно, по поводу какого-либо семейнаго событія написана Артемовскимъ и слѣдующая граціозна пѣсенка:

Текла річка невеличка
 Та й понялась моремъ;
 Була радість, хоч на старість,
 Та й узялась горемъ.

—
 Нема пташки — полінашки,
 Нема й співів рідних;
 Полетіла, не схотіла
 Тішити нас бідних.

Текла рѣчка невеличка
 Да понялась моремъ;

Была радость хоть на старость
 Да взялась горемъ.
 Нѣту пташки полѣтуны.
 Нѣтъ и пѣсенъ родныхъ;
 Полетѣла, не хотѣла
 Утѣшать насъ бѣдныхъ.

Эта пѣсня переложена была на ноты Харьковскимъ профессоромъ Станиславскимъ.

Въ произведеніяхъ послѣдняго рода Артемовскій является переловымъ дѣятелемъ украинской литературы и пролагаетъ въ ней путь новому романтическому направленію. Къ его послѣдователямъ въ этомъ отношеніи принадлежатъ К. Думитрашковъ, Л. Боровиковскій, отчасти Квитка-Основьяненко и другіе.

IV.

К. Д. Думитрашковъ.

Константинъ Даниловичъ Думитрашковъ, сынъ священника Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда, воспитывался въ Полтавской семинаріи и въ Кіевской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ, въ 1839 году, со степенью магистра. По окончаніи курса въ академіи, онъ назначенъ былъ преподавателемъ въ Кіевскую духовную семинарію, въ 1870 году избранъ секретаремъ совѣта Кіевской академіи, а съ 1872 года состоитъ библіотекаремъ той же академіи.

К. Д. Думитрашковъ много писалъ въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ; но эти труды его не относятся къ исторіи украинской литературы. Насъ интересуютъ болѣе ранніе его опыты на украинскомъ нарѣчій, которые онъ началъ писать еще на академической скамьѣ, слѣдовательно въ концѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка. Изъ печатныхъ сочиненій его на украинскомъ нарѣчій извѣстны: стихотвореніе „Золотоноша“, напечатанное въ свое время въ „Маякѣ“, и „Жабомышодраківка (Жабомышодраківка) зъ греческаго лица на казацкій выворотъ на швидку нитку перештопана“, С.-Петербургъ, 1859 года. Кромѣ того остаются неизданными нѣсколько его стихотворныхъ легендъ и балладъ, думъ, переводовъ съ нѣмецкаго и другихъ мелкихъ стихотвореній. Всѣ эти произведенія его не пролагаютъ новыхъ путей въ исторіи украинской литературы и должны занять въ ней скромное мѣсто. И по формѣ и по содержанію и тону, его стихотворенія представляютъ отчасти подражаніе стихотвореніямъ И. П. Котляревскаго и П. П. Гулака - Артемовскаго, отчасти дальнѣйшее развитіе ихъ дѣятельности въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Относительно формы своего стиха К. Д. Думитрашковъ говоритъ слѣдующее: „Народныя малороссійскія думы и пѣсни составлены

силлабическимъ размѣромъ. Котляревскій и Гулакь-Артемовскій прекрасными своими стихами показали, что малороссійскому стихосложенію свойственъ и тоническій размѣръ такъ же, какъ и русскому. Но они писали преимущественно ямбомъ, употребительнѣйшимъ въ ихъ время у русскихъ поэтовъ. Здѣсь представляются опыты и другихъ размѣровъ тоническаго стихосложенія, какими пишутся русскіе стихи. „Ватрахоіомахія“ переложена гекзаметромъ. Правописаніе употреблено по возможности церковно-славянское“. Въ самыхъ стихотвореніяхъ К. Д. Думитрашкова мы дѣйствительно находимъ примѣненіе всѣхъ размѣровъ тоническаго стихосложенія къ малорусскому стиху, а именно: ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ и амфибрахій. „Ватрахоіомахія“ переложена примѣнительно къ размѣру подлинника, съ которымъ перелагатель непосредственно имѣлъ дѣло, вѣроятно по подражанію Гнѣдичу въ его переводѣ Гомеровоы Иліады.

И по содержанію стихотворенія К. Д. Думитрашкова имѣютъ родство съ произведеніями Котляревскаго и Гулака-Артемовскаго, но въ извѣстныхъ отношеніяхъ и отличаются отъ послѣднихъ. Мысль о переложеніи Ватрахоіомахіи на украинскую рѣчь очевидно навѣяна автору Энеидой Котляревскаго, но не отличается той безцѣльной пародіей на малорусскій простой народъ въ какой обвинялъ Котляревскаго г. Кулишъ. „Жабомышодракіевка“ имѣетъ свою цѣлю изобразить взаимныя политическія отношенія между малороссами, поляками и русскими, и слѣдовательно стоитъ на историко-политической почвѣ. По словамъ перелагателя, жабамъ данъ характеръ сѣчевыхъ казаковъ, а мышамъ—ляховъ прежнихъ, потому что и Гомеровы жабы и мыши очень похожи характеромъ на казаковъ и ляховъ. Мы съ своей стороны прибавимъ, что явившіеся въ концѣ поэмы раки похожи на русскія войска, положившія конецъ вѣковымъ столкновеніямъ казаковъ съ поляками. И не смотря на общій шуточный тонъ „перештопанной Жабомышодракіевки“, очевидно сочувствіе перелагателя къ лягушкамъ и ракамъ, т. е. казакамъ и москалямъ. Видя перевѣсъ мышей, Юпитеръ бросилъ съ неба молнію, которая перепугала сражающихся и заставила ихъ спрятаться по своимъ мѣстамъ.

Тилки жь не довго одь блисавки мыши завзяти жахалсь,
Дружно взялся упьять, щобы жабъ у кінець доконати.
Те бь и було, та Сатурновичъ жабамъ велику підмогу,
Мовъ бы изъ неба, изъ озера выславъ мышамъ на погибель.
Выйшовъ шкадронъ карасірівъ страшныхъ, якъ марюка пекельный,
Въ чорныхъ мундирахъ и штаняхъ, а хто гарячіиш—въ червонихъ,
Спина—ковадло, а ноги якъ кліщи, а въ роті два списы,
М'яса чортъ мае зверху, одна шкаляруща изъ кістки.
Тихо пішли клемоноги, хоть нігъ до стогаспіда мали,—
То були раки; мышей вони кліщами дуже щипали,
И поламали ихъ ратищи и покололи мунцю.

Бась увірвався мышамъ, и одъ раківъ дали вони драла.
Сонечко въ дальній байракъ спочивати лягало, а раки
Жабъ и мышей пороспуживали и війну порішили. (стр. 28—9).

Только жъ не долго отъ молніи завзятыя мыши пугались,
Дружно взялися опять, чтобъ лягушекъ въ конецъ доканать.
Это бъ и было, да Сатурновичъ жабамъ велику подмогу,
Будто бы съ неба, изъ озера высалъ мышамъ на погибель.
Вышелъ эскадронъ кирасировъ страшныхъ, какъ адское страшлище:
Спина наковальня, а ноги какъ клещи, а во рту—двѣ пилки,
Мяса сверху нѣтъ, одна скорлупа изъ кости.
Тихо пошли клещеногіе, хоть ногъ имѣли пропасть,—
То были раки; мышей они клещами сильно щипали
И поломали имъ ратнища и повололи аммуницію.
Лопнуло счастье (соб. віолончель) мышамъ, и отъ раковъ дали они драла.
Солнышко въ дальній оврагъ ложилось спать, а раки
Лягушекъ и мышей пораспуживали и войну покончили.

Легенды и баллады, думы и другія мелкія стихотворенія К. Д. Думитрашкова примыкають своимъ содержаніемъ и тономъ къ стихотвореніямъ П. П. Гулака-Артемовскаго. У послѣдняго мы видѣли подражанія римскому поэту Горацію или, какъ онъ называетъ его Гараськѣ, балладу „Твардовскій“, переведенную изъ Мицкевича, и „Рыбалку“,—переводъ изъ Гёте. И у Думитрашкова есть параллельныя имъ стихотворенія, такъ-то: стихотвореніе „И дома и въ гостяхъ“, написанное по подражанію метаморфозамъ Овидія, шесть легендъ или балладъ и „Молитва Маргариты“,—переводъ изъ Гетева Фауста. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній юмористическаго характера и напоминаютъ юморъ Гулака-Артемовскаго; но большая часть ихъ отличается серьезнымъ содержаніемъ и даже иногда грустнымъ тономъ. Послѣднія проникнуты духомъ любви къ низшему классу народа, соединенной съ нѣкоторою насмѣшкой надъ его притѣснителями, какъ и у Гулака-Артемовскаго въ его баснѣ „Панъ та собака“. Для примѣра, приведемъ отрывокъ изъ стихотворенія „Доля“, напоминающаго нѣкоторыми выраженіями своими Гулака-Артемовскаго:

Иде мольба до неба и хула
Изъ сіль и городівъ, якъ пара зъ гною:
Той долі радъ за те, що вже дала,
Той сваритьця зъ годиною лихою,
Той въ ченці йде, другій женитьця радъ:
Одинъ одъ немочи, другій одъ луза кречке;
Той родитьця, другій бажа вмпратъ,
Бо дума — на тїмъ світі буде легче.
Той дметьця вверхъ, щобъ лопнуть якъ пузырь,
А той, якъ вьюнъ хвостомъ вяля въ болоті,
Въ мороці, тузі и трудахъ весь міръ
И вікъ немовъ бы въ катаржній работі.
И всімъ на світі, кажуть, важно житъ,
Не хочетьця остатню тратитъ силу,
Осточортїло все робить — робить,

И щобъ спочить, здається бѣ лігъ въ могилу.
 Отъ, тільки кажуть, що панамъ багатимъ
 Ніколи и на умъ неїде вмирати.
 Але хотъ багатырь еси, та ба!
 Не підешь мабуть прудко противъ Бога;
 Бо якъ придавить дядина судьба,
 То все — таки одкинешь, брате, ноги!
 Вже, що написано намъ на роду,
 То те и буде; такъ скачи же, враже,
 Підь дудку долі, грай до—ладу!
 Такъ нуможъ-те робить, що доля скаже!
 А доля каже: дурни нависни!
 Хіба не знаєте, що Божа воля
 Все робить на світі, а ви, дурни,
 Говорите, що все те робить доля...

Идетъ мольба къ небу и хула
 Изъ селъ и городовъ, какъ паръ пзъ навозу:
 Тотъ долѣ радѣ за то, что уже дала
 Тотъ борется съ несчастіемъ,
 Тотъ въ чернецы идетъ, другой жениться радѣ;
 Одинъ отъ немочи, другой отъ пуза кречетъ;
 Тотъ родится, другой желяетъ умирать,
 Потому что думаетъ, что на томъ свѣтѣ ему будетъ легче.
 Тотъ претса вверху, чтобъ лопнуть какъ пузырь,
 А тотъ, какъ вьюнъ, хвостомъ виляетъ въ грязь,
 Въ морокѣ, скорби и трудахъ всю жизнь
 И вѣкъ какъ будто въ каторжной работѣ.
 И всѣмъ на свѣтѣ, говорятъ, тяжко жить,
 Не хочется послѣднюю тратить силу,
 Опротивѣло все—дѣлать—дѣлать,
 И чтобъ отдохнуть, сдается бѣ легъ въ могилу.
 Вотъ только, говорятъ, что господамъ багатимъ
 Никогда и на умъ неїдетъ умирать.
 Но хотъ ты богачъ, да нѣтъ!
 Не пойдешь, видно, прямо противъ Бога;
 Потому что, какъ придавить неумолимая судьба,
 То все-таки протянешь, братецъ, ноги!
 Ужь что написано намъ на роду,
 То такъ и будетъ; такъ скачи же, враже,
 Подь дудку судьбы, играй въ тактъ!
 Такъ будемъ дѣлать то, что велитъ судьба!
 А судьба говоритъ: глупцы сумасшедшіе!
 Развѣ не знаете, что Божья воля
 Все творитъ на свѣтѣ, а вы, глупцы,
 Говорите, что все дѣлаетъ судьба!

Означенные курсивомъ стихи живо напоминаютъ собою нѣкоторые выраженія въ двухъ стихотвореніяхъ Гулака-Артемовскаго „До Пархома“.

Легенды и баллады К. Д. Думитрашкова частію имѣютъ книжное происхожденіе, но больше всего заимствованы изъ быта и вѣрованій простого народа. Легенда „Заклятый“ заимствована изъ разсказа Петра Могила о разрѣшеніи имъ въ Виланѣ проклятаго самозванца,

тѣло котораго найдено неразложившимся. Баллада „Поминок“ начинается разсказомъ о самомъ обычномъ явленіи въ приднѣпровской жизни, какъ одного утопленника литвина, конечно сплавлявшаго весною лѣсъ по Днѣпру, принесло къ сельской мельницѣ, „мовь бы на пакость народу“. Никто изъ крестьянъ не рѣшался вытащить его изъ воды; только дѣдъ Степанъ вытащилъ его оттуда, привезъ до своего двора, сдѣлалъ для него гробъ и нанялъ дьячковъ читать надъ покойникомъ псалтирь, пока выѣдетъ судъ и дастъ приказаніе погребсти его. Но судъ не выѣхалъ, „а замісь себе приславъ вінъ бумагу“,

А въ папері тому
Не велівъ нікому
Самовольно въ Дніпрі утопати,
А мряця Литвинка,
Безъ попа, безъ дяба
Приказавъ крїй села поховати.

А въ бумагѣ той
Не велѣлъ нікому
Самовольно въ Днѣпрѣ утопати,
А мертвеца Литвина,
Безъ попа, безъ дьячка
Приказалъ за селомъ погребсти.

Дѣдъ Степанъ похоронилъ литвина, какъ слѣдуетъ, и поминалъ его какъ родное дитя. Въ сороковую ночь онъ видитъ во снѣ, будто бы находится въ Кіевѣ и, вмѣстѣ съ другими спѣшитъ въ пещеры. Между богомольцами очутился и утопленникъ литвинъ. Онъ поблагодарилъ дѣда Степана за его молитвы о себѣ и сказалъ ему:

И прїйшовъ я теперъ
Ажъ до дальнихъ пещеръ,
Відкїль водять въ небеснее царство;
Бо зъ пещеръ намъ ити
По узькому пути
Ажъ до самого Божого неба.

И пришелъ я теперъ
Даже до дальнихъ пещеръ,
Отколь водять въ небесное царство;
Потому что изъ пещеръ намъ ити
По узкому пути
До самага Божьяго неба.

Попросивъ снова молитвъ дяди Степана, литвинъ прощается съ нимъ въ полной надеждѣ увидѣться на томъ свѣтѣ.

Баллада „Змїй“ взята изъ народныхъ вѣрованій о летаніи огненныхъ змїевъ къ женщинамъ и сожительствѣ съ ними. Въ селѣ Драбивцяхъ были молодца, „уродою найкраща всіхъ! въ селі“,—и не удивительно: мать ея на одного „панка дивилась, дочка въ ней ягъ

пана уродилась“. И дочь Марина тоже не любила никого изъ простыхъ мужиковъ, а заглядывалась на панковъ, „и замужъ по закону хочь пішла, да зъ чоловікомъ довго не жила“. Сельскій голова, неравнодушный къ Маринѣ, отдалъ ея мужа въ солдаты. Оставшись не вдовой и не молодужкой, Марина втайнѣ желала смерти мужа въ какомъ либо сраженіи и мечтала приобрѣсть любовь сосѣдняго пана. Мечты ея, повидимому, сбылись,—сосѣдній панъ навѣщалъ ее каждую ночь; но впоследствии оказалось, что то былъ не панъ, а принимавшій его видъ огненный змѣй. Узнавъ объ этомъ, мать Марины трижды окурила ея хату ладаномъ, но огненный змѣй зажегъ хату, вмѣстѣ съ которою сгорѣла и Марина —

„Отъ-то за те, щобъ пана не любила“.

Но, почерпая свое содержаніе изъ народныхъ вѣрованій и преданій, баллады Думитрашкова не воспроизводятъ ихъ въ натуральномъ видѣ и несутъ замѣтный слѣдъ искусственности и морали. Такъ писали тогда свои баллады Жуковскій, Мицкевичъ, Гулакъ - Артемовскій, Боровиковскій и др.

„Молитва Маргариты“ изъ Гётева Фауста переведена Думитрашковымъ съ нѣмецкаго подлинника, но, вѣроятно, по примѣру Гулака-Артемовскаго. Мы приведемъ эту молитву сполна, какъ лучшее стихотвореніе Думитрашкова:

Владычице многоскорбящая!
Ты дивилъся, зчепивши руки,
На Сынови смертельни муки
Коло хреста животворящаго
О милосердная! схились,
На мене бѣду подвись!
Хіба жъ Ты воздыхаешъ
И слезы проливаешъ
Усе тілько за Сына одного?
Охъ, а колыбъ Ты знала,
Якъ тяжко я страдала,
Схилилась бы до горя Ты мого!
Да хтожъ и знае більше. якъ не Ты,
Яка въ мене на серці туга,
Яка въ душі мой недуга?!
Пречистая, спаси мене й прости!
Куды ни повернуся,
Нигде не розминуся
Зъ годиною лихою.
На щожъ я літа трачу?
Я плачу, плачу, плачу,
Одъ доді плачу злою.
До зіроньки вставала
И квітки поливала
Слезамн дрібными, немовъ водою,
Нарвала ихъ раненько,
Звязала ихъ гарненько,
Щобъ ихъ поставити передъ Тобою.

А скільки досхідь сонця
 Зъ постели я схоплюлась,
 Сідала у віконця,
 Слезами обливалась!
 Заступнице усердная!
 Избави одь напасти!
 Помилуй, милосердная,
 Не дай души пропасти!

Владычице многоскорбящая!
 Ты смотришь, скрестивши руки,
 На смертельныя муки Сына
 Около креста животворящаго!
 О, милосердная! склонись,
 На меня бѣдную возри!
 Развѣ жъ ты воздыхаешь
 И слезы проливаешь
 Все только за Сына одного?
 Охъ, а коли бѣ ты знала,
 Какъ тяжело я страдала,—
 Склонилась бы ты къ горю моему.
 Да кто жъ и знаетъ больше, какъ не ты,
 Какая у меня на сердцѣ скорбь,
 Какой недугъ въ моей душѣ?
 Пречистая, спаси меня и прости!
 Куда ни повернуся,
 Нигдѣ не разминуся
 Съ судьбиной злой.
 Зачѣмъ же я влachu жпзнь?
 Я плачу, плачу, плачу,
 Отъ судьбы злой плачу.
 До зореньки я вставала
 И цвѣтки поливала
 Слезами частыми, какъ бы водою;
 Нарвала ихъ ранешенько,
 Связала ихъ хорошоохонько,
 Чтобъ ихъ поставить предъ собою.
 А сколько до восхода солнца
 Съ постели я срывалась,
 Садилась у оконца,
 Слезами обливалась!
 Заступнице усердная,
 Избави отъ напасти!
 Помилуй, милосердная,
 Не дай душѣ погибнуть!

Этимъ стихотвореніемъ своимъ К. Д. Думитрашковъ примыкаетъ
 къ романтическому направленію въ украинской литературѣ.

V.

В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко.

В. А. Гоголь и Я. Г. Кухаренко являются продолжателями другой стороны литературной дѣятельности Котляревскаго, именно его комическихъ оперъ.

Василій Аванасьевичъ Гоголь ¹⁾, сынъ полкового писаря, отецъ Н. В. Гоголя, по женской линіи имѣлъ предками своими Танскихъ, изъ которыхъ одинъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка, извѣстенъ былъ, какъ „славный поэтъ“ — писатель интерлюдій въ простонародномъ украинскомъ духѣ ²⁾. Самъ Василій Аванасьевичъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный; обладалъ даромъ рассказывать занимательно о чемъ ему ни вздумалось, и приправлялъ свои рассказы врожденнымъ малороссійскимъ комизмомъ. Во время рожденія Николая Васильевича Гоголя, 19 марта 1809 года, Василій Аванасьевичъ имѣлъ уже чинъ коллежскаго ассессора, „что въ провинціи, говоритъ Кулишъ, и еще въ тогдашней провинціи, было рѣшительнымъ доказательствомъ—во первыхъ умственныхъ достоинствъ, а во вторыхъ—бывалости и служебной дѣятельности. Это уже одно заставляетъ насъ предполагать въ немъ извѣстную степень образованности—теоретической, или практической, все равно“. Положимъ, въ чинъ коллежскаго ассессора онъ могъ быть переименованъ, при уничтоженіи гетъманщины, изъ сотника и тому подобнаго козацкаго чина; но все-таки нужно признать за Васильемъ Аванасьевичемъ извѣстную долю образованія. Положительнымъ доказательствомъ умственнаго его развитія служить драматическая его дѣятельность. Въ сосѣдствѣ съ В. А. Гоголемъ, именно въ селѣ Кибинцахъ, поселился съ 1822 года извѣстный Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, который изъ бѣднаго казачьяго мальчика своими способностями и заслугами счумѣлъ высвиться до степени министра юстиціи. Уставъ на долгомъ пути государственной службы, почтенный старецъ отдыхалъ въ сельскомъ уединеніи посреди близкихъ своихъ домашнихъ и земляковъ. Василій Аванасьевичъ Гоголь былъ съ Трощинскимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Тотъ и другой открыли въ себѣ взаимно много родственнаго, много общаго, много одинаково интересующаго. Между прочимъ, Трощинскій устроилъ домашній театръ въ Кибинцахъ, въ репертуарѣ котораго мы находимъ рукописную комедію Грибоѣдова

¹⁾ Главные источники: 1) „Записки о жизни Гоголя“, Кулиша, С.-Петербургъ, 1856 г.; 2) „Основа“, за февраль, 1862 г.; 3) „Очерки украинской драматической литературы“, въ „Русской сценѣ“, 1865 г. №№ 6 и 7.

²⁾ См. „Лицей князя Безбородко“, 1859 г., отд. 2, стр. 29. См. Сборникъ „Древняя и новая Россія“, за ноябрь 1878 г. „Драматическія сочиненія Г. Конискаго“.

„Горе отъ ума“¹⁾. Собственная ли это была затѣя Трощинскаго устроить театр, или отецъ Гоголя придумалъ для своего патрона новую забаву, не знаемъ; только старикъ Гоголь былъ дирижоромъ такого театра и главнымъ его актеромъ. Этого мало: онъ ставилъ на сцену пьесы собственнаго сочиненія на малороссійскомъ языкѣ. Извѣстны двѣ его комедіи: „Собака-Вивця“ и „Романъ и Параска“, иначе—„Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“, которыя Гоголь-сынъ въ письмѣ къ матери прямо называетъ папенькиными комедіями. Василій Аванасьевичъ умеръ въ началѣ 1825 года; слѣдовательно его комедіи, назначавшіяся для домашняго театра Трощинскаго, написаны были между 1822 и 1825 гг.

Первая комедія не дошла до насъ въ подлинномъ видѣ: содержаніе ея записано со словъ Гоголихи. Солдатъ, квартируя у мужика, видѣлъ, какъ тотъ повелъ овцу на ярмарку для продажи, и вздумалъ овладѣть ею. Товарищъ этого солдата забѣжалъ впередъ, на встрѣчу мужику.

— Ба, мужичокъ! сказалъ онъ, гдѣ ты ее нашель?

— Кого? отвѣчаетъ мужикъ: вивцю?

— Нѣтъ, собаку.

— Яку собаку?

— Нашего капитана. Сегодня сбѣжала у капитана собака и вотъ она гдѣ! Гдѣ ты ее взялъ? Вотъ ужъ обрадуется капитанъ!

— Та се, москалю, вивця, говоритъ мужикъ.

— Богъ съ тобою! какая вивця?

— Та що бо ты кажешъ! А кльчъ же, чи пиде вона до тебе?

Солдатъ, показывая сѣно изъ-подъ полы, говоритъ: „цуцу! цуцу!“

Овца начала рваться отъ хозяина къ солдату. Мужикъ колеблется; а солдатъ началъ представлять ему такіе резоны, что разувѣрилъ его окончательно. Мало того: онъ обвинилъ его въ воровствѣ, и тотъ, чтобъ только отвязаться, отдалъ солдату овцу и еще копу грошей²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что мотивъ этой комедіи заимствованъ отцомъ—Гоголемъ изъ народныхъ преданій. О подобной продѣлкѣ солдата съ малорусскимъ мужикомъ мы находимъ нѣсколько народныхъ рассказовъ. По одному изъ нихъ, мужикъ Хома, по настоянію жены своей, пошелъ на ярмарку покупать лошадь и купилъ за четыре рубля „таку швапу, що здихать збиралась“. Онъ повелъ ее домой и съ усиліемъ тянулъ за поводъ. Гдѣ ни взялись два москаля. Одинъ изъ нихъ перерѣзалъ поводъ, на которомъ вель мужикъ клячу, передалъ ее другому москалю, а самъ ухватился за конецъ повода, оставшіяся въ рукахъ мужика, и пошелъ за нимъ, упираясь какъ

¹⁾ См. „Каталогъ антикварной бібліотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“, Кіевъ, 1874 г., № 4222.

²⁾ „Записки о жизни Н. В. Гоголя“, т. 1, стр. 15—16.

кляча. Около заставы люди стали спрашивать Хома, зачѣмъ онъ тащитъ за собой москаля на веревкѣ. Хома какъ глянулъ, такъ и похолодѣлъ, и въ перепугѣ бросилъ веревку и москаля и убѣжалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ встрѣтился съ кумомъ Омелькомъ и снова отправился съ нимъ на ярмарку. Смотритъ Хома, а кляча, перевернувшаяся у него въ москаля, опять стоитъ на томъ же мѣстѣ. Кумъ Омелько сталъ было торговать ее, но Хома толкнулъ его подъ бокъ и тихонько сказалъ: „Омельку, дядьку! відчипись та від сеей шкапи: се не коняка, а москаль“ ¹⁾. По другому разказу. записанному Я. Г. Кухаренкомъ, лошадь такимъ же способомъ превратилась въ монаха ²⁾.

Комедія „Простака“ издана Кулишомъ въ Основѣ ³⁾, вѣроятно съ рукописи, хранящейся въ бывшей библиотекѣ Д. П. Трощинскаго ⁴⁾. Содержание этой пьесы почти тоже самое, что у Котляревскаго въ „Москаль-Чарівникѣ“. „Мы не знаемъ навѣрное, говоритъ Кулишъ, которая изъ этихъ двухъ пьесъ написана прежде: если „Простака“, то комедія Гоголя—отца сбавляетъ много цѣны произведенію Котляревскаго; если же Гоголь—отецъ взялъ сюжетъ Москаля-Чарівника и обработалъ его по своему, то онъ поступилъ такъ, какъ поступали немногіе таланты, которые, передѣлывая написанныя уже пьесы, устраняли ошибки авторовъ ихъ и давали сочиненію новую жизнь“. Мы съ своей стороны не считаемъ нужнымъ ставить пьесы Котляревскаго и Гоголя—отца въ генетическую связь между собою и думаемъ, что обѣ онѣ, независимо одна отъ другой, могли возникнуть изъ народныхъ источниковъ, о которыхъ мы говорили выше при разборѣ „Москаля-Чаривника“. Эти народные источники могли оразнообразиться тѣми случаями изъ бытовой, дѣйствительной жизни, которые подали Котляревскому и Гоголю—отцу мысль написать свои комедіи. По крайней мѣрѣ, о пьесѣ Гоголя—отца тотъ же Кулишъ передаетъ, что въ ней представлены дѣйствительныя лица, мужъ и жена, жившіе въ домѣ Трощинскаго на жалованьи, или на другихъ условіяхъ, и принадлежавшіе, какъ видно, къ высшему лакейству. Они явились въ комедіи подъ настоящими именами, только въ простомъ крестьянскомъ быту, и хотя разыгрывали почти тоже, чтò случалось у нихъ въ дѣйствительной жизни, но не узнавали себя на сценѣ. Трощинскій былъ челоуѣкъ Екатерининскаго вѣка и любилъ держать при себѣ шутовъ; но этотъ Романъ былъ смѣшонъ только своимъ тупоуміемъ, которому бывший министръ юстиціи не могъ достаточно надивиться. Чтò касается до

¹⁾ „Народныя южно-русскія сказки“, Рудченко, вып. 2, Кіевъ, 1870 г., № 41.

²⁾ Основа, за октябрь, 1861 г.

³⁾ Тамъ же, за февраль, 1862 года. Отсюда недавно перепечатана въ Кіевѣ особымъ изданіемъ.

⁴⁾ „Каталогъ антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“, Кіевъ, 1874 г., № 4228.

жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умѣла водить мужа за носъ ¹⁾).

Дѣйствіе происходитъ въ малороссійской хатѣ, убогой, но чистенькой. Параска выпроваживаетъ Романа въ поле за зайцами и вмѣсто гончей собаки даетъ ему поросенка, увѣряя, что кумъ всегда ловить зайцевъ поросятами, а сама между тѣмъ, въ отсутствіе мужа, собирается погулять съ дьякомъ Хомой Григоровичемъ. Является дьякъ и объясняется съ Параской книжнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, котораго она вовсе не понимаетъ; но ихъ объясненіи прерваны были появленіемъ соцкаго, который велъ къ Параскѣ солдата на постой. Параска спрятала дьячка подъ прилавокъ и закрыла рядномъ. Соцкій, увидѣвъ на столѣ водку, приготовленную для Хомы Григоровича, выпиваетъ ее съ солдатомъ и Параской, платитъ деньги за водку и уходитъ, а солдатъ ложится будто бы спать. Но не успѣвъ Хома Григоровичъ выйти изъ своей засады, какъ возвращается Романъ, разсерженный неудачной охотой на зайцевъ: его поросенокъ убѣжалъ куда-то. Параска показываетъ Роману заранѣе приготовленнаго зайца и увѣряетъ своего глупаго мужа, что поросенокъ дѣйствительно перенялъ зайца и принесъ его домой. Но не удалось ей провести хитраго москаля. Проснувшись, солдатъ проситъ у хозяйки поѣсть чего нибудь и, получивъ отказъ, самъ обѣщается накормить хозяина; ставитъ его середь хаты съ закрытыми глазами, а между тѣмъ выноситъ и ставитъ на столъ кушанье и варену, приготовленную для Хомы Григоровича. Романъ со страхомъ приступаетъ къ волшебному кушанью, которое, по его мнѣнію, варилось въ аду. Послѣ того Параска упрашиваетъ солдата выпустить дьяка, и солдатъ соглашается. Подъ видомъ изгнанія чертей изъ хаты, приготовлявшихъ кушанье, солдатъ ставитъ супруговъ среди хаты, завязываетъ имъ глаза, связываетъ руки и велитъ произносить волшебныя будто бы слова, а самъ въ это время раздѣваетъ дьячка, намазываетъ его сажой и, развязавши глаза супругамъ, выгоняетъ его изъ хаты.

Дьякъ, выпачканный, черезъ сцену уходитъ вонъ.

Романъ дрожитъ и крестится. „А який же страшный“.

Солдатъ. Ну, Романъ! теперь чорта выгнать, а гнѣздо себѣ возьму (прибираетъ дьяково платье).

Романъ. О, спасибі тобі, добродію служивий! тільки прошу не въ гнівъ: скажить, будте ласкаві, я чувъ, що нечистий духъ зъ рогами, а у сѣго и ріжківъ не ма.

Солдатъ. Ну, нечего дѣлать. Рога онъ тебѣ оставилъ.

Романъ. Охъ міні лихо! (Хватаетъ себя за лобъ).

Солдатъ. Ничего, Романъ! (Треплетъ Романа по плечу). И получше тебя бывають съ рогами...

Романъ. Параску! щожъ міні робити?

¹⁾ Записки о жизни Н. В. Гоголя, 1856 г.. т. 1, стр. 13.

Параска. Якъ би ти не лежавъ зранку до вечора та робивъ такъ, якъ люде роблять, тобъ не було сего нічого; а то поти лежавъ, поки вылупивъ чорта. Я тобі скілько казала: „Эй, Романе, не лілуйся! Ліньость до добра ніколи не приводить“.

Гоголь-отець искусно почерпнулъ изъ роднаго быта содержаніе своей комедіи. „Отъ первой до послѣдней сцены онъ сохранилъ во всемъ естественность и правдоподобіе, говоритъ Кулишъ. Простота изложенія, умѣренность каррикатуры, ровность хода всей пьесы ясно указываютъ, что этотъ человѣкъ, въ другомъ кругу, при другой образованности и при иныхъ требованіяхъ общества, пошелъ бы далеко на пути художественнаго творчества. Мы въ этомъ убѣждены тѣмъ болѣе, что комизмъ его не ограничивается отдѣльными выраженіями, которыхъ немудрено набрать человѣку съ талантомъ въ простонародной украинской рѣчи: нѣтъ, у него онъ истекаетъ изъ самаго положенія вещей въ убогой сельской хатѣ и отзывается тѣмъ глубокимъ комизмомъ, которымъ Гоголь-сынъ умѣлъ наводить смѣющагося читателя на грустныя размышленія“.

„Извѣстно, какую роль игралъ въ то время произволъ родителей или иныхъ, еще болѣе властительныхъ лицъ въ устройствѣ брачныхъ союзовъ. Красивая молодая женщина, очутясь женою глуховатаго и лѣниваго старика, говоритъ слишкомъ ясно, какъ это случилось. Жизнь просится въ ней на волю, и она связывается съ дьячкомъ. Это комизмъ, если угодно, очень грустный, тѣмъ болѣе, что дьячки при тогдѣшнемъ состояніи бурсъ, были большею частью люди изуродованные навѣки. Солдаты, служившій въ проголодь, какъ водилось лѣтъ съ полсотни назадъ, поцавъ къ мужику въ хату, преслѣдуетъ самые насущные свои интересы... *Raconne diable*, онъ пускается на смѣшныя штуки; иначе ему пришлось бы съ голоду трубить въ кулакъ“¹⁾.

Кромѣ внутренняго своего достоинства, комедіи Гоголя—отца имѣютъ значеніе для послѣдующаго развитія украинской литературы. Гоголь—сынъ интересовался комедіями своего отца, выписывалъ изъ нихъ эпиграфы къ своимъ „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и воспроизводилъ здѣсь нѣкоторыя отдѣльныя сцены изъ этихъ комедій.

Яковъ Герасимовичъ Кухаренко²⁾ воспитывался въ Харьковѣ и здѣсь познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, приблизительно въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка³⁾. Въ 1836 году Кухаренко написалъ оперетту „Черноморскій побитъ“. Т. Г. Шевченко очень хвалилъ эту пьесу, самъ отдалъ ее въ 1842 году въ цензуру и желалъ видѣть ее въ печати; но сочиненія на украинскомъ языкѣ въ то время съ трудомъ находили для себя издателей. Много разъ про-

¹⁾ Основа, за февраль, 1862 года.

²⁾ Главные источники: 1) „Основа“, за 1861 и 1862 г., и 2) „Очерки украинской драматической литературы“, К. Маруси, въ „Русской Сценѣ“, 1865 г., №№ 6 и 7.

³⁾ Основа, за октябрь, 1862 г.: рѣчь З. О. Недоборовскаго.

бовадь онъ свое перо и посылалъ пробы къ своему харьковскому пріятелю для печати; но въ теченіи многихъ лѣтъ ни одна строка не была предана тисненію ¹⁾. Къ концу срока ссылки Шевченка, Яковъ Герасимовичъ переписывался съ нимъ и высылалъ ему денежное пособие; а Шевченко, по освобожденіи изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, думалъ было заѣхать къ Кухаренку въ гости. Вѣроятно, близкія, дружескія отношенія Кухаренка къ Шевченку были причиною того, что на произведенія перваго стали смотрѣть теперь снисходительнѣе: журналъ „Основа“ любезно открылъ для него свои объятія. Въ этомъ журналѣ помѣщены были слѣдующія сочиненія Я. Г. Кухаренка: 1) „Вороний кінъ“ ²⁾, 2) „Черноморський Побитъ,—оперетта, часть первая“ ³⁾; 3) „Пластуни“ ⁴⁾; 4) „Вівці і чабани въ Черноморіі“ ⁵⁾. Кромѣ того, Я. Г. Кухаренко намѣревался писать о многомъ, что хранила его память, изъ военнаго и гражданскаго быта родной Черноморіи, и все написанное сообщать въ „Основу“, которой передалъ также вторую часть „Черноморського Побиту“ и кой-какія свои замѣтки. Вторую часть „Черноморського Побиту“ Я. Герасимовичъ думалъ было исправить. Но неожиданная, трагическая смерть прервала его литературныя занятія. Будучи начальникомъ одного изъ Закубанскихъ отрядовъ, генераль-маіоръ Кухаренко вызванъ былъ командующимъ войсками Кубанской области, по дѣламъ службы, изъ Черноморіи въ Ставрополь и 19 сентября 1862 года, на почтовомъ трактѣ по Кубани, подвергся внезапному нападенію партіи конныхъ абаздеховъ и взятъ въ плѣнъ, послѣ краткой обороны одного противъ восьми. Связанный по рукамъ и по ногамъ, онъ принужденъ былъ двѣ ночи мчаться почти двухсотверстное разстояніе, трижды или болѣе падать съ коня и умеръ въ плѣну, въ абаздехскомъ аулѣ. Тѣло его было выкуплено сыномъ его Степаномъ Кухаренкомъ и 6 октября 1862 года, предано землѣ на Екатеринодарскомъ загородномъ кладбищѣ ⁶⁾. Вскорѣ послѣ смерти Я. Г. Кухаренка умерла и „Основа“, и потому не были въ ней напечатаны остальные сочиненія Кухаренка, равно какъ и его біографическій очеркъ, приготовлявшійся сыновьями покойнаго для „Основы“.

Изъ напечатанныхъ сочиненій Я. Г. Кухаренка „Пластуни“ и „Вівці і чабани в Черноморіі“ имѣютъ чисто этнографическій интересъ; „Вороний кінъ“ есть не что иное, какъ пересказъ народной сказки, похожей на комедію Гоголя—отца „Собака-Вивця“. Собственно литературное значеніе имѣетъ оперетта „Черноморський Побитъ“, характеризующая бытъ кубанскихъ казаковъ между 1794 и 1796 го-

¹⁾ Основа, за ноябрь и декабрь, 1861 года.

²⁾ Тамъ же, за октябрь 1861 года.

³⁾ Тамъ же, за ноябрь и декабрь, 1861 года.

⁴⁾ Тамъ же, за февраль, 1862 года.

⁵⁾ Тамъ же, за май, 1862 года.

⁶⁾ Тамъ же, за сентябрь и октябрь, 1862 года.

дами, во время первоначальнаго заселенія прикубанскихъ равнинъ остатками разбѣжавшихся запорожцевъ и другими выходцами изъ Украины.

Нравы и обычаи тогдашней Черноморіи были вообще тѣ же самыя, что и въ украинской Руси, но отличались нѣкоторою грубостью, по причинѣ рѣзкости характеровъ, которые выдавались изъ массы населенія и перѣдко были съ ними въ разладѣ. Тутъ, между прочимъ, запорожская привычка къ бурлацкой безженной жизни столкнулась съ необходимостью жениться и вести жизнь семейную. И такъ какъ мѣстныя власти прилагали попеченіе о размноженіи семействъ; то брачные союзы заключались иногда невзначай, безъ соблюденія всѣхъ обычаевъ и обрядовъ, которыми они сопровождались и сопровождаются въ Украинѣ. Сами священники черноморскіе были, такъ сказать, импровизированнымъ духовенствомъ. Черноморія подлежала въ то время вѣдомству Θεодосійскаго епископа. Довольно было аттестаціи со стороны старшины Черноморской, чтобы присланный къ нему грамотный козакъ былъ рукоположенъ въ іереи. Такъ какъ черноморскіе казаки головы и бороды брили, оставляя только чубъ и усы, — то долго еще послѣ рукоположенія сохраняли воинственный видъ свой; но это не мѣшало прихожанамъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою же увѣренностію въ дѣйствительности ихъ служенія, какъ и къ старымъ попамъ. Случалось и такъ еще, что войсковая старшина, видя стараго, заслуженнаго казака неисправимымъ въ задорной, безпокойной для общества жизни, приговаривала его, въ видахъ исправленія нравственности, къ рукоположенію въ священники. Расчетъ здѣсь былъ тотъ, что казакъ, уважая въ себѣ духовный санъ, опомнится и начнетъ вести жизнь порядочную. И дѣйствительно, не было, говорятъ, примѣра, чтобы поставленный такимъ образомъ попъ не оставилъ своихъ дурныхъ привычекъ. Эти-то и другія подобныя черты черноморскихъ нравовъ и обычаевъ, — говорится въ примѣчаніи къ опереттѣ, — представлены г. Кухаренкомъ въ его очень интересной и очень живой, характерной пьесѣ, съ замѣчательнымъ пониманіемъ сценическаго искусства.

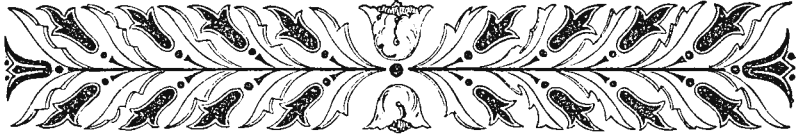
Содержаніе первой части оперетты „Черноморскій Побитъ“ слѣдующее. Маруся, дочка Явдохи Драбинихи, любитъ молодого казака Ивана Прудкаго, тогда какъ сама Явдоха имѣетъ въ виду другаго жениха для своей дочери. Между тѣмъ Иванъ Прудкій отправляется за Кубань на черкесовъ; но, прощаясь съ Марусей, узнаетъ отъ нея о намѣреніяхъ ея матери и поручаетъ свою Марусю надзору брата своего Илька и покровительству своего крестнаго отца, сотника Тупицы. Предосторожности оказались не излишними. Явдоха дѣйствительно задумала выдать свою дочь Марусю за богатаго старика Кабицю, который безобразничалъ цѣлую ночь на досвіткахъ и поутру явился въ пьяномъ видѣ сватать Марусю. Не смотря на отказъ послѣдней, мать Явдохы настаиваетъ на своемъ и приглашаетъ на за-

ручины безшабашныхъ супруговъ Цвіркуна и Цвіркунку, послѣ чего Кабиця отправляется къ поцу, недавно поставленному изъ бозаковъ, и улаживаетъ съ нимъ дѣло относительно свадьбы. Но сотникъ Тупица разстраиваетъ ихъ планы и, напоивъ Кабицю пьянымъ, женить его на некрасивой дѣвицѣ Кулинѣ, а Марусю сберегаетъ для своего крестника Ивана Прудкаго, который и женится на ней по возвращеніи изъ похода.

Ходъ пьесы напоминаетъ собою „Наталку-Полтавку“ Котляревскаго. Тамъ и здѣсь героиня любитъ молодого человѣка, оставляющаго на время свою родину, и принуждается своею матерью выйти замужъ за богатаго, но безпардоннаго старика; та и другая пьеса оканчивается желаннымъ соединеніемъ молодыхъ людей. Самые отрицательные типы обѣихъ пьесъ походятъ одни на другихъ, какъ родные братья. Замѣтную особенность „Черноморскаго Побита“ составляетъ развѣ введене въ пьесу народныхъ историческихъ думъ изъ появившихся тогда сборниковъ ихъ, напр. думъ о Саввѣ Чаломѣ, Гнатѣ, Харкѣ и др., и характеристическія отличія черноморскаго быта; но и эти отличія составляютъ только фонъ пьесы, а не существенное ея содержаніе, которое въ обѣихъ пьесахъ сходно. Поэтому мы полагаемъ, что оперетта „Черноморскій Побитъ“ написана по подражанію оперѣ Котляревскаго „Наталка-Полтавка“, и обѣ эти пьесы должны быть разсматриваемы и оцѣниваемы съ одинаковой точки зрѣнія,—первая какъ подражаніе, а послѣдняя — какъ оригиналь.

Н. Петровъ.

Н. И. ПИРОГОВЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году исполнится пятидесятилѣтіе блестящей ученой дѣятельности знаменитаго врача-хирурга Н. И. Пирогова и двадцатипятилѣтіе не менѣе блестящей, хотя къ сожалѣнію, слишкомъ кратковременной карьеры его, какъ замѣчательнаго педагога — администратора въ должности попечителя, сначала Одесскаго, а затѣмъ Кіевскаго учебнаго округа. Предоставляя специалистамъ сдѣлать оцѣнку заслугъ Н. И. Пирогова въ области врачебной науки, мы считаемъ долгомъ, съ своей стороны, напомнить о значеніи его на поприщѣ служенія обществу въ дѣлѣ воспитанія. Въ этихъ видахъ, мы даемъ мѣсто нижеслѣдующему очерку заслугъ Н. И. Пирогова, какъ педагога.

Въ послѣднее время, почти во всѣхъ нашихъ сужденіяхъ о сколько нибудь крупныхъ явленіяхъ нашей общественной жизни слышится одинъ общій приговоръ: какое бы учрежденіе, или проэктъ, касающійся той или другой стороны общественной жизни, мы не подвергали самому строгому критическому анализу, вездѣ мы встрѣчаемся съ жалобами на недостатокъ силъ, дѣятелей, понимающихъ свои обязанности и готовыхъ на самую упорную борьбу съ общественнымъ зломъ; короче сказать, мы жалуемся на недостатокъ къ людей. „Дайте намъ людей, намъ нужны люди, людей нѣтъ нигдѣ и ни для чего!“ — вотъ тѣ несмолкаемыя возгласы, которые вы услышите теперь вездѣ, и въ печати, и въ канцеляріяхъ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ отдаленной провинціальной глуши. Едва ли мы ошибемся, однако сказавъ, что смыслъ этихъ жалобъ и сѣтованій всюду одинъ и тотъ же: намъ не достаетъ чего-то, что могло бы скрѣпить насъ въ одно дружное общество, мы ищемъ повсюду растерянныхъ общественныхъ убѣжденія и вездѣ встрѣчаемъ недостатокъ, такъ называемой, общественной нравственности.

Но если это такъ, если мы вѣрно формулируемъ настоящее направленіе всѣхъ нашихъ самообличеній, то намъ остается только поискать средствъ, какъ бы избавиться отъ язвы лицемерія, раздвоенности убѣжденій, раздѣляющихъ на каждомъ шагѣ общественный организмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о необходимости развитія нравственнаго чувства въ насъ и дѣтяхъ нашихъ является прежде всего вопросомъ соціально-педагогическимъ.

Но что же мы видимъ въ области практическаго воспитанія? Не выходя изъ предѣловъ фактовъ, мы должны признать ту, едва ли отъ кого изъ благомыслящихъ и безпристрастныхъ людей ускользающую истину, что наше общественное воспитаніе проникнуто вопіющими недостатками. По отношенію къ школьному дѣлу, мы встрѣчаемся больше съ самоочарованіемъ, чѣмъ съ дѣйствительно правильнымъ пониманіемъ задачъ воспитанія. И замѣчательно, что жизненные результаты воспитанія убываютъ у насъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе и громче проявляется это самоочарованіе. Идеаль педагога уже измельчалъ, съузилъ и понизился, какъ справедливо кто-то замѣтилъ. Педагога замѣнили ремесленники, которые смазываютъ старую машину и по скрыцу ея съ радостью заключаютъ, что она не остановилась, а идетъ благополучно. Удаляясь отъ нравственныхъ требованій семейной и общественной жизни, наше воспитаніе не даетъ питомцамъ своимъ никакого нравственнаго содержанія: эгоизмъ, самолюбіе, тщеславіе,—вотъ что служитъ доселѣ побудительными мотивами воспитанія. Отсутствие самостоятельности во взглядахъ и сужденіяхъ, скрытое недовольство въ глубинѣ души, нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, обезличеніе и легкомысліе, а вслѣдствіе этого недостатокъ сознанія своего долга,—вотъ дары, которыми надѣляется молодежь наша для борьбы съ жизнью, вслѣдствіе пассивнаго бездѣйствія и равнодушія интеллигентнаго общества къ дѣлу воспитанія. Но гдѣ же, скажутъ намъ, тотъ спасительный маякъ, который указалъ бы настоящій путь къ излеченію отъ всѣхъ перечисленныхъ недуговъ, гдѣ тотъ идеаль, который, одушевляя насъ, былъ бы настолько глубокъ, чтобы отвѣтить на всѣ нравственныя требованія общества, настолько простъ, чтобы быть доступнымъ всѣмъ и каждому, и настолько свѣтелъ, чтобы вмѣсто страха темноты, отъ которой мы всѣ хотимъ избавиться, породилъ въ насъ стремленіе и любовь къ истинному свѣту? Такой идеаль раскрытъ намъ давно виновникомъ этихъ строкъ, пріобрѣтшимъ огромный авторитетъ въ недолгіе, къ сожалѣнію, годы своей педагогической дѣятельности—Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ.

Его идеи и воззрѣнія по занимающему насъ вопросу высказаны съ такой искренностью, неподдѣльностью чувства, глубиною мысли, во всей цѣлости его души, умудренной опытомъ и преисполненной любовью къ добру, что мы считаемъ не только полезнымъ возобновить ихъ въ памяти читателей (истина никогда не старѣетъ), но и вполне отвѣчающимъ жгучему вопросу настоящаго времени:—какъ

намъ, если не перевоспитывать себя, то воспитать своихъ дѣтей? Не много статей и замѣтокъ написалъ Н. И. Пироговъ о воспитаніи и по вопросамъ школы, но въ этомъ немногомъ ясно и просто указанъ путь къ самоусовершенствованію и какъ вести къ нему другихъ ¹⁾. Мы можемъ сказать даже, что едва ли есть такой крупный вопросъ школы, на который читатель не нашелъ бы отзыва въ той или другой изъ перечисленныхъ статей Н. И. Пирогова. Эта же многосторонняя содержимость не только цѣлыхъ статей, но и отдѣльныхъ замѣчаній, высказанныхъ Н. И. Пироговымъ, служить намъ оправданіемъ въ томъ, что мы, по недостатку мѣста, принуждены ограничиться изложеніемъ лишь основныхъ воззрѣній Н. И. Пирогова на дѣло общественнаго воспитанія.

Объединяющей всѣ воззрѣнія Н. И. Пирогова, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать знаменитую статью „Вопросы жизни“. Вотъ какъ развивалъ въ ней Н. И. Пироговъ основную мысль своей педагогической дѣятельности: „приготовить изъ человѣка человѣка“.

„Мы живемъ въ XIX вѣкѣ, по преимуществу практическомъ. Не смотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя однако не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка. Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки существенный атрибутъ духовной природы человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ о жизни и цѣли бытія. Ученіе Спасителя, разрушивъ хаосъ нравственнаго произвола, указало человѣчеству прямой путь, опредѣлило и цѣль и средоточіе житейскихъ стремленій. Найдя въ откровеніи самый главный вопросъ жизни разрѣшеннымъ, каза-

¹⁾ Первое изданіе литературныхъ статей Н. И. Пирогова появилось въ Одессѣ, въ видѣ сборника, содержаніе котораго слѣдующее: „Вопросы жизни“; „Новоселъе лица я. (Рѣчь, произнесенная Н. И. Пироговымъ на торжественномъ актѣ Ршшлевскаго лицея 1-го сентября 1857 г.); „Одесская Талмудъ-Тора“, „Быть и казаться“; „Нужно ли сѣчь дѣтей въ присутствіи другихъ дѣтей“.

Второй сборникъ литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова, вышелъ въ Кіевѣ въ 1861 году и заключаетъ въ себѣ: „Быть и казаться“—развитіе мыслей, выраженныхъ въ вышеупомянутой статьѣ, „Вопросы жизни“; „О предметахъ сужденій и преній педагогическихъ совѣтовъ въ гимназіяхъ“; „Школа и жизнь“; „О цѣли литературныхъ бѣсѣдъ гимназій“; „Замѣчанія на отчеты морскихъ учебныхъ заведеній“; „Мысли и замѣчанія о проектѣ устава училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министра народнаго просвѣщенія“; „Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій“; „Объ уставѣ новой гимназій предполагаемой проектомъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній“; „Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ“. Рѣчи, сказанныя Н. И. Пироговымъ: при прощаніи его съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, при прощаніи его съ студентами университета св. Владиміра (см. ниже); при прощаніи его съ г. Кіевомъ; при посѣщеніи имъ на пути въ деревню еврейскаго училища въ Бердичевѣ.

лось бы, человѣчество ничего другаго не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и вѣрою по опредѣленной стезѣ. Но протекли столѣтія, а все осталось „яко же бысть во дни Ноевы“. Не смотря на преобладающую въ массѣ силу энергіи, у каждаго изъ насъ осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить намъ, что мы, живя въ обществѣ для общества, живемъ еще и сами собою, и въ самомъ себѣ. Но вотъ главная бѣда: самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направлениемъ, которому слѣдуетъ общество. Мы христіане и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служить и должно служить Откровеніе. Вникая же въ существенное направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастьѣ и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней... Убѣждаясь въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направлениемъ общества, намъ ничего болѣе не остается, какъ впасть въ одну изъ трехъ крайностей: или мы пристаемъ къ одной какой нибудь толпѣ, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитанія, или мы начинаемъ дышать враждою противъ общества, или мы отдаемся произволу... Но вотъ бѣда: люди, родившіеся съ критическими на умъ, чувство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспримчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проникательны, чтобы не замѣтить рѣзкаго различія между этими основами и направлениемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое, слишкомъ разборчивы, чтобы довольствоваться выборомъ, сдѣланнымъ почти по неволѣ или по неопытности. Недовольные, они слишкомъ скоро разлаживаютъ съ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, и, переходя отъ одного взгляда къ другому, вникаютъ, сравниваютъ и цытаютъ, все глубже роются въ рудникахъ своей души и, неудовлетворенные стремленіемъ общества, не находя и въ себѣ внутренняго спокойствія, хлопочутъ, какъ бы согласитъ вопіющія противорѣчія; оставляютъ поочередно и то и другое; съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія столбовыхъ вопросовъ жизни; стараются во что бы то ни стало, перевоспитать себя и тщатся проложить новые пути.“

Какой же путь мы должны проложить нашимъ дѣтямъ къ „роковой“ борьбѣ съ жизнью? Первое условіе, по словамъ Н. И. Пирогова,—юный атлетъ, приготовляющійся къ этой борьбѣ, долженъ имѣть отъ природы хотя какое нибудь притязаніе на умъ и чувство.

„Пользуйтесь этими благими дарами Творца, но не дѣлайте одаренныхъ ими безмысленными поклонниками мертвой буквы, дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубого матеріализма, восторженными расточителями чувства и воли, и холодными адентами разума. Вотъ второе условіе.“

Къ несчастью это условіе наши присяжные педагоги зачастую совершенно упускаютъ изъ виду, направляя всю воспитательную дѣятельность школы къ умственной дрессировкѣ юнаго атлета и какъ бы забывая, что даже величественное умственное развитіе далеко еще не предполагаетъ необходимо простой общественной нравственности.

„Не требуйте отъ меня большаго; больше этого у меня нѣтъ ничего на свѣтѣ, прибавляетъ Н. И. Пироговъ. Повѣрьте мнѣ. Я испыталъ эту вну-

трению, роковую борьбу, къ которой мнѣ хочется приготовить, исподволь и заранѣе, нашихъ дѣтей; мнѣ дѣлается страшно за нихъ, когда я подумаю, что имъ предстоятъ тѣже опасности и не знаю тотъ ли же успѣхъ.“

Когда раздался этотъ могучій голосъ, общество какъ бы встрепенулось и всѣ мы стали „искать сдѣлаться людьми“. Но, къ сожалѣнію, выраженная словами „ищи быть и будь человѣкомъ“ главная мысль воспитанія— „научите дѣтей съ раннихъ лѣтъ подчинять матеріальную сторону жизни нравственной и духовной“—оказалась какъ бы не достижимой. А между тѣмъ, „если“ замѣчаетъ Н. И. Пироговъ въ другомъ мѣстѣ, (Рѣчь на актѣ Ришельевского лицея 1-го сентября 1857 г.)— „цѣлое общество повторить эти многозначительныя слова всѣмъ и каждому изъ своихъ сочленовъ, то оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ безъ различія сословій и состояній, также необходимо, какъ хлѣбъ и соль, и, при такомъ убѣжденіи, не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталы, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, говоря всѣмъ и каждому „будь человѣкомъ!“

Для достиженія такого идеала нужны, по мнѣнію Н. И. Пирогова, „серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣйствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро“.

Этими золотыми словами осуждаются и мертвящій формализмъ чиновначалія, вредный въ воспитательномъ дѣлѣ, и подавленіе внутренняго человѣка въ ребенкѣ и извращеніе дѣтской природы во имя какихъ либо одностороннихъ теорій. Первое же и главное условіе воспитательной дѣятельности педагога или родителя заключается въ той нераздвоенности души, той искренности отношеній къ дѣтямъ, образецъ которой представляется намъ въ могучей личности самого Н. И. Пирогова.

Особенно рельефно выражено это въ не менѣ замѣчательной статьѣ „Быть и казаться“.

„Я не сомнѣваюсь, говоритъ Н. И. Пироговъ, что у ребенка есть свой міръ, отличный отъ нашего. Воображеніе создало этотъ міръ ребенку, и онъ въ немъ живетъ и дѣйствуетъ по своему. Взрослый, дѣйствующій какъ ребенокъ, есть въ нашихъ глазахъ или глупъ или сумасшедшій. И если дитя намъ не кажется ни тѣмъ, ни другимъ, то именно потому, что оно дитя. И такъ, если мы, достигши извѣстнаго возраста, не перестаемъ жить въ мірѣ, созданномъ нашимъ дѣтскимъ воображеніемъ, мы дѣлаемся непремѣнно или лжецами, или взрослыми дѣтьми, т. е. чудаками, помѣшанными, или назовите какъ угодно, только не обыкновенными людьми. У ребенка кажущаяся намъ непослѣдовательность поступковъ и мыслей, сознательная и бессознательная ложь, такъ незамѣтно переходятъ одна въ другую, что почти каждаго изъ дѣтей можно назвать глупымъ и лгуномъ, примѣняя къ нему слова и понятія, взятые изъ жизни взрослыхъ. Но въ этомъ-то и заключается именно ошибка и родителей и наставниковъ, что они, не въ пору устарѣвъ, забыли про тотъ міръ, въ которомъ сами нѣкогда жили. И во лжи, и въ несообразностяхъ дѣйствій, ребенокъ еще не перестаетъ казаться именно тѣмъ, что онъ есть,

потому что онъ живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ и дѣйствіемъ, слѣдуя законамъ этого міра. Чтобы судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселиться въ его духовный міръ. Тогда, но только тогда, мы и поймемъ глубокой смыслъ словъ Спасителя: „аминь, глаголю вамъ, аще не обратитесь и будете яко дѣти, не увидите въ царство небесное...“ Но мы, мы, взрослые, нарушаемъ безпрестанно гармонию дѣтскаго міра... Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, приобретенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка...

„Кто же теперь виноватъ—спрашиваетъ Н. И. Пироговъ если мы такъ рано замѣчаемъ у нашихъ дѣтей несомнѣнные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоимъ ее“. Съ этой точки зрѣнія Н. И. Пироговъ не могъ не осудить наши „срочныя испытанія“, какъ вещь показную и развивающую фальшь въ дѣтской душѣ. Напротивъ, только искренняя любовь къ правдѣ, согрѣваемая съ раннихъ лѣтъ въ ребенкѣ, непринужденность въ откровенности съ наставниками и сверстниками, служатъ прочнымъ залогомъ твердыхъ убѣжденій.

Вотъ главныя основы истинно человѣческаго воспитанія, которыя могутъ, по мнѣнію Н. И. Пирогова, подготовить человѣка на искреннюю борьбу съ самимъ собою и съ жизнью и безъ которыхъ конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но никогда настоящихъ людей.

Не мудрено, что статьи Н. И. Пирогова, какъ только онѣ появились, поразили всѣхъ—и свѣтлостію взгляда и благороднымъ направлениемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. По словамъ „Современника“, всѣ, читавшіе статьи Н. И. Пирогова, были отъ нихъ въ восторгѣ, всѣ о нихъ говорили, разсуждали, дѣлая свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы.

Но поставивъ, конечной цѣлью воспитанія—приготовленіе человѣка изъ воспитанника, Н. И. Пироговъ не могъ обойти вопроса, какія отрасли знанія и въ какомъ объемѣ должны составлять содержаніе общечеловѣческаго образованія. Въ данномъ случаѣ авторъ является сторонникомъ классической системы школьнаго образованія, успѣхъ которой онъ ставитъ въ прямую зависимость отъ „личности людей, которымъ ввѣрено образованіе“ дѣтей и отъ „глубокаго изученія“ древнихъ языковъ, языка отечественнаго, исторіи и математики.

Не можемъ не вспомнить при этомъ, что въ свое время покойный К. Д. Ушинскій блистательно разъяснилъ нѣсколько недосказанный взглядъ Н. И. Пирогова на границы, раздѣляющія гуманное образованіе отъ реального, границы, которыя почтенный юбиляръ старался установить, связывая съ проведеніемъ въ жизнь той или другой системы школьнаго образованія, вопросъ о будущемъ характерѣ

поколѣній и о складѣ ихъ убѣжденій. Соглашаясь вполнѣ съ Н. И. Пироговымъ, что общее гуманное образованіе должно составлять главную цѣль низшихъ, среднихъ и даже отчасти высшихъ учебныхъ заведеній, что реальное направленіе въ образованіи пагубно для человѣка, если онъ прежде не былъ развитъ гуманно, что оно „сушить, убиваетъ въ человѣкѣ человѣка и что даже для самаго реализма необходимъ гуманизмъ, какъ основаніе“, Ушинскій такъ опредѣляетъ значеніе словъ гуманизмъ и реализмъ:

„Намъ кажется, что подъ именемъ гуманнаго образованія надо разумѣть вообще развитіе духа человѣческаго и не одно формальное развитіе; человѣка же можно развитъ гуманно не только изученіемъ классическихъ языковъ, но гораздо болѣе и прямѣе: религіею, языкомъ народнымъ, географіею, исторіею, изученіемъ природы и новыми литературами. Реализмъ начинается тогда, когда мы ищемъ въ наукѣ не мысли, не пищу духу, развивающей его и укрѣпляющей, не уясненія возрѣвннй человѣка на самаго себя и внѣшній міръ, а именно только тѣхъ знаній, которыя необходимы для той или другой отрасли практической жизни, когда мы смотримъ на науку, какъ на мастерство, а не какъ на созданіе и пищу духа. Реализмъ и гуманизмъ можно найти въ каждой наукѣ и различіе это заключается собственно не въ различіи наукъ, но въ различіи способа ихъ изученія. Можно изъ исторіи сдѣлать реальную науку, можно изъ закона Божія тоже сдѣлать реальную науку,— за примѣромъ ходить не далеко; наоборотъ, можно арпеметкою и химіею развивать гуманность въ человѣкѣ и даже обученіе грамотѣ можно сдѣлать гуманнымъ и реальнымъ. Въ гуманно-образовательномъ вліяніи ученія надобно отличать собственно два вліянія: вліяніе науки и вліяніе самого ученія. Въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ главную цѣль учебной дѣятельности долженъ составлять самъ человѣкъ,—въ университетахъ наука; хотя при первомъ стремленіи мы все же будемъ изучать науку, а при второмъ— все же будемъ гуманизироваться изученіемъ науки.“

Въ чемъ же, спросятъ насъ, выразилось вліяніе Н. И. Пирогова въ должности попечителя учебнаго округа. Вліяніе это было громадно: общество какъ будто пробудилось, оно потеряло вѣру въ извѣстный девизъ прежней системы или вѣрнѣе, полной безурядицы нашего образованія: „слѣпо вѣруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чемъ не разсуждай“; оно ясно сознало, что главною порукою за будущее благосостояніе наше и мало того—главною его основою, должно служить воспитаніе нашихъ дѣтей и даже перевоспитаніе насъ самихъ. Настало наконецъ время, когда сознательное содѣйствіе со стороны общества оказалось болѣе чѣмъ когда нибудь возможнымъ и необходимымъ къ достиженію главной цѣли воспитанія.

Правда, тамъ гдѣ „вино новое“ пришлось вливать въ „мѣхи старыя“, тамъ и Н. И. Пирогову не удалось избѣгнуть компромиса въ примѣненіи своихъ гуманныхъ идей. Всѣмъ безъ сомнѣнія памятна полемика, возникшая по поводу одной изъ статей Н. И. Пирогова въ бытность его попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ“, изданныя имъ 22-го іюля 1859 года и появившіяся въ „Журналѣ для воспитанія“, гдѣ доказывалась не-

избѣжность розги въ настоящихъ условіяхъ воспитанія, вызвала эту полемику, главнымъ образомъ въ той части тогдашней печати, которая особенно была проникнута удивленіемъ къ непреклонности и твердости Н. И. Пирогова въ проведеніи своихъ принциповъ. Правила эти составлены были для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядахъ начальниковъ на проступки гимназистовъ и наказаній. Ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, предоставлялось Н. И. Пирогову необходимымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ и что каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка“. Цѣль вполне педагогическая. Но многія изъ сентенцій „правилъ“ являлись положительной натяжкой, возможность которой въ такой цѣльной личности, какъ Н. И. Пироговъ объясняется лишь необходимостью уступить условіямъ окружавшей его среды, по словицѣ „одинъ въ полѣ не воинъ“. Вотъ та „фатальная“ страница „правилъ“, которая послужила яблокомъ раздора между „Современникомъ“, въ лицѣ покойнаго Добролюбова, горячаго почитателя Н. И. Пирогова съ одной стороны, и тѣми, кто, опираясь на авторитетъ высокой личности Н. И. Пирогова, выступилъ съ неподдѣльной искренностью на защиту розги.

„Опытомъ дознано, говорится въ „Правилахъ“, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для не многихъ, исключительныхъ случаевъ строгія тѣлесныя наказанія. Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унижительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно исправительное дѣйствіе. Поэтому гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеаль справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самого проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приведемъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ вѣковомъ свободѣ сознанія робкимъ страхомъ съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ не надежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унижительно-

нымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что нибудь другое для наказанія (покрайней мѣрѣ въ началѣ) въ случаяхъ не теряющихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило, употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстрого, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію.“

Такое противорѣчіе отдѣльныхъ положеній приведенной выписки съ общей глубоко продуманной и гуманной цѣлью „Правилъ“, положеній, принятыхъ Н. И. Пироговымъ въ видѣ уступки мнѣнію Учебнаго Комитета, въ составѣ котораго находились, между прочимъ, профессора Шульгинъ и Гогоцкій, ясно показываетъ, что „подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности“. „Посмотрите, писалъ тогда Добролюбовъ съ сердечною болью, вотъ одна изъ лучшихъ личностей, личность Н. И. Пирогова, а между тѣмъ съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ“... Дѣйствительно, тамъ, гдѣ „душой воспитанія и первой добродѣтелью гражданина“ почиталась „покорность“, тамъ все еще продолжали цвѣсти пышнымъ цвѣтомъ формализмъ, чиновничество и букваѣдство, противъ которыхъ съ такой силой впервые раздался голосъ Н. И. Пирогова.

Но все это только служитъ доказательствомъ, что никакіе уставы, никакія реформы, никакіе штаты, не сдѣлаютъ ничего, говоря словами Ушинскаго, въ такой практической и вмѣстѣ духовной отрасли, каково образованіе народа, если люди, подобныя Н. И. Пирогову, не внесутъ въ эту область всей животворной силы своего могучаго и до глубины искренняго духа. Самый гениальный уставъ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человекъ...

„Читая Пирогова, говоритъ Добролюбовъ, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ, со всѣми нашими такъ называемыми успѣхами, выдержать легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣтъ на насъ все, написанное имъ, и читая его, мы убѣждаемся, что истинно надежнымъ и всегда полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виланій, ни одного двусмысленнаго движенія“.

Если Н. И. Пироговъ говоритъ намъ о нравственной силѣ духа, если онъ указываетъ намъ необходимость нравственнаго самовоспитанія, какъ единственнаго средства дѣйствовать благотворно на воспитаніе другихъ, то эти слова не однѣ громкія фразы, а дѣла, или укоряющія насъ въ бездѣйствіи, или призывающія насъ къ спасительной дѣятельности. Въ подтвержденіе этихъ словъ не можемъ не привести прощальную рѣчь, обращенную Н. И. Пироговымъ къ студентамъ Киевскаго университета, при оставленіи имъ Кіева. Въ ней обрисовывается и могучая личность Н. И. Пирогова и его взгляды на университетъ и его отношенія къ учащейся молодежи.

„Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда и ее извнѣяютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее вѣжется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокиихъ и благородныхъ, не могъ не открыть въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помни и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважая ихъ въ себѣ, я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ тоже самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу, ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтятся много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ.

Я зналъ, что не многіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣннн и въ гоньбѣ за популярность; но

все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло отклонить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣрїи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрять въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣже убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣрїи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовала прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ приобретаъ ея полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти, не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о вѣншности, а о чувствѣ долга, которое признавала въ молодости такъ же, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочать нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самостоятельность и любовь къ наукѣ, которая въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ свою жизнь мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами, прежде чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣренъ своимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ по моей волѣ, несчастнымъ.

И такъ, прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ и живите такъ, чтобы состарѣвшіеся могли безусловно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.“

Въ вышеприведенной рѣчи, повторяемъ, обрисовалась вполне личность Н. И. Пирогова. Въ ней видны и ясно сознанныя цѣль въ дѣятельности Н. И. Пирогова, и не менѣе ясно сознанный планъ для ея исполненія, твердая увѣренность въ вѣрности этого плана, глубокое убѣжденіе въ личности человѣческой, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, умѣнье и словомъ и дѣломъ внушить всякому къ себѣ довѣріе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительная чистота и безукоризненность своихъ намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти качества весьма рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Но за то человѣкъ, въ которомъ они соеди-

нятся, производить чудеса... Во время войны подобныя лица замѣняютъ арміи; въ мирное время каждый изъ нихъ, разумѣется, въ своемъ дѣлѣ, замѣняетъ цѣлыя управленія. Такимъ-то является и Н. И. Пироговъ въ кратковременный періодъ своей педагогической дѣятельности. Вотъ почему оставленіе такой личностью общественнаго или государственнаго поста должно вызывать въ каждомъ, любящемъ свое отечество, глубокое прискорбіе, соединенное съ неподдѣльнымъ уваженіемъ къ ея полезной дѣятельности, какъ это сказалося въ проводахъ Н. И. Пирогову, которому, при отъѣздѣ его изъ Кіева, выразилъ глубокое сочувствіе не только цѣлый край съ разнохарактернымъ населеніемъ, съ разнообразными тенденціями, но и Одесса, Харьковъ, Москва, Петербургъ, Гельсингфорсъ, Казань.

Въ чемъ же заключается заслуга Н. И. Пирогова? пусть лучше отвѣтятъ за насъ тѣ, которые подвергали особенно строгой критикѣ литературно-педагогическую дѣятельность Н. И. Пирогова. „Заслуга его, говорилось въ „Современникѣ“ по поводу оставленія Н. И. Пироговымъ должности попечителя въ Кіевѣ, въ томъ и состоитъ, что онъ къ предмету воспитанія, на который у насъ смотрятъ обыкновенно равнодушно, нерѣдко съ пренебреженіемъ, успѣлъ пробудить общее вниманіе, умѣлъ сдѣлать его для всѣхъ предметомъ первостепенной важности, умѣлъ уяснить его истинное значеніе и для воспитывающагося юношества и общества“. Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, чудодѣйственнымъ жезломъ пробилъ онъ обычную, не уступающую, повидимому, камени, апатію нашего общества, которую зачастую ничѣмъ нельзя прошибить въ дѣлахъ его живѣйшаго частнаго интереса? Единственно, скажемъ мы въ заключеніе, влияніемъ своей могучей личности. Каждый, смотря на этотъ образъ, не можетъ не почувствовать въ себѣ силы къ общей работѣ для достиженія одной и той же цѣли, каждый пойметъ, что не въ мертвой буквѣ спасеніе, а въ живомъ словѣ, въ живомъ дѣлѣ...

Ө. Булгаковъ.

УСПѢХИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ ВЪ РОССІИ.

(1855—1880 г.).

ОГДА въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія основывалось Императорское Русское Географическое Общество, то учредителямъ его, конечно, не мечталось, чтобы въ короткое время дѣятельность его развилась такъ быстро и была такъ плодотворна для изученія Россіи и сопредѣльныхъ странъ, какъ это оказалось въ настоящее время. На дружескомъ обѣдѣ, устроенномъ въ 1845 г. почитателями академика Миддендорфа, только что возвратившагося изъ своего Сибирскаго путешествія, присутствующимъ впервые пришла мысль о необходимости основать такое общество, которое посвятило бы свою дѣятельность на изученіе почвы и населенія нашего обширнаго отечества. Главными дѣятелями, какъ по основанію Общества, такъ и по направленію его работъ въ первое время его существованія, явились лица, успѣвшія уже занять почетное мѣсто въ наукѣ и литературѣ: академикъ Бэръ и адмиралы Литке и Врангель были первыми учредителями Географическаго Общества; но скоро къ нимъ присоединились академики Струве, Гельмерсенъ и Кешпепъ, В. И. Даль, К. И. Арсеньевъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, адмиралы Крузенштернъ и Рикордъ и нѣкоторые другія лица. Въ началѣ мая 1845 года была составлена и представлена министру внутреннихъ дѣлъ подробная записка о предположенномъ къ основанію ученомъ Обществѣ, которое по мысли учредителей должно было—собирать и распространять какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной, возможно полныя и достовѣрныя свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ: 1) въ отношеніи географическомъ, разумѣя подъ этимъ все, что принадлежитъ до землеописанія, мѣстности, физическихъ свойствъ страны, произведеній природы и пр.; 2) въ отношеніи статистическомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одинъ только подборъ бездушныхъ чиселъ, не одну количественную

статистику, но и описательную или качественную, т. е. всѣ соизмѣримыя стихіи общественной жизни, и 3) въ отношеніи этнографическомъ, т. е. познаніе разныхъ племенъ, обитающихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковѣднія, какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прежнемъ состояніи народовъ. 6 августа того же года послѣдовало высочайшее утвержденіе положенія комитета министровъ объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества и о дарованіи ему по 10 т. рублей ежегоднаго пособія изъ государственнаго казначейства, а съ тѣмъ вмѣстѣ началась и плодотворная дѣятельность Общества, которому развитіе географическихъ знаній въ Россіи столькимъ обязано. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не одно лишь Общество работало на этомъ поприщѣ и многое было сдѣлано частными лицами, но все же слѣдуетъ замѣтить, что всѣ сколько нибудь интересныя и важныя экспедиціи предпринимались или по непосредственной инициативѣ или же при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи Общества, которое одно располагало необходимыми для такихъ начинаній средствами и всегда могло привлекать къ своему дѣлу лучшія силы. Всякій, занимающійся въ провинціи изученіемъ Россіи, спѣшилъ подѣлиться своими изслѣдованіями съ Обществомъ и считалъ для себя какъ бы за особую честь, если труды его обращали на себя вниманіе этого ученаго учрежденія; цѣли Общества вызвали сочувственное отношеніе къ нимъ просвѣщенныхъ и богатыхъ людей, которые охотно ввѣряли ему значительныя суммы, жертвуемыя на произведеніе той или другой научной работы.

Если слѣдить за трудами Географическаго Общества изъ года въ годъ, то, конечно, успѣхи, сдѣланные имъ и его членами по отношенію къ Россіи и сопредѣльнымъ съ нею странамъ, не выдвинулись во всей своей грандіозности; но если, напротивъ того, мы припомнимъ то положеніе, въ которомъ находились наши географическія познанія вскорѣ послѣ учрежденія Общества и сравнимъ его съ настоящимъ развитіемъ науки, то разница будетъ весьма рѣзка и вся благотворная дѣятельность Общества выяснится во всей своей полнотѣ. Стоитъ лишь бросить взглядъ на прошлую, сравнительно низкую ступень развитія географической науки въ Россіи хотя бы до 50-хъ годовъ и подвести итоги ея развитія къ 1880 году, чтобы тотчасъ же увидѣть, что въ послѣднюю четверть вѣка мы сдѣлали рѣшительно гигантскій шагъ впередъ и что изумленіе, возбужденное на международной выставкѣ географическихъ знаній въ Парижѣ, въ 1875 году, было весьма естественно и не заключало въ себѣ ничего преувеличеннаго.

Не говоря уже о нашихъ окраинахъ, даже о самой Россіи и людяхъ, ее населяющихъ, знали очень мало, да и то, что знали было крайне смутно и отнюдь не отличалось научною точностью; извѣстно было, напримѣръ, что есть на Руси кареляки, есть чуваша, есть ногаи, но что это за народы, какъ сложился ихъ семейный и общественный бытъ, какъ они живутъ и до чего они въ своемъ развитіи додумались,—

было совершенно неизвѣстно, а главное ни разу къ изученію всего этого не былъ приложенъ истинно научный методъ, требуемый современнымъ положеніемъ науки; даже и самъ русскій народъ, живущій въ предѣлахъ Европейской Россіи, далеко не былъ изученъ и являлся какимъ то знакомымъ незнакомцемъ, который извѣстенъ былъ лишь по паспортнымъ своимъ примѣтамъ, по которымъ однако до сихъ поръ еще никого не удавалось никогда признать и извѣдать. Вся Архангельская губернія наносилась на карты полная вопросовъ и недоумѣній съ огромными картографическими ошибками, провѣрить которыя удалось лишь въ самое послѣднее время; берегъ Новой Земли обозначался пунктиромъ и вся европейская даже часть Сѣвернаго Ледовита Океана представляла отнюдь не менѣ тайнъ, нежели представляютъ въ наше время наиболѣе центральныя части африканскаго материка; Печора, Мезень и даже верхнее теченіе Онеги, не говоря о Сѣверномъ Выгѣ и Кеми, являлись какими то чуть не сказочными рѣками. Сибирская или азиатская часть океана была еще менѣ обследована, не смотря на цѣлый рядъ правительственныхъ и въ особенности частныхъ экспедицій, которыя въ большей части случаевъ оканчивались обыкновенно ничѣмъ, такъ какъ средства, находившіяся въ рукахъ смѣлыхъ изслѣдователей, оказывались слишкомъ ничтожными въ борьбѣ съ не благопріятными условіями мѣстности. Благопріятныхъ трактатовъ съ сосѣдними, сильными, азиатскими государствами еще не существовало и всѣ экспедиціи имѣли лишь чисто случайный, отрывочный характеръ, завися главнымъ образомъ отъ того, до какихъ предѣловъ доходила любезность пограничныхъ властей; вслѣдствіе этого, вся наша береговая и сухопутная граница съ Азіей оставалась въ полномъ смыслѣ слова „землею неизвѣданною“, куда подъ страхомъ плѣна и быть можетъ даже смерти не могъ проникнуть не только ни одинъ русскій, но даже и иностранный путешественникъ. Громадное пространство береговой линіи, омываемой разными частями Тихаго океана, было тоже лишь поверхностно изслѣдовано и наносилось на карту не на основаніи точныхъ, добытыхъ научнымъ путемъ данныхъ, а на основаніи нѣсколькихъ описаній береговъ, составленныхъ частью иностранцами, частью же нашими русскими мореплавателями, которые преслѣдовали совершенно инныя цѣли, подобно Берингу, и потому не могли посвящать много времени на это, конечно, интересное, но вовсе не входившее въ ихъ планы дѣло; нельзя было изслѣдовать эти моря и потому, что отношенія наши къ Японіи были совершенно неопредѣленны, и, хотя оба государства и не считались враждебными, тѣмъ не менѣ судамъ нашимъ строго воспрещалось плавать въ японскихъ водахъ и тѣмъ болѣе входить въ какой бы то ни было японскій портъ; только лишь прикрываясь необходимостью доставить на родину нѣсколькихъ японцевъ, выброшенныхъ гдѣ нибудь на нашъ берегъ приключившеюся кстаті бурей, могли нѣкоторые изъ нашихъ моряковъ добиться разрѣшенія посѣтить

ту или другую японскую гавань, да и то всегда находились подъ неуклоннымъ присмотромъ мѣстныхъ чиновниковъ и, при всемъ желаніи дѣлать что нибудь для науки, не могли рѣшительно добиться никакихъ результатовъ. Сахалинъ, а также и Японское море съ Татарскимъ проливомъ, оставались также не изслѣдованными; крупная географическая ошибка, вслѣдствіе которой огромный островъ признавался лишь полуостровомъ, изъ года въ годъ повторялась въ наукѣ и ни одному судну не удавалось доказать всю ошибочность такого предположенія, изслѣдовавъ проливъ, отдѣляющій его отъ материка Азіи; но для этого надо было не одно лишь попустительство со стороны Японіи, а приходилось обезпечить себя и со стороны материка отъ китайскоподданнаго населенія, о которомъ мы не имѣли еще никакого понятія. Отношенія наши къ Китаю были тоже самыя странныя и не особенно могли поощрить изслѣдователей къ тому, чтобы отправиться въ эту страну, полную чудесъ, на свой собственный рискъ; тѣмъ не менѣ тайкомъ, урывками, поминутно опасаясь встрѣчи съ пограничными китайскими властями, нѣкоторые изъ нашихъ смѣлыхъ изслѣдователей начинали уже проникать въ бассейнъ Амура, главнымъ образомъ движимые исканіемъ лучшихъ мѣстъ и болѣе прибыльныхъ промысловъ; ясно, что всѣ эти смѣльчаки вовсе не обладали тою научною подготовкою, которая требуется въ настоящее время отъ лица, отправляющагося въ ученую экспедицію, а если и находились иногда таковыя, то условія ихъ экспедицій были до такой степени тяжелы, что рѣшительно не представлялось никакой возможности производить научныя изслѣдованія. Чуть не великая стѣна, но въ этомъ случаѣ уже дѣйствительно непроницаемая для европейцевъ и тѣмъ болѣе для русскихъ, пролегла по всей нашей южно-сибирской границѣ, начиная отъ точки слиянія рѣки Шилки и Аргуни, вплоть до озера Зайсана, и единственными воротами, въ которыя дозволено было условно проникать русскимъ, представлялась Кяхта; но и здѣсь далеко не былъ предоставленъ широкой просторъ научной любознательности, такъ какъ въ силу разныхъ трактатовъ входъ въ предѣлы Небесной имперіи дозволялся лишь однимъ чисто торговымъ караванамъ и только случайно, подъ опасеніемъ быть узаннымъ, могъ отправиться подъ видомъ торговца человекъ, способный сдѣлать что либо для науки. Даже и въ этихъ предѣлахъ, опасаясь разспросовъ, китайское правительство старалось всячески отбить охоту у „бѣлыхъ варваровъ“ вторгаться во владѣнія сына неба и постоянно снабжало пограничныя власти подходящими инструкціями; съ своей стороны и чиновники проникались воззрѣніями высшаго правительства и дѣлали все, что могли, для того, чтобы отдалить русскихъ отъ торговли съ Китаемъ; караванамъ давали особыхъ проводниковъ, которымъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность вести ихъ по безводнымъ степямъ черезъ знаменитые Аргелинскіе пески, гдѣ дорогу найти было не трудно, такъ какъ направленіе ея ясно обозначалось валявшимися

по сторонамъ островами вьючныхъ животныхъ. Почти на такой же ступени стояли и познанія наши о Средней Азiи; которая представлялась вообще какъ то смутно и извѣстна была лишь по стариннымъ путешествiямъ, да по разсказамъ русскихъ посланцевъ, плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Далѣе рѣкъ Или и Сыръ-Дарьи наши войска не проникали, а съ тѣмъ вмѣстѣ не являлось и желающихъ предпринимать на свой страхъ и рискъ научную экспедицію въ непокоренныя еще мѣстности; неудачная экспедиція Перовскаго показала, что нельзя относиться свысока къ туземцамъ Средней Азiи, а потому охотниковъ перешагнуть черезъ Сыръ-Дарью и не находилось до той поры, когда Россiя успѣла стать твердой ногою въ Киргизской степи. Еще далѣе на юго-западъ, между Аральскимъ и Каспiйскимъ морями простиралась огромная, тоже неизвѣданная еще территория, которая вселяла ужасъ во всякаго, кто интересовался изученiемъ этихъ мѣстъ; вслѣдствiе этого и благодаря относительной слабости нашей Каспiйской флотилiи, весь восточный берегъ Каспiя обозначался пунктиромъ, а если иногда и вырисовывался, то отнюдь не точно. Вѣковая и страшная война все еще продолжалась на Кавказѣ и, если въ центрѣ Кавказа успѣло уже укорениться русское управленiе, то центральная и сѣверныя части страны находились еще во власти разныхъ горскихъ племенъ, пробраться къ которымъ было отнюдь не легче, а пожалуй и по опаснѣе, нежели проникнуть въ нѣдра Китая.

Еще въ царствованiе императора Николая I отправлена была въ Тихiй Океанъ эскадра и командующему ею графу Путятину высказано было самимъ императоромъ желанiе получить какъ можно больше научныхъ данныхъ; цѣлыхъ три года, среди всевозможныхъ лишенiй, съ неутомимою энергiею работали русскiе моряки и плодомъ этихъ трудовъ было открытiе для науки почти всей береговой линiи восточной нашей границы и составленiе перваго описанiя сѣверной части Кореи, которой, повидимому, суждено со временемъ играть значительную роль на крайнемъ востокѣ Азiи. Настала наконецъ пора, когда японское правительство поняло, что ему не слѣдуетъ болѣе чуждаться сношенiй съ европейцами и въ особенности съ ближайшими своими сосѣдями и открыло свободный доступъ въ свою страну русскимъ. На счастье изслѣдователи наши взяли за дѣло съ необыкновенною энергiею и уже въ 1858 году появился обширнѣйшiй японско-русскiй словарь Гошкевича, представляющiй собою трудъ европейской важности, а черезъ 20 лѣтъ послѣ заключенiя Симодскаго трактата членъ Географическаго Общества Воейковъ также спокойно путешествовалъ по всѣмъ укромнымъ уголкамъ этой когда то запретной страны, какъ будто бы онъ странствовалъ не по Японiи, а гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Парижа; совершенно спокойно, въ полной безопасности и безъ всякихъ помѣхъ, онъ производилъ цѣлый рядъ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденiй, которыя не всегда сходятъ съ рукъ даже и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ великорус-

скихъ губерній и первый изъ русскихъ обратилъ вниманіе на изученіе быта остатковъ первобытнаго, айнского населенія страны; цѣлая масса волекцій является плодомъ пребыванія Воейкова въ Японіи. Наконецъ еще недавно все русское общество было заинтересовано рукоположеніемъ епископа Японскаго, такъ какъ число перешедшихъ въ православіе японцевъ возрасло до 5,000 душъ и стала ощущаться необходимость имѣть особаго епископа, который могъ бы въ свою очередь рукополагать священниковъ изъ крестившихся туземцевъ. Разъ открылась для насъ возможность проникать въ Японію, облегчилось тѣмъ самымъ и дѣло описи нашихъ береговъ, хотя опись эта и обставлена все еще очень плохо за неимѣніемъ въ нашей тихоокеанской эскадрѣ сколько нибудь сносныхъ судовъ; пользуясь транспор-тами и даже иногда простыми баркасами, дополна нугруженными кулями съ провіантомъ для войскъ и командъ, поминутно опасаясь за свою жизнь на разваливающихся отъ старости скорлупахъ, и даже иногда принужденные, помимо своей воли, принимать участіе въ чисто военныхъ экспедиціяхъ, тѣмъ не менѣ Старицкій и Большевъ работаютъ безъ устали и достигаютъ наконецъ того, что Охотское и Японское море становятся также извѣстными, какъ извѣстно Бѣлое море.

Обращаясь къ Сѣверному Ледовитому Океану, мы и тутъ замѣчаемъ совершенно лихорадочную дѣятельность. Прежде всего взоры Географическаго Общества обратились на Сѣверный Уралъ или лучше сказать на то обширное пространство, которое находится на рубежѣ Европы и Азіи, между рѣками Печорою и Обью. Экспедиція, посланная сюда, должна была, согласно заранѣ составленной программѣ, собрать матеріалы для составленія подробной карты хребта и производить на всемъ пути ботаническія, зоологическія и геологическія изслѣдованія. Не смотря на встрѣченныя ею препятствія со стороны самой пустынности страны, скудости перевозочныхъ средствъ, надежда оленей и т. п. экспедиція все же съ честью окончила свою задачу и вмѣстѣ съ тѣмъ открыла и опредѣлила со стороны приморской тундры сѣверную оконечность Урала, названную въ честь августѣйшаго предсѣдателя общества Константиновымъ Камнемъ, а также и отдѣльный, независимый отъ Урала хребетъ Пай-Хой, пересекающій тундру въ сѣверо-западномъ направленіи до острова Вайгача включительно. Цѣлыхъ десять лѣтъ разрабатывались добытые экспедиціею матеріалы и вышли наконецъ въ 1856 году въ свѣтъ подъ общою редакціею Гофмана. Въ началѣ 1860 годовъ Сидоровъ, извѣстный предпримчивостью и настойчивостью, съ которыми онъ преслѣдовалъ смѣлныя планы проложенія постоянныхъ путей къ устьямъ Печоры и Оби, пожертвовалъ особую сумму на составленіе и изданіе полного описанія Новой Земли въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ, на основаніи всѣхъ имѣющихся въ русской географической литературѣ разбросанныхъ

свѣдѣній. Изданіе это, подъ редакцію Свенске и подъ личнымъ наблюденіемъ графа Литке, описавшаго и снявшаго на карту побережья Новой Земли, было выпущено въ 1866 г. въ свѣтъ и тотчасъ же было переведено на нѣмецкій языкъ. Цѣлый рядъ особыхъ обстоятельствъ способствуетъ тому, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе крайній сѣверъ Европейской Россіи и преимущественно наше поморье обратили на себя вниманіе русскихъ географовъ и даже частныхъ лицъ, которые частью изъ желанія успѣха наукъ, а частью изъ стремленія эксплуатировать мѣстныя богатства края, не жалѣютъ ни средствъ, ни времени, ни труда, для того, чтобы изслѣдовать эти далекія, но богатыя страны. „Съ одной стороны“, говоритъ г. Семеновъ въ своемъ юбилейномъ отчетѣ по Географическому Обществу, — „настойчивость, съ которою европейскіе географы и мореплаватели, послѣ гибели знаменитаго Франклина, преслѣдовали изслѣдованіе полярныхъ морей, необходимо должно было найти живой отголосокъ въ государствѣ, которому принадлежатъ двѣ трети побережья Сѣвернаго Океана, и если русскій человекъ не исключительно стремится къ достиженію той загадочной, собственно идеальной точки, которую называютъ Сѣвернымъ полюсомъ земнаго шара, то онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ точнымъ изслѣдованіямъ физической географіи тѣхъ морей, которые, омывая непосредственно берега принадлежащаго ему материка, служатъ исходною точкою климатическихъ вліяній, отражающихся непосредственно на экономической жизни цѣлаго государства“. И это, и прямая и непосредственная необходимость пропитанія для нашего сѣвернаго жителя, неминуемо влекли ученыхъ къ изслѣдованію сѣвера. Неутомимая энергія семьи Латкиныхъ и Сидорова пробуетъ сначала призвать къ жизни Печорскій край, который въ скоромъ времени дѣлается извѣстнымъ Европѣ своимъ безподобнымъ листовничнымъ лѣсомъ и доманикомъ; иностранныя суда заходятъ въ устья Печоры также свободно, какъ заходятъ они въ Кронштадтъ, въ тѣ самыя устья Печоры, которыя до пятидесятихъ годовъ представлялись какими то адовыми челюстями, готовыми поглотить всякаго смѣльчака, рискующаго бросить въ нихъ якорь, и вывезать въ Западную Европу корабельный лѣсъ, признаваемый британскимъ адмиралтействомъ гораздо лучше и дешевле гондурасскаго, а Сидоровскій доманикъ изслѣдуется въ Парижѣ и опять таки признается наилучшимъ матеріаломъ для добыванія газа, въ виду того, что добываніе его изъ древесины начинаетъ обходиться слишкомъ дорого. Къ сожалѣнію однако Сидорову все еще не удается возбудить въ русскомъ обществѣ желательное для него отношеніе къ заброшенному краю, изобилующему желѣзомъ, бруснянымъ камнемъ, превосходною рыбою, дичью и звѣремъ, а средства одного частнаго лица оказываются недостаточными для того, чтобы эксплуатировать какъ должно богатства этой нетронутой еще области и доставить жителямъ ея то благосостояніе, котораго они достойны. Тотъ же Сидоровъ печется и во-

обще о нашемъ сѣверѣ; по его иниціативѣ снаряжаются экспедиціи Виггенса и другихъ, къ сожалѣнію все иностранныхъ мореплавателей, къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея, доказывается возможность сношеній съ этими рѣками морскимъ путемъ и на европейскихъ рынкахъ появляется Сидоровскій, енисейскій графитъ. Новая Земля не только перестаетъ быть неизвѣданною страной, но съ году на годъ все чаще и чаще посѣщается нашими судами, является возможность изучать вопросъ о скопленіи льдовъ и свободномъ морѣ и русскій офицеръ устраиваетъ на прежде необитаемомъ островѣ первое постоянное поселеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ семей самоѣдовъ, болѣе всѣхъ остальныхъ народовъ приспособившихся къ перенесенію долгой и лютой сѣверной зимы. Вся европейская часть Ледовитаго Океана дѣлается дѣйствительно европейскимъ моремъ, такъ какъ постоянно посѣщается европейскими судами, которые перестаютъ вѣрить въ его непроходимость; поднимается наконецъ вопросъ объ устройствѣ метеорологической станціи на Новой Землѣ и спасательной станціи, необходимость которой сознается послѣ спасенія австрійской полярной экспедиціи нашими промышленниками. Пароходы бѣломорской компаніи дѣлаютъ постоянные рейсы по Мурману и ощущается необходимость приступить къ правильной колонизаціи этой береговой полосы съ одной стороны, а съ другой—всячески поддержать кораблестроеніе и мореходство на сѣверѣ. Прибрежное населеніе подвергается тщательнымъ изслѣдованіямъ путешественниковъ; Кельсиевъ и Немировичъ-Данченко знакомятъ насъ съ лошарями и ихъ бытомъ, причемъ первый относится къ предмету съ чисто научной точки зрѣнія, а второй излагаетъ свои наблюденія въ формѣ беллетристической; Зографъ изслѣдуетъ самоѣдовъ и находитъ слѣды каменнаго вѣка на Канинскомъ полуостровѣ, гдѣ ему удастся напасть на извѣстную Золотицкую фабрику каменныхъ орудій; въ антропологическомъ отношеніи оба эти народа изучаются такъ, что имъ могутъ смѣло позавидовать русскіе и наши центральные приволжскіе инородцы, а геологическія, ботаническія и зоологическія экспедиціи членовъ С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей довершаютъ дѣло изученія нашей сѣверной окраины, которая, какъ и слѣдовало ожидать, и до сей минуты не перестаетъ привлекать къ себѣ наши лучшія ученныя силы. Трудями Рыбникова, Кирѣевского и Гильфердинга открывается громадная сокровищница русской народной эпической поэзіи, проливающая совершенно новый свѣтъ на древне-русскій бытъ и народныя отношенія въ стародавнюю эпоху; появляется значительная литература этого предмета, которая обращаетъ на себя вниманіе запада и наши сѣверныя былины начинаютъ тщательно изучаться европейскими учеными. вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о недавнемъ лишь заселеніи нашего сѣвера, благодаря изысканіямъ Полякова, рушится самъ собою, такъ какъ этотъ юный ученый находитъ несомнѣнные остатки чело-вѣка каменнаго періода на сѣверѣ, хотя и не попадаетъ на чело-вѣ-

ческія кости. Проходитъ еще нѣсколько лѣтъ и настойчивый и энергичный шведскій ученый, опять-таки не безъ содѣйствія Географическаго Общества, сначала окончательно доказываетъ возможность постоянныхъ морскихъ сношеній съ Обью и Енисеемъ, а затѣмъ въ прошломъ году доходить до устьевъ Лены и послѣ зимовки, которой однако могло бы и не случиться, если бы ему не приходилось поневолѣ тратить много времени на береговья и морскія наблюденія, проникаетъ черезъ Беринговъ проливъ, и черезъ Суэцкій каналъ возвращается въ свое отечество. Само правительство, въ виду важности географическихъ успѣховъ, достигнутыхъ въ послѣднее время, рѣшается устроить въ устьяхъ Лены постоянную метеорологическую станцію, ассигнуетъ значительную субсидію для экспедиціи, снаряжаемой въ устья Оби, и помышляетъ объ устройствѣ таможенъ на Оби и на Енисеѣ; наконецъ зарождается мысль о прорытіи морскаго канала между Обью и Байдаратскою губою для прорѣзанія полуострова Ялмала и мысль эта скоро должна осуществиться, такъ какъ все уже готово для снаряженія въ этомъ направленіи особой специальной экспедиціи.

Къ Японіи прилегаетъ островъ Сахалинъ, окончательно уступленный Россіи въ теченіи этого же двадцатипятилѣтія; каменноугольныя богатства этого острова повели за собою подробное изученіе его геологическаго строенія и его ископаемой флоры, которая, въ свою очередь, дала драгоцѣнныя и въ высшей степени любопытныя указанія относительно прежней связи, существовавшей между азіатскимъ и американскимъ материками; по изслѣдованіи, дѣйствительно оказалось, что третичная флора Сахалина почти тождественна съ флорою, существовавшею въ томъ же геологическомъ періодѣ на полуостровѣ Аляскѣ. Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ южной части Сахалина и безъ того уже крайне разнообразный этнографическій составъ населенія русскаго государства, обогатился новымъ интереснымъ, по своей островной изолированности, племенемъ айновъ, котораго языкъ, нравы и обычаи были подвергнуты всестороннему изученію Анучинымъ и другими. Берега Сахалина, въ ихъ главныхъ очертаніяхъ, были уже довольно хорошо извѣстны на основаніи описи мореплавателей конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій, но изученіе физическихъ условій морей, омывающихъ этотъ островъ, почти всецѣло принадлежитъ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ; въ этомъ отношеніи особенно много было сдѣлано академикомъ Шренкомъ, котораго образцовыя изслѣдованія о фаунѣ, о морскихъ теченіяхъ и о температурѣ этихъ морей, представляютъ весьма важный вкладъ въ физическую географію тихоокеанскаго бассейна. Къ сожалѣнію, обстоятельства заставили правительство избрать островъ Сахалинъ ссыльнокааторжнымъ мѣстомъ; въ силу этого, разработка каменноугольныхъ копей производится на островѣ не рациональнымъ путемъ, а подневольнымъ трудомъ, который, конечно не можетъ оказывать блестящіе результаты; но и при этихъ

неблагопріятныхъ обстоятельствахъ Сахалинъ все болѣе и болѣе населяется и въ особенности въ послѣднее время сталъ развиваться, когда учредились туда почти постоянные рейсы судовъ нашего добровольнаго флота. Не мало потрудились для изслѣдованія Сахалина Буссе и Августиновичъ.

Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ долго останавливаться на выходящихъ изъ ряда вонъ географическихъ подвигахъ, совершенныхъ нашими изслѣдователями въ глубинахъ азіатскаго материка, но тѣмъ не менѣе мы все же постараемся напомнить здѣсь нашимъ читателямъ хотя бы о наиболѣе важныхъ изъ нихъ. Конечно, первое и самое почетное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ неутомимому и смѣлому Пржевальскому, успѣвшему совершить три трудныя, сопряженныя съ громадными лишениями, поѣздки, изъ которыхъ одна имѣла цѣлю Уссурійскій край, а двѣ остальные направлены были къ почти баснословнымъ до того времени великимъ бассейнамъ внутренней Азіи: Кукэнору и Лобнору. Богатства Уссурійскаго края давно уже, чуть не съ первыхъ же дней присоединенія его къ Россіи, сдѣлались извѣстными русскому народу и стали привлекать сюда колонистовъ изъ нашихъ европейскихъ губерній; къ сожалѣнію ни правительство, ни въ особенности мѣстная администрація, не сумѣли обставить дѣло такъ, чтобы поддержать это несомнѣнно благое дѣло и дать ему правильную организацію; Пржевальскій изслѣдовалъ этотъ вопросъ, побывалъ чуть не во всѣхъ русскихъ поселеніяхъ, извѣдалъ нужды колонистовъ, собралъ массы естественно-научныхъ матеріаловъ, но конечно ничего не могъ сдѣлать для благосостоянія заброшеннаго края. Еще важнѣе поѣздка Пржевальскаго въ центральныя части Китая; преодолевъ цѣлую массу трудностей, сопряженныхъ съ путешествіемъ то по безводнымъ степямъ, то по высокимъ плоскимъ возвышенностямъ, подвергающимся всѣмъ крайностямъ континентальнаго климата, нашъ путешественникъ прошелъ Алашанъ и Цайдамъ, провѣрилъ свѣдѣнія іезуитовъ Гука и Габе, наблюдалъ на Кукэ-норъ весенній перелетъ птицъ, снялъ на карту 11,000 верстъ своего маршрута, изучилъ бытъ монголовъ, съ которыми находился всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и вообще, слѣдуетъ замѣтить, что ему обязана Россія изслѣдованіемъ физическихъ условій, топографіи и орографіи, фауны и флоры этихъ негостеприимныхъ странъ, простирающихся отъ Великой Стѣны до самаго Кашгара. Пржевальскій во очію могъ убѣдиться въ существованіи дикихъ верблюдовъ, о которыхъ говорили многіе путешественники, а также и познакомилъ ученый міръ съ яками, этими буйволами Стараго Свѣта; собранныя имъ громадныя коллекціи обогатили нѣсколько музеевъ и доставили ему уваженіе всей Европы. Не довольствуясь однако результатами первой своей поѣздки, изъ которой онъ принужденъ былъ за недостаткомъ средствъ вернуться почти съ верховьевъ Желтой Рѣки, Пржевальскій скоро снова отправился въ

новую экспедицію, снабженный уже значительными средствами и хорошим конвоем; на этотъ разъ неутомимый путешественникъ рѣшился проникнуть вплоть до Тибета со стороны нашихъ среднеазиатскихъ владѣній; все шло хорошо, результаты этой новой экспедиціи были еще богаче, такъ какъ мѣста, по которымъ проходила экспедиція, были совершенно еще не извѣстны въ наукѣ; проведя іюль 1879 года въ горахъ Нань-Шань, онъ двинулся черезъ знакомый ему уже Цайдамъ въ Тибетъ; монголь-проводникъ умышленно завелъ Пржевальскаго близъ Голубой рѣки въ труднопроходимую гористую мѣстность, за что и былъ прогнанъ. Пришлось идти впередъ однимъ, разыскивая постоянно дальнѣйшій путь то при помощи буссоли, то при посредствѣ разспросовъ. На перевалѣ черезъ хребетъ Танла, возвышающійся на 16,800 ф. надъ поверхностью моря, впервые пришлось нашему миролюбивому путешественнику употребить въ дѣло огнестрѣльное оружіе, которое до сихъ поръ служило ему только для умиловительныхъ подарковъ и для охоты; тутъ на караванъ напало племя еграевъ, принадлежащее къ семьѣ тангутовъ, но скорострѣльные берданки, которыми вооружены были путники, скоро выручили ихъ изъ бѣды, такъ какъ четверо изъ разбойниковъ были убиты, нѣсколько человѣкъ ранено, а остальные обратились въ бѣгство; но не суждено было нашему смѣлому ученому достигнуть цѣли своихъ давнишнихъ желаній, города Хлассы, такъ какъ у южной подошвы Танлы, близъ деревни Нанчу тибетскія войска загородили каравану дальнѣйшій путь. „Посланъ былъ гонецъ въ Хлассу, телеграфируетъ Пржевальскій отъ 8 марта, откуда прибылъ посланникъ Далай-Ламы и семь чиновниковъ, которые объявили намъ волю тибетскаго народа: не пускать къ себѣ русскихъ; дали письменный документъ; общее мнѣніе въ Тибетѣ, что мы идемъ, чтобы украсть Далай-Ламу. Напрасны были мои разувѣренія, просьбы, угрозы; я принужденъ былъ возвратиться, не дойдя только 250 верстъ до Хлассы“. Понятно, какъ труденъ былъ обратный путь черезъ сѣверный Тибетъ въ глубокую зиму и притомъ на абсолютной высотѣ въ 14—16 т. футъ, но все таки все обошлось благополучно и всѣ члены экспедиціи совершенно здоровы, пребывая въ китайскомъ городѣ Синь-Нинѣ. Только съ трудомъ удалось Пржевальскому добиться у китайцевъ возможности идти на верховья Желтой рѣки, гдѣ путешественникъ думалъ провести всю весну, а быть можетъ и часть лѣта и только въ августѣ идти въ Кяхту черезъ Алашань и Ургу. Можно себѣ представить какую массу новыхъ, интересныхъ матеріаловъ, данныхъ и свѣдѣній, привезетъ съ собою нашъ неутомимый ученый, прошедшій 4,300 верстъ по совершенно неизвѣданной еще странѣ.

Другая, хотя и менѣ замѣчательная экспедиція, принадлежавшая правительственному почину, не безъ участія однако Географическаго Общества, прошла подъ руководствомъ полковника Сосновскаго изъ

самого центра собственнаго Китая до русскихъ предѣловъ, которыхъ она достигла близъ Зайсана; поднявшись по такъ называемому императорскому каналу, населенному необыкновенно густо и притомъ такъ, что часть населенія проживаетъ даже на самыхъ водахъ канала въ особенныхъ домахъ-судахъ, Сосновскій двинулся въ путь, оберегаемый паспортами и указомъ Печилійскаго правительства; скоро однако пришлось ему отдѣлится отъ себя одного казака и отправить его впередъ въ Россію и вотъ казакъ, не зная ни полслова по китайски, проѣхалъ на своемъ походномъ конѣ изъ конца въ конецъ весь Китай, и явился на Зайсанскомъ посту послѣ 20-ти дневнаго пути, словно сдѣлалъ переѣздъ изъ станицы въ станицу. Такъ какъ цѣль Сосновскаго была чисто торговая, то онъ и обращалъ главное вниманіе на промышленность и торговлю проѣзжаемыхъ имъ мѣстностей, замѣчалъ всюду не можетъ ли быть направлена русская производительность въ страну, въ какомъ именно товарѣ нуждается данная мѣстность, изслѣдовалъ пути, собиралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ производствахъ и вывезъ массы этнографическаго матеріала, который тѣмъ болѣе цѣненъ, что впервые явился передъ изслѣдователями. Экспедиція Сосновскаго повела за собою заключеніе съ дзянь-дзюнемъ, т. е. намѣстникомъ и главнокомандующимъ страны, гдѣ „опускается солнце“, т. е. Китайскаго Туркестана, договора о снабженіи китайской арміи хлѣбомъ изъ Сибири, поставку котораго приняли на себя нѣкоторые русскіе негоціанты; къ сожалѣнію изъ этого договора ничего ровно не вышло, такъ какъ всѣ китайскіе чиновники, да и самъ дзянь-дзюнь, никакъ не могли отказаться отъ старинныхъ воззрѣній своихъ на „нечистыхъ варваровъ“, всячески тормозили дѣло и довели его наконецъ до того, что русское правительство принуждено было запретить вывозъ хлѣба изъ предѣловъ Сибири въ Китай. Почти въ одно время съ Сосновскимъ и притомъ почти въ параллельномъ съ нимъ направленіи, прошла черезъ болѣе сѣверныя части Китая другая экспедиція, находившаяся подъ начальствомъ Пѣцова; эта экспедиція вышла изъ Томска и прошла до города Куку-Хото, а затѣмъ, открывъ такимъ образомъ этотъ новый рынокъ для нашей торговли, и не желая направляться въ обратный путь по той же самой дорогѣ, вернулась въ русскіе предѣлы чрезъ центральную и западную Монголію, подготовивъ этимъ такъ сказать широкое поле для дальнѣйшихъ изслѣдователей этой крайне интересной во всѣхъ отношеніяхъ страны. Торговая экспедиція братьевъ Бутиныхъ, отправившаяся изъ Забайкальскаго края по меридіональному направленію въ Пекинъ и Тянь-Дзинь, а также и послѣднія экспедиціи Каменскихъ и нѣкоторыхъ другихъ сибирскихъ торговцевъ, само собою разумѣется, заинтересованныхъ въ отысканіи новыхъ мѣстъ сбыта и рынковъ для своихъ товаровъ и никогда неотказывавшихся отъ прикомандированія къ ихъ караванамъ специалистовъ, дали намъ въ тоже время возможность совер-

шенно точно узнать и извѣдать всю пограничную съ Сибирью полосу Китая, верстъ на 500 въ ширину; эта послѣдняя задача будетъ окончательно выполнена, когда возвратится наконецъ изъ своей трехгодовой поѣздки членъ Географическаго Общества Потанинъ, который избралъ себѣ спеціальностью изученіе Монголіи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши славные путешественники и изслѣдователи никогда не давали себѣ труда передъ поѣздкою въ интересующую ихъ страну изучить хотя нѣсколько языка того народа, который они намѣревались посѣтить, а нѣкоторые не только не подготовлялись въ этомъ отношеніи, а игнорировали даже и большинство остальныхъ свѣдѣній, требующихся отъ всякаго путешественника и слѣдовательно, если то были офицеры генеральнаго штаба, то кромѣ своей спеціальности ни на что другое не обращали вниманія, да и не могли бы обратитъ, такъ какъ или не интересовались ничѣмъ остальнымъ, или же при всемъ желаніи слишкомъ мало были подготовлены къ другимъ наблюденіямъ. Французское Парижское Географическое Общество давно уже издало небольшую справочную книжку для путешественниковъ, заключающую въ себѣ краткія свѣдѣнія по всѣмъ естественнымъ наукамъ и руководство, какъ дѣлать коллекцію, на что слѣдуетъ обращать особенное вниманіе и т. п.; было бы несомнѣнно желательно, чтобы наше Географическое Общество, такъ много уже сдѣлавшее для науки, взяло на себя трудъ перевести это руководство, приспособивъ его для пользованія нашихъ русскихъ путешественниковъ. Не такъ распорядился Потанинъ; конечно и онъ не сталъ изучать монгольскаго языка, но онъ тщательнѣйшимъ образомъ подготовлялся передъ своею поѣздкою въ минералогическомъ и зоологическомъ кабинетахъ университета и академіи и отправился въ свое путешествіе, такъ сказать, во всеоружіи знанія; понятно, съ какимъ интересомъ слѣдуетъ ожидать его возвращенія въ Россію, тѣмъ болѣе, что; судя по предварительнымъ его отчетамъ, ему удалось собрать цѣлую массу самаго разнообразнаго и интереснаго матеріала и въ особенности по быту и народной литературѣ и суевѣріямъ монголовъ; сначала монголы дико смотрѣли на нашего ученаго и разъ даже въ какомъ-то монастырѣ экспедиція подверглась насилію, но скоро населеніе увидало, что ему нечего бояться людей, „гоняющихся за жуками и ловящихъ лучи солнечные въ ящикѣ“, вошло въ дружественныя отношенія съ успѣвшими уже достаточно „омонголиться“ экспедиціонерами (впервые это привѣтствіе было высказано монголами Пржевальскому, когда онъ покрытый грязью попалъ въ Ургу) и теперь всячески старается помочь экспедиціи въ ея странствованіяхъ. Въ настоящее время, если только не воспрепятствуютъ наши отношенія къ Китаю, располагаютъ отправиться изъ Восточной Сибири нѣсколько весьма интересныхъ торговыхъ и ученыхъ экспедицій въ Монголію и Манчурію; такъ изъ Минусинскаго округа, съ верховьевъ Енисея, отправляется торговая экспедиція въ

Улясутай, гдѣ особенно хорошо сбывается наша крупитчатая мука; эта экспедиція имѣетъ, сверхъ того, въ виду проникнуть изъ Улясутая въ Калганъ такимъ путемъ, который до сихъ поръ оставался для русскихъ неизвѣстнымъ. Другая торговая экспедиція отправляется съ вершины рѣки Иркута въ землю, населенную Дархотами, затѣмъ имѣетъ намѣреніе осмотрѣть страну къ югу и изслѣдовать долину р. Селенги. Третья торговая экспедиція, отправляющаяся изъ большаго нерчинскаго завода при р. Аргуни, имѣетъ цѣлью проникнуть черезъ городъ Хайларъ, посѣщаемый ежегодно мелкими русскими торговцами, до города Цыцикара на рѣкѣ Сунгари, для того, чтобы изслѣдовать вопросъ о возможности торговыхъ сношеній съ внутреннею Манжуріею посредствомъ этой многоводной рѣки. Для той же цѣли готовятся двѣ рѣчныя экспедиціи на рѣку Сунгари: одна для изслѣдованія вопроса о возможности снабжать изъ Манжурии хлѣбомъ амурскіе золотые прииски, а другая имѣетъ цѣлью, прослѣдовавъ, на сколько лишь возможно, по рѣкѣ Сунгари, выйти сухимъ путемъ черезъ Мухденъ къ берегу Печилійскаго залива (столица Китая называется, собственно говоря, Печили) и отыскать тамъ пунктъ для склада чаевъ, которые могли бы оттуда доставляться до Сунгари и по этой рѣкѣ сплавляться на Амуръ. Потанинъ съ своей стороны обѣщаетъ, на сколько возможно, углубиться на югъ Монголіи и потому понятно, насколько всѣ эти экспедиціи обѣщаютъ обогатить географію сопредѣльныхъ съ Сибирью странъ многими новыми свѣдѣніями.

Съ давнихъ поръ уже, еще со временъ Петра Великаго, изъ Петербурга зачастую отправлялись экспедиціи въ невѣдомыя страны Сибири, которыя однако не могли привести къ особенно блестящимъ результатамъ по той простой причинѣ, что средства, бывшія въ рукахъ тогдашнихъ путешественниковъ, были слишкомъ еще первобытны и борьба съ трудностями всегда оканчивалась побѣдою природы и обстоятельствъ надъ человѣкомъ. Съ появленіемъ въ свѣтъ огромнаго труда Миддендорфа, оканчиваются эти, такъ сказать, случайныя экспедиціи, чрезмѣрно удаленныя отъ мѣста ихъ отправленія, и въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ самой Сибири основываются научные центры изслѣдованій; сначала въ Иркутскѣ, а затѣмъ и въ Омскѣ образуются отдѣлы Географическаго Общества, дѣлающіеся вмѣстѣ съ вновь открытыми тамъ военно-топографическими отдѣлами главнаго штаба сборными и исходными пунктами для мѣстныхъ изслѣдователей; между ревнителями науки устанавливается тѣсная связь, начинаются дѣйствія, клонящіяся къ общей, опредѣленной цѣли, изысканія теряютъ характеръ случайныхъ набѣговъ и пріобрѣтаютъ значеніе постоянной и послѣдовательной работы для всесторонняго изученія родной страны; отсюда почти ежегодно отправляются мелкія географическія и этнографическія экспедиціи, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе освѣщаютъ недавно еще непроглядную глушь Сибири и дѣлаютъ въ наукѣ открытіе за открытіемъ. Перечислять здѣсь всѣ си-

бирскія экспедиціи мы не станемъ, такъ какъ даже простое перечисленіе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко, но все же упомянемъ хотя бы о главнѣйшихъ изъ нихъ, именно о тѣхъ которыя составили, такъ сказать, эпоху для странъ, посѣщенныхъ ими.

Прежде всего мы скажемъ о важнѣйшей изъ географическихъ работъ, произведенныхъ въ предѣлахъ россійской имперіи, а именно о результатахъ астрономической экспедиціи Шарнгорста и Кульберга, которые, самымъ точнымъ образомъ провѣряя свои наблюденія по нѣскольку разъ въ день при посредствѣ телеграфа, опредѣлили географическія координаты главнѣйшихъ городовъ Сибири, начавъ эту трудную работу съ Казани; затѣмъ они прослѣдовали черезъ всю Сибирь до Владивостока и гавани Посыета; само собою разумѣется, что опредѣленные этими почтенными учеными астрономическіе пункты будутъ отнынѣ исходными точками для всѣхъ дальнѣйшихъ астрономическихъ работъ: къ нимъ станутъ примыкать всѣ триангуліціи и топографическія съемки, производившіяся въ разное время въ Сибири; но что важнѣе всего, работами Шарнгорста и Кульберга замкнулся наконецъ кругъ точнаго измѣренія паралели, опоясывающей весь земной шаръ. Не меньшее значеніе имѣла для науки другая экспедиція, которая задумана была давно, но все откладывалась за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ и кромѣ того за сравнительною своею рановременностью; давно уже въ Географическое Общество пожертвованъ былъ капиталъ на нивелировку Сибири, но, такъ какъ о сибирской желѣзной дорогѣ ходили лишь смутныя слухи и неизвѣстно было даже направленіе соединительнаго пути изъ Нижняго къ границамъ Сибири, то дѣло все откладывалось. Началась между тѣмъ постройка пермско-екатеринбургской желѣзной дороги, прошли слухи о томъ, что правительство высказывается за южное направленіе дороги изъ Нижняго, а потому и поспѣшили приступить къ давно желанной нивелировкѣ всего пространства, лежащаго между подошвою Урала и Иркутскомъ; дѣло было ведено такъ удачно, что вся нивелировка произведена была въ одинъ сезонъ и притомъ до такой степени точно, что иркутская партія сошлась съ уральскою при ошибкѣ лишь въ нѣсколько миллиметровъ. Такимъ образомъ было положено начало великому предпріятію нашего времени—„александровской сибирской желѣзной дорогѣ“. Въ тоже время Сибирь была постоянно предметомъ естественно-научныхъ и этнографическихъ изслѣдованій, которыя выполнялись не только русскими учеными, но сдѣлались возможными и для ученыхъ западно-европейскихъ, изъ которыхъ Бремъ первый показалъ примѣръ своимъ собратьямъ и разсѣялъ предрасудки, существовавшіе о Сибири въ западной Европѣ. Какъ извѣстно, Сибирь можетъ чрезвычайно удобно быть раздѣлена на бассейны и вотъ прежде всего представляется намъ Обскій бассейнъ. Обь съ ея огромными притоками подверглась изслѣдованію Полякова, который отправился въ путь изъ Тобольска и достигъ са-

ныхъ отдаленныхъ острововъ въ устьяхъ великой рѣки, плавая на снаряженномъ имъ баркасъ, постоянно приставаая къ берегамъ, входя въ сношенія съ дикарями, населяющими теченіе Оби, т. е. съ остяками и изслѣдуя спеціально рыбъ и рыбную ловлю; изъ его путешествія оказалось прежде всего, что для изученія быта человѣка каменнаго періода, не слѣдуетъ углубляться въ болѣе или менѣе остроумныя хитросплетенія, а просто лишь присмотрѣться къ быту остяковъ, до сихъ поръ еще не вышедшихъ изъ каменнаго вѣка, несмотря на то, что съ нѣкоторыхъ поръ они успѣли уже вкусить блага цивилизаціи, подносимыя имъ разными русскими привносителями культуры, обирающими ихъ весьма исправно, а также и на то, что цивилизація эта пришла къ нимъ съ первымъ пароходомъ, который остроумные остяки иначе не называютъ, какъ „кабакъ“. Крайне интересныя изслѣдованія Полякова о жизни рыбъ, удостоились почетнѣйшихъ отзывовъ со стороны всѣхъ ихтиологовъ Европы, а этнографическіе матеріалы и коллекціи составляютъ драгоцѣннѣйшій вкладъ въ науку; слѣдуетъ замѣтить, что со времени поѣздки Полякова появились въ Петербургѣ обскіе копченые муксуны, которыхъ незнающая публика принимаетъ по всѣмъ вѣроятіямъ за большихъ, но очень дорогихъ сигаовъ, такъ какъ муксуны идутъ въ Петербургъ лишь мѣрные, т. е. 9 вершковъ отъ жаберъ до начала хвоста и по нѣжности своего мяса наши бы сбытъ даже и въ Сибири, гдѣ, напримѣръ, дикарь остякъ пожираетъ ихъ въ одинъ присѣсть 5—6 штукъ, иногда вареными, а иногда и запросто слегка протухлыми. По результатамъ своимъ и по трудностямъ, побѣжденнымъ членами—участниками еще болѣе замѣчательна экспедиція Чекановскаго, который, къ сожалѣнію, погибъ такъ рано. Двинувшись по Ленѣ, Чекановскій скоро оставилъ эту громадную рѣку для того, чтобы перейти въ бассейнъ Оленека, который онъ и изслѣдовалъ почти на всемъ его протяженіи; значеніе этой экспедиціи, на ряду съ изслѣдованіями Шмидта, Маака, Лопатина и другихъ, опредѣляется уже тѣмъ, что геологическія, астрономическія и зоологическія наблюденія производились въ такихъ мѣстностяхъ, которыя никогда еще не были посѣщены учеными путешественниками: такъ, напримѣръ, въ малодоступныхъ частяхъ теченія рѣки Тунгузки, Вилюя, Оленека, а также Енисея и Лены; слѣдовательно, такимъ образомъ, вмѣстѣ со спеціальными трудами по части геологіи и зоологіи, пополнялись важныя пробѣлы въ топографіи края. Само собою разумѣется, что геологическія изслѣдованія должны были вести за собою и то, что ископаемая флора Сибири, ясно обрисовывающая намъ совершенно инныя климатическія условія, должна была обогащаться крайне драгоцѣнными выкладами. Что касается до фаунистическихъ изслѣдованій, то первое мѣсто въ этомъ отношеніи должно быть занято Дыбовскимъ, который съ изумительною полнотою изучилъ фауну прибайкальскаго края и собралъ богатѣйшую коллекцію, которая вмѣстѣ съ коллекціею Лопатина, состоящею изъ нѣсколькихъ тысячъ предметовъ ка-

меннаго, бронзоваго и мѣднаго вѣковъ Сибири, является единственною въ своемъ родѣ по богатству. Даже въ дальніе края непривлекательной Чукотской земли проникъ русскій человекъ во имя науки, и участники Чукотской правительственной экспедиціи не мало содѣйствовали расширенію географическихъ познаній о крайнихъ предѣлахъ сибирскаго материка. Говоря о сибирскихъ изслѣдованіяхъ, мы упустили изъ виду еще одну экспедицію, крайне скромнаго характера, но результаты которой могутъ повліять на благосостояніе нѣсколькихъ сибирскихъ губерній. Извѣстно, что Обь и Енисей своими широкими и почти сплошь судоходными притоками почти соприкасаются другъ съ другомъ; такое удобство обратило на себя вниманіе министра путей сообщенія и потому инженеру Сиденснеру поручено было изслѣдовать, какимъ образомъ можно было бы соединить эти двѣ великія рѣки; вопросъ этотъ былъ слишкомъ важенъ для всей Сибири, чтобы мѣстные жители не отнеслись къ работамъ экспедиціи съ полнымъ сочувствіемъ; направленіе было найдено, работы сравнительно пришлось бы произвести весьма незначительныя, но къ сожалѣнію дѣло это кануло въ Лету, какъ случается съ весьма многими благими намѣреніями у насъ на Руси.

Независимо отъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію собственно Сибири, ученые наши постоянно стремились въ Амурскій край, такъ недавно сдѣлавшійся для нихъ доступнымъ; прошло не много лѣтъ и астрономическіе труды, начиная отъ Шварца, Усольцева и другихъ членовъ сибирской экспедиціи Географическаго Общества, и кончая работами Шарнгорста и Кульберга, изслѣдованія по геологіи и ботаникѣ Шмидта, Максимовича, а по зоологіи Радде, Маака и многихъ другихъ, пролили яркій свѣтъ на географическія условія, строеніе, флору и фауну этого края. Крайне многосложныя этнографическія особенности тамошняго населенія постоянно изучаются мѣстными дѣятелями, которые постоянно присылаютъ всѣ свои работы въ Географическое Общество, какъ въ излюбленную хранилищницу цѣннаго матеріала. Среди этихъ народностей, составляющихъ нынѣшнее населеніе Амурскаго края есть между прочимъ одна, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія; страна корейцевъ, послѣдняя на земномъ шарѣ, все еще чуждается общенія съ цивилизованнымъ міромъ и крѣпко стоитъ за свою замкнутость, которая можетъ однако рушиться въ одинъ прекрасный день сама собою, просто лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ; уже и теперь ближайшіе къ нашимъ предѣламъ корейцы бѣгутъ отъ тяжелыхъ условій жизни на родинѣ и стараются поселиться въ нашихъ владѣніяхъ, гдѣ все же жить имъ будетъ краснѣе; корейская колонизація, при чрезвычайномъ трудолюбіи этого народа общается краю самое отрадное будущее, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ надѣяться, что именно съ сѣверной, русской стороны, Корея раньше всего сдѣлается доступною для торговыхъ сношеній и для научныхъ изслѣдованій.

Но если гдѣ дѣйствительно наука сдѣлала гигантскіе шаги впередъ, такъ это въ такъ называемомъ Туркестанскомъ краѣ. Здѣсь наши ученые изслѣдователи въ большинствѣ случаевъ, не ожидая во дворенія русской власти и охраны военной силы, отважно стремились впередъ въ неизвѣданныя еще страны и становились такимъ образомъ дѣйствительными пионерами русскаго, а слѣдовательно и культурнаго движенія въ глубь центральной Азіи. Блестящее начало подобнымъ изслѣдованіямъ положено было нынѣшнимъ вице-предсѣдателемъ географическаго общества Семеновымъ, который первымъ изъ европейскихъ путешественниковъ проникъ въ Тянь-Шань и достигъ предѣловъ вѣчнаго снѣга и громаднхъ ледниковъ, скопившихся на этомъ мощномъ горномъ массивѣ. Смѣлость, берущая города, и на этотъ разъ привела къ самымъ благопріятнымъ результатамъ, хотя опасность и была крайне велика; въ доказательство того, какой опасности подвергали себя эти смѣлые передовые путешественники, мы скажемъ лишь, что другой не менѣе отважный и замѣчательный путешественникъ, Сѣверцевъ, занимавшійся зоологическими изслѣдованіями на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ и удалившійся однажды довольно далеко отъ форта Перовскаго, былъ взятъ въ плѣнъ коканцами, жестоко изрубленъ саблями и только чудомъ спасся отъ неминуемой смерти. Скоро вся горная страна Тянь-Шана, какою она представлялась нашимъ изслѣдователямъ, начиная отъ западныхъ вѣтвей или отроговъ его, почти примыкающихъ къ Ташкенту, и до самыхъ восточныхъ его отроговъ, сдѣлалась достояніемъ науки, во всѣхъ ея разнообразныхъ естественныхъ условіяхъ; наконецъ въ самое послѣднее время районъ изслѣдованій значительно расширился присоединеніемъ къ нему болѣе южныхъ горныхъ странъ Алая и Памира, бывшего столь долгое время предметомъ завѣтныхъ стремленій всѣхъ географовъ міра. Начатое Семеновымъ дѣло изученія Туркестанскаго края, сразу попало въ добрыя руки и многіе люди науки сдѣлали этотъ край своею спеціальностью; покойный Федченко до такой степени сжился съ тамошнею жизнью, что впоследствии съ трудомъ разставался съ Ташкентомъ; его тянуло постоянно въ его любимый Кокань, въ Памиръ, однимъ словомъ въ самую глушь центральной Азіи. Что Федченко сдѣлалъ для флоры и фауны Туркестана, то Мушкетовъ сдѣлалъ для изученія его геологическаго строенія и петрографіи. Въ особенности сильный интересъ для людей науки представляло разнообразное населеніе нашихъ среднеазиатскихъ владѣній; уже при первомъ ознакомленіи съ этнографическими особенностями края, оказалось необходимымъ совершенно измѣнить всѣ тѣ представленія, которыя существовали въ наукѣ о народностяхъ, населяющихъ эти мѣста; Средняя Азія представляла собою какъ бы горнило, черезъ которое проходило большинство тѣхъ народовъ, которые потомъ или выступили на историческую арену, или же основали новыя, и до сей поры извѣстныя разновидности; понятно, что всѣ эти народы остав-

ляли въ Туркестанѣ или чистыхъ своихъ представителей, какъ на-
примѣръ гальчей, до сихъ поръ еще живущихъ въ горахъ и сохра-
нившихъ съ необычайнымъ постоянствомъ чистоту своего иранскаго
происхожденія, или же вступали между собою въ сводные браки и
порождали помѣси съ большимъ или меньшимъ преобладаніемъ того
или другого типа, въ родѣ нынѣшнихъ сартовъ, представляющихъ
собою продуктъ долгой и самой разнообразной метисаціи. Многіе из-
слѣдователи посвятили себя изученію этнографическихъ особенностей
края и имена Валиханова, Рейнталя, Буняковского, Костенко, Виль-
кинса и Венюкова, изъ которыхъ однако только третій и пятый от-
несли къ своему предмету со строго научной антропологической
точки зрѣнія, стали извѣстны въ Европѣ. Географическое Общество
всегда и во всемъ и словомъ и дѣломъ помогало этимъ изслѣдовате-
лямъ и всячески старалось имъ хотя отчасти облегчить ихъ тяжелую
задачу. Но, говоря объ изслѣдованіяхъ Туркестанскаго края, нельзя
не упомянуть кромѣ того о человѣкѣ, который, хотя самъ лично и
не предпринималъ никакихъ научныхъ экспедицій, но все же чрезвы-
чайно много сдѣлалъ для изученія этой страны. Нынѣшній генералъ-
губернаторъ Туркестанской области, К. П. фонъ-Кауфманъ уже съ
первыхъ дней своего назначенія на этотъ постъ понялъ, что прежде,
нежели управлять краемъ, надо его сначала извѣдать; съ этою цѣлію
Кауфманъ не жалѣлъ издержекъ и трудовъ: онъ составилъ вокругъ
себя кружокъ ученыхъ, которыхъ зачастую приглашалъ издалека,
постоянно формировалъ экспедиціи, не давалъ ни минуты отдыха
своимъ чиновникамъ для особыхъ порученій, которыхъ онъ избиралъ
преимущественно изъ числа молодыхъ специалистовъ, сконцентриро-
валъ въ Ташкентѣ все, что когда нибудь было писано о вѣренномъ
его управленію краѣ, добился того, что составлена была обширнѣйшая
библіотека, если можно такъ выразиться „Трансоксанская“ не только
изъ книгъ, но заключающая въ себѣ даже вырѣзки изъ газетъ, пере-
плетенныя въ особые томы, основалъ богатѣйшій и единственный въ
своемъ родѣ музей и вообще сдѣлалъ для науки гораздо больше, не-
жели какой нибудь путешественникъ; благодаря его стараніямъ Тур-
кестанъ заинтересовалъ Европу; явился трудъ Скайлера, къ сожа-
лѣнію давшаго слишкомъ много мѣста въ своемъ путешествіи своимъ
личнымъ впечатлѣніямъ, и наконецъ превосходная работа Уйфальви,
который отправленъ былъ въ Туркестанъ французскимъ правитель-
ствомъ. Вообще Кауфманъ сдѣлалъ Ташкентъ русскимъ городомъ и
научнымъ центромъ и недалеко то время, когда сѣвши въ вагонъ въ
Николаевскомъ вокзалѣ, житель Петербурга проѣдетъ въ этотъ не-
давно еще полный тайны городъ въ какіе нибудь 5 дней времени, а
быть можетъ и дальше черезъ Пешауеръ въ Калькутту.

Западная и преимущественно юго-западная часть Средней Азіи из-
давна тоже привлекала къ себѣ вниманіе ученаго міра и тутъ главнымъ
образомъ интересовалъ ученыхъ вопросъ объ Аму-Дарьѣ и ея прошломъ.

Большинство арабскихъ писателей, говорящихъ объ этихъ странахъ прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что было время, когда великая рѣка Средней Азіи впадала не въ Аральское, а въ Каспійское море; уже Петръ Великій, этотъ гениальный человѣкъ, желавшій повсюду отыскать источникъ благосостоянія для своего государства, обратилъ вниманіе на это обстоятельство и, посылая въ Среднюю Азію экспедицію князя Бековича-Черкаскаго, прямо рекомендовалъ послѣднему изслѣдовать тщательно вопросъ, о возможности обратнаго поворота рѣки въ наше внутреннее море; къ сожалѣнію, экспедиція эта окончилась крайне печально и вопросу суждено было на время остаться не разрѣшеннымъ. Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи стали со стороны людей науки раздаваться голоса скептиковъ, которые высказывали убѣжденіе въ невозможности поворота и сомнѣвались даже въ томъ, что Каспійское море лежитъ ниже устьевъ Аму. Ни средствъ, ни желанія выяснить сомнѣніе не было въ рукахъ русскаго правительства, а потому вопросъ и продолжалъ оставаться неразрѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока съ укрѣпленіемъ нашимъ на берегахъ Аму и съ другой стороны на восточномъ берегу Каспійскаго моря, не явилась возможность изслѣдовать его. Шагъ за шагомъ двигалась по бесплодной степи нивелировочная экспедиція Тилло, но наконецъ телеграфъ извѣстилъ весь ученый міръ, что давнишній споръ разрѣшенъ, что по направленію отъ Аральскаго моря къ Каспійскому замѣчается постепенный, но постоянный склонъ и что уровень Каспійскаго моря на 200 метровъ ниже уровня Арала; вопросъ былъ разрѣшенъ въ принципѣ, оставалось выполнить великій планъ гениальнаго царя на дѣлѣ. Дѣло было далеко не легкое — оставалось еще изслѣдовать тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ рѣка обратилась въ Аральское море, изслѣдовать по возможности все теченіе Аму для того, чтобы узнать, по скольку рѣка эта судоходна и достаточно ли питается она притоками, чтобы поворотъ части водъ ея въ Каспійское море не иссушилъ громадной площади Аральскаго моря; въ тоже время заговорили и о томъ, чтобы соединить Ташкентъ желѣзнымъ путемъ съ Европой. Оба вопроса до крайности заинтересовали нѣкоторыхъ лицъ; одинъ изъ специалистовъ по изученію среднеазіатскихъ вопросовъ, отнесся въ особенности серьезно къ дѣлу; онъ прежде всего подробно и крайне точно ознакомился съ обширнѣйшею литературою предмета и лишь послѣ тщательной кабинетной подготовки рѣшился наконецъ приступить къ практическому разрѣшенію задачи. Такъ называемая „Самарская экспедиція“ въ теченіи двухъ лѣтъ изучала на мѣстѣ какъ условія проведенія желѣзной дороги, такъ и вопросъ объ Аму; члены ея пришли къ тому заключенію, что лучшимъ направлениемъ для желѣзнодорожнаго пути является Тургайское и составили даже полное трассе всего пути; они поднялись по Аму до Кобадіана, изслѣдовали берега рѣки, ея судоходность, по нѣскольку разъ поднимались по ея притокамъ вверхъ, изучили питаемость Аму водою и наконецъ снова про-

шли по такъ называемому Узбою, т. е. старому руслу Аму Дарьи. Успѣхъ экспедиціи былъ полный; члены ея вечеромъ сходились въ палаткѣ своего руководителя для того, чтобы въ общемъ своемъ собраніи прочесть отдѣльныя, дневныя работы экспедиціонеровъ и сообща обсудить ихъ. Начальникъ экспедиціи всегда наравнѣ съ другими работалъ на общее благо и на пользу науки и чисто личнымъ своимъ вліяніемъ добился того, что хивинскій ханъ обѣщался нынче весною срыть плотины у Бента и Куня-Ургенча и пустить воду изъ Аму въ Узбой; когда въ прошломъ году для пробы была срыта одна лишь незначительная плотина, то рѣчная вода тотчасъ же устремилась по старому руслу и дошла до Сары-Камыша, горько соленыхъ озеръ, находящихся на $\frac{1}{3}$ пути между устьемъ Аму и Каспійскимъ моремъ. Такимъ образомъ, благодаря „Самарской экспедиціи“, не дальше, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ разрѣшенъ одинъ изъ величайшихъ географическихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія котораго будетъ зависѣть воззваніе къ жизни громадной пустыни, когда то славившейся количествомъ и богатствомъ своихъ городовъ.

Нѣсколько южнѣе, въ такъ называемомъ Ахалтекинскомъ оазисѣ географическія познанія наши также обогатились не мало, но здѣсь научныя изслѣдованія ограничивались съемкою и астрономическими наблюденіями въ виду прямо враждебнаго отношенія къ намъ мѣстнаго населенія. Весь путь, пройденный нашимъ отрядомъ, отъ Чикишлара по р. Атреку черезъ Дузулумъ до Чата, который лежитъ при впаденіи въ Атрекъ р. Сумбара и далѣе по Сумбару черезъ хребетъ Копетдагъ до Беурмы, изслѣдованъ и снятъ на карту нашими топографами и сдѣлался теперь настолько же извѣстнымъ, какъ напримѣръ разстояніе отъ Петербурга до Москвы. Неудача, которую храбрыя войска наши потерпѣли подъ Геокъ-тепе заставила весь отрядъ вернуться въ Чикишларъ и не дозволила слѣдовательно продолжать съемку и научныя наблюденія; но теперь, когда къ командованію экспедиціоннымъ отрядомъ призванъ нашъ славный Скобелевъ, когда въ Баку лежитъ уже готовая желѣзная дорога для прокладки между Чикишларомъ и Чатомъ, есть надежда, что скоро и этотъ край будетъ открытъ для людей науки, которые не замедлятъ явиться сюда и завоюютъ во имя знанія ту область, которую русскій человѣкъ купитъ у дикарей своею кровью.

Говоря о географическихъ успѣхахъ въ Россіи, мы не упоминали еще о Кавказѣ. Страна эта была окончательно замирена какъ разъ въ началѣ этого двадцатипятилѣтія и тотчасъ же началась тамъ усиленная научная дѣятельность, которая не прекращается и до сихъ поръ; труды Ходзько и Стебницкаго, съемки и триангуляціи которыхъ привлекали всеобщее вниманіе знатоковъ въ Парижѣ, работы геолога Абиха, ботаника Рупрехта, многосторонняго натуралиста и путешественника Радде, этнографовъ и лингвистовъ Услара, Берже и Шиффнера, довели Кавказъ до степени такой же извѣстности въ наукѣ,

какъ извѣстна хотя бы любая часть западной Европы. Желѣзная дорога прорѣзала Кавказъ отъ Поти до Тифлиса, а на дняхъ приступать уже къ постройкѣ линій отъ Тифлиса до Баку и отъ Сурама къ Батуму; таинственныя горы стали достояніемъ не только людей науки, но и частной предпріимчивости, которая ищетъ въ нѣдрахъ ихъ полезныхъ ископаемыхъ и металловъ: недавно еще дикія племена все болѣе и болѣе привыкаютъ къ своему новому положенію и переходятъ къ осѣдности и культурности, а русская колонизація довершаетъ великое дѣло мирнаго завоеванія недавно еще дикаго края.

Но если велики были успѣхи географіи, при содѣйствіи Географическаго Общества внѣ предѣловъ Россіи и на ея окраинахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что и Европейская Россія подвергалась въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ самому всестороннему изученію и заслуги Общества въ этомъ отношеніи отнюдь не менѣе достойны вниманія. Предпріятія Общества въ этомъ отношеніи сами собою распадаются на такія, которыя возбуждались самимъ Обществомъ и на такія, которыя зачинались по частной инициативѣ, но пользовались какъ матеріальною, такъ и всякою другою поддержкою со стороны Общества. Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣхъ этихъ грандіозныхъ и богатыхъ по своимъ результатамъ предпріятій и экспедицій, такъ какъ даже подробное перечисленіе ихъ заставило бы насъ выйти изъ предѣловъ и размѣровъ нашей статьи, и упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя обнимаютъ собою или крайне важныя вопросы или очень значительныя области.

Составленная Кенпеномъ этнографическая карта Россіи до такой степени устарѣла, что рѣшительно не представлялось никакой возможности пользоваться ею для научныхъ занятій; Географическое Общество обратило вниманіе на это обстоятельство и поручило Риттиху составить новую карту, сообразно съ тѣми свѣдѣніями о разселеніи различныхъ народностей, которыя были добыты въ послѣднее время, какъ отдѣльными изслѣдователями, такъ и официальными учреждениями; имѣя въ виду громадность работы и желая достигъ при выполненіи ея возможной точности и вѣрности, Общество выбрало изъ своей среды наблюдательную комиссію, состоящую изъ такихъ лицъ, которые разобрали между собою всѣ губерніи Россіи хорошо знакомыя имъ. Работа была трудная; Риттиху пришлось нанести на карту 75,000 населенныхъ пунктовъ и составить прежде всего этнографическую карту въ десяти верстномъ масштабѣ, а затѣмъ уже перенести всѣ этнографическіе пункты на 75 верстную карту. На г. Риттихѣ лежала обязанность составить къ своей картѣ объяснительную записку, которая представляла бы собою цѣлый томъ довольно почтенныхъ размѣровъ; эта объяснительная записка однако не была составлена, вслѣдствіе какихъ то недоразумѣній, а лица взявшіеся пополнить впослѣдствіи этотъ пробѣлъ, также ничего не сдѣлали, такъ какъ не они составляли карту, и превосходно состав-

ленная карта, сдѣлавшаяся, такъ сказать, вслѣдствіе отсутствія объясненій нѣмою, не пошла въ ходъ, продаваясь лишь въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Во всякомъ случаѣ трудъ Риттиха составилъ эпоху въ развитіи этнографическихъ знаній въ Россіи и привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе на Парижской всемірной географической выставкѣ, гдѣ авторъ признанъ былъ единогласно достойнымъ высшей почетной награды.

Другое предпріятіе Географическаго Общества принадлежит не всецѣло ему одному, такъ какъ требовало несоразмѣрно большихъ затратъ, бывшихъ не подъ силу одному учрежденію. Россія по преимуществу является страной хлѣбопроизводительною и достаточно упомянуть лишь о нашей черноземной полосѣ, не имѣющей нигдѣ въ мірѣ чего либо себѣ подобнаго, чтобы понять, какой огромный интересъ представляли вопросы о количествѣ производимаго въ томъ или другомъ бассейнѣ хлѣба, о первичныхъ центрахъ отправленія зерна, о пути по которому оно движется на хлѣбные рынки и т. п. Въ силу именно особенной важности всѣхъ этихъ вопросовъ, Географическое Общество и вошло въ соглашеніе съ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, дабы на общій коштъ отправить нѣсколько отдѣльныхъ экспедицій для изученія хлѣбнаго производства и направленія хлѣбной торговли по бассейнамъ. Экспедиціи отправились въ путь и употребили по 2 года на изученіе дѣла; къ сожалѣнію, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ бассейновъ, а именно Азовскій, достался на долю изслѣдователя, который тянулъ дѣло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и все же не представилъ ничего сколько нибудь подходящаго къ отчетамъ остальныхъ почтенныхъ дѣятелей, въ родѣ Чаславскаго, Борковскаго, Раевского и др. Тѣмъ не менѣе, благодаря знанію дѣла и энергіи этихъ послѣднихъ изслѣдователей, весь бассейнъ Сѣверной Двины, бассейны Западной Двины, Волги, Центральный и Черноморскій, были изучены въ совершенствѣ и отчеты о нихъ составили нѣсколько томовъ „Трудовъ“, представляющихъ ясную и точную съ дѣйствительностью картину нашего русскаго хлѣбнаго производства и направленія хлѣбныхъ грузовъ; основываясь на этихъ изслѣдованіяхъ, предприниматель какой нибудь новой питательной вѣтви желѣзной дороги можетъ совершенно вѣрно вычислить то количество зерноваго груза, на который онъ можетъ рассчитывать, а статистикъ можетъ вполне опредѣленно сказать, что производитъ данная мѣстность и куда она тянетъ въ смыслѣ своей торговли. Понятно, что, занимаясь изслѣдованіями по хлѣбной экспедиціи, почтенные ученые постоянно наталкивались на цѣлый рядъ крайне интересныхъ, но не вошедшихъ въ программу изслѣдованія вопросовъ, и примѣромъ именно подобныхъ, нечаянно разрѣшенныхъ вопросовъ можетъ служить почтенный трудъ одного изъ членовъ экспедиціи по отхожимъ земледѣльческимъ промысламъ на югѣ Россіи, обращавшій на себя новизною своихъ данныхъ и оригинальностью метода графическаго изображенія движенія рабочаго

населенія, всеобщее вниманіе на выставкѣ 1875 года. Въ связи же съ Вольно-Экономическимъ Обществомъ предпринято было и другое дѣло, которое давно уже требовало подробнаго изученія, вслѣдствіе того, что нуждалось въ поддержкѣ и въ направленіи, безъ чего оно долго, если не всегда, стояло бы на своей первобытной степени развитія. Многія мѣстности Россіи издавна занялись какимъ нибудь производствомъ, которое служило имъ весьма ощутительнымъ подспорьемъ въ ихъ немудреномъ хозяйствѣ; но до послѣдняго времени почти никто не имѣлъ понятія о „кустаряхъ“ (мелкихъ производителей) и „кустарной промышленности“, пока отдѣленіе статистики не вздумало заняться этимъ вопросомъ; въ настоящее время почти всѣ роды этой промышленности уже описаны съ чрезвычайною полнотою и теперь остается лишь приступить къ организаціи кустарной промышленности, т. е. къ дачѣ кустарямъ хорошихъ образцовъ, къ устройству въ извѣстномъ районѣ школъ по подходящей отрасли кустарства и т. п.; но все это требуетъ много времени и средствъ.

Не всегда могло Общество поднимать само вопросъ, но едва лишь какой нибудь интересный вопросъ былъ поднимаетъ кѣмъ нибудь изъ его членовъ и представляема была болѣе или менѣе полная программа дѣйствій, какъ Общество тотчасъ же съ полнымъ вниманіемъ относилось къ дѣлу, снабжало инициатора и матеріальными средствами для производства предположенныхъ имъ изслѣдованій, облегчало ему всячески доступъ въ районъ его изслѣдованій, снабжало его инструментами, рекомендательными письмами и своимъ открытымъ листомъ, который пользуется по всей Россіи большимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ явились въ свѣтъ такія изданія, какъ „Писцовыя книги“, редактируемыя Калачевымъ и представляющія огромный интересъ для изученія былой исторіи нашихъ населенныхъ мѣстъ, а также и для исторической географіи и этнографіи въ томъ отношеніи, что даютъ неоцѣненный матеріалъ по названіямъ рѣкъ, урочищъ и мѣстностей; такимъ же образомъ положено было начало капитальному труду Огородникова, который задумалъ составить полное историко-географическое описаніе Россіи на основаніи данныхъ, представляемыхъ Книгою Большому Чертежу въ связи съ лѣтописными, актовыми и другими свѣдѣніями. Трудъ Огородникова громаденъ, такъ какъ авторъ не довольствуется лишь опредѣленіемъ извѣстной мѣстности, а всегда рассказываетъ всю ея исторію и посвящаетъ цѣлыя главы изслѣдованіямъ о народахъ, населявшихъ когда то ту или другую мѣстность; до сихъ поръ окончены только еще бассейнъ Бѣлаго моря и часть Вологодской и Олонецкой губерній, т. е. другими словами готова лишь малая часть всего труда, составляющая между тѣмъ два тома изслѣдованій весьма почтенныхъ размѣровъ.

Вскорѣ послѣ печальныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ западной части Россіи въ шестидесятыхъ годахъ, въ средѣ общества родилась

мысль о необходимости подвергнуть изслѣдованію весь западный край, о которомъ до той поры имѣлось очень мало свѣдѣній, да въ тому же и тѣ, которыя имѣлись, были за частую весьма несогласны съ истинною и изданы въ свѣтъ съ предвзятою мыслию. Вслѣдствіе этого, рѣшено было отправить двѣ экспедиціи, изъ которыхъ одна, порученная руководству Чубинскаго должна была изслѣдовать югозападный, а другая, состоящая изъ Кузнецова и Максимова, сѣверозападный край; Кузнецовъ принялъ на себя изслѣдованіе о литовскомъ племени, а Максимовъ специализировался на бѣлоруссахъ. Въ настоящее время приведена къ концу только лишь югозападная экспедиція Чубинскаго, давшая семь томовъ матеріаловъ; кромѣ громадныхъ сборниковъ вновъ записанныхъ думъ, всякаго рода пѣсенъ и другихъ образчиковъ южно-русской народной литературы, труды Чубинскаго интересны уже тѣмъ, что почтенный изслѣдователь сдѣлалъ первую пробу разобраться хотя отчасти въ той массѣ народныхъ говоровъ, которые встрѣчаются въ нынѣшней Малороссіи и постарался приурочить ихъ происхожденіе къ какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ; само собою разумѣется, что прежде всего, составивъ карту говоровъ, онъ замѣтилъ, что границы ихъ находятся въ прямой зависимости отъ древнѣйшаго раздѣленія населенія Россіи, упоминаемаго у Нестора, такъ что въ концѣ концовъ Чубинскому удалось возстановить, на основаніи границъ говоровъ, границы Вятичей, Радимичей, Сѣверянъ, Древлянъ и т. п. Отнюдь не менѣе интересный матеріалъ представляютъ и массы рѣшеній мѣстныхъ волостныхъ судовъ, основывающихся по большей части не на писанномъ законодательствѣ, а на обычномъ народномъ правѣ, которое зачастую идетъ совершенно въ разрѣзъ съ предписаніями писаннаго закона. Но если Чубинскій доставилъ обществу такую массу новаго и неоцѣненнаго по своему интересу матеріала, то нельзя сказать того же про остальныхъ экспедиціонеровъ. Кузнецовъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изучалъ Литву, какъ въ Россіи, такъ и въ Пруссіи, составилъ и доставилъ въ общество превосходную карту разселенія литовскаго племени, но до сихъ поръ не прислалъ ничего цѣльнаго изъ своихъ работъ и мы не ошибемся, если отнесемъ это грустное обстоятельство къ тому, что всякому добросовѣстному изслѣдователю не хочется поручить разработку собраннаго матеріала другому лицу, какому нибудь счетчику или вообще профану, который легко можетъ напутать и ввести въ ошибку, какъ самаго изслѣдователя, такъ и дальнѣйшихъ его читателей; понятно, что такая подготовительная разработка, исполняемая однимъ лицомъ, требуетъ много времени и, не будучи оплачиваема, заставляеть заниматься въ ущербъ ей другими платными работами. Именно въ силу этой послѣдней причины изслѣдователь бѣлорусскаго племени Максимовъ не представилъ въ общество ровно ничего, предпочитая печатать отдѣльные очерки изъ своей поѣздки въ оплачивающихся трудъ журналахъ.

Съ давнихъ поръ уже Географическое Общество интересовалось юридическимъ бытомъ русскаго и инородческаго населенія; составлена была программа для собиранія такихъ свѣдѣній, но въ концѣ концовъ программа эта устарѣла и оказалась слишкомъ неполною; явилась необходимость прежде всего составить новую программу, а затѣмъ приступить къ изданію имѣющагося уже въ Обществѣ матеріала и вызвать новый наплывъ статей по этому вопросу. Благодаря стараніямъ члена Общества Матвѣева, давно уже занимавшагося изученіемъ обычнаго права, Общество не только было въ состояніи составить и разослать по Россіи новую программу для собиранія свѣдѣній по юридическому быту народа, но и издать чрезвычайно интересный томъ, вполне посвященный этому вопросу; кромѣ того готовы уже всѣ матеріалы для второго тома статей по юридическому быту и неутомимый редакторъ этихъ трудовъ надѣется быть вскорѣ въ состояніи издать третій томъ. Мы полагаемъ невозможнымъ разбирать здѣсь содержаніе, хотя бы перваго тома, какъ воздержались отъ передачи содержанія трудовъ юго-западной экспедиціи, такъ какъ думаемъ поговорить объ этомъ подробнѣе при сообщеніи свѣдѣній объ успѣхахъ антропологии и этнографіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Для того, чтобы закончить перечень предпріятій Общества, упомяну, что и я лично обязанъ ему доставленіемъ средствъ для изученія мордовскаго народа; объ упомянутыя мною выше причины повліяли и на представленіе моихъ трудовъ Обществу, такъ какъ всѣ цифровыя данныя по измѣренію 510 субъектовъ мнѣ пришлось разрабатывать самому и слишкомъ часто отвлекаться отъ любезной работы необходимостью заработка. Кромѣ антропологическаго изслѣдованія мордвы, въ Общество будетъ представленъ подробный очеркъ юридическаго быта мордвы и очеркъ ихъ религіозныхъ вѣрованій; все это находится въ работѣ, но запоздало, вслѣдствіе необходимости часто отрывать отъ дѣла.

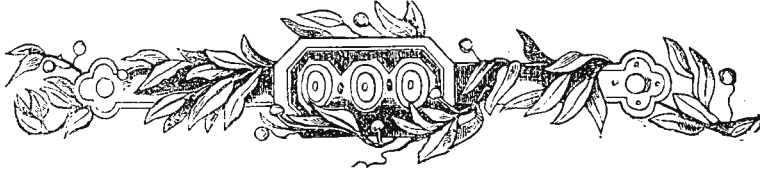
Въ настоящее время Императорское Русское Географическое Общество начало новыя работы, которыя несомнѣнно увѣнчаются такимъ же успѣхомъ, какъ и всѣ, раньше имъ предпринимавшіяся. Московская выставка доисторической археологии и антропологии, состоявшаяся въ 1879 году, не могла не обратить вниманія председателя отдѣленія этнографіи на эту область этнологіи; по инициативѣ г. Майкова, Географическое Общество явилось однимъ изъ самыхъ видныхъ экспонентовъ на выставкѣ, какъ по части чистой, описательной этнографіи, такъ и по доисторической археологии и, конечно, успѣхъ выставки не могъ не оказать вліянія на почтеннаго ученаго; уже нынѣшнею зимою прочтено было нѣсколько рефератовъ по доисторической археологии въ средѣ того самаго отдѣленія этнографіи, которое всегда, до г. Майкова, чуждалось какъ-то этой отрасли человѣческихъ знаній. Благодаря начинаніямъ председателя, къ участию въ трудахъ отдѣленія привлечены именно по этой отрасли наукъ новыя силы и отпра-

лена уже на Уралъ экспедиція Малахова, который долженъ изслѣдовать эту мѣстность въ археологическомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и на этомъ поприщѣ Географическому Обществу удастся вызвать нѣсколько интересныхъ и важныхъ работъ и достичь самыхъ блестящихъ результатовъ, причемъ, конечно, специалисты будутъ помнить, что инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ г. Майкову. Что касается до отдѣленія статистики, то оно занялось изученіемъ крайне важнаго въ русской жизни вопроса объ общинѣ, которая не смотря на массу написанныхъ о ней книгъ и статей, все еще остается неизвѣстною. Отдѣленія географіи посвящаютъ большую часть времени на подготовительныя работы по устройству метеорологическихъ и морскихъ станцій въ устьяхъ Лены.

Размѣры журнальной статьи не дозволили намъ распространяться, но и изъ того, что нами сказано, легко убѣдиться, насколько плодотворна была до сихъ поръ дѣятельность Географическаго Общества, которое всегда высоко держало знамя науки, благодаря серьезному отношенію къ дѣлу своихъ вице-предсѣдателей, графа Литке и П. П. Семенова, которые положили не мало труда на пользу науки. Нѣтъ сомнѣнія, что и теперь оно не почіетъ на лаврахъ и будетъ также успѣшно, какъ и прежде, стремиться къ достиженію своей цѣли — къ изученію Россіи.

В. Майновъ.

КЪ БЮГРАФІИ ГРАФА А. ЗАМОЙСКАГО.

ПРИ вѣка имя Замойскихъ громко раздается въ Польшѣ. Историческимъ родоначальникомъ этой фамиліи считаютъ обыкновенно рыцаря Флоріана Сарія (Florian Saryusz), жившаго въ половинѣ XIV столѣтія, при королѣ Владиславѣ-Локтикѣ. Послѣ одного сраженія, въ которомъ Сарій былъ тяжело раненъ, король излилъ на него чрезвычайныя милости. Преданіе сохранило тогдашнее выраженіе Сарія, перешедшее въ девизъ герба Замойскихъ: „*Ja nie z roli i nie z soli, tylko z tego, co mnie boli*“, (т. е. „Я пошелъ въ ходъ не земледѣіемъ и не соляными промыслами, а тѣмъ, что у меня болитъ“).

При королѣ Стефанѣ Баторіи, потомокъ Сарія, Янъ Замойскій, былъ канцлеромъ и великимъ короннымъ гетманомъ (1576—1605). Онъ женился на племянницѣ короля, Гризивдѣ, взялъ за нею огромное приданое, заключавшееся въ капиталахъ и въ земляхъ, которыхъ средоточіемъ былъ городъ Замосць, Замойскими же и укрѣпленный.

При Сигизмундѣ III недвижимыя имущества Замойскихъ разрослись еще болѣе и обращены въ майротъ (1589), названный, по приѣзду прежнихъ польскихъ учреждений этого рода, ординаціей Замойскихъ¹⁾. Эта громадная ординація вмѣщала въ себѣ первона-

¹⁾ Самыя старшія польскія ординаціи суть: Тарновскихъ (1470) и Любранскихъ (1520). Затѣмъ идутъ ординаціи: Замойскихъ на Замосць и Щебржешицъ (1589); Радзивилловъ на Олькѣ и Несвижѣ (1589); Мышковскихъ—Пинчовское (1601); Острогскихъ—на Острогѣ (1609); Сулковскихъ—на Радзени (1775) и Красинскихъ—Опшогорская (1844).

Въ настоящее время находится въ царствѣ польскомъ только три ординаціи: графовъ Замойскихъ и Красинскихъ, и Клецкая и Давидгородская—князя Радзивилла.

Слово *ordnatio* значитъ: „распоряженіе, приведеніе въ порядокъ“. Имъ начинается завѣщаніе Яна Замойскаго: „*Ordinatio bonorum hereditariorum Domini Zamoscianaе, comitiis Generalibus Regni, Binisque Constitutionibus, ab universis ordinibus concessa et approbata, per illustrissimum et excelentissimum D. Iouannem*

чально почти весь Замосцьскій и Грубешовскій повѣты Люблинскаго воеводства, захватывая всего на всего около 70 квадратных миль земли, гдѣ было до 400 доревень съ мѣстечками.

Изъ потомковъ Яна Замойскаго наиболѣе извѣстны: Оома Замойскій, также великій коронный канцлеръ (1594—1638) и Андрей Замойскій, великій коронный канцлеръ (1716—1792).

Сынъ послѣдняго, ординаръ графъ Станиславъ Замойскій ¹⁾, женился на княгинѣ Софіи Чарторьской. У нихъ было семь сыновей (Константинъ, Владиславъ, Зозиславъ, Андрей, Янъ, Августъ и Станиславъ) и три дочери, которыя сначала воспитывались въ Краковѣ, при матери (гдѣ ихъ окружала постоянно литературно-политическая атмосфера). Потомъ сыновья разсланы по лучшимъ заграничнымъ пансіонамъ.

Графъ Андрей, родившійся 2 апрѣля н. ст. 1800 года, въ Вѣнѣ, учился одно время въ парижскомъ пансіонѣ Mureppe, затѣмъ въ одномъ изъ женеvскихъ, и довершилъ свое образованіе въ эдинбургскомъ университетѣ, гдѣ пробылъ съ 1819 по 1821 годъ. Послѣ этого путешествовалъ около трехъ лѣтъ по Европѣ; въ 1824 году женился на графинѣ Розѣ Потоцкой, а въ 1825 прибылъ въ Варшаву и опредѣлился тамъ на службу въ Коммиссію Внутреннихъ Дѣлъ и вскорѣ получилъ мѣсто дѣлопроизводителя (Refendarjusz) и назначенъ камергеромъ ко двору его величества, императора Николая Павловича.

Съ 1828—1830 онъ завѣдывалъ въ сказанной коммисіи отдѣломъ промысловъ.

Революція 1830 года прекратила мирную дѣятельность графа Андрея. Старшій братъ его Константинъ (тогда уже ординаръ), вооружилъ на свой счетъ цѣлый полкъ и самъ вступилъ въ него солдатомъ. Андрей же сдѣлался адъютантомъ диктатора Хлопицкаго и принималъ участіе въ битвѣ подъ Граховымъ.

Вскорѣ послѣ этой битвы, революціонное правительство послало графа Андрея въ Вѣну, вывѣдывать настроеніе австрійскаго кабинета относительно русскаго захвата и вмѣстѣ просить о признаніи польскаго народнаго возстанія воюющею стороною. Онъ добрался до Кра-

*in Zamoscie Zamoyski Supremum Regni cancellarium, et exercituum generalium ducem etc., eorum actis tribunalitiis Regni facta, in perpetuum seroicus*⁴⁾.

Русскихъ императорскихъ майоратовъ въ царствѣ 265. Первая партія (131 майоратъ) роздана разнымъ лицамъ въ 1835 году, изъ казенныхъ и конфискованныхъ послѣ возстанія 1831 года имѣній. Вторая партія (73 майората) роздана въ 1866 году, изъ казенныхъ и конфискованныхъ послѣ возстаній 1831 и 1863 имѣній. Третья партія (61 майоратъ) роздана въ 1869—1870 годахъ, изъ казенныхъ имѣній царства польскаго.

Кромѣ того пожаловано, между 1835—1879 г., въ полную собственность 13 казенныхъ имѣній и лѣсовъ въ царствѣ польскомъ и въ западныхъ губерніяхъ, съ правомъ продажи въ другія руки.

⁴⁾ Графскій титулъ австрійской имперіи полученъ Замойскими въ 1780 году. Гербъ Замойскихъ, прямыхъ родоначальниковъ графа Андрея,—Ielita.

кова подъ именемъ француза-гувернера и оттуда переѣхалъ въ имѣніе графа Потулицкаго, Бобрекъ, гдѣ всѣ его считали гувернеромъ, кромѣ самаго хозяина, который былъ посвященъ въ тайну.

Однажды графъ Андрей встрѣтился у Потулицкаго съ графомъ Лорисомъ (Loris), изъ Осека, и этотъ послѣдній рѣшился довести до свѣдѣнія князя Меттерниха о миссіи Замойскаго. Тогда пришли изъ Вѣны паспортныя облегченія.

При первомъ свиданіи съ графомъ Андреемъ, австрійскій консулъ объявилъ ему, что „готовъ быть посредникомъ между царемъ и революціоннымъ правительствомъ царства польскаго, только совѣтуетъ ограничиться дѣйствіями въ конгрессуветѣ и принять условія, какія царь, при содѣйствіи Австріи, предложитъ“.

Послѣ этого Меттернихъ пригласилъ графа на обѣдъ, гдѣ свелъ его, какъ своего знакомаго, съ русскимъ посланникомъ Татищевымъ. Татищеву показала подозрительную фізіономію Замойскаго: онъ просилъ его бывать у нихъ запросто. Замоискій, послѣ третьяго-четвертаго визита, сталъ встрѣчать у Татищевыхъ какую то очень хорошенькую соотечественницу, сошелся съ нею, какъ полякъ, рѣшительно ничего не подозрѣвая; потомъ, отъ нечего дѣлать, влюбился—и разболталъ ей всю свою тайну.

Хорошенькая поляка была ничто иное, какъ шпіонъ нашего посла ¹⁾. Меттернихъ узнавши всю эту исторію отъ Татищева, повелъ себя съ графомъ Андреемъ, какъ съ вѣтренымъ мальчикомъ. Всѣ ихъ разговоры съ этого времени состояли изъ однихъ пустыхъ, ничего не значащихъ фразъ. Канцлеръ толковалъ постоянно о расположеніи Австріи въ полякамъ русскаго захвата, объ ужасной ошибкѣ, сдѣланной кабинетами трехъ державъ въ 1772... и тѣмъ все кончалось. А графъ Андрей восклицалъ, съ юношескимъ жаромъ, что „если Австрія не поправитъ теперъ своей ошибки, то первая за это поплатится“. Миттернихъ только улыбался и въ заключеніе всѣхъ подобныхъ бесѣдъ съ графомъ, объявилъ ему, что „положеніе дѣлъ въ Европѣ заставляетъ Австрію строго держаться трактата 1815 года; что на этомъ трактатѣ зиждется вся ея политическая система“.

Съ этимъ графъ Андрей воротился въ Варшаву, но черезъ нѣсколько времени былъ снова посланъ народнымъ правительствомъ въ Вѣну. На этотъ разъ пробраться туда было несравненно труднѣе. Въ Галиціи были усилены наблюденія за всякими странниками. Всѣ знакомые графа отказали ему въ своей помощи—и онъ, переправясь черезъ Вислу впадь подъ Щуцинымъ ²⁾, переночевалъ у кантрабандиста и послѣ ѣхалъ по ночамъ „przez lasielskie“ до Венгріи, имѣя паспортъ на чужое имя.

¹⁾ Сообщено автору намѣстникомъ графомъ Бергомъ.

²⁾ Въ Галиціи, Тарновскаго округа, съ версту отъ границы, т. е. отъ Вислы.

Меттернихъ, встрѣтивъ его довольно любезно, сказалъ, что „пожалуй, готовъ принять участіе въ капитуляціи, къ которой видимо клонится дѣло, но больше этого ничѣмъ не можетъ служить полякамъ русскаго захвата“—и совѣтовалъ графу Андрею ѣхать немедля въ Варшаву. Замоискій согласился. Канцлеръ далъ ему чиновника для облегченія всякихъ затрудненій на пути и открытый листъ, къ которому приложилъ визу и русскій посланникъ.

Замоискій поѣхалъ черезъ Пруссію и прибылъ въ Варшаву тогда, когда польскія войска уже ее очистили. На другой день по вступленіи нашей арміи въ Варшаву, графъ Андрей явился къ Паскевичу.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ у него строгимъ голосомъ Паскевичъ, знавшій черезъ Татищева о вѣнскихъ его походахъ.

— Я прибылъ изъ Вѣны съ письмомъ отъ князя Меттерниха, какъ „wyslaniec“ народнаго правительства, отвѣтилъ Замоискій.

— Высланецъ народнаго правительства? закричалъ Паскевичъ: гдѣ такое правительство? Я васъ, сударь мой, велю разстрѣлять, вотъ вы и будете знать у меня какое-то тамъ народное правительство!

Это было конечно только угрозой на словахъ и ничего болѣе. Паскевичъ, предвидя, на чемъ неизбежно обопрется система управленія его Польшей, приказалъ графу Андрею только выѣхать въ деревню и сидѣть тамъ мирно.

Замоискій отправился въ село Клеменсово (Люблинской губерніи, Замосцкаго уѣзда) и тамъ устроилъ два образцовые фольварка, гдѣ жить, можно сказать, маленькимъ царькомъ, среди всевозможныхъ удобствъ, въ теченіи всего царствованія Николая Павловича.

Въ Клеменсово съѣзжались многіе окрестные помѣщики и гости изъ другихъ губерній, посмотрѣть на образцовое хозяйство графа, потолковать о томъ, о семъ, съ образованнымъ, бывалымъ и почтеннымъ представителемъ рода Замоискихъ, поохотиться и покутить на старопольскій ладъ.

Съ этихъ клеменсовскихъ съѣздовъ ¹⁾ начинается популярность графа Андрея въ краѣ. Имя его стало кое-гдѣ раздаваться, какъ имя полезнаго, выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ патріота.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ клеменсовскіе съѣзды приняли довольно широкіе размѣры. Въ иное лѣто собиралось тамъ болѣе 200 человекъ мелкой и крупной шляхты, отличавшейся начитанностью и образованіемъ. Здѣсь, можно сказать, перебивала вся интеллигенція края ²⁾. Такъ какъ Замоискій велъ себя въ политическомъ смыслѣ

¹⁾ Первые съѣзды имѣли мѣсто въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ, „kiedy królestwo jak i Galicja w zupełnym były pogrążone śnie“ (когда царство, а также и Галиція были погружены въ глубокое снѣ), говоритъ авторъ статей „объ Андрѣ Замоискомъ“ въ Часѣ 1879, № 223, стр. I, столбецъ 3.

²⁾ Свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ: С за в 1874, №№ 250, 251, 252; Gazeta Narodowa того же года, № 249, и XXVIII томъ Encyklopedyi powszechnej Orgelbanda, статья „Zamojski“, стр. 256—278.

безукоризненно, рѣшительно ни во что не мѣшаясь, (бури 1846 и 1848 годовъ пронеслись, не коснувшись фольварковъ) ¹⁾, то Паскевичъ смотрѣлъ сквозь пальцы на тамошніе шляхетскіе сѣзды. Они совершались спокойно, какъ бы подъ санкціей грознаго фельдмаршала. Впрочемъ Лисицкій, въ книгѣ своей „Alexander Wielopolski“, говоритъ, будто бы подъ конецъ эти сѣзды были запрещены ²⁾.

Въ антрактахъ между всякими грандіозными развлеченіями (кавалладами, охотами на сернь, медвѣдей, оленей и кабановъ), въ дурную погоду, когда вѣтеръ поэтически завывалъ въ старыхъ-престарыхъ клеменсовскихъ паркахъ, просвѣщенные гости графа Андрея бесѣдовали, у трескучихъ каминовъ, о состояніи сельскаго хозяйства въ Польшѣ, мѣстами значительно разстроенаго, вслѣдствіе безпечности и небреженія владѣльцевъ, думавшихъ единственно о кутежахъ на широкую руку, волокитствахъ за варшавскими актрисами, о безцутномъ убиваніи денегъ и времени за границей (что иногда поддерживалось и поощрялось самимъ правительствомъ, въ особенности послѣ вспышки 1846 года). Въ такихъ бесѣдахъ, естественно, заходили толки о томъ, какъ бы остановить, или хотя парализовать такой бѣдственный ходъ вещей: отрезвить безумцевъ, поднять нравственность, обратить праздныхъ кутилъ къ полезнымъ занятіямъ—и чрезъ это, по возможности, уравниять сельскій и промышленный бытъ страны съ заграничнымъ, сдѣлать, мало-по-малу, всю Польшу (и безъ того опередившую Россію въ дѣлѣ агрикультуры) огромнымъ клеменсовскимъ фольваркомъ.

Въ концѣ-концовъ, всѣмъ собиравшимся у Замойскаго патриотамъ (какъ это бываетъ зачастую на всякихъ сборищахъ поляковъ, да и простительно всѣмъ завоеваннымъ) видѣлась очищенная отъ грѣховъ, нравственно-могучая, единомышленная, съ народомъ вмѣсто быдла, богатая, разумная, просвѣщенная Польша, способная итти дальше и дальше...

Takem silny, takem dumny,
Siostró moja! mnie się zdaje
Że w tej chwili, ze snu trumny
Nasza święta gdzieś już wstaje!... ³⁾

Клеменсовцы пришли довольно скоро и естественно къ заключенію, что самымъ простымъ и лучшимъ средствомъ воспитать и повести всю массу населенія къ извѣстнымъ, спасительнымъ цѣлямъ,

Бывали также помѣщичьи сѣзды около того же времени у каштеляна Каятана Козьяна, въ имѣніи его Петровицахъ, Люблинской губерніи и уѣзда.

¹⁾ Авторъ статей „о графѣ Андрѣ“ въ Ч а с ѣ 1879 именно Клеменсовскимъ сѣздамъ приписываетъ то обстоятельство, что катастрофа, постигшая Галицію въ эти годы (1846—1848) очень мало коснулась царства. (№ 223, стр. 1, столбецъ 3).

²⁾ Томъ I, стр. 50—51.

³⁾ Przidświt Красянскаго. Переводъ въ Позіи славянъ Гербеля, С.-Петербургъ, 1871, стр. 517.

есть — земледѣльческое общество. Только оно можетъ сдѣлаться школою для земледѣльцевъ и потомъ для всего народа въ краѣ, находящагося въ такихъ невыгодныхъ условіяхъ, какъ Польша.

Но слово общество, въ сороковыхъ годахъ и въ самомъ началѣ пятидесятыхъ, было страшнымъ, непрактическимъ звукомъ, который раздавался тихо и осторожно даже въ темныхъ дебряхъ Клеменсова.

Сказано однако и сказано очень давно, что „рожденная мысль, хотя бы и не въ благополучную минуту, когда исполниться ей невозможно, есть уже шагъ впередъ: такимъ шагомъ впередъ была и мысль клеменсовцевъ о земледѣльческомъ обществѣ въ Польшѣ. Толкуя время отъ времени объ этомъ вопросѣ, сильно всѣхъ ихъ занимавшемъ, гости графа Андрея, сами не зная какъ, дошли до разрѣшенія многихъ трудныхъ задачъ сельскаго хозяйства въ ихъ отечествѣ, и почти построили въ умахъ своихъ все зданіе, о которомъ мечтали. Дѣло будущаго общества (патріотическо-, а можетъ и политическо-) земледѣльческаго пошло въ Клеменсовѣ скорѣе, нежели могли предполагать... будущіе его члены: чуждые другъ другу въ началѣ лица, въ нѣсколько періодическихъ встрѣчъ въ одномъ и томъ же пунктѣ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, подъ вліяніемъ обаятельныхъ свойствъ изящнаго и гостепріимнаго хозяина, магната магнатовъ *pur sang*, мало-по-малу сблизились, стали людьми одной и той же вѣры, настроенія, понятій, образовали незамѣтно плотный кружокъ, такой плотный, какіе рѣдко образуются искусственно, по данному рецепту, — кружокъ съ представительнымъ главою и вождемъ, котораго вовсе не выбирали, но который выбрался какъ-то самъ собою, въ высшей степени естественно, какимъ-то волшебствомъ, и лучше нежели всякій выбранный, при церемоніи обноса кругомъ извѣстнаго ящика съ черными и бѣлыми шарами, отвѣчалъ всѣмъ вкусамъ, приходился по душѣ каждому члену кружка. А въ 1842 году, у этого кружка, создавагося такъ оригинально и какъ бы случайно, явился такой же случайный органъ — органъ невидимаго, несуществующаго юридически земледѣльческаго общества, названный *Rozniki Gospodarsdwa Krajowego* (Лѣтописи отечественнаго хозяйства), которыхъ редакція ввѣрена была нѣкому I. Коневичу ¹⁾.

Когда графъ Андрей очутился, по амнистіи 1856 года, въ Варшавѣ, клеменсовцы сгруппировались около него очень естественно и тамъ. Графъ Андрей сразу занялъ видное мѣсто въ обществѣ, во-первыхъ, какъ человекъ послужившій краю и за него пострадавшій, изгнанникъ въ теченіи четверти вѣка, а потомъ какъ личность вообще чрезвычайно симпатическая. Его полюбили мгновенно всѣ: и русскіе, и поляки, и жидаы, и высшій слой, и низшій; умѣренная по своимъ политическимъ взглядамъ и пріемамъ жизни часть населенія, и ни-

¹⁾ Графъ Андрей самъ писалъ въ этомъ журналѣ статьи (*Szas* 1879, № 223, стр. 1. столбецъ 3).

чѣмъ недовольные корсиканцы — трибуны разныхъ захолустныхъ кофеенъ и баварій. Графъ Андрей сталъ очень скоро, самъ не зная какъ, примирителемъ всякихъ непримиряемыхъ, повидимому, элементовъ. Все самое незговорчивое и ярое смирялось и уступало, едва было произнесимо имя симпатичнаго графа, едва устремился въ ихъ сторону его мягкій, глубокій, тихій взглядъ.

Графъ Андрей Замойскій былъ объ эту пору человѣкъ уже молодой (подъ 60 лѣтъ), но онъ смотрѣлъ еще молодцомъ, ходилъ легко и прямо, какъ юноша, по лѣстницамъ шагаль всегда черезъ двѣ ступени. Его красивая, благородная фигура имѣла въ себѣ что-то неотразимо-привлекательное. Какъ бы вы на него ни смотрѣли: вблизи, издали, внимательно или мелькомъ—вы видѣли передъ собой аристократа самой чистой крови, изящнаго, благовоспитаннаго во всякомъ малѣйшемъ движеніи, во всякомъ хотя бы необдуманно и небрежно произнесенномъ словѣ. Скоро стали всѣ говорить просто „графъ Андрей“; фамилію употребляли рѣдко, какъ будто-бы на все царство и былъ отпущенъ Богомъ только одинъ графъ Андрей.

Нечего и говорить, что появленіе изящнаго графа Андрея въ Замкѣ, съ его безукоризненнымъ французскимъ языкомъ, произвело потрясеніе въ сердцахъ людей, которые не могутъ не симпатизировать всему истинно-аристократическому, богатому, вліятельному— прежде всего въ сердцѣ самаго намѣстника. Паскевичъ, плебей по происхожденію, ласкалъ польскихъ аристократовъ съ извѣстными политическими цѣлями; онъ вторилъ въ этомъ отчасти Петербургу, но въ тоже время былъ для нихъ одинъ и тотъ же: высшее лицо, герой, покрытый лаврами безчисленныхъ походовъ, намѣстникъ и другъ царя.

Горчаковъ питалъ слабость къ аристократамъ всѣхъ націй потому, что самъ былъ аристократъ, потому что съ самыхъ раннихъ лѣтъ наслушался отъ отца и матери, отъ всѣхъ тетюшекъ, дядюшекъ, бабушекъ и дѣдушекъ, что аристократы — особые люди земного шара, бѣлая кость, создаются изъ другого, лучшаго и благороднѣйшаго матерьяла, чѣмъ плебеи; а плебеи—это... какъ бы даже и не люди, а что то низшее въ іерархіи животныхъ, родъ орангутанговъ или шимпанзе.

Горчаковъ „padał do półg“ всего аристократическаго въ Польшѣ. Онъ и его жена принимали у себя польскихъ аристократовъ, какъ ихъ не принимали въ Замкѣ рѣшительно никогда. Сколько оскорбленій вынесли при этомъ русскіе! Однихъ русскихъ можно такъ оскорблять.

Графъ Андрей и его супруга были у Горчаковыхъ болѣе хозяевами, нежели они сами. Случилось однажды (и можетъ не однажды), что княгиня Горчакова до того забыла всякія приличія, что сказала одной русской дамѣ (по мужу довольно-высокопоставленной и тоже аристократическаго происхожденія), которая сидѣла на диванѣ, когда вдругъ вошла въ залу графиня Замойская: „Veillez bien, madame,

céder votre place à la comtesse!“ Но дама да тотъ разъ случилась характерная: она отвѣчала княгинѣ: „je puis, madame, si vous le désirez, vous céder même le salon!„ И съ этими словами вышла изъ комнаты ¹⁾.

Партія клеменсовцевъ (изъ коихъ многіе, будучи людьми зажиточными и аристократическаго происхожденія, принимались въ Замкѣ также чрезвычайно любезно) почувствовала свою силу; почувствовала, что времена измѣнились; что близкое ихъ сердцу дѣло—Земледѣльческое общество — можно подвинуть впередъ, покрайней мѣрѣ можно попробовать, не рискуя рѣшительно ничѣмъ. Они настроили графа Андрея замолвить Горчакову, въ удобный часъ, слово объ обществѣ... какомъ-нибудь, напр. объ обществѣ пароходства по Вислѣ, которое уже было разрѣшено, десять лѣтъ тому назадъ, въ 1846 году, французу Гиберту (Guibert) и выдана ему концессія на постройку пароходства не только по Вислѣ, но и по другимъ рѣкамъ царства польскаго: стало быть теперь дѣло идетъ только о возобновленіи этой концессіи, не исполненной въ свое время единственно вслѣдствіе волненій и замѣшательства въ краѣ. А тамъ, когда это будетъ разрѣшено, можно заговорить и о Земледѣльческомъ обществѣ.

Горчаковъ нисколько не возражалъ графу Андрею, когда тотъ повелъ съ нимъ разговоръ о возобновленіи концессіи Гиберта. Онъ просилъ только графа переговорить съ главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, Мухановымъ, безъ котораго намѣстникъ не рѣшалъ тогда ни одного важнаго вопроса. Благовоспитанный графъ Андрей и самъ зналъ очень хорошо, что безъ Муханова дѣло не обойдется и заручился его словомъ еще прежде, чѣмъ сталъ говорить съ княземъ.

Этотъ Мухановъ (Павель Александровичъ) родился въ 1798 году. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1815 г., онъ поступилъ въ военную службу по квартирмейстерской части, что нынѣ генеральный штабъ. Въ 1816 произведенъ въ прапорщики и назначенъ адъютантомъ къ командиру 5 корпуса, графу Толстому. Въ турецкую кампанію 1829 года онъ находился въ свитѣ фельдмаршала Дибича и участвовалъ въ нѣсколькихъ вылазкахъ подъ Силистріей, потомъ въ разныхъ сраженіяхъ при движеніи нашемъ къ Шумлѣ и въ дѣлѣ подъ Кулевчи. Послѣ чего перешелъ въ дѣйствующую армію и принималъ участіе въ польской компаніи 1831 года. За отличіе въ битвѣ подъ Остроленкой получилъ чинъ полковника и сдѣланъ чиновникомъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ. Затѣмъ былъ нѣсколько времени предсѣдателемъ квартирной комиссіи въ Варшавѣ (1832—1834); въ этомъ послѣднемъ году подалъ по какимъ то обстоятельствамъ, въ отставку и уѣхалъ въ Россію, гдѣ занимался

¹⁾ Свѣдѣніе отъ тогдашняго директора канцеляріи намѣстника.

литературой, состоя членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго общества, испытателей природы, сельскаго хозяйства и Общества исторіи и древностей россійскихъ (1835—1836) ¹⁾.

Когда образовался Варшавскій учебный округъ, на подобіе существующихъ въ Россіи, Мухановъ, слышій бойкимъ писакой и человекомъ начитаннымъ, назначенъ при помощи какихъ то силъ, помощникомъ попечителя, генерала Окунева, съ переименованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники (въ мая 1842). Окуневъ не долюбивалъ Муханова, какъ равно и Паскевичъ, и когда первый отправился, въ 1850, для поправленія своего здоровья на островъ Мадеру, Паскевичъ едва согласился, что бы Мухановъ правилъ его должностію.

При Горчаковѣ все пошло иначе. Предвидя, по всѣмъ вѣроятностямъ, что Горчаковъ, рано или поздно, сядетъ на мѣсто Паскевича Мухановъ всячески въ немъ заискивалъ, когда онъ былъ начальникомъ главнаго штаба при фельдмаршалѣ и Варшавскимъ генерал-губернаторомъ, а по отъѣздѣ его въ южную армію, въ 1853, вызвался завѣдывать его разстроенными имѣніями въ Россіи и значительно ихъ поправилъ.

Личная услуга всегда болѣе помнится, чѣмъ всякая другая, даже и такими безпамятными людьми, какъ Горчаковъ. Выигрываетъ по службѣ совсѣмъ не тотъ, кто служить, а кто прислуживается. Это замѣчено еще Грибоѣдовымъ въ безсмертной его комедіи. Явись въ Варшаву намѣстникомъ царства Польскаго, князь не зналъ, какъ достаточно отблагодарить своего „управляющаго“ — и сдѣлалъ его очень скоро (именно 8 марта ст. ст. 1856 г. недѣли черезъ двѣ, черезъ три послѣ своего пріѣзда) главнымъ директоромъ комиссіи внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Викинскаго. Съ этою должностію связано было завѣдываніе Варшавскимъ учебнымъ округомъ и духовнымъ отдѣломъ. Тутъ Мухановъ совершенно забралъ новаго намѣстника въ руки, сталъ его alter ego.

Нельзя сказать, чтобы Мухановъ не служилъ въ Польшѣ русскимъ интересамъ; но какъ человекъ, въ высшей степени несимпатичный и неприятный (даже по наружности), онъ никогда не могъ образовать около себя серьезной партіи, вѣчно стоялъ одиноко и оттого всѣ его усилія „сдѣлать что-либо для русскаго дѣла въ Польшѣ“, въ большинствѣ случаевъ кончались ничѣмъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ Мухановъ поддался всеобщему правительственному настроенію въ Польшѣ и въ Россіи; велъ себя, какъ всѣ высшія лица, окружавшія намѣстника: либо вторилъ ему во всемъ, либо молчалъ, иначе сказать: сдѣлался совершенный alter Горчаковъ: уступчивый, безхарактерный, даже подчасъ теряющійся, когда теряться было не отъ чего ²⁾.

¹⁾ О литературныхъ работахъ его см. „Русскую Старину“, 1872, т. V стр. 336—341.

²⁾ Вотъ отзывы о Мухановѣ нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ возможность знать его

Графъ Андрей безъ всякаго труда склонилъ этого alter Горчакова на свою сторону, какъ только это оказалось нужнымъ. Статсъ-секретарь Тымовскій протащилъ дѣло пароходства по Вислѣ черезъ комитетъ по дѣламъ царства польскаго въ Петербургѣ. Концессія Гибберта перешла въ руки Замойскаго и онъ отправился съ двумя своими сыновьями ¹⁾, въ путешествіе по Вислѣ, на пароходѣ, мѣрялъ въ разныхъ пунктахъ глубину этой прихотливой рѣки, толковалъ со специалистами...

Всѣ эти поѣздки графа Андрея были рядомъ царскихъ, триумфальныхъ встрѣчъ и проводовъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ только пароходъ бросалъ якорь. Обѣды, тосты, виваты, на старый и новый польскій ладъ: что называется по-просту: ажно небу было жарко. Въ заключеніе всего, въ эту польскую политическую аферу были ловко втянуты нѣкоторые русскіе тузы... акціи пароходства по Вислѣ подняты искусственно со 120 на 300 рублей—и точно также вскорѣ величественно грохнулись.

Машина пошла. Директоромъ пароходства назначенъ былъ человекъ очень красныхъ свойствъ и вмѣстѣ глава одного кружка недовольныхъ, Леонъ Круликовскій, прошедшій огонь и воду и не особенно молодой. Какъ случилось, что бѣлый, легальный, умѣренный въ ту пору Замоискій взялъ къ себѣ на службу такого зажигателя и революціонера. — Богъ вѣсть, только случилось. Его могли втереть

хорошо. Сенаторъ К. выражался объ немъ, въ присутствіи автора, такъ: „это былъ гениальный интриганъ, который искалъ и въ правительствѣ, и въ полякахъ“.

Графъ Фридрихъ Снорбекъ (главный директоръ комиссіи юстиціи) обрисовываетъ Муханова такъ: „это былъ человекъ атлетическаго вида, со взглядомъ, отражающимъ въ себѣ суровость, гордость и фальшивыя свойства души; имѣлъ свѣтскій лоскъ и обходился презрительно со всѣми тѣми, кого считалъ ниже себя и къ себѣ не очень расположеннымъ. Внѣшность его показывала скрытую внутри злость и вспыльчивость, въ доказательство чего можно привести случай, какъ онъ однажды, воротясь домой ночью, убилъ ударомъ трости сторожа за то, что тотъ не такъ скоро отперъ ему калитку. Эту горячность онъ старался всячески скрывать; умѣлъ даже ласкаться къ тѣмъ, кого хотѣлъ царапнуть или укусить. Въ немъ не было низкой страсти къ лихоимству, за то бушевала ненасытная жажда власти и значенія. (Pamiętniki, стр. 291).

Бывшій профессоръ въ главной школѣ и вмѣстѣ цензоръ, И. И. П., увѣрялъ автора, что „Мухановъ, какъ почитель Варшавскаго учебнаго округа, не пользовался у нихъ симпатіей потому, что тормозилъ просвѣщеніе въ Польшѣ, считая неумѣстнымъ давать ему болѣе ходу, чѣмъ давали въ Россіи. На чье-то замѣчаніе, что пора-бы въ царствѣ открыть университетъ, онъ сказалъ: „но въ то же время нужно построить другую пшадель“ (Лисицкій, Alexander Wielopolski, I, 101). За то, какъ главный директоръ комиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, Мухановъ не имѣетъ себѣ равнаго: онъ поднималъ сельское хозяйство и промыселъ страны, какъ никто до него и послѣ“.

Писатель Крашевскій отзывался о Мухановѣ, при авторѣ, такимъ образомъ: „довольно добрый, но непріятный и безъ такта человекъ: совершенный русскій Веленольскій“.

И это кажется самое вѣрное опредѣленіе Муханова: русскій Веленольскій.

¹⁾ Всѣхъ сыновей у графа Андрея было пятеро: Владиславъ, Янъ, Станиславъ, Андрей и Зосиславъ.

графу разные пріятели, не то бѣлые, не то красные, какихъ вертѣлось около него тогда довольно много. По разсчетамъ этихъ господъ, пароходство графа Андрея должно было разыграть, въ недалекомъ будущемъ, такую-же важную роль, какая предназначалась пароходству Гиберта въ 1846 г., еслибъ тогдашнее возстаніе окончилось такъ, какъ было задумано.

30 іюля 1857 года послѣдовало открытіе пароходства, въ особомъ новомъ зданіи на Сольцѣ, гдѣ былъ пиръ горой, со спичами въ прозѣ и стихахъ.

Послѣ этого выхлопотать разрѣшеніе на открытіе земледѣльческаго общества было, для того-же самаго Замойскаго, дѣломъ не особенно труднымъ. Правда, Мухановъ, для виду, упрямился и возражалъ больше, чѣмъ въ первый разъ, но въ концѣ-концовъ все-таки согласился ¹⁾. Тымовскій снова протащилъ проэктъ въ Петербургѣ—и Общество было открыто, торжественнымъ актомъ, въ залѣ Кураторіи, ^{4/16} января 1858 года, причемъ говорили рѣчи: попечитель учебнаго округа Мухановъ, архіепископъ Фіалковскій и графъ Андрей Замойскій ²⁾. На другой день наиболѣе вліятельные помѣщики—кленсовцы, дали Замойскому (какъ-бы члены уже избранному председателю), въ англійскомъ клубѣ, обѣдъ, на который былъ приглашенъ и Мухановъ. Тутъ опять говорились рѣчи ³⁾.

Черезъ нѣсколько дней тѣ-же самыя лица (засѣдая въ намѣстниковскомъ палацѣ, на Краковскомъ предмѣстьѣ, тогда-какъ бюро Обще-

¹⁾ Говорили, будто-бы разрѣшенію Земледѣльческаго общества въ томъ видѣ, какъ это вышло, прислужились не мало дурныя отношенія Муханова къ Коцебу. Коцебу подавъ мысль: „основать общіе уѣздные сѣзды помѣщиковъ; потомъ—губернскіе, гдѣ засѣдаютъ выборные изъ уѣздныхъ. Наконецъ—центральный земледѣльчскій комитетъ въ Варшавѣ, состоящій изъ выборныхъ губернскихъ“. Это одобрили многіе, но Мухановъ, въ пику Коцебу и его друзьямъ, настоялъ на одномъ общемъ сѣздѣ помѣщиковъ въ Варшавѣ. Графъ Урускій сказалъ будто-бы притомъ, въ кружкѣ ему близкихъ людей, „да вѣдь такое общество неизбежно превратится въ политическое!“ Его выдали—и онъ долженъ былъ на время скрыться за границей... (Дневникъ полковника К.).

Авторъ брошюры: „Sprawa polska z soku 1861, list z kraju“. Рагузъ говоритъ, что „Замойскій, при открытіи земледѣльческаго общества въ царствѣ польскомъ прямо руководствовался мыслию Кавура, начавшаго освобожденіе Италіи основаніемъ земледѣльческаго общества... въ странѣ, гдѣ никакая политическая дѣятельность невозможна, необходимо все обращать въ политику“.

Болеславичъ, въ повѣсти своей „Dziecię starego miasta“ выражается: Towarzystwo to bardzo dobrze przetłumaczone z włoskiego Savoura.

А графъ Снорбекъ увѣряетъ, что „правительству было не безызвѣстно, что земледѣльческое общество Замойскаго имѣетъ политическую подкладку. (Dzieje polski, Cześć III, стр. 224).

²⁾ Рѣчь Муханова можно видѣть въ томъ XXXII Roczników Gospod krajowego 1858, стр. 149. Рѣчь Фіалковскаго—тамъ-же, стр. 166; рѣчь Замойскаго—тамъ-же, стр. 169.

³⁾ Описаніе этого обѣда и затѣмъ вечера въ куческомъ клубѣ можно видѣть во всѣхъ по временныхъ газетахъ, между прочимъ въ „Kurjerze Warszawskim“ 1858, № 16.

ства находилось въ домѣ кредитнаго общества, на углу Ериванской и Мазовецкой улицъ) выбалотировали первыхъ членовъ; графъ Андрей сталъ фактически, de jure, предсѣдателемъ Общества ¹⁾; графъ Тома Потоцкій — вице-предсѣдателемъ. Пробирался въ члены Общества и Велепольскій, человѣкъ тогда малоизвѣстный въ Варшавѣ, но отчего-то не попалъ. Обыкновенно говорятъ, будто бы его забалотировали. Былъ-ли такой фактъ на самомъ дѣлѣ, никто этого хорошо не знаетъ. Когда маркизь умеръ въ Дрезденѣ, въ 1878 году, двѣ главныя галиційскія газеты: „Часъ“ и „Народовка“, спорили объ этомъ между собою: „Часъ“ утверждалъ, что Велепольскій былъ выбранъ въ члены, а „Народовая газета“ отрицала его ²⁾. Мы записываемъ то, что установилось въ Варшавѣ, какъ тогда говорили и говорятъ до сихъ поръ.

Сочинять органъ Земледѣльческому обществу было не зачѣмъ, когда такой органъ, подъ протекціей лицъ, которыя составляли ядро общества, существовалъ уже въ царствѣ 15 лѣтъ. „Лѣтописи отечественнаго хозяйства“ перешли только отъ какой-то таинственной и неопредѣленной компаніи (Spółki) въ явное и опредѣленное вѣдѣніе Земледѣльческаго общества, о чемъ и было донесено публикѣ въ XXXII томѣ ихъ, вышедшемъ въ свѣтъ въ концѣ января 1858 года и этотъ XXXII томъ составилъ 1-й томъ Лѣтописей отечественнаго хозяйства, какъ органа Земледѣльческаго общества.

Номинальнымъ редакторомъ „Лѣтописей“ назначенъ секретарь Замоискаго, В. Гарбинскій, но дѣйствительнымъ редакторомъ ихъ былъ только-что воротившійся изъ Сибири Александръ Краевскій, когда-то членъ союза польскаго народа.

Какъ втерся къ Замоискому другой красный, покрасѣ Круликовскаго, это также неизвѣстно. Впрочемъ, онъ прикидывался, на первыхъ порахъ послѣ ссылки, человѣкомъ спокойнымъ, угомонившимся, остывшимъ, но въ сущности кипѣлъ и хлопоталъ по прежнему. Напрасно думаютъ иные, что Сибирь или какая-бы то ни было ссылка и заточеніе охлаждаютъ горячія головы: ничуть не бывало! Онѣ возвращаются оттуда еще горячѣе, еще раздраженнѣе: если Еврона бываетъ для этихъ господъ гимназіей, то Сибирь—университетомъ.

Что произошло далѣе — всѣмъ извѣстно. Если грандіозная затѣя помѣщиковъ (можетъ быть дѣйствительно переведенная съ итальян-

¹⁾ Позже навалили на него нѣсколько другихъ почетныхъ должностей; а именно: предсѣдательства: кредитнаго общества, госпитальнаго совѣта въ больницѣ св. Роха и вице-предсѣдательства въ комитетѣ построенія костела „всѣхъ святыхъ“ на Гржибовѣ; званіе члена наблюдательнаго совѣта (Rady nadzorczej) въ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣстничествъ на Маргионти; члена главнаго совѣта всѣхъ благотворительныхъ заведеній въ царствѣ польскомъ и члена комитета по постройкѣ моста черезъ Вислу, подъ Варшавой.

²⁾ Часъ 1878, № 26, стр. 2, столбецъ 4. Газета Народовая 1878, № 21, стр. 1, столбецъ 5. См. объ этомъ у Лисицкаго: томъ I, стр. 106.

скаго) не удалась, — этому причиной исключительное свойство поляковъ: не сходятся въ критическія минуты во едино; не составляютъ одну группу и силу, а расходятся. Въ то самое время, когда возникло зданіе Земледѣльческаго общества, судьбамъ угодно было еще кое-что сдѣлать для поляковъ: возникла другая сила — Велепольскій, завоевавшій сразу гораздо болѣе, чѣмъ помѣщики въ нѣсколько пріемовъ. Эти послѣдніе, по крайней политической безтактности, оттолкнули его, и потомъ, въ раздраженіи, протянули руку краснымъ. Это не дало нашему правительственному рыдвану захватить еще въ пуціи трясины. Когда счастье измѣняетъ намъ въ Польшѣ, строится что-нибудь весьма для насъ невыгодное и опасное — безумство поляковъ всегда является намъ на выручку. Явилось оно и въ 1862—1863 г.

Н. Вергъ.

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ КЪ РОССИИ ¹⁾.

НУЖНО понять и безпристрастно оцѣнить причины враждебнаго настроенія китайцевъ противъ Россіи, и рѣшить, какъ должно поступать въ случаѣ, если столкновение съ ними сдѣлается неизбежнымъ, необходимо прослѣдить историческій ходъ отношеній нашихъ къ Китаю въ два послѣднія столѣтія, съ тѣхъ именно поръ, когда вслѣдствіе занятія русскими Забайкальскаго края и покушенія на Амуръ, съ одной стороны, и завоеваній китайцевъ и русскихъ въ Средней Азій, съ другой, Россія и Китай сдѣлались сосѣдями, и поэтому между ними начали возникать поводы къ столкновеніямъ.

Нѣтъ сомнѣній, что первый поводъ къ столкновенію подали сами русскіе, хотя дѣйствуя и безсознательно. Завоеватели Сибири, Казани, не были отправлены для завоеванія самимъ правительствомъ, а дѣйствовали самовольно, на томъ же основаніи, на какомъ дѣйствовали тогда и всѣ другіе европейскіе народы, убѣжденные въ несомнѣнномъ правѣ своемъ дѣлать завоеванія вездѣ, и въ Азій, и въ Африкѣ, и въ Америкѣ, и захватывать себѣ всякую землю и страну, которую, по ихъ мнѣнію, они „открывали“.

Первое вооруженное столкновение Россіи съ Китаемъ произошло, какъ извѣстно, изъ-за Амура. Можетъ быть права Китая на весь Амуръ, на оба берега, были тогда недостаточно опредѣленны, но очевидно, что Россія, во всякомъ случаѣ, имѣла еще менѣе правъ на него.

Нерчинскимъ договоромъ споръ былъ рѣшенъ удовлетворительно, можно сказать, для обѣихъ сторонъ; Китай былъ доволенъ уступкой Россіею собственно Амура и удовлетвореніемъ національнаго самолюбія, и не представлялъ требованія на Забайкальскій край, не смотря

¹⁾ Статья эта извлечена изъ приготовляемаго къ печати большаго труда о Сибири.

на то, что онъ былъ населенъ исключительно тунгусами и бурятами. одноплеменниками находившихся въ подданствѣ Китая манчжуръ и монголовъ, и даже не настаивалъ рѣшительно, т. е. не дѣлалъ изъ этого casus belli, на возвращеніи перешедшаго изъ китайскаго подданства въ русское, тунгускаго князя Гантимура съ его родами, хотя Китай и считалъ всегда всѣ манчжурскія и монгольскія племена китайскими подданными. Россія также могла быть довольна нерчинскимъ трактатомъ, удержавъ съ тѣхъ поръ въ неоспариваемомъ владѣніи Забайкальскій край, гдѣ съ трудомъ могла бы удержаться, еслибы продолжалось неопредѣленное положеніе, такъ какъ не только въ Забайкальѣ бурятскіе роды монголовъ продолжали и послѣ трактата возставать противъ владычества Россіи, но русскіе не были еще прочно утверждены и въ ближайшихъ частяхъ Сибири, такъ какъ силы Россіи были слабы еще и тамъ, а тѣмъ болѣе были слабы въ Забайкальѣ, гдѣ почти вовсе не существовало еще русскаго заселенія.

Вслѣдствіе такого обоюдо-выгоднаго рѣшенія, наступилъ долгій, весьма выгодный для Россіи, періодъ дружественныхъ отношеній между Россіей и Китаемъ, и надо сказать, что наши государственные люди того времени имѣли вполне основательную причину дорожить такими отношеніями, не только потому, что долгое еще время инородческія племена по всей Сибири были многочисленны въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ, но главное потому еще, что Сибирь сдѣлалась страной ссылки, что потребовало бы огромнаго напряженія силъ для охраненія границы на много тысячъ верстъ и предупрежденія побѣговъ, еслибы Китай находился къ Россіи во враждебныхъ отношеніяхъ и не оказывалъ бы намъ полнаго и дѣятельнаго содѣйствія строгимъ исполненіемъ трактата относительно бѣглецовъ.

Дѣйствительно, мы должны сознаться, что еслибы не было подобнаго содѣйствія со стороны Китая, то намъ невозможно было бы удержать отъ побѣговъ не только каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, но также инородцевъ, и даже солдатъ, такъ какъ сибирскія команды пополнялись ссылаемыми въ дальніе гарнизоны штрафными, а такіе бѣгали вездѣ, гдѣ только пограничные наши сосѣди принимали подобныхъ бѣглыхъ. Такъ было, на примѣръ, на Кавказѣ, откуда бѣгали и въ Турцію, и въ Персію, такъ было и по средне-азиатской границѣ, откуда убѣгали въ средне-азиатскія владѣнія даже и въ послѣднее время, особенно ссылаемые черкесы и поляки. А какъ трудно было бы наблюдать за побѣгами въ Сибири, это доказано примѣромъ, такъ называемыхъ „Алтайскихъ каменьщиковъ“, образовавшихъ нѣсколько селеній изъ бѣглыхъ съ Колыванскихъ заводовъ, имѣвшихъ возможность бѣжать въ Китай, въ горы (въ Сибири, выраженіе: „камень“, равнозначуще слову: гора), потому что тамъ они находили такія мѣста, гдѣ надзоръ со стороны Китая былъ не только затруднителенъ, но едва ли и возможенъ. Но будь со стороны Китая, не говоря уже о поощреніи къ побѣгамъ, а просто одно только ослабленіе бдительнаго

надзора и преслѣдованія нашихъ бѣглыхъ, то побѣги, особенно изъ Забайкалья, главнаго мѣста работъ ссыльно-каторжныхъ, были бы не удержимы, или потребовали бы содержанія такого количества войска на границѣ, что никакой бюджетъ не могъ бы отдѣлать потребныхъ на это расходовъ. При слабости населенія и тогдашнемъ равнодушіи къ служебнымъ требованіямъ пограничныхъ казаковъ, не умѣющихъ или не могущихъ даже и нынѣ воспрепятствовать монгольскимъ и тибетскимъ ламамъ проникать къ намъ для поборовъ съ нашихъ бурятъ и увозить и уводить все собранное, понятно, что могло бы происходить въ то время, когда и русское населеніе, и силы наши были въ Сибири несравненно менѣ развиты. Вотъ почему дружественныя отношенія къ намъ Китая чрезвычайно упрощали управленіе Сибирью и сокращали расходы по ея охраненію, такъ что можно было постепенно сокращать и находившіеся тамъ прежде военныя силы, вывести съ границы въ Забайкальѣ линейныя войска и уничтожить гарнизонную артиллерію въ Нерчинскѣ и Селенгинскѣ.

Такимъ образомъ, передъ Амурскимъ предпріятіемъ, сразу измѣнившимъ отношенія наши къ Китаю, во всей Восточной Сибири было всего четыре гарнизонныхъ баталіона, да этапныя, инвалидныя команды. При этомъ, самая важная часть Сибири, по отношенію къ Китаю,—Забайкальскій край, былъ охраняемъ однимъ только гарнизоннымъ баталіономъ, расположеннымъ въ Нерчинскихъ заводахъ (да и то, для содержанія въ повиновеніи ссыльно-каторжныхъ, а не съ цѣлью наблюденія относительно Китая), да пятисотеннымъ забайкальскимъ казачьимъ полкомъ, изъ поселенныхъ казаковъ; этапныя же инвалидныя команды служили исключительно для препровожденія арестантскихъ партій. Что же касается до пограничныхъ казаковъ, подчиненныхъ гражданскому начальству, то жалкое значеніе ихъ, какъ войска, обнаружено еще во время ревизіи Сперанскаго.

И такъ, не говоря уже о развитіи торговли съ Китаемъ (куда русскіе сбывали преимущественно мѣха, добываемыя въ Сибири и въ своихъ американскихъ колоніяхъ, а затѣмъ и мануфактурные товары, получая взамѣнъ произведенія Китая, и ведя какъ отпускную, такъ и привозную торговлю безъ посредничества иностранцевъ), — и спокойствіе Сибири, и экономическіе расчеты, побуждали насъ сохранять дружескія отношенія къ Китаю, и, имѣя въ виду главный интересъ, не придавать особаго значенія мелкимъ придиркамъ китайскихъ чиновниковъ, истекавшимъ преимущественно изъ придаваемой ими слишкомъ большой важности формализму, и возникавшимъ большею частію изъ боязни отвѣтственности второстепенныхъ лицъ, которые сами были стѣсняемы подозрительностію и придирчивостію пезинскихъ мандариновъ, особенно если были изъ монголовъ.

Между тѣмъ, китайцы, ведя многолѣтнюю борьбу съ средне-азиатскими номадами, на сѣверо-западной своей границѣ, дошли до мѣстъ занимаемыхъ нынѣ пограничными городами Чугучакомъ, Кульджею,

Аксу и Кашгаромъ. Въ то же время и Россія занимала постепенно киргизскую степь, Зайсанскій округъ, Семирѣченскую область и, наконецъ, Коканъ. Всѣ эти страны не принадлежали, конечно, Китаю и потому занятіе ихъ, въ видахъ огражденія спокойствія въ собственной нашей территоріи, не имѣло никакого отношенія къ Китаю, а потому и не могло подать само по себѣ прямого повода къ столкновенію съ Китаемъ; но однако же, по своимъ послѣдствіямъ сдѣлало столкновенія возможными, сдѣлавши насъ сосѣдями съ Китаемъ и съ этой стороны, на весьма большомъ протяженіи. Прежняя наша граница съ Китаемъ, кончавшаяся у Усть-Каменогорска, и шедшая почти по прямому направленію, по мѣстамъ пустыннымъ, поворотя къ югу, пошла извилисто, ломаною линіею и притомъ по мѣстамъ населеннымъ, и чрезъ то число точекъ соприкосновенія къ Китаемъ увеличилось, слѣдовательно увеличилось естественно и число случаевъ, подающихъ легко поводы къ столкновенію, тѣмъ болѣе, что новая граница проходила по такимъ мѣстамъ, обладаніе которыми было одинаково важно для обоихъ государствъ, и въ то же время раздѣляла такія племена, которые были сродственны и по происхожденію и по вѣрѣ, и чрезъ свои семейныя дѣла и общія интересы и ссоры, могли вовлекать въ постоянныя недоразумѣнія и Китай и Россію. Калмыки, киргизы, сарты, мусульмане, и язычники, оказались частію въ китайскомъ, частію въ русскомъ подданствѣ. Съ одной стороны вражда, выражаемая нескончаемыми барантами, съ другой—убѣжище, доставляемое одноплеменникамъ и единовѣрцамъ, постоянно приводили къ объясненіямъ, разборамъ жалобъ и къ неудовольствіямъ, возникавшимъ изъ этого между двумя правительствами.

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ подготовились и возникли поводы къ столкновенію съ Китаемъ и по средне-азиатской границѣ; но это можетъ быть и не имѣло бы особеннаго значенія при дружелюбномъ настроеніи обоихъ правительствъ, если бы въ это время не произошло между тѣмъ одно событіе, которое сразу измѣнило чувства и отношенія Китая къ Россіи; мы разумѣемъ—Амурское предпріятіе.

Здѣсь не мѣсто, да и нѣтъ надобности, разбирать спорный вопросъ о томъ, имѣли ли мы право занимать Амуръ или нѣтъ; здѣсь главное значеніе имѣетъ то, какъ взглянули на это дѣло китайцы, и какъ дѣйствовали мы при измѣненіи отношеній Китая къ намъ, которое неизбѣжно должно было совершиться вслѣдствіе занятія русскими Амура.

Мы просили позволенія проплыть по Амуру для подаенія помощи Камчаткѣ, или, выражаясь болѣе осторожнымъ дипломатическимъ языкомъ, мы объясняли китайскому правительству необходимость этого дѣйствія, и затѣмъ—поплыли. Но китайцы приняли просьбу о дозволеніи проплыть, или даже простое объясненіе почему мы плывемъ, за признаніе ихъ права на Амуръ (потому что нечего и спрашивать, когда не считаютъ рѣку, по которой плывутъ, не принадлежащею

тому, кого спрашиваютъ), а плаваніе, не получа ихъ дозволенія, за нарушение этого права.

Поэтому, китайское правительство не только не ратификовало Айгунскаго компромиса, но даже подвергло отвѣтственности своего генераль-губернатора, согласившагося на него. Китайцы тѣмъ болѣе были возбуждены противъ Россіи, что обвиняли ее въ томъ, что вопреки дружественнымъ вѣковымъ отношеніямъ и строгому соблюденію трактатовъ со стороны Китая, Россія захотѣла воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Китая, вслѣдствіе возстанія тайпинговъ, и затѣмъ разрыва съ Англійей и Франціей; и если потомъ, китайское правительство, будучи угрожаемо въ самомъ Пекинѣ, подступившими къ нему англичанами и французами, и согласилось на уступку не только Приамурскаго, но и Уссурийскаго края, то забыть того, что Россія воспользовалась стѣсненнымъ положеніемъ Китая, никакъ не могло; и это чувство выражали всегда всѣ китайцы всѣмъ русскимъ, съ которыми по давнему и близкому знакомству могли говорить откровенно. Китайское же правительство въ теченіи долгаго существованія привыкшее не терять ничего, и имѣющее основнымъ правиломъ своей политики стремиться всегда къ возвращенію во что бы ни стало, временно теряемаго; умѣющее, притомъ, для достиженія своей цѣли выжидать, и очень долго, благоприятныхъ обстоятельствъ, конечно поставило и Амурскій вопросъ въ числѣ не окончательно еще рѣшенныхъ и не отказалось отъ надежды рано или поздно возвратити и Амуръ Китаю.

Все это мы считали необходимымъ сказать потому, что при непріязненныхъ нынѣ отношеніяхъ къ Китаю нельзя опредѣлять образа своихъ дѣйствій соотвѣтственно только тому, какъ мы сами думаемъ и чего желаемъ; нужно непременно знать понятія и дѣла, и побудительныя причины къ дѣйствіямъ противника.

Сознать неизбѣжное измѣненіе отношеній Китая къ Россіи и предвидѣть будущее его стремленіе, было кажется не мудрено, а потому къ этому надо было и готовиться, и принять во время повсюду соотвѣтственныя мѣры; но къ несчастію Амурское дѣло повели, какъ извѣстно, такъ, что его постигла полная неудача и въ развитіи колонизаціи, и въ организаціи военныхъ силъ, т. е. въ тѣхъ двухъ условіяхъ, которыя должны были упрочить обладаніе Амуромъ, создавъ возможность отпора мѣстными средствами въ самомъ опасномъ и скорѣе другихъ подвергающемся нападению мѣстѣ нашей границы съ Китаемъ, въ случаѣ предьявленія китайцами какихъ либо притязаній на возвращеніе Амура и покушенія съ ихъ стороны принудить насъ къ тому силою.

Обратимся теперь къ средне-азиатской нашей границы съ Китаемъ. Затрудненіе въ отношеніяхъ нашихъ къ нему, начались тамъ вслѣдствіе событія въ Чугучакѣ; но Китай, возстановивъ въ немъ свою власть собственными силами, могъ дать намъ удовлетвореніе и воз-

награжденіе за вредъ причиненный вышесказанными событіями нашимъ подданнымъ. Совсѣмъ иное дѣло вышло въ Кульджѣ, когда Китай потерявъ весь Восточный Туркестанъ и Джунгарію, не былъ въ состояніи возвратить ихъ подъ свою власть, и на развалинахъ китайскаго владычества образовалось довольно значительное кашгарское владѣніе, на столько сильное, и съ возможностью еще большаго усиленія въ будущемъ, что китайцамъ представлялось весьма мало вѣроятности снова овладѣть потерянными странами и чрезъ значительное время, а тѣмъ болѣе прекратить тогда безпорядки на границѣ, вредившіе и государственнымъ и частнымъ интересамъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ представлялось по отношенію къ Китаю вполне ясная дилемма: или потребовать отъ Китая прекращенія безпорядковъ, или заставить его признать свое безсиліе и, слѣдовательно, право Россіи дѣйствовать собственными силами на потерянной для власти Китая территоріи. Такъ поступали и всѣ другіе европейскіе народы по отношеніи напр. къ варварійскимъ владѣніямъ, дѣйствуя непосредственно противъ нихъ, когда Турція, которой онѣ считались вассалами, оказывалась безсильною на нихъ дѣйствовать и отказывалась принимать отвѣтственность на себя за ихъ дѣйствія. Такъ поступили и французы въ 1830 году, не только наказавъ Алжирскаго дея, но и присоединивъ Алжиръ къ Франціи. Положеніе было ясное.

Наконецъ, не разсуждая даже о правѣ, а дѣйствуя на основаніи совершившихся фактовъ, мы могли не только занять Кульджу, но и дѣйствовать такъ, какъ требовалось, чтобъ выказать твердое намѣреніе утвердиться въ ней окончательно, при очевидной невозможности Китаю требовать ее отъ насъ, когда китайскія войска не только не могли дойти до Кульджи, но потерявши весь Восточный Туркестанъ и Джунгарію, находились въ опасности погибнуть отъ недостатка продовольствія и въ Чугучакѣ удерживались единственно содѣйствіемъ калмыковъ, взявшихъ сторону Китая только потому, что исконные противники ихъ, киргизы, были на сторонѣ инсургентовъ.

И вотъ, въ этихъ-то именно обстоятельствахъ, когда Китай, съ погибелью послѣдней арміи въ тѣхъ мѣстахъ, лишался послѣдней надежды на обратное завоеваніе восточнаго Туркестана и Джунгаріи, или, по крайней мѣрѣ возможность этого отдалялась слишкомъ на долгое время, мы подали помощь Китаю, и физически,—доставя продовольствіе его арміи, и нравственно,—отнявъ у инсургентовъ всякую надежду хотя бы на нейтралитетъ съ нашей стороны, обезоруживъ кульджинскихъ жителей и не допустивъ ихъ подать пособіе инсургентамъ, и такимъ образомъ явились противъ нихъ даже союзникомъ Китая.

Дѣйствіе это объяснялось будто бы необходимостію въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, по случаю войны съ Турціей. Мы увлеклись минутнымъ раздраженіемъ противъ мусульманства; но гнѣвъ худой совѣтникъ, и пожертвованіе общими соображеніями и постоянными цѣлями

для удовлетворенія временныхъ потребностей, конечно — ошибочная политика.

Опасаясь мнимаго усиленія мусульманства въ случаѣ упроченія Кашгарскаго государства, которое, не имѣя устойчивости, должно было однако же дорожить дружбою съ нами, мы оказали для разрушенія его содѣйствіе сосѣду несравненно болѣе опасному и могущественному, съ которымъ притомъ обстоятельства подготовляли неизбѣжныя столкновения въ будущемъ, и который имѣлъ вѣками уже утвержденную устойчивую политику: стремиться всегда рано или поздно возвращать все потерянное, политику поощренную притомъ недавнимъ успѣхомъ въ подавленіи возстанія тайпинговъ, и въ разрушеніи образовавшагося было въ Юнанѣ мусульманскаго государства Пантаевъ. Между тѣмъ очевидно было, что съ Китаемъ дѣло будетъ труднѣе, нежели съ возникающими время отъ времени мусульманскими государствами среди полудикихъ племенъ Средней Азіи, не имѣющихъ никогда ни опредѣленнаго государственнаго устройства, ни преемственной политики, тогда какъ въ Китаѣ и государственное устройство и политическія преданія, освященные вѣками, представляли такую прочность что подчиняли имъ даже всѣ завоевывавшіе Китай народы...

Когда мы сообразимъ все это, то поймемъ причины по которымъ всякій успѣхъ въ войнахъ съ Китаемъ будетъ только временный, и не заставитъ по этому китайцевъ отступить отъ требованій возврата Кульджи, а за тѣмъ и Амура.

Конечно, побужденія относительно Кульджи и Амура, совершенно различны. Смотря на дѣло съ китайской точки зрѣнія, въ Амурскомъ дѣлѣ главное значеніе имѣетъ національное самолюбіе и раздраженіе противъ Россіи за отнятіе страны въ то время, когда Китай былъ въ дружбѣ съ Россіей; собственно же Приамурскій и Уссурийскій край могли быть нужны Китаю развѣ въ далекомъ только будущемъ. Но Кульджу Китайцы считаютъ необходимою для удержанія господства своего во вновь завоеванномъ Туркестанѣ, Джунгаріи и Кашгарѣ, а готовясь къ столкновенію съ Китаемъ необходимо знать и принимать въ расчетъ и его мнѣнія. Извѣстно, что по преданіямъ мѣстнымъ, еще Тамерланъ сознавалъ всю стратегическую важность обладанія верховьемъ рѣки Или и горными проходами, открывающими входъ въ восточный Туркестанъ. По этому, отправляясь для завоеванія Китая, онъ оставилъ часть войска въ Кульджѣ, изъ чего даже выводятъ и происхожденіе названія „Дунганей“, такъ какъ это слово означаетъ: „оставшіеся“.

Вслѣдствіе этого, и надо ожидать, что китайцы будутъ настойчиво домогаться обладанія Кульджею, и если не успѣютъ въ томъ въ настоящемъ случаѣ, то будутъ возобновлять попытки при всякихъ, болѣе благоприятныхъ, по ихъ мнѣнію, обстоятельствахъ, такъ что на прочный съ ними миръ, нельзя уже болѣе рассчитывать, пока Китай не будетъ самъ потрясенъ въ своей основѣ. Что же касается до Амур-

скаго и Уссурийскаго края, то они могутъ ему быть нужны только для размѣщенія излишка населенія, давно уже перешедшаго за великую стѣну и начавшаго заселять многія мѣста въ Монголіи и Манчжуріи, особенно въ послѣдней, гдѣ большую часть населенія составляютъ уже китайцы, а не коренные манчжуры, сильно истребленныя въ послѣднихъ войнахъ съ тайпингами и съ европейцами, но преимущественно въ первой войнѣ съ Англіей, въ 1840 году. По этому, изъ всего вышеизложеннаго очевидно, что вооруженное столкновение съ Китаемъ неизбѣжно, если не въ настоящемъ, то не въ далекомъ будущемъ и остается разсмотрѣть какія могутъ изъ того быть послѣдствія для Россіи, и какъ мы должны поступать.

Что мы можемъ нанести вредъ, и даже сильный вредъ Китаю, это несомнѣнно; но нанести вредъ противнику еще не всегда значить извлечь изъ этого пользу себѣ. Извѣстно, что влѣдствіе успѣха на войнѣ, главное вознагражденіе составляетъ всегда пріобрѣтеніе территоріи, и лучше всего съ однородными государству жителями. Однѣ деньги не могутъ быть вполнѣ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ за потери и убытки на войнѣ, такъ какъ кромѣ матеріальныхъ жертвованій, существуютъ потери не оцѣнимыя вещественно, потери людей, которыя вознаграждаются или пріобрѣтеніемъ новыхъ подданныхъ, или достиженіемъ высшихъ нравственныхъ цѣлей.

Теперь вопросъ именно въ томъ: можетъ ли быть для насъ полезнымъ пріобрѣтеніе какой бы то ни было новой территоріи въ Средней Азійи, и можетъ ли оно служить вознагражденіемъ, не только за потери во время войны, но и за тѣ расходы, которыхъ потребуетъ напряженіе силъ для удержанія пріобрѣтеннаго и для всегдашней готовности къ отпору, при несомнѣнной увѣренности въ постоянномъ уже отнынѣ враждебномъ расположеніи Китая и поползновеніи его дѣлать попытки къ восстановленію и вещественнаго обладанія потерянными странами и нравственнаго вліянія и обаянія въ Средней Азійи?

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1864 году), разсматривая этотъ же вопросъ, хотя по поводу другого случая, мы выразили наше убѣжденіе, что отъ пріобрѣтеній въ Средней Азійи намъ вообще мало пользы и въ экономическомъ, и въ нравственномъ отношеніи, особенно если эти пріобрѣтенія выразятся еще въ созданіи (какъ совѣтуютъ и нынѣ нѣкоторыя) мусульманскихъ владѣній подъ нашимъ протекторатомъ, что составляетъ несомнѣнно худшій изъ всѣхъ видовъ политическихъ отношеній. Кромѣ того, мы поставляли на видъ, что пока мы сами далеко еще не устроились ни въ экономическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи, то бесплодно гнаться за этими цѣлями у чужихъ, и даже въ своихъ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, помня, что невозможно надѣяться дать другимъ то, чего самъ не имѣешь. *Nemo dat quo non habet.* Послѣдствія расширенія территоріи, при отсутствіи способности устроить ее, мы видѣли уже на многихъ пріобрѣтеніяхъ, обротившихся намъ въ тягость.

Статья наша, сообщенная въ одно періодическое изданіе, принятая имъ и даже набранная, не была тогда пропущена цензурою. Надо замѣтить, что эта статья готовилась къ печатанію еще до занятія Туркестана и Ташкента, какъ имѣется тому вещественное и офиціальное доказательство. Главныя основанія наши были потомъ повторены въ напечатанной, хотя и съ пропусками, статьѣ нашей по поводу занятія Ташкента, въ № 37 „Современной Лѣтописи“ 1865 г., издававшейся при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а засвидѣтельствованный оригиналъ первой статьи доказывалъ, что мысли, выраженные въ напечатанной статьѣ, не были возбуждены *argès sour*. А между тѣмъ тогдашнія обстоятельства были еще несравненно благоприятнѣе нынѣшнихъ. Въ промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, всѣ страны, которыя мы могли бы завоевать теперь у Китая въ Средней Азии, подверглись коренному разоренію; города разрушались до тла; жители истреблялись, независимо отъ потерь на войнѣ, не тысячами, даже не десятками тысячъ, а сотнями и миллионами ¹⁾; все, что нельзя было увезти или унести изъ вещей, сожигалось; поля выгаптывались и закидывались камнями; плодовые деревья вырубались; колдцы засыпались; зданія были разрушаемы или истребляемы огнемъ. Такимъ образомъ гибель населенія и накопленнаго долгимъ временемъ достоянія, была полная. Какая же послѣ этого будетъ выгода овладѣть странами, находящимися въ подобномъ состояніи?

И такъ, очевидно, что въ настоящихъ обстоятельствахъ нѣтъ никакого основанія желать войны съ Китаемъ. Но если по историческому ходу вещей, вслѣдствіе предшествовавшихъ дѣйствій, война сдѣлается неизбѣжною, то необходимо обратить вниманіе на тѣ элементы въ этихъ странахъ, которые получаютъ особенную важность въ подобномъ случаѣ, а именно на составъ остающагося еще населенія и на значеніе нѣкоторыхъ мѣстностей и пунктовъ.

Нельзя упускать изъ виду, что между различными разрядами населенія существуетъ глубокое раздѣленіе и по племенамъ, и по вѣрѣ. Если киргизы-магометане на примѣръ будутъ на одной сторонѣ, то калмыки-буддисты пристанутъ навѣрное къ противной. Даже между магометанами послѣдователи однихъ учителей враждуютъ противъ послѣдователей другихъ и при междуусобіяхъ всегда находятся на противныхъ сторонахъ; извѣстны были на примѣръ нѣкогда партіи бѣлогорцевъ и черногорцевъ, или иначе бѣлошапочниковъ и черношапочниковъ у мусульманъ; кромѣ того въ составѣ населенія находятся и другія племена, сарты, дунгане, таранчи, переселенные солоны и проч., имѣющія каждое свои отдѣльные интересы.

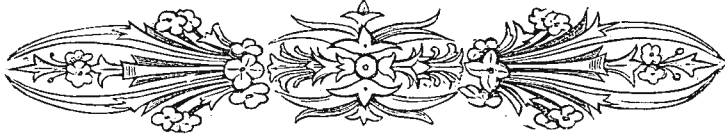
Изъ мѣстностей и городовъ особенное стратегическое значеніе приписываютъ городу Аксу, какъ пункту соединенія или пересѣченія всѣхъ путей, идущихъ изъ Кульджи, Кашгара, Хатана и Кучи.

¹⁾ Одна Кульджа (страна) имѣла до двухъ миллионъ жителей; городъ Урумчи болѣе миллиона.

Удержавъ Кульджу и занявъ Аксу, можно, какъ полагаютъ люди близко знакомые съ дѣломъ, держаться въ оборонительномъ положеніи на средне-азіятской границѣ, предоставляя Китаю истощаться въ безплодныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ, а обратить всѣ государственныя усилія на защиту Забайкальскаго края и Амура, которымъ предстоитъ наибольшая опасность по удобству китайцамъ, находящимся тамъ ближе къ своимъ средствамъ, дѣлать нападенія на множество открытыхъ для нападенія, разрозненныхъ и удаленныхъ отъ защиты пунктовъ. Что же касается до Владивостока, то о немъ заботиться не стоитъ; при войнѣ съ одними китайцами ему бояться нечего.

Дмитрій Завалишинъ.

ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

I.

Тяжелая година въ жизни Тамбовскаго духовенства ¹⁾.

ИЗВѢСТНО, что прошлая жизнь нашего духовенства, какъ сословія, никогда не отличалась особеннымъ благополучіемъ. Среди церковныхъ причтовъ всегда было слишкомъ много бѣдности, гораздо больше, чѣмъ сколько могли вмѣстить непрехотливые наши пастыри. Бѣдность эта вызывала съ ихъ стороны стремленіе къ лишнимъ поборамъ съ прихожанъ, а отсюда происходило извѣстное нареканіе: попы деруть съ живого и мертваго. Кромѣ того, если бы кто нибудь обратилъ вниманіе на народные анекдоты, въ которыхъ самымъ нецензурнымъ образомъ изображаются наши духовные и ихъ семейства, то увидѣлъ бы, что и нравственный авторитетъ духовнаго сословія среди православнаго русскаго люда былъ далеко не твердъ. Ничѣмъ инымъ, какъ только слабостію этого нравственнаго авторитета, мы можемъ объяснить себѣ тѣ факты грубаго отношенія къ духовенству, которые постоянно встрѣчаются намъ въ разбираемыхъ нами архивахъ Тамбовскихъ правительственныхъ учреждений.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Въ 1779 г. въ селѣ Мамонтовѣ, Моршанскаго уѣзда, крестьянинъ Федоръ Маторинъ ругалъ и волочилъ за волосы по улицѣ священника Петра Ларіонова. Тагъ какъ дѣло это происходило въ праздникъ, то почти весь приходъ былъ свидѣтелемъ позора своего приходскаго пастыря. Тѣмъ не менѣе никто не заступился за него, потому что всѣ посмотрѣли на это происшествіе, какъ на обыкновенную уличную драку.

¹⁾ Статья эта составлена на основаніи архивныхъ документовъ Тамбовской губ. правленія и дух. консисторіи.

Подобный случай былъ въ Тамбовѣ въ 1790 г. со студентомъ богословія Кутлинскимъ. Шоль онъ къ своему товарищу Турдаковскому. Вдругъ подбѣгаетъ къ нему подбанцеляристъ Улановъ, бывший съ нимъ въ ссорѣ, срываетъ съ него верхнее платье, отнимаетъ деньги и передаетъ его полицейскому сержанту, который препровождаетъ его, въ часть и сажаетъ въ колодки. Дѣло это разрѣшилось тѣмъ, что Кутлинскаго же послали изъ части просить прощеніе у Уланова. Кутлинскій повиновался и вечеромъ 12 апрѣля 1790 г. пришолъ къ своему обидчику. Но тотъ встрѣтилъ его громкимъ окрикомъ: „какъ ты смѣлъ вечеромъ приходитъ къ благородному человѣку?“ И за тѣмъ прогналъ.

Въ 1801 г. борисоглѣбскій помѣщикъ Катовъ съ двумя сыновьями-недорослями избилъ пономаря Данилова и снялъ съ него тулупъ и шапку. Это нападеніе не окончилось однако такъ благополучно, какъ два первыя. Старика Катова продержали на гауптвахтѣ въ Тамбовѣ три недѣли, а дѣтей его отдали въ распоряженіе губернскаго предводителя дворянства, чтобы такъ не болтались и привыкали бы къ какому нибудь дѣлу. Кромѣ того, Катовъ долженъ былъ просить прощенія у пострадавшаго и выплатить ему за безчестье 20 рублей.

Такихъ и подобныхъ фактовъ грубаго обращенія съ лицами духовнаго сословія было, разумѣется, слишкомъ много; въ данномъ случаѣ мы ограничимся однако только приведенными фактами.

Но не эти факты, отчасти указывающіе на прежнее общественное положеніе духовенства, составляли главную житейскую бѣду его. Самая неприглядная черта въ бытѣ нашего духовенства—это тѣ многочисленныя и часто весьма рѣзкія уклоненія отъ нравственнаго пастырскаго идеала, которыми въ прошлое время отличались нѣкоторые духовныя лица. Вереницею проходятъ передъ нами въ тамбовскихъ архивныхъ лѣтописяхъ эти неудавшіеся пастыри, съ особеннымъ усердіемъ поклонявшіеся Бахусу и ради этого продѣлывавшіе самые невѣроятныя фокусы. Вотъ передъ нами жалоба священника с. Лысыхъ Горъ Кондратѣева на дьякона Денисова: „ударилъ меня дьяконъ кулакомъ по уху и тащилъ меня за волосы по улицѣ, а послѣ того проломилъ палкой голову“¹⁾. Отрывочно проходитъ передъ нами другая сцена. Дьячекъ Дороевъ Васильевъ и пономарь Терентій Петровъ вошли въ церковь во время одной свадьбы и потребовали у жениха, который стоялъ уже передъ аналоемъ, 2 рубля кромѣ выговоренной платы за вѣнчаніе. Тотъ не далъ. Тогда обиженные церковнослужители погасили свѣчи предъ образами, вырвали вѣнчальныя свѣчи у молодыхъ и такимъ образомъ остановили обрядъ.

Въ подобномъ же родѣ былъ священникъ с. Терноваго, Козловскаго уѣзда, Ив. Трофимовъ. Однажды, въ 1828 г., ѣхалъ онъ приобщать больного. По дорогѣ случился кабакъ. Туда то именно и напра-

¹⁾ Дьяконъ Денисовъ за озорничество лишенъ сана.

вился священникъ Трофимовъ; дароносицу положилъ на стойку, а самъ принялся пить водку. Дошло до того, что Трофимовъ, по выходѣ изъ кабака, началъ бунить и выбилъ дубиною 2 окна въ домѣ одного однодворца ¹⁾).

Того же Козловскаго уѣзда, села Новобогоявленскаго, священникъ Ласицкій поступилъ съ не меньшею непринужденностію. 16 іюня, 1829 г. онъ пришолъ въ одинъ домъ хоронить однодворку Елену Романову. Сначала все шло какъ слѣдуетъ. Но передъ выносомъ тѣла священникъ Ласицкій сталъ насильно надѣвать эпитрахиль на дьякона, а послѣ этаго сѣлъ на куриное гнѣздо и сталъ увѣрять всѣхъ, что онъ непременно выведетъ яйца. Кое-какъ его успокоили. Началось похоронное шествіе. Когда процессія поравнялась съ кабакомъ, подгулявшій священникъ остановился и снялъ ризы. Около кабака стояло въ это время нѣсколько человѣкъ солдатъ. Къ нимъ то и обратился священникъ Ласицкій. „Давайте, говорилъ онъ, маршировать“. А самъ началъ валяться по землѣ и бранить крестьянъ. Съ трудомъ надѣли на него ризы и повели далѣе. Но онъ и тутъ не угомонился. Замѣтивъ что пономарь несетъ впереди процессіи образъ, Ласицкій подскочилъ къ нему и вырвалъ у него этотъ образъ. „За чѣмъ, крикнулъ онъ при этомъ, несешь ты идола?“ ²⁾).

Борисоглѣбскаго уѣзда, с. Махровки священникъ Киприанъ Леонтьевъ былъ частымъ посѣтителемъ мѣстнаго кабака и заводилъ тамъ ссору и драку съ прихожанами. Однажды въ нетрезвомъ видѣ онъ прибилъ полѣномъ свою мать; когда же она черезъ нѣсколько времени послѣ того пришла въ церковь приобщаться, священникъ Леонтьевъ не далъ ей причастія. „Отойди отъ меня, сказалъ онъ,—недостойная молоканка“ ³⁾).

26 декабря 1829 г. тамбовскій священникъ Петръ Ивановъ служилъ молебенъ у одного мѣщанина и въ это время приказывалъ пономарю пѣть сряду нѣсколько разъ 6-й ирмосъ. Пономарь пропѣлъ этотъ ирмосъ 3 раза и затѣмъ замолчалъ. Тогда священникъ Ивановъ ударилъ его по головѣ 3 раза палкою, такъ что пономарь упалъ замертво; а кадило съ горячими углями бросилъ на полъ ⁴⁾).

Села Коптева священникъ Романъ Федоровъ однажды не хотѣлъ приобщать помѣщицу Лаптеву, потому что она не у него исповѣдалась. Та подала ему записку отъ другаго священника о бытіи у исповѣди. Но священникъ Федоровъ не обратилъ на это вниманія, отнесъ въ алтарь св. сосудъ, потомъ вернулся на амвонъ и обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью: „Слушайте православные, изъ моего стада ушла овца! А ты,—прибавилъ онъ, обратившись къ Лаптевой,—овца, впередъ знай свое стадо...“ ⁵⁾).

¹⁾ Священникъ Трофимовъ лишенъ сана.

²⁾ Лишенъ сана.

³⁾ Лишенъ сана и представленъ въ губернскаго правленіе для отдачи въ солдаты.

⁴⁾ Лишенъ сана.

⁵⁾ По указу св. Синода перемѣщенъ на причетническую должность.

Села Кулябовки, Борисоглѣбскаго уѣзда, священникъ Ѳоминъ 1-го августа 1828 г. говорилъ своему приходу такую проповѣдь: „Многіе, сказалъ онъ, ходятъ въ церковь по обыкновенію. Что значить, старики, сіе слово: по обыкновенію? Не иное что, какъ въ церкви нюхать табакъ (намекъ на дьячка Матвѣева, имѣвшаго привычку нюхать табакъ)“. Послѣ этого онъ схватилъ дьячка Матвѣева за воротъ, потащилъ съ влироса и закричалъ соцкому и народу: „общите его!“ За тѣмъ продолжалъ проповѣдь уже въ болѣе спокойномъ тонѣ¹⁾.

Факты въ подобномъ родѣ попадались намъ въ Тамбовскихъ архивахъ довольно часто. Тамъ между прочимъ мы встрѣтили указаніе на одного такого священника, который былъ подѣ судомъ, и все по очень важнымъ дѣламъ, 22 раза. Но мы не видимъ особенной надобности вполнѣ приводить эти факты.

Въ заключеніе, мы укажемъ еще на одну личность духовнаго сана. Это былъ запрещенный іеромонахъ Сергій, бывший бакалавромъ Московской духовной академіи и потомъ архимандритомъ и ректоромъ Каменецъ-Подольской семинаріи. Въ 1828 г. онъ былъ присланъ въ Тамбовскую епархію подѣ надзоръ епархіальнаго начальства. Іеромонахъ Сергій навлекъ на себя немилость св. Синода грубостями епархіальному архіерею и нѣкоторыми отступленіями отъ правилъ монашеской жизни. Сначала послали его въ Рыльскій монастырь настоятелемъ, но здѣсь онъ немедленно поссорился съ консисторіей. Однажды консисторія прислала ему по одному неважному дѣлу указъ. Это то и обидѣло Сергія. Немедленно онъ отвѣчалъ консисторіи: „Какъ смѣетъ консисторія прислать мнѣ указы, когда я старше всякаго консисторскаго члена...“ Вскорѣ послѣ этого произошла у Сергія ссора съ самимъ архіереемъ, кстати замѣшалась тутъ исторія съ нѣкою Ловушкиной—и Сергій лишонъ былъ сана архимандрита съ воспрещеніемъ священнослуженія. Съ этого времени для него начинаются постоянные переѣзды изъ монастыря въ монастырь и вездѣ то онъ ссорился со всѣми монахами, преимущественно съ начальствовавшими. Изъ Глинской Богородицкой пустыни Сергій написалъ на французскомъ языкѣ прошеніе на высочайшее имя, съ жалобою на несправедливныя обиды духовныхъ властей, и результатомъ этого было то, что его перевели въ Орловскую Бѣлобережскую пустынь, потомъ въ Елецкій Черниговскій монастырь и наконецъ въ Тамбовскую епархію. Это обстоятельство совѣмъ разстроило Сергія. Онъ пересталъ ходить въ церковь, съ братією не хотѣлъ имѣть никакихъ сношеній и принималъ у себя въ кельѣ только женщинъ и какихъ то евреевъ—факторовъ²⁾.

¹⁾ Отосланъ въ Саровскую пустынь въ труды на полгода.

²⁾ Въ описываемое нами время не одинъ монахъ Сергій заставлялъ призадуматься Тамбовское епархіальное начальство. Одновременно съ нимъ подверглись суду и сѣдствію Санакарскій іеромонахъ Ардаліонъ и Саровскій монахъ Петръ Пылянковъ. Перваго за нарушеніе монашескихъ уставовъ отослали въ губернское

Между тѣмъ, какъ нѣкоторые Тамбовскіе священно-церковно-служители въ описываемую нами эпоху все дальше и дальше удалялись отъ пастырскаго идеала, Тамбовская епархія особенно нуждалась въ добрыхъ пастыряхъ темнаго народа. Въ началѣ царствованія императора Николая прошли слухи о волѣ и забитое крестьянство Тамбовской губерніи заволновалось. Но не кому было вразумить бѣдныхъ людей и отвести ихъ отъ плетей и батоговъ, отъ ссылки и ваторги. А какъ много значило бы тогда любящее пастырское слово о христіанскомъ терпѣніи... Въ то же время Тамбовская епархія подверглась особенно сильному религиозному движенію. Скопцы, духоборцы, молокане, люди Божіи, и иные сектанты, проявили тогда такую энергію въ распространеніи своихъ сектъ, какой не замѣчалось за ними ни прежде, ни послѣ ¹⁾. Какъ кстати въ то время былъ бы добрый пастырскій голосъ и какое большое число темныхъ людей остановилъ бы онъ отъ шатанія религиозной мысли. Въ дополненіе къ этимъ смутамъ въ 1830 и 1831 гг. въ Тамбовской губерніи явилась холера, но и она не вызвала тамбовскаго духовенства, особенно сельскаго, къ пастырской дѣятельности.

Въ іюль 1831 г. холера появилась въ г. Бурнакѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда. Испуганный народъ обратился съ просьбою тогда къ мѣстному священнику Савринскому о совершеніи крестныхъ ходовъ и молебствій. Тотъ конечно исполнилъ общую просьбу прихода. Кромѣ того, ежедневно совершалась въ селѣ литургія и почти всѣ обыватели исповѣдались и приобщались. Не смотря на то, болѣзнь дѣлала свое дѣло. И вотъ бѣдное крестьянство призадумалось: отъ чего это люди умираютъ, когда всѣ церковныя службы были исправлены сполна?

27 іюля, священникъ Савринскій, по окончаніи литургіи, вышелъ изъ церкви. Въ это время подошли къ нему однодворцы Протасовъ и Добросоцковъ и спросили: „долженъ ли быть подъ престоломъ на землѣ или подъ алтарнымъ поломъ крестъ?“ Священникъ отвѣчалъ: „по чиноположенію, креста подъ престоломъ не должно быть“. Тогда нѣкоторые изъ толпы начали ломать церковный фундаментъ и полѣзли подъ алтарь. Конечно, креста не нашли. Вся крестьянская толпа послѣ этого окружила священника и стала укорять его за то, что подъ алтаремъ нѣтъ креста. Громче всѣхъ кричалъ однодворецъ

правленіе для избранія рода жизни; а второго за то же самое и за наклонность къ бродяжеству отправили въ Сибирь для употребленія въ каторжныя работы на казенныхъ заводахъ. Кромѣ того, въ то же время въ Тамбовской Вышенской пустыни состоялъ подъ началомъ монахъ Іюиль, бывшій архимандритъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря. А настоятель Трегуляевскаго монастыря архимандритъ Виссаріонъ за то, что по архіерейски благословлялъ народъ, шумѣлъ въ церкви на братію и велъ нетрезвую жизнь, низведенъ былъ на іеромонашескую порцію въ одинъ изъ Тамбовскихъ монастырей.

¹⁾ Въ селѣ Разказовѣ, Тамбовскаго уѣзда, крестьянинъ Хомутковъ завелъ даже школу для мальчиковъ, гдѣ подъ видомъ обученія грамотѣ специально занимался совращеніемъ дѣтей въ молоканство.

Старовъ. „Ты скралъ этотъ крестъ, шумѣлъ онъ на священника, и отдалъ его губернатору и отъ этого самаго пошла у насъ болѣзнь“. Священникъ Савринскій испугался и поспѣшно ушолъ домой.

2 августа, послѣ всенощной, сельчане опять приступили къ священнику и съ азартомъ стали говорить ему: „отдай намъ крестъ, прекрати болѣзнь!“ Отецъ Савринскій опять ушолъ отъ своей паствы и черезъ нарочнаго увѣдомилъ Борисоглѣбскую земскую полицію о бунтѣ. Между тѣмъ разныя суевѣрныя слухи въ народѣ все усложнялись. Рассказывали на примѣръ слѣдующее: „въ селѣ Русановѣ тоже была болѣзнь; посмотрѣли подъ престоломъ и увидали тамъ крестъ, наклоненный на бокъ. Когда же выпрямили его, то болѣзнь утихла“.

По приказанію тамбовскаго губернатора, С. Ф. Паскевича, противъ жителей с. Бурнака приняты были строгія мѣры. Главныхъ бунтовщиковъ посадили въ острогъ. Вскорѣ послѣ этого начали читать въ церквахъ извѣстный манифестъ императора Николая и бурнакское населеніе по немногу успокоилось... успокоилось безъ всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго духовенства.

Нравственное состояніе тамбовской епархіи описываемаго нами времени было до такой степени неудовлетворительно, что вызвало даже письменные неофициальные протесты, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ слѣдующій, приписанный современниками повѣстчику Козловскаго духовнаго правленія Ситовскому: „искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, благодѣяніе подъ арестомъ, помощь въ домѣ сумашедшихъ, истина погребена подъ развалинами правды, кредитъ сдѣлался банкротомъ, совѣсть сошла съ ума, сидя въ безменѣ, правосудіе и вѣра остались въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ моря, любовь больна простудю, честность вышла въ отставку, вѣрность осталась на вѣсахъ у аптекаря, кротость взята въ дракѣ на съѣзжую, законъ на пуговицахъ сената, терпѣніе скоро лопнетъ“.

Въ такое то время, именно въ половинѣ 1829 г., прибылъ въ Тамбовскую епархію новый епископъ Евгений, бывший до того времени ректоромъ Костромской духовной семинаріи ¹⁾. Это былъ человекъ еще молодой, строгій, крайне ретивый при исполненіи своихъ обязанностей и надменный по отношенію къ духовенству. Тамбовскіе старожилы еще и доселѣ отчасти помнятъ Евгенія. Такъ, про него рассказываютъ, что онъ обыкновенно ѣздилъ по городу шестерикомъ, при чемъ кучеръ и фореиторъ всегда бывали въ трехуголкахъ, и что собой былъ онъ очень видный, съ черною большою бородою. Епископъ Евгений, какъ сказали мы, былъ человекъ строгій и потому епархіальные беспорядки вызвали въ немъ крайнее негодованіе. Чувство

¹⁾ Евгений назначенъ епископомъ въ Тамбовскую епархію 20 апрѣля 1829 года. Выбылъ онъ оттуда въ Минскъ 19 февраля 1832 г. и умеръ впоследствии въ санѣ Псковскаго архіепископа. Хиротонія его происходила въ Москвѣ 9 іюля 1829 г.

этого негодованія и опредѣлило потомъ весь характеръ суровой дѣятельности Евгенія по отношенію къ Тамбовскому духовенству. Когда молодой епископъ ѣздилъ по епархіи, то это было истинною бѣдою для всѣхъ тамбовскихъ священно и церковно-служителей, потому что всѣ виновные неизбѣжно подвергались разнымъ наказаніямъ. А наказанія тогда были жестокиа. Священниковъ наказывали при консисторіи рогатками и колодками иногда въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Если на кого надѣвали рогатку, то тому нельзя было лечь; если же кого сажали въ колодку, то это было еще хуже, потому что у такого арестанта шея обхватывалась широкимъ желѣзнымъ кольцомъ. Въ случаяхъ особенной виновности духовныхъ лицъ, епископъ Евгеній неумолимо подвергалъ ихъ лишенію сановъ, при чемъ такъ называемое разстриженіе совершалось съ церемоніей. Приговореннаго къ лишенію сана, монахи приводили въ церковь и тамъ въ послѣдній разъ облачали. Облаченный священнослужитель входилъ въ алтарь, прикладываясь къ престолу и дѣлалъ передъ нимъ 3 поклона. По выходѣ изъ алтаря тоже самое дѣлалъ онъ передъ царскими дверями, а среди церкви молился на всѣ четыре стороны. Послѣ этого прощанія со святыней, монахи вели его въ облаченіи въ консисторію, гдѣ членъ консисторіи читалъ ему синодскую конфирмацію, а потомъ консисторскій сторожъ (приставъ по тогдашнему) ножницами стригъ ему волосы на головѣ и бородѣ. Въ заключеніе подсудимаго вели въ канцелярію консисторіи, гдѣ и брали съ него подписку въ томъ, что онъ не будетъ именоваться священникомъ или дьякономъ. Надобно замѣтить, что эта церемонія, совершавшаяся въ присутствіи народа, производила всегда на ея виновниковъ самое тяжелое впечатлѣніе. Одинъ изъ Тамбовскихъ священниковъ, приговоренныхъ къ разстриженію, даже повѣсилъ въ консисторскомъ карцерѣ въ ожиданіи церемоніи разстриженія.

Не смотря на свою суровость, епископъ Евгеній къ любимцамъ своимъ иногда бывалъ очень снисходителенъ. Есть мѣстное преданіе, что одного ученика семинаріи, Троицкаго онъ допустилъ въ философскій классъ только за то, что тотъ былъ отличнымъ хлѣбопекомъ. Повелъ бы онъ Троицкаго и въ богословію, да разъ философъ-хлѣбопекъ испортилъ семинарскіе хлѣбы и чрезъ это самое испортилъ свою карьеру ¹⁾. По выходѣ изъ семинаріи, Троицкій сдѣлался иподіакономъ у Евгенія и былъ у него въ большой милости. Разъ иподіаконъ Троицкій пришелъ ко всеобщей навеселѣ и пошатываясь сталъ въ алтарѣ. Архіерей замѣтилъ его и подозвалъ къ себѣ. „Ты много пилъ и отъ этого пьянъ“, сказалъ онъ. — „Ваше преосвященство, отвѣчалъ иподіаконъ, я выпилъ одинъ только шкаликъ“. А подумавъ, продолжалъ: „всѣхъ-то шкаликовъ, преосвященнѣйшій владыко, я выпилъ 14, а захмѣлѣлъ только отъ одного послѣдняго“.— На

¹⁾ Въ 30-хъ годахъ въ Тамбовской семинаріи нанятой прислуги не было.

другой день отрезвившійся иподіаконъ ждалъ грозы, но все обошлось для него благополучно.

Такому суровому архіерею, какимъ вообще былъ Евгеній, весьма естественно приходила мысль, какъ бы очистить тамбовское духовенство отъ такихъ членовъ, которые позорили его. Эта мысль укоренилась въ немъ тѣмъ болѣе, что тамбовское духовенство было слишкомъ многочисленно; въ немъ было множество лишнихъ людей, никуда не пристроенныхъ и ни для какой должности, даже для пономарской, не годныхъ. Въ то время, какъ такія мысли занимали Евгенія, пришелъ къ нему синодскій указъ отъ 7 августа 1831 г., разрѣшившій ему отдавать въ солдаты исключенныхъ семинаристовъ и штрафныхъ церковниковъ. Этотъ указъ рѣшилъ сразу судьбу тамбовскаго духовенства ¹⁾. Начался, такъ называемый, разборъ духовенства. Съ неумолимою строгостію Евгеній началъ отдавать въ солдаты исключенныхъ семинаристовъ, штрафныхъ дьячковъ, пономарей, послушниковъ, звонарей, семинарскихъ и консисторскихъ сторожей, консисторскихъ канцеляристовъ, даже священниковъ и дьяконовъ, лишенныхъ сана. При слѣпномъ разборѣ угодили въ солдаты и такіе семинаристы и церковники, которые вовсе не были виновны въ какихъ нибудь важныхъ проступкахъ.

Очищая тамбовскій клиръ отъ лишнихъ и порочныхъ членовъ, епископъ Евгеній руководился въ этомъ случаѣ двумя соображеніями. Во 1-хъ, ему хотѣлось возвысить нравственный уровень тамбовскаго духовенства; во 2-хъ, не чужда ему была мысль и о томъ, что правительство оцѣнить его дѣятельность, если онъ поставитъ въ армію такъ можно больше неожиданно-негаданныхъ солдатъ.

Мы не знаемъ въ точности, сколько именно человекъ отдано было Евгеніемъ въ солдаты. Мѣстное преданіе цифру этихъ духовныхъ солдатъ опредѣляетъ различно, отъ 400 до 900. Конечно, эти цифры слишкомъ неопредѣленны. На основаніи архивныхъ источниковъ, мы можемъ сказать только то, что въ тяжелую для тамбовскаго духовенства эпоху правленія Евгенія, семинаристовъ и церковниковъ отдавали въ солдаты сотнями. Отдавали ихъ въ тяжкую солдатскую неволю за разные проступки. Былъ, напримѣръ, въ тамбовской семинаріи въ 1830 г. ученикъ реторики Бряцаловъ. Инспекторъ семинаріи составилъ относительно его такой аттестатъ: „ученикъ Бряцаловъ пьянствуетъ, буянитъ, не ходитъ въ классы, не соблюдаетъ постовъ“, — и вотъ этотъ Бряцаловъ попадетъ подъ красную шапку.

¹⁾ Въ описываемую нами эпоху, правительство, повидимому, очень нуждалось въ чрезвычайныхъ мѣрахъ по сбору рекрутъ. Это видно изъ того, что въ 1829 г. изъ тамбовскихъ остроговъ взято было въ солдаты, по высочайшему повелѣнію, 24 арестанта. Кромѣ того, отдавали въ солдаты всѣхъ бродягъ, которые физически способны были къ этому. А бродягъ этихъ въ теченіе года набиралась не одна сотня. Каждого изъ нихъ, кромѣ отдачи въ солдаты, наказывали еще 30 или 25 ударами плетей.

Ученикъ богословія Болховитиновъ задолжалъ торговцѣ за молоко 2 гроша. Та пожаловалась семинарскому начальству и бѣдный Болховитиновъ, уже мечтавшій о сельскомъ приходѣ, отправленъ былъ въ губернское правленіе. Той же участи подвергся и ученикъ богословія Знаменскій. 4 сентября 1831 г. консисторія сдѣлала о немъ слѣдующее постановленіе: „ученика Знаменскаго, какъ замѣченнаго въ излишнемъ употребленіи горячихъ напитковъ, согласно указу святѣйшаго синода, отослать къ баталіонному командиру для обращенія въ военную службу“. 7 апрѣля 1831 года въ тамбовское губернское правленіе разомъ привели нѣсколько старшихъ учениковъ семинаріи. Тутъ были: студентъ Успенскій, кончившій курсъ семинаріи Яхонтовъ, ученики богословія—Лебедевъ, Ильинскій и Ивановъ; ученики философіи—Ареопагитскій, Воскресенскій, Ѳерапевтовъ, Смирновъ и Розановъ. Все это были люди весьма способные, особенно Ареопагитскій, которому мѣстное преданіе приписываетъ сочиненіе пѣсни, обращенной имъ къ его товарищамъ по несчастію. Пѣсня эта, которую и доселѣ поютъ тамъ семинаристы, начинается такъ:

„Не страшитесь, друзья,
Что судьба къ намъ груба,
Будьте тверды такъ, какъ я,
Противъ стрѣлы роковой..“

Но всѣ эти ученики замѣчены были семинарскимъ начальствомъ въ разсѣянномъ поведеніи и именно за это тяжело поплатились. Разсѣянность нѣкоторыхъ изъ этихъ учениковъ была, впрочемъ, очень рѣзкаго характера. Такъ, ученикъ Ивановъ подрался противъ Покровской церкви съ будочникомъ и въ ночное время снялъ верхнее платье съ одной женщины. А про Ареопагитскаго былъ такой отзывъ семинарскаго начальства: „Ареопагитскій дерзокъ съ начальствомъ и по ночамъ уходитъ неизвѣстно куда“. Кромѣ того, всѣ ученики, посланные въ Тамбовское губернское правленіе 7 апрѣля, были заперты въ секретной болѣзни.

Нѣкоторые тамбовскіе семинаристы состояли уже на службѣ копіистами или канцеляристами. Такъ, священнической сынъ Мишинъ въ 1830 году былъ канцеляристомъ духовной консисторіи. Въ это время ему было 30 лѣтъ. Но и эта служба не спасла его отъ красной шапки. За разныя упущенія по службѣ Мишинъ отданъ былъ въ солдаты. Тогда онъ бѣжалъ въ Борисоглѣбскъ и сказался непомнящимъ родства. Вотъ его показанія въ борисоглѣбской земской полиціи: „Николаемъ меня звать, сыномъ Денишевскимъ. Сколько лѣтъ мнѣ отъ роду, не припомню. Откуда я, кто мой отецъ и мать — тоже не припомню. Ходилъ я по разнымъ мѣстамъ и бывалъ у разныхъ людей, но у кого именно, того не знаю. Граматѣ читать и писать разумѣю, но у кого обучался, ничего не припомню“. Такимъ образомъ консисторскій канцеляристъ Мишинъ оказался типичнымъ русскимъ бродягою, но и это не спасло его: онъ угодилъ въ солдаты.

Кромѣ того, Евгений отдавалъ въ солдаты за малограмотность. Церковниковъ приводили къ нему толпами и онъ производилъ имъ строжайшій экзамень. Если кто изъ нихъ плохо пѣлъ или читалъ, такового немедленно отсылали въ губернское правленіе для опредѣленія въ солдаты. Въ рѣдкихъ случаяхъ Евгений оказывался однако довольно снисходительнымъ къ перепуганнымъ церковникамъ. Вотъ одна его резолюція по поводу экзаменовавшагося у него указника Григорьева: „10 декабря 1829 года; указникъ Григорьевъ поетъ исправно, а читаетъ худо; дать ему сроку на 6 мѣсяцевъ для усовершенія себя въ чтеніи и пѣніи. Евгений, епископъ“.

Отдавали въ солдаты и безъ вины. Такъ, указный дьячекъ с. Тарьсы Сеславинскій былъ аттестованъ благочиннымъ: „Сеславинскій поведенія добраго и смирнаго, читаетъ не худо. Лѣтъ ему отъ роду 15“. И все таки его отослали въ губернское правленіе.

При одной Лебедянской церкви церковнымъ сторожемъ былъ нѣкто Автономовъ. Это былъ человекъ уже пожилой, многосемейный и больной грижею. Но и онъ не избѣгъ бѣды и изъ церковнаго сторожа превратился въ солдата воронежскаго гарнизоннаго баталіона.

Города Шацка указный дьячекъ Михайловъ, отданный Евгениемъ въ солдаты, и оставившій дома многочисленную семью почти безъ куска хлѣба, такъ впоследствии жаловался на него ему самому: „Безъ благо-разсмотрѣнія твоего въ слушаніи чтенія и пѣнія отосланъ я въ военную службу. И оставшіеся сироты, какъ жена моя въ младыхъ лѣтахъ, такъ еще и двѣ сестры ея и братъ, остались безъ всякой надежды къ пропитанію. Родственниковъ у нихъ нѣтъ и должны они отъ горести прежде времени умереть. Непрестанныя слезы и вопль вынудили меня утруждать ваше преосвященство: вземли моей просьбѣ, ибо я не принадлежалъ къ отсылкѣ въ военную службу“.

Моршанскаго уѣзда, села Егоровки, пономарь Степанъ Егоровскій въ 1830 году состоялъ въ своей должности уже 26 лѣтъ. Нежданно-негаданно сталъ преслѣдовать его мѣстный благочинный и обвинять передъ епархіальнымъ начальствомъ въ пьянствѣ. Это и было причиною отдачи его въ солдаты. Дома онъ оставилъ 7 человекъ дѣтей и 60-лѣтняго старика-отца.

Въ с. Пашатовѣ, Темниковскаго уѣзда, проживалъ въ описываемое нами время престарѣлый дьячекъ Ив. Федоровъ. Единственною поддержкою его большой семьи былъ внукъ его Ефимъ Михайловъ, заступившій его мѣсто въ Пашатовскомъ приходѣ. Однако на это не посмотрѣли и отдали Ефима Михайлова въ солдаты. А чтобы не оставить семьи его безъ хлѣба, велѣли на мѣсто его быть дьячкомъ его дѣду, которому въ то время было 75 лѣтъ и который пробылъ дьячкомъ уже 50 лѣтъ.

Мѣстные старожилы съ особеннымъ сожалѣніемъ вспоминаютъ о томъ, что Евгений съ неумолимою строгостью отдавалъ въ солдаты многихъ хорошихъ учениковъ семинаріи. Нѣкоторые изъ этихъ уче-

никовъ уже названы нами выше. Но никто изъ нихъ не возбуждалъ такого сожалѣнiя современниковъ, какъ ученикъ философскаго класса Павелъ Хитровъ. Уволенный изъ семинарии за малоуспѣшность и недостаточное прилежанiе, а также за разсѣянность и невнимательность къ замѣчанiямъ начальства, Хитровъ успѣлъ однако въ теченiе года приготовиться къ экзамену въ медико-хирургическую академiю. Въ Петербургъ онъ отправился пѣшкомъ, такъ какъ отецъ его былъ человѣкъ бѣдный и къ тому же не сочувствовалъ затѣямъ сына. Съ нимъ шелъ также и младшiй братъ его. Приемный экзаменъ выдержанъ былъ Хитровымъ вполне удовлетворительно и даровитый юноша мечталъ уже о докторской карьерѣ. Все повидимому благопрiятствовало осуществленiю его завѣтныхъ думъ. Конференцiя медицинскои академiи отправила уже отъ себя въ тамбовскую консисторiю требованiе о высылкѣ Хитрову увольнительнаго свидѣтельства изъ духовнаго званiя. Но вмѣсто этого свидѣтельства въ Петербургъ пришло увѣдомленiе: „Исключенный ученикъ Павелъ Хитровъ, какъ подлежащiй отдачѣ въ солдаты, долженъ быть немедленно высланъ въ Тамбовъ“. Такъ рушились всѣ мечты одного изъ лучшихъ учениковъ Тамбовскои семинарии. Въ числѣ главныхъ мотивовъ отдачи Хитрова въ солдаты было то, что онъ самовольно ушелъ въ Петербургъ и сманилъ съ собою туда же своего младшаго брата ¹⁾.

Между лицами отданными Евгенiемъ въ солдаты, очутились также лишенные сана священники и дьяконы. Дьяконъ Мелентiевъ отданъ былъ въ военную службу за то, что укралъ у солдатки Кириловой окорокъ ветчины, а у крестьянина Михайлова утащилъ изъ печи ногу баранины; и все это отнесъ въ кабакъ. Туда же направилъ онъ и трость своего сослуживца, священника Григорьева.

Дьяконъ села Никольскаго Кустодiевъ попалъ подъ красную шапку еще по болѣе серьезному дѣлу. Во время холеры онъ возмущилъ крестьянъ, доказывая имъ, что никакой холеры нѣтъ и что все это выдумки господъ. Вотъ что писалъ о немъ губернскому правленiю тамбовскiй губернаторъ Мироновъ: „21 декабря 1830 г. бывшiе при временной больницѣ села Никольскаго, Тамбовскаго уѣзда, однодворцы Позняковъ и Кузминцевъ, разглашали, яко бы въ больницѣ рѣжутъ больныхъ и варятъ въ котлѣ. И эти слухи подтверждалъ съ особенною настойчивостью дьяконъ Кустодiевъ. Болѣе всѣхъ бушевалъ онъ въ толпѣ, ругалъ лѣкарей и требовалъ отъ нихъ отчета. Вслѣдствiе этого лѣкарей схватили и держали подъ карауломъ и взяли съ нихъ подписку, что холеры въ селѣ нѣтъ“. Одинъ изъ этихъ лѣкарей, Гоффъ, по мѣстному преданiю, былъ подвергнутъ особенно неприятному заклю-

¹⁾ Надобно замѣтить, что солдатская доля П. Хитрова была изъ самыхъ тяжелыхъ. Это видно изъ того, что въ 1841 году мать его обращалась къ высшему военному начальству съ прошенiемъ о предоставленiи ей сыну служебныхъ правъ вольноопредѣляющихся.

ченію. Его привязали къ трупу одного крестьянина, умершаго отъ холеры, и оставили въ этомъ близкомъ сосѣдствѣ день и ночь...— Дьяконъ Кустодіевъ былъ лишень сана и отданъ въ солдаты въ отдѣльный Кавказскій корпусъ.

Священникъ Иларіоновъ представленъ былъ, по снятіи сана, въ губернское правленіе по слѣдующему случаю. 22 августа 1830 г. въ нетрезвомъ видѣ онъ пришелъ въ перковь. Въ это время дьяконскій сынъ Тимофеевъ читалъ апостолъ. Проходя мимо его, Иларіоновъ вырвалъ у него апостолъ и бросилъ на полъ. Затѣмъ побѣжалъ на правый клиросъ, схватилъ за грудь пѣвчаго Алексѣева и протолкалъ его на средину церкви.

Священникъ села Мордова Леонтій Егоровъ представленъ былъ въ губернское правленіе за то, что пьяный вѣнчалъ свадьбу и въ такомъ видѣ подрался во время вѣнчанія съ дьячкомъ Максимовымъ и выдрвалъ ему клокъ волосъ. Ссора между священникомъ и дьячкомъ началась съ того, что дьячекъ сталъ говорить священнику: „ты полгода не былъ въ церкви и теперь тебя, видно, собаки сюда загнали“. На эти слова священникъ Леонтьевъ отвѣчалъ пощечиной, отъ которой рѣчистый дьячекъ полетѣлъ на полъ. Однако онъ немедленно приподнялся съ полу и въ свою очередь ударилъ священника. Тогда въ церкви произошелъ такой безпорядокъ, отъ котораго все село встревожилось, а одинъ крестьянинъ залѣзъ даже на колокольню и ударилъ въ набатъ...

Въ то же время дьячекъ с. Дуткина данъ былъ въ солдаты вслѣдствіе того, что на проселочной дорогѣ напалъ на крестьянскаго мальчика Я. Матвѣева и отнял у него лошадь.

Нерѣдко случалось, однако, и такъ, что семинаристы и церковники попадались подъ красную шапку по разнымъ недоразумѣніямъ. Какъ люди мелкаго ранга, безъ связей и покровительствъ, шли они солдатскою дорогою безвинно и безответно... Уходили по этой страшной тогда дорогѣ семинаристы, неожиданно-негаданно, среди классныхъ занятій, оторванные отъ школьной скамейки; не миновали этой же самой дороги и заматорѣвшіе въ лѣтахъ своихъ церковники, иногда вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Все приносилось въ жертву суровой идеѣ очищенія Тамбовской епархіи. И вотъ причина, почему о епископѣ Евгеніѣ доселѣ сохраняется въ тамбовскомъ духовенствѣ самая тяжелая память.

Съ чувствомъ предвзятаго нерасположенія къ дѣятельности епископа Евгенія, о которомъ еще въ дѣтствѣ приходилось намъ слышать многое не въ его пользу, приступили и мы къ разбору тѣхъ скудныхъ архивныхъ памятниковъ Евгеніевской эпохи, которые доселѣ сохранились въ Тамбовѣ. Видно было по этимъ памятникамъ, что суровый епископъ жестоко и иногда неразборчиво очищалъ епархію отъ порочныхъ и лишнихъ людей, очевидно приведенный въ негодованіе неустройствами тамбовскаго духовенства. Но въ то же время намъ

стало ясно, что Евгеній дѣйствовалъ въ интересахъ тамбовской церкви и духовнаго сословія, которое дѣйствительно послѣ погрома 30 и 31 гг. пришло въ сравнительно лучшее состояніе. Конечно, совершенно мы не оправдываемъ дѣятельности епископа Евгенія. Несомнѣнно, готовность его отдать въ солдаты какъ можно больше семинаристовъ и церковниковъ имѣла и такой эгоистическій мотивъ, чтобы отличиться передъ правительствомъ. Все-таки это уже не то, что обыкновенно думаютъ о Евгеніѣ въ Тамбовской епархіи по преданію отъ отцовъ и дѣдовъ... Вся дѣйствительная вина епископа Евгенія состояла только въ томъ, что онъ поступалъ въ своемъ дѣлѣ не такъ осмотрительно и осторожно, какъ слѣдовало бы ¹⁾).

Многочисленная партія тамбовскихъ семинаристовъ и церковниковъ, отданныхъ Евгеніемъ въ солдаты, нѣсколько мѣсяцевъ обучалась военному ремеслу въ Тамбовѣ. Наконецъ всю эту партію, уже переодѣтую изъ подрясниковъ, халатовъ и сюртуковъ въ сѣрые шинели, велѣно было отправить въ Москву. Собрались бывшіе семинаристы и церковники на такъ называемой Варваринской площади и пошли оттуда военнымъ порядкомъ по главной улицѣ Тамбова—Астраханской, къ Московской заставѣ. вмѣстѣ съ ними и за ними шла большая толпа народа. Процессія поравнялась съ Казанскимъ монастыремъ. Въ это время всѣ новобранцы, безъ всякой команды, по единодушному религиозному порыву, упали на колѣни и заплѣли: „Заступнице усердная“! Минута была дѣйствительно печально-торжественная и потому въ тотъ день пролито было въ Тамбовѣ не мало слезъ. Плакали семинаристы, навсегда оторванные отъ своей, сравнительно выгодной карьеры; плакали церковники, оставлявшіе на произволъ судьбы женъ и малыхъ дѣтей; плакали эти самыя жены и дѣти; плакали наконецъ зрители, которымъ жаль было случайныхъ воиновъ, неожиданно обреченныхъ на тяжелую и продолжительную службу...

Сохранилась мѣстная легенда объ участи семинаристовъ-солдатъ. Будто бы они попали большею частію въ московскій учебный полкъ, гдѣ какой-то полковникъ часто ихъ сѣкъ, дурно кормилъ и изнурялъ работой и службой. Дошло это до свѣдѣнія императора Николая I-го и вотъ однажды пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то генералъ, полковника схватили и съ тѣхъ поръ проналъ онъ безъ вѣсти. А солдатъ-семинаристовъ вскорѣ послѣ этого поставили въ ряды и велѣли имъ быть готовыми къ встрѣчѣ самого государя. Николай Павловичъ не заставилъ себя долго ждать. Прибылъ онъ, одѣтый въ солдатскую

¹⁾ Совершенною противоположностью Евгенію представлялъ тамбовскій епископъ Николай, управлявшій епархіею въ 40—50-хъ годахъ. Онъ считалъ своею обязанностію всегда заступаться за духовенство. Однажды графиня Кутайсова нажаловалась оберъ-прокурору св. синода графу Протасову на своего приходскаго священника Гумилевскаго: „просфоры де не подаетъ мнѣ въ церкви и въ виду крестьянъ моихъ оказываетъ мнѣ неуваженіе... Но епископъ Николай рѣшительно заступился за священника Гумилевскаго и избавилъ его отъ всякой отвѣтственности.

сѣрую шинель. „Дѣти мои, сказалъ онъ между прочимъ семинаристамъ-новобранцамъ,—то-то думаю, матери ваши плакали, провожая васъ“... Вслѣдъ затѣмъ привезли два воза калачей и сейчасъ же самъ государь началъ раздавать ихъ бывшимъ семинаристамъ и церковникамъ.

II.

Тамбовское дворянство въ концѣ XVIII вѣка.

Не веселую картину изображаетъ собой тамбовское дворянство второй половины XVIII столѣтія. Люди большею частію крайне неразвитые и совершенно праздные, многіе тамбовскіе дворяне прошлаго столѣтія всю свою энергію тратили единственно на подвиги самага необузданнаго самодурства, которое было тѣмъ рельефнѣе, что неразвитость тамбовскаго дворянства весьма нерѣдко выражалась въ совершенной неграмотности. Таковою неграмотностію въ 1789 году отличались слѣдующіе темниковскіе, шацкіе, спасскіе и елатомскіе дворяне: Маматкатины, Будушевы, Енгальчевы, Бигловы, Кашаевы, Еникѣевы, Мамотовы, Дивѣевы, Елышевы, Мусѣевы, Чапышевы, Тюменевы, Бекмаевы, Канчурины, Сакаевы и Сампалаевы... Всѣ они официально аттестованы были такъ: „въ службѣ не были, грамотѣ и писать не умѣютъ“. По словамъ Г. Р. Державина, хорошо знавшаго Тамбовское общество всѣхъ сословій и состояній, тамбовское дворянство, въ 80 гг. прошлаго столѣтія, было такъ грубо и необходимо, что ни одѣться, ни войти, ни обращаться какъ должно благородному человѣку не умѣли, кромѣ нѣкоторыхъ, которые жили въ столицахъ¹⁾.

Были, разумѣется, въ указанное нами время образованные и гуманые тамбовскіе дворяне, но такихъ было не много. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы здѣсь почтенное имя козловскаго помѣщика И. Г. Рахманинова, извѣстнаго основателя типографіи въ селѣ Казинѣ и замѣчательнаго переводчика сочиненій Вольтера; не можемъ не вспомнить также и Е. К. Ниловой, усерднѣйшей сотрудницы Державина въ его тамбовскихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Но въ особенности вниманіе наше останавливается на высокогуманной личности елатомскаго помѣщика Андрея Алексѣевича Ушакова. А. А. Ушаковъ имѣлъ въ своемъ владѣніи 600 душъ крестьянъ въ селѣ Изтлеевѣ. Въ 1798 году въ Изтлеево пріѣхали изъ разныхъ полковъ на постоянное жительство три сына Андрея Алексѣевича. Отецъ такъ любилъ ихъ всѣхъ, что позволилъ имъ совершенно самостоятельно распоряжаться въ имѣніи. И начали они распоряжаться: стонъ по-

¹⁾ IV т. сочиненій Державина, изд. Я. К. Грота, 556 стр.

шелъ по всей деревнѣ отъ ихъ управленія... Андрей Алексѣвичъ не сѣлъ своихъ крѣпостныхъ, а дѣти его то и дѣло препровождали на конюшню и старыхъ и малыхъ. Словомъ, молодые Ушаковы сразу проявили самые злокачественные помѣщичьи инстинкты. Не перенесъ этого добрый старикъ, отецъ ихъ, и какъ ни любилъ онъ дѣтей своихъ, все-таки долгъ христіанина и честнаго гражданина онъ поставилъ выше всего. Андрей Алексѣвичъ Ушаковъ рѣшился всѣхъ своихъ крѣпостныхъ отпустить на волю и написалъ объ этомъ извѣстному В. П. Кочубею. Письмо начинается такъ: „Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленія моего! Не удивись, сіятельный графъ, началу сему; оно слѣдуетъ отъ оскорбленнаго отца“.

Вслѣдъ затѣмъ начинается изложеніе отчасти уже извѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Съ особенною силою Андрей Алексѣвичъ настаивалъ на томъ, что дѣти его не могутъ послужить благу крестьянства, что въ нихъ слишкомъ много сословнаго эгоизма...

„Почему, заключаетъ онъ свое письмо,—учиня крестьянъ моихъ свободными, утверждаю всѣ мои земли съ угодьями въ вѣчное ихъ владѣніе“.

Такимъ образомъ отъ тяжкаго крѣпостнаго ига освобождено было 600 душъ. Дѣтямъ же своимъ Андрей Алексѣвичъ завѣщалъ по нѣскольکو тысячъ рублей. А между тѣмъ еще при жизни своей опредѣлилъ ихъ снова на службу. „Пусть, говорилъ онъ, узнаютъ они, что такое нужда, что такое долгъ, тогда ко всѣмъ людямъ они лучше относиться будутъ ¹⁾“.

Были, вѣроятно, и еще хорошіе граждане между тамбовскими помѣщиками второй половины прошлаго столѣтія, но изъ документовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, имена ихъ и поступки намъ неизвѣстны. Между тѣмъ въ этихъ самыхъ документахъ встрѣчается масса фактовъ, изображающихъ отжившее тамбовское дворянство въ самомъ непривлекательномъ видѣ.

Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ фактовъ.

Въ 1775 году въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ проживалъ помѣщикъ Шпикуловъ, которому чѣмъ-то не угодили однодворцы села Грибановки. Не долго думая, Шпикуловъ собралъ свою деревню, вооружилъ ее чѣмъ попало и съ этою толпою напалъ на Грибановку, у жителей которой угналъ скоть, свезъ хлѣбъ и сломалъ избы. И что всего удивительнѣе, результатомъ этого наѣзда было только то, что побитые и ограбленные стали передъ Шпикуловымъ, тише воды, ниже травы. Разсвирѣпѣвшій помѣщикъ запахалъ даже часть грибановской земли и

¹⁾ Арх. тамб. двор. собранія № 14-й.—Поступокъ А. А. Ушакова въ описываемое нами время, конечно, былъ не единичнымъ. Это видно изъ того, что въ концѣ прошлаго столѣтія около с. Подгорнаго, козловскаго уѣзда, образовался цѣлый поселокъ вольноотпущенниковъ, болѣе чѣмъ въ 100 душъ. Кромѣ того, намъ извѣстны Тамбовскіе дворяне Григоровъ и Шталина, которые отпустили своихъ крестьянъ на волю.

сталъ распоряжаться грибановцами, какъ своими крѣпостными. Такъ въ 1776 году онъ приказалъ имъ поставить себѣ сперва 30 подводъ, а потомъ 80, да еще и тѣмъ былъ недоволенъ. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ Тамбовскаго намѣстничества, дѣйствія Шпикулова обнаружились, но обошлись для него весьма благополучно, такъ какъ онъ заплатился за свои подвиги только двухнедѣльнымъ арестомъ.

Въ слѣдующемъ году, 2-го іюля, былъ такой случай. Крестьяне Спасскаго помѣщика Лукина косили сѣно. Съ ними былъ и самъ помѣщикъ. Вдругъ на луга является маіоръ Евсюковъ въ сопровожденіи подгулявшихъ пріятелей и 37 человекъ дворни. Толпа эта немедленно бросилась на рабочихъ и разогнала ихъ, а затѣмъ началось побоище и между самими помѣщиками. Во время свалки Лукинъ ранилъ ружейнымъ выстрѣломъ Евсюкова и самъ получилъ отъ него въ отместку нѣсколько подобныхъ же ранъ, отъ которыхъ и упалъ безъ чувствъ. Въ это время подбѣгаетъ къ нему братъ Евсюкова и хочетъ пристрѣлить его окончательно. Къ счастью, два раза произошла осычка. Тогда подбѣжали къ Лукину его недруги и начали бить его по головѣ чѣмъ попало ¹⁾...

Совершенно въ духѣ помѣщиковъ Шпикулова и Евсюкова дѣйствовала въ 1776 году помѣщица Горчакова. Поссорившись съ своей соседкой Мосоловой, она безъ церемоніи угнала у нея скотъ въ количествѣ 206 штукъ рогатаго и мелкаго скота и кромѣ того свезла въ свои овины весь ея хлѣбъ.

А въ 1780 году подобнымъ же образомъ дѣйствовала Кирсановскій помѣщикъ Можаровъ. У Можарова былъ недругъ среди помѣщиковъ, нѣкто Шишковъ. Съ нимъ-то и раздѣлался по своему нашъ герой. 1-го сентября 1780 года крестьяне его, по его личному приказанію, напали на сѣнокосъ помѣщика Шишкова и свезли оттуда на свой барскій дворъ 340 копенъ сѣна. Въ октябрѣ того же года наѣздъ повторился. Шишковъ послалъ рабочихъ на 40 подводяхъ за сѣномъ на свои луга. Наложили они сѣно и собирались ѣхать домой, какъ вдругъ на нихъ напали можаровцы и отняли все сѣно, а кромѣ того—6 лошадей, 12 сермяжныхъ кафтановъ, 4 бараньи шубы, 1 полушубокъ, 6 кушаковъ и 12 рукавицъ. Обиженный помѣщикъ далъ знать объ этомъ капитанъ-исправнику Волкову и тотъ съ понятными, въ числѣ которыхъ было нѣсколько помѣщиковъ, немедленно поѣхалъ въ имѣніе Можарова для слѣдствія.

У воротъ можаровской усадьбы исправника встрѣтили человекъ 100 дворовыхъ и крестьянъ, вооруженныхъ цѣпами и дубинами.

— Что вы за люди? громко спросили они у приближавшагося къ нимъ поѣзда.

¹⁾ Раненаго Лукина, за отсутствіемъ врача въ уѣздѣ, лѣчилъ инвалидный солдатъ Козьма Михайловъ. Дѣло это тянулось до 1801 года, когда рѣшено было преправить его и предать волѣ Божіей.

Волковъ прикрикнулъ на нихъ и объявилъ имъ, что онъ капитанъ-исправникъ.

— Врешь, отвѣчали ему, — вы всѣ разбойники и пріѣхали грабить господскій домъ, да не на таковскихъ напали: въ дубье мы васъ примемъ.

Нечего дѣлать, исправникъ долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ.

Въ томъ же году кадомская регистраторша, вдова Мошеева, поссорилась съ княземъ Энгальчевымъ и, желая доканать его, велѣла людямъ своимъ напасть на домъ своего врага. Тѣ исполнили приказаніе и раззорили домъ Энгальчева и пограбили въ немъ разныхъ вещей, серебра и одежды, на сумму 1200 рублей.

Годомъ ранѣе, именно въ 1779 году, шацкій помѣщикъ, вахмистръ Веденяпинъ, убилъ своего крѣпостного и бросилъ тѣло его въ озеро. Поручикъ Блохинъ вытащилъ это тѣло и похоронилъ его. Тогда Веденяпинъ зазвалъ къ себѣ Блохина, высѣкъ его плетьюми и избилъ кочергою...

21-го марта того-же 1779 года, прибылъ въ Тамбовъ, проѣздомъ въ Саратовъ, помѣщикъ Шегаровъ. Пріѣзжій подкатилъ къ почтовому двору, какъ настоящій вельможа, такъ какъ за нимъ ѣхало 12 обывательскихъ подводъ съ разною клажею и 5 конныхъ гусаръ, — и грозно потребовалъ лошадей и 20 конныхъ ямщиковъ. Конечно, его неумѣренное требованіе не могло быть исполнено. Тогда онъ пошелъ къ правителю тамбовскихъ и козловскихъ ямовъ маіору Федерману.

— Читалъ ли ты, нѣмчура, подорожную мою? сказалъ онъ. Подай ямщиковъ!

Федерманъ посовѣтывалъ ему обратиться за проводниками въ воеводскую канцелярію.

Это обидѣло Шегарова и онъ схватилъ Федермана за грудь и сталъ колотъ его пальцами въ глаза.

— Ты прусскій бѣглець, кричалъ онъ, — и я велю тебя, мразь этакую, заковать въ кандалы и отослать въ Воронежъ къ губернатору Потанову.

Федерманъ попытался возразить: — и я де такой же штабъ, какъ и ты, а ты меня порочишь; — но тутъ подбѣжали къ нему Шегаровскіе гусары, чтобы схватить его и высѣчь плетьюми на его же собственномъ дворѣ.

Федерманъ убѣжалъ. А Шегаровъ набросился на стоявшаго у Федермана въ передней ямского старосту Неронова и за волосы протаскилъ его по улицѣ до почтоваго двора.

Кончилось это дѣло тѣмъ, что Шегаровъ получилъ то, что требовалъ, и кромѣ того — сани съ подрѣзами, принадлежавшія Федерману. На этихъ саняхъ, съ громомъ и звономъ, онъ подкатилъ къ дому одного своего тамбовскаго пріятеля и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, а затѣмъ совершенно благополучно прослѣдовалъ въ село Талинку, откуда и отпустилъ ямщиковъ, не заплативъ имъ прогоновъ.

Въ тоже время бичомъ Шацкаго и Моршанскаго уѣздовъ былъ нѣкто помѣщикъ Бородинъ, начальникъ Шацкой земской расправы. Разбѣзжая съ солдатами по селамъ и деревнямъ двухъ названныхъ уѣздовъ, онъ вымогалъ съ крестьянъ деньги, причемъ не отказывался и отъ взятокъ натурою: бралъ холстомъ и хлѣбомъ. Кромѣ того онъ содержался и даже пьянствовалъ на мірской счетъ и пьяный билъ народъ палками: мы де начальство, знай нашихъ! Отъ подобной тяготы народъ бѣжалъ даже въ Тамбовъ и скрывался тамъ. Такъ, въ 1780 г., по распоряженію правителя тамбовскаго намѣстничества князя М. М. Давыдова, въ тамбовскихъ пригородныхъ слободахъ найдено безпашпортныхъ крестьянъ 143 человекъ, большею частію изъ Моршанскаго и Шацкаго уѣздовъ, и когда ихъ хотѣли водворить въ мѣстахъ ихъ жительства, то весьма многіе, пользуясь высочайшимъ манифестомъ 1780 года, рѣшились лучше пойти въ солдаты, чѣмъ возвращаться на свои мѣста.

Подобную-же необузданность иногда проявляли и такіе тамбовскіе дворяне, которые нигдѣ не служили и слѣдовательно не имѣли никакого officialнаго положенія. Таковъ былъ, напримѣръ, недоросль Вельяминовъ.

Однажды онъ съ цѣлою шайкою въ полночь подѣхалъ къ дому нелюбимаго имъ дьякона села Покровскаго Лысогорскаго. Ворота выломалъ... окна выбилъ... всю семью избилъ... Сынъ дьякона въ одномъ изорванномъ бѣлѣ выбѣжалъ тогда изъ дому и зазвонилъ въ церковный колоколъ. Священникъ и пономарь прибѣжали въ церковь. Явился туда же и Вельяминовъ, священника и пономаря ударилъ „рожномъ“, а самъ направился на колокольню и для собственнаго удовольствія началъ звонить во все колокола.

Собрался народъ, дивились все, а ничего не могли сдѣлать съ бариномъ.

Мелкое тамбовское дворянство, которое изъ-за куска хлѣба шло въ разныя канцеляріи, тоже не блистало нравственными совершенствами.

Какъ поступали въ описываемое нами время разные служилые тамбовскіе дворяне съ подчиненными имъ сельскими жителями, это очень ясно видно изъ письма Кадомскаго секретаря Карева къ одному крестьянскому старостѣ, Миرونу Курмашову. Вотъ это письмо:

„Я къ тебѣ писалъ предъ тѣмъ, что-бы ты, плутъ и мошенникъ, выслалъ сюда въ Кадомъ для разбору полюбовнаго тамбовскаго солдата Пайкова. Да онъ уже здѣсь хотя подушныя деньги платилъ, но отсюда, не взявъ квитанціи, бѣжалъ. И для того къ тебѣ еще пишу, что бы ты непременно его выслалъ сюда съ (новыми) подушными деньгами. Ибо ежели челобитную солдатъ падаетъ, то я увѣрю васъ всехъ, будетъ она ему больше 200 рублей стоить“.

Солдатъ, привозившій въ Кадомъ подушныя деньги, которыя очутились въ карманѣ у секретаря Карева, дѣйствительно подалъ въ

судь челобитную, въ которой жаловался, что Каревъ требуетъ съ міра двойной подушной подати, но за такую дерзость попалъ подъ судъ, а ловкій секретарь ухитрился выдти изъ подъ суда и слѣдствія совершенно оправданнымъ.

Что тамбовскіе служилые дворяне второй половины прошлаго столѣтія въ совершенствѣ постигли практическій смыслъ извѣстныхъ словъ: „всякое даяніе благо, и всякъ даръ совершенъ“, — это видно изъ слѣдующаго. Усманскій дворянскій засѣдатель Савковъ съ жителей села Излегощи взялъ 50 сажень дровъ, а съ жителей села Безнеговки не погнушался и взятіемъ 5 рублей и 2 журавлей ¹⁾).

А вотъ произшествіе совершенно уже дикаго характера:

Лѣтомъ 1782 года, въ село Лавровку, Тамбовскаго уѣзда, пріѣхалъ недоросль-канцеляристъ Бронниковъ. Въ этомъ селѣ жили братья Кондратьевы, враги Бронникова по приказной ссорѣ. Съ ними-то и вздумалъ пріѣзжій раздѣлаться по своему. Бронниковъ вошелъ на дворъ къ Кондратьевымъ, схватилъ одного изъ нихъ за волосы и потащилъ на улицу. Другой братъ пріѣжалъ къ первому на помощь. Тогда Бронниковъ схватилъ его, притащилъ въ темный уголь, впилился зубами въ носъ и отбѣлъ его. Когда сбѣжавшійся народъ оттащилъ его отъ Кондратьева, онъ продолжалъ жевать откушенный носъ и выплевывать окровавленные части его на землю. Дѣло объ этомъ тянулось около 5 лѣтъ и намъ не извѣстно чѣмъ оно кончилось.

Въ слѣдующемъ 1783 году, липецкій дворянскій засѣдатель Колобовъ отбилъ у однодворцевъ села Яблоновца значительный участокъ земли и сѣнныхъ покосовъ. Однодворцы пожаловались уѣздному суду, но Колобовъ возражалъ истцамъ: „Я купилъ землю и дуга у однодворца Евсея Гулевскаго“. Надо замѣтить, что у Гулевскаго земли въ Яблоновскихъ дачахъ вовсе не было. Съ этого времени, пока съ извѣстною приказною медленностію тянулось дѣло, начались гоненія на Яблоновцевъ. Колобовъ своимъ стадомъ и табуномъ сталъ мять и травить поля ихъ, а самихъ однодворцевъ сѣчь плетьюми. Кромѣ того, угналъ часть ихъ скота и въ заключеніе потребовалъ съ нихъ 90 руб. контрибуціи. Дѣлать нечего, дали.

22 февраля 1783 года служилый дворянинъ Кудрявцевъ пріѣхалъ въ село Архангельское, Борисоглѣбскаго уѣзда.

— Соцкаго! — закричалъ онъ на всю улицу, а самъ между тѣмъ вошелъ въ избу крестьянина Парфена Авдѣева и выгналъ оттуда всѣхъ жильцовъ. Босые, въ однихъ рубашкахъ, науганные крестьяне и крестьянки попрятались у сосѣдей. Пришелъ соцкій Зуевъ.

— Подавай живѣй 3 пары лошадей и 20 человекъ проводниковъ, приказалъ ему Кудрявцевъ.

— Будетъ съ васъ, ваше благородіе, и подводчиковъ, возразилъ на это Зуевъ.

¹⁾ Архивъ губернскаго правленія годъ 1793, № 14.

Тогда Кудрявцевъ схватилъ палку и началъ бить соцаго по плечамъ и головѣ. Изломалъ 3 палки и отдалъ избитаго подъ караулъ.

Разумѣется, многіе изъ тамбовскихъ дворянъ-чиновниковъ сильно наживались. Напримѣръ лѣсничій Гипнарскій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ раздавалъ сотни билетовъ на рубку казеннаго лѣса и за все это принималъ мзду немалую. Наконецъ его продѣлки обнаружались и Гипнарскаго отдали подъ судъ, исписали 910 казенныхъ листовъ и уволили подсудимаго отъ должности; но вѣроятно Гипнарскій по этому поводу не особенно горевалъ...

Людямъ, подобнымъ Гипнарскому, легко было наживать деньги. Вотъ напримѣръ какъ поступалъ въ Липецкомъ уѣздѣ дворянскій засѣдатель Потуловъ. Однажды пришлось ему повѣрять сельскіе хлѣбные магазины. Тогда онъ выѣхалъ въ уѣздъ со сворами и началъ охоту въ поляхъ. Все содержаніе доставляли ему тѣ же крестьяне, поля которыхъ онъ разоралъ. Кромѣ того дворовый Потулова собралъ съ крестьянъ въ пользу своего барина нѣсколько сотъ рублей.

Былъ въ Тамбовской губерніи и еще особый дворянскій типъ. Это совершенно раззорившіеся дворяне. Ничего не имѣя, они доучали всѣмъ состоятельнымъ людямъ о пособіи. Таковъ былъ прапорщикъ Зеттингеръ. Вотъ что писалъ онъ однажды тамбовскому губернскому предводителю дворянства Ознобишину:

„Гремящая повсюду слава о добродѣтельной вашего превосходительства душѣ и творимыхъ благахъ страждущимъ подаетъ мнѣ безсомнѣнную надежду, что лучъ вашего благодѣянія и ко мнѣ коснется...“

Въ награду за такое краснорѣчіе Зеттингеръ получилъ отъ Ознобишина 25 рублей ¹⁾.

Нѣкоторые тамбовскіе помѣщики были тяжелы для своихъ крѣпостныхъ еще и тѣмъ, что имѣли обыкновеніе держать при себѣ очень лихихъ управляющихъ, старостъ и бурмистровъ. Отъ этого иногда происходили самыя печальныя явленія. Напримѣръ.

Однажды крестьянинъ помѣщика Анцыферова, Захаръ Никитинъ, косилъ сѣно на лугахъ села Разказова. Въ это время подозвалъ его къ себѣ бурмистръ Федоръ Ефимовъ и началъ ножницами стричь ему голову и остригъ полъ-головы.

— Ну, теперъ ступай — работай, сказалъ бурмистръ, а вечеромъ приходи на конюшню, сѣчь буду.

Зло взяло Никитина и онъ изо всей силы ударилъ своего притѣ-

¹⁾ Прискорбныя дѣянія тамбовскаго дворянства прошлаго столѣтія ни сколько не должны удивлять насъ. Дворяне другихъ губерній еще и не такія дѣла продѣлывали. Припомнимъ слова извѣстнаго воспитателя цесаревича Павла Петровича Порошина, человека несомнѣнно добросовѣстнаго и хорошо знавшаго Россію. Вотъ его слова: „Разсказывалъ государь, что онъ сегодня отъ ея величества слышать изволилъ, что недавно пойманъ на разбоѣ въ Московской губерніи одинъ дворянинъ, за которымъ душъ около 400 было“. С. М. Соловья, Исторія Россіи т. 26, стр. 249.

счителя косою и опрокинулъ его на землю. Къ вечеру бурмистръ умеръ. Начался судъ.

— За что ты убилъ бурмистра? спросили судьи.

— Житья мнѣ не было отъ бурмистра, отвѣчалъ Никитинъ. Не было у меня своей избы, шлялся я съ женою изъ двора во дворъ и слушалъ попреки. И содержаться было нечѣмъ: получалъ я отъ барина въ мѣсяцъ 1 пудъ и 30 ф. ржаной муки и гарнецъ пшена— и все тутъ. Убѣжалъ я, куда глаза глядятъ, но меня поймали и тутъ то бурмистръ началъ тиранить меня: днемъ я работалъ не покладая рукъ, а ночью меня заковывали въ желѣза. А иногда замѣсто того сбѣли на конюшнѣ... Вотъ я и убилъ бурмистра, думаю—одинъ конецъ ¹⁾.

До какой степени тамбовское дворянство конца прошлаго столѣтїя было несостоятельно въ нравственномъ отношенїи, это между прочимъ видно изъ того обстоятельства, что въ описываемое нами время множество тамбовскихъ дворянъ было отдано подъ судъ. Въ концѣ XVIII столѣтїя подсудныхъ тамбовскихъ дворянъ было 101 человекъ. Большинство ихъ судилось за взятки, буйство и казнокрадство. Но иные изъ нихъ судились за преступленїя болѣе выдающагося характера. Такъ, помѣщика фонъ-Меника судили за то, что онъ за сѣкъ до смерти двухъ духоборцевъ; Горяинова привлекли къ суду за похищенїе лѣса въ дачахъ казенныхъ крестьянъ; Коробкина — за то, что онъ затравилъ своими гончими крестьянскихъ телятъ; помѣщика Кугушева подвергли уголовному суду по слѣдующему поводу: онъ высѣлъ плетями дьяконицу Ермолаеву съ сыномъ. А дворянина Головина отдали подъ судъ за разбой въ домѣ одной помѣщицы и за разграбленїе ея каретнаго сарая, при чемъ досталось также и крестьянскимъ избамъ, одна изъ которыхъ была совершенно изрублена ²⁾.

При такихъ-то обстоятельствахъ объявлена была тамбовскому дворянству высочайшая жалованная грамота 24-го апрѣля 1785 года. Понятно, что первыя попытки къ самоуправленїю со стороны тамбовскаго дворянства были весьма неудачны. Были права и полномочїя, а дѣятелей, достойныхъ этихъ правъ и полномочїй, почти не было. Выбраны были дворянскїе депутаты, но рѣдкіе изъ нихъ охотно шли на службу. Большинство отказывалось по разнымъ причинамъ. Елатомскїй дворянскїй депутатъ Мещериновъ не являлся къ должности,

¹⁾ Архивъ окружнаго тамбовскаго суда, № 467.

Надобно замѣтить, что въ тамбовскомъ архивѣ встрѣчается масса документовъ, свидѣтельствующихъ о дикомъ помѣщичьемъ самодурствѣ. Передъ нами на примѣръ помѣщикъ Филатовъ. Часто впрягалъ онъ въ дрожки вмѣстѣ съ лошадыми женщиной. Беременныхъ заставлялъ садиться верхомъ на заводскихъ жеребцовъ и хохоталъ, когда лошадь становилась на дыбы и сбрасывала женщину, а которая не осмѣливалась садиться верхомъ, тѣхъ билъ нагайкой до крови.

²⁾ Архивъ тамбовскаго дворянскаго собранїя, № 154.

какъ онъ объяснялъ, по болѣзни. Между тѣмъ уѣздный предводитель Языковъ такъ писалъ о Мещериновѣ: „въ дворянское собраніе онъ Мещериновъ не является, а со псовою охотою ѣздитъ въ отъѣзжихъ поляхъ, въ медвѣжьихъ островахъ и на рыбныхъ ловляхъ бываетъ же почасту по Окѣ рѣкѣ и по заливамъ“.

Даже дворянскіе предводители шли на службу неохотно и при малѣйшемъ удобномъ случаѣ подавали въ отставку. Это видно между прочимъ изъ того, что въ концѣ XVIII столѣтія въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ въ теченіе одного трехлѣтія перемѣнилось три предводителя: Есиповъ, Страховъ и Пушкиревъ.

Были и такіе депутаты, которые являлись на службу въ срокъ, но впоследствии оказывались недостойными своего званія. Напримѣръ усманскій депутат Малышовъ. По доносу поручика Гаршина, онъ переправлялъ въ другія губерніи бѣглыхъ крестьянъ, чужой хлѣбъ продавалъ за мѣсто своего и кромѣ того осужденъ былъ воронежскимъ епископомъ Тихономъ за кровосмѣшеніе.

Нѣкоторые дворянскіе депутаты, напримѣръ спасскій дворянинъ Смагинъ, отказывались отъ своихъ обязанностей тѣмъ, что они къ тамбовскому дворянству принадлежать не желаютъ, ибо принадлежать къ сосѣднимъ дворянствамъ и участвуютъ въ ихъ балотировкахъ; но съ таковыми не церемонились и черезъ земскіе суды вытребовывали ихъ въ губернскій городъ ¹⁾...

Если же наконецъ кое-какъ составлялись тамбовскія дворянскія собранія, то при этомъ начинались, вмѣсто дѣла, взаимныя ссоры и пререканія. Выступали на сцену личныя антипатіи и шла поэтому поводу болѣе или менѣе крупная перебранка.

Отъ тамбовскихъ дворянскихъ междоусобій трудно было уклониться даже и такимъ людямъ, какъ напримѣръ Г. Р. Державинъ, бывшій въ описываемое нами время тамбовскимъ губернаторомъ. Въ 1787 году съ Державинимъ поссорился губернскій предводитель дворянства А. Г. Пановъ. Причиною ссоры послужило то обстоятельство, что тамбовское намѣстническое правленіе осмѣливалось писать на имя губернскаго предводителя указы. Между тѣмъ Панову хотѣлось получать предписанія прямо отъ губернатора. Когда узналъ объ этомъ Державинъ, то онъ написалъ Панову пространное письмо, въ которомъ на основаніи законовъ доказывалъ, что не только отъ намѣстническаго правленія, но и отъ верхняго земскаго суда предводитель долженъ принимать указы.

¹⁾ Арх. таб. дворянскаго собранія, 1791 г., № 1-й.— Впрочемъ не въ одной Тамбовской губерніи дворянство уклонялось отъ службы. Это видно изъ высочайшаго указа отъ 4-го сентября 1802 г. слѣдующаго содержанія: до свидѣнія нашего доходить, будто лучшее дворянство уклоняется отъ выборовъ... и что земскій судъ и управа достаются въ руки ненадежныя“. Въ концѣ указа высказано императорское повелѣніе—не уклоняться дворянамъ отъ выборовъ.

„Признаюсь вамъ, заключаетъ Державинъ свое письмо, — будучи на вашемъ мѣстѣ я бы пріятнѣе принималъ указы изъ намѣстническаго правленія подъ заглавіемъ священнаго императорскаго имени, предъ коимъ все раболѣпствовать и преклоняться должно, нежели какое-либо предписаніе отъ губернатора, тѣмъ паче младшаго васъ лѣтами, а службою и можетъ быть самыми способностями далеко отъ васъ отстоящаго“¹⁾.

Вскорѣ послѣ А. Г. Панова тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ былъ генераль-лейтенантъ А. А. Баратынскій, а губернаторомъ въ тоже время состоялъ Кошелевъ. Эти губернскіе чиновники сначала жили согласно, а потомъ поссорились до того, что стали жаловаться другъ на друга петербургскимъ властямъ. Въ ссорѣ этой приняли участіе и нѣкоторые уѣздные предводители дворянства, какъ это видно изъ слѣдующаго. Однажды Кошелевъ приглашалъ дворянскихъ предводителей въ Тамбовъ для разсужденій о рекрутскомъ наборѣ. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: три предводителя отказались пріѣхать по случаю какихъ-то текущихъ дѣлъ, а самъ Баратынскій ночью тихонько выѣхалъ изъ Тамбова въ деревню...

Лѣнливое и сварливое большею частію тамбовское дворянство прошлаго столѣтія, разумѣется, не могло заботиться о благѣ своего края и неоднократно доказывало это самымъ положительнымъ образомъ. Такъ напримѣръ, въ описываемое нами время былъ сильный голодъ въ Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ уѣздахъ. Простонародіе, въ особенности же крѣпостное крестьянство, ѣло лебеду и мякину, а мѣръ къ прекращенію общественнаго бѣдствія со стороны тамбовскаго дворянства никакихъ не было. Кирсановскіе и Борисоглѣбскіе дворяне не извѣстили даже губернскаго начальства о постигшей ихъ уѣзды народной бѣдѣ. Тамбовскій губернаторъ Палицынъ и губернскій предводитель тамбовскаго дворянства Мартыновъ уже случайно узнали о крестьянскомъ голодѣ и крайне сожалѣли объ отсутствіи мѣстной дворянской инициативы.

Не удивительно послѣ всего этого, что дворянское самоуправленіе въ Тамбовской губерніи развивалось крайне медленно и долго не давало какихъ-либо значительныхъ результатовъ.

Тамбовскій и рязанскій генераль-губернаторъ И. В. Гудовичъ еще 11-го декабря 1785 года приглашалъ тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства С. И. Беклемешева собрать въ губернскій городъ представителей дворянства для избранія разныхъ уѣздныхъ должностныхъ лицъ.

„Взирая на толикое отъ монаршаго лица попеченіе о дворянствѣ, писалъ онъ, — ежели всякій дворянинъ соразмѣрно потщится соблюсти

¹⁾ Пановъ и Державинъ скорѣе помирились, такъ какъ послѣдній обѣщался освободить перваго отъ переписки съ правленіемъ. „Буду, увѣдомляя Державинъ Панова, — писать вамъ письма съ изъясненіемъ, что въ намѣстническомъ правленіи то-то и то-то опредѣлено“...

добронравіе, усмирить зависть и непріязненность, доброхотствуя обществу, то въ ономъ совершенно и найдетъ частное и собственное благополучіе. Всякій дворянинъ, будучи членъ благороднаго общества, имѣя дарованное право избирать себѣ судей,— можетъ ли тутъ не быть въ полной надеждѣ на правосудіе? Можетъ ли тутъ бояться угнетенія? Нѣтъ“¹⁾.

Между тѣмъ полное дворянское собраніе въ городѣ Тамбовѣ состоялось только 3-го сентября 1788 года. Въ общемъ своемъ собраніи тамбовское дворянство прежде всего стало разсматривать доказательство на дворянское достоинство отъ дворянъ, отъ князей и мурзъ татарскаго происхожденія.

Послѣ повѣрки этихъ доказательствъ, въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ оказалось 330 несомнѣнныхъ дворянскихъ фамилій. А лицъ, претендовавшихъ на дворянское достоинство и не имѣвшихъ возможности документами доказать его, насчитывали до 3,000.

Самыя древнія дворянскія фамиліи Тамбовскаго намѣстничества оказались въ Темниковскомъ и Елатомскомъ уѣздахъ. Почти всѣ онѣ татарскаго происхожденія. Древнѣйшія жалованныя грамоты ихъ восходятъ ко временамъ великаго князя Василя Іоанновича, отца Іоанна IV Грознаго. Но большинство коренныхъ Тамбовскихъ дворянъ жаловано дворянствомъ и помѣстьями, пашнями, сѣнными покосами, бортными ухажьями, рыбными ловлями и всякими угодьями, крестьянами, бобылями и вотчинами, при царѣ Василю Іоанновичѣ Шуйскомъ и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Вотъ на примѣръ одна жалованная грамота царя Василя Іоанновича Шуйскаго, мурзѣ Барашеву, приводимая нами въ сокращеніи.

„Служилъ ты намъ подъ Тулою и взяли тебя въ полонъ и приветчи на Тулу били кнудомъ и медвѣдемъ травили, и на башню взводили, и въ тюрьму сажали и голодъ и нужду всякую терпѣлъ, и съ Тулы приполъ къ намъ съ вѣстми. И мы, великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всеа Россія... велѣли есмы ему дати жалованную грамоту на княжене“.

А вотъ извлеченіе изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича.

„Мурзѣ князь Булаеву, ногаю Айкину, да Артуганову, жалованье на дикое поле, по 10 четыи челоувѣу въ полѣ, а въ дву потомуужъ, да на сѣнные покосы... А чтобъ межъ ими впредь о той землѣ спору не было, первый рубежъ отъ рѣчки Виндреи, отъ устья суходола, на большую кудрявую березу, а отъ той березы прямо на березу жъ, что подлѣ тальника, а отъ тое березы скрозъ тальника на березу жъ, а отъ тое березы прямо на виловатую березу... А на тѣхъ на всѣхъ на четырехъ березахъ учинены признаки тесомъ“.

Въ одной изъ подобныхъ грамотъ границы одного жалованнаго

¹⁾ Арх. тамбовскаго дворянскаго собранія, 1785 года, связка 1-я, № 1.

помѣстья опредѣляются такъ: „отъ кудрьвой березы до виловатой березы и до орлова гнѣзда, отъ свѣтлаго озера и отъ яру до круглаго озерка и до суходолья рѣки Виндряя“.

Повѣривши дворянскія граматы, Тамбовское дворянское собраніе 1788 года порѣшило на разныя нужды дворянства собирать по 10 копѣекъ съ ревизской души. Изъ этихъ и иныхъ сборовъ составлялся первоначальный дворянскій капиталъ, изъ котораго и разрѣшено было выдавать мѣстнымъ дворянамъ ссуды подъ залогъ.

Немедленно явились многочисленныя искатели этихъ ссудъ и въ самое короткое время роздано было Тамбовскимъ дворянамъ нѣсколько тысячъ рублей. Но исправныхъ должниковъ, кромѣ одной помѣщицы, не оказалось: всѣ просрочили платежемъ, даже самъ губернский предводитель дворянства Пановъ не платилъ 300 рублей ¹⁾. Впрочемъ, на это обращено было должное вниманіе. По приказанію ревизовавшихъ въ концѣ прошлаго столѣтія Тамбовскую губернію сенаторовъ Трощинскаго и князя Щербатова употреблены были самыя энергическія мѣры для возвращенія выданныхъ въ ссуду дворянскихъ суммъ.

Такимъ образомъ намъ съ ясностію представляется та непривлекательная роль, какую играло въ концѣ прошлаго столѣтія Тамбовское дворянство.

Съ начала XIX столѣтія характеръ дѣятельности Тамбовскаго дворянства измѣняется къ лучшему. Въ 1801 году это дворянство открываетъ на свои средства Тамбовскій училищный корпусъ. Въ 1806 году оно дѣлаетъ въ пользу государства разныя значительныя пожертвованія деньгами (по 2 рубля съ ревизской души) и вещами ²⁾. Бѣдные Тамбовскіе дворяне жертвовали холстъ, хлѣбъ, лошадей и разное оружіе, а богатые, выдавая на народное ополченіе по 2 рубля съ ревизской души, кромѣ того подписывались въ пользу отечества на болѣе или менѣе значительныя суммы ³⁾. Такъ генераль-маіоръ Барчуговъ пожертвовалъ въ пользу отечества цѣлую деревню въ 150 душъ, помѣщикъ Глазовъ подписалъ 3 тысячи рублей, Платцовъ—5 тысячъ, князь Голицынъ—2 тысячи, Недобровъ и Мордви-

¹⁾ Послѣ Панова Тамбовскіе губернскіе предводители дворянства до 70 годовъ настоящаго столѣтія слѣдовали въ такомъ порядкѣ: полковникъ Лоторевъ, секунд-маіоръ Жуковъ, 8 класса Мартыновъ, генераль-лейтенантъ Баратынскій, Сабуровъ, Чубаровъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ознобишинъ, генераль-маіоры Глазовъ и Чарыковъ.

²⁾ Въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщичьихъ и заводскихъ крестьянъ въ Тамбовской губерніи было около 250 тысячъ человекъ.

³⁾ Самая крупная собственность въ Тамбовской губерніи въ концѣ прошлаго столѣтія принадлежала слѣдующимъ помѣщикамъ: Л. А. Нарышкинъ имѣлъ 8,444 души, Д. Л. Нарышкинъ—3,750 душъ, графъ К. Г. Разумовскій—5,750 душъ, Баташовъ—2,905 душъ. А самыми мелкими душевладѣльцами были: прапорщца Бобарыкина (2 души), помѣщикъ Мосоловъ (1 душа) помѣщикъ Сварятинъ и помѣщица Батурина и Бахтыгобова (по 2 души).

новъ—по тысячѣ; а князь Енгальчевъ открылъ въ своемъ Шацкомъ имѣннн богадѣльню на 10 человекъ больныхъ и раненыхъ воиновъ. Впослѣдствіи, разныя добровольныя пожертвованія Тамбовскаго дворянства все увеличивались и увеличивались и достигли наконецъ громадной суммы около 6 милліоновъ. Въ 1812 году Тамбовское дворянство поставило въ армію 3 тысячи воловъ и сформировало Тамбовскій пѣхотный полкъ. Въ то же время Тамбовскій помѣщикъ извѣстный Н. П. Архаровъ выставилъ 500 конныхъ ратниковъ съ провіантомъ на 3 мѣсяца, а другой Тамбовскій дворянинъ (Ліонъ) пожертвовалъ на нужды арміи 200 доловинокъ армейскаго сукна... Но о дѣятельности Тамбовскаго дворянства въ XIX столѣтнн мы скажемъ въ послѣдствіи.

И. Дубасовъ.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ.

ДВА ли во всей исторіи можно найти личность, столь часто служившую предметомъ беллетристическихъ сочиненій, какъ Петръ Великій. О немъ были написаны десятки трагедій, комедій, оперъ, эпопей, романовъ и пр. И другія лица этой эпохи, въ особенности Екатерина, а также Меншиковъ, Мазепа и т. д. превратностями своей судьбы обращали на себя вниманіе беллетристовъ и дѣлались героями драмъ и повѣстей ¹⁾. Обиліе этой литературы является доказательствомъ громаднаго значенія, которое имѣетъ анекдотическій элементъ въ исторіи. Крекшинъ, Голиковъ, Нартовъ и Штелинь, въ теченіи 18 вѣка прославлявшіе память великаго преобразователя сборниками анекдотовъ, сообщеніемъ мелкихъ, интересныхъ въ психологическомъ отношеніи, случаевъ изъ біографіи Петра, много содѣйствовали развитію этой литературы, почти безъ исключенія не имѣющей ничего общаго съ историческою наукою, но свидѣтельствующей о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ личностью Петра и значеніемъ его эпохи на поздѣйшія поколѣнія. Изучать подробно значеніе царствованія Петра, разумѣется, гораздо труднѣе, нежели любоваться легендарными чертами, относящимися въ вѣншей жизни царя и лицъ окружавшихъ его. Составить себѣ точное понятіе о политической, законодательной и административной дѣятельности Петра можно только при солидномъ политическомъ и историческомъ образованіи; гораздо болѣе легкою задачею дѣлается

¹⁾ Не говоря о русскихъ сочиненіяхъ этого рода, мы укажемъ лишь на то обстоятельство, что перечень иностранныхъ сочиненій о Петрѣ Великомъ, находящимся въ Императорской публичной бібліотекѣ, занимаетъ въ сочиненіи Минцлофа „*Pierre le Grand dans la littérature étrangère*“, (S.-Pet. 1872) не менѣе сорока страницъ.

пониманіе драматическихъ эффектовъ, уголовныхъ случаевъ, скандаловъ, при немъ происходившихъ, и понынѣ даже въ историческихъ сочиненіяхъ иногда занимающихъ слишкомъ видное мѣсто. Одна изъ главныхъ задачъ исторической науки относительно Петра, заключается въ устраненіи легендъ, вкравшихся въ исторію, благодаря писателямъ въ родѣ Штелина. Беллетристика, напротивъ, какъ скоро она останавливается на этомъ предметѣ, главнымъ образомъ заимствуетъ себѣ пищу изъ такихъ анекдотическихъ книгъ, прибавляя ко многимъ старымъ выдумкамъ новыя, дѣйствуя на воображеніе публики и этимъ самымъ усложняя трудъ историка, которому приходится бороться съ предвзятыми идеями массы читателей.

Тѣмъ не менѣ историческія драмы и повѣсти заслуживаютъ вниманіе историка-спеціалиста. Онѣ даютъ ему случай звѣщивать значеніе такъ называемой „*fable convenue*“ въ исторіи. Стремясь открытіемъ исторической истины быть полезнымъ не только товарищамъ по наукѣ, но и публикѣ вообще, историкъ долженъ знать въ какой мѣрѣ на театрѣ и въ романахъ искажена правда, дать себѣ отчетъ о рѣзкомъ противорѣчii между историческою беллетристикою и результатами науки. Въ видахъ этой пользы и для указанія на культурно и литературно-историческое значеніе подобной беллетристики, мы въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ укажемъ на нѣкоторые моменты, относящіеся въ исторіи царевича Алексѣя Петровича.

Уже во время царствованія Петра судьба царевича Алексѣя обращала на себя вниманіе современниковъ за границею. Катастрофа, постигшая наслѣдника русскаго престола, должна была, между прочимъ, интересовать его родственниковъ въ западной Европѣ. Императоръ Карль VI былъ шуриномъ Алексѣя; Шарлотта, принцесса вольфенбюттельская и императрица, супруга Карла VI, были сестры. Бѣгство царевича во владѣнія австрійскія легко могло послужить поводомъ къ „*cause célèbre*“ въ международномъ правѣ.

О томъ, какимъ образомъ погибъ царевичъ, на западѣ ходили разные, противорѣчившіе одинъ другому толки. Событіе это заключало въ себѣ много таинственнаго, представлявшаго широкой проторѣ воображенію публики. Въ современныхъ газетахъ встрѣчались о процессѣ и кончинѣ Алексѣя кое-какія отрывочныя замѣчанія; манифесты царя, относившіяся къ дѣлу Алексѣя, перепечатывались нѣсколько разъ на разныхъ языкахъ въ видѣ брошюръ. Уже около половины XVIII вѣка начали являться болѣе или менѣе полныя разсказы о судьбѣ злосчастнаго царевича. Такъ напр. на англійскомъ языкѣ въ переводѣ съ французскаго подлинника, какъ кажется, не появившагося въ печати, былъ изданъ сборникъ разныхъ уголовныхъ случаевъ, гдѣ рядомъ съ французскимъ заговорщикомъ Сень-Марсомъ (Cinq-Mars) и знаменитымъ испанскимъ инфантомъ Донъ-Карлосомъ,

стоит и царевичъ Алексѣй ¹⁾. Въ этомъ сочиненіи смерть послѣдняго объясняется слѣдующимъ образомъ. Бумага, на которой былъ написанъ смертный приговоръ царевича, была пропитана ядомъ. Петръ, желая покончить съ сыномъ до формальной казни, заставилъ несчастнаго взять въ руки эту грамоту и прочесть въ слухъ содержаніе ея, при чемъ ядъ такъ сильно подѣйствовалъ на Алексѣя, что онъ немедленно умеръ. Впрочемъ это сочиненіе, благодаря воспроизведенію документовъ, опубликованныхъ въ свое время самимъ русскимъ правительствомъ, заключаетъ въ себѣ довольно полный рассказъ о разладѣ отца съ сыномъ. Авторъ скорѣе обвиняетъ Алексѣя, чѣмъ Петра; только въ одномъ мѣстѣ (II, 67) выставляется на видъ нѣкоторое коварство со стороны царя, сначала общавшаго сыну простить его, а затѣмъ придравшагося къ тому обстоятельству, что Алексѣй не признался во всемъ, задуманномъ имъ противъ отца. Безъ всякаго основанія царевичъ обвинялся въ чрезмѣрномъ сладострастіи, между тѣмъ какъ онъ не можетъ быть названъ особеннымъ сластолюбцемъ. Все сочиненіе показываетъ желаніе его автора не переходить рубежъ, отдѣляющій чисто историческій рассказъ отъ беллетристическаго.

Немного раньше, а именно въ 1730 году, появилась въ печати брошюра о царевичѣ, которая по своей внѣшней формѣ можетъ быть отнесена къ беллетристикѣ, но по богатству содержанія и вѣрному изложенію важнѣйшихъ фактовъ должна считаться довольно солиднымъ историческимъ трудомъ. Заглавіе этого труда слѣдующее: „Бесѣды въ царствѣ мертвыхъ. Свиданіе между россійскимъ императоромъ Петромъ II и его отцомъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, съ разными извѣстіями объ исторіи послѣдняго“ ²⁾. Такого рода сочиненія являлись въ большомъ числѣ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Цѣлый рядъ подобныхъ бесѣдъ (напр. между Петромъ Великимъ и Карломъ XII, между англійскою королевою Елизаветою и императрицею Анною Ивановною, между Петромъ Великимъ и Иваномъ Грознымъ и пр.) собранъ въ Императорской публичной библиотекѣ. Это составляло нѣчто въ родѣ періодически выходившаго историческаго журнала. Авторы такихъ статей, имѣвшіе въ виду главнымъ образомъ развлеченіе публики, большею частью мало заботились объ исторической правдѣ; однимъ словомъ, относились къ своему предмету безъ всякой критики ³⁾. Въ данномъ случаѣ однако можно удивляться

¹⁾ A select collection of singular and interesting histories. London, 1744 въ двухъ довольно большихъ томахъ. Въ другомъ, нѣмецкомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1776 году царевича сравнивали съ Донъ-Карлосомъ, герцогомъ Лойномъ и герцогомъ Букингамомъ.

²⁾ Появилось на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ, и на голландскомъ въ Амстердамѣ.

³⁾ Весьма рѣзкій примѣръ такого легкомыслія можно найти въ „Бесѣдѣ между В. В. Голицынымъ и генераломъ Гохмутомъ“, о которой говорится въ моей статьѣ

подробности свѣдѣній неизвѣстнаго автора, узнаваго о многихъ частностяхъ допросовъ, сдѣланныхъ царевичу и его сообщникамъ. За то автору ничего не извѣстно о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ царевичъ. Кончина Алексѣя объясняется апоплексическимъ ударомъ. Относительно слуха о томъ, будто онъ умеръ вслѣдствіе кровоизлія, имѣвшаго цѣлю лишить его жизни, царевичъ, находящійся „въ царствѣ мертвыхъ“ объясняетъ своему сыну императору Петру II, что этотъ слухъ лишенъ всякаго основанія ¹⁾.

Еще при жизни, бывши мальчикомъ, царевичъ сдѣлался предметомъ легенды, встрѣчающейся во Франціи. Въ 1705 г., Матвѣевъ, находившійся въ Парижѣ въ качествѣ дипломатическаго агента, доносилъ оттуда о чудесномъ слухѣ, распространившемся при французскомъ дворѣ: то былъ переводъ народной пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, приуроченный теперь къ Петру; великій государь при нѣкоторыхъ забавахъ разгнѣвался на сына своего и велѣлъ его казнить Меншикову; но Меншиковъ умилосердился, велѣлъ вмѣсто царевича повѣсить рядового солдата. На другой день государь хватился: гдѣ мой сынъ? Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ казненъ по указу; царь былъ внѣ себя отъ печали; тогда Меншиковъ приводитъ къ нему живого царевича, что вызвало радость неописанную.

Когда французы спрашивали у Матвѣева правда ли это? онъ отвѣчалъ, что всѣ эти плевелы разсѣваются шведами и истинный христіанинъ такой лжи не повѣритъ, потому что это выше натуры не только такого монарха, но и самаго простолюдина ²⁾“.

Въ 1705 году едва ли можно было предвидѣть, что между отцомъ и сыномъ начнется распря, которая должна была кончиться катастрофою, соответствовавшею нѣкоторымъ образомъ странному разсказу, распространившемуся при французскомъ дворѣ. Однако такіе толки доказываютъ, что уже тогда царевичъ былъ предметомъ вниманія иностранцевъ, видѣвшихъ въ немъ что-то похожее на Донъ-Карлоса. Да и въ Россіи около того времени начали ходить слухи о разладѣ царевича съ царемъ. Два такихъ случая извѣстны. Первый относится ко времени послѣ стрѣлецкаго бунта, когда народъ, раздраженный страшными пытками и казнями, сталъ иронизовать Петра. Однажды монастырскій конюхъ Кузьминъ разсказывалъ стрѣльцамъ слѣдующее: „Государь нѣмцевъ любитъ, а царевичъ ихъ не любитъ, приходилъ къ нему нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова, и царевичъ на томъ нѣмчинѣ платье сжегъ и его опалилъ. Нѣмчинъ жаловался государю, и тотъ сказалъ: для чего ты къ нему ходишь,

„Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Великаго“, въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1879. августъ стр. 283—287.

¹⁾ Объ этомъ слухѣ см. выписки изъ голландскихъ газетъ въ документахъ изданныхъ гг. Есиповымъ и Погодинымъ въ Читеніяхъ Моск. Общ. И. и Др. 1861. III.

²⁾ Соловьевъ. XV. 73

покамѣсть я живъ, потамѣсть и вы“¹⁾). Другой случай произошелъ около 1708 года, когда недовольные настоящимъ утѣшали себя будущимъ. Ходили слухи, что наслѣдникъ престола также недоволенъ, что онъ окружилъ себя всегдашними представителями недовольныхъ—казаками и ведетъ борьбу съ боярами, потоковниками царя, считавшагося незаконнымъ, антихристомъ. „Царевичъ“, говорили въ народѣ, „на Москвѣ гуляетъ съ донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина и мигнетъ казакамъ, и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросаютъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ, это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говорить, что мнѣ не батюшка и не царь“²⁾).

Изъ всего этого видно, какъ рано, т. е. еще за нѣсколько лѣтъ до настоящаго разлада царя съ царевичемъ, отношенія между отцомъ и сыномъ давали поводъ къ разнымъ баснямъ, вымышленнымъ анекдотамъ, легендарнымъ рассказамъ.

Нельзя поэтому удивляться, что катастрофа, постигшая царевича, произвела сильное впечатлѣнiе. Однако, не ранѣе какъ цѣлый вѣкъ спустя послѣ этого событiя, начали являться драмы и повѣсти, героемъ которыхъ былъ царевичъ.

Въ 1812 году въ Готѣ была напечатана драма: „Alexei Petrovitch. Ein romantisch-historisches Trauerspiel in fünf Akten. Von Heinrich Bertuch“. Въ этой драмѣ „исторiя“ не играетъ столь важной роли какъ „романтика“. Тутъ чрезвычайно много весьма эффектныхъ сценъ, въ которыхъ однако историческая истина остается на заднемъ планѣ. Главнымъ другомъ, союзникомъ царевича, преслѣдуемаго царемъ, является никто иной какъ—Мазепа, который въ первомъ дѣйствii намѣренъ спасти Алексѣя, явившагося на границѣ Россii, на пути въ Москву, въ сопровожденii Толстого и Румянцова. Мазепа намѣревался арестовать Толстого и Румянцова; но эта попытка не удается. Царскiя войска дѣлаютъ нападенiе на отрядъ Мазепы, который долженъ спастись бѣгствомъ. Царевича везутъ далѣе въ Москву, гдѣ, въ Кремлѣ, во второмъ дѣйствii, происходитъ бесѣда между Петромъ и Алексѣемъ. Послѣ этого диалога является на сценѣ призракъ царя Ивана Алексѣевича, упрекающаго Петра въ томъ, что онъ собственноручно убилъ его³⁾ и умоляющаго царя не казнить Алексѣя. И въ четвертомъ и въ пятомъ дѣйствiяхъ возобновляются попытки Мазепы спасти Алексѣя. Но въ четвертомъ дѣйствii царевичъ, одѣтый въ платье дервиша, въ минуту бѣгства арестовывается

¹⁾ Соловьевъ, XIV, 294.

²⁾ Соловьевъ, XVI, 32.

³⁾ Басня о томъ, будто Иванъ былъ убитъ братомъ, была распространена и за границею и въ самой Россii; смотри брошюру „Der dārfere Moscoviter Czar Peter etc“ 1694; и Соловьева, XV, 135; далѣе мою статью „Материалы для источниковѣднiя исторii Петра“, въ журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г., августъ, стр. 288—290.

и заковывается въ цѣпи, а въ пятомъ, послѣ судебного засѣданія, въ которомъ царевичъ произноситъ великолѣпную рѣчь и выслушиваетъ приговоръ къ смертной казни, его отводятъ въ темницу гдѣ возвышается саркофагъ. Изъ саркофага вдругъ выходитъ Мазепа, подготовившій все необходимое для спасенія царевича. Однако Алексѣй, руководимый чувствомъ благородства и самоотверженія, отказывается бѣжать. При такомъ неожиданномъ препятствіи, Мазепа, въ отчаяніи, убиваетъ царевича кинжаломъ. Въ ту самую минуту входитъ Петръ съ намѣреніемъ объявить сыну прощеніе и дать ему свободу¹⁾.

Въ томъ же 1812 году явился въ Америкѣ, а именно въ Бостонѣ, довольно обширный трудъ, авторъ котораго, какъ кажется, былъ русскимъ. Заглавіе этой книги слѣдующее:

„Reflections, notes and original anecdotes, illustrating the character of Peter the Great. To which is added a tragedy in five acts entitled Alexis, the Czarewitz. By Alexis Eustaphieve“. Второе изданіе этой, обнимающей болѣе 200 страницъ, книги, вышло въ 1814 году.

Анекдоты о Петрѣ Великомъ заимствованы авторомъ изъ сочиненій Вольтера, Штелина и Голикова. Пересказъ ихъ служить лишь введеніемъ въ трагедію объ Алексѣѣ, не отличающейся впрочемъ особеннымъ поэтическимъ достоинствомъ. Гибель царевича представлена въ ней въ слѣдующемъ видѣ:

Послѣ разлада съ отцомъ, царевичъ рѣшается бѣжать за границу. Оттуда онъ однако возвращается въ Россію въ полномъ сознаніи своего преступленія. Между нимъ и отцомъ происходитъ примиреніе. Но тутъ именно и начинается завязка трагическаго узла; довольно важную роль играетъ духовный отецъ Алексѣя, который принадлежитъ къ недовольнымъ и надѣется на переворотъ въ государствѣ. Онъ черезъ любовницу царевича старается подѣйствовать на Алексѣя и доводитъ дѣло до страшнаго заговора противъ Петра.

Эти черты въ трагедіи интересны въ томъ отношеніи, что роль духовнаго отца царевича, Якова Игнатъева, въ дѣлѣ Алексѣя, въ то время была весьма мало извѣстна. Даже въ обширномъ трудѣ Устрялова Яковъ Игнатъевъ остается, какъ-то, на заднемъ планѣ и только открытіе новыхъ архивныхъ данныхъ г. Есиповымъ и изданіе ихъ Погдинымъ въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“, выставило на видъ значеніе Якова Игнатъева.

Любовница царевича — Афросинья — въ произведеніи Евстафьева названа „Ксенією“. Она доноситъ о заговорѣ духовнаго отца царевича. Начинается слѣдствіе; царевичъ приговоренъ къ смертной казни;

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что въ сочиненіи г. Миццофа по ошибкѣ убіеніе царевича кинжаломъ Мазепы отнесено къ драмѣ Отто (1843 г.). См. его соч. стр. 434.

услышавъ приговоръ, Алексѣй до того пораженъ этимъ, что падаетъ въ обморокъ. Умирая отъ испытаннаго потрясенія, онъ мирится съ отцомъ.

Гораздо большею извѣстностью пользовалась въ свое время трилогія Иммерманна, „Alexis“. Особенно удачна первая часть: „Die Bojaren“; гораздо менѣе замѣчательны вторая „Das Gericht von Sanct Petersburg“ и третья „Eudoxia“.

Весьма важную роль во всей этой сложной пьесѣ играетъ Екатерина, которая находится въ тѣсной связи съ Меньшиковымъ, обманываетъ Петра, отличается страшнымъ коварствомъ и ханжествомъ. Алексѣй умираетъ отъ яда, приготовленнаго для него по порученію Петра генераломъ Вейде. Царь же, узнавъ о поступкахъ обманывавшей его Екатерины, умираетъ отъ волненія и горя.

Разсказъ объ отравленіи царевича встрѣчается также въ сочиненіи „P. H. Bruce, memoirs containing an account of his travels in Germany, Russia et caet. London, 1782“. Здѣсь говорится, что Вейде отправилъ будто бы автора этихъ записокъ къ аптекарю Беру за ядомъ, что аптекарь вручилъ Брюсу серебряный стаканъ съ крышею и что Вейде понесъ этотъ стаканъ къ царевичу, причемъ „всю дорогу шатался, какъ пьяный“. Несостоятельность этого разсказа, не выдерживающаго критики, какъ и вообще ничтожность записокъ Брюса, какъ источника, были доказаны Устряловымъ въ I и VI томахъ его сочиненія о Петрѣ Великомъ ¹⁾.

Въ драмѣ Отто „Alexei Petrowitsch. Ein Trauerspiel in fünf Aufzugen“ (Leipzig, 1843) главнымъ мотивомъ служить тѣсная связь, существовавшая будто бы между царевичемъ Алексѣемъ и его матерью Евдокіею. Во время пребыванія царевича въ Вѣнѣ, Евдокія находится съ нимъ въ перепискѣ. Кикинъ убѣждаетъ царевича въ необходимости составленія заговора противъ Петра для спасенія матери, которая терпитъ ужасныя притѣсненія со стороны Толстого. Такимъ образомъ Алексѣй дѣйствуетъ главнымъ образомъ какъ сынъ, защищающій права матери. Заговорщики желаютъ освободить его изъ заключенія, но попытка освобожденія царевича не удается и всѣ они, а во главѣ ихъ Кикинъ, арестованы. Царевичъ умираетъ, декламируя о сыновнемъ долгѣ.

Извѣстно, что такой связи между царевичемъ и Евдокіею не существовало, что царица-инокиня не составляла заговора и что въ своемъ образѣ дѣйствій царевичъ вовсе не былъ руководимъ особенно привязанностью къ несчастной матери. Тѣмъ не менѣе не только беллетристы воспользовались этимъ мотивомъ мнимаго заговора Евдокіи и Алексѣя, мотивомъ очень хорошо подходящимъ къ драмѣ, но

¹⁾ VI, 291—293, I, LXVII—LXXI.

и серьезные историки еще въ новѣйшее время повторяли эту небывлицу. Бернгарди въ своемъ трудѣ „Geschichte Russland's“ увѣряетъ ¹⁾, что начиная съ 1711 года существовалъ формальный заговоръ Алексѣя и Евдокии; какъ видно ему не были извѣстны результаты изысканій Устрялова.

И въ трагедіи Отто Екатерина играетъ роль коварной и готовой на всевозможныя преступленія женщины. Она нанимаетъ убійцу, съ которымъ къ тому же состоитъ въ любовной связи, и который долженъ заколоть царевича на придворномъ балѣ. Тотъ же мотивъ встрѣчается въ либретто оперы „Santa Chiara“, сочиненномъ извѣстною писательницею Шарлоттою Бирхъ-Пфейферъ, и вышедшемъ въ Брауншвейгѣ въ 1845 году.

Героиня этой оперы, супруга царевича Алексѣя, принцесса Шарлотта, послѣ того, какъ Алексѣй сдѣлалъ попытку убить ее и остался въ убѣжденіи, что эта цѣль достигнута, спасается за границу и проживаетъ въ городѣ Рѣзинѣ, близъ Неаполя. Туда же является царевичъ, убѣжавшій изъ Россіи, но узнавъ о томъ что составленный имъ заговоръ сдѣлался извѣстнымъ отцу, онъ въ присутствіи своей жены оканчиваетъ свою жизнь самоубійствомъ.

Замѣчательнѣйшею изъ всѣхъ пьесъ, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ и имѣющихъ предметомъ царевича, какъ намъ кажется, должно считать сочиненіе Фуше—*L'héritier du Czar, drame historique en cinq actes en prose. Par M. Paul Foucher. Représentée pour la première fois à Paris, sur le théâtre de l'Odeon le 26 octobre 1849, (Paris 1849).* Въ этой драмѣ, въ противоположность многимъ другимъ пьесамъ этого рода, Алексѣй, совершенно согласно съ исторіею, играетъ весьма жалкую роль. За то Петръ и Шарлотта выставлены въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Царь любитъ свою невѣстку; Шарлотта же спасаетъ царю жизнь слѣдующимъ образомъ. Во время пребыванія царевича въ Вѣнѣ, сестра Шарлотты, супруга императора Карла VI, узнала о заговорѣ, во главѣ котораго стоялъ Алексѣй и который имѣлъ цѣлью убить Петра. Она пишетъ обо всемъ этомъ къ Шарлоттѣ, а послѣдняя сообщаетъ содержаніе письма Петру, вслѣдствіе чего царь тотчасъ же принимаетъ надлежащія мѣры для отклоненія грозившаго ему удара. Весьма талантливо написанъ діалогъ между Петромъ и Алексѣемъ въ концѣ перваго дѣйствія. Не показывая вида, что ему извѣстенъ умыселъ сына, царь бесѣдуетъ съ нимъ о политическихъ дѣлахъ, при чемъ обнаруживается съ одной стороны умственный и нравственный перевѣсъ Петра, а съ другой тупость и вялость Алексѣя. Содержаніемъ втораго дѣйствія служитъ любовная связь между Шарлоттою и шевалье Добаномъ (d'Aubant); сцена происходитъ во дворцѣ Стрѣльнинской мызы. Алексѣй узнаетъ объ

¹⁾ II, 2, 45.

этой связи, преслѣдуетъ француза и чуть не убиваетъ жену. Въ то же самое время Алексѣй занимается политикою наперекоръ видамъ отца и ведетъ переговоры о мирѣ съ Швеціею, съ барономъ Герцомъ ¹⁾. Петръ, намѣреваясь принудить царевича къ отрѣченію отъ права престолонаслѣдія, пораженъ извѣстіемъ о покушеніи Алексѣя на жизнь Шарлотты, которую считаетъ убитой. Въ ту самую минуту, когда Алексѣй подписываетъ свое отрѣченіе отъ престолонаслѣдія, является Шарлотта: онъ бросается на нее и выбрасываетъ изъ окна, предполагая, что люди его находятся въ низу и схватятъ ее. Въмѣсто того, подъ окномъ причалена лодка, въ которой сидитъ шевалье Добанъ; онъ спасаетъ принцессу, и скрывается съ ней за границу. Во Франціи она умираетъ. Царевичъ казненъ. Пьеса чрезвычайно богатая такъ называемыми „coups de théâtre“, заключаетъ въ себѣ довольно подробное изложеніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ ней встрѣчается мѣстами тонкое психологическое толкованіе образа мыслей и дѣйствій Петра. Слогъ далеко не столь напыщенъ и ходуленъ, какъ въ вышеупомянутыхъ нѣмецкихъ пьесахъ Иммермана, Отто и др.

Въ Копенгагенѣ, въ 1856 году явилась на датскомъ языкѣ трагедія „Alexei“, въ которой заговоръ Соковнина, Пушкина и Цыклера, въ началѣ 1697 года отождествляется съ заговоромъ Алексѣя противъ отца. Царевичъ однако оказывается необычайно благородною личностью. Онъ какъ-то невольнo вовлеченъ въ затѣваемый бунтъ Глѣбовымъ, Долгоруковымъ и Кикинымъ, но при этомъ заставляетъ заговорщиковъ произнести клятву, что жизнь царя во всякомъ случаѣ не будетъ въ опасности. Евдокія принимаетъ участіе въ заговорѣ и, дѣйствуя на сына, уговариваетъ его рѣшиться на преступленіе. Довольно ловко въ пьесѣ помѣщены нѣкоторые, впрочемъ, лишенные всякаго историческаго основанія, анекдоты о Петрѣ Великомъ, напимѣръ рассказъ о томъ, что царь нѣсколько лѣтъ послѣ перваго стрѣльческаго бунта, во время котораго стрѣльцы хотѣли убить его, въ одномъ матросѣ узналъ того стрѣльца, который въ церкви Троицкаго монастыря на него замахнулся ножомъ; далѣе приведенъ рассказъ о томъ, какъ Петръ, пируя съ друзьями, узналъ о составленномъ противъ него заговорѣ и тотчасъ же отправился въ тотъ домъ, гдѣ собрались заговорщики, при чемъ едва не былъ убитъ и т. д. Достойно замѣчанія, что въ этой трагедіи Петръ во время слѣдствія надъ царевичемъ, изучаетъ исторію процесса Донъ-Карлоса и въ концѣ пьесы рѣшается разслѣдовать, не существуетъ ли связи между Екатериною и Меншиковымъ? Трагедія оканчивается казнью Алексѣя.

¹⁾ Эта черта, быть можетъ, соответствуетъ исторической истинѣ, но крайней мѣрѣ въ шведскомъ архивѣ найдены кое какіе намеки на этотъ счетъ; см. соч. Фрикселя о Карлѣ XII, въ нѣмецкомъ переводѣ, V, 202.

Въ маленькомъ французскомъ городѣ Луденѣ (Londun) въ 1858 году была напечатана трагедія, героемъ которой является Алексѣй: „Le fils du Czar, tragedie eu quatre actes, par Marcellus Carnel“. И въ ней, какъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ пьесъ, Алексѣй выставленъ жертвою коварства Екатерины; она для него готовить ядъ; чрезъ нее Петръ узнаетъ о намѣреніи царевича бѣжать за границу. Не лишена интереса выдумка Канюэля, что у царевича Алексѣя былъ католическій наставникъ, именемъ Урбано, который надѣется посредствомъ царевича содѣйствовать распространенію католицизма въ Россіи, настраиваетъ его противъ отца и убѣждаетъ въ необходимости бѣжать за границу. Алексѣй испрашиваетъ у отца дозволеніе видѣться съ матерью и, получивъ согласіе, намѣренъ воспользоваться этимъ случаемъ для бѣгства, но Екатерина проникаетъ въ замысль. Начинается слѣдствіе. Узнавъ о смертномъ приговорѣ, Алексѣй умираетъ. Достойны вниманія бесѣды между царевичевымъ, наставникомъ и Петромъ. Урбано совѣтуетъ царю взять Константинополь, спорить съ нимъ о вопросѣ отношенія свѣтской власти къ духовной и пр.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора драматическихъ произведеній, относящихся къ царевичу, мы укажемъ еще на двѣ пьесы, которыя хотя и не относятся непосредственно къ нему самому, но тѣсно связаны съ его исторіею.

Извѣстно, что послѣ несчастной кончины царевича, еще во время царствованія Петра, а затѣмъ и въ царствованіе императрицъ Екатерины I и Анны, появилось нѣсколько самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевича ¹⁾. Эти событія послужили предметомъ довольно эффектной драмы, напечатанной въ Вѣнѣ въ 1833 году, подъ заглавіемъ: „Die Bestürmung von Smolensk. Romantischer Schauspiel in vier Aufzügen. Von Johanna Framel von Weissen-thurn“. Подробности этой драмы нисколько не соотвѣтствуютъ фактамъ; все содержаніе ея можетъ быть названо результатомъ игры воображенія.

Нѣсколько десятилѣтій послѣ кончины кронпринцессы Шарлотты, распространился въ Европѣ слухъ, что она въ 1715 году тайно бѣжала изъ Россіи въ Америку, въ Луизианѣ вышла замужъ за француза, лейтенанта Обера, или д'Обана, возвратилась съ нимъ въ Европу и умерла въ глубокой старости въ Брюсселѣ. Сказка эта рас-

¹⁾ См. О самозванцѣ 1723 года, Соловьева, XVII, 228; далѣе статью Лашкевича въ Читеніяхъ М. О. И. и Др. 1860, I, 141—146; о самозванцахъ при Екатеринѣ соч. Шмидта-Физельдека, Materialien z. russ. Gesch. I, 287; далѣе статью въ Русскомъ Вѣстникѣ 1863, т. XLVII стр. 393 — 412, о самозванцѣ при Аннѣ, также Соловьева, т. XX, 416—418.

пространилась со времени изданія книги „Nouveaux voyages dans l'Amérique septentrionale etc. Par Bossu. Amsterdam 1777“ ¹⁾. Она послужила сюжетомъ для повѣсти извѣстнаго писателя Цшокке (1771 — 1848). Первое изданіе этой повѣсти „Die Prinzessin von Wolfenbüttel“ явилось въ 1804 году; затѣмъ она была перепечатываема нѣсколько разъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ переводахъ на разные языки, между прочимъ на французскій, датскій, испанскій, голландскій ²⁾.

Эта сказка послужила также сюжетомъ и для одной комедіи: „Madame Péterhoff, vaudeville en un acte, par MM. Charles de Livry, Antonin D. et Roche, représenté pour la première fois à Paris sur théâtre des Variétés le 16 Août 1836. Сцена происходитъ въ одной гостинницѣ на самой русской границѣ. Подруга принцессы Вольфенбюттельской, съ цѣлью содѣйствія спасенію Шарлотты, вышла замужъ за содержателя гостинницы. Благодаря этому обстоятельству, принцессѣ, являющейся, послѣ мнимой своей кончины, на русско-польской границѣ въ сопровожденіи своего любовника шеваля Добана удается спастись за границу.

Самый обширный беллетристическій трудъ, посвященный памяти царевича Алексѣя, романъ: „Alexis Petrovitch. Histoire russe de 1715 à 1718. Par Auguste Arnoud et N. Fournier, auteurs de Struensee. Paris 1835. Другое изданіе явилось въ Брюсселѣ и Лейпцигѣ въ томъ же году. Это двухъ-томное сочиненіе заключаетъ въ себѣ довольно бойко, мѣстами очень привлекательно, написанную смѣсь исторіи и самыхъ смѣлыхъ выдумокъ. Безчисленные анекдоты о Петрѣ, бывшіе въ ходу со времени Штелина, попадаютъ въ разныхъ главахъ этого романа. Весьма рельефно изображена въ немъ оппозиція духовенства противъ Петра. Описаніе развитія антагонизма между Петромъ и Алексѣемъ отчасти заключаетъ въ себѣ психологически вѣрныя и соответствующія даже историческимъ фактамъ замѣчанія. Однако царевичъ является вообще идеаломъ, образцомъ добродѣтели; его любовь къ Афросинѣ, представляющей собой также идеаль женщины, изображена въ самыхъ восторженныхъ тирадахъ. Весьма важную роль въ этомъ романѣ играетъ Стефанъ Яворскій, который стоитъ во главѣ страшнаго заговора противъ Петра, между тѣмъ какъ царевичъ, хотя и не любитъ отца, не желаетъ бунта. Яворскій въ то время, когда царь долженъ возвратиться изъ-за границы отправляетъ къ нему на встрѣчу убійцу. Алексѣй, случайно узнавъ объ этомъ, слѣшитъ для спасенія отца въ Гродно, гдѣ находитъ убійцу и убиваетъ его. Довольно удачно изображена двойная роль Яворскаго, дѣйствующаго за-одно съ отчаяннѣйшими противниками царя и кажущагося ни въ чемъ не виноватымъ, такъ что Петръ и не подозрѣ-

¹⁾ Устряловъ VI, 45.

²⁾ См. библиографію у Минцлофа, стр. 433.

ваетъ его измѣны. Чтобы предотвратить опасность открытія преступныхъ своихъ умысловъ, Яворскій заботится объ умерщвленіи тѣхъ лицъ, которыя при слѣдствіи могли бы донести на него, какъ на главнаго зачинщика заговора. Въ числѣ такихъ жертвъ Яворскаго мы находимъ и духовника Алексѣя, Якова Игнатьева. Яворскій старается погубить Афросинью, потому что ей многое извѣстно о крамолахъ духовенства вообще и Стефана въ особенности. Катастрофа царевича, бѣжавшаго за границу отъ гнѣва отца и возвратившагося въ Москву въ сопровожденіи Толстого и Румянцова, представлена такимъ образомъ, что несчастный Алексѣй, когда ему во время слѣдствія рассказываютъ, что Афросинья его обманываетъ, рѣшается отравиться. Послѣ того Афросинья удаляется въ тотъ самый монастырь, гдѣ находится царица Евдокія.

Слогъ романа свидѣтельствуетъ о замѣчательныхъ литературныхъ дарованіяхъ обоихъ авторовъ. Нѣкоторые эпизоды придуманы весьма удачно, напр. изображеніе театральнаго представленія въ лѣсу, въ которомъ недовольные нововведеніями Петра осмѣиваютъ его образъ дѣйствій; далѣе рассказъ о томъ, какъ Петръ во время своего пребыванія въ Парижѣ въ театрѣ, въ обществѣ регента, присутствуетъ при представленіи трагедіи „Брутъ“ который рѣшается казнить своихъ сыновей и какъ эта драма наводитъ царя на мысль такимъ же образомъ покончить съ сыномъ и пр. Съ другой стороны нельзя не упомянуть о легкомысліи съ которымъ авторы относились къ историческимъ фактамъ. Такъ напр. говорится о томъ, что Петръ тотчасъ же послѣ Полтавскаго сраженія принимаетъ титулъ императора; въ другомъ мѣстѣ рассказано, что во время своего путешествія по Европѣ Петръ желалъ перейти въ католическую вѣру, но что „король голландскій“, Вильгельмъ далъ ему совѣтъ не дѣлать этого и т. п.

Всѣ эти произведенія беллетристики, относящіяся къ царевичу Алексѣю, были написаны до появленія историческихъ трудовъ Устрялова, Соловьева, Погодина. Нельзя не признать, что драгоценныя архивныя данныя для исторіи Алексѣя, открытыя особенно Устряловымъ и Есиповымъ, заключаютъ въ себѣ самый богатый матеріалъ для романовъ и драмъ, гораздо болѣе эффектныхъ, нежели вышепомянутыя сочиненія. Мало того, эти историческіе матеріалы, напр. переписка царевича съ Яковомъ Игнатьевымъ, съ Афросиньею, протоколы слѣдствія, архивныя данныя о пыткѣ, которой былъ подвергнутъ царевичъ, рассказы о казняхъ сообщниковъ Алексѣя — все это гораздо сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, чѣмъ всевозможныя трагедіи и повѣсти, основанныя на легендарныхъ рассказахъ и небылицахъ. Правда, Устряловъ, сочиненіе котораго полнотою матеріала составляетъ эпоху въ исторіи изслѣдованія судьбы царевича, не сумѣлъ воспользоваться этими данными для изображенія полной картины

характера царевича. За то Погодинъ въ своемъ трудѣ „Судь надъ царевичемъ Алексѣемъ“ (въ „Русской Бесѣдѣ“ 1860 г., I), Соловьевъ (въ XVII томѣ „Исторіи Россіи“) и Костомаровъ, въ статьѣ о царевичѣ (въ I томѣ сборника „Древняя и Новая Россія“) были въ состояніи изложить исторію царевича, на основаніи источниковъ, потрясающимъ читателя образомъ. Трудъ Устрялова ничто иное, какъ безцвѣтный протоколъ о фактахъ; въ трудахъ же вышеупомянутыхъ историковъ встрѣчается попытка углубленія въ самую суть характера и побужденій царевича, психологическаго анализа дѣйствій Петра и Алексѣя, открытія самыхъ сокровенныхъ причинъ антагонизма между отцомъ и сыномъ. Такимъ образомъ, подробное изученіе историческаго матеріала доставило нашимъ историкамъ возможность создавать изслѣдованія о царевичѣ одинаково замѣчательныя и въ научномъ и въ литературномъ отношеніяхъ.

А. Брикнеръ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІА.

ФРАНЦІА.

Эпоха революціи ¹⁾.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ номерѣ, мы намѣрены познакомить читателей съ нѣкоторыми сочиненіями, заключающими въ себѣ болѣе или менѣе новый матеріалъ для исторіи революціи. Изданія такого рода распадаются на три группы: одни касаются главныхъ дѣятелей революціи, лицъ, стоявшихъ въ центрѣ событій; другія имѣютъ также преимущественно личный характеръ, но, касаясь лицъ, менѣе извѣстныхъ или незаслуживающихъ сами по себѣ особеннаго вниманія, представляютъ интересъ главнымъ образомъ потому, что дополняютъ наши свѣдѣнія о состояніи общества во время революціи, особенно въ провинціи; и наконецъ самая многочисленная категорія сочиненій рисуется намъ общій ходъ революціи въ Парижѣ, въ провинціяхъ, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, вліяніе, какое имѣли революціонныя событія на населеніе внутри Франціи, практическое примѣненіе революціонныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ центрѣ. Какъ на представителей этихъ трехъ различныхъ категорій мы остановимся на трехъ сочиненіяхъ, изданныхъ за послѣднее время. Наиболѣе общаго и можно сказать драматическаго интереса имѣетъ, конечно, то, которое касается судьбы знаменитой жертвы революціи, французской королевы Маріи-Антуанеты и одного изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ въ жизни королевы, неудавшагося бѣгства королевской семьи въ Вареннѣ. Извѣстно, что главнымъ довѣреннымъ совѣтникомъ и помощникомъ королевской четы при удаленіи ея изъ Парижа, былъ шведскій графъ Ферзенъ, пріобрѣтшій такую славу своею рыцарскою преданностью Маріи-Антуанетѣ. Въ настоящее время, одинъ изъ потомковъ Ферзена издалъ на французскомъ языкѣ

¹⁾ См. № 8, „Историч. Вѣстника“.

дневникъ и переписку своего дѣда съ французской королевой вмѣстѣ съ различными другими матеріалами, которыя онъ нашель въ своемъ фамильномъ архивѣ, подъ заглавіемъ: „Графъ Ферзенъ и французскій дворъ“¹⁾.

Личныя отношенія графа Ферзена съ французскимъ дворомъ начались очень рано въ его жизни. Иоаннъ Аксель, графъ фонъ-Ферзенъ, родившійся въ 1755 г., былъ сыномъ шведскаго фельдмаршала Ферзена. Въ 1774 г. молодой Ферзенъ въ первый разъ посѣтилъ Парижъ, гдѣ скоро сталъ извѣстенъ подъ именемъ *le beau Fersen* и обратилъ на себя вниманіе Маріи-Антуанеты. Въ 1778 г. онъ снова въ Парижѣ и тутъ расположеніе молодой королевы къ нему послужило пицей злымъ языкамъ. Ферзенъ велъ себя очень сдержанно и, чтобы положить конецъ толкамъ, рѣшилъ принять участіе во французской экспедиціи въ Сѣверную Америку для помощи колоніямъ, отпавшимъ отъ Англии. Онъ участвовалъ въ качествѣ адъютанта генерала Ропамбо во всѣхъ трехъ его походахъ; а въ 1785 г. онъ опять вернулся въ Европу. По ходатайству короля Густава III, котораго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ, Ферзенъ получилъ французскій полкъ *Royal Suédois*. Въ 1790 г. Ферзенъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и оставался до бѣгства королевской семьи; черезъ него король и королева французскіе получали письма и сообщенія отъ Густава III, принимавшаго живое участіе во французскихъ дѣлахъ и въ участи королевской четы и питавшаго искреннее желаніе стать во главѣ коалиціи для того, чтобы освободить французскаго короля изъ его печальнаго положенія и произвести контръ-революцію.

Довѣріе шведскаго короля къ Ферзену и преданность послѣдняго Людовику XVI и Маріи-Антуанетѣ заставили его остаться при нихъ, чтобы служить имъ совѣтомъ и дѣломъ и быть посредникомъ между ними и Густавомъ III, котораго онъ увѣдомлялъ постоянно о ходѣ французскихъ дѣлъ. При этомъ, отношенія Ферзена къ Густаву III носили чисто-личный характеръ и не имѣли въ себѣ ничего официальнаго; Ферзенъ служилъ органомъ тайной, собственной политики Густава III, которая велась за спиной официальнаго представителя Швеціи, (зятя Неккера) барона Сталя, который благодаря своимъ связямъ съ лѣвой стороной національнаго собранія, вовсе не пользовался довѣріемъ своего государя. Изъ всего видно, что за все это время до самаго бѣгства въ Вареннъ, Ферзенъ былъ единственнымъ близкимъ, находившимся при королевской четѣ совѣтникомъ, который пользовался ей полнымъ довѣріемъ въ серьезномъ вопросѣ о томъ, какимъ способомъ королю выйдти изъ стѣсненнаго положенія и снова возстановить свою власть. Нельзя сказать, чтобы Людовикъ XVI и

¹⁾ *Le comte de Fersen et la cour de France. Extraits des papiers du grand-maréchal de Suede, comte Jean Axel de Fersen, publiés par son petit neveu le baron de Klinckowstroem. 2 vls. Paris 1878.*

Марія-Антуанета слѣдовали всегда и во всемъ его совѣту, но онъ зналъ ихъ мысли и въ этомъ вопросѣ имѣлъ самое большое вліяніе. Онъ съ самаго начала настаивалъ на необходимости покинуть Парижъ; относительно дальнѣйшаго успѣха, онъ сначала много рассчитывалъ на переворотъ въ общественномъ мнѣніи Франціи, особенно въ провинціяхъ въ пользу королевской власти; но подъ конецъ онъ видѣлъ главное условіе успѣха лишь въ помощи извнѣ. Во всемъ этомъ цѣль его стремленій составляетъ возстановленіе старой монархіи въ главныххъ ея чертахъ. Съ января 1791 г. Ферзень былъ единственнымъ довѣреннымъ помощникомъ королевской четы для осуществленія проэкта бѣгства, надъ которымъ онъ усердно хлопоталъ и работалъ вмѣстѣ съ Бретелемъ и Булье, командовавшимъ войсками на восточной границѣ. Онъ же велъ съ послѣднимъ переписку объ этомъ и продолжалъ сношенія съ Густавомъ III, котораго посвятилъ въ началѣ апрѣля въ эту тайну, прося его ходатайствовать передъ другими державами о помощи Людовику XVI послѣ его предполагавшагося удаленія изъ Франціи.

Докладная записка Ферзена королевѣ, отъ 27 марта, имѣла рѣшающее значеніе относительно намѣренія покинуть Парижъ. Въ то же время Ферзень одинъ долженъ былъ принять всѣ нужныя мѣры для бѣгства, которое, какъ извѣстно, было приведено въ исполненіе въ ночь съ 20 на 21 іюня. Ферзень провожалъ королевскую семью до Бонди, откуда самъ направился на Брюссель.

Относительно всего этого періода времени, съ 1787 г. и относительно самаго бѣгства изданные документы представляютъ важный матеріалъ. Со времени-же бѣгства въ Вареннѣ до смерти Маріи Антуанеты сущность жизни Ферзена характеризуется слѣдующимъ мѣстомъ изъ его письма къ отцу, гдѣ сказано, что онъ пользовался величайшимъ довѣріемъ короля и королевы, что только онъ одинъ имѣ вполнѣ пользовался; что черезъ его содѣйствіе они попали въ настоящее печальное ихъ положеніе; теперь долгъ чести требуетъ не покидать ихъ до конца и употребить всѣ силы на то, чтобъ освободить ихъ изъ этого положенія. Къ этой-то цѣли направлялъ Ферзень съ этой минуты всѣ свои усилія, и во всемъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи, онъ принималъ ближайшее участіе. Въ Брюсселѣ Ферзень входитъ въ сношенія съ намѣстницей Бельгіи, эрцгерцогиней Маріей Христиной, съ графомъ Мерси, съ эмигрировавшими принцами. Въ іюлѣ онъ отправляется въ Ахенъ къ Густаву III, который шлетъ его въ Вѣну для переговоровъ съ Леопольдомъ II о проэктѣ шведско-русской высадки въ Нормандіи. Въ Вѣнѣ Ферзена продержали до октября; здѣсь онъ послушался любезныхъ рѣчей и, не добившись никакого толку, долженъ былъ вернуться въ Брюссель ни съ чѣмъ. Его дневникъ и переписка за это время представляютъ богатую добычу исторіку для характеристики лицъ и событій; разговоры съ императоромъ Леопольдомъ, съ Кауницемъ, Кобенцелемъ — въ высшей степени интересны;

Бишофсвердеръ и графъ Гогенлоэ, бывшіе въ то-же время въ Вѣнѣ, своими сужденіями даютъ намъ возможность проникнуть въ тогдашнюю прусскую политику. Мимонасъ проходятъ графъ Артуа, Калоннѣ и другіе французскіе эмигранты; не мало интереснаго можно здѣсь узнать на счетъ австро-прусскаго союза, Пильницкаго свиданія, коронаванія въ Прагѣ; здѣсь ярко освѣщается политика почти всѣхъ европейскихъ державъ.

Съ октября 1791 г. Ферзенъ жилъ въ Брюсселѣ въ качествѣ уполномоченнаго шведскаго короля съ официальнымъ характеромъ; всѣмъ министрамъ и посланникамъ былъ отданъ приказъ съ нимъ вести переписку. Цѣль короля была та-же какую самъ Ферзенъ имѣлъ въ виду: освобожденіе французской королевской семьи и возстановленіе монархіи во Франціи. Кругъ наблюденій и сношеній Ферзена такимъ образомъ значительно расширился.

Во время своего пребыванія въ Брюсселѣ, Ферзенъ обмѣнивался съ Маріей-Антуанетой письмами, на сколько то позволялъ случай: всѣхъ писемъ королевы къ Ферзену, напечатанныхъ въ этомъ собраніи 29; писемъ Ферзена къ Маріи-Антуанетѣ послѣ бѣгства въ Вареннѣ напечатано 33. Тонъ этой корреспонденціи самый довѣрчивый и дружескій; мы не встрѣчаемъ здѣсь обычныхъ формъ, требуемыхъ придворнымъ этикетомъ, тѣмъ болѣе, что письма эти по преобладающему въ нихъ политическому содержанію и жгучему практическому интересу избѣгали непрошенныхъ взоровъ и потому большею частью шли тайными путями и писались шифрами или симпатическими чернилами, что заставляло корреспондентовъ держаться исключительно дѣла. Но не смотря на это, королева не можетъ воздержаться отъ выраженія теплаго личнаго расположенія и участія. Ферзенъ съ своей стороны высказываетъ королевѣ величайшій энтузіазмъ, усерднѣйшую неусыпную преданность и самоотверженную привязанность къ ней и къ королю. Послѣ неудачной попытки бѣгства онъ пишетъ королевѣ: „Я живу лишь для того, чтобы вамъ служить“, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще: „Многіе осуждаютъ меня и говорятъ, будто я дѣйствовалъ по честолюбію и довелъ Васъ съ королемъ до гибели... Правда, я имѣлъ честолюбіе служить Вамъ и моя скорбь о томъ, что это мнѣ не удалось, не покинетъ меня во всю мою жизнь. Мнѣ хотѣлось хотя-бы отчасти уплатить Вамъ за свой долгъ благодарности, который я такъ охотно признаю за собой по отношенію къ Вамъ, и показать, что такимъ людямъ какъ вы (*à des gens comme Vous*, т. е. королю и королевѣ) можно быть преданнымъ безъ всякаго сторонняго интереса. Мое дальнѣйшее поведеніе доказало-бы вамъ, что въ этомъ единственно заключалось мое честолюбіе, а моей лучшей наградой была бы слава, что я былъ полезенъ вамъ обоимъ“.

Пока Ферзенъ находился въ Брюсселѣ, онъ служилъ тайнымъ проводникомъ всѣхъ сношеній, какія французскій дворъ поддерживалъ съ прочими европейскими державами; всѣ нити проходили черезъ его

руки. При этомъ онъ все время оставался въ полномъ согласіи съ официальнымъ представителемъ французскаго короля передъ остальной Европой, съ барономъ Бретелемъ, также находившимся въ Брюсселѣ. Съ уполномоченнымъ австрійскаго императора въ Нидерландахъ, графомъ Мерси, (прежнимъ посломъ въ Парижѣ), и съ графомъ Ля-Маркомъ онъ былъ тоже въ постоянныхъ сношеніяхъ, но лично не былъ расположенъ ни къ тому, ни къ другому. Онъ смотрѣлъ на графа Мерси, какъ на олицетвореніе австрійской политики, вѣчно тѣшившей французскій дворъ обманчивыми пустыми словами и проволочками. Ферзенъ вовсе не находилъ у него дѣйствительнаго участія къ судьбѣ французской королевы; а Ля-Марка онъ называлъ прямо интриганомъ. Ферзенъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ устроить конгрессъ для вооруженнаго вмѣшательства во французскія дѣла, и убѣдившись, что до тѣхъ поръ, пока инициатива этого дѣла будетъ предоставлена австрійскому императору, оно не подвинется впередъ ни на шагъ, — онъ представилъ королевѣ записку, въ которой подробно изложилъ, какъ Австрія постоянно ее обманывала и что она не должна на нее полагаться. Онъ совѣтовалъ Маріи Антуанетѣ для того, чтобъ состоялся конгрессъ, опираться на Россію, Швецію и Испанію, которыя должны были потомъ увлечь за собой Пруссію и Австрію; и мы видимъ, что королева, согласно съ представленіями Ферзена, дѣлаетъ нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи. Въ декабрѣ является на сцену прозектъ Густава III, значительная часть котораго напечатана. Густавъ совѣтовалъ снова попытаться бѣжать, а именно въ Англію. Въ февралѣ 1792 г. Ферзенъ отправляется подъ чужимъ именемъ въ Парижъ, чтобъ исполнить возложенное на него Густавомъ III порученіе переговорить съ королемъ и королевой о планѣ бѣгства. Про результатъ этой поѣздки можно узнать изъ донесенія Ферзена шведскому королю отъ 29 февраля: „Было рѣшено, что строгость надзора въ Парижѣ и во всей Франціи дѣлають бѣгство невозможнымъ“.

Чрезвычайно интересны нѣкоторые разговоры Ферзена съ королемъ и королевой, записанные въ его дневникѣ. Такъ наприимѣръ, король по поводу своего бѣгства высказалъ слѣдующее: „Я знаю, что я пропустилъ благоприятную минуту: это было 14 іюля (день взятія Бастиліи); тогда мнѣ слѣдовало уйти и я желалъ этого, но что могъ я сдѣлать, когда даже братъ мой, герцогъ Прованскій, просилъ меня остаться, а маршалъ Броль, командовавшій войсками, отвѣтилъ мнѣ: — Да, мы можемъ уйти въ Мецъ, но что станемъ мы дѣлать, когда будемъ тамъ? Я пропустилъ удобную минуту, а потомъ она уже мнѣ ни разу не представлялась болѣе. Весь міръ меня покинулъ!“ И онъ еще прибавилъ: „Державы должны были бы дѣйствовать, не принимая въ расчетъ того, что я буду дѣлать по принужденію“ ¹⁾. Королева сообщаетъ Ферзену разныя интересныя подробности о бѣгствѣ въ Ва-

¹⁾ Il faut qu'on me mette tout-à-fait de côté et qu'on me laisse faire.

реннъ и о заключеніи, какому они подверглись послѣ этой неудачи.

Смерть Густава III, послѣдовавшая въ 1793 г., измѣнила нѣсколько положеніе Ферзена; политика новаго шведскаго правительства хотя повидимому и не измѣнилась тотчасъ, но уже далеко не была одушевлена такимъ усердіемъ въ пользу возстановленія королевства во Франціи, какъ при Густавѣ III. Относительно этого новаго періода въ дѣятельности Ферзена особеннаго вниманія заслуживаетъ свѣтъ, который бросаетъ его переписка на происхожденіе пресловутаго манифеста герцога Брауншвейгскаго, такъ сильно раздражившаго общественное мнѣніе французовъ противъ монарха. Оказывается, что авторъ этого манифеста эмигрантъ Лимоны, написалъ его по внушенію Ферзена и подъ его руководствомъ. „Манифестъ герцога Брауншвейгскаго составленъ де-Лимономъ по моему внушенію, говоритъ Ферзенъ, и былъ принятъ съ легкими измѣненіями“, а въ другомъ мѣстѣ: „Я побудилъ Лимона написать манифестъ, который онъ передалъ графу Мерси, причемъ послѣдній не зналъ, что это идетъ отъ меня“.

Затѣмъ, послѣ 20 іюня и 10 августа интересны свѣдѣнія, какія получалъ Ферзенъ о положеніи королевской семьи. Одинъ проектъ для ихъ спасенія слѣдуетъ за другимъ. Въ январѣ 1793 года, послѣ казни Людовика XVI, рѣчь идетъ о томъ, что новый австрійскій императоръ долженъ требовать выдачи французской королевы, его тетки; въ февралѣ возникаетъ новый планъ — привлечь на ея сторону Дюмурье. Въ апрѣлѣ Дюмурье входитъ въ соглашеніе съ принцемъ Кобургскимъ и заявляетъ о своемъ намѣреніи идти на Парижъ съ 56,000 арміей. Этотъ поворотъ внушаетъ самыя радужныя надежды Ферзену, который смотритъ уже на королеву, какъ на будущую регентшу и 8 апрѣля излагаетъ ей письменно свои совѣты въ слѣдующемъ видѣ: возстановленіе старой монархіи во всей ея цѣлости (*dans son entier*), съ парламентами, которые по прежнему должны регистрировать королевскіе законы и указы; Бретель долженъ быть назначенъ членомъ совѣта регентства и по возможности президентомъ его. Но въ то время, какъ Ферзенъ писалъ эту записку, Дюмурье, покинутый своимъ войскомъ, бѣжалъ къ австрійцамъ. Въ августѣ Ферзенъ и Ля-Маркъ предложили графу Мерси, чтобы принцъ Кобургскій отрядилъ для освобожденія королевы сильный кавалерійскій отрядъ и двинулъ его на Парижъ, который не былъ прикрытъ войсками. Сначала графъ Мерси уклонялся, потомъ уступилъ; но принцъ Кобургскій отказалъ въ этомъ, а австрійцы старались сложить эту вину на своего союзника, герцога Юркскаго. Въ началѣ сентября стараніями Ферзена и Ля-Марка былъ посланъ въ Парижъ нѣкій Риббесъ съ порученіемъ сондировать Дантона насчетъ выдачи королевы съ обѣщаніемъ большихъ денегъ и безнаказанности. Но графъ Мерси всячески мѣшалъ этой посылкѣ и дѣлалъ всевозможныя затрудненія этому дѣлу, которое такъ и осталось безъ послѣдствій. Въ октябрѣ австрійцы захва-

тили члена конвента Друэ, бывшего почтмейстера, который узналъ короля и былъ виновникомъ его ареста въ Варенѣ. Дневникъ Ферзена содержитъ въ себѣ интересныя показанія Друэ. Въ это же время Ферзень узналъ о послѣдовавшей 16 октября казни королевы. На другой день онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Я не могу думать ни о чемъ другомъ, какъ только объ этой потерѣ. Нѣтъ, сердце мое никогда не успокоится безъ мщенія!“.

Кромѣ общаго интереса по содержанию, съ которымъ мы до нѣкоторой степени познакомили читателей—изданіе Г. Кликовстрема представляетъ еще особый, такъ сказать специальный, интересъ для французской публики, какъ видно изъ французскихъ рецензій на это изданіе. Буря, возбужденная революціей 89 г. во французскомъ обществѣ до сихъ поръ еще далеко не затихла. И теперь въ этомъ обществѣ есть горячіе защитники Маріи Антуанеты и страстные противники ея, считающіе ее злымъ гениемъ революціи. Понятно, что при такомъ отношеніи къ вопросу: какую именно роль играла Марія Антуанета въ событіяхъ революціи, многіе французскіе читатели въ изданіи Кликовстрема прежде всего ищутъ разоблаченій относительно тайной политики королевы, ищутъ аргументовъ для оправданія участи, которая ее постигла. Конечно, послѣ обширныхъ и исчерпывающихъ вопросовъ трудовъ Фелье-де-Конша и Жеффрау трудно было ожидать важныхъ разоблаченій въ жизни французской королевы; тѣмъ не менѣе указанное нами изданіе, заключающее въ себѣ дневникъ Ферзена и его переписку съ королевой и другими лицами, представляетъ значительный интересъ, подтверждая нѣкоторые факты, мало удостовѣренные и разъясняя другіе, оставшіеся доселѣ темными. Такъ напримѣръ, выяснилось, что бѣгство въ Вареннѣ, которое прежде считали слѣдствіемъ печальныхъ сценъ во время пасхи 1791 г., когда толпа задержала силою кареты, въ которыхъ отправлялся дворъ въ Сень-Клу, и при этомъ оскорбляла королеву самыми бранными и обидными для нея возгласами,—бѣгство въ Вареннѣ было задумано и безвозвратно рѣшено еще въ февралѣ этого года. Вотъ что писалъ Ферзень 7 марта: „Все, что я сообщалъ королю (Шведскому) на счетъ отъѣзда королевы подъ видомъ моихъ собственныхъ мыслей, все это входитъ въ планъ, который существуетъ и надъ которымъ продолжаютъ работать; но никто объ этомъ ничего не знаетъ, исключая четырехъ французовъ, посвященныхъ въ тайну“. А въ другомъ письмѣ отъ 1 апрѣля еще: „Ихъ величества приняли рѣшеніе выйти изъ настоящаго положенія какими бы то ни было средствами; напрасно употребляли они терпѣніе, кротость, напрасно приносили жертвы всякаго рода; теперь они рѣшились прибѣгнуть къ силѣ; но такъ какъ собраніе своими дѣйствіями уничтожило или ослабило всѣ ресурсы, которые ихъ величества могли бы найдти во Франціи, они не считаютъ достаточными свои средства, если къ этому не присоединится

помощь и заступничество иностранных державъ. Ихъ величества увѣрены въ поддержкѣ и рассчитываютъ найти убѣжище недалеко отъ сѣверной границы. Всѣми этими планами руководить Булье“.

Множество подобныхъ же мѣстъ выставляютъ съ неопровержимой очевидностью отвращеніе Маріи Антуанеты къ революціи, но съ другой стороны переписка Ферзена заключаетъ въ себѣ также много свидѣтельствъ, доказывающихъ полное нерасположеніе королевы къ эмигрантамъ вообще и особенно къ принцамъ. Единственную надежду свою она возлагала на помощь иностранныхъ державъ.

Марія Антуанета побуждала короля притворнымъ образомъ соглашаться съ приверженцами конституціонной монархіи для того, чтобы вѣрнѣе ихъ устранить. „Для того, чтобы усмирить мятежниковъ на счетъ своихъ настоящихъ намѣреній, говоритъ Ферзенъ въ своемъ письмѣ къ барону Бретелю,—король сдѣлаетъ видъ, будто признаетъ необходимость идти за революціей и сблизиться съ ними; онъ будетъ слѣдовать только ихъ совѣтамъ и постоянно будетъ предупреждать желанія этой сволочи (canaille), чтобы отнять у нихъ всякую возможность и всякій предлогъ къ мятежу; а для того чтобы поддерживать спокойствіе, нужно внушить имъ довѣріе, столь необходимое для выѣзда изъ Парижа“. Въ слѣдующемъ году Ферзенъ писалъ шведскому королю въ шифрованномъ письмѣ: „Необходимо было сдѣлать видъ, будто вполне отдаются политикѣ, указанной конституціоналистами; для того, чтобы ихъ лучше усмирить, пришлось поневолѣ принять предложенныя ими мѣры, и для того, чтобы помѣшать имъ соединиться съ республиканцами, необходимо было дѣлать видъ, будто искренно раздѣляютъ ихъ принципы; нужно было дѣйствовать въ смыслѣ конституціи, обнаруживать мнимую рѣшимость поддерживать ее и руководиться исключительно ею. Ихъ величества никогда не довѣряли мятежникамъ и ихъ увѣреніямъ въ преданности, которыя они постоянно расточали. Ихъ величества сдѣлали честь сообщить мнѣ, что крайняя нужда могла довести ихъ до унижительнаго положенія имѣть дѣло съ такими негодяями (scélérats)“. Вотъ какія выраженія употребляли передъ иностранцами король и королева, говоря о людяхъ, у которыхъ болѣе всего лежало на сердцѣ спасти монархію; и поступки королевской четы, особенно Маріи Антуанеты, были вполне согласны съ такими словамъ. 16 іюня 1792 г. королева писала Ферзену, находившемуся тогда въ Брюсселѣ: „Дано приказаніе, чтобы Люкнеръ началъ наступленіе; онъ противится, но министерство этого требуетъ. Войско нуждается во всемъ (manque de tous) и въ величайшемъ безпорядкѣ“.

Королева торопила австрійцевъ и пруссаковъ занять Францію какъ можно скорѣе и манифестъ герцога Брауншвейгскаго, составленный ея довѣреннымъ Ферзенемъ, можно считать ея собственнымъ. Несчастная женщина имѣла оправданіе въ той невыносимой жизни, какую она вела уже третій годъ въ Парижѣ; но нельзя отвергать,

что ненависть народа и національнаго собранія къ Вето (королю) и австрійкѣ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ отечеству, имѣла нѣкоторое основаніе. Конечно, изданіе Калковстріема еще болѣе подтверждаетъ, что Марія-Антуанета, торопившая герцога Брауншвейгскаго идти на Парижъ, какъ бы сама ускоряла свою гибель; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта же книга даетъ и объясненіе, которое можетъ служить оправданіемъ роковаго поведенія королевской четы. Всего болѣе поражаетъ читателя въ перепискѣ Ферзена полнѣйшее непониманіе со стороны королевы и ея окружавшихъ того безповоротнаго перелома, который совершился въ 1789 г. въ судьбахъ Франціи. Какими иллюзіями жили и поддерживали себя въ Тюльери въ 1792 г. во время приближенія герцога Брауншвейгскаго, можно судить по тому, что черезъ 3 мѣсяца послѣ казни Людовика XVI, въ апрѣлѣ 1793 года Марія Антуанета еще надѣялась, что Дюмурье и войска коалиціи не только спасутъ ей жизнь и освободятъ ее изъ заключенія, но и возведутъ ея сына на престоль, а ее самое провозгласятъ регентшей! Ферзень раздѣлялъ всѣ эти иллюзіи; онъ не зналъ людей и не понималъ событій; подобно Людовику XVI онъ видѣлъ въ 14 іюля не болѣе какъ бунтъ парижскихъ буржуа; онъ былъ убѣжденъ, что Неккеръ измѣнялъ королю; онъ называлъ Лафайэта трусомъ и жалкимъ негодяемъ, который къ счастью и негодяемъ умѣетъ быть лишь вполонину.

При болѣе близкомъ знакомствѣ Ферзень мало выигрываетъ относительно его политическаго смысла; но за то въ другомъ отношеніи ввукъ его воздвигъ ему своимъ изданіемъ достойный памятникъ. Обнародованные имъ матеріалы вполнѣ обнаруживаютъ великодушіе, глубокую преданность и вообще все, что было рыцарственнаго въ характерѣ Ферзена.

Совершенно иной характеръ, чѣмъ дневникъ и переписка Ферзена, носить дневникъ другого современника революціи, съ которымъ мы теперь имѣемъ въ виду познакомить читателей. Это „Мемуары Рене де ля Манульеръ, изданные съ примѣчаніями аббатомъ Эно⁴⁾“. На этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ личностью, которая сама по себѣ нисколько не замѣчательна, ни энергіей характера, ни силою убѣжденія, ни трагической судьбой, но которая тѣмъ не менѣе интересна какъ типическій представитель того большинства современниковъ революціи, надъ которыми пронеслась революціонная буря, лишь преклонивъ ихъ головы къ землѣ, пощадивъ ихъ именно вслѣдствіе ихъ ничтожества.

Мы имѣемъ передъ собою не мемуары, какъ называлъ ихъ издатель, а дневникъ провинціальнаго каноника, тяжеловѣсный, безцвѣт-

⁴⁾ Mémoires de René Nepveu de la Manouillère, chanoine de Mans, publiés et annotés par l'abbé Gustave Esnault. 1878, Le Mans. 2 v.

ный, хотя и точный, ограниченный известным кругом сведений и однообразный невозмутимым спокойствием, с каким автор их отмѣчает. Нельзя также согласиться с издателем, который видитъ въ этихъ запискахъ привлекательную картину города Манъ въ XVIII в. и „всѣхъ классовъ общества“. Но это во всякомъ случаѣ вѣрное изображеніе этого провинціального уголка Франціи съ его затишьемъ и застоємъ при старомъ порядкѣ и неожиданнымъ погромомъ 1789 г. и послѣдовавшаго затѣмъ террора.

Пьеръ Рене де-Ля-Менульеръ, родившійся въ 1732 г. въ городѣ Манъ, былъ третьимъ сыномъ мѣстнаго *prevost*. Судьба его представляетъ образчикъ обыкновенной карьеры младшихъ сыновей провинціального дворянства. Въ выборѣ духовнаго поприща онъ вѣроятно руководился желаніемъ своей семьи; если же и предположить, вмѣстѣ съ издателемъ, что онъ былъ „привлеченъ въ святилище болѣе собственнымъ призваніемъ, чѣмъ въ качествѣ младшаго члена семьи“, то все таки нужно прибавить, что это увлеченіе проявлялось у него довольно спокойно, такъ какъ по выходѣ изъ семинаріи, молодой клеркъ „остался въ своей семьѣ, слѣдуя въ этомъ примѣру большого числа клерковъ изъ хорошихъ фамилій, въ ожиданіи мѣста (*bénéfice*) достойнаго его рожденія“. Благодаря великодушію одного родственника, уступившаго ему свое мѣсто, Ла-Менульеръ 26 лѣтъ сдѣлался каноникомъ при церкви города Мана. Съ этого времени жизнь его вполне опредѣлилась, и не замѣтно вовсе, чтобъ онъ имѣлъ какое-либо иное честолюбіе или высшее стремленіе. Къ своимъ товарищамъ онъ не питалъ расположенія и очень раздражался при мелкихъ ссорахъ, какими часто оживлялся этотъ маленькій мірокъ. Онъ можетъ быть даже входилъ во вкусъ этихъ ссоръ, гораздо болѣе чѣмъ въ пренія, возбуждаемыя богословской казуистикой того времени. О трехъ епископахъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ въ теченіи 30-ти лѣтъ его службы — Ла-Менульеръ ничего не сообщаетъ выдающагося; онъ рассказываетъ лишь о ихъ поѣздкахъ по епархіи, ихъ борьбѣ съ капитуломъ, о ихъ пріемахъ; но онъ остается совершенно равнодушнымъ къ ихъ страстямъ и чуждымъ ихъ интересамъ, о которыхъ нерѣдко даже отзывается весьма непочтительно, если епископу случалось задѣтъ какую-либо изъ привычекъ и предубѣжденій каноника. Между тѣмъ времена мѣняются; событія быстро идутъ впередъ. Дневникъ однако продолжается по прежнему, хотя отрывочно, почти не выдавая впечатлѣній пережитыхъ авторомъ въ эту бурную эпоху. Чувствуется только, что съ наступленіемъ революціи, какъ будто какое то колесо въ жизни нашего каноника затормозилось и скрипитъ; но недовольство его ни гдѣ не высказывается жалобами, а раздраженіе не находитъ искренняго голоса. Когда національное собраніе по своему передѣлываетъ церковное устройство и поставленіе епископовъ замѣняется народнымъ избраніемъ, авторъ ограничивается замѣчаніемъ: „Увидимъ, что изъ всего этого выйдетъ!“ А далѣе:

„Весь народъ повидимому очень доволенъ всѣмъ этимъ, такъ что честнымъ людямъ ничего не остается сказать“. Вотъ и все! Въ другомъ мѣстѣ, осторожный каноникъ осмѣливается сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Надѣюсь, что въ скоромъ времени мы будемъ спасены выѣхавшими за границу принцами, дворянами-эмигрантами и сосѣдними державами, которыя помогаютъ деньгами и войскомъ“. Когда настала часъ принести присягу революціонной конституціи и новому устройству церкви, желая скрыться, Ля-Менульеръ заказываетъ себѣ „гражданское“ цвѣтное платье, садится въ свою маленькую каретку и тайкомъ отправляется въ Парижъ. Но на пути останавливается, возвращается, снова прячется и при этомъ все время продолжаетъ писать свой дневникъ; а если имъ овладѣваетъ страхъ, онъ наскоро сокращаетъ, избѣгая подробностей и едва намекая на „гадости и подлости, совершаемыя ежедневно конвентомъ и всѣми администраціями департаментовъ“. Послѣ извѣстія объ убійствѣ члена конвента Лепельте, убитаго въ день казни Людовика XVI-го однимъ изъ бывшихъ гвардейцевъ короля, высказавши сочувствіе убійцѣ и пожелавъ подобной-же судьбы и даже худшаго всѣмъ депутатамъ цареубійцамъ, онъ тщательно зачеркиваетъ эти слова и вписываетъ вмѣсто нихъ: „такого-то числа не было обѣдни“. Его однако арестовали въ мартѣ 93 г., но мѣсяцъ спустя выпустили на свободу; потомъ въ сентябрѣ снова арестовали и при извѣстіи о приближеніи Вандейскихъ инсургентовъ отправили вмѣстѣ съ другими заключенными въ Шартръ подъ конвоемъ десяти жандармовъ, „очень честныхъ людей“, которые его связали „только для формы“. По водвореніи мира, какъ только республика объявила, что она обѣщаетъ пенсію тѣмъ изъ духовныхъ лицъ, которыя готовы подчиниться ея законамъ,—Ля-Менульеръ подчиняется и требуетъ своей пенсіи; потомъ мирно умираетъ въ 1810 г.

Кромѣ чисто историческаго интереса, рассматриваемое нами изданіе имѣетъ еще другой интересъ; оно можетъ служить образчикомъ того, съ какою цѣлью клерикалы изучаютъ исторію Франціи,—какую пользу стараются извлечь изъ историческихъ изданій и въ какомъ видѣ представляютъ старый порядокъ и вліяніе революціи. Аббатъ Эно исполненъ всевозможныхъ иллюзій на счетъ добраго стараго времени и рѣзкое противорѣчіе, въ которомъ находится его комментарий съ многими фактами, сообщаемыми въ изданномъ имъ дневникѣ,—придаетъ книгѣ особенную пикантность, которой конечно не имѣлъ въ виду издатель. Приступая къ комментарийю дневника, издатель заявляетъ, что „съ удовольствіемъ разстается съ нашимъ вѣкомъ, въ которомъ революція раздѣлила общество на разные классы“, онъ признается, что читая дневникъ и углубляясь въ прошедшее, ожииваетъ „среди благодушнаго народа, согласнаго, почтительно относящагося къ своей вѣрѣ и своему королю и вполне довольнаго тѣмъ положеніемъ, каковымъ провидѣніе надѣлило cadaго“.

Прославляя эпоху старого порядка, издатель возстает против предрассудковъ, распространяемыхъ современными „политическими страстями, которымъ потворствовало наше незнакомство съ прежними законами“. А между тѣмъ, когда мы выходимъ изъ ряда обыденныхъ банальныхъ фактовъ, какъ-то: похороны, свадьбы, родины благородныхъ дамъ, получение доходныхъ синекуръ, вѣздъ губернаторовъ, проходъ войскъ и проч., — что-же намъ представляется за всѣмъ этимъ?—Страшная общественная нужда, такая, что даже иллюминація по случаю празднованія мира откладывается, „потому что народъ въ нищетѣ“; ссылка возведена въ одинъ изъ способовъ администраціи; магистратура, вся подкупная и раболѣпная, руководившаяся въ своихъ приговорахъ, по заявленію самого издателя „ненавистью къ церкви и безбожіемъ“. А духовенство... Но можно ли человѣку серьезному и развитому, знакомому съ исторіей, обращаясь къ образованнымъ читателямъ, вызывать на сравненіе между образованіемъ, правами, благосостояніемъ и достоинствомъ духовенства, какъ его создала революція съ тѣмъ духовенствомъ, которое было сто лѣтъ тому назадъ?

Въ дневникѣ Ля-Менульера мы видимъ епископа, который чествуетъ въ самомъ епископскомъ дворцѣ маршала Ришелье, человѣка, „который вмѣстѣ съ Вольтеромъ былъ самымъ коварнымъ врагомъ Бога и всякой благочестивой души“; или мы видимъ того-же епископа когда онъ не находился при дворѣ, занятого исключительно ссорами съ капитуломъ, съ ратушей, съ разными монастырями; мы видимъ викарія, который уединившись въ Капуцинскомъ монастырѣ, ведетъ самый недостойный образъ жизни; приходы покинуты священниками; мѣста канониковъ заняты мальчиками, а капитулы поглощены пустыми спорами о предсѣдательствѣ и корыстными интересами; мы видимъ епархіальные синоды, на которыхъ епископъ обрушивается на своихъ канониковъ съ разными ложными и оскорбительными обвиненіями и самъ подвергается со стороны ихъ прокурора такому афронту, что присутствующіе священники „аплодируютъ, какъ въ театрѣ“. Мы видимъ аббатства разоренныя и опозоренныя свѣтскими присланными изъ Парижа аббатами и безконечными скандальными процессами, которые тянутся цѣлые періоды времени.

Относительно быта тогдашняго провинціального дворянства, которому издатель старается придать аристократическій характеръ, говоря на каждомъ шагѣ о патриціанскихъ домахъ, о мѣстной знати,—мы встрѣчаемъ то-же противорѣчіе; если проникнуть въ эти идеальныя, въ глазахъ издателя, семьи, будто-бы управляемыя чистѣйшею привязанностью и уваженіемъ,—то окажется, что нигдѣ не встрѣтишь болѣе браковъ, принесенныхъ въ жертву корыстнымъ расчетамъ и приліемъ, разстроиваемыхъ невѣрностью и развратомъ, заключенныхъ по принужденію и расторгнутыхъ, болѣе или менѣе добровольной разлукѣ, доведенныхъ до ожесточенности несправедливыми законами и опозоренныхъ скандальными ссорами.

Не смущаясь подобными противорѣчiami, представитель клерикальной историографіи доводитъ свое сочувствіе старому порядку до того, что въ своихъ примѣчаніяхъ даже готовъ идеализировать одно изъ вопіющихъ его злоупотребленій; онъ расточаетъ похвалы престовутнымъ *lettres de cachet*, называя ихъ „законами, которые охраняли честь семейства“; — онъ могъ бы прибавить: и монастырей, потому—что на примѣръ Манскій епископъ удаляетъ такимъ способомъ настоятельницу Урсулинокъ, которая ему не нравилась.

Всего болѣе обогащается въ наше время исторія французской революціи отъ изученія ея хода и вліянія въ провинціи. Громадные матеріалы хранятся въ провинціальныхъ архивахъ. Любознательность мѣстныхъ историковъ обратилась къ этимъ источникамъ и въ послѣднее время вышло много изданій различныхъ матеріаловъ и книгъ, основанныхъ на ихъ изученіи. Не слѣдуетъ конечно преувеличивать значеніе и интересъ этихъ изданій; результаты, къ которымъ они приводятъ, почти всегда сходны: вездѣ опасенія, страсти и жестокости были однѣ и тѣ-же; вездѣ голодъ и рекрутчина производили сильное волненіе; по всѣмъ городамъ шайки изступленныхъ захватывали въ свои руки управленіе всѣми дѣлами и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ принуждали къ молчанію и бездѣйствію умѣренную, самую многочисленную часть населенія; и если тиранія и анархія отзывалась и въ селахъ, то все-же сельскіе жители далеко не испытывали того ужаса, который постоянно преслѣдовалъ жителей большихъ городовъ. Конечно отдѣльные случаи возстанія, рѣзни, неповиновенія законамъ центральной власти, придавали особенный характеръ исторіи извѣстной общины или извѣстнаго департамента; но эти исключенія не нарушаютъ общаго правила. Вездѣ возмущеніе было вызываемо голодомъ и вело еще къ худшей нищетѣ.

Но если общая картина революціи отъ этого мало измѣняется и сочиненія посвященныя революціи въ провинціи даютъ въ результатѣ только нѣсколько однообразныхъ эпизодовъ этой общей картины, то они очень важны однако въ двухъ отношеніяхъ. Они раскрываютъ такую сторону въ исторію революціи, которая останется совершенно непонятна для того, кто знаетъ ее только по ея проявленіямъ въ главномъ центрѣ, въ Парижѣ. Здѣсь событія носятъ часто слишкомъ праздничный характеръ; они развертываются съ какою то послѣдовательностью, которая даетъ имъ характеръ логической разумности, фаталистической необходимости. Революціонные дѣятели стоятъ на какой-то высокой эстрадѣ, которая представляетъ ихъ образы преувеличенными. Въ провинціи же революція является намъ въ ея будничномъ видѣ; здѣсь мы легче усвоиваемъ себѣ ея непосредственное вліяніе на массы сельскаго и городскаго населенія; революціонные дѣятели здѣсь являются въ простомъ, спокойномъ свѣтѣ; проконсулы

конвента, дѣйствуя на просторѣ, свободнѣе слѣдуютъ своимъ личнымъ убѣжденіямъ и индивидуальнымъ наклонностямъ; провинціальныя клубы и мѣстные террористы даютъ намъ мѣрку для однородныхъ явленій въ Парижѣ; познакомившись съ пигмеями въ селахъ и городахъ, мы лучше распознаемъ настоящіе размѣры тѣхъ, которые иногда намъ представляются великанами въ Парижѣ. Если исторія провинціи вноситъ больше правды, трезвости и реализма въ картину революціи, то съ другой стороны она же вноситъ и больше свѣжести и вѣрности красокъ. Исторія революціи въ Парижѣ слишкомъ легко поддается обобщеніямъ. Читая рассказъ о событіяхъ революціи въ извѣстной провинціи, не только мѣстный житель выноситъ болѣе живое впечатлѣніе, знакомится ближе съ энтузіазмомъ и страданіями провинціального населенія, но и посторонній читатель испытываетъ подобное же чувство.

Въ Парижѣ мы знакомимся съ законами; въ провинціи мы видимъ непосредственное вліяніе ихъ; въ Парижѣ мы увлекаемся преніями и краснорѣчивой аргументаціей за и противъ извѣстной мѣры; въ провинціи мы имѣемъ передъ собою аргументацію не логическую, а фактическую, дающую иногда совершенно иные выводы.

Въ числѣ такихъ изданій особеннаго вниманія заслуживаетъ „Пюи-дю-Домъ и проконсульство Кутона, Фр. Межа ¹⁾“ какъ по ученымъ достоинствамъ автора, такъ и по значенію личности Кутона, бывшаго членомъ того извѣстнаго триумвирата, во главѣ котораго стояли Робеспьеръ и Сень-Жюсть.

Авторъ названнаго сочиненія посвятилъ себя давно изученію личностей и событій революціонной эпохи въ бывшей провинціи Овернь. Изъ его трудовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, мы назовемъ наиболѣе интересные: „Провинціальное собраніе (1787—1790)“; „Письма Рабюссонъ Ля-Мота, о законодательномъ собраніи“; „Перешиска Кутона, депутата Пюи-дю-Домъ (1791—1794)“ и проч.

Разсматриваемое нами сочиненіе описываетъ судьбу Нижней Оверни, нынѣ департамента Пюи-дю-Домъ, во время управленія конвента въ 1793 г. Исторія Пюи-дю-Домъ представляетъ намъ сравнительно менѣе драматическаго интереса, чѣмъ исторія другихъ мѣстностей. „Но“, какъ замѣчаетъ авторъ, „хотя сравнительно съ другими департаментами болѣе спокойный и подвергшійся меньшимъ испытаніямъ, Пюи-дю-Домъ все-таки пережилъ много невзгодъ. Какъ и многія другія мѣстности во Франціи и Пюи-дю-Домъ пострадалъ отъ голода и подобно другимъ подвергся деспотическому вліянію клубовъ и народныхъ обществъ; онъ также имѣлъ своихъ притѣснителей и притѣсенныхъ, своихъ агитаторовъ и не мало своихъ жертвъ; и здѣсь были возстанія, вызванныя закономъ о рекрутчинѣ и религіозной нетерпимостью; и здѣсь не разъ брались за оружіе для подавленія

¹⁾ Le Puy du Dome, et le proconsulat de Couthon, par Fr. Mège, Paris, I v.

волнений въ сосѣднихъ департаментахъ; наконецъ и здѣсь мы видимъ поголовное ополченіе, (*levée en masse*), для того, чтобъ содѣйствовать усмиренію города Ліона, возмущившагося противъ конвента^а. Вотъ какъ резюмируетъ авторъ въ нѣсколькихъ строкахъ содержаніе своего сочиненія, на которомъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Познакомимся прежде всего съ депутатами, высланными этимъ департаментомъ въ конвентъ. Ихъ политическіе принципы и убѣжденія яснѣ всего характеризуются ихъ поведеніемъ во время процесса короля, которымъ начался 1793 годъ. Изъ 12 депутатовъ Пюи-дю-Домъ въ конвентѣ только два подали голосъ противъ смертной казни, а потомъ за отсрочку ея, Банкаль и Жиро Пюзоль. Большинство же депутатовъ, какъ Кутонъ, Ромъ и проч. принадлежали къ самой крайней лѣвой. Пять депутатовъ не столь опредѣленныхъ убѣжденій, по слабости или трусости, были увлечены большинствомъ на всѣ мѣры, предлагаемыя подъ видомъ общественнаго спасенія.

Большинство населенія Пюи-дю-Домъ не было проникнуто такимъ революціоннымъ духомъ, какъ его депутаты и предпочло бы мирный ходъ дѣла. Законъ 24 февраля, призывавшій подъ знамена всѣхъ гражданъ отъ 18 до 40 лѣтъ, произвелъ глубокое волненіе въ селахъ Оверни. Контингентъ, выпавшій на долю Пюи-дю-Домъ, составлялъ громадную цифру: съ него требовали 7,280 солдатъ! Ни одинъ департаментъ, исключая парижскаго, не подвергся такой ужасной реквизиціи. Напрасно мѣстныя власти употребляли все свое усердіе и всѣ усилія;—онѣ встрѣчали вездѣ лишь неудовольствіе и вооруженное сопротивленіе. Вооруженныя толпы бродили по селамъ, въ разныхъ мѣстахъ завязывались кровавыя стычки, особенно въ округѣ гор. Тьеръ. Одно время можно было опасаться страшнаго возстанія. Нужно было запугать строгимъ примѣромъ, тѣмъ болѣе, что духъ партій старался эксплуатировать неудовольствіе вызванное наборомъ; кое-гдѣ появились бѣлыя кокарды и не принявшая присяги часть духовенства стала втихомолку поощрять возмущеніе; 14 обвиненныхъ были приговорены къ смерти, но изъ нихъ только пять заплатились жизнью за вооруженное сопротивленіе законамъ конвента; остальные были обязаны помилованіемъ и свободой Кутону.

И въ Пюи-дю-Домъ были приведены въ исполненіе мѣры противъ заподозрѣнныхъ, которыя были слѣдствіемъ драконовскихъ законовъ, изданныхъ конвентомъ. Но если департаментъ Пюи-дю-Домъ въ своихъ распоряженіяхъ и готовъ былъ подчиниться суровымъ предписаніямъ центральной власти, то все-таки въ приложеніи суровость мѣръ значительно смягчалась умѣреннымъ характеромъ жителей. Не смотря на довольно миролюбивое настроеніе, жители Пюи-дю-Домъ были однако втянуты въ междоусобную войну, которая тогда разгоралась во многихъ мѣстностяхъ Франціи. Такъ напримѣръ жители Нижней Оверни были призваны подавить роялистское возстаніе, которое, какъ казалось одно время, грозило принять страшные размѣры. Опас-

ность угрожала прямо жителямъ Пюи-дю-Домъ; они столько же боялись реставраціи въ пользу короля, сколько были не расположены къ революціонному террору. По этому мѣстные администраторы ускорили отправку національной гвардіи; но другіе департаменты дѣйствовали еще послѣднѣе; батальонъ изъ Пюи-дю-Домъ не пошелъ далѣе Сень-Флура, гдѣ узналъ, что роялистскія шайки разсѣяны и вождь ихъ, Шарье, арестованъ. Болѣе продолжительна и тяжка была экспедиція въ Лионъ; рассказъ объ этой экспедиціи, гдѣ впрочемъ батальонъ Пюи-дю-Домъ мало подвергался опасности, представляетъ живой интересъ и на этотъ разъ комиссары конвента Кутонъ, Рандонъ, Менье и др. должны были принимать рѣшительныя мѣры, чтобъ подстрекнуть нѣсколько вялый патріотизмъ оверніатовъ.

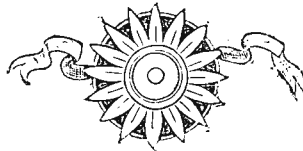
Наконецъ, сочиненіе Межа интересно еще потому, что представляетъ намъ знаменитаго триумвира, Кутона, въ неожиданномъ свѣтѣ. Когда Лионъ сдался, Кутонъ находился при этомъ и, совершенно противно тому, чего можно было бы отъ него ожидать, онъ повидимому, дѣлалъ все возможное, чтобы смягчить или отсрочить жестокія мѣры, предписанныя конвентомъ противъ мятежнаго города. Но его умѣренность могла показаться подозрительной и вотъ онъ слѣдуетъ возвратиться въ Клермонъ для того, чтобъ не быть сообщникомъ въ жестокостяхъ, которыхъ онъ не одобрялъ, не имѣя однако довольно силы, чтобы остановить ихъ. Кутонъ возвратился изъ Ліона въ Пюи-дю-Домъ въ началѣ ноября и оставался здѣсь до конца мѣсяца. Во время этого пребыванія, онъ повидимому былъ главнымъ образомъ занятъ желаніемъ пріобрѣсти расположеніе своихъ земляковъ; онъ правда выказываетъ лихорадочную дѣятельность при организаціи отряда для осады Ліона, онъ расточаетъ приказанія, распоряженія, всякаго рода мѣры, чтобы ускорить прибытіе припасовъ и борется противъ постоянно угрожающаго голода; и хотя онъ сурово преслѣдуетъ неповинующихся священниковъ, однако не оставляетъ послѣ себя кровавой памяти и по его поведенію въ Пюи-дю-Домъ нельзя было бы ожидать того кровожаднаго рвенія, какое онъ потомъ обнаружилъ въ комитетѣ общественнаго спасенія. Этотъ послѣдній періодъ миссіи Кутона отмѣченъ не только усиленно строгими мѣрами противъ оставшихся вѣрными Риму священниковъ, но и преслѣдованіемъ самаго католическаго культа. Съ ожесточеніемъ истреблялись самыя священные предметы. Постановлено было расплавить всѣ колокола, разрушить колокольни, уничтожить всѣ украшенія, употреблявшіяся при богослуженіи. Предписанія эти были въ точности исполнены и Пюи-дю-Домъ представилъ зрѣлище самыхъ варварскихъ опустошеній, которыя, впрочемъ, повторялись въ это время по всей Франціи.

При этомъ и въ Пюи-дю-Домъ правленіе конвента ознаменовано было такими же странными революціонными празднествами, какія такъ театрално разыгрывались въ Парижѣ. Для того, чтобы пора-

зять воображеніе своихъ соотечественниковъ, Кутонъ, напримѣръ, устроилъ передъ своимъ отъѣздомъ торжественную процессію въ честь мучениковъ свободы, Шалье и Марата. Межъ даетъ подробное описаніе этого праздника, называя его фарсомъ, и невозможно иначе отнестись къ церемоніи, заключавшейся въ обезображиваніи статуй святыхъ, въ цѣлыхъ ауто-до-фе ихъ деревянныхъ изображеній, въ комическомъ шествіи санъ-кюлотовъ въ полномъ священническомъ облаченіи и т. д.

Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать, что сочиненіе Межа много выигрываетъ отъ безпристрастія автора, который не умаляетъ хорошаго и не умалчиваетъ о дурномъ. Онъ выставляетъ въ надлежащемъ свѣтѣ умѣренность Кутона и не скрываетъ, что и въ Пюи-де-Домъ между республиканскимъ или патріотическимъ духовенствомъ были такіе негодяи, какъ тотъ Ла-Фельядъ, который сдѣлалъ ложный доносъ въ сочувствіи къ эмигрантамъ на Дезе, въ то время какъ будущій герой египетской экспедиціи и сраженія при Маренго храбро сражался въ рядахъ республиканской арміи. Сочиненіе Межа утомляетъ читателя тщательностью и добросовѣстностью, съ которой авторъ подбираетъ факты, боясь упустить малѣйшую подробность изъ исторіи своей провинціи; но оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ почтенныхъ трудовъ, которые имѣютъ прежде всего въ виду установить истину въ исторіи революціи и не увлекаются парадоксами, въ какіе впадали до сихъ поръ самые талантливые и блестящіе историки французской революціи.

Иф...ль.

КРИТИКА и БИБЛЮРГАФЯ.

Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Изъ дневника члена экспедиціи П. Я. Пясецкаго. Въ двухъ томахъ. Съ рисунками. 1880.

НИГА г. Пясецкаго, какъ и самъ авторъ заявилъ въ заключеніе, „есть результатъ несчастнаго случая“. Авторъ ея проѣхалъ черезъ Сибирь, Монголію, восточный, средній и сѣверо-западный Китай, и въ концѣ концовъ вынесъ изъ него крайнее недовольство „результатами“ экспедиціи, отправленной въ Китай нашимъ правительствомъ въ началѣ 1874 года, да еще нѣсколько поверхностныхъ и мимолетныхъ впечатлѣній изъ жизни китайцевъ. Мы не упоминаемъ о вывезенной г. Пясецкимъ ботанической коллекціи и о значительномъ собраніи набросковъ съ натуры, быть можетъ, и представляющихъ „богатый матеріалъ для ознакомленія съ Китаемъ“; этотъ матеріалъ не предназначается для читателей вышеприведенной книги, и намъ нѣтъ надобности останавливаться въ настоящей замѣткѣ на томъ, что подлежитъ оцѣнкѣ специалистовъ. Наша задача болѣе скромная: внимательно прочитавъ около 1200 страницъ, написанныхъ г. Пясецкимъ въ видѣ „извлеченія“ изъ его путевого дневника, мы должны сказать читателю, что онъ можетъ найти наиболѣе интереснаго въ этомъ объемистомъ изданіи.

Путь, пройденный г. Пясецкимъ, дѣйствительно, великъ и интересенъ. Къ сожалѣнію, нашъ путешественникъ отправился въ Китай совершенно неподготовленнымъ; онъ не зналъ даже языка страны, не говоря уже вообще о незнакомствѣ съ ея жизнью, нравами и учрежденіями. Такимъ образомъ приходилось отдавать себя на волю случайныхъ впечатлѣній, предчувствій и ожиданій. „Глаза“ г. Пясецкаго постоянно „разбѣгались по сторонамъ“: хотѣлось все увидать и удержать въ памяти, но впечатлѣнія смѣнялись и перепутывались. „Оригинальная обстановка“, „оригинальные люди“ и „своеобразные порядки“ поражали г. Пясецкаго на каждомъ шагу, такъ что онъ рѣшительно недоумѣвалъ, на что обратить преимущественное вниманіе, и что могло бы имѣть второстепенный интересъ. Этою растерянностью, безъ сомнѣнія, объясняются постоянныя восклицанія вмѣсто фактовъ, въ родѣ того, что „какая скромность и простота у насъ и какая торжественность у китайцевъ“, или уже черезъ-чуръ подробныя описанія вкусовыхъ ощущеній, какія испытывалъ г. Пясецкій, утѣшаясь „ѣдою“, предлагавшейся гостепримными китайскими гастрономами Правда, авторъ „дневника“ говоритъ, что подобныя подробности важны въ дорогѣ, особенно въ Азіи, но бесѣду объ этомъ все же можно бы

нѣсколько посократить, хотя бы для того, чтобы дать мѣсто болѣе интереснымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ занесеннымъ въ „дневникъ“. Къ наблюденіямъ такой категоріи нельзя отнести также и описанія, напримѣръ, „внѣшняго вида китайянокъ средняго сословія“ (?), бесѣды которыхъ „подслушать“ автору не удалось, за то удалось ему подсмотрѣть какъ онѣ предаются чесоткѣ, что г. Пясецкій описываетъ весьма натурально, даже слишкомъ натурально (см. 629 стр.). Изъ всего „Путешествія“ наиболѣе содержательная—XI-я глава, изъ которой ниже (см. „Смѣсь“) мы дѣлаемъ извлеченіе о генералѣ Цзо. Въ ней авторъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о китайскихъ тюрьмахъ, китайскихъ маневрахъ и характеризуетъ одного изъ важныхъ сановниковъ генерала Цзо (745—817 стр.). Мы охотно вѣрнемъ г. Пясецкому, что въ своемъ описаніи онъ „не допускалъ вымысловъ“, и потому принимаемъ за чистую монету все, что имъ сообщено о китайской арміи и военномъ дѣлѣ у китайцевъ, хотя карикатурное представленіе трусливаго офицера, убѣгающаго отъ орудій на 50 шаговъ¹⁾, какъ-то не вяжется съ тѣмъ, что извѣстно о китайской арміи изъ сочиненій компетентныхъ знатоковъ Востока. Правда, г. Пясецкій „предпочиталъ лучше сказать меньше, не столь ученое и менѣе важное и цѣнное, да свое“; но при этомъ онъ обѣщаетъ въ предисловіи быть все-таки „правдивымъ“. Можно и должно, конечно, вѣрить въ превосходство русской арміи надъ китайскою, но нѣтъ надобности для этого представлять дѣло въ карикатурномъ видѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что описаніе прогулки г. Пясецкаго въ китайскій арсеналъ обязано тому минутному настроенію автора, когда его „впечатлѣнія смѣнялись и перепутывались“. Нельзя сказать, чтобы авторъ „Путешествія“ воздерживался и отъ „выводовъ“, какъ онъ обѣщаетъ тоже въ предисловіи. Впрочемъ, они формулированы просто: „хороши чужія страны; въ нихъ интересуется насъ все, чего у насъ нѣтъ; но любимъ мы въ нихъ то, что чѣмъ-нибудь напоминаетъ намъ родину“. Отыскивая милые своему сердцу „цвѣты, хлѣба и голоса птицъ“, г. Пясецкій дѣйствительно обратилъ свое „Путешествіе по Китаю“ въ „прогулку въ паркѣ“, „среди роскошныхъ деревьевъ, разнообразныхъ кустарниковъ и цвѣтовъ“, проѣзжая мимо величественныхъ скалъ, возлѣ шумящихъ ручьевъ, слушая поющихъ на разные лады птицъ и только на время прерывая эту прогулку „утѣшеніемъ въ фѣѣ“ и безотчетнымъ наблюденіемъ окружающей его среды. Всему этому отведено главное мѣсто въ книгѣ г. Пясецкаго и въ описаніи такихъ предметовъ авторъ является мастеромъ своего дѣла. Онъ пишетъ живо, мѣстами восторженно, а иногда умѣетъ придать своему описанію нѣкоторую икантиность. Въ результатѣ же все-таки остаются содержательными лишь семьдесятъ двѣ страницы изъ тысячи двухсотъ. Само собою разумѣется, подобнаго сорта трудъ никомъ образомъ не можетъ считаться источникомъ для знакомства съ Китаемъ. Это замѣтки плохо подготовленнаго туриста, дающія, пожалуй, пишу слишкомъ досужему читателю, но нисколько не облегчающія мало-мальски серьезное стремленіе ознакомиться съ Китаемъ.

Ө. В.

**Красный Крестъ въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг.
Отчетъ главноуполномоченнаго Общества попеченія о раненыхъ
и больныхъ воинахъ. Н. Абаза. Т. I. 1880 г.**

Съ окончанія послѣдней войны съ Турціею прошло уже достаточно времени, чтобы страстное настроеніе, обязанное съ одной стороны—нашимъ успѣхамъ, а съ другой—неудачамъ, смѣнилось спокойнымъ отношеніемъ къ дѣлу,

¹⁾ Кстати замѣтимъ, что г. Пясецкій, перепечатывая эти „точные факты“ въ фельетонѣ „Голоса“, нѣсколько измѣняетъ свое показаніе на счетъ трусости китайскихъ офицеровъ, говоря, что они не осмѣливаются оставаться вблизи орудій уже на сто шаговъ.

которое открывало бы возможность фактическому, документальному изложению всего хода пережитых событий. Какія бы мрачныя страницы ни представляли собою летописи этихъ событий, онѣ, безъ сомнѣнія, послужатъ намъ лишь урокомъ для будущаго, и чѣмъ ближе и внимательнѣе мы вникнемъ въ указанія недавно пережитаго опыта, тѣмъ болѣе будетъ гарантія, что онѣ не пропадутъ безслѣдно для насъ. Вышеприведенный отчетъ бывшаго главноуполномоченнаго „Краснаго Креста“ въ тылу арміи, Н. С. Абазы, принадлежитъ именно къ такого рода поучительнымъ изслѣдованіямъ. Въ этомъ отчетѣ г. Абаза старается выяснитъ, на основаніи документовъ, при какихъ обстоятельствахъ слагалась дѣятельность „Краснаго Креста“ въ тылу арміи, почему она приняла тотъ, а не другой характеръ, насколько она соотвѣтствовала прямой своей задачѣ—облегчать страданія доблестныхъ жертвъ войны. Фактическое изложеніе всего хода дѣла, точныя цифры и итоги, сами собою объясняютъ многое изъ того, что казалось непонятнымъ въ самый разгаръ войны—осенью 1877 года.

Главная дѣятельность уполномоченнаго первоначально сосредоточивалась въ Кишиневѣ, затѣмъ перенесена была въ Яссы, откуда, послѣ Санъ-Стефанскаго договора, весною 1878 года, перешла въ Бендеры. Г. Абаза шагъ за шагомъ слѣдитъ за этой дѣятельностью, не упуская изъ виду ни малѣйшей подробности и обрисовывая въ яркихъ чертахъ неудачи и трудности, съ которыми приходилось бороться „Красному Кресту“ въ районѣ, состоявшемъ въ вѣдѣніи автора. Существенное затрудненіе встрѣтилось на верхахъ же порахъ дѣятельности „Краснаго Креста“ въ недостаткѣ средствъ: для выполнения программы, которую предстояло ему провести, требовалась сумма въ 1.350,000 р., тогда какъ въ кассѣ главнаго управленія имѣлось всего полтора ста тысячъ. Субсидія отъ военнаго министерства сразу подорвала независимость дѣйствій „Краснаго Креста“. Ему предоставлялась широкая дѣятельность за чертою территоріи, объявленной на военномъ положеніи, и только совершенно пассивная при дѣйствующей арміи. На обязанности „Краснаго Креста“ лежало дополнительное снабженіе военныхъ госпиталей, доставленіе сестеръ милосердія и санитарной прислуги въ тѣ же госпитали, и устройство собственныхъ транспортныхъ средствъ. Организация же столь необходимыхъ подвижныхъ лазаретовъ „Краснаго Креста“ вблизи театра войны, пріютовъ для выздоравливающихъ, этаповъ по эвакуаціонному пути, перевязочныхъ отрядовъ для подбѣранія съ полей сраженій тяжело раненныхъ и подаванія имъ первоначальной помощи—допущено не было. Все это устроилось послѣдствіемъ силою обстоятельствъ, вопреки этому запрету. Но какъ устроилось и сколько было упущено дорогаго времени! Въ этомъ отношеніи особая заслуга почти во все время войны оказалъ ясскій эвакуаціонный баракъ, который въ теченіе своей четырнадцатимѣсячной многотрудной дѣятельности былъ единственнымъ мѣстомъ спасенія для больныхъ и раненыхъ воиновъ. Не будь этого барака, трудно было бы представить себѣ, что стало бы съ страшною массою раненыхъ и больныхъ при недостаткѣ транспортныхъ средствъ, воспрещеніи отправлять больныхъ въ воинскихъ поѣздахъ и крайне сложной системѣ эвакуаціи. Баракъ былъ невообразимо переполненъ; въ немъ буквально не было свободнаго мѣстечка. Вездѣ, гдѣ только возможно было помѣститься—на кроватяхъ, въ проходахъ между ними, на платформахъ барака, на площадкахъ лежали, сидѣли, стояли раненые и больные. Всѣ прибывавшіе не только нигдѣ еще не подвергались госпитальному леченію, но многіе изъ нихъ со времени раненія были перевязаны едва лишь одинъ или два раза. Больные прибывали не только безъ списковъ, но „часто даже поѣздной офицеръ или врачъ не зналъ и точнаго числа привезенныхъ людей. При осмотрѣ такихъ поѣздовъ, врачамъ нѣрѣдко случалось наталкиваться въ вагонѣ для сидячихъ на раненаго съ раздробленнымъ переломомъ плеча или предплечья, неуврѣпленнаго никакою подвижною повязкою или же только мягкимъ размокшимъ картономъ“. Самыя отчаянныя телеграммы, посылавшіяся въ разныя мѣста о доставленіи вагоновъ, приносили

мало пользы. Скопление на пунктѣ доходило до того, что въ одну ночь ночевали 2,704 человека, въ теченіе слѣдующаго дня еще прибыло 1,511 человекъ и изъ всего этого числа осталось на пунктѣ 3,518 чел., къ которымъ на другой день присоединились вновь прибывшіе больные, такъ что 17-го сентября 1877 г. цифра скопившихся на пунктѣ раненыхъ и больныхъ превышала четыре тысячи человекъ. И на всю эту массу людей ни откуда, кромѣ источниковъ общественной благотворительности, ни одной рубашки, ни одного бинта. „Мы“, говоритъ г. Абаза,—ни на кого не сѣтуемъ, а объясняемъ. Персоналъ барака работалъ до изнеможенія и, благодаря лишь крайне напряженнымъ и добросовѣстнымъ трудамъ его, былъ достигнутъ тотъ важный результатъ, что ни одинъ раненый не прошелъ черезъ Ясскій пунктъ, не бывъ накормленнымъ, осмотрѣннымъ и перевязаннымъ. Это былъ истинный подвигъ всего персонала“. Съ особенною признательностью г. Абаза говоритъ о качествахъ сестеръ милосердія, работавшихъ при эвакуаціонномъ баракѣ и въ другихъ врачебныхъ учрежденіяхъ района. „Онѣ явили свое необыкновенное самоотверженіе; онѣ не дѣлали различія между страждущими, будь они русскіе или турки, все пользовались одинаково заботливымъ уходомъ. Задыхаясь въ вонючей и пропитанной миазмами атмосферѣ, онѣ всѣми возможными мѣрами старались облегчить страданія несчастныхъ плѣнныхъ; но за то и дорого же онѣ заплатились за свой великій подвигъ христіанскаго человеколюбія: 60 сестеръ заразились тифомъ и четыре изъ нихъ лишились жизни“.

Мы не имѣемъ возможности изложить хотя бы въ общихъ чертахъ всю исторію организаціи частной помощи въ тылу арміи, ея учреждений и дѣятельности района, картинно представленную въ отчетѣ г. Абазы. Однакоже недостатокъ мѣста пренятствуетъ намъ передать содержаніе весьма любопытной главы (VII-й) въ отчетѣ, посвященной обстоятельному изложенію транспортировки больныхъ и раненыхъ военнопленныхъ турокъ и развитію тифозной эпидеміи, какъ слѣдствію этой транспортировки. Достаточно сказать, что въ книгѣ г. Абазы весь ходъ дѣла изложенъ документально, точно и правдиво. Рядъ приведенныхъ въ книгѣ документовъ и цифровыхъ данныхъ позволяетъ судить о цѣлесообразности распоряженій, произведенныхъ затратъ, и составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о дѣлѣ, возбуждавшемъ въ свое время столько различныхъ толковъ и противоположныхъ сужденій.

Чтобы судить о научномъ значеніи разсматриваемаго отчета, который, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣненъ по достоинству специалистами, мы перечислимъ только санитарно-статистическія таблицы, тщательно составленныя на основаніи данныхъ, какія собраны главноуполномоченнымъ о дѣятельности „Краснаго Креста“ въ районѣ, находившемся въ его вѣдѣніи. Къ такого рода матеріаламъ принадлежатъ таблицы, показывающія число всехъ вообще прибывшихъ въ Яссы и отправленныхъ изъ Яссы поѣздовъ и партій съ больными и ранеными со дня открытія барака до конца эвакуаціи; таблица дѣятельности узкоколейныхъ и ширококолейныхъ санитарныхъ поѣздовъ, изъ которыхъ видно, что санитарные поѣзды вывели въ предѣлы имперіи лишь одну третью часть всего числа раненыхъ и больныхъ, остальные же двѣ трети достались на долю случайныхъ транспортныхъ средствъ. Далѣе подробно вычислены расходы на эвакуацію, общее движеніе раненыхъ и больныхъ черезъ Ясскій баракъ съ 21 іюля 1877 и по 15 августа 1878 г., составлена таблица движенія турокъ черезъ Ясскій пунктъ, поименованы употреблявшіяся перевозочныя средства и группы болѣзней. Но особенно полный отчетъ о распредѣленіи по времени прибытія и отправленія всехъ перешедшихъ черезъ Яссы раненыхъ и больныхъ, по родамъ болѣзней и по званіямъ, представленъ въ превосходно исполненной диаграммѣ. Нельзя не признать, что сравнительныя цифры раненыхъ и больныхъ, оказавшихся способными къ дальнѣйшей транспортировкѣ, имѣютъ первостепенное значеніе, какъ одна изъ важнѣйшихъ основъ, на которыхъ могутъ быть построены проекты организаціи частной помощи и всего военно-

врачебнаго дѣла во время войны. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть также и рисункахъ, иллюстрирующихъ данныя отчета г. Абазы, каковы, напримѣръ, схематическое изображеніе порядка доставленія врачебными заведеніями свѣдѣній о свободныхъ больничныхъ мѣстахъ, наглядно показывающее сложность практиковавшейся системы.

Ө. В.

Дѣятельность Археографической Коммиссіи въ царствованіе Государя Императора Александра II. Спб. 1880 г.

Дѣятельность Общества Любителей Древней Письменности. Спб. 1880 г.

Вышеприведенныя брошюры содержатъ въ себѣ отчеты о дѣятельности двухъ учено-издательскихъ корпорацій, составленные по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея нынѣшняго царствованія. Обѣ корпораціи преслѣдуютъ однородныя цѣли, издавая старинныя памятники отечественнаго бытописанія, хотя существенная разница между ними та, что Археографическая Коммиссія—учрежденіе официальное, основанное еще въ 1834 году, а Общество Любителей Древней Письменности возникло по частному почину и существуетъ всего три года, всецѣло на частныя средства. сверхъ того, Общество имѣетъ въ виду главнымъ образомъ собраніе, сохраненіе и приведеніе въ подлинную извѣстность письменныхъ памятниковъ древней Россіи, а Коммиссія, при обнаруженіи этихъ памятниковъ, преслѣдуетъ преимущественно строгаго ученая цѣли, занимаясь критической разработкой своихъ изданій. Такимъ образомъ дѣятельность одного учрежденія облегчается и дополняется другимъ, и потому сопоставленіе результатовъ этой дѣятельности обѣихъ корпорацій мы считаемъ вполне умѣстнымъ. Особое вниманіе Археографическая Коммиссія, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, обратила на изданія памятниковъ XVI и XVII вѣковъ, доселѣ почти нетронутыхъ.

Расширеніе предѣловъ Московскаго государства, внѣшнія сношенія по дѣламъ политическимъ и торговымъ, а также вслѣдствіе потребностей образованія, всѣ отрасли государственнаго управленія, дѣла церковныя, разнообразныя черты народныхъ нравовъ и обычаевъ—таково богатое содержаніе тѣхъ изданій Археографической Коммиссіи, которыя заключаютъ въ себѣ собственно русскіе историческіе акты изъ второй половины XVII вѣка. Письменные памятники политическаго развитія русскаго государства наиболѣе, значить, занимаютъ Коммиссію. Общество Любителей Древней Письменности, съ самаго основанія своего, также обратило преимущественное вниманіе на памятники XVI—XVII столѣтій. Но оно остановилось главнымъ образомъ на памятникахъ внутренней бытовой жизни и народной словесности. Изъ юбилейнаго отчета видно, что въ числѣ выпущенныхъ изданій Общества выдающееся мѣсто занимаютъ „житія святыхъ“, особенно русскихъ,—одинъ изъ наиболѣе обширныхъ отдѣловъ древне-русской письменности, означеннаго періода. Если Археографическая Коммиссія снискала себѣ славу изданіемъ лѣтописей, то Обществу предстоитъ, судя по первымъ шагамъ его дѣятельности, составить почетное имя изданіемъ „Житій“, которыя служатъ дополненіемъ и распространеніемъ лѣтописей, прибавляя къ крупнымъ историческимъ фактамъ множество подробностей изъ частной жизни набожныхъ и благочестивыхъ людей древней Россіи. Не ограничиваясь изданіемъ самыхъ памятниковъ по отдѣлу житій святыхъ, Общество заботилось составленіемъ сборнаго каталога рукописей, въ которыхъ помѣщены „житія русскихъ святыхъ“, и въ настоящее время уже располагаетъ такимъ каталогомъ, представляющимъ результаты тщательныхъ изысканій одного изъ его членовъ-корреспондентовъ въ московскихъ

патріаршей бібліотекъ, Чудовъ монастырѣ, въ публичномъ музеѣ, главномъ архивѣ мѣнистерства иностранныхъ дѣлъ, въ типографской бібліотекѣ, въ епархіальной бібліотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ и въ наиболѣе извѣстныхъ частныхъ бібліотекахъ, не говоря уже о собранныхъ въ катологѣ свѣдѣній изъ описаній рукописей, приведенныхъ въ извѣстность, въ московской синодальной, императорской публичной бібліотекѣ, въ бібліотекахъ Троице-Сергіевской лавры, Соловецкаго монастыря и академіи наукъ. Трудъ весьма кропотливый и, какъ справочный, не только полезный, но и необходимый для издательскихъ цѣлей Общества.

Но выборомъ упомянутыхъ памятниковъ не ограничивается дѣятельность Общества Любителей Древней Письменности, расширяющая поле научныхъ изслѣдованій въ области отечественнаго бытописанія, которую разрабатываетъ Археографическая Коммиссія. Какъ эта послѣдняя посвятила особая изданія актомъ, относящимся къ исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей нашего отечества, такъ и Общество повидному придаетъ важное значеніе литературнымъ памятникамъ родной старины, въ которыхъ нашелъ себѣ выраженіе элементъ мѣстный. Сюда принадлежатъ, между прочимъ, издаваемые Обществомъ повѣствованія о мѣстныхъ святыняхъ Русской земли, вмѣстѣ съ выраженіемъ религіознаго настроенія народа, отражающія въ себѣ цѣлые политическіе моменты народной жизни, не говоря уже о зачастую встрѣчающихся элементахъ народной поэзіи.

Но весьма отрадная черта въ дѣятельности обихъ разсматриваемыхъ учреждений и особенно въ дѣятельности Общества Древней Письменности, это—стремленіе, помимо служенія дѣлу чистой науки, не забывать и о потребностяхъ современнаго общества въ изученіи своего прошлаго. Мы позволяемъ себѣ думать даже, что самая жизненность и плодотворность учрежденія, ставшаго посредникомъ между наукою и обществомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ отечественною древностью и стариною, въ значительной степени обуславливается его вниманіемъ къ запросамъ, какіе предъявляются жизнью историческому изученію. Чуждаясь же этихъ запросовъ, учено-издательская, какъ и всякая дѣятельность на пользу общественную, скоро превращается въ бесплодное гелертерство и мертвящую работу буквоѣдства, все болѣе, по мѣрѣ удаленія отъ жизни, сужающую кругъ своего вліянія и значенія. Безъ всякой почвы для дальнѣйшаго развитія, результаты такой дѣятельности перестаютъ быть предметомъ живого интереса, отчего, безъ сомнѣнія, самая наука становится чѣмъ-то кастильнымъ, доступной развѣ немногимъ единичнымъ личностямъ, на подобіе мудрости вудесниковъ и кабалистическихъ гаданій жрецовъ. Вотъ почему всякая отзывчивость на требованія окружающей дѣйствительности, въ предѣлахъ, конечно, такой специальности служить доказательствомъ ея силы и значенія, а слѣдовательно и залогомъ ея прочнаго существованія и развитія.

Съ этой точки зрѣнія небезынтересно отмѣтить въ дѣятельности Археологической Коммиссіи фактъ, свидѣтельствующій о плодотворности такого отношенія къ дѣлу ея специальности. Впервые извлеки изъ отечественныхъ архивовъ богатый запасъ актовъ, представляющихъ въ истинномъ свѣтѣ исторію западной и южной Руси въ тотъ періодъ, когда она явилась яблокомъ раздора между Россіей и Польшей,—Коммиссія возвысила и свой голосъ въ тотъ еще недавно пережитый нашимъ отечествомъ историческій моментъ, когда, подъ вліяніемъ польскихъ смутъ, въ западной Европѣ распространились совершенно ложные въ историческомъ и этнографическомъ смыслѣ свѣдѣнія о западной Руси. Изданные Коммиссіею въ 1865 году документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ Польшѣ, съ переводомъ на французскій языкъ, должны были содѣйствовать разсѣянію этихъ заблужденій и, дѣйствительно, составляютъ важное и надежное пособие для правильного пониманія даннаго вопроса.

Документальный материал, какимъ располагаетъ Общество Любителей Древней Письменности для своихъ изданій, не имѣетъ такого близкаго и осязательнаго отношенія къ вопросамъ дня, какое могутъ имѣть, напримѣръ, акты по русской дипломатикѣ, и потому издательская дѣятельность Общества повидимому далека отъ жизненныхъ интересовъ современной дѣятельности. Но, служа, такъ сказать, отдаленнымъ цѣлямъ русскаго общественнаго образованія на прочныхъ основахъ безпристрастнаго изученія нашего прошлаго, дѣятельность эта все таки является весьма плодотворной и жизненной. Такъ, Общество, избирая списки рукописей для изданія по преимуществу лицевые, имѣетъ въ виду не только раскрыть собственные родные источники для изученія древне-русскаго искусства и нашего умственнаго развитія, но и способствовать разрѣшенію весьма важнаго вопроса объ оригинальной дѣятельности русскаго народа въ сказанной области. Сверхъ того, наряду съ памятниками старинной русской живописи, вниманіе Общества обращено и на неразработанное богатство русскихъ рукописей по древней музыкѣ. Помимо научнаго, историческаго интереса, общаго для всей Европы, отъ цѣлесообразной разработки русскихъ музыкальныхъ сокровищъ зависитъ наше самобытное музыкальное развитіе. Задача Общества въ настоящемъ случаѣ, конечно, не имѣетъ въ виду замѣны господствующей теоріи устарѣлой. Оно старается содѣйствовать собранію матеріаловъ для изученія древне-русской музыки, въ котораго русское искусство не можетъ занимать самодѣтельнаго положенія въ музыкальномъ мірѣ и, слѣдовательно, въ этой области русскіе люди не могутъ быть довольны сами собою. Наконецъ, существенная и, бесспорно, жизненная цѣль, преслѣдуемая Обществомъ, выражается изданіями такихъ памятниковъ, которые имѣли бы непосредственный интересъ для русской школы и ея дѣятелей.

Сопоставляя дѣятельность Общества Древней Письменности и Археографической Коммисіи, мы не перечисляемъ всѣхъ изданій, ими обнаруженныхъ въ каждой изъ вышеупомянутыхъ областей историко-литературнаго вѣдѣнія. Въ этомъ мы не видимъ нужды, такъ какъ специалисты знаютъ о нихъ и безъ насъ, а общеобразованному читателю одни названія не представляютъ рѣшительно никакого интереса. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы указать направление, въ какомъ дѣйствуютъ обѣ учено-издательскія корпораціи, и намѣтить существенныя черты въ ихъ дѣятельности, служація къ ея упроченію и расширенію. Оба учрежденія, какъ мы видѣли, служатъ одному общему дѣлу, содѣйствуя ознакомленію русскихъ людей съ историческимъ прошлымъ Россіи на основаніи документальныхъ данныхъ. Оба они взаимно помогаютъ одно другому и взаимно облегчаютъ достиженіе этой цѣли. И потому то нельзя не пожелать, чтобы это взаимодѣйствіе росло, крѣпло и развивалось непрерывно, поддерживая въ русскомъ обществѣ интересъ къ историческому изученію и отзываясь на требованія современной жизни.

Ө. В.

Записки Петра Андреевича Каратыгина, изданныя сыномъ покойнаго, П. П. Каратыгинымъ. Спб. 1880 г.

Мы такъ не богаты матеріалами для исторіи русскаго театра, что должны дорожить всякимъ новымъ приобрѣтеніемъ по этому предмету. Въ особенности важны въ такомъ отношеніи указанія людей, которые близко стояли къ дѣлу и съ любовью къ искусству соединяли наблюдательность и безпристрастіе. Не только фактическая сторона дѣятельности нашихъ театровъ, но даже анекдотическіе рассказы артистовъ и театраловъ важны тѣмъ, что выясняютъ и положеніе нашего драматическаго искусства, и отношеніе къ нему общества,

и слѣдовательно характеризуютъ наше развитіе въ данную эпоху. Исторія театра во многомъ соприкасается съ исторіею самого общества. Вотъ почему нельзя было не обратить вниманія на записки П. А. Каратыгина, который болѣе полустолѣтія провелъ на столичной сценѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ ея дѣятелей, пережилъ различныя эпохи въ нашемъ театральномъ мірѣ, отличался обширными связями въ аристократическихъ и литературныхъ кружкахъ, былъ одаренъ бойкимъ и наблюдательнымъ умомъ, горячо любилъ и тонко понималъ искусство. И тѣмъ болѣе можно было ожидать интереса отъ воспоминаній этого человѣка, что онъ по рожденію принадлежитъ къ артистической семьѣ, въ которой хранилось много сценическихъ преданій, получилъ образованіе въ театральной школѣ, самъ былъ драматическимъ писателемъ и до самыхъ преклонныхъ лѣтъ не покидалъ страстно любимой сцены.

И дѣйствительно, записки П. А. Каратыгина, съ которыми наша публика отчасти познакомилась уже по выдержкамъ, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“, представляютъ цѣнный вкладъ для нашей литературы и исторіи русскаго театра. Не смотря на то, что покойный артистъ писалъ свои мемуары въ недавніе годы и слѣдовательно большею частію по воспоминаніямъ, это не повредило ихъ полнотѣ и не повліяло на ихъ правдивость. Кто знаетъ, какой богатой памятью одаренъ былъ П. А. Каратыгинъ, и въ какой степени дорожилъ онъ правдою, тотъ насколько не усомнится въ вѣрности не только сообщаемыхъ въ мемуарахъ его фактовъ и характеристикъ, но и приводимыхъ авторомъ разговоровъ, отзывовъ и замѣчаній тѣхъ или другихъ извѣстныхъ лицъ.

Каратыгинъ начинаетъ свои записки семейными воспоминаніями и при этомъ приводитъ много интересныхъ свѣдѣній, слышанныхъ имъ отъ родныхъ. Таковы, напримѣръ, рассказъ его о постановкѣ на Эрмитажномъ театрѣ исторической драмы императрицы Екатерины II „Олегово управленіе“, въ которой участвовала мать нашего артиста. Такъ же интересенъ рассказъ его о томъ, какъ въ 1812 году французская труппа разыгрывала въ Петербургѣ переведенную къъ-то на французскій языкъ трагедію Озерова „Дмитрій Донской“, въ которой, какъ извѣстно, было много намековъ на тогдашнія политическія событія, и русская публика сравнивала походъ Наполеона съ нашествіемъ Мамай. Личныя воспоминанія автора становятся полнѣе съ поступленіемъ его въ театральную школу. Тутъ онъ рисуетъ живые портреты тогдашнихъ театральныхъ дѣятелей—балетмейстера Дидло, капельмейстера Кавоса, актера А. С. Яковлева, извѣстныхъ театраловъ: Катенина, Ф. Ф. Кокоскина, князя Шаховского, знаменитой К. С. Семеновы. Подробно описываетъ онъ дебюты своего брата Василія Андреевича, свой выходъ изъ школы и первые шаги и успѣхи на сценѣ. Такъ же любопытны рассказы его о Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, графѣ Милорадовичѣ, извѣстномъ декабристѣ Якубовичѣ. П. А. Каратыгинъ, въ продолженіе своей полувѣковой сценической дѣятельности, знаетъ болѣе или менѣе коротко всѣхъ, сколько нибудь выдающихся артистовъ петербургской труппы и всѣхъ знаменитостей, наѣзжавшихъ въ столицу изъ Москвы и изъ-за границы, и передаетъ не только свои личныя сужденія о нихъ, но и много характерныхъ подробностей о ихъ игрѣ, о приемѣ ихъ публикой, а также разные случаи и анекдоты изъ театрального и закулиснаго міра. Къ сожалѣнію записки не доведены до пріѣзда въ Петербургъ знаменитой Рашели, о которой, сколько мы знаемъ, покойный любилъ вспоминать съ особеннымъ удовольствіемъ.

Слѣдуетъ прибавить, что воспоминанія П. А. Каратыгина не ограничиваются одною сценой и могутъ интересовать не однихъ театраловъ. Вмѣстѣ съ замѣтками о театрѣ, артистахъ и литературныхъ знакомствахъ, въ запискахъ его много другихъ рассказовъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе или былъ очевидцемъ. Читатели найдутъ въ книжкѣ его описаніе извѣстной карусели 1816 года въ Павловскѣ, петербургскаго наводненія 1824 г., тревож-

наго дня 14 декабря 1825 г., приѣзда Хозрева-мирзы въ Петербургъ и проч. Все это связано въ запискахъ съ разными анекдотическими случаями, которыми успѣлъ подмѣтить наблюдательный артистъ. При этомъ, нельзя не замѣтить, что врожденный комическій талантъ, доставившій ему почетную извѣстность, какъ актеру, и выразившійся въ его комедіяхъ и водевиляхъ, преобладаетъ и въ его мемуарахъ: онъ умѣетъ найти въ предметѣ смѣшную сторону, подмѣтить забавное положеніе, схватить тонкую комическую черту. Нѣкоторые упрекаютъ Каратыгина за излишнее и не всегда натуральное остроуміе, за неумѣренную игру словами и страсть къ каламбурамъ. На самомъ дѣлѣ упрекъ этотъ не справедливъ: если мѣстами остроуміе артиста и кажется нѣсколько утомительнымъ, то во всякомъ случаѣ оно было не искусственнымъ, а прирожденнымъ оригинальному складу его ума. Кто зналъ покойнаго П. А. Каратыгина, тому конечно извѣстно, что онъ въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ отличался тѣмъ же самымъ юморомъ и замѣчательной способностью къ каламбурамъ. Много бойкихъ выраженій и острогъ его сохранилось въ памяти его друзей.

Чтобы показать читателямъ, незнакомымъ еще съ записками П. А. Каратыгина, какъ интересны его воспоминанія, мы позволимъ себѣ привести одинъ изъ рассказовъ, характеризующій положеніе актера передъ начальствомъ и показывающій, какія страшныя драмы разыгрываютъ иногда на театральномъ сценѣ, помимо самой пьесы. Вотъ что случилось въ Москвѣ, во время приѣзда туда К. С. Семеновой. Для перваго выхода ея назначена была трагедія „Семирамида“, и за нѣсколько дней до представленія всѣ билеты были разобраны. „Наканунѣ спектакля актеръ Кондаковъ, который занималъ въ этой трагедіи роль Ассура, сильно захворалъ. Черезъ великую силу онъ кое-какъ пришелъ однако поутру на репетицію и предупреждалъ режиссера, чтобы онъ на всякій случай принялъ какія-нибудь мѣры, потому что онъ играть, кажется, не въ состояніи. Режиссеръ бросился къ директору съ этимъ неприятнымъ извѣстіемъ. Директоромъ московскаго театра былъ тогда Майковъ; онъ немедленно приѣхалъ въ театръ взбѣшенный и не хотѣлъ слышать никакихъ отговорокъ; отмѣнить такой интересный спектакль, котораго ждетъ половина Москвы, онъ ни за что не соглашался. Призвали доктора. Театральный эскулапъ пощупалъ пульсъ у больного, прописалъ ему что-то и сказалъ, что онъ ничего особенно важнаго не предвидитъ и полагаетъ, что къ вечеру больной поправится; Майковъ съ своей стороны пугнулъ бѣднику и далъ ему замѣтить, что если изъ за его ничтожной болѣзни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозилъ отставить его отъ службы. Нечего дѣлать! Бѣдный Кондаковъ былъ человѣкъ пожилой, семьянинъ, запуганный, скромный по природѣ, хотя и изображалъ на сценѣ классическихъ злодѣевъ; онъ покорился необходимости: кое-какъ окончилъ репетицію, вечеромъ явился въ театръ, облачился въ мишурную хламиду, и какъ гладіаторъ пошелъ на смертную арену, по приказанію начальства. Первый актъ прошелъ благополучно, но во второмъ актѣ, въ сценѣ съ Семирамидой, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни... онъ сталъ... и упалъ мертвый къ ея ногамъ! Завѣсу опустили; публика поднялась... изъ за кулисъ всѣ бросились къ нему, но онъ уже окончилъ свою земную драму... апоплексическій ударъ былъ слѣдствіемъ его болѣзни“. Публику извѣстили, что по болѣзни актера Кондакова спектакль не можетъ быть оконченъ, но нашлись и такіе господа, которые думали, что покойный просто былъ пьянъ.

При запискахъ П. А. Каратыгина приложенъ списокъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ его, съ 1830 по 1879 годъ. Всѣхъ ихъ шестьдесятъ восемь. Жаль, что издатель поспешилъ приложить къ книжкѣ портретъ покойнаго артиста, за что безъ сомнѣнія многие были бы очень благодарны.

А. М.

Всеобщая история литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ, подъ редакціей В. Ѡ. Корша. Спб. 1880 г., выпуски 1, 2 и 3 (стр. 480).

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ уже къ самому предпріятію подобнаго труда — перваго у насъ въ своемъ родѣ (если не считать переводныхъ). Но трудность предпріятія должна заранѣе подготавливать и снисхожденіе къ неизбѣжнымъ тутъ слабымъ сторонамъ.

Почтенный редакторъ во вступительной статьѣ отстаиваетъ важность историко-литературныхъ вопросовъ въ наше время, „рѣшительнаго, подавляющаго преобладанія матеріальныхъ, промышленныхъ интересовъ“ въ жизни и „полнаго господства естественныхъ наукъ“ въ теоріи.

Вполнѣ признавая всю важность и въ настоящемъ и въ будущемъ химическихъ и физиологическихъ изслѣдованій, редакція полагаетъ однакожь, что „то цѣльное органическое существо... которое называется человѣкомъ, не можетъ жить умственно и нравственно безъ вдохновенія, безъ идеаловъ, безъ отвлеченныхъ задачъ, безъ готовности трудиться и жертвовать собою для великихъ цѣлей будущаго“. Въ этомъ сказывается тотъ идеализмъ сороковыхъ годовъ, который совершенно напрасно собирался было у насъ сдать въ архивъ. „Все великое, все движущее, все обновляющее въ исторіи человѣческаго развитія, умно и тепло продолжаетъ редакція, создано не однимъ только разсудкомъ, но совокупнымъ напряженіемъ и дѣятельностью всѣхъ природныхъ способностей человѣка... Этнмъ-то цѣльнымъ человѣкомъ и занимается литература“... Мы видимъ тутъ вполнѣ вѣрно по своей шпротѣ обоснованіе образовательнаго значенія литературы и ея изученія. Что касается исторіи литературы, то сущность ея не менѣе вѣрно и опредѣлительно усматривается редакціею въ томъ, что она „излагаетъ процессъ нарожденія, развитія, упадка и обновленія умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ идеаловъ человѣчества, по скольку они выражаются въ словѣ“. Но почтенная редакція далека отъ наклонности преувеличивать значеніе литературы до той, такъ сказать, чудодѣйственности, признаніе которой сказывается нерѣдко и въ современныхъ трудахъ, на ряду съ другими, также не всегда сразу замѣчаемыми фактами умственнаго „переживанія“ (survival). „Внимательное изученіе исторіи литературы неизбѣжно приводитъ къ тому общему выводу, что... не она является причиной политическихъ и социальныхъ переворотовъ, пережитыхъ народами въ разное время... Литература всегда была по преимуществу выразительницей такихъ идей и стремленій, которыя уже существовали и жили въ обществѣ и которыя только выяснялись ею въ художественныхъ образахъ или теоретическихъ изслѣдованіяхъ“.

При такой дѣльности основнаго взгляда редакціи, странностью представляется то, что ей показалось нужнымъ доказывать кому-то, какъ важно для европейскаго народа (какимъ являемся и мы) не быть оторваннымъ отъ того, что „сказано и сдѣлано до него другими историческими народами“ (т. е. тѣми же европейскими по преимуществу). „Эту-то преемственность и солидарность (говорится далѣе), которую могутъ отвергать только близорукіе или усталые умы, ищущіе покоя на лонѣ мнимо-народной самобытности, мы и намѣрены прослѣдить въ нашемъ историческомъ трудѣ“. Желая редакціи полнаго успѣха, можно предостеречь ее отъ дальнѣйшей излишней затраты силъ на борьбу съ вѣтряными мельницами. Тѣ „ищущіе покоя на лонѣ мнимо-народной самобытности“, на которыхъ она намекаетъ, давно и цѣняютъ и изучаютъ литературу, какъ и историческую жизнь, не только своего, но и другихъ народовъ, хотя и не дѣлаютъ прозвище „историческихъ“ какою-то монополіею для народовъ собственно европейскихъ (Хомяковъ въ свою всемірную

исторію включилъ въ самое дѣлѣ весь міръ). Они желаютъ только своему народу занять во всемірномъ пантеонѣ вполне самостоятельное мѣсто.

„Предлагаемый трудъ не есть учебникъ, поясняетъ редакція. Ни размѣры его, ни принятый нами способъ изложенія не отвѣчаютъ такому назначенію. Мы назначаемъ его для общаго чтенія“. Въ этомъ смыслѣ на самомъ дѣлѣ задуманы и выполнены первыя три главы, принадлежащія самому редактору: 1) языкъ, какъ явленіе природы и орудіе литературы, 2) происхожденіе и исторія письменности, 3) общіе законы историческаго развитія литературъ: авторъ добросовѣстно изучилъ литературу предмета и живо передалъ ея итогъ. Казалось бы только, что, не будучи самъ специалистомъ въ языковѣдѣніи, онъ могъ бы остаться болѣе объективнымъ относительно борющихся въ немъ направленій. Между тѣмъ, въ самое заглавіе 2-го отдѣла главы о языкѣ включено имъ категорическое заявленіе: „вѣрная постановка вопроса принадлежитъ филологамъ-реалистамъ“. На самомъ же дѣлѣ нѣкоторыя изъ возраженій съ ихъ стороны Максу Мюллеру, передаваемыхъ г. Коршемъ, могутъ представиться шаткими и не довольно продуманными. Что касается главы объ общихъ законахъ развитія литературы, то при всей удовлетворительности ея изложенія, лучше бы было обойтись безъ нея: законы развитія не должны подаваться впередъ. Къ уразумѣнію ихъ читатель долженъ быть приводимъ постепенно, по мѣрѣ ознакомленія его съ фактической стороною литературы. Конечно, этому мѣшаетъ то, что разбираемый трудъ принадлежитъ не одному лицу, а многими. Слѣдуетъ на столько, чтобы изъ совокупной работы получилась въ видѣ конечнаго итога стройная система законовъ литературнаго развитія, было бы очень мудро. Но участіе въ трудѣ разныхъ рукъ представляетъ и другія неудобства. Не всѣ участники одинаково способны писать такъ, чтобы выходилъ „не учебникъ, а книга для общаго чтенія“, популярная, но въ то же время научно-обоснованная. Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ изъ отдѣловъ труда, вошедшихъ уже въ появившіеся выпуски, нельзя признать ни научной удовлетворительности и полноты, ни живости общедоступнаго изложенія. Они и мало даютъ и скучны. А между тѣмъ, въ числѣ сотрудниковъ есть имена, пользующіяся заслуженною извѣстностью. Санскритская литература изложена И. П. Минаевымъ, иранская—К. Г. Залеманомъ, египетская и ассирійско-вавилонская—Эд. Мейеромъ, еврейская литература—И. С. Якимовымъ, китайская излагается В. П. Васильевымъ. Последняя только начата въ 3 вып. (все же раньше, чѣмъ можно было ожидать по вступительной статьѣ редакціи, думавшей, что ей придется издать работу нашего знаменитаго синолога отдѣльнымъ дополнительнымъ выпускомъ). Изъ того, что пока напечатано, можно заключить только, что свой обзоръ китайской литературы проф. Васильевъ задумалъ довольно широко и что онъ будетъ имъ выполненъ совершенно самостоятельно, исключительно по источникамъ. Вкладомъ въ науку трудъ этотъ несомнѣнно будетъ; увидимъ потомъ, будетъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ для „общаго чтенія“. Наиболѣе удовлетворительными въ смыслѣ и научности, и популярности, представляются въ вышедшихъ выпускахъ работы Эд. Мейера (иностранныя ученаго) и проф. Якимова. Жаль только, что у послѣдняго въ его довольно живомъ изложеніи еврейской литературы замѣчается подчасъ смѣшеніе историко-литературнаго съ историческимъ вообще.

Въ слѣдующихъ выпускахъ должны появиться труды самого редактора, В. И. Модестова, А. И. Кирпичникова, бар. В. Р. Розена, А. Я. Гаркани и молодого добросовѣстнаго ученаго П. О. Морозова. Жаль, что въ числѣ столькихъ почтенныхъ именъ не встрѣчается Александра и Алексѣя Николаевичей Веселовскихъ. Оба были бы тутъ на своемъ мѣстѣ. Пожелаемъ читателямъ встрѣтить въ дальнѣйшихъ выпускахъ усиленіе интереса—зависающее не только отъ самаго предмета, но и отъ изложенія.

Ор. Миллеръ.

Историческія сочиненія В. Стоюнина. Часть 1. Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Мы имѣемъ право, судя по такому заглавію, ожидать отъ автора дѣлаго ряда подобныхъ монографій. Нельзя не порадоваться этому, если все онѣ будутъ также дѣльно и живо написаны, какъ перепечатанная въ 1 ч. монографія о Шишковѣ, сперва появившаяся въ „Вѣстникѣ Европы“. Тотъ, про кого сказали Пушкинъ:

Сей старецъ дорогъ намъ;—онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года

конечно, заслуживалъ добросовѣстнаго изученія и въ самомъ дѣлѣ дождался его отъ г. Стоюнина. По своему умный и честный чудакъ-литераторъ и администраторъ, Шишковъ поставленъ у него на чисто историческую почву и мѣткими чертами обособленъ, какъ своеобразная личность, отъ разношерстной плеяды александровскихъ знаменитостей. И вся вообще эпоха со всеми холодами зарядами своего либерализма, предвозвѣщавшими заранѣе Аракчеевыхъ, Магницкихъ и Фотіевъ, понята и освѣщена авторомъ вѣрнѣе чѣмъ у многихъ до него. Образчикомъ можетъ служить его мнѣніе о рьяныхъ застрѣльщикахъ либерализма въ самомъ началѣ оттепели послѣ смерти императора Павла: „Увлекался крайними преобразовательными идеями, они не покидали мысли, что новыя учрежденія слѣдуетъ привязывать къ нашимъ древнимъ учрежденіямъ, и что новое уложеніе должно вытекать изъ истиннаго народнаго духа. Но эта справедливая мысль должна была остаться только въ теоріи. Кто же изъ нихъ, да и изъ всехъ чиновныхъ дѣльцовъ, зналъ народный духъ? Въ тайныхъ комитетахъ ничего не можетъ дѣлаться на основаніи народнаго духа“. Шишковъ оставался всегда отъявленнымъ врагомъ этихъ либеральныхъ дѣльцовъ и воображалъ себя пропитаннымъ истинно народнымъ духомъ; но авторъ вѣрно указываетъ на то, что и онъ на самомъ дѣлѣ не зналъ народа. Въ самомъ дѣлѣ къ Шишкову можно бы было отнести извѣстные стихи Воейкова про С. Н. Глинку:

Передъ нимъ духъ русскій въ стклянкѣ
Неоткупоренъ стоитъ.

Духъ этотъ дѣйствительно оставался для „патріотовъ“ того времени неоткупореннымъ. Такимъ образомъ они лишали самихъ себя возможности вдыхать его настоящей запахъ, боясь какъ бы онъ, разъ откупоренный, не испарился! Народность представлялась имъ чѣмъ то обязательно лишеннымъ вольнаго воздуха, и они при этомъ никакъ не смекали, что она можетъ наконецъ разорвать стклянку и выпалить. Между тѣмъ любовь Шишкова къ отечеству была и горяча и искренна. Авторъ блистательно выставилъ его смѣлую роль во время отечественной войны, когда онъ даже рѣшился вычеркнуть въ приказѣ императора войскамъ обѣщаніе „ни въ какое время отъ нихъ не отлучаться и всегда быть съ ними“. Дѣло въ томъ, что Шишковъ не видѣлъ пользы, а видѣлъ скорѣе вредъ отъ пребыванія Александра Павловича при арміи, и у него уже было заготовлено къ государю письмо, въ которомъ онъ склонялъ его быть „среди своего народа“. Ссылаясь и опираясь на народъ,—этого „знакомаго незнакомца“, Шишковъ какъ и Раstopчинъ, руководился въ своей страстной ненависти къ Наполеону между прочимъ и опасеніемъ, какъ бы это „изчадіе революціи“ не озаботилось уничтоженіемъ у насъ крѣпостнаго права. Шишковъ смотрѣлъ на это послѣднее какъ на своего рода охранительную „стклянку“ для народнаго духа. А между тѣмъ этотъ крѣпостникъ по принципамъ, какъ оно подробно рассказано у нашего автора, не бралъ никогда никакого оброка со своихъ крестьянъ (пожалованныхъ ему Павломъ Петровичемъ), такъ что они, зная ограниченность его средствъ, сами пришли къ нему и сказали: „положи на насъ за прежніе льготные годы хоть по тысячѣ рублий, а впродѣ-

„будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь“. Но Шишковъ и тутъ-ото всего отказался, ограничившись тѣмъ удовольствіемъ, какое доставили ему слова крестьянъ, напоминающія языкъ старинныхъ грамотъ (стр. 117—118).

Фактъ этотъ любопытно сопоставить съ тѣмъ, что упоминается у г. Стоюнина въ третьей главѣ его біографіи Пушкина („Историч. Вѣстн.“ Июнь, стр. 251—252) про проф. Куницына, оставшагося извѣстнымъ своему великому ученику только со своихъ казовыхъ сторонъ. Куницынъ, какъ помнятъ читатели, по свидѣтельству директору лицея, правдиваго Энгельгардта, „на кафедрѣ безпрестанно говорилъ противъ рабства и за свободу, а между тѣмъ несчастныхъ своихъ рабовъ держалъ хуже собакъ и до полусмерти бивалъ“.

Подобные „Мирабо“, способные „хлестать старика Гаврилу и въ усъ и въ рыло“ (по выраженью Дениса Давыдова) въ новомъ видѣ имѣются и теперь. Но они хлещутъ мужика не грубой барской ладонью, а интеллигентнымъ барскимъ перомъ, выставляющимъ нашего простолюдина животнымъ, тоже, подите!—изъ либерализма.

Ор. Миллеръ.

Личность Пушкина и взглядъ его на поэта и поэзію. И. Вѣлорусова. Воронежъ. 1880.

Г. Вѣлоруссовъ задался цѣлью представить взглядъ Пушкина на поэта и поэзію и объяснить то противорѣчіе, которое существуетъ въ разновременныхъ воззрѣніяхъ Пушкина на этотъ предметъ. Обыкновенно переходъ Пушкина на сторону искусства для искусства объясняютъ вліяніемъ нѣмецкой художественной теоріи, съ которою онъ познакомился въ 1826—1827 г. черезъ своихъ московскихъ друзей и изъ статей „Московского Вѣстника“. Но г. Вѣлоруссовъ почему-то не удовлетворился этимъ объясненіемъ и началъ искать другого, результатомъ чего было открытіе въ характерѣ Пушкина „двойственности“: „въ извѣстное время Пушкинъ бывалъ однимъ человѣкомъ, а въ другое совершенно инымъ; одно время настроеніе его души—свѣтлое, спокойное, невозмутимое, тогда какъ въ другое—чело его покрывается мрачными думами, и поэтъ являлся какою-то демоническою натурою (?)“ (стр. 3—4). Происхожденіе этой двойственности объясняется совмѣщеніемъ въ нашемъ поэтѣ двухъ различныхъ типовъ: русскаго (по отцу) и африканскаго (по матери), а въ доказательство ея существованія приводятся различные отзывы о Пушкинѣ Энгельгардта („его сердце холодно и пусто“) и Пущина („доброе, нѣжное и по преимуществу любящее существо“), разгульная жизнь поэта въ Петербургѣ и Кишиневѣ и произведенія эпикурейскаго и сатирическаго характера на ряду съ такими произведеніями, „въ которыхъ выражается его трезвая и спокойная поэтическая работа“ (стр. 13), тоска и отчаяніе его въ Михайловскомъ, „не смотря на развлечения и удовольствія, доставляемыя тригорскими сосѣдями и пріѣзжавшими друзьями“ (стр. 191, и 7). Противорѣчіе въ воззрѣніяхъ Пушкина на поэта и поэзію объясняется такъ: „въ минуту спокойнаго и ничѣмъ невозмутимаго вдохновенія, Пушкинъ написалъ стихотвореніе „Пророкъ“, въ которомъ признаетъ себя посланникомъ неба и учителемъ человѣчества; въ минуту раздраженнаго состоянія, когда голосъ его остается гласомъ вопіющаго въ пустынь, онъ отказывается какъ будто отъ своего назначенія и вмѣсто того, чтобы исправлять и учить общество, влеймптъ его и считаетъ недостойнымъ своей музы“ (стр. 41). И такъ, все дѣло сводится къ тому, что Пушкинъ бывалъ иногда въ хорошемъ расположеніи духа, иногда въ дурномъ и что его поэтическія произведенія носили на себѣ отпечатокъ этой „двойственности“ его характера, такъ что, когда Пушкинъ былъ въ хорошемъ расположеніи

духа, онъ хотѣлъ „глаголомъ жечь сердца людей“, а когда былъ въ дурномъ, то кричалъ черни“:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

„Вотъ изрядное объясненіе!“ скажемъ мы, какъ Фонъ-визинской Милонъ. Кстати нѣсколько словъ о байронизмѣ. Слѣдуя г. Анненкову („Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 170 сл.), г. Бѣлорусовъ видитъ въ кишиневскихъ безобразіяхъ Пушкина и въ его демонической поэмѣ слѣдствие вліянія на него Байрона, хотя самъ же говоритъ, что „жизнь лицейская подготовила Пушкина къ энцикурейскимъ увлеченіямъ „Большого Свѣта“¹⁾, и эта (sic), въ свою очередь, подготовила къ разгульной и безнравственной жизни въ Кишиневѣ“ (стр. 14); мало того, по его мнѣнію, Пушкинъ и въ Михайловскомъ „испытывалъ еще нѣкоторые слѣды байронизма“, которые заключались въ томъ, что онъ изъявлялъ презрѣніе къ отечеству (стр. 21); даже въ Петербургѣ въ 1828 году „байроническое состояніе тлѣло еще въ душѣ поэта“ (III), „иначе, къ чему бы высказывать мрачные взгляды на жизнь?“ (стр. 24). Г. Бѣлорусовъ забылъ, что кишиневское общество, въ которомъ безобразничалъ Пушкинъ, и само безобразничало не менѣе его, хотя не испытало на себѣ, конечно, вліянія Байрона; онъ также не догадался, что для того, чтобы хандрить, Пушкинъ всегда имѣлъ гораздо болѣе существенныя причины, чѣмъ какое бы то ни было литературное вліяніе...

А. С—скій.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Томъ III. Кіевъ. 1880.

Профессоръ Кіевского университета Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (родился въ 1804, умеръ въ 1873 году) извѣстенъ свою обширною и разнообразною научною дѣятельностью. Первоначально ботаникъ, онъ занялся потомъ языковѣдѣніемъ, исторіей, археологіей, этнографіей, даже педагогіей, и результатомъ его многолѣтнихъ занятій былъ рядъ замѣчательныхъ книгъ и статей, которыя въ свое время высоко цѣнились специалистами. Онъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи сталъ собирать памятники народной поэзіи, и его сборники малорусскихъ народныхъ пѣсенъ обратили на себя вниманіе Пушкина и Гоголя, особенно послѣдняго, который по поводу одного изъ нихъ (изданнаго въ 1834 г.) написалъ свою извѣстную статью о малорусскихъ пѣсняхъ. Въ первыхъ двухъ раньше вышедшихъ томахъ сочиненій Максимовича находятся его статьи историческаго, историко-топографическаго, археологическаго и этнографическаго содержанія, настоящій же 3-й томъ посвященъ языковѣдѣнію и исторію русской литературы. Относительно статей по языковѣдѣнію (о русскомъ языкѣ) надо сказать, что писанныя въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ (къ началу шестидесятихъ относятся только „Новыя письма къ М. П. Погодину о старобитности мало-російскаго нарѣчія“), онѣ были очень замѣчательны въ свое время и не прошли безслѣдными въ наукѣ (ими, напри- мѣръ, установленъ общепринятый терминъ „полногласіе“), но теперь уже почти совсѣмъ потеряли научный интересъ. Немного больше интереса представляютъ и статьи по исторіи русской литературы, начинающіяся 1833 и кончающіяся 1872 годомъ. Въ первой изъ нихъ—„Исторія древней русской словесности“, говорится болѣе о дѣленіи русской литературы на періоды и о русскомъ языкѣ²⁾.

¹⁾ Г. Бѣлорусову почему-то угодно писать эти два слова съ прописныхъ буквъ.

²⁾ То, что говорится въ „Исторіи“ о русскомъ языкѣ, есть безспорно самое лучшее изъ всего, что написано Максимовичемъ по языковѣдѣнію. Здѣсь онъ съ замѣчательною для своего времени тонкостью опредѣлялъ нарѣчія и говоры велико-

чѣмъ о самой литературѣ, такъ что эту статью вѣрнѣе было бы назвать „Введеніемъ въ исторію русской словесности“. За нею слѣдуютъ письма къ М. П. Погодину „О народной исторической поэзій въ древней Русѣ“, тѣсно связанная рядомъ послѣдующихъ статей о Словѣ о полку Игоревѣ, памятникѣ, которымъ съ особенною любовію занимался покойный Максимовичъ и который онъ перевелъ стихами на малороссійскій языкъ; имъ составленъ одинъ изъ лучшихъ историческихъ комментаріевъ къ Слову; имъ же впервые высказана мысль о близости Слова съ русскою народною поэзіею, мысль, такъ прекрасно, хотя односторонне, развитая впоследствии г. Буслаевымъ въ его статьѣ „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской народной поэзій“ въ (1-мъ томѣ его Историческихъ очерковъ русской народной поэзій и искусства). Далѣе слѣдуетъ неоконченная статья „Книжная старина южно-русская“, въ которой Максимовичъ впервые представилъ перечень и отчасти описаніе книгъ, напечатанныхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ въ Кіевѣ, Львовѣ, Острогѣ, Почаевѣ и другихъ городахъ южной Россіи; здѣсь между прочимъ описаны Панегирики Стефана Яворскаго и Филиппа Орлика, извѣстнаго любимца Мазепы. Перечень русскихъ книгъ южно-русской печати, составленный Максимовичемъ, цѣликомъ вошелъ въ составъ позднѣйшихъ библиографическихъ трудовъ П. Каратаева и Ундольскаго. Слѣдующія затѣмъ мелкія статьи: „О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ мнимомъ и дѣйствительномъ“, „О первомъ изданіи Дидаскаліи Сильвестра Коссова“, „Библиографическое объясненіе г. Гильдебрандту“ (объ Апокризисѣ Христофора Филалета), „О двухъ стихотвореніяхъ Плачь малой Россіи и Милость Божія“, приписанныхъ Максимовичемъ Теофану Прокоповичу, „О стихотвореніяхъ Теофана Прокоповича“, гдѣ онъ беретъ назадъ свое мнѣніе о принадлежности Теофану Плачь малой Россіи, и наконецъ „Извѣстіе о книгѣ Благоутробіе Марка Аврелія“, имѣютъ слишкомъ спеціальнѣйшій интересъ, но за то представляютъ новинку для значительнаго большинства нашей публики, потому что большая часть ихъ была до сихъ поръ зарыта въ мало кѣмъ читаемыхъ „Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“.

А. С—скій.

Svod zákonuv slovanskych (Сводъ законовъ славянскихъ) Zpradal. D-r Hermenegild Jirecek. V. Pvaze 1880. Nákladem. F. Tempského.

Исторія славянскихъ законодательствъ обращаетъ на себя вниманіе только очень ограниченнаго числа ученыхъ; у насъ въ Россіи большинство университетовъ до сихъ поръ не можетъ замѣтить имѣющуюся въ нихъ каеедру этого предмета. Съ цѣлію облегчить его изученіе, д-ръ Герменегильдъ Иречекъ, извѣстный чешскій юристъ и издатель Codex juris bohemicі (его не слѣдуетъ смѣшивать съ его братомъ, филологомъ Іосифомъ. Иречкомъ, авторомъ „Исторіи Болгаръ“), представилъ въ настоящемъ трудѣ сборникъ важнѣйшихъ памятниковъ славянскаго права въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего помѣщены договоры русскихъ съ греками, „Русская Правда“ (по двумъ спискамъ), договоры: новгородцевъ съ нѣмцами, смолянъ съ Рнгою, двинская уставная грамота, псковская судная грамота; за ними слѣдуютъ памятники русскаго и русско-литовскаго законодательства XV—XVI вѣковъ: статутъ короля Владислава, судебникъ короля Казимира, литовскій статутъ, судебники Іоанна III и Іоанна IV. Далѣе идутъ юридическіе памятники, сперва сербовъ: законникъ

русскаго и малорусскаго языка, указавъ важнѣйшія особенности каждаго изъ нихъ (главы IV и V), и прекрасно охарактеризовалъ значеніе церковно-славянскаго языка въ древней Русѣ и его вліаніе на русскій языкъ (гл. VIII).

царя Стефана Душана (по двумъ спискамъ), четыре договора дубровчанъ съ сербскими государями и два новѣйшихъ черногорскихъ законника; потомъ хорватовъ: Загребскій законъ 1273 года, законы Виндольскій и Полицкій; наконецъ новѣйшія сербскія законоположенія о задругѣ (родовой общинѣ). Отъ южныхъ славянъ Иречекъ переходитъ къ чехамъ и приводитъ цѣлый рядъ памятниковъ, относящихся до ихъ древняго права, начиная съ Зеленогорской рукописи и кончая уставомъ земскаго права (Rad práva zemského). Сборникъ оканчивается польскими статутами Вислицкимъ и Вартскимъ. Всѣ находящіяся въ Сводѣ памятники были уже напечатаны въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, такъ что Иречку должно вмѣнить въ заслугу только то, что онъ собралъ ихъ въ одну книгу. Кромѣ краткихъ введень, поясняющихъ значеніе и исторію каждаго памятника, имъ не представлено никакихъ объясненій; впрочемъ, онъ обѣщаетъ издать, въ дополненіе къ настоящему своему труду, словарь юридическихъ терминовъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, не мало обяжетъ всѣхъ интересующихся не только славянскимъ правомъ, но и славянскою исторію и филологію.

Должно пожалѣть, что Иречекъ помѣстилъ въ Сводѣ такъ называемую Зеленогорскую рукопись (Любушинъ судъ и отрывокъ „vsíak ot svej celedi vojevodi“), подлинность которой сильно оспаривается въ настоящее время. Чешскіе и русскіе ученые (въ особенности гг. Шембера и Ламанскій) представили очень вѣскіе доводы противъ подлинности, какъ другихъ открытыхъ Ганкою древне-чешскихъ памятниковъ, такъ и этого, и эти доводы не опровергнуты до сихъ поръ вполне; по этой причинѣ Иречку слѣдовало бы удержаться отъ внесенія Зеленогорской рукописи въ свой солидный ученый трудъ.

А. С—скій.

В. И. Немировича-Данченко. Послѣ войны. Очерки и впечатлѣнія корреспондента въ освобожденной Болгаріи. Спб. 1880.

Дѣло освобожденія Болгаріи, обстоятельства, его сопровождавшія и тѣ формы, въ какихъ оно завершилось пока, до сихъ поръ еще остаются далеко не выясненными вполне для русскаго общества. Многое опутывалось тенденціозной сѣтью извѣстной части нашей печати, но многое, безъ сомнѣнія, ускользало отъ вниманія, вслѣдствіе небрежности и самомнѣнія, какими отмѣчены были недавно наши отношенія къ возрожденной странѣ. Вотъ почему, вѣроятно, о современныхъ болгарскихъ учрежденіяхъ составилось у насъ какое-то странное, ошибочное понятіе; даже конституція княжества, объ отмѣнѣ которой у насъ разсуждали, ни разу не была напечатана въ нашихъ изданіяхъ въ полномъ составѣ. Этотъ пробѣлъ отчасти восполняется въ настоящее время вышеприведенною книгою г. Немировича-Данченко.

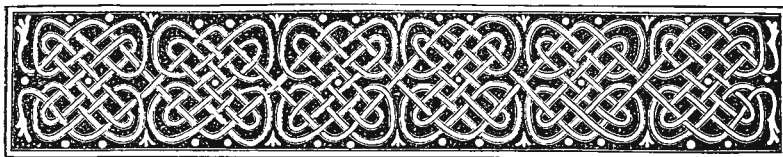
Въ ряду наблюденій автора переданы между прочимъ волющія похожденія русскихъ администраторовъ, мнившихъ себя въ освобожденной странѣ чуть не Зевсами-громовержцами. Понадались и такіе освободители, которые только и думали о наполненіи собственныхъ кармановъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, лишь бы удовлетворить своимъ хищническимъ инстинктамъ. По словамъ г. Немировича-Данченко, самые достовѣрные люди рассказывали ему, какъ нѣчто весьма обыкновенное, такія вещи, отъ которыхъ „волосы становятся дыбомъ“. Люди, называемые княземъ Черкасскимъ, выдѣлили нѣсколько субъектовъ, имена которыхъ сдѣлались нарицательными въ народѣ. Но не въ этихъ фактахъ существенный интересъ разсматриваемой книги или, если они и имѣютъ значеніе, то отнюдь не въ отдѣльности взятыя отъ всего, что приходилось наблюдать автору.

Въ самомъ дѣлѣ, могло ли быть иначе тамъ, гдѣ самый принципъ освобожденія и его конечная цѣль не были сознаны ясно? Если князь Черкасскій „всюду и вездѣ“ повторялъ, что онъ пріѣхалъ въ Болгарію для „русскаго дѣла“, что ничего болгарскаго онъ не признаетъ, тѣмъ паче мелкотравчатымъ устроителямъ „Болгарскаго царства“ оставался не доступнымъ девизъ болгарскихъ патріотовъ „Болгарія—для болгаръ“. Это, однако, понимали выдающіеся борцы за политическую свободу болгарскаго народа. Словейковъ, напримѣръ, ни разу, по отзыву автора „Послѣ войны“, не упрекнулъ русскихъ ни единымъ словомъ, тогда какъ другіе насъ проклинали и „искренно желали освободиться отъ дланей и нагаекъ нашихъ храбрыхъ администраторовъ“.

Но, помимо вышеприведенныхъ фактовъ, книга г. Немировича-Данченко въ живыхъ очеркахъ знакомитъ насъ съ богатствомъ страны, ея нравами, учреждениями, замѣчательнымъ стремленіемъ болгарскаго народа къ образованію и со взглядами выдающихся болгарскихъ общественныхъ дѣятелей на дѣло развитія своей страны. Г. Немировичъ-Данченко особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что наша образовательная система сильно пугаетъ болгарскую интеллигенцію. „Изъ Россіи“, замѣтилъ автору одинъ „весьма образованный и знающій докторъ“,—„возвращаются наши дѣти чиновниками, людьми чуждыми намъ совсѣмъ... Они мечтаютъ о дворянствѣ, о выдѣленіи себя и своихъ присныхъ изъ народа, о мундирахъ, формахъ, отличіяхъ“. Вообще же книга „Послѣ войны“ содержитъ въ себѣ много любопытныхъ замѣчаній и мѣткихъ отзывовъ о разныхъ сторонахъ жизни болгарскаго народа и, безъ сомнѣнія, прочтется каждымъ съ большимъ интересомъ.

Ө. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письма графа Сегюра къ князю Потемкину.

ЕЧАТАЕМЫЯ ниже въ русскомъ переводѣ письма къ Потемкину графа Сегюра, французскаго посла при петербургскомъ дворѣ съ 1788 по 1789 г. обязательно сообщены намъ во французскихъ подлинникахъ П. Я. Дашковымъ. Письма эти, касаясь тѣхъ же предметовъ, о которыхъ говорится и въ „Запискахъ“ Сегюра (издан. въ русск. перев. въ 1865 г.) могутъ служить дополненіемъ къ нимъ и имѣютъ то преимущество, что рисуютъ отношенія Сегюра къ Потемкину безъ тѣхъ сглаживаній, которые неизбѣжны въ книгѣ, предназначаемой для всѣхъ.

Въ каждомъ письмѣ, напримѣръ, Сегюръ клянется Потемкину въ дружбѣ, увѣряетъ въ любви, удивляется его уму и дѣяніямъ, а между тѣмъ въ „Запискахъ“ высказываетъ о немъ мнѣніе далеко не лестное. Но такъ какъ все-сильный фаворитъ Екатерины II болѣе всѣхъ другихъ царедворцевъ могъ быть полезенъ Сегюру, но послѣдній, разумѣется искалъ его дружбы и льстилъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ.

I.

С.-Петербургъ, 20 декабря 1786.

Любезный князь.

Приношу вамъ тысячу благодарностей—только не за пріемъ, который вы оказали принцу Нассаускому уже познакомившись съ нимъ, но за то, что вы были расположены это сдѣлать для него по моей просьбѣ прежде вашего съ нимъ знакомства. Я увѣренъ, что теперь вы любите его ради него самого; онъ сохранилъ характеръ древнихъ нашихъ рыцарей, благороденъ, обходителенъ, гордъ, впечатлителенъ, откровененъ. Онъ созданъ для того, чтобы питать къ вамъ любовь и уваженія и всѣ ваши помыслы найдутъ въ немъ живое сочувствіе и пониманіе ¹⁾.

¹⁾ Знакомство Сегюра съ принцемъ Нассау-Зигеномъ началась ссорой и дуэлью, послѣ которой они заключили дружбу. Нассау, какъ извѣстно, потомъ служилъ въ русской службѣ.

Ваша любезная, прекрасная, добрая и обожаемая племянница, только что насъ покинула ¹⁾. Я этимъ доволенъ и огорченъ. Я любилъ ее какъ сестру, но находилъ ее слишкомъ прекрасною чтобы не опасаться болѣе чѣмъ братской любви. Я поручилъ ей осыпать васъ упреками, за которые съ восторгомъ стану просить прощенія.

Я полагалъ, что вы меня забыли, что ваши губернии, фабрики, флотъ, ваши осушительныя предпріятія, лагеря, распоряженія и обширныя замыслы, о которыхъ, въ качествѣ посланника, я не могу говорить свободно, надолго изгнали меня изъ вашей памяти, но теперь вижу, что чѣмъ бы вы ни были заняты, что бы вы не предпринимали, у васъ всегда достанетъ времени на все.

Черезъ двѣ недѣли мы отправляемся въ путь ²⁾, чтобы снова свидѣться съ вами. Нашъ славный, добрый и обожаемый начальникъ каравана, оставляетъ намъ немного хлопотъ по сборамъ въ путь; онъ насъ повезетъ, будетъ кормить, позаботится о нашемъ помѣщеніи, освѣщеніи и уже снабдилъ насъ великолѣпными шубами. Г. Бецій разъ въ свою жизнь будетъ въ правѣ сказать, что не такъ путешествовали въ его время, когда ему доводилось ѣздить курьеромъ въ Константинополь. Императрица везетъ съ собою также бібліотеку, которую благосклонно предоставляетъ въ наше распоряженіе, такъ что я надѣюсь прочесть съ вами нѣсколько греческихъ трагедій, анакреонтическихъ одъ и даже переложить въ стихи нѣкоторые ихъ отрывки, если только вы потерпите ихъ въ рюмованномъ видѣ.

Не стану рассказывать вамъ новостей. Послѣ того какъ чалмы, на зло старому муфтію, у котораго борода длиннѣе ума, уладили дѣла съ желательною для меня учтивостію, новостей болѣе не существуетъ. Только Моссъ ³⁾, какъ то на дняхъ довольно забавно и зло выразился о голландскихъ дѣлахъ, сказавъ что „le Stadhouder étoit mal en cour“. Никто изъ умныхъ людей, сочиняющихъ газеты, еще не говорилъ столь забавнаго и колкаго, какъ этотъ шутъ.

Впрочемъ, думаю, что съ моей стороны было бы благоразумнѣе не докучать всѣмъ этимъ вздоромъ человѣку, которому предстоитъ въ столь короткое время совершить столь многое. Я чувствую, что ваше время и мое благоразуміе требуютъ окончанія письма. Будьте вполне увѣрены, любезный князь, что знаки вашей дружбы навсегда запечатлѣны у меня въ сердцѣ, которое никогда не отдается легко или наполовину.

Благодарю васъ отъ имени Нассауской земли и нассаусскаго флага и надѣюсь въ скоромъ времени поблагодарить васъ—хотя вы мнѣ ничего не говорили—еще отъ имени Россіи и Франціи за то, чего я, какъ вы знаете, столь искренно желаю ⁴⁾.

Имѣю честь пребыть, съ вѣжнѣйшею привязанностію и отнѣнѣйшимъ уваженіемъ къ вамъ,

князь,

Вашъ низжайшій и покорнѣйшій слуга
графъ Сегюръ.

¹⁾ Графиня Екатерина Васильевна Скавронская (род. 1761 † 1820 г.), четвертая дочь подполковника Василя Андреевича Энгельгардта и Марьи Александровны, сестры кн. Потемкина. Вышла замужъ въ 1781 г. за графа П. М. Скавронскаго, бывшаго полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ. Статсъ-дамою пожалована 17 августа 1786 г., но просьбѣ князя Потемкина. Относительно этого пожалованія существуетъ слѣдующій рассказъ. Въ спальнѣ князя Потемкина на столикѣ лежалъ портретъ императрицы, имъ восьмилѣтняя гр. Скавронская, шутя, взяла его и, подойдя къ зеркалу, приколотила на себя. „Катенька“, воскликнулъ Потемкинъ, „поди благодарить императрицу; ты—статсъ-дама“, и написавъ записку принудилъ ее идти съ этою запискою къ императрицѣ. Екатерина II была очень недовольна этимъ и, написавъ записку къ Потемкину, молча отпустила графиню. Вскорѣ однако же гр. Скавронская стала пользоваться большимъ расположеніемъ Екатерины.

²⁾ Сегюръ собирался сопровождать Екатерину въ ея путешествіи въ Крымъ.

³⁾ Шутъ Потемкина.

⁴⁾ Сегюръ намекаетъ на торговый договоръ между Россією и Францією ратификованный 31 декабря 1876 г. (11 января 1877 г.).

II.

С.-Петербургъ, 15 августа 1787.

Любезный князь.

Когда я былъ въ Харьковѣ, то у васъ было столько дѣла, что я могъ только вскользь поговорить о двухъ дѣлахъ, которыя однако, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вашего вниманія. Одно касается интересовъ человѣка, которому вы желаете добра и для котораго вы сдѣлали уже многое—это Антуанъ¹⁾. Другое касается развитія херсонской торговли. Торговцы этого города составили записку и просили меня передать ее вамъ, не смотря на то, что по ихъ мнѣнію, большая часть содержащихся въ ней замѣчаній теперь оказывается бесполезною, и что вы уже составили проектъ всего, что нужно для ея утверждения. Я доселѣ надѣялся и ждалъ вашего возвращенія, чтобы передать вамъ обѣ эти записки, но теперь рѣшился ихъ переслать, такъ какъ, повидимому, несомнѣнно, что ваши занятія задерживаютъ васъ въ Кременчугѣ съ гораздо большею силою, чѣмъ съ какою дружба влечетъ васъ въ Петербургъ. Если вы захотите быть добрымъ и прикажете окончить дѣло Антуана, то это будетъ новымъ одолженіемъ, которое, присоединю ко всему, чѣмъ я уже вамъ обязанъ.

Имѣю честь пребыть съ чувствами отмѣннѣйшаго уваженія и пр.

III.

С.-Петербургъ, 25 августа 1787.

Любезный князь.

Мою лѣность извинить развѣ сознаніе въ ней и прощеніе, о которомъ теперь васъ умоляю. Покрайней мѣрѣ будьте увѣрены, что я каждый день думаю о васъ, постоянно говоримъ о васъ съ принцемъ де-Линемъ и вашею племянницею и досаждемъ на ваше безжалостно продолжающееся отсутствіе. Боюсь, чтобы эти докучливые турки еще болѣе не замедлили вашего возвращенія. Меня увѣряютъ, будто они все еще не могли образумиться. Какъ бы не желалъ я для васъ славы, однако я долженъ слишкомъ сильно желать мира, и не молиться, чтобы Магометъ и Шауэль открыли имъ глаза и вразумили. Но они во всякомъ случаѣ достигнуть успѣха слишкомъ поздно, такъ какъ я уѣду изъ Петербурга, прежде чѣмъ вы возвратитесь²⁾.

На время моего отсутствія сюда посылаютъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, графа де-Сень-Круа, уже выполнишаго съ успѣхомъ нѣсколько порученій. Говорятъ, что это человѣкъ весьма умный и даровитый; поручаю его вашей добротѣ и прошу черезъ него время отъ времени извѣщать меня о себѣ, ибо я слишкомъ люблю васъ, чтобы примириться съ мыслию, что буду вами забытъ.

Я рассчитываю вернуться въ Россію въ іюль. Впрочемъ я замѣчаю, что надъ Голландіей и Брабантомъ надвигаются большія тучи; тамъ уже сосредоточено нѣсколько англійскихъ и французскихъ судовъ и нѣсколько прусскихъ, австрійскихъ и французскихъ батальоновъ—и потому мое возвращеніе въ Петербургъ вѣроятно ускорится.

Вы съ моимъ отцомъ служители войны, славы и крови, станете оттачивать свои шпаги, тогда какъ мы, бѣдные жрецы Януса, займемся скучнымъ чиненіемъ перьевъ. Но если всѣ наши писанія останутся безуспѣшными, то

¹⁾ Антуанъ, негодантъ изъ Марсея, жившій тогда близъ Херсона; впоследствии баронъ Сень-Жозефъ.

²⁾ Сегюръ испросилъ отпущенія, полагая что въ зиму 1787 и первую половину 1788 года не можетъ случиться въ политикѣ Европы ничего важнаго, что потребовало бы его присутствія при с.-петербургскомъ дворѣ. 5 сентября онъ уже простился съ императрицею и черезъ недѣлю думалъ выѣхать изъ С.-Петербурга. Но объявленіе войны турками заставило его отказаться отъ отпуска.

легко можетъ статья, что я брошу перо для сабли и, Богъ свидѣтель, какъ уду радъ, очутившись въ Германіи или другомъ мѣстѣ въ арміи съ русски ми и французскими батальонами и эскадронами, подъ начальствомъ фельдмаршала Потемкина. Однако, какъ честный человѣкъ, я сдѣлаю все возможное, чтобы мои желанія не сбылись.

Я не пожалѣлъ бы ничего, ради возможности поговорить съ вами до отъѣзда, ибо вы, какъ прозорливый другъ, надѣюсь, вполне убѣждены, что, по-сильно исполнивъ свой долгъ французскаго посланника въ Россіи, я съ тѣмъ вмѣстѣ по внушеніямъ сердца буду немножко русскимъ посланникомъ во Франціи. Я съ большимъ удовольствіемъ опишу тамъ всѣ тѣ великолѣпныя картины, которыя вы намъ показывали: торговлю, привлеченную въ Херсонъ не смотря на зависть и болота, чудомъ созданный въ два года флотъ въ Севастополѣ, вашъ Бахчисарай изъ тысячи и одной ночи, вашу Темпейскую долину, гдѣ, надѣюсь, посадите, какъ обѣщали, дерево, которое будетъ носить имя вашего молодого друга, ваши почти сказочныя празднества въ Карасу-базарѣ, вашъ Екатеринославъ, куда въ три года вы собрали болѣе монументовъ, чѣмъ сколько могли ихъ собрать въ теченіе трехъ вѣковъ многія изъ столицъ, пороги, расчищенные вами какъ бы для того, чтобы вводить въ заблужденіе историковъ, географовъ и журналистовъ, и ту гордую Полтаву, гдѣ вы атакою 70 батальоновъ отвѣчали на тѣ нападки, которымъ подвергалось ваше устроеніе Крыма со стороны невѣжества и зависти. Если мнѣ не повѣрять, то это будетъ ваша вина зачѣмъ вы сдѣлали столько чудеснаго, въ столь короткое время, не разу не похвалившись, пока не показали всего разомъ. Согласитесь, что моя повѣсть будетъ нѣсколько походить на сказку о генияхъ и вы даеете мнѣ новыя доказательства, подтверждающія знаменитое изрѣченіе, что истинное иногда можетъ не быть вѣроятнымъ.

Я уѣзжаю исполненный мыслями объ этихъ чудесахъ и щемящею печалію въ сердцѣ, что удаляюсь отъ васъ и покидаю императрицу, осыпавшую меня столькими милостями. Она обладаетъ троякою тайною исторгать удивленіе, привлекать сердце и возбуждать довѣріе, столь рѣдко соединяемое съ благоговѣніемъ. Но нынѣ она дѣлаетъ то, что должно меня вовлечь въ большую ошибку и исполнить самолюбіемъ; она приказываетъ играть въ Эрмитажѣ „Коріолана“, присутствуетъ при всѣхъ репетиціяхъ и по своей снисходительности (истинная печать превосходства) находитъ въ этой пьесѣ много красоты, которыхъ я не подозрѣвалъ. Если немножко не возгордиться ея похвалами, то не знаю что можетъ... Прощайте, князь; говорю вамъ это пошлое слово, съ великою печалію, увѣряю васъ.

Меня весьма сильно огорчаетъ разлука съ вашею очаровательною племянницею, которую люблю, какъ сестру, за ея чарующую грацію и умъ, приводящій меня въ полнѣйшее отчаяніе. Она сама объяснитъ, что вызвало меня на смѣшную—какъ это можетъ вамъ показаться,—но тѣмъ не менѣе необходимую откровенность.

Прощайте, князь; обычные комплименты я прибегу для дѣловаго письма, а это продиктовано сердцемъ, съ которымъ комплименты не уживаются. Я говорю вамъ въ немъ лишь то, о чемъ сердце желаетъ твердить вамъ постоянно — о своей признательности и нѣжной дружбѣ, которая прекратится лишь съ жизнью.

Графъ Сегюръ.

IV.

С.Петербургъ, 20 декабря 1787.

Любезный князь.

Если ваше сердце не безпокоится отвѣчать дружбѣ, то быть можетъ вамъ умъ захочетъ отвѣтить полтигѣ. Я заявилъ министрамъ императрицы с же-

ланин короля заключить съ нею договоръ о союзѣ ¹⁾ и имѣлъ самый благоприятный отвѣтъ и самый обязательный приемъ. Я уполномоченъ сдѣлать только одно это предложеніе, и потому могу вамъ высказать лишь свои частныя воззрѣнія. Мы можемъ въ этомъ договорѣ условиться, какъ въ 1756 году ²⁾, о взаимной помощи въ Германіи, при чемъ вы сохраните нейтралитетъ между нами и англичанами, какъ мы между вами и турками. Но быть можетъ найдется другой способъ заключенія договора, болѣе соотвѣтственный вашимъ великимъ замысламъ. Для того, чтобы сдѣлать ихъ осуществленіе болѣе вѣроятнымъ, вамъ слѣдовало бы сообщить мнѣ о тѣхъ предложеніяхъ, которыя здѣсь могутъ мнѣ сдѣлать. Дадите ли намъ помощь противъ англичанъ и зарюете ли вы имъ свои порты, если мы станемъ дѣйствовать съ вами противъ турокъ? Я не уполномоченъ дѣлать подобныя предложенія, но ставлю вамъ этотъ вопросъ только по дружбѣ и довѣрью. Вы, конечно, очень хорошо понимаете, что для завершения столь великаго измѣненія системы мнѣ нужно имѣть прочныя основанія и знать намѣренія вашего двора столь же хорошо, какъ своего. Вы часто бесѣдовали со мною объ этихъ великихъ замыслахъ въ то время, когда положеніе дѣлъ и расположеніе умовъ обязывали меня слѣдовать системѣ противоположной съ вашею. Теперь настало время, когда я могу, соблюдая свой долгъ, дѣйствовать какъ вы желаете. Я какъ нельзя болѣе доволенъ довѣріемъ мнѣ оказаннымъ министрами ея императорскаго величества, но вы особенно посовѣтуйте имъ дать мнѣ самыя откровенныя и самыя подробныя объясненія. Отъ большей или меньшей подробности ихъ по моему мнѣнію можетъ зависѣть дать болѣе или меньшій объемъ нашему договору.

Не будьте не справедливы къ французамъ, теперь находящимся у турокъ ³⁾. Я не сомнѣваюсь, что въ настоящее время король избѣгаетъ всего, что будетъ неприятно императрицѣ; но разсчитайте числа—они были посланы въ то время, когда мы систематически вамъ противодѣйствовали, опасаясь нападенія съ вашей стороны. Хотя теперь все измѣнилось, однако на доставку приказовъ нужно время. Скорая доставка приказовъ въ Очаковъ затруднительна. Къ тому же безопасность этихъ офицеровъ требуетъ принятія нѣкоторыхъ предосторожностей, чтобы выручить ихъ отъ турокъ, не подвергая опасности. Я еще сегодня писалъ объ этомъ предметѣ въ Версаль—вотъ все, что могу сказать. Потерпите немножко, недѣль шесть, и вы получите мой отвѣтъ.

Я надѣюсь, что кромѣ васъ никто не увидитъ этого письма, писаннаго мною съ полнѣйшею къ вамъ довѣрчивостію, которая внушена мнѣ вашею дружбою и добротою. Такъ какъ я теперь тружусь на пользу вашей системы, то, надѣюсь, что по мѣрѣ возможности вы окажите мнѣ содѣйствіе. Станете ли вы еще обвинять меня въ пристрастіи къ мелочной политикѣ и къ полумѣрамъ?

Я не сталъ бы вамъ говорить комплиментовъ, если бы ваше молчаніе не заставило меня опасаться забвенія съ вашей стороны и не походило столь сильно на равнодушіе; оно побуждаетъ меня заявить вамъ объ отнѣнномъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь пребыть и пр.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о четверномъ союзѣ между Россіею, Франціею, Австріею и Италіею. Заключенію его помѣшали внутреннія волненія во Франціи.

²⁾ По этому трактату договорившіяся стороны обязывались по требованію той изъ нихъ, на которую было бы сдѣлано нападеніе, выставить вспомогательный корпусъ изъ 18,000 пѣхоты и 8,000 конницы или давать деньгами соотвѣтственную субсидію. Освобождались отъ обязанности выставять вспомогательныя войска, Россія—въ случаѣ войны Франціи съ Англіею или Италіянскими державами, а Франція—въ случаѣ войны Россіи съ Турціею.

³⁾ Въ турецкихъ войскахъ въ то время служило нѣсколько французскихъ офицеровъ. Защитою Очакова также руководили французскіе инженеры, изъ которыхъ трое даже полагались живіи при штурмѣ Очаковскихъ укрѣпленій. Кн. Потемкинъ часто жаловался Сегюру на то, что французское правительство дозволяетъ своимъ офицерамъ служить въ турецкихъ войскахъ.

V.

Парижъ, 19 октября 1789.

Любезный князь.

Я только что извѣщенъ письмомъ изъ Варшавы, что вы завершили успѣхи вашего славнаго похода взятіемъ Бендеръ. Вамъ слишкомъ хорошо извѣстны мои чувства, чтобы сомнѣваться въ томъ участіи, какое я принимаю въ вашей побѣдѣ. Слѣдуйте вашему прекрасному призванію, дополните славу нами обоими любимой и уважаемой государыни, заключивъ миръ, котораго желать вы принуждаете своихъ враговъ, и вы соедините тогда всѣхъ геніевъ славы. Но, чтобы дѣйствительно стяжать всѣ роды славы, вы должны быть также славны постоянствомъ въ дружбѣ; это хотя не самая блестящая, но за то самая приятная и, быть можетъ, самая рѣдкая изъ славъ; я дерзновенно обѣщаю подавать въ этомъ примѣръ въ теченіе всей моей жизни.

Имѣю честь пребыть съ чувствомъ вѣжливѣйшей привязанности и отмѣннѣйшаго уваженія къ вамъ

князь,

Вашъ нижайшій и покорнѣйшій слуга
графъ Сегюръ.

Приписка. Не отошлете ли вы ко мнѣ моего дорогаго Божера?

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

Апокрифическое стихотвореніе.

Празднества въ память Пушкина вызвали изъ подъ спуда, вмѣстѣ съ множествомъ анекдотовъ и рассказовъ о великомъ поэтѣ, нѣсколько стихотвореній, до нынѣ хранившихся въ рукописи—по не цензурности содержанія, или по своей маловажности. Между таковыми, безъ всякаго сомнѣнія, попали въ печать произведенія совершенно чуждыя перу незабвеннаго творца „Онгина“ и, вѣроятно, пущенныя въ обращеніе къмъ либо изъ его болѣе или менѣе талантливыхъ современниковъ, можетъ быть даже и послѣ его кончины. Подобнаго рода литературные подлоги во всякомъ случаѣ неумовимы для экспертизы; выдастъ ли золотая посредственность свою мишуру за чужое золото, или чужое за свое—искусная поддѣлка, можетъ ввести въ заблужденіе и самаго опытнаго рецензента. Какъ бы то ни было, но эти фальшивыя монеты заслуживаютъ вниманія любителей русской литературы.

Перебирая бумаги покойнаго моего отца П. А. Каратыгина, я нашелъ между ними довольно ветхій лоскутокъ, на которомъ, карандашемъ и кѣмъ незнакомой рукою набросано прилагаемое стихотвореніе. Когда и кѣмъ было оно сообщено моему отцу—этого я рѣшительно не знаю; замѣчу только, что покойный отецъ мой не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія и конечно не допускалъ мысли, чтобы оно могло быть написано Пушкинымъ. Очевидно это поддѣлка; однако же на столько ловкая, что я позволю себѣ отдать ее въ печать:

26 іюня, 1821 года. Кишиневъ.

Ты пишешь: „на брегахъ Тавриды
Овидій въ ссылкѣ угасалъ...“
И я, по твоему Овидію
За то, что царь меня сослалъ?
Потомъ... о, льстецъ мой вдохновенный!
„Ты Тассъ—безумнымъ оглашенный!“
Да ужъ прибавь: Наполеонъ—
На островѣ святой Елены!

Но кто-жь я? Тассъ, или Назопъ?...
 Я, даже, въ смыслѣ не дерзаю
 Себя съ Овидіемъ ровнять—
 И „въкомъ Августа“ назвать
 Нашъ вѣкъ себѣ не позволяю;
 Хотя и онъ, какъ говорятъ,
 Зѣло талантами богатъ—
 И съ Римомъ выдержитъ сравненіе
 Россія въ этомъ отношеніи!
 У насъ— Титъ Ливій—Карамзинъ
 Нашъ Федръ—Крыловъ; Тибуллъ—Жуковский;
 Варронъ, Витрувій—Каразинъ,
 А Діонисій ¹⁾ Каченовскій!
 Пропорцій—томный Мерзляковъ...
 За нимъ идутъ аристократы:
 Виргиліи и Меценаты:
 Князь Шаликовъ и графъ Хвостовъ,
 Князь Вяземскій, Плетневъ, Шишковъ,
 Василій Пушкинъ, Муравьевъ—
 И мой Катенинъ скучноватый!
 Но съ кѣмъ же мнѣ себя сравнить?
 Нѣтъ, не Овидій я носатый...
 Орфей и Тассъ... ужъ такъ и бытъ!
 Среди непсовыхъ цыганокъ,
 Я, какъ Орфей, въ толпѣ вакханокъ,
 Въ кругу кокетокъ—молдаванокъ
 Пожалуй—тазь между лаханокъ!
 За то межъ грузныхъ молдаванъ
 Не Данилъ въ оврагѣ львиномъ:
 Вѣрнѣ—левъ межъ обезьянъ,
 Иль конь арабскій—„альгазанъ“ ²⁾
 Въ смиренномъ табунѣ ослиномъ!

Въ обширной своей монографіи „Пушкинъ въ южной Россіи“ (Русскій Архивъ 1866 г., стр. 1125) г. Анненковъ приводитъ двустипіе Пушкина:

Михаилъ Ивановичъ Лексъ
 Прекрасный человекъ-съ!

Но не многимъ извѣстны его стихи на того же М. И. Лекса, написанные въ тридцатыхъ годахъ, когда Лексъ занималъ какую-то важную должность по министерству внутреннихъ дѣлъ:

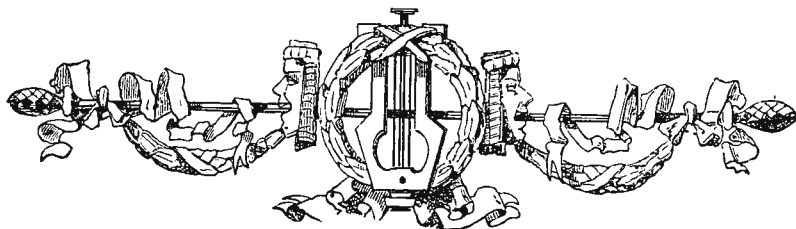
Была пословица у римскаго народа:
 Sit dura lex—sed sex, у насъ не такъ:
 У насъ и dura lex и Лексъ—дуракъ!

Эти стихи С. А. Соболевскій написалъ въ альбомѣ К. П. Брюллова, ручаясь ему, что они—Пушкинскіе. Дѣйствительно ли оно такъ? вопросъ открытый.

Сообщено П. П. Каратыгинымъ.

¹⁾ Діонисій Галикарнасскій, авторъ „Римскихъ древностей“.

²⁾ См. Voiste: alhazan: étalon, cheval courageux et de bonne race.

СМѢСЬ.

КИТАЙСКИЙ БИСМАРКЪ. Съ недавняго времени оригинальные сыны Небесной имперіи, о которыхъ прежде думали развѣ одни дипломаты, стали предметомъ всеобщаго любопытства. Дѣло въ томъ, что извѣстные переговоры, допущенные Россією съ представителемъ Серединнаго государства, повидимому, дали пищу китайской надменности. Опала, постигшая несчастнаго Чунгъ-Хоу, явилась лишь прелюдіей къ открытому проявленію высокомернаго шовинизма придворныхъ интригановъ, какими окруженъ теперешній богдыханъ. И вотъ въ настоящее время китайцы принимаютъ вызывающій тонъ. Будетъ ли вѣтъ война Россіи съ Китаемъ, — объ этомъ только можно гадать. Не даромъ же про китайцевъ говорятъ дипломаты, что они лучший народъ въ мірѣ для сокрытія своихъ дѣлъ во мракѣ неизвѣстности. Пока есть основаніе полагать, что и въ самомъ Китаѣ далеко не всѣ желаютъ войны. Ея добивается консервативная партія, которая крѣпко держится старой идеи, что богдыханъ есть владыка всего міра, что ему болѣе или менѣе подчинены всѣ народы. Эта партія имѣетъ во главѣ двухъ императрицъ, признаваемыхъ настоящими регентшами, хотя ни одинъ китаецъ и не счумѣлъ бы опредѣлить, каковы ихъ собственно права и вліяніе на направленіе государственной политики. Съ ними за одно дѣйствуетъ отецъ нынѣшняго императора-ребенка, а увѣренность ихъ въ успѣхъ поддерживается Цзо-Цзунъ-Таномъ, генераль-губернаторомъ сосѣдней съ Сунгаріей провинціи, войскамъ котораго впервые пришлось бы встрѣтиться съ непріателемъ въ случаѣ объявленія войны. Это—дѣйствительно, замѣчательнѣйшій пѣзъ современныхъ сановниковъ Небесной имперіи, и мы считаемъ не лишнимъ охарактеризовать его личность, насколько позволяеть сдѣлать это недавно вышедшій трудъ г. Пясецкаго „Путешествіе по Китаю ¹⁾).

Важный и надменный, но утонченно-вѣжливый, генераль Цзо—небольшаго роста, довольно полный, лѣтъ около шестидесяти, и своимъ серьезнымъ и умнымъ лицомъ нѣсколько напоминаетъ Бисмарка только въ смугломъ видѣ, и не съ голубыми глазами и рыжими волосами, а черноглазаго брюнета. Знаменитые „три волоска“ растутъ у Цзо-Цзунъ-Тана не на головѣ, а на бородѣ, въ видѣ намека на эспаньолку. Такова его наружность.

¹⁾ Разборъ этой книги въ полномъ составѣ см. выше въ отдѣлѣ „Критика и Библиографія“.

По словамъ г. Пясецкаго, Цзо принадлежитъ къ тому разряду говоруновъ, которые, какъ соловьи, слушаютъ самихъ себя, вовсе не заботясь о томъ, слушаетъ ли ихъ ктонибудь или нѣтъ. Хотя нашему путешественнику, по несовершенному знакомству съ китайскимъ языкомъ, приходилось часто едва отгадывать, о чемъ идетъ рѣчь; тѣмъ не менѣе онъ, по собственному признанію, не могъ оторваться отъ увлекательнаго разговора Цзо и „слушалъ его, какъ чѣсно“. Цзо, можно сказать, не говорилъ, а игралъ на своей гортани, сопровождая эту музыку игрою своей физиономіи: то онъ говорилъ медленно, тихо, съ серьезнымъ и задумчивымъ выраженіемъ лица; то одушевлялся и тогда слова лились быстро; лицо принимало гнѣвное или доброе выраженіе, смотря по содержанию рѣчи.

Однажды—разсказываетъ г. Пясецкій—рѣчь зашла о религіяхъ. Цзо говорилъ что-то съ откровенной злобою противъ миссіонеровъ и переходящихъ въ христіанство китайцевъ, высказывая свой взглядъ, что крестившимся китайцамъ ужь и не надо оставаться въ Китаѣ.

— Принялъ другую вѣру, такъ ступай вонъ изъ своего государства,—ты ужь здѣсь не нуженъ.

Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ почтеніемъ о Кунъ-Фу-Цзы, ставилъ его выше Я-су (Иисуса) и никакъ не могъ согласиться съ заповѣдью Христа о прощеніи враговъ.

— Развѣ не лучше простить человѣку, который насъ, напримѣръ, ударилъ?—спросилъ г. Пясецкій.

— Нѣтъ, ударить его самого—лучше,—отвѣтилъ Цзо.—Я-Су былъ великій учитель, но когда у насъ есть Кунъ-Фу-Цзы, — продолжалъ Цзо — не надо намъ Я-Су.

Не выразивъ симпатіи ни къ христіанству, ни къ переходящимъ въ него китайцамъ, Цзо коснулся въ той же бесѣдѣ новѣйшихъ открытій въ области естественныхъ наукъ и ихъ практическимъ примѣненіямъ. Онъ немного зналъ о нихъ; но себѣ не желалъ изъ этихъ открытій ничего.

— Не надо намъ—говорилъ онъ—ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, потому что первые народъ будетъ безпрестанно портить, а вторыя сдѣлаютъ то, что множество людей останется безъ работы и умретъ съ голоду.

Г. Пясецкій передаетъ, между прочимъ, весьма любопытную бесѣду, которую ему пришлось слышать за обѣдомъ у Цзо. Рѣчь завелъ самъ генералъ о людяхъ, принадлежащихъ къ различнымъ націямъ. „У людей великихъ государствъ“ (по размѣру)—говорилъ онъ—„сердце прямое и, напротивъ, у людей государствъ маленькихъ—оно кривое“. Потомъ онъ сталъ проводить параллель между Россіей и Китаемъ и, между прочимъ, предложилъ вопросъ: кто изъ насъ кого побѣдитъ, если бы у насъ произошла война.

— Ну, какая же война съ нами, изъ за чего намъ ссориться! возразили русскіе собесѣдники генерала. Намъ надо быть друзьями въ общихъ интересахъ и мы вѣрно никогда съ вами воевать не будемъ.

— Конечно; я самъ такъ думаю; но мнѣ все-таки хочется знать ваше мнѣніе, такъ какъ вы видѣли много нашихъ войскъ. Чьи солдаты побѣдятъ, если взять равныя количества?—любопытствовалъ Цзо-Цзунъ-Танъ.

Собесѣдники генерала отвѣтили ему уклончиво, что, вѣроятно, силы окажутся равными, потому что китайская армія многочисленнѣе, но наши люди бѣе и, можетъ быть, вооружены лучше; но что храбрость войскъ, вѣроятно, одинаковая. Но Цзо не довольствовался и настаивалъ на прямомъ отвѣтѣ, на прямо поставленномъ вопросѣ:—кто кого побѣдитъ, если бы была война, словно онъ въ самомъ дѣлѣ собирался предпринять ее. „И онъ, говоритъ г. Пясецкій, попросилъ отвѣчать искренно, какъ мы думаемъ, оставивъ въ створѣ деликатность, которая, конечно, велитъ намъ сказать ему любезность“. Тогда одинъ изъ собесѣдниковъ отвѣтилъ ему, что, въ случаѣ войны, Россія одержитъ верхъ. Генералъ спросилъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, какъ онъ дума-

еть? Тотъ отвѣчалъ, какъ и первый. Потомъ генераль отобралъ мнѣніе у всѣхъ по очереди,—и отъ всѣхъ получилъ одинъ отвѣтъ, что русскіе побѣдятъ китайцевъ. Старикъ, повидимому, нивакъ не ожидалъ этого, и на нѣсколько минутъ даже упалъ духомъ, вдругъ задумался и какъ будто загрузтилъ... И эта внезапная грусть, которой Цзо не въ силахъ былъ скрыть, изобличала какіе-то замыслы противъ Россіи, которые онъ, очевидно, имѣлъ въ своей головѣ.

Въ видѣ иллюстраціи къ отвѣту русскихъ собесѣдниковъ Цзо можетъ служить между прочимъ слѣдующее описаніе маневровъ, видѣнныхъ г. Пясецкимъ въ Лань-Чжоу, — описаніе, по которому не трудно составить себѣ понятіе о китайскомъ войскѣ.

На плацу находились войска пѣхоты и конницы, всѣ одѣтыя въ ярко-цвѣтное платье; и вскорѣ они начали свои передвиженія, построенія, нападенія, отступленія и стрѣльбу залпами и бѣглымъ огнемъ,—словомъ, для непосвященнаго все тоже, что всегда бываетъ на маневрахъ. Послѣднія продолжались около трехъ часовъ съ перерывами, въ теченіи которыхъ солдаты сажались на землю отдыхать, разсѣявшись группами. и тогда равнина казалась издали покрытою многочисленными кучками яркихъ цвѣтовъ. Когда кончился смотръ настоящимъ солдатамъ, на сцену явились представители потѣшной арміи,—солдаты-дѣти, лѣтъ десяти, двѣнадцати,—такъ называемые Юй-бинги, въ числѣ пятнадцати или двадцати человѣкъ, обучаемыхъ, по мысли Цзо, военному дѣлу. Одинъ изъ генераловъ сдѣлалъ имъ перекличку, причемъ каждый выбѣгалъ впередъ и крикнувъ, кань-ю! (посмотри на меня) возвращался на свое мѣсто. Послѣ переклички они стали показывать нѣкоторыя гимнастическія упражненія, стрѣляли изъ лука и небольшихъ ружей; но при этомъ всѣ ихъ движенія сопровождалось какими-то странными ужимками и кривляньями, совершенно приличными клоунамъ, но вовсе не идущими къ солдату. Послѣ упомянутыхъ воиновъ-маріонетокъ, которымъ, однако, Цзо придаетъ серьезное значеніе, „передъ нами—говоритъ г. Пясецкій—явились стрѣлки съ особаго рода потѣшными ружьями. Послѣдніе представляютъ одинъ стволъ безъ прикладовъ и служатъ выраженіемъ самой безжалостной насмѣшки англичанъ надъ китайцами, которымъ были проданы старые ружейные стволы и передѣланы по особому, нигдѣ не виданному образцу. Курокъ въ этихъ ружьяхъ находится не сбоку, а наверху ствола, у казенной части; собачки нѣтъ, а онъ спускается посредствомъ прицѣпленной сбоку пружинки, которую надо придавить. Солдатъ беретъ такой ружейный стволъ въ обѣ руки, какъ акробатъ свой балансъ, потомъ сгибаетъ руки въ локтяхъ, плотно прижимаетъ послѣднія къ туловищу и онъ поднесъ ружье близко къ лицу, смотритъ влѣво, вдоль ствола и такимъ образомъ прицѣливается; затѣмъ нажимаетъ боковую пружину и дѣлаетъ выстрѣлъ...

Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о ружьѣ и способѣ стрѣльбы изъ него, тотъ пойметъ всю нехѣдность описаннаго ружья, и приѣма, а также все неудобство и трудность стрѣльбы; пойметъ, сколько выстрѣловъ кряду можно сдѣлать изъ такого ружья и каково должно быть рукамъ несчастныхъ солдатъ... По словамъ г. Пясецкаго, китайцы мало обращаютъ вниманія и на обученіе стрѣльбы въ цѣль; въ ихъ арміи почти не существуетъ этого, самаго существеннаго упражненія и нашъ путешественникъ не видѣлъ ни одного солдата изъ всѣхъ, кого только ни заставлялъ прицѣливаться, который бы имѣлъ понятіе о правильномъ держаніи ружья и умѣлъ бы вѣрно наводить его. А такихъ опытовъ г. Пясецкій сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, до ста въ разныхъ мѣстахъ. Большинство изъ нихъ даже прямо признавалось, что они умѣютъ стрѣлять только не цѣлясь; дѣйствительно, они стрѣляютъ изъ ружей, держа ихъ такъ, какъ будто намѣреваются идти въ штыки и во время выстрѣла смотрятъ вдаль на предметъ, въ который хотятъ попасть... И въ массу людей, говорятъ, попадаютъ, если только она стоитъ не вѣвъ выстрѣла китай-

скихъ ружей! Г. Пясецкій ружейной пальбы пулями не видалъ; за то онъ видѣлъ, какъ солдаты стрѣляли въ цѣль изъ упомянутыхъ безприкладныхъ ружей. Мишень представляетъ насаженное на палку металлическое кольцо, въ поляршина въ діаметрѣ, и находящееся приблизительно на уровнѣ головы стрѣлка; въ среднѣ кольца привѣшенъ кожаный кругъ меньшей величины и онъ свободно качается въ кольцѣ, если его вывести изъ равновѣсія. Мишень ставятъ отъ стрѣлка шагахъ въ пяти, шести и стрѣляютъ холостыми зарядами; а удачнымъ выстрѣломъ считается тотъ, отъ котораго кожаный кругъ въ кольцѣ закачается... Не хитро, кажется, хорошо стрѣлять при такихъ условіяхъ; но, по увѣренію автора „Путешествія“, солдаты и тутъ нерѣдко дѣлали промахи, то есть, кругъ оставался неподвижнымъ.

Послѣ этого, дѣйствительно, страннымъ представляется вопросъ Цзо-Цзунъ-Тана: „кто кого побѣдитъ?“

Посѣщеніе Императоромъ Александромъ II липецкихъ минеральныхъ водъ. Въ „Тамбовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ помѣщенъ не лишенный интереса рассказъ г. Григоровича о посѣщеніи нынѣ благополучно царствующемъ государемъ императоромъ, въ бытность его наслѣдникомъ цесаревичемъ, въ 1837 г., липецкихъ минеральныхъ водъ. Въ это время директоромъ водъ былъ нѣкто М. Ф. Мамановичъ, ветеранъ 1812 года, человекъ очень честный, добродушный и хорошій хозяинъ; но судьбѣ угодно было жестоко подшутить надъ старикомъ.

Царевичъ прибылъ въ Липецкъ, въ самый разгаръ лечебнаго сезона, 4 іюня, въ семь часовъ вечера.

Выслушавъ молебствіе въ соборѣ, онъ направился прямо въ нижній садъ минеральныхъ водъ, къ главному подъѣзду галереи; отсюда въ сопровожденіи своей свиты, директора водъ и многочисленной толпы народа, наслѣдникъ пошелъ осматривать все устройство заведенія, разспрашивая о встрѣчавшихся на пути остаткахъ Петровскихъ заводовъ. Все шло какъ нельзя лучше; цесаревичъ выражалъ свое удовольствіе, а Мамановичъ, упоенный мыслью, что его долготѣнныя труды обращаютъ на себя вниманіе высокаго гостя, считалъ себя счастливейшимъ человекомъ въ мірѣ. Но вотъ, одно неожиданное обстоятельство совершенно измѣнило картину общаго восторга и радости, омрачивъ и разстроивъ розовыя мечты Мамановича. Цесаревичъ, посѣтивъ и осмотрѣвъ главный колодезь, направился къ зданію ваннъ; но лишь только онъ съ своею свитой прошелъ по деревянному мостику, перекинутому черезъ р. Липовку, какъ сзади раздался ужасный трескъ и шумъ, а вслѣдъ затѣмъ послышались пронзительные крики, охи и вздохи, слѣдовавшей за августѣйшимъ посѣтителемъ толпы народа. Старый деревянный мостикъ, давно уже не отремонтированный, не выдержалъ тяжести и напора многолюдной толпы любопытныхъ, обрушился и провалился въ рѣку. Была минута общаго смятенія; вскорѣ однако выяснилось, что дѣло обошлось безъ несчастій, такъ какъ воды въ рѣкѣ всего было по колено, и случай этотъ оказался скорѣе комичнымъ, чѣмъ печальнымъ и серьезнымъ. Дѣйствительно, когда жертвы внезапнаго паденія, особенно дамы, стали вдоль береговъ карабкаться на сушу, обнаруживая жалкое состояніе своихъ костюмовъ и нарядовъ, картина вышла вполне забавная. Цесаревичъ улыбался, снисходительно выслушивая объясненія и извиненія обезкураженнаго директора водъ, для котораго случай этотъ былъ роковымъ сюрпризомъ. Замѣтивъ это, цесаревичъ, при дальнѣйшемъ осмотрѣ водъ, стараясь успокоить и обласать его, разговаривая съ нимъ крайне милостиво и благосклонно, освѣдомившись даже о его личномъ положеніи, семейный ли онъ или холостой. Мамановичъ отвѣтилъ, что имѣетъ семейство, и получилъ позволеніе представить цесаревичу свою супругу. Но тутъ снова надъ головою бѣднаго директора разразилась жалкая неудача. Въ торопяхъ, смущенный и разстроенный первюю неудачею, Мамановичъ не замѣтилъ, какъ жена его, все время державшаяся съ нимъ рядомъ, случайно отстала отъ него; не взглянувъ

въ лицо находившейся подлѣ него дамѣ, совершенно увѣренный, что это его жена, Мамановичъ беретъ ее за руку и представляетъ его высочеству. Но дама, которой досталась честь быть такъ неожиданно представленной вмѣсто г-жи Мамановичъ, когда уже представленіе кончилось, замѣтила тутъ же:— „Помилуйте, Максимъ Федоровичъ, откуда вы взяли, что я ваша жена?!“ Неизвѣстно замѣтилъ ли цесаревичъ эту сцену или нѣтъ, но Мамановичъ въ это время окончательно потерялся; его старческую грудь тѣснили слезы досады и огорченія, онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю, и только неизмѣнная доброта и любезность высокаго посѣтителя удержали его на ногахъ.

На этомъ однако не кончились неудачи Мамановича. Цесаревичъ, осмотрѣвъ воды и городъ, посѣтилъ также верхній садъ и долго любовался открывающимся отсюда восхитительнымъ видомъ на окрестности Липецка; говорятъ, что В. А. Жуковский, находившійся при цесаревичѣ, пытался даже срисовать этотъ видъ съ натуры. Изъ сада цесаревичъ позвалъ директора Мамановича къ своему чайному столу. Тамъ, узнавъ изъ разговора съ Мамановичемъ о скудности средствъ минеральныхъ водъ, его высочество предложилъ ему изъ собственныхъ денегъ тысячу рублей ассигнаціями на постройку обвалившагося мостика. Мамановичъ, все еще не собравшійся съ духомъ и не пришедшій въ себя, и при этомъ случаѣ не нашелся и продолжалъ свои неудачи: взявъ деньги въ руки, онъ, вмѣсто выраженія благодарности его высочеству, принялся усердно считать ихъ, какъ бы выражая этимъ сомнѣніе въ точности и вѣрности пожалованной суммы. Присутствовавшіе при этомъ замѣтили неловкій пріемъ директора и кто-то изъ нихъ сказалъ ему: „можете не считать: его высочество не станетъ обманывать васъ.“ Слова эти отрезвили растерянаго старика; онъ понялъ всю неловкость своего поступка и не могъ никогда простить себѣ этого.

Когда на слѣдующій день, въ 7 ч. утра, великій князь оставилъ Липецкъ, продолжая свой путь къ Воронежу, Мамановичъ вдругъ заболѣлъ. Бѣдный старикъ не могъ вынести стыда и у него открылась нервная горячка. Прошелъ мѣсяцъ; болѣзнь все усиливалась, а Мамановичъ и не думалъ прибѣгать къ врачебной помощи. Послѣднія неудачи убили въ немъ всякое уваженіе къ себѣ; онъ отказывался болѣе жить на свѣтѣ и скоро отдалъ Богу душу. Когда цесаревичъ, на обратномъ пути, былъ снова въ Липецкѣ, его встрѣчали уже новыя лица; его высочество освѣдомился насчетъ Мамановича и, узнавъ, что онъ уже умеръ, не мало пожалѣлъ о немъ.

Языкъ и литература современныхъ болгаръ. Извѣстный славистъ, профессоръ Берлинскаго университета, а нынѣ избранный на мѣсто И. И. Срезневскаго, но каведръ славянскихъ нарѣчій въ петербургскомъ университетѣ, В. В. Ягичъ помѣстилъ въ журналѣ „Deutsche Rundschau“ любопытную статью „О языкѣ и литературѣ нынѣшнихъ болгаръ“. Глава, посвященная языку заключаетъ въ себѣ—для людей, незнакомыхъ съ славянскими нарѣчіями—нѣсколько интересныхъ замѣчаній о разныхъ грамматическихъ особенностяхъ современнаго болгарскаго языка. По языку, болгаринъ наиболее сродни остальнымъ двумъ южнославянскимъ народамъ: сербамъ съ хорватами и словенами съ одной стороны и русскимъ—съ другой. Онъ занимаетъ между ними средину нетолько въ географическомъ, но и въ лингвистическомъ отношеніяхъ. Однако, нынѣшній болгарскій народный языкъ нѣсколько болѣе приближается къ сербскому, чѣмъ къ русскому; въ письменномъ языкѣ, впрочемъ, русское вліяніе проявляется съ болѣею силой не въ одной орфографіи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и цѣлыхъ оборотахъ; объясняется же это тѣмъ, что большинство болгарскихъ писателей если и не получило образованія въ Россіи, то училось по русскимъ книгамъ или переводило ихъ.

Что болгары будутъ стараться освобождать свой письменный языкъ отъ чуждыхъ элементовъ, это—по словамъ г. Ягича—можно было бы предполо-

жить, хотя бы на то и не существовало уже положительныхъ доказательствъ. Съ 1878 года въ Софіи издается летучій листокъ „Наковальня“, задача котораго—замѣнять вошедшія въ болгарскій языкъ греческія, турецкія, русскія, сербскія выраженія, чисто болгарскими. Листокъ этотъ постоянно исправляетъ слогъ другихъ газетъ, конечно не исключая и правительственныхъ изданій. „Редакторъ, повидимому, человекъ съ радикальными наклонностями: ко всѣмъ иностраннымъ словамъ онъ относится такъ строго, что у него не находятъ пощады ни „почта“, ни „телеграфъ“, ни „банкиръ“, ни „министръ“. Все это должно быть выражено чисто по болгарски“.

Въ главѣ о литературѣ профессоръ Ягичъ особенно подчеркиваетъ одно обстоятельство, характеризующее болгаръ. Это стремленіе къ водворенію національнаго элемента въ области воспитанія, а слѣдовательно и литературы, стремленіе пробудившееся въ началѣ тридцатыхъ годовъ, нынѣшняго столѣтія и до послѣдняго времени съ возможною энергіею поддерживаемое, не смотря на политическія невзгоды.

Первая болгарская школа была учреждена въ Габровѣ въ 1835 году; другіе города успѣли послѣдовать такому примѣру. Въ теченіи десяти лѣтъ, число школъ, устроенныхъ на частныя или городскія средства, дошло въ Болгаріи до 53-хъ. Въ 1871 году Габрово (городокъ съ 1300 домами) насчитывалъ уже шесть школъ для мальчиковъ и двѣ для дѣвочекъ, и школы эти посѣщало 1500 дѣтей. Для обученія въ школахъ потребовались, конечно, учебники и ихъ принялись переводить съ разныхъ языковъ, нерѣдко, конечно, на удачу, а не по разумному выбору. Печатаніе этихъ переводовъ встрѣчало не мало препятствій, такъ какъ въ самой Болгаріи типографіи долго не разрѣшались. Первая книга—молитвенникъ епископа врацкаго, Софронія—вышла въ 1806 году, въ Рымникѣ (въ Валахиі), а нѣсколько другихъ, вслѣдъ затѣмъ, были отпечатаны въ Будахъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, Сербія оказала болгарамъ дружескую услугу: учебники, составленные для первой габровской школы первымъ учителемъ въ ней, нѣкимъ Неофитомъ, изданы на счетъ сербскаго правительства въ Крагуевацѣ и Бѣлградѣ. Вскорѣ потомъ въ Смирнѣ учреждена была болгарская типографія. Съ пятидесятыхъ годовъ Константинополь считался средоточіемъ болгарской литературы, но много книгъ печаталось и въ Вѣнѣ. Политическія брошюры издавались преимущественно въ Румыніи. Только съ 1866 года разрѣшено было печатать кое что въ Русукѣ. Послѣ новѣйшей войны въ Болгаріи и Румелии завелись уже десять типографій, если не болѣе, въ Софіи, Филиппополѣ, Русукѣ, Трновѣ, Сливнѣ и Свищовѣ.

Изъ переводчиковъ образцовыхъ произведеній иностранныхъ литературъ, наиболѣе славится у болгаръ Михайловскій, но въ новѣйшей болгарской литературѣ нѣтъ недостатка и въ оригинальныхъ произведеніяхъ, входящихъ въ сферу беллетристики и драмы. Изъ нувеллистовъ особенно выдавался покойный Каравеловъ, который былъ замѣчательнымъ публицистомъ, а изъ драматурговъ Войничковъ, написавшій, еще два десятилѣтія назадъ, когда вошло въ моду представленіе пьесъ на болгарскомъ языкѣ любителями, нѣсколько оригинальныхъ произведеній на сюжеты, заимствованные изъ отечественной исторіи. По части патріотическихъ стихотвореній и сатирическихъ статей въ народномъ духѣ, большою популярностію и до сихъ поръ еще пользуется Славейковъ.

Для научнаго изслѣдованія языка своего, болгаре, по словамъ профессора Ягича, сами до сихъ поръ почти ничего не сдѣлали. Практическихъ грамматикъ у нихъ, правда, очень много, но лучшей изъ нихъ и до сихъ поръ остается та, которую издавалъ въ Вѣнѣ, въ 1862 году, Занковъ на нѣмецкомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ.

Наибольшую дѣятельность болгаре съ тѣхъ поръ, какъ въ средѣ ихъ началось національное движеніе, выказали въ области журналистики. Потребность въ чтеніи газетъ распространилась между ними очень быстро, но существова-

ніе газетъ, большею частью, было недолговѣчно. Попытки основанія ежемѣсячныхъ научныхъ и литературныхъ журналовъ также имѣли слабый успѣхъ, по немнѣннѣ способныхъ и подготовленныхъ къ дѣлу сотрудниковъ. По замѣчанію профессора Ягича, въ болгарской литературѣ вкоренилась между журналистами дурная привычка: при всей слабости наличныхъ литературныхъ силъ, постоянно конкурировать другъ съ другомъ и полемизировать между собою. Такими перебранками и питается, главнымъ образомъ, тотъ десятокъ политическихъ газетъ, которыя выходятъ въ Болгаріи.

Изъ всѣхъ явленій болгарской литературы, наибольшую цѣну или, по крайней мѣрѣ, наибольшее научное значеніе имѣютъ изданія народныхъ пѣсенъ, рассказовъ и поговорокъ. До сихъ поръ отпечатано отъ четырехъ до пяти тысячъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ, частью разбѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, частью вошедшихъ въ особыя сборники.

Упомянутая объ этомъ, г. Ягичъ заключаетъ свою статью слѣдующимъ выводомъ: „не блистательна картина, нарисованная мною. Средневѣковая западная Европа съ ужасомъ и отвращеніемъ произносила имя болгаръ, какъ нечистыхъ еретиковъ; лучше та роль, которую привелось имъ играть на востокѣ Европы, гдѣ они предшествовали русскимъ и сербамъ работою въ области церковно-славянской письменности. Тотъ капиталъ, который древніе болгарскіе славяне помѣстили у древнихъ русскихъ славянъ сужженіемъ этихъ послѣднихъ письменнымъ и церковнымъ языкомъ, потомки получившихъ ссуду, возвратили въ наше время съ громаднѣйшими процентами. Отъ болгаръ зависитъ теперь доказать, что они умѣютъ самостоятельно и умно распоряжаться полученнымъ обратно капиталомъ. То короткое пространство времени, которое обнимаетъ ихъ новая литература, было недостаточно, чтобы оказалось возможнымъ произвести больше, чѣмъ произведено на самомъ дѣлѣ. Болгарскіе литературные дѣятели обладаютъ зрѣлостью сужденій въ незначительной степени: оригинальностью—еще меньше; они обнаруживаютъ больше прилежанія и еще больше торопливости и суетливости. Болгарамъ необходимо теперь твердое, сознающее свои цѣли правительство, для того чтобы они могли перейти съ неправильныхъ путей, по которымъ направлялись ихъ усилія до сихъ поръ, на правильно устроенную дорогу общественнаго порядка.“

Армянская историческая литература. Въ армянскомъ журналѣ „Бардцъ“ („Опытъ“) помѣщена обширная статья профессора с.-петербургскаго университета К. П. Патканова, объ исторической литературѣ Арменіи, причемъ, въ сжатомъ видѣ изложена исторія армянскаго государства съ древнѣйшихъ временъ и, сверхъ того, приведены свѣдѣнія о книгохранилищахъ произведеній армянской словесности и объ ученыхъ трудахъ, ей посвященныхъ. Древняя армянская литература въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, по словамъ г. Патканова, занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду литературъ другихъ націй; можно сказать даже, что между азіатскими народностями нѣтъ націй (за исключеніемъ развѣ арабовъ), которая бы оставила по себѣ столько письменныхъ памятниковъ, причомъ послѣдніе знакомятъ насъ не только съ исторіею Арменіи, но и съ исторіею пограничныхъ съ нею государствъ. Армянская литература началась переводами богослужебныхъ книгъ и сочиненій, пользовавшихся міровою извѣстностью; изъ оригинальныхъ же сочиненій—чисто праздничными проповѣдями, объясненіями текстовъ священнаго писанія, а равно и нѣсколькими историческими хрониками. Борьба за независимость армянскаго народа, подъ давленіемъ двухъ противоположныхъ вліяній—Византіи и Персіи—борьба, окончившаяся въ V-мъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ паденіемъ армянскаго царства, вызвала множество народныхъ сказаній, воспѣвавшихъ подвиги княжескихъ родовъ. Объ этихъ сказаніяхъ сохранились свѣдѣтельства и отрывки въ книгѣ византійскаго историка IV-го вѣка, Фаустоса, котораго достовѣрность и авторитетъ г. Паткановъ усиленно старается защитить въ своей статьѣ. По мѣрѣ развитія интереса къ армянской литературѣ,

въ послѣднія двадцать лѣтъ сдѣлались извѣстными и такія произведенія, о которыхъ мало кто зналъ прежде, и въ настоящее время число изданій армянскихъ историковъ дошло до почтенной цифры 57. Въ числѣ причинъ, по которымъ до послѣдняго времени армянская литература была не доступна ученымъ изслѣдователямъ, г. Паткановъ указываетъ, между прочимъ, и на то обстоятельство, что армяне не избрали опредѣленнаго центра для печатанія своихъ книгъ: онѣ были изданы и продолжаютъ издаваться въ Амстердамѣ и Константинополѣ, Венеціи и Эчмиадзинѣ, Парижѣ и Иерусалимѣ, Мадрастѣ и Москвѣ, Калькутѣ и Смирнѣ, Ливорно и Петербургѣ.

Переводы и выдержки изъ армянскихъ историковъ печатаются и въ другихъ городахъ Европы и нерѣдко въ специальныхъ журналахъ или сборникахъ малораспространенныхъ. Зная это, г. Паткановъ собралъ все, что въ настоящее время извѣстно изъ армянской исторической литературы. По его мнѣнію, слѣдующія сочиненія могутъ служить руководствомъ къ изученію армянской литературы:

По достоинству и времени первое мѣсто занимаютъ:

1) Quadro della Storia litteraria di Armenia estesa da Monsign. Placido Suvias Somal, Arcivescovo di Siouia et abbate generale della Congregazione dei monachi armeni Mechitaristi di st. Lazzaro, Venezia 1829.

2) Versuch einer Geschichte der armenischen Litteratur nach den Werken der Mechitaristen, frei bearbeitet von C. F. Neumann. Leipzig 1836.

3) Бѣглый взглядъ на исторію гайканской литературы до конца XIII ст., Ст. Назарянца. См. ученые записки казанскаго университета за 1844 г. стр. 46—95.

4) Обзорѣніе гайканской письменности въ новѣйшія времена, Ст. Назарянца. См. ученые записки казанскаго университета за 1846 г. кн. II, стр. 1—158.

5) Beiträge zur armenischen Literatur, von C. F. Neumann. Lieferung München 1849.

6) Catalogue of all works knoppto existe in the armenian language of a date carliez than the seventeentz centur by ker. H. G. Dwigt. Jn. Journal of american oriental society, III. Vol Numb. II. New Jork. M. Dceesm.

7) Исторія ар. лит. (періодъ, когда не было письменъ) отецъ Іосифъ Гатрджіанъ Мхитаристъ.

Вѣна 1851.

8) Catalogue de la litterature armenienne, depuis le commencement du IV siècle jusque vers le milieu du XVII, par M. K. Patkanian 1860 Bullet. de l'Acad. de St. Petersb. II p. 44—91.

9) Исторія ар. лит. для ар. школъ I т. Древняя исторія. Гарегинъ Зарбаналианъ. Венеція 1865 г.

10) Исторія армянъ для ар. школъ II т. Новая исторія Г. Зарбаналианъ, Венеція 1878 г. Трудъ этотъ сообщаетъ намъ прелюбопытныя свѣдѣнія о литературѣ новѣйшаго времени и ея настоящемъ положеніи, но къ сожалѣнію онъ страдаетъ немного послѣдностью, а съ библиографической стороны даже неудовлетворителенъ.

11) Report on Armenian, by Prof. Hübschmann въ годичномъ отчетѣ лингвистическаго общества.

Что касается изученія армянскаго языка и литературы, нѣмъ посчастливилось больше всего во Франціи, менѣе—въ Германіи и Англии и еще менѣе въ Россіи.

„Очень естественно—говоритъ г. Паткановъ, что русское образованное общество индифферентно къ литературѣ, неимѣющей міроваго значенія; но въ каждомъ государствѣ есть такъ называемый интеллигентный кружокъ лицъ, для котораго интересна жизнь, исторія и литература вообще даже мало извѣстныхъ націй“.

Къ сожалѣнію, въ Россіи недостаточно великъ этотъ кружокъ:

„Даже ученые и спеціалисты, отъ которыхъ, по роду ихъ занятій, слѣдовало бы ожидать больше интереса къ такого рода изслѣдованіямъ, смотрятъ на него такъ равнодушно, что только такъ сильная воля и большой трудъ не дозволяютъ еще имъ остыть къ интересующему насъ предмету“.

До какой степени незначительно знакомство съ армянскою словесностію, даже въ средѣ нашихъ ученыхъ, можетъ служить доказательствомъ изданіе петербургскаго академика Броссе „Collections des historiens armeniens“, которое, по словамъ профессора Патканова, отличается невѣрнымъ переводомъ текста и недостаточнымъ знакомствомъ съ армянскимъ нарѣчіемъ, а также непониманіемъ выраженій, заимствованныхъ у мохамеданъ.

Изъ архивовъ, гдѣ въ настоящее время собрано большое количество рукописей, первое мѣсто принадлежитъ Эчміадзинскому монастырю. Эчміадзинская бібліотека помѣщается въ пяти большихъ комнатахъ, изъ которыхъ въ двухъ стоятъ 14 шкафовъ съ рукописями, двѣ заняты печатными книгами, а послѣдняя предназначена для занятій. Число рукописей простирается до 2,726, число книгъ на армянскомъ языкѣ 835 томовъ и 231 на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Далѣе, въ венеціанскомъ мхитаристскомъ монастырѣ св. Лазаря рукописей насчитывается до 450; въ вѣнскомъ мхитаристскомъ соборѣ 305, въ парижской національной бібліотекѣ собраніе армянскихъ рукописей достигаетъ 260, въ бібліотекѣ московскаго лазаревскаго института 130, въ берлинской королевской бібліотекѣ 80, въ мюнхенской „болѣе 40“, въ бібліотекѣ севанскаго монастыря 180. Сверхъ того, армянскія рукописи хранятся еще во многихъ другихъ мѣстахъ; но объ этомъ г. Паткановымъ приведены неполныя свѣдѣнія, что заявлено, между прочимъ въ газетѣ „Мшавъ“ архимандритомъ Бастамовымъ.

Владимірская епархіальная бібліотека. Владимірская епархіальная бібліотека, по своему богатству и разнообразію находящихся въ ней книгъ, рукописей, плановъ, картъ и эстамповъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Начало ея положено вскорѣ по пріѣздѣ пресв. Іакова во Владиміръ — бібліотекою, купленною имъ у наслѣдниковъ умершаго профессора владимірской семинаріи, М. М. Соловьева, книги котораго, за исключеніемъ немногихъ, — богословскаго содержанія. М. М. Соловьевъ былъ родной братъ пресвященнаго волынскаго Агаѳангела, и, благодаря этому, въ книгахъ профессора Соловьева попали въ епархіальную бібліотеку печатные и непечатные труды этого архипастыря. Къ книгамъ Соловьева присоединены были книги, весьма цѣнныя по содержанію, придворнаго протоіерея І. Рождественскаго, присланныя на благоусмотрѣніе мѣстнаго епископа. Имѣя подъ руками эти двѣ, довольно, впрочемъ, не малыя бібліотеки, пресвященный Іаковъ, въ концѣ февраля 1874 года приказалъ открыть двери вновь устроенной подъ Крестовой церковью бібліотеки желающимъ пользоваться бесплатнымъ чтеніемъ книгъ какъ въ залѣ бібліотеки, такъ и внѣ ея. Это расположило очень многихъ къ посильнымъ пожертвованіямъ. Отсюда понеслись весьма разнообразныя по качеству и содержанію книги. Не было дня, чтобы бібліотекаръ не записалъ во входящій журналъ нѣсколькихъ пожертвованій. Въ 1874 году знаменитая бібліотека пресвященнаго Аполлиарія, викарія кievской епархіи, умершаго въ 1858 году, почти всецѣло была подарена въ епархіальную бібліотеку родной сестрой покойнаго. Въ 1875 году фундаментальная бібліотека при владимірской духовной семинаріи подѣлилась съ епархіальной бібліотекѣю частію своихъ дубликатовъ. Въ 1876 г. московская епархіальная бібліотека, помня и цѣня труды пресвященнаго Іакова въ устройствѣ ея, не замедлила выслать почти всѣ свои дубликаты нашей епархіальной бібліотекѣ. Справедливость требуетъ сказать, что даръ московской епархіальной бібліотеки своимъ количествомъ и качествомъ въ дѣтонисяхъ владимірской епархіальной бібліотеки займетъ видное мѣсто. Въ 1877 году С. С. Волчковъ прислалъ въ даръ нашей бібліо-

текъ свою бібліотеку, фоліанты которой, почти всѣ на французскомъ и итальянскомъ языкахъ, напечатанные въ прошломъ столѣтіи, служатъ украшеніемъ епархіальной бібліотеки. Въ недавнее время поступили двѣ фамильныя помѣщичьи бібліотеки, Горчакова и Гамбурцова, бывшія въ эпоху помѣщичьихъ правъ украшеніемъ русскихъ помѣщичьихъ палатъ.

Наконецъ, 1879 годъ былъ самымъ счастливымъ годомъ для епархіальной бібліотеки. Въ лѣтніе мѣсяцы этого года поступили въ нее бібліотеки профессора московскаго университета И. Д. Бѣляева, умершаго въ 1873 году, и предсѣдателя владимірской земской управы, П. И. Николаева, умершаго въ 1879 году. Не говоря о качествахъ этихъ двухъ послѣднихъ бібліотекъ, опредѣлить которыя составитъ не маловажный трудъ, скажемъ, что количествомъ своимъ онѣ превышаютъ трехтысячную цифру. Первая изъ нихъ приобрѣтена бібліотекою на деньги, пожертвованныя исключительно на эту бібліотеку Р. А. Кайсаровымъ ¹⁾, а вторая, въ количествѣ около 500 томовъ, поступила по завѣщанію владѣльца оной. Кромѣ этихъ крупныхъ пожертвованій, въ бібліотеку поступали и мелкія, отъ лицъ разнаго званія и пола. Въ спискѣ бібліотеки можно видѣть слѣдующія фамиліи: Н. Артлебенъ, К. Булгаковъ, В. Ненарокомовъ, еписк. Платонъ, К. Тихонравовъ, А. Шишковъ, архіеп. Алексій, Н. Никулинъ, еписк. Теофанъ, кн. Мещерскій, еписк. Хрисанфъ, А. Невскій, П. Мухановъ, А. Голяшкинъ, К. Юрковъ, Каретниковъ, С. Гарфлинъ, игуменъ Исаакій и друг.

Въ настоящее время въ епархіальной бібліотекѣ насчитываютъ болѣе 12,000 книгъ, имѣющихъ не малую цѣну и распределенныхъ въ систематическомъ порядкѣ на 22 отдѣла, изъ коихъ 9 занимаетъ духовная литература, а остальные—свѣтская. Особенное вниманіе обращаютъ на себя отдѣлы—Св. писанія и изъясненія его, исторія, правовѣдѣнія и энциклопедія.

Отдѣлъ Св. писанія замѣчательнъ разнообразіемъ форматовъ, разновременностію выходовъ, разнообразіемъ печати и наконецъ разнообразіемъ нарѣчій: есть на еврейскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ. По изъясненію Св. писанія изъ нашихъ русскихъ современныхъ толковниковъ занимаютъ видное мѣсто: пр. Теофанъ, Нѣканоръ, Михаилъ и др., а изъ иностранныхъ—Роземюллеръ (28 томовъ), Дитмаръ, Лангенъ, Алліоли, Ольсгаузенъ, Шнаппингеръ и др.

Отдѣлъ исторіи заключаетъ въ себѣ слишкомъ 1,000 томовъ. Въ немъ по обилію и цѣнности занимаютъ первое мѣсто сочиненія по русской исторіи, въ числѣ коихъ находятся лѣтописи различныхъ изданій, государственныя грамоты, акты, російская вицеліонка, дѣянія съ дополненіемъ Петра Великаго, дворцовыя разряды и другія цѣнности этого рода. Изъ историковъ здѣсь встрѣчаются Щербатовъ, Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ, Погодинъ, Устряловъ, Полевой и другіе.

Отдѣлъ исторіи церкви очень богатъ матеріалами: цѣлыя полки, напримеръ, занимаетъ описательный отдѣлъ — житія святыхъ (есть за нѣсколько мѣсяцевъ Четвѣй-миней митроп. Макарія), описаніе церквей, монастырей, иконъ, мощей, церковныхъ принадлежностей, путешествія къ св. мѣстамъ и др.

Въ отдѣлѣ энциклопедіи по красотѣ и цѣнности изданій, въ настоящее время едва ли не составляющихъ бібліографическую рѣдкость, считаемъ нужнымъ обратить особенное вниманіе любителей и цѣнителей рѣдкихъ сочиненій на фоліанты, относящіяся до архитектуры и искусствъ классической древности Греціи и Рима. Фоліанты эти, числомъ 11, на толстой прекрасной бумагѣ, самой лучшей, отчетливой печати, съ прекрасно-выполненными во весь листъ ри-

¹⁾ Библіотека профессора Бѣляева раздѣлялась на двѣ части: 1-я часть состояла изъ рукописей, которая въ полномъ своемъ составѣ продана въ моск. румянцовскій музей (черновой списокъ этихъ рукописей имѣется въ епарх. бібліотекѣ), а 2-я часть, въ числѣ болѣе 2-хъ тысячъ томовъ печати, продана въ епарх. бібліотеку.

сунками древнихъ статуй, архитектурныхъ сооружений, колоннъ, портиковъ, развалинъ и т. п. съ итальянскимъ и французскимъ текстомъ,—изданы въ прошломъ столѣтїи въ Неаполѣ и Парижѣ. Но особенное вниманіе въ этомъ отношенїи заслуживаетъ амстердамское изданіе 1734 года (7 томовъ) — историческій, географическій и хронологическій атласъ со множествомъ картъ и рисунковъ.

Не маловажную цѣнность составляютъ рукописи и славянскія старопечатныя книги, числомъ около двухъ сотъ. Къ сожалѣнію, въ библиотекѣ нѣтъ полнаго каталога этимъ цѣностямъ. Рукописей, попавшихъ въ каталогъ—55; но мы знаемъ, что ихъ будетъ гораздо болѣе. Старопечатнымъ книгамъ существуютъ отдѣльные списки. Между первыми есть не мало произведеній конца XV а начала XVI стол. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: почти полный кругъ мѣсячныхъ миней, судя по подписямъ на листахъ относящихся къ концу XV вѣка, полулистовое евангеліе, расположенное по евангелистамъ, и рукопись уставная съ подписями разныхъ временъ, по одной изъ коихъ она относится къ началу XVI вѣка. Изъ рукописей на пергаментѣ, выдѣляется нѣсколько польскихъ грамотъ, съ 1579 по 1626 годъ, съ подписью „Сигизмундъ“ и съ хорошо сохранившимися сургучными печатами. Есть, между прочимъ, много рукописей чисто раскольниковъ содержанія, которыя, впрочемъ, почти всѣ—компиляція съ древнихъ книгъ или измышленія самихъ раскольниковъ конца XVIII вѣка.

Изданіе словацкихъ народныхъ пѣсенъ. Въ ряду западославянскихъ народовъ самый близкій и родственнѣйшій намъ народъ—словаки. Ихъ народныя пѣсни, по отзыву компетентныхъ лицъ, по своему поэтическому и музыкальному достоинству могутъ быть поставлены на ряду съ русскими и сербскими. Недавно въ турчанскомъ Святѣмъ Мартинѣ (Thurocz Szent Márton) въ Венгріи образовался, подъ предѣлательствомъ извѣстнаго словацкаго патріота Ивана Францисци, комитетъ для изданія „Словацкихъ народныхъ пѣсенъ“ съ мелодіями. Комитетъ этотъ составилъ воззваніе къ любителямъ славянской народной поэзіи и музыки въ Россїи, которое мы и приводимъ здѣсь, въ тѣхъ видахъ, что русская публика безъ сомнѣнія не откажется въ поддержкѣ литературнаго предпрїятія словаковъ. Вотъ это воззваніе:

„Словацкія народныя пѣсни давно уже возбуждали въ знатокахъ вниманіе и даже удивленіе своею оригинальностью, глубокой старобитностью и высокими музыкальнымъ достоинствомъ. Это настоящій драгоценный кладъ не только словаковъ, но и всего славянства. И этотъ кладъ сокрытъ, что алмазь, въ землѣ, никто имъ не наслаждается и не пользуется, такъ какъ онъ не извѣстенъ еще и не доступенъ желающимъ. Было сдѣлано нѣсколько скромныхъ попытокъ сдѣлать словацкія народныя пѣсни доступными въ печати, какъ славянскому, такъ и вообще музыкальному обществу; но попытки эти не имѣли успѣха по причинѣ финансовыхъ затрудненій въ предпрїятїи, соединенномъ съ расходами, столь значительными.

„Въ видахъ спасенія этого народнаго клада отъ опасностей забвенія, случайныхъ искаженій и намѣренной порчи, нѣсколько словацкихъ патріотовъ задались цѣлю издать возможно обширное собраніе словацкихъ пѣсенъ съ ихъ мелодіями и возложили исполненіе этого предпрїятія на нижеподписавшихся членовъ составленнаго для этой цѣли комитета.

„Желая оповѣстить объ этомъ предпрїятїи не только словацкую, но по возможности всю славянскую публику и въ виду общеславянской важности этого дѣла, комитетъ рѣшилъ обратиться и къ русской публикѣ съ покорною и вмѣстѣ настоятельною просьбою принять посильное участіе въ этомъ предпрїятїи и поддержать его своимъ содѣйствіемъ.

„Мы откровенно сознаемся, что намъ прежде всего необходимы денежныя средства для осуществленія нашего обширнаго и дорогаго стоящаго предпрїятія, такъ какъ много пѣсенъ находится уже въ нашемъ распоряженїи и запасъ

этотъ непрерывно прирастаетъ. Особенно въ началѣ предпріятія необходимо сдѣлать значительныя затраты. Къ тому же намъ необходимо знать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ долженъ быть печатанъ сборникъ словацкихъ пѣсенъ.

„Сборникъ этотъ будетъ издаваться выпусками въ 4—5 печатныхъ листовъ средней четвертки. Объемъ его не можетъ быть еще опредѣленъ, такъ какъ много матеріаловъ не доставлено еще комитету. Теперь мы можемъ заявить то, что печатаніе сборника начнется въ первой половинѣ 1880 г. и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока матеріалъ не будетъ по возможности исчерпанъ.

„Было бы желательно, чтобы лица, желающія получить сборникъ „словацкихъ пѣсенъ“, по мѣрѣ его печатанія, выслали нѣкоторую сумму денегъ, послѣ чего имена ихъ занесены будутъ въ списокъ пренумерантовъ. По мѣрѣ выхода выпусковъ сборника изъ печати, подписчики будутъ получать ихъ въ франкированныхъ посылкахъ, пока стоимость высланныхъ выпусковъ не сравнится съ суммою подписного вклада. Всѣ вклады подписчиковъ будутъ вноситься въ свято-мартинскую акціонерную сберегательную кассу и расходоваться съ особой отчетностью. Всѣ заявленія о подпискѣ „на словацкія народныя пѣсни“ и подписные вклады должны быть высланы (и по возможности раньше), на имя Ивана Франциски, по адресу: An Herrn Iohann Francisci in Thuráz Szent Marton in Ungarn“.

Подъ этимъ воззваніемъ подписались члены комитета для собранія и изданія „Словацкихъ народныхъ пѣсенъ“: директоръ акціонернаго типографскаго общества въ турчинскомъ Святомъ Мартинѣ Иванъ Франциски, адвокаты: Павелъ Мудренъ и Андрей Галаша, профессоръ и редакторъ „Словацкихъ народныхъ пѣсенъ“ Иванъ Кадавый.

Внутреннее убранство будущаго историческаго музея въ Москвѣ. Хотя окончательная отдѣлка историческаго московскаго музея отсрочена на неопредѣленное время и къ будущему юбилейному торжеству Россіи проектирована лишь кафельная облицовка главнаго фасада зданія на Красную площадь, тѣмъ не менѣе архитекторъ музея, г. Шервудъ, продолжаетъ выработку проектовъ внутренняго убранства залъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, каждая будетъ посвящена отдѣльному историческому періоду. Главными руководителями художника, намѣчающими, какіе моменты и характеры культурной жизни русскаго народа должны быть выяснены и въ какихъ приблизительно формахъ, были наиболѣе видные представители русской науки—Ф. И. Буслаевъ и покойный С. М. Соловьевъ. Многіе проекты, достигшіе окончательной отдѣлки, были одобрены августѣйшимъ предсѣдателемъ музея, Государемъ Наслѣдникомъ; поэтому есть теперь надежда на ихъ осуществленіе, хотя, можетъ быть, и не скорое.

Представляемъ краткій очеркъ этихъ проектовъ.

Первая большая входная аванзала обѣщаетъ быть убранной со вкусомъ и великолѣпіемъ, еще невиданнымъ въ Москвѣ. Ея русскія архитектурныя формы будутъ изображены кафельными эмальированными плитами бирюзоваго цвѣта съ накладными посеребренными разводами и цвѣтами, представляющими точную копію съ узоровъ мороза на стеклахъ; на панеляхъ и рамахъ положены будутъ хрустальныя шестиугольныя звѣзды въ видѣ кристалловъ снѣга; карнизъ будетъ убранъ орнаментами, напоминающими ледяныя сосульки; кувшиннообразныя русскія колонны выложены хрустальными накладками разныхъ причудливыхъ формъ. Такое убранство хорошо принаровлено къ неособенно сильному освѣщенію аванзалы. Мраморныя панели, пьедесталы и площадки лѣстницы предполагается уставить бронзовыми статуями. Надъ входною дверью—Геродотъ, отецъ исторіи и писатель, сообщившій первыя достовѣрныя свѣдѣнія о современныхъ ему обитателяхъ Россіи; прямо противъ входа—колоссальная статуя апостола Андрея Первозваннаго, перваго проповѣдника христіанства въ Россіи. Позади статуи—огромный пролетъ, сквозь который видны по-

злащенные куполообразные своды слѣдующей залы, посвященной византийскимъ древностямъ и убранной въ стилѣ храма св. Софіи въ Константинополѣ. Вокругъ статуи св. Андрея размѣщены фигуры, характеризующія культурный бытъ древней Россіи: скиѣтъ пьющій изъ черепа, скиѣтъ стрѣляющій изъ лука, земледѣлецъ, Баянъ, мать съ ребенкомъ, рыбакъ и многія другія. На стѣнахъ шесть большихъ фресокъ, прекрасно гармонирующихъ съ общимъ тономъ залы. Три съ лѣвой стороны выясняютъ главныя черты арійскихъ религиозныхъ воззрѣній: богъ — громовникъ, поражающій молніей духовъ тьмы, богатырь, поражающій трехглавое чудовище, и патриархальная семья, поклоняющаяся огню; справа—первобытная жизнь славянъ въ Россіи, изображенная въ нѣсколькихъ группахъ; внутренность избы, въ которой паренъ раненъ подкравшимся къ нему дикаремъ; битва осѣдлыхъ обитателей лѣсовъ со степными кочевниками и развитіе земледѣлія. Мы остановились такъ подробно на этой первой аванзалѣ, какъ представлявшей, по скудности ученыхъ матеріаловъ, особыя трудности и нынѣ уже окончательно обдуманной. Проекты, исполненные въ краскахъ въ довольно крупномъ масштабѣ представляютъ, не говоря уже объ ученое и художественное значеніи, еще выдающійся техническій интересъ, образецъ акварельнаго искусства и безподобной гармоніи подобранныхъ красокъ. Послѣдними достоинствами рѣдко отличаются новыя произведенія въ русскомъ стилѣ.

Изъ слѣдующихъ залъ, помѣщеніе, отведенное собраніямъ періода Кіевской языческой Руси, все будетъ облицовано дубомъ. Верхнія части стѣнъ убраны раскрашенными рѣзными фигурами, заимствованными изъ украшеній, найденныхъ въ приднѣпровскихъ курганахъ (преимущественно изъ раскопокъ варшавскаго профессора г. Самоквасова). Переплетающіяся змѣи, драконы, уродливыя рогатыя фигуры норманскаго стили исполнены въ очень крупномъ масштабѣ и дѣлаютъ залу похожей на чертоги какого нибудь колдуна, въ родѣ Черномора. Низкій потолокъ составленъ изъ деревянныхъ крышекъ и въ срединѣ его вставлены картины, изображающія мнѣмъ финновъ, литовцевъ и славянъ: мірозданіе по Калевалѣ, морское чудо, лѣшій, русалки, соловей-разбойникъ и др. На стѣнахъ фрески: извѣстный обрядъ погребенія языческаго князя, по свидѣтельству арабскаго путешественника Ибнъ-Фондана, умыканіе невѣсты, Ольга въ Византіи, свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ, Владиміръ и Рогнѣда и друг.; свѣтлымъ пятномъ на темноватомъ дубовомъ фонѣ этой залы является бѣлая мраморная статуя св. Ольги.

Продолговатая суздальская зала расположена параллельно новгородской между ними большой пролетъ, въ который вставлена конная статуя Александра Невскаго. Суздальская зала исполнена въ романскомъ стилѣ; большія и малыя полукруглыя арки, ряды колонокъ, опирающихся на животныхъ, медальоны съ звѣрями и птицами скопированы съ извѣстныхъ украшеній Дмитровскаго собора XII вѣка. Орнаментъ вездѣ золотой на темно-лиловомъ бархатѣ. Своды потолоковъ здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ залахъ, представляютъ замѣчательныя сочетанія; но эти особенности могутъ быть понятны лишь техникамъ, поэтому мы на нихъ не останавливаемся. потолокъ росписанъ травами и украшенъ изображеніемъ Владимірской Богоматери, которое будетъ повторено и во всѣхъ прочихъ залахъ среднихъ вѣковъ русской исторіи, потому что дѣйствительно появленіе въ Кіевѣ этой иконы и ея послѣдовательное перенесеніе въ Суздаль, Владиміръ и Москву сопровождалось развитіемъ, передвиженіемъ и укрѣпленіемъ централизаціи Русскаго государства.

Въ залѣ, предназначенной для древностей XVI вѣка, главное мѣсто займетъ статуя Ивана Грознаго, помѣщенная подъ шатромъ, скопированнымъ съ такъ-называемаго Мономахова трона, хранящагося въ Успенскомъ соборѣ. Этотъ шатеръ и соотвѣтствующія украшенія на карнизахъ залы окрашены въ синій цвѣтъ. У подножія трона — сидящія статуи царей казанскаго и сибирскаго; здѣсь же статуя Ермака.

Не касаясь многихъ другихъ, еще не выработанныхъ эскизовъ, мы не можемъ въ заключеніе не упомянуть о прекрасной залѣ XVII вѣка. Въ ней уже замѣтно сильное западное вліяніе, стиль—французскій борокко, детали взяты съ наружныхъ орнаментовъ трапезной церкви въ Троицкой лаврѣ. Въ залѣ проектировано поставить рядомъ, въ полныхъ царскихъ орнатахъ, статуи царей Иоанна и Петра Алексѣевичей и надъ ними портретъ царевны Софьи-вписанный въ большомъ золотомъ орлѣ (такова была мысль самой правительницы).

Два главные этажа музея, предназначенные для помѣщенія коллекцій—представляютъ пространство въ 2,000 квадр. сажень и г. Шервуду или его будущимъ сотрудникамъ предстоитъ композиція убранства еще цѣлыхъ десятковъ залъ и переходовъ. Современное простонародное мастерство, столь сходное въ основаніи со многими лучшими произведениями прошлыхъ вѣковъ и даже являющееся какъ бы послѣднимъ отблескомъ эпохи процвѣтанія національнаго искусства, имѣетъ всѣ права на выраженіе его мотивовъ въ тѣхъ же залахъ историческаго музея. Есть основаніе надѣяться, что художникъ не минуетъ и сумѣетъ воспользоваться узорами на полотенцахъ, полшубкахъ, оригинальными орнаментами сѣверныхъ и особенно сибирскихъ инородцевъ, начертаніями на кожѣ, берестѣ, разною рѣзбой на деревѣ, курьезными формами пряниковъ и проч., и, какъ архитекторъ, не забудетъ отмѣтить въ музеѣ особенное архитектурное движеніе Россіи въ XVI вѣкѣ, которому принадлежатъ самые лучшіе памятники религіознаго зодчества. Судя по направленію и и талашу г. Шервуда, можно надѣяться, что его трудъ займетъ видную страницу въ исторіи русскаго искусства.

Преображенскій дворецъ. Еще въ недавнее время изслѣдователи старины спорили о томъ, на какой сторонѣ Яузы находится Преображенскій дворецъ, въ которомъ проводилъ юность Петръ Великій. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу правой стороны, но мѣсто, гдѣ находился дворецъ, указано не было. Открытіе мѣста Преображенскаго дворца вѣроятно отдалилось бы еще надолго, если бы недавно въ дѣлахъ московскаго губернскаго архива не было найдено нѣсколько плановъ на участии городской земли, находящейся на берегу Яузы, близъ Сокольниковъ, и проданной въ началѣ нынѣшняго столѣтія частнымъ лицамъ. На одномъ изъ такихъ плановъ, составленномъ въ 1802 году на участокъ, проданный въ томъ же году женѣ полковника Алексѣевой, значится „разрушенное и безъ крыши строеніе стараго Преображенскаго дворца“. Планъ этотъ по своей точности не отличается отъ подобныхъ ему плановъ прежнихъ лѣтъ, даже менѣе точенъ, чѣмъ другіе; но участокъ земли, на который составленъ этотъ планъ, не подвергался въ своихъ границахъ никакимъ измѣненіямъ со времени составленія плана, и достовѣрно извѣстно, что теперь онъ находится во владѣніи фабриканта Борисовскаго; вслѣдствіе чего для опредѣленія мѣста дворца явилась возможность ограничиться весьма незначительнымъ пространствомъ. Сопоставивъ упомянутый планъ съ нѣкоторыми другими планами, а также принявъ во вниманіе мѣстные условія, съ достаточною достовѣрностью можно утверждать, что дворецъ находился на дворѣ фабрики г. Борисовскаго, противъ флигеля занимаемаго директоромъ фабрики; также можетъ быть, что дворецъ стоялъ на лѣвой сторонѣ двора, противъ новаго фабричнаго корпуса; но первое предложеніе вѣроятнѣе; нахожденіе же вообще на дворѣ фабрики не подлежитъ сомнѣнію. Дворецъ этотъ пришелъ въ ветхое состояніе вѣроятно еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, такъ какъ на планѣ генеральнаго межеванія 1766 года его не значится. Въ 1802 году еще можно было видѣть половину разрушеннаго его остова, имѣвшаго въ то время форму буквы Г, но въ 1803 году этихъ развалинъ уже не было. Близъ дворца еще въ 1766 году было кладбище съ деревянною церковью; судя по планамъ, оно должно было находиться въ правой части (считая отъ воротъ) имѣющагося на фабрикѣ парка, почти на границѣ двора и парка.

Наполеонъ I объ учебникѣ исторіи. Въ XVI-мъ томѣ „Correspondance de Napoleon I“ помѣщено, между прочимъ, письмо Наполеона I-го, 1808 года за № 13731, къ министру народнаго просвѣщенія о томъ, въ какомъ духѣ долженъ быть составленъ учебникъ исторіи, — предметъ, которому Наполеонъ придавалъ большое значеніе въ школьномъ преподаваніи. Въ этомъ письмѣ прежде всего указывается на необходимость „поощрять благонамѣренныхъ составителей учебниковъ исторіи“ и забота объ этомъ возлагается на министра полиціи. „Нужно — говорится въ письмѣ, — чтобы въ каждой строчкѣ учебника проглядывали, какое вліяніе имѣли римскій дворъ, его свидѣтельства о говѣннѣ, уничтоженіе нантскаго эдикта, смѣшной бракъ Людовика XIV съ Ментенонъ. Нужно, чтобы слабость, которая заставила Валуа потерять тронъ и слабость Бурбоновъ, обусловливавшая ихъ паденіе, производили одинаковое впечатлѣніе на читателей. Нужно быть справедливымъ къ Генриху VI, къ людовику XIII—XV, но безъ лести. Убіиства сентябрьскія и ужасы революціи нужно писать тою же кистью, какъ и инквизицію, и кровопролитія XVI-го вѣка. Говоря о революціи, нужно пройти молчаніемъ вопросъ о реакціи. Вѣдь никто не могъ противодѣйствовать революціи, за то не слѣдуетъ клеймить позоромъ ни тѣхъ, которые пережили революцію, ни тѣхъ, которые погибли. Сила одного человѣка не можетъ измѣнить дѣйствія коренныхъ причинъ или предупредить ходъ событій, складывавшихся подъ вліяніемъ самой природы вещей и неотразимыхъ обстоятельствъ. Говоря о королевствѣ и республикѣ, нужно поставить на видъ читателямъ учебника исторіи постоянныя разстройства финансовъ, хаосъ областного собранія, пошатнутаго парламента, недостатокъ правильности и энергіи въ администраціи. Нужно представить эту пеструю Францію безъ единства законовъ и администраціи, скорѣе похожую на соединеніе нѣсколькихъ королевствъ, чѣмъ на одно политическое тѣло. Нужно вести изложеніе такъ, чтобы читатель отдыхалъ, приближаясь къ той эпохѣ, когда Франція стала пользоваться благами, происходящими отъ единства законовъ, администраціи и территоріи. Нужно, чтобы постоянная слабость правительства Людовиковъ XIV — XVI внушала читателю необходимость поддерживать то, что сдѣлано въ новѣйшее время. Нужно, чтобы возстановленіе религіи и алтарей внушало нѣкоторое опасеніе на счетъ вліянія чужеземнаго попа и честолюбиваго исповѣдника, который могъ бы нарушить покой Франціи. Нѣтъ труда болѣе полезнаго какъ вышеуказанный способъ составленія учебника по исторіи. Когда этотъ трудъ хорошо составленный и написанный, явится въ свѣтъ, ни у кого не хватитъ охоты и терпѣнія братья за новый, тѣмъ болѣе, что полиція не станетъ поощрять новыхъ попытокъ, а напротивъ будетъ мѣшать имъ“.

Новый опытъ евангельской хронологіи. Вопросъ объ исправленіи христіанскаго лѣтоисчисленія, признаваемого, какъ извѣстно, издавна небезошибочнымъ, продолжаетъ разрабатываться европейскими учеными. Разрѣшеніемъ этой задачи занимался, между прочимъ, шведскій профессоръ Люнбергъ, и его весьма любопытное, оригинальное изслѣдованіе появилось недавно въ переводѣ на французскій языкъ подъ заглавіемъ: „Хронологія жизни Иисуса“ („Chronologie de la vie de Jésus“). Сочиненіе Люнберга состоитъ изъ двухъ частей. Первая озаглавлена: „Историческій день смерти Иисуса“. Въ ней авторъ пытается разъяснить вопросъ: іудейская пасха въ годъ смерти Иисуса предшествовала пятицифрѣ—дню распятія, или же слѣдовала за нимъ? Для успѣха такого изслѣдованія, необходимо, съ одной стороны, опредѣлить, какой существовалъ еврейскій календарь въ то время, и съ другой стороны, какимъ образомъ понимались и приѣнялись предписанія закона Моисеева относительно отпразднованія праздниковъ. Вместе съ тѣмъ, хронологія жизни Иисуса находится въ тѣсной связи со временемъ правленія первыхъ римскихъ императоровъ, такъ какъ принятая хронологія императоровъ, основанная, главнымъ образомъ, на авторитетѣ Клавдія, Птолемея и Діона Кассія, полна, по мнѣнію автора, ошибокъ; необходимо, слѣ-

довательно, исправить ихъ. Такимъ образомъ, вопросы поставленные Люнбергомъ повели автора къ дѣлому ряду самыхъ сложныхъ изслѣдованій. Въ концѣ своего длиннаго и точнаго изслѣдованія, авторъ утверждаетъ, что, по его мнѣнію, смерть Иисуса Христа послѣдовала 30-го марта 31 года нашего лѣтоисчисления. Вторая часть труда имѣетъ главнымъ предметомъ опредѣленіе дня рожденія Иисуса Христа. Изслѣдованіе оновывается преимущественно на Евангеліи отъ Маттея. Сверхъ того, авторъ останавливаетъ свое вниманіе на поклоненіи волхвовъ и на избіеніи младенцевъ въ Вилеємѣ. Последнее событіе авторъ связываетъ съ преданіемъ суду Антипатра и опредѣляетъ, что оно послѣдовало лѣтомъ 5-го года до Р. Х. Далѣе принимая во вниманіе возрастъ избіенныхъ младенцевъ, онъ восходитъ еще на два года, то-есть, къ 7-му году до Р. Х., и объясняетъ появленіе звѣзды волхвовъ согласно съ Келлеромъ. Такимъ образомъ, шведскій профессоръ утверждаетъ, что рожденіе Спасителя послѣдовало въ ночь послѣдняго числа сентября на первое число октября 7-го года до нашего лѣтоисчисления. Подтверженіе своего мнѣнія онъ находитъ даже въ Евангеліи отъ Луки. Какъ не ошибоченъ смѣлый приговоръ автора, но его разностороннія изслѣдованія о хронологіи и вопросахъ, касающихся еврейскаго календаря, по своей новизнѣ, полнотѣ и основательности, уже обратили на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ.

Оригинальная резолюція. Въ „Архангельскихъ Вѣдомостяхъ“ находимъ слѣдующій историческій документъ, рисующій нравы начала XVIII столѣтія.

Въ августѣ 1738 года, канцелярія архангелогородскаго гарнизона устюжскаго пѣхотнаго полка, донесла архангелогородской губернской канцеляріи, что упомянутого полка находящейся въ г. Колѣ команды капралъ Михаилъ Рекуновъ, когда отъ него потребовали въ воеводской канцеляріи уплаты казенной за отца его недоимки, объявилъ, что не будетъ, да и не подлежить платить; когда же подканцеляристъ Толстиковъ замѣтилъ ему, „чтобы не кричалъ при засѣданіи судейскомъ и говорилъ искусно и назвалъ его „сукинымъ сыномъ“, то онъ, Рекуновъ, возразилъ, что „я-де не сукинъ сынъ, и моя-де матушка императрица Анна Ивановна“. При допросѣ, въ губернской канцеляріи, Рекуновъ объяснилъ, что упомянутыя слова имъ были сказаны въ томъ собственно смыслѣ, „что-де наша матушка императрица Анна Ивановна всѣмъ намъ мать“. Затѣмъ дѣло поступило на рѣшеніе въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которая постановила: „подканцелярису Толстикову, за то, что назвалъ капрала Рекунова сукинымъ сыномъ, и хотя оное важности не касается, однакожь при засѣданіи въ судебномъ мѣстѣ бранныхъ словъ произносить ему не подлежало, и къ тому же къ онымъ браннымъ словамъ и отъ онаго Рекунова продерзостныя слова произошли, — учинить наказаніе — бить батоги, а капрала Рекунова, за происшедшія отъ него продерзостныя слова, чего говорить бы ему не подлежало, бить плетью“.

Столѣтіе Казанской губерніи. Въ будущемъ году исполнится столѣтіе Казанской губерніи. По этому поводу газета „Волга“ приводитъ слѣдующія историческія данныя:

„Казанскій край со времени подчиненія Московскому государству, подъ названіемъ „Царства Казанскаго“, составлялъ особое вѣдомство, именовавшееся „приказомъ казанскаго дворца“. Въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи первоначально организованы были только два уѣзда — Казанскій и Свияжскій. Съ возникновеніемъ Чебоксарь, Козмодемьянска, Цивильска, Царевкокшайска и Ядрина, образованы были изъ этихъ городовъ три уѣзда. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, состоявшемся при Петрѣ-Великомъ, въ 1708 году, подъ именемъ Казанской губерніи осталась вся та территория, которую прежде завѣдывалъ „приказъ казанскаго дворца“, съ присоединеніемъ многихъ другихъ земель, лежащихъ къ сѣверу, западу и востоку отъ нынѣшней Казанской губерніи. Слѣдуетъ замѣтить, что въ предѣлахъ тогдашней Казанской губерніи всѣхъ большихъ и малыхъ городовъ насчиты-

валось до 72-хъ. Спустя десять лѣтъ, въ 1719 году, при второмъ разграниченіи Россіи на губерніи и раздѣленіи на провинціи, наша губернія въ территориальномъ отношеніи значительно сократилась, будучи раздѣлена на четыре провинціи: Казанскую, Свияжскую, Пензенскую и Уфимскую. Провинціи эти, кромѣ нынѣшняго состава губерніи, заключали въ себѣ губернію Уфимскую, часть Вятской и Пензенской, а позднѣе причислены были сюда еще провинціи Вятская и Соликамская, состоявшая въ районѣ Симбирской губерніи. Въ такихъ предѣлахъ Казанская губернія оставалась до 1781 года, когда было учреждено намѣстничество, получившее нынѣшнія границы губерніи. Въ отношеніи административномъ образовавшееся намѣстничество раздѣлено было на тринадцать уѣздовъ. По повелѣнію императора Павла, въ 1795 году, уѣзды Арскій, Спасскій и Тетюшскій были упразднены и города ихъ обращены въ заштатные, но въ 1802 году Спасскій и Тетюшскій уѣзды были снова восстановлены. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время въ административномъ раздѣленіи Казанской губерніи перемѣнъ не происходило, исключая того, что въ 1830 году, въ уѣздѣ Козмодемьянскомъ образованъ былъ посадъ „Троицкій“, а въ 1856 году въ уѣздѣ Чебоксарскомъ—посадъ „Маринскій“.

венныхъ дѣлъ. Теперь трудно исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ ошибки многихъ лѣтъ... Но вы кажется не любите политическихъ разговоровъ и потому прошу извиненія...

— Нѣтъ, они всегда интересуютъ меня, когда вы участвуете въ нихъ.

— Быть можетъ вы избрали себѣ благую часть — продолжалъ графъ, занятый своими мыслями. Вы молоды, богаты, щедры одарены природою, зачѣмъ будете вы тратить время, трудъ, рисковать всѣмъ для такой невѣрной дѣвы, какъ политика! Разумѣется гораздо пріятнѣе построить себѣ домъ въ Гицингѣ и заниматься музыкой съ хорошенькой сосѣдкой. Кстати, какъ она поживаетъ? У ней отличный голосъ.

— Я не въ перепискѣ съ фрейлейнъ Магдалиной. Недѣли четыре тому назадъ я получилъ въ Прагѣ письмо отъ ея старика отца. Тогда все было благополучно у нихъ.

— Ну, а какъ содержится теперь вашъ домъ въ городѣ? Старикъ замѣчательно честный и безкорыстный человѣкъ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться въ тяжелыхъ обстоятельствахъ моей жизни. Я говорилъ это вашей покойной матери, когда бѣдняга водворился въ нашъ домъ съ женою и дочерью.

— Это дѣйствительно очень милые люди, и ихъ общество было для меня большой поддержкой послѣ смерти матери. Я надѣюсь, что всегда останусь съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ.

— Надѣсь, что такъ будетъ и со мною, сказалъ графъ пожимая руку Эгберту. Вы и Магдалина всегда можете считать меня своимъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Я вполне понимаю ваше желаніе вернуться къ своимъ тихимъ занятіямъ и удовольствіямъ, но не могу помириться съ мыслью, что вы хотите такъ скоро оставить насъ.

— Вы очень милостивы къ намъ, графъ, и я тѣмъ болѣе цѣню это, что мы съ пріятелемъ явились сюда совершенно неожиданно.

— Поэтому я вдвойнѣ досаду на вашъ скорый отъѣздъ. Вы застали насъ въ горѣ и хлопотахъ по случаю печальнаго событія съ Бурдономъ и уѣзжаете, когда все успокоилось и представляется возможность повеселиться нѣсколько дней. Но я надѣюсь, что вы посетите меня въ Вѣнѣ. Помните, что и тамъ мой домъ всегда открытъ для васъ обоихъ. Вашъ молодой пріятель положительно нравится мнѣ, хотя я не вполне вѣрю его сценическимъ дарованіямъ.

— Тѣмъ не менѣе Гуго хочетъ непременно поступить на сцену, сказалъ Эгбертъ, который хотѣлъ воспользоваться замѣчаніемъ графа чтобы заручиться его покровительствомъ для своего друга.—Онъ уже дебютировалъ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ; но честолюбіе его гонитъ въ Вѣну, тѣмъ болѣе, что при нынѣшнихъ безпокойныхъ временахъ театральное искусство можетъ процвѣтать въ одной столицѣ. При этомъ Гуго человѣкъ образованный...

— Да, онъ могъ бы сдѣлаться украшеніемъ науки, еслибы не

битва при Иенѣ. Какъ забавно рассказывалъ онъ намъ это вчера. Дѣйствительно, какимъ только случайностямъ не подвергаются теперь люди, благодаря тому, что простой смертный разыгрываетъ изъ себя полубога. Бонапартъ распатываетъ міръ, начиная отъ королевскаго дворца и кончая хижиной. До послѣдней минуты мы не можемъ быть увѣрены, что намъ удастся собрать жатву съ нашихъ полей. Отъ мновенія этого Юпитера зависитъ судьба миллионъ людей. Богъ или демонъ далъ ему это власть, но человѣчеству не легче отъ этого.

У Эгберта впервые явилось желаніе возражать графу. Рѣчь капуцина сильно не понравилась ему, но онъ не рѣшался высказать своего мнѣнія за обѣдомъ и вмѣшаться въ споръ людей, которые были старше его годами и съ которыми онъ не могъ сравниться по своему скромному положенію въ свѣтѣ; но теперь графъ самъ вызывалъ его на откровенность.

— Я вполне согласенъ съ вами, графъ, что человѣчество можетъ проклинать Бонапарта, что онъ сдѣлалъ много зла и нашему дорогому отечеству; но тѣмъ не менѣе мы должны признать его великимъ человѣкомъ. Кто подобно мнѣ наблюдалъ издали ходъ всемірныхъ событій, тотъ невольно преклоняется передъ дѣянiami, блескомъ и необыкновенной судьбой французскаго императора. Онъ ослѣпляетъ васъ какъ огненный метеоръ; такіе люди—исключеніе; только Александръ Македонскій и Юлій Цезарь могутъ сравниться съ нимъ. Онъ не только великій полководецъ и государственный человѣкъ, но совмѣщаетъ въ себѣ всѣ свойства, которыя поэты приписываютъ своимъ любимымъ героямъ. Сколько нужно было ума и силы воли, чтобы подняться изъ ничтожества и изъ бѣднаго артиллерійскаго поручика сдѣлаться обладателемъ чуть ли не полміра? Ему благопріятствовало счастье, говорятъ его противники, какъ будто это можетъ уменьшить его славу. Разумѣется, судьба помогала ему; но когда же боги покровительствовали лѣнтямъ, ничтожнымъ и тупоумнымъ людямъ? Я не понимаю, какъ можно такого человѣка называть отверженцемъ, исчадіемъ ада и считать его атаманомъ разбойниковъ или обыкновеннымъ плутомъ!

— Вы намекаете на сегодняшнюю рѣчь патера Марсея, сказалъ графъ;—вы правы, мнѣ она также не понравилась. Но что дѣлать! Примѣръ испанскихъ монаховъ увлекъ патера, хотя живая фантазія испанца рисуетъ ему адъ совершенно иными красками, чѣмъ воображеніе нашего добродушнаго народа. Но, если я не ошибаюсь, по понятіямъ католиковъ Люциферъ, князь подземнаго царства, былъ также нѣкогда ангеломъ.

Въ тонѣ, съ какимъ графъ произнесъ послѣднюю фразу, слышалась прони, которая показалась оскорбительною Эгберту.

— Вы вѣроятно находите меня наивнымъ, графъ. Я вполне понимаю, что мои сужденія могутъ показаться незрѣлыми политическому дѣятелю, отъявленному противнику Наполеона.

— Вы напрасно такъ думаете, мой милый Эгбертъ, и вдобавокъ приписываете мнѣ какую-то роль въ событіяхъ, совершающихся вокругъ насъ. Я стою въ сторонѣ отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ и для меня скрыты тѣ таинственныя пружины, которыя даютъ имъ то или другое направленіе. Миръ для меня таже сцена, и въ качествѣ заинтересованнаго зрителя, я внимательно слѣжу за борьбой, которую ведетъ одинъ человѣкъ противъ цѣлой Европы. Бываютъ минуты, когда я забываю пролитую имъ кровь, все, что есть ужаснаго и чудовищнаго въ его дѣяніяхъ и вижу въ немъ чуть ли не такого героя, какъ вы Эгбертъ; но я не въ состояніи постоянно восхищаться имъ. Кстати, я желалъ бы знать, случилось ли вамъ встрѣчаться съ Бонапартомъ лицомъ къ лицу?

— Да, я видѣлъ его разъ передъ Аустерлицкой битвой. Онъ дѣлалъ смотръ своей гвардіи въ Шенбруннѣ.

— Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на васъ?

— Онъ стоялъ неподвижно, какъ бронзовая статуя, съ руками сложенными на спину. Его окружали генералы. Можетъ быть это была игра воображенія, но меня поразилъ отпечатокъ какого-то особеннаго величія на его строгомъ, желтоватомъ лицѣ.

— Завидная вещь, молодость—замѣтилъ графъ. Она не видитъ различія между кажущимся и дѣйствительнымъ величіемъ. Маска Зевеса скрываетъ отъ нея безобразіе узурпатора.

— Узурпатора, котораго народъ призналъ первымъ человѣкомъ въ странѣ.

— Да, но какой цѣной! Спросите французовъ черезъ какіе-нибудь двадцать лѣтъ: дорого-ли обошлось имъ владычество новаго Карла Великаго? и вы увидите какой получится отвѣтъ. Допустимъ даже, что французы совершенно довольны своей судьбой и своимъ императоромъ; но я не вижу какой поводъ имѣемъ мы, нѣмцы, радоваться возвышенію Наполеона. За что будемъ мы расточать еиміамъ благоговѣнія передъ этимъ человѣкомъ? Не за униженіе-ли, которое потерпѣло отъ него наше государство, или за ограбленіе и разореніе страны, за наши разрушенныя деревни и города, затоптанныя поля, за нашихъ убитыхъ братьевъ, за изгнаніе нашихъ королей!..

— Вы не совсѣмъ поняли меня графъ. Я не думаю забывать униженіе моего отечества, всѣ бѣдствія, испытанныя имъ, и готовъ въ случаѣ надобности пожертвовать для него жизнью. Но мы не можемъ отрицать, что съ великой французской революціей наступила новая эра въ исторіи. Явился новый складъ жизни, иныя политическія условія и другое распредѣленіе власти. Развѣ образованіе новой римской имперіи невозможно въ наше время?

— И въ которой Парижъ замѣнитъ древній Римъ? добавилъ графъ.—Какая же участь въ этомъ случаѣ ожидаетъ Германію?

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, графъ, одинъ разговоръ, которымъ вы удостоили меня однажды въ Вѣнѣ. Вы говорили, что у

каждаго народа своя судьба, предназначенная ему провидѣніемъ, и что онъ неуклонно долженъ выполнить ту роль, которая указана ему въ общей гармоніи міра. Эти слова запечатлѣлись въ моей памяти и я много думалъ о нихъ въ часы досуга. Я сравнивалъ Германію съ Греціей. При римскихъ императорахъ греческіе поэты, художники, ученые и философы сдѣлались просвѣтителями и цивилизаторами человѣчества, распространяли идеи истины, добра и красоты; таково будетъ и назначеніе Германіи въ новомъ всемірномъ государствѣ. Нѣмецкая образованность и искусство, проникая во всѣ страны міра облагородятъ человѣчество и мало по мало вмѣсто народовъ, выступающихъ на полѣ брани, образуются новыя государства на иныхъ началахъ, соединенныя неразрывными узами любви и братства. Тогда для человѣчества наступитъ эра вѣчнаго міра.

— А для достиженія этого блаженнаго состоянія мы должны пережить всѣ ужасы настоящей эпохи! Значитъ вы убѣждены, что Бонапартъ спасетъ человѣчество и дастъ ему все то, что до сихъ поръ казалось недостижимой мечтой?

— Развѣ грозный Октавій и безпощадный разрушитель Іерусалима не сдѣлался впослѣдствіи кроткимъ Августомъ „утѣшеніемъ человѣческаго рода?“

— Ваша фантазія, Эгбертъ, увлекаетъ васъ въ міръ грезъ и вы совершенно забываете печальную дѣйствительность. Если бы вы узнали поближе этого человѣка, то увидѣли бы на сколько онъ не соответствуетъ вашему идеалу. Имъ руководятъ только своекорыстныя цѣли.

— Однако вездѣ, гдѣ онъ является въ качествѣ побѣдителя, по его инициативѣ уничтожаются злоупотребленія, вводятся новыя лучшіе порядки. Если Бонапартъ восторжествуетъ въ Испаніи, то заранѣе можно сказать, что онъ избавитъ ее отъ гнета инквизиціи? Развѣ не даны народу новыя права въ тѣхъ странахъ, гдѣ прошли его легіоны? Онъ сдѣлалъ изъ Парижа всемірную столицу, сосредоточилъ въ ней всѣ сокровища наукъ и искусствъ...

— Не увлекайтесь всѣмъ этимъ, Эгбертъ, сказалъ графъ, прерывая его.—Парижъ ограбилъ всю Европу, какъ нѣкогда Римъ полсвѣта. Издали все можетъ показаться прекраснымъ и поэтическимъ; нужно видѣть вещи вблизи, чтобы составить о нихъ вѣрное понятіе. Я совѣтовалъ бы вамъ посѣтить этотъ хваленный Олимпъ...

— Мнѣ ѣхать въ Парижъ? съ удивленіемъ спросилъ Эгбертъ.

— Что можетъ удержать васъ? Вы достаточно богаты, чтобы позволить себѣ такое путешествіе, а я ручаюсь вамъ, что оно принесетъ вамъ большую пользу во всѣхъ отношеніяхъ и вы не даромъ потратите деньги.

— Меня останавливаетъ боязнь затеряться въ этомъ огромномъ городѣ, гдѣ у меня нѣтъ ни друзей, ни знакомыхъ.

— Знакомые и друзья легко приобретаются въ молодости и отсут-

ствіе ихъ въ первое время по прїѣздѣ не должно быть для весь препятствіемъ. Я не видалъ императорскаго Парижа; но, судя по рассказамъ, онъ представитъ для васъ громадный интересъ. Поѣзжайте съ Богомъ. Тамъ вы скорѣе, чѣмъ гдѣ либо узнаете жизнь и поймете исторію.

Собесѣдники, увлеченные разговоромъ, и сами того не замѣчая, очутились на пихтовой дорожкѣ передъ гробницей Вольфсегговъ. Лучъ заходящаго солнца, пробиваясь сквозь листву, ярко освѣщаль Генія Надежды своимъ красноватымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ вся колонна и обѣ могилы подъ плакучими ивами были покрыты тѣнью.

Графъ пригласилъ Эгберта сѣсть рядомъ съ нимъ на скамейку.

Въ это время позади ихъ послышались голоса другихъ гостей, которые подошли къ нимъ другой дорогой.

— Мой дорогой Эгбертъ, сказалъ графъ, поднимаясь съ своего мѣста—я оставляю васъ на свободѣ подумать о нашемъ разговорѣ, а сегодня вечеромъ мы еще потолкуемъ съ вами о вашей поѣздкѣ въ Парижъ. До свиданія.

Графъ ушелъ и, мало по малу, замолкли голоса гостей, такъ какъ графъ повелъ ихъ въ замокъ другой дорогой.

Эгбертъ задумчиво глядѣлъ на Генія Надежды, образъ котораго постепенно исчезалъ изъ его глазъ при наступающихъ сумеркахъ; теперь одна только голова его и концы крыльевъ были освѣщены блѣдно-красноватымъ отблескомъ.

Мысль увидѣть всемірный городъ, о которомъ онъ слышалъ столько рассказовъ, соблазняла Эгберта; но его удерживало то же необъяснимое чувство робости и боязни, какъ и въ ту памятную для него ночь, когда графъ почти насильно привелъ его въ свой замокъ. Между тѣмъ общество, котораго онъ такъ боялся, встрѣтило его съ распростертыми объятіями и во все время его пребыванія въ замкѣ добродушно относилось къ нему. Графъ откровенно говорилъ съ нимъ о семейныхъ дѣлахъ Гондревиллей и не стѣсняясь высказывалъ свои политическія убѣжденія. Юноша былъ глубоко тронутъ и польщенъ такимъ довѣріемъ; ему и въ голову не приходило, что дружба, которую выказывалъ ему графъ, могла имѣть затаенную цѣль и что всѣ эти господа приготовили ему роль въ опасной игрѣ противъ Наполеона I. Припоминая дни, проведенные имъ въ ихъ обществѣ, онъ съ грустью думалъ, что навсегда долженъ проститься съ гостепрїимнымъ замкомъ и съ тою, которая составляла теперь главный предметъ всѣхъ его помысловъ и мечтаній. Хотя молодая графиня по-прежнему относилась къ нему свысока, но благодаря условіямъ сельской жизни ему приходилось довольно часто разговаривать съ нею и даже оказать ей нѣкоторыя услуги. Графъ и маркиза видимо старались сблизить ихъ и даже Ауерспергъ былъ доволенъ, когда Эгбертъ оставался съ его кузиной вмѣсто Цамбелли, потому что былъ вполнѣ увѣренъ, что Антуанета никогда не увлечется простымъ бюргеромъ.

Такимъ образомъ между Эгбертомъ и молодой графиней установилась нѣкоторая короткость и безцеремонность отношеній. Хотя Эгбертъ не соотвѣтствовалъ идеалу молодой дѣвушки и она осуждала его за неповоротливость и слишкомъ серьезные разговоры, но не была вполнѣ равнодушна къ его рыцарскому поклоненію; оно льстило ея самолюбію и до извѣстной степени развлекало ее. Помимо неясныхъ стремленій, которыя и до этого волновали ее, она чувствовала теперь сильное безпокойство, узнавъ причину смерти Бурдона, планы своего дяди и предстоящую потерю состоянія. Сравнивая Эгберта съ своими остальными поклонниками — легкомысленными и полуобразованными дворянами, она тѣмъ болѣе цѣнила его и вѣрила, что только въ немъ можетъ она найти себѣ поддержку при тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни. Между тѣмъ Эгбертъ всецѣло предался обаянію, которое производила на него молодая дѣвушка и наслаждался ея присутствіемъ безъ всякихъ размышленій. Онъ боялся заглянуть въ будущее, зная, что оно навсегда разлучитъ его съ тою, которая стала для него дороже жизни. Теперь это будущее наступило для него; еще нѣсколько часовъ и прелестный образъ исчезнетъ изъ его глазъ и для него останутся одни воспоминанія.

Эгбертъ въ отчаяніи закрылъ себѣ лицо руками.

Въ этотъ моментъ за садомъ послышалось пѣніе и громкій говоръ деревенской молодежи, которая, выйдя изъ питейнаго дома, въ порывѣ пьянаго восторга, рѣшила отправиться къ графу Вольфсеггъ, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Неожиданный шумъ вывелъ Эгберта изъ задумчивости и онъ поднялся съ своего мѣста, чтобы вернуться въ замокъ; но тутъ его остановили неистовые крики, хохотъ и гиканье, которые раздались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него за низкой оградой сада.

Это была все та же подгулявшая толпа деревенскихъ парней, которые, неожиданно свернувъ съ дороги, бросились къ саду.

— Что-то пробѣжало! воскликнуть одинъ. — Должно быть бѣлка.

— Нѣтъ, привидѣніе! кричали другіе.

— Это Кристель! ловите ее!

— Ну, ее не скоро поймаешь.

— Остановите ее! Пусть расскажетъ намъ какъ она разбѣзжаетъ на метлѣ.

— Не связывайтесь съ нею. Она кусается какъ дикая кошка.

— Нѣтъ, заставимъ ее рассказать намъ объ убійствѣ.

Поднялась бѣготня, отдѣльныхъ словъ уже нельзя было разслышать; они были заглушены дикими криками, взвизгиваньемъ и хохотомъ.

Сердце Эгберта болѣзненно сжалось отъ состраданія къ бѣдной дѣвушкѣ и онъ бросился спасать ее. Но онъ напрасно искалъ выхода и, не зная сада, не могъ найти калитки въ стѣнѣ, потому что подъ деревьями была непроницаемая тьма. Ему показалось, будто

что-то упало у стѣны, а вслѣдъ затѣмъ въ кустахъ послышался шорохъ. Неужели дѣвушка въ страхѣ перескочила черезъ стѣну!.. Шумъ за оградой на минуту еще больше усилился.

— Убѣжала! крикнулъ кто-то.—Вѣдь она недаромъ вѣдьма!..

Въ эту минуту Кристель схватила Эгберта за руку.

— Мой добрый баринъ, проговорила она, дрожа всѣмъ тѣломъ и едва переводя дыханіе послѣ внезапнаго прыжка со стѣны.

Эгбертъ подвелъ ее къ скамейкѣ и усадилъ рядомъ съ собой.

— Успокойся, моя милая, ласково сказалъ онъ,—здѣсь никто не тронетъ тебя.

Но Кристель, разглядѣвъ его лицо при свѣтѣ луны, вскрикнула и соскочивъ со скамейки, хотѣла убѣжать, такъ какъ увидѣла незнакомаго ей человѣка вмѣсто того, котораго она ожидала.

— Останься, Кристель, сказалъ ей Эгбертъ, удерживая ее.—Что ты сдѣлала имъ, зачѣмъ они гнались за тобой?

Кристель бросилась къ его ногамъ.

— Не бейте меня! Я ни въ чемъ не виновата!... проговорила она рыдая.

— Съ чего ты взяла, что я стану бить тебя? Развѣ у меня такое сердитое лицо?

— Богъ послалъ васъ сюда для мести! продолжала она взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ, прижимая свою голову къ его колѣнямъ.

„Она дѣйствительно не въ своемъ умѣ; что мнѣ дѣлать съ нею?“ подумалъ Эгбертъ, наклоняясь къ ней и глядя рукой ея волосы.

— Встань, Кристель, уговаривалъ онъ ее.—Пойдемъ со мною въ замокъ, тамъ найдется кто-нибудь, кто проводитъ тебя до деревни.

— Не убивайте меня! Возьмите себѣ это, только не заставляйте меня рассказывать. Я не могу... не смѣю ничего сказать вамъ... Не держите меня!

— Господинъ Геймвальдъ, гдѣ вы? послышалось въ концѣ дорожки и издали показался мерцающій свѣтъ фонаря.

Кристель вскочила на ноги съ быстротою дикой кошки и тотчасъ же исчезла въ густой заросли сосенъ.

— Не сонъ ли это? подумалъ Эгбертъ; но въ рукѣ его очутилось что-то твердое. Онъ увидѣлъ при свѣтѣ луны, что это былъ круглый, гладко обдѣланный камень съ золотымъ ободкомъ,—должно быть набалдашникъ палки или хлыста для верховой ѣзды. Странная догадка мелькнула въ головѣ Эгберта и онъ поспѣшно опустилъ въ карманъ подарокъ помѣшанной дѣвушки.

Къ нему подошелъ Витторіо Цамбелли, въ сопровожденіи слуги, который несъ фонарь.

— Наконецъ-то мы васъ нашли, сказалъ Цамбелли.—Графиня Антуанета послала меня за вами. Мы хотимъ заняться пѣніемъ и музыкой.

— Благодарю васъ, шевалье, — отвѣтилъ Эгбертъ, который еще не могъ прійти въ себя отъ впечатлѣнія, произведеннаго на него словами Кристель.

— Желаніе дамы равносильно приказанію, и вамъ не за что благодарить меня, отвѣтилъ Цамбелли съ вѣжливой улыбкой, внимательно оглядываясь по сторонамъ.

Но кругомъ все было тихо и темно и только кое-гдѣ сквозь листву пробивались серебристыя полосы луннаго свѣта.

— Я иду за вами, шевалье, сказалъ Эгбертъ.

— Значить не даромъ графъ сказалъ мнѣ, что я вѣроятно найду васъ у гробницы. Вы кажется любите бесѣдовать съ мертвецами.

— Разумѣется! отвѣтилъ полусути Эгбертъ. Отъ нихъ можно больше узнать, нежели отъ живыхъ.

— Вы вѣроятно хотите узнать отъ нихъ, что дѣлается на небѣ и въ аду? насмѣшливо спросилъ Цамбелли.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. Но развѣ не любопытно было бы подчасъ узнать отъ мертвецовъ нѣкоторыя подробности объ ихъ смерти?

Цамбелли ничего не отвѣтилъ и они молча дошли до террасы замка.

— Гдѣ правда, гдѣ обманъ? думалъ Эгбертъ, поднимаясь съ Цамбелли на широкую, ярко освѣщенную лѣстницу.— Неужели человѣкъ всю жизнь долженъ блуждать во мракѣ, никогда не чувствуя подъ собою твердой почвы!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

ОЗВОЛЬТЕ мнѣ войти Жозефъ. Надѣюсь, что вы не забыли освѣжить комнаты.

— Войдите, фрейлейнъ Армгартъ. Посмотрите какъ все вымыто и прибрано у насъ, не хуже, чѣмъ у герцога. Вы спрашиваете: освѣжены ли комнаты? вѣрно думаете, что я опять накурилъ своей трубкой. Покойникъ Геймвальдъ, котораго вы не знали...

— Пожалуйста, не угощайте меня рассказами о старомъ докторѣ. Вы уже достаточно напѣли мнѣ о своемъ молодомъ господинѣ.

— Напѣлъ! Да развѣ поютъ въ мои годы!... Однако не угодно ли вамъ войти, фрейлейнъ.

Молодая дѣвушка тотчасъ же воспользовалась приглашеніемъ и послѣдовала за старикомъ, который провелъ ее по всѣмъ комнатамъ, важно выступая передъ нею въ своемъ коричневомъ фракѣ съ золотыми пуговицами, напудренныхъ волосахъ съ косичкой и черныхъ башмакахъ съ блестящими пряжками.

— У васъ маленькая трубка, Жозефъ, я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы курили, но мнѣ всегда бываетъ досадно, когда пріятель г-на Геймвальда начнетъ дымить изъ своего длиннѣйшаго чубука. Тогда остается только отворять окна, чтобы не задохнуться.

— Онъ пруссакъ и лютеранинъ. Тѣ всегда курятъ безъ памяти...

— Куда дѣлись молодые господа, Жозефъ? я не понимаю какое можно находить удовольствіе подъ открытымъ небомъ въ половинѣ ноября, да еще при такомъ вѣтрѣ, туманѣ и дождѣ!

— Г-нъ Эгбертъ хотѣлъ показать г-ну Гуго свое помѣстье и лѣсъ. Они вѣроятно ходятъ на охоту, катаются верхомъ...

— Неужели имъ не надоѣло путешествіе! Благоразумные люди сидятъ осенью по домамъ. Здѣсь въ городѣ всѣ знаютъ г-на Эгберта и ему бояться нечего, но въ лѣсу съ нимъ легко можетъ случиться несчастіе. Какъ это ему не приходитъ въ голову!

— Вѣдь они оба взрослые люди, фрейлейнъ, отвѣтилъ улыбаясь старикъ,—нельзя же ихъ вѣчно держать на помочахъ. Вотъ, напримеръ, покойная г-жа Геймвальдъ, ужъ какая была превосходная женщина, настоящій ангелъ, но все-таки не умѣла воспитывать своего сына какъ слѣдуетъ. Г-нъ Эгбертъ едва не сдѣлался пѣженкой, трусомъ, матушкинымъ сынкомъ, а въ наше время развѣ годятся такіе люди! По моему мнѣнію женщины не должны воспитывать мужчинъ.

— Вы не можете судить объ этихъ вещахъ, Жозефъ. Вы старый холостякъ и, вдобавокъ, ненавидите женщинъ.

— Что вы это говорите фрейлейнъ! возразилъ старикъ и его добродушное полное лицо освѣтилось ласковой улыбкой, которая явно показывала, что онъ далеко не былъ равнодушенъ къ красотѣ фрейлейнъ Армгартъ.

— Ну, успокойтесь! сказала она со смѣхомъ положивъ свою маленькую ручку на плечо старика.—Я не думаю упрекать васъ, потому что давно потеряла надежду обратить васъ на путь истины, равно какъ и вашего господина.

— Развѣ онъ похожъ на меня!... Но что же это я до сихъ поръ не попросилъ васъ сѣсть. Тысячу разъ прошу у васъ извиненія фрейлейнъ, сказалъ старикъ, придвигая стулъ молодой дѣвушкѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мама ждетъ меня, я зашла сюда на одну минуту, чтобы посмотрѣть все ли готово къ пріѣзду господъ.

— Вы видите все въ порядкѣ—полы, оконныя рамы, шкафы; нигдѣ не найдете ни одной пылинки.

Молодая дѣвушка еще разъ обошла комнаты, поправила занавѣси на окнахъ и съ помощью Жозефа переставила кресла въ одной комнатѣ.

— Какъ вы находите г-на Эгберта, Жозефъ? спросила она.—Не замѣчаете ли вы, что онъ сталъ совсѣмъ другой послѣ своего послѣдняго путешествія?

— Пожалуй, что такъ. Графъ Вольфсеггъ сдѣлалъ доброе дѣло, выгнавъ его изъ родного гнѣзда. Развѣ вы не согласны съ этимъ, фрейлейнъ? Г-нъ Эгбертъ сталъ гораздо добрѣе и набрался храбрости.

— На что ему храбрость! Онъ вѣдь не солдатъ.

— Но можетъ сдѣлаться солдатомъ, фрейлейнъ! Бонапартъ также не готовился къ военной службѣ, а теперь онъ императоръ, да еще какой могущественный. Если же у насъ опять будетъ война, то безъ храбрости...

— Ну, а мнѣ кажется, возразила молодая дѣвушка, прерывая старика,—что г-нъ Эгбертъ попалъ въ общество знатныхъ людей и заважничалъ. Вдобавокъ, его пріятель, котораго онъ подобралъ въ Прагѣ, окончательно испортилъ его. Это вѣтренникъ и лгунъ!

— Зачѣмъ вы браниге его, фрейлейнъ Магдалена? Я видѣлъ собственными глазами, что вы помирали со смѣху, когда г-нъ Ширингъ рассказывалъ свои забавныя исторіи.

— Онъ хорошій комедіантъ и умѣеть смѣшнить. Но развѣ подобныхъ людей выбираютъ въ друзья? Нѣтъ, Жозефъ, повѣрьте мнѣ, вашъ господинъ измѣнился не въ свою пользу во время путешествія и вы еще наплачетесь съ нимъ.

Старый Жозефъ ясно видѣлъ причину неудовольствія молодой дѣвушки; не даромъ прожилъ онъ тридцать лѣтъ въ домѣ Геймвальдовъ, принимая сердечное участіе во всемъ, что прямо или косвенно касалось ихъ. Пророчество молодой дѣвушки не пугало его, потому что онъ никогда не былъ такъ доволенъ своимъ молодымъ господиномъ, какъ въ настоящее время. Ему нравилось, что Эгбертъ сталъ жить какъ другіе люди и пользоваться преимуществами независимаго состоянія, молодости и здоровья. Пренная застѣнчивость замѣнилась въ немъ спокойною увѣренностью; присутствіе постороннихъ людей уже не пугало его. До этого Эгбертъ тяготился дѣлами и по возможности откладывалъ ихъ въ долгій ящикъ, а теперь съ увлеченіемъ занимался ими и даже съ большимъ участіемъ сталъ относиться къ общественнымъ интересамъ.

Старикъ, радуясь такой перемѣнѣ, вполнѣ сознавалъ, что она не можетъ быть особенно пріятна молодой дѣвушкѣ, такъ какъ Эгбертъ уже не проводилъ съ нею длинныхъ вечеровъ, занимаясь музыкой, чтеніемъ и разговорами. До послѣдняго времени Магдалена была для Эгберта самымъ близкимъ существомъ, къ которому онъ относился съ безграничнымъ довѣріемъ. Онъ дѣлился съ нею всѣмъ, что занимало его—своими надеждами, планами, горемъ и радостями. Мало по малу ея собственные интересы отодвинулись для нея на задній планъ и она стала жить его жизнью и его интересами. Но теперь эти свѣтлыя и хорошія отношенія должны были прекратиться сами собою. Эгбертъ, вернувшись изъ своего путешествія, обошелся съ нею почти тѣлѣе прежняго, но такъ холодно, что сердце ея сжалось отъ боязливаго предчувствія чего-то недобраго. Встрѣчаясь съ нею на лѣстницѣ или въ саду, онъ видимо избѣгалъ пронизательнаго взгляда ея большихъ сѣрыхъ глазъ, какъ будто у него была тайна, которую онъ не хотѣлъ или не могъ сказать ей. Эта мысль не давала покою бѣдной дѣвушкѣ и настолько поглощала ее, что она не въ состояніи была скрыть своего горя и заботы передъ старымъ слугою, который искренно жалѣлъ ее и старался утѣшить по своему.

— Вы напрасно придаете этому такое значеніе, фрейлейнъ, сказала Жозефъ,—г. Эбертъ еще очень молодъ, вы также, а жизнь долга. Не мало будетъ въ ней всякихъ бурь и ливней; не всегда же свѣтитъ солнце. Когда человѣкъ вдоволь помыкается по свѣту, на терпится всякихъ бѣдъ, тогда онъ вдвойнѣ наслаждается спокойнымъ кресломъ и огнемъ въ каминѣ. Вотъ если бы старый Геймвальдъ

былъ живъ, онъ это доказалъ бы вамъ гораздо лучше чѣмъ я, простой и неученый человѣкъ. Только бури и заставляють насъ цѣнить настоящимъ образомъ пристань, всегда говаривалъ покойникъ своей женѣ.

— Не всегда корабли достигаютъ пристани; мы знаемъ какъ часто разбиваются они о подводные камни, отвѣтила Магдалена съ печальной улыбкой, выходя въ другую комнату.

Жозефъ не пошелъ за нею въ надеждѣ, что она скорѣе успокоится, когда останется одна.

На сосѣдней церковной башнѣ пробило четыре часа. Короткій ноябрскій день подходилъ къ концу и уже наступали сумерки. Въ домѣ и на улицѣ царила мертвая, подавляющая тишина. Магдалена стояла у окна въ глубокой задумчивости, прижавъ свое пылающее лицо къ холодному стеклу; слеза незамѣтно скатилась съ ея рѣсницъ. Она оглянулась и увидѣла знакомую комнату. Развѣ не все осталось въ ней такъ, какъ прежде, въ счастливые дни недавняго прошлаго!

Уже пятый годъ жила Магдалена съ своими родителями въ верхнемъ этажѣ сѣраго дома, который старикъ Геймвальдъ купилъ вмѣстѣ съ заброшеннымъ садомъ и устроилъ по своему вкусу. Послѣ его смерти верхній этажъ большого дома остался не занятымъ и вдова Геймвальдъ по настоятельной просьбѣ графа Вольфсегга рѣшилась отдать его въ наймы Армгарту, секретарю тогдашняго австрійскаго министра графа Кобенцеля. Сверхъ ожиданія, между жильцами и хозяевами вскорѣ установились самыя дружескія отношенія. Общество образованнаго и умнаго Армгарда и его веселой жены, было большой находкой для г-жи Геймвальдъ при ея печальномъ настроеніи духа, и она съ радостью видѣла возрастающую привязанность Эгберта къ хорошенькой Магдаленѣ, въ надеждѣ назвать ее со временемъ своей дочерью.

Между тѣмъ наступилъ печальный и тяжелый 1805 годъ; французы заняли австрійскую столицу и жителямъ пришлось испытать всевозможныя непріятности отъ побѣдителей. Общая бѣда и опасность, какъ это всегда бываетъ, еще болѣе способствовали сближенію Геймвальдовъ съ ихъ жильцами. Въ домѣ отведена была квартира одному французскому полковнику, по фамиліи Л'Эпинасъ и его двумъ адьютантамъ. Господа эти имѣли мало общаго съ прежними французскими шевалье, представителями старинныхъ дворянскихъ родовъ, которые были настолько же храбры въ битвѣ, насколько рыцарски вѣжливы въ своемъ обращеніи съ женщинами. Это были грубые люди, обязанные своимъ возвышеніемъ революціи и большею частью отличавшіеся ненасытной жадной крови и добычи. Тѣмъ не менѣе между полковникомъ Л'Эпинасомъ и обитателями сѣраго дома мало по малу установились порядочныя отношенія. Л'Эпинасъ былъ вполне доволенъ судьбой, если у него былъ хорошій обѣдъ, бутылка вина и онъ ходилъ поклонника своимъ геройскимъ дѣяніямъ. Такого поклонника

онъ нашель въ лицѣ Эгберта, который съ особеннымъ благоговѣніемъ относился къ участнику знаменитыхъ наполеоновскихъ сраженій при Лоди и Арколе, въ Египтѣ, на Дунаѣ и при Ульмѣ, и съ замираніемъ сердца слушалъ его безконечные рассказы. Передъ юношей открывался новый міръ, полный ужасовъ и чудесъ. Рассказы ветерана были для него своего рода Иліадой; въ его воображеніи проносились тѣ же поэтическія картины войны, которыя изобразилъ великій Шиллеръ въ своемъ Валленштейнѣ.

Но не такъ легко было ладить съ двумя товарищами полковника, особенно съ Армандомъ Лойзелемъ, который въ качествѣ побѣдителя не считалъ нужнымъ церемониться съ женщинами и самымъ нахальнымъ образомъ ухаживалъ, то за пятнадцатилѣтней Магдаленой, то за ея красивой матерью. Не проходило дня, чтобы Лойзель не поссорился изъ-за этого съ Эгбертомъ или отцомъ Магдалены и даже съ старымъ Жозефомъ, такъ что уже не оставалось иного исхода, какъ удалить молодую дѣвушку изъ дому. Но къ счастью въ это время французамъ отданъ былъ приказъ выступить изъ Вѣны къ Аустерлицу и обитатели сѣраго дома были наконецъ избавлены отъ непрощенныхъ гостей. Они опять зажили прежней мирной жизнью. Теперь уже ничто не мѣшало обѣимъ матерямъ составлять по прежнему планы относительно будущности своихъ дѣтей и мечтать объ ихъ соединеніи. Этотъ бракъ былъ особенно выгоденъ для Армгартовъ при ихъ ограниченныхъ средствахъ; но послѣ неожиданной смерти г-жи Геймвальдъ родители Магдалены сдѣлались крайне осторожны и сдержаны въ своемъ обращеніи съ Эгбертомъ, чтобы не обнаружить своихъ тайныхъ надеждъ. Въ своихъ разговорахъ съ родными и знакомыми Армгартъ постоянно говорилъ, что предоставитъ своей дочери полную свободу устроить жизнь согласно ея желанію.

— Ну, а если она вздумаетъ поступить на сцену? возразилъ однажды Армгарту его пріятель, зная, что Магдалена чуть не выучила наизусть драматическія сочиненія Шиллера, которыя Эгбертъ подарилъ ей въ день ея рожденія.

— Мы ничего не имѣемъ противъ того, отвѣтилъ Армгартъ, который считался масономъ въ кругу своихъ знакомыхъ.—Высшій промыселъ управляетъ людьми; никто не можетъ знать, какая судьба ожидаетъ его и борьба въ этомъ случаѣ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ.

Благодаря подобнымъ разговорамъ у знакомыхъ и даже родныхъ Армгарта составилось мнѣніе, что онъ и жена его такъ гордятся красотой Магдалены, что не смотря на богатство Эгберта считаютъ его неподходящимъ женихомъ для своей дочери, потому что онъ сынъ бюргера, и надѣются выдать ее за графа или барона.

Но каковы бы ни были планы родителей Магдалены относительно ея будущности, это нисколько не мѣшало сближенію молодыхъ людей. Послѣ смерти матери, Эгбертъ невольно искалъ существа, которое могло

лая времена! Чего не натерпѣлись люди въ послѣдніе годы! Вездѣ война, пожары и убійства! Помните ли вы ту страшную исторію объ убитомъ французѣ, которую недавно рассказывалъ г-нъ Эгбертъ? она была потомъ напечатана во всѣхъ газетахъ. При такихъ порядкахъ приходится дорожить каждой минутой, проведенной съ друзьями, потому что никто не поручится за то, что случится въ будущемъ году. Какъ могло вамъ прійти въ голову, фрейлейнъ, что г-нъ Эгбертъ не вернется сюда къ тринадцатому ноябрю!

— Такъ вы думаете, что онъ прійдетъ?—спросила Магдалена; и ея хорошенькое лицо просіяла отъ счастья.

— Разумѣется. Рано утромъ я получилъ отъ него записку, въ которой онъ пишетъ, что непременно прійдетъ сегодня вечеромъ, только не знаетъ въ которомъ часу. Я увѣренъ, что г-нъ Эгбертъ явится нарочно въ такое время, когда фрейлейнъ будетъ спать чтобы сдѣлать ей сюрпризъ. По этому я совѣтую вамъ лечь сегодня пораньше въ постель и заснуть крѣпкимъ сномъ...

Старикъ не окончилъ своей фразы, потому что въ эту минуту кто-то позвонилъ у парадной двери.

— Кто бы это могъ быть!—воскликнулъ Жозефъ съ недоумѣніемъ.

— Не посланный ли отъ Эгберта? не случилось ли съ нимъ какого нибудь несчастья!

Старый слуга съ свѣчей въ рукѣ и Магдалена поспѣшно вышли въ коридоръ.

— Могу ли я видѣть камердинера г-на Геймвальда? — спросилъ снизу сильный и звучный голосъ, а вслѣдъ затѣмъ на лѣстницѣ появился незнакомый человѣкъ въ черномъ плащѣ. Увидя стройную прилично одѣтую молодую дѣвушку, онъ снялъ шляпу и бросилъ на нее долгій пристальный взглядъ. Но взглядъ этотъ такъ непріятно подѣйствовалъ на Магдалену, что она невольно содрогнулась.

— Доброй ночи, Жозефъ,—сказала она поднимаясь на лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ.

Старикъ вѣжливо поклонился ей и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу незнакомцу.

— Прошу извиненія, что я обезпокоилъ фрейлейнъ,—сказалъ незнакомецъ заискивающимъ голосомъ.—Я хотѣлъ повидаться съ г-мъ Эгбертомъ Геймвальдъ... мы встрѣтились съ нимъ мѣсяца два тому назадъ въ замкѣ графа Вольфсегга.

Магдалена, услыхавъ фамилію графа Вольфсегга, остановилась.

— Мы дали другу другу слово возобновить наше знакомство въ Вѣнѣ...

— Опять новая дружба, о которой Эгбертъ не счелъ нужнымъ сообщить мнѣ,—подумала Магдалена.—Интересно было бы знать, кто онъ.

— Однако изъ насъ двухъ я исполняю первый данное обѣщаніе; но кажется г-на Геймвальда нѣтъ дома,—сказалъ незнакомецъ, обращаясь къ Магдаленѣ.

— Онъ въ своемъ помѣстьѣ,—отвѣтилъ сквозь зубы Жозефъ, которому посѣтитель сильно не понравился, тѣмъ болѣе что ему приходилось изъ-за него стоять въ холодномъ коридорѣ.

Грубое обращеніе старика разсердило Магдалену. Развѣ можетъ вести себя такъ слуга, который дорожитъ честью своихъ господъ! Какое мнѣніе можетъ себѣ составить этотъ незнакомый господинъ о самомъ Эгбертѣ, встрѣтивъ въ его домѣ подобный пріемъ. Она сочла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Г-нъ Геймвальдъ вѣроятно давно посѣтилъ бы васъ, если бы ему не мѣшало множество дѣлъ. Но съ кѣмъ я имѣю честь говорить?..

— Я шевалье Витторіо Цамбелли, отвѣтилъ незнакомецъ съ глубокимъ поклономъ.

Титуль шевалье оказалъ свое дѣйствіе на Жозефа и лицо его тотчасъ приняло болѣе любезное выраженіе.

— Не угодно ли вамъ войти, сударь?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.

Цамбелли отклонилъ это предложеніе и обратившись къ Магдаленѣ сказалъ:

— Я знаю фрейлейнъ, что г-нъ Геймвальдъ очень занятъ; и потому не думаю претендовать на него.

— Онъ пріѣхалъ сюда съ однимъ пріятелемъ, которому хочетъ показать городъ и окрестности. Теперь они въ одномъ помѣстьи за Гицингомъ.

— Вѣроятно это тотъ самый молодой человѣкъ, который былъ съ г-номъ Геймвальдомъ въ замкѣ—онъ кажется пруссакъ...

— Г-нъ Ширингъ—пояснилъ Жозефъ.

— Я очень жалѣю, что не засталъ г-на Геймвальда, но съ другой стороны благодарю судьбу, потому что это доставило мнѣ возможность познакомиться съ фрейлейнъ Армгартъ.

Однако, не смотря на такое любезное заявленіе, Цамбелли былъ видимо смущенъ отсутствіемъ хозяина дома и стоялъ въ нерѣшимости.

— У меня важное дѣло къ г-ну Геймвальду, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Жозефъ ничего не отвѣтилъ. Онъ могъ пригласить Цамбелли въ кабинетъ и написать письмо Эгберту; но не рѣшился на это, зная, что его молодой господинъ не любилъ чтобы посторонніе люди входили безъ него въ его комнаты. Этому не мало способствовало и то обстоятельство, что незнакомецъ, не смотря на свой дворянскій титуль, внушалъ старому слугѣ какое-то странное недовѣріе, смѣшанное съ физическимъ отвращеніемъ.

Что же касается Магдалены. то первое непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее Цамбелли совершенно разсѣялось, благодаря его любезности и красивой наружности. Отъ ея женскихъ глазъ не ускользнули и нѣкоторыя подробности его моднаго костюма, начиная съ чернаго платья и кончая шелковымъ вышитымъ галстукомъ.

— Если шевалье не сочтетъ это навязчивостью съ моей стороны... сказала она.

— Можете ли вы предполагать это, фрейлейн!—воскликнулъ Цамбелли.

— Въ такомъ случаѣ, я попросила бы васъ, шевалье, зайти къ моему отцу. Онъ другъ г-на Геймвальда и вы можете переговорить съ нимъ о вашемъ дѣлѣ... но если это тайна... добавила краснѣя молодая дѣвушка.

— Напротивъ, я съ благодарностью принимаю ваше приглашеніе фрейлейнъ, тѣмъ болѣе, что я не знаю, удастся ли мнѣ побывать на дняхъ у г-на Геймвальда. У меня столько дѣлъ по службѣ...

Разговаривая такимъ образомъ, Цамбелли прошелъ мимо озадаченнаго старика и очутился на лѣстницѣ возлѣ Магдалены.

— Я уже давно желалъ познакомиться съ г-номъ Армгартомъ — продолжалъ Цамбелли. — У насъ очень не многіе пользуются такой хорошей репутацией, какъ вашъ отецъ, моя дорогая фрейлейнъ. Если бы вы слышали какъ графъ Вольфсеггъ восхвалялъ его умъ и ученость.

Армгартъ, несмотря на сѣшныя занятія, былъ видимо польщенъ визитомъ знатнаго гостя и учтиво привѣтствовалъ его, говоря, что слышалъ о немъ какъ объ искусномъ политикѣ и достойномъ ученикѣ Макіавелли. Цамбелли скромно поблагодарилъ хозяина дома, отвѣтивъ, что хотя и преклоняется передъ умомъ великаго флорентинца, но не считаетъ себя вправѣ называться его ученикомъ, такъ какъ профанъ въ политикѣ.

Магдалена по приказанію отца поставила передъ гостемъ тарелку бисквитовъ и бутылку венгерскаго и уже хотѣла удалиться; но Цамбелли сталъ такъ настоятельно упрасивать ее удостоить его своимъ присутствіемъ, что она принуждена была остаться. Она взяла шитье и сѣла у своего рабочаго столика, между тѣмъ какъ ея отецъ усадилъ гости на диванъ, налилъ двѣ рюмки вина и первый выпилъ за его здоровье.

Любезное обращеніе хозяина дома сразу ободрило Цамбелли, который начиналъ чувствовать извѣстную неловкость среди незнакомыхъ ему людей. Не менѣе успокоительно подѣйствовала на него и окружающая уютная обстановка, которая не смотря на простоту и отсутствіе украшеній указывала на извѣстный достатокъ и присутствіе заботливой хозяйки. Столъ былъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью; полы, мебель, подушки на диванѣ все было чисто до педантизма, бумаги, книги, дѣла, сложены самымъ акуратнымъ образомъ.

Ничто не ускользнуло отъ глазъ Цамбелли, который теперь обратилъ все свое вниманіе на хозяина дома. Это былъ живой человѣкъ не большого роста, съ сѣдыми, коротко обстриженными волосами, блѣднымъ и умнымъ лицомъ, на которомъ изрѣдка появлялась лукавая насмѣшливая улыбка.—Онъ человѣкъ не глухой и себѣ на умѣ.—рѣшилъ о немъ Цамбелли.

— Простите меня, что я оторвалъ васъ отъ работы, началъ Цамбелли. Когда я пришелъ сюда, то мнѣ казалось, что я имѣю сообщить г-ну Геймвальду нѣчто очень важное, а теперь вижу къ стыду моему, что это не болѣе, какъ простое извѣстіе. Не даромъ говорятъ, что все зависитъ отъ нашего настроенія, а между тѣмъ нѣтъ ничего болѣе измѣнчиваго и безотчетнаго, какъ наше настроеніе...

Армгартъ молча слушалъ своего гостя, съ лукавой улыбкой поворачивая въ рукахъ золотую табакерку.

— Не угодно ли? сказалъ онъ,—раскрывая ее.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Но откуда у васъ такая превосходная табакерка?

— Это подарокъ его императорскаго величества. Вотъ и собственный портретъ его, сдѣланный эмалью,—отвѣтилъ съ гордостью секретарь.

— Какая художественная работа! — продолжалъ Цамбелли, разсматривая табакерку;—но интересно было бы знать; по какому случаю вы удостоились милости его величества, хотя я не сомнѣваюсь, что подарокъ былъ вполне заслуженный.

— По случаю дипломатическихъ переговоровъ въ Лиевильдѣ; я былъ тамъ съ моимъ начальникомъ, графомъ Людвигомъ Кобенцелемъ.

— Въ Лиевильдѣ! Вы кажется были тогда въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Волфсеггъ?..

— Нѣтъ, вы ошибаетесь! я всегда считалъ себя только его слугой—отвѣтилъ Армгартъ.

— Не случилось ли вамъ встрѣчать въ Лиевильдѣ одного француза, Жана Бурдона, котораго еще недавно постигла такая ужасная смерть.

— Разумѣется встрѣчалъ и былъ искренно огорченъ, когда услышалъ объ его печальной участи отъ г-на Геймвальда. Какой это былъ прекрасный человѣкъ!.. Я чувствовалъ къ нему глубокое уваженіе—да и не я одинъ—всѣ относились къ нему такимъ образомъ.

— Душевно радъ, что нашелъ въ васъ человѣка, искренно расположеннаго къ несчастному Бурдону; это по крайней мѣрѣ послужитъ для меня оправданіемъ, что я осмѣлился обезпокоить васъ своимъ посѣщеніемъ. Вамъ извѣстно какую важную роль пришлось играть г-ну Геймвальду въ этой таинственной драмѣ. Мы всѣ были убѣждены, что преступленіе совершено наемными убійцами Бонапарта на подобіе того, какъ въ старину разные монархи Италіи пользовались кинжаломъ bravi для уничтоженія своихъ противниковъ.

— Не открылось ли что нибудь? спросилъ съ живостью Армгартъ, поднимаясь съ своего мѣста, между тѣмъ какъ работа выпала изъ рукъ Магдалены.

— Открыто новое обстоятельство, которымъ опровергаются всѣ наши предположенія. У одного крестьянина близъ Гмундена, который пользуется незавидной репутаціей, найденъ кошелекъ убитаго. Убійца

самъ выдалъ себя въ пьяномъ видѣ, показавъ золотую монету своимъ пріятелямъ. Это возбудило подозрѣніе; въ его хижинѣ былъ немедленно произведенъ обыскъ и тамъ подъ кучей жвороста и всякаго тряпья найденъ кошелекъ Бурдона, наполненный золотыми монетами.

-- Какая странная случайность! воскликнулъ Армгартъ.

Тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова не особенно понравился Цамбелли, такъ какъ въ немъ былъ легкій оттѣнокъ сомнѣнія.

— Само собою разумѣется — продолжалъ онъ, что преступникъ упорно отрицкался, и увѣрялъ, что нашель кошелекъ чуть ли не за цѣлюю милю отъ мѣста убійства. Но кто же повѣритъ этому! Какъ могъ очутиться кошелекъ съ золотомъ въ открытомъ полѣ!

— Они все оправдываютъ себя такимъ образомъ. Надѣюсь, что этотъ крестьянинъ арестованъ?

— Онъ содержится подъ строгимъ надзоромъ въ Линцѣ, хотя баронъ Пухгеймъ, у котораго преступникъ былъ когда-то арендаторомъ, горячо заступался за него, утверждая, что онъ не въ своемъ умѣ и потому стоитъ внѣ закона.

— Это будетъ запутанное уголовное дѣло и вѣроятно г-на Геймвальда призовутъ въ качествѣ свидѣтеля, замѣтилъ Армгартъ.

— Я собственно и пришелъ сюда чтобы предупредить его объ этомъ, возразилъ Цамбелли.

— Ну, Эгбертъ вѣроятно не ожидаетъ, что у него будетъ столько хлопотъ! Всякому непріятно имѣть дѣло съ правосудіемъ, а тѣмъ болѣе человѣку ни въ чемъ не виновному. Но эта новость во всякомъ случаѣ будетъ крайне пріятна французскому посланнику, такъ какъ смерть Бурдона послужила поводомъ къ разнымъ неблагоприятнымъ слухамъ въ Вѣнѣ.

— Неужели? Между тѣмъ это событіе само по себѣ не имѣетъ особеннаго значенія, хотя я не долженъ былъ бы говорить этого, продолжалъ Цамбелли съ особенной интонаціей въ голосѣ, — зная, что Жанъ Бурдонъ былъ вашимъ другомъ и повѣреннымъ графа Вольфсегга.

— Да, но только въ денежныхъ дѣлахъ, и главнымъ образомъ относительно лотарингскихъ помѣстій Гондревиллей.

— Развѣ у нихъ еще есть помѣстья во Франціи? Я думалъ, что они уже давно проданы, какъ національное имущество.

— Или быть можетъ куплены на австрійскіе дукаты—замѣтилъ Армгартъ. Развѣ во время революціи существуетъ разница между моимъ и твоимъ, собственностью и кражей. Теперь также легко похитить корону, какъ купить замокъ. Все перемѣшалось въ общемъ вихрѣ, который сноситъ съ лица земли людей, дома и государства. Но такой порядокъ вещей не можетъ продолжаться и рано или поздно это должно кончиться.

— Тогда свѣтъ опомнится и вернется къ прежнимъ порядкамъ.

— Надѣюсь не во всемъ. Многое должно рушиться навсегда.

— А до этого? спросилъ Цамбелли.

— Еще долго будетъ неурядица. Несомнѣнно властелину міра должно быть крайне непріятно, что молва приписываетъ ему такое незначительное происшествіе, какъ гибель путешественника на большой дорогѣ.

— Я не понимаю, какимъ образомъ могутъ люди доходить до такихъ нелѣпныхъ предположеній. Они всегда останутся слѣпы и ни что не исправитъ ихъ отъ суевѣрій и предрасудковъ.

— Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, шевадье, и убѣжденъ, что хотя бы философы трудились цѣлое столѣтіе, но у нихъ еще будетъ вдоволь работы. Благодаря болтовнѣ газетъ, это убійство сдѣлало порядочный переполохъ въ Вѣнѣ и привело генерала Андраши въ дурное расположеніе духа. Но теперь вѣроятно всѣ успокоятся, когда узнаютъ, что это не политическое убійство и что оно совершено съ цѣлью грабежа полуумнымъ человѣкомъ. Кстати, вы были тогда въ замкѣ, скажите пожалуйста, какъ отнесся графъ Вольфсеггъ къ этому событію?

Въ ожиданіи отвѣта, Армгартъ опять налилъ вина въ обѣ рюмки. Цамбелли показалось, что онъ это сдѣлалъ съ тою цѣлью чтобы скрыть отъ него выраженіе своихъ глазъ.

— У графа Вольфсеггъ, отвѣтилъ улыбаясь Цамбелли,—непроницаемое выраженіе лица, какъ говорить Горацій въ своей одѣ, а на груди тройной панцирь. Впрочемъ, вы знаете это лучше меня, такъ какъ уже много лѣтъ знакомы съ нимъ. Графъ искусный дипломатъ и превосходный шахматный игрокъ. Кто остается побѣдителемъ на шахматной доскѣ, тотъ можетъ одерживать и болѣе важныя побѣды. Жаль только, что графъ совсѣмъ удалился отъ государственныхъ дѣлъ.

— У него большія помѣстья; онъ долженъ заняться ими, а съ другой стороны всѣмъ извѣстно, что онъ не могъ вести дѣла совмѣстно съ барономъ Тугутомъ и графомъ Кобенцелемъ. Одному онъ казался слишкомъ рьянымъ и свободомыслящимъ, другому—черезчуръ податливымъ и плохимъ патриотомъ.

— Графъ живетъ теперь въ свое удовольствіе, занимаясь чѣмъ ему вздумается, сказалъ Цамбелли. Вы кажется знакомы съ нимъ, фрейлейнъ?

— Да, графъ Вольфсеггъ иногда удостоиваетъ насъ своимъ посѣщеніемъ, отвѣтила она краснѣя.

Армгартъ слегка нахмурилъ брови.

— Я попалъ на большое мѣсто, подумалъ Цамбелли и въ головѣ его возникъ рядъ вопросовъ: какія дѣла могли быть у графа въ этомъ домѣ? Чѣмъ объяснить его дружбу къ бѣлокурому Эгберту и отношенія къ Армгартамъ? Еще недавно Антуанета въ разговорѣ съ нимъ упомянула о поѣздкахъ своего дяди въ Вѣну, которыя не особенно нравились ей, а маркиза нѣсколько разъ выражала свое неудовольствіе,

что графъ Вольфсеггъ дружится съ мѣщанами. Цамбелли не обратилъ тогда на это особеннаго вниманія, но теперь, припоминая различныя обстоятельства, онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, что тутъ есть тайна, которой онъ можетъ воспользоваться со временемъ противъ графа, если только ему удастся открыть ее.

Хозяинъ дома прервалъ нить его размышленій, заговоривъ съ нимъ о политикѣ. Магдалена не слушала ихъ. Неожиданный гость на минуту заинтересовавшій ее своей своеобразной и изящной наружностью пересталъ занимать ее, не смотря на свой умъ и образованіе. Она ожидала отъ него чего то необыкновеннаго и увидѣла, что онъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ людей. Теперь всѣ ея помыслы были поглощены Эбертомъ, который могъ пріѣхать съ минуту на минуту. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась она къ шуму экипажей на темной улицѣ, ожидая, что который нибудь остановится передъ ихъ домомъ и она опять увидитъ дорогія черты любимаго человѣка, услышитъ его знакомый звучный голосъ.

— Рука руку моетъ, продолжалъ Армгартъ, обращаясь къ своему собесѣднику. Это мѣткая пословица. Мы многимъ обязаны графу Вольфсеггу. Онъ всегда былъ милостивъ къ намъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ моя Лени выросла и похорошѣла.

— Что это значить, что онъ выставляетъ такимъ образомъ свою дочь? подумалъ Цамбелли,—не хочетъ ли онъ увѣрить меня, что тутъ скрывается любовное приключеніе, и что графъ, не смотря на свои годы, ухаживаетъ за этой дѣвочкой, и что она его возлюбленная!

Цамбелли взглянулъ на Магдалену, которая сидѣла въ полумракѣ, наклонившись надъ своей работой. Бѣлокурые локоны почти скрывали ея лицо; но вся фигура молодой дѣвушки при необыкновенномъ изяществѣ формъ поражала граціей и миловидностью, тѣмъ болѣе, что она повидимому сама не сознавала этого.

— Нѣтъ, она слишкомъ невинна чтобы быть сиреной, подумалъ Цамбелли и, обращаясь къ Армгарту, сказалъ:

— Если я не ошибаюсь, г. секретарь, то вы прежде служили у графа Вольфсеггъ, а затѣмъ уже перешли на государственную службу?

— Да, къ сожалѣнію. Хотя это было для меня повышеніемъ, но перейдя отъ Мецената къ Тиверію я сразу почувствовалъ разницу между ними.

— Вотъ удачное сравненіе. Судя по слухамъ, баронъ Тугутъ очень походитъ характеромъ на Тиверію.

— Да, это скрытный и коварный человѣкъ, хотя былъ искуснымъ министромъ, который никогда не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія цѣли. Его упрекали въ деспотизмъ, но развѣ Бонапартъ также не деспотъ и пожалуй еще хуже его. Я поступилъ на государственную службу въ 1793 году по ходатайству графа Вольфсегга и главнымъ образомъ благодаря знанію французскаго языка. Лена была тогда еще совсѣмъ крошкой.

— Вы были во Франціи?

— Я прожилъ тамъ съ графомъ болѣе двухъ лѣтъ, съ осени 1789 до марта 1792, и никогда не забуду этого времени. Хотя наша молодежь утверждаетъ, что никогда не бывало хуже, чѣмъ теперь, но они ошибаются. Вотъ, если бы они видѣли какъ двадцать пять мильоновъ людей ходили на головахъ, какъ это было во время французской революціи, то навѣрное пришли бы къ иному заключенію.

— Разумѣется, отвѣчалъ Цамбелли,—эта заря новой міровой эпохи должна была дѣйствовать одуряющимъ образомъ на современниковъ...

— Броженіе было не только въ городахъ, но и въ отдаленныхъ замкахъ и хижинахъ, продолжалъ Армгартъ.—Совершенно незнакомые люди, при встрѣчѣ на улицѣ, бросались другъ другу въ объятія. Всѣмъ казалось, что наступилъ золотой вѣкъ свободы, братства и вѣчнаго мира. Много перемянъ переживаетъ человѣкъ, но воспоминаніе объ этихъ дняхъ никогда не изгладится изъ его памяти. До сихъ поръ, когда видишь хорошенькую женщину, то такъ и хочется назвать ее *citouenne* и заключить въ свои объятія!

Цамбелли улыбаясь протянулъ руку секретарю и невольно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла Магдалена; но стулъ ея опустѣлъ, такъ какъ она незамѣтно вышла изъ комнаты. Старикъ говорилъ безъ умолку, такъ какъ вино замѣтно развязало ему языкъ. Но какъ различить гдѣ правда, гдѣ притворство въ этой полуцѣпанной болтовнѣ стараго дипломата, который не даромъ славился своей хитростью. Неужели эта дѣвочка любитъ графа? Сначала эта мысль казалась Цамбелли невозможной, но теперь онъ почти вѣрилъ этому. Ему случилось видѣть въ жизни подобные примѣры.

— Французскіе солдаты своими разсказами поддерживаютъ у насъ традиціи великой революціи, сказалъ Цамбелли.—Четыре года тому назадъ они были въ Вѣнѣ.

— И опять явятся сюда въ будущемъ году, сказалъ Армгартъ.—Развѣ вы сами не убѣждены въ томъ?

— Я не приверженецъ политики графа Стадіона, отвѣтилъ уклончиво Цамбелли. По моему мнѣнію Австріи необходимо во что бы то ни стало поддерживать дружбу съ Бонапартомъ и предоставить ему перестроить міръ по своему усмотрѣнію. Изъ многихъ европейскихъ народовъ долженъ составиться одинъ народъ, и новый Карлъ Великій...

— Скажите лучше Юлій Цесарь, замѣтилъ Армгартъ.—Онъ и его клеветы управляютъ міромъ. У насъ въ Вѣнѣ не мало людей, которые служатъ интересамъ Франціи.

— Вы правы, сказалъ Цамбелли—всѣмъ извѣстно, что планы и приготовленія нашего правительства сообщаются Бонапарту. Даже вновь испеченные короли: баварскій и виртембергскій, имѣютъ здѣсь своихъ шпионовъ.

— Которые получаютъ самое скудное содержаніе, возразилъ Армгартъ. Мы знаемъ какъ плохо оплачивается служба у этихъ карточныхъ королей.

— Быть можетъ самъ императоръ платитъ щедрѣе, пробормоталь Цамбелли, но тотчасъ-же раскаялся въ своихъ словахъ, потому что лицо его собесѣдника приняло какое-то особенное торжествующее выраженіе.

— Что это значить! подумаль Цамбелли — ужъ не попалъ-ли я въ ловушку!..

Въ это время послышался внезапный крикъ, а затѣмъ стукъ экипажа, который остановился передъ домомъ. Цамбелли поспѣшно взялъ свою шляпу, довольный тѣмъ, что можетъ прервать разговоръ, который началъ принимать непріятный для него оборотъ.

— Къ вамъ пріѣхали гости, сказалъ онъ, раскланиваясь передъ хозяиномъ дома.—Позвольте мнѣ проститься съ вами.

— Зачѣмъ? Это наши молодые люди вернулись изъ путешествія. Они вѣрно прозябли и не откажутся выпить рюмку вина. Оставайтесь съ нами и мы вчетверомъ проведемъ отличный вечеръ. Г-нъ Геймвальдъ будетъ очень радъ видѣть васъ.

Это приглашеніе было крайней непріятно Цамбелли, такъ какъ ему приходилось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Эгбертомъ и тогда неизбежно должны были обнаружиться ихъ настоящія отношенія.

Между тѣмъ шумъ въ домѣ все болѣе и болѣе увеличивался; прислуга бѣгала взадъ и впередъ по лѣстницѣ; немного погодя въ собесѣдней комнатѣ послышался говоръ и какая-то странная суета.

— Ужъ не случилось ли какого нибудь несчастія! воскликнулъ Цамбелли, выискивая предлогъ чтобы избавиться отъ пожатія рукъ и увѣреній Армгарта.

Но тотъ какъ будто нарочно удерживаль его.

— Интересно было-бы знать, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо Цамбелли—во что обойдется будущая весенняя кампанія Бонапарту, предполагая, что онъ вернется цѣлымъ и невредимымъ съ Пиринейскаго полуострова?..

— Вѣроятно не дешево, отвѣтили Цамбелли съ нетерпѣніемъ, отворяя дверь и быстро спускаясь съ лѣстницы. Но въ коридорѣ онъ столкнулся почти лицомъ къ лицу съ Эгбертомъ, который, стоя среди слугъ отдавалъ приказанія, и торопиль своего управляющаго, чтобы тотъ скорѣе шелъ за докторомъ.

— Честь имѣю кланяться — сказалъ Цамбелли, протягивая руку удивленному Эгберту.—Вы не ожидали меня видѣть?

— Шевалье Цамбелли! Въ моемъ домѣ!

— Мнѣ необходимо было переговорить съ вами. Я ждалъ васъ нѣсколько часовъ у г-на секретаря.

— Слишкомъ много чести! Вы вѣроятно по дѣлу. Чѣмъ могу я служить вамъ?

— Мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ. Вы только что вернулись изъ путешествія и, вдобавокъ, у васъ кажется больные въ домѣ. Надѣюсь, что не случилось ничего дурного съ вами и вашимъ другомъ?

— Съ нами лично ничего не случилось; но мы переѣхали нашимъ экипажемъ нищую.

— Что, она опасно ранена?

— Она въ обморокѣ. Къ счастью это случилось у самаго дома и мы могли внести ее сюда. Она изъ Гмундена, вы должны знать ее... Это Черная Кристель.

У Цамбелли сжалось сердце; но въ комнатѣ было такъ темно, что Эгбертъ не могъ видѣть выраженія его лица.

— Какже, помню. Это сумашедшая дѣвушка, которая вѣчно бродитъ по лѣсу, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ. Но какъ могла она попасть въ Вѣну! Не обмануло ли васъ случайное сходство съ нею?

— Взгляните сами.

Цамбелли нехотя послѣдовалъ за Эгбертомъ въ комнату, гдѣ на мягкомъ диванѣ лежала неподвижно Черная Кристель въ своей разорванной коричневой юбкѣ и стоптанныхъ башмакахъ. На колѣняхъ передъ нею стояла Магдалена тщательно обмывая рану на лбу несчастной дѣвушки.

— Ну что, развѣ я ошибся! сказалъ Эгбертъ, стоя въ дверяхъ.

Итальянецъ покачалъ головой.

— Какъ это случилось? спросилъ онъ.

— На дворѣ такой туманъ, что кучеръ могъ не замѣтить ее, при быстрой ѣздѣ. Услышавъ внезапный крикъ, мы выскочили изъ экипажа, но уже было поздно, такъ какъ мы нашли ее полумертвою на мостовой. Она ушибла себѣ голову и плечо и кажется не опасно; но въ этихъ случаяхъ кто поручится за исходъ?

Эгбертъ подошелъ къ больной вмѣстѣ съ Цамбелли.

Магдалена робко поднялась на ноги и уступила имъ свое мѣсто.

— Позвольте мнѣ испробовать одинъ способъ леченія, который я видѣлъ въ Миланѣ, отвѣтилъ Цамбелли, и съ этими словами началъ водить руками по воздуху надъ головой и грудью Кристель. Затѣмъ онъ положилъ правую руку ей на сердце и казалось прислушивался къ ея дыханію или шепталъ что-то на ухо; только она неожиданно раскрыла глаза и пробормотала: это ты Витторіо! но такъ тихо, что только одна Магдалена, стоявшая ближе другихъ слышала это. Послѣ того Кристель снова впадала въ безсознательное состояніе.

— Не безпокойтесь, г-нъ Геймвальдъ. Перевяжите ей раны и оставьте ее въ покоѣ. Я ручаюсь, что она проснется здоровая.

— Вы магнетизировали ее? спросилъ Эгбертъ.

— Я вѣрю въ этотъ способъ леченія, сказалъ уклончиво Цамбелли,—потому что видѣлъ какъ одинъ знаменитый врачъ примѣнялъ его съ большимъ успѣхомъ.

— Благодарю васъ за оказанную помощь, шеваляе, сказалъ Эгбертъ.

— Я исполнилъ обязанность простаго челоуѣколюбія, отвѣтилъ

Цамбелли — и тѣмъ охотиѣе, что мнѣ вдвойнѣ жаль эту бѣдняжку. Ея отецъ въ тюрьмѣ.

— За что?

— Я расскажу вамъ это въ другой разъ. Но пока дѣвочка не должна знать объ этомъ.

— Будьте покойны, я позабочусь о ней.

— Что вы хотите дѣлать съ нею?

— Она останется въ моемъ домѣ. Я не хочу чтобы она сбѣлалась бродягой.

Цамбелли хотѣлъ возражать, но удержался. Какое право имѣлъ онъ мѣшать добродѣлю своими размышленіями.

— Покойной ночи, сказалъ онъ, укутываясь въ свой плащъ, и дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Что съ вами, шевадье? спросилъ Эгбертъ, провожая его по лѣстницѣ.

— Мнѣ представилась ужасающая картина! Вашъ экипажъ могъ совершенно раздавить ее.

— Благодаря Богу этого не случилось. Она внѣ опасности.

— Покойной ночи, повторилъ Цамбелли—выходя на улицу.

ГЛАВА II.

Въ сѣромъ домѣ еще долго шли толки между прислугой о колдунѣ, который такимъ страннымъ образомъ воскресилъ нищю. Даже Эгбертъ и Гуго чувствовали нѣкоторое смущеніе, такъ какъ не могли дать себѣ яснаго отчета въ видѣнной ими сценѣ.

Между тѣмъ мнимый колдунъ шелъ неровнымъ шагомъ по пустынной улицѣ, направляясь къ центру города. Кругомъ былъ непроницаемый туманъ и только изрѣдка виднѣлся слабый отблескъ фонарей. Цамбелли былъ недоволенъ собой и испытывалъ странное безпокойство; страхъ придавалъ ему крылья; его пугали фигуры, которыя чудились ему въ туманѣ и распадались вновь при его приближеніи. Наконецъ мало по малу мысли его пришли въ порядокъ и онъ пошелъ болѣе медленнымъ шагомъ.

Онъ спрашивалъ себя: разумно ли было съ его стороны оставить дѣвушку въ домѣ ненавистнаго для него человѣка, къ которому онъ чувствовалъ хотя необъяснимое, но сильное отвращеніе съ первой минуты ихъ знакомства. Съ тѣхъ поръ явились и довольно основательныя причины, которыя еще болѣе усилили эту неприязнь и должны были рано или поздно повести къ борьбѣ между ними на жизнь и смерть. Если бы позднія размышленія могли исправить дѣло, то съ

какимъ бы наслажденіемъ Цамбелли вырвать Кристель изъ рукъ своего врага. Но что оставалось ему дѣлать при тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ онъ былъ поставленъ! Увезти ее съ собой? Но этимъ онъ могъ только возбудить противъ себя лишнія подозрѣнія.

— Положимъ я былъ магнитомъ, который притянулъ ее изъ лѣсу, — сказалъ про себя Цамбелли, — но этого никто не знаетъ и она никому не откроетъ своей тайны. Чѣмъ я виноватъ, что эта нищая влюбилась въ меня и прицѣпилась ко мнѣ какъ репейникъ. Будь она проклята! Да наконецъ куда я могъ увезти ее? Съ тѣхъ поръ какъ я въ Вѣнѣ меня окружаютъ шпіоны Стадіона. Они вѣроятно подозрѣваютъ меня въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами? Развѣ не достаточно ясны были намеки секретаря? Онъ чуть ли не въ лицо сказалъ мнѣ: ты союзникъ Андраши и слуга Наполеона. Они хвастаются своимъ патриотизмомъ и безкорыстіемъ, но развѣ они сами не креатуры Англіи! Они получаютъ англійское золото, я — французское, какая разница между нами? И я даже считаю себя честнѣе ихъ. Что привязываетъ меня къ ихъ императору Францу или къ Австріи? Я итальянецъ и великій Наполеонъ, освободитель Италіи, мой соотечественникъ. Они всѣ пигмеи передъ нимъ... Но во всякомъ случаѣ моя тайна открыта и слухи обо мнѣ дошли до секретаря...

— Какое счастье, что я нигдѣ не показывался вмѣстѣ съ этой дѣвочкой! Тогда она привлекла бы всѣхъ шпіоновъ и мнѣ негдѣ было бы укрыться отъ нихъ. Если бы даже ее заперли въ тюрьму какъ бродягу, то на допросѣ она вѣроятно наговорила бы много лишняго по своей неопытности и пожалуй запутала бы меня. Бѣда не велика, если она сама погибнетъ; это случится рано или поздно, но я не имѣю никакого желанія пропадать изъ-за нея. Такимъ образомъ едва-ли не всего безопаснѣе, если она останется въ домѣ Эгберга. Полиція не рѣшится войти въ жилище богатаго, всѣми уважаемаго бюргера, а сама Кристель будетъ насторожѣ съ Эгбертомъ и даже съ графомъ Вольфсеггъ и не проговорится при нихъ. Да наконецъ кто же мѣшаетъ мнѣ слѣдить за нею? они не посмѣютъ отказать мнѣ отъ дому... Я могу выдать нѣкоторыя вещи, которыя они тщательнѣе скрываютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что у графа какія-то особенныя дѣла съ Армгартомъ. Люди эти живутъ сверхъ состоянія. Я слышалъ, что секретарь проигрываетъ большія деньги въ фараонъ. Дочь получила хорошее воспитаніе и носитъ дорогія платья. Все это разумѣется не изъ служебныхъ доходовъ отца и не изъ взятокъ. Шкатулка Вольфсегга вѣроятно служитъ главнымъ источникомъ. Старикъ Армгартъ хотѣлъ увѣрить меня, что тутъ замѣшана любовь. Но какой отецъ будетъ такъ цинично относиться къ позору своей дочери! Какъ могъ я повѣрить этому хотя одну минуту. Если Антуанета и маркиза предполагаютъ нѣчто подобное, то вѣроятно на основаніи ложныхъ слуховъ, которые старикъ намѣренно распространяетъ, чтобы скрыть истину. Но гдѣ же истина? Не наводитъ ли графъ справки у секретаря отно-

сительно намѣреній и плановъ министра? Нѣтъ, графъ настолько друженъ съ Стадіономъ, что можетъ узнать отъ него все, что ему угодно. Оба одинаково ненавидятъ Наполеона и мечтаютъ объ его низверженіи. Какую тутъ роль можетъ играть секретарь? Вѣдь онъ то же, что простой писарь. Нѣтъ, не политика, а нѣчто другое привлекаетъ графа въ домъ Армгарта... Вѣроятно какая нибудь семейная тайна и я долженъ узнать ее. Они оба были въ Парижѣ во время революціи и судя по тону, съ которымъ говорилъ Армгартъ, имъ весело жилось тамъ. Съ этого времени начинается ихъ дружба и можетъ быть сообщничество... Я не даромъ пріѣхалъ сюда; помимо честолюбія и надежды составить себѣ карьеру, теперь еще предвидится возможность удовлетворить мою месть. Гибель графа поможетъ мнѣ пріобрѣсти руку и сердце Антуанеты.

Размышляя такимъ образомъ, Цамбелли незамѣтно прошелъ предмѣстье и достигъ внутренняго города, гдѣ въ узкихъ улицахъ при сильномъ туманѣ онъ долженъ былъ постоянно обращать вниманіе чтобы не попасть подъ экипажъ или не столкнуться съ какимъ нибудь пѣшеходомъ. Освѣщенные окна домовъ, стукъ быстро несущихся экипажей, шумъ и говоръ толпы, наполнявшей улицы, настолько развлекли Цамбелли, что вскорѣ внѣшній міръ окончательно поглотилъ его.

Витторіо родился въ епископальномъ городѣ Тріентѣ, гдѣ итальянскій элементъ соприкасается съ нѣмецкимъ и, гдѣ старинный замокъ Цамбелли въ теченіи ста тридцати лѣтъ составлялъ собственность его рода. Замокъ этотъ, построенный во вкусѣ Палладіо ¹⁾ и, рѣзко отличавшійся отъ окружающихъ зданій своимъ мрачнымъ видомъ, пользовался дурной славой у мѣстныхъ жителей. Они говорили, что въ немъ являются привидѣнія и, если кому изъ нихъ случалось проходить мимо въ полночь, тотъ крестился и читалъ молитву. Въ народѣ замокъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „чортова дворца“ и получилъ это прозвище, благодаря дѣду Витторіо, который былъ алхимикъ и считался заклинателемъ духовъ. Незвѣстно, имѣлъ ли онъ какія-нибудь сношенія съ нечистымъ, но во всякомъ случаѣ въ результатѣ оказалось, что занимаясь своей таинственной наукой, онъ дошелъ до полного раззоренія. Отецъ Витторіо до нѣкоторой степени поправилъ свое состояніе, женившись на богатой нѣмкѣ изъ Мерана, но опять запутался въ дѣлахъ, такъ какъ семья его увеличивалась изъ года въ годъ и требовала большихъ затратъ. Наконецъ, ему удалось пристроить нѣкоторыхъ изъ своихъ сыновей на службу; одинъ поступилъ въ духовное званіе, а старшему должны были перейти по наследству немногія уцѣлѣвшія помѣстья, обремененныя долгами, съ обязательствомъ дать приданое двумъ сестрамъ. Такимъ образомъ Витторіо,

¹⁾ Палладіо, знаменитый архитекторъ, соорудившій въ Венеціи дворецъ дожей и нѣсколько великолѣпныхъ зданій въ городѣ Виченцѣ.

младшій изъ сыновей, остался безъ всякихъ средствъ къ существованію и только благодаря ходатайству своего дальняго родственника былъ принятъ въ Мальтійскій орденъ. Но въ это время орденъ доживалъ свои послѣдніе дни. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по прибытіи Витторіо Цамбелли на островъ Мальту явился Наполеонъ и принудилъ послѣдняго гроссмейстера Гомпеша къ сдачѣ сильной крѣпости, много разъ и всегда напрасно осаждаемой турецкими войсками. Рыцари разсѣялись по свѣту; большинство сочло себя свободными отъ даннаго обѣта; въ числѣ ихъ былъ и Витторіо, котораго еще не успѣли посвятить въ рыцари съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ формальностей. Очутившись вторично безъ денегъ и положенія въ свѣтѣ, молодой рыцарь поступилъ въ австрійскую военную службу. Но и тутъ счастье не улыбнулось ему. Его отправили въ гарнизонъ въ небольшую трансильванскую крѣпость на турецкой границѣ. Два или три раза участвовалъ онъ въ стычкахъ съ непріятелемъ, но такихъ незначительныхъ, что трудно было отличиться или приобрѣсть славу. Товарищи не любили его, такъ какъ онъ казался имъ слишкомъ вѣжливымъ и благовоспитаннымъ, а начальникъ не терпѣлъ его за злой языкъ. Въ тѣ времена Витторіо еще не привыкъ къ притворству и по своей горячности выказывалъ такую же необдуманность въ рѣчахъ, какъ и въ дѣйствіяхъ. Ему приходилось не разъ драться на дуэли, благодаря разнымъ любовнымъ приключеніямъ; водились за нимъ и карточные долги.

Но все это скоро наскучило Цамбелли. Онъ тяготился однообразной гарнизонной службой среди малообразованныхъ людей, въ полуварварской странѣ. Къ этому примѣшивалось еще тяжелое чувство разочарованія и оскорбленнаго самолюбія, такъ какъ ему казалось, что недостаточно цѣнятъ его заслуги и отдають преимущество передъ нимъ людямъ ничтожнымъ изъ за ихъ богатства или знатнаго происхожденія. Такимъ образомъ Цамбелли только выжидалъ удобнаго случая, чтобы выйти изъ военной службы и подалъ въ отставку вслѣдъ за заключеніемъ Пресбургскаго мира, хотя враги его утверждали, что онъ былъ вынужденъ сдѣлать это, чтобы избѣжать постыднаго увольненія.

Послѣ этого Витторіо на нѣкоторое время смѣшался съ безымянной массой, какъ онъ выражался, а затѣмъ неожиданно явился въ Миланъ при дворѣ итальянскаго вице-короля подъ предлогомъ ускоренія процесса своей семьи о ломбардскихъ помѣстьяхъ. Здѣсь ему больше посчастливилось, чѣмъ у венгерскихъ и австрійскихъ магнатовъ. Онъ былъ окруженъ людьми, изъ которыхъ большинство было обязано своимъ возвышеніемъ революціи и войнѣ; это были такіе же искатели приключеній, какъ и онъ самъ съ тѣми же взглядами и убѣжденіями. Женщинамъ нравилась его красивая меланхолическая наружность; мужчины хвалили его за отсутствіе какихъ либо предразсудковъ и рѣшительный способъ дѣйствій. Они съ любопытствомъ

слушали его рассказы о Молдавіи, Валахіи и Сербіи, вѣчныхъ битвахъ между христіанами и турками, о цыганскихъ деревняхъ, замкахъ венгерскихъ магнатовъ и т. п. Рассказы эти представляли тѣмъ большій интересъ, что въ это время всѣ были убѣждены, что Бонапартъ вскорѣ поведетъ свою армію въ эти страны и даже быть можетъ въ Константинополь.

Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Цамбелли вернулся въ Вѣну. Никто не могъ понять причины, почему онъ такъ неожиданно оставилъ Миланъ и не искалъ службы у вице-короля Евгенія. Самъ Цамбелли отвѣчалъ уклончиво на всѣ вопросы по этому поводу.

— Я скиталець по свѣту, говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. — Меня не удовлетворяютъ почести и никакое мѣсто не привязываетъ меня. Что такое счастье или спокойствіе? Я никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Судьба бросаетъ меня изъ одной страны въ другую, помимо моего выбора или желанія. Хотя ничто особенно не печалитъ меня, но я постоянно чувствую себя несчастнымъ и недовольнымъ...

Подобныя фразы подчасъ вызывали насмѣшливую улыбку въ слушателяхъ, такъ какъ въ нихъ была не малая доля рисовки и преувеличенія, но тѣмъ не менѣе онѣ обаятельно дѣйствовали на публику. То же недовольство и разочарованіе въ большей или меньшей степени испытывалъ каждый въ ту несчастную переходную эпоху.

Приверженцы старыхъ порядковъ были недовольны паденіемъ многихъ династій, притѣсненіемъ дворянства и отмѣной свѣтской власти папы. Роптали и поклонники революціи, мечтавшіе о свободѣ и равенствѣ. Они пережили тяжелыя минуты, когда вслѣдъ за уничтоженіемъ директоріи Бонапартъ захватилъ власть въ свои руки и, сдѣлавшись императоромъ, создалъ вокругъ себя новый дворъ и новое дворянство. Г-жа Роланъ погибла вслѣдъ за Маріей Антуанетой; якобинскій клубъ окончилъ свое существованіе, какъ и общество Трианона. Наступила пора общей апатіи и бездѣйствія, скучнаго и безцѣльнаго существованія, которое казалось не имѣло будущности.

Но помимо этой неопредѣленной скорби, которую болѣе или менѣе ощущало все тогдашнее общество и которая была прямымъ слѣдствіемъ неосуществившихся идеаловъ, Витторіо Цамбелли испытывалъ еще всѣ мученія бѣдности и неудовлетвореннаго честолюбія.

Между тѣмъ, люди, знавшіе его въ былыя времена, сравнивая его прежнее положеніе съ настоящимъ, завидовали его счастью и удивлялись его успѣхамъ въ свѣтѣ. Витторіо можно было встрѣтить въ самыхъ знатныхъ домахъ Вѣны. Никто не зналъ, какъ онъ проникъ сюда и каждый считалъ долгомъ пригласить его въ свою очередь. Но тѣмъ не менѣе многіе подозрительно относились къ Цамбелли, такъ какъ было извѣстно, что онъ впервые появился въ салонахъ французскаго и русскаго посланниковъ. Одни говорили, что онъ подкупленъ Россіей и вырабатываетъ проекты покоренія турецкой имперіи; другіе, отрицая это, утверждали, что онъ на жалованьи у Бона-

парта и доставляетъ ему подробныя свѣдѣнія объ австрійскомъ вооруженіи, перемѣнахъ въ войскѣ, планахъ и дѣйствіяхъ Tugendbund'a. Всѣ эти предположенія въ свою очередь служили поводомъ къ разнымъ толкамъ и шуткамъ, и какой-то острякъ распространялъ слухъ, что такъ какъ оба императора — русскій и французскій, очень дружны и преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли, то они содержатъ сообща Цамбелли, какъ любовницу, которая порознь обошлась бы слишкомъ дорого для cadaго изъ нихъ.

Витторіо уже нѣсколько лѣтъ вращался въ высшемъ столичномъ обществѣ, какъ равноправный членъ его и наконецъ всѣ привыкли къ этому; но дурная слава осталась за нимъ. Хотя существовавшее противъ него обвиненіе не подтверждалось никакимъ осязательнымъ фактомъ, но тѣмъ не менѣе всѣ считали его опаснымъ человѣкомъ, искателемъ приключеній и шпиономъ. Подобное мнѣніе разумѣется не вредило ему въ глазахъ массы, которая всегда поклоняется успѣху, а тѣмъ болѣе въ эпоху сильныхъ государственныхъ переворотовъ, гдѣ скромныя добродѣтели, самоотверженіе и честность теряютъ значеніе, а мужество, хитрость и военныя доблести неизбѣжно поднимаются въ цѣнѣ.

Однако денежныя дѣла Цамбелли были далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, какъ гласила молва, и это служило для него источникомъ большихъ огорченій, особенно въ присутствіи тѣхъ, которымъ, подобно графу Вольфсеггъ, были извѣстны его стѣсненныя обстоятельства. Но передъ людьми менѣе близкими съ нимъ, онъ умѣлъ окружать себя кажущимся богатствомъ и казаться расточительнымъ, одѣвался по послѣдней модѣ и держалъ превосходныхъ лошадей. Цамбелли не имѣлъ никакой официальной службы, и потому знакомыхъ его естественно занималъ вопросъ объ его средствахъ къ существованію. Но Франція или Россія снабжала его, или же крупная и большею частью счастливая карточная игра составляла источникъ его доходовъ, оставалось тайной для всѣхъ.

Цамбелли пробираясь между экипажами и людьми, вышелъ наконецъ изъ лабиринта маленькихъ улицъ, отдѣляющихъ соборъ св. Стефана отъ улицы Graben и остановился передъ великолѣпной колонной, воздвигнутой Леопольдомъ I, въ память избавленія Вѣны отъ чумы. Но кромѣ двухъ фонтановъ, съ правой и лѣвой стороны памятника, невозможно было различить что либо въ сѣромъ туманѣ. Фонари, далеко разставленные другъ отъ друга, освѣщали улицы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и только время отъ времени вспыхивалъ на подобіе молнии красноватый отблескъ факеловъ въ рукахъ слугъ, стоявшихъ на подножьяхъ придворныхъ и дворянскихъ каретъ.

— Наконецъ-то я нашелъ васъ, шевадье Витторіо, сказалъ какой-то человѣкъ подходя къ нему.

— Это вы Анахарсисъ?

— Какъ видите. Я былъ на вашей квартирѣ, въ надеждѣ застать васъ.

— Это было крайне неосторожно съ вашей стороны. Васъ легко могли узнать! Секретарь французскаго посольства лицо довольно извѣстное въ Вѣнѣ.

Они говорили въ полголоса и на французскомъ языкѣ и, какъ бы недовольствуясь этой предосторожностью, отошли отъ колонны, гдѣ они могли обратить на себя вниманіе прохожихъ и пошли медленнымъ шагомъ вдоль улицы Graben.

— Вы ужь слишкомъ трусливы, шевалье. Сколько разъ насъ видѣли вмѣстѣ въ обществѣ! Пожалуй, еще можно было бы бояться если бы опять наступилъ грозный 1793 годъ. Ну, а теперь, что могутъ отнять у васъ!

— То, что и для васъ имѣетъ цѣну. Каждый изъ насъ дорожить своей головой, отвѣтилъ Цамбелли.

— Вы бы не боялись смерти, если бы пережили революцію. У васъ еще поются оперныя аріи, тогда какъ мы знаемъ только одну пѣсню—марсельезу.

— Однако приступимъ къ дѣлу, мой дорогой другъ, сказалъ Цамбелли, которому не нравилось грубое обращеніе бывшаго якобинца, хотя онъ не показывалъ этого изъ боязни раздражить его такъ какъ Анахарисъ былъ правой рукой генерала Андраши.

— Вы говорили мнѣ, что совсѣмъ отрезались отъ политики.

— Да, политика капризная дѣва и годится только молодымъ людямъ. Возившись съ нею, я состарѣлся и посѣдѣлъ раньше времени и бросилъ ее. Все, что теперь совершается, пустяки сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлано великой французской революціей. Теперь насъ занимаютъ только деньги, вино и женщины. Но у васъ еще молодыя ноги, шевалье, и вы можете гоняться за политикой.

— Однако вы до сихъ поръ не сообщили мнѣ: нѣтъ ли какихъ извѣстій изъ Парижа?

— Какже, есть, и притомъ самыя благопріятныя для васъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ прибылъ сюда курьеръ изъ Парижа къ графу Андраши съ денешами отъ императора, который теперь уже долженъ быть за Пиринеями. Радуйтесь, Испаніи наступилъ конецъ. Маленькому капрану стоитъ только махнуть своей сѣрой шляпой и испанцы съ своими монахами улетятъ къ черту, какъ воробы.

— Вы говорили, что получены благопріятныя для меня извѣстія, сказалъ Цамбелли, который въ этотъ вечеръ уже вдоволь насыщался политическихъ разглагольствованій и съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, чтобы перейти на фактическую почву.

— Да, правда!... Я долженъ вамъ сказать, что ваши донесенія получены и одобрены. Телейранъ въ восхищеніи отъ вашей прозорливости...

— Телейранъ!—повторилъ Цамбелли, тономъ обманутаго ожиданія.

Анахарсисъ засмѣялся; его широкое лицо съ густыми бровями большимъ ртомъ и толстыми губами приняло лукавое выраженіе.

— Вы кажется недовольны... Это вполне естественно, потому что въ извѣстномъ дѣлѣ вы дѣйствительно оказали большую услугу.

Какихъ только униженій не выносить честолюбецъ для достиженія своихъ цѣлей! Эта похвала изъ устъ плебея, принимающаго на себя роль покровителя, показалась крайне оскорбительною Цамбелли, но на лицѣ его не видно было и тѣни досады или неудовольствія.

— Французскій императоръ, продолжалъ бывший якобинецъ— вполне раздѣляетъ мое мнѣніе относительно вашихъ способностей. Его величество приказалъ добавить къ сегодняшнимъ депешамъ нѣсколько словъ крайне лестныхъ для васъ. Генераль Андраши желаетъ самъ передать вамъ ихъ вмѣстѣ съ брильянтовымъ кольцомъ, которое даритъ вамъ французскій императоръ. Но что всего лучше—его величество хочетъ видѣть васъ и лично познакомиться съ вами.

— Со мною!... французскій императоръ...

— Разумѣется, вы не ожидали ничего подобнаго! Я увѣренъ, что вы понравитесь Бонапарту; недаромъ въ васъ обоихъ течетъ итальянская кровь. Еще немного и шевалье Цамбелли...

— Тихе, ради Бога! не называйте меня...

— Извольте, больше не назову ни одного имени! Вы сдѣлаетесь графомъ, герцогомъ, или даже маршаломъ... Ну, а мы старики, пережившіе 1793 годъ, не нуждаемся въ этихъ кличкахъ и не скинемъ нашихъ деревянныхъ башмаковъ.

— Потому что другихъ и носить не умѣемъ, подумалъ Цамбелли и добавилъ вслухъ:

— Вы не уступаете Аристиду въ безкорыстіи.

— Вамъ нечего надсмѣхаться надъ нами, милостивый государь. Мы трезвѣе васъ смотримъ на жизнь. Императоръ можетъ наградить васъ почетомъ, титулами, маршальскимъ жезломъ, крестами, а намъ онъ долженъ платить чистымъ золотомъ. Безкорыстіе, умѣренность, справедливость и другія добродѣтели умерли съ Робеспьеромъ. Деньги и женщины...

— Онъ хочетъ меня видѣть? сказалъ Цамбелли, возвращаясь къ занимавшему его вопросу.—Гдѣ приказано мнѣ явиться къ нему и когда?

— Не сегодня и не завтра. Въ данный моментъ Испанія больше интересуется его, нежели Австрія. Погодите немного, мой дорогой другъ, дойдетъ и до васъ очередь и тогда вы отправитесь въ Парижъ.

— Но опустятъ ли меня отсюда?

— Господа австрійцы врядъ ли охотно разстанутся съ вами. Вамъ конечно прійдется обмануть ихъ и придумать какой нибудь ловкій способъ, чтобы выбраться изъ Вѣны.

— Могу ли я вполне рассчитывать на хорошей приемъ въ Сенъ-Клу?

— Вы можете вторично услышать все это отъ Андраши, если вамъ недостаточно моего ручательства.

— Вы не поняли меня, Анахарсисъ. Я ни минуты не сомнѣвался въ вашей дружбѣ и въ томъ, что вы говорите. Но Бонапартъ не отличается постоянствомъ. Если онъ спровадитъ меня, то послѣ этого мнѣ нельзя будетъ показаться ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ.

— Когда мы шли на Тюльери, отвѣтилъ презрительно якобинецъ,— въ памятный день 10-го августа, 1792 года, никто изъ насъ не зналъ удастся ли намъ взять его приступомъ, или мы всѣ сложимъ наши головы. Развѣ можно останавливаться передъ такими соображеніями!

— Каждый поступаетъ по своему.

Они дошли до улицы „Herrengasse“. Цамбелли остановился.

— У васъ тутъ дѣла, шевадье? Значить мы должны разстаться?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ я не задерживаю васъ. До свиданія. Приходите послѣ завтра въ красную комнату гостиницы „Kugel“. Только принесите съ собой докладную записку. Намъ хотѣлось бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ.

— Я употребляю всѣ старанія чтобы угодить вашему императору, отвѣтилъ Цамбелли.

— Только не забывайте, наши личные интересы должны быть на первомъ планѣ. До свиданія. Нѣтъ подождите. Чуть было не забылъ...

При этихъ словахъ Анахарсисъ вынулъ изъ кармана узкую полоску бумаги.

— Это изъ префектуры полиціи... Подробныя свѣдѣнія о личности Венямина Бурдона. Совѣтую вамъ провѣрить ихъ. Право смѣшно вспомнить этого добраго Жана Бурдона. Теперь онъ уже не захохочетъ по прежнему.

Секретарь французскаго посольства исчезъ въ туманѣ и Цамбелли остался одинъ на улицѣ.

— Дерзкій, назойливый плебей! проговорилъ онъ ему вслѣдъ, но чувство досады вскорѣ смѣнилось радостнымъ ощущеніемъ, когда онъ припомнилъ, что удостоился вниманія самого Бонапарта. Развѣ похвала такого человѣка не равносильна одобренію сотенъ тысячъ людей! Если даже Анахарсисъ усилилъ краски, чтобы придать себѣ больше значенія, то фактъ былъ на лицо и сдѣланъ новый шагъ къ достиженію счастья.

— Вольфсеги не всегда будутъ смотрѣть на меня свысока, думалъ Цамбелли.—Теперь они пренебрегаютъ мной, но если я вернусь сюда въ свитѣ Наполеона, то быть можетъ и не покажется такимъ безуміемъ, если Витторіо посвѣтится къ графинѣ Антуанетѣ.

Размышляя такимъ образомъ, Цамбелли не замѣтно для него самого дошелъ до городского дома графа Вольфсега въ концѣ „Нег-

rengasse“. У главнаго входа горѣлъ фонарь. Цамбелли при свѣтѣ его прочелъ записку, данную ему Анахарсисомъ. Содержаніе ея опять возбудило въ немъ прежнія мысли и сомнѣнія, и онъ готовъ былъ вернуться назадъ, однако пересилилъ себя и вошелъ на крыльцо. Но слуги пришли въ странное замѣшательство когда онъ спросилъ ихъ: можетъ ли онъ видѣть графа Вольфсеггъ или маркиза Гондревилль? и видимо затруднились отвѣтомъ. Но когда Цамбелли спросилъ: принимаютъ ли дамы?—то услышалъ къ своему величайшему удовольствію, что дамы дома и готовы принять его, по крайней мѣрѣ графиня Антуанета.

— Мужчины вѣроятно рѣшаютъ на словахъ или на бумагѣ участь Бонапарта, засѣдая въ которой нибудь изъ отдаленныхъ комнатъ, подумалъ Цамбелли,—маркиза не рѣшится выйти къ постороннему человѣку въ домашнемъ платьѣ и мнѣ быть можетъ удастся пробыть наединѣ нѣсколько минутъ съ Антуанетой. Вся кровь бросилась ему въ голову отъ этой мысли и онъ почти бѣгомъ вбѣжалъ на лѣстницу.

Между Антуанетой и Цамбелли существовала давнишняя симпатія, такъ какъ оба были одинаково честолюбивы и недовольны жизнью. Этой симпатіи также не мало способствовали и вѣтшія причины, какъ, напримѣръ, встрѣчи въ обществѣ, разговоры, споры и особенно пребываніе обоихъ молодыхъ людей въ замкѣ у озера съ опасною прелестью деревенскихъ удовольствій, и неожиданными встрѣчами въ лѣсу и саду. Самъ графъ Вольфсеггъ простосердечно покровительствовалъ имъ, пользуясь умомъ и красотой своей племянницы, чтобы отвлечь вниманіе шевалье отъ политическихъ козней и переговоровъ, которые велись вокругъ него. Графъ былъ убѣжденъ, что племянница его слишкомъ умна и проникнута дворянскою гордостью, чтобы унизиться до безумной страсти къ малоизвѣстному авантюристу.

Такая увѣренность была бы вполне основательна, если бы любовь Антуанеты не встрѣтила взаимности со стороны Витторіо. Но итальянецъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ молодой графиней, чувствовалъ къ ней все болшую нѣжность и страсть, по мѣрѣ того, какъ она все сильнѣе подчинялась его вліянію.

Это вліяніе было вполне естественно, потому что Цамбелли, помимо красивой наружности и недюженнаго, ума отличался еще рыцарскими манерами, утонченностью рѣчи и искусствомъ казаться лучше и значительнѣе, нежели онъ былъ въ дѣйствительности. Задача приковать къ себѣ такого человѣка могла интересовать умную дѣвушку и дѣйствовать раздражающимъ образомъ на ея самолюбіе.

Они сидѣли теперь въ маленькой уютной комнатѣ другъ противъ друга; она на диванѣ, онъ на креслѣ съ круглой рѣзной спинкой. Свѣтлая обивка мебели, занавѣси скрывавшіе наглухо закрытыя окна, комфортъ богатаго дома, свѣтъ и теплота, были особенно пріятны Цамбелли послѣ уличной сырости и мрака. Не менѣе гармоническое впечатлѣніе производила на него и Антуанета, въ своемъ бѣломъ шер-

стваномъ платьѣ, сшитомъ по модѣ того времени, съ длиннымъ шлейфомъ, короткой тальей, узкими рукавами и голубымъ шарфомъ.

— Вы спрашиваете: откуда я? сказалъ Цамбелли, послѣ обмѣна первыхъ привѣтствій—и еще такимъ тономъ, какъ будто я никогда не занимаюсь дѣлами. Я теперь дѣйствительно былъ въ гостяхъ и притомъ у нашего общаго знакомаго, г. Геймвальда.

— Геймвальда! сказала она протяжно.

Цамбелли не могъ видѣть выраженія ея лица, потому что столъ, на которомъ былъ поставленъ канделябръ съ тремя восковыми свѣчами, стоялъ въ сторонѣ и вся фигура молодой дѣвушки была въ тѣни.

— Дядя мой вѣроятно уже соскучился о немъ, продолжала Антуанета, чтобы окончить начатую фразу, видя, что Цамбелли вопросительно смотритъ на нее.

— Мнѣ самому хотѣлось видѣть его: кто изъ насъ можетъ дать себѣ ясный отчетъ въ движеніяхъ своего сердца и въ причинахъ своей симпатіи и антипатіи. Оба эти молодые бюргера расположили всѣхъ насъ къ себѣ своею непринужденностью; они какъ будто вышли изъ другаго лучшаго міра.

— Лучшаго міра, повторила съ усмѣшкой Антуанета.

— Почему вамъ не нравится это выраженіе? Общество, въ которомъ вращается Геймвальдъ, поставлено въ несравненно лучшія условія, чѣмъ нашъ такъ называемый знатный кругъ, который постоянно гнѣздится на обнаженныхъ высотахъ подъ палящими лучами солнца. У нихъ и желанія скромнѣе нашихъ и болѣе спокойное расположеніе духа, въ особенности у тѣхъ, которымъ посчастливилось въ жизни какъ нашему пріятелю.

— Разумѣется, г-нъ Геймвальдъ вполне счастливъ: у него свой домъ въ Вѣнѣ и порядочное помѣстье въ окрестностяхъ. Ему больше и желать нечего! Не правда ли?

Она принужденно засмѣялась при этихъ словахъ.

— Вы слишкомъ легко смотрите на это, графиня. Не скрою отъ васъ, что я лично придаю большое значеніе богатству. Въ какомъ бы положеніи не находился человѣкъ, только при хорошихъ средствахъ онъ можетъ устроить жизнь какъ слѣдуетъ и сохранить свободу убѣжденій.

— Развѣ богатый человѣкъ точно также не стремится вырваться изъ рамокъ, въ которыя поставила его судьба, какъ и бѣдный? Если онъ сброшенъ съ высоты, на которую онъ хотѣлъ подняться, то онъ точно также чувствуетъ свое паденіе какъ и всякій другой.

— Да, но богатство въ этомъ случаѣ—мягкая подстилка.

— Шевалье Цамбелли завидуетъ бюргеру, потому что у него собственный домъ...

— Это не зависть, графиня. Я сдѣлался такимъ, какъ теперь, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ рожденія и воспитанія, и для меня немислимо скромное идиллическое существованіе. Мой удѣлъ—ни-

щета, неудовлетворенное честолюбіе, вѣчное безпокойство; но если бы я родился Эгбертомъ Геймвальдъ, то былъ бы мирнымъ собственникомъ и наслаждался бы безмятежною жизнью.

— Неужели всѣ эти размышленія навѣяны короткимъ визитомъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Я не засталъ дома г-на Геймвальдъ и уже собиравшись уходить какъ онъ вернулся изъ своей загородной поѣздки съ своимъ другомъ г-номъ Шпрингъ, котораго онъ знакомилъ съ окрестностями Вѣны. Вотъ причина, почему онъ до сихъ поръ не былъ у графа.

— Я сообщу это дядѣ. Значить въ его отсутствіе...

— Я имѣлъ полную возможность видѣть его домашнюю обстановку и сдѣлать нѣкоторыя наблюденія, которыя быть можетъ помимо моей воли приняли сентиментальный оттѣнокъ. Не знаю, подѣйствовало ли на меня противоположность этой жизни съ моею, или же тутъ виновата моя прекрасная покровительница...

— Развѣ у г-на Геймвальда живетъ какая-нибудь родственница?

— Я не знаю, родня ли онъ Армгартамъ... Кстати, если не ошибаюсь, маркиза упоминала о нихъ въ разговорѣ.

— Вы видѣли фрейлейнъ Армгартъ? спросила Антуанета, оттолкнувъ съ нетерпѣніемъ вышитую скамейку, лежавшую у ея ногъ.

Это движеніе не ускользнуло отъ вниманія Цамбелли.

— Да, я видѣлъ ее, сказалъ онъ. — Это красивая, стройная дѣвушка, средняго роста съ бѣлокурыми волосами, большими сѣрыми глазами и строгимъ выраженіемъ лица.

— Однако вы внимательно разглядѣли ее, сказала Антуанета съ усмѣшкой. — Вѣроятно умъ ея соответствуетъ красотѣ...

— Съ моей стороны было бы слишкомъ смѣло, если бы я вздумалъ судить объ ея умѣ или образованіи при такомъ поверхностномъ знакомствѣ. Мы обмѣнялись нѣсколькими словами и при томъ разговоръ шелъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

Тутъ Цамбелли разсказалъ подробно какъ онъ вошелъ въ домъ Эгберта и встрѣтилъ Магдалену.

— Отвѣты фрейлейнъ Армгартъ, продолжалъ онъ, — показались мнѣ очень милыми и остроумными, такъ какъ при томъ настроеніи, въ которомъ я находился, она представлялась мнѣ сказочной настушкой и я самъ воображалъ себя странствующимъ рыцаремъ.

Но молодая графиня не слушала его.

— Я желала бы видѣть ее, сказала она задумчиво.

— Къ чему? Въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго, чтобы заслуживало вниманія графини Антуанеты. Она ничѣмъ не отличается отъ тысячи подобныхъ ей дѣвушекъ въ этомъ сословіи.

— Однако певалье Цамбелли, который достаточно странствовалъ по свѣту и съ такимъ презрѣніемъ отзывался о людяхъ, говорить объ этой дѣвушкѣ съ особеннымъ воодушевленіемъ.

Ужъ не ревность ли говорить въ ней? подумалъ Цамбелли. — Ей досадно, что графъ Вольфсеггъ...

— Я долженъ объяснить вамъ, графиня, продолжалъ онъ, что не одно появленіе этой дѣвушки настроило меня такимъ идиллическимъ образомъ. Въ этомъ домѣ положительно чувствуешь какую-то особенную прелесть, которая очаровываетъ васъ. Развѣ не достаточно доказываютъ это частыя посѣщенія вашего дяди, который гораздо опытнѣе меня и трезвѣе смотритъ на вещи.

— Моего дяди! повторила молодая графиня, дѣлая надъ собой усилія чтобы казаться спокойною. — Да, онъ дѣйствительно бываетъ иногда у г-на Геймвальда, а слѣдовательно и у Армгартовъ. Старикъ Армгартъ былъ нѣкоторое время секретаремъ у моего дяди. Но по какому поводу у васъ зашелъ объ этомъ разговоръ?

Въ сердцѣ влюбленного итальянца шевельнулось состраданіе. — Зачѣмъ ты пугаешь и мучишь это прелестное существо, подумалъ онъ. Но вслѣдъ затѣмъ себялюбіе взяло верхъ надъ добрымъ чувствомъ.

Я долженъ узнать, что тутъ дѣлается, сказалъ онъ себѣ, — чтобы извлечь какъ можно больше пользы изъ той трагедіи, которая разыгрывается за этими блистательными кулисами.

— Да, мы говорили о графѣ, хотя не по моей инициативѣ. Г-нъ Армгартъ съ благодарностью вспоминалъ о благодѣяніяхъ графа. Дядя желая вознаграждать его за вѣрую службу выхлопоталъ ему довольно выгодную должность.

Наступило молчаніе. Она вопросительно глядѣла на него, какъ будто хотѣла узнать: не скрылъ ли онъ чего нибудь отъ нея и не должна ли она прекратить непріятный для нея разговоръ. Но трудно было прочесть что либо на этомъ красивомъ смугломъ лицѣ, которое казалось серьезнѣе и мрачнѣе обыкновеннаго.

— Ваше описаніе до такой степени заинтересовало меня, сказала Антуанета — что я готова сдѣлать глупость и вы будете виноваты въ этомъ.

— Изъ за васъ графиня я готовъ взять на себя какую угодно вину.

— Фрейлейнъ Армгартъ...

— Вы меня смущаете, графиня; что мнѣ за дѣло до этой дѣвушки? Въ вашемъ присутствіи...

— Въ моемъ присутствіи! — прервала она съ неудовольствіемъ. Ужъ не сравниваете ли вы меня съ этой аркадской пастушкой?

Итальянецъ поднялся съ мѣста.

— Кажется я одинаково возбуждаю ваше неудовольствіе, какъ своимъ молчаніемъ, такъ и разговоромъ. Простите меня, но я не желалъ бы въ будущемъ испытывать такихъ тяжелыхъ минутъ, какъ теперь.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія ссориться съ вами. Мнѣ

досадно на себя. Я не понимаю, что привело насъ къ этому недоразумѣнію?

— Смутное предчувствіе событій, которыя должны совершиться въ будущемъ. У каждаго человѣка бываютъ моменты, когда душа его освобождается отъ плоти и чувствуетъ свою связь съ безконечнымъ невидимымъ міромъ. Ваше возбужденное состояніе...

— Вы пугаете меня, шевадье, своимъ торжественнымъ тономъ. Но если дѣйствительно бываютъ предчувствія, то мнѣ кажется, что я должна ожидать себѣ несчастія отъ этой дѣвушки или изъ того дома гдѣ она живетъ.

— Счастье или несчастіе это можетъ подсказать вамъ только внутренній голосъ. Я вполне допускаю, что между вами и этими бюргерами существуетъ тайная, неизвѣстная вамъ связь, которая обнаружится рано или поздно.

— Я постараюсь убѣдиться въ этомъ и попрошу дядю когда нибудь привезти къ намъ фрейлейнъ Армгартъ. Если онъ самъ удостоиваетъ ее своимъ знакомствомъ, то мое желаніе не можетъ показаться ему страннымъ. Если дядя откажетъ мнѣ, то я постараюсь достигнуть моей цѣли другими путями черезъ васъ или г-на Геймвальда. Мнѣ хотѣлось бы скорѣе узнать свою судьбу.

— Вашу судьбу, графиня! Неужели вы можете серьезно говорить объ этомъ? Развѣ ваша участь можетъ быть въ зависимости отъ этихъ людей? Вспомните то, что вы мнѣ говорили въ замкѣ относительно вашей будущности.

— Это были однѣ мечты! отвѣтила Антуанета.

— Разумѣется, но когда мы остаемся въ бездѣйствіи, то намъ ничего не остается, какъ гоняться за мечтами. Онѣ наполняютъ жизнь тѣмъ, которые, вслѣдствіе предразсудковъ или безвыходнаго положенія, должны оставаться безучастными зрителями событій, совершающихся вокругъ нихъ. Вотъ я, напримѣръ, часто представляю себѣ васъ владѣтельной княгиней или императрицей.

— Чтобы опять увидѣть меня въ дѣйствительности дочерью бѣднаго дворянина.

— Чѣмъ была императрица Жозефина десять лѣтъ тому назадъ? или сестры Наполеона?

— Ростъ деревьевъ зависитъ отъ почвы, вѣтра и солнечнаго свѣта, отвѣтила Антуанета. Развѣ вы сами не восхваляли нѣсколько минутъ передъ тѣмъ мирныя наслажденія идиллической жизни? Дядя съ своей стороны постоянно проповѣдуетъ мнѣ это. Наконецъ, что можетъ сдѣлать женщина? Она должна приноравливаться къ обстоятельствамъ и постепенно научается этому.

— Мнѣ всегда досадно слышать, когда богато одаренныя женщины говорятъ о себѣ такимъ образомъ. Мы видимъ не мало примѣровъ, гдѣ женщины оказываются способнѣе мужчинъ.

— Только не на полѣ битвы; а теперь военныя заслуги ставятся выше всего и стали главной задачей нашего времени.

— Неизвѣстно долго ли это продлится, замѣтила Цамбелли. Если Бонапартъ усмирить испанское возстаніе, то кто-же въ состояніи будетъ сопротивляться ему?

— Развѣ вы ничего не ожидаете отъ нашей родины? возразила Антуанета, и даже не считаете нужнымъ упомянуть о ней?

— Австрія всегда останется второстепенной державой. Я не понимаю почему она не хочетъ довольствоваться этой ролью. Графъ Вольфсеггъ, министръ Стадіонъ, нашъ дворъ — всѣ они ненавидятъ Наполеона и главнымъ образомъ за то, что онъ продуктъ революціи. Они хотятъ уничтожить то, что не разруσιμο—равенство людей передъ закономъ, право каждаго стремиться къ высшему. Революція открыла широкое поле дѣятельности талантливымъ и способнымъ людямъ; въ этомъ ея главная заслуга и причина успѣха. На дняхъ мнѣ случайно попался одинъ изъ октябрьскихъ номеровъ *Moniteur'a*; и я узналъ фактъ, который доказываетъ это нагляднымъ образомъ. При отсутствіи предразсудковъ, которое теперь господствуетъ во Франціи, умному человѣку ничего не стоитъ добиться извѣстности и почестей.

— Какой фактъ?

— Если хотите, фактъ, о которомъ я говорю, самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго; подобныхъ примѣровъ можно насчитать тысячи, но меня онъ заинтересовалъ, потому что касается молодого врача Веньямина Бурдона.

— Веньямина Бурдона! воскликнула съ любопытствомъ Антуанета— расскажите пожалуйста все, что вамъ извѣстно, вѣдь это единственный сынъ несчастнаго Жана Бурдона.

— Имя это тотчасъ-же бросилось мнѣ въ глаза. Исторія заключается въ нѣсколькихъ словахъ. Въ *Moniteur'ѣ* напечатано короткое извѣстіе, что Веньяминъ Бурдонъ изъ Лотарингіи, сынъ крестьянина— называется лейбъ-медикомъ императрицы Жозефины и кавалеромъ почетнаго легіона.

— Лейбъ-медикомъ императрицы! Странно, что Жанъ никогда не упоминалъ объ этомъ, хотя онъ очень любилъ своего сына и гордился имъ.

— Дѣло въ томъ, что назначеніе сына напечатано въ *Moniteur'ѣ* въ тотъ самый день, когда мы хоронили его отца. Молодой человѣкъ былъ полковымъ врачомъ и отличился при Эйлау во время зимняго похода въ Пруссію, чѣмъ и объясняется его неожиданное повышеніе. Но онъ не долго оставался при дворѣ и вскорѣ послѣ того подалъ въ отставку неизвѣстно по какимъ причинамъ — быть можетъ даже вслѣдствіи несочувствія къ Бонапарту... Онъ живетъ теперь тихо и уединенно въ Парижѣ, но его слава, какъ замѣчательнаго магнетизера...

Антуанета съ удивленіемъ взглянула на своего собесѣдника.

— Вы не вѣрите таинственной силѣ открытой Месмеромъ? Но если она будетъ примѣнена къ дѣлу опытными и авторитетными людьми и изслѣдована надлежащимъ образомъ, то магнетизмъ произведетъ переворотъ въ медицинѣ и въ области знаній вообще. Венъяминъ Бурдонъ совершилъ нѣсколько удачныхъ изцѣленій, которыя прославляются какъ чудеса. Между прочимъ ему удалось вылечить извѣстную пѣвицу Дешанъ, что всего больше способствовало его славѣ, такъ что вслѣдъ затѣмъ, когда заболѣла императрица Жозефина и нѣсколько дней мучилась сильнѣйшей головной болью, несмотря на всѣ средства предлагаемыя другими врачами, то по желанію ея величества пригласили къ ней Бурдона. Императоръ Наполеонъ не препятствовалъ этому, хотя вообще рѣзко отзывался о подобныхъ вещахъ и называетъ все это шарлатанствомъ и бабьими глупостями. Дня черезъ два императрица встала совершенно здоровая. Разумѣется, Бурдона вознаградили самымъ щедрымъ образомъ... Намъ все это кажется сказкой; и, дѣйствительно, невольно удивляешься, когда вспомнишь, что бывший полковой врачъ пробуетъ неиспытанныя медицинскія средства надъ особой французской императрицы.

— Значитъ, сынъ Жана Бурдона сдѣлался важнымъ человѣкомъ при дворѣ Бонапарта, сказала задумчиво Антуанета. — Кто могъ ожидать этого отъ слабаго мальчика, котораго всѣ считали такимъ жалкимъ.

— Моя преданность Бонапарту возбуждаетъ здѣсь общее недоброжелательство, продолжалъ Цамбелли. Но развѣ можно относиться хладнокровно къ подобнымъ примѣрамъ и не признавать, что Парижъ представляетъ теперь центръ, который долженъ имѣть притягательную силу для людей, мечтающихъ о лучшей будущности, какъ напримѣръ для васъ графиня.

— Вы, по обыкновенію, причисляете меня къ подобнымъ людямъ; но что стану я дѣлать въ Парижѣ?

— Развѣ Гондревилли не принадлежатъ къ самымъ знатымъ и стариннымъ дворянскимъ семьямъ Франціи? Я не говорю о мужчинахъ; — у нихъ могутъ быть свои причины оставаться вѣрными королю и ненавидѣть Наполеона; но что за дѣло женщинамъ до той вражды, которую чувствуютъ ихъ братья и отцы?..

— Ужъ не хотите ли вы завербовать меня въ штатъ императрицы Жозефины?

Цамбелли горько усмѣхнулся.

— Вамъ извѣстно, графиня, что я не играю никакой роли въ Сенъ-Клу—сказалъ онъ. Блескъ двора не прельщаетъ меня. У меня иные идеалы и мечты, но они еще менѣе осуществимы. Божество, которому я поклоняюсь, не обращаетъ никакого вниманія на своего почитателя...

Антуанета опустила глаза. Вся кровь бросилась ей въ голову. Она чувствовала странное утомленіе отъ этого разговора, который посто-

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ОКТАВРЬ, 1880 г.

	Стр.
I. КАРЛЪ ШАЙНОХА. Ф. К. Неслуховскаго	217
II. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГЬЕВИЧЪ ПУШКИНЪ. Глава VI. Въ селѣ Михайловскомъ. В. Я. Стоюнина	245
III. ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ. Главы I—III. В. И. Модестова	282
IV. ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. Е. А. Бѣлова	306
V. ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ. Глава III. Тамбовское отжившее чиновничество. Н. Н. Дубасова	320
VI. ПОЛЬ БРОКА—ОСНОВАТЕЛЬ АНТРОПОЛОГИИ. В. И. Майнова	331
VII. ЛЕГЕНДА О ВЕЛИЗАРІИ. В. И. Корниевскаго	342
VIII. НОВЫЕ МЕМУАРЫ О РЕВОЛЮЦІОННОЙ ЭПОХѢ XVIII ВѢКА. М. С. Корелина	353
IX. ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЕРЪ. Часть II. В. З-а	372
X. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: 1. Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. II. Владимірскій періодъ. Москва 1880. К. Н. Бестужева-Рюмина . — 2. Очерки русской исторіи въ памятникѣхъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. I. Древнѣйшій періодъ. Спб. 1879. II. Періодъ съ XI—XIII в. Спб. 1880. Его-же .—3. Der polnische Kriegsschauplatz v. Sarmaticus. Berlin. 1880. В. З. — 4. Русскій Архивъ. 2-я книга. Москва. 1880.—5. Соціальные реформаторы.—6. Ливерпульская ассоціація финансовъхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжула. Москва. 1880.—7. Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго. Историческій очеркъ Д. Иловайскаго. Москва. 1880.—8. Историческая записка 75-ти-лѣтія Спб. 2-й гимназіи. Ч. I. Спб. 1880. Ф. Б.	399
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Именные указы императрицы Елизаветы Петровны. Изъ бумагъ М. Д. Хмырова .—Прощаніе Дидро съ императрицей Ематериной П. Сообщено Л. И. Майковымъ .—Непреклонный майоръ (картинка административной неурядицы alexandrovскихъ временъ). Сообщено В. Ф. Михневичемъ	410
XII. СМѢСЬ: Празднованіе 500-лѣтней годовщины Куликовской побѣды.—Послѣднее слово о мѣсторожденіи А. С. Пушкина.—Памятникъ Пушкину въ Одессѣ.—Въ какой день происходила Куликовская битва.—Памятникъ Гололю въ Нѣжлинѣ.—Анекдотъ о графѣ Араччевѣ.—Археологическія находки въ Елабужскомъ уѣздѣ.—Археологическая находка близъ Херсонеса.—Казакъ о происхожденіи Янцкой общины	422
По поводу одного преданія, сообщеннаго Н. Я. Аристовымъ. А. К.	432
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Людиферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. К. Френцеля . Часть II. Главы 3—5.—2) Портретъ Карла Шайнохи .	

При настоящей книжкѣ гг. подписчикамъ разсылаются вновь сдѣланные портреты: **С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, князя В. Ф. Одоевскаго и Мицкевича.**

КАРЛЪ ШАЙНОХА.

Съ гравированнаго портрета рѣз. на деревѣ А. И. Зубчалиновъ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 24 сентября 1836 г.

Типографія А. С. Суворина. Эрмитажъ пер. д. 11-2.

КАРЛЪ ШАЙНОХА.

Николаю Ивановичу Костомарову.

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ исторіи народовъ русскаго и польскаго, нельзя найти такого момента, когда окончательно прерывались бы между ними связь и отношенія.

Въ такой же тѣсной связи и взаимнодѣйствиі шло развитіе умственной и бытовой стороны жизни этихъ двухъ соплеменныхъ народовъ. Вамъ, болѣе чѣмъ кому либо, извѣстны точки соприкосновенія, степень родства и причины разлада.

Въ области литературныхъ явленій обоихъ народовъ можно указать параллель умственнаго движенія, сопоставляя: Державина—Нарушевичу, Карамзина — Лелевелю, Пушкина — Мицкевичу, если судить по современности ихъ жизни и по заслугамъ каждаго на родной ему почвѣ.

Путь сближенія обоихъ народовъ и ихъ народнаго самосознанія освѣщается наукою, въ которой такое почетное мѣсто занимаете вы и польскій историкъ Карлъ Шайноха. Есть много общаго между нимъ и вами: въ призваніи—освѣтить историческія событія свѣтомъ безпристрастной критики; въ характерѣ творчества — создать живыя и рельефныя историческія личности; въ самой, наконецъ, жизни васъ обоихъ—жизни, ознаменованной глубокою вѣрою, горячею любовію къ наукѣ и къ труду и обильно усѣянной терніями.

Я полагаю, что нельзя болѣе достойнымъ образомъ почтить память усопшаго польскаго историка, какъ поставивъ ваше имя на первой страницѣ его жизнеописанія. Сожалѣю, что очеркъ жизни Шайнохи не сдѣланъ болѣе самостоятельною и искусною рукою.

Примите посильный трудъ въ память сороколѣтняго нашего знакомства и въ знакъ моей къ вамъ любви и уваженія.

Ф. Неслуховскій.

Іюля 9-го дня, 1880 года.
Павловскъ.

«истор. вѣстн.», годъ I, томъ III.

1

Карль Шайноха, пользующійся заслуженною извѣстностію въ польской литературѣ, какъ историкъ, поэтъ и публицистъ, мало извѣстенъ русской публикѣ; въ концѣ пятидесятихъ годовъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ появилось извлеченіе изъ лучшаго его историческаго сочиненія: „Ядвига и Ягелло“; но оно прошло какъ-то не замѣченнымъ и притомъ одно извлеченіе не даетъ надлежащаго понятія о характерѣ и значеніи историческихъ трудовъ Шайнохи. Прежде чѣмъ появятся въ печати переводы и извлеченія изъ сочиненій Шайнохи, не бесполезно познакомить русскихъ читателей съ біографіею польскаго историка, составленною по матеріаламъ, приложеннымъ къ X-му тому его сочиненій.

Жизнь этого честнаго труженика, не падавшаго духомъ въ постоянной борьбѣ съ ударами судьбы, представляетъ зрѣлище, которое по выраженію Сенеки, „утѣшаетъ самихъ боговъ“. Какъ историкъ, Шайноха можетъ быть поставленъ на ряду съ Тьери, Маколеемъ, Прескоттомъ и другими историками, создавшими на западѣ историческую живописную школу. Неутомимый въ изученіи фактовъ, одаренный поэтическимъ творчествомъ и фантазіей, Шайноха въ своихъ произведеніяхъ выводилъ на сцену совершенно реальныя, живыя, историческія личности. Съ раннихъ лѣтъ Шайноха испытывалъ свои силы въ разныхъ отрасляхъ поэческаго творчества; онъ писалъ стихи, повѣсти, драмы и въ то же время историческіе очерки, пока наконецъ исторія не сдѣлалась исключительнымъ предметомъ его занятій; счастливое сочетаніе поэческаго творчества съ глубокою эрудиціей составляютъ отличительную черту его историческихъ произведеній. Критика упрекала какъ Маколея, такъ и Шайноху, въ излишней идеализаціи героевъ, излюбленныхъ авторами. Здѣсь не мѣсто входить въ пренія съ учеными критиками, но несомнѣнно, что между Маколеемъ и Шайнохою есть много общаго. Шайноха не уступаетъ Маколею въ художественномъ воспроизведеніи историческихъ личностей, но обставляетъ ихъ всегда обширнымъ и разнообразнымъ подборомъ фактовъ; за то онъ часто уступаетъ Маколею въ широтѣ взгляда на политическія событія. Маколей жилъ въ странѣ пользующейся широкими правами политической свободы и потому въ его произведеніяхъ виднѣтъ взглядъ государственнаго человѣка и общественнаго дѣятеля такой страны.

При иныхъ условіяхъ развивалась жизнь Шайнохи; вступленію его въ ученую дѣятельность предшествовало заключеніе въ тюрьму, затѣмъ онъ былъ вынужденъ посвятить время свое на педагогическія занятія и завѣдываніе бібліотекой, въ которой работалъ, какъ ученый и администраторъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что просвѣщенный, политическій дѣятель, принимаясь за перо, часто являлся замѣчательнымъ историкомъ, но отъ человѣка, исключительно зарывшагося въ архивы, трудно ожидать широкихъ взглядовъ и практическаго такта, когда ему придется выступить на политическую сцену.

При этомъ случаѣ невольно вспоминается Лелевель, какъ политическій дѣятель 1831 года.

Дѣдъ Шайнохи былъ родомъ чехъ и занималъ должность бургграфа въ замкѣ князя Лобковица; сынъ этого бургграфа Вацлавъ, по профессіи медикъ, переѣхалъ въ Галицію, отказался по какимъ-то соображеніямъ отъ своей профессіи, поступилъ въ гражданскую службу въ Галиціи, и здѣсь женился на Маріи Лозинской. Чехи въ то время занимали административныя мѣста въ Галиціи наравнѣ съ нѣмецкими чиновниками, и оставили по себѣ дурную память въ народѣ: до сихъ поръ о нѣмецко-чешской бюрократіи помнятъ въ Галиціи, какъ евреи помнятъ о семи казняхъ египетскихъ. Отецъ историка Вацлавъ Шкейнога Втлинскій составлялъ счастливое исключеніе: онъ вполне честно исполнялъ должность областного судьи, сроднился съ новымъ своимъ отечествомъ, въ совершенствѣ владѣлъ польскимъ языкомъ и воспитывалъ дѣтей въ духѣ польской народности; безспорно, что въ этомъ дѣлѣ главную роль играла жена судьи, женщина умная, образованная и горячо любившая своихъ дѣтей, особенно Карла, родившагося 20-го ноября 1818 года въ восточной Галиціи, въ мѣстечкѣ Коморнѣ, близъ Самбора. Новорожденному суждено было сдѣлаться замѣчательнымъ польскимъ историкомъ. Самая тѣсная дружба и взаимная любовь связывала сына съ матерью отъ колыбели до могилы. Эти чувства къ матери высказалъ Шайноха въ стихотвореніи, обращенномъ къ ней, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ:

Mnie, gdy bywało, ranne już życie
W czesnym dojeżdża cierpieniem.
Ty do swej piersi tuląc mię skrycie,
Byłaś mi skrzydłem i cieniem.

т. е. бывало, когда въ ранне годы жизни меня постигали непосильныя по лѣтамъ страданія, ты, прижимая меня тайкомъ къ своей груди, была для меня крыломъ и покровомъ.

Подъ этимъ-то крыломъ любящей матери прожилъ Шайноха дома до одиннадцати лѣтъ. Слабый, болѣзненный отъ природы, нѣсколько неловкій, вѣчно задумчивый Карлуша (какъ его называли домашніе) съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ не только любовь, но и страсть къ чтенію; эта страсть постепенно развивалась, благодаря разнообразію домашней библіотеки, составленной изъ произведеній нѣмецкихъ и польскихъ писателей, которыми мальчикъ пользовался съ полною свободою. Онъ читалъ безъ указанія и запрета все, что попадало ему въ руки; читалъ Жиль Блаза, Донъ Кихота, повѣсти, романы, путешествія; но сидячая жизнь дурно вліяла на здоровье слабого отъ природы мальчика. Отецъ былъ недоволенъ этой усидчивостію сына и заставлялъ его насильно рѣзвиться. Однажды Карлуша, катаясь со сверстниками на каткѣ, упалъ, вывихнулъ руку, но скривъ отъ родителей случившееся съ нимъ несчастіе; скоро болѣзнь

приняла такой серьезный характер, что пришлось прибѣгнуть къ операци, которую Карлуша вынесъ съ терпѣніемъ, рѣдкимъ для его лѣтъ. Послѣ операци больного уложили на нѣсколько недѣль въ постель; но это его не очень огорчало, такъ какъ никто теперь уже не отрывалъ его отъ чтенія подѣ предлогомъ прогулокъ и моціона.

Центромъ официальной дѣятельности отца Шайнохи и мѣстомъ его жительства было имѣніе помѣщицы Семяновской — „Конюшки“. Между домомъ судьи и вдовою помѣщицею съ двумя ея взрослыми дочерьми начались самыя тѣсныя дружескія отношенія. Судья сталъ завѣдывать дѣлами помѣщицы, велъ ихъ честно, былъ человекъ веселый и хорошій собесѣдникъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ домашнихъ развлеченіяхъ, по преимуществу состоявшихъ изъ домашнихъ спектаклей и живыхъ картинъ, для которыхъ брались сюжеты изъ мѣологии и легендарной исторіи Польши. Панъ судья всегда умѣлъ выручить молодыхъ барышень изъ затруднительнаго положенія. Однажды онѣ не могли придумать въ чемъ долженъ пылать огонь предѣ алтаремъ литовскаго бога Зница; судья притащилъ изъ кухни большую чугунную ступу, въ которой къ общей радости запылалъ огонь въ честь литовскаго бога. Шайноха, вспоминая о дѣтствѣ, проведенномъ въ семьѣ и въ домѣ Семяновской, всегда считалъ это время лучшими минутами своей жизни. Въ автобіографіи Шайнохи, набросанной къ сожалѣнію въ отрывочныхъ замѣткахъ, встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Съ невыразимымъ удовольствіемъ до сихъ поръ вспоминаю о хозяйкѣ дома и ея дочеряхъ, особенно объ одной изъ нихъ, проникнутой горячею любовью и состраданіемъ къ бѣднымъ; до сихъ поръ живо рисуются мнѣ эти театры, живыя картины, въ которыхъ изрѣдка я самъ принималъ участіе; я помню тотъ восторгъ, который ощущалъ, получивъ отъ хозяйки дома въ подарокъ сочиненіе о приключеніяхъ Робинзона“.

Безспорно, что живыя картины историческаго содержанія благотворно вліяли на развитіе воображенія впечатлительнаго ребенка. На одиннадцатомъ году Карлъ окончилъ курсъ трехъ приготовительныхъ классовъ и съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ польскаго языка, изъ котораго получилъ отмѣтку „mittelmässig“ (посредственно); затѣмъ онъ поступилъ въ число учениковъ гимназій города Самбора. По соображеніямъ начальства, судья Вацлавъ Шхейнога Втлинскій былъ переименованъ на штатную должность въ окрестности Львова и сынъ послѣ четырехлѣтняго ученія въ Самборѣ, перешелъ въ львовскую гимназію. Въ 1833 году имя Карла Шхейнога встрѣчается въ спискахъ учениковъ 5-го класса, какъ получившаго при переходѣ въ этотъ классъ награду за отличные успѣхи въ наукахъ; въ этихъ спискахъ Карлъ названъ не Шхейнога де-Втлинскій (какъ обыкновенно подписывался на официальныхъ бумагахъ судья), а Карлъ Шайноха. Неизвѣстно почему произошла эта метаморфоза чешской фамиліи въ польскую, но съ тѣхъ поръ

польскій историкъ сталъ навсегда называться Карломъ Шайнохою. По свидѣтельству школьныхъ товарищей, Шайноха былъ всегда молчаливъ, сосредоточенъ, постоянно сидѣлъ за книгами и учился отлично; въ математикѣ онъ былъ слабѣе и оказывалъ въ ней хорошіе успѣхи, только благодаря своему труду и усидчивости; въ особенный же восторгъ приходилъ Шайноха, когда попадалась ему въ руки старинная рукопись или фоліантъ историческихъ актовъ.

Въ 1834 году Шайноха былъ уже въ послѣднемъ классѣ гимназіи. Между учениками гимназіи возникло общество съ цѣлью изучать и розыскивать древніе, историческіе памятники, относящіеся къ исторіи и археологіи Галиціи; объ этомъ обществѣ провѣдала полиція и Шайноха вмѣстѣ съ товарищами очутился подъ ея надзоромъ. 14 декабря того же 1834 года, въ костелѣ Отцевъ Бернардиновъ были найдены на полу польскіе стихи патріотическаго содержанія; они были немедленно доставлены въ полицію, у которой находился уже въ рукахъ именной списокъ лицъ, принадлежащихъ къ тайному обществу; въ этомъ списокѣ противъ каждой фамиліи были поставлены особыя, загадочныя отмѣтки. Полицейскіе эксперты сличили почеркъ Шайнохи съ почеркомъ найденныхъ стиховъ, заглянули въ списокъ съ замѣчаніями, и признали, что какъ стихи, такъ и замѣтка въ списокѣ, написаны одною и тою же рукою — рукою Шайнохи.

Такимъ образомъ, Шайноха былъ признанъ виновнымъ, какъ главный членъ политическаго общества. У него нашли бумаги, писанныя его рукою: хронологическій перечень событій изъ польской исторіи, нѣсколько стихотвореній, драма, подъ заглавіемъ „Наше счастье“; во всѣхъ этихъ произведеніяхъ усмотрѣнъ революціонный, патріотическій, польскій духъ автора. Начались розыски, аресты, слѣдствіе; было арестовано много лицъ изъ поляковъ, руссиновъ и даже нѣмцевъ.

Спустя 14 лѣтъ, а именно въ 1848 году (памятномъ для австрійской имперіи) Шайноха получилъ возможность напечатать въ газетахъ весь ходъ своего ареста, слѣдствія и заточенія.

„На разсвѣтѣ, пишетъ Шайноха, явился въ мое скромное жилище полицейскій комиссаръ, забралъ всѣ бумаги и книги и отвезъ меня въ арестантскую при полиціи. Мнѣ едва исполнилось 17 лѣтъ, я любилъ все прекрасное и таковымъ мнѣ казался весь міръ, жизнь и люди; прошедшее, настоящее и будущее рисовались мнѣ въ самомъ радужномъ свѣтѣ, но со дня заточенія все облеклось темною тучею, осталось воспоминаніе лишь о тюрьмѣ и объ испытанныхъ страданіяхъ“.

Просидѣвъ нѣсколько недѣль въ арестантской при полиціи, Шайноха былъ переведенъ въ пресловутую тюрьму кармелитовъ. Сторожъ съ фонаремъ въ рукѣ повелъ узника по корридору, открылъ боковую дверь и втокнулъ въ комнату; затѣмъ, молча указалъ на кувшинъ съ водою, на скамью съ тюфякомъ, набитымъ сѣномъ, заперъ на ключъ дверь и задвинулъ ее желѣзнымъ засовомъ; не прошло часу, дверь

вновь отворилась, вошелъ тотъ же сторожъ и надѣлъ цѣпи на руки и на ноги заключеннаго. Въ тюрьмѣ было темно, только отъ 9-ти часовъ утра до 3-хъ пополудни мерцалъ кое-какой свѣтъ.

Узникъ пролежалъ нѣкоторое время на скамьѣ, потомъ пожелалъ встать и приблизился къ окошку, но скамья отъ движенія тѣсно скванныхъ его ногъ опрокинулась; Шайноха упалъ и разбилъ лицо до крови. Было темно, тѣсно, на ногахъ цѣпи — прохаживаться по комнатѣ не было никакой возможности: оставалось лежать или сидѣть. Шайноха отломилъ кусокъ проволоки отъ рѣшетки у окна, которое выступало немного выше земли, тогда какъ вся комната углублялась въ землю. Вооружившись кускомъ проволоки, онъ царапалъ стѣну, писалъ на ней слова поэмы, носившіяся у него въ воображеніи; а когда утомленная фантазія переставала работать, узникъ вытягивалъ изъ простыни нитку и старался рассучить ее. Въ тюрьмѣ было сыро, холодно, воздухъ спертъ; кормили отвратительно: въ кушаньѣ, приготовляемомъ въ общемъ котлѣ для всѣхъ заключенныхъ, попадались тараканы, сверчки и даже мыши.

Скоро обнаружались послѣдствія такого тяжелаго заточенія; у заключеннаго сдѣлалась цынга, флюсъ, зубная боль и ревматизмъ во всѣхъ членахъ. Приванный докторъ, вмѣсто помощи, обругалъ Шайноху за то, что онъ осмѣлился беспокоить его особу такими пустяками. Съ горечью въ сердцѣ, писалъ впослѣдствіи Шайноха о своемъ заточеніи: „О счастливые люди, вы, избѣженные господа и любезныя дамы, понимаете ли вы, что значить холодъ, голодъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, голодъ осужденнаго на одиночное заключеніе. Мысль не въ силахъ ни на одну минуту отдѣлаться отъ настоящаго положенія, о немъ ежеминутно напоминаетъ холодъ, голодъ, смрадъ, боль души и тѣла“. „Отъ отчаянія — говоритъ далѣе Шайноха — я переходилъ къ злобѣ; наконецъ всѣ мысли и чувства, утомленная безплодною борьбою, слились въ чувство религиозное и излились въ молитвѣ; въ ней я нашелъ успокоеніе и отраду; цѣлые дни и ночи я стоялъ на колѣняхъ, плакалъ и молился; я чувствовалъ потребность въ чтеніи религиозныхъ книгъ, просилъ, чтобы мнѣ дали ихъ, но и въ этомъ было отказано. У меня была французская грамматика; на первой ея страницѣ помѣщалось „Отче нашъ“ и молитва Богородицѣ, я читалъ ихъ безпрестанно и молитва укрѣпила меня. Я прогналъ отъ себя мысль выдать своихъ товарищей и тѣмъ получить какое либо облегченіе и болѣе ласковое обращеніе“.

Прошелъ годъ предварительнаго тюремнаго заключенія, и 3 іюля 1836 года состоялся приговоръ суда, начинавшійся слѣдующими словами: *Wegen Verbreitung aufrührerischer Schmähchriften, als des verbrechens der Störung der öffentlichen Ruhe*“, (за распространеніе сочиненій возмутительнаго содержанія, клонившихся къ нарушенію общественнаго спокойствія). Судъ приговорилъ Шайноху къ строгому, шести-мѣсячному заточенію, но срокъ сталъ ісчитаться не со дня

приговора, а со дня отказа на поданную просьбу о помилованіи т. е. съ 27 декабря 1837 года.

Хлопоты матери о помилованіи сына только продлили срокъ его заточенія и подвергли ее новымъ страданіямъ и оскорбленіямъ. Мать Шайнохи была еще женщина молодая и очень красивая; когда она обратилась съ просьбою о сынѣ въ директору полиціи Шахеръ-Мазоху (отцу современнаго писателя), то онъ осыпалъ ее любезностями и комплиментами, увѣряя, что быть не можетъ, чтобы такая молодая и красивая женщина могла быть матерью столь взрослога и преступнаго сына; также неуспѣшны были хлопоты матери у начальника губерніи Криге, котораго можно назвать типомъ нѣмецкихъ чиновниковъ, управлявшихъ въ то время Галиціей. Профессоръ Татцауеръ вѣрно обрисовалъ губернатора въ стихотвореніи, въ которомъ война изображалась въ образѣ человѣка. Цензура какъ-то просмотрѣла и пропустила это стихотвореніе, но при чтеніи стиховъ:

„Es lebe der Frieden, es sterbe der Krieg!
Sehet auf dieses grinsende Gerippe!“

(Да здравствуетъ миръ, да погибнетъ война. Взгляните на этотъ скрежещущій скелетъ), всякій узнавалъ фигуру губернатора.

Шестимѣсячное заключеніе по приговору суда не было уже такъ тяжело для Шайнохи, какъ предварительное заключеніе, во время слѣдствія: кормили лучше, сняли цѣпи, чрезъ нѣсколько дней разрѣшалась часовая прогулка въ садикѣ, по дорожкѣ въ тридцать шаговъ длины; изъ книгъ дозволялись: грамматики, лексиконы и сочиненія, предварительно одобренныя начальствомъ, дозволялись даже газеты за 1812 годъ. Въ тюрьмѣ Шайноха окончательно изучилъ новыя языки и въ томъ числѣ испанскій, что и помогло ему впоследствии произвести ученое розысканіе о славянахъ въ Андалузіи.

„Тюрьма, говорилъ впоследствии Шайноха, приучила меня къ терпѣнію и научила мириться со всѣми невзгодами жизни“. Но если тюрьма укрѣпила въ немъ волю и силу характера, то изъ нея вынесъ Шайноха зародышъ будущихъ болѣзней. Судьба, казалось, хотѣла заражѣе приучить этого человѣка къ терпѣнію, готова ему въ жизни всякаго рода борьбу и лишенія.

Дѣйствительно, нужно было имѣть необыкновенную силу воли и мужество, чтобы пройти безъ ропота тотъ жизненный путь, который прошелъ Шайноха. Къ нему лучше всего идутъ его же слова, сказанныя имъ въ утѣшеніе другу, лишившемуся любимой жены: „въ возвышенныя души, какъ и въ высокостоящіе предметы, чаще всего ударяютъ громы“.

Въ концѣ іюня 1837 года, девятнадцатилѣтній Шайноха вышелъ на свободу. Въ эти годы, при благоприятныхъ обстоятельствахъ легко заживаютъ раны. Мысль, что счастье и несчастья подобно приливу и отливу морскому попеременно приливаютъ къ берегу, давала надежду Шайнохѣ, что послѣ тяжелыхъ испытаній его ожидаютъ на-

конецъ болѣе свѣтлыя минуты въ жизни. Съ такимъ чувствомъ спѣшилъ онъ въ домъ родителей, но увы, мать, принявъ въ объятія любимаго сына среди слезъ и рыданій, объявила, что отецъ лишился мѣста, содержался подъ арестомъ и съ горя умеръ; что сама она проиграла процессъ, обѣднѣла и должна содержать семейство выручкою изъ аренды скромнаго помѣстья; что наконецъ съ сына сняты лишь цѣпи, но не возвращена ему нравственная свобода: онъ не имѣетъ права проживать ни въ столицѣ, ни во Львовѣ, не имѣетъ права поступить на службу или въ какое либо высшее заведеніе для окончательнаго образованія.

Казалось, что изобрѣтательность враждебной нашему герою судьбы, должна была наконецъ исчерпаться въ пріисканіи новыхъ ударовъ. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Сестра Шайнохи заболѣла и умерла въ умопомѣшательствѣ; младшій братъ Августъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Конечно, всѣ эти несчастія случились не вдругъ, но постепенно, съ систематическою послѣдовательностію.

Шайноха по своей натурѣ не могъ долго оставаться въ деревнѣ. Умъ его требовалъ работы, пищи; мать и семья нуждались въ его помощи. Шайноха просилъ начальство дозволить ему поступить въ университетъ для изученія хирургіи; на это прошеніе послѣдовалъ положительный отказъ; пришлось приняться за сельское хозяйство, а къ этому у Шайнохи не было ни малѣйшей склонности, ни охоты.

Между тѣмъ въ Галиціи и во всей имперіи, страдавшей подъ гнетомъ Меттерниховской системы, повсюду образовались тайныя общества; въ Галиціи составилось общество „Новая Сарматія“, въ которомъ принимали участіе извѣстный въ Галиціи Смолка и нынѣшній министръ Земляковскій. Нашлись пріятели которые старались вовлечь въ общество и Шайноху. Онъ вступилъ въ сношенія съ членами общества, но чтобы скрыть это отъ матери, видѣлся съ ними въ городѣ, въ полѣ, въ лѣсу, или же велъ съ ними секретную переписку. Прозорливъ былъ однако глазъ матери; она, какъ насѣдка, зорко слѣдила за появленіемъ ворона изъ подъ облака. Ея материнское сердце тревожила мысль, что сынъ неизбежно вновь очутится въ тюрьмѣ кармелитовъ, да еще при болѣе тяжкихъ обвиненіяхъ; она рѣшилась объясниться съ нимъ и успѣла на столько, что сынъ отказался принимать участіе въ какихъ-бы то ни было политическихъ заговорахъ; но въ то же время, вопреки правительственному запрещенію, онъ рѣшился ѣхать въ Львовъ искать средствъ къ жизни и проложить себѣ дорогу. Съ пути онъ писалъ матери: „Прошу тебя, маменька, не безпокойся обо мнѣ; твои тревоги и заботы волнуютъ меня, а при такихъ условіяхъ я не въ силахъ идти спокойно и разумно къ избранной цѣли... Любовь твоя ко мнѣ и вѣра твоя въ мое благоразуміе подкрѣпили и отрезвили мой умъ. Я съ своей стороны даю тебѣ слово, что не сдѣлаю никакого поступка, который былъ-бы причиною новыхъ для тебя страданій“.

Поселившись во Львовѣ, Шайноха прежде всего думалъ жить литературнымъ трудомъ. Въ то время за литературные труды платили очень скудно, даже лицамъ пользовавшимся извѣстностію; оставалось одно средство — искать частныхъ уроковъ и бѣгать по городу, озираясь во всѣ стороны, чтобы не быть захваченнымъ полиціей. „Весь день, писалъ Шайноха, — приходилось бѣгать по урокамъ, получая за урокъ по нѣскольکو грошей, или же переводить поварскія книги для книгопродавцевъ за самое ничтожное вознагражденіе“. Въ этомъ критическомъ положеніи помогъ Шайнохѣ бывший его школьный товарищъ Рудковскій; онъ рекомендовалъ Шайноху своему отцу, который искалъ учителя исторіи для сына и дочери. Шайноха занялся дѣломъ съ свойственнымъ ему усердіемъ и ученики его сдѣлали такіе блестящіе успѣхи, что отецъ пригласилъ къ экзамену Фредра, извѣстнаго драматическаго писателя и графа Скарбека. Добросовѣстный трудъ и познанія преподавателя, равно какъ и блестящіе успѣхи воспитанниковъ, были оцѣнены по достоинству. Шайноха получилъ извѣстность, заручился знакомствомъ и покровительствомъ сильныхъ, а затѣмъ и полиція стала смотрѣть снисходительно на пребываніе его во Львовѣ и выдавала ему срочные билеты на жительство.

Бѣгая весь день по урокамъ, Шайноха сѣлшился въ свою квартиру, которая находилась за городомъ, вдали отъ городского шума. Это былъ домикъ, оцѣненный липами, березами и бузиною; квартира состояла изъ одной комнаты съ глинянымъ поломъ; въ ней была скромная мебель и огромный столъ, заваленный книгами и рукописями. Лѣтомъ, въ каникулярное время, Шайноха обыкновенно отправлялся въ деревню, въ имѣніе Рудковскихъ; вставалъ рано, до восхода солнца, и ходилъ въ паркъ съ книгою по одному и тому же направленію, такъ что протопталъ торную тропу, которую прозвали „дорожкой Шайнохи“.

„Я здоровъ, писалъ въ это время Шайноха матери, и весьма пріятно провожу время въ моей комнатѣ; я счастливъ, когда остаюсь одинъ и могу читать и работать; всѣ меня называютъ отшельникомъ, а я сижу себѣ въ своемъ уединеніи, учусь и читаю. Къ вамъ, маменька, постараюсь пріѣхать, но при двухъ условіяхъ: первое, чтобы при домикѣ былъ непременно садикъ, а во вторыхъ, чтобы вы меня избавили отъ свиданія съ вашими знакомыми“.

Педагогическая дѣятельность тяготила Шайноху; она отрывала его отъ ученыхъ занятій и разстраивала его здоровье; при всемъ томъ всю жизнь онъ не могъ избавиться отъ учительской обязанности; даже и тогда, когда онъ уже былъ слѣпъ, читалъ лекціи сыновьямъ своего благодѣтеля и друга графа Дзѣдушицкаго и не могъ отбиться отъ предложеній великосвѣтскихъ дамъ, которыя, не столько по убѣжденію, сколько изъ моды, желали чтобы ихъ взрослые дочери взяли хотя нѣскольکو уроковъ у знаменитаго историка. Эти назойливыя предложенія не давали покоя ученому слѣпцу. „Вы знаете, маменька, пи-

салъ Шайноха, мое отвращеніе къ рабскому труду педагога; это занятіе раздражаетъ мои разстроенные нервы; я испытываю постоянные приливы къ головѣ, которые такъ вредно отзываются на моемъ постепенно угасающемъ зрѣніи“.

Шайноха не имѣлъ обыкновенія помѣчать чиселъ ни на своихъ письмахъ, ни на своихъ произведеніяхъ, и потому очень трудно соблюсти послѣдовательность въ его жизни и указать время появленія въ свѣтъ его произведеній. Несомнѣнно, что до 1843 года имя его мало было извѣстно въ литературѣ, хотя ранѣе этого года Шайноха писалъ стихи, повѣсти и драматическія пьесы: нѣкоторыя изъ послѣднихъ появились на сценѣ. Шайноха крайне строго относился къ своимъ произведеніямъ: многія долго лежали въ портфель и потомъ сожигались; по словамъ лицъ близко знавшихъ Шайноху, онъ сжегъ нѣсколько драматическихъ произведеній, не лишенныхъ высокихъ, поэтическихъ достоинствъ; такъ сожжены: рассказъ о Коссовской битвѣ, исторія Греціи и Рима въ поэтическихъ разсказахъ безъ хронологіи; Шайноха считалъ хронологію отдѣльною наукою и совѣтовалъ изучать ее отдѣльно, когда въ умѣ воспитанника запечатлится общая картина жизни народа. Какъ бы то ни было, но въ 1843 году имя Шайноха сдѣлалось уже извѣстнымъ читающей публикѣ. Редакція Львовской Газеты пригласила Шайноху принять участіе въ этомъ изданіи. Онъ обязался еженедѣльно доставлять въ редакцію печатный листъ убористаго шрифта для еженедѣльнаго прибавленія къ газетѣ. Редакція требовала отъ него интересныхъ анекдотовъ, повѣстей и эффектныхъ сценъ изъ уголовныхъ процессовъ; за этотъ трудъ полагалось жалованье въ годъ 400 ренскихъ золотыхъ, что составляло около 240 рублей. Такое скромное вознагражденіе привело въ восторгъ Шайноху. Заручившись опредѣленнымъ содержаніемъ, онъ пересталъ гоняться за грошевыми уроками, находилъ болѣе свободнаго времени для кабинетныхъ занятій; да и самая работа въ редакціи болѣе соотвѣтствовала его призванію. „Волею, неволею, писалъ онъ матери, я долженъ разстаться съ моею уединенной жизнію, завести знакомства, посѣщать литературные вечера. Изъ всѣхъ знакомствъ болѣе всего доволенъ знакомствомъ съ поэтомъ Полемъ. Замѣьте, маменька, что пишу эти строки съ сигарою въ зубахъ и кромѣ обѣда у меня найдется свободная деньга для удовлетворенія моихъ скромныхъ прихотей; выйдетъ ли изъ всего этого что-нибудь для меня хорошее, сомнѣваюсь; впрочемъ, поживемъ, увидимъ“.

Въ Львовской Газетѣ работалъ Шайноха до 1847 года, т. е. до времени, когда правительство сочло нужнымъ изъять газету изъ частныхъ рукъ и принять ее въ свое завѣдываніе; въ это время Поль сдѣлался редакторомъ журнала, издаваемого при публичной библиотекѣ имени Оссолинскихъ. Поль далъ новое направленіе журналу оживилъ его, пригласивъ къ участію молодыя силы; Шайноха занялъ въ журналѣ видное мѣсто. Съ этихъ поръ стали постепенно являться

его историческіе этюды. Онъ сталъ на твердую почву, шель твердыми шагами вперед и обогатилъ польскую литературу художественными изображеніями историческихъ дѣятелей. Конечно многое сдѣлано для исторіи Шайнохоу, и было бы сдѣлано больше, если бы болѣзнь и затѣмъ смерть не свели его такъ рано въ могилу. Не буду утомлять читателей перечнемъ всего, что вышло изъ-подъ пера Шайнохи; укажу только на болѣе выдающіяся произведенія, придерживаясь по возможности хронологическаго порядка ихъ появленія. Къ концу сороковыхъ годовъ были уже написаны Шайнохоу: поэма „Янъ III въ соборѣ св. Стефана“, „Исторія народовъ славянскихъ“, „Эпоха перваго возрожденія Польши“, „Состояніе Европы въ концѣ XIV вѣка“, „Казиміръ Великій“, драмы: „Юрій Любомірскій“ и „Болеславъ Храбрый“.

Появленіе въ печати „Болеслава Храбраго“ отдѣльнымъ изданіемъ, можетъ служить характеристикой, какъ самаго Шайноха, такъ и книгопродавца Вильда. Въ концѣ 1848 года, Шайноха, будучи вовсе незнакомъ съ книгопродавцемъ Вильдомъ, явился къ нему съ предложеніемъ напечатать его историческій трудъ: „Болеславъ Храбрый“. Вильдъ пересмотрѣлъ трудъ и спросилъ автора, явившагося въ назначенный день за отвѣтомъ:

- Сколько желаете получить за вашъ трудъ?
- Сколько дадите, отвѣчалъ Шайноха.
- Могу вамъ дать 50 ренскихъ золотыхъ.
- Хорошо,—отвѣчалъ Шайноха.

Съ тѣхъ поръ завязалась между авторомъ и издателемъ самая тѣсная дружба. Переговоры между ними велись въ обратномъ отношеніи, т. е. издатель всегда давалъ, больше нежели запрашивалъ авторъ; за то когда Шайноха пользовался уже большою извѣстностью—напрасно книгопродавцы Вольфъ, Гликсбергъ и другіе предлагали ему свои издательскія услуги: Шайноха на отрѣзъ отказывалъ всѣмъ и имѣлъ дѣло исключительно съ Вильдомъ.

Темныя тучи, повисшія надъ Шайнохоу съ дѣтства до 24 лѣтъ жизни, начали, казалось, рѣдѣть, горизонтъ прояснился; такой человекъ какъ Шайноха могъ мириться съ такими скромными условіями жизни, и считать себя счастливымъ.

„Я теперь покоенъ и счастливъ, пишетъ онъ къ матери, имѣю возможность трудиться“.

Вотъ какой образъ жизни велъ тогда Шайноха; обыкновенно съ вечера онъ ложился спать, и вставалъ въ 12 часовъ ночи. Подъ квартирою его помѣстился сапожникъ; стукъ молотка сапожника мѣшалъ заниматься исторію; слухъ Шайнохи, вслѣдствіе раздраженія нервъ, былъ такъ впечатлителенъ, что малѣйшій шумъ отвлекалъ его; пока стучалъ молотокъ, Шайноха ложился отдыхать; въ 12 часовъ, когда утихалъ молотъ сапожника, историкъ вставалъ работать, и работалъ до обѣда; только послѣ обѣда онъ прекращалъ трудиться,

читалъ обыкновенно Вальтеръ-Скотта и затѣмъ отправлялся на прогулку, избирая мѣста болѣе уединенныя. Такимъ образомъ Шайноха ночь обращалъ въ день, а день въ ночь; этимъ онъ разстраивалъ здоровье и зрѣніе, такъ что въ то время могъ читать только въ очкахъ и при сильномъ освѣщеніи.

Какъ ни поглощала наука нашего ученаго историка, въ немъ однако не переставало биться человѣческое сердце и заявляло свои права на жизнь. Онъ полюбилъ достойную дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью. Съ полученіемъ мѣста надѣялся онъ получить согласіе отца дѣвушки на бракъ. Поэтому Шайноха желалъ найти опредѣленное положеніе въ свѣтѣ, занять официальную должность при библиотекѣ Оссолинскихъ и заручившись средствами къ жизни, жениться.

Для полученія мѣста при библиотекѣ нужно было представить на конкурсъ какое нибудь ученое сочиненіе. Съ одушевленіемъ работалъ молодой человѣкъ надъ такимъ сочиненіемъ. Въ это время онъ писалъ къ матери:

„Стремлюсь къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній, но вполнѣ увѣренъ, что мечты мои не осуществятся. Такъ думаю, и вѣрно такъ оно и будетъ: судьба никогда не баловала меня, навѣрно не пощадитъ и въ настоящемъ случаѣ; но я снесу ударъ безъ ропота и жалобъ“.

Предсказанія Шайнохи сбылись. Правительство не дало мѣста человѣку, неблагонадежному въ политическомъ отношеніи; отецъ дѣвицы отказалъ дать согласіе на бракъ дочери съ бѣднымъ труженикомъ. Скорбь души своей излилъ Шайноха въ поэтическомъ посланіи къ матери, о которомъ мы сказали выше.

Мать не менѣ сына была приучена къ неудачамъ въ жизни. Она старалась успокоить его, но чувствуя постепенный упадокъ силъ своихъ и здоровья, совѣтовала сыну искать себѣ подругу жизни, выражаясь „чтобы послѣ моей смерти было около тебя существо, любящее тебя“.

Время шло и сынъ, убѣждаясь въ разумности совѣтовъ матери, писалъ къ ней: „Желанія ваши въ теченіи этого года должны исполниться. Одинокая жизнь мнѣ надоѣла, и я хоть и привыкъ къ свободѣ и самостоятельной жизни, но, по примѣру всѣхъ смертныхъ, намѣренъ жениться; прошу васъ только ко дню свадьбы быть совершенно здоровой. Приступаю къ этому дѣлу съ полнымъ хладнокровіемъ, безъ всякой, свойственной этому состоянію, экзальтации и увлеченія. Моя суженая красива, образована, трудолюбива, бѣдна и молода; но болѣе всего меня влечетъ къ ней ея круглое сиротство и одиночество. Это ея сиротство дороже мнѣ ума, красоты и всѣхъ ея несомнѣнныхъ качествъ; если правду сказать, то я одинаково покоенъ и равнодушенъ къ ней, при ней и безъ нея“.

И этимъ желаніямъ Шайнохи не суждено было исполниться,— невѣста заболѣла и вскорѣ скончалась.

Среди всѣхъ неудачъ, Шайноха не падалъ духомъ, работалъ въ двухъ газетахъ, рылся въ архивахъ и продолжалъ свои кабинетныя занятія, обогатившія вполнѣдствіи польскую исторіографію. Къ этому времени относится письмо его къ Рыльскому, которое заслуживаетъ нашего вниманія въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ со взглядомъ Шайнохи на дѣло обученія молодежи.

„Намѣреніе твое — пишетъ Шайноха — представить всю исторію Польши въ краткихъ по объему, богатыхъ по содержанію, рельефныхъ по изложенію, очеркахъ и въ хронологическомъ порядкѣ, заслуживаетъ полного одобренія. Я самъ думалъ, когда-то, написать въ этомъ духѣ учебникъ исторіи, и около десяти печатныхъ листовъ, изготовленные мною къ печати, лежатъ до сихъ поръ въ моемъ портфель. Спрашиваю тебя, почему юноша, которому въ теченіи 10 и 15 лѣтъ набиваютъ голову массою фактовъ и отрывочныхъ свѣдѣній изъ всѣхъ возможныхъ наукъ, выходитъ въ концѣ концовъ въ свѣтъ безъ всякаго разумнаго знанія, безъ всякой любви къ наукѣ? Отвѣтъ на это весьма простъ; преподаваніе всѣхъ наукъ въ школахъ идетъ до сихъ поръ схоластическимъ путемъ. Забываются факты безъ системы, они не проникнуты философскою мыслію, не согрѣты чувствомъ и живымъ изложеніемъ; мысль сохнетъ подъ бременемъ словъ, фразъ, безжизненныхъ истинъ, убивая въ юношѣ всякую самодѣятельность и любознательность. Учебникъ исторіи, богатый содержаніемъ и рельефнымъ изложеніемъ, дастъ богатый матерьялъ для самодѣятельности мысли, развитія ума и любознательности въ юношѣ.

„Въ добрый часъ! продолжай начатое дѣло и будь увѣренъ, что дѣти твои и дѣти всей земли скажутъ тебѣ великое спасибо“.

Мы довели біографію Шайнохи до 1848 года, съ котораго начинается новая эпоха его жизни, болѣе богатая по содержанію, но столько же обильная страданіями, хотя и съ мимолетнымъ проблескомъ счастья. Революціонное движеніе 1848 года, единовременно и единодушно потрясло государственнй и социальный строй государствъ Западной Европы; съ необыкновенной силой оно проявилось и въ разноплеменной Австрійской имперіи и ея столицѣ, гдѣ прежде создалась Метерниховская система реакціонныхъ мѣръ, враждебныхъ прогресу и свободѣ. Движеніе, охватившее отдѣльныя личности и народныя массы, не могло не коснуться Шайнохи и выдвинуло его какъ публициста на сцену политической дѣятельности. Во все время революціоннаго движенія въ Австріи, Шайноха стоялъ во главѣ редакціи польской газеты „Недѣля“—„Tygodnik Polski“. Три капитальныя личности въ польской литературѣ: Шайноха, Балинскій, (извѣстный своими историческими трудами) и поэтъ Уейскій согласились издавать газету подъ заглавіемъ „Крестъ и Мечь“.

Вмѣсто газеты, въ ночь, послѣ бомбардировки города Львова австрійскими войсками, явились только стихи Уейскаго подъ этимъ же заглавіемъ.

Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Австріи положило конецъ революціонному движенію въ имперіи Габсбурговъ; но Шайноха, въ издаваемой имъ газетѣ, имѣлъ достаточно времени высказать свое confession de foi. Мы не будемъ вдаваться въ критическій разборъ политическимъ воззрѣній Шайнохи, выступившаго изъ скромной арены ученаго на арену политической жизни; изложимъ лишь краткое содержаніе его взглядовъ, высказанныхъ въ газетѣ, предоставивъ каждому дѣлать свои заключенія о Шайнохѣ, какъ о публицистѣ. Сдѣлавшись редакторомъ газеты, Шайноха писалъ матери:

„Часъ отъ часу у меня менѣе и менѣе остается свободнаго времени. Кромѣ редакторства несу службу солдата. Третьяго дня цѣлую ночь простоялъ на часахъ у воротъ зданія бібліотеки Оссолинскихъ; вчера участвовалъ въ ученіи на городской площади, а сегодня былъ на плацу предъ ратушою, въ которой подъ ружьемъ разыграется первый актъ нашей публичной жизни“.

Спустя нѣкоторое время, Шайноха извѣщаетъ мать, что хотя онъ избранъ въ члены городского совѣта, но отказался отъ этой чести, „иначе пришлось бы волею, неволею, соглашаться со многимъ, что противно моему убѣжденію, пришлось бы терять понапрасну время, а время и свобода убѣждений дороже всего на свѣтѣ“. „Не трудно предвидѣть, что достопочтенная реакція вскорѣ опрокинетъ всѣ эти конституціонныя затѣи“, кончаетъ свое письмо Шайноха.

Отказавшись отъ фактическаго участія въ политическихъ событіяхъ, Шайноха выступаетъ въ газетѣ, какъ публицистъ, съ цѣлію руководить общественнымъ мнѣніемъ страны. Онъ проповѣдуетъ умѣренность, сдержанность и уравненіе правъ сословій. Онъ глубоко вѣруетъ въ успѣхъ праваго дѣла народовъ, вошедшихъ въ составъ имперіи, если они будутъ идти къ цѣли подъ этимъ знаменемъ.

„Не допустимъ, говоритъ Шайноха, чтобы къ здоровымъ корнямъ нашей народной жизни, къ нашему земству, честно служившему въ прошедшемъ и настоящемъ, стали прививаться тлетворныя, демагогическія начала“.

Въ повѣсти „Баричъ и крестьянка“ Шайноха проводитъ такіе взгляды, что простой народъ, сближаясь и смѣшиваясь съ высшими слоями общества, утрачиваетъ лишь черты народнаго духа, вѣрованій и преданій, и замѣня ихъ усваиваетъ пороки цивилизованнаго общества, не воспринимая въ то же время лучшихъ элементовъ культуры. Стремленіе прыгать изъ холоповъ въ князья и обратно—есть вѣрное доказательство потери любви къ свободѣ. Должно достигать свободы и благоденствія личнаго, сословнаго и общественнаго, не выходя изъ своего круга. Въ истинно просвѣщенномъ и свободномъ обществѣ, гдѣ существуетъ полная свобода и равенство предъ закономъ, всякій на своемъ мѣстѣ гордится своимъ положеніемъ и, не выходя изъ него, завоевываетъ имя, значеніе, славу и состояніе.

Въ спорѣ между руссинами и поляками въ Галиціи, Шайноха со-

вѣтуетъ полякамъ дать русинамъ полную возможность пользоваться законною свободою и въ этомъ смыслѣ сдѣлать ихъ желаніямъ всевозможныя уступки.

Возрѣнія Шайнохи на вопросъ обще-славянскій представляютъ какое то колебаніе въ убѣжденіяхъ. Съ одной стороны онъ глубоко сочувствуетъ дѣлу славянъ,—съ другой, при мысли о единодушномъ движеніи славянъ къ разрѣшенію славянскаго вопроса, у Шайнохи является сомнѣніе: онъ не ожидаетъ благихъ результатовъ въ случаѣ успѣха панславизма. Когда франкфуртскій сеймъ опредѣлилъ включить Познань въ число нѣмецкихъ земель, Шайноха, ссылаясь на судъ истории, требовалъ, чтобы славянамъ были возвращены ихъ родовыя земли до столбовъ Болеслава Храбраго, такъ какъ земли эти не законно захвачены нѣмецкимъ оружіемъ; но въ то же время панславизмъ казался ему дѣломъ враждебнымъ цивилизаціи. По его словамъ:— „торжество панславизма въ Европѣ, повернуло бы цивилизацію челоуѣчества къ началу среднихъ вѣковъ, когда греко-римская цивилизація стерта была варварами германскаго племени“.— „Потребовалось бы, говорить онъ, много вѣковъ для того, чтобы изъ этого хаоса возникъ фениксъ новой цивилизаціи челоуѣчества и потому не совѣтую брататься съ славянскимъ или вѣрнѣе, чешско-кroatскимъ движеніемъ“.

Вслѣдствіе такихъ убѣжденій, Шайноха, подъ предлогомъ глазной болѣзни, отказался принять личное участіе въ сѣздѣ славянъ въ Прагѣ; но выражалъ желаніе ввести въ земляхъ католическихъ славянъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, такъ какъ этотъ языкъ былъ искони языкомъ богослуженнымъ у всѣхъ славянъ и на немъ долго совершалось богослуженіе въ Краковѣ.

Затѣмъ Шайноха писалъ въ своей газетѣ:

„Мы должны оставаться вѣрными идеямъ романскаго запада; нашъ долгъ не разрывать связи съ нашимъ прошедшимъ, тѣсно связаннымъ съ католицизмомъ“.

Шайноха отдаетъ полную справедливость многимъ прекраснымъ качествамъ, присущимъ нѣмецкой націи; преклоняется передъ нѣмецкимъ трудолюбіемъ, стойкостью, любовью къ наукѣ, которая такъ много обязана нѣмецкому уму, создавшему научную систему во всѣхъ отрасляхъ челоуѣческаго знанія; но онъ признаетъ сухость нѣмецкой мысли, убившей всякое воодушевленіе, этотъ деспотизмъ въ области знанія, въ силу котораго всякій нѣмецъ вѣритъ, что если не всякій нѣмецъ великій челоуѣкъ въ мірѣ, то всякій великій челоуѣкъ непремѣнно нѣмецъ. Въ Гегелѣ Шайноха видѣлъ апостола милитарной монархіи, колыбелью которой сдѣлается со временемъ Пруссія. Онъ считалъ средневѣковую католическую церковь, защитницею народной свободы противъ деспотизма свѣтской власти; онъ вооружался противъ реформаціи, которая по его мнѣнію, приобновила общій ходъ просвѣщенія, создавъ въ теченіи цѣлаго вѣка ужасы междоусобныхъ и международныхъ политическихъ и рели-

гіозныхъ войнъ. Реформація, по мнѣнію Шайнохи, не внесла въ душу человѣчества новаго органическаго начала для прогресса; созданная ею религія есть по преимуществу религія разума; она вымираетъ отъ внутренней нищеты и исключительности; она не въ силахъ воспитывать человѣчества, котораго многие члены косвѣютъ еще въ перво-бытномъ состояніи.

Не разумъ создаетъ религію; разумъ есть одинъ лишь изъ могучихъ органическихъ элементовъ религіи. Шайноху волнуетъ возрастающее торжество атеизма—плодъ нѣмецкой доктрины,—это право не вѣрить въ каждую вѣру и стремленіе поставить человѣка внѣ связи и зависимости отъ воли промысла. Система Метерниха, потрясенная въ своихъ основаніяхъ революціоннымъ движеніемъ, вновь воскресла. Хотя творецъ ея Метернихъ и сошелъ навсегда, ко благу человѣчества, съ поприща политическаго дѣятеля, но реакція по его системѣ вновь прибѣгла къ самымъ крутымъ репрессаліямъ.

При такомъ порядкѣ вещей, Шайноха, какъ публицистъ революціоннаго времени, хотя и самаго умѣреннаго направленія, долженъ былъ отказаться отъ должности редактора газеты. Пришлось опять добывать насущный хлѣбъ уроками. На этотъ разъ судьба благопріятствовала Шайнохѣ; ему пришлось снова принять на себя обязанности учителя и педагога, но при лучшей обстановкѣ. Нѣкто Якубовичъ, очень богатый землевладѣлецъ, уѣзжая съ женою за границу на продолжительное время, поручилъ Шайнохѣ воспитаніе своихъ двухъ сыновей на очень выгодныхъ условіяхъ. Шайноха отправился въ имѣніе Якубовича, гдѣ пользовался всѣми удобствами и комфортомъ деревенской жизни. Эта свободная и привольная жизнь благотворно подѣйствовала на его здоровье.

„Извѣщаю васъ, маменька, писалъ онъ, что живется отлично, я веселъ, нахожусь въ хорошемъ расположеніи духа, только въ родномъ домѣ я могъ бы найти такое спокойствіе“.

Описывая пріятелю подробно весь свой образъ жизни въ деревнѣ, Шайноха прибавляетъ:

„Пользуемся свѣжимъ воздухомъ, находимся въ постоянномъ движеніи, такъ что ланиты мои расцвѣтаютъ и тучнѣютъ безпредѣльно“.

У Шайнохи подъ руками не было архивовъ и библіотеки; умъ его, привыкшій къ дѣятельности, въ свободныя минуты отъ педагогическихъ занятій обращался къ воспоминаніямъ о прочитанномъ. Въ его творческомъ воображеніи воскресали историческія лица и онъ набрасывалъ ихъ эскизы въ письмахъ къ своимъ пріятелямъ.

„Очерчиваю, писалъ Шайноха, личности Сигизмунда Августа и Ляха Гослицкаго, убитаго татарами, которые погружали въ кровь его свое оружіе и одежды, чтобы проникнуться его мужествомъ и силою. Пишу о польской канцеляріи гетмана Замойскаго, гдѣ не нашлось ни пера, ни чернилъ, когда пришлось заключить условія сдачи въ плѣнъ эрцъ-герцога Максимилиана, разбитаго подъ Бычиною: условія

сдачи, и подписи были тогда написаны карандашѣмъ. Пишу о туманахъ привислянскихъ, на которые жалуется въ своемъ сочиненіи нашъ астрономъ Коперникъ; они то омрачаютъ на польскомъ небѣ блескъ „Меркурія“, а планета эта, по ученію астрологовъ, покровительствуетъ торговлѣ, гешефтамъ и наживѣ; поэтому то полякъ, не подчиняясь влиянію этой планеты, навсегда останется не способнымъ къ торговлѣ и наживѣ; онъ никогда не будетъ поклонникомъ золота, но будетъ мастеръ промотать, прожить его“.

Образъ императора Сигизмунда I изъ дома Люксембургскаго, такъ живо обрисованный Шайнохою въ его „Исторіи Ядвиги и Ягелло“, носился тогда уже въ воображеніи нашего историка. Въ письмѣ къ пріятелю, въ видѣ вступленія, Шайноха рисуетъ слѣдующую сцену:

„12 іюля 1417 года, во время Констанскаго собора, предстали предъ лицомъ императора Сигизмунда на третейскій судъ, съ одной стороны польскіе послы, съ другой—рыцари меченосцы. Сигизмундъ, по словамъ очевидцевъ, былъ настоящей типъ Донъ-Кихота своего времени. При видѣ явившихся къ нему на судъ представителей двухъ не подвластныхъ ему народовъ, императоръ выросъ до небесъ и драпируясь въ признаки величія павлина, взиралъ на подсудимыхъ, какъ Зевсъ Громовержець, рѣшающій судьбу міра, боговъ и людей! Чтобы исполнѣ удовлетворить своему тщеславію, императоръ приступилъ къ дѣлу предложеніемъ такого вопроса подсудимымъ:

— Вы, представшіе предъ моимъ судомъ, признаете ли себя подчиненными священной римской имперіи?

Произнеся эти слова съ величавою важностію, Сигизмундъ, прежде всего за отвѣтомъ обратился къ посламъ польскимъ. Эти простодушные и прямые люди, смотрѣли съ удивленіемъ прямо въ глаза императору, пожимая плечами, и сказали:

— Сохрани насъ Богъ! Наши короли и нашъ народъ изъ вѣка въ вѣкъ не подвластны, не подчинены. Римскій императоръ для насъ добрый сосѣдъ и пріятель нашему королю.

— А когда такъ, ну такъ хорошо, отвѣчалъ ласково Сигизмундъ.

Императоръ былъ на сколько заносчивъ, на столько-же робокъ и по своей нервной впечатлительности уклонялся отъ такихъ людей, у которыхъ глаза горѣли отвагою, а на языкѣ была готовность дать смѣлый отвѣтъ. Императоръ обратился къ меченосцамъ:

— А вы, господа, что скажете? Наслышанъ я, что вы ловкіе плуты: папу вы увѣряете, что вы вассалы Римскаго императора; императору-же докладываете, что вамъ сузеренъ папа. Что-же наконецъ скажете на мой вопросъ?

— Мы, великій государь, началъ одинъ изъ меченосцевъ,—мы и папу и императора Римскаго и всѣ Богомъ установленныя власти одинаково чтимъ и уважаемъ и всѣмъ душевно рады служить и повиноваться кромѣ короля польскаго Владислава.

Императоръ ободрился. Горделивое величіе вновь засіяло на его

челѣ. Онъ принялъ прежнюю осанку, допустилъ меченосцевъ къ рукѣ и произнесъ:

— Das war eine kluge und liebe und heilige Antwort. Sie wird euch mehr trummen, als wenn ihr einen mächtigen Sieg gewonnen hättet“. (Вотъ истинно благочестивый, поучительный отвѣтъ. Изъ этого отвѣта вамъ болѣе пользы, нежели отъ громкой побѣды).

Шайноха прожилъ въ деревнѣ въ теченіи почти цѣлаго 1849 года въ качествѣ учителя и воспитателя. Мы знаемъ, его нелюбовь къ педагогическому дѣлу; поэтому интересно знать какъ онъ его исполнялъ. Нести обязанность вопреки своему призванію и исполнять ее разумно и добросовѣстно — черта несомнѣнно человѣка съ сильною волею и чистою совѣстью. Послушаемъ отзывъ ученика его о своемъ учителѣ.

Вотъ что пишетъ Іосифъ Рудковскій, одинъ изъ первыхъ питомцевъ педагогической дѣятельности Шайнохи:

„Въ теченіи четырехъ лѣтъ, я бралъ у него уроки исторіи ежедневно по два часа; преподавалъ онъ ее какъ истинный знатокъ и артистъ своего дѣла“.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Шайноха пишетъ о своихъ занятіяхъ съ воспитанниками:

„По общему добровольному соглашенію съ воспитанниками, встаетъ въ 6 часовъ утра, въ 7 пьемъ кофе, затѣмъ слѣдуетъ кратковременная прогулка, послѣ которой садимся заниматься, жаль только, что всего на два или на три часа; такъ будемъ продолжать, пока не пресытимся деревенскими развлеченіями, а потомъ увеличимъ число учебныхъ часовъ; совмѣстное чтеніе избранныхъ сочиненій, игру въ шахматы и бесѣды научнаго содержанія я не считаю серіознымъ занятіемъ. Такимъ образомъ учимся не только по книгамъ, но и во время отдыха. Живемъ въ любви и согласіи, питомецъ мой радъ быть всегда со мною; послѣ кратковременной разлуки, чуть увидить меня, сейчасъ стремглавъ бѣжитъ ко мнѣ. Это меня радуетъ. Нужно замѣтить, что мальчикъ очень впечатлителенъ, нервнаго темперамента и склоненъ насмѣхаться надъ другими. Я стараюсь укрѣпить его волю и нервы, радуюсь, когда онъ старается побороть свои недостатки, сдерживаясь отъ вспыльчивости и склонности къ насмѣшкамъ. Такимъ образомъ ведемъ дѣло — укрѣпляемъ нашу волю съ помощію самодѣятельности и самообладанія“.

Безпристрастная справедливость требуетъ однако-же замѣтить, что по словамъ ученика Шайнохи, Рудковскаго, учитель его нерѣдко выходилъ изъ терпѣнія и не шутя дралъ его за ухо, и тогда нижняя губа Шайнохи, иссохшая и блѣдная, дрожала и наливалась кровію. Не нужно упускать изъ вида, что педагогическія занятія Шайнохи съ Рудковскимъ были первымъ дебютомъ въ его учительской практикѣ, вскорѣ послѣ освобожденія его изъ тюрьмы. Шайноха былъ въ то время еще слишкомъ молодъ, притомъ раздраженъ и боленъ; мысли

его отрывались отъ скучныхъ занятій съ дѣтьми и неслись въ область отвлеченныхъ идеаловъ; при такихъ условіяхъ не удивительно, что невниманіе ученика выводило изъ терпѣнія педагога, не обладающаго ослинымъ терпѣніемъ—этимъ необходимымъ качествомъ для всякаго педагога.

Не смотря на всѣ удобства, Шайноха не могъ болѣе года оставаться въ деревнѣ, гдѣ за отсутствіемъ библіотеки и архива, долженъ былъ прервать свои ученыя занятія. Въ 1850 году онъ переѣхалъ во Львовъ. Въ это время Вильдъ сталъ издавать Львовскую Газету и предложилъ Шайнохѣ быть ея редакторомъ. Шайноха отказался отъ редакторства, но принималъ участіе въ газетѣ и помѣстилъ въ ней „Завоеваніе Червонной Руси Казиміромъ Великимъ“, „Жизнь св. Колумбана“ и статью „О современномъ направленіи польской поэзіи“.

Имя Шайнохи было уже извѣстно ученому міру. Краковскій университетъ избралъ его профессоромъ исторіи, но австрійское правительство не утвердило этого избранія. Шайноха отнесся къ этой неудачѣ, какъ къ обычному явленію въ его жизни; онъ занятъ былъ въ то время лучшимъ и самымъ обширнымъ трудомъ изъ всѣхъ его произведеній—„Исторіей Ядвиги и Ягелло“; но необходимость давать уроки или писать статьи для газетъ ради куска хлѣба, безпрерывно отрывали его отъ ученыхъ занятій, требовавшихъ свободного времени и сосредоточенности. Было на что досадовать и отъ чего приходило въ отчаяніе.

О такомъ критическомъ положеніи ученаго историка узналъ графъ Дзѣдушицкій, его старинный знакомый. Онъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Еще въ 1847 году графъ, желая помочь историку и дать ему возможность исключительно посвятить время на литературныя занятія, предложилъ Шайнохѣ заключить съ нимъ формальное условіе, состоявшее въ слѣдующемъ: историкъ обязуется ежегодно приготовить три тома къ печати; графъ за каждый томъ платитъ гонорара по 500 флориновъ, печатаетъ на свой счетъ и за выручку затраченныхъ денегъ, остальная сумма отъ продажы сочиненій и самыя сочиненія остаются собственностію автора. Шайноха подписалъ условіе, но не въ силахъ былъ исполнить принятыхъ обязательствъ пунктуально, и скоро вынужденъ былъ отказаться отъ нихъ. Въ настоящемъ положеніи Шайнохи, графъ вновь обратился къ нему съ своими услугами. На этотъ разъ онъ предложилъ ему переѣхать въ его имѣніе Неслухово, въ четырехъ миляхъ отъ Львова, и жить тамъ на всемъ графскомъ содержаніи. Такимъ образомъ у Шайнохи оказалась подъ рукою библіотека графа и сверхъ того онъ могъ ѣздить во Львовъ пользоваться тамошними библіотеками и видѣться съ учеными и литераторами.

Шайноха согласился, но съ условіемъ, что онъ будетъ преподавать уроки изъ языковъ и исторіи дѣтямъ графа.

Переселившись въ деревню, Шайноха писалъ матери:

„Я и мой хозяинъ прослыли за чудаковъ. Казалось, что два чудака вмѣстѣ не проживуть и трехъ дней, а вышло на оборотъ; мы живемъ ладно, угождаемъ другъ другу, не стѣсняемъ одинъ другого. Мнѣ здѣсь привольно и спокойно; въ свободныя минуты всегда могу найти пріятную бесѣду, а пожелаю—всегда могу оставаться одинъ“.

Шайноха прожилъ въ деревнѣ слишкомъ два года, и приготовилъ къ печати два тома „Исторіи Ядвиги и Ягелло“, а затѣмъ возвратился въ Львовъ и сталъ издавать въ 1852 году научно-литературный журналъ подъ заглавіемъ „Dziennik Literacki“. Журналъ этотъ, какъ по разнообразію статей, такъ и по достоинству ихъ содержанія, могъ равняться съ лучшими журналами въ Европѣ; но Шайноха не нашелъ содѣйствія со стороны литераторовъ, ни сочувствія со стороны польской публики. Причина была въ томъ, что Шайноха сталъ въ разрѣзъ съ направлевіемъ литературы и общественнаго мнѣнія.

Послѣ рокового возстанія 1830 года, польская литература въ теченіи двадцати лѣтъ представляла рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ исторіи. Мысль народная проявилась въ разнообразныхъ, своеобразныхъ, самостоятельныхъ произведеніяхъ. Въ каждой землѣ, входившей въ составъ бывшей Рѣчи Посполитой: въ Познани, Галиціи, Литвѣ, Украинѣ и Царствѣ Польскомъ, высказался особый характеръ и особое направлевіе польской литературы. Здѣсь не мѣсто ни входить въ объясненіе причинъ этого явленія, ни дѣлать его характеристики; мы здѣсь говоримъ только о совершившемся фактѣ. Каждая такая мѣстная литература, имѣла очень даровитыхъ представителей, но самые даровитые писатели польскіе, люди высокаго таланта, въ области творчества и науки, удалились на западъ—иные по необходимости, въ качествѣ эмигрантовъ, другіе добровольно. Тамъ, среди броженій умовъ, какъ на зыбяхъ океана вулканической островъ, возникла колонія польской эмиграціи, туда поплыли изъ края огромные капиталы и лучшія молодая польскія силы, весь цвѣтъ польской интеллигенціи.

Довольно указать на Лелевеля, Мицкевича, Залѣскаго, Славацкаго, Красинскаго—творца „Не божественной ъомедіи“.

Среди массы эмигрантовъ явился наконецъ Андрей Товьянскій.

Этотъ человекъ нуженъ былъ Мицкевичу—Мицкевичъ нуженъ былъ Товьянскому—они дополняли другъ друга. Мицкевичъ подчинился вліянію Товьянскаго и призналъ его пророкомъ на томъ основаніи, что и гении бывають не разумны; мистицизмъ былъ потребностію натуры Мицкевича и сталъ такою же потребностію большей части эмигрантовъ по ихъ положенію.

Подъ вліяніемъ Мицкевича, литература за предѣлами родины приняла мистическое направлевіе и это направлевіе, не смотря на всѣ мѣры, принятія цензурою и полиціею, проникло во всѣ углы польской земли. Польскій умъ былъ парализованъ и польская литература, какъ и вся общественная жизнь, въ общей сложности, пред-

ставляла болѣзненныя явленія, не смотря на временныя проблески здраваго смысла. Противъ такого направленія выступилъ въ своемъ журналѣ Шайноха. Онъ осмѣялъ Дашкевича, который, какъ другъ и сотоварищъ Мицкевича, считалъ своею обязанностію выяснитъ настоящій смыслъ и значеніе мессіанизма.

„Нужно намъ, прежде всего, говорить Шайноха, отказаться отъ погони за недостигаемыми идеалами, стать на твердую почву, выработать характеръ и силу воли, успокоить нервы общественнаго мнѣнія, приходящіе въ потрясеніе при малѣйшемъ скрипѣ дверей. Между тѣмъ въ литературѣ слышимъ или плачь Іереміи, или мистическія бредни“.

Слезы и мечты, по словамъ Шайнохи, убавкиваютъ лишь нервы и ведутъ общество къ усыпленію и застою; сарказмъ и критика явленій въ общественной жизни, возбуждаютъ энергію и даютъ толчекъ прогрессивному движенію. Для спасенія человѣка прибѣгаютъ къ ножи и ампутаціи, противъ болѣзней въ общественномъ организмѣ цѣлебной силой является сатира, сарказмъ и критика. Въ числѣ массы тлетворныхъ идей, развѣдающихъ организмъ общественной жизни, лущенныхъ въ ходъ послѣдователя мессіанизма, было въ ходу слѣдующее ученіе Товьянскаго:

„Литва безъ торговли, безъ ремеслъ, безъ изобрѣтеній, нищаетъ, но за то не отдаетъ своей души, ея сердце свободно къ воспріятію закона Божія. Иные народы гордятся торговлей, богатствами, за то у нихъ нѣтъ души, она потеряна“.

Герои повѣстей, поэмъ и романовъ, явившіеся въ литературѣ, какъ носители этой сумазбродной мысли, встрѣтили въ критикѣ Шайнохи строгаго судью и порицателя. Въ теченіи цѣлаго года вель онъ борьбу противъ зла, вкравшагося въ польскую жизнь и литературу и на немъ оправдались слова Писанія: „Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“.

„Все, что заключается въ журналѣ, пишетъ Шайноха пріятелю—особенно за пять послѣднихъ мѣсяцевъ, есть плодъ моего пера. Я долженъ былъ вести полемику, писать повѣсти, слѣдить за ходомъ литературы отечественной и иностранной, писать критики, привлекать и воодушевлять сотрудниковъ, которыхъ у насъ такъ мало, особенно безъ возможности платить за трудъ, и при маломъ числѣ подписчиковъ на журналъ. Въ началѣ года была еще поддержка со стороны нашихъ литераторовъ: но теперь я рѣшительно работаю одинъ, выбился изъ силъ, прекратилъ свои кабинетныя занятія и дай Богъ силъ довести дѣло до конца года. Прибавь къ этому, что при упадкѣ моего зрѣнія я могу работать только днемъ“.

Въ концѣ года Шайноха оставилъ редакцію журнала.

Два года, съ 1853 по 1855, принадлежатъ къ самымъ счастливымъ годамъ въ жизни Шайнохи; въ это время онъ получилъ официальное мѣсто при публичной бібліотекѣ имени Оссолинскихъ, из-

далъ въ свѣтъ 3 тома „Исторіи Ядвиги и Ягелло“, которая упрочила его славу и доставила чистой выручки 13,500 польскихъ злотыхъ; въ это же время Шайноха нашелъ и семейное счастье, женившись на Бѣлинской, достойной особѣ. Но горе не любило на долго оставлять своего любимца въ покоѣ; вскорѣ онъ лишился матери и зрѣніе его такъ сильно угасало, что черты новорожденного своего сына онъ видѣлъ, какъ въ туманѣ; затѣмъ насталъ самый тяжелый періодъ его жизни, продолжавшійся до самой могилы. Эти три момента жизни нашего историка составляютъ послѣдній актъ его жизненного поприща. Но сохранимъ послѣдовательность разсказа.

Бѣлевскій, ходатайствуя объ опредѣленіи Шайнохи директоромъ публичной бібліотеки имени Оссолинскихъ, писалъ попечителю бібліотеки, князю Юрію Любомірскому: „У всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ видныя общественныя должности вручаются людямъ извѣстнымъ въ литературѣ. У насъ на оборотъ; стоитъ сдѣлаться писателемъ, чтобы тѣмъ самымъ лишиться права на занятіе виднаго мѣста, даже въ учрежденіяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ учеными занятіями. Въ Англіи и Франціи каждый министръ прежде нежели занять этотъ постъ, былъ уже извѣстенъ въ литературѣ; такимъ образомъ, когда на западѣ политика и администрація находятся въ рукахъ людей науки, у насъ ихъ отстраняютъ не только отъ дѣлъ политики, но и мѣсть, тѣсно связанныхъ съ ученостію, какъ напримѣръ завѣдываніе бібліотекою“.

6-го октября 1852 г. Шайноха подалъ прошеніе о своемъ опредѣленіи на должность. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, не смотря на сильныя ходатайства, не было отвѣта. Одни не хотѣли допустить къ должности челоуѣка „неблагонадежнаго въ политическомъ отношеніи“, другіе не могли простить Шайнохѣ его обличеній въ дурномъ управленіи публичною бібліотекою, напечатанныхъ въ журналѣ; наконецъ всѣ препятствія были устранены и 22-го января 1853 года Шайноха опредѣленъ исправляющимъ должность директора съ жалованьемъ 700 рен. зл. т. е. 420 руб.

Со свойственною ему любовію къ дѣлу и усердіемъ, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ бібліотеки. Нужно было составить каталоги по алфавитамъ, пересмотрѣть рукописи, предназначенныя къ печати, держать корректуру по лексикону Линде, наблюдать за перестройками въ зданіи и удовлетворять требованіямъ публики. Въ началѣ все это дѣло лежало на плечахъ одного Шайнохи, потомъ ему было дано пять помощниковъ. Въ отчетѣ попечителя о состояніи бібліотеки за время управленія Шайнохи, выражена ему благодарность:

„Публичная бібліотека, гласитъ отчетъ, приведена въ возможно-отличное состояніе“.

Какъ занятъ былъ въ это время Шайноха, видимъ изъ его письма къ матери:

„Въ два часа выхожу изъ библіотеки, обѣдаю въ отелѣ и въ это время читаю газеты, выкуриваю двѣ или три сигары, въ три часа являюсь домой, отъ четырехъ до восьми даю уроки, или отправляюсь на бесѣды къ знакомымъ, затѣмъ спѣшу домой на отдыхъ; встаю въ 4 часа утра и работаю дома до 9 часовъ утра“.

Скоро обнаружались послѣдствія такихъ тяжелыхъ трудовъ. Чтеніе рукописей, корректура, архивная пыль, окончательно разстроили зрѣніе и нервы Шайнохи; сверхъ того у него появился сильный ревматизмъ. Шайноха просилъ отпуска для пользованія водами; отпускъ былъ данъ при слѣдующемъ отзывѣ начальства: „чтобы леченіе и отдыхъ возвратили здоровье и силы, которыхъ онъ не щадилъ для пользы учрежденія и науки“.

Весною 1855 года умерла мать Шайнохи. Онъ писалъ по этому поводу къ одному изъ друзей:

„Богъ взялъ у тебя ребенка, а у меня взялъ то, чего мнѣ не далъ, что было моею собственностію прежде, чѣмъ дарована была мнѣ жизнь—Богъ взялъ у меня дорогую мать мою. Я начинаю новый періодъ жизни, періодъ грустнаго одиночества. Я удалъ духомъ, состарѣлся, какъ будто пѣлый вѣкъ прожилъ на свѣтѣ“.

Пользуясь водами, Шайноха окончилъ третій томъ „Исторіи Ядвиги и Ягелло“. Свобода, прекрасный воздухъ, купанье, укрѣпили его здоровье и возвратили ему бодрость духа. Находясь на водахъ, онъ писалъ книгопродавцу Вильду:

„Напечатаемъ Ядвигу и Ягелло въ 5000 экземплярахъ. Пушкинъ говоритъ: „блаженъ кто въ 30 лѣтъ женатъ, а въ 40 богатъ“. Если мнѣ не удалось достигнуть перваго, авось наконецъ сдѣлаюсь богатымъ: мнѣ вѣдь нѣтъ еще сорока лѣтъ“.

Мечты Шайнохи не сбылись; всю жизнь онъ оставался бѣднякомъ и почти на сороковомъ году женился. Объ этой женитьбѣ расскажемъ словами самаго Шайнохи.

„Прошло три или четыре года съ тѣхъ поръ, какъ передъ мною восхваляли дѣвушку, которой суждено было стать моею женою. Мнѣ особенно понравилось, по рассказамъ о ней, то спокойствіе, съ которымъ она переносила всѣ несчастія жизни. Личность съ такимъ характеромъ, подумалъ я про себя, по душѣ мнѣ; но долго не приходилось мнѣ встрѣтиться съ ней, и я уже забылъ о ней. Спустя полгода мнѣ случилось побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ я могъ легко встрѣтиться съ моею суженою. Признаюсь, этаго я желалъ и въ душѣ радовался; встрѣтиться однако не пришлось и я опять забылъ о ней. Встрѣчаю въ одномъ домѣ мать съ дочерью. Мнѣ, ни съ того, ни съ сего, пришло въ голову, что это Бѣлинская; сблизившись, я сильно разочаровался въ ожиданіяхъ и досадовалъ на себя. Барышня была—существо весьма обыкновенное и по наружности и по качествамъ. Оказалось, я ошибся, — встрѣченная мною особа была вовсе не Бѣлинская. Опять прошло полгода. Мнѣ удалось, между тѣмъ, случайно

оказать услугу семейству Бѣлинскихъ и этимъ открывалась возможность познакомиться; но я устыдился этой мысли, какъ будто за услугу я ишу награды и добиваюсь благодарности и знакомства: я уклонился отъ знакомства и забылъ о моей суженой. Приѣхавши на воды, вдругъ слышу, что появилась на водахъ красавица, по фамиліи Бѣлинская со своимъ опекуномъ, а моимъ другомъ Валевскимъ. Я познакомился, спустя двѣ недѣли сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Невѣста моя красива, но не красавица, весела, остроумна, нельзя назвать ее ученою; немного горда, но натура любящая и способная спокойно перенести всѣ невзгоды жизни“.

Женившись, Шайноха сознавалъ, что семейная жизнь требуетъ больше средствъ. Сверхъ прежнихъ занятій онъ принялъ участіе въ одной газетѣ и въ теченіи 1856 года поставилъ ее на ноги. Трудъ и семейная жизнь дѣлали его вполне счастливымъ.

„Въ Польшѣ—говаривалъ въ то время Шайноха—весна бываетъ обыкновенно холодна, она лишена той мягкости и прелести, какую замѣчаютъ въ другихъ странахъ; за то осень нигдѣ не бываетъ такъ хороша; какъ въ нашей странѣ. Не похожа ли жизнь моя на климатъ моего отечества“?

Не долго, однако, пришлось нашему историку пользоваться свѣтлыми днями счастья; вскорѣ настала осень, но не свѣтлая и теплая, а сумрачная и темная, какъ бываетъ ночь осенняя. 25 мая 1857 г. Шайноха долженъ былъ просить четырехъ-мѣсячнаго отпуска вслѣдствіе болѣзни глазъ. Онъ отправился въ Брюссель, гдѣ былъ съѣздъ окулистовъ. Всѣ европейскія знаменитости осмотрѣли глаза Шайнохи и пришли къ заключенію, что время упущено, нѣтъ никакихъ средствъ спасти угасающее зрѣніе; остается одно — укрѣпить разстроенные нервы морскими купаніями.

Тяжелы были минуты жизни Шайнохи въ Брюсселѣ; онъ находилъ единственную отраду въ знакомствѣ съ Лелевелемъ и томъ сочувствіи, какими окружили его всѣ знаменитости — не только соотечественники, но и чужіе; эмигранты, проживающіе въ Парижѣ, приглашали Шайноху въ столицу Франціи, къ славившемуся тогда окулисту изъ эмигрантовъ, но Шайноха отказался; онъ не любилъ Парижа и Варшавы. Побывавъ въ Остенде и въ Эмсѣ, онъ возвратился въ Галицію. Пришлось 30 декабря 1857 года подать въ отставку, которая послѣдовала вскорѣ съ назначеніемъ въ пенсію, половины получаемаго жалованья, т. е. 220 р. На эти средства жить больному и семейному человѣку не было возможности. Графъ Дзядушицкій просилъ его принять отъ него другую половину получаемаго жалованья пожизненно; Шайноха согласился, но съ тѣмъ, чтобы читать лекціи исторіи дѣтямъ графа.

Въ 1859 году Шайноха едва видѣлъ однимъ глазомъ, а въ 1861 г. ослѣпъ окончательно и въ такомъ состояніи прожилъ еще семь лѣтъ. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ своей слѣпой жизни, Шайноха не це-

реставаль трудиться, пользуясь воспоминаніями изъ прочитаннаго прежде, или слушая чтеніе жены и нанятыхъ чтецовъ. Многіе изъ студентовъ университета и люди ученые спѣшили къ нему съ предложеніемъ безвозмездныхъ услугъ, но часто попадались изъ наемныхъ чтецовъ такіе, которые своимъ невѣжествомъ мучили ученаго слѣща. Шайноха, пока владѣль руками, писалъ съ помощію простаго снаряда: на доску, замкнутую съ трехъ сторонъ замками, накладывался листъ бумаги, сверхъ листа клались линейки въ ровномъ другъ отъ друга разстояніи; первая линейка снималась и по обнаруженной полосѣ бумаги писалось удобно до предѣловъ рамки, затѣмъ снималась другая линейка и т. д. Письмо выходило четкое, а иногда попадалось одно слово на другомъ или буква на буквѣ. Листъ перечитывался, исправлялся и переписывался. Шайноха работалъ безъ устали за исключеніемъ обѣда и прогулки; — вставалъ когда вздумается, — ночь и день были для него безразличны. Къ такому образу жизни, на случай полнаго лишенія зрѣнія, Шайноха подготавливался заблаговременно: вставалъ ночью, одѣвался и раздѣвался безъ помощи другихъ, отыскивалъ въ потьмахъ нужные ему предметы, ходилъ съ помощію палки, къ которой пристрастился, какъ Беранже къ своей блузѣ, и сильно горевалъ, когда палка выпала изъ повозки и пропала. Всѣ, которые помогали заниматься слѣпому, свидѣтельствуютъ о громадной памяти Шайнохи. Онъ отлично помнилъ не только хронологію, но даже страницы, параграфы и главы читанныхъ книгъ. Въ одномъ письмѣ онъ сравнивалъ себя со своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, который все что-то пишетъ и говоритъ, что писать дѣло не трудное —, но прочитать написанное, прибавляетъ Шайноха, — вещь невозможная для насъ обоихъ!“

Въ періодъ своей слѣпой жизни, Шайноха написалъ „Leczicki początek Polski“ — „Начало польскаго государства отъ вторженія ляховъ“, въ которыхъ онъ видѣлъ не славянское племя. Затѣмъ онъ приступилъ къ изложенію царствованія Іоанна Собѣскаго. Разсказъ этотъ долженъ былъ заключаться въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, составляющихъ цѣлую эпопею борьбы съ магметанами. Къ сожалѣнію только одинъ эпизодъ изъ этой эпопеи успѣлъ написать слѣпецъ-историкъ. Наконецъ явилось сочиненіе „Dwa lata dziejów naszym 1646—1648“. (Два года изъ исторіи Польши 1646—1648). Это было послѣднее произведеніе Шайнохи. Появленіе въ свѣтъ этого сочиненія сопровождалось событіями, не безъ интересными и для насъ.

Конецъ 1858 и начало 1860 годовъ представляли рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ умственнаго движенія въ нашихъ губернскихъ городахъ. Правительство призвало дворянство обсудить мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Всюду закипѣла жизнь и умственная работа; карты и обѣды отодвинулись на второй планъ и всѣ умы приняли участіе въ общественномъ дѣлѣ; но врядъ ли въ какомъ либо изъ губернскихъ городовъ общественная жизнь обнаружила столько энер-

гн и дѣятельности, какъ въ Житомирѣ. Не было слышно о вечерахъ, объѣдахъ и балахъ. Всѣ заняты были не только крестьянскимъ вопросомъ, но учрежденіемъ благотворительныхъ обществъ, пожертвованіемъ суммъ на поддержку мѣстнаго театра, и пр. Душою этого движенія въ Житомирѣ былъ почетный попечитель гимназій Крашевскій, извѣстный польскій писатель. Онъ стоялъ во главѣ людей, желавшихъ дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянъ. Враждебная ему партія рѣшилась заболотировать его на должность попечителя, но въ залъ собранія вошла депутація отъ студентовъ Кіевскаго университета и учениковъ гимназій и школъ, съ просьбою о выборѣ Крашевскаго вновь попечителемъ гимназій. Овація имѣла полный успѣхъ. Популярность Крашевскаго задѣла самолюбіе Качковскаго. Онъ рѣшился затмить популярность Крашевскаго и выступилъ съ проектомъ основать общество для изданія разныхъ литературныхъ произведеній и пустить ихъ по дешевой цѣнѣ въ продажу. Мысль пошла въ ходъ, ацціи быстро были разобраны на 27,000 руб.

Это-то общество обратилось къ Шайнохѣ съ предложеніемъ уступить ему свои неизданныя сочиненія или написать новыя за положенное по условіямъ вознагражденіе. Шайноха согласился и обязался представить два упомянутыя сочиненія: „Іоаннъ Собѣскій“ и „Два года изъ исторіи Польши“.

Хотя общество, по распоряженію правительства былъ закрыто, но послѣднее сочиненіе Шайнохи было напечатано на суммы общества. По этому случаю Шайноха писалъ къ членамъ общества:

„Тружусь при моихъ недугахъ такъ, какъ мало кто трудится изъ здоровыхъ людей; но если трудъ мой не идетъ такъ быстро и успѣшно, какъ этого требуетъ обоюдная наша польза, то не моя въ томъ вина“.

Оканчиваемъ жизнеописаніе Шайнохи сказаніемъ о страданіяхъ и кончинѣ ученаго слѣща.

Мы воспользуемся письмомъ Шайнохи къ Качковскому, основателю общества для изданія книгъ, въ которомъ онъ описываетъ ходъ своей болѣзни:

„Благодарю васъ за теплое сочувствіе ко мнѣ и за участіе къ моему горю. Считаю лучшимъ для себя предаться съ вѣрою и смиреніемъ волѣ Божіей. На двадцатомъ году, я уже страдалъ глазами, въ теченіи десяти лѣтъ медленно, но потомъ постепенно угасло мое зрѣніе. Не смотря на это я изнурялъ глаза постояннымъ чтеніемъ, работою среди пыли въ архивѣ и библіотекѣ; почти 15 лѣтъ занимался убійственною для глазъ корректурою; не мало содѣйствовали къ упадку зрѣнія годы тюремнаго заключенія.

„Окончивъ исторію Ядвиги и Ягелло, я могъ заниматься не болѣе четырехъ часовъ въ день; теперь уже три года какъ я не въ силахъ читать и безъ проводника не могу сдѣлать ни шагу; правымъ глазомъ ничего не вижу, лѣвый постепенно угасаетъ. Медики въ Брюс-

селѣ и Берлинѣ объявили мнѣ о томъ, о чемъ я и безъ нихъ давно зналъ, что зрѣніе утрачено на вѣки. Совѣтуютъ протянуть на шеѣ заволоку, другіе признають это средство бесполезнымъ. Одно мое спасеніе—вѣра и твердость характера, которыми такъ щедро надѣлило меня Провидѣніе. Пишу о моемъ несчастіи единственно потому, что вы сами этого желали“.

Въ 1860 году, когда зрѣніе было совершенно утрачено, Шайноха писалъ:

„Въ теченіе двадцати лѣтъ приближаясь къ этому удару, можно было наконецъ свыкнуться съ неизбежнымъ несчастіемъ. И такъ съ Божіею помощію поплетусь къ послѣднему предѣлу въ потемкахъ“.

Кромѣ слѣпоты, Шайноха страдалъ отъ ревматизма и лишился движенія рукъ и ногъ, но пока могъ держать въ рукахъ карандашъ, старался писать; выходили уже не слова и буквы, а какія то непонятныя іероглифы; съ 1865 года онъ слушалъ чтеніе и пробовалъ диктовать кое-что, носившееся въ его умѣ, но выходилъ бредъ совершенно разбитаго организма. Еще прежде, въ 1862 году, Шайноха былъ глубоко тронутъ, когда къ нему явилась депутація отъ студентовъ Краковскаго университета съ предложеніемъ (не смотря на его слѣпоту и недуги) занять каѣдру польской исторіи въ Ягелонскомъ университетѣ. Шайноха отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

„Друзья мои! вы желаете, чтобы я повѣдалъ вамъ о судьбѣ и дѣяніяхъ нашихъ предковъ. Видитъ Богъ, что я не въ силахъ исполнить вашихъ желаній: я слѣпъ, немощенъ, лишень движенія, голоса, лишень всего, кромѣ любви къ наукѣ и труду, которые составляли единственную отраду и цѣль моей жизни. Съ помощію чужой руки я перелистываю страницы книгъ, съ помощію чужихъ глазъ дочитываюсь до истины и хотя медленно, но все же постепенно подвигаюсь впередъ. Слѣдуйте въ этомъ случаѣ моему примѣру: трудитесь, работайте, друзья мои!

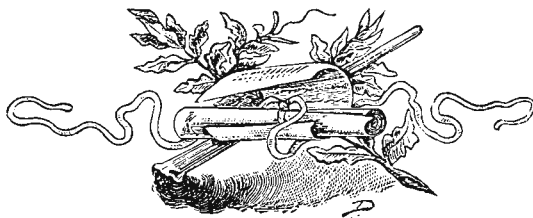
„Да, братья мои! Есть что-то общее между мною и вами: у васъ на Ягелонской каѣдрѣ, а у меня въ глазахъ — не достаетъ свѣта. Счастливы очи, сіяющія свѣтомъ, счастливы юноши, воспріимлющіе свѣтъ науки съ каѣдръ, занятыхъ свѣтлыми умами, — но какъ для моихъ глазъ не достуенъ свѣтъ солнца, такъ трудно теперь у насъ замѣстить каѣдры яркими и богатыми знаніемъ умами. Дружно-же братья, вмѣстѣ со мною среди тьмы, при кое какомъ мерцаніи, станемъ работать безъ усталы, опираясь на собственныя силы, пользуясь всякимъ сподручнымъ средствомъ и пособіемъ.

„Истина доступна всякому; достигнуть ее можно безъ помощи громкихъ именъ, блестящихъ фразъ и общихъ философскихъ взглядовъ. Истина кроется по преимуществу въ мелочахъ и частныхъ случаяхъ, которые всѣмъ одинаково доступны и понятны. Труды я обязанъ той чести, которою вы въ настоящую минуту меня удостои-

ваете. На такой же трудъ благословляетъ васъ, любезные друзья, вашъ недужный другъ и братъ!“

Шайноха, 10 января 1868 года, умеръ въ Львовѣ. Прахъ его преданъ былъ землѣ съ торжественностію, которой никогда не испытывалъ этотъ бѣдный труженикъ въ теченіи всей своей жизни. Тѣло провожалъ епископъ, все духовенство города, цехи, власти, ученые вѣдомства, учебныя заведенія, массы народа различнаго состоянія и религіи. Жена воздвигла на его могилѣ памятникъ; но болѣе прочный, нерукотворный памятникъ воздвигъ себѣ самъ покойный историкъ своими историческими трудами, честною жизнью и тѣми страданіями, которыя онъ умѣлъ вынести безъ ропота.

Ф. Неслуховскій.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

VI.

Въ селѣ Михайловскомъ.

ЕЩЕ

Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ.

Вотъ въ какомъ настроеніи духа прибылъ Пушкинъ въ деревню,

гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ
Скрывался прадѣдъ мой, Арабъ ¹⁾.
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ алей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей.

Подъ сѣнью михайловскихъ рощъ слишкомъ два года пришлось прожить нашему поэту. Здѣсь онъ нашелъ всю свою семью, съ которой не видался болѣе четырехъ лѣтъ. Хотя онъ и былъ не совсѣмъ доволенъ своими родными, думалъ, что его забыли въ изгнаніи, хотя въ своихъ письмахъ къ брату не разъ высказывалъ неудовольствіе на отца, что не получаетъ отъ него денежныхъ пособій, но по его жалобамъ мы не можемъ заключать, что кто либо въ семьѣ былъ къ нему равнодушенъ.

¹⁾ Арабъ Ибрагимъ Ганибалъ получилъ деревни въ Псковской губерніи отъ императрицы Елизаветы, которая произвела его въ генераль-аншефы и пожаловала ему александровскую ленту. Одну изъ псковскихъ деревень, село Михайловское, Зусево то жъ, получила въ приданое внука его, мать Пушкина.

Судя по разсказамъ Липранди, который въ 1822 году видѣлъ въ Петербургѣ всю семью Пушкиныхъ, исполняя порученіе поэта, мы напротивъ убѣждаемся, что онъ былъ не совсѣмъ справедливъ къ отцу, который, какъ извѣстно, самъ всегда былъ безъ денегъ. Правда, онъ любилъ поворчать на нерасчетливаго сына, но будучи довольно тщеславенъ, не могъ втайнѣ не гордиться его талантомъ. Отецъ и сынъ могли бы жить въ мирѣ, особенно въ Михайловскомъ, гдѣ и не требовалось большихъ денегъ, если бы совершенно посторонняя сила не внесла въ семью неестественныя отношенія. Пушкину было поставлено на видъ, что онъ отставляется отъ службы за дурное поведеніе. Отставка могла его только обрадовать, такъ какъ она снимала съ него всякую тѣнь чиновничества, которымъ онъ тяготился. Причина отставки также не могла печалить его, потому что ему и всѣмъ было извѣстно, что на официальномъ языкѣ дурное поведеніе не означало дѣйствительно дурного поведенія въ смыслѣ нравственномъ. Въ извѣстномъ кругу съ такой аттестаціей Пушкинъ могъ даже выиграть. Но логическому уму его трудно было найти причинность между его ссылкой и тремя строками, прочитанными въ частномъ его письмѣ, гдѣ не угрожалось никакимъ зломъ никому. Набожный человекъ, прочтя его, могъ бы только глубоко пожалѣть автора. Но въ немъ не было и тѣни преступленія. Выставляли на видъ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и отъ вліянія которыхъ будто бы нужно было спасти все общество. Но въ этомъ виноваты были тѣ, которые читали его письмо въ обществѣ, тогда какъ авторъ очевидно и не предназначалъ его для такого чтенія. Между тѣмъ ни откуда не было обвиненій, что Пушкинъ лично своими разговорами совращалъ другихъ. Его винули въ нескромности и невоздержности его пера; но жизнь въ отцовскомъ имѣніи подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, нисколько не ограничивала его въ этомъ средствѣ, если бы у него въ самомъ дѣлѣ было намѣреніе имъ пользоваться. Такимъ образомъ въ этомъ насильственномъ распоряженіи своей личностью Пушкинъ не могъ видѣть и тѣни справедливости. Отсюда онъ не могъ и рассчитывать на какой нибудь лучшій исходъ дѣла въ ближайшемъ будущемъ. Ожесточеніе его дѣлается намъ понятно, и онъ считалъ себя вправѣ говорить:

Злобно мной играетъ счастье:
 Давно безъ крова я ношусь,
 Куда подуетъ самовластье:
 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
 Теперь одинъ въ глухомъ изгнанъ
 Влачу томительные дни...

Возвратясь подъ отеческій кровъ, Пушкинъ, по собственнымъ его словамъ, былъ обласканъ; но забылъ о распоряженіи, переданномъ ему еще въ Одессѣ—явиться къ псковскому губернатору, о чемъ черезъ нѣсколько времени ему напомнили вызовомъ въ Псковъ. Затѣмъ ока-

залось, что мѣстный надзоръ надъ нимъ былъ очень обширенъ. Въ правительственные и духовные опекуны къ нему попали не только псковскій губернаторъ Адеркасъ, но и начальникъ западнаго края, къ которому была причислена псковская губернія, маркизь Паулуччи, и предводитель дворянства опочецкаго уѣзда, въ который входило село Михайловское, Пещуровъ, и настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря. Но и этого казалось мало: какъ было слѣдить властямъ за молодымъ неугомоннымъ человѣкомъ, жившимъ на свободѣ въ деревнѣ? Рѣшились прибѣгнуть къ средству наиболѣе практическому: пригласили отца-Пушкина, польстили его именемъ честнѣйшаго и добронравнѣйшаго человѣка, напугали его безнравственностью и развращенностью сына, котораго правительство можетъ покарать еще болѣе, если отецъ не поможетъ ему исправить молодого человѣка; словомъ убѣдили недалновиднаго Сергѣя Львовича принять на себя ближайшій надзоръ за сыномъ, т. е. быть какъ бы полицейскимъ агентомъ. Конечно отецъ до этого времени и не подозрѣвалъ, что сынъ его такой опасный человѣкъ въ глазахъ правительства; а извѣстіе объ его признанномъ атеизмѣ должно было сильно напугать и взволновать его, хотя онъ и не отличался особенной набожностью. Старикъ поддался совѣту начальства, не разсудивъ, что ему не слѣдуетъ ставить себя въ семьѣ въ такое ложное положеніе — обратиться въ правительственнаго шпіона при своемъ родномъ сынѣ, съ правомъ перехватывать его переписку и читать адресованныя къ нему письма. Опасаясь за нравственность своей дочери и младшаго сына, которымъ „это чудовище и сынъ погибели“ можетъ проповѣдывать безвѣріе, онъ приказываетъ имъ удалиться отъ него. Положеніе нашего Пушкина сдѣлалось дѣйствительно невыносимо: считается какимъ-то зачумленнымъ въ своей родной семьѣ, видѣть въ отцѣ шпіона, постоянно слышать упреки и опасенія — нѣтъ, лучше ужъ просить заключенія въ крѣпости или самой дальней ссылки. Такія мысли приходили Пушкину. Будь его натура болѣе спокойная, онъ нашель бы возможность показать отцу безнравственную сторону его поступка и непристойность начальственныхъ покушеній на водвореніе семейнаго разлада. Но арабская кровь нашего поэта мѣшала спокойному объясненію. Чѣмъ болѣе онъ чувствовалъ безнравственную основу всего этого дѣла, тѣмъ болѣе закипала эта кровь, тѣмъ больше дерзостей отецъ находилъ въ сынѣ, и тѣмъ меньше былъ расположенъ уступить ему. Произшелъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, которые иногда находили на нашего поэта отъ его неукротимаго темперамента и о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ нѣкоторые изъ его современниковъ. Отцу показалось, что сынъ хочетъ его бить. Обвиненіе, вынесенное на весь домъ, готово было перейти въ жалобу правительству. Пушкинъ увидѣлъ себя на краю полной погибели. И въ самомъ дѣлѣ, какое оправданіе могло быть человѣку, противъ котораго были такъ предубѣждены всѣ власти? Со стороны отца достаточно было малѣйшаго

намека, чтобъ стали считать сына тяжкимъ преступникомъ. Въ такомъ положеніи Пушкинъ рѣшился обратиться къ посредству стараго пріятеля Сергѣя Львовича, Жуковскаго, съ возгласомъ „спаси меня!“ Самъ Сергѣй Львовичъ одумался и отрекся отъ своего обвиненія. Семейная трагическая сцена не дошла до крайняго своего развитія. Старикъ-Пушкинъ увезъ свою семью на зиму въ Петербургъ и оставилъ смышлаго поэта одного; а затѣмъ прислалъ формальный рѣшительный отказъ отъ правительственнаго опекуинства надъ сыномъ.

Пушкинъ успокоился, хотя конечно горечь отъ всего этого надолго должна была остаться въ сердцѣ. Кромѣ этого печальнаго факта все остальное въ теченіе двухъ лѣтъ не представляетъ, повидимому, ничего такого, что давало бы ему поводъ жаловаться на свою тяжелую судьбу. Прослѣдивъ всѣ факты въ подробностяхъ, едвали можно не назвать эти два года наиболѣе счастливыми въ его жизни. Онъ зналъ и „трудъ и вдохновенье“, которыми всегда такъ дорожилъ, зналъ и удовольствія въ кругу дружеской семьи — обитательницъ сосѣдняго Тригорскаго, имѣлъ свободную переписку съ своими столичными пріятелями. Прослѣдивъ всѣ его работы умственныя и поэтическія за эти годы, невольно удивляешься, какъ у него достало времени на все это; кажется не могло пропасть ни одной минуты праздно. Такою непрерывною и разнообразною дѣятельностью отличались его духовныя силы. Ея наиболѣе мы и коснемся, обозрѣвая эти годы его жизни.

Въ первую пору своего пребыванія въ Михайловскомъ поэтъ еще переживалъ впечатлѣнія отъ прежняго времени. Такъ политическія бури послѣднихъ годовъ европейской жизни выразились въ его фантазіи въ образѣ Аквилона въ прекрасномъ стихотвореніи, озаглавленномъ этимъ же именемъ.

Здѣсь поэтическая фантазія удачно сблизила политическія потрясенія съ бурными движеніями въ природѣ, послѣ которыхъ очищается атмосфера и наступаютъ красные дни. Поэтъ и для политической жизни ждетъ того же:

Пускай же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

Такихъ дней онъ могъ желать и для себя: и онъ много потерпѣлъ отъ налетѣвшаго аквилона, и онъ, также величавый русскій дубъ, былъ вполонину низвергнутъ.

Въ первое же время въ Михайловскомъ Пушкинъ задумалъ издать первую главу Евгенія Опѣгина и вмѣсто предисловія къ нему написалъ извѣстный „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, который показываетъ, какимъ жизненнымъ вопросомъ для него былъ вопросъ о поэзіи и какъ настойчиво онъ старался разъяснить его, смотря на на него какъ на задачу жизни. Въ немъ онъ выказалъ уже зрѣлый умъ, умѣющій примирять тѣ кажушіяся противорѣчія, которыя дру-

гихъ приводить въ недоумѣніе. Онъ выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживалъ передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству, будто онъ пишетъ стихи для денегъ. Друзья конечно не хотѣли ему вѣрить, считая это за одну изъ его оригинальностей и странностей, которыми онъ любилъ отличать себя. Вдохновеніе, всегда почитавшееся основною силою поэзіи, и матеріальный расчетъ и выгоды, ни какъ не могли соединиться въ ихъ понятіи. Языкъ боговъ, какъ до тѣхъ поръ называли поэзію, и языкъ комерціи—два языка, совершенно несродные. У Пушкина легко соединилось все это, лишь только онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни. Многие съ мыслию о платѣ соединяли что-то низкое, ремесленное, исключющее вдохновеніе. Пушкинъ только отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матеріальную цѣнность. По его взгляду поэзія есть чистое творчество, зависимое только отъ впечатлѣній жизни, гдѣ бы она ни проявлялась; самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого по извѣстнымъ психическимъ законамъ. Живой вдохновенной рѣчью представляетъ Пушкинъ этотъ творческій процессъ въ часы ночнаго вдохновенія:

Какой-то демонъ обладалъ
 Мои игры, досугомъ,
 За мной повсюду онъ лѣталъ,
 Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
 И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава;
 Въ ней грезы чудныя рождались;
 Въ размѣры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой рифмой замыкались.

Это дѣйствительно „пиръ воображенія“. И можетъ ли при такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа быть не только рѣчь, но даже какая нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ:

Въ безмолвіи трудовъ
 Дѣлиться не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ восторгомъ
 И музы сладостныхъ даровъ
 Не унижалъ постыднымъ торгомъ.
 Я былъ хранитель ихъ скупой...

И такъ творчество есть потребность поэтической души и слѣдовательно цѣлью его не можетъ быть матеріальная выгода или расчетъ; ближайшее слѣдствіе его есть высшее духовное наслажденіе и желаніе продлить его, а не денежная оцѣнка; отъ нея оно вполне свободно. Далѣе поэтъ освобождаетъ его и отъ другихъ цѣлей, которыя могли бы повредить его свободѣ. Обыкновенно говорили, что поэзія не без-

корытна, что поэту нужна слава, и что ни одинъ поэтъ не взялся бы за перо, если бы не надѣялся имѣть читателей, что въ этомъ случаѣ наука безкорыстнѣ поэзіи: ученый будетъ заниматься и на необитаемомъ островѣ ради одной истины, а поэтъ будто бы откажется отъ своей поэзіи. Слѣдственно мысль о славѣ не отдѣлима отъ поэзіи, а эта мысль должна подчинить поэта требованіямъ читателей и сдѣлать его ихъ угодникомъ. Гдѣ же тутъ вопросъ о свободномъ творествѣ? Въ вопросѣ о славѣ Пушкинъ болѣе чѣмъ кто либо могъ имѣть голосъ. Онъ сталъ знакомиться съ нею со школьной скамьи, приобрѣталъ ее безъ всякаго труда, и самъ стремился къ ней, хотѣлъ ее, и наконецъ послѣ разныхъ превратностей жизни, увѣрился, что слава расходуется со счастьемъ, которое только и дорого человѣку. Послѣ многихъ лѣтъ славы поэту приходилось не разъ задумываться надъ ея опредѣленіемъ:

Что слава? Шопоть ли чтеца,
Гоненье-ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ...

Опредѣленія въ родѣ этихъ попадаютъ и въ письмахъ Пушкина къ пріятелямъ за то же время. Извѣдавъ славу, поэтъ находитъ, что не стоитъ дорожить ею, отрекается отъ нея, и ставитъ выше ея блаженство души въ свободномъ творествѣ:

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей какъ отъ могилъ
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернью забытый,
Безъ имени покпнулъ свѣтъ.

Затѣмъ поэзію часто соединяли поэты съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую возводили въ идеаль, которой поклонялись и подчиняли свое творчество. Пушкинъ отъ ранней юности увлекался женской красотой и какъ страстная натура мучился и въ любви и въ ревности; много хвалебныхъ стиховъ сложилъ онъ въ любовныхъ признаніяхъ; но не хотѣлъ и за любовью признать власти надъ поэтическимъ творчествомъ. Любовь соединяется только съ юностью и черезъ нея можетъ быть временно цѣлью поэзіи. Оглядываясь назадъ на „своихъ идоловъ“, нашъ поэтъ сдѣлалъ самое печальное о нихъ заключеніе:

Теперь въ глуши
Безмолвно жпзнь моя несется.

Стонъ лиры вѣрной не коснется
 Ихъ легкой вѣтряной души;
 Не чисто въ нихъ воображенье,
 Не понимаетъ насъ оно,
 И признакъ Бога—вдохновенье
 Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
 Когда на память мнѣ неволью
 Придетъ внушенный ими стихъ,
 Я содрогаюсь сердцу больно,
 Мнѣ стыдно и доловъ монхъ.
 Къ чему несчастный я стремился?
 Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?...

Не возвышенный образъ женщины въ русской средѣ созданъ у нашего поэта, но не онъ виноватъ, если только такія впечатлѣнія оставила ему жизнь. Правда, рядомъ съ этимъ образомъ онъ ставитъ и идеальное представленіе, которое онъ нашелъ только въ одномъ женскомъ существѣ; но

Земныхъ восторговъ изліянье
 Какъ божеству не нужно ей.

Такимъ образомъ отказавшись отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей для поэзіи, поэтъ избираетъ себѣ одну свободу. Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неожиданный, но и неизбѣжный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго начать „Разговоръ“ — къ вопросу о платѣ за поэтический трудъ:

Внемлите истинѣ полезной:
 Нашъ вѣкъ торгантъ; въ сей вѣкъ желѣзной
 Безъ денегъ и свободы нѣтъ.

Можно отречься отъ славы: она „яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца“; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которыя, требуя удовлетворенія, ставятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ; и тогда уже нѣтъ свободы. Забота о физическомъ существованіи человѣка соединяется съ трудомъ, который долженъ обеспечивать его самостоятельность въ жизни и давать твердую опору его свободѣ, ограждая ее отъ всякой посторонней зависимости и отъ всякихъ притязаній другихъ силъ. Полная свобода творчества можетъ быть только при свободѣ человѣка независимаго; а независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право оцѣнивать себя и требовать оплаты. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, слѣдовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не страдаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто:

Не продается вдохновенье,
 Но можно рукопись продать.

Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ. Вотъ какъ поэтъ дошелъ до рѣшенія этого вопроса. Въ зависимость отъ него онъ ставитъ самый важный для себя вопросъ о свободѣ творчества, съ которой у него соединилось понятіе объ истинной поэзіи, какъ объ искусствѣ. Здѣсь Пушкинъ является не какъ теоретикъ, который съ помощью отвлеченныхъ выводовъ отыскиваетъ общіе принципы, а какъ чуткій, гениальный артистъ, который въ самомъ себѣ ощущаетъ эти принципы. Вопросъ для Пушкина былъ рѣшенъ навсегда. Онъ почувствовалъ себя на твердой почвѣ зрѣлымъ поэтомъ, и съ этихъ поръ уже никакія теоріи, никакія вліянія и внушенія не могли совратить его съ дороги: онъ, какъ увидимъ, пошелъ прямо по своему пути, и до конца остался себѣ вѣренъ.

Съ этого времени Пушкинъ сталъ критически и вполне самостоятельно со своей опредѣленной точки зрѣнія относиться ко всемъ литературнымъ авторитетамъ. Байронъ пересталъ имѣть даже и слабое вліяніе на его творчество; отъ него онъ уже пересталъ сходить съ ума, какъ было за два года; за то сталъ лучше понимать его и судить о немъ. „Тебѣ грустно, писалъ онъ князю Вяземскому, грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Гений Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью. Въ своихъ трагедіяхъ, не исключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чальдъ-Гарольда. Первые двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Ею поэзія видимо измѣнилась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Чальдъ-Гарольда, Байрона мы не слышали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ“¹⁾. И въ это-то время, когда Пушкинъ, такъ сказать, совсѣмъ расчитался съ Байрономъ, нѣкоторые изъ его пріятелей настойчиво хотѣли видѣть въ немъ повтореніе англійскаго поэта не только въ его поэзіи, но и въ образѣ жизни. Рылѣевъ въ своихъ письмахъ умолялъ его бросить желаніе быть русскимъ Байрономъ, а сдѣлаться лучше Пушкинымъ, называя его въ то же время чудотворцемъ, чародѣемъ, гениемъ. Впрочемъ и самъ Пушкинъ иногда подавалъ поводъ къ такому сближенію. Такъ въ письмѣ къ Дельвигу, онъ называетъ Евгенія Онѣгина, пока еще ненапечатаннаго, повѣстью въ родѣ Верро Байрона, хотя на самомъ дѣлѣ ни одна изъ написанныхъ тогда главъ романа не имѣла рѣшительно ничего общаго съ шутливою и малосодержательною повѣстью британскаго поэта; развѣ только частія отступленія отъ разсказа; но ихъ много

¹⁾ Какъ бы въ знакъ того, что Байронъ навсегда отдѣлился отъ его творчества, Пушкинъ отслужилъ въ Святогорскомъ монастырѣ панихиду по „бояринѣ Георгію“. На эту выходку смотреть только какъ на легкомысленную шалость. Но намъ она представляется образнымъ выраженіемъ того, что совершилось въ душѣ поэта.

также и въ Чальдъ-Гарольдѣ и въ Донъ-Жуанѣ, чѣмъ вообще отличаются поэмы Байрона. Пушкинъ усвоилъ себѣ этотъ способъ, потому что, по его взгляду, романъ требуетъ болтовни, какъ выразился онъ въ письмѣ къ Ал. Бестужеву. Въ письмѣ къ князю Вяземскому онъ говорилъ: „я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разниа — въ родѣ Донъ-Жуана“. Тотъ же Бестужевъ сравнивалъ первую главу Онѣгина также съ Донъ-Жуаномъ, противъ чего уже сильно возсталъ Пушкинъ. „Никто болѣе меня не уважалъ Донъ-Жуана, писалъ онъ, но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, душа моя, многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помину нѣтъ въ Евгени Онѣгинѣ. У меня бы затрещала набережная, если бы коснулся я сатиры. Самое слово сатирической не должно находиться въ предисловіи“. А между тѣмъ это предисловіе при первой главѣ Онѣгина было написано самимъ Пушкинымъ, который назвалъ себя сатирическимъ писателемъ и указалъ при этомъ на, то, что по его мнѣнію, составляло достоинство сатиры: „отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ“. Такимъ образомъ критики, благодаря самому же поэту, сбивались въ своихъ сужденіяхъ о новыхъ произведеніяхъ Пушкина и не могли сразу понять того рѣзкаго поворота, который сдѣлалъ нашъ поэтъ. Въ то время какъ онъ, отдавшись самостоятельному творчеству, считалъ Евгени Онѣгина своимъ лучшимъ произведеніемъ, никто съ нимъ не хотѣлъ согласиться; иные ставили его романъ даже ниже Руслана и Людмилы. А между тѣмъ самъ поэтъ заявлялъ, что въ этомъ романѣ онъ намѣренъ войти въ поэтическое состязаніе съ Байрономъ, какъ равный съ равнымъ: „кто выйдетъ милѣе и прелестнѣе, Татьяна или Юлія (въ Донъ-Жуанѣ)“¹⁾. Съ байронизмомъ у Пушкина было уже совершенно покончено, но не вслѣдствіе настоянія и убѣжденій пріятелей, а вслѣдствіе того, что онъ самъ понималъ тайны истиннаго поэтическаго творчества и глубоко увѣровалъ въ него, какъ въ существенный принципъ поэзіи. Этимъ онъ сталъ выше своихъ критиковъ, которые шатались въ своихъ безпринципныхъ сужденіяхъ, толкуя о слогѣ да о мѣстномъ его колоритѣ. Теперь никакія критики не могли подѣйствовать на Пушкина и навести сомнѣніе въ неправоѣ его взглядовъ. Только изъ наблюденій надъ собственнымъ творчествомъ онъ могъ назвать поэзію „исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни“²⁾. Вотъ эта-то страсть и составляетъ сущ-

¹⁾ Письмо къ Бестужеву въ Лейпцигскомъ изданіи Матерьяловъ для біографіи Пушкина“.

²⁾ „Московскій Телеграфъ“ 1825 г. О предисловіи Лемоне къ переводу басенъ Крылова.

ность гениальной артистичности Пушкина. Она-то и повела его къ полной самостоятельности, связала его поэзію съ жизнію, и ввела его въ живую сферу общенародной жизни.

Разойдясь съ Байрономъ въ своихъ поэтическихъ міросозерцаніяхъ, Пушкинъ въ послѣдствіи, въ болѣе зрѣлые годы любилъ часто о немъ заговаривать и объяснять нѣкоторыя черты его жизни, какъ бы съ цѣлью оправдать разные бурные порывы своей собственной юности, вызывавшей осужденія со стороны такъ называемыхъ благоразумныхъ и степенныхъ людей. Чувствовалось Пушкинымъ что-то общее между своею и другою гениальною натурою, какова была натура Байрона.

Уяснивъ себѣ сущность поэтическаго творчества, Пушкинъ очень скоро разобрался со всѣми русскими литературными авторитетами стараго времени. Это сдѣлать ему было необходимо, чтобы вполне опредѣлить ту дѣйствительную сферу, въ которую онъ вносилъ трудъ своей жизни и съ которою связывалъ ея главные интересы. Онъ разбиралъ не правила, которыхъ держались или должны были держаться эти авторитеты, ни слогъ, о которомъ болѣе всего толковали критики, а ту степень творчества, какая выказывалась въ ихъ произведеніяхъ. Онъ искалъ въ нихъ золота и отдѣлялъ отъ нихъ мишуру, которыя до того смѣшивались. Онъ, такъ сказать, налагалъ пробу на таланты и опредѣлялъ истинную цѣнность русской литературы. Она оказывалась очень невысокою. Здѣсь Пушкинъ въ своихъ взглядахъ расходился со всѣми критиками и въ пріятельскихъ письмахъ вступалъ даже въ полемику, въ особенности съ Ал. Бестужевымъ, который печаталъ свои критическія обзорѣнія въ ежегодномъ альманахѣ „Полярная звѣзда“, гдѣ встрѣчались имена лучшихъ тогдашнихъ писателей, преимущественно изъ молодыхъ. Видя, какъ безъ разбора смѣшивались у насъ писатели талантливые и безталантные въ одну кучу авторитетовъ, Пушкинъ дошелъ до отрицанія всякой критики въ нашей литературѣ, вопреки мысли Бестужева, будто у насъ есть критика и нѣтъ литературы. „Нѣтъ, говорилъ Пушкинъ, литература еще кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ... Отселѣ репутація Ломоносова и Хераскова, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно не отъ критики Мерзлякова ¹⁾. Кумиръ Державина ^{1/4} золотой, ^{3/4} свинцовый донныѣ еще не оцѣненъ. Ода Фелица стоитъ наряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой На смерть Мещерскаго ²⁾... Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою, Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Дмитріевъ—также. Мы не имѣемъ ни одинаго коментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ, который сталъ уже выше Лафоятена, какъ Державинъ — выше Ж. Б. Руссо. Что же ты

¹⁾ Мерзляковъ разбираетъ Россіаду Хераскова въ журн. Амфіонъ въ 1817 г.

²⁾ Т. е. въ Вельможѣ и На смерть Мещерскаго видится истинный поэтъ, а въ Фелицѣ и въ одѣ Богъ—риторъ.

называешь критикою? Вѣстникъ Европы и Благонамѣренный? Библиографическія извѣстія Греча и Булгарина? свои статьи? Но принайся, что все это не можетъ установить какого нибудь мнѣнія въ публикѣ, не можетъ почестся уложеніемъ вкуса. Каченовскій ¹⁾ тупъ и скученъ, Гречъ и ты—остры и забавны—вотъ все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ же критика?" Въ другомъ письмѣ Пушкинъ упрекаетъ Бестужева за то, что тотъ не высказалъ своего откровеннаго мнѣнія объ Евгеніи Онѣгинѣ, и прибавляетъ, „пока мѣсть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ“...

Забота о критикѣ, основанной на какихъ нибудь опредѣленныхъ принципахъ, съ этого времени сдѣлалась однимъ изъ завѣтныхъ стремленій Пушкина.

Въ то время, какъ Рылѣевъ въ письмѣ къ Пушкину увѣрялъ его, что онъ сталъ выше всѣхъ русскихъ писателей, что остался только одинъ Державинъ, съ которымъ онъ еще можетъ равняться, но и то навѣрно не на долго, Пушкинъ въ письмѣ къ Дельвигу дѣлалъ такую оцѣнку Державину: „Перечель я Державина всего и вотъ мое окончательное мнѣніе: этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка, (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова); онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣснать всякое разборчивое ухо! Онъ не только не выдерживаетъ оды, не можетъ выдержать и строфы. Что-жъ въ немъ: мысли, картины и движенія—истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по-татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова — жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ“.

Въ небольшой статейкѣ Московскаго Телеграфа въ 1825 г. Пушкинъ оцѣниваетъ и Ломоносова все съ той же точки зрѣнія. Онъ видитъ въ немъ генія, который, соединивъ необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понатія, обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія; но въ его стихотворныхъ произведеніяхъ не видитъ творчества и лучшими его произведенія въ этомъ родѣ считаетъ только переложенія псалмовъ и близкія подражанія высокой поэзіи священныя книги: „они останутся вѣчными памятниками русской словесности, замѣчаетъ онъ, по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему. Но странно жаловаться, прибавляетъ Пушкинъ, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова и требуютъ,

¹⁾ Редакторъ Вѣстника Европы.

чтобъ человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужно для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя“.

Много спорилъ Пушкинъ о И. И. Дмитріевѣ съ княземъ Вяземскимъ, который въ 1823 году напечаталъ большую статью „Извѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ И. И. Дмитріева“. Въ ней онъ, превознося Дмитріева, какъ поэта, ставитъ его въ образцовыя русскія классики. Пушкинъ вообще не находилъ поэзіи въ стихахъ Дмитріева, а превозноситъ его басню послѣ басенъ Крылова, ему казалось не цѣнить послѣдняго. Нѣсколько разъ Пушкинъ принимался оспаривать мнѣніе князя Вяземскаго о Дмитріевѣ. Объ этомъ спорѣ князь Вяземскій вспомнилъ не задолго до своей смерти, и въ виду того, что „судъ Пушкина былъ для него многозначителенъ, дорогъ и могъ задирать его совѣсть за живое“, онъ написалъ въ поясненіе нѣсколько интересныхъ строкъ, которыхъ мы не можемъ обойти молчаніемъ. Онъ объясняетъ нелюбовь Пушкина къ Дмитріеву, какъ поэту, личными отношеніями. „Дмитріевъ, какъ классикъ, не очень ласково привѣтствовалъ первые опыты Пушкина, а особенно поэму его Русланъ и Людмила. Онъ даже отозвался о ней колко и несправедливо. Вѣроятно, отзывъ этотъ дошелъ до молодого поэта и тѣмъ онъ былъ ему чувствительнѣе, что приговоръ исходилъ отъ судіи, который возвышался надъ рядомъ обыкновенныхъ судей и котораго въ глубинѣ души и дарованія своего, Пушкинъ не могъ не уважать. Пушкинъ въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ. Но умою при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ бывалъ онъ злопамятенъ, не только въ отношеніи къ недоброжелателямъ, но и къ постороннимъ и даже къ пріятелямъ своимъ“. Хотя мы и не имѣемъ основанія оспаривать предположеніе князя Вяземскаго и готовы принять, что у Пушкина было личное нерасположеніе къ Дмитріеву, но намъ кажется, что самъ князь Вяземскій не ясно понималъ, на основаніи какого критерія, въ то время Пушкинъ дѣлалъ оцѣнку русскихъ писателей. Поэтъ, и такой какъ Пушкинъ скорѣе всего можетъ распознать поэта. Онъ не находилъ въ стихахъ Дмитріева, того творчества, какое не проглядѣлъ однако въ стихахъ Державина между множествомъ тяжелыхъ риторическихъ строфъ и стиховъ, и имѣлъ полное основаніе причислить Дмитріева къ Хераскову, Богдановичу и другимъ развѣнчаннымъ имъ авторитетамъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно правъ и не могъ произнести другого суда, чтобъ остаться вѣрнымъ самому себѣ. Непремѣнно онъ сдѣлалъ бы тоже самое, еслибы у него и не было никакой неприязни къ Дмитріеву. „Споры наши о Дмитріевѣ часто возобновлялись, еще приписываетъ князь Вяземскій, и какъ обыкновенно въ спорахъ бываетъ, отзывы, сужденія, возраженія становились все болѣе рѣзки и заносчивы. Были мы оба натуры спорныя и другъ передъ другомъ ни на шагъ отсту-

пать не хотѣли. При задорной перестрѣлкѣ нашей мы горячились: онъ все ниже и ниже унижалъ Дмитріева; я все выше и выше поднималъ его. Однимъ словомъ, оба были мы не правы. Помню, что однажды въ пылу спора сказалъ я ему: „да ты, кажется, завидуешь Дмитріеву“. Пушкинъ тутъ зардѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ; съ выраженіемъ глубокаго упрека взглянулъ на меня и протяжно, будто отчеканивая каждое слово, сказалъ: какъ, я завидую Дмитріеву? Споръ нашъ этимъ кончился“.

Зная, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на критику и какого безпристрастія требовалъ отъ нея даже по отношенію къ самому себѣ, мы поймемъ, какъ должно было оскорбить его пріятельское подозрѣніе въ низкой страсти. Самъ князь Вяземскій сознается, что его вспышка была оскорбительна и несправедлива.

„Изъ всѣхъ современниковъ, замѣчаетъ далѣе князь Вяземскій, кажется, Карамзинъ и Жуковскій одни внушали Пушкину безусловное уваженіе и довѣріе къ ихъ суду. Онъ по влеченію и сознательно подчинялся нравственному и литературному авторитету ихъ. Съ ними онъ не считался. До конца видѣлъ онъ въ нихъ не совмѣстниковъ, а старшихъ и, такъ сказать, воспріемниковъ и наставниковъ. Сужденія другихъ, а именно даже образованнѣйшихъ изъ арзамасцевъ, были ему ни по чемъ“¹⁾...

Признавъ свободу творчества за главное основаніе истинной поэзіи, Пушкинъ не могъ и стѣснять свою поэтическую мысль какими бы ни было цензурными требованіями. Онъ не думалъ о цензурѣ въ то время, когда обрабатывалъ свое произведеніе. Ему было все равно, будетъ ли оно напечатано или нѣтъ, лишь бы только вполнѣ выразило то, что создавалось въ его артистической душѣ. Нѣкоторыя произведенія онъ писалъ съ полной увѣренностью, что цензура не позволитъ ихъ напечатать; но это нисколько не ослабляло его творчества, онъ всегда былъ далекъ отъ мысли — поддавливаться подъ цензуру. Къ нему цензора были особенно строги, какъ къ писателю съ замаранной репутаціей. Еще въ 1821 г. изъ Кишинева, въ посланіи къ Дельвигу, Пушкинъ замѣтилъ:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ,
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

Тимковскій, Бируковъ, Красовскій—эти имена тогдашнихъ цензоровъ были на языкѣ у всей пишущей братіи. Въ 1823 г. благонамѣреннѣйшій изъ арзамасцевъ, Дашковъ писалъ къ благонамѣреннѣйшему изъ стихотворцевъ Дмитріеву: „Цензоры съ бѣдными авторами суровѣе, нежели когда нибудь. Одна отъ нихъ бываетъ поживка, а именно,

¹⁾ Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго т. I стр. 158.

когда Бируковъ поссорится съ товарищемъ своимъ Красовскимъ, тогда онъ пропускаетъ на зло между дозволеннымъ иногда и сомнительное. Но у Красовскаго всякая вина виновата: самому Агамемнону въ Иліадѣ запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него замужъ дѣвою, и если какой нибудь рифмачъ заговорить въ восторгѣ о чуждой землѣ и чуждомъ небѣ, разсудительный цензоръ тотчасъ остановить его, напомнивъ, что небо одно и земля — одна. Такихъ анекдотовъ много¹⁾. Одну уступку цензурѣ позволялъ себѣ Пушкинъ: стихи уже въ обработанномъ стихотвореніи, которые по его мнѣнію не могли пройти въ цѣлости черезъ придирчивую цензуру, онъ замѣнялъ точками, или вмѣсто своего имени подписывалъ какую нибудь букву, или ставилъ звѣздочку; а чаще совсѣмъ не отдавалъ въ печать, довольствуясь малымъ пріятельскимъ кругомъ читателей. Пушкинъ обыкновенно любилъ подсмѣиваться надъ цензурой. Еще въ 1822 г. онъ писалъ Бестужеву: „кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще не поумнѣла. Не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ... Предвижу препятствіе въ напечатаніи стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа; повидимому, ее настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ: она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено...“

Сообщая князю Вяземскому объ Евгеніи Онѣгинѣ, Пушкинъ прибавляетъ: „о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить кругъ своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать. А если брать, такъ брать; не то что и когтей марать.“

Находясь постоянно подъ впечатлѣніемъ разныхъ цензурныхъ выходокъ, Пушкинъ понималъ, какой страшный вредъ наносятъ онѣ литературѣ, и въ концѣ 1824 года написалъ два посланія къ Аристарху, двѣ сатиры, въ которыхъ показалъ, какъ близки его сердцу интересы отечественной литературы. Конечно, онъ былъ увѣренъ, что онѣ не дойдутъ до публики, но, какъ мы сказали, онъ не заботился о томъ, когда его мысль созрѣвала въ образѣ; онъ только отвѣчалъ своей потребности высказаться. Пушкинъ явился здѣсь на сторонѣ угнетенной силы, которая считалась силою общественною и которая была стѣснена со всѣхъ сторонъ. Поэтъ выразилъ общее настроеніе литературной среды:

Тяжкою цензурой угнетень,
Послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишень,

¹⁾ Рус. арх. 1868 № 4, 5.

Со всею братіей гонимый совокуно,
 Д, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно:
 Потѣшилъ языка бранчивую свербежь;
 Но извини меня, мнѣ было не въ терпежь.

Въ первомъ посланіи Пушкинъ представляетъ, въ какомъ жалкомъ положеніи была русская литература, отданная въ руки глупыхъ людей; поэтъ хотѣлъ бы имя цензора соединить съ идеаломъ гражданина, выставя въ немъ такія черты, которыя были какъ разъ противуположны дѣйствительнымъ чертамъ тогдашнихъ цензоровъ.

Припоминая время Екатерины, когда распространялись идеи Наказа о гражданскихъ правахъ, равно „дней Александровыхъ прекрасное начало“, Пушкинъ находилъ, что тогда положеніе русскихъ писателей было значительно легче, и въ этой напасти винить невѣжественныхъ цензоровъ, прибавляя:

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!

На все это цензоръ отвѣчаетъ: „жена и дѣти!“

Жена и дѣти, другъ, повѣрь, большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Домой тебѣ убраться осторожно
 И службою своей ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

Второе посланіе посвящено преимущественно надеждамъ на министерство Шишкова, который въ этомъ году смѣнилъ тяжелое министерство князя Голицына, и на первыхъ порахъ разрѣшилъ поэтамъ употреблять разные метафоры, преслѣдуемая цензурой. Но надежды Пушкина оказались обманчивы.

Чтеніе у Пушкина шло непрерывно и было весьма разнообразно: одна книга смѣняла другую. Но при этомъ его фантазія не оставалась праздною; его гениальная артистическая натура выказывалась и здѣсь. Подъ впечатлѣніемъ отъ той или другой книги его фантазія тотчасъ же создавала образъ, который тогда же или потомъ вырабатывался въ какомъ либо поэтическомъ произведеніи. Такъ, читая алкоранъ, онъ увлекся духомъ жгучей арабской поэзіи и въ девяти маленькихъ стихотвореніяхъ прекрасно передалъ поэтическую сторону священной книги мусульманъ. Читая римскаго писателя IV вѣка Аврелія Виктора, онъ создалъ блестящій образъ Клеопатры, которымъ потомъ воспользовался въ Египетскихъ ночахъ. За чтеніемъ римскаго историка Тацита въ его фантазіи своеобразно рисовался образъ императора Тиверія. Чтеніе русскихъ лѣтописей отразилось нѣсколькими живыми типами древне-русской жизни, которые тогда же вошли въ сцены Бориса Годунова. Чтеніе стихотвореній французскаго поэта, жертвы революціи Андре Шенье, вызвало прекрасную элегическую піесу Андрей Шенье, въ которой высказывается завѣтная мысль

Пушкина о высокомъ назначеніи поэта въ общей гражданской жизни народа:

Гордись и радуйся поэтъ!
 Ты не понижь главой послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ,
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя,
 Твой свѣточъ грозно пламѣнѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ;
 Твой бичъ достигнулъ ихъ, казнилъ
 Сихъ палачей...
 Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и дѣву—Эвмениду...
 Гордись, гордись пѣвецъ.

Такое разнообразіе произведеній за одно и то же время объясняется той творческой душой, въ которой быстро перерабатывались всѣ впечатлѣнія, откуда бы они ни приходили. Отсюда же вытекаетъ и рѣдкая способность нашего поэта усваивать себѣ колоритъ мѣстности и языка разныхъ историческихъ эпохъ русской жизни, что особенно начало выказываться въ немъ въ эти годы, когда онъ сталъ обращаться къ русскимъ лѣтописямъ и русскимъ сказкамъ, записывая ихъ по пересказамъ своей старушки-няни, раздѣлявшей его уединеніе, и когда наконецъ сталъ прислушиваться къ народному говору. Особенно два небольшія стихотворенія „Зимній вечеръ“ и „Зимняя дорога“, нѣкоторыя строфы изъ Евгенія Онѣгина и разговоры въ Борисѣ Годуновѣ заставляютъ удивляться, какъ живо и вѣрно воспринимала фантазія поэта всѣ впечатлѣнія отъ русской жизни и русской природы.

Чтеніе только что вышедшихъ X и XI томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, особенно заняло Пушкина. Его фантазію наиболѣе привлекла исторія Бориса Годунова. Съ этимъ именемъ у него связалось нѣкоторое представленіе, какъ мы видѣли, еще въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ подмосковной родительской деревнѣ Захаровѣ, сосѣдней съ селомъ Вяземомъ, сохранившимъ нѣкоторыя преданія о Годуновѣ. Но, конечно, не это было главною причиною, если онъ теперь остановился съ особеннымъ вниманіемъ на личности несчастнаго московскаго царя. Намъ представляется достаточно болѣе сильныхъ связей поэта съ эпохой Годунова для того, чтобы въ нихъ найти удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: почему изъ всей старой русской исторіи именно это лицо такъ заняло его фантазію? Мы уже упоминали, что онъ любилъ задумываться надъ фактами изъ русской исторіи XVIII столѣтія, съ которыми былъ знакомъ болѣе по преданію; съ ними онъ связывалъ свою мысль о значеніи стараго русскаго родовитаго дворянства, оттѣсненнаго отъ двора новыми лицами, попадав-

шими въ случай. Это старое дворянство или боярство, какъ сословіе, потеряло свою силу, а между тѣмъ у него было болѣе историческихъ связей съ народомъ; могли бы быть и сильныя нравственныя связи, если бы не крѣпостное рабство разрывало ихъ. Въ исторіи русскаго дворянства или боярства, время Бориса Годунова представляетъ весьма видный и важный моментъ, который не могъ не остановить вниманія Пушкина по вопросу его занимавшему.

Въ это время авторитетъ родового боярства оказался подточеннымъ. Не изъ ихъ среды выбранъ царь, когда прекратилась многовѣковая династія, а явился случайный человѣкъ, вчерашній рабъ, татаринъ, сильный лишь своимъ умомъ, ловкостью, смѣлостью, умѣвший и страхомъ, и любовью, и славою народъ очаровать. Прежніе же совѣтники московскихъ князей, освободители и собиратели русской земли, многіе сами природные князья, иные Рюриковой крови давно обратились лишь въ царскихъ подручниковъ. Не столько царь Иванъ Васильевичъ своими лютыми казнями ослабилъ ихъ, сколько Годуновъ въ мирной роли царскаго совѣтника, показавъ, что и безъ нихъ царь можетъ править кротко и безъ смуть. И Годуновъ выбранъ всѣмъ Великимъ соборомъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ соборъ свободно выбиралъ этого случайнаго человѣка? Собственно народу нуженъ былъ только православный царь, а кто именно будетъ, ему было все равно, лишь бы только защищалъ его отъ поганыхъ. Значитъ, на соборѣ дѣйствовала скрытая сила, которая направляла народъ. Это та сила, изъ которой потомъ стало выходить новое дворянство черезъ личныя свои качества—духовенство и приказный людъ; представителями ея были патріархъ и дьякъ Шелкаловъ. Они собственно, опираясь на равнодушную массу, возвели Бориса въ цари, а бояре, застигнутые въ расплохъ, не приготовились для дѣйствія и оставались въ сторонѣ.

Существенный ударъ нанесъ имъ и Борисъ, закрѣпивъ крестьянъ и разорвавъ всякую нравственную связь между тѣми и другими. Боярство осталось по видимому безъ значенія. Но опомнившись, хоть нѣсколько и поздно, оно вступило въ тайную борьбу съ новымъ царемъ, избраннымъ всена родно, и подточило его престоль. Оно показало свою силу и значеніе самымъ печальнымъ образомъ, и скрѣпя сердце, должно было признать надъ собою царемъ бродягу. Правда, оно погубило и его, но не поддержало своего достоинства, выставивъ наконецъ царя изъ своей среды. Онъ не защитилъ московскаго царства отъ враговъ, а долженъ былъ уступить свой престоль чуждому королевичу, изъ націи, враждебной всему русскому народу. Послѣ многихъ бѣдствій и разореній, боярство въ лицѣ Ляпунова и князя Пожарскаго, уже въ тѣсной связи съ народомъ, очистило Москву и дало Россіи царя изъ своей среды, въ лицѣ Романова, избраннаго дѣйствительно всенароднымъ соборомъ. Боярство еще нѣсколько десятковъ лѣтъ силилось поддерживать свое значеніе, но не доблестями, а родовой спѣсью, которая наконецъ получила сильный ударъ въ уничтоженіи

разрядныхъ книгъ. Затѣмъ, съ Петра Великаго пошли новые случайные люди, а табель о рангахъ вывела новое дворянство, у котораго съ народомъ не было уже никакой связи и которому выгодно было жить на счетъ народа.

Симпатіи Пушкина, какъ мы видѣли, были на сторонѣ стараго боярства, хотя онъ и старался относиться къ нему безпристрастно. Такъ, между мелкими его замѣтками, сохранившимися въ его бумагахъ, мы читаемъ: „Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur) очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Феодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились, ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ“.

По исторіи Карамзина Пушкинъ могъ познакомиться не со всею эпохою междуцарствія, такъ какъ послѣдній томъ исторіи былъ изданъ уже послѣ смерти Карамзина; но онъ интересовался продолженіемъ его труда даже не безкорыстно: въ ту эпоху играли роль его предки, въ особенности же Гаврило Пушкинъ занималъ его фантазію, введенный и въ самую его драму. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 года Пушкинъ спрашивалъ Дельвига: „видѣлъ ли ты Николая Михайловича (Карамзина), идетъ ли впередъ исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи ли Романовыхъ? Неблагодарные! Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту; да два руку приложили за неумѣнемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?.. 1)“

Изъ этого видно, что Пушкину уже въ то время былъ не чуждъ вопросъ объ его предкахъ, вопросъ, который у него соединился съ общимъ вопросомъ о старомъ дворянствѣ.

Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славень не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.
Смиривъ крам-лы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—
Мы къ оной руку приложили
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили...

Вотъ какими связями связывалась мысль Пушкина съ началомъ XVII столѣтія нашей исторіи. Но кромѣ того, самое лицо Бориса Годунова должно было привлечь его фантазію своимъ особеннымъ

1) Лейпцигское изданіе Матеріаловъ для біографіи Пушкина.

положеніемъ. Изъ всей допетровской русской исторіи эта личность должна была быть особенно симпатична новѣйшему времени по раздвоенности своей натуры, по тѣмъ внутреннимъ противорѣчіямъ, какими отличались и большинство новыхъ людей, ставшихъ выше толпы своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Такія лица являлись даже и на престолѣ, не смотря на полную повидимому возможность дѣйствовать согласно съ своимъ высокимъ идеаломъ. Страстное желаніе внести этотъ идеалъ въ жизнь и въ то же время чувство безсилія исполнить это на почвѣ, которая была для того не подготовлена, и производило то томительное внутреннее противорѣчіе, при которомъ не возможенъ былъ вопросъ о счастіи. Въ поэзіи, чуткой ко всѣмъ явленіямъ жизни, не могли не отражаться такіе типы.

Мы видѣли, что всѣ герои Пушкинскихъ поэмъ отличаются этимъ противорѣчіемъ. Понятно, отчего и Борисъ Годуновъ привлекъ вниманіе поэта. Человѣкъ, возвысившійся надъ толпою умомъ, понятіями и талантами, вкусившій не только сладость власти, но и сладость дѣлать добро, съ идеаломъ властителя-благодѣтеля народа, этотъ человѣкъ покупаетъ себѣ право примѣнять съ престола свой идеалъ къ дѣйствительной жизни, покупаетъ цѣною своей совѣсти, кровавымъ преступленіемъ. Правда, въ свое время оно было скрыто, человѣческій законъ не покаралъ его; но это обстоятельство не снимало съ совѣсти преступленія. Вотъ то противорѣчіе, съ какимъ Годуновъ вступилъ на престолъ; оно не изгладилось массою добра, сдѣланнаго имъ, а росло все болѣе и болѣе. Народныя бѣдствія, являвшіяся отъ стихійныхъ силъ, за которыя никто не могъ отвѣчать, давали ему возможность благодѣтельствовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; но та почва, на которой стоялъ онъ, была полита невинной кровью царевича. Борисъ не былъ названъ благодѣтелемъ. На всѣ бѣдствія народъ смотрѣлъ какъ на Божью кару, а по его понятіямъ, Богъ казнить народъ за грѣхи царей. И вдругъ откуда-то всплылъ этотъ царскій грѣхъ; кто-то шепнулъ о немъ, и быстро пошла ходить молва... Заговорило въ царѣ чувство самосохраненія, но неволѣ пришлось брать строгія, крутыя и даже преступныя мѣры; добро сдѣлалось невозможнымъ, при всемъ желаніи дѣлать его; посѣянное зло разрасталось въ зло и не давало всходить сѣянному добру. Пушкинъ понималъ трагичность такой расколотовъ натуры и остановился на ней, тѣмъ болѣе, что въ преданіяхъ новой русской исторической жизни повторялись факты, сходные съ тѣмъ, который сдѣлалъ Годунова отвѣтственнымъ передъ нравственнымъ судомъ потомства.

Наконецъ, во всей этой исторіи является еще одна личность, которая должна была привлечь вниманіе Пушкина—Гришка Отрепьевъ, какъ представитель той бродячей силы, какая во всѣ времена до послѣдняго момента выдавалась въ русской жизни. Она видна и въ Алексѣ и въ Евгеніи Онѣгинѣ, на что указалъ и г. Достоевскій въ своей горячей рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ, назвавъ ихъ не-

счастливыми скитальцами въ родной землѣ и историческими русскими страдальцами. Но г. Достоевскій находитъ это скитальчество явленіемъ новымъ въ русской жизни: „человѣкъ этотъ, говоритъ онъ, зародился какъ разъ въ началѣ второго столѣтія послѣ великой петровской реформы въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, оторванномъ отъ народа, отъ народной силы“. Мы же говоримъ, что скитальчество составляетъ коренную черту русской жизни отъ самаго начала ея исторіи. Все, что было недовольно установившеюся обыденною жизнью, скованною старыми правилами, порядками и преданіями, все отдавалось скитальчеству, чему благопріятствовала ширь русской земли съ ея степями и лѣсами. Всѣ эти неспокойныя натуры, съ неопредѣленными стремленіями, съ неясными желаніями бродили, чего-то искали и ни на чемъ не успокаивались. Они выразились въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ въ разныхъ типахъ—поленицъ, бродячихъ удалцовъ, каликъ переходящихъ, а въ дѣйствительной жизни являлись и являются въ образѣ странниковъ, богомольцевъ, юродивыхъ, разныхъ бродягъ—нищихъ и монаховъ. Могилы ихъ разсыяны по всей русской землѣ и даже за рубежами ея. Это же скитальчество перешло и въ новую образованную среду, и тамъ оно вызывается тѣми же причинами: недовольствомъ обыденною жизнью, мертвеннымъ покоемъ, стремленіемъ къ чему-то другому, лучшему, хоть можетъ быть, и мечтательному, и несбыточному.—Вообще душевное безпокойство въ русскомъ человѣкѣ выражается въ охотѣ къ перемѣнѣ мѣстъ, что выказалось и въ самомъ Пушкинѣ. Эта черта прошла и въ Кавказскомъ плѣнникѣ, еще рѣзче проявилась въ Алекѣ, подготовлялась въ Евгеніи Онѣгинѣ; она же не могла не привлечь вниманія поэта, уже выразившись какъ сила, давшая лицу историческое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ Григорій Отрепьевъ тѣмъ въ особенности и интересенъ, что является представителемъ вѣковой бродячей силы въ русской землѣ. Изъ роду боярскихъ дѣтей, возвысившись надъ толлою грамотностью, увлекаемый безпокойнымъ духомъ, онъ скитается то по монастырямъ, то среди казаковъ, какъ будто чего-то ищетъ, носить какую-то неясную идею, наконецъ перебирается за рубежь, въ Польшу, и тамъ дѣлается орудіемъ іезуитовъ, прикрытый именемъ русскаго царевича. Обстоятельства помогаютъ ему, и вотъ бродяга быстро является на русскомъ престолѣ, какъ какой-нибудь сказочный удалецъ. Пушкинъ хорошо понималъ, что это былъ не простой плуть-пройдоха, не обыкновенный искатель приключеній, а та типическая русская натура, не находящая себѣ покоя въ своемъ состояніи, ищущая себѣ исхода въ бродячей жизни, отданной на произволь случайностей. Гибнуть наши скитальцы отъ разныхъ случайностей. Одна изъ нихъ довела до гибели и Григорья Отрепьева черезъ Московскій престоль.

Исторія самозванца сближаетъ двѣ родственныя и враждебныя національности—русскую и польскую. Историческое вѣковое столкно-

веніе между ними составляло жгучій вопросъ и во время Пушкина, какъ и прежде и послѣ него. Тогда была рѣчь о примиреніи, но на условіяхъ, обидныхъ для русскаго самолюбія и патриотизма. Извѣстно, что императоръ Александръ, давъ Польшѣ отдѣльную конституцію, предполагалъ присоединить къ ней Литву и нѣкоторыя области съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Можетъ быть, онъ и сдѣлалъ бы это, если бы не послышался явный ропотъ со стороны русскихъ патриотовъ, которые нашли выраженіе своей мысли и чувства въ извѣстной запискѣ Карамзина о Польшѣ. Понятно, что представленіе одного изъ важныхъ моментовъ столкновенія должно было имѣть интересъ не только историческій, но и жизненный, современный. Пушкинъ видѣлъ, что могъ прекрасно воспользоваться этой эпохой, поставивъ рядомъ типы старорусскіе и польскіе. Въ изображеніи послѣднихъ выказалась вся сила гениальнаго его творчества: они вышли столько же вѣрные и живые какъ и первые. Видно, что они создались не по отвлеченной идеѣ, ни по разсудочнымъ соображеніямъ, а изъ такихъ же живыхъ впечатлѣній, изъ какихъ фантазія поэта только и брала себѣ матерьялы. Невольно спрашивается: откуда же у него могъ быть такой запасъ впечатлѣній? Конечно, съ современными поляками онъ могъ часто встрѣчаться и въ Кишиневѣ, и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ. Но ему нужно было создавать историческіе типы, слѣдовательно хоть нѣсколько познакомиться съ польскими національными писателями стараго времени, чтобы уловить коренныя черты народности. По нѣкоторымъ даннымъ мы можемъ заключить, что Пушкинъ былъ знакомъ съ польскимъ языкомъ, слѣдовательно и польская литература была ему доступна; но намъ неизвѣстно, что именно изъ нея прочиталъ онъ для созданія нужныхъ ему типовъ. Какъ бы то ни было, но фантазія Пушкина нашла матерьялы, чтобы рѣзко представить польскую національность въ соприкосновеніи ея съ московско-русскою. Мы видимъ у него Польшу, развившуюся подъ сильнымъ вліяніемъ римско-католическаго образованія съ значительной долей іезуитизма, видимъ, что главная точка враждебнаго соприкосновенія двухъ народностей была въ различіи вѣроисповѣданій, видимъ, что вызовъ въ этомъ дѣлѣ былъ сдѣланъ Польшей, у которой соединялись расчеты религіозныя съ государственными. Но взяла верхъ не польская сила, а русская измѣна въ лицѣ новаго случайнаго человѣка, честолюбиваго Басманова, ради котораго царь „сломилъ рогъ родовому боярству, презрѣлъ и чинъ разрядный и гнѣвъ бояръ“, назначивъ его главнымъ предводителемъ войска и ввѣривъ защиту престола со всей землею. Русская сила сама себя побѣдила и не унижена передъ польскою.

Особенно проявится разница въ типахъ обѣихъ національностей, если поставитъ рядомъ патера Черниковскаго и простодушнаго и наивнаго патриарха съ игуменомъ и Пименомъ; пановъ Мнишка и Вишневецкаго съ ихъ европейскимъ лоскомъ, съ чувствомъ польской вольности и бояръ Шуйскаго, Воротынскаго, Пушкина; Марину и Ксенію,

служанку Рузю и мамку Ксеніи, піту предсказывающаго побѣду латинскими стихами и юродиваго, грозящаго бѣдою.

Мы старались показать, что Пушкинъ нашель въ исторіи Бориса Годунова, чтобы передѣлать ее въ драму и дать ей интересъ современнаго живого произведенія. Оказалось въ ней много сторонъ, которыя могли вдохновить поэта близкимъ отношеніемъ къ его современности. Руководствуемый разказами Карамзина, лѣтописями и разными историческими документами, онъ могъ создавать типическіе образы и даже отдѣльныя сцены, но этого было недостаточно для того, чтобы сложилась полная драма. Ему нужно было еще выяснить, въ чемъ заключается драматическое искусство и какихъ правилъ слѣдуетъ держаться драматическому писателю. Онъ былъ хорошо знакомъ съ теоріей французской драмы; но въ ней онъ видѣлъ много фальши и такихъ условныхъ требованій, которыя стѣсняли свободу творчества. Онъ сталъ изучать Шекспира и восхитился тою жизненностью, какою отличаются всѣ его характеры. Сравненіе шекспировскихъ драмъ съ трагедіями Корнеля, Расина, Байрона и съ комедіями Мольера вполне опредѣлило ему недостатки послѣднихъ и выяснило художественныя достоинства первыхъ, гдѣ человѣкъ въ каждую минуту и на каждомъ мѣстѣ является полнымъ человѣкомъ и притомъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть въ своемъ положеніи, а не ходульнымъ олицетвореніемъ какой-нибудь идеи или страсти, чѣмъ отличаются французскія трагедіи и комедіи. Мы не приводимъ здѣсь всѣхъ разсужденій Пушкина по поводу Шекспира, укажемъ только на выводы, какіе онъ для себя сдѣлалъ: настоящіе законы трагедіи—правдоподобіе положеній, истина разговора, правдоподобіе характеровъ, истина чувствъ. Это устраняетъ всякое субъективное отношеніе къ лицамъ и требуетъ, чтобы каждое лицо жило своею собственною жизнію. „Шекспиру подражалъ я, писалъ Пушкинъ,—въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ“. Но собственно это нельзя назвать подражаніемъ. Точнѣе было бы сказать, что у Шекспира онъ научился изображать характеры; въ самыхъ же характерахъ у него нѣтъ подражанія. Но мы нигдѣ не видимъ, чтобы Пушкинъ выяснилъ себѣ сущность драматическаго искусства, въ чемъ долженъ заключаться главный интересъ драмы. Въ одномъ письмѣ къ Бестужеву въ томъ же 1825 году, когда онъ изучалъ Шекспира и задумывался надъ вопросомъ о драмѣ, говоря о комедіи „Горе отъ ума“, Пушкинъ замѣчаетъ: „Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ“. Слѣдовательно, онъ не полагаетъ никакихъ общихъ законовъ драмы. Это какъ нельзя болѣе согласуется съ той свободой творчества, которую онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ истинной поэзіи. Цѣль драмы, по его взгляду— характеры и рѣзкая картина нравовъ. „Я старался соединить оба эти рода“, говоритъ онъ. А между тѣмъ у Шекспира кромѣ этого въ каждой драмѣ есть глубокой драматическій интересъ, кипучая борьба страстей, отъ которыхъ

и зависитъ судьба личностей. На это Пушкинъ не обратилъ вниманія, отчего у него изъ отдѣльныхъ, прекрасно обработанныхъ сценъ и не вышло драмы. „Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій“, говоритъ онъ, значить, вся его забота была въ цѣломъ остаться вѣрнымъ Карамзину. Здѣсь онъ добровольно ограничилъ свою свободу авторитетомъ историка и сдѣлалъ большую ошибку, какъ историческую, такъ и художественную. Историческая ошибка произошла отъ смѣшенія взгляда историка со взглядами нѣкоторыхъ современниковъ Бориса Годунова. Но у послѣднихъ эти взгляды вытекали изъ недоброжелательнаго чувства и не возвышались надъ ихъ невѣжественными понятіями, а у историка они обратились въ объясненіе внутреннихъ причинъ событія и приняли уже мистическій характеръ, съ которымъ исторія не можетъ мириться. Отсюда всѣмъ движеніемъ будто бы управляла какая-то высшая таинственная сила въ родѣ судьбы или Немезиды, карающей за преступленіе тѣхъ, которые стали недоступны человѣческому суду. Черезъ это пострадало и искусство: драматическій интересъ въ лицахъ пропалъ, и сдѣлалось невозможнымъ развитіе сильныхъ характеровъ. И вотъ рѣзкое различіе между Шекспиромъ и Пушкинымъ: у Шекспира характеры свободно развиваются и съ этимъ вмѣстѣ исчерпываются до глубины, у Пушкина изображаются какъ готовые типы; отсюда второстепенныя лица вышли у него наиболѣе живыми и художественными; тогда какъ главные Борисъ Годуновъ и Григорій Отрепьевъ, на которыхъ долженъ бы былъ сосредоточиться весь интересъ драмы, вышли слабы. Мы не будемъ разбирать ихъ въ подробности, такъ какъ уже прежде насъ, давно, Бѣлинскій, съ свойственнымъ ему художественнымъ чутьемъ указалъ на этотъ недостатокъ ¹⁾. Прибавимъ только къ этому, что самозванецъ, какимъ онъ явился въ Польшѣ, у Пушкина не имѣетъ ничего общаго съ Григоріемъ Отрепьевымъ: одинъ въ другого никакъ не могъ переродиться — это двѣ разныя личности, выросшія на разныхъ почвахъ, при разныхъ вліяніяхъ. Надо полагать, что на созданіе этого двойственнаго лица имѣли вліяніе кромѣ русскихъ, еще польскіе или какіе нибудь иностранные источники.

Отъ невыясненныхъ общихъ законовъ драматическаго искусства у Пушкина произошло колебаніе, когда ему пришлось дать какое нибудь видовое названіе своему поэтическому произведенію: сначала онъ его назвалъ комедіей о Царѣ Борисѣ, потомъ скоро перемѣнилъ это названіе на трагедію, и наконецъ въ печати уничтожилъ всякое названіе. Бѣлинскій впослѣдствіи называлъ его эпической поэмой въ разговорной формѣ, также драматической хроникой. Это послѣднее названіе стали повторять въ послѣдующемъ поколѣніи, какъ бы изъ желанія отдѣлаться отъ вопроса: къ какому виду драмы слѣдуетъ отнести произведеніе. Но этимъ собственно ничего не опредѣляли, и не

¹⁾ Сочиненіе Бѣлинскаго. т. VIII.

устранили того неопредѣленнаго чувства или впечатлѣнія, какое оставалось по прочтеніи всѣхъ сценъ. Почти каждая изъ нихъ сама по себѣ говоритъ, что надъ ней работала гениальная художница; но въ цѣломъ нѣтъ живой опредѣленной идеи и чувствуется какая-то фальшь.

Въ одной изъ своихъ замѣтокъ Пушкинъ называлъ эпоху, имъ выбранную, одною изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Значитъ, драматизмъ ему представлялся не въ лицахъ, а въ цѣлой эпохѣ, т. е. какъ будто бы весь народъ былъ поставленъ въ драматическое положеніе, и напрягалъ всѣ свои силы — физическія и нравственныя въ борьбѣ за существованіе. Кажется, что эта сторона въ особенности и занимала Пушкина: въ Борисѣ Годуновѣ въ самомъ дѣлѣ главною дѣйствующею силою представляется народъ въ широкомъ значеніи этого слова, хотя онъ всею массою рѣдко является на сцену; но его безпокойный, тревожный, иногда бурливый голосъ слышится повсюду; онъ начинается представленіе, онъ и кончаетъ его, какъ будто идетъ вездѣ вопросъ о его судьбѣ, а не объ интересахъ какихъ нибудь личностей, какія обыкновенно изображаются въ драмахъ. Съ этой точки зрѣнія произведеніе Пушкина дѣйствительно могло бы представить особый видъ драмы, еслибы въ немъ выразилась вся та эпоха, которую онъ называлъ драматическою. Но въ немъ мы видимъ только первое дѣйствіе, конецъ же долженъ бы быть въ народномъ соборѣ выборныхъ отъ русской земли 1613 года. Не эта ли мысль была у Пушкина, когда онъ освѣдомлялся, чѣмъ Карамзинъ думаетъ закончить свою исторію, доведетъ ли ее до избранія Романовыхъ? У насъ есть свѣдѣнія, что его дѣйствительно занимала мысль представить въ особыхъ пьесахъ Василя Шуйскаго, Марину Мнишекъ, и слѣдовательно изобразить всю драматическую эпоху. Тогда, можетъ быть, и Борисъ Годуновъ получилъ бы особое для насъ значеніе, какъ часть цѣлага; тогда, можетъ быть, еще съ большей силой дѣйствовало бы это народное молчаніе въ отвѣтъ на вызовъ кричать „да здравствуетъ царь Димитрій“. Тогда вышла бы и народная драма, надъ которой задумывался Пушкинъ.

„Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить“, писалъ Пушкинъ въ сознаніи своихъ могучихъ силъ, работая надъ Борисомъ Годуновымъ. Но эта работа принесла ему еще нравственную пользу: онъ почувствовалъ сердцемъ свою кровную связь съ русской стариною, съ давно-прошедшею жизнью, развившеюся при особенныхъ историческихъ условіяхъ, живѣе почувствовалъ себя гражданиномъ своей земли, понялъ, что нельзя безпочвенному человѣку быть безкорыстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, а пока онъ не проникъ въ исторію своего народа, онъ чловѣкъ безпочвенный. Съ этого времени Пушкинъ сталъ больше углубляться въ изученіе исторической русской жизни, и въ ней укрѣплять корни русской поэзіи. Она была возвращена на свою настоящую почву.

Благодаря Борису Годунову, Пушкинъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе на народный русскій языкъ, на колоритъ старинной русской рѣчи. Надъ языкомъ вообще онъ задумывался и прежде. Еще изъ Одессы писалъ онъ князю Вяземскому: „Я желалъ бы русскому языку оставить нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристала. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе“. Этого Пушкинъ уже не могъ сказать о языкѣ въ Борисѣ Годуновѣ. Онъ выработанъ артистически, возвращенный къ первобытной простотѣ нашей народной рѣчи, въ немъ выражается не только складъ русскаго ума, но и типическія сословныя черты, сколько ихъ можно уловить въ старинныхъ памятникахъ русской письменности: языкъ боярскій, дьяческій, монашескій, простонародный, каждый отличается своими особенностями и свидѣтельствуетъ, что надъ нимъ работалъ еще небывалый художникъ.

Особенно производительны для Пушкина были первые мѣсяцы по пріѣздѣ его въ Михайловское. Какъ будто съ новыми впечатлѣніями, съ новой обстановкой фантазія его получила особенную силу. По свидѣтельству г. Анненкова, сцена въ Чудовомъ монастырѣ была имъ набросана въ началѣ января 1825 года, слѣдовательно надо полагать, что до этого было соображено все произведеніе по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, причемъ и много перечитано. Съ этимъ вмѣстѣ были окончены Цыганы, были почти на готовѣ III и IV главы Онѣгина, кромѣ тѣхъ произведеній, на которыя мы уже указали прежде. Припомнимъ, что въ Михайловское онъ явился въ августѣ мѣсяцѣ, что въ концѣ осени долженъ былъ пережить мучительное столкновеніе съ отцомъ, что конечно должно было отвлекать его отъ работъ. Но и тутъ далеко не все время поэтъ отдавалъ литературнымъ занятіямъ или приготовленію къ нимъ. Его подвижная, нервная натура требовала разнообразія, развлеченій. На его счастье въ близкомъ сосѣдствѣ мирно жило помѣщицье семейство, которое занимаетъ въ біографіи Пушкина видное мѣсто. Владѣтельница села Тригорскаго, вдова Прасковья Александровна Вульфъ-Осипова, женщина съ образованнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, жила тамъ съ двумя взрослыми дочерьми отъ перваго брака съ Вульфомъ и съ двумя малолѣтними отъ втораго — съ Осиповымъ и съ падчерицею, также взрослою. Семья иногда увеличивалась пріѣздомъ племянницъ Прасковьи Александровны и дерптскаго студента Вульфа, родного ея сына. Пушкину легко было сблизиться съ этимъ семействомъ, такъ какъ еще прежде оно было въ дружескихъ отношеніяхъ съ его семьею. Зная, какъ легко привязывался онъ къ женщинѣ, какъ любилъ вести бесѣду въ женскомъ обществѣ, въ которомъ всегда являлся неистощимымъ въ остроумныхъ словахъ, въ шуткахъ, въ разсказахъ, мы можемъ себѣ представить, какъ онъ проводилъ время въ этомъ шум-

номъ, веселомъ кругу молодыхъ особъ. Намъ не приходится входить въ подробности его отношеній ко всѣмъ членамъ семьи, такъ какъ о томъ говорили уже другіе ¹⁾. Имя Тригорскаго не разъ попадаетъ въ его стихотвореніяхъ съ выраженіемъ самаго теплаго чувства. Первое время по пріѣздѣ въ Михайловское, сердце Пушкина было еще занято одесскими сердечными привязанностями; но впечатлѣнія отъ прошедшаго скоро уступили мѣсто настоящему. Поэтъ сталъ слегка увлекаться по очереди каждою изъ молодыхъ хозяекъ Тригорскаго, пока наконецъ сильная страсть снова не вспыхнула въ немъ, какъ увидимъ далѣе. Повидимому, для болѣе полной жизни ему не доставало только общества друзей; но этотъ недостатокъ отчасти вознаграждался частою перепискою съ ними, въ которой, какъ мы видѣли, поэтъ касался очень серьезныхъ предметовъ. Впрочемъ и тутъ судьба раза два сжалилась надъ нимъ. Въ началѣ 1825 года къ нему на одни сутки пріѣзжалъ лицейскій его товарищъ Пуцинъ, написавшій впоследствии свое воспоминаніе объ этой дружеской встрѣчѣ. Съ самаго выхода изъ лицея онъ попалъ въ члены тайнаго общества и оставался вѣренъ намѣченной себѣ цѣли до самаго 14 декабря. Пушкинъ еще живя въ Петербургѣ, подозрѣвалъ его въ этомъ соучастіи, всегда настойчиво выспрашивалъ, но ничего не могъ добиться. „Образъ его мыслей всѣмъ былъ извѣстенъ, говоритъ Пуцинъ, но не было полнаго къ нему довѣрія“, т. е. всѣ смотрѣли на него какъ на легкомысленнаго юношу, который противъ воли, по одной опрометчивости, могъ проболтаться въ разговорахъ или даже въ стихахъ. Говоря о неумолкаемой бесѣдѣ въ Михайловскомъ, Пуцинъ замѣчаетъ: „Незамѣтно коснулись опять подозрѣній насчетъ общества (т. е. тайнаго). Когда я ему сказалъ, что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе отечеству, онъ вскочилъ со стула и вскрикнулъ: „Вѣрно все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держатъ въ Тираспольской крѣпости и ничего не могутъ выпытать“. Потомъ успокоившись, продолжалъ: „Впрочемъ я не заставляю тебя говорить“ ¹⁾. Пушкинъ хорошо понималъ, что находясь подъ тройнымъ надзоромъ, онъ не можетъ быть дѣятельнымъ членомъ какаго бы ни было общества; а о надзорѣ ему только что напомнилъ настоятель Святогорскаго монастыря, прервавшій своимъ визитомъ бесѣду его съ другомъ, пріѣздъ котораго возбудилъ монашеское любопытство. Пушкинъ долженъ былъ ловко выживать незваннаго гостя, улагодворяя его пуншемъ. У поэта въ головѣ въ это время гнѣздилась своя тайная мысль, вызываемая чувствомъ неволи.

„Мочи нѣтъ, хочется Дельвига“ зывалъ Пушкинъ въ Петербургѣ и весною того же года онъ увидѣлъ своего Дельвига; а скорѣе потомъ чувство дружбы, наполнявшее его сердце, уступило мѣсто чувству

¹⁾ См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г., № 139—168, статья Семеваго.

¹⁾ Лейпцигское изданіе Матеріаловъ для біографіи Пушкина.

любви, которое перешло въ бѣшенный порывъ страсти. Арабская кровь снова закипѣла отъ встрѣчи, которая еще за нѣсколько лѣтъ произвела на поэта сильное впечатлѣніе. Въ семейство Осиповой на лѣто пріѣхала замужняя племянница Анна Петровна Кернъ, мужъ которой, старый генералъ, былъ рижскимъ комендантомъ. Она была племянница извѣстнаго петербургскаго мецената Оленина, у котораго Пушкинъ въ первый разъ встрѣтился съ нею не задолго до своей ссылки, былъ пораженъ ея красотою, но напрасно старался обратить на себя ея вниманіе. Она едва замѣтила его и сильно уязвила его юное самолюбіе. Но тогда она сама была еще застѣнчивая, несмѣлая... Время и жизнь развили ее. Странствуя со своимъ старымъ и нелюбимымъ мужемъ по командировкамъ и по смотрамъ, она обратила на себя вниманіе даже императора Александра Павловича, цѣнителя женской красоты, и благодаря этому обстоятельству, мужъ ея, впавшій было въ немилость, получилъ спокойное мѣсто рижскаго коменданта. Все еще красивая и молодая, веселая, она затмила постоянныхъ обитательницъ Тригорскаго. Пушкинъ припомнилъ свою первую встрѣчу съ нею, съ которою соединилось и воспоминаніе объ оскорбленномъ самолюбіи, и это-то вѣроятно раздуло первую искру, которая вспыхнула въ его сердцѣ. Какъ сильно подѣйствовала на Пушкина эта красавица, видно изъ его стихотворенія, отнесеннаго къ ней: „Я помню чудное мгновеніе“—

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...
Душѣ настало пробужденіе:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣніе,
Какъ гений чистой красоты.
И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Въ дополненіе къ этой поэзіи у насъ есть письма влюбленнаго поэта, писанныя уже тогда, когда Прасковья Александровна, опасаясь бѣды, увезла свою красавицу-племянницу къ мужу въ Ригу. Пушкинъ получилъ отъ нея позволеніе писать, и тутъ-то высказалась вполне эта страшная натура. Прочитавъ его письма, каждый скажетъ, что ихъ пишетъ не только влюбленный до безумія человекъ, но и человекъ необыкновенный. Тутъ раскрывается вся душа его, какъ и у всякаго въ порывѣ страсти. Всѣ вообще его пріятельскія письма отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, неожиданными оборотами рѣчи, шутливымъ тономъ, даже и тогда, когда, кажется, совсѣмъ бы не до шутокъ; но въ письмахъ къ любимой женщинѣ все это еще усиливается; а между тѣмъ здѣсь слышатся и бѣшенная любовь, и

нѣжность, и опасенія, и подозрѣнія, и ревность, и ничего нѣтъ натягутаго, фальшиваго, придуманнаго. Воспользуемся переводомъ нѣкоторыхъ отрывковъ этихъ писемъ, писанныхъ по французски ¹⁾).

„Переписка ни къ чему не ведетъ, но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное хорошенькою вашею ручкою. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ... Прощайте божественная, бѣшусь и падаю къ вашимъ ножкамъ... Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—спрячете его опять у себя на груди“.

Переписка началась 25 іюля и продолжалась до конца года. 14 августа Пушкинъ писалъ: „перечитываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая, прелесть, божественная! а потомъ: ахъ мерзкая! Простите, прелестная, кроткая моя, но это такъ! Несомнѣнно, что вы божественны, но иногда въ васъ не случается здраваго смысла; еще разъ простите и утѣштесь, ибо отъ этого вы еще прелестнѣе... Вы говорите, что я не знаю вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло; очень я о немъ думаю, и развѣ у хорошихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное: глаза, зубы, ручки и ножки... Что подагра вашего супруга?.. Божественная, ради Бога постарайтесь, чтобъ онъ игралъ и чтобъ у него была подагра, подагра! Въ этомъ вся моя надежда!“...

Черезъ двѣ недѣли, вотъ ужъ какое предложеніе пишетъ влюбленный: „Если вашъ почтенный супругъ слишкомъ надоѣдаетъ вамъ, бросьте его, но знаете ли какъ? Оставьте вы ваше семейство, возьмите почтовыхъ въ Островъ и прѣзжайте... куда? въ Тригорское? Ни чуть не бывало,—въ Михайловское! Но понимаете ли, какое это было бы для меня счастье. Вы скажете: а огласка? а скандалъ? Кой чортъ! Разставаясь съ мужемъ, дѣлаютъ полнѣйшій скандалъ, и все прочее—ничто или очень мало. Но сознайтесь, что проэктъ мой романической... Увижу ли я васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣштесь! Очень хорошо, но чѣмъ и какъ? Влюбиться невозможно. Прежде всего надобно позабыть ваши прелести. Бѣжать въ чужіе края, удавиться, жениться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями и все это мнѣ отвратительно... Не правда ли я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ съ глазу на глазъ. Но если вы прѣдете, я обѣщаю вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности—я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, локкъ и прытокъ въ четвергъ; въ пятницу, субботу и воскресенье буду чѣмъ вамъ угодно, и всю недѣлю у вашихъ ногъ“.

А вотъ слышится и голосъ ревности: „Вы мнѣ клянетесь всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете; а между тѣмъ вы на ты

¹⁾ Вполнѣ они напечатаны въ „Русск. Старинѣ“, 1879, Ноябрь.

съ вашимъ кузеномъ. Не говорите мнѣ о томъ, что восхищаетесь мною: восхищеніе не есть чувство. Говорите мнѣ о любви, вотъ чего я жажду. Но въ особенности не говорите мнѣ о стихахъ... Не стану я проповѣдывать морали, но опять же къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ... Весьма желательно мнѣ знать, почему двоюродный вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15 числа текущаго мѣсяца, и почему имя его три раза сорвалось съ вашего пера въ вашемъ письмѣ ко мнѣ? Нескромность въ сторону: нельзя ли это узнать“.

Въ письмѣ отъ 8 декабря повторяются все тѣ же страстныя рѣчи: „Опять берусь за перо, чтобъ сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасныя вещи, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что цѣлую ихъ еще въ ожиданіи лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны“.

Изъ всего сказаннаго нами о жизни Пушкина въ Михайловскомъ нельзя заключить, что она текла однообразно, вяло; натура обыкновенная была бы пожалуй даже довольна ею, но гениальная натура Пушкина требовала себѣ не того для жизни; тѣ тревоженія, которыя случались, не могли удовлетворить его стремленія. Ему нужна была дѣятельность широкая, общественная; онъ могъ успокоиться только въ буряхъ. Къ нему какъ нельзя лучше примѣнимъ стихъ Лермонтова о парусѣ: „онъ, несчастный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой“. Такимъ натурамъ нужна открытая борьба, безъ которой имъ некуда дѣтъ запаса своихъ громаднхъ силъ. Въ ранніе, юные годы эта, пока еще бессознательная, потребность борьбы выразилась у него въ стремленіи къ военной службѣ ради войны, какъ мы уже видѣли; другой борьбы, кромѣ военной ему не представлялось. Онъ приводитъ и своего героя, утомленнаго жизнію кавказскаго плѣнника на Кавказъ для борьбы съ горцами. Написавъ въ Кишиневѣ стихотвореніе „Война“ по поводу греческаго возстанія, онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Мечта война привела въ задумчивость война, что служить въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи“. Съ большей ироніей нельзя было выразиться о своемъ положеніи. Чѣмъ, какъ не жаждой борьбы, можно лучше объяснить тѣ столкновенія, на которыя онъ часто какъ бы напрашивался, даже самое столкновеніе съ графомъ Воронцовымъ? Въ Михайловскомъ присоединилось еще чувство неволи, тяжелое для всякаго, а для такой природы мучительное. Безъ позволенія начальства онъ не могъ даже пріѣхать въ городъ. Это чувство прекрасно выразилось въ стихотвореніи „Узникъ“, написанномъ въ концѣ 1824 года. Его мысль, какъ „вскормленный въ неволѣ молодой орелъ“, зоветъ къ нему:

Давай улетимъ!

Мы вольныя птицы, пора, братъ, пора!

Туда, гдѣ за тучей бѣлѣтъ гора,

Туда, гдѣ сплывутъ морскія края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ да я!

Этотъ послѣдній стихъ показываетъ, какую широкую свободу представляла поэту его фантазія.

„Давай улетимъ!“ было въ мысляхъ Пушкина и прежде, когда въ его глазахъ отплывали корабли изъ одесскаго порта. Желаніе путешествовать въ чужихъ краяхъ было его любимой мечтою въ самыхъ юныхъ годахъ. Въ 1822 г. онъ писалъ князю Вяземскому: „Говорятъ, Чадаевъ ѣдетъ за границу. Давно бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать“. А черезъ годъ у него была мысль сѣсть на корабль безъ вѣдома начальства, но какая то сердечная привязанность, „могучая страсть“ какъ онъ выражается въ стихотвореніи „Къ морю“, удержала его отъ этого:

Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ.

Въ Михайловскомъ снова заняла его мысль—бѣжать на чужбину, чтобы освободить свой духъ отъ чувства неволи, чтобы насладиться сознаніемъ свободы. Другого средства онъ не представлялъ себѣ—получить возможность жить такъ, какъ хочется душѣ. Много горечи слышится въ словахъ Пушкина, обращенныхъ къ кн. Вяземскому: „вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока цора! Грѣхъ гонителямъ моимъ“¹⁾. Въ письмѣ къ Ал. Бестужеву онъ замѣчаетъ: „ты, да, кажется, Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ бы былъ ихъ образумить“. Этому примѣру хотѣлось и ему слѣдовать, но въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же было учиться въ деревенской глуши? И вотъ у Пушкина стала созрѣвать планъ бѣгства. Въ немъ приняли участіе сама П. А. Осипова и сынъ ея студентъ Вульфъ, съ которымъ Пушкинъ очень подружился. Нужно было прежде всего попасть въ Дерптъ, откуда уже не представлялось большихъ затрудненій перешагнуть черезъ границу. Для этого слѣдовало указать на какую нибудь серьезную болѣзнь, которая требовала бы помощи искусныхъ медиковъ; а въ Дерптѣ, какъ университетскомъ городѣ, можно было найти ихъ. Болѣзнь нашлась. Еще въ Одессѣ въ письмѣ объ отставкѣ Пушкинъ писалъ: „Вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ 8 лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть. Могу представить свидѣтельство, котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится“. Казалось ли Пушкину, что у него дѣйстви-

¹⁾ Въ письмѣ къ Дельвигу Пушкинъ дѣлаетъ приписку: „якокто Вибій Серекъ по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“

тельно была эта болѣзнь, или то былъ невинный вымыселъ, мы не знаемъ, но только на этой самой болѣзни былъ основанъ и планъ бѣгства. Пушкинъ написалъ императору письмо „дѣльное и благодарное“, какъ онъ говоритъ, съ просьбою позволить лѣчиться ему въ Дерптъ или въ какой нибудь столицѣ. Но письмо не дошло по назначенію. Оно только всполошило всю семью Пушкина, не знавшую настоящей дѣйствительности. Мать его написала чувствительное письмо государю, подняла на ноги Жуковского, Карамзина и друг. И вотъ въ то время, какъ поэтъ писалъ къ отсутствующей П. А. Осиповой:

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаніи мирномъ оставаться,
Вздыхать о мирной старинѣ
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться,
Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,

онъ получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что ему позволено лѣчиться не только во Псковѣ, куда его родные черезъ посредство Жуковского приглашали изъ Дерпта знаменитаго хирурга Майера. Не ожидая такого рѣшенія, Пушкинъ былъ внѣ себя и объявилъ рѣшительно, что отъ Пскова онъ отказывается. Не останавливаясь на подробностяхъ всего этого дѣла ¹⁾, мы только воспользуемся нѣкоторыми отрывками письма князя Вяземскаго, который въ качествѣ друга накинулся на поэта за его странное и двусмысленное поведеніе ²⁾. Оно показываетъ, какъ близкіе къ поэту люди, не понимая его психическаго состоянія, стали смотрѣть на него. Оно писано 28 августа 1825 года: „Твоя мать узнала, что у тебя аневризмъ въ ногѣ: она совѣтуется съ людьми, явно въ твою пользу расположенными—Карамзинымъ, Жуковскимъ. Жуковскій вызывается доставить тебѣ помощь Майера, извѣстнаго искусствомъ своимъ. Государь назначаетъ тебѣ Псковъ. Кто же тутъ виноватъ? Каждый дѣлалъ свое дѣло, одинъ ты не дѣлаешь своего и портишь дѣло другихъ, а особливо же свое. Отказываясь ѣхать, ты наводишь подозрѣніе на свою мать, что она хотѣла обольстить довѣренность царя и вымышленнымъ аневризмомъ насильно выхватить твою волю. Портишь свое положеніе для будущаго времени, ибо этимъ отказомъ подаешь новый поводъ къ тысячѣ заключеній о твоихъ намѣреніяхъ, видахъ, надеждахъ. И для насъ, тебя знающихъ, есть какал то таинственность, несообразность въ упорствѣ не ѣхать въ Псковъ. Чго же должно быть въ умѣ тѣхъ, которые ни времени, ни охоты не имѣютъ ломать голову себѣ надъ разгадываніемъ твоихъ своенравныхъ и сумасбродныхъ логогрифовъ?

¹⁾ Онѣ изложены у г. Анненкова въ книгѣ „Пушкинъ въ Александровскую эпоху“.

²⁾ „Русск. Арх.“ 1874 г. № 1.

Они удовольствуются первою разгадкою, что ты человѣкъ неугомонный, съ которымъ ничто не беретъ, который изъ охоты идетъ на перекоръ власти, друзей, родныхъ и котораго вѣрнѣе и спокойнѣе держать на привязи, подале... Зачѣмъ же затагивать новый узелъ? Не могу понять, да вѣроятно ты и самъ не понимаешь, а любишься въ суматохѣ: тебѣ хочется жаловаться на судьбу, на людей, и гдѣ они тебѣ благопріятствуютъ, тамъ ты изподтишка путаешь все, что они ни сдѣлаютъ. Будь доволенъ. Ты не на пуховикахъ пронѣжилъ свою молодость и не въ оранжерейхъ взростилъ свои лавры. Можно войти погрѣться въ избу и поваляться на лежанкѣ. Уже довольно былъ ты въ раздражительности и довольно искръ вспыхнуло изъ этихъ электрическихъ потрясеній. Отдохни. Попробуй плыть по водѣ, ты довольно боролся съ теченіемъ. Разумѣется, не совѣтую плыть по водѣ къ грязному берегу, чтобъ запачкаться въ тинѣ; но въ новой стезѣ, открываемой передъ тобою, ничто не задѣнетъ совѣсти твоей, ничто не запятнаетъ характера... Душа должна быть тверда, но не хорошо ей и щетиниться при каждой встрѣчѣ. Ты можешь почерствѣть въ этой недовѣрчивости къ людямъ, которою ты закалиться хочешь. И какое право имѣешь ты на недовѣрчивость? Развѣ одну неблагодарность свою? Лучшіе люди въ Россіи за тебя. Имя твое сдѣлалось народною собственностью. Чего тебѣ не достаетъ? Ты ли одилъ тернишь и на тебѣ ли одномъ обрушилось бремя невзгодъ, сопряженныхъ съ настоящимъ положеніемъ не только нашимъ, но вообще европейскимъ? Если приперло тебя потѣснѣе, то вини свой пьедесталъ, который выше другого... Не самъ ли ты частью виноватъ въ своемъ положеніи? Ты сажалъ цвѣты, не сообразясь съ климатомъ. Морозъ сдѣлалъ свое, вотъ и все... Ты любишься въ гоненіи. Оно у насъ, какъ и авторское ремесло еще не есть почетное званіе. Оно—званіе только для не многихъ; для народа оно не существуетъ. Гоненіе придаетъ державную власть гонимому только тамъ, гдѣ господствуютъ два раскола общественнаго мнѣнія. Ты можешь быть силенъ у насъ только одною своею славою, тѣмъ, что тебя читаютъ съ удовольствіемъ, съ жадностью; но несчастіе у насъ не имѣетъ силъ ни на грошъ. Хоть будь въ кандалахъ... ихъ звукъ не разбудитъ ни одной новой мысли въ толпѣ, въ народѣ, который у насъ мало чутокъ... У насъ никому нѣтъ мѣста почетнаго... Опозиція у насъ пустое и безплодное ремесло во всѣхъ отношеніяхъ... Оно не въ цѣнѣ у народа... Поклонимся мы одному счастью, и благородное несчастіе не имѣетъ еще кружка своего въ мѣсяцесловіи народа ребяческаго... Пушкинъ по характеру своему, Пушкинъ, какъ блестящій примѣръ превратностей различныхъ, ничтоженъ въ русскомъ народѣ; за выкупъ его никто не дастъ алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворная отрывка... Донъ-Кихотъ новаго рода, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаетъ передъ вѣтреною мельницею, въ которой не только Бога или святого, но и мельника не бывало "...

Такимъ языкомъ нужно было говорить съ Пушкинымъ, чтобы укрощать кипучую его натуру. Это языкъ твердый, прямой, беспощадный, но въ то же время и дружескій, доброжелательный, и онъ могъ сдерживать ярость страстнаго человѣка и доводить до минуты хладнокровнаго разсужденія. На всѣ укоры Вяземскаго Пушкинъ отвѣчалъ нѣсколькими словами, въ которыхъ слышатся и глубокая грусть, и иронія: „ты вбилъ въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя, меня тошнить. Но предлагаемое, да ѣдятъ“. Это было написано 15 сентября, а черезъ недѣлю Пушкинъ писалъ къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ: „Вашъ совѣтъ написать его величеству тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы обо мнѣ думали—благодарю тебя за него на колѣняхъ; но послѣдовать ему не могу. Участъ моего существованія должна рѣшить судьба; я въ это дѣло не хочу вмѣшиваться“.

Изъ этихъ словъ видно, что невольникъ нѣсколько примирился со своей неудачей, конечно не на долго. „Экой ты неуимчивый!“ говорила ему его няня, и точнѣе слова нельзя было подобрать для опредѣленія его характера. Пушкину самому такъ оно понравилось, что онъ передалъ его въ письмѣ князю Вяземскому. Положившись на судьбу, онъ въ то же время старается увѣрить себя, что исходъ его неволи близокъ. Такъ въ стихотвореніи 19-го октября, представляя себѣ пирующихъ въ этотъ день лицейскихъ товарищей и жалуясь на свое одиночество, онъ прибавляетъ:

Пора и мнѣ... Пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните-жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній.
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ подъятыхъ къ небесамъ!

Но поэтъ конечно не предчувствовалъ, какія событія осуществятъ его завѣтную мечту. Умеръ императоръ Александръ Павловичъ. На тронѣ провозглашенъ Константинъ Павловичъ. Пушкинъ въ письмѣ къ Катенину радостно привѣтствовалъ его восшествіе: „бурная его молодость, писалъ онъ, напоминаетъ Генриха V; отъ новаго царствованія я ожидаю много хорошаго“. Взглядъ его на умершаго правителя выразился въ письмѣ къ Жуковскому: „Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра I. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа; слѣдовательно, я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба“.

Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о 14-мъ декабрѣ и его послѣдствіяхъ. Оно поразило Пушкина. Первый его порывъ былъ

самовольно оставить Михайловское и мчаться къ Петербургу: но благоразуміе взяло верхъ. Онъ остался выжидать другихъ новостей. И они были очень неутѣшительны. Много друзей, пріятелей, знакомыхъ, людей даровитѣйшихъ, умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ, сдѣлались жертвами событія. Пушкинъ почувствовалъ себя въ двусмысленномъ положеніи. Онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ и даже не зналъ о немъ, значить, онъ не сознавалъ въ себѣ вины передъ новымъ правительствомъ и могъ просить его о своемъ освобожденіи; но съ другой стороны прошедшее его было далеко не безупречно въ глазахъ государственной власти, которая могла дѣлать заключенія не въ его пользу. Нужно было очистить себя отъ всякихъ подозрѣній. Судя по нѣкоторымъ его письмамъ, можно думать, что они были писаны съ особеннымъ намѣреніемъ: предполагалось, что частныя письма распечатываются на почтѣ и такимъ способомъ пріобрѣтаются нужныя для правительства свѣдѣнія. Пушкинъ думалъ употребить эту почтовую нескромность въ пользу свою и даже своихъ друзей. Такъ въ письмѣ его къ Дельвигу видится совѣмъ не то дружеское перо, какимъ обыкновенно писались его письма: - „Милый баронъ! вы обо мнѣ беспокоитесь и напрасно—я человекъ къ мирный. Но я беспокоюсь, и дай Богъ, чтобъ было понапрасну. Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подѣ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности—но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна“...

Замѣчательно письмо его къ Жуковскому, гдѣ видится прямой, честный человекъ, который не вступаетъ ни въ какія сдѣлки со своей совѣстью: „Мудрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14-го декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всемъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки я отъ жандарма еще не ушелъ: легко можетъ, уличать меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно. Теперь положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу: съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы), но вамъ рѣшительно говорю: не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc... Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: В. В. если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться“.

Въ то же время Пушкинъ писалъ Дельвигу: „просить мнѣ какъ-

то совѣстно, особенно нынѣ: образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдовалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ... Какъ бы то ни было, я желалъ бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно, это ни отъ кого, кромѣ его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны“.

Кажется, не нужно никакихъ поясненій, чтобы ясно представить себѣ этотъ могучій характеръ, выработанный несчастіями и гоненіемъ. Имъ онъ завоевалъ себѣ положеніе, и не признавая за собою никакой гражданской вины, не хотѣлъ отступить, склонивши покорную голову; не хотѣлъ просить и милости, а ждалъ должнаго — справедливости. Мы можемъ сказать, что у насъ поэтъ первый выработывалъ въ самомъ себѣ, въ своемъ характерѣ идеаль гражданина, отказавшись отъ чести быть чиновникомъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ вліятельныя лица стали хлопотать въ пользу освобожденія Пушкина. По словамъ Липранди весною 1826 г. онъ слышалъ отъ отца поэта, что уже обѣщано въ скоромъ времени дозволить ему вернуться въ Петербургъ за отцовскимъ поручительствомъ. А братъ его Левъ даже сдѣлалъ нѣкоторое самопожертвованіе въ его пользу. Кто-то просилъ за Пушкина графа Бенкендорфа, лицо, сдѣлавшееся весьма сильнымъ при новомъ правительствѣ. Бенкендорфъ обѣщалъ принять въ немъ участіе, предложивъ въ то же время брату его вступить въ дивизионъ жандармовъ, который въ то время только что формировали и шефомъ котораго былъ назначенъ самъ Бенкендорфъ. Противъ такой службы были какъ отецъ, такъ и сынъ. Но лицо, ходатайствовавшее передъ Бенкендорфомъ за ссыльнаго поэта, напугало ихъ, что отказомъ отъ предлагаемой службы могутъ окончательно повредить Александру Сергѣевичу, такъ какъ графъ можетъ принять такой отказъ за личное оскорбленіе. Этого было достаточно, чтобы побѣдить въ юношѣ, страстно любившемъ брата, нерасположеніе къ жандармской службѣ: онъ поспѣшилъ записаться юнкеромъ въ новый дивизионъ. Самъ старикъ Пушкинъ не сопротивлялся, оцѣнивъ благородный порывъ младшаго сына. Такимъ образомъ всѣ люди, близкіе нашему поэту въ Петербургѣ, дѣлали все, чтобы направить его дѣло къ желанному концу. Въ началѣ лѣта онъ и самъ рѣшился подать о себѣ голосъ. Въ прошеніи на высочайшее имя онъ указалъ на причину своей ссылки, заявилъ о твердомъ намѣреніи болѣе не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку и просилъ позволенія ѣхать въ Москву или въ Петербургъ или въ чужіе края, чтобы возстановить свое разстроенное здоровье. Къ прошенію вмѣстѣ съ медицинскимъ свидѣтельствомъ

отъ псковской врачебной управы, онъ присоединилъ отдѣльное обязательство не принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ. Представивъ всѣ эти бумаги псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адеркасу, Пушкинъ сталъ спокойно ожидать конца дѣла. Болѣе всего плѣняла его мысль о заграничной поѣздкѣ. „Если царь дастъ мнѣ свободу, писалъ онъ князю Вяземскому, то я мѣсяца не останусь... Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровыя корабли, англійскіе журналы или парижскіе театры, то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство“. На просторъ рвалась душа поэта, хотѣлось ей свободно подышать воздухомъ просвѣщенныхъ странъ Европы. Минутами ему казалось, что онъ ненавидитъ свое отечество; но на самомъ дѣлѣ онъ ненавидѣлъ отечественное невѣжество, тотъ нравственный гнетъ, который вытекалъ изъ официальныхъ порядковъ родной земли. Еще въ самые юные годы Пушкинъ соединилъ съ чужими краями такія идеальныя представленія, почвы для которыхъ не находилъ на родинѣ:

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: „въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красою,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?“
Отечество почти я ненавидѣлъ!...

Поэтъ дѣйствительно многое ненавидѣлъ въ отечествѣ; но въ то же время и глубоко любилъ его, только съ этой любовью не соединялось ничто свѣтлое, успокоительное, отрадное, а наоборотъ, что-то грустное, страдательное. Такъ любить мать своего искалѣченного но все же милого ребенка. Не могъ не любить отечества тотъ человѣкъ, который съ такой сердечной горечью писалъ слѣдующія строки:

„Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича¹⁾; предъ madame Stael заставляемъ Милорадовича отличатся въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: мальчикъ, забавляй Гектора (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это

¹⁾ Пушкина, дядю нашего поэта.

чувство "... Вотъ эта-то досада и выдавала патриотизмъ нашего поэта, который не хотѣлъ въ немъ признаться.

Все лѣто 1826 г. у Пушкина прошло въ ожиданіи свободы. Тригорское общество оживилось еще болѣе прїѣздомъ студента-поэта Языкова, съ которымъ Пушкинъ дружески сошелся. Но шумныя бѣсѣды и веселыя пирушки не помѣшали фантазіи поэта создать въ то же время грандіозный образъ пророка, гдѣ у него мысль возвышается до религіознаго настроенія. Ему открылось то высшее служеніе міру, до котораго человѣкъ можетъ дойти путемъ высшаго духовнаго просвѣщенія, путемъ томленія и страданія. Его единственнымъ орудіемъ дѣлается горячее слово, которымъ онъ будетъ жечь сердца, указывая высшія цѣли жизни. Прежній образъ поэта, выработанный Пушкинымъ, какъ общественнаго пѣвца, какъ участника славныхъ подвиговъ, теперь уже потерялъ свое значеніе. Произошло крушеніе; всѣ пловцы погибли; остался только одинъ „таинственный пѣвецъ“, выброшенный на берегъ ¹⁾). Не кому уже пѣть ему, не кого ободрять и одушевлять на подвиги своими пѣснями. И вотъ вмѣсто него возникаетъ одинокій, величественный образъ библейскаго пророка, у котораго уже другое назначеніе. Онъ не идетъ на ряду съ общественными дѣятелями-героями; онъ одиноко выходитъ изъ мрачной пустыни, просвѣтленный, одинъ несетъ въ сердцѣ горе людское и ждетъ высшаго призыва. Въ фантазіи нашего поэта призывъ этотъ совершается: пророкъ съ именемъ „пророка Россіи“ долженъ явиться передъ царемъ, „облекшись позорной ризой и съ вервиемъ на выѣ ²⁾“. Вотъ какая роль предназначалась ему въ предѣлахъ родной земли. Но въ дѣйствительности вышло иначе. Самъ царь протянулъ руку одинокому пророку Россіи. 4 сентября Пушкинъ узналъ о перемѣнѣ своей судьбы. Неволя его повидимому окончилась; а его фантазія расширила предѣлы дѣятельности пророка—моря и земли. Мы не приводимъ здѣсь всѣхъ подробностей освобожденія Пушкина, такъ какъ онѣ довольно извѣстны по рассказамъ другихъ.

В. Стоюнинъ.

¹⁾ См. стихотвореніе Аріонъ (1830):

Насъ было много на челнѣ...

²⁾ По первоначальной редакціи стихотворенія „Пророкъ“. См. въ „Русской Старинѣ“ 1879 г.

«истор. вѣстн.», годъ 1, томъ III.

ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ.

(По поводу книги г. Гастона Буассье).

I.

ИЗНЬ отдаленныхъ вѣковъ и заключившихъ свое существованіе гражданскихъ обществъ, всегда имѣла для образованныхъ и любящихъ углубляться въ судьбы человѣчества людей много привлекательнаго. Чѣмъ таинственнѣе для насъ эта прошедшая жизнь, чѣмъ болѣе загадочнаго представляютъ для насъ ея нѣмые памятники, тѣмъ неудержимѣе наше стремленіе постигнуть то, что хранится подъ развалинами исчезнувшихъ городовъ, какой смыслъ таится въ дошедшихъ до насъ скудныхъ и иногда мало понятныхъ письменахъ, что думали, что чувствовали и какъ жили люди, которые ихъ намъ оставили. Самые ничтожные предметы быденной жизни, которымъ мы въ нашемъ быту обыкновенно не придаемъ значенія, затрогиваютъ въ сильной степени наше любопытство, коль скоро эти предметы дошли къ намъ изъ временъ далекихъ, какъ слѣды жизни минувшихъ поколѣній, не существующихъ болѣе гражданскихъ обществъ, исчезнувшихъ народовъ. Какая-нибудь ничего не стоящая монета, никуда не годный теперь предметъ домашней утвари, осколокъ разбитой вазы, кусокъ надгробной плиты съ остатками нѣсколькихъ буквъ бывшей на ней надписи, заржавѣвшая шпилька, сломанная пряжка—все это насъ интересуетъ, все это мы помѣщаемъ на видныхъ мѣстахъ въ своихъ домашнихъ коллекціяхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ предметовъ, хранимъ въ государственныхъ и общественныхъ музеяхъ, на ряду съ драгоценными произведеніями валянія и живописи. Десять тысячъ людей всякаго званія и образованія ежегодно приходятъ въ эти музеи и съ молчаливымъ вниманіемъ разсматриваютъ вынутую изъ древней могилы серьгу, булавку, ожерелье, найден-

ный въ землѣ мѣдный котелокъ, какое-нибудь орудіе пытки и т. п. Самый необразованный простолюдинъ, самый лѣнливый и невнимательный человекъ наостряетъ уши, когда слышитъ разсказъ о томъ, какъ жили люди въ далекую старину, что они пили и ѣли, какъ одѣвались, чѣмъ занимались, во что вѣрили, чего боялись и чему поклонялись.

Но проникать въ смыслъ сохранившихся памятниковъ древности дано не всякому. Требовалась бездна ума, проницательности и терпѣнія, чтобы заставить заговорить предъ нами египетскіе гіероглифы, ассирійскія клинообразныя надписи, чтобы возстановить, хотя въ общихъ чертахъ, преемственную исторію культуры народовъ, въ отдаленнѣйшія времена смѣнявшихъ, вытѣснявшихъ и истреблявшихъ другъ друга въ передней Азіи, въ этой колыбели европейской гражданственности. Но никакія усилія не помогли до сихъ поръ разгадать, напр., письмена одного изъ самыхъ любопытныхъ народовъ древности, обитавшаго въ Средней Италиі, этрусковъ или тирренцевъ, какъ ихъ называли греки, и даже самое происхожденіе этого народа, исторія котораго такъ тѣсно была связана съ судьбами Рима, до сихъ поръ остается неразгаданнымъ. Ни Ланци, ни Отфридъ Миллеръ, ни Ноэль де Верже, ни Корсенъ, ни Декке, никто не могъ здѣсь завоевать себѣ славы Шампольона и вознаградить себя успѣхами, какіе достались на долю новѣйшихъ египтологовъ, Бругша и Маріэтта, и изслѣдователей ассирійской древности—Раулинсона, Леярда, Георга Смита, Опшперта, Ленормана, Шрадера и другихъ неутомимыхъ дѣятелей на поприщѣ ассириологии. Но даже и при изученіи памятниковъ быта тѣхъ народовъ, знакомство съ которыми намъ облегчено обширною и вполне доступною литературой, встрѣчаются на каждомъ шагу трудности, возникаетъ бездна сомнѣній и открывается масса неизвѣстнаго. Цѣлыя сотни археологовъ работаютъ надъ разъясненіемъ памятниковъ, сохранившихся на классической почвѣ Италиі, а до сихъ поръ неизвѣстна даже въ точности топографія римскаго форума и не опредѣлено, какъ слѣдуетъ, назначеніе сохранившихся въ разрушенномъ видѣ зданій Палатина, гдѣ положено было начало вѣчному городу Ромула и гдѣ утвердили потомъ свое мѣстопробываніе римскіе императоры. Съ этими трудностями, сомнѣніями и недоумѣніями борются люди, посвятившіе всю свою жизнь изученію древности, близко знакомые съ литературой, оставленной намъ классическими писателями, изошрившіе свое соображеніе въ вопросахъ археологіи ежедневнымъ созерцаніемъ и изслѣдованіемъ археологическихъ памятниковъ, живущіе мыслию и воображеніемъ болѣе въ древнемъ мірѣ, чѣмъ среди своихъ современниковъ. Что же сказать о массѣ образованной публики, которая знаетъ древнюю литературу развѣ по главнѣйшимъ именамъ ея представителей и для которой каждый памятникъ древняго быта—мраморная или бронзовая статуя, стѣнная живопись, даже не рѣдко предметы домашней утвари—представляетъ явленіе, требующее объясненія? Какъ она знакомится съ древностью? Что видитъ, смотря

на колоссальныя развалины Адриановой виллы и даже на остатки зданій римскаго форума? Что говорятъ ей эти многочисленныя памятники древняго быта, такъ краснорѣчивые въ глазахъ людей, умѣющихъ съ ними бесѣдовать? А между тѣмъ по этимъ памятникамъ можно прочесть цѣлую исторію жизни народа, его чувства и помыслы, узнать его вѣрованія и міросозерцанія, понять его привычки и наклонности, изучить жизнь общественную и частную, заглянуть въ эту жизнь такъ глубоко, подойти къ ней такъ близко и осязать ее такъ непосредственно, какъ этого намъ не могутъ позволить сами по себѣ ни произведенія поэтовъ, ни разглагольствованія ораторовъ, ни краснорѣчивыя повѣствованія историковъ. Книга г. Гастона Буассье — „Археологическія прогулки“ (*Promenades archéologiques. Rome et Pompei, Paris. 1880*) служитъ тому живымъ доказательствомъ.

Имя г. Гастона Буассье не безызвѣстно русской читающей публикѣ. Много разъ я указывалъ на него въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи римской литературы“, какъ на одно изъ самыхъ видныхъ именъ современной французской учености. Одно изъ его сочиненій, самое обширное, „*La religion Romaine d'Auguste aux Antonins (Paris, 1874)*“, появилось даже въ русскомъ переводѣ. Онъ состоитъ профессоромъ въ Collège de France, въ заведеніи, въ которомъ болѣе трехсотъ лѣтъ находятъ во Франціи убѣжище духъ независимой науки и которое всегда доставляло обширное поприще талантамъ, чуждымъ факультетской рутины и приносящимъ на кафедру широкое и плодотворное знаніе, преподаетъ въ Нормальной школѣ, снабжающей Францію наиболѣе подготовленными учителями, и недавно удостоился выбора въ сонмъ сорока „безсмертныхъ“ Французской академіи, удостоился высшей награды, какаю можетъ вѣнчать труды даровитаго ученаго. Эта высокая почеть въ странѣ, гдѣ предоставленъ такой просторъ борьбѣ личныхъ честолюбій, досталась г. Гастону Буассье не даромъ. Длинный рядъ ученыхъ трудовъ создалъ ему славу умнаго и даровитаго ученаго, а рядъ блестящихъ статей въ „*Revue des deux Mondes*“ сдѣлалъ его имя популярнымъ въ средѣ многочисленной и чуткой къ проявленіямъ всякаго истиннаго дарованія французской публики. Г. Буассье можетъ служить типомъ, солиднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнаго ученаго, типомъ, водвореніе котораго въ нашей странѣ мнѣ представляется особенно плодотворнымъ и потому въ высшей степени желательнымъ. Глубокое, но чуждое узкой спеціальности, знаніе, широта воззрѣній, ясность и твердость сужденій, осторожность въ выводахъ и заключеніяхъ, полное художественнаго смысла и доступное всякому образованному читателю изложеніе—вотъ отличительныя черты этого типа, которымъ отличается французскій ученый отъ нѣмецкаго и который былъ бы въ полной гармоніи съ лучшими сторонами нашего національнаго духа, чуждающагося всего узкаго и исключительнаго, равно какъ всего сухого и непривлекательнаго. Первые ученые труды г. Буассье, „Поэтъ Аттій“ и „Варронъ“,

были составлены въ духѣ факультетской науки и были направлены на доказательство авторомъ своей филологической учености. Они доставили ему извѣстность въ средѣ французскихъ и нѣмецкихъ филологовъ, но были еще далеки отъ того, чтобы создать ему славу въ массѣ образованной публики. Впрочемъ въ сочиненіи о Варронѣ, въ своей докторской диссертациі, г. Буассье достаточно показалъ, что онъ не будетъ представителемъ той сухой и безцвѣтной учености, которая съ особеннымъ наслажденіемъ лишь собираетъ въ свои книги цитаты изъ чужихъ сочиненій, читанныхъ и не читанныхъ, но не понимаетъ, что сущность дѣла въ настоящемъ ученомъ трудѣ все-таки не въ цитатахъ и не въ нагроможденіи на свои страницы чужихъ мыслей и доказательствъ, а въ усиліяхъ освѣтить свою собственную мысль и знаніемъ темную сторону вопроса, въ болѣе широкомъ и правильномъ изслѣдованіи того, что не поддавалось ясному рѣшенію у нашихъ предшественниковъ, наконецъ, въ возбужденіи въ другихъ интереса къ самому предмету изслѣдованія. Стоя на уровнѣ современнаго состоянія науки, г. Буассье внесъ въ свое изученіе знаменитаго римскаго полигистора много новыхъ комбинацій на основаніи близкаго знакомства съ исторіей и литературой римлянъ и посредствомъ умнаго и яснаго изложенія предмета сдѣлалъ изъ сухой и скучной во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ о Варронѣ темы интересную и для послѣдующихъ изслѣдователей вполне необходимую книгу. Слѣдовавшій за тѣмъ его трудъ подъ заглавіемъ „Цицеронъ и его друзья“ былъ капитальнымъ трудомъ французской ученой литературы въ области классической филологіи и доставилъ своему автору громкую извѣстность и широкое значеніе. Онъ вскорѣ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и вездѣ былъ признанъ за одно изъ важнѣйшихъ изслѣдованій, касающихся послѣдняго времени римской республики. Тутъ авторъ является не только ученымъ, глубоко изучившимъ интереснѣйшую въ исторіи эпоху, но и первокласснымъ писателемъ, обладающимъ зрѣлостью политической мысли, широкимъ пониманіемъ задачи и самымъ отчетливымъ изложеніемъ. Это была книга, которая привлекла къ себѣ вниманіе всей образованной публики и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно указывала, въ чемъ заключается сила французскаго ученаго, занявшаго такое видное мѣсто среди своихъ собратьевъ въ послѣдніе годы имперіи. Г. Гастонъ Буассье сдѣлался однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сотрудниковъ „Revue des deux Mondes“, гдѣ рядъ умныхъ и талантливыхъ статей по римской литературѣ и исторіи живѣйшимъ образомъ свидѣтельствовалъ, какой животрепещущій интересъ могутъ получить историческіе и литературные вопросы, касающіеся древняго міра, подъ перомъ умныхъ и даровитыхъ ученыхъ, болѣе питающихся произведеніями самой древности, чѣмъ схоластическими диссертациями и александрійскими трактатами второстепенныхъ и третъестепенныхъ представителей нѣмецкой учености. Его статьи о „Римской исторіи“ Моммзена, о Сенекаѣ, разные этюды отво-

сительно лицъ и событій перваго вѣка имперіи были въ своемъ родѣ образцовыми и находили массу внимательныхъ читателей. Въ 1872 году, когда я лично познакомился съ г. Гастономъ Буассье, онъ былъ занятъ большимъ трудомъ о римской религіи, который и вышелъ въ 1874 году въ двухъ томахъ подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Два года спустя было издано имъ новое, составленное большею частію изъ ряда этюдовъ, появлявшихся на страницахъ „Revue des deux Mondes“: большое и интересное сочиненіе, подъ заглавіемъ „L'opposition sous les Césars“. Продолжая свои занятія римскою древностію, г. Буассье сталъ въ послѣдніе годы заниматься археологическими вопросами; результатомъ этихъ занятій и явилась книга, подавшая поводъ къ нашей бесѣдѣ съ читателями „Историческаго Вѣстника“. Книга эта составлена также изъ статей „Revue des deux Mondes“, начало которыхъ относится къ концу 1876 года; но, рѣшившись собрать ихъ въ одну книгу, авторъ предпринялъ нарочно новое путешествіе въ Италію, чтобы все, что говорится имъ относительно раскопокъ, производящихся ежедневно въ Римѣ, въ Помпеяхъ и въ другихъ мѣстахъ, свидѣтельствовало о состояніи ихъ въ послѣдніе мѣсяцы.

„Археологическія прогулки“ г. Гастона Буассье—превосходная, въ высшей степени интересная книга. Главная часть ея посвящена Риму, а въ Римѣ форуму, Палатину и христіанскимъ катакомбамъ; изъ Рима французскій ученый ведетъ своихъ читателей въ тибуртинскую виллу Адриана, затѣмъ предпринимаетъ съ ними экскурсію въ Остію, въ морской портъ всемірной столицы и, наконецъ, удаляется въ Помпеи. Мѣста, которыя посѣщаетъ авторъ „Археологическихъ прогулокъ“ многимъ изъ насъ хорошо знакомы. Кто изъ путешествовавшихъ по Италіи не видалъ развалинъ римскаго форума? кто не поднимался на Палатинъ посмотрѣть на жилища римскихъ кесарей? кто, проживая зиму въ Неаполѣ, не ѣздилъ нѣсколько разъ погулять по узкимъ улицамъ воскресшихъ изъ подъ пепла Везувія, съ своими домами, стѣнною живописью, всею домашнею утварью, Помпей? Но въ томъ-то и дѣло, что тамъ, гдѣ многіе изъ насъ видѣли только развалины, читая книгу г. Буассье, мы видимъ уже цѣльныя зданія, въ пустыхъ домахъ мы видимъ полную обстановку, видимъ, какъ хозяева принимаютъ гостей, какъ жильцы дома сидятъ за столомъ, читаютъ книги или слушаютъ, какъ читаютъ другіе, видимъ, гдѣ они спятъ, какъ они встаютъ, выходятъ изъ дома, встрѣчаются съ знакомыми, видимъ, какъ они сидятъ въ цркѣ, принимая живѣйшее участіе въ томъ, что происходитъ на ристалищахъ, освящая возницу одного цвѣта и аплодируя другимъ, присутствуютъ въ амфитеатрѣ при бояхъ гладіаторовъ, убивающихъ другъ друга или вступающихъ въ схватку съ львами, тиграми, леопардами, гіенами и тому подобными свирѣпыми животными. Древній Римъ оживаетъ, и передъ нашими глазами происходятъ шумныя сцены форума. Мы слышимъ ораторовъ, голосъ которыхъ громко раздается по всей площади съ высоты трибуны, укра-

шенной корабельными носами и видимъ многочисленную публику, толпящуюся, за немѣнимъ мѣста на площади, на ступеняхъ храмовъ, на capitoлийскомъ спускѣ или на крышахъ сосѣднихъ зданій. Мы отправляемся въ Остію, и передъ нами уже не развалины, а роскошный и богатый городъ, въ гавани котораго не достаетъ мѣста для множества судовъ изъ Греціи, Малой Азіи и Африки; мы видимъ, какъ многочисленная толпа шумно привѣтствуетъ появленіе на горизонтѣ парусовъ, подъ которыми идутъ суда изъ Египта, нагруженные хлѣбомъ, котораго уже давно ждетъ, привыкшее жить на счетъ казны римское населеніе. Помпеи теперь для насъ уже не мертвый городъ, состоящій лишь изъ домовъ и улицъ: по этимъ улицамъ такъ и суетъ народъ, шумный, крикливый, какъ и теперешній народъ Неаполя; передъ нами воскресаютъ магазины, пекарни, лавки съ горячими напитками, постоянныя дворы и гостинницы; вотъ толпа читаетъ афиши, рекомендующія кандидатовъ въ городское управленіе, вотъ школьники выбѣжали изъ училища и чертятъ острымъ грифелемъ на стѣнахъ стихи изъ Виргилія или Овидія, вотъ молодые и праздные люди, ищущіе любовныхъ приключеній; а вотъ идетъ и мѣстный тузъ Гольконій, который не пожалѣлъ денегъ на перестройку обрушившагося театра, котораго почтительно привѣтствуетъ толпа и который постоянно выбирается населеніемъ въ почетныя должности.

Перенестись на время цѣликомъ въ эту далекую отъ насъ жизнь такъ и подстрекаетъ любопытство. Пойдемте же, читатель, и посмотримъ на эти столь краснорѣчивыя теперь развалины ближе. Насъ приглашаетъ пойти съ нимъ чичероне, на котораго можно положиться, г. Буассье, профессоръ въ Collège de France, членъ французской академіи. Онъ правда, съ вами мало знакомъ и писалъ свою книгу не для русской, а для французской публики, у которой не тотъ вкусъ къ древности, какъ у насъ, и болѣе чуткое пониманіе. Но я самъ бывалъ не разъ въ Римѣ и Помпеяхъ; также, какъ и онъ, многое видѣлъ и кое-что изучалъ, хотя и не съ такими средствами. Вѣдь у насъ нѣтъ въ Римѣ, какъ у французовъ, ни академіи художествъ, ни археологической школы. Мы, русскіе, вездѣ предоставлены самимъ себѣ; даже и въ посольство, въ которомъ трудно бываетъ найти человѣка, говорящаго по русски, никогда не заглядываемъ. Мы принуждены всюду сами себя рекомендовать и считаемъ за особенную благодать, если capitoлийскія нѣмцы пускаютъ насъ въ свою библіотеку и грубо не отказываютъ принять насъ въ свою свиту при обзорѣннѣ музеевъ.

II.

Итакъ, до встрѣчи съ г. Гастономъ Буассье послѣдуйте за мной. Вотъ мы приѣхали въ Римъ. Выходимъ изъ вокзала желѣзной дороги и видимъ колоссальныя мрачныя развалины. Это оермы, или пошросту,

бани, построенныя императорами Діоклитіаномъ и Максиміаномъ. Онѣ были такъ обширны, что въ нихъ могли мыться, натираться оливковымъ масломъ и купаться въ бассейнахъ одновременно три тысячи двѣсти человѣкъ. Въ былое время это громадное зданіе было украшено великолѣпными портиками; внутри его были роскошныя залы, широкіе дворы, сады, алеи, шеолы для атлетическихъ упражненій; въ немъ помѣщалась великолѣпная бібліотека, перенесенная Діоклетіаномъ съ форума Траяна, картинная галлерія — словомъ, это было одно изъ замѣчательныхъ зданій, въ которомъ римская публика IV вѣка нашей эры могла проводить день съ удовольствіемъ и съ пользою. Теперь внутри этого зданія устроены между прочимъ двѣ церкви — св. Бернарда и св. Маріи Ангельской (*Santa Maria degli Angeli*). Но намъ некогда разсматривать громаднаго Діоклетіанова сооруженія. Мы садимся въ омнибусъ и спускаемся съ Квиринала къ Марсову полю, на мѣстѣ котораго находится главная часть теперешняго Рима, и направляемся къ площади Минервы. Храма римской богини, построеннаго Помпеемъ, мы тамъ не увидимъ; на его мѣстѣ и изъ его развалинъ сооруженъ храмъ Богородицы. Мы просто хотимъ основать въ знаменитой гостинницѣ Минервы, содержимой обществомъ іезуитовъ, свое мѣстопребываніе въ вѣчномъ городѣ, чтобы быть въблизи Пантеона, и, главное, Капитолія. Мы устали съ дороги, но отказываемся отъ обѣда и отдыха, желая немедленно взглянуть хоть однимъ глазомъ на въблизи насъ находящіяся мѣста, съ именами которыхъ соединены вся слава и величіе великаго Рима. Мы выходимъ изъ гостинницы и черезъ пять минутъ подходимъ къ Капитолію. Грудь наша волнуется, насъ охватываетъ священный трепетъ.

Такъ, съ спертымъ дыханіемъ и усиленно бьющимся сердцемъ, поднимался я 26 августа 1863 года въ первый разъ на священную гору, сѣдалище Юпитера капитолійскаго, которому со временъ Ромула римскіе полководцы посвящали „жирную добычу“, *spolia opima*, и къ ногамъ котораго триумфаторы клали вѣнокъ, въ знакъ торжественной благодарности за могущественное покровительство римскому народу, величавшему своего великаго бога эпитетами *Optimus*, *Maximus*. Ни двѣ колоссальныхъ статуи Діоскуровъ, ни такъ называемыя трофеи Марія, ни даже великолѣпная бронзовая статуя Марка Аврелія на конѣ, украшающая середину площадки, составляющей центральный пунктъ Капитолія, меня не останавливаютъ дольше нѣсколькихъ мгновеній. Передъ святостью мѣста, передъ величіемъ историческихъ о немъ преданій теперешнія украшения его теряютъ значеніе. Нѣтъ желанія идти немедленно и въ капитолійскій музей съ его знаменитымъ Фавномъ краснаго цвѣта и Венерой изъ паросскаго мрамора, копіей Книдской Венеры Праксителя, съ его умирающимъ гладиаторомъ и со множествомъ другихъ неоцѣнимыхъ сокровищъ древняго искусства. Не до единичныхъ предметовъ, когда историческія воспоминанія о судьбѣ великаго народа, съ высоты своей священной горы смотрѣвшаго на

разстилавшуюся у его ногъ вселенную, давятъ голову. Два шага въ лѣво, спускъ на другую сторону и передо мной картина, о которой едва смѣло когда-либо мечтать воображеніе—римскій форумъ, съ его арками, колоннами и развалинами, съ видомъ Колизея прямо передъ глазами и съ дворцами императоровъ вправо на Палатинѣ. Голова моя буквально закружилась и я, опершись на перила, долго стоялъ въ нѣмомъ молчаніи. Когда я, нѣкоторое время спустя, пришелъ въ себя отъ остолбенѣнія, вспомнился Гёте, писавшій изъ Рима друзьямъ: „ну, теперь вы можете думать, что я счастливъ“. Былъ счастливъ и я въ эту минуту. На глаза навернулись слезы.

Вотъ куда мы съ вами пришли, любезный читатель! Передъ нашими глазами памятники величавой исторіи. Ихъ не истребили въ конецъ тысячелѣтія, они будутъ стоять новыя тысячелѣтія, и человѣчество будетъ созерцать ихъ съ тѣмъ же благоговѣніемъ. Посмотримъ же на нихъ ближе, коль скоро судьба привела насъ своими глазами видѣть мѣста, имена которыхъ языкъ нашъ привыкъ произносить съ ранняго дѣтства, мѣста, на которыхъ болѣе тысячи лѣтъ разыгрывалась одна изъ величайшихъ драмъ человѣческой исторіи. Мы будемъ дѣлать нашу прогулку не одни; съ нами на всякій случай руководитель, на котораго я указалъ вамъ въ самомъ началѣ.

Грандіозныя развалины, представляющіяся нашимъ глазамъ съ Капитолійскаго спуска, эти восемь гранитныхъ колоннъ храма Сатурна, три мраморныхъ колонны портика храма Веспасіана, арка Септімія Севера, три изящныхъ колонны изъ пентелійскаго мрамора, поддерживающія капители храма Діоскуровъ, мраморный полъ Юліевой базилики, остатки мостовой священной улицы, развалины разныхъ храмовъ и другихъ сооружений, какъ у подножія Капитолія, въ равнинѣ, составлявшей пространство римскаго форума, такъ и по ея окружности въ сторону Палатина, Эсквилина и Виминала въ одинъ мигъ переносятъ насъ въ древность; но въ этой древности надобно разобратъся. То, что мы называемъ римскою древностью, обнимаетъ собой періодъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать съ половиною столѣтій и всѣ эти столѣтія оставляли свой слѣдъ въ этихъ мѣстахъ, которыя у насъ теперь передъ глазами и которыя всегда служили центромъ жизни древняго Рима. Было время, когда римскій форумъ, вполнѣдствіи средоточіе политической жизни народа, подчинившаго себѣ вселенную, былъ грязнымъ болотомъ, въ водахъ котораго въ первые дни существованія города утонулъ сабинянинъ Курцій, сражаясь съ римлянами, похитившими женъ и дочерей его племени. Только восточная, возвышенная часть долины, отдѣляющей Палатинъ отъ Капитолія, въ то отдаленное время могла служить надежнымъ мѣстомъ сообщенія. Въ этой-то части будущаго форума, поражающаго величіемъ своихъ памятниковъ, и былъ устроенъ Комицій (comitium), мѣсто первоначальныхъ народныхъ собраній, въ которыхъ сначала принимали участіе только патриціи. На этомъ мѣстѣ была воздвигнута

первая ораторская трибуна, небольшая возвышенная терраса, впоследствии украшенная носами съ кораблей, отбитыхъ у Антиатовъ, и потому называвшаяся просто носами или клювами (Rostra); это была та самая трибуна, съ которой оглашался форумъ до самаго конца республики, съ которой говорили и Катонъ, и Гракхи, и Цицеронъ, пока Юлій Кесарь не воздвигъ новой (Rostra Julia) въ концѣ форума, на которой послѣ Филиппикъ Цицерона и было погребено республиканское краснорѣчіе. Мѣсто этого комиція, гдѣ собирался римскій народъ, гдѣ находилась ораторская трибуна и гдѣ помѣщался также преторскій трибуналъ, если смотрѣть на форумъ съ Капитолія, находилось нѣсколько дальше того мѣста, гдѣ впоследствии была воздвигнута, сохранившаяся до сихъ поръ, триумфальная арка Септимія Севера. Выше ростръ, т. е. старой трибуны, къ сторонѣ древней церкви св. Адріана, третьимъ царемъ Рима, Тулломъ Гостилиемъ, была построена Курія, гдѣ собирался сенатъ. Это древнѣйшее общественное зданіе города Ромула, находилось, какъ теперь полагаютъ, именно на томъ мѣстѣ гдѣ стоитъ эта церковь, построенная въ V вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисления. Выше комиція ближе въ сторону Капитолія, въ раннее время республики было устроено мѣсто для иностранныхъ, именно греческихъ пословъ и называвшееся потому Грекостояніе, Graecostasis. Противоположная комицію югозападная часть форума, гдѣ теперь остатки Юліевой базилики, колонны храма Кастора и Поллукса, колонна Фоки, часть въ началѣ грязная и болотистая, была осушена еще въ царскій періодъ, послѣ того какъ Тарквиній Древній посредствомъ подземной трубы, знаменитой большой клоаки (cloaca maxima), уцѣлѣвшей частью до нашего времени, спустилъ въ Тибръ воду болотистой низменности. Черезъ это площадь для собраній народа расширилась, открылось достаточно мѣста для присутствованія при отправленіи общественныхъ дѣлъ мелкому римскому населенію, плебеямъ, получившимъ со времени Сервія Туллія права политическія въ мѣру имущества каждаго. Въ этой низменной части скоро возникъ гостинный дворъ. Были построены лавки, носившія въ послѣдующее время названіе старыхъ лавокъ (Tabernae veteres), когда были построены на противоположной сторонѣ, тамъ, гдѣ пролегалла священная улица, новыя лавки. Такимъ образомъ мѣстность, занимаемая теперь развалинами форума была въ древнѣйшее время не только средоточіемъ политической жизни города, но и центромъ торговли, которая никогда и впоследствии не оставляла вполне прежняго своего мѣстопробыванія, а лишь только удалилась нѣсколько въ его окрестности. Будучи главнымъ мѣстомъ политической жизни, центромъ торговли и мѣстомъ суда, притягивая къ себѣ постоянно съ утра до ночи народное движеніе, форумъ не имѣлъ удобнаго помѣщенія, гдѣ бы толпящійся народъ могъ при нуждѣ укрыться отъ дождя, отъ солнечнаго жара, гдѣ бы публика могла свободно вести рѣчь о дѣлахъ и проводить время въ ожиданіи, когда начнется то или другое инте-

ресное дѣло въ судѣ или выступить на старую трибуну ораторъ, защищающій новый законъ или старающійся представить гражданамъ вредныя отъ него послѣдствія, гдѣ могъ бы съ удобствомъ происходить судъ по дѣламъ гражданскимъ, гдѣ, наконецъ, могли бы совершаться, какъ теперь на биржѣ, торговыя операціи. Такое помѣщеніе было устроено Катонѣмъ Старшимъ, который первый воздвигнулъ въ сѣверовосточномъ углу форума базилику, извѣстную подъ именемъ Порціевой (родовое имя Катонѣвъ) и помѣщавшуюся тамъ, гдѣ теперь находится древняя церковь св. Мартина. Этимъ была положена мода на устройство этого рода роскошныхъ и дорого стоящихъ архитектурныхъ сооружений. По лѣвую сторону форума, если смотрѣть на него съ Капитолія, за комиціемъ и старыми рострами появилась вскорѣ новая базилика Эмилиева, а по другую сторону къ Палатину, было начато Юліемъ Кесаремъ и окончено уже Августомъ роскошнѣйшее зданіе—базилика Юліева, мраморный полъ который такъ пріятно выдается среди другихъ развалинъ форума. Зданіе это помѣстилось между храмомъ Діоскуровъ, три колонны котораго составляютъ лучшее украшеніе развалинъ форума и храмомъ Сатурна, рѣзко выдвигающимся теперь своими восемью гранитными колоннами съ іоническими капителями, у подножія Капитолія. Въ этомъ древнемъ храмѣ хранилась, какъ извѣстно, гражданская казна республики, тогда какъ военная помѣщалась, въ построенномъ выше Сатурнова храма, на склонѣ Капитолія, въ знаменитомъ въ римской исторіи храмѣ Согласія, о которомъ намъ теперь свидѣтельствуютъ лишь ничтожныя развалины. Не подалеку отъ храма Діоскуровъ, ближе къ Палатину, стояли здація, отличавшіяся между другими своей глубокой древностью и особенно священнымъ значеніемъ: это храмъ Весты съ монастыремъ для Весталокъ и дворецъ главнаго Понтифика, называвшійся Regia (подразумѣвается domus). Полагаютъ, что теперешняя церковь св. Маріи Освободительницы (Santa Maria Liberatrice) стоитъ именно на мѣстѣ храма Весты, рядомъ съ которымъ стояла и Regia.

Видъ форума, загроможденнаго теперь развалинами, но еще далеко не вполне раскопаннаго, значительно измѣнился со времени имперіи. Прежде всего возникъ въ концѣ его, противоположномъ Капитолію, храмъ Юлію Кесарю, освященный Августомъ, подлѣ мѣста, гдѣ устроена была диктаторомъ новая ораторская трибуна Rostra Julia. На западѣ, вблизи храма Сатурна, при поворотѣ священной улицы въ капитолійскому спуску (Clivus Capitolinus), была воздвигнута триумфальная арка Тиберію, неподалеку отъ нее новая трибуна, носившая названіе Капитолійской (Rostra Capitolina), полукруглое основаніе которой видно до сего времени; рядомъ съ ней стоялъ позолоченный верстовой столбъ, milliarium aureum, отъ котораго начинался счетъ миль по всѣмъ главнымъ путямъ, ведущимъ изъ Рима; далѣе при выходѣ на Капитолій главной вѣтви священной улицы, стояла арка Септимія Севера, сохранившаяся до сего времени. На самомъ

форумъ, украшеніемъ котораго въ прежнее время была колонна съ корабельными носами, *Columna rostrata*, воздвигнутая въ честь знаменитой морской побѣды Дуилліа надъ карфагенянами, равно какъ и болѣе древнія колонны, какъ *Pila Horatia*, столбъ, на который были возложены отнятыя у врага доспѣхи извѣстнымъ побѣдителемъ Куриціевъ, колонна побѣдителя латинянъ Г. Менія, пилястровая статуя сатира Марсіи подлѣ судебной эстрады, триумфальная арка Фабія, побѣдителя аллоброговъ, на самомъ форумъ, говоримъ мы, появилась съ первыхъ временъ имперіи колонна, воздвигнутая Юлію Кесарю предъ его храмомъ, колоссальная конная статуя Домиціана, съ такимъ раболѣпнымъ чувствомъ описанная Стаціемъ и даже сохранившаяся до нашихъ дней колонна въ честь императора Фоки, воздвигнутая эзархомъ Италіи Смарагдомъ въ 608 году христіанскаго лѣтосчисленія. Далѣе, къ сторонѣ Колизея, форумъ стали окружать новые храмы, какъ храмъ Рима и Венеры, построенный Адрианомъ, храмъ Антонина и Фаустины, обращенный потомъ въ существующую нынѣ церковь св. Лаврентія *in Miranda*, храмъ Ромула, сына Максентія, составляющій нынѣ церковь св. Козьмы и Даміана. За ними виднѣлась базилика Константина, о громадности которой свидѣтельствуя до сихъ поръ колоссальныя развалины. Противъ нея у Палатина возвышалась и теперь возвышается триумфальная арка Тита, а тамъ дальше, при поворотѣ въ улицу, отдѣляющую Палатинскую гору отъ Целія, арка Константина, прямо же передъ лицомъ зрителя, смотрящаго на форумъ и то, что за нимъ, съ Капитолія, гордо поднимается и замыкаетъ картину колоссальнѣйшее зданіе древняго Рима, Флавіевъ Амфитеатръ, названный Бедой (въ VIII столѣтіи) Колоссеумъ (*Colosseum*), а теперь извѣстный подъ именемъ Колизея. Но мы уже далеко вышли за предѣлы форума.

Можно себѣ представить, какъ великолѣпна, какъ ослѣпительна была эта картина слѣдующихъ одна за другою триумфальныхъ арокъ, храмовъ, базиликъ, колоннъ, колоссальныхъ статуй, слѣдующихъ безъ перерыва отъ Колизея до Капитолія, вѣнчаннаго храмомъ Юпитера Капитолійскаго, со статуями трехъ верховныхъ боговъ—Юпитера, Минервы и Юноны на вершинѣ священнаго зданія царской эпохи. Поднимавшійся по священной улицѣ, бравшей свое начало близъ Колизея, къ Капитолію, гдѣ она оканчивалась, путешественникъ, не видя конца грандіознымъ монументамъ, изъ которыхъ многіе соединены были съ самыми важными и глубокими историческими преданіями, чувствовалъ себя какъ бы въ волшебномъ очаровательномъ мѣстѣ, не имѣвшемъ ничего себѣ подобнаго ни на одной точкѣ земного шара, и ясно понималъ только одно, что онъ находится въ центрѣ столицы міра, превзошедшей всѣ остальные города своимъ монументальнымъ величіемъ. Передъ этимъ величіемъ останавливались въ нѣмомъ изумленіи самые варвары, дѣлавшіе набѣги на столицу имперіи и расхищавшіе накопленные въ ней вѣками богатства. Картина ослѣпительнаго ве-

ликолѣнія форума и его окружности пережила нашествія Вестготовъ и Вандаловъ, передъ ней не останавливались только внутреннія партіи, раздиравшія Римъ въ средніе вѣка и пользовавшіяся храмами и арками, какъ крѣпостями въ борьбѣ съ противниками; и форумъ, подъ управленіемъ папъ, мало дорожившихъ остатками языческой древности, приходя въ постепенный упадокъ, дошелъ, наконецъ до такого плачевнаго состоянія, что потерялъ свое древнее названіе и превратился въ *Campus Vaccino*, въ Коровье Поле: и это его названіе имѣло свое оправданіе вплоть до послѣднихъ лѣтъ правленія Пія IX. Еще въ то время, когда въ 1863 году, я въ первый разъ посѣтилъ развалины форума, на мѣстѣ древняго комиція находился деревянный скотопригонный дворъ, подлѣ котораго мирно лежали на солнцѣ вола, нисколько не подозрѣвая, что это то самое мѣсто, на которомъ во времена оны рѣшались судьбы государствъ и народовъ въ Европѣ, Азій и Африкѣ. Такъ переходитъ слава міра сего.

Преходитъ слава вѣшняго блеска и великолѣпія, но остается слава великихъ историческихъ преданій, о которой краснорѣчиво свидѣтельствуя эти мощныя развалины, эти слабыя остатки давно уже угасшаго величія. Тишина и ничѣмъ не возмущаемое спокойствіе царствуютъ теперь на этой небольшой площади, гдѣ когда-то раздавались шумныя воззванія народныхъ трибуновъ, гдѣ Цицеронъ грохилъ Верреса, Катилину, Клодія и Антонія, гдѣ приговорами сената цари низводились съ своихъ троновъ и независимыя государства обращались въ римскія провинціи, гдѣ пролегалъ путь на Капитолій торжествующему побѣдителю, ѣхавшему на триумфальной колесницѣ, среди привѣтственныхъ криковъ безчисленной толпы народа, гдѣ, наконецъ, происходили кровавыя битвы разъяренныхъ партій, погубившихъ республику.

Великія историческія преданія, вызываемыя созерцаніемъ развалинъ форума, относятся ко временамъ свободной жизни римскаго народа, къ пяти столѣтіямъ создавшей славу и могущество Рима республики. Съ ея паденіемъ центръ политической жизни всемірной столицы перешелъ на Палатинъ, на гору, гдѣ положено было начало вѣчному городу, гдѣ много вѣковъ стояла, сберегаемая какъ святыня, „избушка“ Ромула и гдѣ семьсотъ лѣтъ спустя заблѣстѣли мраморомъ и золотомъ дворцы императоровъ.

III.

Колыбель Рима и мѣстопробываніе власти въ періодъ имперіи, Палатинъ представляетъ собой самую богатую послѣ форума, преданіями мѣстность древняго Рима и усѣяна историческими памятниками. Дѣятельно веденныя въ послѣднія двадцать лѣтъ, подъ руководствомъ знаменитаго архитектора, Петра Розы, раскопки привели

къ открытіямъ необыкновенной важности въ области римской археологии. Передъ нами не только воскресла въ своихъ роскошныхъ памятникахъ и въ живыхъ воспоминаніяхъ эпоха императорскаго Рима, но и появились на свѣтъ монументальные остатки той древнѣйшей эпохи вѣчнаго города, которую со временъ Нибура стали-было считать почти совсѣмъ баснословною. Шутка-ль дѣло, передъ нашими глазами выступаютъ теперь развалины древнѣйшей стѣны, которою окруженъ былъ Римъ во времена Ромула или въ періодъ своего основанія, тотъ Римъ, который носилъ потомъ названіе квадратнаго (Roma quadrata)! Даже древнія ворота въ эту священную ограду новостроеннаго города, почти баснословныя porta Mugonia, и тѣ являются теперь нашимъ глазамъ, или по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ находились эти главныя, послѣ подновленныя, ворота города Ромула, сдѣлалось теперь извѣстно любителямъ древности. Выступили на свѣтъ основанія древнѣйшаго въ Римѣ храма Юпитера Остановителя (Jupiter Stator), воздвигнутаго по обѣту Ромуломъ въ честь бога, остановившаго его, бѣжавшее отъ сабинской рати, войско и доставившаго побѣду основателю города на Палагинѣ. Съ большою вѣроятностью опредѣляютъ теперь мѣсто круглой избушки, которая служила дворцомъ Ромулу и первымъ царямъ возникающаго Рима. Мнѣ очень пріятно замѣтить, что, указывая на остатки памятниковъ несомнѣнно царскаго періода, г. Гастонъ Буассье, у котораго описанію Палатина посвящена одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ его книги, предается размышленіямъ объ исторической достовѣрности преданій древнѣйшаго періода Рима, такъ часто подвергавшейся насмѣшкамъ со стороны кабинетныхъ историковъ германскаго происхожденія. Замѣтивъ, что легко у себя въ кабинетѣ считать историческія повѣствованія за миѳы, французскій ученый говоритъ: „Тамъ (въ Римѣ, на мѣстѣ) это прошедшее, которое казалось столь отдаленнымъ, столь сомнительнымъ, становится къ намъ ближе; мы осязаемъ его и видимъ. Оно оставило по себѣ слѣды, столь глубокіе и столь живые, что нѣтъ возможности отказывать ему во всякомъ довѣрїи“. Онъ идетъ дальше и высказываетъ безъ всякаго колебанія, особенно въ виду письменъ, сохранившихся на нѣкоторыхъ камняхъ, принадлежащихъ къ постройкамъ несомнѣнно царскаго періода, что Римляне въ эпоху основанія города знали письмо и пользовались имъ даже въ обыкновенныхъ потребностяхъ жизни ¹⁾. Мнѣ пріятно отмѣтить этотъ фактъ потому особенно, что двѣнадцать лѣтъ назадъ, когда я въ своей докторской диссертациі „Римская письменность въ періодъ царей“ доказывалъ и достовѣрность главныхъ фактовъ древ-

¹⁾ Il est donc certain aujourd'hui que les fondateurs de Rome connaissaient et pratiquaient l'écriture, et qu'ils l'employaient aux usages ordinaires de la vie. Elle n'était pas chez eux le privilège de quelques classes, des nobles ou des prêtres: les entrepreneurs des travaux publiques, et peut-être même les ouvriers, s'en servaient (p. 61).

нѣйшей римской исторіи и употребленіе письма въ самую раннюю пору римскаго государства, такъ не думали или покрайней боялись думать, не думалъ даже и самъ г. Буассье, которому я въ 1872 году доставилъ свою книгу, появившуюся тогда въ нѣмецкомъ переводѣ. Изъ нѣмецкихъ рецензентовъ выразилъ цѣликомъ свое согласіе съ моими заключеніями одинъ, покойный теперь, старикъ Герлахъ, Базельскій профессоръ; у насъ же, гдѣ люди, именующіе себя филологами, не могутъ шагу сдѣлать безъ нѣмецкой указки, я ничего не встрѣтилъ, кромѣ самыхъ невѣжественныхъ выходокъ. Прошу читателя извинить меня за это невольное отступленіе въ сторону.

Но какъ ни интересны для насъ остатки эпохи Ромула на Палатинѣ, они ничтожны въ сравненіи съ монументальными остатками времени имперіи, какъ ничтожны въ сравненіи съ этими послѣдними развалины построекъ временъ республики. Можно сказать даже, что республиканскихъ преданій, связанныхъ съ сохранившимися памятниками и съ опредѣленными мѣстами Палатина менѣе, чѣмъ сколько ихъ осталось отъ первоначальной эпохи. Кромѣ основанія храма Юпитера Остановителя, остатковъ стѣны квадратнаго Рима, построенной изъ туфовыхъ камней безъ цемента, мѣста, гдѣ были главныя ворота, черезъ которыя входили въ новый городъ со стороны форума и Эсквилина, мы имѣемъ указанія на мѣсто избушки Ромула, далѣе на мѣсто Луперкаля, того священнаго грота, посвященнаго Ликейскому пану, гдѣ по преданію, вскормила близнецовъ, сдѣлавшихся основателями Рима, волчица, бронзовое изображеніе которой съ двумя сосущими младенцами было найдено въ этихъ мѣстахъ и помѣщается теперь въ капитолійскомъ музеѣ; указывается, наконецъ, мѣсто памятника, далеко превышающаго своею древностью время Ромула, гдѣ находился большой жертвенникъ, посвященный, по преданію, аркадскимъ переселенцемъ Эвандромъ Геркулесу. Ничего подобнаго столь важнымъ, привязаннымъ къ мѣсту или къ развалинамъ, преданіямъ не сохранилось отъ временъ республики. Мы знаемъ однако, что на Палатинѣ въ періодъ республики было построено не мало храмовъ и жертвенниковъ, между прочимъ храмъ пенатовъ, храмъ матери боговъ, Кибелы, храмъ Юпитера-Побѣдителя. Извѣстно также, что въ республиканское время Палатинъ былъ мѣстомъ, гдѣ воздвигнуто было не мало домовъ знатными римлянами: тутъ жили Гракхи, Кв. Катулъ, Гортензій, Цицеронъ, Катилина, Клодій, Маркъ Антоній и многіе другіе. Но отъ всѣхъ этихъ храмовъ и палатъ римской знати не осталось какихъ-либо значительныхъ развалинъ. Можно только съ приблизительною точностью опредѣлить мѣсто портика Катула и со-сѣдняго съ нимъ дома Цицерона, разрушеннаго Клодіемъ и возобновленнаго на общественный счетъ по возвращеніи изъ ссылки знаменитаго оратора. Всѣ эти роскошныя жилища римскихъ магнатовъ должны были уступить мѣсто все болѣе и болѣе расширявшимся постройкамъ кесарей. Такимъ образомъ Палатинъ республики долженъ

былъ ступать передъ Палатиномъ имперіи, который и привлекаетъ теперь вниманіе археологовъ и поражаетъ своими колоссальными развалинами воображеніе туристовъ.

Итакъ мы теперь на Палатинѣ. Взошли мы туда со священной улицы близъ триумфальной арки Тита, поднялись по лѣстницѣ и затѣмъ по древней мостовой, составившей тотъ спускъ съ Палатина, который носилъ названіе *Clivus Victoriae*, по имени находившагося тамъ наидревнѣйшаго храма Побѣды. Прежде всего мы приходимъ во дворецъ Калигулы. Вотъ и слѣды моста, переброшеннаго безумнымъ преемникомъ Тиберія изъ своего дворца на Капитолій, чтобы удобнѣе ему было бесѣдовать съ капитолійскимъ Юпитеромъ, съ которымъ онъ помирился послѣ долгой ссоры. Въ свое время дворецъ Калигулы былъ соединенъ также съ храмомъ Діоскуровъ, служившимъ однимъ изъ лучшихъ украшеній форума. Извѣстно, что безумный императоръ питалъ особенную дружбу къ дѣтямъ Леды и Юпитера и нерѣдко, вошедши въ ихъ храмъ, садился между двумя божескими статуями, принимая вмѣстѣ съ ними и самъ поклоненіе отъ молящихся. Огромное зданіе, бывшее мѣстопробываніемъ Калигулы и смотрящее съ одной стороны на форумъ, съ другой на Велабрь¹⁾, куда и обращенъ главный входъ въ него, сохранилось во внутренней своей части въ столь дурномъ видѣ, что нельзя ничего сказать ни объ украшеніяхъ комнатъ, ни даже о ихъ назначеніи; къ тому же оно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имперіи, не разъ подверглось перестройкамъ, такъ что о первоначальномъ расположеніи въ немъ комнатъ судить теперь нѣтъ возможности. Сохранился однако хорошо тотъ подземный корридоръ, такъ называемый криптопортикъ, въ которомъ не знавшій мѣры своимъ причудамъ и жестокости императоръ былъ убитъ военнымъ трибуномъ Кассіемъ Хереей, когда онъ возвращался изъ Палатинскаго театра къ себѣ домой 24-го января 41 года по Р. Х. Этимъ потаеннымъ ходомъ можно и теперь пройти вдоль дворца Калигулы и вдоль дворца Тиберія, къ такъ называемому дому Ливіи, одному изъ самыхъ интересныхъ зданій, сохранившихся на Палатинѣ. Отъ Тиберіева дворца, лежавшаго за Калигулинымъ къ сторонѣ Велабра, сохранилось очень не много, нѣсколько узкихъ комнатъ, которыя не могли служить для потребностей самого императора; но отъ сосѣдняго дома, въ которомъ, какъ полагаютъ, жила его мать по смерти Августа, очень хорошо сохранился весь нижній этажъ съ четырьмя комнатами, вокругъ атриума, изъ которыхъ три украшены превосходною стѣнною живописью. Свѣжесть красокъ и живость изображенія въ этихъ древнихъ фрескахъ поразительны. Знатоки увѣряютъ, что древность не оставила намъ болѣе прелестной, болѣе вѣрной природѣ, живописи. Такова картина

¹⁾ Такъ называлась низменная часть древняго Рима, шедшая отъ Палатина къ Авентину и Тибру.

въ средней залѣ, называемой *tablinum* (то, что у насъ соотвѣтствуетъ частію пріемной залѣ, частію картинной галлерей), представляющая циклопа Полифема, преслѣдующаго нимфу Галатею; такова другая, изображающая *Jo*, освобождаемую Меркуріемъ отъ Аргуса. Есть, далѣе, картины, представляющія сцены домашней жизни съ видомъ Рима, съ домами въ нѣсколько этажей, съ лицами, смотрящими изъ оконъ или выходящими изъ дверей. Послѣ осмотра очень мало говорящихъ развалинъ дворцовъ Калигулы и Тиберія, четверть часа, проведенныхъ въ покояхъ Ливіи, гдѣ такъ ярко выступаетъ на видъ изящество обстановки древняго аристократическаго дома, доставляютъ какъ археологу, такъ и обыкновенному туристу наслажденіе, которое потомъ долго не изглаживается изъ памяти, оставаясь въ ней, какъ одно изъ наиболѣе живыхъ воспоминаній о древностяхъ Палатина.

Повернувши влѣво отъ дома Ливіи, мы тотчасъ же увидимъ передъ собой развалины самаго роскошнаго дворца, какой когда либо возникалъ на высотахъ горы, бывшей колыбелью вѣчнаго города. Это былъ дворецъ Домиціана. Вокругъ громаднаго перистиля, стѣны котораго были обшиты мраморомъ, отражавшимъ находящіяся въ залѣ предметы, идетъ рядъ комнатъ, большихъ и малыхъ, какія требовались по плану дворца, начертанному на самую широкую ногу. Величина этого перистиля, еще не совсѣмъ открытаго къ сторонѣ виллы Мильсъ, равняется болѣе, чѣмъ 3,000 квадратныхъ метровъ. На южной сторонѣ этого перистиля расположенъ триклиній, по нашему—столовая. Эта столовая была не разъ воспѣваема поэтами, которые, какъ Стацій и Марціалъ, отзываются о ней словно о земномъ раѣ. Марціалъ даже увѣряетъ, что онъ скорѣе бы согласился обѣдать во дворцѣ Домиціана, чѣмъ на Олимпѣ съ Юпитеромъ, если бы тому и другому богу, земному и небесному вздумалось пригласить льстиваго поэта къ своему столу одновременно. Въ сѣверной части дворца, составлявшей лицевой фасадъ зданія, къ которому отъ арки Тита вела палатинская улица, середину занимала пріемная зала императора (*tablinum*) превосходившая своимъ великолѣпіемъ все, до тѣхъ поръ видѣнное въ римскихъ жилищахъ. Ни шестнадцати коринѣскихъ колоннъ въ двадцать восемь футовъ вышины, которыя шли вокругъ стѣнъ, обшитыхъ драгоцѣннымъ мраморомъ и которыя еще видѣлъ въ 1726 года Бьянкини, ни двухъ желто-античныхъ колоннъ, окаймлявшихъ входную дверь, ни восьми колоссальныхъ базальтовыхъ статуй, стоявшихъ въ великолѣпныхъ нишахъ—ничего такого теперь въ пріемной залѣ Домиціана нѣтъ. Сохранилось только мѣсто, гдѣ возвышался тронъ императора, стремившагося перенести въ свой дворецъ атрибуты власти восточныхъ монарховъ. По ту и по другую сторону пріемной залы были расположены и сохранились двѣ комнаты, изъ которыхъ находящуюся по правую сторону археологи назвали *Lagarium*, такъ какъ ее считаютъ божницей, въ которой находились и чествовались фамильные боги, а помѣщающаяся по лѣвую сторону пріемной залы была бази-

дикой, въ которой Кесарь отправлялъ правосудіе. Передъ tablinum былъ атриумъ, который не сохранился.

Дворецъ Домиціана, неимовѣрная роскошь котораго воспламеняла воображеніе поэтовъ, оставался во все время имперіи официальнымъ мѣстопробываніемъ римскихъ Кесарей, куда они являлись для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей и для всякаго рода официальныхъ представленій. Такъ какъ въ немъ нѣтъ слѣда комнатъ, необходимыхъ для домашняго быта, то является естественнымъ предположеніе, что жили императоры собственно въ другомъ мѣстѣ, каковымъ, по вѣрному замѣчанію г. Буассье, могъ быть дворецъ Августа или Тиберія. Изъ дворца Тиберія дѣйствительно ведетъ къ дворцу Домиціана подземная галлерей, которая соединяется съ криптопортикомъ, ведущимъ къ дворцу Калигулы и берущимъ свое начало не подалеку отъ древнихъ Палатинскихъ воротъ, porta Mugonia, около храма Юпитера Остановителя. Это обстоятельство какъ будто рѣшаетъ дѣло въ пользу дворца Тиберія, какъ обыкновеннаго жилища императоровъ; но, вѣроятно, и домъ Августа не стоялъ впустѣ и служилъ также мѣстопробываніемъ или самого императора или кого-либо изъ членовъ его фамиліи.

Домъ Августа находился въ юго-западной части горы, обращенной къ Авентину и въ настоящее время составляетъ принадлежность виллы Милльсъ, гдѣ находится и территорія построеннаго Августомъ храма Аполлона. Въ настоящее время развалины дворца перваго римскаго императора не представляютъ ничего особеннаго. Но въ то время, когда онѣ были открыты въ первый разъ въ 1775 году аббатомъ Ранкуррейлемъ, собственникомъ этой мѣстности, это былъ домъ въ два этажа, изъ которыхъ нижній сохранился почти въ цѣлости. Убранство комнатъ въ этомъ послѣднемъ сохранилось въ значительной степени и давало достаточную идею о вкусѣ ихъ древнихъ обитателей. Стѣны были обшиты мраморомъ, полы были драгоцѣнной мозаики, потолки были расписаны превосходными фресками, въ нишахъ стояли статуи, еще не тронутыя варварскою рукою и временемъ. Все это убранство исчезло, зданіе раззорено, драгоцѣнные предметы со включеніемъ обломковъ колоннъ были проданы жаднымъ до денегъ хозяиномъ аббатомъ. О состояніи, въ какомъ находилось зданіе столѣтъ тому назадъ, при его открытіи, говорятъ только рисунки Пирани, который тайно пробрался ночью въ садъ Ранкуррейла, скрывшаго свою находку отъ любопытства посѣтителей, и архитектора Барбери, который производилъ раскопки по порученію хозяина этой мѣстности.

Имѣя передъ глазами планъ Барбери, г. Гастонъ Буассье описываетъ дворецъ Августа такимъ образомъ. „Онъ былъ похожъ въ своемъ общемъ расположеніи на всѣ римскіе дома. Въ немъ находился внутренний дворъ или перистиль, окруженный колоннами, на который открывались разные дворцовые апартаменты. Эти апартаменты со-

стояли изъ ряда круглыхъ, квадратныхъ, и прямоугольныхъ комнатъ, которыя очень точно соотвѣтствуютъ между собою и въ которыхъ архитекторъ, повидимому, старался соединить разнообразіе съ симметріей. Тамъ нашли даже двѣ восьмиугольныхъ залы съ столь причудливыми формами, что онѣ напомнили видѣвшимъ ихъ странныя сооруженія Борронини. Сначала породило нѣкоторое недоразумѣніе то обстоятельство, что хотя эти залы или эти комнаты многочисленны, онѣ вообще очень тѣсны, и что ни одна изъ нихъ не представляется достаточно просторною, чтобы служить для официальныхъ пріемовъ; но Августъ, какъ извѣстно, старался показывать, что онъ живетъ у себя дома, какъ обыкновенный гражданинъ: онъ усиливался слыть за человѣка правильнаго образа жизни, экономнаго и умѣреннаго въ своихъ вкусахъ; онъ спалъ на низкой и твердой постели, носилъ только платье, сотканное его женою или дочерью, никогда не позволялъ готовить къ своему столу болѣе трехъ блюдъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сильно заботится сказать намъ, что онъ постился иногда по утрамъ „съ большей щепетильностью, чѣмъ жидъ, справляющій шабашъ“. Въ этой простотѣ, выставляющей себя на показъ такъ охотно, есть однако нѣсколько лицемѣрія. Хотя Августъ и старался принимать скромный видъ, домъ его, какъ мы только-что видѣли, былъ внутри роскошенъ.

Этотъ скромный снаружи, но роскошный внутри домъ и положилъ собой начало страсти къ постройкамъ на Палатинѣ, которая вскружила голову ближайшимъ преемникамъ Августа и заставляла ихъ бросаться на самыя безумныя предпріятія. Купивши себѣ на Палатинѣ домъ Гортензія, Августъ скоро перестроилъ его и придалъ ему размѣры, болѣе соотвѣтствующія своему положенію, чѣмъ скромное жилище извѣстнаго республиканскаго оратора. Перестроенный и роскошно отдѣланный домъ, находясь среди домовъ обыкновенныхъ гражданъ, показался ему все таки не отвѣчающимъ своему назначенію: онъ даетъ приказаніе скупить сосѣдніе дома и срыть ихъ. Но, не желая возбудить этимъ подозрѣніе въ чрезчуръ честолюбивыхъ замыслахъ, онъ воздвигаетъ на расчищенномъ отъ срытыхъ домовъ мѣстѣ храмъ Аполлону и строитъ двѣ бібліотеки, греческую и латинскую. Эти новыя зданія затмѣвали своимъ великолѣпіемъ домъ Кесаря. Пожаръ, истребившій купленный у наслѣдниковъ Гортензія домъ, далъ ему поводъ выстроить для себя жилище и больше, и красивѣе прежняго. Овидій, вспоминая на мѣстѣ своей ссылки жилище изгнавшаго его Кесаря, говоритъ о немъ, какъ превосходящемъ всѣ другіе дома на Палатинѣ, и называетъ его „достойнымъ бога“.

Но это „божеское“ жилище, на которое пошло столько мрамору и которое такъ выдавалось на Палатинѣ, гдѣ въ концѣ республики было много домовъ, принадлежавшихъ знаменитымъ и богатымъ гражданамъ, было образцомъ скромности въ сравненіи съ послѣдующими затѣями римскихъ императоровъ. Скоро для частныхъ построекъ уже

не оставалось мѣста на горѣ, избранной своимъ мѣстопребываніемъ Кесарями: дворцы императоровъ и постройки, великолѣпіемъ которыхъ они послѣ Августа старались поражать глаза толпы, заняли всецѣло территорію, гдѣ былъ основанъ первоначальный Римъ, называвшійся квадратнымъ. Первый шагъ къ постройкамъ, выходившимъ изъ предѣловъ нужнаго и разумнаго, былъ сдѣланъ Калигулой, который, построивши себѣ дворецъ въ сѣверо-восточномъ углу Палатина, вздумалъ распространить его предѣлы до форума и превратилъ храмъ Діоскуровъ въ свою переднюю. Для такой причуды, разумѣется, не мало частныхъ домовъ, расположенныхъ по откосу горы, въ направленіи къ форуму, должны были подвергнуться срытію. Не довольствуясь такимъ близкимъ общеніемъ съ дѣтьми Юпитера, храмъ которыхъ онъ сдѣлалъ принадлежностью своего дворца, Калигула построилъ самому себѣ храмъ на Палатинѣ, гдѣ онъ и принималъ жертвы изъ павлиновъ, попугаевъ и другихъ рѣдкихъ птицъ, приносимыя ему какъ настоящему богу. Безумная затѣя построить мостъ, который, вися надъ форумомъ, соединялъ Капитолій съ Палатиномъ, затѣмъ чтобы палатинскому Юпитеру легче было навѣщать, когда вздумается, своего собрата на Капитоліѣ, еще яснѣе давала чувствовать, что для охватившей преемниковъ Августа страсти къ постройкамъ Палатинъ скоро сдѣлается тѣснымъ и что на немъ совсѣмъ уже не останется мѣста ни для кого другого, какъ для владыкъ вселенной. Нерону потребовался уже не дворецъ, а цѣлый городъ для обитанія. Его Золотой дворецъ, построенный имъ послѣ знаменитаго пожара, виновниками котораго были признаны христіане, обнималъ три съ половиной мили въ окружности: внутри занятаго имъ пространства были врыты пруды, находились засѣянные пшеницей поля, помѣщались пастбища, сады, лѣса съ дикими и домашними животными. Начинаясь на Палатинѣ этотъ дворецъ спускался въ долину, раздѣляющую Целій отъ Эсквилина и затѣмъ поднимался по Эсквилину, захватывалъ паркъ Мечената и доходилъ до стѣны Сервія Туллія, простираясь далѣе мѣста знаменитой базилики Santa Maria Maggiore. Желая показать нагляднѣе огромное пространство, занятое названнымъ дворцомъ, Амперъ, въ своемъ „L'Empire Romain à Rome“ замѣчаетъ: „это все равно, какъ если бы въ Парижѣ онъ покрылъ гору св. Женевьевы и былъ бы продолженъ до дома Инвалидовъ. Громадность этого дворца была такъ велика, что, по словамъ Марціала, онъ соприкасался со всѣми пунктами города. При входѣ въ него была поставлена колоссальная статуя самого императора, вышиною въ 120 футовъ. Это та самая статуя, которая, впоследствии поставленная Адрианомъ передъ амфитеатромъ Флавіевъ, дала поражающему до сихъ поръ своими необыкновенными размѣрами зданію названіе Колоссея, въ средніе вѣка превратившагося въ Колизей. Построенный же Веспасіаномъ амфитеатръ, этотъ знаменитый Колизей, приходится какъ разъ, гдѣ находился прудъ Неронова дворца, походившій, по замѣчанію Светонія, на море.

Внутренняя роскошь Золотого дворца превосходила всякое въро-
ятіе. „Все было покрыто—говоритъ тотъ же Светоній—золотомъ, от-
дѣлано драгоценными каменьями и раковинами съ жемчужинами“. Великолѣпныя статуи, столы изъ слоновой кости въ столовой, фонтаны, кропившіе гостей благоуханіями, вся возможная роскошь того времени наполняла громадныя залы, въ которыхъ происходили неслыханныя оргіи разврата и безумія. За то когда всѣ постройки и внутренняя отдѣлка дворца были окончены, Неронъ не только на-
шелъ все въ порядкѣ, но и сказалъ, что „наконецъ-то онъ начи-
наетъ жить по-человѣчески“.

Но жить въ этомъ чудовищномъ домѣ „по человѣчески“ было невозможно. Постройка его и всѣ относившіяся къ нему прямо или косвенно сооруженія стоили несмѣтныхъ суммъ, для обладанія которыми не только нужно было опустошить государственную казну, но и прибѣгать къ казнямъ и конфискаціямъ, какъ это стало входить въ моду въ императорскомъ Римѣ и какъ это до сихъ поръ практикуется у восточныхъ деспотовъ. Неронъ для удовлетворенія своихъ прихотей раззорилъ государство и въ этой страсти къ постройкамъ, по словамъ Светонія, былъ самый большой вредъ его правленія. Въ своемъ необузданномъ воображеніи онъ мечталъ соединить Римъ съ Остіей, такъ чтобы море доходило до Рима. Поддерживать всѣ его сооруженія требовало въ свою очередь также большихъ денегъ, а дѣлать эти расходы было тѣмъ тяжелѣе, что римское населеніе было полно негодованія, какъ противъ такой безумной траты средствъ государства, такъ и противъ возмутительнаго произвола, съ какимъ огромная мѣстность въ самомъ центрѣ многолюднаго города была обращена въ пруды, сады, поля и лѣса и занята постройками для одного человѣка, въ явный ущербъ интересамъ столичнаго населенія. И вотъ мы видимъ, что чудовищно-огромный дворецъ Нерона не много пережилъ низвергнутаго императора. Онъ былъ разрушенъ, часть занятой имъ мѣстности была возвращена городу, а другая была употреблена для общественныхъ построекъ; построенъ былъ въ долинѣ между Целіемъ и Эсквиномъ громадный амфитеатръ, воздвигнута у подножія Палатина на священной улицѣ триумфальная арка Титу, покорителю Іерусалима, были построены бани на Эсквилинѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ золотой дворецъ Нерона представлялъ наиболѣе роскошныя сооруженія, и даже надъ самыми залами Неронова дворца, засыпанными и заколоченными. Это—бани или оермы, называемыя Титовыми, развалины которыхъ обращаютъ на себя вниманіе всякаго, кто поднимается отъ Колизея къ знаменитой Эсквилинской базиликѣ Santa Maria Maggiore. Нѣкоторыя изъ Нероновыхъ залъ, надъ которыми возвышались Титовы сооруженія, расчищены, другія до сихъ поръ еще завалены; сохранился и большой корридоръ, гдѣ еще не совсѣмъ исчезла живопись. Сохранилось кое-что изъ предметовъ, украшавшихъ это роскошное жилище сумасброднаго Кесаря: тутъ

найдена знаменитая группа Лаокоона, которую имѣлъ предъ глазами Виргилій, когда писалъ вторую книгу своей Энеиды и находившаяся посреди бассейна колоссальная порфировая чаша, украшающая теперь круглую залу Ватиканскаго музея. И такъ отъ всей роскоши Неронова дворца осталось не много.

Послѣ уничтоженія Неронова дворца, уничтоженія, совершавшагося съ такою послѣдностью, что остались не вынесенными изъ него нѣкоторые драгоценные предметы древняго искусства, нельзя было думать, что виновники истребленія Нероновой памяти, два первыхъ императора фамилии Флавіевъ, Веспасіанъ и сынъ его Титъ, примутся за постройку для себя новыхъ дворцовъ съ роскошью, какая вошла въ моду при ихъ преемникахъ. Веспасіанъ былъ человѣкъ бережливый и степенныхъ нравовъ. Онъ понималъ необходимость возстановить изъ развалинъ пострадавшія во время междуусобной войны, послѣдовавшей вскорѣ за низверженіемъ Нерона, общественныя зданія, не прочь былъ показать щедрость въ расходахъ на сооруженія, имѣющія въ виду пользу или удовольствіе публики: такимъ образомъ имъ возстановленъ былъ сожженный во время нападенія на Капитолій солдатъ Вителлія древній храмъ Юпитера Капитолійскаго, построилъ онъ храмъ Мира, куда были отданы, между прочимъ, золотыя сосуды, и свѣтильникъ, взятые въ іерусалимскомъ храмѣ, возстановилъ сгорѣвшій театръ Марцелла, поправилъ на свой счетъ водопроводъ Клавдія, воздвигнулъ, наконецъ, на мѣстѣ Неронова пруда между Целиемъ и Эсквилиномъ самое колоссальное зданіе, оставленное намъ древнимъ Римомъ, амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ до ста тысячъ зрителей. Но тратить большія деньги для домашнихъ потребностей было не въ его духѣ. Таковъ же былъ въ этомъ отношеніи и его сынъ и преемникъ Титъ. Ему много стоило хлопотъ и издержекъ поправить и возстановить послѣ пожара, одного изъ самыхъ страшныхъ, какимъ былъ посѣщенъ Римъ когда-либо, разрушенныя храмы и общественныя зданія, для украшенія которыхъ онъ даже пожертвовалъ не мало предметовъ роскоши изъ своего дома; ему нужно было докончить уничтоженіе Неронова обиталища и соорудить надъ лучшей частью его полезное общественное заведеніе; къ тому же, онъ былъ императоромъ не болѣе двухъ лѣтъ. Палатинъ такимъ образомъ не былъ обязанъ ни Веспасіану, ни Титу, никакимъ новымъ дворцомъ, который бы затмилъ великолѣпіе роскошныхъ обиталищъ предшествовавшихъ императоровъ. Вкусъ къ роскошнымъ постройкамъ для мѣсто-пребыванія Кесаря воскресъ при второмъ Веспасіановомъ сынѣ, Домиціанѣ. Этотъ преступный, высокомерный и жестокий императоръ, „господинъ и богъ“, какъ онъ велѣлъ называть себя своимъ прокураторамъ и какъ потомъ изъ страха, по замѣчанію Светонія, его всѣ именовали въ письмѣ и въ разговорѣ, не могъ представлять свое величество народу въ какомъ-нибудь обыкновенномъ домѣ, хотя бы это былъ дворецъ Августа или Тиберія. Ему, конная статуя котораго, поставленная на фо-

румъ, поднималась выше самыхъ высокихъ храмовъ, ее окружавшихъ, ему нужно было жилище, роскошь котораго приводила бы смертныхъ въ священный трепетъ, дворецъ, среди котораго онъ лѣстивымъ поэтами и царедворцамъ казался бы Юпитеромъ. Дворецъ этотъ, величіемъ котораго по словамъ Марціала, были поражены боги, мы видѣли выше.

Но постройка императорскихъ дворцовъ на Палатинѣ не заключалась дворцомъ Домиціана, роскошь котораго не оставляла желать ничего большаго. Спустя столѣтіе по смерти тиранна, которая была встрѣчена крикомъ радости отъ одного конца Средиземнаго моря до другого, императору Септимию Северу, родомъ африканцу, пришла фантазія построить въ юго-западномъ углу Палатина новый дворецъ. О немъ свидѣлствуютъ во-первыхъ высокія аркады, служившія фундаментомъ зданію, которое не могло быть выстроено безъ нихъ на отлогостяхъ горы, во вторыхъ нѣсколько высокихъ и прочныхъ стѣнъ, и въ третьихъ остатки ложи, съ которой императорская фамилія смотрѣла на ристалища расположеннаго внизу между Палатиномъ и Авентиномъ цирка, на ристалища, сдѣлавшіяся во время имперіи такою страшною потребностью римскаго населенія (*panem et circenses!*) Со стороны Целія возвышался передъ дворцомъ, какъ его украшеніе, *Septizonium* (*septem zonae*, семь поясовъ), существовавшій еще въ цѣлости въ XVI столѣтіи, пока его матеріаломъ папа Сикстъ V не воспользовался для перестройки Ватиканскаго собора. Теперь видно только мѣсто этого портикообразнаго зданія, не тронутаго ни варварами, ни временемъ до эпохи Возрожденія. Императоры дома Септимія Севера были большіе любители построекъ, хотя строительное искусство ихъ времени было уже въ періодѣ упадка. Объ этомъ упадкѣ всего яснѣе говоритъ триумфальная арка Септимія Севера, воздвигнутая имъ у подножія Капитолія. Самая мысль поставить арку въ мѣстѣ, наполненномъ древними памятниками, показываетъ паденіе вкуса, одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ пониженія всей культуры, замѣтнаго одинаково и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ государственномъ управленіи. Ни стиль самаго сооруженія, ни, въ особенности, его скульптурные барельефы не могутъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что представляетъ собой арка Тита, за сто съ небольшимъ лѣтъ предъ тѣмъ воздвигнутая на склонѣ Палатина завоевателемъ Іерусалима. Но постройки императорами этого дома продолжались однако внѣ Палатина, уже загроможденнаго зданіями: самую грандіозною изъ нихъ, поражающую зрителя быть можетъ не менѣе Коллизея, представляютъ Каракалловы бани, лежащія не подалеку отъ древнихъ южныхъ воротъ Рима, *porta Capena*.

Палатинская гора заключаетъ въ себѣ столько остатковъ римской жизни, съ ней связано такъ много историческихъ воспоминаній, что, какъ ни долго мы ее осматриваемъ, все еще остаются развалины и мѣста, нами не осмотрѣнныя. Мы не упомянули о сохранившейся

стадіи, устроенной Домиціаномъ для атлетическихъ упражненій. Она находится между дворцомъ Августа и дворцомъ Септимія Севера. Эта стадія была въ маломъ видѣ тоже самое, что было устроено Домиціаномъ для римской публики на мѣстѣ нынѣшней Piazza Navonna. Вотъ при самомъ входѣ въ Палатинъ отъ Титовой арки рядъ небольшихъ и не одинаковой величины комнатъ развалившагося зданія, которыя служили, какъ думаютъ, для солдатъ преторіанской когорты, охранявшихъ особу императора; вотъ и другія комнаты за дворцомъ Калигулы, сохранившія нерѣдко штукатурку по стѣнамъ и мозаику на полу, гдѣ обитала, какъ слѣдуетъ полагать, дворня императора, его рабы и вольноотпущенники; вотъ наконецъ къ сторонѣ цирка и цѣлый домъ съ атриумомъ и комнатами съ разными надписями, сдѣланными острымъ грифелемъ, гдѣ жили солдаты и гдѣ также воспитывались молодые рабы для предстоящихъ имъ въ императорскомъ дворцѣ обязанностей. Это былъ своего рода институтъ пажей, носившій у древнихъ названіе *paedagogium*. Названіе это находится въ одной изъ сохранившихся на стѣнѣ надписей: *Corinthus exit de paedagogio* (Коринѣъ выходитъ изъ педагогіи). Тутъ есть и карикатуры. Одна изъ нихъ, находящаяся теперь въ музеѣ іезуита Кирхера, показываетъ, что въ этомъ училищѣ были дѣти и христіанскаго исповѣданія, служившія для другихъ посмѣшищемъ. Нарисованъ осель на крестѣ и человѣкъ, ему поклоняющійся; карриатура поясняется греческой надписью: 'Αλεξάμενος σέβεται (sic!) θεόν (Алексамень поклоняется богу); но Алексамень, надъ которымъ смѣялись товарищи, остался вѣренъ своей религіи, ибо въ одной изъ надписей онъ называется вѣрнымъ (*Alexamenos fidelis*). Неподалеку отъ этого дома, раскрывающаго передъ нами такъ неожиданно одну изъ чертъ жизни близъ кесарскаго дворца, находится небольшой жертвенникъ изъ травертина, поставленный невѣдомому богу съ надписью очень древняго времени, какъ свидѣтельствуется ея языкъ и орѳографія: *sei deo, sei deivae sac. C. Sextius C. f. Calvinus pr. de senati sententia restituit* (посвящается или богу, или богинѣ. Г. Секстій, сынъ Гайя, Кальвинъ, преторъ, возстановилъ по сенатскому опредѣленію). Новая черта изъ религіозной жизни Рима, заслуживающая вниманія.

Форумъ и Палатинъ—два мѣста въ Римѣ, наиболѣе обильныя развалинами древнихъ памятниковъ. Вмѣстѣ съ Капитоліемъ, съ которымъ мѣста эти такъ тѣсно связаны и по топографіи, и по исторіи, они представляютъ наибольшій интересъ для всякаго, желающаго проникнуть въ самое сердце римской гусударственной жизни въ три ея главныхъ эпохи: царскую, республиканскую и императорскую. Но на самомъ Капитоліѣ, имѣвшемъ для Римлянъ священное значеніе и по своей крѣпости, которая спасла городъ Ромула отъ окончательнаго раззоренія Галлами, и по древнему храму Юпитера, на который римскій народъ смотрѣлъ, какъ на свой палладіумъ, почти не сохранилось развалинъ и имѣющіеся на немъ остатки древности заключены по преимуществу

въ его великолѣпномъ музеѣ и затѣмъ общественныхъ зданіяхъ, окаймляющихъ вмѣстѣ съ музеемъ три стороны его небольшой площадки (дворецъ сенаторовъ и дворецъ консерваторовъ). Всѣ остатки древнихъ построекъ на Капитоліѣ заключаются въ фундаментъ для сенаторскаго дворца, гдѣ теперь засѣдаетъ городская дума, принадлежавшемъ въ древности къ зданію государственнаго архива, которое носило названіе *Tabularium*, да въ обломкахъ стѣны древнѣйшей кладки, принадлежавшихъ вѣроятно старой крѣпости Капитолія (*arx Capitolina*). Даже мѣсто Тарпейской скалы до сихъ поръ не опредѣлено съ точностью. Сохранились остатки древнихъ храмовъ и другихъ сооружений у подножія горы, обращеннаго къ форуму, да находящаяся въ сторонѣ отъ форума, къ сѣверу-востоку, древняя римская тюрьма (*carcer Mamertinus*), надъ которою построена небольшая церковь имени св. Иосифа, та самая тюрьма, въ которой были казнены пять сообщниковъ Катилины, гдѣ погибъ Югурта и гдѣ были умерщвляемы важные военнопленные, участвовавшіе въ качествѣ трофеевъ, въ триумфальныхъ процессіяхъ полководцевъ. Остатки древнихъ храмовъ, лежавшихъ у подножія Капитолія, мы уже видѣли при обзорѣніи форума; въ тюрьму же, которая по словамъ римскихъ писателей, была исполнена въ древности невыносимаго смрада и возбуждала ужасъ своимъ видомъ, лучше не заглядывать.

Было бы гораздо интереснѣе сдѣлать прогулку по римскимъ катакомбамъ, гдѣ были погребены миллионы христіанъ, прежде чѣмъ для новой религіи настало время торжества и официальнаго признанія. Но христіанскія катакомбы, куда ведетъ своихъ читателей г. Гастонъ Буассье прямо съ Палатина, предметъ особый и къ развалинамъ древняго Рима не относящійся. Изъ катакомбъ авторъ „Археологическихъ прогулокъ“ отправляется на виллу Адріана, лежащую въ окрестностяхъ Тиволи (по древнему Тибура), одного изъ самыхъ древнихъ городовъ Лаціума, въ сравненіи съ которымъ Римъ представляется такимъ же молодымъ городомъ, какимъ Москва въ сравненіи съ Новгородомъ и Киевомъ. Изъ Адриановой виллы, г. Гастонъ Буассье отправляется, хотя это ему совсѣмъ не по пути, въ Остію, богатый приморскій городъ, имѣвшій для Рима съ первыхъ лѣтъ его существованія такое же значеніе, какое теперь Кронштадтъ имѣетъ для Петербурга въ торговомъ отношеніи. Прогулки въ эти мѣста, были бы крайне интересны, въ особенности въ Остію, гдѣ раскопки, сдѣланныя въ послѣднее десятилѣтіе подъ руководствомъ г. Петра Розы, уже достаточно обнаружившаго свою опытность въ веденіи работъ этого рода на Палатинѣ, дали вполне наглядное понятіе о богатствѣ и громадной торговой дѣятельности приморскаго города, служившаго для Рима гаванью. Но есть пунктъ, которому въ археологическомъ значеніи, послѣ Рима, нѣтъ равнаго по всей Италіи, это—Помпей. Туда мы теперь и отправимся.

В. Модестовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВОПРОСОВЪ ВЪ НАЧАЛЪ XIX ВѢКА.

МЫ ЧТИМЪ память Карамзина, помнимъ его достопамятное изрѣченіе, что „исторія есть достояніе народа“. Но всё ли хорошо понимаютъ значеніе его дѣятельности и еще болѣе значеніе только что приведеннаго нами его изреченія?

Что значать эти великія слова—исторія есть достояніе народа? Слова эти значать, что исторію нельзя отнимать у народа, ибо исторія (разумѣется писанная, а не творимая народомъ) есть развитіе народнаго самосознанія и самопознанія. Мѣшать же развитію народнаго самосознанія—значить ни болѣе, ни менѣе, какъ задерживать ростъ и развитіе народа. Если помѣха индивидуальному развитію человѣка можетъ назваться дѣяніемъ преступнымъ, то какъ же называть помѣху развитію цѣлаго народа?

Между тѣмъ нѣкоторая часть мнимыхъ почитателей Карамзина, подъ видомъ благоговѣнія къ его памяти, готовы были бы задержать развитіе русской исторической науки на двѣнадцати томахъ его исторіи, какъ будто не понимая закона всеобщаго, вѣчнаго движенія, который управляетъ міромъ.

Карамзинъ далъ точку опоры для дальнѣйшаго развитія русской исторіи и въ этомъ его великая заслуга; но онъ не могъ думать, что изъ его исторіи захотятъ сдѣлать преграду развитію исторіи, что его мнѣнія и воззрѣнія захотятъ обратить въ изреченія алкорана для пуцаго упроченія умственной неподвижности. Но мѣрѣ развитія народнаго мнѣнія и видоизмѣняются и воззрѣнія на тѣ или другія историческія событія, ибо открываются новыя точки зрѣнія, не говоря уже объ открытіи новыхъ источниковъ. Воззрѣнія Карамзина на древнюю Русь давно потрясены во всѣхъ ихъ основаніяхъ критикою глубокою и ученою. Не вдаваясь въ болѣе отдаленное время, не восходя ко временамъ Каченовскаго, Полеваго, Надеждина, укажемъ лишь, что въ концѣ сороковыхъ годовъ появленіе трудовъ С. М. Соловьева

(его диссертаций) и К. Д. Кавелина, сдвинули съ основанія всѣ възрѣнія Карамзина, что однако не мѣшало С. М. Соловьеву питать глубокое уваженіе къ его памяти.

Но никогда русская исторія не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ настоящее время. Наука русской исторіи не забудеть царствованія императора Александра II.

Безъ знанія новой русской исторіи, съ Петра I до нашихъ дней, развитіе русской исторической науки немислимо, ибо безъ этого знанія будетъ не точно и не ясно пониманіе общаго ея хода. Безъ этого знанія невозможна и вѣрная оцѣнка самыхъ отдаленныхъ событій, на основаніи извѣстной аксіомы, что всѣ событія исторіи имѣютъ тѣсную, непрерывную связь между собою. Поэтому, какъ безъ древней русской исторіи невозможно пониманіе новой русской исторіи, такъ и на оборотъ.

Новую же русскую исторію мы знали только или анекдотически, или по официальнымъ документамъ; подобное же знаніе крайне не полно, чтобы не сказать, что оно равняется нулю.

Только въ наше время сдѣланъ шагъ къ раскрытію передъ русскимъ человѣкомъ его новой исторіи. Шагъ еще весьма слабый, робкій, но все таки шагъ. Появленіе обширнаго труда С. М. Соловьева, захватившаго даже часть царствованія Екатерины II, и изданія Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, состоящаго подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича, составляютъ, можно сказать, событія въ развитіи русской исторической науки.

На ряду со сборниками, изданными Историческимъ Обществомъ, изъ частныхъ изданій источниковъ по новой русской исторіи, по важности заключающихся въ нихъ матеріаловъ, можно смѣло поставить изданіе обширнаго семейнаго архива князей Воронцовыхъ, XV томъ котораго лежитъ передъ нами. Это изданіе ясно показываетъ какія историческія сокровища скрываются въ частныхъ архивахъ фамилій, стоявшихъ близко къ событіямъ XVIII и XIX вѣковъ.

XV томъ „Архива князя Воронцова“ заключаетъ въ себѣ рядъ любопытныхъ матеріаловъ, какъ для исторіи внутреннихъ нашихъ дѣлъ, такъ и для внѣшнихъ отношеній. Особенно обращаютъ на себя вниманіе переписка графа С. Р. Воронцова, бывшаго двадцать лѣтъ, въ томъ числѣ и нѣкоторое время въ началѣ царствованія Александра Перваго, русскимъ посломъ при Сень-Джемскомъ кабинетѣ, съ княземъ Чарторижскимъ, завѣдывавшимъ тогда внѣшними сношеніями Россіи. Переписка эта касается преимущественно внѣшнихъ отношеній, за нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ скажемъ ниже. Въ этой перепискѣ С. Р. Воронцова выказывается основательнымъ знаткомъ страны, въ которой онъ былъ аккредитованъ, ея нравовъ, обычаевъ и государственнаго строя. Онъ отлично понималъ, какъ мало значать въ этой странѣ политической свободы съ крѣпкимъ монархическимъ чувствомъ, личныя симпатіи и увлеченія того или другого министра,

чего въ Петербургѣ дѣльцы того времени, руководившіеся единственнымъ принципомъ— „я такъ хочу“ совсѣмъ не понимали; С. Р. Воронцову не давали покою, требуя, чтобы онъ настаивалъ на очищеніи Мальты. По поводу этого требованія С. Р. Воронцовъ долженъ былъ объяснять то значеніе, какое имѣетъ въ Англіи общественное мнѣніе. Онъ внушительно пишетъ, что даже министерство Аддингтона, который самъ очень боялся войны, не рѣшилось заикнуться объ уступкѣ Мальты, ибо Аддингтонъ зналъ, что вся нація, по внутреннему убѣжденію, рѣшила удержать Мальту.

„Двадцать лѣтъ я въ Англіи, говоритъ С. Р. Воронцовъ, въ продолженіи которыхъ старался изучить страну, правленіе, индивидуальный и національный характеръ жителей, и потому твердо знаю, что сдѣлать означенную уступку—внѣ предѣловъ власти правительства; невозможность сдѣлать эту уступку зависитъ не отъ воли министровъ, или такихъ почтеннѣйшихъ членовъ оппозиціи, какъ графъ Спенсеръ, или лордъ Гренвилъ, но отъ единодушнаго чувства всѣхъ лицъ почтенныхъ и независимыхъ, вліяющихъ на общественное мнѣніе“.

Къ этой любопытной перепискѣ мы еще возвратимся и посвятимъ ей особую статью; но, раставаясь съ нею на сей разъ, не можемъ не сказать, что въ ней С. Р. Воронцовъ выказалъ глубокое знаніе людей. Стоитъ только прочесть характеристику герцога Орлеанскаго, царствовавшаго потомъ во Франціи подъ именемъ Луи-Филиппа. С. Р. Воронцовъ мѣтко очертилъ характеръ пронырливаго принца и предсказалъ тогда же, въ началѣ XIX вѣка, что онъ будетъ царствовать. Характеристика эта сдѣлана за долго не только до появленія „Histoire de dix ans“ Луи Блана, но за долго до самаго царствованія Луи-Филиппа и поражаетъ своею мѣткостью. Если бы кто нибудь сдѣлалъ подобную характеристику въ наше время, то непременно бы сказали, что онъ начитался Луи-Блана и смотритъ на Луи-Филиппа его глазами.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены познакомить читателей, главнымъ образомъ, съ любопытной „Запиской С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи“ напечатанной въ томъ же XV т. „Архива князя Воронцова“.

Вопросъ о внутреннемъ управленіи въ Россіи въ XVIII и въ XIX в. тѣсно связанъ съ исторіей и значеніемъ сената, а потому просимъ извиненія за невольное отступленіе и позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ, напомнить исторію сената отъ Петра Великаго до Александра I.

Петръ Великій оставилъ своимъ наслѣдникамъ учрежденіе, на которое возлагалъ большія надежды. Учрежденіе это сенатъ. Замѣняя сначала царя во время его отсутствія, сенатъ поставленъ былъ потомъ во главѣ коллегій, учрежденныхъ Петромъ, и самъ сохраняя коллегіальное устройство, сдѣлавшись, такъ сказать, высшею коллегіею, коллегіею надъ коллегіями, сенатъ долженъ былъ стать противовѣсомъ

единоличному производству разных сановниковъ, быть охранителемъ и оберегателемъ закона. Проведеніе въ русскую жизнь принципа законности, вотъ великая миссія, которую Петръ возлагалъ на сенатъ. Эта миссія лучше всего показываетъ до какой степени сенатъ былъ прогрессивнымъ учрежденіемъ, отъ чего этому учрежденію впоследствии и не посчастливилось.

Униженіе сената при первыхъ преемникахъ Петра и ближайшія слѣдствія этого униженія ясно выражены въ манифестѣ императрицы Елизаветы Петровны, отъ 12 декабря 1741 года:

„Императрица усмотрѣла нарушеніе государственнаго управленія, какъ оно было при отцѣ ея: проискомъ нѣкоторыхъ вновь изобрѣтенъ верховный тайный совѣтъ, потомъ сочиненъ кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ верховный тайный совѣтъ; только имя перемѣнено, отъ чего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло“. (см. „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева, т. XXI, стр. 174).

Естественно, что „нѣкоторыхъ“ какъ выражается императрица Елизавета Петровна, происками которыхъ униженъ былъ Сенатъ, было гораздо болѣе, чѣмъ могла думать благодушная императрица.

Меншиковъ и Остерманъ, или вѣрнѣе, Остерманъ и комп., потому что Остерманъ былъ хитрѣе всѣхъ верховниковъ, изобрѣли верховный тайный совѣтъ; тотъ же Остерманъ съ Минихомъ и Бирономъ, уничтоживъ верховный тайный совѣтъ, сочинили кабинетъ, скрывъ свой обманъ подъ этой комической перемѣной названія. Ихъ именно и разумѣла императрица Елизавета Петровна подъ словомъ „нѣкоторыхъ“; но что значили эти лица сами по себѣ, какъ ни были они сильны, если бы они не чувствовали, что за спиною ихъ стоитъ еще болѣе страшная сила, чѣмъ они сами. Эта сила—легіоны чиновныхъ незаконниковъ, которые чувствовали, что съ униженіемъ сената современемъ и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ. Только опираясь на эту массу и на невѣжество тогдашняго русскаго общества „нѣкоторые“ могли такъ нагло издѣваться надъ простодушіемъ народа и обманывать его, играя названіями.

Возстановленіе значенія сената и дѣятельность этого учрежденія въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны—составляютъ лучшія страницы въ исторіи ея правленія. Чтобы выяснитъ всю важность дѣятельности сената въ царствованіе Елизаветы Петровны, приведемъ для примѣра одинъ фактъ этой дѣятельности, результаты котораго были чрезвычайно важны: именно уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и заставъ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ, не смотря на личное къ нему довѣріе императрицы, могъ провести эту мѣру только какъ сенаторъ, черезъ сенатъ, ибо Елизавета Петровна не утверждала никакихъ важныхъ мѣръ до разсмотрѣнія ихъ сенатомъ. Провести эту мѣру было не такъ легко, какъ кажется намъ теперь, когда дѣло

давно сдѣлано. Тогда противъ этой мѣры были многіе сильные люди и она встрѣчена была враждебно, какъ видно изъ записокъ князя Шаховскаго, честнаго, но близорукаго человѣка. Князь Шаховскій, игравшій видную роль въ царствованіе Елизаветы Петровны, былъ личнымъ врагомъ П. И. Шувалова, и потому охотно передаетъ общую тогдашнюю молву, что уничтоженіе таможенъ было дѣломъ личнаго корыстолюбія П. И. Шувалова, ибо открывало возможность лучшаго сбыта желѣза съ его заводовъ. Конечно, безкорыстіемъ память П. И. Шувалова почтить нельзя; но еще болѣе нельзя одною корыстію объяснить все, что онъ сдѣлалъ. П. И. Шуваловъ, каковы бы ни были его пороки, отличался большимъ и практическимъ государственнымъ умомъ и потому, если даже уничтоженіе таможенъ и заставъ предложено было имъ и изъ личныхъ корыстныхъ видовъ, то все таки должно сознаться, что корысть его совпала съ выгодами государства и пользою народа; поэтому его предложеніе и прошло черезъ сенатъ.

Уничтоженіе заставъ и таможенъ—весьма крупное историческое событіе, значеніе котораго впервые оцѣнено С. М. Соловьевымъ. Онъ говоритъ, что уничтоженіе внутреннихъ таможенъ закончило объединеніе Россіи, завершило дѣло, начатое Иваномъ Даниловичемъ Калитой. Людямъ не привыкшимъ вдумываться въ значеніе фактовъ и чающихъ найти ихъ объясненіе только въ официальныхъ актахъ, сравненіе С. М. Соловьева можетъ показаться страннымъ, чтобы не сказать болѣе; но такихъ людей просимъ сначала перенестись въ эпоху существованія внутреннихъ таможенъ въ Россіи и вспомнить, что купецъ платилъ пошлины въ каждомъ городѣ, черезъ который шли его товары. Каково же было положеніе крестьянина, который везъ въ городъ свой убогій товаръ?—Купецъ и крестьянинъ вѣзжали съ своими товарами въ города точно въ чужія государства; таможенные сборы такъ тяжело ложились на нихъ, что крестьянинъ часто долженъ былъ отдавать таможеннымъ досмотрщикамъ кушакъ, шапку, рукавицы, чтобы ввести въ городъ свой товаръ; купцу относительно было не легче. Таковъ былъ результатъ внутреннихъ таможенъ, этого остатка раздѣленія Руси на удѣлы. Но зло держалось долго, ибо съ этимъ зломъ соединены были выгоды многихъ и многихъ людей, начиная отъ простаго таможеннаго дозорщика и кончая крупными чиновными лицами въ Петербургѣ, которые умѣли это зло выставить маловажнымъ въ сравненіи съ выгодами, которыя оно давало государству. Поэтому великую честь воздастъ исторія императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, что она, понявъ важность дѣла, поручила его разсмотрѣнію сената; великая честь принадлежитъ и сенату, что онъ рѣшилъ это совсѣмъ нелегкое дѣло, когда вопіющихъ и взывающихъ за старое зло былъ легионъ. Чтобы понять всю важность этого дѣла рѣшеннаго сенатомъ, нужно вспомнить, что во Франціи со временъ Кольбера происходила борьба про-

тивъ внутреннихъ таможенъ и только революція разсѣкла этотъ гордіевъ узелъ, наслѣдіе феодализма, закрѣпленный, какъ и у насъ, користию чиновниковъ на цѣлыя вѣка. Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ не случилось передъ судомъ исторіи до появленія обзора ея царствованія въ обширномъ трудѣ С. М. Соловьева. Съ легкой руки поклонниковъ прусскаго короля Фридриха II, царствованіе Елизаветы Петровны и у насъ изображалось только съ темныхъ его сторонъ, которыхъ, и дѣйствительныхъ, и преувеличенныхъ, было довольно; но лучшія стороны ея царствованія какъ бы не существовали. Елизавета Петровна была не послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе неяснаго повиманія плановъ своего отца, къ памяти котораго она благоговѣла. Такъ она допустила преслѣдованіе синодомъ книгъ, напечатанныхъ при отцѣ ея и большею частію подъ его надзоромъ; по желанію синода подвергла цензурѣ книги, привозимыя тогда изъ заграницы. Пятнадцать или шестнадцать только лѣтъ прошло со смерти Петра Великаго, а между тѣмъ, замѣтимъ мимоходомъ, въ Россіи нашелся уже государственный человѣкъ, который, хотя и безъ умысла, отстаивалъ свободу мысли. Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ ходатайствовалъ, чтобы книги историческія и философскія были освобождены отъ цензуры. Сѣмена добра, брошенныя Петромъ Великимъ на русскую почву, не пропали даромъ и бирюковщина,—эта эпоха крови, грязи и предательства русскихъ интересовъ, не могла заглушить этихъ сѣмянъ, а потому и почва къ добру была воспріимчива.

Возвращаясь къ сенату, позволимъ себѣ сдѣлать еще одну замѣтку о дѣятельности его въ царствованіе Елизаветы Петровны. Извѣстно, что въ ея царствованіе сильно преслѣдовались раскольники; но и тутъ сенатъ смягчалъ эти преслѣдованія, что и приводило его въ столкновеніе съ синодомъ.

О дѣятельности сената въ царствованіе Петра III и Екатерины II весьма мало извѣстно. При Екатеринѣ II вниманіе правительства поглощено было преобразованиемъ провинціальной администраціи; но что касается до развитія въ органахъ правительства чувства законности, то должно сказать, что произволъ нѣкоторыхъ любимцевъ Екатерины значительно мѣшалъ этому развитію.

Характеръ царствованія Павла I извѣстенъ. Безъ сомнѣнія, подобно Петру III, и онъ исполненъ былъ благими намѣреніями; но, къ несчастію, подобно отцу, хотя и выросъ въ Россіи, (преимущество, котораго отецъ его не имѣлъ), онъ также мало зналъ страну, управлять которой ему было суждено.

Павелъ не понималъ разницы своего положенія отъ положенія его отца, не понималъ причины его паденія и предался неосновательному страху за прерогативы верховной власти. Къ этому присоединилась ненависть безразличная и къ хорошему и къ дурному предшествовавшаго царствованія. Все это повело къ тому, что время

Павла I стало символомъ самаго капризнаго произвола. Въ такое царствованіе о той роли, которую сенату назначалъ Петръ Великій не могло быть и рѣчи. Должно однако оговориться, что исторія времени Павла I намъ извѣстна только по иностраннымъ источникамъ, да съ анекдотической стороны. Очень можетъ быть, что когда вскроются государственные архивы и появятся мемуары русскихъ людей, то многое, но не все конечно, въ воззрѣніи на это царствованіе измѣнится.

При Екатеринѣ II сдѣланы были преобразованія въ провинціальной администраціи. Внукъ ея Александръ I, какъ продолжатель дѣлъ Екатерины II, совершилъ преобразованія въ государственномъ управленіи.

Въ манифестѣ, отъ 8 сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ сказано: „Слѣдуя великому духу преобразователя Россіи Петра Перваго, оставившаго намъ слѣды мудрыхъ своихъ намѣреній, по которымъ старались шествовать достойные его преемники“. Къ несчастію, духъ преобразователя Россіи Петра I не вполне былъ понятъ и не вполне усвоенъ исполнителями намѣреній Александра I, что доказывается тѣмъ, что почти въ одно и тоже время сенатъ и возстановлялся въ его значеніи и подкапывалось самое основаніе этого важнѣйшаго учрежденія Петра I. Изъ этого непониманія вышло слѣдствіе совсѣмъ неожиданное: вмѣсто того, чтобы идти по стопамъ великаго преобразователя Россіи, пошли по стопамъ учредителей верховнаго тайнаго совѣта и кабинета.

Намѣренія Александра I прекрасно поняты были Карамзинымъ. „Мы читаемъ, говоритъ онъ, въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона. Оставивъ прежнія формы, но двигая оныя, такъ сказать, постояннымъ духомъ ревности къ общему благу, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы въ будущемъ отступленіе отъ законнаго пути“.

Эти слова Карамзина, характеризуя намѣренія Александра I, въ то же время показываютъ, что Карамзинъ не видѣлъ въ учрежденіи министерствъ и преобразованіи государственнаго совѣта залога къ прогрессивному движенію впередъ и къ исполненію благихъ намѣреній государя.

При сужденіи о внутреннихъ преобразованіяхъ начала нынѣшняго столѣтія, мнѣнія Карамзина разсматриваются слишкомъ одно-сторонне, толкуются черезчуръ буквально; все обыкновенно приписывается ретрограднымъ взглядамъ историографа. И дѣйствительно, такъ должно казаться съ перваго взгляда, если въ дѣло не вдумываться:— Карамзинъ былъ противъ освобожденія крестьянъ, Карамзинъ подсмѣивался надъ толками о конституціи.

Но неужели Карамзинъ дѣйствительно вѣрилъ въ возможность вѣчнаго *statu quo* всего существующаго, неужели, онъ считалъ крѣпостное состояніе крестьянъ вѣчнымъ?

Карамзинъ, при историческомъ гении своемъ, при пронизательномъ государственномъ взглядѣ, въ несчастію, прежде всего былъ придворный т. е. человекъ привыкшій скрывать свой настоящій образъ мыслей въ туманѣ весьма красивыхъ, пѣвучихъ періодовъ своего краснорѣчія. Признать, что Карамзинъ вѣрилъ въ вѣчное *statu quo*, значило бы признать, что вышеприведенныя слова его сказаны были на вѣтеръ; между тѣмъ все показываетъ, что въ этихъ словахъ онъ высказывалъ то, что думалъ, но по своему обычаю, не досказывалъ.

Изъ его вышеприведенныхъ словъ ясно видно, что онъ не считалъ совершенныя тогда государственныя преобразованія залогомъ утверждения въ Россіи дѣйствія закона почему и могъ думать, что освобожденіе крестьянъ не уменьшитъ произволь, а увеличитъ его и что произволь этотъ всею тягостію упадетъ прежде всего на образованныя сословія, да и освобожденнымъ крестьянамъ, которыхъ тогда хотѣли освободить безъ земли, придется плохо. Точно также такой осторожный человекъ какъ Карамзинъ и къ вопросу о конституціи могъ относиться только иронически. Удивительное было время: уже начинали трепетать передъ Аракчеевымъ и ожидали въ тоже время конституціи!

Другой замѣчательный человекъ того времени, одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей первыхъ годовъ царствованія Александра I, Троицкій, въ известной своей запискѣ въ защиту коллегій обстоятельно доказывалъ, что новыя преобразованія, т. е. учрежденіе министерствъ, усилить, но не уменьшать произволь.

Карамзинъ говорилъ краснорѣчиво, но не для всѣхъ ясно; Троицкій заслонилъ разборъ основнаго принципа новыхъ тогда государственныхъ преобразованій, разборомъ частныхъ подробностей, что опять таки мѣшало видѣть дѣло во всей его наготѣ.

Иначе отнесся къ вопросу о началѣ тогдашнихъ преобразованій графъ С. Р. Воронцовъ съ просвѣщенными и либеральными взглядами котораго мы познакомили читателей выше.

С. Р. Воронцовъ въ своей запискѣ о внутреннемъ управленіи въ Россіи, присланной имъ къ его другу, графу В. П. Кочубею, приступаетъ къ вопросу прямо и открыто, разсматривая самый принципъ учрежденія. По этому записка Троицкаго, вдающаяся въ частности, можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ запискѣ С. Р. Воронцова. Взглядъ послѣдняго однако шире и глубже.

Какъ эта записка С. Р. Воронцова, такъ и переписка его съ кн. Чарторижскимъ, и почти все, что онъ писалъ, писано на французскомъ языкѣ. Но этотъ жалкій и несчастный обычай замѣны родного языка чужимъ, нисколько не умаляетъ патріотическаго чувства, которое сказывается въ каждой его строкѣ.

Манифестомъ 8 сентября 1802 года учреждались министерства, сенатъ возстановлялся въ его значеніи, но въ слѣдъ за тѣмъ сенату

былъ нанесенъ сильный ударъ ограниченіемъ его права надзора за администраціей.

„Какимъ образомъ, могло случиться, пишетъ по этому поводу графъ Воронцовъ къ Чарторижскому, что тотъ же указъ, который возстановлялъ сенатъ въ томъ же значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, его славномъ основателѣ, служить теперь источникомъ и причиною униженія, въ какомъ сенатъ не бывалъ со времени императрицы Анны, управлявшей такъ, какъ управляютъ только подъ широтами Марокко или Шираза“?

Въ этомъ же письмѣ къ Чарторижскому онъ предсказываетъ, къ чему приведетъ самага Александра униженіе сената.

„Онъ, говорилъ Воронцовъ, слишкомъ добръ и разуменъ, чтобы желать царствовать деспотически, но, работая съ глазу на глазъ съ невѣждами (въ государственномъ управленіи), онъ, самъ того не подозрѣвая, совершитъ дѣла деспотическія“.

Это письмо С. Р. Воронцова писано отъ 6 апрѣля 1803 года, слѣдовательно еще не минуло и семи мѣсяцевъ со дня учрежденія министерствъ, какъ обнаружилось уже отступленіе отъ первоначальнаго плана ихъ учрежденій и доклады министровъ не поступали въ комитетъ министровъ, а дѣлались съ глазу на глазъ прямо государю, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста письма С. Р. Воронцова:

„Что онъ (братъ Семена Романовича, канцлеръ) будетъ дѣлать въ комитетахъ, куда министры не вносятъ, или рѣдко вносятъ доклады, предпочитая толковать объ нихъ съ глазу на глазъ съ императоромъ, отъ котораго получаютъ прямо утвержденіе, вслѣдствіе чего являются указы, дѣлающіеся извѣстными другимъ министрамъ одновременно съ публикою? Предполагая даже, чего впрочемъ на дѣлѣ нѣтъ, что всѣ министры люди съ большими талантами, знаніями, съ глубокимъ пониманіемъ дѣла, и тогда дѣйствія правительства не будутъ ни въ чемъ согласованы между собою, въ нихъ не будетъ единства (d'ensemble). Всякое дѣло внутренней администраціи болѣе или менѣе зависитъ отъ финансовъ, отъ коммерціи, отъ правосудія, а иногда и отъ внѣшнихъ отношеній. Даже дѣла министерствъ военнаго и морскаго, не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно: всѣ отрасли управленія имѣютъ неразрывную связь между собою. Какимъ же образомъ можно трактовать объ нихъ съ однимъ министромъ, не подвергая предлагаемыя мѣры разсмотрѣнію всѣхъ (министровъ)? Зачѣмъ лишать себя совѣтовъ и знаній многихъ? Почему не выслушать различныхъ мнѣній, дабы имѣть выгоду предпочесть лучшее и выгоду свободнаго выбора мнѣній послѣ строгаго ихъ изслѣдованія т. е. зачѣмъ отказываться имѣть подъ руками лучшей способъ оканчивать дѣла? Такъ какъ въ манифестѣ отъ 8 сентября 1802 года, установившемъ новую администрацію, провозглашалось, что министры будутъ докладывать дѣла въ комитетѣ, въ присутствіи государя, то вся Россія и вѣритъ, что дѣла такъ и дѣлаются“.

Въ этомъ же письмѣ С. Р. Воронцовъ скорбитъ о государѣ и слова его дышатъ полною искренностію:

„Я глубоко и искренно сожалѣю государя, ибо его намѣренія чисты; но, къ несчастію, легкость, съ которой онъ дозволяетъ увлекать себя на работы съ глазу на глазъ, лишаетъ его возможности углубляться въ дѣла и быть вразумленнымъ для него и для Россіи, которую онъ хочетъ сдѣлать цвѣтущею и счастливою, но которую онъ никогда не сдѣлаетъ такою, если администрація пойдетъ тѣмъ же порядкомъ, какимъ идетъ нынѣ“. (Т. XV, Арх. князя Воронцова, стр. 158 и слѣд. до 161 стр.).

Черезъ два года, С. Р. Воронцовъ, въ письмѣ къ Чарторижскому отъ 6 мая 1805 года, выражаетъ ту же скорбь о привычкѣ государя разговаривать о дѣлахъ внѣшней политики съ людьми не свѣдущими.

„Я жалѣю о государѣ, у котораго вошло въ привычку говорить о политическихъ дѣлахъ съ людьми у которыхъ нѣтъ ни нужныхъ знаній, ни того величія духа, изъ котораго исходятъ только совѣты благородные, великодушные, сообразные съ достоинствомъ монарха величайшей имперіи, когда либо существовавшей въ свѣтѣ, и эти люди, не отвѣчая за свои совѣты ни передъ государемъ, ни передъ государствомъ, даютъ совѣты сообразные ихъ неопытности, малодушію, согласно видамъ интригъ партій, или коварства. Ихъ дѣйствія скрыты, они никому не отдають отчета, а общее порицаніе падаетъ на государя“.

Эти отрывки изъ переписки С. Р. Воронцова съ Чарторижскимъ отлично вводятъ читателя и въ сущность содержанія „Записки о внутреннемъ управленіи“; они комментируютъ и дополняютъ ее. Отрывки эти любопытны и потому, что писаны единовременно съ запиской, въ томъ же 1803 году. Можетъ быть есть разница въ мѣсяцахъ или числахъ, ибо записка не помѣчена числомъ и мѣсяцемъ; но это обстоятельство особенной важности не имѣетъ.

В. П. Кочубей, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, къ которому адресована „Записка“, въ воззрѣніяхъ на дѣятельность сената и на администрацію, былъ противоположныхъ мнѣній съ С. Р. Воронцовымъ, какъ это видно изъ словъ послѣдняго:

„Прочитавши ваши два письма' говоритъ онъ Кочубею, я остался въ глубокой увѣренности, что наши принципы объ администраціи, о законномъ и рѣшительно необходимомъ наблюденіи сената надъ министерствами, и особенно наши убѣжденія о неизбѣжныхъ злоупотребленіяхъ министерскаго деспотизма, который вы Богъ знаетъ почему считаете невозможнымъ, принципы наши объ этихъ вещахъ диаметрально противоположны. Кто изъ насъ правъ, кто ошибается, не намъ объ этомъ судить; предоставимъ опыту и времени, и притомъ самому короткому времени, рѣшить этотъ вопросъ“.

Время Аракчеева и Магницкаго лучшій судья надъ принципами Кочубея и Воронцова.

С. Р. Воронцовъ упрекаетъ В. П. Кочубея въ томъ, что онъ въ своемъ проэктѣ объ инструкціи министру внутреннихъ дѣлъ старается разувѣрить государя относительно возможности министерскаго деспотизма, ибо де министры персоны избранныя.

„Великіе визири въ Турціи, Персіи и Марокко тоже персоны избранныя. Нашли же вы, замѣчаетъ С. Р. Воронцовъ, прекрасную гарантію противъ министерскаго произвола!“ „Раздѣляя, продолжаетъ онъ, функцію губернаторской власти на административную и судебную, вы пишете въ вашемъ докладѣ, что относительно администраціи губернаторы должны отдавать отчетъ министру внутреннихъ дѣлъ, по судебному вѣдомству министру юстиціи. Этимъ почеркомъ пера вашей руки уничтоженъ сенатъ, которому нечего дѣлать, нечего контролировать и которому, по неимѣнію свѣдѣній, нѣтъ возможности предупредить монарха о дѣлахъ противозаконныхъ, нѣтъ возможности предупредить о злоупотребленіи власти, которое дозволятъ себѣ ваши избранныя персоны, деспотизмъ которыхъ по вашему химера. Сенатъ дѣлается учрежденіемъ бесполезнымъ, существованіе котораго абсурдъ, содержаніе котораго дорого, и чтобы пощадить финансы государства, нелучше ли это учрежденіе уничтожить?“

„Государю никогда не будетъ извѣстно, какъ управляются его подданные, ибо до него будутъ доходить свѣдѣнія изъ рапортовъ тѣхъ избранныхъ особъ, которыя одновременно становятся судьями и подсудимыми въ собственныхъ дѣлахъ; ему не останется никакого средства знать, хорошо ли имъ избраны эти всегда чистыя и непогрѣшимыя особы“. (Архивъ кн. Воронцова, т. XV, стр. 443 и 444).

Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе этой и послѣдующей замѣтки С. Р. Воронцова, должно вспомнить какъ происходило дѣло, о которомъ онъ говоритъ.

Когда одновременно съ учрежденіемъ министерствъ пошла рѣчь объ опредѣленіи правъ сената, то нѣкоторыя изъ лицъ, удостоенныхъ довѣрія государя, предлагали, чтобы генераль-губернаторы, губернаторы и предводители дворянства, представляли на разрѣшеніе въ сенатъ о всѣхъ предметахъ, выходившихъ изъ круга предоставленной имъ власти и потомъ, чтобы всѣ высочайшіе указы объявлялись министрамъ черезъ сенатъ, и чтобы сенатъ имѣлъ право докладывать государю о могущихъ быть злоупотребленіяхъ министровъ, то на эти предложенія не послѣдовало соизволенія императора Александра I (см. Богдановича, „Ист. Александра I“ т. I, стр. 92 и 93).

Императору Александру I казалось, между прочимъ, что право сената докладывать о злоупотребленіяхъ министровъ уничтожить отвѣтственность послѣднихъ; хотя безъ этого права сената министры становились дѣйствительно *de facto*, если не *de jure*, сановниками безотвѣтственными, ибо государь могъ знать только то, что угодно было министрамъ. С. Р. Воронцовъ вышеприведенное несоизволеніе государя приписываетъ графу Кочубею. Вотъ его слова:

„Ниже и въ томъ же докладѣ вы говорите, что важныя дѣла вносятся будутъ въ комитетъ, или вашему императорскому величеству, послѣ чего у васъ идетъ длинное исчисленіе случаевъ, въ которыхъ министръ представляетъ о томъ вашему императорскому величеству; это перечисленіе и несчастное или предшествовавшей фразы, уничтожаютъ комитетъ, который становится столь же бесполезнымъ, какъ и сенатъ. Все это предложено вопреки смыслу сентябрьскихъ манифестовъ 1802 года и виновникъ всего этого вы, увлекшій императора къ идеямъ совершенно противоположнымъ тому торжественному обѣщанію, которое онъ высказалъ передъ своими подданными и передъ всею Европою“.

Впослѣдствіи Сперанскій думалъ отстранить зло поправками въ инструкціяхъ министровъ, но его поправки существа зла не коснулись. Вообще государственныя способности Сперанскаго весьма сомнительны, что бы не толковали о разныхъ благодѣтельныхъ проэктахъ, хранившихся въ его портфель. Сперанскій видимо, напр., не понималъ значенія сената,— не понималъ, что именно сенатъ и могъ служить дальнѣйшею точкою отправленія для послѣдующихъ реформъ, которыя яко-бы предполагались. Онъ же, между прочимъ, проэктировалъ впослѣдствіи планъ раздѣлить сенатъ на сенатъ административный и сенатъ судебный. Если бы этотъ проэктъ состоялся, то подраздѣленіе можно было бы провести и далѣе и тогда оставалось бы только различныя отдѣленія сената переименовать въ комитеты и отъ творенія Петра Великаго не осталось бы и слѣда. Если бы Сперанскій былъ вполнѣ государственнымъ человѣкомъ, то постарался бы представить государю, что для его видовъ чрезвычайно важно, освободивъ сенатъ отъ судебныхъ обязанностей, предоставивъ ему только судъ по политическимъ преступленіямъ и судъ надъ высшими сановниками государства по дѣламъ нарушенія ими законовъ, придать ему или лучше закрѣпить за нимъ то значеніе, которое видимо намѣревался ему дать Петръ Великій, именно создать изъ него цѣльный органъ верховной власти, блюстителя законовъ, охранителя государственныхъ интересовъ, однимъ словомъ создать *corps d'etat*, именно вѣрѣе и самостоятельное.

Александръ I въ послѣдніе годы своего царствованія постоянно находился въ грустномъ настроеніи духа, изъ котораго не могъ извлечь его и мистицизмъ, столь свойственный людямъ его характера въ его положеніи. Это нисколько не удивительно: вмѣсто того, чтобы все привести въ стройный порядокъ, какъ надѣялся и желалъ государь въ началѣ своего царствованія, онъ находилъ всюду противное своимъ надеждамъ и ожиданіямъ; запущенность дѣлъ повсюду была ужасающая.

Оно и немудрено и легко объясняется, если читатель внимательно еще разъ просмотритъ послѣднюю фразу, приведенную нами изъ записки графа С. Р. Воронцова. Союзы: или, но, если, столь почтен-

ные въ грамматикѣ, въ государственныхъ нашихъ дѣлахъ всегда вносили путаницу и противорѣчіе; такъ и въ инструкціи, писанной В. П. Кочубеемъ, союзъ или предоставлялъ широкій произволъ министрамъ, или комитету министровъ. Хорошо также прилагательное важныя къ слову дѣла, да и какія дѣла—государственныя! Какъ хорошо это опредѣленіе по вопросу, какія дѣла должны идти въ комитетъ министровъ, какія къ государю;—и тутъ выходитъ какія будетъ угодно, потому что, кто и какъ можетъ опредѣлить степень важности государственныхъ дѣлъ?

По поводу отчетовъ министровъ, графъ Воронцовъ удивляется, какая нужда была проводить ихъ черезъ сенатъ, когда они докладывались уже государю; у сената нѣтъ данныхъ, нѣтъ никакой возможности провѣрить отчеты.

„Сенатъ, пишетъ графъ Воронцовъ Кочубею, въ этихъ отчетахъ знаетъ не болѣе, чѣмъ тотъ почталіонъ, который вручить вамъ эту записку, знаетъ ея содержаніе.

„Нужно было обладать, мой другъ, большою храбростію, чтобы уничтожить вмѣшательство сената въ общую администрацію столь обширной имперіи, какъ Россія“—внушительно замѣчаетъ своему другу графъ С. Р. Воронцовъ.

„Этотъ верховный совѣтъ, т. е. сенатъ, продолжаетъ онъ, этотъ высшій законооблуститель во всѣхъ отрасляхъ управленія, былъ основанъ Петромъ Великимъ, этимъ чуднымъ человѣкомъ и величайшимъ монархомъ, когда либо занимавшимъ тронъ. Онъ учредилъ сенатъ, ибо понималъ, что не смотря на свои таланты и свой высокій геній, или именно лучше потому и понималъ, что обладалъ высокимъ талантомъ и великимъ геніемъ, что самъ государь, одинъ, не можетъ управлять такою обширною имперіей, понималъ, что вѣрить имперію десяти или двѣнадцати безконтрольнымъ сановникамъ, значить создать десять или двѣнадцать деспотовъ, которые по свойству человеческой природы будутъ, сознательно или безсознательно, злоупотреблять своею властію и что государь, имѣя дѣло съ этой кучкой индивидуумовъ, будетъ ими обманутъ и никогда не будетъ знать ни ихъ злоупотребленій, ни вреда, который они нанесутъ имперіи. Я всегда ненавидѣлъ министерскій деспотизмъ, который, какъ засуха, можетъ уничтожить весь цвѣтъ благосостоянія въ самой цвѣтущей странѣ, который унижаетъ людей и дѣлаетъ несчастными, какъ подданныхъ, такъ и государей“.

Называя Кочубея виновникомъ созданія министерскаго деспотизма, Воронцовъ упоминаетъ объ оскорбленіи, которое дикій (fougueux) Державинъ нанесъ сенату. Державинъ чуть не обругалъ сенаторовъ идіотами и бунтовщиками и преимущественно оскорбилъ графа Потockаго ¹⁾ за то, что сенатъ предложилъ остановить высочайшій

¹⁾ Не знаемъ, тотъ ли это графъ Потockій, который былъ попечителемъ Харь-

указъ и представить соображенія государю о невозможности привести его въ исполненіе.

Должно сознаться, что геніальный поэтъ въ этомъ дѣлѣ показалъ очень мало государственныхъ способностей, и оправдалъ на себѣ свои же стихи, въ которыхъ говорить, что рожденнымъ подъ жезломъ трудно парить къ облакамъ.

Графъ С. Р. Воронцовъ въ концѣ записки прямо говорить, что Кочубей организовалъ произволъ, которымъ въ былое время пользовались любимцы, притомъ не съ одинаковою наглостію. Потемкинъ и Зубовъ были самыя наглыя деспоты, но графъ Орловъ, Васильчиковъ, Завадовскій, Ермоловъ и другіе, пользовались своимъ фаворомъ умеренно, а послѣдніе трое съ величайшею скромностію...

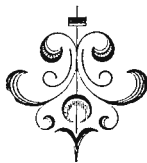
Какой же выводъ можно сдѣлать изъ записки графа С. Р. Воронцова?

Пока выводъ одинъ: отъ одного берега отстали, къ другому не пристали. Представительныя учрежденія, задуманныя Александромъ I, остались въ портфель, а высшее учрежденіе, наблюдавшее за общимъ ходомъ дѣлъ, было почти разрушено.

Привела же къ этому результату печальная привычка о всѣхъ дѣлахъ разговаривать съ глазу на глазъ и тѣмъ, какъ выражается графъ С. Р. Воронцовъ, лишать себя возможности, выслушавъ мнѣніе многихъ, выбрать лучшее изъ нихъ.

Въ заключеніе еще разъ скажемъ, что изданіе архива кн. Воронцова составляетъ положительную заслугу передъ наукой. Такіе матеріалы, какъ „Записка графа С. Р. Воронцова“, вводятъ читателей въ сферу высшихъ государственныхъ учрежденій, а языкъ и тонъ записки показываютъ, что можно говорить свободно, откровенно, никого не оскорбляя. У насъ, судя объ общественныхъ дѣлахъ, рѣдко различаютъ учрежденія отъ людей и людей обвиняютъ въ томъ, въ чемъ виноваты учрежденія.

Евгеній Вѣловъ.

ковскаго университета? Если тотъ, то оскорбленъ былъ человекъ, оказавшій огромныя услуги русскому просвѣщенію въ бытность свою попечителемъ.

ИЗЪ ТАМБОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ ¹⁾

III.

Тамбовское отжившее чиновничество.

ИЗВѢСТНО, какую силу имѣли въ былыя времена всевозможные провинціальныя русскіе чиновники и какъ быстро шли въ гору, въ особенности въ финансовомъ отношеніи, разные подьячіе и протоколисты. Каковъ же былъ личный составъ этого отжившаго и властнаго приказнаго сословія, этихъ великихъ ловцовъ человѣковъ?

Все это были люди большею частію безъ всякаго образованія, а нерѣдко и мало грамотные. Такъ было, напримѣръ, въ Тамбовской губерніи даже въ 1831 году, и объ этомъ между прочимъ свидѣлствуютъ служебныя формулярныя списки того времени.

Приводимъ выдержки изъ этихъ списковъ.

„Судья тамбовскаго совѣстнаго суда надворный совѣтникъ Алексѣй Федоровичъ Федоровъ. Образованіе получилъ въ палатѣ суда и расправы, гдѣ началъ службу копистомъ, имѣя отъ роду 12 лѣтъ“.

„Дворянскій засѣдатель Николай Васильевичъ Федоровъ. Въ школъ не былъ и учился въ петербургскомъ казначействѣ“.

„Дворянскій засѣдатель Павелъ Васильевичъ Степановъ. Нигдѣ не учился, а службу началъ подканцеляристомъ въ Тамбовскомъ губернскомъ правленіи“.

„Уѣздный судья Алексѣй Александровичъ Алексѣевъ. Въ школахъ не учился, а службу началъ нижнимъ чиномъ въ гарнизонномъ баталіонѣ“.

Засѣдатель тамбовской уголовной палаты Андрей Ивановичъ Ивановъ оказался уже болѣе образованнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ поступилъ на службу въ рязанскій верхній судъ канцеляристомъ и

¹⁾ См. № 9 „Историческаго Вѣстника“.

слѣдовательно до своего опредѣленія на должность умѣлъ твердо читать и писать по русски ¹⁾).

Что касается до лицъ болѣе высокаго положенія въ тамбовской администраціи 1831 года, то объ нихъ формулярные отзывы большею частію были въ такомъ родѣ: „Такой то... Образованія домашняго... Окончательное образованіе получилъ въ такомъ то (большею частію гвардейскомъ) полку“...

Нѣкоторые тамбовскіе чиновники прежнихъ временъ ухитрились достигать вліятельныхъ и такъ называемыхъ теплыхъ мѣстъ и въ то же время сохраняли полную невинность и такъ сказать дѣвственность ума. По просту сказать, они были едва грамотны. Именно таковымъ чиновникомъ въ 1837 году оказался старшій засѣдатель тамбовскаго уѣзднаго суда Я. Булатовъ. Вотъ что писалъ о немъ тамбовскому предводителю дворянства Полторацкому, дворянинъ Зайцевъ:

„Сей еле и кое-какъ пишетъ и читаетъ по русски, имѣя горестную и слабую отъ природы способность, что легко повѣрить даже публичнымъ ему экзаменомъ“.

Крайняя умственная не развитость отжившаго тамбовскаго чиновничества съ особенною яркостію выражается въ его канцелярскихъ работахъ, журналахъ, протоколахъ, предписаніяхъ, рапортахъ и подобныхъ литературныхъ опытахъ. Эти опыты прежде всего поражаютъ насъ удивительнымъ многословіемъ. Прежніе канцелярскіе дѣльцы, очевидно, не жалѣли казенной бумаги и изъ пустяковъ исписывали цѣлыя ея кипы. Такъ на примѣръ, въ 1822 году, одна женщина взяла у другой ситцевую юбку на сохраненіе и въ срокъ не возвратила владѣлицѣ, и вотъ объ этомъ казусѣ въ козловскомъ уѣздномъ судѣ пишутся чуть не томи ²⁾)... Такое утомительное многословіе объясняется отчасти литературною неумѣlostію прежнихъ чиновниковъ, а съ другой стороны—ихъ привычкою намѣренно затемнять всякое дѣло... Да и само общество поощряло бесполезное многословіе канцелярскихъ писаекъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія между темниковскими дворянами нашолся одинъ такой субъектъ, который въ теченіи полутора года только въ уѣздный и земскій суды подалъ болѣе 600 кляузныхъ бумагъ ³⁾).

Многія „дѣла“ старыхъ приказныхъ дѣльцовъ, кромѣ многословія и неизбѣжной малограмотности, замѣчательны еще курьезностію изложенія. Слѣдующіе примѣры покажутъ намъ, на сколько искусственны и странны были литературные опыты тамбовскихъ канцелярскихъ авторовъ.

„Протоколъ тамбовской палаты уголовного суда отъ 14 іюля 1820 года. Палата слушавъ дѣло, поступившее на ревизію изъ ли-

¹⁾ Арх. дворянск. собранія № 97.

²⁾ Намъ случалось въ Тамбовскихъ архивахъ видѣть безсодержательныя дѣла листовъ въ 1000 и болѣе.

³⁾ Арх. двор. собр. 1830 г. № 9.

пецкаго уѣзднаго суда, въ зарѣзаніи якобы губернской секретарши Марьи Зеленовой дворовыми людьми находящагося находящагося двороваго челоуѣка Чайковскаго на прокормленіи помѣщицы Вишневской у быка, рыженестраго уѣзднаго казначея Свѣшнікова. По которому дѣлу тотъ судъ мнѣніемъ своимъ полагаетъ "... и т. д.

Смысль этихъ курьезныхъ словъ совершенно внезапно обнаруживается лишь на 3 страницѣ „дѣла“. Оказывается, что рыжепестрый быкъ принадлежалъ уѣздному казначею Свѣшнікову.

Даже заглавія иныхъ дѣлъ отличались большею или меньшею курьезностію. Напримѣръ:

„Дѣло кирсановскаго уѣзднаго суда о появившемся въ тамошнемъ уѣздѣ скотскаго рогатаго падежа“.

„Дѣло объ учинившемся въ селѣ Красивѣѣ рогатомъ скоту падежѣ“.

„Дѣло о крестьянинѣ Сидоровѣ обвиняемомъ якобы въ покушеніи себя къ давленію“.

„Дѣло по прошенію села Трескина священноцерковно-служителей о уничтоженіи діакона (т. е. діаконскаго мѣста)“.

„Дѣло объ однодворцѣ Трофимѣ Мордасовѣ въ уязвленіи еретичествомъ однодворку Парфенову“.

„Дѣло о представленіи шацкаго дворянскаго депутата Тутолмина къ знаку отличія безпорядочной службы“.

„Вѣдомость учиненная находящимся въ губернскомъ домѣ вещамъ, взятыя изъ генераль губернаторскаго дому, а что именно чего не явилось, о томъ значить ниже. Люстровъ 3 и т. д.“

Въ 1835 году одинъ повятчикъ Темниковскаго духовнаго правленія такъ началъ рапортъ преосвященному Арсенію о состояніи раскола въ Спасскомъ уѣздѣ: „Вашему преосвященству всеподданнѣйше доношу, что въ Спасскомъ уѣздѣ находятся слѣдующіе раскольники и т. д.“ А изъ Липецкаго духовнаго правленія на запросъ архіерея о религіозно-нравственномъ состояніи липецкихъ приходоу отвѣчали: „въ вѣдомствѣ сего правленія суевѣрій нигдѣ не имѣется“.

18 іюля 1841 года одинъ изъ вліятельныхъ тамбовскихъ чиновниковъ написалъ на имя губернатора Корнилова слѣдующій рапортъ: „Челоуѣка называющаго себя военнымъ кантонистомъ Емельяновымъ проживающимъ въ селѣ Любовниковѣ съ бритою на половину бороду и голову поданнымъ ко мнѣ оригинальнымъ прошеніемъ о непринадлежности въ крестьянство господину Павлу Протасову при семъ вашему превосходительству представляя имѣю честь и т. д.“

Даже многіе крупныя и знатныя фамиліи тамбовскіе помѣщики, служившіе въ началѣ нынѣшняго столѣтія по выборамъ, до того были не грамотны, что подписывались напримѣръ такъ: „Ксему обяленю патпоручикъ князь Николаі Гогаринъ руку прилажилъ“.

Крайняя литературная неумѣлость тамбовскаго чиновничества была

замѣчена даже высшимъ правительствомъ и еще въ январѣ 1797 года отъ генераль прокурора Куракина было формальное предписаніе тамбовскимъ чиновникомъ, что бы они во всѣ судебныя мѣста изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь лучше изъяснить самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгали бы...

Однако, малограмотное и слѣдовательно чуждое всякихъ высшихъ умственныхъ интересовъ, тамбовское чиновничество въ былыя времена отличалось замѣчательною ловкостью въ преслѣдованіи своекорыстныхъ цѣлей и въ формальномъ судопроизводствѣ ¹⁾. Оно умѣло находить для себя источники наживы тамъ, гдѣ повидимому не было никакого мѣста вмѣшательству начальства; а въ случаѣ появленія такъ называемыхъ интересныхъ дѣлъ, въ особенности криминальнаго характера, для приказнаго міра наступала пора самой обильной жатвы. Даже сравнительно мелкіе приказные чины широко пользовались своею властью и въ концѣ своего служебнаго поприща часто оказывались людьми весьма состоятельными. Тамбовскіе старожилы еще и доселѣ помнятъ бывшаго кирсановскаго засѣдателя Андреянова, который ѣздилъ по селамъ своего уѣзда и, желая попользоваться мірскимъ карманомъ, за неимѣніемъ другихъ ресурсовъ, приказывалъ запечатывать въ деревенскихъ избахъ печи.

Припоминается намъ и другой ловкій дѣлецъ, моршанскій засѣдатель Оедюхинъ, заставлявшій, въ интересахъ статистики, всѣхъ моршанскихъ пчеловодовъ выгонять изъ ульевъ и считать ихъ пчель.

Вотъ передъ нами тамбовскій чиновникъ, совѣтникъ казенной палаты, Гороховскій, который во время рекрутскаго набора 1814 года собралъ со всего губернскаго крестьянства около 170,000 руб. и при этомъ былъ такъ аккуратенъ, что всѣ полученія свои записывалъ въ особую книгу ²⁾.

Разбирая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ тамбовскіе архивы, мы нерѣдко случайно познакомились съ такими дѣлами, содержаніе которыхъ ясно указываетъ на служебный характеръ отжившаго тамбовскаго чиновничества. Такъ напримѣръ, въ 1808 году, въ селѣ Алеевѣ, Шацкаго уѣзда, проживалъ помѣщикъ, тайный совѣтникъ Лаптевъ, бывшій тамбовскій губернаторъ. А недалеко отъ Алеева въ небольшомъ по-

¹⁾ До какой степени прежніе тамбовскіе чиновники были поглощены только одною формою всякаго дѣла, видно изъ слѣдующаго. Въ 1803 г. канцеляристъ Машковъ написалъ ругательное письмо своему сослуживцу, чиновнику Попову: «Ты пьяной и безтолковъ и ругатель чести человѣческой, весьма неспособенъ и никуда не годенъ». Всѣ знали, что письмо адресовано извѣстному лицу. И всетаки Машковъ вышелъ изъ своего затруднительнаго положенія невредимымъ. «Она записка, объяснялъ онъ суду, сочинена и переписана мною, но безъ указанія чина съ именемъ и отчествомъ, а Поповыхъ фамилій вездѣ много и почему оный Поповъ на свой счетъ принимаетъ записку — знать не могу».

²⁾ Въ записной книгѣ Гороховскаго означено 2000 полученій.

сельѣ жилъ нечиновный помѣщикъ Свищовъ. Почему-то между сосѣдями произошла ссора, которая и выразилась въ слѣдующемъ происшествіи.

Въ ночь съ 28 на 29 августа 1808 года Лаптевъ позвалъ къ себѣ своего вотчиннаго старосту Ивана Васильева и по секрету переговорилъ съ нимъ. Послѣ этого староста собралъ толпу лаптевскихъ крестьянъ и дворовыхъ и въ ту же ночь отправился въ походъ на Свищова. Къ утру весь Свищовскій поселокъ представлялъ уже одни обгорѣлые пни, а лаптевскіе крестьяне возвращались домой, нагруженные добычей.

Конечно, Свищовъ немедленно пожаловался на Лаптева шацкимъ властямъ. По обычаю, судъ потребовалъ въ городъ всѣхъ крестьянъ, участвовавшихъ въ разбоѣ. Но на это требованіе послѣдовалъ такой отвѣтъ отъ Лаптева, успѣвшаго уже повидаться и переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ: „дворовыхъ и крестьянъ моихъ, требуемыхъ въ шацкій уѣздный судъ, нѣтъ въ селѣ Алеевѣ, а находятся они въ настоящее время въ козловскихъ имѣніяхъ моихъ“.

Чины шацкаго уѣзднаго суда снесли тогда извѣстнымъ порядкомъ съ козловскимъ земскимъ судомъ и тотъ не торопясь отвѣчалъ шацкому суду: „въ Козловскомъ уѣздѣ нѣтъ требуемыхъ крестьянъ господина тайнаго совѣтника Лаптева; оные крестьяне теперь въ Темниковскомъ уѣздѣ“.

Но и въ Темниковскомъ уѣздѣ, по наведеннымъ справкамъ, лаптевскихъ крестьянъ не оказалось. Тогда Лаптевъ увѣдомилъ шацкій уѣздный судъ, что его крестьяне и дворовые, подлежащіе суду, пребываютъ въ Новгородской губерніи, но въ какомъ уѣздѣ и въ какихъ мѣстахъ — неизвѣстно.

Гдѣ же на самомъ дѣлѣ были подсудные лаптевскіе крестьяне?

Пока тянулось дѣло, Лаптевъ спокойно укрывалъ ихъ именно въ шацкомъ своемъ имѣніи Алеевѣ. Несомнѣнно, шацкая полиція знала объ этомъ, но находила для себя удобнымъ притворяться незнающею. Увѣренность Лаптева въ его безнаказанности и въ судейской продажности простиралась до того, что въ ноябрѣ того же 1808 года поселокъ Свищова, отчасти возобновленный, подвергся вторичному поджогу.

„И я безъ сомнѣнія полагаю, жаловался по этому поводу обиженный помѣщикъ, что и сей злодѣйскій поступокъ произведенъ не иначе кѣмъ, какъ тѣми жъ укрываемыми преступниками“.

Переписка разныхъ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстъ по дѣлу Лаптева и Свищова тянулась до апрѣля 1810 года и не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Такой приказной волюнтаризмъ отчасти содѣйствовало и то, что, по совѣту шацкихъ канцелярскихъ дѣльцовъ, Лаптевъ началъ противъ Свищова встрѣчный искъ: проходу-де и проѣзду людямъ моимъ Свищовъ не даетъ ¹⁾.

¹⁾ Архивъ губернскаго правленія 1809 г. № 1779.

Въ 1815 году въ козловскій земскій судъ послѣдовала со стороны крестьянъ помѣщика Мутовкина слѣдующая жалоба: „баринъ бьетъ насъ безъ всякой жалости, кого ударить желѣзнымъ аршиномъ или каретнымъ ключемъ, у кого переломить руку чубукомъ или же велитъ когонибудь изъ насъ бить на своемъ господскомъ дворѣ палками. Кромѣ того, давилъ пальцами глаза, такъ что изъ оныхъ шла кровь, вертѣлъ руки назадъ, грызъ зубами уши и жогъ горячимъ желѣзомъ тѣло. А билъ и мучилъ онъ насъ часто за то, что по его приказу не ходили мы воровать чужихъ лошадей и телятъ“.

Не смотря на важность и основательность этой жалобы, требовавшей немедленнаго и скорого судопроизводства, земскій судъ, по весьма понятнымъ причинамъ, продержалъ ее подъ сукномъ ровно семь лѣтъ. Когда же дѣло это перешло по распоряженію высшаго начальства въ козловскій уѣздный судъ, то члены суда, повидавшись съ Мутовкинымъ, нашли возможнымъ обвинить пострадавшую сторону и нѣкоторые изъ крестьянъ Мутовкина были публично высѣчены за недѣльную жалобу ¹⁾.

Въ концѣ 30-хъ годовъ на одного тамбовскаго уѣзднаго судью была подана дворяниномъ Зайцевымъ такая жалоба: „въ судѣ при ономъ судѣ никакой судебной власти не существуетъ, а замѣнена оная волею судьи Ж. Но такое состояніе и движеніе дѣлъ наречено лихоиманіемъ, которое есть идолопоклоненіе“.

Далѣе говорится о томъ, что вышеозначенный судья нажилъ большія деньги, до 100 тысячъ рублей и выстроилъ себѣ огромный каменный домъ, окропленный слезами беззащитныхъ и могущій обличить его въ недозволенномъ стяжаніи ²⁾.

Нечистые на руку служилые люди прежняго времени при случаѣ любили и умѣли проявлять самое необузданное самоуправство. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ приведемъ слѣдующіе.

4 апрѣля 1826 года, унтеръ-офицерша Михайлова привела въ одну Борисоглѣбскую церковь двухъ маленькихъ дѣтей своихъ съ тою цѣлю, чтобы приобщить ихъ и во время гнѣнія Херувимской подошла къ правому клиросу. Въ это время вошелъ въ церковь борисоглѣбскій городничій Рожанскій и немедленно приказалъ полицейскому солдату прогнать Михайлову съ дѣтьми назадъ. Та стала говорить солдату: „погоди немного, приобщу дѣтей и тогда уйду назадъ, на свое мѣсто“. Но Рожанскій стоялъ уже около нея и принялся бить солдата за то, что не вдругъ исполнилъ приказаніе начальника, а Михайлову съ дѣтьми вытащилъ вонъ изъ церкви. Все это совершилось съ такимъ шумомъ, что самая церковная служба остановилась на полчаса ³⁾.

Бывали случаи самоуправства со стороны чиновниковъ и еще болѣе

¹⁾ Архивъ губернскаго правленія 1824 г. № 378.

²⁾ Арх. двор. собр. за 1840 г. № 37.

³⁾ Арх. дух. конс. № 428.

рѣзкаго характера. Въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія было возбуждено дѣло о жестокихъ поступкахъ козловскаго исправника Федоровича, который, производя слѣдствіе по поводу убійства крестьянина Кононова, позволилъ себѣ пытать арестованныхъ имъ козловскихъ однодворцевъ, причемъ собственноручно билъ ихъ плетью, вышибалъ имъ съ особенною старательностью зубы, вѣшалъ ихъ къ потолку и по веревкѣ билъ палкою.

Въ дѣлѣ исправника Федоровича особенно замѣчательно то, что оно тянулось съ января 1828 года до марта 1845 года и окончилось для подсудимаго совершенно благополучно ¹⁾.

Изъ тамбовскихъ архивныхъ источниковъ видно, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ грабительствахъ и дерзкихъ похиженіяхъ мелкихъ уѣздныхъ властей принимали слишкомъ откровенное участіе и важные губернскіе сановники.

Въ концѣ XVIII столѣтія, съ тамбовскихъ крестьянъ собиралась т. н. хлѣбная подать. За усманскимъ и липецкихъ крестьянъ взялся ставить хлѣбъ козловскій купецъ Месилинъ, полагая съ души по 60 коп. И когда Месилинъ приводилъ уже въ концу свою операцію, на него нагрянули два стряпчихъ, губернской Хвоцинскій и липецкій Каверинъ, арестовали его, а подрядъ отдали другому купцу, который сталъ брать съ крестьянъ уже по 80 коп. съ души... Въ прошеніи по этому поводу на высочайшее имя Месилинъ жаловался такъ: „означенные стряпчіе не могли бы тѣснить коронныхъ крестьянъ и его Месилина, если бы господинъ правитель намѣстничества Неклюдовъ для жаднаго своего корыстолюбія не избралъ ихъ самыми лучшими насосами, глотающими въ его пользу кровавый крестьянскій трудъ, и отъ сего наглаго разоренія стонаютъ крестьяне, а онъ Месилинъ вздыхаетъ о погибшемъ капиталѣ. И какъ узналъ правитель о моихъ жалобахъ, то пріѣхалъ въ Козловъ и посадилъ меня въ тюрьму и велѣлъ выключить изъ купечества для отдачи въ солдаты или для отсылки на поселеніе“ ²⁾.

При отсутствіи законнаго порядка и правосудія въ тамбовской администраціи и судахъ, и при извѣстномъ характерѣ прежнихъ тамбовскихъ чиновниковъ, естественно, развивалось самоуправство и сознаніе безнаказанности и въ массахъ народныхъ. Это видно изъ слѣ-

¹⁾ Арх. губерnsk. правл. № 2685. Бывали и такіе случаи. Лѣтомъ 1803 г. дворянинъ Осиповъ шелъ по Тамбовской улицѣ. Вдругъ наѣхалъ на него городничій Клементьевъ и закричалъ: „какъ ты смѣешь ходить по этому мѣсту, въ полицію!“ И взяли Осипова въ полицію...

²⁾ Неклюдовъ былъ отставленъ отъ должности съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицу. Вообще этотъ правитель отличался взяточничествомъ и самоуправствомъ. За деньги онъ освобождалъ отъ суда разбойниковъ и смертоубійцъ. Солдатамъ не выдавалъ ремонтныхъ денегъ. Особенно наживался Неклюдовъ во время рекрутскихъ наборовъ, причемъ главными его помощниками были городничій Еринъ и дворецкій Ивановъ (Арх. губ. пр. № 2564).

дущаго: 13 ноября 1819 года Матызлеевскій (Темниковскаго уѣзда) бурмистръ Лаврентьевъ въ припадкѣ начальнической горячности убилъ крестьянина Иванова, и послѣ того въ пьяномъ видѣ похвалялся: „ничего я не боюсь, и когда на то пошло — прокормлю всю Темниковскую округу“.

А въ слѣдующемъ году былъ такой случай. Извѣстно, что у нашихъ соотечественниковъ провинціальный антогонизмъ существуетъ искони; чаще всего онъ выражается въ прозвищахъ, имѣющихъ цѣлю выставить ближняго съ смѣшной стороны. Напримѣръ, про жителей города Кадома въ Тамбовской губерніи, говорятъ, что они въ печкѣ сомовъ ловили; про шацкихъ обывателей существуетъ поговорка, будто они въ мѣшокъ солнышко прятали, усманцевъ обзываютъ гужеѣдами, моршанцевъ — требушниками, лебедянцева—сковородниками; жителей Спасскаго уѣзда называютъ кошатниками и живодерами, а про крестьянъ Тамбовскаго уѣзда села Умета, говорятъ, что они комету цѣпами убили ¹⁾. Подобныя отношенія существуютъ не только между жителями разныхъ губерній и уѣздовъ, но и въ одномъ и томъ же уѣздѣ между обитателями сосѣднихъ сель, и иногда проявлялись въ фактахъ самаго дикаго самоуправства, въ родѣ слѣдующаго.

2 мая 1820 года жители села Алгасова, Моршанскаго уѣзда, совершая по своимъ полямъ крестный ходъ, подошли къ межѣ села Кадыковки. А у кадыковскихъ жителей была давняя вражда съ алгасовцами. На межѣ села Кадыковки крестный ходъ остановился и духовенство стало служить молебенъ. Въ это время изъ-за сосѣдней рощи съ шумомъ выбѣжали кадыковскіе крестьяне, въ числѣ которыхъ однихъ женщинъ было болѣе 200, вооруженныхъ, подобно мужчинамъ, дубинами и дреколями. Не давъ дослужить и половины молебна, толпа кадыковцевъ начала ругать процессію самыми неприличными словами и при этомъ многіе кричали: „вонъ съ нашей межи; мы у васъ всѣ образа переколотимъ, а то отнимемъ и возьмемъ къ себѣ въ церковь“. Вслѣдъ затѣмъ кадыковскіе старики вбѣжали въ толпу своихъ противниковъ и начали бить ихъ палками и кулаками. Побойще кончилось тѣмъ, что алгасовскіе крестьяне съ крестами, образами и хоругвями, бѣжали съ поля битвы. Когда узналъ объ этомъ происшествіи моршанскій земскій судъ, то разумѣется члены его послѣшили пріѣхать въ Кадыковку, покормились тамъ, запаслись приличною данью и вернулись домой. Тѣмъ и кончилось все дѣло ²⁾.

Въ массѣ тамбовскихъ чиновниковъ изрѣдка встрѣчались, впрочемъ, и такіе люди, которые всецѣло предавались идеямъ служебной чести, но вслѣдствіе слабой своей научной подготовки и непрактич-

¹⁾ Всѣ эти болѣе или менѣ странныя прозвища имѣютъ свое историческое основаніе, о чемъ мы скажемъ въ свое время.

²⁾ Арх. губ. правл. 1823 г., № 3994.

ности, а также и вслѣдствіе полного своего одиночества, оказывались только посмѣшищемъ для болѣе счастливыхъ въ практическомъ отношеніи своихъ собратьевъ.

Именно такимъ чиновникомъ былъ нѣкто Казанскій, служившій въ 30-хъ годахъ въ городѣ Борисоглѣбскѣ. Не жалѣя себя, постоянно говорилъ онъ всѣмъ объ отсутствіи правды на свѣтѣ и въ особенности объ отсутствіи этой правды въ чиновномъ мірѣ. „Всѣ то насъ обижаютъ, жаловался онъ, и пора довести до верхняго правительства объ обидахъ“.

Отъ словъ къ дѣлу Казанскій перешелъ по слѣдующему поводу. Борисоглѣбскій питейный откупъ настроилъ множество кабаковъ въ неуказанныхъ мѣстахъ и началъ систематически разорять все борисоглѣбское крестьянство, раздавая водку въ долгъ иногда на сумму до 1,000 рублей. А потомъ, при помощи задобренныхъ уѣздныхъ властей, откупъ взыскивалъ долги такъ, что у крестьянъ ломали избы и забирали оттуда всю убогую рухлядь... Тогда Казанскій, въ защиту борисоглѣбскихъ жителей, написалъ самыя откровенныя прошенія тамбовскому губернатору, шефу жандармовъ, министру финансовъ и государынѣ императрицѣ.

„Августѣйшая монархиня, писалъ онъ послѣдней, всемилостивѣйшая государыня! Вотъ уже 4 мѣсяца, какъ я просилъ мѣстное начальство взойти въ изслѣдованіе злоупотребленій борисоглѣбскаго откупа, отъ коего казенные крестьяне пришли въ крайнее разореніе. Не видя по доносамъ моимъ никакого распоряженія, я нашелъ себя вынужденнымъ отнестись къ его сіятельству А. Х. Бенкендорфу, но и здѣсь успѣлъ не болѣе... Я хотѣлъ просить августѣйшаго супруга вашего, нашего всемилостивѣйшаго государя Николая Павловича, но извѣстенъ будучи о милостяхъ, кои онъ изливаетъ на его сіятельство, я не осмѣлился повергнуть просьбу мою къ стопамъ его. Осмѣливаюсь умолять васъ, яко мать благоутробную и не лицепріятную, воззрите благосерднымъ окомъ на угнетаемый народъ свой, гибнущій отъ злоупотребленія власти сильныхъ вельможъ, которые не только не хотятъ употребить данной имъ власти на открытіе существующаго зла, но сверхъ того сами болѣе или менѣе увеличиваютъ оное и забывъ долгъ присяги и христіанства похищаютъ казну вашего величества. Для объясненія же подробно всего существующаго зла желаю быть предъ лицомъ вашего императорскаго величества“.

Вступивши въ такую необыкновенную переписку, Казанскій возмечталъ о себѣ, какъ о рѣшителѣ чиновничьихъ судебъ борисоглѣбскаго уѣзда и однажды писалъ такъ одному своему знакомому: „обстоятельства мои заставляютъ нынѣшняго исправника Шпикулова перемѣнить по случаю его неисправности, а какъ вы состоите кандидатомъ на сію должность, то ежели угодно вамъ будетъ занять сію должность, прошу адресоваться ко мнѣ“.

Конечно, всѣ борисоглѣбскія власти, въ особенности же управ-

ляющій уѣзднымъ питейнымъ откупомъ купецъ Слетовъ, крайне злобствовали на Казанскаго и вотъ, въ февралѣ 1838 года, когда Казанскій вечеромъ шель по одной глухой улицѣ, его схватили неизвѣстные люди, связали, положили въ телѣгу и привезли въ одинъ загородный кабакъ. Кабакъ потомъ заперли и вся питейная борисоглѣбская администрація съ угрозами стала тутъ требовать у Казанскаго, чтобы онъ отказался отъ прежнихъ своихъ доносовъ и сдѣлалъ письменныя показанія въ смыслѣ благопріятномъ откупу...

Казанскій былъ въ полной власти у Слетова и повиновался.

Вслѣдъ за тѣмъ Казанскаго отставили отъ службы. Тогда онъ самовольно отлучился въ Санктпетербургъ и подалъ прошеніе на высочайшее имя. По повелѣнію Императора Николая Павловича, назначено было въ Борисоглѣбскѣ строжайшее слѣдствіе, а между тѣмъ до рѣшенія суда по доносу Казанскаго надъ доносителемъ приказано было имѣть строгій полицейскій надзоръ.

Этотъ послѣдній приказъ борисоглѣбскія власти привели въ исполненіе такъ: они посадили Казанскаго въ полицейскую кутузку и подолгу не давали ему ѣсть и пить... Кромѣ того, нерѣдко охлаждали его служебную ревность побоями. Такое заключеніе Казанскаго продолжалось до 1841 года, до изданія извѣстнаго всемилостивѣйшаго манифеста. Прекращено было также и все дѣло о борисоглѣбскихъ питейныхъ злоупотребленіяхъ ¹⁾.

Въ тоже время на противоположной окраинѣ Тамбовской губерніи, именно въ Елатомскомъ уѣздѣ, появился другой чиновникъ—эксцентрикъ, по фамиліи Потаповичъ. Такъ какъ елатомскія власти сомнѣвались въ душевномъ его здоровьи, то Потаповичъ былъ доставленъ въ Тамбовъ. Въ губернскомъ правленіи стали свидѣтельствовать его умственные способности и нашли ихъ въ совершенномъ порядкѣ. Между тѣмъ нѣкоторыя рѣчи Потаповича въ присутствіи губернскихъ властей отличались оригинальностью и рѣзкостью.

— Что вы писали въ шацкій уѣздный судъ?—спросили его.

— Я представлялъ суду, чтобы онъ нашелъ средства сдѣлать людей добросовѣстными.

— Не желаете ли вы служить? продолжали допросъ члены тамбовскаго губернскаго правленія.

— Желаю.

— Гдѣ?

— Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе благородства, ибо, служба въ статской службѣ, я самъ себя дѣлалъ вопросъ, какая польза отъ этой службы, и не могъ рѣшить этого. Впрочемъ, я готовъ служить, но только съ благородными людьми, которые имѣютъ такія же правила, какъ и я ²⁾.

¹⁾ Арх. тамб. окр. суда, № 413.

²⁾ Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія № 2409.

«истор. вѣстн.». годъ 1, томъ III.

Въ концѣ 30-хъ годовъ въ городѣ Усмани состоялъ подъ надзоромъ полиціи отставной чиновникъ нѣкто Хиздео.

Не имѣя послѣ довольно продолжительной службы никакихъ средствъ къ жизни, онъ однажды рѣшился на слѣдующій странный поступокъ.

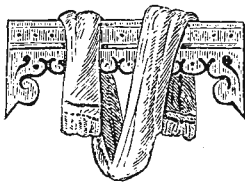
20 декабря 1838 года, встрѣтивъ на одной изъ Петербургскихъ улицъ императора Николая Павловича, Хиздео всеподданнѣйше просилъ его принять отъ него весьма важный государственный проэктъ. Немедленно прочитали этотъ проэктъ и тамъ оказались между прочимъ слѣдующія слова: „не дурно бы выдумать машину для пропитанія отставныхъ чиновниковъ...“

Слѣдуетъ замѣтить, что императоръ Николай I отнесся къ Хиздео чрезвычайно великодушно. Онъ повелѣлъ выдавать ему ежегодно по 200 рублей пенсіи...

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ честномъ чиновникѣ былыхъ временъ. Это былъ спасскій городничій Станицынскій. Онъ отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ и въ особенности любилъ стоять за интересы инвалидовъ и полицейскихъ солдатъ, положеніе которыхъ въ прежнія времена было однимъ изъ самыхъ несносныхъ. Въ 1802 году Станицынскій настойчиво потребовалъ отъ тамбовскаго губернатора Кошелева, чтобы онъ высылалъ спасскимъ солдатамъ ихъ жалованье сполна... „Солдаты, писалъ онъ— всегда будутъ неисправенъ, если у него ружье безъ пороха, гербъ безъ сумы, и тесакъ безъ портупей“.

За это письмо Станицынскій былъ отданъ подъ судъ ¹⁾.

И. Дубасовъ.

¹⁾ Прот. тамб. угол. пал. 1803 года 8 дек.

ПОЛЬ БРОКА—ОСНОВАТЕЛЬ АНТРОПОЛОГИИ.

ЕЩЕ однимъ честнымъ, трудолюбивымъ и талантливымъ, если только не гениальнымъ человѣкомъ стало меньше! 9-го іюля текущаго года, въ Парижѣ, скончался пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, докторъ Павелъ-Андрей Брока, вице-президентъ парижской медицинской академіи и несмѣняемый сенаторъ Французской республики... Наука потеряла въ немъ одного изъ самыхъ даровитыхъ своихъ представителей, челоѣчество одного изъ безусловно честныхъ людей, Франція одного изъ немногихъ искреннихъ республиканцевъ, одного изъ вѣрныхъ своихъ сыновъ. Счастливая случайность дала мнѣ отрадную возможность быть близкимъ къ этому челоѣку, пользоваться его дружбою, а потому, да простятъ мнѣ читатели, если описывая его жизнь, я позволю себѣ иногда вдаться въ субъективность и лиризмъ.

Брока родился въ Жирондѣ, въ С.-Фуа, 28-го іюня 1824 года ¹⁾; такимъ образомъ онъ былъ родомъ гасконецъ. Традиціонная Гасконь отразилась на этомъ челоѣкѣ въ томъ отношеніи, что всегда онъ былъ веселъ, обладалъ живымъ гасконскимъ юморомъ, никогда, что называется, не „вѣшалъ носа“ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, а встрѣчалъ горе лицомъ къ лицу, съ высоко поднятою головою, не подчиняясь ни людямъ, ни фактамъ, а, напротивъ того, силою своего характера подчиняя скорѣе себѣ ихъ. Никогда я не видалъ Брока грустнымъ; лицо его всегда было серьезно, даже когда онъ, какъ истый гасконецъ, сыпалъ остроты за остротами, но чтобы когда-нибудь лицо это теряло отпечатокъ какой-то теплой доброты, веселья и вмѣстѣ съ тѣмъ затаенной усмѣшки, то этого не запомнить никто изъ знавшихъ его. Родители Брока были не богаты, но тѣмъ не менѣе помѣстили

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія я черпаю изъ сохранившейся у меня рукописной автобіографіи Брока, писанной имъ и переданной мнѣ на прошлогоднемъ съѣздѣ антропологовъ въ Москвѣ. Такая же автобіографія была передана имъ почтеннѣйшему А. П. Богданову.

его въ мѣстную гимназію, гдѣ онъ обращалъ главное вниманіе на занятія математикою. Французы вообще самымъ невозможнымъ образомъ выговариваютъ латинскія слова, а въ устахъ Брока латинскій языкъ дѣлался рѣшительно невыносимъ; латынь была ему противна еще въ гимназіи и онъ не иначе говорилъ латинскія цитаты, какъ съ улыбкою, самъ, видимо, потѣшаясь надъ тѣмъ, какъ онъ „искалечиваетъ“ языкъ Цицерона; понятно, что нелюбовь его къ классическому знанію должна была направить его умъ въ другую сторону и дѣйствительно онъ особенно охотно и успѣшно занимался математикою. Кромѣ огромныхъ способностей и глубокаго ума, Брокъ обладалъ какою-то необычайною страстью къ труду; неутомимый работникъ въ гимназіи, онъ остался такимъ и въ теченіи всей своей жизни. Его товарищи по гимназіи дивились всегда его дѣятельной натурѣ и Элизе Реклю говорить, что Брокъ, еще бывши юношею, увѣрялъ, что не вѣрять въ призваніе. „Человѣкъ, говорилъ онъ,—можетъ, почти закрывши глаза, избрать себѣ карьеру и если только онъ „человѣкъ“, то всегда съумѣетъ завоевать достойное мѣсто, себѣ по плечу“. Говоря такимъ образомъ, Брокъ по себѣ судилъ о всѣхъ людяхъ вообще и конечно не совсѣмъ былъ правъ, такъ какъ, что возможно было для него, то было „не по плечу“ для другихъ людей. Едва минуло ему 16 лѣтъ, какъ онъ былъ признанъ бакалавромъ математики и сталъ готовиться къ поступленію въ политехническую школу, которая представлялась источникомъ всякой мудрости для тѣхъ, кто хотѣлъ въ то время заниматься. Однако отецъ его никакъ не могъ примириться съ мыслию, что сынъ не пойдетъ по одной съ нимъ дорогѣ, провинціального врача, и въ силу этого сталъ отговаривать сына отъ спеціализаціи на математическихъ наукахъ; долго боролся юноша, но наконецъ уступилъ и сталъ изучать медицину. Прежняя спеціальность не осталась однако совершенно втунѣ и, когда Брокъ признанъ былъ уже создателемъ новой науки—антропологіи, онъ избралъ именно математическій методъ, который поставилъ антропологію на вѣрный путь и сдѣлалъ ее точною наукою. Брокъ никогда не признавалъ описанія человѣка по системѣ Катрфажа и другихъ, всегда подсмѣивался надъ выраженіями „носъ нѣсколько сплюснутый“; „глаза отчасти приподнятые извнѣ“ и когда, бывало, употребишь при немъ такое выраженіе, онъ тотчасъ начиналъ покрякивать: „а уголь? отчасти—сколько это выйдетъ на градусы?“ Я сообщилъ ему разъ объ одномъ крайне интересномъ измѣреніи, которое я пробовалъ брать на лицѣ живыхъ людей; Брокъ засмѣялся... „И къ чему тутъ „приблизительно“, „предположимъ на время“, когда природа дала вамъ математическую, совершенно правильную фигуру, исчислить площадь которой рѣшительно ничего не стоитъ“. Однако заинтересовался, проглядѣлъ таблицы мои и сказалъ, что займется этимъ вопросомъ... Было это въ Москвѣ въ 1879 году и заняться ему суждено не было.

Брокъ и въ медицинской академіи работалъ неустанно; къ вели-

кому его горю, Франція—не Россія и по части труповъ студентамъ иногда приходится рѣшительно бѣдствовать; приходилось и Брока иногда изучать анатомію по готовымъ уже препаратамъ... „Если бы я не былъ врачомъ, шутилъ иногда Брока,—изъ меня бы могъ выйти прекрасный могильщикъ; обѣ профессіи подходятъ другъ къ другу—вся разница лишь въ томъ, что могильщикъ зарываетъ то, что врачъ потомъ отрываетъ“. Брока облюбилъ одно кладбище и постоянно потаскивалъ оттуда „свѣженькихъ“ субъектовъ, стараясь всячески скрыть слѣды своего преступленія; со сторожемъ они были въ дружбѣ: онъ лечилъ сторожа отъ какой-то болѣзни и былъ влюбленъ въ его жену или дочь...

Цѣлыхъ четыре года бился Брока съ медициной и наконецъ блистательнѣйшимъ образомъ окончилъ курсъ; на выпускномъ экзаменѣ онъ былъ объявленъ получившимъ всѣ награды и тотчасъ же ему было предложено мѣсто „адъюнта по анатоміи“; этого званія добивались многіе изъ заслуженныхъ уже врачей, а Брока было всего лишь 22 года отъ роду. Съ той поры Брока былъ замѣченъ ученымъ Парижскимъ міромъ и быстро сталъ подвигаться по ступенямъ академической лѣстницы: въ августѣ 1848 года онъ былъ назначенъ прозекторомъ при кафедрѣ хирургіи въ академіи, а въ апрѣлѣ 1849 году признанъ докторомъ медицины; получивъ эту ученую степень, по рѣшенію совѣта профессоровъ, онъ былъ приглашенъ доцентомъ по кафедрѣ оперативной хирургіи и сталъ заниматься въ разныхъ госпиталяхъ. Въ 1857 году онъ познакомился съ семействомъ доктора Люжоль, на дочери котораго и женился; тестъ Брока былъ отнюдь не дюжиннымъ врачомъ, и прославился какъ хирургъ при госпиталѣ С.-Луи и какъ авторъ весьма почтеннаго труда о значеніи іода въ терапіи. Въ 1861 году мы видимъ уже Брока хирургомъ въ Бисетрѣ, въ 1863 г. онъ работаетъ въ Сальпетриерѣ, а въ 1866 году академія избрала его профессоромъ по оперативной хирургіи, которымъ онъ и оставался до самой своей кончины.

До 1859 года работы его касались специально анатоміи и хирургіи; въ этомъ отношеніи пользуются особою извѣстностью его изслѣдованіе „объ аневризмѣ и способахъ его излеченія“ и „трактатъ объ опухоляхъ“. Мы не станемъ останавливаться на этихъ раннихъ произведеніяхъ Брока, такъ какъ они совершенно спеціальны; отмѣтимъ однако тотъ фактъ, что наблюденія юнаго автора надъ ослабленіемъ пульсаціи вполне подтвердились, когда сдѣлалось возможно наблюдать ихъ при помощи изобрѣтеннаго уже впоследствии сфигмографа. Въ этотъ же періодъ онъ написалъ цѣлую массу анатомическихъ и хирургическихъ брошюръ (болѣе 200) и изслѣдованій, которыя всѣ пользуются до сихъ поръ извѣстностью среди специалистовъ. Его „Атласъ описательной анатоміи“ долго еще останется классическимъ. Посвящая свое время практикѣ и спеціальнымъ трудамъ, Брока не чувствовалъ однако и другихъ отраслей человѣческаго знанія; только

одна политика никогда не прельщала его, такъ какъ онъ увѣрялъ, что „вся политика въ томъ, чтобы у каждаго мужика и рабочаго лежало въ банкѣ не менѣе 4000 франковъ“. „Какое дѣло Блэзу, Мак-Магонъ или Бадингъ (шуточное прозвище Наполеона) сидитъ въ Тюльери? не въ нихъ совсѣмъ дѣло, дѣло, а въ мэрѣ, попѣ, врачѣ, сельскомъ учителѣ“... Вотъ что думалъ Брока по части политики и всѣ уважали его за его невмѣшательство въ политику, такъ какъ знали, что, игнорируя Бадингъ и Гамбетту, онъ всю жизнь свою посвятилъ на благо Франціи и челоѣчества, а когда настанетъ нужда, не задумается и съ оружіемъ въ рукахъ стать на защиту своей родины. Наполеонъ заигрывалъ съ Брока и даже предлагалъ ему не разъ Почетнаго Легіона; коммуна поставила у дверей его стражу, чтобы „гражданинъ Павелъ Брока могъ спокойно трудиться на благо Франціи“, какъ сказано въ декретѣ и только Версальцы въ продолженіи 4 часовъ времени разстрѣливали его домъ на углу улицы св. Отцовъ и набережной Сены, увѣряя, что уголь этотъ составляетъ для нихъ необходимый стратегическій пунктъ. Когда восторжествовала наконецъ во Франціи искренне-республиканская партія, то Брока предложили быть сенаторомъ крайней лѣвой; долго онъ отказывался, увѣряя „что онъ гораздо полезнѣе въ препаровочной“, но наконецъ поддался убѣжденіямъ друзей и занялъ сенаторское мѣсто; „мнѣ остается лишь умереть, такъ какъ я уже обрѣтаюсь въ царствѣ тѣней“, говорилъ онъ послѣ перваго же засѣданія; — „такъ мнѣ хочется вскрыть этотъ нарывъ на палатѣ депутатовъ... боюсь лишь зацѣпить какъ нибудь живое мясо“.

Въ первый періодъ своей дѣятельности Брока не оставлялъ и своихъ занятій математикою и нѣкоторыми изъ соціальныхъ наукъ; такъ еще въ 1857 году появилась его брошюра „о пользѣ статистики въ медицинѣ и терапіи“. Уже въ своемъ трактатѣ объ аневризмѣ онъ съ успѣхомъ воспользовался статистическимъ методомъ и затѣмъ не оставлялъ этого метода всегда, когда писалъ о вопросахъ, требовавшихъ приложенія точныхъ цифръ; работы его о „кажущемся вырожденіи французской расы“ и о „смертности среди грудныхъ дѣтей“ доказываютъ, что, если онъ признавалъ всю важность новѣйшаго точнаго статистическаго метода, то не по одной лишь наслышкѣ, а потому, что самъ не разъ испыталъ его. „Статистика“, говорилъ онъ въ медицинской академіи, „есть анатомія и физиологія соціальнаго тѣла; безъ нея мы должны бы были ограничиваться самыми незначительными группами, сужденія наши граничили бы съ простыми личными впечатлѣніями и мы никогда бы не были въ состояніи обобщить добытые нами факты“. Брока впрочемъ не ограничивался математикою и статистикою и когда ему приходилось въ занятіяхъ своихъ натолкнуться на вопросы, составляющіе предметъ какой либо иной точной науки, онъ брался за руководства и въ совершенствѣ изучалъ эту науку. Брока былъ извѣстенъ какъ превосходный химикъ, бота-

никъ и знатокъ по кельтическимъ нарѣчіямъ, такъ что принцъ и кардиналъ Бонапартъ, знатокъ баскскихъ нарѣчій утверждалъ, что онъ далеко „не прочь поучиться у Брока, если бы этотъ странный человѣкъ сдѣлалъ мнѣ честь и отворилъ бы для меня двери своей квартиры“.

Но, конечно, главною заслугою Брока слѣдуетъ считать основаніе имъ антропологическаго общества и постановку этой науки на твердую почву, примѣненіемъ къ ней чисто математическаго метода. Еще будучи адъюнктомъ въ 1847 году Брока избранъ былъ членомъ Парижскаго Біологическаго Общества, которое крѣпко держалось авторитетовъ и въ косности своей не хотѣло никоимъ образомъ признать работы новаго поколѣнія врачей, не державшихся старовѣрческихъ воззрѣній на науку. Признавая все же въ молодомъ человѣкѣ несомнѣнную талантливость, общество не могло не избрать Брока, когда правительство предложило ему назначить кого нибудь въ комиссію для изученія костей, найденныхъ на берегу Сены, на кладбищѣ Целестинской церкви. Случай указалъ Брока дальнѣйшій путь его работѣ; юноша со рвеніемъ принялся за работу, изучилъ въ совершенствѣ исторію Парижа, измѣрилъ около 4,000 древне-парижскихъ череповъ и костяковъ и выступилъ съ первою и чуть ли не главнѣйшею своею работою по антропології, съ мемуаромъ „о черепахъ древне-парижскаго населенія“. Антропологія, какъ наука, тогда еще не существовала и называлась „этнологіею“, вращаясь вокругъ цвѣта глазъ, приблизительной величины носа и т. п. Съ 1838 года существовало въ Парижѣ даже и этнологическое общество, которое пережевывало давнишній споръ о полигенизмѣ и моногенизмѣ и тшательно чуждалось всякаго новаго вліянія, изгоняя изъ своей среды новыя силы. И вдругъ среди этого-то общества заснувшихъ софистовъ раздался мощный голосъ талантливаго юноши, который хотѣлъ разбудить и вызвать къ жизни этихъ мертвецовъ; конечно, голосъ этотъ не былъ услышанъ, Брока былъ признанъ опаснымъ новаторомъ, чуть не „нигилистомъ“ и чудачи снова стали спорить, былъ ли одинъ Адамъ или же ихъ было нѣсколько. „Я воображалъ, рассказывалъ Брока, что о мертвецахъ какъ разъ мертвецамъ и говорить надо, но ошибся, такъ какъ мои Целестинскіе мертвецы были слишкомъ полны жизни для этихъ живыхъ мертвецовъ. Галлы ходили въ Римъ для того, чтобы шлепкомъ по плѣши отправлять въ лучшій міръ выжившихъ изъ ума римскихъ сенаторовъ... и къ чему было ходить такъ далеко? по крайней мѣрѣ дали бы богатый матеріалъ нашему другу Шарко, изучающему кретиновъ“. Такъ проспорило этнологическое общество вплоть до 1863 года, когда оказалось, что членамъ его рѣшительно нечего говорить и они поневолѣ замолчали.

Брока задумалъ внести переворотъ въ Біологическое Общество, которое тоже дремало. Около 1868 года онъ выступилъ въ средѣ его съ мемуаромъ о сводныхъ бракахъ и скрещиваніи. Брока доказывалъ,

въ противность всему, что писали до него присяжные корифеи науки, что метисы отнюдь не страдают бесплодіемъ и распатывалъ такимъ образомъ теорію моногенистовъ, которые продолжали еще вѣрить въ трехъ витовъ, на которыхъ держится міръ. Президентъ общества Байеръ перепугался не на шутку и просилъ лектора прекратить богохульное чтеніе; присутствующіе громко выражали свое негодованіе и Брока вышелъ изъ залы засѣданій, преслѣдуемый чуть не проклятіями. Тутъ только увидалъ онъ, что нельзя „вливать молодое вино въ старыя мѣхи“ и рѣшилъ основать новое, независимое „антропологическое общество“. Сначала къ нему пристали всего лишь 6 членовъ біологическаго общества, да двое изъ этнологическаго, а черезъ годъ новое общество насчитывало уже 19 членовъ. Предстояло испросить разрѣшеніе на собранія; но правительство вовсе и не думало поощрять Брока и его адептовъ и прямо высказалось, что „антропология опасна“; министръ народнаго просвѣщенія послалъ Брока къ префекту полиціи, а префектъ полиціи къ министру... дѣло тянулось дѣльше мѣсяцы, а между тѣмъ членамъ общества нельзя было собраться. Къ счастью, не всегда мелкая сошка раздѣляетъ убѣжденія сильныхъ міра сего и мѣстный участковый приставъ дозволилъ наконецъ, помимо начальства, собранія, подъ личною отвѣтственностью Брока и подъ условіемъ, что антропологи не будутъ поднимать политическихъ вопросовъ. „Онъ былъ поумнѣе многихъ, говорилъ мнѣ Брокъ, и право мосье Виршо“(такъ называлъ онъ Фирхова) могъ бы у него кое чему поучиться“. Такимъ образомъ основалось Парижское Антропологическое Общество, благодаря либерализму участковаго пристава.

Скоро послѣ того Брокъ основалъ лабораторію для антропологическихъ работъ, а затѣмъ и практическую школу антропологии; въ 1872 году вышелъ первый выпускъ „Антропологическаго Обзорнія“, а въ 1876 году, не смотря на подкобы, доносы клерикаловъ и всякія уловки министра народнаго просвѣщенія Валлона, Брокъ открылъ 15 декабря высшую школу антропологии или антропологическій факультетъ своею лекціею о задачахъ антропологии. Въ этой высшей школѣ Брокъ читалъ анатомическую и зоологическую антропологию, Тоинаръ — біологическую антропологию, Далли — этнологию, Мортилье — антропологию доисторическую, Овелакъ — лингвистику, а Бертильонъ и Бордье — демографію и медицинскую географію. Успѣхъ школы превзошелъ всѣ ожиданія; совѣтъ департамента Сены и муниципальный совѣтъ города Парижа ассигновали школѣ ежегодную субсидію въ 12,000 франковъ, но министерство и слышать не хотѣло о „выдумкѣ краснаго“ и запрещало учрежденію называться школою, для чего и давали дозволеніе читать публичныя лекціи каждому профессору въ отдѣльности. Наконецъ Франція сбросила съ себя иго клерикаловъ и отставила г-жу Макъ-Магонъ отъ управления ея мужемъ и страню; палаты немедленно вотировали „высшей школѣ

антропологін“, какъ „учрежденію несомнѣнной національной полезности“ 20,000 фр. субсидіи, а нѣкто Журдане далъ школь изъ своего кармана 2,000 фр. ежегодной субсидіи. Благодаря энергій Брока дѣло было поставлено на твердую почву, но не долго пришлось ему радоваться успѣхамъ его дѣтища.

Надо было видѣть Брока въ засѣданіи антропологическаго общества, надо было слышать его рѣчи для того, чтобы понять всю силу его ума и всю массу его познаній. Нѣсколько разъ общество избирало его президентомъ, но онъ рѣшительно отъезывался отъ этой чести, желая оставаться генеральнымъ секретаремъ; слѣдуетъ напомнить, что въ антропологическомъ парижскомъ обществѣ всѣ пренія ведутся именно секретаремъ, тогда какъ президентъ по большей части пребываетъ въ созерцаніи своего величія. „Я боюсь даже и сѣсть на президентское мѣсто“, шутилъ обыкновенно Брока—„такъ и кажется, что богохульствуешь и разыгрываешь роль святѣйшаго Будды“. Какъ сейчасъ помню первое засѣданіе, на которомъ мнѣ привелось присутствовать... Битыхъ два часа разные ораторы толковали о разницѣ между Кельтами и Галлами; всѣ начинали чуть не со временъ Адама. Топинаръ усиленно вертѣлся на своемъ креслѣ и все посматривалъ на Брока, словно вызывая его на слово; Овелякъ выставилъ цѣлую лингвистическую батарею и крушилъ Мори, Кальо и другихъ „этнологовъ“; Ами видимо злился, что необходимость быть помощникомъ Катрфажа заставляетъ его молчать; многіе скучали, нѣкоторые начинали засыпать... Я посмотрѣлъ на Брока. Насмѣшливая улыбка виднѣлась на его губахъ; онъ посматривалъ на спорящихъ, какъ отецъ смотритъ на усилія ребенка, не могущаго развязать узелъ на передникѣ... „Ну, довольно!“ шепнулъ онъ мнѣ и поднялся съ мѣста. Два три слова, два три факта, доказанныхъ черепами несомнѣнно кельтскими и несомнѣнно галльскими и вопросъ былъ рѣшенъ. Несломимая логика, талантливое сопоставленіе фактовъ и еще болѣе талантливое обобщеніе—и узелъ на передникѣ былъ развязанъ; дѣти поспорили, а Брока уже съ улыбочкой говорилъ мнѣ: „и вотъ такъ всегда! столько знанія, а подчеркнуть и итогъ подвести не умѣютъ“. Въ особенности онъ бывалъ интересенъ, когда сцѣпится, бывало, съ какимъ нибудь гасильникомъ; ужъ онъ съ нимъ такъ не разстанется; все соглашается съ нимъ, подсказываетъ дальнѣйшее и ко всеобщему удовольствію доведетъ простака до такого абсурда, что тотъ незамѣтно и выскользнетъ изъ залы. На конгрессѣ 1875 года антропологию включили въ археологию, да еще римскую; Брока явился въ засѣданіе секціи и былъ какъ разъ между Дюрюи и Мори, бонопартистами и сильными міра сего, такъ какъ весь конгрессъ былъ устроенъ „бадингистами“. Всѣ мы ждали, что будетъ, такъ какъ Брока заранѣе объявилъ намъ, что онъ „загоняетъ этихъ кретиновъ“. Кто то поднялъ вопросъ о нѣкоторыхъ находкахъ, сдѣланныхъ ниже уровня „лагерей Цезаря“... Брока съ самымъ

смирненнымъ видомъ поглядывалъ на присяжныхъ археологовъ, изъ которыхъ большинство старалось какъ нибудь замаять только что поднятый вопросъ; вдругъ Бернаръ выпалилъ, какъ изъ пушки, что греки могли посѣщать Бретань и въ то время, когда сражались еще каменнымъ оружіемъ. Такое предвзятое намѣреніе свести все на эллино-римскую древность наконецъ взорвало Брока... „За нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ до Гомера и перваго грека“, началъ онъ, почтительно обернувшись къ академикамъ, „а быть можетъ, и до того перваго еврея, котораго принято называть Адамомъ, жилъ человѣкъ, который въ жизнь свою никогда не слыхивалъ ни одного греческаго и латинскаго слова“. Въ этомъ юмористическомъ тонѣ онъ произнесъ свою блистательную рѣчь о древности рода человѣческаго, которая цѣликомъ записана и отпечатана въ отчетѣ о конгрессѣ географическихъ наукъ въ Парижѣ въ 1874 году. Генералы отъ науки, которые существуютъ даже и во Франціи, корчились, ежились отъ поминутныхъ: „если позволять уважаемые академики“, „не въ обиду будь сказано почтеннымъ разбирателямъ греческихъ и римскихъ надписей“ и т. п., которые уснащали рѣчь Брока. Послѣ этой рѣчи, засѣданіе отдѣла было прервано и 24 члена этой секціи составили протоколъ о выдѣленіи своемъ въ отдѣльную группу антропологии, этнологии и до исторической археологии; торжественно, съ Брока во главѣ, вышли мы изъ зала засѣданія, предоставивъ присяжнымъ академикамъ корпѣть надъ значеніемъ „чего то подобнаго греческой дигаммѣ на надгробной надписи Публія Сервиюлы, мѣдника“.

Вѣсть о революціи въ VII секціи тотчасъ же разнеслась по выставкѣ и привела въ смущеніе распорядителей; намъ заявили, что для образованной нами VIII секціи нѣтъ помѣщенія. Главнымъ комиссаромъ Россіи былъ почтеннѣйшій Н. В. Ханыковъ извѣстный своими глубокими знаніями и пользовавшійся въ Парижѣ всеобщимъ уваженіемъ. Какъ помощникъ его, я рассказалъ Ханыкову съ случившемся и на другой же день помѣщеніе выставки императорскаго русскаго географическаго общества было предоставлено въ распоряженіе VIII секціи конгресса. Гонимая въ отечествѣ даже наука пріютилась такимъ образомъ въ Россіи и скоро засѣданія этой секціи стали привлекать въ нее отъ 150—200 постороннихъ слушателей, частью изъ другихъ группъ, а частью изъ публики, такъ какъ мы позаботились, чтобы наши засѣданія были доступны для всѣхъ.

Я нарочно привелъ здѣсь этотъ эпизодъ, чтобы показать, съ какими трудностями приходилось Брока бороться даже и въ свободномыслящей Франціи; не говоря уже о клерикалахъ, которые никакъ не хотѣли признать новой науки, противъ него были всѣ присяжные ученые Франціи, всѣ, чья ученость измѣрялась большимъ или меньшимъ окладомъ. Какъ бы то ни было, но благодаря своей изумительной энергіи, Брока не только умѣлъ побѣдить всѣ препятствія, но и основать антропологическое общество, особый антропологическій

журналъ, наполнявшійся сначала почти цѣликомъ его статьями и наконецъ факультетъ антропологическихъ наукъ; но все же главною заслугою Брока слѣдуетъ считать образованіе кружка учениковъ, хорошо подготовленныхъ къ дѣлу, которые сумѣютъ продолжать, начатое маститымъ покойникомъ, и лишь усугубятъ своими трудами уваженіе къ памяти своего учителя. По всей Франціи ученики Брока разнесли интересъ къ занятіямъ антропологическими науками; во всѣхъ значительныхъ городахъ основались антропологическія общества, которыя начали даже въ послѣднее время какъ бы обособляться отъ парижскаго; въ послѣдній разъ, встрѣтившись въ Москвѣ, мы разговорились объ этихъ сепаратистскихъ наклонностяхъ провинціальныхъ французскихъ обществъ... „Это отлично“ сказалъ Брока—„дѣти выросли и хотятъ ходить самостоятельно, безъ помочей—признакъ извѣстной зрѣлости. И никогда Брока не искалъ первенства, главенства, верховодительства; всѣ заботы его стремились къ пользѣ дѣла, дальше чего онъ не шелъ. Вслѣдъ за парижскимъ обществомъ, появились и другія: въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Флоренціи, Москвѣ, Мадридѣ, Лисабонѣ, Пештѣ и другихъ городахъ Европы: каждое изъ этихъ обществъ основано учениками Брока посредственными или непосредственными, которые научились у Брока работать и дѣйствовать столь же энергично какъ и онъ.

Еще яснѣе высказывался характеръ Брока въ лабораторіи за дѣломъ. Работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ; черепъ смѣнялся черепомъ и Тошнаръ или другой изъ учениковъ едва успѣвалъ записывать диктуемыя имъ цифры. Каждая новая присылка радовала Брока, какъ ребенка, въ особенности, если присылка являлась изъ интереснаго почему либо мѣста. Никогда не забуду одного казуса. Являюсь я разъ въ лабораторію къ Брока. „Вотъ и отлично!“ кричалъ онъ мнѣ издалека.—„У меня новинка! докторъ Абади прислалъ 24 головы Араукапцевъ изъ окрестностей древняго города Анконы. Стали мы съ нимъ вываривать головы, тщательно отдѣляя волоса каждаго субъекта, чтобы потомъ анализировать ихъ при помощи микроскопа; съ Брока весело было работать; шутить, острить, самъ хочеть и тебя по неволѣ заставляетъ смѣяться и забывать о времени и усталости. Когда все было покончено и мы посмотрѣли на часы—оказалось два часа ночи. „Ахъ, да!“ вспомнилъ Брока, — „я и позабылъ прочесть письмо Абади“... „Будьте пожалуста осторожниѣ“, писалъ докторъ,—„съ посылаемыми головами, такъ какъ всѣ 24 субъекта умерли отъ чумы“. Читатель пойметъ какое лицо сдѣлалось у меня при чтеніи этого предостереженія! А мы такъ тщательно еще ухаживали за волосами чумныхъ! Цѣлыхъ три дня Брока чуть ли не каждыя 3 часа являлся ко мнѣ, то на выставку, то въ отель, чтобы влить въ меня ложку „rotion“, которую онъ самъ придумалъ; на вкусъ дрянъ была ужасная, я всячески уклонялся отъ пріемовъ, но Брока усиленно ѣздилъ за мною, ловилъ меня даже на улицѣ и приставалъ,

чтобы я выпилъ. Какъ бы то ни было, но мы съ нимъ не „задумѣли“. Только черезъ нѣсколько недѣль Брока сознался мнѣ, что пичкалъ меня просто какою то желудочною настойкою съ салицилиномъ. „C'est vous faire croire—c'est a croyance qui guerit“, объяснилъ мнѣ чу-дакъ свое поведеніе.

Когда случалось приходиться къ Брока въ лабораторію, онъ тотчасъ же съ готовностью старался научить васъ, надумать, объяснить; чуть бывало Матъе сдѣлаетъ по его рисунку какой нибудь новый инструментъ и пришедшій не знаетъ его примѣненія, — „Топинарь!“ раздается симпатичный призывъ учителя и Топинарь, занятый въ другой комнатѣ, является на зовъ въ своемъ бѣломъ передникѣ и въ крагахъ. — „Садитесь!“ Топинарь садится и на немъ, какъ на манекенѣ, показываетъ Брока употребленіе инструмента. И ни когда Топинарь не возражалъ своему другу и богу, никогда не промелькало и тѣни неудовольствія на его симпатичномъ лицѣ, такъ что Брока шутилъ даже, что: „не достааетъ, чтобы я изобрѣлъ штативъ для черепа... Топинарь охотно попробовалъ бы штативъ, продѣвъ его въ свое затылочное отверстіе“.

Не помню про кого изъ нашихъ хирурговъ говорили, что у него „ножъ чрезвычайно легкій и пріятный“; но уже если ножъ вообще можетъ быть легокъ и пріятенъ, то этихъ эпитетовъ скорѣе всего заслуживалъ ножъ Брока. Его рѣшительно разрывали на части и практика у него была громадная; говорятъ, что онъ зарабатывалъ въ годъ около 200 тысячъ франковъ. Цѣлый день, въ свободное отъ факультетскихъ занятій время ѣздилъ онъ по Парижу въ своей каретѣ въ одну лошадь, которую знали всѣ и каждый. Каретка была, дѣйствительно, особенная. Передъ сидѣньемъ открывался столикъ, на которомъ во время переѣздовъ Брока не только держалъ корректуру своихъ статей, но даже иногда и писалъ ихъ. Первое мое знакомство съ Брока связано именно съ воспоминаньемъ объ этой каретѣ. Пришелъ—говорятъ: сейчасъ уѣзжаетъ. „Извините“, говоритъ, — „иначе принять васъ не могу, какъ въ каретѣ“. Сѣли, поѣхали; Брока пишетъ что то: оказалось статья о баскскихъ черенахъ. А между тѣмъ онъ все время со мною разговаривалъ и не такъ, какъ дѣлаютъ люди, желающіе отдѣлаться по скорѣе, а постоянно вызывая на разговоръ, отвѣчая... такъ мы съ нимъ, не смотря на неоднократныя мои порыванья дать ему свободу, и проѣздили до 2 часовъ, когда наступило время отправляться въ лабораторію. Визитовъ приходилось ему дѣлать цѣлую массу, такъ какъ къ вечеру у него на столѣ накоплялось обыкновенно отъ 40—60 визитныхъ карточекъ съ адресами больныхъ. Онъ далеко не былъ охотникъ до употребленія въ дѣло своего „легкаго и пріятнаго ножа“ и увѣрялъ пациентовъ, что „лишиться руки вы всегда успѣете“. Терпѣть онъ не могъ употреблять хлороформъ и эфиръ и всегда обращался къ пациенту съ вопросомъ: „Твердо ли вы увѣрены, что желаете выздоровѣть?“ Тотъ конечно, отвѣтитъ, что: да. „Въ такомъ

случаѣ приготовьтесь къ значительнымъ страданіямъ, такъ какъ я противникъ усыпленій и анестезированій; одною рукою я вамъ помогаю, а другою стану подавать ядъ, который отравитъ вашъ организмъ на всю жизнь“. И странное дѣло! взглянетъ больной на это смѣлое, умное и честное лицо и откажется отъ усыпленія, а какъ увидитъ, какъ спорится дѣло въ рукахъ у этого человѣка, такъ даже и о боли позабудетъ. Два раза дѣлалъ мнѣ Брока сквозные проколы внутреннихъ нарывовъ голени и, право, я не замѣчалъ боли, хотя ланцетъ проходилъ всквозную — точно фокусникъ Германъ фокусы дѣлаетъ: была въ шляпѣ птица, а теперь графинъ съ водой. Въ послѣднее время Брока довольствовался лишь діагнозомъ, операціею и первымъ временемъ послѣ операціи, а затѣмъ передавалъ своихъ паціентовъ своимъ ученикамъ, такъ какъ антропологическая школа отнимала у него массу времени.

И практика, и состояніе жены позволяли Брока жить въ полномъ благосостояніи; дѣти его получили превосходное, чисто реальное образованіе, не исключая и дочери. Верхомъ мечтаній всякаго француза является приобрѣтеніе имъ „шато“; средства Брока позволяли ему эту роскошь и у демократа до конца ногтей близъ Крейля былъ замокъ. Счастье благопріятствовало ему; въ горѣ, на которой помѣщался замокъ, найдены были остатки каменнаго и бронзоваго періода, а выше и остатки „лагеря Цезаря“; въ башнѣ замка Брока устроилъ свой рабочій кабинетъ и голубятню, а подземелья обратилъ въ погребъ, прекрасно снабженный разными винами и въ особенности предательскимъ С.-Фуа, которымъ онъ любилъ „обезвоживать“ пріятелей. Сюда, въ этотъ красивый уголокъ являлся Брока отдыхать, понимая подъ отдыхомъ все тотъ же постоянный трудъ, но уже на деревенскомъ благоухающемъ воздухѣ; здѣсь его досуги принадлежали уже не лаборатории, а семьѣ, съ которою онъ постоянно экскурсировалъ для собиранія геологическихъ, энтомологическихъ и ботаническихъ коллекцій. Замокъ былъ—святая святыхъ Брока, куда допускались лишь хорошіе его знакомые и онъ часто говорилъ, что „с'est ma robe de chambre, tandis que mon cabinet à Paris est une chambre de robe“ (это мой халатъ, тогда какъ кабинетъ въ Парижѣ есть комната мундира). Цѣлые дни можно было провести здѣсь съ Брока, встрѣчая въ немъ самаго радушнаго хлѣбосола-хозяина и самаго интереснаго собесѣдника; дѣти никогда не удалялись изъ общества „большихъ“, а потому и вышли они всѣ такими серьезными и хорошими людьми.

Кромѣ того, что Брока создалъ антропологию и поставилъ ее, по крайней мѣрѣ во Франціи на надлежащую ступень, примѣнивши къ ея изученію строго математическій методъ изслѣдованія, Брока создалъ и „топографію мозга“. Изучая самымъ тщательнымъ образомъ анатомію большого мозга, какъ въ патологическомъ, такъ и въ нормальномъ его состояніи, онъ нашелъ, что афазія или лишеніе способности

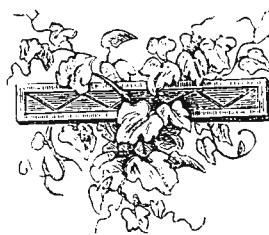
произносить членораздѣльные звуки совпадаетъ у людей съ разрушеніемъ одного изъ районовъ мозга, а именно задней части третьей лобной извилины въ лѣвомъ полушаріи; когда поврежденъ этотъ районъ, рѣчь отсутствуетъ и наоборотъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и теперь еще механизмъ головного мозга представляетъ много темнаго и неразъясненнаго и до того сложенъ, что едва ли возможно опредѣлить теперь время, когда наукѣ удастся разложить его на простѣйшіе механизмы; но, какъ бы то ни было, благодаря Брока, теперь уже несомнѣнно, что въ мозгу имѣются районы, гдѣ возникаютъ и вырабатываются тѣ или другія интеллектуальныя проявленія человѣческаго существованія. Разъ Брокъ положилъ начало топографіи головного мозга и локализациі способностей, наблюдателямъ удастся довести дѣло до желаннаго конца и опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ зарождается та или другая интеллектуальная способность.

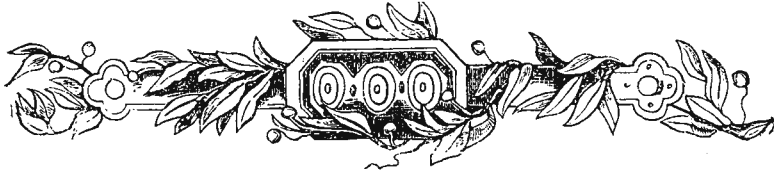
Нѣтъ возможности перечислить всѣ труды Брока по антропологии, а потому и отмѣтимъ лишь, что всего отдѣльныхъ брошюръ по этой отрасли человѣческаго знанія онъ написалъ 313.

„Часы говорятъ не „тикъ-такъ“, какъ воображаютъ старыя няньки, а повторяютъ „fac! fac!“ (работай, дѣлай!);—это единственное слово, которое обязательно всѣмъ и каждому знать по латыни“, говорилъ Брокъ и этимъ его завѣщаніемъ мы закончимъ его некрологъ. Вѣчный труженикъ, человѣкъ на 55 году своей жизни, начавшій учиться русскому языку, ходячая энциклопедія, вмѣщавшая въ головѣ своей такую массу знаній, которой хватило бы на цѣлый десятокъ первоклассныхъ антропологовъ, онъ умеръ, какъ истинный воинъ науки, за своимъ рабочимъ столомъ.

Миръ праху твоему великій умъ, истинный работникъ, честный французъ и, главное, честный „человѣкъ“, такъ какъ самъ ты не разъ мечталъ о томъ времени, когда не будетъ „ни Эллина, ни Іудея“, а будутъ лишь люди. Самъ ты своимъ братскимъ поцѣлуемъ въ Москвѣ, въ 1879 году привѣтствовалъ гостя мой на эту тему! Хотя ты умеръ, но знай, что по тебѣ остались продолжатели и имя твое свято сохранится нами въ поученіе потомству!

В. Майновъ.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛЕЗАРИИ. ¹⁾

АО СИХЪ порѣ еще не удалось серьезнымъ изслѣдователямъ очистить вполне исторію отъ массы апокрифическихъ подробностей, которыя вкрались въ описаніе дѣйствительности и не могутъ не вредить ясному пониманію тѣхъ политическихъ и общественныхъ отношеній, которыя существовали въ моментъ разсказываемаго этимъ апокрифомъ факта. По большей части эти апокрифическія вставки ничего не прибавляютъ, дѣйствительно, цѣннаго для историка и касаются преимущественно частныхъ; но благодаря имъ иногда исторической личности приписываются такія рѣчи и такія дѣянія, которыя съ особенною охотою запоминаются, но отнюдь не обрисовываютъ характера даннаго лица, а только затемняютъ его историческій портретъ. Когда такія сказки исходятъ изъ самаго народа, когда такая легенда берется прямо изъ народной устной поэзіи, то личность историческая не только ничего не теряетъ, но иногда даже еще рѣзче очерчивается въ такомъ апокрифическомъ случаѣ; но когда фактъ или рѣчи придумываются какимъ нибудь досужимъ монахомъ-лѣтописцемъ или позднѣйшимъ риторомъ или поэтомъ, то выдумка затемняетъ историческую личность и послѣдняя является передъ нами совершенно не въ свойственномъ ей свѣтѣ. Благодаря приписываемому Суворову приказанію солдатамъ копать могилу на Санъ-Готардѣ, личность знаменитаго полководца уясняется намъ еще болѣе; преданіе о просьбѣ, выраженной Петромъ безпоповскимъ депутатамъ, молиться за него какъ „за раба Божія Петра“ еще рѣзче очерчиваетъ передъ нами этотъ могучій и строго разумный типъ и напротивъ того, всѣ исторіи о хожденіи Александра Великаго со стихами Гомера по мѣ-

¹⁾ Erreurs et mensonges historiques. Par. M. Ch. Barthelemy и Ист. Рос. Академіи. Сухомлинова, т. II.

сту блгой Трои, о послѣднихъ словахъ Нерона, когда онъ требоваль рукоплесканій за исполненную имъ комедію жизни и т. п. только скрываютъ сущность этихъ историческихъ типовъ, ничего не разъясняя и лишь затемняя дѣйствительность.

Къ числу такихъ излюбленныхъ почему-то риторамъ и поэтамъ личностей относится и полководецъ Велизарій. Пылкое воображеніе фантастовъ сдѣлало изъ него какого-то страдальца за истину, которую онъ, будто бы, слишкомъ охотно высказываль сильнымъ міра сего; въ уста его влагалось все то, что философы думали сами; уличенные имъ деспоты и тираны, возмущенные услышанною отъ него правдою, будто бы обрушивали на него свой гнѣвъ и потому явилась легенда о лишенномъ по приказу императора зрѣнія старцѣ Велизаріѣ, который принужденъ былъ выпрашивать себѣ дневное пропитаніе на улицахъ и площадяхъ не разъ спасенной имъ отъ гибели Византіи.

Крайне интересно то обстоятельство, что ни одинъ изъ современныхъ великому полководцу писателей не говоритъ ровно ничего объ опалѣ Велизарія и еще менѣе о его ослѣпленіи и нищетѣ; но, какъ бываетъ и до сихъ поръ, достаточно было явиться смѣлому и не особенно стоящему за правду писателю, чтобы публика, позабывъ о молчаніи серьезныхъ историковъ, въ силу увлекательности и романтичности сюжета придуманной имъ легенды, повѣрила ему на слово и стала повторять сочиненную имъ басню. Подобнымъ неразборчивымъ авторомъ оказался нѣкій монахъ Іоаннъ Цецесь, который при составленіи своихъ Хиліадъ черпаль свѣдѣнія безъ всякаго разбора отовсюду и въ случаѣ нужды не чуждался даже того, чтобы присочинить кое-что, могущее заинтересовать читателя, Цецесь жилъ въ XII вѣкѣ, когда вообще историческая литература Византіи переживала періодъ упадка и подобные ему авторы были не въ диковину; понятно поэтому, съ какимъ удовольствіемъ этотъ историкъ ухватился за легенду объ ослѣпленіи и нищетѣ Велизарія, которую онъ не только цѣликомъ привелъ въ своихъ Хиліадахъ, но даже постарался подтвердить, помѣстивъ въ своемъ сборникѣ какіе-то очень плохіе стихи на ту же полную романтизма тему. Іоаннъ собственно говоря, былъ скорѣе поэтъ и грамматикъ; никогда не отличался онъ серьезною подготовкою, для серьезнаго историческаго труда и зачастую перепутываль и имена, и событія; именно подобная путаница случилась у него и съ Велизаріемъ. Онъ слышалъ, а быть можетъ и читаль нѣчто подобное, случившееся съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ, и не имѣя ни времени, ни охоты добираться, съ кѣмъ именно все это случилось, легкомысленный историкъ припуталь весь эпизодъ къ имени Велизарія и пустиль его въ ходъ на потребу досужаго люда. Нѣчто подобное дѣйствительно случилось съ Іоанномъ Капандовійскимъ; будучи префектомъ преторіи, онъ въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ тиранствовалъ въ имперіи и возбудилъ противъ себя все-

общее негодованіе. Наконецъ, насталь моментъ расплаты за его звѣрства и несправедливости, такъ какъ Іоаннъ былъ брошенъ въ темницу и безжалостно сѣченъ плетьюми; тутъ подѣ ударами плети принужденъ онъ былъ повѣдать судьямъ всю свою жизнь и всѣ злодѣянія свои, а пытка между тѣмъ не прекращалась и палачъ, быть можетъ, и самъ пострадавшій когда нибудь отъ этого тирана все тѣшился и тѣшился надъ его и безъ того уже исполосованнымъ тѣломъ; въ концѣ концовъ его посадили на судно, отправлявшееся въ Египеть, и не дали ему съ собою ничего иного, кромѣ тѣхъ рубищъ, которыя едва прикрывали его измученное тѣло; едва только судно приходило въ какой нибудь попутный портъ, какъ ссыльнаго выводили на берегъ и, вода по улицамъ, заставляли просить у проходящихъ милостыню. Такимъ образомъ, унижали этого гордаго человѣка всю дорогу и привезли, наконецъ, на мѣсто его ссылки, въ городъ Антинополь въ Египтъ. Вотъ тотъ дѣйствительно историческій фактъ, который по неразборчивости Цецеса сдѣлался основой для его сказки о Велизаріи, пришедшейся по вкусу Византійскимъ гуманистамъ; эти послѣдніе ухватились за легенду и главнымъ образомъ за фактъ глубокой несправедливости, оказанной властителями Новаго Рима приверженцу правды и истины, и, изгнанные изъ Византіи въ XV вѣкѣ, они перенесли выдумку въ Италію, а отсюда уже и далѣе въ западную Европу, введя въ заблужденіе многихъ весьма серьезныхъ писателей того времени, которые восхитились возможностью вложить въ уста великому полководцу всѣ философскіе взгляды, выработанные и продуманные ими самими; пристрастіе тогдашняго читающаго люда ко всему романтическому помогло дѣлу и легенда о несчастномъ слѣпцѣ Велизаріи сдѣлалась скоро общенароднымъ достояніемъ; всюду видѣли образъ этого великаго поборника истины и когда открыли чудную античную статую, представлявшую старца, то, не задумываясь ни на минуту, признали въ ней, нищенствующаго Велизарія, хотя по античной красотѣ работы статуя эта и не могла относиться къ VI вѣку, когда жилъ Велизарій и когда искусство находилось уже на степеніи упадка. Уже въ XVII вѣкѣ легенда о Велизаріи сдѣлалась достояніемъ сцены и до 1681 года, доставила сюжетъ для пяти трагедій, изъ которыхъ двѣ были представлены въ Бургундскомъ дворцѣ въ Парижѣ; публика восторгалась сюжетомъ и отрывки изъ рѣчей Велизарія повторялись многими наизусть, какъ образчикъ гражданскаго мужества и защиты слабыхъ противъ сильныхъ.

Въ XVIII вѣкѣ восхищеніе измышленнымъ типомъ „стояльца за правду“ не только не прекратилось, но напротивъ того заразило людей высокой талантовости и, благодаря ихъ произведеніямъ, Велизарій получилъ еще большую популярность. Случайно, Ванъ-Дикъ увидалъ разъ въ музеѣ Боргези, знаменитую статую „нищенствующаго Велизарія“, увлекся ею и увѣвовѣчилъ сказку на одной изъ лучшихъ своихъ картинъ; благодаря гениальному живописцу личность

„несчастнаго полководца“ окружилась еще новымъ ореоломъ. Вся семья Мармонтеля страдала наследственною грудною болѣзнію; извѣстный Мармонтель былъ въ полной увѣренности, что и онъ страдаетъ тѣмъ же пагубнымъ для его предковъ недугомъ. Въ 1767 году онъ дѣйствительно занемогъ и порѣшилъ, что остатокъ дней своихъ посвятить написанію какой нибудь басни съ возвышеннымъ сюжетомъ и подкладкою. На грѣхъ, какъ разъ передъ его болѣзнію, ему подарили гравюру съ картины Ванъ-Дика... „Часто“, говоритъ Мармонтель въ своихъ мемуарахъ (т. III стр. 27 изд. 1804 г.)—„засматривался я на это великое твореніе и невольно удивлялся, что поэты давно не воспользовались такимъ благодарнымъ, высоко-правственнымъ и интереснымъ сюжетомъ“. Какъ и слѣдовало ожидать, Мармонтель ничего не зналъ о томъ, что Велизарій давно уже являлся сюжетомъ 5 трагедій и что писано о немъ было не мало. „Меня охватило желаніе воспользоваться этимъ превосходнымъ сюжетомъ и написать на эту тему романъ въ прозѣ; едва лишь мысль эта явилась въ моей головѣ, какъ недугъ мой словно по мановенію волшебнаго жезла вдругъ замеръ, прекратился... О изумительная сила воображенія! Наслажденіе самому придумать фэбулу будущаго романа, забота о ея отдѣлкѣ и развитіи... все это вмѣстѣ охватило все мое существо и какъ бы отторгло меня отъ самаго себя до такой степени, что я поневолѣ могъ повѣрить всевозможнымъ рассказамъ объ экстагическомъ всоторгѣ, въ который впадаютъ нѣкоторые люди подъ вліяніемъ сильныхъ потрясеній и иныхъ духовныхъ причинъ... Знакомые приходили ко мнѣ, спрашивали о моей болѣзни, а я отвѣчалъ имъ не впадѣ, говорилъ о другомъ, такъ какъ голова моя была занята другимъ—я думалъ лишь о Велизаріи“...

Никогда свѣтъ не производилъ такихъ любителей историческихъ выдумокъ, какимъ былъ знаменитый фернейскій философъ, а потому, едва лишь разнесся слухъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новаго философскаго романа Мармонтеля, Вольтеръ тотчасъ же написалъ автору самое сочувственное письмо, которое проникнуто было романтизмомъ влюбленнаго юноши... „Я буду ждать вашего Велизарія“ — писалъ Вольтеръ, „сюжетъ этотъ достоинъ вашего пера: онъ интересенъ, правствененъ, полонъ политической мудрости; великія истины рассказываются въ немъ... Если бы мы были болѣе разсудительны, то я посоветовалъ бы вамъ написать на этотъ сюжетъ трагедію“. Совѣтъ этотъ не пропалъ даромъ.

Окончивъ своего „Велизарія“, Мармонтель прочелъ рукопись Дидро и наследному принцу Брауншвейгскому, посѣтившему въ то время Францію; оба слушателя восхищались вмѣстѣ съ самимъ авторомъ и книгу отдали въ печать. Самъ Мармонтель нисколько не скрывалъ, что романъ есть ничто иное, какъ плодъ его разыгравшейся фантазіи... „Я знаю“, говоритъ онъ въ предисловіи „и не думаю даже скрывать того, что сюжетъ моего романа основанъ лишь на народномъ пре-

даніи, а не на историческомъ фактѣ; но въ томъ то и дѣло, что это преданіе затмило собою дѣйствительность и иначе Велизарія нельзя себѣ представить, какъ именно такимъ, каковъ онъ обрисованъ въ романѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что положилъ въ основаніе всего своего произведенія завѣдомую ложь, Мармонтель вложилъ въ уста дѣйствующихъ лицъ всѣ возможные философскія истины, до которыхъ додумался самъ авторъ и его современники и всѣ нападки на религію, королевскую власть и существующій современный порядокъ, которыя были въ ходу въ обществѣ французскомъ и далеко не соответствовали убѣжденіямъ и воззрѣніямъ VI вѣка. Понятно, что Велизарій былъ запрещенъ Сорбонною и 31 января 1768 года появилось объясненіе этого запрещенія со стороны архіепископа парижскаго.

Достаточно было уже одного этого запрещенія, чтобы романъ Мармонтеля вошелъ въ моду и сталъ раскупаться на расхватъ; энциклопедисты, а съ ними вмѣстѣ и всѣ великіе умы Европы объявили романъ этотъ величайшимъ произведеніемъ вѣка, оставивъ въ сторонѣ основную ложь и всю нелѣпность положенія византійца VI вѣка, говорящаго языкомъ философовъ XVIII вѣка. Первымъ поднялъ вличъ самъ Вольтеръ. „Явился Велизарій“,—говоритъ онъ— „мы всѣ на него набросились, какъ обжоры. Пятнадцатая глава всего болѣе обращаетъ на себя наше вниманіе; это глава о терпимости, катехизисъ царей; это свобода мысли, доказанная съ изумительнымъ мужествомъ и знаніемъ дѣла; что можетъ быть умнѣе и смѣлѣе этой главы?“ На другой день Вольтеръ писалъ Даламберу, что Велизарій переводится почти на всѣ европейскіе языки, а самъ Мармонтель пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что книга разошлась въ 9000 экземпляровъ и что „письма государей Европы и великихъ умовъ того времени приходили къ нему ежедневно и всѣ были наполнены похвалами роману, который признавался руководствомъ царей“. Всѣхъ болѣе восхищалась „Велизаріемъ“ наша Великая Екатерина. „Книга эта“, писала императрица,— „достойна быть переведенною на всѣ языки; Велизарій убѣдилъ меня вполне, что истинная слава состоитъ въ примѣненіи принциповъ, проповѣдуемыхъ съ такимъ самоотверженіемъ героемъ романа“.

Экземпляръ своего Велизарія Мармонтель послалъ императрицѣ черезъ Бецкаго и получилъ очень скоро собственноручное письмо Екатерины, въ которомъ послѣдняя прямо заявляетъ о своемъ намѣреніи перевести романъ на русскій языкъ; черезъ мѣсяцъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вольтеру (29 мая 1766) она заявляетъ ему что переводъ уже готовъ. Случилось, что какъ разъ въ это время императрица, въ сопровожденіи всего своего блестящаго двора, путешествовала по Волгѣ; роскошная галера монархини была приспособлена такимъ образомъ, что составляла какъ бы плавучій домъ и путники не только могли не чувствовать усталости и трудовъ путе-

шествія, но жили на галерѣ съ полнымъ комфортовъ и не мѣняя ни въ чемъ своихъ привычекъ и любимыхъ занятій. Императрица, восхищенная Велизаріемъ, не стала откладывать дѣла въ дальній ящикъ и собравъ свою свиту, предложила приближеннымъ взяться за переводъ „катехизиса царей“. Конечно всѣ поспѣшили согласиться, книга была тотчасъ же раздѣлена по числу сотрудниковъ на одиннадцать частей и всѣ дружно принялись за работу.

Въ переводѣ Велизарія принимали участіе слѣдующія лица: прежде всего сама Екатерина, затѣмъ графъ Андрей Шуваловъ, въ которомъ самъ Вольтеръ признавалъ высоко талантливаго поэта, Елагинъ, графъ Чернышевъ, Козьминъ, графы Григорій и Владиміръ Орловы, Волковъ, Нарышкинъ, Бибииковъ, князь Семень Мещерскій и Козицкій. Большинство переводчиковъ въ совершенствѣ обладали языками французскимъ и русскимъ, а нѣкоторые сдѣлались впоследствии и извѣстны въ литературѣ, какъ напримъ Елагинъ, Козицкій, Нарышкинъ, Козьминъ и Шуваловъ; что касается до Бибиикова, то самъ Державинъ свидѣтельствуешь, что онъ издавна и охотно занимался словесностью и весьма хорошо писалъ по русски. Нечего и говорить о Волковѣ, который и при Петрѣ III извѣстенъ былъ своимъ умѣнемъ писать, что доказывается составленнымъ имъ манифестомъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи. Шуваловъ, Козицкій и Владиміръ Орловъ были членами знаменитой въ исторіи русскаго развитія коммисіи для перевода иностранныхъ книгъ, а нѣкоторые изъ остальныхъ переводчиковъ, какъ напримѣръ Елагинъ, Козицкій и Нарышкинъ сдѣлались впоследствии членами Россійской Академіи; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что почти всѣ сотрудники въ переводѣ романа Мармонтеля принимали большее или меньшее участіе въ трудахъ законодательной коммисіи, открытой вскорѣ по возвращеніи императрицы изъ поволжской поѣздки.

Волкову пришлось поработать больше всѣхъ остальныхъ, такъ какъ на его долю пришлось перевести шестую, девятую, одиннадцатую и двѣнадцатую главы, т. е. почти четвертую часть всей книги. Великая Екатерина взяла на себя переводъ небольшой по размѣрамъ девятой главы, которая однако представляла цѣлую массу трудностей уже потому, что содержаніе ея было очень щекотливо; самъ Мармонтель долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы императрица сама перевела цѣлую главу и къ тому же такую, въ которой безграничное самовластіе подвергается самымъ ужаснымъ нападкамъ и осуждается, какъ нѣчто незаконное и безнравственное. Самый выборъ императрицы достаточно рѣзко обрисовываетъ характеръ этой великой женщины; слогъ ея отличается силою и во всякомъ словѣ перевода чувствуется, что переводчица вполне сочувствуетъ тексту. Хотя переводъ и былъ нѣсколько разъ напечатанъ, однако мы позволимъ себѣ привести здѣсь именно отрывокъ изъ девятой главы Велизарія, который рѣзко обрисуетъ намъ величіе высокой переводчицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покажетъ, какъ

несообразна съ какимъ либо подобіемъ правды выдумка Мармонтеля, заставляющаго грубаго Велизарія говорить слогомъ своихъ друзей—энциклопедистовъ и думать ихъ мозгами. Приводимый ниже отрывокъ заимствуется нами изъ изданія 1768 года „Велизеръ, сочиненія господина Мармонтеля, члена французской академіи, переведенъ на Волгѣ“ и помѣщенъ на стр. 104—105 и 113—114 этой книги.

Велизарій говоритъ однажды слѣдующее: „Тайность, которую скрываютъ отъ гордыхъ монарховъ, и которую добронравный государь знатъ достоинъ, есть та, что нѣтъ самовластія кромѣ власти законовъ, и что тотъ, который по своей волѣ царствовать хочетъ, есть невольникъ. Законъ есть соединеніе соглашенныхъ хотѣній въ одно, слѣдовательно власть его содѣйствіе всѣхъ силъ государства. Напротиву того воля одного, когда она не справедлива, имѣетъ противъ себя тѣ же самыя силы, кои должно раздѣлить, обуздать, разрушить или побѣдить. Тогда тираны прибѣгаютъ, то къ льстецамъ, кои прельщаютъ народъ, удивляютъ его, устрашаютъ и повелѣваютъ покориться; то къ подлымъ душамъ, кои, продавая кровь отечества и ходя съ мечемъ въ рукахъ, отрубаютъ головы, свергающія съ себя иго и смѣющія призывать въ помощь права естественныя. Оттуда междуусобныя брани, гдѣ братъ брату говоритъ: умри или покорись мучителю, который мнѣ даетъ плату, чтобы тебя умертвить. Тиранъ, гордясь, что царствуетъ силою оружія или странными ослѣпленіями суевѣрія, похваляетъ самъ себя. Но да трепещетъ, если хотя на мгновеніе ока перестанетъ льстить гордости или подкрѣплять своевольство опасныхъ своихъ участниковъ. Служа ему, они ему грозятъ, или за плату послушанія требуютъ ушущенія. И такъ, чтобы утѣшать одну часть народа, дѣлается онъ невольникомъ другой; столь низокъ и подлъ съ сообщниками своими, сколько пышенъ и суровъ съ прочими своими подданными. Да стережется онъ неволить или обманывать въ ихъ ожиданіи тѣхъ страсти, кои ему помогаютъ. Онъ знаетъ, сколько они люты, понеже для него они разрушили всѣ союзы естества и человѣчества... Познавать самого себя, познавать людей; а для лучшаго познанія давать со всѣхъ сторонъ свободный ходъ просвѣщенію; имѣя въ омерзеніи неосновательные доносы, одобрять и защищать тѣхъ, кои открываютъ явно злоупотребленія, именовъ его учиненныя: сіе то называю я любовію къ истинѣ, и симъ то образомъ будетъ любить ее государь, который увѣренъ, что онъ не можетъ быть великимъ какъ по мѣрѣ его правосудія“.

Достаточно прочесть этотъ отрывокъ для того, чтобы понять, почему никто не взялъ на себя перевода девятой главы и почему именно эту главу выбрала для себя Екатерина. Переводъ, благодаря раздѣлнѣю труда, былъ оконченъ весьма скоро, но самое участіе нѣсколькихъ лицъ въ переводѣ должно было оказать на послѣдній свое вліяніе; вліяніе это заключается уже въ способѣ писать самое имя героя, который называется то Велизерій, то Велизаромъ, то Велизаромъ, то

Велизаріемъ, то, наконецъ, Велисаріемъ. Сама императрица, которая приняла на себя труды по общей редакціи всего перевода, называла его Велизаромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она прямо высказалась за то, чтобы Елагинское правописаніе „Велизеръ“ было удержано въ заглавіи и кромѣ того тщательно сохраняла всѣ особенности рѣчи и слога отдѣльныхъ сотрудниковъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, такое охраненіе особенностей могло нагляднѣе всего показать ту цѣль, съ которою люди, никогда не занимавшіеся до того момента переводами, потратили свой трудъ на переводъ именно Велизарія. Екатерина до такой степени предана была идеѣ Велизарія, что предприняла цѣлый рядъ попытокъ и мѣръ для того, чтобы какъ можно болѣе распространить въ публикѣ облюбованную ею книгу, дабы „подданные ея знали о связи существующей между нею и ими“; имѣя въ виду именно эту высокую цѣль, редакція обращала лишь самое незначительное вниманіе на выправленіе слога и на его единообразіе, а заботилась главнѣйшимъ образомъ о томъ впечатлѣніи, которое книга произведетъ на публику своимъ содержаніемъ.

Видимо Екатерина придавала огромное значеніе роману Мармонтеля, а потому и пришлось долго избирать лицо, которое было бы вполне достойно посвященія ему книги. Такимъ лицомъ оказался тогдашній епископъ тверской Гавріиль. Самое путешествіе императрицы по Волгѣ было начато съ Твери, гдѣ за разнаго рода приготовленіями къ долгому плаванію по неволѣ пришлось остановиться на нѣсколько дней; въ виду того, что дворца въ городѣ не было, монархиня остановилась въ домѣ епископа Гавріила и скоро успѣла оцѣнить его глубокой философскій умъ и чрезвычайную человѣчность; Гавріиль сдѣлался необходимымъ собесѣдникомъ императрицы въ продолженіи всего ея пребыванія въ Твери, такъ что она посѣтила его и въ загородномъ архіерейскомъ домѣ и убѣдила его еще разъ повидаться съ нею на пути; Гавріиль, конечно, успѣшилъ выполнить лестную для него волю мулрой Екатерины и выѣхалъ на встрѣчу императорской галерѣ въ Калязинѣ. Тутъ онъ произнесъ свое замѣчательное слово на посѣщеніе императрицы, и слово это, по словамъ самой Екатерины „запало всѣмъ въ душу, такъ какъ было проникнуто такими же чистыми нравственными началами, какъ и книга Мармонтеля“. Екатерина вполне оцѣнила эту выдававшуюся тогда среди высшаго русскаго духовенства личность и рѣшила посвятить „Велизарія“ именно Гавріилу, такъ какъ онъ и „мыслями, какъ добродѣтелю, съ Велизаріемъ сходень“. Самое посвященіе поручено было составить графу Андрею Петровичу Шувалову и мнѣніе, распространенное преимущественно на западѣ, будто бы его писалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ совершенно не вѣрно, что видно уже изъ перваго изданія „Велизарія“.

Такимъ то образомъ басня о Велизаріи попала въ нашу литературу, получила въ ней право гражданства и даже перешла въ учеб-

ники всеобщей исторіи, которые еще такъ недавно составлялись подобно Хиліадамъ Цецеса. Изъ литературы печатной, сказка передалась во Франціи и народу, который, страдая самъ, по неволѣ проникся чувствомъ уваженія къ фиктивному страдальцу, сложилъ въ честь его нѣсколько пѣсней, изъ которыхъ одна, принадлежащая перу Непомука Лемерсье ¹⁾ въ переводѣ попала и въ нашу литературу ²⁾; всякій изъ насъ непремѣнно училъ наизусть когда то высоко цѣнимое произведеніе Мерзлякова, приводившее въ восторгъ нашихъ бабушекъ и вызывавшее на ихъ глазахъ слезы сочувствія, но далеко не всякій изъ насъ зналъ, что типъ этого несчастнаго старца есть ничто иное, какъ плодъ досужей фантазіи не менѣе досужихъ людей, которые, проникнувшись идеями XVIII вѣка, захотѣли сдѣлать изъ Велизарія такого же гуманиста, какими они были сами и окружили его ореоломъ нищеты и несчастья, ради того, чтобы еще сильнѣе повліять на душу своихъ читателей и безъ того уже всегда склонныхъ къ увлеченію всѣмъ, что имѣетъ романической отгѣнокъ...

На самомъ дѣлѣ, Велизарій, по свидѣтельству хроники Іоанна Малалы, дѣйствительно подвергся опалѣ при дворѣ Юстиніана; жизнь его была пощажена, но все имущество его было конфисковано въ пользу казны и самъ онъ былъ объявленъ подъ домашнимъ арестомъ, который продолжался съ декабря 563 по іюль 564 года. Скоро слѣдствіе надъ великимъ полководцемъ окончилось, и доказало его полную невинность; тогда его немедленно выпустили на свободу и возвратили ему его достояніе. Но не долго прожилъ Велизарій послѣ этого все же грустнаго недоразумѣнія и въ мартѣ 565 года скончался совершенно спокойно въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ.

Не мы одни, европейцы, преклонялись предъ сказкою Цецеса и Мармонтеля, такъ какъ и до сихъ поръ турки помнятъ имя вели-

¹⁾ Вотъ подстрочный переводъ пѣсни:

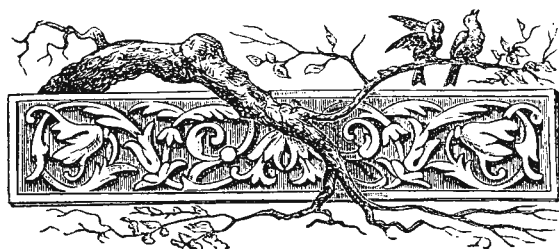
„Юное дитя, со шлемомъ въ рукахъ,
„Ходило, прося на бѣдность
„Слѣпому старцу, оставшемуся безъ хлѣба,
„Но славному въ Римѣ и Византіи.
„Онъ говорилъ всякому прохожему,
„Тронутому его благородною нищетою:
„Дайте оболь дитятъ,
„Которое служить бѣдному Велизарію“.

²⁾ Помѣщаемъ здѣсь ради сравненія съ произведеніемъ Лемерсье и стихотвореніе Мерзлякова:

„Малютка, шлемънося,
„Просилъ для Бога пищи лишь дневныя
„Слѣпцу, котораго водилъ,
„Къ славнымъ Римъ и Византіи.
„Тронитесь жертвою судьбы,
„Онъ такъ прохожихъ умоляетъ,
„Подайте мальчику на хлѣбъ,
„Онъ Велизарія питаетъ.

каго полководца и рассказывают все ту же басню о великомъ „Велизаріи“ греческомъ газе. Въ Константинополѣ и теперь еще показываютъ любопытному путешественнику темницу, носящую названіе „башни Велизарія“; башня эта стоитъ у самаго берега моря по дорогѣ изъ великаго серала къ семибашенному замку и народъ увѣрять, что еще недавно изъ одного окошка этой темницы висѣлъ на веревкѣ мѣшокъ, который Велизарій во время своего заточенія спускалъ до земли со словами: „Дайте оболъ Велизарію, возвышенному счастьемъ и ослѣпленному изъ зависти“.

В. Корніевскій.

НОВЫЕ МЕМУАРЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХѢ XVIII ВѢКА.

(VON DEN SEVENNEN BIS ZUR NEWA (1740 — 1805). EIN BEITRAG ZUR GESCHICHTE DES 18 JAHRHUNDERTS. NACH HANDSCHRIFTLICHEN NACHLÄSSEN VON A. GRAFEN THÜRHEIM. WIEN. 1879. IV—481).

ДВА ЛИ какая-либо эпоха всемірной исторіи болѣе богата мемуарами, чѣмъ конецъ прошлаго и начало нынѣшняго вѣка, періодъ французской революціи 1789 года. Представители и сторонники почти всѣхъ существовавшихъ тогда партій оставили потомству записи событій, свидѣтелями которыхъ они были, и впечатлѣній, которыя они пережили. Обиліе такой литературы даетъ возможность позднѣйшему изслѣдователю не только изучить факты со всею ихъ обстановкою, но и познакомиться съ мыслями, чувствами, взглядами современниковъ, ясно представить себѣ живую картину тогдашней жизни. Правда, подобные историческіе источники не всегда надежны: современность слишкомъ сильно захватываетъ автора, вслѣдствіе чего безпристрастіе довольно рѣдко въ мемуарахъ; но обиліе такихъ памятниковъ, написанныхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, съ одной стороны, и искренность авторовъ, часто не имѣющихъ въ виду публики, съ другой, служатъ достаточнымъ критеріемъ истины. Зная религіозныя убѣжденія и политическія стремленія составителя, не трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отличить субъективную окраску въ его запискахъ. Отъ этого общаго почти всеѣмъ подобнымъ сочиненіямъ недостатка не свободенъ также и графъ Эстергази, по запискамъ котораго главнымъ образомъ составлена названная выше книга Тюргейма; но здѣсь пользованіе источникомъ осложняется еще тѣмъ, что Тюргеймъ не ограничился простымъ изданіемъ записокъ или прибавленіемъ къ нимъ комментарія. Онъ положилъ ихъ въ основаніе своей книги, дополнивъ заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія своими историческими соображеніями, а также и другими данными, заимствованными частію изъ печатныхъ, частію

изъ рукописныхъ источниковъ. Хотя слова записокъ Эстергази и другихъ рукописей и приводятся иногда буквально, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло не прямо съ источникомъ, но съ обработкою, не чуждою при томъ тенденціозности.

Графъ Тюргеймъ ставитъ себѣ двѣ весьма интересныя задачи. „На этихъ страницахъ, говоритъ онъ, мы пишемъ не исторію, а только историческія картины, портреты и характеристики замѣчательныхъ личностей“. Другую его задачу составляетъ „изображеніе отдѣльныхъ важныхъ моментовъ по описаніямъ очевидцевъ и современниковъ“ (стр. 287). Къ сожалѣнію, рѣшены эти задачи далеко не удовлетворительно. Дѣйствительно, въ его книгѣ мы находимъ чрезвычайно много описаній разнообразныхъ личностей всѣхъ странъ, но въ большинствѣ случаевъ это не портреты и характеристики, а простые формулярные списки. Вѣднѣе и сухость изображенія тѣмъ не извинительнѣе, что у автора часто находилась подъ рукой живая рукописная литература въ видѣ дневника, переписки и т. п. Такіе источники имѣлъ онъ, напримѣръ, для характеристики лицъ, окружавшихъ Марію Терезію. Онъ „читалъ съ большимъ интересомъ рядъ писемъ княгини Траутсонъ къ своей сестрѣ, и они представили ему ясную картину эпохи“ (101). Но никакой картины читатель не находитъ въ книгѣ; вмѣсто живыхъ характеристикъ тянется на страницахъ перечисленіе придворныхъ въ такомъ родѣ: „графъ Фридрихъ Вильгельмъ Гаугвицъ, государственный министръ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ измѣненій, происшедшихъ съ 1748 года во внутренней политикѣ Австріи; по словамъ современниковъ, онъ первый нанесъ смертельный ударъ старымъ сословнымъ отношеніямъ, аристократіи и феодализму. Въ частной жизни онъ считался другомъ своихъ друзей; умеръ въ 1765 г.“ (105). Живо написаны у Тюргейма только тѣ характеристики, которыя онъ цѣликомъ заимствуетъ у Эстергази или изъ печатныхъ источниковъ ¹⁾.

Если отсутствіе у автора художественнаго таланта препятствуетъ живо представить симпатичныя ему личности, то односторонній взглядъ на революцію и узкое пониманіе ея причинъ не позволяютъ ему вѣрно оцѣнить революціонныхъ дѣятелей и правильно изобразить важные моменты эпохи. Революція, съ его точки зрѣнія, простой мятежь, бунтъ противъ королевской власти; сторонниковъ и участниковъ движенія онъ постоянно называетъ „бунтовщиками“, „мятежниками“ и т. п. Самое ея происхожденіе объясняется у него случайными причинами: „при мудромъ управленіи короля и съ помощію улучшенія существующаго порядка вещей, говоритъ онъ, можно было тогда и

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, весьма схожій, но не представляющій ничего новаго портретъ Ломени де Бриенна, сдѣланный Эстергази (256 и 257); по печатнымъ источникамъ написаны живыя характеристики оригинальной личности графа Лораго (193 и слѣд.), Безанвала и вообще гостей салона Полиньякъ (202 и слѣд.).

даже гораздо позже устранить революцію“ (175). Болѣе-же всего, по его мнѣнію, виноваты въ революціи философы. Оказывается, что „секта философовъ желала ввести въ министерство архіепископа тулузскаго“, что они же побуждали молодежь къ участію въ американской войнѣ, „чтобы поддерживала мятежныхъ подданныхъ противъ государя, возбудить революцію во Франціи ¹⁾“ (259). Вообще война за независимость была, по мнѣнію Тюргейма одною изъ причинъ французской революціи. Именно, французы, принимавшіе участіе въ этой войнѣ, носили медаль въ память объявленія американской независимости. „Такое новое и республиканское украшеніе блестѣло среди столицы великой старой монархіи и могло навести на нѣкоторыя размышленія (konnte wol Einiges zum Nachdenken geben)“ ²⁾. Офицеры также носили такую медаль, и „если среди арміи абсолютнаго королевства щеголяли видимымъ знакомъ побѣды мятежнаго народа надъ своимъ законнымъ государемъ, то это было столь же страннымъ, какъ и опаснымъ признакомъ времени“ (222).

Другое обстоятельство, если не прямо обусловившее собою революцію, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ее ускорившее заключалось, по мнѣнію автора, въ англomanіи, развившейся у французовъ въ предреволюціонную эпоху. „Всей знатной молодежью, говоритъ онъ, вдругъ овладѣло общее увлеченіе — страсть къ англійской внѣшности и модамъ. Молодежь не думала о томъ, что, превращая подстриженные деревья, правильные четырехугольники, прямыя аллеи времени знаменитаго садовника, любимца Людовика XIV, Ленотра, въ англійскіе сады и парки, она вызоветъ сближенія и подражанія въ другихъ направленіяхъ; въ этомъ заключались первые зародыши политическихъ переворотовъ, реформъ, наконецъ общаго разрушенія и великой революціи. Молодежь не замѣчала, что болѣе удобный фракъ, замѣнившій широкіе съ дорогимъ шитьемъ плащи и камзолы стараго двора, обнаруживалъ общую наклонность къ равенству. Такъ какъ тогдашняя молодежь не могла еще блестѣть пылкимъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ въ общественныхъ собраніяхъ, то она хотѣла, по крайней мѣрѣ, отличатся великолѣпіемъ своихъ манежей, роскошью парковъ и быстротою скаковыхъ лошадей“. (191). Возведеніе

¹⁾ Особенно сурово относится авторъ къ Вольтеру. Триумфъ Фернейскаго патриарха въ Парижѣ даетъ ему поводъ нарисовать такую картину: „Все французское общество спѣшило аплодисментами привѣтствовать Вольтера. Не составляли еще заговора противъ правительства, но отрицали уже всякій принципъ авторитета; игралъ подкапывались подъ основанія общественнаго порядка, порокъ сталъ краснорѣчивъ, религія онѣмѣла; задолжавшая аристократія протягивала руку къ союзу съ haute finance; высшіе офицеры съ удовольствіемъ садялись за одинъ столъ съ философами; чиновники шутили и смѣялись надъ своими собственными постановленіями вмѣстѣ съ тѣми, которые открыто имъ сопротивлялись. Всѣ почтенные старыя культы французской монархіи были осмѣяны и опозорены; казалось, что наступило царство богоступниковъ, и ихъ патриархъ былъ на лицо“. (212).

²⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

въ причину революціи одного изъ случайныхъ побочныхъ теченій французской общественной жизни, теченія, бывшаго, вѣроятно, результатомъ увлеченія англійскою литературою, производитъ странное впечатлѣніе. Выходитъ, что не рационалисты, а жокеи внушили французамъ любовь къ политической свободѣ; не книги и идеи, а скаковые лошади и фраки измѣнили настроеніе предреволюціонной Франціи.

При такой узкости пониманія революціи и ея причинъ, неудивительно, что оцѣнка Тюргеймомъ лицъ, игравшихъ видную роль въ этомъ событіи, не отличается глубиною. „Всѣ эти различные дѣятели, говоритъ онъ, не любили другъ друга, и всѣ вмѣстѣ презирали герцога Орлеанскаго; но его деньги были очень по сердцу революціонной партіи и весьма пригодились ей, главнымъ образомъ для того, чтобы испортить духъ арміи, развратить солдатъ и въ концѣ концовъ вооружить всю Францію — обстоятельство, безъ котораго парижская революція осталась бы, какъ думаютъ многіе современники, дѣломъ одной партіи“ (270).

Современникамъ, не понимавшимъ, какъ это доказаль уже Токвиль, смысла происходившаго передъ ихъ глазами событія, позволительно было приписывать такое важное значеніе герцогу Орлеанскому, но встрѣтить такое мнѣніе въ сочиненіи, вышедшемъ въ прошломъ году, по меньшей мѣрѣ странно. Объясняя многое во французской революціи личными вліяніями, Тюргеймъ сваливаетъ всю вину за ея излишества на враговъ стараго порядка. Она „никогда не получила-бы безъ страстности Мирабо, мстительности герцога Орлеанскаго, суетности и ожесточенности Лафайета, тѣхъ грандіозныхъ и ужасныхъ размѣровъ, какъ это случилось въ дѣйствительности“ (275). Авторъ упускаетъ изъ виду, что всѣ эти лица были монархистами и что если ихъ дѣятельность и принимала направленіе, враждебное Людовику XVI, то это зависѣло не столько отъ нихъ, сколько отъ характера короля и его правительства.

Отношеніе къ революціи ясно показываетъ, куда клонятся симпатіи Тюргейма. Съ одной стороны онъ старается очернить всѣ дѣянія и всѣхъ дѣятелей революціи—трудъ непроизводительный, такъ какъ въ революціи безъ того достаточно темныхъ сторонъ; съ другой возвеличить старую Францію. Заключение книги представляетъ элегію въ формѣ прогулки по Версальскому дворцу и заканчивается восклицаніемъ: *il n'y a plus de cour de France!*

Въ виду всѣхъ этихъ недостатковъ книги едвали стоитъ знакомить читателя съ возрѣніями Тюргейма на значеніе того или другого событія, на историческую роль того или другого лица. Мы ограничимся только извлеченіемъ новыхъ и наиболѣе интересныхъ фактовъ, заимствованныхъ авторомъ изъ рукописныхъ источниковъ. Болѣе всего интереса представляютъ, какъ намъ кажется, описаніе посѣщенія знаменитостей эпохи (Вольтера, Руссо и Фридриха Великаго) въ дневникѣ нѣкоего Фрейнда, замѣтки о 7-лѣтней войнѣ, о фран-

цузскихъ и вѣнскихъ салонахъ, о распространеніи революціи въ войскѣ и въ провинціи и наконецъ объ отношеніи къ французской революціи Екатерины II — въ мемуарахъ Эстергази. Отрывочный характеръ книги Тургейма, сообщающей эти новыя данныя, послужитъ оправданіемъ отрывочности и нашего изложенія.

I.

Несовершеннолѣтній принцъ маленькаго владѣтельнаго дома Эрбахъ-Эрбахъ заканчиваетъ свое образованіе путешествіемъ по Европѣ и посѣщеніемъ знаменитостей эпохи; его сопровождаетъ гофмейстеръ Фрейндъ, который тщательно заноситъ въ свой дневникъ все видѣнное и слышанное во время путешествія. Прежде всего будущій государь желаетъ посѣтить Вольтера; изъ Женевы онъ письменно испрашиваетъ позволеніе у философа явиться въ Ферней и, когда разрѣшеніе было получено, приѣзжаетъ къ Вольтеру аккуратно въ назначенный часъ. Во время разговора хозяинъ высказываетъ гостю свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Германіи, замѣчаетъ, что „въ Баваріи есть три или четыре лица, которыя начинаютъ мыслить“, что у Фридриха Великаго „много талантовъ, много знаній, много военной опытности и деспотизма“. Появленіе друга дома, патера Адама, наводитъ разговоръ на религіозные вопросы. „Voilà le père Adam ex-jesuite tolerant“, представляетъ Вольтеръ своего гостя. „Если вы, католики, продолжаете онъ, то онъ отслужитъ вамъ мессу; если же вы протестанты, то помолитесь за васъ Богу“. Узнавъ, что гости протестанты, Вольтеръ замѣтилъ: „Поздравляю васъ: вы очень счастливы! Лютеръ и Кальвинъ своими глупостями много сдѣлали добра разумнымъ людямъ“. Послѣ обѣда, когда хозяинъ удалился отдохнуть, патеръ показалъ принцу и его спутнику Фернейскій домъ и картинную галерею, гдѣ находились портреты энциклопедистовъ, Екатерины II; рядомъ съ императрицею висѣло изображеніе прачки Вольтера, трубочиста и т. п. особъ (146)¹⁾. Познакомившись съ Вольтеромъ, принцъ отправился къ Руссо. Точно также и къ этому философу сначала

¹⁾ Тургеймъ сообщаетъ, по письму одной современницы Вольтера, слѣдующій, довольно невѣроятный разсказъ объ отношеніи философа къ его посѣтительницамъ. „Представленіе дамъ, а въ особенности молодыхъ и хорошенекыхъ женщинъ, сопровождалось у Вольтера весьма страннымъ обычаемъ. Именно, входя въ салонъ, онъ должны были казаться взволнованными, блѣднѣть и даже падать въ обморокъ. Потомъ бросались въ его объятія, всхлипывали или плакали — словомъ поступали такъ, какъ будто бы ими овладѣло чувство, составляющее средину между невыразимымъ удивленіемъ и страстною любовью. Это называлось у Вольтера этикетомъ представленія женщинъ, и суетный старикъ на столько привыкъ къ такой комедіи, что проста, спокойная и приличная вѣжливость казалась ему грубостью, дерзостью или даже глупостью“ (147).

отправили письмо съ просьбою назначить часъ, когда ему угодно будетъ принять путешественниковъ. „Все равно, отвѣчалъ Руссо, всякій часъ хорошъ“, и гости явились утромъ. Завязалась длинная бесѣда, но на этотъ разъ не о религіи или политикѣ, а самъ хозяинъ говорилъ о себѣ. „Онъ сожалѣлъ, пишетъ Фрейндъ, что когда-то композиторствовалъ и писалъ драмы. Первое занятіе — неблагодарно, увлеченіе же драматургіей — опасно: въ обоихъ случаяхъ поэтъ имѣетъ въ музыкантѣ и актерѣ посредника между собою и публикою, который можетъ сдѣлать смѣшнымъ автора. Если же писать историческое или философское сочиненіе, то читатель самъ въ состояніи судить, достигъ ли авторъ цѣли или нѣтъ. О своихъ сочиненіяхъ Руссо сказалъ, что, благодаря своему способу выраженія, онъ никогда не находилъ для нихъ издателя, и считаетъ большимъ счастьемъ, что поздно началъ и во время кончилъ писать: 40 лѣтъ онъ издалъ первое свое сочиненіе, а 50 рѣшился болѣе не браться за перо“. „Весь мой недостатокъ заключается въ томъ, прибавилъ философъ, что я писалъ правду“. Когда онъ говорилъ о музыкѣ, то всѣ его черты оживали, всѣ мускулы приходили въ движеніе. Онъ хвалилъ музыкальный слухъ нѣмцевъ, съ теплотой говорилъ объ итальянскихъ мелодіяхъ и съ гордымъ презрѣніемъ о французской музыкѣ. При этой бесѣдѣ присутствовало удивительно гадкое женское существо, очень не даровитое, судя по тупому и глупому выраженію лица. Хотя она не вмѣшивалась въ разговоръ, но киваньемъ головы показывала въ немъ свое участіе, отвратительно скалила зубы и постоянно выражала свое сочувствіе всему, что говорилъ ея оракуль-философъ. Это была извѣстная домоправительница Жанъ-Жака — Тереза“ (148—149).

Цари европейской мысли XVIII вѣка были гораздо любезнѣе и разговорчивѣе съ путешественниками, чѣмъ „талантливый деспотъ“, прусскій король Фридрихъ Великій, пользовавшійся почти такою же популярностью въ Европѣ, какъ и французскіе философы. Хотя принцъ и получилъ аудіенцію у короля, но не удостоился разговора Фридриха и только присутствовалъ при его бесѣдѣ съ эксъ-іезуитомъ Каналемъ, представлявшимъ королю въ это же время. Приѣмъ происходилъ въ сентябрѣ 1773 года, два мѣсяца спустя послѣ обнародованія Климентомъ XIV буллы объ уничтоженіи іезуитскаго ордена (*Dominus redemptor noster*). Фридрихъ II не предвидѣлъ еще позднѣйшаго знаменитаго Kulturkampf'a и несочувственно отнесся къ новой мѣрѣ. „Другія державы, сказалъ онъ Каналу, можетъ быть справедливо жалуются на нѣкоторыхъ членовъ общества Іисуса, но мои іезуиты всегда вели себя порядочно, и они не будутъ изгнаны, такъ какъ я считаю жестокостью наказывать невинныхъ вмѣстѣ съ виновными. Я еретикъ и большой еретикъ, поэтому папа не можетъ освободить меня отъ клятвы, по которой я долженъ оставить религіозныя отношенія въ Силезіи въ томъ видѣ, какъ я ихъ тамъ нашелъ. Вы видите, что и у насъ также есть своя религія, и папа въ душѣ не

можетъ на насъ гнѣваться: кто знаетъ, что случится! Можетъ быть когда нибудь снова понадобятся господа іезуиты, и тогда у меня будетъ ихъ разсадникъ“ (168). Пророчество короля исполнилось: іезуиты вскорѣ понадобились папамъ, но едва ли было въ интересахъ короля учреждать ихъ разсадникъ въ Пруссіи.

Дневникъ Фрейнда, наиболѣе важный, послѣ мемуаровъ Эстергази, изъ рукописныхъ источниковъ Тюргейма, заключаетъ въ себѣ только вышеприведенныя свѣдѣнія. Главная же масса фактовъ заимствована авторомъ изъ записокъ Эстергази, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

II.

Графъ Валентинъ Владиславъ Эстергази родился въ 1740 году въ городѣ Виганѣ въ Севеннахъ. Его отецъ, венгерскій эмигрантъ, былъ офицеромъ французской арміи и собственникомъ гусарскаго полка ¹⁾). Окончивъ свое образованіе въ одномъ изъ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній, молодой Эстергази поступилъ въ 1757 году въ гусарскій полкъ, гдѣ его опекунъ, графъ Берчени, купилъ ему мѣсто капитана. Въ этомъ же году, какъ извѣстно, Франція приняла участіе въ 7-лѣтней войнѣ, и полкъ Эстергази былъ назначенъ въ дѣйствующую армію. Благодаря своей исполнительности и добросовѣстному отношенію къ служебнымъ обязанностямъ, молодой капитанъ приобрѣлъ расположеніе начальства и во время зимнихъ стоянокъ легко доставалъ себѣ отпуска въ Парижъ и въ Вѣну. Обширныя связи открыли ему доступъ въ парижскіе и вѣнскіе салоны, а также и къ дворамъ Маріи Терезіи и Людовика XV, гдѣ Эстергази прислушивался къ толкамъ о политикѣ. Семилѣтняя война съ самаго начала была непопулярна во французскомъ обществѣ, питавшемъ большое уваженіе къ прусскому королю; участіе въ ней Франціи считалось личнымъ дѣломъ короля, желавшаго отмстить Фридриху за то, что прусскіе гренадеры оскорбили его родственницу, польскую королеву Марію Жозефу. Пораженіе французскихъ войскъ только возвысило въ обществѣ уваженіе къ Фридриху; всѣ неудачи сваливали на корыстолюбіе герцога Ришелье и бездарность Клермона; дѣйствительная же ихъ причина заключалась въ томъ, что въ войскѣ отражались всѣ неурядицы тогдашняго политическаго положенія дѣль во Франціи. „Поле битвы, писалъ истый солдатъ, начальникъ швейцарцевъ Рудольфъ де-Кастелла, напоминаетъ дворъ: это мѣстопребываніе интригъ, зависти и недовѣрія“ (69).

¹⁾ Въ то время во Франціи поручалось отдѣльнымъ лицамъ вербовать полки на свой собственный счетъ; за это учредителю и его потомству предоставлялось право собственности на полкъ, что доставляло денежныя доходы и почетное положеніе.

Результатъ семилѣтней войны вызвалъ во Франціи ордонансы герцога Шуазеля, который, руководясь принципами Фридриха Великаго, пытался поднять военную науку и дисциплину; были введены въ армию прусскіе регламенты; появились военные „дѣльцы“ (faiseurs), доводившіе подражаніе до крайности и только мучившіе солдатъ педантизмомъ и строгостями. Эстергази, посланный въ Германію и главнымъ образомъ въ Берлинъ изучать кавалерійское дѣло, всюду находилъ рабское подражаніе прусскому королю. Курфюрстъ Гессенскій завелъ для своихъ солдатъ форму такого же цвѣта и покроя, какъ въ Пруссіи. Но изъ такого подражанія выходило, по крайней мѣрѣ во Франціи, мало толку. Что приносило пользу молодому государству, то оказывалось непригоднымъ для старой монархіи. Реформа не привилась въ войскѣ, и Шуазель оставилъ свой постъ. Его преемникъ, маркизь Монтейнаръ, приступилъ къ реформамъ въ совершенно иномъ направленіи; онъ доставилъ участіе низшимъ офицерамъ въ хозяйственномъ управленіи полка, которое прежде вполнѣ принадлежало полковнику. „Желая пріобрѣсти популярность среди низшихъ офицеровъ и ослабить вліяніе высшихъ, преданныхъ Шуазелю, говоритъ Эстергази, онъ образовалъ изъ каждаго полка маленькую республику“ (159). Были ли эти нововведенія результатомъ личныхъ расчетовъ, или представляли собою невольную уступку новому духу — во всякомъ случаѣ они ясно показывали, что примѣръ Пруссіи не годился для руководства во Франціи.

III.

По окончаніи семилѣтней войны Эстергази сдѣлался собственникомъ гусарскаго полка, расположеннаго на югѣ Франціи. Лѣто проводилъ онъ съ своимъ полкомъ, а зимою посѣщалъ парижскіе салоны или дѣлалъ заграничныя путешествія. Близкое его знакомство съ тогдашнею общественною жизнью дѣлаетъ интересною и поучительною ту часть его мемуаровъ, гдѣ онъ рассказываетъ свои приключенія до 1789 года.

Наиболѣе видное мѣсто въ обществѣ занимали въ ту эпоху салоны герцогини Люксембургской, жены маршала Мирепуа, маркизы Деферанъ и m-me Жоффрэнъ. Два послѣдніе, собиравшіе представителей интеллигенціи, еще только начинали входить въ славу, между тѣмъ какъ хозяйки двухъ первыхъ были общепризнанными законодательницами хорошаго тона. Тамъ царили еще старыя преданія: выше всего цѣнились хорошія манеры, внѣшнее благородство въ языкѣ и поступкахъ. Всякое нарушеніе требованій салоннаго приличія, выражалось ли оно въ вульгарномъ языкѣ, или въ нерыцарскомъ поступкѣ, влекло за собою исключеніе виновнаго изъ *grande société*. Въ эти старыя салоны допускались и ученые, но не столько за свои таланты, сколько

за изящное обращеніе; герцогиня Люксембургская имѣла обыкновеніе дѣлать свою утреннюю прогулку въ сопровожденіи извѣстнаго Лагарпа; такое предпочтеніе академику она потомъ такъ объясняла своей знакомой: *Que voulez-vous, ma chère, il donne si bien le bras!*

Приговоры салоновъ были суррогатомъ общественнаго мнѣнія, только они отличались большею строгостью и влекли за собою болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ это бываетъ даже въ наше время. Исключенному изъ салона не было мѣста среди образованнаго общества. Салоны, опираясь на свою авторитетность, становились иногда даже въ оппозицію къ королю, и правительству приходилось считаться съ этой силой. Духъ фронды, всегда въ нихъ жившій и привлекавшій къ себѣ вниманіе даже знаменитаго кардинала Ришелье, въ XVIII вѣкѣ получилъ новую пищу. „Казалось довольно страннымъ, говорить Эстергази по поводу благопріятнаго отношенія салоновъ къ отставленному Шуазелю, что приверженцы Шуазеля имѣли за себя общественное мнѣніе. Мода, властительница болѣе могущественная во Франціи, чѣмъ гдѣ-либо, высказалась въ ихъ пользу. Они получили право громко, безъ стѣсненія порицать дворъ, нисколько не скрывали своего неудовольствія противъ короля, постоянно съ презрѣніемъ осмѣивали министерство, и можетъ быть, съ этой эпохи начинается несчастіе Франціи. Во всякое время были при дворѣ фрондеры; дворъ и министры осмѣивались во Франціи; но прежде нужно было скрывать порицанія, насмѣшки и пасквили, или за нихъ строго наказывали; теперь-же сопротивляться двору считалось заслугою. Съ того мгновенія, когда министръ одному изъ просившихъ позволеніе отправиться въ Шантелу (куда удалился Шуазель) отвѣтилъ, что такая просьба будетъ непріятна королю,—всѣ, даже мало знавшіе Шуазеля, считали для себя дѣломъ чести испрашивать такое позволеніе, которое, по добротѣ или слабости короля, обыкновенно давалось. Первыми просились къ Шуазелю тѣ лица, которыя стояли наиболѣе близко къ королю и пользовались его особенною милостью; если-же имъ отказывали въ ихъ просьбѣ, то они переставали являться ко двору и между собою дѣлили время“ (157—158). Въ такой формѣ проявлялась странная смѣсь старой фронды съ новой оппозиціей, опиравшейся на идеи просвѣтительной философіи; и чѣмъ болѣе приближалась революціонная эпоха, тѣмъ сильнѣе фрондировало дворянство противъ королевской власти. Въ 1786 году принцъ де-Линь замѣтилъ, что „всѣ сословія, имѣвшія прямой интересъ поддерживать монархію, соединились противъ нея“. Безпринципность этой оппозиціи проявляется иногда весьма рѣзко: смотря по обстоятельствамъ, фрондеры опираются или на свои старыя, феодальныя традиціи, или на прямо противоположныя имъ революціонныя принципы. Князь Непін, оскорбленный обращеніемъ графа д'Артуа, слѣдующимъ образомъ выразилъ ему свое неудовольствіе. „*Monseigneur!* прошу васъ не забывать, что если я имѣю честь служить вамъ, то и для васъ въ свою очередь не менѣе

шая честь имѣть меня на своей службѣ“. Но этотъ гордый аристократъ не упускаетъ случая съ злорадствомъ колкнуть королеву непопулярностью двора въ Парижѣ. Написанная имъ пьеса потерпѣла фіаско въ Фонтенеблѣ и Марія Антуаннета замѣтила ему: „итакъ, князь, ваша комедія совершенно провалилась!“ — „Да, при дворѣ, ваше величество; но поэтому она будетъ имѣть успѣхъ въ Парижѣ“ — отвѣтилъ Непін, забывая, что радоваться ему нѣтъ никакого основанія, такъ какъ настроеніе Парижа, опасное для королевскаго абсолютизма, представляло гораздо большую опасность для его аристократическихъ притязаній.

Салонная жизнь не ограничивалась однимъ Парижемъ; при обширномъ вліяніи французскаго двора, парижскіе обычаи распространялись по всей Европѣ. Эстергази хорошо зналъ вѣнскіе салоны, но изъ его описанія ихъ видно, что это была только слабая копія французскихъ, копія, напоминавшая свой оригиналъ только по формѣ и совершенно чуждая его духа и значенія. Особенно славились въ Вѣнѣ салоны „пяти княгинь“¹⁾, постояннымъ посѣтителемъ которыхъ былъ императоръ Іосифъ II. „Тамъ никогда не играли, пишетъ Эстергази, хотя это было еще общепринятымъ обычаемъ въ Вѣнѣ, никогда не занимались музыкой, читали въ слухъ только въ отсутствіе императора. Обыкновенно шелъ общій разговоръ: иногда разсуждали о философіи и морали, сообщали другъ другу свои взгляды на жизнь, говорили о событіяхъ дня, о литературѣ, о придворныхъ обычаяхъ въ разныхъ странахъ Европы, въ особенности же о версальскихъ, но никогда не заходило рѣчи о государственныхъ дѣлахъ, религіи или администраціи; если же разговоръ нечаянно касался этого пункта, то императоръ рѣзко обрывалъ его и быстро заговаривалъ о другомъ“ (170). Вѣнскіе салоны не были общественной силой; это было мѣсто отдыха императора, гдѣ все соотвѣтствовало его желанію, отъ него зависѣлъ выборъ гостей, онъ давалъ тему разговорамъ. Въ салоны „пяти княгинь“, наприимѣръ, допускались только оберкамергеръ Розенбергъ, маршалъ Ласси да нѣкоторые изъ знатныхъ гостей. Совершенно иначе шло дѣло въ парижскихъ салонахъ: тамъ король и королева были простыми, равноправными гостями. Графиня Полиньякъ, креатура королевы, не затруднилась слѣдующимъ образомъ отвѣтить своей покровительницѣ, не желавшей видѣть въ ея салонѣ нѣкоторыхъ личностей: „Я думаю, что если вашему величеству угодно посѣщать мой салонъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вы могли требовать удаленія отсюда моихъ друзей“. Эти слова принадлежатъ той графинѣ Полиньякъ, салонъ которой представлялъ во время революціи самую твердую опору ультра-консервативной партіи!

Подчиняясь вліянію старыхъ салоновъ и руководясь личными симпатіями, дворъ и въ особенности королева, часто вмѣшивались въ

¹⁾ Двухъ графинь Кауницъ, княгинь Лихтенштейнъ, Клары и Кинской.

правительственныя дѣла и связывали руки министрамъ, что увеличивало беспорядки уже разстроеннаго управленія. Эстергази описываетъ интересный примѣръ такого вмѣшательства, рассказывая одинъ случай проявленія королевскаго къ нему благоволенія. Его полку была назначена квартира въ мѣстечкѣ Монмеди, которое не понравилось шефу. Ни мало не медля, онъ отправился въ Версаль и просилъ королеву дать другую стоянку для его полка. Тотчасъ же былъ призванъ военный министръ, графъ Сень-Жермень. „Вы считаете достаточнымъ поводомъ преслѣдовать всякаго человѣка, сказала ему королева, если онъ заслужилъ мое расположеніе. Зачѣмъ вы посылаете полкъ Эстергази въ Монмеди? Это дурное мѣсто для стоянки, и кавалерія никогда тамъ не была расположена. Потрудитесь назначить ему другую квартиру“. „Но распределеніе войскъ уже окончено, отвѣчалъ дрожавшій за свое мѣсто министръ, придется отнять мѣсто у какого-нибудь стараго полка. Впрочемъ, какъ вамъ угодно! Графъ Эстергази будетъ удовлетворенъ, и ваше величество не лишитъ меня своей милости. Но королева тотчасъ-же обратилась спиною къ министру“ (206). Графъ Эстергази слушалъ весь этотъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ, и смущенный лепетъ министра не могъ, конечно, внушить полковнику чувства уваженія къ своему высшему начальству... Эстергази было предоставлено самому выбрать стоянку для своего полка, а Сень-Жермень все таки потерялъ свое мѣсто. Его преемникъ, князь Монбарри, вскорѣ потерялъ ту же участь: „онъ навлекъ на себя неудовольствіе королевы, предоставивши Понтекулану управленіе Гравелингеномъ такъ быстро, что она не успѣла выпросить у короля это мѣсто для графа Водрейля, друга графини Полиньякъ“ (226).

Чѣмъ болѣе приближался 89-й годъ, чѣмъ болѣе запутывались дѣла, тѣмъ чаще приходилось королевской семьѣ поступаться своими симпатіями при назначеніи министровъ. Уже Ломени-де-Бриеннъ былъ навязанъ королю; воспитателю королевы аббату Вермону стоило большихъ трудовъ уговорить ее не противиться врученію портфеля архіепископу Тулузскому. Точно также Неккеръ, не симпатичный всей королевской семьѣ, былъ сдѣланъ министромъ вслѣдствіе крайней необходимости. Начинали прислушиваться къ нарождающемуся общественному мнѣнію, но было уже поздно: наступала революція.

IV.

Эпоха революціи, представляющая до сихъ поръ еще много темнаго и спорнаго, описывается въ мемуарахъ Эстергази довольно одно-сторонне и только въ первый періодъ своего развитія. Отъ автора, тѣсно связаннаго со старымъ порядкомъ своими интересами, убѣжденіями и симпатіями, нельзя, конечно, ожидать безпристрастія. Тѣмъ не менѣе среди рѣзкихъ отзывовъ, невѣрныхъ характеристикъ, въ за-

пискахъ есть нѣсколько цѣнныхъ указаній наблюдательнаго человѣка, самолично видѣвшаго, какъ развивались революціонныя идеи и страсти не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Провинцію за этотъ періодъ Эстергази знаетъ даже лучше, чѣмъ столицу: еще въ 1786 году онъ былъ сдѣланъ военнымъ губернаторомъ въ Геннегау и жилъ по большей части въ Валансенѣ. Не вращаясь въ кружкахъ, сочувствовавшихъ революціи или принимавшихъ въ ней участіе, онъ мало знаетъ революціонныхъ дѣятелей и еще меньше ихъ понимаетъ. По поводу назначенія Неккера на мѣсто Ломени онъ замѣчаетъ: „невѣжду замѣнили шарлатаномъ“. Сіэсъ, въ его глазахъ, „способный метафизикъ, человѣкъ безъ потребностей и безъ всякой религіи, который въ основѣ преслѣдовалъ всякій авторитетъ и съ самолюбивымъ чванствомъ изъявлялъ притязаніе разрушить всѣ алтари и троны“ (270). Мирабо— „утонченный, образованный злодѣй“, который „былъ равнодушенъ къ ходу дѣлъ, лишь-бы только сохранялось его вліяніе. Онъ въ одно и тоже время обманывалъ и короля, и герцога Орлеанскаго и заставлялъ ихъ обоихъ платить свои огромные долги“.

Гораздо лучше знаетъ Эстергази дворъ, поэтому его замѣчанія о недостаткахъ придворной партіи иногда чрезвычайно мѣткі и цѣнны, такъ какъ мы не можемъ заподозрить ихъ безпристрастіе. Сторонникъ стараго режима, приверженецъ короля, искренно привязанный къ облагодѣтельствовавшей его королевской семьѣ, съ болью въ сердцѣ замѣчаетъ до поводу іюльскихъ событій 89-го года: „достаточно было бы 2000 человѣкъ, чтобы возстановить порядокъ! Вся вина лежала на нерѣшительности двора: дѣйствовали одни только мятежники“ (272). Эстергази кажется, что если-бы король обладалъ рѣшительнымъ характеромъ, онъ побѣдилъ-бы революцію при помощи войска и народа даже въ 1790 году. Воодушевленіе народа на Марсовомъ полѣ во время праздника Братства (14 іюля 1790 г.), его восторженные крики *vive le roi* приводятъ Эстергази къ убѣжденію, что „если-бы король сѣлъ въ этотъ моментъ на коня, объѣхалъ-бы ряды, воодушевилъ-бы ихъ сильною рѣчью, то всѣ депутаты провинцій и арміи и можетъ быть часть національной гвардіи соединилась бы вокругъ него, и этотъ праздникъ, на который такъ рассчитывали приверженцы революціи, снова возстановилъ-бы, вѣроятно, монархію; но этого не случилось!“ (348). Какъ ни сомнительно подобное предположеніе, тѣмъ не менѣе упрекъ королю въ нерѣшительности со стороны его приверженца весьма важенъ для характеристики Людовика XVI.

Занимая должность военнаго губернатора, Эстергази имѣлъ возможность наалудать за развитіемъ революціонныхъ идей въ войскахъ и провинціи. Хотя его замѣтки—суть показанія лица потерпѣвшаго и не чужды слѣдовательно извѣстной окраски, тѣмъ не менѣе всякое новое свѣдѣніе по этому вопросу, въ виду его важности и трудности, особенно интересно.

Еще Мишле замѣтилъ, что до революціи не было страны болѣе

монархической, чѣмъ Франція, и что именно здѣсь произошелъ быстрый переходъ отъ горячей любви къ не менѣе пылкой ненависти къ монарху. Особенно поучительна эта переиѣна настроенія въ арміи. Какъ революціонировалось войско? „Посредствомъ денегъ герцога Орлеанскаго, вина и публичныхъ женщинъ“, говоритъ Эстергази. Объясненіе очень простое, но настолько мало вѣроятное, что даже Тургеймъ, обыкновенно слѣпо слѣдующій за своимъ источникомъ, считаетъ нужнымъ представить иное объясненіе. „Тяжелый грѣхъ стараго правительства, говоритъ онъ, которое, осыпая часто незаслуженными милостями своихъ любимцевъ, ничего не сдѣлало для солдатъ и унтеръ-офицеровъ, былъ теперь жестоко наказанъ. Всѣ облегченія, сдѣланныя въ положеніи солдатъ, были даромъ національнаго собранія, на, которое теперь обращались всѣ ихъ надежды, между тѣмъ какъ король, бывшій до сихъ поръ въ ихъ глазахъ первоисточникомъ всякой силы и милости, все болѣе и болѣе вытѣснялся изъ ихъ представленія“ (327). Несомнѣнно, что доступъ къ высшимъ должностямъ, отиѣна продажи мѣстъ и чиновъ, дарованіе политическихъ правъ солдату — все это несравненно болѣе, конечно, привязывало армію къ новому порядку, чѣмъ деньги и прочія блага, расточаемыя щедрою рукою герцога Орлеанскаго. Тѣмъ не менѣе переходъ арміи на сторону революціи совершался довольно медленно и сопровождался нарушеніемъ дисциплины и безпорядками. Признаки революціи впервые появились въ Валансьенѣ среди городской черни: появились „эмиссары революціи“, раздался ихъ рѣчи и они начали организовать возстаніе, не щадя при этомъ ни денегъ, ни угощеній. Эстергази выставилъ передъ главною гауштвахтою двѣ пушки, но это не оставило движенія. Толпа безъ сопротивленія овладѣла пушками и „съ триумфомъ отвезла ихъ обратно въ арсеналь“; затѣмъ она разломала тюрьмы и выпустила оттуда арестантовъ. Въ войскѣ также начиналось движеніе; во время возстанія, отрядъ, охранявшій пушки, остался совершенно пассивнымъ, „такъ какъ даже среди офицеровъ было много сторонниковъ революціи“; но другіе отряды оставались еще вѣрными своей дисциплинѣ. Съ ихъ помощью Эстергази удалось усмирить возстаніе, снова запереть арестантовъ, „исключая тѣхъ, которыхъ спрятали дурно настроенные граждане (295). „Учрежденіе въ Валансьенѣ національной гвардіи, непосредственно подчиненной муниципальному совѣту, чрезвычайно сильно содѣйствовало развитію въ войскѣ революціонныхъ идей и ослабленію дисциплины. Гвардейцы, а вмѣстѣ съ ними и прочіе солдаты, предавались всевозможнымъ неистовствамъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Они разбивали нѣкоторые частные и общественные дома, всюду отискивая вина, съѣстныхъ припасовъ и кокардъ, которыя получили только національные гвардейцы. „Особенно же разсыпались солдаты по деревьямъ и тамъ безопасно предавались пьянству и насилію“ (310). Поддерживать порядокъ становилось Эстергази тѣмъ труднѣе, что у

военныхъ губернаторовъ была отнята власть надъ жителями. Онъ боялся прибѣгать къ мѣрамъ строгости, потому что не было надежныхъ исполнителей, и кромѣ того, эти мѣры могли еще навлечь непріятности со стороны національнаго собранія.

Эстергази вообще относится несправедливо о конституантѣ. Онъ считаетъ ее главной виновницей всѣхъ безпорядковъ, происшедшихъ какъ въ городахъ, такъ и въ войскахъ; въ ея интересахъ, по его мнѣнію, было уничтожить дисциплину и ввести дезорганизацію въ армію. Такое обвиненіе совершенно ошибочно. Дѣйствительно національное собраніе въ началѣ относилось снисходительно къ вспышкамъ революціи и къ виновникамъ безпорядковъ: это было проявленіе той силы, на которую она опиралась въ борьбѣ со старымъ порядкомъ. Но тамъ, гдѣ возстаніе сопровождалось грабежомъ имущества частныхъ лицъ и переходило въ разбой, собраніе одобряло строгія мѣры и само прибѣгало къ нимъ, когда могло. Что это было именно такъ, видно изъ нѣсколькихъ случаевъ, происшедшихъ съ самимъ Эстергази. Въ городкѣ Мариенбургѣ произошло возстаніе; пострадавшія частныя лица подали жалобу полицейскому лейтенанту въ Авенѣ, который отыскалъ виновниковъ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Это вызвало цѣлую бурю въ революціонной арміи, и Эстергази былъ обвиненъ передъ національнымъ собраніемъ. Губернаторъ отправилъ оправдательные документы къ президенту собранія Мунье, а копіи съ нихъ министрамъ военному и юстиціи, а также во всѣ редакціи журналовъ, которые, не зная сущности дѣла, обвиняли или защищали Эстергази. Революціонная партія проиграла процессъ. Жалобы на Валансъенскаго губернатора подавались еще не разъ въ собраніе, но постоянно оставались безъ послѣдствій. Такимъ образомъ Эстергази могъ дѣйствовать противъ безпорядковъ, пока у него были средства; но скоро эти средства исчезли.

Существовало двѣ силы, на которыя можно было опираться въ Валансъенскомъ округѣ при усмиреніи возстаній: крестьянство и избѣтная часть городского населенія съ муниципальнымъ совѣтомъ во главѣ. Насилія, произведенныя солдатами въ окрестностяхъ Валансъена, побудили крестьянъ придти съ жалобами къ Эстергази. Тотъ отправилъ ихъ въ муниципальный совѣтъ, откуда они снова явились къ нему въ сопровожденіи депутации отъ городского правленія и всѣ вмѣстѣ просили вооруженной силы для прекращенія безпорядковъ. Губернаторъ выразилъ сожалѣніе, что снисходительность гражданъ послужила причиною излишествъ со стороны солдатъ, сказалъ, что у него почти нѣтъ средствъ для прекращенія безпорядковъ, но что онъ попытается, опираясь на ихъ общее содѣйствіе, сдѣлать, что можетъ. Затѣмъ, собравъ нѣсколько оставшихся спокойными солдатъ, онъ отправился съ ними по окрестнымъ деревнямъ и привелъ оттуда перебившихся и избитыхъ крестьянами гвардейцевъ и ихъ товарищей. Но скоро и крестьянство начало переходить на сторону революціи.

Вскорѣ къ Эстергази пришло извѣстіе, что толпа крестьянъ, подъ предводительствомъ парикмахера и какого то иностранца, отправилась грабить аббатство Вигонь, славившееся своимъ богатствомъ. Мятежники были схвачены на мѣстѣ и съ помощію войска удалось повѣсить зачинщиковъ; но количество солдатъ, не передавшихся еще революціи, все уменьшалось и уменьшалось. На сторонѣ губернатора остался только городской совѣтъ да нѣсколько болѣе зажиточныхъ гражданъ. Но что же они могли сдѣлать? „На улицѣ встрѣчались только отдѣльныя группы пьяныхъ, которые пѣли и кричали, писать Эстергази. Всѣ порядочные люди заперлись въ свои дома, и городской совѣтъ въ полномъ сборѣ всю ночь засѣдалъ въ думѣ. Не было несчастія, котораго нельзя бы было ожидать на слѣдующій день“. (300) Эстергази ничего не оставалось дѣлать въ Валансьентѣ; онъ уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда за границу.

Итакъ революція въ Валансьенскомъ округѣ началась въ городѣ, продолжалась въ войскѣ и закончилась въ деревнѣ. Эстергази, не смотря на всѣ старанія, не могъ остановить ея развитія: это было историческое движеніе, уничтожавшее, подобно стихійной силѣ, всѣ препятствія на своемъ пути. Стороннику стараго режима необходимо было или покориться, или бѣжать; Эстергази предпочелъ послѣднее. Оказавшись на службѣ Людовика XVI безсильнымъ остановить революцію внутренними силами, онъ поступилъ, по волѣ короля, на службу къ принцамъ, чтобы найти для той же цѣли внѣшнихъ силъ и былъ отправленъ въ сентябрѣ 1791 года въ Петербургъ съ дипломатическою миссіей.

V.

Порученіе, данное принцами графу Эстергази, сводилось къ тремъ пунктамъ. Онъ долженъ былъ просить императрицу, чтобы она побудила во-первыхъ, Вѣнскій и Берлинскій дворы выставить войска для нѣкоторыхъ, могущихъ встрѣтиться операций; во-вторыхъ, назначила бы нѣсколько собственныхъ войскъ для совмѣстнаго дѣйствія со шведами со стороны моря, и поддержала бы, наконецъ, принцевъ необходимыми для нихъ денежными фондами. (395). Личность государыни произвела на посланника чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, и пріемъ въ Петербургѣ подалъ ему надежду на успѣшное исполненіе его миссіи. „Невозможно въ какой нибудь другой чужой странѣ быть принятымъ лучше, дружественнѣе, пишетъ онъ, чѣмъ былъ принять я въ Петербургѣ: всѣ относились ко мнѣ къ самымъ вѣжливымъ вниманіемъ“. (390). Но не смотря на это, надеждѣ Эстергази не было суждено осуществиться, по крайней мѣрѣ, вполне. Екатерина II, (скагевна, какъ онъ ее называетъ), ознакомившись съ желаніями принцевъ, немедленно рѣшила исполнить только послѣднее изъ нихъ, относительно же двухъ первыхъ дала уклончивый отвѣтъ, ожидая

прибытія курьера отъ австрійскаго императора, который долженъ былъ сообщить ей взгляды на это дѣло европейской политики.

Повидимому, первоначальный планъ дѣйствій русской императрицы по отношенію къ Франціи заключался въ томъ, чтобы, не оставаясь безучастной зрительницей революціи, дѣйствовать въ общемъ хорѣ державъ. По ея мнѣнію, слѣдовало оказать поддержку эмигрировавшимъ принцамъ деньгами и войскомъ, если они найдутъ хотя какое-нибудь сочувствіе на родинѣ. Но извѣстія изъ Вѣны измѣнили ея намѣреніе. Оказалось, что Людовикъ XVI, обращаясь за помощью къ иностраннымъ государямъ, не только не желалъ видѣть братьевъ во главѣ чужихъ войскъ, но просилъ даже Леопольда II сохранить отъ нихъ въ тайнѣ планъ похода. Не одобряя такой политики, Екатерина отправила принцамъ дружественное письмо, въ которомъ, соглашаясь на денежную субсидію, отказывалась отъ дѣятельнаго вмѣшательства во французскія дѣла. Она ссылалась на отдаленность отъ Франціи своего государства и на не совѣмъ окончившуюся еще турецкую войну и находила даже, что сосредоточеніе такихъ силъ, какихъ желаютъ принцы, едва ли будетъ полезно, такъ какъ съ нимъ связано чрезвычайно много неудобствъ. Впрочемъ, она обѣщала высказаться на этотъ счетъ болѣе опредѣленно, когда поближе познакомится со взглядами державъ на это дѣло. Въ концѣ письма Екатерина увѣряла принцевъ въ своемъ личномъ расположеніи къ ихъ дѣлу и готовности оказать имъ нравственную поддержку. (396).

Одновременно съ письмомъ, императрица сообщила Эстергази *ad referendum* мѣры, которыя она имѣла въ виду принять въ пользу принцевъ, и поручила передать имъ нѣсколько совѣтовъ. Екатерина позволяла французскимъ принцамъ упоминать въ своихъ манифестахъ ее, какъ сторонницу ихъ дѣла, обѣщала въ скоромъ времени заключить союзъ съ Швеціей, чтобы Густавъ III могъ спокойно принимать участіе въ французскихъ дѣлахъ. Далѣе она совѣтовала старшему брату короля, графу Прованскому, объявить себя регентомъ страны, обѣщала официально признать его, принять его посла и назначить графа Румянцева представителемъ къ его двору. Планъ дѣйствій она рекомендовала имъ слѣдующій: принцы овладѣютъ сначала хотя бы однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ во Франціи, которое будетъ служить операционнымъ базисомъ; затѣмъ, по примѣру Генриха IV, они распустятъ національное собраніе, не собирая новаго; у Генриха для этой цѣли было только 400 дворянъ, а у нихъ 6000, да кромѣ того, можно нанять нѣмцевъ и швейцарцевъ. Затѣмъ, не теряя изъ виду независимости и самостоятельности своихъ дѣйствій, принцы непремѣнно возстановятъ дѣленіе на три сословія и старые парламенты, „безъ которыхъ не можетъ существовать во Франціи никакой монархіи; затѣмъ слѣдуетъ даровать общую амнистію, такъ какъ виновныхъ безчисленное количество. Различные манифесты должны быть тщательно редактированы и обнародованы только тогда, когда будетъ

возможно поддержать ихъ вооруженною рукою. Особенно настаивала императрица на томъ, чтобы принцы не вводили въ страну чужеземныхъ войскъ: это составило бѣдствіе Франціи, такъ какъ она будетъ обязана своимъ возстановленіемъ внѣшней силѣ, и несчастіе принцамъ, потому что въ такомъ случаѣ противъ нихъ соединятся всѣ партіи (397—98).

Желаніе императрицы поставить братьевъ короля во главѣ операцій, имѣвшихъ цѣлю возстановить старый режимъ, обусловливалось тѣмъ, что она предпочитала междуусобную войну во Франціи общеевропейской войнѣ. Болѣе всего препятствіи этому желанію представляли несогласія между Людовикомъ XVI и его братьями, и Екатерина употребляла всѣ усилія, чтобы прекратить эти недоразумѣнія. Она требовала отъ Эстергази свѣдѣній о причинѣ несогласій, просила Густава III, находившагося въ перепискѣ съ Тюльери, дѣйствовать въ смыслѣ примиренія на короля и королеву, поручила графу Румянцеву вести переговоры объ этомъ съ барономъ Бретейлемъ, врагомъ принцевъ. Но все это мало приносило пользы. Письмо, полученное отъ Эстергази королевой, въ которомъ высказывалась желаніе примириться съ Кобленцскимъ дворомъ эмигрантовъ, дало было поводъ надѣяться на возстановленіе добрыхъ отношеній между членами королевскаго дома. Императрица поручила Эстергази написать въ Тюльери, что „она не завязала бы никакихъ сношеній съ принцами, если бы не была убѣждена въ чистотѣ ихъ намѣреній“ (401). Но письмо не дошло, и примиренія не состоялось, что въ значительной степени охладило Екатерину къ дѣлу принцевъ. „Не смотря на дружественные совѣты русской императрицы, пишетъ Эстергази, не трудно было замѣтить, что недостатокъ согласія между Тюльери и принцами весьма ослаблялъ ея участіе и что всѣ дѣла начали представляться ей теперь въ менѣе благоприятномъ свѣтѣ, чѣмъ при моемъ прибытіи въ Петербургъ“ (407).

Поведеніе принцевъ не могло внушить Екатеринѣ особенной къ нимъ симпатіи. Вопреки ея совѣтамъ, они заявили безсильный протестъ противъ принятія королемъ конституціи, написали горячее и дерзкое письмо къ новому австрійскому императору Францу II. Въ Петербургѣ ходили слухи о расточительности принцевъ, такъ что Екатерина къ прежнимъ совѣтамъ, повторяемымъ ею при всякомъ случаѣ, прибавила еще одинъ новый совѣтъ о бережливости. Кромѣ того, русскіе министры и петербургскій дворъ не были расположены къ участію во французскихъ дѣлахъ. „Ихъ вниманіе, говоритъ Эстергази, болѣе привлекалъ вопросъ о раздѣлѣ Польши, такъ какъ они надѣялись получить тамъ большія помѣстья. „Не смотря на это императрица продолжала принимать къ сердцу дѣла принцевъ. Она не признала принятіе королемъ конституціи актомъ свободной воли монарха, какъ это сдѣлали всѣ европейскія державы, и въ этомъ смыслѣ писала австрійскому императору и прусскому королю. Въ письмѣ къ Леопольду II она проводила ту мысль, что Людовикъ XVI по преж-

нему фактически плѣнникъ и пріятіе имъ конституціи не имѣть поэтому законной силы, что положеніе короля теперь еще болѣе опасно, чѣмъ прежде; что для всей Европы было бы чрезвычайно важно, чтобы императоръ облегчилъ дѣло принцамъ; что пусть лучше произойдетъ междоусобная война, чѣмъ внѣшняя, болѣе опасная и менѣе выгодная. Она объявляла, что немедленно признаетъ графа Прованскаго регентомъ, какъ только онъ приметъ этотъ титулъ, и что она запретила уже своимъ министрамъ входить въ сношеніе съ французскимъ посланникомъ m-г Жене. (400). Когда безтактное письмо принцевъ къ Францу II произвело непріятное впечатлѣніе не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ, императрица снова писала къ обоимъ дворянамъ, чтобы извинить передъ ними необдуманность эмигрантовъ.

Хотя Екатерина расходилась во взглядахъ на французскія дѣла съ Австріей и Пруссіей, тѣмъ не менѣе она выразила согласіе принять участіе въ походѣ 1792 года. Французскіе эмигранты съ принцами во главѣ, получивъ позволеніе примкнуть къ одному изъ союзныхъ отрядовъ, просили императрицу послать 15 или 20,000 войска на Рейнъ и выразили желаніе присоединиться къ русскому отряду. Союзныя державы предпочитали получить вмѣсто численнаго подкрѣпленія денежную субсидію, но Екатерина не согласилась на такую комбинацію, хотя и послала небольшую сумму принцамъ. Тогда присланъ былъ въ Петербургъ принцъ Нассаускій съ предложеніемъ вручить ему команду надъ назначеннымъ въ Германію войскомъ, но императрица отклонила и это предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что для команды необходимъ природный русскій генераль. Войска были посланы, но только не на Рейнъ, а въ Польшу. Когда Эстергази обратилъ на это обстоятельство вниманіе Екатерины, она отвѣтила ему: „Que voulez-vous, la peau est plus près que la chemise“ (425). Тотчасъ же была послана депеша въ Кобленцъ, чтобы принцы не рассчитывали болѣе на обѣщанія изъ Петербурга. Но эмигранты не выполнѣ послушались совѣта своего уполномоченнаго, и послѣ похода 1792 года принцъ Кондэ прислалъ въ Петербургъ герцога Ришелье просить крова и хлѣба для эмигрантовъ. Императрица предложила имъ для поселенія 650,000 десятинъ земли по берегамъ Берды до впаденія ея въ Азовское море, приказала построить тамъ для нихъ дома и снабдить скотомъ.

Французская революція, отодвинутая на второй планъ польскимъ вопросомъ, съ начала 1793 года снова овладѣла всѣмъ вниманіемъ Екатерины. Казнь Людовика XVI произвела на нее, по словамъ Эстергази, сильное дѣйствіе, не только нравственное, но и физическое. Оправившись отъ перваго угнетающаго впечатлѣнія, императрица, одна въ цѣлой Европѣ, признала тотчасъ же графа Прованскаго регентомъ, назначила Румянцева полномочнымъ при немъ министромъ, а графъ Эстергази сталъ считаться представителемъ Франціи при строжайшимъ образомъ запрещалъ всякое сношеніе съ французскими петербургскомъ дворѣ. Сверхъ того, былъ изданъ указъ, который

цареубійцями и требоваль, чтобы каждый, находившійся въ Россіи французъ подь страхомъ изгнанія принесъ присягу въ вѣрности законному преемнику Людовика XVI. Съ прибытіемъ младшаго брата казненнаго короля въ Петербургъ задуманы были болѣе важныя мѣры противъ революціи.

Графъ д'Артуа, собираясь отправиться въ Россію, просилъ предварительно разрѣшенія на это у императрицы и, не дождавшись ея отвѣта, инкогнито поѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина, хотя и находила это путешествіе слишкомъ дорогимъ, тѣмъ не менѣе выразила желаніе познакомиться съ графомъ и, не допустивъ инкогнито, приняла его съ такою же торжественностью, какъ принца Генриха Прусскаго, не задолго передъ мѣ посѣтившаго ея столицу. Она сдѣлала обнищавшему принцу щедрые подарки: великолѣпную золотую шпагу съ діамантомъ на рукояткѣ, освященную самимъ митрополитомъ, богатую коллекцію золотыхъ монетъ и медалей, серебряный столовый сервизъ, 10,000 дукатовъ золотомъ и 300,000 рублей ассигнаціями. Сверхъ того, Екатерина послала ему коробочку съ драгоценностями для подарковъ русскимъ, бывшимъ при немъ для услугъ. По окончаніи различныхъ празднествъ и торжествъ, приступили къ обсужденію средствъ остановить революцію. Только теперь рѣшилась Екатерина оказать поддержку принцамъ военной силой. Она согласилась послать черезъ Англію въ берегамъ Нормандіи или Бретани 15,000 войска, чтобы оно составило центръ, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться эмигранты и прочіе элементы, враждебные революціи. Но для этого необходимо было позволеніе Англіи на проходъ войскъ и весьма желательныя ея денежныя субсидіи для этой экспедиціи. Для переговоровъ о томъ и другомъ былъ посланъ въ Лондонъ Воронцовъ, а графъ д'Артуа отправился въ Риваль, чтобы ближе къ мѣсту ожидать ихъ исхода. Переговоры оказались безуспѣшными: Англія отказала не только въ субсидіи, но и въ пропускѣ войскъ. Посѣщеніе русской арміей Франціи отлагалось этимъ лѣтъ на двадцать...

Въ мемуарахъ Эстергази мы не находимъ болѣе никакихъ извѣстій объ отношеніи Екатерины къ французскимъ дѣламъ, и въ скоромъ времени самъ ихъ авторъ сходитъ съ арены общественной дѣятельности. Въ концѣ 1795 года онъ уѣхалъ съ своей семьей въ Украину, гдѣ императрица подарила ему помѣстье; здѣсь на слѣдующій годъ застала его печальная вѣсть о смерти Екатерины; затѣмъ послѣдовало другое, не менѣе печальное для него извѣстіе о томъ, что ему запрещень по какимъ то причинамъ въѣздъ въ Петербургъ и что его малороссійское имѣніе отобрано, а вмѣсто него подарено другое помѣстье въ Литвѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ еще около десяти лѣтъ „сажалъ свою капусту“, въ сторонѣ отъ европейской общественной жизни, и только изрѣдка слышалъ глухіе раскаты того движенія, при зарожденіи котораго онъ когда то присутствовалъ.

М. Корелинъ.

ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЕРЪ ¹⁾.

II.

Воспоминанія прошлаго и надежды въ будущемъ. — Что легче для женщины: опутать многихъ или сдѣлать счастливымъ одного? — Обогатели платоническіе, эстетическіе и эротическіе. — Общественная жизнь въ Берлинѣ. — Типы почитателей: совѣтникъ Лудольфъ, критикъ Рельштабъ, романистъ Вилдбальдъ; придворные, военные, писатели, актеры. — Августъ Вильгельмъ Шлегель. — Докторъ Вирхъ. — Драматургъ Раупахъ. — Юмористъ Сафиръ. — Скрипачъ Буше. — Паганини. — Скульпторъ Раухъ. — Голубой Эдуардъ. — Полковникъ Кенигъ и его матушка. — Графъ Самойловъ. — Любовь камердинера. — Генриета Зонтагъ. — Значеніе ея для искусства. — Памфлетъ Рельштаба. — Королевская благосклонность. — Графъ Росси. — Дипломатическая переписка между Петербургомъ и Туриномъ о пѣвицѣ-посланницѣ — Мужья знаменитостей. — Возвращеніе Зонтагъ на сцену. — Окончаніе музыкальной карьеры въ Мексикѣ. — Что остается отъ пѣвицы потомству? — Поѣздка Каролины Бауеръ въ Петербургъ. — Русскія таможи и чиновники. — Изобиліе князей. — Нѣмецко-петербургская трунна. — Принцъ Леопольдъ Кобургскій. — Интересный вдовецъ. — Признаніе въ любви въ первое свиданіе. — Двоюродный братецъ и наперсникъ. — Привязанность принцевъ. — Затруднительное положеніе. — Кандидатура на греческій престолъ. — Любовь и политика. — Пріѣздъ въ Лондонъ. — Первая встрѣча. — Анонимное письмо. — Голосъ сердца. — Разгадка женскаго чувства.

АНЪ Поль Рихтеръ сказалъ: „воспоминанія—единственный рай, изъ котораго насъ нельзя выгнать“. Это справедливо только для тѣхъ, кому дѣйствительно отрадно вспомнить о своемъ прошедшемъ. Но много ли такихъ людей на свѣтѣ? Если человекъ не доволенъ своимъ настоящимъ, онъ еще рѣже бываетъ доволенъ и прошедшимъ. Кому изъ насъ не приходилось сознаваться: если бы я могъ воротить прошлые годы, я бы не такъ провель ихъ. Когда старикъ отдаетъ предпочтеніе прежнему времени—онъ дѣлаетъ это потому, что чувствуетъ свою непригодность въ настоя-

¹⁾ Продолженіе. См. № 3 „Историческаго Вѣстника“.

щемъ. Раемъ воспоминанія являются только когда, въ данную минуту жизнь дѣлается адомъ, а это бываетъ, только въ эпохи реакціи, гоненій, господства обскурантизма. Но такія эпохи въ исторіи встрѣчаются все рѣже. Въ наше столѣтіе движеніе человѣчества на пути прогресса рѣдко замедляется, почти никогда не останавливается на продолжительное время, а возвращается назадъ только въ особенно-исключительныхъ случаяхъ, и въ нѣкоторыхъ, менѣ развитыхъ странахъ. Какъ вѣчному жиду, нашему вѣку шепчетъ таинственный голосъ: иди! иди!—и онъ идетъ, часто колеблясь, иногда не твердыми шагами, порою уклоняясь въ сторону отъ прямого пути, но все-таки идетъ, видя рай далеко впереди себя, но никакъ не позади. Преданьямъ старины, легендарному раю, блаженному состоянію давно минувшаго золотого вѣка не вѣрять человѣкъ нашего времени, зная, что все это еще въ будущемъ. Въ прошломъ онъ видитъ ясно заблужденія, неосуществившіяся стремленія, несбывшіяся ожиданія. Изъ такого рая человѣкъ мыслящій, сознающій свои ошибки, понимающій, что попытки достигнуть цѣли еще не значать, чтобы мы были къ ней близки—самъ уйдетъ охотно, не ожидая, чтобы его прогнали оттуда, здравое пониманіе вещей и серьезное отношеніе къ нимъ. Здроаво относится къ нимъ и Каролина Бауеръ, молодость которой мы рассказали по первому тому ея записокъ. Вышедшій лѣтомъ второй томъ этихъ мемуаровъ еще любопытнѣе, и если артистка выбрала къ нему, въ числѣ другихъ эпитафій, и приведенную выше мысль Жанъ Поля, то сдѣлала это вѣроятно въ видѣ риторическаго украшенія, какихъ не мало въ ея запискахъ. Она любитъ рисоваться блестящими фразами, какъ это мы видимъ и въ первой части ея книги. Подробное изложеніе второго тома покажетъ намъ, что она сама вовсе не считаетъ раемъ время отъ 1824 по 1829 годъ, описанное въ этомъ томѣ. Но тѣмъ не менѣе онъ интересенъ, какъ эпоха ея сценической славы и ея связи съ принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ. Мы передадимъ въ извлеченіи все, что есть замѣчательнаго въ этомъ томѣ, возбудившемъ много шума въ Германіи.

Книга пачинается главою, носящею названіе „Разные почитатели“. Очевидно, что артистка только изъ скромности не употребила болѣе правильнаго выраженія „обожатели“. Эпитафій этой главы взять изъ Тигде и говорить что „легко оцутать мужчинъ, но высшая цѣль: сдѣлать счастливымъ одного“. Мы увидимъ далѣе—осчастливила ли Каролина хоть того, кому хотѣла дать счастье. Почитателей своихъ она раздѣляетъ на добрыхъ друзей, эстетическихъ и влюбленныхъ, и рисуетъ портреты ихъ бойко, вѣрно, подмѣчая ихъ особенности и характеристическія черты. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ именъ, оставшихся въ литературѣ, искусствахъ, наукѣ, политической жизни. Мы остановимся только на болѣе выдающихся или почему либо замѣчательныхъ личностяхъ.

Общественная жизнь Берлина въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго

столѣтія была очень оживленна и весела. Недостатокъ публичной, политической жизни въ столицѣ замѣнялся удовольствіями въ частномъ и семейномъ кругу. И въ высшемъ и въ среднемъ сословіи почти всѣ знали другъ друга и, сходясь въ извѣстныхъ кружкахъ, веселились отъ души. На этихъ собраніяхъ господствовала простота и непритязательность. О нынѣшней роскоши не было и помина. Дамы являлись въ теченіи цѣлаго сезона въ одномъ и томъ же платьѣ, въ разные салоны, освѣщенные сальными свѣчами и, за простымъ березовымъ или сосновымъ столомъ, пили плохой чай съ тонкими бутербродами. Одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ, уютныхъ и элегантныхъ салоновъ былъ въ домѣ совѣтника юстиціи Лудольфа, страстнаго почитателя искусства, артистовъ и въ особенности артистокъ. Понятно, что при такомъ настроеніи онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ поклонникомъ Каролины Бауеръ, а она—самою усердною посѣтительницею его дома, гдѣ не разъ играла въ домашнихъ спектакляхъ, на всѣхъ его балахъ. Объ одномъ изъ такихъ баловъ въ „зеркальной залѣ“, гдѣ стѣны, двери и потолокъ были изъ зеркалъ, освѣщенныхъ тысячами восковыхъ свѣчей, Каролина говоритъ подробно, описывая наряды дамъ и свой собственный: изъ радужнаго газа съ гирляндами изъ бутоновъ розъ и буль-де-нежь, съ такимъ же цвѣточнымъ уборомъ въ волосахъ. Совѣтникъ отъ удовольствія сіялъ ярче огней своего праздника, который ввелъ его въ неоплатные долги. Почти каждый день, изъ засѣданій суда, Лудольфъ приходилъ къ Каролинѣ, жившей съ матерью, играть въ четыре руки на фортепяно, или болтать. Болтовня эта имѣла однако странный характеръ—для почитателя артистки. Онъ приносилъ ей всякій разъ статьи, написанныя противъ нее, пересчитывалъ лицъ, переставшихъ ашлодировать ей въ театрѣ и обратившихся къ другимъ свѣтиламъ сцены. Этотъ поклонникъ театра и актрисъ кончилъ однако очень печально свою веселую жизнь. Раззорившись окончательно, онъ утопился въ Рейнѣ. Это былъ не единственный берлинскій совѣтникъ юстиціи, погибшій изъ любви къ театру и театральнымъ богинямъ. Другой, подобный же почитатель актрисъ, растративъ ввѣренныя ему, какъ опекуну, сиротскія деньги, застрѣлился почти въ тоже время.

Въ домѣ Лудольфа Каролина познакомилась съ Лудвигомъ Рельштабомъ, однимъ изъ лучшихъ сценическихъ критиковъ, промѣнявшимъ саблю артилериста на перо драматурга и рецензента. Статьи его, преимущественно по части музыкальной критики, отличались правдивостью, но рѣзкостью тона. Даже хваля когонибудь, онъ не могъ удержаться отъ сатирическихъ выходокъ. Каролина упросила его никогда не хвалить ее, и онъ вовсе не говорилъ объ ней въ своихъ рецензіяхъ. Чрезвычайно некрасивый собою, съ монгольскими чертами лица, кривымъ носомъ и объемистымъ животомъ, онъ былъ однако же увлекателенъ въ разговорѣ, блестявшемъ остроуміемъ. Тамъ же сошлась она съ писателемъ Вильгельмомъ Герингомъ, авторомъ многихъ рома-

новъ и стихотвореній, выходившихъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ подъ псевдонимомъ Вилибальда Алексиса. Въ это время онъ издалъ романъ „Валладморъ“, переведенный будто бы изъ Вальтеръ-Скотта. Въ сущности это была сатира на произведенія автора Веверлея, но Германія прочла ее, увѣренная въ томъ, что читаетъ знаменитаго шотландскаго романиста, пока онъ самъ не объявилъ, что это—„самая смѣлая мистификація нашего времени“. Это придало еще болѣе значенія Герингу; но Каролина Бауеръ жалуется на то, что въ бесѣдахъ съ нею онъ не высказывалъ никакого остроумія, а только вздыхалъ, устремляя на нее сквозь стекла своихъ очковъ меланхолическіе взгляды. Съ другимъ нѣмецкимъ писателемъ Клауреномъ поступилъ его собратъ Гауфъ еще нецеремоннѣе, издавъ въ 1825 году романъ: „Человѣкъ въ лунѣ, или стремленіе сердца есть голосъ судьбы“, сочиненіе г. Клаурена. Эта блестящая пародія, въ которой мастерски былъ переданъ надутый, слащавый слогъ Клаурена, заставила отъ души смѣяться читателей, но оскорбленный Клаурентъ началъ процессъ противъ Гауфа и конечно выигралъ, что не помѣшало однако Гауфу преслѣдовать насмѣшками этого редактора официальной газеты и ожегоднаго альманаха „Незабудка“, приносявшаго ему 6000 талеровъ дохода. Публика была на сторонѣ сатирика.

Много подобныхъ лицъ проходитъ въ воспоминаніяхъ Каролины. Всѣ они были, по ея словамъ, горячими поклонниками ея—не болѣе. Судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ была печальна. Такъ, изъ двухъ братьевъ Минутоли, старшій, гофмаршалъ герцога Мейнингенскаго, былъ застрѣленъ во время возстанія 1848 года, а младшій, отправившійся въ Персію прусскимъ посланникомъ, умеръ близъ Тегерана, всѣми брошенный, въ грязномъ каравансераѣ. Другіе достигли, впоследствии, громкой извѣстности на разныхъ поприщахъ. Таковъ былъ поручикъ Цастровъ, писавшій нѣжные стихи Каролинѣ въ Шпеннеровой газетѣ въ 1825 году, а въ 1866—1870 гг. прославившійся уже какъ генералъ на поляхъ Кениггреца, Шпихерена и Гравелота. И онъ умеръ въ домѣ умалишенныхъ близъ Берлина. Ухаживалъ за ней и извѣстный актеръ Лудвигъ Девриентъ, и Каролина сознается, что онъ „могъ бы ей быть опасенъ“, такъ какъ онъ являлся проходить съ нею страстныя роли. Но ее предостерегли друзья, объяснившіе ей, что онъ „былъ уже развалина, какъ человѣкъ, оттого что предавался пьянству и другимъ постыднымъ страстямъ и, кромѣ того, завязъ по уши въ долгахъ“. Каролина благоразумно отдалилась отъ него и онъ женился на танцовкѣ Брандесъ. Нужно ли говорить, что этотъ бракъ, основанный съ одной стороны на чувственности, съ другой на расчетѣ, былъ несчастливъ.

Каролина познакомилась и съ Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ, надѣждавшимъ ей своимъ женскимъ тщеславіемъ и своими приторными комплиментами и пошлостями. „Это былъ вертлявый, разодѣтый, раздушенный маленькій человѣчекъ, въ бѣлокурномъ парикѣ съ локо-

нами, съ крашеными губами и щеками, въ нарядѣ приличномъ юношѣ, увѣшанный орденами на разноцвѣтныхъ лентахъ, съ брилліантами на пухлыхъ пальцахъ, постоянно вертѣвшихъ золотую табакерку съ портретомъ г-жи Сталь въ тюрбанѣ и съ зеркальцомъ на внутренней крышкѣ "... Можно ли было повѣрить, что этотъ шестидесятилѣтній, молодившійся франтъ воспѣлъ въ прекрасныхъ стихахъ свою первую любовь, Фредерику Бетманъ, такъ долго былъ соединенъ такою вѣжною дружбою съ знаменитою изгнанницею, г-жею Сталь, и такъ вѣрно и поэтически перевелъ всего Шекспира. „Узнавъ его, говоритъ Каролина, я повѣрила анекдоту, который мнѣ рассказывали незадолго до встрѣчи съ писателемъ. Однажды, встрѣтивъ маленькую хорошенькую дѣвочку, онъ обнялъ ее и сказалъ: „Милое дитя, не забывай никогда этой священной минуты, когда тебя поцѣловалъ Августъ Вильгельмъ Шлегель“. Въ этой фразѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы вспомнимъ сонетъ, который написалъ къ самому себѣ этотъ даровитый, но непомѣрно самолюбивый поэтъ. Вотъ этотъ сонетъ въ дословномъ переводѣ:

„Знаюкъ съ молодыхъ лѣтъ народныхъ обычаевъ, многихъ иноземныхъ государствъ и ихъ языковъ, соединившій цѣнью знанія то, что произвели древнія времена и новыя; постоянно пишущій стихи стѣя, на ходу, бодрствуя и ложась въ постель, въ путешествіи, какъ подъ кровомъ отеческихъ пенатовъ; побѣдитель и образецъ всѣхъ, кто былъ и кто живетъ теперь, мастеръ писать сонеты; первый, кто осмѣлился на нѣмецкой землѣ бороться съ гениемъ Шекспира и Данте; въ одно время творецъ и образецъ правилъ,—неизвѣстно, какъ его назовутъ уста будущности, но это поколѣніе знаетъ его подъ именемъ Августа Вильгельма Шлегеля“.

Врядъ ли какой нибудь писатель доходилъ до такого колоссальнаго самообожанія, какъ этотъ старикъ, потрясавшій своимъ бѣлокурымъ парикомъ, и говорившій Каролинѣ небрежнымъ тономъ: „удивительно какъ быстро растутъ мои волосы, опять придется скоро стричь ихъ!“ Нельзя было не смѣяться надъ этимъ ребяческимъ фатовствомъ, но Берлинъ смѣялся надъ Шлегелемъ даже и тогда, когда онъ въ 1827 году читалъ публичныя лекціи объ искусствѣ.

Голубоглазый шведъ, докторъ Христіанъ Бирхъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на Каролину—болѣе всего своею несчастною судьбою. Женившись на подругѣ Каролины, актрисѣ Пфейферъ, онъ долженъ былъ, вслѣдствіе этого брака, оставить свою дипломатическую карьеру и, разойдясь съ женою, жилъ только пособіями своихъ друзей. Только когда онъ ослѣпъ и сдѣлался совершенно безпомощенъ, жена взяла его къ себѣ и онъ умеръ вскорѣ въ ея домѣ. На драматической сценѣ Берлина господствовалъ тогда Эрнстъ Раухахъ. Лучшія трагедіи и драмы той эпохи принадлежатъ ему, но въ нихъ не было ролей для Каролины, чѣмъ она очень огорчалась. Некрасивый собою, грубый въ обращеніи, испытывшій много горя въ жизни, Раухахъ

имѣлъ большой успѣхъ на сценѣ, поставивъ въ то время драмы: „Эфесская матрона“, „Зимняя ночь“, „Князя Хованскіе“. Последнюю пьесу написалъ онъ бывши учителемъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Получивъ кафедру въ петербургскомъ университетѣ, онъ женился на гувернанткѣ швейцаркѣ, которая умерла черезъ годъ послѣ свадьбы. Раупахъ сдѣлался совершеннымъ мизантропомъ, не могъ жить въ Петербургѣ и уѣхалъ въ Италію, откуда писалъ письма, полныя сатиры и юмора. Оставивъ Италію, онъ думалъ поселиться въ Веймарѣ, но, холодно принятый Гёте, отправился въ Берлинъ, гдѣ его трагедія „Исидоръ и Ольга“, данная въ 1825 году, имѣла огромный успѣхъ. Сюжетъ ея, взятый изъ русской жизни, заключаетъ въ себѣ горячій протестъ противъ крѣпостного состоянія, съ которымъ поэтъ имѣлъ возможность познакомиться на мѣстѣ. Девріентъ исполнялъ художнически въ этой пьесѣ роль Осина, принужденнаго исполнять роль шута у своего барина и оплакивающаго смерть своей жены, Аксиньи, которая готовилась принести ему ребенка. „Благодаря Бога, она взяла его съ собою въ гробъ—говорить онъ старому Фодору: чтожъ! однимъ крѣпостнымъ меньше!“

Роли въ своихъ пьесахъ раздавалъ, какъ и слѣдуетъ, самъ авторъ, а не режисеръ, и Каролина, въ разговорѣ съ Раупахомъ, высказала ему однажды, что онъ очень пристрастенъ, пишетъ благодарныя роли для старыхъ актрисъ, а молодымъ не даетъ хода. Тогда онъ далъ ей первыя роли въ своихъ комедіяхъ „Отецъ и дочь“, „Рыцарское слово“ и „Роялисты“. Кончилось тѣмъ, что драматургъ, проходя съ своей ученицей эти роли, сдѣлалъ ей, въ апрѣлѣ 1829 года, косвенное предложеніе—замѣнить ему его покойную жену, схороненную на берегахъ Невы. „Я бы охотно согласилась раздѣлить съ нимъ его судьбу, говоритъ Каролина, если бы не была уже связана другимъ обѣтомъ. Въ маѣ этого же года я уже была въ Лондонѣ“.

Раупахъ написалъ для сцены, большею частью берлинской—117 пьесъ, 19-ю больше, чѣмъ Коцебу. Между ними изъ жизни Гогенштауфеновъ — 14 драмъ, которыми директоръ театра, графъ Редернъ, по королевскому приказанію, угостилъ въ 1837 году терпѣливыхъ берлинцевъ—въ хронологическомъ порядкѣ. Драматургъ получалъ по сорока талеровъ за каждый актъ своей пьесы въ прозѣ и по 50 талеровъ въ стихахъ. Вознагражденіе не блистательное! Когда критика, не смѣвшая громко выразить своего неудовольствія, стала косвенно роптать за этихъ безконечныхъ Гогенштауфеновъ, Раупахъ, чтобы показать, что онъ не придворный поэтъ и что пьесы его имѣютъ успѣхъ не потому только, что имъ покровительствуетъ дворъ и театральная дирекція, написалъ, подъ псевдонимомъ Лейтнера, мѣщанскую драму „Сестры“. Она также была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ. Но въ 1840 году его пьеса „1740 годъ“ такъ торжественно провалилась, что писатель навсегда бросилъ перо. Дворъ не переставалъ, однако, ласкать его. Онъ читалъ лекціи исторіи прус-

скимъ принцамъ и принцесамъ; на литературныхъ вечерахъ короля Фридриха Вильгельма IV мѣсто Раупаха было подлѣ Александра Гумбольдта. Въ 1848 году поэтъ, не смотря на свои 62 года, женился на актрисѣ Паулинѣ Вернеръ — и помолодѣлъ въ этомъ бракѣ. Она также писала для сцены и Раупахъ умеръ въ 1852 году на ея рукахъ, примирившись съ жизнью. Воспоминанія о немъ Каролина оканчиваетъ сожалѣніемъ, что отвергла его любовь.

Мѣсто Раупаха на берлинской сценѣ занялъ Тѣпферъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ своею пьесою „Германъ и Доротея“, заимствованною изъ идилліи Гёте. Послѣ его пьесы „Герцогскій приказъ“, игранный въ Потсдамѣ въ присутствіи короля Фридриха Вильгельма IV, Каролина тайно, ночью, уѣхала въ почтовой каретѣ по дорогѣ въ Англію. Комедіи Тѣпфера, умершаго въ 1871 году, „Лучшій тонъ“ и „Розенмюллеръ и Финке“ до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Въ эту же эпоху явился въ Берлинѣ юмористъ Сафиръ, высланный изъ Вѣны за свои остроты, по приказанію Метерниха. Странную фамилію наслѣдовалъ писатель отъ своего дѣда, венгерскаго еврея, котораго звали Израиль. Когда Юсифъ II приказалъ, чтобы всѣ евреи, называвшіеся только по именамъ, выбрали себѣ и фамилии, Израиль, призванный для этой цѣли къ судѣ, не могъ придумать, какъ бы назвать себя. „Я вижу у тебя на пальцѣ кольцо съ сафиромъ, сказалъ судья: называйся же поэтому Сафиромъ“. Молодой еврей принесъ въ Шпеннерову газету свою первую театральную критику и спросилъ: можетъ ли она быть напечатана. Секретарь редакціи сосчиталъ флегматически строки и сказалъ: „восемь талеровъ и пятнадцать зильбергрошей“. Сафиръ заплатилъ улыбаясь, хотя у него было всего за душой тринадцать талеровъ. Статья понравилась и онъ сдѣлался съ тѣхъ поръ театральнымъ критикомъ. Когда онъ началъ издавать свою газету: „Легкая почта“, она нарушила спокойную, охраняемую строжайшею цензурою жизнь берлинцевъ; но въ газетѣ было столько остроты и веселости, что они читали ее на расхватъ. Самъ серьезный Фридрихъ Вильгельмъ принадлежалъ къ числу усерднѣйшихъ читателей „Летучей почты“ и каждое утро вставая спрашивалъ эту газету, такъ что Сафиръ долженъ былъ выпускать ее часомъ раньше, къ самому пробужденію короля. По утрамъ являлся въ типографію королевскій лакей, ожидая пока первый номеръ на веленовой бумагѣ будетъ отпечатанъ для представленія его величеству. По высочайшему повелѣнію приказано было цензурѣ быть не такъ строгой къ юмористическому изданію, какъ впослѣдствіи къ „Кладдерадачу“. Король не позволялъ ни малѣйшихъ нападокъ только на свою любимицу, Генріету Зонтагъ. Но Сафиръ и тутъ не унимался. Однажды онъ напечаталъ стихотвореніе, наполненное преувеличенными похвалами знаменитой пѣвицѣ. Зонтагъ, удивленная, что врагъ ея и всѣхъ талантовъ, отзывается объ ней такъ восторженно, написала ему благодарственное письмо. Сафиръ напечаталъ его съ замѣткою, что стихо-

твореніе его—акrostихъ. Бросились читать начальныя буквы стиховъ — вышла „чудовищная иронія“. Въ другой разъ, когда пѣвицу осыпали цвѣтами и стихами на сценѣ, а Карлъ Гольтей разбросалъ по залѣ и сценѣ шесть различныхъ стихотвореній, напечатанныхъ на разноцвѣтныхъ шелковыхъ лентахъ, Сафиръ тоже бросилъ на сцену пьесу въ томъ же восторженномъ тонѣ, въ которой сравнивалъ Зонтагъ съ одной хористкой, пользовавшейся дурною репутаціей. На критика возстали всѣ драматурги и любители искусства въ Берлинѣ. Еще годъ издавалъ онъ свою газету, но за насмѣшку надъ Ниной Зонтагъ, сестрой Генріеты, на него возстала и полиція. Сафиръ бѣжалъ въ Мюнхенъ, гдѣ король Людвигъ сначала принялъ его благосклонно, но писатель вскорѣ принужденъ былъ покинуть и Баварію. Въ Парижѣ онъ сошелся съ Гейне и Берне, потомъ перешелъ въ протестантство, въ 1834 году вернулся въ Вѣну, гдѣ издавалъ своихъ „Юмористовъ“, женился, не смотря на свое безобразіе и умеръ въ 1858 году, послѣ мучительной болѣзни. Передъ смертью онъ послалъ въ газету „Freundenblatt“ написанную имъ эпитафію къ самому себѣ, объявивъ, что не требуетъ за нее гонорара, но просить, когда придется напечатать эпитафію, отправить ему одинъ даровой нумеръ газеты на небо—до востребованія; *poste restante*.

Мы привели только самыя замѣчательныя характеристики писателей, съ которыми была близка Каролина. Онѣ пересыпаны выдержками изъ ихъ статей, письмами, критическими отзывами объ ихъ произведеніяхъ, стихами. Все это представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи нѣмецкой литературы, хотя, конечно, автору нельзя вѣрить вполнѣ и ко многимъ изъ ея сужденій слѣдуетъ относиться осторожно. Женское пристрастіе часто севозитъ въ литературной оцѣнкѣ. Но недостатки писателей, ихъ смѣшныя черты, закулисная сторона ихъ жизни подмѣчены и переданы вѣрно, съ замѣчательнымъ юморомъ. Также любопытны и ея очерки музыкальнаго Берлина. Мы остановимся только на немногихъ личностяхъ.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Берлинъ столько же интересовался скрипачемъ Буше, какъ нѣсколько лѣтъ спустя—Паганини. Придворный виртуозъ испанскаго короля называлъ себя „Сократомъ скрипачей“. Въ Буше поражало, прежде всего его необыкновенное сходство съ Наполеономъ, и онъ любилъ принимать позы, въ которыхъ живописцы изображали императора при Маренго, Аустерлицѣ, Ватерлоо. Игра его на скрипкѣ была дѣйствительно, замѣчательная, но онъ былъ все-таки скорѣе штукарь, чѣмъ артистъ, позволяя себѣ иногда играть на скрипкѣ, держа ея на головѣ, или за спиною. Онъ прибѣгалъ также нерѣдко къ расчитаннымъ выходкамъ, чтобы произвести эффектъ. Такъ, однажды, игралъ, въ благотворительномъ концертѣ вмѣстѣ съ Веберомъ пьесу, написанную для скрипки и фортепіано, онъ, во время соло, началъ фантазировать на мотивы Веберовскаго „Фрейшюца“ и потомъ, швырнувъ скрипку, бросился обнимать композитора, что, ко-

нечно, возбудило восторгъ публики. Однажды, встрѣтивъ въ Тиргартенѣ слѣпого нищаго скришача, на котораго не обращалъ вниманія никто изъ прогуливавшихся, онъ высыпалъ въ его шляпу, стоящую на землѣ, свой кошелекъ и, взявъ изъ рукъ нищаго скрипку, игралъ на ней, при огромномъ наплывѣ публики, до тѣхъ поръ, пока шляпа не наполнилась бросаемыми въ нее монетами. Понятно, что концертъ, назначенный имъ на другой день послѣ такого подвига, далъ совершенно полный сборъ. Конецъ Буше былъ также очень грустный. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ парижскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее объявленіе:

„Старикъ, лишенный рѣшительно всего, проситъ благородныхъ людей купить его послѣднее достояніе—скрипку. Буше, бывший скрипачъ испанскаго короля“.

Вскорѣ послѣ этого артистъ, бросавшій золото горстями, умеръ отъ бѣдности и лишеній.

Другую скрипичную знаменитость, Николо Паганини, Каролина знала близко. Зимой 1829 года пріѣхалъ онъ первый разъ въ Берлинъ. Ему предшествовали, какъ и вездѣ, фантастическіе рассказы о его удивительномъ талантѣ, о томъ, что въ скрипкѣ его заключена душа убитой имъ жены, или ея обожателя. За это убійство онъ былъ осужденъ на шестилѣтнее заключеніе въ темной подземной тюрьмѣ Генуи. Въ утѣшеніе ему оставили скрипку, на которой онъ и игралъ цѣлыя дни, достигнувъ, такимъ образомъ, высшаго совершенства на этомъ инструментѣ. Но въ сырой темницѣ одна струна скрипки лопалась за другою,—осталась одна—G, изъ которой онъ и научился извлекать такіе изумительные звуки. Берлинъ пересталъ посѣщать театры и бросился въ концертную залу слушать неподражаемаго артиста. Каролинѣ Бауеръ съ ея товарищами приходилось играть почти въ пустой залѣ. У опернаго режисера встрѣтила Каролина длиннаго, безобразнаго итальянца, до того худощаваго, что платье на немъ качалось, какъ на вѣшалкѣ. Лицо было какъ у муміи обтянуто темной кожей; впалыя щеки; въ глубокихъ глазныхъ впадинахъ сверкалъ какой-то дикій, черный огонь; густыя, черныя пряди волосъ обрамляли эту мертвую голову. Подлѣ этого страннаго существа была кормилица съ хорошенькимъ ребенкомъ на рукахъ. Каролина поцѣловала его розовыя щеки, на которыя падали темные локоны. Паганини схватилъ ея руку, не граціозно поднесъ ее къ своимъ губамъ, и проговорилъ ломаннымъ языкомъ:

— Не правда ли? это прекрасный, невинный ангелъ. Какой милый ротикъ, какая кроткая улыбка, какое завидное спокойствіе! Этотъ ребенокъ—все мое счастье, радость и утѣшеніе моей бѣдной жизни, мой единственный сынъ Ахиллъ.

Это былъ дѣйствительно сынъ Паганини и пѣвицы Антоніи Бланки, бросившей своего ребенка, потому что она не могла выносить жизни съ его отцомъ.

Объ игрѣ Паганини, Каролина отзывается самымъ восторженнымъ образомъ, хотя и трудно по ея фразамъ составить себѣ понятіе о томъ, въ чемъ же состояла особенность его таланта: „Онъ игралъ, то какъ ангелъ, то какъ демонъ; никогда — какъ человѣкъ. Такихъ звуковъ никто до него не извлекалъ изъ скрипки. Это были даже вовсе не звуки инструмента; они гремѣли какъ перекаты бури, какъ ропотъ моря, какъ призывъ трубы, какъ громъ сраженій, какъ звонъ колоколовъ и щебетанье птицъ, какъ человѣческія муки и отчаяніе, какъ стоны и вздохи, какъ плачъ и рыданія“. Все это только сравненія, но не объясненія. Онъ заставлялъ публику плакать въ задушевныхъ адажіо и смѣяться въ фокусахъ „Венеціанскаго Карнавала“. Его хроматическія гаммы, флажолетные пассажи, пиццикато, акорды на всѣхъ четырехъ струнахъ, переходы октавами на струнѣ G приводили въ тупикъ виртуозовъ, не слыжавшихъ никогда ничего подобнаго. Каролина приводитъ мнѣнія о Паганини музыкальныхъ критиковъ: Рельштаба, Цельтера, Фарнгагена и др., одинаково восхищавшихся артистомъ и рассказываетъ его исторію, въ которой, и безъ всякихъ убійствъ и темницъ, было не мало романтическаго элемента. Отецъ его, бѣдный торговецъ, рано подмѣтилъ музыкальныя способности въ ребенкѣ и заставлялъ его играть день и ночь, чтобы достигнуть совершенства. Ребенкомъ онъ уже давалъ концерты, обогащавшіе разсчетливаго отца, но разстроивавшіе здоровье маленькаго виртуоза. Юношей онъ еще больше разстроилъ его, когда, послѣ смерти отца, бросился съ жадностью на всѣ удовольствія и излишества. Принцеса Элиза Бачіоки, получившая отъ своего брата Наполеона, во владѣніе княжество Лукка-Пиомбино сдѣлала двадцатилѣтняго артиста своимъ придворнымъ музыкантомъ и капитаномъ своей гвардіи, но не могла долго слушать его и всегда оставляла концертную залу, когда онъ начиналъ играть — такъ дѣйствовала на нее эта музыка. Молодой виртуозъ влюбился въ одну придворную даму, также полюбившую его за талантъ; но оба они должны были скрывать свою страсть, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ принцесы. Влюбленный Паганини хотѣлъ однакоже въ музыкѣ выразить свое чувство и написалъ, въ честь дамы своего сердца, пьесу, названную имъ „Любовная сцена“, исполненную при всемъ дворѣ — на двухъ струнахъ G и квинтѣ: послѣдняя изображала сдержанныя чувства молодой женщины, первая — страстные порывы ея обожателя. Пьеса передавала нѣжную бесѣду любовниковъ, вспышки ревности, гармоническія жалобы, нѣжный лепетъ страсти, выраженія гнѣва и радости, печали и счастья, и оканчивалась сліяніемъ въ восторженные акорды обѣихъ струнъ. Послѣ этой-то пьесы, принятой съ восторгомъ блестящей аудиторіей, принцеса Элиза сказала артисту:

— Вы дѣлаете невозможное изъ вашего инструмента. Я убѣждена, что вы изъ одной струны извлечете такіе же полные, гармоническіе аккорды.

Артистъ обѣщалъ исполнить желаніе принцесы и написалъ великолѣпную пьесу, подъ названіемъ „Наполеонъ“ для струны G.

Въ Берлинѣ Паганини велъ ту же странную жизнь, какъ и вездѣ: цѣлый день лежа на диванѣ, въ состояніи изнеможенія, за обѣдомъ наѣдаясь до отягощенія полусырымъ мясомъ, вечеромъ — если не давалъ концертъ—сидя за карточнымъ столомъ. Скупость его была также феноменальна, какъ и талантъ. Онъ умеръ въ 1840 году, въ страшныхъ мученіяхъ, въ Ниццѣ. Духовенство не хотѣло хоронить его, потому что онъ отказался причаститься передъ смертью. Сынъ увезъ гробъ отца въ его виллу близъ Генуи, но и тамъ епископъ не разрѣшилъ предать трупъ землѣ, и гробъ простоялъ пять лѣтъ въ склепѣ, безъ обряда христіанскаго погребенія. Наконецъ, сынъ умилостивилъ церковь богатыми вкладами, и въ 1845 году совершились въ Пармѣ великолѣпныя похороны артиста.

О Мендельсонѣ и Мейерберѣ Каролина не говоритъ ничего новаго и подтверждаетъ только, что Мендельсонъ пересталъ писать оперы потому, что первыя произведенія его въ этомъ родѣ не имѣли успѣха. Что же касается до семейства Бера, то артистка была гораздо больше расположена къ Михаилу Беру, автору трагедій „Парія“ и „Струэнзе“, чѣмъ къ брату его, Якову, наслѣднику богатаго Мейера Бера, имя котораго композиторъ присоединилъ къ своей фамилии, превративъ и Якова въ Джіакомо.

Изъ жизни скульптора Рауха Каролина приводитъ слѣдующую любопытную черту. Когда онъ былъ уже въ славѣ, король послалъ за нимъ однажды изъ Шарлотенбурга въ Берлинъ своего министра и обер-камергера князя Витгенштейна. Художникъ, сидя подлѣ министра въ придворной каретѣ, задумался и не говорилъ ни слова. Князь спросилъ его о причинѣ задумчивости.

— Я думаю о томъ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ художникъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, я ѣхалъ въ первый разъ съ вами, тоже въ Шарлотенбургъ, по приказанію покойной королевы Луизы. Только тогда ваша свѣтлость сидѣли въ каретѣ, а я стоялъ на запяткахъ.

Знаменитый скульпторъ въ молодости былъ дѣйствительно лакеемъ королевы Луизы, и нисколько не стыдился этого.

Глава о почитателяхъ Каролины оканчивается характеристикой двухъ ея обожателей: молодого бѣдняка, прозваннаго „голубымъ Эдуардомъ“, и стараго богача, полковника Кенига, дававшего въ своей роскошной виллѣ блистательныя пиры предмету своего обожанія. Эдуардъ получилъ свое прозваніе оттого, что захворалъ еще въ дѣтствѣ падучей болѣзнью и подвергся такому леченію, послѣ котораго все тѣло его, даже бѣлки глазъ, окрасилось въ блѣдно голубой цвѣтъ, не замѣтный по вечерамъ при огнѣ и искусственномъ свѣтѣ, но придававшій днемъ лицу бѣдняка страшный, могильный оттѣнокъ. Это заставляло его скрываться отъ солнечнаго свѣта и показываться только ночью. Въ 1829 году Эдуардъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ какой-то док-

торъ обѣщаль возвратить ему прежній цвѣтъ кожи. Бѣднякъ уѣзжалъ въ полной надеждѣ, что Каролина сжалится надъ его страстью, когда онъ вернется, вполне изцѣленный и здоровый. И онъ дѣйствительно вылечился, но вернувшись въ Берлинъ, не нашелъ уже тамъ предмета своей страсти. Она скрылась внезапно и таинственно, никто не зналъ—куда. Бѣднякъ умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ, такъ и не встрѣтясь съ нею.

Исторія другого, обожателя семидесяти-семи лѣтняго полковника, довольно трогательна. Онъ давалъ роскошные обѣды танцоркамъ и пѣвицамъ, одѣвался по модѣ первыхъ годовъ столѣтїя, носилъ косу, ходилъ въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, выражался изысканнымъ слогомъ, страдалъ одышкою и жаловался на недостатокъ памяти. Старинный домъ его былъ настоящимъ кабинетомъ рѣдкостей, наполненнымъ дорогими картинами, статуями, вазами, роскошною мебелью. Въ столовой висѣлъ длинный рядъ фамилныхъ портретовъ, между которыми выдавалась фигура женщины въ высокой напудренной прическѣ, съ сжатыми губами, съ злымъ выраженіемъ въ худощавомъ лицѣ и въ большихъ сѣрыхъ глазахъ. Это была мать полковника, про которую, сидя за обѣдомъ, онъ рассказывалъ слѣдующее:

— Вы видите портретъ этой суровой женщины? Въ ея холодномъ, безжалостномъ взглядѣ вся исторія моей молодости. Несчастіе всей моей жизни въ томъ, что я не могъ любить свою мать. Сердце ея было убито дворянскою снѣсью, этикетомъ, свѣтскими пересудами. Она хотѣла убить и во мнѣ всякое чувство. Безъ ея позволенія я не смѣлъ подойти къ ней, поговорить съ ней, взглянуть на нее. Я могъ только бесѣдовать съ товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, Гансомъ, сыномъ, нашего управляющаго, да и то тайкомъ, причась отъ моей матери. Какъ завидовалъ я, когда мать Ганса цѣловала своего сына, прижимала къ груди... Я никогда не испыталъ, что такое ласка матери, не слышалъ отъ нея ни одного добраго слова. Она только давала мнѣ цѣловать свою руку по утрамъ, на сонъ грядущій, да послѣ обѣда. Если гувернеръ мой свидѣтельствовалъ, что я хорошо учился, и велъ себя тихо и смиренно все время—мнѣ давали нѣсколько конфетъ, которыя я спѣшилъ раздѣлить съ моей собакой. Я очень любилъ ее, но бѣда, еслибы мать моя узнала объ этомъ. Такъ я росъ, какъ цвѣтокъ безъ солнца, слабымъ, молчаливымъ, безпамятнымъ ребенкомъ. Мать называла меня злымъ, упрямымъ, лѣнивымъ. Она узнала, что я очень привязанъ къ Гансу и къ моей собакѣ и вздумала выдѣлать меня отъ этой неприличной привязанности. Разъ, она велѣла позвать меня въ садъ, и тамъ, передъ павильономъ, лакеи, на терасу привели Ганса и тутъ же, на моихъ глазахъ, высѣкли его до крови за то, чтобы онъ „отучился фамиллярничать съ баринкомъ“, какъ говорила мать моя. Я плакалъ и просилъ за него прощенія. Мать смѣялась и, послѣ экзекуціи, велѣла сослать Ганса въ дальнюю деревню. Но этимъ еще

не кончилась моя пытка... Притащили мою бѣдную собаку и повѣсили на деревѣ. Я не выдержалъ и бросился къ мучителямъ, но мать приказала держать меня. Я не могъ даже зажать ушей, чтобы не слышать визга бѣдной собаки, и могъ только закрыть глаза, чтобы не видѣть ея предсмертныхъ судорогъ. Способъ отучить меня отъ всякой привязанности—подѣйствовалъ. Съ этого дня я сталъ ненавидѣть свою мать, ненавидѣлъ до ея смерти, ненавижу и теперь. Но это неестественное чувство убило во мнѣ всѣ жизненныя силы. Я скоро сдѣлался пустымъ, причудливыхъ старикомъ“.

Разсказъ этотъ сильно подѣйствовалъ на Каролину. Она нѣсколько разъ посѣщала чудака, но онъ вскорѣ умеръ, оставивъ завѣщаніе, въ которомъ половину своего имѣнія завѣщалъ танцоркѣ Гоге, за то—какъ буквально сказано въ завѣщаніи — что она умѣетъ удивительно цѣловаться.

Въ особой главѣ описываетъ Каролина свою исторію съ графомъ Самойловымъ. Подъ этимъ именемъ былъ ей представленъ на одномъ балу молодой, красивый петербуржецъ, много съ ней танцовавшій. Онъ очень понравился ей своею элегантною развязностью. Объ немъ разсказывали, что онъ замѣшанъ былъ въ заговорѣ, обнаружившимся при восшествіи на престолъ Николая I и потому долженъ былъ оставить Россію. Но семейство его, имѣвшее связи при дворѣ ждало только, чтобы воспоминаніе о бунтѣ забылось немного—и тогда графъ могъ бы вернуться въ Петербургъ. Получивъ доступъ въ домъ Каролины, русскій графъ вскорѣ же признался ей, что страстно любитъ ее. Она не прочь была сдѣлаться графинею Самойловою и, вмѣсто добыванія средствъ къ жизни на театральныхъ подмосткахъ, обладать обширными помѣстьями и тысячами крестьянъ, о которыхъ небрежно отзывался графъ, жившій въ Берлинѣ на широкую ногу и развѣзжавшій въ богатыхъ экипажахъ. Мать Каролины была очень довольна такимъ союзомъ. Графъ укрѣпилъ за своей будущей женою доходъ въ шесть тысячъ талеровъ и разрѣшилъ ей не оставлять сцену. Мать потребовала однако согласія родителей графа на этотъ бракъ, и графъ принесъ вскорѣ письмо отъ отца. Старикъ писалъ, что съ радостью даетъ свое благословеніе, самъ думаетъ скоро пріѣхать въ Берлинъ и привезти сыну разрѣшеніе вернуться въ Россію. Тогда Каролина была официально объявлена невѣстой графа Александра Самойлова. Ей всѣ завидовали, поздравляли ее; онъ привозилъ ей хорошенькіе, хотя и не блестящіе подарки. Вдругъ, въ одно утро, въ комнату Каролины почти ворвался графъ Гольцъ, другъ жениха и объявилъ, безъ всякихъ подготовленій и предисловій:

— Графъ Самойловъ—мошенникъ! Сейчасъ его взяли подъ стражу. Онъ вовсе не графъ и не Самойловъ. Онъ обманулъ русское посольство на большія суммы, одного петербургскаго фабриканта, пріѣхавшаго въ Берлинъ—на тысячу талеровъ. Всѣ его бумаги подложныя. Какое несчастіе для васъ!

Каролина начала оплакивать свою судьбу. Тотчасъ явились утѣшители. Король прислалъ сказать, что она можетъ въ некоторое время не являться на сценѣ; но по совѣту друзей, чтобы не дать пищи злымъ языкамъ и не радовать враговъ, она играла на другой же день такъ спокойно, какъ будто никогда не знала никакого графа Самойлова. „Это я могла сдѣлать потому, прибавляетъ она, что сердце мое нисколько не было затронуто въ этой исторіи“. Въ этотъ же вечеръ на сцену пришелъ самъ король и сказалъ ей своими обычными отрывистыми фразами:

— Бѣдняжка! Не стоить огорчаться. Досадно, очень досадно. *Mauvais sujet*. Бѣглець какой-то. Осудить его.

Берлинъ выказалъ участіе своей любимицѣ, осыпалъ ее приглашеніями на вечера и праздники. Всѣ стремились развлечь ее и доказать, что она нисколько не потеряла ни въ чьихъ глазахъ отъ этой исторіи. Но враги ея были очень довольны. Она получила нѣсколько наглыхъ анонимныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что „театральная принцеса вѣроятно для того защищала свою добродѣтель отъ прусскаго принца, чтобы пожертвовать ею—камердинеру“.

Самозванецъ, дѣйствительно выѣхалъ изъ Россіи съ однимъ знатнымъ семействомъ, въ качествѣ лакея, но былъ вскорѣ же прогнанъ за какую-то кражу и съ тѣхъ поръ странствовалъ довольно долгое время по Европѣ, живя обманами и называясь громкими именами. Онъ былъ родомъ изъ Риги; настоящая фамилія его была—Гриммъ. На допросѣ въ Берлинѣ онъ держалъ себя очень хорошо по отношенію къ Каролинѣ Бауеръ, и ни однимъ словомъ ни обвинилъ ее. Обманъ свой онъ объяснялъ—страстною любовью къ ней. Онъ былъ присужденъ къ шестилѣтнему заключенію въ крѣпость Шпандау и оттуда писалъ Каролинѣ, прося у нея прощенія. Она не отвѣчала ему. Выпущенный на свободу, онъ продолжалъ вести жизнь авантюриста, поцался опять въ какомъ-то мошенничествѣ и умеръ въ Мюнхенской тюрьмѣ. Издатель записокъ Каролины Бауеръ, приводитъ довольно длинный разговоръ профессора Эрдмана о своемъ знакомствѣ съ лже-Самойловымъ, но разговоръ тотъ почти ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ самозванца, кромѣ того, что онъ носилъ еще фамилію Кракау, былъ очень мало образованъ и типъ лица его былъ еврейскій.

Огдѣльная глава посвящена также подробной исторіи великой музыкальной знаменитости—Генриетѣ Зонтагъ. Историки театра и музыки найдутъ въ этой главѣ полную біографію пѣвицы, со всѣми отзывами объ ней лучшихъ критиковъ. Начало ея музыкальной карьеры было не блестящее. Критика отзывалась объ ней снисходительно—не болѣе. Только два великихъ композитора, Бетговенъ и Веберъ угадали еще въ 1823 году будущее значеніе Зонтагъ. Въ Берлинѣ явилась она въ 1825 году, пріобрѣтая уже извѣстность на вѣнской и другихъ австрійскихъ сценахъ, въ Лейпцигѣ и другихъ городахъ. Берлинцы сходили съ ума отъ восторга, услышавъ ее въ „Италья-

янкѣ въ Алжирѣ“. Весь городъ только и бредилъ ею. Описывая ея пѣвіе, Каролина впадаетъ въ тотъ же восторженный тонъ, какъ при воспоминаніи о Паганини, хотя сама сознается, что голосъ пѣвицы не былъ ни силенъ, ни полонъ, но отличался только изумительною чистотою и серебристымъ звукомъ, особенно въ среднихъ нотахъ; трели она выдѣлывала мастерски; особенно очаровательно выходило у нее *sotto voce*. „Она не кривила ротъ въ трудныхъ пасажахъ, какъ Каталани“ и была въ высшей степени привлекательна и граціозна. Серьезные критики находили однако, что она не величайшая, но милѣйшая пѣвица нашего времени. Изумительная отчетливость исполненія, но ни души, ни чувства, ни увлеченія. (Пишущій эти строки слышалъ знаменитую пѣвицу еще 18-ти лѣтнимъ юношей—и вполнѣ раздѣляетъ это мнѣніе). Это былъ первообразъ Патти, но Патти—маркизы, еще не согрѣтой страстнымъ чувствомъ къ своему тенору. Сверхъ того Патти на столько выше своей предшественницы, насколько искусство пѣнія сдѣлало успѣховъ съ двадцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ. Но въ ту эпоху это была дѣйствительно феноменальная пѣвица, какъ въ наше—Патти, и Берлинъ имѣлъ полное основаніе восторгаться ею. До октября 1827 года онъ прослушалъ ее 211 разъ въ 17-ти разныхъ операхъ и, въ томъ числѣ 42 раза въ „Итальянкѣ въ Алжирѣ“.

Каролина близко сошлась съ Генріетой Зонтагъ и ея матерью, что помогло ей узнать, прежде всего, настоящій годъ рожденія пѣвицы—1806 (біографы относятъ ея рожденіе къ 1803 и 1804) и разныя обстоятельства ея дѣтства и первыхъ дебютовъ. Генріета была очень веселая дѣвушка, любила танцы, прогулки, шалости, верховую ѣзду, но болѣе всего любила—играть въ карты, и просиживала въ Берлинѣ всѣ вечера, когда не была занята на сценѣ, за вистомъ съ русскимъ посланникомъ, графомъ Алопеусомъ и другими поклонниками. Были у нея поклонники и еще выше поставленные. Каролина не называетъ главнаго изъ нихъ и только намекаетъ на то, что пѣвица пользовалась особымъ покровительствомъ во дворцѣ. Стѣитъ только вспомнить судьбу бѣднаго Сафира, высланнаго изъ Берлина за безобидную насмѣшку надъ пѣвицею, чтобы понять, кто былъ ея защитникомъ. Слѣдующая исторія еще лучше доказываетъ, какъ ревностно отстраняли отъ нее малѣйшее неудовольствіе.

Въ 1826 году вышелъ въ Лейпцигѣ памфлетъ на Зонтагъ, подъ заглавіемъ „Генріета, хорошенькая пѣвица. Исторія нашихъ дней, Фреймунда—зрителя“. Берлинъ пришелъ въ волненіе и искалъ повсюду дерзкаго автора, осмѣливавшагося оскорбить его любимицу. Генріета въ слезахъ бросилась во дворецъ къ своему высокому покровителю, прося его защиты. Король приказалъ тотчасъ же конфисковать книгу и запретить ее для всей Пруссіи. По экстрапochtѣ отправились въ Лейпцигъ и, захвативъ тамъ остальные экземпляры памфлета, торжественно сожгли ихъ. Книга сдѣлалась библіографі-

ческою рѣдкостью, но Берлинъ не переставалъ толковать о „святоотечественномъ покушеніи“. Между тѣмъ, просматривая теперь этотъ памфлетъ, можно только улыбнуться, при видѣ его мягкости и безобидности. Наши политическія брошюры и журнальная полемика приучила насъ не къ такимъ обличеніямъ, а наши знаменитости будутъ напротивъ очень довольны, если объ нихъ напишутъ одинадцать печатныхъ листовъ въ такомъ невинномъ тонѣ. О самой Зонтагъ памфлетистъ отзывался очень хорошо, хотя безъ вѣжностей и преувеличеній и посмѣивался только надъ ея обожателями, да и то нисколько не рѣзкимъ тономъ. Одно время считали авторомъ этого памфлета Сафира, хотя онъ совершенно справедливо замѣтилъ, что написалъ бы гораздо злѣе и острѣе. Не смотря на это, онъ получилъ, вслѣдствіе королевскаго приказа, формальное предписаніе не писать ни слова о Генріетѣ Зонтагъ. Потомъ приписали брошюру Карлу Гольтею, который написалъ ее будто бы въ отмщеніе за то, что пѣвица предпочла нѣмецкому поэту—англійскаго посланника Кланвильяма. Наконецъ убѣдились въ томъ, что памфлетистъ—Лудвигъ Рельштабъ. На него набросилась вся „воскресная гвардія“ (Sontag-Garde) страдавшая „воскресной лихорадкой“ (Sontag-Fieber). Лордъ Кланвильямъ началъ противъ него процессъ черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Критикъ былъ осужденъ въ двухъ инстанціяхъ, какъ „пасквилянтъ“ и заключенъ на три мѣсяца въ крѣпость Шпандау. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же Рельштабъ сдѣлался самъ горячимъ поклонникомъ Зонтагъ и расхваливалъ ее въ Фоссовой газетѣ.

Въ 1826 году Зонтагъ уѣзжала въ Парижъ. Проводы пѣвицы были самые шумные. Въ послѣднее представленіе восторгъ жителей дошелъ до крайнихъ границъ. Крику, рѣву, топанью, хлопанью — не было конца. Изъ театра въ гостиницу „Русскій императоръ“, гдѣ жила пѣвица, несмѣтная толпа провожала съ музыкой и факелами знакомую всему Берлину красную, наемную карету Зонтагъ, по дорогѣ, усыпанной цвѣтами. Почти всю ночь народъ ревѣлъ подъ окнами гостиницы. На другой день, проѣзжая черезъ Потсдамъ, она дала тамъ для двора концертъ. Король нарочно поѣхалъ за нею туда же изъ Берлина и сказалъ ей, прощаясь съ нею на сценѣ:

— Вчера вечеромъ васъ ужъ очень восторженно провожали. Добрые берлинцы въ театрѣ и подъ вашими окнами ужъ очень шумѣли. Я едва могъ уснуть. Вамъ самимъ это, вѣрно, наконецъ наскучило. Для меня, по крайней мѣрѣ, такой шумъ невыносимъ. Я не люблю этого.

— Ахъ, ваше величество, отвѣчала ему Генріета своимъ дѣтскимъ голоскомъ, съ милою улыбкою и свѣтящимися глазками: для васъ въ этомъ не было ничего новаго; но если бѣдвая пѣвица встрѣчаетъ подобныя оваціи, можетъ ли она этому не радоваться?

Король простился съ нею, еще болѣе очарованный пѣвицею.

Берлинъ боялся, будетъ ли его любимица имѣть успѣхъ въ Па-

рижѣ. Сафиръ предсказывалъ ей фіаско въ городѣ, гдѣ пѣли Паста и Малибранъ; но парижане съ неменьшимъ восторгомъ приняли пѣвицу. Въ театрѣ и въ газетахъ заявляли о необходимости объявить войну Пруссіи, не для того, чтобы отнять у нея Рейнъ, но чтобы отнять Зонтагъ. На сценѣ ей поднесли вѣнецъ, какъ царицѣ пѣвнїи. Россини, Керубини, Боэльде, Перъ, Оберъ объявили себя ея поклонниками. Осенью, возвратившись въ Германію, Зонтагъ была уже всемірною знаменитостью. На возвратномъ пути въ Берлинъ, она дала концертъ въ Майнцѣ, въ память тѣхъ дней, когда она выступила тамъ на театральное поприще безвѣстной артисткой; отсюда она поѣхала въ Веймаръ, чтобы спѣть передъ Гёте, воспѣвавшимъ ее въ своихъ стихотворенїяхъ. Первый спектакль ея, по возвращенїи въ Берлинъ, сопровождался однако огромнымъ скандаломъ. Къ оглушительнымъ рукоплесканїямъ и крикамъ присоединились рѣзкіе свисты за то, что она приняла въ Парижѣ ангажементъ на три года. Страшный шумъ поднялся въ театрѣ: между хлопавшими и свиставшими поднялась драка. Испуганный король, нарочно къ этому дню вернувшійся изъ Теплица, послалъ изъ своей ложи двухъ адъютантовъ, одного за другимъ, разнимать побоище. Все было напрасно. Полиція едва справилась съ шумѣвшими, забравъ безразлично и хлопальщиковъ и шикальщиковъ, но волненїе не унималось во время всего спектакля. Однако, вслѣдъ затѣмъ, прежніе восторги возобновились. Графиня Лигницъ, фаворитка короля, начала брать у Зонтагъ уроки музыки. Когда у пѣвицы улетѣлъ любимый попугай, король послалъ ей другого, со своимъ обергофмейстеромъ, княземъ Витгенштейномъ и съ любезнымъ замѣчанїемъ: „посылается, не смотря на то, что графиня Лигницъ будетъ ревновать“.

Въ 1827 году Зонтагъ пѣла въ „Донъ-Жуанъ“, „Фрейшюцъ“, „Свадьбѣ Фигаро“, „Севильскомъ цирюльникѣ“, „Жюкондѣ“, „Эвриантѣ“, „Жанѣ Парижскомъ“, „Отелло“ и „Танкредѣ“, всего 15 разъ и получила неслыханный по тому времени гонораръ—11,000 талеровъ, и то благодаря своему высокому покровителю, давшему ей званїе придворной пѣвицы, ангажементъ въ королевскую оперу съ жалованьемъ 6,000 талеровъ, пожизненную пенсію въ 2,500 талеровъ и шестимѣсячный ежегодный отпускъ. Она должна была пѣть только два раза въ недѣлю и получала сверхъ того полный бенефисъ безъ вычета расходовъ. Выборъ оперъ предоставлялся ей самой. При спектакляхъ въ Потстдамѣ, она получала тамъ комнату въ отелѣ и экипажъ четверкой для поѣздокъ туда. Во всѣхъ королевскихъ театрахъ имѣла она даровыя мѣста въ первомъ ярусѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ принята была на сцену ея мать—плохая актриса, съ жалованьемъ въ 2500 талеровъ и пенсію въ 1000 и ея сестра Нина—весьма посредственная пѣвица, нигдѣ потомъ не имѣвшая успѣха и съ горя сдѣлавшаяся монахиней. Въ то же время первая драматическая актриса получала только

2700 талеровъ годового содержанія. А какіе подарки послали Зонтагъ король, наслѣдная принцеса и графиня Лигницъ!

Она пѣла потомъ еще въ Веймарѣ, для Гёте, во Франкфуртѣ, мѣстѣ своего рожденія, гдѣ привела въ восторгъ даже мизантропа Бёрне, наконецъ въ Парижѣ. Тамъ познакомилась она съ сардинскимъ посланникомъ въ Гаагѣ—графомъ Росси, доказавшимъ ей свою любовь самымъ страннымъ образомъ: онъ ждалъ ее, по окончаніи спектакля, въ своемъ экипажѣ, но въ кучерской ливреѣ, посадилъ ее въ карету, а самъ сѣлъ на козлы и отвезъ ее домой. Такому обожанію Генріета не могла противиться и, въ 1830 году, вышла за него замужъ. Въ этомъ же году она пѣла въ послѣдній разъ въ Берлинѣ какъ дѣвица Зонтагъ, хотя была уже графиней Росси. Она простилась съ публикою въ роли „Семирамиды“, одной изъ самыхъ слабыхъ въ ея репертуарѣ. Король далъ ей дворянское званіе и богатый подарокъ. Молодые поселились во Франкфуртѣ, куда Росси былъ переведенъ посланникомъ при Германскомъ сеймѣ. Тамъ пѣла она только въ благотворительныхъ концертахъ и въ церкви. Но графъ, вскорѣ же отправился посломъ въ Петербургъ, по желанію Николая I, большого поклонника пѣвицы. Тамъ она пѣла часто въ интимномъ придворномъ кружкѣ романсы и дуэты съ великими княжнами. На придворномъ театрѣ играла она также „Сонамбулу“ и „Лучію“. Король Сардинскій Карлъ Альбертъ вздумалъ найти это неприличнымъ и прямо приказалъ своему посланнику, чтобы супруга его не являлась ни на какой сценѣ. Началась оживленная дипломатическая переписка между Петербургомъ и Туриномъ. Императоръ Николай I объявилъ энергически, что все, что дѣлаетъ посланница Сардиніи по его желанію и при его дворѣ—ни въ какомъ случаѣ не должно называться неприличнымъ. Сардинскій король долженъ былъ смириться, но никогда не могъ простить графинѣ Росси своего дипломатическаго пораженія.

Дѣла графа, однако, сильно разстроились уже въ сороковыхъ годахъ. Бауеръ говоритъ, что онъ не могъ оставаться посланникомъ въ Петербургѣ, потому что жизнь тамъ очень дорога — и перешелъ въ Берлинъ, гдѣ также ему не доставало средствъ къ жизни. Поэтому графиня должна была опять вступить на сцену. Каролина не прибавляетъ только, что средствъ этихъ не доставало потому, что графъ очень много проигрывалъ въ карты. Исторія съ мужьями знаменитостей и въ то время была таже, что и въ послѣдствіи. И графъ Росси точно также безъ церемоніи тратилъ и проигрывалъ деньги своей жены, какъ Лестреленъ деньги Нимфодоры Семеновой, какъ князь Трубецкой деньги Тальони, какъ маркизъ Ко деньги Патти. Король Карлъ Альбертъ не соглашался однако, чтобы посланница пѣла на сценѣ за деньги и посовѣтовалъ своему посланнику — разойтись съ женой, будто бы по семейнымъ неудовольствіямъ, а потомъ, когда она соберетъ порядочную сумму—сойтись опять. Но у графини было четверо дѣтей и она любила мужа. На помощь ей явилась револю-

ція 1848 года. Росси потерялъ мѣсто посланника, и въ 1849 году, Генріета Зонтагъ снова появилась на Лондонской сценѣ, послѣ двадцатилѣтняго антракта, въ роли „Линды ди Шамуни“. Публика встрѣтила ее съ прежнимъ восторгомъ; голосъ пѣвицы не потерпѣлъ отъ времени; она не теряла ничего, даже въ сравненіи съ возникшею тогда музыкальною звѣздой Женни Линдъ. Она не пѣла только большихъ сильныхъ ролей, какъ донна Анна, Лукреція Борджіа. Многіе припомнили только сужденіе объ ней Каталани, высказанное въ первую эпоху ея триумфовъ: „она единственна въ своемъ родѣ, но родъ этотъ очень не великъ“. За одинъ сезонъ въ Англии Зонтагъ получила шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ слѣдующемъ году Парижъ принялъ ее съ не меньшимъ энтузіазмомъ. Успѣхъ ея въ Германіи былъ также великъ. Но ей хотѣлось собрать по больше денегъ, чтобы обезпечить судьбу своихъ дѣтей и, въ 1853 году, она отправилась въ Америку. „Пріемъ тамъ былъ тропическій“, какъ писала она, но тропическая природа была къ ней немилостива. Посреди триумфовъ и овацій, она почти скоропостижно умерла въ Мексикѣ, въ 1854 году, отъ холеры, на сорокъ седьмомъ году. Еще при жизни она говорила, что хотѣла бы лежать въ землѣ въ Маріентальскомъ монастырѣ, близъ Герлица, гдѣ сестра ея Нина жила монахиней подъ именемъ Юліаны. Желаніе Генріеты было исполнено. Тѣло ея перевезли въ Европу и молодые сыновья ея снесли гробъ матери въ монастырскій склепъ. На гробницѣ вырѣзали слѣдующую надпись:

„Лучшей матери, нѣжной дочери, вѣрной супругѣ, доброй подругѣ, великой пѣвицѣ“.

Нина Зонтагъ болѣе полустолѣтія молилась надъ гробомъ своей сестры и умерла въ 1879 году.

Каролина Бауеръ подробно рассказала жизнь знаменитой артистки. Что же и остается потомству отъ сценическихъ дѣятелей, какъ не ихъ біографія? Ихъ искусства, голоса, чувства, вліянія на публику нельзя передать словами. Если фонографъ передастъ потомкамъ голоса нашихъ современныхъ пѣвицъ — онъ никогда не передастъ той жизни, того одушевленія, тѣхъ особенностей таланта, которыя потрясаютъ, волнуютъ тысячи зрителей...

Пребыванію въ Петербургѣ Каролина посвятила не много страницъ. Видно, что въ этой части воспоминаній она очень сдержана и высказываетъ далеко не все, что могла бы сказать. Какая причина этому — мы не знаемъ, но передадимъ вкратцѣ ея главнѣйшія впечатлѣнія въ нашей столицѣ. Ъхать къ намъ ее заставили — недостатокъ содержанія (она получала всего полторы тысячи талеровъ жалованья, но ея наряды на сценѣ и въ обществѣ стоили очень дорого) и необходимость отдохнуть отъ театральныхъ интригъ. Тогдашнее

путешествіе изъ Берлина въ Петербургъ стоило дорого и сопряжено было со множествомъ затрудненій и лишеній, особенно зимою. Каролина отправилась съ матерью въ мартѣ 1828 года. Въ Мемель русскій консулъ далъ имъ въ провозатые своего секретаря, и наставленіе—давать взятки всѣмъ таможеннымъ.

При вступленіи на русскую землю, карету путешественницъ въ Полангенѣ окружили казаки.

— Не пугайтесь, сказалъ провозатый. Это пограничная стража. Она проводитъ васъ въ таможеню. У васъ можетъ быть контрабанда, или сами вы можете казаться подозрительными.

— Очень пріятно! отвѣчала Каролина.

Вояжеровъ ввели въ низенькую комнату, съ двойными рамами, съ душнымъ воздухомъ, съ грязными стѣнами, вдоль которыхъ сидѣло и стояло множество жидовъ. Таможенные начали не торопясь перебирать сундуки и чемоданы. Въ одномъ изъ нихъ грязныя руки досмотрщика откопали атласныя башмаки, и онъ началъ говорить что-то секретарю. Тотъ перевелъ вопросъ: зачѣмъ везете вы новыя башмаки?

— Не думаетъ ли этотъ неучъ, отвѣчала Каролина, что я буду играть въ старыя башмакахъ, передъ ихъ величествами, или тратить время на заказъ новыхъ въ Петербургѣ? Переведите ему пожалуйста слово въ слово, что меня лично приглашала въ Петербургъ играть на сценѣ императрица Александра Ѳедоровна.

Эти слова произвели свое дѣйствіе и досмотръ продолжался быстрой и снисходительной. Вдругъ сзади Каролины раздался звукъ пощечины и бранчливый крикъ. Она оглянулась: мальчишка-чиновникъ, лѣтъ 18-ти, билъ по щекамъ стараго, совершенно сѣдого крестьянина, стоявшаго безъ шапки, съ униженнымъ видомъ. Каролина заслонила собою старика и вскричала, забывъ, что ее не можетъ понимать таможенный звѣрь:

— Если онъ въ чемъ нибудь виновенъ, пусть его накажетъ судъ, а не вы. Стыдитесь, молодой человекъ! развѣ можно бить слабого, беззащитнаго старика!

Тогда начался въ таможенѣ невообразимый шумъ: чиновникъ, жида начали кричать: молодой забіяка потрясалъ кулаками, стража вошла въ комнату. Секретарь поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Что вы дѣлаете! Вамъ не позволятъ ѣхать дальше.

— Тѣмъ лучше, отвѣчала Каролина. Я и сама не хочу ѣхать дальше въ страну, гдѣ мирныхъ путешественниковъ окружаютъ вооруженнымъ конвоемъ, какъ преступниковъ, досматриваютъ, какъ контрабандистовъ и при всѣхъ бьютъ по щекамъ стариковъ. Переведите имъ, что я вернусь въ Мемель и все расскажу вашему консулу. Дайте знать также князю Волконскому, почему я не сочла возможнымъ ѣхать дальше въ Петербургъ. Онъ, вѣроятно, уиметъ этого драчливаго негоддя.

Секретарь перевелъ все это энергическимъ тономъ. Чиновники, видимо, сконфузились, велѣли уйти виновному и быстро кончили до-смотръ вещей, особенно когда секретарь сунулъ имъ въ руку нѣ-сколько рублей. Обиженный старикъ получилъ также „на водку“ и со слезами на глазахъ благодарилъ за заступничество. Дальнѣйшій путь до Петербурга не представлялъ ничего замѣчательнаго. Каролина лю-бовалась русскими ямщиками и унылою однообразною картиною до-роги. Только подъѣзжая къ Ригѣ случилось маленькое происшествіе. Ледъ на Двинѣ былъ уже ненадеженъ и черезъ рѣку не пропускали въ-тяжеломъ экипажѣ. Надобно было разобрать карету и перевезти на от-дѣльныхъ саняхъ кузовъ, колеса, багажъ и путешественницъ. Подъ ко-пытами лошадей трещалъ ледъ, выступала вода, но все обошлось благо-получно.

Въ Петербургѣ ее болѣе всего поразилъ „Александровскій про-спектъ“ какъ она его называетъ и упряжь экипажей четверкою съ фореиторомъ, оглашавшимъ воздухъ звонкими криками: пади! Дирек-торъ нѣмецкаго театра Гельмерсенъ, встрѣтившій артистку, заботился болѣе всего о томъ, чтобы ее завтра же увидѣла на сценѣ царская фамилія, послѣ завтра уѣзжавшая въ Крымъ.

— Отправляйтесь сейчасъ же, сначала къ оберъ-камергеру импе-ратрицы, говорилъ онъ, которому передадите рекомендательное письмо тайнаго совѣтника Тимма изъ Берлина, потомъ къ князю Долгору-кому, управляющему французскимъ театромъ, затѣмъ къ князю Ку-тайсову, управляющему всѣми театрами, потомъ къ князю Волкон-скому, который скажетъ, можетъ ли быть данъ спектакль и когда именно.

— Господи! зачѣмъ же къ столькимъ князьямъ?

— Необходимо. Нельзя терять ни минуты. Я пошлю за каретой.

— Но я устала съ дороги и хотѣла бы отдохнуть.

— Въ такомъ случаѣ, вы не будете играть при дворѣ. Если сего-дня не получится приказаній, театръ въ Зимнемъ дворцѣ не будетъ готовъ къ завтраму, а послѣ завтра царская фамилія уѣзжаетъ.

Надо было одѣвать розовое атласное платье, взбивать локоны, на-дѣвать беретъ, ѣхать во дворецъ. Оберъ-камергеръ, получивъ письмо Тимма, обѣщалъ сообщить ея величеству о пріѣздѣ артистки. Вол-конскій, „низенькій, не красивый старикъ“, обѣщалъ въ тотъ же день доложить императрицѣ и далъ Каролинѣ нѣсколько строкъ къ Долго-рукому, который обѣщалъ со своей стороны содѣйствовать дебюту; Кутайсовъ — тоже, и дебютъ состоялся. Но о нѣмецкихъ артистахъ Каролина дѣлаетъ очень нелестный отзывъ. Они не играли, а декла-мировали, и живая, веселая пьеса, идущая въ Берлинѣ полтора часа, въ Петербургѣ тянулась два съ половиной. Особенно невыносимъ былъ толстый Барловъ, нараспѣвъ проговорившій всю свою роль. Ка-ролина, по окончаніи пьесы, сказала Волконскому, вручавшему ей по-дарокъ отъ императрицы, что высокіе зрители должны были жестоко

скучать. Волконскій согласился съ этимъ, но сказалъ, что она лично очень понравилась.

Публика подтвердила это, и лѣтомъ Каролина играла съ большимъ успѣхомъ, на петербургской нѣмецкой сценѣ. Ей предложили ангажементъ на три года, съ жалованьемъ въ 8,000 и бенефисъ, гарантированный въ три тысячи ассигнаціями. Она вернулась въ Берлинъ, чтобы устроить переходъ на петербургскую сцену. Но въ это время, въ Потсдамъ пріѣхалъ принцъ Леопольдъ Кобургскій, выросшій вмѣстѣ съ матерью Каролины. Ему было тогда 38 лѣтъ, онъ былъ строенъ, хорошъ собою, съ печальнымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, которое приписывали грусти по его рано умершей супругѣ, принцессѣ Шарлотѣ. Каролина взялась разсѣять эту грусть—и успѣла въ этомъ. Принцъ явился къ ней на другой день послѣ спектакля, во время котораго не сводилъ съ нее глазъ. Кромѣ благодарности за ея художественную игру, онъ привезъ ей поклонъ отъ ея двоюроднаго брата, Христіана Штокмара, его лучшаго друга, оставшагося въ Кобургѣ, по дѣламъ принца. Будущій король бельгійцевъ, бывшій въ это время кандидатомъ на греческій престолъ, говорилъ, что его болѣе всего поразило въ Каролинѣ сходство ея съ покойною принцессою Шарлотою. Онъ не очень понравился артисткѣ, съ его утомленнымъ видомъ, блѣднымъ лицомъ, холодною, размѣренной рѣчью и гладкимъ чернымъ парикомъ. Въ первое же свиданіе, попросивъ остаться съ нею вдвоемъ, онъ спросилъ ее, не раскаявается ли она, что вступила на сцену? Каролина увѣрила его, что очень любитъ театръ, что ея будущность обезпечена, такъ какъ она получитъ въ Петербургѣ 5,000 талеровъ содержанія и, послѣ двѣнадцати лѣтъ, пенсіонъ въ тысячу талеровъ. Принцъ спросилъ, неужели ей еще не предлагалъ никто руку, или сердце? она отвѣчала, что это случилось не разъ, но что сердце ея не отвѣчало на эти исканія, а „Лина Бауеръ не хочетъ продать себя—даже мужу, если не будетъ любить его“.

И она рассказала ему всю свою жизнь, исторіи съ принцемъ Августомъ и графомъ Самойловымъ. Принцъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ все это отъ короля и спросилъ:

— Стало быть сердце ваше совершенно свободно и теперь?

— Совершенно! отвѣчала актриса.

Принцъ схватилъ ея руки, привлекъ ее къ себѣ и прошепталъ ей тихо, почти на-ухо:

— И если теперь, утомленный, испытанный судьбою челоѣкъ высокому положенію и богатству котораго завидуетъ свѣтъ, но который чувствуетъ себя несчастнымъ, и одинокимъ... еслибы онъ сказалъ вамъ: послѣдуй за мною въ мое роскошное уединеніе, я буду тебя любить и почитать, какъ мою жену, буду охранять тебя отъ всякаго несчастія. Ты не будешь знать никакихъ заботъ, а семья твоя будетъ вполне обезпечена... Но ты должна за это отказаться отъ сцены,

отъ свѣтскаго блеска, отъ славы, отъ поклонниковъ. Ты должна посвятить этому человѣку всю свою жизнь, пополнить своею неизмѣнною любовью его интимный, домашній кружокъ... Какой отвѣтъ дать на это ваше сердце?

— Чтобы послѣдовать за этимъ человѣкомъ въ его уединеніе, я должна безгранично любить его, отвѣчала Каролина, со слезами на глазахъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Но можете ли вы, хотя со временемъ, на столько любить меня, чтобы пожертвовать мнѣ свѣтомъ и театромъ?

— Не знаю, ваше высочество, но думаю, что могла бы попробовать... и тогда я сказала бы вамъ всю правду...

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ и подвелъ къ дивану, потому что она едва держалась на ногахъ отъ волненія, а самъ пошелъ въ другую комнату къ ея матери и сказалъ ей, что давно уже ищетъ благородное, любящее сердце, которое своею привязанностью наполнило бы пустоту его блестящей, но скучной жизни. Много красавицъ хотѣли поймать его въ свои сѣти, но онъ видѣлъ въ нихъ одинъ расчетъ и не чувствовалъ къ нимъ влеченія. Каролина, съ перваго взгляда на нее, произвела на него сильное впечатлѣніе. Какимъ образомъ устроить ея судьбу и, въ то же время, исполнить желанія его сердца, онъ предоставляетъ родственнику ихъ, Штовмару и проситъ мать и дочь пріѣхать въ Кобургъ, гдѣ онъ останется двѣ недѣли и все обдумаетъ съ своимъ другомъ, которому, конечно, дѣроги честь и доброе имя его родныхъ. Мать Каролины общалась пріѣхать, но положительный отвѣтъ хотѣла дать въ послѣдствіи. Дочь ея должна была еще испытать свое сердце, да и принцу необходимо было убѣдиться: говорить ли въ немъ истинное чувство, или минутное увлеченіе. Онъ увѣрилъ еще разъ въ силѣ своего чувства и уѣхалъ обнадеженный, но прося сохранять глубокую тайну, такъ какъ много враговъ слѣдитъ за его общественною и частною жизнью.

Предложеніе, поразившее мать и дочь своею неожиданностью, было однако, далеко не такое блестящее, какъ казалось съ перваго взгляда. Принцъ Леопольдъ, какъ всѣ кобургскіе принцы, былъ далеко не богатъ; какъ супругъ покойной королевской принцессы Англии, онъ имѣлъ значеніе въ той странѣ и получалъ отъ нея содержаніе, котораго лишился бы, еслибъ вздумалъ жениться на другой, тѣмъ болѣе на актрисѣ. Онъ могъ жениться только тайно—и бракъ этотъ долженъ былъ оставаться тайною для всего свѣта. Каролина не знала: въ силахъ ли она рѣшиться на такую жизнь, не была увѣрена въ томъ, можетъ ли полюбить принца, но изъ Кобурга, пришло приглашеніе кузена Христіана, пріѣхать по домашнимъ обстоятельствамъ; король далъ отпускъ, и мать съ дочерью отправились на свою родину. Тамъ Христіанъ Штовмаръ объявилъ имъ, что принцъ дѣйствительно, влюбился въ Каролину, на сколько это въ его флегматическомъ характерѣ. Въ молодости онъ былъ большой любитель

хорошенькихъ женщинъ, и послѣднія связи съ леди Эленборо и австрійской графиней Фикельмонъ, надѣлали много шума, хотя англичанка вскорѣ же бросила его для князя Феликса Шварценберга, а графиня, любившая его изъ расчета, отказалась отъ него, узнавъ, что должна будетъ жить вдали отъ свѣта и что принцъ очень расчётливъ и экономенъ. Если Каролина отдастъ ему свое сердце, то можетъ обвѣнчаться съ нимъ, только морганатически, съ лѣвой руки, но для свѣта и этотъ бракъ долженъ быть тайной, чтобы объ немъ не узнали какънибудь въ Англіи. Если вопросъ объ этомъ поднимется въ парламентѣ, то принцъ можетъ потерять свое блестящее положеніе въ Англіи и 50,000 фунт. стерл. годового содержанія. Кромѣ того, такъ какъ онъ считается кандидатомъ на греческій престолъ, то въ случаѣ избранія его въ короли, ему невозможно будетъ привезти свою морганатическую супругу въ Аѳины и политика потребуетъ его брака съ какоюнибудь принцессой изъ владѣтельныхъ домовъ Европы. Тогда бракъ его съ Каролиной долженъ быть также тайно расторгнутъ, какъ онъ былъ тайно заключенъ. Дѣти, если они будутъ, и сама она, во всякомъ случаѣ, будутъ обезпечены, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ. Но передъ свѣтомъ, она никогда не будетъ ни считаться, ни называться женою принца. А что будетъ если онъ вдругъ разлюбитъ ее? Принцы часто мѣняютъ предметы своей привязанности и не дорожатъ ими, а принцъ Леопольдъ, сверхъ того, и по характеру не способенъ къ постоянству.

Положеніе было дѣйствительно затруднительное. Мать совѣтовала Каролинѣ остаться свободной и артисткой, кузенъ просилъ не торопиться окончательнымъ рѣшеніемъ, дать время и ей самой и принцу испытать свои чувства. Она рѣшилась послѣдовать этому совѣту. Принцъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Неаполь, чтобы быть ближе къ своей кандидатурѣ и познакомиться съ греческимъ вопросомъ. Положили, что онъ будетъ писать къ ней, черезъ Штокмара, и Каролина уѣхала обратно въ Берлинъ. Сначала онъ писалъ къ ней довольно часто, потомъ четыре мѣсяца она не получала отъ него ни строки. Это объяснялось тѣмъ, что слухи объ оставленіи Каролиною Бауеръ сцены и о томъ, что ее ждетъ блестящая участь распространились всюду. Наконецъ, пришло письмо изъ Лондона отъ Штокмара. Онъ писалъ кузинѣ, что если она не переѣхала ни своихъ чувствъ, ни своего намѣренія, то ее ждутъ въ Лондонѣ. На дорогу присылалось 1,200 талеровъ. Самъ принцъ не писалъ ни слова. Не смотря на это, Каролина рѣшилась ѣхать съ матерью. Въ Календари долженъ былъ ждать посланный отъ принца, чтобы сопровождать ихъ черезъ Дувръ въ Лондонъ. Но онъ три дня прождали его въ отелѣ. У принца былъ мигрень, и вѣрный служитель не могъ оставить его въ такомъ положеніи, хотя положеніе двухъ женщинъ, ожидающихъ всякую минуту важнаго извѣстія—было гораздо неприятнѣе. Въ Риджентс-паркѣ былъ для нихъ нять котеджъ, но ни принцъ,

ни Штокмаръ не встрѣтили ихъ по прїѣздѣ туда и не написали ни строки. Все это начинало казаться страннымъ. Домикъ былъ очень красивъ, въ немъ было все необходимое, но онъ былъ въ совершенномъ уединеніи. Прислуга очевидно шпионила за каждымъ словомъ и движеніемъ прїѣзжихъ. Онѣ провели тяжелую ночь и только поздно утромъ, на другой день явился Штокмаръ съ извиненіемъ, что принцъ обѣдалъ вчера у своей сестры, герцогини Кентской и потому не могъ ихъ встрѣтить. Что же касается до того, что онъ не писалъ послѣднее время—это было необходимо. Принцъ очень остороженъ и обязанъ быть осторожнымъ. Что было бы, еслибъ въ какой нибудь газетѣ явилось извѣстіе, что принцъ Леопольдъ, вдовствующій супругъ англійской принцессы привезъ въ Англію берлинскую актрису, свою морганатическую супругу, кузину своего друга, барона Штокмара, который, такимъ образомъ, еще больше приберетъ къ своимъ рукамъ принца. Такое извѣстіе могло бы не только заставить самого Штокмара покинуть Англію и принца, но могло бы серьезно повредить и Леопольду, какъ искателю греческой короны. Политика—прежде любви. Это девизъ и нашего времени и трезваго пониманія вещей.

Доводы эти, не смотря на ихъ справедливость, было мало утѣшительны. Кузенъ вскорѣ уѣхалъ, отговариваясь нездоровьемъ и дѣлами. Принцъ прїѣхалъ въ семь часовъ, когда уже смеркалось. Онъ вошелъ тихими шагами въ гостиную, гдѣ Каролина стояла, прислонившись къ камину и, не протянувъ ей даже руки, сказалъ какимъ-то подавленнымъ голосомъ.

— Ахъ какъ вы загорѣли на весеннемъ солнцѣ, во время вашей поѣздки!

Слезы брызнули изъ глазъ Каролины. Она хотѣла бѣжать изъ комнаты. Онъ удержалъ ее и спросилъ, о чемъ же она плачетъ?

— И вы еще спрашиваете! вскричала она, взволнованная, раздраженная. Я слѣшу сюда съ чистымъ, преданнымъ чувствомъ, оставляя свою сценическую будущность, рискуя своею дѣвическою честью, а вы, вмѣсто теплаго привѣта, встрѣчаете меня критическимъ замѣчаніемъ о моемъ загарѣ! Завтра же я оставляю Англію. Еще никто не знаетъ, что я прїѣхала сюда—и для чего?..

— Никто! повторилъ принцъ глухимъ голосомъ: хорошо, еслибъ это было такъ! Но потомъ, видя, что она продолжаетъ рыдать, привлекъ ее къ себѣ, поцѣловалъ и сказалъ нѣжно: зачѣмъ такъ раздражаться! Будьте добры, какъ всегда, посмотрите на меня, какъ смотрѣли въ Кобургѣ.

Она спрятала свое лицо на груди принца. Онъ сталъ ласкать ее. Вошла мать и принцъ сообщилъ ей шутя, что получилъ внушительный выговоръ; мать замѣтила, что дочь ея очень впечатлительна, что отсрочка свиданія разстроила ея нервы, что въ Берлинѣ ее избаловали, исполняя малѣйшія ея желанія. Миръ былъ заключенъ, но въ словахъ, въ манерахъ принца была была принужденность, недовѣрчи-

вость. Онъ спрашивалъ, какой адресъ дала она своимъ друзьямъ, чтобы писать къ ней, что будетъ отвѣчать на ихъ распросы, разсѣянно подозрительно выслушивалъ ея отвѣты; однако сказалъ, что будетъ завтра въ четыре часа — если что нибудь не помѣшаетъ. Ясно, что у него было что нибудь на сердцѣ, чего онъ не хотѣлъ открыть. Каролина рѣшилась написать подробно Штокмару, просить его совѣта, помощи, объясненія. Приѣхавъ на другой день онъ разсказалъ, что принцъ получилъ изъ Берлина анонимное письмо, въ которомъ мать и дочь названы интригантками, говорилось, что брошенная принцемъ Августомъ, Каролина вошла въ связь съ русскимъ камердинеромъ, что во время пребыванія въ Россіи она вела нѣсколько интригъ.

— И сынъ моего брата могъ спокойно слушать подобныя обвиненія! вскричала въ негодованіи мать Каролины.

Племянникъ началъ доказывать, что онъ горячо защищалъ ихъ, но не могъ указать ни одного врага ихъ семейства, который зналъ бы всѣ обстоятельства и написалъ анонимное письмо. Тогда ему передали всю исторію принца Августа, и онъ убѣдился, что авторъ былъ никто другой, какъ принцъ. Штокмаръ обѣщалъ все объяснить Леопольду и въ отвѣтъ на выраженное желаніе—вернуться въ Берлинъ, отвѣчалъ, что это внезапное бѣгство ни къ чему бы не послужило, что, напротивъ исторія съ письмомъ, послужитъ къ тому, чтобы принцъ скорѣе назначилъ срокъ своего морганатическаго брака—въ доказательство довѣрія къ Каролинѣ, и что ему надо только дать еще нѣсколько дней, хорошенько все обдумать. Когда же приѣхалъ принцъ, Штокмаръ поговорилъ съ нимъ наединѣ и, уѣзжая, сказалъ тихо Каролинѣ, что отъ нея зависитъ теперь приковать къ себѣ Леопольда неразрывными цѣпями, что онъ любитъ ее по прежнему, но что она должна быть мудра, какъ змѣй и нѣжна, какъ голубь.

Принцъ однако въ это посѣщеніе не говорилъ ничего о своей любви, а только просилъ Каролину цѣловать и самъ цѣловалъ ее романою. Когда же прислуга предупредила его, какъ онъ приказалъ, что уже пять часовъ, онъ удивился, какъ скоро проходитъ время въ занятіяхъ музыкою, и уѣзжая обѣщалъ привезти на другой день нѣсколько новыхъ романсовъ и книгъ, такъ какъ онъ очень любитъ слушать хорошее чтеніе.

На этой сценѣ оканчивается второй томъ записокъ Каролины Бауеръ. Изъ этого видно, какая будущность ожидала ее съ этимъ безсердечнымъ принцемъ. Да она и сама хорошо понимала, что ей не должно оставаться съ нимъ, любить его—и все таки осталась, даже не любивши, потому что чувство свое она и сама не рѣшается назвать любовью. Она не старается даже объяснить своего поступка, для котораго не заѣмъ искать оправданія въ извѣстныхъ стихахъ:

Но сердце женское — загадка
Непостижимая умомъ.

Никакой загадки не было въ этомъ естественномъ стремленіи женщины, жившей своимъ трудомъ—обезпечить свою будущность, узнать другія, высшія сферы общества, пожить въ роскоши, въ довольствѣ, испытать новое чувство, заманчивое положеніе, быть наконецъ принцессой—хоть на часъ, хоть съ лѣвой руки. Чтобы устоять противъ всѣхъ этихъ соблазновъ, надо имѣть слишкомъ много твердости и самоотверженія. Ни того, ни другого не было у Каролины. Она была не болѣе какъ обыкновенная женщина и осуждать ее за это было бы излишнимъ пуританизмомъ. Въ слѣдующемъ томѣ ея записокъ, мы, конечно, найдемъ ея объясненія, оправданія, извиненія. Все это будетъ напрасно; поступокъ ея можно объяснить небольшимъ измѣненіемъ извѣстнаго афоризма Теренція: „Она была женщина—и ничто женское ей не чуждо“.

В. З—въ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Исторія Россіи. Соч. Д. Иловайскаго. Ч. 2. Владимірскій періодъ.
Москва. 1880 г.**

ЧЕТЫРЕ года тому назадъ любители русской исторіи привѣтствовали въ первомъ томѣ труда Д. И. Иловайскаго начало предпріятія, которое должно кажется восполнить вѣчно чувствительный недостатокъ въ нашей литературѣ: недостатокъ художественнаго, общедоступнаго изложенія русской исторіи, согласно требованіямъ современной исторической науки. У насъ было одно (хотя и то доведеное лишь до половины) художественное изложеніе исторіи: „Исторія государства Россійскаго“; но не для кого не было тайною, что это монументальное произведеніе имѣетъ свои существенные недостатки; сознаніе этихъ недостатковъ было такъ сильно въ обществѣ, что историкамъ приходилось болѣе оправдывать исторію Карамзина, указывая на ея значеніе, чѣмъ пояснять ея недостатки, всѣмъ кидаящіеся въ глаза. Недостатками Карамзина вызвано было появленіе исторіи Соловьева—это произведеніе высокаго ума и громаднаго труда, впервые указавшее внутреннюю связь между различными періодами русской исторіи, оцѣнившее съ необыкновенною проницательностію людей и событія, проникнутое съ начала до конца однимъ чувствомъ—глубокою вѣрою въ русскій народъ и душевнымъ единеніемъ съ нимъ въ его высшемъ сокровищѣ—православной вѣрѣ, тѣмъ не менѣе не было произведеніемъ художественнымъ, всѣмъ доступнымъ: самый объемъ книги ужъ препятствовалъ ея распространенію; способъ изложенія, въ которомъ краснорѣчивыя страницы смѣняются сухими выписками и изящно выраженные глубокіе взгляды стоятъ рядомъ съ мелкими подробностями не слитыми въ одну цѣлую картину; большая подробность въ сообщеніи свѣдѣній новыхъ и значительная краткость въ передачѣ фактовъ уже извѣстныхъ—драгоценны для спеціалиста, для котораго теперь исторія Соловьева служитъ иногда источникомъ (извѣстная добросовѣстность автора позволяетъ за недоступностію самихъ подлинниковъ пользоваться его извлеченіями); но отталкивають отъ его страницъ простаго читателя, желающаго встрѣчать въ книгѣ такого рода пополненіе своихъ свѣдѣній, а совокупность всего, что относится къ данному факту; а между тѣмъ не только изложеніе всего извѣстнаго, но даже указаній на то, гдѣ что можно найти, не встрѣтитъ читатель въ книгѣ Соловьева. Вотъ почему это монументальное, составляющее эпоху въ нашей наукѣ произведеніе, не

удовлетворило однако требованіямъ публики и не составило любимаго чтенія для подрастающаго поколѣнія, какимъ была въ дни нашего дѣтства „Исторія государства Россійскаго.“ мы были какъ будто лично знакомы и съ Олегомъ и съ Мономахомъ и съ Иоанномъ III и съ Годуновымъ; содрагались отъ ужасовъ временъ Грознаго; съ напряженіемъ слѣдили за Скопиннымъ; знали ихъ всѣхъ какъ героевъ Плутарха или Вальтеръ-Скоттовыхъ романовъ. Да, у воспитателя нашего дѣтства было много общаго съ херонійскимъ мудрецомъ и съ аббатфорскимъ отшельникомъ: таже любовь къ прошлому, таже житейская мудрость; какъ много добрыхъ чувствъ будятъ въ душѣ нравственные сужденія Карамзина, надъ которыми такъ потѣшались потому всѣ, кто только захотѣлъ потѣшаться! Подобнаго вліянія не имѣла и не могла имѣть „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Вотъ почему молодое поколѣніе воспитывалось (я не говорю объ учебникахъ; по нимъ учатся, но на нихъ никто не воспитывается) на легкихъ, полу-фельетонныхъ обзорахъ или на тенденціозныхъ монографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ. Такъ продолжалось довольно долго и обличеніе русской старины становилось уже общимъ мѣстомъ; но наступило новое время, потребовалась и исторія, соотвѣтствующая духу этого времени. Стала выходить „Исторія Россіи“ Д. И. Иловайскаго. Между тѣмъ и наука двигалась впередъ, выросли новыя требованія. Когда вышелъ первый томъ исторіи Соловьева (1851 г.), его географическое обозрѣніе, стремившееся въ общихъ чертахъ указать вліяніе территорій на развитіе государства, было важнымъ нововведеніемъ; но прошло почти 30 лѣтъ и теперь одного общаго очерка мало, нужны подробности; такимъ образомъ историкъ уже долженъ быть лично знакомъ съ разными мѣстами Русской земли. Это чувствовалъ еще Погдинъ; но его поѣздка по Россіи отразилась только въ летучихъ замѣткахъ. Далѣе пошелъ Д. И. Иловайскій; въ картинахъ его, изображающихъ ту или другую область, тотъ или другой городъ, въ цѣльномъ образѣ сливаются результаты большой начитанности и личнаго наблюденія: его поѣздки по Россіи, начатыя еще въ ту пору, когда, готовясь къ своей магистерской диссертациі, онъ пѣшкомъ прошелъ всю Рязанскую губернію (см. „Московскія Вѣдомости“ 1857, „Прогулка по берегамъ Оки“) и продолжаемая до сихъ поръ, что свидѣтельствуетъ извѣстное не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, его приключеніе въ Галичѣ—дали не одну черту, чрезвычайно оживляющую его разсказъ: вы видите передъ собою Володимірко, смотрящаго съ переходовъ своего дворца, расположеннаго на холмѣ Галича, на отъѣздъ кіевскаго посла; вы понимаете почему Ярославна вышла на забрало въ Путивль: авторъ указываетъ вамъ представляющуюся и съ той и съ другой мѣстности ландшафтъ. Въ новомъ сочиненіи П. Н. Полевого (о которомъ будетъ сказано ниже) читатель найдетъ также топографическіе очерки, не только городовъ, которые выбраны авторомъ для его спеціальной цѣли, а также и суздальской земли (для объясненія памятниковъ); но число этихъ очерковъ ограничено. Любопытно, что эти два новые труда часто встрѣчаются, но цѣли ихъ различны: г. Полевой излагаетъ бытовую исторію по памятникамъ и группируетъ около памятниковъ извѣстныя мѣстности, которыя и характеризуетъ всѣ свѣдѣнія о бытѣ древней Руси; г. Иловайскій пишетъ общую исторію и какъ фонъ картины беретъ естественныя условія всей страны. Чрезвычайно приятно указать на то, какое широкое значеніе придаетъ авторъ памятникамъ прошедшаго быта, въ особенности архитектурѣ: еще никогда въ общихъ сочиненіяхъ русское искусство не занимало такого почетнаго мѣста. Пользуясь памятниками давнопрошедшихъ временъ, авторъ изображаетъ намъ людей тѣхъ временъ въ ихъ обстановкѣ; картина получаетъ свойственный ей колоритъ и освѣщеніе: героевъ Карамзина—представителей обще-человѣческихъ страстей и стремленій („у насъ былъ свой Кромвель-Годуновъ“, говоритъ Карамзинъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“), можно одѣть во что угодно: они напоминаютъ героевъ французской трагедіи, нѣсколько подкрашенныхъ сентиментализмомъ. Въ лицахъ, выводимыхъ Д. И. Иловайскимъ, вы видите не только

обще-человѣческое, но и національное, и временное. Надо признаться, что нѣкоторыя характеристики ему въ особенности удалась: Всеволодъ Большое Гнѣздо, который до сихъ поръ сливался съ его потомками въ какой-то общій типъ сѣвернаго князя, вышелъ весьма рельефенъ: авторъ очень удачно успѣлъ подмѣтить въ его политикѣ связь съ требованіями земскаго боярства; въ его характерѣ выступаетъ теперь не только ловкій политикъ въ междоусобицескихъ отношеніяхъ, но и умный администраторъ. А какъ хорошо выходитъ Данилъ Романовичъ, когда его западническія замысли объясняются ранними сношеніями съ сосѣдними народами. Указываемъ на эти двѣ характеристики, какъ на самыя блестящія во всемъ томѣ, напоминающія блестящій образъ Олега Ивановича (въ „Исторіи Рязанскаго княжества“); но характеристикъ много: поставя свои лица въ ярко очерченной мѣстности, среди памятниковъ, оставшихся намъ отъ ихъ быта, авторъ какъ-то полнѣе и отчетливѣе представилъ себѣ и другимъ и самыя свѣдѣнія, передаваемые намъ письменными источниками. Авторъ не ограничивается воспроизведеніемъ передъ читателями русскихъ отношеній, онъ захватываетъ въ свою картину и сосѣднія страны, на сколько они нужны для его плана: входитъ въ дѣла угорскія и польскія, ведетъ своихъ читателей въ степь половецкую и дальнія степи Монголіи (не могу не указать здѣсь на превосходную характеристику Припонтійскихъ и Прикаспійскихъ степей), ведетъ и къ слабымъ остаткамъ бывшей Хозарской державы. Оттого картина становится полнѣе, рамы ея расширяются. Еще въ первомъ томѣ читатель съ удовольствіемъ видѣлъ, что авторъ не томитъ его однообразными ссорами князей, а указываетъ ему тотъ подвигъ, который людямъ XII вѣка казался наиболѣе славнымъ — борьбу со степью. Эти степныя отношенія, теперь, во второмъ томѣ, при появленіи монголовъ, еще болѣе выдвигаются на первый планъ и читатель понимаетъ, почему и прежде авторъ придавалъ имъ такое большое значеніе. Второй томъ оканчивается тамъ, гдѣ на сцену выступаютъ Москва и Литва. Изложеніе начальной исторіи двухъ зарождающихся великихъ противниковъ должно найти мѣсто въ слѣдующемъ томѣ; пожелаемъ же появиться, какъ этому тому, такъ и слѣдующимъ; тогда у русскаго общества будетъ надолго (до новыхъ успѣховъ исторической критики) превосходное воспитательное пособіе. Кой съ чѣмъ можно бы поспорить; наприимѣръ, мнѣ кажется, что сѣздамъ при Ярославѣ Галицкомъ и Всеволодѣ Большомъ Гнѣздѣ придано слишкомъ большое значеніе (сл. стр. 35 съ Ипат., 442; а стр. 234 съ Никоновской лѣтописью II, 311; притомъ не мѣшаетъ замѣтить, что извѣстія о сѣздѣ нѣтъ въ Лавр.). Можно было бы замѣтить, что убѣжденія въ томъ, что Татищевъ не выдумывалъ своихъ извѣстій, еще мало для того, чтобы прямо вносить ихъ въ текстъ: правдоподобное не то, что вѣроятное, а вѣроятное не то, что вѣрное; можно было пожалѣть, что оставлены безъ вниманія сомнѣнія въ грамотѣ Бусладина, Сбручскомъ идолѣ, баварскомъ географѣ. Но все это и т. п. не болѣе какъ мелочь передъ значеніемъ и заслугами такой книги, какъ „Исторія Россіи“.

К. Вестужевъ-Рюминъ.

Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта. Сочиненіе П. Полеваго. I. Древнѣйшій періодъ. Спб. 1879; II періодъ съ XI—XIII в. Спб. 1880 г.

Изданіе П. Н. Полеваго въ русской литературѣ предпріятіе новое и по замыслу и по исполненію: до сихъ поръ мы имѣли только большія, дорогія и при томъ спеціальныя описанія тѣхъ или другихъ памятниковъ, или статьи, разсыпанныя по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ; но дѣльнаго обзора па-

мятниковъ русской старины, и при томъ въ исторической послѣдовательности, мы не имѣли. Единственная попытка въ этомъ родѣ, имѣющая съ трудомъ г. Полеваго общую только цѣль—популяризацию, но нисколько не напоминающая его ни по изложению, ни по иллюстраціямъ—„Старина Русской земли“ прекратилась на первомъ выпускѣ¹⁾. Такимъ образомъ у труда, нами разбираемаго, въ Россіи предшественниковъ нѣтъ. П. Н. Полевой предпринялъ изложить бытовую исторію Россіи до XVIII вѣка, главнымъ образомъ на основаніи сохранившихся вещественныхъ памятниковъ и такимъ образомъ сдѣлать самые памятники общезвѣстными и, связавъ ихъ между собою и объяснивъ ихъ значеніе въ бытѣ, способствовать къ сознательному пониманію прошедшей жизни. Польза нагляднаго обученія давно уже составляетъ одну изъ аксіомъ педагогической науки какъ въ классахъ, такъ и въ особенности для самообученія. Тѣмъ не менѣе по обширности дѣла никто еще не принимался за наглядное изложеніе русской бытовой исторіи. П. Н. Полевой, препятствій не боясь: сынъ своего отца, когда то много и съ честію потрудившагося на пользу распространя пророческія въ русскомъ обществѣ, авторъ извѣстенъ уже многими своими трудами; напр. кто не знаетъ его „Исторіи русской литературы“, вышедшей уже третьимъ изданіемъ и приносящей значительную пользу. Новый трудъ П. Н. Полеваго требовалъ и значительнаго подготовленія и значительныхъ тратъ; но задумавъ разъ дѣло, авторъ не отступилъ отъ своей цѣли и передъ читателями уже два выпуска, составляющіе первый томъ и обнимающіе собою древній періодъ и періодъ XI—XIII вѣковъ (по памятникамъ Кіева и Владиміра). Въ трудѣ г. Полеваго принималъ дѣятельное участіе совѣтами и указаніями Е. Е. Замысловскій, имя котораго, какъ ученаго, добросовѣстнаго въ высокомъ и рѣдкомъ смыслѣ, должно служить полнымъ ручательствомъ за серьезность изложенія и возможную точность сообщаемыхъ свѣдѣній; и дѣйствительно, составитель не только перебралъ весь наличный археологическій матеріалъ, что само по себѣ составляетъ большой трудъ, но повѣрилъ по возможности рисунки самими памятниками, а нѣкоторые даже были сняты вновь съ самихъ памятниковъ.

Въ первомъ выпускѣ авторъ знакомитъ читателя съ такъ называемымъ до-историческимъ періодомъ и въ ясномъ, отчетливомъ изложеніи передаетъ повѣренныя критикой свѣдѣнія, извлеченныя изъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и изъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлію привести эти раскопки въ связь съ извѣстіями древнихъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ читатель находитъ главы о каменномъ вѣкѣ, свайныхъ постройкахъ, бронзовомъ вѣкѣ, скинахъ, славянахъ, хозарахъ, Болгаріи и Біармін. Мы можемъ смѣло сказать, что такого популярнаго, но вполне научнаго обзора всѣхъ этихъ вопросовъ еще не имѣла русская литература. Въ виду постоянно возрастающаго интереса къ древности первобытной, появленіе такого руководства въ высшей степени важно. Само собою разумѣется, что авторъ при настоящемъ состояніи раскопокъ могъ говорить подробно только о тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя уже было обращено вниманіе изслѣдователей. Много еще уголковъ русской земли ждутъ труженниковъ и пройдетъ еще много лѣтъ прежде, чѣмъ наука будетъ въ состояніи представить полную, стройную картину и прійти къ выводамъ болѣе или менѣе точнымъ. Не надо забывать, что и въ Европѣ, а не только у насъ, наука о древности первобытной еще новая наука. У насъ же, хотя и были раскопки довольно давно, но значеніе ихъ выяснилось для общаго сознанія только въ послѣднія 20 лѣтъ, послѣ знаменитой статьи Бера. Благодаря археологическимъ обществамъ и археологическимъ съѣздамъ (т. е. главнымъ образомъ графу Уварову) въ послѣдніе годы изученіе этой древности подвиг-

1) Большое изданіе „Древней исторіи“ Погодина по цѣнѣ недоступно; по рисункамъ далеко не равно; иные хороши, другіе плохи и не точны. Къ тому же картинки сами по себѣ, а текстъ самъ по себѣ.

гается быстро; но и теперь еще мы въ сущности знаемъ не очень много и потому трудъ сведенія въ одно всего, что знаемъ, весьма важенъ: онъ указываетъ пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ и можетъ служить важнымъ пособіемъ не только для публики и юношества, но и для начинающихъ археологовъ.

Во второмъ выпускѣ авторъ знакомитъ читателя съ древностями Киева и Владиміра. Въ легкомъ и живомъ изложеніи авторъ знакомитъ читателя съ топографіею этихъ обоихъ городовъ (отчасти и вообще съ топографіею суздальской земли), передаетъ свѣдѣнія о политическомъ и церковномъ устройствѣ и бытѣ разныхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества. Серьезный пересмотръ не только всего написаннаго, но и самыхъ источниковъ далъ автору возможность представить весьма интересныя очерки (хорошъ напр. очеркъ кievскаго торга), иногда новыя толкованія (напр. слова милостникъ), иногда удавалось ему яснѣе очертить уже извѣстное (напр. не лишены интереса его замѣтки о значеніи князя во Владимірѣ). Вообще, очерки читаются съ удовольствиемъ и должны принести большую пользу преимущественно въ семьяхъ; пусть юношество наглядно знакомится съ бытомъ предковъ, пусть узнаютъ, что и у насъ существуютъ памятники древности и что ихъ нужно охранять, а не портить (что случилось съ описанною у автора Покровскою церковью близъ Боголюбова). Уваженіе къ своему прошлому есть первый признакъ цивилизованнаго человѣка—пора намъ это понять. При тщательномъ и добросовѣстномъ отношеніи автора къ источникамъ, всѣ факты тщательно повѣрены и недоумѣній сколько я замѣтилъ немного и то мелкихъ; мнѣ попалось два: на 128 стр. говорится, что кievляне привѣтствовали Изяслава Мстиславича криками: „ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ“; въ лѣтописи (Ипат. 259) это новгородцы; на стр. 172 авторъ высказываетъ предположеніе, что почитать князя на богослуженіи начали во Владимірѣ; а въ „Житіи Θεодосія“ (по изданію въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи, 27 об.) мы читаемъ, что Θεодосій велѣлъ почитать Изяслава на эгиніи „яко стольному тому князю“.

Мы знаемъ навѣрное, что съ матеріальной стороны изданіе обезпечено и потому убѣждены, что авторъ доведетъ до конца свое важное предпріятіе и опишетъ также отчетливо намѣченные имъ древности Новгорода и Москвы.

К. Вестужевъ-Рюминъ.

Der polnische Kriegs-schauplatz v. Sarmaticus. Berlin. 1880.

Въ военной нѣмецкой литературѣ продолжаютъ появляться сочиненія, имѣющія предметомъ изученіе границы Германіи въ стратегическомъ отношеніи. Въ послѣднее время изученіе это обращалось преимущественно на ея восточныя границы и весьма недавно вышла по этому вопросу любопытная книга, очевидно вполне компетентнаго въ этомъ дѣлѣ лица, скрывшагося подъ псевдонимомъ Sarmaticus. Книга, явившаяся въ двухъ выпускахъ, носитъ названіе „Польскій театръ войны“ (Der polnische Kriegsschauplatz) „военно-географическій этюдъ“. Точнѣе было бы сказать: стратегическій — такъ какъ авторъ изслѣдуетъ съ этой точки зрѣнія, соприкасающіяся между собою восточныя владѣнія Пруссіи и западныя Россіи. Въ предисловіи авторъ обращаетъ вниманіе „нѣмецкой арміи“ на этотъ „въ высшей степени важный, но до сихъ поръ мало изучаемый театръ войны“. Цѣль его книги — бросить яркій свѣтъ на эти границы. Далѣе идутъ довольно темныя и запутанныя фразы о необходимости оцѣнить „настоящее значеніе культурныхъ и военно-историческихъ моментовъ“ и т. п. Смыслъ этихъ фразъ ясно высказывается въ послѣсловіи, приложенномъ ко второму выпуску. Тамъ, авторъ взявъ эниграфомъ извѣстную поговорку „si vis pacem para bellum“, говоритъ прямо, что желаетъ обра-

титъ вниманіе на извѣстныя случайности (Eventualitäten) „которыя мы, нѣмцы, принуждены имѣть въ виду при нашемъ, со всѣхъ сторонъ угрожаемомъ положеніи“. Выходитъ, что не нѣмцы собираются воевать на изслѣдываемыхъ ими границахъ, а что имъ угрожаютъ войною и они готовятся только дать отпоръ. Но ни тонъ, ни изложеніе этой книги не говорятъ о войнѣ оборонительной. Въ первомъ выпускѣ авторъ съ мельчайшими подробностями описываетъ теченіе Вислы, возможность переходить по ней и ея притокамъ, исторію нѣкоторыхъ пзъ этихъ переходовъ, потомъ изслѣдуетъ театръ войны на лѣвомъ берегу Вислы, свойства почвы, орографію и гидрографію, политическія условія, топографію, населеніе, пути сообщеній, желѣзныя дороги, шоссе и приводитъ историческіе примѣры военныхъ дѣйствій на этомъ берегу рѣки. Также тщательно и въ томъ же порядкѣ изслѣдованъ и правый берегъ Вислы на всемъ сѣверномъ театрѣ. Южный — разобранъ еще подробнѣе во второмъ выпускѣ, носящемъ второе названіе „изученіе военныхъ дѣйствій (Operationstudien)“. Тутъ кромѣ разсмотрѣнія театра войны приведены историческія подробности о походѣ 1812 года въ Волыни, военныя дѣйствія въ Минской губерніи въ томъ же году и дѣйствія инсургентовъ въ 1831 году. Въ отдѣлѣ „военныхъ дѣйствій“ рассматриваются прямо случаи войны Россіи и Франціи съ Германіею, которой помогаетъ Австро-Венгрія, война одной Россіи противъ Германіи и Австро-Венгрии противъ Россіи. Авторъ приходитъ ко многимъ весьма любопытнымъ выводамъ, на которые не мѣшало бы обратить вниманіе нашимъ специалистамъ и военнымъ людямъ.

В. З.

Русскій Архивъ. II-я книга. Москва. 1880.

Вторая книга „Русскаго Архива“ не менѣе объемиста, какъ и первая; содержаніемъ она также не богата. Не будь въ ней прекрасной статьи г. Корсакова о „Петрѣ Алексѣевѣ, протоіереевѣ московскаго Архангельскаго собора“, да еще писемъ къ А. С. Пушкину барона Дельвига, Гоголя и кавалериста-дѣвицы (А. А. Дуровой), можно было бы просто сказать, что, помимо нѣсколькихъ „сырыхъ“, совсѣмъ необработанныхъ и архивныхъ матеріаловъ, вторая книга есть сплошная перепечатка уже появившихся статей въ другихъ изданіяхъ. Правда, въ ней помѣщены еще рѣчи И. С. Аксакова и П. И. Бартенева по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, но сущность этихъ рѣчей также извѣстна читающей публикѣ и ни въ какомъ случаѣ по нимъ, какъ по матеріалу случайному, нельзя судить о содержательности „Русскаго Архива“. Самые же интересныя матеріалы — письма Ю. Ф. Самарина 1840—1845 годовъ и „новые“ отрывки изъ записокъ Пушкина — уже были напечатаны: первые въ V-мъ томѣ сочиненій Самарина, а вторые, въ журналѣ „Русская мысль“. Однакоже не редакціи „Архива“ принадлежатъ перепечатки изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1825 года о сербской фамиліи Текелли въ Россіи — кстати сказать — „не оставившихъ потомковъ мужскаго пола“, и о графѣ С. М. Каменскомъ. На долю редакціи остаются: именной списокъ елизаветинскимъ лейбъ-компанцамъ, занимающій сто сорокъ три страницы, помѣщеніе которыхъ оправдывается развѣ ужъ слишкомъ исключительной точкой зрѣнія г. П. Б., выраженной въ слѣдующемъ примѣчаніи его къ списку: „русская исторія должна помнить имена людей, которые освободили Россію отъ нѣмецкаго преобладанія въ управленіи и доставили русскій престолъ дочери Петра Великаго“. Русская исторія безъ сомнѣнія, будетъ помнить и безъ „Архива“, кто, дѣйствительно, достоинъ ея памяти, но читатели рассчитаннаго на общее распространеніе изданія не только не запомнятъ всей массы именъ помѣщенныхъ въ списокъ съ формулярными примѣтами, а едвали пожелають перелистовать этотъ пространнй списокъ. За то навѣрное многіе изъ полу-

чающих „Архивъ“ пожалѣють о томъ, что пространство, занятое спискомъ, не наполнено чѣмъ нибудь болѣе удобочитаемымъ, хотя бы и не съ такой патристической цѣлью.

Слишкомъ спеціальнѣй интересъ представляютъ и другіе изъ архивныхъ матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ разсматриваемой книги, а именно: свѣдѣніе о содержаніи умалишенныхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, о Екатерининскихъ пособникахъ — солдатахъ, о наслѣдствѣ А. Д. Ланскаго, рескриптъ Д. С. Ланскому, письмо его же къ князю И. Н. Трубецкому, возраженіе князя В. Н. Волконскаго на книгу графа Стройновскаго и письмо къ Шипкову отъ П. А. Кикина. Что касается „историческихъ анекдотовъ“ то — не въ обиду сказать редакціи „Архива“ — это просто залежавшіяся сплетни, къ тому же иногда мало грамотныя ¹⁾ и большею частью лишенные всякаго историческаго значенія, за самыми незначительными исключеніями. Анекдотовъ, впрочемъ, немного и главное ихъ достоинство — краткость.

Къ разряду необработанныхъ матеріаловъ и потому не удобочитаемыхъ, относятся также „воспоминанія“ графа Орлова-Давыдова о с.-петербургскомъ совѣстномъ судѣ 1848—1850 годовъ. Бумаги собранныя графомъ по этому предмету, по его словамъ, „заимствуютъ весь интересъ свой отъ хода тайства по одному законодательному вопросу“. Это — приговоръ самаго автора надъ своими воспоминаніями и образчикъ его стиля, а потому мы и не будемъ ихъ касаться. Не большаго вниманія заслуживаетъ извлеченіе свѣдѣній о пребываніи прусскаго министра Штейна въ Россіи изъ книги, вышедшей два года назадъ: „Life and Times of Stein“ Сидля; конечно только какъ необходимый балластъ можно объяснить себѣ помѣщеніе „записокъ А. А. Эйлера“, пространныхъ и имѣющихъ частный интересъ.

Остается упомянуть еще о болѣе или менѣе живо написанномъ г. Трефолевымъ кратенькомъ разказѣ объ Ярославской старинѣ (изъ быта угличскихъ дворянъ XVIII-го столѣтія) и мы получимъ полное понятіе о новомъ выпускѣ „Русскаго Архива“, къ сожалѣнію, все болѣе оскудѣвающаго по части интереснаго матеріала.

Ө. В.

Соціальные реформаторы. Г. Д. Штутгартъ. 1880.

Писательское ремесло проявляется въ различныхъ видахъ, но не всякому изъ такихъ проявленій всегда подыщешь надлежащій резонъ. Бываютъ такіе случаи, когда рѣшительно теряешься въ догадкахъ, какое назначеніе имѣетъ сочиненіе, по замыслу самого сочинителя. Предметъ, избранный сочинителемъ, будто серьезный и важный, способенъ возбудить любопытство, а на дѣлѣ оказываются какіе-то вздорные и безграмотные пустячки, съ какими-то дикими поползновеніями. Къ категоріи такого сорта ретензиозныхъ сочиненій принадлежитъ и брошюра, недавно полученная въ Петербургъ и изданная въ Штутгартѣ, о „Соціальныхъ реформаторахъ“. Сочинитель ея счелъ за лучшее скрыть свое имя подъ инициалами Г. Д., но за то стиль брошюры сразу обличаетъ въ немъ не русское происхожденіе или, говоря опредѣленнѣе, принадлежность къ той космополитической группѣ которая характеризуется словами „изъ нашихъ“. То „соціалисты“ въ родѣ „Сень-Симона“, „донскиваются до недостатковъ общественнаго строя“, то Руссо пишетъ сочиненіе „касательно добродѣтели человека“; въ другомъ мѣстѣ брошюры Г. Д. силится доказать, что онъ можетъ „объни-

¹⁾ Напримѣръ, Карамзинъ «выѣхалъ изъ Москвы только наканунѣ ея оставленія».

вать мнѣ принадлежащія силы на предметы, которые мнѣ нужны“, а социальные реформаторы, „чужая капиталъ, его отъ насъ отстраняютъ“. Впрочемъ, всего не перечтешь. Да и что за бѣда отъ деревяннаго стила? Лишь бы содержаніе было любопытно. А какъ не быть любопытнымъ содержанію такой книги, какъ „Соціальные реформаторы“? Ни теоретическія соображенія, ни практическія попытки западно-европейскихъ социалистовъ, а иныхъ даже самое имя, неизвѣстны большинству нашей образованной публики. Къ тому же сочинитель брошюры имѣлъ въ виду еще чисто практическую цѣль: „нѣсколько лѣтъ тому назадъ — говоритъ онъ—появились въ Россіи социальныя реформаторы, которые хотятъ разрушить существующій строй, основанный на вѣрѣ, семействѣ и собственности. Чтобъ судить о томъ, возможно ли замѣнить эти основы другими, я обратилъ къ исторіи, которая, уже съ давнихъ временъ, намъ указываетъ на подобныя попытки“.

Вотъ и все „введеніе“. „Исторія“, къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ оказалась безсильной помочь сочинителю. „Коммунизмъ“ Миноса, Лигурга, Платона, пивагорейцевъ, иессеевъ, терапевтовъ, христіанства, хоть и сваленъ въ одну кучку на пространствѣ восьми страницъ, вовсе, однако, не представляетъ тѣхъ разрушительныхъ началъ, которыя подтвердить свидѣтельствами „исторіи“ взялся Г. Д. Тоже находится и въ болѣе позднихъ системахъ социальныхъ реформъ. О началахъ и идеяхъ, которыми опредѣлялся ходъ развитія социализма на Западѣ, читатель, конечно, ничего не найдетъ у Г. Д. Сколько-нибудь обстоятельнаго и яснаго изложенія социальныхъ ученій также нѣтъ въ брошюрѣ. Тусклость понятій, сбродъ какихъ-то обрывковъ, замѣняютъ серьезное отношеніе къ предмету и сколько-нибудь толковое изложеніе. О Руссо, напримѣръ, сказано: „хотя онъ и защищалъ семейство и отвергалъ общинное владѣніе, однако полагалъ, что человѣкъ созданъ добродѣтельнымъ, но что человѣческое общество образовалось порочное“. Но что-жъ изъ этого? Очень просто: „мы — говоритъ Г. Д. — можемъ сказать противное тому: человѣкъ рождается порочнымъ, а общество его исправляетъ“. Овэнъ „предоставляетъ людямъ право жить безбѣдно, но не обезпечиваетъ исполненіе ихъ обязанностей“ (?). Тѣ же блажныя истолкованія предлагаетъ Г. Д. и относительно стремленій „жирондинцевъ“ (т. е. жирондистовъ) и другихъ „социалистовъ“. „Говоря о революціонерахъ, добивающихся новаго общественнаго строя, интересна программа Пассананге“ и пр., и пр. въ томъ же родѣ и стилѣ.

Мы понимаемъ, что можно отвергать радикальныя реформы западныхъ социалистовъ, быть ожесточеннымъ противникомъ идей ихъ, можно видѣть въ ихъ безуспѣшныхъ стремленіяхъ утопію, но огуломъ приписывать имъ вздоръ, обвинять непременно въ злобныхъ намѣреніяхъ ихъ мечтанія и предположенія, или дѣлать всѣхъ шутами гороховыми въ состояніи только явная недобросовѣстность или тупоуміе. „Всякій со мной согласится“—говоритъ въ заключеніе авторъ—„въ томъ, что умъ, руки и ноги составляютъ мою личную собственность, подчиняющуюся моему волѣ; я могу ими дѣйствовать по своему усмотрѣнію“. Это — самое сильное возраженіе во всей брошюрѣ противъ ученій социалистовъ, но оно же теряетъ всякое значеніе по отношенію къ самому сочинителю. „Умъ“, очевидно, „не составляетъ его личной собственности“ и было бы, конечно, лучше и для читателя, и для него самого, если бы Г. Д. не дѣйствовалъ по „своему усмотрѣнію“.

Ө. В.

Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. И. И. Янжула. Москва. 1880.

Небольшое, но замѣчательное изслѣдованіе г. Янжула знакомитъ впервые съ дѣятельностью ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, которая,

не смотря на ея не маловажное значеніе для развитія идей свободной торговли и преобразованія англійскихъ финансовъ, до сихъ поръ не имѣетъ хотя бы легкаго очерка своей исторіи и должной оцѣнки ни въ англійской, ни въ другой европейской литературѣ. Самую любопытную сторону дѣятельности общества представляетъ его критика государственныхъ расходовъ Англій. Въ изданіяхъ общества подробно разбираются не только всѣ статьи этихъ расходовъ, но и обсуждается нерѣдко значеніе каждой отдѣльной статьи въ государственномъ организмѣ, взвѣшивается ея полезность и цѣлесообразность и изображаются откровенно и часто весьма рѣзко недостатки и злоупотребленія той отрасли управленія, къ завѣдыванію которой относится разбираемая статья. Такимъ образомъ эта критика является интересной даже не въ одномъ лишь финансовомъ отношеніи: знакомя съ слабыми сторонами своей государственной жизни, которая имѣетъ много общаго у всѣхъ націй, она тѣмъ самымъ разумѣется можетъ быть поучительна не для однихъ только англичанъ. Въ видахъ этого интереса, г. Янжуль, на основаніи трудовъ ливерпульскаго общества, знакомитъ именно съ послѣдней сферой его дѣятельности т. е. съ критикой англійскихъ государственныхъ расходовъ на содержаніе войска, флота и колоній, на содержаніе двора и прочихъ частей управленія.

Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ въ этой области заключается въ томъ, что ливерпульская ассоціація пользуется самой широкой свободой обсуждения всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ кругъ ея изслѣдованія. Не смотря, однако, на всю свою откровенность въ сужденіяхъ и критикѣ общественнаго и государственнаго устройства Англій, ливерпульское общество ни разу во всѣхъ своихъ многочисленныхъ трактатахъ не упоминаетъ о положительныхъ злоупотребленіяхъ съ криминальнымъ характеромъ, въ родѣ, напримѣръ, преступленій противъ казеннаго имущества. Эта относительная рѣдкость подобныхъ злоупотребленій служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что, ядро всего англійскаго государственнаго устройства вполнѣ здорово и способно къ постоянному и прочному совершенствованію. „Общественная самодѣятельность и свободная пресса—вотъ тѣ два могучіе фактора, благодаря зоркому наблюденію которыхъ затрудняется и ограничивается появленіе и развитіе всевозможныхъ злоупотребленій“. Второй выводъ изъ знакомства съ трудами ливерпульскаго общества состоитъ въ тѣсной и не разрывной связи всѣхъ финансовыхъ преобразованій вообще и сокращенія государственныхъ расходовъ въ особенности, съ измѣненіемъ административной системы. Слабые пункты организаціи англійскаго управленія заключаются въ существованіи множества синекуръ, плюрализма, кумовства и протекціи. Но какъ ни великъ вредъ такой системы, бороться противъ него нельзя иначе, какъ дѣйствуя на тѣ причины, которыя дѣлаютъ возможнымъ существованіе самаго зла. Одной изъ ближайшихъ являются существующія формы администраціи, и съ преобразованія ихъ, слѣдовательно, должна начинаться всякая серьезная реформа сокращенія расходовъ.

Общее заключеніе, которое вытекаетъ изъ книги г. Янжула, сводится къ тому, что лишь общественная самодѣятельность и частный законодательный починъ, въ связи съ свободной печатью, какъ доказываютъ всѣ данныя, привели Англію къ двѣтущему положенію ея финансовъ и тѣмъ самымъ указываютъ единственно вѣрный путь, по которому должна слѣдовать каждая страна, желающая достигнуть той же цѣли съ наименьшей потерей народныхъ средствъ и силъ.

Ө. В.

Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго. Историческій очеркъ Д. Иловайскаго. Москва. 1880.

Брошюра г. Иловайскаго явилась весьма кстати. Она возобновила въ памяти русскихъ людей подробности знаменательнаго событія нашей исторіи, котораго пятисотлѣтній юбилей исполнился только надняхъ. Но, независимо отъ своего прямого назначенія, рассматриваемая брошюра представляется весьма отраднымъ явленіемъ. Приготовленія къ походу Дмитрія Донскаго, самый походъ, подробности Куликовской битвы,—все это разсказано просто, обстоятельно и живо. Примѣнительно же къ задачамъ „Историческаго Вѣстника“, любопытно упомянуть о взглядѣ нашего историка на „Слово о житіи и преставленіи Дмитрія Ивановича, Царя Русскаго“, которое вмѣстѣ съ лѣтописными сказаніями о событіи служило источникомъ и г. Иловайскому. По словамъ автора, не можетъ быть сомнѣній, что такое великое событіе, какъ Донской походъ Дмитрія Ивановича имѣлъ своего современнаго пѣвца или сказателя-панегириста, подобно другимъ важнымъ событіямъ древней Руси. Обычай сочинять похвальное слово или пѣснь въ честь князей тотчасъ послѣ совершенія ими какого либо подвига,—этотъ обычай идетъ на Руси изъ глубокой древности. Скорѣе послѣ самого похода сочинена была похвальная пѣснь о немъ въ честь Дмитрія Ивановича и двоюроднаго брата его Владимира Андреевича, и притомъ сочинена не только грамотнымъ, но и начитаннымъ авторомъ, Софоніемъ Рязанцемъ. Сочиненіе это въ числѣ своихъ образцовъ имѣло поэтическое слово о Полку Игоревѣ, и вообще исполнено риторическихкихъ украшеній. Авторъ его едва ли былъ бояриномъ, по мнѣнію г. Иловайскаго; скорѣе это сочиненіе духовнаго отца. Похвальная повѣсть Софонія не дошла до насъ въ цѣломъ и настоящемъ своемъ видѣ. Но она послужила главнымъ источникомъ для всѣхъ „Сказаній“ и „Словъ“. Ею воспользовался и тотъ лѣтописный разсказъ, который вошелъ въ своды Новгородскій, Софійскій и Воскресенскій. Ею вдохновился и изъ нея заимствовалъ свои картины авторъ Слова о Задонщинѣ. Наконецъ, та же самая повѣсть является въ Никоновскомъ сводѣ и въ „Повѣданіи о побойщѣ“, но только съ большими передѣлками, пропусками и вставками.

Разсказъ Никоновскаго свода по языку болѣе примѣненъ къ лѣтописному повѣствованію, а Повѣданіе несомнѣнно сохранило по большей части и самый языкъ Софоніева „писанія“, риторическій или украшенный. Сказаніе Софоніева, очевидно, получило большое распространеніе въ древней Руси, и часто списывалось. Но позднѣйшіе писатели или переписчики много его искажали или по невѣжеству и недосмотру, или намѣренными передѣлками. Каждой области лестно было заявить о своемъ участіи въ великой Куликовской битвѣ. И вотъ явились, напримѣръ списки сказанія съ длинной вставкой объ участіи Новгородцевъ въ походѣ Дмитрія, „хотя это совершенная басня“. Тверскіе писатели вставили разсказъ объ участіи въ походѣ тверичей съ племянникомъ своего великаго князя Михаила Александровича, „хотя это тоже сомнительно“. Присутствіе митрополита Кипріяна въ Москвѣ во время событія по мнѣнію Иловайскаго есть также позднѣйшая вставка. Точно также если не всё, то нѣкоторыя благочестивыя легенды, приводимыя особенно въ Никоновской лѣтописи, вѣроятно, сложились или умножились уже впоследствии, на основаніи какихъ либо краткихъ намековъ первоначальной „Повѣсти“. Вообще въ брошюрѣ Иловайскаго разобраны критически спорные вопросы относительно многихъ подробностей Куликовской битвы, представлена оцѣнка источниковъ разсказа объ этомъ событіи и указана литература предмета. Такимъ образомъ въ одной небольшой книжкѣ удачно соединены ученая работа съ популярнымъ, общедоступнымъ изложеніемъ событія.

Ө. В.

Историческая записка 75-ти-лѣтія С.П.В. 2-й гимназіи. Ч. I. С.П.В. 1880.

Это юбилейный отчетъ о первомъ двадцатипятилѣтіи существованія второй С.-Петербургской гимназіи (1805—1830 г.) хотя и составленъ совсѣмъ не популярно. Списки служившихъ въ гимназіи лицъ, списки учившихся въ ней за это время, перечень расходовъ, описанія уроковъ и самыя краткія свѣдѣнія о внутренней жизни учебнаго заведенія, одни, такъ сказать, слабыя контуры этой жизни—таково содержаніе „Исторической Записки“ старѣйшей изъ столичныхъ гимназій. Что касается распоряженій и „преобразованій“, какія испытала вторая гимназія за указанный періодъ времени, то они давно извѣстны изъ официально составленной „Исторіи среднихъ учебныхъ заведеній“ Шмидта и другихъ источниковъ.

Вотъ почему разсматриваемая „Историческая записка“ представляетъ лишь исключительный, слишкомъ спеціальныи интересъ и не можетъ рассчитывать на болѣе или менѣе широкое распространеніе даже въ кругу педагоговъ и учебныхъ заведеній.

Ө В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именные указы императрицы Елизаветы Петровны.

I.

И ИМПЕРАТОРСКОЕ величество изволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ объявить всѣмъ дамамъ, которыя къ высочайшему двору ея императорскаго величества приѣздъ имѣютъ, чтобъ онѣ на головѣ, на правой сторонѣ, не имѣли ни какого убранства, а имянно окромѣ однихъ букловъ и отнюдь не втыкали бѣ въ волосы на оную правую сторону ничего какъ алмазовъ, такъ и цвѣтовъ, но только бѣ въ одной лѣвой сторонѣ носили бѣ убранства; также не употребляли бѣ сверхъ тушей цытерьнаделей и цвѣтовъ и прочаго ничего, и въ тушей ничего не втыкали бѣ; и къ томужъ и дофинновъ не носили бѣ и тако на всей головѣ не было бѣ болѣе убранства, какъ только на одной лѣвой сторонѣ, а тушей и правая сторона были бѣ просто въ однихъ завитыхъ волосахъ.

Декабря 13 дня, 1851 г.

II.

Ея императорское величество изволила высочайше указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ: оберъ-гофмейстеринѣ, гофъ-мейстеринѣ, штатсъ-дамамъ, фрейлинамъ и придворнымъ кавалерамъ съ фамиліями, а генералитету первымъ четыремъ классамъ съ фамиліями же, во время высочайшаго ея императорскаго величества въ Петергофѣ присутствія въ курташныя дни имѣть платье дамамъ: кафтаны бѣлые, тафтяныя, обшлага, опушки и юпки гранитуровыя зеленныя, по борту только позументъ серебряной; на головахъ имѣть обыкновенной папилюнъ, а ленты зеленныя; волосы вверхъ гладко убранны. Кавалерамъ: кафтаны бѣлые же, камзолы, да у кафтановъ обшлага маленькія разръзные и воротники зеленныя, кто изъ какой матеріи пожелаетъ, съ выкладкою серебрянаго позумента около петель и при томъ у тѣхъ петель, чтобъ были кисточки серебряныя жъ, небольшія, какъ оныя прежде сего у Петергофскаго платья бывали.

Мая 26 дня, 1752 г.

III.

Высочайше повелѣно съѣзжаться по полудни въ 7-мъ часу всѣмъ придворнымъ и знатымъ персонамъ и чужестраннымъ и всему дворянству съ фамиліями, а особливо съ наискрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ въ ономъ маскарадѣ малолѣтнихъ не было, въ приличныхъ маскахъ, кто похочетъ въ какомъ платьѣ, токмо кромѣ перигримскаго и арлекинскаго и непристойныхъ деревенскихъ, неупотреблять; въ убранствахъ хрусталей и мишуры на тѣхъ платьяхъ чтобъ не было, а кто не дворянинъ, тотъ бы въ оной маскарадѣ быть отнюдь не дерзалъ.

Февраля 14 дня, 1753 г.

IV.

Ея императорское величество соизволила указать имяннымъ своего императорскаго величества указомъ чтобы всегда урожаемые сначала весны и лѣта лѣсные новины, ягоды и другія фрукты, то есть морошку, землянику, грибы, грузди, рыжики и прочее, набирая въ лѣсахъ дворцовыми волостными мужиками, а ежели наче чаянія волостными мужиками набрано и выслано не будетъ, а такія же новины прежде оныхъ могутъ оказаться въ продажѣ у постороннихъ людей, тогда оныя покупать отъ дворцовой канцеляріи неотмѣнно и присылать ко двору ея императорскаго величества сколько когда гдѣ набрать или купить можно, дабы такія новины въ партикулярныхъ домахъ прежде высочайшаго двора ея императорскаго величества ни укого отнюдь оказаться не могли.

Марта 25 дня, 1751 г.

Изъ бумагъ М. Д. Хмырова.

Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II.

Одну изъ блестящихъ страницъ въ жизни Екатерины II составляютъ ея сношенія съ великими умами современной ей западной Европы. Конечно, однимъ изъ главныхъ побужденій императрицы въ этомъ случаѣ было самолюбіе и желаніе приобрести себѣ симпатію передовыхъ людей того времени, но все же нельзя не признать, что вмѣстѣ съ личными расчетами ею руководилъ и дѣйствительный интересъ къ идеямъ, которыя проповѣдывались Вольтеромъ, Дидро, и другими тогдашними вожаками европейскаго просвѣщенія. Въ 1773—1774 годахъ императрицѣ удалось лично познакомиться съ Дидро, который провелъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Объ этомъ личномъ знакомствѣ съ нимъ Екатерины разказано, съ любопытными подробностями, княземъ П. А. Вяземскимъ въ приложеніяхъ къ біографіи Фонъ-Визина, и позже М. Ѳ. Шугуровымъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ первой книгѣ сборника П. И. Бартењева: „Осмнадцатый Вѣкъ“. Новое, законченное только въ 1877 году, изданіе сочиненій и писемъ Дидро, исполненное весьма тщательно и съ большимъ знаніемъ дѣла гг. Ассеза и М. Турне, заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи отношеній знаменитаго энциклопедиста къ русской императрицѣ. Должно замѣтить, что въ теченіе своего пребыванія въ Россіи, Дидро, по видимому, писалъ очень мало писемъ на родину. За то на возвратномъ пути изъ Петербурга во Францію онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Гагѣ и въ письмахъ, отсюда посланныхъ разнымъ лицамъ, описалъ свое пребываніе въ гостяхъ у русской императрицы. Къ числу писемъ такого содержанія принадлежитъ и то, которое мы предлагаемъ

здѣсь въ переводѣ, и которое осталось неизвѣстнымъ ни князю Вяземскому, ни г. Шугурову, такъ какъ оно было напечатано, много лѣтъ тому назадъ. въ одномъ французскомъ библиографическомъ изданіи и не входило до сихъ поръ въ собранія сочиненій Дидро. Письмо это, написанное пылкимъ философомъ къ своей женѣ, имѣетъ совершенно частный характеръ: Дидро отводитъ въ немъ довольно много мѣста даже разчетамъ о тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя можетъ доставить ему путешествіе въ Россію; но вмѣстѣ съ тѣмъ Дидро высказываетъ здѣсь съ полною откровенностью и свои мнѣнія объ императрицѣ..

Гага, 9 апрѣля 1774 года.

„Дорогой другъ, я прибылъ въ Гагу 5 апрѣля, проѣхавъ семьсотъ лье въ теченіе двадцати двухъ дней. Князь и княгиня ¹⁾ ждали меня съ нетерпѣніемъ и приняли съ выраженіями самой искренней и трогательной дружбы. Пожелай я только рѣшительно, я могу быть возлѣ тебя черезъ четыре дня; но ея императорское величество поручила мнѣ издать здѣсь уставы разныхъ заведеній, основанныхъ ею на благо своихъ подданныхъ, и я долженъ это выполнить. Если голландскій книгопродавецъ не арапъ, какимъ онъ имѣетъ обыкновеніе быть, то я скорѣй уѣду въ Парижъ. Если же я приѣду къ какому нибудь разумному соглашенію съ нимъ, то останусь здѣсь. Не знаю еще на чей счетъ падутъ расходы моей обратной поѣздки. Чтобы выяснитъ это, подожду моего провожатата до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится изъ своей поѣздки по Голландіи ²⁾.

На канунъ моего отъѣзда изъ Петербурга ея императорское величество прислала мнѣ три мѣшечка съ тысячею рублей въ каждомъ. Я отправилъ къ нашему министру при русскомъ дворѣ, чтобы разнѣять эти деньги на французскія бумаги. Вслѣдствіе учета, который особенно въ настоящее время очень значителенъ въ Петербургѣ, эти три тысячи рублей сократились до 12,600 ливровъ нашей монеты ³⁾. Если отнести на эту сумму стоимость эмалевой доски и двухъ картинъ, которыя я поднесъ государынѣ, расходы на обратный путь и подарки, которые мы, какъ порядочные люди, должны сдѣлать Нарышкинымъ—они были такъ добры ко мнѣ, обходились со мною какъ съ братомъ, помѣстили у себя, кормили и вообще содержали меня на всемъ готовомъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ,—то намъ остается пять или шесть тысячъ франковъ, пожалуй даже менѣе; но я не могу считать себя увѣреннымъ, что намъ нечего болѣе ожидать отъ государыни, которая есть сама щедрость, ради которой я, уже въ довольно зрѣломъ возрастѣ, совершилъ путешествіе въ 1,500 лье, которая не пренебрегла принять подарокъ, и для которой я трудился всячески день и ночь въ теченіе пяти мѣсяцевъ: въ виду всего этого и мой провожатый намекаетъ мнѣ о противномъ. Но даже еслибъ этого и не состоялось, мнѣ не на что жаловаться. Государыня была ко мнѣ такъ щедра до сихъ поръ, что требовать большаго, значилобъ съ моей стороны проявлять ненасытимую жадность; но во всякомъ случаѣ нужно подождать, и даже довольно долго, прежде чѣмъ высказываться въ какомъ либо смыслѣ. Государыня знаетъ, что ея дары не обогатили меня, и я убѣжденъ, она ищетъ ко мнѣ уваженіе, смѣю даже сказать—дружбу. Нѣкогда я предлагалъ ей передѣлать энциклопедію для нея; она сама завела теперь рѣчь объ этомъ проектѣ, кото-

¹⁾ Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, русскій полномочный министръ въ Гагѣ, женатый на графинѣ Амаліи—Аделандѣ (Амаліи Фелоровнѣ) фонъ-Шметтау.

²⁾ Провожатый этотъ данъ былъ Дидро Екатериной; фамилія его была Бала (Bala); онъ ѣхалъ съ Дидро до Гаги и затѣмъ долженъ былъ возвратиться въ Россію.

³⁾ Ливръ=франку.

рый ей понравился; такъ она увлекается всѣмъ, что имѣетъ характеръ величія. Обсудивъ это дѣло со мною въ отношеніе славы, которую оно ей принесетъ, она велѣла мнѣ переговорить съ однимъ изъ своихъ министровъ о денежной сторонѣ предпріятія. Между министромъ этимъ и мною все слажено, и въ ту минуту, какъ я тебѣ пишу, онъ увѣдомляетъ меня, что вскорѣ доставить мнѣ средства для начатія дѣла. Средства эти будутъ весьма значительныя: не менѣе сорока тысячъ рублей или двухсотъ тысячъ франковъ; мы теперь же получимъ проценты со всей этой суммы и затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ будемъ пользоваться процентами хотя съ части ея, то есть, около 10,000 франковъ за первые годъ и три мѣсяца, 5,000 за слѣдующіе годъ и три мѣсяца и т. д. все это было бы очень кетати въ прибавку къ нашимъ обычнымъ доходамъ. Нужно только хранить объ этихъ вещахъ глубокое молчаніе: во первыхъ, потому что дѣло хотъ и очень исполнимо, но еще не исполнилось; во вторыхъ, когда деньги будутъ получены, и вообще дѣло сдѣлается, нужно молчать о немъ, имѣя въ виду нашихъ дѣтей, которыя иначе будутъ требовать отъ насъ денегъ для помѣщенія ихъ въ полной неприкосновенности, и вообще многихъ другихъ причинъ, которыя ты сообразишь и сама, безъ моей помощи. И такъ, дорогой другъ, готовься къ переѣзду. Я предупрежу тебя, когда нужно это сдѣлать, чтобы ты могла найдти квартиру въ удобной для нашего дѣла части города. На сей разъ энциклопедія принесетъ мнѣ кое что и не причинитъ огорченій, такъ какъ я буду работать для чужестраннаго двора и подъ покровительствомъ коронованной особы. Французское министерство увидитъ въ этомъ лишь славу и выгоду націи, и я употреблю послѣдніе годы жизни съ пользою для тебя и для дѣтей нашихъ.

„Императрица не только надѣлала мнѣ подарковъ и поручала работы въ Петербургѣ, но и дала мнѣ много порученій, исполненіе которыхъ потребуетъ я многихъ способностей, и значительнаго количества времени. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ менѣе могу повѣрить, чтобы эта государыня, столь во всемъ великая, уступала мнѣ въ отношеніи соблюденія моихъ интересовъ, такъ какъ надобно тебѣ сказать — я вѣдь самъ связалъ ей руки и удержалъ ея благотворительность. Ты спросишь меня, почему я такъ поступилъ, и вотъ мой отвѣтъ: едва я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ негодяи стали писать изъ Парижа, а другіе негодяи—повторять въ Петербургѣ, что я пріѣхалъ не для того, чтобы отблагодарить государыню за ея прежнія благодѣянія, а чтобы выпросить еще новыхъ; это оскорбило меня, и я сказалъ себѣ: я долженъ зажать ротъ этой сволочи. Поэтому то, когда я откланялся ея императорскому величеству, я представилъ ей нѣчто въ родѣ прошенія, въ которомъ изложилъ свое наипочтеннѣйшее ходатайство, ничего, такъ-таки рѣшительно ничего, не прибавлять къ ея прежнимъ милостямъ, дабы не оскорбить мое сердце. Какъ я и ожидалъ, она спросила о причинѣ такой просьбы. „Я дѣлаю это“, отвѣчалъ я, „ради вашихъ подданныхъ и моихъ соотечественниковъ; вашихъ подданныхъ я не желалъ бы оставить въ томъ убѣжденіи, о которомъ они имѣли низость намекать и мнѣ, то есть, что не благодарность, а тайный разчетъ на новыя выгоды подвинулъ меня на путешествіе; я непременно хочу разубѣдить ихъ въ этомъ и прошу ваше величество оказать мнѣ тутъ свою помощь; въ отношеніи же моихъ соотечественниковъ, я хочу сохранить полную свободу слова: когда я буду говорить имъ правду о вашемъ величествѣ, пусть не думаютъ они, что то говоритъ голосъ благодарности, всегда подозрительный. Мнѣ гораздо пріятнѣе заслужить общее довѣріе, когда я стану превозносить ваши великія достоинства, чѣмъ имѣть лишнія деньги.“ „А вы богаты?“ спросила она. „Нѣтъ, не богатъ, государыня, но я доволенъ, а это самое главное.“ „Что жъ мнѣ сдѣлать для васъ?“ „Многое: во первыхъ, ваше величество не пожелаете отнять у меня два-три года жизни, которыми я вамъ же обязанъ, и уплатить расходы по моему путешествію, пребыванію здѣсь и возвращенію, впрочемъ имѣя въ виду, что философъ путешествуетъ

не какъ знатный баринъ“. Она сказала мнѣ: „Сколько же вы хотите?“ „Я думаю, что полутора тысячи рублей будетъ довольно“. „И дамъ вамъ три тысячи“. „Во вторыхъ, ваше величество дадите мнѣ какую-нибудь бездѣлку, пѣнную лишь потому, что она была въ нашемъ употребленіи“. „Я согласна, но скажите мнѣ, какую бездѣлку вы хотите получить“. Я отвѣчалъ: „Вашу чашку съ блюдечкомъ“. „Нѣтъ, она разобьется, и вамъ же будетъ жалко; я приберу что-нибудь другое“. „Въ третьихъ, ваше величество дадите мнѣ какого-нибудь провозжатаго, который доставитъ меня здраво и невредимо домой, или скорѣе—въ Гагу, гдѣ я пробуду три мѣсяца, исполняя порученія вашего величества. „Это будетъ исполнено“. „Вчетвертыхъ, ваше величество разрешите мнѣ прибѣгнуть къ вамъ въ томъ случаѣ, если я впаду въ разореніе, вслѣдствіе ли дѣйствій правительства, или по какой другой причинѣ“. На этотъ пунктъ она отвѣчала мнѣ: „Другъ мой (такъ она и сказала), рассчитывайте на меня, я всегда при всякомъ случаѣ готова вамъ помочь“. Ты поймешь, что такая доброта вызвала горячія слезы на мои глаза; она тоже почти заплакала. Вечеръ этотъ былъ самый пріятный для насъ обоихъ: она сказала это Гриму, котораго принимала послѣ меня. „Такъ вы скоро ѣдете?“ прибавила она. „Если ваше величество позволите“. „Да вмѣсто того, чтобы уѣзжать, отчего бы вамъ не выписать сюда ваше семейство?“ „О, государыня“, отвѣчала я, „моя жена очень немолода и очень болѣзненная женщина, и съ нами живетъ ея сестра, которой скоро будетъ восемьдесятъ лѣтъ! „Она ничего на это не отвѣчала. „Когда же вы ѣдете?“ „Когда позволитъ время года“. „Такъ не прощайтесь же со мною: прощанье наводитъ грусть“. Вслѣдъ за тѣмъ она велѣла приготовить новенькую англійскую карету, въ которой я могъ и сидѣть, и лежать какъ въ постели, и снабдила меня всѣмъ, что необходимо для моего удобства и спокойствія въ пути. Она стала искать между своихъ офицеровъ такого, который былъ бы мнѣ по вкусу, и наконецъ выбрала одного очень любезнаго и порядочнаго человѣка, умнаго и образованнаго. Мнѣ хотѣлось бы подарить ему мои часы. Какъ ты думаешь объ этомъ? Этотъ господинъ, служащій въ коллегіи или въ комитетѣ иностранныхъ посольствъ и въ канцеляріи князя Орлова, оказывалъ мнѣ всевозможныя одолженія. Скажи мнѣ, что ты думаешь объ этомъ намѣреніи, я такъ и поступлю, только отвѣчай сейчасъ же. Наканунѣ моего отъѣзда, государыня сказала Гриму: „Я въ восхищеніи, я думала, думала, и наконецъ, вспомнила объ одной вещи, которая была у меня въ употребленіи, и которая доставитъ удовольствие Дидро“.

„Утромъ въ день моего отъѣзда она явилась среди своего двора съ кольцомъ на пальцѣ, и сказала одному изъ своихъ приближенныхъ: „Возьмите это кольцо и отнесите его отъ моего имени г. Дидро; скажите ему, что я носила его. Это бездѣлка, какъ онъ и просилъ, но я увѣрена, что она доставитъ ему удовольствие“. Въ этомъ кольцѣ былъ рѣзной камень съ изображеніемъ императрицы. Надобно тебѣ сказать, когда я попросилъ у нея какую-нибудь бездѣлку и упомянулъ о чашкѣ и блюдечкѣ, то прибавилъ также: „или рѣзной камень“, и она мнѣ отвѣтила: „Да, былъ у меня отличный, да я отдала его князю Орлову“. Я отвѣчалъ: „Можно у него вытребовать“. „И никогда не требую обратно того, что дамъ разъ“. „Какъ, государыня вы соблюдаете такія церемоніи съ друзьями?“ Она улыбнулась. — Голубушка, я затрудняюсь излагать продолженіе этого разговора и чувствую что душѣ моей становится неловко. Эта женщина также добра, какъ и велика: надо тебѣ знать, что князь Орловъ былъ ея фаворитомъ; впрочемъ выборъ ея былъ прекрасный; это человѣкъ возвышенной души, да и четверо братьевъ его сдѣлали его: они-то и возвели Екатерину на престолъ.

„Вотъ, голубушка, какъ ведутся бесѣды съ императрицей Россійскою, и передаваемый мною разговоръ подобенъ шестидесяти другимъ, которые ему предшествовали.“

„Та прекрасная карета, которая была для меня сдѣлана, сломалась въ Митавѣ, то есть, въ 230 лье отъ Петербурга.

„Ну, теперь, мой другъ, ты же, все знаешь. Не сжигай этого письма. Послушай, если я отдамъ часы моему провожатому, это, конечно, станетъ извѣстно императрицѣ, да и часы эти такъ мало мнѣ служатъ, что я намѣревался было подарить ихъ г. Нарышкину. Такъ какъ ты все теперь знаешь, скажи мнѣ, что ты думаешь. Полагаешь ли ты, что ея императорское величество будетъ строго держаться нашего договора и ничего для меня не сдѣлаетъ?

Прежде чѣмъ подавать ей мою просьбу, въ которой я самъ полагалъ предѣлы ея благотвореніямъ, я, во избѣжаніе дурного истолкованія, что въ ней вкуются корыстные виды подъ прекрасною наружностью, показалъ ее Гримму и двумъ-тремъ порядочнымъ людямъ, настоятельно прося ихъ сказать мнѣ свое мнѣніе; всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали мнѣ, что просьба отличается самою трогательною деликатностью и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дурно истолкована; тогда я рѣшился подать и прочесть ее императрицѣ. А такъ какъ въ ней выражалось мое искреннее убѣжденіе, то прочтеніе просьбы окончательно засвидѣтельствовало истинность выраженныхъ въ ней чувствъ, и государыня была ею вполне тронута.

„Шведскій министръ въ Петербургѣ, баронъ Нолькенъ, одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я совѣтовался, пришелъ ко мнѣ нѣсколько дней спустя спросить какъ было принято мое прошеніе. „Отлично“, казалъ я. А онъ замѣтилъ: „Я былъ увѣренъ въ его успѣхъ“, и добавилъ: „Вы исполнили свой долгъ какъ честный человѣкъ, и я вполне увѣренъ, императрица также выполнитъ свой“. „Но, баронъ...“ „Я знаю, вы говорили государынѣ вполне серьезно; въ самомъ дѣлѣ думаете то, что сказали ей; но не можетъ же она понять ваши слова въ буквальный смыслъ. Доводы ваши поразили ее своею справедливостью. Она не захочетъ лишитъ ихъ значенія истинны; но послѣ того, какъ вы скажете свое слово, она будетъ дѣйствовать. Покрайней мѣрѣ такъ бы я поступилъ на ея мѣстѣ, да вѣрно, такъ она и сдѣлаетъ: она только отодвинетъ на нѣкоторый срокъ выраженія своей благотворительности, но чередъ ихъ все-таки прійдетъ; я ее знаю, она всегда такъ поступаетъ“.

„Ошибается ли шведскій министръ, или нѣтъ, мнѣ, мой другъ, все равно, клянусь тебѣ: я доволенъ собою, и буду всегда доволенъ ею. Мы всѣмъ ей обязаны; что бы я не сдѣлалъ, я всегда до самой смерти останусь въ долгу у нея. Вотъ что я вижу и всегда буду видѣть: надѣюсь, и ты также, я тебя знаю.

„Прощай, моя милая, цѣлую тебя отъ всего сердца; кланяйся всѣмъ отъ меня.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что возвращеніе мое ничего мнѣ стоить не будетъ, и что данному мнѣ провожатому императрица приказала производить всѣ расходы и ничего не брать отъ меня. Это мнѣ очень пріятно, хотя и не удивляетъ меня; я узнаю государыню въ этой щедрости.

Сообщено Л. Н. Майковымъ.

Непреклонный маіоръ ¹⁾.

(Картинка административной неурядицы александровскихъ временъ).

I.

Дѣло происходило въ 1811 году, зимою. Гражданскія власти Псковской губерніи (какъ и другихъ) были озабочены производствомъ рекрутскаго набора

¹⁾ Въ имѣющемся у меня собраніи старинныхъ бумагъ находится, между прочимъ, переписка (въ скрѣпленныхъ копіяхъ, а частію въ подлинникахъ) между воен-

и взываніемъ податей и недоимокъ. Время было горячее: Россія готовилась къ великой войнѣ и потребность въ людяхъ и въ деньгахъ была неотложная и чрезвычайная. Такъ смотрѣли на это дѣло въ Петербургѣ, въ высшихъ сферахъ правительства, и въ такомъ экстренномъ смыслѣ разсылались оттуда въ провинцію вдохновительныя предписанія и циркуляры для „скорѣйшаго“ исполненія. Но—„скоро сказка сказывается“...

Судя по лежащимъ передъ нами документамъ, петербургскія петербургскія предписанія далеко не вездѣ въ провинціи возбуждали вождѣльное и единодушное рвеніе. Какъ власти, такъ и общество (не говоря уже о крестьянахъ) относились къ нимъ съ привычной вялостью и пассивностью. Происходило это, отчасти, отъ того, что тамъ никто не зналъ истиннаго положенія вещей и не подозрѣвалъ близости висѣвшей надъ государствомъ грозы. Моментъ патристическаго возбужденія, отличившаго эпоху „отечественной войны“, еще не наступалъ. Процедура отправления государственныхъ повинностей и обязанностей совершалась старымъ, по обыкновенію, медленнымъ, безалабернымъ порядкомъ, характеризовавшимся, съ одной стороны, неохотой и уклончивостью плательщика и, съ другой—мертвеннымъ формализмомъ, чиновническимъ соперничествомъ, неспособностью, а часто и недобросовѣстностью низшей администраціи.

Нужно знать еще, что такое былъ въ тѣ времена рекрутскій наборъ, вообще, чтобы понять тѣ тяготы и затрудненія, которыми сопровождалось его исполненіе какъ для населенія, такъ, отчасти, и для властей.

Суровая военная ферула и страшно-долголѣтній срокъ службы внушали ужасъ въ народѣ къ „красной шапкѣ“ и, каждый новобранецъ обрекалъ себя ей, какъ пыткѣ. Все, что могло, правдами и неправдами, избѣжать „рекрутинъ“—объявлялось въ бѣгахъ, подкупало чиновниковъ, нанмало охотниковъ, калѣчило себя и проч. Тѣмъ суровѣе были мѣры, принимаемыя властями для противодѣйствія разнообразнымъ уклоненіямъ отъ этой повинности.

Одинъ изъ лично испытанныхъ на себѣ тягость тогдашней солдатской ляжки современниковъ, Иванъ Меньшой—авторъ любопытныхъ записокъ, напечатанныхъ въ „Рус. Старинѣ“ 1874 г., рассказываетъ, что, когда въ 1812 г. былъ объявленъ наборъ и съ его семейства потребовали рекрута, то, до представленія сыновей, находившихся въ отлучкѣ, мать автора была закована въ кандалы и посажена подъ арестъ.

„У меня сердце закипѣло, описываетъ онъ волнованію его въ тѣ минуты чувства,—думалъ я въ это время, что, еслибъ можно было, я эти желѣзы съ материнскихъ ногъ перегрызъ бы зубами“...

Конечно, это былъ заурядный фактъ такого безчеловѣчнаго способа понужденія къ отбыванію тяжелой, ненавистной повинности.

Къ рекрутчинѣ относились антипатично не только лично подлежавшіе ей, напр., крестьяне, но и помѣщики—дворяне. Какъ увидимъ ниже, нерѣдки бывали примѣры, что помѣщики сами способствовали своимъ крестьянамъ всѣми мѣрами уклоняться отъ этой повинности. Наборъ, понятно, отнималъ у нихъ работниковъ, отнималъ живую силу, которая стоила денегъ, и имъ жаль было отдать ее добровольно на алтарь отечества.

Такимъ образомъ, легко представить себѣ—какой переполохъ, какую сумятицу и сколько хлопотъ и тревогъ повсемѣстно вносило въ провинціальную жизнь одно роковое слово: „наборъ“!

.....

ными и гражданскими властями псковской губерніи, относящаяся къ 1811 г. и возбужденная по поводу производства рекрутскаго набора. Къ сожалѣнію, въ моемъ собраніи не достаетъ резолюціи, какая послѣдовала со стороны высшей власти въ завершеніе этой переписки; но фактическая сторона эпизода отъ этого ничего не теряетъ и, самъ по себѣ, онъ даетъ довольно полное впечатлѣніе безурядицы и розни, царившихъ тогда въ средѣ провинціальной администраціи. Авт.

II.

Псковской губерніей управлялъ въ 1811 году князь Петръ Шаховской. Зная, вѣроятно, по своимъ связямъ въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ, нѣсколько ближе о грозившей Россіи опасности и получая настоятельныя требованія отъ центральной власти—возможно скорѣе произвестъ рекрутскій наборъ и собрать подати, князь поставилъ на ноги всю мѣстную земскую полицію. Изъ его канцеляріи стали летѣть къ уѣзднымъ исправникамъ предписанія за предписаніями и, наконецъ, отъ 18-го ноября, явилось „подтверждающее“ предписаніе, въ которомъ требовалось непременно къ 1-му декабря взымать „всякаго рода доимки“ безъ остатка.

Но этотъ градъ губернаторскихъ предписаній исправники умѣли отражать не менѣе плодовитыми и убѣдительными отписками. Особенно находчивъ былъ, кажется, по этой части тогдашній порховскій исправникъ, нѣкто Бороздинъ.

Получивъ отъ губернатора предписаніе 21-го ноября, онъ 23-го того же ноября уже успѣлъ отписаться къ нему рапортомъ.

„Я, ваше сіятельство, писалъ Бороздинъ,—неоднократно гг. владѣльцевъ ко взносу должныхъ ими въ уѣздное казначейство доимочныхъ денегъ и къ высылкѣ (въ Псковъ) доимочныхъ рекрутовъ понуждалъ и понуждаю, а для лучшаго успѣха нѣкоторыхъ изъ нихъ и подписками обязалъ (словомъ, постарался всеусердно); но и за всеѣмъ тѣмъ никакого успѣха не предвидѣлъ“...

Такая мрачная прелюдія рапорта была, отчасти, не болѣе, какъ ловкій отписочно-канцелярскій приемъ для вышшаго освѣщенія ретивости г. исправника и ея блистательныхъ результатовъ.

„Понуженія“ его „гг. владѣльцевъ“, на самомъ дѣлѣ, не были ужъ такъ отчаянно безуспѣшны, хотя и потребовали, какъ видно, не малаго напряженія полицейской расторопности. Встрѣчая неохоту и упорство со стороны помѣщиковъ въ исполненіи предписанныхъ повинностей, Бороздинъ „вынужденнымъ себя нашелъ“ хватать и ловить въ ихъ вотчинахъ, „подъ разными видами“, первыхъ встрѣчныхъ людей, годныхъ въ рекруты. Надо полагать, что „виды“ эти были какъ нельзя болѣе остроумны и рѣшительны. потому что, благодаря имъ, Бороздину посчастливилось нахватать такимъ способомъ надежащее число рекрутовъ въ вотчинахъ Назара Румянцова, Якова Наргова, Анны Харламовой и друг., чѣмъ онъ и не преминулъ похвалиться передъ начальникомъ.

Это—еще одна недурная подробность для иллюстраціи тогдашней рекрутчины, лишившейся всякой тѣни законности и правильности, если полиція находила возможнымъ, безъ разбору, вербовать въ солдаты любого, приглянувшегося ей молодца.

Находились, однако, между порховскими помѣщиками такіе дипломаты, которые умѣли перехитрить и ловкаго исправника. Не смотря на „разные виды“ и „всевозможныя средства“, пущенные въ ходъ Бороздинымъ, эти искусившіеся „въ нѣтѣхъ“, какъ говорилось въ старину, плательщики, искусно отлынивали отъ него и довели до полнаго отчаянія.

Выведенный изъ себя, въ безсиліи понудить непокорныхъ къ отбыванію должной повинности, исправникъ рѣшился прибѣгнуть къ содѣйствію воинской силы... Мѣра, казалось бы, рѣшительная и самая дѣйствительная; но тутъ, сверхъ ожиданія, расчеты гражданской власти на содѣйствіе военной должны были разбиться о „непреклонность“ представителей послѣдней.

III.

По всеѣмъ вѣроятіямъ, командиръ гарнизоннаго батальона, расположеннаго въ Псковской губерніи, будучи независимъ отъ власти мѣстнаго губернатора, былъ съ нимъ не въ ладахъ. Такъ какъ, по исконному свойству русскаго, да ли всякаго другого служилаго класса, каждый чиновникъ непременно и повсе-

часно стремится всячески засвидѣтельствовать, что онъ что-то такое значить, и непременно—значение свое до-нельзя раздуваетъ и преувеличиваетъ, то подобныя нелады, счеты и пререканія между представителями различныхъ вѣдомствъ всегда были въ нравахъ нашей, особенно провинціальной, администраціи.

Между тѣмъ, сама собою подразумеваемая, по логикѣ вещей, солидарность гражданскаго и военнаго вѣдомствъ въ губерніи, тѣмъ болѣе при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, была, сверхъ того, категорически обусловлена „Положеніемъ о внутренней стражѣ“ 1808 г.

„Положеніе“ обязывало начальниковъ гарнизонныхъ командъ оказывать, по всякому законному требованію, всевозможное содѣйствіе мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, а въ особенности въ такомъ первой важности дѣлѣ, какъ рекрутскій наборъ. Такъ, между прочимъ, губернаторамъ предоставлялось требовать изъ губернскихъ ротъ нужное число портныхъ для шитья рекрутскаго одѣянія, „дабы болѣе придать усгѣха отбыванію рекрутской повинности“.

Такъ и сдѣлалъ въ описываемый моментъ князь Шаховскій: онъ потребовалъ изъ псковскаго гарнизоннаго батальона 18 человекъ портныхъ; но, сверхъ ожиданія, получилъ рѣшительный отказъ.

Здѣсь мы и встрѣчаемся съ „непреклоннымъ“ майоромъ, какимъ аттестовалъ, по крайней мѣрѣ, князь Шаховскій передъ начальствомъ командира псковскаго гарнизоннаго батальона, Цилякуса.

Точно ли майоръ Цилякусъ отличался „непреклоннымъ“ и строптивымъ нравомъ, или же онъ имѣлъ какія нибудь основанія быть въ контрахъ съ губернаторомъ—рѣшить трудно. Несомнѣнно одно, что онъ плохо понималъ свои обязанности, по отношенію къ рекрутскому набору, и еще хуже исполнялъ ихъ, чѣмъ не мало тормозилъ и безъ того не бойко работавшую губернскую административную машину.

Требованіе портныхъ губернаторомъ онъ счелъ за производъ и за униженіе его достоинства, какъ самостоятельнаго командира, и въ своемъ рапортѣ князю Шаховскому выразился, что онъ, майоръ, „не находитъ нужды, чтобы его сіятельство распорикалъ въ его батальонѣ“...

Сверхъ того, „непреклонность“ свою Цилякусъ обнаружилъ еще въ томъ, что ставилъ „излишнія“ затрудненія приему рекрутовъ въ команду, а „при томъ дѣлалъ всякаго рода неприятности“ князю. Какіе „неприятности“—мы не знаемъ; но на нихъ жаловался Шаховской. „Неприятна“ была для обоихъ сторонъ уже сама возникшая между ними переписка, въ канцелярскомъ словесіи которой сквозили взаимныя личности, счеты и недоразумѣнія отодвинувшія государственныя интересы на задній планъ.

Князь, по своему званію и положенію, считая себя, конечно, выше поставленнымъ какого нибудь гарнизоннаго майора, ждалъ и требовалъ отъ него уступки себѣ и покорности. Когда же послѣдній оказался „непреклоннымъ“, то, по заведенному обычаю, ссора, должна была разрѣшиться классическимъ путемъ, т. е., посылкой съ обѣихъ сторонъ ходатайствъ и доносовъ въ Петербургъ и употребленіемъ связей въ средѣ сильныхъ міра для преоборенія и уничтоженія противника не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Такимъ, именно, финаломъ и кончился описываемый эпизодъ, по крайней мѣрѣ со стороны князя Шаховскаго. Взыскательный князь ждалъ только удобной occasiи сразить неприятнаго майора петербургскими громами. Occasiа такая скоро представилась.

IV.

Когда въ Псковѣ шли раздоры и неприятности по дѣлу о рекрутскомъ наборѣ между губернаторомъ и Цилякусомъ, въ это самое время — по симпатіи ли къ начальникамъ (если не по ихъ внушенію), или просто случайно—

вышли контры по тому же дѣлу и у порховскаго исправника съ командиромъ порховскаго гарнизона.

Какъ мы уже знаемъ, порховскій исправникъ, стремясь очиститься отъ недомокъ и рекрутовъ, не сданныхъ уклонившимся отъ повинностей помѣщиками обратился къ содѣйствию мѣстной воинской силы.

„Для экзекуціи къ неисправнымъ плательщикамъ, я—писалъ онъ губернатору—потребовалъ отношеніемъ отъ порховскаго инвалиднаго начальника капитана Дорогова рядовыхъ (4 чел.); но оной не токмо ихъ не далъ, но даже не счелъ за нужное извѣстить меня о причинѣ таковой имъ не дачи, о чемъ вашему сіятельству на разсмотрѣніе рапортуя“...

Такимъ образомъ театръ непріязненныхъ дѣйствій между двумя вѣдомствами расширился. Губернаторъ находилъ сочувственный откликъ и поддержку, въ борьбѣ съ воинскимъ вѣдомствомъ, въ догадивомъ и ретивомъ, подчиненномъ ему, исправникѣ, а „непреклонный“ майоръ Цилякусъ укрѣплялся, по видимому, въ своемъ антагонизмѣ къ штатскому элементу однородной непреклонностью подчиненнаго ему капитана Дорогова.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ такомъ, именно, смыслѣ истолковалъ себѣ это кн. Шаховской, обрадовавшись рапорту исправника Бороздина, какъ новой, сильной уликѣ противъ ненавистнаго майора въ глазахъ начальства. Пользуясь этимъ рапортомъ, въ связи съ другими данными, князь не замедлилъ представить начальству „непреклонность“ Цилякуса въ видѣ какого-то систематизированнаго злоумышленнаго Komplota псковскихъ воинскихъ силъ противъ гражданскихъ властей губерніи.

Не далѣе, какъ 28 ноября (т. е. на другой же день по полученіи рапорта отъ Бороздина), Шаховской уже пишетъ военному министру, Барклаю-де-Толли, официальное письмо, исполненное горькихъ жалобъ и обвиненій на Цилякуса, какъ на главнаго и единственнаго виновника неусѣбности рекрутскаго набора въ Псковской губерніи.

Вычисливъ все беззаконія майора, князь пишетъ, что онъ „довелъ его до крайности, противу воли безпокоить“ министра „вселокоувѣйшею просьбою избавить его отъ сего неудовольствія“...

„Ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите,—говоритъ онъ далѣе,—все неудобства, происходящіе въ противность успѣшныхъ моихъ распоряженій отъ непреклонности майора Цилякуса; въ отвращеніе чего поворѣйше прошу повелѣть оградить меня по силѣ (такихъ-то узаконеній) и тѣмъ положить конецъ всемъ замѣшательствамъ или повелѣть обратиться на него (т. е. на Цилякуса) всю отвѣтственность въ медленности и неустройствахъ по рекрутскому набору во вѣренной мнѣ губерніи“...

Фактическихъ данныхъ для подкрѣпленія своихъ жалобъ и обвиненій князь имѣлъ, однако, немного, а потому онъ горячо ухватился за рапортъ порховскаго исправника и, ссылаясь на него въ письмѣ своемъ министру, старается придать бездѣйствію Дорогова видъ какой-то злонамѣренный оппозиціи, по наущенію Цилякуса.

„А по таковому его, баталіоннаго командира, распоряженію (?),—пишетъ онъ,—видно, и подчиненные ему начальники по уѣздамъ“ отказываютъ въ содѣйствіи гражданскимъ властямъ. Въ доказательство приводятся рапорты порховскихъ исправника и земскаго суда.

Такимъ образомъ, подъ горячимъ перомъ губернатора, единичный случай получилъ широкое обобщеніе, какъ повсемѣстное явленіе во всехъ уѣздахъ, а „непреклонный“ майоръ разрисованъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что въ Петербургѣ его должны были, по первому впечатлѣнію, счесть за какого-то опаснаго конспиратора, стремящагося дискредитировать гражданскія власти на пространствѣ всей псковской губерніи.

Въ дѣйствительности, ничего такого страшнаго не было. Просто была всеобщая беззурядица, вину которой губернатору хотѣлось, въ данномъ случаѣ,

взвалить на неприятнаго ему представителя другого вѣдомства. Съ этимъ ли расчетомъ, или въ запальчивости, Шаховской въ письмѣ къ министру позволилъ себѣ завѣдомыя натяжки и преувеличенія фактовъ.

V.

Начать съ того, что нѣтъ никакихъ указаній, чтобы Цилякусъ дѣлалъ столь несообразное „распоряженіе“, какъ внушеніе начальникамъ уѣздныхъ командъ—отказываться отъ содѣйствія гражданскимъ властямъ. Но могло статься, что въ Порховѣ знали о раздорахъ губернатора съ гарнизоннымъ начальникомъ, а отсюда ихъ подчиненные, изъ усердія къ отцамъ-командирамъ, могли вносить и въ отношенія между собою тотъ же духъ враждебности.

По этой-ли причинѣ, или по личнымъ счетамъ, исправникъ Бороздинъ, напр., очень рельефно обнаружилъ свое недружелюбіе къ порховскому начальнику инвалидной команды Дорогому. Вопервыхъ, онъ называетъ его въ официальной перепискѣ,—очевидно, ради униженія, — капитаномъ, тогда, какъ самъ Дорогой подписывается майоромъ, какимъ онъ и былъ въ то время несомнѣнно. Во вторыхъ, Бороздинъ въ своемъ рапортѣ губернатору, жалуясь, что Дорогой не только отказалъ ему въ присылкѣ нижнихъ чиновъ, „но даже не счелъ за нужное извѣстить о причинѣ таковой недачи“,—позволилъ себѣ солгать, съ явной цѣлью усугубить виновность Дорогова.

За день до отправки рапорта, самъ Бороздинъ объявилъ въ порховскомъ земскомъ судѣ о полученіи отзыва Дорогова, въ которомъ сей послѣдній весьма обстоятельно изъяснилъ причины „недачи“ имъ требуемаго „отряда“ изъ четырехъ рядовыхъ для экзекуціи.

Причина эта, по словамъ отзыва Дорогова, состояла въ томъ, что у него „воинскихъ служителей на лицо не имѣется“ всѣ до одного „въ расходѣ“, такъ что городъ Порховъ находился какъ бы въ совершенно беззащитномъ состояніи.

Въ доказательство своихъ словъ, откровенный порховской военачальникъ не стѣснился подробно изъяснить численность и дислокацію своихъ силъ. Къ отзыву онъ приложилъ вѣдомость „подробнаго расхода“ своей команды, въ которой, какъ узнаемъ, состояло всего 40 рядовыхъ и 5 унтеръ-офицеровъ, въ томъ числѣ—1 „слабый падучою болезнью“ и даже 1 „умершій“...

Въ вѣдомости обстоятельно показано—гдѣ, на какомъ служебномъ посту и сколько именно приставлено чиновъ команды. Тутъ идутъ разныя уѣздныя учрежденія: острогъ, казначейство, казенные „магазейны“, полиція и проч. Сверхъ ожиданія оказывается—5 рядовыхъ посланными во Псковъ „для шитья рекрутской аммуниці“, по приказанію баталіоннаго командира (значить, и въ этомъ пунктѣ губернаторъ обвинялъ Цилякуса въ нерадѣніи не совсѣмъ основательно).

Не смотря, однако, на обстоятельность и точность вѣдомости Дорогова, она же показываетъ намъ, что и почтенный майоръ не совсѣмъ былъ правъ, говоря въ своемъ отзывѣ, что „воинскихъ чиновъ у него, будто-бы, вовсе на лицо не имѣется“. Въ выведенномъ имъ итогѣ, показано всего „въ расходѣ“ 43 человѣка изъ 45-ти: слѣдовательно, два оставалось „налицо“. Затѣмъ, плохо-ли зналъ майоръ арифметику или рассчитывалъ на чужое незнаніе, но только итогъ онъ вывелъ невѣрно—однимъ человѣкомъ больше противъ дѣйствительности. И такъ, „налицо“ у него находилось, несомнѣнно, три человѣка къ числу которыхъ недоставало, значить, только одного для полного укомплектованія экзекуціоннаго „отряда“ по требованію исправника. Почему они не были посланы—неизвѣстно, а, между тѣмъ, изъ за этого весь сыръ боръ загорѣлся. Не ошибись майоръ Дорогой въ счетѣ находившихся у него „налицо“ воинскихъ чиновъ и отправъ ихъ, по требованію исправника, на „экзекуцію“, можетъ быть, тогда не возникло-бы всей этой переписки и высшее начальство

въ Петербургѣ не было-бы обезпокоено необходимою разбирать междуособіе псковскихъ гражданскихъ и военныхъ властей.

Конечно, въ существѣ дѣла арифметическая ошибка порховскаго военнаго начальника и его антагонизмъ къ исправнику были не болѣе, какъ капли въ омутѣ чиновничьей жизни, соперничества и взаимныхъ пакостей, царившихъ въ административномъ мірѣ Псковской губерніи, отчего и происходила въ дѣлахъ государственной важности такая сумятица и безтолочь...

Сообщено В. О. Михневичемъ.

С М Ъ С Ъ .

ПРАЗДНОВАНИЕ 500-лѣтней годовщины Куликовской побѣды. Торжество пяти-сотлѣтія Куликовской битвы на мѣстѣ этого великаго историческаго событія, вполне удалось какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны. Мѣстность, гдѣ расположено село Монастырщина, очень живописная. Церковь, въ оградѣ которой погребены въ общей могилѣ русскіе воины, павшіе въ битвѣ, возвышается вблизи дороги, на берегу рѣки Непрядвы. Съ ранняго утра народъ въ праздничныхъ, разноцвѣтныхъ костюмахъ огромными толпами валитъ въ церковь. Сѣхалось множество окрестныхъ помѣщиковъ съ семьями, мѣстная администрація и войска изъ Тулы. Пятьдесятъ офицеровъ московскаго военнаго округа, производившіе рекогносцировку, прибыли верхомъ съ начальникомъ штаба генераломъ Духовскимъ. Все это—нарядная, пестрая масса, ряды войска, блестящіе кавалеристы— представляло оживленную и яркую картину.

Послѣ заутрени была отслужена панихида надъ могилою убитыхъ воиновъ. Войска были разставлены вокругъ могилы. По провозглашеніи вѣчной памяти, раздался ружейный и пушечный залпы. По окончаніи панихиды двинулся крестный ходъ на самое Куликово поле (отстоящее отъ села на семь верстъ) къ памятнику, построенному въ 1848 году. Памятникъ этотъ помѣщается на Красномъ холмѣ, тамъ, гдѣ была ставка Мамаю. Процессія растянулась на семь верстъ; массы народа шли пѣшкомъ, ѣхали на телѣгахъ, на тройкахъ. Вокругъ памятника собралось до десяти тысячъ человекъ, раскинувшись тамъ и тутъ оживленными группами: кто у подножія колонны, кто на уступахъ памятника, кто дальше, громаднымъ кольцомъ, обвившимъ всю площадь. Яркое, теплое, совершенно лѣтнее солнце бросало золотые лучи на это чудное зрѣлище, озаряя оружіе войска, блестящія ризы духовенства, пестрые наряды толпы. Послѣдовалъ торжественный молебень. По окончаніи его снова ружейные и артиллерійскіе салюты. Затѣмъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, привѣтствуемая громкимъ „ура“ всего народа.

За этими духовными и военными церемоніями слѣдовалъ обѣдъ офицерамъ и администраціи, устроенный земствомъ. Во время обѣда профессоръ Иловойскій провозгласилъ слѣдующій тостъ за здоровье русскаго войска и за внѣшній и внутренній миръ:

„Нельзя сказать, чтобы въ нашемъ общественномъ сознаніи уже установился ясный, вѣрный взглядъ на то мѣсто и значеніе, которое войны занимаютъ въ исторіи народовъ и даже въ современную намъ эпоху. А между

тѣмъ, стоитъ только попристальнѣе всмотрѣться въ эту исторію, чтобы убѣдиться въ неизбѣжности войнъ и не только въ томъ, что онѣ составляютъ неизбѣжное зло, но и въ томъ, что онѣ являются однимъ изъ главныхъ двигателей человѣческаго развитія. Ни одинъ великій историческій народъ не сдѣлался таковымъ безъ помощи своего оружія, безъ обильнаго пролитія своей крови. Безъ нихъ никому никогда не давались такія блага, какъ національная независимость и внѣшняя безопасность. Мы видимъ, что только тѣ народы сдѣлались историческими, т. е. создали собственное государство, которые отличались необходимыми для того качествами; въ числѣ же ихъ, можно сказать, на первомъ мѣстѣ стоитъ мужественный, воинственный характеръ. Такимъ именно качествомъ, въ высшей степени, обладалъ всегда и русскій народъ.

„А между тѣмъ, нерѣдко вы встрѣтите мнѣніе (особенно въ иноземной печати), которое приписываетъ славянскому племени какія-то исключительно мирныя наклонности и ограничиваетъ его назначеніе только земледѣльческими занятіями; у русскаго же народа находитъ какую-то пассивность и даже апатичность къ вопросамъ политическимъ. Только чужое пристрастіе или собственное невѣдѣніе могутъ распространять подобное мнѣніе. Вся русская исторія доказываетъ тому противное, начиная съ созданія нашего государства. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русскій народъ самъ, собственными трудами и собственной кровью, основалъ свое великое государство. Изъ своей долгой исторической школы онъ вынесъ ту государственную дисциплину и ту преданность законной власти, которыя являются необходимыми условіями для успѣшнаго развитія всякой національности. Точно также, на основаніи многихъ наблюденій, я смѣло утверждаю, что мы, русскіе, какъ великій историческій народъ, замѣчательно щекотливы въ вопросахъ нашей національной чести и государственнаго достоинства. И если нашъ народъ умѣетъ иногда подчинять свою гордость обстоятельствамъ, умѣетъ съ твердостью переносить разныя политическія неудачи, то въ этомъ я вижу только вѣское доказательство его государственной дисциплины.

„Какъ Русь сама создала свое великое государство, точно также она сама, безъ всякой посторонней помощи, сбросила съ себя то варварское иго, которое наложено было на нее монголо-татарскими ордами. Удобно и легко было западнымъ народамъ развивать европейскую цивилизацію за тѣмъ прикрытіемъ, которое составляли для нихъ наши предки, выносившіе на своихъ плечахъ всю громадную тяжесть борьбы съ темными силами Азіи. Эта долгая борьба, конечно, не могла не отразиться въ нашихъ нравахъ и на временной отсталости въ дѣлѣ цивилизаціи; но она же доказала всю силу нашей упругости и выносливости, всю прочность нашихъ народныхъ основъ. А съ этими качествами мы достигнемъ и всего остального.

„Если обратимся къ тому событію, которое мы празднуемъ сегодня, то надѣюсь, мм. гг., вы согласитесь со мною, что чѣмъ ближе мы знакомимся съ этимъ событіемъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ его величіи и въ томъ, что оно дѣйствительно должно составлять нашу національную гордость во всѣхъ отношеніяхъ. А главный виновникъ его, великій князь московскій Дмитрій является передъ нами и замѣчательнымъ политикомъ, и превосходнымъ стратегомъ, и законодѣлемъ, доблестнымъ воеводою. Въ настоящее время, когда Россія такъ могущественна, что въ случаѣ нужды можетъ выставить почти трехъ-милліонную армію, снабженную разными усовершенствованіями новѣйшаго военнаго искусства, вы не можете себѣ представить, какихъ трудовъ и усилій стоило пять-сотъ лѣтъ назадъ московскому великому князю, котораго владѣнія обнимали какихъ нибудь три, четыре настоящихъ губерній, какихъ усилій, повторяю, стоило ему собрать, вооружить и вывести въ поле полтораста тысячъ чело-вѣкъ! И не только собрать ихъ, но и сплотить довольно разнообразныя части этого ополченія въ одное дѣльное воинство, одушевленное однимъ духомъ, одною идеею.

„Отъ подвиговъ этого ополченія, отъ заботъ и усилій нашихъ предковъ той эпохи мысль неволью переносится къ нашему времени и къ недавнимъ подвигамъ достойныхъ потомковъ, которые, по замѣчательному совпадению событий, пять сотъ лѣтъ спустя побѣдоносно довершали за Балканами и за Кавказомъ ту борьбу христіанства съ магометанствомъ и цивилизаціи съ варварствомъ, которая побѣдоносно началась здѣсь, на этомъ Куликовомъ полѣ. Это поле лежало тогда на границахъ Руси со степью; а теперь оно находится въ самомъ центрѣ Россіи. Тогда оно было необитаемо и находилось въ первобытномъ, дикомъ состояніи, а теперь довольно густо заселено и тщательно воздѣлано мирнымъ плугомъ земледѣльца. Последнее обстоятельство, т. е. мирный плугъ земледѣльца, напоминаетъ мнѣ, что, благодареніе Богу, въ настоящій моментъ Россія наслаждается полнымъ миромъ, какъ внутреннимъ, такъ и вѣншимъ (мелкія, азіатскія столкновенія въ расчетъ не принимаются). Поэтому то мы и можемъ спокойно разсуждать о войнахъ и, такъ сказать, на досугъ вспоминать и праздновать славныя дѣла русскаго оружія. Да продлитъ Господь Богъ этотъ европейскій миръ какъ можно долѣе. Но такое общее наше желаніе не должно, конечно, нисколько ослаблять нашей энергіи и нашихъ заботъ о русской арміи, о совершенствованіи русскаго военнаго искусства. „Si vis pacem para bellum“, говоритъ мудрая латинская поговорка. Къ какимъ трудамъ, лишениямъ и подвигамъ, къ какому героизму способна русская армія, это она блистательно доказала недавно на глазахъ цѣлаго міра. Здѣсь, на знаменитомъ Куликовомъ полѣ, посреди столькихъ представителей нашего теперь всесословнаго воинства, въ присутствіи многихъ героевъ послѣдней войны, въ виду этихъ славныхъ знаменъ, развѣвавшихся при сдачѣ Османова войска и на берегахъ Мраморнаго моря, позвольте поднять высоко бокалъ за крѣпкую охрану нашей національной чести и спокойнаго внутренняго развитія, за нашу доблестную, героическую армію!“

На этотъ тогъ отвѣчалъ генералъ Духовскій прочувствованною рѣчью, въ которой провѣлъ параллель между настоящей „высокославной“ арміей и земскою ратью Дмитрія Донскаго. „Отличительными качествами русскаго солдата—скажаль ораторъ— всегда была готовность лечь костями за царя и свое отечество, беззаветная храбрость и удалъ въ бою, мягкость и человѣчность по отношенію къ побѣжденнымъ. Питомникомъ нашей арміи былъ народъ, являющій всегда, и особенно въ трудныя минуты исторической жизни, великое мужество, государственную дисциплину и преданность“. Ораторъ заключилъ рѣчь здравницей за русскій народъ, которая была принята съ невыразимымъ энтузіазмомъ. — Второй день торжества начался торжественнымъ архіерейскимъ служеніемъ и панихидою въ соборѣ, послѣ чего послѣдовала закладка будущаго инвалиднаго дома, въ присутствіи преосвященнаго, мѣстныхъ властей и представителей всѣхъ сословій.

Последнее слово о мѣсторожденіи А. С. Пушкина. Въ №№ 136 и 137 „Московскихъ Вѣдомостей“ за текущій годъ были напечатаны двѣ статьи А. А. Мартынова о мѣсторожденіи Пушкина. Г. Мартыновъ полагалъ, что поэтъ родился на Нѣмецкой улицѣ, въ домѣ графини Головкиной, принадлежащемъ нынѣ купцамъ Ключиннымъ. Противъ предположенія этого возраженій не послѣдовало, и къ дому Ключинныхъ была прибита мраморная доска, на которой означенъ день и годъ рожденія А. С. Пушкина.

Къ такого рода открытію г. Мартыновъ пришелъ слѣдующимъ путемъ: „Достоверно извѣстно, говоритъ онъ, что Пушкинъ родился во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильевича Скворцова, въ приходѣ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ. Но такъ какъ дома Скворцова не числится ни по различнымъ указателямъ Москвы того времени, ни по исповѣднымъ вѣдомостямъ 1799 года вышеупомянутаго прихода, причемъ самъ Скворцовъ по этимъ вѣдомостямъ значится управляющимъ состоявшимъ въ томъ же приходѣ дома графини Головкиной, то положительно можно утверждать что мѣстный свя-

щенникъ, записывая въ метрическую книгу о рожденіи Пушкина „во дворѣ Скворцова“, имѣлъ въ виду домъ Головкиной, которымъ распоряжался Скворцовъ“.

На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣлись въ распоряженіи г. Мартынова, трудно было не соблазниться такого рода выводомъ. Но если принять во вниманіе тотъ порядокъ какимъ велись церковныя книги, то едва ли можно было остановиться на сдѣланныхъ имъ изысканіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ прежнее время въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ записывались владѣльцы домовъ по степени ихъ важности, а потому Головкина занимала видное мѣсто въ этихъ вѣдомостяхъ, Скворцовъ же писался вмѣстѣ съ прислугой ея. Можно ли послѣ этого предположить, чтобы мѣстный священникъ, писавшій Скворцова по исповѣднымъ вѣдомостямъ въ числѣ прислуги, и даже не во главѣ ея, могъ бы въ метрической книгѣ, веденной въ томъ же году, совершенно игнорировать имя Головкиной, и жильцовъ ея дома именовать жильцами Скворцова? Кромѣ того по исповѣднымъ вѣдомостямъ 1799 года, въ числѣ живущихъ въ домѣ Головкиной не встрѣчается отецъ А. С. Пушкина, чего не могло бы случиться, еслибъ онъ дѣйствительно квартировалъ въ этомъ домѣ, ибо священникъ, узнавъ о рожденіи А. С. Пушкина и записавъ объ этомъ въ метрическую книгу, естественно долженъ былъ бы вписать отца его жильцомъ дома Головкиной. Нельзя же предположить чтобы священникъ не записывалъ своихъ прихожанъ въ церковныя книги единственно изъ желанія угодить знатымъ барамъ, старавшимся скрыть, какъ думаетъ г. Мартыновъ, что въ домахъ ихъ отдаются квартиры. А потому скорѣе можно было предположить, что Пушкинъ родился въ собственномъ домѣ Скворцова, но что по какимъ-либо причинамъ Скворцовъ не числился еще официально хозяиномъ того дома, вслѣдствіе чего домъ его и не попалъ въ исповѣдныя вѣдомости.

Въ настоящее время предположеніе это вполне оправдалось. Нѣсколько дней тому назадъ въ Московскомъ губернскомъ архивѣ г. Колосовскому удалось найти дѣло „юстицкаго департамента гражданскихъ дѣлъ московскаго городского правленія“ за 1799 годъ, „о явкѣ купчей Скворцовыхъ“. Изъ дѣла этого видно что 15 іюля 1799 года титулярный совѣтникъ Иванъ Васильевъ Скворцовъ ¹⁾ совершилъ купчую на приобретенный имъ у англійскаго купца Якова Яковлева Рованда дворъ въ Басманной части, 3 квартала, въ приходѣ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ; по совершеніи купчая эта явлена 15 сентября того же года, съ котораго времени Скворцовъ и сталъ официально владѣльцемъ купленнаго двора. Такъ какъ въ найденной купчей не означено ни границъ владѣнія, ни нумера его, а только сказано, что одна часть этого владѣнія перешла къ Рованду въ 1771 году отъ Оріота, а другая — въ 1788 году отъ князя Гагарина, то для опредѣленія мѣстоположенія бывшаго двора Скворцова г. Колосовскій пользовался указателемъ Москвы 1793 г. ²⁾, въ которомъ нашель владѣніе англійскаго купца Якова Риванта въ третьемъ кварталѣ, Басманной части, по Нѣмецкой улицѣ, въ приходѣ церкви Богоявленія, что въ Елоховѣ, подъ № 288; осмотрѣвъ затѣмъ такъ-называемыя землемѣрные планы ³⁾ г. Колосовскій отыскалъ планъ владѣнія подъ № 288, составленный въ 1820 г., по плану этому владѣніе бывшее подъ № 288 раздѣлено на три участка и принадлежитъ уже не Скворцову. Такъ какъ не удалось розыскать плана оставленнаго въ то время, когда дворъ Рованда принадлежалъ Скворцову, то

¹⁾ Во время рожденія Пушкина Скворцовъ имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника, а въ метрической книгѣ онъ по ошибкѣ названъ коллежскимъ регистраторомъ.

²⁾ Указатель этотъ находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

³⁾ Землемѣрные планы хранятся въ главномъ архивѣ Московской городской управы. Они начали составляться въ 1803 году, для опредѣленія количества застроенной земли каждаго отдѣльнаго владѣнія. По нимъ опредѣлялся размѣръ сбора на постройку казармъ.

все изысканіе о мѣстоположеніи этого двора приходилось основывать только на номеръ владѣнія, показанномъ въ указателѣ 1793 года. Въ виду того, что въ указателѣ этомъ номеръ владѣнія могъ быть показанъ невѣрно, а также и того, что въ купчей Скворцова встрѣчается фамилія „Ровандъ“, а въ указателѣ „Ривантъ“, былъ провѣренъ номеръ владѣнія по двумъ купчимъ: первой — на переходъ въ 1788 году части владѣнія князя Гагарина къ Рованду, и второй — на переходъ въ 1820 году части бывшаго владѣнія Скворцова къ мѣщанкѣ Филипповой ¹⁾. По провѣркѣ оказалось, что дворъ Рованда числился именно подъ тѣмъ номеромъ, подъ которымъ онъ значится въ указателѣ 1793 года. Въ настоящее время владѣніе Скворцова, раздѣленное на три участка еще въ 1820 году, принадлежитъ купчихѣ Раззориной, мѣщанкѣ Масловой и г. Клейнбергу. Оно находится на углу Лефортовскаго переулка и Нѣмецкой улицы, занимая по этой улицѣ 41¹/₂ сажень. Прежнихъ построекъ не сохранилось, онѣ сгорѣли въ 1812 году, но мѣстоположеніе дома въ которомъ родился Пушкинъ можно опредѣлить по общему плану Москвы, составленному въ концѣ прошлаго столѣтія; на этомъ планѣ въ разстояніи 13 сажень отъ Лефортовскаго переулка показано по Нѣмецкой улицѣ каменное зданіе; на мѣстѣ этого зданія въ настоящее время стоятъ домъ Масловой и часть дома Клейнберга.

Доказавъ такимъ образомъ, что Скворцовъ имѣлъ собственный дворъ въ приходѣ Богоявленія, г. Колосовскій указываетъ и на то обстоятельство, что Скворцовъ фактически считался хозяиномъ этого двора прежде совершенія купчей, о чемъ зналъ мѣстный священникъ, вслѣдствіе чего и записалъ въ метрической книгѣ, что Пушкинъ родился во дворѣ Скворцова, а не во дворѣ Рованда, хотя рожденіе произошло прежде совершенія купчей. Такое мнѣніе подтверждается исповѣдными вѣдомостями 1798 и 1799 годовъ; по первой изъ нихъ значится дворъ Рованда, а по второй не числится ни двора Рованда, ни двора Скворцова. Это ясно показываетъ, что священникъ еще въ началѣ 1799 года, когда составлялъ вѣдомости, зналъ о покупкѣ Скворцовымъ двора Рованда, почему и исключилъ изъ вѣдомости Рованда, но Скворцова почему либо вписать въ нихъ не могъ, можетъ быть потому, что Скворцовъ явилъ купчую только 15 сентября 1799 года, а исповѣдныя вѣдомости представляются въ консисторію къ 1 сентября того года, за который составляются.

Всѣхъ приведенныхъ данныхъ и соображеній кажется вполне достаточно, чтобы вопросъ о мѣсторожденіи А. С. Пушкина считать окончательно разрѣшеннымъ.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Одесса, вслѣдъ за Москвою, сооружаетъ монументъ Пушкину. Какъ передаетъ „Одесскій Вѣстникъ“, въ городскую управу представлены два фотографическихъ снимка съ проекта фонтана съ бюстомъ Пушкина, для постановки на площади предъ зданіемъ городской думы. Проектъ составленъ художникомъ Людвигомъ Жорини и весьма эффектенъ. На четырехугольной пирамидѣ возвышается бюстъ поэта въ формѣ Гермеса, наиболее подходящей къ линіи пьедестала. На передней части пьедестала лѣстница о трехъ ступенькахъ, надъ которыми на площадкѣ стоитъ женская фигура съ музою въ одной рукѣ и съ рѣзцомъ въ другой, — символъ поэзіи. Она навѣсила уже вѣнки на четырехъ углахъ карниза подъ бюстомъ, написала на развернутомъ сверткѣ имена Данте, Гете, Мольера, Шекспира и Пушкина, и послѣ этого вырѣзываетъ на пирамидѣ имя поэта. На другихъ трехъ сторонахъ пирамиды предполагается написать избранныя стихи Пушкина, выражающіе величіе его мыслей, чтобы сохранить гармонію между архитектурной линіей пирамиды и передней частью ея. Первое подножіе ея украшено съ трехъ сторонъ головами

¹⁾ Первая купчая находится въ книгѣ купчихъ, хранящейся въ Московскомъ губернскомъ архивѣ, а вторая у домовладѣльца Клейнберга.

сатировъ, выбрасывающихъ воду въ раковины, поддерживаемыя морскимъ конемъ. Этотъ памятникъ долженъ быть по проекту вышиною, начиная отъ бассейна, не менѣе 6 $\frac{1}{2}$ арш., женская фигура 2 $\frac{1}{2}$ арш. высоты, ширина памятнику у раковинъ 4 $\frac{1}{2}$ арш., ширина-же самаго бассейна можетъ быть сдѣлана какаю угодно. Памятникъ г. Жорини предполагаетъ сдѣлать изъ каррарскаго мрамора и въ такомъ случаѣ онъ будетъ стоить до 10 тыс. руб. Работа можетъ быть окончена въ 15 мѣсяцевъ.

Въ какой день происходила Куликовская битва. 8-го сентября исполнилось ровно пятьсотъ лѣтъ со дня славной битвы, одержанной въ 1380 году великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ надъ татарскими полчищами, предводительствуемыми Мамаемъ, на Куликовомъ полѣ, что между рр. Дономъ и Непрядвою, въ Тульской губерніи, Елифанскомъ уѣздѣ, — битвы, хотя и не освободившей тогда Руси отъ монгольскаго ига, но важной по тому нравственному значенію, которое она имѣла на современниковъ, подъявъ народный духъ. Она представляетъ какъ бы историческій, намѣченный провидѣніемъ рубежъ, послѣ котораго совершается не только постепенное освобожденіе нашего отечества отъ татаръ, но и покореніе въ свою очередь послѣднихъ; битва эта, по словамъ Н. Костомарова, стала первообразнымъ событіемъ господства славянскихъ племенъ надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азии.

Въ изданномъ въ 1868 году вѣчнымъ православнымъ календарѣ на стр. 7 сказано, что помѣщенные въ немъ свѣдѣнія для годовъ, начинающихся не съ января мѣсяца, а съ марта (слѣдовательно до 1493 года, когда введенъ былъ у насъ сентябрьскій годъ), могутъ служить указаніями только за январь и февраль; для остальныхъ же мѣсяцевъ должны служить №№, выставленные въ хронологической таблицѣ не противъ того года, о коемъ наводится справка, а противъ предшествовавшаго. На этомъ основаніи выходитъ, что 8-е сентября 1380 года падаетъ на четвергъ.

Между тѣмъ въ русской исторіи г. Костомарова, стр. 221, показано, что Куликовская битва происходила 8-го сентября, въ субботу. Въ „Исторіи Государства Россійскаго“, Карамзина, изданіе 1852 года, Смирдина, т. V, на стр. 76. также читаемъ: „Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ подвижникамъ, тамъ убиеннымъ (Дмитрій Донской), уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія“. Что 8-го сентября 1380 года было въ субботу, подтверждается и 70-мъ примѣчаніемъ къ тому же V-му тому, гдѣ между прочимъ сказано, что 28-го августа было во вторникъ, слѣдовательно, 1-е и 8-е сентября приходилось въ субботу.

Невольно рождается вопросъ, когда же дѣйствительно случилось означенное событіе: въ субботу ли, согласно показаніямъ нашихъ извѣстныхъ историковъ, или же въ четвергъ, согласно указанію вѣчнаго календаря?

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо припомнить о существовавшемъ у насъ въ разные періоды порядкѣ времясчисленія, которое, по указу Петра Великаго, только съ 1700 года (7208 отъ сотворенія міра) стало считаться отъ Рождества Христова, а начало съ 1-го января; до того же оно велось отъ сотворенія міра, сперва мартовскими годами до 1492 года по Р. Хр. (7,000 лѣтъ отъ сотворенія міра), а затѣмъ сентябрьскими годами.

Мартовскій годъ, начинающійся 1-го марта, называется также пасхальнымъ годомъ, потому что онъ служилъ для опредѣленія дня св. Пасхи. Онъ продолжаетъ свое теченіе постоянно безъ всякой перемѣны.

Съ 1493 года, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, начало года отнесено къ 1-му января, причемъ предшествовавшій 1492 гражданскій годъ состоялъ только изъ шести мѣсяцевъ; такимъ образомъ сентябрьскій годъ опередилъ мартовскій на полгода.

Напротивъ того, при введеніи январскаго года, гражданскій 1699 годъ состоялъ изъ 17 мѣсяцевъ, слѣдовательно, январскій годъ отсталъ отъ сен-
^{1/2}14*

гябрьскаго на 4 мѣсяца, а опередилъ значить мартовскій только на два мѣсяца.

Постепенный переходъ мартовскаго года въ сентябрьскій, а этого послѣдняго въ январьскій, выясняется слѣдующею сравнительною таблицей:

		Мартовскій годъ.						
7206 отъ С. М. 1698 отъ Р. Хр.	}	мартъ		Сентябрьскій годъ.				
		апрѣль		сентябрь				
7207 1699	}	май		октябрь				
		іюнь		ноябрь				
		іюль		декабрь				
		августъ		январь				
		сентябрь	7207	февраль	1699	февраль		
		мартъ		мартъ		мартъ		
7208 1700	}	апрѣль		апрѣль				
		май		май				
		іюнь		іюнь				
		іюль		іюль				
		августъ		августъ				
		сентябрь	7208	сентябрь	1700	сентябрь		
7209 1701	}	октябрь		октябрь				
		ноябрь		ноябрь				
		декабрь		декабрь				
		январь		январь				
		февраль	7209	февраль	1701	февраль		
		мартъ		мартъ		мартъ		
		и т. д.						

Грѣжданскій 1699 годъ, илѣвшій 16 мѣсяцевъ.

Январьскій годъ.

январь
февраль
мартъ
апрѣль
май
іюнь
іюль
августъ
сентябрь
октябрь
ноябрь
декабрь
январь
февраль

и т. д.

Изъ этой таблицы становится очевиднымъ, что при чтеніи русскихъ лѣтописей, для опредѣленія дней мартовскихъ годовъ по январьскому году, нужно брать тотъ же данный годъ, за исключеніемъ тѣхъ же случаевъ, когда событіе случилось въ январѣ или февралѣ и тогда слѣдуетъ брать послѣдующій январьскій годъ. При опредѣленіи же дней для годовъ, начинающихся съ сентября, надо, если событіе случилось въ сентябрьской трети, т. е. въ послѣднихъ четырехъ мѣсяцахъ года, брать предшествовавшій январьскій годъ, и для остальныхъ мѣсяцовъ тотъ же данный годъ.

Примѣняя настоящее правило къ занимающему насъ вопросу, увидимъ, что противу 1380 г. стоитъ въ вѣчномъ календарѣ № табели 11, которая показываетъ 8-го сентября въ субботу, сходно съ показаніями историковъ.

Замѣтимъ здѣсь кстатіи, что въ церковномъ счисленіи и до сего времени употребляется сентябрьскій годъ. Чтобы опредѣлить день январьскаго года по сентябрьскому году нужно поступать обратно, т. е. для послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ года брать не предъидущій, а послѣдующій годъ. Такъ, справляясь въ святцахъ, составленныхъ по сентябрьскому году, о днѣ Рождества Христова

въ данномъ году, мы должны брать для этого ключевую букву непосредственно слѣдующаго за нимъ года.

Не лишнимъ считаемъ упомянуть, что согласно постановленіямъ перваго Вселенскаго собора за начало христіанскаго времясчисленія принято созданіе Адама, 1-го марта, въ пятницу перваго года мірозданія; это опредѣленіе для Пасхи основано на такъ называемыхъ лунныхъ и солнечныхъ кругахъ, представляющихъ 19-ти и 28-ми-лѣтніе періоды; — что Пасха повторяется въ одни и тѣ же послѣдовательныя числа въ каждомъ индикціонѣ, т. е. въ 532-лѣтнемъ періодѣ, происходящемъ отъ умноженія 19 на 28; наконецъ, что началомъ текущаго XIV индикціона считается 1409 годъ отъ Рожд. Христа, такъ какъ 5508 лѣтъ, время опредѣленное отъ сотворенія міра до Рожд. Хр. по эрѣ 70 толковниковъ съ прибавленіемъ 1,409 лѣтъ составляетъ въ суммѣ 6917, что раздѣленное на 532 даетъ въ частномъ 13 цѣлыхъ индикціоновъ, но въ остаткѣ 1 выражающій первый годъ XIV индикціона.

Противъ 1409 года въ вѣчномъ календарѣ выставленъ № табели 5, и 1-е марта дѣйствительно упадетъ на пятницу.

При опредѣленіи же дней рожденія и распятія Иисуса Христа за основаніе времясчисленія слѣдуетъ принимать Александрійскую эру, по которой отъ сотв. міра до Рож. Хр. считается 5500 лѣтъ. Въ слѣдованной псалтыри сказано, что Рождество Иисуса Христа случилось въ 42 лѣто августа Кесаря, въ лѣто отъ сотв. міра 5500, (а не 5508), въ среду. Раздѣляя 5500 на 532 получаемъ въ остаткѣ 180; прикладывая къ 1408 послѣдному году прошедшаго индикціона, находимъ что 180 г. текущаго индикціона соотвѣтствуетъ 1588 г., противъ котораго выставленъ № табели 14 и 25-го декабря упадетъ на среду.

Для опредѣленія же дня распятія Спасителя къ 5500, прикладывая 33 года Его жизни, получаемъ 5533, что по раздѣленіи на 532 даетъ въ остаткѣ 213. Въ послѣднемъ индикціонѣ это соотвѣтствуетъ $(1408 + 213) = 1621$ году, противу котораго выставленъ № табели 11, и изъ ней видимъ, что Пасха, т. е. день Воскресенія Господня упадетъ на 1 апрѣля. Слѣдовательно іудейская Пасха была 31-го марта, а 30-го марта, наканунѣ, было въ пятницу.

Памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ. Хотя Москва рѣшила воздвигнуть у себя памятникъ Гоголю, но городъ Нѣжинъ, въ которомъ Гоголь получилъ образованіе въ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (потомъ преобразованной въ лицей, а теперь въ историко-филологическій институтъ) почитаетъ обязанностью воздвигнуть и у себя памятникъ своему знаменитому воспитаннику. Одинъ памятникъ не помѣшаетъ другому. Русскую словесность Гоголь слушалъ въ Нѣжинѣ у профессора П. И. Никольскаго вмѣстѣ съ своими сотоварищами: Кукольниковъ, Рѣдинымъ, Любичемъ-Романовичемъ, Базили и Гребенкою. Бюстъ Гоголя имѣетъ быть поставленъ въ г. Нѣжинѣ среди сквера предъ соборною церковью. Министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ открыть подписку на сооруженіе бюста Гоголя въ Нѣжинѣ. Пожертвованія принимаются въ комитетѣ по сооруженію бюста. Имена жертвователей будутъ объявлены въ газетахъ.

Анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ. Въ „Перскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ г. Володинъ рассказываетъ слѣдующій анекдотъ о графѣ Аракчеевѣ:

Въ первые годы царствованія императора Павла, въ Петербургѣ проживала одна бѣдная вдова—чиновница, обладавшая умѣньемъ гадать надъ чашкою кофе. Разъ она приглашена была показать свои фокусы въ небогатомъ дворянскомъ домѣ, гдѣ пришлось быть двумъ-тремъ офицерамъ. Когда дамы, охотницы до гаданья, удовлетворили свое любопытство, присутствовавшій тутъ артиллерій поручикъ выразилъ желаніе узнать отъ ворожеи, что ожидаетъ его въ будущемъ? Ворожея налила въ чашку кофе, долго глядѣла на нее, наконецъ отворотилась, видимо изумленная чѣмъ-то необыкновеннымъ.

— Ну, что? спрашиваетъ поручикъ.

Женщина снова посмотрѣла въ кофе и снова отворотилась молча, съ явнымъ испугомъ на лицѣ.

Поручикъ, повторивъ свой вопросъ, прибавилъ:

— Вы, сударыня, не отлагайте сказать правды, какова бы она ни была, — я не струшу.

— Не смѣю выговорить, робко отвѣчаетъ Сивилла.

Офицеръ настаиваетъ. Наконецъ получаетъ отвѣтъ, чуть не съ испугомъ:

— Вы будете... вы будете... хоть и не царь, а что-то въ родѣ того...

Компанія гостей апплодировала поручику, совершенно растерявшемуся при столь оригинальномъ предсказаніи. Скрѣпя сердце, онъ тоже засмѣялся, но продолжалъ мучить словами любопытства бѣдную колдунью.

Прошло много лѣтъ послѣ этой сцены. Чиновница состарилась въ нищетѣ и думала уже о другой жизни. Въ одно утро является въ ея квартиру ливрейный лакей и проситъ пожаловать вмѣстѣ съ нимъ къ военному министру Алексѣю Андреевичу Аракчееву. Старушка растерялась. Лакей вѣжливо повторилъ приглашеніе и какъ могъ старался успокоить бѣдняжку. Дѣлать было нечего, старуха собралась и поѣхала въ присланномъ отъ графа экипажѣ.

Войдя въ приемную министра, она рѣшительно не знала о чемъ ей предстоитъ объясняться съ знаменитымъ вельможей. Вскорѣ повели ее въ кабинетъ его сіятельства. Только лишь переступила она порогъ, сидѣвшій у письменнаго стола графъ самъ милостиво заговорилъ:

— Здравствуй, старая знакомая!

Старуха сдѣлала глубокой поклонъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ.

— А помните ли, какъ вы ворожили въ домѣ у такнхъ-то?

— Извините, ваше сіятельство, не могу привести себѣ на память этого случая.

— Ну, да дѣло не въ томъ; скажите-ка, имѣете ли вы какое нибудь состояніе?

Ободренная ласкою, чиновница созналась въ своей крайней бѣдности, но отъ просьбы о помощи удержалась.

— Вотъ что я вамъ предложу, говоритъ Аракчеевъ:—переходите ко мнѣ въ домъ, получите здѣсь комнату, столъ,—и живите себѣ покойно.

Старуха залилась слезами и готова была упасть въ ноги благодѣтелю.

— Не плачьте, не плачьте; еще спрошу васъ имѣете вы родныхъ?

— Имѣю, ваше сіятельство, одного только внука, молодого человѣка, который обучался въ горномъ корпусѣ, а нынѣ служитъ по горной части въ Перми.

— Какую онъ занимаетъ должность?

— Находится, пишетъ мнѣ, въ канцеляріи бергъ... бергъ-инспектора,—извините, не умѣю назвать.

— Хорошо, я позабочусь и о немъ.

Старуха снова начала плакать и благодарить за милости.

Черезъ нѣсколько дней старуха переселилась къ благодѣтелю и поступила подъ покровительство сожительницы графа, пресловутой Настасьи.

Въ 1822 году пермскій бергъ-инспекторъ Андрей Терентьевичъ Булгаковъ получаетъ изъ Петербурга письмо такого содержанія: „Въ канцеляріи вашей, милостивый государь, состоитъ на службѣ практикантъ горнаго корпуса Сальмирскій. Примите участіе въ судьбѣ этого молодого человѣка, я прошу васъ, и дайте ему классную должность, каковую онъ по способностямъ и поведенію заслуживаетъ“. Подписано: „Графъ Аракчеевъ“. Булгаковъ не опомнился при видѣ послѣднихъ словъ подлинси. Сальмирскій немедленно потребованъ на-лицо и спрошенъ: какимъ образомъ онъ извѣстенъ военному министру? Практикантъ отвѣчалъ, что не знаетъ и что никогда и ни черезъ кого не могъ быть извѣстенъ графу Аракчееву!

Археологическіи находки въ Елабужскомъ уѣздѣ. Елабужскій уѣздъ, какъ извѣстно, чрезвычайно богатъ памятниками древнеисторической культуры, особенно каменнаго и бронзоваго періодовъ. Стоить только упомянуть о знаме-

нитомъ ананьинскомъ курганѣ (могильникѣ), нѣсколько разъ уже разрываемою Алабинимъ, Лерхомъ, Аспелинымъ и другими. Несмотря на то, что эти археологи нашли въ немъ цѣлую массу предметовъ, преимущественно, бронзоваго вѣка, въ нынѣшнее лѣто г. Радакову удалось добыть изъ него много новыхъ предметовъ—бронзовый шейный жгутъ, таковой же пельтъ, прекрасно сохранившійся, до пятнадцати наконечниковъ стрѣлъ различной величины и формы, шесть желѣзныхъ копій, пять каменныхъ нешлифованныхъ ножей, одинъ шлифованный, одну бронзовую серьгу, кусокъ малахита и т. п.; всего до 40 предметовъ. Все это ясно доказываетъ, что ананьинской могильникъ далеко еще не вполне изслѣдованъ, какъ онъ заслуживаетъ по своему изумительному археологическому богатству и значительной древности, относящейся, по Аспелину, къ I-му вѣку до р. х. Нельзя только не пожалѣть, что ни одно изъ нашихъ археологическихъ обществъ не послало особой коммисіи для изслѣдованія могильника, который далъ бы еще обильную дань. Аспелинъ, далеко неразрывшій его вполне, собралъ замѣчательную коллекцію и пожертвовалъ ее гельсингфорскому музею. Къ удивленію, на антропологической выставкѣ въ Москвѣ не было ни одного предмета изъ этого могильника.

Тотъ же г. Радаковъ добылъ въ Елабужскомъ уѣздѣ много другихъ до-историческихъ предметовъ. Такъ, въ селѣ Танайкѣ имъ найдены янмное шлифованное долото до двухъ вершковъ длины; въ селѣ Граховѣ бронзовый, превосходно сохранившій ножъ, шести вершковъ длины; наконецъ, въ юнѣ, близъ деревни Цыгановой, Ильинской волости, открыто имъ цѣлое городище.

Городище это состоитъ изъ холма до семи сажень вышины, имѣющаго очертаніе половины эллипсиса, котораго вершина обращена къ рѣчкѣ Учѣ. Окружность этого холма на разстояніи, по крайней мѣрѣ, четверти версты имѣетъ ровъ, до 1¹/₂ сажень глубины и сажени двѣ ширины. Кромѣ этого рва, по срединѣ холма проходятъ, въ поперечномъ направленіи, еще три такой же глубины и ширины рва съ валомъ. Г. Радаковъ сдѣлалъ раскопку въ одномъ изъ этихъ рововъ. Крайняя рыхлость земли доказывала, что почва была не материкъ, а насыпная, и только на глубинѣ сажени подъ нею встрѣтилась твердая почва, въ которой и было найдено много углей и осколковъ кирпичей. По своей формѣ и положенію, это городище походитъ на извѣстное, такъ-называемое, „Чортово городище“, близъ Елабуги.

Археологическая находка близъ Херсонеса. „Одесскій Вѣстникъ“ рассказываетъ о важной археологической находкѣ въ мѣстности древняго Херсона:

„Съ 25-го ноября 1877 года начатыя археологическія раскопки въ мѣстности, занимаемой херсонскимъ монастыремъ (византійскомъ Херсонѣ, въ которомъ, въ 988 году, принялъ святое крещеніе киевскій великій князь Владиміръ I-й Святополкъ), при денежномъ пособіи святѣйшаго синода, членами комитета, учрежденнаго при одесскомъ обществѣ исторіи и древностей, сверхъ открытыхъ фундаментовъ двухъ древнихъ базиликъ и церкви съ мозаическимъ поломъ, въ нынѣшнемъ году вблизи церковнаго фундамента открыто каменное подножіе, отъ бывшей на немъ нѣкогда мѣдной статуи, содержащее въ себѣ древнѣйшую эллинскую надпись въ двѣ колонны, каждая въ 56 строкъ. Надпись принадлежитъ второму вѣку до рождества христового, времени царствованія въ Боспорѣ знаменитаго Митридата VI-го (Діонсія) Евпатора, (который, по свидѣтельству монетъ, царствовалъ съ 122 по 163 годъ) и содержитъ подробности войнъ, веденныхъ херсонитами съ окружающими ихъ кочевыми скифами. Подробности и переводъ великой находки своевременно будутъ изданы одесскимъ обществомъ древностей“.

Казань о происхожденіи Яицкой общины. Оренбургскій Листокъ приводитъ слѣдующій характеристичный разговоръ съ уральскимъ казакомъ, котораго спросили о происхожденіи его предковъ.

Вмѣсто прямого отвѣта, престарѣлый казакъ прибѣгъ къ слѣдующему:
— Скажу тебѣ притчу, отгадаешь ли? замѣтилъ онъ.

- Говори! Попробую, авось отгадаю,—отвѣтилъ собесѣдникъ.
- Пчелка беретъ со всякаго цвѣтка по капелькѣ соку, что выходитъ?
- Медъ.

— Отгадавъ, отгадалъ! самодовольно отвѣтилъ старикъ и продолжалъ:— Подобно сему и наше дѣло: со всякаго значить сословія — по молодцу, и вышло славное и храброе войско яицкое, а по нынѣшнему уральское. Это не забывай, голубчикъ, и нашимъ братомъ, казакомъ, не брезгай.

Въ словахъ старика, прибавляетъ названная газета, много правды: дѣйствительно, трудно указать какой-либо народъ или сословіе, которые не выдѣлились бы хотя крупицу для яицкой общины. Получивъ первоначальный зародышъ на Дону, яицкое войско восприняло въ свой организмъ людей различныхъ народностей и даже разныхъ вѣроисповѣданій. Въ то время, какъ въ другихъ казачьихъ общинахъ требовалось, что бы вступающій въ нихъ былъ христіанинъ и давалъ обѣтъ безъ пощады губить басурманъ, яицкіе казаки не пренебрегали никѣмъ и отличались даже вѣротерпимостью, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно приходили на Яикъ и селились между казаками съ общаго войсковаго согласія. Обращая плѣнныхъ въ христіанъ, яицкое войско позволяло приходившимъ въ нихъ добровольно жить по ихъ вѣрѣ.

По поводу одного преданія, сообщеннаго Н. Я. Аристовымъ.

(«Преданія объ историч. лицахъ и событіяхъ». Ист. Вѣстн. 1880 г. сентябрь, стр. 15).

Преданіе о томъ, какъ Иванъ Грозный ходилъ воровать, безусловно оправдываетъ предположенія проф. Веселовскаго о литературной связи разсказа, сообщаемаго Коллинсомъ, съ *chanson de geste* о Карлѣ и Базенѣ или элегастѣ нидерландской передѣлки (см. Древняя и Новая Россія 1876, т. I, стр. 318). „Трудно сказать, говоритъ проф. Веселовскій, представляетъ ли разсказъ, записанный Коллинсомъ, цѣлую сказку, либо являлся эпизодомъ болѣе развитой повѣсти, сходной по содержанію съ сказкой о Шибаршѣ“ (I. с. 319) Благодаря проф. Аристову, теперь дѣло ясно: неизвѣстными (для меня по крайней мѣрѣ) путями къ намъ на Русь забрела основа вышеуказанной *chanson de geste* и по воспоминанію объ антогонизмѣ Грознаго съ боярами приурочилась къ популярному московскому царю. Забрела она, повидимому, въ редакціи, близкой къ нидерландской поэмѣ: какъ въ послѣдней, такъ и во всѣхъ до селѣ извѣстныхъ полныхъ редакціяхъ русскаго сказанія, царь непосредственно (какъ во франц. *chanson*), а черезъ вора узнаетъ о заговорѣ.

Съ значительною вѣроятностью можно опредѣлить и степень близости русскихъ редакцій къ источнику. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить напечатанную въ Русск. Арх. (1866 г., 20—9) сказку о Шибаршѣ, хотя интересующее насъ сказаніе въ ней является только эпизодомъ, да и то плохо пересказаннымъ: въ ней, какъ и въ западной поэмѣ, воръ узнаетъ о заговорѣ изъ разговора заговорщика съ женою; въ ней, какъ и въ элегастѣ и *Karlamagnus-Saga*, царь принимаетъ псевдонимъ. Преданіе, сообщенное Н. Я. Аристовымъ, сохранило одну черту оригинала: предположеніе Грознаго довести о заговорѣ до свѣдѣнія царя; въ Шибаршѣ въ этомъ мѣстѣ пропускъ, замѣченный проф. Веселовскимъ. Въ сказкѣ Чулкова воръ только прикидывается не узнавшимъ царя; повидимому, это прибавка литературнаго редактора. Разсказъ Коллинса—попытка осмыслить сказаніе, придать ему нѣкоторую вѣроятность черезъ выпускъ 2-й (существенной) половины.

А. Б.

янно переходилъ отъ одного предмета къ другому. Что значить его намекъ? думала она съ замираніемъ сердца.

— Къ этому примѣшивается еще мучительное сознаніе, продолжалъ Цамбелли—что моему божеству не угодно понимать меня.

— Вы говорите загадками, шевалье. Если вы не хотите или не можете говорить иначе, то не лучше ли прекратить разговоръ.

— Позвольте мнѣ сказать еще одно слово, хотя бы мнѣ пришлось подвергнуться самому жестокому наказанію за мою смѣлость, сказалъ Цамбелли, увлеченный страстью и забывая свои благоразумныя намѣренія.—Я люблю васъ до безумія Антуанета, научите меня какимъ способомъ могу я добиться взаимности съ вашей стороны... Я готовъ ждать цѣлыя годы, подвергнуться испытаніямъ безъ числа, слѣпо повиноваться вашему малѣйшему желанію. Вы были бы для меня путеводной звѣздой въ битвахъ жизни... Но если вы отвергнете меня, то лучше намъ разстаться теперь же и навсегда. Я предпочитаю смерть мучительному томленію изо-дня въ день... Моя жизнь въ вашихъ рукахъ; произнесите мой приговоръ Антуанета.

— Я не могу брать на себя такой отвѣтственности, шевалье, проговорила молодая дѣвушка, отодвигаясь отъ него.

Въ эту минуту въ передней послышались голоса. Мысль, что ее найдутъ наединѣ съ итальянцемъ послѣ такого разговора еще болѣе увеличила ея замѣшательство и она съ испугомъ отскочила къ окну, но ея собесѣдникъ не сдвинулся съ мѣста. Онъ стоялъ выпрямившись за спинкой кресла, не снуская съ нея глазъ.

— И мнѣ нечего надѣяться! спросилъ онъ беззвучно.

Антуанета ничего не отвѣтила, но выраженіе ея лица было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Дверь отворилась и на порогъ появился графъ Вольфсеггъ. Антуанета съ видимою радостью бросилась къ нему на встрѣчу, и обняла его.

— Она любитъ своего дядю, пробормоталъ Цамбелли, и подойдя къ графу ловко раскланялся передъ нимъ.

— Добрый вечеръ, шевалье, сказалъ графъ протягивая ему руку. Благодарю тебя Антуанета, что ты задержала нашего милаго гостя.

ГЛАВА Ш.

День рожденія Магдалены былъ отпразднованъ въ сѣромъ домѣ также весело, какъ и въ былые годы. Собралось небольшое общество родныхъ и знакомыхъ и къ концу вечера устроились танцы. Эгбертъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе съ своимъ другомъ Гуго, ко-

торый очень понравился простодушнымъ бюргерамъ своей неистощимой веселостью и болтовней и показался имъ необыкновенно умнымъ и ученымъ.

Давно уже Магдалена не чувствовала себя такой счастливой и спокойной, какъ въ этотъ день. Она радовалась, видя съ какой беззаботной веселостью Эгбертъ предавался танцамъ и играмъ; онъ опять также ласково улыбался ей, когда встрѣчалъ ея взглядъ, какъ въ бывшее время. Можетъ быть старый Жозефъ былъ правъ; сердце его осталось тѣмъ же, что и прежде, и она напрасно обвиняла его. Но едва ли не веселѣе и счастливѣе дочери казалась сама г-жа Армгартъ. Она болтала безъ умолку, показывая гостямъ подарки, полученныя Магдаленой, и особенно хвасталась дорогими матеріями и жемчужнымъ ожерельемъ, которые графъ поднесъ своей любимицѣ. Не стѣняясь присутствіемъ дочери, она завела длинную рѣчь о томъ, какъ всѣ эти наряды будутъ къ лицу ея Лени, которая по красотѣ не уступитъ любой княжнѣ. Гости и даже самъ секретарь улыбались, слушая ее, а Магдалена сконфузилась и убѣжала изъ комнаты. Но графъ Вольфсеггъ былъ возмущенъ этой сценой и замѣтилъ, что не слѣдуетъ кружить голову молодой дѣвушки такими вещами, потому что это можетъ отозваться гибельнымъ образомъ на ея будущности. Вслѣдъ затѣмъ графъ ловко перевелъ разговоръ на другіе предметы, такъ что гости и даже сама хозяйка дома тотчасъ же забыли этотъ маленькій эпизодъ, который грозилъ нарушить общее веселье.

Эгбертъ, воспользовавшись удобной минутой, хотѣлъ было рассказать графу о случаѣ съ Черной Кристель и неожиданномъ посѣщеніи Цамбелли; но графъ прервалъ его, говоря, что въ день рожденія Лени не хочетъ слышать никакихъ разговоровъ о политикѣ или какихъ бы то ни было дѣлахъ. Тотъ же отвѣтъ далъ онъ и Гуго, который все еще мечталъ о сценѣ придворнаго театра и вздумалъ обратиться къ нему съ просьбой объ его ходатайствѣ. Однако, прощаясь съ молодыми людьми, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ на большой званый вечеръ и сказалъ Шпрингу, что представить его князю Лобковичу и г. Пальфи, которые вѣроятно не откажутся дать ему мѣсто актера придворнаго театра, хотя быть можетъ и не такъ скоро, какъ бы онъ этого желалъ.

Послѣ ухода графа еще долго продолжались танцы, такъ что праздникъ кончился далеко за полночь, а затѣмъ наступило хлопотливое утро, когда нужно было привести все въ порядокъ и переставить мебель на прежнія мѣста. Наконецъ вспомнили и о Кристель, которая въ день праздника была оставлена на попеченіи старой служанки. Кристель, согласно предсказанію Цамбелли, послѣ долгаго сна проснулась совершенно здоровая и только по временамъ чувствовала небольшую боль въ головѣ на мѣстѣ ушиба. Эгбертъ рѣшилъ оставить у себя несчастную дѣвушку и просилъ г-жу Армгартъ и Магдалену заняться ея воспитаніемъ и по возможности пріучить ее къ домаш-

нимъ занятіямъ. Онъ подробно разсказалъ Магдаленѣ все, что зналъ о Кристель и свою встрѣчу съ ней у мельницы Рабенъ, но не рѣшился упомянуть объ ея странномъ подаркѣ. Ему казалось, что недорогою опаль, нѣкогда служившій набалдашникомъ палки, долженъ имѣть какое нибудь отношеніе или къ таинственному убійству, или къ событіямъ, касавшимся самой Кристель. Чтобы не напугать дѣвушку формальнымъ допросомъ, онъ рѣшился поговорить съ нею наединѣ и употребить всѣ усилія чтобы заслужить ея довѣріе. Онъ ласково спросилъ ее: какъ она попала въ Вѣну и нѣтъ ли у ней родныхъ или покровителей въ большомъ городѣ?

Кристель поцѣловала его руку и противъ ожиданія дала вполне опредѣленные отвѣты. Она объяснила, что не могла долѣе оставаться у своего отца, который становился все брюзгливѣе, между тѣмъ какъ нужда увеличивалась со дня на день. Приходскій священникъ бранилъ ее за бездѣлье, говорилъ, что она въ тягость старику и совѣтовалъ поступить въ услуженіе въ Вельсѣ или Линцѣ, но тайный голосъ постоянно нашептывалъ ей, чтобы она шла въ Вѣну. Наконецъ она отправилась въ путь и съ помощью добрыхъ людей благополучно добралась до мѣста. При этомъ Кристель показала Эгберту рекомендательное письмо управляющаго барона Пухгейма къ кастелляну дворца *Naugach*. У послѣдняго Кристель надѣялась найти пріютъ на первое время. Все это она разсказала просто и толково, но замѣтно смутилась, когда Эгбертъ спросилъ ее, какимъ образомъ она очутилась у его дома, между тѣмъ какъ дворецъ *Naugach* находился на противоположной сторонѣ. При этомъ отвѣты ея сдѣлались настолько сбивчивыми, что Эгбертъ рѣшилъ больше не мучить ее дальнѣйшими вопросами. Чего тутъ доискиваться, подумалъ онъ,—бѣдняжка не знаетъ Вѣны и могла легко заблудиться и очутившись въ пустынной улицѣ среди садовъ остановилась изъ любопытства, когда увидѣла передъ собою яркоосвященный домъ.

Такимъ образомъ допросъ былъ скоро оконченъ и Эгбертъ не считалъ нужнымъ возобновлять его, тѣмъ болѣе, что не былъ вполне увѣренъ удастся ли ему удержать Кристель въ своемъ домѣ при ея робости и непостоянствѣ. Но это опасеніе оказалось неосновательнымъ. Сначала Кристель упорно отказывалась отъ платьевъ, которыя ей предлагала Магдалена; но врожденная склонность къ нарядамъ, желаніе казаться красивѣе, сдѣлали свое дѣло. Черезъ нѣсколько дней Черная Кристалль стала податливѣе и изъ оборванной нищей превратилась въ опрятную и прилично одѣтую дѣвушку.

— Дикарка выведенная изъ первобытнаго состоянія. Вотъ какъ искажаетъ цивилизація художественныя произведенія природы! повторялъ со смѣхомъ Гуго, который съ любопытствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ Кристель.

Она отличалась проворствомъ и ловкостью и точно исполняла все, что ей приказывали: только по временамъ на нее нападала стран-

ная задумчивость и въ эти минуты все окружающее какъ будто не существовало для нея. Вообще говорила она мало и только съ Магдаленой и Эгбертомъ и всегда пугалась, если кто неожиданно обращался къ ней съ какимъ нибудь вопросомъ. Гуго видѣлъ въ этомъ явный признакъ скрытности характера, но Эгбертъ горячо заступался за свою protégée и объяснялъ ея пугливость внезапной переменъ образа жизни и наплывомъ новыхъ впечатлѣній.

Нѣсколько дней спустя послѣ водворенія Кристель, Цамбелли сдѣлалъ опять визитъ Эгберту и попросилъ позволенія взглянуть на больную.

Эгберту оставалось только поблагодарить его за любезность.

— Докторъ все равно, что духовникъ, сказалъ Эгбертъ, — онъ можетъ видѣть своихъ пациентовъ во всякое время.

Цамбелли нашелъ Кристель въ саду. Полуденное солнце ярко свѣтило между обнаженными деревьями.

Кристель вздрогнула, увиди итальянца, но лицо ея просіяло отъ радости.

— Ты одна Кристель? спросилъ онъ, оглядываясь во всѣ стороны.

Она кивнула ему головой въ знакъ согласія и указала пальцемъ на дальній конецъ сада, гдѣ была бесѣдка.

— Тамъ люди, сказала Кристель, они выносятъ оттуда столы и стулья, я помогала имъ.

— Нравится ли тебѣ у нихъ въ домѣ?

— Да.

— Ты останешься здѣсь и надѣюсь никогда не убѣжишь?

— Какъ вы прикажете.

— Мнѣ нечего приказывать. Я тебѣ не братъ. Дѣлай что хочешь. Но почему ты не осталась въ деревнѣ?

Она пристально взглянула на него своими темными, выразительными глазами.

— Ты знаешь, что я не смѣла остаться тамъ.

— И пришла сюда за мной?

Яркая краска покрыла ея щеки. Она молча улыбнулась.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ, положивъ руку на ея голову. Мнѣ слѣдовало бы побранить тебя за непослушаніе.

— Не сердитесь на меня, но я не могу жить тамъ, гдѣ васъ нѣтъ.

— Пустяки! Мнѣ скоро прійдется уѣхать отсюда и такъ далеко, что ты не будешь видѣть меня и не можешь слѣдовать за мной.

— Тогда я умру.

— Нѣтъ, ты будешь жить. Я этого хочу.

Наступила минута молчанія. На глазахъ Кристель выступили слезы.

— Я опять вернусь сюда весною, продолжалъ итальянецъ, вмѣстѣ

съ солнцемъ, а до того времени ты будешь ждать меня здѣсь въ домѣ.

— Я должна слушаться васъ, отвѣтила она, печально опутивъ голову.

— Тебѣ будетъ хорошо у нихъ. Г-нъ Эгбертъ и фрейлейнъ...

— Да они добры ко мнѣ, какъ святые къ бѣднымъ грѣшникамъ.

— Но и передъ ними ты будешь молчать какъ могила.

— Я исполню это, только избавьте меня отъ новыхъ клятвъ, отвѣтила она боязливо.

— Что онъ тебя не спрашивалъ объ этомъ? сказалъ Цамбелли, дѣлая рукою какіе то знаки въ воздухѣ.

Кристель вся задрожала и едва не упала въ обморокъ.

— Нѣтъ, но и вы не напоминайте мнѣ этого.

Цамбелли поддержалъ бѣдную Кристель, и голова ея на одну минуту склонилась къ его груди. Онъ ласково гладилъ ее по волосамъ.

— До свиданія, сказалъ Цамбелли. На дняхъ я опять зайду къ тебѣ.

Она молча поцѣловала его руки и хотѣла уйти, но онъ удержалъ ее.

— Подожди, Кристель, я долженъ дать тебѣ одно порученіе. Ты знаешь графа Вольфсеггъ?

— Да, знаю.

— Ну, слушай же, продолжалъ Цамбелли, понизивъ голосъ. Онъ часто бываетъ здѣсь въ домѣ. Слѣди внимательно за нимъ и замѣть въ какихъ онъ отношеніяхъ съ фрейлейнъ Магдаленой. Ты мнѣ все расскажешь при слѣдующемъ свиданіи.

Цамбелли быстрыми шагами удалился изъ саду, а Кристель какъ будто приросла къ мѣсту и задумчиво глядѣла ему вслѣдъ, хотя его стройная фигура уже давно исчезла за деревьями.

Цамбелли прошелъ въ комнаты Эгберта и, заставъ его вдвоемъ съ Гуго, заговорилъ съ ними о самыхъ обыденныхъ вещахъ, какъ бы желая сгладить то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на нихъ при своемъ первомъ посѣщеніи. Зная, что Эгбертъ любитель музыки, онъ завелъ рѣчь о новой оперѣ Чимарози „Matrimonio segreto“ и такъ расхвалилъ ее, что оба пріятеля рѣшили въ тотъ же вечеръ отпра- виться въ театръ Kärtnerthor чтобы послушать ее.

Опера произвела чарующее впечатлѣніе на молодыхъ людей и выйдя изъ театра они долго блуждали по городу. Была свѣтлая осенняя ночь безъ дождя и вѣтра. Звѣзды блестѣли на небѣ. Улицы были наполнены пѣшеходами и экипажами. У фонтановъ на Graben'ѣ стояли группы людей, смѣялись и разговаривали. Изъ шинковъ слышались гитары цыганъ и квартеты такъ называемыхъ „пражскихъ музыкантовъ“. Звуки музыки, смѣшиваясь съ пѣніемъ, смѣхомъ и говоромъ на разныхъ нарѣчійхъ, далеко разносились въ тихомъ ночномъ

воздухъ. Гуго невольно сравнивалъ окружавшее его веселіе и полноту жизни, богатство и разнообразіе національныхъ костюмовъ и солдатскихъ мундировъ, съ скучнымъ однообразіемъ и суровостью сѣверной столицы.

— Что за прелестный городъ! воскликнулъ Гуго, внѣ себя отъ восторга. Здѣсь не то, что въ Берлинѣ! по крайней мѣрѣ понимаешь для чего родился и живетъ человѣкъ!

Эгбертъ, погруженный въ свои мечты, ничего не отвѣчалъ на глубокомысленное замѣчаніе своего пріятеля и даже врядъ ли слышалъ его.

Мимо нихъ въ толпѣ проходили нарядно одѣтыя женщины и дѣвушки; однѣ въ сопровожденіи слугъ, другія съ наглыми и вызывающими лицами, большею частью красивыя и молодыя. Всѣ казались слѣдовали за общимъ потокомъ, гонимыя тѣмъ же неудержимымъ стремленіемъ къ удовольствіямъ и наслажденію, которымъ было проникнуто все пестрое неселеніе блестящей австрійской столицы.

Пріятели шли молча нѣкоторое время; но на поворотѣ улицы Гуго неожиданно остановилъ Эгберта за руку и указалъ ему на человѣка, укутаннаго въ плащъ, съ надвинутой на глаза шляпой, который поспѣшно прокрадывался въ тѣни домовъ.

— Посмотри, Эгбертъ, не нашъ ли это секретарь!...

— Армгардтъ! Что дѣлать ему на улицѣ и въ такой поздній часъ!

— Вѣроятно ищетъ успокоенія. Я думаю онъ дорого далъ бы чтобы сдѣлаться невидимкой.

— Ты не ошибся, это дѣйствительно секретарь. Но я не понимаю на что ты намекаешь.

— Неужели ты не замѣтилъ въ немъ никакой перемѣны въ послѣднее время? Развѣ онъ бываетъ когданибудь такъ торопливъ и непослѣдователенъ въ разговорѣ, какъ теперь?

— Нѣтъ, но онъ заваленъ работой и по его словамъ ему никогда не приходилось такъ много писать, какъ при графѣ Стадіонѣ. Это должно было отразиться на немъ. Вѣдь онъ уже не молодъ...

— Какъ ты думаешь, Эгбертъ, не пойти ли намъ по его слѣдамъ?

— Изволь. Вотъ онъ стоитъ подѣ фонаремъ и выжидаетъ удобной минуты, чтобы проскользнуть въ домъ.

— Что это за домъ?

— Гостинница „Kugel“. Видишь надъ дверью виситъ золотой шаръ.

— Тѣмъ лучше. Вотъ онъ входитъ; послѣдуемъ его примѣру и разопьемъ бутылку.

Однако надежда молодыхъ людей не оправдалась. Армгардтъ не оказался ни въ нижнемъ этажѣ, гдѣ бражничалъ простой народъ, ни въ залахъ верхняго этажа, гдѣ засѣдала болѣе избранная публика

Эгбертъ плохо зналъ расположеніе гостинницы и въ тоже время стѣснялся спросить у слугъ, нѣтъ ли у ихъ хозяина отдѣльныхъ комнатъ, закрытыхъ для большинства публики.

— Вооружись терпѣніемъ, другъ мой, сказала Гуго.—Мышь спрячется въ пору, а потомъ сама изъ любопытства высунетъ голову.

Молодые люди сѣли у стола, на которомъ горѣла свѣча въ цинковомъ подсвѣчникѣ. Старый кельнеръ принесъ имъ вина и стаканы.

Сравнительно съ шумомъ, который происходилъ внизу, въ залахъ верхняго этажа было очень чинно и чопорно, такъ какъ большинство посѣтителей были бюргеры. Всѣ сидѣли у деревянныхъ краше-ныхъ столовъ и только немногіе курили. Одни говорили громко, другіе въ полголоса и только по временамъ слышались отдѣльныя слова: Бонапартъ, Испанія, Германія, императоръ Францъ; но въ слѣдующій моментъ разговоръ опять переходилъ въ шопоть.

Несмотря на вновь учрежденную милицію и на свободное движеніе умовъ, поощряемое графомъ Стадіономъ, вѣнскіе бюргеры по прежнему боялись вездѣсущихъ полицейскихъ шпионовъ. Они охотно пожертвовали бы всѣмъ своимъ имуществомъ для дорогаго отечества если бы это можно было сдѣлать безъ огласки. Между ними было очень мало такихъ, которые имѣли достаточно мужества чтобы высказать то, что они чувствовали, хотя постоянная забота о будущемъ мѣшала имъ наслаждаться настоящимъ. Большинство присутствующихъ въ этотъ вечеръ въ гостинницѣ „Kugel“ были ея постоянными посѣтителями и потому неожиданное явленіе двухъ молодыхъ людей въ ихъ святилище произвело между ними нѣкоторый переполохъ. Несмотря на приличное платье и вѣжливыя манеры новыхъ гостей, многіе искоса посматривали на нихъ и такимъ взглядомъ, который казалось почти съ упрекомъ говорилъ: Зачѣмъ вы пришли сюда; вамъ здѣсь дѣлать нечего! Но общее недовѣріе тотчасъ же разсѣялось, когда одинъ изъ бюргеровъ, приглядѣвшись къ Эгберту, назвалъ его фамилію, и въ залѣ послышался одобрительный шопоть.

Между тѣмъ оба друга были такъ заняты своимъ разговоромъ, что не обратили никакого вниманія на то впечатлѣніе, которое произвело ихъ появленіе.

— Ну, можетъ быть вино развяжетъ тебѣ языкъ, сказалъ Эгбертъ—и ты опять будешь изображать изъ себя дельфійскаго оракула.

— Ты видно вспомнилъ сапогъ Бурдона и мое предсказаніе?

— Да, этотъ сапогъ доставилъ намъ приглашеніе къ графу.

— И случай познакомиться съ разными знатными людьми, князьями, дипломатами и главное съ твоей богиней. Поэтому ты не долженъ пренебрегать моимъ пророческимъ даромъ. Вотъ, напримѣръ, чѣмъ ты представляешь себѣ этотъ домъ, въ которомъ мы находимся

въ данный моментъ? Ты отвѣтишь мнѣ: обыкновенной гостинницей и зовутъ ее „Kugel“ и она только вывѣской и названіемъ отличается отъ другихъ подобныхъ ей гостинницъ. Но ты не изучалъ философіи, какъ мы, уроженцы сѣверной Германіи, и слишкомъ поверхностно смотришь на вещи.

Съ этими словами Гуго наклонился къ своему пріятелю, какъ будто для того, чтобы чокнуться съ нимъ и шепнулъ ему на ухо:

— Это картежный домъ и тутъ идетъ азартная игра въ фараонъ.

— Откуда ты могъ узнать это? спросилъ Эгбертъ съ видимымъ недоверіемъ. Не изъ Шекспира ли?

— Нѣтъ, англичане никогда не предавались особенно карточной игрѣ, хотя вообще азартныя игры существовали еще въ древности въ видѣ бросанья костей и т. п. Что же касается настоящаго времени, то у насъ положительно водворился демонъ игры. Горе тому кого онъ заберетъ въ свои когти. Если даже этотъ человѣкъ только секретарь и...

— Неужели ты говоришь серьезно? спросилъ Эгбертъ, прерывая его.

— За этими комнатами, которая отличаются такой почтенной бюргерской обстановкой, продолжалъ Гуго, понижая голосъ, находится красная или голубая зала, гдѣ царить фортуна и щедро награждаетъ своихъ любимцевъ. Надѣюсь, ты самъ убѣдился теперь, что господинъ, котораго мы преслѣдовали зашелъ сюда не для утоленія жажды.

— Можетъ быть у него свои дѣла?

— Разумѣется, и онъ желаетъ скрыть ихъ отъ непосвященныхъ. Ты, бѣлокурая голова, вѣчно живешь въ заоблачномъ мірѣ, ухаживаешь за тяжело-ранеными на большой дорогѣ, даешь пріютъ нищимъ, мечтаешь о звѣздахъ и богиняхъ, владѣешь рапирой не хуже Лаэрта, но тебѣ недостаетъ критическаго взгляда на вещи. Ты никогда не вникаешь въ сущность дѣла. Въ этомъ отношеніи я поставленъ въ лучшія условія чѣмъ ты. Въ качествѣ будущаго актера, я на свободѣ изучаю характеры чтобы потомъ изобразить ихъ на сценѣ. Кстати я долженъ замѣтить, что съ перваго взгляда почувствовалъ особенную симпатію къ секретарю.

— Я уже говорилъ тебѣ, что это примѣрный чиновникъ, которымъ не нахвалятся его начальники, и даже графъ Вольфсеггъ удостоиваетъ его своимъ знакомствомъ.

— Все это я вижу собственными глазами и пока карета ѣхала по старымъ колеямъ колеса были цѣлы. Но къ несчастью этотъ человѣкъ на старости лѣтъ сбился съ дороги. Онъ началъ играть маленькими кушами и незамѣтно дошелъ до крупныхъ суммъ.— Скажи пожалуйста нѣтъ ли у него на рукахъ какой нибудь кассы?

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно.

— Ну, такъ онъ надѣлалъ долговъ, чтобы вырваться изъ пропасти, продолжалъ Гуго,—и не въ состоянїи заплатить ихъ.

— Неужели онъ будетъ продолжать игру при этихъ условїяхъ! Что стоитъ ему сказать одно слово мнѣ или графу Вольфсеггу, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенїя.

— Ты разумѣется готовъ каждому помочь своими деньгами. Но не всѣ такіе безсовѣстные люди, какъ я. У Армгарта есть чувство чести.

— Въ этомъ случаѣ оно совершенно неумѣстно. Развѣ онъ имѣетъ право подвергать бѣдности и позору свою семью?

— Ты забываешь, Эгбертъ, что имъ овладѣлъ демонъ игры. Занимая у тебя деньги, онъ долженъ будетъ обѣщать тебѣ исправиться, но онъ не можетъ исполнить этого.

Эгбертъ задумался. Воображеніе рисовало ему участь Магдалены въ самыхъ печальныхъ краскахъ.

— Завтра я поговорю съ Армгартомъ, сказалъ онъ.—Пока еще не случилось такого несчастїя, котораго нельзя было исправить.

— Искренно желаю тебѣ успѣха, потому что было бы право жаль если бы красивые и умные глаза Магдалены испортились отъ слезъ и бессонныхъ ночей.

— Этого никогда не случится, сказалъ съ увѣренностью Эгбертъ — пока...

— Пока у тебя есть хотя одинъ гульденъ, не такъ ли? сказалъ Гуго прерывая его.—Но я боюсь совсѣмъ другаго... смотри чтобы эти глаза не стали проливать слезъ о бѣлокуромъ Эгбертѣ.

— Развѣ я чѣмъ нибудь огорчалъ Магдалену и у ней есть поводъ жаловаться на меня?

— Ты не имѣешь привычки думать о завтрашнемъ днѣ и вѣроятно никогда не задавалъ себѣ вопроса: возможно ли чтобы вы оба прожили спокойно нѣсколько лѣтъ другъ возлѣ друга безъ всякихъ желанїй и заботъ. Ты краснѣешь, но вѣдь это только начало, кто же поручится каковъ будетъ конецъ? Положимъ, женское сердце не легко разгадать, потому что оно не подлежитъ никакимъ опредѣленнымъ правиламъ, но въ данномъ случаѣ здравый смыслъ прямо говоритъ, что молодая дѣвушка влюбилась въ молодого человѣка...

— Ты сердишь меня подобными шутками.

— Если это шутка, то тебѣ и сердиться нечего. А развѣ Магдалена не права? Если бы я былъ женщиной, то вполнѣ раздѣлялъ бы ея вкусъ. Сдѣлай одолженіе не краснѣй отъ скромности. Любая дѣвушка не задумываясь согласилась бы выйти за тебя замужъ, зная заранѣе что всегда будетъ имѣть надъ тобой перевѣсъ. Я не думаю возставать противъ любви, но въ каждомъ замужествѣ для жены настолько же важна привязанность мужа, какъ и власть, которую она будетъ имѣть въ домѣ, а ты въ этомъ отношенїи былъ бы примѣрный мужъ. Но къ несчастью для того, чтобы состоялся бракъ, необходимо

согласіе обоихъ заинтересованныхъ лицъ. А мы знаемъ, что у тебя на умѣ. Скажи, пожалуста, ты не замѣчалъ какъ часто изъ-за тебя хмурится хорошенькое личико Магдалены?

— Я не настолько тщеславенъ, чтобы приписывать это себѣ.

— Все оттого, что ты ничего не чувствуешь къ ней, такъ что тебѣ и дѣла нѣтъ до того: любить ли тебя Магдалена или нѣтъ.

— Магдалена! Съ чего ты это взялъ? Она любитъ меня какъ брата и преданнаго друга.

— Тебѣ конечно всего удобнѣе отрицать фактъ, тѣмъ болѣе, что въ твоемъ сердцѣ водворился другой образъ.

— Не говори мнѣ о графинѣ! Еще въ такомъ мѣстѣ!... воскликнулъ Эгбертъ, ударивъ стаканомъ по столу съ такой силой, что стекло разлетѣлось въ дребезги.

— Браво! Точно такимъ образомъ великій Бонапартъ разбилъ однажды фарфоровую чашку у графа Кобенцеля. Тогда у насъ была еще республика.

Слова эти были сказаны на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ полнымъ человѣкомъ съ французской кокардой на шляпѣ, который незамѣтно подошелъ къ молодымъ людямъ.

— Около васъ пустое мѣсто, позвольте присѣсть, продолжалъ толстякъ и, не дожидаясь отвѣта, тяжело опустился на стулъ.

Молодые люди съ удивленіемъ смотрѣли на незнакомца. У него было красное сіяющее лицо, сѣдые волосы торчали щетиной; ударъ сабли оставилъ глубокой шрамъ на его лбу; густые изогнутые брови нависли надъ впалыми сѣрыми глазами. Широкий подбородокъ и толстыя чувствительныя губы показывали сильное развитіе животныхъ инстинктовъ и частое удовлетвореніе ихъ. Въ пеллицѣ его длиннаго сѣраго сюртука виднѣлась красная ленточка ордена Почетнаго Легіона. Изъ кармана краснаго бархатнаго жилета висѣла цѣпочка съ печатью: шея его была повязана бѣлымъ галстукомъ съ распущенными концами à la Robespierre.

— Иоганъ, von garçon, крикнулъ онъ кельнеру, — дай сюда лучшаго токайскаго.

— Кажется онъ и безъ того угостился какъ слѣдуетъ, шепнулъ Гуго своему пріятелю.

Возлѣ нихъ за столами имя француза повторялось съ разными комментаріями. Это былъ мосье Анахарсисъ Лепикъ, главный секретарь французскаго посольства, проживавшій въ Вѣнѣ со времени Пресбургскаго мира, человѣкъ, извѣстный своими приключеніями и мошенническими продѣлками.

Эгбертъ, видя, что на нихъ обращено общее вниманіе, охотно удалился бы отъ навязчиваго гостя, но онъ не рѣшился встать изъ боязни ссоры съ французомъ, который могъ принять это за личное оскорбленіе, тѣмъ болѣе, что былъ въ крайне возбужденномъ состояніи.

Прислуга гостинницы обходилась съ нимъ какъ съ почетнымъ гостемъ и поспѣшно исполняла его приказаніе.

— За ваше здоровье, господа, сказалъ Лепикъ, поднимая стаганъ.

Молодые люди отвѣтили ему легкимъ поклономъ.

— Ваша Вѣна прекрасный городъ! Вы можете гордиться ею; здѣсь есть все, что хочешь: вино, музыка, красивыя женщины! Первый городъ Парижъ, второй—Вѣна! Анахарсисъ Лепикъ всегда говоритъ правду и вы можете вѣрить ему. Но было бы еще лучше если бы вы устроили революцію. Это очищаетъ кровь.

— А я до сихъ поръ думалъ, возразилъ Гуго, что революція кровопусканіе.

— Кровопусканіе! повторилъ съ хохотомъ Лепикъ.— Совершенно вѣрно! Случалось ли вамъ читать Марата? Императоръ не любитъ вспоминать о прошломъ. Революція убивала людей гильотиной, а Бонапартъ разстрѣливаетъ картечью. Оба эти способы довольно сильны и ихъ неудобно примѣнять одновременно. Но вы мнѣ все-таки не отвѣтили; почему у васъ до сихъ поръ нѣтъ революціи?

— Вѣроятно потому, что она не нужна, сказалъ Эгбертъ, раздраженный высокоуміемъ и наглостью француза.

— Гдѣ существуютъ высшія сословія въ достаточномъ количествѣ, тамъ всегда нужна революція. *Liberté, égalité*—что можетъ быть выше этого! Извините господа, старяя воспоминанія...

Съ этими словами бывший якобинецъ выпилъ большой глотокъ вина и добавилъ съ усмѣшкой:

— Дѣтямъ конечно не годится дѣлать то, что прилично для взрослыхъ. Вы маленькая нація, а мы *la grande nation*.

— Дѣти растутъ, старики умираютъ. Это общій законъ природы; лѣтъ служить въ этомъ случаѣ нагляднымъ примѣромъ, отвѣтилъ Эгбертъ.

— Франція не умретъ, гордо замѣтилъ Анахарсисъ, выпрямляясь на своемъ стулѣ.—Она свѣтило міра.

— А Наполеонъ править имъ! сказалъ Гуго.—Но вы кажется забыли трагическій конецъ Фаэтона? У насъ дѣти читаютъ эту исторію въ школахъ.

— Она только и годится для школъ. Неужели вы думаете, господа нѣмцы, что французскій императоръ слѣпъ и ничего не видитъ? Между тѣмъ намъ извѣстно, что вы опять приготовляетесь къ войнѣ. Но вы грустно ошибаетесь и вмѣсто предполагаемыхъ вавханалій изъ васъ будетъ un *geras roug des cogbeaux*. Германия только и годится для этого...

— У насъ теперь мирное время, сказалъ Эгбертъ, дѣлая надъ собой усиліе чтобы казаться спокойнымъ,—и мы, нѣмцы, пока не подали ни малѣйшаго повода къ непріязни Наполеону или лучше сказать вашей великой націи, а слѣдовательно и ваши разсужденія совершенно лишнія. Вдобавокъ, позвольте вамъ замѣтить, что вы

поступаете въ разрѣзъ съ прославленной вѣжливостью французовъ, такъ какъ живя въ нашемъ городѣ, позволяете себѣ выраженія, которыя не прошли бы безнаказанно, если бы мы не соблюдали правилъ гостепріимства.

— Не прикажете ли вы считать это вызовомъ на дуэль? спросилъ Анахарсисъ съ громкимъ смѣхомъ.—Я совсѣмъ забылъ, что у васъ аристократовъ чувствительныя уши. Но вы мнѣ нравитесь молодой человѣкъ... люблю храбрыхъ людей. Недалеко время, когда мы всѣ будемъ братьями и составимъ одинъ народъ подѣ властью Наполеона. Не сердитесь, но я слышу опять запахъ крови. Кто сражался въ Вандеѣ и на всю жизнь остался съ такимъ значкомъ на лбу—онъ указалъ на свой шрамъ,—у того вѣрное чутье на этотъ счетъ. Да, наконецъ, все это въ порядкѣ вещей. Что такое наша жизнь, какъ не постоянная битва! *Le verre á la main, vive la guerre!*... Однако васъ можно пожалѣть, между вами много измѣнниковъ...

Послѣдняя фраза настолько заинтересовала Эгберга, что онъ рѣшилъ остаться еще на нѣкоторое время съ пьянымъ французомъ, не смотря на свою антипатію къ нему. Въ головѣ его блеснула мысль, которая не смотря на свою дикость показалась ему логически возможною: Анахарсисъ явился въ общую залу совершенно неожиданно и въ возбужденномъ состояніи; не былъ ли онъ передъ этимъ въ игровой комнатѣ, гдѣ Армгартъ проигрываетъ свои послѣдніе гульдены и быть можетъ продаетъ государственныя тайны, чтобы продолжать игру?—Если мое предположеніе ничто иное какъ фантазія, то нужно убѣдиться въ этомъ, подумалъ Эгбертъ,—французъ настолько пьянъ, что пожалуй все выболтаетъ.

— Побѣжденные вѣчно ссылаются на измѣну, чтобы оправдать свою неудачу, сказалъ Эгбертъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ, что Бонапартъ еще наканунѣ сраженія при Аустерлицѣ получилъ подробный планъ расположенія русскихъ войскъ. Вы не назовете мнѣ ни одного великаго государственнаго человѣка, который бы до извѣстной степени не былъ мошенникомъ и нѣтъ ни одного главнокомандующаго, у котораго не было бы шпионовъ. Вотъ посмотрѣли бы вы какъ они совѣщаются тамъ... Но почему вы не пьете?

— Мы только что допили наши стаканы. Сейчасъ налью опять, мосье Лепиэ, отвѣтилъ Эгбертъ, едва сдерживая свое волненіе.— Пью за дружбу и миръ между Франціей и Австріей!

— Охотно отвѣчаю на вашъ тостъ, сказалъ французъ, выпивая залпомъ стаканъ вина.—Мнѣ весело живется въ вашемъ городѣ, тѣмъ болѣе, что я наконецъ выучился трудному нѣмецкому языку и теперь хорошо знаю его. Здѣшнее вино мнѣ также по вкусу и если бы меня не ограбили сегодня...

— Кто васъ могъ ограбить? Развѣ эта гостинница притонъ разбойниковъ?

— Этому Цамбелли везло необыкновенное счастье и онъ не спускалъ съ меня своихъ фальшивыхъ глазъ... Никогда не играйте молодой человѣкъ! *A la guerre comme à la guerre!* Если бы вашъ графъ Стадіонъ зналъ то, что я знаю...

Послѣдняя фраза несомнѣнно относилась къ Армгарту. Эгбертъ вскочилъ съ мѣста. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало пробраться въ игорную комнату. Можетъ быть ему еще удастся спасти отца Магдалены отъ позора и гибели.

— Что васъ какъ будто тарантулъ укусилъ! воскликнулъ французъ.—Видно и на васъ имя Цамбелли производитъ свое дѣйствіе. Это ловкій плутъ и далеко пойдетъ, хотя ему настоящее мѣсто на гильотинѣ. Теперь онъ обрабатываетъ стараго дурака...

У Эгберта потемнѣло въ глазахъ. Онъ поднялъ руку, чтобы ударить француза прежде, чѣмъ онъ назоветъ Армгарта. Но ихъ тотчасъ окружили и Гуго успѣлъ во время удержать своего пріятеля за руку. Въ сосѣдней комнатѣ также всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Причиной этого не могла быть ссора Эгберта съ Леникомъ, потому что ее видѣли только сидѣвшіе вблизи ихъ, и вѣроятно большинство присутствующихъ не обратили бы на нее никакого вниманія, если бы въ этотъ моментъ не раздался рѣзкій и протяжный свистъ на дворѣ.

— Полиція! — раздалось въ толпѣ.—Она вѣрно узнала, что тутъ дѣлается въ дальнихъ комнатахъ и разорить ихъ гнѣздо.

— Тутъ гдѣ нибудь спрятались заговорщики!

— Съ чего вы это взяли? Графъ Стадіонъ либеральный человѣкъ, ему не чудятся вездѣ заговоры и якобинцы, какъ нашему прежнему министру.

— Тихе, насъ могутъ услышать...

Разговаривая такимъ образомъ и передавая другъ другу свои соображенія, почтенные бюргеры столпились въ первой залѣ. Одни стояли по срединѣ комнаты, другіе бросились къ окнамъ, въ надеждѣ увидѣть любопытное зрѣлище ареста игроковъ или заговорщиковъ.

Анахарсисъ послѣшно надѣлъ свою шляпу. Онъ сразу прогрезвился и хотя не могъ еще вполне совладать со своими тѣлодвиженіями, но голова его была также свѣжа, какъ будто онъ не выпилъ ни одной рюмки.

— Ну какъ мнѣ не пожаловаться на судьбу,—сказалъ онъ со смѣхомъ Эгберту, медленно застегивая свой длинный сюртукъ. Мало того, что мнѣ пришлось потерять горсть имперіаловъ, меня еще вѣроятно запишутъ въ красную книгу вѣнсской полиціи. Вотъ видите молодой человѣкъ, какъ вознаграждается на свѣтѣ добродѣтель и воздержаніе. Но во всякомъ случаѣ я считаю за честь и удовольствіе, что познакомился съ вами.

Эгбертъ не имѣлъ ни времени, ни желанія отвѣчать на любезность француза и, оставивъ его съ Гуго, отошелъ отъ нихъ въ надеждѣ узнать что нибудь объ Армгартѣ. Между тѣмъ толпа все увеличива-

лась, такъ какъ публика нижняго этажа устремилась на верхъ, при первомъ извѣстїи объ арестѣ игроковъ.

Эгбертъ остановился въ нерѣшимости, машинально прислушиваясь къ говору толпы; но тутъ неожиданно увидѣлъ Цамбелли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Лицо его было также спокойно какъ всегда и не выражало ни малѣйшаго смущенія или заботы.

— Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ, шевадье, сказалъ Эгбертъ подходя къ нему.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Не можете ли вы сказать мнѣ гдѣ Армгартъ? Остался ли онъ съ игроками или вышелъ вмѣстѣ съ вами?

— Мнѣ очень трудно отвѣтить на вашъ вопросъ, потому что я не былъ тамъ, гдѣ вы предполагаете.

— Ради Бога говорите правду, шевадье. Дѣло идетъ о счастья и спокойствїи честнаго семейства.

— Я не думалъ нарушать ни того, ни другого.

— Къ чему эти увертки, шевадье? Вы отлично понимаете о чемъ я говорю. Я не выпущу васъ отсюда, пока вы не отвѣтите на мой вопросъ.

— И вы думаете, что это вамъ удастся? спросилъ презрительно Цамбелли.

— Не дальше какъ часъ тому назадъ вы обыграли вашего знакомаго Анахарсиса Лепикъ!..

— Значить и здѣсь у меня есть двойникъ какъ въ Гмунденѣ. Покойной ночи, я очень занятъ.

— Вы не желаете отвѣчать мнѣ?

— Напротивъ, очень желаю, возразилъ Цамбелли съ ударенїемъ. Я къ вашимъ услугамъ завтра, послѣ завтра, когда вамъ угодно только не теперь. Я не актеръ и не люблю выступать на сцену при многочисленной публикѣ.

Эгбертъ не счелъ возможнымъ удерживать долѣе Цамбелли, тѣмъ болѣе, что его помощь явилась бы слишкомъ поздно даже въ томъ случаѣ, еслибы Армгарту удалось ускользнуть изъ рукъ полиціи.

Внѣ себя отъ досады и безпокойства, Эгбертъ направился вмѣстѣ съ Гуго къ двери, выходившей на парадную лѣстницу.

Здѣсь поджидалъ его невзрачный человѣкъ небольшого роста, который повидимому уже давно стоялъ тутъ прислонившись къ стѣнѣ.

— Г-нъ Эгбертъ Геймвальдъ? спросилъ онъ вполголоса, слегка прикасаясь рукою къ его плечу, когда молодые люди поравнялись съ нимъ.

— Да меня зовутъ Геймвальдомъ; и я живу въ собственномъ домѣ на извѣстной вамъ улицѣ, отвѣтилъ онъ съ досадой, думая, что имѣетъ дѣло съ полицейскимъ, которому отданъ приказъ арестовать его.

Маленькій человекъ улынулся.

— Вы ошибаетесь относительно моихъ намѣреній, сказалъ онъ, — я надворный совѣтникъ Брауликъ. Не угодно ли вамъ слѣдовать за мной, но такъ чтобы не обратить общаго вниманія. Мой экипажъ ждетъ насъ внизу.

— Я готовъ, но мнѣ хотѣлось бы знать, куда мы поѣдемъ?

Надворный совѣтникъ поднялся на цыпочки и таинственно прошепталъ на ухо Эгберту.

— Я повезу васъ къ министру, графу Стадіону.

— Меня къ министру! воскликнулъ Эгбертъ, спускаясь съ лѣстницы съ своимъ провожатымъ.

— Его милость графъ Вольфсеггъ недавно говорилъ объ васъ съ министромъ. Если не ошибаюсь то по поводу этого замѣчательнаго происшествія, убійства французскаго путешественника...

— Ну старая исторія о сапогѣ Бурдона, подумалъ слѣдовавшій за ними Гуго—она положительно приноситъ намъ несчастье.

— Но разумѣется министръ приглашаетъ васъ къ себѣ въ такой поздній часъ не по этому дѣлу, сказалъ надворный совѣтникъ. Онъ желаетъ узнать о чемъ вы бесѣдовали сегодня вечеромъ съ секретаремъ французскаго посольства.

— Значитъ мы на каждомъ шагу окружены шпионами, подумалъ съ досадою Эгбертъ и обращаясь къ своему спутнику сказалъ:

— Г-нъ министръ вѣроятно извинитъ меня, если мои показанія далеко не будутъ имѣть того важнаго значенія, которое вы приписываете имъ; г-нъ Лепикъ не сообщалъ мнѣ никакихъ тайнъ.

— Мы съ вами не можемъ знать, что важно или не важно въ политикѣ, отвѣтилъ Брауликъ съ усмѣшкой—все зависитъ отъ окраски. Графъ рѣшитъ это лучше насъ.

Эгбертъ молча пожалъ руку своему пріятелю, садясь рядомъ съ надворнымъ совѣтникомъ въ экипажъ, стоявшій въ тѣни у церковной ограды.

Гуго, оставшись одинъ, былъ въ сильномъ недоумѣннн. Конечно онъ окажетъ услугу своему пріятелю, постаравшись узнать что нибудь о судьбѣ несчастнаго Армгарта; но какъ это сдѣлать, не навлекая на себя подозрѣннн въ соучастннн и не повредивъ дѣлу? Если секретарю удалось вырваться изъ рукъ полиціи, то онъ можетъ погубить его своими распросами...

Не зная на что рѣшиться, Гуго ходилъ взадъ и впередъ передъ гостинницей въ надеждѣ услышать что нибудь отъ выходящей толпы. Но ему не долго пришлось прогуливаться, потому что онъ вскорѣ увидѣлъ самого секретаря, который пробѣжалъ мимо него какъ помѣшанный со всеми признаками испуга и отчаяннн. Воображеннн Гуго представился образъ несчастнаго игрока, который ищетъ исхода своему несчастнн въ самоубннствѣ; но онъ утѣшалъ себя мыслью, что Армгартъ выберетъ для себя самый медленный, но любимый способъ бургеровъ лишать себя жизни повѣшенннемъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ занимавшій его вопросъ, Гуго пустился бѣжать за шмыгающей впередъ тѣнью, не смотря на то, что его безпрестанно задерживали попадавшіеся на встрѣчу экипажи и пѣшеходы.

Несчастный секретарь летѣлъ опрометью, не смотря на свои годы, и нѣсколько разъ сворачивалъ съ дороги, какъ будто чувствуя, что его преслѣдуютъ, но Гуго все таки нагналъ его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Schottenthor и схватилъ за руку.

— Ну, гнался-же я за вами, почтеннѣйшій, какъ будто на охотѣ! сказалъ Гуго.—Если бы наша знать еще содержала скороходовъ, то это была бы отличная должность для насъ обоихъ.

Лицо секретаря исказилось отъ ужаса. Онъ хотѣлъ вырваться изъ рукъ Гуго, но тотъ удержалъ его.

— Хотя разумѣется вы лучше меня знаете городъ, продолжалъ Гуго, но мнѣ кажется мы идеть дальной дорогой.

— Оставьте меня въ покоѣ, милостивый государь. Я сдѣлаю одинъ вернуться домой.

— Вы-можеть быть, но не я. Вы или Эгбертъ должны сопровождать меня, и довести до дому. Но такъ такъ Эгбертъ отправился къ министру...

— Какой бѣсъ овладѣлъ вами?

— Я только что хотѣлъ сдѣлать вамъ тотъ-же вопросъ. Но успокойтесь, г-нъ секретарь, намъ все извѣстно, мы сами съ Эгбертомъ были сегодня вечеромъ въ гостинницѣ „Kugel“...

— Ради всѣхъ святыхъ, не говорите объ этомъ,—прервалъ секретарь, боязливо оглядываясь.

— И удивляемся только одному, продолжалъ Гуго невозмутимымъ голосомъ, что вы спасены и на свободѣ.

— На одну только ночь! отвѣтилъ Армгартъ, подавляя стонъ.—Прочь!... Все кончено! Сжальтесь, отпустите меня; Дунай не далеко!.. Моя бѣдная жена... Скажите Эгберту...

— Почему вы сами не хотите сказать ему, что проиграли нѣсколько сотъ гульденовъ?

— Я опозоренъ. Мое имя записано въ полицейскихъ книгахъ...

— Васъ вѣроятно накрыли во время игры и записали ваше имя?

— Полиція доискивалась не одной только игры въ фараонъ.

— Но вѣдь обыскъ произведенъ не въ нашемъ домѣ! Получите строгій выговоръ и только. Выговоръ спрячте въ карманъ; Эгбертъ заплатитъ ваши игорные долги, а у начальства похлопочеть графъ Вольфсеггъ.

Послѣдняя фраза казалось еще больше увеличила отчаяніе секретаря.

— Ради Бога, не задерживайте меня! проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Только моя смерть можеть все загладить. Неужели вы хотите быть моимъ палачемъ?

— Ну, видно дѣло серьезнѣе, чѣмъ я предполагалъ, сказалъ Гуго. Тутъ еще что-то кроется...

Армгартъ дико засмѣялся.

— Времени осталось немного, сказалъ онъ. Завтра меня арестуютъ и тогда—*Ça ira! A la lanterne!* Не лучше ли мнѣ самому покончить съ собой?

— Вы боитесь завтрашняго дня, отвѣтилъ Гуго, обдумывая что-то.—До утра еще цѣлыхъ восемь часовъ, а вы австрійцы медленный народъ.

Мимо нихъ проѣхалъ наемный экипажъ.

Гуго позвалъ извозчика.

— Не угодно ли, г-нъ секретарь, мы съ вами достаточно путешествовали пѣшкомъ.

Армгартъ машинально послѣдовалъ приглашенію и сѣлъ въ экипажъ рядомъ съ Гуго.

— Ну, живѣе! крикнулъ Гуго извозчику, получишь золотой, когда пріѣдемъ на мѣсто.

ГЛАВА IV.

— Кому это нужно видѣть меня въ такую пору! проговорила съ досадой маркиза Гондревиль.—Видно эта фрейлейнъ не получила никакого воспитанія или меня принимаетъ за горничную.

Маркиза только что сѣла за столъ съ своей дочерью и принялась за утренній шоколадъ, когда вошелъ слуга съ докладомъ, что какая-то фрейлейнъ желаетъ говорить съ нею. Маркиза всегда впадала въ раздражительное состояніе духа, когда мѣшали ея утреннему завтраку, а тутъ еще примѣшалось то соображеніе, что она не такъ одѣта чтобы принять дѣвушку бюргерскаго сословія. Объясняя французскую революцію ослабленіемъ этикета и приличій, Леопольдина не желала распространять въ Вѣнѣ дурной образъ мыслей своимъ появленіемъ въ домашнемъ туалетѣ передъ людьми, стоявшими ниже ея по своему общественному положенію. Вдобавокъ, ее мучили и другія заботы. Необходимо было все приготовить къ званному вечеру, который былъ назначенъ въ этотъ же день, тѣмъ болѣе, что въ числѣ другихъ гостей ожидали посѣщенія одного изъ эрцгерцоговъ.

— Я прикажу отказать этой дѣвушкѣ, сказала маркиза. Бѣда не велика, пусть прійдетъ въ другой разъ. Это вѣроятно дочь какого-нибудь отставнаго чиновника съ просьбой о вспоможеніи.

— Развѣ она не сказала своей фамиліи? спросила Антуанета?

— Какъ же, ваше сіятельство—отвѣтилъ слуга. Она назвала себя Армгартъ.

Маркиза поставила свою чашку на столъ. Она была такъ удивлена, что у ней едва не вырвалось весьма неместное восклицаніе для неожиданной посѣтительницы; но Антуанета успѣла во время остановить ее. Она бросила на мать многозначительный взглядъ и сказала слугѣ:

— Проводите фрейлейнъ Армгартъ въ мою комнату. Маркиза занята, а я готова принять ее.

Слуга удалился.

— Какъ—ты хочешь принять ее! воскликнула маркиза, багровѣя отъ гнѣва. Развѣ можешь ты имѣть дѣло съ подобною тварью! Какъ смѣешь она войти въ нашъ домъ!

— Не забудьте что это домъ графа. Если она прямо обращается къ намъ, то это лучшее доказательство, что ваше подозрѣніе не имѣетъ никакого основанія.

— Можетъ быть она заранѣе сговорила съ нимъ и наша роль будетъ самая незавидная.

— Мы узнаемъ это черезъ нѣсколько минутъ, сказала Антуанета, поднимаясь съ своего мѣста.

Для молодой графини было своего рода торжествомъ, что дѣвушка, къ которой дядя ея чувствовалъ такую очевидную привязанность, является къ ней въ видѣ просительницы. Она сама хотѣла сдѣлать первый шагъ къ знакомству, отчасти изъ любопытства и главнымъ образомъ изъ ревности, но теперь счастливая случайность избавляла ее отъ поступка, который былъ тяжелой жертвой для ея самолюбія.

Еслибы Магдалена была спокойнѣе духомъ и глаза ея не были отуманены отъ слезъ, то она вѣроятно была бы непріятно поражена тѣмъ взглядомъ, который бросила на нее молодая графиня входя въ комнату. Отзывъ Цамбелли о красотѣ дочери секретаря возбудилъ зависть Антуанеты, которая не выносила похвалъ чужой красотѣ, тѣмъ болѣе, что шевалье осмѣлился дѣлать между ними сравненіе.

— Я красивѣе ее, подумала графиня, вглядываясь въ милостивыя, но далеко не правильныя черты посѣтительницы; и лицо ея опять приняло то идеальное выраженіе спокойствія, которымъ такъ восхитился Эгбертъ при первой встрѣчѣ съ нею.

Она придвинула кресло своей гостьѣ и, замѣтивъ, что глаза ея полны слезъ, спросила о причинѣ ея горя. Простой и правдивый рассказъ молодой дѣвушки глубоко тронулъ Антуанету, такъ что незамѣтно для нея самой холодный и офиціальныи тонъ, съ которымъ она приняла ее, перешелъ въ ласковый и задушевный.

Магдалена пришла къ нимъ просить ихъ заступничества у графа. Отецъ ея не возвращался домой со вчерашняго вечера и до нихъ дошли самыя дурныя вѣсти. Одно изъ двухъ, или его заключили въ тюрьму за какое-то преступленіе, или онъ рѣшился на самоубійство. Часъ тому назадъ у нихъ въ домѣ сдѣланъ обыскъ; чиновники захватили всѣ его бумаги и запечатали кабинетъ.

— Матушка сама хотѣла обратиться къ графу, добавила Магда-

лена;—онъ всегда былъ милостивъ къ намъ, но отъ горя и безпокойства она слегла въ постель. Это придадо мнѣ смѣлости обратиться къ вамъ и къ маркизѣ, въ надеждѣ, что вы не откажете передать нашу просьбу графу.

— Я сейчасъ пошлю за дядей, отвѣтила съ живостью Антуанета, которая чувствовала теперь искреннее расположеніе къ своей мнимой соперницѣ и отъ всего сердца готова была помочь ей.

Она взялась за звонокъ, чтобы позвать слугу, но въ этотъ моментъ графъ неожиданно вошелъ въ комнату.

Антуанета измѣнилась въ лицѣ. Въ ней опять заговорила ревность.—Онъ пришелъ къ ней, а не къ тебѣ—подумала она. Это подозрѣніе еще больше усилилось, когда Антуанета увидѣла нѣжный и озабоченный взглядъ, который графъ бросилъ на Магдалену.

— Что съ тобой, что съ вами фрейлейнъ Армгартъ? сказалъ онъ, подходя къ ней,—не случилось ли чего особеннаго?

Затѣмъ обратившись къ своей племянницѣ, онъ добавилъ:

— Я очень благодаренъ тебѣ Антуанета, что ты ласково приняла это бѣдное дитя. Ты сдѣлала мнѣ этимъ большое одолженіе...

Графъ говорилъ торопливо, взволнованнымъ голосомъ и слушая рассказъ Магдалены закрылъ на секунду лицо обѣими руками.

— Печальное извѣстіе, сказалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, причеиъ лицо его опять приняло обычное выраженіе спокойствія и увѣренности. Но не пугайтесь и не унывайте моя дорогая фрейлейнъ. Я убѣжденъ, что Армгартъ не совершилъ никакого преступленія и что власти принимаютъ болѣе серьезныя и строгія мѣры, чѣмъ слѣдуетъ... Также нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы отецъ вашъ рѣшился на самоубійство, онъ слишкомъ благоразумный человекъ. Ну, а что дѣлаетъ Геймвальдъ, гдѣ онъ?

— Вы знаете его, графъ, отвѣтила краснѣя Магдалена. Онъ принялъ въ насъ самое живое участіе, все время присутствовалъ при обыскѣ вмѣсто матери и теперь пошелъ искать отца.

— Да, это странствующій рыцарь въ полномъ смыслѣ этого слова, сказалъ графъ. Ты не даромъ прозвала его такъ Антуанета.

Слова эти наполнили ужасомъ сердце Магдалены. Она съ невольнымъ испугомъ взглянула на молодую графиню.—Эгбертъ знакомъ съ этой блестящей красавицей и нравится ей, подумала съ отчаяніемъ молодая дѣвушка.—Развѣ ты можешь сравниться съ нею!..

— Что съ вами? спросилъ графъ, взявъ ея за руку. Отчего вы такъ поблѣднѣли? Вы не должны терять головы мое милое дитя. Рано или поздно каждаго изъ насъ постигаютъ бури. Я сейчасъ поѣду къ министру и узнаю въ чемъ обвиняютъ вашего отца. Скажите пожалуйста, вы не замѣчали въ немъ никакой переиѣны въ послѣднее время?

Магдалена не могла припомнить ни одного опредѣленнаго факта кромѣ того, что отецъ казался ей измученнымъ отъ усиленной работы.

При этомъ она вспомнила посѣщеніе Цамбелли и замѣтила, что разговоръ съ нимъ сильнѣе взволновалъ отца, нежели можно было ожидать.

Антуанета быстро отвернулась къ окну при этихъ словахъ, а графъ воскликнулъ съ досадой:

— Жаль, что я раньше не зналъ этого. Я не подозрѣвалъ, что онъ былъ у васъ. Гдѣ замѣшается этотъ проклятый итальянецъ тамъ не жди добра!

Сказавъ это, графъ тотчасъ же раскаялся въ своей горячности, замѣтивъ испугъ Магдалены.

— Идите домой, милое дитя мое, сказалъ онъ ей ласковымъ голосомъ.— Не плачьте. Можетъ быть Геймвальдъ принесетъ вамъ хорошія извѣстія. Передайте ему, что я надѣюсь увидѣть его сегодня вечеромъ у насъ. При этомъ графъ Вольфсеггъ съ смущеніемъ взглянулъ на свою племянницу, какъ будто хотѣлъ просить ее о чемъ-то и не рѣшался.

Антуанета невольно улыбнулась, угадавъ его желаніе.

— Оставьте насъ вдвоемъ дядя, сказала она. Вы только пугаете фрейлейнъ Армгартъ своими вопросами. Пусть она успокоится и я сама провожу ее домой въ нашей каретѣ.

— Ты, ангелъ, отвѣтилъ ей шути графъ и, обратившись къ Магдаленѣ добавилъ:— вы видите ей невозможно сопротивляться. До свиданія. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее чтобы выручить Армгарта изъ бѣды.

Антуанета, взявъ на свое попеченіе молодую дѣвушку и задавшись мыслью утѣшить ее, помимо своей воли преслѣдовала другую затаенную цѣль. Она надѣялась изъ дружескаго разговора съ своей сверстницей узнать ея отношенія къ графу и Цамбелли и разрѣшить такимъ образомъ мучившіе ее вопросы. Она сознательно не стремилась къ этому, не прибѣгала къ искусственно льстивымъ рѣчамъ чтобы опутать незлобивую дѣвушку и заслужить ея довѣрія. Все сдѣлалось какъ-бы само собою. Магдалена въ простотѣ душевной откровенно рассказала молодой графинѣ свое недолгое прошлое и открыла ей всѣ помыслы своего сердца. Оно было также чисто и прозрачно какъ горный источникъ, въ которомъ отражается голубое небо и солнце. Проницательный взглядъ Антуанеты увидѣлъ на днѣ его только одно изображеніе—это образъ бѣлокурого Эгберта.

Проводивъ Магдалену и возвращаясь одна въ каретѣ, молодая графиня улыбалась припоминая свои недавнія сомнѣнія. Какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? спрашивала она себя. Магдалена должна была полюбить его живя съ нимъ въ одномъ домѣ и видясь ежевнѣвно... Если она боится, что ея рыцарь влюбится въ меня, то я сегодня же вечеромъ скажу ему, что взяла Магдалену подъ мое покровительство и что онъ не долженъ подавать ей повода къ огорченію.

Относительно графа, Антуанета также окончательно успокоилась. Она была теперь увѣрена, что между имъ и Магдаленой не было и

тѣни вѣжныхъ отношеній и скорѣе можно было предполагать, что онъ покровительствуетъ ея сближенію съ Эгбертомъ. Но для Антуанеты оставалась загадкой причина дружбы графа съ Армгартами. Она даже задала себѣ вопросъ: не былъ ли когда-нибудь ея дядя въ связи съ женой Армгарта, но тотчасъ-же отказалась отъ этой мысли. Если бы это было въ дѣйствительности, то графъ вѣроятно не выказывалъ бы такъ явно своего расположенія и супруги Армгартъ не жили бы такъ дружно! Отчего это мы такъ склонны, спрашивала себя Антуанета, отыскивать дурной поводъ въ дѣйствіяхъ, которыхъ мы не можемъ себѣ объяснить? Графъ вознаграждаетъ дочь за вѣрную службу отца; онъ заботился объ ея воспитаніи и привязавшись къ ней восхищается ея красотой и миловидностью. Онъ благородный и великодушный человекъ, а мы на столько злы и мелочны, что приписываемъ ему разныя слабости и судимъ объ его нравственной высотѣ по жалкимъ свойствамъ другихъ людей.

Антуанета была счастлива одной мыслью, что человекъ, котораго она уважала больше всего на свѣтѣ, стоитъ внѣ порицанія. Въ порывѣ увлеченія она готова была отказаться отъ честолюбивыхъ мечтаній чтобы остаться около него и покорно служить ему. Въ томъ же настроеніи духа вышла она къ многочисленному обществу, которое собралось въ этотъ вечеръ въ ихъ домѣ. Она хотѣла сказать Цамбелли: Ты ошибся, я могу довольствоваться скромною участью, которая выпала мнѣ на долю и ничто не влечетъ меня въ тотъ блестящій и обманчивый міръ, который ты рисовалъ мнѣ такими яркими красками.

Но шевалье не былъ въ числѣ гостей. Въ другое время отсутствіе незначительнаго дворянина вѣроятно прошло бы незамѣченнымъ въ этомъ избранномъ обществѣ, гдѣ были представители столькихъ знатныхъ фамилій австрійскаго дворянства, военнаго и дипломатическаго міра и такое множество красивыхъ женщинъ. Но теперь большинство присутствующихъ нетерпѣливо ожидало появленія Цамбелли и взгляды пожилыхъ мужчинъ обращались на створчатыя двери всякій разъ, когда они открывались для новаго гостя. Такимъ вниманіемъ Цамбелли былъ обязанъ тому обстоятельству, что внезапное исчезновеніе Армгарта и обыскъ въ гостинницѣ „Kugel“ одинаково интересовали всѣхъ и многимъ было извѣстно, что секретарь французскаго посольства Леникъ и Цамбелли были усердными посѣтителями гостинницы.

Графъ проходилъ между группами гостей, знакомя ихъ другъ съ другомъ, раскланивался съ одними, заговаривалъ съ другими.

— А что наше пари, Пухгеймъ? сказалъ онъ барону, — шевалье не является.

Баронъ хотѣлъ задержать его въ надеждѣ получить отъ него какіянибудь новыя свѣдѣнія, но Вольфсеггъ былъ уже на другомъ концѣ залы.

— Не сообщили ли вамъ графъ чегонибудь важнаго? спросилъ барона стоявшій возлѣ него господинъ.

— Нѣтъ онъ только сказалъ, что нашему голубятнику грозитъ опасность.

— Какія у васъ странныя сравненія Пухгеймъ. Ужъ не Австрію ли вы величаете такимъ образомъ?

— Разумѣется, и теперь въ голубятникѣ большой переполохъ потому что надъ нимъ носится орель...

Появленіе эрцгерцога Максимилиана сразу прекратило всѣ разговоры, такъ что въ залахъ на нѣсколько минутъ водворилось мертвое молчаніе. Но вслѣдъ затѣмъ заиграла музыка и все общество радостно привѣтствовало почетнаго гостя, который въ это время пользовался большою популярностью въ Австріи. Это былъ братъ императрицы Маріи Луизы, дочери Моденскаго эрцгерцога Фердинанда, который не менѣе сестры своей ненавидѣлъ Францію и, открыто придерживаясь партіи войны, былъ воодушевленъ желаніемъ заслужить тѣ же лавры, какъ и его родственникъ, Карлъ побѣдитель при Моро.

То-же воинственное настроеніе охватило тогда всю Австрію и никогда еще партія войны не была такъ сильна какъ въ это время. Императоръ, все его семейство, дворъ и войско не могли забыть постыднаго пораженія при Маренго и Ульмѣ; дворянство ненавидѣло революціонную Францію и Бонапарта, порожденіе той-же революціи: народъ проклиналъ гнетъ и владычество французовъ. Всѣхъ болѣе или менѣе воодушевляло сознаніе своей нѣмецкой національности и мечта объ образованіи такого-же могущественнаго австрійскаго государства какъ въ былыя времена. Для правительственныхъ лицъ вопросъ заключался въ перевѣсѣ власти въ Германіи; для народа желательно было его объединеніе съ другими нѣмецкими племенами.

Напряженное состояніе умовъ сказывалось даже въ настроеніи праздничной толпы, наполнявшей великолѣпныя залы графа Вольфсегга и въ разговорахъ, которые преимущественно вращались около политики.

Эгбертъ былъ новичкомъ въ этомъ обществѣ и не раздѣлялъ его интересовъ; для него существовала только внѣшняя сторона этой жизни, которая производила на него чарующее впечатлѣніе. Роскошная обстановка аристократическаго вечера была для него такимъ непривычнымъ зрѣлищемъ, что онъ не могъ прійти въ себя отъ восторга. Огромная зала сіяла сотнями свѣчей, которыя казались еще многочисленнѣе отражаясь въ зеркалахъ и на хрусталѣ люстръ; ярко блестя богатая позолота на стѣнахъ и на пестромъ расписанномъ потолкѣ. Въ углахъ залы были устроены бесѣдки изъ дорогихъ растений; тераса цвѣтовъ скрывала музыкантовъ, игравшихъ на эстрадѣ, придавая залѣ видъ какого то волшебнаго сада. Звуки музыки постепенно замирая перешли въ тихую, чуть слышную мелодію, которая не мѣшая разговорамъ, гармонически аккомпанировала имъ, какъ гѣніе Аріэли.

Много дурнаго приписывала молва австрійскому дворянству и

высшему вѣнскому обществу; не мало обвиненій противъ нихъ слышала Эгбертъ отъ своего покойнаго отца, который горячо возставалъ противъ празднаго существованія, гдѣ конечною цѣлью являлось одно наслажденіе. Но это предубѣжденіе тотчасъ же исчезло, когда Эгбертъ очутился въ высшей сферѣ,—какъ иронически называлъ Гуго большой свѣтъ—который и во снѣ не представлялся мечтательному юношѣ такимъ прекраснымъ какимъ онъ нашелъ его въ этотъ вечеръ. Онъ не въ состояніи былъ критически относиться къ этому привлекательному міру, гдѣ все отуманивало его и дѣйствовало на его воображеніе. Опьяненіе было слишкомъ сильно; какая то невидимая рука влекла его впередъ. Но куда? онъ не въ состояніи былъ дать себѣ въ этомъ отчетъ и въ этой неопредѣленности была своего рода поэзія. Съ другой стороны онъ испытывалъ нѣкоторое довольство, что и здѣсь избранное общество отнеслось къ нему, простому малоизвѣстному бюргеру съ тою же любезностью, которая поразила его при первомъ его появленіи въ замкѣ графа Вольфсегга. Онъ видѣлъ, что мужчины тѣснились около него, внимательно выслушивая каждое слово, что дамы дружелюбно улыбались ему; но ему и въ голову не приходило, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ хозяину дома, который счелъ нужнымъ сообщить своимъ гостямъ, что Эгберта Геймвальда вчера призывалъ министръ и бесѣдовалъ съ нимъ до полуночи. Такимъ образомъ неожиданно для него самого, Эгбертъ превратился въ важнаго политическаго дѣятеля; одни смотрѣли на него, какъ на лицо, пользующееся довѣріемъ министра, съ которымъ слѣдуетъ познакомиться на всякій случай; для другихъ онъ представлялъ интересъ какъ человѣкъ, имѣющій подробныя свѣдѣнія о таинственныхъ происшествіяхъ прошлой ночи, и отъ котораго можно будетъ узнать много любопытнаго.

Почетъ, которымъ пользовался Эгбертъ среди гостей графа Вольфсегга, отозвался до извѣстной степени и на его другѣ Гуго. Максъ Ауерспергъ не разставался съ нимъ и представилъ его своимъ молодымъ друзьямъ, какъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ артистовъ сѣверной Германіи, ученика и соперника великаго Иффланда. Все это было сказано такимъ увѣреннымъ тономъ, что Гуго не могъ дать себѣ отчета: долженъ ли онъ самъ считать за дурака своего покровителя или тотъ обходится съ нимъ какъ съ дуракомъ. Но послѣднее оказалось несправедливымъ, потому что Ауерспергъ видимо гордился имъ и прогуливаясь съ нимъ по залѣ имѣлъ такой довольный видъ, какъ будто-бы велъ подъ руку какую нибудь красавицу. Гуго пустился было съ нимъ въ философскія разсужденія, но скоро долженъ былъ перейти на болѣе легкую тему разговора, потому что молодой аристократъ не отличался, ни быстрымъ пониманіемъ, ни особеннымъ богатствомъ научныхъ свѣдѣній.

Между тѣмъ Эгбертъ, воспользовавшись удобной минутой, когда все общество устремилось на встрѣчу эрцгерцогу, пропелъ въ сосѣд-

нія комнаты. Здѣсь все было пусто. Игроки бросили свои карты, чтобы насладиться лицезрѣніемъ высокопоставленной особы. Молчаливо стояли по угламъ кресла и диваны при кроткомъ освѣщеніи лампъ, какъ будто нарочно приготовленныя для любителей уединенія или для нѣжныхъ объясненій. Чуть слышно доносились звуки музыки. Эгбертъ не могъ понять, что заставляло всѣхъ этихъ людей выказывать такое раболѣпное поклоненіе эрцгерцогу, который былъ такъ далекъ отъ того идеала, который онъ составилъ себѣ о государственномъ мужѣ и полководцѣ, забывая, что въ данномъ случаѣ окружающее его общество было поставлено въ совершенно исключительныя условія. Въ качествѣ бюргера онъ никогда не приближался ни къ одному изъ великихъ міра сего и не испыталъ того неизбежнаго обаянія, которое они оказываютъ на людей близко стоящихъ къ нимъ. Какъ вѣрно-подапный, Эгбертъ чувствовалъ уваженіе къ одному императору и только одинъ Бонапартъ казался ему достойнымъ поклоненія.

Но всѣ эти размышленія не долго занимали Эгберта и болѣе пріятныя мысли смѣнили ихъ. Онъ сѣлъ на одно изъ креселъ и машинально слѣдилъ за женскими фигурами, которыя медленно двигались взадъ и впередъ по залѣ. На этомъ разстояніи онѣ казались особенно эффектными и воздушными въ своихъ легкихъ нарядахъ на яркомъ фонѣ бальнаго освѣщенія. Тихая музыка еще болѣе увеличивала очарованіе волшебной картины. Эгберту казалось что онъ видитъ сонъ.

— Вотъ куда вы удалились, г-нъ Геймвальдъ, сказала ему Антуанета, садясь возлѣ него. Посмотрѣли бы вы на своего пріятели. Пока вы сидѣли тутъ, онъ уже успѣлъ сдружиться съ кузеномъ Максомъ и съ молодыми офицерами и вступить съ ними въ братство по оружію. Между Пруссіей и Австріей заключенъ союзъ.

— Онъ будетъ нарушенъ, когда представитель Пруссіи поступитъ на сцену, отвѣтилъ Эгбертъ, смущенный неожиданнымъ появленіемъ молодой графини.

— Желала бы я знать причину вашего бѣгства, сказала Антуанета. Неужели вы такъ соскучились въ нашемъ обществѣ?

— Я смотрѣлъ на него издали, и это доставило мнѣ своего рода наслажденіе.

— Позвольте вамъ замѣтить, г-нъ Геймвальдъ, что это весьма странный и эгоистическій способъ наслажденія. Общество имѣетъ на васъ извѣстныя права, а вы удаляетесь отъ него. Если люди будутъ служить другъ для друга только предметомъ для наблюденія или насмѣшекъ, то совмѣстная жизнь сдѣлается невозможною. Неужели вы не признаете, что каждый изъ насъ долженъ служить обществу своимъ умомъ и знаніями?

— Несомнѣнно, но я не думаю, что бы моя бесѣда могла принести какую бы то ни было пользу.

— Вы забываете что униженіе паче гордости, г-нъ Геймвальдъ. Я читала когда то объ одномъ греческомъ философѣ, который гово-

рилъ, что хотя и существуютъ боги, но они сидятъ сложа руки и только посмѣиваются глядя на міръ и людскія страданія. Вы своего рода олимпіецъ, если не совсѣмъ, то въ значительной степени.

— Изъ вашихъ словъ выходитъ, графиня, что я еще не вполне достигъ олимпійскаго спокойствія, а передъ этимъ вы доказывали мнѣ, что я не годенъ для жизни въ обществѣ. Если я одинаково отсталъ отъ неба и земли, то слѣдовательно я обрѣтаюсь въ промежуточномъ пространствѣ. Можетъ быть вы и правы. Мною часто овладѣваетъ какое то странное чувство отчужденности и полного одиночества. Я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: сколько людей стремятся къ той же цѣли, что и ты, находятся съ тобой повидимому въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, а между тѣмъ какъ далеко ты отъ нихъ и они отъ тебя.

— Да, тѣ люди, которые не представляютъ для насъ никакого интереса или равнодушно относятся къ намъ, но не друзья наши. Я настолько тщеславна, что рѣшаюсь причислять себя и моего дядю къ числу вашихъ друзей.

— Графъ Вольфсеггъ врядъ ли имѣетъ болѣе горячаго почитателя и преданнаго ученика, чѣмъ я, если только мнѣ дозволено будетъ выразиться такимъ образомъ. Но кто изъ насъ можетъ сказать, что вполне знаетъ другаго человѣка и читаетъ въ его душѣ какъ въ своей собственной? Неужели я осмѣлюсь думать, что знаю нашего дядю и вполне понялъ его? Не будетъ ли это такимъ же самообольщеніемъ какъ лепетъ ребенка, который воображаетъ, что онъ говоритъ, потому что чувствуетъ потребность сообщаться. А при такихъ условіяхъ возможна ли дружба въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее? Наконецъ, между мною и графомъ Вольфсеггъ, а также и вами, графиня, существуетъ цѣлая пропасть — разница нашего общественнаго положенія...

— Я назову вамъ другое лицо, гдѣ нѣтъ этой пропасти, какъ вы ее называете, и которое безгранично предано вамъ, какъ я имѣла случай убѣдиться въ этомъ... Неужели вы не считаете фрейлейнъ Армгартъ въ числѣ своихъ друзей!

— Вы были такъ добры графиня къ этой бѣдной дѣвушкѣ, отвѣтилъ Эгбертъ краснѣя и съ видимымъ желаніемъ перемѣнить разговоръ.

Антуанета тотчасъ же замѣтила это и поспѣшила вывести изъ затрудненія своего собесѣдника.

— Да, я имѣла удовольствіе познакомиться съ нею сего дня утромъ, сказала она. Надѣюсь вы принесли ей хорошія извѣстія объ ея отцѣ?

Эгбертъ былъ въ нерѣшимости. Онъ не хотѣлъ лгать и въ то же время не считалъ себя въ правѣ выдать чужую тайну.

— Извините меня, сказала Антуанета, понявъ причину его молчанія. Я сдѣлала нелѣпый вопросъ.

— Я могу только сказать вамъ, что Армгартъ живъ, отвѣтилъ поспѣшно Эгбертъ, такъ какъ въ дверяхъ показалась величественная фигура графа Вольфсегга. Онъ искалъ Антуанету и увидя ее подо- звалъ къ себѣ.

Эгбертъ послѣдовалъ за ними въ залъ, куда за минуту передъ тѣмъ вошелъ графъ Филиппъ Стадіонъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ со- рока, аристократической наружности и съ самыми изящными мане- рами. Въ профиль онъ представлялъ поразительное сходство съ им- ператоромъ Іосифомъ II; у него были тѣ же очертанія лица, тотъ-же блескъ голубыхъ глазъ и красивый, смѣло очерченный лобъ. Обойдя залу и поровнявшись съ Эгбертомъ графъ съ улыбкой подалъ ему руку и сказалъ:

— Позвольте еще разъ поблагодарить, васъ г-нъ Геймвальдъ; ваши догадки оказались совершенно справедливыми. Благодаря вамъ, намъ удалось во время принять мѣры и все уладить.

— Неужели? спросилъ съ сомнѣніемъ Вольфсеггъ, взявъ подъ руку графа Стадіона и отходя съ нимъ къ стѣнной нишѣ, гдѣ на порфировой подставкѣ стоялъ мраморный бюстъ Іосифа II, освѣщен- ный кандебрами.

— Все сдѣлано, насколько возможно было поправить ошибку, от- вѣтилъ графъ Стадіонъ. По обыкновенію полиція явилась слишкомъ поздно. Эти господа говорятъ, что Цамбелли ускользнулъ какимъ то чудомъ, а я полагаю по ихъ небрежности. Мы вѣроятно ничего бы не узнали, если бы надворный совѣтникъ Брауликъ не обратилъ вни- манія на продолжительный разговоръ вашего protégé съ секретаремъ французскаго посольства и не догадался привести ко мнѣ молодого человѣка.

— Какъ вы нашли Эгберта, ваше высокопревосходительство?

— Совершенно такъ; какъ вы мнѣ его описали. Это крайне увлека- ющійся и откровенный юноша. Только онъ показался мнѣ гораздо разсудительнѣе и провицательнѣе, нежели я ожидалъ. Лепикъ подъ вліяніемъ хмѣля немного проболтался принявъ Геймвальда за глупо- ватаго матушкинаго сына. Геймвальдъ понялъ изъ его словъ, что проигрался не одинъ Лепикъ и что кто то изъ нашихъ оказался измѣнникомъ. Онъ подозрѣваетъ, что Цамбелли сообщена важная тайна.

— Пойманъ ли шевалье?

— Пока нѣтъ. Вѣроятно онъ выѣхалъ сегодня рано утромъ изъ Вѣны и ускакалъ въ Парижъ.

— Въ Парижъ?

— Да, я убѣжденъ въ этомъ. Оттуда Цамбелли отправится въ Бур- гось или Мадритъ къ Наполеону. Бумага, которая въ его рукахъ, настолько важна, что онъ разумѣется употребитъ всѣ усилія чтобы передать ее въ руки самому императору.

— Слѣдовательно всѣ наши планы опять разрушены! сказалъ Вольфсеггъ.

Графъ Стадіонъ нахмурилъ брови.

— Я не придаю этому особеннаго значенія. Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ все равно узналъ бы объ этомъ. Вся Австрія и Германія наводнены его шпионами. Я лично вѣрю въ фанатизмъ. Теперь дѣло идетъ о свободѣ Европы или всемірномъ владычествѣ единичной личности. Въ такой борьбѣ какой нибудь частный случай не имѣетъ никакого значенія. Кстати, я вамъ еще не сообщилъ какая именно бумага попала въ руки Цамбелли. Это шифрованное письмо къ Вессенбергу, нашему посланнику при прусскомъ дворѣ, въ которомъ я сообщалъ ему о нашихъ приготовленіяхъ къ войнѣ, союзъ съ Англіей и убѣждалъ его склонить Пруссію на нашу сторону, такъ какъ въ мартѣ будущаго года мы намѣрены выступить въ походъ.

— Это будутъ мартовскія Иды! На этотъ разъ мы увидимъ не паденіе цесаря, а смерть Брута.

— Трудно знать заранѣе будущее. Во всякомъ случаѣ Германія будетъ всегда тѣмъ же пугаломъ для Наполеона, какимъ былъ Прометей для Юпитера. Онъ могъ побѣдить насъ, пока мы дѣйствовали врозь, но теперь правительство, дворянство и народъ соединились воедино въ виду общей опасности. Но вы опечалены и въ дурномъ расположеніи духа; и потому придаете этому случаю больше значенія, чѣмъ бы слѣдовало.

— Не обращайтесь на это вниманіе, ваше высокопревосходительство. Къ несчастью я слишкомъ скоро поддаюсь первому впечатлѣнію! Это письмо вѣроятно было въ рукахъ Армгарта?

— Да, онъ долженъ былъ списать его, но вмѣсто одной онъ снялъ двѣ копіи. Одна изъ нихъ въ рукахъ Цамбелли и онъ отправился съ нею къ Наполеону въ надеждѣ, что наша полиція не успѣетъ его арестовать въ предѣлахъ Австріи. На всякій случай я отправилъ сегодня ночью курьера къ Меттерниху съ извѣстіемъ о случившемся. Ему придется заявить, что денеша подложная. Разумѣется этимъ дѣла не поправишь, но для насъ нѣтъ иного исхода. Все зависитъ отъ того положенія въ которомъ это извѣстіе застанетъ Наполеона. Если ему не удалось побить англичанъ и подавить возстаніе въ Испаніи, тогда...

— Не имѣете ли вы какихъ нибудь новыхъ извѣстій изъ Испаніи?

— Нѣтъ, до насъ дошли только слухи, что Бонапартъ перешелъ испанскую границу въ первыхъ числахъ этого мѣсяца и направился къ Бургосу. Но что намъ за дѣло до всего этого! Мы защищаемъ наше отечество, свободу и честь Германіи. Мы уже не можемъ отступить назадъ. Въ Австріи еще довольно людей и лошадей; достаточно одного мановенія мощной руки, чтобы изъ земли выросли вооруженные легіоны!

— Мощной руки! повторилъ многозначительно Вольфсеггъ.—Но развѣ можно ожидать чего либо подобнаго отъ императора Франца? Онъ всегда готовъ вести войну, но подъ условіемъ, что онъ останется

побѣдителямъ. Онъ не вынесетъ крупныхъ неудачъ; мы знаемъ это по Аустерлицу. Теперь онъ находится подъ вліяніемъ окружающихъ его лицъ—императрицы, васъ, ваше высокопревосходительство, эрцгерцога Максимилиана съ его жаждой воинской славы—вы всё влечете его за собой. Но долго ли это можетъ продолжаться? До перваго потеряннаго сраженія... Онъ скажетъ съ своей добродушной улыбкой свою обычную фразу: „ну, ну, мы все устроимъ“ и помимо васъ заключить миръ во что бы то ни стало.

— Мы постараемся такъ обставить дѣло, чтобы онъ не могъ этого сдѣлать и чтобы его собственная честь удержала его отъ подобнаго мира.

— Честь! повторилъ Вольфсеггъ съ презрительной улыбкой.

— Вы несправедливы къ императору Францу и не можете простить ему, что онъ наполовину разрушилъ то, что сдѣлано его великимъ предшественникомъ, сказалъ графъ Стадіонъ, указывая на бюстъ Юсіфа II. Ночныя птицы, какъ Тугутъ и Кобенцель изгнаны; для Австріи наступаетъ заря новаго дня. Наше государство чисто нѣмецкое; оно не будетъ принадлежать ни славянамъ, ни венгерцамъ. Если отдѣльныя провинціи во власти разныхъ племенъ, то все таки ими управляетъ рука нѣмца и нѣмецкій народъ нѣкогда покорилъ ихъ своей власти. Я ни минуты не отчаяваюсь въ будущности Австріи. Смотрите какъ измѣнилась Вѣна въ послѣднее время! Изъ празднаго города, утоающаго въ роскоши, она превратилась въ воинственный Иліонъ; всюду слышатся удары молотовъ, работаютъ кузницы, всё вооружаются...

— Вотъ кажется вошелъ генераль Андраши, сказалъ Вольфсеггъ.

— Да, это онъ. Маркиза разговариваетъ съ нимъ. Молодежь принялась за танцы. Пусть веселятся! Одно другому не мѣшаетъ! Я убѣжденъ, что стоитъ нашимъ войскамъ показаться въ Баваріи и Саксоніи и наступитъ конецъ этой постыдной комедіи или такъ называемому Рейнскому союзу. Исторія не представляетъ ничего подобнаго! Нѣмецкіе князья настолько унизились, что принимаютъ короны изъ рукъ Наполеона! Чѣмъ смоятъ они это пятно съ своихъ гербовъ? Теперь потеримъ до весны. Когда разойдется ледъ на Дунаѣ, съ горъ потекутъ потоки въ долины, тогда мартовскій вѣтеръ охватитъ и сѣверную Германію. Въ Пруссіи также началось броженіе; ея лучшіе мужи: Шилль, Гнейзенау, Блюхеръ, Шарнгорстъ ожидаютъ нашего сигнала, а пока Меттернихъ будетъ упражняться въ дипломатическомъ искусствѣ и угощать французовъ всевозможными обѣщаніями.

— Но они скоро перестанутъ вѣрить имъ! отвѣтилъ Вольфсеггъ.

— Какъ хороша ваша племянница, замѣтилъ неожиданно Стадіонъ. — Какая грація и аристократическая легкость движеній! Она танцуетъ съ Геймвальдомъ. Вы не находите, графъ, что она слишкомъ дружелюбно обращается съ молодымъ бюргеромъ.

— Они познакомились у меня въ замѣтъ...

— Я хочу послать письмо Меттерниху, въ которомъ думаю подробно описать наше положеніе и сообщить планъ дѣйствій. Разумѣется это письмо долженъ передать вѣрный человѣкъ, который не возбудилъ бы подозрѣній французской полиціи. Мнѣ пришелъ въ голову Геймвальдъ. Какъ вы думаете объ этомъ, графъ?

— Какое странное совпаденіе! Я самъ думалъ послать съ нимъ письмо въ Парижъ по дѣлу моей сестры. Эгбертъ богатъ и независимъ. Почему ему не съѣздить туда для своего удовольствія и образованія, и кстати передать наши два письма. Къ тому-же онъ такъ восхищается Наполеономъ.

— Наполеономъ!—повторилъ съ удивленіемъ графъ Стадіонъ.

— Да, онъ подобно многимъ нѣмцамъ представляетъ себѣ Бонапарта какимъ-то сказочнымъ богатыремъ. И не мудрено! Мы поглощаемся чужому величію, потому что большею частью насъ окружаютъ жалкія и ничтожныя личности. Во всякомъ случаѣ для насъ съ вами это обстоятельство представляетъ свои выгоды, потому что оно избавитъ Эгберта отъ всякихъ подозрѣній со стороны Фуше.

— Не возьмете ли вы на себя переговорить объ этомъ съ молодымъ человѣкомъ?

— Съ удовольствіемъ. Я завтра же поговорю съ нимъ.

— Благодарю васъ, мой милый графъ. Не смѣю задерживать васъ долѣе. Вернитесь къ своимъ гостямъ, а я долженъ отправиться домой чтобы покончить нѣкоторыя спѣшныя дѣла, сказалъ Стадіонъ дружески пожимая руку хозяину дома.

Графъ Вольфсеггъ проводивъ министра и возвратясь въ залу, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что его отсутствіе не помѣшало общему веселію. Онъ видѣлъ кругомъ себя сіяющія и оживленныя лица, слышалъ шумный говоръ и смѣхъ. Танцы почти не прекращались и даже Максъ Ауерспергъ, вѣчно занятый разговорами о политикѣ, обратился неожиданно въ неутомимаго танцора.

— Кузина, сказалъ онъ таинственно подмигивая Антуанетѣ, — танцевальное искусство и политика идутъ рука объ руку; я служу обоимъ.

— Берегись, Максъ, ты гонишься за двумя зайцами; ни одного не поймашь, отвѣтила она ему съ улыбкой.

Одинъ Пухгеймъ не танцевалъ и ему не столько мѣшали годы, какъ его длинныя ноги и шлейфы дамъ.

— Полюбуйтесь на мою осторожность, сказалъ онъ, обращаясь къ Гуго, я бросилъ карты потому что играю слишкомъ счастливо и могу увлечься, не танцую, потому что разорвалъ бы цѣлую дюжину кружевныхъ оборокъ, не пускаюсь въ разговоры, чтобы не оскорбить ушей Андраши моимъ сквернымъ французскимъ языкомъ, такъ какъ черезъ это можетъ нарушиться Пресбургскій миръ. Говоря это баронъ невольно взглянулъ на Андраши и видѣлъ какъ тотъ отвелъ

въ сторону графа Вольфсегга и о чемъ то разговаривалъ съ нимъ. Графъ поблѣднѣлъ и пошатнувшись схватился за спинку кресла какъ будто боялся упасть въ обморокъ, но тотчасъ же овладѣлъ собой и лицо его опять приняло свое обычное спокойное выраженіе.

Остальные гости и даже обѣ хозяйки дома не замѣтили этого.

Нѣсколько минутъ спустя, графъ проходи мимо Антуанеты шепчуль ей:

— Когда все кончится, приходи въ бібліотеку; мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Наконецъ развѣхались послѣдніе гости, слуги погасили свѣчи и въ домѣ наступила внезапно мертвая тишина. Антуанета сняла съ себя цвѣты и браслеты и накинувъ на голову бѣлый платокъ, пошла въ бібліотеку. Здѣсь на столѣ горѣла одинокая лампа и только изрѣдка вспыхивали послѣдніе уголья въ каминѣ. Графъ безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями, что только тогда замѣтилъ Антуанету, когда она совсѣмъ близко подошла къ нему.

— Что съ вами дядя? Не случилось ли какого нибудь несчастья? спросила она блѣднѣя.

— Это ты Антуанета! Садись сюда, ты кажется озябла, сказала графъ, ласково усаживая ее въ кресло подлѣ камина и разводя огонь.— Что твой отецъ и мать легли или нѣтъ?

— Они теперь должно быть уже въ постели. Я простилась съ ними.

— Тѣмъ лучше. Значить они не помѣшаютъ намъ. Я знаю, что у тебя хватить мужества выслушать то, что я долженъ сказать тебѣ. Ты кажется не страдаешь нервами.

— Нѣтъ, отвѣтила она, не спуская съ него глазъ.

— Твой братъ пойманъ.

Антуанета вскрикнула и на минуту все помутилось въ ея глазахъ.

— Гдѣ? проговорила она съ усиліемъ.

— При стлчкѣ въ замкѣ Леринъ двадцать седьмого октября. Андраши сообщилъ мнѣ сегодня эту новость, не знаю изъ состраданія или въ видѣ мщенія. Онъ передалъ мнѣ письмо твоего несчастнаго брата. Францъ навсегда прощается съ нами. Онъ пойманъ съ оружіемъ въ рукахъ! французъ на службѣ возставшей Испаніи...

— Вы мнѣ не все говорите, дядя... Онъ умеръ...

— Андраши увѣрилъ меня, что не имѣетъ дальнѣйшихъ извѣстій. Твой братъ посланъ въ главную квартиру короля Иосифа. Вліятельные испанцы заступились за него и черезъ посредство короля послано письмо къ Андраши. 5 ноября ждали Наполеона въ Виторію, а сегодня у насъ семнадцатое.

— Вы сами не вѣрите, дядя, что братъ живъ. Развѣ пощадить его убійца герцога Энгіенскаго? Жаль, что я женщина и могу только проливать о немъ безсильныя слезы.

— Онъ подвергнется военному суду какъ французъ, поднявшій

оружіе противъ императора Франціи. Приговоръ не трудно предвидѣть.

— Смерть! проговорила Антуанета чуть слышно.

Графъ опять началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—Бонапартъ не велитъ его разстрѣлять. Онъ не жаждетъ крови единичныхъ личностей и упивается ею только тогда, когда она течетъ потоками на полѣ битвы. Твоего брата вѣроятно сошлютъ на галеры.

— Гондревилля на галеры! воскликнула Антуанета.—Это хуже всякой смерти.

— У меня нѣтъ сына, я надѣялся, что онъ будетъ наслѣдникомъ моего имени и что я передамъ ему мой гербъ. Кто могъ ожидать такого исхода?

— Андраши не далъ вамъ никакого совѣта, относительно того, какъ облегчить участь моего несчастнаго брата?

— Онъ сказалъ, что просьба о помилованіи, поданная во время можетъ оказать свое дѣйствіе. Бонапартъ относится съ уваженіемъ къ представителямъ старинныхъ дворянскихъ родовъ Франціи.

— Что же вы отвѣтили Андраши?

— Я просилъ только его ходатайства за твоего несчастнаго брата у короля Иосифа. Что могъ я сказать ему кромѣ этого? Ты знаешь твой отецъ и мать скорѣе согласятся видѣть своего сына мертвымъ, чѣмъ склонить колѣно передъ узурпаторомъ, какъ они называютъ Бонапарта.

Антуанета поднялась съ мѣста. Платокъ упалъ съ ея головы: яркая краска выступила на ея щекахъ.

— Если они этого не хотятъ, то я пойду къ деспоту и потребую отъ него жизни и свободы брата.

— Моя дорогая, что это за фантазія! сказалъ графъ, не находя словъ къ дальнѣйшему противорѣчію, такъ какъ въ душѣ его мельнула надежда на спасеніе несчастнаго юноши, котораго онъ любилъ какъ роднаго сына.

— На мнѣ не лежитъ никакого обязательства относительно Бурбоновъ, продолжала съ воодушевленіемъ Антуанета.—Мое имя не внесено въ число эмигрантовъ. Я могу безопасно вступить на французскую почву. Ничто не мѣшаетъ мнѣ найти доступъ къ императору. Я охотно преклоню передъ нимъ колѣна; онъ не прочтетъ на моемъ лицѣ ненависти къ нему. Что я скажу ему, я сама не знаю, но надежда спасти брата вдохновитъ меня... Если мнѣ не удастся умилосердить Бонапарта, то я чувствую въ себѣ достаточно мужества чтобы вынести его гнѣвъ...

Графъ молча обнялъ ее и прижалъ къ своему сердцу.

— Если кто можетъ еще спасти его, то это ты Антуанета, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

Долго еще послѣ того сидѣлъ графъ съ своей племянницей у камина, обсуждая подробности путешествія и шансы успѣха.

Вольфсеггомъ руководило только одно стремленіе — надежда спасти своего любимца; но у Антуанеты къ этому мотиву примѣшивались и другія не менѣ сильныя побужденія. Вліяніе Цамбелли не прошло безслѣдно; въ ней опять заговорила жажда приключеній и болѣе широкой дѣятельности; также не послѣднюю роль играло честолюбивое желаніе заслужить похвалу и уваженіе дяди. Придуманный планъ могъ доставить ей возможность достигнуть всего этого.

Графъ Вольфсеггъ какъ бы для успокоенія своей совѣсти сдѣлалъ еще нѣсколько возраженій, но настолько слабыхъ и неубѣдительныхъ, что Антуанета безъ труда опровергла всѣ его доводы.

Такимъ образомъ поѣздка въ Парижъ молодой графини была окончательно рѣшена.

ГЛАВА V.

Послѣ сильныхъ нравственныхъ потрясеній всегда наступаетъ пора тупого спокойствія и равнодушія. Магдалена и ея мать, опомнившись отъ перваго горя черезъ три дня настолько освоились съ своимъ несчастіемъ, что уже въ состояніи были приняться за свои обычныя занятія. Эгбертъ не сказалъ имъ, какъ ему удалось отыскать несчастнаго старика, но передалъ имъ отъ него небольшую записку, въ которой онъ умолялъ ихъ не наводить о немъ никакихъ справокъ и считать его умершимъ до болѣе счастливыхъ дней. Жена и дочь Армгарта безусловно подчинились этому желанію, зная, что слухи о немъ скорѣе затихнутъ и его убѣжище будетъ безопаснѣе, если онѣ будутъ вести себя такимъ образомъ, какъ будто онъ умеръ или пропалъ безъ вѣсти, потому что дѣлая попытки отыскать его, онѣ неизбѣжно навѣдутъ сыщиковъ на его слѣдъ.

Полиція больше не беспокоила ихъ ни обысками, ни допросами. Неизвѣстно были ли онѣ обязаны этимъ вліянію графа Вольфсегга или тому, что въ высшихъ сферахъ рѣшено было, что не стоитъ добиваться истины тамъ, гдѣ уже не было возможности что либо исправить или измѣнить. Могла тутъ дѣйствовать и боязнь со стороны полиціи, что если дѣло получить огласку, то могутъ открыться различныя злоупотребленія по управленію, какъ со стороны мелкихъ чиновниковъ, такъ и ихъ начальства. Такимъ образомъ по той или другой причинѣ общество осталось въ полномъ невѣдѣніи относительно подробностей происшествія въ гостинницѣ „Kugel“; говорили только, что Армгартъ проигралъ тамъ значительную сумму денегъ и пропалъ безъ вѣсти.

Нѣсколько дней спустя графъ Вольфсеггъ сдѣлалъ визитъ женѣ Армгарта и о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ ней втайнѣ отъ Магдалены, которая должна была удалиться въ это время изъ комнаты по его просьбѣ. Затѣмъ графъ прошелъ въ нижній этажъ къ Эгберту.

— Я только что былъ у г-жи Армгартъ и старался по возможности успокоить ее относительно послѣдствій поступка ея мужа, хотя несомнѣнно, что секретарь самымъ безсовѣстнымъ образомъ обманулъ мое довѣріе. Еслибы ваша мать была жива, Эгбертъ, я не смѣлъ бы показаться ей на глаза. Привести въ ея домъ такого человѣка!..

— Не судите о немъ такъ строго, графъ. Не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ потерялъ голову, а тутъ подвернулся искуситель.

— Да, Цамбелли можетъ всякаго обольстить своимъ дьявольскимъ краснорѣчіемъ.

— Я не на шутку испугался, сказалъ Эгбертъ, когда узналъ, что въ мое отсутствіе шевалье былъ у секретаря и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Я сознаю, что не имѣю права относиться съ такою неприязнью къ человѣку, который не сдѣлалъ мнѣ никакого зла, но не въ силахъ преодолѣть себя. Я чувствую какое-то странное безпокойство когда встрѣчаюсь съ нимъ.

— А я такъ вполне убѣжденъ, что человѣкъ не только въ правѣ, но и долженъ до извѣстной степени руководствоваться своими симпатіями и антипатіями въ сношеніяхъ съ людьми, такъ какъ онѣ рѣдко обманываютъ насъ.

— Но тогда разумъ уже не будетъ играть никакой роли въ нашей жизни. Въ подтвержденіе этого я приведу вамъ примѣръ, изъ котораго можно ясно видѣть, до какихъ абсурдовъ мы можемъ дойти подъ вліяніемъ антипатіи. Шевалье произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе съ самаго перваго момента нашей встрѣчи и я, не имѣя никакихъ данныхъ, кромѣ мелочныхъ фактовъ, которые я произвольно истолковалъ въ извѣстномъ смыслѣ, пришелъ къ твердому убѣжденію, что этотъ человѣкъ тѣмъ или другимъ способомъ причастенъ къ убійству и ограбленію Жана Бурдона. Я теперь съ ужасомъ вспоминаю объ этомъ и далъ себѣ слово не поддаваться болѣе моимъ личнымъ ощущеніямъ, не провѣривъ ихъ надлежащимъ образомъ.

Но графъ къ удивленію Эгберта спокойно выслушалъ его.

— У васъ слишкомъ мягкое сердце, мой милый другъ, сказалъ онъ. — Вы напрасно упрекаете себя; ваше подозрѣніе раздѣляютъ и другіе люди. Баронъ Пухгеймъ и я самъ почти убѣждены въ этомъ.

— Вы графъ! воскликнулъ Эгбертъ, а этотъ крестьянинъ?..

— Флоріанъ давно выпущенъ изъ тюрьмы. Онъ дѣйствительно нашелъ въ полѣ красный шелковый кошелекъ Бурдона. Убійцамъ вѣроятно не нужна была горсть золотыхъ; они удержали письма и бумаги, а кошелекъ бросили. Весьма вѣроятно, что это сдѣлалъ Цам-

белли, если онъ участвовалъ въ убійствѣ, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе.

— Почему вы не заявили объ этомъ на судѣ?

— Потому, мой дорогой Эгбертъ, что предположенія въ такихъ дѣлахъ не имѣютъ никакого значенія. Жанъ Бурдонъ сдѣлался жертвой великой борьбы, которую Наполеонъ ведетъ противъ цѣлой Европы, не онъ первый и не онъ послѣдній. Цамбелли въ данномъ случаѣ хотѣлъ прислужиться французскому правительству. Счастье Бонапарта научило его не пренебрегать никакими средствами для достиженія цѣли.

— Не имѣете ли вы графъ, какихъ нибудь извѣстій о снѣгѣ несчастнаго Бурдона? спросилъ Эгбертъ, чтобы переменить тему разговора, такъ какъ не хотѣлъ возобновлять старыхъ споровъ о политикѣ.

— Нѣтъ, онъ не отвѣтилъ мнѣ на письмо, въ которомъ я подробно сообщалъ ему о смерти его отца. Я даже не знаю получилъ ли онъ это письмо; французская почта вскрываетъ всѣ письма, адресованныя изъ Австріи въ Парижъ. Впрочемъ я скоро надѣюсь получить относительно этого самыя точныя свѣдѣнія, потому что на дняхъ моя племянница ѣдетъ въ Парижъ.

— Графиня Антуанета!

— Да, представился очень удобный случай; графъ и графиня Сандоръ думаютъ провести цѣлый мѣсяцъ во французской столицѣ. Они убѣдили Антуанету ѣхать съ ними. Это будетъ для нея очень пріятнымъ развлеченіемъ. Я охотно дамъ свое согласіе, тѣмъ болѣе что ея отецъ маркизь давно желалъ чтобы она познакомилась съ его родными, которые остались во Франціи. Жаль, что я не могу соизвѣстовать ей... Вы какъ будто хотѣли что-то сказать, Эгбертъ. Говорите прямо не стѣсняйтесь.

— Нѣтъ, графъ. Я считаю неумѣстнымъ высказывать мое мнѣніе въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что вопросъ рѣшенъ вами въ извѣстномъ смыслѣ.

— Это уже излишняя скромность съ вашей стороны, Эгбертъ. Вы вѣроятно думаете, что я не выношу противорѣчій.

— Мнѣ пришло въ голову, что графиня предпринимаетъ поѣздку въ Парижъ въ такое время, когда судя по слухамъ готовится новая война между Австріей и Франціей.

— Не всѣ грозы кончаются громомъ, молніей и ливнями. Мы, австрійцы, недовольны послѣднимъ миромъ, но нашъ голосъ потерялъ значеніе въ Европѣ. Бонапартъ въ настоящій моментъ сражается въ Испаніи съ шайками инсургентовъ и англичанами. Онъ на время забылъ о нашемъ существованіи. Наконецъ времена варварства давно прошли; теперь правила гостепримства соблюдаются даже въ непріятельской странѣ во время войны. Тутъ представляется опасность совершенно иного рода. Молодая дѣвушка очутится совсѣмъ

одна въ чужомъ городѣ, потому что графъ Сандоръ старикъ любящій спокойствіе больше всего на свѣтѣ. Его нельзя считать вѣрной опорой для Антуанеты; родственниковъ маркиза я также слишкомъ мало знаю... Вотъ, если бы вы собрались въ Парижъ? помните мы какъ-то разъ говорили съ вами объ этомъ, я былъ бы тогда совершенно спокоенъ...

Эгбертъ измѣнился въ лицѣ.

— Да, графъ, это была заманчивая, но неосуществимая мечта, отвѣтилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Почему вы называете это мечтой! Кстати, скажите пожалуйста не посылалъ ли за вами графъ Стадіонъ? Если нѣтъ, то будьте готовы къ этому. Вы произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе; ему особенно понравилось въ васъ отсутствіе политическихъ тенденцій.

— Я напротивъ того думалъ, что это должно оттолкнуть его отъ меня. Государству нужны головы и руки, которыми оно могло бы распоряжаться по своему усмотрѣнію, а я слишкомъ своеволенъ и чуждъ всякаго честолюбія, чтобы сдѣлаться двигателемъ хотя бы самаго малаго колеса въ государственной машинѣ.

— Вы смотрите на государство съ крайне узкой точки зрѣнія и въ этомъ ваша главная ошибка, мой дорогой Эгбертъ. Государству нужны всякіе люди и бываютъ моменты, гдѣ идеалисты и мечтатели, эти безкорыстные рыцари правды и свободы могутъ принести больше пользы, чѣмъ слѣпые исполнители чужой воли. Вы нужны министру въ этомъ смыслѣ; онъ хочетъ воспользоваться вашимъ умомъ и способностями для общественнаго блага, не стѣсняя ни въ чемъ вашей свободы и не нарушая гармоніи вашего внутренняго міра.

— Что же я долженъ дѣлать? спросилъ Эгбертъ.

— Не пугайтесь, отвѣтилъ съ улыбкой графъ Вольфсеггъ; у васъ такое встревоженное лицо какъ будто отъ васъ требуютъ чтобы вы совершили какое нибудь ужасное преступленіе. Для вашего успокоенія я сообщу вамъ по секрету въ чемъ дѣло. Вы должны избавить министра отъ посылки курьера съ письмомъ къ Меттерниху. Если вы поѣдете въ Парижъ, то вамъ не будетъ стоить никакого труда передать письмо, тѣмъ болѣе, что оно не спѣшное. Графъ Стадіонъ хочетъ также предостеречь посланника отъ шевалье Цамбелли и думаетъ поручить это вамъ, человѣку, на вѣрность и честь котораго онъ можетъ вполнѣ разсчитывать.

— Но я не знаю, на сколько я буду въ состояніи выполнить это, отвѣтилъ нерѣшительно Эгбертъ.

— Не торопитесь возражать мнѣ, продолжалъ графъ. Если по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ вы прійдете къ заключенію, что принуждены отказаться отъ такого почетнаго предложенія то вы должны заранѣе сказать мнѣ это, чтобы я успѣлъ предупредить министра и избавить его отъ напрасной просьбы, а васъ отъ

необходимости отказать ему. Важные господа не любят когда имъ противорѣчатъ и вы черезъ это могли бы очутиться въ крайне неловкомъ положеніи.

— Я не знаю какъ благодарить васъ, графъ, за вашу дружбу ко мнѣ и считаю себя счастливымъ, что имѣю такого руководителя въ жизни. Но горе Телемаку если онъ разстанется съ Менторомъ и будетъ предоставленъ самому себѣ.

— Или другими словами, вы уѣдете въ Парижъ, Эгбертъ. Неужели вы не чувствуете въ себѣ на столько силы чтобы обойтись безъ чужихъ совѣтовъ и помощи? Спотыкаясь и падая, дитя наконецъ научается ходить. Вамъ предстоитъ сдѣлать поѣздку, которая была бы полезна для васъ во всѣхъ отношеніяхъ; и вы не можете отрицать это. Я воображаю себѣ радость Антуанеты, если бы я сказалъ ей: ты не будешь одинока и беззащитна въ огромномъ городѣ; ты встрѣтишь тамъ вѣрнаго и преданнаго друга.

— Я всегда готовъ служить вамъ, графъ; но дѣйствительно ли я могу быть полезенъ графинѣ Антуанетѣ въ Парижѣ?

— Болѣе, нежели вы предполагаете, отвѣтилъ графъ, видя что Эгбертъ начинаетъ колебаться. Пока Жанъ Бурдонъ былъ живъ, мой зять маркизъ, считалъ себя законнымъ владѣтелемъ своихъ помѣстій въ Лотарингіи, потому что Бурдонъ скупилъ ихъ на свое имя во время террора на деньги моего покойнаго отца. Мы не знаемъ оставилъ ли Бурдонъ какое нибудь завѣщаніе и какъ поступить въ настоящемъ случаѣ его сынъ и единственный наслѣдникъ. Необходимо привести въ ясность и устроить это дѣло. Я не считаю Антуанету особенно способной вести его. Въ ея жилахъ течетъ дворянская кровь, къ тому же она женщина и легко поддается минутному расположенію духа. Между тѣмъ, какъ ваше посредничество принесло бы несравненно больше пользы.

— Но молодой Бурдонъ не знаетъ меня и вѣроятно никогда не слыхалъ моего имени?

— Развѣ не достаточно, что вы были при послѣднихъ минутахъ его отца и передадите ему поклонъ умирающаго? Вы оказали ему самую большую услугу, какую только человѣкъ можетъ оказать другому. Если бы вы даже не сошлись характерами и образомъ мыслей, то судьба настолько сблизила васъ, что это должно повліять на ваши взаимныя отношенія. Венъяминъ Бурдонъ не можетъ забыть, что вы исполнили обязанность сына при его отцѣ.

— Вы разбили меня на всѣхъ пунктахъ, графъ. Я готовъ взять на себя хлопоты по дѣлу маркиза Гондревилля и постараюсь оправдать ваше довѣріе. Вамъ же вѣроятно обязанъ я и тѣмъ хорошимъ мнѣніемъ, которое составилъ себѣ обо мнѣ министръ... Поѣздка въ Парижъ представляется мнѣ крайне заманчивою; но я не знаю въ правѣ ли я отказать отъ исполненія моихъ прямыхъ обязанностей!...

— Что вы называете своими прямыми обязанностями? Вѣроятно хлопоты по хозяйству, постройки въ Гицингѣ?...

— Нѣтъ, графъ. Въ случаѣ крайности я могу поручить это Гуго или моему управляющему. Но меня заботятъ Армгарты. Могу ли я покинуть ихъ въ горѣ и одиночествѣ? Не мало всякихъ огорченій ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Кто поручится, что злые языки, замолкнувъ на время, не примутся опять за несчастнаго Армгарта? Ваша доброта и дружба, графъ, для бѣдныхъ женщинъ все равно что рѣдкій солнечный лучъ въ позднюю-осень. Нужно, чтобы кто-нибудь заботился о нихъ изо-дня въ день и ограждалъ ихъ отъ огорченій и непріятностей, а это возможно только при совмѣстной жизни. Эта обязанность лежитъ на мнѣ болѣе чѣмъ на комъ-нибудь другомъ.

— Но вы не должны преувеличивать этой обязанности, мой дорогой стоикъ. Врядъ ли вторично вы будете имѣть случай быть представленнымъ французскому императору.

— Я могу поклоняться великому человѣку на почтительномъ отдаленіи.

— Это вы говорите теперь, а потомъ будете обвинять себя за недостатокъ мужества. Въ умѣннн уравнивать долгъ съ наслажденіемъ заключается вся житейская мудрость. Предоставьте человѣку старѣе и опытнѣе васъ устроить все это. Вы знаете, что я принимаю самое живое участіе въ Магд... въ Армгартахъ. Лени моя крестница. Будьте покойны; я сумѣю оградить ихъ отъ непріятностей и не дамъ ихъ въ обиду. Кромѣ того въ вашемъ домѣ останется г-нъ Шпрингъ, человѣкъ знающій свѣтъ и людей... или быть можетъ онъ кажется вамъ слишкомъ опаснымъ? добавилъ графъ съ улыбкой.

— Опаснымъ! повторилъ Эгбертъ, который не понялъ намека.

— Мы вообще не охотно повѣряемъ нашимъ пріятелямъ своихъ пріятельницъ. Простите меня, что я осмѣлился заговорить объ этомъ. Не въ моихъ нравахъ заглядывать въ чужую душу, но меня оправдываетъ то участіе, которое я принимаю въ вашей судьбѣ. Вы вѣдь не чувствуете ненависти къ Лени?

— За что мнѣ ненавидѣть ее? Я люблю ее не меньше родной сестры.

— Неужели вы никогда не задавали себѣ вопроса о томъ, что вы почувствуете, если ее отнять у васъ другой человѣкъ? Всѣ шансы вѣроятія за то, что Магдалена когда-нибудь выйдетъ замужъ за васъ или кого-нибудь другого... Вотъ вы уже покраснѣли, какъ робкая дѣвушка!...

У Эгберта захватило дыханіе.

— Вы ошибаетесь, хотѣлъ онъ сказать,—Магдалена для меня не болѣе какъ сестра, я никогда не буду въ состояніи любить ее инымъ способомъ... Я люблю другую женщину, но не смѣю произнести ея имя...

— Что же вы молчите? продолжалъ графъ.—Надѣюсь я не оскор-

«билъ васъ вмѣшательствомъ въ ваши дѣла. Я хотѣлъ только сказать, что г-нъ Шпрингъ...»

— Прошу васъ графъ, Гуго мой пріятель и я вполне довѣряю ему.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, сказалъ поспѣшно графъ, замѣтивъ, что слова его неприятно подѣйствовали на Эгберта. Все это одни предположенія. Лени не такая дѣвушка чтобы позволила ухаживать за собою. Г-нъ Шпрингъ можетъ повременить съ своимъ вступленіемъ на сцену до вашего возвращенія изъ Парижа, тѣмъ болѣе что Лобковичъ сказалъ мнѣ, что въ настоящее время нѣтъ вакантнаго мѣста на придворной сценѣ. Актеру не годится жить въ одномъ домѣ съ двумя одинокими женщинами. Это дастъ пишу злымъ языкамъ. Что же касается секретаря...

— Гуго все знаетъ, потому что онъ спасъ его.

— Тѣмъ лучше. Значитъ мнѣ остается только благословить васъ въ дорогу, сказалъ графъ шутливымъ тономъ, стараясь скрыть свое волненіе.

Онъ поднялся съ своего мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, опять подошелъ къ Эгберту и сказалъ ему:

— Когда вы будете въ Парижѣ, то несомнѣнно встрѣтите шеваляе Цамбелли въ Сень-Клу.

— Я желалъ бы никогда больше не видѣть его.

— Но это не удастся вамъ. Онъ не отстанетъ отъ васъ и Антуанеты. Васъ онъ боится, а на ней думаетъ жениться, зная, что она богатая и единственная наслѣдница Гондревиллей и Вольфсеггъ.

— Вы говорите, единственная наслѣдница; а братъ графини?

— Мой племянникъ Францъ солдатъ. Въ нынѣшнія безпокойныя времена ему не миновать пули, сказалъ графъ взволнованнымъ голосомъ, но вслѣдъ затѣмъ какъ будто вспоминая что-то, онъ съ живостью спросилъ Эгберта:

— Какъ вы думаете, выдалъ ли Армгартъ однѣ только государственныя тайны или сообщилъ и нѣчто другое?

Эгбертъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на графа.

— Мнѣ кажется невѣроятнымъ, сказалъ онъ, чтобы Цамбелли могъ интересоваться семейными тайнами постороннихъ ему людей.

— Онъ видѣлъ Магдалену... Кто знаетъ... Но это опять одни только предположенія, о которыхъ не стоитъ распространяться... Я еще хотѣлъ сказать вамъ, что если случай сведетъ васъ съ знаменитой пѣвицей Дешанъ, постарайтесь сойтись съ ней; это знакомство можетъ пригодиться вамъ, да и мнѣ было бы интересно узнать нѣкоторыя подробности объ ея теперешней жизни... Однако, какъ я засидѣлся у васъ! Надѣюсь, что вы теперь не откажетесь отъ порученія миристра... До свиданія.

Графъ пожалъ руку Эгберту и направился къ двери, но на порогѣ опять остановился.

— Вы еще зайдете ко мнѣ передъ отъѣздомъ, сказали онъ. Знаете ли какая мысль пришла мнѣ въ голову? Вернетесь ли вы изъ города Люцифера неподкупнымъ и вѣрнымъ сыномъ Германіи или сдѣлаетесь рабомъ могущественнаго императора подъ обаяніемъ его обманчиваго блеска?

— Я никогда не измѣню ни моему отечеству, ни долгу, съ увѣренностью отвѣтилъ Эгбертъ.

— Давай Богъ! сказалъ графъ, обнимая его.

Эгбертъ, оставшись одинъ долго не могъ прийти въ себя отъ разнообразныхъ чувствъ и мыслей волновавшихъ его. Онъ поѣдетъ въ Парижъ съ порученіемъ отъ министра. Графъ просилъ его заботиться объ Антуанетѣ: онъ будетъ часто видѣть ее; слышать ея голосъ... У него захватывало дыханіе отъ полноты счастья. Но вскорѣ на него напало раздумье. Вольфсеггъ и министръ повидимому возлагали на него большія надежды. Но удастся ли ему выполнить хотя десятую долю того, что они ожидали отъ него? Онъ не имѣлъ никакого понятія о дипломатическихъ сношеніяхъ и обычаяхъ: Всего вѣроятнѣе что его постигнетъ полная неудача: въ одномъ случаѣ ему помѣшаетъ неопытность и излишняя застѣнчивость; въ другомъ—онъ можетъ все испортить, поддавшись увлеченію. Противовѣсомъ всему этому являлось только желаніе оправдать съ одной стороны довѣріе двухъ уважаемыхъ имъ людей, а съ другой заслужить похвалу графа Вольфсегга. Къ счастью еще Гуго не было дома. Какъ бы онъ сталъ издѣваться надъ своимъ пріятелемъ! Какой ты чудакъ Эгбертъ! сказалъ бы онъ ему. Можетъ ли быть что нибудь смѣшнѣ твоихъ опасеній. Въ былыя времена ты считалъ себя счастливымъ, если могъ издали взглянуть на Антуанету, а теперь представляется случай не только видѣть ее, но говорить съ нею и быть ея руководителемъ и защитникомъ, а ты еще колеблешься!

Тѣмъ не менѣе Эгбертъ чувствовалъ непреодолимую потребность переговорить съ подругой своей ранней юности, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на предполагаемую поѣздку. Хотя онъ зналъ, что его признаніе глубоко огорчитъ ее, но эгоистически рассчитывалъ на ея самоотверженіе въ томъ убѣжденіи, что у ней достанетъ силы воли чтобы совладать съ собой и высказать свое мнѣніе руководствуясь только его пользой. Не разъ уже онъ имѣлъ случай испытать практичность ея совѣтовъ, потому что Магдалена при своемъ ясномъ и трезвомъ умѣ лучше его умѣла понять сущность дѣла, взвѣсить его дурныя и хорошія стороны.

Онъ засталъ Магдалену печальною и разстроенною. Г-жа Армгартъ, поздоровавшись съ нимъ тотчасъ-же ушла подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій, чтобы не мѣшать разговору молодыхъ людей своимъ присутствіемъ.

— Кажется графъ также былъ у васъ, сказала Магдалена. Я не знаю, что онъ сказалъ матери, но онъ привелъ ее въ наилучшее

настроение духа. Дѣйствительно въ его обхожденіи столько привлекательнаго, что въ его присутствіи трудно чувствовать себя несчастнымъ.

— Да, я не встрѣчалъ человѣка лучше и добрѣе его, отвѣтилъ Эгбертъ. Я еще больше убѣдился въ этомъ послѣ сегодняшняго разговора.

— Но отчего-же у васъ такой видъ, какъ будто бы чѣмъ-то озачены или недовольны?

— Потому что я въ нерѣшимости и не знаю принять ли то предложеніе, которое мнѣ дѣлають или отказаться отъ него? Да, фрейлейнъ, я пришелъ къ вамъ за совѣтомъ. Мы пережили съ вами не мало тяжелыхъ дней, перешли не одну гору рука объ руку.

— А что намъ опять предстоитъ гора? спросила она съ улыбкой, хотя торжественный тонъ его рѣчи смутилъ ее; и сердце ея сжалось отъ боязливаго предчувствія чего-то недобраго.

— Да, и на этотъ разъ гора отвѣснѣе и недоступнѣе, чѣмъ когда либо, отвѣтилъ Эгбертъ и рассказалъ о предложеніи, которое ему сдѣлалъ графъ, надеждахъ и опасеніяхъ, связанныхъ съ его поѣздкой въ Парижъ.

Эгбертъ говорилъ гладко, безъ всякой запинки, самъ удивляясь своему краснорѣчію. Онъ не могъ дать себѣ отчета происходило-ли это оттого, что ему приходилось высказывать завѣтныя желанія своего сердца или на него имѣло вліяніе выраженіе неподдѣльной радости, съ которымъ слушала его Магдалена и, которое ясно выразилось на ея лицѣ.

Могла ли она въ первый моментъ отнестись иначе, къ тому, что онъ сообщилъ ей. Она видѣла, что достоинства любимаго ею человѣка оцѣнены людьми, которые пользовались общимъ уваженіемъ. Воображеніе рисовало ей блестящую будущность ея дорогаго Эгберта и она представляла себѣ тотъ моментъ, когда встрѣтитъ его, какъ героя и побѣдителя. Ея хорошенькое лицо такъ сіяло, какъ будто бы уже наступила пора увѣнчать его лаврами. Даже образъ молодой графини не беспокоилъ ее; онъ имѣлъ для нея значеніе какой-то богини покровительницы на его пути къ славѣ.

— Поѣзжайте Эгбертъ, сказала она въ порывѣ своего безкорыстнаго увлеченія. Ваши блестящія способности не должны оставаться безъ примѣненія. Я не знаю къ какому дѣлу призываетъ васъ графъ Стадіонъ, но убѣждена, что оно важное, потому что иначе графъ Вольфсеггъ не хлопоталъ бы такъ о вашей поѣздкѣ.

— Я долженъ только исполнить обязанность простаго курьера, моя дорогая Магдалена.

— Не унижайте дѣла, которое возлагаетъ на васъ министръ для блага нашего отечества. Да, вы должны бѣжать, Эгбертъ, отъ этой мелочной жизни, которая постепенно затягиваетъ васъ, какъ болотная тина.

— И разстаться съ вами, Магдалена! Неужели мы должны искупить всякое счастье тяжелой жертвой?

— Стоитъ ли говорить объ этомъ, сказала она съ грустною улыбкой.—Можетъ ли болтовня глупой дѣвушки замѣнить тѣ впечатлѣнія которыя ждутъ васъ. Я заранѣе радуюсь вашимъ письмамъ. Вы будете иногда вспоминать обо мнѣ и быть можетъ будутъ минуты, когда вы пожалѣете, что Лени не можетъ видѣть съ вами грандіозное великолѣпіе знаменитаго города. Передъ вами раскроется новый міръ; вы увидите улицы и площади, которыя были свидѣтелями великихъ событій и ужасающихъ сценъ. Я помню, какъ вы поблѣднѣли и вскочили съ мѣста, когда мой бѣдный отецъ описывалъ намъ взятіе Бастильи и приступъ къ Версалю...

— Все это очень заманчиво, но меня беспокоитъ, какъ вы будете жить здѣсь однѣ съ матерью. Вы знаете, какъ я преданъ вамъ...

— Ужъ не хотите ли вы убѣждать меня въ искренности вашей дружбы къ намъ?...

— Да, моя милая Магдалена, у васъ нѣтъ болѣе вѣрнаго друга, какъ я.

Задушевный взглядъ ея добрыхъ глазъ вознаградили его за увѣренія; хотя въ нихъ звучала фальшивая нота, но она слишкомъ любила его чтобы замѣтить ее.

Ей не трудно было уговорить Эгберта, у котораго ни въ складѣ ума, ни въ характерѣ не было почвы для противодѣйствія, тѣмъ болѣе, что ея совѣты совпадали съ его желаніями. Высокое мнѣніе, которое она имѣла о немъ, льстило его самолюбію; онъ чувствовалъ какъ мало по малу исчезала въ немъ послѣдняя тѣнь сомнѣній и боязни тѣхъ препятствій, которыя были навѣяны его собственными мудрствованіями.

Вошла Кристель и обратилась къ Магдаленѣ съ какимъ то вопросомъ; разговоръ перешелъ на практическую почву. Эгбертъ долженъ былъ сдѣлать разныя распоряженія по хозяйству, такъ какъ не зналъ сколько времени можетъ продлиться его отсутствіе. И здѣсь Магдалена была для него неоцѣненной помощницей въ смыслѣ добраго совѣта. Когда зашла рѣчь о водвореніи Гуго въ домѣ въ качествѣ хозяина, Магдалена нѣсколько разъ размѣшила Эгберта своими шутками и замѣчаніями. Она предложила ему дать своему пріятелю формальную довѣренность на управленіе домомъ, а затѣмъ начала серьезно увѣрять его, что нужно устранить Гуго отъ всякихъ хлопотъ, потому что бездѣлье его призваніе.

— Напрасно говорятъ, добавила она,—что праздность мать всѣхъ пороковъ: она напротивъ того начало всѣхъ искусствъ и поэзіи и я исполнѣ понимаю почему г. Шпрингъ такъ предается ей.

Бѣдная Магдалена шутками и смѣхомъ думала заглушить глубокую тоску, которая все болѣе и болѣе охватывало ея сердце.

— Однако мы упустили еще одно обстоятельство, сказалъ Эгбертъ,—г. Шпрингъ можетъ влюбиться въ фрейлейнъ Армгартъ.

— Какъ Голу въ Женевѣву! Но я не позволю запереть себя въ

башню. Вдобавокъ у меня нѣтъ такого ревниваго супруга, какъ пфальцграфъ, который не справедливо приговорилъ бы меня къ смерти. Вы этого не сдѣлаете, Эгбертъ, вы слишкомъ добры.

— Ревность ослѣпила бѣднаго пфальцграфа; онъ повѣрилъ коварному другу, который изъ мести оклеветалъ Женевьеву.

— Ревность, повторила Магдалена. — Неужели женщины такъ легкомысленны, что къ нимъ нельзя имѣть никакого довѣрія?

— Въ большинствѣ случаевъ. Очень мало женщинъ остаются вѣрными своему долгу.

— Вѣроятно этого бы не было, еслибы мужчины показывали намъ хорошей примѣры. Бѣдную Женевьеву отправили въ лѣсъ на вѣрную смерть, но исторія умалчиваетъ, соблюдалъ-ли пфальцграфъ супружескую вѣрность въ лагерѣ...

Магдалена остановилась. Старая исторія о несчастной супругѣ пфальцграфа представляла много общаго съ ея настоящимъ положеніемъ.

Эгбертъ уѣзжалъ на чужбину въ соблазнительный городъ сирень и оставлялъ ее на попеченіе своего друга. Она знала, что не измѣнитъ ему; но останется ли его любовь такой же сильной и неприкосновенной?... Но развѣ знала она, что Эгбертъ любитъ ее! Откуда могла явиться такая увѣренность? Можно ли назвать любовью его дружелюбное и спокойное отношеніе къ ней? Точно также сталъ бы онъ относиться къ своей родной сестрѣ. Съ замираніемъ сердца ожидала она его отвѣта, который могъ помочь ей рѣшенію загадки, ставшей для нея вопросомъ жизни.

— Графъ не приговорилъ бы свою жену къ смерти, еслибы не имѣлъ чистой совѣсти, сказалъ Эгбертъ.

— Вы заступаетесь за него...

— Потому что на его мѣстѣ я бы никогда не измѣнилъ Женевьевѣ.

— Правда ли это, Эгбертъ?

— Моя дорогая Магдалена!...

Она поднялась съ своего мѣста; слезы подступили къ ея глазамъ; она едва не зарыдала отъ мысли, что должна разстаться съ нимъ.

Молча подошла она къ фортепіано и открыла его. Сначала пальцы ея медленно перебирали клавиши, но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше и задушевиѣ становилась ея игра. Она играла одну изъ сонатъ Гайдена, которыя она и Эгбертъ предпочитали модной и глубокомысленной музыкѣ Бетховена. Эгбертъ стоялъ за ея стуломъ и машинально смотрѣлъ на быстрыя движенія ея красивыхъ розовыхъ пальцевъ. Сколько разъ стоялъ онъ такимъ образомъ за ея стуломъ и переворачивалъ листы нотъ. Но сегодня онъ былъ избавленъ отъ этой обязанности, потому что она играла на память. Вся душа Магдалены выливалась въ мелодическихъ звукахъ сонаты; понимаетъ ли онъ этотъ языкъ и

затрогиваетъ ли онъ его сердце? пусть звуки эти напутствуютъ ему, лаская его слухъ...

Соната кончена; тихо звучать еще клавиши. Руки Магдалены упали на колѣни. Неподвижно, погруженный въ свои мысли, стоитъ Эгбертъ. Съ образами юности смѣшиваются фантастическія картины будущности, которыя заранѣе рисуетъ ему воображеніе. Она чувствуетъ, что онъ склонился къ ней...

— Эгбертъ, мой дорогой Эгбертъ! чуть слышно произносить она, обнимая его обѣими руками; горячій поцѣлуй горитъ на его губахъ. Въ одно мгновеніе она исчезла изъ комнаты; онъ не успѣлъ произнести ни одного слова, ни удержать ее.

— Вотъ твое счастье, шепчетъ ему внутренній голосъ, удержи его... или ты тогда только поймешь это, когда будетъ слишкомъ поздно!...

Наступили вечерніе сумерки; предметы въ комнатѣ казались подернутыми сѣроватымъ туманомъ.

— Не сонъ ли это? спрашивалъ себя Эгбертъ.

Но вотъ стулъ, на которомъ она сидѣла, здѣсь покоилась ея рука...

Конецъ второй части.

ЧАСТЬ III.

ГЛАВА I.

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ Наполеона I, Парижъ былъ первымъ горбдомъ въ мiрѣ. Со времянъ императорскаго Рима, ни въ одномъ горбдѣ не было столько побѣдныхъ трофей, такого благосостоянiя и широкаго развитiя образованности, какъ при строгой и ревнивой власти Бонапарта.

На почвѣ стараго общества опустошенной и изрытой землетрясенiемъ, выросъ новый порядокъ. Глядя на улицы и площади, наполненныя оживленной и пестрой толпой, жаждущей наживы и наслажденiя, всякiй счелъ бы сказкой или давно забытымъ преданiемъ, что здѣсь свирѣпствовала гроза революцiи. Все это совершилъ одинъ человекъ; онъ закрылъ пропасть революцiи, водворилъ внутреннiй миръ, возвратилъ гражданамъ ихъ собственность и дома, возстановилъ церкви и храмъ музъ. Только кое-гдѣ наблюдательный взглядъ иностранца замѣчалъ кровавые слѣды недавняго переворота, оставшiеся въ понятiяхъ и поступкахъ парижскаго населенiя, какъ кровь убитаго Дункана, которую леди Макбетъ напрасно силится смыть съ своихъ рукъ.

Вмѣсто прежнихъ революцiонныхъ надписей на всѣхъ общественныхъ зданiяхъ, дворцахъ, музеяхъ, колонахъ, триумфальныхъ воротахъ, красовался теперь вензель N съ короной, окруженный лавровыми вѣтками.

Во Францiи явился властелинъ. Силою своего генiя онъ вырвалъ изъ бездны великую нацiю и сдѣлалъ ее первою въ мiрѣ, но въ своемъ лицѣ навязалъ ей императора. Онъ думаетъ и желаетъ за всѣхъ, насыщаетъ Францiю золотомъ и почестями, увеселяетъ дорого стоящими зрѣлищами, доставляетъ работу неимущимъ; но за все это

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилия, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

Н О Я Б Р Ъ , 1880 г .

	Стр.
I. РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1662 ГОДУ. А. Лодыженскаго	433
II. ТУЛЬСКІЙ КРЕЧЕТЪ. Историческій разсказъ. Д. Л. Мордовцева	454
III. ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ. Глава IV. (Окончаніе). В. И. Модестова	491
IV. ГЕРАСИМЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ, русскій путешественникъ-музыкантъ по Индіи въ концѣ XVIII вѣка. Ф. И. Булгакова	515
V. МЕРТВЫЙ ГОРОДОКЪ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. И. Майнова	525
VI. ЭМИРЪ ТАДЪЗЪ-УЛЬ-ФЕХРЪ, АБДЪ-ЭЛЬ-НИШАНЪ (Графъ Вацлавъ Ржевускій). И. В. Берга	547
VII. СИМБИРСКІЕ ЮРОДИВЫЕ. И. Я. Аристова	566
VIII. ПОЛЬСКІЯ СМУТЫ ПЕРЕДЪ ВОЗСТАНІЕМЪ 1831 ГОДА. И. С. К.	576
IX. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. Англія. Иоаннъ Ла	603
X. КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ: 1) Русскій Архивъ. 1880г. 3-я книга. 1-я часть. Москва. Ф. Б. — 2) Отчетъ интенданта кавказской арміи съ 1 іюня 1876 г. по іюнь 1878. Составилъ генераль-лейтенантъ Шульманъ. Спб. 1880. И. Д. — 3) Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, эстра-ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи. Т. I. Періодъ первый Кіевскій или Домонгольскій. Первая половина тома. Москва. 1880. А. С—скаго . — 4) The peasant-heroes of Russia, by W. R. Morfill. London. 1880. — 5) Волга. Виктора Рагозина. Т. I. Сиб. 1880. Ф. Б.	616
XI. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Деревенскій лѣтоисецъ. Сообщено И. И. Дубасовымъ . — Стихотворное прошеніе придворныхъ пѣвчихъ Журавля и Кружка, поданное царикъ Екатерины I. Изъ бумагъ М. Д. Хмырова	626
XII. СМѢСЬ: Панславянское общество основанное Петрашевскимъ. — Сперанскій въ ссылкѣ въ Пермь. — Путешествіе полковника Пржевальскаго. — Археологическое открытіе	633
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона I. К. Френцеля . Окончаніе 3 части и часть 4, главы 1—3. — 2) Портретъ русскаго посла въ Англію князя Прозоровскаго.	

Къ настоящей книжкѣ прилагаются объявленія объ изданіи въ 1881 году журналовъ: „Историческій Вѣстникъ“, „Модный Свѣтъ“, „Огонекъ“, „Всемирная Иллюстрація“, „Нувеллистъ“ и отъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

РУССКІЙ ПОСОЛЪ ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1662 ГОДУ КНЯЗЬ
П. С. ПРОЗОРОВСКІЙ СО СВИТОЮ.

По фотографіи г. Лушева, снятой съ современнаго подлинника, писаннаго масляными красками и принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей, рѣз. на деревѣ Панемамеръ въ Парижѣ.

Доволено цензурою С.-Петербургъ, 24 сентября 1860 г.
Типографія А. С. Суворина. Фрунзевъ пер., д. 11—2.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ

ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

(ВТОРОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1881 году въ томъ же объемѣ, по той же программѣ, и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

Въ первыхъ книжкахъ „Историческаго Вѣстника“ 1881 года, будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія статьи:

„Черниговка“. Быль второй половины XVII вѣка **Н. И. Костомирова**. — „Ольховнякъ“. Разсказъ изъ воспоминаній возвратившагося на родину изъ Сибири: **Его-же**. — „Несчастный“. Незданная повѣсть **Т. Г. Шевченки**. — „Дворянинъ-старовѣръ“. Историческая повѣсть **Д. Л. Мордовцева**. — „Старые годы“. Историческіе разсказы **В. С. Соловьева**. — „Решидь-бей“. Историческая повѣсть изъ эпохи переселенія Кавказскихъ горцевъ въ Турцію **В. И. Немировича-Данченко**. — „Религіозные мечтатели и нововѣры“. Современные этюды **Н. С. Лѣскова**. — „Живые мертвецы“. Очерки русскаго сектаторства **В. Н. Майнова**. — „Морская экспедиція польскихъ повстанцевъ въ 1863 году“. **Н. В. Берга**. — „Потомокъ нормандскихъ герцоговъ на Камѣ“. Изъ преданій прошлаго вѣка. **П. А. Пономарева**. — „Школьные годы“. Отрывокъ изъ воспоминаній **В. Г. Авсъенки**. — „Выдержки изъ дневника“ **В. И. Аскочелскаго**. — „Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ“ **А. В. Фигнера**. — „Воспоминанія о Я. П. Бутковѣ“ **А. П. Милюкова**. — „Русскій путешественникъ по иностраннымъ государствамъ въ прошломъ вѣкѣ“. **Его-же**. — „Очерки русскаго придворнаго быта въ прошломъ столѣтіи“. **Е. П. Карновича**. — „Русскій дипломатъ князь Б. П. Козловскій“. Князя **П. П. Вяземскаго**. — „Декабристы среди людей шестидесятыхъ годовъ“. **В. О. Михневича**. — „Карточная игра и картежники на Руси съ древнѣйшихъ временъ“. **Его-же**. — „Августъ-Людвигъ Шлецеръ“. Проф. **К. Н. Веструвена-Рюмина**. — „Взглядъ на развитіе Московскаго единоподданія“. **И. Е. Забѣлина**. — „Обзоръ простонародной литературы“. **Его-же**. — „Очерки Украинской литературы нынѣшняго вѣка“. Проф. **Н. И. Петрова**. — „Эпизодъ изъ литературы сороковыхъ годовъ“. Акад. **М. И. Сухомлинова**. — „Университетская жизнь въ Кіевѣ. 1869—1877“. Проф. **В. И. Модестова**. — „Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ“. Проф. **Н. Я. Аристова**. — „Разбойники и бѣглецы

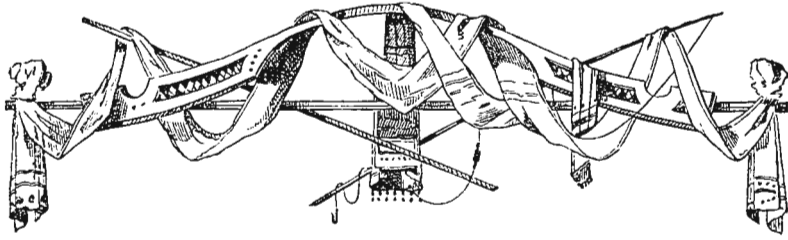
послѣ Петра Великаго“. **Его-же.** — „Московскія Вѣдомости во время французской революціи“. Проф. **А. И. Кирпичникова.** — „Московскій словесникъ - моралистъ“ (И. М. Снегиревъ). **Ф. И. Булгакова.** — „Послѣдніе пятнадцать лѣтъ въ исторіи русскаго просвѣщенія“, **Его-же.** — „Шесть мѣсяцевъ въ Средней Азіи“. Путевыя записки. Проф. **Н. В. Сорокина.** — „Двѣ политики въ Славянскомъ вопросѣ“. Проф. **А. А. Кочубинскаго.** — „Народные обычаи Аbruццъ“. Проф. **И. В. Цвѣтаева** и др.

Въ приложеніи къ „**Историческому Вѣстнику**“ будутъ напечатаны два переводныхъ историческихъ романа: „**Графиня Шатобріанъ**“ соч. **Лаубе,** и „**Кромвель**“ соч. **Роденберга.**

Къ первымъ тремъ книжкамъ „**Историческаго Вѣстника**“ будутъ приложены портреты нашихъ современныхъ историковъ: **К. Н. Вестужева-Рюмина, И. Е. Забѣлина** и **Д. И. Иловайскаго,** гравированные въ Парижѣ извѣстнымъ граверомъ **Панемакеромъ.**

„**Историческій Вѣстникъ**“ выходитъ ежемѣсячно, книжками въ объемѣ до 16 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Подписная цѣна въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ: книжный магазинъ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина) Невскій просп., № 60. **Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ:** Московское отдѣленіе книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, домъ Ремесленной Управы.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1662 г. ¹⁾

I.

Значеніе посольства князя Прозоровскаго въ Англію.—Его бытовая и политическая сторона.—Цѣль посольства и мотивы, вызвавшіе его.—Характеристика политическихъ убѣжденій, выразившихся въ немъ.

Въ 1662 году царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ англійскому королю Карлу II, въ качествѣ пословъ, стольника князя Петра Семеновича Прозоровскаго, дворянина Ивана Аюнасьевича Желябужскаго и дьяка Ивана Давыдова „съ поздравленіемъ короля о принятіи имъ, по долговременномъ изгнаніи, англійскаго королевства въ свое правленіе и съ возвѣщеніемъ взаимной дружбы и ссылки“. Объ этомъ посольствѣ въ дѣлахъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось нѣсколько интересныхъ документовъ ²⁾.

¹⁾ Статья эта составлена по документамъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

²⁾ Сюда относятся: 1) отправленіе въ Англію великихъ пословъ: стольника князя Петра Семеновича Прозоровскаго, дворянина Ивана Желябужскаго, дьяка Ивана Давыдова... тутъ же и статейный списокъ бытности ихъ въ Англіи (въ 3-хъ копіяхъ); 2) расходныя книги денежной и соболиной казны бывшихъ въ Англіи пословъ: стольника князя Петра Прозоровскаго и дворянина Ивана Желябужскаго съ товарищи; 3) отписка находившагося въ Англіи посла Ивана Желябужскаго... 4) отправленіе въ гонцахъ тайныхъ дѣлъ подъячаго Юрья Никифорова вслѣдъ за посланными въ Англію послами кн. Прозоровскимъ и И. Желябужскимъ съ наказами, грамотами и рѣчью для пословъ къ королю; 5) отправленіе въ Англію жильца Павла Богина съ извѣстіемъ о слѣдующемъ въ Англію руссійскомъ посольствѣ... тутъ же и статейный списокъ бытности его, безъ начала; 6) статейный тайный списокъ пословъ кн. Прозоровскаго и И. Желябужскаго о истребованіи у короля въ долгъ нѣсколько тысячъ ефимковъ; тутъ же и извѣтъ ихъ объ нанесенной имъ тамо отъ резидента Ивана Гебдона насмѣшныхъ ругательствахъ и обидахъ; 7) отписка бывшаго въ Англіи посла И. Желябужскаго о порученной ему по тайному наказу комисіи касательно взаимны

Уже одна бытовая сторона этого посольства, насколько она проявляется въ дошедшихъ до насъ актахъ, дѣлаетъ ихъ заслуживающими обработки. Они живо возсоздаютъ предъ нами картину той отдаленной эпохи, когда они были писаны, ясно изображаютъ и обстоятельства отправленія въ далекій путь великихъ пословъ, и трудное путешествіе ихъ по сушѣ и по морю къ мѣсту назначенія, и пребываніе ихъ въ Англии, гдѣ пришлось русскимъ людямъ увидать столько диковинныхъ для нихъ предметовъ и обычаевъ.

Но посольство кн. Прозоровскаго и дворянина Желябужскаго имѣетъ важное значеніе и съ другой стороны. Въ документахъ, относящихся къ посольству и въ особенности въ статейныхъ спискахъ кн. Прозоровскаго и Желябужскаго ¹⁾, особенно рельефно выражаются политическія убѣжденія московскаго правительства той эпохи. Это объясняется самими задачами посольства. Какъ уже видно изъ заглавія его, оно не преслѣдовало какихъ либо спеціальныхъ политическихъ или торговыхъ интересовъ. Главною цѣлью его было, поздравивъ англійскаго короля съ возстановленіемъ на престолѣ, установленіе съ нимъ любительной ссылки. По этому поводу и въ наказѣ ²⁾ о томъ, что должны были говорить и какъ вести себя послы въ Англии, и въ рѣчахъ ихъ, и въ грамотахъ, посланныхъ отъ царя Алексѣя Михайловича къ Карлу II, ясно сформулированы тѣ основанія, которыя побудили московское правительство къ отправленію посольства.

Вотъ почему мы сочли не безынтереснымъ заняться разработкою документовъ, касающихся посольства кн. Прозоровскаго и Желябужскаго, документовъ нигдѣ еще, ни въ полномъ составѣ, ни въ извлеченіи, не изданныхъ и только лишь вскользь ³⁾ упоминаемыхъ.

Чтобы вполне уяснить себѣ смыслъ и значеніе посольства въ

денегъ у торговыхъ людей. Тутъ же и статейный списокъ о приѣзженныхъ имъ достойныхъ вещахъ; 8) отписка російскаго въ Англии резидента Ивана Гебдона о бытности тамъ російскихъ пословъ кн. Прозоровскаго и Ивана Желябужскаго и о не порядочныхъ послѣднихъ поступкахъ; 9) челобитная Ивана Гебдона. Кромѣ того, къ посольству кн. Прозоровскаго и И. Желябужскаго имѣютъ отношеніе и многіе другіе документы изъ числа англійскихъ дѣлъ; мы будемъ ссылаться на нихъ при самомъ изложеніи по мѣрѣ надобности.

Весьма многія изъ этихъ дѣлъ написаны чрезвычайно неразборчиво (скоронисью XVII вѣка) и къ тому же сохранились очень дурно: чернила выцвѣли, бумага часто истлѣла, что дѣлаетъ чтеніе ихъ чрезвычайно затруднительнымъ.

¹⁾ Статейными списками называются дневники, веденные послами и гонцами во время ихъ путешествія и пребыванія въ чужой землѣ. При статейномъ спискѣ обыкновенно приложены наказы, — описаніе обстоятельствъ отправленія, окладъ жалованья и кормовъ, грамоты къ чужимъ государямъ и проѣздныя и т. п. Въ московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ихъ сохранилось до 270. Нѣкоторые изъ нихъ были напечатаны.

²⁾ Наказъ всегда содержитъ въ себѣ подробныя наставленія посламъ относительно ихъ образа дѣйствій за границей. По нему можно судить о цѣляхъ и желаніяхъ московскаго правительства.

³⁾ У Соловьева—12 томъ, стр. 240.

Англію кн. Прозоровскаго и Ивана Желябужскаго, мы не можемъ ограничиться изложеніемъ однихъ обстоятельствъ ихъ путешествія въ Англію и пребыванія въ ней. Мы должны отдать себѣ отчетъ, какія цѣли оно преслѣдовало, какими мотивами было вызвано, какими убѣжденіями руководствовались русскіе послы, при какихъ, наконецъ, условіяхъ внутренней и внѣшней политической жизни московскаго государства оно происходило. Это тѣмъ болѣе необходимо, что посольство кн. Прозоровскаго не представляетъ одиночнаго явленія въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Оно, напротивъ, входитъ въ рядъ другихъ многочисленныхъ сношеній¹⁾, которыми ознаменовалось правленіе „тишайшаго“ царя. Такимъ образомъ посольству въ Англію кн. Прозоровскаго съ товарищами никакъ нельзя придавать случайный характеръ.

Опредѣленіе цѣли посольства можетъ быть сдѣлано безъ особаго труда. Цѣль эта сквозитъ и въ наказѣ посламъ, и въ граматахъ Алексѣя Михайловича, и на каждой почти страницѣ обширнаго статейнаго списка. Она состоитъ, какъ мы уже замѣтили,—въ поздравленіи Карла II со вступленіемъ на престолъ и въ возвѣщеніи ему желанія быть съ нимъ въ любительной ссылкѣ, т. е. въ дружественныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ; другими словами—въ международномъ общеніи.

Конечно, путешествіе въ Англію было въ то время такъ трудно, что московское правительство не могло обойтись, что-бы встали не дать посламъ и другихъ порученій. Такъ, въ наказѣ имъ было предписано, чтобы они справились въ Англіи о какомъ то самозванцѣ и ворѣ Фридрихѣ Алебертусѣ, который будто бы называлъ себя въ Англіи Бѣлорусскимъ царевичемъ и по свѣдѣніямъ, полученнымъ московскимъ правительствомъ, испрашивалъ себѣ вспоможенія отъ англійскаго короля. Посламъ велѣно было разузнать про это и заявить англійскому королю, чтобы онъ этого вора приказалъ схватить и передать русскимъ. Затѣмъ одному изъ пословъ, И. Желябужскому, было дано щекотливое порученіе попросить у короля уплаты денегъ, взятыхъ имъ въ долгъ у царя Алексѣя Михайловича. Во время изгнанія Карлъ II обращался ко многимъ государямъ съ просьбою о денежной субсидіи. Онъ не забылъ и московскаго царя. Въ 1650 году пріѣхалъ отъ него черезъ Псковъ посолъ съ граматою, въ которой, послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій, было написано, что Карлъ II проситъ у Алексѣя Михайловича вспоможенія въ размѣрѣ 50,000 фунтовъ, т. е. до 100,000 рублей по стоимости ихъ въ то время „для

¹⁾ Такъ напр., въ 1646 году были отправлены посольства въ Голландію, Швецію и Польшу; въ 1654 въ Испанію и во Францію; въ 1656 въ Венецію; въ 1659 во Флоренцію; въ 1663 въ Англію; въ 1667 къ нѣмецкому императору, въ Данію и къ турецкому султану; также были дипломатическія сношенія съ курфирстомъ Бранденбургскимъ и съ папою. По части азіатскихъ дѣлъ ѣздили послы русскіе въ 1649 въ Грузію, въ 1653 въ Персію и въ 1654 въ Китай.

нашего надобья тому нашему послу, а ему наказано привести къ намъ какіе есть признаки вашей славныя любви и тѣмъ накрѣпко одолжить насъ вѣчно противъ воздавать во всякомъ любви“,—говорится въ довольно плохомъ современномъ переводѣ граматы англійскаго короля; „а въ подлинной расплатѣ приказали мы нашему послу въ дву наказехъ за нашею большою печатью англійскія земли укрѣпить насъ тѣмъ обычаемъ, какъ въ наказѣ писано“. Грамата писана была въ С.-Жерменѣ. Не велики было средства московскаго государя, но онъ не отказалъ своему „любительному брату“, какъ онъ продолжалъ называть Карла, не смотря на изгнаніе. Въ отвѣтной граматѣ Алексѣя Михайловича писано, что онъ „велѣлъ дати по вашему королевскому величеству на вспоможенье и на ссуду изъ нашей казны соболей на 20,000 рублей“¹⁾. Про эту ссуду и поручено было напомнить королю. Въ свою очередь московскій государь приказалъ попросить у короля нѣсколько тысячъ ефимковъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратить ихъ товарами, пенькою, поташемъ, погодно, какъ будетъ положено въ договорѣ. Желябужскому было также велѣно попытаться занять денегъ и у купцовъ²⁾. Эти два порученія, какъ очень деликатныя, изложены были въ особомъ „тайномъ наказѣ“³⁾ Желябужскому, а въ общемъ наказѣ не значатся. Кромѣ того, на пословъ было возложено обычное порученіе, по возможности узнавать и записывать свѣдѣнія о разныхъ диковинныхъ вещахъ. Но всѣ эти порученія очевидно находятся на второмъ планѣ. Главную цѣль посольства было установленіе любительной ссылки съ англійскимъ королевемъ независимо отъ потребностей и обстоятельствъ минуты.

Это стремленіе къ общенію съ другими народами составляло величайшую заботу Алексѣя Михайловича и представляетъ одну изъ наиболѣе характеристичныхъ сторонъ его царствованія. Оно не есть слѣдствіе личной прихоти царя. Въ этомъ отношеніи Алексѣй Михайловичъ является послѣдователемъ прежнихъ государей и предшественникомъ Петра Великаго, болѣе рѣшительнымъ образомъ повернушаго Россію на западъ. Съ другой стороны, стремленіе московскаго правительства къ тѣсному сближенію съ другими государствами не было, конечно, и одной идеей, абстрактнымъ принципомъ: оно вытекало изъ самыхъ потребностей русской жизни въ ту эпоху. Русскіе люди уже успѣли сознать, какъ они во многихъ отношеніяхъ далеко отстали

¹⁾ „Пріѣздъ въ Москву и отпущъ аглинскаго посла лорда барона Джана Кульпипера съ извѣщеніемъ о бывшемъ въ Англїи бунтѣ и убивствѣ короля Карла I и съ прошеніемъ о помочи деньгами на мятежниковъ. 1650 марта 20—іюня 28.“ Это не единственный случай вспомошествованія иностраннымъ государямъ.

²⁾ „Отписки бывшаго въ Англїи посла Ивана Желябужскаго о порученной ему по тайному наказу комисіи касательно взаимн денегъ у торговыхъ разныхъ націй людей. Тутъ же и статейный списокъ о примѣченныхъ имъ въ разныхъ государствахъ достойныхъ вещахъ.“

³⁾ Тамъ же.

отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Они видѣли, что иностранцы, хотя и басурманы, и обычаи ихъ, съ русской точки зрѣнія, нехорошіе, все-таки умнѣе, ученѣе, богаче ихъ. Всякій разъ почти какъ приходилось русскимъ сталкиваться съ нѣмцами, они испытывали неудачи. Въ военномъ отношеніи они далеко не могли тягаться съ иноземцами; они были слабѣе и въ отношеніи къ наукамъ, промысламъ, торговлѣ, „Намъ съ ними не стянуться“, говорили русскіе про иноземцевъ. Потребность воспользоваться и готовыми плодами западной цивилизаціи, насколько они соотвѣтствовали русскимъ нуждамъ, и поучиться у иноземцевъ всякой наукѣ и художеству, и обезпечить себѣ правильный, безобидный сбытъ своихъ произведеній, чтобы имѣть средства пріобрѣсти чужеземные продукты,—вотъ тѣ реальныя побужденія, которыя двигали Россію на Западъ. И въ этомъ стремленіи Россіи къ сношеніямъ съ другими народами проявляется одинъ и тотъ же общій для всѣхъ государствъ и народовъ законъ. Дѣло въ томъ, что на извѣстной ступени развитія ни одинъ народъ, при нормальныхъ условіяхъ, не можетъ уклониться отъ общенія съ другими народами и чувствуетъ въ этомъ настоятельную потребность. Различіе между отдѣльными народами состоитъ въ этомъ отношеніи лишь въ томъ, что для одного народа этотъ моментъ наступаетъ раньше, для другого—позднѣе. Для нашего отечества онъ наступилъ, въ силу особенныхъ историческихъ и географическихъ условій, сравнительно поздно. Раскинувшись на широкой равнинѣ, которая служила дорожкой для массы дикихъ племенъ, въ теченіе столѣтій приливавшихъ изъ Азіи въ Европу, русскій народъ долженъ былъ выносить на себѣ первый натискъ дикарей. Населяя, по выраженію С. М. Соловьева, Украину Европы, русское государство представляло какъ бы военную линію, которая сдерживала бы эту грубую азіатскую силу. Для сопротивленія постоянно прибывавшимъ племенамъ потребны были громадныя усилія, оставившія неизгладимый до сихъ поръ слѣдъ на нашей исторіи.

Не малымъ тормазомъ для развитія нашего отечества служила и обширность страны, малочисленность и бѣдность населенія, отдаленность отъ моря. Нужны были чрезвычайныя усилія, огромныя жертвы, чтобы русскій народъ при столь не благоприятныхъ условіяхъ могъ сплотиться въ государство. Для этого потребно было много времени и вотъ почему Россія такъ долго была изолирована отъ другихъ народовъ. Только управившись съ Азіей и съ своими внутренними дѣлами, она могла почувствовать потребность въ сближеніи съ другими государствами. Эта пора наступаетъ для нея въ XVII в. и мы видимъ, что московское правительство употребляетъ всѣ усилія, дѣлаетъ всевозможныя попытки, чтобы завязать правильныя сношенія съ Европой. Одну изъ такихъ попытокъ и представляетъ посольство въ Англию кн. Прозоровскаго и И. Желябужскаго съ возвѣщеніемъ любительной ссылки и братской дружбы.

Но, стремясь къ общенію съ другими народами, Россія выходила на этомъ пути уже сложившимся государствомъ, съ выработанными политическими убѣжденіями, опредѣленными интересами, ясно сознанными потребностями. Такое самосознаніе рельефно проявляется въ каждомъ словѣ документовъ, касающихся посольства кн. Прозоровскаго.

Прежде всего такъ и сквозить глубокое сознаніе московскаго государя о своемъ личномъ царскомъ достоинствѣ. Воспитанный въ преданіяхъ московскаго двора, онъ естественно придавалъ этому достоинству нѣсколько теократическій характеръ. Московскій государь былъ искренно убѣжденъ, что его поступки руководятся Божьими повелѣніями. Въ грамотахъ къ Карлу II, въ рѣчахъ пословъ, религиозный элементъ сказывается довольно рѣзко ¹⁾.

Сознаніе своего высокаго положенія проявлялось внѣшнимъ образомъ въ требованіи къ себѣ уваженія въ отношеніи церемоніала. Отсюда крайняя щепетильность московскаго государя ко всей обрядовой сторонѣ пріемовъ его посольства. Въ наказѣ подробно говорится какъ должны вести себя послы и что требовать, чтобы не умалить государева достоинства. Послы должны были постоянно наблюдать, кто шель по правую руку, кто по лѣвую, не сидѣлъ ли кто на болѣе почетномъ мѣстѣ, чѣмъ они, не присутствовали ли иностранные послы на пріемахъ у короля, и т. п. Въ особенности же вмѣнялось имъ въ обязанность требовать, чтобы король слушалъ грамоту московскаго государя, или спрашивалъ о его здоровьѣ, снявъ шляпу и вставъ съ мѣста. Кромѣ того, посламъ было наказано отзываться о нравственныхъ и даже физическихъ качествахъ государя не иначе какъ хвалебно; въ наказѣ были прописаны даже тѣ выраженія, которыя они должны были при этомъ употреблять. Они въ тоже время должны были засвидѣтельствовать, какимъ уваженіемъ и любовью пользуется государь ихъ со стороны не только подвластныхъ ему, но также и иноземныхъ народовъ. Въ подробностяхъ своего внѣшняго проявленія это сознаніе московскаго царя о своемъ высокомъ положеніи иногда принимаетъ довольно наивный характеръ. Но въ своихъ основаніяхъ оно имѣетъ много серьезнаго и ничего неестественнаго не представляетъ.

Кромѣ признанія своего личнаго достоинства московскій государь требуетъ уваженія и къ своимъ правамъ и атрибутамъ какъ монарха, царя и великаго князя всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси самодержца, и проч. Онъ настаиваетъ на безусловномъ признаніи своихъ правъ надъ всѣми принадлежащими ему землями. Отсюда требованіе

¹⁾ „А великаго государя грамота послана къ аглинскому королю такова:
„Милосердія ради милости Бога нашего въ нихъ же посѣти насъ востокъ свыше. во еже направити ноги наша на путь миренъ его убо Бога нашего въ троицѣ славному милостію, мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержецъ.“—Статейный списокъ Прозоровскаго и Желябужскаго.

соблюденія другими государями всѣхъ подробностей титула московскаго государя въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ самъ себя „описуетъ“. Надъ такую щепетильность по отношенію къ титулу у насъ не разъ смѣялись. Но эти насмѣшки по меньшей мѣрѣ неосновательны. Въ настоящее время перечисленіе въ титулѣ всѣхъ наименованій царствующей особы уже утратило свое значеніе. Бываютъ случаи, когда оно даже излишне. Но въ ту отдаленную эпоху, про которую мы говоримъ, соблюденіе со стороны другихъ государей полнаго титула служило актомъ международнаго признанія московскаго государя дѣйствительнымъ обладателемъ всѣхъ тѣхъ странъ, названіе которыхъ помещено въ его полномъ титулѣ. А такое признаніе имѣло конечно большое политическое значеніе.

Требуя соблюденія своего титула, московскій государь всегда старался не умалить и титула государей, съ которыми находился въ сношеніяхъ. Съ этою цѣлью велись особыя книги, Титулярники, въ которыхъ записаны были титулы владѣтельныхъ особъ въ той самой формѣ „какъ они сами себя описуютъ“¹⁾. Въ наказѣ Прозоровскому и Желябужскому не одинъ десятокъ мелко написанныхъ страницъ посвященъ вопросу о титулѣ.

Сознаніе своего высокаго личнаго и государственнаго значенія служило московскому государю исходной точкой и для опредѣленія своихъ отношеній съ правительствами другихъ государствъ. Онъ считалъ возможнымъ имѣть дружественныя сношенія только съ законными правителями. Съ узурпаторами, революціонерами, онъ вступать въ дружественныя отношенія не желалъ. Конечно, на практикѣ приходилось иногда уклоняться отъ строгаго примѣненія этого правила, но всё таки нельзя не видѣть, что принципъ легитимизма игралъ важное значеніе при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ принципъ особенно рѣзко выразился въ переговорахъ съ Оливеромъ Кромвелемъ по вопросу о торговлѣ англичанъ въ Россіи. Эти переговоры тѣсно связаны и съ исторіей посольства кн. Прозоровскаго и Желябужскаго и мы поэтому считаемъ не лишнимъ остановиться на нихъ.

Сношенія московскаго государя съ Англіей прервались въ 1649 г. когда казненъ былъ король Карль I. Къ этому же времени относится и лишеніе англичанъ тѣхъ великихъ вольностей и привилегій, которыми они, въ ущербъ русскимъ интересамъ, такъ долго пользовались въ московскомъ государствѣ. Убіеніе короля, какъ большое злое дѣло, было однимъ изъ мотивовъ лишенія ихъ этихъ привилегій; по крайней мѣрѣ въ официальныхъ грамотахъ къ Англіи московское правительство весьма охотно ссылается на этотъ мотивъ. Англійскіе купцы не теряли однако надежды на восстановленіе своихъ привилегій; по этому поводу въ 1654 году прибылъ въ Москву послан-

¹⁾ Въ московскомъ Гл. Архивѣ М. И. Д. сохранилось нѣсколько такихъ Титулярниковъ.

никъ Уильямъ Придаксъ отъ Оливера Кромвеля ¹⁾). По всему видно, что прїѣздъ Придакса не понравился Алексѣю Михайловичу. Посоль англійскаго протектора былъ принятъ очень сухо, если не болѣе. Уже по части церемоніала ему пришлось испытать много унижительнаго съ точки зрѣнія того времени. Такъ напр. царь не всталъ, спрашивая о здоровьѣ Кромвеля. Придаксъ заявилъ неудовольствіе. „Государство наше ничѣмъ не убыло, говорилъ онъ, испанскій, французскій, португальскій короли и венеціанскіе статы воздають владѣтелю нашему честь какъ и прежнимъ королямъ“. Послу отвѣчали, что другія государства царю не примѣръ. Придаксъ жаловался и на то, что сняли съ него шпагу и что приставъ сидѣлъ съ нимъ въ саняхъ по правую сторону. За это передъ нимъ даже не извинились. „Какъ въ Московскомъ государствѣ повелось, такъ и дѣлають“, сказали ему бояре, бывшіе въ отвѣтъ; а тебѣ въ чужомъ государствѣ выговаривать про чины не годится“. Возстановленія привилегіи англійскимъ купцамъ Придаксъ конечно не добился. Въ отвѣтной грамотѣ англійскому протектору, написанной довольно вѣжливо, хотя и съ высока, уклончиво говорится, что московскому правительству теперь не досугъ заняться этимъ вопросомъ ²⁾).

Затѣмъ никакой посылки къ Кромвелю не послѣдовало, точно также какъ и милостиваго указа для англійскихъ купцовъ. Напротивъ, Алексѣй Михайловичъ чѣмъ могъ содѣйствовалъ возстановленію законнаго короля Англїи на престолѣ.

Такимъ образомъ въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ московскій государь соблюдалъ тотъ принципъ, который теперь носитъ названіе легитимизма. Ка этому принципу мы не можемъ отнестись отрицательно; въ ту отдаленную эпоху онъ былъ явленіемъ совершенно естественнымъ и мы не видимъ, чтобы онъ принесъ вредъ нашему отечеству.

Къ тому же у московскихъ государей при тѣсной связи, которая существовала между ними и народомъ, при ясномъ представленіи о его нуждахъ и потребностяхъ, примѣненіе этого принципа на практикѣ часто выходило чрезвычайно удачно для народныхъ интересовъ. Такъ между прочимъ было и въ приведенномъ примѣрѣ. Алексѣй Михайловичъ ловко воспользовался „премѣненіемъ“ въ англійскомъ государствѣ, какъ однимъ изъ предлоговъ отобрать у англичанъ привилегіи, невыносимыя для русскихъ купцовъ. Московскій государь никогда не жертвовалъ народными интересами ради какого либо абстрактнаго принципа или личной симпатїи. Интересы народа всегда стояли на первомъ планѣ въ ряду государственныхъ заботъ его и въ

¹⁾ „Прїѣздъ въ Москву англійскаго посланника Ульяма Придакса отъ Оливера Кромвеля владѣтеля надъ статї Англійской, Шкотской, Урландской земель для исходатайствованія купцамъ англійскимъ торговать въ Россїи безошплинно....“ 1654 г. Англійскїя дѣла, № 2, св. 18.

²⁾ Объ этомъ говорить и С. М. Соловьевъ въ XII т. своей Исторїи Россїи.

этомъ состоитъ одно изъ основныхъ положеній, которыми руководствовалось московское правительство въ XVII вѣкѣ въ сношеніяхъ съ Западомъ.

Итакъ, сознаніе своего личнаго и государственнаго достоинства, легитимизмъ, народныя интересы, вотъ тѣ главные пункты, около которыхъ группировались убѣжденія московскаго правительства въ его сношеніяхъ съ другими народами.

Въ рѣзкомъ противорѣчій съ столь высокими задачами, преслѣдуемыми московскимъ правительствомъ, находится та скудость средствъ, которыми оно могло располагать. Бѣдность свѣдѣній о другихъ государствахъ и ихъ отношеніяхъ между собою, недостаточность образованія, бѣдность финансовъ—вотъ что тормозило дѣятельность государственныхъ людей Россіи въ то время. „Воплемъ отчаянія, по выраженію С. М. Соловьева, на неимѣніе средствъ начиналось и кончалось царствованіе государей этой эпохи. При династіи Романовыхъ Москва наполнялась иностранцами, которымъ даются привилегіи для учрежденія разныхъ промысловъ и предпріятій. Вызываются ученые, военные. Но на все это нужны деньги, а денегъ нѣтъ, народъ обремененъ податями“.

И въ томъ посольствѣ, которымъ мы занимаемся, эта скудость выразилась весьма рельефно. Сознвая недостаточность своихъ свѣдѣній объ иностранныхъ государствахъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ наказѣ посламъ велѣлъ имъ тщательно развѣдывать про внутреннее состояніе и взаимность отношеній государствъ между собою. Но все было въ этой области такъ ново и диковинно для русскихъ, что изъ отписокъ ихъ не видать, чтобы они уяснили себѣ сущность положенія дѣлъ въ Европѣ. Только нѣсколько лѣтъ спустя одинъ изъ московскихъ пословъ сумѣлъ дать московскому правительству обстоятельный отчетъ о конституціи Англіи. Да и то это сдѣлано было иностранцемъ, который былъ облеченъ званіемъ русскаго посла ¹⁾. Изъ дневника пребыванія Прозоровскаго и Желябужскаго въ Англіи видно, что имъ мало знакомы иноземныя обычаи; это не разъ вызывало возможность столкновеній, которыя устранялись только особенною любезностью и предупредительностью со стороны англичанъ. Но бѣдность свѣдѣній не была еще такъ велика, какъ бѣдность средствами матеріальными. Не Богъ знаетъ что стоило отправить посольство въ Англію—всего тысячъ 10 рублей, да и то эти деньги собирались нѣсколько мѣсяцевъ. Московское правительство не было въ состояніи выдать сразу жалованье и прогнать лицамъ, принимавшимъ участіе въ посольствѣ ²⁾.

¹⁾ Статейный списокъ Андрея Виніуса 1667 г. Англійскія дѣла, св. 18, № 4.

²⁾ „Марта въ 3 день велено дати Великаго Государя жалованья дворяномъ которымъ быти съ стольникомъ съ княземъ Петромъ Семеновичемъ.

„Февраля въ 26 день велено дати Великаго Государя жалованья для аглинскіе жъ послышки жильцу Павлу Богину по окладу ево на два гсда.

Это противорѣчіе между высокими стремленіями московскаго правительства и скудостью средствъ какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ, составляетъ одну изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ царствованія Алексѣя Михайловича. Оно вездѣ проявляется и въ описаніи посольства Прозоровскаго и Желябужскаго.

II.

Лица, участвовавшія въ посольствѣ. — Матеріальныя его средства. — Поминки. — Царскія грамоты. — Путешествіе по Россіи до Риги. — Приемъ въ Ригѣ. — Путешествіе по морю до Зунда. — Встрѣча съ англійскимъ кораблемъ. — Приѣздъ въ Англію.

Съ первыхъ же словъ статейнаго списка Желябужскаго и князя Прозоровскаго видно, какъ серьезно было озабочено московское правительство отправленіемъ посольства въ Англію. Долгомъ первой важности было, конечно, избраніе лицъ, которымъ можно было бы дать столь мудреное порученіе. Выборъ палъ на дворянина Ивана Желябужскаго, князя Петра Семеновича Прозоровскаго и дьяка Ивана Давыдова. Въ статейномъ спискѣ послы пишутъ о себѣ почти всегда вмѣстѣ, такъ что по статейному списку очень трудно разобрать, какую роль игралъ каждый изъ нихъ. Но изъ другихъ документовъ ¹⁾, относящихся къ этому посольству, можно судить, что князь Прозоровскій имѣлъ, главнымъ образомъ, представительное значеніе, тогда какъ Желябужскому даны были болѣе сложныя и деликатныя порученія, въ родѣ, на примѣръ, займа денегъ, истребованія долга и т. п. Дьякъ Давыдовъ исправлялъ секретарскія обязанности ²⁾. При посольствѣ былъ переводчикъ Андрей Форотъ, иностранецъ, чиномъ полковникъ. Были и другіе переводчики изъ русскихъ, но они

„Юня 5-го дано Великаго Государя жалованья аптекарскаго приказу толмачу Ивану Романову да рейгарского строя Томосова полку прапорщику Виліму Хеймзу“.

Жалованье было выдано въ 18 приемовъ.—„Отправленіе въ Англію пословъ Прозоровскаго и Желябужскаго.“

¹⁾ Отписка Желябужскаго и тайный наказъ ему и другимъ.

²⁾ О всѣхъ этихъ лицахъ намъ удалось собрать очень мало свѣдѣній. Желябужскій ѣздилъ за границу въ первый разъ. Потомъ онъ былъ въ большой милости у царя и ему давались не однократно весьма важныя порученія. Въ Англіи онъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе—его упрекаютъ въ гордости и сварливомъ характерѣ. Онъ поссорился съ Иваномъ Гебдономъ—резидентомъ въ Голландіи.

О князѣ Прозоровскомъ есть довольно свѣдѣній въ разныхъ актахъ. Но у него былъ братъ, также Петръ Семеновичъ, такъ что почти нельзя разобрать, въ которомъ изъ братьевъ относятся эти свѣдѣнія. Про нашего князя Петра Семеновича съ полною достовѣрностью можно сказать лишь то, что онъ почти постоянно участвовалъ въ приемѣ пословъ. Про характеръ его отзываются, что онъ мягокъ и обходителенъ. См. тѣ же документы. Родословная кн. Долгорукаго, I, 191. Акты Археологической Экспедиціи, т. IV, стр. 382, 385, 388, 389, 394, 401, т. V стр. 28, и др.

стояли на второмъ планѣ и изъ статейнаго списка не видно ихъ дѣятельности. За то Андрей Өоротъ всегда выдѣлялся и послы часто прибѣгали къ его содѣйствію не только въ дѣлѣ перевода, но и въ другихъ болѣе важныхъ случаяхъ.

При посольствѣ ѣхалъ и священникъ. Съ послами былъ отправленъ, кромѣ того, цѣлый штатъ дворянъ, жильцовъ, конюховъ, солдатъ, собольщиковъ и другихъ, всего до 100 человекъ. Московское правительство видимо желало придать посольству пышный и торжественный характеръ.

Матеріальныя средства, которыми было снабжено посольство, состояли частью изъ денегъ, частью изъ натуральныхъ продуктовъ, съѣстныхъ, питейныхъ или мѣховыхъ. Денегъ было отпущено около 7,000 рублей. Небольшая сумма была выдана голландскими ефимками. Съ послами было отправлено нѣсколько бочекъ меду вишневаго, малиноваго и инбирнаго. О томъ, сколько кому меду выпить, приложена при статейномъ спискѣ особая роспись. Большому, именитому человѣку полагалось и больше меду пить.

По особой росписи были отправлены съ послами поминки, т. е. подарки англійскому королю и королевѣ. Ихъ было на значительную сумму. Они, главнымъ образомъ, состояли изъ мѣховыхъ товаровъ. Интересны были экземпляры живыхъ птицъ и животныхъ ¹⁾.

Съ послами была отправлена грамота къ англійскому королю. Въ виду особой торжественности посольства, она имѣла весьма изящный и богатый видъ ²⁾.

На тотъ случай, еслибы пословъ на пути въ Англію задержали, имъ были выданы проѣзжія грамоты ко всѣмъ государямъ, черезъ владѣнія которыхъ они должны были проѣзжать.

Самый путь ихъ былъ опредѣленъ на Новгородъ, Псковъ, Ригу, потомъ моремъ до Англіи. Чтобы дать возможность англійскому королю достойнымъ образомъ приготовиться къ встрѣчѣ посольства, былъ посланъ въ Англію впередъ, въ качествѣ гонца, дворянинъ Иванъ Богинъ ³⁾. Съ нимъ же было предписано воеводамъ всѣхъ го-

¹⁾ Изъ росписи, приложенной къ статейному списку видно, какія были посланы въ Англію поминки:

9 кречетовъ, 3 сокола, 4 ястреба, 2 бабы, 2 колли, 3 цапли,—всего 23 птицы; 2 куницы, 2 горносталя, 6 верблюдовъ и лисицъ живыхъ; бархату (восточнаго) на 65 р.; цки горносталяные съ рукавы по 28 р. 2 цки; 4 шубы собольи — 2,200 руб., соболей на 2,955 руб.; ковры на 50 р.; 20 пуд. костей рыба зуба; 4 турецкихъ лука, 2 армака; 10,000 пудовъ 1000 берковцевъ пеньки. (Пенька посылалась только подъ видомъ подарка для продажи).

²⁾ „Бѣлая грамота, писана на среднемъ александрѣйскомъ листу, каймы съ фигуры и богословіе и государево имя по „Московского“ писано золотомъ, подписъ дѣячя на загибке, запечатана государственною большою печатью на красномъ воску подъ кустодію, послана въ камѣй червчатой въ полъ аршина.“

³⁾ „Отправленіе въ Англію жильца Паела Богина съ извѣщеніемъ о слѣдующемъ за нимъ въ Англію російскомъ посольствѣ.“ Англійскія дѣла, св. 19, об. 1.

родовъ, на которые должны были ѣхать послы, заготовить имъ подводы и дать приставовъ на дорогу.

Самые сборы были очень продолжительны, они длились около восьми мѣсяцевъ. Наконецъ, 27 мая 1662 года великихъ пословъ позвали къ рукѣ государя. 11 июня они отправились въ далекое и трудное путешествіе.

Ѣхали великіе послы, какъ имъ было указано, до шведской границы на Тверь, Новгородъ, Псковъ. Здѣсь уже знали о ихъ пріѣздѣ и приготовили имъ подводы и гдѣ нужно струги (лодки) и дали приставовъ до границы. Путешествіе шло, не смотря на предписаніе ѣхать на спѣхъ, очень медленно. До Пскова ѣхали 10 недѣль. За Псковомъ пословъ нагналъ гонецъ изъ Москвы, привезшій имъ еще 3,500 ефимковъ золотомъ для найма корабля. Такихъ гонцовъ съ разными порученіями изъ Москвы присылали посламъ во время ихъ путешествія нѣсколько разъ. Съ ними послы отписывали въ Москву объ обстоятельствахъ своего путешествія. Изъ Пскова посланъ былъ въ Ригу переводчикъ Ѳоротъ для найма кораблей. Передъ отъѣздомъ изъ Пскова туда пріѣхалъ изъ Англии Богинъ, который ѣздилъ возвѣстить Карлу II о посольствѣ князя Прозоровскаго и Ивана Желябужскаго. Эта встрѣча была напередъ разсчитана московскимъ правительствомъ и Богину велѣно было предъявить посламъ свой статейный списокъ. Они прочли этотъ важный для нихъ документъ и поѣхали къ шведской границѣ.

Первый городъ, въ который они пріѣхали, былъ Новгородикъ. Шведы приняли ихъ вѣжливо, даже стрѣляли въ честь ихъ изъ двухъ пушекъ, но приставовъ и провожатыхъ до Риги, о чемъ просили ихъ послы, дать не могли за недостаткомъ людей. Точно также не могли дать русскимъ посламъ пристава и въ другомъ городѣ, черезъ который они проѣзжали по дорогѣ въ Ригу. За то пріемъ въ Ригѣ отличался торжественностью. Еще далеко отъ Риги встрѣтилъ ихъ посланный отъ „державца“ города Риги, который долженъ былъ состоять при нихъ приставомъ. Послы, подѣзжая къ городу, заранѣе условились въ церемоніалѣ пріема. За три версты до города встрѣтили ихъ кареты съ депутатами отъ города и отъ „генерала“. При вѣздѣ въ городъ стрѣляли изъ пушекъ. Въ Ригѣ имъ приготовлены были помѣщенія, за которыя однако нѣмцы не позабыли взять съ пословъ деньги за „постоялое“.

Во время пребыванія русскаго посольства въ Ригѣ, возникъ интересный вопросъ объ осмотрѣ товаровъ, которые они везли съ собою и о наложеніи на нихъ таможенной пошлины. Русскіе послы энергично протестовали противъ этого. Они доказывали, что имѣютъ, въ силу принятыхъ посольскихъ обычаевъ и „докончанья“ съ шведскимъ королемъ, право на безошлинный и безпрепятственный провозъ товаровъ въ Англію. Генералъ долго не соглашался и, наконецъ, потребовалъ отъ русскіхъ пословъ подписки въ томъ, что съ ними не

ѣдутъ торговые люди и не везутъ товаровъ для продажи. Русскіе не пошли и на это. Они упрямо отказывались давать какую бы то ни было подписку и говорили, что не позволяютъ осматривать свои товары, предоставляя генералу „учинить грабительство“ и ломать коробки и ящики, если они посмѣютъ сдѣлать это. На такое крайнее средство не рѣшились нѣмцы. Генераль просилъ пословъ дать письменное ручательство, если не за своею подписью, то по крайней мѣрѣ за подписью Өорота. Онъ видимо боялся обвиненія со стороны своего правительства въ томъ, что пропустилъ русскіе товары по нерадѣнію. Наконецъ, согласились на это русскіе послы и пререканія кончились благополучно. Передъ отъѣздомъ русскіе были приглашены на торжественный обѣдъ, на которомъ шили за здоровье государей московскаго и шведскаго. Дня черезъ два послѣ этого послы отплыли изъ Риги.

Путешествіе по морю произвело сильное впечатлѣніе на русскихъ пословъ, повидимому, въ первый разъ пльвшихъ на кораблѣ ¹⁾.

И ѣхали они къ тому же по Балтійскому морю въ самое неблагоприятное время. Въ октябрѣ на немъ всегда свирѣпствуютъ бури. „И октября 2 числа поднялась на морѣ погода, писали они въ своемъ дневникѣ, и корабль носило по морю... И былъ на морѣ вѣтеръ и погода противная и отнесло корабль въ сторону... И настала погода великая и корабль носило бурю“...

До Зунда ѣхали они около двухъ недѣль.

Въ Зундѣ корабль присталъ къ городку.

На корабль сейчасъ же явились „караульщики“, т. е. чиновники, которымъ порученъ былъ осмотръ товаровъ и взиманіе съ нихъ пошлинъ и увезли съ собой хозяина корабля. Это было въ эпоху величайшаго стѣсненія судоходства по проливамъ и было совершенно въ порядкѣ вещей. Но послы знали о своемъ преимущественномъ положеніи и сейчасъ же послали на берегъ переводчика Андрея Өорота съ протестомъ. Кромѣ того, они возложили на него порученіе испросить дозволеніе свободной покунки необходимыхъ припасовъ и присылки лодокъ для перевозки припасовъ на корабль. Послы требовали, чтобъ имъ немедленно же послѣ этого дали свободный отпускъ ѣхать дальше. Отвѣтъ былъ весьма благопріятный: къ кораблю прислали нѣсколько казенныхъ датскихъ лодокъ безъ всякаго за это вознагражденія и дозволили покупать все, что угодно было посламъ безопасно. Объ отпускѣ же послали на спѣхъ въ Копенгагъ (Копенгагенъ) къ самому королю. Король, въ свою очередь, не задержалъ отвѣтомъ.

Во время стоянки русскаго посольства въ Зундѣ, къ кораблю ихъ пристали лодки съ стоявшаго неподалеку отъ него англійскаго судна.

¹⁾ „И октября 2-го ѣхали моремъ... и ни на которой сторонѣ земли не видали“.

Узнавши, что на кораблѣ ѣдутъ русскіе послы, бывшіе въ лодкѣ объявили, что они присланы отъ англійскаго короля встрѣтить ихъ и пригласить ихъ на англійскій корабль со всею свитою и товарами. Князь Прозоровскій и Желябужскій согласились переѣхать, но это оказалось не совсѣмъ удобно. На англійскомъ кораблѣ было до 300 человѣкъ команды, такъ что не хватало мѣста ни для людей, ни для поминковъ, которые везли съ собою послы. Рѣшено было свиту, припасы, животныхъ и птицъ, оставить на наемномъ голландскомъ кораблѣ.

Пробывъ за противнымъ вѣтромъ еще нѣсколько дней въ Зундѣ, оба корабля вышли въ открытое море. Бурей ихъ разъединило, такъ что въ Гревзендѣ послы пріѣхали задолго до прибытія въ этотъ городокъ голландскаго корабля съ ихъ свитою.

III.

Пробываніе въ Гревзендѣ. — Переговоры съ голландскимъ резидентомъ. — Болѣзнь Прозоровскаго. — Пріѣздъ въ Лондонъ. — Торжественная встрѣча. — Переговоры о церемоніалѣ. — Аудіенція у короля.

Въ Гревзендѣ пріѣхалъ къ посламъ на кораблѣ Иванъ Гебдонъ, московскій резидентъ въ Голландіи. Онъ привезъ имъ питья и яствъ отъ англійскаго короля, который велѣлъ ему спросить о здоровьѣ ихъ. Послы поблагодарили и затѣмъ обратились къ Гебдону съ просьбою официально извѣстить короля о ихъ прибытіи; самимъ послать къ королю съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ имъ казалось неприличнымъ и несогласнымъ съ ихъ достоинствомъ. Кромѣ того, они попросили Гебдона вообще содѣйствовать имъ въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія.

Въ отвѣтъ на это, Гебдонъ наговорилъ имъ массу любезностей, твердилъ имъ о преданности своей московскому государю, но ничего не хотѣлъ дѣлать для нихъ, если они не покажутъ ему грамоты къ нему отъ царя. Безъ грамоты или письма отъ Алексѣя Михайловича Гебдонъ отказывался отъ всякаго участія въ дѣлахъ посольства. Грамоты такой у пословъ не было. Долго уговаривали они его, выставляя ему на видъ, что онъ, какъ человѣкъ состоящій на службѣ у московскаго царя, обязанъ помогать имъ и что государь не оставитъ его заслугъ безъ награды. Хитрый англичанинъ не поддавался: ему видимо хотѣлось, чтобы послы отъ имени царя общались ему что-нибудь опредѣленное въ уплату за труды. Мало по малу споры приняли довольно острый характеръ. Послы упрекали Гебдона въ неблагодарности и въ недовѣрїи; Гебдонъ заявилъ, что если не будетъ исполнено его желаніе, то онъ туда сбѣжитъ, гдѣ не найти его никогда; пусть тогда послы дѣлаютъ, какъ знаютъ! говорилъ онъ. Но, видя

что послы твердо стоятъ на своемъ, онъ сообразилъ, что въ концѣ концовъ для него будетъ невыгодно совершенно поспорить съ ними: онъ смирился и, выпросивъ у пословъ обѣщаніе похлопотать за него предъ государемъ, поѣхалъ въ Лондонъ извѣстить короля о пріѣздѣ московскаго посольства. Этимъ, впрочемъ, не ограничилось его двух-смысленное поведеніе относительно пословъ, пребываніе которыхъ въ Англіи было ему, повидимому, такъ неприятно. Онъ и позднѣе старался вредить имъ, хотя и не пропускалъ случая попользоваться отъ нихъ. По донесенію Желябужскаго, Гебдонъ утаивалъ деньги, которыя получалъ отъ короля на содержаніе русскаго посольства, и содержаніе давалъ имъ плохое. Королю же онъ жаловался, что русскіе потребляютъ немѣрное количество припасовъ и вина. Улышавъ про эту жалобу, послы дали королевскому правительству роспись, сколько нужно имъ припасовъ, и по этой росписи просили выдавать имъ. Желябужскій жаловался также, что лучшія комнаты на посольскомъ дворѣ Гебдонъ занялъ самъ или роздалъ своимъ пріятелямъ изъ нѣмцевъ, а русскимъ отвелъ помѣщенія похуже; нѣкоторыхъ изъ 'нихъ онъ помѣстилъ „въ такую палатишку, что и войти въ нее скаредно“. Самъ Гебдонъ писалъ про Желябужскаго доносы въ Москву, причемъ обвинялъ его во всякихъ безобразіяхъ. Обвиненія его, однако, не подтвердились.

Таковы были люди, къ которымъ принуждены были обращаться русскіе для содѣйствія. Не мудрено, что результаты выходили иногда неблагопріятныя.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Гебдона, явился къ посламъ „ближній королевскій человѣкъ Чарлусъ Катаррель“, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ, вѣжливо спросилъ о здоровьѣ и пригласилъ сойти на берегъ, гдѣ было приготовлено помѣщеніе. Послы благодарили, спросили въ свою очередь о здоровьѣ короля и поѣхали на берегъ.

Встрѣча была блестящая. Лодки были красиво убраны; на берегу дожидались парадныя кареты; народу собралось много и всѣмъ вѣльно было кричать и махать шляпами. Посреди густой толпы зрителей послы важно проѣхали въ назначенный для нихъ домъ.

Посламъ довольно долго пришлось прожить въ Гревзендѣ. Сначала они поджидали голландскій корабль со свитою и поминками; а когда пришелъ этотъ корабль, внезапно заболѣлъ кн. Прозоровскій и проболѣлъ слишкомъ мѣсяць. Король безпрестанно присылалъ спрашивать о его здоровьѣ и вообще выражалъ большое нетерпѣніе увидать пословъ. Во время болѣзни кн. Прозоровскаго, велись переговоры о церемоніаль вѣстрѣчи и пріема посольства въ Лондонѣ. Здѣсь во всей полнотѣ проявилась требовательность и щекотливость московскихъ пословъ относительно виѣшней, обрядовой стороны ихъ порученія. Они требовали, напр., чтобы вся свита ихъ ѣхала отъ пристани до посольскаго двора въ Лондонѣ верхами на лошадахъ, чтобы по-

дарки везли на показъ предъ народомъ вмѣстѣ съ ними. Англичане соглашались на эти требованія, но всякій разъ ставили посламъ на видъ, что просьба ихъ исполняется только ради особой дружбы и братской любви короля ихъ къ московскому царю.

Болѣзнь Прозоровскаго продолжалась такъ долго, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ желанія участвовать въ торжественномъ вѣздѣ въ Лондонъ и согласился, чтобы его прямо провезли водою до посольскаго двора.

11 октября поѣхали послы изъ Гревзенда. Прозоровскаго, больного, перенесли на судно, гдѣ ему приготовлена была постель. Судно было роскошно убрано. Борты его были разцвѣчены и раззолочены; надъ палубой возвышался навѣсъ, устроенный, какъ записали послы въ своемъ дневникѣ, „по каретному“, т. е. такъ, какъ въ каретахъ. Навѣсъ этотъ былъ сдѣланъ изъ краснаго бархата, вышитаго золотомъ и серебромъ. Свита и запасы помѣстились на другихъ судахъ. Не доѣзжая версты семь до Лондона, приставъ, сопровождавшій пословъ, объявилъ имъ, что они могутъ теперь пересѣсть на собственное потѣшное судно короля, которое встрѣтило ихъ на этомъ мѣстѣ. На потѣшномъ суднѣ привѣтствовали ихъ отъ имени короля „близній человекъ его Вилимъ (Виламъ) Крафтъ“. Желябужскій и Давыдовъ пересѣли на эту лодку; Прозоровскій же остался на прежнемъ суднѣ, чтобы прямо ѣхать до посольскаго двора. Съ этого времени послы шли по Темзѣ до Лондона среди многочисленныхъ кораблей и лодокъ, которыя по мѣрѣ приближенія къ Лондону все тѣснѣе и тѣснѣе толпились по рѣкѣ. Съ кораблей палили въ честь пословъ изъ пушекъ; съ лодокъ привѣтствовали ихъ громкими голосами.

На пристани встрѣтили пословъ лондонскій воевода и „Ерль“ (герцогъ) Клевелендъ; поздравивъ ихъ съ благополучнымъ прїѣздомъ и спросивъ о здоровьѣ, англичане пригласили пословъ сойти на берегъ.

Густая толпа народа съ любопытствомъ смотрѣла на гостей изъ далекой страны. У пристани дожидались парадныя кареты и лошади верховыя для свиты; вдоль улицъ выстроены были войска. Послы размѣстились въ экипажахъ, дворяне сѣли на лошадей, сокольники посадили къ себѣ на руку птицъ и шествіе медленно двинулось къ посольскому двору. Противъ этого зданія находились палаты старой королевы-матери; изъ окна палатъ этихъ смотрѣли на блестящій кортежъ король и молодая королева; составитель статейнаго списка съ видимымъ удовольствіемъ записалъ это обстоятельство. Вообще замѣтно, что послы были очень довольны сдѣланнымъ имъ въ Лондонѣ прїемомъ.

Князь Прозоровскій слишкомъ мѣсяцъ пролежалъ больной на посольскомъ дворѣ. Вотъ почему аудіенція у короля могла состояться только въ концѣ декабря. Король безпрестанно посылалъ спрашивать о здоровьѣ князя Прозоровскаго. Во время болѣзни его тянулись переговоры о церемоніалѣ. Интересно, что московскіе послы не только заботились

о томъ, чтобы имъ оказано было какъ можно болѣе почету, но настаивали также и на томъ, чтобы англичане не сдѣлали чего либо унижительнаго для ихъ собственнаго достоинства. Такъ напримѣръ они ни за что не хотѣли быть въ шапкахъ при королѣ или королевѣ, хотя англичане и требовали этого, согласно сложившимся у нихъ понятіямъ о приличіяхъ. Послы нашли невозможнымъ не снять шапокъ при королѣ и поставили на своемъ.

22-го декабря послы отправились въ королевскую палату на аудіенцію. „Убравшись по посольскому обычаю“, сѣли они въ королевскія кареты и, сопровождаемые свитою и всѣми отправленными съ ними поминками, поѣхали по лондонскимъ улицамъ, среди толпившагося народа и разставленныхъ шпалерами войскъ. Въ „Совѣтной Палатѣ“ встрѣтилъ ихъ „Ерль“ Клевеландъ и „Ерль“ Тома Честеръ и пригласили идти въ королевскую палату. Идти пришлось имъ дворомъ, такъ какъ разоренные во времена революціи каменные переходы были еще не возстановлены.

При входѣ въ королевскую комнату, послы поклонились, какъ предписано было въ наказѣ, обычнымъ „рядовымъ“ поклономъ. И король и королева встали при этомъ. Послы сейчасъ же сняли шапки. Подойдя къ королю подали они ему царскія грамоты. Король и пословъ и всю свиту ихъ „позвалъ къ рукѣ“. Когда кончилась эта церемонія, князь Прозоровскій началъ говорить поздравительную рѣчь по наказу. Рѣчь была очень длинная. Въ наказѣ она занимаетъ страницъ сорокъ убористой скорописи. Король, безъ шляпы и стоя, слушалъ ее до половины; потомъ ему надоѣло стоять и онъ сѣлъ. Князь Прозоровскій сейчасъ же пересталъ говорить и Желябужскій замѣтилъ королю, что изъ дружбы къ своему любительному брату московскому государю ему слѣдовало бы и всю рѣчь прослушать стоя. Король сейчасъ же всталъ и затѣмъ уже не садился во все время, когда говорили рѣчи послы. А такихъ рѣчей было сказано не мало—цѣлыхъ восемь, и изъ нихъ пять очень продолжительныхъ. Послы говорили отъ царя, отъ царицы, отъ царевича, отъ себя, говорили особыя рѣчи королевѣ. У королевы они тоже цѣловали руку. Потомъ они поднесли поминки. Нѣкоторые изъ нихъ король принималъ самъ, а потомъ велѣлъ только проносить ихъ предъ собою; не безъ удовольствія разсматривалъ онъ присланные ему цѣнные и рѣдкіе предметы. На обѣдѣ, на который приглашены были послы, они сѣдѣли „въ ближнихъ мѣстахъ“. За обѣдомъ пили за здоровье московскаго царя и его семейства; въ отвѣтъ на это послы пили чашу вина за здоровье короля и королевы. Лишь поздно вечеромъ возвратились послы домой.

IV.

Переговоры объ „отвѣтъ“.—Требованія англичанъ.—Стойкость русскихъ.—Свѣдѣнія о мнимомъ Бѣлорусскомъ царевичѣ.—Переговоры о денежномъ займѣ.—Отпускъ въ Россію.—Результаты посольства.

На аудіенціи король обѣщаль разсмотрѣть грамоту московскаго государя и дать на нее отвѣтъ. Этому отвѣта посламъ пришлось ждать очень долго. Не смотря на ближнія и довольно частыя сношенія съ Россіей у англичанъ не было переводчика. Потомъ когда нашли переводчика и дали перевести ему царскую грамоту, онъ куда то исчезъ и не возвращалъ ни грамоты, ни перевода. Только чрезъ двѣ недѣли отдалъ онъ переводъ. Тогда пословъ попросили къ „отвѣту“.

За одинъ разъ послы не успѣли обо всемъ переговорить съ англичанами и чрезъ нѣсколько дней пословъ попросили во второй разъ въ „отвѣтъ“.

Въ свѣщаніяхъ съ англійскими государственными людьми ясно выразилось стремленіе англійской политики и образъ дѣйствія московскаго правительства.

Англичане все время очень упорно настаивали на томъ, чтобы московскій государь возвратилъ англійскимъ торговцамъ всѣ тѣ привилегіи и вольности, которыми они пользовались раньше.

Со словъ торговыхъ людей они жаловались, что англичане не только стѣснены въ правахъ торговли въ московскомъ государствѣ, но даже изгнаны изъ внутреннихъ его областей, причемъ дворы и имущества ихъ были разграблены. Англичане просили, чтобы московскій государь объяснилъ причину такихъ поступковъ.

Русскіе послы очень осторожно уклонялись отъ рѣшительнаго отвѣта. Они знали почему было отказано англійскимъ купцамъ въ прежнихъ привилегіяхъ, столь тяжелыхъ для русскихъ торговцевъ; но, согласно наказу, объяснили прекращеніе привилегій „толикою смутою“ въ англійскомъ королевствѣ и „противностью“ англичанъ своему законному государю. Съ этой точки зрѣнія главною причиною прекращенія привилегій являлась дружба Алексѣя Михайловича къ англійскому королю. Они прямо отрицали фактъ разграбленія англійскихъ дворовъ въ Россіи и даже сочли нужнымъ обидѣться по этому поводу; черезъ пристава выговаривали они королю, „чтобъ его королевское величество тѣмъ мужичьямъ сплетнямъ не вѣрилъ, и полагался бы на любительную и братскую дружбу московскаго царя, а не на розказни торговцевъ.“ Послы говорили также, что не имѣютъ отъ своего государя наказа по торговымъ вопросамъ. Только Желябужскій подъ конецъ не выдержалъ и сказалъ въ частномъ разговорѣ съ англійскими торговцами, что имъ прежнихъ вольностей не видать. Это произвело переполохъ. Англійское правительство стало бояться, не пере-

бываетъ ли у англичанъ право торговли въ Россіи какое нибудь другое государство, напримѣръ Голландіи. Московскимъ посламъ было тотчасъ же объявлено, что король отправитъ къ ихъ государю великое посольство для учиненія торговыхъ договоровъ.

По вопросу о томъ человѣкѣ, который называлъ себя Бѣлорусскимъ царевичемъ, англичане отвѣтили, что ему дано было отъ короля небольшое денежное вспомошествованіе. Король обѣщалъ, что въ другой разъ онъ непременно прикажетъ схватить всякаго такого человѣка и отошлетъ его къ царю. На возвратномъ пути онъ былъ убитъ своими людьми, которыхъ за это переловили и казнили. Въ Англіи онъ рассказывалъ, что землю у него отбили татары.

Вообще личность этого человѣка представляется довольно загадочною. Въ самомъ дѣлѣ, имя онъ носилъ специфически нѣмецкое—Фридрихъ Албертусъ; называлъ себя Бѣлорусскимъ царевичемъ; рассказывалъ онъ, что землю у него отвоевали татары. Все это взятое вмѣстѣ крайне неурядочно. По всей вѣроятности, этотъ мнимый царевичъ былъ дѣйствительно какой нибудь проходимецъ или по просту „воръ“, какъ говорили послы.

Когда Желябужскій деликатно напомнилъ королевскимъ сановникамъ о деньгахъ, взятыхъ Карломъ II еще въ эпоху его изгнанія въ долгъ у московскаго государя, король сейчасъ велѣлъ уплатить эту сумму. Но когда послы сами попросили отъ имени Алексѣя Михайловича денегъ взаймы, то король отказалъ, говоря, что онъ на королевствѣ вновь, казною не запасся и самъ нуждается въ деньгахъ. Передъ отъѣздомъ послы узнали, что англичане не приняли и тѣхъ десяти тысячъ цудовъ пеньки, которые московское правительство послало въ Англію для продажи.

Вообще, нельзя не замѣтить, что подъ конецъ пребыванія московскаго посольства въ Англіи, англичане сдѣлались по отношенію къ нему гораздо холоднѣе. Королевское правительство было видимо разочаровано въ своихъ надеждахъ добиться отъ русскихъ торговыхъ выгодъ.

Отпускъ князя Прозоровскаго (Желябужскій уже уѣхалъ во Флоренцію), можетъ служить примѣромъ того, какъ измѣнились отношенія англичанъ къ московскому посольству. Обстановка отпуска не имѣла ничего сходнаго съ торжественностью перваго приѣма пословъ. Карета съ послами подѣхала къ заднему крыльцу. На крыльцѣ никто не встрѣтилъ ихъ. Король принялъ ихъ въ своей спальной палатѣ. Изъ королевской свиты въ ней было только нѣсколько человѣкъ, да и тѣ въ будничной одеждѣ. Эта подробность еще сильнѣе отбѣнялась богатымъ костюмомъ князя Прозоровскаго, принарядившагося по „посольскому обычаю“.

Въ очень краткой рѣчи король сухо благодарилъ пословъ и ихъ государя и выразилъ надежду, что отправляемый имъ въ Россію посолъ будетъ имѣть успѣхъ у московскаго государя.

Тѣ подарки, которыми наградила король князя Прозоровскаго и его товарищей, были очень невысокой стоимости; цѣнность ихъ была, можетъ быть, даже ниже тѣхъ поминковъ, которые московскіе послы отъ себя поднесли королю.

Затѣмъ никакихъ другихъ сколько нибудь торжественныхъ проводовъ князь Прозоровскій не удостоился.

5-го іюля, скромно сѣлъ онъ на корабль и чрезъ нѣсколько недѣль прибылъ къ Архангельску, откуда отправилъ въ посольскій приказъ отписку о скоромъ пріѣздѣ англійскаго посланника.

Пріѣздъ этого посланника въ Москву стоитъ въ близкой связи съ посольствомъ, которымъ мы занимались, и мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Посломъ изъ Англій пріѣхалъ графъ Карлейль ¹⁾. Цѣлью пріѣзда онъ выставилъ укрѣпленіе дружбы между государями и возвращеніе привиллегій англійскимъ купцамъ. Съ большимъ почетомъ встрѣтило его московское правительство. Вѣжливо отвѣчало оно на первую половину порученія Карлейля и рѣшительно отказало во второмъ. Англійскія привиллегіи были уничтожены главнымъ образомъ потому, что шли въ разрѣзъ съ интересами русскихъ купцовъ. Этими интересами русское правительство ни за что не хотѣло пожертвовать и вотъ почему Карлейль потерпѣлъ неудачу. Не смотря на всѣ старанія онъ добился только того, что разрѣшено было торговать въ Архангельскѣ и въ Москвѣ десяти англичанамъ, да и то не безопашинно.

Графъ Карлейль уѣхалъ крайне раздраженный. При отъѣздѣ онъ наговорилъ московскимъ боярамъ дерзостей. Но бояре отвѣчали ему хотя и не безъ ироніи, но очень сдержанно. Вообще московское правительство по возможности желало сохранить съ Англією тѣ дружественныя отношенія, для укрѣпленія которыхъ было предпринято посольство князя Прозоровскаго.

Съ цѣлью предупредить наговоры со стороны Карлейля и избѣжать разрыва съ Англією, московскій государь на спѣхъ послалъ къ англійскому королю стольника Дашкова для объясненій по этому дѣлу ²⁾.

Едва ли когда русскому послу пришлось потерпѣть такое безчестіе, какое пришлось вынести отъ англичанъ Дашкову. Въ Англій съ нимъ обошлись крайне невѣжливо и не скрывали передъ нимъ злобы и презрѣнія къ московскому правительству. О братской дружбѣ и любительной ссылкѣ не было уже и помину. Рядъ оскорбленій смѣнилъ тѣ почести, которыя такъ усердно расточало англійское правительство князю Прозоровскому.

Таковъ былъ тотъ тяжелый путь, по которому должны были идти на служеніе своему отечеству государственные люди той эпохи. Но

¹⁾ Англійскія дѣла, 1664 г., № 4, св. 12.

²⁾ Англійскія дѣла, 1664 г., св. 14, № 2.

не смотря на всѣ препятствія они не падали духомъ и не жертвовали интересами народа для выгоды другого государства.

Приложенный къ настоящей статьѣ портретъ князя Прозоровскаго сдѣланъ съ фотографіи художника А. М. Лушева, снятой на бывшей въ 1870 г. въ Петербургѣ выставкѣ историческихъ портретовъ, съ подлинника (вышиною 2 аршина 7 вершковъ и шириною 1 аршинъ 15 вершковъ), принадлежащаго княгинѣ Еленѣ Павловнѣ Кочубей, рожд. Бибиковой.

Въ двухъ разныхъ изданіяхъ каталога этой выставки, портретъ князя Петра Семеновича Прозоровскаго, значится подъ №№ 8 и 20; но князь названъ тамъ россійскимъ посланникомъ при итальянскихъ владѣтеляхъ, при чемъ сказано, что онъ изображенъ съ своими сыновьями, между тѣмъ, какъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній“ не сохранилось никакого слѣда такого посольства въ Италію; а изъ статейнаго списка о посольствѣ Прозоровскаго въ Англію видно, что его сопровождали туда: товарищъ по посольству, Желябужскій, дьякъ Давыдовъ и переводчикъ Форотъ, изъ числа коихъ, одинъ Желябужскій отправился посланникомъ въ Италію, предъ самымъ отъѣздомъ Прозоровскаго въ Россію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти именно лица изображены во весь ростъ на одной картинѣ съ Прозоровскимъ. Желябужскій держитъ въ рукѣ одинъ изъ тѣхъ посольскихъ топоровъ—аттрибутъ званія посла—которые до сихъ поръ можно видѣть въ московской Оружейной Палатѣ. По стилю живописи очевидно, что художникъ принадлежалъ къ итальянской школѣ; въ XVII же столѣтіи итальянецъ тѣмъ болѣе могъ написать въ Лондонѣ портретъ русскихъ посланниковъ, что почти за 60 лѣтъ предъ тѣмъ итальянецъ же написалъ въ Лондонѣ портретъ русскаго посла Микулина (см. № 8 сборника Древняя и Новая Россія 1876 г. и изд. Коммиссіей печатанія грамотъ и договоровъ, Москва, 1878 г., соч. Н. В. Чарыкова: „Пособство дворянина Микулина“).

Достоверность такого предположенія подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что оба портрета были куплены въ Лондонѣ русскими любителями старины,—портретъ Микулина, консуломъ Смирновымъ (см. тамъ же); а портретъ Прозоровскаго покойнымъ гофмейстеромъ княземъ Вас. Викт. Кочубеемъ, о чемъ въ его семействѣ еще живо преданіе.

Теперь эта картина принадлежитъ его вдовѣ и дочь ея, М. В. Дурново, рожд. княгиня Кочубей, супруга бывшаго московскаго губернатора, въ 1877 г. принесла въ даръ Московскому Главному Архиву превосходную копію въ размѣрахъ оригинала, съ группы, представляющей Прозоровскаго и его свиту.

А. Лодыженскій.

ТУЛЬСКИЙ КРЕЧЕТЪ.

Историческій разсказъ.

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, птиць възбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду.

Слово о полку игоревъ.

I.

ТИХИМЪ лѣтнимъ вечеромъ, когда сумерки уже совсѣмъ спустились на землю, сверху по рѣчкѣ Упѣ, мѣрно покачиваясь, плыла лодка. Тула, къ которой приближалась лодка, не ясно вырѣзывалась на темной синевѣ неба, то высокою, словно мачта колокольнею, то неровными уступами крѣпостной стѣны, и огоньки, мигавшіе то тамъ, то сямъ въ отдаленіи, казались свѣтляками въ Иванову ночь. Слышенъ былъ иногда тихій плескъ воды отъ опускавшихся въ нее и поднимающихся весель...

— Да ты перестань, Воскря, веслами-то баловать: и такъ доплывемъ—рано еще...

— Нѣтъ, Поноша, мнѣ пора домой: къ завтраму, къ пріѣзду государыни, мой Кречеть велѣлъ изготовить всеподданнѣйшій докладъ по одному весьма деликатному дѣлу.

— Успѣешь—ты вѣдь извѣстный на все намѣстничество строчила...

— Не слушайте, Воскря, Францеля Венеціана,—пойте, а то скоро городъ—не ловко будетъ, послышался молодой женскій голосъ.

— Ладно...

И здоровый мужской голосъ затянулъ протяжную, нѣсколько заувнвную пѣсню:

Не было вѣтру, не было вѣтру—вдругъ навя-ануло,
Не ждала гостей, не ждала гостей—вдругъ наф-ѣхали:
Полонъ дворъ, полонъ дворъ—воро-ны-ихъ коней...

— Да, и къ намъ завтра гости нагрянуть... Коней-то, коней-то что будетъ!

— Да, до шести-сотъ лошадей на каждой станці заготовили— не шутка это.

— Еще бы! подъ одной свитой государыни четырнадцать большихъ каретъ, да подъ дворцовой челядью со всѣми приспособленіями да уготовленіями сто-двадцать-шесть меньшихъ каретъ, фругоновъ, повозокъ и всякой иной околесины...

Полны горницы, полны горницы—молоды-ихъ гостей,
Полны свѣтлицы, полны свѣтлицы—красныхъ дѣ-эвушекъ...

— А что народу, говорятъ, по всей дорогѣ нагнали! — иныхъ, говорятъ, версть за сто и больше отъ тракту сбивали словно на барщину—дорогу ровнять.

— Да это что!—дорогу и мосты поправить всегда не лишнее. А то вотъ что выдумалъ нашъ Кречеть—свѣтлѣйшему Потемкину подражать: велѣлъ согнать народъ къ дорогѣ тысячами, да чтобъ всѣ были въ праздничномъ одѣяніи, въ красномъ да нестромъ, да чтобы „у всѣхъ на лицахъ изображено было неизрѣченное блаженство и нарочитое радостное умиленіе, со вѣрноподданически почтительною веселостію сопряженное“, какъ именно значится въ ордерахъ, что мы разослали по пути слѣдованія государыни...

— Ха-ха-ха! неизрѣченное блаженство при голодухѣ-то!

— Вотъ смѣшно! почтительное веселіе сопряженное! смѣялся женскій голосокъ.

— Да, смѣйтесь, милые государыни мои,—а мнѣ было не до смѣху, когда Кречеть-то приказалъ мнѣ таковыя ордеры строчить...

Подломился, подломился—сѣни но-ѳвыя,
Съ частымъ-мелкими, съ частымъ-мелкими—переру-убами...

— Этого мало. Со всего намѣстничества мы велѣли согнать весь скотъ и лошадей къ почтовому тракту, чтобы когда будетъ ѣхать государыня, такъ видѣла бы по обѣимъ сторонамъ дороги пасущіяся стада скота и табуны лошадей и чтобы пастушки одѣты были по буколикѣ, эдакими, знаете, амурами да пейзанами и чтобы на свирѣляхъ нѣчто чувствительное наигрывали...

— Ха-ха-ха! какой вы, право, шутникъ!

— Да я вовсе не шучу, государыни мои: мы нарочито такъ распорядились.

— Что вы! можно ли это!

— У насъ все можно... Я третьёгодні проѣзжалъ съ губернаторомъ осматривать этотъ нуть для доклада намѣстнику, такъ диву дался: тѣ деревушки, у которыхъ, за неимѣніемъ корму, голодная скотина крыши соломенные съѣла — такъ теперя покрыты казенной

соломой заново, избы подмазаны и выбѣлены, а инныя деревушки совсѣмъ снесены, которыя по бѣднѣе...

— А какъ-же мужики?—гдѣ они будутъ жить?

— Это ихъ дѣло... На мѣсто ихъ разрушенныхъ избышекъ Заборовской Иванъ Андреичъ, губернаторъ—премилый баринъ! — наставилъ разныхъ разрисованныхъ декорацій съ гротами и нимфами—издали-то, дескать, примутъ за настоящее... Рай да и только!

— Гдѣ-жъ вы набрали этихъ нарисованныхъ деревень съ нимфами?

— А напрокатъ взяли у тѣхъ губернаторовъ, у потемкинскихъ, гдѣ государыня уже проѣзжала и умилялась благосостояніемъ ея подданныхъ...

— Ахъ какой наглый обманъ! протестоваль свѣжій женскій голосъ.

— Обманъ—точно-съ—и наглый,— да что подѣлаете съ Кречетомъ-то, съ Михайль Никитичемъ? У него все на показъ да на прокатъ взятое—даже честность... Я докладывалъ ему: не надо-де государыню обманывать — она-де милостивая мать наша — пожалѣетъ о бѣдности своего народа, войдетъ въ его положеніе... Такъ и слушать не хочеть: съ ней-де ѣдутъ иностранные послы, такъ они-де осрамятъ нашу матушку Россію на всю Европу...

Не плачь-но, не плачь-но—душа Марьюшка,
Я построю тебѣ, построю тебѣ—сѣни но-ѣвыя...

Пѣсня замирала далеко въ сонномъ воздухѣ. Лодка почти не двигалась...

— Ахъ какъ хорошо! всегда бы тутъ стоять—всю ночь до зари, задумчиво сказалъ другой женскій голосъ.

— Нѣтъ, я люблю больше утро, чѣмъ ночь, отвѣчалъ тотъ голосъ, что пѣлъ: — когда просыпается природа — ахъ, какъ она тогда хороша!

— Точно просыпающаяся Аполинарія Николаевна, замѣтилъ тотъ, котораго окликали Поношей.

— А развѣ вы видѣли меня просыпающуюся, гадкій Поношка! рѣзко отозвался женскій голосъ.

— А какъ-же-съ! очень часто-съ...

— Ахъ гадкій Поношка! когда-жъ это?

— Всякій разъ когда вы играете со мной въ „Титовомъ милосердіи“ и когда является... (Молчаніе).

— Кто! кто является?

— Онъ... (Опять молчаніе).

— Ахъ! говорите, гадкій Поношка, кто онъ?

— „Титъ“... „милостивый“...

— Ну ужъ! вотъ еще!..

Лодка силою теченія все ближе и ближе подвигается къ городу. Въ темнотѣ рисуется едва замѣтный силуэтъ моста, перекинутаго

черезъ Уиу. Городскіе огоньки блестятъ ярче, отражаясь въ водѣ. Явственнѣ доносится лай собакъ.

— А что еще пишетъ Храповицкій вашему Кречету изъ Крыма?

— Много интереснаго: въ восхищеніи отъ Крыма, Севастополя и отъ Бахчисарая... Государыня не нарядуется этому приобрѣтенію, и всю честь сего дѣла относитъ къ Потемкину: жаль, говоритъ императрица, что не тамъ построены Петербургъ... Всѣ-де завоеванія императора Петра на сѣверѣ не стоятъ одного Крыма.

— Да оно и точно.

— Описываетъ еще триумфальныя ворота въ Перекопѣ и въ Кременчугѣ: на перекопскихъ написано золотомъ: предпослала страхъ и привнесла миръ; а на кременчугскихъ: возродительницѣ сихъ странъ.

— А если все это только декорации съ амурами?

— Что-жъ! безъ амуровъ и трава не растетъ.

— Не цвѣтетъ, скажи... Такъ ли, Аполлинарія Николавна?

— Я почему знаю...

Слышно было, какъ въ городскомъ саду, подъ крѣпостными стѣнами, трещалъ соловей...

— Вонъ и у него амуръ на умѣ... Ужъ какъ малъ, а все-жъ и его, какъ говоритъ Тредьяковскій

...безпокоитъ Венеринъ амуръ —
 Всякую голову мучитъ свой дуръ.

Лодка привернула къ берегу и пристала къ мосткамъ, сильно качнувшись. Дамы ахнули и ухватились за мужчинъ...

— То-то, за соломенку хватаетесь, Аполлинарія Николавна...

— Какая соломенка! цѣлое бревно...

— Гдѣ ужъ намъ до тоненькаго „Тита!“

Изъ лодки вышли трое мужчинъ и двѣ дамы въ соломенныхъ шляпкахъ. Тотъ, котораго звали Францелемъ Венеціанамъ и который разсказывалъ о приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Екатерины, сталъ было прощаться.

— Ни-ни, милый человекъ, ни за что! останавливалъ его тотъ, котораго звали Поношей.

— Нѣтъ, ей-же-Богу, у меня дѣло есть—этотъ всеподданнѣйшій докладъ, отбивался Францель Венеціанъ.—Да и будетъ ужъ — погуляли: обѣдали, пили, катались, природою наслаждались...

— А ужинать? — Нѣтъ, братъ Францель Венеціанъ, безъ ужина не отпущу.

— Да, да, оставайтесь, Семень Никифоровичъ, настаивали и дамы: безъ васъ будетъ скучно.

— Эхъ—была не была!—И Семень Никифоровичъ махнулъ рукой.

II.

На другой день, именно въ день прїѣзда императрицы Екатерины II въ Тулу, 20-го іюня 1787 года, къ Семену Никифоровичу Веницееву—такъ звали катавшагося на лодкѣ правителя канцеляріи тульского и калужскаго намѣстника Кречетникова—рано утромъ приѣхалъ дежурный чиновникъ и велѣлъ его разбудить.

Францель Венеціанъ—такъ звали Веницеева въ прїятельскомъ кружкѣ—съ трудомъ открылъ глаза: послѣ вчерашняго кутежа голова его вмѣщала въ себѣ невообразимый хаосъ, а лицо и глаза были красны. Онъ безсмысленно смотрѣлъ на посланнаго...

— Что тамъ случилось? спрашивалъ онъ, хватаясь за голову: ахъ моя бѣдная башка!

— Да случится ничего, Семень Никифоровичъ, не случилось, отвѣчалъ посланный:—только Михайло Никитичъ требуетъ васъ сію минуту.

— Ахъ Боже мой! это всеподданнѣйшій докладъ ему нуженъ... Доложите, что сейчасъ принесу.

Чиновникъ ушелъ. Веницеевъ отчаянно махнулъ рукой...

— Ахъ, проклятое бражничанье!—что я теперь буду дѣлать!—вѣдь у меня и строчки нѣтъ готовой... Дѣло-то помню, да на бумагѣ ничего нѣтъ... Архипъ!

Въ комнату вошелъ не бритый, сухой старикъ, стриженный подъ гребенку, съ грязнымъ передникомъ и въ башмакахъ на босу ногу.

— Чего изволите, баринъ?

— Воды со льдомъ принеси въ сарай, да побольше,—окачиваться буду.

— Слушаю-съ... Государыню встрѣчать изволите?

Веницеевъ съ нетерпѣніемъ махнулъ рукой и подошелъ къ зеркалу...

— Бражникъ—сушій бражникъ, бормоталъ онъ.—Ахъ проклятая гулянка!—Ну, и вертись теперь съ докладомъ, какъ вьюнъ на пескѣ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ, съ лицомъ однако все еще краснымъ, но нѣсколько болѣе благообразнымъ, Веницеевъ былъ уже въ кабинетѣ Кречетникова. Этотъ сановникъ, причислявшій себя къ „орламъ изъ стаи Екатерины“, въ самомъ дѣлѣ старался казаться орломъ и корчилъ изъ себя Потемкина: лицо его всегда силилось „внушать“, и потому отдавало деревянностью и надутостью... Языкъ, особенно съ подчиненнымъ, былъ отрывистъ, кочковать, голосъ грубый, словно лапнѣ большой собаки...

— Готовъ докладъ?

— Готовъ-съ, ваше превосходительство.

— Ну такъ читайте!

Веницеевъ неторопливо полѣзъ въ портфель, вынулъ нѣсколько папокъ съ бумагами, положилъ на столѣкъ у окна, взялъ бѣлые, не исписанные листы, и, закрывшись ими, сталъ медленно и внятно читать изложеніе „деликатнаго дѣла“. Кречетниковъ, ходя по кабинету съ заложенными за спину руками, слушалъ его и иногда взглядывалъ въ большое зеркало, стараясь сдѣлать то внушительное, то очаровательное лицо, не замѣчая, что оно при этомъ дѣлалось совсѣмъ глупымъ... По временамъ онъ выглядывалъ въ окно и прислушивался къ шуму голосовъ на улицѣ, по которой съ зари сновалъ народъ... Веницеевъ все болѣе и болѣе входилъ въ роль: конецъ доклада вышелъ особенно звучнымъ, точно ломоносовская ода...

— Прекрасно, прекрасно! соблаговолили Кречетниковъ похвалить чтеца, когда онъ кончилъ.

Веницеевъ поклонился и сунулъ бумагу въ папку.

— Теперь только подписать—подайте сюда...

Веницеевъ замаялся и схватилъ папку подъ мышку.

— Подайте-же, я подпишу, настаивалъ Кречетниковъ: у меня сегодня пропасть дѣлъ.

Веницеевъ сразу припомнилъ и вчерашнее катанье по Упѣ, и эту проклятую пѣсню — „не было вѣтру — вдругъ навянуло“, и ночную пирушку съ актрисами... „Не было горя—вдругъ навянуло“, ныло у него въ тяжелой, недоспанной головѣ... „навянуло!“...

— Ну что же!

— Виноватъ, ваше превосходительство... Я читалъ то, что еще... не написано...

— Не написано!

— Виноватъ... вотъ здѣсь...

Кречетниковъ схватилъ бумагу—на ней не было ни слова...

— Какъ! вы осмѣлились не исполнить моего приказанія!... Императрица будетъ въ Тулу непременно къ обѣду, а я не представлю ей этого доклада... Вы, сударь...

Кречетниковъ задыхался... Веницеевъ ждалъ, когда пройдетъ первая вспышка...

— Вы, вы, сударь... Вы не исполняете вашихъ прямыхъ обязанностей, невнимательны къ моимъ приказаніямъ!...

Веницеевъ молчалъ, глядя на бѣлые листы бумаги...— „Навянуло“... ахъ чортъ—вотъ исторія...

— Императрица сама изволить интересоваться этимъ дѣломъ, а вы меня подводите...

Кречетниковъ снова зашагалъ по кабинету и нечаянно увидаль свое лицо въ зеркалѣ: оно было не привлекательно... совсѣмъ не внушительное и не очаровательное...

Веницеевъ поймалъ моментъ...

— Прошу одного снисхожденія: позвольте мнѣ выполнить вчерашнее приказаніе въ присутствіи вашего превосходительства, зато ворилъ онъ.

— Поздно, сударь, поздно... Вы все бражничаете!

— Осмѣливаюсь увѣрить ваше превосходительство...

Кречетниковъ быстро повернулся къ Венецееву...

— Меня не въ чемъ увѣрить, когда я знаю, что вы всю ночь не были дома—вы находились въ кругу вашихъ пріятелей, весьма подозрительной нравственности...

„Вотъ тебѣ и на!.. Не было вѣтру—вдругъ навянуло... Ахъ, Поношка, Поношка... Ну, и задамъ же я тебѣ, ракаля“... Онъ молчалъ, понуривъ голову... „Пронеси, Господи“...

— Что-жъ теперь намъ дѣлать, сударь?—а?

— Еще успѣемъ-съ...

— Это невозможно!—Кречетниковъ глянулъ на часы.

— Честію ручаюсь, что все будетъ готово.

— Хорошо—садитесь здѣсь и работайте, а я пойду—у меня просители—у меня голова кругомъ идетъ...

Онъ припалъ торжественную осанку и какъ пѣтухъ зашагалъ навстрѣчу куръ...

„У тебя кругомъ идетъ, а у меня вверхъ ногами“, бормоталъ про себя Венецеевъ, усаживаясь за столъ и нагибаясь къ бумагамъ: „помоги мнѣ, памятушечка моя—ты всегда меня выручала!...

„Не было вѣтру, не было вѣтру—вдругъ навянуло“...

— Ахъ, отвяжись ты, проклятая! невольню вымолвилъ онъ вслухъ.

Венецеевъ писалъ, не подымая головы. Изрѣдка только онъ перелистывалъ лежавшее передъ нимъ дѣло, задумывался, грызъ перо, теръ переносицу, какъ бы въ ней ища вдохновенія, и снова писалъ. Привычная рука не дрожала... Перо скрипѣло ровно, энергически выводилъ круглыя буквы съ завитушками...

„А Поля-то прелесть... услада сердечная... Что это онъ вралъ о „Титовомъ милосердіи“, невольню вспомнилось ему, когда онъ передохнулъ;—говорять, императрица охотно слушаетъ сію пьесу...

„Не было вѣтру, не было вѣтру“...

— Тьфу ты дьяволь!

И перо опять заскрипѣло... Бѣлые листы исписывались и сохли въ сторонѣ...

— Безъ песку... она, говорятъ, не любить, чтобъ пескомъ засыпали... Надо на „матернее милосердіе“ напирать... А то „Тить“—ишь ты, ракаля—только Полю смущаетъ... Да, да — „матернее милосердіе“, „матернее око“, „матернее сердце“—это хорошо...

Опять перелистыванье дѣла, треніе переносицы и скрипъ пера...

— Го-го-го-го! — мотрите-тко, какое есть! сажонное! доносилось съ улицы рокотанье толпы:—Екатерина, значить,—съ естемъ золотымъ пишется...

— Финись — важно! откинулся на стулѣ Веницеевъ: — вотъ и кончено...

„Не плачь-но, не плачь-но, душа Марьюшка“...

— Вотъ навязалась!.. А увижу ли близко самое государыню и этого—любимчика — Мамонова?.. „Бражничаютъ“... гмг... и какъ онъ пронюхалъ?..

Въ кабинетъ вошелъ Кречетниковъ.

— Готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство — только спать, вскочилъ Веницеевъ.

— Подайте, я самъ прочту.

Кречетниковъ уже боялся быть обманутымъ второй разъ. Веницеевъ подаль ему написанное и ждалъ, съ скрытой улыбкой поглядывая на своего начальника... На улицѣ становилось все шумнѣе.

Кречетниковъ долго и внимательно читалъ...

— Такъ—такъ... стиль хорошъ... и матернее око—это на мѣстѣ...

Записка прочитана наконецъ... „А около ести, гляди-тко, голеньки робятки“, доносилось съ улицы. — „Это аньделочки — съ крылышками“... — „Какіе аньделочки!—амуры-ста!“ — „Что ты врешь!..“

— Прекрасно!—Теперь только я васъ прощаю, выронилъ слово громовержецъ, подписывая докладъ.—Будеть чѣмъ императрицу встрѣтить—она уже на пути къ намъ...

III.

Екатерина дѣйствительно находилась уже „на пути царственнаго шествія“ въ Тулу...

Что это было за шествіе!..

Извѣстно, что императрица выѣхала изъ Петербурга для обозрѣнія, какъ выражалась сама, „своего маленькаго хозяйства“, еще зимой въ январѣ 1787 года. Современные „хвалители Семирамиды сѣвера“ такъ описывали это „шествіе“: „Начало года, вѣщаетъ историкъ Сумароковъ—представить намъ событіе великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра!.. Екатерина предпринимаетъ обозрѣть новое свое царство Тавриду, и цари поспѣшатъ во срѣтеніе ей!.. Шествіе слѣдовало на 14 большихъ каретахъ и на 126 саняхъ. Они занимали собою въ дорогѣ болѣе версты. Поселяне смотрѣли на то съ изумленіемъ. Порядокъ и довольство, соблюдаемые при дворѣ, сохранялись съ точностію и въ пути. Передовые гофъ-фурьеры приготовляли въ назначенныхъ мѣстахъ тралезы, ночлеги. Императрица, по обыкновенію, пробуждалась въ 6 часовъ и занималась дѣлами. Останавливались для обѣдовъ въ 2. По вечерамъ, послѣ разговоровъ и игры въ бостонъ, расходились въ 9 часовъ. Лишь перемѣнные чертоги напоми-

нали о разлукѣ съ Петербургомъ. Какое пріятное общество изъ просвѣщенныхъ людей! Какая свобода, простота!... Сколько разныхъ анекдотовъ!.. Иностранные министры сидѣли съ императрицею поочередно. Тогда продолжались жестокіе морозы, доходившіе до 17 градусовъ, и шествующіе кутались въ соболяхъ, попирали ногами богатые ковры... Повсюду встрѣчи отъ намѣстниковъ, губернаторовъ, дворянства, купечества! Повсюду колокольные звоны! Ночью горѣли на улицахъ костры дровъ... Простолюдины сбѣгались къ окнамъ своей повелительницы: она запретила отгонять ихъ и, показываясь, удовлетворяла любопытству...

Это ли не „событіе, великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра“!..

Другой „хвалитель“, французскій посолъ графъ Сегюръ, лично слѣдовавшій въ этомъ „шествіи“, гласить: „Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли... Въ это время—во время самыхъ короткихъ дней въ году, солнце вставало поздно, и черезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсвѣтанія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе; на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучу сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница съвера среди ночного мрака изрекла свое: „да будетъ свѣтъ“!.. Можно себѣ представить—какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы съвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора“...

Нѣтъ, мы себѣ этого представить не можемъ... Гдѣ намъ!

Мы можемъ представить себѣ только „явленіе обычное“ не „царей спѣшащихъ во срѣтеніе царицъ“, а „поселянъ“, „простолюдиновъ“, согнанныхъ къ дорогѣ съ строжайшимъ наказомъ, чтобы „у всѣхъ на лицахъ изображено было неизреченное блаженство, съ почтительною веселостію сопряженное“...

Съ самаго ранняго утра Заборовскій вихремъ носился по дорогѣ, окруженный капитанъ-исправниками и другими, высшими и низшими чинами полиціи. Сколько челюстей было выбито въ это достопамятное утро, сколько skulls сворочено на сторону, сколько спинъ отодрано за то, что на голодныхъ и измученныхъ лицахъ не достаточно изображалось „неизрѣченное блаженство“ или же оно недостаточно „сопрягалось съ почтительною веселостію“!..

У одной группы мужиковъ и бабъ, пригнанныхъ къ дорогѣ изъ самаго дальняго угла тульского уѣзда, Заборовскій замѣтилъ блѣдную, съ отекившимъ лицомъ бабу, которая вынимала изъ сумки какіе-то, какъ показалось Заборовскому, комья грязи и раздавала по кусочку этой невообразимой чернети плачущимъ дѣтямъ.

— Что это у тебя бабка? подскакалъ онъ къ группѣ.

Растерявшаяся баба изумленно смотрѣла на него. Мужики посылали шляпы и шапки.

— Какіе это у тебя комья грязи? допытывался губернаторъ.

— Хлѣбець святой, батюшка, отвѣчала догадавшаяся баба.

— Хлѣбъ! такой хлѣбъ!

— Такой, кормилецъ... Да и такова, родимый, ужъ нѣту-ти...

Заборовскій вспылывъ и накинулся на всю группу.

— Лѣнтяи! пьяницы! весь хлѣбъ за зиму пропили!.. Если я еще у кого увижу тутъ кусокъ такой грязи на мѣстѣ заporю! въ Сибирь сошлю! помните это!

У другой группы онъ увидѣлъ мужика въ лохмотьяхъ: старикъ-мужичекъ, опираясь на клюку, казалось, съ „неизрѣченнымъ блаженствомъ“ смотрѣлъ на господъ, блиставшимъ золотомъ и мишурой... Въ самомъ дѣлѣ, онъ первый разъ въ жизни видѣлъ такой блескъ, какого доселѣ не видалъ ни на полахъ въ ризахъ, ни на образахъ въ своей бѣдной сельской церквишкѣ, и искренно радовался, что хоть „предъ смѣртущкой“ Богъ сподобилъ видѣть его „экое—ахъ!“

— Ты какъ попалъ сюда, оборванецъ! осадилъ своего коня Заборовскій какъ разъ передъ носомъ зазѣвавшагося старика въ лохмотьяхъ.

— Ахъ золотой мой! въ экихъ ризахъ, батюшка! съ умилениемъ бормоталъ старикъ, уставившись очарованными глазами на блиставшаго златомъ губернатора.

— Какъ ты смѣлъ сюда явиться! еще съ большимъ гнѣвомъ закричалъ Заборовскій.

— Пришелъ, золотой мой, матушку нашу кормилицу посмотреть—помолиться на ейный образъ...

— Въ такихъ то лохмотьяхъ, пьяница!

— Такъ-ту золотой мой, ничево-ничевошутки — я такъ и въ церкву хожу, къ самому Боженкѣ...

— Да вамъ приказано было одѣться чисто, по праздничному—намъ Богъ великій праздникъ посылаетъ: всепресвѣтлѣйшую императрицу встрѣчаемъ, а вы каналы!..

— Ахъ, золотой мой, у меня нѣтути ничевошутки праздничново—это и праздничное.

И старикъ добродушно встряхнулъ своими лохмотьями и улыбался безъ всякой горечи...

— Такъ вонъ отсюда! дальше отъ дороги!.. А увижу — закатаю!

Въ третьемъ мѣстѣ онъ дѣйствительно „закаталъ“ пастушка, который отлучился „до вѣтру“ отъ пригнаннаго къ дорогѣ стада...

Не даромъ въ „Дневникѣ“ Храповицкаго черезъ нѣсколько дней послѣ этого записано: „Надежда на Заборовскаго въ хорошемъ управленіи губерніями, ему порученными: въ немъ замѣчена твердость“...

Въ то время когда Заборовскій сѣкъ „пастушка“, вдали, разставленные вдоль дорогъ конные махальщики замахали—и все оцѣпенѣло въ ожиданіи...

IV.

Въ „Дневникѣ“ Храповицкаго подѣ 20-мъ іюня этого года записано: „Пріѣхали къ обѣду въ Тулу“.

Мое перо не въ силахъ изобразить всю прелесть и торжественность царственнаго вшествія въ этотъ городъ, съ такимъ искусствомъ устроеннаго Кречетниковымъ и Заборовскимъ, и еще менѣе перо мое въ состояніи будетъ изобразить чувства, одушевлявшія собравшихся изъ сосѣднихъ уѣздовъ и губерній россиянь. Мы предоставимъ описаніе это очевидцу, слова котораго воспроизведены въ 1842 году „Москвитяниномъ“:

„Еще за нѣсколько дней до прибытія великой государыни — говорить почтенный очевидецъ—множество дворянъ и даже простолюдиновъ пріѣхали и пришли къ намъ изъ Рязанской, Тамбовской, Воронежской и Калужской губерній, чтобы видѣть ее, поклониться ей и, если можно, сказать: „Матушка! мы твои вѣрные подданные, любимъ, обожаемъ тебя и благословляемъ судьбу, благодаримъ Бога что мы русскіе“...

„Съ самой зари того незабвеннаго дня, въ который ожидали высочайшаго прибытія, все уже поднялось на ноги, всѣ, какъ говорится, разряженные въ пухъ, спѣшили на Кіевскую улицу, чтобы занять лучшее мѣсто. Рогатки, брошенныя поперекъ переулковъ, упирающихся въ Кіевскую улицу, прервали сообщеніе. Канаты протягивались отъ крѣпости до триумфальныхъ воротъ, сооруженныхъ по этому случаю, и ѣзда по ней совершенно прекратилась. Однѣ колонны гражданъ торопливо шли за городъ, другія въ поле; но вся масса народа двигалась и стояла по Кіевской улицѣ. Многіе помѣстились на кровляхъ домовъ, у открытыхъ окошекъ которыхъ чинно и жеманно сидѣла тульская аристократія и дамы средняго состоянія. И всѣ говорили объ одномъ предметѣ, и всѣ одушевлялись одною мыслию, однимъ желаніемъ: скорѣе увидѣть матушку-царицу. Да, съ позволенія вашего, понимаете ли вы это слово: „Матушка!“ Не думаю! надобно жить нашимъ умомъ, нашими чувствами и въ наше время, чтобы вполне понять всю его силу и значеніе. Вѣдь его не выразятъ никакія сладкія слова, не объяснить никакой академической лексиконъ: это языкъ нашего народа, языкъ цѣлой націи великой имперіи, которой подсказало его сердце и звуки русскаго слова выразили: мать отечества!.. Посмотрѣли бы вы тогда на этотъ веселый народъ, послушали бы вы его радостнаго говору!.. Не ищите народности въ книгахъ—она живетъ въ толпѣ простолюдиновъ. Трудно ее схватить: она почти неуловима“...

„Въ восемь часовъ утра намѣстникъ нашъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ проѣхалъ верхомъ по Кіевской улицѣ за городъ, отдавая на пути приказанія его окружающимъ. Какъ теперь помню,

день былъ прекрасный. Уже солнце подходило къ полдню, а матушки все еще не было. Да скоро ли ты, наша родная къ намъ пожалуешь, говорили многіе, и все смотрѣли туда, отколь ожидали ненаглядную.. И вотъ въ исходѣ перваго часа громъ артиллеріи, бѣглый оружейный огонь, звонъ колоколовъ и отдаленное ура раздались и потрясли воздухъ. Сладостныя, блаженныя минуты! въ памяти намъ, старожиламъ. Наконецъ какъ бы пришедъ въ себя отъ упоительнаго самозабвенія, сказали другъ другу: „Матушка ѣдетъ! матушка ѣдетъ!“ и парадная карета вся въ золотѣ, съ короною на имперіалѣ, съ восьмью опущенными стеклами, въ которой сидѣла императрица, быстро въѣхала въ городъ и помчалась внизъ къ крѣпости. Намѣстникъ и губернаторъ, оба верхами, скакали первый по лѣвую, а второй по правую сторону кареты. Кромѣ военныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, цѣлый эскадронъ драгуновъ съ обнаженными палашами конвоировали великую. Вслѣдъ за ней тянулись вереницею придворные экипажи: мы потеряли имъ счетъ—такъ много было ихъ въ этомъ блестящемъ и великолѣпномъ поѣздѣ. Августѣйшая путешественница, съ милостивыми взглядами, съ очаровательною улыбкой, изволила раскланиваться на обѣ стороны торжествующему народу, оглашавшему воздухъ радостными кликами. Императрица остановилась во дворцѣ, находившемся на оружейномъ заводѣ—тамъ, гдѣ нынѣ воздвигнуто громадное зданіе, извѣстное подъ именемъ паровой машины. Волны народа хлынули на дворцовую площадь. Оба берега Упы и оба моста, перекинутые чрезъ эту рѣку, амбразуры на крѣпости, обращенной къ заводу,—унизаны были любопытными...

„Между тѣмъ какъ множество красивыхъ лодокъ скользило по Упѣ и все находилось въ дѣятельномъ движеніи, матушка царица благоволила подойти къ открытому окну и привѣтствовала народъ поклонномъ. Народъ, увидѣвъ самодержавную, вмѣсто отвѣта грянулъ свое любимое: ура! Но стоявшіе позади государыни графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ и оберъ-камергеръ Шуваловъ дали знакъ рукою, и все замолкло. Великая вторично поклонилась и довольно громко сказала: „Здравствуйте дѣти!“ Тогда восклицаніямъ не было конца, многіе упали на колѣни, и у cadaго прошибла горячая слеза на глазахъ“...

„О, если бы можно было ювелиру оправить въ золото эту крупную, горячую слезу народную, какъ оправляютъ они дорогіе камни,—она была бы для насъ драгоцѣннѣе брилліанта!“...

„Въ вечеру того же дня государыня была въ театрѣ, находившемся на площади, гдѣ теперь построенъ эзерницъ-гаузъ. Общее желаніе публики требовало: „Титова милосердія“. Но по высочайшей волѣ отмѣнили эту трагедію, а дали „Хвастуна“, сочиненнаго Княжнинымъ. Тогда „Хвастунъ“ былъ въ почетѣ: рѣдкіе не знали изъ этой комедіи хоть нѣсколько стиховъ. Спектакль шелъ превосходно. Госу-

дарыня изъясляла удовольствіе свое, аплодировавъ актерамъ, изъ которыхъ двухъ тогда же приказано было отправить на казенный счетъ въ Петербургъ. Нашъ Пономаревъ (это знакомый уже намъ „Поноша“, что вчера вмѣстѣ съ Венецевымъ, „Воскрею“ и двумя дамами-актрисами катались на лодкѣ по Ушѣ, пѣли, а потомъ всю ночь прокутили у „Поноши“ на именинахъ)—Пономаревъ сдѣлался извѣстенъ впослѣдствіи. Заборовскій поднесъ Екатеринѣ Великой—оду, сочиненную на ея прибытіе г. Воскресенскимъ (это „Воскри“ то, что вчера пѣлъ „не было вѣтру—вдругъ на януло“), студентомъ московскаго университета, уже служившимъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Воскресенскому прислали приличный подарокъ и сверхъ того ему приказано было сказать, что его стихотвореніе „очень хорошо“...

„Когда императрица поѣхала изъ театра, блистательная иллюминація уже освѣщала весь городъ. Огромная прозрачная картина съ ея вензелевымъ именемъ (это картина „съ естемъ золотымъ“, какъ толковалось на улицѣ) и эмблематическими изображеніями во вкусѣ того времени (это—„анделочки голеньки“) поставлена была напротивъ дворца, по ту сторону Упы. Къ каждому боку этой великолѣпной картины примыкали два ряда высокихъ пирамидъ, обнизанныхъ тысячами шкаликовъ. Дворецъ, соборъ, оружейный заводъ и крѣпость казались облитыми яркимъ, ослѣпительнымъ огнемъ. По рѣкѣ плавала большая шлюбка, убранная разноцвѣтными фонарями, въ которой находились пѣсенники. Два оркестра военной музыки, помѣщенные на платформахъ, попеременно играли лучшія пьесы знаменитыхъ композиторовъ. Вездѣ волновался народъ веселый, радостный, счастливый, словомъ—каждый изъ насъ забылъ собственное горе и заботы, сопряженныя съ хлопотливостью, забылъ и вражду, все, все забылъ, кромѣ одной отрадной мысли, что мы завтра увидимъ нашу самодержавную, нашу добрую, привѣтливую государыню, нашу матушку-царицу. Умники говорятъ, что на землѣ нѣтъ блаженства—пустое! будьте вѣрными подданными, исполняйте совѣстливо и честно ваши обязанности, и вы согласитесь со мною, что и на землѣ можно еще получить радости небесныя“...

Дѣйствительно, гдѣ „умникамъ“ понять это! Да „умники“ и не сумѣли бы изобразить все такъ, какъ это сейчасъ изображено — куда имъ...

V.

Тѣмъ же вечеромъ, скорѣе ночью, послѣ театра, далеко за полночь уже, у Венецева собрались его пріятели, которыхъ онъ созвалъ, какъ выражался самъ, „для вспыснутія монаршей милости“. Что это была за „милость“—пока еще никто изъ друзей Венецева не зналъ. На „спрыснутіе“ явились Поноша—закадычный другъ Венецева, который былъ большой любитель театра и поэзіи, другой актеръ,

который всегда игралъ императора Тита въ „Титовомъ милосердіи“ и котораго за это и прозвали „Титомъ милостивымъ“, знакомыя уже намъ дамочки-актрисы, Аполлинарія Николаевна и Наташа Дикова и, наконецъ, Воскресенскій-Воскря. Все это была таже кампанія, которая наканунѣ пріѣзда Екатерины въ Тулу каталась на лодкѣ вверхъ по Угѣ; къ нимъ присоединился не бывшій тогда и „Титъ милостивый“.

Веницеевъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа да и гости были веселы и одушевлены, исключая Аполлинаріи Николаевны, которая смотрѣла задумчиво и грустно.

Гости собрались въ кабинетъ хозяина, въ просторной комнатѣ, удобно меблированной и не заваленной ни книгами, ни бумагами, а только украшенной нѣсколькими картинами буколическаго содержанія. У дверей стоялъ все тотъ же небритый Архипъ, но только въ башмакахъ уже не на босу ногу.

— Подавай прежде змѣю шиную, а потомъ закуску, а потомъ опять змѣю, скомандовалъ хозяинъ.

Архипъ исчезъ и тотчасъ же явился назадъ съ подносомъ и „змѣю“ въ засмоленной бутылкѣ, и поставилъ все это на столъ.

— Да ты прежде, Францель Венеціанъ, скажи, какаѣ тебѣ „милость“ выпла, сказалъ Пономаревъ.

— А ты, Поноша, скажи „покажи“, а не „скажи“, весело перебилъ его хозяинъ.

— Ну „покажи“—посмотримъ.

Хозяинъ досталъ изъ стола маленькую шкатулочку и поставилъ на столъ.

— Открой, лаконически сказалъ онъ.

— А если тамъ мышь? отстранился Пономаревъ... Я мышей боюсь.

— Не мышь...

— А если это Пандоринъ ящичекъ? замѣтилъ Воскресенскій.

— Не Пандоринъ, а мой.

Воскресенскій приподнялъ крышку.

— Золотая табакерка!

— Вынь!

Онъ вынулъ.

— Батюшки, какаѣ тяжелая! чуть не уронишь...

— Ахъ какаѣ прелесть! ахнула Наташа Дикова.

— Открой—понухай! командовалъ хозяинъ.

Воскресенскій открылъ табакерку.

— Батюшки! червонищи!

— Поздравляемъ! поздравляемъ! заговорили всѣ, протягивая хозяину руки.—За что это?

— Архипъ! выпусти змѣю!

Архипъ сталъ откупоривать бутылку.

— Расскажи же—за что, Францушка? спросилъ Пономаревъ.

— А вотъ слушайте. Воротившись отъ тебя съ пирушки далеко за полночь, я не помню какъ добрелъ до постели...

— Я васъ довелъ, баринъ, вмѣшался Архипъ, возясь съ бутылкой.— Вы все еще изволили говорить сами съ собой: „имѣю счастье всеподданнѣйше доложить“...

— Такъ-такъ! это я спяну то сочинялъ докладъ государынѣ, что мнѣ Кречеть приказалъ изготовить къ утру... Воображаю, что молоть...

Пробка хлопнула и ударилась объ потолокъ.

— Ахъ! вскрикнула Наташа Дикова.

— Ничего-съ, сударыня, это не смертельно... Въ бокалы змѣю! распоряжался хозяинъ.—Ну-съ, государи мои, умеръ я, лежу въ гробу у Морфея—вдругъ меня будятъ: къ намѣстнику-де-докладъ подавай... А у меня въ головѣ—адъ кромѣшный и скрежетъ зубовъ—пожаръ въ головѣ... „Заливай, говорю, Архипъ, пожаръ!“—Залили маленько... Являюсь къ Кречету, словно куръ изъ щей.—„Что всеподданнѣйшій докладъ?“ рычитъ левъ.—„Готовъ-съ“, говорю... Вынимаю бумагу—а на бумагѣ пустыня аравійская: хоть бы буква... Напрягаюсь—читаю словно пономарь: и „матернее милосердіе“ тутъ и все эдакое...—„Прекрасно!“ рычитъ: „давайте подпишу!“—Туда-суда...—„Давай!“ рычитъ...—„Нечего, говорю, дать: пустыня аравійская“... Ну и пошла писать...

Вдругъ всѣ расхохотались. Хозяинъ оглянулся и самъ что называется покотился со смѣху.

Подлѣ стола, опершись одною рукою на столъ, а другую заложивъ за жилетъ, стоялъ Пономаревъ „въ позѣ высокообрія“. Всѣ узнали въ этой позѣ Кречетникова: такъ хорошо Пономаревъ его передразнивалъ...

— Такъ вы, сударь, осмѣлились не исполнить мое приказаніе!

— Винавать, ваше высокопревосходительство.

Пономаревъ сдѣлалъ видъ, что Кречетниковъ, польщенный „высокопревосходительствомъ“, дѣлаетъ еще болѣе глупое лицо, но смягчается.

— Ну такъ вотъ-съ, ваше высокопревосходительство, я и сѣлъ тамъ же строчить—и настрочилъ... А когда пріѣхала государыня, то черезъ часа два ко мнѣ въ канцелярію влетаетъ самъ Заборовскій... „Великая государыня, говоритъ васъ требуетъ“... У меня, признаюсь, душа дальше пятокъ ушла... Иду ни живъ, ни мертвъ... Принимаютъ милостиво, съ очаровательною, ангельскою улыбкою... А тутъ кругомъ—кладбище да небеса: кресты да звѣзды, ленты да косы, боги олимпійскіе, а не люди... Слышу ангельскій гласъ—это сама изволила говорить: „Вашъ докладъ я прочитала съ особеннымъ удовольствіемъ. Охраняйте Михайла Никитича: онъ человѣкъ военный и легко можетъ ошибиться въ дѣлахъ гражданскихъ“... Да мнѣ вотъ сію сокровищницу, скинію завѣта (онъ указалъ на золотую табакерку)—въ ланы

мои скверныя и вложила... Я—бацъ на полъ, къ ножкамъ ангельскимъ—да и ну ревѣтъ кабаномъ... Такъ меня самъ Кречеть изволили любезно вывести...

— Bravo! закричалъ Пономаревъ.—Урра!

— Урра! подхватили гости, а дамы хлопали въ ладоши.

— Теперь берите змія за хвостъ—разомъ, государыни мои и государи! воскликнулъ хозяинъ.

Всѣ взяли по бокалу. Хозяинъ поднялъ свой надъ головою, а другой рукой приглашалъ гостей къ вниманію.

— За драгоцѣнное здравіе мудрѣйшей изъ царей земныхъ и царицъ—матери отечества!

— Урра! уррра!

Когда было выпито за здоровье императрицы и гости сѣли, Воскресенскій всталъ и поднялъ руку.

— Смотрите, господа—что это! громко сказалъ онъ, выставляя указательный палецъ.

На пальцѣ блеснуло что то иридіевыми блестками.

— Что такое! что—покажи, Воскръ!

На пальцѣ оказался золотой перстень съ брилліантомъ.

— Откуда это?

— Государыня пожаловала за поднесенную ей оду...

— Твою?

— Мою.

— Ахъ тихоня!—Когда-жъ ты поднесъ ее?

— Не я поднесъ, а губернаторъ... И мнѣ изволили прислать сіе благополучіе и повелѣли сказать, что стихотвореніе мое „очень хорошо“...

— Каковъ тихоша! Не даромъ онъ вчера все пѣлъ:—„Не было вѣтру—вдругъ навянуло“... И точно вдругъ на всѣхъ „навянуло“... На нее, на матушку нашу, мало молиться...

Всѣ разсматривали перстень, хвалили. Одна Аполлинарія Николаевна сидѣла грустная и молчаливая.

— Вы что такая скучная, богиня моя? ласково спросилъ ее хозяинъ.

— У насъ горе, отвѣчалъ вмѣсто нея Пономаревъ.

Аполлинарія Николаевна вспыхнула.

— Какое у васъ горе, богинюшка? настаивалъ хозяинъ.

— Большое, снова отвѣчалъ Пономаревъ:—ужъ намъ (онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „намъ“) не придется больше вмѣстѣ съ милою богинюшкою играть „Титово милосердіе“.

— Почему же?

— Да и на насъ съ „Титомъ милостивымъ“ тоже „навянуло“...

— Что такое?—Я ничего не понимаю.

— Такъ слушай и понимай. Когда мы сегодня кончили „Хвастуна“ и не успѣли опомниться отъ радости, что намъ сама всеми-

лостивѣйшая государыня изволила своими ангельскими ручками плескать, какъ за кулисы входитъ самъ...

Пономаревъ остановился...

— Кто самъ? допытывался хозяинъ.

Вдругъ всѣ размѣялись... Пономаревъ опять изображалъ Кречетникова...

— Государыня императрица, началъ онъ голосомъ и манерою намѣстника, и лицо его было надуту и необыкновенно смѣшно—изволила остаться весьма довольною вашею и вашею (онъ кивнулъ по направленію къ „Титу милостивому“) игрою, и повелѣтъ соизволила объявить вамъ свою монаршую волю и милость: государыня приказала отправить васъ на петербургскую сцену на счетъ ея величества...

Веницевъ со слезами на глазахъ бросился цѣловать обоихъ актеровъ...

— А какъ же мы-то тутъ безъ васъ? какъ бы спохватился онъ.

— И вы съ нами, отвѣчалъ Пономаревъ.

— Какъ же это, Поноша, другъ?

— А вотъ какъ... Вашъ Кречеть скоро высоко взлетитъ и очутится въ Питерѣ—и ты съ нимъ, а значить и съ нами.

— Ну, другъ,—это еще покрыто мракомъ...

— Нѣтъ не мракомъ... Не далѣе какъ сегодня я уловилъ за кулисами разговоръ его съ губернаторомъ, хоть они шептались: соколь-то твой говорилъ Заборовскому, что государыня осталась необыкновенно довольна всѣмъ, что видѣла по дорогѣ въ предѣлахъ его намѣстничества, и сказала якобы ему: „спасибо вамъ, Михайло Никитичъ: я нашла въ Тульской губерніи то, что желала бы найти во всѣхъ другихъ губерніяхъ“...

— Это правда: государыня такъ именно и изволила выразиться.

— Но это не все, перебилъ его Пономаревъ: — главное-то изъ того, что я подслушалъ, не сказалъ.

— Что же это такое, другъ?

— А вотъ что... Соколь-то твой и говоритъ Заборовскому: „вамъ Иванъ Александровичъ, говоритъ, я обѣщаю свое намѣстничество—исходатайствую, а за себя я уже просилъ Нарышкина, Льва Александровича, чтобъ меня-де поставили поближе къ государынѣ—въ Питеръ... Хоть онъ-де, говоритъ, Нарышкинъ, играетъ роль шута у государыни—новаго-де Балакирева изображаетъ, однако-де въ милости у государыни обрѣтается, въ фаворѣ, ибо смѣшитъ ее послѣ обѣда для пищеваенія—и онъ-де мнѣ обѣщаль свою протекцію“...

— О! въ такомъ случаѣ изъ этого ничего кромѣ зла не выйдетъ, замѣтилъ Веницевъ.

— Почему же?

— Ты не знаешь Заборовскаго, другъ мой: онъ подкапывается очень искусно подъ Кречета, и повѣрь мнѣ—напакоститъ ему за сегодняшній разговоръ—вотъ увидишь.

— Чѣмъ же онъ можетъ напакостить?

— А тѣмъ, что сегодня же передаетъ Нарышкину этотъ разговоръ—самъ выскочить, а Нарышкинъ завтра же такого поднесъ Кречету, что тотъ и не расхлебаеть...

VI.

Нарышкинъ дѣйствительно „поднесъ“...

Утро. Солнце только-что выглянуло изъ-за горизонта и брызнуло пурпуромъ на золотые кресты и церковныя маковки, на зубчатая верхушки крѣпостной стѣны. День обѣщаетъ быть тихимъ, жаркимъ. Стрижи и ласточки, какъ просыпанный въ воздухъ макъ, рѣютъ вокругъ церкви и надъ крѣпостными стѣнами, словно торопясь прожить свой короткій вѣкъ и уловить все его не хитрыя радости...

Императрица, съ перомъ въ рукѣ, откинувшись на креслѣ, задумалась. Передъ нею на столѣ лежитъ не конченное письмо. Лѣвой рукой она задумчиво перебираетъ и какъ бы выглаживаетъ кружева своего бѣлаго утренняго капота...

„Да, невиданное, небывалое царство... Что царство македонское, что Римъ, что Византія, что имперія Карлова!... Встали бы они да посмотрѣли на мое царство... мое... вотъ въ этой слабой женской рукѣ оно, въ моемъ женскомъ сердцѣ оно все, необъятное... И я его всего не видѣла, не исходила—жизни не хватить, чтобы видѣть все то, что мое... И я его приумножила... Ангальтъ-Цербстъ... о, мое маленькое, дѣтское гнѣздышко!... гдѣ оно? — маленькое, маленькое, дорогое... А въ этомъ гнѣздышкѣ я мечтала быть принцессой такого-же маленькаго гнѣздышка, какого-нибудь Зигмарингена... Бѣдное гнѣздышко!—я промѣняла тебя на орлиное гнѣздо...“

„Царица савская... царица сѣвера... нѣтъ, и юга, знойнаго, жаркаго юга... царица Тавриды... царство Митридата Великаго стало моею губерніею... тавроскифы мои подданные... Я была въ гостяхъ у дочери Агамемнона—у Ифигеніи—моей подданной... Царство Гиреевъ—мое царство... Херсонесъ, гдѣ крестился Владиміръ святой, Херсонесъ—мой... Кафа, гдѣ томились въ цѣпяхъ и продавались на рынкахъ невольники—моя Кафа... Что приобрѣлъ Петръ на сѣверѣ—то бѣдно, жалко... что приобрѣла я на югѣ—богато, роскошно... Это лучшіе алмазы въ моей коронѣ...“

„Скоро двадцать пять лѣтъ, какъ я царствую... 28-го іюня будетъ двадцать пять лѣтъ—черезъ недѣлю... А какъ недавно было то, кажется, недавно, словно вчера... Ночь, мрачная, томительная, а впереди—либо монастырская келья, либо темный казематъ, либо... и вдругъ яркій день и тронъ—мой, весь мой—отъ нижней ступеньки до орла... и корона моя—шапка Мономаха на головѣ ангальтъ-цербстской дѣвочки...“

„Тяжела, говорятъ, шапка Мономаха... да, но только не для меня... Вотъ ни одного сѣдого волоска она не вплела своею тяжестью въ мою женскую косу“...

И императрица вынула изъ-подъ чепца прядь волосъ и задумчиво перебирала ихъ въ рукѣ...

„Нѣтъ, не посеребрила моей головы шапка Мономаха... А какъ, казалось бы, я должна была бы постарѣть! какъ посѣдѣть!—чего не передумала моя голова за всю Россію въ эту цѣлую четверть столѣтій!“...

За дверью послышалось шуршанье бумагою.

— Кто тамъ?

— Храповицкій, ваше величество.

— Что?

— Стихи принесъ, что приказывали переписать—о Тавридѣ.

— Войди.

Въ комнату неслышными шагами вошелъ кругленькій, толстенькій, съ пухлыми щеками и завитою косою человѣчекъ, и, низко поклонившись, подаль императрицѣ чотко исписанный листъ бумаги.

— Жарко сегодня?

— Прежарко, ваше величество.

— Потѣешь?

— Преужасно потѣю, ваше величество.

— Кушайся чаще.

Екатерина встала и подошла къ окну. Передъ дворцомъ уже кучился народъ, глазѣя на окна, словно бы изъ cadaго должна была вылетѣть жарь-птица. Полицейскіе съ алебардами внушительно показывали глазѣющимъ кулаки—„не шумаркай-де—нишкни—ни-ни—разбудишь“.

Едва императрица показалась у окна, какъ народъ, не смотря на полицейскихъ, рвануль: „Матушка! ура! го-го-го-го!“

Екатерина отодвинулась съ улыбкою вглубь комнаты, но она не могла не замѣтить, что севозъ толпу пробирался ко дворцу Нарышкинъ, который несъ на плечѣ что-то круглое, черное, взоткнутое на трость, а въ лѣвой рукѣ—какія-то двѣ птицы, вродѣ утокъ...

„Что бы это было такое?—Что еще выдумалъ Левушка?—проказу какую нибудь?—это не даромъ“...

Она обратилась къ безмолвно стоявшему у дверей Храповицкому.

— Тамъ я замѣтила Льва Александровича Нарышкина—онъ несетъ что-то такое странное... Вели дежурному камеръ-юнкеру позвать его ко мнѣ.

Храповицкій исчезъ.

„Я сегодня замечталась, такъ Левушка навѣрное чѣмъ-нибудь холоднымъ оватитъ мои грезы... Честный, вѣрный другъ... Сколько лѣтъ ужъ онъ бережетъ меня—четвертый десятокъ будетъ... не чета другимъ, не корыстолюбецъ, ничего не ищетъ“...

Въ комнату, отвѣсивая низкіе поклоны, вошелъ Нарышкинъ. Онъ былъ весь красный—видимо усталъ. На трости у него оказался черный, какъ черноземъ, ржаной хлѣбъ, проткнутый насквозь, а въ рукахъ пара застрѣленныхъ бряковыхъ утокъ.

— Что это такое, Левъ Александровичъ? спросила, улыбаясь, изумленная императрица.

Нарышкинъ, преспокойно, неторопливо, съ серьезнымъ лицомъ, положилъ на столъ свою ношу и обтеръ фуляромъ вспотѣвшій лобъ.

— Это я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ, да пару утокъ, которыхъ вы жалуете...

„Что-нибудь не такъ“, промелькнуло въ головѣ императрицы, „подъ этой шуткой кроется что-нибудь серьезное... тульской хлѣбъ... урожай хорошъ... хлѣбъ дешевъ... народъ благоденствуетъ“...

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ? вдругъ спросила она.

— По четыре копѣйки за фунтъ, государыня.

Первый разъ, кажется, въ жизни Екатерина недовѣрчиво посмотрѣла на своего „шишня Левушку“.

— Быть не можетъ! съ силою сказала она. — Это цѣна неслыханная...

— И невиданная, ваше величество.

— Какъ же мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ...

— Такой ли, государыня?—На „такой ли“ Нарышкинъ сдѣлалъ особенное удареніе.

Императрица подошла къ короваю и стала внимательно разсматривать эту черную, отвратительную массу „нечистаго“, какъ говорятъ мужики, хлѣба, то есть хлѣба не изъ одной муки.

— Да это не хлѣбъ! съ ужасомъ воскликнула императрица:—это земля!—почти земля!

— Нѣтъ, ваше величество,—это... почти хлѣбъ...

— Боже мой! и эти комья земли ѣдятъ люди!

— Нѣтъ, государыня, пеизане... добрые мужички...

Императрица посмотрѣла на него строго...

— Не забывайте, Левъ Александровичъ!.. Въ такомъ дѣлѣ остроуміе неумѣстно...

Нарышкинъ почтительно поклонился. На лицѣ императрицы выступили гнѣвные пятна...

— Какъ же мнѣ донесли, что въ Тулѣ здѣсь ржаной хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью?...

— Нѣтъ, государыня,—это неправда; вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу этотъ хлѣбъ и знаю ему цѣну.

Императрица въ волненіи заходила по кабинету, боясь выглянуть въ окно...

— Удивляюсь, продолжала она;—какъ же меня увѣрили, что въ здѣшней губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году?

— Нынѣшняя жатва, ваше величество, можетъ будетъ удовлетво- рительна, а теперь, пока, голодно...

Императрица снова посмотрѣла на Нарышкина, подошла къ столу, взяла лежавшій на немъ писанный листъ бумаги и молча подала своему шутливому оберъ-шталмейстеру.

Нарышкинъ посмотрѣлъ на бумагу, пробѣжалъ ее — это былъ вче- рашній рапортъ Кречетникова — и снова положилъ на письменный сто- лъ.

— Прочли?

— Прочель-съ... Можетъ быть это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бывають не достовѣрнѣ газетъ...

Императрица опять подошла къ столу и долго смотрѣла на то, что изображало собою подобіе хлѣба... Она глубоко задумалась... Съ площади доносился неясный гулъ голосовъ...

„Такъ вотъ оно, мое величіе... на чемъ покоится оно... вотъ мои гордыя мечтанія... Бѣдные люди!... Такъ вотъ отчего не посѣдѣли мои волосы подъ шанкой Мономаха... оттого... оттого, что въ моемъ царствѣ есть такой черный хлѣбъ... онъ чернитъ мою сѣдину... Изъ окна золотой кареты я не вижу, что ѣсть мой добрый народъ... А я мечтала, я радовалась“...

Краска все болѣе и болѣе заливала ей лицо...

Она быстро оборотилась къ Нарышкину и протянула ему руку...

— Благодарю, всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, другъ мой! вы одинъ у меня честный и вѣрный другъ... Еслибы не вы, я не знала бы правды...

Она говорила съ жаромъ, со слезами на глазахъ... Нарышкинъ упалъ на колѣни и цѣловалъ ей руки...

— Матушка! матушка! вы великая царица! вы святая, великая женщина.

— Благодарю... благодарю... нѣтъ, я... я все таки женщина...

— Святая, великая!

— Встаньте, мой другъ.

Императрица подняла его. Нарышкинъ всталъ. Въ глазахъ Ека- терины блеснулъ опасный огонекъ...

— Такъ Кречетниковъ обманулъ меня?

— Нѣтъ, государыня... это изъ усердія... чтобъ не огорчить васъ...

— Не огорчить! А что подумали бы обо мнѣ мои добрые поддан- ные, которые питаются вонъ этимъ хлѣбомъ изъ земли?...

— И то не всѣ его имѣють...

— Что подумали бы они, еслибъ я приняла здѣсь балъ, предло- женный мнѣ дворянствомъ, и веселилась бы въ то время, когда самые трудолюбивые изъ моихъ подданныхъ...

Она не договорила и посмотрѣла на хлѣбъ...

— Не имѣють даже и такого хлѣба? подсказалъ Нарышкинъ.

— Да... Я и то дурно сдѣлала, что была вчера въ театрѣ.

— Нѣтъ, государыня, осмѣлюсь думать, что вы изволите хорошо поступить, посѣтивъ здѣшній театръ.

— Почему же? удивилась Екатерина.

— Роль „Хвастуна“ прекрасно игралъ какой-то здѣшній актеръ Пономаревъ...

— Да, я замѣтила его и велѣла взять на петербургскую сцену.

— Точно такъ, ваше величество... А изволили ли вы замѣтить, кого напоминалъ „Хвастунъ?“ кого игралъ Пономаревъ?

Императрица задумалась, потомъ улынулась...

— А!... немножко Кречетникова, кажется... да, да... то-то я вспоминала, на кого онъ похожъ...

— На Михайла Никитича.

— Точно, точно...

Она посмотрѣла на Нарышкина. Тотъ улыбался, стоя въ самой почтительной позѣ.

— Какое же отношеніе между театромъ и этимъ хлѣбомъ и — голодомъ? (императрица показала на столъ, гдѣ лежалъ хлѣбъ, потомъ на окно, за которымъ носились волнѣ народного говора).

— Непосредственное-съ, отвѣчалъ Нарышкинъ: въ театрѣ я думалъ о Михайлѣ Никитичѣ, объ его умѣнѣ „хвастаться“ — и сегодня самъ пошелъ на торгъ...

— И — открыли этотъ хлѣбъ?

— И открылъ-съ этотъ хлѣбъ...

— Да, правда... у васъ государственный умъ...

— Нѣтъ-съ, инстинктъ ищейки вашего величества...

— Вы неподражаемы, Левушка... Что жъ я буду дѣлать съ этимъ хлѣбомъ?

Нарышкинъ задумался... Онъ повидимому не рѣшался отвѣчать... Наконецъ онъ поднялъ голову...

— Что же? переспросила императрица.

— Взять съ собою въ Петербургъ — помѣстить въ Эрмитажъ, а кусокъ послать Вольтеру...

Яркая краска снова залила лицо императрицы... Она съ минуту колебалась, но потомъ снова побѣдила себя...

— Еще разъ благодарю васъ, глубоко благодарю... Какой урокъ! какой жестокой урокъ вы мнѣ преподали!...

Она закрыла лицо руками... Нарышкинъ ползалъ у ея ногъ и цѣловалъ край ея капота...

— Прости! матушка, прости!... величайшая, священнѣйшая, мудрѣйшая изъ женщинъ!...

— Нѣтъ, нѣтъ! счастливы государи, у которыхъ есть такіе друзья, какъ у меня...

На порогѣ показался красивый, съ женственнымъ лицомъ, съ высокобровной осанкой молодой человѣкъ, и съ нѣмымъ удивленіемъ

смотрѣлъ на эту живую сцену... Глаза императрицы блеснули какимъ-то внутреннимъ тепломъ...

То былъ Мамоновъ...

VII.

Черезъ два часа послѣ вышеприведенной сцены, въ томъ же кабинетѣ совершается обрядъ „волосочесанія“, какъ его называетъ Храповицкій въ своемъ „Дневникѣ“. „Волосочесаніе“ приближается къ концу. Императрица, выслушавъ докладъ оберъ-камергера Шувалова о томъ, что на ружейномъ заводѣ уже все приготовлено для принятія ея величества и что въ сверлильномъ отдѣленіи ожидаетъ императрицу особый цилиндръ и серебряный молотокъ, которымъ, мастера надѣются, всемилостивѣйшая государыня соизволитъ собственноручно ударить по раскаленному цилиндру,—смотрится въ зеркало, которое поднесли къ ней двѣ камеристки. Мамоновъ, стоя у окна, тщательно разсматриваетъ свои розовые, изящно выхоленные ногти. Нарышкинъ не менѣе серьезно занять ловлею большой мухи на другомъ окнѣ. Въ сторонѣ, у маленькаго столика, пыхтитъ и потѣетъ Храповицкій, занятый „перлюстраціею“, присланной изъ Петербурга иностранной почты. Сзади императрицы, отражаясь въ зеркалѣ, стоитъ только что допущенный къ аудіенціи Кречетниковъ.

На столѣ все тотъ же розовой каравай хлѣба и двѣ кривовыетки...

Императрица видитъ въ зеркалѣ, какъ Кречетниковъ косится на этотъ хлѣбъ, причеъ лицо его, за минуту счастливое и самодовольное, то блѣднѣетъ, то багровѣетъ...

— Очень рада, Михайло Никитичъ, что въ городѣ и въ губерніяхъ, вамъ порученныхъ, все обстоитъ благополучно, ласково говоритъ императрица, всматриваясь въ зеркало и отстраняя какой-то волосокъ отъ своего мраморнаго лба.

Кречетниковъ молча кланяется и силится подавить вздохъ.

— Я и за себя, какъ женщина, рада, когда все благополучно: меньше сѣдѣю...

Кречетниковъ опять кланяется и косится на хлѣбъ...

— Васъ, кажется, интересуеъ этотъ хлѣбъ и утки?

Кречетниковъ кланяется и что-то невнятно мычитъ.

— А это мнѣ принеъ какой-то добрый мужичекъ: „нашей говоритъ, деревенской хлѣба-соли матушкѣ-царицѣ на поклонъ приволокъ“...

Она снова пригнулась къ зеркалу и поправила височки.

— Я поблагодарила его, и спрашиваю — почему у нихъ такой хлѣбъ продается въ деревнѣ? Говоритъ—по четыре копѣйки... Я не повѣрила...

Нарышкинъ, наконецъ, поймалъ муху двумя пальцами, и она у

него отчаянно зажужжала. Императрица оглянулась и чуть замѣтная улыбка скользнула по ея лицу...

— Четыре копѣйки—это цѣна небывалая...

— Такъ точно, ваше императорское величество... но скоро урожай, растерянно заговорилъ Кречетниковъ.

— А до урожая?—теперь еще июнь...

— Будутъ приняты мѣры, ваше императорское величество... тотчасъ-же...

— Да, да — надобно поскорѣ помочь горю, чтобы не случилось большой бѣды.

— Слушаю-съ... непремѣнно-съ...

— А заводъ вы мнѣ сами покажите.

— Слушаю-съ, ваше императорское величество!

Нарышкинъ пріотворилъ окно и выпустилъ муху на свободу...

— Ура! ура! ура! послышалось съ площади...

VIII.

Прошло полтора года.

Въ морозный январскій вечеръ 1789 года, на сценѣ петербургскаго театра идетъ сенсационная и патриотическая по тому времени пьеса—„Титово милосердіе“. Театръ полонъ. Не смотря на внѣшній 20-ти градусный морозъ, отъ котораго кучера и извозчики спасаются либо собственными кулаками, либо кабакомъ, въ театрѣ жара невообразимая. Разряженные, напудренные „щеголихи“ и „модницы“, съ изящными мушками на щекахъ, и на подбородкахъ, и надъ соболинными бровками и вездѣ, гдѣ имъ указывала сидѣть мушиная символика, постоянно махались вѣерами, разливая вокругъ себя горячее море благовоній, не забывая въ то же время „махаться“ и въ переросномъ смыслѣ съ своими „петиметрами“, „ферлакурами“ и вздыхателями. Парики и подвитыя косы „ферлакуровъ“ и „петиметровъ“ представляли необозримую выставку парикмахерскихъ художественныхъ произведеній.

Императрица сидѣла, полуприкрытая драпировками, въ боковой ложѣ. Въ углубленіи, изъ-за ея спины выглядывали — то красивое, видимо скучающее лицо Мамонова, то круглыя, насмѣшливыя щоки сатира—Левушки Нарышкина, то лукавые глаза Шувалова.

Императрица видимо была въ хорошемъ расположеніи духа.

Пьеса шла очень удачно. Публика усердно аплодировала. Актеръ, игравшій „Тита“, былъ очень хорошъ: онъ обращался съ остальнымъ персонажемъ пьесы необыкновенно милостиво, но за то съ царственнымъ величіемъ, такъ что императрица, глядя на него, невольно закусывала губы, чтобы скрыть улыбку.

— А узнаете, государыня, кто играетъ „Тита“? тихо спросилъ Мамоновъ.

— Какъ же: это Пономаревъ, котораго я отняла у Тулы.

— Но кого онъ напоминаетъ, ваше величество, своею царственною осанкою? лукаво спросилъ Нарышкинъ.

— Да, кого-то напоминаетъ...

— А вы извольте, государыня, присмотрѣться къ первому ряду кресель.

— А что тамъ?

— Не замѣчаете?—вотъ величественно косится сюда...

— Ахъ—да, да! онъ поразительно его передразниваетъ...

Въ первомъ ряду кресель императрица дѣйствительно узнала того, на кого ей указывалъ Нарышкинъ:—плоскій широкій затылокъ, круто заплетенная густая коса, надменно поднятыя плечи и грудь, глупое, вызывающее улыбку величіе на лицѣ;—это былъ онъ—Кречетниковъ.

— Тульскій кречеть, воображающій себя орломъ изъ стаи Великой Екатерины.

— Да, да, улыбнулась послѣдняя:—но онъ меня сегодня порадовалъ.

— Чѣмъ, сударыня?

— Да вы знаете, что благодаря нераспорядительности генераль-пробіантмейстера Маврина, войскамъ, въ столицѣ расположеннымъ, угрожаетъ голодъ: такъ Михайло Никитичъ мнѣ доложилъ, что онъ беретъ помочь горю...

— Это тульскимъ-то хлѣбомъ государыня?

— Да: онъ говоритъ, что въ одной богородицкой волости есть до двухсотъ-тысячъ четвертей хлѣба лежачаго.

— А если это такой же хлѣбъ, дешевый, какой вы изволили вывезти изъ Тулы для Эрмитажа и для Вольтера?..

Императрица сверкнула глазами...

— Нѣтъ—нѣтъ... не напоминайте мнѣ объ этомъ...

Она обернулась назадъ и нечаянно уловила пристальный, нѣжный взглядъ Мамонова, устремленный на одну изъ противоположныхъ ложъ... Мамоновъ не замѣтилъ, что его взглядъ былъ пойманъ, а Екатерина, принявъ прежніе положенее, пытливо, но осторожно, не показывая виду, стала искать глазами невѣдомый ей предметъ, приковавшій къ себѣ взоры и вниманіе молодого царедворца... Она нашла этотъ предметъ... Да, да—это она, безспорно она... Ее пожираетъ онъ глазами... Это княжна Дарья Щербатова... Не даромъ онъ посылалъ ей лучшихъ фруктовъ, какіе были отобраны только для него... Вонъ у нея на лицѣ чуть замѣтная „мушка взаимности“... Это онъ съ нею „махается“... Негодница!.. Она тоже глядитъ на него, вѣеромъ машетъ—въ себѣ примахиваетъ...

Выраженіе мягкости разомъ застыло на лицѣ Екатерины: его замѣнило холодное величіе. Нарышкинъ замѣтилъ это — продувной сатиръ давно все замѣтилъ, но и виду не показывалъ, что чувствуетъ грозу въ воздухѣ, чувствуетъ ее давно — и ждетъ перваго удара...

Быть удару — облачко, черное, зловѣщее, разомъ налетѣло на полуденное солнце... Надо отворотить ударь...

— Александръ Матвѣичъ, кажется, очарованъ тульскимъ кречетомъ—глазъ съ него не спускаетъ весь вечеръ, закидываетъ онъ.

Переносятъ взоръ на Мамонова, на Кречетникова... Мамоновъ дѣйствительно смотритъ туда, на первый рядъ кресель, на Кречетникова...

— Я ухожу, у меня голова разболѣлась...

Императрица встаетъ. За нею встаютъ всѣ...

Уходя, Мамоновъ оборачивается и бидаетъ тревожный, тоскливый взглядъ на предательскую ложу... Тамъ махаютъ вѣтромъ...

IX.

— Поноша! другъ сердечный!

— Францель Венецианъ! какими судьбами!

— Да съ Кречетомъ налетѣли сюда.

— А! видѣлъ... такъ и ѣлъ меня глазами... Ну, облобызаемся же.

— Облобызаемся... А! и Аполлинарія Николаевна! наше вамъ, съ походцемъ!

— Здравствуйте, Семень Ннкифоровичъ... Что въ Тулѣ?

— Объ васъ вспоминаютъ... А что онъ?

— Кто онъ?

— Ну извѣстно онъ, курсивъ, большими литерами... Не онъ ужъ „Тита“ играетъ?

— Не онъ...

Аполлинарія Николаевна зардѣлась... Пріятели обнимались, жали другъ другу руку, спрашивали — кто про Тулу, кто про Петербургъ... Это было за кулисами, тотчасъ по окончаніи „Титова милосердія“.

— Совсѣмъ къ намъ теперь, дружище? а? спрашивалъ Пономаревъ Венецева.

— Да совсѣмъ было, еслибъ чадушко онять не напуталъ.

— Какой чадушко?

— Да, соколь-то нашъ ясный—совсѣмъ дѣло изгадилъ.

— Кречетниковъ?

— Кому же больше! Такого мастера путать и гадить на заказъ не сдѣлать.

— Въ чемъ же дѣло-то?... растолкуй.

— Да вотъ въ чемъ: свѣтлѣйшій, Потемкинъ-то, благоволилъ моему дураку... чадушкѣ-то, соколу, и обѣщалъ замолвить за него словечко у государыни, какъ пріѣдетъ сюда. А ждутъ свѣтлѣйшаго на дняхъ... Вотъ мы и прискакали сюда. Насъ приняли милостиво: государыня изволила даже говорить чадушкѣ-то моему о томъ, какъ

думаетъ встрѣтить свѣтлѣйшаго послѣ его славныхъ побѣдъ надъ турками, велитъ украсить въ Царскомъ триумфальныя ворота разными арматурами, а на транспарантъ въ честь его написать стихи изъ оды Петрова „На взятіе Очакова.“

„Ты въ плескахъ видишь въ храмъ Софіи.“

— Ого! протянулъ Пономаревъ:—куда хватило...

— Да, братъ: думаютъ, что съ весной нашъ свѣтлѣйшій и „таврический“ войдетъ въ Царьградъ съ побѣднымъ вѣнкомъ на головѣ...

— Ну, такъ чѣмъ же напуталъ соколъ твой?

— Да... Императрица, къ слову, замѣтила, что ее беспокоитъ недостатокъ провіанта для войскъ, здѣсь расположенныхъ, а мой-то враль, изъ усердія и хвастовства, и бухни, что у насъ въ Тулѣ лежачимъ хлѣбомъ хоть прудъ пруди. Государыня обрадовалась, приказала тотчасъ же закупить у насъ хлѣбъ, велѣла дураку моему распорядиться... Онъ прилетѣлъ, требуетъ меня, велитъ писать о хлѣбѣ: я ему напоминаю, что онъ самъ же недавно подписалъ рапортъ о томъ, что въ его намѣстничествѣ хлѣба едва ли хватитъ для весеннихъ посѣвовъ — и вдругъ такой шкандаль!—Какъ говорю вы, неспросяся, эдакъ отвѣтили государынѣ?—Сорвалось, говоритъ!—Ну, значитъ сорвалось и наше счастье.

— Господа! гдѣ тутъ господинъ Венецеевъ? слышался голосъ режиссера.

— Что вамъ угодно? Я Венецеевъ.

— Пожалуйста въ фойе—васъ проситъ тульскій и калужскій генераль-губернаторъ, генераль-поручикъ Михайло Никитичъ Кречетниковъ.

— Сейчасъ иду... И-ну чадо! опять, полагаю, что-нибудь напуталъ...

Х.

Во дворцѣ, въ кабинетѣ императрицы, Храповицкій, сидя за особымъ столомъ, осторожно шуршитъ бумагами, сортируя почту. Онъ видимо напряженно прислушивается къ тому, что происходитъ въ слѣдующей комнатѣ, за дверью, но кажется, привычный слухъ его ничего не можетъ уловить...

Но вотъ слышно немного сморкаются... „Плачутъ, должно“...

Опять шуршанье бумагой и опять напрасное прислушиванье...

— Плюньте, матушка, явственно слышится оттуда, изъ-за двери.

„Это Захаръ... успокоиваетъ“...

Опять сморканье, болѣе рѣшительное, энергическое... „Ну, слава Богу—кажись успокоились“...

Отворяется дверь и оттуда выходитъ Захаръ въ бѣломъ фартукѣ и съ полотенцемъ въ рукѣ. Захаръ очень пасмуренъ.

— Ну что, Захаръ Константинычъ? заискивающе спрашиваетъ Храповицкій.

Захаръ только махнулъ рукой.

— Гнѣвы? снова спрашиваетъ Храповицкій.

— Смутны, нехотя отвѣчаетъ Захаръ.

— А съ чего, Захаръ Константинычъ?

— Паренекъ дурить...

— Ахти! удивляется Храповицкій. Чтожъ онъ, дурачокъ!

— Да онамедни въ театрѣ съ княжной Щербатовой махался— перемигивался, такъ замѣтили.

— Ахъ дурачокъ, дурачокъ!

— То-то, и я ему говорилъ такъ же, такъ поди съ нимъ—не внемлетъ: житье мое здѣсь, говорить, настоящая тюрьма...

— Ахъ парень, парень! съ жиру бѣсится — отъ своего счастья бѣгаетъ.

— И я тоже говорю—такъ нѣтъ: скучно, слышь, ему, надоѣло, что послѣ всякаго собранія, гдѣ есть дамы, привязываются, дескать, ревнуютъ...

Храповицкій укоризненно покачалъ головой...

Изъ той комнаты раздался звонокъ. Храповицкій вздрогнулъ и торопливо принялся опять за свою почту. Захаръ, перекинувъ полотенце на другое плечо, тихо пошелъ на звонокъ.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ, вотъ истинно дуракъ! бормоталъ самъ съ собою Храповицкій... И съ кѣмъ связался! съ кѣмъ вздумалъ махаться! и это послѣ Фицгерберта-то—съ аглицкими объѣдками...

Захаръ вышелъ съ радостной улыбкой и какъ-то весело перекрестился...

— Что? зачѣмъ звали?

— Слава Богу—успокоились, а то ничѣмъ не угодишь—все гнѣваются...

— А выдуть?

— Сказали—выдуть: почту бы приготовили, да Кречетникову приказано явиться.

— Почта готова.

— А паренька, говоритъ, велю свѣтлѣйшему пожурить, какъ пріѣдетъ—все его ждуть.

Захаръ ушелъ, разводя руками и самъ съ собою что-то разговаривая. Храповицкій разложилъ почту на большомъ столѣ, всталъ и подошелъ къ зеркалу. Лицо его было красновато, какъ послѣ выпивки.

— Ишь не доспалъ — рожа-то красная... А все этотъ тульскій калифъ затащилъ, угостилъ... да и дома тоже на ночь... Дурная прищыва.

За той дверью послышались шаги. Храповицкій отскочилъ отъ окна и нагнулся надъ бумагами.

Отворилась дверь изъ той комнаты и въ кабинетъ вошла импера-

трица. Въ ней теперь казалось болѣе женственного, чѣмъ царственнаго. Глаза смотрѣли немножко припухшими, усталыми и мягкими: замѣтно было, что она плакала, хотя теперь на лицѣ не осталось и слѣда горя, и оно было спокойно.

Храповицкій низко поклонился. Ему милостиво отвѣчали.

— Привелъ почту въ порядокъ?

— Привелъ, государыня.

— А прочелъ рапортъ вице-губернатора?

— Не успѣлъ, ваше величество.

— Прочти.

Храповицкій отыскалъ на столѣ требуемую бумагу и пробѣжалъ ее глазами.

— А? каковъ лгунишка Кречетниковъ! — что доносить здѣшній вице-губернаторъ?

— Здѣшній вице-губернаторъ рапортуетъ—отвѣчалъ Храповицкій, глядя въ бумагу—что по сообщенію Кречетникова богородицкіе поселяне просятъ по четыре рубля за кулъ муки съ поставкою въ Тулу...

— А! каково! Зачѣмъ было лгать?—кто просилъ?

Въ это время дверь изъ переднихъ покоевъ, изъ пріемныхъ апартаментовъ, отворилась, и на порогъ показался юный, розовый какъ дѣвушка, съ дѣвическою косою и черными агатовыми глазами дежурный камеръ-юнкеръ, юноша лѣтъ двадцати, и вытянулся въ струнку. Глаза императрицы ласково остановились на немъ.

— А, Зубовъ... Что тамъ?

— По приказанію вашего императорскаго величества—генераль-поручикъ Кречетниковъ—ожидаетъ повелѣній, отчеканилъ юноша.

— Пусть войдетъ.

Юноша стукнулъ ножкой объ ножку, и исчезъ за дверью.

— Какой милый мальчикъ, выронила императрица.

— И хорошо воспитанъ, государыня,—скромнень какъ дѣвушка и музыку любитъ, вставилъ Храповицкій, почтительно вытягиваясь, чтобъ положить бумагу передъ императрицей.

На порогѣ показалась знакомая уже намъ фигура тульского наместника. Всегда юпитеровски-величественный и какъ Нарцисъ самодовольный, онъ выступалъ теперь немножко мокрой курицей—съ склоненною на божъ повинною головою, съ опущенными руками... „Изъ усердія, единственно изъ усердія—повинную принесть—повинную мечъ не счѣтъ“, говорила вся его фигура. Даже Храповицкій немножко улыбнулся: „точь-вточь соблудившая псица „Муфта“...

— Вы, Михайло Никитичъ, поторопились порадовать меня вашимъ хлѣбомъ—напрасно, сказала императрица тономъ неудовольствія.

— Виноватъ, ваше императорское величество, былъ смиренный поклонъ:—можетъ быть не такъ донесъ здѣшній вице-губернаторъ.

— Не такъ рапортовалъ вашъ, а не мой вице-губернаторъ, строго замѣтила государыня, и, взявъ со стола бумагу, подала оторопѣвшему сановнику:— прочтите сами.

— Дрожащими руками взялъ „великолѣпный калифъ Тулы“, какъ его назвали пересмѣшники, поданную ему бумагу и сталъ разсматривать ее какъ какую-нибудь хитрую ткань.

— Видите—богородицкіе поселяне просятъ по четыре рубли за куль, пояснила императрица уже спокойнымъ тономъ.

— Да-съ, точно, ваше величество... это недоразумѣніе... Я немедленно разъясню—напишу... самъ на мѣстѣ разслѣдую...

Въ это время какъ бы изъ-за спины императрицы выросъ Мамоновъ... Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго... По глазамъ замѣтно было, что и онъ плакалъ... Императрица испытующимъ, но ласковымъ взглядомъ посмотрѣла на него: ей, казалось, стало жаль этого блѣднаго, заплаканнаго лица...

— Я разслѣдую-съ... и хлѣбъ найду, продолжалъ бормотать Кречетниковъ, весь красный.

— Хорошо, хорошо, постарайтесь, сказала, повидимому, сжалившаяся и надъ нимъ императрица, дѣлая видъ, что отпускаетъ его.

Кречетниковъ торопливо положилъ бумагу на столъ, поклонился, пробурчалъ—„постараюсь... священная воля... хлѣбъ лежачій“ — перхнулся и, снова поклонившись, отретировался за дверь...

— А! какъ нахвасталъ! съ улыбкой обратилась государыня къ Мамонову:—да еще имѣлъ безстыдство сказать, что не такъ донесъ здѣшній вице-губернаторъ... А!—я ненавижу ложь—это подлость, но еще гнуснѣе взвораживать вину на другого...

Мамоновъ ничего не отвѣчалъ: онъ, казалось, и не слыжалъ того, что ему говорили... Правой рукой онъ держался за грудь, какъ бы чувствуя тамъ острую боль...

— Une oppression de poitrine, n'est-ce pas? участливо спросила государыня.

— Да, ваше величество, больно, тихо отвѣчалъ молодой царедворецъ.

Императрицѣ стало еще болѣе жаль его... Видимо желая его развлечь, она заговорила о Кречетниковѣ.

— Каковъ!—и это уже во второй разъ такая исторія съ хлѣбомъ... Помните?

— Помню, государыня.

— А какъ онъ открывалъ Калужскую губернію—а?

— Этого я не слыжалъ, ваше величество.

— Это исторія презабавная... Къ открытію губерніи прибылъ Платонъ, что нынѣ митрополитъ московскій. Спрашиваетъ—все ли готово къ открытію? — Кречетниковъ отвѣчаетъ, что все, только слѣдуетъ просмотрѣть церемоніаль. Присылаетъ церемоніаль къ Платону. Платонъ одобряетъ всѣ статьи, кромѣ одной, гдѣ сказано было, чтобы

во время шествія въ церковь намѣстника, то есть вотъ этого самаго Кречетникова, во всѣхъ церквахъ производимъ былъ волокольный звонъ... Каково!

— Да, это скромно, улыбнулся Мамоновъ.

— Очень скромно, согласилась императрица:—только Платонъ не соглашался. Началась переписка—Платонъ стоитъ на своемъ. Наконецъ, Кречетниковъ самъ ѣдетъ къ Платону, настаиваетъ. Платонъ и отвѣчаетъ ему: „эта почесть—говорить—воздается только царскому величію“.—Только этимъ и усмирилъ его. Но за то онъ у себя въ домъ поставилъ тронъ и хоть не сидѣлъ на немъ, но стоялъ на ступеняхъ этого трона, подъ балдахиномъ, и говорилъ рѣчь къ собранію дворянъ.

— Воображаю, государыня, какъ онъ былъ смѣшонъ, замѣтилъ Мамоновъ.

— Да... но послѣ онъ былъ жалокъ, продолжала, увлекаясь, императрица.—Послѣ открытія губерніи, онъ пріѣхалъ сюда — лично представить мнѣ отчетъ обо всемъ... А я уже знала о колокольномъ звонѣ: мнѣ Платонъ же и донесъ... Встрѣчаю его ласково, благодарю, спрашиваю обо всемъ. Онъ сіяетъ отъ удовольствія. А я таинственно и спрашиваю его: „да Платонъ-то, говорю, усердно ли вамъ содѣйствовалъ?“—Съ полнымъ усердіемъ, говоритъ, ваше величество“.—„Да не было ли, говорю, съ его стороны какихъ-нибудь странныхъ желаній: на примѣръ, не требовалъ ли, говорю, онъ отъ васъ пушечной пальбы при вѣздѣ своемъ въ городъ?“—Нѣтъ, говоритъ, государыня.—„А я, говорю, что-то такое слышала; но согласитесь, говорю, что вѣдь это было бы такъ же смѣшно, какъ еслибъ вы, говорю, потребовали, чтобъ онъ сопровождалъ васъ колокольнымъ звономъ“...

Мамоновъ разсмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ. Даже Храповицкій почтительно хихикалъ.

— Тутъ только понялъ онъ, къ чему я вела рѣчь, заключила свой рассказъ императрица.

На порогѣ опять вытянулась стройненькая фигурка юноши съ агатовыми глазами.

— Кто тамъ? былъ ласковый вопросъ.

— Господинъ директоръ академіи наукъ, княгиня Дашкова, ваше величество! отпрапортовалъ красивый юноша.

— Господинъ—княгиня, улыбнулась императрица:—я жду ее.

IX.

Въ 7-му часу вечера на 5-е февраля этого (1789) года прибылъ наконецъ въ Петербургъ съ новозавоеваннаго юга „великолѣпный князь Тавриды“.

Кречетниковъ, послѣ деликатной головной уборы съ „лежачимъ хлѣбомъ“, теперь опять высоко поднялъ голову и не иначе смотрѣлъ на свѣтъ божій какъ черезъ человѣческія головы, ибо все казалось ему ниже его недосыгаемой персоны; такъ онъ увѣренъ былъ въ расположеніи къ нему Потемкина. Потемкинъ, дѣйствительно, покровительствовалъ ему по неуловимымъ капризамъ своего характера или, можетъ быть, по такому же неуловимому закону контрастовъ, въ силу котораго блондины предпочитаютъ брюнетокъ, сила покровительствуетъ безсилію, старость льнетъ къ дѣтямъ, гений снисходитъ къ посредственности: понимая хорошо недалекость и пѣтушья замашки „тульскаго калифа“, зная его неудержимую слабость къ прекрасному полу и заносчивость, называя его не иначе какъ „мадамъ“—любимое слово Кречетникова, — Потемкинъ все-таки покровительствовалъ ему.

Однимъ словомъ, съ прїездомъ Потемкина „тульскій кречеть“ оказался „въ мытѣхъ“ и сталъ „высоко взбивать птицъ“ болѣе мелкихъ чиновныхъ пташекъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. О „хлѣбѣ“ и о головной уборкѣ онъ совсѣмъ забылъ, сколько не напоминалъ ему объ этомъ Венецеевъ.

На другой же день послѣ прїезда Потемкина, по личнымъ указаніямъ императрицы, на театрѣ въ Эрмитажѣ давали самую новую и модную тогда пьесу—„Горе богатырь“ комическую оперу, сочиненную самою государынею при композиторскомъ содѣйствіи придворнаго капельмейстера Мартини. Въ оперѣ этой, какъ толковали тогда и какъ понимаютъ это теперь, Екатерина осмѣивала попытки шведскаго короля Густава III овладѣть Петербургомъ. Какъ извѣстно, попытки эти окончились срамомъ для „Горе богатыря“.

„На театрѣ“, какъ записано у Храповицкаго, кромѣ самой императрицы, Потемкина, Мамонова, Льва Нарышкина, Храповицкаго и другихъ приближенныхъ, присутствовали и иностранные послы, Кобенцель и Сегюръ. Мало того, виднѣлась въ рядахъ знати и пѣтушья фигура Кречетникова: быть приглашеннымъ въ Эрмитажъ—это высокая честь, и онъ чувствовалъ сердцемъ, мозгомъ, ногтями и каждымъ волоскомъ, что исполнѣ достоинъ этой чести.

Пьеса шла блистательно. Особенный, конечно почтительный взрывъ одобреній вызвалъ дуэтъ самого „Горе богатыря“, съ Гремидой.

— Это слава его „гремитъ“ по всему свѣту, лукаво замѣтилъ Потемкинъ, слегка кланаясь императрицѣ.

Лицо Екатерины было необыкновенно оживлено. Это оживленіе и искусная прическа сгладили всѣ тончайшія морщинки, проведенныя безжалостною шестидесятою весною ея жизни на ея прекрасномъ, философскомъ челѣ. Она казалась совсѣмъ молодою, свѣжею, полною энергіи. Не даромъ, на канунѣ, за туалетомъ, она сказала Храповицкому и Шувалову: „я увѣрена, что, имѣя уже шестдесятъ лѣтъ, проживу еще двадцать съ нѣсколькими годами“...

— Да, съ улыбкой отвѣчала императрица: „Гремила“ родная сестра „Шумихѣ“ и также удачливы, какъ Тома съ Еремой... Et vous, monsieur le comte? обратилась она къ сидящему около нея Сегюру.

— Oh! c'est ravissant! восторженно отвѣчалъ тотъ, какъ истый французъ: c'est... c'est... du genie...

— Merci, monsieur, отвѣчали уклончиво.

— Oh! votre majesté! qui se sent morveux, se mouche... C'est bien delicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinantes...

Въ антрактѣ, когда опустилась занавѣсъ, глазамъ изумленныхъ зрителей представилась слѣдующая картина, эффектно изображенная на этой новой занавѣси: Екатерина на тронѣ; она держитъ въ рукѣ лавровый вѣнокъ и возлагаетъ его на голову склонившагося на ступеняхъ трона Потемкина; надъ вѣнкомъ надпись изъ импортеровъ:

„Ты въ плескахъ видишь въ храмъ Софин“.

Восторженное „браво!“ „да здравствуетъ Екатерина!“ заглушили оркестръ который игралъ:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися храбрый Россѣ...

Потемкинъ, насутившись, грызъ ногти... Онъ порывался было уйти, но императрица ласково удержала его... Сегюръ любезно улыбался и едва замѣтно кланялся ему, показывая видъ, что аплодируетъ будущему покорителю Цареграда...

— Да это и правда, сказала императрица, какъ бы отвѣчая на мысль французскаго посла: я увѣрена, что у меня скоро будетъ князь „Таврической-Цареградскій“.

— Въ этомъ увѣренъ и Кречетниковъ, кивнулъ въ его сторону Потемкинъ, продолжая кусать ногти.

— Да, онъ увѣренъ въ побѣдахъ Потемкина...

— Какъ и въ своихъ надъ прекраснымъ поломъ...

Императрица невольно разсмѣялась, глянувъ туда, куда ей указывалъ Потемкинъ: она увидѣла, какъ Кречетниковъ, словно индѣйскій пѣтухъ съ красными щеками и шею, топтался около княжны Щербатовой, заслоняя ее отъ Мамонова, который видимо злился...

— Охъ, отобьетъ у нашего паренька крало, подмигнулъ Потемкинъ.

Императрица отвернулась: такъ смѣшонъ показался ей Кречетниковъ въ роли „ферлакура“.

— Отобьетъ, отобьетъ...

Храповицкій усиленно вытиралъ фуляромъ свой влажный лобъ...

— Потѣешь? улыбнулась ему Екатерина.

— Препужасно, ваше величество, былъ стереотипный отвѣтъ.

— А Сегюръ и Сень-При увѣрены, серьезно заговорила императрица, обращаясь къ Потемкину, что Турецію подѣлить можно...

— И даже должно, такъ же серьезно отвѣчалъ Потемкинъ.

— А какъ?

— Дать куски Англии и Франціи... конечно и Австріи.

— А Гишпаніи?

— И Гишпаніи тоже малое „морсо“.

— А Италиі? задумчиво спросила императрица.

— Италиі нѣтъ... Италиа только въ географіи да на картѣ.

— И то правда, нѣтъ ее, нѣкому больше давать „куски“.

— А остатка довольно будетъ для великаго князя Константина Павловича, улыбулся Потемкинъ: съ него довольно.

— Да, *roug un cadet de la maison*, очень довольно, улыбулась и императрица, а потомъ серьезно прибавила: бабка и отецъ—здѣсь, внукъ и сынъ Константинъ, во градъ Константина Великаго...

— Такъ и пророчествовано, задумчиво пояснилъ Потемкинъ, какъ бы прислушиваясь къ музыкѣ.

— Да... Затѣмъ не быть обѣимъ отраслямъ въ такой связи, какъ дворы бурбонскіе Франціа и Гишпанія, а Романовы—Россія и Туреція.

По окончаніи пьесы вниманіе императрицы снова было привлечено неподражаемымъ тульскимъ намѣстникомъ. Екатерина, вставая, взглянула было собственно по тому направленію, гдѣ сидѣла княжна Щербатова уже не съ „мушкою взаимности“ а съ „мушкою отвергнутой пассіи“, но вмѣсто княжны увидѣла Кречетникова, который восторженно обнималъ кого-то.

— Кого это хочетъ задушить „мадамъ“? спросила она Потемкина, указывая на Кречетникова.

— Львова... Они съ Кречетниковымъ старые друзья.

— А о хлѣбѣ, какъ я вижу, онъ совсѣмъ забылъ, замѣтила императрица: онъ твердо вѣритъ евангелію.

— Я заставляю его и о хлѣбѣ вспомнить, отвѣчалъ свѣтлѣйшій.

Императрица оглянулась: она замѣтила всѣхъ... не было только одного, кого она искала: не было Мамонова...

Прошло нѣсколько недѣль. Кречетниковъ давно воротился изъ Петербурга въ свою намѣстническую резиденцію и, упоенный благосклонностью къ нему свѣтлѣйшаго, опочилъ на лаврахъ. Каждый день принималъ просителей въ торжественной „аудиенціи“, утверждалъ журналы намѣстническаго правленія, выслушивалъ доклады, во время которыхъ, подражая Потемкину, грызъ ногти, катался на своихъ любимыхъ „королькахъ“ — маленькія, изящныя лошадки, чудилъ „по-потемкински“, то-есть гонялъ иногда курьеровъ за „тѣстомъ калужскимъ“, которое любилъ Потемкинъ, въ Калугу, но не для Потемкина, а для себя, гонялъ и въ Вязьму за „вяземскими пряни-

вами“, въ Астрахань—за „воблой“, въ Коломну—за „постилой“, въ Борзну—за „бубликами“ и такъ далѣе.

О покупкѣ хлѣба для Петербурга хотя и отдалъ пригазь, но скоро и объ этомъ забылъ, а больше, по вечерамъ, въ дворянскомъ собраніи, волочился за хорошенькими „дворяночками“... „Мадамъ“, „мадемуазель“—„у насъ въ Петербургѣ“—„при дворѣ“—„сама императрица“—„мой другъ свѣтлѣйшій“—только и раздавалось по собранію.

Но больше всего ему нравились „аудиенціи“: тутъ онъ окончательно подавлялъ всѣхъ царственнымъ величіемъ и „екатеринскою очаровательностію“... Выходы къ „аудиенціи“ совершались съ такою неизмѣнною помпою: когда просители и чающіе „представиться“ собирались въ залу и наступалъ назначенный часъ „выхода“, то по звонку изъ внутреннихъ апартаментовъ два ливрейныхъ офиціанта, въ пудрѣ, башмакахъ, съ нашивками на всѣхъ частяхъ тѣла, въ огромныхъ треугольникахъ и съ булавами, отворяли настежь двери изъ гостинной съ такимъ трепетомъ, какъ будто бы оттуда долженъ былъ выйти огонь небесный и всѣхъ пожрать; тогда изъ дверей выступали два новыхъ офиціанта, но безъ шляпъ, а лишь съ глухими, то-есть важными лицами, а за ними уже—слегка улыбающійся отъ этой дурацкой церемоніи Венецеевъ несъ портфель, не подъ мышкою—этого не дозволялось—а впереди, словно евангеліе выносилъ дьяконъ либо скинію завѣта несли трепетные левиты... За этою скиніею уже выступалъ, словно журавль въ болотѣ, самъ Кречетниковъ: онъ потому напоминалъ журавля, что тонкія ноги его всегда были обтянуты шелковыми чулками, а башмаки съ золотыми пряжками высились на тонкихъ, какъ у китайногъ, красныхъ каблукахъ.

Въ утро описываемаго нами дня, въ приѣмной залѣ намѣстника толпилось очень много чающихъ: тутъ были и военные, и статскіе, мужчины и женщины, и въ числѣ послѣднихъ виднѣлось не одно молодое, красивенькое личико. Дежурный чиновникъ обходилъ всѣхъ просителей и непросителей, спрашивалъ ихъ имена и мѣстожителства и записывалъ въ свою памятную книжку. Тѣ, которые были въ этой залѣ въ первый разъ, съ удивленіемъ, а иные со страхомъ, поглядывали на царскій тронъ, стоявшій по срединѣ комнаты и осѣняемый балдахинемъ съ золотымъ двуглавымъ орломъ и вѣстями: на тронѣ помѣщался мраморный бюстъ императрицы въ лавровомъ вѣнчѣ.

— Ваше званіе и фамилія? спросилъ дежурный чиновникъ, подходя къ одному просителю, стоявшему сзади всѣхъ въ статскомъ платьѣ.

— Свободный художникъ Сбавъ-Спѣси изъ Петербурга, отвѣчалъ статскій.

— Какъ-съ?

— Сбавъ-Спѣси, сударь... Моя фамилія малороссійская.

Дежурный чиновникъ записалъ.

— А по какому дѣлу?

- По порученію свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго.
- Къ его превосходительству Михайлу Никитичу?
- Нѣтъ-съ... Къ одному зазнавшемуся дураку...

Чиновникъ не зналъ, какъ понять подобную шутку, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дерзкаго незнакомца. Но этотъ послѣдній преспокойно вынулъ изъ-за кафтаннаго борта бумагу и подалъ изумленному чиновнику. Тотъ развернулъ — читаетъ — ничего не можетъ сразу понять... Бланкъ дѣйствительно Потемкина... „Свободному художнику Сбавъ-Спѣси“, бормочетъ чиновникъ, пробѣгая бумагу: „поручаю вамъ немедленно отправиться въ Тульскую губернію къ извѣстному вамъ зазнавшемуся дураку и снять съ него портретъ“...

Чиновникъ еще болѣе недоумѣваетъ... Но на бумагѣ печать—гербовая именная печать свѣтлѣйшаго и его собственноручная подпись... Эта подпись ему знакома... Что жъ бы это значило?... Ясно, что это одна изъ тысячи причудъ свѣтлѣйшаго, которому и Михайло Никитичъ сталъ подражать...

Въ этотъ моментъ изъ внутреннихъ покоевъ раздался звонокъ. Дежурный чиновникъ, сунувъ незнакомцу его странную бумагу, поспѣшилъ къ своему посту — къ столу у окна.

Просители торопливо становились на мѣсто, оправлялись, откашливались. Военные старались молодцовато выпятить грудь, какъ будто у нихъ тамъ дѣлалось стѣсненіе. Дамы обдергивались, охорашивались по своему, словно птички передъ полетомъ. „Свободный художникъ“ ступевался гдѣ-то назадъ...

Одновременно съ этимъ, первые два официанта бурно распахнули обѣ половинки двери, точно оттуда долженъ былъ выбѣжать кто нибудь бѣшеный или выпорхнуть большая птица. Но вмѣсто бѣшеннаго показались два плавно выступавшихъ официанта съ глупыми, по наказу, т. е. важными лицами. За ними — милѣйшій Семень Никифорычъ Венецеевъ въ роли архидіакона, красненькій, гладко выбритый и съ портфелемъ въ рукахъ... Лукавое лицо его выражало скромно: „смотрите на нашего дурака“... За Венецеевымъ — самъ „дуракъ“, громовержецъ, съ высоко поднятою головой, съ выпяченной грудью и животомъ какъ у беременной бабы, въ шелковыхъ чулкахъ на тонкихъ ногахъ безъ икоръ и въ блестящихъ башмакахъ съ красными каблукками, которые, казалось отъ стыда краснѣли... Увидѣвъ молоденькихъ просительницъ, вѣроятно „дворяночекъ“, тульскій Юпитеръ, подражая настоящему Юпитеру, сдѣлалъ изъ себя подобіе кобелька только вмѣсто хвоста округлилъ локти полудубликомъ...

— Bravo, Кречетниковъ! брависсимо! раздался вдругъ сзади просителей шальной возгласъ.

Всѣ вздрогнули. Дежурный чиновникъ поблѣднѣлъ. Официанты разинули рты, да такъ и остались. Самъ Кречетниковъ, какъ отъ удара хлыста, выпрямился... Одинъ Семень Никифорычъ лукаво улыбался...

— Bravo! bravissimo! продолжай! что остановился!

Это стоялъ на стулѣ, за просителями, незнакомецъ, чазвавшій себя „свободнымъ художникомъ“, и хлопалъ въ ладоши...

Лицо Кречетникова, смущенное, красное, разомъ преобразилось: куда дѣвалось олимпійское величіе!...

— Ахъ, какъ я радъ, что тебя вижу! воскликнулъ онъ ласково, заискивающе, подходя къ незнакомцу и протягивая обѣ руки: — надолго ли къ намъ пріѣхалъ?

Но незнакомецъ не унимался — стоялъ на стулѣ и весело хлопалъ...

— Нѣтъ-нѣтъ! воротись въ гостиную — позабавь еще разъ пышнымъ выходомъ...

Кречетниковъ окончательно потерялся — краснѣлъ, блѣднѣлъ... просители переглядывались...

— Перестань шутить... дай я тебя обниму, бормоталъ сраженный олимпіецъ.

— Нѣтъ, не сойду съ мѣста, пока неудовлетворишь моей просьбѣ...

— Полно... къ чему эти шутки... довольно...

— Нѣтъ-нѣтъ — выйди еще разъ: ты мастерски играешь свою роль...

Кречетниковъ готовъ былъ расплакаться... Незнакомецъ сжалился надъ нимъ, сошелъ со стула, обнялъ его и, не глядя на просителей и оторопѣвшихъ офиціантовъ, прошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную.

— Это тебѣ урокъ отъ свѣтлѣйшаго, сказалъ онъ серьезно и тихо: благодари Бога, что только этимъ обошлось, а могло быть и хуже... ты знаешь его... Это тебѣ за то, что ты забылъ о „хлѣбѣ лежачемъ“, а государыня обѣ немъ каждый день спрашиваетъ... Ее тоже ты довольно знаешь... Вотъ меня свѣтлѣйшій, любя тебя, и прислалъ къ тебѣ, чтобъ хорошенько взмылить голову и дѣло сдѣлать: тебя спасти отъ высочайшаго гнѣва и успокоить всемилостивѣйшую государыню... Гвардія безъ хлѣба — самъ знаешь, чѣмъ это пахнетъ...

Таинственный незнакомецъ былъ извѣстный въ то время острякъ и шутникъ генералъ Львовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ Потемкина.

На этотъ разъ торжественная „аудиенція“ не состоялась, а послѣ уже она совершаема была гораздо скромнѣе.

— Теперь мы хоть немножечко поуниверсали, говорилъ бывало Венецеевъ, вспоминая неожиданный наѣздъ „свободнаго художника“.

Д. Мордовцевъ.

ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ. ¹⁾

IV.

ТО НЕ ВИДАЛЪ своими глазами древней страны Осковъ, Кампаніи, и въ особенности, не любовался небомъ, моремъ и всей роскошной природой на берегахъ Неаполитанскаго залива, тогъ не знаетъ и даже не можетъ представить себѣ, что есть на земномъ шарѣ уголокъ, который по всей справедливости можетъ быть названъ земнымъ раемъ. Все въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ создано для того, чтобы лелѣять воображеніе, возбуждать человѣка къ жизни, призывать его къ наслажденію. Теплый, нѣжащій своею мягкостью лѣтомъ и зимою воздухъ, глубокая синева яснаго неба, свѣтлая и манящая къ себѣ зыбь укрощенныхъ волнъ Средиземнаго моря, видъ сторожащихъ входъ въ заливъ большихъ и малыхъ острововъ—Капри, Искіа, Прочиды и Низиды, замыкающія на востокъ горизонтъ высокія и защищающія отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ Апеннины, дышашія ароматомъ растенія, богатыя сочными плодами деревья, неистощимая въ плодородіи почва, вся эта облитая солнцемъ, полная жизни, смѣющаяся и ликующая природа заключаетъ въ себѣ столько чарующаго и привлекательнаго, что становится безъ всякаго усилія мысли понятнымъ, почему эта мѣстность искони была любимымъ мѣстопребываніемъ человѣка и съ незапамятныхъ временъ была усѣяна цвѣтущими городами, въ которыхъ кипѣло здоровое, веселое, преданное нѣгѣ и наслажденію населеніе.

Въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи по берегамъ Неаполитанскаго залива стали селиться среди коренного населенія греки, этрусски, затѣмъ самнитяне и наконецъ римляне. Въ послѣдній вѣкъ республи-

¹⁾ Окончаніе. См. № 10 „Историческаго Вѣстника“.

лики берега эти были усеяны вилами римскихъ магнатовъ, многочисленные остатки которыхъ на байскомъ берегу до сихъ поръ напоминаютъ о значеніи, какимъ пользовались эти благословенныя мѣста среди богатыхъ и знатныхъ людей римской республики и затѣмъ имперіи. Жизнь въ Неаполѣ всегда считалась пріятнѣйшимъ мѣсто-пробываніемъ, съ которымъ напр. не хотѣлъ разстаться Виргилій и о которомъ Стацій говоритъ съ такимъ чувствомъ удовольствія, посылая туда жить жену свою, римлянку; Байи, гдѣ были самыя знаменитыя минеральныя воды въ древности, еще въ римской комедіи седьмого столѣтія отъ основанія Рима играютъ роль мѣста, полного удовольствій и опаснаго для самой твердой супружеской привязанности; ПUTEОЛИ (нын. ПУЦЦОЛИ) были однимъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ Италіи и окрестности этого города были любимымъ мѣстомъ временнаго мѣстопробыванія римской знати, между прочимъ Цицерона, Лукулла, императора Нерона. Теперь эта наиболѣе роскошная въ древности сторона неаполитанскихъ окрестностей представляетъ собой, пожалуй, скорѣе печальную, чѣмъ веселую картину: столько тамъ развалинъ и такъ она запущена въ гигиеническомъ отношеніи! Только дивная природа, извилистое море, острова и мысы, да бездна историческихъ воспоминаній и соединяемыхъ съ мѣстами и названіями ихъ преданій, восходящихъ ко временамъ Гомера, придаютъ прогулѣ отъ Неаполя до Мизенскаго мыса очарованіе, какого не дадутъ самыя здоровыя и выхоленныя новой культурой мѣстности средней Европы. Жизнь, дѣятельность и вся полнота наслажденія, доставляемаго пробываніемъ въ этомъ, ни съ чѣмъ несравнимомъ углу міра, перешли на восточную сторону залива, туда, гдѣ дымится и по временамъ извергаетъ пламя Везувій, гдѣ процвѣтали Геркуланъ, Помпеи, Стабіи, Нуверія, гдѣ теперь Портичи, Резина, Торре дель Греко, Торре дель Аннунціата, Кастелламаре, Сорренто. По этому берегу пролегаетъ и желѣзная дорога, здѣсь путешественникъ наслаждается необозримымъ моремъ апельсинныхъ садовъ, тутъ онъ видитъ роскошныя виллы, утопающія въ зелени. въ этихъ мѣстахъ онъ стремится пожить хотя нѣсколько дней, сюда наконецъ, онъ прежде всего направляется изъ Неаполя, чтобы прогулять по узкимъ улицамъ постепенно освобождаемаго изъ подъ щепла древняго города.

5 февраля 63 года по Р. X. произошло въ Кампаніи землетрясеніе. „Помпеи, знаменитый городъ Кампаніи, въ значительной части обрушился“—говоритъ по этому поводу Тацитъ въ своей Лѣтописи. Но не одни Помпеи пострадали отъ этого неожиданнаго и, по общепринятому тогда ученію Каллисена, невозможнаго зимой несчастія. Пострадалъ кромѣ Помпей, какъ повѣствуетъ современникъ этого событія, философъ Сенека, въ своихъ „Естественныхъ вопросахъ“, и Геркуланъ (по древнему Геркуланей), часть котораго также обрушилась, произошли кое-какія поврежденія въ Нуверіи (теперь

Ночера), да и Неаполь не остался безъ убытковъ. Въ окрестностяхъ этихъ городовъ землетрясеніе отозвалось не только на зданіяхъ, но и на животныхъ: погбло стадо въ шестьсотъ овецъ, добавляетъ свой разсказъ Сенека. Слышно также было въ Римѣ въ то время, что много статуй разбилось отъ землетрясенія и что были люди, которые помѣшались отъ страха, наведеннаго на жителей необычнымъ событіемъ.

Какъ ни велико было это несчастье въ мѣстности, густо населенной и привыкшей къ довольному существованію, но оно было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое постигло ее спустя шестнадцать лѣтъ, 23 августа 79 года. Помпеи едва успѣли отстроиться послѣ землетрясенія, какъ много вѣковъ пребывавшій спокойнымъ Везувій сталъ извергать огонь, уголь, камень и пепель и, не переставая свирѣпствовать такимъ образомъ въ продолженіи трехъ дней, похоронилъ подъ пепломъ только-что возстановленные Помпеи и вмѣстѣ съ ними Геркуланъ и Стабии. Это страшное въ древней исторіи событіе, сопровождавшееся землетрясеніемъ во всей окрестной мѣстности, подробно описано въ двухъ письмахъ Плинія младшаго къ Тациту. Авторъ этихъ писемъ, находясь на противоположномъ берегу залива, въ Мизенѣ, былъ очевидцемъ происходившаго изверженія, при которомъ, погбъ дядя его, знаменитый натуралистъ Плиній старшій, который, стоя съ флотомъ въ Мизенѣ, не утерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть ближе на необычную дѣятельность Везувія. Изверженіе пепла, подъ которымъ погбли цвѣтущіе города, прилегающіе къ восточному берегу Неаполитанскаго залива, было такъ сильно, что, по сообщенію Діона Кассія, части его доносились въ Африку и въ Сирію, а въ Римѣ воздухъ былъ наполненъ имъ до такой степени, что было помрачено солнце. Такъ какъ катастрофа продолжалась цѣлыхъ три дня, то это обстоятельство давало жителямъ засмѣанныхъ городовъ возможность спастись; но далеко не всѣ воспользовались этою возможностью. Какъ всегда бываетъ во время смятенія, порождаемаго страшнымъ и неожиданнымъ бѣдствіемъ, какъ напримѣръ большимъ пожаромъ, многіе не знали, что дѣлать и гдѣ найти спасеніе. Въ то время какъ, по словамъ Діона Кассія, нѣкоторые среди дыма, пламени, землетрясенія, выбѣгали изъ домовъ на улицу, другіе съ улицы бѣжали въ дома, ища тамъ убѣжища; въ то время какъ люди находившіеся на морѣ, старались скорѣе ступить на твердую землю, другіе, не считая себя безопасными на сушѣ, бросались къ морю. Находилось однако и въ Геркуланѣ и въ Помпеяхъ много безцѣльныхъ людей, которые, среди всеобщаго ужаса, не хотѣли выходить изъ театра. Но, вообще говоря, народа, насколько позволяютъ судить помпейскія раскопки, погбло сравнительно немного: полагаютъ, что изъ двадцати или тридцати тысячъ жителей, населявшихъ Помпеи, нашли смерть во время катастрофы не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ погбли три города, между которыми главнымъ были

Помпей. Но въ то время какъ надъ Геркуланомъ и Стабіями съ теченіемъ времени возникли новые города, Резина и Кастелламаре, что дѣлаетъ невозможными сколько-нибудь значительныя раскопки безъ ущерба для теперешнихъ зданій и жителей, Помпей оставались покрытыми только изверженіями Везувія. Такимъ-то образомъ не только сохранился, но и предстаетъ теперь передъ нашими глазами древній городъ, съ улицами, троттуарами, площадями, домами, храмами, театрами, гробницами, съ домашней утварью, съ комнатными украшеніями, съ произведеніями всевозможныхъ ремеслъ и искусствъ. наконецъ—съ остатками пищи, употреблявшейся жителями. Есть на что взглянуть любопытному путешественнику.

Полчаса ѣзды изъ Неаполя по желѣзной дорогѣ, и мы въ Помпеяхъ. Входимъ мы туда, какъ и всѣ другіе прибывающіе изъ Неаполя, черезъ сводообразныя ворота, носящія теперь названіе *porta della Marina*. Въ этой мѣстности, при входѣ въ городъ, въ древности были устроены глубоко въ землѣ складочныя магазины для помѣщенія товаровъ, привозимыхъ моремъ. Ворота, черезъ которыя мы входимъ, устроены надъ этими магазинами. Мы не заходимъ въ находящійся въ право отъ воротъ недавно устроенный музей, въ которомъ собраны образцы предметовъ, добытыхъ раскопками и нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, превосходно воспроизведенныхъ посредствомъ гипса, которымъ, по распоряженію Фіорелли, были наполнены формы, образовавшіяся отъ затвердѣвшаго надъ тѣлами пепла. Мы поднимаемся выше и, встрѣчая по правую руку стѣну, начинаемъ видѣть по лѣвую рядъ жилищъ и лавокъ, въ одной изъ которыхъ продавались горячіе напитки (обыкновенно—вино съ горячей водой). Такого рода рестораціи, которыхъ было много въ Помпеяхъ, назывались *термополіями* (*thermopolia*). Идя все прямо, мы выходимъ на форумъ, главное, центральное мѣсто города. По пути, которымъ мы шли, на этотъ форумъ выходятъ два общественныхъ зданія: съ права базилика, гдѣ происходилъ судъ, творимый думвирами, и гдѣ, въ западномъ концѣ зданія, еще сохранилось мѣсто для трибунала; съ лѣва храмъ Венеры, одно изъ древнѣйшихъ сооруженій засыпаннаго города. Цѣлый рядъ другихъ общественныхъ зданій окружаетъ эту главную городскую площадь, на которую выходятъ съ разныхъ сторонъ города шесть улицъ. Такъ, съ сѣверной стороны къ форуму примыкаетъ изящный храмъ Юпитера, сильно потерпѣвшій отъ землетрясенія 63 года и засыпанный Везувіемъ во время перестройки; съ восточной стороны форума, ближе всего къ храму Юпитера, стоитъ зданіе, которое называютъ одни храмомъ Августа, а другіе Пантеономъ; за нимъ южнѣе—общественный атрій съ жертвенникомъ Тиберию, повидимому, мѣсто засѣданія городской думы; за нимъ непосредственно по эту же сторону обшитый мраморомъ храмъ генія Августа, обыкновенно считаемый храмомъ Меркурія; еще южнѣе зданіе, носящее названіе *Chalcidicum*, съ портикомъ и внутреннимъ дворомъ,

окруженнымъ крытою галлерей; по южную сторону форума находится зданіе съ тремя залами, называемыми у итальянскихъ археологовъ куріями; наконецъ, на западной сторонѣ, сѣвернѣе храма помпейской Венеры, находятся разныя общественныя сооруженія, какъ напр. помѣщеніе для образцовъ общественныхъ мѣръ и вѣсовъ, далѣе мѣсто для рынка, отхожія мѣста для публики, съ переднею, и тюрьма. Самая площадь форума окружена съ трехъ сторонъ портикомъ, который имѣлъ двойной рядъ колоннъ, сохранившійся теперь на южной сторонѣ площади. Форумъ былъ усыянъ статуями, отъ которыхъ осталось двадцать два пьедестала, въ пяти случаяхъ сохранившихъ подписи. На одной западной сторонѣ, стояло двѣнадцать конныхъ статуй, да четыре на ногахъ, по южную сторону находилось четыре конныхъ статуи, двѣ по восточную. Большой пьедесталъ по срединѣ площади указываетъ на то, что тамъ стояла наиболѣе почетная конная статуя, вѣроятно какого-нибудь императора. По верхъ дорическихъ колоннъ изъ травертина, окружавшихъ площадь, усыянную статуями, шла другая колоннада, іоническаго стили, куда всходили по лѣстницамъ. Этимъ способомъ имѣлось въ виду увеличить пространство для движенія публики на главной площади города, мѣстѣ народныхъ собраній, но изверженіе Везувія застало работу возведенія верхняго портика, по видимому, не оконченною. Можно себѣ однако представить, какой великолѣпный видъ представлялъ помпейскій форумъ, вымощенный большими плитами, окруженный великолѣпными общественными зданіями, покрытый статуями важныхъ городскихъ и государственныхъ лицъ, съ верхней и нижней колоннадами, окружающими самую площадь, по которой постоянно двигалась публика.

Но что же это былъ за городъ, въ которомъ мы съ первыхъ шаговъ встрѣтили такое великолѣпіе? Это былъ обыкновенный провинціальный городъ, какихъ не мало было въ древней Италиі. Правда, это былъ городъ приморскій и торговый, и въ этомъ отношеніи занимавшій видное мѣсто между другими городами Кампаніи, но отнюдь не выдававшійся по своей роскоши въ средѣ другихъ, какъ Неаполь, даже какъ Байи и Путеолы, привлекавшіе къ себѣ многочисленную богатую и знатную публику столицы государства и другихъ мѣстъ Италиі. Кампанскіе города вообще выгодно отличались отъ городовъ Лаціума и гордились передъ ними (отсюда вошедшая у римлянъ въ поговорку: *superbia campana*) своимъ благосостояніемъ и внѣшнимъ благоустройствомъ. Первое давалось имъ въ силу благодатной почвы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прекраснаго географическаго положенія; второе, находясь въ зависимости отъ перваго, было въ тоже время наслѣдіемъ древней культуры, съ давнихъ поръ распространявшейся въ этой странѣ греческими колоніями. Помпеи былъ городъ старый; онъ насчитывалъ въ послѣдній день своего существованія по крайней мѣрѣ шесть съ половиною столѣтій. Онъ основанъ приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х. осками или какимъ другимъ древнимъ населеніемъ

южной Италіи, около 424 г. до Р. Х. былъ занятъ спустившимися съ горъ самнитянами, а послѣ окончанія союзнической войны, которую велъ Римъ съ итальянскими народами, требовавшими себѣ правъ римскаго гражданства, въ 666 году отъ основанія Рима (88 до Р. Х.), былъ превращенъ въ римскую колонію. Отъ первой эпохи мало сохранилось памятниковъ, хотя греческое вліяніе и тутъ представляется несомнѣннымъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ развалины греческаго храма Геркулеса (?), одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ архитектуры въ Италіи. Но особенный разцвѣтъ вліянія греческаго искусства и всей эллинской культуры проявился въ Кампанскихъ городахъ вообще и въ Помпеяхъ въ частности въ другую, самнитскую эпоху этого города. Часть прекрасныхъ мостовыхъ, великолѣпные храмы и другія общественныя зданія, развитіе вкуса къ украшенію своихъ жилищъ предметами искусства относятся главнымъ образомъ къ этой эпохѣ. Когда послѣ союзнической войны, въ которой помпейскому войску нанесенъ былъ рѣшительный ударъ подъ Нолой, туда была выведена Суллой римская колонія ветерановъ, это былъ городъ богатый и вполне благоустроенный, обладавшій прекрасными зданіями, публичными и частными, множествомъ гостинницъ, магазиновъ, фабрикъ, между которыми важную роль играли суконныя, театрами, банями и другими полезными или увеселительными заведеніями. Поименовывалъ рядъ кампанскихъ городовъ, въ сравненіи съ которыми латинскіе не могутъ по красотѣ, благоустройству и гигиеническимъ условіямъ выдержать никакого сравненія, Цицеронъ въ своей рѣчи объ аграрномъ законѣ приводитъ, рядомъ съ Неаполемъ, Путеолями, Кумами, Нукеріей, и Помпеемъ. Не даромъ онъ завелъ тамъ себѣ въ окрестностяхъ этого города дачу, которую посѣщалъ нерѣдко и о которой не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ своему брату, къ Аттику и къ другимъ друзьямъ. Превращеніе Помпей въ римскую колонію, въ свою очередь, не только не уронило благосостоянія города, но и содѣйствовало новому его оживленію и украшенію. Городъ сталъ населеннѣе и богаче. Богаче онъ сталъ потому особенно, что вслѣдствіе разрушенія, во время союзнической войны, Стабій (нынѣшній Каstellамаре), онъ, сдѣлался главнымъ портомъ на восточномъ берегу Неаполитанскаго залива и увеличилъ свое торговое значеніе. Возникло множество новыхъ построекъ общественныхъ и частныхъ, жизнь стала устраиваться на болѣе широкую ногу, страсть къ роскоши еще болѣе усилилась и охватила всѣ классы общества, что отразилось между прочимъ на всеобщемъ украшеніи домовъ стѣнною живописью и на стремленіи къ болѣе комфортабельному домашнему устройству, чѣмъ какимъ средній классъ довольствовался прежде. Въ этомъ состояніи развитія застало городъ землетрясеніе 63 года по Р. Х., которое разрушило между прочимъ лучшую часть его, идущую отъ форума къ востоку и заключающуюся между улицами della Fortuna и dell'Abbondanza (новыя названія). То, что намъ представляютъ собой теперь

Помпеи, это—городъ, начавшій возстановляться послѣ разрушенія и далеко еще не возстановившійся къ тому времени, какъ ему пришлось быть погребеннымъ подъ пепломъ Везувія.

Мы стоимъ на форумѣ, на которомъ невольно остановились, зашедши въ окружающія его общественныя зданія. Постройка этихъ зданій принадлежитъ разнымъ эпохамъ, но болѣе всего говоритъ о началѣ имперіи. Самыми старыми изъ нихъ являются храмъ Помпейской Венеры и храмъ Юпитера; наиболѣе новыми—святилища, посвященные Августу. Бросивъ на нихъ взглядъ, мы слѣшимъ познакомиться съ городомъ, съ его внутреннею жизнію, съ его бытовою стороною, на которой сосредоточивается для насъ наибольшій интересъ при обзорѣ воскресшаго изъ подъ пепла и лавы города. Передъ нами рядъ улицъ, выходящихъ на форумъ, и намъ предстоитъ избрать то или другое направленіе. Обыкновенно посѣтители Помпей, вошедши на форумъ съ южной стороны и дошедши до сѣверной, гдѣ стоитъ храмъ Юпитера, направляютъ свой путь черезъ Неронову арку дальше къ сѣверу, къ аркѣ Калигулы, по улицѣ, на которой находятся съ лѣвой стороны бани, а съ правой на углу улицы Фортуны, стоитъ храмъ Августовой Фортуны (*Fortuna Augusta*). Только-что мы вошли въ эту улицу, какъ передъ нами открывается по правую руку рядъ лавокъ и прежде всего винный магазинъ (*taberna vinaria*), о которомъ свидѣтельствуетъ барельефъ изъ нукерійскаго камня, изображающій двухъ человѣкъ, несущихъ на плечахъ амфору. Въ двухъ другихъ лавкахъ сложены въ настоящее время нѣсколько большихъ глиняныхъ сосудовъ, *dolia*, соответствующихъ нашимъ бочкамъ, въ которыхъ бродитъ вино до разлива ихъ въ бутылки, а у древнихъ въ амфоры. Бочки эти найдены за городомъ близъ рѣки Сарно и имѣютъ на себѣ марку фабриканта ихъ М. Луккейя Квартіона, а на одной изъ нихъ нацарапано и имя рабочаго, Онезима, который ихъ дѣлалъ для хозяина. Лавокъ въ Помпеяхъ многое множество. Онѣ встрѣчаются на каждомъ шагу для всевозможныхъ надобностей—для продажи масла, вина, молока, благовоній и т. д. Всѣ дома, выходящія фасадомъ на улицу, если это не общественныя зданія, заняты лавками или мастерскими сапожниковъ, портныхъ, цирюльниковъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п. За лавкой обыкновенно была сзади комната для помѣщенія купца или ремесленника, но нерѣдко комната эта была не внизу, а въ верхнемъ этажѣ, куда вела узкая и неудобная лѣстница, какихъ въ помпейскихъ домахъ, отдававшихся въ наймы и называвшихся по латыни *insulae*, очень много. Эти наемныя комнаты для лавочниковъ и ремесленниковъ въ верхнихъ этажахъ назывались *caenacula* (объединенныя комнаты) и *pergulae* ¹⁾ (нѣчто соответствующее нашимъ чер-

¹⁾ Собственно *pergula* вообще означаетъ придаточную комнату, которая въ данномъ случаѣ могла также слѣдовать непосредственно за лавкой.

«Истор. вѣстн.», годъ 1, томъ III.

даннымъ помѣщеніямъ). Между надписями на помпейскихъ домахъ мы встрѣчаемъ и объявленія, по которымъ отдаются въ наймы *tabernae cum pergulis suis*. Верхнихъ этажей въ помпейскихъ домахъ теперь почти не существуетъ, но сохранившіяся многочисленныя лѣстницы остаются достаточнымъ о нихъ свидѣтельствомъ. Одна изъ лавокъ, находящихся по той же сторонѣ улицы, была ѳермополіемъ, т. е. трактиромъ, или рестораціей, гдѣ, какъ мы уже упоминали, продавался между прочимъ теплый напитокъ, (отсюда и названіе ѳермополія) смѣсь вина и воды. Вотъ мраморный прилавокъ, гдѣ подавалось питье прохожимъ заходившимъ, сюда на минуту подкрѣпить себя теплымъ напиткомъ, вотъ помѣщенія для сосудовъ, содержавшихъ продаваемую влагу, вотъ очагъ, на которомъ кипѣла вода, а вотъ и комната для посѣтителей, складъ для сосудовъ вина, кухня и латрина. Въ этихъ ѳермополіяхъ посѣтители иногда проводили время очень весело, о чемъ свидѣлствуютъ и надписи нерѣдко съ именами женщинъ, служившихъ для посѣтителей развлеченіемъ, равно какъ и неприличные изображенія по стѣнамъ. Тутъ же происходила игра въ кости, иногда оканчивавшаяся ссорой и дракой между партнёрами, которыхъ хозяинъ въ такомъ случаѣ вѣжливо выпроваживалъ, приглашая ихъ драться на улицѣ. Все это хорошо освѣщено сохранившимися надписями и стѣнными изображеніями. Оканчивается эта сторона улицы небольшимъ храмомъ Августовой Фортуны. Храмъ былъ построенъ на собственный счетъ дуумвиромъ (этимъ именемъ назывались двое изъ выборныхъ властей, составлявшихъ главную администрацію города) М. Туллиемъ; онъ былъ отдѣланъ роскошнымъ мраморомъ и составлялъ одно изъ наиболѣе важныхъ украшеній этой части города. Главною статуей въ немъ была статуя Фортуны, но тамъ же стояла въ одной изъ нишъ статуя Августа, о чемъ свидѣлствуетъ и разбитая надпись на ея базисѣ, гдѣ Августъ называется „отцомъ отечества“.

Другая сторона улицы, съ которой мы начали обзоръ города, вся занята зданіемъ общественныхъ банъ съ лавками, его окаймляющими. Зданіе занимаетъ цѣлый кварталъ и имѣло шесть входовъ. Извѣстно, какую важную роль общественныя бани играли въ жизни древнихъ итальянцевъ, какія роскошныя сооруженія были посвящаемы для удовлетворенія этой общественной потребности въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи, какихъ огромнымъ суммъ стоили эти сооруженія императорамъ въ Римѣ и должностнымъ лицамъ, искавшимъ народнаго расположенія, въ провинціи. Поэтому не будетъ лишнимъ для насъ зайти въ находящіяся предъ нашими глазами бани и посмотреть на ихъ устройство. Надобно только замѣтить, что эти, находящіяся близъ форума, бани—не лучшее и не самое большое учрежденіе въ этомъ родѣ въ Помпеяхъ. Къ тому же, онѣ принадлежатъ къ эпохѣ, слѣдовавшей за поселеніемъ въ этомъ городѣ римскихъ колонистовъ, и суть бани римскаго устройства, по крайней мѣрѣ въ эту эпоху онѣ передѣланы и расширены. Главный фасадъ этихъ

бань былъ обращенъ на сѣверную сторону, на улицу, называющуюся теперь *strada delle terme*; тамъ и находились два главныхъ входа, первый изъ которыхъ велъ въ мужскую баню. Передъ нимъ скамья для сидѣнья и вотъ лѣстница, ведущая въ верхнія комнаты. Но заставимъ лучше сдѣлать намъ описаніе внутренности этого зданія Фіорелли, главнаго руководителя помпейскихъ раскопокъ, книгу котораго „*Descrizione de Pompei (Napoli, 1875)*“—необходимо имѣть передъ глазами всякому, желающему ближе ознакомиться съ зданіями древняго города. „Входъ въ баню, слѣдуя изъ корридора, вводилъ прямо въ раздѣвальню или въ *apodyterium*, состоящую изъ обширной залы, кругомъ которой съ трехъ сторонъ находятся сидѣнья, съ соответствующими подножками, а на извѣстной высотѣ отъ земли дыры отъ перекладинъ, вбитыхъ въ стѣну для вѣшанья платья тѣхъ, кто, раздѣвшись, готовился войти въ смежныя залы, или вышедши изъ нихъ бралъ снова одежду. Комнатныя украшенія въ раздѣвальнѣ и въ другихъ частяхъ зданія, вслѣдствіе поврежденій, причиненныхъ землетрясеніемъ, и сдѣланныхъ поправокъ, не представляются вездѣ одинаковыми въ стилѣ. Здѣсь карнизъ съ рельефными гипсовыми фризами, изображающими лиры, дельфиновъ, химеръ и сосуды; тамъ стоитъ, сверхъ того, въ лицевой стѣнѣ стеклянный запертый ящичекъ, въ которомъ ночью находилась лампадка, а выше широкое окно съ большимъ стекломъ, вмурованнымъ въ самое зданіе. Подъ окномъ рельефное изображеніе головы Океана, который среди водъ, падающихъ съ его волосъ и съ бороды держитъ обхватомъ маленькихъ амуровъ, дельфиновъ и двухъ тритоновъ, съ порывистымъ движеніемъ несущихъ сосуды и оружіе.

„Раздѣвальня сверхъ дверей вышеуказаннаго прохода имѣла кругомъ пять другихъ. Первая, справа отъ входящаго, вела въ комнату которую я считаю элеозезіумомъ, назначеннымъ для натираній маслами и благовонными мазями, другая—длиннымъ корридоромъ вела къ большой печи, изъ третьей входили въ *tepidarium* (гдѣ мылись теплой водой), четвертая вела въ *frigidarium* (гдѣ моющіеся въ банѣ охлаждались), а пятая приводила въ сообщеніе раздѣвальню съ садомъ или съ баннымъ виридаріемъ, который имѣлъ два побочныхъ входа или выхода на восточной и западной сторонахъ острова ¹⁾.

„*Frigidarium* имѣетъ круглую форму, и сводъ его, освѣщаемый окномъ сверху, возвышается надъ карнизомъ, на которомъ бѣлымъ гипсомъ на красномъ фонѣ изваяна фѣда амурчиковъ на колесницахъ и верхомъ. Въ стѣнѣ выдолблены четыре ниши, въ которыхъ

¹⁾ Островомъ, *insula*, назывались дома, отдаваемые хозяиномъ въ наймы жильцамъ, въ противоположность дому, *domus*, который онъ занималъ самъ. Это были отдѣльные дома или группы домовъ, кругомъ которыхъ идетъ дорога. Въ Помпеяхъ принято называть островомъ цѣлый кварталъ, по четыремъ сторонамъ котораго идутъ улицы.

находились сидѣнья для купающихся, и тамъ же бронзовый языкъ, съ котораго лилась широкая струя воды въ бассейнъ, одѣтый въ мраморъ съ ступенькой для схождения туда, и снабженный двумя сточными отверстиями—одно для того, чтобы его опораживать и чистить, а другое затѣмъ, чтобы когда онъ наполненъ, вода не вышлескивалась чрезъ край.

„Терідаріумъ, освѣщаемый окномъ въ четыре стекла, имѣетъ сводъ, отдѣланный гипсовыми барельефами по четверугольникамъ, изъ которыхъ одни, меньшихъ размѣровъ, съ амуромъ, открытымъ цвѣткомъ, или крылатымъ четвероногимъ по срединѣ, въ другихъ, большихъ размѣровъ, находится амуръ, опирающійся на лукъ, Ганимедъ, несомый орломъ на небо, юношеская фигура, сидящая на гипсогрифѣ (крылатомъ конѣ), амуръ, переходящій море на иппокампахъ (морскихъ коняхъ), или дельфинахъ. Всѣ эти четверугольники раздѣлены канделябрами и окружены лентами разнаго цвѣта. Фризь надъ карнизомъ изображаетъ двѣ виноградныя вѣтви, съ листьями, исходящими изъ тѣла амурчиковъ, которые держатся за ихъ верхушки обѣими руками; а карнизъ, очень выдающійся отъ стѣны, поддерживается покрытыми тончайшимъ слоемъ гипса глиняными атлантами или теламонами, посреди которыхъ находятся помѣщенія для сохраненія платья или простынь.

„Какой-то М. Нигидій Вакула, можетъ быть братъ Нигидія Майя, главы колоніи, который, по случаю посвященія этихъ бань, далъ народу зрѣлище гладиаторскихъ игръ, снабдилъ тепидарій жаровней для его согрѣванія и тремя бронзовыми скамьями, которыя стояли кругомъ его. На нихъ вырѣзана надпись: *M. Nigidius Vascula p. s.* (М. Нигидій Вакула на свой счетъ).

„Въ *Calidarium* (горячей комнатѣ) стѣны голы и полъ не додѣланъ. Въ одномъ концѣ находится *calida lavatio*, т. е. большой мраморный желобъ со ступенькой при входѣ въ него и съ другой внутри для сидѣнья тамъ и съ двумя сточными отверстиями; съ другой стороны *lasonicum* (потильня) гемисферической формы, съ круглымъ окномъ въ сводѣ, который былъ отдѣланъ штукатуркой и имѣлъ бронзовый модераторъ банной температуры. Тамъ находится мраморный *lavrum* (бассейнъ для воды, которою спрыскивались), на краю котораго бронзовыми буквами написано (латинскую надпись опускаю) объ издержкѣ на него въ 5250 сестерціевъ (около 250 рублей), сдѣланной по опредѣленію декуріоновъ на общественныя деньги дуумвирами Гнеемъ Мелисеемъ и Маркомъ Стайемъ, бывшими другой разъ въ должности въ четвертый годъ нашего лѣтосчисленія. Четыре окна освѣщали днемъ комнату, а ночью тамъ, между прочимъ, горѣлъ огонь въ томъ мѣстѣ для фонаря, которое находится поверхъ *lavrum*.

„Дверь раздѣвальни, ведшая на дворъ или садъ, впускала въ корридоръ, который, выходя на сѣверную аллею сада, слѣва имѣлъ дру-

гую дверь. Она вела кривымъ путемъ къ латринѣ (отхожему мѣсту) и выходила на восточную улицу острова. Садъ былъ окруженъ портикомъ только съ трехъ сторонъ и имѣлъ съ сѣвера и запада аллеи покрытыя навѣсомъ, который поддерживался колоннами, а съ восточной стороны пилястрами, на верху которыхъ находится нѣсколько коморокъ, служившихъ, можетъ быть, обиталищемъ банной прислуги. На сѣверной аллеѣ находится у стѣны длинный выступъ (podium) или лавка, прерываемая входомъ въ oecus (крытая зала для публики), который углубляется къ сторонѣ тепидаріи и служилъ, быть можетъ, для удовольствія тѣхъ, кто проводилъ въ этомъ мѣстѣ многіе часы дня. На западной сторонѣ (сада) другой выходъ, имѣющій въ сторонѣ болѣе обширную латрину.

„Одна дверь съ улицы вела къ печной комнатѣ и къ бассейнамъ или водохранилищамъ бани. Спустившись отъ нея по ступенькамъ входилъ на площадку, съ правой стороны которой находится каменная лѣстница, съ лѣвой корридоръ, имѣющій сообщеніе съ раздѣвальной мужской бани, прямо жерло praefurnium'a (мѣсто, куда влялись дрова банной печи), къ которому прилегаютъ другія лѣсенки, ведущія на верхъ печной комнаты, къ мѣсту паровиковъ и къ piscinѣ (главный бассейнъ въ банѣ), которая сохраняла воду, проведенную туда изъ другого водохранилища, болѣе обширнаго и находившагося въ смежномъ кварталѣ, при помощи проводовъ, поддерживавшихся аркой зданія, теперъ разваливашагося. Изъ этого мѣста, на которомъ находятся слѣды третьей лѣстницы, можно проникнуть однимъ проходомъ въ открытый дворъ, имѣющій входъ съ западной улицы, гдѣ двѣ боковыхъ дюжихъ колонны, по видимому, должны были поддерживать продолженіе водопровода, идущаго изъ сосѣдняго квартала. Здѣсь, сверхъ того, находятся ступени изъ мостового камня и коморка смежная съ входной дверью и занимавшаяся, быть можетъ, тѣмъ, у кого были ключи отъ двери“.

На этомъ мы остановимся въ описаніи помпейскихъ бань, прилежавшихъ къ форуму. Находившіяся въ томъ же зданіи женскія бани были тѣснѣе и проще, но въ сущности представляютъ тоже, что и мужскія бани. Но вообще бани, построенныя въ Помпеяхъ близъ форума, представляютъ собой нѣчто обыкновенное, не только не идущее въ сравненіе по громадности размѣровъ, но роскоши и удобствамъ съ римскими оермами Діоклегіана, Тита или Каракаллы, но значительно уступающее и старымъ помпейскимъ банямъ, принадлежавшимъ еще къ самнитской эпохѣ. Тамъ были и солнечные часы, которыми снабдилъ эти оермы квесторъ Марій Атиній на штрафныя деньги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ осская надпись; тамъ была палестра для гимнастическихъ упражненій; тамъ двѣ особенныхъ залы съ мраморными полами были назначены для скобленія тѣла посредствомъ скребницы (strigilis) и для натиранія его масломъ и благовоніями;

тамъ было больше стѣнныхъ украшеній. Но за то значительная часть этихъ бань находится теперь въ разрушенномъ состояніи.

Отправляясь гулять по улицамъ Помпей отъ-форума, мы заходили въ лавки и подробно осматривали бани. Теперь зайдѣмъ въ какой-нибудь домъ, чтобы видѣть, какъ жили тамъ люди средняго (достаточнаго) класса и посмотримъ на его устройство. Такого рода домовъ, описанныхъ Фиорелли, было въ 1875 году болѣе двухсотъ. Мы заходимъ въ первый, находящійся какъ разъ противъ описанныхъ нами бань съ сѣверной стороны домъ, насящій теперь названіе дома трагическаго поэта (*casa del poeta tragico*).

Переступивши порогъ, мы находимся въ передней, гдѣ прежде находилась на полу изящная мозаика съ изображеніемъ лающей собаки на цѣпи и съ надписью: *save sanem* (остерегайся собаки)! Она теперь находится въ неаполитанскомъ музеѣ. Изъ этой передней мы вступаемъ прямо въ атрій тосканскаго стиля (*tuscanicum*). Атрій есть первая и необходимая часть всякаго древне-итальянскаго дома и въ древнѣйшихъ жилищахъ, можетъ быть, единственная комната. Тамъ въ старину былъ семейный очагъ (онъ же былъ и жертвенникъ, ага), на которомъ готовили пищу и приносили жертвоприношеніе тутъ же стоявшимъ домашнимъ богамъ; въ атрій стояла брачная постель, здѣсь хозяйка дома занималась работами съ своей прислугой, здѣсь принимали гостей и кліентовъ, здѣсь находились изображенія предковъ и здѣсь же стоялъ сундукъ съ деньгами. По мѣрѣ развитія потребностей и уклоненія отъ древнихъ нравовъ итальянскій домъ расширялся все болѣе и болѣе: явились отдѣльныя комнаты для разныхъ потребностей — для сна, для кухни, для обѣда, для приема гостей и даже для домашнихъ боговъ. Не смотря на это, атрій остался все-таки главной и существенной частью древне-итальянскаго дома. Атрій въ который мы вошли, имѣетъ сверху въ крышѣ квадратное отверстіе, которое называлось *compluvium*. Такъ оно называлось потому, что черезъ него собиралась дождевая вода въ бассейнъ, стоявшій противъ него на полу. Бассейнъ этотъ назывался *impluvium*. Въ домѣ трагическаго поэта онъ сдѣланъ изъ мрамора. Стѣны атрія этого дома были росписаны превосходной живописью, изображавшею Хризеиду и уводящаго ее Агамемнона, разставаніе Бризеиды съ Ахилломъ, свадьбу Юпитера и Юноны на горѣ Идѣ. Но эта живопись взята въ неаполитанскій музей, какъ и мозаика съ собакой. Остается на мѣстѣ лишь часть картины, гдѣ представленъ Нептунъ, ѣдущій на морскомъ конѣ, въ сопровожденіи Тритона и амурчика, который несетъ трезубецъ. По лѣвую сторону атрія двѣ спальни, одна съ боковой лѣстницей наверхъ, а другая, болѣе обширная, съ разной стѣнной живописью и фризомъ, изображающимъ битву амазонокъ, помпейскую Венеру и Амуровъ; за спальнями кладовая (*apotheca*), а на правой сторонѣ каморка привратника, спальня и боковое парадное помѣщеніе, закрывавшееся не дверью, а занавѣсомъ, *ala* (крыло). Обыкновенно

этих алае или этих крыльевъ было два, по одному на каждой изъ двухъ сторонъ атрія. За атріемъ прямо противъ входа находится *tablinum*, пріемная зала, на убранство которой всегда обращалось большое вниманіе. Полъ этой комнаты былъ покрытъ мозаикой, съ изображеніемъ декламирующаго подъ звуки флейты актера (отсюда новое названіе этого дома) и другихъ лицъ, приготовляющихся къ драматическому дѣйствію. Эта мозаика также находится теперь въ неаполитанскомъ музеѣ. Правая сторона *tablinum* была украшена фресками, изображающими въ серединѣ сидящихъ Адмета и Альцесту, а по бокамъ Викторію и летящихъ амуровъ. Изъ таблина черезъ *oesus*, крытую залу, мы проходимъ въ открытую, окруженную семью колоннами. Это—перистиль, главная часть второй половины дома, назначавшейся для внутренняго употребленія, т. е. для хозяина и его семейства. Въ домѣ трагическаго поэта портикъ окружаетъ небольшой садъ, носящій названіе ксиста (*xystus*), который обыкновенно былъ другимъ садомъ, отдѣльнымъ отъ перистили. Въ концѣ этого ксиста находится комната для домашнихъ боговъ, *laagium*, божница. Портикъ былъ разукрашенъ превосходною живописью, изображающею приношеніе въ жертву Ифигеніи и взятою въ Неаполь. Это одно изъ лучшихъ изображеній, представляемыхъ намъ сохранившимися помпейскими фресками. По правую сторону портика находится входъ въ него изъ внутреннихъ комнатъ: изъ одной комнаты для прислуги кухни, и триklinія, т. е. столовой залы. Стѣны этой залы росписаны фресками, представляющими между прочимъ Венеру съ гнѣздомъ амуровъ, Ариадну, покинутую Фезеемъ и сцену, относящуюся къ миѳу о Діанѣ. По противоположную сторону портика находятся двѣ комнаты для прислуги, росписанныхъ также живописью, изображающею въ первой изъ нихъ Ариадну, смотрящую на корабль Фезея, Венеру, ловящую рыбу, Нарцисса и амуровъ, во второй—виды зданій, четвероногихъ животныхъ и висящія на верху сценическія маски. За этими комнатами находился *posticum*, т. е. задній ходъ съ необходимыми для дома пристройками.

Домъ трагическаго поэта представляетъ собой обыкновенный обывательскій домъ средняго размѣра и средней роскоши. Болѣе обширное и роскошное помѣщеніе занималъ, по сосѣдству съ нимъ въ своемъ большомъ домѣ Гней Аллей Нигидій Май. Домъ этотъ, извѣстный въ путеводителяхъ подъ именемъ дома Пансы, имѣлъ небольшую переднюю, которая вела въ атрій съ бассейномъ посрединѣ для сбора дождевой воды, падавшей чрезъ отверстіе въ крышѣ, и съ тремя спальнями, равно какъ съ однимъ крыломъ по правую и по лѣвую сторону. Затѣмъ слѣдовалъ небольшой корридоръ, между которымъ съ одной стороны и комнатой съ окномъ съ другой—былъ расположенъ *tablinum* (пріемная зала); изъ этой комнаты былъ выходъ въ садъ, окруженный перистилемъ и содержавшій въ себѣ сверхъ цвѣтовъ и другихъ растений писцину, резервуаръ для воды, бѣльшій

по размѣрамъ, чѣмъ бассейнъ въ атриѣ. Съ одной стороны его находился секретный выходъ изъ дома, черезъ который хозяинъ спасался отъ докучливыхъ посѣтителей, лѣсенка, ведшая въ верхніе покои, и обширная столовая (триклиній) съ комнатою для провизіи; съ другой стороны расположены три комнаты съ превосходной живописью, изображающею Данаю съ золотымъ дождемъ и Нимфу съ урной, изъ которой бѣжитъ вода. Затѣмъ слѣдуетъ кухня съ очагомъ и съ изображеніями на стѣнѣ Ларовъ, змѣй, домашняго гения, приносящаго жертвоприношеніе и обставленнаго разными яствами. Тутъ мы видимъ изображенія колбасы, свиначей головы, зайца, дроздовъ, рыбы и другихъ съѣдомыхъ предметовъ. Затѣмъ конюшня, отхожее мѣсто и дверь, ведшая въ помѣщеніе для повозокъ. Прямо противъ сада была ехедра, зала для общественнаго времяпрепровожденія, соотвѣтствующаго нашей гостиной или такъ сказать диванной комнатѣ; рядомъ съ нею другая комната, въ которой Фюрелли предполагаетъ *tabularium* (архивъ); съ противоположной стороны былъ корридоръ, который велъ въ мѣсто для прогулки (*ambulatorium*), надъ которымъ возвышалась открытая терраса, называемая *solarium* (отъ *sol*, солнце) и въ садъ, гдѣ находился резервуаръ для воды и деревенская лачужка для садовника.

Блуждая по улицамъ Помпей и заходя въ разные дома, въ которыхъ жили ихъ хозяева, мы находимъ ихъ въ общемъ также похожими одинъ на другой, какъ похоже внутреннее устройство и въ нашихъ современныхъ домахъ большихъ и малыхъ. Какъ у насъ въ каждомъ зажиточномъ домѣ или, если дѣло касается большихъ городовъ, въ каждой квартирѣ, занимаемой людьми съ сколько-нибудь достаточными средствами, есть прихожая, зало съ гостиной или одно только зало и одна гостиная, столовая, кабинетъ и спальня, съ прибавленіемъ или безъ прибавленія другихъ комнатъ не существеннаго значенія, такъ точно и въ Помпеяхъ мы всюду видимъ маленькую переднюю (*prothyron* или *vestibulum*), за нимъ *atrium*, освѣщаемый сверху отверстіемъ, черезъ которое стекала въ находящейся подъ нимъ бассейнъ дождевая вода, съ галлереей, по двумъ бокамъ которой шли небольшія комнаты, получавшіе освѣщеніе отъ атрия, затѣмъ шелъ *tablinum*, парадная зала для приема гостей, соотвѣтствовавшая нашей залѣ. Это была первая часть дома, предназначенная для приема посѣтителей. Далѣе шли комнаты, назначаемыя прямо для семейныхъ удобствъ и потребностей: садъ, окруженный перистилемъ съ бассейномъ для воды, столовая, кухня, спальня, кладовыя, помѣщенія для рабовъ, для которыхъ также по преимуществу служилъ верхній этажъ дома. Другія части какъ *oecus*, *xystus*, *exedra*, *tabularium* и т. п. не были существенны. Такого рода помѣщенія для порядочныхъ семействъ въ Помпеяхъ обыкновенно не имѣютъ оконъ на улицу, а если имѣютъ, то только въ верхнихъ этажахъ, которые мы видимъ теперь (если только видимъ) въ разрушенномъ состояніи.

Ясно, что въ древнихъ итальянскихъ городахъ, какъ и теперь въ мусульманскихъ странахъ на востокѣ и въ Африкѣ, не любили показывать постороннимъ своей внутренней жизни и потому заботились объ освѣщеніи своихъ жилищъ изнутри, а не снаружи. Ихъ вполнѣ удовлетворяли въ этомъ случаѣ внутренніе дворы, изъ которыхъ одинъ (атрій) служилъ для передней половины дома, а другой (садъ съ перистилемъ) для половины семейной. При тепломъ климатѣ, при привычкѣ жить подъ открытымъ небомъ и на свѣжемъ воздухѣ, имъ было какъ нельзя удобнѣе проводить время въ своихъ внутреннихъ садахъ и въ тоже время держать открытыми двери въ свои внутреннія комнаты, куда не проникалъ глазъ посторонняго посѣтителя. Вотъ объясненіе того явленія, которое поражаетъ новаго человека, въ особенности сѣвернаго, когда онъ, гуляя по помпейскимъ улицамъ и заходя въ дома, видитъ въ нихъ такъ мало оконъ и притомъ очень узкихъ и пропускающихъ свѣтъ чрезъ рѣшетки въ совершенно недостаточной по нашимъ понятіямъ степени. Позднее открытіе или, лучше, проникновеніе въ Италію стекла играетъ разумѣется, при такомъ устройствѣ домовъ очень важную роль, но и вкусъ къ замѣнутости домашней жизни, какою отличалась древность и которая теперь еще сохраняетъ свою силу на востокѣ, не любящемъ строить дома фасадами на улицу, имѣетъ также огромное значеніе въ объясненіи архитектурнаго устройства частныхъ помпейскихъ зданій ¹⁾.

Рядомъ съ особеннымъ устройствомъ жилищъ въ Помпеяхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе всякаго туриста необыкновенное развитіе стѣнной живописи. Кажется, нѣтъ дома, внутреннія стѣны котораго не были бы разукрашены живописью *al fresco*. И это тѣмъ поразительнѣе, что предстоящій нашимъ глазамъ древній городъ за шестнадцать лѣтъ до своей окончательной гибели былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Какъ же велика должна была быть у жителей Помпей потребность въ художественной декорации своихъ жилищъ, когда они, обстраиваясь послѣ катастрофы 63 года по Р. Х., не могли оставаться безъ украшенія стѣнъ своихъ жилищъ даже короткое время! Какъ же велика должна была быть масса художниковъ, которыми могъ располагать городъ, если онъ въ такое короткое время могъ украсить столькими произведеніями стѣнной живописи! Художники эти, очевидно, не могли принадлежать въ своемъ большинствѣ разоренному городу, а прибыли со стороны, привлекаемые хорошимъ заработкомъ въ городѣ, гдѣ наслажденіе искусствомъ, какъ имъ было извѣстно, сдѣлалось предметомъ домашней необходимости. Насъ пора-

¹⁾ Для желающихъ ближе познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что касается помпейскихъ построекъ, какъ по отношенію къ архитектурѣ ихъ, такъ и по отношенію къ строительному матеріалу, употреблявшемуся въ разныя эпохи города, считаемъ целишимъ указать на превосходное сочиненіе Ниссена: *Pompejanische Studien zur Städtekunde des Alterthums*. Leipzig, 1877.

жасть это разнообразіе сюжетовъ, это безконечное обиліе формъ, эта, наконецъ, твердость исполненія, показывающія, что художники эти были мастера своего дѣла, а совершеніе всѣхъ этихъ работъ въ сравнительно короткое время свидѣтельствуеть, что они работали скоро и смѣло, рукой твердой и необыкновенно привыкшей къ владѣнію кистью. Огромное большинство изображеній принадлежитъ къ миру боговъ и героевъ, къ сценамъ міѳологическимъ. Ясное дѣло, что изобрѣтеніе такого количества сюжетовъ живописи, требующихъ знанія міѳологии, не было дѣломъ художниковъ, разукрасившихъ помпейскія стѣны. Очевидно, что они работали по готовымъ моделямъ, нѣсколько приновляясь къ обстоятельствамъ и новымъ условіямъ мѣста и времени. Моделями этими были для нихъ, какъ это теперь достаточно выяснено г. Гельбигомъ ¹⁾, по преимуществу наиболѣе замѣчательныя произведенія искусства, процвѣтавшаго при дворахъ наслѣдниковъ Александра Великаго, особенно въ Александріи. Исторія римской литературы хорошо знаетъ, какое большое вліяніе обнаруживала александрійская литература на Римъ послѣдняго времени республики и вѣка Августа. Катулль, Проперцій, Овидій, даже Virgilій служатъ живымъ доказательствомъ силы и значенія этого вліянія. Теперь мы видимъ, какъ широко была распространена въ Италіи александрійская живопись и какъ мало могли противопоставить ей мѣстные художники національнаго. Сюжетовъ римской міѳологии или исторіи въ помпейскихъ фрескахъ почти не существуетъ. Декораторы помпейскихъ домовъ словно не знаютъ ни великихъ событій исторіи Рима, ни его литературы, чтобы почерпнуть оттуда содержаніе для своихъ изображеній. Оно и понятно. Тутъ, т. е. въ области собственно римскаго искусства, для нихъ не было образцовъ или было очень мало, а художники, нахлынувшіе въ Помпеи для стѣнной живописи, не были обязаны ломать голову надъ новыми сюжетами, когда у нихъ готовыхъ было въ изобиліи. Такимъ образомъ выходитъ, что въ то время какъ изящная римская литература, не смотря на всю свою зависимость отъ греческой, успѣла во многихъ отношеніяхъ стать на національную дорогу, искусство въ Италіи продолжало оставаться греческимъ или греко-подражательнымъ. Болѣе нагляднаго доказательства, чѣмъ помпейскія фрески, въ этомъ случаѣ искать нечего.

Міѳологическіе сюжеты, въ большей части образцовъ помпейской стѣнной живописи, какъ это было въ характерѣ александрійскаго искусства, были по преимуществу эротическаго характера. Юпитеръ является обольстителемъ, то Данаи, то Іо, то Леды, то похитителемъ Ганимеда; Венера находится въ любовныхъ отношеніяхъ то съ Марсомъ, то съ Адонисомъ; Аполлонъ гоняется за Дафной. Нечего и говорить о Діонисѣ, о сатирахъ съ вакханками, силеняхъ, амурахъ въ

¹⁾ Untersuchungen über die Campanische Wandmalerei. Leipzig. 1873.—Erg.-z. z. Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens. L. 1868.

разныхъ положеніяхъ, нимфахъ и тому подобныхъ безсмертныхъ существахъ, съ именами которыхъ соединяется понятіе о любви и чувственныхъ наслажденіяхъ. Подобный характеръ живописи, широко разившійся въ Александріи, гдѣ такъ любили заниматься фривольной стороною міеологіи, вполне отвѣчалъ вкусамъ кампанскаго населенія веселаго и распущеннаго, изнѣженнаго и чувственнаго. Но кромѣ картинъ изъ исторіи жизни боговъ и героевъ, житель Помпей любилъ также услаждать свой взоръ предметами животной и растительной природы, сценами обыденной жизни римско-кампанскаго жанра, каковы празднества, забавы, хозяйственные занятія, сцены на городской площади, занятія купцовъ, ремѣслениковъ, носильщиковъ, канатныхъ плясунновъ, трактирная жизнь, картины разврата (въ лупанарахъ), сцены, относящіяся къ зрѣлищамъ, охотѣ и т. п. Рядомъ съ этимъ реалистическимъ жанромъ, воспроизводящимъ намъ мѣстную жизнь Кампаніи, встрѣчается не мало картинъ болѣе идеальнаго, греко-александрійскаго жанра, встрѣчаются также каррикатуры, ландшафты, морскіе виды. Все это изображенія интересныя и важныя для ближайшаго знакомства съ разными сторонами жизни классической древности. На нихъ обращаетъ особенное вниманіе посѣтитель неаполитанскаго музея, зашедши въ отдѣленіе помпейской стѣнной живописи и знакомящійся такимъ образомъ съ Помпеями еще раньше посѣщенія этого города. Особенно интересенъ разрядъ картинъ съ изображеніями домашнихъ животныхъ, мѣстныхъ плодовъ, мясной, рыбной и растительной пищи, мебели, сосудовъ, кухонныхъ принадлежностей и всей житейской обстановки. Все это вводитъ насъ въ древнюю жизнь до того близко, до того непосредственно, что, кажется, годы кабинетныхъ занятій не могли бы намъ дать и приблизительно такого яснаго о ней понятія, какъ нѣсколько дней, проведенныхъ въ неаполитанскомъ музеѣ и въ полуразрушенныхъ зданіяхъ предстоящаго нашимъ глазамъ города древней Кампаніи.

Но будемъ продолжать нашу прогулку по помпейскимъ улицамъ: зайдемъ на фабрику, въ мастерскую, въ гостинницу, въ мѣста общественныхъ развлеченій, посмотримъ на надписи, которыхъ такъ много на внѣшней и внутренней сторонѣ зданій и которыя такъ много говорятъ намъ о городскихъ интересахъ, о вкусахъ, забавахъ и времяпрепровожденіи жителей небольшого города въ древности.

Кампанія была страной, гдѣ было особенно развито суконное производство. Валяльщики суконъ (*fullones*)—обыкновенный типъ народной римской комедіи, Ателланъ, происходящей изъ Кампаніи и изображавшей по преимуществу смѣшную сторону нравовъ этой мѣстности. По этому намъ всего естественнѣе зайти на суконную фабрику или въ мастерскую, гдѣ сукна моются и красятся, чѣмъ напр. въ пекарню или на фабрику, гдѣ вырабатывались краски, мыло или глиняныя издѣлія. Къ тому же подлѣ дома Пансы, изъ котораго мы только-что вышли, но только въ другомъ кварталѣ, тамъ, гдѣ домъ

трагическаго поэта, и находится одна изъ старихъ мастерскихъ суконнаго дѣла (Fullonica). Въ ней сукна не выдѣлывались, а мылись, красились и поправлялись. Ворота этого дома вели въ корридоръ, съ лѣвой стороны котораго находится комната привратника, который принималъ приносимыя въ мастерскую ткани и выдавалъ ихъ обратно, а немного впереди ея маленькая кладовая, гдѣ приносимое и возвращаемое платье складывалось. Корридоръ ведетъ во дворъ, среди котораго находится большое открытое пространство для развѣшиванія на солнцѣ вымытыхъ суконъ, съ желобомъ для воды, стекавшей кругомъ съ крыши. Дворъ окруженъ двѣнадцатью пилястрами, кругомъ которыхъ расположены комнаты для рабочихъ и для разныхъ потребностей мастерской. Съ восточной стороны портика находилась приемная зала, tablînum, съ мозаичнымъ поломъ и съ живописью по стѣнамъ, изображающею Адониса съ Венерой и Амуромъ, Фезея, смотрящаго на убитаго имъ Минотавра и еще что-то, достаточно попорченное. По бокамъ таблина двѣ спальни, по южную сторону портика—большая зала, служившая между прочимъ столовою; затѣмъ еще двѣ комнаты съ передними, лѣстница, ведшая на верхній этажъ, кухня съ большой печью, комната для провизии, еще двѣ комнаты и одна для сторожа задняго хода. Подъ западнымъ портикомъ находились бассейны для моченія суконъ и мѣста для ихъ мойки. Подъ сѣвернымъ портикомъ находятся ниши для бронзовыхъ раковинъ, позади которыхъ валяльщики суконъ топтали сукна; затѣмъ опять мѣсто для мытья суконъ, комната для прессованія ихъ и, наконецъ, шкафъ для храненія уже вычищеннаго платья, или матерья, которая надобно было возвратить ихъ хозяевамъ. Къ этому нужно прибавить, что между двумя пилястрами восточнаго портика находится фонтанъ съ мраморнымъ бассейномъ. На одномъ изъ прилегающихъ къ нему пилястровъ находились изображенія Венеры покровительницы помпейцевъ и разныхъ занятія, входящія въ кругъ ремесла суконщиковъ. Эти изображенія находятся теперь въ неаполитанскомъ музеѣ. Подлѣ этой мастерской находится небольшой домикъ, имѣющій съ ней сообщеніе и служившій, по видимому, жилищемъ для хозяина заведенія.

Гуляя по помпейскимъ улицамъ, заходя то въ частный домъ, то въ лавку, то въ мастерскую, то въ харчевню, мы вдругъ видимъ близъ старыхъ бань домъ съ двумя воротами, раздѣленными пилястромъ, на которомъ изображенъ слонъ, обвитый большимъ змѣемъ и стерегомый карликомъ. Подъ этимъ изображеніемъ двѣ надписи, изъ которыхъ одна говоритъ, что изображеніе этого слона возстановилъ Ситтій, а другая прямо указываетъ на значеніе этого дома. По русски она будетъ значить: Гостинница. Здѣсь отдается въ наймы триклиній съ тремя софами и другими удобствами. Мы входимъ сзади изъ дверей и видимъ комнату, раздѣленную стѣной съ большимъ окномъ, за которой и находились три софы триклинія, а въ переднемъ отдѣленіи широкій, отдѣланный мраморомъ подій (родъ

выступающей изъ стѣны платформы), на которомъ очагъ для кушаньевъ и углубленіе для помѣщенія кассы, куда клались деньги, собираемыя съ посѣтителей триklinія. Это гостинница для приходящихъ обѣдать, а не для прїѣзжающихъ изъ другихъ мѣстъ; это слѣдовательно ресторанъ, трактиръ, а не гостинница въ строгомъ смыслѣ (hôtel). Двѣ комнаты въ другомъ ея отдѣленіи можетъ быть и указываютъ на то, что здѣсь можно было ночевать или отдохнуть. Но гостинницы для прїѣзжихъ находились въ Помпеяхъ обыкновенно по окраинамъ города по близости къ городскимъ воротамъ или даже за городомъ. Такова гостинница Гермета подлѣ porta Stabiana, таковы гостинницы подлѣ воротъ Геркуланскихъ и подлѣ porta Marina, гостинница за городомъ за Геркуланскими воротами. Это—гостинницы въ собственномъ смыслѣ, или скорѣе постоянныя дворы для крестьямъ, прїѣзжавшихъ въ городъ съ провизіей и вообще людей неважныхъ и небогатыхъ. Тамъ, кромѣ комнатъ для спанья и обѣда, находились и конюшни для лошадей, ословъ и муловъ и сараи для повозокъ, и колодцы, и водопои. Въ комнатахъ для спанья попадаются надписи, слѣды проводившихъ здѣсь ночи посѣтителей. Такъ одинъ изъ нихъ жалуется на то, что ему пришлось провести ночь въ мечтахъ по отсутствующей подругѣ.

Помпей былъ небольшой городъ, и при томъ часть, вырытая изъ подъ пещи и лавы не составляетъ и половины всего города, засыпаннаго Везувіемъ. Между тѣмъ изъ того, что открыто, видно, какъ велика была у помпейцевъ страсть къ удовольствіямъ. Передъ нами два театра, малый театръ крытый и большой, на пять тысячъ зрителей, открытый и сверхъ того огромный амфитеатръ на двадцать тысячъ (по Фіорелли только на 12,800 слишкомъ) зрителей. Нельзя намъ не зайти и въ эти мѣста общественныхъ удовольствій, которыми жители Помпей предавались со страстью и увлеченіемъ. Увлеченіе это доходило до того, что даже, по словамъ Діона Кассія, народъ сидѣлъ въ театрѣ въ то время, какъ для Помпей настала уже послѣдній часъ существованія. Знаменательно также въ этомъ отношеніи передаваемое Тацитомъ извѣстіе о страшномъ побоищѣ, происшедшемъ, во время гладіаторскаго боя въ амфитеатрѣ, между помпейцами и принявшими въ зрѣлищѣ участіе нукерійцами. Дѣло, начавшееся съ простой брани, дошло до бросанья камнями и дѣйствія оружіемъ и не мало нукерійцевъ было привезено домой мертвыми. Событіе это произошло за четыре года до землетрясенія, разрушившаго Помпей въ 63 г. по Р. Х. Нукерійцы отправились въ Римъ съ жалобами. Неронъ предоставилъ произнести судъ по этому кровавому дѣлу консуламъ, а консулы внесли его на разсмотрѣніе сената. Сенатъ не нашелъ болѣе тяжкаго наказанія для помпейцевъ, какъ запрещеніе имъ въ теченіе десяти лѣтъ давать представленія въ амфитеатрѣ. Впрочемъ страсть къ амфитеатру, т. е. къ кровавому зрѣлищу боевъ гладіаторскихъ, въ Помпеяхъ была, по видимому, не очень давняго

происхожденія. Она была принесена къ нимъ или, лучше, усилена римскими колонистами. Тогда-то начата была и постройка амфитеатра, окончившаяся незадолго до начала христіанскаго лѣтосчисленія. Зайдемъ однако на минуту въ эти мѣста общественныхъ увеселеній, до которыхъ помпейцы были такіе большіе охотники, о чемъ свидѣтельствуютъ и сохранившіяся на стѣнахъ театральныхъ зданій надписи.

Мѣсто, гдѣ мы видимъ большой и малый театры, находится въ южной части города, неподалеку отъ porta Stabiana. Центральныи пунктъ его составляетъ трехъугольный форумъ, окруженный портикомъ въ сто колоннъ дорическаго стилиа, составляющихъ одно изъ роскошныхъ сооруженій доримскаго періода помпейской исторіи. Эта наиболѣе возвышенная часть Помпей была особенно богата общественными памятниками. Тутъ находился построенный въ отдаленнѣйшую эпоху греческій храмъ (какъ думаетъ Фіорелли, Геркулеса), тутъ стоитъ храмъ Изиды, тутъ находилась гладіаторская школа, тутъ же помѣстились и два театра. Театры эти обращаютъ на себя, между прочимъ, тѣмъ вниманіе, что представляютъ собой новое доказательство ранняго разцвѣта греческой культуры въ этимъ мѣстахъ сравнительно съ Римомъ, столицей Италіи. Постройка городской помпейскою думой малаго театра, Оджона, по греческому образцу началось двадцатью годами раньше, чѣмъ пришли къ мысли о постройкѣ каменнаго театра въ Римѣ. Но малый театръ, имѣвшій помѣщеніе только для полуторыхъ тысячъ зрителей, не былъ первымъ каменнымъ театромъ въ Помпеяхъ. Все заставляетъ думать, что этому закрытому театру предшествовала постройка большого, открытаго. Разныя историческія и архитектурныя соображенія Ниссена не оставляютъ въ этомъ случаѣ почти никакого сомнѣнія. Надписи свидѣлствуютъ однако, что большой театръ, какъ мы видимъ его теперь, обязанъ своимъ сооруженіемъ архитектору временъ Августа М. Артірію Приму и щедрости семейства Гольконіевъ, и онъ дѣйствительно имѣетъ на первый взглядъ новый архитектурный видъ, сравнительно съ малымъ. Но постройка эта, принадлежащая времени Августа, была, какъ все заставляетъ думать, только перестройкой. Какъ бы то ни было, внутренній видъ этого театра такой: оркестра, позади которой сцена, гдѣ видно мѣсто для занавѣсы, и *postscenium* (кулисы). Посреди оркестры мѣсто для оимелы или небольшой жертвенныхъ для жертвоприношеній. Отъ *postscenium*'а выходъ въ садъ, съ восточной стороны котораго находится большая помната, служившая для приготовленій, касающихся спектакля. Для зрителей устроены три отдѣленія, изъ которыхъ первому, нижнему, принадлежать четыре ряда сѣдалищъ, занимавшихся наиболѣе важными лицами, второму, среднему, двадцать рядовъ ступеней и третьему четыре ряда. Кромѣ того двѣ трибуны для должностныхъ лицъ. Въ маломъ театрѣ тоже оркестръ, съ мраморнымъ поломъ, устроеннымъ, какъ гласитъ надпись, М. Окула-

тиемъ Веромъ, сцена и *postscenium* и полукругомъ ступени для зрителей, первый разрядъ которыхъ, отличается отъ второго шириною, такъ какъ на нихъ ставились кресла для важныхъ персонъ города. Въ этомъ театрѣ мѣста устроены такъ, что сидѣвшій на верхней ступени какого-либо ряда не могъ беспокоить ногами сидѣвшаго ниже.

Амфитеатръ находится далеко отъ театровъ. Между нимъ и оконечностью открытой части города у Стабiанскихъ воротъ лежитъ разстоянiе въ 400 метровъ или въ нашу версту. Путь къ нему идетъ по покоящимся еще подъ пепломъ помпейскимъ улицамъ, надъ которыми въ настоящее время разстилаются обработанныя поля. Въ былое время зданiе это было обсажено деревьями, между которыми были раскинуты палатки для продажи яствъ и напитковъ, какъ это видно изъ находящагося на стѣнѣ одного дома изображенiя его въ моментъ драки помпейцевъ съ нукерiйцами ¹⁾. Главный входъ въ амфитеатръ съ сѣверной стороны. Въ корридорѣ, черезъ который мы входимъ на арену находятся двѣ ниши. Въ нихъ стояли мраморныя статуи двухъ популярныхъ въ Помпеяхъ дуумвировъ Пансы отца и Пансы сына, какъ объ этомъ гласятъ надписи подъ этими статуями. По правую и по лѣвую сторону три разряда помѣщенiй для зрителей. Нижняя ступенька отдѣлялась отъ арены, на которой происходилъ бой звѣрей и гладиаторовъ, рѣшеткой или перилами. Въ правой сторонѣ этихъ перилъ есть дверь, черезъ которую вытаскивали съ арены кровомъ убитыхъ людей и животныхъ. Зданiе, на аренѣ котораго столько пролито крови людей и животныхъ, имѣетъ видъ мрачный и не располагаетъ посѣтителя къ внимательному его осмотру. На стѣнахъ амфитеатра, какъ и театровъ, находится не мало всякаго рода надписей, которыми развлекались помпейцы въ ожиданiи представленiя.

Надписи представляютъ собой интереснѣйшiй памятникъ жизни осматриваемаго нами древняго города. Мы ходимъ по улицамъ и площадямъ, осматриваемъ частныя и общественныя зданiя видимъ какъ тутъ люди жили, въ какихъ комнатахъ принимали гостей, въ какихъ проводили день сами и гдѣ спали ночью, гдѣ они собирались толковать о дѣлахъ своего города, куда ходили веселиться и проч., но самихъ людей мы до сихъ поръ не видѣли, ни съ кѣмъ изъ жителей не говорили, ихъ чувствъ и желанiй, ихъ радости и горя нигдѣ не

¹⁾ Читатель, быть можетъ, не безъ удивленiя встрѣчаетъ въ моемъ правописанiи Нукерiя вмѣсто обычнаго Нуцерiя. По этому не будетъ лишнимъ замѣтить, что усвоенное нами отъ нѣмцевъ, сначала черезъ посредство поляковъ, и употребляемое въ нашихъ школахъ произношенiе латинскаго С (передъ е и i), какъ русскаго ц не имѣетъ никакого основанiя. Трудно теперь бороться противъ этого недостатка; но желательно было бы не дѣлать этой ошибки по крайней мѣрѣ въ собственныхъ именахъ, что не представляетъ никакого неудобства по отношенiю къ именамъ, рѣдко употребляемымъ.

замѣчали. Улицы и площади, внѣшній видъ зданій, внутреннее убранство комнатъ, предметы домашней утвари, приспособленія къ разнымъ житейскимъ потребностямъ и удобствамъ говорятъ намъ многое о помыслахъ и заботахъ жителей, объ ихъ богатствѣ и бѣдности, о степени ихъ образованности въ разные періоды жизни города, вкусахъ, привычкахъ и наклонностяхъ поколѣнія, застигнутаго въ распахъ страшнымъ изверженіемъ Везувія; но всего этого было бы не достаточно для полнаго удовлетворенія нашего любопытства. Намъ хотѣлось бы заглянуть еще ближе въ этотъ отжившій міръ, войти, если это возможно, въ непосредственное соприкосновеніе съ людьми, которые жили въ пустынномъ теперь городѣ, для которыхъ построены были эти дома, храмы, театры и проч.; намъ хотѣлось бы хоть на минуту видѣть этотъ городъ съ его населеніемъ, бродящимъ по улицамъ, совершающимъ свои общественныя обязанности, видѣть самихъ жителей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, видѣть, какъ отдѣльныя лица, принадлежащія къ разнымъ общественнымъ классамъ, говорятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ. Какъ ни капризно наше желаніе по отношенію къ городу, тысяча восемьсотъ одинъ годъ тому назадъ покончившему свое существованіе, но оно до нѣкоторой степени исполнимо. Стоитъ только взглянуть на нѣсколько тысячъ надписей, оставленныхъ намъ на внѣшнихъ и внутреннихъ стѣнахъ помпейскихъ зданій, и мы становимся прямо лицомъ къ лицу съ покинувшимъ эти зданія населеніемъ.

Вотъ цѣлый рядъ писанныхъ на стѣнахъ красной или черной краской объявленій или афишъ, содержащихъ въ себѣ рекомендаціи разныхъ кандидатовъ на общественныя должности. Въ афишахъ этихъ мы видимъ не только имена предложенныхъ кандидатовъ на должности дуумвира или эдила, какъ Кусіа Пансу, С. Юлія Поливія, Светтія Церта, Церринія Ватію, Г. Салустія, А. Веттія Фирма, П. Паквія Прокула, но и часто самихъ лицъ, которыя хлопочутъ о ихъ выборѣ. Въ одномъ мѣстѣ предложеніе въ кандидаты дѣлаеть Флоръ съ Фруктомъ, тамъ Фабій Эвпоръ, глава вольноотпущенниковъ, здѣсь Яринъ, признаваемый мною за лицо славянскаго происхожденія, тамъ Лициній Римлянинъ и. т. д. Вотъ вмѣшиваются въ выборы женщины: Капразія заявляетъ о Веттіѣ Фирмѣ, Сагаста предлагаетъ Модеста. Вотъ цѣлыя товарищества или корпораціи предлагаютъ какого либо кандидата въ общественное управленіе: содержатели или погонщики муловъ, плотники, золотыхъ дѣлъ мастера, зеленщики, брадобрѣи, служители Изиды и др. Изъ этихъ же афишъ мы узнаемъ объ ассоціаціяхъ довольно страннаго рода: Таковы товарищества мазуриковъ (*fungunculi*), ночныхъ пъяницъ (*seribibi*, т. е. пьющіе до поздней ночи), сонъ (*dormientes*). А вотъ афиши другого рода. Приглашаютъ публику въ амфитеатръ. Въ одной изъ афишъ представленіе назначается на 4 іюля и при этомъ сообщается, что оно не будетъ отсрочено не смотря ни на какую погоду, что будетъ тамъ между прочимъ охота

на дикихъ звѣрей и амфитеатръ будетъ покрытъ тентомъ (для защиты отъ солнца или дождя). Его даетъ Аллей Нигидій Май. Вотъ другое объявленіе, сдѣланное, какъ и предыдущее, на стѣнѣ большого театра, приглашаетъ публику на бой гладиаторовъ въ амфитеатръ, который долженъ произойти 28 марта. Дастъ представленіе Д. Лукретій. А вотъ два объявленія говорятъ о представленіи въ амфитеатръ, назначенномъ на 31 мая, которое дастъ народу А. Светтій Цергъ. Все это даютъ на свой счетъ представленіе люди, ищущіе популярности въ народѣ или благодарящіе его за избраніе въ ту или другую общественную должность. Вотъ объявленія о квартирахъ, о помѣщеніяхъ въ гостинницахъ, „со всѣми удобствами“.

Но есть надписи другого характера, которыя вводятъ насъ въ болѣе интимную жизнь помпейскаго населенія. Это надписи, начертанныя на стѣнахъ какимъ-либо острымъ орудіемъ. Вотъ кто-то, должно быть путоланецъ по происхожденію, зашедши въ веселый домъ, привѣтствуетъ тамъ на стѣнѣ своихъ земляковъ (Puteolanis feliciter!). Тамъ же впрочемъ высказывается пожеланіе счастья и всѣмъ нукерійцамъ и помпейцамъ. Вотъ въ другомъ мѣстѣ какой-то Зосимъ посылаетъ привѣтъ своей подругѣ Викторіи и проситъ ее не покидать его. Кто-то на зданіи Базилики вздумалъ осрамить какую-то Луцилію, говоря, что она „торговала своимъ тѣломъ“. А сколько шулуновъ нацарапали на общественныхъ зданіяхъ заявленіе о своемъ интимномъ сношеніи съ разными женщинами! При этомъ встрѣчаются такія подробности, о которыхъ намъ нѣтъ возможности говорить съ читателями даже и намеками. Въ особености выраженія писавшихъ на стѣнахъ безцеремонны, когда рѣчь идетъ о публичныхъ женщинахъ, какой-то Фортунатъ, Муртисъ, Нимфѣ и т. п., или о мужчинахъ, извѣстныхъ неестественнымъ развратомъ. Подобными откровенностями не только богаты лупанары, гдѣ онѣ до нѣкоторой степени у мѣста, но и общественныя зданія, какъ Базилика. Надписи безнравственнаго или, лучше, грязнаго содержанія встрѣчаются не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, которые изъ дошедшихъ поэтовъ намъ неизвѣстны. Но попадаются также нацарапанными стихи, прямо взятые изъ модныхъ поэтовъ: въ этомъ случаѣ особенно посчастливилось Овидію. Чертить на стѣнахъ острымъ орудіемъ было въ Помпеяхъ, какъ видно по всему, въ большемъ употребленіи, такъ какъ мы видимъ тутъ не только изліянія чувства или выходки остроумія, но иногда просто писаніе ради самаго процесса этого дѣла. Ни для чего другого, какъ для процесса писанія начертаны были на задней стѣнѣ одной лавки начальныя слова перваго стиха Энеиды. Естественно думать, что это дѣло школьника, недавно вытвердившаго начало поэмы Virgiliana. Иногда множество всевозможныхъ надписей на стѣнѣ какого-либо общественнаго зданія поражало самихъ помпейцевъ и вызывало остроумныя замѣтки со стороны тѣхъ, кто поражался этимъ обиліемъ призмъ чистописанія. Такъ на стѣнахъ Базилики, большого театра

и амфитеатра встрѣчается двустипіе, которое по русски будетъ значить: „Удивляюсь, стѣна, какъ ты не обрушилась, поддерживая столько скучныхъ писаній“! Иногда написанные стихи возбуждали каламбуры такого рода: „пусть никогда не будетъ здоровъ тотъ, кто написалъ выше“. Къ этой шуткѣ новая рука прибавляетъ замѣчаніе: „правду говоришь“.

Надписи эти, какъ видитъ читатель, необыкновенно приближаютъ насъ къ эпохѣ, когда Помпеи были не мертвымъ городомъ, а кипѣли жизнью бойкаго и веселаго населенія. Читая писанныя краской объявленія о кандидатахъ на выборныя должности, объ увеселеніяхъ, о домахъ и комнатахъ, отдаваемыхъ въ наймы, или этотъ вздоръ, нацарапанный на стѣнахъ, словно видишь это населеніе и ведешь бесѣду съ разными его представителями. Жизнь древняго города при этомъ невольно воскресаетъ во всей ея суетѣ съ такими мелкими и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическими чертами, которыхъ намъ не въ состояніи дать ни писатели, ни даже сами по себѣ вещественные памятники! Мы коснулись надписей только частію и мимоходомъ. Подробное разсмотрѣніе этихъ памятниковъ давно угасшей жизни не входило въ нашъ планъ и было бы тутъ не у мѣста. Въ своей прогулкѣ по помпейскимъ улицамъ мы и не рассчитывали осмотрѣть все разомъ: мы не видали даже цѣлыхъ кварталовъ, а заходили туда и сюда съ цѣлю схватить какія-нибудь особенности удивительнымъ образомъ сохранившагося для насъ изъ древности города, большая половина котораго однако все еще скрыта отъ нашихъ глазъ, находясь подъ пепломъ и лавой Везувія.

В. Модестовъ.

ГЕРАСИМЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ.

Русскій путешественникъ-музыкантъ въ Индіи въ концѣ XVIII вѣка¹⁾.

Происхожденіе Г. С. Лебедева.—Образованіе его.—Путешествіе по Европѣ.—Путешествіе въ Индію.—Пребываніе въ Мадрасѣ въ качествѣ заѣзжаго музыканта.—Переселеніе въ Калькуту.—Занятія Лебедева туземными языками.—Переведенныя имъ драмы.—Сюжетъ драмы „Притворство“.—Артистическій тактъ Лебедева.—Первое представленіе драмы на бенгальскомъ языкѣ въ театрѣ Лебедева.—Успѣхъ Лебедева и планъ устроить зрѣлища на англійскомъ и бенгальскомъ языкахъ.—Интрига противъ Лебедева со стороны содержателя англійскаго театра.—Декораторъ Іосифъ Баттль является орудіемъ этой интриги.—Планъ сжечь театръ Лебедева.—Нарушеніе контракта актерами.—Проволочки въ мѣстныхъ судебныхныхъ инстанціяхъ.—Кляузническая система враговъ Лебедева.—Эпизодъ въ полицейскомъ судѣ.—Письмо къ о. А. Ѳ. Самборскому.—Завѣщаніе Лебедева.—Труды и заслуги Лебедева.—Извлеченіе изъ письма его къ графу С. Р. Воронцову и къ о. Я. И. Смирнову.

КАТЕРИНИНСКАЯ эпоха, открывшая столько разнообразныхъ путей къ предприимчивости русскихъ людей, выдвинула не мало полезныхъ слугъ государства и общества, въ лицѣ такъ называемыхъ самоучекъ, дѣятельность которыхъ, хотя и не ознаменовалась громкими военными или гражданскими подвигами, тѣмъ не менѣе вполне заслуживаетъ вниманія по-

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка, мы пользовались любезно предоставленными въ наше распоряженіе рукописными документами, принадлежащими князю П. П. Вяземскому. Вотъ перечень и содержаніе этихъ любопытныхъ документовъ, заключающихся въ пяти большихъ переплетенныхъ тетрадахъ: 1) Memorandum на англійскомъ языкѣ, вкратцѣ представляющій всѣ превратности судьбы, постигшія Лебедева во время пребыванія его въ Индіи. Въ той же тетради помѣщенъ переводъ на бенгальскій языкъ комедіи „Притворство“, параллельно съ англійскимъ переводомъ и русской транскрипціей. 2) Переписка Лебедева по поводу уничтоженія построеннаго имъ въ Калькуттѣ театра: на русскомъ языкѣ — обширное письмо къ отцу Андрею Аванасьевичу Самборскому; письмо къ полномочному посланнику въ Лондонѣ графу С. Р. Воронцову и письмо къ о. Якову Ивановичу Смирнову; на англійскомъ языкѣ — переписка съ мѣстными судебными мѣстами.

томства. Къ числу такихъ самоучекъ принадлежитъ и Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, имя до сихъ поръ остававшееся почти неизвѣстнымъ. Уцѣлѣвшія, имъ самимъ составленныя, записки о путешествіи и пребываніи его въ Индіи, рисуютъ передъ нами начитаннаго человека, любознательнаго наблюдателя и, въ своемъ родѣ, типическаго выразителя духа предпріимчивости того времени. Къ сожалѣнію, отрывочныя біографическія свѣдѣнія, разбросанныя въ запискахъ, не даютъ возможности представить въ полномъ видѣ его жизнь и дѣятельность. Но и по нимъ уже можно судить о Лебедевѣ, какъ о замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ XVIII и начала XIX столѣтія.

По происхожденію ярославецъ, Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, изъ „духовнаго, купно и благороднаго“ званія, родился въ 1749 г. По какому-то, неизвѣстному, „насилъственному утѣсненію“ его отца, Лебедевъ оставался безъ всякаго образованія и только на пятнадцатомъ году выучился грамотѣ и „случайно музыкальному искусству“. Это послѣднее и составило дальнѣйшую судьбу Лебедева. Съ раннихъ лѣтъ онъ возмѣлялъ страсть къ путешествію по чужимъ землямъ. Отправлявшееся въ 1775 году въ Неаполь русское посольство доставило случай Лебедеву привести свое давнишнее желаніе въ исполненіе. Но такъ какъ военныя дѣйствія австрійцевъ и пруссаковъ задержали наше посольство въ Вѣнѣ болѣе года, то Лебедевъ рѣшился продолжать свое путешествіе уже на собственный рискъ, возлагая всѣ упованія на свое „музыкальное искусство“. Къ тому же тогдашній русскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ князь Голицынъ и назначенный въ Неаполь графъ (впослѣдствіи князь) А. К. Разумовскій снабдили Лебедева рекомендательными письмами къ разнымъ высокопоставленнымъ особамъ.

Въ 1782 году Лебедевъ прибылъ въ Парижъ и тогда же былъ представленъ „графу и графинѣ Сѣвернымъ“, находившимся тамъ великому князю Павлу Петровичу и великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ періодъ пребыванія своего во Франціи, Лебедевъ, кромѣ Парижа, проживалъ еще въ Этюфъ близъ Монпельера.

3) 3-я тетрадь заключаетъ въ себѣ обширный трудъ, нѣчто въ родѣ сравнительной грамматики и словаря въ области языковъ гиндустани, бенгальскаго, англійскаго и русскаго; индійскій календарь и изложеніе арифметическихъ дѣйствій. 4) Не менѣе обширный трудъ, свидѣтельствующій о замѣчательной усидчивости и любознательности Лебедева, представляетъ собою подстрочный переводъ съ русской траскрипціей „Бидде Шундоръ“ (Красота Мудрости), сочиненія „Брагмена Шри Бгаротъ Чондро Рай, по просьбѣ Бордгманскаго государя, именуемаго Бирь-Шинго, на бракосочетаніе его дочери Бидде Шундоръ“. 5) 5-я тетрадь заключаетъ въ себѣ любопытныя афиши и воззванія къ мѣстной публикѣ поощрить предпріятіе Лебедева посѣщеніемъ его театра, а также изложеніе пьесы „Притворство“, на бенгальскомъ и англійскомъ языкахъ. Сверхъ того, матеріаломъ служила намъ книга, составленная Лебедевымъ и изданная имъ въ 1805 году, въ Петербургѣ, въ его типографіи, по „высочайшей волѣ“ Александра I, подъ заглавіемъ „Безпристрастное созерцаніе системъ восточной Индіи Брагменовъ, священныя обрядовъ ихъ и народныхъ обычаевъ, всеаугустѣйшему монарху посвященное“.

Загѣмъ Г. С. Лебедевъ отправился въ Лондонъ и отсюда уже въ 1785 году рѣшился ѣхать въ Восточную Индію.

Вотъ все, что извѣстно пока о путешествіи Лебедева по Европѣ. Мы не знаемъ даже, гдѣ и насколько усвоилъ онъ европейскіе языки, изъ которыхъ, судя по его запискамъ, онъ владѣлъ въ особенности англійскимъ.

Гораздо болѣе подробностей представляютъ вышеупомянутыя записки Лебедева, относительно его путешествія и пребыванія въ Индіи. По словамъ этого „бурбоорственнаго путешественника въ пользу отечества“, какъ онъ самъ себя называетъ, задуманное имъ предпріятіе узнать страны и народы Восточной Индіи казалось ему вѣрнымъ уже потому, что страны эти, помимо природныхъ богатствъ и ихъ всемірнаго значенія въ торговомъ отношеніи, составляютъ „ту первенствующую часть свѣта“, изъ которой расселился родъ человѣчскій по „лицу земнаго круга“. Точно также нашего соотечественника увлекало желаніе на мѣстѣ ознакомиться съ „шамскритскимъ“ (санскритскимъ) языкомъ, имѣющимъ „весьма ощутительное сходство“ не только съ „азиатскими“, но и съ европейскими языками. Едва ли нужно пояснять, съ какими трудностями сопряжено было это далекое путешествіе для человѣка, не располагавшаго ни средствами, ни образовательною подготовкою, не знавшаго мѣстныхъ языковъ и подвергавшагося всевозможнымъ случайностямъ въ чуждой для него обстановкѣ. Тѣмъ не менѣе любознательность сдѣлала свое дѣло.

12-го февраля 1785 года, Г. С. Лебедевъ сѣлъ на англійскій корабль остъ-индской компаніи „Родней“ и 15-го августа того же года прибылъ къ городу Мадрасу. Здѣсь, кажется, благодаря особому покровительству цесаревича Павла Петровича ¹⁾, Лебедевъ встрѣтилъ любезный пріемъ со стороны мѣстной власти. Градоначальникъ Мадраса (town major) Уильямъ Сиденгэмъ, узнавъ о музыкальныхъ дарованіяхъ русскаго авантюриста, предложилъ ему заключить контрактъ на два года, по которому Лебедевъ, за музыкальныя увеселенія, устраиваемыя имъ, сверхъ сбора, получалъ бы опредѣленную годовую плату въ 200 фунтовъ стерлинговъ. Лебедевъ согласился и, какъ самъ онъ замѣчаетъ въ обѣихъ запискахъ, условленные два года его пребыванія въ Мадрасѣ, протекли для него въ довольствѣ и „гармоніи“ (harmonically). Но ободренный этою первою удачею, русскій путешественникъ не удовольствовался слишкомъ скромною ролью забѣжскаго музыканта. Къ тому же общая молва признавала Бенгальскую землю болѣе просторнымъ поприщемъ, чѣмъ Мадрасъ, для дѣятельности „предпримчивой расы авантюристовъ“. Помимо расширенія круга своихъ свѣдѣній, Лебедеву здѣсь представлялся случай

¹⁾ Объ этомъ покровительствѣ, хотя и не по данному поводу, Г. С. Лебедевъ упоминаетъ, между прочимъ, въ нижеприводимомъ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову.

улучшить и упрочить свое матеріальное положеніе. Такимъ образомъ онъ и рѣшился въ 1787 году покинуть Мадрасъ и направился въ Калькуту.

Въ этомъ городѣ, дѣйствительно, его предпріимчивости и любознательности открылось просторное поле. Репутація хорошаго музыканта приобрѣла ему не мало покровителей изъ мѣстныхъ властей, въ числѣ которыхъ онъ съ особенною признательностью вспоминаетъ въ своемъ *Memoirandum* ѣ имена Александра Кейда (Kyd), мистера Гэя (Gay), Христофора Грина (Green) и Гэйда (Hude). Покровительство это, однако, составляло еще далеко не все, что нужно было для успѣха предпріятія Лебедева въ Калькутѣ. Чтобы быть понятнымъ и имѣть успѣхъ въ мѣстной публикѣ представлялось необходимымъ примѣниться къ ея вкусамъ и прежде всего, конечно, ознакомиться съ туземнымъ языкомъ. Въ этомъ именно отношеніи Лебедевъ сначала, въ теченіе двухъ лѣтъ своего пребыванія въ Калькутѣ, и не имѣлъ удачи; нигдѣ онъ не могъ найти себѣ такого пандита (ученаго) или переводчика, который взялся бы истолковать ему санскритскій алфавитъ, употребительный въ бенгальскомъ языкѣ, какъ равно не имѣлъ онъ возможности приобрести изъ книгъ потребныя ему свѣдѣнія по этой части. Лебедевъ уже почти отчаявался въ дальнѣйшемъ успѣхѣ своего артистическаго ремесла, какъ его „домоправителю“ (sircar) удалось подыскать для него учителя изъ бенгалцевъ, по имени Шри Голокъ Натъ Дишъ, который былъ знакомъ одинаково съ бенгальскимъ языкомъ и съ гиндустанскимъ нарѣчіемъ, а также понималъ священныя санскриты. При этомъ Голокъ желалъ научиться у Лебедева музыки не меньше, чѣмъ нашъ „бурборственный“ путешественникъ приобрѣсти отъ него знаніе мѣстныхъ языковъ.

„На слѣдующій же день послѣ нашего перваго свиданія“—разсказываетъ Лебедевъ,—„мы начали, и на мой вопросъ—какой изъ языковъ наиболѣе употребительный въ странѣ?—Голокъ заявилъ, что, по его мнѣнію, общераспространеннымъ слѣдуетъ считать смѣшанный гиндустанскій говоръ, который, однако, не имѣетъ ни азбуки, ни грамматики,—такова замкнутость пандитовъ и броменовъ! И потому онъ предложилъ мнѣ усвоить санскритскую азбуку, тѣмъ болѣе, что въ ней я могъ найти ключъ къ неоцѣнимымъ сокровищамъ восточныхъ наукъ и знанія“.

Начавъ знакомиться съ индустанскими языками, Лебедевъ „позабылъ думать о всемъ другомъ и старался со всевозможною рачительностью“ достигнуть основательнаго знанія. Вскорѣ онъ уже перевелъ словарь и составилъ діалоги о разныхъ предметахъ на бенгальскомъ языкѣ и нарѣчій гиндустаніи, а затѣмъ ознакомился съ разговорнымъ языкомъ. Плодомъ этихъ занятій былъ сдѣланный имъ переводъ съ англійскаго двухъ драмъ: „The Disquise“ (Притворство) и „Love is the best Doctor“ (Любовь—лучшій врачъ) на верхнебенгальское нарѣчіе. Не слѣдуетъ, однако, думать, что это былъ простой переводъ

пьесы съ одного языка на другой, безъ всякаго отношенія къ понятіямъ и вкусамъ окружавшей автора среды. Напротивъ, судя по сохранившемуся рукописному оригиналу перевода, въ немъ Лебедевъ обнаружилъ и тактъ артиста, и пониманіе мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ подлинникѣ дѣйствіе, развиваемое въ драмѣ „Притворство“, происходитъ въ Испаніи; въ переводѣ оно перенесено въ Индію; вмѣсто Мадрида и Севилли мѣстомъ дѣйствія служатъ Калькута и Люккновъ. Точно также и дѣйствующія лица носятъ мѣстныя имена. Бголатъ Бабу (вмѣсто донъ-Педро), герой драмы, и Шукъ Мой (вмѣсто Слага), героиня, питають взаимную любовь другъ къ другу; но отецъ ея желаетъ выдать ее замужъ за богатаго человѣка. Бголатъ убиваетъ этого нарѣченнаго, и потому долженъ бѣжать изъ Люккнова, откуда онъ приходитъ въ Калькуту. Здѣсь Бголатъ завязываетъ интригу съ другой женщиной, по имени Шуки Муки. Но отецъ Шукъ Мой умираетъ, героиня узнаетъ объ интригѣ своего возлюбленнаго и, переодѣвшись мужчиной, также является въ Калькуту. Подъ видомъ мужчины она дружится съ Бголатъ-Бабу, ухаживаетъ за Шуки Муки и такимъ путемъ старается расторгнуть связь между ними. Въ преслѣдованіи такого то плана и развивается весь ходъ драматическаго дѣйствія.

При этомъ Лебедевъ ввелъ въ обѣихъ драмахъ мимическія дѣйствія и фарсы, соединивъ съ большимъ искусствомъ пѣніе бенгальцевъ съ акомпаниментомъ европейской музыки, а вышеназванный Голокъ подыскалъ исполнителей для переведенныхъ драмъ изъ туземцевъ. Лебедевъ же, тѣмъ временемъ получивъ отъ губернатора позволеніе поставить на сцену свои пьесы, построилъ на послѣднія деньги собственный театръ, нарисовалъ декораціи, подготовилъ актеровъ— трехъ женщинъ и десять мужчинъ изъ „дикакожащихся, лицемѣрныхъ бенгальцевъ“ и столько же пѣвцовъ, и „въ градѣ Калькутѣ; разнесшаяся вѣсть распустилась въ окрестныхъ селеніяхъ и отключка въ воздухѣ громко зашумѣла“, такъ что Лебедевъ, чтобы удовлетворить любопытныхъ, долженъ былъ безотлагательно назначить день доголъ невиданнаго въ Калькутѣ зрѣлища.

И вотъ 27 ноября 1795 года впервые была представлена пьеса „Притворство“ въ одномъ актѣ по той причинѣ, что, какъ говорить Лебедевъ въ своемъ письмѣ къ о. Самбурскому, „весьма мало европейцевъ за тяжелостію разумѣютъ бенгальскій языкъ и сего ради думали, долгое дѣйствіе покажется скучнымъ“. Пьеса имѣла огромный успѣхъ: „собраніе было столь многолюдно, что если бы театръ мой. тамъ же замѣчаетъ Лебедевъ,—былъ трижды больше, конечно, былъ бы наполненъ“. Вторичное представленіе „Притворства“ уже въ полномъ видѣ, въ трехъ актахъ, ободрило настолько русскаго театрала, что онъ испросилъ у губернатора разрѣшеніе устраивать зрѣлища не только на бенгальскомъ, но и на англійскомъ языкѣ. Позволеніе было дано, но оно же и поселило въ антрепренерѣ мѣстнаго театра англійской

компаніи непримиримую ненависть къ Лебедеву. „Не вспоминавалъ я при заботахъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ отцу Самбурскому,—что въ купеческомъ государствѣ златоблестящая руда, какъ и сребросіяющая кровь въ театральныхъ и жадныхъ богатства людяхъ, воспаля ненависть, заставитъ суетиться, опорочитъ и повредитъ иностранцеву похвальному дѣлу и довести его до паденія“.

Дѣло въ томъ, что Лебедевъ, получивъ вторичное позволеніе власти, расширилъ театръ пристройкою и подыскивалъ себѣ лучшихъ исполнителей ролей и маляра для декорацій. Содержатель англійскаго театра не приминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы повредить предпріятію русскаго конкурента. Орудіемъ былъ избранъ Іосифъ Баттль, рисовавшій декораціи въ англійскомъ театрѣ. Онъ явился къ Лебедеву и предложилъ свои услуги ему, будто бы разсорившись съ англійскимъ антрепренеромъ. Лебедевъ и этому „щеткиписателю“ и „кистомарателю“ былъ радъ, при томъ же Баттль съумѣлъ разыграть роль обиженнаго и обдѣленнаго своимъ прежнимъ хозяиномъ. „О будущихъ нашихъ выигрышахъ и о неблагополучіи съ его фамиліею“, по словамъ Лебедева, Баттль такъ „разсказывалъ искусно-приманчиво, такъ лукаво, хитро, скорбно, что не привышнаго обманъ и плутовства проникать заставилъ почти прослезиться“. Въ результатѣ Лебедевъ принялъ его даже въ свои компаньоны по предпріятію. 1-го іюня 1796 года они заключили формальный контрактъ и Іосифъ Баттль началъ распоряжаться въ новомъ театрѣ въ угоду своему прежнему хозяину. Но довѣрчивый русскій театраль еще больше запутался въ интригу, взявъ къ себѣ двухъ актеровъ изъ европейцевъ, не считая нѣсколькихъ туземцевъ, которые также явились сообщниками Баттля. Баттль постарался удалить прежнихъ служащихъ у Лебедева, придумывалъ разныя перемѣны въ декораціяхъ, сопряженныя съ излишними расходами и, наконецъ, въ одинъ прекрасный день совсѣмъ было сжегъ зданіе театра. Вотъ какъ разсказываетъ самъ Лебедевъ объ этомъ въ письмѣ къ отцу Самбурскому.

Однажды работникъ, по приказанію Баттля поставилъ въ глиняномъ горшкѣ на огонь около пуда смолы, а самъ вышелъ изъ комнаты, гдѣ было все приготовлено для сцены. Объ этомъ никто не зналъ, пока растопившаяся смола не разорвала горшокъ и не раскинулась по всей комнатѣ. Густой дымъ отъ нея „непрозрачнымъ вихремъ“ влетѣлъ въ комнаты Лебедева и показавшееся въ разныхъ углахъ пламя привело всѣхъ въ замѣшательство. Только благодаря поспѣшности и усердію работниковъ Лебедева пожаръ былъ потушенъ пескомъ. Черезъ два часа явился въ театръ и самъ Іосифъ Баттль и небрежно выслушалъ жалобную рѣчь своего компаньона объ угрожавшемъ несчастіи. Только тогда Лебедевъ убѣдился, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, но было уже поздно. Не дальше, какъ на слѣдующій день одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, имѣвшій долю въ англійскомъ театрѣ, подъ видомъ дружбы, увѣдомилъ Лебедева, что Іосифъ Баттль долженъ

десять тысячъ рублей и что театръ нашего соотечественника можетъ подлежать конфискаціи. Лукавый же компаньонъ въ тоже время потребовалъ отъ Лебедева отдать ему театръ въ полное распоряженіе; иначе онъ угрожалъ нарушить контрактъ. И дѣйствительно, 8 октября 1796 года „ширмоисатель“ Баттль оставилъ театръ и поступилъ опять къ прежнему хозяину. Тоже сдѣлали и ангажированные актеры и актрисы, нисколько не думая возвращать Лебедеву забранныя у него впередъ деньги.

Такимъ образомъ нашему соотечественнику оставалось только испытать справедливость англійскаго колоніальнаго суда. Переписка Лебедева по этому поводу съ разнаго рода мѣстными судебными инстанціями, дѣйствительно, представляетъ любопытные факты, метко обрисовывающіе отношенія англичанъ къ насильственно покоренной ими странѣ.

5-го ноября 1796 года Лебедевъ обратился письменно къ разнымъ лицамъ власть имущимъ, съ просьбою дать совѣтъ, какъ поступить чужестранцу въ настоящемъ случаѣ. Большая часть изъ нихъ дали весьма характерный отвѣтъ, который сводится къ тому, что пріобрѣтенная русскимъ театраломъ извѣстность въ короткое время не могла не обратить на себя вниманіе, и уже одна мысль представлять драмы на бенгальскомъ языкѣ была бы достаточнымъ основаніемъ, чтобы вооружить противъ него изучающихъ бенгальскій языкъ, а театру англійской компаніи предоставить всѣ льготы въ ущербъ чужестранцу. Если же, не смотря на это предостереженіе, Лебедевъ все таки добивался бы защиты суда, то въ результатѣ ему не только не пришлось бы выиграть свой процессъ, но, напротивъ, въ перспективѣ представлялось полное фіаско и даже личное осужденіе. Лебедевъ тѣмъ не менѣе рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку, обратившись съ просьбою о защитѣ къ главному судѣ 4-го февраля 1797 года. Лебедевъ объяснилъ ему, что его единственнымъ намѣреніемъ было и есть, при устройствѣ зрѣлищъ, безъ всякаго желанія подрывать уже существующій „превосходный“ театръ, чтобы дать удобный случай учащимся европейцамъ чрезъ обращеніе съ гиндустанцами лучше научиться бенгальскому, шанскритскому и другить гиндустанскимъ языкамъ. Сего ради какъ ободрителя наукъ и художествъ Лебедевъ просилъ главнаго судью о „покровительствѣ“ и „спасти отъ разоренія“. Сэръ Робертъ Чемберсъ Найтъ (Knight) хотя и разрѣшилъ аудіенцію, но при этомъ заявилъ, что свое мнѣніе онъ объявляетъ въ присутственномъ мѣстѣ и приватно совѣта дать не можетъ.

Вмѣсто удовлетворенія по суду, русскому путешественнику довелось лишь безнаказанно перенести всѣ послѣдствія вляузнической системы, пущенной въ ходъ его врагами. 3-го мая 1797 года, онъ былъ вытребованъ въ полицейскую канцелярію для уплаты по иску его садовника, черезъ шесть дней послѣдовала новая жалоба отъ другого лица, 25-го мая противъ него пишетъ кляузу имъ же облагодѣтельствованный нѣкто Гладуинъ, 17-го іюня подаетъ просьбу его

домохозяйинъ и т. д., и т. д., пока наконецъ по одной жалобѣ онъ не былъ арестованъ. По всѣмъ этимъ претензіямъ Лебедевъ, хотя и былъ оправданъ, но все же враги его добились желаемого для нихъ результата: они выжили беззащитнаго чужестранца, который, не взирая ни на какія невзгоды, не потерялъ, однако своей энергіи.

Любопытенъ, между прочимъ, одинъ эпизодъ, характеризующій личность Лебедева, а также отчасти нравы калыкутскаго суда.

Этотъ эпизодъ разсказанъ имъ самимъ въ своихъ „Запискахъ“. Дѣло въ томъ, что Лебедевъ по болѣзни не могъ явиться въ полицейскую канцелярію для отвѣта по жалобѣ его садовника и, вмѣсто себя, онъ послалъ своего серкаря. Европеецъ увѣдомилъ судью о неправильности иска противъ Лебедева, а серкарь подтвердилъ, что жалованье садовнику уплачивалось ежемѣсячно. Судья, неизвѣстно для чего, потребовалъ, чтобы серкарь побожился въ этомъ, тогда какъ индустинскій законъ запрещалъ божбу понапрасну. Судья, не долго думая, за неисполненіе своего требованія, собственноручно вытолкалъ серкаря въ шею, хотя послѣдній предлагалъ уплатить истцу свои деньги, лишь бы избѣгнуть божбы. Безъ вины обиженный серкарь разсказалъ о случившемся Лебедеву. Тогда Лебедевъ, не обращая вниманія на враждебное противъ него настроеніе всѣхъ, явился къ судѣ англичанину и сдѣлалъ ему внушеніе, объявивъ, что онъ не имѣетъ права позволять себѣ подобное варварство по отношенію къ его слугѣ, котораго за неисполненіе своего требованія, судья угрожалъ высѣчь и тѣмъ самымъ спасъ своего слугу отъ судейскаго гнѣва.

Вынужденный оставить Калыкуту, послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ, Лебедевъ въ письмѣ отъ 8-го мая 1797 года, не разъ уже упомянутомъ выше, на имя о. Самбурскаго просилъ представить о его положеніи Государю и поддержать его и семью его подпиской или чѣмъ нибудь подобнымъ. Мы не приводимъ этого письма цѣликомъ, такъ какъ въ немъ изливается собственно накипѣвшая горечь русскаго человѣка, попавшаго въ безвыходное и запутанное положеніе, благодаря обстоятельствамъ, о которыхъ мы уже говорили. Наиболѣе интересная сторона этого письма заключается въ его завѣщаніи распорядиться съ деньгами, какія могъ бы получить о. Самбурскій отъ публикаціи его письма.

„По заплатѣ издержекъ“—говоритъ Лебедевъ—„раздѣлить собранныя за оное деньги на четыре части, одну часть въ воспитательный домъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей; другую въ Лондонъ, въ посланническую церковь, священнику Якову Ивановичу Смирнову, для помочи таковымъ несчастнымъ студентамъ, или кои достойны обученія и которые на малое жалованье не могутъ хорошо учиться. Третью часть (отдай) отцу моему Стефану и матери моей Прасковѣ, и четвертую, послѣднюю часть—двумъ братьямъ моимъ Афонасію и Трефилу и сестрѣ Антонидѣ Стефановымъ дѣтямъ Лебедевымъ. И если отецъ и мать, наши родители, уже умерли, то ихъ часть, когда не

нужно для твоихъ почтенный пастырь, Андрей Афанасьевичъ Самбургскій, издержекъ (ибо я думаю, ты уже разбогатѣлъ), тогда, а не иначе, раздѣлить между помянутыми моими братьями и сестрою“.

Оставшись ни съ чѣмъ, продавъ за безцѣнокъ все свое имущество, Лебедевъ въ письмѣ отъ 23 іюля 1797 года на имя графа С. Р. Воронцова, полномочнаго посланника въ Лондонѣ, обращается съ просьбою о покровительствѣ и поддержкѣ за свои труды, которые, по словамъ Лебедева, „служать не ради чтенія только одного, но не меньше ради сношенія съ таковыми восточными народами, съ которыми Россія, можетъ не имѣла никогда переписокъ“. Труды эти заключаются въ толковомъ изложеніи индѣйской азбуки, словаря, грамматики, ариометики и календаря, такъ что будущимъ путешественникамъ въ Индіи и „любителямъ словесности“ представлялось въ нихъ замѣчательное по тому времени пособіе къ основательному знакомству съ мѣстными языками и обыденными возрѣніями туземцевъ. Лебедеву же принадлежитъ честь впервые знакомить и Европу съ грамматикой смѣшанныхъ индѣйскихъ діалектовъ, какой она не имѣла до 1801 года, когда эта грамматика была издана его „собственнымъ раченіемъ и иждивеніемъ“ въ Лондонѣ. Что касается вышеупомянутыхъ переводовъ драмъ съ англійскаго на бенгалскій языкъ, то они и до сихъ поръ не потеряли значенія и для изучающихъ бенгалскій языкъ, одинаково русскихъ и англичанъ, могли бы служить прекраснымъ методическимъ пособіемъ, зрѣло продуманнымъ и весьма ясно составленнымъ. Мы позволимъ себѣ сказать даже, что здѣсь отчасти предвосхищена знаменитая метода изученія языковъ, изобрѣтенная Робертсономъ. Наконецъ, за Лебедевымъ остается право на признательность потомства еще и потому, что въ его сочиненіи „Безпристрастное созерцаніе системъ Восточной Индіи“, напечатанномъ въ 1805 году, приведены впервые вѣрныя свѣдѣнія о странахъ и народахъ этой части Азіи, о ихъ бытовыхъ условіяхъ и политическомъ состояніи, подъ владычествомъ англичанъ.

Чтобы какъ нибудь выцутаться изъ постигнутой его бѣды, Лебедевъ, въ письмѣ къ графу Воронцову дѣлаетъ слѣдующее предложеніе, свидѣтельствующее о его находчивости и предприимчивости.

„Хоша я“—пишетъ Лебедевъ, „до голи почти раззоренъ; только изъ подданныхъ Россіи здѣсь находящихся при желаніи помочь исправить мое состояніе присовѣтовано ваше сіятельство просить исходатайствовать два паспорта ради тремастныхъ двухъ кораблей или двумастныхъ, если черезъ Индію проходить позволяется, чтобъ оныя подъ флагомъ русскійскимъ и съ должными привилегіями изъ Индіи, изъ рѣки Гангамъ (Ganga) изъ Восточнаго и Средиземнаго океана по выходѣ, черезъ Балтическое море, мною введены могли бытъ въ Неву, и чтобъ оныя (паспорты), какъ можно скорѣе, вы благоволили ко мнѣ переслать: дабы могъ закупить товары, въ разныхъ мѣстахъ въ такое время, въ какое готовые продаются гораздо дешевле“.

„Я знакомъ съ купцами разныхъ гиндустанскихъ городовъ, черезъ которыхъ въ теперешнее военное время могу закупить товары такъ дешево, что покажется невѣроятнo, если бы здѣсь о цѣнѣ вамъ объявилъ. И когда угодно правителю почтеннаго общества щеголихамъ, и щеголямъ, благоволите предложить о подпискѣ для 20,000 рублей и, при пересылкѣ, прикажите, чтобъ за товары деньги были плачены мною, позволяя, по привозѣ въ Россію, кромѣ доли моей, имѣть со ста двадцать процентовъ“. О томъ же Лебедевъ проситъ ходатайствовать и священника Я. И. Смирнова, добавляя, что, если предприятие это удастся, онъ заранѣе назначаетъ пять процентовъ изъ двадцати „за труды отеческіе и матернюю скорбь дочери (Смирнова)“. Наконецъ, въ заключеніе того же письма онъ проситъ увѣдомить, „царствуетъ ли, какъ при Великой Екатеринѣ, у насъ добродѣтель и награждаются ли достойно заслуги, или порокамъ люди порабощены?“

Мы не знаемъ, имѣло ли успѣхъ приведенное ходатайство Лебедева, какъ и вообще его дальнѣйшая судьба остается неизвѣстной, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по находящимся въ нашемъ распоряженіи документамъ. Фактъ, однако, тотъ, что Лебедевъ въ послѣдствіи жилъ въ Петербургѣ и имѣлъ свою типографію не изъ второстепенныхъ, какъ показываетъ вышеупомянутое имъ изданное „Безпристрастное созерцаніе системы Восточной Индіи“.

Но и то, что пока извѣстно о Лебедевѣ, намъ кажется достаточнымъ, чтобы заслуги этого предприимчиваго и даровитаго русскаго чловѣка, обязаннаго своимъ образованіемъ только себѣ, не были забыты его соотечественниками. Намъ остается развѣ выразить увѣренность, что владѣтели документовъ, относящихся къ Г. С. Лебедеву, не преминутъ дополнить настоящій очеркъ, освѣтить дальнѣйшую судьбу этой въ своемъ родѣ замѣчательной личности.

О. Булгаковъ.

МЕРТВЫЙ ГОРОДОКЪ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

А ЧТО ХОДЯТЪ суда на Грумантъ и тѣ суда ходять Выгорѣцкія и не токмо на тотъ на пустынный островъ ходять, а и въ Маточкиномъ Шару тюленя бьютъ и бѣльца, и въ Обскую губу для того своего промысла заходятъ и по берегу Студенаго моря соль варятъ и сало топятъ и отъ тѣхъ судовъ государевой казнѣ великій авантажъ бываетъ, а отъ промысловъ таковой же,—отписывали архангельскіе воеводы на Москву и на Питеръ, когда этотъ послѣдній занялъ мѣсто первой.

Вспоминая эти отписки воеводскія, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда наконецъ мнѣ удастся покончить дѣла въ Повѣнцѣ и отправиться въ давно желанный Даниловскій монастырь, извѣстность и значеніе котораго были такъ велики и считались на столько опасными для государства, что рѣшено было въ началѣ пятидесятыхъ годовъ силою закрыть „это гнѣздо раскола и недовольства“.

Бѣхалъ я, что называется со всѣми онерами, т. е. снабженный разными открытыми листами и въ компаніи съ знатокомъ тамошняго края, который извѣстенъ былъ и своими работами и своею популярностью чуть ли не во всей Олонецкой губерніи; даже и женатъ то былъ мой компаньонъ на одной изъ воспитанницъ бывшей „Лексинской академіи“. Чуть забрежжило утро—лошади подвезли къ моему крыльцу. Гостинницъ въ Повѣнцѣ не имѣется, а останавливаются всякіе гуляющіе люди тамъ, гдѣ Богъ пошлетъ и гдѣ найдется сердобольная душа, которая захочетъ пріютить ихъ; на потребу знатныхъ и официальныхъ лицъ имѣются, такъ называемыя „чиновничьи квартиры“, которыя впрочемъ, когда злая судьбина не заговоритъ въ Повѣнецъ какого либо генерала отъ того или другаго министерства, охотно уступаются и простымъ путешественникамъ, изрѣдка сюда являющимся. Вотъ на такой то „фатеръ“ я и стоялъ, благо генералы,

въ числѣ цѣлыхъ трехъ, только что передъ моимъ прїѣздомъ покинули Повѣнецъ. Хозяинъ мой сначала было дичился меня, но потомъ самъ оказался имѣющимъ постоянныя связи съ Даниловымъ, а ужъ супруга его и вовсе, какъ „дама“, была расположена къ старой вѣрѣ. Хоть и нездоровилось, хоть и рано еще было, а надо было отираться въ путь. „Сии непроходимыя дебри и пустыни“ — носилась у меня въ головѣ вычитанная откуда то тирада о привыгорѣцкихъ мѣстахъ; „негостепріимная природа сихъ мѣстъ, а также и недоброжелательство жителей“, вспоминалась мнѣ фраза изъ отчета какого то чиновника, на который я случайно набрелъ въ такъ называемомъ „раскольничьемъ отдѣленіи“. Пожалуй, и бѣсть будетъ нечего, думалось мнѣ, а потому я и заѣхалъ по пути къ мѣстному „Елисеѣву“, роль котораго здѣсь въ Повѣнцѣ не безъ успѣха разыгрываетъ лавочка „повѣнецкаго общества потребителей“. Набралъ я въ лавочкѣ разныхъ консервовъ и часу въ шестомъ утра выѣхалъ наконецъ изъ того богоспасаемаго града, куда человѣкъ попасть можетъ или ради „исканія въ нѣдрахъ земли“ или по постановленію суда о ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя. Прытко бѣжали лошаденки, которыхъ ямщикъ даже и не трогалъ своею „погонялкою“. Вотъ окончилась повѣнецкая мостовая, которой ни въ какомъ иномъ городѣ ни на Руси, ни во всемъ мїрѣ, не отыщешь, такъ какъ сдѣлана она „мѣстными средствами“ изъ опилокъ, взятыхъ съ повѣнецкаго пильнаго завода; вотъ проскакали мы и мимо производителя этого новаго матеріала для мостовыхъ,—пильнаго завода; влѣвъ осталась знаменитая печь отъ построеннаго руками Петра, Алексѣевскаго завода, начались и „дебри и пустыни“.

Прекрасная дорога; ямщикъ, желающій, какъ и всякій другой русскій человѣкъ, получить на водку; прелестная мѣстность съ поминутно блистающими по сторонамъ озерами и вырѣзывающимися изъ за сосенъ голыми діоритовыми сельгами,—все это мало походило на „пустыню“, въ особенности, когда стали на каждыхъ пяти верстахъ попадаться кресты съ навѣсами—признакъ сѣвернаго русскаго человѣка, крестящагося истово, двухперстнымъ сложеніемъ и до сихъ поръ еще не оставившаго Екатерининскій счетъ на семисотенныя версты. Дѣсь разошелся въ стороны, открылась полянка, а на полянкѣ — сельбище человѣческое, которое и назвать то нельзя ни деревнею, ни селомъ: церкви нѣтъ, а есть лишь заколоченная часовня, которую оффиціальныи языкъ не признаетъ церковью и такое селеніе селомъ не называетъ. Это колонія все той же богатой и сильной метрополии—Даниловскаго монастыря, о которой вмѣстѣ съ другими я поговорю ниже, Габсельга, низведенная теперь на степень бѣдненькой деревеньки, а когда то бывшая богатимъ селомъ на пути изъ Данилова въ Пигматку—главную гавань монастыря, кишѣвшую когда то судами выгорѣцкими. Еще другихъ семнадцать верстъ и потянулась новая деревня съ тѣмъ же точно видомъ „проклятїя и

запустѣнія“, какой лежитъ на всѣхъ вообще бывшихъ колоніяхъ Даниловскаго общежительства. Когда русскій человекъ селится гдѣ нибудь на всей своей волѣ, когда „глазокъ-смотрокъ“ опекунствующаго начальства не слѣдитъ за каждымъ его шагомъ и не требуетъ отъ него ни „засыпанія въ общественные магазины“, ни „обсаживанія ветелками улицъ“, то какъ то такъ случается, что русскій человекъ не только не является завалыщимъ малолѣткомъ, а напротивъ того представляетъ изъ себя самаго разумнаго хозяина: и избу себѣ строить не по нашему, не свиной котухъ, и запашку дѣлаетъ тщательно и старательно, и безъ „общественныхъ магазиновъ“ всегда имѣетъ вдосталь хлѣба, и лѣса бережетъ, и вообще является не съ разбойническими приемами земледѣлія, а ведетъ дѣло такъ, что и нѣмцу въ пору. Такимъ то своеобразнымъ хозяиномъ явился на сѣверѣ монастырь Соловецкій, умѣнью котораго и до сихъ поръ удивляются путешественники; такимъ же точно разумнымъ и безопаснымъ хозяиномъ былъ и древній раскольничій монастырь Выгорѣцкій, вмѣстѣ съ порушеніемъ котораго порушено было и благоденствіе цѣлаго края.

Андрей Денисовичъ, князь Мышецкій, одинъ изъ основателей Выгорѣцкихъ общежительствъ, получилъ хорошее по тому времени образованіе и, какъ сообщаетъ поморское преданіе, прослушалъ даже курсъ въ Кіевѣ; въ Москвѣ онъ тоже учился, но здѣсь наука оказалась ему слишкомъ недостаточною, сравнительно съ лекціями воспитанныхъ на католическихъ основахъ кіевскихъ профессоровъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ исторія этого дѣйствительно талантливейшаго руководителя совершенно не изслѣдована, а тѣмъ не менѣе несомненно заслуживаетъ подробнаго изученія. Въ то же время Андрей Денисовичъ былъ и хорошимъ хозяиномъ; съ такимъ умѣньемъ устроилъ онъ монастырскую жизнь, что монастырь благоденствовалъ, пока не постигла его бѣда; умный организаторъ очень хорошо понималъ, что на сѣверѣ не мыслимо централистическое хозяйство и что слѣдуетъ попробовать примѣнить въ этихъ мѣстахъ систему полной децентрализаціи и фермерской самостоятельности; дѣло было подходящее: всѣ рвались уединиться „въ пустынь“, а потому Андрей Денисовичъ и успѣлъ въ самое короткое время колонизировать весь юговосточный и сѣверовосточный уголь нынѣшняго Повѣнецкаго уѣзда отдѣльными фермами, гдѣ населеніе не было, конечно, односемейнымъ, а состояло изъ 3—10 иноковъ или постниковъ и трудниковъ; другія фермы населены были женщинами и предназначались спеціально для разведенія скота, такъ что сѣно и овесъ или привозились сюда съ другихъ фермъ, или же накашивались являвшимися сюда на опредѣленный срокъ трудниками. Жизнь этихъ иноковъ, постниковъ и трудниковъ, была несомнѣнно полна трудовъ и заботъ, такъ какъ земля требовала самой тщательной обработки, что называется, до состоянія зубнаго порошка, но за то монастырь всячески старался не только вполне обез-

нечить ихъ существованіе, но даже и обставить ихъ такъ, какъ конечно они дома никогда обставлены не были; и обуты они были прекрасно, и ѣли всегда хорошо, а потому и понятно, что народъ всюду сходилъ въ Даниловскій монастырь поработать „Усплѣнью Пресвятой Владычицы“. По уставу того же Андрея Денисова полагалось на примѣръ: „новыя шубы раздавать братіи и трудникамъ на пять лѣтъ, кафтаны—на три года, крашенинныя балахоны—на четыре года, кожанъ—на десять годовъ, штаны—на три года, шапки—на три года, преобуви—на четыре года“; понятно, что на носку рубахи срока не полагалось никакого и все зависѣло отъ умѣнья носить одежду такъ, чтобы она служила по возможности дольше. На обѣдъ полагалось обыкновенно три блюда: горячее, рыбное и мучное, причемъ, за недостаткомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допускалось замѣнять эти яства и молочными яствами; очень понятно, что въ воскресенье и въ праздничные дни столъ былъ еще лучше и поневолѣ возбуждалъ въ приходящихъ богомольцахъ желаніе подольше поработать на такихъ добрыхъ харчахъ. Когда хозяйство отдѣльныхъ скитовъ или фермъ разрослось въ значительной степени, скиты эти сами собою преобразовались въ вассальныя отъ Даниловой пустыни деревни, все еще управляемыя нарядникомъ, поставленнымъ соборомъ старѣйшихъ иноковъ; весь уставъ скитскій соблюдался во всей своей чистотѣ въ такой вновь образовавшейся деревнѣ, съ запрещеніемъ отдѣльнаго стола, съ непрекословнымъ повиновеніемъ старшимъ. Такою деревнею, образовавшеюся изъ скита, была и Габсельга и другая станція по направленію отъ Повѣнца къ Данилову—Тихвиноборская. Какъ ни дружно однако работали трудники монастырскіе, хоть и раздѣлывали они землю въ порошокъ, а все же мачиха—природа не могла роскошно вознаградить ихъ трудовъ и общежителству ежегодно приходилось покупать муку въ Вытегрѣ и иныхъ мѣстахъ, куда ее доставляли съ „Низу“. Еще въ 1731 году задумалъ Семенъ Денисовичъ, братъ Андрея Мышецкаго, устроить гдѣ нибудь по Онежскому озеру пригодную пристань; выборъ его палъ на Пигматку, которая представляла собою наиболѣе удобствъ, какъ по близости своей къ монастырю, такъ и по устройству близлежащихъ береговъ; плотники были свои, да и Симеонъ, видимо, зналъ дѣло и въ годъ времени они „устроили пристань и оукрѣпили сваями и иглами съ самага толстаго лѣса и навозиша каменія полныя срубы и мостъ на всю плотину намостили и на мостъ великія бревна толстыя и каменіе большіе повалили и оукрѣпили добрѣ и судамъ пріѣзжимъ велий покой и тишіе бысть отъ бурь вѣтряныхъ“.

И представлялись мнѣ эти цвѣтуція деревни, эта кипящая работою пристань, эта доподлинно изумительная обработка земли, этотъ строгій во всемъ порядокъ, всеобщая грамотность, массы переписываемыхъ книгъ, собственныя солоньяны, тюленьи промыслы, поѣздки на Новую Землю и на Грумантъ, это умное, живое, смиренное, трезвое и пребы-

вающее въ довольствѣ населеніе,—когда ямщикъ снялъ шапку, помолился и сталъ затѣмъ заворачивать въ какое то странное сельбище человѣческое,—не то село, не то городъ.

„Подайте милостыньку Христа ради!“ вопили бѣгущіе за телѣгою мальчики, дѣвочки и даже взрослые, рваные, грязные, назойливые...

„Эхъ вы, други!“ разразился пьяный голосъ изъ-за ближайшей избы и прибавилъ непечатное слово...

Что же это? думалось мнѣ;—куда же это попалъ я? и здѣсь все таже нищета и тоже проклятое слово, раздающееся по всей Россіи и указывающее на дикость и грязь.

„Ишь псковичи-то!“ молвилъ ямщикъ, „съ измалѣтства приучаются; отецъ сквернословить пьяный, а паренъки нарываютъ ему же на козушку выпросить“. И вспомнилъ я тутъ, что когда разогнали старцевъ и старицъ изъ Данилова и Лексы, порушили своеобразное созданіе русской жизни, то оказалось, что „за выbytіемъ старожиловъ“ остались массы превосходно обработанной и изъ году въ годъ удабриваемой земли, которую некуда было дѣвать; тутъ на грѣхъ приключился въ Псковской губерніи такой годикъ, который и прямо бы можно назвать голоднымъ, но все же слившій лишь „мадоурожайнымъ“; а потому заботливое начальство и порѣшило переселить голодающихъ на чужими руками обработанную землю; сказано—сдѣлано! поразрушили псковичи подъ прикрытіемъ станowych приставовъ нѣсколько зданій Даниловскихъ, иногда заставляя работать на себя оставленныхъ въ монастырѣ стариковъ, усѣлись на новыхъ мѣстахъ... да и запили въ залившую. Лѣнь, развратъ и пьянство завелись тамъ, гдѣ въ былыя времена царило трудолюбіе, скромность и трезвость... Начальство не подумало о развращающемъ вліяніи даровщины и сознанія своего могущества въ сравненіи съ угнетенными старожилами и псковичи пропадаютъ пропадомъ, кормясь лишь тѣмъ, что подадутъ имъ богомольцы, да гѣ же старцы, на чьихъ спинахъ они сначала поѣздили.

Засѣрѣлась высокая колокольня; вокругъ ея обрисовались какіе-то странные двухъ и трехъ этажные дома, потянулся длинный, бревенчатый заборъ, откуда-то потянуло сосною; телѣга подкатилась къ крылечку бывшей „гостинной избы“ и я очутился въ „мертвомъ городѣ“.

Ранымъ рано проснулся я отъ свѣта; словно захотѣло солнышко приглубить тѣхъ, кто здѣсь живетъ волею или неволею, и тѣмъ окупить какъ бы краткое лѣто; такъ и било солнышко въ окна, а подъ окнами какіе-то голоса протяжно выводили какую-то невозможную заунывную мелодію; поглядѣлъ я за окно и накрылъ цѣлую толпу оборванныхъ ребятишекъ, которые на голосъ увѣряли, что всѣ они сироты, что имъ нечего ѣсть, что тятюку „ведмѣдъ зарѣзалъ“, что мамку „лихоманкою перекосило“, что погорѣли они и что Богъ

несомнѣнно пошлетъ царствіе небесное моимъ родителямъ, которые однако, въ ту пору умирать еще и не думали. Откуда ни взялся старикъ-сторожъ гостинный и прогналъ непрошенныхъ гостей батогомъ, объясняя мнѣ на ходу, чтобы я „не изволилъ беспокоиться... потому все врутъ... ужъ такая ихъ псковская натура“.

— Большакъ пришелъ—желаетъ васъ видѣть! заявилъ намъ все тотъ же сторожъ, внося въ горницу самоваръ и ставя его на столъ вмѣстѣ съ теплою, парною еще бабою на блюдѣ.—Они же бабку принесли—просятъ кушать на доброе здоровье.

— Проси, конечно, проси! загорячился я, такъ какъ Иванъ Михайловичъ человекъ не простой, а ни больше, ни меньше, какъ Даниловскій игумень, а по здѣшнему большакъ, лицо, пользующееся крайнимъ почетомъ среди всѣхъ послѣдователей поморскаго согласія, человекъ, котораго знаютъ и на Вѣломѣ морѣ и на Волгѣ рѣкъ-матушкѣ.

Въ комнату вошелъ высокаго роста старикъ съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ, съ сѣдою, какъ лунь, головою и бородою, въ длинной черной одеждѣ въ родѣ кафтана, убранной, начиная отъ шеи и до пола мелкими серебряными пуговицами; для благодати темя его было прострижено, но видно было, что не долго ему придется постригать луговинку для сошествія благодати, такъ какъ скоро голова его оплѣшивѣетъ и тогда путь для благодати откроется свободный. На лицѣ его были написаны не то страхъ, не то недоумѣніе; вся фигура его выражала какую-то готовность поклониться, съѣжиться, а при случаѣ и по нуждѣ даже и „припасть къ ногамъ и слезно умолять о негубительствѣ“; видно часто приходилось въ старое время старику разыгрывать роль просящаго, если во всей фигурѣ его такъ и сказывалась какая-то приниженность и нѣмая мольба. Густо заросли его брови, а изъ-подъ нихъ смотрѣли добрые и умные глаза, которые, казалось, такъ и пронизывали насквозь новаго человека и, казалось, такъ и высматривали глумитель и опекабель пріѣхаль, или же простой человекъ.

— Садитесь, говорю,—Иванъ Михайловичъ, гостемъ будете!

Сѣлъ какъ-то остороженько, точно наровиль быть на готовѣ и въ случаѣ чего словно намѣревался поскорѣ сорваться съ мѣста и „съ припадениемъ къ ногамъ умолять слезно“ о томъ, чтобы перестали надругиваться надъ его сѣдинами. Какъ ни воздерживался старикъ отъ разговора, тѣмъ не менѣе чай сдѣлалъ свое дѣло на половину, а другая половина его недовѣрчивости побѣждена была моими словами. Вообще на сѣверѣ, собственно говоря, весьма легко сойтись съ жителями, если только вы не представляете изъ себя „лицо“, присланное для поддержанія основъ; поговорите съ хозяиномъ по душѣ, выпейте съ нимъ стаканчиковъ по 6—8 этого благодѣтельнаго напитка для всероссійскаго „эксперта отъ наукъ“, изъ уваженія просто лишь къ неизвѣстнымъ вамъ привычкамъ хозяевъ не вынимайте и

не закуривайте папиросы, еще лучше, если вы дадите понять, что дѣлаете это изъ уваженія къ обычаямъ, похвалите по крѣпче прижимку 54 года, разрушеніе старинныхъ безпоповщинскихъ центровъ. разубѣдите всѣхъ въ томъ, что вы присланы къмъ бы то ни было и докажете лишь, что вы просто на просто человѣкъ, сочувствующій никакъ не „мамаямъ“, а угнетаемымъ,—и тотъ же самый, до той поры скрывавшійся передъ вами, человѣкъ сдѣлается до нельзя общителенъ, подбодритъ всю семью къ разговору съ вами, притащитъ вамъ на показъ старинную рукопись, вытащитъ изъ завѣтнаго уголка какую нибудь древнюю икону, вслѣски старается угостить васъ и успокоить, толкуетъ, горячится, разсуждаетъ, споритъ; не пройдетъ и одного часа, какъ въ комнату является и баба, хвастающая передъ вами, что она кончила курсъ „въ Лексинской академіи“, и мальчуга, которые читаютъ вамъ, учатъ васъ писать полууставомъ и уставомъ, хохочутъ надъ вашею не умѣlostью—однимъ словомъ, вы стали ихъ другомъ, ихъ „своимъ человѣкомъ“, желаннымъ гостемъ и всѣ „объ васъ понимаютъ“; а къ отъѣзду такъ и знайте, что подъ вашимъ сидѣньемъ окажутся и рябчиковъ парочка, и мамуры лукошко, а то и картинка, изображающая „древо многочестно“ или „птицу Сирина“, которую потихоньку отъ тятки и мамы подсунулъ вамъ вашъ новый другъ, будущій „стоятель за истовую вѣру“, какой нибудь пятнадцатилѣтній Семушка. Да и вы сами такъ хорошо чувствуете себя въ этомъ славномъ, умномъ народѣ, что вамъ жалко разставаться съ нимъ при отъѣздѣ и горько становится на душѣ, что тотъ же народъ не живетъ по всему лицу земли русской. Все тутъ какъ-то по иному, словно и не по родному: и домъ, въ которомъ вы только что были, большой, чистый, уютный, все въ немъ хорошо, хозяйственно и хозяева одѣты порядочно, во всемъ видна чистоплотность и стремленіе къ прекрасному; все смотреть какъ-то веселѣе и живѣе, во всемъ чуется мысль, работаютъ мозги, живутъ, однимъ словомъ, люди, а не тотъ несчастный „народъ“, который мы привыкли видѣть въ центральной и даже южной Россіи. По неволѣ придется задуматься надъ этою бросающеюся въ глаза разницею въ бытѣ и развитіи того же самаго народа и приходятъ на умъ разныя мысли, которыя стоило бы собрать для объясненія вообще нашей странной русской жизни. Вспоминаются мнѣ тутъ слова одного заонежанина, который на вопросъ мой, какъ они живутъ и отчего живутъ они богаче другихъ русскихъ людей, не задумываясь, отвѣчалъ мнѣ: „Всѣмъ мы богаты, однимъ только бѣдны, да тѣмъ же и богаты“. Оказалось, что никогда у нихъ не было помѣщиковъ! А съ другой стороны приходитъ въ голову и иное еще обстоятельство:—живетъ русскій человѣкъ грязный, и сопатый, и лѣнтый, и голъ, какъ соколъ; вдругъ, откуда ни возмись, явился въ мѣстности какой-то несуразный человѣкъ, который по кабакамъ не ходитъ, разговоръ ведетъ „по божественному“, совѣтуетъ не ругаться, не драться, а молиться и къ попамъ не ходитъ; все равно.

кто этотъ человѣкъ, безпоповець, поповецъ, хлысть или молоканинъ—народу и дѣла нѣтъ до его вѣры и частностей; горе и нужда толпами гонить людей въ слушатели и ученики несуразнаго человѣка и моментально совершается, какъ по мановенію волшебнаго жезла, чисто сверхъ-естественная перемѣна; изъ нерыхъ люди дѣлаются чистоплотными, изъ лѣтняевъ трудолюбцами и изъ голытьбы достаточными. Достаточно русскому человѣку сдѣлаться послѣдователемъ той или другой секты и онъ измѣняется до корня, такъ что иногда, въ моментъ откровенности, даже администраторы толкуютъ о томъ, чтобы побольше народа переходило въ расколъ. Никогда не забуду я задушевнаго слова одного изъ тѣхъ, которые были нарочно поставлены отъ начальства на то, чтобы пропагандировать православіе среди раскольниковъ и носили громкое названіе „миссіонеровъ“; человѣкъ этотъ отлично изучилъ поморское согласіе безпоповскаго толка, сжился съ раскольниками и, пожалуй, самъ, не смотря на свою рясу, скорѣе выглядѣлъ безпоповцемъ.—„Эхъ славно бы было для Россіи“, воскликнулъ однажды этотъ истинно почтенный человѣкъ,—„кабы всѣ православные въ расколъ перешли!“

Пошли мы съ большакомъ поглядѣть „вертоградъ Христовъ“, — бывшій Даниловскій монастырь, отъ котораго въ настоящее время остались лишь однѣ развалины. Весь Даниловъ занималъ когда то площадь въ 6 — 8 квадратныхъ верстъ, если считать мужской монастырь вмѣстѣ съ женскимъ; все это обширное пространство было оцепано глубокимъ рвомъ, по ту сторону котораго возвышался высокій заборъ, сдѣланный изъ забранныхъ въ затесы полубрусевъ; никто не имѣлъ права выходить изъ ограды или входить въ оную, не испросивши на то разрѣшенія большака, который одинъ могъ разгуливать, гдѣ ему угодно, не отдавая никому отчета, кромѣ своего духовника—Симеона Мишецкаго, а по смерти его „честнаго его образа“. Отъ всей ограды въ настоящее время остались лишь одни ворота, помѣщающіеся почти напротивъ гостиницы. Всѣ постройки въ Даниловѣ были деревянныя двухъ и трехъ этажныя и такой своеобразной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оригинально-красивой архитектуры, что смѣло могли бы украшать собою не только улицы какого нибудь мѣстнаго городка, но даже и любого сѣвернаго губернскаго города; видимо, свѣта боялись жители Даниловскіе и не потому, чтобы они вообще не охотники были до свѣта Божія, а потому лишь, что творилось у нихъ дѣло не дозволенное и считавшееся опаснымъ,—молились они не Іисусу, а Іисусу, крестились двуперстіемъ и „аллилуйю“ повторяли лишь два раза, а не три; словно бойницы какія выглядываютъ эти маленькія окна на улицу и такъ и кажется, что за окномъ стоитъ зоркій наблюдатель и высматриваетъ, не ѣдетъ ли какой нечутевый человѣкъ, и слушаетъ, не услышитъ ли роковаго полицейскаго колокольчика. И часто заглядывали сюда, не смотря на всякія предосторожности, разные ревнители православія въ ботфортахъ и виць-мундирахъ, благо славился Дани-

ловъ своими серебряными рублями самодѣльными, а Лекса — своими бѣлицами красивыми и рыбниками съ палтусиной. И рубли Даниловскіе и бѣлицы Лексинскія много надѣлали хлопотъ обоимъ монастырямъ, да и до сихъ поръ еще ходитъ про нихъ слава по всему Обонежью и Поморью и вводитъ въ искушеніе всякихъ охотниковъ до того и до другаго и заставляетъ искать однихъ въ нѣдрахъ земли, другихъ по наземью. И до сихъ поръ еще среди мѣстнаго населенія повторяется на всѣ лады всякому пріѣзжему доподлинное увѣреніе, что гдѣ то на сѣверо-востокъ отъ Данилова, въ тундрѣ имѣются залежи серебряной руды; Даниловскіе жители знали эти мѣста, добывали въ нихъ руду и употребляли ее на выдѣлку разныхъ серебряныхъ вещей и въ особенности рублей, на манеръ Квaternинскихъ. Рубли Даниловскіе славились по всему сѣверу и въ обращеніи стоили даже нѣсколько дороже настоящихъ, такъ какъ выдѣлывались изъ чистаго серебра, безъ примѣси какой бы то ни было лигатуры; при торговыхъ сношеніяхъ своихъ съ русскими, норвежцы всегда старались получить въ уплату за свой товаръ по больше рублевиковъ и даже просто покупали ихъ изъ барышей для продажи въ казну на выдѣлку риксдалеровъ. Многіе отдѣльные скиты Даниловскаго монастыря, а также и многіе изъ его жителей, занимались выдѣлкой рублей и вещей серебряныхъ, но, не имѣя конечно хорошей подготовки, должны были по неволѣ довольствоваться старинными образцами и при томъ употребляли чрезвычайно характерный, но въ то же время и крайне первичный способъ обработки. Случилось однако такъ, что начальство почему то возгорѣлось желаніемъ отличиться и изловить „фальшивыхъ монетчиковъ“; наѣхали изъ Петербурга особо важные чиновники, нашумѣли, наругали, назаушали; всѣхъ изловили по той простой причинѣ, что никто не думалъ, да и трудно было скрываться, и всѣ виновные съ чадами и домочадцами были выселены въ Тарбагатай, для „удобнѣйшаго имъ пути къ разработкѣ столь цѣннаго металла въ мѣстахъ гдѣ оный по шихтмейстерскимъ объявкамъ въ изобиліи находится долженъ“. Острословіе XVIII вѣка сказалось отчасти и въ этомъ нелѣпномъ рѣшеніи и власти успокоились на лаврахъ, „искоренивши столь вредный государственнымъ интересамъ промыселъ“, не подумали только объ одномъ, а именно, что, вмѣстѣ съ выселеніемъ знающихъ людей, пропали и слѣды той мѣстности, гдѣ руда добывалась. Толкуютъ мѣстные жители, что и до сихъ поръ еще кое когда вдругъ выплываетъ какая нибудь новая серебряная вещица, но, слѣдуетъ признаться, что всѣ эти вещи далеко не высокопробны и, по всѣмъ вѣроятіямъ, просто представляютъ собою новѣйшія переливки старинныхъ сломанныхъ вещей; на одной изъ несомнѣнно новыхъ серебряныхъ застѣжекъ мы сами видѣли шрамъ, оставшійся отъ сломаннаго пополамъ образца, вслѣдствіе самаго способа отливки. Особаго умѣнья тутъ не требуется и для всей выдѣлки нужны лишь березовые наросты, да крѣпкая бичева: прежде всего наростъ этотъ

разрѣзается пополамъ и затѣмъ до размягченія вываривается въ водѣ; затѣмъ между двумя половинками нароста клали обыкновенно образецъ, перевязывали обѣ половинки туго на туго бичевкою и просверливали не большую дырочку, послѣ чего форму на сухо высушивали. развязывали бичевку, вынимали образецъ, снова связывали обѣ половинки и вливали въ нихъ расплавленный металлъ. Роскошнѣйшіе складни, самыя разнообразныя и вычурныя пуговицы, казавшіяся филигранной работы, дѣлались именно такимъ образомъ.

Не меньше толковъ возбуждали и бѣлицы .Лексинскія; воспитанныя въ холѣ и безъ нужды, стараго новгородскаго типа, онѣ дѣйствительно представлялись чрезвычайно красивыми. Нѣкоторыя большухи „страха ради іудейска“ подсылали ихъ къ наѣхавшему комиссару и становому, дабы смягчить его сердце; но всѣ расказни о какомъ то особенномъ развратѣ, царившемъ на Лексѣ, рѣшительно не имѣли никакого основанія. Не выходя замужъ, женщины не могли, конечно, отказаться вовсе отъ любви, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ развратничали то съ однимъ, то съ другимъ, и ихъ узы были, пожалуй, по дѣйствительнѣе узъ официального брака, такъ какъ здѣсь сходились люди между собою по любви и расходились опять совершенно свободно.

— „Когда пришло мамаево-то раззоренье“, со смѣхомъ сквозь слезы разказывала намъ почтенная старушка—Лексинская большуха Ѳедосья Анисимовна, — „такъ и зарычалъ княжикъ то (жандармскій офицеръ князь Мыщецкій, по странному стеченію обстоятельствъ, приходившійся однимъ изъ потомковъ рода Андрея Денисовича): „Кажы, старуха, прудь! и таково меня ножкой толкнулъ, а я, батюшка, все въ ножкахъ валялась со старушками... одну такъ каблучкомъ старушку въ високъ и до смерти зашибли... Ваше, говорю, княжеское величество, всѣхъ карасиковъ выловили... за обѣдомъ кушать изволите!“ — „Другихъ мнѣ, кричить, карасей требуется! Вы здѣсь блудницы, вы здѣсь содомницы, вы, говорить, дѣтей скидываете, да и живьемъ ихъ въ прудъ швыряете!“ — Такъ я батюшка и пала на земь... — „А!“ шумить,— „испугалась!“ — „Со сраму“, я то ему,— „со сраму, княжикъ, что предъ иконами и при насъ старицахъ, ты такія слова говоришь!“ Пхнулъ только меня опять каблучкомъ, а только ничего мнѣ старухъ за мои слова не сдѣлалъ. Прудокъ-то слушали и косточки было нашли... обрадовались таково, да потомъ разсмотрѣли: кости-то собачьи... а у насъ за годъ Жулька изъ гостинной околѣла,—съ бѣшенныхъ глазъ въ прудъ залѣзла“.

И сколько такихъ разказовъ приведется услышать отъ словоохотливой большухи, которая и до сихъ поръ безъ слезъ и безъ содроганія не можетъ говорить о мамаевомъ раззореніи, а также и отъ большака, который говорить толково, словно лѣтописецъ какой.

Съ планомъ, приложеннымъ къ „Исторіи Выговскаго общежителства“, въ рукахъ вошелъ я въ сопровожденіи большака въ ограду и

сердце мое болѣзненно жалось. Повсюду разоренье, повсюду слѣды прежняго величія и нынѣшняго запустѣнія; я — одинъ изъ представителей тѣхъ, кто разрушилъ этотъ живой и живительный центръ русской жизни, а подлѣ меня идетъ тотъ, кто видѣлъ, какъ „наши“ разоряли, заушали, глумились, издѣвались; старикъ тогда изстрадался—пришла и моя очередь. Мы вошли прямо черезъ главные или „возачьи“ ворота, такъ какъ другія „пѣшеходныя“, какъ значатся они въ описаніи Филипова, давно сломаны и вмѣстѣ съ оградой пошли на постройку избъ для псковскихъ переселенцевъ. За нами отъ самой гостинницы волоклась толпа псковскихъ ребятишекъ, которымъ большакъ, видимо любимый этою рваною командою, раздавалъ какіе-то бублики; едва подошли мы къ воротамъ, какъ вся толпа остановилась и дальше уже не пошла—видно и въ этихъ еще неосмысленныхъ головахъ вкоренилось уже чувство уваженія къ этой тихой развалинѣ, къ этому мертвому городку. Большакъ только усмѣхнулся, понявъ вопросъ, выразившійся въ моемъ взглядѣ.

— Тоже, понимаютъ! проговорилъ онъ.

И до сихъ поръ еще подлѣ самыхъ воротъ, вправо находится двухэтажная „возачья изба“, а подлѣ нея помѣщалась „нижняя возачья“, сгорѣвшая уже послѣ погрома монастырскаго; „возачьими“ избы эти назывались потому, что здѣсь жили возчики монастырскіе, которыхъ было довольно много; по всѣмъ вѣроятіямъ, возчики ближніе обитали въ ближайшей къ воротамъ избѣ, а въ нижней поселены были тѣ, которые поддерживали сообщеніе съ „Низомъ“, т. е. съ Рыбинскомъ и Волгою; понятно, что въ центръ монастыря впускать возчиковъ вообще не годилось, такъ какъ это были люди мірскіе, быть можетъ даже и не принадлежавшіе къ безпоповщинскому согласію, хотя и вполнѣ преданные своимъ хозяевамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ намъ большакъ. Тутъ же сейчасъ за „возачьими“ избами помѣщались 4 обширныхъ конныхъ двора съ теплыми помѣщеніями, которые были на столько удобны и чисты, что „въ пору любому русскому жить“, заявилъ старикъ, который, хотя несомнѣнно не считалъ себя инородцемъ, однако же всегда, говоря о никоніанахъ, и никоніанской Россіи употреблялъ выраженія: „русскіе и Россія“; Теперь уцѣлѣли только три изъ этихъ построекъ, но и онѣ находятся въ такомъ положеніи, что не сегодня, такъ завтра обвалятся и провѣрить слова старика о роскоши помѣщеній не было, конечно, возможности; съ монастырскимъ добромъ вѣдь не церемонятся, такъ какъ послѣ „мамаева разрушенія“ оно признано было самимъ начальствомъ „res nullius“, а потому и пользуется ею тотъ, кому заблагоразсудится; понадобится искивичу подставка — онъ идетъ, какъ въ свой складъ, разламываетъ крышу и снимаетъ первый вѣнецъ съ избы. Какъ разъ напротивъ конныхъ дворовъ помѣщается огромная двухэтажная изба, занятая во времена монастырской жизни „швальными портною и чеботной“; здѣсь работало 8 портныхъ и 6

чеботарей, которые обшивали не только всѣхъ монастырскихъ жителей, но работали и на сторону; сапоги Даниловскіе славились по всему сѣверу, вплоть до Холмогоръ, и въ особенности сильно расходились между сторонними покупателями послѣ того, какъ въ число жителей монастырскихъ поступило три человѣка кимряковъ столь извѣстныхъ въ Россіи чеботарей. Не подалеку отъ швальни находится казначейская, а подальше довольно большое трехэтажное зданіе, носившее названіе „большой избы“. Въ этой послѣдней избѣ жила братія, точно также, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ, подобныхъ домахъ. Въ цвѣтущее время Данилова число братій доходило до 400 человѣкъ, а все населеніе простиралось далеко за тысячу; каждому десятку полагалось находиться подъ началомъ особаго десятника, безъ разрѣшенія и благословенія котораго его подначальные не могли предпринять никакого дѣла, а сами въ то же время подчиняли свою волю большаку, который или самъ рѣшалъ недоразумѣнія или совѣтовался со „старцемъ“, лицомъ, вовсе не имѣвшимъ юридически опредѣленной власти, но жизнію своею стяжавшимъ дѣйствительное главенство въ общежителствѣ. Казначей, какъ видно изъ устава общежителства, составленнаго Андреемъ Денисовымъ, завѣдывалъ инвентаремъ монастыря; ему полагалось въ обязанность беречь монастырское добро не просто лишь какъ общественное имущество, но какъ вещи, принадлежащія „яко бы самому Богу“; конечно такая оговорка не только бы не удержала нашихъ казначеевъ отъ „позаимствованія“, но, пожалуй, даже вовлекла бы ихъ въ искушеніе; тѣмъ не менѣе для даниловскихъ выборныхъ казначеевъ она имѣла значеніе и большакъ увѣрилъ меня, что никогда во всей исторіи монастыря, а онъ ее превосходно знаетъ, не было случая исчезновенія обительскаго добра. Казначей долженъ былъ наблюдать, чтобы ничто не затерялось, чтобы чего нибудь не украли, что на многолюдѣ несомнѣнно могло случаться, смотрѣть, чтобы братія получала лишь необходимое, не выдавать чего либо лишняго, не положеннаго по уставу; въ то же время ему виѣнялось въ обязанность входить въ братскія нужды, предусматривать ихъ, и въ отношеніяхъ своихъ къ братіи быть, какъ можно, кротче и любовнѣе, не „рвать съ дубу“, какъ дѣлаютъ это наши выдаватели „причитающагося“, а „давать легонько и добренько“, какъ предлагаетъ Андрей Денисовъ. Всѣ выдачи онъ долженъ былъ производить самъ, отнюдь не поручая этого дѣла кому либо, а тѣмъ болѣе не впуская въ обительскіе чуланы самихъ требующихъ; всякая выдача записывалась въ книгу подъ числомъ и именемъ, такъ что всегда возможно было провѣрить, выслужила ли извѣстная вещь свой срокъ. Съ своей стороны и братіи рекомендовалось относиться къ казначею добропорядочно и „да просить не крикомъ и шумомъ, яко готфи (sic) и мірстіи, ниже роптаніемъ, но яко рабы кроткаго Владыки Христа, съ кротостью, да просить кому что нужно“. Въ вѣденіи казначея находились и кожевня, и швальни портная и чебот-

ная, и мѣдница; понятно, что дѣла у него было достаточно и день деньской приходилось ему трудиться на пользу общественную.

У „большой“ избы начиналась ограда, сохранившаяся и до сихъ поръ и заключающая въ себѣ „прикащицкую“, „старцеву“ и „большакову“ избу; всѣ эти избы помѣщались на холмикѣ такъ, что къ задамъ ихъ примыкало монастырское кладбище, устроенное въ сосновой рощицѣ. Прикащиковъ, собственно говоря, прежде, въ первое время основанія монастыря, не полагалось, но сама жизнь скоро указала на необходимость учрежденія этой должности; въ большаки избирался обыкновенно человѣкъ почтенный, какъ по личнымъ своимъ качествамъ, такъ и по годамъ; понятно, что никогда онъ рѣшительно не могъ углядѣть за обширнымъ монастырскимъ хозяйствомъ, разбросаннымъ на всемъ пространствѣ отъ Сумы на Бѣломъ морѣ до Пигматки на Онежскомъ озерѣ, а потому на соборѣ и рѣшено было учредить прикащиковъ, сначала только въ Сумѣ и въ Пигматѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ находилось монастырское имущество. Прикащикъ могъ лишь исполнять большакову волю и безъ его благословенія не могъ предпринять ничего такого, что не было бы ему поручено большакомъ. Всѣмъ извѣстно, какъ лексинскій монастырскій прикащикъ, старица Ирина Полтева, не выдала „мамаямъ“ монастырскаго стада на Пяльмѣ. „И смѣхъ былъ мнѣ и горе!“—разсказывала большуха—княжикъ было на нее: „подай ключи отъ скотнаго двора!“ а она ему: „ключей не дамъ — берите силу“. Ворота сломали, а Аринушка только посмѣивается. Они было ей: „не смѣйся!“ а она имъ: „смѣхъ не отъ человѣка, а отъ Бога“. Выгнали они скотину, пересчитали, въ тетрадку записали, а Аринушка имъ: „всю ли взяли?“ „Всю“, говорятъ. „Ну, говорить, инъ ладно!“ отошла такъ къ лѣсочку, да и начала: „тирись, тирись! тирись, тирись!“ какъ схватятся коровки-то матушки... хвосты вверхъ, да къ ней... А она имъ, какъ прибѣжали они всѣ: „кысь!“ такъ они въ лѣсъ хлынули—только ихъ и видѣли! А Аринушка подошла да и спрашиваетъ: „все ли, говорить у васъ цѣло?“—Что тутъ послѣ было? и залилась старуха слезами... А что было? Старуху высѣкли и только. Говорятъ, она денька черезъ 2—3 померла, правда, такъ вѣдь не отъ отеческаго же наставленія ревнителей православія. Въ „старцы“ шли по своей волѣ, а такъ какъ подвижничество ихъ было крайне трудное, то большаго числа охотниковъ на поселеніе въ „старцевой“ избѣ не находилось. Въ большаковой избѣ жилъ большакъ и его послушникъ. Вправо отъ большаковой избы помѣщались раззоренныя теперь „кузнецкая“, „мѣдья“, „городничева“ и „кожевня“ — всѣ выстроенныя въ два этажа, затѣмъ келаревъ амбаръ, „бранная“, „изба Оедора“, „поварня“ и „погребъ“, двухэтажная, огромная и свѣтлая больница съ часовнею и наконецъ трехэтажная „грамотная“. Кузнецкая служила, конечно, для мѣстныхъ надобностей, тогда какъ на мѣдвѣ производились „дымила“, иконы и кресты, которые расхо-

дились потомъ по всей Россіи и даже Сибири; всѣ эти вещи даниловскаго производства крайне цѣнились по своей тщательной отдѣлкѣ и до сихъ поръ еще можно на Волгѣ тотчасъ же признать Даниловскій складень среди другихъ, продаваемыхъ старьевщиками. Въ городничевой избѣ жилъ „городничій“, который долженъ былъ заявить себя непремѣнно твердымъ въ вѣрѣ, такъ какъ ему чаще другихъ приходилось имѣть сношенія съ міромъ и потому легче было заразиться мірскимъ духомъ; чаще всего на эту должность избирали уже почтеннаго старика, который уже въ силу старости своей не могъ поддаться обаянію мірской прелести. На обязанности городничаго лежало, между прочимъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы у воротъ монастыря постоянно находился на стражѣ кто нибудь изъ сторожей, а также и содержать въ исправности постоянное сообщеніе черезъ Тихвиноборскую и Габсельгу съ Повѣнцомъ и слѣдовательно съ тѣмъ пунктомъ, откуда могла нагрянуть бѣда; тутъ, въ городѣ всегда была возможность узнать о сборахъ или о выѣздѣ начальства, при чемъ тотчасъ же отправлялся гонецъ въ Габсельгу и далѣе, дабы во время предувѣдомить братію о предстоящей бѣдѣ; конечно, при такихъ порядкахъ, не могло начальству посчастливиться накрыть богослуженіе, или что либо подобное, хотя это и не мѣшало ему все-таки брать значительную хабару и затѣмъ, накричавши, а иногда даже и надравшись вволю, возвращаться домой. Въ мірской гостинницѣ, помѣщавшейся за воротами, тамъ, гдѣ и мы остановились, городничій обязанъ былъ наблюдать за тишиною и спокойствіемъ, чтобы тѣ, которымъ разрѣшено было отъ большака остаться на ночь, не имѣли между собою „свары и мятежей“, чтобы въ гостинницѣ „никогда не раздавался смѣхъ, кошунство, брань и сквернословіе“: всякаго входящаго въ гостинницу человѣка онъ долженъ былъ спрашивать, кто онъ и, если оказывалось, что посѣтитель бѣглый, то городничему вмѣнялось въ обязанность не отказывать ему вовсе въ пріютѣ и пищѣ, но „братолюбне по обычаю препоконить и напитать, яко же и прочихъ и, тако упокоивъ ихъ съ любовію, да отпустить“. Такимъ образомъ всѣ розсказни о регулярномъ пристанодержательствѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ въ Даниловѣ сводятся къ плодамъ фантази станovýchъ и исправниковъ, такъ какъ мы видимъ, что оба эти преступленія, предусмотрѣнныя закономъ, предусматривалъ и Андрей Денисовъ и предлагалъ удалять бѣглыхъ изъ монастыря, конечно, не ночью и не тотчасъ по ихъ приходѣ въ монастырь и не голодныхъ, а поступивши съ ними такъ, какъ предписываетъ христіанское челоуѣколюбіе. Понятное дѣло, что если въ гостинницу наѣзжали такіе люди, которые благодѣтельствовали монастырю, то такихъ „питателей братскихъ и милостивцевъ“ городничему предлагалось не оставлять во виѣшной гостинницѣ а передавать во внутреннюю, верхнюю гостинницу и „покоить ихъ сколь можно и съ честію отпустить“. На его же обязанности лежало наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ во время

божественной службы, а также и за тѣмъ, чтобы братія не лѣнилась, не уклонялась отъ богослуженія и непремѣнно являлась на всякую службу въ часовню, онъ долженъ былъ знать и помнить, кто въ какой живетъ кельѣ, какъ себя ведутъ въ кельяхъ, не ссорятся ли и вообще не дѣлаютъ ли какихъ либо не идущихъ монашествующимъ дѣлъ. Само собою разумѣется, что полное воздержаніе достигалось весьма плохо, а потому практичный Андрей Денисовъ и вмѣнилъ въ обязанность городничему строго наблюдать, чтобы юные отнюдь не жили съ юными, а стараться юношей селить съ отжившими свой вѣкъ стариками. Такимъ образомъ обязанности городничаго были крайне сложны, хлопотливы и щекотливы, но кому еще болѣе дѣла было, такъ это келарю, имѣвшему особую келью при упомянутомъ нами „келаревомъ амбарѣ“. На его рукахъ лежало все внутреннее монастырское хозяйство и онъ долженъ былъ наблюдать за трапезною, хлѣбною, поваренною и больницею. Въ виду того, что монастырь обладалъ большими средствами, и келарь кормилъ братію такъ, какъ, конечно, дома не ѣсть русскій крестьянинъ, Андрей Денисовъ очень заботился о порядкахъ монастырскихъ и потому въ своихъ уложеніяхъ помѣстилъ цѣлое росписаніе яствъ на всякіе дни въ году, чуралась, какъ и подобаетъ, при „ангельскомъ житіи“ совершенно мяса. Въ воскресенье полагалось напримѣръ къ обѣду три блюда или пиши, какъ онъ выражается: „рыбники, шти и каша съ масломъ по обычаю“; къ „ужинѣ двѣ пиши: шти и млеко; а еще гдѣ ловится рыба довольно, да предлагаютъ рыбы по малу“. Все это варьируется, конечно, сообразно съ постными днями и съ „недѣльницею“, т. е. со временемъ отдыха отъ тяжелыхъ работъ, со временемъ года и наконецъ съ мѣстностью, но во всякомъ случаѣ, видимо, сытымъ быть можно, а если принять во вниманіе отпуски хлѣба вволю и молока тоже безъ мѣры, то житье въ Даниловѣ и не одному лишь какому нибудь воронежскому мужику можетъ показаться раемъ. Авторъ устава крайне былъ озабоченъ тѣмъ, что бы пища распредѣлялась пропорціонально труду, причемъ келарю вмѣнялось въ обязанность знать, кто именно изъ братій былъ на трудныхъ работахъ, чтобы дать ему лишенькаго; вообще „масла, егда полагаютъ въ каши въ братствѣ, полагаютъ въ четыре чаши по единому фунту“, но едва наступало рабочее время, какъ въ силу распоряженія Денисова, едали въ три чаши по фунту. Денисовъ терпѣть не могъ аристократизма, привилегированности и т. п., а потому даже и въ уставѣ о пищѣ мы видимъ его заботы о равенствѣ между всѣми членами братства. „Пристроекъ же стряпчихъ“, говоритъ онъ, „какъ пирожныхъ, такъ и налитунныхъ и прочихъ таковыхъ на службахъ отнюдь не стряпать, подъ опасеніемъ жестокаго запрещенія (на годъ безъ причастія); ужасающимся своевольства грѣха, по отеческому писанію, все безъ благословенія творимое грѣхъ есть; и масла въ каши на верхъ кромѣ воображенныхъ дней (упомянутыхъ выше: господскіе и храмовые празд-

ники) не полагать, а напротив того келаревы смотрѣть должно, дабы никто не имѣлъ особыхъ какихъ пищей, какъ прежде бывало, что всякій въ своемъ сосудѣ свое масло, и смѣтану, и ягоды принося, одинъ безстыдно ясть другимъ смотрящимъ“. Въ особенности славился Даниловъ умѣньемъ печь булки изъ пшеничной муки, которыя кромѣ того, что потреблялись на мѣстѣ, расходились въ огромномъ количествѣ по всей Россіи въ качествѣ благословеннаго хлѣба среди безпоповцевъ Поволжья и центральныхъ губерній. Сильно досталось Даниловцамъ за эти булки! рьяные охранители православія изъ нѣмцевъ и поляковъ, въ качествѣ станovýchъ приставовъ, въ пылу своего усердія порѣшили, что булки эти „тайное причастіе“ и пошло писать! Птели все возможное и невозможное: тутъ была и кровь ягненка, и кровь младенцевъ и другая чепуха, а того не поняли, что, чувствуя святость Данилова, русскій человекъ могъ относиться съ почтеніемъ и къ простому бѣлому хлѣбу, испеченному въ священномъ мѣстѣ, какъ почитаетъ благословенный хлѣбъ и Троицы-Сергія, Кіева и другихъ мѣстъ. Въ помощь келарю для внѣ монастырскаго хозяйства избирался урядникъ или нарядчикъ, которому были подчинены всѣ „работные люди“; онъ смотрѣлъ за земледѣліемъ плотничествомъ, ковачествомъ, рыбными ловлями, возачими, мѣльницами, скотнымъ дворомъ, а также и за всякою домовою работою. Никогда не было опредѣлено, что такіе-то изъ братіи должны заниматься такою-то работою, именно для того, чтобы не было споровъ о тяготѣ несомаго труда; на всякую особую потребу совѣтомъ старцевъ избирались особые люди изъ братіи, которые, покончивши работу, возвращались въ монастырь и прямо съ рыбной ловли могли быть назначены для сбора въ лѣсу ягодъ. Этотъ совѣтъ старцевъ, имѣвшій громадное значеніе во всѣхъ дѣлахъ монастырскихъ, состоялъ изъ духовниковъ; всѣ братья и сестры обязаны были избирать себѣ духовныхъ отцовъ, которымъ и исповѣдывали „вся сокровенная своя“ по четыре раза въ годъ; исповѣдь эта совершалась не тайно, а напротивъ того при открытыхъ дверяхъ и на виду у всѣхъ, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы рѣчей духовника и исповѣдающагося не было слышно. Понятное дѣло, что не всегда духовники отвѣчали требованіямъ монастырскаго устава и, пользуясь правомъ своимъ посѣщать женскую половину, поминутно бѣгали туда совсѣмъ для иныхъ цѣлей; уже Денисовы видѣли, что тутъ быть грѣху, а потому и постановили, чтобы „духовные отцы навѣщали постницъ по 4 раза въ годъ, а кто чаще будетъ бесѣдовать на единѣ съ постницами, кромѣ смертныя вины, повиненъ будетъ соборному запрещенію“. Конечно и это не помогало, такъ какъ цѣлый рядъ мѣръ былъ направленъ къ тому, чтобы какъ нибудь остановить сношенія братіи съ женщинами женской половины; по всѣмъ вѣроятіямъ случалось нерѣдко, что духовники то платицею, то иною обновочкою, радовали и благодарствовали своихъ духовныхъ дочерей за какія-то невѣдомыя послуги,

о которыхъ конечно они никому не рассказывали, а потому въ уложеніи Денисовыхъ мы и встрѣчаемъ правило, въ силу котораго отцы духовные не должны были слишкомъ усердно заботиться о постникахъ, о „потребахъ ихъ не промышлять, крашевинъ, суконъ и прочихъ, какъ одежныхъ, такъ и съѣстныхъ потребъ имъ не доставлять“... Какъ бы то ни было, но святые отцы все же не могли „плоть распяти со страстьми и похотьми“ и потому было время, когда большинство братіи имѣло любушекъ на женской половинѣ; конечно все это дѣлалось прикрито, но никто, собственно говоря, и не думалъ особенно строго преслѣдовать подобныя отношенія, такъ какъ всякъ понималъ, что „плоть немощна“; и даже на уложенія Денисовыхъ приходится смотрѣть лишь какъ на нѣкоторую регламентацію, которая должна была лишь отчасти обуздывать населеніе Данилова. Конечно никто не имѣлъ права „въ предѣлахъ постницъ пищи принимать и ночь провести“ кромѣ лишь соборныхъ братій, да и этимъ послѣднимъ давался совѣтъ „безвременныхъ и долгихъ бесѣдъ съ постницами особливо наединѣ весьма ошанити изъ опасенія претыканія и соблазна слабыхъ и благоразумнаго стыда церковныхъ и соборныхъ запрещеній“. Видимо постницы крайне заботили Денисовыхъ такъ какъ мы находимъ въ уложеніи ихъ цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы „соблюсти ихъ дѣвическій чинъ“, да кстати и старцевъ не ввести въ соблазнъ; благодаря такому стремленію, мы видимъ, что Денисовы предписываютъ, чтобы „одежды постницъ были простыя, изъ простаго чернаго сукна или крашенины, а китайчатыя, киндачныя, бомбарекковыя и инныя однорядчныя и яренковыя“ никогда не могутъ быть надѣваемы постницами; на головѣ онѣ должны были носить самый простой китайчатый черный треухъ. Въстѣ съ тѣмъ строго воспрещалось ношеніе „пуховъ бобровыхъ выдраныхъ и иныхъ“, а рекомендовались „шубы овчинныя, сшитыя, приличныя пустынному житію и общежительскому благочинію; у „дѣвическаго чина“ (изъ кого онъ состоялъ, мы скажемъ ниже) перевязки должны быть „черныя, смиреннаго обычая, покрывала не шелковыя, но простыя, гойтаны у одежды черныя или темно-вышневыя, а не красныя, зеленныя и желтыя“. „Кружевъ и плетеній вязьбенныхъ и прочихъ непотребныхъ украшеній“, предписывалось никому не покупать и не дѣлать самимъ. Наконецъ чтобы еще вѣрнѣе усмотрѣть за дѣвическимъ чиномъ, ихъ отпускали къ роднымъ только лишь въ сопровожденіи старой монахини, а однѣхъ предписывалось „не отпустить ни за чѣмъ на 5 ступеней отъ вратъ монастырскихъ“. Ясное дѣло, что все это нисколько не помогало и молодость брала свое, а отсюда цѣлый рядъ навѣтовъ, что Даниловъ и Лекса представляютъ собою рассадники всяческаго разврата.

Какъ въ Даниловѣ, такъ и въ Лексѣ было нѣсколько особыхъ домовъ, которые строили разные купцы, какъ для пріѣздовъ, такъ и для продолжительнаго проживанія кого нибудь изъ ихъ родни въ

монастырѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ повелось издавна, что и купечество и крестьянство отдавало своихъ дочерей на Выгъ на воспитаніе; здѣсь онѣ поступали въ такъ называемый дѣвичій чинъ и учились въ „громотныхъ“; ихъ учили шить, вязать, рисовать миниатюры на книгахъ, писать, читать и пѣть; окончивши курсъ, онѣ могли возвратиться въ родительскій домъ, такъ какъ никто ихъ не неволилъ оставаться непременно въ монастырѣ, или же могли и остаться въ монастырѣ на срокъ или на вѣчныя времена.

Посреди ограды стояла высокая колокольня съ часами, а обокъ съ нею и главная часовня, которую не захотѣли раззорить, а напротивъ того порѣшили оставить въ назиданіе, устроивши въ ней православную церковь. Тутъ то подлѣ этой часовни и происходилъ главный погромъ: тутъ и били и сѣкли, и обливали холодною водою упорствующихъ, отсюда заставили батожьемъ большака вынести ключи властямъ предержажимъ, и т. п. Около 3,000 рукописей было сожжено на площадкѣ передъ часовней этими новыми варварскими полчищами Омара; массы изрубленныхъ и исковерканныхъ иконъ подверглись той же участи, при чемъ однако драгоцѣнные камни и богатяя ризы всѣ тщательно сдирались и затѣмъ уже никогда и неявились на свѣтъ Божій. Со слезами на глазахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ разсказывалъ мнѣ старикъ большакъ объ этихъ грустныхъ и отвратительныхъ событіяхъ... Я вошелъ въ церковь; оказалось, что праздновался Ильинъ день, когда всѣ церкви въ русской землѣ ломаются отъ народа... и что же я увидѣлъ! священникъ въ рваныхъ ризахъ, какая-то теменькая личность, словно урвавшаяся изъ острога, вмѣсто дьячка, да волостной старшина—вотъ и „все вѣрніи“, которые сочли долгомъ явиться въ этотъ памятникъ православнаго варварства. Священникъ видимо сконфузился и я посѣшилъ уйти изъ этой празднующей и торжествующей свою побѣду жалкой компаніи.

— Пойдемте-ка лучше къ вамъ, Иванъ Михайловичъ! сказалъ я, выходи къ большаку.

Онъ видимо понялъ, въ какомъ я нахожусь настроеніи и пересталъ разсказывать свои ужасныя воспоминанія.

Живетъ онъ чистенько, уютно, въ двухъ небольшихъ горницахъ; запахъ ладана такъ и билъ въ носъ—вѣдь и ему приходилось справить службу на Ильинъ день. Во всей этой порядочности и чистотѣ видна была несомнѣнная женская рука, но, кромѣ его, никого не показывалось, а справляться было неудобно.

— А вѣдь вы главнаго то и не видали, сказалъ старикъ послѣ долгой бесѣды,—нашу святыньку не видали—кладбище.

Мы отправились; тутъ за избою большака начиналось кладбище, но мы направились къ выходнымъ воротамъ; я спросилъ, почему не продѣлаютъ тутъ-же калитки и услышалъ въ отвѣтъ разсказъ, который стоитъ того, чтобы передать его здѣсь. „Послѣ уже, какъ запечатали часовню, совсѣмъ было господа уже закусывать пошли, да спохва-

тился попъ, что съ ними былъ:—ахъ, говорить, самую главную ихъ заразу не порушили, могилъ ихнихъ проклятыхъ не тронули. Ужъ какво намъ это слышать было, что про наши могилки, про нашихъ святыхъ мужей такъ говорятъ, и толковать нечего; однако ничего, стоимъ себѣ: кто плачетъ, а кто губы закусилъ — кровь течетъ, а слова не молвить. Ведите, кричатъ, насъ, показывайте вашу поганую дохлятину. Словно и не люди, словно креста на нихъ нѣтъ вовсе! Показывать никто не показываетъ, а только, что и показывать, коли кладбище все на юру — само въ глаза кидается! Пришли. Тотчасъ нашли всѣ могилки: и Данилы Викулича, и Андрея и Семена Деонисьевичей.— „Понятыхъ—кричатъ—сюда съ лопатами, да чтобы соху и лошадь нарядить! сбѣгать въ поварню! эй, келарь! давай соли!“ А келарь, какъ стоялъ, такъ упалъ на земь; лежитъ ничкомъ, только кровь горломъ хлынула; толкаютъ это его ногами, чтобы всталъ, а онъ лежитъ батюшка мертвенькій — знать сердце не выстояло, лопнуло, кровью весь ликъ залило.— „Бѣгите сами въ поварню! живо!“— Кто лопаты тащить, кто лошадь нашу же, Сѣрко съ сохою ведетъ, а Сѣрко то упирается, потому что старику у насъ почетъ былъ — стоялъ больше по дряхлости своей и не только что въ соху, а коли кто изъ братіи помретъ, такъ и то его жалѣли, на немъ не возили. А они словно въ безпамятіе вошли, словно обуяло ихъ что: и пошло тутъ то, что и рассказать нельзя словами, слезами вѣкъ не выплачешь, кровью сердечною не опишешь. Плачь, вой, стонъ, крики, ругань языческая, дязгъ лопать... ума помраченье! Такъ, и не помню, что потомъ было... палъ тоже на земь отъ обмороки... Вскопали они наши могилки. вспахали ихъ сохою, посыпали то мѣсто солью и пошли тогда закусывать... Да что! всего не расскажешь! да и больно говорить-то!“ закончилъ старикъ, хватаясь за сердце. Понятно, что предусмотрительные „мамаи“, опасаясь, чтобы „преступники“ снова не стали собираться на „святыхъ могилкахъ“, тщательно заколотили калитку. ведущую изъ монастыря на кладбище и запечали ее казенными печатями... Мы вошли на кладбище со стороны р. Выга, гдѣ заборъ казенными печатями запечатанъ не былъ, а потому и могъ быть пробить калиткою или просто разобранъ. Могилы заросли травой, кладбище заглохло, но, когда мы пробрались въ часовенку, выстроенную надъ тѣлами основателей поморскаго толка вообще и Данилова въ особенности и запечатанную во время „мамаева раззоренія“, то запахъ ладана снова поразилъ мое обоняніе.— „Да развѣ здѣсь бываетъ ктонибудь?“ невольно спросилъ я большака.— „Запрещается“, уклончиво отвѣтилъ мнѣ старикъ, но суть отвѣта я прочелъ въ глазахъ его...

Вся область отъ Бѣлаго моря до Онежскаго озера кормилась Выгорѣцкими общежителствами; до сихъ поръ еще путникъ невольно поражается тою домовитостью, чистоплотностью и какъ будто даже достаткомъ, который бросается въ глаза всякому, кто впервые при-

ѣдетъ въ эти мѣста; видно тотчасъ, что человѣкъ вышелъ уже изъ состоянія дикости и слѣдовательно безразличности къ своему комфорту и обстановкѣ и старается устроить свое жилище по возможности удобно, чисто, свѣтло и просторно. Грамотность, какъ необходимое послѣдствіе принадлежности къ безоповству, дѣлала и мужчинъ и женщинъ далекими отъ разныхъ нашихъ народныхъ пороковъ и вела за собою болѣе разумное питаніе, воспитаніе и жизнь; явились здѣсь вслѣдствіе той же грамотности такіе вкусы, которые найти можно лишь среди культурныхъ людей; измѣнился взглядъ на женщину, а слѣдовательно и она могла благотѣльно вліять на подростающее поколѣніе. Тысячи народа постоянно заняты были на поляхъ Даниловскихъ, на судахъ, рыбныхъ ловляхъ и промыслахъ — все это существовало монастыремъ и имъ лишь держалось. Благодаря постоянному страху гоненія выработался въ народѣ духъ единенія, сила воли, не сломимая даже передъ смертью, бодрость духа и закаленность, которыя не останавливались ни передъ чѣмъ и вели весь край къ процвѣтанію. Въ самое цвѣтущее время Выголексинскихъ обществъ суда постоянно приходили къ Питматкѣ и отходили отъ нея нагруженныя пушнымъ товаромъ, солью и рыбою; по всему берегу Бѣлаго моря процвѣтало солевареніе и монастыри добывали ежегодно около 50 т. пудовъ соли; суда монастырскія и поморскія рыбачили и въ Бѣломъ морѣ, и въ Ледовитомъ океанѣ, били морскаго звѣря на океанѣ, зачастую заходили на Новую Землю, посѣщали для лова и боя Грумантъ (Шпицбергенъ) и, какъ усиленно свидѣтельствуютъ выголексинскіе историки, нѣсколько разъ заходили даже въ Америку. Жизнь кипѣла въ Поморѣ, пока не додумались до разрушенія монастырей, отъ чего ждали Богъ вѣсть какихъ благъ для пользы государственной. Рушили „гнѣздо бунтовщиковъ и государственныхъ ненавистниковъ“, отняли у нихъ земли, добро и деньги, ободрали ихъ образа, разхитили ихъ хозяйство, разграбили ихъ книгохранилище и, совершивъ преступное дѣло, почили въ сознаніи исполненнаго долга. А между тѣмъ, кто же эти опасные для государства люди, кто эти злоумышленники и политически вредные агитаторы? Собраніе людей, которые, до сихъ поръ еще не рѣшили доподлинно и все еще спорятъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать надпись на крестѣ: „Ω, О, Н“; одни, основываясь на свидѣтельствахъ разныхъ не менѣе ихъ досужихъ церковныхъ писателей, увѣряютъ, что три эти буквы означаютъ: „отецъ онъ нашъ“; другіе съ неменьшею стойкостью стоятъ на томъ, что слѣдуетъ читать: „оцтомъ онъ напоенъ“, а третьи наконецъ, снова вооружившись фоліантами разныхъ „боговдохновенныхъ“ писателей, которыхъ и наша церковь признаетъ таковыми, усиливаются настоять на своемъ чтеніи: „онъ оскверненъ нашими“... и видя, что ничего не выходитъ путнаго, перескакиваютъ къ подножію креста, видятъ тамъ „два глагола“ и продолжаютъ читать: „грѣхами сугубо“. Грамотные, трудолюбивые, трезвые, состоятельные, но все еще спо-

рящіе о томъ, что слѣдуетъ служить обѣдно на семи просфорахъ, только два раза повторять „алилуйю“, да и персты складывать такъ, чтобы „все человѣчество согбенно предъ Двустественнымъ Господомъ Исусомъ“ было,—неужели же это политическіе преступники и опасные для государства люди? Проповѣдники „спасительнаго труда“ и равенства передъ Богомъ обоихъ половъ, люди энергіи, силы воли, развитые (условно), предприимчивые, молящіе лишь о томъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ—не они ли грозятъ спокойствію нашего отечества?

Часто видался я съ большакомъ и спрашивалъ его про прежнія времена, про тѣ блаженные годы, когда за 3—4 сотенные билета въ годъ полиція не трогала Данилова и довольствовалась лишь не частыми наѣздами ради легенькихъ подарочковъ и приношеній, да ради интрижекъ съ красивыми лексинскими постницами и бѣлицами.— Даниловъ представлялъ собою дойную корову для всѣхъ чиновныхъ и даже не чиновныхъ людей.—„Положеніе у насъ такое было на тотъ счетъ, рассказывалъ большакъ, чтобы пріѣздовъ не ждать, а посылать дачи на домъ начальству. Окружному и 300 и 500 рублей давали, да комиссару сходило 300, да мелкимъ разнымъ—подъ тысячу; да чего уже толковать, коли лѣсничій рублей около 200 получалъ!... „Лѣсничій то за что же? изумился я.—„А какъ ты полагаешь вѣдь и онъ тоже начальство. Разъ было Степанъ Михайловичъ большакъ не хотѣлъ давать, зартачился, такъ онъ партію собралъ, цѣбью прокладываетъ, еоля ставить: „какъ разъ, говоритъ, на вашъ монастырь надо проську вести, ломайте, кричите ограду! „насилу на пятисотенной тогда помирился, а послѣ опять дачу получать сталъ. Да вотъ хотя бы горные эти, такъ одинъ ухитрился вѣдь сграбить; написалъ куда слѣдуетъ бумагу, что въ самой оградѣ должны быть руды золотыя, получилъ приказанія, пріѣхалъ, да и ну рыть вездѣ... однако, слава Богу, откупились тогда, а его въ скорости въ иное мѣсто перевели. Да всѣ брали, только развѣ мертвый не бралъ... такъ разъ даже и мертвый взялъ.“—„Какъ такъ?“—„Да такъ вотъ! Простаго народа мы никогда не чуждались, а напротивъ того привѣчали всячески простаго человѣка. Вотъ и пришелъ къ намъ разъ, Тихономъ звали; пожилъ сколько ни на есть времени, да Богу душу и отдалъ. Отпѣли мы его, похоронили и живемъ себѣ въ спокойствіи. Разъ вечеркомъ, тройка, другая, третья, весь судъ въ гости, да съ понатыми.—„Гдѣ у васъ Тихонъ Петровъ?“—„Волею, говоримъ Божіею помре“.—„Врете, кричитъ исправникъ,—вы его задушили, потому что онъ православный!“ А исправникъ то разсердивши на насъ былъ, потому онъ дочку замужъ отдавалъ и просилъ у насъ 2,000 руб. на приданое, а мы не дали. Туда, сюда—„вырывайте“, кричитъ, тѣло. Ну вырыли, несутъ его на рукахъ... „Вездѣ, кричитъ, — темно! несите его въ часовню!“ Тутъ мы уже догадались... спасибо о ту пору Зарайскій богатый купецъ на богомольѣ былъ у насъ... заплатилъ 2,000 да 1,000 руб. изъ своей казны выдалъ. Такъ, что же бы ты думалъ!—„Эхъ, говоритъ, болваны! Я Ти-

хона то еще въ наборѣ примѣтилъ ономясь, потому докторъ сказалъ, что ему всего можетъ мѣсяць жить осталось... къ вамъ его умирать нарочно послалъ... Вотъ теперь тысяченку дочкѣ моей на обзаведеньице и подарили, а то бы эта тысяченка у васъ въ кошнѣ была. Такъ-то вотъ съ насъ мертвецъ и взялъ денежки“.

Рано утромъ выѣзжалъ я изъ Данилова по Выгу на монастырской лодкѣ; гребцы истою перекрестились и мы тронулись въ путь. Большакъ стоялъ на берегу и любовно кланялся намъ, словно стариннымъ добрымъ друзьямъ и пріятелямъ... Грустно смотрѣлъ на меня Даниловъ— „Мертвый городокъ“, гдѣ такъ еще недавно кипѣла плодотворная дѣятельность.

Говорятъ, что для, такъ называемыхъ, „безвредныхъ“ сектъ русскаго раскола наступаютъ лучшія времена, говорятъ, имъ будетъ разрѣшено строить молельни и отправлять богослуженіе, какъ это не возбраняется ни магометанамъ, ни язычникамъ... Возстанетъ ли изъ развалинъ „Мертвый городокъ“, несправедливо и безчеловѣчно разрушенный въ годину преслѣдованій?

Владиміръ Майновъ.

ЭМИРЪ ТАДЪЗЪ-УЛЬ-ФЕХРЪ АБДЪ-ЭЛЬ-НИШАНЪ.

ВСЯ ПОЛЬСКАЯ интеллигенція знаетъ, кто такой былъ Эмиръ Тадъзъ-Уль-Фехръ, иначе: Графъ Вацлавъ Ржевускій, не подробно, но знаетъ. У насъ, можно сказать, не знаютъ: объ немъ ничего. Развѣ кто прочелъ Кассиду Мицкевича посвященную Козлову и переполненную всякими восточными и не вѣсть какими преувеличеніями, но полную поэзіи и читаемую съ удовольствіемъ.

Мы расскажем русскимъ читателямъ все, что намъ извѣстно объ этомъ странномъ человѣкѣ, который всему учился, много читалъ, много писалъ, чертилъ, рисовалъ, суетился, но какъ-то случилось, что изъ всего этого ничего не вышло! Вышла куча безпорядочныхъ замѣтокъ о классицизмѣ, о романтизмѣ; о встрѣчахъ съ замѣчательными и незамѣчательными лицами; о вехабитской религіи; о вѣтрѣ Самумѣ; о географіи и объ исторіи видѣнныхъ имъ мудреныхъ странъ; о бытѣ племенъ тамъ живущихъ, объ ихъ нравахъ, объ ихъ лошадяхъ, объ очень многомъ, чего не видалъ никто, замѣтокъ мѣстами дѣльныхъ и вѣрныхъ—но нигдѣ никакого числа, когда сдѣлано такое или другое наблюденіе, когда происходилъ такой или другой описанный фактъ; а если и есть кое-гдѣ указаніе на это, то самое неточное и неопредѣленное. Одинъ такой пріемъ путешественника въ веденіи своихъ записокъ заставить наблюдателя призадуматься надъ его серьезностью, характеромъ и образованіемъ. Эти замѣтки, съ большой претензіей на ученость, пересыпаны невѣроятной болтовней. Богъ знаетъ о чемъ, мечтами, бреднями, мистицизмомъ, таинственными недомолвками и самымъ дѣтскимъ самохвальствомъ. Довольно часто Ржевускій говоритъ въ своихъ „Замѣткахъ“ ¹⁾, что все неяс-

¹⁾ Эти замѣтки никогда не были изданы цѣликомъ. Ихъ двѣсти сляшкомъ листовъ въ рукописи. Все это было разсмотрѣно и разобрано поэтомъ Луціаномъ Семинскимъ и напечатано, въ выборкахъ и отрывкахъ, въ книгѣ его: *Portrety Literackie, Rozpań. 1868.* Отсюда, главнѣйшимъ образомъ, мы почерпнули матерьялъ для настоящей статьи.

ное и непонятное у него въ настоящей рукописи разъяснится, когда будутъ оглашены его „Memoires secrets sur les affaires d'Orient; но гдѣ эти „Мемуары?“ Вы, можетъ статься, подумаете, что они лежать въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, или у пріятеля, съ надписью: „распечатать въ такомъ то году“? Ничуть не бывало: они зарыты въ пещерѣ, подлѣ развалинъ, гдѣ жила лѣтомъ леди Стенгопъ, въ 1819“!! Для большей ясности прибавлено: „по лѣвую руку“.

Тамъ вырѣзанъ, на скалѣ, таинственный знакъ , не дававшій

Ржевускому всю жизнь покою. Онъ вырѣзалъ этотъ знакъ и на колоннѣ Пальмиры, и на скалахъ Набатин, и на своей саблѣ, и на своемъ бедуинскомъ копьѣ, выжегъ на бедрѣ любимаго коня, выцарапалъ на рукѣ! Собирался еще начертать на пирамидахъ, но къ сожалѣнію туда не попалъ... Пріятели его бедуины такъ часто слышали отъ него объ этомъ знакѣ, что прозвали его Невольникомъ Знака (Абдъ-Эль-Нишанъ), что ему чрезвычайно понравилось и онъ любилъ это имя больше, чѣмъ имя Тадъ-Уль-Фехра, что значитъ Вѣнчаннй Славою, близко къ его имени: Вацлавъ, Więczyśław, Вячеславъ.

Если литературные опыты не удались Ржевускому и не дали почти никакого результата, (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) то никакъ нельзя сказать того-же обо всей его жизни: изъ его долгихъ странствій по Востоку выработалось совсѣмъ другое, нежели онъ ожидалъ, выработался не историкъ, не географъ малознаемыхъ земель, не ученый путешественникъ, не дипломатъ, а просто превосходный покущикъ арабскихъ лошадей въ мѣстѣ ихъ рожденія. Никто изъ европейцевъ не купилъ у бедуиновъ такого огромнаго количества чистокровныхъ жеребцовъ и кобылъ самыхъ высокихъ породъ и такъ ловко и счастливо не переправилъ ихъ въ Европу, какъ Ржевускій. Въ этомъ онъ является истиннымъ артистомъ, одинокимъ, неподражаемымъ героемъ и бойцомъ. Покупка лошадей у арабовъ и доставка ихъ черезъ степи на европейскій корабль—дѣло весьма нешуточное. Для этого нужно не только быть знаткомъ всякихъ конскихъ расъ и имѣть хорошія средства, но и продѣлать все то, что продѣлалъ Ржевускій и притомъ продѣлать искренно, просто и съ любовью: отдаться Востоку, бедуинамъ, пустынѣ, со всѣми ихъ невыгодными для европейца условіями, всею душою и тѣломъ, выучиться хорошо по арабски, одѣться въ бедуинское платье, таскать нѣсколько лѣтъ сряду длинную бедуинскую пику, молиться по арабски, врать очень серьезно бедуинамъ всякую чепуху о своемъ происхожденіи, спать и жить съ ними въ грязи, на змѣяхъ и скорпіонахъ, ѣсть всякую дрянь, пить временами скверную воду степныхъ систернъ, мечтать невѣдомо о чемъ, о роли какого-то втораго Магомета ¹⁾.... вотъ

¹⁾ Portrety literackie, стр. 305, примѣчаніе.

что нужно. Не Ржевускому, человѣку съ меньшими физическими и нравственными силами, съ меньшей отвагой, ловкостью, находчивостью, съ меньшимъ чистосердечіемъ въ химерахъ и дикости, такіе арабскіе кони, какіе дались Ржевускому, и въ такомъ количествѣ, не дадутся ¹⁾).

Родъ Ржевускихъ выступаетъ на горизонтъ польской исторіи въ концѣ XVII вѣка. Изъ этого рода вышли ораторы, писатели и военные люди. Михаилъ Флоріанъ Ржевускій, коронный подскарбій и королевскій полковникъ, былъ товарищемъ гетмана Чарнецкаго во всѣхъ его походахъ, бился съ турками, шведами и татарами. Янъ III весьма цѣнилъ его военныя способности. Младшій сынъ его, Станиславъ Матвѣй, отличился подъ Хотинимъ, потомъ былъ посломъ въ Турціи и наконецъ, какъ полевой гетманъ, воевалъ со шведами и заслужилъ своими подвигами великую булаву. Сынъ его Вацлавъ также носилъ великую булаву. Увѣряютъ, что онъ одинъ ушелъ чистымъ изъ Тарговицкой конфедераціи... Послѣ него остался сынъ Вацлавъ-Северинъ, прижитый въ супружествѣ съ княгиней Констанціей Любомірской, и двѣ дочери.

Вотъ этотъ-то Вацлавъ-Северинъ Ржевускій и составляетъ предметъ нашего этюда. Онъ родился въ 1765 году и сначала воспитывался дома, на Волини; потомъ, послѣ третьяго раздѣла Польши, переѣхалъ съ отцомъ въ Вѣну и здѣсь докончилъ свое образованіе, учась всему: рисованью, музыкѣ, новымъ, древнимъ и восточнымъ языкамъ, а также и военнымъ наукамъ. Въ сраженіи подъ Асперномъ (21 и 22 мая н. ст. 1809 года) графъ Вацлавъ Ржевускій былъ въ рядахъ австрійскихъ Кинмайеръ-гусаровъ. Вскорѣ послѣ этого отецъ его переѣхалъ на Волинь и тамъ умеръ, въ м. Голякахъ, 1810. Сынъ отправился его хоронить. Въ 1811 году онъ очутился въ имѣніи сестры своей, по мужу графини Потоцкой. У ней гостилъ тогда бывшій турецкій адмиралъ, Рамизъ-Папа, который принималъ участіе

¹⁾ Какъ трудно доставать на востокѣ чистокровныхъ арабскихъ лошадей не только европейцамъ, но даже и арабамъ, лучше всего покажетъ слѣдующій, извѣстный мнѣ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ фактъ: Эмиръ Абдъ-Эль-Кадеръ получивъ отъ императора Наполеона III звѣзду Почетнаго Легіона (1860) и серьезное прибавленіе къ назначенному ему французскимъ правительствомъ жалованью (получалъ до 1860 года 70.000 франковъ; съ 1860 сталъ получать 100.000), хотѣлъ отблагодарить чѣмъ-нибудь его величество. Естественнѣе всего арабскому эмиру было послать императору арабскаго коня. Абдеръ-Эль-Кадеръ, живя въ Дамаскѣ и имѣя личныя сношенія съ шейхами главныхъ бедуинскихъ племенъ, кромѣ того лицо въ тѣхъ мѣстахъ весьма уважаемое и вліятельное, три года сряду искалъ такого коня! Мнѣ случилось видѣть снятую съ него фотографію: это лошадь длинная, напоминающая нашихъ донскихъ, съ чрезвычайно крѣпкимъ задомъ и прямою шеей, безъ всякаго горба. На первый взглядъ ничѣмъ непоражающая, скорѣй некрасивая, чѣмъ красивая, по общему понятію о красотѣ лошади, установившемуся въ Европѣ.

въ дворцовой революціи, при возведеніи на тронъ Султана Махмуда IV, и послѣ, по совѣту самого же султана, перебрался въ Россію и поселенъ въ Николаевѣ.

Это была первая встрѣча Вацлава съ Востокомъ, къ которому, какъ къ чему-то малоизвѣстному и таинственному, онъ чувствовалъ съ раннихъ лѣтъ неотразимое влеченіе. Рамиза-Папу поразило знаніе турецкаго и арабскаго языка въ европейской аристократіи. Онъ просилъ его пріѣхать къ нему въ Николаевъ, что Вацлавъ охотно и сдѣлалъ. Рамизъ бесѣдовалъ со своимъ гостемъ о Наполеонѣ (съ войсками котораго бился въ Египтѣ еще очень молодымъ человѣкомъ) и объ европейской политикѣ — самый любимый разговоръ всѣхъ восточныхъ. Графъ Вацлавъ выучилъ Рамиза понимать европейскія географическія карты и показалъ сдѣланную имъ для Гаммеровскаго изданія *Fundgrubendes Orients* карту Европейской Турціи. Съ этихъ поръ Рамизъ сталъ сильно уговаривать своего гостя ѣхать съ нимъ въ Турцію, говоря, что эта счастливая минута для него, Рамиза, приближается быстрыми шагами: султанъ то-и-дѣло присылаетъ ему болѣе и болѣе успокоительныя извѣстія о покореніи края и объ отношеніяхъ массы къ разнымъ нововведеніямъ. Ржевускій выразилъ полную готовность прибыть въ Константинополь, какъ только Рамизъ-Паша усядется тамъ плотно и спокойно. Но встрѣча ихъ на берегахъ Босфора не осуществилась. Рамизъ-Паша плохо рассчиталъ свой отъѣздъ на родину въ политическомъ смыслѣ: враги его и нововведеній еще далеко не уgomонились. Онъ былъ убитъ на дорогѣ, гдѣ-то подъ Бухарестомъ.

Вацлавъ (все еще состоя на службѣ австрійцевъ, въ Кинмайеръ-гусарскомъ полку) воротился, между 1812—1813 годами, въ Вѣну и всѣхъ поражалъ своими необыкновенными арабскими конями, которыхъ привелъ изъ своего волынскаго завода и на которыхъ ѣздилъ артистически. Въ особенности слава о немъ, какъ о рѣдкомъ, необываломъ ѣздокѣ и знатокѣ лошадей распространилась по Вѣнѣ при съѣздѣ туда монарховъ и ихъ министровъ на конгрессъ, въ 1815 году. По окончаніи серьезныхъ дѣлъ, стали говорить о необходимости, послѣ столькихъ компаній, уничтожившихъ цвѣтъ европейской кавалеріи и повліявшихъ на состояніе конскихъ казенныхъ и частныхъ заводовъ въ Европѣ, обновить и освѣжить тамъ коңскія породы. Кому-то изъ дипломатовъ пришло на мысль поручить это дѣло графу Вацлаву Ржевускому. Онъ получилъ приглашеніе отъ императора Александра и короля Виртембергскаго Вильгельма купить для ихъ заводовъ нѣсколько арабскихъ кобылъ и жеребцовъ чистой крови на Востокѣ. Тутъ же присоединила свою просьбу и королева Виртембергская, Екатерина Павловна, сестра императора Александра¹⁾.

¹⁾ Вотъ ея письмо къ графу Ржевускому, отъ 12-го декабря н. ст. 1817 г., когда онъ былъ уже въ Константинополѣ: „Графъ! Я узнала изъ письма надворнаго

Графъ Вацлавъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ ротмистра, отправился въ свое волынское имѣніе Саврань и оттуда выѣхалъ на Востокъ въ половинѣ 1817 года, взявъ съ собою домашняго доктора Константина Хотынецкаго, стараго слугу Мартына и нѣсколько „казакъ“; жилъ довольно долго въ Константинополѣ, сносясь съ высшими сановниками Порты, съ русскимъ посланникомъ графомъ Строгановымъ, французскимъ Деларивьеромъ и испанскимъ Гава, почему иные думаютъ, что, сверхъ покупки лошадей, онъ имѣлъ и дипломатическія порученія... Въ началѣ 1818 года, графъ поплылъ въ Сирію на большомъ парусномъ суднѣ. Минуя древнюю Трою, велѣлъ зарядить пушки и сдѣлать три залпа въ честь героя Ахилла, котораго могилу указываютъ тамъ въ одномъ мѣстѣ, на берегу моря.

Мѣстами графъ высаживался и осматривалъ все, что находилъ любопытнымъ. Никакихъ подробностей объ этомъ въ запискахъ его не сохранилось. Только видно изъ одного письма къ пріятелю, что графъ посѣтитъ островъ Патмосъ, города: Алеппо, Багдадъ, Дамаскъ, развалины Пальмиры, пустыню Нежду, гдѣ купилъ для Виртембергской королевы 14 арабскихъ кобылъ и 13 жеребцовъ Когейлановъ, которыхъ, послѣ неслыханныхъ затрудненій и опасностей, переправилъ въ Ливорно, а самъ воротился верхомъ въ Константинополь, совершивъ этотъ переѣздъ въ 13 дней. Изъ Константинополя послалъ великому князю Константину Павловичу разное бедуинское вооруженіе, сбѣла и уздечки. Послѣ отдыха въ нѣсколько мѣсяцевъ (что онъ дѣлалъ въ это время, осталось неизвѣстнымъ), Ржевускій снова пустился въ странствія по Сиріи; опять посѣтилъ Алеппо, Дамаскъ, Антиохію, Триполи, Бальбѣкъ, Акру, Пальмиру, Бейрутъ, Сайду—все это уже въ сотовариществѣ съ бедуинами племени Аназесъ. Въ это время онъ выучился основательно арабскому языку, (какъ пишетъ къ одному пріятелю въ Варшаву) владѣлъ копьемъ не хуже любого бедуина, одѣвался постоянно по-бедуински и назывался уже эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ. „Посылаю тебѣ мой портретъ въ томъ видѣ, какъ я теперь хожу, а также и портретъ моей кобылы Роваллы, на которой я догоняю газелей. Обдѣлай ихъ въ рамки и повѣсь надъ кроватью!“

соѣтника Бутенева, что вы находитесь въ Стамбулѣ и вспоминаете о встрѣчѣ нашей въ Радзивилловѣ. Бутеневъ пишетъ мнѣ, между прочимъ, что вы не сочли-бы себѣ за трудъ пріобрѣсти для меня нѣсколько арабскихъ лошадей. Вы сдѣлали-бы мнѣ этимъ величайшее одолженіе. Я чрезвычайно люблю лошадей, имѣю ихъ довольно много и стараюсь всемірно объ улучшеніи ихъ породъ. Съ давнихъ поръ я сплю и вижу обладать Когейланомъ. Утѣште меня несказанно: доставьте мнѣ Когейлана. Что именно мнѣ нужно, вамъ скажетъ Бутеневъ: переговорите съ нимъ, что купить и куда доставить. Помните только: три жеребца и три кобылы самой лучшей породы и безъ всякихъ недостатковъ. Прошу принять увѣреніе, что я сохранилъ въ памяти ваше любезное предложеніе даже и тогда, когда-бы наши планы и не осуществились. Остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ и преданностію. (подписано) Екатерина“.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь еще отрывокъ изъ письма Ржевускаго къ ориенталисту Гаммеру, писаннаго близъ того-же времени. Такия письма, какъ нѣчто безыскусственное, задушевное, гдѣ врется откровенно все и сыплются съ плеча всякія краски, — лучше всего рисуютъ характеръ человѣка:

.....„Первый томъ будетъ у меня заключать довольно любопытную вещь: бедуинскую географію. Пришлю тебѣ этотъ манускриптъ ¹⁾. Приэтомъ будетъ приложена роспись племень, съ именами эмировъ и шейховъ, которыхъ большую часть я знаю лично. Почти вся пустыня наполнена арабами-вехабитами. Я увѣренъ, что эта секта когда-нибудь одолѣетъ всѣ прочія. Въ ливанскихъ горахъ, преслѣдуя газель, я открылъ обширныя, полусасыпанная землею развалины; видно нѣсколько треснувшихъ колоннъ огромнаго діаметра. По всѣмъ вѣроятностямъ, ихъ не видѣлъ никто изъ путешественниковъ. Да и я попалъ на нихъ случайно, гонясь за газелью. Очень заинтересовала меня также одинокая колонна, въ долинѣ между Балбекомъ и Расъ-эль-Кадимомъ: что она тамъ дѣлаетъ, когда кругомъ ни города, ни храма?“

„Въ Киликіи я посѣтилъ ущелія, про которыя повѣствуетъ Квинтъ Курцій. То, гдѣ проходилъ Александръ Македонскій, называется теперь Яйла. Тамъ въ скалѣ высѣченъ алтарь и какія-то фигуры. Одному лишь случаю, что лошадь меня сбросила, обязанъ я открытіемъ этого памятника эпохи Александра Великаго. Я говорилъ ужъ объ этомъ Алибею, который два раза тамъ былъ, а ничего не видалъ. Онъ умеръ на моихъ рукахъ, неподалеку отъ Меджериды, въ пустынѣ. Подробности его смерти описаны въ моемъ Дневникѣ“.

„Все хлопочу о своихъ дѣлахъ и надѣюсь, что пойдутъ хорошо. Какъ только возвращусь въ мое имѣніе, подумаю о дальнѣйшемъ ходѣ нашего изданія Fundgruben. Оно будетъ стоять тогда несомнѣнно на твердыхъ ногахъ ²⁾ Теперешнія событія въ Азіи дадутъ ей важное значеніе. По этому не нужно пренебрегать энциклопедіей восточнаго континента. Вся заслуга моя въ томъ, что я умѣю выдерживать характеръ до конца. Я подобенъ жидкости, заключенной въ мѣха: когда ее сжимаютъ съ одной стороны, она прыснетъ съ другой. Воздухъ кажется куда легокъ, а имѣетъ тѣже свойства. Не знаю только, не лучше-ли будетъ поставить теперь на Fundgruben не мою, а какую нибудь другую фамилію? Еслибы я почувствовалъ, что я тщеславенъ, это бы убило меня. Для меня важень только успѣхъ дѣла, а чье стоять имя, мое или другое—мнѣ все равно, лишь-бы цѣль была достигнута. Пусть лучше выиграетъ общество, нежели будетъ удовлетворено самолюбіе одного частнаго человѣка... Помнишь, какъ мы подъ деревомъ въ Вейдлингѣ пришли къ мысли начать это изданіе?

¹⁾ Никогда не былъ написанъ.

²⁾ Тоже обѣщанія, некончившіяся ничѣмъ.

Мы обратились за помощью къ ученымъ трехъ частей свѣта: Марокко и Гангъ подали другъ другу руки, чтобы оказать намъ поддержку. Еще не существовало предпріятія на такую широкую руку. Это было истиннымъ моральнымъ завоеваніемъ, совершеннымъ въ Азіи. Само провидѣніе давало ему такой характеръ. Я былъ тогда на поляхъ Асперна, когда ты, осажденный въ Вѣнѣ, видѣлъ; какъ въ твою студию влетѣла граната и не лопнула! Она почтила науку!... Эти старыя воспоминанія имѣютъ для меня ни съ чѣмъ несравненное обаяніе. Побѣжай, пожалуйста, въ Вейдлингъ и навѣсти, за меня, дерево,

гдѣ мы сидѣли, и вырѣжь на немъ мой знакъ >L ; мнѣ пріятно

будетъ его потомъ отыскать. Я вырѣзалъ его на одной колоннѣ въ Пальмирѣ, на ливанскихъ кедрахъ, вырѣжу на пирамидахъ...

Изъ свѣдѣній, собранныхъ Семинскимъ, видно, что передъ отъѣздомъ въ пустыню Ржевускій заручился покровительствомъ нѣкоторыхъ высокихъ лицъ въ Дамаскъ и Алеппо, между прочимъ, Алепскаго паши Хуршида и Дамаскаго Салехъ-Паши, носившаго прозвище Эмира-Эль-Хаджи (князя поклонниковъ), такъ какъ подъ его предводительствомъ отправляется ежегодно караванъ поклонниковъ въ Мекку (ему подарено Ржевускимъ сверхъ денегъ, 24 фляжки крѣпкаго французскаго укусу), и устроивъ въ обоихъ этихъ пунктахъ обширныя конюшни, со всѣми необходимыми принадлежностями и съ соответственнымъ количествомъ конюховъ, пустился въ странствія, съ нѣсколькими туго-набитыми кошельками, или точнѣе, мѣшками со звонкой монетой, талерами и колонатами, которые были подобраны монета въ монету: арабы дурныхъ, потертыхъ денегъ не принимаютъ. Проводникомъ Ржевускаго сначала былъ всего на все одинъ бедуинскій шейхъ. Кромѣ того, въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхали довѣренныя арабы, рекомендованные пашами, съ тѣмъ, чтобы они отводили купленныхъ лошадей въ Дамаскъ, Алеппо, или другой ближайшій городъ.

Пріѣзжаютъ въ бедуинскій лагерь. Послѣ краткой церемоніи знакомства, когда начальникъ племени, куда прибыли, рѣшился принять представленнаго ему другимъ начальникомъ гостя и вышелъ ему навстрѣчу—особа послѣдняго священна для всѣхъ окружающихъ его бедуиновъ: ему нечего бояться; его и его имущества никто не тронетъ пальцемъ!—гостя ведутъ въ большой шатеръ изъ сѣрой козьей шерсти, принадлежащій начальнику племени, шейху, сажаютъ на войлочный коверъ, угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ: овечьимъ либо верблюжьимъ молокомъ; хлѣбомъ въ родѣ нашихъ зачерствѣлыхъ блиновъ низшаго сорта (хыбызъ), жирнымъ пшеничнымъ тѣстомъ желтаго цвѣта (бульгуръ), кофеемъ безъ сахару, а въ заключеніе подается непрерывно только что убитый и зажаренный особеннымъ способомъ (въ землѣ, подъ угольями изъ всякаго сора и лошадиного кала) баранъ. Лучшія его части (мясо около ногъ) предлагаютъ гостю. Если хруп-

нетъ на зубахъ у гостя песочекъ, гость не долженъ взыскивать: таковы уже всѣ жаренные бедуинскіе бараны (харуфъ). Въ теченіи этого времени, когда ѣдятъ и еще передъ ѣдой, идетъ оживленная бесѣда: „Какъ, откуда, что, зачѣмъ?“ Гость отвѣчаетъ, что ему угодно. Если же онъ вдругъ произноситъ, что „пріѣхаль-де купить лошады!“ это облетаетъ мгновенно весь лагерь. Сейчасъ-же является кто-нибудь съ лошадыю, обыкновенно никуда негодною. Сохрани васъ Богъ сказать, что она дурна: тогда все пропало! Этого послѣ уже ничѣмъ не поправишь. Искусный и бывалый попущикъ, который „знаетъ политику“ (біарефъ політика), т. е. „человѣкъ образованный“, всегда съумѣетъ найти приличную, никого не раздражающую причину, почему онъ не намѣренъ пріобрѣсть приведенную лошады: говорить, на примѣръ, что „онъ утомленъ дорогой“; просить позволенія немного осмотрѣться, отдохнуть—сидить, курить наргиле, пить кофей, болтаетъ съ бедуинами, съ шейхомъ—и вдругъ поднимаемся съ ковра и дѣлаемъ прогулку по лагерю. Шейхъ и нѣсколько его друзей непременно сопровождаютъ гостя. Тутъ, во время прогулки, опытный взоръ понимающаго дѣло попущика открываетъ, гдѣ раки зимуютъ. Онъ останавливается подлѣ замѣченнаго имъ коня и долженъ быстро опредѣлить всѣ его достоинства и рѣшить въ умѣ, чего онъ болѣе или менѣе стоитъ. Подробное разглядываніе попущикомъ облюбованнаго имъ коня, въ особенности прикосновеніе къ нему, можетъ разсердить хозяина и онъ не согласится на продажу.

„Вотъ эта лошады мнѣ нравится!“ говоритъ попущикъ: „я бы ее купилъ!“ Хозяинъ никогда не скажетъ: „что-жъ, купи, я не прочь продать!“ или: „эта лошады непродажная“. Онъ говоритъ прямо: „А что дашь?“ Надо сказать близкую цѣну къ тому, чего лошады дѣйствительно стодитъ, а никакъ не передешевить, иначе дѣло будетъ сразу испорчено. Арабъ покрутитъ только головой, когда, по его мнѣнію, предложено маловато. Попущикъ прибавляетъ. Тотъ опять крутитъ головой, пока, наконецъ, произносится настоящая цифра, ниже которой хозяинъ коня уже ничего не спуститъ. Такъ какъ лошады по большей части принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ (особенно если это кобыла), то бываетъ нужно толковать со всѣми и всѣхъ уговорить. Это требуетъ иной разъ очень много времени и терпѣнія, но то и другое у арабовъ дешево. Когда всѣ препятствія устранены, попущикъ наслушался вдоволь всевозможныхъ похвалъ о достоинствахъ покупаемаго имъ коня, объ его славныхъ подвигахъ, объ его знаменитыхъ предкахъ—наступаетъ уплата денегъ. Попущикъ садится на землю и на плащъ своемъ, не то на абѣ (шерстяной бѣлой одеждѣ съ темнокоричневыми широкими полосами. Ржевускій носилъ всегда бѣлый плащъ, а на головѣ желтый шелковый платокъ съ зелеными полосами—кефійе)—отсчитываетъ надлежащую сумму. Толпа бедуиновъ, заинтересованныхъ и не заинтересованныхъ въ продажѣ, садится кругомъ и внимательно разглядываетъ каждую монету. Иныя

монеты отбрасываются и должны быть замѣнены другими. Послѣ этого начинается считаніе—не дай Богъ, какое серьезное и трудное дѣло для араба! Тысяча штукъ талеровъ можетъ быть сосчитана не иначе, какъ въ теченіе часа. Одинъ считаетъ по пальцамъ, другой въ умѣ; вдругъ оказывается, что всѣ сбились и счетъ начинается сначала!

Въ эти торжественныя минуты покупщикъ долженъ показать продавцамъ всю свою благовоспитанность: глядѣть на все терпѣливо, не моргнуть глазомъ, не дѣлать никакихъ замѣчаній, какъ будто его тутъ и нѣтъ. Когда деньги сосчитаны и всѣ убѣждены, что ихъ именно столько, сколько нужно, берутъ коня за узду и отдають купившему. Потомъ вырываютъ у коня нѣсколько волосъ, комкомъ земли трутъ лошадь и соединивъ этотъ комокъ съ волосами, вручаютъ купцу. Все кончено! Весь лагерь уже знаетъ, что лошадь продана; всѣ собираются смотрѣть, какъ купившій проѣдется на своемъ новомъ конѣ! Это великое мгновеніе! Бѣда, если онъ плохо ѣздитъ верхомъ и не умѣетъ надлежащимъ образомъ „проплыть“ на конѣ. Его засмѣютъ, слава его въ пустынѣ на вѣки пропала. И обратно: если онъ проѣдетъ хорошо, знаетъ всѣ бедуинскіе приемы управленія конемъ, имя его пройдетъ изъ конца въ конецъ пустыни, ему легче будетъ знакомиться съ племенами и покупать у нихъ лошадей; всѣ будутъ знать, что это за человекъ и что ему не стыдно продать добро, породистаго скакуна!

Мы уже сказали, что Ржевускій былъ высшій мастеръ верховой ѣзды. Онъ завоевывалъ сердца бедуиновъ съ первыхъ-же мгновеній, какъ только садился на коня и давалъ ему волю.

Послѣ пробы надо сейчасъ-же отправить купленнаго коня въ городъ. Это дѣло трудное. Люди, этимъ занимающіеся, должны быть ловки, отважны, сообразительны. Должны умѣть дать при иной задержкѣ, если это нужно, не то пройти напроломъ, нахрапомъ, если это можно. Бываетъ, что какой-нибудь сорванецъ хватается среди улицы коня подъ узды и кричитъ, что это „его конь, украденный тогда-то бедуинами!“ Сбѣгается толпа народу, появляется полиція. Самая вѣрная система отдѣлаться отъ негодяя—дать и ему, и полиціи... Такихъ исторій съ инымъ караваномъ бываетъ нѣсколько.

Въ теченіи всѣхъ своихъ странствованій по Востоку (главнѣйшимъ образомъ въ пустынѣ Нежду), графъ Вацлавъ купилъ и переправилъ въ Европу сто тридцать семь превосходныхъ арабскихъ жеребцовъ и кобылъ, изъ которыхъ 27 досталось королевѣ Виртембергской; 3 кобылы и 5 жеребцовъ послано императору Александру; великому визирю, Дервишъ-Пашѣ, подарено 12 жеребцовъ. Остальныхъ Ржевускій взялъ для своего употребленія.

Изъ одной замѣтки Ржевускаго видно, что при королѣ Станиславѣ Августѣ было приобрѣтено для Польши довольно большое количество чистокровныхъ арабскихъ лошадей разными лицами: княземъ фельдмаршаломъ Чарторыскимъ; короннымъ хорунжимъ гра-

фомъ В. Сецкимъ; воеводой Волынскимъ, княземъ Геронимомъ Сангушкой, котораго конюшій, Мушинскій, бывалъ въ Дамаскъ, Алеппо, Гамбъ, Маррбъ, Хомсбъ и привелъ оттуда 12 жеребцовъ. Съ особеннымъ уваженіемъ графъ отзывается о высокомъ знатокѣ лошадей всякихъ расъ и несравненномъ ѣздокѣ Ободинскомъ (Obodyński), который „умѣлъ соединять съ самой высокой школой манежной ѣзды, смѣлость и ловкость управленія конемъ на восточный манеръ (do wybornej szkoły maneru łączył on smiałość i umiejętność toczenia koniem po oryentalnemu) и съ которымъ никто не могъ тягаться въ ѣздѣ изъ молодыхъ даже и тогда, когда ему было уже 84 года“.

Въ одномъ мѣстѣ пустыни Нежду (увѣряетъ Ржевускій) бедуины до такой степени восхитились его ѣздой, метаніемъ джирита и игрою пикой, что признали его за настоящаго бедуина и тутъ-то произошло возведеніе его въ степень эмира, что послѣ подтверждено еще 13-ю племенами.

— Скажи только, оттуда ты, спросили они: изъ какихъ бедуиновъ?

— Я изъ царства Искандера, падишаха полярной звѣзды, которое возникло изъ четырехъ племенъ бедуиновъ-Аназесъ, переселившихся на сѣверъ изъ пустыни Нежду двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

— Не слыхали мы никогда о такомъ царствѣ и о такомъ падишахѣ! Гдѣ-же это царство? Каковъ на видъ самъ падишахъ Искандеръ? Хороши-ли у него лошади?“

И эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ сплелъ имъ хитрую басню, пересыпанную разными восточными украшениями, серебромъ, золотомъ и бриллиантами. Повѣрили-ли ему его слушатели—ужь это ихъ дѣло...

Всякаго европейца, скитавшагося тогда по Востоку, занимала судьба таинственной пустыни Джунъ (въ трехъ часахъ отъ Сайды, древняго Сидона), леди Эсэири Стенгопъ, дочери графа Карла Стенгопа и племянницы извѣстнаго Вильяма Питта, лорда Чатама, которая оставила Европу въ 1810 году и переѣхала на постоянное житье въ Сирію. Чего-чего ни придумывали, дабы разяснить причину помѣшательства прекрасной леди на Востокъ! Обыкновенно приписываютъ это исключительной ея страсти къ молодому генералу сэру Джону-Муру, убитому въ Испаніи, подъ Корунной, 16-го января н. ст. 1809 года. Послѣ его смерти ея уже будто-бы ничто не занимало въ Европѣ, и она рѣшилась отдѣлать себя оттуда моремъ и заключиться въ остатки стараго чужеземнаго монастыря. Время смерти Джона-Муръ совпадаетъ съ началомъ сборовъ леди Стенгопъ въ дорогу и отплытіемъ...

Ламартинъ не мало прислужился извѣстности Джунской отшельницы, рассказавъ поэтически объ ея сирійскомъ житьѣ-бытьѣ въ своей книгѣ *Voyage en Orient*, которая вышла вдругъ на трехъ языкахъ: по-французски, по-нѣмецки и по-англійски.

У Ржевускаго было много общаго съ англійской проказницей: это были буквы одвой и той-же азбуки, родственные тоны, дикіе, но

любопытные для всякаго наблюдателя. Ржевускій, еще не уѣзжая на Востокъ, зналъ объ оригинальномъ отплытіи леди Эсэири отъ береговъ Англіи; онъ, этотъ необузданно-самолюбивый человѣкъ, искавшій славы, популярности, желавшій быть во всемъ оригинальнымъ—онъ очень серьезно сердился, что смѣлая женщина его предупредила, какъ-бы украла его мысль! Его еще не называли эмиромъ, а она уже была оглашена по всему отдаленному Востоку царицей Пальмиры... даже царицей!.. и прежде него надѣла тотъ эффектный востокъ, о которомъ онъ только мечталъ еще—въ Савранѣ!..

Очутившись однажды, уже въ 1819 году, неподалеку отъ лѣтней резиденціи леди Эсэири въ Ливанѣ, Ржевускій, написалъ къ ней слѣдующее:

„Благородная Эсэири! миръ тебѣ!

„Эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ Абдъ-Эль-Нишанъ, самый гордый и самый свободный изъ бедуиновъ пустыни Нежду, склоняся на просьбу арабовъ, посѣтилъ нынѣ берегъ моря—этотъ послѣдній уголокъ земли, отдѣляющій его отъ отечества и отъ всего, что ему дорого на свѣтѣ. Это приблизило его къ мѣстамъ, гдѣ ты обитаешь. Еслибы шумъ твоей славы достигъ до него въ пышныхъ чертогахъ магнатовъ, онъ объяснилъ-бы это возвышенностью твоей природы и удивленіемъ, которое ты вездѣ возбуждаешь—и прошелъ-бы мимо. Но когда дѣти природы поражаются твоими достоинствами, увлекаются твоимъ величіемъ и преклоняются передъ твоею добротою ¹⁾—я не могу одолѣть въ себѣ желанія тебя увидѣть. Нигдѣ болѣе, какъ только въ пустынѣ Нежду, я научился тебя обожать. Голосъ прямыхъ, чисто-сердечныхъ людей, вскормленныхъ свободой, зажегъ во мнѣ жажду сблизиться съ тобою, Эсэири! Я долго откладывалъ это свиданіе, единственно затѣмъ, чтобы мое имя имѣло время какъ-нибудь проникнуть къ тебѣ, а мои военные подвиги сдѣлались-бы тебѣ извѣстны: и такъ сталося! Привѣтъ мой тебѣ, Эсэири, стодитъ теперь, чтобы быть услышаннымъ. Прощай! Ожидая отвѣта у фонтана въ Сайдѣ, гдѣ стою станомъ съ моими бедуинами“.

Леди Эсэири отвѣчала по-французски. Приводимъ это письмо въ оригиналѣ, чтобы сохранить всѣ его особенности:

„Monsieur le Comte“!

„Je Vous crois un très digne Bedouin; quoique je ne suis pas encore en état de juger de toutes Vos vertus, une du moins, ne m'est pas inconnue. Les Zephires parfumés du Desert, m'ont rapporté des traits qui font honneur à votre humanité. Déjà je vous estime, et je ne puis me refuser le plaisir de faire votre connaissance, quoique j'ai été très malade, et je le suis même encore. Miserablement logée dans un Sainton Turc, je ne pourrai vous offrir qu'un mauvais tente pour

¹⁾ Леди Стенгонъ любила на Востокѣ потому, что она помогала многимъ бѣднымъ.

habitation; et je vous attendrai mercredi, espérant que vous n'êtes point difficile.

„Comme Vous aimez les chevaux, peut-être il Vous sera agréable de voir trois poulins que j'ai à Abra, le mardi. Le cheval a deux ans, la jumant pas deux ans encore, et la petite neuf mois. Un homme qui me serve, nommé Antoine Bertrand à Seyde, a l'ordre de Vous conduire, si cela Vous fait plaisir. Louis Marron mon ancien drogman, qui est en ville dans ce moment, vous présentera cette lettre, il Vous accompagnera ici, ou il Vous fournira un guide trop nécessaire dans ces mauvaises routes.

„Le caractere de la femme odieuse du Consul doit vous rendre muet sur tous les sujets, que la pluie et le beau temps. Pardonnez ces conseils; mais elle ne cherche que de faire du mal a tous le monde. Croyez M-r le Comte dans les sentiments de respect que je porte à tout homme independant et agréez ceux de mon estime.

„Hester Lucy Stanhope.

„Du Nebi de Ali El Faher.

„Dimanche le 20, 3 heures après midi.

„Le Musalem de Seyde a quelques assez beaux chevaux; c'est un bon homme, et comme Vous savez, ce ne sera pas mal, de lui faire un visite sans ceremonie, pour voir ses chevaux“. На конвертѣ: „A Monsieur le Comte Breuski à Seyde ¹⁾).

Получивъ это письмо, эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ разыскалъ въ Сайдѣ людей леди Эсэиръ и, присоединивъ ихъ къ своимъ, отправился въ

¹⁾ Переводъ: «Графъ! Я вѣрю, что вы хорошій бедуинъ. Хотя я еще не имѣла случая ознакомиться со всѣми вашими достоинствами, но знаю, что вы обладаете однимъ несомнѣнно: благоуханные зефиры пустыни доставили мнѣ свѣдѣнія о разныхъ событіяхъ, которыя дѣлають честь вашей гуманности. Я уважаю васъ и не могу отказать себѣ въ удовольствіи съ вами познакомиться, хотя только-что оправилась отъ тяжелой болѣзни. Я живу теперь въ маленькой часовнѣ и не въ состояніи предложить вамъ ничего, кромѣ немудрой палатки. Надѣюсь, что это васъ не испугаетъ и жду васъ въ среду».

«Такъ какъ вы любитель лошадей, то можетъ быть найдете не лишнимъ взглянуть во вторникъ на трехъ моихъ кобылокъ въ Абрѣ: одна двухъ лѣтъ, другая почти двухъ и девятимѣсячный жеребенокъ. Человѣкъ, находящійся у меня въ услуженіи, именемъ Антоній Бергранъ, въ Сайдѣ, получилъ приказаніе проводить васъ туда, если-бы вы этого пожелали. Старый мой драгоманъ, Людовикъ Марронъ, который теперь въ городѣ, вручить вамъ это письмо и поѣдетъ вмѣстѣ съ вами сюда, или принцезъ проводника, совершенно необходимаго въ этихъ мѣстахъ».

„Берегитесь остраго языка жены консула и не пускайтесь съ нею ни въ какіе разговоры, кромѣ развѣ о дождѣ или хорошей погодѣ. Простите, что рѣшаюсь давать вамъ совѣты. Эта женщина старается злословить всякаго“.

„Прошу вѣрять, графъ, что я всегда исполнена глубокаго уваженія къ каждому, кто умѣетъ быть независимымъ“.

„Мутесселимъ Сайды имѣетъ также нѣсколько довольно хорошихъ лошадей. Человѣкъ онъ простой и было-бы недурно, если-бы вы сдѣлали ему визитъ безъ всякой церемоніи, чтобы взглянуть на его лошадей“.

Набатію, какъ кажется не заѣзжая вовсе въ Абру. Сдѣлали приваль у одного бѣра, т. е. систерны древнихъ временъ; напились кофею, покурили наргилѣ—и снова въ путь. Черезъ три часа послѣ этого были въ Набатіи. Тутъ снова остановились у хана, т. е. у горной арабской гостинницы, опять выпили нѣсколько чашекъ кофею, покурили наргилѣ и затѣмъ, промчавшись по широкой равнинѣ, стали подниматься въ гору, по узкимъ, опаснымъ тропинкамъ. Когда очутились на верху, передъ жилищемъ отшельницы,—эмиръ по обычаю бедуиновъ, ударилъ три раза тупымъ концомъ копья въ ворота: они отворились и старый гофмейстеръ леди, Гаунахъ, поцѣловавъ полу у плаща эмира, пригласилъ его въ приготовленный для него шатеръ, отстоявшій шаговъ на двѣсти отъ дома.

Когда эмиръ слѣзъ съ коня и сѣлъ посрединѣ шатра на коверъ, одинъ изъ слугъ леди Стенгопъ сталъ мыть ему ноги, другой голову, третій держалъ тазъ съ водой передъ его лицомъ, а гость, бормоча себѣ подъ-носъ соответствующія такой минутѣ арабскія молитвы, мылъ себѣ лицо и бороду. Когда все это кончилось, Гаунахъ сказала эмиру, что госпожа ожидаетъ его въ своихъ покояхъ.

Лѣтнее жилище оригинальной пустыниці состояло изъ небольшого каменнаго домика, въ видѣ куба, съ куполомъ наверху. Тамъ было всего на все двѣ комнаты: въ одной леди Стенгопъ спала, а въ другой (гдѣ находилась гробница какого-то турецкаго святаго, чтимаго во всей окрестности)—принимала гостей. Домикъ этотъ былъ обнесенъ каменной стѣной, подлѣ которой, въ одномъ мѣстѣ, среди развалинъ неизвѣстно какой постройки, устроена была конюшня и кухня. Тутъ-же разбиты шатры для прислуги и лошадей. Видъ съ горъ превосходный. На востокъ тянется роскошная долина, омываемая рѣчкою Беквой, тою самою, что бѣжитъ подъ Бальбекомъ и замкомъ Шкифъ и, прорѣзавъ Ливанъ, впадаетъ въ море, неподалеку отъ Сура (древній Тиръ) и тамъ носить уже названіе Квазмехъ. Хребты Анти-ливана заслоняютъ лежащее за ними селеніе Хасбае, откуда, въ часы призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ, доносится временами протяжный голосъ муэззина. На югъ видѣнъ Шкифъ—черныя, печальныя развалины крестоносской эпохи. Между ними и жилищемъ леди Стенгопъ вьется довольно-широкое ущелье, соединяющееся съ долиной Беквы. Тутъ стоитъ Набатія—столица набатскаго племени, какъ говоритъ преданіе. На западѣ видишь горы Ливана, спускающіяся уступами къ Средиземному морю, котораго лазурь сливается вдаль съ небесной...

Эмиръ, разыгрывая роль самаго строгаго сына пустыни, вступилъ въ это жилище босой. Хозяйка встрѣтила его, стоя на коврѣ, положенномъ на возвышеніи въ полфута. Эмиръ сдѣлалъ „теменна“, т. е. приложилъ два пальца ко лбу, къ устамъ и къ сердцу (что значитъ: ты у меня въ мысляхъ, на устахъ и въ сердцѣ) и не забывая о своемъ достоинствѣ эмира, поднялся на ступень, гдѣ стояла Эс-

вирь, послѣ чего они, почти одновременно, сѣли на коверъ. Она нѣсколькими секундами раньше.

Леди Стенгопъ была, по описанію ея гостя, стройная женщина высокаго роста, соединявшая въ себѣ гармонически величественную важность мушны съ необыкновенною прелестью и очарованіемъ ея пола. Взглядъ ея голубыхъ, нѣсколько меланхолическихъ очей былъ весьма пріятенъ, но въ тоже время указывалъ всякому свое мѣсто. Голосъ былъ твердый, но не рѣзкій. Ведеть она разговоръ всегда серьезнымъ тономъ, но увлекательно и мило.

Одѣта она была на тотъ разъ въ бѣломъ эмирскомъ плащѣ, привезенномъ ей (какъ говорила) эмиромъ Пальмиры, Мехаунаръ-Абу-Нассеромъ, изъ путешествія его въ Каабу. На головѣ имѣла желтый бедуйскій платокъ, съ зелеными полосками, увѣнчанный сверху бѣлою чалмою.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и ничего не значащихъ вопросовъ, Эсвирь приказала дать кофей и наргилѣ, причемъ курила и сама.

— Какой вы націи? спросила она его потомъ: кажется, вы русскій?

— Нѣтъ, я полякъ, отвѣчалъ Ржевускій грустнымъ тономъ: снѣгъ несчастливой отчизны, которую судьбы лишили самостоятельности. У меня нѣтъ никого ¹⁾. Я скиталецъ міра, прибылъ сюда къ вольнымъ племенамъ подышать тою свободой, которой я въ отечествѣ не имѣю.

Съ этой минуты начался одушевленный разговоръ. Два эксцентрика сошлись. Въ первое посѣщеніе эмиръ пробылъ въ лѣтней резиденціи „Царицы Пальмиры“ только 24 часа. Потомъ пріѣхалъ опять и оставался тоже 24 часа. Въ третій разъ она удержала его у себя 17 дней. Въ этотъ послѣдній пріѣздъ, эмиръ сообщилъ леди Стенгопъ исторію всей своей жизни и скитаній. Они проводили вмѣстѣ цѣлые дни. Утромъ она являлась въ его шатрѣ и оставалась тамъ часъ или два; не то сидѣла съ гостемъ на дворѣ, подъ фиговымъ деревомъ; въ это время выводили ея лошадей, на которыхъ эмиръ иногда садился и дѣлалъ два-три круга. Вечеръ и часть ночи они бесѣдовали въ ея покояхъ. Бывали случаи, когда гость не хотѣлъ беспокоить хозяйку своимъ посѣщеніемъ и посылалъ ей престранныя записки. Она писала къ нему тоже нерѣдко. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этой оригинальной, невѣроятной корреспонденціи лицъ, жившихъ другъ отъ друга на разстояніи двухсотъ шаговъ.

¹⁾ Онъ былъ женатъ, съ 1805 года, на княгинѣ Розаліи Любомирской, дочери кіевскаго каштеляна, князя Александра Любомирскаго и Розаліи Ходкевичъ, которой голова пала въ первую французскую революцію. Дочь ея Розалія, тогда еще дитя, сидѣла вмѣстѣ съ ней въ Бастиліи, а послѣ смерти матери увезена одною родственницею въ Польшу. Вацлавъ Ржевускій почему-то недолго жилъ со своей супругой въ полномъ согласіи. Послѣдніе свои годы графиня Розалія Ржевуская провела въ Варшавѣ, слыя высшимъ правительственнымъ агентомъ.

„Многоуважаемая Эсәирь! Только-что получил твою записку, черъ Гаунаха, наполеоновскаго мамелюка. Хотя насъ раздѣляютъ только двѣсти шаговъ, но лишь въ 4 часа я могу тебя увидѣть! Не трудно мнѣ было-бы отнести этотъ отвѣтъ самому, но пусть онъ отправляется съ Гаунахомъ. Голосъ твой не прерываетъ теченія моихъ мыслей, напротивъ, въ задушевной бесѣдѣ, сердце твое и воображеніе диктуютъ тебѣ тысячи вопросовъ, которыми ты меня забрасываешь“...

„Такъ, Эсәирь! Я открылъ тебѣ всю мою душу и теперь повторю, что мною играютъ самыя необузданныя страсти. Когда-бы ты знала предметъ моихъ страданій, тогда-бы эти сморщенные брови, это задумчивое выраженіе моего лица, эта неровность характера, эти порывы — словомъ все, что тебя такъ поражаетъ во мнѣ и что хотѣла-бы ты устранить,—было-бы тебѣ понятно и ты, вмѣсто того, чтобы утѣшать меня, вмѣсто того, чтобы обращаться къ моему разуму, дабы онъ одержалъ верхъ надъ моимъ сердцемъ, говорила-бы мнѣ только объ ней и объ ней, огнемъ погашая пожаръ. Я готовъ сознаться, что ты имѣешь даръ успокоивать другихъ; чувствительность твоя бьетъ въ черъ-чуръ чувствительное сердце. Но въ томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь, утѣшеніе становится отравой, желаніе развлечь—преслѣдованіемъ. Ты требуешь, чтобы я подавилъ страсть страстью. Я люблю кидаться въ опасности; отвага моя тебѣ извѣстна... По твоему желанію пѣвцы изъ племени Ровалла пришли привѣтствовать меня въ Антидиванъ и въ своихъ „херубіяхъ“, сложенныхъ въ честь мою, пѣли, что вся пустыня полна моимъ именемъ, а дѣвицы Нѣжду смотрятъ вдаль тоскливымъ взоромъ, не возвращается-ли эмиръ Полночи, Невольникъ Знака, соперникъ Антара? Пѣли они, какъ прекрасные бедуины завидовали той, которую выражаетъ знакъ, начертанный на колоннѣ Пальмиры, повторяя припѣвъ: „Пріѣзжай, эмиръ, къ намъ, гордость нашихъ племенъ! Шааланъ тебя приглашаетъ, а лихіе наѣзтники ожидаютъ! Разбитый Вехабитъ поднялъ голову!“ Имъ казалось, что они поютъ про героя пустыни, а это былъ только несчастливый изгнанникъ! Ихъ похвалы не трогали меня, напротивъ, горько отравляли мое сердце, возбуждая въ немъ страстное сожалѣніе о той, которую восхваляли они въ пѣсняхъ. Для нея только, для нея одной выношу я терпѣливо это изгнаніе. Для нея наполняю эту страну ничтожества моимъ рыцарскимъ страданіемъ. Арабы это угадываютъ. Въ пѣсняхъ ихъ я увидѣлъ, Эсәирь, твою заботливость обо мнѣ. Ты хотѣла, чтобы я загорѣлся страстью къ славѣ, между тѣмъ, ты противопоставила страсть бурную, быстро вспыхивающую страсти долгой, всеобъемлющей. Спасибо и за то. Но гдѣ найти мнѣ такую страсть, которая бы могла побѣдить ту, что меня пожираетъ?“...

Довольно много такой чепухи должна была перечитать „Царица Пальмиры“ въ послѣднее посѣщеніе эмиромъ ея лѣтней резиденціи, близъ Набатіи. Въ послѣдніе дни, можетъ быть за недѣлю до отъѣзда эмира, случилось еще нѣчто болѣе странное, чѣмъ подобныя излія-

ніа пятидесятилѣтняго селадона передъ умною, тонкою и превосходно образованною европейскою женщиною, которая писывала очень серьезныя бумаги для дяди своего, лорда Чатама. Она стала нравиться эксцентрическому гостю! Онъ какъ будто-бы отыскалъ страсть, которая должна была побѣдить старыя воспоминанія, всѣ эти напущенныя имъ на себя нелѣпости и знаки.

Вотъ что онъ написалъ однажды леди Эсэири:

„Ты бываешь недовольна (въ особенности была вчера) алчнымъ выраженіемъ моего лица. Точно, я бываю иногда не слишкомъ привлекателенъ. Тебя раздражаетъ моя порывистость—и ты права... часто хватаю я тебя за руку, жму ее страстно и даже рву“...

Въ другомъ письмѣ находятся такіа строки:

„... прижимая твою руку къ распаленнымъ устамъ, или, упавъ къ твоимъ ногамъ, повторяю сладостныя клятвы и увѣренія—ты имъ внемлешь... Или читаю тебѣ книгу, въ которой кажется все вдохновлено тобою, или продиктовано мною; каждый стихъ рисуетъ тебя; вижу тебя въ каждой мысли автора. Виргилій думалъ для меня, Делиль—для тебя: почему-же бы Жанъ-Жаку Руссо не писать для насъ обоихъ?.. Приближается часъ музыки: сажусь около тебя—Ахиллесъ въ припадкѣ любви! Очи горятъ страстію. Смотрю на тебя—и меня осѣняетъ блескъ славы! Отчизна отмищена—тобою! Я ея освободитель; ты моя награда!.. Пою и твой звучный голосъ вторитъ мнѣ. Люблю и не теряю надежды!“...

„Эсэири! Не есть-ли ты для меня тотъ индійскій бриліантъ, случайно найденный, котораго двѣнадцать вѣковъ искали напрасно?“

„Солнце стало надъ башней развалинъ. Съ минаретовъ Хазбан несется голосъ муэззина. Почему-же ты не зовешь меня къ себѣ?.. Сжался надъ моими муками... позволь придти!“

Отвѣтъ:

„Любезный эмиръ! Ты хотѣлъ видѣть меня позже, нежели мы видимся обыкновенно. Нельзя. Запрещаю тебѣ. Эсэири“.

Ниже четыре буквы: T. S. V. P. и приписка на другой сторонѣ: „Ты не долженъ приходить ко мнѣ. Въмѣсто этого я приду къ тебѣ въ 5 часовъ. Поговоримъ объ ней по дружески. Уступаю твоему желанію. Жди меня и будь послушенъ!“

Однажды ливанская кокетка (которой было въ это время тоже не мало лѣтъ: 43), вѣроятно довольная тѣмъ, что никакъ неожиданно наложила цѣпи на „самаго гордаго и самаго свободнаго бедуина пустыни Нежду“ сказала ему шутя: „allons à la Meillerie! ¹⁾“.

Но вскорѣ, сообразивъ свое положеніе, роль, которую играла на Востокѣ, славу, которую имѣла—славу существа, чуждаго всему земному, чистаго и недоступнаго—она просила Ржевускаго оставить ее

¹⁾ Названіе скалъ надъ Женевскимъ озеромъ, гдѣ Руссо мечталъ о своей Юліи.

въ покоѣ и больше не приѣзжать... Онъ отправился въ Дамаскъ, потомъ въ Алеппо, гдѣ въ то время готовилось возстаніе противъ правительства—и вспыхнуло 21 октября н. с. 1819 года. Двусмысленная роль, которую вздумалъ играть въ городѣ Ржевускій, едва не обошлась ему очень дорого. Онъ насилу спасся и счелъ послѣ этого неудобнымъ продолжать свои скитанія по Востоку. Въ февралѣ 1820 года онъ переправилъ въ Европу послѣднихъ купленныхъ имъ въ Нежду лошадей, а затѣмъ отправился восвояси и самъ.

Появленіе его на Волыни, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитанія, послѣ такихъ невѣроятныхъ приключеній и подвиговъ, произвело страшный шумъ. Помѣщики стали съѣзжаться со всѣхъ стороны слушать его занимательные рассказы, любоваться его рѣдкими лошадьми, его Когейланами, которымъ не было равныхъ въ Европѣ, которымъ могли завидовать всѣ коронованныя особы, всѣ богачи. Разумѣется, графъ оставилъ у себя „сливки“ всего того, что купилъ. Бывали случаи, что онъ приказывалъ осѣдлатъ нѣсколько Когейлановъ по-бедуински, надѣвалъ костюмъ эмира, а своихъ „казаковъ“ наряжалъ бедуинами—и пускался по степямъ къ кому-нибудь изъ пріятелей сосѣдей, вспоминая степи Нежду. Для того, къ кому наѣзжали „бедуины“ было это сущимъ праздникомъ. Стекалось много народу. Кутили нѣсколько дней сряду... Но такому безмятежному препровожденію времени долженъ былъ внезапно, въ одно прекрасное утро, наступить конецъ. Страшныя имѣнія Ржевускихъ, приведенныя въ разстройство отчасти путешествіями графа Вацлава, отчасти неумѣреннымъ бросаніемъ денегъ за границей его матерью, гетманшей, и наконецъ такимъ-же поведеніемъ двухъ его сестеръ, графинь Потоцкой и Вальдшейнъ,—взяты были казною въ опеку, для успокоенія кредиторовъ, подавшихъ ко взысканію многое множество векселей. Для бывшаго эмира, который привыкъ до сихъ поръ ни въ чемъ себѣ не отказывать, наступили черные дни: не на что было содержать въ надлежащемъ блескѣ и въ холѣ дивное, единственное въ Европѣ стадо Когейлановъ и другихъ арабскихъ коней, стоившихъ ему очень дорого; не чѣмъ было кормить праздныхъ и ни къ чему не способныхъ „казаковъ“, которые, такъ-ли, не такъ-ли, раздѣляли съ нимъ всѣ радости и невзгоды въ пустынѣ Нежду, въ Пальмирѣ и... Богъ знаетъ гдѣ. Какъ это всегда бываетъ въ жизни: богатъ ты, кормишь весь околотокъ— всѣ дрожать передъ тобою и гнутся. Обѣднѣлъ—вчерашніе твои лизоблюды бросаютъ въ тебя грязью, смѣются и издѣваются надъ тобою. Было конечно множество завистниковъ у графа Вацлава, который, не смотря на всѣ свои странности и недостатки, все таки стоялъ неизмѣримо выше многихъ, очень многихъ подолянъ, его богатыхъ и не богатыхъ сосѣдей. Можетъ быть онъ, вовсе не желая обидѣть, обижалъ иныхъ просто-за-просто нечаянно, словомъ, взглядомъ... мало-ли чѣмъ иногда обижается маленькій человѣкъ, поставленный судьбою въ необходимость цѣлый вѣкъ, что бы ни дѣлалъ, сколько-бы

ни хлопоталъ и какіе-бы таланты ни признавалъ за собою—держаться въ заднихъ рядахъ, не смѣть открыть ротъ во всю его ширь.

Въ числѣ такихъ обиженныхъ оказался Савранскій плебанъ Коморницкій. Графъ Вацлавъ, не имѣя никакой религіи и принадлежа столько-же къ христіанству, сколько и къ магометанству, просто-запросто не зналъ, что есть какой-то католическій плебанъ въ Савранѣ, его главномъ имѣніи, гдѣ онъ болѣе жилъ. Еще менѣе онъ зналъ, что плебанъ—поэтъ, сатирикъ, Савранскій Ювеналь. Покамѣстъ для этого плебана графъ Вацлавъ было все: послѣдній судія, государь и власть, которая могла его каждую минуту прогнать, скрутить въ бараній рогъ—онъ сидѣлъ у себя въ плебаніи тихо. Хотя панъ и не зналъ, или почти не зналъ объ его существованіи, всетаки кое-какія крохи, черезъ управляющаго, и другими путями, падали къ нему съ пышной панской трапезы... Когда-же все измѣнилось и пану пришлось измѣнить размахистыя порядки, запереться и вести другую, довольно-пустную жизнь; когда онъ въ своемъ имѣніи уже не былъ тѣмъ паномъ, какимъ былъ прежде, полнымъ властелиномъ всего,—плебанъ вспомнилъ что-то изъ своего горькаго прошедшаго—и вдругъ накаталъ на графа стихи, гдѣ описывались, въ юмористическомъ духѣ, всѣ его странствія по Востоку. Такіе стихи быстро распространяются: ихъ скоро стала читать вся Подольская губернія, а потомъ и сосѣднія, малороссійскія: стихи были написаны на малороссійскомъ языкѣ.

„Самый гордый бедуинъ пустыни Нежду“ старался не слышать этихъ воровнихъ криковъ, этихъ сравненій его съ Донъ-Кихотомъ, и любимаго казака его Сокола—съ Сапхо-Пансой... онъ взялся за перо, сначала писалъ по-французски—разныя воспоминанія изъ своихъ странствій, потомъ сталъ переводить это по-польски, набросалъ нѣсколько вылыхъ, вычурныхъ стихотвореній—безъ римъ, съ которыми онъ не ладилъ во всю жизнь... Въ заключеніе явилась цѣлая поэма Оксана, подражаніе Байрону. Собраніе всего этого и составляетъ ту большую рукопись, о которой мы сказали выше и которую имѣлъ въ своихъ рукахъ Семинскій.

Въ одномъ мѣстѣ прозаическихъ замѣтокъ того, тяжелаго времени, Ржевускій восклицаетъ: „Боже! дай мнѣ воротиться въ пустыню! Когда я увижу тебя, мой милый Нежду? Твое убожество для меня выше всякой княжеской пышности; взоръ теряется тамъ въ безпредѣльности; воображеніе не знаетъ границъ; свобода тамъ не шутка, доблесть не обманъ!..“

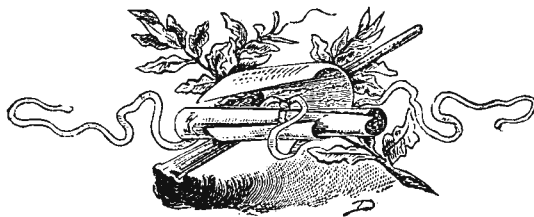
Въ 1830 году Ржевускій (какъ и многіе другіе поляки тѣхъ мѣстъ) бросилъ свое захолустье, которое часъ-отъ-часу стало дѣлаться ему противнѣе и ненавистнѣе, вслѣдствіе того положенія дѣлъ, о какомъ мы упомянули выше—и очутился, съ нѣсколькими своими „казаками“ на полѣ брани. Ничего опредѣленнаго не извѣстно объ его повстанской службѣ и подвигахъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, 1831 года, послѣ дѣла подъ Дашовымъ, онъ пропалъ безъ вѣсти и до сихъ поръ никто

хорошо не знаетъ, что съ нимъ случилось. Сочинялись разныя легенды, одна нелѣпѣе другой. Поляки привыкли вѣрить въ сказаніе, будто бы графа Вацлава убили гдѣ-то въ степи подкупленный русскимъ правительствомъ казакъ — изъ его Савранскихъ, которыхъ онъ рядилъ когда-то бедуинами... Нѣсколько поэтовъ написали въ честь погибшаго безъ вѣсти, знаменитаго соотечественника, стихи. Нечего говорить, что лучшіе принадлежатъ перу Мицкевича (Fagys). Самые странныя и невѣроятныя по заключенію, хотя и благозвучныя—оставлены на память вѣкамъ, къ удивленію, вторымъ польскимъ поэтомъ, Юліемъ Словацкимъ. Чтобы намъ повѣрили, что такіе странныя по содержанію стихи дѣйствительно существуютъ, приводимъ подлинникъ:

A w Moskwie z dział bito na górze Pokłonnej
 J Miasto się tvzęślo od piesni stuzwonnej...
 Cieszyt się Car Ruski, że Emir Rzewuski
 W stepowym spi cicho kurhanie...

И пушки съ горы загремѣли Поклонной:
 Москва всколыхалась отъ пѣсни стозвонной...
 Тѣшился Царь Русскій, что эмиръ Ржевускій
 Почилъ подъ могильнымъ курганомъ.

Н. Вергъ.

СИМБИРСКІЕ ЮРОДИВЫЕ,

ВЪ СТАРОЕ время на Руси юродивые пользовались всюду большимъ почетомъ и часто имѣли историческое значеніе по своимъ умнымъ дѣйствіямъ, замысловатымъ и тонкимъ разсужденіямъ. Вліяніе этихъ людей на общество обусловливалось нерѣдко ихъ сатирическими выходками, или колкими, таинственными замѣчаніями и намеками, гдѣ прямая и открытая рѣчь обличенія была невозможна. Прикидываясь лицами, ничего не понимающими, они иногда затмѣвали умомъ и практичностью сильныхъ правителей и книжниковъ, давали совѣты и правоученія незамѣтно и мимоходомъ. Понятно, что уваженіе къ нимъ основывалось на вѣрѣ въ изреченіе св. писанія: Господь умудряетъ младенцы, воодушевляетъ ихъ высокой силой, какъ древнихъ пророковъ; слава и сказанія объ этихъ учителяхъ нравственности разносилась быстро по всей Россіи, какъ о людямъ, надѣленнымъ даромъ прозорливости.

Видя почетъ и уваженіе, а главное—матеріальное обезпеченіе, недобросовѣстные люди издавна прикидывались юродивыми и являлись въ родѣ шайки дармоѣдовъ по разнымъ русскимъ областямъ. При глубокой религіозности народа, пожива имъ была хорошая и выгода постояннаго обезпеченія въ жизни безъ всякихъ заботъ и хлопотъ. Но это злоупотребленіе замѣчено было давно, и духовнымъ и свѣтскимъ правительствомъ, которое старалось сильно преслѣдовать мнимыхъ юродивыхъ, выставляя ихъ обманные наружные признаки, какъ они бродятъ съ растрепанными волосами, искусственно трясутся и проч. Но такъ какъ потребность въ блаженныхъ долгое время оставалась въ народѣ, который не могъ различать истинныхъ юродивыхъ отъ ложныхъ, то и предостереженія правительственныя не имѣли силы и вліянія.

Исконнымъ уваженіемъ русскихъ людей къ юродивымъ отлично воспользовались раскольники, когда настало время гоненія на ихъ ученіе. Извѣстно, что протопопъ Аввакумъ, призванный на соборный судъ восточныхъ патріарховъ, растянулся на полу и сказалъ: „ну вотъ вы посидите, а я полежу...“ Когда стали глумиться патріархи надъ невѣжествомъ протопопа, онъ отвѣчалъ имъ: „да, мы—юроди Христа ради!“ Тоже повторяли послѣдователи Аввакума и, подъ прикрытіемъ юродства и простоты, распространяли по Россіи старую вѣру. Женщины съ растрепанными волосами проповѣдывали, что имъ являлась св. Пятница и заповѣдала табаки не пити; мужчины въ смиренномъ жалкомъ образѣ достигали своихъ цѣлей весьма удобно, огражденные отъ поимки именемъ юродства, хотя не всегда и они спасались. Такъ въ 1718 году ходилъ въ Поволжьѣ Василій Пчелка и „подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ“, по словамъ тогдашняго нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго ¹⁾. Въ царствованіе Елизаветы Петровны явился проповѣдникомъ секты „Людей Божіихъ“ Андрей Петровъ юродивый, считавшійся лжехристомъ; по слѣдствію 1745 г. Андрей юродивый со многими послѣдователями сосланы были на каторгу. (По всей вѣроятности этотъ юродивый Андреюшка оказался впоследствии Кондратій Селивановъ—глава и распространитель скопческой секты).

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ симбирской губерніи былъ особенно-сильный урожай на юродивыхъ, которые бродили большею частью съ цѣлю распространенія раскольничьихъ ученій. Другіе, впрочемъ, прикидывались блаженными, чтобы ради мнимой святости, добывать безбѣдное существованіе, безъ всякаго труда и работы. Третьи, наконецъ, дѣйствительно скорбные главой отъ природы, бродили по міру, какъ нищіе и лишніе члены общества. Всѣ они внушали населенію суевѣрный страхъ и почтеніе; имъ приписывали разныя необычайныя силы духовныя, особенно даръ предвидѣнія и предсказанія будущаго; каждое дѣйствіе, жестъ, слово, или мычаніе, непременно старались считать не простымъ явленіемъ, а знакомъ таинственнаго выраженія глагола Божія, и это—не одни простолюдины, а и помѣщики.

Многіе изъ расколоучителей симбирской губерніи скитались подъ личиною юродства и старались распространять свои убѣжденія въ народной массѣ. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія жилъ въ Симбирскѣ мѣщанинъ Кочуевъ, который считался Божьимъ чело-вѣкомъ, хотя былъ раскольничьимъ начетчикомъ. Какъ уроженецъ г. Горбатова, нижегородской губерніи, онъ сначала попустилъ въ прикащики къ макарьевскому купцу Олонцеву, который отправилъ его по торговымъ дѣламъ въ Астрахань. Недолго удалось ему пожить тамъ спокойно; за распространеніе раскола и за неимѣніе паспорта,

¹⁾ Раскол. дѣла XVIII стол. Есипова. II, въ приложеніи 195.

Кочуева хотѣли взять подъ карауль, но онъ успѣлъ убѣжать вверхъ по Волгѣ. Поселившись въ Жигулевскихъ горлишахъ, онъ старался показывать строгую отшельническую жизнь и прикинулся совершеннымъ молчальникомъ. Сперва неожиданное появленіе чуднаго затворника пещернаго поразило рыбаковъ, которые, въ знакъ любви и привязанности къ нему, доставляли свѣжей рыбы; потомъ распространившаяся молва стала привлекать къ нему много посѣтителей изъ раскольниковъ, приносившихъ ему посильныя подаянія. Наконецъ слава объ отшельникѣ пошла далеко, какъ о святомъ угодникѣ, и раскольники начали толпами стекаться со всѣхъ окрестныхъ сторонъ въ его пещеру; самую воду родника, находившагося недалеко отъ помѣщенія Кочуева, они считали священной и пили ее для исцѣленія разныхъ недуговъ. Симбирскіе коноводы раскольниковъ Валдышевы постарались вывезти его изъ Жигулевскихъ горъ, помѣстили въ своемъ домѣ и окружили доволствомъ и почетомъ. Юродивый все выдерживалъ свою задачу молчальника при всѣхъ, исключая одной дѣвицы, съ которой завелъ любовную связь; отношенія ихъ взаимныя были открыты, когда подслушали тайный разговоръ молчальника съ дѣвицей и поняли, что она беременна. Тогда отъ непріятностей Кочуевъ убѣжалъ къ старцамъ иргизскаго монастыря и потомъ поселился въ Москвѣ. Онъ собралъ много рукописей и старыхъ книгъ, сдѣлался виднымъ человѣкомъ между раскольниками московскими и утверждаютъ, будто онъ первый подалъ мысль учредить іерархію старообрядческую и искать архіереевъ (послѣ 1830 г.).

Другой замѣчательный юродивый Павель, проповѣдникъ мистической секты „Людей Божіихъ“, происходилъ изъ г. Алатыря; онъ извѣстенъ былъ всюду подъ названіемъ „дядя домой“, потому что ничего не говорилъ, кромѣ этихъ словъ, притворяясь нѣмымъ. Когда было ему еще 20 лѣтъ, онъ скрылся изъ дома родителей и черезъ два года явился опять въ Алатырь, но уже совершенно въ другомъ видѣ! сталъ онъ ходить босымъ и зимой и лѣтомъ, носилъ легкое и длинное до пятъ полукафтанье, которое не перемѣнялъ круглый годъ: высокаго роста и красивой наружности, онъ распускалъ свои длинные волосы по плечамъ и никогда не покрывалъ головы; въ рукахъ онъ держалъ высокую палку, на верху которой навязаны были разноцвѣтныя ленты, и каждому встрѣчному выкрикивалъ одно и тоже: дядя домой! Такъ онъ всегда держалъ себя съ лицами незнакомыми, а кто принималъ его съ усердіемъ и кому онъ довѣрялъ, тѣхъ удостоивалъ своей тайной бесѣды, клонившейся къ распространенію раскола. Когда давали ему серебряныя деньги, онъ спокойно клалъ ихъ въ карманъ, а мѣдныя или совсѣмъ не бралъ въ руки, или же взявъ ихъ бросалъ въ сторону. Своимъ наружнымъ благочестіемъ Павель расположилъ къ себѣ сперва нѣкоторыхъ купцовъ г. Алатыря, а потомъ населеніе г. Симбирска, гдѣ появленіе его приводило жителей въ удивленіе, а бырыни и купчихи были отъ него безъ ума. Онъ по-

стоянно расхаживаль по селамъ, въ которыхъ признавали его не только блаженнымъ, но и настоящимъ святымъ; эти посѣщенія увеличивали число его приверженцевъ и подражателей; вскорѣ появились между крестьянами такіе же блаженные, босые и нѣмые, какъ и Павелъ, только съ другими причудами.

Въ селѣ Стемасѣ „дядя домой“ навѣщаль часто домъ одного зажиточнаго крестьянина, у котораго былъ сынъ Ѳедоръ, парень лѣтъ 16-ти, сильно привязавшійся къ юродивому и раздѣлявшій образъ его мыслей. Въ 17 лѣтъ онъ началъ только учиться грамотѣ и скоро сталъ читать по славянскимъ книгамъ и писать полууставомъ. Страсть его къ чтенію славянскихъ книгъ до такой степени была сильна, что онъ носилъ съ собой ихъ въ поле на сѣнокосъ и другія занятія крестьянскія; пока отдыхали послѣ обѣда отъ трудовъ другіе, Ѳедоръ бралъ книгу, садился читать до тѣхъ поръ, пока позовутъ его опять на работу. Работа ли ему наскучила, или, можетъ быть, сильно желалъ онъ учиться, только вдругъ ускользнулъ изъ села и неизвѣстно куда скрылся. Черезъ годъ стемасскіе крестьяне увидали его въ лѣсу, верстъ за 20 отъ села, вмѣстѣ съ Павломъ и другимъ юродивымъ бродягою изъ г. Алатыря; сидѣли они втроемъ на полянѣ и разговаривали между собой, но увидѣвъ людей, разбѣжались въ разныя стороны. Спустя немного времени, всѣ они явились въ село Стемасъ: Павелъ въ своемъ подрясникѣ, а Ѳедоръ и алатырскій бѣглець въ однихъ длинныхъ рубашкахъ и босые. Въ разныхъ домахъ этого села и сосѣдняго Иванькова они привлекли къ себѣ многихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя стали называться старицами, ходить въ черномъ одѣяніи и обязывались не вступать въ супружество. По вечерамъ молодые парни и юныя старицы сходились въ одну избу, гдѣ учили ихъ юродивые читать по славянски, писать и пѣть различные духовные стихи. Въ собраніяхъ участвовали только посвященные личности, которыя вообще усердно посѣщали храмы, отличались внѣшней религіозностью, но мало уважали иконы и церковные обряды, имѣя свой взглядъ на вѣру христіанскую. Сходбища, устраиваемыя по разнымъ селамъ юродивыми, продолжались не одинъ годъ и послѣдователей ихъ ученія прибывало болѣе и болѣе; не однѣ сельскія дѣвицы попадались имъ въ ловушку, но иногда и образованныя барышни.

Въ г. Алатырѣ жила тогда дѣвица благородныхъ и набожныхъ родителей, только что окончившая курсъ въ смольномъ институтѣ; въ домъ къ нимъ заходилъ нѣмой юродивый, молодой и красивый мужчина лѣтъ 25; ему подавали всегда угощеніе и надѣляли деньгами. Однажды, во время закуски юродиваго, институтка осталась съ нимъ вдвоемъ въ комнатѣ и любовалась его выразительной фізіономіей, роскошными волосами и атлетической фигурой; вдругъ нѣмой юродивый обратился къ ней съ рѣчью на отличномъ французскомъ языкѣ.

„Вотъ по вашимъ святымъ, чистымъ и дѣвственнымъ молитвамъ сказалъ онъ, Господь не только развязалъ мнѣ языкъ, но и надѣлилъ разумомъ и даромъ разныхъ глаголовъ“... Потомъ сталъ говорить по русски очень умно и краснорѣчиво, но просилъ никому не сообщать объ этой благодати.

Отъ величайшаго изумленія институтка разинула ротъ и не могла вымолвить слова, точно сама превратилась въ нѣмую юродивую. Такъ поразило ее неожиданное чудное явленіе! Послѣ этого чаще и чаще навѣщала институтку загадочный молодой человѣкъ, говорилъ съ ней одинъ на одинъ по французски о возвышенныхъ божественныхъ предметахъ въ мистическомъ направленіи, а при другихъ молчалъ. Живыя таинственныя рѣчи о любви Христовой, объ олицетвореніи между людьми царства Божія на землѣ и о пребываніи св. Духа внутри человѣка воспламенили молодую дѣвушку до того, что она стала раздѣлять съ мнимымъ юродивымъ любовь земную... Эта связь тянулась недолго: нѣмало юродиваго арестовали за распространеніе секты „Людей Божіихъ“ и за побѣгъ отъ симбирскаго помѣщика изъ Парижа, гдѣ онъ жилъ болѣе пяти лѣтъ помощникомъ повара. Такое неожиданное открытіе для нервной и гордой барышни оказалось подавляющимъ и она тотчасъ отравилась, можетъ быть, особенно по тому, что чувствовала плодъ чрева своего ¹⁾).

Появлялось много и другихъ юродивыхъ въ Симбирской губерніи, которые разносили сектантское ученіе разныхъ направленій по селамъ и городамъ, прикрываясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Изъ нихъ можно упомянуть объ Ильѣ Герасимовѣ, помѣщикомъ крестьянинѣ села Арской слободы; сначала онъ прикинулся больнымъ, потомъ сталъ юродствовать, ходилъ въ длинной рубахѣ и босой. Воспользовавшись уваженіемъ крестьянъ, онъ весьма удачно совращалъ въ поморское согласіе довѣрчивыхъ лицъ ²⁾).

Извѣстный членъ св. Синода, архіепископъ симбирскій Θεодотій, принималъ охотно юродивыхъ, конечно, не по суевѣрному расположенію къ нимъ, а скорѣе съ прямой цѣлью развѣдать—не скрывается ли обманъ или мошенничество подъ видомъ природной простоты. Заходилъ къ нему иногда и „дядя домой“; видимо владыка не довѣрялъ ему и считалъ его юродство притворнымъ. Онъ разспрашивалъ его и убѣждалъ бросить напускную блажь и ожидалъ не проговорится ли онъ; но Павелъ отлично выучилъ роль свою и только твердилъ: „дядя домой!“ Преосвященный предостерегалъ его: „Смотри не улети домой по широкой дорогѣ въ Сибирь!...“ Но тотъ совсѣмъ не смущался подобными предупрежденіями и повторялъ только все выше тономъ: „дядя домой!...“

¹⁾ Этотъ разсказъ объ институткѣ я слышалъ отъ алтайскаго доктора В. В. Преображенскаго.

²⁾ Правосл. Собесѣдн. 1877 г. I, 46—49.

Предсказаніе преосвященнаго, однако, оправдалось, хотя и не въ томъ видѣ, въ какомъ выражено: увеличеніе сектантовъ и формирование ихъ кружковъ около юродивыхъ обратило вниманіе священниковъ и мѣстныхъ властей. Начались секретныя дознанія и обыски, которые обнаружили настоящія ихъ цѣли и стремленія; полиція отыскала въ глухомъ лѣсу около озера и келью Павла съ секретными подземными ходами. Говорятъ, когда полицейскій пришелъ къ запертой кельѣ Павла, ведя его съ собою, онъ сказалъ; „Дядя домой!.. Получишь за это 500 рублей“... Но тотъ отвѣчалъ, что теперь уже поздно, и напелъ у него спрятанными въ кельѣ много денегъ и серебряной посуды и все это отобралъ. На слѣдствіи онъ чисто-сердечно покаялся во всѣхъ своихъ похищеніяхъ и далъ подписку— впредь не юродствовать и не посѣщать собраній кружковъ, имъ основанныхъ, члены которыхъ разбрелись безъ обожаемаго своего наставника.

Притворныхъ юродивыхъ изъ за наживы появлялось въ г. Симбирскѣ весьма много, когда приносили туда чудотворную икону Божіей Матери и отправляли обратно изъ города въ Жадовскую пустынь. Этотъ классъ искусниковъ юродивыхъ самый омерзительный: одинъ выворачиваетъ глаза дикимъ образомъ, другой корчитъ ротъ въ пядю, третій судорожно дрожитъ весь, и каждый старается превзойти своего товарища физическимъ безобразіемъ съ цѣлью возбудить состраданіе въ простодушныхъ зрителяхъ и наполнить свою шапку трудовыми копейками крестьянъ. И этихъ постылыхъ людей причисляли по добротѣ душевной къ блаженнымъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Симбирскѣ въ числѣ юродивыхъ шарлатановъ находились и настоящіе юроды или дураки. Разказы о нихъ не имѣли бы значенія, если бы не характеризовали извѣстной части суевѣрнаго общества и потворствующихъ лицъ господствующему направленію. Такимъ былъ юродивый Андреюшка; объ немъ, какъ о нагольномъ идиотѣ, ничего не слѣдовало бы говорить; только, для очертанія нравовъ жителей Симбирска тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, можно сообщить о смерти жалкаго божьяго человѣка разказъ изъ записокъ современнаго свидѣтеля его похоронъ. Этотъ свидѣтель, какой-то симбирскій пономарь, написалъ „Сказаніе о юродивомъ Андреюшкѣ“; вотъ сущность его повѣствованія:

„Изъ коренныхъ жителей города Симбирска, сынъ бѣднаго мѣщанина Огородникова, лишенный съ самаго рожденія, можно сказать, всѣхъ даровъ природы, нѣмой, скорчившій (!), —немогшій безъ движенія стоять на одномъ мѣстѣ, а подобно маятнику качавшійся изъ стороны въ сторону, переминаясь безпрестанно и издавая какіе то звуки, ходившій завсегда въ одной только длинной рубашкѣ и босой, никогда неупотреблявшій никакой обуви, даже въ сильныя жестокіе морозы, и бѣгавшій по снѣгу, не показывая признаковъ ощущенія отъ стужи, однимъ словомъ носившій на себѣ жалкій человѣчскій

образъ подъ именемъ Андреюшки. Несмотря на свое тяжелое положение и несчастное существованіе, этотъ юродивый прожилъ болѣе 70 лѣтъ. Передъ кончиной въ ноябрѣ 1841 г. народъ счелъ его праведникомъ и началъ посѣщать больного, считая за великое счастье поцѣловать его руку.

„Народъ наводнилъ пространство около хижины и обратилъ вниманіе полиціи, которая для порядка вынуждена была приставить чиновника съ командою... Не одинъ низкій классъ воодушевился привѣтомъ къ бѣдному больному, но многіе и изъ высшаго образованнаго сословія лица приняли участіе въ томъ же предубѣжденіи (!)“. Передъ смертью больной исповѣдался и причастился и принялъ съ необыкновенною радостью и искреннимъ желаніемъ: послѣдовало таинство елеосвященія и на совершеніи его былъ громадный приливъ народа. Умеръ Андреюшка послѣ приготовления 28 ноября.

„Кончина его взволновала не однихъ жителей города, но и окрестный народъ, довольно на значительное пространство; степеніе людей всякаго сословія открылось чрезвычайное... Откуда явился и возвысился великолѣпный гробъ на серебряныхъ ножкахъ, обитый бархатомъ, показались два дорогіе покроя, открылось кругомъ гроба множество подсвѣчниковъ съ пылающими денно и ночью восковыми свѣчами... Въ богатый гробъ его положили въ томъ же облаченіи обыкновенномъ, въ какомъ онъ всегда ходилъ, т. е. въ одной рубашкѣ и босаго. Прочее все соотвѣтствовало особенной пышности, даже до самыхъ мелочей, и все это сопровождалось усердіемъ значительнаго дворянства и богатаго купечества... Градской голова съ обществомъ купцовъ просилъ преосвященнаго Θεодотія позволенія положить его среди города, около Вознесенской церкви. Архіепископъ, не постигая безотчетной народной признательности къ умершему и убѣждаясь народнымъ голосомъ, какъ голосомъ Божиимъ, расположился принять покойнаго въ мѣсто своего пребыванія, въ архіерейскій домъ, что въ Покровскомъ монастырѣ на концѣ города, гдѣ съ незапамятныхъ временъ погребаютъ знаменитые дворянскіе роды... Чтобы удостовѣрить (удовлетворить?) народному какому-то безусловному энтузиазму, онъ дозволилъ до погребенія на сутки перенести гробъ юродиваго въ Вознесенскую церковь, чтобы продолжить время усердствующему народу успѣть проститься съ такимъ замѣчательнымъ покойникомъ. Народъ держалъ его четверо сутокъ въ хижинѣ и однѣ сутки въ церкви, подобно обильной рѣкѣ, непрерывно притекалъ ко гробу и съ какимъ то особеннымъ благоговѣніемъ касался бранныхъ останковъ умершаго. Но въ четверо сутокъ духота и жаръ не имѣли вліянія на тѣло умершаго и никакого не происходило запаха, а это въ особенности поддерживало къ нему народное признаніе и сопровождено весьма многими толпами. Только на лицѣ, сначала бѣломъ, показались синія пятна, но это надобно отнести къ жару и къ непрерывному прикосновенію къ его лицу...

„При погребеніи и относе́ юродиваго тотъ только изъ жителей города оставался въ своемъ домѣ, кому не было возможности сдѣлать одного шага; даже закоренѣлые раскольники разныхъ сектъ рѣшились присутствовать въ церкви во время литургіи и погребальнаго чиноположенія и тоже съ какимъ то благоговѣніемъ проводили гробъ его до мѣста. Хоронилъ Андрея архимандритъ, ректоръ семинаріи съ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ; однихъ священниковъ было до 30 душъ. Гробъ несли съ хоругвями и звономъ на пространствѣ болѣе версты, при ежеминутныхъ перемѣнахъ носильщиковъ: лучшее купечество и нѣкоторые дворяне, коихъ усердію и готовности—отдать послѣднюю послугу покойному—не было границъ и кои наперерывъ одинъ у другаго перенимали гробъ, стараясь улучшить случай повторить это нѣсколько разъ, и оттого около гроба тѣснота и давка была невыносимая... Экипажей счесть нельзя! Изъ двухъ дорогихъ покрововъ чернь сильно домогалась одинъ пріобрѣсти, чтобы разорвать его на лоскуточки въ воспоминаніе покойнаго, но не допущена къ тому полиціей, безъ помощи коей могло бѣ случиться даже насиліе“.

Послѣ изображенія похоронъ юродиваго Андреюшки, послѣ удивленій народному усердію къ блаженному бѣдняку и сравненія его съ евангельскимъ нищимъ Лазаремъ, книжный пономарь справедливо замѣчаетъ: „Едва ли можно отыскать примѣръ подобнаго происшествія!... Жизнь его не заслуживала никакого подражанія“. Потомъ онъ задаетъ себѣ вопросы: „Къ чему же отнести это событіе? Гдѣ отыскать причину безотчетнаго, вдругъ воспламенившагося почтенія къ нему?“ И вотъ для уясненія этой причины уваженія повѣствователь обращается къ описанію жизни и характера покойника.

„Человѣческое разсужденіе здѣсь неумѣстно... Извѣстно, что безумные приближаются къ безсловеснымъ животнымъ и нашъ юродивый былъ чуждъ всѣхъ человѣческихъ страстей... Онъ любилъ пить только одинъ чай; занятіемъ его было цѣловать полъ, стѣны, углы и вещи, которыя ему попадались въ руки или на глаза; голосомъ издавалъ онъ одни дикіе отголоски; черный хлѣбъ предпочиталъ бѣлому и любилъ его ѣсть намазанный медомъ. Не лишенъ былъ онъ органа слуха и на вопросы задаваемые отвѣчалъ звуками, движеніемъ рукъ и головы. Онъ былъ весьма неопрятенъ, но любилъ мыться въ банѣ; вода должна быть чуть теплая и мыть надобно, начиная съ головы до ногъ: если же чуть порядокъ нарушится, то никто его въ банѣ не удержитъ и убѣжитъ нагой. Холодной воды онъ чрезвычайно боялся и словами: „подайте Андреюшкѣ воды!“—обыкновенно выгоняли его изъ дома, гдѣ посѣщеніе его надоѣдало. Когда священникъ давалъ ему цѣловать крестъ при водосвятіи, то онъ придерживалъ своей рукой кроныло и мазалъ имъ все лицо... Въ церквахъ онъ бывалъ рѣдко и то на минуту съ убійственнымъ равнодушіемъ, и никто не видалъ, чтобы онъ молился когда; только часто онъ одинъ

толкался на паперти церковной съ обычнымъ ему ворчаніемъ въ подобіе медвѣдя, сосущаго лапу.

„Бѣгая по улицамъ, подбиралъ онъ лоскутки, щепочки и раздавалъ ихъ встрѣчнымъ, даже кидалъ въ экипажи при проѣздѣ мимо его, но безъ вреда; всѣ эти дѣйствія считались пророчесвенными предзнаменованіями. Онъ носилъ сумку, въ которую ему вляли подаваніе; при этомъ онъ иногда оставался спокойнымъ и молчалъ, а иногда выбрасывалъ подарки и монеты въ сторону. Подаваніе раздавалъ самъ другимъ, кто ему взглянется и безъ счету, сколько захватить, будто безъ цѣли и размышленія. Но все это почитали какимъ то особеннымъ даромъ отъ него и многіе сберегали и деньги и пустыя вещи, по мѣрѣ уваженія каждаго. Торговцы всѣ наперерывъ приглашали его брать изъ лавокъ, что ему угодно, но онъ по какому то чутью у одного кого нибудь возьметъ какую нибудь ничтожную вещь, а у другаго ни по какому убѣжденію и значительной вещи не возьметъ. Случалось насильно втереть ему что нибудь, то онъ изорветъ, если это какая матерія, или бросить съ презрѣніемъ въ сторону, хотя бы вещь стоила и значительной цѣны. Во всѣхъ означенныхъ дѣйствіяхъ его нѣкоторые изъ жителей признавали какую то таинственность. Если дерзкіе и пьяные люди причиняли ему побои и оскорбленія, то онъ съ терпѣніемъ и кротостію все переносилъ“.

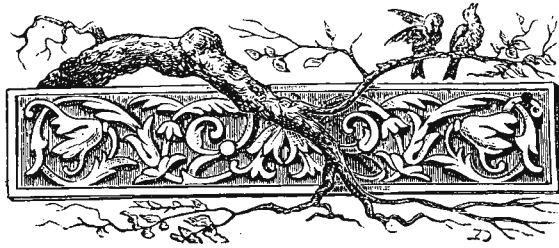
Въ отечественную войну 1812 года, когда воспламенилась во всѣхъ сословіяхъ чрезвычайная набожность, многіе значительныя особы симбирскіе посѣщали Саровскую пустынь и арзамасскій женскій общежительный монастырь. „Затворникъ Серафимъ отказывалъ въ благословеніи богомольцамъ, отсылая ихъ въ отечественный городъ Симбирскъ къ юродивому Андрею, могущему замѣнить его благословеніе. Елена Афанасьевна въ Арзамасѣ, прославившаяся какими то пророчесвенными изрѣченіями, отзывалась объ Андреюшкѣ, какъ о праведномъ мужѣ, покровительствующемъ г. Симбирску“. Съ распространеніемъ этой молвы умножались почитатели юродиваго и „чествовали его цѣлованіемъ руки“... „Большая часть людей, впрочемъ считала предосудительнымъ признавать его достойнымъ какого либо предпочтенія; но со смертію его и эти всѣ сдѣлались подражателями прочихъ въ воздаваемой ему чести и съ одинакимъ чувствомъ притекли къ браннымъ его остаткамъ“.

Въ заключеніе сочинитель пишетъ, что въ его разсказѣ ничего нѣтъ преувеличеннаго и жизнь юродиваго Андрея изображена имъ въ возможной подробности и съ соблюденіемъ строгой истины. Охотно вѣримъ ему, потому что самое содержаніе сказанія подтверждаетъ оговорку книжника; но главнаго вопроса объ уваженіи юродиваго онъ все таки не рѣшилъ на основаніи данныхъ, которыхъ напрасно отыскивалъ въ его жизни. Вся жизнь Андрея, говоритъ онъ, не должна бы заслужить впечатлѣнія и признательности къ его достоинствамъ, „но судьбы Божіи не исповѣдимы. Остается благоговѣть и

молчать, предоставляя высшей мудрости разгадать причину послѣдовавшаго какого то безусловнаго общаго въ немъ признанія“.

Такимъ образомъ, почтенный повѣствователь, отлично рисуя религиозное настроеніе общества г. Симбирска, искавшаго идеала, рѣшилъ свою задачу для насъ, хотя искалъ развязки только въ личности юродиваго. Мистическое настроеніе общества времени императора Александра I и невыдохшееся въ дворянахъ симбирскихъ масонство, многое объясняютъ въ исторіи юродивыхъ начала XIX столѣтія.

Н. Аристовъ.

ПОЛЬСКІЯ СМУТЫ ПЕРЕДЪ ВОЗСТАНИЕМЪ 1831 ГОДА.

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ году вышла въ свѣтъ біографія маркиза Велепольскаго, написанная г. Лисицеимъ. Книга эта, содержащая въ себѣ также очеркъ состоянія польскаго общества той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ маркизь, представляетъ, между прочимъ, любопытный матеріалъ для характеристики польскихъ революціонныхъ партій; но отзывы автора о русскихъ дѣятеляхъ нерѣдко бываютъ односторонни, или даже пристрастны. Извлекаемъ изъ перваго тома сочиненія г. Лисицаго разсказъ о событіяхъ, подготовившихъ взрывъ 1831 года, который положилъ конецъ самостоятельности Польши.

По Вѣнскому конгрессу, отошедшія къ Россіи польскія области образовали царство польское, которому конституціонная хартія обезпечивала обособленное существованіе, собственную администрацію, національную армію, представительство, состоявшее изъ избирательной палаты и сената, члены котораго назначались на всю жизнь монархомъ. Впрочемъ, сама по себѣ эта хартія, удовлетворительная на сколько дѣло касалось принциповъ, представляла много практическихъ неудобствъ, пробѣловъ и даже противорѣчій, не говоря уже о постановленіяхъ неопредѣленнаго характера, представлявшихъ обширное поле для самыхъ разнородныхъ толкованій. Чтобъ мирно пережить критическій періодъ неизбѣжныхъ затрудненій при началѣ дѣйствія конституціи, необходимы были, какъ со стороны правителей, такъ и управляемыхъ, чрезвычайная взаимная снисходительность, умѣренность и добрая воля переносить испытанія. Тѣмъ и другимъ нужно было поучиться, какъ лучше обходиться съ новыми учрежденіями.

Между тѣмъ, польское общество оставалось такимъ же, какимъ его передали предъидущіе вѣка. Одно только дворянство пользовалось политическими правами и представляло собою націю. Утративъ преданія о сильной монархической власти, дворянство сохранило только воспоминанія о борьбѣ противъ нея и о не лишенной своего рода пріятности анархіи, которая характеризовала послѣднее столѣтіе національной независимости. Уже задолго до раздѣловъ Польши дворянству не доставало нѣкоторыхъ гражданскихъ добродѣтелей, не доставало умѣнья подчиняться законамъ, любви къ порядку и труду. вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно ослаблялось и религиозное чувство. Крупные паны зачастую были атеистами и вольтеріанцами; высшіе классы равнодушны, или открыто враждебны, къ церкви. Распущенное, холодно относившееся къ своимъ обязанностямъ духовенство не пользовалось ни малѣйшимъ вліяніемъ. Народное образованіе, въ царствованіе Понятовскаго, составляло предметъ особыхъ заботъ со стороны короли и наиболѣе выдающихся дѣятелей того времени, но сообразно идеямъ того вѣка отличалось характеромъ поверхностнымъ и анти-религиознымъ. Послѣ того, оно было предоставлено случаю и отразило на себѣ господствовавшую въ эту эпоху нравственную и матеріальную смуту. Вслѣдствіе этого, поколѣніе, жившее въ ту эпоху, лишено было того солиднаго умственного фонда, которымъ отчасти замѣняется недостатокъ опредѣленныхъ политическихъ принциповъ.

Вскормленные идеями французской философіи, люди зрѣлаго возраста разсуждали о счастіи человѣчества, управляемаго разумомъ. Дѣти ихъ, поручаемые обыкновенно французскимъ наставникамъ, съ посредственными познаніями, съ сомнительною нравственностью, почерпали въ урокахъ подобныхъ наставниковъ самыя гибельныя правила. Впрочемъ, молодежь рано покидала книги и ученье, чтобъ встать подъ знамя отчизны, любовь къ которой была единственнымъ связующимъ звеномъ въ этомъ обществѣ. Но съ однимъ патриотизмомъ общество не можетъ жить полною жизнью, особенно когда идеаль отчизны остается въ состояніи отвлеченности, когда нѣтъ общепризнаннаго связующаго лозунга. Такъ именно было тогда съ Польшей. Европа шла впередъ по пути прогресса, а Польша оставалась позади. Вѣнскій конгрессъ не позаботился даже объ экономическихъ интересахъ царства польскаго. Отнявъ у него копи Велички, онъ обременилъ царство долгами, лишилъ его торговыхъ сообщеній и втиснулъ между тремя большими государствами, управлявшимися крайне покровительственной системой. При урѣзанномъ населеніи, при истощенной почвѣ, страна чисто земледѣльческая не скоро могла поправиться. Ей необходимо было вѣдаться съ многочисленными потребностями современнаго государства, или—отречься отъ самостоятельнаго существованія. Вопросъ о политическихъ вольностяхъ дѣлался второстепеннымъ, сравнительно съ экономическими вопросами, и, кромѣ того, требовалъ крайняго благоразумія, чтобъ съумѣть избѣгнуть, столкно-

веній между страною и королевскою властью: подобныя столкновенія рано или поздно должны были выродиться въ неравную борьбу, исходъ которой не подлежалъ сомнѣнiю.

Недостатки парламентской организаціи, довольно серьезные сами по себѣ, но поправимые, принимали тревожный характеръ, вслѣдствіе появленія въ сеймѣ „конституціонной“ оппозиціи, которая горѣла желаніемъ ослѣпить Польшу и Европу своимъ рвеніемъ въ защитѣ хартій и общественныхъ вольностей противъ „захватовъ“ власти. Пророкъ этой партіи доктринеровъ, рабскихъ копій съ иностранныхъ образцовъ, Винцентъ Немойовскій, возимѣлъ несчастную мысль подражать Бенжамену Копстану, ни таланта, ни знаній, ни силы убѣжденія котораго не имѣлъ. Хорошій говорунъ, обладавшій, однакожь, умомъ крайне узкимъ, притомъ, глухой до того, что не могъ слѣдить за подробностями преній, упрямый и дерзкій, одержимый маніей открывать повсюду ущербъ свободѣ и хартіи, человекъ этотъ соединилъ въ себѣ всѣ отрицательныя качества парламентскаго забіяки. Въ другой средѣ онъ скоро бы выцвѣлъ за подобнымъ занятіемъ; здѣсь онъ достигъ не заслуженной извѣстности и причинилъ громадное зло. Система Немойовскаго была очень проста: критиковать и обвинять всривъ и всось. Законъ, хотя бы самый полезный, не находилъ у него пощады, какъ скоро стѣснялъ „свободную волю“ гражданина, т. е. какъ только достигалъ своей цѣли. Къ сожалѣнiю, поводовъ къ критикѣ этотъ ораторъ находилъ много. Намѣстникъ, бывшій яkobинецъ, обратившійся къ идеямъ порядка, раздѣлялъ отвращеніе великаго князя Константина Павловича къ конституціонному управленію и значительно способствовалъ тому, чтобъ сдѣлать путь правительства невѣрнымъ. Министры также не торопились сообразоваться съ хартіей и ея требованіями: на примѣръ, они долго не замѣчали, что декреты короля, официально обнародованныя, не носили на себѣ скрѣпы ни одного отвѣтственнаго министра. При первомъ же заявленіи о томъ, Александръ I повелѣлъ поступить по закону: много другихъ жалобъ также слѣдовало удовлетворить, если бы правительство придавало имъ больше значенія.

Уже во время перваго сейма, въ 1818 году, разсмотрѣніе годового отчета государственнаго совѣта вызвало со стороны оппозиціи желчную и несправедливую критику всей совокупности установленнаго порядка. Между тѣмъ, достаточно было припомнить, что было за три года передъ тѣмъ и сравнить это столь недавнее прошлое съ настоящимъ, чтобъ осязательно убѣдиться въ улучшеніяхъ, которыми страна обязана была этому порядку и патріотической бдительности людей, взявшихъ на себя его примѣненіе. Церковь, администрація, армія, торговля, земледѣліе, всѣ нравственные и матеріальныя интересы страны, извлекали пользу изъ самостоятельнаго національнаго существованія, обезпеченнаго царству; эти благодѣянія выкупали отсутствіе политическихъ вольностей, съ которыми страна, большую часть

времени, не знала что дѣлать. Завидуя лаврамъ французскихъ трибуновъ, оппозиція сильно злоупотребляла привилегіей обсуждения отчета, а правительство все еще не считало своею обязанностью защищать свои дѣйствія. Нѣсколько голосовъ, поднявшихся въ защиту министровъ противъ нападокъ, не имѣли достаточнаго авторитета, чтобъ возвратить палату къ духу хартіи... Лозунгъ къ борьбѣ въ защиту хартіи, тѣмъ не менѣе, былъ данъ. Согласно традиціонному обычаю, правительство отождествляли съ особою короля. Фикція отвѣтственности министровъ принималась лишь на столько, на сколько она позволяла нападать на королевскую власть съ соблюденіемъ хотя какого нибудь приличія.

Затѣмъ хартія ограждала личную свободу обычными гарантіями совершенно чуждыми двойному, австрійскому и прусскому, уголовному кодексу, дѣйствовавшему въ царствѣ. Въ этомъ отношеніи, распоряженія великаго князя подавали иногда поводъ къ размышленіямъ польскихъ патріотовъ. Не смѣя нападать прямо на великаго князя, оппозиція возбудила вопросъ о неприкосновенности личности вообще; вопросъ этотъ смѣшивался ею съ другими требованіями, причемъ было удобно запугивать легковѣрныхъ перспективою воображаемыхъ или крайне преувеличенныхъ опасностей правамъ польскихъ гражданъ.

Наконецъ, хартія гарантировала свободу печати, причемъ говорилось, что „законъ установитъ средства пресѣчь ея злоупотребленія“; но такого закона не существовало, а въ ожиданіи его предварительная цензура, учрежденная правительствомъ герцогства варшавскаго, дѣйствовала какъ нельзя исправнѣе. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія нѣсколько литераторовъ продолжали цензуровать единственную газету столицы и книги, довольно рѣдко, впрочемъ, печатавшіяся. Того требовалъ обычай, и никто не ощущалъ потребности воспользоваться правами, предоставленными хартіей, о которыхъ вспомнили только въ то время, когда первою изъ гражданскихъ обязанностей уже была провозглашена защита „священнаго огня націи“ (такъ Немойовскій называлъ хартію). „Варшавская Газета“ давала своимъ читателямъ три раза въ недѣлю скудный матеріалъ новостей, почерпнутыхъ въ „Гамбургской Газетѣ“ или въ „Австрійскомъ Наблюдателѣ“, который редактировался въ меттерниховскихъ канцеляріяхъ. Внутреннія извѣстія занимали очень скромное мѣсто на столбцахъ „Варшавской Газеты“. Этотъ отдѣлъ сводился почти исключительно къ отчетамъ о публичныхъ церемоніяхъ и къ официальнымъ актамъ, помѣщавшимся въ газетѣ по требованію правительства, такъ какъ послѣднее не располагало особымъ официальнымъ органомъ. Навыкъ обсуждать общественныя дѣла, всегда находившійся въ изрядномъ пренебреженіи, совершенно утратился; искусство владѣть перомъ было доступно только небольшому числу избранныхъ. Писали мало, читали еще меньше; такимъ образомъ, изъ всѣхъ политическихъ правъ, права печати принесли наименьшую пользу; печать сдѣлалась предметомъ

роскоши, а свобода печати — правомъ довольно опаснымъ. Ободряемые декламациями защитниковъ хартіи, нѣсколько импровизованныхъ публицистовъ, едва сошедшихъ со школьной скамьи, основали независимый политическій органъ. Крайне жалко веденная „Ежедневная Газета“ была, въ сущности, беспорядочнымъ наборомъ фразъ о правахъ народовъ и деспотизмѣ правительствъ—фразъ, заимствованныхъ въ перемежку изъ брусельскаго „Истиннаго Либерала“, изъ парижской „Минервы“ и изъ „Германскаго Патріота“. Этотъ листокъ, при всей извращенности своихъ тенденцій, не могъ бы имѣть и значенія при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибы не плачевная неловкость самихъ польскихъ правителей. Вотъ тому примѣръ: однажды актриса французскаго театра появилась на сценѣ съ конфетой во рту; публика ее освистала и заставила вернуться за кулисы. На слѣдующій день афиши, наклеенныя въ коридорахъ театра, угрожали нарушителямъ порядка исправительнымъ наказаніемъ. Издатели „Газеты“ постарались раздуть этотъ вопросъ. Гремя противъ „злоупотребленій полиціи въ конституціонномъ государствѣ“, противъ „нарушенія хартіи правительствомъ“, они цѣлые восемь дней дѣлали столько шума, что правительство, потерявъ терпѣніе, распорядилось залечатать типографію газеты. Три дня спустя, прокламація князя-намѣстника подчиняла цензурѣ и „періодическія сочиненія безъ исключенія“. „Газета“ появилась только одинъ разъ, такъ какъ типографіи было запрещено ее печатать вслѣдствіе рѣзкой статьи противъ цензуры. „Газета“ перемѣнила форму и стала являться въ видѣ изданія, выходящаго каждые два или три дня и не подчиненнаго цензурѣ, подъ заглавіемъ: „Хроника первой половины XIX вѣка“. Вслѣдствіе скандальной выходки Нѣмцевича, направленной противъ великаго князя и Заіончека, была восстановлена цензура для всѣхъ произведеній печати до выхода окончательнаго узаконенія по дѣламъ этого рода. „Хроника“ преобразилась въ „Бѣлаго Орла“, стала выходить шесть разъ въ недѣлю въ видѣ брошюръ, занималась преимущественно мѣстными дѣлами, мутила, клеветала, сѣяла повсюду подозрѣнія и неудовольствія. Нѣкоторые изъ редакторовъ этого изданія принадлежали къ тайнымъ обществамъ; нескромные болтуны изъ молодежи, состоявшей на казенной службѣ, выдавали редакціи кое какія закулисныя правительственныя тайны. Какъ бываетъ всегда и вездѣ, глухая борьба между цензоромъ и злонамѣреннымъ писателемъ обращалась на пользу послѣдняго. При помощи полусловъ и намековъ, которые могли обманывать только чербера, приставленнаго къ журналу, въ умы читателей капля по каплѣ вливались желчь и отравы анархіи. Старая „Варшавская Газета“, сдѣлавшаяся также ежедневною, попыталась противодействовать вліянію своей соперницы, но ни правительство, ни люди умѣреннаго образа мыслей не подумали извлечь пользу изъ этой полемики, чтобъ навести общество на истинный путь. Министръ графъ Мостовскій предлагалъ основать оффиціозный органъ,

и можно было воспользоваться съ этой цѣлью именно „Варшавской Газетой“; но мысль о томъ была отвергнута великимъ княземъ; никто не хотѣлъ дать себѣ трудъ вступать въ борьбу съ противниками, которыхъ считали „сорви-головами“ и вѣтренниками...

Главная сила этой горсти парламентаристовъ и журналистовъ состояла преимущественно въ ихъ задорной хлопотливости, которой соотвѣствовала безпечность правительства и умѣреннаго большинства. На сеймѣ министры рѣдко вмѣшивались въ пренія и никогда не отражали прямыхъ нападокъ. Вліяніе правительства на выборы упало до послѣдней степени. Со времени первыхъ частныхъ выборовъ князь-намѣстникъ испрашивалъ разрѣшеніе направлять избирательную кампанію, но императоръ Александръ отвергнулъ всякое посягательство на свободу подачи голосовъ... Покинутое правительствомъ, которое и не думало создавать себѣ партію, не имѣвшее само по себѣ твердаго направленія, умѣренное большинство было предоставлено на произволъ случайностей. Сельскій дворянинъ, вообще невѣжественный, дурно знакомый съ дѣлами страны, роптавшій по самому своему характеру, небрежный по привычкѣ,—судилъ дѣла со своей узкой точки зрѣнія и въ качествѣ избирателя и избираемаго. Обреченный выносить обременительныя повинности и разныя другія тягости, такой сельскій житель взводилъ отвѣтственность за все это на правительство. Понимая буквально обвиненія, рассыпавшіяся буйнымъ меньшинствомъ, онъ терялъ довѣріе къ правительству, усвоивалъ себѣ привычку относиться съ презрѣніемъ къ согражданамъ, облеченнымъ властью, и тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ проискамъ тайныхъ обществъ.

Въ Польшѣ исходной точкой и питательною вѣтвью тайныхъ обществъ и политическихъ заговоровъ была секта франкмасоновъ. Введенныя въ Польшу во второй половинѣ XVIII вѣка, масонскія ложи пользовались тамъ громадною популяренностью и считали среди своихъ членовъ цвѣтъ общества, почти всю аристократію, часть дворянства, добивавшагося чести идти рядомъ съ западною цивилизаціей, даже священниковъ и епископовъ. За недостаткомъ болѣе серьезныхъ занятій, охотно толковали о счастіи человечества. Впрочемъ, поляки рѣдко достигали высшихъ іерархическихъ степеней въ этой сектѣ. Въ эпоху великихъ войнъ, патріотическій порывъ сообщилъ умамъ болѣе трезвое направленіе; польскія ложи съ трудомъ существовали. Съ 1815 года министръ просвѣщенія и исповѣданій принялъ на себя званіе великаго гроемейстера масонскихъ ложъ; туда поступали по привычкѣ, слѣдуя дурному примѣру, подававшемуся выше, и не заботились о порицаніи церкви. Нѣкоторые изъ членовъ масонскихъ ложъ замѣтили, какъ легко воспользоваться готовою рамкою, чтобъ внести въ нее тайную работу революціи, воспользовавшись извлечь пользу изъ дарованнаго ложама официальнаго покровительства. Около 1819 года офицеръ польской арміи, маіоръ Лукасинскій, основалъ тайное

общество подъ именемъ „Национальнаго франкмасонства“, организованнаго по образцу главной секты, — съ цѣлью вызвать возстаніе въ Польшѣ, вслѣдъ за революціонной вспышкой въ Италіи. Военные стали массами покидать официальные ложи и поступать въ „національное масонство“, которое имѣло за собою тройную привлекательность; таинственности, опредѣленной цѣли и болѣе энергическаго управленія. Тѣ, которые прежде служили въ арміи, въ свою очередь записались сюда. Ложи быстро размножились въ царствѣ польскомъ и въ Познани, гдѣ онѣ вскорѣ обратились въ открытый заговоръ. Адъютантъ великаго князя предупредилъ его о тайныхъ проискахъ, какіе велись въ арміи. Спрошенный по этому поводу, Лукасинскій отрицалъ все и, утраченный оборотомъ дѣлъ, рѣшился распустить свои ложи и продолжать дѣло въ тѣсномъ кругу надежныхъ заговорщиковъ. Вожди познанскаго заговора успѣшили возстановить порванныя нити; эти усилія привели къ образованію единаго тайнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „патріотическаго“, которое охватывало всѣ части древней Польши и раздѣлялось на провинціи и общины, съ центральнымъ комитетомъ во главѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, цѣлая сѣть общинъ покрывала Польшу, отъ предѣловъ Украйны до Лемберга, Познани и Вильны. Число заговорщиковъ превышало, какъ говорили, пять тысячъ человекъ, которые набирались все изъ богатыхъ и образованныхъ классовъ общества.

Закрытіе официальныхъ ложъ въ 1822 году послужило правительству поводомъ освѣдомиться о нѣкоторыхъ прежнихъ похищеніяхъ національнаго масонства. Измѣна одного изъ заговорщиковъ и арестъ агента, посланнаго въ Италію для соглашенія съ карбонарами, помогли изслѣдованію. Самъ великій князь уже вступился, чтобъ положить предѣлъ преслѣдованіямъ. Хотя они охватывали очень небольшой кругъ лицъ, но неловкое веденіе этого перваго политическаго процесса не обошлось безъ пагубныхъ послѣдствій. Воспользовавшись долгимъ, томительнымъ заточеніемъ арестованныхъ и двумя случаями самоубійства среди нихъ, недоброжелатели обвиняли правительство въ жестокости по отношенію къ людямъ, виновнымъ будто бы только въ томъ, что они любили отечество, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были оправданы даже военными судами. Въ конечномъ результатѣ заговоръ въ самомъ преслѣдованіи, почерпнулъ новыя силы.

На дѣлѣ патріотическое общество никогда не имѣло того мрачнаго, насильственнаго характера, который отличаетъ другія европейскія тайныя общества: сущность этого общества отвѣчала его имени. Большинство заговорщиковъ видѣло въ этомъ обществѣ національное дѣло, которое доставляло имъ возможность цѣлесообразно служить отечеству. Такое заблужденіе проистекало, между прочимъ, изъ недостатка благоразумія и проницательности, отъ болѣзненнаго отвращенія къ дѣйствительности, отъ презрѣнія къ авторитету власти. Дѣло въ томъ, что чужестранное господство, въ сущности, было очені.

легко выносить. Польша имѣла общаго съ Россіей только государя и внѣшнія отношенія, къ которымъ поляки всегда выказывали равнодушіе. Религіознаго вопроса не существовало, такъ какъ король-диссидентъ выказывалъ несравненно больше почтенія къ церкви, чѣмъ его подданные—католики. Страна оправлялась отъ разоренія; ея умственный уровень видимо поднимался. Тогдашнему поколѣнію оставалось только выполнять добросовѣстно обязанности настоящей минуты, а будущее предоставить волѣ Божіей. Но старшій ядъ анархіи дѣлалъ поляковъ глухими къ голосу разсудка.

Польская армія, вмѣсто того, чтобъ служить гарантію и школою порядка, была разсадникомъ заговорщиковъ. Великій князь любилъ эту армію, посвящалъ ей всѣ свои досуги и поддерживалъ въ ней примѣрные порядокъ и экономію, но не могъ внушить солдатамъ ни любви къ себѣ, ни любви къ знамени, ни водворить въ арміи духъ дисциплины. Слишкомъ занятый мелочами службы, выправкою и механическою точностью, онъ умѣлъ создать войско образцовое по внѣшности, но враждебное своему вождю и проникнутое пагубнымъ духомъ; это была дорогая и опасная игрушка, которая могла когда-нибудь разорваться въ рукахъ своего изобрѣтателя. Зная великодушіе и слабыя стороны великаго князя, зная, какъ легко было обмануть его притворнымъ рвеніемъ къ службѣ, лучшіе офицеры,—тѣ, которые наиболѣе удовлетворяли этого требовательнаго вождя и тонкаго знатока службы, были именно самыми рьяными заговорщиками. Съ другой стороны, армію грызли скука, сознаніе собственного ничтожества; кромѣ перспективы щеголять въ безчисленныхъ парадахъ, впереди невидно было ничего.

Въ центральномъ комитетѣ патріотическаго общества засѣдали люди молодые, которыхъ побудило вступить туда нездоровое любопытство или предосудительное честолюбіе. Эти люди мечтали о высокомъ назначеніи, не соотвѣтствовавшемъ ни ихъ заслугамъ, ни средствамъ, гордились своей тайной властью, но при всемъ томъ не имѣли ясно опредѣленной цѣли. Эти своеобразные заговорщики мечтали основать въ Польшѣ конституціонную монархію, благоразумную свободу, консервативныя учрежденія, наследственное перство. Обманывая людей добросовѣстныхъ, эти люди и сами въ то же время были жертвою собственнаго ослѣпленія, и также—иностранныхъ заговорщиковъ. Тайныя общества итальянскія, французскія и русскія, искали союза поляковъ, чтобы парализовать силы Россіи въ случаѣ возстанія въ этой послѣдней странѣ или на западѣ. Польскіе члены секты держались въ тѣни, съ намѣреніемъ выступить на свѣтъ лишь въ моментъ взрыва, чтобъ воспользоваться созрѣвшимъ плодомъ.

Патріотическое общество столкнулось вскорѣ съ другимъ, основаннымъ на Волини, подъ именемъ „храмовниковъ“ (тамплиеровъ) однимъ военнымъ, который, находясь въ плѣну у англичанъ, вступилъ въ связь съ шотландскими храмовниками. Храмовники высшихъ сте-

ценей желали полнаго слиянія съ патриотическимъ обществомъ, ради его національнаго характера, тѣмъ болѣе, что вступать въ него было легко; слияніе не удалось, потому что гроемейстеръ храмовниковъ хотѣлъ сохранить свою власть и независимость. Оба общества продолжали жить одно подлѣ другого въ довольно дурныхъ отношеніяхъ. Патриотическое общество превосходило храмовниковъ по численности, но не имѣло ни іерархической организаціи послѣднихъ, ни ихъ денежныхъ средствъ. Между тѣмъ, въ Волини и Подоліи, гдѣ не было никакого надзора властей, заговорщики открыто приготовлялись взяться за оружіе. Въ предѣлахъ царства, гдѣ полиція наблюдала, дѣло подвигалось медленно, но все-таки они набирали себѣ приверженцевъ въ публикѣ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Революціонный комитетъ постоянно вовлекался въ затрудненія не умѣреннымъ рвеніемъ своихъ членовъ и послѣдователей. Офицеръ Крыжановскій, которому было поручено закупить въ Волини кавалерійскихъ лошадей, узнавъ о существованіи тайнаго общества въ русской арміи, завязалъ сношенія съ русскими заговорщиками, которые, со своей стороны, горѣли желаніемъ вступить въ отношенія съ поляками. Первое свиданіе имѣло мѣсто въ Кіевѣ весной 1824 года. Представителями русскаго общества были Муравьевъ и Бестужевъ, а со стороны патриотическаго общества—Крыжановскій и князь Антонъ Яблоновскій. Крыжановскій объявилъ заранѣе, что за неимѣніемъ полномочій не можетъ заключать формальнаго обязательства, и удовольствуется передачею кому слѣдуетъ предложеній русскихъ заговорщиковъ. Онъ былъ непріятно удивленъ говорливостью и юношескимъ нетерпѣніемъ своихъ собесѣдниковъ. Муравьевъ сказалъ, что „національная вражда, послѣдній слѣдъ варварской эпохи, должна исчезнуть въ эпохѣ свѣта. Дѣло народовъ, прибавилъ онъ, повсюду одинаково; одушевляемое чувствомъ братства, русское общество предлагаетъ полякамъ возвратить ихъ древнюю независимость“. На это пышное вступленіе Крыжановскій возразилъ, что онъ лично стоитъ выше предразсудковъ, но, въ виду застарѣлаго недовѣрія у его націи къ русскимъ, этимъ послѣднимъ слѣдовало бы сперва доказать свою искренность. Когда затронули вопросъ о границахъ Польши, Муравьевъ признался, что мнѣнія раздѣлились, и что „одна партія“ относится ревниво къ „цѣлости имперіи“. Въ замѣнъ этого онъ предлагалъ полякамъ принять въ принципъ демократическую форму правленія, потому что Россію предполагалось устроить на подобіе сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ Муравьевъ обнаружилъ истинную цѣль своей миссіи, состоящую въ томъ, чтобъ получить отъ поляковъ обязательство возстать по первому извѣстію о революціи въ Россіи, какъ одинъ человекъ и воспрепятствовать великому князю въ дѣлѣ военной помощи императору. Бестужевъ предложилъ Крыжановскому проектъ конвенціи, который фигурировалъ впоследствии въ процессѣ декабристовъ. Этотъ документъ, отвергнутый Крыжановскимъ, содер-

жалъ въ себѣ, во главѣ всѣхъ обязательствъ, предлагавшихся полякамъ, обязательство предупредить „всевозможными средствами“ возвращеніе великаго князя въ Россію. Разстались, не постановивъ ничего, если не считать обѣщанія сообщать взаимно свѣдѣнія объ успѣхахъ заговора въ обѣихъ странахъ и собраться въ Кіевѣ въ слѣдующемъ году.

Въ Варшавѣ заговоръ съ каждымъ днемъ терялъ цѣльность и силу. Члены комитета, разьединенные, утратившіе къ себѣ довѣріе, не имѣвшіе тѣни власти надъ общинами, искали повсюду человѣка, способнаго къ дѣйствію, но самыя лестныя ихъ предложенія были отвергаемы. Вліятельной личности, столь желанной, не являлось; генералы и полковники арміи выказывали холодность къ тайному обществу. Крыжановскій, по своимъ личнымъ качествамъ, занималъ выдающееся мѣсто. Обладая благоразуміемъ, мужествомъ, рѣшительностью, серьезностью характера, онъ, однакожь, не имѣлъ ни энергіи, ни политическихъ способностей, необходимыхъ для вождя. По отношенію къ русскимъ Крыжановскій умѣлъ занять правильное положеніе, и если бы его примѣру слѣдовали, то Польша избѣгла бы многихъ несчастій. Въ 1825 г. Крыжановскій вернулся, вмѣстѣ съ Яблоновскимъ, на кіевскіе „контракты“, куда двое изъ вождей русскаго заговора, Волконскій и Пестель, явились на встрѣчу делегатовъ патріотическаго общества. Крыжановскій отказался вступать въ переговоры съ русскими, но его спутникъ, человѣкъ тщеславный и легкомысленный, не поколебался выступить въ качествѣ уполномоченнаго отъ общества. Но его полномочія сводились къ разговорамъ о возможномъ соглашеніи съ русскими, въ случаѣ европейской войны или революціоннаго движенія въ Россіи. Случай свелъ этого самозваннаго уполномоченнаго съ фанатикомъ Пестелемъ, который стремился ни болѣе ни менѣе, какъ къ федераціи славянской расы, а исходнымъ пунктомъ къ осуществленію столь обширнаго замысла считалъ военный заговоръ и даже царевубійство. Польскій комитетъ не подавалъ признаковъ жизни со времени перваго свиданія Крыжановскаго съ Муравьевымъ и Бестужевымъ. Такая малая склонность заключить договоръ изумила Пестеля. Онъ выказывалъ большую стоворчивость по вопросу о границахъ будущей независимой Польши и предоставлялъ „голосамъ населенія“, высказаться въ дѣлѣ разграниченія спорныхъ территорій. Сущность предложеній Пестеля ограничивалась возмущеніемъ въ Варшавѣ одновременно съ революціей въ Петербургѣ и убійствомъ великаго князя. Яблоновскій стоялъ за восстановленіе Польши въ древнихъ ея границахъ и выговорилъ полякамъ право учредить у нихъ конституціонную монархію. „Патріотическое общество, сказалъ онъ еще, вовсе не подготовлено къ немедленному поднятію оружія; оно довольствуется на время поддержкою національнаго духа, въ ожиданіи обстоятельствъ, благопріятныхъ восстановленію независимости“. Соглашаясь съ Пестелемъ относительно удобства одновременнаго воз-

станія въ Польшѣ и въ Россіи, онъ считалъ общность интересовъ достаточной гарантіей искренняго содѣйствія со стороны поляковъ. При разставаніи собѣсѣдники обмѣнялись обѣщаніемъ собраться снова въ Кіевѣ, въ слѣдующемъ 1826 году.

Эти подробности показываютъ неисправимое ослѣпленіе вождей патріотическаго общества. Заговоръ остраго характера, задуманный съ цѣлью ниспровергнуть законный порядокъ въ короткій срокъ, былъ бы несравненно менѣе гибельнымъ; онъ причинилъ бы меньше опустошеній и несчастій. Многіе люди, которыхъ убѣжденія отклонили бы отъ участія въ предпріятіи насильственнаго характера, охотно присоединялись къ дѣлу, цѣлью котораго считались только поддержка „національнаго духа“ и медленное подготовленіе возрожденія отечества. Люди, которые фактически не вступали въ общество, соединяли съ нимъ свои симпатіи. Само по себѣ общество не переставало быть постоянной угрозой общественному порядку и спокойствію, такъ какъ, составляя обширную недисциплинированную ассоціацію, оно было постоянно предоставлено вліяніямъ случая и нетерпѣливости меньшинства. Патріотическое общество не мало способствовало и вообще беспорядочному ходу общественныхъ дѣлъ, такъ какъ управленіе дѣлами, выскользнувъ изъ рукъ авторитетныхъ и отвѣтственныхъ, перешло къ четверной коалиціи—доктринерствующихъ анархистовъ, заговорщиковъ, умоповрежденныхъ людей и школьниковъ.

Агенты обществъ—патріотическаго и храмовниковъ сдѣлали жертовною своихъ происковъ въ особенности молодежь. Между тѣмъ, это вело къ разслѣдованіямъ и арестамъ, которые смущали покой большаго числа семействъ. Притомъ, страданія арестованныхъ искажались и преувеличивались молвой; общее впечатлѣніе подобныхъ дѣлъ было крайне сильное и не благоприятно дѣйствовало на отношенія поляковъ къ русскому правительству. При жизни Александра I отношенія эти смягчались до извѣстной степени чувствомъ признательности поляковъ къ личности императора. Но съ воцареніемъ императора Николая дѣла пошли еще хуже, прежнихъ узъ уже не было. Вслѣдствіе признаній, сдѣланныхъ русскими заговорщиками, были произведены многочисленные аресты въ Варшавѣ и въ провинціяхъ. Яблоновскій, (тотъ самый, который велъ переговоры съ Пестелемъ) былъ привезенъ въ Петербургъ, сознался во всемъ, выдалъ множество лицъ и этой цѣной купилъ себѣ свободу. Агентъ храмовниковъ сдѣлалъ тоже самое. По причинѣ связи патріотическаго общества съ русскимъ заговоромъ, прокуроръ и два члена петербургскаго сената присутствовали при допросахъ, которые производились графомъ Замоискимъ. Эти допросы заняли цѣлый годъ. Крыжановскій сознался во всемъ, что касалось до него лично, и результатъ слѣдствія вполнѣ подтвердилъ показанія Яблоновскаго и русскихъ заговорщиковъ.

Осторожность, принимаемая за неувѣренность и медлительность въ дѣйствіяхъ правительства въ этомъ дѣлѣ, усиливали неудоволь-

ствіе. Общественное мнѣніе уже находилось въ состояніи крайняго возбужденія, которое могло только увеличиваться отъ таинственности „административнаго“ слѣдствія, ложныхъ слуховъ о страданіяхъ, какія будто бы приходилось выносить подсудимымъ, отъ попытокъ самоубійства среди нихъ, и отъ крайне поздняго созванія верховнаго уголовного суда надъ преступниками. Восемь долгихъ мѣсяцевъ были снова посвящены допросамъ и очнымъ ставкамъ. Обвиняемые, сговорившись между собою, отвергли свои прежнія показанія, исторгнутыя, какъ они говорили, незаконными средствами. Между тѣмъ сильнѣйшая агитація волновала умы въ пользу „людей, виновныхъ лишь въ томъ, что питали въ глубинѣ сердца желаніе независимости отчизны“. Рѣдко кто осмѣливался замѣтить, что дѣло шло не о простыхъ „желаніяхъ“, но о явныхъ фактахъ; такіе смѣльчаки становились отверженцами изъ общества, покидались своими друзьями, освистывались на улицахъ Варшавы. Съ самаго открытія засѣданій верховнаго суда рукописныя афиши, выставленныя въ общественныхъ мѣстахъ, ежедневно грозили дурнымъ патріотамъ местью народа. Памфлеты, произведенія тайнымъ типографій, возбуждали нерѣшительныхъ при помощи громкихъ фразъ. Малѣйшее событіе служило предлогомъ къ шумнымъ манифестаціямъ, которыя устраивались молодежью, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе волнуемою агитаторами и все труднѣе поддававшееся власти, которая, наконецъ, перестала ее преслѣдовать. Верховный судъ отнесся къ подсудимымъ очень мягко: только Крыжановскій былъ осужденъ къ заключенію на 3 года и 3 мѣсяца „за участіе въ противозаконномъ сообществѣ и за недонесеніе о русскомъ заговорѣ“. Маевскій, основатель „храмовниковъ“, и три члена центрального комитета патріотическаго общества присуждены къ трехмѣсячному заключенію. 26 марта 1829 г. послѣдовало официальное закрытіе засѣданій верховнаго суда. Вотъ что говоритъ современный историкъ этихъ событій, Мохнацкій, большой поклонникъ патріотизма сената: „Приговоръ верховнаго суда сената далъ торжественную санкцію всѣмъ прежнимъ посягательствамъ противъ законнаго порядка и уполномочивалъ на будущее время ко всякимъ заговорамъ и предиріятіямъ подобнаго рода“. Вскорѣ, 29 ноября 1830 года, сенаторы должны были убѣдиться, какъ гибеленъ для страны былъ ихъ приговоръ.

Послѣ коронованія императора Николая, процессъ разложенія въ тогдашнемъ польскомъ политическомъ строѣ замѣтно усилился. Процессъ патріотическаго общества окончательно возмутилъ общественное спокойствіе и содѣйствовалъ проявленію самой печальной стороны политической жизни, проявленію страсти все ниспровергать и разрушать. Встрѣчавшіеся повсюду признаки безпорядка нравственнаго служили предшественниками матеріальной анархіи. Двѣ послѣднія зимы въ Варшавѣ прошли среди такъ называемаго „національ-

наго траура“ съ ежедневными почти вспышками школьной молодежи, которая была слѣпымъ орудіемъ агитаторовъ.

Эта молодежь, съ давняго времени не знавшая дисциплины, получила новое возбуждающее средство въ литературномъ движеніи того времени. Романтизмъ вездѣ считался символомъ новаго порядка вещей и служилъ на пользу революціонныхъ идей. Въ Польшѣ, подъ вліяніемъ любви къ отечеству, романтическая поэзія сообщила молодымъ умамъ лихорадочный энтузіазмъ. Изъ литературной критики сдѣлали рычагъ для уничтоженія послѣднихъ слѣдовъ всякаго установленнаго авторитета: подъ предлогомъ обсуждения правилъ искусства ниспровергали принципы соціального и политическаго порядка и открыто, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, вели революціонную пропаганду. Люди зрѣлаго возраста выказывали снисходительность къ этой романтической молодежи. „Оставьте молодыхъ людей въ покоѣ, говорили они; молодежь сильно любитъ отечество; намѣренія ея вполне чисты, а стремленія совершенно невинны“. Болѣе дальновидные люди выражали иногда сомнѣнія относительно свойства дѣйствій послѣдователей романтизма, которыхъ они съ полнымъ основаніемъ подозрѣвали въ революціонныхъ замыслахъ; но князь Чарторьскій посовѣтовалъ не раздражать напрасно молодежь изъ за „вопроса о формахъ“. Въ эту эпоху Чарторьскій былъ уже главою національной партіи, человѣкомъ весьма популярнымъ и вліятельнымъ, но достаточно безхарактернымъ, подчинявшимся вліянію окружающихъ. Покровительство Чарторьскаго романтической школѣ сузило ободреніемъ и тому теченію идей, которое господствовало у молодежи. Поэзія въ народѣ мало по малу замѣняла и катихизисъ и исторію; къ поэзіи привыкали почерпать указанія и наставленія для руководства человѣка и гражданина. Молодежь, ободряемая въ своей безумной самоувѣренности, убѣжденная, что призвана направлять дѣла страны, подготовляла Польшѣ крайне трагическую будущность. Ни болѣе и болѣе частые безпорядки, ни терроризмъ буйной молодежи, ни даже гнусные заговоры, не могли разсѣять неизлѣчимаго ослѣпленія Чарторьскаго и его окружающихъ. Въ годовщину провозглашенія хартіи, великій князь, опасаясь новой манифестаціи, рѣшилъ даже отложить смотръ войскъ; ни одинъ сенаторъ не осмѣлился присутствовать при „Te Deum“, пропѣтомъ по этому случаю. Въ декабрѣ 1828 года, возникъ заговоръ среди воспитанниковъ военной варшавской школы, съ цѣлью вызвать революціонное движеніе весною слѣдующаго года. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль заговоръ перешелъ за стѣны школы, распространившись среди полковъ гарнизона и самой крайней фракціи патріотическаго общества, извѣстной позже подъ именемъ „якобинцевъ“. Усвоивъ себѣ крайнія тенденціи французской революціи, эти ученики Марата и Робеспьера видѣли спасеніе Польши только въ царевубійствѣ, гильотинѣ и террорѣ. Они нашли союзника въ знаменитомъ ученомъ Лелевелѣ, профессорѣ варшавскаго универ-

ситета. Этотъ человѣкъ, истинное воплощеніе генія зла, окруженный къ тому же ореоломъ преслѣдованія, оказывалъ самое зловредное вліяніе на настроеніе молодежи, участвуя во всѣхъ заговорахъ, поддерживая постоянныя сношенія съ заграничными, особенно французскими революціонерами. Сеймъ, созванный 28 мая 1830 г., довершилъ анархію. Физіономія палаты вполнѣ измѣнилась со времени послѣдней сессіи. Большинство составлялось изъ людей новыхъ, молодыхъ, интеллигентныхъ, влюбленныхъ въ свою популярность и безпримѣрно легкомысленныхъ. Прежняя консервативная и католическая фракція сейма исчезла; за то фракція анархистовъ увеличилась въ численности. Во главѣ ея находились Густавъ Малаховскій, Лелевель съ нѣсколькими риториками, которые отличались смутностью понятій и полнымъ отсутствіемъ политическаго смысла. Не располагая безусловнымъ, дисциплинированнымъ большинствомъ, эта шумная фаланга занимала все-таки господствующее положеніе и большею частію достигала своихъ цѣлей. Тактика ея состояла въ томъ, чтобъ показывать рѣшимость къ борьбѣ за политическія права, и для этого нападать на правительство и дѣйствующую систему, на министровъ и государственный совѣтъ, на сенатъ и маршала палаты. Правительство старались различать отъ особы государя для того, чтобы имѣть болѣе свободы въ нападкахъ на представителей власти. И въ то время, какъ ораторы оппозиціи, становясь съ каждымъ засѣданіемъ многочисленнѣе, смѣлѣе, нахальнѣе, не щадили никого и ничего, правительство и палата молчали, не дѣлая ни одной попытки протестовать во имя справедливости и здраваго смысла. Достоинство и польза законопроектовъ, представлявшихся палатѣ, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на пренія и подачу голосовъ. Палата отвергала хорошій и необходимый законъ единственно для того, чтобы сдѣлать неприятность правительству; слѣдующій проектъ она принимала, такъ какъ принятіе предыдущаго достаточно удовлетворяло потребностямъ тактики. Къ этому нужно прибавить крайнюю неумѣренность языка въ преніяхъ, тѣмъ болѣе неумѣстную, что именно въ ту эпоху жалобы на администрацію были вполнѣ неосновательны, въ виду необыкновеннаго процвѣтанія просвѣщенія, финансовъ, внутренняго порядка и общаго благосостоянія.

Дѣловой результатъ сессіи былъ довольно незначителенъ, но ея нравственное вліяніе оказалось сильнымъ и пагубнымъ. Вожди оппозиціи, упоенные успѣхомъ, дошедшіе до какого то политическаго изступленія, были героями въ провинціяхъ: слѣдовать ихъ примѣру въ точности считалось обязанностью. Провинціальныя совѣты, собравшись въ установленный срокъ, обратились къ правительству съ замѣчаніями до того неприличными, что министръ внутреннихъ дѣлъ не рѣшился сообщить ихъ правительственному совѣту. Повсемѣстнымъ лозунгомъ было сопротивленіе властямъ до крайности. Посреди такого кипучаго настроенія прогремѣла новость объ іюльской революціи,

о бѣгствѣ Карла X, о перемѣнѣ династіи во Франціи, о возвратѣ трехцвѣтной кокарды, пробуждавшей среди поляковъ много воспоминаній и надеждъ. Съ этихъ поръ порядокъ держался на волоскѣ. На улицахъ толковали о революціи, которая должна была разразиться со дня на день. Въ Повонзковскомъ лагерѣ, у самыхъ воротъ столицы, офицеры гарнизона задумали планъ окончательнаго возстанія. Они хотѣли ввѣрить руководство движеніемъ популярному генералу Хлопицкому, или нѣсколькимъ членамъ палаты. „Якобинцы“ съ Лелевелемъ стремились къ учрежденію революціонной власти, которая бы правила посредствомъ террора. Составленъ былъ проектъ нападенія на Бельведерскій дворецъ и умерщвленія великаго князя; затѣмъ должно было слѣдовать обезоруженіе русскихъ полковъ гарнизона, завладѣніе арсеналомъ и вооруженіе народа. Крыжановскій подъ вліяніемъ чувства военной чести, отказался участвовать въ нападеніи на Бельведеръ и въ какомъ бы ни было покушеніи противъ жизни генералиссимуса польской арміи. Сперва заговорщики предполагали напасть на великаго князя въ темномъ переулкѣ, по которому онъ вечеромъ обыкновенно проѣзжалъ; но осуществить такой проектъ не удалось, благодаря быстротѣ проѣзда. Въ другой разъ убійцы, вооруженные пистолетами и кинжалами, стерегли намѣченную жертву на парадѣ на Саксонской площади; смерть великаго князя должна была служить сигналомъ къ военному возстанію; но случай рѣшилъ иначе. Взявъ за руку генерала Хлопицкаго, который присутствовалъ между зрителями, великій князь долго прогуливался передъ фронтомъ войскъ. Это обстоятельство, вѣроятно, спасло ему жизнь; оно разстроило также расчеты заговорщиковъ. Впрочемъ, послѣдніе сами нарушили свою тайну, съ распространеніемъ заговора среди учащейся молодежи. Вокругъ дворца великаго князя, съ деревьевъ парка, приходилось срывать объявленія такого рода: „съ новаго года Бельведеръ отдается въ наймы“. Полиція (если не допустить предположенія, что она затыкала себѣ уши) вынуждена была слушать то, что говорилось въ публичныхъ мѣстахъ. Великій князь, видя, что ни въ который изъ назначавшихся сроковъ мятежъ не вспыхнулъ, не сталъ болѣе вѣрить предостереженіямъ полиціи и даже смѣялся надъ тревогами окружающихъ. Когда-то крайне подозрительный по отношенію къ полякамъ, онъ теперь остановился на слѣпомъ довѣрїи къ нимъ, приписывая себѣ заслугу умѣть такъ обходиться съ этимъ буйнымъ народомъ, что одинъ только онъ въ Варшавѣ могъ спать спокойно, когда всѣ европейскія правительства трепетали предъ революціей. Великій князь пренебрегалъ охраною доступа къ своей резиденціи и даже не ставилъ стражи у дворцовыхъ воротъ. При всемъ томъ, ночные патрули были удвоены, а полкамъ приказано находиться на мѣстахъ, на случай тревоги. Комитетъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ генерала графа Станислава Потоцкаго, долженъ былъ провѣрить тревожныя извѣстія о военной

школъ, начальника которой смѣнили. Послѣдовали аресты и, безъ сомнѣнія, власти скоро напали на слѣдъ заговора; не смотря на то, комитетъ объявилъ все это дѣло „ребячествомъ“. Рапортъ въ такомъ смыслѣ былъ отправленъ и къ императору, который, съ тѣмъ же курьеромъ, приказалъ строго разслѣдовать дѣло и предать виновныхъ военному суду. Готовился арестъ заговорщиковъ, но вслѣдствіе измѣны одного чиновника они узнали объ угрожавшей имъ опасности, и тогда то, чтобъ спасти свою личную свободу, они пожертвовали участію своего отечества.

Въ памятный день 29 ноября 1830 года, съ наступленіемъ ночи, толпа молодыхъ людей бросилась на Бельведерскій дворецъ и съ крикомъ „смерть тирану“, завладѣла комнатами великаго князя, который спасся у книгичи Ловичъ. Приближенный къ великому князю генераль Жандръ палъ подъ ударами нападавшихъ; вице-президентъ города, хотя и полякъ, но состоявшій у заговорщиковъ на дурномъ счету, получилъ опасныя раны. Великій князь, съ конвоемъ изъ кирасировъ, отправился къ сборному пункту войскъ, а заговорщики вернулись назадъ для соединенія съ воспитанниками военной школы, подъ руководствомъ Крыжановскаго, и съ отрядомъ пѣхоты, который офицеры обѣщали привести къ мосту Собѣскаго, у опушки Лазенковскаго парка. Эта послѣдняя помощь не явилась, и послѣ долгаго ожиданія два соединенные отряда направились къ арсеналу, расположенному на другой оконечности города, на разстояніи болѣе двухъ километровъ, и дорогою въ темнотѣ обмѣнялись ружейными выстрѣлами съ отрядомъ русской пѣхоты, сѣдѣвшимъ на своей постѣ. По пути возставшіе умертвили одного за другимъ—военнаго министра, генерала Гауке, начальника его штаба, полковника Мецшевскаго, стараго генерала Новицкаго, ѣхавшаго въ Бельведеръ, генерала Трембицкаго, командовавшаго военной школой,—котораго они долго таскали съ собой и который не переставалъ увѣщевать ихъ, чтобъ возвратились къ своему долгу.

Въ сущности, замыселъ не вполне удался. Польскіе полки, на которые заговорщики рассчитывали, были, по большей части, не допущены присоединиться къ возстанію; обезоруженіе русскихъ полковъ также не удалось. Арсеналъ, слабо защищаемый русскимъ полкомъ, былъ взятъ нѣсколькими ротами польской пѣхоты, при помощи воспитанниковъ артиллерійской школы и роты саперовъ. На этомъ мѣстѣ былъ умерщвленъ генераль Блюмеръ, нѣсколько далѣе Станиславъ Потоцкій, который, разѣзжая по городу, старался привести къ повиновенію возмущившіеся отряды, и дѣйствительно успѣлъ отослать къ великому князю значительныя силы. На другомъ мѣстѣ, генераль Семіонтовскій также палъ подъ ударами мятежниковъ. Чернь, сбѣжавшись со всѣхъ сторонъ, расхватала запасы арсенала, потомъ принялась грабить воинскія кассы и кабаки. Тамъ и сямъ слышались ружейныя выстрѣлы, но серьезной схватки не было нигдѣ, кромѣ

арсенала. Мятежники, сами изумленные своей побѣдой, были господами положенія, но не имѣли ни вождя, ни опредѣленнаго направленія. Великій князь располагалъ силами (считая русскія и оставшіяся вѣрными польскія войска) превосходившими силы мятежниковъ. Чтобъ подавить возстаніе въ зародышѣ, ему довольно было пустить кавалерію по улицамъ, не загражденнымъ барикадами. Нетрудно было запереть возстаніе въ кварталѣ арсенала, который одинъ только слабо защищался, или велѣть окружить городъ, отрѣзать отъ него подвозъ съѣстныхъ припасовъ и взять его голодомъ. Великій князь ничего этого не сдѣлалъ. Онъ питалъ физическое отвращеніе къ виду крови и смерти; кромѣ того, пораженный событіями въ Парижѣ и Брюсселѣ, боялся подвергать солдатъ сопркосновенію съ народомъ. Генералиссимусъ оставался неподвижнымъ во главѣ войскъ и только изъ любопытства послалъ въ городъ своихъ адъютантовъ за извѣстіями. Въ 11 часовъ, одинъ изъ этихъ послѣднихъ, Владиславъ Замойскій (извѣстный впоследствии подъ именемъ генерала Замойскаго) явился къ великому князю со слѣдующимъ сообщеніемъ отъ генерала Потоцкаго: „Скажите его высочеству, чтобъ онъ направилъ на городъ всю свою кавалерію; ей нужно только проскакать рысью по улицамъ, сметая все на своемъ пути; вотъ что остается дѣлать. Но нельзя терять ни минуты; уже три часа тому назадъ его высочество долженъ былъ поступить такъ“. „Я ни во что не вмѣшиваюсь, отвѣчалъ великій князь; это польское дѣло, пусть поляки сами улаживаютъ его между собою. Притомъ же, у меня нѣтъ кавалеріи“. Между тѣмъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ мѣста разговора находились кирасиры, русскіе гусары, драгуны и конные егеря. Замойскій машинально повернулъ туда голову. „Это все русскіе, (поспѣшилъ прибавить Константинъ Павловичъ, а ни одинъ, русскій, если не будетъ вынужденъ необходимостью собственной защиты, не сдѣлаетъ ни одного сабельнаго удара во всѣмъ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ вотъ егеря, возьмите ихъ, ведите къ Стасю (Стась уменьшительное отъ Станислава); пусть онъ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ“. И позвавъ двухъ польскихъ генераловъ, князь приказалъ имъ сопровождать полкъ. Бѣдный „Стась“ въ это время уже находился на смертномъ одрѣ; но егеря отправились въ городъ и вели себя доблестно. Въмѣсто того, чтобъ слѣдовать за полкомъ, Замойскій счелъ обязанностью разбудить правительство, которое спало сномъ праведныхъ. Прежде всего онъ отправился къ своему дядѣ, кн. Адаму Чарторыскому, чтобъ сообщить ему принятое великимъ княземъ рѣшеніе не вмѣшиваться въ „польское дѣло“. Дядя и племянникъ рѣшили созвать правительственный совѣтъ и Замойскій взялъ на себя розыскать его членовъ. Въ два часа утра совѣтъ собрался въ квартирѣ графа Соболевскаго, больного подагрой. Совѣтъ состоялъ, кромѣ президента, изъ князей Черторыскаго и Любецкаго, (министра финансовъ) какъ дѣйствительныхъ членовъ совѣта, и нѣсколькихъ добро-

вольныхъ членовъ: Нѣмцевича, оставшихъ генераловъ князя Радзивила и графа Паца, и наконецъ сенатора кастеллана Кохановскаго, одного изъ самыхъ пылкихъ людей страны. Больше всѣхъ смущень былъ своимъ положеніемъ Любецкій, котораго озабочивала мысль, какъ сохранить свою популярность, и вмѣстѣ съ тѣмъ обуревала тревога, какъ бы не навлечь на себя гнѣвъ императора. Онъ распорядился помѣстить, во главѣ протокола, слова великаго князя, сообщенныя Замойскимъ; затѣмъ предложилъ Чарторьскому отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Константину Павловичу. Послѣдній принялъ ихъ очень дурно; такъ, между прочимъ, онъ осыпалъ Чарторьскаго упреками за его пассивную оппозицію, за дурное направленіе, данное народному просвѣщенію въ Литвѣ, и за упомянутый нами приговоръ верховнаго суда сената. Что касается возстанія, то великій князь настаивалъ на желаніи оставаться нейтральнымъ: „Я ничего не приказываю, ни на что не уполномочиваю, это меня не касается... дѣлайте, что вздумаете, я же ни во что не вмѣшиваюсь и ни за что не отвѣчаю“, повторялъ онъ. При такомъ положеніи дѣла, Чарторьскій, въ силу своей популярности и высокаго положенія, имѣлъ всѣ основанія взять на себя отвѣтственность за то или другое рѣшеніе, которое бы имѣло въ виду покончить съ мятежемъ, и находило себѣ оправданіе въ величинѣ угрожавшей опасности. Другіе члены импровизованнаго совѣта преклонились бы предъ авторитетомъ Чарторьскаго... Послѣ долгихъ колебаній, депутація заявила великому князю, чрезъ посредство кн. Любецкаго, что въ виду опасности правительство видитъ необходимость присоединить къ себѣ лицъ, „пользующихся довѣріемъ жителей“, и „вступить въ переговоры съ движеніемъ“. Съ этого времени возстаніе приобрѣтало главу и законный органъ; ему принадлежала будущность.

По возвращеніи депутаціи, импровизованное правительство принялось „возстановлять порядокъ“ при помощи красивыхъ фразъ, лести по адресу возстанія и уступокъ. На разсвѣтѣ явились двѣ прокламаціи. Первая, составленная отъ имени императора и короля, возвѣщала вступленіе въ правительственный совѣтъ лицъ, которыя присутствовали на собраніи у графа Соболевскаго, а также генерала Хлопицкаго, котораго Замойскій напрасно розыскивалъ въ прошлую ночь, между тѣмъ какъ Хлопицкій старательно укрывался у одного изъ своихъ друзей, чтобъ избѣгнуть предложеній о принятіи участія въ движеніи. Другая прокламація предупреждала возставшихъ, что имъ нечего бояться со стороны великаго князя и русскихъ войскъ, удостовѣряла, что „ни одинъ полякъ не захочетъ обагрить свои руки кровью братьевъ“, и приглашала соблюдать умѣренность и возвратиться къ порядку. Замойскій снесъ прокламаціи въ типографію и взялъ на себя ихъ раздачу.

Помѣщеніе графа Соболевскаго вскорѣ наполнилось друзьями и знакомыми членовъ правительства, которые искали убѣжища или пред-

лагали свои совѣты. На улицѣ толпа испускала радостныя и нетерпѣливыя крики. Любецкій предложил своимъ товарищамъ перемѣститься въ зданіе банка, гдѣ считалъ себя въ большей безопасности. На новомъ мѣстѣ совѣтъ, прежде всего, постарался временно замѣнить Хлопицкаго въ командованіи войсками; но наличные генералы отклоняли отъ себя эту честь. Едва убѣдили Паца принять начальство на 24 часа. Хлопицкаго ждали всѣ съ равнымъ нетерпѣніемъ: совѣтъ—въ надеждѣ, что онъ прекратитъ неурядицу, инсургенты — что онъ поведетъ ихъ въ битву противъ „москвитовъ“. Къ услугамъ правительства явились давно забытые старики, давнишніе дѣятели герцогства Варшавскаго. Ихъ возстановили въ прежнихъ должностяхъ. Одинъ изъ нихъ взялъ на себя обязанности президента города, другой—начальство надъ національной гвардіей, возродившейся, но подъ другимъ именемъ, изъ опасенія возбудить подозрѣнія императора практикою революціоннаго преданія. Такимъ образомъ, старый порядокъ разстраивали, въ надеждѣ усмирить бурю при помощи популярныхъ именъ и патріотическихъ реликвій. Но сами опоры новаго порядка не пользовались никакимъ авторитетомъ, лишь только переставали льстить страстямъ толпы.

Пока правительство тратило время на подписываніе декретовъ, Замойскій постепенно велъ переговоры въ разныхъ мѣстахъ. Онъ разѣзжалъ по улицамъ, со сверткомъ прокламацій, наблюдая, какое дѣйствіе онѣ производятъ на толпу. Злоумышленниковъ, разграбившихъ въ прошлую ночь кассы и водочныя магазины, теперь не было видно: они или лежали мертвецки-пьяны или были заняты своей добычей. Улицы были запружены мелкими буржуа и рабочими, вообще людьми, честными, смиренными, чуждыми политическимъ бурямъ, но теперь убѣжденными, что съ русскимъ господствомъ покончено и что свобода означаетъ не другое что, какъ полный разгулъ. Прокламаціи вовсе не произвели ожидаемаго впечатлѣнія: экземпляры ихъ, раздававшіеся Замойскимъ, народъ рвалъ съ негодованіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рукоплескалъ вступленію въ совѣтъ личностей съ популярными именами. Народный потокъ направлялся къ южному концу города, на поиски тѣхъ польскихъ полковъ, которые были удержаны около великаго князя. Предъ церковью св. Креста конные егеря сдерживали роту возмущившихся гренадеръ и толпу, которая стрѣляла въ нихъ зъ ружей. Замойскій добился, чтобъ егерей оставили въ покоѣ. Потомъ онъ возвратился къ великому князю, котораго нашель верхомъ и готоваго покинуть городъ; русскіе полки переходили Мокотовскую заставу. Замойскій предложилъ великому князю провозгласить „независимость Польши“. О характерѣ этой независимости онъ не вполне отдавалъ себѣ отчетъ, какъ самъ впоследствии пояснялъ; онъ видѣлъ только средство предупредить полный разрывъ, успокоить „на нѣкоторое время“ пылъ страстей и придать мужества честнымъ людямъ, угрожаемымъ „якобинцами“. Но въ виду мятежа

давать словамъ Замойскаго такое идеальное толкованіе было невозможно. Константинъ Павловичъ понималъ, что ему хотять навязать роль герцога Орлеанскаго; всѣ инстинкты великаго князя возмутились при мысли, что его могли считать способнымъ къ узурпаціи. „Какъ вы смѣете оскорблять меня подобнымъ образомъ?“ закричалъ онъ въ отвѣтъ Замойскому. Тотъ, въ свою очередь, принявъ это къ сердцу, нарисовалъ мрачную картину современнаго положенія, развилъ свои взгляды объ успокоеніи умовъ при помощи провозглашенія идеальной независимости страны, успокоилъ раздражительность своего начальника и добился отъ него извиненій: „Ну, я виноватъ, прошу у васъ извиненія; чего же вамъ еще нужно?“ Замойскій возвратился къ своему порученію; но великій князь, вставъ снова въ оборонительное положеніе, воскликнулъ: „нѣтъ, это невозможно... это война... это революція“... Наконецъ, уступая любопытству, онъ отпустилъ своего адъютанта со словами:— „дѣлайте что хотите, но ступайте въ городъ“... Въ банкѣ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, князь Любецкій противопоставилъ свое veto мысли Замойскаго. „Совѣтъ, сказалъ онъ, не раздѣляетъ мнѣнія гр. Замойскаго и заявляетъ, что въ уступкахъ, дѣлаемыхъ обстоятельствамъ и настоятельной необходимости, онъ никогда не переступитъ предѣла, указываемаго именемъ императора и короля, поставленнымъ во главѣ его актовъ. Совѣтъ не рѣшился бы и дѣлать подобное предложеніе великому князю, ни брать на себя отвѣтственность за такую мѣру“... Совѣтъ выражалъ надежду, что великій князь, убѣжденный въ вѣрнопопданническихъ чувствахъ и умѣренности его членовъ, и видя уваженіе, выражаемое со стороны правительства къ власти государя, воздержится отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій по отношенію къ городу и удостоитъ вступить въ сношеніе съ правительствомъ, чтобъ возстановить спокойствіе и удовлетворить справедливымъ сѣтованіямъ націи. Только вечеромъ 30 ноября Замойскій, (съ этихъ поръ уже въ качествѣ официального лица) могъ вернуться къ великому князю, который, съ княгиней Ловичъ, поселился въ Вержно, въ домикѣ садовника. Въ теченіе дня великій князь получилъ подкрѣпленія и располагалъ всего на все 8 батальонами пѣхоты, 16 эскадронами кавалеріи и 28 пушками, противъ 6 батальоновъ и 8 пушекъ, оставшихся въ городѣ. Узнавъ о деклараціи Любецкаго, великій князь поручилъ отвѣчать, что „пересталъ себя считать находящимся на враждебной ногѣ относительно столицы и приглашаетъ совѣтъ поступать такимъ же образомъ

Но ранѣе возвращенія Замойскаго въ банкъ, совѣтъ уже потерпѣлъ новое измѣненіе въ своемъ составѣ. Группа членовъ палаты депутатовъ распорядилась открыть себѣ залу засѣданій, „закрытую рукою деспотизма“, и держала тамъ совѣщаніе. Критиковали „антиреволюціонный“ образъ дѣйствій правительства, и въ банкъ отправилась депутация, чтобъ заявить совѣту неудовольствіе „представителей націи“. Упрекали совѣтъ за равнодушный тонъ прокламаціи, за медленность,

за реакціонный духъ, за присутствіе въ средѣ совѣта „лицъ, которыя не пользовались довѣріемъ націи“; требовалось созванія сейма и допущеніе нѣсколькихъ депутатовъ въ „очищенный“ совѣтъ. Тогда же нѣкоторые члены совѣта подали въ отставку и были замѣнены другими, въ томъ числѣ Лелевелемъ.

Уже въ предыдущую ночь чернь снова начала грабить лавки и квартиры „дурныхъ патріотовъ“. Въ продолженіе дня толпа нѣсколько разъ пыталась занять залу совѣта, которую охраняли патетическое краснорѣчье Нѣмцевича и—присутствіе генерала Сѣровскаго, изъ наполеоновскихъ ветерановъ. Къ счастью, удалось открыть убѣжище генерала Хлошицкаго, который, хотя все еще отклонялъ отъ себя дѣятельную роль, но нѣсколькими энергическими словами очистилъ доступы къ залѣ. Поѣздки Замойскаго въ квартиру „тирана“ возбудили подозрѣнія; сочли благоразумнымъ арестовать его и не пускать въ Вержбно ранѣ наступленія ночи. Въ этотъ же вечеръ „якобинцы“ открыли свой клубъ въ городской думѣ. Присудивъ заочно президентство Лелевелю, „чтобъ доставить ему случай поправить ошибку, сдѣланную посредствомъ вступленія въ совѣтъ“, клубъ рѣшилъ—принудить правительство, „хотя бы даже силою“, принять „революціонный характеръ“. Вотъ къ чему привела система, которая провозгласила, что нужно „ладить съ движеніемъ“.

Болѣе и болѣе теряя способность къ твердымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ, совѣтъ ограничился предупрежденіемъ великаго князя, что отданы были приказанія „остановить враждебныя дѣйствія“; остальное предоставлялось случаю. Замойскій вернулся въ Вержбно съ готовымъ проектомъ, который состоялъ въ томъ, чтобъ исторгнуть у великаго князя согласіе на возвращеніе польскихъ полковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удалить русскія войска изъ столицы. Генералиссимусъ, не рѣшая ничего, далъ понять Замойскому свое желаніе вступить въ прямыя сношенія съ временнымъ правительствомъ. Къ полудню 2 декабря получено было обѣщаніе великаго князя принять депутацію совѣта. Въ 4 часа, Чарторыйскій, Островскій, Любецкій и Лелевель сѣли въ экипажъ у воротъ банка; толпа хотѣла помѣшать ихъ отъѣзду, но присутствіе президента якобинскаго клуба усмирило неистовыхъ, и депутаты могли продолжать путь. Послѣ пятичасоваго совѣщанія рѣшено было въ принципѣ отступленіе русскихъ войскъ и присылка польскихъ полковъ. Великій князь пустилъ на голоса вопросъ, долженъ-ли онъ лично остаться въ Варшавѣ или слѣдовать за своими войсками. Любецкій воспротивился отъѣзду; Чарторыйскій попытался сдѣлать нѣсколько возраженій, но великій князь прервалъ его, и онъ присоединился къ мнѣнію министра финансовъ. Двое другихъ депутатовъ высказались за отъѣздъ, и великій князь согласился съ ихъ мнѣніемъ. Все казалось потеряннымъ, когда Чарторыйскій, поддерживаемый Любецкимъ, возбудилъ вопросъ объ амнистіи. Такъ какъ великій князь принялъ мысль о посредничествѣ между государемъ и

поляками, то набросали карандашем проект конвенціи, для которой депутаты должны были достать ратификацію совѣта. Константинъ Павловичъ удерживалъ въ своей власти южную часть города; обѣщаль ходатайствовать предъ императоромъ въ пользу амнистіи и въ смыслѣ предложеній, какія были ему сдѣланы, по отношенію къ конституціоннымъ гарантіямъ, къ будущимъ отношеніямъ между Польшей и Россіей и „къ областямъ расположеннымъ по ту сторону Нѣмана и Буга“. Конвенція удостовѣряла, что „присоединеніе этихъ областей къ польскому королевству всего лучше отвѣчало желаніямъ поляковъ; въ противномъ случаѣ, онѣ получаютъ національнныя учрежденія, гарантірованныя вѣнскимъ трактатомъ всѣмъ частямъ бывшей Польши“.

Среди неурядицы, повидимому, забыли, что получить согласіе императора на подобныя условія, принятія его братомъ исключительно подъ вліяніемъ возстанія, невозможно безъ большого труда; впрочемъ, правительство неимѣло необходимаго авторитета, чтобъ заставить и страну принять условленныя обязательства. Какъ только совѣтъ собрался, чтобъ узвать результатъ конференціи, какъ клубъ якобинцевъ продиктовалъ свои приказанія. Совѣтъ получилъ приглашеніе прервать всякіе переговоры съ великимъ княземъ, предписать генералу Хлопицкому „истребить врага безъ замедленія“, сдѣлать общій призывъ къ оружію, приступить къ суду надъ министрами, и—наконецъ—повиноваться безъ замедленія волѣ клуба или видѣть себя „вынужденнымъ“ принять въ свою среду нѣсколько его членовъ.

Руководителемъ такого поворота дѣлъ былъ молодой человекъ, служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Морицъ Мохнацкій, прозванный „польскимъ Робеспьеромъ“. Онъ принималъ участіе во всѣхъ предъидущихъ заговорахъ; обладая краснорѣчіемъ, къ тому же талантливый писатель, (впрочемъ только литераторъ, а не изъ числа ученыхъ), онъ умѣлъ увлекать за собой массы. Къ счастью, крайній характеръ мнѣній Мохнацкаго смягчался полнымъ недостаткомъ у него личнаго мужества: смѣлый на трибунѣ, онъ не имѣлъ ни одного изъ качествъ, свойственныхъ человеку дѣйствія. Человекъ крайне тщеславный, считая себя предназначеннымъ къ власти, Мохнацкій пламенно желалъ участвовать въ совѣтѣ, и былъ увѣренъ, что ему стоило только явиться, чтобъ достигнуть цѣли, т. е. внести революціонный элементъ въ правительство.

Появленіе Мохнацкаго вмѣстѣ съ людьми вооруженными, покрытыми грязью, произвело больше впечатлѣнія, чѣмъ самия его рѣчи. Великій финансистъ, обладавшій быстрымъ и легкимъ даромъ слова, молчалъ. Хлопицкій вышелъ изъ залы, шумно захлопнувъ за собою дверь. Малаховскій заявилъ „энергическій“ протестъ и тутъ же подалъ въ отставку. Чарторьскій, со своею обычною вѣжливостью, попытался доказать клубистамъ преувеличенность ихъ программы, но „польскій Робеспьеръ“ положилъ конецъ его рѣчи, сказавъ, что нужно во

чтобы-то ни стало „кончить комедію, которая можетъ скоро превратиться въ драму“. Этимъ было покончено и съ правительствомъ и съ его кажущеюся властью. Люди, совершившіе нашествіе на правительство, удалились только тогда, когда имъ было обѣщано, что совѣтъ обсудитъ предложенія клуба. Явившись за ратификованной конвенціей, Замойскій взялъ бумагу безъ подписи и совѣтовалъ великому князю бѣжать какъ можно скорѣе. Рѣшено было обнародовать актъ созванія сейма, призвать къ оружію все находящееся въ силахъ населеніе, — воздать благодарность войскамъ и сдѣлать нѣсколькихъ комплиментовъ національной гвардіи.

Вдругъ разнеслась вѣсть о прибытіи генерала Шембека, который предложилъ себя и свою бригаду къ услугамъ возстанія. Хлопицкій бросился въ казармы и привелъ Шембека. Этотъ воинъ держалъ къ совѣту слѣдующую рѣчь: „Мнѣ только 42 года, а между тѣмъ я уже чувствую въ себѣ менѣе способностей, чѣмъ у моихъ болѣе молодыхъ товарищей; и такъ, долой всѣхъ выжившихъ изъ ума!“ Между тѣмъ, младшему изъ видныхъ членовъ правительства, Хлопицкому, было болѣе 50 лѣтъ. Засвидѣтельствовавъ свои чувства совѣту, Шембекъ, сопровождаемый Хлопицкимъ, отправился прямо въ клубъ, гдѣ держалъ рѣчь къ народу. Делегатъ изъ банка явился съ приглашеніемъ тремъ представителямъ клуба въ засѣданіе совѣта; но уступки уже не вели болѣе ни къ чему. Народный потокъ заколыхался при крикахъ: „смерть москвитамъ! впередъ! въ Литву! въ банкъ!..“ Встрѣтивъ Хлопицкаго, толпа окружила его, привѣтствовала, заставила принять начальство надъ собою и идти къ лагерю великаго князя.

Къ 10 часамъ, Замойскій, по дорогѣ въ Вержбно, встрѣтилъ фронтъ колонны на линіи церкви св. Роха. Видя блѣднаго, взволнованнаго Хлопицкаго, побуждаемаго идти впередъ яростной толпой, онъ понялъ, что все потеряно...

Между тѣмъ войска, подъ вліяніемъ подстрекателей, выказывали нетерпѣніе по поводу странной роли, какою ихъ заставляли разыгрывать, и готовы были уже покинуть великаго князя, который, послѣ слабыхъ возраженій, написалъ слѣдующую декларацію: „Позволяю польскимъ войскамъ, оставшимся вѣрными мнѣ до этой послѣдней минуты, присоединиться къ своимъ товарищамъ. Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь изъ столицы; надѣюсь, что рыцарскія чувства поляковъ не допустятъ ихъ тревожить русскія войска на пути къ имперіи. Всякаго рода учрежденія, частную собственность и частныхъ лицъ я поручаю покровительству польской націи и ставлю ихъ подъ охрану священныхъ правилъ чести“. Вручивъ эту декларацію Замойскому, Константинъ Павловичъ пожалъ ему руку, отвернулся, чтобы вытереть слезу, и велѣлъ подать сигналъ къ отступленію. Ничто болѣе не препятствовало Польшѣ совершить самоубійство, и всѣ широко воспользовались этою возможностью.

Передъ церковью св. Александра войска побратались съ народомъ.

Потомъ, въ разсыпную, всѣ направились къ банку. Совѣтъ уже вынесъ страшную операцію раздѣла власти съ клубомъ; въ числѣ своихъ членовъ онъ считалъ „польскаго Робеспьера“ и другого якобинца, принятыхъ съ „совѣщательнымъ голосомъ“; третій делегатъ клуба, сознавая смѣшную сторону своего положенія, предпочелъ покинуть столицу. По улицамъ носили фригійскую шапку и раздавали зажигательныя прокламаціи. Засѣданія клуба сдѣлались непрерывными, а къ вечеру „польскій Робеспьеръ“, недовольный своимъ „совѣщательнымъ“ положеніемъ, взялъ своихъ политическихъ друзей, чтобъ разогнать правительство, водворившееся въ банкѣ. Онъ выбралъ неблагопріятную минуту. Собраніе въ эту пору было болѣе склонно къ умѣренности и согласію; нѣсколько ораторовъ изъ правительственной партіи сильно нападали на Мохнацкаго; его товарищъ въ клубѣ и совѣтъ далъ честное слово, что „правительство дѣйствовало сообразно духу революціи“. Освистанный, преслѣдуемый, какъ дикій звѣрь, криками „Робеспьеръ“, „террористъ“, „клеветникъ“, Мохнацкій спасся только благодаря быстротѣ своихъ ногъ. Но его ждало еще большее униженіе. Онъ направился къ помѣщенію воспитанниковъ военной школы, рассчитывая на ихъ помощь для осуществленія своихъ намѣреній, въ особенности, для убійства „великаго финансиста“, т. е. Любецкаго, котораго Мохнацкій особенно ненавидѣлъ. Нѣсколько ловкихъ словъ трибуна произвели было уже дѣйствіе на молодежь: воспитанники зарыжали карабины, когда начальникъ школы протестовалъ противъ новыхъ преступленій: „вы перейдете только черезъ мой трупъ“, крикнулъ онъ своимъ. Принужденный отступить и спрятаться, Мохнацкій нашелъ убѣжище и сострадательный пріемъ у своего смертельнаго врага, Любецкаго.

Между тѣмъ, реакціонное теченіе возникало само собою. Всѣ симпатіи были обращены къ Хлопицкому, который (вслѣдствіе легкаго воспаленія мозга) былъ провозглашенъ жертвой „якобинцевъ“. Университетская молодежь устроила ему почетный караулъ, и обыскала квартиру „Робеспьера“, въ намѣреніи повѣсить его самаго на фонарѣ. Нѣсколько рѣшительныхъ молодыхъ людей разогнали клубъ. Къ несчастію постоянное и слишкомъ продолжительное замазываніе разваливъ стараго порядка окончательно ослабило и разрушило узы іерархіи и повиновенія. Лѣтя страстямъ, тѣмъ самымъ ихъ разнуздавали; въ толпу допустили проникнуть мысль, что правительство только и думало о національной войнѣ; малѣйшее авторитетное, примирительное слово, возбуждало раздраженіе, сладить съ которымъ никто не былъ въ силахъ. Революціонеры громко требовали войны и вооруженія народа; они хотѣли напасть на русскихъ, идти въ Литву на встрѣчу непріятелю. Это, конечно, было безуміе, но по крайней мѣрѣ, безуміе, обладавшее своего рода систематичностью. Большинство членовъ правительства, люди умѣренные, чуждые воинственныхъ склонностей, живя мыслью только примиреній, не имѣли мужества ни дѣй-

ствовать сообразно своимъ убѣденіямъ, ни покинуть свой постъ. Послѣ трехдневной полной анархіи, совѣтъ умолилъ Хлопицкаго взять снова на себя главное командованіе арміею. Хлопицкій сначала отказался наотрѣзъ; но наконецъ, уступая настояніямъ Чарторыскаго и Нѣмцевича сказалъ: „Хорошо; но это будетъ диктатура, въ которой я нуждаюсь для возстановленія порядка и дисциплины и которую удержу до созванія сейма“. Должно быть, правительство все таки не хотѣло отрекаться отъ власти, такъ какъ совѣтъ успѣшилъ послать Хлопицкому назначеніе главнокомандующимъ. Хлопицкій явился въ полной формѣ въ банкъ, разорвалъ съ гнѣвомъ свое назначеніе, потомъ отправился на Марсово поле и предъ войсками провозгласилъ себя диктаторомъ. Въ своемъ манифестѣ Хлопицкій ссылался на „критическое положеніе отечества, на примѣръ римлянъ“ и выражалъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимость передать власть сейму, который долженъ былъ собраться 18 декабря. Зная по опыту, что такое война, справедливо оцѣнивая сравнительныя силы своего отечества и Россіи, Хлопицкій не допускалъ и мысли о борьбѣ и о возможности подѣйствовать на императора Николая угрозой общаго возстанія, столь любезной добровольнымъ стратегамъ, которые кишѣли вокругъ диктатора. Послѣднимъ словомъ Хлопицкаго было почетное подчиненіе, а сопротивленіе — лишь настолько, чтобъ спасти военную честь и не кончить въ родѣ неаполитанцевъ, какъ онъ выражался. Но диктатура, заранѣе объявленная лишь средствомъ на нѣсколько дней, теряла, въ глазахъ массы, вѣсъ и обаяніе; вмѣсто того, чтобъ видѣть въ ней узду, ее считали „символомъ наступательнаго дѣйствія“. Сверхъ того, диктаторъ унаслѣдовалъ неурядицу и анархію, достигшія крайней степени, наслѣдовалъ всѣ ошибки предыдущаго правительства, которое продолжало прозябать рядомъ съ диктаторомъ, съ прежними колебаніями, съ неразумною умѣренностью, столь неумѣстными въ виду опасности.

Въ письмѣ къ императору Хлопицкій взывалъ къ великодушію государя для предупрежденія кровопролитія, заявлялъ, что нація желаетъ умѣренной свободы, которою не думаетъ злоупотреблять; но по этому самому хочетъ быть огражденною въ своихъ правахъ отъ всякаго насилія; въ заключеніе онъ указывалъ на то, что временное правительство уже сознало необходимость отправить въ Петербургъ двухъ депутатовъ (Любецкаго и Езерскаго), уполномоченныхъ повергнуть къ подножію трона выраженіе желаній націи, чтобъ польскія провинціи, прежде присоединенныя къ имперіи, были допущены къ пользованію такими же правами, какъ и жители царства..

13 января возвратился изъ Петербурга Езерскій. Вотъ сущность отвѣта, который онъ привезъ. Императоръ требовалъ прежде всего суда надъ зачинщиками возстанія, но не настаивалъ на непремѣнной ихъ карѣ. Въ присоединеніи провинцій государь отказывалъ: „Пусть поляки подчинятся, говорилъ онъ, пусть имѣютъ ко мнѣ довѣріе, и

они будутъ счастливы; слово государя имѣть свою цѣну. Но первый пушечный выстрѣлъ разрушитъ Польшу совершенно!"

Между тѣмъ, положеніе Хлопицкаго было трудное. Пока ожидался отвѣтъ на депутацію, диктаторъ всѣми силами замедлялъ вооруженія, соглашаясь только на такія мѣры, которыя составляли неизбежное послѣдствіе необдуманнхъ распоряженій, сдѣланныхъ ранѣе. Подчиненные утомляли его несвоевременными совѣтами и ненужными планами кампаній. Онъ отсылалъ ихъ одного за другимъ въ провинцію, въ гарнизоны и крѣпости; они вносили туда недовольство, ропотъ противъ диктатора, нравственный авторитетъ котораго крайне страдалъ отъ неопредѣленнаго характера правительственной политики.

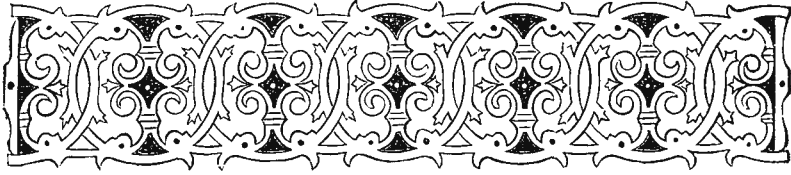
Какъ только собрался сеймъ, въ немъ тотчасъ же началась ожесточенная борьба противъ власти диктатора. „Совѣтъ, говорилъ Хлопицкій депутаціи сейма, обязываетъ меня предупредить васъ, что я не обязываюсь ни къ чему другому; кромѣ того, чтобъ поддерживать существованіе королевства, и добиться болѣе вѣрнаго выполненія хартіи... Я не могу ни подвергать нашу армію вѣрной потерѣ, ни дѣлаться клятвopреступникомъ противъ своего государя“. Старая конституціонная оппозиція не хотѣла слышать о диктаторской власти: она—самое большее, соглашалась дать Хлопицкому командованіе арміею и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ короля, который царствуетъ, но не управляетъ. Угрозы университетской молодежи, которая говорила, что изрѣжетъ въ куски противниковъ диктатора, заставили, впрочемъ, большинство подать голосъ за диктатуру, но рядомъ съ диктаторомъ поставленъ былъ совѣтъ, состоявшій изъ 5 сенаторовъ и 8 членовъ палаты, облеченныхъ властью „отозвать диктатора“, т. е. низложить его во всякое время. Сверхъ того, временное правительство превратили въ „верховный совѣтъ“, подъ предсѣдательствомъ Чарторьскаго, а подъ нимъ организовали отвѣтственное министерство: Малаховскій взялъ себѣ внутреннія дѣла, Немойовскій—юстицію, Лелевель сохранилъ портфель народнаго просвѣщенія.

По полученіи упомянутаго отвѣта императора Николая, сцены насилія снова разразились среди совѣта. Хлопицкаго обвиняли въ измѣнѣ, упрекали его въ узурпаціи власти. Нареканіямъ положилъ конецъ только апоплексическій ударъ, который поставилъ жизнь Хлопицкаго въ опасность. Сейму въ засѣданіи 19 января 1831 г. предстояло пополнить, какъ пробѣлъ въ правительствѣ, такъ и немѣніе главнокомандующаго. Для этой цѣли избраны были двѣ комисіи, а затѣмъ перешли къ обсужденію проекта манифеста сейма. Въ этотъ моментъ графъ Солтыкъ внесъ предложеніе о низложеніи династіи. Истиннымъ виновникомъ такого предложенія былъ не кто иной, какъ „польскій Робеспьеръ“, опять всплывшій на верхъ вмѣстѣ съ анархіей: сдѣлавшись силою, Мохнацкій сталъ во главѣ воскres-

шаго клуба, который составлялся изъ шайки авантюристовъ, набранныхъ среди столичнаго омота. Въ тотъ же день низложеніе было провозглашено соединенными палатами. Какъ только докладчикъ сталъ говорить въ поддержку предложенія Солтыка, одинъ депутатъ воскликнулъ: „нѣтъ болѣе императора!“ Тотъ же возгласъ повторили зрители съ галереи палаты. Съ этихъ поръ конституціонный король Польши пересталъ существовать; остался только самодержецъ все-россійскій.— „Вы погубили Польшу“, сказалъ Чарторыйскій маршалу сейма, въ моментъ подписанія акта о низложеніи, тотчасъ же редактированнаго Нѣмцевичемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ подписалъ актъ и принялъ президенство въ національномъ правительствѣ, избранномъ палатами. Рядомъ съ Чарторыйскимъ помѣстили Немойовскаго и Лелевеля и еще двухъ доктринеровъ, занятыхъ больше всего тѣмъ, чтобъ спасти принципы „конституціоннаго правительства“. Сеймъ удержалъ за собой право наблюдать за правительствомъ, назначать и смѣнять главнокомандующаго арміею. Существовали надежды на вмѣшательство и заступничество западныхъ державъ за Польшу; для испрошенія такого заступничества были еще раньше посланы, вопреки мнѣнію Хлопицкаго, но съ согласія Чарторыйскаго: въ Лондонъ— маркизъ Велепольскій и въ Парижъ—г. Валицкій. Манифестъ польскаго сейма нисколько не помогъ успѣху этого посольства, не смотря на всѣ усилія Велепольскаго и хлопоты его въ лондонскихъ дипломатическихъ сферахъ. Что касается назначенія командующаго войсками, то сеймъ выбралъ на эту должность князя Радзивила, человѣка завѣдомо неспособнаго, который принялъ эту обязанность, превышавшую его силы, только подъ условіемъ, что Хлопицкій будетъ ему помогать совѣтами. Планъ Хлопицкаго былъ составленъ уже давно: онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, около 40,000 человѣкъ, — между Варшавою, Модлиномъ и Сероцкомъ, въ знаменитомъ треугольникѣ, который Наполеонъ считалъ одною изъ самыхъ сильныхъ позицій въ Европѣ. Да и пора уже было: фельдмаршалъ Дибичъ приближался къ границамъ царства польскаго форсированнымъ маршемъ...

Н. С. К.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

АНГЛІЯ.

ИСТОРИЯ Англии имѣетъ то неоцѣнимое преимущество передъ исторіей другихъ европейскихъ народовъ, что представляетъ почти въ самомъ началѣ своемъ памятникъ, который можетъ служить богатымъ источникомъ для самыхъ разнообразныхъ данныхъ—политическихъ, экономическихъ и культурныхъ. Мы разумѣемъ знаменитую опись землевладѣнія, составленную вскорѣ послѣ Норманскаго завоеванія и извѣстную подъ названіемъ Domesdaybook. Къ сожалѣнію, англійскіе ученые менѣе воспользовались этимъ памятникомъ, чѣмъ это случилось бы въ Германіи или во Франціи, гдѣ чисто ученныя и антикварныя изслѣдованія давно поставлены на строго научную почву. Но въ послѣднее время и въ Англии ученая разработка главнаго памятника отечественной исторіи сдѣлала большіе успѣхи, въ особенности благодаря результатамъ добросовѣстнаго и обширнаго труда Итона ¹⁾ съ указаніемъ на который будетъ всего умѣстнѣе начать отчетъ. Авторъ имѣлъ полное право назвать свое сочиненіе ключемъ къ Домесдею, ибо хотя онъ подвергнулъ спеціальному анализу только небольшую часть всего памятника — именно опись графства Дорсетъ, но изслѣдованія его относительно терминовъ и техническихъ пріемовъ составителей этой описи могутъ быть примѣнены и къ остальнымъ частямъ Домесдея и многіе выводы, добытые авторомъ, имѣютъ общее значеніе. Не углубляясь въ подробности, мы укажемъ на нѣкоторые данныя, которыя важны не только для изслѣдователей Домесдея и англійской исторіи, но имѣютъ обще-историческій и культурный интересъ. Единица по-

¹⁾ A Key to Domesdaybook, exemplified by an Analysis and Digest of the Dorset Sarvey, By Rev. R. W. Eyton.

земельнаго кадастра, по которой опредѣлялась въ Домесдеѣ доходность владѣній и распредѣлялся государственный сборъ, извѣстный подъ стариннымъ названіемъ Danegeld (сборъ для отраженія датчанъ, т. е. норманновъ) до сихъ поръ представляла изслѣдователямъ неразрѣшимыя затрудненія. Она носила названіе hide (кожа, затѣмъ отмѣренная кожаными ремнемъ земля) и первоначально по своему размѣру соотвѣтствовала среднему размѣру двора (hova у англосаксовъ; въ Германіи Hufe—Hof). Обыкновенно полагали, что гайдъ обозначалъ и во время Вильгельма Завоевателя опредѣленное количество земли, т. е. составлялъ какъ въ старину 40 акровъ. Итонъ доказалъ, что этотъ терминъ въ XI вѣкѣ пересталъ быть поземельной мѣрой, а употреблялся въ переносномъ смыслѣ, т. е. обозначалъ единицу обложенія. Сообразуясь съ различіемъ доходности, гайдъ обнималъ большее или меньшее количество земли. Такъ напримѣръ въ небольшомъ помѣстьѣ (manor) Гаммунъ, заключавшемъ въ себѣ 677 акровъ, считалось 5 гайдовъ, а болѣе значительное помѣстье Педлтаунъ, обнимавшее 4,126 акровъ, заключало въ себѣ только полтора гайда. Среднимъ числомъ однако гайдъ, по раскладкѣ, принятой въ Домесдеѣ, заключалъ въ себѣ 239 акровъ и такъ какъ средняя поземельная рента въ Дорсетѣ составляла 1 пенни, то въ общемъ числѣ поземельная рента каждаго гайда равнялась одному фунту (240 пенни). Это общее вычисленіе, вѣрное относительно всего графства, примѣнимо также къ множеству отдѣльныхъ случаевъ; такъ напримѣръ рента 92 гайдовъ Уильяма де Ау была опредѣлена въ 90 л 10 ш. и 36 гайдовъ графа Честера — въ 34 л . За то въ другихъ случаяхъ рента очень удалялась отъ средняго вычисленія; такъ 38 гайдовъ Эдуарда Селисберійскаго давали годовой доходъ въ 70 л , а съ другой стороны 9 гайдовъ Уалсина де Дуэ давали только 6 л , 13 гайдовъ Уильяма де Фалезъ — 8 л и 11 гайдовъ графини Иды Булоньской только 4 л 1 ш.

Интересны также статистическія данныя о землевладѣніи, извлеченныя Итономъ изъ Дорсетской описи. Главнымъ собственникомъ въ этомъ графствѣ былъ король, которому принадлежало 365 г., т. е. около $\frac{1}{7}$ всего пространства. За нимъ слѣдовали епископъ Сальсберійскій съ 259 г., сводный братъ короля, графъ Моретонъ съ 159 г., игуменья Шефтеберійскаго и аббаты Сернскаго и Милтонскаго монастырей съ 125 гайдами. Вообще же, церкви принадлежало въ то время болѣе одной трети всего графства и гораздо больше чѣмъ баронамъ и непосредственнымъ королевскимъ вассаламъ. Если свести землевладѣніе въ Дорсетѣ на процентныя отношенія, то окажется, что принадлежало:

Королю	13,5%
Церкви	39
Баронамъ (33 въ числѣ)	37
Королевскимъ танамъ и мелкимъ владѣльцамъ	10,5

Особенный культурно-исторический интерес имѣтъ наконецъ сравненіе статистическихъ данныхъ, представляемыхъ Домесдеемъ, съ современными. По исчисленіямъ Итона, число взрослыхъ мужчинъ въ Дорсетѣ въ 1086 году доходило до 9,000. Въ настоящее время это число можно опредѣлить въ 45,000; такимъ образомъ, населеніе увеличилось въ 800 лѣтъ въ 5 разъ. Поземельная же рента, которая въ 1086 году составляла 1 пенсъ съ акра (1 акръ = 0,37 десят.) достигла въ наше время до 21 шил. съ акра, т. е. увеличилась въ 250 разъ или въ 50 разъ быстрѣе, чѣмъ населеніе. Конечно здѣсь надо принять въ расчетъ и измѣнившуюся цѣну денегъ. Покупная сила одного шиллинга въ эпоху Вильгельма Завоевателя равняется 35 шиллингамъ нашего времени, если будетъ высчитана по цѣнѣ ржи и пшеницы, или 60 шиллингамъ, въ примѣненіи къ стоимости домашняго скота. Это замѣчательное увеличеніе доходности земли, сравнительно съ увеличеніемъ цѣнъ на продукты земледѣлія, есть блестящее доказательство громаднхъ успѣховъ земледѣльческой культуры, достигнутыхъ въ Англій.

Болѣе популярный характеръ и обще-интересное значеніе имѣтъ другое сочиненіе, относящееся къ той же эпохѣ Норманскаго завоеванія — біографія знаменитаго сподвижника Вильгельма Завоевателя — Ланфранка, архіепископа Кантерберійскаго, написанная на французскомъ языкѣ ¹⁾. Ланфранкъ, замѣчательный и по своей личности и по той роли, которую онъ игралъ въ развитіи католической догматики, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей той эпохи, которая дала новое направленіе всей англійской исторіи. Завоеваніе Англій норманнами было торжествомъ романскаго принципа, важнымъ шагомъ для включенія Англій въ общее развитіе культурной жизни въ западной Европѣ; побѣда норманновъ была бы не полною, еслибы она совершилась только въ области политической; для прочной романизации завоеванной страны необходимо было подчиненіе англійской церкви, національнаго духовенства, пришлому, завоевательному элементу. Именно это было дѣломъ архіепископа Ланфранка, и по этой своей дѣятельности онъ занимаетъ видное мѣсто рядомъ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ и дополняетъ въ области церковной дѣло завоеванія.

Не смотря однако на важное значеніе Ланфранка въ исторіи Англій, онъ до сихъ поръ не имѣлъ біографа, который бы подвергнулъ историческій матеріалъ спеціальному научному изслѣдованію и разработалъ бы свой предметъ удовлетворительнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого, въ историографіи встрѣчаются самыя разнообразныя и противорѣчащія сужденія о характерѣ и значеніи Ланфранка. Такъ

¹⁾ Lanfranc. Archevêque de Cantorbery; sa vie, son enseignement, sa politique, par I. de Crozals.

напримѣръ Стѣбсъ, авторъ извѣстной „Конституціонной исторіи Англій“, характеризуя дѣятельность Ланфранка, утверждалъ, что „онъ былъ столько же англичаниномъ, сколько норманпомъ“. Съ другой стороны знаменитый англійскій историкъ Фриманъ настаиваетъ на томъ, что стемленіе Ланфранка были „космополитическія, а не англійскія“, и что онъ при всѣхъ своихъ великихъ свойствахъ „жилъ и умеръ среди насъ чужестранцемъ“. Пелгревъ, авторъ чрезвычайно ученой исторіи норманскаго завоеванія, видѣлъ въ Ланфранкѣ „великаго преобразователя англійской церкви“; въ этомъ же смыслѣ высказывается англійскій біографъ Ланфранка, Гукъ, въ своихъ „Жизнеописаніяхъ митрополитовъ южной Англій“; онъ говоритъ, что Ланфранкъ положилъ основы англійской церкви въ англо-норманскомъ періодѣ, установилъ принципы, которые преемники Вильгельма Завоевателя успѣшили осуществить на практикѣ, и нѣкоторые преемники Ланфранка напримѣръ Ансельмъ и Тома Бекетъ, пытались устранить. Въ противность этому, Морисъ, авторъ сочиненія о средневѣковой философіи, основываясь на свидѣтельствѣ средневѣковаго писателя Идмера (Eadmer), ставитъ Ланфранка гораздо ниже Ансельма, и утверждаетъ, что онъ составилъ себѣ менѣе ясное понятіе, чѣмъ Ансельмъ объ англійскихъ правахъ и учрежденіяхъ и о средствахъ, съ помощію которыхъ церковь могла бы особенно успѣшно повліять на нихъ.

Такое же разногласіе встрѣчаемъ мы между писателями въ опредѣленіи личнаго характера и наклонностей Ланфранка. Стѣбсъ держится того мнѣнія, что Ланфранкъ былъ „столько же государственнымъ человѣкомъ, сколько и богословомъ“. Морисъ признавалъ самой характеристической чертой Ланфранка то, что онъ былъ государственнымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которымъ монашеская жизнь была вовсе не по праву. Совершенно противоположно и ближе къ истинѣ высказывается новѣйшій біографъ Ланфранка, де-Кроза, считающій необходимымъ помнить, что, Ланфранкъ всю жизнь оставался монахомъ — для того чтобы понять политику и характеръ этого архіепископа.

Изъ этого достаточно видно, въ какой степени историческая наука нуждалась въ тщательной разработкѣ матеріала для біографіи Ланфранка и основательной оцѣнкѣ этой личности. Новый біографъ, де-Кроза, исполнилъ свою задачу добросовѣстно. Онъ написалъ свое изслѣдованіе по первоначальнымъ источникамъ и вообще держался при пользованіи ими правильнаго критическаго метода. Правда, онъ въ этомъ отношеніи далеко не безупреченъ, и ученый специалистъ по англійской исторіи нѣмецкій профессоръ Паули въ своей рецензій на книгу де-Кроза, намѣтилъ цѣлый списокъ ошибокъ, недоразумѣній и опущеній въ пользованіи источниками и толкованіи ихъ (Sybel. Hist. Zeitsch. V p. 335). Такъ напр. онъ пользуется апокрифической хроникой Ингульфа и подложными привилегіями, считая ихъ подлинными; проповѣдника Эльфрика отождествляетъ съ архіепископомъ

этого имени; изъ одного сочиненія Ланфранка (*de rebus ecclesiasticis*) дѣлаеть два различныхъ, о другихъ вовсе не упоминаеть и т. п. Но такого рода промахи почти неизбежны и ихъ можно простить молодому французскому писателю, не наученному строгимъ научнымъ приѣмамъ нѣмецкой историографіи въ изслѣдованіяхъ по средневѣковымъ источникамъ. Строже отнесутся образованные читатели къ другому недостатку книги де-Кроза, слишкомъ часто встрѣчающемуся у французскихъ историковъ, недостатку, который вредить интересу внушаемому книгой и подрываетъ до нѣкоторой степени довѣріе читателей къ сужденіямъ автора—это его поверхностное знакомство съ современными пособіями, съ исторической литературой Англии и Германіи. Говоря напримѣръ о церковныхъ учрежденіяхъ и политическихъ событіяхъ XI вѣка, де-Кроза ссылается на устарѣлыя сочиненія Шерона, Тёрнера и Лингарда вмѣсто того, чтобы сослаться на новыя сочиненія по этому предмету Кембля, Пелгрева, Стѣбса и Фримана. Онъ находитъ, что „разсказъ о завоеваніи Англии сбродными дружинами, собранными подъ знамена Вильгельма Завоевателя, не требуетъ болѣе никакихъ поясненій“. Съ этимъ конечно нельзя не согласиться, но читателю, знакомому съ новѣйшей англійской историографіей, съ сочиненіями вышеприведенныхъ нами авторовъ, покажется слишкомъ слабымъ мотивъ, которымъ руководился де-Кроза, дѣлая такой выводъ; онъ полагаетъ, что вопросъ о норманскомъ завоеваніи былъ окончательно рѣшенъ и исчерпанъ извѣстнымъ сочиненіемъ Огюстена Тьерри.

Не менѣе странно то, что де-Кроза, подробно обсуждая вопросъ о юридическомъ образованіи Ланфранка и о занятіяхъ римскимъ правомъ въ Ломбардіи въ X и XI вѣкахъ, не воспользовался знаменитымъ сочиненіемъ Савиньи „Объ исторіи римскаго права въ средніе вѣка“, откуда онъ почерпнулъ бы много важныхъ данныхъ. А въ прекрасной главѣ де-Кроза о соперникѣ Ланфранка въ области схоластической догматики, Беренгарѣ Турскомъ, многіе читатели съ удивленіемъ замѣтятъ, что авторъ не упоминаеть о замѣчательномъ трактатѣ Беренгара, найденномъ Лессингомъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ и изданной Фишеромъ въ 1834 году.

Не смотря однако на такой недостатокъ научной начитанности автора, книга его представляетъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу объ Англии и будетъ служить полезнымъ пособіемъ для всѣхъ, кто пожелаетъ вникнуть въ многознаменательную эпоху Норманскаго завоеванія.

Нѣкоторые темные вопросы изъ жизни Ланфранка остаются для насъ неразъясненными и послѣ сочиненія де-Кроза по недостатку историческаго матеріала для рѣшенія ихъ. Мы напр. не знаемъ причины, которая заставила молодого Ланфранка покинуть свое отечество—Ломбардію и отправиться на сѣверъ. Мы находимъ его затѣмъ въ Авраншѣ—въ романской Швейцаріи,—городѣ, славившемся тогда древностью своего епископскаго престола и своей школой. Здѣсь

талантливый и ученый ломбардец имѣлъ большой успѣхъ своей преподавательской дѣятельностью; но, вѣроятно неудовлетворенный жизнью и побуждаемый какъ многіе замѣчательные люди того времени контрастомъ между своей практической дѣятельностью и высокимъ нравственно-аскетическимъ идеаломъ, который онъ носилъ въ сердцѣ — Ланфранкъ оставилъ свое славное поприще и искалъ уединенія на далекомъ сѣверѣ, въ бѣдномъ тогда и смиренномъ монастырѣ Бекѣ, въ Нормандіи. Но темная обитель не была въ состояніи скрыть блеска пріютившагося въ ней пришельца и слава и вліяніе Ланфранка вскорѣ доставили монастырю первенствующее положеніе на Европейскомъ сѣверо-западѣ. Судьба не замедлила свести двухъ людей, имена которыхъ она впоследствии такъ тѣсно связала въ общей исторической дѣятельности — итальянскаго монаха и суроваго норманскаго вождя. Первое знакомство Ланфранка съ герцогомъ было не дружеское. Вильгельмъ былъ въ ссорѣ съ папой из-за своего брака, признаннаго не каноническимъ; Бекскій монастырь стоялъ на сторонѣ папы, наложившаго интердиктъ на страну и полчища герцога опустошили имѣніе монастыря. Мы не знаемъ, какъ и почему Ланфранкъ изъ противниковъ Вильгельма сдѣлался его защитникомъ, оправдывавшимъ бракъ, который онъ прежде осуждалъ — читателю остается здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, удовлетвориться правдоподобными объясненіями нашего автора; какъ бы то ни было, съ этой минуты жизнь Ланфранка и исторія Вильгельма Завоевателя, представляютъ намъ двѣ параллельно текущія, могущественныя струи.

Мы уже замѣтили, что завоеваніе Англіи норманнами было не только политическимъ, но и церковнымъ, культурнымъ завоеваніемъ — торжествомъ романскаго, и отчасти папскаго принципа. Въ теченіе 8 лѣтъ предшествовавшихъ вторженію норманновъ, Ланфранкъ былъ душою сношеній между герцогомъ и папою, посредникомъ ихъ взаимныхъ интересовъ. Англія много потеряла отъ того, что не имѣла подобнаго защитника при римской курии; неправильность сношеній между англійскими королями и папами, небрежность, съ которою эти короли уплачивали Риму старинную дань, наложенную на Англію подъ названіемъ диварія св. Петра, и наконецъ, что особенно интересно для историка культуры — извѣстная оппозиція англійскаго духа противъ новаго толкованія догмы о пресуществленіи, установленной Ланфранкомъ въ его сочиненіи „De corpore“ и усвоеннаго римскою церковью, все это побуждало папу благоприятствовать норманскимъ интересамъ.

Въ 1066 году герцогъ Норманскій, благодаря успѣху своего оружія, сталъ королемъ Англіи, а четыре года спустя его сподвижникъ, Ланфранкъ, былъ сдѣланъ архіепископомъ Кантерберійскимъ. Какъ 1066 годъ для англо-саксонской аристократіи, такъ 1070 годъ былъ „роковымъ годомъ“ для англо-сакскаго духовенства. Порабощеніе національнаго духовенства завоевателями облегчалось и въ тоже время

оправдывалось его невежеством, которое, впрочем, выставлено у де-Кроза слишком рѣзкимъ, такъ какъ онъ принимаетъ на вѣру отзывы объ этомъ Ланфранка и норманновъ. Лѣтъ за 30 передъ тѣмъ, норманское духовенство по своему образованію и по нравамъ стояло не выше англійскаго, но энергія Вильгельма, руководимаго Ланфранкомъ, произвела въ немъ важную переимѣну къ лучшему; теперь Ланфранкъ взялъ на себя задачу провести подобную реформу въ Англии; но для этой цѣли онъ былъ принужденъ замѣнить на самыхъ видныхъ мѣстахъ англійскихъ прелатовъ иностранцами, преимущественно изъ Бекскаго монастыря и изъ Лотарингіи, чуждыми народу по происхожденію, по образованію и симпатіямъ.

Забываясь о реформѣ подчиненной имъ церкви и проводя въ ней подобно лучшимъ людямъ XI вѣка монашескій принципъ, Ланфранкъ не забывалъ и объ интересахъ церковной власти, которую онъ представлялъ. Ему удалось положить конецъ старинному соперничеству между архіепископскими престолами въ Кантербери и Йоркѣ — въ интересахъ перваго и добившись со стороны сѣверной митрополи признанія кантерберійскаго супремата, онъ объединилъ Англию также и въ церковномъ отношеніи, какъ это сдѣлалъ Вильгельмъ въ политическомъ. Съ этого момента, какъ замѣтилъ историкъ Фриманъ, начинается безспорное владычество Ланфранка надъ церковью. И къ нему можно было, по справедливости, примѣнить выраженіе, что онъ былъ для англичанъ „вторымъ папой“. Этимъ, однако, не исчерпывается историческое значеніе Ланфранка. Вслѣдствіе своей близости къ монарху, никто изъ англійскихъ приматовъ не имѣлъ такой власти и такого вліянія внѣ предѣловъ церкви. Это вліяніе простиралось на всю политику Вильгельма, какъ на церковную, такъ и на свѣтскую. По выраженію Стебса, Ланфранкъ былъ „единственнымъ личнымъ другомъ короля, единственнымъ конституционнымъ совѣтникомъ, авторитетъ котораго былъ основанъ на извѣстной независимости“.

По этому поводу намъ приходится отмѣтить чрезвычайно многознаменательный для исторіи Англии фактъ. Завоеваніе Англии было совершено норманскимъ герцогомъ съ помощью и подъ благословеніемъ папы. Не смотря, однако, на это, папа нашелъ въ новомъ англійскомъ королѣ твердаго защитника національнаго интереса противъ римскихъ притязаній. До насъ дошло письмо Вильгельма, замѣчательное спокойнымъ, умѣреннымъ, но рѣшительнымъ тономъ, которымъ король отвергаетъ требованія могущественнаго и грознаго Гильдебранда. Вильгельмъ заявляетъ себя полнымъ наслѣдникомъ прежнихъ англійскихъ королей и всѣхъ ихъ правъ и обязанностей. Что они платили Риму, онъ готовъ платить, чего они не платили, того и онъ не хочетъ платить.

Совершенно такой же политикой, относительно папскаго престола, руководится Ланфранкъ и въ своихъ непосредственныхъ, церковныхъ отношеніяхъ къ папѣ. Онъ готовъ оказывать Григорію VII полное

повиновение, требуемое каноническим правом (*secundum canonum graeserta*); но не болѣе. Здѣсь предѣлъ его повиновения. Во всемъ остальномъ онъ „слуга короля (*l'homme du roi*) и одного короля“. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ англо-норманской исторіи, дѣятельность главы англійскаго духовенства уже отличается той независимостью, тѣмъ національнымъ характеромъ и той патриотической преданностью королю, благодаря которымъ высшему англійскому духовенству пришлось играть такую важную и славную роль въ исторіи развитія англійскаго конституціонализма; итальянскій выходецъ и организаторъ англійской церкви кладетъ основаніе политики, которая пять вѣковъ спустя заканчивается отпаденіемъ Англій отъ Рима и установленіемъ національной церкви.

Значеніе біографіи Ланфранка, написанной де-Кроза, много выигрываетъ отъ того, что она заключаетъ въ себѣ кромѣ того лучшую въ исторической литературѣ характеристику знаменитаго противника его — Беренгара Турскаго. По свидѣтельству Гитмонда изъ Аверзы, которое приняли на вѣру многіе новые писатели, великій учитель, возстановившій славу, которой школа въ Турѣ пользовалась въ дни Алькуина — будто бы не имѣлъ никакой наклонности къ богословскимъ занятіямъ и только случайно, чтобы поднять репутацію школы принялся за науку, которую прежде никогда не изучалъ. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ, Морисъ представляетъ его „трудолюбивымъ, серьезнымъ, простодушнымъ клерикомъ, который вовсе не былъ склоненъ къ схоластическимъ тонкостямъ, но имѣлъ отвращеніе къ нимъ“. Де-Кроза доказалъ всю несостоятельность такого взгляда. Въ дѣйствительности Беренгаръ былъ единственнымъ современникомъ, который былъ въ состояніи помѣриться съ Ланфранкомъ въ схоластической полемикѣ или сравниться съ нимъ въ учености. Беренгаръ былъ замѣчательнымъ диалектикомъ и въ тоже время увлекательнымъ преподавателемъ, краснорѣчіе и манера котораго имѣла какое-то чарующее обаяніе для всѣхъ, кто съ нимъ сближался. Де-Кроза выводитъ изъ одного выраженія Ланфранка (*quando in scholis militavimus*) правдоподобное заключеніе, что Ланфранкъ и Беренгаръ были товарищами по школѣ. Этотъ фактъ придаетъ еще болѣе интереса отношеніямъ между обоими соперниками — установителемъ католической догматики и родоначальникомъ рационалистической ереси, и одинъ изъ рецензентовъ книги де-Кроза справедливо напоминаетъ по этому поводу о Юліанѣ и св. Василии, сидѣвшихъ рядомъ на скамьяхъ аѳинской школы. (R. Hist. 1879. III. 180).

Для читателей, интересующихся главнымъ вопросомъ англійской исторіи—постепеннымъ развитіемъ политической свободы и конституціонныхъ формъ, мы считаемъ необходимымъ указать на новое изданіе одного юридическаго памятника, хотя и очень спеціальнаго ха-

рактера, но чрезвычайно любопытнаго по историческим выводамъ, къ которымъ приводитъ его изученіе. Мы разумѣемъ изданіе пяти книгъ о законахъ и обычаяхъ Англіи, написанныхъ знаменитымъ юристомъ XIII вѣка Генрихомъ де-Брактономъ ¹⁾. Эпоха, въ которую Брактономъ — бывшій королевскимъ судьей и вѣроятно одно время преподавателемъ права въ Оксфордѣ — закончилъ свое сочиненіе, придаетъ ему особенный интересъ для исторіи англійской конституціи. Благодаря ученымъ изслѣдованіямъ и мѣткой критикѣ кенигсбергскаго специалиста по исторіи англійскаго права, профессора Гютербока, эта эпоха установлена съ значительною точностью. Сочиненіе Брактона написано въ 1256—1259 годахъ и потому отражаетъ на себѣ взглядъ англійскаго законовѣда и судьи въ самый критическій моментъ средневѣковой англійской исторіи, т. е. передъ самымъ началомъ войны бароновъ, результатомъ которой было возникновеніе — на основаніи, положенномъ Великой Хартіей — того представительнаго собранія, которое безъ существенныхъ измѣненій до сихъ поръ управляетъ судьбами англійскаго народа. И что же? Королевскій судья высказывается тамъ, гдѣ ему приходится опредѣлять права и значеніе королевской власти въ томъ же смыслѣ и духѣ, которымъ проникнуты всѣ замѣчательныя заявленія бароновъ въ ту эпоху — и петиція къ Оксфордскому парламенту и постановленія (Provisiones) Оксфордскія и Вестминстерскія. „Король, говоритъ Брактономъ, не долженъ быть подчиненъ человѣку (non debet esse sub homo), но онъ подчиненъ Богу и закону, ибо законъ ставитъ его королемъ“. А въ другомъ мѣстѣ это подчиненіе закону поясняется слѣдующимъ образомъ: „Король имѣетъ надъ собой высшаго, т. е. Бога, а также законъ, ибо въ силу закона онъ сдѣлался королемъ, а также имѣетъ надъ собой свой совѣтъ (saciam suam), т. е. товарищей бароновъ (comites barones), ибо они называются графами, т. е. какъ бы товарищами короля“. (Это толкованіе основано на игрѣ словъ: средневѣковое названіе графа (comes) тождественно съ латинскимъ словомъ, обозначающимъ спутника, товарища). „А у кого есть товарищъ, у того есть учитель и потому, если бы король не захотѣлъ знать узды и закона, они должны положить на него узду; а если не наложить, то сами вмѣстѣ съ королемъ окажутся беззаконниками безъ узды. А тогда возгласятъ противъ нихъ подданные къ Господу и скажутъ: „Господи Иисусе Христе, сдави челюсти ихъ уздою“: а Господь имъ отвѣтитъ: „я позову на нихъ народъ суровый и дальній и неизвѣстный“. Изъ этого видно, что феодальный законовѣдъ въ половинѣ XIII в. отстаиваетъ идею ограниченной монархіи, которую проводила въ то время англійская аристократія. Интересно

¹⁾ Henrici de Bracton, de Legibus et Consuetudinibus Angliae libri quinque ad diversorum et vetustissimorum codicum collationem typis vulgati. Edited by Sir Travers Twiss.

также для объясненія хода, принятаго англійской исторіей, что тогда какъ шотландское уложеніе, называвшееся *Regiam Majestatem*, составленное по сочиненію предшественника Брактона—Гланвиллы съ различными вставками и пропусками—утверждаетъ, въ одной изъ такихъ вставокъ, что никого нѣтъ выше короля, кромѣ Бога и священной римской церкви—Брактонъ вставляетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего сочиненія вмѣсто римской церкви слова — законъ и королевскую курію, т. е. парламентъ. Въ другихъ мѣстахъ своей книги Брактонъ говоритъ съ уваженіемъ о папѣ и церкви, но никогда не приписываетъ имъ высшей власти надъ королемъ и закономъ. Онъ представитель англійскаго обычнаго права (*common law*), а не каноническаго и его заимствованія изъ свода каноническаго права (*Corpus Juris Canonici*) незначительны сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ пользуется римскимъ правомъ. Цѣлыя тексты изъ Юстиніанова свода — большею частью въ сокращеніи, въ которыхъ ихъ передалъ итальянскій глоссаторъ Ацо въ своей Суммѣ—прямо внесены въ сочиненіе Брактона.

Отношенія англійскаго обычнаго права къ римскому и роль, которую послѣднее играло въ XIII вѣкѣ, до сихъ поръ, какъ выражается Макъ въ своей замѣткѣ объ изданіи Брактона (*Academy*, отъ 8 марта 1879 г.) понимались очень невѣрно законовѣдами и историками права въ Англии. Даже одинъ изъ новѣйшихъ писателей этого разряда, знаменитый Мэнъ, впалъ въ странную ошибку, обвиняя Брактона въ плагиатѣ и высказался по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Одной изъ самыхъ неразрѣшимыхъ загадокъ въ исторіи юриспруденціи всегда будетъ тотъ фактъ, что англійскій писатель временъ Генриха IV могъ быть въ состояніи выставить для своихъ соотечественниковъ какъ учебникъ чисто англійскаго права — трактатъ, вся форма котораго и цѣлая треть содержанія котораго непосредственно заимствованы изъ римскаго права (*Corpus Iuris*) и что этотъ писатель могъ рѣшиться на такую попытку въ странѣ, гдѣ систематическое изученіе римскаго права было формально воспрещено“. Брактона такъ же мало можно обвинять въ плагиатѣ, какъ средневѣковыхъ богослововъ, которые черпали полными руками свои доказательства изъ текстовъ св. писанія и изъ твореній отцовъ церкви, или какъ напримѣръ лѣтописца Ейнгарда, который составилъ свою біографію Карла Великаго, заимствовавъ и всю форму ея и около трети самаго содержанія ея изъ „Жизнеописаній цезарей“, составленныхъ Светоніемъ. Свои заимствованія изъ *Corpus Iuris* и изъ Суммы Ацона, Брактонъ признавалъ на столько точно, на сколько это требовалось въ эпоху, когда всякій законовѣдъ, всякій лѣтописецъ и всякій ученый, были болѣе или менѣе компиляторами и даже кописцами. Не разъ Брактонъ замѣчаетъ своимъ читателямъ, что о такомъ-то предметѣ они могутъ найти болѣе полныя свѣдѣнія въ Институціяхъ и въ Суммѣ Ацона. Читатели, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, вѣроятно всѣ имѣли возможность пользо-

ваться и Инструкціями и Акономъ, хотя бы сами и не обладали рукописными текстами этихъ сочиненій; ибо еще тогда не наступило то время, къ которому относится извѣстное четверостишіе:

In Institutis comparo vos brutis.
In Digestis nihil potestis,
Et vos vocamini doctores!
O tempora! O mores! ¹⁾.

Что же касается до другой стороны загадки, которую представляютъ, по мнѣнію Мэна, заимствованія Брактона изъ римскаго права, то она разрѣшается самимъ Брактономъ. Новый издатель его совершенно справедливо замѣчаетъ, что было бы трудно объяснить, почему бы этотъ древній законовѣдъ Англій сталъ въ такомъ объемѣ пользоваться для своего сочиненія источниками римскаго права, еслибы оно считалось въ его время чуждымъ и не пустило бы до этого никакихъ корней въ Англій. Въ этихъ словахъ высказывается довольно новый, но правильный взглядъ на дѣло, тогда какъ большинство историковъ англійскаго права, считавшихъ римское право чуждымъ и запрещеннымъ въ Англій съ самаго начала Норманскаго періода держалось такого мнѣнія вслѣдствіе недоразумѣнія. Отверженіе римскаго права англійскими судами не восходитъ, какъ обыкновенно полагаютъ, къ запрещенію чтеній Ваккарія при королѣ Стефанѣ, которое, какъ ясно высказываетъ Иоаннъ Салисберійскій, не достигло своей цѣли, „ибо съ Божьей помощью отъ этого еще болѣе возросла сила этого закона“ (сo magis invaluit virtus legis) и оно не имѣетъ ничего общаго съ отверженіемъ Мертонскимъ парламентомъ постановленій каноническаго права объ узаконеніи дѣтей послѣдующимъ бракомъ. Напротивъ, есть полное основаніе думать, что римское гражданское право непрерывно преподавалось въ Оксфордѣ со времени Ваккарія (въ XII вѣкѣ) до возвращенія любимца Эдуарда I (преемника Генриха III въ концѣ XIII вѣка) младшаго Аккурсія въ Болонью. Римское право стало ненавистнымъ только при Эдуардѣ I, когда этотъ король, какъ многіе государи до и послѣ него, пытался сдѣлать изъ него орудіе для проведенія монархическаго принципа въ государственное управленіе. Это становится очевиднымъ при сравненіи языка Брактона съ Бриттономъ, т. е. уложеніемъ, изданнымъ Эдуардомъ I, которое составлено по Брактону и Флетѣ, но въ которомъ почти всѣ мѣста перваго, заимствованныя изъ тѣхъ положеній римскаго права, отъ которыхъ еще вѣетъ республиканскимъ преданіемъ—исчезли. Но за то на каждой страницѣ проводится принципъ императорскихъ юристовъ — воля государя считается закономъ (quod

¹⁾ Въ Институціяхъ вы невѣжды,
Въ Дигестахъ ничего не смыслите;
И вы-то величаетесь докторами,
О нравы, о времена!

principi placuerit, pro lege habetur) и даже прямо высказывается комментаторами.

Но если мы должны признать, что английскіе законовѣды въ эпоху Брактона были болѣе или менѣе знакомы съ римскимъ правомъ, то это наводитъ насъ на интересный вопросъ, на сколько это знакомство повліяло на политическій образъ мыслей этого класса и на конституціонное развитіе въ Англіи. Нерѣдко признавалось доказаннымъ, что римское право вызываетъ наклонность къ духу деспотизма. Но несомнѣнно справедливо только то, что юристъ-теоретикъ равнодушенъ къ назначенію политической свободы. Эта черта однако вовсе не свойственна только римскому цивилисту. Юристы, которые защищали произвольное правленіе Стюартовъ въ Англіи были представителями англійскаго обычнаго права и относились съ пренебреженіемъ къ римскому праву. Само римское право, хотя оно получило свою окончательную форму только въ эпоху, когда имперія довершила разрушеніе республиканскихъ учреждений, ведетъ свое начало не отъ юристовъ позднѣйшей императорской эпохи, даже не отъ юристовъ времени Гадриана и Антониновъ—хотя оно имъ многимъ обязано—но отъ лучшихъ временъ Рима, когда „законы еще не умолкали среди шума оружія (*silent leges inter arma*), но „оружіе преклонялось передъ тогой“. Чѣмъ основательнѣе изучается римское право, тѣмъ яснѣе становится, что то, что въ насъ прочно, основано на мысли, независимой отъ формъ правленія, и что самыя чистыя источники его—первоначальныя.

По этому не должно казаться страннымъ, если законовѣдъ временъ Брактона, враждебный тиранніи Плантагенетовъ, основывалъ свое ученіе на римскомъ правѣ. Съ другой стороны не слѣдуетъ терять изъ вида чрезвычайно важнаго и счастливаго для успѣшнаго развитія англійскаго права обстоятельства, что отецъ этого права представляетъ собой первый примѣръ уваженія къ постановленіямъ англійскихъ судовъ въ смыслѣ прецедентовъ и признанія ихъ источниками закона. Въ этомъ отношеніи онъ является практическимъ юристомъ, т. е. не теоретическимъ преподавателемъ, только излагающимъ законъ передъ студентами и читателями—а королевскимъ судьей (юстиціаромъ), который примѣнялъ право на судѣ, окруженный бойкими защитниками и страстными сторонами. Американскій переводчикъ Брактона,—Коксъ, въ одномъ интересномъ примѣчаніи указываетъ на то, что число дѣйствительныхъ судебныхъ рѣшеній, приведенныхъ Брактономъ доходить до 484.

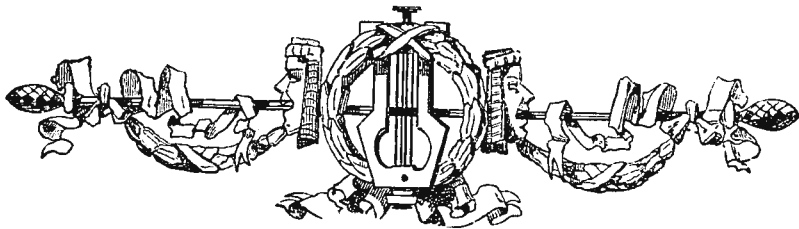
Англія можетъ теперь гордиться двумя примѣрными изданіями своихъ классическихъ источниковъ XIII вѣка—изданіемъ Бриттона сдѣланнымъ Николосомъ и изданіемъ Брактона, о которомъ мы говорили; когда къ нимъ присоединятся подобныя же изданія Гланваллы, Торнтона и Флеты, исторія англійскаго права броситъ яркій свѣтъ на политическое развитіе англійскаго народа и исторію его конституціи.

Отъ отдаленныхъ временъ Норманскаго періода, интересныхъ тѣмъ, что тогда были положены основанія конституціонныхъ учреждений, мы перейдемъ теперь къ вѣку, который представляетъ болѣе общаго интереса, къ вѣку, когда религіозная борьба ярво окрашивала вѣчныя страсти человѣческаго сердца и изъ котораго рельефно выдѣляются два женскіе образа, всѣмъ съ малолѣтства извѣстные и всегда интересные:—образъ гордой дѣвственной королевы и несчастной красавицы, искупившей свое увлеченіе долгимъ плѣномъ и казнью. Поводомъ къ этому намъ служатъ двѣ новыя біографіи ихъ, изъ которыхъ одна написана на французскомъ, а другая на нѣмецкомъ языкахъ.

Иф...лъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскій Архивъ. 1880 г. III-я книга, I-я часть. Москва.

ИЗДАТЕЛЬ „Русскаго Архива“ поторопился выпустить въ свѣтъ только одинъ небольшой выпускъ третьей книги, не дожидаясь ея окончанія. Поспѣшность во всякомъ случаѣ похвальная, чѣмъ бы ни объяснялась необходимость разрознить книгу, ибо выпущенною небольшою частью искупается малосодержательность двухъ первыхъ объемистыхъ книгъ. У постоянныхъ читателей, разочаровавшихся, быть можетъ, въ своихъ ожиданіяхъ отъ изданія на основаніи первыхъ двухъ книгъ, теперь, подъ конецъ года, снова воскреснутъ надежды на то, что портфель редакціонный вовсе не оскудѣлъ по части интереснаго историческаго матеріала. И дѣйствительно, судя по вышедшему выпуску, читатели имѣютъ всѣ основанія питать такія надежды. Въ немъ всего четыре статьи, но каждая изъ нихъ представляетъ большую цѣнность для исторической науки и живой интересъ для мало-мальски образованнаго читателя.

На первомъ планѣ являются въ видѣ сырого матеріала весьма любопытные „Вопросы Дидерота и отвѣты Екатерины II“ о внутреннемъ состояніи Россіи того времени, приведенные параллельно на французскомъ и русскомъ языкахъ. Это совмѣстное помѣщеніе подлиннаго текста и русскаго перевода оказалось въ настоящемъ случаѣ весьма необходимымъ. Откровенно говоря, переводъ поразилъ насъ невѣрностями, а мѣстами и нелѣпостями. Не будь французскаго текста, такъ бы и пришлось остаться въ недоумѣніи относительно странностей стила Дидро и Екатерины. Только обратившись къ подлиннику, мы убѣдились, что вся вина въ этомъ должна пасть на редакцію „Архива“. Не будемъ упоминать о неловкихъ и смутныхъ выраженіяхъ въ родѣ того, что „однодворецъ не садится за столъ безъ индѣйки въ горшкѣ, курица считается за вещь слишкомъ обыкновенную“, или „киргизы окружаютъ (bordent) Оренбургскую губернію“, „солонина внутренняго приготовленія (les viandes salées sont du pays). Оставимъ въ сторонѣ также неточности, какъ напр., уставовъ лѣсныхъ у насъ „частью дурно, частью вовсе не держались“ (guère et mal observés) и пр. и пр. Такіе мелкіе промахи попадаютъ на каждомъ шагѣ въ переводѣ „Русскаго Архива“; но, въ виду болѣе важныхъ ошибокъ

искаженія текста, о мелочахъ не стоитъ и говорить, хотя и онѣ, конечно въ историческомъ документѣ имѣютъ значеніе. За то въ высшей степени непростительно представлять цѣлую рѣчь историческаго дѣятеля, рѣчь ясную, умную и прекрасно выраженную, въ туманномъ и отчасти искаженномъ видѣ, какимъ-то деревяннымъ стилемъ. А именно въ такой небрежности редакція „Русскаго Архива“ даетъ поводъ обвинить ее. Въ видѣ образчика перевода возьмемъ на удачу слова Екатерины. Пусть извинитъ насъ издатель „Архива“, если на этотъ разъ, приводя отрывокъ изъ помѣщенной въ книгѣ статьи, мы не входимъ съ нимъ въ „соглашеніе“, какъ того требуетъ предостереженіе на оборотѣ первой страницы „Архива“.

И такъ, вотъ примѣръ одного изъ многихъ искаженій подминника текста, приводимое—повторяемъ—наудачу, безъ всякихъ особыхъ поисковъ:

Французскій текстъ:

Se qu'il faut craindre le plus, c'est d'être remis à l'esprit de parti, arbitre *) qui règne longtems seul, quand les sciences sont encore nouvelles, juge partial et récusable, qui croit encore plus qu'il ne sçait, qui s'attache avec opiniâtreté à ce qu'il saisit dans les ténébres, qui n'abandonne rien, parce qu'il ne distingue pas avec précision, et qui se laisse rarement ébranler: parce que les opinions ne deviennent flexibles qu'autant qu'elles se forment dans le doute et s'alimentent par la pensée, jamais par le caractère.

Или дайте на той же страницѣ:

Le pain qui nourrit le peuple, la religion qui le console: voilà ses seules idées. Elles seront toujours aussi simples que sa nature. La prospérité de l'état, les siècles, la génération suivante sont des mots qui ne peuvent le frapper; il ne tient à la société que par ses peines, et de tout cet espace immense qu'on appelle l'avenir, il n'aperçoit jamais que le lendemain.

И такихъ недѣлностей много въ небольшой статьѣ.

Скажутъ, быть можетъ, что читатели „Русскаго Архива“ могутъ обратиться непосредственно къ французскому тексту. Но допустимъ даже справедливость подобнаго соображенія. Къ чему же тогда—позволительно спросить—помѣщается подобный невозможный переводъ?

Впрочемъ, русскій языкъ всего болѣе страдаетъ въ „Русскомъ Архивѣ“, какъ это доказываетъ напримѣръ статья г. Шугурова „Миссъ Вильмотъ и княгиня Дашкова“ (о подлинныхъ запискахъ княгини Дашковой). „При разборѣ“—говорится во введеніи—„въ прошломъ году архива графа С. Р. Воронцова найдена

Русскій переводъ:

Болѣе всего надо опасаться быть подвергнутымъ духу партіи, который царитъ долго одинъ, когда науки находятся въ младенчествѣ; это судья пристрастный и недостойный довѣрія, который вѣрить болѣе чѣмъ знаетъ; который съ упрямствомъ придерживается того, что имъ схвачено во мракѣ, который(?)ничего не оставляетъ, потому что онъ не различаетъ съ точностью; котораго нельзя поколебать, потому что мнѣнія подвергаются измѣненію, когда они образуются въ сомнѣніи и питаются мышленіемъ, но никогда силою характера.

Хлѣбъ питающій народъ, религія, которая его утѣшаетъ—вотъ весь кругъ его идей. Онѣ будутъ всегда просты какъ и его природа; процвѣтаніе государства, столѣтія, грядущія поколѣнія—слова которыя не могутъ его (? не народъ ли?) поразить. Онъ (?) принадлежитъ обществу лишь своими трудами (?!), и изъ всего этого громаднаго пространства, которое называютъ будущностью, онъ видитъ лишь одинъ только наступающій день.

*) Оставлено безъ перевода.

была переписка его „съ г-жею Бредфордъ, относящаяся къ 1813 году, по поводу записокъ сестры его, княгини Екатерины Романовны Дашковой, которую (конечно, переписку, а не Дашкову) г-жа Бредфордъ намѣрена была тогда издать въ свѣтъ“. Гр. Воронцовъ не считалъ записокъ Дашковой подложными, но, по мнѣнію г. Шугурова о происхожденіи и судьбѣ этихъ записокъ даетъ понятіе рассказъ г-жи Бредфордъ, „первоначально написанный (въ 1814 г.) въ видѣ письма къ лорду Гленъверви, пользовавшемуся, по словамъ ея, высокимъ уваженіемъ въ области вкуса и литературы“. „Такъ какъ“ добавляетъ введеніе „рассказъ былъ написанъ вслѣдъ за неприятными объясненіями его автора съ графомъ Воронцовымъ и написанъ главнымъ образомъ по наставленію лорда Гленъверви, принимавшаго живѣйшее участіе въ изданіи записокъ (Дашковой), то этимъ лучше всего объясняется и значеніе его“ (опять-таки, конечно, рассказа, а не лорда Гленъверви).

Обширная статья, писанная покойнымъ княземъ В. А. Черкасскимъ, подъ заглавіемъ „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія“, помѣщена въ „Р. Архивъ“ въ томъ самомъ видѣ, какъ она сохранилась въ черновыхъ листкахъ, найденныхъ въ бумагахъ князя. Это трудъ ранней его молодости, „замышленъ широко“—говоритъ г. П. Б.—„и веденъ хотя и юношескою, но твердою и смѣлою рукою“. Князь Черкасскій разсматриваетъ ходъ историческаго развитія русской волости и попутно объясняетъ термины, названія и вмѣстѣ юридическія отношенія, древняго сельскаго быта, „недостаточно или вовсе непонятныя прежними изслѣдователями“. По словамъ автора, исторія русской волости въ своемъ тысячелѣтнемъ растженіи представляетъ четыре главные момента, которые въ рѣзкомъ противоположеніи могутъ быть изображены въ четырехъ отдѣльныхъ картинахъ. Первый моментъ—есть моментъ непосредственной, патриархальной, родовой жизни, которую открываетъ наша отечественная исторія. За этимъ періодомъ свободнаго родоваго быта славянскій волости слѣдуетъ періодъ данничества и вмѣстѣ измѣненія родоваго начала въ другое, болѣе географическое, политическое,—свободные роды славянскія покоряются разноплеменнымъ завоевателямъ, пришедшимъ съ сѣверо-запада и юго-востока и подчиненіе свое выражаютъ въ ежегодномъ платѣжѣ дани. Послѣднее и главное изъ таковыхъ племенъ завоевателей Варяги—Руссы; они мало по малу покоряютъ себѣ всю древнюю славянскую волость; вмѣстѣ съ тѣмъ родовой бытъ постепенно исчезаетъ, власть старѣйшинъ слабѣетъ, дань превращается съ теченіемъ времени въ поземельный оброкъ, и происходитъ великое политическое раздвоеніе въ народѣ: земля дѣлается собственностью племенн завоевателя, на ней сидятъ униженные смерды, прежніе коренные славяне; послѣднимъ знакомъ ихъ полусвободности остается право свободнаго перехода изъ волости въ волость. Но, въ третьихъ, и это послѣднее преимущество свободнаго крестьянина утрачивается имъ въ концѣ XVI-го вѣка. Законы Бориса Годунова укрѣпляютъ крестьянъ къ однимъ мѣстамъ. Это новое начало, сперва внесенное въ исторію нашу только какъ временная, полицейская мѣра, не уничтожавшая въ сущности гражданской личности свободнаго селянина, постепенно, въ теченіе XVII-го вѣка, превращается въ твердое, „само въ себѣ крѣпкое“, вполне юридическое отношеніе, почти равносильное съ настоящимъ рабствомъ. Высшаго своего догматическаго развитія оно достигаетъ въ концѣ XVIII-го вѣка подъ вліяніемъ западныхъ феодальныхъ теорій. Дворянская грамота какъ бы вполне освящаетъ это новое христіанское рабство, эту нимлосердную крѣпость, и даже сводъ законовъ еще признаетъ лице крестьянина и все его имущество неотъемлемою собственностью помѣщика. Только въ царствованіе Екатерины Великой, съ указовъ 1780, 1781 годовъ открывається новое направленіе законодательства, и какъ бы занимается заря новой свободы для крестьянъ. Сперва подъ общечеловѣческимъ, гуманнымъ, но за то вѣскольکو отвлеченнымъ, теоретическимъ вліяніемъ плановъ Александра Благословеннаго, впоследствии подъ вліяніемъ національнаго, чисто

историческаго и вмѣстѣ болѣе непосредственно-практическаго направленія новѣйшаго царствованія совершается огромная реакція противъ крѣпостной системы: эманципация, начавшись съ крестьянъ казенныхъ, постепенно распространяетъ свои благодѣянія и на владѣдческихъ. На эти четыре главные періода раздѣляется вся исторія русской волости; показать, какъ они другъ друга постепенно смѣняютъ и одинъ въ другой переходятъ, объяснить далѣе историческое значеніе и разумную необходимость каждаго, и составляетъ задачу любопытнаго труда князя Черкаскаго.

Наконецъ помимо упомянутыхъ статей, въ разсматриваемой части 3-й книжки „Архива“ помѣщена неизданная глава „Капитанской Дочки“ Пушкина по рукописи, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ, а также черновое письмо А. С. Пушкина къ Д. В. Давыдову (1836 г.). Остается пожелать, чтобы и будущіе выпуски „Архива“ были въ такой же степени интересны, какъ вышеприведенная часть, а съ другой стороны позволительно думать, что редакція будетъ относиться съ болѣею внимательностью къ переводамъ историческихъ документовъ.

Ө. В.

Отчетъ интенданта кавказской арміи съ 1-го іюня 1876 по іюнь 1878 г. Составилъ генераль-лейтенантъ Шульманъ. С.-Пб. 1880.

Отчетъ бывшаго интенданта кавказской арміи, генерала Шульмана, за время отъ 1-го іюня 1876 г. по 1-е іюня 1878 г. хотя и не даетъ понятія о конечныхъ результатахъ бывшей войны въ Азіятской Турціи въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе представляетъ много интересныхъ данныхъ о самомъ горячемъ періодѣ дѣятельности кавказскаго интендантства, застигнутаго войною, какъ и все вообще военное вѣдомство, почти въ располыхъ, да еще заторможеннаго въ своихъ распоряженіяхъ на нѣкоторыхъ окраинахъ Кавказа возстаніемъ мѣстнаго населенія. Интересно также видѣть изъ „Отчета“, что кавказское интендантство воспользовалось вполнѣ своимъ законнымъ правомъ самостоятельности во время войны и, не затягивая дѣла ненужною перепискою съ центральною интендантскою властью, обращалось только къ ея содѣйствію, когда мѣстныя средства были недостаточны.

Кавказская армія, располагавшая до войны 125 тысячами человекъ, увеличилась къ концу ея до 300 тысячъ человекъ, а для такого количества требовавшихся питанія желудковъ не было запасовъ продовольствія и ихъ приходилось заготовлять, какъ говорится въ „Отчетѣ“ „почти одновременно съ распоряженіями о мобилизации, формированіи и передвиженіи частей“, на перекоръ извѣстному правилу: *si vis pacem, para bellum*; мѣстныя же средства были недостаточны и хлѣбъ приходилось добывать изъ внутреннихъ губерній Россіи,— задача дѣйствительно не легкая по дальности разстоянія и трудности доставки. Впрочемъ, и въ мирное время часть хлѣба для кавказской арміи подрядчики закупали въ турецкихъ предѣлахъ; съ переходомъ же нашихъ войскъ, 12-го апрѣля, границы, удалось купить пшеницы въ Карской области съ небольшимъ пять тысячъ четвертей и еще того менѣе по пути движенія войскъ; но съ занятіемъ Ардагана получено конфискованной пшеницы до двѣнадцати тысячъ четвертей. Не обошлось и безъ приготовленія сухарей. Спиртъ, вмѣсто водки, чай и сахаръ отпускались войскамъ съ денежнымъ приварочнымъ окладомъ уже по переходѣ границы.

Въ 1878 году, независимо заботъ о продовольствіи кавказской арміи, интендантство должно было обезпечить продовольствіе и четырехъ-тысячнаго отряда въ Красноводскѣ, отряда, предназначавшагося для экспедиціи за Атрекъ,

а добывал вообще во время этой войны хлѣбъ не легкими способами, интендантство прискивало его и въ Персін; но въ виду дороговизны доставки получило оттуда только около 17 тысячъ пудовъ ячменя.

Трудность провоза грузовъ вообще ясно, выразилась не только въ стоимости, но и въ разнохарактерности перевозочныхъ средствъ. Были въ ходу не только обычные конныя и воловыя фургоны и повозки и конечно неизбѣжныя въ Азіи арбы, но даже вьючныя лошади, верблюды и катера. Въ среднемъ выводѣ перевозка каждаго пуда обошлась помѣсячно отъ 2 руб. 12¹/₂ коп. до 3 руб. 33 коп. зимою, и отъ 1 руб. до 2 руб. 50 коп. лѣтомъ; всего дороже обходился наемъ вьючныхъ лошадей и катеровъ.

Размѣры врачебныхъ заведеній были доведены до полуторы тысячи офицерскихъ мѣстъ и болѣе 38 тысячъ солдатскихъ, а изъ этого слѣдуетъ заключить, что принятая нашими медиками норма, 8 больничныхъ мѣстъ на сто, не отвѣчаетъ дѣйствительности, если принять во вниманіе горькія указанія послѣдней войны, потребовавшія за Дунаемъ Богъ мѣстъ на сколько мѣстъ больше нормы 8 на 100, а на Кавказѣ очевидно болѣе 10 на 100.

Въ отчетѣ показана и сумма денежныхъ расходовъ, не заключающихъ въ себѣ, повидимому, тѣхъ матеріальныхъ издержекъ, которыя произведены интендантствомъ изъ наличныхъ запасовъ, имѣвшихся до войны. Расходы эти за время войны по 1-е іюня 1878 г. можно подраздѣлить на двѣ группы: а) расходы, зависѣвшіе въ большой или въ меньшей степени отъ распорядительности самого интендантства; и б) расходы, обусловленные ходомъ самой войны и очевидно не подчинявшіеся волѣ интендантства. Относя къ первой группѣ заготовленіе предметовъ потребления по продовольственной и вещевой части. содержаніе врачебныхъ заведеній, наконецъ наемъ перевозочныхъ средствъ. получается въ итогѣ 49.685,515 руб., на все же остальное израсходовано 44.989,268 р. а всего 94.674,783 р., сверхъ 35 милліоновъ, затраченныхъ по смѣтѣ мирнаго времени.

Но при такихъ громадныхъ затратахъ, вызванныхъ войною, по крайней мѣрѣ угнѣнительно завѣреніе „Отчета“, что операціи кавказскаго интендантства за прошлую войну не возбудили никакихъ начетовъ, ни взысканій, ни даже процессовъ съ подрядчиками. Слѣдовательно, выборъ дѣятелей былъ очень удаченъ, а этимъ едва ли можетъ похвастаться интендантство арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ.

П. Д.

Исторія русской церкви. Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи. Томъ I. Періодъ первый, кіевскій или домонгольскій. Первая половина тома. М. 1880.

Въ предисловіи авторъ раздѣляетъ исторію русской церкви на три періода: кіевскій, московскій и петербургскій, изъ которыхъ первые два собственно представляютъ собою одно цѣлое, характеризуемое отсутствіемъ дѣйствительнаго просвѣщенія и преобладаніемъ въ религіи внѣшней стороны надъ внутренней, а послѣдній можетъ быть названъ періодомъ водворенія у насъ настоящаго просвѣщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе совершеннаго пониманія христіанства. Приступая къ изложенію исторіи русской церкви въ кіевскій періодъ, г. Голубинскій, прежде всего, въ видѣ введенія, разбираетъ лѣтописную легенду о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ и предположеніе о принятіи христіанства Аскольдомъ и Диромъ и доказываетъ историческую недостоверность первой и научную несостоятельность послѣдняго; затѣмъ, переходя уже къ достовѣрнымъ извѣстіямъ о христіанствѣ въ Россіи и начиная ихъ съ

договора Игоря съ греками, изъ нѣкоторыхъ фразъ котораго усматриваетъ среди бывшихъ у Игоря варяговъ преобладаніе христіанскаго элемента надъ языческимъ, если не въ численномъ, то въ нравственномъ отношеніи, предлагаетъ подробное изслѣдованіе о крещеніи Ольги и Владиміра Святого, причемъ указываетъ на недостоверность лѣтописнаго извѣстія о крещеніи Ольги въ Византіи и, основываясь на Константиѣ Багрянородномъ, полагаетъ, что она посѣтила Византію уже крещенною; относительно же Владиміра Святого, отвергая легенду объ испытаніи вѣръ и крещеніи его въ Корсунѣ, находитъ наиболѣе вѣроятнымъ, что онъ принялъ христіанство отъ кievскихъ варяговъ христіанъ, а крестился въ Василевѣ. За этимъ изслѣдованіемъ идетъ разсказъ о дѣятельности Ярослава на пользу просвѣщенія Руси и объ окончательномъ распространеніи христіанства послѣ Владиміра. Далѣе г. Голубинскій разсказываетъ о введеніи церковнаго управленія, о митрополитахъ, ихъ значеніи и отношеніяхъ къ византійскимъ патріархамъ, о епископахъ и енархіальномъ управленіи и судѣ, о низшемъ духовенствѣ и его составленіи, о средствахъ содержанія духовенства какъ высшаго, такъ и низшаго и о его бытѣ; наконецъ о просвѣщеніи въ Россіи въ кievскій періодъ и о литературѣ переводной и оригинальной, не только духовной, но и свѣтской, причемъ предлагаетъ библиографическій обзоръ переводной и вообще заимствованной литературы извѣстной у насъ въ кievскій періодъ. Въ приложеніяхъ напечатано нѣсколько литературныхъ произведеній (Житіе Владиміра, Память и похвала ему же—Уставъ блжеческій митрополита Георгія, церковныя уставы Владиміра и Ярослава), уже извѣстныхъ изъ другихъ изданій, съ приведеніемъ къ нимъ вариантовъ по неизслѣдованнымъ еще рукописямъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой половинъ перваго тома „Исторіи русской церкви“ г. Голубинскаго. Въ ней во всей много новаго, много любопытнаго, но особенный интересъ представляютъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о нашихъ церковныхъ древностяхъ и предлагаются характеристики литературныхъ памятниковъ. Наши церковныя древности находятся нѣсколько въ забросѣ у нашихъ изслѣдователей, причиною чего, вѣроятно, недостаточность и темнота значительной части дошедшихъ до насъ свѣдѣній о нихъ; но г. Голубинскому пришла мысль устранить по мѣрѣ возможности эти недостаточность и темноту путемъ отождествленія нашихъ церковныхъ древностей съ византійскими, и дополненія свѣдѣній о первыхъ свѣдѣніями о послѣднихъ. О томъ, каковъ былъ результатъ такого метода изслѣдованія, можно судить по слѣдующему примѣру. Мы часто употребляемъ слово канунъ; въ календаряхъ находимъ слово канунъ, какъ названіе дня, предшествующаго празднику: въ памятникахъ древней литературы это слово встрѣчаемъ въ другомъ, почти непонятномъ для насъ, смыслѣ; напримѣръ, въ Стоглавѣ, въ 13-й главѣ, мы читаемъ: „другой полъ алтара кутейникъ зовется и въ него вносится о здравіи коливо и канонъ и прочее брашно; ... тако же и по отшедшихъ душахъ въ немъ понахиды повѣтъ и приносятъ куты и канонъ и прочее брашно, еже церковникомъ на потребу“ (по изданію Кожанчикова, стр. 74—75). Ученые до сихъ поръ отождествляли слово канунъ со словомъ канонъ—правило, ибсеченное послѣдованіе (напримѣръ Miklosich, *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, p. 282). Но вотъ что говоритъ о немъ г. Голубинскій: „Названіе канунъ происходитъ не отъ канонныхъ, а есть греческое *κάνων*. Греческое *κάνων*, сокращенное изъ *κάνη*, собственно значить корзина, сплетенная изъ тростника (*κάνη*), а переносно значить даръ, подарокъ, приношеніе, и именно по первоначальному употребленію—даръ изъ брашна, фруктовъ и овощей, такъ какъ эти дары приносились или посылались въ корзинахъ. Дни, предшествующіе праздникамъ, получили у насъ названіе кануновъ отъ того, что въ древнее время былъ у насъ, вслѣдъ за Греціей, обычай, приносить на вечерни въ эти дни, вмѣстѣ съ кутею въ честь праздниковъ или святыхъ, брашна и овощи въ даръ священникамъ (которые пѣли надъ ними задравный молебень, назы-

вавшийся также кануномъ“ (стр. 441). Столь же любопытно и то, что говорить г. Голубинскій о клирѣ или клиросѣ (стр. 323), о епископскихъ намѣстникахъ (стр. 329), о прощеникахъ (стр. 361), о дьякахъ (стр. 392 сл.), о профорахъ и о происхожденіи просвиренъ (стр. 394 сл.), о причинѣ названія перваго воскресенія великаго поста сборнымъ (стр. 399), о придѣлахъ (стр. 417), о священническихъ рясахъ (стр. 465 сл.), о священническомъ гуменцѣ (тонзурѣ) (стр. 476 сл.) и пр.

Наша древняя литература не пользуется сочувствіемъ г. Голубинскаго. „Отличительная черта нашей письменности, говоритъ онъ, есть та, что она неподвижно оставалась все на одной и той же степені, съ которой началась, что она не имѣетъ исторіи въ смыслѣ постепеннаго движенія впередъ, или развитія и усовершенствованія. Наши писатели слѣдуютъ одинъ за другимъ въ преемствѣ времени или хронологическомъ порядкѣ, но не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго. Какъ неподвижно было состояніе нашей умственной жизни, такъ неподвижно было состояніе и нашей письменности. Исторія нашей письменности домонгольскаго періода, какъ и послѣдующаго долгаго времени, есть не столько настоящая исторія, въ которой бы нельзя было измѣнить и нарушить внѣшней связи, сколько механическая библиографія, въ которой по произволу можно начинать, откуда угодно — съ начала, середины и конца. Наша письменность имѣла до нѣкоторой степени только внѣшнюю исторію, именно исторію внѣшней формы и внѣшнихъ приемовъ“ (стр. 614). Это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ автору дать прекрасныя характеристики всѣхъ памятниковъ нашей древней литературы домонгольскаго времени, изъ которыхъ одна особенно замѣчательна по своей оригинальности. Это характеристика Слова или Моленія Даниила Заточника. До сихъ поръ на Даниила смотрѣли какъ на человѣка серьезнаго, желавшаго поучить и чрезъ это умолить своего князя и предложившаго ему съ этою цѣлью рядъ своихъ и чужихъ афоризмовъ. Для преосвященнаго Филарета харьковскаго Слово Даниила— „плодъ русской христіанской мудрости, благодушной среди скорбей“ (Обзоръ русской духовной литературы); для проф. Буслаева оно „такое произведеніе, которое какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ лицѣ самого автора представляетъ печальный разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью, между симпатичною личностью автора и жалкою его судьбою“ (Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, стр. 94). И для г. Голубинскаго Слово — вещь замѣчательная, но только „какъ курьезъ, показывающій, что и въ періодъ домонгольскій были у насъ писатели, что называется съ вывороченной головою или печальные геніи — шуты“. Цѣль, съ которою писалъ Даниилъ свое Слово, была, по мнѣнію г. Голубинскаго, получить освобожденіе, однако оно вовсе не моленіе. „Даниилъ воображаетъ себя величайшимъ мудрецомъ и какъ бы вторымъ Соломономъ и слагаетъ для князя нравоучительное слово о томъ и семъ и о tritum pertritum, которое онъ, какъ самъ сознается, повынисалъ изъ книгъ; это премудрѣйшее слово должно доказать князю то, что думаетъ о себѣ онъ самъ, а за симъ должно послѣдовать и освобожденіе, ибо такую тучу художества и ума, какъ говорить о себѣ Даниилъ, должно пустить на землю, т. е. такого мудреца странно держать въ заключеніи. По содержанію своему Слово есть нескладный рядъ нравоученій à la Соломонъ и Сирахъ, отчасти обращенныхъ къ князю, котораго нашъ мудрецъ поучаетъ безъ всякой церемоніи, отчасти ни къ кому или ко всѣмъ. Свои премудрыя рѣчи нашъ новый Соломонъ безъ всякаго жеманнаго скромничанья начинаетъ такимъ возваніемъ: вострубимъ, братіе, яко въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего и начнемъ бити сребренныя органы и возвѣемъ мудрости своя, и затѣмъ далѣе, тоже безъ всякой церемоніи, неоднократно заявляетъ о своемъ великои умѣ, подъ потокъ капель котораго только подставляя скудельничіи сосуды“ (стр. 705—706).

Библиографическій обзоръ существовавшей у насъ въ періодъ домонгольскій переводной и вообще заимствованной письменности, составленъ г. Голубинскимъ довольно тщательно, хотя представляетъ не мало пробѣловъ и коегдѣ невѣрности; такъ мы замѣтили пропускъ: поученій Ксенофонта и Феодоры дѣтямъ (въ Святославомъ Изборникѣ 1076 года), апокрифическаго „Слова отъ видѣнія апостола Павла“, изъ которыхъ приводится выписка въ „Словѣ нѣкоего христороубца и ревнителя по правой вѣрѣ“ (о немъ у нашего автора на стр. 681) и апокрифическихъ же Житія Макарія Римскаго и Хожденія Зосимы къ Рахманамъ, которыми пользовался въ первой половинѣ XIV вѣка новгородскій архіепископъ Василій; при тщательной провѣркѣ найдутся, навѣрное, и другіе пробѣлы. Положительно не вѣрно сужденіе г. Голубинскаго о такъ называемомъ Святославомъ Изборникѣ 1076 года. „Сличеніе съ Изборникомъ 1073 года, говоритъ г. Голубинскій, и запись писца не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сборникъ есть подлогъ, но подлогъ, какъ представляется вѣроятнѣйшимъ думать, не въ томъ смыслѣ, чтобы сфабрикованъ былъ въ XVIII вѣкѣ, ибо наши фальсификаторы XVIII вѣка были весьма невѣжественны, а въ томъ смыслѣ, что рукопись XIII—XIV вѣка была посредствомъ поддѣланной записи писца перенесена въ XI вѣкѣ“ (стр. 754). Если и давать вѣру палеографическимъ соображеніямъ Кенпена и Срезневскаго, то и въ этомъ случаѣ, на основаніи данныхъ языка Изборника 1076 года, невозможно относить его далѣе конца XII или начала XIII вѣка и при этомъ должно считать никакъ не за подлогъ, который въ XII—XIV вѣкѣ не имѣлъ ни малѣйшаго смысла, а за копію съ рукописи XI вѣка, сохранившую вмѣстѣ съ текстомъ и запись писца этой рукописи, точно также какъ сохранились въ копіяхъ болѣе поздняго времени записи попа Успія Лихого 1047 года (книги пророческія; о нихъ у г. Голубинскаго на стр. 718) и игумена Сильвестра 1116 года (Лаврентьевскій списокъ лѣтописи).

При многихъ достоинствахъ „Исторія русской церкви“ имѣетъ и нѣкоторые недостатки. Изложеніе г. Голубинскаго страдаетъ растянутостью и многословіемъ; небрежность слога доходитъ подчасъ до уродливости и мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такіа фразы: „Прежде чѣмъ говорить о головномъ покровѣ древнихъ священниковъ, скажемъ о томъ, какъ имѣли себя самыя ихъ головы, т. е. собственно волосы“; „дѣло съ волосами ихъ было вовсе не такъ, какъ теперь“ (стр. 476), „у насъ находились Греки, составлявшіе во первыхъ, свиту митрополитовъ, во вторыхъ, бывшіе при епископахъ, между послѣдними изъ которыхъ принадлежавшіе къ нимъ — грекамъ, почти никогда не переводились“ (стр. 597). Сверхъ этого г. Голубинскій слишкомъ щедръ на гипотезы и иногда пускается въ длинныя разсужденія о такихъ предметахъ, какъ варяжскій вопросъ (стр. 48—54) или отношенія пресвитеровъ къ епископамъ въ древне-христіанской церкви (стр. 496—507), которые ни мало не касаются до исторіи русской церкви. Наконецъ онъ не соблюдаетъ надлежащей осторожности, когда обращается къ филологамъ и представляетъ такіа производства, какъ напримѣръ славянскаго роса отъ праславянскаго росъ (?!) (стр. 51), русскаго бирки отъ нѣмецкаго Birke — береза (стр. 411). Но, не смотря на эти недостатки, сочиненіе г. Голубинскаго безспорно займетъ видное мѣсто въ нашей наукѣ и составляетъ значительный вкладъ въ нашу ученую литературу.

А. С—скій.

The Peasant-poets of Russia. By W. R. Morfill. London. 1880.

Англійскій ученый г. Морфилль пользуется вполне заслуженною репутаціею весьма добросовѣстнаго изслѣдователя и популяризатора русской литературы въ Англійи. Время отъ времени, въ англійскихъ популярно-научныхъ періодическихъ изданіяхъ появляются его этюды, исполненные живого интереса, любви къ предмету и знанія дѣла. Одинъ изъ такихъ этюдовъ, напечатанный въ „Westminster Review“, подъ заглавіемъ „Русскіе-поэты изъ крестьянъ“, наданныхъ любезно доставленъ намъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска. Г. Морфилль представляетъ характеристику поэзіи Ломоносова, Кольцова, Шевченка, Слѣпушкина, Никитина и даже не такъ давно скончавшагося Сурикова. Авторъ этюда видимо перечиталъ все, что только имѣетъ дѣйствительную важность для вѣрной оцѣнки поименованныхъ представителей русской музы, вышедшихъ изъ народа. Прежде чѣмъ дать эту оцѣнку пропзведеній и указать ихъ отличительныя черты, г. Морфилль сообщаетъ существеннѣйшія біографическія свѣдѣнія о нашихъ поэтахъ, затѣмъ переводитъ на англійскій языкъ наиболѣе поддающіяся переводу мѣста въ стихотвореніяхъ ихъ и только тогда отмѣчаетъ главнѣйшія качества каждаго изъ названныхъ поэтовъ. Англійскій читатель изъ этюда г. Морфилля легко можетъ получить вѣрное представленіе о предметахъ вдохновенія, степени дарованія и глубины содержания русскихъ поэтовъ, тѣмъ болѣе, что авторъ подыскалъ каждому изъ нихъ болѣе или менѣе подходящаго пѣвца и въ своей родной поэзіи.

Ө. В.

Волга. Виктора Рагозина. Т. I. Спб. 1880.

Популярно-научныхъ книгъ у насъ вообще немного, въ особенности же — географическаго содержанія. Предпріятіе, задуманное г. Рагозинымъ съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ примѣнительно къ волжскому бассейну, заслуживаетъ полнаго вниманія по его обширности, и по его выполнению, на сколько, по крайней мѣрѣ, позволяетъ судить объ этомъ вышеприведенный томъ. Все изданіе будетъ состоять изъ девяти томовъ; изъ нихъ первые три посвящены географическому описанію Волги, остальные шесть — описанію промышленной жизни волжскаго бассейна, земледѣлія, скотоводства, хлѣбной торговли, ихтиологической фауны, рыбной, соляной, фабричной и заводской промышленности, горнаго дѣла, кустарной и нефтяной промышленности, пармарокъ, пароходства, желѣзныхъ дорогъ, подводныхъ путей. Изъ этого перечня рубрикъ видно, что предпріятіе это, если г. Рагозину удастся довести его до конца, обѣщаетъ быть въ высшей степени интереснымъ, полезнымъ и поучительнымъ.

Вышедшій пока томъ содержитъ въ себѣ географическое описаніе Волги лишь отъ ея истоковъ до слиянія съ Окою. Разсматриваемый районъ волжскаго бассейна описанъ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Здѣсь и исторія его и строеніе береговъ рѣки, флора и фауна, минеральныя богатства и отчасти — правда, въ краткомъ довольно видѣ — этнографія. Мы не сдѣлаемъ упрека составителю за слишкомъ отрывочное описаніе быта мѣстнаго населенія, хорошо понимая, что выясненіе его найдеть подобающее ему мѣсто въ будущихъ томахъ. Но за то нельзя пройти молчаніемъ весьма блѣдное и краткое изложеніе исторіи края. Если не считать такъ называемыхъ историческихъ конъектуръ, мало умѣстныхъ въ общедоступной книгѣ, то весь историческій очеркъ въ первомъ томѣ сведется къ повторенію самыхъ поверхностныхъ свѣдѣній, какія встрѣчаются въ любомъ учебникѣ.

Совсѣмъ иначе составленъ геологическій очеркъ края. Онъ отличается обстоятельностью, подробностью изложенія и массою любопытныхъ данныхъ, быть можетъ, впервые собранныхъ и приведенныхъ въ единство въ изданіи г. Рагозина. Вообще же книга г. Рагозина написана живо, картинно и мѣстами задумчиво; помѣщенные въ ней иллюстраціи исполнены чисто и отчетливо. Къ первому тому приложенъ атласъ и таблицы рѣкъ, рѣчекъ, нѣкоторыхъ ручьевъ, питающихъ Волгу, главнѣйшихъ волжскихъ притоковъ и самой Волги съ обозначеніемъ начальныхъ пунктовъ судоходства, пароходства, ширины, глубины, высоты уровня водъ, средняго паденія на версту, различныхъ видовъ мелей и притоковъ, а также алфавитный списокъ населенныхъ пунктовъ по Волгѣ въ Тверской губерніи. Короче сказать, „Волга“ г. Рагозина, и какъ справочная, и какъ книга для чтенія, принадлежитъ къ числу тѣхъ изданій, въ которыхъ очень нуждается русская публика.

Ө. В.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Деревенскій лѣтописецъ.

ЯНАМЪРЕНЪ познакомитъ читателей „Историческаго Вѣстника“ съ однимъ безвѣстнымъ русскимъ лѣтописцемъ первой половины настоящаго столѣтїя. Въ его краткой лѣтописи заключаются указанїя на обыкновенную жизнь провинціального захолустья. Въ ней говорится преимущественно о томъ, что особенно интересовало и волновало сельское населенїе, напримѣръ, объ урожаяхъ и такъ называемыхъ голодовкахъ, о приѣздахъ въ деревенскую глушь губернскихъ сановниковъ, о семейныхъ событїяхъ самого автора и о чрезвычайныхъ происшествїяхъ, такъ или иначе нарушавшихъ обычное, тихое теченїе сельской жизни. Слѣдовательно, мой лѣтописецъ, о которомъ я сейчасъ поведу рѣчь, представитель лѣтописи особеннаго, новѣйшаго типа. Не о государственныхъ дѣлахъ и не о политическихъ матерїяхъ писалъ онъ, а о фактахъ деревенскаго захолустья. Такимъ образомъ его можно назвать деревенскимъ лѣтописцемъ. Къ сожалѣнїю, я могъ воспользоваться только одною тетрадюю нашей деревенской лѣтописи, въ которой описываются событїя 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ. Въ началѣ тетради написано слѣдующее заглавіе: „Опыты моей жизни по части хозяйственной и прочимъ, съ 1812 года по 1857 годъ.“

Авторъ „Опытовъ“, священникъ о. Тимоѣей Лысогорскїй, жилъ въ селѣ Двойнѣ, Тамбовскаго уѣзда. Это былъ замѣчательный знатокъ Библіи и человекъ весьма вліятельный во всемъ своемъ околоткѣ. Къ нему, какъ къ доброму пастырю, шли за совѣтами и наставленїями, не только крестьяне, но и сосѣди помѣщичїи. Около пятидесяти лѣтъ священствовалъ о. Тимоѣей Лысогорскїй и за все это время, вслѣдствїе своего безкорыстія и прежнихъ консисторскихъ порядковъ, не получилъ ни одной служебной награды, даже набедренника. Такое постоянное и систематическое невниманїе тамбовскихъ епархіальныхъ властей къ священнослужителю села Двойни, между прочимъ, происходило отъ того, что о. Лысогорскїй имѣлъ обыкновенїе объясняться съ епархіальными архїереями съ полною откровенностію, что, какъ извѣстно, далеко не всегда правилось нѣкоторымъ изъ нихъ.

Однажды, по призананїю тамбовскаго архїерея Арсенїя, вполнѣдствїе кїевского митрополита, въ загородный архїерейскїй домъ явилось множество сельскихъ священниковъ съ церковными книгами и кружками. Архїерей требовалъ ихъ для ревизїи церковныхъ суммъ. Шли сельскїе пастыри, въ томъ числѣ и о. Тимоѣей, большею частїю пѣшкомъ, на пространствѣ пяти верстъ, при чемъ

церковныя кружки несли подъ мышками и въ это время у одного изъ нихъ печально сломалась кружечная печать. За это архіерей Арсеній сталъ бранить провинившагося священника, подозрѣвая его въ похищеніи церковныхъ денегъ, и угрожать ему монастырскимъ заключеніемъ. Тогда о. Тимоеей заплакалъ.

— Что ты плачешь? гнѣвно спросилъ его преосвященный.

— О вашей несправедливости, владыко, плачу...

Въ другой разъ, тотъ же архіерей Арсеній, хотѣлъ за что-то удалить изъ прихода самого о. Лысогорскаго.

— Я лишу тебя рясы и священства, говорилъ грозный тамбовскій епископъ.

— Можешь, преосвященный, лишить меня и рясы, и священства и даже куска хлѣба, но не долженъ, и слѣдовательно не лишишь.

Тамбовскій епископъ Аванасій довольно благосклонно относился къ о. Тимоееу и разъ предложилъ ему какую-то награду и велѣлъ по этому поводу зайти въ консисторію; но къ удивленію услышалъ отъ него такой отвѣтъ: „не надо мнѣ, ваше преосвященство, награды, да еще отъ консисторіи: и такъ проживу“¹⁾.

Приведенные факты рисуютъ намъ о. Лысогорскаго, повидимому, человекомъ несдержаннымъ и въ извѣстной степени гордымъ. Но онъ на самомъ дѣлѣ былъ только откровеннымъ человекомъ. А что онъ въ сущности былъ священникомъ, исполненнымъ христіанскаго смиренія, это видно изъ слѣдующаго:

Однажды о. Тимоеей былъ въ домѣ тамбовской помѣщицы Колобовой. Тамъ же былъ и архимандритъ Платонъ, бывшій ректоръ тамбовской семинаріи, внослѣдствіи костромской архіепископъ. Между ними зашелъ разговоръ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ жалѣть умирающихъ младенцевъ.

Архимандритъ Платонъ горячо спорилъ съ о. Лысогорскимъ и говорилъ, что младенцевъ жалѣть не стоитъ и даже грѣшно. Однако, о. Тимоеей переспорилъ его, но, не желая пользоваться своимъ преимуществомъ, подошелъ къ о. архимандриту и поклонился ему до земли, испрашивая милостиваго прощенія за излишнюю сѣбость²⁾.

Лѣтосисъ о. Тимоеея Лысогорскаго, изъ которой въ настоящее время я приведу нѣсколько болѣе замѣчательныхъ выдержекъ, начинается описаніемъ одного семейнаго его торжества. Считаю не лишнимъ привести здѣсь это описаніе, такъ какъ оно отчасти характеризуетъ прошлый домашній бытъ нашего приходскаго духовенства.

„9-го октября 1832 года выдалъ я въ замужество старшую мою дочь за окончившаго курсъ богословскихъ наукъ П. Ф. Никольскаго. Радость моя тѣмъ совершеннѣе, что выдана она съ должною для христіанъ честію. Награждена она восемью платьями ситцевыми, двумя бѣлыми, 400 рублями, двумя лошадьми, двумя коровами, рясою да полукафтanjemъ суконными, да тулупомъ калмыцкимъ; шубы были у нея одна гарнитуровая, шубочка штофная, шуба нанковая, платье подвѣчное шелковое...“³⁾

¹⁾ Къ характеристикѣ прежней тамбовской консисторіи можно отнести слѣдующій фактъ. Въ 1822 году епископъ Теофилактъ велѣлъ всемъ консисторскимъ новытчикамъ сравниться каждому въ своемъ новытѣ: нѣтъ ли у нихъ свѣдѣній о суевѣріяхъ и о прочемъ... И на это получили коллективный отвѣтъ: „суевѣрій въ тамбовской епархіи нѣтъ никакихъ и все обстоитъ благополучно.“

²⁾ Личность о. Тимоеея Лысогорскаго представляется намъ тѣмъ въ лучшемъ свѣтѣ, что въ его времена тамбовское духовенство, какъ извѣстно, было вообще далеко не въ удовлетворительномъ состояніи.

О. Тимоеѣй былъ для своей деревенской паствы не только духовнымъ руководителемъ и совершителемъ церковныхъ требъ, но и врачомъ. Поэтому въ его лѣтописныхъ замѣткахъ заключается очень много простонародныхъ рецептовъ отъ разныхъ болѣзней. Вотъ напримѣръ какое лѣкарство предлагаетъ онъ отъ укушенія змѣи.

„Какъ скоро укуситъ змѣя человѣка или скотину и отъ того самаго сдѣлается великая опухоль, то взять самаго простаго листового табаку, намочить въ уксуѣ или кисломъ квасу, истолочъ хорошенько и тотчасъ приложить на ужаленное мѣсто и отъ сего вскорѣ ядъ уничтожится и опухоль пропадетъ.“

А вотъ рецептъ нашего лѣтописца отъ укушенія бѣшеной собаки.

„Съ половины мая и до половы іюня въ степи или въ лѣсу отыскать большую муравьиную кучу, разрыть ее и нашедши тамъ два или болѣе орѣха положить оныя орѣхи въ стеклянную банку; завязавъ обернутою бумагою отыскать иглоу на бумагѣ, какъ можно больше скважинъ, послѣ чего изъ тѣхъ орѣховъ выведутся жуки, цвѣту зеленаго, тогда оныя высушивъ давать больному человѣку въ молоко по одной рюмкѣ не болѣе половины того жука и отъ сего человѣкъ будетъ спать болѣе сутокъ и болѣзнь его прекратится. Барану давать сіе же лѣкарство въ водѣ, свиньѣ и собакамъ въ хлѣбѣ. Рогатому скоту и лошадамъ давать въ десять разъ больше.“

Различныя явленія природы составляли предметъ особенно тщательныхъ наблюденій о. Лысогорскаго. Замѣтки о нихъ были слѣдующаго рода:

„1830 года, на второй день Рождества Христова, вечеромъ было на небѣ, на с. з., сѣверное сіяніе. Сперва похоже было на зорю, а потомъ были какъ будто бы лучи отъ солнца. Потомъ сдѣлалась бѣловатая дуга.“

„28 мая 1834 года Богъ послалъ на насъ такую тучу съ громомъ, отъ котораго гулу все село перепугалось. Градъ былъ въ гусиное яйцо и побилъ много гусенятъ и гусей до смерти. У меня побилъ 12 до смерти, у пономари 13 гусенятъ, у крестьянина Семена Миронова, убило ворону на сараѣ. Телятъ много побилъ до полусмерти. Вся земля была изрыта, какъ бы мышами.“

Особенно часто въ нашей лѣтописи встрѣчаются указанія на голодные годы. Напримѣръ:

„Въ 1842 году, нинетъ о. Тимоеѣй Лысогорскій, съ самаго начала онаго по самый свѣтлый праздникъ люди крайне нуждались въ хлѣбѣ, соломѣ и сѣнѣ и прочихъ всѣхъ жизненныхъ продовольствіяхъ и потому почти всѣ побирались. Ъли сперва лебеду, жолуди, овесъ, потомъ гречинную мякину съ малымъ количествомъ муки. Люди больны были цѣлыми семьями, кто лихорадкою, кто цынготною болѣзнію. Отъ сей послѣдней болѣзни лѣчили такъ: ноги обладывали папушнымъ парнымъ табакомъ, трухую и крапивую, а въ ротъ брали оттопленный дубовый листъ и кору и между прочимъ ѣли лукъ и всякую кислоту. Въ нѣкоторыхъ селахъ смертность была чрезвычайная.“

Объясняя причины этаго голода, лѣтописецъ села Двойни говоритъ слѣдующее:

„Въ 1841 году сдѣлалась засуха, на поляхъ появился червь. Когда же мѣстами налился колосъ, то сталъ дуть такой вѣтеръ, что и на корню и при возкѣ хлѣбъ осыпался, такъ что пшеница совсѣмъ пропала. Кромѣ того, градъ такой былъ, что всѣ боялись свѣтопреставленія.“

Въ іюнь 1842 года было извѣстное солнечное затмѣніе. О немъ въ лѣтописи записано такъ.

„26 іюня 1842 года во время тамбовской десятой ярмарки было затмѣніе солнечное, которое продолжалось не болѣе 2-хъ минутъ. Въ сіе время люди крайне испугались, ярмарка разбѣжалась, по дворамъ вопили, даже птицы и скоты стали кричать необыкновеннымъ голосомъ. День былъ какъ ночь. Многія звѣзды видимы были на небѣ.“

Сравнительно подробно о. Тимоеѣй описываетъ пріѣздъ въ село Двойню тамбовскаго епископа Арсенія.

„5 іюля 1835 года, повѣствуетъ онъ, къ намъ обѣщаль пріѣхать епископъ и кавалеръ Арсеній. Двое нашихъ караульныхъ стояли у пашни и какъ увидѣли архіерейскую карету, то дали намъ знать объ этомъ. Между тѣмъ мы давно уже съ стариками стояли у колокольні съ большимъ ипсеничнымъ хлѣбомъ и солью. На мнѣ были лучшія ризы, на діаконѣ лучшій стихарь. Дьячекъ и пономарь стояли съ подсвѣчниками. Пріѣзжаетъ преосвященный. Со страхомъ подалъ я ему св. крестъ и пошелъ въ церковь, а преосвященный за нами. Шолъ онъ до самыхъ царскихъ вратъ по бѣлому холсту, нарочно посланному. Отслужили литію. Сталъ я звать владыку къ себѣ: удостойте де меня вашимъ архипастырскимъ посѣщеніемъ. Преосвященный смилостивился. И когда онъ ѣхалъ до моего двора, то у всѣхъ крестьянскихъ воротъ были поставлены столы съ скатертями, съ хлѣбомъ и солью. У меня на дворѣ все усыпано было пескомъ. Мы съ понадею ждали преосвященнаго у воротъ и поклонились до земли. Благословилъ онъ насъ и стали мы угощать его въ горницѣ. Подали мы ему сотерну въ 2 р. 50 к., мадеры въ 3 р., горскаго въ 1 р. 25 к. и полшампанскаго. Изъ яствъ было у насъ: сельди голандскія, икра въ 1 р. 40 к. за фунтъ, бѣлорыбица по 85 к., осетрина по 80 к. за фунтъ и балыкъ тоже, свѣжіе пискари, караси и язи. Преосвященный кушалъ мало, ибо передъ пріѣздомъ къ намъ обѣдалъ въ селѣ Волчкѣ у помѣщика Давыдова.“

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ встрѣчи епископа Арсенія съ о. Тимоѣемъ былъ слѣдующій трагическій случай, едва не окончившійся смертію нашего лѣтописца. Передаемъ объ этомъ случаѣ словами нашей лѣтописи.

„1835 года, 2 іюля. Видимая сила Божія покрыла меня на 45 году моей жизни. Это было такъ. Бѣглый солдатъ моего прихода Василій Головкинъ назадъ тому два года пойманъ былъ мною на свѣтлой недѣлѣ во вторникъ, представленъ въ судъ и послѣ того прошелъ сквозь строй чрезъ 1500 человекъ солдатъ и былъ близъ смерти. Возненавидѣлъ меня солдатъ Василій, снова убѣжалъ изъ полку и зачалъ мнѣ грозить, то уведомъ лошадей, то пожаромъ, то убійствомъ. „Коли хочешь ты, говорилъ онъ мнѣ черезъ посланныхъ,—быть живымъ, то заплати мнѣ 200 рублей“. 2 іюля подѣхалъ къ моему дому солдатъ Василій, утромъ, въ самую страдную пору и закричалъ мнѣ: „хочешь ли попъ мириться со мною?“ Тогда я выбѣжалъ съ своими работниками на улицу и сталъ кричать: караулъ! Но никто изъ сосѣдей на этотъ крикъ не выбѣжалъ и защиты мнѣ никакой не учинилъ, ибо всѣ почти держали его рубу. Многія бабы наши, боясь его, подчивали его даже виномъ и ветчиною. Уѣхалъ Василій, а я пошелъ къ засѣдателю Кривенцеву, который съ офицеромъ Ознобишинымъ, да съ солдатами, и началъ дѣлать обыскъ. Нашли мы Василю во ржи. Глаза его были кровавые, впалые, лицо блѣдное, морщинистое, щеки выпуклыя и широкія, носъ острый, ноздри раздуваюціяся; хватился онъ за свой кинжалъ и пошелъ прямо на народъ. Какой ужасъ овладѣлъ нами! Всѣ ото ропѣли, не смотря на то, что у многихъ были желѣзныя вилы, шесты и дубинки. Бросился на Василю одинъ только Ознобишинъ, но получилъ легкій ударъ кинжаломъ въ животъ. Тогда разбойника окружили (всѣхъ насъ было человекъ 20). Но онъ гонялся за всѣми и кричалъ: „не умру, пока не положу человекъ 5 мертвыхъ. Живой не отдамся въ руки“. Въ это время я подошелъ къ народу и сталъ убѣждать его поймать разбойника, но тотъ прорвался сквозь толпу и уже занесъ надо мною кинжалъ, какъ вдругъ подбѣжалъ къ намъ одноворонецъ Максимъ Ильинъ и находившимся въ рукахъ у него ружьемъ ударилъ по кинжалу и вышибъ его и такимъ образомъ спасъ меня отъ смерти. Отъ страха я не чувствовалъ: живъ ли я былъ въ то время, или нѣтъ. И все таки Василю не захватили, съ него успѣли только сбить парикъ. Между тѣмъ онъ бросилъ солдатамъ 4 полтинника, съ тою цѣлью, чтобы они его не ловили, которыя деньги и взялъ унтеръ-офицеръ Ефимъ Федоровъ не стыдяся и не бояся. Тогда засѣдатель Кривенцевъ собралъ понятыхъ. День склонялся уже

къ вечеру. Послали за ружьемъ къ помѣщику Иванову, но онъ, горя ревностію къ общему благу, пріѣхалъ самъ и застрѣлилъ Василія. Застрѣлилъ онъ его подъ кустомъ, который и сталъ послѣ того называться Головкинымъ. За нѣсколько часовъ до смерти Головкинъ говорилъ нашимъ понятіямъ: „разрубите пола на 4 части, будетъ у васъ 4 пола.“ Въ тоже время, желая показать всѣмъ, что жизнь ему не дорога, онъ сильно разрѣзалъ себѣ колѣнку кинжаломъ и послѣ того плясалъ и пѣлъ.“

Въ лѣтописи о. Тимоея Лысогорскаго, кромѣ разныхъ бытовыхъ чертъ-встрѣчаются отзывы о нѣкоторыхъ тамбовскихъ архіереяхъ. Отзывы эти чрезвычайно кратки. Очевидно, нашъ авторъ, по своему смиренію, не считалъ себя въ правѣ много говорить о лицахъ высокопоставленныхъ, на которыхъ онъ конечно смотрѣлъ съ извѣстной точки зрѣнія. Впрочемъ отзывы о. Тимоея были далеки отъ раболѣпства и лести предъ высокопоставленными особами.

„Епископъ тамбовскій Θεодосій, сказано въ лѣтописи, при Екатеринѣ II за взятки при наборѣ, съ церковниковъ былъ судимъ, запрещенъ, но опять прощенъ. Епископъ Θεοφιλъ, преемникъ Θεοδосія, тоже былъ судимъ за взятки при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, но сей оправдался и получилъ за сіе орденъ св. Анны. Епископъ Θεοφилактъ—добрейшій человекъ. Епископъ Арсеній—человекъ ученѣйшій. Епископъ Николай—по ученію превосходный, по добротѣ сердца примѣрный и по любви къ намъ сердобольный отецъ“¹⁾.

Проживая въ своей деревенской глуши, о. Тимоей былъ отзывчивъ и на разныя политическія событія. Онъ выписывалъ на свои скудныя средства одну московскую газету и впечатлѣніями отъ прочитаннаго дѣлился съ сосѣдними помѣщиками, которые очень его уважали, и съ прихожанами—крестьянами. Вотъ что, напримѣръ, писалъ отецъ Лысогорскій въ началѣ Крымской компаніи:

„28 января 1854 года черезъ Тамбовъ проходилъ Уральскій казачій полкъ. Они пошли на войну съ турками, которые въ Иерусалимѣ всѣхъ нашихъ христіанъ помучили и гробъ Господень отбили и цареградскихъ грековъ многихъ также умертвили такою жестокою смертію, что отъ одного воспоминанія содрагается сердце. Именно: инымъ носы отрѣзали, инымъ груди, иныхъ бросали въ кипятокъ, съ иныхъ живыхъ сдирали кожу. Одному нашему священнику деревянною пилкою перепелили шею. У одной беременной женщины ребенка изъ чрева вырѣзали и въ глазахъ еще дышущей матери разорвали. Это,—по нашему мнѣнію нашего лѣтописца,—и заставило императора Николая Павловича объявить туркамъ войну.“

Въ заключеніе краткаго обзора лѣтописи о. Тимоея Лысогорскаго можно сказать только то, что нашъ авторъ былъ несомнѣнно человекъ весьма скромный и добродушный. Это видно между прочимъ изъ слѣдующаго:

Въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ въ тамбовской духовной семинаріи былъ одинъ учитель и помощникъ инспектора іеромонахъ Іеронимъ. Это былъ человекъ въ высшей степени вредный для семинаріи. Онъ покровительствовалъ шпіонству, іезуитству и былъ замѣчательно жестокимъ человекомъ. Жестокость его иногда принимала игривый характеръ. Однажды его послали ревизоромъ въ 1-е тамбовское духовное училище. Вызываетъ онъ одного хорошаго ученика. Тотъ сробѣлъ и сталъ немного путаться въ словахъ. Тогда Іеронимъ закричалъ: „повѣсить его!“ а между тѣмъ приказалъ сдѣлать веревочную петлю и собственноручно накиннулъ ее на шею перепуганнаго ученика. Эффектъ вышелъ необыкновенный. Ученикъ побѣлѣлъ, какъ полотно, въ классѣ всѣ притаили дыханіе, а Іеронимъ самодовольно улыбался. Тяжелая память объ этомъ Іеронимѣ, вполнѣ заслуживающемъ особой монографіи, еще и доселѣ хранится среди тамбовскаго духовенства. И вотъ о такомъ-то субъектѣ, въ

¹⁾ Считаемо нужнымъ замѣтить, что преосвященный Николай изъ всѣхъ тамбовскихъ епископовъ пользуется доселѣ въ средѣ тамбовскаго духовенства наибольшими симпатіями.

пору особенно свирѣной его дѣятельности, о Лысогорскій нашелъ возможнымъ, не мудрствуя лукаво, сказать только, что „Иеронимъ—іеромонахъ зловредный“.

Здѣсь я оканчиваю мою замѣтку, такъ какъ другія лѣтописныя выдержки изъ имѣющейся у меня тетрадки представляютъ болѣе или менѣе однообразное повтораеіе уже сказаннаго ¹⁾).

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

Стихотворное прошеніе придворныхъ пѣвчихъ Журавля и Кружка, поданное царицѣ Екатеринѣ I.

Царскіе пѣвчіе, до преобразованій Петра Великаго, были въ большомъ почетѣ и совершенно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи: квартиру, одежду, нищу и дитіе, получали они отъ царскаго хозяйства, и сверхъ того награды деньгами и платемъ во все праздники храмовыя въ дворцовыхъ церквахъ. Петръ I, оставивъ Москву и Кремлевскій дворецъ и переселясь со всемъ дворомъ въ Петербургъ, измѣнилъ совершенно старый дворцовый хозяйственный строй. Царскіе пѣвчіе потеряли свое значеніе, и только изъ особенно любимыхъ Петромъ пѣвчихъ составился при царѣ небольшой хоръ. Остальные доживали свой вѣкъ кое какъ, на скудномъ содержаніи. Двое изъ такихъ забытыхъ пѣвчюновъ, въ 1716 году, обратились къ императрицѣ Екатеринѣ I съ просьбой о пособіи. Просьба эта въ стихахъ и можетъ служить образцомъ стихотвореній первой половины XVIII столѣтія.

Усердно милости у тебя Государыня просимъ,
 Что уже послѣднія рубашенки на себѣ носимъ
 Питаніе намъ нынѣ самое нужное,
 И житіе наше здѣсь вельми скучное.
 Жены наши живутъ нужно въ Москвѣ
 А мы здѣсь живемъ въ великой тоскѣ.
 Питаніе имѣемъ деньгами кормовыми,
 Пропитаться жъ не можемъ съ своими домовыми,
 По алтыну только въ день беремъ
 И изъ того на себѣ платнишко деремъ.
 Изъ Москвы къ намъ грамотки пишутъ
 И слезными глазами на силу мигутъ.
 Просятъ женишки наши отъ насъ нынѣ нищи
 А мы здѣсь живемъ и сами нищи.
 Умилостивися всемилостивѣйшая Царица Государыня
 Пречестнѣйшая Всея Россіи Боярыня,
 Пожалуй насъ нищихъ убогихъ
 Страшныхъ, бѣдныхъ и безногихъ,
 Ради здравія всемилостивѣйшаго Государя
 Чтобъ ему правдою служили Бояря,

¹⁾ Объ о. Тимоѣѣ Лысогорскомъ была напечатана замѣтка въ „Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1874 годъ, стр. 740—741. Въ этой замѣткѣ нашъ лѣтописецъ представленъ священникомъ дѣльнымъ, разумнымъ и заботливымъ о благолѣпіи приходскаго храма. Авторъ замѣтки, священникъ Иловайскій, между прочимъ говоритъ слѣдующее: „замѣчательно обыкновеніе о. Тимоѣея дѣлать письменныя замѣтки о событіяхъ, имѣющихъ историческій или другой какой либо интересъ. Замѣтки эти сохранились на первыхъ листахъ нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ. Такъ на книгѣ „Духовный Регламентъ“ написано: „Государь императоръ Александръ Павловичъ дозволилъ посѣщать насъ 1824 г., августа 26 дня, во вторникъ вечеромъ. Мы его встрѣчали съ хоругвями и образами, все въ облаченіяхъ: росту онъ былъ высокаго, лицомъ бѣлъ и чистъ, плѣшивъ; глаза остренькіе.“

Изъ прошлаго

За что Господь Богъ продитъ здравіа и тебѣ Государынѣ
Всероссійской и милостивой нашей Боярынѣ
Подасть Господь Богъ здравіа великому Князю

Петру Алексѣевичу

и

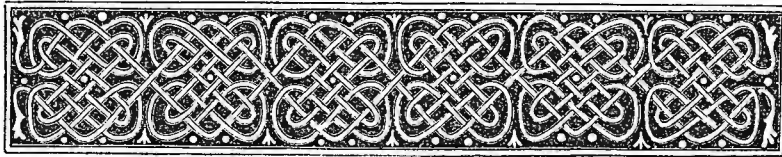
Благороднымъ Царевнамъ
на многія лѣта.

А намъ убогимъ желаемая примѣта.

Журавль и Кружокъ
Милости просять.

Изъ бумагъ М. Д. Хмырова.

С М Ъ С Ъ.

ПАНСЛАВЯНСКОЕ общество основанное Петрашевскимъ. Заимствуемъ изъ статьи профессора Макушева, напечатанной въ газетѣ „Берегъ“ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія о недавно вышедшей обширной книгѣ на польскомъ языкѣ подѣ длиннымъ заглавиемъ: „Najpraktyczniejsza odezwa w imieniu zgodniemuślnych, szlachetnych, Źwiatłych i doświadczoneyeh: Czechów i Lechów do takichże Russów rządzących i prywatnych, jako do swych bliźnich najbliższych to jest do swych braci Słowian i jako do jedynych możebnych zbawców Słowian zachodnich, południowych i Źrodkowych, od hańbiaego Słowian ultramontanizmu i germanizacyi. (Pariż 1880, str. 413“), т. е. „Самое практическое воззваніе единодушныхъ, благородныхъ, образованныхъ и опытныхъ чеховъ и ляховъ къ такимъ же русскимъ, занимающимъ государственныя должности, и частнымъ лицамъ, какъ къ своимъ самымъ близкимъ, т. е. къ своимъ братьямъ славянамъ, и какъ къ единымъ возможнымъ спасителямъ славянъ западныхъ, южныхъ и центральныхъ, отъ постыднаго для славянъ ультрамонтанизма и германизациі“.

Основная мысль этой книги—объединеніе славянъ подѣ гегемонію Россіи—не нова. Наиболеѣ подробно ее развивали незабвенный словакъ Людевитъ Штуръ („Славянство и миръ будущаго“, переводъ профессора В. И. Ламанскаго) и просвѣщенный полякъ графъ Адамъ Гуровскій (*La civilisation et la Russie*, Spb. 1840); въ новѣйшее время эту идею проповѣдывали—изъ поляковъ—Крживицкій (*Polska i Russya w 1872 году*, Dresden (1872) и Микшевскій (*La Pologne et la Russie dans la Slavie*, Genève, 1872). Но съ гегемонію Россіи въ славянскомъ мирѣ авторъ связываетъ „освобожденіе славянъ отъ постыдныхъ для нихъ ультрамонтанизма и германизациі“. Онъ обращается къ намъ, русскимъ, „отъ имени единодушныхъ, благородныхъ, просвѣщенныхъ и опытныхъ чеховъ и ляховъ“. Такимъ образомъ его книга представляетъ сводъ мыслей, принадлежащихъ не ему одному, а цѣлому кружку, цѣлой партіи, и притомъ, какъ оказывается, весьма многочисленной (по словамъ автора, она состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человекъ). На голосъ этой дружественной намъ партіи, объявляющей открытую войну панизму и германизму, нельзя не обратить вниманія.

Авторъ разсматриваемой книги оказывается г. Петрашевскій, мелкопомѣстный шляхтичъ изъ Литвы. Онъ сообщаетъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о себѣ и основанномъ имъ панславянскомъ обществѣ.

Сорокъ семь лѣтъ тому назадъ, слѣдовательно въ 1833 году, родился Петрашевскій въ деревнѣ своихъ родителей, Савицкѣ, лежащей между Кобрянкомъ и Брестомъ-Литовскимъ; учился сначала на родинѣ, а потомъ въ нѣсколькихъ университетскихъ Западной Европы; по возвращеніи изъ-за границы сталъ помѣщикомъ и очень усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ. Въ молодости съ увлеченіемъ изучалъ исторію ересей и познакомился съ ученіемъ не только еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, но также богомоловъ (альбигойцевъ), гусситовъ, польскихъ и литовскихъ арианъ и вольтеріанцевъ. Плодомъ этихъ занятій было разочарованіе, и онъ сталъ поэтомъ. Въ 1860 году онъ женился на дочери своего дяди, Петра Витановскаго, владѣльца деревни Свабиче и дворянскаго предводителя Пружанскаго уѣзда, человека благороднаго, всѣми уважаемаго, ученаго и притомъ одного изъ самыхъ большихъ патріотовъ славянскихъ. Витановскій укорялъ своего зятя, что онъ занимается, какъ молокосо съ или барышня, такими пустяками, какъ подражаніе Ленартовичу, Крашевскому и т. п. и указалъ ему на болѣе достойныя его занятія славянщиною. Панславянскія теоріи Витановскаго сильно повліяли на молодого Петрашевскаго, и онъ сталъ проповѣдникомъ согласія, уніи и объединенія всѣхъ славянъ подъ гегемоніею Россіи (108—118).

Для распространенія своихъ панславянскихъ идей, Петрашевскій отправился въ 1876 г. за границу, а въ апрѣлѣ того же года основалъ въ Львовѣ и Краковѣ нѣсколько отдѣленій (Gron) патріотическаго общества религиозно-панславянскаго. Изъ Галиціи онъ поѣхалъ въ Познань, гдѣ въ маѣ мѣсяцѣ открылъ еще нѣсколько такихъ же отдѣленій; потомъ въ томъ же мѣсяцѣ съѣздить въ столицы Чехи и Морави и съ помощью рекомендательныхъ писемъ на вербовалъ и тамъ своихъ послѣдователей. По его словамъ, просвѣщенные и опытные поляки, чехи и мораване, недовольные австрійскою конституціею, обходящею славянскіе интересы, весьма сочувственно относятся къ объединенію славянъ подъ гегемоніею Россіи. Члены всѣхъ этихъ отдѣленій, польскихъ и чешскихъ, выбрали изъ среды своей секретарей, которые находятся въ перепискѣ съ генеральнымъ секретаремъ общества т. е. Петрашевскимъ (336—337). По его приглашенію, въ юлѣ нѣсколько секретарей или предсѣдателей отдѣленій пріѣхали изъ Праги, Познани, Кракова и Львова въ Врѣславль (Breslau) для общихъ совѣщаній. На этомъ съѣздѣ былъ утвержденъ статутъ общества, составленный Петрашевскимъ. По этому статуту цѣль общества состоитъ въ пропагандированіи идей о согласеніи, соединеніи и объединеніи славянъ подъ гегемоніею Россіи и въ противодѣйствіи германизации и панизму, а членами общества могутъ быть всѣ незалоздрѣнные славянскіе патріоты обоого пола, съ тою только разницею, что женщины не могутъ участвовать въ публичныхъ совѣщаніяхъ. Экземпляръ статута, подписанный всѣми присутствовавшими, былъ вложенъ въ толстый графинъ изъ чешскаго стекла, запечатанъ и зарытъ въ землю; а всѣ они, поднявъ правую руку къ небу, поклялись не открывать имени ни одного изъ членовъ общества. На этомъ же съѣздѣ было постановлено, чтобы каждый, кто только можетъ, старался объ основаніи отдѣленій общества въ Конгресувкѣ, Литвѣ и Россіи, и чтобы, въ виду укрѣпленія нѣмцами Познани и Торуня, Петрашевскій просилъ наше правительство объ укрѣпленіи города Пыздры, прозваннаго уже нѣмцами „Peisern“, весьма важнаго стратегическаго пункта въ Привислянскомъ краѣ. На одномъ изъ слѣдующихъ собраній, было рѣшено просить наше правительство, чтобы оно ввело латинскій шрифтъ, дабы всѣ славяне могли легко читать русскія газеты. Послѣ этихъ совѣщаній, нѣсколько членовъ, нѣмѣвшихъ паспорты, отправились для пропаганды въ Конгресувку, Литву и Россію. Туда же поѣхалъ и немѣвшій паспорта Петрашевскій съ женою (340—343). Получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, Петрашевскій началъ пропагандировать свои идеи въ Варшавѣ между литвинами (т. е. поляками изъ западно-русскихъ губерній), „весьма

многочисленными въ столицѣ Мазовша и всегда весьма склонными къ братскому согласію“. Политическая пропаганда между ними не совсѣмъ удалась, но они охотно поддались пропагандѣ экономической и согласились покупать товары, на сколько возможно, только отъ купцовъ, носящихъ славянскія имена, „ради обогащенія несомнѣнныхъ славянъ, т. е. неимѣющихъ нѣмецкихъ фамилій“. Этою мѣрою Петрашевскій надѣется отнять у нѣмцевъ охоту къ поселенію между чешскими, польскими и русскими славянами, и тѣмъ прекратить увеличеніе гражданскихъ форпостовъ пангерманизма, подъ личиною торговли и промышленности. „Притомъ, думаетъ онъ, такая пропаганда заставитъ нѣкоторыхъ жидовъ, носящихъ нѣмецкія фамиліи, перемѣнить ихъ на славянскія, — польскія или русскія, и тѣмъ увеличить число несомнѣнныхъ (?) славянъ“ (346).

Позже, нѣсколько друзей Петрашевскаго собрались въ домѣ одного изъ нихъ на улицѣ Лыбной для совѣщаній объ увеличеніи числа отдѣленій патріотическаго общества. Послѣ рѣчи Петрашевскаго, присутствовавшіе на этомъ собраніи согласились „простить братьямъ-русскимъ свои обиды“, но жаловались, что поляки не пользуются одинаковыми съ русскими правами относительно землевладѣнія и занятія государственныхъ должностей, что русскіе употребляютъ средневѣковыя буквы, ложно называемыя старо-славянскими, а потому рѣшили просить наше правительство объ уравненіи поляковъ въ правахъ съ русскими и о введеніи у насъ въ употребленіе общевропейской, латинской азбуки, ради сближенія съ западными славянами. При этомъ было сдѣлано еще слѣдующее заявленіе: „чтобы братья наши русскіе не считали насъ консерваторами или фанатиками, рѣшительно заявляемъ, что мы нисколько не будемъ противиться, если русскіе замѣнятъ всѣ римскіе костѣлы и костѣлки въ Литвѣ и Польшѣ славянскими церквами и часовнями, и притомъ желаемъ, чтобы приказали священникамъ жениться и не отличаться отъ свѣтскихъ одеждою“. На этомъ же собраніи было рѣшено сдѣлать слѣдующее дополненіе къ статуту общества: „въ члены общества безусловно не принимаются не только лица, носящія не-славянскія фамиліи, но также всякій, имѣющій иностранный титулъ графа или барона; славянскіи же князья допускаются въ члены общества наравнѣ съ мелкою шляхтою“. Такое постановленіе было мотивировано тѣмъ, что лица, носящія иностранные титулы, рады были бы только импонировать, интриговать и іезуитничать. Затѣмъ, былъ введенъ парламентарный порядокъ въ собраніяхъ общества и наконецъ постановлено сдѣлать слѣдующее замѣчательное дополненіе къ седьмому параграфу статута: „если бы даже русское правительство запретило говорить по-польски на улицахъ Вильно и Варшавы, все-таки согласіе и унія чеховъ, ляховъ и литвиновъ съ русскими противъ соединеннаго пангерманизма, т. е. противъ бренденбурговъ и австріаковъ, крайне неизбѣжны и потому наше патріотическое общество, религіозно-панславянское, никогда не можетъ закрыться“ (349—352).

Въ Варшавѣ было учреждено нѣсколько отдѣленій общества подъ предсѣдательствомъ секретарей.

Подробностей о пропагандѣ въ Литвѣ и Россіи авторъ не сообщаетъ: онъ говоритъ только, что въ Вильнѣ были также основаны отдѣленія общества и что въ члены варшавскаго и виленскаго отдѣленій поступило нѣсколько русскихъ, которые приняли латиницу и западный календарь. Эти „русскіе“ переписывались съ Петрашевскимъ на русскомъ языкѣ, но латиницею, и онъ счелъ нужнымъ напечатать письмо одного „изъ этихъ благородныхъ русскихъ“, писанное латинскою азбукою и польскимъ правописаніемъ. Но что оно писано не русскимъ, а полякомъ, видно изъ неправильности языка и встрѣчающихся въ немъ полонизмовъ.

Ради курьеза же приводимъ въ точномъ переводѣ профессора Макушева слѣдующій отрывокъ изъ книги Петрашевскаго (стр. 371—372):

„На вчерашнемъ (10-го августа 1879) вечернемъ собраніи 14 секретарей виленскихъ отдѣлений нашего общества, изъ которыхъ 11 ляховъ и литвиновъ изъ всѣхъ странъ, а трое русскихъ, постановили... что всѣ члены всѣхъ отдѣлений этого общества обязаны... стараться, на сколько возможно, чтобы русское правительство дозволило: 1) чтобы вывѣски, надписи и афиши въ Вильнѣ были писаны и печатаны общеевропейскими буквами; 2) чтобы извозчики (zwoszczyki) въ Вильнѣ были одѣты по-европейски, 3) чтобы въ Виленскомъ театрѣ артисты играли попеременно одинъ день по-польски, а другой день по-русски; 4) чтобы старинный памятникъ несогласія и уничи или образъ римской богини, находящійся въ Вильнѣ на воротахъ, ложно называемыхъ „Острыми“, былъ отосланъ въ подарокъ председателю авгуровъ новоримскаго оракула (т. е. папѣ), а самыя ворота и улица были расширены; 5) чтобы на мѣсто нынѣшняго памятника несогласія и уничи или деморализаціи славянъ, т. е. на мѣсто часовни, былъ поставленъ памятникъ братскаго согласія и уничи, т. е. памятникъ чеха, лѣха и руса, трехъ братьевъ славянъ, подающихъ другъ другу руки; 6) чтобы такіе же памятники согласія и уничи были поставлены во всѣхъ городахъ Россіи, Литвы и Ляхи, и въ числѣ ихъ въ Варшавѣ на мѣсто памятника шведа Вазы, т. е. Сигизмунда иезуита; 7) чтобы панславянское русское правительство позволило въ Вильнѣ печатать ляхскія газеты и устроить польскія читальни при книжныхъ магазинахъ; 8) чтобы тоже правительство приказало перенести университетъ и политехнику изъ Дерпта и Риги въ Вильно... 9) чтобы тоже панславянское русское правительство замѣнило всѣ церкви въ Вильнѣ, такъ называемыя „православныя“ и „римско-католическія“, славянскими святынями общими чехамъ, ляхамъ, литвинамъ и русскимъ и чтобы приказало всѣмъ священникамъ ляхскимъ, литовскимъ и русскимъ, жениться и носить такую одежду, какую носятъ вообще городскіе жители въ Европѣ и государственныя чиновники. Все это панславянское русское правительство можетъ сдѣлать легче, чѣмъ правительства конституціонно-іезуитскія“.

На томъ же собраніи было рѣшено издать воззваніе къ русскимъ и вести устно и письменно черезъ знакомыхъ пропаганду анти-австрійскую и анти-ультрамонтанскую.

10-го сентября 1879 года посѣтили Петрашевскаго два русскихъ литератора изъ партіи младорусовъ, прибывшіе нарочно изъ С.-Петербурга въ Вильно, чтобы съ нимъ познакомиться и переговорить. Поблагодаривъ Петрашевскаго за его дѣятельность и высказавъ ему полное сочувствіе, старшій изъ нихъ замѣтилъ ему: „Въ одномъ мы не соглашаемся съ вами: вы не хотите конституціи, потому что прусскія и австрійскія конституціи бесполезны для славянъ, а полезны только ультрамонтанофиламъ и германофиламъ; мы же, младорусы, стремимся къ славянской конституціи и не хотимъ, чтобы вы намъ мѣшали въ этихъ нашихъ стремленіяхъ, иначе мы будемъ принуждены кричать противъ васъ въ газетахъ, что вы — фанатики и ретроградъ, о чемъ васъ предупреждаемъ“.

Поблагодаривъ за такое предупрежденіе Петрашевскій сказалъ: „васъ не болѣе тысячи, а насъ нѣсколько сотъ тысячъ; дѣйствуйте, какъ хотите, и оставьте насъ дѣйствовать, какъ мы хотимъ и можемъ“. Затѣмъ онъ обратился къ посѣтителямъ съ вопросомъ: „скажите лучше, чего хочетъ Драгомановъ съ своею партією русскихъ коммунистовъ, называемыхъ нигилистами“?

— „Чортъ ихъ знаетъ, чего они хотятъ (Czort ich znajet, czewo oni chotiat)“, отвѣчалъ младшій изъ нихъ, вогорому однако было подѣ 50 лѣтъ.

„Нигилисты сами не знаютъ чего хотятъ, или лучше хотятъ „nihil“, т. е. ничего, что въ переносномъ смыслѣ значитъ: всего. Они хотятъ всего, а потому и древне-греческаго Ликургова коммунизма, противъ котораго, какъ естественно, мы протестуемъ. Это — развратныя и жадныя на поживу холостяки, тармофды“ и т. п. (стр. 383 и 385).

Вопросъ о конституціи былъ обсуждаемъ въ собраніи 22-го сентября. Одинъ изъ чешскихъ секретарей писалъ: „Славянамъ нужно не конституціи, а только панславизма, вопреки всему, что декламируетъ партія Драгоманова или русскихъ социалистовъ и нигилистовъ, которые хотятъ коммунистичной революціи или рѣзни въ Россіи“ и т. д. Въ томъ же собраніи разсуждали о равноправности польскаго языка съ русскимъ и объ уравненіи поляковъ въ политическихъ правахъ съ русскими (стр. 387 и 390).

Слѣдующее собраніе состоялось 25-го числа того же мѣсяца. На немъ, по предложенію одного изъ варшавскихъ членовъ, былъ утвержденъ гербомъ панславянскимъ подъ гегемонію Россіи гербъ литовскій, былъ пересмотренъ статутъ общества и составлена новая его редація, было доложено о дѣятельности женскихъ отдѣленій общества, занимавшихся преимущественно организаціею народныхъ школъ, въ духѣ панславянскомъ, и наконецъ было рѣшено написать воззваніе къ братьямъ славянамъ русскимъ, чтобы они ходатайствовали передъ панславянскимъ царемъ объ уничтоженіи всѣхъ распоряженій Муравьева, о назначеніи губернаторами славянскихъ земель только несомнѣнныхъ славянъ, о воспрещеніи гг. Каткову и Костомарову писать противъ поляковъ, о разрѣшеніи основывать общеславянскія свѣтлицы и владѣнща и публично открывать отдѣленія панславянскаго общества во всѣхъ городахъ имперіи (стр. 400 и 407).

По порученію общества, Петрашевскій написалъ воззваніе къ братьямъ русскимъ. Писалъ его въ разныхъ мѣстахъ, съ іюня же 1879 г. въ Вильнѣ, гдѣ онъ жилъ въ самомъ центрѣ города, на углу улицъ Замковой и Ботанической, въ домѣ Здановича. Прислупить къ печатанію онъ былъ намѣренъ въ октябрѣ, по окончаніи демонстраціи, устроенной іезуитами Крашевскому, потому что напечатать это воззваніе ранѣе было бы нецѣлесообразно (стр. 359). Впрочемъ предположенія его не сбылись: въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ еще писалъ свое воззваніе, а для напечатанія его долженъ былъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ и издалъ его въ свѣтъ въ 1880 году (стр. 365).

Сперанскій въ ссылкѣ въ Пермь. Въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, г. Иванъ Вологдинъ сообщаетъ о пребываніи Сперанскаго въ Перми слѣдующія свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ рукописной лѣтописи О. А. Придильщикова и служащая дополненіемъ къ другимъ извѣстіямъ, относящимся ко времени ссылки Сперанскаго. Сперанскій, прибывъ въ Пермь 23-го сентября 1812 года, имѣлъ три недѣли отводную квартиру у купца Н. Л. Попова; затѣмъ все остальное время, до 19-го сентября 1814 года, жилъ въ нанятомъ на собственный счетъ помѣщеніи у наследниковъ купца Иванова. Домъ Попова сохранился и до сихъ поръ, и въ настоящее время занятъ губернской почтовой конторой; домъ Ивановыхъ, сломанный въ 1837 году за ветхостью, находился на углу Торговой улицы и Верхотурскаго переулка. Въ то время въ Пермь губернаторомъ былъ Б. А. Германъ, но всѣми дѣлами заправляла его жена. Предписаніе о томъ, чтобы имѣть Сперанскаго подъ строгимъ надзоромъ, она истолковала такъ, что въ переднюю къ Сперанскому посадила двухъ будочниковъ, а городничему Грену и частнымъ приставамъ вмѣнено было въ обязанность посѣщать безъ церемоніи и во всякое время дня квартиру ссылнаго и о томъ, что увидятъ или услышатъ тамъ, доносить куда слѣдуетъ, то есть собственно говоря ей, губернаторшѣ. На вопросъ одного близкаго ей человека: для чего же сажаютъ къ Сперанскому будочниковъ? она отвѣчала:

„пускай господинъ временщикъ при видѣ караульныхъ солдатъ пойметъ конецъ своей роли“. Она не ограничилась и этимъ; по какимъ побужденіямъ дѣйствовала она, сказать трудно, но ей пришла мысль предать мнимаго врага отчизны даже публичному поруганію. Поэтому слуги губернаторскіе, раздавая мальчишкамъ лакомства, научали ихъ гоняться за Сперанскимъ по городу и кричать: „измѣнникъ! измѣнникъ!“ Къ стыду, нельзя умолчать, что между этими мальчишками отличались воспитанники гимназій. Нашелся еще оскорбитель даже изъ взрослыхъ. Нѣкто Воронинъ, выгнанный изъ службы чиновникъ, перѣдко являлся пьяный предъ домою, занимаемымъ Сперанскимъ, и распѣвалъ во все горло псаломъ, напоминающій положеніе изгнанника. Когда Сперанскій сначала по пріѣздѣ сдѣлалъ визиты старшимъ лицамъ въ городѣ, никто не отдалъ ему визиты, даже и архіерей Густинъ, опасаясь прогнѣвать губернаторшу. Только три лица изъ средняго класса: хозяинъ первой его квартиры, Н. Л. Поповъ, соликамскій игумень Иннокентій и Д. Е. Смышляевъ, отнеслись къ Сперанскому почтительно и дружески, и заслужили навсегда его пріязнь. Когда соликамскаго игумена, проживавшаго въ Перми, по званію члена консисторіи, предостерегали, что онъ можетъ повредить себѣ своими отношеніями къ Сперанскому, то онъ отвѣчалъ: „Мнѣ, монаху, что за дѣло до политики! Я вижу вниманіе къ себѣ Михалла Михайловича и обязанностію христианина считаю воздавать ему за честь честию“. Смышляевъ же, тогда еще не очень богатый человѣкъ, ссудилъ Сперанскаго безъ всякихъ залоговъ весьма значительною по тогдашнему времени суммой, въ 5,000 р.; этого пособія Сперанскій не забывалъ до самой своей смерти. Нѣсколько времени спустя, нѣкоторые изъ чиновниковъ рѣшились, однако, предостеречь губернатора, что онъ можетъ подвергнуться отвѣтственности за дѣйствія своей супруги и посоветовали ему по крайней мѣрѣ спросить у кого слѣдовало, какъ должно разумѣть личныя права состоящаго подъ строгимъ присмотромъ Сперанскаго. На представленіе губернатора, министръ полиціи Балашевъ отвѣчалъ довольно лаконически: „разумѣть сосланнаго государственнаго секретаря, какъ тайнаго совѣтника.“ Такой отвѣтъ смутилъ всѣ пермскія власти. Мгновенно исчезли будочки и прекратились посѣщенія городничаго и частныхъ приставовъ. Губернаторъ спохватился, какой сдѣлалъ промахъ по вліянію своей супруги и вздумалъ загладить свою вину, но не прямымъ извиненіемъ предъ оскорбленнымъ, а хитрою уловкой. Дождавшись перваго высокотожественнаго праздника, онъ со всѣми старшими чиновниками въ полной формѣ явился къ Сперанскому съ поздравленіемъ. „Михалтъ Михайловичъ, говоритъ очевидецъ Б..., принялъ насъ очень просто; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ шафрокѣ. На поздравленіе наше онъ отвѣтилъ, едва поднявшись со стула, легкимъ наклоненіемъ головы. Чувство стыда смѣшалось въ насъ съ чувствомъ страха.“ При отъѣздѣ Сперанскаго, на проводы собрался весь городъ. Соликамскому игумену Иннокентію Сперанскій сказалъ, что никогда не забудетъ его благороднаго образа дѣйствій; впоследствии Иннокентія перевели во Исковъ, и наконецъ, онъ былъ архіепископомъ на Волыни.

Путешествіе полковника Пржевальскаго. Въ письмѣ изъ города Гуйдетинъ, писанномъ въ маѣ и напечатанномъ въ извлеченіи въ „Русскомъ Инвалидѣ“, полковникъ Пржевальскій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о своемъ путешествіи на верховья Желтой Рѣки:

„20 марта, мы отправились изъ Синика въ небольшое урочищѣ Гоми, лежащее на изворотѣ Желтой Рѣки. Простоявъ въ Гоми дней десять, мы двинулись далѣе, вверхъ по Хуан-хэ. Здѣсь, съ большимъ трудомъ, благодаря лишь угрозамъ, достали себѣ проводника, притомъ, идиота, весьма мало знавшаго мѣстность лишь на 100 верстъ впереди. Несомнѣнно, что между мѣстными жителями выбранъ былъ самый худшій проводникъ и, притомъ, по приказанію изъ Си-нина. Оттуда прежде насъ пріѣзжалъ посланецъ амбана, который приказалъ обманывать насъ на каждомъ шагѣ и затруднять

наше движеніе всевозможными скрытными уловками; въ то же время, наружно оказывается намъ подлый почотъ и притворная услужливость. Такъ было и въ Гоми. Проводника дали только тогда, когда я рѣшилъ потащить съ собою мѣстнаго старшину. Изъ Гоми началось наше трудное слѣдованіе вверхъ по Жолтой Рѣкѣ. Приходилось проходить по мѣстности, изрѣзанной глубокими пропастями. Къ неудобствамъ движенія присоединилось еще и враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей, си-фаней. Лишь только мы вступили въ ихъ предѣлы, какъ тотчасъ явился какой-то всадникъ, который издали проорчалъ намъ, что мы надняхъ будемъ перебиты, и усакалъ. Пришлось опять, какъ зимою въ Тибетѣ, перейти на военное положеніе: ночью караулъ; спимъ съ оружіемъ подъ изголовьемъ; на охоту ходимъ съ револьверами; пасемъ скотъ не далѣе разстоянія винтовочнаго выстрѣла отъ своего стойбища. Однако, угрозы си-фаней остались только на словахъ“.

„Отойдя верстъ 130 отъ Гоми, мы встрѣтили въ глубокихъ рѣчныхъ ущельяхъ, въ высокихъ, мѣстами снѣговыхъ горахъ, порядочные лѣса, въ которыхъ нашли много птицъ; въ числѣ ихъ оказались три вида еще неизвѣстныхъ. Особенно много было голубыхъ ушастыхъ фазановъ (*crossoptilon auritum*). Эта красивая птица, нѣсколько экземпляровъ которой имѣется только въ музеяхъ Парижа и Петербурга (да еще, кажется, Лондона), встрѣчалась очень часто, какъ въ лѣсахъ, такъ и въ кустарникахъ, начиная отъ 9,500 футовъ абсолютной высоты. Мы били каждый день по нѣскольку экземпляровъ. Другая рѣдкость описываемыхъ мѣстностей—это лекарственный ремень, мѣстами растущій въ невѣроятномъ изобиліи. Старые корни достигаютъ громадной величины“.

„Перебираясь изъ одного ущелья въ другое и перейдя еще, вдобавокъ, полосу песковъ верстъ на 20 шириною, мы добрались до устья рѣки Чурмынь, впадающей въ Хуан-хэ“. Дальнѣйшій путь, однако, оказался столь труднымъ, что экспедиція рѣшилась возвратиться назадъ въ Гоми, а оттуда въ городъ Гуй-дэ, лежащій въ 60-ти верстахъ ниже, на правомъ (южномъ) берегу Жолтой Рѣки.

„Переводчикъ нашъ, таранча изъ Кульджи, очень усердный и намъ преданный, посланъ былъ въ Си-нинъ для сообщенія амбану, что мы пойдемъ черезъ Гуй-дэ въ снѣговья горы, которыя лежатъ верстахъ въ 50—60-ти къ югу отъ названнаго города. Узнавъ о такомъ моемъ намѣреніи, си-нинскій амбанъ думавшій, что я уже возвращаюсь домой, пришолъ въ неописанную ярость и объявилъ, что не опуститъ меня на южную сторону Хуан-хэ, такъ какъ имѣетъ объ этомъ приказаніе изъ Пекина. Тогда переводчикъ объяснилъ амбану, что онъ присланъ только объявить ему о моемъ рѣшеніи, а не спрашивать позволенія, и что я пойду, не обращая никакого вниманія на гнѣвъ амбана. Дѣло, наконецъ, уладилось тѣмъ, что амбанъ далъ приказаніе перевезти насъ на правый берегъ Хуан-хэ“.

„Погода стоитъ весьма дурная: дождь каждый день, въ горахъ снѣгъ; въ ночь съ 10-го на 11-е мая было 12° Ц. мороза въ открытой степи; въ горахъ же еще холоднѣе. Тѣмъ не менѣе, растеній въ горахъ много, и мы уже собрали 250 видовъ; наловили рыбы въ Хуан-хэ; препарировали около 500 экземпляровъ птицъ. Сверхъ, того, снята карта пройденныхъ мѣстностей; сдѣланы наблюденія астрономическія, барометрическія и термометрическія; нарисовано много типовъ. Словомъ, изслѣдовано довольно полно“.

„Откровенно говоря, въ странѣ дикихъ си-фаней намъ было бы гораздо лучше, нежели теперь, среди китайцевъ. И какихъ только нелѣпостей не распускаютъ здѣсь про насъ, чтобъ еще болѣе усилить и безъ того сильное подозрѣніе простого народа! Такъ, напримѣръ, си-нинскій амбанъ спрашивалъ теперь нашего переводчика: правда ли, что я вижу на 40 сажень въ глубь земли и могу сразу отыскать тамъ всякія драгоценности? Си-фани всѣ твердо были увѣрены, что мы—колдуны и по ночамъ летаемъ куда угодно; перелетѣть же

черезъ горы не могутъ только наши выючныя животныя. О графѣ Сеченъ тотъ же си-нинскій амбанъ говоритъ, что въ Гуй-дэ этотъ путешественникъ (дѣлавшій промѣръ Хуан-хэ) вытащилъ со дна рѣки волшебный камень, стоящій десять тысячъ ланъ золота. Сказки, да и только.

„Въ горахъ возлѣ Чейбсена пробуду июль; затѣмъ пойду въ Алашань; буду тамъ около 20-го августа“.

Археологическое открытіе. Принадлежащій Московскому Археологическому Обществу домъ на Берсеневской набережной, извѣстный своею оригинальною и нѣсколько неуклюжею архитектурой, происшедшею отъ смѣси разновременныхъ пристроекъ и передѣлокъ, началъ строиться, какъ извѣстно, въ половинѣ XVII столѣтія, одновременно съ сосѣднею, замѣчательною по красотѣ стіля, церковью Николы Берсеневскаго. Нижний этажъ дома внутри давно уже реставрированъ Археологическимъ Обществомъ въ древнемъ „московскомъ“ вкусѣ, и служитъ помѣщеніемъ для археологическаго музея, бібліотеки и ученыхъ собраній. Нынѣшнимъ лѣтомъ, во время ремонтныхъ работъ, секретарь Археологическаго Общества В. Е. Румянцевъ (извѣстный по открытію и реставраціи царскаго книгопечатнаго дома во дворѣ нынѣшней синодальной типографіи) и преподаватель Строительнаго Училища въ Петербургѣ г. Султановъ, изслѣдуя древность кладки, открыли на восточномъ лицезомъ выступѣ дома, подѣ толстымъ слоемъ штукатурки, на всѣхъ трехъ сторонахъ этого выступа фигурную кладку кирпича, ясно свидѣтельствующую, что на этомъ лѣвомъ выступѣ, нынѣ очень безобразномъ и тяжеломъ, всѣ окна въ древности были богато украшены сандриками и дугообразными ущипистыми арками эллиптической и троючастной формы, съ розетками въ тимпанахъ. По бокамъ сохранились слѣды кирпичныхъ и бѣлокаменныхъ столбиковъ съ перехватами и подвѣсками. 25-го сентября, большая комиссія археологовъ и архитекторовъ составили на мѣстѣ формальный актъ открытія, свѣрили и утвердили снимки и проекты реставраціи, представленные гг. архитекторами Никитинымъ и Поповымъ. Всѣми учеными была заявлена необходимость возстановленія украшеній въ ихъ прежнемъ видѣ. Кирпичные выступы, вѣроятно въ концѣ прошлаго вѣка, были безжалостно сшиблены, и стѣны стали плоскими. Слѣды древнихъ формъ вполне ясны. Реставрированный домъ Московскаго Археологическаго Общества будетъ однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ памятниковъ частнаго гражданскаго зодчества прошлыхъ вѣковъ, а художественныя рельефныя украшенія возвратятъ прежнее изящество древнему зданію, которое, благодаря своему мѣстоположенію, будетъ эффектно выдаваться со стороны новой площади при храмѣ Спасителя.

французы обязаны служить ему. Они вправѣ называть себя повелителями міра! Пока блескъ и обаяніе непобѣдимости еще не разлучны съ его именемъ. Народы европейскаго материка благоговѣютъ передъ нимъ; двое изъ нихъ осмѣлились сопротивляться ему и онъ не замедлилъ наказать ихъ. Быстрымъ походомъ онъ разогналъ испанцевъ; изъ Бургоса онъ направился въ Сомо-Сиерра, перешелъ эти Тормосилы Испаніи и войско его вошло въ Мадридъ; — походъ окончень менѣе чѣмъ въ мѣсяць. Парижане улыбаюсь принимаютъ это извѣстіе: они привыкли къ блеску молніи; и невѣроятное сдѣлалось для нихъ обычнымъ явленіемъ. На дняхъ пронесся слухъ, что маршалъ Сульть отразилъ англичанъ на морѣ.

Это происходило въ январѣ 1809 года. Празднества, балы, различныя увеселенія слѣдуютъ непрерывно одни за другими въ блистательномъ городѣ. Императоръ не скупится на государственную казну и военную добычу, но требуетъ отъ своихъ маршаловъ и сенаторовъ, чтобы они съ своей стороны тратили деньги и въѣшней пышностью показывали бы себя достойными своего высокаго положенія. Благодаря этому, развитіе роскоши достигло крайнихъ предѣловъ, такъ какъ клеветы Бонапарта охотно исполняютъ его волю. Испанская война, которую пессимисты считали предвѣстникомъ паденія императорскаго величія, не замедлила ни одно празднество, не помѣшала ни одному увеселенію. Враги правительства жалуются на стѣсненіе торговли съ Англіей, на застой въ дѣлахъ и уменьшеніе столичнаго населенія, но посторонній наблюдатель не замѣчаетъ ничего подобнаго. Передъ нимъ въ яркихъ краскахъ выступаетъ величественный образъ гигантскаго всемірнаго города съ безчисленными куполами, башнями, колоннами и дворцами, гдѣ все грандіозно и полно гармоніи и гдѣ самыя диссонансы еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе цѣлаго. Если подъ этой блестящей въѣшностью скрываются источники несчастія, то они лежатъ на такой глубинѣ, куда рѣдко проникаетъ взглядъ людской. Кругомъ на далекомъ пространствѣ тянется богато обработанная земля; всюду видѣются деревни, выступающія среди садовъ, красивые дома, замки и дворцы, окруженные большими роскошными парками.

Но помимо красоты, французская столица съ ея окрестностями представляла еще другого рода прелесть для путешественника. Онъ чувствовалъ, что вступаетъ на классическую почву, имѣвшую свою историческую жизнь, свои трагическія и свѣтлыя воспоминанія. Парижъ, какъ нѣкогда столица древняго Рима, считаетъ тысячелѣтними время своей постоянно прогрессирующей культуры.

Эгбертъ прожилъ здѣсь уже нѣсколько недѣль, но все еще не могъ прійти въ себя отъ массы новыхъ впечатлѣній. Хотя онъ пріѣхалъ изъ большого города, но развѣ можно сравнить Вѣну съ Парижемъ! вѣнская жизнь вращалась на небольшомъ пространствѣ узкихъ улицъ и маленькихъ площадей. Въ австрійской столицѣ не было

ни широкихъ дорогъ, обсаженныхъ деревьями, какъ парижскіе бульвары, ни красивой набережной, ни такихъ зданій, какъ Лувръ, Тюльери и Люксембургскій дворець. Вѣна поражала различіемъ народовъ, языковъ и народовъ, которые встрѣчались въ ней, между тѣмъ, какъ въ Парижѣ всѣ были похожи другъ на друга; и это однообразіе имѣло въ себѣ нѣчто подавляющее. Всякій иностранецъ и провинціалъ по мѣрѣ силъ старался отдѣлаться отъ своихъ особенностей и казаться парижаниномъ по фасону платья, манерѣ говорить и обращенію. Это былъ идеаль, которому всѣ старались подражать изъ боязни казаться смѣшнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Рядомъ съ этимъ во всѣхъ слояхъ общества господствовало одинаковое стремленіе къ случайнымъ отличіямъ и то же театральное тщеславіе. Орденъ Почетнаго Легіона составлялъ любимую мечту даже противниковъ императора, которые втайнѣ выдавали себя за республиканцевъ. У кого была красная ленточка въ петличкѣ, тотъ считалъ себя выше большинства своихъ согражданъ. Вотъ удочки, на которыя ловится умный народъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ писалъ на стѣнахъ своего города: „свобода и равенство“, — думалъ Эгбертъ, познакомившись ближе съ парижскимъ населеніемъ.

Все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ еще болѣе усиливало его уваженіе къ великому человѣку. Онъ чувствовалъ суевѣрный страхъ передъ его счастьемъ и понималъ, что самъ императоръ считаетъ себя избранникомъ судьбы и заодно съ окружающими вѣрить въ свою звѣзду. Ослѣпленный умъ юноши не видѣлъ, какъ шатки основанія этой новой Вавилонской башни и какими недостойными средствами достигнуто все это могущество.

Онъ восхищался обиліемъ художественныхъ произведеній, которыя были привезены сюда изъ различныхъ странъ Европы въ видѣ военной добычи. Такъ поступали и римляне! Развѣ не свозили они въ свой Капитолій драгоцѣнности цѣлаго міра! Всеобъемлющая культура, говорили поклонники императора, немислима, пока сокровища науки и искусствъ разбѣяны по всей землѣ и доступны немногимъ путешественникамъ. Необходима свѣтовая точка, которая распространяла бы блескъ и теплоту по всей землѣ и только при этомъ условіи возможенъ быстрый и равномерный прогрессъ различныхъ народовъ. Подобныя фразы были въ модѣ и повторялись сотни разъ съ большимъ или меньшимъ краснорѣчіемъ.

Постоянно раздавались звуки воинственныхъ трубъ, бой барабановъ, но среди шума и ужасовъ битвъ, за которыми въ недалекомъ будущемъ можно было предвидѣть рядъ новыхъ сраженій, люди не переставали мечтать о вѣчномъ мирѣ и братствѣ. Насколько эти мечты были прекрасны и естественны въ устахъ идеалистовъ, настолько казались они какой-то насмѣшкой, когда ихъ выражалъ главный виновникъ всей пролитой крови, и въ кругу своихъ маршаловъ и депутатовъ народа распространялся о своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и

непріязни невѣрнаго Альбіона. Тѣмъ не менѣ эти увѣренія, торжественно произнесенныя могущественнымъ императоромъ, казались многимъ отголоскомъ правды и обаятельно дѣйствовали на мечтательнаго Эгберта при его искренности и стремленіи къ идеалу.

Эгбертъ не считалъ себя въ правѣ откладывать дѣло, возложенное на него графомъ Стадіономъ, и выполнилъ его въ день своего пріѣзда. Изъ пріема, который оказалъ ему графъ Меттернихъ, онъ могъ ясно видѣть, что содержаніе переданнаго имъ письма важнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Посланникъ не расточалъ общепринятыхъ любезныхъ фразъ, но обошелся съ нимъ какъ съ человекомъ, къ которому чувствовалъ особенное уваженіе.

Меттернихъ подробно разспрашивалъ юношу о настроеніи умовъ въ Вѣнѣ и въ Германіи. Хотя отвѣты Эгберта не представляли ничего новаго для опытнаго дипломата, но они были чрезвычайно важны для него въ томъ отношеніи, что онъ могъ почерпнуть изъ нихъ точныя свѣдѣнія относительно взглядовъ и надеждъ нѣмецкаго юношества и народа.

Уже въ то время графъ Меттернихъ былъ врагъ всякаго народнаго движенія. Ему никогда не пришло бы въ голову, подобно графу Стадіону, прибѣгать къ помощи австрійской аристократіи, вооруженнаго народа и дворянства, ограбленнаго и подавленнаго Бонапартомъ и князьями Рейнскаго Союза и связывать съ ними судьбы государства и царствующей династіи. Но Меттернихъ, какъ вѣрный слуга своего государя, считалъ своимъ долгомъ слѣпо придерживаться политики, принятой въ столицѣ. Ему было давно извѣстно, изъ официальныхъ депешъ, что австрійское правительство для предстоящей войны противъ Наполеона разсчитываетъ на возстаніе въ Тиролѣ, Форарльбергѣ, Швабіи и Гессенѣ и на союзъ съ Пруссіей, но теперь представлялся удобный случай узнать настоящее положеніе дѣлъ и онъ слѣшилъ воспользоваться имъ. Эгбертъ подробно передалъ ему свои личныя наблюденія относительно броженія въ сельскомъ населеніи всего Зальцбурга и ненависти гессенцевъ къ навязанному имъ королю Герониму.

— Тѣмъ не менѣ, сказалъ въ заключеніе Эгбертъ — общее возстаніе возможно только въ томъ случаѣ, если мы одержимъ рѣшительную побѣду.

— А вы не ожидаете побѣды съ нашей стороны? спросилъ улыбаясь Меттернихъ.

Эгбертъ молчалъ.

— Вотъ причина, продолжалъ посланникъ — почему я твердо убѣжденъ, что наша ссора съ императоромъ Наполеономъ кончится миролюбивымъ образомъ. Но намъ не миновать временной бури. Вооруженіе Австріи возбудило неудовольствіе Бонапарта. Онъ не помнитъ себя въ гнѣвѣ, и мнѣ придется вынести первую вспышку!

Разговоръ перешелъ на Цамбелли. Меттернихъ не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій, такъ какъ въ Парижѣ его не видѣли.

Эгбертъ разсказалъ какимъ образомъ онъ познакомился съ шевалье, но умолчалъ о своихъ подозрѣнiяхъ противъ него.

— Это должно быть опасный и недюжинный человекъ! замѣтилъ посланникъ.—Наполеонъ охотно пользуется такими людьми...

Благодаря покровительству Меттерниха, Эгберту открытъ былъ доступъ въ кружки военной аристократiи. Никто не находилъ предосудительнымъ его бюргерское происхожденiе, такъ какъ многiе изъ приближенныхъ Наполеона, щеголявшiе теперь княжескими и графскими титулами, вышли изъ простонародья. Скромность Эгберта и его поклоненiе военной славѣ Наполеона располагали въ его пользу мужчинъ; женщины восхищались его красотой и рыцарскимъ обращенiемъ. Его считали нѣмецкимъ ученымъ, который прiѣхалъ въ Парижъ чтобы познакомиться съ его научными сокровищами; и всѣ старались наперерывъ сдѣлать ему прiятной жизнь въ столицѣ и познакомить съ ея достопримѣчательностями.

Посланникъ счелъ своей обязанностью представить его Жозефинѣ въ St.-Cloud, которая сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ. Императрица показалась Эгберту необыкновенно привлекательной. Но ни въ одномъ изъ блестящихъ кружковъ, гдѣ ему случалось бывать, онъ не встрѣчалъ Антуанеты. Она жила уединенно въ семействѣ графа Мартиньи, жена котораго была родная сестра маркиза Гондревилля, отца Антуанеты.

Молодая графиня не скрывала отъ друзей своихъ причину, побуждавшую ее удалиться отъ всякихъ празднествъ. До сихъ поръ всѣ старанья Мартиньи и ея просьбы къ влiятельнымъ лицамъ остались безъ успѣха. Она съ нетерпѣнiемъ ожидала возвращенiя императора въ Парижъ; Жозефина общала исходатайствовать ей аудiенцию у своего супруга, но и тутъ судьба молодого маркиза зависѣла отъ расположенiя духа Наполеона и ея собственнаго краснорѣчiя. При такой заботѣ „la belle allemande“, какъ называли Антуанету французы, не могла принимать участiя въ общественныхъ удовольствiяхъ.

Ярко свѣтитъ полуденное солнце. Тюльерiйскiй садъ наполненъ гуляющими. На голубомъ небѣ нѣтъ ни одного облачка; воздухъ такой теплый, какъ въ мартѣ. Нигдѣ не видно и слѣда инея, который утромъ покрывалъ землю; только кое-гдѣ въ тѣни отсвѣчиваютъ серебряныя точки и звѣздочки.

Смѣясь, разговаривая и глазѣя по сторонамъ, тѣснится толпа передъ дворцомъ въ аллеяхъ и на лугахъ. Сегодня 22 января и воскресный день. Рядомъ съ знатными господами выступаетъ буржуа съ женой и дѣтьми и работникъ изъ С. Антуанскаго предмѣстья, въ блузѣ.

Вниманiе гуляющихъ обращено на новую желѣзную рѣшетку съ позолоченными верхушками вокругъ цвѣтника и новаго постройки со стороны Лувра. Въ одномъ мѣстѣ подъ деревьями сплотился тѣсный кружокъ любителей новостей и толкуеть о скоромъ прiѣздѣ императора.

— Правда ли, что онъ долженъ на дняхъ вернуться въ Парижъ? спрашиваютъ другіе. Развѣ онъ уже справился съ англичанами?

— Нѣтъ еще, но говорятъ скоро начнется война въ Германіи.

— Ну, это не испугаетъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

— Война будетъ серьезная, потому что маленькій капралъ опять видѣлъ сѣраго.

— Сѣрый! Кто это? Ужъ не герцогъ-ли Марципанъ!

Всѣ захохотали. Множество вновь пожалованныхъ герцоговъ и князей служило постояннымъ поводомъ для насмѣшекъ парижанъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые имена были совершенно неизвѣстны публикѣ.

— Такъ вы никогда не видали сѣраго?

— Нѣтъ, *sacre bleu!* А вы знакомы съ нимъ?

— Онъ всегда посѣщаетъ императора передъ важными событіями. Вотъ онъ проскользнулъ тутъ въ полночь за каштановыми деревьями и прошелъ черезъ калитку, у которой стоитъ часовой.

— Императоръ теперь въ Испаніи! Развѣ тамъ есть Тюльери.

— Я говорю не о теперешнемъ случаѣ. Дайте мнѣ досказать. Сѣрый являлся также къ Бонапарту въ открытомъ полѣ при бивуачныхъ огняхъ, такъ что солдаты видѣли его...

— Да кто-же онъ такой?

— Онъ управляетъ погодой, отвѣтилъ расказчикъ, понижая голосъ. Когда Наполеонъ возвращался изъ Египта и нечаянно очутился среди флота проклятыхъ англичанъ, то сѣрый для его спасенія нагналъ такой туманъ, что въ двухъ шагахъ нельзя было различить человѣка.

— Вотъ какъ!

— Этотъ же сѣрый при Аустерлицѣ приказалъ солнцу выглянуть изъ тумана...

— Въ тотъ моментъ, когда это было нужно императору, — добавилъ со смѣхомъ одинъ изъ присутствующихъ.

Но всѣ были настолько поглощены разказомъ, что шутка эта прошла не замѣчанною.

— Сѣрый, продолжалъ ораторъ возвращаясь къ своей любимой темѣ—до сихъ поръ былъ милостивъ къ маленькому капралу и посылалъ ему попутный вѣтеръ и солнце, но...

— Въ чемъ дѣло? воскликнули слушатели.

— Придетъ время, когда онъ измѣнитъ Бонапарту и карточный домъ обрушится сразу.

— Императоръ? Имперія?

— Исчезнуть съ лица земли! Все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ. Вы и сами не вѣрите, что вся эта исторія можетъ продолжаться! Тоже было и съ Робеспьеромъ... *Sauve qui peut!*

Но едва было произнесено страшное имя, настолько-же ненавистное императору, какъ и сама революція, кружокъ слушателей разсѣялся какъ стая голубей, надъ которыми парить ястребъ.

Среди гуляющих шумят и рѣзвятся дѣти въ платьяхъ обшитыхъ мѣхомъ; одни бѣгаютъ, играютъ въ серсо; другіе идутъ чинно съ своими няньками. Проходитъ группа разряженныхъ дамъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ элегантныхъ кавалеровъ съ высокими воротничками по модѣ заимствованной изъ Англіи, такъ какъ тогдашніе французы, не смотря на вражду къ англичанамъ, насколько возможно подражали имъ въ одеждѣ и держали англійскихъ лошадей. Кавалеры толковали о театрѣ, прекрасной игрѣ Тальмы, смѣлыхъ выходкахъ мадемуазель Марсь, которая многое позволяла себѣ, благодаря близости къ извѣстному лицу. Дамы улыбались и съ своей стороны дѣлали разныя замѣчанія. Разговоръ отъ хроники послѣднихъ дней перешелъ къ предстоящему представленію новой трагедіи „Гекторъ“ *Luce de Lancelval*'я.

— Говорятъ трагедія написана по греческому образцу и чуть ли не цѣликомъ взята изъ Гомера, сказалъ одинъ изъ кавалеровъ.

— Неужели намъ недостаточно грабить живыхъ и мы еще обираемъ мертвыхъ! воскликнулъ другой.

— Вы не знаете самаго забавнаго... сказала со смѣхомъ одна изъ дамъ уже не первой молодости, съ лицомъ Юноны и темными блестящими глазами, которые кокетливо выглядывали изъ подъ высокой шелковой шляпы.

— Ну, это можно себѣ легко представить, мадемуазель Атенаисъ! Вѣрно какая нибудь закулисная исторія!

— Мы бѣдные оперные пѣвцы и пѣвицы теперь въ самомъ жалкомъ положеніи и слухи доходятъ до насъ стороною. Императоръ не любитъ музыки.

— Такъ и должно быть. Человѣкъ, который изъ году въ годъ слышитъ трубы и барабаны не можетъ понимать музыки. Совсѣмъ другія были времена при нашей доброй королевѣ Маріи Антуанетѣ, которая велѣла поставить на сцену оперы божественнаго Глюка. О Ифигенія!

Это говорилъ человѣкъ, которому было далеко за шестьдесятъ, судя по сѣдинѣ и морщинамъ, но который былъ также щеголевато одѣтъ какъ двадцатилѣтній юноша; увлеченный воспоминаніями молодости онъ вытянулъ губы и запѣлъ дрожащимъ голосомъ арію изъ оперы „Ифигенія въ Тавридѣ“.

— Что вы дѣлаете, мосье Фондретъ! воскликнула Атенаисъ— можно ли пѣть при такомъ холодѣ! Если бы мы сидѣли съ вами за десертомъ у Фери передъ бутылкой шампанскаго, то я готова была бы прослушать цѣлаго Орфея и не остановила бы васъ; но зимою въ Тюльерійскомъ саду!..

— И на тошій желудокъ!

— Что хотѣли вы рассказать намъ, мадемуазель Атенаисъ, по поводу новой трагедіи? Будьте добры сообщите; мы не станемъ прерывать васъ.

— Вообразите себѣ, что онъ приложилъ руку къ трагедіи.

Съ этими словами Атенаисъ указала рукой на окна дворца.

— Какъ, императоръ сочиняетъ стихи!

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, сказала одна изъ дамъ.

Говорятъ онъ пишетъ довольно спосныя любовныя посланія.

— Ужъ не къ императрицѣ ли Жозефинѣ?

— Знаете ли какъ я узнала объ его авторствѣ? продолжала Атенаисъ. Случайно проговорился Тальма. На дняхъ онъ декламировалъ передъ своими пріятелями какое то мѣсто изъ „Гектора“ и, когда одинъ изъ нихъ замѣтилъ что „такіе стихи пишутъ только дикари или капралы“, то нашъ знаменитый актеръ воскликнулъ: „Эти стихи божественны! поймите, что онъ написалъ ихъ!“

— Ну въ такомъ случаѣ мы не должны пропустить представленія.

— Разумѣется, сказала Атенаисъ съ иронической улыбкой. Аплодисменты ваши не пропадутъ даромъ и будутъ вознаграждены надлежащимъ образомъ.

— Не знаете ли вы, кто этотъ красивый юноша, который такъ задумчиво смотритъ на игру дѣтей? спросила молоденькая дама, прерывая разговоръ, который началъ принимать не совсѣмъ пріятный оборотъ.

— Гдѣ? Не тотъ ли, что стоитъ у рѣшетки? Съ бѣлокурыми волосами?

— Да. Посмотрите какой онъ высокій и стройный!

— У тебя не дурной вкусъ, Зефирина, сказала Атенаисъ. Я видѣла его недавно въ оперѣ и обратила на него вниманіе. Онъ сидѣлъ въ первыхъ рядахъ и такъ погрузился въ музыку, какъ будто его заколдовали.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что это нѣмецъ! воскликнулъ молодой человѣкъ, котораго звали Артуромъ. Нѣмцы всѣ мечтатели и мистики, въ ихъ странѣ вѣчный туманъ; они никогда не видятъ солнца.

— Однако Аустерлицкое солнце взошло въ Германіи!..

— Это случилось всего одинъ разъ и то въ честь нашего императора и великой арміи, отвѣтилъ поспѣшно Артуръ. Но въ остальное время у нихъ туманъ и сумерки, старые дома съ исторіями о привидѣніяхъ, призраки, лѣсные цари, а люди любятъ платонически и неизмѣнны въ своихъ привязанностяхъ.

Въ это время мимо разговаривающихъ прошелъ Эгбертъ. Онъ узналъ издали знакомый образъ Юноны, которую видѣлъ раза три на оперной сценѣ. Въ афишахъ она была названа мадемуазель Дешанъ. Вспомнивъ, что графъ Вольфсеггъ говорилъ о ней съ большимъ участіемъ, Эгбертъ хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы взглянуть на нее вблизи. Но тутъ муфта ея неожиданно очутилась у его ногъ. Выпала ли она случайно изъ ея рукъ или это было сдѣлано съ намѣреніемъ?

Эгбертъ поднялъ муфту и подалъ ее пѣвицѣ съ легкимъ поклономъ.

— Позвольте возвратить вамъ эту муфту, сказалъ онъ. Если не ошибаюсь, она принадлежитъ вамъ.

— Благодарю васъ. Мнѣ очень пріятно получить ее изъ рукъ такого знатока музыки, какъ вы.

— Да вы понимаете божественное искусство! сказалъ мосе Фондретъ, узнавъ молодаго человѣка, котораго онъ не разъ встрѣчалъ въ оперѣ. Вы не пропускаете ни одного значительнаго представленія. Въ наше время любители музыки сдѣлались рѣдкостью.

— Я пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы насладиться художественными произведеніями, которыми такъ богата ваша столица, хотя я самъ изъ музыкальнаго города.

— Простите мое любопытство. Не соотечественникъ ли вы безсмертнаго Глюка? спросила мадемуазель Атенаисъ.

— Да, я уроженецъ Вѣны и съ наслажденіемъ услышалъ здѣсь знакомые звуки тѣхъ самыхъ оперъ, которыми я восхищался въ моемъ отечествѣ. Всякое великое музыкальное произведеніе не можетъ быть исключительно принадлежностью какой нибудь отдѣльной страны или города; оно неизбѣжно становится достояніемъ всѣхъ; тутъ исчезаетъ всякое различіе языковъ и національностей и люди чувствуютъ себя братьями.

Фондретъ въ порывѣ восторга обнялъ Эгберта и прижалъ къ своему сердцу.

— Вы видите я былъ правъ, шепнулъ мосе Артуръ стоявшей возлѣ него молоденькой танцовщицѣ. Это мистикъ, кончившій образованіе въ какомъ нибудь германскомъ университетѣ, въ родѣ тѣхъ господъ, которыхъ такъ мѣтко описала г-жа Сталь въ своей книгѣ о Германіи.

Эгбертъ хотѣлъ снять шляпу, чтобы проститься съ своими новыми знакомыми, но остановился, увидя на другой сторонѣ графа Мартиньи, который шелъ подъ руку съ Антуанетой. Красота молодой графини и ея траурный нарядъ, представлявшій рѣзкій контрастъ среди пестрыхъ шалей и цвѣтныхъ платьевъ другихъ дамъ, тотчасъ же привлекли вниманіе мадемуазель Атенаисъ.

Антуанета поравнялась съ группой разговаривающихъ, привѣтливо улыбнулась Эгберту въ отвѣтъ на его поклонъ и слегка кивнула ему головой.

— Вы знакомы съ этой красавицей? спросила съ живостью Атенаисъ. Это, вѣроятно, ваша соотечественница!.. Кто она?

— Да, она пріѣхала изъ Вѣны. Это племянница графа Вольфсегга и носитъ его титулъ, отвѣтилъ Эгбертъ, не рѣшаясь произнести фамилію Гондревиллей, которые были включены въ число эмигрантовъ.

Лицо Атенаисъ покрылось багровымъ румянцемъ

— Вольфсегга! воскликнула она. Вы говорите, что это племянница Ульриха Вольфсегга?..

Эгбертъ растерялся, видя смущеніе своей собесѣдницы. Но она тотчасъ же овладѣла собой и съ искусствомъ, пріобрѣтеннымъ въ жизни и на сценѣ, придала лицу своему спокойное выраженіе.

— Въ молодости я была знакома съ однимъ графомъ Вольфсеггъ... Еще разъ благодарю васъ за любезность... Позвольте узнать сись вашу фамилію?..

— Эгбертъ Геймвальдъ.

— Надѣюсь, вы побываете у меня и доставите мнѣ удовольствіе поговорить съ вами о нѣмецкой музыкѣ.

Разставшись съ обществомъ, въ которомъ онъ очутился такъ неожиданно, Эгбертъ пошелъ вдоль набережной къ улицѣ Таганне, гдѣ жилъ докторъ Веньяминъ Бурдонъ, которому онъ хотѣлъ отдать визитъ. Сегодня же рано утромъ гофкурьеръ привезъ ему приглашеніе отъ императрицы Жозефины въ ея загородную резиденцію Malmaison. Воображеніе рисуетъ ему блистательную картину придворнаго вечера, но тутъ мысли его переходятъ къ Антуанетѣ и случайному знакомству съ Атенаисъ Дешанъ. Сколько новыхъ и постоянно мѣняющихся впечатлѣній! Припоминая день за днемъ свое пребываніе въ Парижѣ, Эгбертъ чувствуетъ себя вполне удовлетвореннымъ. Ему кажется—и онъ уже писалъ объ этомъ Магдаленѣ,—что въ этотъ короткій промежутокъ времени онъ больше пережилъ, чѣмъ во всю свою предшествующую жизнь.

Сравненіе блистательнаго Парижа съ австрійской столицей не выгодно для послѣдней, но тѣмъ не менѣе непреодолимое чувство влечетъ его къ далекой родинѣ, въ его тихій домъ на уединенной улицѣ. Пока живо это чувство, онъ можетъ смѣло идти на встрѣчу будущности и восхищаться окружающимъ великолѣпіемъ; никто не назоветъ его измѣнникомъ.

Размысленія его были прерваны неприятнымъ ощущеніемъ невидимой опасности. Ему показалось, что кто-то идетъ по его слѣдамъ замедляя и ускоряя свои шаги, сообразно съ нимъ. Онъ оглядывается съ испугомъ, но трудно отличить кого либо въ толпѣ воскресныхъ гуляющихъ, которые, повидимому, не обращаютъ на него никакого вниманія. Одни заняты разговоромъ, другіе глядятъ на рѣку, облокотившись на перила; нѣкоторые замѣтивъ, что онъ остановился, слѣдуютъ его примѣру и съ недоумѣніемъ смотрятъ на него.

Эгберту становится стыдно за свой страхъ. Что можетъ случиться съ нимъ при дневномъ свѣтѣ; при такой массѣ народа? У него не можетъ быть враговъ въ чужомъ городѣ, гдѣ онъ еще такъ недавно и гдѣ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ ни малѣйшаго столкновенія. Меттернихъ предостерегалъ его отъ полиціи Фуше, которая охотно вмѣшивается во все безъ всякой необходимости. Но ей нѣтъ никакой надобности преслѣдовать его на улицахъ, она знаетъ его ими и

адресъ. Ей, вѣроятно, также извѣстно, какъ онъ восхищается Бонапартомъ!

Эгбертъ перешелъ мостъ и очутился на другой сторонѣ рѣки; но и здѣсь онъ слышалъ за собой тотъ же шумъ шаговъ.

— У меня положительно галлюцинація слуха, сказалъ про себя Эгбертъ для своего успокоенія. Мои нервы разстроены въ ожиданіи предстоящаго вечера. Хорошо, что я иду къ доктору...

Онъ дошелъ до угла улицы Taranne и St.-Benoit, гдѣ стоялъ старій четырехъ-этажный домъ мрачнаго и неуклюжаго вида, нижнія окна котораго были снабжены желѣзными рѣшетками. Тяжелое впечатлѣніе, производимое этимъ темнымъ огромнымъ зданіемъ, еще болѣе усиливалось близкимъ сосѣдствомъ больницы. Въ этомъ домѣ жилъ Веньяминъ Бурдонъ, одинъ изъ главныхъ врачей госпиталя, чтобы быть по близости тѣхъ, которые нуждались въ его помощи, такъ какъ онъ проводилъ съ ними большую часть дня.

Вотъ онъ выходитъ изъ госпиталя и переходитъ улицу.

— Г-нъ Эгбертъ Геймвальдъ! Очень радъ видѣть васъ. Я только что собирался сдѣлать вамъ визитъ!

Съ этими словами Бурдонъ пожалъ руку Эгберту и безъ всякаго намѣренія по привычкѣ попробовалъ ему пульсъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ. — У васъ лихорадочный пульсъ! Вы должно быть бѣжали сюда.

— Не знаю, я не замѣтилъ этого... Мнѣ все казалось, что кто-то гонится за мной.

— Ну, здѣсь вы въ безопасности. Кромѣ насъ съ вами никого нѣтъ на улицѣ.

— Вы ошибаетесь! вотъ идетъ какой-то человѣкъ въ черномъ плащѣ; онъ остановился среди улицы.

— Да, вижу, вотъ онъ смотритъ на насъ. Что ему нужно! Но вы вздрогнули и измѣнились въ лицѣ!...

— Обратите вниманіе на его физиономію, сказалъ поспѣшно Эгбертъ. Это шевалье Цамбелли.

Но въ этотъ моментъ человѣкъ въ черномъ плащѣ повернулся къ нимъ спиной и поспѣшными шагами направился къ набережной.

Веньяминъ Бурдонъ и Эгбертъ поднялись на крыльцо стараго дома и исчезли за тяжелою дверью.

Графъ Вольфсегъ не ошибся. Бурдонъ обошелся съ Эгбертомъ самымъ дружескимъ образомъ, но противъ ожиданія выслушалъ довольно хладнокровно его разказъ о насильственной смерти своего отца. Причина такой философской покорности судьбѣ, какъ убѣдился вскорѣ Эгбертъ, настолько же заключалась въ характерѣ и докторской профессіи Бурдона, при которой смерть становится самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, насколько и въ разладѣ, который существовалъ между отцомъ и сыномъ изъ-за политическихъ убѣжденій. Веньяминъ не скрывалъ своихъ республиканскихъ взглядовъ и замѣ-

тилъ, что онъ никогда не одобрялъ таинственныхъ поѣздокъ отца своего въ Австрію къ Гондревиллямъ. Эгбертъ ничего не возразилъ на это, зная, что цѣль этихъ поѣздокъ не могла нравиться молодому Бурдону. Съ другой стороны, онъ намѣренно избѣгалъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, такъ какъ съ перваго же свиданія опредѣлилась разница ихъ взглядовъ на государственное устройство и порядки. Во всемъ остальномъ они вполне симпатизировали другъ другу; помимо трагической смерти стараго Бурдона ихъ соединяли научные интересы. Хотя Эгбертъ никогда не занимался практически медициной, и въ этомъ отношеніи не могъ сравниться съ своимъ новымъ другомъ, но много думалъ и читалъ о медицинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ хорошо знакомъ съ натуральной философійю, на которую первые умы Германіи смотрѣли какъ на своего рода евангеліе и ждали отъ нея спасенія для цѣлаго міра и о которой Бурдонъ имѣлъ самое смутное понятіе.

Не послѣднимъ поводомъ къ сближенію молодыхъ людей служили общія удовольствія и развлеченія. Веньяминъ жилъ въ Парижѣ съ дѣтства, пережилъ всѣ ужасы революціи и зналъ чуть ли не каждый камень, съ которымъ были связаны какія нибудь историческія воспоминанія. Для Эгберта было большимъ наслажденіемъ ходить по улицамъ съ такимъ проводникомъ.

— Такъ это Цамбелли! сказала задумчиво Веньяминъ, когда они поднялись на лѣстницу перваго этажа.

Они вошли въ большую мрачную комнату съ двумя высокими окнами, изъ которыхъ одно выходило на дворъ госпиталя, гдѣ росли тополи и сирень, а другое на улицу St. Benoît. Стѣны были оклеены зелеными обоями и украшены четырьмя ландшафтами Клода Лоррена въ простыхъ рамкахъ. Надъ жесткимъ диваномъ съ рѣзной спинкой висѣли портреты Вашингтона, Франклина, въ честь котораго Бурдонъ получилъ имя Веньямина и жирондиста Верньо. Мебель была обита зеленымъ шерстянымъ дама; на полу лежалъ зеленый коверъ. На широкомъ столѣ, уставленномъ книгами и хирургическими инструментами, стояли двѣ бронзовыя лампы античной формы. Въ стѣнѣ надъ зеркаломъ была вдѣлана маска Медузы, противъ которой постоянно возставалъ Эгбертъ, находя ее неумѣстной въ кабинетѣ врача.

Бурдонъ пригласилъ своего гостя сѣсть и, не снимая шляпы съ головы, подбѣжалъ къ окну.

— Вотъ онъ огибаеть уголъ и обернулся сюда. Мы издали магнетически дѣйствуемъ другъ на друга!... Ну, конечно! онъ исчезъ...

Бурдонъ отошелъ отъ окна и бросивъ свою шляпу на кресло спокойно ходилъ по комнатѣ. Голова его съ густыми темными волосами и рѣзко очерченнымъ лбомъ была слишкомъ велика для его тонкой фигуры; правое плечо было значительно выше лѣваго, что въ соединеніи съ его живостью придавало ему видъ кобольда; легкая насмѣшливая улыбка, не сходившая съ его лица во время разговора

еще болѣе увеличивала это сходство. Выраженіе его темныхъ глазъ было кроткое и мечтательное, но вслѣдствіе привычки или изъ желанія придать себѣ строгій и мрачный видъ онъ постоянно морщилъ брови и лобъ.

— О чемъ вы думаете, Эгбертъ? спросилъ онъ останавливаясь передъ нимъ.

— О смерти вашего отца. Впечатлѣніе было настолько сильно, что я до сихъ поръ помню малѣйшія обстоятельства, сопровождавшія ее. Неужели опаль, который я показывалъ вамъ, не поможетъ намъ отыскать убійцу! На опальъ вырѣзанъ орелъ...

— Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что это набалдашникъ хлыста, а не палки, какъ вы предполагали, но это безразлично. Всадникъ, играющій темную роль въ этой исторіи, вѣроятно, принялъ мѣры предосторожности и давно купилъ себѣ новый хлыстъ.

— Вы опять будете смѣяться надо мной и назовете мечтателемъ, но я тѣмъ не менѣе вѣрю въ возмездіе...

— Въ Немезиду? Это своеобразное вѣрованіе очень распространено въ Парижѣ. Но пройдитесь по улицѣ Риволи, или по которому нибудь изъ бульваровъ, и вы увидите прямое противорѣчіе этому. Кто владѣетъ тамъ лучшими домами? Подрядчики, которые крали и крадутъ у нашихъ бѣдныхъ солдатъ сапоги, одѣяла, хлѣбъ; подкупные льстецы, которые теперь лизутъ ноги у императора, а передъ этимъ ползали передъ Дантономъ и Робеспьеромъ, креатуры Фуше, отрѣбіе всѣхъ партій, у которыхъ на душѣ столько же постыдныхъ дѣлъ, сколько волосъ на головѣ. Во главѣ ихъ клятво-преступникъ, воръ и убійца! Но я не долженъ говорить о Бонапартѣ; вы поклоняетесь ему и онъ въ своемъ родѣ недюжинный человѣкъ. Что же касается всѣхъ остальныхъ, то это ничтожныя и негодныя гадины; а Немезида слишкомъ приличная и чистоплотная богиня, чтобы заниматься ими.

— Вы озлоблены потому, что вашъ идеалъ не осуществился и Франція предпочла имперію республикѣ. Что дѣлать, если въ рѣшительную минуту оказался одинъ Цесарь и не было Брута.

— Вы иностранецъ, Эгбертъ, и не можете понять, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ изъ Франціи. Онъ развратилъ насъ до мозга костей, привилъ народу рабскія понятія и отуманилъ похмѣльемъ побѣдъ. Онъ велѣлъ уничтожить деревья свободы и замѣнилъ ихъ колоннами своей славы. Наступитъ день, когда и онѣ будутъ разрушены и слава исчезнетъ, какъ и свобода. До сихъ поръ ему благопріятствуетъ счастье, которое даже превосходитъ сумму его преступленій; но счастье измѣнчиво, какъ вѣтеръ, волна и женщина.

— У васъ слишкомъ мрачный взглядъ на вещи. Вы видите частности и упускаете изъ виду блескъ и великолѣпіе цѣлага.

— Можетъ быть, отвѣтилъ съ печальной усмѣшкой Бурдонъ, поднимая еще выше свое уродливое плечо.—За что мнѣ любить этотъ міръ, который представляется вамъ въ такомъ розовомъ свѣтѣ? Развѣ

за мое физическое безобразіе и неудачную жизнь. Я потерялъ мать въ пору бессознательнаго дѣтства и полюбилъ всѣми силами своей души свободу и отечество. Сражаться я не могъ и въ состояніи былъ только залечивать раны. Я видѣлъ безобразныя послѣдствія войны, не испытывая ея обаянія. При такихъ условіяхъ трудно сдѣлаться поклонникомъ героя войны. Теперь они убили моего отца и я безсиленъ противъ нихъ. За что они убили его? За то, что онъ былъ добродушный дуракъ, который таскалъ для другихъ каштаны изъ огня и для кого?—для высокоумныхъ и нахальныхъ аристократовъ! И вы еще хотите, чтобы я восхищался свѣтомъ и его порядками!...

— Но отецъ вашъ умеръ съ сознаниемъ исполненнаго долга. Графъ Вольфсеггъ оплакивалъ его какъ родного брата, а молодая графиня...

— Была гораздо больше опечалена его смертью, нежели я. Она пролила ручьи слезъ, вспоминая вѣрнаго слугу. И какъ ей не плакать! Отецъ мой качалъ ее на своихъ колѣняхъ, счастливый и гордый тѣмъ, что ему позволено прикасаться своими мужицкими руками до маленькой принцессы и никому не было дѣла до меня, уродливаго и некрасиваго мальчика. У васъ, г-нъ Геймвальдъ, другія воспоминанія дѣтства, поэтому вы никогда не поймете моей ненависти...

— Скажите пожалуйста, исполнили ли вы просьбу молодой графини побывать у ней?

— Какъ же! развѣ можно не исполнить просьбу молодой дамы! отвѣтилъ съ улыбкой Бурдонъ.—Я сдѣлалъ ей визитъ и нашелъ, что она похорошѣла. Трауръ очень идетъ къ ней. Женщины всегда знаютъ, что имъ къ лицу. Я надѣюсь встрѣтить ее сегодня вечеромъ. Жаль, что мнѣ придется расстаться съ вами. Императрица Жозефина приказала мнѣ явиться сегодня вечеромъ въ восемь часовъ въ Malmaison.

— Отлично! воскликнулъ Эгбертъ.—Мы будемъ вмѣстѣ. Я также получилъ приглашеніе.

— Вы! Какое странное совпаденіе! Вѣроятно хозяйка Malmaison придумала что-нибудь особенное. Она охотница дѣлать сюрпризы.

— Это сдѣлалось гораздо проще, чѣмъ вы предполагаете. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у Редутѣ...

— Цвѣточнаго живописца?

— Да. Я познакомился съ нимъ у нашего посланника. Узнавъ, что я любитель цвѣтовъ, онъ любезно пригласилъ меня къ себѣ посмотреть его работу. Я зналъ, что у него есть рисунки всѣхъ рѣдкихъ растений Malmaison и въ томъ числѣ *Bonapartea speciosa*, выращенной самой императрицей. Подобное приглашеніе не скоро получишь. Я воспользовался первымъ свободнымъ утромъ и отправился къ Редутѣ. Мнѣ сказали, что онъ дома и я вошелъ; въ первой комнатѣ я встрѣтилъ даму въ простомъ, но очень изысканномъ нарядѣ, которая съ удивленіемъ посмотрѣла на меня. Когда же я объяснилъ ей цѣль своего посѣщенія, она попросила меня подождать

немного, такъ какъ у г-на Редутэ гости. Дѣйствительно я услышалъ его голосъ въ сосѣдней залѣ и увидѣлъ въ полуотворенную дверь, что онъ показываетъ свои рисунки и масляныя картины какой-то дамѣ. Другой на моемъ мѣстѣ, конечно, тотчасъ же сообразилъ бы въ чемъ дѣло, но я при своей нѣмецкой недогадливости...

— Скажите лучше наивности.

— Ну, какъ хотите называйте это, но въ настоящемъ случаѣ на мою долю выпала самая глупая роль. Встрѣтившая меня дама отвела меня въ оконную нишу, чтобы я не могъ слышать разговора между живописцемъ и его гостьей. Эта предосторожность задѣла мое самолюбіе и я храбро пустился въ бесѣду съ незнакомой дамой, чтобы доказать ей, что я не имѣю никакого желанія подслушивать чужія тайны. Мой нѣмецкій выговоръ и нѣкоторыя погрѣшности противъ французскаго языка послужили поводомъ къ шуткамъ съ ея стороны и мы черезъ нѣсколько минутъ разговорились другъ съ другомъ какъ старые знакомые. Зашла рѣчь объ императрицѣ. Я отъ всего сердца хвалилъ ее и передавая то впечатлѣніе, которое она произвела на меня, выразилъ сожалѣніе, что мнѣ вѣроятно никогда не удастся больше увидѣть ее вблизи. Моя собесѣдница погрозила мнѣ пальцемъ, изъ сосѣдней комнаты послышался смѣхъ, но я опять не обратилъ на это никакого вниманія. Чѣмъ дальше, разговоръ становился все задушевиѣе и наконецъ дама сказала мнѣ: „Однако какъ вы довѣрчиво смотрите на жизнь; можно подумать, что Ленорманъ предсказала вамъ самую счастливую будущность“. — „Нѣтъ, отвѣтилъ я, — мнѣ не приходилось встрѣчаться съ знаменитой гадательницей, но въ эту минуту всѣ предсказанія безразличны для меня, потому что я имѣю счастье говорить съ вами о вашей императрицѣ“. Едва успѣлъ я договорить эту фразу, какъ изъ сосѣдней комнаты вышла сама императрица въ сопровожденіи хозяина дома. Я такъ растерялся, что не помню какъ поклонился ея величеству и пробормоталъ какое-то извиненіе. „Такъ вы не боитесь картъ Ленорманъ?“ спросила она меня съ улыбкой. Мнѣ оставалось только повторить фразу, сказанную мной ея статсъ-дамѣ, хотя въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ. „Посмотримъ, сказала императрица, — мы сдѣлаемъ опытъ“. Съ этими словами она уѣхала, а сегодня утромъ мнѣ прислано приглашеніе.

— Я такъ и думалъ, что тутъ кроется какая нибудь затѣя.

— Вы предполагаете, что императрица хочетъ свести насъ съ Ленорманъ? Она можетъ вѣрить этимъ вещамъ послѣ всѣхъ превратностей ея судьбы и при томъ страхѣ, который она должна постоянно испытывать за жизнь любимаго человѣка. Но мы не въ такомъ положеніи. Мнѣ нѣтъ надобности обращаться къ гадальщицамъ, чтобы знать мое будущее; оно и безъ того извѣстно мнѣ въ общихъ чертахъ. Ну, а вы мой другъ ничему не вѣрите...

— Это не совсѣмъ справедливо; но наши вѣрованія различны. Разумѣется, Ленорманъ интересуется меня только въ смыслѣ фізіологиче-

ской задачи, которую представляет собою она и тѣ, передъ которыми она упражняется въ своемъ искусствѣ. Это богатый матеріалъ для наблюдений, какъ для доктора, такъ и занимающаго натуральной философией. Мы увидимъ сегодня любопытное зрѣлище.

— Обыкновенно вы меня обвиняете въ фантазерствѣ — сказала Эгбертъ;—но сегодня мы перемѣнились ролями. Мы можемъ не увидѣть ничего подобнаго.

— Я только сопоставляю факты. Императрица въ крайне возбужденномъ состояніи и страдаетъ нервными припадками. Ей необходимо развлеченіе въ видѣ общества, музыки, гаданія и т. п. Несмотря на извѣстія о побѣдахъ императора въ Испаніи, въ народѣ распространились странные слухи: толкуютъ о новой войнѣ съ Австріей, о заговорахъ...

— Вы этому не вѣрите?

— Узурпаторъ долженъ бояться заговоровъ. Это старая исторія меча Дамоклеса. Бонапартъ одинаково обманывалъ республиканцевъ и роялистовъ, сажалъ ихъ въ тюрьмы, казнилъ, а въ обѣихъ партіяхъ есть рѣшительные люди, которые ничего не забываютъ и не прощаютъ. Противъ этого факта безсиленъ Фуше со своими помощниками.

— Вы думаете, что всѣ эти толки и разговоры дѣйствуютъ на императрицу?

— Разумѣется, и въ самой сильной степени, благодаря ея живой фантазіи креолки. Отсутствие императора служитъ ей удобнымъ поводомъ прибѣгать къ картамъ; самъ императоръ называетъ все это бабьими сказками и шарлатанствомъ, чтобы убѣдить себя, что онъ неуязвимъ и непобѣдимъ, подобно Александру Македонскому, который воображалъ, что онъ сынъ боговъ, пока ядъ, подсыпанный ему Антипатромъ не доказалъ ему противнаго... Однако мы нафилософствовались вдоволь — теперь три часа. Какъ вы думаете, не заняться ли намъ вопросомъ, гдѣ мы будемъ сегодня обѣдать?

— Ведите меня куда хотите, я согласенъ на все, а къ восьми часамъ вечера мы отправимся вмѣстѣ въ Malmaison и предстанемъ передъ Сивиллой. Скажите пожалуйста, она очень стара?

— Кто? Ленорманъ? Вы очень ошибаетесь, ей нѣтъ и сорока лѣтъ и, вдобавокъ, она искусно пользуется разными тайнами женскаго туалета. Жаль только, что сегодня въ Malmaison мы не встрѣтимъ нашего рыцаря въ черномъ плащѣ. Это было бы очень кстати.

— Онъ очень занимательный собесѣдникъ; но отъ него трудно что либо вывѣдать.

— Да развѣ я хочу что нибудь вывѣдать отъ него! отвѣтилъ Веняминъ съ неопредѣленной улыбкой. Судя по вашимъ рассказамъ, это какой-то необыкновенный человѣкъ. Но теперь въ модѣ возвеличивать мнимыхъ героевъ и даже преступниковъ. Впрочемъ, если сорвать красивую драпировку то кто окажется подъ ней? Бѣдный голодный бѣднякъ съ

волчьимъ аппетитомъ. Голодъ вывелъ на свѣтъ Картуша, Бонапарта и быть можетъ нашего шевалье.

ГЛАВА II

Посреди многочисленныхъ извилинъ Сены къ западу отъ Парижа между великолѣпными королевскими резиденціями находится скромный загородный замокъ Malmaison. Противъ него возвышается гора Mont-Valérien, которая господствуетъ надъ ландшафтомъ.

Мимо дворца идетъ большая дорога отъ столицы къ St-Germain-en-Laye. Нѣсколько дальше къ сѣверу расположена небольшая деревня Rueil съ сельскимъ домомъ, въ которомъ жилъ нѣкогда Ришелье. Въ Malmaison находился тогда постоянно отрядъ гвардіи, всегда готовый явиться на защиту кардинала или для выполненія его приказаній. Во времена революціи Malmaison сдѣлался національнымъ достояніемъ и перешолъ въ руки одного парижскаго купца. Домъ былъ маленькій, почти развалившійся, но съ роскошнымъ паркомъ. Во всей окрестности не было болѣе привлекательнаго мѣста. Высокія старинныя деревья давали тѣнь даже въ полдень, близость Сены еще больше увеличивала прохладу въ жаркіе лѣтніе дни. Но вотъ уже одиннадцатый годъ, какъ Жозефина купила Malmaison, перестраивала и украшала его, такъ что онъ сдѣлался вполнѣ подходящей резиденціей для французской императрицы. Во дворцѣ были превосходныя картины и множество драгоценныхъ вещей; въ большихъ оранжереяхъ росли рѣдкіе цвѣты и растенія. Къ прежнему саду прибавленъ былъ англійскій паркъ, благодаря покупкѣ земли со стороны Rueil.

Четыре года консульства Бонапарта были солнечными днями Malmaison'a и счастливейшимъ временемъ въ жизни Жозефины. Послѣ побѣдъ при Маренго и Гоэнлинденѣ жажда военной славы какъ будто притихла въ груди этого человѣка; онъ правилъ безраздѣльно судьбами Франціи, испытывая терпѣніе простодушныхъ рыцарей свободы и равенства. Его самого удивляло, какъ охотно они покорялись его игу; и въ немъ еще больше утвердилось презрѣніе къ людямъ, составлявшее отличительную черту его характера. Отъ перваго до послѣдняго всѣ стали для него не болѣе какъ орудіями. Въ то время, когда мечтатели восхваляли его какъ втораго Вашингтона, просвѣтителя и обновителя старой Европы, онъ составлялъ планы о поработченіи цѣлаго свѣта. Только самовластіе и шумъ битвы могли удовлетворить его. Но живя въ Malmaison'ѣ во времена своего консульства онъ игралъ роль Мецената, хвалилъ Жозефину, когда она собирала вокругъ себя художниковъ и ученыхъ. Здѣсь въ угоду ему исполнялись не-

большія комедіи на домашнемъ театрѣ; онъ даже по временамъ принималъ участіе въ играхъ и разныхъ увеселеніяхъ, которые устраивались на большой лужайкѣ передъ замкомъ. Иногда, сидя подъ липами въ саду, онъ заставлялъ читать себѣ вслухъ „Духъ христіанства“ Шатобриана.

Но все это продолжалось не долго. Роль миролюбиваго Августа наскучивала Бонапарту; у него не хватало на это ни желанія, ни спокойствія духа. Сдѣлавшись императоромъ, онъ переселился въ St. Cloud, гдѣ 18 брюмера (9-го ноября 1799 года), разогналъ совѣтъ пятисотъ и, какъ ему казалось, окончательно подавилъ революцію. St. Cloud долженъ былъ обратиться въ великолѣпный храмъ его славы; Malmaison потерялъ для него значеніе. Но тѣмъ болѣе привязалась къ нему Жозефина. Она тяготилась императорскою мантией, большіе дворцы казались ей золотыми клѣтками. Каждый день, которымъ она могла располагать, она проводила въ своемъ любимомъ замкѣ. Въ полчаса она доѣзжала въ каретѣ изъ St. Cloud въ Malmaison по прекрасной дорогѣ, проведенной черезъ лѣсъ и избѣгая скучнаго придворнаго этикета и жизни на показъ.

Наполеонъ не допускалъ вмѣшательства жены въ государственныя дѣла и въ свою жизнь. Дворецъ St. Cloud сдѣлался какимъ-то Капитоліемъ, на который было обращено вниманіе цѣлаго свѣта. Изъ него была изгнана всякая идиллическая и романическая прелесть. Въ домѣ Цесаря не существовало уютныхъ уголковъ, уединенныхъ бесѣдокъ въ саду — все было величественно, торжественно, чопорно и официально. Здѣсь могла идти игра или въ государственныя акціи, или разыгрываться трагедіи; то и другое было одинаково чуждо Жозефинѣ. Съ самаго дня ея коронованія въ соборѣ Notre Dame de Paris она жила въ постоянномъ страхѣ паденія и не вѣрила въ прочность своего счастья, если можно назвать этимъ именемъ внѣшній блескъ окружавшій ее. Она была ближе къ сердцу и судьбѣ своего мужа когда онъ былъ первымъ консуломъ; въ минуты малодушія, неудачъ и заботъ онъ находилъ утѣшеніе въ ея дружбѣ и снисходительно выслушивалъ ея просьбы за другихъ. Тогда многіе обращались къ ней въ надеждѣ на ея заступничество, особенно представители древнихъ дворянскихъ фамилій. Республиканцамъ не нравилось это и они упрекали Жозефину, что она покровительствуетъ эмигрантамъ и врагамъ революціи, старается склонить консула на сторону дворянства и въ маломъ видѣ устроила вокругъ себя подобіе прежняго версальскаго двора.

Теперь эти нареканія кончились, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что императрица не имѣетъ болѣе никакого вліянія на своего супруга. Просители только въ рѣдкихъ случаяхъ обращались къ ея заступничеству. Наполеонъ проводилъ большую часть времени въ лагерѣ и на полѣ битвы. Между супругами не было никакихъ общихъ интересовъ. Только воинственныя планы и политика занимали его.

Чѣмъ больше пожиналъ онъ лавровъ, тѣмъ холоднѣе становилось его сердце. Привѣтливость въ обращеніи и склонность къ мечтательности, которыми онъ отличался въ молодости и которые такъ обаятельно дѣйствовали на всѣхъ знавшихъ его, исчезли подъ строгими и жесткими манерами и замѣнились холодностью повелителя и порывами бѣшеннаго гнѣва.

Ко многимъ ошибкамъ и поводамъ къ отчужденію, которые внесли разладъ въ это супружество, не смотря на нѣжную привязанность со стороны Жозефины и дружбу Наполеона къ ней, присоединилось еще желаніе послѣдняго имѣть сына и наслѣдника своей власти. Она уже давно привыкла дѣлиться любовью Наполеона съ другими женщинами, если только онъ способенъ былъ испытывать это чувство, но теперь ей предстояло уступить свое мѣсто на престолѣ. Тѣ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями, жертвовали ему жизнью на полѣ битвы; жена обязана была отказаться для него отъ личнаго счастья и обречь себя на печальное, одинокое существованіе.

Жозефина въ ожиданіи грозящаго ей развода жила мучительною тревожною жизнью. Она по возможности избѣгала великолѣпныхъ празднествъ и собраній и проводила большую часть времени въ тѣсномъ кругу преданныхъ ей лицъ.

Бурдонъ и Эгбертъ, войдя въ маленькую залу Malmaison застали тутъ нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ. Тотъ, кто подобно Эгберту входилъ сюда въ первый разъ, невольно удивлялся количеству драгоценныхъ вещей, украшавшихъ комнаты. Тутъ были столы съ флорентинской мозаикой, вазы изъ lapis lazuli и агата стояли въ нишахъ у оконъ и стѣнъ; на мраморныхъ каминахъ видѣлись бронзовыя фигуры тончайшей работы и дорогой севрскій фарфоръ. Обивка кресель и дивановъ была вышита самой императрицей и ея придворными дамами, на бѣломъ шелковомъ фонѣ рельефно выступало J окруженное розами. На карнизахъ дверей и оконъ видѣлся императорскій вензель N съ орломъ и короной наверху.

Роскошь всей этой царской обстановки въ первый моментъ произвела подавляющее впечатлѣніе на Эгберта; онъ чувствовалъ себя неловко въ непривычномъ придворномъ костюмѣ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, черныхъ шелковыхъ панталонахъ по колѣно и въ голубомъ фракѣ съ золотыми пуговицами. Но это впечатлѣніе скоро разсѣялось благодаря любезности хозяйки Malmaison и простотѣ ея обращенія. Всѣ болѣе или менѣе чувствовали себя свободно въ ея присутствіи, хотя въ числѣ гостей было не мало лицъ, вышедшихъ изъ низшихъ классовъ общества. Кромѣ Редуте былъ еще другой живописецъ Изабѣ, знаменитый актеръ Тальма, на короткое время появился Денонъ, сопровождавшій Наполеона въ Египтъ, который занимался составленіемъ отборной коллекціи камней и медалей и т. п. Появленіе Эгберта обратило на себя общее вниманіе, такъ какъ въ это время

ожидали войны съ Австріей; но тѣмъ не менѣе каждый старался сказать что нибудь любезное иностранцу.

Говорили о Гёте и Виландѣ и милостивомъ обхожденіи императора при встрѣчѣ съ Гёте. Затѣмъ разговоръ перешелъ на исторію страданій молодого Вертера. Дамы пожелали познакомиться съ нею подробнѣе, но оказалось, что только одинъ Эгбертъ могъ удовлетворить ихъ любопытство. Его своеобразный способъ изложенія, красивая стройная фигура и бѣлокурые вьющіеся волосы произвели такое пріятное впечатлѣніе на слушательницъ, что онѣ нашли удивительное сходство между героемъ исторіи и самимъ разскащикомъ и удвоили свою любезность къ нему.

Жозефина воспользовалась минутой, когда большая часть общества занялась разсказомъ Эгберта и, обнявъ рукою шею Антуанеты по своей любимой привычкѣ, отвела ее въ сосѣдную комнату съ особенной свойственной ей граціей, которая покоряла ей сердца всѣхъ близко знавшихъ ее.

Хотя императрицѣ было уже за сорокъ, но она была еще очень красивая женщина съ темными глазами, полными огня, роскошными волосами и съ тонкой изящной фигурой. Она не отличалась ни блестящимъ умомъ, ни даромъ слова, но у ней была какая-то особенная улыбка, которая придавала прелесть всему, что она говорила. При сухости и лаконизмѣ Наполеона въ повседневной жизни, ея разговорчивость и добродушіе производили чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Лицо ея, утративъ красоту молодости, приняло съ годами, вслѣдствіе горя и заботъ, выраженіе кроткой покорности судьбѣ. Тѣ, которые не видали ее въ пору молодости и счастья не могли себѣ иначе представить ее какъ съ грустными задумчивыми глазами, отяжелѣвшими отъ слезъ. Такою изображается она въ историческихъ мемуарахъ наполеоновскаго времени.

Въ описываемый нами вечеръ на Жозефинѣ было серебристо-сѣрое платье съ длиннымъ шлейфомъ и короткой тальей. Ея головной уборъ былъ крайне простъ и состоялъ изъ заплетенныхъ косъ и маленькой діадемы съ рубинами и брилліантами. Когда она пошла съ Антуанетой черезъ залу, дорогая красная шаль соскользнула съ ея плечъ и волочилась за нею по полу.

Она опустила въ кресло и сдѣлала знакъ Антуанетѣ, чтобы та сѣла около нея.

— Я очень благодарна вамъ, дорогая маркиза Гондревиль, за то письмо, которое вы передали мнѣ по порученію графа Мартины. Мнѣ извѣстно теперь, что его выборъ палъ на русскую великую княжну Екатерину. Развѣ я могу сравниться съ дочерью одного изъ самыхъ могущественныхъ владѣтельныхъ домовъ Европы? До меня уже доходили слухи объ его намѣреніяхъ, но я не знала самаго главнаго. Поэтому переданное вами письмо имѣетъ для меня большое значеніе.

— Я утѣшаю себя тѣмъ, что это письмо не должно было особенно

огорчить ваше величество, потому что въ немъ говорится о прошлой и давно забытой исторіи.

— Вы не знаете императора. Никакія препятствія не заставятъ его отказаться отъ принятаго плана. Они, напротивъ того, еще больше увеличиваютъ его рвеніе и силу его генія. Если не ошибаюсь, въ настоящее время у него нѣтъ наготовѣ ни одного военнаго корабля, но онъ день и ночь думаетъ объ уничтоженіи Англіи и высадкѣ на ея берега. Колебанія русскаго царя отдать за него великую княжку заставятъ его обратить взоры на другой дворъ. Во второй разъ онъ не получитъ отказа или вѣрнѣе сказать не допуститъ его.

— Французскому императору трудно будетъ найти принцессу, къ которой онъ могъ-бы посвататься, сказала Антуанета.

— Будьте покойны, дитя мое. За этимъ не будетъ остановки. Онъ не можетъ считать меня помѣхой въ этомъ дѣлѣ. Я уже пожилая женщина; любовь и дружба великаго человѣка возвысили меня сверхъ моихъ заслугъ. Я часто упрекаю себя въ томъ, что слишкомъ долго блистала на сценѣ, для которой была слишкомъ ничтожна. Здѣсь я на своемъ мѣстѣ, а не въ Тюльери. Развѣ я похожа на жену Цезаря? Наконецъ я не могу дать ему сына, котораго онъ такъ желаетъ, и потому должна разстаться съ нимъ. Среди моихъ любимыхъ цвѣтовъ я проживу нѣкоторое время воспоминаніями. Мало женщинъ могутъ похвалиться такимъ прошлымъ...

— Еще вопросъ, ваше величество, была ли женщина лучше васъ на французскомъ престолѣ? Съ вашимъ удаленіемъ можетъ зайти счастливая звѣзда императора.

— Наши звѣзды уже нѣсколько лѣтъ идутъ по разнымъ путямъ. Даже теперь, неблагодарные, которыхъ онъ вывелъ изъ пропасти революціи, говорятъ, что его счастье клонится къ упадку. Они пророчатъ что онъ погибнетъ въ Испаніи отъ удара кинжала или на Дунаѣ отъ пушечнаго выстрѣла. Иногда и на меня находятъ минуты смертельнаго страха, но я утѣшала себя тѣмъ, что Господь сохранитъ его дни для исполненія великихъ дѣяній. Но для достиженія блестящей будущности, которая предназначена ему судьбой необходимы жертвы... Я одна изъ нихъ... Меня уже считаютъ падшимъ величіемъ. Недавно Фуше осмѣлился уговаривать меня, чтобы я сама потребовала развода и такимъ образомъ избавила бы императора отъ тяжелаго объясненія.

— Надѣюсь, что это сдѣлано не по желанію императора!

— Къ счастью,—сказала Жозефина съ принужденнымъ смѣхомъ, приподнимаясь немного изъ своего полулежащаго положенія, — пока я императрица. Меня могутъ отправить въ ссылку, но изъ глупаго великодушія я не сдѣлаюсь добровольно изгнанницей и настолько еще буду имѣть вліянія, чтобы съ вашею помощію, моя милая маркиза, освободить вашего брата.

Антуанета поцѣловала руку императрицы.

— Съ моей помощью?—спросила она съ удивленіемъ. Какой вѣсъ могутъ имѣть мои слова!.. Судьба моего брата въ рукахъ ваше величества.

— Императоръ очень любитъ красивыхъ женщинъ, но не терпитъ чтобы онѣ вмѣшивались въ политическія дѣла. Помню, какъ онѣ бранили бѣдную прусскую королеву, когда до него дошелъ слухъ, что она подстрекала своего супруга къ войнѣ. По его мнѣнію мы должны только шутить, смѣяться и забавлять его. Въ былыя времена женщины играли болѣе завидную роль во Франціи. Но къ вашей просьбѣ и изъ вашихъ устъ онѣ отнесется милостиво. Только остерегайтесь чтобы Фуше не провѣдалъ дѣли вашего приѣзда. Этотъ человѣкъ вмѣшивается во все, хочетъ все знать и выдаетъ всѣхъ и cadaго. Это самый отвѣренный мошенникъ во Франціи.

Но едва Жозефина произнесла эту фразу, какъ уже раскаялась въ этомъ и улыбулась чтобы смягчить рѣзкость своего выраженія.

Въ дверяхъ стоялъ Бурдонъ.

— Вы вѣроятно найдете докторъ—сказала она,—что я говорю слишкомъ много и скоро. Я заранѣе ожидаю отъ васъ строгаго выговора.

— Для состоянія здоровья вашего величества конечно было бы лучше, еслибы вы предоставили другимъ говорить за васъ, но ваше молчаніе было бы слишкомъ большимъ лишеніемъ для всѣхъ насъ.

— Я не знала, что и вы умѣете льстить, Бурдонъ.

— Если вы это считаете лестью, то она относилась не къ императрицѣ.

— Онѣ неисправимы, сказала Жозефина съ своей привлекательной улыбкой, обращаясь къ Антуанетѣ. Вы его не знаете, это у насъ древне-римскій республиканецъ.

— Которому не достаетъ республики, возразилъ Бурдонъ. Меня поэтому и причисляютъ къ классу идеологовъ.

— Идеологовъ?—съ удивленіемъ спросила Антуанета.

— Императоръ называетъ такимъ образомъ республиканцевъ, философовъ, половину нѣмцевъ, объяснила Жозефина. Актеръ Тальма по его мнѣнію также идеологъ...

— Тальма!—воскликнулъ Бурдонъ. Мнѣ кажется его нужно вычеркнуть изъ списка. Какой онѣ идеологъ! Онѣ изображаетъ королей и побѣдителей и даетъ уроки монархамъ, какъ имъ лучше носить пурпуровую мантию.

Намекъ былъ слишкомъ смѣлъ. Въ кругу придворныхъ всѣмъ было извѣстно, что Наполеонъ подъ руководствомъ Тальмы дѣлалъ не одну репетицію въ полномъ парадѣ, прежде чѣмъ рѣшался выступить передъ насмѣшливыми парижанами въ качествѣ главнаго лица во время своего коронованія.

Жозефина многое позволяла говорить Бурдону въ благодарность за его успѣшное леченіе, но теперь погрозила ему пальцемъ и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

— Вы не замѣтили Бурдонъ, спросила она, что дѣлаетъ теперь молодой нѣмецъ, который съ такимъ воодушевленіемъ говорилъ о Гете?

— Я его оставилъ въ залѣ, ваше величество, отвѣтилъ Бурдонъ.

Императрица взяла подъ руку Антуанету и въ сопровожденіи доктора вышла къ своимъ гостямъ.

Приходъ любезной хозяйки Malmaison живительно подѣйствовало на собравшихся гостей. Каждый наперерывъ старался принять участіе въ разговорѣ и сообщить что нибудь интересное. Говорили о послѣднихъ городскихъ новостяхъ, о театрѣ, художественныхъ произведеніяхъ и т. п. Дошла очередь до цвѣтовъ. Императрица была очень довольна похвалами Эгберта ея растеніямъ. Оказалось, что Эгбертъ обладалъ искусствомъ вырѣзывать цвѣты и силуэты изъ черной бумаги. Редуте совѣтывалъ ему не оставлять этого таланта подъ спудомъ. Принесли бумаги и ножницы. Эгберту посчастливилось вырѣзать довольно удачно любимый цвѣтокъ императрицы. Остальныя дамы также желали получить отъ него на память по цвѣтку.

Но сюрпризъ, котораго ожидалъ Бурдонъ не являлся. Императрица нѣсколько разъ смотрѣла на часы, стояшіе на каминѣ и, въ ней стали проявляться признаки нервнаго нетерпѣнія.

— Вы не должны забывать, мосье Геймвальдъ, сказала ему придворная дама, которую онъ встрѣтилъ у Редуте—что изъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь кромѣ ея величества, я познакомилась съ вами раньше другихъ; и потому вы должны вырѣзать мнѣ что нибудь особенное.

— Вы правы, милая Полинъ, сказала императрица. Задайте ему работу.

— Неужели вы находите, что у меня мало работы, ваше величество! отвѣтилъ Эгбертъ, указывая на вырѣзанные цвѣты, лежащіе передъ нимъ на столѣ. — Я къ вашимъ услугамъ, добавилъ онъ, обращаясь къ придворной дамѣ.

— Я желала бы имѣть силуэтъ вашей невѣсты, отвѣтила она — говорятъ нѣмцы всегда обручаются передъ путешествіемъ.

— У меня нѣтъ невѣсты! проговорилъ съ смущеніемъ Эгбертъ.

— Такъ и быть, я готова пощадить васъ, но съ условіемъ, что вы мнѣ вырѣжете силуэтъ самой красивой изъ австрійскихъ принцессъ.

— Вотъ отлично, покажите ваше искусство, сказала Жозефина.

— Вы требуете отъ меня невозможнаго, сказалъ Эгбертъ, я видѣлъ нашихъ принцессъ мелькомъ и всего нѣсколько разъ. Наконецъ я дилетантъ, а не художникъ.

— Вамъ не помогутъ никакія отговорки. Принимайтесь за работу. Маркиза Гондревиль знаетъ эрцгерцогиню и должна рѣшить похожъ ли вашъ силуэтъ на оригиналь.

Эгбертъ повиновался, но съ видимымъ нежеланіемъ.

Его просили сперва вырѣзать портретъ его невѣсты. Но чей силуэтъ могъ онъ представить дамамъ въ видѣ портрета своей возлюбленной. Онъ боялся, что какой нибудь насмѣшливый кобальдъ будетъ руководить его ножницами и вызоветъ сходство съ Антуанетой. На этомъ основаніи, онъ рѣшилъ вырѣзать силуэтъ принцессы. Пусть лучше осмѣютъ его въ случаѣ неудачи, но онъ не выдастъ тайну своего сердца.

Кавалеры также подошли къ столу.

— Я кончилъ, сказалъ Эгбертъ, нѣсколько минутъ спустя, положивъ силуэтъ передъ императрицей. Прошу ваше величество о свисхожденіи къ моей неискусной работѣ.

— Да это прелесть какъ хорошо! Какая красивая дѣвушка! воскликнула Жозефина задумчиво разглядывая силуэты. Скажите пожалуйста милая маркиза Гондревилль, которая это изъ Габсбургскихъ принцессъ?

— Это дочь императора Франца, эрцгерцогиня Марія Луиза, сказала Антуанета. Я не ожидала отъ васъ такого искусства, г-нъ Геймвальдъ!

— Она должно быть очень хороша собой? спросила императрица, не выпуская изъ рукъ силуэта. Mesdames, совѣтую вамъ взглянуть. Это портретъ эрцгерцогини Маріи Луизы. Можетъ быть вы будете имѣть счастье увидѣть эту молодую дѣвушку на престолѣ.

Къ императрицѣ подошелъ дежурный камергеръ и сказалъ ей что-то вполголоса.

— Наконецъ-то, сказала Жозефина, положивъ силуэтъ на столъ. Г-жа Ленорманъ! очень рада видѣть ее.

Появленіе знаменитой гадильщицы, которой предсказанія пользовались тогда въ Парижѣ большимъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ суевѣрнымъ страхомъ, произвело замѣтное впечатлѣніе на общество и въ особенности на тѣхъ, которые не были обычными гостями въ Malmaison.

Эгбертъ съ удивленіемъ переглянулся съ Бурдономъ, хотя въ душѣ былъ крайне доволенъ, что его теперь оставлятъ въ покоѣ и онъ будетъ избавленъ отъ скучной обязанности занимать общество.

Въ городѣ дружба Жозефины къ Аннѣ Ленорманъ ни для кого не была тайной. Всѣ знали также, что императрицѣ приходилось часто выдерживать насмѣшки отъ супруга за свои отношенія къ гадальщицѣ, но суевѣріе брало верхъ надъ другими соображеніями. Она доказывала при всякомъ удобномъ случаѣ, что должна вѣрить предсказаніямъ по собственному опыту, и что въ дѣтствѣ, когда она жила еще на островѣ Мартиникѣ въ домѣ своего отца, капитана Таше-деля-Пажери, одна старуха предсказала ей по линіямъ руки, что она сдѣлается императрицей.

Марія Анна Ленорманъ была одѣта въ черное атласное платье съ длиннымъ шлейфомъ, узкими рукавами и въ черныхъ перчаткахъ

на руках; темно-красная шаль была накинута на плечи. Она шла, медленно, низко и чопорно кланяясь по сторонамъ и остановилась передъ императрицей.

— Кажется намъ еще нечего ожидать скорого приѣзда императора, сказалъ господинъ, стоявшій около камина своему сосѣду, занимавшему должность камергера въ штатѣ императрицы, указывая на Ленорманъ.

— Вы думаете это на основаніи пословицы: котъ со двора, а мыши на столѣ?

— Я сегодня говорилъ съ Фуше: онъ не ожидаетъ императора раньше конца недѣли.

— Хотите держать пари, что онъ приѣдетъ сегодня ночью въ Парижъ?

— Какая ему надобность спѣшить такимъ образомъ?

— Видите ли, императоръ хочетъ застать врасплохъ Фуше и Талейрана. Эти господа ошибутся въ расчетѣ. Они воображаютъ, что императору неизвѣстны ихъ тайныя совѣщанія. У его величества шпионы умнѣе и въ большемъ количествѣ, чѣмъ у Фуше. Онъ имъ больше платитъ.

— Ты не изъ шпионовъ ли Бонапарта? подумалъ испуганный камергеръ отыскивая предлогъ, чтобы присоединиться къ остальному обществу, но тотъ продолжалъ:

— Императоръ не можетъ долѣе оставлять столицу въ томъ безпокойномъ состояніи, въ какомъ она теперь находится. Развѣ онъ допуститъ, чтобы двое изъ первыхъ сановниковъ его государства сговаривались заранѣе о мѣрахъ, которыя нужно предпринять въ случаѣ его внезапной смерти.

— Въ случаѣ его смерти!

— Да онъ можетъ неожиданно умереть отъ кинжала испанскаго фанатика. Неужели до васъ не дошли слухи, которыми теперь полонъ Парижъ. Насъ окружаетъ атмосфера заговоровъ, какъ во времена Пишегрю и Кадудала. Но вотъ идетъ Бурдонъ, онъ скажетъ намъ, что дѣлается въ лагерѣ республиканцевъ.

— Ничего! отвѣтилъ Бурдонъ. Они отдадутъ Кесарево Кесарю, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ.

— Скажите пожалуйста, кому это гадаютъ Ленорманъ? спросилъ камергеръ, довольный появленіемъ третьяго лица и пользуясь удобнымъ случаемъ, чтобы прервать неприятный для него разговоръ. Надѣюсь не ея величеству; это было бы противно этикету.

— Нѣтъ, императрица смотритъ, какъ Ленорманъ предсказываетъ судьбу молодому нѣмцу г-ну Геймвальдъ.

— Не пойти ли и намъ послушать, что говоритъ сивилла? сказалъ камергеръ, взявъ подъ руку Бурдона и подходя съ нимъ къ столу, у котораго сидѣла императрица.

Эгбертъ съ особеннымъ любопытствомъ разглядывалъ знаменитую

гадальщицу. При его поэтическомъ возрѣніи на міръ, онъ считалъ вполне возможнымъ, что нѣкоторымъ избраннымъ людямъ дана способность предвидѣнія. Развѣ не бываютъ у обыкновенныхъ смертныхъ удивительныя и непонятныя предчувствія! Разсудокъ можетъ легко опровергнуть существованіе міра духовъ, привидѣній и доказать невозможность видѣть будущее, но нельзя ни вполне отрицать, ни объяснить единичные случаи двойнаго зрѣнія и исполненія того или другого предсказанія. Эгбертъ не былъ убѣжденъ, что все заключено въ опредѣленныхъ границахъ, доступныхъ человѣческому уму и что за ними нѣтъ ничего вѣчнаго, не поддающагося изслѣдованію. Однако какъ ни привлекала его своеобразная сила, которою была повидимому одарена эта женщина, но его отталкивалъ способъ примѣненія этой силы.

— Я не понимаю, какъ она можетъ пользоваться своимъ необыкновеннымъ даромъ для пріобрѣтенія денегъ? сказалъ Эгбертъ Бурдону.

— Это объясняется тѣмъ, что во всемъ этомъ шарлатанство играетъ первую роль, отвѣгиль Бурдонъ.

Не менѣе непріятное впечатлѣніе произвели на Эгберта неестественныя манеры Ленорманъ и ея театральныя костюмы. Въ тѣ времена во всемъ французскомъ народѣ проявлялось желаніе подражать римлянамъ, какъ въ политическихъ и воинственныхъ стремленіяхъ, такъ и въ одеждѣ. Сообразно съ этимъ и Ленорманъ старалась изобразить изъ себя древнюю пророчицу въ одеждѣ, пріемахъ и рѣчи. Но она была слишкомъ свѣтская женщина, чтобы постоянно выдерживать принятую на себя роль и изъ тона оракула часто переходила къ пустой болтовнѣ.

Въ наружности ея не было ничего необыкновеннаго. Это была женщина лѣтъ сорока съ тонко очерченнымъ, недурнымъ, но и не красивымъ лицомъ, однѣ только руки поражали нѣжностью кожи и изяществомъ.

Она употребляла выраженія, цѣликомъ заимствованныя изъ Апокалипсиса и только слегка смягчала краски, говоря о страшныхъ бѣдствіяхъ, ожидающихъ Францію и паденіи великихъ государствъ. Все это имѣло глубокой смыслъ для Жозефины и придворныхъ, которые наравнѣ съ народомъ осуждали испанскую войну и желали мира. Въ этомъ гадальщица была только отголоскомъ общаго настроенія.

Но Эгбертъ напрасно старался уловить въ ея прорицаніяхъ что нибудь положительное или характерное. Каждый образъ расплывался у ней въ туманѣ Апокалипсиса, едва принявъ сколько нибудь осязательную форму. Онъ уже готовъ былъ признать справедливость мнѣнія Бурдона о Ленорманъ и отвернуться отъ зрѣлища, которое оскорбляло его нравственное чувство.

Между тѣмъ разговоръ перешелъ отъ далекаго будущаго къ настоящему.

Ленорманъ разсказывала, что ее посѣтилъ какой-то русскій вельможа и потребовалъ отъ нея, чтобы она вызвала для него тѣнь императора Павла. При этомъ гадалщица очень комично передразнивала русскаго знатнаго барина, вѣроятно созданнаго ея воображеніемъ, и замѣтила, что въ послѣднее время большой приливъ иностранцевъ въ Парижъ.

Тутъ императрица вспомнила объ Эгбертѣ и представила его Ленорманъ.

— Позвольте познакомить васъ, сказала она улыбаясь, съ молодымъ австрійцемъ, который не вѣритъ въ ваше искусство.

Гадальщица взглянула на него своими выразительными глазами, которые обыкновенно не останавливались долго ни на одномъ предметѣ. Его спокойствіе и равнодушіе не понравились ей.

— Будетъ ли у васъ на столько мужества, чтобы испытать мое искусство? спросила она торжественнымъ тономъ.

— Мужества? повторилъ Эгбертъ.

Онъ вѣроятно громко расхохотался бы, еслибы его не стѣсняло присутствіе императрицы. Онъ вспомнилъ народныя гулянья на Пратерѣ, гдѣ цыганки за серебряную монету предсказываютъ будущность легковѣрнымъ.

— Если ваше величество позволить мнѣ?... обратился онъ къ Жозефинѣ.

— А вы не боитесь? спросила она съ принужденнымъ смѣхомъ.

Ленорманъ подала Эгберту колоду картъ. Они стояли другъ противъ друга у стола, на которомъ еще лежалъ силуэтъ Маріи Луизы. Прежде чѣмъ снять карты, Эгбертъ осмотрѣлся, какъ бы желая убѣдиться, что все это не сонъ. Вокругъ нихъ зрители перешептывались и улыбались; императрица казалась взволнованною. Антуанета удалилась отъ стола и стояла задумчиво въ оконной нишѣ съ графиней Мартины. Эгбертъ прочиталъ молчаливое неодобреніе на лицѣ Антуанеты и вѣроятно бросилъ бы карты, еслибы это было въ его власти. Но уже было слишкомъ поздно; неудержимое любопытство увлекало его — онъ снялъ карты.

Ленорманъ оставалась нѣкоторое время въ задумчивой позѣ съ полузакрытыми глазами. Эгбертъ слегка облокотился рукою на столъ и пристально смотрѣлъ на гадалщицу, ожидая ея приговора.

Она дотронулась рукою до своего лба, подняла голову и нахмурила брови. Лицо ея приняло серьезное сосредоточенное выраженіе. Хотя это было только слѣдствіемъ мимическаго искусства, но внезапная перемена въ наружности прорицательницы оказала свое дѣйствіе на зрителей. Эгбертъ снялъ руку со стола.

— Вы дитя счастья, сказала она, медленно разглядывая карту за картой, богато одарены природой; у васъ доброе и благородное сердце. Вотъ убійство...

Императрица придвинула свое кресло къ столу: Эгберту стоило

усилій оставаться спокойнымъ. На всѣхъ лицахъ замѣтно было напряженное вниманіе.

— Вы не могли помѣшать убійству, ни устранить его послѣдствій, продолжала гадалщица. — Оно дало новое направленіе вашей жизни... Вы пріѣхали въ Парижъ. Я вижу, что вы замѣшаны въ важныя и опасныя дѣла. Нить вашей жизни тѣсно связана съ высокопоставленными лицами. Вы будете участвовать въ страшной битвѣ...

— Война съ Австріей! воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Васъ спасетъ случай! добавила Ленорманъ, которая казалась совсѣмъ погруженною въ свои размышленія и указывала пальцемъ, то на одну, то на другую карту. Вы переѣзжаете съ императоромъ большую рѣку. Точно какое-то бѣгство.

— Вѣрно черезъ Дунай! сказалъ кто-то изъ зрителей.

Сердце Эгберта усиленно билось, но онъ сохранилъ наружное спокойствіе.

— Изъ воды въ огонь... Горитъ большой огонь. Это въ Парижѣ... какое-то особенное празднество! вы участвуете въ немъ, а это — Боже мой, это что такое!... Императрица...

Глаза прорицательницы сдѣлались неподвижными отъ испуга, палецъ ея остановился на силуэтѣ Маріи Луизы.

Ленорманъ покачнулася на креслѣ и сдѣлала видъ, что надаетъ въ обморокъ.

— Безсовѣстное фиглярство! сказалъ вполголоса Бурдонъ, подходя къ императрицѣ, которая въ смертельномъ испугѣ поднялася съ своего кресла.—Это бредъ безумной!.. Ваше величество не погибнетъ на пожарѣ...

— На дворѣ шумъ. Горятъ факелы! Курьеръ!.. сказала графиня Мартини, выходя изъ оконной ниши, гдѣ она стояла съ Антуанетой.

— Гонецъ отъ императора?.. Изъ Испаніи?..

По корридорамъ, на лѣстницѣ, въ сосѣднихъ комнатахъ слышалась бѣготня слугъ. Камергеры поспѣшно вышли изъ залы, чтобы узнать причину шума.

Одинъ изъ нихъ тотчасъ же вернулся назадъ и, подойдя къ Жозефинѣ, доложилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Его величество императоръ! Онъ вышелъ изъ экипажа!

— Императоръ! воскликнула съ удивленіемъ Жозефина.

Придворныя дамы поспѣшно увели растерявшуюся прорицательницу въ спальню императрицы, откуда былъ выходъ въ садъ. Остальныя гости бросились собирать карты. Бурдонъ спряталъ ихъ къ себѣ въ карманъ.

— У меня никто не вздумаетъ искать ихъ, сказалъ онъ.

Между тѣмъ императрица вышла изъ комнаты, чтобы встрѣтить своего суируга.

Они вошли подъ руку въ залу.

— Вы видите, я благополучно вернулся сюда! сказалъ онъ своимъ рѣзкимъ, почти грубымъ голосомъ. Нашлись люди, которые воображаютъ, что я могу погибнуть отъ испанскаго ножа. Испанцы трусливый народъ, который только умѣетъ бѣгать отъ непріятеля. 19 января я былъ еще въ Байоннѣ и ѣхалъ сюда не останавливаясь. Я прежде всего явился къ вамъ, зная, что вы больше всѣхъ беспокоились обо мнѣ.

На щечахъ Жозефины выступилъ легкій румянецъ. Она улыбнулась ему въ отвѣтъ.

Пробили часы.

— Уже половина одинадцатаго. Сегодня же ночью я долженъ отправиться въ Тюльери.

Онъ дошелъ до половины зала и остановился подъ люстрой. Жозефина стояла около него, беспокойно оглядываясь по сторонамъ изъ боязни, что бы кто нибудь изъ присутствующихъ не вызвалъ его неудовольствія. Она видѣла, что прядь его темныхъ волосъ опустилась ему на лобъ; для тѣхъ кто близко зналъ его, это былъ предвѣстникъ усиленной мысли или затаеннаго гнѣва, который можетъ вспыхнуть при малѣйшемъ поводѣ. На немъ было сѣрое верхнее платье, доходившее до отворотовъ его высокихъ сапоговъ, подъ которымъ виднѣлся зеленый мундиръ съ красной ленточкой Почетнаго Легіона. Въ правой рукѣ онъ держалъ шляпу. При блескѣ множества свѣчей его красивое и строгое лицо напоминало изображенія римскихъ императоровъ, изваянное изъ мрамора. Всѣ чувствовали себя неловко въ присутствіи могущественнаго властителя. Антуанета, которая видѣла императора въ первый разъ не могла себѣ представить, что онъ произведетъ на нее такое сильное впечатлѣніе. Всѣ остальные люди казались ей незначительными передъ нимъ, даже дядя Вольфсеггъ, котораго она уважала болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Общество встало полукругомъ: мужчины направо, женщины налево; онъ окинулъ ихъ взглядомъ и не встрѣтивъ ни одного лица, которое было ему непріятно или ненавистно, сказалъ Жозефинѣ:

— Вы хорошо дѣлаете, что собираете около себя ученыхъ и художниковъ. Это задача достойная государыни. Я не люблю королевъ, которыя вмѣшиваются въ политику. Это губительницы народовъ.

Онъ подошелъ къ группѣ кавалеровъ и сказалъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ, но Эгберту показалось, что онъ принуждаетъ себя къ этому и сердце его неучастно къ тому, что онъ говоритъ.

— Добрый вечеръ мой милый графъ Меневаль. Вашъ племянникъ храбро сражался при Само-Сіеррѣ. Пуля засѣла у него въ рукѣ. Но это не опасно.

Затѣмъ императоръ обратился къ другому:

— Какъ поживаете, Фонтень? Подвигаются ли наши постройки? Для славы моего царствованія весьма важно чтобы Лувръ былъ оконченъ при мнѣ. Я рассчитываю на васъ.

— Каждое ремесло, ваше величество, имѣетъ свои невыгодныя стороны, отвѣтилъ архитекторъ. Легче начертить планъ, чѣмъ привести его въ исполненіе.

Императоръ слегка пожалъ плечами и подошелъ къ Тальмѣ.

— Очень радъ видѣть васъ Тальма. У васъ отличный видъ. Пребываніе въ Эрфуртѣ принесло вамъ пользу. Своей игрой вы сдѣлали честь мнѣ и Франціи.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество.

— Я не знаю кто изъ нашихъ академиковъ доказывалъ превосходство испанскаго театра передъ нашимъ...

— Гингене—подказала ему Жозефина, которая отличалась превосходною памятью.

— Да, Гингене. Но я долженъ сказать вамъ, mesdames,—онъ обратился къ дамамъ,—что мы видѣли на испанской сценѣ только жалкіе фарсы бездарныхъ актеровъ. Даже ихъ знаменитый Fandango не болѣе какъ однообразный полуварварскій танецъ. Мы должны цивилизовать Испанію и мы можемъ это сдѣлать. Пиринеевъ не существуетъ больше! Этого не могъ сказать ни Людовикъ XIV, ни Карлъ Великій.

Затѣмъ, сдѣлавъ быстрое движеніе, чѣмъ онъ такъ часто озадачивалъ окружающихъ, онъ опять очутился около Тальмы.

— Ну какъ идетъ нашъ Гекторъ?

— Мы надѣмся сыграть его передъ вашимъ величествомъ въ первыхъ числахъ этого мѣсяца.

— Это превосходная трагедія, продолжалъ Наполеонъ. Она совершенно въ греческомъ стилѣ. Въ ней изображенъ идеалъ женщины въ лицѣ домовитой и нѣжной Андромахи, восхваляется любовь къ отечеству и военныя доблести. Это цѣль поэзіи великаго народа. Пускай другія менѣе воинственныя націи, какъ примѣръ нѣмцы, занимаются романическими бреднями. Разсчитываете ли вы на успѣхъ?

— Съ своей стороны я употреблю всѣ старанія ваше величество.

— Вы не отвѣчаете на мой вопросъ. Говорите прямо. Въ этомъ дѣлѣ вы лучшей судья, нежели я.

— По мнѣнію публики, авторъ выбралъ слишкомъ отдаленный сюжетъ; парижане желаютъ чтобы имъ изображали событія изъ нашей исторіи, которыя имѣли бы непосредственную связь съ настоящимъ...

— Вы правы, Тальма, прервалъ Наполеонъ. Я не понимаю почему наши поэты не изображаютъ намъ событія изъ французской исторіи. Можетъ ли быть лучше сюжета, какъ возстановленіе имперіи Карломъ Великимъ, его побѣды надъ лонгобардами и саксами, его коронованіе, и т. п. Поэты вывелись у насъ. Неужели войны, которыя вынуждаютъ насъ вести невѣрная Англія, убиваютъ поэтическій геній? Примѣръ Греціи и древняго Рима доказываетъ противное. Все зависитъ отъ націи, а не отъ правленія. Кажется намъ придется выписывать поэтовъ изъ Германіи. Посмотрите на Виланда и Гёте! Это

величайшіе поэты нашего столѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ умные люди, которые съ благодарностью относятся къ тому, что я сдѣлалъ для міра. Въ этомъ они стоятъ неизмѣримо выше нашихъ такъ называемыхъ писателей, котормъ приличнѣе было бы взять въ руки чулокъ, нежели перо.

Разсуждая такимъ образомъ, Наполеонъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и случайно остановился передъ Эгбертомъ. Незнакомое лицо привлекло его вниманіе. Онъ вопросительно взглянулъ на Жозефину.

— Г. Эгбертъ Геймвальдъ, сказала она поспѣшно.—Его представилъ намъ австрійскій посланникъ графъ Меттернихъ.

— Вы, австріецъ? спросилъ Наполеонъ повелительнымъ тономъ.

У Эгберта внезапно забилось сердце.

— Да, ваше величество, я изъ Вѣны, отвѣтилъ онъ.

— Изъ Вѣны! воскликнулъ Наполеонъ нахмурихъ брови. — Кажется въ Вѣнѣ течетъ теперь не Дунай, но потокъ Леты. Скоро же забываютъ тамъ уроки данные опытомъ! Австрія получить новый урокъ, милостивый государь, если она этого желаетъ и хуже прежняго. Я ручаюсь вамъ въ этомъ. Я не желаю войны. Беру въ свидѣтели всю Европу, что теперь всѣ мои усилія направлены противъ Испаніи. Австрія въ 1805 году спасла Англію, когда я собирался переѣхать проливъ и взять приступомъ Лондонъ. Теперь она останавливаетъ мои побѣды въ Испаніи. Она отвѣтитъ мнѣ за это. Я разобью ваши войска, уничтожу ихъ до послѣдняго человѣка...

Буря разразилась. Давно накопившаяся ярость нашла себя выходъ. Присутствіе австрійца при дворѣ Жозефины послужило для императора удобнымъ поводомъ, чтобы излить свое неудовольствіе.

Въ подобныя минуты въ Наполеонѣ было величіе несокрушающей силы. Его лицо принимало выраженіе неумолимой жестокости и, благодаря правильнымъ и благороднымъ очертаніямъ, приобрѣтало своеобразную красоту.

Всѣ стояли молча въ боязливомъ ожиданіи, опустивъ глаза. Въ головѣ Антуанеты промелькнула мысль: это высшій изъ смертныхъ! Ни Александръ Македонскій, ни Цезарь не могутъ сравниться съ нимъ!

Эгбертъ спокойно выдержалъ первую вспышку грознаго властелина и не измѣнилъ себѣ ни однимъ движеніемъ. Но когда Наполеонъ внезапно оборвалъ свою рѣчь, онъ поднялъ голову и громко сказалъ:

— Ваше императорское величество, вы ошибаетесь, я не солдатъ и не государственный человѣкъ, я ученый.

Жозефина еще болѣе поблѣднѣла. Всякое противорѣчіе раздражало Наполеона даже при его спокойномъ состояніи.

На этотъ разъ онъ былъ озадаченъ и взглянувъ съ удивленіемъ на смѣлаго юношу своими сверкающими глазами спросилъ:

— Вы видите меня не въ первый разъ?

Онъ не могъ иначе объяснить спокойствіе молодого австрійца.

— Я видѣлъ ваше величество въ Шенбруннѣ за три дня передъ Аустерлицкой битвой.

Присутствующіе, услыхавъ этотъ отвѣтъ, вздохнули свободнѣе. Воспоминаніе о битвѣ трехъ императоровъ всегда приводило Наполеона въ хорошее расположеніе духа. Эта битва была не только одна изъ его самыхъ крупныхъ побѣдъ, но и вѣнецъ его военнаго искусства.

— Однако вы, или лучше сказать вашъ императоръ, хотите отважиться на новый Аустерлицъ!

— Кто видѣлъ тогда ваше величество какъ я, тотъ не будетъ желать войны Франціи съ Австріей.

— Вы давно въ Парижѣ? спросилъ императоръ уже болѣе милостивымъ тономъ.

— Полтора мѣсяца, ваше величество.

— Какъ васъ зовутъ?

— Эгбертъ Геймвальдъ, ваше величество.

— Такъ вы ученый! Дѣйствительно, вы напоминаете мнѣ молодыхъ людей въ сѣверо-германскихъ университетахъ—Галле и Іенѣ. Прекрасная, сильная молодежь. Жаль, что вамъ внушаютъ ложныя понятія и увеличиваютъ вашу природную склонность къ мечтательности и романтизму. Чего только не выполнила бы эта молодежь подъ моими знаменами!... Какая у васъ спеціальность, г. Геймвальдъ?

— Я изучалъ медицину, ваше величество, но вслѣдствіи преждевременной смерти моего отца...

— Вы сдѣлались богаты и независимы и бросили науку?

— Да, ваше величество! и я пріѣхалъ въ вашу столицу, чтобы изучать сокровища искусствъ, которыя собраны здѣсь, благодаря нашимъ побѣдамъ и мудрости.

— Мнѣ пріятно слышать это отъ нѣмца. Если я приказывалъ свозить сюда художественныя произведенія изъ полуразрушенныхъ церквей и замковъ, изъ далекихъ монастырей и маленькихъ городковъ, чтобы выставить ихъ въ свѣтлыхъ и обширныхъ залахъ, то это было сдѣлано для общаго блага. Но мои лучшія намѣренія всегда остаются непонятными. Вотъ, напримѣръ, ваши соотечественники приписываютъ мнѣ желаніе начать войну съ Германіей! Но къ этому принуждаютъ меня ваши князья и дворянство. Они неисправимы. Но вашъ народъ благодарнѣе и послушнѣе французскаго. Ему предстоитъ великая будущность, если онъ когда нибудь найдетъ себѣ достойнаго предводителя.

Императоръ при этихъ словахъ пристально посмотрѣлъ на Эгберта какъ бы ожидая отвѣта.

— У насъ многіе убѣждены, что такой человѣкъ посланъ намъ провидѣніемъ въ лицѣ вашего величества. Васъ называютъ у насъ новымъ Карломъ Великимъ.

— Но вы лично не раздѣляете этого мнѣнія?

— У меня не можетъ быть мнѣнія въ этомъ случаѣ, по я покло-

няюся генію. Не сочтите это за лесть, ваше величество. Я не имѣю чести быть вашимъ подданнымъ и потому могу позволить себѣ подобное заявленіе.

Наполеонъ улыбнулся. Такой милости удостоивались немногіе; но на Эгберта эта улыбка произвела отталкивающее впечатлѣніе. Улыбался одинъ ротъ, между тѣмъ какъ лобъ и глаза оставались серьезными и мрачными.

— Я надѣюсь, что вижу васъ не въ послѣдній разъ, сказала Наполеонъ, кивнувъ едва замѣтно головой Эгберту и отошелъ отъ него.

Жозефина бросила на Эгберта ласковый взглядъ. Сверхъ ожиданія юноша счастливо выдержалъ опасное испытаніе и имѣлъ счастье поправиться властелину.

Наполеонъ вообще благосклонно относился къ смиренію и покорности, но въ этомъ отношеніи не довѣрялъ своимъ придворнымъ, и потому былъ особенно чувствителенъ къ похваламъ нѣмцевъ и англичанъ, которыя всегда пріятно дѣйствовали на него.

Милостивое расположеніе духа тотчасъ же отразилось на Жозефинѣ. Она окончателно успокоилась и смѣло отвѣчала на его вопросы съ своей милой улыбкой, сама налила ему стаканъ Chambertin'a—единственное вино, которое онъ пилъ охотно.

Онъ сѣлъ къ столу, за которымъ только что гадала Ленорманъ, взявъ въ руку цвѣты, вырѣзанные Эгбертомъ и опять бросилъ ихъ на столъ. Онъ разговаривалъ въ полголоса съ Жозефиной; изъ бѣлаго взгляда, брошеннаго имъ на Эгберта, придворные заключили, что рѣчь шла о молодомъ нѣмцѣ.

Императоръ поставилъ свой стаканъ на столъ и увидѣлъ силуэтъ красивой женской головы.

— Это кто? спросилъ онъ.

— Говорятъ, что этотъ силуэтъ очень похожъ на австрійскую эрцгерцогиню Марію Луизу, отвѣтила Жозефина.—Г. Геймвальдъ вырѣзалъ его по просьбѣ одной изъ моихъ придворныхъ дамъ.

Наполеонъ былъ актеръ въ душѣ. Постоянно упражняясь въ своемъ природномъ талантѣ, онъ дошелъ до извѣстной степени совершенства и любилъ казаться удивленнымъ и недовольнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда торжествовалъ въ душѣ. Такъ было и теперь. Глядя на вырѣзанные цвѣты, онъ былъ очень радъ, что люди окружавшіе его супругу занимаются такими невинными развлечениями, такъ какъ по словамъ его довѣренныхъ лицъ эти собранія были гнѣздомъ тайныхъ козней его враговъ, которые старались возстановить противъ него Жозефину и заранѣе обсуждали мѣры, которыя имъ слѣдуетъ предпринять въ случаѣ его внезапной смерти. Вмѣсто заговорщиковъ и сообщниковъ Фуше и Талейрана, онъ встрѣтилъ художниковъ и ученыхъ, которымъ сочувствовалъ какъ безвреднымъ людямъ и молодого простодушнаго иностранца, который не могъ внушить и тѣни

подозрѣнія. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ показаться удивленнымъ и выразить свое неодобреніе.

— Я не подозрѣвалъ, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ,—что при нашемъ дворѣ чувствуютъ такое расположеніе къ Австріи, что собираютъ портреты австрійскихъ эрцгерцогинь. Кто сказалъ, что этотъ силуэтъ похожъ на оригиналъ? Вѣроятно не самъ художникъ; онъ слишкомъ скромнень для этого!

Жозефина при этомъ неожиданномъ вопросѣ измѣнилась въ лицѣ. Она боялась новой вспышки со стороны Наполеона и невольно взглянула на Антуанету, которая выступила нѣсколько впередъ и опять остановилась въ нерѣшимости. Наполеонъ тотчасъ же замѣтилъ ее, такъ какъ ея темное бархатное платье рѣзко отличалось отъ нарядовъ другихъ дамъ. Онъ былъ пріятно пораженъ необыкновенной красотой и благороднымъ выраженіемъ лица молодой дѣвушки. Ему казалось, что онъ никогда не видалъ болѣе привлекательнаго существа.

Антуанета почувствовала что для нея наступилъ рѣшительный моментъ; если она не воспользуется этимъ случаемъ, то быть можетъ потеряетъ навсегда возможность спасти своего брата.

Пересиливъ свою робость, она вышла на средину залы и громко сказала.

— Я имѣю честь, ваше величество, быть лично знакомой съ эрцгерцогиней...

Наполеонъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Извините, — сказалъ онъ, — я не подозрѣвалъ присутствія австрійской придворной дамы.

— Я на столько же австрійская подданная, насколько и вашего величества. Я у вашихъ ногъ...

У Эгберта разрывалось сердце отъ негодованія. Онъ видѣлъ, что Антуанета готова была преклонить колѣни передъ Бонапартомъ; — это было для него поруганіемъ его идеала. Онъ готовъ былъ громко воскликнуть: остановись! какъ можетъ твоя свободная душа дойти до подобнаго униженія!

Но императоръ предупредилъ желаніе молодой дѣвушки, взявъ ее за руку.

— Нѣтъ, сказалъ онъ такимъ кроткимъ голосомъ, насколько было для него возможно—это лишнее! Вы хотите обратиться ко мнѣ съ просьбой и для этого пріѣхали изъ Германіи. Говорите, въ чемъ дѣло?

— Ваше величество, отъ вашего слова зависитъ жизнь и свобода самаго близкаго для меня человѣка. Я Антуанета Гондревилль, несчастная сестра...

— Молодаго маркиза Франца Гондревилль, который поднялъ противъ насъ оружіе въ Испаніи?

— Онъ былъ австрійскимъ офицеромъ и считалъ себя свободнымъ отъ обязательствъ относительно Франціи.

— Француза ничто не может освободить от его долга къ императору и Франціи, отвѣтил сурово Наполеонъ.

Онъ все еще держалъ за руку, Антуанету.

— Вы мужественная дѣвушка, сказалъ онъ. Вашъ братъ, какъ мнѣ сообщилъ испанскій король сражался геройски у нихъ. Я всегда любилъ храбрыхъ людей. Участь вашего брата еще не рѣшена. Еслибы всѣ французы живущіе за границей относились ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ какъ вы, то имъ не пришлось бы пожалѣть объ этомъ. Надѣюсь видѣть васъ въ Тюльери, маркиза Гондревилль.

Затѣмъ Бонапартъ обратился къ Жозефинѣ и сказалъ:

— Благодарю васъ за пріятный сюрпризъ, который вы пригостили мнѣ. По возвращеніи моемъ въ Парижъ, я постараюсь доказать, что умѣю отличить заблужденіе храбраго, дурно направленаго юноши отъ коварныхъ казней извѣстныхъ людей. Поручаю эту дѣвушку вашему покровительству... Однако мнѣ пора въ Парижъ, добавилъ онъ взглянувъ на часы. До свиданія.

Наполеонъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ былъ доволенъ положеніемъ дѣлъ въ Malmaison. Съ другой стороны онъ былъ польщенъ, что дѣвушка стариннаго дворянскаго рода обратилась къ нему съ просьбой о помилованіи своего брата въ присутствіи всего двора, такъ какъ не смотря на свое могущество, Бонапартъ оставался рагвечи до конца своего царствованія. Приверженцы Бурбоновъ, перешедшіе на его сторону, имѣли въ глазахъ его больше цѣны, чѣмъ революціонеры, которые возвысились вмѣстѣ съ нимъ. Къ послѣднимъ онъ относился съ недовѣріемъ. Изъ нихъ одни завидовали его возвышенію, другіе были неисправимы въ своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ.

Онъ уже собирался уходить, но замѣтилъ Бурдона, стоявшаго въ сторонѣ.

— И вы здѣсь, сказалъ онъ, сжавъ въ рукахъ поля своей шляпы. Жаль, что вы не поѣхали со мной въ Испанію. Тамъ удобно изучать людей помѣшанныхъ на фанатизмѣ.

— Такихъ людей можно встрѣтить и въ Парижѣ, ваше величество.

— Ваши друзья республиканцы также фанатики, сказалъ Наполеонъ презрительнымъ тономъ. Дураки и идеологи, которые воображаютъ себя Врутами и Кассіями! Кстати не знакомы ли вы съ извѣстнымъ Бонелли?

— Я не понимаю вопроса, вашего величества!—отвѣтилъ Бурдонъ слегка поблѣднѣвъ. Каждый полицейскій чиновникъ знаетъ теперь, что нѣкоторые безмозглые люди называютъ этимъ именемъ ваше величество.

— Вы также не одобряете это? Я видѣлъ васъ при Эйлау; мнѣ было бы очень жаль, еслибы вы были замѣшаны въ такихъ глупыхъ продѣлкахъ. Вашъ отецъ недавно умеръ; вы теперь богатый человекъ и владѣете значительными помѣстьями въ Лотарингіи. Развѣ ваше

присутствіе необходимо въ Парижѣ? Подумайте объ этомъ... Тацита вы можете читать и у себя въ деревнѣ. — И повернувшись къ нему спиной, Наполеонъ поклонился на обѣ стороны и вышелъ изъ комнаты. Нѣкоторымъ показалось, что уходя, онъ взглянулъ на Антуанету.

Пока императоръ и его супруга были въ передней, никто не произнесъ ни одного слова и даже не тронулся съ мѣста, но всѣ почувствовали, что имъ какъ то легче дышется съ уходомъ Бонапарта.

— Неужели ему необходимо сказать всегда какую нибудь неприятность? сказалъ вполголоса Бурдону архитекторъ Фонтапъ, когда слышался стукъ отъѣзжающаго экипажа.

— Иначе онъ, какъ Титъ, только въ обратномъ смыслѣ, считалъ бы свой день потеряннымъ—возразилъ Бурдонъ.

Теперь всѣ сторонились отъ Бурдона, какъ отъ зачумленнаго: одинъ только Эгбертъ пожалъ ему руку; но тѣмъ любезнѣе отнеслось общество къ Антуанетѣ. Ее хвалили за присутствие духа.

— Вашъ братъ внѣ опасности, говорили одни.—Императоръ былъ необыкновенно милостивъ къ вамъ, говорили другіе.

Мужчины умоляли ее бросить свое затворничество; дамы соперничали другъ передъ другомъ въ изліяніяхъ нѣжной дружбы. Съ горькимъ чувствомъ смотрѣлъ Эгбертъ на молодую графиню и не рѣшался подойти къ ней. Отчего она такъ взволнована и такая сіяющая? спрашивалъ онъ себя. На лицѣ ея отражается гордое сознаніе одержанной побѣды. Однимъ своимъ взглядомъ и кроткимъ голосомъ она обезоружила гнѣвъ императора. Она поняла могущество своей красоты... Но радость Антуанеты печально настроила Эгберта. Онъ видѣлъ, что его богиня поддается власти темныхъ силъ. Опьяненіе, счастье, которое онъ замѣтилъ на ея лицѣ, открыло ему честолюбивые помыслы, которые болѣе чѣмъ когда нибудь наполняли душу Антуанеты.

— Недаромъ называютъ его Люциферомъ, промелькнуло въ головѣ Эгберта; онъ подчинилъ ее своей власти.

Между тѣмъ императрица вернулась въ залу и подошла къ Бурдону.

— Вы останетесь, сказала она, подавая ему руку,—онъ не могъ говорить это серьезно. — Затѣмъ, понизивъ голосъ, она добавила: я говорила съ нимъ о Фуше. Надѣюсь, что онъ уже не вышутается на этотъ разъ.

Слуги разносили десертъ; нѣкоторые изъ болѣе пожилыхъ господъ собирались уѣзжать, извиняя себя тѣмъ, что до Парижа около часа ѣзды.

— Программа нашего вечера не удалась, сказала улыбаясь Жозефина, обращаясь къ своимъ гостямъ. Вы собрались чтобы слушать предсказанія Ленорманъ, но она...

Жозефина остановилась, не зная какъ лучше выразиться.

— Обратилась въ бѣгство, если ваше величество позволить мнѣ употребить это выраженіе,—сказала одна изъ придворныхъ дамъ.

Жозефина улыбнулась и погрозила ей пальцемъ. — Ну, а гдѣ же карты?—спросила она.

— Здѣсь, ваше величество, отвѣтилъ Бурдонъ и выложилъ ихъ на столъ.—Видно Ленорманъ, предсказывая опасности другимъ отъ воды и огня, не предвидѣла ихъ для себя...

Императрица сдѣлала видъ, что не слышитъ этой фразы.

ГЛАВА III.

Неожиданный пріѣздъ Наполеона смутилъ парижанъ. Всѣ были увѣрены, что онъ въ Испаніи, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ въ Тюльери, составляя планы для новыхъ войнъ.

Многіе жестоко осуждали его, что онъ, не покончивъ покоренія Испаніи, прервалъ его на половинѣ. Кровь нашихъ солдатъ текла напрасно; шайки испанскихъ инсургентовъ опять соберутся въ Манха и въ Андалузін и придется опять усмирять ихъ и быть можетъ съ меньшими шансами на успѣхъ. Безпокоило также французовъ намѣреніе императора начать третью войну съ Германіей. Бѣдняки боялись новаго набора, достаточные люди потери состоянія, такъ какъ, въ случаѣ неудачи и сверженія Бонапарта, могла опять наступить революція со всѣми ея ужасами.

Эгбертъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что французы, несмотря на свое тщеславіе и жажду славы, смотрѣли съ недовѣріемъ на свою будущность. Они смѣялись надъ мечтами Эгберта о наступленіи вѣчнаго мира и устройствѣ всемірной монархіи, гдѣ бы процвѣтала торговля, ремесла, искусства и науки. Имперія—возражали ему, въ одинъ прекрасный день распадется и исчезнетъ съ лица земли какъ дворцы фей въ волшебныхъ сказкахъ. Наполеонъ, какъ всякій сказочный любимецъ счастья, забудетъ когда нибудь произнести во-время магическое слово, съ которымъ связано его превосходство надъ другими людьми, и въ одинъ прекрасный день проснется такимъ же безсильнымъ и простымъ смертнымъ, какъ мы всѣ.

Но за всѣми этими толками о благѣ Франціи и судьбѣ императора, скрывалась общее нежеланіе новыхъ приключеній и риска. Это настроеніе замѣтно было не только въ низшихъ классахъ, но и между маршалами и высшими сановниками, которые хотѣли спокойно наслаждаться случайно пріобрѣтеннымъ положеніемъ и богатствомъ. Но что могло значить настроеніе публики для Бонапарта! Оно не имѣло настолько

силы, чтобы даже замедлить на одинъ часъ его приказанія. Въ тайнѣ могли проклинать его, но наружно все покорялось ему.

Съ невѣроятною быстротою шли приготовленія къ новой войнѣ: производился наборъ войска; безъ усталы работали въ арсеналахъ. Послѣ отставки Талейрана, всѣ были увѣрены, что Фуше будетъ также удаленъ отъ своей должности. Но это ожиданіе не испугало министра полиціи, испытавшаго столько переворотовъ въ своей жизни.

— Этотъ господинъ воображаетъ, что можетъ царствовать безъ насъ, сказалъ Фуше о Наполеонѣ одному изъ своихъ пріятелей. Годъ или два куда ни шло, а потомъ онъ будетъ внизу, а мы на верху. Революція поглотила Дантона и Робеспьера; не стоило труда дѣлать ее, если она и его не поглотить.

Прежніе любимцы императора съ неудовольствіемъ замѣчали, что со времени своего возвращенія изъ Испаніи онъ приблизилъ къ себѣ какого-то иностранца съ вкрадчивыми манерами и красивой наружностью. Это былъ шевалье Цамбелли. Никто изъ придворныхъ не зналъ его; только нѣкоторые помнили, что видѣли его мелькомъ при дворѣ вице-короля Евгенія. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Тюльери императоръ потребовалъ его къ себѣ. Почти ежедневно они работали вмѣстѣ: всѣмъ было извѣстно, что шевалье пріѣхалъ изъ Австріи и потому не могло быть сомнѣнія относительно сущности этихъ совѣщаній.

Событіе въ игорной комнатѣ гостиницы „Kugel“ имѣло рѣшающее вліяніе на судьбу Цамбелли. Онъ уже давно служилъ императору, представилъ ему много доказательствъ своей вѣрности, смѣлости и хитрости, но его завѣтная мечта занять видное мѣсто при французскомъ дворѣ осталась неисполненною. Наполеонъ считалъ его за ловкаго и ни передъ чѣмъ не останавливающагося шпіона и авантюриста, щедро награждалъ его деньгами, но держалъ его въ почтительнономъ отдаленіи отъ себя и видимо избѣгалъ его.

Цамбелли чувствовалъ эту холодность и она была для него источникомъ нескончаемыхъ мученій, но когда секретарь французскаго посольства сообщилъ ему о желаніи императора видѣть его, то это было для него пробужденіемъ къ новой жизни. Любовь къ Антуанетѣ еще нѣкоторое время сдерживала его честолюбивыя стремленія и измѣнительскіе планы, пока ему не показалось, что Антуанета не любитъ его. „Она еще честолюбивѣе меня, подумалъ онъ—и только тогда будетъ считать меня приличной для себя партіей, когда я къ ней явлюсь маршаломъ или съ титуломъ герцога. Я отправлюсь къ Бонапарту и достигну цѣли моихъ стремленій“.

Это рѣшеніе окончательно созрѣло въ его головѣ, когда въ рукахъ его очутилось шифрованное письмо, переданное ему Армгартомъ въ гостиницѣ „Kugel“. Теперь онъ могъ смѣло рассчитывать на хорошій пріемъ со стороны императора.

Заручившись письмомъ, Цамбелли заблаговременно удалился изъ

игорной комнаты и въ ту же ночь уѣхалъ изъ Вѣны, воспользовавшись медленностью австрійской полиціи. Во владѣніяхъ князей Рейнскаго союза онъ былъ уже въ полной безопасности и безпрепятственно переѣхалъ французскую границу, благодаря паспорту, которымъ снабдилъ его генераль Андраши. Только въ Парижѣ Фуше задержалъ его нѣкоторое время подъ разными предлогами. Предполагая, что Цамбелли везетъ какія нибудь важныя бумаги императору, онъ хотѣлъ выманить ихъ у него, чтобы присвоить себѣ главную заслугу. Онъ пробовалъ подкупить итальянца деньгами и видя, что это не удастся ему, задумалъ арестовать его. Но шевалье предупредилъ его и обратился за помощью къ парижскому префекту Дюбуа, который былъ заклятымъ врагомъ Фуше. Дюбуа не только доставилъ ему средства ѣхать въ Испанію къ императору, но еще сообщилъ ему подробныя свѣдѣнія о преступныхъ дѣйствіяхъ Фуше, его тайныхъ совѣщаніяхъ съ Талейраномъ и сношеніяхъ съ Бурбонами. Когда Фуше послѣ нѣкотораго колебанія рѣшился наконецъ арестовать Цамбелли, то этотъ выѣхалъ изъ Бордо.

2-го января 1809 года Витторіо уже былъ на королевской военной дорогѣ изъ Вальядолида въ Кастилію и достигъ императора въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Асторги.

Встрѣча произошла среди большой дороги при сильнѣйшей мятели, снѣгѣ и вѣтрѣ. Императоръ ѣхалъ во главѣ своего войска; на немъ была богатая шуба, подарокъ царя Александра I; онъ осадилъ свою лошадь, когда къ нему подъѣхалъ Цамбелли въ своемъ развѣвающимся плащѣ, держа высоко бумаги надъ головой.

— Денеши изъ Франціи!

— Вы дрожите отъ холода, сказалъ императоръ.

Цамбелли ѣхалъ день и ночь, чтобы обогнать курьера, котораго министръ полиціи ежедневно посылалъ къ императору.

— Нѣтъ, отъ счастья видѣть ваше величество, отвѣтилъ Цамбелли, спрыгнувъ съ лошади.

Наполеонъ прежде всего распечаталъ донесеніе префекта Дюбуа, которое показалось ему на столько важнымъ, что онъ велѣлъ развести бивачный огонь у гигантскихъ дубовъ, растущихъ около дороги. Онъ пригласилъ шевалье къ огню и около часу говорилъ съ нимъ. Витторіо рассказалъ ему ловко придуманную исторію о своемъ бѣгствѣ изъ Австріи и о томъ, какъ онъ съ опасностью жизни овладѣлъ важными документами. Съ этими словами онъ передалъ императору письмо графа Стадіона, гдѣ было сказано: „1 марта 1809 года вооруженіе Австріи будетъ кончено и мы безъ замедленія начнемъ войну...“ Не менѣе важно было для императора то обстоятельство, что Цамбелли могъ сообщить ему подробныя свѣдѣнія объ этомъ вооруженіи, число полковъ, орудій, имена начальствующихъ лицъ и т. д.; и также относительно того направленія, какое приняло народное движеніе въ Германіи за послѣднее время.

Бонапартъ слушалъ Цамбелли въ глубокой задумчивости. Опасность со стороны Германіи была на столько очевидна, что онъ рѣшился противъ своего желанія оставить преслѣдованія англичанъ въ Испаніи и немедленно вернуться въ Парижъ.

Цамбелли пріѣхалъ двумя днями раньше. Со времени разговора на дорогѣ подъ дубами Асторги, Витторіо сдѣлался любимцемъ императора. Теперь онъ съ избыткомъ былъ вознагражденъ за всѣ тѣ униженія, которыя ему пришлось испытать въ высшемъ австрійскомъ обществѣ. Онъ собралъ такія свѣдѣнія о людяхъ, ихъ отношеніяхъ и характерахъ, что въ ожиданіи новой войны съ Австріей сдѣлался необходимымъ человѣкомъ для Бонапарта.

— Этотъ итальянецъ точно упалъ съ неба, рассказывали адъютанты и придворные, сопровождавшіе императора въ испанскомъ походѣ. Никто изъ насъ не слышалъ даже его имени. Въ нѣсколько дней онъ умудрился заслужить расположеніе подозрительнаго Наполеона!

— Онъ могъ привлечь императора магнетизмомъ, утверждали придворныя дамы, очарованныя наружностью и ловкими манерами Цамбелли.

Даже въ небольшомъ кружкѣ пріятелей, которыхъ собралъ у себя Венъяминъ Бурдонъ нѣсколько разъ заходила рѣчь о шевалье. Бурдонъ стоварился съ Эгбертомъ, чтобы тотъ не упоминалъ о своемъ знакомствѣ съ Цамбелли, такъ какъ это могло помѣшать свободному высказыванію мнѣній.

Всѣ въ одинъ голосъ признавали за Цамбелли недюженный умъ и умѣнье обращаться съ людьми и предсказывали ему блестящую будущность, тѣмъ болѣе, что императоръ чувствовалъ особое расположеніе къ людямъ, которые, подобно шевалье, отдавшись ему, сжигали за собою корабли и возлагали на него все свое спасеніе и надежду.

— Я вполне согласенъ, что онъ даровитѣе многихъ изъ прежнихъ любимцевъ императора и ведетъ себя съ большимъ тактомъ, но вѣдь и онъ пользуется не завидной репутаціей, сказалъ одинъ изъ гостей. съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, изрытымъ оспой и съ преждевременно посѣдѣвшими волосами. Повидимому онъ участвовалъ въ дурномъ дѣлѣ...

— Да говори же яснѣе, Дероне, сказалъ съ нетерпѣніемъ Бурдонъ.

— Мнѣ лично ничего не извѣстно. Но Фуше не давно разсердившись на него за что-то сказалъ: „Онъ забываетъ, что еслибы я захотѣлъ, то могъ-бы сразу отправить его на галеры“.

— Куда онъ отправилъ не мало честныхъ людей! возразилъ Бурдонъ. Развѣ ты можешь поручиться за Фуше?

Дероне и Бурдонъ были друзьями со школьной скамейки. Дероне былъ старше пятью годами и перешелъ черезъ всѣ перевороты того времени: въ качествѣ уличнаго гамена участвовалъ при взятіи Бастиліи, юношей — во время приступа Тюльери и теперь состоялъ на

службѣ имперіи въ должности комиссара сыскной полиціи. Однако, не смотря на это, онъ оставался вѣрнымъ своей дружбѣ къ Бурдону и своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, какъ утверждалъ Бурдонъ.

Большинство гостей были ярые республиканцы и близкіе пріятели Бурдона, которыхъ онъ угощалъ дружескимъ обѣдомъ. Всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа, чему не мало способствовало хорошее бургонское.

Здѣсь для Эгберта наглядно выяснилась разница между двумя національностями: французской и нѣмецкой. Въ Германіи разговоръ друзей одинаковыхъ убѣжденій, перейдя изъ узкаго круга личныхъ интересовъ, неизбѣжно вращался бы около поэтическихъ и философскихъ идеаловъ, между тѣмъ, какъ для гостей Бурдона и его самого ничто не имѣло цѣны, кромѣ политики. Эти люди въ ранней юности пережили волненія революціи, съ ея событіями были связаны лучшія воспоминанія ихъ личной жизни. Припоминая свою молодость, они говорили о Мирабо, жирондистахъ, засѣданіяхъ конвента, народныхъ собраніяхъ, какъ нѣмцы стали бы говорить о своихъ школьныхъ товарищахъ, ученихъ и преподавателяхъ. Государственная жизнь у этихъ людей поглотила всякую другую дѣятельность: къ ней направлены были всѣ ихъ заветныя желанія и надежды; въ ней заключалась слава и счастье, какъ ихъ самихъ, такъ и отечества.

На замѣчаніе Эгберта, что большинство образованнаго парижскаго общества по его наблюденіямъ занято мелочными интересами и увлекается пустяками, ему отвѣтили, что это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы отвлечь вниманіе подозрительнаго Бонапарта.

— Парижане, сказалъ одинъ изъ гостей, во избѣжаніе его гнѣва, дѣлають видъ, что боятся политики какъ заразы. Но пусть Наполеона постигнетъ большое несчастіе, на примѣръ, безпримѣрное пораженіе...

— Кто можетъ побѣдить его? прервалъ съ живостью Эгбертъ. Онъ уничтожилъ лучшія войска Европы, изъ земли не вырастутъ новыя.

— За границей, замѣтилъ Бурдонъ, преувеличиваютъ силу этого человека. Его вѣнчаютъ лаврами; всѣ его побѣды приписываютъ ему лично. Но что въ сущности составляетъ его силу? Революція, республика. Они создали войска, передъ которыми трепещетъ Европа. Не его орлы воодушевляють ихъ, а мысли о свободѣ и равенствѣ. Весь вопросъ въ томъ, долго ли продлится это ослѣпленіе. Онъ какъ безумный расточаетъ людей и богатства страны. Европа поклоняется ему какъ герою. Онъ только ловкій и счастливый воръ. Каждый изъ насъ достигъ бы тѣхъ же результатовъ, еслибы также безцеремонно какъ Наполеонъ распоряжался средствами, предоставленными ему великой націей въ минуту заблужденія.

Противъ этого трудно было возражать что-либо. Эгбертъ вполне понималъ, что республиканцы не могутъ простить Наполеону 19-е брюмера и низверженіе республики.

— Повѣрьте, добавилъ Дероне, что недалеко то время, когда вся Франція открыто выразитъ ему свою ненависть. Онъ могъ обуздать насъ на время, но ему не удастся превратить французовъ въ рабовъ. Ни одинъ укротитель львовъ не умеръ своею смертию.

— Это говоритъ блюститель закона! сказалъ съ удивленіемъ Эгбертъ.

— Да, я придерживаюсь существующихъ законовъ, пока новая революція не создастъ лучшихъ. Права народа выше закона.

Эгбертъ молчалъ. Логика революціонеровъ возмущала его.

— Вы нѣмецъ и аристократъ, сказалъ съ улыбкой Бурдонъ. Вы не можете понять насъ.

— Между моими соотечественниками врядъ ли нашлось бы много людей, которые бы примкнули къ вашимъ принципамъ.

— Наши побѣды, быть можетъ, научатъ васъ гражданскимъ доблестямъ, высококомѣрно отвѣтили ему республиканцы. Мы надѣемся, что современемъ всѣ нѣмцы сдѣлаются французскими гражданами.

— Предоставьте намъ устраивать у себя нашу жизнь по нашему собственному усмотрѣнію. Мы любимъ наше государственное устройство и учрежденія, и мало по малу не торопясь стараемся уничтожить то, что уже устарѣло и отжило свой вѣкъ. Кто знаетъ, не было ли величайшей ошибкой вашего императора, что онъ не пощадилъ особенностей нашего быта и подвелъ насъ подъ общую мѣрку.

— Скорѣе можно сказать, что уничтоженіе германской имперіи, этой средневѣковой руины, его величайшая заслуга. Въ этомъ случаѣ онъ оказался достойнымъ сыномъ революціи.

— Для насъ германская имперія имѣла и всегда будетъ имѣть значеніе въ смыслѣ объединенія и сознанія общей національности, сказалъ Эгбертъ. Съ нею связаны наши лучшія историческія воспоминанія. Наконецъ, позвольте вамъ замѣтить, господа, что если вы любите и защищаете свободу, то не лишайте и насъ права самимъ распоряжаться въ нашемъ государствѣ.

— Во всеобъемлющей республикѣ всѣ люди будутъ одинаково счастливы; это будетъ всемірное братство.

— Но если мы не желаемъ республики!

— Мы не можемъ допустить существованіе такихъ государствъ, какъ ваше около нашихъ границъ. Мы васъ принудимъ покориться свободѣ. Впрочемъ, мы сильнѣе васъ; опытъ показалъ, что мы непобѣдимы.

— Мы это увидимъ. Вы непобѣдимы, потому что во главѣ вашихъ войскъ Наполеонъ. Неизвѣстно, что будетъ безъ него. Ваши отзывы о немъ крайне несправедливы.

— Вы любите угнетателя вашего отечества, мосье Геймвальдъ! Вы первые должны желать его гибели.

— Я не люблю его, но поклоняюсь ему и нахожу страннымъ, что французы ненавидятъ человѣка, который распространилъ ихъ госу-

дарство до Эльбы. Онъ же выполняетъ вашу мечту о покореніи Германіи. Для насъ разумѣется не существуетъ разницы между французской республикой и имперіей въ томъ смыслѣ, какъ вы говорите. Если мы должны быть подъ гнетомъ чужеземнаго ига, то мы скорѣе подчинимся, какъ наши предки саксы какому нибудь Карлу Великому, нежели республиканскому конвенту.

Эгбертъ замолчалъ. Онъ видѣлъ въ этихъ республиканцахъ, толкующихъ о свободѣ и всемірномъ братствѣ, тѣ же завоевательныя наклонности и жажду славы, которая охватила тогда всю Францію. Развѣ могъ Наполеонъ вести войну за войной, еслибы французскій народъ не раздѣлялъ его воинственныхъ стремленій! Неразрѣшимую загадку представлялъ для Эгберта народъ, который во имя свободы совершилъ невѣроятный переворотъ, чтобы отдать эту свободу въ руки одного человѣка. Точно пораженные слѣпотою шли французы за побѣдителемъ изъ страны въ страну, не замѣчая, что съ каждымъ увеличеніемъ границъ своего государства, они все глубже и глубже погружались въ рабство. Не имѣя ни способности, ни силъ провести въ собственной странѣ возвышенные принципы великой революціи, они какъ будто поставили себѣ задачей уничтожать счастье и независимость другихъ народовъ.

Между остальными гостями въ это время шелъ оживленный разговоръ о предстоящей войнѣ съ Австріей и ея послѣдствіяхъ для Франціи, въ случаѣ побѣды или пораженія. Толковали о томъ, что въ войскѣ много республиканцевъ и возлагали большіе надежды на полковника Армана Луазеля. — Неужели это тотъ Лаузелъ, который жилъ у насъ въ домѣ! съ удивленіемъ подумалъ Эгбертъ. Большинство присутствующихъ было того мнѣнія, что не слѣдуетъ желать новыхъ побѣдъ.

— Сдѣлайте одолженіе побейте насъ въ этой войнѣ, сказалъ Бурдонъ, потрепавъ Эгберта по плечу; какъ ни тяжело будетъ для французовъ вынести пораженіе, но оно намъ необходимо. Вотъ до чего довелъ насъ этотъ человѣкъ, что мы сами желаемъ гибели нашему отечеству!

— Да, Австрія окажетъ намъ этимъ положительную услугу, сказалъ другой, а всего остального мы сами добьемся.

— Позвольте высказать вамъ откровенно мое мнѣніе, сказалъ Дероне, обращаясь къ Эгберту. — Вамъ не удастся побѣдить его. Наполеона можетъ ниспровергнуть только революція и притомъ не наша, а чужая революція. Если по ту сторону Рейна ненависть къ его игу пересилитъ поклоненіе его гению, если всюду раздастся крикъ о мести...

— Местъ за безнаказанныя убійства! воскликнулъ съ горячностью Бурдонъ, вскакивая съ своего мѣста.

— Местъ за попранную свободу, за несчастныхъ, которыхъ онъ погубилъ въ Каенѣ, сказала разомъ нѣсколько голосовъ.

Все молча допили свои стаканы.

— Но помимо зла, которое онъ сдѣлалъ Франціи, у меня еще личные счеты съ нимъ! сказалъ Бурдонъ взволнованнымъ голосомъ. — Онъ отнялъ у меня отца!

Эгбертъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего друга. Бурдонъ никогда не вспоминалъ о смерти отца и насильственно прерывалъ разговоръ, когда другіе говорили объ этомъ.

— Что заставило его самого заговорить сегодня о своемъ отцѣ? спрашивалъ себя Эгбертъ.

— Я не могу понять, какимъ образомъ австрійская полиція не открыла ни малѣйшаго слѣда преступленія, сказалъ Дероне, который былъ сыщикъ по призванію и тѣмъ болѣе интересовался таинственнымъ приключеніемъ, что оно касалось его друга.

— Убіенство совершено среди дня... Жаль, что мнѣ не удалось разслѣдовать это дѣло! Но вы, мосье Геймвальдъ, были на мѣстѣ преступленія и кажется еще застали въ живыхъ стараго Бурдона, неужели у васъ не явилось никакихъ подозрѣній...

Эгбертъ отрицательно покачалъ головой.

— Онъ ничего не знаетъ! сказалъ съ нетерпѣніемъ Бурдонъ, который ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. — Онъ принялъ участіе въ умирающемъ, какое ему дѣло розыскивать убійцу. Вотъ еслибы камень могъ говорить!...

— Какой камень? Въ чемъ дѣло? Я первый разъ слышу объ этомъ, сказалъ Дероне, съ видомъ охотничьей собаки, которая напала на слѣдъ дичи.

— Нѣсколько дней спустя послѣ убійства, началъ нехотя Эгбертъ, я получилъ опаль въ золотой оправѣ отъ полусъумасшедшей крестьянской дѣвушки изъ той мѣстности. На камнѣ вырѣзанъ орелъ. Очевидно, что эта вещь была набалдашникомъ палки или хлыста, а такъ какъ въ этой странной исторіи играетъ роль какой-то всадникъ, то опаль вѣроятно придѣланъ былъ къ хлысту.

— Скажите пожалуйста, сдѣланы ли были попытки отыскать всадника?

— Нѣтъ, мѣстный судья изъ робости самъ старался замать дѣло.

— Они знали кто замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, сказалъ Бурдонъ.

— Но это не помѣшаетъ мнѣ, Фуше, или лучше сказать правосудію воспользоваться находкой. Не можете ли вы, мосье Геймвальдъ, показать мнѣ этотъ опаль, или вы велѣли передѣлать его.

— Нѣтъ, возразилъ краснѣя Эгбертъ. — Можетъ быть вы будете смѣяться надо мной, но я всегда ношу его съ собой.

Съ этими словами Эгбертъ вынулъ опаль изъ кармана и подалъ его Дероне, который сперва ощупалъ его, а потомъ поднесъ къ свѣчкѣ и сталъ внимательно разглядывать его?

— Ну, разумѣется, сказалъ онъ, тутъ нѣтъ и слѣда запекшейся крови: золотой ободокъ совершенно гладкій; надъ орломъ маленькая

царашина, какъ будто отъ иглки. Не помнишь ли ты, Бурдонъ, не было ли у твоего отца хлыста съ оналомъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Веньяминъ.

— У несчастнаго Жана Бурдона въ день убійства, сказалъ Эгбертъ, была палка съ самымъ обыкновеннымъ набалдашникомъ, которая и была найдена при немъ.

— Ну, а кромѣ таинственнаго всадника никто не проѣзжалъ по дорогѣ въ этотъ день?

— Тутъ начинается область предположеній, позвольте мнѣ не сообщать ихъ.

— Да это и не по вашей части, сказалъ улыбаясь Дероне. — Вотъ еслибы мнѣ поручили сдѣлать допросъ, то мы узнали бы нѣчто объ этомъ дѣлѣ.

Дероне опять поднесъ ональ къ свѣчкѣ и сталъ разглядывать его противъ свѣта.

— Вотъ тутъ что-то нацаранано, какъ будто латинское V.... Если не ошибаюсь, къ вамъ пожаловали гости, мой милый Бурдонъ. Кто-то поднимается на лѣстницу. Спрячьте ональ, мосье Геймвальдъ, онъ можетъ пригодиться намъ современемъ.

Послѣдняя фраза была сказана такъ громко, что посѣтитель входитъ въ переднюю долженъ былъ слышать ее.

Вслѣдъ затѣмъ явился слуга и, подойдя къ Бурдону, сказалъ ему что-то въ полголоса.

Веньяминъ измѣнился въ лицѣ.

— Онъ хочетъ видѣть меня? Если онъ здѣсь, проси...

Бурдонъ едва успѣлъ шепнуть сидѣвшему возлѣ него Эгберту: „шевалье Цамбелли!“, какъ слуга отворилъ ему дверь.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, любопытствуя узнать причину такого несвоевременнаго визита. Бурдонъ изъ вѣжливости сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу вошедшему.

— Извините меня, мосье Бурдонъ, я не ожидалъ, что застаю васъ за обѣдомъ и среди веселаго общества, сказалъ Цамбелли своимъ звучнымъ голосомъ, но съ видимымъ смущеніемъ на лицѣ, которое онъ не могъ скрыть, не смотря на свой свѣтскій навѣкъ. Но меня послала ваша паціентка, мадемуазель Атенаисъ Дешанъ... Она заболѣла внезапно.

— Какъ это случилось? Гдѣ? когда? спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Вѣроятно съ ней былъ опять нервный припадокъ, замѣтилъ Бурдонъ, взявъ со стола свою шляпу.

— Вы не ошиблись, сказалъ Цамбелли;—я оставилъ ее въ сильнѣйшихъ судорогахъ. Если мнѣ позволено будетъ выразить мое мнѣніе, то, повидимому, это сдѣлалось съ нею вслѣдствіе сильнаго волненія, такъ какъ она разсердилась до бѣшенства. Окружавшіе ее знакомые вспомнили объ васъ, какъ объ единственномъ докторѣ, ко-

торому вѣрять больная: и я, не теряя ни минуты, бросился въ карету, чтобы привезти васъ.

Чувство обязанности переселило въ Бурдонъ всѣ другія соображенія; но онъ не рѣшился ѣхать одинъ съ шевадье и попросилъ Эгберта сопровождать его.

— Не поѣдете ли вы со мной, мой другъ Геймвальдъ? сказалъ онъ.—Вы изучали медицину и можете дать мнѣ добрый совѣтъ. Надеюсь, что вы, мосье Цамбелли, ничего не имѣете противъ этого?

— Напротивъ, отвѣтилъ Цамбелли съ вѣжливымъ поклономъ, — я считаю за честь и удовольствіе возобновить мое случайное знакомство съ мосье Геймвальдомъ.

Онъ говорилъ спокойно и на лицѣ его не видно было теперь ни малѣйшаго волненія.

Бурдонъ, уходя, извинился передъ своими гостями, что долженъ оставить ихъ и выразилъ надежду, что скоро вернется назадъ.

Передъ домомъ ждала карета. Витторіо сѣлъ въ нее послѣдній: и они быстро понеслись по улицамъ.

Дешанъ жила на другомъ берегу Сены въ rue de Helder, по близости Итальянскаго бульвара. Трудно передать всѣ разнообразія ощущенія этихъ трехъ людей, случайно запертыхъ въ тѣсномъ пространствѣ покачивающагося во всѣ стороны экипажа. Окружавшая ихъ темнота, при слабомъ мерцаніи крошечнаго каретнаго фонаря на козлахъ, скрывала ихъ лица своимъ благодѣтельнымъ покровомъ. Сотни разъ Витторіо проклиналъ въ душѣ свою злополучную фантазію ѣхать за Бурдономъ. Какое ему было дѣло до жизни или смерти пѣвицы! Развѣ около нея было мало людей, которые могли исполнить это не хуже его, вотъ, на примѣръ, Арманъ Луазель виновникъ несчастнаго приключенія. Цамбелли даже не могъ никого обвинять въ этомъ, потому что самъ вызвался на рыцарскую услугу. Разумѣется, тутъ не малую роль играло желаніе познакомиться съ сыномъ Жана Бурдона. Но какая надобность была торопиться съ этимъ; развѣ не могъ представиться другой не менѣ удобный случай! Цамбелли глубоко вѣрилъ въ фатализмъ и всѣ его разсужденія привели къ тому, что онъ печально опустилъ голову съ мыслью:—„такъ должно быть! по крайней мѣрѣ я увидѣлъ своего врага и буду знать, чего я могу опасаться отъ этого челоуѣка“. Смутное предчувствіе говорило ему, что Бурдонъ подозрѣваетъ его въ убійствѣ своего отца. Теперь онъ ѣдетъ съ нимъ въ одной каретѣ и съ Геймвальдомъ, котораго онъ еще сильнѣе ненавидѣлъ. Отъ обоихъ онъ могъ ожидать для себя всего худшаго. По временамъ кровь прилиwała къ его головѣ и ему казалось, что онъ видитъ при мерцающемъ свѣтѣ фонаря стальной блескъ кинжала. Ему хотѣлось броситься изъ кареты и позвать на помощь; но горло его было какъ въ тискахъ и онъ не могъ двинуть рукой, которая точно приросла къ рукояткѣ ножа, спрятаннаго у него на груди. Но вслѣдъ затѣмъ, онъ опять успокоивался и убѣж-

далъ себя, что все это только игра его разстроеннаго воображенія. По его мнѣнью не только Эгбертъ, но и Венъяминъ, не способны были на рѣшительное дѣло. Наконецъ, въ чемъ могли они уличить его? Развѣ милость Наполеона не достаточно ограждала его отъ всякихъ нападковъ и опасностей? Еслибы извѣстныя желанія и взгляды могли бы убивать людей, то спутники Цамбелли не доѣхали бы живыми до мѣста. При этой мысли Цамбелли едва не расхохотался вслухъ.

— Чего только не бываетъ на свѣтѣ! думалъ между тѣмъ Эгбертъ. Сынъ убитаго слѣдуетъ за убійцей по первому зову. Они ѣдутъ вмѣстѣ къ больной, а тамъ возможно большее сближеніе. Что за бездна лжи и притворства во всемъ этомъ! А ты самъ? спрашивалъ себя Эгбертъ. Какую роль играешь ты въ этой драмѣ? Отчего ты не встанешь съ своего мѣста и не закричишь ему: убійца! Развѣ не подтверждается подозрѣніе, которое ты имѣлъ противъ него? Покажи ему опаль: ты увидишь, какъ онъ поблѣднѣетъ отъ ужаса. Ты колеблешься, развѣ ты хочешь играть роль укрывателя убійцы! Но чѣмъ дальше думалъ Эгбертъ, тѣмъ больше терялся онъ въ лабиринтѣ сомнѣній и догадокъ. Развѣ онъ зналъ причину гибели Жана Бурдона! Несчастный! могъ ему сказать Цамбелли, ты хочешь осудить на постыдную смерть графа Вольфсегга—они вмѣстѣ съ Жаномъ Бурдономъ составляли заговоръ противъ жизни французскаго императора, иначе австрійская судебная власть и самъ графъ не прервали бы процесса объ убійствѣ такимъ неожиданнымъ образомъ, а Венъяминъ не избѣгалъ бы такъ старательно всякаго намека на эту таинственную исторію. Если люди, близко стоявшіе къ Жану Бурдону, считаютъ нужнымъ щадить убійцу, то какое право имѣетъ онъ подымать это дѣло; развѣ онъ можетъ предвидѣть всѣ послѣдствія своего заявленія. Какъ спокоенъ Бурдонъ! Онъ, повидимому, исключительно занятъ мыслью о больной и уже нѣсколько разъ обращался къ Цамбелли съ разными вопросами относительно ея здоровья и причинъ, вызвавшихъ припадокъ.

Витторіо давалъ опредѣленные, но крайне односложные отвѣты. Изъ его словъ можно было понять, что въ одной изъ залъ Пале-Рояля собралась за обѣдомъ веселая компанія; тутъ была и мадемуазель Атенаисъ Дешавъ съ другими оперными пѣвицами и танцовщицами. Атенаисъ была остроумна, какъ всегда, и въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что ничто не предвѣщало приближенія болѣзни. Разговоръ былъ самый оживленный, рассказывались анекдоты и забавныя приключенія. Но тутъ одинъ изъ присутствующихъ офицеровъ, безъ всякаго умысла, упомянулъ въ разговорѣ о какой-то давнишней привязанности мадемуазель Атенаисъ. Та покраснѣла и разсердилась. Затѣмъ они довольно рѣзко поговорили другъ съ другомъ и Атенаисъ схватила ножъ и бросила его въ своего противника. Весьма возможно, добавилъ Цамбелли, что ярость бѣдной жен-

щины относилась къ коварному возлюбленному, и ее раздражилъ неуѣдъстный намекъ. Мы всѣ, разумѣется, вскочили съ своихъ мѣстъ и поспѣшили прекратить непріятную сцену. Атенаисъ при этомъ лишилась чувствъ и упала на полъ въ страшнѣйшихъ судорогахъ. Пріятельницы увезли ее домой, а я поспѣшилъ къ вамъ за помощію.

Въ этомъ разсказѣ не было ничего новаго для Бурдона, если только Цамбелли не скрылъ самаго главнаго. Бурдонъ давно лечилъ знаменитую пѣвицу, зналъ насколько она раздражительна и капризна и объяснялъ это дурнымъ состояніемъ ея здоровья, разстроеннаго долгимъ пребываніемъ на сценѣ. Не могло удивить его и то обстоятельство, что неловкій намекъ на прошлое Атенаисъ произвелъ такое потрясающее дѣйствіе на ея нервы. Вѣроятно не мало было у ней, какъ хорошихъ, такъ и горькихъ воспоминаній, которыхъ она не могла забыть, не смотря на годы и рядъ новыхъ впечатлѣній.

Карета остановилась. Шевалье поспѣшно отворилъ дверцы и очутившись на улицѣ вздохнулъ свободно, какъ будто вырвался изъ душевной темницы. Онъ оглядѣлся и поднялъ голову. Надъ нимъ было ясное небо усыпанное звѣздами; кругомъ тишина зимней безвѣтренной ночи. Но онъ не былъ астрологомъ и не могъ вывести никакихъ заключеній, глядя на эту массу блестящихъ точекъ и созвѣздій. Онъ не зналъ долженъ ли онъ радоваться, что избавился отъ опасности или упрекать себя, что не воспользовался случаемъ, и не покончилъ съ своими врагами. „Ты могъ бы положить ихъ на мѣстѣ двумя ловкими ударами кипжала, сказалъ онъ себѣ. Но развѣ это спасетъ тебя? Ты только тогда можешь считать себя вѣдъ опасности, если ты окончательно избавишься отъ той, которая можетъ все выболтать. Я не знаю способны ли мертвые чувствовать и думать, но говорить они не могутъ“...

Съ этими мыслями Цамбелли вошелъ въ домъ въ сопровожденіи своихъ слугниковъ.

Атенаисъ лежала на коврѣ своей комнаты въ нарядномъ платьѣ, которое было на ней во время обѣда; правая рука ея судорожно сжимала изорванную шаль; густая коса упала съ головы и растрепалась въ длинныя пряди. Припадокъ еще продолжался. Судороги смѣнялись слезами и порывами безсильной ярости. Лицо несчастной было искажено болью и гнѣвомъ; время и страсти положили на немъ свой неизгладимый отпечатокъ. Эгбертъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя: неужели это та самая красивая женщина съ наружностью Юноны, которую онъ видѣлъ въ Тюльерійскомъ саду при солнечномъ свѣтѣ? Это былъ тотъ же мраморъ, но поврежденный временемъ и земною пылью.

Изъ всѣхъ пріятельницъ Атенаисъ, только одна Зефирина не покинула ее и осталась ухаживать за нею вмѣстѣ съ горничной. Но обѣ дѣвушки были такъ безпомощны, что не могли ничего сдѣлать для успокоенія больной и только приѣздъ доктора нѣсколько ободрилъ ихъ.

Эгбертъ и Цамбелли удалились въ сосѣдную комнату, между тѣмъ какъ Бурдонъ приказалъ раздѣть больную и уложить въ постель. Голосъ и присутствіе Бурдона всегда успокоительно дѣйствовали на Атенаисъ, она узнала его и послушно повиновалась его приказаніямъ.

— Я больше не нуженъ, сказалъ шевалье Эгберту, когда Зефирина выбѣжала къ нимъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что больной лучше. Передайте мой поклонъ и благодарность г-ну Бурдону. Завтра мы опять увидимся съ нимъ.

Нѣсколько минутъ спустя Эгберта позвали въ спальню. Больная наконецъ заснула тревожнымъ сномъ, который безпрестанно прерывался бредомъ.

Бурдонъ попросилъ Эгберта посидѣть у постели, пока онъ дастъ необходимыя наставленія обѣимъ дѣвушкамъ и пропишетъ лекарство.

Не смотря на участіе Эгберта къ несчастной женщинѣ, онъ почти не прислушивался къ ея бреду, который становился то громче, то переходилъ въ неясное бормотаніе. Онъ видѣлъ Атенаисъ во второй разъ въ своей жизни: какой интересъ могло имѣть для него прошлое пѣвицы и все то, что могла подсказать ей разгоряченная фантазія. Его занималъ вопросъ — какія послѣдствія будетъ имѣть для него и Бурдона встрѣча съ Цамбелли, и чѣмъ больше думалъ онъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе было безпокойство, охватывавшее его душу.

Хотя больная по прежнему металась на постели, но бредъ сдѣлался слабѣе и она только изрѣдка вскрикивала и стонала. Наконецъ, мало по малу, сила припадка уступила; черты лица сгладились и сдѣлались опять красивыми и молодежавшими. Это лицо поразило Эгберта, когда онъ взглянулъ на него пробудившись изъ своего раздумья. Оно живо напомнило ему дорогое для него существо. Зависѣло ли это отъ матоваго освѣщенія лампы, или сходство было вызвано игрой его фантазіи, которая обманчиво представляла ему милый образъ, но впечатлѣніе осталось, какъ ни старался Эгбертъ отдѣлаться отъ него. Онъ не рѣшался произнести имя той, которая была для него олицетвореніемъ всего лучшаго и святого. Даже воспоминаніе о ней въ комнатѣ парижской пѣвицы казалось ему святотатствомъ.

Въ это время подошелъ Бурдонъ и, постоявъ нѣсколько минутъ у постели больной, сказалъ Эгберту:

— Ей лучше, но припадокъ можетъ возобновиться. Я проведу здѣсь ночь. Сдѣлайте одолженіе, вернитесь къ моимъ пріятелямъ и скажите, чтобы не ждали меня.

Хотя Атенаисъ лежала съ закрытыми глазами, но услышавъ послѣднюю фразу Бурдона, сказала:

— Пусть онъ останется; у него такое доброе лицо.

Эгбертъ опять сѣлъ у постели.

Атенаисъ открыла глаза и, протянувъ ему обѣ руки, проговорила съ рыданіемъ:

— Магдалена! Отдайте мнѣ ее!

— Уѣзжайте скорѣе! торопилъ Бурдонъ. — Она начинаетъ бредить.

— Позвольте мнѣ вернуться сюда, сказалъ Эгбертъ взволнованнымъ голосомъ.

— Развѣ для того, чтобы составить мнѣ кампанію, возразилъ Бурдонъ, потому что ваша помощь не нужна здѣсь. Но если вы непременно хотите этого, то привезите съ собой шахматы. Вы еще не знаете, какъ длинна и утомительна ночь у постели больного и какія невеселыя мысли приходятъ въ это время въ голову.

Цамбелли, простившись съ Эгбертомъ, безъ всякой опредѣленной цѣли бродилъ по улицамъ Парижа. Въ одиннадцать часовъ его ожидалъ императоръ въ Тюльери; въ его распоряженіи было больше часу времени. При томъ безпокойномъ состояніи, въ которомъ онъ находился, ему всего пріятнѣе было видѣть вокругъ себя людей, слышать говоръ и шумъ.

Откуда могъ явиться страхъ, который онъ испытывалъ въ каретѣ? Развѣ Бурдонъ и Эгбертъ походили на убійцъ? Но тѣмъ не менѣе, оставшись съ ними наединѣ, онъ чувствовалъ такой смертельный ужасъ, что кровь какъ будто застыла въ его жилахъ. Не проснулось ли въ немъ то, что священники и судьи называютъ совѣстью.

— Они застали меня врасплохъ! оправдывалъ себя Цамбелли. Ихъ было двое противъ одного. Я знаю, о какомъ камнѣ толковали гости Бурдона, когда я стоялъ у него въ прихожей, ожидая возвращенія слуги. Одна выгода во всемъ этомъ, что мнѣ теперь все извѣстно и я буду на готовѣ.

Припоминая все, что случилось съ нимъ въ этотъ день, Цамбелли могъ только благословить судьбу за счастливое стеченіе обстоятельствъ. Онъ зналъ теперь въ чьихъ рукахъ опалъ, и кромѣ того, онъ провѣдалъ тайну, которую графъ Вольфсеггъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, даже отъ своихъ близкихъ.

Цамбелли не погрѣшилъ противъ истины, рассказывая Бурдону сцену въ Пале-Роялѣ, но не придавалъ ей никакой окраски и умалчалъ о подробностяхъ.

Обѣдъ въ Пале-Роялѣ, имѣвшій такой печальный конецъ, устроился случайно, по инициативѣ небольшого кружка офицеровъ и нѣсколькихъ господъ изъ дипломатическаго міра въ честь Дешанъ и другихъ оперныхъ пѣвицъ. Цамбелли былъ изъ числа приглашенныхъ, такъ какъ помимо личнаго знакомства, многіе изъ устроителей праздника надѣялись, что вино развяжетъ ему языкъ и имъ удастся вывѣдать отъ него тайну его отношеній къ императору. Другіе прямо желали его присутствія, какъ умнаго собесѣдника, который всегда умѣлъ во время поддержать разговоръ.

Сначала ничто не мѣшало общему веселью, даже толки о предстоящей войнѣ съ Австріей, потому что французы до того привыкли къ битвамъ въ послѣдніе годы, что смотрѣли на нихъ, какъ на обы-

денное явленіе. Зашла рѣчь и о войнѣ 1805 года. Оказалось, что одинъ изъ присутствующихъ офицеровъ, Арманъ Луазель, участвовалъ въ этомъ походѣ, дрался при Ульмѣ и Аустерлицѣ и квартировалъ въ Вѣнѣ во время занятія столицы французскими войсками. Неизвѣстно, подѣйствовало ли на него значительное количество выпитаго вина или заговорило въ немъ тщеславіе побѣдителя, только вслѣдъ за воинственными разсказами онъ перешелъ къ своимъ любовнымъ приключеніямъ. Атенаисъ Дешанъ болѣе другихъ подзадоривала разсказчика и смѣялась надъ нимъ. Луазель, распространяясь о своей жизни въ Вѣнѣ, началъ описывать домъ, гдѣ ему была отведена квартира съ двумя товарищами. Цамбелли слушалъ его съ удвоеннымъ вниманіемъ и чтобы вполне удостовѣриться въ своемъ предположеніи сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ. Луазель не только подробно описалъ знакомый ему сѣрый домъ на уединенной улицѣ, но даже назвалъ имя Эгберта Геймвальда и молодой дѣвушки, живущей у него въ домѣ. Цамбелли видѣлъ, что Дешанъ измѣнилась въ лицѣ, услыхавъ имя Магдалены Армгартъ, хотя старалась казаться спокойной.

Луазель наконецъ сообразилъ, что говорить о лицахъ, которые знакомы нѣкоторымъ изъ присутствующихъ и началъ путаться въ отвѣтахъ. Это еще больше возбудило гнѣвъ и волненіе нѣвицы. Никто не могъ понять причину этого, кромѣ Цамбелли, который сталъ догадываться въ чемъ сущность дѣла. Разговоръ становился все горячѣе и громче; остальные гости напрасно старались успокоить разгнѣванныхъ собесѣдниковъ. Луазель между прочимъ сдѣлалъ намекъ, что между имъ и молодой дѣвушкой завязались нѣжныя отношенія; но „разумѣется невиннаго свойства“ поспѣшилъ онъ добавить.

— Вы лжете самымъ наглýmъ образомъ! воскликнула Атенаисъ, бросая въ него ножъ, который на счастье Луазеля, пролетѣлъ мимо и упалъ на полъ.

Всѣ при этомъ поднялись съ своихъ мѣстъ.

— Милостивая государыня, сказалъ съ усмѣшкой Луазель — вы не въ своемъ умѣ! Такія вещи прощаются только женщинамъ.

— Очень жалѣю, что я не мужчина, и не могу убить тебя, негодный лжець. Ты можетъ быть видѣлъ въ этомъ домѣ и графа Вольфсегга?—крикнула еще громче Атенаисъ, не помня себя отъ бѣшенства и падая на полъ въ страшнѣйшихъ судорогахъ.

Послѣ этой фразы все стало понятно Цамбелли. То, что онъ не могъ сообразить въ первую минуту, вслѣдствіе общей суматохи, окончательно выяснилось для него во время странствованія по парижскимъ улицамъ.

Въ молодости Атенаисъ была любовницей графа Вольфсегга, Магдалена его дочь. Страхъ ли революціи, пресыщеніе или измѣна со стороны Атенаисъ, побудили графа разстаться съ нею. Онъ увезъ съ собой ребенка противъ воли матери, судя по тону, съ которымъ она произнесла его имя. Армгартъ, сопровождавшій графа въ его путе-

шествиі, помогъ ему въ этомъ. По прїѣздѣ въ Вѣну секретарь женился и принялъ мѣры, чтобы всѣ считали Магдалену его дочерью. Деньги графа сгладили затрудненія, которыя могли встрѣтиться при устройствѣ этого дѣла. Атенаисъ вѣроятно не знала даже о существованіи своего ребенка до сцены въ Пале-Рояль; теперь она должна довольствоваться увѣренностью, что Магдалена жива и окружена порядочными людьми, потому что графъ не рѣшится отдать молодую дѣвушку на руки подобной матери.

Для шевалье вся эта исторія имѣла значеніе только въ смыслѣ открытія, которое могло служить для него орудіемъ противъ графа Вольфсегга. Его отношенія къ Атенаисъ не могли быть легкой, мимо-летней связью; иначе онъ не сталъ бы такъ заботиться объ ея дочери и въ теченіи столькихъ лѣтъ!

— Сама судьба отдаетъ твоихъ враговъ тебѣ въ руки! подумалъ Витторіо съ радостнымъ замираніемъ сердца. Вооружись только спокойствіемъ и хладнокровіемъ и ты справишься съ ними. Антуанета влюблена въ своего дядю;—посмотримъ какъ подѣйствуетъ эта новость на ея гордое сердце. Вдобавокъ, это будетъ удобный предлогъ чтобы явиться къ ней. Она сама обратилась къ императору въ качествѣ просительницы и не посмѣетъ упрекнуть меня въ измѣнѣ. Еще вопросъ, можно-ли вообще называть меня измѣнникомъ, вслѣдствіе того, что я оставилъ неблагодарное государство, не цѣнившее мои заслуги и отыскалъ себѣ другого господина, который лучше умѣетъ отличить мякину отъ пшеницы. Что мѣшаетъ мнѣ добиваться руки Антуанеты. При дворѣ Наполеона не существуетъ разницы положеній! Не сегодня завтра я могу получить титулъ маркиза или герцога и сдѣлаться однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства.

Разница состояній также исчезла между имъ и Антуанетой. Цамбелли зналъ, что послѣ смерти своего отца Бурдонъ сдѣлался законнымъ владѣльцемъ помѣстій Гондревиллей въ Лотарингіи. Между тѣмъ къ его услугамъ была казна Наполеона, который вообще не былъ скупъ и умѣлъ награждать своихъ вѣрныхъ слугъ. Если его щедрость была въ ущербъ побѣжденнымъ народамъ, то это нисколько не заботило тѣхъ лицъ, которыхъ узурпаторъ осыпалъ своими милостями. До сихъ поръ шевалье упорно отказывался отъ всякихъ крупныхъ подарковъ и выказывалъ такое презрѣніе къ деньгамъ, что Наполеонъ вполне увѣровалъ въ его безкористіе. Цамбелли дѣйствовалъ такимъ образомъ изъ прямого разсчета. По окончаніи австрійской войны онъ хотѣлъ заявить притязанія на свои родовыя ломбардскія и венеціанскія владѣнія, которыя сдѣлались собственностью государства и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся получить титулъ маркиза Цамбелли. Самая опасная и трудная часть пути была пройдена; онъ вышелъ изъ мрака неизвѣстности; теперь ему оставалось идти торной дорогой для достиженія цѣли. Нужно было только удалить тѣхъ, которые прямо или косвенно были связаны съ его прошлымъ и лишить ихъ

возможности вредить ему. Но какъ достигнуть этого? Гдѣ найти средства, чтобы принудить къ молчанію Эгберта и Бурдона, вырвать изъ рукъ ихъ вещественное доказательство преступленія?

Цамбелли звалъ, что ему не удастся, ни напугать Бурдона, ни возбудить его жалости, и что противъ него необходимо принять рѣшительныя мѣры. Онъ посмотрѣлъ на часы и ускорилъ шагъ, чтобы не заставить императора ждать себя.

— Наполеонъ вѣрить тебѣ, сказалъ онъ самому себѣ. Что тебѣ стоитъ возбудить его гнѣвъ противъ Бурдона! Опиши ему черными красками все, что ты видѣлъ и слышалъ въ замкѣ Вольфсегга и придай этому видъ опаснаго заговора, въ которомъ Веньяминъ Бурдонъ играетъ главную роль. Зачѣмъ ты служишь Наполеону, если не можешь воспользоваться хотя одинъ разъ тѣмъ вліяніемъ, которое ты имѣешь на него?...

Съ этой мыслью Цамбелли, укутавшись въ свой плащъ, проскользнулъ въ боковую калитку Тюльерійскаго сада, гдѣ стоялъ часовой.

Это была та самая калитка, за каштановыми деревьями, черезъ которую когда-то въ полночь—какъ гласила народная молва—прошелъ сѣрый человѣчекъ, посѣщавшій императора передъ рѣшительными минутами его жизни.

ГЛАВА IV.

Изъ всѣхъ дамъ высшаго парижскаго общества въ послѣднія три недѣли молодая маркиза Гондревилль играла самую видную роль при дворѣ и вслѣдствіе этого возбуждала противъ себя наибольшую зависть. Насколько удивлялись ея мужеству, которое она высказала въ Malmaison, обратившись съ просьбой къ разгнѣванному императору, настолько-же втихомолку многіе осуждали ее за то предпочтеніе, которое ей оказывалъ Наполеонъ. Ее приглашали на всѣ празднества въ Тюльери и St.-Cloud и она не рѣшалась отказываться отъ нихъ изъ боязни,—какъ она писала графу Вольфсеггу въ свое оправданіе—навлечь на себя неудовольствіе императора и черезъ это замедлить помилованіе своего брата. Антуанета знала, что послѣдній будетъ избавленъ отъ галеръ и тюремнаго заключенія, но чѣмъ разрѣшится его дальнѣйшая судьба, оставалось пока тайной.

Сначала Антуанета тяготилась ролью, которую она играла при дворѣ узурпатора. Что могло имѣть привлекательнаго Тюльери для дочери одного изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Бурбоновъ, которую съ дѣтства воспитывали въ непримиримой ненависти къ Наполеону? Послѣ ея колѣнопреклоненія передъ нимъ и его обѣщанія по-

миловать молодаго Гондревилля, ея отношенія ко двору должны были кончиться сами собою. Съ этого времени честь запрещала которому либо изъ Гондревиллей поднять оружіе противъ Бонапарта, или участвовать въ заговорѣ противъ него, но ничто не мѣшало Антуанетѣ остаться вѣрной своимъ убѣжденіямъ и вернуться къ своему уединенному образу жизни. Она сама сознавала это и не разъ выражала желаніе уѣхать изъ Парижа, но оба Мартиньи и ихъ хорошенькая дочь постоянно отговаривали ее, доказывая, что она этимъ поступкомъ можетъ оскорбить Наполеона и повредить своему брату. Когда она высказывала свое презрѣніе къ революціи и ссылалась на своихъ родныхъ, которымъ можетъ не понравиться ея присутствіе при дворѣ узурпатора, то ей отвѣчали, что Наполеонъ властелинъ Франціи. „Всѣ короли, добавлялъ при этомъ старій Мартиньи, признали его равнымъ себѣ, папа миропомазалъ его, не смѣшно ли, что какой нибудь французскій маркизь и нѣмецкій графъ относятся къ нему съ презрѣніемъ, упорно игнорируя факты?“

Антуанета должна была скоро убѣдиться, что этотъ взглядъ раздѣляло большинство представителей старинныхъ дворянскихъ фамилій Франціи. Въ роскошныхъ гостинныхъ С. Жерменскаго предмѣстья подымали на смѣхъ тюльерійскій дворъ, вновь пожалованныхъ герцоговъ и графовъ и даже втихомолку пили за здоровье Людовика XVIII и составляли заговоры о низверженіи узурпатора. Но въ присутствіи Наполеона смолкали самыя ярыя крикуны и наперерывъ старались удостоиться его высокаго вниманія. Ни одному изъ этихъ приверженцевъ монархизма не приходило въ голову отказаться отъ мѣста или отклонить почетъ, которымъ они пользовались, благодаря милости того же узурпатора. Жены и дочери ихъ соперничали другъ передъ другомъ, кому изъ нихъ въ торжественныхъ случаяхъ нести шлейфъ Жозефины.

Почему Антуанетѣ не поступать такимъ же образомъ? Молодая графиня Мартиньи не даромъ обѣщала исправить ее отъ нѣмецкаго резонерства и сентиментальности. Исправленіе пошло быстрыми шагами, потому что Антуанета сама желала остаться въ Парижѣ и, выказывая стремленіе вернуться къ своимъ роднымъ, обманывала и себя, и другихъ. Ей не хотѣлось такъ скоро лишиться случайно добытой свободы. Какой скучной и пустой казалась ей жизнь, которую она вела въ Вѣнѣ, сравнительно съ ея теперешнимъ существованіемъ. Здѣсь среди круговорота воинственныхъ предпріяній и политическихъ дѣлъ, открывалось широкое поле для удовлетворенія женскаго тщеславія и для игры въ любовь. Общество, въ которомъ вращалась Антуанета, состояло изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, представлявшихъ смѣсь стараго и новаго съ полнымъ отсутствіемъ нѣмецкой чопорности и формализма. Экцентричность молодой дѣвушки и любовь къ приключеніямъ, которыя нерѣдко навлекали на нее неудовольствіе ея родныхъ, казались здѣсь особенно привлекательными.

При этомъ всё считали ее необыкновенно ученой, такъ какъ она много читала и получила лучшее образованіе, чѣмъ большинство парижанокъ. „Это настоящая Аспазія“, говорилъ о ней императоръ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Антуанетѣ трудно было отказаться отъ всего этого при ея честолюбіи и тщеславіи. Сверхъ всякаго ожиданія, на ея долю выпала честь блестяще умомъ и красотой при французскомъ дворѣ! Развѣ могъ замѣнить все это домъ ея дяди въ Herrengasse или одинокій замокъ на озерѣ Траунъ. Одно время она не представляла себѣ болѣе завидной участи, какъ сдѣлаться женою графа Вольфсеггъ, такъ какъ не знала ни одного человѣка, который могъ сравниться съ нимъ по силѣ воли и нравственной высотѣ. Съ его личностью невольно сливались для нея образы поэтическихъ героевъ. Такимъ представлялся ей графъ Эгмонтъ; она хотѣла сдѣлаться его Кларой. Но это была мечта не занятой дѣвической фантазіи, которая могла осуществиться при спокойномъ ходѣ событій. Теперь передъ ея ослѣпленнымъ взоромъ явился другой идеаль, а прежній исчезъ какъ туманъ при солнцѣ.

Ульрихъ Вольфсеггъ вполне заслуживалъ уваженія, какъ безукоризненно честная и цѣльная личность, но развѣ онъ могъ сравниться съ прославленнымъ героемъ столѣтія! Одинъ былъ полубогъ, другой — простой смертный.

Чѣмъ болѣе увлекалась Антуанета, тѣмъ обаятельнѣе дѣйствовало на нее блескъ, окружавшій узурпатора. Все, что касалось его, было для нея полно значенія и недостижимаго величія. Все преклонялось передъ нимъ и обоготворяло его. Даже враги считали его необыкновеннымъ человѣкомъ и удивлялись его счастью. Антуанета подчинилась ему съ перваго момента ихъ встрѣчи и готова была преклонить передъ нимъ колѣни, какъ передъ высшимъ существомъ. Это впечатлѣніе несомнѣнно изгладилось бы въ самомъ непродолжительномъ времени, еслибы онъ промелькнулъ передъ нею какъ блестящій метеоръ и исчезъ изъ ея глазъ. Но съ тѣхъ поръ она постоянно видѣла его и чуть ли не ежедневно говорила съ нимъ. Ея присутствіе дѣйствовало на него смягчающимъ образомъ. Чаше чѣмъ въ послѣдніе годы бывалъ онъ теперь на вечернихъ собраніяхъ у Жозефины и стоя у камина, у котораго сидѣли дамы, рассказывалъ имъ о смѣлыхъ походахъ, совершенныхъ имъ въ юности, о своемъ пребываніи въ Египтѣ и Сиріи.

— Еслибы я немедленно овладѣлъ St.-Jean d'Acre, сказалъ онъ однажды, взглянувъ на Антуанету, я сдѣлался бы индійскимъ царемъ и вторымъ Александромъ Македонскимъ; Англія была бы не въ силахъ сопротивляться мнѣ.

Догадывался ли онъ о томъ, какое впечатлѣніе производили эти рассказы на душу молодой дѣвушки? Видѣлъ ли онъ яркій румянецъ, который при этомъ распространялся по ея лицу? Никогда еще со-

блазнь не являлся женщиной въ болѣе опасномъ и горделивомъ образѣ. Здѣсь не было и тѣни льстивыхъ словъ и нѣжныхъ объясненій, которыми обыкновенно подкупаютъ женское сердце. Не къ лицу были суровому императору приемы, напоминавшіе Ринальдо въ волшебномъ саду Армиды. Не романическаго героя, а настоящаго цесаря видѣла передъ собою Антуанета.

Она не была настолько молода и неопытна относительно своего сердца, чтобы не спросить себя въ минуты раздумья къ чему можетъ привести ее это увлеченіе. Она утѣшала себя мыслью, что чувство не участвуетъ въ страсти охватившей ея душу и что эта страсть пройдетъ, какъ опьяненіе послѣ опиума. Ее пугала только пустота, которую она будетъ чувствовать въ своей жизни съ возвращеніемъ на родину.

Иногда пробуждалось въ ней честолюбіе и желаніе правиться всемогущему властелину. Развѣ римскій цесарь не увлекался Клеопатрой! Развѣ втайнѣ не рассказывались исторіи любви Наполеона къ красивымъ женщинамъ, хотя никто не рѣшался произнести ихъ имена. Въ этомъ отношеніи императоръ велъ себя вполне порядочнымъ человѣкомъ: у него никогда не вырывалось ни одно слово или жестъ, которые могли бы привести въ смущеніе женщину или подать поводъ къ злословію. Но тайна, которую онъ свято хранилъ не была обязательна для другихъ. Соблазнительные рассказы развращающимъ образомъ дѣйствовали на разгоряченное воображеніе молодой дѣвушки; вѣяніе страсти сносило мало по малу цвѣточную пыль съ ея цѣломудренной души. Все рѣже и рѣже являлось въ ней сознаніе своего нравственнаго паденія; и она съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидала переменъ въ своей жизни, которая давала себя чувствовать какъ весенній поворотъ солнца.

Занятая собою и своими мыслями она откладывала со дня на день переговоры, которая должна была вести съ Веньяминомъ Бурдонномъ относительно лотарингскихъ помѣстій. Какое значеніе могло имѣть для нея обладаніе замкомъ въ отдаленной провинціи при томъ блестящемъ положеніи, которое ожидало ее?

Она сильно смутилась когда ей доложили о приходѣ Бурдона и едва не отказалась принять его; но графъ Мартиньи успѣлъ остановить ее во время, говоря, что она не имѣетъ никакого права бросать дѣло, которое ей поручили вести, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависитъ благосостояніе ея родителей.

Вражда между Антуанетой и Веньяминомъ началась еще съ дѣтства. Избалованная дѣвочка ненавидѣла неуклюжаго кривобокаго мальчика; онъ оскорблялся предпочтеніемъ, которое даже его отецъ оказывалъ красивой барышнѣ, которая съ дѣтскою жестокостью преслѣдовала его. Это впечатлѣніе осталось неизгладимымъ, несмотря на годы и разницу общественаго положенія, раздѣлявшую ихъ. Теперь къ этому присоединились еще новыя причины неприязни.

Бурдонъ приписывалъ смерть отца Гондревиллямъ. Антуанета презирала его какъ якобинца и непочтительнаго сына и даже втайнѣ обвиняла его въ присвоеніи чужой собственности. Она не могла логически опровергнуть взглядъ своего дяди, что Венъяминъ имѣеть полное право оставить за собой имѣнія полученныя имъ по наслѣдству отъ отца, но была нравственно убѣждена, что онъ тѣмъ не менѣе обязанъ возратить ихъ ея родителямъ и что въ этомъ случаѣ онъ только исполнилъ-бы свой долгъ.

Вскорѣ по прїѣздѣ въ Парижъ, Эгбертъ сообщилъ ей, что по завѣщанію Жана Бурдона, составленному въ 1801 году, сынъ его назначенъ единственнымъ наслѣдникомъ по мимо другихъ родственниковъ. Адвокатъ графа Мартиньи съ своей стороны подтвердилъ справедливость словъ Эгберта, добавивъ, что считаетъ невозможнымъ оспаривать наслѣдство. Да и какъ могли эмигранты, живущіе за-границей, начать заочно процессъ о владѣніяхъ, которыя были признаны официально національнымъ имуществомъ? Если Бурдонъ не хотѣлъ признавать тайной сдѣлки, заключенной между его отцомъ и Гондревиллями, то никто не имѣлъ права принудить его къ этому.

При такомъ положеніи дѣлъ Антуанета не рѣшилась коснуться щекотливаго вопроса о наслѣдствѣ во время перваго визита, который ей сдѣлалъ Бурдонъ по настоянію Эгберта, такъ какъ это привело бы ихъ къ неприятнымъ объясненіямъ. Теперь Бурдонъ явился вторично и по собственной инициативѣ;—ничто не мѣшало ей узнать отъ него, какъ онъ намѣренъ распорядиться съ лотарингскими по мѣстѣями.

Хотя Антуанета вообще мало обращала вниманія на расположе-ніе духа людей, къ которомъ она была равнодушна или чувствовала неприязнь, но тѣмъ не менѣе мрачное лицо Бурдона поразило ее когда онъ вошелъ къ ней въ гостиную.

Это было пять дней спустя послѣ несчастнаго случая съ пѣвицей. При полной безсодержательности газетъ, которымъ императоръ запретилъ выражать какія-бы то ни было политическія убѣжденія и даже касаться фактовъ почему либо неприятныхъ ему, „происшествіе“ въ Пале-Роялѣ послужило удобнымъ сюжетомъ для безконечной газетной болтовни. Благодаря этому Антуанета могла начать разговоръ съ Бурдономъ вопросомъ о здоровьѣ его больной.

Венъяминъ отвѣтилъ на это въ короткихъ словахъ, выразилъ надежду на скорое выздоровленіе м-ль Дешанъ и хвалилъ Эгберта за то участіе, которое онъ принялъ въ незнакомой ему женщинѣ.

— Я давно не видѣла моего милаго соотечественника, сказала Антуанета;—едва-ли не съ того воскресенья въ Malmaison.

— Мнѣ самому скоро прійдется проститься съ нимъ. На дняхъ я уѣзжаю изъ Парижа, да и онъ вѣроятно недолго останется здѣсь.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ, сказала краснѣя Антуанета. Развѣ г-нъ Геймвальдъ говорилъ вамъ, что намѣренъ вернуться въ Вѣну?

— Нѣтъ, маркиза, но онъ долженъ будетъ уѣхать отсюда, когда Франція объявитъ войну его отечеству.

Антуанета отвернулась и стала разглядывать цвѣты, стоявшіе на столѣ.

— Эти вещи не касаются женщинъ, сказала она съ принужденной улыбкой. Вы должно быть также ѣдете на войну мосье Бурдонъ и пришли со мной проститься?

— Да, почти такъ. Бонапартъ по своему капризу можетъ послать каждаго изъ насъ въ изгнаніе и на смерть. Мы должны скорѣе устраивать свои дѣла, пока еще можемъ располагать собой. Меня сильно беспокоитъ одно дѣло. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Какъ должна я понимать ваши слова, мосье Бурдонъ? Развѣ вамъ грозитъ опасность...

Бурдонъ презрительно приподнялъ свое уродливое плечо.

„Кажется эта тщеславная аристократка воображаетъ что я пришелъ просить ея милости“, подумалъ онъ съ досадою и добавилъ вслухъ:

— Я не думалъ занимать васъ своей особой, маркиза! Вамъ вѣроятно извѣстно о чемъ совѣщался вашъ дядя съ моимъ отцомъ въ октябрѣ прошлаго года.

Она измѣнилась въ лицѣ. Заговоръ противъ Наполеона казался ей теперь вопіющимъ преступленіемъ, достойнымъ небесной кары.

— Вы молчите. Разумѣется вы не знаете и не можете знать этого! замѣтилъ насмѣшливо Бурдонъ. Вѣдь эти вещи касаются только мужчинъ! Во всякомъ случаѣ, кто нибудь долженъ передать графу Вольфсеггъ, что всѣ нити извѣстнаго дѣла въ однихъ рукахъ. Если начнется война съ Австріей и Наполеонъ опять займетъ Вѣну своими войсками, графу не одобровать. Лучше умереть на полѣ битвы, чѣмъ сдѣлаться плѣнникомъ при этихъ условіяхъ.

— Вы пугаете меня своими предостереженіями. Отчего вы не сообщите вашихъ опасеній г-ну Геймвальду, хотя я увѣрена, что они преувеличены.

— Вы хотите пожертвовать невиннымъ человѣкомъ, какъ это сдѣлали ваши родные съ моимъ отцомъ. Не лучше ли вамъ самимъ написать въ Вѣну? Ваши письма никто не откроетъ и на ваши слова больше обратятъ вниманія, чѣмъ на чьи либо другія. Обѣщайте исполнить мою просьбу. Вы видите дѣло идетъ не о моихъ интересахъ.

— Я даю вамъ слово предупредить графа Вольфсегга, хотя все, что вы мнѣ сказали кажется какимъ-то сномъ.

— Съ моей стороны приняты всѣ предосторожности. У меня ничего не найдутъ кромѣ пепла...

— Значитъ и вы заговорщикъ!..—воскликнула она испуганнымъ голосомъ, отодвинувшись отъ него.

— Да, я такой же заговорщикъ, какъ вашъ отецъ и графъ Вольфсеггъ...

Антуанета охотно прервала бы разговоръ, который дѣлался для нея все непріятнѣе, но она настолько же боялась, насколько ненавидѣла Бурдона. Въ его взглядѣ и тонѣ было что то вызывающее, она ежеминутно ожидала, что онъ скажетъ ей: — „измѣнница! раба Наполеона“!

Но ея опасеніе не оправдалось. Онъ продолжалъ:

— У меня еще другая просьба къ вамъ маркиза. Передайте это письмо Геймвальду. Не безпокойтесь, въ немъ нѣтъ ничего политическаго. Я слишкомъ дорожу свободой и жизнью этого человѣка чтобы вовлечь его въ опасное дѣло. Къ несчастью онъ больше замѣшанъ, нежели онъ подозреваетъ это.

— Слушая васъ, мосье Бурдонъ, можно подумать, что мы живемъ во времена Тиверія или Калигулы, сказала съ горячностью Антуанета. Вы развѣ не слышали какъ милостивъ былъ Наполеонъ къ Геймвальду?

— Все это можетъ быть. Но вы забываете маркиза, что благодаря вашему семейству мы оба съ Эгбертомъ, помимо нашей воли, попали въ сѣти, изъ которыхъ намъ врядъ ли удастся выпутаться. Положимъ Наполеонъ не римскій тиранъ. Онъ слишкомъ холоденъ и хладнокровенъ для этого. Тѣмъ не менѣе избави васъ Богъ довѣрять вашу судьбу сердцу этого человѣка.

— Я лучшаго мнѣнія о немъ, такъ какъ имѣла случай убѣдиться въ его великодушіи. Вы не можете быть безпристрастнымъ, потому что вы ненавидите его.

— Если я ненавижу его, то потому что знаю какъ относится онъ ко всему человѣчеству. Даже червь подымается противъ того, кто давить его мимоходомъ.

— Васъ не раздавили, а возвысили.

— Онъ возвысилъ меня, чтобы доказать, что онъ пренебрегаетъ ненавистью такихъ мелкихъ тварей, какъ я. Мы познакомились съ нимъ при Эйлау. Тамъ, въ открытомъ снѣжномъ полѣ, въ морозную ночь, увидѣлъ онъ меня у лагернаго огня. среди груды умирающихъ и мертвыхъ. Я былъ одинъ съ помощникомъ. Онъ ѣхалъ по полю битвы на бѣломъ конѣ. Меня поразило его каменное не человѣческое лицо. Вы никогда не увидите его такимъ, маркиза. Всюду, со всѣхъ сторонъ, на сколько можно было обнять глазомъ лежали мертвые и раненые. Ужасающая картина, которая всякаго привела бы въ трепетъ! А онъ, главный виновникъ всего этого, былъ спокоенъ, ясенъ и веселъ, какъ будто взиралъ на все это съ недосыгаемой высоты. Онъ осадилъ свою лошадь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Благородное животное содрогнулось, почуя мертвыхъ передъ собою. Но его лицо осталось неподвижнымъ. Съ тѣмъ же безстрастіемъ принимали нѣкогда боги жертвенный огонь!

— Тяжелая работа, Бурдонъ! сказалъ онъ мнѣ.

Я отвѣтилъ ему: когда же кончится эта человѣческая бойня...

— Остановитесь! воскликнула Антуанета взволнованнымъ голосомъ. Дайте мнѣ письмо, я передамъ его г-ну Геймвальду.

— Благодарю васъ. Теперь позвольте мнѣ перейти къ дѣлу, которое лично меня касается. Послѣ смерти моего отца между домами Гондревилль и Бурдонъ возникло спорное дѣло. Ни одинъ судъ не можетъ разрѣшить его, такъ какъ это вопросъ совѣсти. Скажите мнѣ маркиза, кому принадлежитъ наслѣдство моего отца?

— Мосье Бурдонъ, сказала она, побагровѣвъ отъ смущенія. Вы должны отдать мнѣ справедливость...

— Вы лично никогда не сдѣлали мнѣ на это ни малѣйшаго намека. Я увѣренъ также, что не вы поручали Эгберту переговорить со мной, а вашъ отецъ, или графъ Вольфсеггъ...

— Надѣюсь, что вы не нашли въ этомъ ничего оскорбительнаго для себя.

— Они не могли найти лучшаго посредника, но и при худшемъ результатѣ былъ бы одинаковый. Вопросъ былъ давно рѣшенъ въ моемъ сердцѣ. Мнѣ, кажется, Гондревилли давно могли убѣдиться въ безкорыстїи Бурдоновъ. Мой отецъ завѣщалъ мнѣ лотарингскія помѣстья Гондревиллей, предполагая, что я возвращу ихъ вамъ при первой возможности. Онъ надѣялся на скорое воцареніе Людовика XVIII; но у насъ Наполеонъ, императоръ Франціи, Гондревилли до сихъ поръ эмигранты. Послѣ смерти отца я былъ въ большомъ затрудненїи, что мнѣ дѣлать съ завѣщанными имѣніями. Я не имѣю никакого понятія въ сельскомъ хозяйствѣ, мнѣ оставалось или отдать имѣнія въ аренду, или продать ихъ. Я не рѣшился ни на то, ни на другое; и, наконецъ, придумалъ третье средство, но...

— Я ничего не понимаю въ юридическихъ вопросахъ, мосье Бурдонъ, сказала Антуанета, взволнованнымъ голосомъ, дѣлая надъ собою усилие, чтобы казаться равнодушной.

Онъ бросилъ на нее неуловимый взглядъ.

— Это вопросъ не юридическій и касается только насъ обоихъ. Антуанета нахмурила брови, но не рѣшилась прервать его рѣчи неумѣстнымъ замѣчаніемъ.

— Я осмѣлился, маркиза, сдѣлать на ваше имя дарственную записъ на имѣнія Гондревиллей.

— Милостивый государь, это...

— Не считайте это для себя оскорбленіемъ, маркиза. Я не могъ придумать иного способа для передачи Гондревиллямъ ихъ собственности. Но если вы вспомните, что мой отецъ рисковалъ жизнью и будущностью своего сына, чтобы сохранить Гондревиллямъ ихъ замокъ, что онъ изъ-за нихъ умеръ отъ руки убійцы, то можетъ быть иначе отнесетесь къ моему поступку...

Антуанета въ смущенїи опустила голову.

— Вы не внесены въ списокъ эмигрантовъ, продолжалъ Бурдонъ, а съ вашимъ вступленіемъ на почву Франціи вы опять приобрѣли права

французскаго гражданства. Теперь я могу, не нарушая закона, возвратить вамъ официальнымъ образомъ вашу собственность.

Въ душѣ Антуанеты происходила борьба самыхъ разнородныхъ чувствъ. Съ одной стороны гордость ея возмущалась насильственнымъ подаркомъ; съ другой—она боялась оскорбить отказомъ челоуѣка, къ которому чувствовала невольно уваженіе и благодарность.

Бурдонъ поднялся съ мѣста. Онъ видѣлъ по лицу Антуанеты, что она примирилась съ его предложеніемъ.

— Дѣло мое кончено маркиза! сказалъ онъ съ своей обычной саркастической усмѣшкой. Мы поняли другъ друга, на сколько возможно пониманіе между маркизой Антуанетой Гондревилль и Веньяминомъ Бурдонъ.

— Вы знаете, что этотъ вопросъ,—она указала рукой на дарственную записъ, которую онъ положилъ передъ нею столъ,—можетъ быть, окончательно рѣшенъ только моимъ отцомъ. Я поблагодарила бы васъ отъ его имени, но знаю, что вы съ презрѣніемъ отнесетесь къ нашей благодарности. Что же касается нашихъ обязанностей относительно васъ...

Онъ сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой.

— Это лишнее. Я не нуждаюсь въ деньгахъ, и вдобавокъ всегда могу прокормить себя.

Онъ вѣжливо поклонился ей. Она подала ему руку.

— Надѣюсь, что это не послѣднее наше свиданіе? спросила Антуанета.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Бурдонъ, слегка прикоснувшись губами до ея руки.

— Я уѣзжаю на время, только не могу опредѣлить срока моего возвращенія. Вѣроятно, въ мое отсутствіе многое измѣнится здѣсь. Императоръ чуть ли не ежегодно ставитъ *va banque* свою корону и Францію противъ остальнаго міра. Еще большая опасность грозитъ отъ него отдѣльнымъ личностямъ. Семела должна остерегаться огня Юпитера!

— Дерзкій плебей! проговорила ему вслѣдъ Антуанета, но Бурдонъ не слышалъ этого восклицанія, онъ уже вышелъ изъ комнаты.

Въ то время, какъ Бурдонъ сходилъ съ широкой лѣстницы стариннаго великолѣпнаго дома, Цамбелли подымался по ней.

Они встрѣтились на площадкѣ лѣстницы и любезно раскланявшись другъ съ другомъ обмѣнялись нѣсколькими незначительными словами.

Бурдонъ вышелъ на улицу, но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ кто-то положилъ ему руку на плечо.

— Какъ ты поживаешь, Веньяминъ. Я думалъ ты уже въ Египтѣ. Это былъ Дероне.

— Нѣтъ еще. Ты сердисься, что я не обратилъ вниманія на твои предостереженія и не уѣхалъ отсюда? Но ты знаешь, я докторъ и не имѣю права бросить сразу своихъ больныхъ.

— Ну теперь я надѣюсь, что ты можешь отправиться въ дорогу. Совѣтую тебѣ посиѣшить. Въ твоёмъ распоряженіи всего одни сутки. Завтра Дюбуа прикажетъ арестовать тебя.

— Ты говоришь серьезно?

— Разумѣется. Наполеонъ сильно разгнѣванъ. Кто-то наговорилъ ему на тебя. Еслибы ты слышалъ, какъ онъ отдѣлалъ Фуше, называлъ его измѣнникомъ и террористомъ. По словамъ Наполеона „республиканцы и идеологи проникли въ его домъ, а полиція ни за чѣмъ не смотритъ. Но ему нѣтъ дѣла до ихъ угрозъ и шашней. Онъ обязанъ доставить спокойствіе Франціи и избавить ее отъ шарлатановъ, которые выдаютъ себя за республиканцевъ и магнетизеровъ“. Надѣюсь, что намекъ на тебя былъ достаточно ясенъ.

Бурдонъ пожалъ ему руку.

— Спасибо тебѣ мой вѣрный другъ. Относительно меня будь спокоенъ. Въ моемъ домѣ не найдутъ ни одного клочка бумаги, къ которому можно было бы придратъся. Я все уничтожилъ.

— Все ли? спросилъ съ недовѣріемъ Дероне. Ну, а я все-таки совѣтовалъ бы тебѣ бѣжать отсюда.

— Я считаю бѣгство бесполезнымъ. Буду ждать, что будетъ.

— Вѣдь это глупо! Если онъ не разстрѣляетъ тебя, то по меньшей мѣрѣ засадитъ въ тюрьму.

— Если я обращусь въ бѣгство, продолжалъ Бурдонъ, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ моей виновности. Учредить слѣдствіе и тогда попадутся многіе изъ моихъ пріятелей. Его клеветы будутъ гнаться за мной, какъ за дичью. Богъ знаетъ, найду ли я пріютъ въ Петербургѣ. Вдобавокъ, я не чувствую никакой склонности къ путешествіямъ и опаснымъ приключеніямъ. Пусть лучше засадятъ меня въ тюрьму.

— Ты кажется считаешь тюремный воздухъ очень полезнымъ для себя?

— Сколько людей доживали до старости въ заключеніи. Меня будетъ поддерживать сознаніе, что я не уступилъ ему и онъ не будетъ считать меня трусомъ.

— Каковъ стоишь! проговорилъ съ досадой Дероне. Ну дѣлать нечего! Если ты хочешь поставить на своемъ, то вооружись терпѣніемъ. Я похлопочу о тебѣ. Въ случаѣ крайности, мы поможемъ тебѣ бѣжать изъ тюрьмы.

— Ты лучше позаботься о молодомъ нѣмцѣ и уговори его поскорѣе уѣхать отсюда.

— Постараюсь. Я долженъ еще одного человѣка взять на свое попеченіе.

— Шевалье Цамбелли?

— Да, я буду слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ. Будь я проклятъ, если не онъ заварилъ всю эту кашу, чтобы погубить тебя.

— Вѣроятно. Но онъ не ожидаетъ, какъ я буду спокойно расхлебывать ее.

— Онъ еще меньше ожидаетъ тѣхъ счетовъ, которые ему прійдется сводить со мной. Прощай.

— До свиданія.

Пріятели пожали другъ другу руки и разстались на перекресткѣ двухъ улицъ.

Антуанета еще не успѣла прійти въ себя отъ смущенія, въ которое привелъ ее визитъ Бурдона, какъ услышала въ сосѣдней комнатѣ голосъ Цамбелли, который изъ вѣжливости приказалъ сперва доложить о себѣ графу и графинѣ Мартиньи. Это было очень кстати, такъ какъ иначе онъ бы засталъ ее врасплохъ и совершенно растеряною.

На дняхъ Антуанета въ первый разъ встрѣтила его въ Тюльери на большомъ праздникѣ и сдѣлала видъ, что не узнала его, но онъ такъ упорно становился ей на дорогѣ, что она по неволѣ должна была обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами. Она обошлась съ нимъ очень холодно и старалась держать его отъ себя въ почтительномъ отдаленіи. Ей было стыдно передъ нимъ: она помнила, какъ увѣряла его въ Вѣнѣ, что никогда не будетъ играть роли въ Тюльери и не желаетъ этого! Какъ ни таинственно было появленіе шевалье при дворѣ Наполеона, но на его сторонѣ было то преимущество, что онъ открыто высказывалъ свой взглядъ на узурпатора. Она не имѣла права упрекнуть его въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ, тѣмъ болѣе, что сама была близка къ худшей измѣнѣ, нежели та, которую могъ когда либо задумать или совершить Цамбелли.

Съ краской на лицѣ вышла она въ сосѣднюю комнату, гдѣ шевалье велъ оживленную бесѣбу съ ея родными. Онъ поклонился ей какъ старый знакомый, но воздержался отъ улыбки изъ боязни оскорбить ее. Ему было достаточно, что гордая красавица смущается въ его присутствіи. Опытъ показалъ ему, что нѣжныя объясненія не дѣйствуютъ на сердце Антуанеты. Чтобы сдѣлать его доступнымъ любви онъ долженъ удалить соперника. Онъ не подозрѣвалъ, что въ этомъ тщеславномъ сердцѣ другая тѣнь, еще болѣе величественная, уже затмила ненавистный для него образъ Вольфсегга.

Оба одинаково желали остаться наединѣ. Тяжелѣ всякаго объясненія было для нихъ молчаливое наблюденіе другъ за другомъ и обмѣнъ незначительныхъ фразъ, гдѣ каждое слово имѣло свой затаенный смыслъ. Антуанета, потерявъ терпѣніе, дала понять своимъ роднымъ, что желаетъ остаться наединѣ съ гостемъ. Графъ и графиня Мартиньи тотчасъ же удалились подъ предлогомъ визита.

— Наконецъ то! сказалъ Цамбелли. Благодарю васъ, что вы избавили меня отъ присутствія постороннихъ людей. Принужденіе было слишкомъ тяжело. Я не въ состояніи былъ болѣе скрывать своихъ чувствъ. Мнѣ оставалось только удалиться и потерять случай, который быть можетъ не возобновится болѣе.

— При нашей дружбѣ, шевалье, это опасеніе кажется мнѣ совершенно напраснымъ. Вы можете видѣть меня, когда вамъ угодно.

— Развѣ вы не знаете, что во всѣхъ салонахъ и на улицахъ толкуютъ о предстоящей войнѣ съ Австріей? Мысль, что уже сочтены часы вашего пребыванія въ Парижѣ, приводитъ меня въ отчаяніе.

— Я еще не думаю объ отъѣздѣ, отвѣтила уклончиво Антуанета. Нашъ посланникъ графъ Меттернихъ надѣется на возстановленіе мира.

— Онъ только обманываетъ другихъ. Можетъ ли онъ думать, что императоръ позволитъ усыпить себя и будетъ спокойно ожидать, пока нападутъ на него?

— Что бы ни случилось, но меня привязываетъ къ Парижу святая обязанность спасти моего брата. Я не уѣду отсюда, пока не узнаю, что онъ на свободѣ.

— Всякій пойметъ и одобритъ это намѣреніе, даже ваши родители, такъ какъ вы возвратите имъ потеряннаго сына. Вы представляете собой рѣдкій примѣръ сестринской любви. Если бы вы слышали съ какимъ восхищеніемъ говорить о васъ императоръ.

— Его величество слишкомъ милостивъ ко мнѣ, придавая такое значеніе моему поступку.

— Его великодушное сердце всегда было способно понимать высокія дѣла и помыслы. Какъ ошибается міръ относительно этого чловѣка!

— Вы восхищаетесь имъ, и онъ съ своей стороны вѣроятно также цѣнитъ ваши достоинства...

— Я никогда не скрывалъ своего уваженія къ нему, даже въ Вѣнѣ, гдѣ не безопасно было хвалить его.

— Опасно! Только не для шевалье Цамбелли!

— Именно мнѣ, потому что вы постоянно нападали на него.

— Теперь вы можете вполне торжествовать. Я сложила оружіе и сознаюсь, что благодаря предрассудкамъ воспитанія и моимъ роднымъ, у меня составилось крайне невыгодное понятіе о Бонапартѣ. Я ожидала встрѣтить тирана, узурпатора и взамѣнъ этого увидѣла чловѣка, который совмѣстилъ въ себѣ Цесаря и Августа.

— Вы уже не станете больше сердиться на меня за желаніе видѣть васъ при дворѣ великаго Наполеона? замѣтилъ съ улыбкой Цамбелли,—гдѣ вы заняли положеніе достойное вашей красоты и ума.

— Я не могу играть здѣсь никакой роли; вы забываете что я иностранка.

— Развѣ Франція не настоящее ваше отечество? Мы оба — протите такое сопоставленіе—не можемъ считать себя дѣтьми холодной и мрачной Германіи, мы нѣмцы только по нашимъ матерямъ. Здѣсь свободно развивается страсть, геній не стѣсненъ никакими ограниченіями, нѣтъ предѣловъ желаніямъ. Примѣръ императора на лицо. Его маршалы мечтаютъ о герцогствахъ и королевствахъ. Благодаря ему, я наконецъ почувствовалъ, что начинаю жить.

Цамбелли выразилъ то, въ чемъ Антуанета еще не рѣшалась сознаться самой себѣ.

— Если я поняла васъ, сказала она, то вы связали вашу судьбу съ Наполеономъ.

— Я добровольно и сознательно сдѣлался его слугой. Обязательства, которыя мы сами принимаемъ на себя, не могутъ тяготить насъ. Къ тому же я на половину итальянецъ и считаю себя его подданнымъ.

— Не мечтаете ли вы, какъ его маршалы, сдѣлаться королемъ или герцогомъ?

— Главная цѣль моихъ стремленій внѣ власти императора, отвѣтилъ Цамбелли. Она въ вашихъ рукахъ. Я скорѣе ищу около него удовлетворенія той жажды дѣятельности, которая составляетъ основу моего существованія, нежели чего либо другого. Я принадлежу къ ненасытнымъ людямъ. Иногда мнѣ кажется, что даже королевская корона не могла бы осчастливить меня. Я никому не рѣшился бы говорить объ этомъ кромѣ васъ. Вы заглянули въ самую глубь моего сердца. Мое счастье...

— Мнѣ кажется, шевалье, холодно замѣтила Антуанета, прерывая его, что есть вещи, о которыхъ не слѣдуетъ возобновлять разговора.

— Я не хотѣлъ напоминать вамъ самага печальнаго момента моей жизни, когда я долженъ былъ навсегда отказаться отъ счастья и спокойствія. Мнѣ осталась одна надежда, что шумъ битвъ и волненія политическихъ дѣлъ пополняютъ пустоту моего существованія; но мнѣ вѣчно будетъ недоставать того, чѣмъ я никогда не наслаждался и мое горе никогда не затихнетъ...

Голосъ Цамбелли дрожалъ. Онъ говорилъ съ театральнымъ пафосомъ, которому умѣлъ придать видъ непритворнаго страданія. Гордая аристократка вторично отталкивала его.

„Опять этотъ Вольфсеггъ!“ — подумалъ Цамбелли, внѣ себя отъ ярости.

Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ обезоруженъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда она бросилась отъ него въ объятія своего дяди. Если онъ не могъ заслужить ея любовь, то хотѣлъ доставить себѣ зрѣлище ея смущенія.

— И война, и политическія дѣла могутъ увлечь васъ и сдѣлаться главной цѣлью жизни, отвѣтила Антуанета равнодушнымъ голосомъ. — Какъ часто человѣкъ ищетъ своего счастья тамъ, гдѣ онъ не можетъ найти его!

— Вы правы, отвѣтилъ поспѣшно Цамбелли. — Самые умные люди сбиваются съ дороги и попадаютъ въ болото, гоняясь за блудящимъ огнемъ или красивымъ растеніемъ. Также многое оправдываемъ мы страстью и увлеченіемъ молодости. Но фактъ на лицо, ничто не измѣнитъ его. Вотъ на примѣръ графъ Вольфсеггъ...

— Что случилось съ дядей? спросила съ безпокойствомъ Антуанета.

Съ замираніемъ сердца вспомнила она слова Веньямина. Если заговоръ сдѣлался извѣстнымъ, то что могло помѣшать Наполеону употребить насиліе и приказать своимъ клеветамъ захватить обманомъ графа Вольфсегга и привезти въ Парижъ?...

— Простите меня, сказала Цамбелли, — я кажется напрасно встревожилъ васъ. Я только хотѣлъ привести въ подтвержденіе моихъ словъ давнишнюю исторію, которая собственно касается друзей и родныхъ графа. Я былъ убѣжденъ, что она давно извѣстна вамъ.

Возбудивъ такимъ образомъ любопытство Антуанеты, Цамбелли послѣ долгаго колебанія уступилъ ея просьбамъ и разсказамъ исторію сношеній графа съ Атенаисъ Дешанъ.

— Мнѣ интересно было бы знать ваше мнѣніе, относительно всего этого, сказала Антуанета, выслушавъ его съ притворнымъ спокойствіемъ.

— Еслибы рѣчь шла не о графѣ Вольфсеггъ, то я не нашель бы въ этомъ ничего необыкновеннаго. Развѣ можно удивляться тому, что молодой иностранецъ во время своего пребыванія въ Парижѣ вступилъ въ связь съ дѣвушкой и обѣщаль на ней жениться, но не сдержаль своего обѣщанія. Такія исторіи случаются чуть ли не изо дня въ день. Но признаюсь, что подобнаго поступка трудно было ожидать отъ такого строгаго философа, какъ графъ Вольфсеггъ, который повидимому служилъ примѣромъ самоотреченія и неуклоннаго исполненія долга.

Антуанета казалась блѣдною и взволнованною. Цамбелли, прощаясь съ нею, чувствовалъ, какъ ея рука дрожала въ его рукѣ.

Если месть можетъ доставить наслажденіе, то шевалье испытывалъ его въ эту минуту, не подозрѣвая, что всѣ его старанія не принесутъ ему никакой пользы и что другой воспользуется ими.

Долго послѣ того сидѣла Антуанета неподвижно въ своемъ креслѣ съ глазами, устремленными въ пространство. Она чувствовала гнѣвъ и презрѣніе ко всему человѣчеству.

Цамбелли былъ правъ. Это была самая обыкновенная исторія. Молодой человѣкъ имѣлъ любовницу, бросилъ ее, отнялъ у ней ребенка и воспитывалъ его подъ чужимъ именемъ. Но могла ли она ожидать такого поступка отъ своего дяди, котораго она привыкла считать выше простыхъ смертныхъ? Значить, онъ не лучше и не достойнѣе другихъ! Какъ могла она сравнивать его, хотя одну минуту съ Бонапартомъ? Не ему ли хотѣла она пожертвовать надеждами на блестящую будущность и отказаться отъ свѣта! Кто поручится ей, что онъ будетъ любить ее и не бросить, какъ эту несчастную Атенаисъ.

Вся гордость ея возмущилась отъ этой мысли. Желаніе остаться въ Парижѣ и насладиться свободой еще болѣе усиливало ея неудовольствіе противъ графа Вольфсегга. Чтобы оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, она увеличивала его вину относительно другой женщины.

Она была такъ занята своими мыслями, что не слышала какъ за нею отворилась дверь и опомнилась только тогда, когда увидѣла передъ собою молодую графиню Мартиньи, которая съ таинственной улыбкой положила передъ ней небольшой свертокъ, посланный изъ Тюльери. Антуанета поспѣшно развернула его.

Въ красивомъ футлярѣ лежало письмо, перевитое ниткой жемчуга. Прочитавъ первыя строки, Антуанета съ громкимъ крикомъ бросилась на шею своей кузины.

Это было письмо ея брата. Онъ былъ свободенъ.

ГЛАВА V.

— Уѣзжайте при первой возможности, сказала Меттернихъ Эгберту нѣсколько дней тому назадъ. — Мы должны пользоваться вѣтромъ, который гонить насъ обратно на родину.

Едва вышелъ онъ изъ дома австрійскаго посольства, какъ подошелъ къ нему незнакомый человекъ и шепнулъ ему на ухо:

— Не ходите къ Бурдону, онъ арестованъ часа два тому назадъ. Подробности узнаете изъ письма.

Извѣстiе это глубоко опечалило Эгберта. Теперь ему стало понятно странное поведенiе Веньямина въ послѣднiе дни. Онъ избѣгалъ показываться съ нимъ въ публикѣ и казался раздражительнѣе, чѣмъ когда либо.

Вернувшись домой, Эгбертъ засталъ письмо безъ подписи, въ которомъ объяснена была причина ареста: напали на слѣдъ заговора, который будто бы былъ извѣстенъ Бурдону. Ясный намекъ на опаль съ орломъ указывалъ, чей доносъ, по мнѣнiю писавшаго, послужилъ поводомъ къ аресту.

Давно накопившаяся ненависть Эгберта къ Цамбелли перешла всѣ границы. Въ порывѣ негодованiя онъ хотѣлъ отправиться къ певиче и потребовать отъ него удовлетворенiя. Онъ горько упрекалъ себя, что не воспользовался удобной минутой въ гостинницѣ „Kugel“ въ Вѣнѣ и не остановилъ этого опаснаго человека. Неужели онъ и теперь останется спокойнымъ зрителемъ, пока месть итальянца не постигнетъ его самого или графа Вольфсегга? Не лучше ли вступить съ нимъ немедленно въ борьбу на жизнь или смерть?

Оставаясь почти безотлучно у постели больной Атенаисъ и выслушивая ея бредъ и полупризнанiя, Эгбертъ узналъ всю исторiю ея отношенiй къ графу Вольфсеггу, и не сомнѣвался, что она была также извѣстна Цамбелли послѣ происшествiя въ Пале-Рояль. Такимъ образомъ спокойствiе дорогого для него человека и счастье Магдалены были въ рукахъ итальянца.

Эта мысль не давала ему покою и чѣмъ дальше останавливался онъ на ней, тѣмъ безсилнѣе чувствовалъ онъ себя относительно своего врага.

Шевалье могъ отказаться отъ дуэли, точно также какъ отказался отвѣчать на его вопросъ въ гостинницѣ „Kugel“. Преслѣдовать его, легальнымъ путемъ, какъ убійцу! Но гдѣ же доказательства противъ него! Кто рѣшится выслушать обвиненія какого нибудь иностранца противъ всемогущаго любимца Наполеона.

Бросивъ письмо въ огонь, Эгбертъ невольно задумался надъ своей странной судьбой, которая неудержимо влекла его куда-то. Едва-ли не противъ своей воли попалъ онъ изъ тишины своего уютнаго жилища и уединенной улицы въ шумъ и суету новаго Рима и круговоротъ мировыхъ событій. Онъ былъ чуждъ политическихъ интересовъ, почти враждебно относился къ нимъ, а теперь готовъ былъ посвятить имъ свою жизнь. Онъ высказалъ свой взглядъ республиканцамъ и отчасти самому императору, не сегодня завтра быть можетъ ему придется защищать свои убѣжденія съ оружіемъ въ рукѣ. Онъ хотѣлъ мимоходомъ познакомиться съ политическимъ устройствомъ и отношеніями великой націи, но мало по малу они всецѣло поглотили его вниманіе.

Ожиданія его не оправдались. вмѣсто безусловнаго поклоненія Бонапарту онъ услышалъ жалобы, увидѣлъ общее неудовольствіе. Парижане хвастались и восхищались побѣдами, но ненавидѣли виновника войны. Конскрипціи приводили въ ужасъ сельское населеніе. Высокомѣріе передъ низшими и подобострастіе передъ высшими сдѣлались отличительными свойствами французовъ. Бонапартъ сравнивалъ себя съ римскимъ цесаремъ; его приближенные и народъ представляли полное подобіе римскихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ. Лучшие люди Франціи недаромъ жаловались на упадокъ своего отечества. Если республика парализовала духовное развитіе и міръ искусствъ, то въ замѣнъ этого она дала политическую жизнь французскому народу, которая въ далекомъ будущемъ могла привести его къ достиженію высшихъ благъ челоѣчества, свободы, равенства и общаго благосостоянія. Но вскорѣ безчинства и злодѣянія черни привели къ нескончаемымъ смутамъ и Франція пожелала имѣть Вашингтона. Но вмѣсто Вашингтона явился Цесарь; раскрылись врата храма Януса—бога войны, замолкли музы, исчезли книги, политическое ораторство; умерло стереотипное французское общество съ своими знаменитыми салонами; а заря возникающей свободы скрылась за облаками порохового дыма и заревомъ пылающихъ городовъ и деревень.

Эгбертъ долженъ былъ убѣдиться въ справедливости словъ графа Вольфсегга. Всемирное государство Бонапарта, которое издали представлялось какимъ то гигантскимъ сооруженіемъ съ неизблемымъ фундаментомъ и верхушкой достигающей до облаковъ, оказывалось вблизи обманчивымъ миражемъ, который долженъ былъ исчезнуть безслѣдно.

Ничто не удерживало болѣе Эгберта въ Парижѣ и онъ рѣшился немедленно вернуться на родину по совѣту Меттерниха и графа Вольфсегга, который написалъ ему по этому поводу длинное убѣдительное письмо. Но тутъ неожиданно пришелъ приказъ отъ императора, по которому онъ долженъ былъ явиться въ Тюльери на слѣдующее утро, въ половинѣ десятаго.

— Онъ завтракаетъ въ это время! говорили Эгберту его знакомые. Это большая честь!

Но честь эта не радовала Эгберта. Хотя все кончилось для него благополучно, но онъ не могъ безъ ужаса вспомнить свой разговоръ съ Наполеономъ въ Malmaison. Онъ представлялъ себя карликомъ, который неожиданно долженъ встрѣтиться съ великаномъ, такъ какъ не могъ вообразить иной картины, выражавшей болѣе наглядно то тяжелое сознание безсилія и униженія, которое охватило его душу.

Въ назначенный часъ явился онъ во дворецъ. Каммергеръ съ удивленіемъ разглядывалъ юношу, такъ какъ Наполеонъ во время завтрака допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ людей, знаменитыхъ ученыхъ и художниковъ или своихъ любимцевъ.

— Императору угодно говорить съ вами наединѣ, мосье Геймвальдъ—сказалъ камергеръ. Я сейчасъ доложу о васъ.

Но едва скрылся онъ за красной бархатной портьерой, усѣянной золотыми пчелами, какъ изъ противоположныхъ дверей вышелъ камердинеръ, которому всѣ обязаны были докладывать свои имена и подойдя къ Эгберту поспѣшно всунулъ ему въ руки небольшую записку.

Эгбертъ прочелъ слѣдующія слова:

„Не тѣряйте хладнокровія. Ни слова о Бурдонѣ. Rue de Moineaux № 3. Иосифъ изъ Египта“.

Онъ только что успѣлъ спрятать записку, какъ вернулся камергеръ и знакомъ пригласилъ его слѣдовать за нимъ. Камердинеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ; но Эгбертъ былъ такъ озадаченъ, что не догадался взглянуть ему въ лицо.

Онъ долженъ былъ пройти двѣ залы прежде чѣмъ очутился въ комнатѣ императора. На него нашло какое-то полусознательное состояніе, и онъ опомнился только тогда, когда камергеръ громко произнесъ его имя.

Сдѣлавъ обычные поклоны, Эгбертъ вытянулся во весь ростъ и застылъ въ этой позѣ.

Наполеонъ стоялъ къ нему спиною, съ руками скрещенными на груди, передъ столомъ, на которомъ лежала карта. Голова его была опущена какъ бы въ раздумьи.

У камина, на маленькомъ столикѣ изъ краснаго дерева, покрытомъ бѣлою скатертью былъ сервированъ завтракъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора стоялъ дворцовый префектъ Боссе въ придворномъ платьѣ съ треугольной шляпой подъ мышкой, ожидая приказаній его величества.

Обои, обивка мебели, драпирь были зеленые. Всюду надъ окнами, дверями, на часахъ, надъ мраморнымъ каминомъ въ видѣ украшенія виднѣлись орлы съ распростертыми крыльями съ лавровыми вѣнками въ клювѣ, обвивавшими императорскій вензель N. На всѣхъ столахъ лежали карты, книги, бумаги. Наполеонъ занимался дѣлами даже во время своего короткаго завтрака.

Занятый своими соображеніями, онъ не обращалъ никакого вниманія на Эгберта. Префектъ также не двигался.

Наконецъ Бонапартъ поднялъ голову и медленно обернулся.

Онъ былъ какъ всегда въ мундирѣ, но безъ шпаги и орденской ленты.

— А! вы тутъ, мосье Геймвальдъ!

Эгбертъ поклонился.

— Я недавно былъ въ вашихъ странахъ на Дунаѣ, сказалъ онъ, садясь въ кресло и положивъ руку на карту. Австрійцы думаютъ застать меня врасплохъ; но мы сами явимся къ нимъ съ быстротою молніи. Моя главная квартира будетъ въ Вѣнѣ. Вы вѣроятно хорошо знаете ея окрестности. Вы уроженецъ Вѣны?

— Точно такъ, ваше величество.

— Подойдите сюда. Какъ вы находите, правильно-ли нарисована эта карта.

На столѣ лежала большая карта теченія Дуная отъ баварской граница близъ Пассау до Пресбурга.

— Насколько я могу судить, карта совершенно вѣрна, ваше величество.

— Тутъ подъ Вѣной нѣсколько острововъ на Дунаѣ. Какъ называется самый большой изъ нихъ?

— Лобау, ваше величество.

— Крѣпкій грунтъ или болото?

— Все лѣсъ и кустарникъ. На сколько мнѣ извѣстно островъ почти необитаемъ.

— Вы имѣете домъ въ Вѣнѣ?

— Въ предмѣстьѣ Landstrasse и небольшое имѣніе около Шенбрунна.

— Мы скоро будемъ въ вашемъ сосѣдствѣ, замѣтилъ императоръ съ свойственной ему холодной улыбкой,—я слышалъ вы уѣзжаете изъ Парижа?

— Да, ваше величество.

— Довольны ли вы своимъ пребываніемъ въ нашей столицѣ? Какъ шли ваши занятія? Нѣмцы прилежный, трудолюбивый народъ. Ваша молодежь не проводитъ время въ однихъ удовольствіяхъ, пустой болтовнѣ, и не увлекается политическими бреднями, какъ наши юноши. Она учится и живетъ среди книги. Я уважаю ее за это. Осмотрѣли-ли вы музеи и библіотеки?

— Далеко не такъ основательно, какъ я желалъ этого. Нужны

года, чтобы изучить сокровища наукъ и искусствъ, которыя собраны здѣсь вашимъ величествомъ. Наполеоновскій Парижъ представляетъ полное подобіе Рима временъ Траяна.

— Только Траянъ былъ счастливѣе меня. Когда онъ одерживалъ на границахъ имперіи легкія побѣды надъ варварами ему отдавали въ Римѣ божескія почести. Никто не помышлялъ дѣлать ему затрудненій внутри государства. Даже вѣчно недовольный римскій сенатъ не вмѣшивался въ его дѣйствія. Замолкли софисты, политическіе болтуны и пустомели. Желчный Тацитъ съ похвалой отзывался о немъ. Я сдѣлалъ больше для Франціи, нежели Траянъ для Рима. Но чѣмъ отблагодарили они меня за это? Якобинцы до сихъ поръ не могутъ успокоиться; они не хотятъ видѣть Францію могущественной и счастливой. Ихъ слѣдовало бы посадить въ тюрьму подъ замокъ. Домъ сумашедшихъ былъ бы для нихъ еще лучше. Но къ несчастью врачи принадлежатъ къ числу ихъ. Кстати, вы кажется знакомы съ Веньяминомъ Бурдономъ?

— Точно такъ, ваше величество, я передалъ ему поклонъ отъ его умирающаго отца.

Говоря это Эгбертъ смѣло смотрѣлъ въ лицо императору. Такъ дѣлаютъ съ львами, когда хотятъ избѣжать неожиданнаго прыжка. Императоръ показался Эгберту еще меньше ростомъ и шире въ плечахъ, чѣмъ въ Malmaison.

— Отъ умирающаго отца? Это что за исторія?

Эгбертъ разсказалъ въ короткихъ словахъ исторію насильственной смерти Жана Бурдона.

На строгомъ лицѣ Наполеона не измѣнилась ни одна черта, не дрогнула ни одна жилка. Глаза смотрѣли также спокойно и пристально, лобъ оставался такимъ-же высокимъ и гладкимъ, какъ всегда.

— Да, помню,—сказалъ онъ. Это происшествіе было напечатано въ газетахъ. Австрія не можетъ похвастаться своей полиціей. Какъ не найти виновныхъ! Такъ вотъ что сблизило васъ съ Бурдономъ! Это въ порядкѣ вещей. Развѣ могъ онъ привлечь васъ къ себѣ своими политическими бреднями? Нѣмцы не республиканцы, они преданы своимъ монархамъ. Если бы я царствовалъ въ Германіи, то считалъ бы себя счастливымъ человѣкомъ. Вы никогда не носили оружіе?

— Никогда, ваше величество, но я могу въ случаѣ необходимости владѣть имъ.

— Противъ меня, вѣроятно! замѣтилъ съ улыбкой императоръ, нюхая табакъ изъ маленькой табакерки. Въ Австріи организуютъ народное ополченіе изъ гражданъ и солдатъ. Все это вздоръ! Такое войско не выдерживаетъ строя. Примѣръ Испаніи могъ убѣдить въ бесполезности народнаго вооруженія! Они даже не сумѣли удержать прохода Сомо-Сиерра, противъ атаки кавалеріи. Всякій бандитъ не можетъ вести войну. Война—искусство!

Онъ остановился. Эгбертъ счетъ нужнымъ сказать что нибудь.

— Вы это не разъ доказывали на дѣлѣ ваше величество.

— Я не понимаю, чего хочетъ вашъ государь! Не думаетъ ли онъ застращать меня? Народное ополченіе, возстаніе тирольскихъ крестьянъ, о которыхъ пишетъ мнѣ баварскій король,—все это призраки! Мои полки разсѣютъ ихъ! Ссылаются на примѣръ Франціи во время революціи. Войска, выставленныя комитетомъ общественной безопасности, генералы, республика, спасеніе отечества—все это бессмыслица, басня, придуманная якобинцами, чтобы заставить міръ забыть гильотину и до извѣстной степени оправдать ее. Я создалъ французскую армію и сдѣлалъ ее непобѣдимую, я одинъ! Императоръ Францъ, выступая противъ меня можетъ лишиться и государства и короны.

Наполеонъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Эти старинныя европейскія династіи воображаютъ, что имъ дана привилегія на вѣчное существованіе! Но развѣ они также не вышли изъ народа и не обязаны своимъ возвышеніемъ какому нибудь великому предку! Графъ Рудольфъ Габсбургскій былъ незначительнымъ нѣмецкимъ рыцаремъ, а его потомки воображаютъ, что въ ихъ жилахъ течетъ лучшая кровь, нежели моя. Только тотъ можетъ вполнѣ назвать себя человѣкомъ, кто самъ создаетъ свое счастье! Какого вы мнѣнія на счетъ всего этого?

При этихъ словахъ Наполеонъ пристально посмотрѣлъ на Эгберта.

— Я простой бюргеръ, ваше величество...

— И потому не можете иначе думать, нежели я. Вы мнѣ нравитесь г-нъ Геймвальдъ. У васъ открытое и честное лицо. Я охотно принялъ бы васъ къ себѣ на службу. Не теперь, разумѣется. Я не люблю измѣнниковъ. Но война не продолжается постоянно. Опять наступитъ миръ и надѣюсь на долгіе годы. Я желаю этого; и поэтому намѣренъ дѣйствовать быстро и рѣшительно.

— Если ваше величество желаете мира, то дайте его, вмѣсто сокрушающихъ ударовъ, которыми вы грозите намъ. Пощадите мое бѣдное отечество!

Префектъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ взглянулъ на смѣлаго оратора.

— Я не австрійскій императоръ! сказалъ Наполеонъ, возвысивъ голосъ и топнувъ ногой.

— Вы могущественнѣе его! Судьба и вашъ геній сдѣлали васъ повелителемъ вселенной! продолжалъ Эгбертъ, вооружившись мужествомъ. Вы выиграли больше битвъ, чѣмъ Александръ Македонскій и Фридрихъ Великій. Бѣлая слава возможна для васъ только въ томъ случаѣ, если вы дадите миръ человѣчеству. Тогда оправдается надежда, которая явилась у насъ въ Германіи, когда вы заняли престолъ Франціи и Италіи. Мы были увѣрены, что явился новый Карлъ Великій...

Эгбертъ остановился. Префектъ пожималъ плечами и дѣлалъ ему знаки, чтобы онъ замолчалъ.

— Не мѣшайте ему, Боссе, воскликнулъ Наполеонъ. Развѣ я не долженъ знать, что думаетъ обо мнѣ молодежь въ Германіи?

— Образъ великаго государя возсталъ передъ нами, продолжалъ Эгбертъ. Послѣ долгой войны, Европа наслаждалась при немъ многлѣтнимъ миромъ. Какъ тогда, такъ и теперь, разрѣшеніе вопроса зависитъ отъ воли побѣдителя. Семнадцать лѣтъ война свирѣпствуетъ въ Европѣ! Прекратите ее и побѣжденные вами народы съ радостью будутъ привѣтствовать васъ, какъ своего верховнаго владыку. Я отвѣчаю вамъ за свое отечество. Только оставьте намъ наши границы и нашу національность; мы нѣмцы и желаемъ остаться ими, и никогда не сдѣлаемся подданными Франціи.

Боссе ожидалъ взрыва императорскаго гнѣва и заблаговременно удалился къ дверямъ.

Но противъ своего обыкновенія Бонапартъ сохранилъ хладнокровіе. Сдерживалъ ли онъ свой гнѣвъ или дѣйствительно не былъ раздраженъ рѣчью Эгберта, только онъ также спокойно смотрѣлъ на него своими гордыми глазами.

— Все это, я слышу въ первый разъ, сказалъ Наполеонъ. Благодарю васъ за откровенность. Французскіе республиканцы хотѣли бы прогнать меня за море или умертвить; нѣмецкіе мечтатели желали бы обезоружить меня. Но вы упускаете изъ виду, что я всѣмъ обязанъ своей шпагѣ. Развѣ я веду войну для своего удовольствія?

Послѣднюю фразу онъ произнесъ рѣзкимъ, раздраженнымъ голосомъ и, поднявъ руку, подошелъ къ Эгберту, но тотчасъ же сдержалъ себя. Молодой нѣмецъ показался ему слишкомъ ничтожнымъ для того трагизма, который онъ любилъ придавать вспышкамъ своего гнѣва.

— Побѣды и завоеванія мое ремесло и мое искусство, продолжалъ Наполеонъ, какъ для васъ, быть можетъ, писаніе стиховъ. Всякому свое. Вездѣ и всегда сильный давилъ слабого. Судьба предназначила мнѣ пересоздать міръ. Если вы австрійцы не захотите подчиниться мнѣ, то я съумѣю принудить васъ къ тому. Какое мнѣ дѣло до національныхъ различій и вашей народности! Какое у насъ число сегодня?

— Середа, двадцать второе февраля.

Императоръ нѣсколько секундъ стоялъ молча передъ картой, занятый своими соображеніями.

— Три мѣсяца! Въ маѣ я надѣюсь быть въ Вѣнѣ. Мы можемъ продолжать тогда нашъ разговоръ въ Шенбрунскомъ саду. Теперь вы можете идти. Совѣтую вамъ для вашей собственной безопасности скорѣе уѣхать отсюда.

Онъ поднялъ слегка свою маленькую бѣлую руку. Эгбертъ удалился.

Дворцовая передняя была переполнена просителями и разными

служащими; тутъ были министры, сенаторы, члены государственнаго совѣта. Аудіенція тянулась долѣе обыкновеннаго. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали молодого иностранца; одни завидовали ему, другіе старались прочесть на его лицѣ въ какомъ расположеніи духа находится императоръ.

Лицо Эгберта горѣло. Проходя мимо толпы, онъ едва замѣтилъ ее и только спускаясь по лѣстницѣ, ведущей на широкій дворъ, гдѣ стоялъ длинный рядъ экипажей, онъ вздохнулъ свободнѣе и пришелъ въ себя.

Садясь въ наемную карету, онъ вспомнилъ о запискѣ переданной ему дворцовымъ камердинеромъ. Кто другой могъ написать ее, кромѣ Дероне, который уже не разъ оказывалъ ему услуги и постоянно отнесся къ нему съ самымъ сердечнымъ участіемъ?

Эгбертъ рѣшился немедленно отправиться на таинственное свиданіе, такъ какъ думалъ выѣхать изъ Парижа на слѣдующій день. Онъ надѣялся узнать что нибудь отъ Дероне о судьбѣ Веньямина.

Rue des Moineaux была одна изъ многихъ переплетающихся между собою улицъ на тѣсномъ пространствѣ между Вандомской площадью и Пале-Роялемъ.

Приѣхавъ на мѣсто, Эгбертъ безъ труда отыскалъ домъ № 3. Это было большое пяти-этажное зданіе, съ множествомъ квартиръ, переполненное жильцами. Но какъ отыскать Дероне? Если онъ не назвалъ себя въ запискѣ, то, вѣроятно, у него были на это основательныя причины. Послѣ нѣкотораго колебанія Эгбертъ вошелъ въ домъ и обратился къ привратнику съ просьбой указать ему квартиру „Іосифа изъ Египта“.

Привратникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на красиваго юношу, одѣтаго въ богатый придворный костюмъ.

— Я не знаю никакого Іосифа, отвѣтилъ онъ. Вы, вѣроятно, отыскиваете Пентефрія! Въ третьемъ этажѣ, первая дверь налево.

Эгбертъ, занятый своими мыслями, не обратилъ никакого вниманія на насмѣшливый тонъ привратника. Онъ понялъ только куда онъ долженъ идти и сталъ подыматься по узкой крутой лѣстницѣ. Благодаря этому, онъ почувствовалъ еще большую досаду, когда передъ нимъ отворилась дверь и онъ очутился лицомъ къ лицу съ хорошенькой Зефириной. Первою мыслью Эгберта было обратиться въ бѣгство. Онъ не принадлежалъ къ числу поклонниковъ Зефирины, которая окончательно оттолкнула его своимъ двусмысленнымъ обращеніемъ съ нимъ. Встрѣчаясь чуть ли не ежедневно съ Эгбертомъ у постели больной Атенаисъ, Зефирина такъ явно выказывала ему свое расположеніе взглядами и намеками, что онъ не разъ терялъ терпѣніе и съ трудомъ удерживался, чтобы не сказать ей какой нибудь грубости. Во избѣжаніе этого, онъ разыгрывалъ роль недоступнаго и непонимающаго, а теперь помимо своей воли очутился въ ея квартирѣ. „Что можетъ подумать Зефирина объ этомъ визитѣ? спрашивалъ

себя Эгбертъ. Предупредилъ ли ее Дероне, что ему пришла фантазія назначить мнѣ свиданіе въ ея квартирѣ, чтобы перехитрить своихъ враговъ?“

Все это еще болѣе усиливало смущеніе Эгберта.

— Извините меня! пробормоталъ онъ краснѣя. — Я кажется явился къ вамъ слишкомъ рано.

— Напротивъ, я давно встала съ постели и на столько прилично одѣта, что могу принять васъ господинъ философъ, сказала со смѣхомъ Зефирина, показывая рядъ жемчужныхъ зубовъ. — Вы, можетъ быть, не согласны съ этимъ? Да удостойте же взглянуть на меня.

Эгбертъ нехотя посмотрѣлъ на привлекательное, шаловливое существо съ хитрыми глазками, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ изъ тонкой шерстяной матеріи съ розовыми шелковыми разводами.

— Вы обворожительны, м-ль! сказалъ Эгбертъ. — Дероне должно быть предупредилъ ее, мысленно утѣшалъ онъ себя. Вѣроятно мнѣ не долго прійдется оставаться съ нею наединѣ.

Зефирина усадила его рядомъ съ собою на маленькомъ диванѣ.

— Вы изъ Тюльери? Отъ императора?

— Да, м-ль. Меня пригласили туда самымъ неожиданнымъ образомъ.

— Надѣюсь, онъ былъ милостивъ съ вами. Говорятъ, онъ любитъ австрійцевъ и особенно австрійскихъ женщинъ.

— Это было бы очень странно въ настоящее время, когда онъ думаетъ объявить намъ войну.

— Сперва у него были въ большой милости польки. Онъ не настоящій французъ и потому ему нравится все иностранное.

— Я не замѣтилъ этого и не знаю также, откуда вывели вы заключеніе, что онъ любитъ австрійцевъ?

— Доказательствомъ этого можетъ служить одна ваша знакомая. Ее называютъ у насъ „la belle Allemande“ или она французенка?

— Молодая маркиза Гондревиль?

— Да. Это первая побѣда Наполеона надъ Австріей...

— М-ль! прервалъ ее Эгбертъ, который чувствовалъ себя какъ на горячихъ угольяхъ.

Зефирина засмѣялась своимъ звонкимъ нахальнымъ смѣхомъ.

— Вы краснѣете какъ робкій пастушекъ. Но вѣдь у насъ за кулисами знаютъ все, что дѣлается въ Тюльери. Говорятъ, эта красавица совсѣмъ очаровала Наполеона. Амуръ оказывается сильнѣе его. Разумѣется она ужъ не вернется въ вашу скучную Германію; родители ея могутъ распространиться съ нею навѣки. Аテナисъ отъ души хотела, когда я рассказала ей эту исторію. Она знаетъ ея родныхъ и называетъ ихъ гордыми аристократами. Одинъ изъ нихъ, я забыла фамилію, вѣроломно бросилъ Аテナисъ, а эта...

Эгбертъ соскочилъ съ своего мѣста.

— Ахъ не убивайте меня! воскликнула Зефирина театральнымъ тономъ. Вы не женихъ ли молодой маркизы?

— Я и маркиза Гондревилль! Вотъ былъ бы подходящій бракъ! Развѣ вы не знаете, что у насъ въ Австріи бюргеръ не можетъ жениться на аристократкѣ?

Эгбертъ не хотѣлъ вѣрить и не вѣрилъ ни одному слову Зефирины, но онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ, что имя его идеала оскверняется устами такого ничтожнаго существа. Ему хотѣлось скорѣе вырваться изъ этой камнаты, гдѣ самый воздухъ казался ему тяжелымъ и сдавливалъ ему грудь. Ахъ, если бы Дероне скорѣе пришелъ! — думалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Что могло задержать его такимъ образомъ.

— Вотъ ужасная страна!—воскликнула Зефирина, всплеснувъ руками. Значить у васъ въ Австріи я не могла бы выйти замужъ за графа или сенатора! Вѣдь это варварство. И вы еще хотите вернуться туда! Можетъ быть васъ испугала какая нибудь вспышка Наполеона. Но въ моихъ глазахъ вы нисколько не потеряли отъ того, что лишились его милости, напротивъ...

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, м-ль.

— Но вы вовсе не заслуживаете этого и очень дурно обращаетесь со мной. Вмѣсто того, чтобы глядѣть на меня, вы постоянно посматриваете на дверь. Противная дверь. Кто смѣетъ войти сюда? Или вы хотите обратиться въ бѣгство. Ну такъ я заранѣе приму мѣры предосторожности.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ удержать ее, она подбѣжала къ двери заперла ее и вынула ключъ изъ замка.

— Прекрасный Адонисъ! воскликнула она, ты плѣнникъ!

— Это ужъ слишкомъ! Я желалъ бы знать: шутка-ли это съ вашей стороны или вы говорите серьезно?

— Господинъ философъ, я хочу вамъ дать хорошій совѣтъ. Вы понали въ скверную исторію.

— Что это за исторія? спросилъ Эгбертъ, взявъ ее за обѣ руки въ надеждѣ овладѣть ключомъ, который она держала въ правой рукѣ.

— Этотъ Венъяминъ Бурдонъ опасный заговорщикъ. Я всегда боялась его и ни за что не пригласила бы его лечить себя. Теперь съ нимъ случилось большое несчастіе. Но онъ самъ виновамъ. Какое ему было дѣло до государства! Лучше бы хлопоталъ съ своими больными.

— Онъ въ тюрьмѣ. Имѣете ли вы о немъ извѣстія? Вѣроятно его вышлютъ отсюда.

— Ну, у насъ не любятъ шутить съ заговорщиками, сказала Зефирина, нахмуривъ брови. Онъ заплатится за это головой.

У Эгберта замерло сердце.

— Неужели императоръ рѣшится на такую жестокость! Невозможно!

— Что дѣлать! *Sauve qui peut*. Вы первый должны сдѣлать это.

Вы были неразлучны съ этимъ Бурдономъ и знали о заговорѣ. Цѣль его всѣмъ извѣстна.—Она сдѣлала движеніе примадонны, которая закалываетъ кого-то кинжаломъ.—Доказательство вашего участія въ заговорѣ на лицо; вы постоянно носите съ собой опаль съ орломъ.

Эгбертъ былъ внѣ себя отъ удивленія. Какъ могла она знать о существованіи опала? Неужели Дероне имѣлъ неосторожность рассказать ей исторію убійства?

— Вы не можете отрицать этого, продолжала Зефирина; этотъ камень служитъ знакомъ для заговорщиковъ, по которому они узнаютъ другъ друга. Если при арестѣ его найдутъ у васъ...

— Имъ не за что арестовать меня.

— Васъ могутъ задержать въ минуту отъѣзда и произвести обыскъ подъ какимъ нибудь предлогомъ...

— Этотъ камень не имѣетъ никакого значенія. Это простая бездѣлушка.

— Если такъ, то подарите мнѣ его на память. У меня онъ будетъ въ безопасности, а вамъ это можетъ стоить жизни.

У Эгберта вкравлись подозрѣнія, что Цамбелли подкупилъ ее, чтобы завладѣть камнемъ, который можетъ служить уликой противъ него.

— Жизни! повторилъ Эгбертъ. Ну, это мое дѣло. Я не ожидалъ отъ васъ, что вы способны на гнусную измѣну! Вы кажетесь не подозрѣваете какому человѣку вы служите!

— Я хочу спасти васъ, а вы меня обвиняете! Изъ-за васъ я подвергаю и себя и своихъ друзей величайшей опасности, и въ благодарность вы называете меня измѣнницей! Какъ эти мужчины не понимаютъ женскаго сердца.

Въ тонѣ ея голоса слышалась правда. Шевалье могъ воспользоваться ея привязанностью къ Эгберту и быть можетъ увѣрилъ ее, что она должна выманить камень у любимаго человѣка для его спасенія.

— Простите если я огорчилъ васъ, сказалъ Эгбертъ. Но объясните мнѣ отъ кого вы получили всѣ эти свѣдѣнія?

— Вамъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Послушайтесь моего совѣта, отдайте мнѣ камень.

— Я не могу и не долженъ исполнить вашей просьбы. Назовите мнѣ его имя...

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ.

— Измѣна! воскликнула съ рыданіемъ Зефирина, ломая руки. Но краска выступившая на ея лицѣ еще болѣе усилила подозрѣнія Эгберта. Онъ былъ увѣренъ, что попалъ въ ловушку.

Зефирина бросилась къ двери.

— Вы не уйдете отсюда, сказалъ рѣшительно Эгбертъ, удержавъ ее за руку. Я заставлю васъ признаться мнѣ во всемъ.

— Неблагодарный! Вотъ награда за мою любовь, за то что я хотѣла спасти васъ отъ вашихъ враговъ.

Въ этотъ моментъ послышались три удара въ дверь.

— Отворите во имя закона!

Зефирина бросила на Эгберта взглядъ, въ которомъ выразилась вся ея любовь къ нему, вмѣстѣ съ заботой объ его участи и торжествомъ оскорбленной невинности.

— Теперь ты узнаешь, воскликнула она, что я тебѣ говорила правду.

— Откройте дверь, сказалъ съ нетерпѣніемъ Эгбертъ, который хотѣлъ во что бы то ни стало выйти изъ своего траги-комическаго положенія.

Зефирина отворила дверь.

— Мое почтеніе! сказалъ со смѣхомъ Дероне, входя въ комнату.

Зефирина тотчасъ узнала его, потому что полицейскій чиновникъ часто прохаживался по заламъ Пале-Рояля, у Фраскати и въ новомодномъ „Турецкомъ саду“.

— Вотъ странный способъ являться къ дамамъ! сказала Зефирина съ недовольной миной. Развѣ я государственная преступница!

— Пока нѣтъ, мое сокровище! Но можешь легко навлечь на себя подозрѣніе, если будешь такъ горланить. Каждое слово, которое ты говорила съ этимъ господиномъ было слышно въ корридорѣ. А домъ этотъ такъ построенъ, что и стѣны имѣютъ уши. Дай-ка взглянуть...

Зефирина схватила его за руку, съ видомъ добродѣтельнаго негодованія, потому что онъ направился къ ея спальнѣ.

Дероне оттолкнулъ ее и войдя въ комнату тщательно осмотрѣлъ ее. Но здѣсь никого не было.

— Тутъ былъ кто-то! пробормоталъ онъ сквозь зубы, возвращаясь въ первую комнату.

— Теперь, сударыня, позвольте васъ спросить, сказалъ онъ, обращаясь къ Зефиринѣ, какую это вы оперу разыграли здѣсь? Не собственнаго ли сочиненія?

Зефирина смутилась, но не рѣшилась солгать, зная, что Эгбертъ можетъ выдать ее.

— Я узнала вчера, отвѣтила она краснѣя, что большая опасность грозитъ г-ну Геймвальду, вслѣдствіе того, что онъ носитъ съ собою извѣстный камень и рѣшилась выпросить у него эту вещь. Если бы я просто написала ему, то онъ не пришелъ бы ко мнѣ, потому что нѣмцы добродѣтельны до отчаянія. Вотъ я и рѣшилась послать ему таинственную записку во дворецъ, которая и была передана ему передъ его аудіенціей у императора.

— Ты славная дѣвочка и этотъ господинъ обязанъ поцѣловать тебя, рѣшилъ Дероне. Правосудіе слѣпо, но не полиція, мое сокровище. Скажи мнѣ, кто сообщилъ тебѣ такія подробныя свѣдѣнія о г-нѣ Геймвальдѣ?

— Онъ уже допрашивалъ меня объ этомъ, но напрасно, вы также ничего не узнаете отъ меня, мосье Дероне, не смотря на мое уваженіе къ полиціи.

— Мнѣ пришло въ голову, не сіюен ли Фуше опять ошибся т. е. герцогъ Отрантскій плѣнился твоей мордочкой и...

— Что вы это выдумали? отвѣтила съ негодованіемъ Зефирина.

— Ну, если Фуше ничего не сообщалъ тебѣ, то это сдѣлалъ одинъ итальянецъ. Его зовутъ шевалье Витторіо Цамбелли. Что ты такъ покраснѣла!

— Божусь вамъ!...

— Вѣрю мое сокровище. Мосье Геймвальдъ помиритесь съ этой дамой. Я отвернусь. Поцѣлуйте ее на прощанье. Вотъ такъ, отлично. Однако намъ пора!

Дероне взялъ Эгберта за руку и быстро спустившись внизъ, сѣлъ съ нимъ въ карету.

— Уѣзжайте скорѣе отсюда! сказалъ Дероне. Попытка вырвать оцалъ изъ вашихъ рукъ мирнымъ путемъ не удалась ему; теперь онъ употребить насиліе. Странно, что ему не пришло въ голову, что онъ самъ выдастъ себя! Изъ того, что онъ такъ хлопочетъ объ этомъ камнѣ, можно смѣло заключить, что онъ убійца Жана Бурдона.

— Онъ убійца! повторилъ Эгбертъ.

— Несомнѣнно, но васъ онъ не боится, а только этого камня, свидѣтеля его преступленія. Онъ придумалъ ловкую штуку съ этой Зефириной! Сегодня, по счастью, одинъ изъ моихъ людей слѣдилъ за вами и сообщилъ мнѣ, гдѣ вы. Но я не могу ежеминутно охранять васъ. Чѣмъ скорѣе вы уѣдете изъ этого города, тѣмъ лучше. Какъ кончилась ваша аудіенція у императора?

Эгбертъ разсказалъ на сколько возможно точно свое свиданіе съ Наполеономъ.

— Вы говорили какъ честный человѣкъ, но все таки берегитесь встрѣтиться съ нимъ. То обстоятельство, что онъ сдержалъ свой гнѣвъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

— Я уѣду завтра. Не можете ли вы сообщить мнѣ что нибудь о Веньяминѣ?

— Онъ изучаетъ философію стоиковъ и примѣняетъ ее на практикѣ въ башнѣ Vincennes. Послѣ первой побѣды на Дунаѣ, Наполеонъ возвратитъ ему свободу. Негоднй! сегодня онъ бросаетъ въ тюрьму честнаго человѣка по своему капризу, а завтра выпускаетъ его... Но вотъ мы доѣхали до вашего отеля. Выходите одни. Я отправлюсь дальше. Слуги слишкомъ любопытный народъ. Завтра я увижу васъ у почти. Я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не узнаю что вы уже за Страсбургомъ.

Едва ли нужно было такъ уговаривать Эгберта, чтобы побудить его вернуться на родину. Онъ самъ отъ всей души желалъ этого. Почва Парижа жгла ему ноги. Сильнѣе писемъ графа Вольфсегга, сильнѣе даже желанія видѣть Магдалену, образъ которой все яснѣе выступалъ изъ тяжелаго тумана послѣднихъ дней, понуждала его къ возвращенію забота о родинѣ. Какъ ни слаба была его рука въ

гигантской борьбѣ, которая должна была начаться черезъ нѣсколько недѣль, но Австрія не должна быть лишена этой руки. Въ городѣ, которому непріятель грозитъ истребленіемъ, не мало работы для каждаго безъ различія пола, званія и состоянія.

Какъ давно не получалъ онъ писемъ изъ Вѣны! Эта переписка сначала доставлявшая ему большое удовольствіе постепенно сдѣлалась для него источникомъ нескончаемыхъ мученій. Съ тоской по родинѣ соединялась боязнь за участь графъ Вольфсеггъ и Магдалены. Ему казалось что онъ своимъ присутствіемъ оградилъ бы свою возлюбленную отъ козней шевалье, отъ всего, что могло нарушить ея спокойствіе и безопасность.

Нетерпѣніе Эгберта уѣхать изъ Парижа усиливалось съ каждой минутой. Ему предстояла еще тяжелая обязанность проститься съ Антуанетой. Какъ странно сложились ихъ отношенія въ послѣднее время! Въ противоположность всему тому, что рисовала его фантазія и даже быть можетъ желаніямъ графа Вольфсегга, чужбина не только не сблизила, но навсегда разлучила ихъ. Въ городѣ равенства и свободы разниа ихъ рожденія и положенія въ свѣтѣ сказала еще сильнѣе, нежели въ Вѣнѣ и въ замкѣ графа Вольфсеггъ. Несмотря на революцію, Мартиньи сохранили въ своемъ обращеніи высокоуміе стариннаго французскаго дворянства. При австрійскомъ дворѣ присутствіе маркизы Гондревиль, графини Вольфсеггъ, среди многихъ еще болѣе знатныхъ и богатыхъ женщинъ, было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, между тѣмъ какъ въ Тюльери, гдѣ цвѣтъ дворянства составлялъ рѣдкость, Антуанета сразу заняла самую видную роль. Непосредственная близость къ ихъ величествамъ окружила ея лучезарнымъ блескомъ и поставила ее въ заколдованный кругъ, недоступный для Эгберта.

Въ первое время своего пребыванія въ Парижѣ Антуанета была поглощена заботой о братѣ; теперь ее занимали только празднества, которыя слѣдовали одно за другимъ нескончаемой вереницей. Каждое изъ нихъ доставляло ей хлопоты, огорченія и блаженство.

Эгбертъ чувствовалъ, хотя между ними не было произнесено относительно этого ни одного слова, что чѣмъ ближе становится Наполеонъ ея душѣ, тѣмъ больше она удаляется отъ него. Онъ былъ убѣжденъ, что въ словахъ Зефирины не было ни тѣни правды, но не могъ отрицать, что въ чувствахъ и понятіяхъ Антуанеты совершился полный переворотъ.

— Неужели и ты, прекрасная звѣзда, навсегда померкнешь для меня? спрашивалъ себя Эгбертъ подходя къ дому Мартиньи.

Вечеръ еще не наступилъ. Сумерки только что начали стучаться надъ городомъ. Ни одна звѣзда еще не зажглась на однообразномъ фонѣ неба. Никогда желанія Эгберта не простирались до надежды получить руку Антуанеты, но никогда также возможность потерять ее не представлялась ему съ такою ясностью, какъ теперь.

Холодная безопадная дѣйствительность возстала передъ нимъ во всей своей наготѣ. Неужели онъ навсегда долженъ разстаться съ существомъ, бывшимъ такъ долго его идеаломъ, и передъ вѣчной разлукой выслушать избитую фразу: счастливаго пути! Неужели онъ не сдѣлаетъ никакой попытки удержать милый образъ. Но что могъ онъ сказать ей? Если бы даже онъ фактически имѣлъ власть вырвать ее изъ заколдованнаго круга, въ которомъ она находилась, то и тогда онъ бы не посмѣлъ примѣнить эту власть къ гордой и упрямой дѣвушкѣ.

Въ домѣ графа Мартиньи слуги затруднялись выпустить его; и только благодаря его настоятельному требованію и нѣсколькимъ золотымъ, они рѣшились доложить о немъ.

Но и послѣ этого ему пришлось ждать довольно долго.

Молодая маркиза была занята своимъ туалетомъ. Она совершенно забыла о письмѣ Эгберта, въ которомъ онъ предупреждалъ ее о своемъ приходѣ и просилъ принять его въ послѣдній разъ.

Одинъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи, канцлеръ Камбасаресъ, давалъ блестящій праздникъ, на которомъ ожидали присутствія императора. Могла ли она не быть на этомъ праздникѣ!

Окончивъ свой туалетъ, она вышла къ Эгберту. Какъ хороша была она въ своемъ бѣломъ роскошномъ платьѣ, съ ниткой жемчуга на шеѣ, и блестящей діадемой въ волосахъ. Съ Эгбертомъ сдѣлалась нервная дрожь. Но взглянувъ въ ея лицо, онъ увидѣлъ въ немъ новое выраженіе, которое онъ не замѣчалъ прежде и это нѣсколько охладило его.

— Я заставила васъ ждать, мосье Геймвальдъ—сказала она, дружески подавая ему руку. Простите меня. Вы уѣзжаете завтра. Что заставляеть васъ такъ спѣшить отсюда?

Эгбертъ сослался на свои домашніи дѣла и мимоходомъ коснулся предстоящей войны.

— Вѣроятно и графъ писалъ вамъ объ этомъ, добавилъ онъ. Въ Вѣнѣ считаютъ войну неизбежною.

— Да, въ Вѣнѣ! Мой дядя забываетъ, что я на половину французенка и что Франція для меня та же родина. Желая вамъ счастливаго пути, мосье Геймвальдъ. Я должна еще поблагодарить васъ за ваши старанія помирить насъ съ Бурдономъ.

— Я слышалъ, что Венъяминъ вторично былъ у васъ съ визитомъ?

— Да, онъ честный человѣкъ. Я искренно сожалѣю объ его арестѣ. Но его политическій фанатизмъ превышаетъ всякую мѣру. Императоръ осмыалъ его почестями и наградами, а онъ вступилъ въ заговоръ противъ своего благодѣтеля! Впрочемъ, не даромъ говорятъ, что благодарность добродѣтель аристократовъ. Вы были друзья съ Бурдономъ. Надѣюсь, что вы не участвуете въ этихъ темныхъ дѣлахъ?

— Нѣтъ, графиня. Это извѣстно даже самому императору.

— Вы были у него на аудіенціи? Онъ вѣроятно былъ милостивъ къ вамъ?

Говоря это, Антуанета оживилась. Принужденность, которая была замѣтна на ея лицѣ и въ манерахъ, исчезла. Она надѣялась встрѣтить въ Эгбертѣ прежняго поклонника Бонапарта.

— Теперь вы лично познакомились съ нимъ—продолжала она и можете сказать дядѣ, что свѣтъ еще не видѣлъ подобнаго человѣка. Только тѣ могутъ ненавидѣть его, которые изъ зависти или предубѣжденія не хотятъ видѣть въ немъ высшее существо.

— Напротивъ! Тѣ, которые признаютъ его геніальность, должны вдвойнѣ ненавидѣть его!

— И вы въ томъ числѣ?

— Несомнѣнно! Наполеонъ непримиримый врагъ моего отечества.

— Вы говорите и чувствуете какъ австріецъ, сказала Антуанета съ принужденной улыбкой. Но развѣ французъ или нѣмецъ не долженъ считать за счастье служить ему?

— Если бы графъ Вольфсеггъ слышалъ ваши слова...

— Вы можете передать ихъ моему дядѣ, если желаете, отвѣтила онъ рѣзкимъ тономъ. Однако я чуть не забыла... Бурдонъ поручилъ мнѣ передать вамъ письмо, которое онъ почему-то не хотѣлъ довѣрить почтѣ. Я разумѣется не читала и не желаю знать, что пишетъ вамъ Бурдонъ.

Она поспѣшно вынула письмо изъ серебряннаго ящичка и подала его Эгберту.

— Благодарю васъ графиня. Я съ своей стороны былъ бы очень счастливъ, если бы вы удостоили дать мнѣ какое нибудь порученіе къ графу или къ вашимъ родителямъ.

— Я недавно писала отцу. Ему вѣроятно будетъ очень пріятно услышать отъ васъ, что я счастлива здѣсь и пользуюсь большимъ почетомъ. Моему брату возвращена свобода.

— Это извѣстіе искренно порадовало меня.

— Черезъ нѣсколько дней я надѣюсь увидѣть его. Императоръ приметъ его милостиво. Теперь Францъ Гондревилль можетъ обнажить свою шпагу только для него и на защиту Франціи! Передайте мой поклонъ дядѣ. Можетъ быть, вамъ удастся объяснить ему мое положеніе, потому что мы, къ сожалѣнію, перестали понимать другъ друга. Себѣ онъ предоставляетъ самую широкую свободу, но до мелочности стѣсняетъ другихъ. Онъ не долженъ забывать, что Гондревилли—родомъ французы.

— Такія жесткія выраженія могутъ огорчить его.

— Предоставляю вамъ смягчить ихъ, если сочтете нужнымъ. Графъ Вольфсеггъ можетъ упорствовать въ свой слѣпой ненависти къ Наполеону. Какое мнѣ дѣло до этого! Я убѣждена, что онъ будетъ очень доволенъ, что вы наконецъ раздѣляете его взгляды, и даже не вспомнить обо мнѣ. Относительно женщинъ у него плохая память,

какъ у большинства мужчинъ. Вы составляете исключеніе, такъ какъ все еще думаете о хорошенькой Магдаленѣ. Дядя очень любитъ ее и въ лицѣ ея хочетъ загладить свой грѣхъ. Поклонитесь ей отъ меня. Я была бы очень счастлива, если бы по окончанію войны могла поздравить обоихъ васъ.

Антуанета говорила не останавливаясь, съ видимымъ нетерпѣніемъ. Мысли ея были заняты предстоящимъ празднествомъ. Она нѣсколько разъ смотрѣла на часы и наконецъ подошла къ зеркалу, чтобы поправить свою діадему.

Молча стоялъ передъ ней Эгбертъ. Онъ не узнавалъ свой прежней богини въ тщеславномъ существѣ, преданномъ одному наслажденію и заботѣ о своей красотѣ. Горькое чувство разочарованія овладѣло имъ. Когда она замолчала и взглянула на него въ ожиданіи, что онъ простится съ ней, Эгбертъ настолько забллся, что воскликнулъ:

— Антуанета!

Въ этомъ возгласѣ слышалась жалоба, упрекъ, вся горечь наболѣвшаго сердца.

Антуанета отошла отъ зеркала. Глаза ея искрились отъ гнѣва: на щекахъ выступилъ яркій румянецъ.

— Мосье Геймвальдъ, сказала она, гордо закинувъ голову, надѣюсь вы не станете читать мнѣ наставленія отъ имени моего дяди. У васъ для этого слишкомъ много тафта. Я желала бы разстаться съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ.

Эгбертъ молча поклонился ей и вышелъ изъ комнаты.

Она не подозрѣвала, какъ она глубоко огорчила его, но у ней сжалось сердце когда онъ скрылся за дверью. Слезы подступили къ ея глазамъ; она опустила въ кресло и закрыла лицо обѣими руками.

Она чувствовала, что безнаказанно нельзя отрѣшиться отъ впечатлѣній и воспоминаній юности. Они еще разъ предстали передъ ней въ лицѣ Эгберта; теперь она навсегда простилась съ ними. Мрачная будущность безъ почвы отерлась передъ ней.

Вошла молодая графиня Мартины.

— Наконецъ-то онъ ушелъ! Давно пора! Посмотри какой прелестный букетъ фіалокъ послалъ тебя Камбасаресъ. Онъ хочетъ сдѣлать честь своему прозвищу герцога Пармскаго. Какъ смѣшны эти вновь пожалованные дворяне съ своими титулами. Да не гляди-же такъ печально. Вѣрно этотъ Геймвальдъ опять омрачилъ передъ тобою небо своимъ нѣмецкимъ туманомъ. Твой пріятель не дурень собой, но имѣетъ видъ школьнаго учителя.

Антуанета сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы улыбнуться.

— Ты права, отвѣтила она—Эгбертъ и Вольфсеггъ сухіе педанты безъ фантазіи и страстей. Я не намѣрена испортить себѣ жизнь въ угоду ихъ причудамъ.

Въ это время Эгбертъ шелъ по улицѣ къ своему отелю.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1880.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ДЕКАВРЬ, 1880 г.

	Стр.
I. НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЪ. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова.	641
II. АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ. Главы: VII. Скпталъческая жизнь; и VIII. Женатая жизнь. (Окончаніе). В. Я. Стоюнина.	679
III. ИЗВРАЩЕНІЕ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА. В. О. Михневича	749
IV. ПОГИБАЮЩАЯ РУССКАЯ СИЛА. Ф. М. Уманца.	780
V. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЮАННА, ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО. Н. Я. Аристова.	786
VI. КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ ВЪ СТАРИНУ. Д. М. Мейчикъ.	796
VII. ГОСПОЖА РОЛАНЪ. С. С.	803
VIII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. Англія. (Окончаніе). Иф.....ла.	844
IX. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ: 1) Былое. Стихотворенія В. Буренина. Сиб. 1880. А. М—ва. —2) Посланіе многословное; соч. прова Зиновія, по рукописи XVI вѣка (съ приложен. двухъ снимковъ). Трудъ Андрея Попова. М. 1880. А. С—скаго. 3) Le marquis Wielopolskii, sa vie et son temps. 1803—1877. Par M. Henry Lisiecki. Wieme. 1880. Н. С. К.	854
X. ИЗЪ ПРОШЛАГО: Дѣло о нашествіи антикваріевъ. (Къ исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій). Сообщ. Л. С. Мацѣвичемъ. — Новгородская депутація въ 1831 г. Сообщ. Н. Г. Богословскимъ. — Письмо Н. В. Сущова къ И. М. Снегиреву. Сообщ. Н. Я. Данковымъ.	863
XI. СМѢСЬ: Пушкинская выставка въ Петербургѣ. — Раскопка кургановъ близъ станицы Бугова въ Подольскомъ уѣздѣ. — Эпизодъ на годовщину смерти С. М. Соловьева.	869
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Люциферъ, романъ изъ временъ Наполеона. І. К. Френцеля. (Окончаніе). 2) Портретъ госпожи Роланъ и 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ трехъ томахъ „Историческаго Вѣстника“ 1880 г. Сост. М. И. Городецкимъ.	

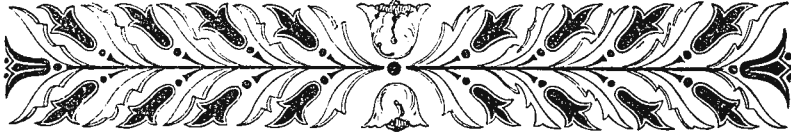
Къ настоящей книжкѣ прилагаются объявленія отъ книжнаго магазина „Новаго Времени“ и объ изданіи въ 1881 году журналовъ: „Историческій Вѣстникъ“, „Модный Свѣтъ“, „Огонекъ“, „Всемирная Иллюстрація“, „Нива“, „Россійская Библиографія“, „Нувеллистъ“, „Ваза“, „Семья и Школа“, „Газета Гатцука“ и каталогъ книгопродавца Э. Мелье.

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

Съ современнаго гравированнаго портрета рѣз. на деревѣ А. И. Зубчаниновъ.

Доволнено пенаурою. С.-Петербургъ, 22 ноября 1880 г
Типографія А. С. Суворина. Фртелевъ пер., д. 11—2.

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАНЪ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ТРЕХЪ ПРАВЕДНИКАХЪ.

„Совершенная любовь изгоняетъ страхъ“.

Іоаннъ.

I.

ОНЪ САМЪ почти мнѣ, а исторія его легенда. Что бы повѣствовать о немъ—надо быть французомъ, потому что однимъ людямъ этой націи удается объяснять другимъ то, чего они сами не понимаютъ. Я говорю все это съ тою цѣлю, чтобы впередъ испросить себѣ у моего читателя снисхожденія ко всестороннему несовершенству моего разсказа о лицѣ, воспроизведеніе котораго стоило бы трудовъ гораздо лучшаго мастера, чѣмъ я. Но Голованъ можетъ быть скоро совсѣмъ позабытъ, а это была бы утрата. Голованъ стоитъ вниманія, и хотя я его знаю не на столько, чтобы могъ начертать полное его изображеніе, однако я подберу и представлю нѣкоторыя черты этого не высокаго ранга смертнаго человѣка, который сумѣлъ прослыть несмертельнымъ.

Прозвище „несмертельнаго“, данное Головану, не выражало собою насмѣшки и отнюдь не было пустымъ, безсмысленнымъ звукомъ—его прозвали несмертельнымъ, вслѣдствіе сильнаго убѣжденія, что Голованъ—человѣкъ особенный, человѣкъ который не боится смерти. Какъ могло сложиться о немъ такое мнѣніе, среди людей, ходящихъ подъ Богомъ и всегда помнящихъ о своей смертности? Была ли на это достаточная причина, развившаяся въ послѣдовательной условности, или же такую кличку ему дали случайная простота, которая сродни глупости?

Мнѣ казалось, что послѣднее было вѣроятнѣе, но какъ судили о томъ другіе—того я не знаю, потому что въ дѣтствѣ моемъ этотъ во-

«истор. вѣстн.», годъ 1. томъ III.

1

прось мнѣ не представлялся, а когда я подросъ и могъ понимать вещи— „несмертельнаго Голована“ уже не было на свѣтѣ. Онъ умеръ и притомъ не самымъ опрятнымъ образомъ: онъ погибъ во время такъ называемаго въ г. Орлѣ „большого пожара“, утонувъ въ кипящей яминѣ, куда упалъ, спасая чью-то жизнь, или чье-то добро. Однако „часть его большая, отъ тлѣна убѣжавъ продолжала жить въ благодарной памяти“ и я хочу попробовать записать на бумагу то, что я о немъ зналъ и слышалъ, дабы такимъ образомъ еще продлилась на свѣтѣ его достойная вниманія память.

II.

Несмертельный Голованъ былъ простой человѣкъ. Лицо его съ чрезвычайно крупными чертами вѣзало въ моей памяти съ раннихъ дней и осталось въ ней навсегда. Я его встрѣтилъ въ такомъ возрастѣ, когда, говорятъ, будто бы дѣти еще не могутъ получать прочныхъ впечатлѣній и износить изъ нихъ воспоминаній на всю жизнь, но однако со мною случилось иначе. Случай этотъ отмѣченъ моею бабушкою слѣдующимъ образомъ:

„Вчера (26 мая 1835 г.) прѣхала изъ Горохова къ Машенькѣ (моей матери), Семена Дмитрича (отца моего) не застала дома, по командировкѣ его въ Елецъ на слѣдствіе о страшномъ убійствѣ. Во всемъ домѣ были однѣ мы, женщины и дѣвичья прислуга. Кучеръ уѣхалъ съ нимъ (отцомъ моимъ), только дворникъ Кондратъ оставался, а на ночь сторожъ въ переднюю ночевать приходилъ изъ правленія (губернское правленіе, гдѣ отецъ былъ совѣтникомъ). Сегодняшняго же числа Машенька въ двѣнадцатомъ часу пошла въ садъ, посмотрѣть цвѣты и кануферъ полить, и взяла съ собою Николушку (меня) на рукахъ у Анны (по нынѣ живой старушки). А когда они шли назадъ къ завтраку, то едва Анна начала отпирать калитку, какъ на нихъ сорвалась цѣпная Рябка, прямо съ цѣпью, и прямо кинулась на грудцы Аннѣ, но въ ту самую минуту, какъ Рябка, опершись лапами бросилась на грудь Аннѣ, Голованъ схватилъ его за шиворотъ, стиснулъ и бросилъ въ погребное творило. Тамъ его и пристрѣлили изъ ружья, а дитя спаслось“.

Дитя это былъ я, и какъ бы точны не были доказательства, что полутора-годовой ребенокъ не можетъ помнить что, съ нимъ происходило, я помню это происшествіе живо и ясно, со всѣми деталями.

Я конечно не помню: откуда взялась взбѣшенная Рябка и куда ее дѣлъ Голованъ, послѣ того какъ она захрипѣла, барахтаясь лапами и извиваясь всѣмъ тѣломъ въ его высоко поднятой желѣзной ружь; но я помню моментъ... только моментъ. Это было какъ при блескѣ молоньи среди темной ночи, когда почему-то вдругъ видишь чрезвычайное множество предметовъ заразъ: занавѣсъ кровати, ширму, окно, вздрог-

нувшю на жордочкѣ канарейку, и стаканъ съ серебряной ложечкой, на ручкѣ которой пятнышками осѣла магнезія. Таково вѣроятно свойство страха, имѣющаго большія очи. Въ одномъ такомъ моментѣ, я какъ сейчасъ вижу передъ собою огромную собачью морду, въ мелкихъ пестринахъ, — сухая шерсть, совершенно красные глаза и разинутая пасть, полная мутной пѣны въ синеватомъ, точно напмаженномъ зѣвѣ... оскаль который хотѣлъ уже защелкнуться, но вдругъ верхняя губа надъ нимъ вывернулась, разрѣвъ потянулся къ ушамъ, а снизу судорожно задвигалась, какъ голый человѣческій локоть выпитившаяся горловина. Надо всѣмъ этимъ стояла огромная человѣческая фигура съ огромною головою, и она взяла и понесла бѣшенаго пса. Во все это время лицо человѣка улыбалось.

Описанная фигура былъ Голованъ. Я боюсь, что совсѣмъ не сумѣю нарисовать его портрета, именно потому, что очень хорошо и ясно его вижу.

Въ немъ было, какъ въ Петрѣ Великомъ, пятнадцать вершковъ; сложеніе онъ имѣлъ широкое, сухое и мускулистое, былъ смугль, круглолицъ, съ голубыми глазами, очень крупнымъ носомъ и толстыми губами. Волосы на головѣ и подстриженной бородѣ Голована были очень густые, цвѣта соли съ перцемъ. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже. Выраженіе—спокойная и счастливая улыбка, которая не оставляла лица Голована ни на минуту: она свѣтилась въ каждой чертѣ, но преимущественно играла на устахъ и въ глазахъ умныхъ, и добрыхъ, но какъ будто немножко насмѣшливыхъ. Другого выраженія у Голована какъ будто не было, покрайней мѣрѣ я иного не помню. Къ дополненію этого неискускаго портрета Голована надо упомянуть объ одной странности или особенноти, которая заключалась въ его походкѣ. Голованъ ходилъ очень скоро, всегда какъ будто куда-то поспѣшая, но не ровно, а съ подскокомъ. Онъ не хромалъ, а, по мѣстному выраженію, „шкандыбалъ“, то-есть на одну, на правую ногу наступалъ твердою поступью, а съ лѣвой подпрыгивалъ. Казалось, что эта нога у него не гнулась, а пружинила гдѣ-то въ мускулѣ или въ суставѣ. Такъ ходятъ люди на искусственной ногѣ, но у Голована она была не искусственная; хотя впрочемъ эта особенность тоже и не зависѣла отъ природы, а ее устроилъ себѣ онъ самъ, и въ этомъ была тайна, которую нельзя объяснить сразу.

Одѣвался Голованъ мужикомъ, — всегда, лѣтомъ и зимою, въ пеклые жары и въ сорока-градусные морозы, онъ носилъ длинный, нагольный овчинный тулупъ, весь промасленный и почернѣвшій. Я никогда не видалъ его въ другой одеждѣ и отецъ мой, помню, частенько шутилъ надъ этимъ тулупомъ, называя его „вѣбовѣчнымъ“.

По тулупу Голованъ подпоясывался „чекменнымъ“ ремешкомъ, съ бѣлымъ сбруйнымъ наборомъ, который во многихъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ другихъ совсѣмъ осыпался и оставилъ наружѣ драгву да дырки. Но тулупъ содержался въ опрятности отъ всякихъ мелкихъ

жильцовъ,—это я зналъ лучше другихъ, потому что я часто сиживалъ у Голована за пазухой, слушая его рѣчи и всегда чувствовалъ себя здѣсь очень покойно.

Широкий воротъ тудуна никогда не застегивался, а напротивъ былъ широко открытъ до самаго пояса. Здѣсь было „нѣдро“, представлявшее очень просторное помѣщеніе для бутылокъ со сливками, которыя Голованъ поставлялъ на кухню Орловскаго дворянскаго собранія. Это былъ его промыселъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ „вышелъ на волю“ и получилъ на разживу „ермоловскую корову“.

Могучую грудь „несмертельнаго“ покрывала одна холщевая рубашка малороссійскаго покроя, т. е. съ прямымъ воротомъ, всегда чистая, какъ кипѣнь и непремѣнно съ длинною цвѣтною завязкою. Эта завязка была иногда лента, иногда просто кусокъ шерстяной матеріи, или даже ситца, но она сообщала наружности Голована нѣчто свѣжее и джентельменское, что ему очень шло, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ джентельменъ.

III.

Мы были съ Голованомъ сосѣди. Нашъ домъ въ Орлѣ былъ на третьей Дворянской улицѣ, и стоялъ третій по счету отъ берегового обрыва надъ рѣкою Орликомъ. Мѣсто здѣсь довольно красиво. Тогда, до пожаровъ, это былъ край настоящаго города. Вправо за Орликъ шли мелкія хибары слободы, которая примыкала къ коренной части оканчивавшейся церковью Василія Великаго. Сбоку былъ очень крутой и неудобный спускъ по обрыву, а сзади за садами—глубокой оврагъ и за нимъ степной выгонъ, на которомъ торчалъ какой-то магазинъ. Тутъ по утрамъ шла солдатская муштра и палочный бой,—самыя раннія картины, которыя я видѣлъ и наблюдалъ чаще всего прочаго. На этомъ же выгонѣ, или лучше сказать на узкой полосѣ, отдѣлявшей наши сады заборами отъ оврага, паслись шесть или семь коровъ Голована и ему же принадлежавшій красный быкъ „ермоловской“ породы. Быка Голованъ содержалъ для своего маленькаго, но прекраснаго стада, а также разводилъ его въ поводу „на поддержанье“ по домамъ, гдѣ имѣли въ томъ хозяйственную надобность. Ему ему приносило доходъ.

Средства Голована къ жизни заключались въ его удоистыхъ коровахъ и ихъ здоровомъ супругѣ. Голованъ, какъ я выше сказала, поставлялъ на дворянскій клубъ сливки и молоко, которые славились своими высокими достоинствами, зависѣвшими конечно отъ хорошей породы его скота и отъ добраго за нимъ ухода. Масло, поставляемое Голованомъ было свѣжо, желто, какъ желтокъ, и ароматно, а сливки „не текли“, то-есть если онъ оборачивалъ бутылку внизъ горлышкомъ, то сливки не лились струей, а падали какъ густая, тяжелая

масса. Продуктовъ низшаго достоинства Голованъ не ставилъ и потому онъ не имѣлъ себѣ соперниковъ, а дворяне тогда не только умѣли ѣсть хорошо, но и имѣли чѣмъ расплачиваться. Кромѣ того Голованъ поставлялъ также въ клубъ отменно крупныя яйца отъ особенно крупныхъ голандскихъ куръ, которыхъ водилъ во множествѣ, и наконецъ „приготовлялъ телятъ“, отпаивая ихъ мастерски и всегда ко времени, напримѣръ къ наибольшему съѣзду дворянъ, или къ другимъ особеннымъ случаямъ въ дворянскомъ кругѣ.

Въ этихъ видахъ, обусловливающихъ средства Голована къ жизни, ему было очень удобно держаться дворянскихъ улицъ, гдѣ онъ продолжалъ интересоваться особъ, которыхъ орловцы нѣкогда узнавали въ Паншинѣ, въ Лаврецкомъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ „Дворянскаго гнѣзда“.

Голованъ жилъ впрочемъ не въ самой улицѣ, а „на отлетѣ“. Постройка, которая называлась „Головановымъ домомъ“ стояла не въ порядкѣ домовъ, а на небольшой террасѣ обрыва подъ лѣвымъ рядомъ улицы. Площадь этой террасы была сажень въ шесть въ длину и столько же въ ширину. Это была глыба земли, которая когда то поѣхала внизъ, но на дорогѣ остановилась, окрѣпла и, не представляя ни для кого твердой опоры, едва ли составляла чью нибудь собственность. Тогда это было еще возможно.

Головану постройку въ собственномъ смыслѣ нельзя было назвать ни дворомъ, ни домомъ. Это былъ большой, низкій сарай, занимавшій все пространство отпавшей глыбы. Можетъ быть безформенное зданіе это было здѣсь возведено гораздо ранѣе, чѣмъ глыбѣ вздумалось спуститься и тогда оно составляло часть ближайшаго двора, владѣлецъ котораго за нимъ не погнался и уступилъ его Головану за такую дешевую цѣну, какую богатырь могъ ему предложить. Помнится мнѣ даже, какъ будто говорили, что сарай этотъ былъ подаренъ Головану за какую то услугу, оказывать которая онъ былъ большой охотникъ и мастеръ.

Сарай былъ передѣленъ надвое: одна половина, обмазанная глиной и выбѣленная, съ тремя окнами на Орликъ, была жилищемъ помѣщеніемъ Голована и находившихся при немъ пяти женщинъ, а въ другой были надѣланы стойла для коровъ и быка. На низкомъ чердакѣ жили голандскія куры и черный „шпанскій“ пѣтухъ, который жилъ очень долго и считался „колдовской птицей“. Въ немъ Голованъ растилъ пѣтушій камень, который нуженъ на множество предметовъ, на то чтобы счастье приносить, отнятое государство изъ неприятельскихъ рукъ возвращать, и старыхъ людей на молодыхъ передѣлывать. Этотъ камень зрѣетъ семь лѣтъ и созрѣваетъ только тогда, когда пѣтухъ пить перестанетъ.

Сарай былъ такъ великъ, что оба отдѣленія,—жилое и скотское были очень просторны, но не смотря на всю о нихъ заботливость плохо держали тепло. Впрочемъ тепло нужно было только для жен-

щинъ, а самъ Голованъ былъ нечувствителенъ къ атмосфернымъ пере-
мѣнамъ и лѣто и зиму спалъ на ивняковой плетенкѣ въ стойлѣ,
возлѣ любимца своего, краснаго тирольскаго быка „Васьки“. Холодъ
его не бралъ, и это составляло одну изъ особенностей этого миои-
ческаго лица, черезъ которыя онъ получилъ свою баснословную ре-
путацію.

Изъ пяти женщинъ, жившихъ съ Голованомъ, три были его сестры,
одна мать, а пятая называлась Павла, или иногда Павлагеюшка. Но
чаще ее называли „Головановъ грѣхъ“. Такъ я привыкъ слышать съ
дѣтства, когда еще даже и не понималъ значенія этого намека. Для
меня эта Павла была просто очень ласковою женщиною и я какъ
сейчасъ помню ея высокій ростъ, блѣдное лицо съ ярко-алыми пят-
нами на щекахъ и удивительной черноты и правильности бровями.
Такія черныя брови правильными полукругами можно видѣть только на
картинахъ, изображающихъ персіянку, покоющуюся на колѣнахъ пре-
старѣлаго турка. Наши дѣвушки впрочемъ знали и очень рано сооб-
щили мнѣ секретъ этихъ бровей: дѣло заключалось въ томъ, что
Голованъ былъ зеленикъ и любя Павлу, чтобы ее ни кто не узналъ,—
онъ помазалъ ей сонной брови медвѣжьимъ саломъ. Послѣ этого, въ
бровяхъ Павлы разумѣется, не было уже ничего удивительнаго, а она
къ Головану привязалась не своею силою.

Наши дѣвушки все это знали.

Сама Павла была чрезвычайно кроткая женщина и „все молчала“.
Она была столь молчалива, что я никогда не слышалъ отъ нее болѣе
одного и то самаго необходимаго слова: „здравствуй“, „садись“, „про-
щай“. Но въ каждомъ этомъ короткомъ словѣ слышалась бездна при-
вѣта, доброжелательства и ласки. Тоже самое выражалъ звукъ ея
тихаго голоса, взглядъ сѣрыхъ глазъ и каждое движеніе. Помню тоже
что у нее были удивительно красивыя руки, что составляетъ большую
рѣдкость въ рабочемъ классѣ, а она была такая работница, что отли-
чалась дѣятельностью даже въ трудолюбивой семьѣ Голована.

У нихъ у всѣхъ было очень много дѣла: самъ „несмертельный“
квѣлъ въ работѣ съ утра до поздней ночи. Онъ былъ и пастухъ,
и поставщикъ и сыроваръ. Съ зарею онъ выгонялъ свое стадо за
наши заборы на росу и все переводилъ своихъ статныхъ коровъ съ
обрывца на обрывецъ, выбирая для нихъ, гдѣ потучнѣе травка. Въ
то время, когда у насъ въ домѣ вставали, Голованъ являлся уже съ
пустыми бутылками, которыя забиралъ въ клубъ вмѣсто новыхъ, ко-
торыя свесъ туда сегодня; собственноручно врубалъ въ ледъ нашего
ледника кувшины новаго удою и говорилъ о чемънибудь съ моимъ
отцомъ, а когда я, отучившись грамотѣ, шелъ гулять въ садъ, онъ
уже опять сидѣлъ надъ нашимъ заборчикомъ и руководилъ своими
коровками. Здѣсь была въ заборѣ маленькая калиточка, черезъ кото-
рую я могъ выходить къ Головану и разговаривать съ нимъ. Онъ
такъ хорошо умѣлъ рассказывать сто четыре священные исторіи, что

я ихъ зналъ отъ него никогда не уча ихъ по книгѣ. Сюда же приходили къ нему, бывало, какіе-то простые люди—всегда за совѣтами. Иной такъ, бывало, какъ придетъ, такъ и начинается:

— Искалъ тебя, Голованычъ,—посоветуй со мною.

— Что такое?

— А вотъ то-то и то-то:—въ хозяйствѣ что нибудь разстроилось или семейные нелады.

Чаще приходили съ вопросами этой второй категоріи. Голованычъ слушаетъ, а самъ ивячокъ плететь, или на коровокъ покрикиваетъ, и все улыбается, будто безъ вниманія, а потомъ вскинетъ своими голубыми глазами на собесѣдника и отвѣтитъ:

— Я, братъ, плохой совѣтникъ! Бога на совѣтъ призови.

— А какъ Его призовешь?

— Охъ, братъ,—очень просто: помолись, да сдѣлай такъ, какъ будто тебѣ сейчасъ помирать надо. Вотъ скажи-ка мнѣ: какъ бы ты въ такомъ разѣ сдѣлалъ?

Тотъ подумаетъ и отвѣтитъ.

Голованъ или согласится, или же скажетъ:

— А я бы, братъ, умираючи вотъ какъ лучше сдѣлалъ.

И рассказываетъ, по обыкновенію, все весело, со всегдашней улыбкой.

И должно быть его совѣты были очень хороши, потому что всегда ихъ слушали и очень его за нихъ благодарили.

Могъ ли у такого человѣка быть „грѣхъ“, въ лицѣ кротчайшей Павлагеюшки, которой въ то время, я думаю, было съ небольшимъ лѣтъ подъ тридцать, за предѣлы которыхъ она и не перешла далѣе? Я не понималъ этого „грѣха“ и остался чистъ отъ того, чтобы оскорбить ее и Голована довольно общими подозрѣніями. А поводъ для подозрѣнія былъ, и поводъ очень сильный, даже, если судить по видимости, неопровержимый. Кто она была Головану?—чужая. Этого мало: онъ ее когда-то зналъ, онъ былъ однихъ съ нею господъ, онъ хотѣлъ на ней жениться, но это не состоялось: Голована дали въ услуги герою Кавказа Алексѣю Петровичу Ермолову, а въ это время Павлу выдали замужъ за наѣздника Оерапонта, по мѣстному выговору „Храпона“. Голованъ былъ нужный и полезный слуга, потому что онъ умѣлъ все,—онъ былъ не только хорошій поваръ и кандитеръ, но и сметливый и бойкій походный слуга. Алексѣй Петровичъ платилъ за Голована, что слѣдовало его помѣщику, и кромѣ того, говорятъ, будто далъ самому Головану взаймы денегъ на выкупъ. Не знаю, вѣрно ли это, но Головаазъ, дѣйствительно, вскорѣ по возвращеніи отъ Ермолова выкупился и всегда называлъ Алексѣя Петровича своимъ „благодѣтелемъ“. Алексѣй же Петровичъ, по выходѣ Голована на волю, подарилъ ему на хозяйство хорошую корову съ теленкомъ, отъ которыхъ у того и пошелъ „ермоловскій заводъ“.

IV.

Когда именно Голованъ поселился въ сараѣ на обвалѣ, этого я совсѣмъ не знаю, но это совпадало съ первыми днями его „вольнаго человѣчества“, когда ему предстояла большая забота о родныхъ, оставшихся въ рабствѣ. Голованъ былъ выкупленъ самолично одинъ, а мать, три его сестры и тетка, бывшая впоследствии моею нянькою, оставались „въ крѣпости“. Въ такомъ же положеніи была и нѣжно любимая ими Павла или Павлагеюшка. Голованъ ставилъ первую заботою всѣхъ ихъ выкупить, а для этого нужны были деньги. По мастерству своему онъ могъ бы идти въ повара, или въ кандитеры, но онъ предпочелъ другое, именно молочное хозяйство, которое и началъ при помощи „ермоловской коровы“. Было мнѣніе, что онъ избралъ это потому, что самъ былъ молоканъ. Можетъ быть это значило просто, что онъ все возился съ молокомъ, но можетъ быть, что названіе это мѣтило прямо на его вѣру, въ которой онъ казался страннымъ, какъ и во многихъ иныхъ поступкахъ. Очень возможно, что онъ на Кавказѣ и зналъ молокановъ и что-нибудь отъ нихъ позаимствовалъ. Но это относится къ его странностямъ, до которыхъ дойдемъ ниже.

Молочное хозяйство пошло прекрасно: года черезъ три у Голована было уже двѣ коровы и быкъ, потомъ три, четыре, и онъ нажилъ столько денегъ, что выкупилъ мать, потомъ каждый годъ выкупалъ по сестрѣ, и всѣхъ ихъ забиралъ и сводилъ въ свою просторную, но прохладную лачугу. Такъ лѣтъ въ шесть, семь, онъ вывѣдывалъ всю семью, но красавица Павла у него улетѣла. Къ тому времени, когда онъ могъ и ее выкупить, она была уже далеко. Ея мужъ, наѣздникъ Храпонъ, былъ плохой человѣкъ—онъ не угодилъ чѣмъ-то барину и въ примѣръ прочимъ былъ отданъ въ рекруты безъ зачета.

Въ службѣ Храпонъ попалъ въ „скачки“ въ кучера пожарной команды въ Москву и вытребовалъ туда жену; но вскорѣ и тамъ сдѣлалъ что-то нехорошее и бѣжалъ, а покинутая имъ жена, имѣя нравъ тихій и робкій, убоялась коловратностей столичной жизни и возвратилась въ Орелъ. Здѣсь она тоже не нашла на старомъ мѣстѣ никакой опоры, и, гонимая нуждою, пришла къ Головану. Тотъ разумѣется ее тотчасъ же принялъ и помѣстилъ у себя въ одной и той же просторной горницѣ, гдѣ жили его сестры и мать. Какъ мать и сестры Голована смотрѣли на водвореніе Павлы, я доподлинно не знаю, но водвореніе ея въ ихъ домѣ не посѣяло никакой распри. Всѣ женщины жили между собою очень дружно и даже очень любили бѣдную Павлагеюшку, а Голованъ всѣмъ имъ оказывалъ равную внимательность, а особенное почтеніе оказывалъ только матери, которая была уже такъ стара, что онъ лѣтомъ выносилъ ее на рукахъ и са-

жалъ на солнышко, какъ больного ребенка. Я помню, какъ она „заходила“ ужаснымъ каплемъ и все молилась „о прибраніи“.

Всѣ сестры Голована были пожилыя дѣвушки и всѣ помогали брату въ хозяйствѣ: онѣ убирали и доили коровъ, ходили за курами и пряли необыкновенную пряжу, изъ которой потомъ ткали необыкновенныя же, и никогда мною послѣ этого невиданныя ткани. Пряжа эта называлась очень некрасивымъ словомъ „поплѣвки“. Матеріалъ для нея приносилъ откуда-то въ кулькахъ Голованъ и я видѣлъ и помню этотъ матеріалъ: онъ состоялъ изъ небольшихъ суковатыхъ обрывочковъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ нитей. Каждый обрывочекъ былъ длиною отъ вершка до четверти аршина, и на каждомъ такомъ обрывочкѣ непременно былъ болѣе или менѣе толстый узелокъ, или сучекъ. Откуда Голованъ бралъ эти обрывки — я не знаю, но очевидно, что это былъ фабричный отбросъ. Такъ мнѣ и говорили его сестры.

— Это, говорили, миленькій, гдѣ бумагу прядутъ и теутъ, такъ какъ до такого узелка дойдутъ, сорвутъ его да на полъ и сплюнутъ, потому что онъ въ берда не идетъ, а братецъ ихъ собираетъ, а мы изъ нихъ вотъ тепленькія одѣяльца дѣлаемъ.

Я видалъ какъ онѣ всѣ эти обрывки нитей терпѣливо разбирали, связывали ихъ кусочекъ съ кусочкомъ, наматывали образующуюся такимъ образомъ пеструю, разноцвѣтную нить на длинныя шпули; потомъ ихъ трастили, ссучивали еще толще, растягивали на колышкахъ по стѣнѣ, сортировали что нибудь одноцвѣтное для каемъ, и наконецъ ткали изъ этихъ „поплѣвокъ“ черезъ особое бердо „поплѣвковыя одѣяла“. Одѣяла эти съ виду были похожи на нынѣшнія байковые: такъ-же у каждаго изъ нихъ было по двѣ каймы, но само полотно всегда было мрамористое. Узелки въ нихъ какъ-то сглаживались отъ ссучиванья и хотя были, разумѣется, очень замѣтны, но не мѣшали этимъ одѣяламъ быть легкими, теплыми и даже иногда довольно красивыми. При томъ же онѣ продавались очень дешево, — меньше рубля за штуку.

Эта кустарная промышленность въ семьѣ Голована шла безъ остановки и онъ вѣроятно находилъ сбытъ поплѣвковымъ одѣяламъ безъ затрудненія.

Павлагеюшка тоже вязала и сучила поплѣвки и ткала одѣяла, но кромѣ того она, по усердію къ пріютившей ее семьѣ, несла еще всѣ самыя тяжелыя работы въ домѣ: ходила подъ кручу на Орликъ за водою, носила топливо и прочее, и прочее.

Дрова уже и тогда въ Орлѣ были очень дороги, и бѣдные люди отапливались то гречневою лузгою, то навозомъ, а послѣднее требовало большой заготовки.

Все это и дѣлала Павла своими тонкими руками, въ вѣчномъ молчаніи глядя на свѣтъ Божій изъ подъ своихъ персидскихъ бровей. Знала ли она что ея имя „грѣхъ“, — я не свѣдущъ, но таково было ея имя въ народѣ, который твердо стоитъ за выдуманныя имъ клички.

Да и какъ иначе: гдѣ женщина любящая живетъ въ домѣ у мужчины, который ее любилъ и искалъ на ней жениться,—тамъ, конечно, грѣхъ. И дѣйствительно, — въ то время, когда я ребенкомъ видалъ Павлу, она единогласно почиталась Головановымъ „грѣхомъ“, но самъ Голованъ не утрачивалъ черезъ это ни малѣйшей доли общаго уваженія и сохранялъ прозвище „несмертельнаго“.

V.

„Несмертельнымъ“ стали звать Голована въ первый годъ, когда онъ поселился въ одиночествѣ надъ Орликомъ съ своею „ермоловскою коровою“ и ея тсленкомъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее, вполне достовѣрное обстоятельство, о которомъ ни кто не вспомнилъ во время недавней „прокофьевской“ чумы. Было въ Орлѣ обычное лихолѣтье, а въ февралѣ на день св. Агафьи Коровницы по деревнямъ какъ надо побѣжала „коровья смерть“. Шло это, яко тому обычай есть и какъ пишется въ универсальной книгѣ иже глаголется: Прохладный вертоградъ: „Какъ лѣто сканчевается, а осень приближается тогда вскорѣ моровое повѣтріе начинается. А въ то время надобе всякому человѣку на всемогущаго Бога упованіе возлогати и на пречистую Его Матерь и силою честнаго креста ограждатися и сердце свое воздержати отъ кручины и отъ ужаста и отъ тяжелой думы, ибо черезъ сіе сердце человѣческое умалается и скоро порса и язва прилѣпляется,—мозгъ и сердце захватить, осилѣть человѣка и борзо умереть“. Было все это тоже при обычныхъ картинахъ нашей природы „когда стаютъ въ осень туманы густые и темные и вѣтеръ съ полуденной страны и послѣди дожди и отъ солнца воскуреніе земли и тогда надобе на вѣтръ не ходите, а сидѣти во избѣ въ топленой и оконъ не отворяти, а добро бы что бы въ томъ градѣ ни жити, и изъ того граду отходити въ мѣста чистыя“. Когда, т. е. въ какомъ именно году послѣдовалъ моръ, прославившій Голована „несмертельнымъ“ этого я не знаю. Такими мелочами тогда сильно не занимались и изъ за нихъ ни поднимали шума, какъ вышло изъ за Наума Прокофьева. Мѣстное горе въ своемъ мѣстѣ и кончалось, усмиряемое однимъ упованіемъ на Бога и его пречистую Матерь, и развѣ только въ случаѣ сильнаго преобладанія въ какой нибудь мѣстности досужаго „интеллигента“ принимались своеобразныя оздоровляющія мѣры: „во дворѣхъ огонь раскладали ясный, дубовымъ древомъ дабы дымъ расходился, а въ избахъ курили пельнею и можжееловыми дровами и листвіемъ рутовымъ“. Но все это могъ дѣлать только интеллигентъ и при томъ при хорошемъ зажиткѣ, а смерть борзо брала не интеллигента, а того, кому ни въ избѣ топленой сидѣть некогда, да и древомъ дубовымъ раскрытый дворъ топить не по силамъ. Смерть шла объ руку съ голодомъ и другъ друга поддерживали. Голодающіе побирались у голодающихъ же,

больные умирали, „борзо“, т. е. скоро, что крестьянину и выгодно. Долгихъ томленій не было, не было слышно и выздоравливающихъ. Кто заболѣлъ тотъ „борзо“ и померъ, кромѣ одного. Какая это было болѣзнь, — научно не опредѣлено, но народно ее звали „пазуха, или вередь“, или „жмыховой пупырухъ“, или даже просто „пупырухъ“. Началось это съ хлѣбородныхъ уѣздовъ, гдѣ за неимѣніемъ хлѣба ѣли конопляный жмыхъ. Въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне мѣшали горсть непросѣвной муки съ толченой корою, была болѣзнь иная, тоже смертоносная, но не пупырухъ. „Пупырухъ“, показался сначала на скотѣ, а потомъ передавался людямъ. „У человѣка подъ пазухами или на шеѣ садится болячка червенна и въ тѣлѣ колотье почюеть, и внутри негасимое горячество или во удесѣхъ нѣкая студеность, и тяжкое въздыханіе и не можетъ въздыхати — духъ въ себя тянетъ и паки воспускаетъ; сонъ найдетъ, что не можетъ перестать спать; явится горестъ, кислотъ и беваніе; въ лицѣ человѣкѣ смѣнитъ, станеть образомъ глиностенъ и борзо помираетъ“. Можетъ быть это была сибирская язва, можетъ быть какая нибудь другая язва, но только она была губительна и безопадна, а самое распространенное названіе ей, опять повторяю, было „пупырухъ“. Вскочить на тѣлѣ прыщъ, или по-простонародному „пупырышекъ“, за желтоголовитъ, вокругъ зардѣеть и къ суткамъ начинаеть мясо отгнивать, а потомъ борзо и смерть. Смерть, или то есть самая кончина представлялась „въ добрыхъ видахъ“. Кончина приходила тихая, не мучительная, самая крестьянская, только всѣмъ помиравшимъ до послѣдней минутки хотѣлось пить. Въ этомъ и былъ весь не долгій и не утомительный уходъ, котораго требовали, или лучше сказать вымаливали себѣ больные. Однако уходъ за ними даже въ этой формѣ былъ не только опасенъ, но почти невозможенъ, — человѣкъ, который сегодня подавалъ пить заболѣвшему родичу—завтра самъ заболѣвалъ „пупырухомъ“, и въ домѣ не рѣдко ложилось два и три покойника рядомъ. Остальные въ осиротѣлыхъ семьяхъ умирали безъ помощи, — безъ той единственной помощи, о которой заботится нашъ крестьянинъ, „чтобы было кому подать напитокъ“. Вначалѣ такой сирота поставитъ себѣ у изголовья ведро съ водою и черпаетъ ковшикомъ, пока рука поднимается, а потомъ ссучитъ изъ рукава или изъ подола рубашки соску, смочетъ ее, сунетъ себѣ въ ротъ, да такъ съ ней и закусенѣеть.

Большое личное бѣдствіе—плохой учитель милосердія. По крайней мѣрѣ оно не хорошо дѣйствуетъ на людей обыкновенной, урядовой нравственности, невозвышающей за черту простаго состраданія. Оно притушляетъ чувствительность сердца, которое само тяжело страдаетъ и полно ощущенія собственныхъ мученій. За то въ этия горестныя минуты общаго бѣдствія среда народная выдвигаетъ изъ себя героевъ великодушія, людей безстрашныхъ и самоотверженныхъ. Въ обыкновенное время они не видны и часто ни чѣмъ не выдѣляются изъ

массы; но наскочить на людей „пупырушекъ“ и народъ выдѣляетъ изъ себя избранника и тотъ творить чудеса, которыя дѣлаютъ его лицомъ миѳическимъ, баснословнымъ „несмертельнымъ“. Голованъ былъ изъ такихъ и въ первый же моръ превзошелъ и затмилъ въ народномъ представленіи другого здѣшняго замѣчательнаго человѣка, купца Ивана Ивановича Андросова. Андросовъ былъ честный старикъ, котораго уважали и любили за доброту и справедливость, и онъ „близко-помощень“ былъ ко всѣмъ народнымъ бѣдствіямъ. Помогалъ онъ и въ „мору“ потому, что имѣлъ списаннымъ „врачеваніе“ и все оное переписывалъ и множилъ. Списанія эти у него брали и читали по разнымъ мѣстамъ, но понять не могли и „приступитъ не знали“. Писано было: „аще болячка явится поверху главы или иномъ мѣстѣ выше пояса, — пуцай много кровь изъ медіаны; аще явится на челѣ, то пуцай скоро кровь изъ подъ языка: аще явится подлѣ ушей и подъ бородою, пуцай изъ сефаліевы жилы, аще же явится подъ пазухами, то значить сердце больно, и тогда въ той сторонѣ медіанъ отвори“. На всякое мѣсто „гдѣ тягосно услышиши“ расписано было какую жилу отворять саѣнову, или противъ большаго перста, или жилу спатику, полуматику, или жилу базику, съ наказомъ пуцать изъ нихъ кровь течи дондеже зелена станетъ и перемѣнится. А лѣчить еще „леваремъ да антелемъ, печатною землею да землею арменскою; виномъ малмозею да водкой буглосовою, вирианомъ виницейскимъ, митридатомъ да сахаромъ молюсь-крести“, а входящимъ къ больному“ держать во ртѣ дягилева корьніе, а въ рукахъ—целнь, а ноздри сворбориновымъ укусомъ помазаны и губу въ укусѣ мочену жохоть“. Никто ничего въ этомъ понять не могъ точно въ казенномъ указѣ, въ которомъ писано и переписано, то туда, то сюда и „въ дву потомужъ“. Ни жилъ такихъ не находили, ни вина малмозеи, ни земли арменской, ни водки буглосовой, и читали люди списанія добраго старичка Андросова болѣе только для „утоли моя печали“. Примѣнять же изъ нихъ могли однѣ заключительныя слова: „а гдѣ бываетъ моръ и въ тѣ мѣста ненадобе ходить, а отходити прочь“. Это и соблюдали во множествѣ, и самъ Иванъ Ивановичъ держалъ тое-жъ правило, и сидѣлъ въ избѣ топленой и раздавалъ врачевныя списанія въ подворотенку, задерживая въ себѣ духъ и держа во рту дягиль-корень. Къ больнымъ можно было безопасно входить только тѣмъ, у кого есть олени слезы или безоаръ камень; но ни слезъ оленьихъ, ни камня безоара у Ивана Ивановича не было, а въ аптекахъ на Болховской улицѣ камень хотя можетъ быть и водился, но аптекаря были, одинъ изъ поляковъ, а другой нѣмецъ,—къ русскимъ людямъ надлежащей жалости не имѣли и безоаръ камень для себя берегли. Это было вполнѣ достовѣрно потому, что одинъ изъ двухъ орловскихъ аптекарей какъ потерялъ свой безоаръ, такъ сейчасъ же на дорогѣ у него стали уши желтѣть, око одно ему противъ другаго убавилось и онъ сталъ дрожать и хоша желалъ вспотѣть и для того

велѣлъ себѣ дома къ подошвамъ каленный кирпичъ приложить, однако неvspотѣлъ, а въ сухой рубахѣ умерь. Множество людей искали потерянный аптекаремъ безоаръ, и кто-то его нашель, только не Иванъ Ивановичъ, потому что онъ тоже умерь.

И вотъ въ это-то ужасное время когда интеллигенты отирались укусомъ и не испускали духу, побѣднымъ слободскимъ хибаркамъ ещежесточеннѣ пошель „пушырухъ“; люди начали здѣсь умирать „соплошь и безъ всякой помощи“—и вдругъ тамъ на вивѣ смерти появился съ изумительнымъ безстрашіемъ Голованъ. Онъ, вѣроятно, зналъ или думалъ будто знаетъ какую-то медицину, потому что клалъ на опухоли больныхъ своего приготовления „кавказскій пластырь“; но этотъ его кавказскій, или ермоловскій пластырь помогаль плохо. Пушыруховъ Голованъ не вылѣчивалъ такъ же какъ и Андросовъ, но за то велика была его услуга больнымъ и здоровымъ въ томъ отношеніи, что онъ безбоязненно входилъ въ зачумленные лачуги и поилъ зараженныхъ не только свѣжею водою, но и снятымъ молокомъ, которое у него оставалось изъ подклубныхъ сливокъ. Утромъ рано до зари переправлялся онъ на снятыхъ съ петель сарайныхъ воротащахъ черезъ Орликъ (лодки здѣсь не было) и съ бутылками за необъятнымъ нѣдромъ шнырялъ изъ лачужки въ лачужку, чтобы промочить изъ скляницы засохшія уста умирающихъ, или поставить мѣломъ крестъ на двери, если драма жизни здѣсь уже кончилась и занавѣсъ смерти закрылась надъ послѣднимъ изъ актеровъ.

Съ этихъ поръ доселѣ малоизвѣстнаго Голована широко узнали во всѣхъ слободахъ и началось къ нему большое народное тяготѣніе. Имя его, прежде знакомое прислугѣ дворянскихъ домовъ, стали произносить съ уваженіемъ въ народѣ; начали видѣть въ немъ человѣка, который не только можетъ „заступить умершаго Ивана Ивановича Андросова, а даже болѣе его означать у Бога и у людей“. А самому безстрашію Голована неумедлили подыскивать сверхъ-естественное объясненіе: Голованъ очевидно что-то зналъ, и въ силу такого знахарства онъ былъ „несмертельный“...

Позже оказалось, что это такъ именно и было: это помогъ всѣмъ разъяснить пастухъ Панька, который видѣлъ за Голованомъ вещь невѣроятную, да подтверждалось это и другими обстоятельствами.

Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирѣпствовала въ слободахъ, ни самъ онъ, ни его „ермоловская“ корова съ бычкомъ ни чѣмъ не заболѣли; но этого мало: самое важное было то, что онъ обманулъ и извелъ, или, держась мѣстнаго говора „изништожилъ“ саму язву, и сдѣлалъ то не пожалѣвъ крови своей за народушко.

Потерянный аптекаремъ безоаръ камень былъ у Голована. Какъ онъ ему достался—это было неизвѣстно. Полагали, что Голованъ несъ сливки аптекарю для обыденной мази, и увидаль этотъ камень, и утайлъ его. Честно это или не честно было произвести такую утайку,

про то строгой критики не было, да и быть не должно. Если не грѣхъ взять и утаить съѣдомое, потому что съѣдомое Богъ всѣмъ дарствуетъ, то тѣмъ паче непредосудительно взять цѣлебное вещество, если оно дано къ общему спасенію. Такъ у насъ судятъ,—такъ и я сказываю. Голованъ же, утаивъ аптекаревъ камень, поступилъ съ нимъ великодушно, пустивъ его на общую пользу всего рода христіанскаго.

Все это, какъ я выше уже сказалъ, обнаружилъ Панька, а общій разумъ мірской это выяснилъ.

VI.

Панька, разноглазый мужикъ съ выцвѣтшими волосами, былъ поднаскомъ у пастуха и, кромѣ общей пастушей должности, онъ еще гонялъ по утрамъ на росу перекрещиванскихъ коровъ. Въ одно изъ такихъ раннихъ своихъ занятій, онъ и подсмотрѣлъ все дѣло, которое вознесло Голована на верхъ величія народнаго.

Это было по веснѣ, должно быть вскорѣ послѣ того, какъ выѣхалъ на русскія поля изумрудныя молодой Егорій свѣтло-храбрый, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по концамъ звѣзды переходя, а божій людъ честной-праведный выгналъ встрѣчь ему малъ и крупень скоть. Травка была еще такъ мала, что овца и коза ею едва-едва набдались, а толстогубая корова мало могла захватывать. Но подъ плетнями въ тѣняхъ и по канавкамъ уже ботѣли поляны и крапива, которыя съ росой за нужду ѣлись.

Выгналъ Панька перекрещиванскихъ коровъ рано, еще затемно, и прямо бережкомъ около Орлика, прогналъ за слободу на полянку, какъ разъ напротивъ конца третьей дворянской улицы, гдѣ съ одной стороны по скату шелъ старый, такъ называвшійся „городецкій“ садъ, а слѣва на своемъ обрывѣ лѣнилось Голованово гнѣздо.

Было еще холодно, особенно передъ зарею, по утрамъ, а кому спать хочется, тому еще холоднѣе кажется. Одежда на Панькѣ была, разумѣется, плохая, сиротская, какая нибудь рвань съ дырой на дырѣ. Парень вертится на одну сторону, вертится на другую, молитъ чтобы святой Ѳедуль на него тепломъ подулъ, а намѣсто того все холодно. Только заведетъ глаза, а вѣтерокъ заюлитъ, заюлитъ въ прорѣху, и опять разбудить. Однако молодая сила взяла свое: натянулъ Панька свитку на себя совсѣмъ сверхъ головы, шалашикомъ, и дремалъ. Часъ какой не слышалъ, потому что зеленая богоявленская колокольня далеко. А вокругъ никого, ни гдѣ ни одной души человѣческой, только толстыя купеческія коровы шхтятъ да нѣтъ-нѣтъ въ Орликѣ рѣзвый окунь всплеснетъ. Дремлется пастуху и въ дырявой свитеѣ. Но вдругъ, какъ будто что то его подъ бокъ толкнуло, вѣроятно зефиръ гдѣ нибудь еще новую дыру нашелъ. Панька

вскинулся, повелъ съ просонья глазами, хотѣлъ крикнуть: „куда комолая“, и остановился. Показалось ему что кто-то на той сторонѣ спускается съ кручи. Можетъ быть воръ хочетъ закопать въ глини что нибудь краденое. Панька заинтересовался: можетъ быть онъ подстережетъ вора и накроетъ его, либо закричитъ ему „чуръ вмѣстѣ“, а еще лучше постарается хорошенько замѣтить похоронку, да потомъ переплыветъ днемъ Орликъ, выкопаетъ ѿ все себѣ безъ раздѣла возметъ.

Панька возрился, и все на кручу за Орликъ смотреть. А зари еще и теперъ не было, и на дворѣ чуть сѣрѣло.

Вотъ это, что спускалось съ кручи сошло, стало на воду и идетъ. Да; такъ просто идетъ по водѣ, будто по суху, и не плескаетъ ни чѣмъ, а только костылькомъ подпирается. Панька оторопѣлъ. Тогда въ Орлѣ изъ мужскаго монастыря чудотворца ждали, и голоса уже изъ подполицы слышали. Началось это сразу послѣ „Никодимовыхъ похоронъ“. Архіерей Никодимъ былъ злой человѣкъ, отличившійся къ концу своей земной карьеры тѣмъ, что желая имѣть еще одну кавалерію, онъ изъ угодливости сдалъ въ солдаты очень много духовныхъ, между которыми были и единственные сыновья у отцовъ, и даже сами семейные дьячки и пономари. Они выходили изъ города цѣлой партией, заливаясь слезами. Провожавшіе ихъ также рыдали, и самый народъ, при всей своей нелюбви къ многоовчинному поповскому брюху плакалъ и подавалъ имъ милостыню. Самому партионному офицеру было ихъ такъ жалко, что онъ, желая положить конецъ слезамъ, велѣлъ новымъ рекрутамъ запѣть пѣсню, а когда они хоромъ стройно и громко затянули ими же сложенную пѣсню:

Архирей нашъ Никодимъ
Архилютый крокодилъ.

то будто бы и самъ офицеръ заплакалъ. Все это тонуло въ морѣ слезъ, и чувствительнымъ душамъ представлялось зломъ вопіющимъ на небо. И какъ только дошло ихъ воленье до неба, въ Орлѣ пошли „гласы“. Сначала „гласы“ были не внятные, и неизвѣстно отъ кого шли, но когда Никодимъ вскорѣ послѣ этого умеръ и былъ погребенъ подъ церковью, то пошла явная рѣчь отъ прежде его погребеннаго томъ епископа (кажется Апполоса). Прежде отшедшій епископъ былъ недоволенъ новымъ сосѣдствомъ и ни чѣмъ не стѣняясь прямо говорилъ: „возмите вонъ отсюда это надло, душно мнѣ съ нимъ“. И даже угрожалъ, что если „падло“ не уберутъ, то онъ самъ „уйдетъ и въ другомъ городѣ явится“. Это многіе люди слышали. Какъ бывало пойдутъ въ монастырь ко всеошной и отстоявъ службу идутъ назадъ, имъ и слышно; стонетъ старый архіерей: „возмите падло“. Всѣмъ очень желалось чтобы заявленіе добраго покойника было исполнено, но не всегда внимательное къ нуждамъ народа начальство не выбрасывало Никодима и явно открывавшійся угодникъ всякую минуту могъ „сойдти съ двора“.

Вотъ ни что иное какъ это самое теперь и происходило: угодникъ уходитъ, и видитъ его только одинъ бѣдный пастушокъ, который такъ отъ этого растерялся, что не только не задержалъ его, но даже не замѣтилъ какъ святой уже и изъ глазъ у него пропалъ. На дворѣ же только чуть начало свѣтать. Со свѣтомъ къ человѣку прибываетъ смѣлости, съ смѣлостью усиливается любознательность. Панька захотѣлъ подойти къ самой водѣ, черезъ которую только что прослѣдовало таинственное существо; но едва онъ подошелъ, какъ видитъ тутъ мокрая воротнища, къ бережку шестомъ притянуты. Дѣло выясилось, значить это не угодникъ прослѣдовалъ, а просто приплылъ несмертельный Голованъ такъ рано, вѣрно какихъ нибудь обезродившихъ ребятишекъ пошелъ изъ нѣдра молочкомъ привѣтитъ. Панька подивился когда Голованъ и спитъ... Да и какъ онъ, этакой мужичище, плаваетъ на этакой посудинѣ какъ половинка воротъ? Правда, что Орликъ рѣка не великая и воды его захваченныя пониже запрудю тихи какъ въ лужѣ, но все таки каково это на воротахъ плавать?

Панькѣ захотѣлось самому это попробовать. Онъ сталъ на воротца, взялъ шестикъ, да шала и переѣхалъ на ту сторону, а тамъ сошелъ на берегъ Головановъ домъ посмотрѣть, потому что уже хорошо забрезжило, а между тѣмъ Голованъ въ ту минуту и кричитъ съ той стороны: „Эй! кто мои ворота угналъ! назадъ давай!“

Панька былъ малый не большой отваги и не приученъ былъ разсчитывать на чье либо великодушіе, а потому испугался и сдѣлалъ глупость. Въместо того, чтобы подать Головану назадъ его плотъ, Панька взялъ да и схоронился въ одну изъ глиняныхъ ямокъ, которыхъ тутъ было множество. Залегъ Панька въ яминку, и сколько его Голованъ ни звалъ съ той стороны, онъ не показывается. Тогда Голованъ, видя, что ему не достать своего корабля, сбросилъ тулупъ, раздѣлся до нога, связалъ весь свой гардеробъ ремнемъ, положилъ на голову и поплылъ черезъ Орликъ. А вода была еще очень холодна.

Панька объ одномъ заботился, чтобы Голованъ его не увидать и не побилъ; но скоро его вниманіе было привлечено къ другому. Голованъ переплылъ рѣку и началъ было одѣваться, но вдругъ присѣлъ, глянулъ себѣ подъ лѣвое колѣно и остановился.

Было это такъ близко отъ яминки, въ которой прятался Панька, что ему все было видно изъ-за глубинки, которою онъ могъ закрыться. И въ это время уже было совсѣмъ свѣтло, заря уже румянѣла, и хотя большинство горожанъ еще спали, но подъ городецкимъ садомъ появился молодой парень съ косою, который началъ окашивать и складывать въ плетушку крапиву.

Голованъ, замѣтилъ косаря и, вставъ на ноги въ одной рубахѣ, громко крикнулъ ему:

— Малець, дай скорѣй косу!

Малець принесъ косу, а Голованъ говоритъ ему:

— Поди мнѣ большой лопухъ сорви, и какъ парень отъ него отвернулся, онъ снялъ косу съ косья, присѣлъ опять на корточки, оттянулъ одною рукою икру у ноги, да въ одинъ махъ всю ее и отрѣзалъ прочь. Отрѣзанный шмать мяса величиною въ деревенскую лепешку швырнулъ въ Орликъ, а самъ зажалъ рану обѣими руками и повалился.

Увидѣвъ это, Панька про все позабылъ, выскочилъ и сталъ звать косаря.

Парни взяли Голована и перетащили къ нему въ избу, а онъ здѣсь пришелъ въ себя, велѣлъ достать изъ коробки два полотенца и скрутить ему порѣзъ какъ можно крѣпче. Они стянули его изъ всей силы, такъ что кровь перестала.

Тогда Голованъ велѣлъ имъ поставить около него ведро съ водою и ковшикъ, а самимъ идти къ своимъ дѣламъ, и никому про то, что было, не сказывать. Они же пошли и, трясясь отъ ужаси, всѣмъ рассказали. А услыхавшіе про это сразу догадались, что Голованъ это сдѣлалъ неспроста, а что онъ такимъ образомъ, изболясь за людей, бросилъ извѣ шмать своего тѣла на тотъ конецъ, чтобы онъ прошелъ жертвией по всѣмъ русскимъ рѣкамъ изъ малаго Орлика въ Оку, изъ Оки въ Волгу по всей Руси великой до широкаго Каспія, и тѣмъ Голованъ за всѣхъ отстрадалъ, а самъ онъ отъ этого не умретъ, потому что у него въ рукахъ аптекаревъ живой камень и онъ человѣкъ „несмертельный“.

Сказъ этотъ пришелъ всѣмъ по мысли да и предсказаніе оправдалось: Голованъ не умеръ отъ своей страшной раны. Лихая же хвороба послѣ этой жертвы дѣйствительно прекратилась и настали дни усвоения: поля и луга уключились густой зеленью и привольно стало по нимъ разѣзжать молодому Егорію свѣтло-храброму, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, а по концамъ звѣзды переходяи. Обѣлились холсты свѣжею юрьевой росой, выѣхалъ вмѣсто витязя Егорія въ поле Іеремія пророкъ съ тяжелымъ ярмомъ, волоча сохи да бороны, засвистали соловьи въ Борисовъ день, утѣшая мученика, стараньями святой Мавры засинѣла крѣпкая разсада, прошелъ Зосима святой съ долгимъ костьюлемъ, въ набалдашникѣ пчелиную матку пронесъ; минулъ день Ивана Богословца „Николина батюшки“ и самъ Никола отпразднованъ, и сталъ на дворѣ Симонъ Зилоть, когда земля имениница. На землины именины Голованъ вылѣзъ на завалинку, и съ той поры мало по малу ходить началъ и снова за свое дѣло принялся. Здоровье его, повидимому, ни мало не пострадало, но только онъ „шкандыбать“ сталъ,—на лѣвую ножку подпрыгивалъ.

О трогательности и отвагѣ его кроваваго надъ собою поступка, вѣроятно, имѣли самое высокое мнѣніе, но судили о немъ такъ, какъ я сказалъ: естественныхъ причинъ ему не доискивались, а, окутавъ все своею фантазіею сочинили изъ естественнаго событія баснословную

легенду, а изъ простого, простодушнаго Голована сдѣлали мнѣическое лицо, что то въ родѣ волхва, кудесника, который обладалъ неодолимымъ талисманомъ и могъ на все отважиться и нигдѣ не погибнуть.

Зналъ или не зналъ Голованъ, что ему присвоивала такая дѣла людская молва, мнѣ неизвѣстно. Однако я думаю, что онъ зналъ, потому что къ нему очень часто обращались съ такими просьбами и вопросами, съ которыми можно обращаться только къ доброму волшебнику. И онъ на многіе такіе вопросы давалъ „помогательные совѣты“, и вообще ни за какой спросъ не сердился. Бывалъ онъ по слободамъ и за коровьяго врача и за людского лѣгара, и за инженера, и за звѣздочія, и за аптекаря. Онъ умѣлъ сводить шелуди и коросту, опять-таки какую то „ермоловской мазью“, которая стоила одинъ мѣдный грошъ на трехъ человѣкъ; вынималъ соленымъ огурцомъ жаръ изъ головы; зналъ, что травы надо собирать съ Ивана до полу-Петра, и отлично „воду показывалъ“, то есть гдѣ можно колодезь рыть. Но это онъ могъ, впрочемъ, не во всякое время, а только съ начала іюня, до св. Ѳедора Колодезника, пока, „вода въ землѣ слышно какъ идетъ по суставчикамъ“. Могъ Голованъ сдѣлать и все прочее, что только человѣку надо, но на остальное у него передъ Богомъ былъ зарокъ данъ за то, чтобы пупырухъ остановился. Тогда онъ это кровью своею подтвердилъ и держалъ крѣпко-на-крѣпко. За то его и Богъ любилъ и миловалъ, а деликатный въ своихъ чувствахъ народъ никогда не просилъ Голована о чемъ ненадобно. По народному этикету это такъ у насъ принято.

Головану впрочемъ столь нетягостно было отъ мистическаго облака, которымъ повивала его народная fama, что онъ, не употреблялъ кажется никакихъ усилій разрушить все, что о немъ сложилось. Онъ зналъ, что это напрасно.

Когда я съ жадностію пробѣгалъ листы романа Виктора Гюго „Труженики моря“, и встрѣтилъ тамъ Жильята, съ его гениально очерченной строгостью къ себѣ и снисходительностію къ другимъ, достигшей высоты совершеннаго самоотверженія, я былъ пораженъ не однимъ величіемъ этого облика и силою его изображенія, но также и тождествомъ гернсейскаго героя съ живымъ лицомъ, котораго я зналъ подъ именемъ Голована. Въ нихъ жилъ одинъ духъ и бились равнымъ боемъ чистыя сердца. Не много разнились они и въ своей судьбѣ: во всю жизнь вокругъ нихъ густѣла какая-то тайна, именно потому, что они были слишкомъ чисты и ясны и какъ одному, такъ и другому не выпало на долю ни одной капли личнаго счастья.

VII.

Голованъ, какъ и Жильять казался „сумнителенъ въ вѣрѣ“. Думали, что онъ былъ какой нибудь раскольникъ, но это еще не важно, потому, что въ Орлѣ въ то время было много всякаго разно-

вѣри: тамъ были (да вѣрно и теперь есть) и простые старовѣры, и старовѣры не простые, — и едосѣвцы, „пилипоны“, и перекрещиванцы, — были даже хлысты, и „люди божіи“, которыхъ далеко выслали судомъ человѣческимъ. Но всѣ эти люди крѣпко держались своего стада и твердо порицали всякую иную вѣру, — особились другъ отъ друга въ молитвѣ и яденіи, и однихъ себя разумѣли на „пути правомъ“. Голованъ же велъ себя такъ, какъ будто онъ даже совсѣмъ не зналъ ничего настоящаго о наилучшомъ пути, а ломалъ хлѣбъ отъ своей краюхи безъ разбору каждому, кто просилъ, и самъ садился за чей угодно столъ, гдѣ его приглашали. Даже жиду Юшкѣ изъ гарнизона онъ давалъ для дѣтей молока. Но не христіанская сторона это послѣдняго поступка по любви народа къ Головану имѣла то извиненіе, что Голованъ, задабривая Юшку, всеконечно хотѣлъ добыть у него тщательно сохраняемыя евреями іудины губы, которыми можно передъ судомъ отолгаться или волосатый овощъ, который жидамъ жажду тушить, такъ что они могутъ вина не пить. Но что совсѣмъ было непонятно въ Голованѣ это то, что онъ водился съ мѣдникомъ Антономъ, который пользовался въ разсужденіи всѣхъ настоящихъ качествъ самую плохую репутацію. Этотъ человѣкъ ни съ кѣмъ не соглашался въ самыхъ священнѣхъ вопросахъ, выводилъ какіе-то таинственные зодіи и даже что-то сочинялъ. Жилъ Антонъ въ слободѣ, въ пустой горенкѣ на чердачѣ, платя по полтинѣ въ мѣсяць, но держалъ тамъ такія страшныя вещи, что къ нему никто не заходилъ кромѣ Голована. Извѣстно только было, что онъ имѣлъ здѣсь планъ, рѣкомый „зодіи“ и стекло, которымъ „съ солнца огонь изводилъ“; а кромѣ того у него былъ лазъ на крышу, куда онъ вылѣзалъ ночами наружу, садился какъ котъ у трубы, выставлялъ плезирную трубку и въ самое сонное время на небо смотрѣлъ. Приверженность Антона къ этому инструменту не знала предѣловъ, — особенно въ звѣздныя ночи, когда ему видны были всѣ зодіи. Какъ только прибѣжить отъ хозяина, гдѣ работалъ мѣдную работу — сейчасъ проскользнетъ черезъ свою горенку и уже лѣзетъ изъ слуховаго окна на крышу, и если есть на небѣ звѣзды, — онъ цѣлыя ночи сидитъ и все смотреть. Ему это могли бы простить, если бы онъ былъ ученый, или по крайней мѣрѣ нѣмецъ, но какъ онъ былъ простой русскій человѣкъ — его долго отбучали, и неразъ доставали шестами и бросали навозомъ и дохлой кошкой, но онъ ни чему не внималъ и даже не замѣчалъ какъ его тычутъ. Всѣ смѣясь звали его „Астраномъ“, — а онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ астраномъ¹⁾! Человѣкъ онъ былъ тихій и очень честный, но вольноду-

¹⁾ Я и мой товарищъ по гимназіи нынче извѣстный русскій математикъ К. Д. Краевичъ, знавали этого антика, въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда мы были въ третьемъ классѣ орловской гимназіи и жили вмѣстѣ въ домѣ Лосевыхъ. „Антонъ-Астраномъ“ (тогда уже престарѣлый) дѣйствительно имѣлъ кое-какія понятія о небесныхъ свѣтилахъ и законахъ вращенія, но главное, что было интересно: онъ самъ приготовлялъ для своихъ трубъ стекла, отшлифовывалъ ихъ пескомъ и камнемъ изъ доншешекъ

мець: увѣрялъ что земля вертится, и что мы бываемъ на ней внизъ головами. За эту послѣднюю очевидную несообразность онъ былъ признанъ дурачкомъ и потому сталъ пользоваться свободою мышленія, составляющею привилегію этого выгоднаго у насъ званія. Онъ не признавалъ седьминъ Даниила прорѣченными на русское царство, говорилъ что „звѣрь десятирогій“ заключается въ одной аллегоріи, а звѣрь медвѣдица — астрономическая фигура, которая есть въ его планахъ; а также вовсе не православно онъ разумѣлъ о „крылѣ орла“, фіалахъ и печати антихристовой. Но ему, какъ слабоумному, все это уже прощалось. Онъ былъ не женатъ, потому что некогда ему было жениться и не чѣмъ было бы кормить жену, да и какаѣ же дура рѣшила бы выйдти за астронома? Голованъ же былъ въ полномъ умѣ, но нетолько водился съ астрономомъ, а и не шутилъ надъ нимъ; ихъ даже видали ночами вмѣстѣ на астрономовой крышѣ, какъ они то одинъ, то другой перемѣняясь посматривали въ плезирную трубку на зодіи. Понятно, что за мысли могли внушать эти двѣ стоящія ночью у трубы фигуры, вокругъ которыхъ работали мечтательное суетвѣріе, медицинская поэзія, религіозный бредъ и недоумѣніе... И наконецъ сами обстоятельства ставили Голована въ нѣсколько странное положеніе: не извѣстно было—какого онъ прихода... Холодная хибара его торчала на такомъ отлетѣ, что никакіе духовные стратеги не могли ее присчитать къ своему вѣдѣнію, а самъ Голованъ объ этомъ не заботился, и если его уже очень докучно спрашивали о приходѣ, отвѣчалъ:

— Я изъ прихода Творца-Вседержителя,—а такого храма во всемъ Орлѣ не было.

Жильять, въ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, гдѣ его приходъ, только поднялъ вверхъ палецъ и указавъ на небо сказалъ:

— „Вонъ тамъ“; но сущность обоихъ этихъ отвѣтовъ одинакова.

Голованъ любилъ слушать о всякой вѣрѣ, но своихъ мнѣній на этотъ счетъ какъ будто не имѣлъ, и на случай неотступнаго вопроса: „како вѣруеши?“ читалъ:

„Вѣрую во единаго Бога-Отца, вседержителя творца, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“.

Это, разумѣется, уклончивость.

Впрочемъ напрасно бы кто нибудь подумалъ, что Голованъ былъ сектантъ, или бѣжалъ церковности. Нѣтъ, онъ даже ходилъ къ отцу Петру въ Борисоглѣбскій соборъ „совѣсть повѣрять“. Придетъ, и скажетъ:

— Посрамите меня, батюшка, что-то очень каяться хочу.

Я помню этого отца Петра, который къ намъ хаживалъ и од-

толстыхъ хрустальныхъ стакановъ и черезъ нихъ онъ оглядывалъ цѣлое небо... Жилъ онъ нищимъ, но не чувствовалъ своей нищеты потому-что находился въ постоянномъ восторгѣ отъ „зодій“.

нажды, когда мой отецъ сказалъ ему къ какому-то слову, что Голованъ, кажется, человекъ превосходной совѣсти, то отецъ Петръ отвѣчалъ:

— Не сомнѣвайтесь; его совѣсть снѣга бѣлѣй.

Голованъ любивъ возвышенныя мысли и зналъ Поппе, но не такъ какъ знаютъ писателя люди прочитавшіе его произведеніе. Нѣтъ; Голованъ одобрилъ „Опытъ о человекѣ“, подаренный ему тѣмъ же Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ зналъ всю поэму наизусть. И я помню, какъ онъ бывало слушаетъ стоя у притолки рассказъ о какомъ нибудь новомъ грустномъ происшествіи и вдругъ воздохнувъ отвѣчаетъ:

„Любезный Болинброкъ, гордыня въ насъ одна
„Всѣхъ заблужденій сихъ неистовыхъ вина“.

Читатель напрасно бы сталъ удивляться, что такой человекъ какъ Голованъ перекидывался стихами Поппе. Тогда было время жестокое, но поэзія была въ модѣ, и ея великое слово было дорого даже мужамъ кровей. Отъ господъ это снисходило до плебса. Но теперь я дохожу до самаго большого казуса въ исторіи Голована,—такого казуса, который уже несомнѣнно бросалъ на него двусмысленный свѣтъ; даже въ глазахъ людей не склонныхъ вѣрить всякому вздору. Голованъ представлялся нечистымъ въ какомъ-то отдаленномъ прошломъ. Это оказалось вдругъ, но въ самыхъ рѣзкихъ видахъ. Появилась на стогнахъ Орла личность, которая ни въ чьихъ глазахъ ничего не значила, но на Голована заявляла могущественныя права и обходилась съ нимъ съ невѣроятною наглостію.

Эта личность и исторія ея появленія есть довольно характерный эпизодъ изъ исторіи тогдашнихъ правовъ и не лишена колорита бытовая картинка. А потому—прошу минуту вниманія въ сторону,—немножко вдаль отъ Орла, въ края еще болѣе теплыя, къ тихоструйной рѣкѣ въ ковровыхъ берегахъ, на народный „пиръ вѣры“, гдѣ мѣста дѣловой, будничной жизни; гдѣ все,—рѣшительно все, проходитъ черезъ своеобразную религіозность, которая и придаетъ всему какую-то особенную рельефность и живость. Мы должны побывать при открытіи мощей новаго угодника, что составляло для самыхъ разнообразныхъ представителей тогдашняго общества, событіе величайшаго значенія. Для простого же народа это была эпопея, или какъ говорили олинъ тогдашній витія—„свершался священный пиръ вѣры“.

VIII.

Такого движенія, которое началось ко времени открытія торжества, не можетъ передать ни одно изъ напечатанныхъ въ то время сказаній. Живая, но низменная его сторона отъ нихъ уходила. Это не было нынѣшнее спокойное путешествіе въ почтовыхъ экипажахъ или по желѣзнымъ дорогамъ съ остановками въ благоустроенныхъ гостин-

ницахъ, гдѣ есть все нужное и за сходную цѣну. Тогда путешествіе было подвигомъ и въ этомъ случаѣ благочестивымъ подвигомъ, котораго впрочемъ и стоило ожидаемое торжественное событіе въ церкви. Въ немъ было такъ же много и поэзіи, — опять таки особенной, — пестрой и проникнутой разнообразными переливами церковно-бытовой жизни, ограниченной народной наивности и безконечныхъ стремленій живаго духа.

Изъ Орла къ этому торжеству, отправилось множество народа. Больше всего разумѣется, усердствовало купечество, но не отставали и средней руки помѣщики, особенно же валилъ простой народъ. Эти шли пѣшкомъ. Только тѣ, кто везъ „для цѣльбы“ немощныхъ тянулись на какой нибудь кляченкѣ. Иногда впрочемъ и немощныхъ везли на себѣ и даже не очень тѣмъ тяготились, потому-что съ немощныхъ на постоянныхъ дворахъ за все брали дешевле, а иногда даже и совсѣмъ пускали безъ платы. Было не мало и такихъ, которые нарочно на себя „болѣзни сказывали: подъ лобъ очи пушала, и двое третьяго по перемѣнкамъ на колесенькахъ везли, чтобы имать доходъ жертвенный на воскъ и на масло и на другія обряды“.

Такъ я читалъ въ сказаніи не печатанномъ, но вѣрномъ, — списанномъ не по шаблону, а съ „живаго видѣнія“ и человѣкомъ предпочитавшимъ правду тенденціозной лживости того времени.

Движеніе было такое многоядное, что въ городахъ Ливнахъ и въ Ельцѣ, черезъ которые лежалъ путь, не было мѣстъ ни на постоянныхъ дворахъ, ни въ гостинницахъ. Случалось, что важные и именитые люди ночевали въ своихъ каретахъ. Овесъ, сѣно, крупа — все по тракту поднялось въ цѣнѣ, такъ, что по замѣчанію моей бабушки, воспоминаніями которой я пользуюсь, съ этихъ поръ въ нашей сторонѣ чтобы накормить человѣка студенемъ, щами, бараниной и кашей стали брать на дворахъ по пятьдесятъ двѣ копейки (то есть пятнадцатинный), а до того брали двадцать пять (или $7\frac{1}{2}$ к.). По нынѣшнему времени — конечно и пятнадцатинный — цѣна совершенно невѣроятная, однако это такъ было, и открытіе мощей новаго угодника въ подъемѣ цѣнности на жизненные припасы имѣло для прилетающихъ мѣстъ такое же значеніе какое въ недавніе годы имѣлъ для Петербурга — пожаръ мстинскаго моста. „Цѣна вскочила и такая и осталась“.

Изъ Орла въ числѣ прочихъ паломниковъ отправилось на открытіе семейство купцовъ С—хъ, — людей въ свое время очень извѣстныхъ „ссыщиковъ“, то есть проще сказать крупныхъ кулаковъ, которые ссыпаютъ въ амбары хлѣбъ съ возовъ у мужиковъ, и потомъ продаютъ свои „ссыпки“ оптовымъ торговцамъ въ Москву и въ Ригу. Это прибыльное дѣло, которымъ послѣ освобожденія крестьянъ было не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горькимъ опытомъ дознали, что даже къ глупому кулачному дѣлу они неспособны. Купцы С. считались по своему значенію первыми ссыщиками и важность ихъ простиралась до того, что дому ихъ вмѣсто

фамиліи была дана возвышающая кличка. Домъ былъ, разумѣется строго благочестивый, гдѣ утромъ молились, цѣлый день тѣснили и обирали людей, а потомъ вечеромъ опять молились. А ночью псы цѣпями по канатамъ гремятъ и во всѣхъ окнахъ— „лампадь и сіяніе“, громкій храпъ и чьи нибудь жгучія слезы.

Правиль доможь, по нынѣшнему сказали бы „основатель фирмы“, а тогда просто говорили „самъ“. Былъ это мякенькій старичекъ, котораго однако всѣ какъ огня боялись. Говорили о немъ, что умѣлъ онъ мягко слать, да было жестко спать: обходилъ всѣхъ словомъ „матинька“, а спускалъ къ чорту въ зубы. Типъ, извѣстный и знакомый типъ торговаго патріарха.

Вотъ этотъ-то патріархъ и ѣхалъ на открытіе „въ большомъ составѣ“,—самъ, да жена, да дочь, которая страдала „болѣзнью меланхоліи“ и подлежала изцѣленію. Испытаны были надъ нею всѣ извѣстныя средства народной поэзіи и творчества: ее поили бодрящимъ девясиломъ, обсыпали піоніею, которая унимаетъ надхожденіе стѣни, давали нюхать майранъ, что въ головѣ мозгъ поправляетъ, но ни что ни помогло и теперь ее взяли къ угоднику, послѣшая на первый случай, когда пойдетъ самая первая сила. Вѣра въ преимущество первой силы очень велика и она имѣетъ своимъ основаніемъ сказаніе о силоамской куфли, гдѣ тоже изцѣлѣвали первые, кто усгѣввалъ войдти по возмущеніи воды.

Ѣхали орловскіе купцы черезъ Ливны и черезъ Елецъ, претерпѣвая большія затрудненія и совершенно измучились пока достигли къ угоднику. Но улучшить „первый случай“ у угодника оказалось невозможнымъ. Народу собралась такая область, что и думать не чего было протолкаться въ храмъ, во всеобщной, подъ „открытый день“, когда собственно и есть „первый случай“, т. е. когда отъ новыхъ мощей исходитъ самая большая сила.

Купецъ и жена его были въ отчаяніи,—равнодушнѣе всѣхъ была дочка, которая не знала, чего она лишалася. Надеждъ никакихъ не было помочь горю,—столько было знати, съ такими фамиліями, а они простые купцы, которые хотя въ своемъ мѣстѣ что нибудь и значили, но здѣсь, въ такомъ скопленіи христіанскаго величія, — совсѣмъ потерялись. И вотъ однажды сидя въ горѣ подъ своею кибиточкою за чаемъ на постояломъ дворѣ жалуется патріархъ женѣ, что уже и надежды никакой не полагаетъ достигнуть до святого гроба ни въ первыхъ, ни во-вторыхъ, а развѣ доведется какъ нибудь въ самыхъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ниварями и рыбаками, т. е. вообще съ простымъ народомъ. А тогда уже какая радость: и полиція освиригѣетъ, и духовенство заморится—вдоволь помолиться не дастъ, а совать станетъ. И вообще тогда все не то, когда уже приложится столько тысячъ устъ всякаго народа. Въ таковыхъ видахъ можно было и послѣ пріѣхать, а они не того дослѣвали: они ѣхали, томились, дома дѣло

на прикащицѣя руки бросили и дорогою за все въ три дорога платили, и вотъ тебѣ вдругъ какое утѣшеніе!

Пробоваль купецъ разъ и два достигнуть до дьяконовъ,—готовъ былъ дать благодарность, но и думать нечего, — съ одной стороны одно стѣсненіе, въ видѣ жандарма съ бѣлой рукавицею или казака съ плетью (ихъ тоже пришло къ открытію мощей множество), а съ другой еще опаснѣе, что задавить самъ православный народушко, который волновался какъ океанъ. Уже и были „разы“ и даже во множествѣ и вчера, и сегодня. Шарахнутся гдѣ нибудь добрые христіане отъ взмаха казачьей нагайки цѣлой стѣною въ пять, въ шесть сотъ человѣкъ, и какъ попрутъ, да поналяжутъ стѣной друженъко, такъ изъ середины только стонъ да пахъ пойдетъ, а потомъ по освобожденіи много видано женскаго уха въ серьгахъ рванаго и персты изъ подъ колець верчаны, и не считая того, что двѣ, три души совсѣмъ Богу представлялись.

Купецъ всѣ эти трудности и высказываетъ за чаемъ женѣ и дочери, для которой особенно надо было улучшить первыя силы, а какой-то „пустошный человѣкъ“, невѣдомо городскаго званія или сельскаго, все между разными кибитками ходитъ подъ сараемъ, да какъ будто засматриваетъ на орловскихъ купцовъ съ намѣреніемъ.

„Пустошныхъ людей“ тогда тоже собралось здѣсь много. Имъ не только было свое мѣсто на этомъ пиршествѣ вѣры, но они даже находили здѣсь себѣ хорошія занятія; а потому понахлынули сюда въ изобиліи, изъ разныхъ мѣстъ, и особенно изъ городовъ прославленныхъ своими воровскими людьми, т. е. изъ Орла, Кромъ, Ельца и изъ Ливенъ, гдѣ славились большіе мастера чудеса строить. Всѣ сошедшіе сюда пустошные люди искали себѣ своихъ промысловъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ дѣйствовали строемъ, располагаясь кучами въ толпахъ, гдѣ удобно было при содѣйствіи казака произвести натискъ и смятеніе и во время суматохи обыскать чужіе карманы, сорвать часы, поясныя пряжки и повидергать серьги изъ ушей; а люди болѣе степенные ходили въ одиночку по дворамъ,—жаловались на убожество, „сказывали сны и чудеса“ предлагали привороты, отвороты и „старымъ людямъ секретныя помочи изъ китоваго сѣмени, вороньяго сала, слоновей спермы“ и другихъ снадобій, отъ коихъ „сила постоянная двигаться“. Снадобья эти не утрачивали своей цѣны и здѣсь, потому что, къ чести человѣчества, совѣсть не за всѣми изцѣленіями позволяла обращаться къ угоднику. Не менѣе охотно пустошные люди смирнаго обычая занимались просто воровствомъ и при удобныхъ случаяхъ не рѣдко до-чиста обворовывали гостей, которые за неимѣніемъ помѣщеній жили въ своихъ повозкахъ и подъ повозками. Мѣста вездѣ было мало и не всѣ повозки находили себѣ пріютъ подъ сараями постоянныхъ дворовъ,—другія же стояли обозомъ за городомъ, на открытыхъ выгонахъ. Тутъ шла жизнь еще болѣе разнообразная и интересная и при томъ еще болѣе полная оттѣнковъ священной и медицинской поэзіи и занима-

тельныхъ плутней. Темные промышленники шныряли повсемѣстно, но пріютомъ имъ былъ этотъ загородный, „бѣдный обозъ“, съ окружавшими его оврагами и лачужками, гдѣ шло ожесточенное корчемство водкой, и въ двухъ, трехъ повозкахъ стояли румяныя солдатки, пріѣхавшія сюда вскладчину. Тутъ же фабриковались стружки отъ гроба, „печатная земля“, кусочки истлѣвшихъ ризъ и даже „частицы“. Иногда между промышленными этими дѣлами художниками попадались люди очень остроумные и выкидывали штуки интересныя и замѣчательныя по своей простотѣ и смѣлости. Таковъ былъ и тотъ, котораго замѣтило благочестивое орловское семейство. Проходимецъ подслушалъ ихъ сѣтованіе о невозможности приступить къ угоднику прежде чѣмъ отъ мощей истекутъ первыя струи цѣлебной благодати, и прямо подошелъ и заговорилъ на чистоту.

— Скорби-де ваши я слышалъ, и могу помочь, а вамъ меня избѣгать нечего. Безъ насъ вы здѣсь теперь желаемого себѣ удовольствія, при столь большомъ и именитомъ сѣздѣ не получите, а мы—въ такихъ разгахъ бывали и средства знаемъ. Угодно вамъ быть у самыхъ первыхъ силъ угодника—не пожалѣйте за свое благополучіе сто рублей и я васъ поставлю

Купецъ посмотрѣлъ на субъекта и отвѣчалъ:

— Полно врать.

Но тотъ свое продолжалъ:

— Вы, говорить, вѣроятно такъ думаете, судя по моему ничтожеству; но ничтожное въ очахъ человѣческихъ можетъ быть совсѣмъ въ другомъ разчисленіи у Бога, и я за что берусь, то твердо могу исполнить. Вы вотъ смущаетесь на счетъ земнаго величія, что его много наѣхало, а мнѣ оно все прахъ, и будь тутъ хоть видимо-невидимо однихъ принцевъ и королей,—они ни мало намъ не могутъ препятствовать, а даже всѣ сами передъ нами разступятся. А потому, если вы желаете сквозь все пройти чистымъ и гладкимъ путемъ и самыхъ первыхъ лицъ увидать и другу Божію дать самыя первыя лобызанія, то не жалѣйте того что сказано. А если ста рублей жалко и не побрезгаете компаніей, то я живо подберу еще два человѣка коихъ на примѣтъ имѣю и тогда вамъ дешевле станеть.

Что оставалось дѣлать благочестивымъ поклонникамъ? Конечно рисковано было вѣрить пустошному человѣку, но и случая упустить не хотѣлось, да и деньги требовались не большія, особенно если въ компаніи... Патріархъ рѣшился рискнуть и сказалъ:

— Лады компанію.

Пустошный человѣкъ взялъ задатокъ и побѣжалъ, наказавъ семейству рано пообѣдать и за часъ передъ тѣмъ какъ ударятъ къ вечернѣ въ первый колоколъ—взять каждому съ собой по новому ручному полотенцу и идти за городъ, на указанное мѣсто „въ бѣдный обозъ“, и тамъ ожидать его. Оттуда немедленно же долженъ былъ

начинаться походъ, котораго, по увѣреніямъ антрепренера, не могли остановить никакіе принцы, ни короли.

Таковыя „бѣдные обозы“ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ становились широкимъ станомъ при всѣхъ подобныхъ сборищахъ, и я самъ видалъ ихъ и помню въ Коренной подѣ Курскомъ, а о томъ, о которомъ наступаетъ повѣствованіе слышалъ рассказы отъ очевидцевъ и свидѣтелей тому, что сейчасъ будетъ описано.

IX.

Мѣсто, занятое бѣднымъ становищемъ было за городомъ, на обширномъ и привольномъ выгонѣ, между рѣкою и столбовою дорогою, а въ концѣ примыкало къ большому, извилистому оврагу, по которому бѣжалъ ручеекъ и росъ густой кустарникъ; сзади начинался могучій, сосновый лѣсъ, гдѣ клетали орлы.

На выгонѣ расположилось множество бѣдныхъ повозокъ и колымагъ, представлявшихъ однако во всей своей нищетѣ довольно пестрое разнообразіе національнаго генія и изобрѣтательности. Были обыкновенныя рогожныя будки, полотнянныя шатры во всю телѣгу, „бесѣдки“ съ пушистымъ ковылемъ-травой и совершенно безобразныя лубковыя окаты. Цѣлый большой лубъ съ вѣковой липы согнуть и приколоченъ къ телѣжнымъ грядкамъ, а подѣ нимъ лѣжка: лежать люди ногами къ ногамъ въ нутро экипажа, а головы къ вольному воздуху, на обѣ стороны впередъ и назадъ. Надѣ возлежащими проходить вѣтерокъ и вентилируетъ, чтобы имъ можно было не задохнуться въ собственномъ духу. Тутъ же у взвязанныхъ къ оглоблямъ пихтерей съ сѣномъ и хрѣптуговъ стояли кони, большею частію тощіе, всѣ въ хомутахъ и иныя у бережливыхъ людей подѣ рогожными „крышками“. При нѣкоторыхъ повозкахъ были и собачки, которыхъ хотя и не слѣдовало бы брать въ полонничество, но это были „усердныя“ собачки, которыя нагнали своихъ хозяевъ на второмъ, третьемъ покормѣ и ни при какомъ бойлѣ не хотѣли отъ нихъ отвязаться. Имъ здѣсь не было мѣста по настоящему положенію паломничества, но онѣ были терпимы, и чувствуя свое контрабандное положеніе держали себя очень смирно; онѣ жались гдѣ нибудь у телѣжнаго колеса подѣ дегтяркою, и хранили серьезное молчаніе. Одна скромность спасала ихъ отъ остракизма и отъ опаснаго для нихъ крещенаго цыгана, который въ одну минуту „снямалъ съ нихъ шубы“. Здѣсь, въ бѣдномъ обозѣ, подѣ открытымъ небомъ жилось весело и хорошо какъ на ярмаркѣ. Всякаго разнообразія здѣсь было болѣе, чѣмъ въ гостинничныхъ номерахъ, доставшихся только особымъ избранникамъ, или подѣ навѣсами постоялыхъ дворовъ, гдѣ въ вѣчномъ полумракѣ мѣстились въ повозкахъ люди второй руки. Правда, въ бѣдный обозъ не заходили тучныя иноки и иподіаконы, не видать было даже и настоящихъ, опытныхъ странниковъ, но зато

здѣсь были свои мастера на всѣ руки и шло обширное кустарное производство разныхъ „святостей“. Когда мнѣ довелось читать известное въ киевскихъ хроникахъ дѣло о поддѣлкѣ мощей изъ бараньихъ костей, я былъ удивленъ младенчествомъ приѣма этихъ фабрикантовъ, въ сравненіи съ смѣлостію мастеровъ, о которыхъ слыхалъ ранѣе. Тутъ это было какое-то откровенное неглиже съ отвагой. Даже самый путь къ выгону по слободской улицѣ уже отличался ни чѣмъ не стѣняемою свободою самой широкой предприимчивости. Люди знали, что такіе случаи не часто выпадаютъ и не теряли времени: у многихъ воротъ стояли столики, на которыхъ лежали иконки, крестики и бумажные свѣточки съ гнилою древесною пылью будто бы отъ стараго гроба и тутъ же лежали стружки отъ новаго. Весь этотъ матеріалъ былъ, по увѣренію продавцевъ, гораздо высшаго сорта, чѣмъ въ настоящихъ мѣстахъ, потому, что принесенъ сюда самими столярами, копачами и плотниками, производившими самыя важныя работы. У входа въ лагерь вертѣлись „носяціе и сидящіе“ съ образками новаго угодника, заклеенными пока бѣлою бумажкою съ крестикомъ. Образки эти продавались по самой дешевой цѣнѣ и покупать ихъ можно было сію же минуту, но открывать нельзя было до отслуженія перваго молебна. У многихъ недостойныхъ, купившихъ такія образки и открывшихъ ихъ раньше времени они оказались чистыми дощечками. Въ оврагѣ же за становищемъ, подъ саями, опрокинутыми къ верху полозьями жили у ручья цыганъ съ цыганкою и цыганятами. Цыганъ и цыганка имѣли тутъ большую врачебную практику. У нихъ на одномъ полозѣ было привязанъ за ногу большой, безголосый „пѣтухъ“, изъ котораго выходили по утрамъ камни „двигавшіе постельную силу“, и цыганъ имѣлъ кошкину траву, которая тогда была весьма нужна къ „болячкамъ афедроновымъ“. Цыганъ этотъ былъ въ своемъ родѣ знаменитость. Слава о немъ шла такая, что онъ, когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ дѣвъ открывали, и тамъ онъ не лишній былъ: онъ старыхъ людей на молодыхъ передѣлывалъ, прутяныя сѣченья господскимъ людямъ лечилъ и военнымъ кавалерамъ заплечный бой изъ нутра черезъ водотокъ выводилъ. Цыганка же его кажется еще большія тайны природы знала: она двѣ воды мужьямъ давала: одну ко обличенію женъ, кои блудно грѣшатъ; той воды если женамъ дать, она въ нихъ не удержится, а на сквозь пройдетъ, а другая вода магнитная: отъ этой воды жена неохочая во снѣ страстно мужа обойметъ, а если усилится другого любить, съ постели станетъ падать.

Словомъ: дѣло здѣсь кипѣло и многообразныя нужды человѣчества находили тутъ полезныхъ пособниковъ.

Пустошный челоѣкъ какъ завидѣлъ купцовъ не сталъ съ ними разговаривать, а началъ ихъ манить, чтобы сошли въ овражекъ, и самъ туда же впередъ юркнулъ.

Опять это показалось страшновато; можно было опасаться засады,

въ которой могли скрываться лихіе люди, способные обобратъ богомольцевъ до гола, но благочестіе превозмогло страхъ и купецъ, послѣ небольшого раздумья, помолясь Богу и помянувъ угодника, рѣшился переступить шага три внизъ.

Сходилъ онъ осторожно, держась за кустики, а женѣ и дочери приказалъ въ случаѣ чего нибудь кричать изо всей мочи.

Засада здѣсь и въ самомъ дѣлѣ была, но не опасная: купецъ нашель въ оврагѣ двухъ такихъ же, какъ онъ благочестивыхъ людей въ купеческомъ одѣяніи, съ которыми надо было „сладиться“. Всѣ они должны были здѣсь заплатить пустошному уговорную плату за проводы ихъ къ угоднику, а тогда онъ имъ откроетъ свой планъ и сейчасъ ихъ поведетъ. Долго думать было нечего и упорство ни къ чему не вело: купцы сложили сумму и дали, а пустошный открылъ имъ свой планъ, простой, но по простотѣ своей чисто гениальный: онъ заключался въ томъ, что въ „бѣдномъ обозѣ“ есть извѣстный пустошному человѣку человѣкъ разслабленный, котораго надо только поднять и нести къ угоднику и никто ихъ не остановитъ и пути имъ не затруднитъ съ болящимъ. Надо только купить для слабаго болѣзненный одрець да покровецъ и поднявъ его нести всѣмъ шестерымъ, подвязавши подъ одръ полотенчики.

Мысль эта казалась въ первой своей части превосходною, съ разслабленнымъ носителемъ конечно пропускать, но каковы быть могутъ послѣдствія? Не было бы дальше конфуза? Однако и на этотъ счетъ все было успокоено: проводникъ сказалъ только, что это не стоитъ вниманія.

— Мы таковыя разы, говоритъ, уже видали: вы въ ваше удовольствіе сподобитесь все видѣть и приложиться къ угоднику во время всенощнаго пѣнія, а въ разсужденіи болящаго, будь воля угодника;—пожелаетъ онъ его исцѣлить—и исцѣлитъ, а не пожелаетъ—опять его воля. Теперь только скиньтесь скорѣе на одрець и на покровецъ, а у меня ужъ все это припасено въ близкомъ домѣ, только надо денегъ отдать. Мало меня здѣсь повремените, и въ путь пойдемъ.

Взявъ поторговавшись еще на снасть по два рубля съ лица и побѣжалъ, а черезъ десять минутъ назадъ вернулся и говоритъ:

— Идемъ, братія, только не бойко выступайте, а поспустите малость очи поблагомысленнѣе.

Купцы спустили очи и пошли съ благоговеніемъ, и въ этомъ же „бѣдномъ обозѣ“ подошли къ одной повозкѣ, у которой стояла у хрѣпуга совѣмъ дохлая клячонка, а на передкѣ сидѣлъ маленькій золотушный мальчикъ и забавлялъ себя перекидывая съ руки на руку оципанные плоднички желтыхъ пуравокъ. На этой повозкѣ подъ липовымъ лубкомъ лежалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ лицомъ самихъ пуравокъ желтѣе, и руки тоже желтыя, всѣ вытянутыя, и какъ мягкія плети валяются.

Женщины, завидѣвъ такую ужасную немощъ стали креститься, а проводникъ ихъ обратился къ больному и говорить:

— Вотъ, дядя Фотей, добрые люди пришли помочь мнѣ тебя къ изцѣленю нести. Воли Божіей часъ къ тебѣ близится.

Желтый человекъ сталъ поворачиваться къ незнакомымъ людямъ и благодарственно на нихъ смотритъ, а перстомъ себѣ на языкъ показываетъ.

Тѣ догадались, что онъ нѣмой. „Ничего, говорятъ, ничего, рабъ божій, не благодари—Богу благодарствуй“, и стали его вытаскивать изъ повозки,—мужчины подъ плечи и подъ ноги, а женщины только его слабыя ручки поддерживали, и еще болѣе напугались страшнаго состоянія больного, потому что руки у него въ плечевыхъ составахъ совсѣмъ „перевалилися“ и только волосяными веревками были кое-какъ перевязаны.

Одрикъ стоялъ тутъ же. Это была небольшая старая кровать, плотно засыпанная по угламъ клоповыми яицами; на кровати лежалъ снопъ соломы и кусокъ рѣдкаго миткала съ грубо выведеннымъ красками крестомъ, копіемъ и тростію. Проводникъ ловкою рукою распушилъ соломку, чтобы на всѣ стороны съ краевъ свѣшивалась, положили на нее желтаго расслабленнаго, покрыли миткалемъ и понесли.

Проводникъ шелъ впереди съ глиняной жаровенкой и крестообразно покуривалъ.

Еще они и изъ обоза не вышли, какъ на нихъ уже начали креститься, а когда пошли по улицамъ вниманіе къ нимъ становилось все серьезнѣе и серьезнѣе: всѣ, видя ихъ, понимали, что это къ чудотворцу несутъ болящаго и присоединялися. Купцы шли поспѣшаючи, потому что слышали благовѣсть ко всеобщей и пришли съ своею ношею какъ разъ во время, когда запѣли: „хвалите имя Господне, раби Господа“.

Храмъ разумѣется, не вмѣщалъ и сотой доли собравшагося народа; видимо-невидимо людей сплошною массою стояло вокругъ церкви, но чуть увидали одръ и носящихъ, всѣ загудѣли: „расслаблага несутъ, чудо будетъ“, и вся толпа разступилась.

До самыхъ дверей стала живая улица и дальше все сдѣлалось какъ общалъ проводникъ. Даже и твердое упованіе вѣры его не осталось въ постыжденіи: расслабленный изцѣлѣлъ. Онъ всталъ, онъ самъ вышелъ на своихъ ногахъ „славянце и благодаряще“. Кто-то все это записалъ на записочку, въ которой со словъ проводника изцѣленный расслабленный былъ названъ „родственникомъ“ орловскаго купца, черезъ что ему многіе завидовали и изцѣленный за позднимъ временемъ не пошелъ уже въ свой бѣдный обозъ, а ночевалъ подъ сараемъ у своихъ новыхъ родственниковъ.

Все это было пріятно. Изцѣленный былъ интереснымъ лицомъ, на котораго многіе приходили взглянуть, и кидали ему „жертвки“,

Но онъ еще мало говорилъ и неясвенно,—очень шамкаль съ непривычки и больше все на купцовъ изцѣленной рукою показываль: „ихъ-де спрашивайте, они родственники, они все знаютъ“. И тогда тѣ поневолѣ говорили, что онъ ихъ родственникъ; но вдругъ подѣ все это подкралась неожиданная неприятность: въ ночь, наставшую послѣ изцѣленія желтаго разслабленнаго, было замѣчено, что у бархатнаго намета надъ гробомъ чюдника пропалъ одинъ золотой шнуръ съ такою же золотою кистью.

Дознавали объ этомъ изъ подѣ руки и спросили орловскаго купца не замѣтилъ ли онъ близко подходя и что такое за люди помогали ему нести его больного родственника? Онъ по совѣсти сказалъ, что люди были незнакомые, изъ бѣднаго обоза, по усердію несли. Возили его туда узнавать мѣсто, людей, влячу и телѣжку съ золотушнымъ мальчикомъ, игравшимъ пупавками, но тутъ только одно мѣсто было на своемъ мѣстѣ, а ни людей, ни повозки, ни мальчика съ пупавками и слѣда не было.

Дознаніе бросили, „да не молва будетъ въ людяхъ“. Кисть повѣсили новую, а купцы послѣ такой неприятности скорѣе собрались домой. Но только тутъ изцѣленный родственникъ осчастливилъ ихъ новой радостью: онъ обязываль ихъ взять его съ собою и въ противномъ случаѣ угрожалъ жалобою, и прс кисть напомнилъ.

И потому, когда пришелъ часъ къ отѣзду купцовъ восвосяи, Фотей очутился на передкѣ, рядомъ съ кучеромъ, и скинуть его было невозможно до лежавшаго на ихъ пути села Крутого. Здѣсь былъ въ то время очень опасный спускъ съ одной горы и тяжелый подъемъ на другую, и по тому случались разныя происшествія съ путниками: падали лошади, переворачивались экипажи и прочее въ этомъ родѣ. Село Крутое непременно надо было прослѣдовать за-свѣтло, иначе надо заночевать, а въ сумерки никто не рисковаль спускаться.

Наши купцы тоже здѣсь переночевали, и утромъ при восхожденіи на гору „растерялись“, то есть потеряли своего исцѣленнаго родственника Фотея. Говорили будто съ вечера они „дobre его угостили изъ фляги“, а утромъ не разбудили и съѣхали, но нашлись другіе добрые люди, которые поправили эту растерянность и прихвативъ Фотея съ собою, привезли его въ Орель.

Здѣсь онъ отыскаль своихъ неблагодарныхъ родственниковъ, пожинувшихъ его въ Крутомъ, но не встрѣтилъ у нихъ родственнаго приѣма. Онъ сталъ нищенствовать по городу и рассказывать, будто купецъ ѣздилъ въ угоднику не для дочери, а молился чтобы хлѣбъ подорожалъ. Ни кому это точнѣе Фотей извѣстно не было.

Х.

Не въ долгихъ дняхъ послѣ появленія въ Орлѣ извѣстнаго и покинутаго Фотея, въ приходѣ Михаила Архангела у купца Акулова

были „бѣдные столы“. На дворѣ на доскахъ дымились большіе липовыя чаши съ лапшей и чугуны съ кашей, а съ хозяйскаго крыльца раздавали по рукамъ ватрушки съ лукомъ и пироги. Гостей набралось множество, каждый съ своей ложкой въ сапогѣ или за пазухой. Пирогами одѣлялъ Голованъ. Онъ часто былъ званъ къ такимъ „столамъ“ архитриклиномъ и хлѣбодаромъ, потому что былъ справедливъ ничего не утаить себѣ и основательно зналъ, кто какого пирога стоитъ, съ горохомъ, съ морковью или съ печенкой,

Такъ и теперь онъ стоялъ и каждому подходящему „одѣлялъ“ большой пирогъ, а у кого зналъ въ домѣ немощныхъ тому два и болѣе „на недужную порцію“. И вотъ въ числѣ разныхъ подходящихъ подошелъ къ Головану и Фотей, человекъ новый, но какъ будто удивившій Голована. Увидавъ Фотея, Голованъ словно что то вспомнилъ и спросилъ:

— Ты чей и гдѣ живешь?

Фотей сморщился и проговорилъ:

— Я ни чей, а Божій, обшить рабѣй кожей, а живу подъ рожей.

А другіе говорятъ Головану—„его купцы привезли отъ угодника... Это Фотей исцѣленный“.

Но Голованъ улыбнулся и заговорилъ было:

— Съ какой стати это Фотей!—но въ эту же самую минуту Фотей вырвалъ у него пирогъ, а другою рукою далъ ему оглушительную пощечину, и крикнулъ:

— Не брешы лишняго!—и съ этимъ сѣлъ за столы, а Голованъ стерпѣлъ и ни слова ему не сказалъ. Всѣ поняли, что вѣрно это такъ надобно, очевидно исцѣленный юродуетъ, а Голованъ, очевидно, самъ знаетъ что этого стоитъ! Но только „въ какомъ разчисленіи стоилъ Голованъ такого обращенія?“ Это была загадка, которая продолжалась многіе годы и установила только мнѣніе, что въ Голованѣ скрывается что нибудь очень бѣдовое, потому, что онъ Фотей боится.

И впрямъ тутъ было что то загадочное. Фотей скоро павшій въ всеобщемъ мнѣніи до того, что вслѣдъ ему кричали: „у святаго кисть укралъ и въ кабакѣ пропилъ“, съ Голованомъ обходился чрезвычайно дерзко.

Встрѣчая Голована гдѣ бы то ни было, Фотей заступалъ ему дорогу и кричалъ „долгъ подавай“. И Голованъ, ни мало ему не возражая лѣзъ за пазуху и доставалъ оттуда мѣдную гривну. Если же у него не случалось съ собою гривны, а было менѣе, то Фотей, котораго за нестроту его лохмотьевъ прозвали Горностаемъ, швырялъ Головану недостаточную дачу назадъ, плевалъ на него и даже билъ его, швыркалъ камнями, грязью, или снѣгомъ.

Я самъ помню какъ однажды въ сумерки, когда отецъ мой со священникомъ Петромъ сидѣли у окна въ кабинетѣ, а Голованъ стоялъ подъ окномъ и всѣ они втроемъ вели свой разговоръ, въ откры-

тыя на этотъ случай ворота вбѣжалъ ободранный Горностаѣй и съ крикомъ: „забылъ подлець!“ при всѣхъ ударилъ Голована по лицу, а тотъ, тихонько его отстранивъ, далъ ему изъ за пазухи мѣдныхъ денегъ и повелъ его за ворота.

Такіе поступки были ни кому не въ рѣдкость и объясненіе, что Горностаѣй что нибудь за Голованомъ знаетъ, было, конечно, весьма естественно. Понятно, что это возбуждало у многихъ и любопытство, которое, какъ вскорѣ увидимъ, имѣло вѣрное основаніе.

XI.

Мнѣ было около семи лѣтъ, когда мы оставили Орель и переѣхали на постоянное житѣе въ деревню. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Голована. Потомъ наступило время учиться и оригинальный мужикъ съ большой головою пропалъ у меня изъ вида. И слышалъ я объ немъ только разъ, во время „большаго пожара“. Тогда погибло не только много строеній и движимости, но сгорѣло и много людей— въ числѣ послѣднихъ называли Голована. Разсказывали, что онъ упалъ въ какую-то яму, которой не видно было подъ пепломъ и „сварился“. О семейныхъ, которые его пережили, я не справлялся. Послѣ этого я вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ и побывалъ въ родимыя мѣста уже черезъ десять лѣтъ. Было новое царствованіе, начинались новыя порядки; вѣяло радостной свѣжестью,—ожидали освобожденія крестьянъ и даже поговаривали уже о гласномъ судопроизводствѣ. Все новое: сердца горѣли. Непримиримыхъ еще не было, но уже обозначались нетерпѣливцы и выжидатели.

На пути къ бабушкѣ, я остановился на нѣсколько дней въ Орлѣ, гдѣ тогда служилъ совѣстнымъ судьей мой дядя, который оставилъ по себѣ память честнаго человѣка. Онъ имѣлъ много прекрасныхъ сторонъ, внушавшихъ къ нему почтеніе даже въ тѣхъ людяхъ, которые не раздѣляли его взглядовъ и симпатій: онъ былъ въ молодости щеголь, гусаръ, потомъ садоводъ и художникъ — диллетантъ съ замѣчательными способностями; благородный, прямой, дворянинъ, и „дворянинъ au bout des ongles“. Понимая по своему обязательству этого званія, онъ, разумѣется, покорствовалъ новизнѣ, но желалъ критически относиться къ эмансипаціи, и представлялъ изъ себя охранителя. Эмансипаціи хотѣлъ только такой какъ въ Остзейскомъ краѣ. Молодыхъ людей онъ привѣчалъ и ласкалъ, но ихъ вѣра, что спасеніе находится въ правильномъ движеніи впередъ, а не назадъ—казалась ему ошибкой. Дядя любилъ меня и зналъ, что я его люблю и уважаю, но во мнѣніяхъ объ эмансипаціи и другихъ тогдашнихъ вопросахъ мы съ нимъ не сходились. Въ Орлѣ онъ дѣлалъ изъ меня по этому поводу очистительную жертву и хотя я тщательно старался избѣгать этихъ разговоровъ, однако онъ на нихъ направлялъ и очень любилъ меня „поражать“.

Дядѣ всего болѣе нравилось подводить меня къ казусамъ, въ которыхъ его судейская практика обнаруживала „народную глупость“.

Помню роскошный, теплый вечеръ, который мы провели съ дядею въ орловскомъ „губернаторскомъ“ саду, занимался, признаться сказать, уже значительно утомившимъ меня споромъ о свойствахъ и качествахъ русскаго народа. Я несправедливо утверждалъ, что народъ очень уменъ, а дядя, можетъ быть, еще несправедливѣе настаивалъ, что народъ очень глупъ, что онъ совершенно не имѣетъ понятій о законѣ, о собственности, и, вообще, народъ азіатъ, который можетъ удивить кого угодно своею дикостью.

— И вотъ, говорить, тебѣ, милостивый государь, подтвержденіе: если память твоя сохранила ситуацію города, то ты долженъ помнить, что у насъ есть буераки, слободы и слободки, которыя, чортъ знаетъ, кто мѣжевалъ и кому отводилъ подъ постройки. Все это въ нѣсколько пріемовъ убралъ огонь и на мѣстѣ старыхъ лачугъ построились такія же новыя, а теперь никто не можетъ узнать: кто здѣсь по какому праву сидитъ?

Дѣло было въ томъ, что когда отдохнувшій отъ пожаровъ городъ сталъ устраиваться и нѣкоторые люди стали покупать участки въ кварталахъ за церковью Василя Великаго, оказалось, что у продавцовъ не только не было никакихъ документовъ, но что и сами эти владѣльцы и ихъ предки считали всякіе документы совершенно лишними. Домикъ и мѣстичко до этой поры переходили изъ рукъ въ руки безъ всякаго заявленія властямъ, и безъ всякихъ даней и пошлинъ въ казну, а все это, говорятъ, писалось у нихъ въ какую-то „китратъ“, но „китратъ“ эта въ одинъ изъ безчисленныхъ пожаровъ сгорѣла и тотъ, кто велъ ее — умеръ, а съ тѣмъ и всѣ слѣды ихъ владѣнныхъ правъ покончились. Правда, что никакихъ споровъ по праву владѣнія не было, но все это не имѣло законной силы, а держалось на томъ, что если Протасовъ говоритъ, что его отецъ купилъ домишко отъ покойнаго дѣда Тарасовыхъ, то Тарасовы не оспаривали владѣнныхъ правъ Протасовыхъ; но какъ теперь требовались права, то правъ нѣтъ, и совѣстному судѣ во-очію предлежало рѣшать вопросъ: преступленіе ли вызвало законъ, или законъ создалъ преступленіе?

— А зачѣмъ все это они такъ дѣлали? говорилъ дядя. Потому-съ, что это не обыкновенный народъ, для котораго хороши и нужны обезпечивающіе право государственныя учрежденія, а это номады, орда, осѣвшая, но еще сама себя не сознающая.

Съ тѣмъ мы заснули, выспались, — рано утромъ я сходилъ на Орликъ, выкупался, посмотрѣлъ на старыя мѣста, вспомнилъ Головановъ домигъ и возвращаясь нахожу дядю въ бесѣдѣ съ тремя неизвѣстными мнѣ „милостивыми государями“. Всѣ они были купеческой конструкціи, — двое сердовые въ сертукахъ съ крючками, а одинъ

совершенно бѣлый въ ситцевой рубахѣ на выпускѣ, въ чуйкѣ и въ крестьянской шляпѣ „гречникомъ“.

Дядя показавъ мнѣ на нихъ рукою и говорить:

— Вотъ это детали ко вчерашнему сюжету. Эти господа рассказываютъ мнѣ свое дѣло: войди въ наше совѣщаніе.

Затѣмъ онъ обратился къ предстоящимъ съ очевидною для меня, но для нихъ, конечно, съ непонятною шуткою и добавилъ.

— Это мой родственникъ, молодой прокуроръ изъ Кіева,—къ министру въ Петербургъ ѣдетъ и можетъ ему объяснить ваше дѣло.

Тѣ поклонились.

— Изъ нихъ, видишь ли, продолжалъ дядя, вотъ этотъ, господинъ Протасовъ желаетъ купить домъ и мѣсто вотъ этого, Тарасова: но у Тарасова нѣтъ никакихъ бумагъ. Понимаешь: никакихъ! Онъ только помнитъ, что его отецъ купилъ домикъ у Власова, а вотъ этотъ, третій—есть сынъ господина Власова, ему, какъ видишь, тоже уже не мало лѣтъ.

— Семдесятъ, коротко замѣтилъ старикъ.

— Да, семдесятъ, и у него тоже нѣтъ и не было никакихъ бумагъ?

— Никогда не было, опять вставилъ старикъ.

— Онъ пришелъ удостовѣрить, что это такъ именно было, и что онъ ни въ какія права не вступается.

— Не вступаемся,—отцы продали.

— Да; но кто его „отцамъ“ продалъ,—тѣхъ уже нѣтъ.

— Нѣтъ; за вѣру на Кавказъ уланы.

— Ихъ можно разыскать, сказалъ я.

— Нечего искать, тамъ имъ вода не хороша,—воды не снесли,—всѣ покончились.

— Какъ же, вы, говорю, это такъ странно поступали?

— Поступали, какъ мощно было. Приказный былъ лють, давай съ малыхъ дворовъ давать было нечего, а была у Ивана Ивановича китратъ, въ нее и писали. А допрежь его еще не за моей памяти Гапѣевъ купецъ былъ, у него была китратъ, а послѣ всѣхъ Головану китратъ дали, а онъ сварился и китрати сгорѣли.

— Это онъ, выходитъ, былъ у васъ что-то въ родѣ нотаріуса? спросилъ дядя (который не былъ орловскимъ старожиломъ).

Старикъ улыбнулся и тихо молвилъ:

— Изъ-за чего же нотаріусъ! онъ справедливый былъ человѣкъ.

— Какъ же ему всѣ такъ вѣрили?

— А какъ такому человѣку не вѣрить: онъ свою плоть за людей съ живыхъ костей рѣзалъ.

— Вотъ и легенда! тихо молвилъ дядя, но старикъ вслушался и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударь, это не легенда, а правда источная и память его будь съ похвалою.

Дядя пошутилъ: и съ путаницей. И онъ не зналъ, какъ онъ этимъ вѣрно отвѣчалъ на всю массу воспринувшихъ во мнѣ въ это время воспоминаній, къ которымъ при тогдашнемъ моемъ любопытствѣ мнѣ страстно хотѣлось подыскать ключъ.

А ключъ ждалъ меня, сохраняясь у моей бабушки.

ХII.

Два слова о бабушкѣ: она происходила изъ московскаго купеческаго рода Колобовыхъ и была взята въ замужество въ дворянскій родъ „не за богатство, а за красоту“. Но лучшее ея свойство было — душевная красота и свѣтлый разумъ, въ которомъ всегда сохранялся простонародный складъ. Войдя въ дворянскій кругъ, она уступила многимъ его требованіямъ и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда какъ ея настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже, безъ намѣренія конечно, удержала нѣкоторую простонародность въ рѣчи. Она говорила „ехтоть“ вмѣсто этоть, считала слово „мораль“ оскорбительнымъ и никакъ не могла выговорить „бухгалтеръ“. За то она не позволила никакимъ моднымъ давленіямъ поколебать въ себѣ вѣру въ народный смыслъ, и сама не разставалась съ этимъ смысломъ. Была хорошая женщина и настоящая русская барыня; превосходно вела домъ и умѣла принять всякаго, начиная съ императора Александра I до Ивана Ивановича Андросова. Читать ничего не читала, кромѣ дѣтскихъ писемъ, но любила обновленіе ума въ бесѣдахъ, и для того „требовала людей къ разговору“. Въ этомъ родѣ собесѣдникомъ ея былъ бурмистръ Михайло Лебедевъ, буфетчикъ Василій, старшій поваръ Климъ, или ключница Маланья. Разговоры всегда были не пустые, а къ дѣлу и къ пользѣ, разбиралось, отчего на дѣвку Оеклушку мораль пущена или зачѣмъ мальчикъ Гришка мачихой недоволенъ. Вслѣдъ за такимъ разговоромъ шли свои мѣры помочь Оеклушкѣ покрыть косу и чтобы мальчикъ Гришка не былъ мачихой недоволенъ.

Для нее все это было полно живого интереса, можетъ быть совершенно непонятнаго ея внучкамъ.

Въ Орлѣ, когда бабушка пріѣзжала къ намъ, дружбой ея пользовались соборный отецъ Петръ, купецъ Андросовъ и Голованъ, которыхъ для нее и „призывали къ разговору“.

Разговоры, надо полагать, и здѣсь были не пустые, не для одного препровожденія времени, а вѣроятно тоже про какія нибудь дѣла, въ родѣ падавшей на кого нибудь морали, или неудовольствій мальчика съ мачихой.

У нее по этому могли быть ключи отъ многихъ тайностей, для насъ пожалуй мелкихъ, но для своей среды весьма значительныхъ.

Теперь, въ это послѣднее мое свиданіе съ бабушкой, она была

уже очень стара, но сохраняла въ совершенной свѣжести свой умъ, память, и глаза. Она еще шила.

И въ этотъ разъ я засталъ ее у того же рабочаго столика съ верхней паркетной дощечкой, изображавшей арфу, поддерживаемую двумя амурами.

Бабушка спросила меня: заѣзжалъ ли я на отцову могилу, кого видѣлъ изъ родныхъ въ Орлѣ и что подѣлываетъ тамъ дядя? Я отвѣтилъ на всѣ ея вопросы и распространился о дядѣ, рассказавъ, какъ онъ разбирается съ старыми „лыгендами“.

Бабушка остановилась и подняла на лобъ очки. Слово „лыгенда“ ей очень понравилось: она услышала въ немъ наивную передѣлку въ народномъ духѣ и разсмѣялась.

— Это, говорить, старикъ чудесно сказалъ про лыгенду.

А я говорю: а мнѣ, бабушка, очень бы хотѣлось знать. какъ это все происходило на самомъ дѣлѣ, не по лыгендѣ.

— Про что же тебѣ именно хотѣлось бы знать?

— Да вотъ про все это: какой былъ этотъ Голованъ? Я его, вѣдь, чуть-чуть помню, и то все съ какими-то, какъ старикъ говорить, лыгендами, а, вѣдь, конечно же дѣло было просто...

— Ну, разумѣется просто. Да и что васъ это удивляетъ, что купчихъ крѣпостей избѣгали, а въ тетрадки писали? Этого, вѣдь, еще много откроется. Приказныхъ боялись, а своимъ людямъ вѣрили, и все тутъ.

— Но чѣмъ, говорю, Голованъ могъ заслужить такое довѣріе? Мнѣ онъ, по правдѣ сказать, иногда представляется какъ будто немножко... шарлатаномъ.

— Почему же это?

— А что такое, напримѣръ, я помню, говорили будто онъ какой-то волшебный камень имѣлъ и своею кровью или тѣломъ, которое въ рѣку бросилъ, чуму остановилъ? За что его „несмертельнымъ“ звали?

— Про волшебный камень — вздоръ. Это люди такъ присочинили и Голованъ тому не виноватъ, а „несмертельнымъ“ его прозвали потому, что въ этакое ужасѣ, когда надъ землей смертныя фиміазмы стояли и всѣ оробѣли, онъ одинъ безстрашный былъ и его смерть не брала?

— А за чѣмъ же, говорю, онъ себѣ ногу рѣзалъ?

— Икру себѣ отрѣзалъ.

— Для чего?

— А для того, что у него тоже прыщъ чумной сѣлъ. Онъ зналъ, что отъ этого спасенья нѣтъ, взялъ поскорѣе косу, да всю икру и отрѣзалъ.

— Можетъ ли, говорю, это быть!

— Конечно, это такъ было.

— А что, говорю, надо думать о женщинѣ Павлѣ?

Бабушка на меня взглянула и отвѣчаетъ:

— Что же такое? Женщина Павла была Фрапошкина жена; была она очень горестная и Голованъ ее пріютилъ.

— А ее однако называли Головановимъ „грѣхомъ“.

— Всякъ по себѣ судить и называетъ; — не было у него такого грѣха.

— Но, бабушка, развѣ вы, милая, этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но я это знаю.

— Но какъ можно это знать?

— Очень просто.

Бабушка обратилась къ работавшей съ нею дѣвочкѣ и послала ее въ садъ набрать малины, а когда та вышла, она значительно взглянула мнѣ въ глаза и проговорила:

— Голованъ былъ дѣвственникъ!

— Отъ кого вы это знаете?

— Отъ отца Петра.

И бабушка мнѣ рассказала, какъ отецъ Петръ не задолго передъ своею кончиною говорилъ ей, какіе люди на Руси бываютъ неимовѣрные, и что покойный Голованъ былъ дѣвственникъ.

Коснувшись этой исторіи бабушка вошла въ маленькія подробности и припомнила свою бесѣду съ отцомъ Петромъ.

— Отецъ Петръ, говоритъ, сначала и самъ усумнился, и сталъ его подробнѣе спрашивать и даже намекнулъ на Павлу. „Не хорошо, говоритъ это: ты не каешься, а соблазняешь. Не достойно тебѣ держать у себя сію Павлу. Отпусти ее съ Богомъ. А Голованъ отвѣтилъ: „Напрасно это вы, батюшка, говорите: пусть лучше она живетъ у меня съ Богомъ,—нельзя, чтобы я ее отпустилъ“. „А почему?..“ „А потому, что ей головы приклонить не гдѣ“... „Ну, такъ говоритъ, женись на ней!“ „А это, отвѣчаетъ, невозможно“, а почему невозможно, не сказалъ и отецъ Петръ долго на счетъ этого сомнѣвался; но Павла вѣдь была чахоточная и не долго жила, и передъ смертю когда къ ней пришелъ отецъ Петръ, то она ему открыла всю причину.

— Какъ же, бабушка, была это причина?

— Они жили по любви совершенной.

— То есть какъ это?

— Ангельски.

— Но позвольте, для чего же это? Вѣдь мужъ Павлы пропалъ, а есть законъ, что послѣ пяти лѣтъ, можно выйти замужъ. Неужто они это не знали?

— Нѣтъ, я думаю знали, но они кое что больше этого знали.

— Напримѣръ?

— А наприимѣръ то, что мужъ Павлы всѣхъ ихъ пережилъ и никогда не пропадалъ.

— А гдѣ же онъ былъ?

— Въ Орлѣ.

— Милая, вы шутите.

— Ни крошечки.

— И кому же это было извѣстно?

— Имъ троемъ: Головану, да Павлѣ, да самому этому негодивцу. Ты можешь вспомнить Фотей?

— Изцѣленнаго?

— Да, какъ хочешь его называй, только теперь когда всѣ они перемерли я могу сказать, что онъ совсѣмъ былъ не Фотей, а бѣглый солдатъ Фрапошка.

— Павлинъ мужъ!

— Именно.

— Отчего же?.. началъ было я, но устыдился своей мысли и замолчалъ, но бабушка поняла меня и договорила.

— Вѣрно хочешь спросить: отчего его никто другой не узналъ, а Павла съ Голованомъ его не выдали? Такъ другіе его не узнали потому, что онъ былъ не городской, да постарѣлъ, волосами заросъ, а Павла его не выдала жалѣючи, а Голованъ ее любячи.

— Но, вѣдь, юридически, по закону, Фрапошка не существовалъ, и они могли ожениться:

— Могли,—по закону могли, да по совѣсти не могли.

— За что же Фрапошка Голована преслѣдовалъ?

— Негодяй былъ покойникъ,—разумѣлъ о нихъ какъ прочіе.

— А они изъ за него все счастье у себѣ и отняли!

— Да вѣдь въ чемъ счастье полагать: есть счастье праведное, есть счастье грѣшное. Праведное ни черезъ кого не переступить, а грѣшное все перешагнетъ. Они же первое возлюбили паче послѣдняго.

— Бабушка, воскликнулъ я: вѣдь это удивительные люди!

— Праведные, мой другъ, отвѣчала старушка.

Но я все таки хочу добавить, и удивительные и даже невѣроятные. Они невѣроятны пока ихъ окружаетъ легендарный вымыселъ, и становятся еще болѣе невѣроятными, когда удается снять съ нихъ этотъ налетъ и увидать ихъ во всей ихъ святой простотѣ. Одна одушевленная ихъ совершенная любовь поставляла ихъ выше всѣхъ страховъ и даже подчинила имъ природу, не побуждая ихъ ни закатываться въ землю, ни бороться съ видѣніями терзавшими св. Антонія.

Н. Лѣсковъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ. ¹⁾

VII.

Скитальческая жизнь.

МЫ НЕ ЗНАЕМЪ подробностей бесѣды царя съ поэтомъ при первой ихъ встрѣчѣ. Самъ Пушкинъ только записалъ, что государь принялъ его самымъ любезнымъ образомъ. Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ былъ большой любитель и цѣнитель искусства, всегда старался покровительствовать артистамъ и ласково къ нимъ относился; но, кромѣ того, Пушкинъ долженъ былъ обратить его вниманіе и своимъ умомъ, смѣлыми свободными словами, непринужденнымъ обращеніемъ. Зная характеръ Пушкина, мы можемъ сказать, что онъ не унижилъ своего достоинства. Съ этой бесѣды царь сталъ уважать поэта и вынесъ убѣжденіе, что онъ узналъ умнаго и честнаго человѣка, на слово котораго можно положиться. Вызывая его на новые поэтическіе труды, онъ хотѣлъ избавить его отъ непріятныхъ сношеній съ цензурою, о которой вѣроятно у нихъ была рѣчь, и самъ вызвался быть его цензоромъ. Пушкинъ посмотрѣлъ на это какъ на особенную для себя честь и соединилъ съ молодымъ царемъ лучшія надежды на будущее. Такимъ образомъ примиреніе между представителемъ верховной власти и поэтомъ, еще недавно ожесточеннымъ, было искреннее. И личныя ихъ отношенія, основанныя на взаимномъ уваженіи, никогда не измѣнялись.

Поэтъ ожидалъ красныхъ дней, и не предчувствовалъ, какая борьба еще ожидала его, не предвидѣлъ, что царское слово, спасая его отъ ссылки и давая большой просторъ его мысли, не спасло его отъ чувства неволи. Императоръ назначилъ посредникомъ между

¹⁾ Окончаніе. См. №№ 6, 7, 8, 10, „Историческаго Вѣстника“.

нимъ и поэтомъ лицо, приближенное къ себѣ, которому онъ вполнѣ довѣрялъ, графа Бенкендорфа. Мы не имѣемъ никакого повода предполагать, что въ этомъ назначеніи была какая нибудь задняя мысль или желаніе поставить поэта подъ скрытый надзоръ тайной полиціи и стѣснить его дѣятельность, прикрывая особенной честью. Тутъ произошло просто недоразумѣніе, которое стоило поэту многихъ непріятностей и отравляло его жизнь. У насъ нѣтъ достаточно біографическихъ данныхъ, чтобъ сдѣлать рѣшительное заключеніе о графѣ Бенкендорфѣ. Нѣкоторые изъ современниковъ отзывались о немъ съ хорошей стороны. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ, по понятіямъ того общества, былъ хорошій человѣкъ; но онъ былъ царедворецъ и главный въ числѣ тѣхъ, которые явились тогда при дворѣ какъ лица съ возложенною на нихъ задачею искоренить либерализмъ, развитый царствованіемъ Александра I. Они приняли къ сердцу эту задачу, но отнеслись къ ней не какъ государственные люди, которые прежде всего выясняютъ причину явленія и уже дѣйствуютъ согласно съ нею, а какъ царедворцы, которые соединили ее съ личными своими выгодами, потому что собственно она и дала имъ высокое положеніе. У нихъ была своя логика и дѣлались свои силогизмы, въ родѣ слѣдующихъ: либерализмъ привелъ къ 14 декабря, слѣдовательно онъ пагубенъ для государства. Преслѣдованіе либерализма спасаетъ отъ пагубы государство, слѣдовательно выражаетъ настоящую службу престолу и отечеству; значить, выказать усердіе къ службѣ можно безпощаднымъ преслѣдованіемъ либерализма. Но что такое либерализмъ—выяснить это понятіе никто особенно не заботился: все, что не служило выгодамъ царедворцевъ, все, что обличало ихъ своекорыстные поступки, все, что было выше ихъ узкихъ и одностороннихъ понятій, всякая живая мысль, всякое свободное движеніе чувства, всякій стонъ подавляемой человѣческой природы, все это шло за либерализмъ и все это выставлялось за элементы, вредные для общественнаго спокойствія. Одни изъ этихъ царедворцевъ выходили изъ того общества благомыслящихъ гражданъ и порядочныхъ людей, на которыхъ, какъ мы видѣли, указывалъ Скобелевъ въ доказательство того, что большой еще перевѣсъ оставался на сторонѣ благочестія: они уже давно добирались до клочковъ шкуры либераловъ и безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить даже дѣтей ¹⁾. Отечество и служба для нихъ были дороги по тому, что изъ нихъ они могли извлекать для себя и личныя обильныя выгоды. У другихъ съ именемъ Россіи не соединялось даже представленія отечества. У нихъ былъ свой фатерландъ въ остзейскомъ краѣ, а съ Россіей не было никакой нравственной связи. Понятно, чего они должны были искать, прикрываясь службой царю и отечеству, и какъ они должны были относиться ко всему, что, по ихъ взгляду,

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1871, декабрь.

могло хотѣ сколько нибудь поколебать ихъ положеніе. Помощниками и исполнителями своихъ распоряженій они выбирали по большей части своихъ одноземцевъ, у которыхъ наибольшія личныя выгоды отъ службы были также на первомъ планѣ. Но ужь конечно никому изъ нихъ не было никакого дѣла ни до русской поэзіи, ни до успѣховъ русской литературы; для нихъ было бы лучше, если бы ея вѣкъ не существовало.

Бенкендорфъ считалъ своею обязанностью слѣдить за развитіемъ мысли въ обществѣ и въ литературѣ и направлять ее по своему усмотрѣнію. По этому на посредничество, возложенное на него императоромъ, онъ посмотрѣлъ по своему: онъ принялъ его за тайный полицейскій надзоръ, подъ который будто бы Пушкинъ отдавался ему, и сталъ считать своею обязанностью не спускать глазъ съ освобожденнаго поэта. Въ его глазахъ Пушкинъ долженъ былъ считаться за человѣка опаснаго, такъ какъ былъ на дурномъ счету у прежняго правительства и былъ способенъ возбуждать молодежь своими стихами. Это былъ не только его личный взглядъ, но взглядъ всего того чиновно-канцелярскаго общества, всѣхъ тѣхъ старыхъ служаекъ, которые получили особенную силу въ новомъ правительствѣ. Правда, Пушкинъ не былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ, но это обстоятельство нисколько не спасало его отъ подозрѣнія царедворцевъ, считавшихъ своимъ призваніемъ спасать отечество. „Если онъ не попался, говорили они, то потому, что былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ“. По крайней мѣрѣ такую фразу повторяли они, примѣняя ее къ людямъ, менѣе его вліятельнымъ ¹⁾). Пушкину сначала трудно было замѣтить, въ какомъ странномъ и исключительномъ положеніи очутился онъ передъ этимъ правительственнымъ классомъ, онъ, получившій свободный доступъ къ царю, и въ то же время по своему официальному положенію не больше, какъ уволенный отъ службы коллежскій секретарь. Онъ не думалъ, что у него будетъ особое начальство, не смотря на то, что онъ не состоитъ ни на какой государственной службѣ. Но ему скоро пришлось убѣдиться, что въ благоустроенномъ государствѣ и у поэта должно быть свое начальство, безъ позволенія котораго онъ не вправѣ сдѣлать ни одного свободного шага.

Вскорѣ послѣ перваго свиданія Пушкина съ императоромъ въ Москвѣ, Бенкендорфъ писалъ поэту въ изысканно-вѣжливыхъ выраженіяхъ: „Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ. Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на передаваніе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше“. Зная послѣдующее отношеніе шефа жандармовъ къ нашему поэту, мы готовы принять за тонкую иронию это

¹⁾ См. соч. Вяземскаго, т. II. „Моя исповѣдь“.

приглашеніе передавать потомству славу отечества. Здѣсь невольно припоминается положеніе соловья въ когтяхъ у кошки. Пушкинъ конечно принялъ вызовъ императора быть его цензоромъ на тотъ только случай, если бы общая цензура затруднялась пропустить его произведеніе; но ни какъ не могъ предполагать, что этотъ милостивый, какъ онъ думалъ, вызовъ лишаетъ его права печатать свои произведенія на общемъ для всѣхъ основаніи. Но скоро объяснилось, что Бенкендорфъ по своему понималъ оказанную поэту милость. Ее онъ употреблялъ для того, чтобы поставить его въ полную отъ себя зависимость. Въ томъ же письмѣ Пушкину именемъ государя предлагался очень важный трудъ, который впрочемъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ поэтическимъ призваніемъ, на которое передъ этимъ ему указывалось: ему поручалось заняться „предметомъ о воспитаніи юношества“. Правда, такая тема была самою современною, такъ какъ вся вина политическихъ смутъ была взведена на воспитаніе, что было не совсѣмъ справедливо, но что безъ всякихъ изслѣдованій принято за очевидную истину. „Вамъ предоставляется, прибавилъ Бенкендорфъ при этомъ предложеніи, совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. Предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что вы на опытѣ видѣли всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“. Въ этихъ словахъ уже слышится язвительный намекъ на прошедшее поэта, который дорого заплатилъ за него, и который въ правѣ былъ ожидать, что оно будетъ забыто, послѣ милости, оказанной ему царемъ, и послѣ честныхъ обѣщаній, данныхъ имъ новому правительству. Такое напоминаніе не могло обѣщать ничего хорошаго.

Пушкинъ, неопытный въ оффиціальныхъ сношеніяхъ, не отозвался никакимъ отвѣтомъ на заявленіе Бенкендорфа. Это вызвало второе письмо шефа жандармовъ, которое удостовѣряло, что за нимъ очень внимательно слѣдили въ Москвѣ, гдѣ онъ принималъ участіе во всѣхъ увеселеніяхъ и празднествахъ по случаю коронаціи и гдѣ въ нѣкоторыхъ литературныхъ собраніяхъ читалъ своего Бориса Годунова. Въ письмѣ поэтъ прочиталъ не только выговоръ за то, что оставилъ безъ отвѣта первое письмо, но и обвиненіе въ ослушаніи волѣ государя: онъ позволилъ себѣ читать трагедію въ обществѣ, тогда какъ прежде долженъ былъ представить ее въ высочайшую цензуру. Это обвиненіе показывало, съ одной стороны, какіе исправные шпіоны были заведены шефомъ жандармовъ, а съ другой, въ какое незавидное положеніе ставили поэта, котораго приглашали въ тоже время славить отечество, и котораго еще недавно лично ободрялъ самъ царь, предлагая собственную и конечно разумную и снисходительную цензуру. Поэтъ увидѣлъ, что его лишаютъ даже права каждаго писателя—читать въ рукописи въ пріятельскомъ кругу свое произведеніе и воспользоваться совѣтами другихъ, прежде чѣмъ оно будетъ напеча-

тано. Слишкомъ своеобразно понималъ Бенкендорфъ милость, которую царь показывалъ поэту: Пушкину же ничего не оставалось, какъ признать обвиненія и извиняться: „Я читалъ въ Москвѣ свою трагедію, описывался онъ, нѣкоторымъ лицамъ не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ волю государя... Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія“. Съ этимъ вмѣстѣ во избѣжаніе дальнѣйшихъ выговоровъ и обвиненій, поэтъ спѣшилъ сообщить, что онъ уже роздалъ нѣсколько мелкихъ своихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи по просьбѣ издателей. На это Бенкендорфъ поспѣшилъ написать поэту: „прошу васъ сообщить мнѣ для разсмотрѣнія государя всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера“. Какой ироніей отзываются эти льстивыя выраженія, которыми хотѣли прикрыть грубость и непристойность своихъ требованій. О всемъ этомъ Пушкинъ насмѣшливо писалъ своему пріятелю Соболевскому: „Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однако-же прежде чѣмъ что нибудь напечатать, представить оное выше, хотя бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно я въ точности исполню высшую волю и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашиковъ, журнальщикова и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ“.

Работа, заданная Пушкину, „заняться предметомъ о воспитаніи юношества“, не могла быть ему по душѣ: во-первыхъ, дорожа свободой своей мысли, онъ имѣлъ отвращеніе ко всѣмъ задаваемымъ темамъ, во-вторыхъ, онъ никогда не занимался этимъ предметомъ, не имѣлъ случая вдумываться въ него, не имѣлъ никакихъ и данныхъ для обстоятельной разработки темы. Въ самомъ дѣлѣ какія практическія мысли и соображенія объ этомъ предметѣ могъ представить онъ, шесть лѣтъ проведеній вдали отъ столичнаго общества, гдѣ еще можно было дѣлать какія нибудь наблюденія? Вѣроятно онъ не скоро принялся бы за эту тему, а можетъ быть, и совсѣмъ устранилъ бы ее въ надеждѣ, что о ней забудутъ, тѣмъ болѣе, что ему дана свобода, „когда и какъ представить свой трудъ“. Но нетерпѣливый шефъ жандармовъ забылъ только это послѣднее обстоятельство, и новымъ письмомъ торопилъ поэта скорѣе исполнить волю государя. Пушкинъ принужденъ былъ взяться за перо и написалъ небольшую статейку, видимо только для того, чтобы отѣлаться отъ заказной работы. Въ ней, какъ бы мимоходомъ, Пушкинъ указываетъ на свое ложное положеніе передъ навязаннымъ ему начальствомъ, которое судить о немъ, уже возмужавшемъ человѣкѣ, по проступкамъ его неопытной юности¹⁾. Но этотъ упрекъ

¹⁾ „Наказывать юному или взрослому человѣку за вину отрока есть дѣло ужасное и къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное“. Деятнадцатый вѣкъ, Бартечева, т. II.

и намекъ, высказанный въ общей мысли, не привлекъ вниманія начальства, которое, воспользовавшись другою мыслью автора, также сказанною мимоходомъ, воспользовалось снова упрекнуть его прошедшимъ. Пушкинъ высказалъ вполне справедливую мысль, что просвѣщеніе и гѣній служатъ основаніемъ совершенству ¹⁾. Но эта-то мысль и не понравилась въ высшей сферѣ и вызвала замѣчаніе въ письмѣ Бенкендорфа, замѣчаніе, которое должно войти въ исторію русскаго воспитанія: „принятое ваше правило, будто-бы просвѣщеніе и гѣній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе — предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе“.

Употребляя слово „просвѣщеніе“, Пушкинъ конечно не предполагалъ, что у царедворцевъ съ нимъ соединяется совсѣмъ другое понятіе, не просвѣщеніе ума и сердца, не нравственный подъемъ человѣка, а что-то другое, съ чѣмъ можно соединять эпитеты „неопытный, безнравственный, бесполезный“. Самое понятіе о нравственности не было выяснено этими людьми, хотя они и старались соединить его съ евангельскимъ ученіемъ; но отсюда они извлекали нѣкоторые выраженія, выгодныя для нихъ, и ограничивали высокую христіанскую нравственность только прилежнымъ служеніемъ и усердіемъ, которое хотѣли обратить какъ бы въ догматъ, сдѣлавъ его основаніемъ воспитанія съ натянутымъ эпитетомъ благонаправленное. При такомъ смѣшеніи понятій нельзя было придумать лучшей системы для воспитанія человѣка-раба, котораго Пушкинъ потомъ идеализировалъ въ своемъ стихотвореніи „Анчаръ“, гдѣ единственную добродѣтель человѣка составляютъ прилежное служеніе и усердіе. Это стихотвореніе было настоящимъ отвѣтомъ поэта, котораго снова кольнули его мнимой безнравственностью, выказавъ въ тоже время свои неразвитыя понятія о нравственности и просвѣщеніи. Но официально Пушкину пришлось тогда же отвѣчать извиненіемъ въ томъ, что онъ не могъ глубже вникнуть въ предметъ, мало ему знакомый,

Удерживая за собою право при всякомъ случаѣ корить и колоть поэта его прежнимъ поведеніемъ, тоже самое начальство не сумѣло сохранить передъ нимъ своего нравственнаго достоинства. Пушкинъ просилъ его возстановить свое право на литературную собственность, нарушенное чиновникомъ, подчиненнымъ Бенкендорфу, Ольдекопомъ. Еще въ 1824 году Ольдекопъ перевелъ на нѣмецкій языкъ „Кавказ-

¹⁾ Этой мысли впрочемъ нѣтъ въ известной намъ запискѣ, напечатанной г. Бартевскимъ. Тамъ сказано: „одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія“. Надо полагать, что записка была подана въ другомъ видѣ.

скаго плѣнника“ и нанечаталъ его вмѣстѣ съ оригиналомъ безъ согласія автора, черезъ что лишилъ его на нѣкоторое время возможности сдѣлать второе изданіе своей поэмы. Пушкинъ потерпѣлъ большой убытокъ. Живя въ Одессѣ, онъ не могъ самъ вступить за свою собственность и поручилъ отцу хлопотать за себя. Сергѣй Львовичъ обратился съ жалобой куда слѣдуетъ, но не получилъ никакого удовлетворенія. Ольдекопа оригинально оправдывали тѣмъ, что онъ перепечаталъ „Кавказскаго плѣнника“ для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ и что въ Россіи будто-бы „не существуетъ закона противу перепечатанія книгъ“. Впрочемъ при этомъ было прибавлено, что если Пушкинъ хочетъ преслѣдовать Ольдекопа, то „только развѣ яко мошенника“. Черезъ три года Пушкинъ уже въ Петербургѣ вздумалъ снова поднять это дѣло и писалъ Бенкендорфу, что онъ не смѣлъ согласиться преслѣдовать Ольдекопа какъ мошенника изъ уваженія къ его званію, опасаясь заплатить за безчестье; но что онъ проситъ хотя оградить его отъ подобныхъ покушеній на свою собственность. Для Пушкина это былъ насущный вопросъ, такъ какъ кромѣ литературныхъ трудовъ у него не было другихъ источниковъ существованія. Бенкендорфъ слишкомъ неловко взялъ на себя несправедливую защиту своего подчиненнаго. Онъ отвѣчалъ, что перепечатаніе послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила, и что даже тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. На это Пушкинъ писалъ: „сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей, иначе не возможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушенія хищника“. Поэтъ просилъ составить постоянныя правила для обезпеченія литературной собственности. Но Бенкендорфъ почелъ за лучшее не отвѣчать на ту просьбу. Таково было положеніе Пушкина, освобожденнаго отъ опалы и доведеннаго почти до полнаго безправія. Онъ даже не посмѣлъ безъ позволенія переѣхать въ Петербургъ изъ Москвы, гдѣ проживалъ первые мѣсяцы по освобожденіи. На его просьбу отъ 24 апрѣля 1827 года, ему отвѣчали не безъ колкости: „Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано“.

Что же оставалось дѣлать поэту, явившемуся съ величавымъ образомъ Пророка, готоваго служить человѣчеству? Какое поприще, какую дѣятельность онъ могъ найти себѣ въ этой казенной атмосферѣ, подъ гнетомъ царедворческаго прилежнаго служенія и усердія? Конечно, только этотъ образъ и могъ удержать его на той нравственной высотѣ, гдѣ легче переживаютъ личныя оскорбленія въ виду сознанныаго высокаго призванія пророка. Онъ понималъ, какая рѣчь должна выходить изъ устъ пророка тамъ, гдѣ оказалось столько падшихъ и пострадавшихъ. Его фантазія создаетъ идеаль царя, связавъ

его съ тѣмъ образомъ, который былъ знакомъ каждому русскому человеку, знакомъ по тому, что съ нимъ связывалось представление народного просвѣщенія, неутомимаго труда на общую пользу, строгой справедливости, безкорыстнаго служенія государству и наконецъ царской милости. Этотъ образъ фантазія поэта не сочинила, а только воскресила или вызвала изъ прошедшаго, пережитаго русскимъ народомъ, образъ, принадлежащій русской исторіи, образъ народный, который можно поставить въ подражаніе царю, какъ высокій идеаль. И перо поэта написало:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни;
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но правы укротилъ наукой... и проч.

И послѣдній стихъ, выразившій желаніе поэта, чтобы новый царь былъ „памятью какъ онъ не злобивъ“, выражаетъ въ то же время и самую симпатичную черту царственнаго идеала. Это былъ и призывъ „милости къ падшимъ“, тотъ подвигъ, на который въ послѣдствіи нашъ поэтъ указалъ какъ на свое право жить долго въ памяти потомства. Скоро поэтъ достойнымъ образомъ отвѣтилъ тѣмъ мелкимъ умамъ, которые не хотѣли понять его высокихъ стремленій и думали нравственно уронить его, обозвавъ царскимъ льстецомъ:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю...

И тутъ же онъ отличаетъ себя отъ тѣхъ льстецовъ-царедворцевъ, которые уже выказали свои качества въ своихъ сношеніяхъ съ поэтомъ:

Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ пѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья илюдь —
Страстей и воли духъ мятежный!

И затѣмъ печальная картина видѣлась пророку:

Бѣда странъ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небожъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

Это стихотвореніе въ высшей цензурѣ не было разрѣшено къ печати; но оно было прочитано тѣми, кого касалось. Пришло ли имъ на мысль, что ихъ запрещеніе не помѣшаетъ поэтическому, правди-

вому слову перейти въ потомство, которое сумѣетъ объяснить къмъ и чѣмъ оно вызвано?

Въ обществѣ, гдѣ пришлось вращаться Пушкину, уже не оказалось того круга, съ которымъ прежде онъ былъ единомыслень, который ободрялъ его въ извѣстномъ направленіи, возбуждая въ немъ „недоступныя мечты“, который превозносилъ каждый его стихъ. Большинство изъ него было разсѣяно, все остальное замерло; замерли и тѣ силы, представителемъ которыхъ еще недавно считалъ себя нашъ поэтъ. Въ Москвѣ онъ сблизился съ небольшимъ кругомъ молодыхъ ученыхъ, съ Погодинымъ, Шевыревымъ, которые задумывали изданіе новаго журнала „Московский вѣстникъ“ съ дѣльной критикой въ противодѣйствіе петербургскимъ журналамъ Булгарина и Греча, которые считались продажными и нечестными. Хотя и много надеждъ было у нихъ на будущее, но въ то же время робко и запуганно смотрѣли они кругомъ ¹⁾. Пушкинъ общалъ имъ свое ревностное участіе въ журналѣ; но жизнь въ тѣсномъ кружкѣ не могла удовлетворить его; а въѣ этого кружка господствовали и геройствовали Фамусовы, Скалозубы и вся компанія Грибоѣдовской комедіи, которая уже начинала распространяться въ рукописяхъ по русской землѣ. Въ Петербургѣ Пушкинъ нашелъ нѣкоторыхъ изъ своихъ старыхъ друзей, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Дельвига, Баратынскаго, Плетнева; но общество представилось ему чинною и вмѣстѣ чинною толпою, съ которою у него не нашлось почти ничего общаго. Высній или аристократическій кругъ, къ которому Пушкинъ принадлежалъ по своимъ родственнымъ связямъ, отличался невниманіемъ и холодною ко всему русскому. „Политика и литература для нихъ не существуютъ, писалъ Пушкинъ, остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія; о чемъ же стануть они говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ, для этого они слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мелочной, понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому кругу, принять какъ чужой, не только иностранецъ, но и свой. Между тѣмъ всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго, но гдѣ его взять. И кто захочетъ выступить первый на сцену?“ Понятно, что общаго разговора и быть не могло, когда были подавлены всѣ общіе или общественные интересы жизни. Не могло такое общество привлекать къ себѣ поэта и наполнять его душу. Не много нужно было ему времени, чтобъ приглядѣться къ этой мертвящей средѣ и почувствовать къ ней отвращеніе. Вскорѣ послѣ своего переселенія въ Петербургъ онъ уже писалъ къ Осиповой: „Пошлость и глупость (*l'insipidité*)

¹⁾ Погодинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, говоря о московскихъ литературныхъ вечерахъ конца 1826 и начала слѣдующаго года, на которыхъ присутствовалъ и Пушкинъ, прибавляетъ: „Горько мнѣ сознаться, что я пропустилъ нѣсколько изъ этихъ драгоценныхъ вечеровъ страха ради іудейска“.

pidité et la stupidité) нашихъ обѣихъ столицъ одна и таже, хотя и въ различномъ родѣ... Это житье довольно пошло и я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переносу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти (въ Тригорскомъ). Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія“. Впечатлѣніе отъ этой жизни съ глубокой грустью высказалось и въ VIII главѣ Онѣгина, строфы которой поэтъ набрасывалъ въ это время:

Не сносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Смотрѣть на жизнь какъ на обрядъ
И въ слѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

Отсюда должно быть понятно, почему Пушкинъ не любилъ слыть въ такомъ обществѣ поэтомъ или сочинителемъ. Онъ зналъ, какъ мало способно оно понимать истинную поэзію и какъ склонно унижать поэта разными оскорбительными шутками и глупыми выходками. Онъ зналъ преданія о нашихъ старыхъ писателяхъ, которые должны были играть незавидную роль въ обществѣ вельможъ, считавшихъ себя образованными. Онъ дорожилъ тѣмъ высокимъ образомъ поэта, который развивался въ его фантазіи, и боялся, чтобы въ его лицѣ не былъ оскорбленъ этотъ образъ какимъ нибудь нахаломъ. Онъ не любилъ повѣрять свои творческія думы даже близкимъ пріятелямъ, тѣмъ болѣе несносны были ему любопытные вопросы постороннихъ людей, сопровождаемыя разными улыбками, не написалъ ли онъ чего нибудь новенькаго. „Публика, говорилъ Пушкинъ, смотритъ на поэта какъ на свою собственность, считаетъ себя вправѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія и дышетъ для того только, чтобы подбирать рифмы“.

Такой взглядъ уже профанировалъ поэта въ глазахъ Пушкина, который не находилъ себѣ въ этомъ обществѣ даже настоящей оцѣнки ни нравственной, ни эстетической. Онъ не могъ не почувствовать себя одинокимъ въ этой толпѣ людей; а между тѣмъ его натура требовала широкой общественной жизни; общество же могло представить ему только пустую свѣтскую жизнь съ ея мелкими, низменными идеалами. Что же удивительнаго, если въ такой средѣ, по страстной впечатлительной натурѣ артиста, ему приходилось иногда отдаваться увлеченіямъ болѣе всякаго другого? И вотъ въ этомъ же обществѣ начинается злорадство; пошлые люди довольны, что могутъ указать пальцемъ на его увлеченія, поставить себя судьей его жизни, сложить нѣсколько фразъ не въ его пользу. Этотъ судъ доходитъ до слуха поэта, и онъ отвѣчаетъ своимъ судьямъ стихотвореніемъ „Поэтъ“:

попавъ въ толпу между ничтожными людьми, поэтъ можетъ показаться ничтожнѣе всѣхъ—такова его увлекающаяся натура; но онъ отличается отъ всѣхъ тѣмъ, что можетъ подниматься до такой высоты, на которой у него нѣтъ уже ничего общаго съ ихъ кумирами: тогда онъ бѣжитъ отъ ихъ сообщничества и въ уединеніи предается творчеству.

Все это объясняетъ намъ, почему Пушкинъ нѣсколько лѣтъ велъ скитальческую жизнь. Ему было душно среди этого пышнаго города, гдѣ „духъ неволи, скука, холодъ и гранитъ“; его артистическая потребность была оживлять себя другими, новыми впечатлѣніями, и вотъ онъ скитается по Россіи изъ мѣста въ мѣсто, и чѣмъ далѣе онъ отъ мертвящихъ столичныхъ впечатлѣній жизни, тѣмъ бодрѣе дѣлается духъ его, тѣмъ веселѣе работаетъ его фантазія. Но преобладающимъ чувствомъ его было томительное, тоскливое состояніе, которое онъ называлъ скукою. Это не та обыкновенная скука празднаго человѣка, не знающаго куда дѣвать свое время. Это совсѣмъ особенное чувство, являющееся отъ неудовлетворенныхъ требованій духовной жизни, не оставляющее человѣка и во время труда и въ минуты пріятныхъ впечатлѣній. Еще изъ Михайловскаго Пушкинъ писалъ къ Рылѣву: „тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?“ Слѣдовательно по его взгляду такое направленіе духа составляло какъ бы типическую черту современнаго образованнаго человѣка. Съ этимъ взглядомъ находится въ тѣсной связи небольшая сцена „Фаустъ и Мефистофель“, которая создалась у Пушкина вскорѣ послѣ того, какъ онъ снова вступилъ въ кругъ столичной жизни и отдаваясь ей удовольствіямъ, быстро дошелъ до мысли объ ея пошлости. Скука его лишь усилилась и подъ ея впечатлѣніемъ создался у него образъ Фауста съ неизбѣжнымъ его сопутникомъ Мефистофелемъ. Критики справедливо не нашли ничего общаго между этимъ Фаустомъ и Фаустомъ Гете; но они не указали, что могло вызвать эту сцену и какая ея связь съ творческой мыслью поэта. Г. Анненковъ видитъ въ ней какъ бы отзывъ Пушкина на „Посланіе“ къ нему Веневитинова, который призывалъ пѣвца Байрона и Шенье воспѣть великаго германскаго старца Гете; Пушкинъ, прибавляетъ г. Анненковъ, измѣнилъ отчасти образы германскаго поэта. Бѣлинскій находилъ, что Пушкинскій Мефистофель все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воспѣлъ поэтъ въ молодости подъ громкимъ именемъ „Демонъ“; это просто-напросто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Самъ же Фаустъ, по взгляду Бѣлинскаго,—не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ. Но эти Пушкинскіе образы представляются намъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, если мы приведемъ ихъ въ связь съ тѣми обра-

зами, которые вынашивались поэтомъ въ эти годы и съ тѣми впечатлѣніями, которыя довели его до мысли, что скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Пушкинскій Фаустъ съ родни Евгению Онѣгину, который въ свою очередь съ родни самому Пушкину. Это русскій Фаустъ т. е. современный Пушкину русскій образованный человѣкъ, развитый чтеніемъ, и не нашедшій себѣ въ общественной жизни дѣятельности по душѣ; какъ существо мыслящее, онъ осудилъ всѣ свои прежнія сердечныя увлеченія, свою пустую свѣтскую жизнь, для которой и былъ воспитанъ. Но напрасно онъ искалъ себѣ дѣятельности внѣ канцелярскаго міра, внѣ полковаго ученія и парадовъ, внѣ той механической службы, которую предлагала жизнь: онъ оставался только при напряженномъ состояніи ума размышляющаго, анализирующаго, резонерствующаго; но эти безцѣльныя упражненія ума не могли удовлетворять природной потребности человѣческаго духа—жить всѣми силами; а тутъ оказывалось силъ много, примѣнять же ихъ было не къ чему, и чѣмъ больше пріобрѣталось познаній, тѣмъ больше являлось пищи для размышленій, и тѣмъ яснѣе видѣлись жизненныя противорѣчія, при которыхъ невозможно было ихъ примѣненіе. При такихъ условіяхъ могла быть только одна дѣятельность—борьба; но для этого нужно было во-первыхъ проникнуться какимъ либо высокимъ идеаломъ, во имя котораго начать борьбу, и во-вторыхъ, сознать въ самомъ себѣ силы или характеръ, котораго не могло развить и образовать свѣтское воспитаніе. Оставалось только размышлять и скучать въ бездѣятельности, потому что въ безцѣльномъ размышленіи нѣтъ дѣятельности. Вотъ какого рода скука была знакома многимъ русскимъ людямъ изъ свѣтскаго общества, у которыхъ умъ былъ возбужденъ односторонно и которые рано извѣдали жизнь въ разныхъ юношескихъ увлеченіяхъ, ослабивъ ими энергію своей души. Это были люди раздвоенные: у нихъ не было дѣятельности, которая занимала бы одинаково ихъ умъ и сердце; оно было пусто и искало себѣ жизни; а между тѣмъ размышляющій умъ анализировалъ всякое чувство и увлеченіе, находилъ его пошлымъ, осуждалъ и подавлялъ въ самомъ началѣ, не давъ развиться тому наслажденію, которое отъ него ожидалось. Люди безъ идеаловъ и съ идеалами, но не примѣнимыми къ жизни, одинаково скучали и постоянно думали о томъ, чѣмъ бы подавить свою скуку. Если ихъ можно сблизить съ настоящимъ Фаустомъ, то развѣ противоположностями. Тотъ искалъ познаній, чтобы удовлетворить жаждѣ своего ума; эти, утомляясь одними размышленіями ума, искали жизни для сердца, которое не удовлетворялось тѣмъ, что давала жизнь. Пушкинскій Фаустъ нашель, что „въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ“ и „проклялъ знавій ложный свѣтъ“.

Отсюда ясно, что роль Мефистофеля при этомъ Фаустѣ должна быть иная. Онъ вызванъ развлекать и увеселять резонирующаго и скучающаго человѣка послѣ того, какъ тотъ извлекъ изъ „темной пу-

чины науки“ однѣ великодушныя мечты, не примѣнимыя къ дѣйствительной жизни. Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ Мефистофель сознаетъ свое безсиліе сражаться съ человѣческой скукой и какъ бы идти противъ человѣческой природы:

Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его жъ никто не преступаетъ;
Вся тварь разумная скучаетъ.

Здѣсь подъ словами разумная тварь должно разумѣть не чело-вѣка вообще, а, согласно съ мыслью Пушкина, мыслящее суще-ство. Мефистофель глумится надъ этимъ разладомъ между умомъ и сердцемъ, надъ идеальными стремленіями и ихъ отрицаніемъ. Но въ сущности бѣсовскаго въ немъ нѣтъ ничего кромѣ развѣ способности исполнять всѣ прихоти и безцѣльныя задачи, которыя придумываетъ Фаустъ, чтобы на минуту развлечь себя. Какъ назвать этого бѣса, мы не знаемъ; но онъ не духъ отрицанья и сомнѣнья. Въ немъ отра-зилось само свѣтское общество, которое способно было глумиться надъ всѣмъ, не въ явѣ, такъ въ тайнѣ, и за неимѣніемъ дѣятельности, кото-рая бы заняла силы чело-вѣка и удовлетворила бы его, брало на себя доставлять развлечения, какія взбредутъ на умъ. Если Фаустъ назы-ваетъ его адскимъ твореніемъ, то по тому растлѣвающему дѣйствию, которому подвергался слабый чело-вѣкъ.

Та же самая скука преслѣдуетъ и Евгенія Онѣгина, считающа-гося по Россіи и напрасно ищущаго развлечения. Смѣняющіяся впе-чатлѣнія наводятъ на разныя думы, въ которыхъ видится мылящее существо; но онѣ не наполняютъ его души, не занимаютъ всѣхъ его силъ. Отсюда у него являюся желанія, самыя невозможныя для че-ловѣка съ здоровою душею:

И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откушникъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? Ахъ, создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Конечно подъ этотъ типъ мы не можемъ вполне подвести нашего поэта, который находилъ себѣ исходъ въ своемъ творчествѣ и ясно сознавалъ задачу свей жизни; но тѣмъ не менѣе онъ переживалъ такое чувство въ виду тѣхъ противодѣйствій жизни, которыя мѣшали исполнять ему эту задачу. Что, какъ не исканіе новыхъ впечатлѣній и развлечения отъ тоски, заставило его въ апрѣлѣ 1828 года просить черезъ Бенкендорфа государя дозволить „ему вступить въ армію,

направленную на Дунай противъ турокъ? Война, какъ мы видѣли, и прежде манила Пушкина своими особенными впечатлѣніями. Въ виду того, что еще недавно его приглашали воспѣвать отечественную славу, онъ могъ надѣяться, что просьба его будетъ уважена. Но вышло наоборотъ—Пушкину было отказано. Это довело его до болѣзненности, въ немъ сильно разлилась желчь. Въ такомъ состояніи духа онъ останавливается на другой мысли—проситься въ Парижъ. Можетъ быть, съ досады онъ думалъ совсѣмъ остаться тамъ, чтобы имѣть волю свободно распоряжаться своей личностью: чувство опеки всегда гнетущимъ образомъ дѣйствуетъ на нравственно-развитаго совершеннолѣтняго человѣка. Но Пушкина напугали дурными послѣдствіями отъ его прошенія и уговорили взять его назадъ. Въ утѣшеніе представляли ему, что отказъ императора принять его въ армію показываетъ только, что онъ расположенъ къ поэту и бережетъ его.

Въ слѣдъ за этимъ новый случай еще болѣе подбавилъ горечи въ сердце поэта и усилилъ неприятность зависимаго его положенія. Тотъ же самый генералъ Скобелевъ, который уже разъ сдѣлалъ доносъ на Пушкина, получившій теперь особенное значеніе своимъ доказаннымъ усердіемъ къ службѣ и употреблявшійся по секретнымъ дѣламъ, представилъ отрывокъ изъ извѣстнаго стихотворенія „Андрей Шенъ“, ходившій въ рукописи, съ объясненіемъ, будто онъ написанъ по поводу 14 декабря. Лица, у которыхъ были найдены эти стихи, были отданы подъ судъ. На допросъ призывали и Пушкина. Его положеніе казалось ему опаснымъ; онъ ожидалъ очень дурныхъ послѣдствій, что и выразилось въ его стихотвореніи „Предчувствіе“:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Ро къ завистливой бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ,

гдѣ вмѣстѣ съ опасеніемъ слышится и бодрость духа, которая всегда являлась у Пушкина лицомъ къ лицу съ бѣдою:

Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль на встрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду;
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...

Но поэтъ не совсѣмъ былъ спасенъ. Сенатъ, производившій судъ, призналъ стихотвореніе „соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ не благонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ“. Пушкинъ былъ избавленъ отъ слѣдствія и суда только потому, что преступленіе совершено имъ до манифеста 22 августа 1826 г., кото-

рымъ объявлялось прощеніе разнымъ преступникамъ. Но въ то же время Сенатъ рѣшилъ „обязать Пушкина подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ подѣ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія“. А государственный совѣтъ, до котораго доходило дѣло о молодыхъ людяхъ по доносу Скобелева, прибавилъ, чтобы „за Пушкинымъ по не приличному выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14 декабря и по духу самаго сочиненія его имѣлся секретный надзоръ“¹⁾. Конечно, это послѣднее рѣшеніе не было сообщено Пушкину, но онъ имѣлъ основаніе считать свое прошедшее какимъ-то рокомъ, который неустанно тяготѣлъ надъ его дальнѣйшею жизнію. Съ этихъ же поръ Бенкендорфъ и помощникъ его Фонъ-Фоксъ стали смотрѣть на Пушкина окончательно какъ на опаснаго вольнодумца, и усилили свой надзоръ надъ нимъ.

Въ какомъ состояніи духа былъ въ это время Пушкинъ говорить намъ его стихотвореніе „Воспоминаніе“, гдѣ поэтъ съ горечью осуждаетъ свое прошедшее, котораго не хотѣли простить ему ограниченные люди:

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенія;
Мечты кипятъ въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснитесь тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

А въ день своего рожденія 26 мая, когда ему наступилъ тридцатый годъ, онъ отозвался на всѣ горечи жизни извѣстнымъ стихотвореніемъ, полнымъ отчаянія „Даръ напрасный, даръ случайный“.

Цѣли нѣтъ передо мною:
Сердце пусто, празденъ умъ
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Еще ни одно стихотвореніе Пушкина не ованчивалось такимъ безнадежнымъ взглядомъ на жизнь. Много нужно было перечувствовать и перестрадать поэту, чтобы наконецъ отвѣтить отрицательно на вопросъ о цѣли жизни. Но кто могъ понять это душевное его томленіе? За отчаяніе его же винили въ недостаткѣ религіи; даже московскій митрополитъ Филаретъ низошелъ къ нему съ обличительно-увѣщательнымъ стихотвореніемъ:

Самъ я своенравной властью
Зло изъ тайныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнемъ взволновалъ...

¹⁾ „Рус. Старина“ 1874 г., августъ.

Но поэтъ вдохновенной рѣчью отвѣчалъ на обвиненіе и показалъ, до какой высоты онъ можетъ возвышаться и какъ христіанскій поэтъ:

Твоимъ огнемъ душа палима
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ трепетѣ поэтъ ¹⁾.

Отчаяніе Пушкина было только минутное. Цѣль жизни на самомъ дѣлѣ не была потеряна. Она выяснилась въ его творческихъ произведеніяхъ, которыя должны были дѣйствовать на нравственный подъемъ и эстетическое развитіе новаго поколѣнія. Большинство стараго относилось къ нему подозрительно и враждебно. Почти никто не понималъ, что онъ быстро идетъ впередъ, что нравственный его идеаль очищается и совершенствуется; что онъ уже пережилъ кипучій юношескій возрастъ и относится къ жизни какъ зрѣлый мужъ. Личное нравственное совершенствованіе входило въ задачу жизни Пушкина, и уже однимъ этимъ онъ становился много выше той свѣтской толпы, которая съ сомнѣніемъ продолжала смотрѣть на нравственность поэта. Жизнь каждой личности находится въ тѣсной связи съ жизнью общественной и національной, и потому нравственное ея совершенствованіе возможно только при ясномъ сознаніи этой связи. Но его-то и не доставало въ тогдашней русской жизни, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ оно было развито очень слабо; отсюда и нравственный уровень его былъ очень низокъ; эгоистическимъ и корыстнымъ стремленіемъ каждаго былъ широкій просторъ. Пушкинъ хорошо понималъ это и видѣлъ, какъ необходимо пробудить въ обществѣ стремленіе узнать свое историческое прошедшее, чтобы сознать наконецъ и свое историческое значеніе, а съ этимъ вмѣстѣ и свою связь съ прежними поколѣніями. Только черезъ это стремленіе можно было дойти до мысли о національности и до пониманія ея интересовъ. Вотъ почему онъ такъ высоко сталъ цѣнить „Исторію“ Карамзина, называя ее „не только созданіемъ великаго писателя, но и подвигомъ честнаго чловѣка“. Отсюда являются желчныя его нападки на тѣхъ русскихъ людей, которые забыли о своей связи съ предками, въ свое время даже знаменитыми. „Прошедшее для насъ не существуетъ, писалъ онъ, жалкій народъ!.. Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи; дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторією своего дома т. е. исторією отечества. И это вы ставите ему въ достоинство“... „Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ, насмѣшливо замѣчаетъ Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ: Карамзинъ недавно рассказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали ее.

¹⁾ Стихотвореніе „Въ часы забавъ и празднои скуки“.

Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на колѣнахъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествомъ, у насъ... Забудьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности“.

Изъ всѣхъ отрывочныхъ замѣтокъ, оставшихся въ бумагахъ Пушкина, г. Анненковъ выводитъ, что „уваженіе къ предкамъ Пушкинъ считаетъ нравственной силой, укрѣпляющей волю, создающей характеры, ставящей высочія жизненныя цѣли, и что онъ возвышается до степени ядовитаго сатирика и негодующаго патріота, когда принимается обличать слѣпоту и пустоту русскаго образованнаго общества, совершенно позабывшаго все свое прошлое для того, чтобы помнить только мелкіе и пошлые интересы дневнаго существованія, заниматься и питаться вопросами самаго низменнаго свойства и притомъ въ такихъ размѣрахъ, къ какимъ способны бываютъ единственно люди, живущіе безъ идеаловъ“¹⁾.

Поставивъ уваженіе предковъ въ тѣсную связь съ вопросомъ о нравственности, Пушкинъ связываетъ съ нимъ и вопросъ о личныхъ достоинствахъ. „Есть достоинства выше знатности, говоритъ онъ, достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами“?.. „Безкорыстная мысль, пишетъ онъ въ другой замѣткѣ, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца“?

Таковы были убѣжденія Пушкина, изъ которыхъ вытекало его собственное нравственное развитіе. Его даже укоряли, что онъ придаетъ особенное значеніе знатности рода, осмѣянной въ баснѣ Крылова „Гуси“. Упреки въ самомъ дѣлѣ имѣли бы основаніе, еслибы онъ соединялъ съ знатностью какіе-либо эгоистическіе расчеты и на ней бы только основывалъ права на личный почетъ; но поставивъ выше знатности личныя заслуги, онъ тѣмъ самымъ ограждаетъ себя отъ упрековъ, приписывая ей только нравственную силу поддерживать человѣка на высотѣ общественнаго служенія. Уважать предковъ — достоинство; кичиться предками — смѣшной недостатокъ.

Такое отношеніе Пушкина къ историческому прошлому и къ современному ему русскому обществу, которое не интересовалось своимъ прошлымъ въ ущербъ своего нравственнаго развитія, объясняетъ намъ, почему наиболѣе капитальныя труды поэтической фантазіи Пушкина связываются съ русской исторіей. Занимаясь ею съ цѣлями не столько учеными, сколько съ нравственными и гражданскими, онъ тѣмъ самымъ уже давалъ матеріалы для работы своей фантазіи, которая, какъ

¹⁾ См. въ „Вѣстн. Европы“ 1880 г. іюнь: — „Общественные идеалы Пушкина“.

мы знаемъ, быстро перерабатывала все, чѣмъ была занята мысль поэта. Съ другой стороны приписывая историческимъ знаніямъ нравственное значеніе, Пушкинъ понималъ, что въ обществѣ мало развитомъ нравственно, поэтъ своими художественными образами изъ исторической сферы можетъ сдѣлать болѣе историка. Примѣромъ служилъ Карамзинъ, котораго мало читали въ этомъ обществѣ, потому что чтеніе его исторіи составляло тамъ непривычный умственный трудъ—страхъ большинства. Поэта же прочтаетъ каждый, даже не умѣющій цѣнить поэзіи. Здѣсь мы видимъ, что Пушкинъ, отказываясь отъ темъ, какія предлагало ему само общество для своего исправленія ¹⁾, въ то же время не отказывался соединить свою поэзію съ потребностями того общества. Онъ только сознавалъ лучше его тѣ высшія потребности, безъ которыхъ оно коченѣло въ нравственномъ и умственномъ застоѣ.

Особенно много работала фантазія Пушкина надъ образомъ Петра Великаго, который положилъ начало новой русской жизни въ связи съ европейскимъ просвѣщеніемъ и о которомъ въ самомъ народѣ сохранилось много преданій. Мы уже видѣли, какъ онъ воспользовался этимъ образомъ, чтобы представить идеаль царя и черезъ него вызвать „милость къ падшимъ“.

Но и раньше того съ этимъ величественнымъ образомъ поэтическая его фантазія соединяла образъ своего прадѣда арапа Ибрагима. Такъ въ 1825 году онъ писалъ къ своему брату изъ Михайловскаго: „Присовѣтуй Рылеву въ новой его поэмѣ („Войнаровскій“) помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арабская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы. „Въ Михайловскомъ же онъ собиралъ матерьялы, изъ которыхъ въ 1827 г. у него выработался рассказъ „Арапъ Петра Великаго“, гдѣ образъ Петра является такимъ привлекательнымъ и въ простотѣ обыденной домашней жизни. А въ слѣдующемъ году въ поэмѣ „Полтава“ представлена другая сторона жизни Петра, въ которомъ соединены всѣ героическія черты его характера какъ царя, основателя новой могущественной европейской державы. Здѣсь поэтъ идеализировалъ образъ Петра только на основаніи историческихъ данныхъ, и онъ вышелъ у него образомъ народнымъ т. е. согласнымъ съ преданіемъ, сохраннымъ въ народной памяти. Съ нимъ Пушкинъ соединилъ другую сильную историческую личность, Мазепу, образъ котораго также за долго до этого возникалъ въ его фантазіи. Мы уже видѣли, какъ онъ интересовался имъ, живя въ Бессарабіи и напрасно отыскивая въ Бендерахъ его могилу, выпытывая въ то же время у стариковъ, не сохранилось ли какихъ преданій о немъ и о товарищѣ его бѣгства съ Полтавскаго поля Карлъ XII. Первую мысль о поэмѣ далъ Пушкину рассказъ

¹⁾ См. стих. „Поэтъ и чернь“.

Рылеева „Войнаровскій“, сколько можно догадаться по слѣдующей его замѣткѣ: „Прочитавъ въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь,¹⁾

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страннаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры и немудрено и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непроситительно“. Этимъ описаніемъ и увлеклась фантазія поэта, создавъ нѣсколько живыхъ и драматическихъ сценъ, представляющихъ исключительныя отношенія между старикомъ Мазепою, Маріею, ея отцомъ и матерью. Но творческая его фантазія создала при этомъ такой образъ Мазепы, который уже не могъ вполнѣ выразиться въ этихъ сценахъ: онъ, какъ образъ историческій, требовалъ уже широкаго изображенія своего характера, согласно съ исторіей. „Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь какъ и въ исторіи, замѣчаетъ Пушкинъ: рѣчи объясняютъ его историческій характеръ“. Такимъ образомъ Пушкинъ долженъ былъ выйти изъ тѣсныхъ рамокъ эпизода, взятаго изъ жизни исторической личности и ввести ее въ ту широкую историческую сферу, которая и даетъ ей все значеніе. Эта же сфера должна была выставить на сцену и самыхъ главныхъ историческихъ дѣятелей того времени, Петра и военнаго его противника Карла XII. Они также идеализировались въ фантазіи поэта на основаніи историческихъ данныхъ, но естественно связать ихъ съ тѣмъ же самымъ эпизодомъ было уже невозможно. Отсюда и является кажущаяся двойственность плана всей поэмы, въ чемъ критики упрекали Пушкина. И дѣйствительно безъ эпилога поэмы трудно было бы видѣть одну общую ея идею. А въ немъ-то и выражается взглядъ Пушкина на давно отжившія лица. Онъ хочетъ связать свое время съ прошедшимъ нравственною связью, спрашивая: что же черезъ сто лѣтъ осталось

Отъ сильныхъ гордыхъ сихъ мужей
Столь полныхъ волею страстей?

И оказывается, что завидные слѣды оставляютъ тѣ дѣятели, которые умѣли направлять свои страсти къ общему благу; отъ тѣхъ же,

¹⁾ Рѣчь идетъ о Мазепѣ:

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь
Въ страданьяхъ ихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ,
То громко плакалъ и рыдалъ,
То дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ какъ безумный хохоталъ.

которые отдавались только своимъ личнымъ интересамъ, какъ бы ни шумна была ихъ дѣятельность, остаются самые жалкіе слѣды. При такой идеѣ для поэта всѣ выставленныя личности имѣли одинаковое значеніе и каждую онъ долженъ былъ заняться съ одинакимъ вниманіемъ. Мы указываемъ только идею, которую поэтъ думалъ соединить въ одно лица и сцены, созданныя его фантазією, и которая была въ тѣсной связи съ его взглядомъ на историческую жизнь; но не беремся оправдывать этой идеи, какъ идеи творческой въ художественномъ произведеніи.

Прибавимъ ко всему этому замѣтку Пушкина, которая знакомить насъ съ характеромъ его творческаго духа. Говоря о Мазепѣ, онъ замѣчаетъ: „Однако же какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, молодухіе, свирѣпость!... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней ¹⁾, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все“.

Въ началѣ марта 1829 года Пушкинъ послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ снова почувствовалъ томительное состояніе духа „въ городѣ чопорномъ, уныломъ, гдѣ рѣчи — ледъ, сердца — гранитъ“. Неожиданно и неказавшись никому, онъ уѣхалъ въ свою деревню, оттуда въ Москву и потомъ на Кавказъ. Цѣлью его поѣздки, по собственнымъ его словамъ, были минеральныя воды, гдѣ онъ думалъ лечиться. Но скорѣе всего этимъ онъ только официально прикрывалъ свою поѣздку, которая совпадала съ началомъ военныхъ дѣйствій Паскевича въ Азіатской Турціи. Желаніе сильныхъ впечатлѣній, которыя бы могли подавить тоску его души, давало ему надежду какъ нибудь пробраться съ русскимъ войскомъ въ мѣста военныхъ дѣйствій, не испрашивая предварительнаго позволенія въ Петербургѣ, гдѣ навѣрно онъ получилъ бы отказъ, а можетъ быть, даже и строгое замѣчаніе. Въ Тифлисѣ же Пушкинъ надѣялся свидѣться съ нѣкоторыми своими пріятелями и съ братомъ, служившимъ тогда въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку. Но армія выступила въ походъ до его пріѣзда, и въ Тифлисѣ онъ уже никого не нашель. „Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную, объясняетъ въ своихъ запискахъ Пушкинъ, побудило меня просить позволенія пріѣхать въ армію“. Но это прошеніе было послано не къ петербургскому опеуну Пушкина, а въ дѣйствующую армію къ главнокомандующему. Паскевичъ, нисколько не затрудняясь, разрѣшилъ ему прибыть въ свой лагерь. „Такимъ образомъ видѣлъ я блестящую войну, пишетъ Пушкинъ, конченную въ нѣсколько недѣль и увѣнчанную переходомъ черезъ Саганлу и взятіемъ Арзрума“. Между тѣмъ Бенкендорфъ, узнавъ,

¹⁾ Она была написана въ Петербургѣ въ октябрѣ 1828 года; первая пѣснь кончена 3 октября, вторая — 9, третья — 16. (См. „Матеріалы“, Анненкова).

что Пушкинъ явился на Кавказъ безъ его вѣдома, сильно встревожился. Благопріятели успокоивали его, злорадно набрасывая тѣнь на нравственность поэта; ручались, что это путешествіе устроено картежными игроками, у которыхъ онъ въ тискахъ, что они вѣрно обѣщали ему золотыя горы на Кавказѣ, и что потомъ сами обыграютъ его. Но Бенкендорфъ не успокоился, считая Пушкина способнымъ на всякую агитацію. По его распоряженію учрежденъ былъ особенный надзоръ за нимъ. Но вотъ получается извѣстіе, что онъ уже въ Арзерумѣ. Еще болѣе встревожился подозрительный шефъ жандармовъ съ своими помощниками. Былъ тотчасъ же посланъ запросъ о цѣли его путешествія. Пушкинъ отвѣчалъ, что на Кавказъ онъ попалъ для свиданія съ братомъ, а въ армію съ дозволенія фельдмаршала Паскевича, такъ какъ ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій ¹⁾).

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургѣ досказали Пушкину все, чего не дописали въ Грузію.

Плодомъ этого странствованія были извѣстныя записки „Путешествіе въ Арзерумъ“ и нѣсколько небольшихъ стихотвореній, сложившихся подъ впечатлѣніемъ отъ кавказской природы. Въ стихотвореніи „Калмычкѣ“ ставя калмычку въ параллель съ свѣтскими барынями, поэтъ показываетъ въ нихъ много внѣшнихъ отличій и иронически дѣлаетъ такое заключеніе:

Друзья, не все ль одно и то же:
Забьтись праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

Вотъ какія мысли наводилъ на него модный свѣтъ, среди котораго приходилось ему возвращаться въ столицѣ. Но вообще кавказскій воздухъ подѣйствовалъ на его духъ живительно, хотя и не могъ совершенно подавить его унынія:

Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла...
Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ — отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1874 г. Августъ. Въ июльской книжкѣ „Русской Старины“ 1880 г. рассказывается, что Пушкинъ былъ принятъ очень радушно Паскевичемъ, который приказалъ поставить ему палатку возгъ своей ставки; но требовалъ, чтобъ онъ всегда находился при немъ, тогда какъ Пушкинъ любилъ рысать по лагерю, а при всякой перестрѣлкѣ скакать впередъ подъ выстрѣлы. Все это не нравилось Паскевичу, особенно, когда онъ узналъ о частыхъ свиданіяхъ Пушкина съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находившимися въ арміи рядовыми. Произошла открытая ссора поэта съ Паскевичемъ, который наконецъ объявилъ ему: „Господинъ Пушкинъ, мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а помогу я совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой“. Пушкинъ въ тотъ же день уѣхалъ.

Въ описаніи Терека въ стихотвореніи „Кавказъ“ видится изображеніе собственной его души:

Играетъ и воетъ какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще!... Нѣтъ ни нищи ему, ни отрады;
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады...

Другая картина „Монастырь на Казбекѣ“ вызываетъ изъ сердца поэта такое желаніе:

Далекій возжеланный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышнѣ!
Туда бѣ въ заоблачную келью
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ.

Совсѣмъ другими звуками зазвучала лира поэта, когда онъ опять явился среди столичной жизни: „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“, глубоко элегическіе стансы „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, и другія, говорящія о тѣхъ скорбныхъ минутахъ, которыя овладѣвали душою поэта:

Мой нуть уныль. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!

Теперь у поэта страданіе уже сдѣлалось какъ бы принадлежностью мыслящаго человѣка.

Кавказъ далъ Пушкину новый поэтическій образъ, который стала вынашивать его фантазія. Въ немъ мы видимъ родство съ тѣми образами, надъ которыми уже трудилось его творчество, и въ которыхъ выражалась собственная его личность. Тазитъ явился какъ бы на смѣну Онѣгину, который въ это время уже вполне выработался въ фантазіи поэта. Онѣгинъ, пришедшій въ разладъ съ своимъ обществомъ вслѣдствіе того, что оно не могло дать ему никакой дѣятельности по душѣ, остался среди него существомъ пассивнымъ, способнымъ размышлять и растравлять свое сердце размышленіями, скучающимъ и празднымъ, даже безъ всякаго Мефистофеля. Онъ долженъ былъ признать надъ собой силу этой массы людей, которая назвала себя обществомъ: она дала почувствовать себя не какъ сила разумная, но какъ сила стихійная, какъ слѣпая, но гнетущая судьба, отъ которой не уйти человѣку, вздумавшему по несчастію не поладить съ нею. Разладъ не принесетъ ему счастья, и лишь только онъ отдѣлился отъ нея, участь его рѣшена, побѣдителемъ онъ не останется, а масса будетъ прозябать по своему, признавая силу, а съ нею и право на своей сторонѣ. Не та же ли судьба тяготѣетъ и надъ несчастною Татьяною, правда, подчинившеюся массѣ, но противъ воли, противъ

своего сердечнаго влеченія, и все же создавшей свой собственный міръ? Давленіе этой стоячей массы поэтъ конечно долженъ былъ чувствовать и на самомъ себѣ; онъ не могъ не сознавать, что ему пришлось дорого платиться за всѣ тѣ противорѣчія, въ которыя онъ ставилъ себя съ этою массою, не желая съ нею сливаться, не могъ не видѣть своего безсилія передъ нею, не могъ и примириться съ ея требованіями. Вотъ это-то впечатлѣніе отъ такой общественной силы выразилось и въ Онѣгинѣ, надъ которымъ съ такой любовью много лѣтъ работала фантазія Пушкина. Конечно, когда онъ начиналъ свой романъ, онъ еще не могъ чувствовать всего этого, или если чувствовалъ, то пока еще слишкомъ неопредѣленно и не ясно; только дальнѣйшая жизнь, какую испыталъ онъ, должна была дать ему болѣе ясныя впечатлѣнія. Поэтъ въ этомъ и признается, оканчивая романъ:

Даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различаю.

Намъ пришлось бы исписать много страницъ, если бы мы вздумали указывать всѣ тѣ впечатлѣнія жизни поэта, которыя отразились въ его произведеніи. Не даромъ оно было спутникомъ многихъ лѣтъ его тревожной и скитальческой жизни. Мы только указали то главное и общее впечатлѣніе, какому невольно поддалась его фантазія, выразивъ его въ образѣ Онѣгина. Для Тазита, сколько можно судить по его недоконченному и невыношенному образу, среда, въ которой родился онъ, также составляетъ его судьбу. Онъ не можетъ удовлетвориться ея низменными идеалами, ея стоячею жизнію, такъ какъ его собственные идеалы говорятъ ему о другомъ долгѣ, вызываютъ другія стремленія, ставятъ другія задачи жизни. Разладъ между нимъ и его народомъ начался съ собственной семьи, является самъ собою. Слѣдствіе отсюда ясно: какимъ бы онъ ни явился передъ этой самоувѣренной и самонадѣянной средой—врагомъ ли, другомъ ли, онъ не найдетъ себѣ покоя и счастья, судьба его рѣшена. Можетъ быть, его идеалъ одушевить и еще нѣсколько личностей и отторгнуть отъ своей среды, но и ихъ ждетъ та же участь.

Не смотря на то, что Пушкинъ съ самаго начала набросалъ въ общихъ чертахъ планъ ¹⁾ своей поэмы, но какъ видно, образъ Тазита выработывался у него медленно; въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ не разъ обращался къ своему труду, и поэма все же осталась неоконченной; не потому ли, что задуманный имъ образъ окончательно не выработался въ его фантазіи?

Съ 1830 г. Пушкина стали отвлекать отъ его поэтическаго призванія журнальные замыслы, которые, къ сожалѣнію, вызывало тогдашнее положеніе нашей журналистики. Какъ мы видѣли, Пушкинъ еще въ 1824 г. былъ недоволенъ русскими журналами за то,

¹⁾ См. „Матерьялы“, Анненкова.

что имъ недоставало дѣльной критики, основанной на опредѣленныхъ разумныхъ принципахъ. По его взгляду только такая критика могла способствовать развитію эстетическаго вкуса въ публикѣ и образовать здоровое общественное мнѣніе. Вотъ почему онъ выказывалъ сочувствіе каждому новому журналу, въ которомъ видѣлось стремленіе разрабатывать какіе либо философскіе принципы для критики. Такъ онъ отнесся къ существовавшему недолго журналу князя Одоевского и Кюхельбекера „Мнемозина“ въ 1824 г., затѣмъ въ 1825 г. къ „Московскому Телеграфу“, съ которымъ выступилъ на литературное поприще Полевой при дѣятельномъ сотрудничествѣ князя Вяземскаго. Въ 1827 г. молодой ученый Погодинъ сталъ издавать „Московский вѣстникъ“, на который лучшія литературныя силы возлагали большія надежды, стараясь вмѣстѣ съ Пушкинымъ поддержать его ¹⁾. Но всѣмъ новымъ журналамъ приходилось вступать въ сильную конкуренцію съ тою журналистикой, которая въ лучшихъ литературныхъ кружкахъ называлась продажною и представителями которой были два пріятеля-журналиста Гречъ и Булгаринъ. Въ ихъ рукахъ была газета „Сѣверная Пчела“ и журналъ „Сынъ Отечества“ съ монополіей помѣщать политическія извѣстія, чего не разрѣшалось ни какому другому частному періодическому изданію. Такая монополія привлекала значительное число подписчиковъ и давала значительные доходы. Отсюда естественно желаніе издателей употребить всѣ мѣры, чтобы удержать за собою монополію. Въ этомъ стремленіи не брезгали никакими мѣрами. Булгаринъ обратился въ литературнаго шпіона и умѣлъ снискать себѣ расположеніе Бенкендорфа, набрасывая тѣмъ на разныя опасныя для него литературныя личности. Изъ редакціи „Сѣверной Пчелы“ и „Сына Отечества“ выходили тайные доносы въ Третье отдѣленіе на тѣхъ, которые могли быть чѣмъ нибудь опасны издателямъ. Такъ, ими былъ оклеветанъ князь Вяземскій въ злонамѣренномъ будто бы направленіи „Телеграфа“. Оправдываясь вообще въ либерализмъ, который на него взводила тайная полиція, князь указываетъ на „гнусное безпокойство нѣкоторыхъ журналистовъ, коихъ позорная дѣятельность безчеститъ русскую литературу и русское общество; они помнятъ мои прежніе эпиграммы, боятся новыхъ, боятся независимости моего прямодушія, когда предстоитъ мнѣ случай вывести на свѣжую воду ихъ тупость или безчестность, боятся нѣкоторыхъ правъ моихъ на вниманіе читающей публики, совмѣст-

¹⁾ Въ концѣ 1826 Веневитиновъ писалъ къ Соболевскому въ Москву: „Что дѣлаетъ нашъ журналъ (Москов. Вѣстн.), я надѣюсь, что ты изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, а именно: понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полеваго, выжимаешь изъ Шевьрева статьи и выкидываешь тернии и зелье недостойныя изъ нашего цвѣтущаго сада. Понугай Пушкина, надобно чтобъ въ каждомъ № было его имя, подписанное хоть подъ немногими строчками. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь (въ Петербургѣ) отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобъ они не шадили Булгарина, Роейкова и пр. Истинные литераторы за насъ...

ничества моего для нихъ опаснаго и въ безсиліи своемъ состязаться со мною при свѣтѣ дня, на литературномъ поприщѣ, они подкапываются подъ меня во мракѣ, свойственномъ ихъ природнымъ дарованіямъ и нажитому ремеслу“¹⁾).

Въ этомъ взглядѣ князя Вяземскаго выразился и взглядъ всѣхъ сколько нибудь независимыхъ писателей того времени. Но Булгаринъ не унывалъ, а Бенкендорфъ, найдя добровольнаго себѣ помощника, самъ помогалъ ему, сгибая въ бараній рогъ каждое изданіе, осмѣлившееся высказать какую либо живую мысль. Кромѣ этой скрытой силы у монополистовъ была и сила явная. Своими шарлатанскими критиками они дѣйствовали развращающимъ образомъ на начинающіе литературные таланты, извращали вкусъ читающей публики. Имъ ничего не стоило плыть по теченію и устраивать свои дѣла съ цензурою. А между тѣмъ силы равной и противодѣйствующей имъ не оказывалось. „Московскій телеграфъ“, тѣснимый цензурою, не выдержалъ, сталъ дѣлать уступки, гнѣтъ въ тонъ подкупной петербургской самонадѣянной журналистики и отвратилъ отъ себя лучшихъ писателей. „Московскій вѣстникъ“ не былъ поддержанъ неразвитой публикой и долженъ былъ прекратиться²⁾. Писателямъ, которые дорожили своими именами и не хотѣли имѣть дѣла съ людьми, торговавшими своею совѣстью, негдѣ было печатать своихъ произведеній. Имъ настояла крайняя необходимость начать новое изданіе, чтобы имѣть свой органъ и въ тоже время сколько возможно противодѣйствовать „Сѣверной пчелѣ“, „Сыну отечества“ и подобн. Соединились лучшія и наиболѣе уважаемыя имена—Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій, Крыловъ, Баратынскій, Дельвигъ, и положили издать въ 1830 г. „Литературную газету“. Послѣдній былъ выбранъ редакторомъ. Пушкинъ, какъ нервный и страстный человекъ, ревностно взялся за дѣло и явился усерднымъ помощникомъ своего друга. Отличаясь рѣзкимъ и сжатымъ слогомъ, онъ мѣтко клеймилъ Булгарина, какъ нравственную личность, и показалъ свою силу.³⁾ Перо Пушкина узнавалось безъ подписи. Онъ воспользовался именемъ французскаго шпіона Видока, который передъ этимъ издалъ въ Парижѣ свои сочиненія, и характеризуя по нимъ автора, рисовалъ въ тоже время непривлекательный портретъ своего противника⁴⁾. Это

¹⁾ „Моя исповѣдь“ Соч. Вяземскаго, часть II.

²⁾ Въ неуспѣхѣ Погодинъ отчасти винить самого себя: „Я не хотѣлъ пускать болѣе четырехъ листовъ книжку, говорить онъ въ своихъ воспоминаніяхъ: Телеграфъ выдавалъ въ 10 и 11 листовъ; я не хотѣлъ прилагать картинокъ модъ, которыя, по общимъ тогдашнимъ понятіямъ, служили первою поддержкою Телеграфа; я не употребилъ стараній, чтобы привлечь и обезпечить участіе князя Вяземскаго, который перешелъ окончательно къ Телеграфу и на первыхъ порахъ своими остроумными статьями и любопытными матерьялами содѣйствовалъ больше всѣхъ его успѣху.

³⁾ Подъ этими статьями Пушкинъ иногда подписывался псевдонимомъ Косичкинъ.

⁴⁾ См. V часть сочиненій Пушкина издан. Исагова.

же имя переходить и въ злыя эпиграммы Пушкина на того же журналиста. Но полемика не успѣла развиться въ подробности, соединившись тотчасъ же съ неблаговидными доносами ¹⁾. Она не понравилась Бенкендорфу, показавшись опасною, и къ счастью Булгарина была прекращена, а вскорѣ затѣмъ придрались къ пустому промаху редакціи и совсѣмъ запретили газету.

Самымъ чувствительнымъ ударомъ для Пушкина было послѣдствіе этого запрещенія—смерть Дельвига ²⁾, на котораго такъ подѣйствовали незаслуженныя угрозы и оскорбленія отъ шефа жандармовъ, что не выдержалъ его организмъ такого нравственнаго потрясенія. Всѣ порядочные люди негодовали на такія незаконныя дѣйствія всесильнаго царедворца, но негодовали конечно въ тихомолку. „А каково вамъ кажется запрещеніе „Литературной газеты“, писалъ князь Вяземскій къ старцу Дмитріеву. По журнальному достоинству она подлежала выговору, но въ политическомъ отношеніи была совершенно невинна. И какая несообразность! Имѣть цензуру и вмѣстѣ съ нею налагать отвѣтственность на авторовъ. То вдругъ отрѣшить цензора, то отрѣшить газету! Есть ли послѣ того возможность писать, не имѣвъ духа быть Булгаринимъ, который рѣшительно казнить и милуетъ кого угодно? И какая польза отъ того, что цензурный уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой нибудь Фотій, когда ни тотъ, ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что государь уважилъ бы истину, еслибы кто раскрылъ ее предъ нимъ. Но всѣ молчатъ“. ³⁾ Въ этомъ общемъ безмолвіи конечно торжествовали люди, которымъ ни по чемъ былъ всякій публичный позоръ. Торжествующимъ, повидимому, остался и Булгаринъ. Но Пушкинъ, разгоряченный его безстыдствомъ и считая его участникомъ въ пораженіи Дельвига, не могъ оставить его безъ новыхъ позорныхъ ударовъ. Въ 1831 г. въ новомъ журналѣ Надеждина „Телескопъ“ онъ продолжалъ нападать на Булгарина, какъ на литературнаго торгаша, шарлатана и шпіона. „Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, пишетъ онъ, которые публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, говоря въ

¹⁾ См. статью Анненкова въ Вѣстникѣ Европы 1880, іюнь. „Общественные идеалы Пушкина“.

²⁾ „Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье, писалъ Пушкинъ Плетневу, и на другой день оно подтвердилось... Грустно, тоска. Вотъ первая смерть мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій; но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду, около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ и постараемся быть живы.“

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1868, № 4.

похвалбу себѣ и въ утѣшеніе: „вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ“. Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и т. п.“.

Нужда заставила Пушкина вести такую полемику съ развратными журналистами: нужно было раскрыть глаза публикѣ и выставить въ настоящемъ свѣтѣ эти личности, которыя являлись ловить въ мутной водѣ рыбу. Въ этомъ отчасти Пушкинъ и успѣлъ, по крайней мѣрѣ въ кругу людей болѣе развитыхъ и образованныхъ. Но не весело было заниматься такимъ дѣломъ. Не могъ поэтъ не чувствовать себя одинокимъ, не только въ свѣтской сферѣ, но и въ литературной. Друзья его молчали, можетъ быть, изъ расчетовъ благоразумія, да не всѣ и понимали его стремленія ¹⁾. Журнальная критика судила о немъ и вкривь и вкось, съ намѣреніемъ досадить ему и уколоть его ²⁾. Къ этому времени относится его стихотвореніе „Поэтъ, не дорожи любовію народной“, гдѣ прорывается это тяжелое чувство одиночества поэта, который видитъ передъ собою только одну холодную толпу, не находя никакой связи съ нею. Подъ этими впечатлѣніями и созданъ у него образъ поэта, не признающаго надъ собою суда толпы, которая не можетъ понимать его.

Но Пушкинъ ошибся въ одномъ: онъ принялъ за народный голосъ журнальную брань и свѣтское равнодушіе къ его поэзіи. Ему была чувствительна и обидна такая перемѣна послѣ того, какъ онъ былъ приученъ къ громкимъ хваламъ за все, что ни выходило изъ-подъ его пера; а между тѣмъ онъ понималъ, что геній его мучаетъ, крѣпнеть, что его поэтическіе труды съ каждымъ годомъ все совершенствуются. Но Пушкинъ не замѣтилъ, что духъ той публики, которая недавно цѣнила его, былъ подавленъ, если не задуженъ; что теперь со своимъ голосомъ явилась другая публика, въ руководители которой поставленъ Булгаринъ съ братіей, а на смѣну первой только

¹⁾ Въ 1829 г. князь Вяземскій писалъ Дмитріеву: „По примѣру Карамзина увѣренъ, что привычка труда не только не уступаетъ при стеченіи непріятныхъ обстоятельствъ, но, напротивъ, служитъ подкрѣпительною союзницею для сохраненія бодрости и спасительнаго терпѣнія. Но не каждому готова служить эта союзница: надобно умѣть ее заслужить, а въ этомъ-то и затрудненіе. Надобно быть сложенія плотнаго, а мы свойства тшедушнаго и нервическаго, какъ наша эпоха. Мы всегда и вездѣ подъ вліяніемъ минуты: нѣтъ на жизни нашей отраженія единства дѣйствія полнаго и безпрерывнаго. Однимъ словомъ, мы — натуры романтической, а не классической: въ насъ нѣтъ запаса на Илиаду, сотканную цѣлымъ кускомъ; мы вытѣкаемъ поэмы полотнищами, въ строфахъ, и то еще съ точками, съ умолчаніями и бѣзьями промежутками въ основѣ“... Здѣсь видится намѣвъ на Пушкина.

²⁾ „Что касается до критическихъ статей, писалъ Пушкинъ, написанныхъ съ одною цѣлью оскорбить меня, какимъ бы то ни было образомъ, скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты и что, слѣдовательно, сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали“.

подростала другая цѣнительница его поэзіи; у нея еще не было голоса; но она воспитывала себя „сладкими звуками и молитвами“ поэта, среди казарменной атмосферы. Это были юноши, оканчивающіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, даровитыя природы, которыхъ не успѣли подавить тупые педагоги; они тайкомъ учили наизусть лучшія произведенія нашего поэта, иные терпѣли за это наказаніе, но зато благодаря его поэзіи, сохраняли въ душѣ высшія человѣческія стремленія, выносили въ себѣ тотъ свѣтъ, который въ другихъ одолевался мракомъ. Этой публики Пушкинъ еще не зналъ, а въ ней-то и хранилась народная любовь. Узнай онъ о ней, и навѣрно изъ его измученной души не вырвался бы этотъ стихъ: не дорожи любовью народной. И какъ бы онъ своей любящей душой отозвался на эту молодую любовь, которая пряталась въ разныхъ студенческихъ кельяхъ и въ ученическихъ камерахъ, если уже одинъ анонимный задушевный привѣтливый голосъ извлекъ изъ его страдающей души такіе сердечные звуки:

Вниманья слабого предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ
 И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
 Холодная толпа взираетъ на поэта,
 Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
 Глубоко выразитъ сердечный тяжкій стонъ,
 И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
 Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
 Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, плъ порой
 Неблагодарно киваетъ головой.
 Постигнетъ ли глѣва незашное волненье,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
 „Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ:
 „Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ“
 „И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолствуетъ оно...

Душно и мрачно было поэту въ этой полицейской атмосферѣ. Точно левъ, запертый въ клѣткѣ, томился онъ. Душа его рвалась куда нибудь подальше отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній. Къ тому же присоединилось одно сердечное, еще не опредѣлившееся дѣло, о которомъ сейчасъ будемъ говорить. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ по возвращеніи его въ столицу послѣ закавказскаго путешествія, и онъ уже просится у Бенкендорфа во Францію и Италію; если же на это не будетъ разрѣшенія, то хоть въ Китай, куда въ это время отправлялась наша миссія. На это онъ получилъ только упрекъ, что противорѣчить волѣ того, кто осыпалъ его столькими благодѣяніями. Пришлось извиняться и замолчать. Но въ мартѣ того же года Пушкинъ внезапно уѣхалъ въ Москву. Вслѣдъ за нимъ посланъ былъ запросъ отъ шефа жандармовъ, почему онъ не предупредилъ его

о своемъ отъѣздѣ, и при этомъ ему выставлено было на видъ, что всѣ непріятности, которымъ можетъ онъ подвергнуться за свои своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ своему собственному поведенію. Тутъ поэту уже пришлось убѣдиться, что онъ находится дѣйствительно подъ надзоромъ полиціи. Если передъ этимъ онъ выслушалъ непріятное замѣчаніе за свою кавказскую поѣздку, то потому, что онъ безъ вѣдома государя, не будучи военнымъ челоѡкомъ, слѣдовалъ за нашими войсками въ Турціи. Теперь же ясно было, что онъ лишень свободы перемѣщенія, какъ послѣдній крестьянинъ. Пушкина крайне огорчило такое стѣсненіе. Онъ отвѣчалъ, что до этого времени онъ никогда не спрашивалъ предварительнаго разрѣшенія и не получалъ замѣчаній. При томъ онъ выразилъ горестъ, какую приносятъ ему незаслуженные выговоры, жалуясь на гоненія, какія онъ безвинно терпитъ. Но смягчая свои жалобы, онъ прибавляетъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что въ Бенкендорфѣ онъ видитъ своего единственнаго защитника. „Если завтра вы не будете министромъ, замѣтилъ онъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму“¹⁾. Особенно же жаловался онъ на Булгарина, который хвалился своей близостью къ Бенкендорфу.

Въ Москву Пушкинъ ѣздилъ свататься за дѣвицу Гончарову, которой красота поразила его за годъ до этого, когда онъ направлялся къ Кавказу. У насъ есть интересное письмо Пушкина, писанное по-французски къ будущей его тещѣ, весною 1830 г.: „Когда я увидаль ее въ первый разъ, писалъ онъ, красоту ея только-что начинали замѣчать въ обществѣ; я ее полюбилъ, голова моя помутилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума. Въ ту же ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите: зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы; я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ, надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Зablужденія первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Они были слишкомъ рѣзки; клевета придала имъ еще болѣе широкіе размѣры; по несчастію молва о нихъ сдѣлалась всеобщою. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи. Какія муки ожидали меня по моемъ возвращеніи? Ваше молчаніе, вашъ холодный видъ, пріемъ Наталіи столь легкой, столь невнимательный. У меня не достало духу объяснитьсь. Я уѣхалъ въ Петербургъ съ адомъ въ душѣ. Я чувствовалъ всю неловкость моего положенія: я былъ робокъ въ первый разъ въ жизни, а робость въ челоѡкѣ моихъ лѣтъ, конечно, не можетъ поправиться молодой особѣ“...

Такимъ образомъ и здѣсь, въ этомъ сердечномъ вопросѣ, касающемся

¹⁾ „Русская Старина“. 1874 г. августъ.

выбора жены, поперегъ дороги Пушкина стала все та же упорная молва о дурнопроведенной юности, о безнравственномъ направленіи, о политической неблагонадежности. Здѣсь даже теряла свою силу всѣмъ извѣстная русская пословица, которую обыкновенно у насъ произносятъ для оправданія буйной молодости жениха: былъ молодцу не укорь. И это злопамятство держалось въ томъ обществѣ, которое само не стояло на высотѣ нравственнаго развитія. Молва подтверждалась другою молвою: разглашали, что Пушкинъ подѣ надзоромъ тайной полиціи, такъ какъ государь недоволенъ имъ. Тогда Пушкинъ рѣшается просить Бенкендорфа извѣстить государя о своемъ намѣреніи жениться; но при этомъ случаѣ жалуется на свое тягостное положеніе: „Мать невѣсты, пишетъ онъ, страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастье быть подѣ гнѣвомъ государя“. Въ отвѣтъ на это Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Пушкинъ „находится не подѣ гнѣвомъ, но подѣ отеческимъ попеченіемъ его величества“, что онъ довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ „человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя, который оберегаетъ его своими совѣтами и руководитъ имъ только къ его пользѣ“.

Какой ироніей звучать эти слова въ письмѣ Бенкендорфа въ виду его недавнихъ отношеній къ поэту! Нѣтъ сомнѣній, что онъ передавалъ на этотъ разъ слова государя и не замѣтилъ, что они не согласны съ собственными его поступками, обличая, какъ онъ самъ злоупотреблялъ порученіемъ государя.

Подѣйствовало ли это письмо или и безъ него, но предложеніе Пушкина наконецъ было принято. Онъ не измѣнилъ своей артистической натурѣ и въ вопросѣ о женитьбѣ. Онъ увлекся красотой юной Гончаровой, которою восхищались всѣ при первомъ ея появленіи въ свѣтѣ:

Все въ ней гармонія, все диво,
 Все выше міра и страстей:
 Она покоится сгдливо
 Въ красѣ торжественной своей...

Этого достаточно было для артиста. Онъ не предлагалъ себѣ ни какихъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе въ соображеніяхъ о женатой жизни нравственнаго человѣка. Онъ даже не убѣдился, можетъ ли она полюбить его. Въ пылу страсти онъ дѣлаетъ предложеніе. „Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери, писалъ онъ къ матери своей невѣсты. Я могу надѣяться, что современемъ она ко мнѣ привяжется, но во мнѣ нѣтъ ничего, что могло-бы ей нравиться. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится среди восхищеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтствующій, болѣе блистатель-

ный, болѣе достойный ея. Такія внушенія, если-бы они даже и были не искренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаяваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ-ли она ко мнѣ отвращеніе? Богъ мнѣ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною въ выборѣ на завтра же другого мужа, мысль эта— адъ ¹⁾“...

Страстная натура Пушкина сказывается въ этихъ словахъ. Онъ говоритъ о желанномъ законномъ обладаніи любимую женщиною, и въ то же время волнуется сомнѣніями, опасеніями, ревнивыми думами. Онъ такъ привыкъ къ недоброжелательству свѣта, что боится и тутъ, какъ бы свѣтъ не вмѣшался въ его сердечныя отношенія къ жемѣ, не нарушилъ бы покоя и счастья семейной его жизни. Зная дальнѣйшую судьбу Пушкина, связанную съ его женитьбой, мы слышимъ какое-то роковое предчувствіе въ этихъ словахъ поэта.

Согласіе со стороны невѣсты получено, свадьба отложена на нѣсколько мѣсяцевъ. Пушкинъ имѣлъ возможность успокоиться, обдумать свое положеніе и спокойно смотрѣть на предстоящую ему новую жизнь. За недѣлю до свадьбы (10 февраля 1831 г.) онъ писалъ къ другу своей юности Кривцову: „Я почти женатъ. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes (въ обычной коллеи нѣтъ счастья). Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаяваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: они входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью“ ²⁾.

Прежде всего Пушкину нужно было обдумать и устроить свое матерьяльное положеніе. Онъ зналъ, что женится на дѣвушкѣ, воспитанной для свѣтской жизни, слѣдовательно эту жизнь и долженъ былъ имѣть въ своихъ соображеніяхъ. „Я ни за что на свѣтѣ не допущу, писалъ онъ, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она вправе требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми вкусами, всею моею жизнью, вполне свободною и обильною случайностями“. Для всего этого нужно было имѣть значи-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1873. № 5.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1864 г., № 10.

тельные доходы. Пушкинъ не могъ много разсчитывать на отца, у котораго всѣ дѣла были крайне запутаны; не могъ разсчитывать и на большое приданое; оставалось положиться на собственные литературные труды. Онъ справедливо понадѣялся на свои силы и въ ту же осень доказалъ себѣ, какъ производительно можетъ онъ употреблять свое время. Но чтобы имѣть вѣрные доходы, теперь необходимо было сообразоваться съ цензурными требованіями и подчинить имъ свое творчество—вотъ что болѣе всего могло тяготить Пушкина. На виду у него былъ „Борисъ Годуновъ“, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ публикѣ только въ небольшихъ отрывочныхъ сценахъ. Мы видѣли, что еще въ 1826 году Бенкендорфъ потребовалъ это произведеніе къ себѣ для передачи его государю. Черезъ нѣсколько времени Пушкинъ получилъ его обратно съ припискою, что „государь замѣтилъ въ драмѣ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, если-бы сочинитель передѣлалъ ее въ историческій романъ на подобіе Вальтеръ-Скотта“. На это Пушкинъ отвѣчалъ: „жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“. Но печатать свой трудъ онъ не рѣшился изъ опасенія, что и публика не пойметъ красоты его, а ему было бы очень тяжело перенести равнодушный пріемъ произведенія, которымъ онъ такъ дорожилъ, соединивъ съ нимъ вопросъ о народной драмѣ. И только въ 1829 году онъ представилъ его во вторичную цензуру государю, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій. Драма была снова возвращена съ тѣмъ, чтобы перемѣнить еще нѣкоторыя мѣста, показавшіяся тривіальными. Отправляясь въ закавказскую поѣздку, Пушкинъ поручилъ Жуковскому заняться ея печатаніемъ. Но и тутъ произошла помѣха. По возвращеніи въ Петербургъ, питая мечту о новомъ далекомъ путешествіи на западъ или на востокъ, Пушкинъ писалъ къ Бенкендорфу: „Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію; но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ небогатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячъ въ 15 руб., которые могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наибольше доволенъ“. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ 1830 г. высочайше разрѣшено печатаніе „Бориса Годунова“, подъ собственною отвѣтственностію поэта. Но въ это время Пушкинъ былъ далеко отъ столицы, драма печаталась безъ него и вышла въ свѣтъ 1-го января 1831 года.

Пушкинъ получилъ отъ отца часть его нижегородскихъ помѣстій, село Болдино, куда онъ и отправился изъ Москвы на осень, чтобы выправить тамъ бумаги, необходимыя для залога имѣнія въ опекуновомъ совѣтѣ, такъ какъ ему нужны были деньги для свадьбы. Но тамъ захватила его холера, быстро шедшая съ юга на сѣверъ. Не имѣя возможности пробраться черезъ устроенныя карантинны, поэтъ поне-

волѣ засѣлъ въ одиночествѣ. Осень и тихая уединенная жизнь всегда приносили вдохновеніе нашему поэту. Въ Болдинѣ онъ приготовилъ къ печати двѣ послѣднія главы „Евгенія Онѣгина“, написалъ драматическія сцены „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Донъ-Жуанъ“, шуточную повѣсть „Домикъ въ Коломнѣ“, пять повѣстей Бѣлкина, около тридцати мелкихъ стихотвореній и началъ „Лѣтопись села Горохина“. Замѣчательно, что всѣ драматическія сцены и нѣкоторыя мелкія стихотворенія ¹⁾ вводятъ насъ въ кругъ европейской жизни, преимущественно средневѣковой, а нѣкоторыя даже навѣяны произведеніями европейскихъ поэтовъ. Здѣсь Пушкинъ расширяетъ сферу своей поэзіи, показавъ, что ему одинаково доступна какъ русская, такъ и иноземная жизнь, что его фантазія проникается даже духомъ этой послѣдней по однимъ впечатлѣніямъ отъ чтенія иностранныхъ сочиненій. Онъ, какъ гениальный поэтъ, отразилъ въ себѣ черту новаго русскаго человѣка, воспитаннаго подъ сильнымъ вліяніемъ общеевропейскаго просвѣщенія. Эта способность усваивать себѣ представленіе чужой жизни развивается у насъ съ дѣтства черезъ чтеніе чужеземныхъ сказовъ, разсказовъ, историческихъ сочиненій. Наше воображеніе на ряду съ образами, созданными русской фантазіей, наполняется и созданіями другихъ народовъ. Въ прежніе годы мы интересовались европейскою жизнію даже болѣе, чѣмъ своей, даже легко передѣлывались во французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. И въ настоящее время исторія Европы со школы изучается нами во всей подробности. Отсюда ясно, что мы нисколько не затрудняемся понимать европейскую жизнь во всемъ ея историческомъ объемѣ, и интересуемся ею какъ жизнью намъ очень близкою, хотя историческое участіе принимаемъ въ ней еще недавно. Такое наше отношеніе къ чужой жизни сдѣлалось какъ-бы національною чертою русскаго человѣка, сознающаго свою связь съ Европою, какъ природнаго европейца. Въ Пушкинѣ отразилась эта черта какъ въ художникѣ, и его произведенія въ этомъ родѣ обогатили русскую поэзію. Съ другой стороны чужая сфера жизни давала ему болѣе цензурнаго матеріала для поэзіи, а о немъ онъ долженъ былъ теперь думать, такъ какъ разсчитывалъ на доходы отъ своихъ произведеній. Тѣми же соображеніями могли быть вызваны и повѣсти Бѣлкина, а можетъ быть и „Домикъ въ Коломнѣ“, „Лѣтопись же села Горохина“ была брошена на половинѣ, такъ какъ она видимо должна была коснуться такихъ порядковъ русской помѣщичьей жизни, которые тщательно оберегались цензурою.

Изъ мелкихъ стихотвореній большая часть представляетъ впечатлѣнія и думы поэта, которыя занимали его въ уединеніи. Въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ, который поддерживался самою окружающею природою и жизнію. Ими поэтъ хочетъ объяснить, отчего

¹⁾ „Пажъ“, „Пью за здравіе Мери“, „Романсъ“.

русская поэзія вообще склонна болѣе къ элегіи. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взять веселья, если вамъ представляются такія картины:

Избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ; равнины садъ отлогій,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
 На дворѣ у низкаго забора
 Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
 Два только деревца, и то изъ нихъ одно
 Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
 А листья на другомъ размокли и желтѣя,
 Чтобъ лужу засорить, ждуть перваго Борея,
 И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
 Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
 Безъ шапки, онъ несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
 И кличетъ издали лѣниваго попенка,
 Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
 Скорѣй, ждаты некогда, давно бѣ ужъ схоронилъ...

Но отъ этихъ некрасивыхъ картинъ нашъ поэтъ тѣмъ охотнѣе углублялся въ свой внутренній міръ и тѣмъ страстнѣе предавался своему творчеству:

Въ камелькѣ забытомъ
 Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лить,
 То тѣлетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
 Иль думы долги въ душѣ моей питаю.
 И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
 Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
 И пробуждается поэзія во мнѣ:
 Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
 Трепещетъ и звучитъ, и шепчетъ какъ во снѣ
 Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ —
 И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
 Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
 И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
 И рифмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
 И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
 Минута... и стихи свободно потекутъ...

Но для такого свободнаго проявленія души поэту нужно быть вдали отъ шумной свѣтской жизни и разныхъ гнетущихъ заботъ. Женатая жизнь должна будетъ измѣнить условія его жизни. Что-то она принесетъ ему?

Парки бабѣ лепетанье,
 Спящей ночи трепетанье
 Жизни мышья бѣготня —
 Что тревожишь ты меня?
 Что ты значишь, скучный шепотъ?..
 Отъ меня чего ты хочешь?
 Ты зовешь или пророчишь?

Такіе тревожные вопросы являлись поэту въ бессонныя ночи....

VIII.

Женатая жизнь.

Женившись, Пушкинъ поспѣшилъ переселиться въ Петербургъ, съ мыслию ввести молодую жену въ кругъ свѣтской жизни и дать ей возможность принимать участіе во всѣхъ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Но онъ хорошо понималъ, что теперь ему, какъ человѣку семейному, не ловко быть въ высшемъ обществѣ безъ опредѣленнаго officialнаго положенія. Тамъ у всѣхъ есть какіе нибудь служебные титулы, а онъ между ними только сочинитель. Но это званіе ни въ officialномъ мірѣ, ни въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ не пользовалось особеннымъ почетомъ. Оно иногда произносилось тамъ съ ужимками и съ сомнительными улыбками. Самому Пушкину было всегда крайне непріятно, если къ его имени прибавляли это слово, когда хотѣли отличить его отъ другихъ Пушкиныхъ. Его пріатели и люди доброжелательные къ нему, во главѣ которыхъ стоялъ Жуковский, стали убѣждать его выбрать себѣ какое нибудь опредѣленное положеніе. Вступить въ службу чиновникомъ, съ его маленькимъ чиномъ, для него конечно было немыслимо, не потому, чтобъ не быть подвластнымъ человѣкомъ: онъ и безъ того хуже всякаго мелкаго чиновника чувствовалъ на себѣ тяжесть власти своего полицейскаго опекуна и покровителя. Пушкинъ дорожилъ свободою труда, которую онъ хотѣлъ отдать литературнымъ работамъ. Но пріатели нашли возможность устроить его къ ихъ общему удовольствію. Положили выхлопотать ему позволеніе издавать политическую газету, которая отчасти бы замѣнила недавно запрещенную „Литературную газету“ Дельвига, и добиваться званія исторіографа, упраздненнаго со смертію Карамзина. Эти планы пришли Пушкину по душѣ. Съ ними какъ нельзя лучше согласовались его гражданскія и патріотическія стремленія. Въ это время Пушкинъ жилъ на дачѣ въ Царскомъ селѣ, куда переселился и дворъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Въ Петербургѣ свирѣпствовала холера, а въ Польшѣ возстаніе въ полномъ разгарѣ; въ Европѣ разжигалась ненависть противъ Россіи. Эти обстоятельства и вызвали въ бесѣдѣ друзей мысль о необходимости дѣльной политической газеты. Г. Анненковъ такимъ образомъ излагаетъ все это дѣло ¹⁾:

„Втихомолку передавались печальныя новости съ театра войны: нерѣшительность дѣйствій русской арміи, возрастающія надежды инсурекиці, сочувствіе къ ней со стороны народовъ Европы; за междоусобной войной проглядывала возможность большой европейской войны въ близкомъ будущемъ. Нравственная сторона польскаго вопроса особенно обращала вниманіе друзей въ Царскомъ селѣ, такъ какъ въ

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1880 г. іюнь: „Общественные идеалы Пушкина“.

ней то и заключалось все дѣло. Пока большинство русскаго общества негодовало просто на медленность вооруженной расправы съ непріятелемъ, Жуковскій и Пушкинъ всего болѣе думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою основу и которымъ себя оправдывало... Подъ знаменемъ нарушеннаго принципа народной воли и національности, Франція, только что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣликомъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства, бурю, которая сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исторіи и трактатовъ, во всемъ, что они сказали въ пользу и въ интересъ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были усилія нашей секретной дипломатической борьбы съ направленіемъ—одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ нимъ голосъ самаго общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, но многимъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія, чѣмъ даже для отраженія не справедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ „бунтъ“, „мятежъ“, достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употребить силу оружія противъ идеи о политической независимости у народа, котораго много лѣтъ пріучали къ ней официально—этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи“...

Вотъ при такихъ условіяхъ и явилась мысль основать печатный органъ: „пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападки иностранныхъ газетъ“. Эта мысль Пушкина вытекала прямо изъ чувства патріотическаго негодованія. Съ этимъ вмѣстѣ у него соединилась и мысль служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, разъясняя послѣдней политическія идеи въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые исторически развивались въ русскомъ народѣ. Увлекала его и мысль заняться исторіей Петра Великаго въ качествѣ исторіографа. Съ этимъ вмѣстѣ связывался и вопросъ о чинѣ, о которомъ до сихъ поръ не приходилось задумываться поэту. Но теперь его нельзя было избѣгать, лишь только зашла рѣчь объ официалномъ положеніи, которое прежде всего опре-

дѣлялось чиномъ. И вотъ не долго думая, въ іюнѣ того же года Пушкинъ подалъ прошеніе Бенкендорфу. Здѣсь онъ заявляетъ, что ему всегда было тягостно его бездѣйствіе, и что теперь онъ готовъ служить по мѣрѣ своихъ способностей. „Мой настоящій чинъ къ несчастію будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 года. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало“. Далѣе онъ предлагалъ свое перо для политическихъ статей, обѣщая съ точностью и усердіемъ исполнять волю государя. „Съ радостью взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ бы образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. Наконецъ Пушкинъ просилъ дозволенія заняться историческими изысканіями въ архивахъ и библіотекахъ съ цѣлью исполнить свое давнишнее желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Петра III.

Съ помощью связей и пріятельскихъ просьбъ Пушкинъ ни въ чемъ не получилъ отказа. Право посѣщать государственные архивы (впрочемъ подъ руководствомъ статсъ-секретаря Блудова) было дано ему тогда же, а прочее обѣщано.

Въ своемъ прошеніи, сознательно или нѣтъ, Пушкинъ произнесъ справедливое и вѣское слово: онъ выразилъ, что у людей съ дарованіемъ и слѣдовательно полезныхъ, таится вражда къ правительству, и указалъ причины ея—непріязненное его отношеніе къ просвѣщенію, и затѣмъ средство, какъ оно можетъ доказать противное и приблизить къ себѣ всѣхъ этихъ людей: просвѣщеніе требуетъ работы мысли въ вопросахъ жизни. Вызвавъ на эту работу умственные силы просвѣщенныхъ людей, правительство тѣмъ самымъ доказало бы, что оно стоитъ на сторонѣ просвѣщенія. Обѣщаніе разрѣшить изданіе просимой газеты могло навести на мысль, что предложеніе услугъ со стороны лучшихъ литературныхъ силъ принято въ настоящемъ значеніи. Оставалось только съ пріятными надеждами и расчетами ждать исполненія обѣщанія. Но Пушкинъ-поэтъ предупредилъ Пушкина—журналиста. Поэтъ не ждетъ позволенія, а высказывается въ минуту, когда созрѣла его творческая дума. Въ августѣ мѣсяцѣ онъ написалъ одно за другимъ два политическія стихотворенія „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“¹⁾ на одну и ту же тему, какъ от-

¹⁾ Оба эти стихотворенія вмѣстѣ со стихами Жуковскаго на ту же тему были напечатаны тогда же въ одной брошюрѣ, озаглавленной „На взятіе Варшавы“ 1831 г.

вѣтъ на клевету, брань и оскорбленія, вызванныя противъ Россіи. стремленіями, возбужденными за границею польскимъ возстаніемъ. Все это произносилось въ парламентахъ и палатахъ, печаталось въ иностранныхъ газетахъ. Патріотическое чувство русскаго поэта было сильно оскорблено; но не смотря на страстность своей рѣчи, онъ не смѣшиваетъ двухъ вопросовъ: вопроса о польской самостоятельности и вопроса о правѣ западныхъ народовъ подчинить Россію своей волѣ и своимъ требованіямъ. Въ вопросѣ о Польшѣ онъ противопоставляетъ теоретическому принципу національности, во имя котораго на западѣ такъ горячо вступались за Польшу, принципъ чисто исторической. По его взгляду, въ этой польско-русской борьбѣ вопросъ идетъ не о раздѣленіи національностей, а о сліяніи ихъ въ одно славянское тѣло, слѣдственно разрѣшается вопросъ славянскій и вопросъ не новый; цѣлые вѣка считаются кровью эти два близкія родственныя племени, и семейная, а не національная вражда ихъ можетъ разрѣшиться только исторически, въ будущемъ. Что же касается второго вопроса, то онъ легко можетъ разрѣшиться только силою оружія. Здѣсь поэтъ, съ гордостью указывая на испытанную русскую силу и на недавнее значеніе русскаго народа въ дѣлѣ освобожденія Европы, вызываетъ грозныхъ оскорбителей рѣшить поднятый вопросъ въ открытомъ, честномъ бою. Въ бородинской годовщинѣ, написанной послѣ взятія Варшавы, торжествующій голосъ поэта относится все къ тѣмъ же „легкоязычнымъ витіямъ“, а не къ падшему народу:

Въ бореньи падшій невредимъ,
Враговъ мы въ прахъ не топтали..
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

Вотъ одно изъ добрыхъ чувствъ, которыя поэтъ пробуждалъ въ народъ своей лирой.

При томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ находилось русское общество, стихотворенія Пушкина произвели сильное впечатлѣніе: они удовлетворяли оскорбленному патріотизму общества и въ то же время облегчали его, выясняя ему настоящее политическое отношеніе Россіи къ Польшѣ и западнымъ государствамъ. Не могли не понравиться они и правительству, которое, какъ они выставляли, исполняло историческую задачу русскаго народа. Можетъ быть, это обстоятельство ускорило исполненіе просьбы Пушкина о чинѣ. Онъ былъ причисленъ къ тому же министерству, при которомъ состоялъ и прежде, не смотря на то, что начальственныя лица въ этомъ вѣдомствѣ вѣроятно по злой памяти отписывались неимѣніемъ вакансій. Определенный сверхъ штата, онъ получилъ особенную милость—пять тысячъ рублей ежегоднаго жалованья, что уже было для него совершенно неожиданно и очень кстати при ограниченныхъ и не вѣрныхъ его средствахъ.

Такимъ образомъ вступая по немногу въ общую колею, вѣтъ которой, по собственному сознанію Пушкина, нѣтъ счастья, и предлагая

свой талантъ на службу правительству, онъ все же не столько измѣнился, сколько это могло казаться другимъ. Онъ только сдѣлался практичнѣе, убѣдившись, что одинъ въ полѣ не воинъ; онъ сталъ болѣе на историческую почву, отказавшись отъ прежнихъ теоретическихъ воззрѣній на жизнь. Но онъ остался при своихъ честныхъ гражданскихъ убѣжденіяхъ, которыя вызывали его служить дѣлу общенародному; а оно отождествлялось въ то время съ дѣломъ государственнымъ. Служить же узкимъ полицейскимъ выгодамъ, которыя тогда рѣзко выдавались впередъ передъ всеми народно-государственными интересами, Пушкину никогда не могло придти въ голову. У насъ есть интересная статья его о Радищевѣ, написанная съ видимымъ намѣреніемъ высказать, въ какія отношенія онъ, какъ журналистъ, станетъ къ правительству. Въ ней онъ осуждаетъ не убѣжденія Радищева, а его поступокъ (безцензурное изданіе книги „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“), который называетъ ничѣмъ не извиняемымъ преступленіемъ. Въ то же время онъ удивляется его необыкновенному духу, его самоотверженію и какой-то рыцарской совѣстливости. Здѣсь-же Пушкинъ отрекается отъ тѣхъ идей, которыя въ ранней юности увлекали его самого. Такъ, коснувшись книги французскаго философа XVIII столѣтія Гельвеція „О разумѣ“, которую изучалъ Радищевъ съ товарищами въ Лейпцигѣ, онъ прибавляетъ: „Теперь было бы для насъ не понятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если-бы мы по несчастію не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія; она рассмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и на вѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли столь же дѣтскія, другія мечты столь же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидрота и Руссо... въ свою очередь онѣ замѣняются другими“. Здѣсь-же мы видимъ, что историческій взглядъ на прошедшее, усвоенный Пушкинымъ, измѣнилъ и взглядъ его на царствованіе Александра I. Заслугу его онъ видитъ въ томъ, что онъ умѣлъ уважать человѣчество, благодаря чему двадцатипятилѣтнимъ его царствованіемъ смягчилась прежняя строгость законовъ.

Но вотъ тѣ строки, по поводу которыхъ мы и обратились къ статьѣ о Радищевѣ: „Радищевъ, говоритъ Пушкинъ, какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію

состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше-ли было бы потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій не была бы рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы; а съ другой—чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной. Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ, не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностью¹⁾.

Нельзя не видѣть настоящей цѣли, съ какой написаны эти строки. Изъ нихъ само собою вытекало слѣдующее заключеніе: правительство, которое поступаетъ иначе, даетъ оправданіе Радищевымъ въ ихъ противозаконныхъ поступкахъ. Изъ всего этого мы убѣждаемся, что Пушкинъ, отрекаясь отъ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ взглядовъ, не отрекался отъ своей личности т. е. отъ свободы своей мысли. Какъ бы въ отвѣтъ людямъ, которые упрекали его въ измѣнѣ убѣжденіямъ, онъ говоритъ въ защиту Радищева, устраняя отъ него укоръ въ слабости и непостоянствѣ характера: „Время измѣняетъ человѣка какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и молодежавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ“.

Такимъ образомъ Пушкинъ выяснялъ себѣ свое гражданское положеніе, не дѣлая никакихъ сдѣлокъ съ своей совѣстью. Въ этомъ случаѣ онъ чистъ отъ всякихъ упрековъ, которыми разные завистники и недоброжелатели хотѣли уронить его.

Съ помощью друзей онъ получилъ наконецъ определенное общественное положеніе: его привязывали къ дѣлу, прикрѣпляли къ мѣсту. Другой вопросъ: выигралъ ли отъ этого поэтъ? Всѣ думали, не исключая и самого Пушкина, что онъ остался въ своей сферѣ, какъ литераторъ: онъ будетъ заниматься журналомъ, будетъ писать исторію; ни какая посторонняя служба не будетъ отвлекать его. Но дѣло въ томъ, что всѣ ошибались на словѣ, подводя поэзію вмѣстѣ съ исторіей и публицистикой подъ одно слово „литература“. Дѣлаясь присяжнымъ журналистомъ и историкомъ, Пушкинъ отвлекался отъ

¹⁾ „Нѣсколько благоразумныхъ мыслей, прибавляетъ Пушкинъ, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній Радищева принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истинны, гдѣ нѣтъ любви“.

своего настоящаго призванія поэта-художника, хотя ему и казалось, что онъ остается себѣ вѣренъ. Друзья радовались за него и за русскую литературу, которой не доставало честнаго политическаго и критическаго журнала. Они возлагали на его будущій журналъ большую надежду ¹⁾. Но они считали Бенкендорфа лучше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Они представляли его государственнымъ человѣкомъ, способнымъ понимать истинныя нужды тогдашняго общества, тогда какъ онъ оказался не выше обыкновеннаго, склоннаго къ подозрѣніямъ жандарма, которому казалось опаснымъ соединять людей съ дарованіями да еще во имя вреднаго просвѣщенія; гораздо спокойнѣе для него было держать ихъ съ зажатыми ртами и въ подозрѣніи. Онъ наконецъ разрѣшилъ Пушкину газету, вѣроятно, уступая давленію или просьбамъ разныхъ уважаемыхъ лицъ; но тотчасъ же далъ ему замѣтить, что онъ остается все въ тѣхъ же полицейскихъ тискахъ. Онъ придрался къ альманаху „Сѣверные цвѣты“ ²⁾ на 1832 годъ, изданному Пушкинымъ въ пользу семейства покойнаго Дельвига. Тамъ между прочимъ было напечатано стихотвореніе Пушкина „Древо яда“ ³⁾ (Анчаръ). О немъ-то и былъ сдѣланъ строгій запросъ отъ шефа жандармовъ—почему оно явилось въ печати безъ предварительнаго разрѣшенія государя, при чемъ поэтъ грубо и несправедливо упрекали въ томъ, что онъ измѣнилъ принятымъ на себя обязательствамъ, нарушилъ честное слово, обманулъ. Крайне оскорбило Пушкина такое жандармское обращеніе, и онъ рѣшился объяснить, во что полицейская власть для него обращаетъ милость государя. „Я всегда твердо былъ увѣренъ, писалъ онъ въ отвѣтъ, что высочайшая милость, коей нежданно я былъ удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ, печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ печатались съ вѣдома моего и безъ вѣдома мои стихотворенія безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ“.

¹⁾ Князь Вяземскій писалъ въ Москву къ Дмитріеву: „Молодой или будущій газетчикъ занять своею беременностію. Тяжелый подвигъ, особенно при недостаткѣ сотрудниковъ. Пришлите что нибудь новорожденному на зубокъ... Благословите его на новое поприще. Авось съ легкой руки вашей одержитъ онъ побѣду надъ врагами ада т. е. „Телеграфа“, зажметъ ротъ „Пчелѣ“, и прочиститъ стекла „Телескопу“. Новостей политическихъ и литературныхъ сообщать вамъ нечего, если и есть онѣ... Царь и Пушкинъ у васъ (въ сентябрѣ 1832 г.)—политика и литература воцаренныя“.

Князь Одоевскій также думалъ принять дѣятельное участіе въ журнальныхъ трудахъ Пушкина.

²⁾ Дельвигъ нѣсколько лѣтъ издавалъ этотъ альманахъ, въ которомъ и Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе.

³⁾ Въ этой книжкѣ напечатаны слѣдующія произведенія Пушкина: „Моцартъ и Салери“, антологическія эпиграммы:—(„Царскосельская статуя“, „Отрокъ“, „Рифма“, „Трудъ“) „Эхо“, „Делибашъ“, „Анчаръ“. „Бѣсы“, „Дорожныя жалобы“. Въ книжкѣ на 1831 годъ, изданной Дельвигомъ: „Поэту“, „Отвѣтъ анониму“, „Монастырь на Казбекѣ“, „На холмахъ Грузіи“, „Обвалъ“.

Послѣ такого столкновенія Пушкинъ упалъ духомъ. Онъ хорошо понималъ, что ему данъ косвенный намекъ, хотя и въ грубой формѣ, на неудовольствіе его полицейскаго начальства за мысль стихотворенія Анчаръ. Но въ такомъ случаѣ какихъ же современныхъ политическихъ вопросовъ можно было касаться въ газетѣ безъ риска натолкнуться на оскорбленія еще болѣе чувствительныя, а можетъ быть, и на запрещеніе газеты по первымъ же номерамъ? Передъ глазами былъ примѣръ очень наглядный. Въ этомъ же году былъ запрещенъ на второмъ номерѣ новый ежемѣсячный журналъ „Европеецъ“, который началъ издавать въ Москвѣ возвратившійся изъ-за границы молодой ученый Кирѣевскій старшій. Бенкендорфу не понравились нѣсколько строкъ противъ нѣмцевъ, которыхъ онъ былъ конечно естественнымъ защитникомъ. Не помогли и всѣ хлопоты Жуковскаго ¹⁾. Въ виду всего этого Пушкину оставалось уступить безъ боя Булгарину и компаніи и отказаться отъ изданія къ общему огорченію своихъ друзей.

Переживъ холеру въ Царскомъ селѣ, Пушкинъ на зиму переселился въ Петербургъ. Здѣсь ему предстояла задача ввести свою молодую жену въ большой свѣтъ, сдѣлать ее участницею всѣхъ великосвѣтскихъ развлеченій и устроить свою жизнь, согласно съ обычаями и тономъ этого свѣта.

Наталья Николаевна, воспитанная помосковски, исключительно для свѣтской жизни, веселая, склонная къ развлеченіямъ, была замѣчена при дворѣ, какъ красавица, и вошла, по выраженію ея мужа, въ большую моду. Пушкинъ долженъ былъ ей сопутствовать на балы, рауты, собранія, вечера, спектакли и скучать среди шумнаго или чопорнаго многолюдства. Но онъ безроотно жертвовалъ собою для жены. Онъ тщеславился ея красотою, какъ артистъ, и былъ доволенъ, видя ее веселою, танцующею посреди толпы обожателей, возбуждающею зависть въ аристократическихъ дамахъ. Иногда онъ слегка упрекалъ ее въ кокетствѣ, но самъ же и поддерживалъ его, рассказывая ей о славѣ отъ ея красоты въ Москвѣ и въ провинціи. Онъ поощрялъ ея страсть къ свѣтскимъ удовольствіямъ, говоря: „будь молода, потому что ты молода и царствуй, потому что ты прекрасна“.

¹⁾ По этому поводу князь Вяземскій проиически писалъ въ Москву къ Дмитріеву „Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконеній нашихъ есть и то-хотя не объявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ въ Россіи издавать политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни—люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочіе, кромѣ единаго Полеваго, злоумышленники. Вы вѣрно пожалѣли о прекращеніи „Европейца“, послѣдовавшемъ вѣроятно также въ силу вышеупомянутаго узаконенія. Всѣ усилія благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ „Европейца“ нѣтъ ничего революціоннаго, остались безуспѣшны. „Въ напечатанномъ конечно нѣтъ ничего возмутительнаго, говорили въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и въ тогда ясно увидите злые умыслы и революцію какъ на ладони“. Прогнвъ такой логики спорить нечего“.

Но Пушкинъ не могъ не чувствовать, что положеніе его въ свѣтскомъ обществѣ было двусмысленно. Его ласкали государь и всѣ члены царской семьи, при всякомъ случаѣ выказывали ему особенное вниманіе, ему, не отличенному никакими знаками внѣшнихъ отличій, въ обыкновенномъ дворянскомъ мундирѣ или въ штатскомъ фракѣ. А между тѣмъ такихъ вниманій не удостоивались лица, украшенные лентами, изъ блестящей толпы. Они не понимали заслугъ поэта и ставили свою службу выше какого бы ни было стихотворства. Зависть, злоба, недоброжелательство шипѣли вокругъ поэта. Все это онъ понималъ очень хорошо, видѣлъ, какъ зорко слѣдятъ за нимъ, чтобы уловить каждую его неосторожность, каждую неловкость или легкомысліе его жены, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ сплетенъ. Приходилось поэту стать на стражѣ своего добраго имени, семейной чести, покоя, и мысль его напрягается въ этомъ направленіи и постоянно тревожить его нервы. Изъ его писемъ къ женѣ мы видимъ, въ какомъ тревожномъ настроеніи онъ находился, когда оставлялъ ее одну въ этомъ обществѣ, склонномъ ко всякимъ сплетнямъ, какъ онъ дорожилъ своимъ семейнымъ покоемъ, въ которомъ только и думалъ найти себѣ счастье, какъ боялся, чтобы молодая женщина своею неопытностью и незнаніемъ людей не подала повода къ различнымъ свѣтскимъ пересудамъ. Иногда онъ строго и съ досадой относится къ ней, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько любви высказывается въ его совѣтахъ и предостереженіяхъ. „Хоть я въ тебѣ и увѣренъ писалъ онъ въ первую свою отлучку, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ...“ „Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности, не говорю уже о безпорочности поведения, которое относится не къ тому, а къ чему то уже важнѣйшему“... „Кокетство не въ модѣ и почитается признаками дурнаго тона. Въ немъ толку мало... Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не *comme il faut*, все что *vulgar*... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой аристократическій тонъ измѣнился, разведусь. воть те Христокъ и пойду въ солдаты съ горя... Кокетство ни къ чему доброму не ведетъ, и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ни что такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія.

„Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши ¹⁾, останавливаюсь въ пакосной Москвѣ, которую не навизу—для чего? Для тебя, женка, чтобы ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта

¹⁾ 1833 г. осенью Пушкинъ ѣздилъ въ Оренбургъ съ цѣлью дополнить матеріалы для Исторіи Пугачевского бунта и Капитанской дочки.

и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня! къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнью мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc“...

Всѣ эти увѣщанія и предостереженія вызывались откровенными письмами его жены, которая описывала свои выѣзды въ свѣтъ и свои встрѣчи съ разными лицами, и которая, какъ видно, любила трунить надъ мужемъ, выставляя свое кокетство. Но не ревность, какъ иные хотятъ видѣть, а боязнь свѣтскихъ сплетенъ вызвала съ его стороны эти рѣчи. За то какъ болѣзненно отозвалось въ его сердцѣ, когда онъ въ 1834 г. узналъ, что тайна семейной его переписки нарушается почтою, которая распечатывала его письма, разумѣется, по распоряженію заботливаго опекуна его ¹⁾. Почта „распечатала письмо мужа къ женѣ, писалъ онъ, тайна семейственныхъ сношеній проникнута сквернымъ и безчестнымъ образомъ... Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами, никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни“... „Я не писалъ тебѣ, замѣчаетъ онъ въ другомъ письмѣ, потому что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше“... „Будь осторожна, вѣроятно и твои письма распечатываютъ, этого требуетъ государственная безопасность“.

Не всякому легко переживать мысль, что люди нахально вторгаются въ его семейную бесѣду и насильно дѣлаются нежеланными свидѣтелями объясненій мужа съ женою. И все это нужно было молча переносить и только про себя проклинать жизнь при такихъ условіяхъ.

Одною изъ большихъ непріятностей для Пушкина было производство его въ камеръ-юнкера на новый 1834 годъ. Мы не знаемъ, врагу или другу пришла мысль связать его официально съ дворомъ

¹⁾ Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Русской старины“ 1880 г. разсказывается фактъ, относящійся къ этому времени. Письмо Пушкина къ женѣ приведенное дагѣе, гдѣ онъ рѣзко выражается о трехъ царяхъ, было перехвачено въ Москвѣ почтъ-директоромъ Булаковымъ и въ копій-отправлено въ III отдѣленіе къ графу Бенкендорфу. Шефъ шандармовъ передалъ его своему секретарю Миллеру, бывшему лиценсту, приказывая положить въ ящикъ въ тотъ отдѣлъ бумагъ, съ которыми онъ отправлялся съ докладомъ къ государю. Но Миллеръ узнавъ о бѣдѣ, грозившей Пушкину, переложилъ письмо изъ одного отдѣла въ другой, въ надеждѣ на забывчивость Бенкендорфа. Эта надежда оправдалась. Пушкину также сообщили о томъ, чтобы онъ принялъ свои мѣры. Но никакихъ дурныхъ послѣдствій ему не пришлось испытать. Только въ слѣдующемъ письмѣ къ женѣ онъ выбранилъ Булакова свойственными ему сильными выраженіями, предполагая, что почтъ-директоръ полюбопытствуетъ прочитать и это письмо. Онъ не обманулся: оказалось, что письмо не дошло по выписанному адресу, значить достигло цѣли; но въ III отдѣленіе не было переслано.

и сдѣлавъ обыкновеннымъ придворнымъ чиновникомъ, вывести его изъ этого исключительнаго, но почетнаго положенія, въ какомъ онъ до того являлся между царедворцами. По свидѣтельству графа Сологуба ¹⁾ кому-то нужно было, чтобы жена его приглашалась на придворные балы. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ видѣлъ въ этомъ униженіе, хотя и долженъ былъ скрыть свое чувство. „Конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, писалъ онъ Нащокину ²⁾, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть“. А по словамъ князя Вяземскаго, ему казалось неприличнымъ, что въ его лѣта посреди его поприща дѣлали его камеръ-юнкеромъ, словно какого то юношу и новичка въ общественномъ кругу. Когда великій князь Михаилъ Павловичъ поздравлялъ Пушкина, онъ отвѣтилъ: „вы, ваше высочество, одни меня поздравляете, а всѣ надо мной смѣются.“ Понятно, какъ поэтъ долженъ былъ относиться къ своей камеръ-юнкерской службѣ. „Третьяго дня, писалъ онъ въ тотъ же годъ на святой недѣлѣ къ женѣ ³⁾, возвратился я изъ Царскаго села, нашелъ на своемъ столѣ приглашеніе явиться на другой день къ Литгѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни (вѣроятно въ свѣтлое воскресенье). Въ самомъ дѣлѣ въ тотъ же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, и что онъ велѣлъ намъ это объявить... Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ“... Въ слѣдующемъ письмѣ Пушкинъ пишетъ: „репортуясь больнымъ: боюсь царя встрѣтить. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди и мнѣ вѣроятно его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузь ⁴⁾ и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ. третій хотъ и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю; отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка (сынъ) будетъ ладить съ ⁵⁾ съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ—писать стихи да ссориться съ царями. Въ стихахъ онъ отца не

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1865 г.

²⁾ Москвичъ Павелъ Воиновичъ Нащокинъ былъ въ большой дружбѣ съ Пушкинымъ, который всегда останавливался въ его квартирѣ, когда пріѣзжалъ въ Москву и часто пользовался его совѣтами въ устройствѣ своихъ денежныхъ дѣлъ. Изъ ихъ переписки мы узнаемъ разныя подробности о петербургской жизни Пушкина.

³⁾ Онъ отиравилъ на весну и на лѣто свое семейство къ роднымъ въ деревню въ Калужскую губернію.

⁴⁾ Императоръ Павелъ встрѣтилъ младенца Пушкина въ Юсуповомъ саду. Пушкинъ впоследствии говорилъ въ шутку, что сношенія его съ дворомъ начались при императорѣ Павлѣ.

⁵⁾ Пропускъ въ печати въ „Вѣст. Европы“ 1878 г.

перешеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ...“ Въ насмѣшку Пушкинъ называлъ и свою жену камеръ-пажикой; а когда приходилось надѣвать ему камеръ-юнкерскій мундиръ, онъ чувствовалъ себя въ дурномъ расположеніи духа. Все это показываетъ, какъ несправедливы были къ нему нѣкоторые изъ его прежнихъ критиковъ и біографовъ, которые ставили ему въ укоръ, будто бы онъ изъ мелкаго честолюбія самъ добивался камеръ-юнкерства.

Чтобъ поддерживать достойнымъ образомъ придворную и великосвѣтскую жизнь, нужно было очень много денегъ, иначе приходилось бы выносить униженія и насмѣшки, чего не могъ допустить Пушкинъ. „Женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро“, писалъ онъ Нащокину еще въ первый годъ своей женатой жизни изъ Царскаго Села, гдѣ онъ хотѣлъ жить „потихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ“. Но петербургская жизнь потребовала еще большаго. „Кружусь въ свѣтѣ, писалъ онъ изъ Петербурга тому же лицу, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія“. Вотъ этого то уединенія и не доставало нашему поэту. „Нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя!“ восклицалъ онъ въ заботахъ о добываніи денегъ. Все, что онъ получилъ отъ изданія своихъ прежнихъ трудовъ—Бориса Годунова, повѣстей Бѣлкина, собранія мелкихъ стихотвореній, Евгенія Онѣгина, суммы не маленькія, все это пошло на прожитіе и приходилось дѣлать долги десятками тысячъ. Понятно, что при такихъ заботахъ трудно было поэту отдаться свободному творчеству, не возможно было задумать какой нибудь большой поэтической трудъ, хотя гений его круѣзь все болѣе и болѣе, что мы ясно видимъ въ его мелкихъ произведеніяхъ. Но перебирая и эти послѣднія за пять лѣтъ находимъ очень немного близкихъ къ жизни поэта или къ жизни русской; большая же часть переводъ или подражаніе иностраннымъ поэтамъ—древнимъ и новымъ. И между ними какъ болѣзненно звучитъ стихотвореніе „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“, свидѣтельствующее, какія тяжкія минуты переживалъ поэтъ и какой матерьялъ жизнь давала его фантазіи. Не служить ли это доказательствомъ, какъ стѣснялась поэтическая его сфера и какой гнетъ чувствовалъ онъ отъ всякихъ надзоровъ и полицейскихъ подозрѣній? На эту же мысль наводитъ и множество начатыхъ и тотчасъ же брошенныхъ повѣстей, рассказовъ, романовъ, изъ которыхъ иные должны были глубоко затрогивать жизнь русскаго общества. Пушкина съ первыхъ же страницъ не могла не охлаждать мысль, что не стоитъ тратить время на трудъ, который не допустить къ печати и который не дастъ ему ничего въ заботахъ объ удовлетвореніи матерьяльныхъ потребностей жизни. Какъ было предаться свободному творчеству безъ расчета на производительность труда, когда мысль о большихъ текущихъ расходахъ,

о долгахъ, объ уплатѣ процентовъ не давала ему покоя. Правда, большой историческій трудъ, взятый имъ на себя, какъ исторія Петра Великаго, могъ ему обѣщать большіе доходы, но это не былъ трудъ поэтическій, не работа фантазіи, которая была потребностью творческой его души, и притомъ конецъ его былъ въ далекомъ будущемъ; а между тѣмъ настоящее представляло столько житейскихъ нуждъ, которыя необходимо было удовлетворять. Прилежно Пушкинъ посѣщаль архивы, разбираль историческіе матерьялы, дѣлалъ выписки; это былъ по крайней мѣрѣ трудъ, который, можно было вести во всякомъ настроеніи духа. Но долго онъ не выдерживаль такой работы. Онъ думаль о вольной независимой жизни, вдали отъ столицы и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы хоть на короткое время оставить Петербургъ и отдаться творчеству. „Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически“, писалъ онъ Нащокину. „Нѣтъ ничего благороднѣе, читаемъ въ его письмѣ къ Осиповой, какъ жить въ своей деревнѣ и поливать свою капусту; это старая истина, которую я ежедневно повтворю среди свѣтской и безпорядочной жизни... Петербургъ не по мнѣ; ни мои наклонности, ни мое состояніе не соотвѣтствуютъ петербургской жизни“.

Въ своихъ архивныхъ розысканіяхъ Пушкинъ напалъ на матерьялы, относящіеся къ пугачевщинѣ. Обработка ихъ не требовала многого времени, а интересъ эпохи обѣщаль хорошія деньги за трудъ. Съ этимъ вмѣстѣ его фантазія находить матерьялъ для историческаго романа, которому не могла грозить опасность остаться подъ запрещеніемъ. Но обрабатывать все это при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ приходилось вести жизнь въ Петербургѣ, онъ не находилъ возможности. И вотъ въ августѣ 1833 года онъ проситъ дозволенія съѣздить въ свое нижегородское имѣніе и посѣтить Оренбургъ и Казань, гдѣ, онъ надѣялся, еще сохранились въ народѣ преданія о пугачевщинѣ. „Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, писалъ онъ въ своемъ прошеніи, занимался я одними историческими розысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ жить въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальства, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную“. Такимъ языкомъ вынужденъ былъ изъясняться поэтъ съ тѣми, отъ кого зависѣла его судьба и кому не было никакого интереса въ литературѣ. Но и въ путешествіи заботы о житейскихъ нуждахъ смущали усталый духъ Пушкина. „Какъ я глупо сдѣлалъ, писалъ онъ женѣ изъ Нижняго Новгорода, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребять за долги: Параша, поваръ,

извошикъ, аптекаръ, m-me Sichler ¹⁾ etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ ²⁾ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься, сердидься на меня, и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что если у тебя опять нарывы, что если Машка (дочь) больна? А другіе непредвидѣнные случаи? Пугачевъ не стоитъ этого, того и гляди, я на него плюну и явлюсь къ тебѣ“. Въ путешествіи по Россіи Пушкинъ могъ убѣдиться, что въ ней есть еще другая публика, кромѣ большого свѣта и завистливыхъ, своекорыстныхъ журналистовъ, публика, которая умѣетъ цѣнить его и гордиться имъ. Побывавъ въ Казани, Симбирскѣ, Оренбургѣ, гдѣ его принимали какъ отечественную славу, онъ пріѣхалъ въ Болдино съ цѣлью заняться обработкою накопившихся матерьяловъ; но и здѣсь ужъ такъ не работалось какъ прежде: „Не стражай меня, писалъ онъ женѣ, не говори, что ты искокетничалась; я пріѣду къ тебѣ ничего не успѣвъ написать, а безъ денегъ сядемъ на мѣль. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ записки ³⁾, то у насъ будетъ тысячь тридцать чистыхъ денегъ. Заплотимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи“. Черезъ двѣ недѣли Пушкинъ снова извѣщалъ жену: „О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ много, по ни къ чему нѣтъ охоты. Богъ знаетъ, что со мною дѣлается... Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не дожъ. А ты не брани меня“.

Изъ Болдина Пушкинъ возвратился съ оконченной Исторіей Пугачевского бунта. Государь разрѣшилъ печатать ее въ казенной типографіи и далъ на изданіе двадцать тысячъ рублей. Авторъ ея не обманулся въ своемъ расчетѣ и въ самомъ дѣлѣ получилъ большія деньги съ этого изданія. „Каково время? писалъ онъ Нащокину: Пугачевъ сдѣлался добрымъ исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то и ничего не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату“. Такимъ образомъ мысль Пушкина все же не освободилась отъ заботы о деньгахъ. „Мѣдный всадникъ“, привезенный Пушкинымъ также изъ Болдина, не былъ дозволенъ для печати. „Убытки и неприятности“, замѣтилъ онъ по этому случаю въ письмѣ къ Нащокину. Была у него на-готовѣ еще повѣсть о Дубровскомъ и Троекуровѣ, гдѣ ярко представлялось помѣщичье самовластіе; но ее онъ и не пытался отдавать въ цензуру,

¹⁾ Извѣстная модистка въ Петербургѣ.

²⁾ Книгопродавецъ, который купилъ у Пушкина право изданія его стихотвореній.

³⁾ Записки о Пугачевѣ.

предвидя, что и ее постигнетъ та же участь. Что же оставалось дѣлать поэту, какъ не обратиться опять къ тѣмъ же архивамъ для важнѣйшихъ занятій? Но эти занятія, по словамъ г. Анненкова, начинали вносить большое разстройство въ сознание Пушкина, ображеніемъ, что не вся правда цѣликомъ и при всякомъ случаѣ стояла на сторонѣ грознаго реформатора, а между тѣмъ мѣры, какія онъ принималъ для доставленія торжества своимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ ничуть не уступали въ энергіи и безпощадности мѣрамъ, съ помощью которыхъ онъ осуществлялъ свои великія предначертанія: люди гибли, положенія уничтожались, общество колебалось уже въ пользу явной исторической невозможности... Сквозь призму своего установившагося воззрѣнія на Петра Пушкинъ видѣлъ или думалъ что видитъ, двойное лицо—геніальнаго созидателя государства и старый восточный типъ бича Божія. Рука Пушкина дрогнула... Онъ искалъ способа изобразить имя великаго государя, согласно со своимъ собственнымъ пониманіемъ его и не оскорбляя официальнаго міра, ожидавшаго безусловной апофеозы преобразователя, для чего собственно и были ему открыты государственные архивы... Большинство публики и весь официальный міръ ждали отъ поэта просто лучезарнаго лика Петра и конечно возмутились бы всякимъ яркимъ пятномъ, которое бы на немъ примѣтили. Съ другой стороны даже и позволеніе на самый осторожный и необходимый, по существу дѣла, вводъ тѣней въ образъ монарха Пушкинъ принужденъ былъ бы покупать цѣною едва внятныхъ намековъ, полуоткровеній, недоговоренныхъ мыслей, что лишило бы его трудъ всякаго наукообразнаго значенія въ глазахъ свѣдущихъ и компетентныхъ судей ¹⁾...

Такимъ образомъ Пушкинъ оказался въ положеніи того бѣднаго захудалаго потомка знаменитыхъ предковъ Евгенія въ „Мѣдномъ всадникѣ“, который вздумалъ съ укоромъ поднять свой перстъ на образъ народнаго героя. Ему грозило общественное преслѣдованіе, если бы онъ рѣшился не оправдать того идеальнаго образа, передъ которымъ почти набожно преклонялось большинство русскаго общества, преслѣдованіе, поэтически выразившееся въ повѣсти въ образѣ грознаго Мѣднаго всадника.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи находился не только поэтъ, но и историкъ посреди общества, которое въ сознаніи своей стихійной силы не допускало терпимости даже въ научной сферѣ: оно готово было раздавить дерзкаго, который вздумалъ бы не преклониться передъ его кумирами. Отсюда понятно, что охота къ труду не могла находить себѣ поддержки даже въ ожиданіи денежныхъ выгодъ.

Ко всѣмъ заботамъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ прибавились еще заботы о разстроенномъ состояніи его отца. „Обстоятельства мои затруднялись еще вотъ по какому случаю, писалъ Пушкинъ къ На-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“. 1880. Іюнь.

щожину въ 1834 г.: на дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу—нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое? — Имѣніе описываютъ. — Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплоченъ. Вотъ и письмо управителя.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ! Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно. Я желалъ бы и успокоить старость отца и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ художникъ "... Эти слова обнаруживаютъ еще одну прекрасную черту въ характерѣ Пушкина. Любовь къ собственной семьѣ не развила въ немъ эгоизма и не охладила родственнаго чувства къ роднымъ. Не смотря на совѣты жены, Пушкинъ взялъ на свое попеченіе семью своего отца, хотя и не совсѣмъ былъ ею доволенъ. „Ужъ какъ меня терзали, писалъ онъ къ женѣ въ Калугу, вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не вѣзъ за имѣніе, то оно пропадетъ же даромъ. Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ же на руки, тогда то заплачусь и заплачусь, а имъ и горя мало. Меня же будутъ цыганить. Охъ семья, семья!“.

Приходилось Пушкину переносить непріятности и отъ тещи, которая оскорбляла его еще женихомъ и потомъ старалась очернить его передъ женою и распространяла о немъ разныя сплетни по Москвѣ, называя презрѣннымъ ростовщикомъ и разными оскорбительными именами, и все изъ за денежныхъ счетовъ, которые она не хотѣла кончить миролюбиво. Можетъ быть, вслѣдствіе всѣхъ ея сплетенъ Нащокинъ, вращавшійся въ большомъ московскомъ свѣтѣ, писалъ Пушкину: „друзей у тебя въ Москвѣ нѣтъ, ибо любятъ тебя бранить“. При такихъ отношеніяхъ къ людямъ близкимъ Пушкинъ болѣе всего боялся нарушенія семейнаго покоя, и когда онъ узналъ, что жена егъ хочетъ привести изъ Калуги въ Петербургъ своихъ сестеръ, писалъ ей: „мое мнѣніе — семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти покамѣстъ малы; родители, когда уже престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься и семейственнаго спокойствія не будетъ“ ¹⁾. Понятно, въ какомъ постоянномъ напряженіи были нервы этой страстной природы. Мученикомъ представляется онъ намъ въ своей жизни. Въ 1834 году онъ проводилъ весну и лѣто въ Петербургѣ одинъ, безъ семьи, въ которой еще находилъ нѣкоторое успокое-

¹⁾ Въ другомъ письмѣ Пушкинъ писалъ: „Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во первыхъ, вѣроятно откажутъ, а во вторыхъ коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу. Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди, овдовѣешь, постарѣешь—тогда пожалуй, будь салоницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ — тебѣ и сестрамъ быть подалѣ отъ двора. Вы же не богаты... Вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était decidement la plus belle et la mieux mise du bal...“

ніе. Теперь ему негдѣ было отдыхать и успокаиваться отъ разныхъ волненій и раздражающихъ впечатлѣній. Чувство зависимости и затрудненіе зарабатывать себѣ свободно честнымъ трудомъ необходимыя для жизни деньги приводили его въ сильное волненіе, и у него стала развиваться мысль просить себѣ отставки, бросить Петербургъ и гдѣ нибудь въ тишинѣ и на свободѣ отдаться труду и творчеству. Въ письмахъ къ женѣ онъ подготавливалъ ее къ этому факту. Мы воспользуемся его выраженіями, чтобы живѣе и ярче представить состояніе его духа: „Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ, да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ. Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ двадцать человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя... хлопоты по имѣнію (отцовскому) меня бѣсятъ; съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выйдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстил моему честолюбію и въ которомъ къ сожалѣнію не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства... Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадохъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами... Желчь меня такъ и волнуетъ, да отъ желчи здѣсь не убережешься... У меня рѣшительно силниъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣтъ даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо бы туда засѣсть, да мѣдрено. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ ¹⁾. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата; а виновать я изъ добродушія, коимъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни“... „Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости.

¹⁾ Къ этому присоединимъ выписку изъ письма Пушкина къ Нащокину, писаннаго уже въ 1835 г. „Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно; ему досадно видѣть новыя молодья поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотреть безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились“.

И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе расстроено и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насѣли; то то, то другое... Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, расстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться мнѣ богатымъ—а тамъ пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. ...Я деньги мало люблю, но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости“...

Въ нѣкоторыхъ письмахъ Пушкинъ пишетъ намеками, конечно изъ опасенія почтовой нескромности: „На того ¹⁾ я пересталъ сердиться, потому что, toute reflexion faite, не онъ виноватъ въ свистѣ его окружающемъ... Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? Я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ нибудь. Все тотъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ бы лишь меня во свояси!.. Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ любовныхъ писемъ. Мысль, что мои письма распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи и такъ далѣе, охлаждаетъ меня и я по неволѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ“...

Когда Пушкинъ писалъ это письмо, мысль оставить службу у него уже приводилась въ исполненіе. Въ концѣ іюня онъ дѣйствительно подалъ прошеніе объ отставкѣ, высказавъ желаніе удержать за собою право посѣщать архивы. Ему сухо отвѣчали, что его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли, но что на посѣщеніе архивовъ не дѣлается согласія, такъ какъ это право можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства. Поступокъ Пушкина при этомъ названъ безумною неблагодарностью къ тому, кто былъ его благодѣтелемъ, что крайне опечалило поэта. Онъ поспѣшилъ взять назадъ свое прошеніе и извинялся тѣмъ, что испрашивая отставку, онъ думалъ лишь о своихъ семейныхъ дѣлахъ тягостныхъ и затрудненныхъ, имѣя въ виду единственно неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. „Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня, писалъ онъ Бенкендорфу: онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми

¹⁾ Ясно, что подъ этимъ мѣстоименіемъ разумѣть онъ государя.

лѣтъ, мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему“...

Но Пушкинъ не вдругъ объявилъ женѣ о своей неудачѣ. Въ первомъ письмѣ онъ только намекнулъ какъ бы мимоходомъ: „на дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ; съ тѣмъ чуть было не побранился, и трухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь, другаго не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть и онъ не правъ“. Только въ слѣдующемъ письмѣ онъ высказался нѣсколько опредѣленнѣе: „На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку; но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобъ мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ ли? Хорошо, коли проживу я еще лѣтъ 25, а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку скоро нидали какъ шута и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на аничковскихъ балахъ... Главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерарализма“...

Такимъ образомъ всѣ порывы поэта къ вольной независимой жизни оставались безъ успѣха. Онъ мечталъ поправить свое состояніе и обезпечить семью своими трудами, сознавалъ въ себѣ много силъ, но въ то же время чувствовалъ себя въ сѣтяхъ и напрасно ждалъ вдохновения. Даже въ деревнѣ, въ уединеніи, осенью, въ ту пору, когда въ прежніе годы оно не оставляло его, теперь другія мысли съ другими заботами тревожили его душу. Такъ онъ писалъ къ женѣ изъ Болдина: „вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ... Скучно, мой ангель, и стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю, читаю Вальтеръ-Скотта и Библию, а все объ васъ думаю... Много вещей, о которыхъ беспокоюсь... Подожду еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ, такъ съ Богомъ и въ путь“.

Зиму, часть весны и лѣто 1835 г. Пушкинъ провелъ въ Петербургѣ все съ тѣми же заботами о своихъ дѣлахъ. Наконецъ, чувствуя, что онъ все болѣе и болѣе запутывается и что однѣми своими силами ничего не сдѣлаеть, онъ рѣшается предоставить свою судьбу на волю императора. Въ письмѣ къ Бенкендорфу онъ признается, что въ теченіе пятилѣтней петербургской жизни у него накопилось долгу шестьдесятъ тысячъ рублей, и что теперь единственными способами къ водворенію порядка въ его дѣлахъ остаются: или удаленіе въ деревню или заемъ значительной денежной суммы. „Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство займодавцу, и займы почти всегда суть долги между друзьями и на слово“ ¹⁾...

¹⁾ „Русская Старина“ 1879 г. май.

На это императоръ велѣлъ предложить Пушкину десять тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, послѣ котораго онъ можетъ увидѣть, подать ему въ отставку или нѣтъ. Но такое пособіе, хотя и щедрое, не выводило Пушкина изъ затруднительнаго положенія: онъ объявилъ, что половина его долговъ составляютъ долги чести, которые во что бы ни стало нужно уплатить немедленно; по этому онъ просилъ у императора заимообразно тридцать тысячъ, съ тѣмъ чтобы удерживать для погашенія этого долга его ежегодное жалованье—по пяти тысячъ. Прошеніе его было исполнено, и Пушкинъ отправился на осень въ свое любимое Михайловское и Тригорское, но и тамъ заботы о семьѣ смущали его уединеніе, и работа шла не попрежнему. „Я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ, писалъ онъ женѣ. Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія: онъ его уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ гибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ видить Богъ не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода тридцать тысячъ. ...Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно“...

Въ другомъ письмѣ: „Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все постарому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей. и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась во время моего отсутствія молодая сосновая семья ¹⁾, на которую досадно мнѣ смотрѣть... Все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю... Государь обѣщаль мнѣ газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ“... „Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю“...

На этотъ разъ Михайловское уединеніе внушило Пушкину дѣйствительно не много стихотвореній; но между ними кромѣ указаннаго есть одно, въ которомъ идеальный образъ Петра Великаго снова послужилъ къ тому, чтобы призывать милость къ падшимъ,—стихотвореніе „Цирь Петра Перваго“: Царь

Съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Отпускаетъ, веселится,

¹⁾ Эту самую мысль на другой день Пушкинъ выразилъ въ известномъ стихотвореніи „Опять на родинѣ“.

Чарку пѣнить съ нимъ одну;
И въ чело его цѣдуетъ,
Свѣтель сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

А 26 декабря онъ писалъ Осиповой: „Государь даровалъ помилованіе большей части заговорщиковъ 1825 года — между прочимъ и моему бѣдному Кюхельбекеру ¹⁾. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Край прекрасный, но мнѣ бы хотѣлось имѣть его поближе къ намъ: быть можетъ, ему позволять удалиться въ имѣніе его сестры — г-жи Глинки. Правительство всегда было къ нему милостиво и снисходительно. Когда я подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этихъ несчастныхъ смуть, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ. Сколько событій, сколько переменъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ идей, моей обстановки и проч. и проч.“ Мы уже видѣли, какія переменны въ идеяхъ произошли у Пушкина; но онѣ не касались тѣхъ нравственныхъ его убѣжденій, въ которыхъ онъ выросъ надъ толпою и отъ которыхъ глубоко страдалъ, встрѣчая безпрестанныя противорѣчія въ окружающей жизни. Они обращали его вниманіе даже на такія явленія, къ которымъ всѣ давно привыкли, но которыя, тѣмъ не менѣе, были безобразны, какъ напримѣръ въ стихотвореніи „Когда великое свершилось торжество“. Тутъ слышится ѣдкая сатира въ связи съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ:

Къ чему, скажите мнѣ хранительная стража?
Или распятіе казенная поклажа,
И вы бонтаете воровъ или мышей..
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ адамовъ искупила?
Иль чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

Обдумывая свое затруднительное положеніе, Пушкинъ, остановился на мысли поправить свое состояніе издавіемъ литературнаго журнала. Передъ его глазами былъ соблазнительный примѣръ въ успѣхъ новаго журнала книгопродавца Смирдина и профессора Сеньковского, „Библіотека для чтенія“; онъ издавался съ 1834 года, привлекая вниманіе публики остроумными статьями, хотя и предосудительными, а слѣдовательно и вредными въ нравственномъ отношеніи. Пушкинъ, не зная еще, какое направленіе приметъ объявленный журналъ, согласился на предложеніе Смирдина — получать по червонцу за каждый стихъ напечатанный въ журналѣ. Для этого онъ просилъ дозволенія

¹⁾ Пушкинъ неоднократно добивался разрѣшенія властей вступить въ переписку съ Кюхельбекеромъ, во время его заточенія и ссылки, желая конечно поддержать въ немъ бодрость духа. Цѣня въ немъ талантъ критика, онъ хотѣлъ доставлять ему новыя книги съ тѣмъ, чтобы обсужденіе ихъ слѣвать предметомъ ихъ переписки. Но ему всякій разъ въ этомъ отказывали. („Рус. Стар.“ 1875 г. іюнь).

печатать тамъ свои сочиненія на общемъ цензурномъ основаніи, не представляя въ особую цензуру государя, какъ это продолжалось до сихъ поръ. Боязнь часто утруждать государя, писалъ Пушкинъ, заставляетъ его обратиться съ такой просьбой. Хотя позволеніе и было получено, но Пушкинъ не могъ воспользоваться многими червонцами Смирдина: во-первыхъ, новаго создавалось у него, какъ мы видѣли, очень не много, да и изъ этого далеко не все могло благополучно пройти черезъ цензуру; во-вторыхъ, скоро оказалось невозможнымъ участвовать въ этомъ журналѣ писателю, который понималъ настоящее назначеніе литературы. Нѣкоторые даже находили, что Сеньковский равно какъ и Булгаринъ, оба поляка, намѣренно проводили въ своихъ изданіяхъ враждебное Россіи польское направленіе, на что особенно негодовалъ князь Одоевскій, нападая на „невѣжественное и вредное польское диктаторство въ нашей литературѣ и журналистикѣ¹⁾“. Въ 1834 г. былъ запрещенъ „Телеграфъ“ Полеваго, который еще могъ нѣсколько соперничать съ Библиотекой. „Невозможно, говорилъ князь Одоевскій, сколько было употреблено тонкости для уничтоженія „Телеграфа“. Одинъ глубокомысленный человекъ, и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополя въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ“... Подобная мысль въ самомъ дѣлѣ могла быть въ головѣ Бенкендорфа.

Пушкинъ рѣшился противодѣйствовать такой журналистикѣ, отказавшись отъ политическаго отдѣла и обративъ особенное вниманіе на критику. При своихъ связяхъ и при особенномъ вниманіи императора, ему не затрудняли разрѣшеніе журнала. Лишь только распространилась вѣсть объ этомъ предпріятіи Пушкина въ литературномъ мірѣ, какъ весь онъ заволновался, въ особенности же тѣ журналисты, которые имѣли причины опасаться такого сильнаго противника. „Денежныя мои обстоятельства плохи, писалъ Пушкинъ Нащокину: я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился, и сталъ бы снова сотрудникомъ его „Библиотеки“. Но хотя это и было бы выгодно, но не могу на то согласиться. Сеньковский такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться не возможно“. Объявивъ объ изданіи „Современника“, Пушкинъ не приложилъ никакой программы своего журнала, полагая что слово литературный журналъ уже объясняютъ цѣль его. Редакція „Библиотеки для чтенія“ вздумала приписывать ему другую.

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1864 г. выпуски 7 и 8. „Поляки, говоритъ онъ, съ хвастливой заносчивостью захватили тогда въ руки почти всѣ журналы и пользовались особымъ покровительствомъ, не смотря на всеобщее негодованіе. Въ одной статьѣ „Библиотеки для чтенія“ прямо доказывалось, что козаки были ничто иное, какъ холопы польской шляхты, и это, при неимоверной строгости во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, спокойно пропускалось“.

недостойную цѣль — уронить журналъ Смирдина, а Булгаринъ въ „Сѣверной пчелѣ“ пошелъ еще дальше. Привычный къ доносамъ, онъ и тутъ не упустилъ случая набросить тѣнь на благонамѣренность новаго журнала. „Современникъ, объявилъ онъ, будетъ продолженіемъ Литературной газеты, издаваемой нѣкогда покойнымъ барономъ Дельвигомъ“. Вспомнимъ, что эта газета, въ которой Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе, была запрещена, потому что не нравился духъ ея. Булгаринъ ловко дѣлалъ намеки, что этотъ духъ перейдетъ и въ „Современникъ“. Пушкину пришлось отражать эти недостойные выходы: „Издатель „Современника“ принужденъ объявить, что онъ не имѣетъ чести быть въ сношеніи съ гг. журналистами, взявшими на себя трудъ составить за него программу, и что онъ никогда имъ того не поручалъ. Отклоняя однако же отъ себя цѣль недостойную литератора и несправедливо ему приписанную въ „Библіотекѣ для чтенія“, онъ вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной пчелѣ“. Современникъ по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ Литературной газеты“. Лучшаго и болѣе благороднаго отвѣта нельзя было и придумать доносчикамъ, чтобы показать, что честнаго человѣка не могутъ запугать ихъ доносы.

Пушкинъ назначилъ издавать по четыре книжки въ годъ. Первая книжка вышла въ апрѣлѣ ¹⁾. Разумѣется петербургскіе журналисты не отозвались о ней благосклонно. Въ „Сѣверной пчелѣ“ напечатана была даже такая замѣтка: „Мечты и вдохновенія свои Пушкинъ погасилъ срочными статьями и журнальною полемикою; князь мысли сталъ рабомъ толпы; орелъ спустился съ облаковъ для того, чтобы крыломъ своимъ ворочать тяжелыя колеса мельницы“. Всѣ эти недоброжелательныя нападки на Пушкина раздражили князя Одоевскаго, который написалъ горячую статью въ его защиту; но она осталась не напечатанною, такъ какъ не гдѣ было помѣстить ее: въ Современникѣ было не ловко по отношенію къ личности редактора, въ другихъ журналахъ не возможно, по враждебному къ нимъ отношенію самой статьи. Въ ней авторъ рѣзко изобразилъ положеніе поэта среди тогдашней продажной журналистики. Указавъ на періодъ юности поэта, когда всѣ литературные промышленники стояли на колѣнахъ передъ нимъ и когда онъ, беззаботный, безпечный, бросалъ свой драгоценный бисеръ на всякомъ перекресткѣ, князь Одоевскій переходитъ къ зрѣлому его возрасту: „Пушкинъ возмужалъ, Пушкинъ понялъ свое значеніе въ русской литературѣ, понялъ вѣсь, который имъ

¹⁾ Въ ней помѣщены слѣдующія произведенія Пушкина. „Пиръ Петра Великаго“, „Скупоу рыцарь“, „Путешествіе въ Арзерумъ“, „Изъ А. Шенье“, Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго. Жуковскій напечаталъ „Ночной смотръ“, Гоголь „Коляску“ и „Утро дѣловаго человѣка“. Тамъ же встрѣчаемъ имя князя Вяземскаго и друг.

его придавало изданіямъ; онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и былъ пораженъ печальною картиною нашей литературной расправы—ея площадною бранью, ея комерческимъ направленіемъ, и имя Пушкина исчезло на многихъ, многихъ изданіяхъ. Что было дѣлать тогда литературнымъ негоціантамъ? Нѣкоторое время они продолжали свои похвалы, думая своимъ фиміамомъ умиловить поэта. Но все было тщетно. Пушкинъ не удостоивалъ ихъ ни крупницею съ роскошнаго стола своего и негоціанты, зная, что въ ихъ рукахъ находится исключительное право литературной жизни и смерти, рѣшились испытать, нельзя ли имъ обойтись безъ Пушкина. И замолкли похвалы поэту. Замолкли когда же? Когда Пушкинъ издалъ Полтаву и Бориса Годунова... Объ нихъ почти никто не сказалъ ни слова и это одно молчаніе говорить больше, нежели всѣ наши такъ называемые разборы и критики... Тяжелъ гнѣвъ поэта! Тяжело признаться передъ подписчиками, что Пушкинъ не участвуетъ въ томъ или другомъ изданіи, что онъ даже явно обнаруживаетъ свое негодованіе противъ людей, захватившихъ въ свои руки литературную монополію. Придуманно другое: нельзя ли доказать, что Пушкинъ началъ ослабѣвать, т. е. именно съ той минуты, когда онъ пересталъ принимать участіе въ журналахъ этихъ господъ... Нельзя ли читателей приучить къ этой мысли, намекая объ ней стороною, съ видомъ участія, сожалѣнія? Надъ этимъ похвальнымъ дѣломъ трудились многіе, трудились прилежно и долго... Знаете ли, отчего Пушкинъ пересталъ быть поэтомъ? „Пушкинъ уже больше не поэтъ, потому что издаетъ журналъ!“ Но скажите откровенно, кто виноватъ въ этомъ? Кто виноватъ, если Пушкинъ принужденъ былъ издать особую книгою свое собраніе отдѣльныхъ статей о разныхъ предметахъ? Не кажется ли это вамъ горькимъ упрекомъ? Если кто нибудь въ нашей литературѣ имѣетъ право на голосъ, то это безъ сомнѣнія Пушкинъ. Все даетъ ему это право и его поэтической талантъ, и проницательность его взгляда, и его начитанность, далеко превышающая лексиконныя познанія большей части изъ нашихъ журналистовъ; ибо Пушкинъ не останавливался на своемъ пути, господа, какъ то случается часто съ нашими литераторами; онъ какъ Гете и Шиллеръ умѣетъ читать, трудиться и думать; онъ, поэтъ въ стихахъ и бенедиктенецъ въ своемъ кабинетѣ; ни одно изъ таинствъ науки имъ не забыто и, счастливецъ! онъ умѣетъ освѣщать обширную массу познаній своимъ поэтическимъ ясновидѣніемъ! Ему ли не имѣть голоса въ нашей литературѣ? Но гдѣ бы онъ нашолъ мѣсто для своего голоса? Укажите. Не тамъ ли, гдѣ каждая ошибка великаго человѣка принимается какъ подарокъ съ восхищеніемъ? Или тамъ, гдѣ посредственность, преклоняющаяся передъ литературными монополистами, возносится до небесъ, а имена Шеллинговъ, Шамполионовъ и Гомеровъ произносятся лишь для насмѣшки ¹⁾... Или тамъ, гдѣ, кажется, существуетъ постоянный заго-

¹⁾ Намекъ на неприличныя глумленія Сенковского въ „Библіотекѣ для чтенія“.

воръ противъ всякой безкорыстной мысли, противъ каждого благодѣтельнаго открытія?.. Или тамъ, гдѣ пышныя похвалы суть слѣдствія домашней сдѣлки для продажи собственныхъ произведеній?.. Такое ли направленіе Пушкинъ долженъ поддерживать своимъ именемъ?.. Ни одна строка Пушкина не освятитъ страницъ, на которыхъ печатается во всеуслышаніе то, что противно его литературной и ученой совѣсти. Да что вамъ и нужды до этого... Книга Пушкина не отобьетъ у васъ читателей: онъ не искусенъ въ книжной торговлѣ, это не его дѣло; его дѣло: показать хоть потомству издаемъ своего — даже дурнаго — журнала, что онъ не участвовалъ въ этой гнусной монополии, въ которой для многихъ заключается литература. Этого долгу на него налагается его званіемъ поэта, его званіемъ перваго русскаго писателя ¹⁾“...

Такъ смотрѣли на Пушкина образованнѣйшіе и лучшіе русскіе люди; но, къ сожалѣнію, ихъ было не много въ томъ кругу, гдѣ вращался Пушкинъ, и ихъ голосъ заглушался множествомъ другихъ недоброжелательныхъ голосовъ. Нельзя не согласиться съ княземъ Одоевскимъ, что такимъ писателямъ, которые смотрятъ на литературу, какъ смотрѣлъ Пушкинъ, негдѣ въ то время было печатать свои произведенія, и что слѣдственно новый журналъ вызывался потребностью наиболѣе развитой публики, и если мы сказали, что Пушкинъ взялся за изданіе журнала изъ денежнаго разчета, то это не значитъ, что онъ только и руководился такимъ разчетомъ. Поднять литературу, возвысить ея нравственную силу, дать критикѣ надлежащее значеніе было его давнишнимъ стремленіемъ. Разсчеты на выгоды только толкнули его взяться самому за это дѣло, такъ какъ не находилось никого другаго, кто-бы рѣшился выступить впередъ. Къ сожалѣнію, 1836 годъ былъ самый тревожный и тяжелый для Пушкина, такъ что онъ не могъ спокойно посвятить себя журнальному труду. Когда готовилась первая книжка журнала, внезапная болѣзнь матери озаботила Пушкина и отвлекла его вниманіе отъ дѣла. Къ этому же свѣтскіе толки, касавшіеся его жены, еще болѣе огорчали и раздражали его. „Моя бѣдная Nathalie, пишетъ онъ Осиповой, служить цѣлью злыхъ нападокъ свѣта. Всюду говорятъ, какъ это ужасно, что она такъ наряжается, тогда какъ свекру и свекрови нечего ѣсть и свекровь умираетъ у чужихъ людей. Конечно, нельзя сказать, что человѣкъ, имѣющій 1200 душъ крестьянъ былъ бы въ нищетѣ. Мой отецъ все-таки имѣетъ что-нибудь, а я ничего. Во всякомъ случаѣ это до Nathalie не касается; я бы долженъ за все отвѣчать. Если-бы матушка поселилась у меня, Nathalie, конечно, приняла бы ее; но холодный, наполненный кучею дѣтей и осаждаемый гостями домъ не представляетъ удобствъ для больной... Батюшка

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1864 г., вып. 7.

«истор. вѣстн.», годъ 1, томъ III.

въ очень жалкомъ положеніи; я же нахожусь въ желчномъ настроеніи духа и совершенно ошеломленъ...“

Старушка Пушкина умерла, и сынъ долженъ былъ сопроводить, ей гробъ на кладбище Святогорскаго монастыря близъ села Михайловскаго. Первая книжка „Современника“ вышла уже въ его отсутствіе. Но не долго пришлось ему пробыть въ Петербургѣ по возвращеніи. Какія-то дѣла, а можетъ быть и крайне тревожное состояніе духа заставили его просить новаго отпуска въ Москву подъ предлогомъ архивныхъ занятій. Въ концѣ мая онъ былъ снова въ Петербургѣ, откуда послалъ Нащокину увѣдомленіе о своемъ благополучномъ пріѣздѣ съ интересной для насъ припиской: „Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра „Современника“. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей), и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во вторыхъ, деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣза!“

Мы можемъ догадаться, отчего Пушкину нужно было выказать свое расположеніе къ Бѣлинскому тихонько отъ сотрудниковъ „Московского Наблюдателя“: между ними были его литературные пріатели, какъ Шевыревъ, Погодинъ, которые не дружески относились къ трудамъ начинающаго писателя, обратившаго на себя вниманіе публики своими смѣлыми и горячими статьями; въ ихъ глазахъ онъ былъ не болѣе, какъ недоучка. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ иногда печатали и Пушкинъ свои стихи. Такъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ за 1835 годъ всѣ прочитали его стихотвореніе „На выздоровленіе Лукулла“, чувствительно задѣвшее тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Уварова ¹⁾, который съ этого времени сдѣлался злымъ врагомъ Пушкина и старался дѣлать ему разныя officialныя непріятности. Едва-ли не тихонько и отъ своихъ петербургскихъ литературныхъ друзей, которыхъ Булгаринская партія называла аристократіею, нужно было Пушкину знакомиться съ Бѣлинскимъ. Рѣзкостью своего молодого пера, своими смѣлыми сужденіями о состарѣвшихся литературныхъ авторитетахъ, Бѣлинскій не понравился этимъ аристократамъ, въ то же время возбудивъ противъ себя негодованіе и петербургской журналистики. Тѣмъ выше въ нашихъ глазахъ становится Пушкинъ, умѣвшій сразу оцѣнить талантъ Бѣлинскаго, найдя много правды въ его критикѣ. Если мы

¹⁾ Въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1880 годъ разсказано, что Уваровъ вздумалъ дѣлать Пушкину выговоры съ угрозою за эпиграмму на вице-президента академіи наукъ князя Дондукова-Корсакова, эпиграмму, которая повторилась въ Петербургѣ всѣми. Въ отвѣтъ на такую выходку министра Пушкинъ напечаталъ, не скрывъ своего имени, сказанное стихотвореніе, посвятивъ его молодому князю Юсупову, извѣстному богачу и родственнику Уварова, который ожидалъ получить послѣ него наслѣдство. Пушкинъ совѣтуетъ Юсупову, возвращенному къ жизни, „вести въ свои чертоги жену-красавицу, а боги

Вашъ бракъ благословятъ“.

припомнимъ взгляды самаго Пушкина на старую русскую литературу и тѣ принципы, которыхъ держался онъ въ своихъ сужденіяхъ о поэзіи, то увидимъ, что иначе какъ съ сочувствіемъ Пушкинъ и не могъ встрѣтить статьи Бѣлинскаго. Въ замкнутомъ кругѣ критическихъ взглядовъ своихъ пріятелей ему было также тѣсно. Душа Пушкина лежала болѣе къ дѣятельности московскихъ литераторовъ. Въ нихъ онъ цѣнилъ то философское направленіе, которое выказывалось и въ московской журналистикѣ, начиная съ „Телеграфа“ Полеваго и кончая „Телескопомъ“ Надеждина, за что на нихъ и начался запретъ отъ Бенкендорфа, не любившаго никакой философіи. Въ 1836 году былъ запрещенъ и „Телескопъ“ за извѣстную статью Чаадаева по доносу Вигеля и митрополита Серафима. Въ пользу московской литературы Пушкинъ писалъ: „Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты неоспоримо на сторонѣ Москвы. Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій... Московская критика съ честью отличается отъ петербургской... Петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, т. е. на обумъ и какъ нибудъ, иногда впопадъ и остроумно, но болшею частью неосновательно и поверхностно. Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія“¹⁾. Изъ этого видно, что Пушкинъ зорко слѣдилъ за направленіемъ мысли въ обществѣ и съ сочувствіемъ относился къ молодому поколѣнію, которое искало себѣ твердой почвы для умственной дѣятельности.

Изъ письма Нащокина мы узнаемъ, что Пушкинъ черезъ него имѣлъ въ виду войти въ переговоры съ Бѣлинскимъ, чтобы привлечь его къ своему журналу. „Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина, писалъ Нащокинъ, чей журналъ уже запрещенъ, 3 тысячи; „Наблюдатель“ предлагалъ ему 5. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ; я его не видалъ, но его друзья, въ томъ числѣ и Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпйши, и я его къ тебѣ пришлю“.

По всей вѣроятности, Пушкинъ дружески сошелся бы съ Бѣлинскимъ, если-бы не прервалась дѣятельность нашего поэта. Въ союзѣ

¹⁾ По взгляду тогдашней петербургской журналистики, московскіе журналы вносили въ русскую литературу духъ буйства и разврата.

между собою много бы они могли сдѣлать и имѣли бы другъ на друга благотворное вліяніе.

Вторая книжка „Современника“ вышла въ іюнь. Пушкинъ былъ ею доволенъ, хотя она состояла преимущественно изъ критическихъ статей ¹⁾. Правда, подписчиковъ было еще не много, но Пушкинъ не терялъ надежды на будущее, хотя и ожидалъ неприятностей отъ блюстителей полицейской нравственности. „Вижу, что непременно нужно имѣть мнѣ 80,000 дохода, писалъ онъ женѣ изъ Москвы, и я ихъ буду имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію“. Затѣмъ не очень лестно отозвавшись о русской литературѣ, которую нужно было очищать и зависѣть отъ полиціи, онъ прибавляетъ: „Чортъ ихъ побори! у меня кровь въ желчь превращается“. А послѣднее свое письмо онъ заключаетъ такимъ образомъ: „У меня душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: *vous avez trompé* и томъ подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ ²⁾ будетъ на меня смотрѣть, какъ на Фаддея Булгарина и Николая Полеваго, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ!“

Третій томъ журнала Пушкинъ печаталъ уже подъ своимъ надзоромъ, живя на дачѣ на Каменномъ островѣ. Но духъ его былъ неспокоенъ: онъ крайне тяготился своею зависимостью, искалъ уединенія и въ то же время не хотѣлъ лишать свою жену свѣтскихъ удовольствій, къ которымъ она была пристрастна. Долги снова копились, а между тѣмъ онъ не получалъ и тѣхъ пяти тысячъ, которыя назначались ему въ видѣ жалованья: онъ зачитались въ уплату его долга казнѣ. Онъ понялъ, что самая дорогая свобода для человѣка—свобода личная, которой ему не доставало и безъ которой онъ задыхался въ атмосферѣ недоброжелательствъ, сплетенъ, подозрѣній и доносовъ. Эта жажда свободы личной и выразилась въ стихотвореніи, которое, конечно, въ то время нельзя было напечатать:

¹⁾ Въ московскомъ журналѣ „Молва“ напечатаны отзывы Бѣлинскаго о двухъ первыхъ книжкахъ „Современника“. Весьма сочувственно отнесся онъ къ Пушкину и другимъ капитальнымъ статьямъ журнала; но въ то же время онъ опасался, что публика не поддержитъ этого изданія, что журналъ не будетъ имѣть на нее вліянія.

²⁾ Пушкинъ особенно уважалъ старца-Мордвинова, извѣстнаго государственнаго человѣка, и посвятилъ ему одно изъ своихъ стихотвореній:

Сіяя доблестью, и славой, и наукой
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
Стоишь ты, новый Долгорукій...
Одинъ на рамена поднявши мощный трудъ
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною!
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою.

Я не ропщу о томъ, что отказали боги
 Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
 Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать...
 Ивыя, лучшія мнѣ дороги права.
 Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
 Завистѣть отъ властей, завистѣть отъ народа—
 Не все ли намъ равно? Богъ съ ними! Никому
 Отчета не давать, себѣ лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливрен
 Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шен;
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья!
 Вотъ счастье! вотъ права!

Артистическая натура рвалась на просторъ, искала своихъ правъ, но обстоятельства жизни давили ее. И никто не понималъ положенія поэта, и не могъ онъ ясно высказаться, чтобы по крайней мѣрѣ пощадили его отъ клеветъ и злословія, чтобы дали успокоиться его нервамъ. Они были сильно напряжены, и надо удивляться, какъ Пушкинъ при своей страстной, неуимчивой натурѣ еще умѣлъ себя сдерживать и подавлять въ себѣ волнующуюся желчь, которая, по его словамъ, постоянно кипѣла и разливалась въ немъ. Но наконецъ произошелъ сильный взрывъ, когда такъ нагло и явно покусились на его честное имя. Мы уже видѣли, какъ ревниво онъ оберегалъ и охранялъ это имя, которое какъ бы хотѣлъ противопоставить всѣмъ злобнымъ нападкамъ на его давнія юношескія увлеченія и заблужденія: оно, безупречное, было для него высшимъ сокровищемъ. При своемъ постоянномъ нервномъ возбужденіи онъ доходилъ до болѣзненнаго состоянія въ отношеніи къ лицамъ, которыя, казалось ему, затрогивали его честь. Тогда онъ самъ поддавался сплетнямъ, и рассудокъ его помрачался. Такъ въ началѣ 1836 г. онъ потребовалъ объясненія у князя Н. Г. Репнина, вслѣдствіе сплетни, что какой-то Боголюбовъ повторяетъ оскорбительныя для Пушкина слова, сказанныя гдѣ-то княземъ. „Будучи дворяниномъ и отцомъ семейства, писалъ онъ, я долженъ оберегать мою честь и то имя, которое перейдетъ къ моимъ дѣтямъ... Я лучше всѣхъ постигаю существующее между нами разстояніе; но вы не только большой баринъ, а еще и представитель нашего стариннаго и истиннаго дворянства, къ которому я также принадлежу...“ Въ этихъ словахъ слышится намекъ на удовлетвореніе, какимъ кончаются вопросы объ оскорбленіи чести между благородными людьми. Князь Репнинъ очень спокойно и съ достоинствомъ отвѣчалъ Пушкину упрекомъ, что тотъ повѣрилъ на стихи Пушкина противъ Уварова, у котораго князь встрѣчался съ упомянутымъ Боголюбовымъ. „Вамъ же самому, м. г., скажу, писалъ онъ, что я искренно желаю, дабы вы геніальный талантъ вашъ употре-

бляли на пользу и славу отечества, а не въ оскорбленіе частныхъ людей“. Пушкинъ успокоился объясненіями князя и на софѣтъ его отвѣчалъ признаніемъ своей вины, указывая, впрочемъ, на смягчающія обстоятельства: „Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады. Какъ забава суетнаго или развращеннаго ума они были бы непростительны...“

Вскорѣ послѣ этой маленькой исторіи Пушкинъ снова взволновался невѣрно переданнымъ ему невиннымъ разговоромъ графа Соллогуба съ его женою, къ которой будто бы Соллогубъ показалъ неуваженіе. Этого обстоятельства Пушкинъ не могъ перенести хладнокровно. Всякое невниманіе и неуваженіе къ своей женѣ онъ принималъ за оскорбленіе своей чести ¹⁾.

Сгоряча Пушкинъ написалъ Соллогубу вызовъ на дуэль: „Имя вами носимое и общество вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать у васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія“. Эти слова показываютъ, какъ боязливо Пушкинъ относился къ толпамъ свѣтскаго общества. Но онъ скоро самъ созналъ свою горячность и помирился съ графомъ Соллогубомъ на извинительномъ письмѣ, которое тотъ согласился написать къ его женѣ.

Наконецъ произошло роковое столкновеніе Пушкина съ Дантесомъ. Послѣдній прибылъ въ Петербургъ въ 1834 году изъ Франціи, выдавалъ себя за потомка знатной ирландской фамиліи и за сына наполеоновскаго барона. По словамъ лицейскаго товарища Пушкина, Дансаса ²⁾, онъ былъ довольно большого роста и пріятной наружности, человекъ не глухой и хотя весьма скудно образованный, но имѣвшій какую-то прожденную способность правиться всѣмъ съ перваго взгляда. Съ помощью рекомендательныхъ писемъ онъ вошелъ въ аристократическій кругъ, обратилъ на себя вниманіе императрицы Александры Теодоровны, а затѣмъ и самого императора и безъ затрудненія вступилъ въ русскую службу въ кавалергардскій полкъ прямо офицеромъ; государь во вниманіе къ его несостоятельности, назначилъ ему отъ себя даже негласное ежегодное пособіе. Вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ, голландскій посланникъ при петербургскомъ дворѣ, баронъ Гекеренъ, человекъ богатый и бездѣтный, усыновилъ его. Пушкинъ объяснялъ это тѣмъ, что Дантесъ былъ его незаконный сынъ.

¹⁾ „Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе, писалъ Пушкинъ къ женѣ въ Москву еще въ 1834 году. Московскія дамы мнѣ не пріятны. Онѣ пускай таскаются по переднимъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога“.

²⁾ Постѣдніе дни жизни и кончина Пушкина. 1863 г.

Принятый во всѣхъ домахъ высшаго круга, отличаясь на всѣхъ балахъ, Дантесъ сблизился и съ семействомъ Пушкина, къ которому причислялись и двѣ его сволченицы, фрейлины Гончаровы. Одна изъ нихъ, Екатерина Николаевна, нравилась Дантесу. Такъ какъ жена Пушкина вездѣ являлась съ своими сестрами, то Дантесъ выказывалъ одинаковую любезность и ей, можетъ быть болѣе, чѣмъ другимъ дамамъ, которыя восхищались имъ. Этому имъ было достаточно, чтобъ заговорить, будто Дантесъ равнодушенъ къ Пушкиной и ухаживаетъ за ней. Такая сплетня довольно громко стала повторяться лѣтомъ, когда Пушкинъ жилъ на Каменномъ островѣ и вмѣстѣ съ женою и ея сестрами бывалъ на балахъ, которые давались на минеральныхъ водахъ. Когда Пушкинъ узналъ объ этихъ неприличныхъ толкахъ, то почелъ за лучшее не принимать болѣе Дантеса; но въ своей женѣ онъ былъ вполне увѣренъ, и отношенія его къ ней нисколько не перемѣнились. Обыкновенно указываютъ на африканскую ревность поэта, которая будто бы слѣпо повела его къ роковому концу. Но ревность связывается съ подозрѣніями, которыхъ не допускалъ Пушкинъ. Онъ видѣлъ только покушеніе недостойныхъ людей на честь его и жены и вотъ что могло возмущать его. Прервавъ всякое знакомство съ Дантесомъ, Пушкинъ былъ на столько спокоенъ, что могъ заняться составленіемъ четвертой книжки „Современника“¹⁾, печатая въ ней „Капитанскую дочь“ и стихотвореніе „19 октября 1836 года“, написанное на двадцать пятую лицейскую годовщину. Въ немъ звучитъ глубокое элегическое чувство:

Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
 Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ
 И рѣже смѣхъ межъ нѣсенъ раздается,
 И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Но не успѣлъ онъ кончить своей срочной работы, какъ гнусная выходка какихъ-то развратныхъ господъ глубоко оскорбила поэта.

Возвратившись съ дачи въ Петербургъ въ началѣ октября, Пушкинъ съ своимъ семействомъ сталъ снова посѣщать свѣтскія собранія и балы, на которыхъ приходилось встрѣчаться съ Дантесомъ; но поэтъ относился къ нему колко, язвительно, а жена его избѣгала разговоръ съ нимъ. За то начиналъ разговоры съ нею самъ баронъ Гекеренъ преимущественно о своемъ сынѣ, и тутъ по всей вѣроятности выходило недоразумѣніе; намеки, которые относились къ Гончаровой, принимались насчетъ Пушкиной, которая все передавала своему мужу. Онъ волновался; но можетъ быть, дѣло объяснилось бы въ скоромъ времени, еслибы оскорбительная шутка не подбавила горячаго матеріала. Въ это время во французскомъ посольствѣ показывали нѣ-

¹⁾ Третья книжка вышла въ сентябрѣ. Изъ стихотвореній Пушкина въ ней напечатаны „Родословіе моего героя“, „Полководецъ“, „Подражаніе испанскимъ сегодильямъ“ и нѣсколько прозаическихъ статей. Четвертая книжка вышла въ первой половинѣ ноября.

сколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпныя званія. Они были присланы изъ Вѣны, гдѣ свѣтское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Кому-то пришла жалкая мысль пошутить такимъ же образомъ и въ петербургскомъ обществѣ. Такъ какъ въ гостинныхъ уже ходила сплетня о Пушкинѣ, то его онъ и выбралъ предметомъ своей шутки, тѣмъ болѣе, что между образцами вѣнскихъ дипломовъ, одинъ былъ подходящій къ повторяемой сплетнѣ. И вотъ 4 ноября Пушкинъ получаетъ три экземпляра письма на французскомъ языкѣ, съ котораго мы представляемъ переводъ:

„Великіе кавалеры, командиры и рыцари свѣтлѣйшаго ордена Рогоносцевъ (socus), въ полномъ собраніи своемъ подѣ председательствомъ великаго магистра ордена, его превосходительства Д. А. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьюторомъ великаго магистра ордена Рогоносцевъ и историографомъ ордена.

„Непремѣнный секретарь графъ I. Борхъ 1).

Въ тотъ же день Пушкинъ узналъ, что нѣсколько такихъ же экземпляровъ было разослано разнымъ лицамъ петербургскаго аристократическаго круга. Въ первое время онъ старался казаться спокойнымъ: „Безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу, говорилъ онъ Соллогубу: если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое; жена моя — ангель, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ“. Конечно не такъ спокоенъ былъ Пушкинъ, какъ казался. Мы воспользуемся его письмомъ къ графу Бенкендорфу, отъ 21 ноября, которое знакомитъ насъ съ тѣмъ, что произошло въ этотъ промежутокъ времени. Объявивъ объ анонимномъ письмѣ, онъ продолжаетъ: „По бумагамъ, по слогу и по приѣмамъ, я сейчасъ догадался, что оно было написано иностранцемъ, человѣкомъ высшаго общества — дипломатомъ. Я началъ поиски и узналъ, что въ тотъ же день семь или восемь лицъ также получили по экземпляру того же письма въ двойныхъ конвертахъ и адресованныя на мое имя. Почти всѣ, получившіе эти письма, подозрѣвая какой нибудь пасквиль, не отослали ихъ ко мнѣ. Всѣ пришли въ негодованіе отъ этой неосновательной и низкой обиды; но всѣ, повторяя, что поведеніе моей жены было безупречно, говорили, что поводомъ къ этой клеветѣ было настойчивое волокитство за нею Дантеса. Въ этомъ случаѣ я не потерплю, чтобы имя моей жены было связано клеветою съ именемъ кого бы то ни было и просилъ передать объ этомъ Дантесу. Баронъ Гекеренъ приходитъ ко мнѣ и за Дантеса принимаетъ вызовъ, прося отсрочки дуэли на 15 дней. Случилось, что въ продолженіи этого времени Дантесъ влюбился въ мою свояченицу Гончарову 2) и просилъ у ней руки. Молва меня предупре-

1) Въ лейпцигскомъ изданіи „Матеріаловъ для біографіи Пушкина“ 1875 г.

2) Такъ казалось Пушкину; но скорѣе можно полагать, что Дантесъ былъ влюб-

дила и я просилъ передать г. Аршіаку ¹⁾, секунданту Дантеса, что я отказываюсь* отъ своего вызова. Я убѣдился наконецъ, что анонимное письмо было написано Гекереномъ, и я принимаю за долгъ объявить объ этомъ обществу и правительству. Будучи единственнымъ судьей и защитникомъ моей чести и моей жены, я не обращаюсь ни къ кому ни за справедливостью, ни за отомщеніемъ, не могу и не хочу приводить доказательства кому бы то ни было въ томъ, что я утверждаю“...

Помолвка Дантеса съ сестрою Пушкиной должна бы была прекратить всѣ сплетни и объяснить возникшія недоразумѣнія; по всей вѣроятности, такъ бы оно и было, еслибы не пасквиль, въ составленіи котораго Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерена. Онъ уже не вѣрилъ чести ни отца, ни сына, даже и тогда, когда свадьба дѣйствительно состоялась. Дантесъ не разъ протягивалъ ему руку примиренія, даже при участіи общихъ ихъ знакомыхъ; но Пушкинъ каждый разъ грубо и оскорбительно его отталкивалъ. Такія же попытки дѣлалъ и баронъ Гекеренъ; но встрѣчалъ то же самое. Намъ кажется, что всѣ обвиненія, которыя высказывались противъ голандскаго посланника, голословны и не выдерживаютъ безпристрастной критики. Пушкинъ былъ въ такомъ страстномъ настроеніи, до котораго его довело чувство оскорбленной чести, обратившееся въ упорную ненависть, что многое должно было ему представляться въ превратномъ видѣ. Очень можетъ быть, что Дантесъ и Гекеренъ, сами оскорбленные обращеніемъ Пушкина, позволяли себѣ разныя грубыя и насмѣшливыя выраженія, которыя Пушкинъ называлъ казарменными; но въ нихъ ему казались еще разныя непристойныя и оскорбительныя намеки, которыя должны были еще болѣе разжигать его страсть. Жена Пушкина хорошо понимала, что самое лучшее было уѣхать ей съ мужемъ куда нибудь подальше отъ Петербурга, дать время успокоиться его страсти и выждать въ уединеніи, когда замолкнутъ всѣ свѣтскіе толки. Пушкинъ повидимому и самъ сознавалъ это, по крайней мѣрѣ онъ писалъ Нащокину, что ему надо достать пять тысячъ рублей, чтобы раздѣлаться съ Петербургомъ, увести жену въ Псковскую деревню и зажечь тамъ. Но Нащокину неизвѣстны были причины такого рѣшенія поэта, и онъ не позаботился доставить ему эти деньги. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ оставался въ Петербургѣ. Страстная его натура, долго сдерживаемая, стала наконецъ брать свое и проявляться во всей силѣ. Великосвѣтское петербургское общество раздѣлилось на двѣ партіи:

лень въ нее еще прежде, и что изъ за этой любви и вышло прискорбное недоразумѣніе, благодаря которому сложилась свѣтская сплетня.

Въ скоромъ времени на судѣ Дантесъ говорилъ, что онъ посылалъ довольно часто г-жѣ Пушкиной вѣнги и театральныя билеты при короткихъ запискахъ, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были выраженія, которыя онъ называлъ дурачествами; они-то, полагалъ Дантесъ, и могли возбудить щекотливость Пушкина, какъ мужа. (См. „Рус. Стар.“ 1880 г. октябрь. Сообщение В. В. Никольскаго).

¹⁾ Секретарь французскаго посольства. Посредникомъ въ переговорахъ со стороны Пушкина былъ графъ Соллогубъ, впоследствии извѣстный писатель.

одни держали сторону Пушкина, другіе Дантеса и Гекерена. Къ послѣднимъ принадлежалъ и графъ Бенкендорфъ, который радъ былъ сдѣлать поэту лишнюю неприятность. Все, что до сихъ поръ шипѣло противъ поэта завистью, злостью, недоброжелательствомъ, все пристало къ этой партіи, мужчины и дамы; но эти великосвѣтскія дамы, по словамъ Данзаса, не отличались блистательною репутаціею и не могли служить примѣромъ нравственности. Онѣ устраивали себѣ недостойное зрѣлище изъ неожиданныхъ встрѣчъ Пушкина съ явными его врагами, конечно, двусмысленно улыбались, переглядывались и ежедневно заставляли Пушкина чувствовать его неловкое положеніе. Онъ терпѣлъ весь этотъ скандалъ почти три мѣсяца. Наконецъ увидѣлъ, что нужно его покончить рѣзко и рѣшительно. Чтобъ удовлетворить общество, по его понятіямъ, нужна была чья нибудь кровь, а съ нею, можетъ быть, и жизнь. Дуэль между противниками сдѣлалась неизбежна. Пушкинъ выбираетъ барона Гекерена, котораго подозрѣвалъ въ недостойныхъ покушеніяхъ противъ своей чести, и пишетъ ему самое оскорбительное письмо съ видимымъ намѣреніемъ заставить его или его нарѣченнаго сына драться съ нимъ. Отвѣтъ не замедлил. Вызовъ на дуэль послѣдовалъ со стороны Дантеса съ согласія Гекерена. Противники не мѣшкали, и на другой день 27 января 1837 года въ пять часовъ вечера сошлись за Черной рѣчкой близъ комендантской дачи; секундантомъ у Пушкина былъ Данзасъ, у Дантеса—секретарь французскаго посольства Аршіакъ, Подробностей всего этого дѣла рассказывать мы теперь не будемъ: онѣ болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ по другимъ статьямъ; исходъ дуэли извѣстенъ также. Молва объ умирающемъ и затѣмъ умершемъ Пушкинѣ быстро разнеслась по городу. Все грамотное, все учащееся населеніе заговорило и заволновалось, не скрывая негодованія противъ иностранца, поднявшаго руку на русскаго народнаго поэта. Бенкендорфъ увидѣлъ, что мыслящая и чувствующая сила въ русскомъ чловѣкѣ еще не совсѣмъ подавлена, о чемъ онъ такъ прилежно старался въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Повсюду были разсланы шпіоны, которые тотчасъ же сочинили громаднй заговоръ. Увѣряли, говоритъ князь Вяземскій ¹⁾, будто въ толпѣ, приходившей поклониться тѣлу покойнаго поэта, разглашались намѣренія, противныя общественному порядку, будто въ день похоронъ предполагалось надѣлать шуму, устроить триумфальное шествіе, кидать камни въ домъ барона Гекерена. Возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлю исказить и опозорить изъявленіе возвышенныхъ чувствованій. Прикинулись, будто вѣрятъ слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣревались воспользоваться его кончиною для произведенія какого то заговорческаго дѣйствія и по своей склонности къ смутѣ хотѣли устроить что то въ родѣ похо-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1879 г. № 3. Письмо кн. Вяземскаго къ велик. князю Михаилу Павловичу 1837 г.

ронъ генерала Ламарка ¹⁾. Говорили, что послушая кончины Пушкина имѣлось въ виду возбудить народныя страсти, устроить ему нѣчто въ родѣ политической апотеозы, и съ этою цѣлью придать похоронамъ чрезвычайную пышность. Говорили, что въ лицѣ Пушкина оплакивается не поэтъ и не другъ, а человѣкъ политическій, либераль, глава оппозиціи, какъ Бенкендорфъ всегда смотрѣлъ на Пушкина. Его друзьямъ приписывались отзывы враждебные, возмутительные. Даже обыкновеннымъ похороннымъ распоряженіямъ приписывались особенныя цѣли. Похороны принялъ на себя графъ Григорій Александровичъ Строгановъ въ качествѣ родственника Пушкиной и очень естественно, что не могъ допустить иначе, какъ пышныхъ похоронъ. Мѣстомъ для отпѣванія была назначена Исакиевская церковь по той простой причинѣ, что Пушкинъ жилъ въ этомъ приходѣ; но и тутъ нашли поводъ къ какимъ то подозрѣніямъ. Приглашенный на отпѣваніе митрополитъ отказался. Пушкинъ положенъ въ гробъ во фракъ, а не въ намеръ-юнкерскомъ мундирѣ, котораго онъ не любилъ. И въ этомъ хотѣли видѣть выраженіе какой то задней мысли—политической и мятужной. Понятно, какую дѣятельность долженъ былъ выказать Бенкендорфъ съ помощниками, слушая полицейскія сочиненія или самъ дѣлая выводы изъ донесеній шпіоновъ. Тотчасъ же были приняты мѣры, чтобы оградить спокойствіе столицы. Въмѣсто Исакиевской церкви была назначена Конюшенная. Перенесеніе тѣла было совершено ночью. Домъ покойника наполнила военная сила; на улицѣ разставлены солдатскіе пикеты. Всѣ близкіе къ покойному поэту были глубоко оскорблены подобными дѣйствіями сильнаго человѣка, который не могъ понимать, кого лишилась Россія и который скорѣе былъ радъ, что избавился отъ хлопотъ въ надзорѣ за либераломъ. Говорятъ, что онъ даже зналъ о предстоящей дуэли, и послалъ жандармовъ предупредить ее, но только не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ, будто бы по ошибкѣ. Но эти рассказы требуютъ подтвержденія. Огромная толпа, собравшаяся утромъ 31 января на площади передъ Конюшенной церковью не знала конечно о полицейскихъ мѣрахъ и опасеніяхъ, выражала глубокую скорбь и оставалась спокойною, безъ всякихъ порывовъ къ беспорядкамъ. Вѣроятно, это было, приписано дѣятельности и бдительности полиціи, а можетъ быть иныя ея агенты получили даже награды ²⁾. Но никакая полиція не могла задержать плачевной молвы, которая быстро разнеслась по всей Россіи и горько отозвалась въ сердцахъ русскихъ людей. Ненавистники и зложелатели поэта тайно радовались несчастью русской земли, не воображая, что изъ этого несчастья вырастетъ для нихъ въ потомствѣ. Молодое поколѣніе назвало Пушкина народнымъ поэтомъ, по-

¹⁾ Генераль первой французской революціи, умершій въ 1832 г.; его похороны послужили поводомъ къ политической смутѣ и уличнымъ беспорядкамъ въ Парижѣ.

²⁾ Тѣло Пушкина было вывезено изъ Петербурга также ночью для погребенія въ Сятогорскомъ монастырѣ близъ села Михайловскаго. Его сопровождалъ А. И. Тургеневъ, тотъ самый, который привезъ его, еще ребенка, изъ Москвы въ лицей.

тому что создало въ его поэзіи тѣ высокія идеальныя стремленія, которыя онъ соединялъ съ русскою жизнью.

Народамъ миль и дорогъ тотъ,
Кто спать ихъ мысли не даетъ.

И за то ненавистенъ тотъ, кто давить и мертвить эту мысль. Много еще лѣтъ произведенія Пушкина были запретными въ русской школѣ, какъ въ настоящее время произведенія Некрасова, изъ-за которыхъ заставляютъ въ хрестоматіяхъ перепечатывать цѣлыя листы. Преподаватели, позволявшіе себѣ читать своимъ ученикамъ стихи Пушкина, рисковали прослыть опасными либералами и слѣдовательно неблагонадежными людьми. Но не смотря на все это, юное поколѣніе воспиталось на произведеніяхъ Пушкина и доказало воспитательное его значеніе. Пушкинъ наконецъ былъ завоеванъ для школы.

Въ заключеніе остановимся на предсмертныхъ словахъ Пушкина, сказанныхъ Жуковскому, въ порывѣ благодарности за милости, обѣщанныя государемъ его семейству: „Скажи государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его“. Здѣсь невольно приходитъ вопросъ: какимъ бы образомъ Пушкинъ, какъ поэтъ, а не какъ придворный чиновникъ, могъ исполнить это обѣщаніе, при тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось ему жить и работать? Что могъ еще сдѣлать гений-поэтъ подъ надзоромъ подозрительной полиціи? Для дѣятельности гения время было самое неблагоприятное, когда государственная жизнь выражалась только въ полицейской силѣ, которая со своими догматами господствовала надъ обществомъ и государствомъ. Мы уже видѣли, какъ было стѣснено творчество поэта. Видѣли, какъ нѣсколько лѣтъ онъ задыхался въ той атмосферѣ, какъ желалъ вырваться изъ нея на волю; но слышалъ только несправедливыя упрёки въ неблагодарности, которые на него, какъ на честнаго человѣка, дѣйствовали сокрушительно, слышалъ угрозы отъ такой власти, которая въ самомъ дѣлѣ могла ихъ исполнить. Онъ не могъ исполнить своего пламеннаго желанія, не рѣшившись на разрывъ съ тѣмъ лицомъ, кто по его взгляду имѣлъ право на его благодарность. А сдѣлать это кромѣ страха ему не позволяла совѣсть. Онъ былъ опутанъ многими сѣтями. Намъ кажется, что въ будущемъ поэту не оставалось поприща для его вдохновенныхъ трудовъ. Стремясь вырваться изъ своихъ сѣтей, онъ все равно нашелъ бы себѣ гибель. Не могъ пѣть соловей въ когтяхъ у кошки ¹⁾.

В. Стоюнинъ.

¹⁾ При назначеніи суда надъ Гекереномъ императоръ Николай Павловичъ приказалъ, чтобъ судъ представилъ заключеніе и о томъ, какому наказанію подлежитъ бы камеръ-юнкеръ Пушкинъ, если бы остался живъ... Оба подсудимые были приговорены къ смертной казни, но нѣкоторые судьи-генералы предлагали различныя формы замѣны и смягченія этого наказанія. На основаніи ст. 139-й воинскихъ артикуловъ 1716 г. слѣдовало живыхъ просто повѣсить, а убитыхъ и по смерти за ноги повѣсить. По высочайшей конфирмаціи 18 марта Дантесъ-Гекеренъ былъ разжалованъ въ рядовые и высланъ за границу. (См. „Рус. Стар.“ 1880, октября, статья В. В. Никольскаго).

ИЗВРАЩЕНИЕ НАРОДНАГО ПѢСНОТВОРЧЕСТВА.

„Много погбло на нашей землѣ
родныхъ преданій, драгоцѣнныхъ
для исторіи“...

И. САХАРОВЪ.

I.

НЕЛЬЗЯ отрицать того грустнаго факта, что распространеніе цивилизаціи въ народѣ тѣмъ путемъ и тѣми способами, какими оно до сихъ поръ совершалось и совершается, сопровождается множествомъ крайне неблагопріятныхъ въ нравственно-бытовомъ отношеніи послѣдствій.

Цивилизація, уже сама по себѣ — сила обезличивающая и обезцѣвивающая всякую яркую, самобытную индивидуальность. Она все и вся гнететъ къ одному знаменателю, втискиваетъ всѣхъ въ одноформенныя, такъ называемыя, „общеевропейскія“ лекала — отъ универсальнаго фрака и „цилиндра“, до универсальнаго метода мышленія. Говоря параболически, лощенный, столь обязательный для цивилизованнаго человѣка, „цилиндръ“, кажется, какъ будто бы обладаетъ, не смотря на свою легкость и мягкость, жестокими свойствами той варварской машины, посредствомъ которой извѣстные дикари сплющиваютъ себѣ головы по одной формѣ и фасону. Европейскій „цилиндръ“, точно также „оболванивая“, по выраженію скульпторовъ, всѣ головы по одному фасону, дѣлаетъ ихъ, какъ бы, одноформенными не только снаружи, но и изнутри, по складу и подбору мыслей, понятій, стремленій.

Можетъ быть, это такъ и нужно... Несомнѣнно, общечеловѣческая культура, идя путемъ естественно-историческаго подбора, всегда и вездѣ отправлялась отъ частнаго къ общему, и — въ этомъ ея ко-

вечная цѣль. Но поклонникамъ національной старины и самобытности въ характерѣ, обычаяхъ и правахъ своего народа, отъ этой мудрой истины не становится легче... Нельзя не видѣть безъ боли сердечной, какъ съ каждымъ днемъ, подъ могучимъ вѣянiемъ стремящейся на всѣхъ парахъ цивилизаціи, мало по малу исчезаютъ въ народѣ его племенные оригинальныя черты, измѣняется бытъ, вывѣтриваясь отъ стародавней, проведенной рѣзцомъ исторiи складки, забываются преданiя и чисто народныя пѣсни, коверкается языкъ и, взамѣнъ поэтической старины, съ ея яркимъ индивидуальнымъ колоритомъ, распространяется повсюду и во всемъ какое то досадливое, безхарактерное, нерѣдко каррикатурное обезьянничество, именуемое „образованностью“, которая идетъ неразлучно съ презрѣнiемъ ко всему родному.

Мы говоримъ, именно, о той „образованности“, которая такъ непрiятно поражаетъ наблюдателя, напримѣръ, въ нашихъ горожанъ низшихъ классовъ. Но такъ какъ нашъ горожанинъ этого слоя, особенно въ столицѣ, тотъ же крестьянинъ—выходецъ изъ „деревни“, съ которою онъ продолжаетъ имѣть частыя сношенiя, то, понятно, что эта антипатичная „образованность“ широкой рѣжкой разливается по всему лицу земли русской. Кромѣ того, развозить ее по всѣмъ направленiямъ и во всѣ захолустыя современная „чугунка“; разноситъ ее по деревнямъ, всякіе виды на своемъ вѣку выдавшей, балагуръ—солдатъ, распространяетъ ее съ неменьшимъ успѣхомъ какойнибудь полуграматный фанфаронъ—волостной писарь или уѣздный чиновникъ, знакомить съ нею заѣзжій мѣщанинъ торгашъ и—уже самымъ полнымъ, самымъ плодовитымъ органомъ ея является кабакъ, со своимъ прожженнымъ, „на тонкой политикѣ“ воспитаннымъ хозяиномъ—цѣловальникомъ.

Можетъ быть и это такъ нужно... Не знаемъ и разбирать этого не станемъ. Цѣль этой замѣтки—указать лишь на одно изъ наиболѣе обидныхъ, если хотите, проявленiй этой „образованности“, именно—на извращенiе, подъ ея растлѣвающимъ влiянiемъ, нашего народнаго пѣснотворчества. Въ распоряженiи нашемъ имѣется, кромѣ наблюденiй, собранныхъ другими изслѣдователями, нѣсколько фактовъ и образчиковъ новѣйшаго народнаго пѣснотворчества, лично нами подмѣченныхъ и записанныхъ.

Какъ извѣстно, любители и собиратели народныхъ былинъ, сказанiй и пѣсенъ, давно жалуются на крайнее оскудѣнiе этого драгоценнаго для изученiя народной жизни матеріала, а, съ другой стороны, на порчу языка и эстетическаго вкуса, на отсутствiе типичности въ новѣйшей народной пѣснѣ. Теперь уже никто изъ нихъ не могъ бы, напримѣръ, повторить, даже съ натяжкой, патриотической тирады, сказанной лѣтъ сорокъ тому назадъ наивно-восторженнымъ Сахаровымъ:

„Если бы чужеземецъ, писалъ Сахаровъ, спросилъ: что вамъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостью при-

гласили его на русскіе святки въ старинный боярскій домъ, и тамъ, указывая на разгулъ народныхъ фантазій, сказали бы ему: вотъ ея памятники! вотъ наша старая русская жизнь! Было время, когда всѣмъ этимъ дорожили, все это любили“...

Да, было время, но давно быльемъ поросло...

Нынче такого „боярскаго“ дома, въ которомъ справлялись бы русскія святки по старинѣ, со всѣмъ „разгуломъ народныхъ фантазій“, и днемъ съ огнемъ не сыскать. Нынче не только въ „боярскихъ“ домахъ, но и въ скромной хатѣ городского мѣщанина русскія „народныя фантазіи“ и обряды на свиткахъ вытѣснила заѣзжая модница—нѣмецкая „елка“. Даже въ деревняхъ святочные и всякія другія праздничныя „народныя фантазіи“, игры, забавы и пѣсни сильно амальгамированы городской „образованностью“, а кое-гдѣ, ради нея, и вовсе выброшены изъ памяти и житейскаго обихода.

Можетъ быть самая антипатичная черта этого цивилизаторскаго превращенія въ массѣ заключается именно въ томъ, что оно сопровождается и идетъ параллельно съ развитіемъ въ той же массѣ отвращенія ко всему своему, родному и всего болѣе къ старинѣ. „Образованный“ простолюдинъ-горожанинъ, нарядившись въ „нѣмецкаго“ фасона „спинжакъ“ и „пальто“, уснастивъ свой словарь кудреватыми, книжными выраженіями и словечками, научившись чувствительнымъ романсамъ и веселымъ куплетамъ (все это, конечно, въ искаженно-карикатурномъ видѣ), смотритъ уже свысока на „деревенщину“, брезгаетъ ея сѣрымъ зипуномъ и лаптями, фыркаетъ на ея „простоту“ въ обычаяхъ и нравахъ, издѣвается надъ ея „мужицкой“ пѣсню.

Встрѣтивъ какъ-то одного молодого, развязнаго крестьянина изъ „образованныхъ“ и сблизившись съ нимъ настолько, что онъ, по моей просьбѣ, охотно пропѣлъ мнѣ нѣсколько „фабричныхъ“ пѣсенъ, я, между прочимъ, попросилъ его спѣть еще, какія онъ знаетъ, деревенскія пѣсни.

— Этта, мужицкія, значить? презрительно скосивъ глаза, возразилъ мнѣ „образованный“ собесѣдникъ.

— Да, мужицкія, говорю.

— Не поемъ и даже никакого, то есть, средоточія въ понятіи своемъ насчетъ этой рухляди не имѣемъ, сказалъ онъ, со свойственной у такихъ „любителей просвѣщенія“ пестротой и вычурностью бессмысленно нанизанныхъ словъ въ рѣчи.

— Почему-же? спрашиваю.

— Потому — какія-же у мужика необразованнаго пѣсни? Такъ, тренъ-брень, да, нѣшто, вытье во все, то ись, горло... и весь тутъ сюжетъ: ни чувствія, ни обонанія... о великатности и говорить ужъ нечего... Вотъ, не угодно-ли?

И не дожидая моего согласія, обязательный пѣвецъ приложилъ руку къ щекѣ, скривилъ на бокъ ротъ и затанулъ гнусавымъ голосомъ, кошируя, якобы, „мужицкое пѣніе“, такую белиберду:

„Онъ мочилъ, мочилъ, мочилъ,
А потомъ началъ онъ сушить.
Онъ сушилъ, сушилъ, сушилъ,
А потомъ началъ онъ мочить.
Онъ мочилъ, мочилъ“ и т. д.

— Антиресно? спросилъ, смѣясь, пѣвецъ, кончивъ пѣніе. Вотъ въ эдакомъ фасонѣ, добавилъ онъ, и всѣ мужицкія пѣсни...

Разувѣрять его конечно, было-бы напрасно.

Вспомнился мнѣ тутъ описанный Кулишемъ, въ его „Запискахъ о Южной Руси“, малоросъ—пѣвецъ, по образу и подобию Баяна (увы, одинъ изъ послѣднихъ!), который жаловался автору на это, именно, эпидемически распространяющееся въ массѣ презрѣніе къ чисто-народному пѣснотворчеству и къ эпической старинѣ.

„Теперь, батче, говорилъ онъ ему, малі старці настали—нічого не тямлять. Стань ёго вчить, то воно й слухать не хоче. „Се, каже, все брехня. Ваші панотці брехали и ви брешете“. А якъ коли, то, понавши нашего брата на шляху, и попобыють“... ¹⁾.

А въ какой степени эти „малі старці“, со своимъ пѣснопѣвческимъ безвкуснымъ новшествомъ, вытѣснили нынѣ старинную народную пѣсню и ея хранителей—пѣвцовъ былого, симпатичнаго типа, можно видѣть изъ того, во-первыхъ, что послѣдніе въ настоящее время почти совершенно вымерли уже и, во-вторыхъ, что для собиранія нерастерянныхъ еще пока и не искаженныхъ окончательно перловъ „народныхъ фантазій“ приходится странствовать въ непролазную глушь и дичь лѣсовъ и тошей какого нибудь Заонежья, лежащаго за предѣлами цивилизаціи.

Дошло до того, что истинно-народныхъ „сказителей“ и пѣвцовъ, точно какое „чудо-юдо морское“, возятъ на показъ по столицамъ, да и какже иначе, если какой-нибудь Остапъ Вересай или Рябининъ являются послѣдними могиканами вымершаго цикла древне-русскихъ пѣвцовъ, если въ мелодическихъ звукахъ бандуры одного и въ пѣвучихъ, эпическаго строя пересказахъ другого, слышалась какъ-бы лебединая пѣсня всего нашего стариннаго народнаго пѣснотворчества!

Уже Рыбниковъ замѣтилъ, что даже въ глухомъ Заонежьи, куда городская „образованность“ не проторила еще себѣ широкой дороги, „у большинства сказителей (существовавшихъ еще въ бытность тамъ автора) врядъ-ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать, тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія“...

¹⁾ Теперь, видите, малые старцы (т. е. пѣвцы) настали—ничего не смыслятъ. Ставешъ его учить, а онъ и слушать не хочеть. „Это, говорить, все вздоръ. Ваши отцы врали и вы врете“. А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ“.

Можетъ быть, все это такъ и нужно, и — безъ сомнѣнія, такъ нужно, потому что противъ распространенія цивилизаціи и ея нивелирующаго вліянія на народную индивидуальность прати нельзя, да и было-бы безсмысленно.

Между тѣмъ, благодаря только именно отсутствію вѣянія цивилизаціи въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ нашего обширнаго отечества, тамъ удержались пока въ памяти сельскаго люда старыя пѣсни и былины, а главное старыя, эпическій складъ народнаго творчества.

Гильфердингъ, посѣтившій Заонежье гораздо позднѣ Рыбникова, прямо говоритъ, что, только благодаря глуши и свободѣ (отъ былого крѣпостнаго права), мѣстный крестьянинъ остался до сихъ поръ „подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія“ и сдумѣлъ сберечь въ чистотѣ кристаллы русской народной фантазіи.

„Свободный крестьянинъ Заонежья, говоритъ онъ, жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода, его едва коснулась и грамотность... Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи“...

Гильфердингъ указалъ при этомъ на замѣчательный въ своемъ родѣ фактъ: изъ семидесяти встрѣченныхъ имъ въ Заонежьи „сказителей“ былинь только пять оказались грамотными! Затѣмъ, онъ дѣлаетъ печальный выводъ — что народная, эпическаго склада пѣсня можетъ еще удержаться въ данной мѣстности только при одномъ условіи, „если въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа“.

Понятно, что эта дилемма безусловно можетъ и должна получить одно лишь рѣшеніе — въ пользу „промышленнаго движенія и школы“, т. е. распространенія цивилизаціи; но это не отнимаетъ, однако, у насъ права поскорбѣть отъ всего сердца, что въ вопросѣ о цивилизаціи такая дилемма неизбѣжна и что, слѣдовательно, неизбѣжны искаженіе народнаго пѣснотворчества и забвеніе лучшихъ его перловъ, завѣщанныхъ стариною...

Скорбь эта объяснится и оправдается, надѣмся, вполне при ближайшемъ знакомствѣ съ продуктами вдохновенія „малыхъ старцевъ“ — съ новой пѣснью въ устахъ народа, тронутаго культивирующимъ движеніемъ европейскаго прогресса.

II.

Искаженіе народнаго характера, исчезновеніе самобытности въ образѣ жизни, въ нравахъ и обычаяхъ крестьянина, порча его языка и его пѣсни, наряду съ забвеніемъ „старины“ и привнесеніемъ бросовыхъ объѣдковъ цивилизаціи въ его міросозерцаніе, распростра-

ются, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Гильфердингъ, по всѣмъ путямъ, пролагаемымъ „промышленнымъ движеніемъ“.

Промышленное движеніе, какъ всегда и вездѣ, служитъ лучшимъ и самымъ дѣятельнымъ проводникомъ цивилизаціи, со всѣми ея благами и изъянами, просвѣщеніемъ и растрѣніемъ, смягченіемъ нравовъ и развратомъ, обогащеніемъ однихъ и обѣднѣніемъ другихъ. На этомъ основаніи, размѣромъ и степенью распространенія промышленнаго движенія по территоріи нашего отечества вполне опредѣлится и районъ развитія того явленія въ области народной жизни, о которомъ идетъ рѣчь.

Оно идетъ преимущественно по главнымъ искусственнымъ путямъ сообщенія—по направленію желѣзныхъ дорогъ и большихъ судоходныхъ рѣкъ, сосредоточиваясь около важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ, т. е. городовъ, и въ мѣстностяхъ, гдѣ фабричное производство приняло широкіе размѣры, мало по малу упраздняя въ средѣ населенія земледѣльческій бытъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, если не совершенно уже исчезъ прежній патриархальный типъ русскаго селянина, то, во всякомъ случаѣ, сильно искажился и сталъ вытѣсняться новымъ типомъ „фабричнаго крестьянина“, по удачной квалификаціи извѣстнаго этнографа г. Нефедова.

„Фабричный крестьянинъ“ въ интеллектуальномъ отношеніи не только не возвышается надъ крестьяниномъ—земледѣльцемъ, нетрунатымъ цивилизаціей обитателемъ какой нибудь деревенской глуши, но во многомъ ему уступаетъ, не говоря уже о положительномъ превосходствѣ надъ нимъ послѣдняго въ отношеніи нравственномъ.

„Фабричный крестьянинъ“, не смотря на обладаніе грамотностью въ большинствѣ случаевъ, далеко еще не вышелъ изъ мрака застарѣлыхъ предрасудковъ и суевѣрій, присущихъ русскому простолюдину вообще. Онъ также невѣжественъ, въ сущности, какъ и крестьянинъ пахарь; ибо тотъ пестрый, поверхностный налетъ фальшивой „образованности“, который дала ему фабрика или городъ, заключаетъ въ себѣ гораздо больше отрицательныхъ, разлагающихъ приобрѣтеній, чѣмъ положительныхъ и цѣнныхъ. Данная среда воспитываетъ, какъ говоритъ г. Е. Марковъ, „мужика цивилизованнаго питейнымъ заведеніемъ и кафе-шантанами уѣзднаго города, развитаго аблакатами, обогащеннаго мошенничествомъ подрядовъ и поставокъ, но оставшагося въ душѣ тѣмъ же средневѣковымъ дикаремъ, живущаго, попрежнему, въ мірѣ „порчъ“ и „глаза“, домовыхъ и „скотыихъ боговъ“.

За то, взаимно внѣшней „образованности“, у фабричныхъ, по наблюденіямъ г. Нефедова, „отзывчивость къ поэтическому творчеству и поэтическая память слабѣютъ, да и народу становится не до нихъ“. Вся поэзія для нихъ, весь „идеаль времяпрепровожденія, какъ говоритъ тотъ же авторъ, есть питье чая и водки въ трактирѣ или кабацкѣ“. Фабрика и городъ „изуродовали ихъ физически и нрав-

ственно“. Это-же подтверждаетъ и другой наблюдатель жизни великорусскихъ крестьянъ, г. Шаратовъ.

Въ послѣдніе 18 лѣтъ, по его словамъ, „исчезли рѣшительно всѣ остатки прежнихъ увеселеній. Ни однѣхъ качель, ни одной балалайки, лишь изрѣдка послышится однообразный звукъ гармоникки... Хороводы становятся все рѣже и скучнѣе, даже пѣсни съ ихъ чудесными мотивами начинаютъ вырождаться и переходить въ совершенно не музыкальное кричанье. Остается одна водка и водка, да развѣ при ней— праздничное галдѣнье“.

Правда, „фабричный крестьянинъ“ большой щеголь. Г. Нефедовъ наблюдалъ его по теченію Волги и ея притоковъ. „Фабричные ходятъ тамъ, по его словамъ, съ синими бумажными зонтиками подъ мышкой, у дѣвицъ въ платьяхъ замѣчаются зачатки панье“... Сбылись мечты гоголевскаго цивилизатора, полковника Кошкарева, желавшаго одѣть русскихъ мужиковъ во фраки, а бабъ въ корсеты!

Подобное франтовство и модничанье въ крестьянской средѣ, весьма обычные въ большихъ городахъ, проникаютъ повсюду, гдѣ только повѣяло цивилизующимъ промышленнымъ движеніемъ. Г. Молчановъ, посѣтивъ недавно новгородскую губернію, встрѣчалъ тамъ въ деревняхъ парней не только въ кумачевыхъ, но и въ шелковыхъ рубашкахъ. „Молодицы-же деревенскія носятъ городское платье, и что меня, говоритъ онъ, особенно поразило, такъ это то, что по всей слободѣ шли танцы, — дѣвушки танцевали французскую кадрили при чемъ сами и пѣли какія-то пѣсни новѣйшей формаци“. (Дѣло происходило въ праздничный день). Г. Гусевъ, описывая въ „Тверскомъ вѣстникѣ“ (1879 г. № 20) „народное веселье“ въ деревняхъ тверскаго уѣзда, свидѣтельствуетъ, что „на посидѣлкахъ иногда бываетъ трудно отличить по одеждѣ крестьянскую дѣвушку отъ городской мѣщанки. Изъ молодцовъ же нѣкоторые являются въ сюртукахъ и жилетахъ съ часами“... Такихъ деревенскихъ щеголихъ и щеголей намъ лично приводилось встрѣчать очень часто въ окрестныхъ къ Петербургу селеніяхъ, а, напр., этнографъ г. Н. Камкинъ встрѣчалъ ихъ не мало даже въ корельскихъ деревняхъ архангельской губерніи.

Все это было бы вполне утѣшительно, если бы эти сюртучники, скидывая съ плечъ національные, прадедовскаго покроя, зипуны и сибирки, не скидывали съ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и свой племенной обликъ, свою этнографическую индивидуальность въ образѣ жизни, въ нравахъ, понятіяхъ, эстетическихъ вкусахъ и т. д.

Къ сожалѣнію, въ развитіи образованности народной массы повторяется, въ основныхъ чертахъ, тотъ же процессъ „отсебятины“ и разрыва съ родной „почвой“, который пережили въ свое время верхушки русскаго общества, при воспринятіи западной цивилизаци, и который такъ дорого намъ обошелся, цѣною отчужденія цѣлыхъ поколѣній отъ народа и его интересовъ.

Всѣ эти сюртуки, жилетки, „панье“ и т. п. предметы гардероб-

ной и домашней рухляди, скроенной и сшитой по модѣ, на „нѣмецкій“ фасонъ, вносятся въ крестьянскій бытъ, наряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, большую частью непонятыхъ или понятыхъ вкривь и вкось, идей, понятій, словъ, привычекъ, манеръ и предразсудковъ изъ сферы интеллигентной жизни. При отличающей нашъ національный характеръ переимчивости, все это жадно и безъ всякой критики воспринимается и усваивается невѣжественной массой и, въ результатъ, уродуетъ ее до неузнаваемости.

Получается какая-то дикая, безобразная амальгама изувѣченныхъ обрывковъ и крупицъ европейской культуры съ обезличенными, разлагающимися остатками и чертами отживающаго стараго типа „мужика“, съ его примитивной грубостью и невѣжествомъ, которыя одни и сохраняются долѣе и неприкосновеннѣе изъ всего дѣдовскаго наслѣдія.

Благодаря этой страсти къ переимчивости, къ новинкамъ, народный языкъ коверкается и уснащается массой, большей частью, обезображенныхъ, ни къ селу ни къ городу нацѣпленныхъ иностранныхъ и техническихъ словъ и оборотовъ, выдернутыхъ изъ лексикона городской интеллигенціи. Одинъ компетентный знатокъ нашего мѣщанскаго быта давно подмѣтилъ эту слабость тронутыхъ цивилизаціей простолюдиновъ къ „подбору какихъ-бы то ни было нелѣпныхъ выражений. Въ подобномъ подборѣ они находятъ, говорить онъ, какую-то поэтическую красоту“. Ниже мы увидимъ до какой, дѣйствительно, нелѣпности доходить нерѣдко эта тарабарщина.

Весь этотъ потокъ новыхъ словъ и понятій, естественно, проникаетъ и въ народное пѣснотворчество, вытѣсняя самобытность и чистоту поэтическихъ формъ старинной пѣсни, которая мало по малу совершенно забывается. Въмѣсто нея нарождается фальшивая и дикая скруточно-трактирная поэзія, неприятно поражающая искусственностью и вычурностью своего склада, отсутствіемъ живости и красоты, которыми такъ плѣняетъ истинно-народная пѣсня, и, наконецъ, какой-то лоскутной пестротой языка и содержанія. Мы остановимся здѣсь на записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, наиболѣе характеристическихъ образчикахъ этой новой, уродливой, скруточно-трактирной поэзіи, и читатель увидитъ, правы-ли мы въ нашемъ приговорѣ.

Какъ всегда и вездѣ, на первомъ планѣ въ современной народной пѣснѣ любовь и ея герои—добръ-удаль молодецъ и красная дѣвица. Посмотримъ же на идеаль молодецкой красоты, пригожести и „талантливости“, какъ о нихъ поется нынче кое-гдѣ на дѣвишникахъ, на свадьбахъ и на деревенскихъ посидѣнкахъ!

Вотъ, напр., „во городѣ во Саратовѣ, во московской главной улицѣ“ разгуливаетъ добрый молодецъ Иванъ Степановичъ —

„Какъ на Ванюшкѣ, на Степанычѣ,
Сюртукъ бархатный,

Жилетъ розовый,
Галстухъ шелковый,
Платокъ въ рукѣ батистовый¹⁾.

Понятно, что на такого ослѣпительнаго щеголя и франта всѣ добрые люди „дивовалися“,

„Да всѣ дѣвушки, да всѣ красныя
Засмотрѣлися“.

И какъ не засмотрѣться, если, кромѣ блистательнаго наряда, Ванюшка отличается еще и образцовой благовоспитанностью:

„Онъ щепетко ходить,
Манежно ступаетъ,
Сапогъ не ломаетъ,
Чулокъ не марааетъ,
Ой, люшеньки, люди,
Чулокъ не марааетъ!“

Вкусы у него изысканныя и деликатныя. На приглашеніе откушать зелена вина, онъ отвѣчаетъ:

„Не пью вина я зеленого,
Я кушаю водку
И то для охотки“.

Во всемъ нашего красавца добрые люди и особенно красныя дѣвицы „одобрявали“:

„Какъ онъ скромень!
Какъ онъ вѣжлив!“

говорятъ онѣ о немъ между собой. Впрочемъ, и самъ предметъ этого удивленія и этихъ восторговъ отлично знаетъ себѣ цѣну и неотразимую плѣнительность своихъ жилетокъ и сюртуковъ. Пѣсня застаетъ его большею частью стоящимъ передъ „зеркаломъ хрустальнымъ“ или передъ „туалетомъ“ и прихорашивающимся. На деревенскихъ посидѣнкахъ въ тверскомъ уѣздѣ, по списку г. Гусева, поется, между прочимъ, такая „разводная“ пѣсня:

„Ваня въ зеркало глядѣлся,
Самъ собою смотрѣлся.
Какой я хорошій,
Какой я пригожій.
Рубашка французска,
Жилетка съ цвѣтами,
Шляпа со перами,
Голова съ кудрями.
Кудри вьются каждый часъ—
Цѣлуй молодца сейчасъ!“²⁾

¹⁾ Въ вариантахъ этой весьма распространенной пѣсни, записанныхъ въ другихъ мѣстностяхъ, сюртукъ на молодцѣ оказывается то „кармазиннымъ“, то „гармишелевымъ“; на головѣ молодца „шляпенка пухова“, рубаха на немъ то „канетелева“, то „французская“, на плечахъ „лайковыя помочи“, въ рукахъ его либо платокъ „фулярной“, либо трость „серебряна, со ленточками букетовыми“ и т. под.

²⁾ Эта пѣсня тоже весьма распространенная. Очень схожіе съ вышепредставленнымъ варианты ея мы нашли, между прочимъ, въ сборникѣ Терещенко, изд. 1848 г., и въ сборникѣ П. В. Шейна, 1870 г.

И по ходу игры, дѣвица, точно, цѣлуетъ франта немедленно, да и какъ не расцѣловать такую прелесть!

Не говоря ужъ о „французскихъ рубашкахъ“ и „жилеткахъ“, въ которыхъ, по смыслу этого рода пѣсенъ, вся краса и все достоинство добраго молодца, ибо о свойствахъ его личности въ нихъ нѣтъ ни слова, не говоря, наконецъ, о пошлости и нескладности самой, цитированной здѣсь, пѣсни, въ ней, и ей подобныхъ, особенно неприятно поражаетъ еще это глупое фанфаронство воспѣваемого героя. Это какой-то неуклюжий, накрахмаленный Адонисъ, отдающій букетомъ коровьяго масла и помады „амбре“, самодовольно восхищающійся въ зеркалѣ своей коленкоровой „пригожестью“ и „хорошестью“, точно городская кокетка-горничная. Подобный Адонисъ во „французской рубашкѣ“, совершенно невиданный и немыслимый въ истинно-народной пѣснѣ, къ сожалѣнію, составляетъ излюбленный, господствующій типъ въ мужичьей пѣснѣ новѣйшей фабрично-городской формации (Замѣтимъ, что какъ здѣсь, такъ и дальше мы черпали подходящій матеріалъ изъ многихъ однохарактерныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ).

Этотъ франтъ и модникъ то красотѣ своей „дивится“, то, разгуливая вдоль по рѣчкамъ по Казанкамъ, „со кудрями своими разговариваетъ“, то, фланируя по Невскому „пришпехту“, „самъ съ перчаткой разсуждаетъ“, то катается въ каретѣ и „соболинымъ рукавомъ ее опираетъ“, то „манежничаетъ“ и „щеголяетъ“ передъ дѣвицами, „въ карманъ руки опускаетъ“ и даритъ ихъ конфетами. Въ патетическіе моменты объясненія въ любви, у него, какъ у салоннаго кавалера, „выпадаетъ трость изъ рукъ, сваливаются перчатки съ рукъ“. Когда идетъ въ хороводъ, въ кругъ дѣвицъ, на немъ —

„Сюртукъ тонкій со манишкой,
Штаны трековья,
Трубочка пензовая,
Табакъ жуковъ подмоченъ,
Кисеть новый парчевой“...

Собрался свататься молодець —

„Модно нарядился.
Жилетъ надѣваетъ.
Галстухъ оправляетъ“ и т. д.

Свѣчи свахи рекомендуютъ его, какъ первѣйшаго франта, и — прежде всего какъ франта, судя по слѣдующей пѣснѣ, записанной въ глухой и далекой Чердыни:

„Не иная молодая,
У насъ, вотъ, сюртукъ молодецкій!
Не иная молодая,
У насъ, вотъ, брюки молодецкіи“ и т. д.

Въ соотвѣтствующихъ чертахъ, конечно, складывается въ этой сюртучно-бакалейной поэзіи, искажающей народную пѣсню, и идеаль

„дѣвѣй красы“. Дѣвица плѣняетъ уже молодыхъ людей не столько своей тѣлесной „пригожестью“ и „дородностью“, сколько тѣмъ, что она франтиха, модница и „манерница“. Величая дѣвицъ въ хоро-водѣ, парни называютъ ихъ дамами:

„Дамы, дамки, дамочки,
Наши дѣвки кралячки“!

Въ другой хороводной пѣснѣ, молодецъ спрашиваетъ пригла-нувшую ему красавицу:

„Ужъ ты, Маша, модница,
Чисто ходишь, гдѣ берешь“?

На что она отвѣчаетъ, вычисливъ всѣ прелести своего моднаго туалета, что это все подарки родимаго батюшки, хотя, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ о ея нарядахъ позаботился ктонибудь и другой. Въ подобныхъ пѣсняхъ разсматриваемой формации, ужъ коль дѣвица „хороша“, то непременно —

„По нѣмецкому разубрана“,
на ней „цвѣтно платьице“, „шуба шелковая“, „куцубеечка пальце-
вая“, не то — „ситинкюровая“, на шейкѣ „цѣпочка дорогая“, въ
ушахъ „серьги брилліантовыхъ“,

...„при помадѣ всегда
У дѣвицы голова очень мило убрана“,

лицо у ней набѣлено и нарумянено.

„Ой, роза, роза, роза,
Роза алая моя“!

привѣтствуетъ ее восхищенный при ея видѣ парень. Да что ужъ го-ворить о деревенскихъ парняхъ! Какъ-то разъ эдакую модницу

„Увидалъ генераль,
Изъ окошка озираль“.

Чуть увидѣлъ, сейчасъ и влюбился.

„Ахъ, кабъ зналъ я это дѣло,
Не женился-бы во вѣкъ;
Кабъ видѣлъ красоту,
Не взялъ барышню — жену,
Взялъ-бы крестьянку“,

исповѣдуется въ пѣснѣ его превосходительство.

Сама дѣвица сознаетъ, что она хороша на диво, между прочимъ, потому что она „въ городѣ родилася“ и

„Во Питерѣ жила,
Всѣ науки поняла“...

Родители, выдавая ее замужъ, предъувѣдомляютъ жениха, что

„Она въ насъ чаемъ и кофеемъ упоена
И сдобнымъ кренделемъ вскормлена“.

Въ довершеніе благовоспитанности, у нея —

...„походка дворянская
И рѣчи деликатныя“.

Ѣздитъ дѣвица въ каретѣ или въ коляскѣ съ кучерами (а по болѣе современному—молодецъ прокатываетъ ее „на машинкѣ“).

„Какъ и съ по-мосту, мосту
Тутъ бѣжала карета..

.....
Какъ во той во каретѣ
Сидѣла дѣвица:
Добро-жалобно плачетъ,
Заунывно причитаегъ“.

Плачетъ она и причитаегъ по своей „дѣвѣй красѣ“, которую она, отправляясь подъ вѣнецъ, „забыла“ у родителей, „запомнила“

„Во столовой бѣлой горницѣ,
На ломберномъ столнѣ,
На фабричной на салфеточкѣ,
На фарфоровой тарелочкѣ“..

А и цѣна „дѣвѣй красѣ“ не маленькая! Оцѣнилъ ее добрый молодецъ въ слѣдующемъ отборномъ комплиментѣ:

„Ахъ, красная дѣвица,
Ваша бровь — сто рублей,
А вашъ взглядъ — пятьдесятъ,
Поцалуй — шестьдесятъ“!

Весьма естественно, что, высватавъ такую благовоспитанную и изящную дѣвицу—„питерскую умницу“, по словамъ одной хороводной пѣсни, счастливому молодцу ничего не остается, какъ благодарить Бога:

„Создалъ Богъ мнѣ невѣсту хорошу,
И хорошу и пригожу,
Да и школьную и манерную“..

Спознаванье парней и дѣвицъ, заигрыванье и любовь между ними точно также, утративъ въ новѣйшей пѣснѣ поэтическую простоту и эпическую образность уподобленій старинной пѣсни, приобрѣли вычурныя, крайне пошлыя формы бульварнаго ухаживанья, городской манерности и книжной сентиментальности. И тутъ средствами обольщенія и привораживанья являются скрутки, косметики, конфеты, всякаго рода галантерейности, а, сверхъ всего, деньги, танцы, карты и водка.

Даже заочныя сношенія между влюбленными происходятъ, какъ между лицами, познавшими всѣ тонкости цивилизации, по способамъ самой усовершенствованной почтовой корреспонденціи. Въ деревняхъ тверской губерніи дѣвушки на посидѣнкахъ поютъ:

„По большой дорогѣ
Бѣжитъ маленькій штафетъ,
Несетъ дѣвушкамъ газетъ.
Мы газеты получали,
Распечатали, читали:
Пишетъ, пишетъ милый другъ
Объ любви дорогой“ ..

Встрѣча личная между дѣвушками и молодцами изображается съ меньшей витіеватостью.

„Я стояла вечерней порой,
Наша армія по улицѣ идетъ“..

„Арміей“, ради краснаго словца, названа компанія вышедшихъ на улицу парней.

Дѣлая выборъ между ними, дѣвицы стараются прежде всего опре- дѣлить, который изъ нихъ дѣвушкамъ —

„Много денегъ даритъ“.

На этотъ счетъ у нихъ имѣется вѣрная примѣта, а именно:

„У кого денегъ на малѣ,
У того руки въ карманѣ;
У кого денегъ поболь,
У того руки на волѣ“.

Впрочемъ, при нынѣшнемъ распространеніи просвѣщенія и мод- наго франтовства — „не узнать кто бѣднякъ“, ибо каждый парень

„При сибиркѣ синей,
При манпшкѣ бѣлой“.

Напримѣръ, какая-то „глазовская молодежь сапоги носитъ со скри- помъ“, а дома у нея „гроша не найдешь, оброковъ не платятъ“... Дѣвицы не стѣсняются, однако, нагляднымъ образомъ провѣрить кар- манные ресурсы своихъ искателей. Онѣ безъ церемоній требуютъ отъ нихъ подарковъ и денегъ.

„Ужъ ты, Ванюшка, пьянь,
Не ходи безъ румянъ“!

предостерегаетъ пѣсня какого-то недогадливаго посѣтителя дѣвичьихъ бесѣдъ. Въ другой пѣснѣ дѣвушки напрямикъ требуютъ у парней денегъ—

„Намъ на бѣлыя бѣлилы,
На красныя румяны.
Мы набѣлимся, нарумянимся,
Добрымъ молодцамъ
Лучше приглянемся“!

Обиліе и изысканность подарковъ—кратчайшій и вѣрнѣйшій путь къ сердцу дѣвицы. Молодцу, который тароватъ по этой части, одна хороводная пѣсня предлагаетъ на выборъ:

„Размолочникъ молоденькій,
Бери дѣвушку хорошенькую“!

Благосклонность красавицы снискивается то за „петербургскій пря- никъ“, то за „конфеты — для совѣта“, съ прибавкой „изюму — на раздумю“, то за „банку розовой помады“, съ придачей „широкаго коленкору“ либо „лександрину“, а не то—„левантину“ на платье, за „талянскій платъ“, за „батистовую косынку“ и т. д. Если-же ко всему

этому искатель приложить еще „на шейку цѣпочку“, очастливлен-
ная дѣвица уже безъ колебаній цѣлуетъ его „въ щечку“, цѣлуетъ
даже и тогда, когда онъ ей нелюбъ, какъ это откровенно говорить
она въ одной пѣснѣ:

„Перстенецъ-то хочется.
Цаловать его не хочется“,

т. е. подносящаго перстенецъ парня; но, въ концѣ концовъ, пода-
рокъ оказываетъ свое дѣйствіе и дѣвушка цѣлуетъ не симпатичнаго
вдыхателя „милешенько“.

Имѣя въ виду такую сговорчивость и податливость дѣвицы на
подарки, искатель, заручившись ими, прямо уже ломится къ ней въ
„покой“, самоувѣренно „топаетъ правою ногой“ и изъясняется въ
своихъ чувствахъ стилемъ апраксинскаго прикащика „красной“ лавки,
засывающаго покупательницу:

...„милая, ахти!
Гарнитуровой тафты,
Атласу голубова,
Гарнитуру дорогова,
Черный бархатъ на сапожки,
Бриллиантовы сережки“ и т. д.

Въ отвѣтъ на это краснорѣчивое вещественное выраженіе невеще-
ственного влеченія, безъ дальнихъ разговоровъ,
„Беретъ дѣвица молодца“.

Про ухаживанье и начало любви есть, въ числѣ старинныхъ на-
родныхъ пѣсней, одна необыкновенно поэтичная, съ яркимъ эпиче-
скимъ оттѣнкомъ, въ которой описывается, какъ удалъ молодець,
разбивъ шатеръ въ чистомъ полѣ, встрѣтилъ тутъ дѣвицу, поставив-
шую свой шатеръ противъ его шатра. Между ними начались сно-
шенія съ того, что дѣвица прошла въ шатеръ молодца и стала
„Въ золоты гуселюшки играть“,

да неощутительно для себя и „проиграла“ ему свою дѣвичью кра-
соту.

Что-же сдѣлала изъ этой прекрасной пѣсни новѣйшая фабри-
кація?

Разбивъ шатеръ, молодець, по современной редакціи,

„Разослалъ тутъ гранетуровый платокъ;
Разломилъ онъ бѣлъ крупчатый калачъ,
Самъ поставилъ водки полуштофъ.
Не отколь да взялась дѣвица:
Тебѣ богъ помощь удалой молодець!
Я пришла къ тебѣ не пить, не ѣсть—кушать,
Я пришла къ тебѣ во карты играть,
Что во карты, во шахматы,
И во всѣ игры нѣмецкія...“

Молодець сталъ играть, но дѣвицы не обыгралъ и она—

„Отошла сама раземѣлася“...

Эта замѣна „золотыхъ“ гуслей полштофомъ и картами весьма характеристична въ томъ отношеніи, что такимъ именно образомъ идетъ искаженіе и опошлыванье нашей народной пѣсни повсемѣстно и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Уже и теперь во многихъ мѣстностяхъ истинно-народная пѣсня смѣнилась такою, напр., дребеденью фабрично-лакейскаго сочинительства, вдохновеннаго разными „пѣсенниками“ московскаго изданія.

Рѣчь идетъ объ ухаживаньи и любви. Молодецъ „падаетъ на колѣнки“ передъ Машинькой и умоляетъ полюбить его.

Она сначала отказываетъ, говоря:

„Не хочу лукавыхъ любить,
Они не могутъ любви цѣнить“...

Молодецъ сулитъ ей всякія блага:

„Для Машуриньки такой
Есть у меня особый покой.
Ужъ и спальню твою
Всю цвѣтами уберу;
Я цвѣтами, зеркалами,
Да и разными красами
И подушечками.
Тесовая кровать („Красна дерева кровать“, по другому варианту)
На коврахъ будетъ стоять;
Разсчастливая Машура
Будетъ нѣжно почивать („На бархатномъ на диванѣ“. Др. вар).
Серебряны самовары
На столахъ будутъ кипѣть“, и т. д.

Въ другой подобной-же пѣснѣ дѣвица рассказываетъ, какъ „миленькій“ красавчикъ“ ее сердечко „распрекраснымъ своимъ взоромъ заразилъ“, а потомъ „танцевать съ собой просилъ“.

„Долго долго танцовали,
Появился жаръ въ лицѣ“,

и кончилось тѣмъ, что красавчикъ выманилъ дѣвицу на дворъ и поставилъ ее въ такое конфузливое положеніе, что ей ничего не осталось, „какъ скрыться отсель прочь“¹⁾.

А вотъ нѣкій ослѣпительный Александръ Яковлевичъ „по залу гуляетъ“, въ которомъ „два голуба на шкафѣ пьютъ и льютъ (?), и

¹⁾ По варианту, записанному у Шейна, дѣвица въ этой пѣснѣ, выйдя на крыльцо „простудитъ лицо“,

„Не слыхала какъ упала“.

Молодецъ, стоя надъ нею, спрашиваетъ:

„Если любишь, другъ, скажи,
А не любишь—откажи!“

Она отвѣчаетъ, въ тонѣ жеманства старосвѣтской барышни:

„Я любить не люблю,
Отказаться не могу“.

въ цимбалы бьютъ“, душу—Дунюшку „забавляютъ“. Александръ Яковлевичъ плѣняется дѣвицу тѣмъ, что у него „бѣлы рученьки унизаны“

„Золотыми перстнями,
Отсвѣчиваютъ они отъ Дуныши
Разными лучами.
Душа Дуныша! душа Дуныша!
Васъ тятинька кричитъ“.

Дуныша отвѣчаетъ: „скажите, подруженьки, не слыхала“.

Точно также не слышитъ она и тогда, когда „маменька“ ее „кричитъ“, а закричалъ Александръ—она отвѣчаетъ:

„Подруженьки любезныя,
Скажите сейчасъ буду!“

Рядомъ съ неотразимо-плѣнительными молодцами въ золотыхъ перстняхъ и въ „бѣло-розовыхъ французскихъ рубашкахъ“, деревенскихъ красавицъ обольщаютъ въ новѣйшей пѣснѣ офицеры, юнкера, капитаны, майоры, штабъ-лѣкари, уланы, подъячіе, писаря, дворяне, графы и т. п. представители интеллигенціи.

Увлекаясь такими благородными и чиновными особами, дѣвушки имѣютъ въ виду почетъ, деньги и вальготную свѣтскую жизнь на господскую ногу. Въ одной пѣснѣ, напр. дѣвица сравнивая свою долю съ долей подружекъ, считаетъ себя „пресчастливой“, потому что она полюбила „щеголя писаря изъ конторы“. Въ другой, весьма распространенной пѣснѣ, имѣющей множество вариантовъ, дѣвица думаетъ гадаеть за кого ей замужъ идти, и останавливается на выборѣ то подъячаго, то боярина.

За подъячаго замужъ идти выгодно, рассуждаетъ дѣвица:

„Какъ подъячій-то писать,
А я денежки считать“.

За боярина—пріятно и лестно, потому что—

„Жизнь боярина, что твой рай,
То и дѣло, что гуляй,
Въ клубъ, на балъ, въ театръ катайся,
Или дома забавляйся“.

Съ высшими чинами военного сословія у дѣвицъ дѣло ограничивается большею частью романическими похождениями легваго, зазорнаго свойства. Какіе-то удалые „майоры“ лазятъ къ нимъ въ окна; молодые „офицерки“ приглашаются ими въ спальню въ такія минуты, когда „маменька спитъ“ и т. д. При этомъ, романъ завязывается въ чисто бульварномъ вкусѣ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей, записанной нами въ одной изъ близкихъ къ Петербургу деревень, пѣснѣ, носящей явные слѣды подражанія книжнымъ романсамъ:

„Долго я, какъ макъ цвѣла,
 Веретеномъ крутила,
 И отъ всей своей души
 Прялку я любила.
 Долго, долго такъ жила,
 Злой тоски не знала,
 Припѣваючи прядла,
 Пѣла да играла.
 Разъ, однажды вечеркомъ
 Сижу за работой—
 Ходитъ юнкеръ подь окномъ
 Въ ясной позолотѣ.
 Онъ манилъ меня шутя—
 Я не испугалась.
 Вдругъ...

спустя немного, какъ и слѣдовало ожидать, у дѣвицы „нитка обор-
 валась“, и, вотъ, съ той поры, поетъ она—

„Часто, часто нитки рву,
 А на сердцѣ грустно“.

Книжная сентиментальность въ изображеніи любви ярко связы-
 вается въ новѣйшей простонародной пѣснѣ, какъ въ формѣ, такъ и
 въ содержаніи, усвоиваемыхъ извнѣ и вновь складываемыхъ въ дан-
 ной средѣ, рапсодій. Это особенно замѣтно въ тѣхъ пѣсняхъ, въ
 которыхъ описывается несчастная, „жестокая“ любовь, сердечная
 измѣна, отвергнутое чувство и пр. Неудачники и неудачницы въ
 любовныхъ дѣлахъ впадаютъ въ сентиментальную меланхолію, пре-
 зираютъ постылой жизнью и, вопія къ „жестокости“ своихъ предме-
 товъ, кончаютъ съ собою болѣе или менѣе скоростижно. Кому
 неизвѣстна, весьма любимая „образованнымъ“ простонародьемъ, слез-
 ная пѣсня, въ которой покинутая любовница проситъ невѣрнаго
 дружка:

„Возьми въ руки пистолетикъ,
 Заряди легкой зарядъ,
 Разстрѣли мою грудь.
 Я тѣмъ буду довольна—
 Сократишь ты жизнь мою“.

Убийственный „пистолетикъ“ въ этихъ случаяхъ является на пер-
 вомъ планѣ. Въ другой пѣснѣ „несчастной мальчюшечка“, обращаясь
 къ „дѣвченокѣ“, проситъ ее полюбить его, а, въ случаѣ отказа,
 грозить:

„Если ты не любишь меня,
 Убью мальчикъ самъ себя,
 Убьюсь мальчикъ, застрѣлюсь
 И покроюсь на вѣкъ темнотой“.

Бываетъ, впрочемъ, когда чувство неудовлетворенной или обма-
 нутой любви ищетъ себѣ отмщенія болѣе практичнымъ путемъ, при-
 мѣняясь, напр., къ современному развитію сутяжничества. Одна об-
 манутая дѣвица отправилась въ городъ:

„Гербовой она листъ
 Бумаженьки закупала,
 Молодого-то она инсаря
 Къ себѣ въ гости зазывала,
 На милого дружка
 Просьбу составляла“.

Съ этой просьбой она идетъ къ „молодому губернатору“, кланяется ему въ ноги, проситъ „разсудить“ ее съ милымъ дружкой „по правдѣ“.

„Ты отдай моего дружка любезнаго,
 Ты отдай въ солдаты“!

Губернаторъ, однакожь, не уважилъ просьбу дѣвицы и даже прогналъ ее „вонъ изъ каменной палаты“ за неосновательное ходатайство. Но въ иныхъ случаяхъ обманщики, привлеченные къ суду, дорого платятся, какъ поплатился, однажды, пѣвчій молодецъ изъ села Кушалина за то, что

„У Натальи платочекъ заносилъ—
 За безчестье шестьдесятъ рублей платилъ“.

„Шестьдесятъ рублей—денежки. Изловили меня дѣвушки!“—жалуется, по дѣломъ наказанный, ловелась.

III.

Рядомъ съ этимъ скрѣпчущимъ фразеологическимъ и бульварнымъ фанфаронствомъ въ романтическихъ отношеніяхъ, опошленныхъ какой-то лакейской сентиментальностью, народная пѣсня разсматриваемой формации воспѣваетъ, съ не меньшей искренностью, кабакъ и трактиръ, какъ разсадники все той-же „образованности“ и какъ неизсякаемые, единственные въ своемъ родѣ источники наивысшихъ усладъ и развлеченій, приличныхъ по городски избалованнымъ бонвиванамъ.

Это—тоже одинъ изъ неразлучныхъ спутниковъ „промышленнаго движенія“, всюду разносящаго, одновременно съ дарами и благами цивилизации, величайшее распутство, разгулъ, пьянство и глубокую порчу нравовъ. Наивная въ своемъ творчествѣ народная пѣсня, какъ наивенъ и самъ попавшій въ круговоротъ этого „движенія“ и исковерканный имъ сынъ „деревни“, воспроизводитъ передъ нами всю эту кабачно-трактирную поэзію безъ малѣйшаго намека на отрицательное къ ней отношеніе. Это-то и ужасно, что сынъ „деревни“, какъ ребенокъ, ослѣпленный дешевымъ блескомъ фальшивой „образованности“, плѣненный обманчивой прелестью безпутнаго трактирнаго эпикурейства, не умѣетъ и не можетъ различить золота цивилизаціи отъ ея шумихи, не въ состояніи отнестись къ послѣдней критически и уразумѣть всю ея фальшь и мерзость. И гдѣ ему взять такой критики?—Вѣру въ идеалы и нравственные устои „мужицкой“ дѣдовской „старинны“ онъ утратилъ; нахлынувшее на него „промышленное дви-

женіе“ привезло къ нему по „чугункѣ“ или на пароходѣ обольстительные сюртуки и „французскія“ манишки, привезло городскія моды и привычки къ какой ни на есть грошовой роскоши, да утонченные вкусы къ трактирнымъ наслажденіямъ, привезло, наконецъ, общедоступную науку городского пройдохства, всяческой плутоватости и вороватости. Полная разнузданность, разжигаемая алчностью къ легкой наживѣ, къ щегольству и къ трактирно-пьянымъ уладамъ, а взамѣнъ — никакихъ нравственныхъ сдержекъ, никакихъ истинноцивилизующихъ понятій и привычекъ гражданственности въ жизни частной и общинной:—вотъ въ какихъ чертахъ складывается характеръ простолюдина подъ вліяніемъ „промышленнаго движенія“ и городской „образованности“!

Извѣстно, что изъ всѣхъ нашихъ рѣкъ — Волга „кормилица“ послужила особенно широкой и удобной дорогой для „промышленнаго движенія“, съ его спутниками—цивилизацией и деморализацией. Извѣстно, что она привлекаетъ къ себѣ многія тысячи сельскаго народа со всѣхъ сторонъ, по своему огромному бассейну, — „кормиться“ отъ ея богатыхъ промысловъ. Какія-же впечатлѣнія выносить съ ея береговъ рабочій крестьянинъ? какъ и въ чемъ отражается на немъ цивилизующее вліяніе этой главной артеріи російской культуры?

Г. Мельниковъ записалъ очень интересную въ этомъ отношеніи пѣсню, сложенную на Волгѣ бурлаками и очень ими любимую. Пѣсня эта—своего рода географія нашей великой рѣки: въ ней, кратко и выразительно, описаны достопримѣчательности болѣе трехсотъ мѣстъ (городовъ и селеній), расположенныхъ на Волгѣ отъ Рыбинска до Бирючей Косы... Но какія-же это достопримѣчательности? какая это географія? А, вотъ, неудобно-ли нѣсколько ея образчиковъ въ выдержкахъ!

„Вотъ городъ Кострома—гуляйная сторона,
А по ниже его Плесь—чтобъ шайтанъ его унесъ!
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ! чтобъ шайтанъ его унесъ!
За нимъ Книнема, да Рѣшма—тамой дѣвушки не честны,
А вотъ городъ Юрвецъ—что ни паренъ, то подлець.
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
Въ Городцѣ-то на дворѣ—по три дѣвки на дворѣ,
А вотъ городъ Балахна—стоитъ полы распахни!
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
А вотъ село Козино—много дѣвокъ свезено,
Еще Созиново село—соромники наголо;
Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.
А вотъ Нижній-городокъ—ходи гуляй въ погребокъ,
Вотъ Кунавино село—въ три дуги меня свело.
Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
А вотъ Кстово-то Христово—развеселое село,
Хоша чарочка маленька, да винцо хорошо.
Ахъ, ну! охъ ты мнѣ и т. д.
Вотъ село великій Врагъ—въ каждомъ домѣ тамъ кабакъ,
За нимъ село Безводно—живутъ дѣвушки зазорно.
Ахъ, ну! охъ, тѣ мнѣ и т. д.

Рядомъ тутъ село Работки—покупай хозяйнѣ водки;
 Вотъ Слопинецъ, да Титинецъ—всѣмъ мошенникамъ кормилецъ.
 Ахъ, ну! охъ, ты мнѣ и т. д.

И въ такомъ родѣ идетъ живописаніе всей матушки-Волги, всѣхъ расположенныхъ на ней культурно-промышленныхъ центровъ! Кабаками, трактирами, „засорными“ дѣвками, мошенничествомъ и „озорничествомъ“—исчерпывается и замыкается весь кругъ наблюденій и сношеній рабочаго простолюдина, пришедшаго сюда обогащаться матеріально и духовно, посмотреть „свѣта“—„себя показать—людей поглядѣть“.

Что дѣлаетъ Волга съ захваченнымъ ея промышленно-разгульнымъ движеніемъ мужикомъ—это мы знаемъ по хорошо изученному нашими этнографами мрачному типу волжскаго „бурлака“, являющагося истымъ представителемъ злосчастной „кабацкой голи“ и „вольницы“ и пропивающаго на Волгѣ не только свой скудный заработокъ, но и здоровье, и честь, а верѣдко и свою буйную, безталанную голову. Самъ народъ сложилъ о бурлакѣ мнѣніе, какъ о пропащемъ человѣкѣ—забубенномъ голышѣ, пьяницѣ и плутѣ. Въ одной пѣснѣ бурлаки дѣвицу красную смавиваютъ, сулятъ ей золотыя горы; но дѣвица имъ не поддается—она хорошо знаетъ, что всѣ бурлацкія пожитки—„одна лямка да котомка“, и та дырявая... Сами бурлаки про свое житѣ поютъ, что имъ —

„Постелюшка—мать сыра земля,
 Одѣялышко—вѣтры буйныя,
 Умываньце—частый дождичекъ,
 Утираньце—горючи слезы“;

что на Волгѣ-матушкѣ (по тексту другой пѣсни) всего ими испробовано:

„Въ кабакахъ было посижено,
 Кусковъ и оглодокъ попрошено,
 Потихоньку, безъ просу, потаскано,
 Голиками глаза выбиты,
 Ожогомъ плеча поранены“...

Что касается недестной славы, сложившейся, какъ видно изъ вышеприведенной бурлацкой пѣсни, про дѣвицъ нѣкоторыхъ наиболѣе веселыхъ волжскихъ поселеній, то и въ этомъ случаѣ пѣсня не выдумываетъ и не преувеличиваетъ фактовъ. Къ сожалѣнію, всѣ пути, по которымъ съ особенной бойкостью идетъ торгово-промышленное движеніе, заражены развратомъ. Кто не знаетъ, напр., о буйныхъ оргіяхъ и невѣроятномъ вакханальномъ распутствѣ, имѣющихъ мѣсто на знаменитой макарьевской ярмаркѣ?!

„Какъ женила молодца
 Чужа дальная сторона,
 Чужа дальная сторонка—
 Макарьевская ярмарка“,

въ ироническомъ тонѣ повѣствуетъ народная пѣсня про скоро-преходящія „женитьбы“ захожихъ молодцовъ на этомъ торжищѣ, въ числѣ товаровъ котораго „дѣвья краса“ всегда стоитъ въ хорошей цѣнѣ и всегда находитъ себѣ покупателей. Про высокую цѣну на нее можно заключить изъ другой пѣсни, воспѣвающей великую „пропажу“, случившуюся на ярмаркѣ у одного купца.

„У Макарья на ярмаркѣ,
Близъ гостинаго двора,
У Сафронова купца
Солучилася бѣда,
Бѣда не маленькая:
Вотъ не сто рублей и не тысяча,
Какъ пропала у него
Дочка милая его“...

Стали искать пропажу:—гдѣ же?

„По баракамъ, по ярамъ,
По трактирамъ, кабакамъ,
По макарьевскимъ пескамъ“...

И искали не напрасно, потому что, по опыту, должно быть, знали—куда именно запропащаются дѣвицы на веселой ярмаркѣ? Нашли, на радость родителя, купеческую дочь на какомъ-то „чердакѣ“, хотя и въ весьма непрезентабельномъ видѣ:

„Ея русая коса—
Вся растрепанная;
Черепеховая гребеночка—
Расколонная;
Ея цвѣтно платье—
Изорванное;
Сантантиоровый салопчикъ—
На гвоздикѣ висптъ“...

Нашли, при всемъ томъ, ее не одну, а въ компаніи съ какимъ-то удалымъ „воромъ-разбойникомъ“, который привелъ въ безпорядокъ туалеть дѣвицы и, какъ ни въ чемъ не бывало, тутъ же

„Подъ окошечкомъ сидитъ,
Табаку трубку куритъ“...

Эта зазорно-пикантная сторона ярмарочной и городской веселой жизни, поскольку она коснулась „образованнаго“ простолюдина, воспѣта имъ во множествѣ нецензурныхъ пѣсень, отличающихся безшабашнымъ, истинно „бурлацкимъ“ цинизмомъ. Впрочемъ, значительная часть этого рода шансонетокъ позаимствована мужиками у солдатиковъ, въ средѣ которыхъ всегда находились и находятся особенно изысканные мастера по этому жанру пѣснотворчества.

Развеселое житье-бытье городского крестьянина — рабочаго, вкусившаго отъ плодовъ „образованности“, довольно живо и полно изображено, между прочимъ, въ весьма распространенной пѣснѣ: „Трактирщикъ“, которая положена даже на ноты и распѣвается кое-гдѣ подъ звуки шарманки. Намъ удалось записать ее со словъ одного петербургскаго фабричнаго. Содержаніе этой, довольно длинной и лишонной, конечно, всякой поэтичности, пѣсни заключается въ разсказъ нѣкоего, издавна всякіе виды, молодца про свои романическія и бонвиванскія похождения въ столицѣ. Это своего рода автобіографія. Герой начинаетъ съ личной рекомендаціи, что онъ-де человекъ бывалый: былъ онъ и „московскимъ трактирщикомъ“, и „на фабрикахъ живаль“, гдѣ не безъ успѣха „разны ситцы набиваль“ и, такимъ образомъ, получалъ „сотъ восемь рублей въ годъ“;

„Но пѣзъ оныхъ не хратало
Двадцати послать въ оброкъ“.

Деньги находили у него приличное помѣщеніе для себя въ столицѣ — на предметъ болѣе интересный, чѣмъ оброки и деревенскія нужды. „Я, поетъ онъ, —

„Имѣлъ въ своихъ рукахъ,
Въ бѣломъ фартучкѣ красотку
И въ сафьянныхъ башмачкахъ.
Для красотки было нужно
Въ косу ленты и платокъ,
Во уши серьги жемчужны
И на ножки башмачки.
Въ праздники выдти—душегрѣйку
И кафтанчикъ съ галуномъ:
Тутъ послѣдняя копѣйка
Вылетала вверхъ орломъ“.

А кромѣ этихъ гардеробныхъ расходовъ, нужно же было тѣшить еще себя и „красотку“ приличными „пирушками“, да такими, что „только дымъ столбомъ стоялъ“.

Въ дѣло вмѣшивается деревня, въ лицѣ отца и матери героя, въ намѣреніи навратить его на путь истины. Когда онъ пріѣхалъ къ нимъ „на побывку“, они его укоряютъ, что, вотъ, уже „лѣтъ пять больше“ не получаютъ отъ него ни копѣйки.

„Полно Ваня волочиться,
Съ длиннохвостыми гулять;
Не пора-ль тебѣ жениться —
Ты не будешь баловать!“

рѣшаютъ старики и, дѣйствительно, женятъ избалованнаго молодца; но что пользы, если тотчасъ же послѣ свадьбы — „опять въ Питеръ его пустили деньги наживать“? Правда, „въ первый годъ я постарался—поетъ герой:

„Соть пятюкъ домой послалъ,
Тогда миль въ дому остался—
Свою женушку ласкалъ“;

но, какъ и слѣдовало предвидѣть заранѣе:

„Вдругъ, случилось несчастье
Мнѣ по Невскому пройти!
Я по Невскому прошелъ
Свою прежнюю нашель..
Мы нечаянно сошлись,
Поздоровались“,

а дальше, естественнымъ порядкомъ, Ванюша увлекается своей „прежнею“ столичной зазнобою и снова у него съ нею начинается „дымъ идти столбомъ“, снова деревня шлетъ ему грозныя предостереженія и требованія денегъ на оброкъ, но онъ и ухомъ не ведетъ... „Заплутался“ малый въ конецъ, какъ выражается народъ о такихъ блудныхъ сынахъ деревни, попавшихъ въ столичный водоворотъ. И сколько „заплутываетъ“ такимъ-то порядкомъ городъ молодого деревенскаго народа!

Не удивительно послѣ этого, что къ такимъ „заплутавшимся“ въ Питерѣ Ванюшамъ, не смотря на всю ихъ столичную франтовитость и полированность, когда они наѣзжаютъ въ родную деревню свататься, мѣстныя дѣвушки-невѣсты относятся не съ особеннымъ довѣріемъ.

„Скажи-кась ты мнѣ,
Каковъ ты человекъ?“

спрашиваетъ въ одной пѣснѣ (Калужской губ.) дѣвушка-невѣста этого заѣзжаго чужанина-щеголя, и—получаетъ предостерегающій отвѣтъ:

„Онъ нянина, пропонца,
Пронилъ онъ самъ себя,
Пронилъ онъ самъ себя,—
Пропьеть и тебя“.

Въ другой пѣснѣ такой-же „дѣтина-щеголецъ“ сватается къ дѣвицѣ, но она отказываетъ ему, и вотъ на какомъ резонномъ основаніи:

„И слышала, мальчикъ, про тебя,
Что ты, малый, плутовать,
Часто ходишь во кабакъ,
Зеленое вино пьешь,
Жену понапрасну бьешь:
Ступай, жена, во кабакъ,
Выкунай мой синій халатъ!“

То есть, это въ томъ смыслѣ, что въ перспективѣ семейнаго счастья съ „щегольцемъ“ выкупъ его франтовскаго „синяго халата“ изъ кабака имѣетъ составить одну изъ главнѣйшихъ заботъ нѣжно любимой супруги... Такихъ пѣсней можно бы подобрать много.

Мы упомянули выше, что всѣ эти сыны народа, деморализированные городомъ или фабрикой, не въ состоянїи критически разобратъся въ томъ хаосѣ коверкающихъ ихъ внѣшнїй и внутреннїй обликъ и, въ большинствѣ случаевъ, развращающихъ впечатлѣннїй, понятїй и привычекъ, которыя ими такъ жадно усваиваются подъ видомъ „образованности“. На самомъ дѣлѣ, положенїе вещей представляется нерѣдко въ болѣе безотрадномъ видѣ. У городского простолюдина и такъ называемаго „фабричнаго крестьянина“ не только не является никакой протестующей критики, никакихъ моральныхъ сдержекъ противъ засасывающей его смрадной тины городского распутства, разгула и суетности: но онъ видитъ въ нихъ, какъ бы, верхъ блаженства и житейской удачи, выше которыхъ ничего не остается желать. Онъ тщеславится не однѣми фасонистыми жилетками и „французскими“ рубашками, но и тѣмъ, на примѣръ, что онъ здоровъ выпить „до чертиковъ“, что онъ имѣетъ возможность бражничать и дебоширствовать по кабакамъ и трактирамъ съ утра до поздней ночи. По крайней мѣрѣ, такого рода отчаяннымъ хвастовствомъ, а если хотите — хвастливымъ отчаянїемъ проникнуты многія забубенныя фабричныя пѣсни, представляющія, вообще, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, одно изъ самыхъ глубоко-безобразныхъ проявленїй искаженїя народнаго пѣснотворчества. Для образчика и для подтвержденїя сказаннаго сейчасъ, приведемъ одну фабричную пѣсню, записанную въ промышленной приволжской части Костромской губерніи.

„Бѣжить рѣчка по песку,
 Ко фабричному двору.
 Фабриканты (т. е. фабричные) музыканты,
 Хоть голы, да удалы;
 На рукахъ-то кандалы,
 На ногахъ-то сапоги —
 Много мудреные.
 Они ткутъ салфетки,
 Все на разныя на клѣтки;
 Они сукна спотыкали,
 Всѣ кафтаны спшивали.
 Намъ не дороги кафтаны —
 У насъ денежки въ карманѣ.
 Цѣлковые по кошнамъ
 Не дають спать по ночамъ.
 Въ полночь денежки гремятъ,
 Во кабакъ идти велятъ.
 Мы подходимъ къ кабаку,
 Цѣловальникъ на боку.
 Цѣловальникъ-маркитантъ,
 Отворяй новый кабакъ,
 Пускай бравыхъ ребятъ!
 Наливай вина осьмуху,
 Наберемъ его духу;
 Мы ударимъ Сашу въ ухо,
 Цѣловальника приберемъ,
 Домой пьяные пойдсмъ“ и т. д.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вся эта кабачно-трактирная цивилизація, всѣ эти городскія франтовства, моды и „манерничанье“, сопровождаемы распутствомъ, вовсе ужъ не встрѣчали осужденія и отрицанія въ средѣ самого народа, въ лицѣ лучшихъ его представителей. Напротивъ—народъ своимъ здоровымъ умомъ отлично постигъ цѣну всей этой фальшивой, гнилой „образованности“, такъ глубоко растлѣвающей и обезличивающей попадающую въ ея струю значительную часть его молодого поколѣнія, всегда и вездѣ жадно бросающагося на новинки и всего легче поддающагося нравственной порчѣ. Въ протестующихъ голосахъ здѣсь нѣтъ недостатка; но бѣда въ томъ, что они отрицаютъ эту деморализацію и отщепенство отъ родной „старины“ городского мужика, во имя закоренѣлаго обскурантизма, и отрицаютъ ужъ всю дочиства новизну, безъ изыатія и безъ различія ея добра и зла. Отрицаніе и протестъ идутъ, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ отъ представителей старшихъ поколѣній, прошедшихъ суровую школу и воспитавшихся при иныхъ порядкахъ, возвращеніе которыхъ и невозможно и нежелательно ни въ какомъ случаѣ. Такимъ образомъ, у темныхъ и невѣжественныхъ народныхъ Катоновъ — порицателей современныхъ новшествъ—идеалы назади, во тѣмъ отжившей свой вѣкъ эпохи крѣпостного гнета, безправия и умственной косности. Не ихъ вина, конечно, что другихъ, лучшихъ идеаловъ исторія имъ не дала; но нельзя не признать и того, что, вслѣдствіе такой ветхой подѣлადи ихъ „учительная“, протестующая новизнѣ проповѣдь лишена всякой убѣдительности и всякаго права на чью бы ни было симпатію.

Съ однимъ изъ выразителей этого протеста современнымъ порядкамъ и новшествамъ, со стороны „отцовъ“ деревни, мнѣ удалось довольно близко сойтись нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это былъ полуслѣпой старикъ — крестьянинъ Богородскаго уѣзда (Савелій Яковлевъ), по профессіи нищій, нѣчто въ родѣ калики переходжаго, пріобрѣтшій извѣстность въ своемъ околдѣ стихотворнымъ импровизаторствомъ. Граматы онъ не зналъ и передавалъ свои многочисленныя стихотворенія наизусть, благодаря необыкновенно обширной и твердой памяти. Кто-то на родинѣ надумилъ его отправиться въ Петербургъ — удивить сильныхъ міра сего своимъ самороднымъ талантомъ, въ чаяніи великія и богатяя милости. Старика, какъ и слѣдовало ожидать, постигло жестокое разочарованіе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ на первыхъ же шагахъ своего вдохновеннаго посланничества встрѣтилъ несчастное „пресѣченіе“ и.... очутился въ пересыльной тюрьмѣ, откуда его, раба Божія, недолгѣ препроводили по этапу на мѣсто жительства. Тѣмъ не менѣе, тюремное начальство обратило на чудака вниманіе и, благодаря любезности одного изъ директоровъ тюремнаго комитета, познакомился съ нимъ и я. Старикъ отличался бойкостью и чрезвычайной общительностью, свидѣтельствовавшими, что онъ человѣкъ бывалый, какъ говорится—тертый калачъ, сталкивавшійся

со всевозможнымъ людомъ. По первому-же предложенію, онъ сталъ декламировать свои самодѣльные рапсоди и, въ нѣсколько встрѣчъ, пересказалъ намъ ихъ невообразимое множество. Записывать ихъ всё не было ни какой возможности, да и не стоило: необыкновенная плодовитость нашего импровизатора далеко превосходила его искусство. Дарованія въ немъ не ощущалось ни искорки, какъ отсутствовало и слуховое чутье версификаціи. Стихи его, лишенные размѣра, только тѣмъ и смахивали на стихи, что заканчивались отлагольными рифмами, да и то черезъ пятое—десятое. Складъ и языкъ—порченныя книжныя, безъ всякой самобытности и силы, такъ что, въ совокупности, я имѣлъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ продуктовъ, давно выслѣживаемаго мною, современнаго искаженія народнаго пѣснопотворчества, какъ увидимъ сейчасъ.

Характеристично было въ стихахъ Яковлева то, что всё они, съ претензіей на сатиру и дидактику, обличали разныя стороны современнаго быта и нравовъ крестьянства пореформенной эпохи. Наблюдая указанные здѣсь нами факты деморализаціи промышленнаго крестьянина, его страстишку къ франтовству и модничанью, къ трактиру, гульбѣ и пр., нашъ доморощенный Ювеналь усмотрѣлъ корень всему злу въ волѣ.

„Какъ крестьяне волю получили,
То себя больше къ пьянству приучили;
Нынѣ крестьяне живутъ—не робѣютъ,
А себѣ добра не прочать, не радѣютъ,
Кто для себя добываетъ,
И то все на вино пропиваетъ“...

Отсюда бѣдность и, въ то время какъ женщины—крестьянки ходятъ по міру,—

„Всѣ трактиры, кабаки
Занимаютъ деревенскіи дураки“.

Да еще мало того, что „дураки“ сами пьянствуютъ—они и „женъ вино пить принуждаютъ“, а

„Если которая не хочетъ пить,
То ее начинаютъ кулаками бить;
А иная баба тому дѣлу рада,
Тутъ-же съ мужемъ наливается до пьяна...
Отъ этой воли
Стали крестьяне пить вина доvoli,
Оттого получаютъ многія скорби и боли“ и т. д.

Авторъ, повторивъ свое умозаключеніе о результатахъ „воли“, кончаетъ дешевымъ морализированіемъ о душевредности пьянства, не говоря уже о томъ, что многіе „дураки“ въ пьяномъ видѣ руки и ноги себѣ отмораживаютъ, а случается — „и совсѣмъ замерзаютъ—помираютъ“...

Не избѣжало обличительныхъ стрѣлъ нашего рапсода и пристрастіе деревенской молодежи къ франтовству и модничанью. Эту сто-

рону современной порчи крестьянскихъ нравовъ, получившей начало отъ „воли“, онъ изобличилъ, между прочимъ, въ стихотвореніи, имъ самимъ названномъ: „Карнолинъ“ (т. е. кринолинъ).

„Новая мода
Для женскаго рода“

вышла, что дѣвка, вмѣсто чепца, носитъ чужія косы, а вмѣсто юбки—
желѣзныя обручи; вслѣдствіе чего—

„Если кто къ ней доткнется,
То карнолинъ сомнется;
А сатана гордится,
Какъ магнитъ, къ себѣ желѣзо привлекаетъ“...

Слѣдуетъ довольно не складная аллегорія въ томъ смыслѣ, что женщина, облекшись въ желѣзный „карнолинъ“, тѣмъ самымъ какъ-бы намагничивается сатанинской „прелестью“ и втягивается во адъ—
на муку вѣчную.

Въ другомъ стихотвореніи, которое Савелій особенно рекомендовалъ нашему вниманію, назвавъ его, почему-то, „духовнымъ“, онъ постарался обобщить свои наблюденія надъ современной суетой суетствій, въ сопоставленіи съ одушевляющимъ его религиозно-нравственнымъ идеаломъ. Онъ заставляетъ современнаго, разнузданнаго „волею“ крестьянина какъ-бы исповѣдаться въ своихъ прегрѣшеніяхъ и покаяться предъ Всевышнимъ Судіею:

„Нынѣ я себя предать забавамъ,
Жизнь свою веду въ бесѣдахъ
И въ мірскихъ суетахъ.
Я всегда въ развратѣ пребываю,
А блаженство забываю...
.....
Пьянствомъ тѣло свое наслаждаю,
Празднославіе творю
И неправду говорю,
Чѣмъ работаю грѣху
И лукавому врагу“...

Идетъ въ такомъ порядкѣ, съ повтореніями и усугубленіями, длинное исчисленіе различныхъ пороковъ и грѣховностей предавшагося „забавамъ“ и „суетамъ“ деревенскаго „вольнаго“ человѣка, пока, наконецъ, ему не приходитъ „вдругъ“ мысль въ голову о судѣ Божіемъ и о загробной жизни. Тутъ его душу начинаетъ удручать вопросъ—къ чему онъ долженъ себя готовить: „къ радости-ли вѣчной, или къ мукѣ безконечной“? Конечно, вопросъ рѣшается въ интересѣ „радости вѣчной“, и навращающійся на путь истины грѣшникъ даетъ себѣ обѣтъ:

„Того ради, не мало тужить,
И горевати,
Крѣпко уповати,
Плакать и рыдати,
Въ печали пребывати,
Имя Божье призывати“,—

все это въ надеждѣ, что Господь, въ своемъ милосердіи, призритъ и проститъ покаявшагося и въ свои „небесныя чертоги водворитъ“...

Философія извѣстная, и какъ она, сама по себѣ, не безхитростна, но на ней крѣпко зиждется міровоззрѣніе деревенскихъ „стариковъ“. Другой у нихъ нѣтъ, да и ее, пожалуй, совершенно пока достаточно для аргументаціи того отрицанія тронувшихъ деревню „суеть“ и „забавъ“, которое вдохновило нашего пріятеля Савелія Яковлева. Въ этомъ-то отношеніи онъ представляетъ собою весьма характеристическое явленіе; ибо, несомнѣнно, въ его стихахъ, не смотря на всю ихъ нехудожественность и плоховатость, выразился, такъ или иначе, отрицательно—„охранительный“ взглядъ „отцовъ“ деревни на новыя „порядки“ или, точнѣе сказать, на ихъ слабую сторону, на всю, сопровождающую ихъ примѣненіе, по фатальному ходу цивилизаціи, нравственную порчу, обезличеніе и отщепенство отъ своего родного, въ чемъ изобличается вновь формирующійся типъ „образованнаго“ мужика. Савелій Яковлевъ является вѣрнымъ отголоскомъ деревенскихъ консерваторовъ даже и въ основной точкѣ отправленія своихъ обличеній—именно, что всему злу корень—„воля“, т. е. освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Кто, сталкиваясь съ степенными „стариками“ деревни, не слыхалъ такихъ-же жалобъ на „волю“, со времени полученія которой мужикъ-де „избаловался“, пропился и обѣднѣлъ въ конецъ? Это еще недавно былъ общій голосъ деревенскихъ консерваторовъ. И оно понятно—почему. Простой эмпирической умъ крестьянина не могъ разобраться въ хаосѣ той перетасовки отношеній и положеній, которая, естественнымъ порядкомъ, возникла повсюду на Руси съ момента великой крестьянской реформы, онъ не могъ добраться до отдаленныхъ коренныхъ причинъ общей застарѣлой неладницы, а потому и приурочилъ ея источникъ къ моменту ломки стараго, безобразнаго порядка. Моментомъ этимъ было дарованіе „воли“, съ представленіемъ о которой Савелія Яковлева и связали, не мудрствуя лукаво, начало всѣхъ довлѣющихъ дневи крестьянскихъ „скорбей и болей“.

Я вдался въ эти нѣсколько общія соображенія, потому что предметъ моего бѣглаго и скромнаго изслѣдованія соприкасается съ самыми важными и глубокими измѣненіями всего народнаго быта, подъ вліяніемъ какъ благотворныхъ, такъ и отрицательныхъ наносовъ всего того, что принято называть цивилизаціей. Пѣсня народная, въ данномъ отношеніи,—зеркало народной физиономіи, внѣшней и внутренней.

Искажается физиономія—искажается и пѣсня, искажается, какъ мы видѣли, и само пѣснотворчество, какъ органъ—пока единственный—выраженія народнаго духа, народной думы. Изучая народныя пѣсни, сложившіяся за данную эпоху, мы изучаемъ этимъ самымъ и всю эпоху въ области народнои жизни, въ ея соврѣннѣйшихъ деталяхъ, часто ускользающихъ отъ глаза историковъ... Впрочемъ, это нынѣ уже

„общее мѣсто“, хотя нельзя не сказать, что для научной разработки нашего народовѣдѣнія на этой богатой почвѣ сдѣлано у насъ пока еще не много.

Мнѣ остается сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно формы разсмотрѣнныхъ продуктовъ новѣйшаго искаженнаго народнаго пѣснотворчества. Скажемъ коротко: она также не благозвучна, фальшива и искусственна, какъ и само содержаніе пѣсенъ,—да это иначе и не могло-бы быть. Особенно жалкими и несимпатичными кажутся всѣ эти новѣйшіе куплетики и рапсодіи, со стороны формы, по сравненію съ старинными русскими пѣснями и былинами, съ ихъ могучимъ, дивно-картиннымъ языкомъ и съ ихъ гармоничной теучестью тона.

Въ языкѣ новой пѣсни можно различать два оттѣнка: одинъ — топорная грубость, вульгарность и неуклюжесть въ выраженіяхъ и оборотахъ (языкъ, напр., фабричныхъ, бурлацкихъ и солдатскихъ пѣсенъ); другой—поддѣлка и заимствованіе книжныхъ формъ очень дурного выбора и, при этомъ, какая-то пошлая вычурность и слащавость въ словечкахъ и въ тонѣ. Таковы, по преимуществу, „романсы“, распространенные по Руси лакействомъ, у котораго въ барскихъ переднихъ всегда было слишкомъ достаточно и досуговъ и вдохновительныхъ высокихъ образцовъ, чтобы изъ среды его выдѣлялись самодѣльные пѣвцы и стиходѣи.

Въ пѣсняхъ послѣдней категоріи встрѣчаются нерѣдко цѣлыя стихи и строфы—разумѣется, искаженные, изъ разныхъ наиболѣ популярныхъ стихотвореній книжной поэзіи; бываетъ что такое стихотвореніе взято все цѣликомъ, но въ такомъ исковерканномъ видѣ, что въ немъ не сразу нащупаешь оригиналь. Вотъ для примѣра, нѣсколько образчиковъ.

Въ Петербургѣ одинъ неграмотный подмастерье пропѣлъ намъ разъ пушкинскихъ „Братьевъ-разбойниковъ“ въ такой „вольной“ передѣлкѣ:

„Насъ было трое: братъ да я,
Да сабля вострая моя...
Съ младости вскормила насъ чуждая семья
И взяла насъ непомѣрная завясть.
Бросили мы хлѣбонашество“,

и т. д., все въ томъ же непринужденномъ родѣ. Оказалось, что оригиналь стихотворенія пѣвецъ слыхомъ не слыхалъ, да и не зналъ даже, что это онъ Пушкина „своими словами“ пересказываетъ.

Въ Саратовской губерніи одинъ собиратель записалъ изъ устъ „народа“ въ такомъ же родѣ передѣлку другого общеизвѣстнаго стихотворенія:

„Ночною темнотою
Всѣ покрылись небеса.
Люди для покою
Всѣ сомкнули глаза.“

Внезапно кто-то постучалъ
И сонъ пріятный перервалъ“ и т. д.

Весьма популярный въ свое время, старый романсъ: „Куда ты, ангелъ мой, стремишься на тотъ погибельный Кавказъ“, въ устахъ одной тверской крестьянки явился къ нашимъ услугамъ въ такомъ видѣ:

„Куда краса моя дѣвалась
На тотъ погибельный Кавказъ...
Отпайте очи и тоску—
Отгуль назадъ ее не воротить“, и т. д.

Такихъ „заимствованій“ и „вольныхъ“ передѣлокъ въ народѣ ходитъ безчисленное множество, а частію попадаетъ и въ московскіе печатные пѣсенники.

Подобно тому, какъ городскіе „образованные“ простолюдины въ особенности, почему-то, кучера любятъ во время пѣнія, „для нѣжности“, самымъ неправдоподобнымъ манеромъ утончать свой голосъ до пронзительности комариной фистулы, точно также, ради „нѣжности“ и чувствительности, пѣсни разсматриваемой категоріи часто оснащаются разными затѣйливыми и слащаво-уменьшительными словечками, какъ то: „Машерочка“ или „Машерьялка“ (очевидно, отъ французскаго: ma chère), „дѣвченочка“, „несчастенькая дѣвченочка“, „мальчишкѣ“, „бѣдненькой мальчишечкѣ“, „пастушечекѣ“, „кулидончикѣ“ и т. п. При этомъ, для большей выразительности, нерѣдко словечки эти въ пѣніи произносятся съ томнымъ пришепетываньемъ и присюсюкиваньемъ.

Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ: пѣвецъ, желая елико возможно возвеличить чествуемую особу, прибавляетъ къ ея полному имени какой нибудь звучный и мудреный придатокъ, напр.: фонъ или деръ—„деръ Елизавета Ивановна“, какъ это слышалъ одинъ наблюдатель въ мѣщанскихъ пѣсняхъ Приволжья.

„Фонъ“ и „деръ“ по крайней мѣрѣ, понятны для насъ и мы можемъ, такъ-сякъ, объяснить себѣ ихъ происхожденіе; но страсть къ хитрымъ, нерусскимъ словечкамъ у новѣйшихъ пѣснеслагателей изъ среды „образованнаго“ простонародья изобрѣтаетъ нерѣдко такіа слова и цѣлыя рѣченія, которыя и совершенно бессмысленны, и ни къ какому иностранному языку не могутъ быть приурочены.

Не далѣе, какъ въ запрошлымъ лѣтомъ одна бойкая и шустрая вышневолоцкая торговка—кружевница позволила намъ записать съ ея словъ такого рода, напр., непостижимую белиберду:

...„Встряхнись пастушка, улыбнись,
Улыбнись, какъ радость...
Что сказалъ тебѣ аленгардъ?—
Брестъ какъ Парижъ дадутъ:
Брестикъ—татаринъ;
Онъ не нѣмецъ, не французъ,
А онъ англичанинъ...“

Ерарфера мартъ апрѣль,
Ваерварчики мон...
Что ты Дуня мылась,
Звонко колотплась..
Ай люли, малинка моя!
Ай люли, калинка моя“!

Знакомка наша—замѣтимъ, баба вовсе не глупая, бывалая и разбитная, притомъ и пѣть большая охотница—сообщила намъ чуть не весь свой репертуаръ, и изъ ея пѣсенъ, за исключеніемъ только нѣсколькихъ общеизвѣстныхъ, мы рѣшительно ни въ одной не могли добратся до какого нибудь человѣческаго смысла. Кромѣ вставки нелѣпныхъ словъ, въ родѣ вышеприведенныхъ, она перепутывала стихи и строфы разныхъ пѣсенъ, съ придачей импровизированныхъ вариаций, такимъ образомъ, что изъ всего этого выходило какое то ни съ чѣмъ несообразное кружево. Можно было бы подумать, что лукавая баба съ умысломъ дурачить насъ, издѣваясь надъ нашей любознательностью; но ничего похожега на это не было, да, къ тому-жъ, она представляла собою далеко не единственный примѣръ такого вольнаго обращенія съ поэзіей и такой изобрѣтательности въ наборѣ нелѣпныхъ тарабарскихъ рѣченій и словъ.

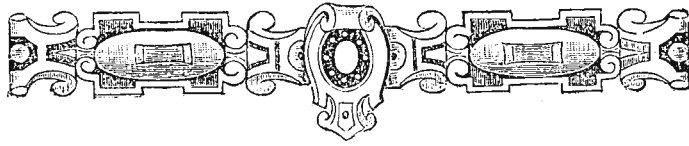
Извѣстный знатокъ мѣщанскаго быта, П. А. Зарубинъ, засвидѣтельствовавъ, что подобное искаженіе языка и пѣснотворчества—вещь самая обыкновенная въ низшей полуобразованной средѣ народа и что употребленіе бессмысленныхъ словъ признается въ ней своего рода щегольствомъ и признакомъ высшаго тона, приводитъ слѣдующій, записанный имъ образчикъ этой новомодной поэзіи:

„Чинги дрынги мой фетонъ,
Чинги дрынги фарафонъ,
Потри гирди гирь гирде,
Вовторныхъ, вошгирде,
При-да, при долинъ тахъ-тахъ-тинушкѣ,
На дорожкѣ, при долинушкѣ“.

Такія-же изысканно-кудреватя куплетики есть и въ сборникѣ Шейна. Конечно, все это продукты доведеннаго до пресыщенія обезьянничества, весьма аналогичнаго съ тѣмъ, которымъ еще не очень давно болѣла и наша интеллигенція, стыдившаяся всего родного, русскаго и коверкавшая свой языкъ парижскимъ бульварнымъ жаргономъ...

Вл. Михневичъ.

ПОГИБАЮЩАЯ РУССКАЯ СИЛА.

(Письмо къ №№) ¹⁾.

ВЫ ГОВОРИТЕ: „надо презирать нигилизм“. Вы ошибаетесь. Со всеми своими недостатками и увлеченіями, нигилизмъ есть продуктъ русскаго общества и русской исторіи. Извѣстная часть отвѣтственности должна быть снята съ отдѣльныхъ лицъ и возложена на тотъ разумный и одушевленный механизмъ, который называется государствомъ и обществомъ. Слѣдовательно—вы должны съ этимъ согласиться—презирать нигилизмъ, значило бы, въ лицѣ дѣтей, выказывать презрѣніе къ самому себѣ. И тотъ народъ, который по отношенію къ своимъ даже порочнымъ дѣтямъ находитъ въ себѣ не сожалѣніе о блудномъ сынѣ, не нравственную мощь для ихъ исправленія, не слезы о погибшихъ силахъ, а только чувство мести и презрѣнія... самъ заслуживалъ бы, по меньшей мѣрѣ, сожалѣнія.

Уже и теперь нигилистическаго взгляда на вещи придерживается много людей непреклонной честности, сильнаго характера, не отступающихъ передъ самопожертвованіемъ (какъ бы оно ни было велико). Всего этого, можетъ быть, недостаточно для того чтобы искупить ошибки? Но развѣ наше безцвѣтное общество такъ богато этими свойствами, что мы можемъ равнодушно уступать людямъ, въ высшей степени ими одаренныхъ, всякому сумасбродному ученію, которое, благодаря невыгодной исторической обстановкѣ, заведется на Святой Руси?

¹⁾ Письмо г. Уманца затрогиваетъ весьма важный общественный вопросъ, на который у cadaго мыслящаго человѣка, безъ сомнѣнія, сложился свой взглядъ. Хотя нѣкоторыя положенія г. Уманца и могутъ быть оспариваемы, но мы печатаемъ это письмо уже потому, что оно разсматриваетъ вопросъ съ нетронутой до сихъ поръ точки. При этомъ, мы просимъ у почтеннаго автора извиненія въ томъ, что, по необходимости, должны были сократить его письмо. Ред.

Вы смотрите на нигилизмъ, какъ на явленіе новѣйшей русской исторіи, не имѣющее прочныхъ корней въ обществѣ. Но замѣтили ли вы, что нигилизмъ не стоитъ одиноко на пространствѣ десяти вѣковъ нашей государственной жизни? Религіозный расколъ XVII, XVIII и XIX вѣка—родной братъ нигилизма. И здѣсь, и тамъ—непреклонная энергія воли и болѣзненное заблужденіе ума, беспощадное отношеніе къ дѣйствительности и неспособность выработать лучшую дѣйствительность; доходящая до героизма высота нравственныхъ побужденій и доходящее до невмѣняемости отрицаніе установленной нравственности; борьба изъ за правъ личности и поруганіе этой самой личности въ теоріи „устраненія“ всѣхъ опасныхъ людей, въ принудительномъ саможигательствѣ и насильственной голодной смерти.

Возведеніе родословной нигилизма къ протополу Авакуму и Башкину можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Вы мнѣ возразите: „тамъ борьба за вѣру, здѣсь отрицаніе всякой вѣры“. Но не надобно смѣшивать вопросъ о религіи съ вопросомъ о томъ, кто какой держится вѣры. Безъ вѣры человѣкъ жить не можетъ, даже если бы онъ былъ болѣе іезуитъ, чѣмъ самъ Лойола и болѣе атеистъ, чѣмъ самъ Вольтеръ (если только Вольтеръ былъ атеистомъ?) Вѣра найдетъ себѣ уголокъ въ самомъ безвѣрїи. Нигилизмъ есть таже фанатическая борьба изъ за страстнаго желанія вѣрить во что нибудь, какъ и расколъ. Въ нигилизмѣ и расколѣ общая болѣзнь цѣлота типа русскихъ людей принимаетъ только ту или другую форму, сообразно условіямъ времени и среды. Подобно тому, какъ нервное расстройство на одномъ субъектѣ отражается одышкой, а на другомъ пляской св. Витта, такъ и стѣсненіе земской жизни въ XVII и XVIII вѣкахъ вызвало религіозный расколъ, а въ XIX—расколъ социальный—нигилизмъ.

(Во избѣжаніе недоразумѣній, позвольте мнѣ сдѣлать слѣдующую оговорку. Подъ словомъ „расколъ“ въ настоящемъ письмѣ я подразумѣваю не тотъ здоровый церковный раціонализмъ, который, въ сущности, составляетъ необходимую принадлежность православія, а тѣ фанатическія ученія, которыя не мирятся не только съ господствующею церковью, но и съ здравымъ смысломъ: хлысты, скопцы, бѣгуны, наполеоновщина и проч.).

Я продолжаю. Въ самомъ дѣлѣ, не исправленіе же церковныхъ книгъ Никономъ привело насъ къ расколу. Цѣлыя столѣтія работали надъ народнымъ умомъ для того, чтобы преобразовать свѣтлое настроеніе русскаго народа, создавшее эпоху „Пѣсни о полку Игоревѣ“, въ безотраднѣйшій обскурантизмъ, когда даже попытка исправить типографскія опечатки вызываетъ тупую, но непреклонную оппозицію. Цѣлая вереница историческихъ явленій (одно другого печальнѣй) предшествовала расколу и подготавливала народный умъ и чувство къ его принятію. Неразлучный съ величіемъ Москвы упадокъ образованія вообще, безнравственное царствованіе Ивана Грознаго, разрушившее

въ русскомъ обществѣ вѣру въ идеаль и сознаніе человѣческаго достоинства, приказное отношеніе государства къ народу, крѣпостная зависимость рабочаго класса и т. п.—вотъ предтечи раскола. На цинизмъ высшаго историческаго персонала, русское общество отвѣчало цинизмомъ передоваго народнаго слоя и примѣнувшей къ нему интеллигенціи. Противъ „опричины“ заѣдавшей „земство“ русская исторія выдвинула „воровскихъ людей“, которые одинаково отрицали и „опричину“ и „земство“. Отсюда—первозданная эпоха русскаго нигилизма и раскола. Смотрия потому, что было ближе: разбойничій атаманъ, или раскольничій начетчикъ, Дикое Поле или Бѣлое Море, приволье низовьевъ Волги, или унылая сѣверная природа—одни уходили въ казачество (свѣтская форма идеи раскола), другіе въ расколъ (религіозная форма древняго нигилизма). Часто оба теченія соединились въ одинъ бурный и мутный потокъ.

Таковъ корень этой несчастной способности русскаго ума, которая однимъ крыломъ тянетъ его къ безграничной идеализаціи, а другимъ ограничить съ отрицаніемъ „всего святаго“ и для которой, не такъ давно придумано слово „нигилизмъ“.

Вы говорите о какихъ то цѣляхъ современнаго нигилизма. Я ихъ отрицаю. Существуютъ болѣе или менѣе яркіе фокусы увлеченій, но сознательной цѣли нѣтъ. Нигилизмъ, какъ и расколъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть общей цѣли, органически развивающагося плана. Суть нигилизма, точно также, какъ и сущность раскола, заключается не въ случайныхъ теоріяхъ вырабатываемыхъ дѣятелями партіи, а въ общей манерѣ относиться къ жизненнымъ вопросамъ, въ исключительномъ „углѣ зрѣнія“, въ этомъ, если можно такъ выразиться, природномъ нравственномъ косоглазїи. Можно ли говорить о цѣляхъ тамъ, гдѣ часто самый здравый смыслъ „для краткости пропуститъ“ и гдѣ, во всякомъ случаѣ, отсутствуетъ многосторонній опытъ и спокойное обсужденіе?

Да, намъ прежде всего не достаетъ опыта общественной дѣятельности.

Говорятъ, что способность узнавать разстоянія предметовъ, отличать близкіе отъ болѣе отдаленныхъ, соразмѣрять свои усилія со степенью достижимости, являются въ человѣкѣ не вдругъ, а прїобрѣтаются постепенно путемъ опыта. Лишите человѣка возможности дѣятельнаго отношенія къ жизни—онъ никогда не научится жить.

Нѣчто подобное случилось съ древнимъ и новымъ русскимъ чело- вѣкомъ. Исторія показываетъ, что у насъ всегда была сильна партія либеральныхъ инстинктовъ; она въ особенности усилилась послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Либеральныя идеи сразу пустили глубокіе корни въ русскомъ обществѣ. Но самый честный либерализмъ, заключенный въ безвоздушное пространство—вещь опасная. Онъ опасенъ не для государства и общества (которые всегда имѣютъ довольно средствъ, чтобы отдѣлаться отъ досадныхъ людей), а для самаго

адепта либеральной идеи. Этот изолированный от практической жизни либерализм создает цѣлую массу односторонностей и увлеченій, которыхъ не было бы, если бы либерализмъ не только имѣлъ возможность предаваться бесплоднымъ мечтамъ, но и былъ бы поставленъ въ необходимость непрерывно повѣрять свою абстрактную теорію практическими столкновениями съ жизнью.

И такъ, расколъ и нигилизмъ надо разсматривать не съ точки зрѣнія теоріи, но исключительно съ точки зрѣнія инстинктивнаго протеста, выработаннаго ненормальнымъ ходомъ историческаго развитія русскаго народа съ одной стороны, и ненормальнымъ состояніемъ современнаго общества—съ другой.

Вы полагаете, что если въ прежнее время было основаніе для грознаго, всеуничтожающаго протеста, то это время, слава Богу, давно миновало. „Теперь нѣтъ поводовъ становиться на дыбы“. Но не забывайте трехъ вещей. Первое—нравственное уродство, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условий пріобрѣвшее известную степень устойчивости въ русской натурѣ, не можетъ исчезнуть при первыхъ признакахъ ослабленія этихъ условий; второе—всякая историческая неправда отражается не только на васъ, „но и на чадахъ вашихъ“ и, наконецъ, третье, по мѣрѣ приближенія къ цѣли вырастаетъ желаніе ее достигнуть.

Не только нельзя презирать нигилизмъ, какъ вы совѣтуете, но самое простое благоразуміе заставляетъ его бояться. Опасность заключается не въ социалистическихъ ученіяхъ и революціонной пропагандѣ (и то, и другое, только въ одной Россіи еще считается диковинкой), а въ томъ, что нигилизмъ, какъ нѣкогда расколъ, и подобно всѣмъ умственнымъ эpidеміямъ, поражающимъ человѣчество, захватываетъ молодыя силы общества, извращаетъ нравственное чутье народа, распространяется въ геометрической прогрессіи и, въ концѣ концовъ, можетъ отразиться подавляющимъ образомъ на будущихъ поколѣніяхъ и на всей русской исторіи.

Нигилисты сходятъ со сцены не опуская головы, съ вызывающимъ лицомъ. Между строками каждаго изъ ихъ заявленій, въ тонѣ каждаго слова читается глубокая увѣренность:

„На наше мѣсто люди будутъ“...

И дѣйствительно,—не успѣла сойти со сцены одна фаланга нигилистовъ, на смѣну является новый проступокъ, для того чтобы дать мѣсто новому политическому процессу. Сцена постоянно занята и драматическія роли разбираются на расхватъ. Уже и теперь нигилизмъ могъ бы сказать о себѣ словами Тертуліана: „Мы—люди новые, но и теперь мы уже наполняемъ все—ваши города, острова, виллы, деревни, ваши совѣты, вашъ лагерь, ваши трибы, ваши куріи, и публичныя площади... Если бы природа покрыла человѣческое сердце прозрачнымъ покровомъ, можно бы прочесть въ сердцахъ римлянъ предметы ихъ сокровенныхъ желаній“...

Но развитіе нигилистической наклонности русскаго ума—еще не самое печальное въ исторіи цивилизаціи русскаго народа. Самая скорбная сторона вопроса въ томъ, что нигилистическое направленіе, усиливаясь и приобрьтая все болѣе и болѣе эпидемическій характеръ, мелѣетъ и опошляется, ничего однако не теряя черезъ это измельчаніе изъ запаса своего вреднаго вліянія на общество. (Новый фактъ для паралели нигилизма съ расколомъ). Оно и понятно. Люди, впервые пришедшіе къ нигилистическому выводу въ религіи и политикѣ, должны были обладать извѣстной силой и оригинальностію ума; люди впоследствии присоединившіеся къ этому направленію могли обладать только достаточнымъ количествомъ энтузіазма и увлеченія; тотъ, кто первый, рискуя всѣмъ, провозгласилъ безпощадный выводъ, не могъ обойтись безъ чувства долга и гражданскаго мужества, хотя бы и ложно направленнаго; тотъ, кто впоследствии присталъ къ модному теченію, могъ обойтись одной только способностью повторять чужія слова; надобенъ основательный критическій талантъ для того, чтобы выработать отрицательную теорію; довольно простого отсутствія критическаго взгляда для того, чтобы идти по битой дорогѣ; чтобы вскормить въ себѣ то титаническое ожесточеніе, которымъ отличается первый слой раскола и нигилизма, надобно было вынести много страданій; но простого тупоумія достаточно для того чтобы взять на прокатъ костюмъ Робеспьера или Марата; чтобы прийти къ блестящему софизму надобны блестящія умственныя способности; довольно одного только невѣжества для того, чтобы, не задумываясь долго, порѣшить установившіяся нравственныя понятія, государство и законъ, бракъ и собственность, Бога и искусства.

Поглотивъ массу общественной посредственности, нигилистическое направленіе само понизилось до уровня посредственности; измельчаніе нигилизма дошло, въ настоящее время, до того, что онъ чувствуетъ въ себѣ силу и умѣнье будить только обывденныя страсти, взывать только къ матеріальнымъ интересамъ большинства, увлекать толпу только кабацкой риторикой. Нигилизмъ—какъ нѣкогда расколъ—начавъ „во здравіе“, свелъ подъ конецъ „на упокой“.

Но, чѣмъ болѣе мелѣетъ нигилизмъ, чѣмъ болѣе онъ становится по плечу... „симъ людишкамъ, которые вмѣняютъ себѣ за стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія“,—тѣмъ онъ труднѣй для борьбы, тѣмъ онъ опаснѣй для общества. Родоначальники отрицательнаго направленія взвѣшивали всякій доводъ своей системы, но никогда не рѣшились бы приступить къ убійству людей; ихъ духовное потомство сначала составляетъ списки людей, которыхъ надо „устранить“, а потомъ уже предполагаетъ выбрать удобную минуту, чтобы заняться „разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“; первые добивались радикальнѣйшей въ мірѣ конституціи; вторые понимаютъ только терроръ; если первые, въ лицѣ Базарова, напоминаютъ титановъ мысли, ставившихъ человѣчество на новую дорогу, то вторые, безсознательно

довольствуясь ролью agents provocateurs французской имперіи, заставляют испуганное русское общество идти въ объятія ретроградъ, а сами просятъ подь евангельскій текстъ: „прости имъ Господи, не вѣдятъ бо что творятъ“...

Если умственное превосходство и жизненный опытъ „предковъ“ нигилизма ручались обществу въ томъ, что направленіе партіи будетъ удержано въ границахъ здраваго смысла и нравственности, то дюжинная натура и отчаянная молодость „внуковъ“, не дадутъ обществу гарантіи противъ какого бы то ни было сумасбродства. Современная нигилистическая среда, съ ея „фигтивнымъ бракомъ“, „цѣлью оправдывающаго средства“ и виньеткой изъ револьвера и топора,—это такая почва, на которой не всегда можно отличить фанатическую посредственность отъ абсолютной глупости.

То же пониженіе умственнаго и нравственнаго уровня замѣчается и въ русскомъ расколѣ.

Трудно угадать, куда пойдетъ человѣческое заблужденіе послѣ идеализаціи Разина и Пугачева, отождествленія себя съ божествомъ и апостолами, и сравненія Шекспира съ сапогами... Вы полагаете, что все это—черты достойныя Аристофана. Но сатира не беретъ дитяти, больного и сумасшедшаго. Здѣсь огонь ироніи потушенъ слезой.

По нашему мнѣнію, не казнь и не всепрощеніе могутъ вызвать реакцію и возстановить въ обществѣ нормальное движеніе соковъ. Полиція не въ состояніи оградить общественные порядки тамъ, гдѣ въ заговоръ вступаютъ ходячія идеи и жгучіе интересы. Для борьбы съ общественною болѣзнію необходимо дѣятельное участіе общественныхъ силъ...

Ө. Уманецъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ІОАННА, БЫВШАГО ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО.

ИЗВѢСТНЫЙ ученый духовный писатель, епископъ смоленскій Іоаннъ Соколовъ, умершій въ 1869 году, былъ сперва бакалавромъ, потомъ инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи и цензоромъ сочиненій духовнаго содержанія. Онъ занимался по преимуществу каноническимъ правомъ и за свое сочиненіе „Опытъ церковнаго законовѣдѣнія“ удостоенъ былъ св. синодомъ степени доктора богословія, что считалось великой рѣдкостью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Затѣмъ онъ много напечаталъ статей по каноническому праву въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, изъ которыхъ можно бы составить нѣсколько томовъ. Отличаясь громадной начитанностью и ученой эрудиціей, онъ справедливо можетъ стоять наряду съ первоклассными русскими духовными писателями.

Личность Іоанна была въ высшей степени невзрачная; онъ напоминалъ своей фигурой тщедушнаго литовскаго еврея: человѣчекъ некрасивый и самаго малаго роста, съ рыжими, рѣдкими и короткими волосами, вѣчно всклооченными, и тощей бородой,—онъ сразу отталкивалъ отъ себя всякаго встрѣчнаго. Болѣзненный, раздражительный и жолчный, онъ всегда возбуждалъ чувство неудовольствія къ себѣ, и какъ будто добивался этого впечатлѣнія. Эти душевныя черты ярко написаны были на его желтомъ худощавомъ лицѣ, съ широкимъ, неправильнымъ, шишковатымъ лбомъ. Монашескій клобукъ онъ надѣвалъ высоко, оставляя лобъ открытымъ, какъ англичанинъ носитъ свою шляпу; чтобы казаться представительнымъ, онъ приказывалъ шить себѣ особаго рода сапоги, у которыхъ наружныя каблуки доходили до двухъ вершковъ и такой же высоты дѣлались внутри сапоговъ пробковыя подкладки подъ пятками. Когда о. Іоаннъ выходилъ официально въ этихъ знаменитыхъ сапогахъ, онъ неизмовѣрно стучалъ

каблуками, шель медленно и развально: очевидно, онъ пригасался къ полу только концами большихъ пальцевъ ногъ, какъ обыкновенно продѣлываютъ танцовщицы въ театрѣ безъ подкладокъ.

Смѣшными и забавными представлялись эти кокетливыя поползновения въ строго-ученомъ и аскетическомъ чловѣкѣ, который презиралъ чуть ли не половину міра и злостно смѣялся надъ модными вертопрахами и франтихами.

Голосъ Іоанна былъ глухой и заявлялъ о слабости груди, но выговоръ его былъ энергической и отчетливый, хотя медленный, съ постояннымъ отгѣнкомъ сарказма и презрѣнія. Этотъ отгѣнокъ слышался въ его тонѣ даже при богослуженіи, особенно когда онъ небрежно произносилъ слова: »Миръ всѣмъ!..“

О. Іоаннъ велъ строго аскетическую жизнь, поневолѣ или лучше сказать—по разстройству своего организма; но эта жизнь была очень оригинальна: молиться долго онъ не любилъ, даже въ церкви, и обѣды при немъ должна была совершаться около часу; по крайней мѣрѣ, такъ поступалъ онъ до полученія сана епископскаго. Постовъ онъ никогда не соблюдалъ по болѣзни. Обрядовая внѣшняя сторона религіи имѣла въ его глазахъ вѣсь и значеніе только для людей неразвитыхъ, необразованныхъ научно.

Въ психическомъ складѣ о. Іоанна преобладало крѣпкое логическое направленіе, строгій критическій умъ и безпощадное, иногда тонкое, остроуміе. Поэтому и въ области религіозной онъ относился къ разнымъ вопросамъ со стороны разсудочной, анализируя ихъ со всѣхъ сторонъ; особенно любилъ историческій методъ для рѣшенія дѣла. Послѣ этого непокажется страннымъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ, разговорахъ и лекціяхъ, даже и въ религіозныхъ разсужденіяхъ у него всегда замѣтно было отсутствіе чувства и сердечности. Заявлятымъ врагомъ мистицизма онъ остался до конца дней. Несообщительный по натурѣ, онъ обыкновенно высказывался коротко, ясно и рѣзко, даже когда находился въ веселомъ расположеніи духа.

Какъ чловѣкъ, постоянно занятый разработкой ученыхъ вопросовъ, Іоаннъ нуждался въ покоѣ—и бѣда наступала для лицъ, мѣшавшихъ его занятіямъ несвоевременнымъ приходомъ или шумомъ и стукомъ. Не всегда, впрочемъ онъ набрасывался на такихъ людей съ досадой и злобой,—случалось, что прибѣгалъ къ мѣрамъ хитрости, и сатирическимъ выходкамъ, чтобы добиться покоя. Такъ, когда онъ занялъ мѣсто ректора с.-петербургской духовной семинаріи, квартира его была во второмъ этажѣ, а внизу подъ ней помѣщался учитель К. Ив. Л.—цкій, великій любитель музыки. Бывало Іоаннъ сядетъ за ученую работу, а Л.—цкій, начнетъ разводить на фортепьяно сентиментальныя пьесы и мѣшаетъ его занятіямъ. Недолго крѣпился ректоръ: онъ далъ денегъ слугѣ, чтобы тотъ приобрѣлъ ему самый большой мѣдный пастушескій рожокъ; разумѣется, рожокъ былъ купленъ отличный, выше роста самаго ректора и поставленъ у окна въ

его кабинетъ. Какъ только одолѣть чувствительность К. Ив. Л—цкаго и онъ начнетъ изливать ее въ музыкѣ, Іоаннъ бѣжитъ на цыпочкахъ, отворяетъ форточку, выставляетъ туда конецъ рожка и начинаетъ неистово трубить. Продѣлавъ эту штуку, онъ ждетъ, что будетъ дальше... Артистъ, услыхавъ дикіе звуки, перестаетъ играть и вслушивается, стараясь отгадать, что это за явленіе; какъ только онъ успокоится и заиграетъ опять,—вдругъ снова раздается съ большей еще силой восточная музыка... Долго не могъ сообразить К—ль Ив—чь откуда идутъ странные звуки; наконецъ увидаль конецъ мѣдной трубы въ форточкѣ ректора, отгадалъ фокусъ и пересталъ беспокоить своей музыкой начальника.

Гуляя въ саду, ректоръ встрѣтилъ учителя Л—цкаго и сталъ говорить:

— Вы, кажется, К. Ив., большой знатокъ и любитель музыки, я часто слышу ваши упражненія...

— Какой я знатокъ! Это я для собственнаго удовольствія иногда играю, сказалъ музыкантъ, да и вы, кажется, завели себѣ инструментъ, на которомъ нерѣдко играете, какъ мнѣ слышно изъ квартиры.

— Я играю тоже для собственнаго удовольствія!.. отвѣтилъ саркастически ректоръ.

Какъ къ музыкѣ, такъ и къ женщинамъ онъ чувствовалъ и выражалъ полное презрѣніе, доходившее нерѣдко до брезливости, или до дерзости и грубости.

Разъ ректоръ гулялъ въ саду с.-петербургской семинаріи и встрѣтилъ даму, прилично одѣтую, съ дѣтьми.

— Вы куда идете? Убирайтесь отсюда вонъ! рѣзко озадачилъ ее ректоръ.

Дама растерялась и замѣтила, что она полковница и желала бы лучшаго съ ней обращенія.

— Полковница!.. А почему знать, что полковница? На лбу-то ничего не написано. Мало ли тутъ сволочи таскается. Эй, служитель! Уведи ее отсюда!..

Съ великими слезами явилась полковница къ мужу и рассказала всю эту исторію. Ни слова не говоря, полковникъ одѣлся въ мундиръ со всѣми принадлежностями, чтобы проучить дерзкаго архимандрита за оскорбленіе супруги. Но, къ удивленію, послѣ рѣзкихъ объясненій, остались потомъ полковникъ съ ректоромъ великими друзьями. Такъ передавали мнѣ лица, заслуживающія полного довѣрія.

Въ 1856 году, въ чистый четвергъ на страстной недѣлѣ, когда студенты духовной академіи причащались, прибылъ вмѣсто Агафангела въ Казань ректоромъ Іоаннъ. Давно молодые люди получили свѣдѣнія изъ Петербурга о его суровомъ и строгомъ нравѣ—и страшно боялись его прибытія до пасхи. Для дня причастія приготовлено было полведра водки, царпануть передъ обѣдомъ; но пріѣздъ Іоанна смутилъ всѣхъ студентовъ и никто не дотронулся до чары зелена вина

(исключая одного нетерпѣливаго), въ полной увѣренности, что новый, строгій ректоръ придетъ въ столовую знакомиться съ студентами и можетъ замѣтить выпившихъ. Такъ и случилось. Подали пирогъ съ грибной начинкой и пожаловалъ о. Іоаннъ; обходя столы, онъ обращался съ разпросами къ студентамъ на счетъ пирога и говорилъ саркастически, что онъ походить на подошву, хотя это было совершенно несправедливо.

На основаніи сатирическаго отзыва новаго ректора о кушаньяхъ студентовъ, они вывели поспѣшное заключеніе, что при немъ несравненно лучше будетъ столъ, который и въ то время казался недурнымъ. Выпившій передъ обѣдомъ студентъ дѣйствительно попался: со страху ли или подъ вліяніемъ водки, онъ сильно раскраснѣлся, привлекая вниманіе ректора, который нарочно долго разговаривалъ съ нимъ. Разумѣется, потомъ заплатился онъ за свое нетерпѣніе, хотя въ столовой строгій начальникъ не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго намека, что понимаетъ отлично его состояніе.

— Зачѣмъ у васъ такіе большіе волосы? сказалъ онъ,—къ веснѣ вамъ будетъ тяжело съ этими космами возиться и голова станетъ пожалуй болѣть. Затѣмъ, обратясь ко всѣмъ быстро рѣшилъ:—къ пасхѣ всѣмъ остричься наголо!..

Послѣ этого, призвавъ Егора Власова, стригача и ламповщика академическаго, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, до какого минимума должны быть доведены волосы на студенческихъ побѣдныхъ головахъ. Дѣйствительно, къ пасхальной заутренѣ студенты явились всѣ стриженные подъ гребенку и произвели всеобщій смѣхъ въ посѣтителяхъ церкви; смѣялся и самъ Іоаннъ, когда христосовался со студентами и отпускалъ разныя шуточныя замѣчанія насчетъ стрижки, видимо, довольный послушаніемъ. Впослѣдствіи, онъ уже не обращалъ никакого вниманія на стрижку волосъ: видно, это была съ его стороны проба характера студентовъ, которые съ большой скорбью расставались съ волосами.

Въ Казани проживала тогда баронесса Ж. которая вела постоянное знакомство съ ректорами и инспекторами духовной академіи въ прежнее время и посѣщала часто церковь этого заведенія. Рассказываютъ, что когда узнала она о пріѣздѣ архимандрита Іоанна, явилась къ нему съ визитомъ на другой день пасхи.

Служка доложилъ ректору, что его желаетъ видѣть баронесса Ж. Онъ вышелъ въ гостинную, нарочно съ расчетомъ, чтобы его слова слышала баронесса, дожидавшаяся въ залѣ, и сказалъ рѣзко и недовольно:

— Спроси ее, что ей надо?..

Служка отправился въ залу и возвратясь отвѣтилъ ректору, что она привезла въ подарокъ вашему высокопреподобію дорогую икону.

— Скажи ей, что у меня, слава Богу, своихъ много образовъ: есть на что молиться, была бы только охота!!!—нетерпѣливо и съ досадой закричалъ ректоръ.

Услыхавъ такую любезность, баронесса съ плачемъ едва добѣжала до своей кареты, и съ той поры ни ногой въ академическую церковь.

О. Іоаннъ не церемонился и съ высшими своими начальниками, да, кажется, находилъ особое удовольствіе обнаруживать передъ ними въ рѣзкихъ выходахъ силу своего ума, характера и независимости. Однажды онъ сдѣлался сильно нездоровъ и пріѣхалъ навѣстить его больного архіепископъ казанскій Аѳонасій, извѣстный чудакомъ, занимавшійся цѣлую жизнь естественными науками и добывшій изъ нихъ единственный выводъ, что огонь есть и во льду и что міръ сгорить передъ концемъ свѣта отъ собственнаго огня. Когда доложили ректору о пріѣздѣ высокопреосвященнаго, онъ велѣлъ сказать:

— Мнѣ и такъ одному тошно, а если придетъ еще архіепископъ, то вдвое будетъ тошно!..

Такъ и не принявъ владыку, своего непосредственнаго начальника, котораго, впрочемъ, считалъ мужикомъ—невѣждой и великой дубиной.

Разъ пріѣхалъ въ Казань бывший тогда оберъ-прокуроръ св. синода графъ Александръ Петровичъ Толстой, заходилъ на нѣкоторыя лекціи профессоровъ духовной академіи, и между прочимъ, долго слушалъ извѣстнаго архимандрита Ѳедора Бухарева, который ранѣе былъ знакомъ съ Толстымъ и съ Гоголемъ. О. Ѳедоръ состоялъ инспекторомъ академіи и читалъ при оберъ-прокурорѣ самое мистическое разсужденіе объ апокалипсисѣ съ великимъ пафосомъ, но смѣшно и совершенно непонятно. О. Іоаннъ видимо потѣшался внутренно надъ этой заоблачной лекціей Бухарева и находился въ отличномъ расположеніи духа. Послѣ этого, графъ Толстой пошелъ осматривать помѣщенія заведенія, въ сопровожденіи всѣхъ профессоровъ академіи. Когда пришли въ залу, гдѣ хранятся рукописи Соловецкой бібліотеки, оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе ректора на старинныя иконы и оклады евангелій и сталъ разсуждать:

— Вотъ лучшіе образцы для православной живописи, а то теперь вошла въ моду итальянская живопись; собственно ее, по моему понятію, не слѣдовало бы и допускать въ наши церкви. Какъ вы полагаете, о. ректоръ?

— Я не вижу причины, отвѣчалъ о. Іоаннъ, почему не позволять ставить иконы въ православныхъ храмахъ художественной живописи? Суздальскіе образа—плохой работы и неправильной, изображаютъ всѣхъ святыхъ тощими и сухими, а на самомъ дѣлѣ они не такими были. Надо и въ живописи соблюдать историческую правду.

— Помилуйте, продолжалъ графъ, художественная живопись слишкомъ человѣчна и святости въ ней никакой незамѣтно: только и видишь красивое, обыденное лице, смотришь и поневолѣ иногда соблазняешься...

— Ну это у всякаго свой вкусъ, отрѣзалъ ректоръ; вольно питать грѣшныя мысли и безъ всякаго повода; а я смотрю на всевозможныя св. иконы и никогда не соблазняюсь!..

Жаль, что графъ Толстой смотрѣлъ въ это время на шкафъ, гдѣ помѣщались рукописные сборники, а то онъ замѣтилъ бы какая ехидная насмѣшка играла на губахъ и въ глазахъ о. ректора, не смотря на его постную физиономію и серьезный разговоръ. Но и не глядя на о. Іоанна, онъ почувствовалъ всю силу рѣзкой колкости, взглянулъ на часы, ни слова не говоря направился къ выходу и уѣхалъ изъ академіи. Угощая злой выходкой сильнаго человѣка, онъ понималъ отлично его характеръ и свое положеніе, что оберъ-прокуроръ можетъ прихлопнуть его однимъ пальцемъ, а все-таки не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть.

Разумѣется, такіа выходки не проходили даромъ для о. Іоанна и сильно вредили ему въ повышеніи по службѣ; безъ нихъ онъ давно былъ бы епископомъ, имѣя всѣ права на своей сторонѣ. Но его обходили замѣтно; онъ досадовалъ на униженіе и срывалъ сердце злыми замѣчаніями на счетъ возвышенія своихъ бездарныхъ со товарищей:

— Вотъ теперъ начали раздавать дары Св. Духа люди совсѣмъ бездушные!..

Съ большимъ толкомъ и искусствомъ онъ умѣлъ писать проповѣди и выбиралъ для рѣшенія всегда самыя жизненные вопросы; не смотря на недостатокъ физическихъ средствъ, онъ произносилъ ихъ въ церкви, точно и отчетливо, возбуждая сильное впечатлѣніе. Въ поученіяхъ своихъ, когда былъ ректоромъ казанской академіи, онъ всегда касался разныхъ сторонъ современнаго состоянія Россіи, народнаго образованія, крѣпостнаго права и т. п. Освобожденіе крестьянъ имѣло тогда громадное значеніе и занимало всѣ крѣпкіе и свѣтлыя умы. О. Іоаннъ и самъ любилъ касаться этого вопроса и профессору А. П. Щапову внушилъ, чтобы онъ на академической актѣ приготовилъ рѣчь: „Голосъ русской церкви въ защиту несвободныхъ людей“. На эту тему между студентами ходилъ анекдотъ, будто ректоръ приглашенъ былъ на вечеръ, гдѣ большое было собраніе помѣщиковъ, разсуждавшихъ объ освобожденіи крестьянъ. Одинъ изъ нихъ началъ доказывать о. Іоанну, на основаніи Свящ. Писанія, что рабы должны существовать всегда, ибо Богъ создалъ три класса людей въ обществѣ—царей, господъ и рабовъ.

Тогда ректоръ обратился къ оратору и внушительно сказалъ ему:

— Вы мало, видно, изучали Свящ. Писаніе; тамъ сказано, что Господь Богъ сотворилъ не три класса людей, а только два—умныхъ и дураковъ...

Несомнѣнно, что въ Казани высказано было это публично передъ дворянами; но кѣмъ, Іоанномъ ли или другимъ лицомъ, — не знаю, по крайней мѣрѣ, въ духовной академіи приписывали ему эту выходку.

Проповѣди свои на самыя жизненные темы, очевидно, онъ долго обдумывалъ и излагалъ весьма тщательно. Главнымъ образомъ онъ и

содѣйствовалъ въ Россіи развитію реального направленія духовнаго проповѣдничества, когда былъ ректоромъ казанской духовной академіи и сталъ печатать ихъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“. Языкъ его всѣхъ словъ и сочиненій отличался краткой логичностью, точностью и необыкновенной простотой. Сила его слова вполне выражала силу его характера.

Въ первый разъ онъ пришелъ на лекцію по исторіи русскаго раскола къ студентамъ старшаго курса казанской академіи, когда они приготовили о стоглавомъ соборѣ по учебнику преосв. Макарія. Спрашивая студента В. Орлова, ректоръ разбивалъ критически и самымъ основательнымъ образомъ одно положеніе учебника за другимъ и выказалъ массу точныхъ свѣдѣній по русской исторіи. Скоро отецъ Іоаннъ началъ читать догматическое богословіе; но почти не посѣщалъ лекцій, занятый изданіемъ „Православнаго Собесѣдника“ и приготовленіемъ своихъ статей по каноническому праву; иногда впрочемъ мѣшало ему выходить на лекціи плохое здоровье. Если же онъ читалъ лекцію, то она всегда отличалась у него глубиной мысли, неожиданной оригинальностью, простотой и необычайной ясностью.

При чтеніи лекцій по богословію, о. Іоаннъ всегда строго держался жизненнаго элемента, психологическихъ данныхъ или міровыхъ знаній естествовѣднія. Однажды онъ сдѣлалъ блистательный анализъ, какая вѣра бываетъ въ христіанахъ сообразно съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ: разбирая, что такое вѣра дѣтская и поверхностная, вѣра мертвая и слѣпая,—ректоромъ выяснилъ черты вѣры разумной, сознательной и свободной, какъ высшаго проявленія религиозной силы человѣка.

Но особенно онъ озадачилъ студентовъ передъ окончаніемъ курса въ 1858 г. лекціей „о кончинѣ міра“. Приходитъ въ аудиторію и спрашиваетъ студента:

— Какъ вы полагаете, скоро ли будетъ кончина міра?

Тотъ отвѣчаетъ что на основаніи изреченій Свящ. Писанія неизвѣстно ни о днѣ, ни о часѣ второго пришествія Христова.

— А вотъ недавно, продолжалъ о. Іоаннъ, одинъ иностранный естествоиспытатель высчиталъ, что міръ не можетъ разрушиться раньше, какъ по истеченіи 30 милліоновъ лѣтъ. Какъ вы думаете, есть ли хотя малѣйшее основаніе вѣрить этому выводу?..

Студентъ замылся и ничего не отвѣчалъ; а ректоръ велѣлъ ему сѣсть и цѣлый часъ говорилъ вѣско и съ необычнымъ воодушевленіемъ, примѣрно въ такомъ родѣ:

— Господь Богъ сотворилъ міръ и далъ ему громадный запасъ жизненныхъ силъ, который не будетъ уничтожать по капризу, какъ строгій и правосудный; слѣдовательно, міръ можетъ уничтожиться, когда изживетъ данныя ему жизненныя средства. Теперь можно судить о производительныхъ силахъ природы, что они не только не

уменьшаются, но значительно увеличиваются во всѣхъ отрасляхъ проявленія.

Затѣмъ подробно разобралъ по частямъ это развитіе жизни въ царствѣ животномъ, растительномъ и т. д.

Разбирая всѣ признаки кончины міра, указанные въ евангеліи, о. Іоаннъ обратилъ особое вниманіе на социальное развитіе человѣчества и коснулся вопроса, что предъ пришествіемъ Сына Человѣческаго будетъ проповѣдано евангеліе всей твари. Это обстоятельство дало ему поводъ высказать статистическими цифрами, сколько въ мірѣ язычниковъ, магометанъ и христіанъ и что пройдутъ тысячелѣтія, пока будетъ по евангелію проповѣдано христіанство всей твари.

Вообще о. Іоаннъ былъ весьма дѣльный и ученый человѣкъ, но экономъ и администраторъ былъ вездѣ плохой, исключая редактированія журнала. Тутъ онъ являлся великимъ мастеромъ и опытнымъ руководителемъ. Не мудрено, что съ перваго раза подъ его опытной редакціей „Православный Собесѣдникъ“ сдѣлался образцовымъ журналомъ и обратилъ на себя вниманіе духовныхъ и свѣтскихъ ученыхъ.

Мало этого: „Православный Собесѣдникъ“ далъ образецъ жизненно-научнаго направленія для цѣлаго ряда послѣдующихъ духовныхъ журналовъ наприм. „Духъ христіанина“, „Православное Обзорѣніе“ и проч.

Насчетъ ожидаемаго улучшенія стола, студенты жестоко ошиблись и скоро разочаровались въ своихъ надеждахъ: тотчасъ по пріѣздѣ, Іоаннъ купилъ для выѣзда карету, кажется, въ 4.000 р. на казенный счетъ, а хозяйство академическое до крайности было запутано тогдашнимъ экономомъ іеромонахомъ Филаретомъ—креатурой Агафангела. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже становилось содержаніе студентовъ при Іоаннѣ. Это обстоятельство постоянно возбуждало справедливое негодованіе студентовъ противъ эконома, а о. Іоаннъ принималъ его на свой счетъ. Обыкновенно снисходительный къ студентамъ, онъ не обращалъ вниманія на ихъ отступленія отъ правилъ, гдѣ дѣло не касалось его личности; въ противномъ случаѣ онъ обнаруживалъ страшное демонское самолюбіе и готовъ былъ все принести ему въ жертву.

Такъ по случаю недовольства содержаніемъ, рѣзко высказаннаго эконому студентами въ престольный праздникъ (8 ноября 1857 г.), ректоръ совсѣмъ было выгналъ изъ академіи двухъ лучшихъ студентовъ передъ окончаніемъ курса. Еще круче поступилъ онъ съ уважаемымъ профессоромъ математики Д. Θ. Гусевымъ: онъ просилъ его наблюдать за хозяйствомъ и развѣдать, отъ чего мало средствъ. Какъ энергическій и честнѣйшій человѣкъ, Димитрій Ѳедотовичъ съ жаромъ взялся за дѣло и скоро обнаружилъ плутни эконома и указалъ большія растраты казенныхъ денегъ за прежнее время. Сильно не понравилась эта откровенность о. Іоанну и онъ постарался скоро выжить профессора изъ академіи, представивъ его къ

пенсіи, хотя онъ не дослужилъ до срока года два. Послѣ отставки Д. Ѳ. Гусевъ помѣшался и умеръ.

Между тѣмъ скоро обнаружилась растрата и незаконное употребленіе казенныхъ денегъ въ академіи; эконома Филарета сослали въ Соловецкій монастырь за разныя художества, а на его мѣсто поступилъ Я. Вас. Рудольфовъ изъ профессоровъ заведенія. Получивъ убогое казенное наслѣдство, онъ, бѣдный, жестоко поплатился: на него скоро сдѣлали большой начетъ и стали взыскивать по раскладкѣ изъ жалованья. Эта операція продолжалась нѣсколько лѣтъ сряду, когда невинный человекъ сильно бѣдствовалъ матеріально и сокрушался нравственно, признаваемый казнокрадомъ. Наконецъ пришло извѣстіе, что съ Рудольфова производился вычетъ неправильно и онъ оказался ни въ чемъ неповиннымъ; но это милое извѣстіе застало Якова Васильевича едва живымъ. Злая чахотка сразила его быстро.

У всѣхъ монаховъ есть странная склонность преслѣдовать людей, не нравящихся имъ по физіономіи; такая черта особенно сильно развита была у Агафангела, да и проскальзывала нерѣдко у о. Іоанна, не смотря на его крѣпкій разумъ. По этому онъ прибѣгалъ къ хитростямъ и даже подлогамъ, чтобы выжить изъ академіи нѣкоторыхъ дѣльныхъ профессоровъ, которые ему не пришлись по вкусу.

Самодурство ректора иногда доходило до невѣроятности: говоря, что казанскіе студенты несравненно лучше, чѣмъ въ другихъ духовныхъ академіяхъ,—онъ ухитрился при выпускѣ 1858 г. дать степень магистра только шести человекамъ, а нѣкоторыхъ лишилъ и степени кандидата, за что получилъ выговоръ отъ Св. Синода. Чѣмъ онъ тутъ руководился, сказать мудрено.

Сначала онъ позволялъ студентамъ жить, какъ они хотѣли, весьма рѣдко посѣщалъ ихъ во время вечернихъ занятій и смотрѣлъ на все сквозь пальцы. Бывало, идетъ студентъ, не желая сидѣть на лекціи, въ городской садъ—Швейцарію, напротивъ академіи, и вдругъ встрѣчаетъ на прогулкѣ ректора, раскланяется съ нимъ вѣжливо и тотъ никогда не скажетъ ни слова; но если онъ вздумаетъ скрыться отъ о. Іоанна въ сторону, тогда страшная бѣда грозила, если усилъвалъ онъ замѣтить бѣглеца и отбывателя лекцій. Наконецъ пришла невзгода на ректора съ той поры, когда профессоръ Щаповъ съ компаніей студентовъ отслужилъ панихиду на кладбищѣ по убитымъ крестьянамъ въ с. Безднѣ 1861 г. Тогда либерализмъ ректора уничтожился и онъ забралъ студентовъ въ ежовыя рукавицы, такъ что многіе воспитанники стали оставлять академію отъ сильнаго гнета.

Изъ Казани о. Іоаннъ переведенъ былъ ректоромъ въ с.-петербургскую духовную академію, хотя давно заслуживалъ епископской каѳедры. Здѣсь, говорятъ, онъ нѣсколько смирился и старался волей-

неволей поддѣлываться подъ начальнической тонъ; зато скоро достигъ цѣли своихъ стремленій. Изъ Петербурга, наконецъ, онъ поступилъ въ смоленскіе архіереи, на мѣсто переведеннаго въ Казань архіепископомъ Антонія, который находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ семействомъ губернатора въ Смоленскѣ. Губернаторъ хотѣлъ поддержать хорошія отношенія съ новымъ епископомъ и поспѣшилъ сдѣлать ему первый визитъ, но не засталъ дома и оставилъ свою карточку. На другой день поѣхалъ отплатить визитъ Іоанну и исполнилъ эту формальность самымъ оригинальнымъ способомъ. Онъ вступилъ въ переднюю, гдѣ встрѣтили его губернаторъ съ супругой изъ особой любезности; но тотъ пошелъ далѣе въ залу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на хозяина и хозяйку, вошелъ въ гостинную, досталъ медленно изъ кармана карточку, загнулъ тщательно уголокъ и положилъ на столъ. Потомъ раскланялся съ губернаторомъ и его женой, ни слова не говоря, направился въ обратный путь—и уѣхалъ.

Смоленскій протопопъ, окончившій курсъ вмѣстѣ съ Іоанномъ въ московской духовной академіи, прослышавъ о назначеніи его епископомъ къ нимъ въ епархію, очень радъ былъ, что начальникомъ его будетъ товарищъ по высшему образованію, и уже заранѣе мечталъ имѣть при немъ силу и значеніе. Когда пріѣхалъ Іоаннъ въ Смоленскъ на архіерейскую кафедру, протоіерей поспѣшилъ къ нему съ визитомъ, пока еще не представлялось духовенство. Доложили епископу, что его желаетъ видѣть протопопъ такой-то; владыка велѣлъ спросить по обычаю, что ему нужно? Протопопъ отвѣчалъ, что онъ, какъ товарищъ съ преосвященнымъ по высшему духовному заведенію, счелъ долгомъ тотчасъ повидаться съ нимъ.

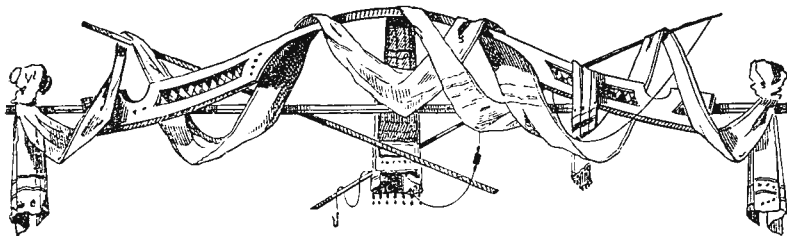
— Пускай онъ идетъ въ консисторію и подождетъ тамъ!.. отвѣтилъ епископъ и черезъ четверть часа написалъ официальную бумагу въ консисторію приблизительно такого содержанія:

„Оштрафовать протоіерея 25-ю рублями въ пользу сиротъ духовнаго званія за то, что понапрасну отнимаетъ время у духовнаго начальства, и обязать его подпиской, чтобы онъ впередъ не беспокоилъ его по пустякамъ“.

Жарко было усердному почитателю товарищескихъ связей отъ этой суровой и неожиданной резолюціи преосвященнаго, когда она была ему торжественно прочитана въ засѣданіи членовъ консисторіи!

Говорятъ, управление о. Іоанна смоленской епархіей было въ высшей степени не практично и въ дѣлахъ произошла при немъ большая запутанность. Впрочемъ, онъ не долго и пробылъ епископомъ: разъ утромъ нашли его мертвымъ на полу среди спальни; одна нога его была босая, а другая — въ туфлѣ; какъ будто передъ неожиданной кончиной онъ побѣждалъ звать кого либо на помощь, но упалъ бездыханнымъ.

Н. Аристовъ.

КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ ВЪ СТАРИНУ.

ВОЛОСТНЫЕ суды составляютъ у насъ своего рода „злобу дня“. Какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, у нихъ есть свои защитники и свои порицатели; повременная печать, въ свою очередь, представляетъ калейдоскопъ всякихъ обвинительныхъ и защитительныхъ статей съ разными оттѣнками въ направленіяхъ. Люди, привыкшіе къ канцелярскому образу, находятъ неумѣстнымъ существованіе въ государствѣ такихъ судебныхъ мѣстъ, въ которыхъ правовыя понятія отливаются въ самыя разнообразныя до неувимости формы; въ ихъ глазахъ это—юридическій беспорядокъ, вредное многозаконіе, съ примѣсью дикихъ проявленій самосуда и самоуправства, воскрешающихъ давно минувшіе вѣка варварства. Другіе считаютъ волостные суды изобрѣтеніемъ новѣйшаго законодательства, искусственнымъ созданіемъ, которое по своему устройству и обстановкѣ не отвѣчаетъ желаніямъ и потребностямъ крестьянства. Третьи видятъ корень всѣхъ золъ въ плохомъ личномъ составѣ волостныхъ судовъ, въ сильной фактической зависимости ихъ отъ низшихъ и высшихъ полицейскихъ органовъ, наконецъ въ отсутствіи правильного, бдительнаго надзора надъ ними со стороны ближайшей судебной инстанціи. Сообразно такимъ взглядамъ, предлагаются тѣ или другія мѣры, клонящіяся то къ полному упраздненію волостныхъ судовъ вмѣстѣ съ господствующимъ въ нихъ обычнымъ правомъ и къ замѣнѣ ихъ общими мировыми судебными установленіями, то къ разнымъ преобразованіямъ и улучшеніямъ въ ихъ устройствѣ и предѣлахъ власти. Даже люди, вполне сочувствующіе свободному развитію обычнаго права, легко склоняются въ пользу уничтоженія волостныхъ судовъ подъ условіемъ расширенія власти сельскихъ сходовъ, суда стариковъ и т. п. судебныхъ органовъ, вы-

работанныхъ самую народною жизнью и потому пользующихся большимъ довѣріемъ со стороны сельскаго населенія. Последнее воззрѣніе принадлежитъ къ числу тѣхъ готовыхъ объясненій, которыя слагаются въ обществѣ и наукѣ, когда нѣтъ на лицо достаточнаго количества положительныхъ историческихъ свѣдѣній. Восполнить этотъ важный пробѣлъ въ нашей историко-юридической наукѣ и разсѣять туманъ, покрывающій прошедшее нашей сельской юстиціи— вотъ благодарная, но отнюдь не легкая задача, за которую принялся глубокой знатокъ нашей правовой старины Н. В. Калачовъ. Трудъ его, собственно говоря, еще только начать, и мы услѣли ознакомиться съ нимъ лишь на публичной лекціи, читанной ученымъ авторомъ въ одномъ изъ засѣданій археологическаго института; но уже одно это начало, одна постановка такого важнаго вопроса, какъ наша волостная расправа, возбудила въ ученомъ мірѣ живѣйшій интересъ, и мы надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы ознакомимъ ихъ въ сжатомъ очеркѣ съ основными положеніями, отъ которыхъ исходитъ нашъ изслѣдователь.

Сочувствіе къ новому ученому предпріятію Н. В. Калачова оправдывается многими вѣскими соображеніями. Со времени учрежденія комиссіи сенатора Любоцинскаго, въ обществѣ и печати не прекращались толки о положеніи волостныхъ судовъ: обнародованные труды этой комиссіи вызвали цѣлый рядъ публицистическихъ и собственно ученыхъ статей и изслѣдованій; но судьба „трудовъ“ въ официальныхъ сферахъ остается никому невѣдомой. Можетъ быть, что съ легкой руки Н. В. Калачова дѣло получить желательное движеніе ¹⁾. Далѣе, для успѣшнаго научнаго рѣшенія вопроса весьма важнымъ условіемъ является общее историческое міросозерцаніе изслѣдователя. Въ этомъ отношеніи Н. В. Калачовъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто: не принадлежа ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ, онъ совмѣщаетъ въ себѣ трезвое и спокойное наблюденіе съ стремленіемъ открыть положительную зиждительную силу прошедшаго. Прибавимъ къ этому, что его знакомство съ исторіей нашего права основано не на отрывочныхъ печатныхъ матеріалахъ, а на богатомъ запасѣ архивныхъ розысканій, произведенныхъ имъ въ теченіе своей долголѣтней ученой дѣятельности. Матеріалы, находящіеся въ его рукахъ, при окончательной обработкѣ, безспорно прольютъ на изслѣдуемый вопросъ такое обиліе свѣта, что древняя народная юстиція выяснится во всѣхъ подробностяхъ; лекція же, читанная имъ въ археологическомъ институтѣ, не болѣе какъ проспектъ, или предварительный обзоръ предмета въ его основныхъ чертахъ.

Главное положеніе, выставленное ученымъ авторомъ въ самомъ началѣ лекціи, заключается въ томъ, что ни одно судебное учреж-

¹⁾ Строки эти писаны до назначенія senatorской ревизіи, которой, между прочимъ, подлежатъ и волостные суды изслѣдуемыхъ въ настоящее время 8-ми губерній.

деніе, какъ прежняго, такъ и новаго устройства, не имѣетъ за собою такихъ прочныхъ корней въ прошедшемъ, какъ наши суды волостные и сельскіе. Значеніе этихъ судовъ въ законодательствѣ подвергалось разнымъ колебаніямъ; измѣнялось оно и въ жизни, смотря по времени и мѣсту, но и въ самыя мрачныя времена крѣпостнаго права крестьяне не переставали пользоваться своими исконными судебными органами, вопреки всѣмъ правительственнымъ и помѣщичьимъ стѣсненіямъ. Утверждая непрерывность особаго крестьянскаго суда на протяжении всей исторіи, г. Калачовъ хорошо предвидѣлъ, какія возраженія или ограниченія могутъ послѣдовать, какъ со стороны лицъ, участвовавшихъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ и учрежденію особыхъ для нихъ судебныхъ органовъ, такъ и со стороны историческихъ изслѣдователей нашего судоустройства. Не входя въ разборъ всѣхъ предусмотрѣнныхъ возраженій, даже не отвергая ихъ всецѣло, г. Калачовъ все таки твердо стоитъ на избранной имъ точкѣ, опираясь на непрерываемыя свидѣтельства источниковъ, указывающихъ на то, что выборные судьи у крестьянъ никогда не переводились и всегда сохраняли извѣстную долю законной власти, которой не оспаривали у нихъ ни стоявшіе подлѣ нихъ правительственные чиновники, ни церковныя и монастырскія власти, ни наконецъ помѣщики ¹⁾. По отношенію къ XVI и XVII вѣкамъ сохранилось такъ много актовъ, совершенныхъ выборными судейками, какъ въ черныхъ и дворцовыхъ, такъ и монастырскихъ и боярскихъ селахъ и волостяхъ, что сомнѣнію нѣтъ мѣста ²⁾; гораздо скуднѣе свѣдѣнія о дѣятельности крестьянскихъ выборныхъ должностей въ послѣднія полтора столѣтія, что, по убѣжденію Н. В. Калачова, происходитъ частью отъ того, что это время еще мало обслѣдовано по архивнымъ источникамъ, но главнымъ образомъ отъ общихъ перемѣнъ въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ, равно какъ отъ подчиненія волостей ближайшему заведыванію административныхъ и полицейскихъ органовъ. Послѣднія два обстоятельства, вынуждая крестьянъ къ болѣе скрытному образу

¹⁾ Любопытно, что къ такимъ же выводамъ пришелъ недавно другой изслѣдователь нашего крестьянскаго быта въ самыя мрачныя времена помѣщичьяго полновластія, въ вѣкъ Екатерины II: мы разумѣемъ здѣсь изслѣдованія В. И. Семевского по исторіи крѣпостнаго права (см. „Русскую Мысль“ нынѣшняго года, май, отдѣлъ: „Русская жизнь“, стран. 11 и слѣд.).

²⁾ Въ подтвержденіе этого положенія Н. В. Калачовъ не привелъ отдѣльныхъ прихвровъ, не потому, конечно, чтобы ихъ у него не было, а потому, что у него слишкомъ много. Съ своей стороны, мы желаемъ привести здѣсь одинъ фактъ, добытый нами случайно во время нашихъ архивныхъ занятій въ Москвѣ. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича производилось дѣло по иску боярина И. В. Морозова съ окольногочаго П. Траханиотова о бѣгломъ крестьянинѣ Филькѣ Кузьминѣ съ семействомъ. При этомъ Траханиотовъ предъявилъ встрѣчный искъ къ приказному человѣку И. Селезеву и къ земскому дьячку И. Михайлову изъ села боярина Морозова (столбцы Владимірскаго стола, общій № 8893, частный № 62, въ московскомъ архивѣ мин. юст.). Такимъ образомъ, въ имѣніи Морозова былъ, съ одной стороны, его прикащикъ, а съ другой—выборныя крестьянскія власти.

дѣйствія, т. е. къ словеснымъ соглашеніямъ и разборамъ, взаи́мъ прежнихъ письменныхъ, естественно повель къ ослабленію въ народѣ грамотности. Здѣсь профессоръ Калачовъ прямо подаетъ руку славянофиламъ, представляя законное объясненіе тому положенію которое славянофилы признали безъ достаточныхъ данныхъ, именно, что въ XVI и XVII вѣкахъ грамотность въ русскомъ народѣ была распространена болѣе, чѣмъ въ ближайшее къ намъ время. Уменьшеніе грамотности было важною утратою для общественнаго благоустройства крестьянъ; ибо, благодаря своей темнотѣ, крестьяне и находятся теперь въ кабалѣ у волостныхъ писарей, которые помыкаютъ волостными судьями по своему усмотрѣнію.

Чтобы дать понятіе о томъ чисто синтетическомъ приѣмѣ, какой употребленъ нашимъ ученымъ для освѣщенія общаго хода развитія сельскихъ и волостныхъ судовъ, мы приведемъ здѣсь дословно то мѣсто лекціи, которое на одномъ частномъ примѣрѣ, не вымышленномъ, а выхваченномъ цѣликомъ изъ актовъ XIV, XV, XVI и XVII столѣтій, наглядно изображаетъ главнѣйшіе моменты въ исторіи крестьянскихъ судовъ съ древнѣйшаго времени до XVII вѣка включительно. Примѣръ этотъ объясняетъ намъ обычный естественный способъ образованія свободныхъ сельскихъ и волостныхъ обществъ съ ихъ общественными учрежденіями.

„Прочтемъ въ самыхъ актахъ подлинныя слова, съ одной стороны, самихъ засельниковъ пустопорожныхъ земель, собиравшихъ подъ свою руку людей гуляющихъ, т. е. вольныхъ и нетяглыхъ, а съ другой — слова князей великихъ и удѣльныхъ, а впослѣдствіи и царей, разрѣшавшихъ этимъ засельникамъ призывать къ себѣ и копить всякихъ людей, лишь бы не подвѣдомственныхъ самому князю или не бывшихъ въ царскомъ тягѣ, съ дарованіемъ имъ за то на опредѣленные года, разныхъ льготъ отъ податей и другихъ повинностей. Этотъ старикъ, испрашивающій своимъ родичамъ, которые садятся съ нимъ на новой лѣсной чищобѣ, и тѣмъ людямъ, которыхъ они будутъ къ себѣ призывать, и получающій свободу отъ князя или царя и ихъ властей; этотъ слободчикъ, какъ могу теперь я назвать его, которому поручается государемъ главенство надъ набранной имъ колоніей, по крайней мѣрѣ до поры до времени, не есть ли въ самомъ дѣлѣ патріархъ, ея руководящій и творящій надъ нею судъ и расправу, а эта колонія не есть ли крестьянскій міръ, скопленная слободчикомъ дружина, уже складывающаяся въ одну неразрывно связанную своими членами сельскую общину? Да оно и дѣйствительно было такъ. Вотъ прошли для этой общины ея льготные годы; вотъ царскіе писцы измѣрили и отмежевали ея пашни, покосы и лѣса, поверстали эти угоды наравнѣ съ другими въ казенные оклады и сборы; вотъ, наконецъ, царскіе намѣстники или воеводы съ волостелями и ихъ тѣнами взяли этихъ засельниковъ подъ свою начальственную тяжелую руку. „Нѣтъ“ завопили слобожане, обра-

щаясь съ слезною мольбою къ князю или царю, „не дай намъ умереть голодною смертью отъ излишней истомы, отъ нестерпимыхъ поборовъ и взятокъ: мы готовы платить тебѣ оброки и доходы, какіе на насъ положишь, но дозвожь собирать ихъ намъ самимъ, окладываясь по нашимъ животамъ и промысламъ и дозвожь привозить ихъ нашимъ посыльщикамъ къ тебѣ“. И князь или царь, милуя крестьянъ, освобождаетъ ихъ вновь отъ своихъ намѣстниковъ, волостелей и тиуновъ, и разрѣшаетъ имъ управляться и вѣдаться ихъ выборными головами, старостами и другими излюбленными людьми. И творять эти излюбленные люди судъ и расправу по избѣчнымъ уставамъ, которые живутъ въ народной памяти, какъ пошло изъ старины“.

Прослушавъ это мѣсто лекціи, одинъ изъ присутствовавшихъ ученыхъ обратилъ вниманіе, что здѣсь смѣшаны такія понятія, какъ родоначальникъ-патріархъ и предводитель дружины, или родъ, дружина и община. Замѣчаніе это выражаетъ, безъ сомнѣнія, господствующее воззрѣніе, по которому быть родовой, дружинный и сельскій или общинный, держится каждый на особомъ началѣ, именно: первый—на единствѣ крови, второй—на вольномъ соглашеніи, третій—на общемъ владѣніи землею. На самомъ-же дѣлѣ всѣ эти три формы общежитія отнюдь не исключаютъ одна другой, а напротивъ хорошо уживаются другъ подлѣ друга и переплетаются между собою. И напрасно станемъ мы искать оправданія господствующему взгляду въ источникахъ, гдѣ понятіе дружины очень хорошо уживается съ связями семейными и родственными; не говоря уже о словахъ: подруга и подружіе для обозначенія жены, припомнимъ значеніе задруги и другарей. Есть даже основаніе думать, что и само слово: „дружина“ употребляется въ „Русской Правдѣ“ въ смыслѣ родственниковъ, именно въ положеніи объ уплатѣ вервью пени за убитую голову (см. „Судебный Вѣстникъ“ 1876 г. № 154, фельетонъ: „О денежной пени за убійство по древне-русскому праву до монгольскаго періода“) ¹⁾. Да и княжеская дружина не чужда родовымъ началамъ, не смотря на то, что союзъ этотъ скрѣпляется не единствомъ крови, а вѣрностью и дружбою. Съ другой стороны, и мирное осѣдлое населеніе, живя, по выраженію лѣтописца, своими родами, на особыхъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ, по неволѣ превращалось время отъ времени въ вооруженную дружину, то отражая нападеніе внѣшнихъ враговъ, то внося сами войну въ чужіе предѣлы по разнымъ поводамъ и причинамъ.

Не менѣе замѣчательно констатированное г. Калачовымъ единство началъ, на которыхъ держалось устройство всѣхъ старинныхъ судеб-

¹⁾ Мы очень рады, что взглядъ нашъ если не въ частностяхъ, то въ общемъ сходится съ мыслями объ этомъ предметѣ такого знатока нашей исторіи, какъ г. Ключевскій. См. въ журналѣ: „Русская Мысль“ 1880 г. кн. III изслѣдованіе его подъ заглавіемъ: „Боярская дума древней Руси“ стр. 47—49.

ныхъ установленій, не смотря на всю видимую пестроту и разнообразіе въ степени ихъ власти и кругъ ихъ дѣятельности. Между прочимъ, ему удалось уловить соединительную нить, связующую между собою судъ слободской съ волостнымъ. По мѣрѣ того, какъ населеніе слободъ увеличивалось, послѣднія выпускали изъ себя выходцевъ, которые и основывали по близости починки и деревни; новые поселки примыкали къ старымъ, образуя съ ними одну волость, при чемъ прежній слободской судъ естественно переходитъ въ волостной ¹⁾. Въ примѣръ совпаденія слободы и волости приведемъ одинъ случай, заимствуемый нами изъ „приказныхъ дѣлъ“, хранящихся въ главномъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ Никольской слободкѣ произошелъ пожаръ. Потерпѣвшій крестьянинъ, имѣя подозрѣніе на крестьянъ той-же слободки Тепляковыхъ, позвалъ земскаго судейку на мѣсто пожара и просилъ при понятыхъ составить протоколъ („записку“). По распоряженію судейки „записка“ была составлена земскимъ дьячкомъ. Когда дѣло перешло въ одинъ изъ московскихъ приказовъ, то обвиняемые, отвергая значеніе протокола, слались „на всю волость, на Никольскую слободку, oprичъ его Гришкина (истца) рода и племени и заговора (св. 177, № 46)“. Единство началъ проявляется также въ устройствѣ апелляціонной инстанціи для крестьянскихъ судовъ различныхъ вѣдомствъ. Минутѣ исключительные, хотя и немалочисленные случаи, когда крестьяне, будь то черные или помѣщичьи, пользовались особыми льготами и стояли подъ апелляціей какого нибудь высшаго учрежденія въ Москвѣ, мы находимъ собственно двѣ инстанціи, стоявшія надъ крестьянскими судами. Въ черносошныхъ волостяхъ жалобы на земскихъ судеевъ подавались воеводѣ, который самъ стоялъ подъ апелляціей подлежащаго приказа ²⁾; въ имѣніяхъ церковныхъ апелляція на вы-

¹⁾ Названіе волостного суда въ старинныхъ актахъ не встрѣчается; но мѣстность, на которую простирается власть слободскихъ судей, какъ видно изъ приводимыхъ ниже въ текстѣ указаній, именуется волостью; поэтому и судъ можно назвать волостнымъ.

²⁾ Если мы не ошибаемся, русскіе источники, на которыхъ г. Калачовъ основывалъ свое заключеніе, относятся только къ XVII в.; но свидѣтельство англичанина Флетчера позволяетъ намъ положительно перенести тотъ-же порядокъ и въ XVI столѣтіе. Вотъ что пишетъ Флетчеръ: „Судебныя гражданскія мѣста по обязательствамъ и другимъ подобнымъ предметамъ суть трехъ родовъ, такъ что каждое изъ нихъ подчинено другому въ апелляціонномъ порядкѣ. Низшее судебное мѣсто, учрежденное, повидимому, для нѣкотораго облегченія подданныхъ, составляютъ губный староста, имѣющій тоже значеніе, что и алдерменъ и сотскій староста, или бэйлифъ каждой сохи или сотни, о коихъ я говорилъ выше, въ главѣ объ управленіи областями. Они могутъ рѣшать дѣла между жителями своей сохи или каждой отдѣльной сотни, гдѣ находятся подъ вѣдѣніемъ областныхъ князей и дьяковъ, къ которымъ тяжущіяся стороны могутъ переносить свое дѣло, если губный или сотскій староста не успѣютъ помирить ихъ. Второе судебное мѣсто составляютъ въ главныхъ городахъ каждой области или княжества упомянутые выше князья и дьяки, подчиненные управляющимъ четырехъ четвертей (какъ было сказано выше). Послѣ ихъ

«истор. вѣсти.», годъ I, томъ III.

борныхъ судеекъ поступала къ посельскому, волостелю, или иному судѣ, поставленному надъ вотчинами подлежащею духовною властью, а высшую и послѣднюю инстанцію составляли или сами духовныя власти, или состоявшіе при нихъ домовые приказы, какъ напр. при патріархѣ, митрополитѣ, архіепископахъ и пр. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ первую апелляціонную инстанцію образовали прикащики или домовые судьи, а вторую—самъ владѣлецъ или домовый приказъ, состоявшій при немъ въ Москвѣ или въ другомъ городѣ.

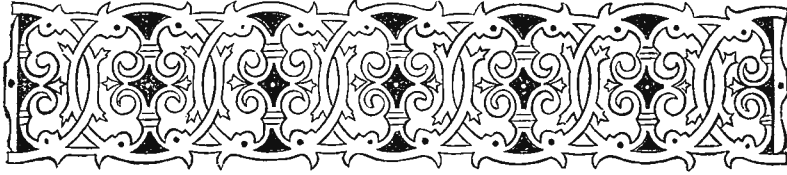
Внутреннее устройство и составъ крестьянскихъ судовъ представляется намъ въ такихъ общихъ чертахъ. Судъ состоялъ: 1) изъ судей. Число ихъ не было постояннымъ и мѣнялось по мѣстамъ. Судьи выбирались на сельскомъ или волостномъ сходѣ и утверждались въ должности тѣмъ приказомъ, или четью, въ вѣдомствѣ которыхъ волость состояла. Вступая въ должность, судьи приводились къ присягѣ. 2) Исполнительными органами были цѣловальники, также выборные. Сверхъ того, 3) на судѣ сидѣли такъ называемые засѣдчики, добрые или приговорные мужи: они наблюдали за всѣмъ ходомъ дѣла и такали, т. е. удостовѣряли обстоятельства дѣла и утверждали приговоръ земскаго судейки. 4) Земскій дьячокъ. Иногда эта должность занималась церковнымъ дьячкомъ. На дьячкѣ лежало все письмоводство и счетоводство; въ немъ-же общество видѣло свою опору и противовѣсъ приказному чиновничеству. Мѣстомъ суда служила нерѣдко, особенно на сѣверѣ, церковная трапеза ¹⁾. Согласно съ этимъ, и время суда совпадало преимущественно съ праздничными днями. Производство-же суда ничѣмъ существенно не различалось отъ порядковъ, господствовавшихъ тогда въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Въ чемъ заключаются выгоды этого устройства крестьянскихъ судовъ предъ нынѣшнимъ, и какія, по этому, преобразованія желательны въ послѣднемъ, чтобы, съ одной стороны, связать самостоятельныя крестьянскіе суды съ общими судебными установленіями, а съ другой—оставить неприкосновенными народныя юридическія возрѣнія,—это предметъ чисто практической законодательной важности, который, разумѣется, не подлежитъ обсужденію въ настоящемъ очеркѣ.

Д. Мейчикъ.

рѣшенія можно еще подавать на апелляцію и переносить дѣло въ высшій судъ, находящійся въ Москвѣ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе лица, управляющіе четырьмя четвертями“. О государствѣ рускомъ или образѣ правленія русскаго царя (обыкновенно называемаго царемъ московскимъ) съ описаніемъ правовъ и обычаевъ жителей страны. Сочиненіе Флетчера. Издано въ Лондонѣ 1867 г. Кн. М. Оболенскимъ. Гл. IV, стр. 48).—Хотя Флетчеръ говоритъ собственно о губныхъ старостахъ, т. е. всеобщихъ судебныхъ органахъ, но въ данномъ случаѣ онъ, очевидно, смѣшалъ ихъ съ земскими судейками, ибо губные старосты, какъ извѣстно, завѣдывали дѣлами о разбоѣ и кражѣ съ поличнымъ, тогда какъ въ приводимомъ отрывкѣ рѣчь идетъ о гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ, подчиненныхъ четвертнымъ приказамъ.

¹⁾ Трапезникъ-же закликалъ народъ на сходку для выбора судей.

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

I.

Два слова о жироидистахъ.—Происхождение г-жи Роланъ.—Ея отецъ и воспитаніе.—Слишкомъ раннее развитіе.—Ночь въ монастырѣ.—Религіозная борьба.—Ея портретъ.

В 50-хъ ГОДАХЪ прошлаго столѣтія, родилась въ Парижѣ, въ скромной семьѣ гравера, женщина, которой суждено было играть не послѣднюю роль во время французской революціи и сдѣлаться центромъ политической партіи, выдвинувшей превосходныхъ ораторовъ и очень плохихъ государственныхъ людей. Мы говоримъ о жироидистахъ и о г-жѣ Роланъ.

Почти всѣ представители этой партіи, слишкомъ рано выступившіе съ своими идеями о федерализмѣ, котораго самодержавный Парижъ не признаетъ и теперь, сто лѣтъ спустя,—происходили изъ буржуазіи и начали свое поприще адвокатами или журналистами. Уже самая ихъ профессія достаточно указывала на роль, которую они должны были играть во время революціи: они стояли впереди, пока Парижу нужны были ораторы, пока нужно было объяснять народу его права, и отступили назадъ, когда народъ потребовалъ дѣятелей. Воспитанные на древнихъ классикахъ, выросшіе сами если не въ богатыхъ, то все же въ болѣе или менѣе зажиточныхъ семьяхъ, они обречены были на горькую участь двойного разочарованія: видѣть сначала закрытыми для себя двери высшей аристократіи и двора, куда, казалось бы, должны были имъ открытъ дорогу ихъ таланты, сломить затѣмъ силу этой власти, чтобы стать на ея мѣсто, и вдругъ съ ужасомъ увидать, что вмѣсто ожидаемаго торжества ихъ ждетъ эшафотъ. Люди несомнѣнно умные и талантливые, они не рассчитали силу удара и, подкапываясь подъ нѣкоторые, ненавистные имъ предразсудки, не ожидали, что

опрокинуть весь общественный строй и что подъ его развалинами погибнуть первые.

Но оставимъ пока жирондистовъ и вернемся къ той, которая воплощала въ себѣ всѣ ихъ идеалы.

Дочь простого ремесленника, котораго она однако съ свойственнымъ ей иногда увлеченіемъ и желаніемъ опозитизировать свое происхожденіе, называетъ артистомъ, Марія Жанна Филипонъ, въ замужествѣ Роланъ, родилась въ мартѣ 1754 г. Эта невинная ложь относительно происхожденія, которую мы съ первыхъ же страницъ встрѣчаемъ въ ея запискахъ, не лишена нѣкотораго интереса: она указываетъ на одну изъ слабостей ея партіи, которая при всемъ своемъ желаніи равенства и уничтоженія всевозможныхъ предразсудковъ, стыдилась иногда своего плебейскаго происхожденія. Какъ г-жа Роланъ хотѣла непремѣнно быть дочерью артиста, такъ и глава жирондистовъ Бриссо, сынъ шартрскаго сапожника, краснѣлъ за свое имя и заимствовалъ одинъ изъ своихъ титуловъ у родовой аристократіи, противъ которой начиналъ войну. Недовольство своимъ положеніемъ было въ духѣ того времени. Недовольны были всѣ, начиная съ вельможи и кончая его послѣднимъ слугой. Странную смѣсь политическихъ утопій, жажды власти, славы и наживы, представлялъ конецъ этого вѣка! Самыя эти утопіи съ ихъ представленіями объ идеальномъ человѣкѣ и идеальномъ государствѣ чаще всего возникали въ умахъ, пожирившихся внутреннимъ огнемъ честолюбія и желаніемъ хоть чѣмъ нибудь прославить свое имя. Никто не хотѣлъ умерѣть незамѣченнымъ.

Отецъ будущей жирондистки, граверъ Филипонъ, хотя и чуждый политическихъ ученій, былъ однако тоже недоволенъ своей судьбой. Скромное ремесло гравера было ему не по душѣ. Желаніе разбогатѣть не давало ему покоя. Попытка заняться живописью не удалась и онъ пустился въ спекуляціи: сталъ покупать и перепродавать брилліанты, иногда вымѣнивать ихъ на вещи и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже! Начались азартныя игры и стремленіе выиграть въ лоттерей. Всѣ эти инстинкты съ особенной силой проявились послѣ смерти жены; онъ быстро пошелъ къ раззоренію и довелъ себя до того, что дочь потребовала отъ него отчета и заявила о своемъ желаніи выдѣлиться.

Человѣкъ въ высшей степени легкомысленный и притомъ необразованный, онъ былъ плохимъ воспитателемъ и началъ воспитаніе своей дочери съ того, что два или три выскѣкъ ее; но убѣдившись, что это только озлобляетъ ее и возбуждаетъ въ ней духъ непокорности, онъ скоро оставилъ это и изъ строгаго отца сдѣлался отцомъ баловникомъ. Чтобы заслужить ея расположеніе и удовлетворить развивавшейся въ ней страсти къ чтенію, онъ сталъ ей дарить разныя книжки и между прочимъ педагогическіе трактаты, видимо ошибаясь насчетъ ихъ назначенія и принося ребенку то, что слѣдовало читать отцу. Дѣвочка пожирала все безъ разбору. Какъ и когда

она научилась читать, никто не могъ сказать. Это случилось какъ-то незамѣтно. Но нельзя безъ ужаса видѣть перечисленіе всего того, что умѣстилось въ этой дѣтской головкѣ. Начиная съ библіи, которая своимъ реализмомъ и наивнымъ повѣствованіемъ о нѣкоторыхъ житейскихъ явленіяхъ, слишкомъ рано просвѣтила ее, продолжая Плутархомъ, который, по собственному сознанію, сдѣлалъ изъ нея республиканку, и кончая Вольтеромъ, все оставило слѣдъ въ этой страстной душѣ. Телемакъ, Освобожденный Іерусалимъ, естественная исторія Бюффона, старые томы путешествій, міеология, житія святыхъ, Паскаль и Монтескье, все это безъ разбору поглощалось будущей жирондисткой. Мать, почему-то опасавшаяся, чтобы изъ нея не вышла художница и рѣшительно воспротивившаяся ея серьезнымъ занятіямъ живописью и музыкой, смотрѣла снисходительно на ея страсть къ чтенію. Бури артистической жизни видимо больше пугали ее, чѣмъ тотъ страшный вихрь, который должны были поднять въ душѣ ея дочери эти обрывки всевозможныхъ системъ и ученій.

Такое воспитаніе было впрочемъ въ духѣ вѣка: вѣкъ энциклопедіи и фейерверка мысли, онъ породилъ цѣлую плеяду людей, извѣстныхъ своимъ разностороннимъ, блестящимъ и поверхностнымъ образованіемъ. Привычка разбрасываться и заниматься всѣмъ по немножку, разъ сдѣланная въ дѣтствѣ, сохранялась на всю жизнь. Г-жа Роланъ, по ея же словамъ, никогда не могла читать одной какой нибудь книги, а всегда читала нѣсколько заразъ. Жажда знанія была такъ велика, что если ей попадалась подъ руку геральдика, она поглощала и ее, добросовѣстно заучивая родословную и гербы французскаго дворянства.

На каждомъ шагу чувствовалось отсутствіе руководителя. Мать, судя по ея запискамъ, была женщина замѣчательно выдержаннаго характера, но едва ли отличалась большими познаніями. Все ея участіе въ образованіи дочери ограничивалось тѣмъ, что она читала ей по вечерамъ книги историческаго содержанія, но и это скорѣй дѣлалось для того, чтобы убить время, которое должно было тянуться убійственно долго въ этомъ домѣ, гдѣ никакихъ знакомствъ не было, а отецъ большею частію отсутствовалъ. И если для дѣвочки это не прошло безслѣдно, то этимъ она обязана была исключительно себѣ и своей привычкѣ утромъ записывать то, что прочла наканунѣ. Критическое отношеніе къ себѣ и къ другимъ проснулось въ ней рано слишкомъ рано: дѣтства у нея не было. Она съ видимымъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ о томъ, что была умна не по лѣтамъ и давала отвѣты, поражавшіе своею мѣткостью. Всѣ ея учителя, по ея словамъ, должны были сложить оружіе и признаться, что имъ нечему больше учить ее. Десяти лѣтъ она говорила, какъ взрослая. Но что восхищаетъ бабушекъ и матерей, часто кажется неестественнымъ челоуѣку постороннему.

Такое же впечатлѣніе дѣлаетъ и на насъ эта молодость безъ дѣтства, съ рано пробудившимися страстями и борьбою разсудка. Въ этой

дѣвочкѣ, вскакивавшей по ночамъ съ постели босыми ногами на холодный полъ и бросавшейся на колѣни, чтобы заглушить въ себѣ грѣшныя мысли, мы слишкомъ рано видимъ женщину...

Первой ея страстью, а ихъ было у нея не мало, была страсть къ религіи. Одиннадцати лѣтъ она кинулась къ ногамъ отца съ матерью и умоляла хотъ на время отдать ее въ монастырь. Первая ночь, проведенная ею въ монастырѣ, оставила такое сильное впечатлѣніе въ ней, что тридцать лѣтъ спустя она не могла безъ волненія вспоминать о ней. Въ комнатѣ, гдѣ ее положили вмѣстѣ съ другими дѣвочками, былъ слабый свѣтъ. Она потихоньку встала и подошла къ окну. Окно выходило въ садъ; лунный свѣтъ довольно ясно обрисовывалъ всѣ предметы. Кругомъ царилъ глубочайшее молчаніе. „И къ этому молчанію, говоритъ она, я прислушивалась съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Большія деревья бросали гигантскія тѣни... Я взглянула на небо: оно было ясно и глубоко... Чувствовалось присутствіе божества. Сладкія слезы потекли по щекамъ; душа трепетала отъ восторга... Я простояла такъ нѣсколько минутъ и потомъ заснула сномъ праведныхъ“...

Дѣйствуя на воображеніе, обстановка монастыря поддерживала въ ней мысль, что истинное призваніе ея — монашество. И будущая атеистка, или вѣрнѣе деистка, такъ какъ мысль о божествѣ всегда смутно жила въ ея душѣ, съ священнымъ трепетомъ шла на исповѣдь и зачитывалась житіями святыхъ, ожидая только совершеннолѣтія чтобы постричься въ монахини. Слишкомъ усердное размышленіе о догматахъ вѣры привело однако къ тому, что она стала въ нихъ сомнѣваться. Первое, что ее смутило — это вѣчныя мученія за гробомъ. Начитавшись исторіи, она не хотѣла вѣрить, чтобы столько народовъ, коснѣвшихъ въ невѣжествѣ, которое уже и въ этой жизни было для нихъ источникомъ многихъ страданій, было осуждено и тамъ на вѣчныя мученія. Разъ закравшееся сомнѣніе на этомъ не остановилось. „Если одинъ догматъ несостоятеленъ, говорила она себѣ, посмотримъ, каковы другіе!“ А съ той минуты, какъ католикъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, церковь можетъ навсегда считать его потеряннымъ для себя.

Первый, кому она повѣрила свои сомнѣнія, былъ ея духовникъ, посовѣтовавшій ей читать отцовъ церкви и вообще апологистовъ христіанства. „Но что замѣчательно, говоритъ она, такъ это то, что я именно изъ этихъ книгъ узнала о тѣхъ, которыя онъ опровергалъ — и стала ихъ читать“. Такимъ образомъ энциклопедисты, разные трактаты о вѣротерпимости и о системахъ міра, прошли черезъ ея руки. Дѣло было сдѣлано: Богъ Руссо вытѣснилъ христіанскаго Бога.

Но въ душѣ ея было слишкомъ много поэзіи, чтобы помириться съ этимъ отсутствіемъ вѣры. Даже и невѣрующая она съ удовольствіемъ бывала въ церкви, гдѣ вся отдавалась какому то безотчетному восторгу. Такое же ощущеніе вызывали въ ней картины природы; онѣ

уносили ее въ безконечную даль, навѣвая мысль о божествѣ... Въ обрядъ она не вѣрила, католическое духовенство ненавидѣла, но мысль о томъ, что должно-же быть что нибудь тамъ за гробомъ, не оставляла ее, особенно въ послѣдніе дни ея жизни, когда сознаніе людской несправедливости требовало, какъ непремѣннаго возмездія, лучшей жизни за гробомъ. „Какъ это будетъ,—не знаю! говорить она; но знаю, что это должно быть“.

Вообще религія ея была вполнѣ религіей XVIII вѣка, заставила ее сознаваться, что въ тиши кабинета и въ жару спора она готова согласиться съ атеистомъ, но среди природы сердце ея невольно взываетъ къ божеству.

Ночныя молитвы, вскакиванія съ постели и добровольныя епитеміи прекратились сами собой. Но если страхъ загробной жизни не сдерживалъ больше ея страстей, то борьба съ ними вошла въ привычку, и то, что вѣрующему запрещаетъ церковь, ей запрещало чувство долга и уваженіе къ себѣ.

Чувство долга легло съ этихъ поръ въ основу всей ея жизни; оно было ей тѣмъ нужнѣе, что, по ея же словамъ, буря страстей бушевала въ ней постоянно и нужно было силу атлета, чтобы подавить ихъ. „Никто больше меня, говоритъ она, не былъ созданъ для чувственныхъ наслажденій и никто меньше меня не пользовался ими. Современница Лафатера, она даже въ своей наружности находитъ нѣкоторыя характерныя черты страстнаго темперамента. Въ своихъ запискахъ она сама рисуетъ свой портретъ съ тѣмъ наивнымъ восхищеніемъ, которое не разъ поражаетъ насъ въ ея мемуарахъ, гдѣ она говоритъ о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ. Вотъ какъ 39 лѣтняя г-жа Роланъ рисуетъ портретъ 14 лѣтней Маріи Филипонъ:

„Тогда, какъ и теперь, я была довольно высока ростомъ. У меня была красивая нога, высокая, полная грудь и покатыя плечи. Всѣ движенія граціозны, походка быстра и легка. Въ моемъ лицѣ не было ничего особенно поразительнаго, кромѣ необыкновенной свѣжести, мягкости и выразительности. Если разобрать каждую черту въ отдѣльности, то ни одна не отличалась правильностью, а все вмѣстѣ нравилось. Ротъ немножко великъ и могъ бы быть красивѣе, но зато нельзя было пожелать болѣе нѣжной и обольстительной улыбки. Глаза небольшіе, сѣровато-каріе... Брови темныя, какъ и волосы, и ясно обрисованныя... Выраженіе взгляда быстро мѣняющееся, какъ и душевныя движенія; серьезный и строгій, онъ иногда удивлялъ, но чаще ласкалъ и еще чаще возбуждалъ. Носъ немножко огорчалъ меня, я находила его нѣсколько тупымъ, но вмѣстѣ взятый со всѣмъ другимъ, онъ не портилъ профили. Лобъ большой, открытый, съ синими жилками, напрягавшимися при малѣйшемъ волненіи. Подбородокъ нѣсколько острый и вообще той характерной формы, которая обозначаетъ чувственную натуру. Цвѣтъ лица очень свѣжій, рука красивая, хотя и не маленькая, съ длинными, тонкими пальцами. Прибавьте

въ этому ослѣпительные зубы и дышащую здоровьемъ полноту молодости. Таковы были сокровища, данная мнѣ природою! Съ тѣхъ поръ я потеряла много, но и теперь безо всякаго труда могла бы скрыть пять-шесть лѣтъ и даже люди, которые видятъ меня каждый день, даютъ мнѣ не больше 32—33 лѣтъ ¹⁾. Моихъ портретовъ есть нѣсколько, рисованныхъ и гравированныхъ, но ни одинъ не даетъ понятія о моемъ лицѣ. Его трудно передать, потому что въ немъ слишкомъ много жизни и выраженія. Заурядный художникъ не могъ бы изобразить его, я даже сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ его понять“...

Нельзя не остановиться передъ этимъ описаніемъ, полнымъ такихъ наивныхъ и откровенныхъ подробностей. Ни одно свое душевное движеніе она не описываетъ съ такой любовью, какъ свою наружность. Смѣлость, съ какою она говоритъ о себѣ, истекаетъ изъ убѣжденія, что въ своихъ запискахъ надо быть откровеннымъ. Это откровенность Руссо, никогда, однако, не возвышавшаяся до его гениальнаго цинизма. Копія слабѣ оригинала и храбрость, позволявшая мужчинѣ быть откровеннымъ до цинизма, измѣнила женщинѣ. Все, что она пишетъ о себѣ, должно клониться только къ ея прославленію. Не умаляя ея достоинствъ, мы должны однако замѣтить, что образъ ея былъ бы несравненно выше и чище, еслибъ она поменьше говорила о себѣ. Она слишкомъ восхищается собой и слишкомъ часто становится на колѣни передъ своей особой, чтобы можно было всегда вѣрить въ искренность ея порывовъ.

Безпристрастіе не было ея добродѣтелью. Ея пылкая натура не позволяла ей смотрѣть на вещи спокойно. Неумолимая къ своимъ врагамъ, она была безконечно снисходительна къ друзьямъ.

II.

Дружба съ Софіей Кане.—Письменные занятія.—Взглядъ г-жи Роланъ на призваніе женщины. — Ненависть къ аристократамъ. — Недовольство существующимъ порядкомъ вещей.—Обѣдъ у финансиста.—Нѣсколько дней въ Версалѣ.

Когда неумоляющая работа мысли пошатнула въ ней вѣру въ католическаго Бога и религіозный жаръ ея остылъ, пустота, открывшаяся въ ея сердцѣ должна была чѣмъ нибудь наполниться. На этотъ разъ ее наполнила дружба. Слабые проблески другого болѣе нѣжнаго чувства, которое внушилъ ей одинъ молодой художникъ, приходившій иногда въ мастерскую къ ея отцу, были непродолжительны. Монастырь отвлекъ ее отъ этого. Тамъ она нашла себѣ друга, Софію Кане, съ которою до самаго замужества, т. е. въ теченіи 15 лѣтъ поддерживала самую нѣжную переписку.

¹⁾ Тутъ г-жа Роланъ написала сначала 33—34, но, подумавши, зачеркнула. Такой важный вопросъ требовалъ размышленія.

Не смотря на бѣдность содержанія и на однообразіе своей дѣвической жизни, она находила о чемъ писать ей по два, по три раза въ недѣлю, удовлетворяя этимъ, какъ своему нѣжному чувству, такъ и еще болѣе своей страсти къ писанію. Писала она изумительно много и легко. Начиная съ писемъ своего отца и кончая циркулярами и докладными записками мужа, она за все бралась охотно. Роль домашняго секретаря давалась ей безъ труда. Когда некому и нечего было писать, она сочинила стихи; разъ даже сочинила проповѣдь, задавшись мыслью не упоминать въ ней ни діавола, ни адскихъ мученій. Мистическій характеръ католическихъ проповѣдей не нравился ей и она избрала темой любовь къ ближнему.

Стихи и восторженные письма къ Софіи Кане замѣнились впоследствии перепиской съ друзьями, въ числѣ которыхъ женщинъ уже не было. Съ той минуты, какъ она выступила на политическое поприще, ея двери были закрыты для женщинъ. Кружокъ, собиравшійся у нея въ домѣ, былъ исключительно мужской. Она писала не только знакомымъ, но даже и не знакомымъ, поддерживая дѣятельную корреспонденцію съ однимъ господиномъ, котораго видѣла разъ въ жизни и встрѣтивши послѣ полутораговой переписки не узнала въ лицо и приняла, какъ посторонняго. Она тогда только поняла свою ошибку, когда тотъ ушелъ обиженный. Тутъ только, припоминая его черты, она вспомнила, что это именно и есть ея корреспондентъ.

Съ перомъ въ рукахъ она забывала всѣ свои невзгоды. Съ такой пылкой натурой какъ ея, и постоянно пожирившей ее жаждой счастья и наслажденія, ей надо было наполнить каждую минуту своей жизни, чтобы не давать разыгрываться своему воображенію. Лучшимъ лекарствомъ, исцѣлявшимъ ее отъ всѣхъ недуговъ, былъ для нея трудъ.

Большую часть жизни она провела въ уединеніи, очень мало выѣзжая и никого почти не принимая у себя, и не смотря на то чувство скуки было ей не знакомо. Если она и жаловалась на чтонибудь, такъ развѣ только на то, что день слишкомъ коротокъ и что еслибъ въ немъ было еще десять лишнихъ часовъ, то и для нихъ нашлось бы дѣло.

Не смотря на чисто мужской, дѣловой складъ своего ума, она свято исполняла обязанности женщины, ухаживая за больными и занимаясь хозяйствомъ. Хозяйство, по ея словамъ, отнимало у нея не больше двухъ часовъ въ день. „Когда умѣешь работать, говоритъ она, времени на все хватаетъ; и только люди, которые ничего не дѣлаютъ, всегда жалуются на то, что у нихъ мало времени. Въ государственномъ управленіи бываетъ то же, что и въ домашнемъ: эти знаменитыя хозяйки, которыя всюду кричатъ о свихъ заботахъ, все дѣлаютъ кое-какъ, и эти государственные люди, всегда занятые и всюду болтающіе о своихъ дѣлахъ, въ большинствѣ случаевъ не способны ни къ чему“.

Взглядъ на женщину очень мало соответствовалъ той роли, которую она сама играла въ послѣдствіи. Женщина, по ея мнѣнію, должна всецѣло посвятить себя мужу и семьѣ. Она должна сама кормить своихъ дѣтей, держать въ порядкѣ бѣлье, покупать провизію и даже стирать. Если судьба надѣлила ее не дюжиннымъ умомъ, онъ не долженъ выходить за предѣлы ея дома. Съ той минуты, какъ имя ея дѣлается достояніемъ общества, она теряетъ больше, чѣмъ выигрываетъ. Заставить цѣнить и уважать себя въ кругу своихъ близкихъ и быть равнодушной къ тому, что говорятъ о ней посторонніе,—вотъ истинное призваніе ея.

Странно конечно слышать такое сужденіе со стороны женщины, которая кинулась въ водоворотъ политическихъ страстей и черезъ своего мужа управляла цѣлымъ министерствомъ. Но дѣло въ томъ, что когда эта теорія женскаго призванія развивалась ею, она была далека еще отъ мысли, что когда нибудь можетъ открыться передъ нею политическая арена. Ни ея происхожденіе, ни ея замужество, не давали ей права надѣяться на это. Въ ея разсужденіяхъ о скромности женскаго удѣла слышится столько же голосъ неудовлетвореннаго самолюбія, которое не можетъ разсчитывать на что нибудь лучшее, сколько вліяніе Руссо съ его семейной идилліей и возвращеніемъ къ первобытной простотѣ.

О ней говорили, что она представительница буржуазіи, что всѣ ея чувства, предразсудки, идеалы, чисто буржуазны и это совершенно справедливо. Ея ненависть къ существующему порядку вещей и классовымъ различіямъ общества, имѣетъ въ основѣ не столько желаніе народнаго блага, сколько оскорбленное самолюбіе. Вотъ, что говоритъ Ламартинъ о людяхъ ея партіи. „Эту партію составляли люди съ громаднымъ честолюбіемъ и высокими талантами, люди, одушевленные пыломъ юности, нетерпѣливо желавшіе занять видное положеніе, жаждавшіе извѣстности, фортуны и власти. Они были большею частію люди бѣдные и неизвѣстные и стремились добыть себѣ то, чего имъ не доставало... Это была буржуазія торжествующая, завистливая, подвижная, аристократія таланта, которая хотѣла подчинить себѣ одной и эксплуатировать свободу, власть и народъ“¹⁾..

Чтобы понять, что могло толкнуть эту пылкую женщину въ омутъ революціи, нужно принять въ соображеніе тѣ условія, въ которыхъ она жила и развивалась. Какъ она ни пыталась стать выше предразсудковъ, но мысль о томъ, что она дочь простаго ремесленника заставляла ее съ ненавистью глядѣть на каждаго аристократа. Когда бабушка еще ребенкомъ привела ее въ домъ одной важной барыни и она поняла тамъ разницу между своей бабушкой и этой барыней, въ ней впервые зазвучала ненависть къ людямъ, которые считали

¹⁾ Исторія Жирондистовъ, Ламартина. Т. I. стр. 237.

себя выше ея. И каждое новое столкновение съ ними только усиливало въ ней тайную злобу противъ нихъ.

Ей случилось какъ то быть секретаремъ одной дѣвицы изъ старой дворянской фамиліи, писать для нея дѣловыя письма, прошенія и даже иногда сопровождать ее въ ея дѣловыхъ визитахъ. Почетъ, съ которымъ принимали вездѣ эту особу, не смотря на ея чопорность, невѣжество, старомодный нарядъ и смѣшныя манеры, и полное невниманіе къ ней—молодой, красивой, талантливой, но незнатной дѣвушкѣ, заронили въ ея душу тѣ сѣмена, которыя дали потомъ такую богатую жатву. „Я не могла не видѣть, говорила она, что была лучше этой старой дѣвы, которая не смотря на свои 40 лѣтъ и на свою длинную генеалогію не въ состояніи была написать грамотнаго письма, я находила, что общество очень несправедливо и что соціальныя учрежденія негѣпы“.

И вотъ она читаетъ Монтескье и говоритъ о томъ, что если такой порядокъ вещей будетъ продолжаться, если хлѣбъ будетъ такъ же дорогъ и народъ такъ же бѣденъ, а въ высшихъ сословіяхъ будетъ та же роскошь и развратъ—кризисъ неизбеженъ: или измѣнится форма правленія, или наступитъ летаргія близкая къ смерти.

Новый ударъ ея самолюбію и новое размышленіе о недостаткахъ соціальнаго устройства! Одна изъ ея знакомыхъ служила экономкой въ домѣ финансиста Гадри. Бывая у нея, она познакомилась съ его семьей и даже получила отъ него приглашенія на обѣдъ. Но каково же было ея негодованіе, когда ее посадили за столъ не съ господами а съ прислугой: съ дворецкими, камердинерами и старшими горничными барыни. Этотъ обѣдъ конечно не былъ никогда забыть гордой дочерью гравера. Ея ненависть къ знати, родовой и финансовой, не имѣла предѣловъ. Покровительственный тонъ какого нибудь молодого дворянчика поднималъ въ ней желчь и вызывалъ суровое выраженіе на ея лицѣ. Когда одинъ изъ ея жениховъ, въ числѣ своихъ прочихъ достоинствъ выставилъ на видъ свое дворянское происхожденіе, ей, дочери простого буржуа,—это тотчасъ же возстановило ее противъ него.

Поѣздка въ Версаль довершила ея воспитаніе въ этомъ родѣ. Ее повезли туда къ знакомымъ, чтобы показать ей дворецъ. Жалкая комнатка, которую она занимала гдѣ-то на чердакѣ Версальскаго дворца, пышные выходы, гулянья, катанья и обѣды, въ которыхъ она не могла принять участія, надменная знать, едва удостоивавшая замѣтить ее, буржуазная простота и скромность ея наряда, вызывавшая только снисходительныя и невыносимыя для ея уха похвалы, все это вмѣстѣ не могло ей сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ Версали. Она съ презрѣніемъ говоритъ о томъ, какъ разные герцоги и перы и даже самъ архіепископъ парижскій считали за честь занимать во дворцѣ такія конуры, которыхъ навѣрное у нихъ въ домѣ не

занимала даже ихъ прислуга. „Я ничего не имѣла противъ самой обстановки, говоритъ она, но мнѣ было невыносимо видѣть, что вся эта пышность служила только для того, чтобы выдвинуть ничтожныхъ людей и безъ того уже пользовавшихся слишкомъ большой властью.“

Когда мать спросила ее, довольна ли она поѣздкою:

— Очень! отвѣтила она съ негодованіемъ. Лишь бы только поскорѣе вонъ отсюда! Еще нѣсколько дней и я такъ стану ненавидѣть всѣхъ этихъ людей, что эта ненависть будетъ душить меня.

Уѣзжая, она со вздохомъ думала объ Аэинахъ, гдѣ такъ же могла бы восхищаться произведеніями искусства, какъ и въ Версальскихъ садахъ, но безъ ежеминутныхъ терзаній, которыя причинялъ ей видъ раболѣпной и надменной знати. „Въ эти минуты говорить она, я забывала всѣ темныя стороны республики, я забывала смерть Сократа, изгнаніе Арситида“.

III.

Семейная жизнь.—Первая любовь.—Женихи.—Поклоненіе Руссо.—Смерть матери.

Жизнь въ родительскомъ домѣ шла довольно однообразно. Отецъ попробовалъ втянуть ее въ занятіе своимъ мастерствомъ и даже положилъ ей маленькое жалованье за ея работу; но она исполняла ее неохотно. „Мнѣ было гораздо пріятнѣе, говоритъ она, прочесть хорошую книгу, чѣмъ купить себѣ ленту на заработанныя деньги“. Книги, музыка, рисованіе, письма къ Софіи Кане, прогулки съ отцомъ, работа и чтеніе съ матерью наполняли ея дни. Иногда отправлялась на выставку картинъ, очень рѣдко въ театръ, куда попадала все какъ-то неудачно. Если приходили гости, которые были ей не по душѣ, она запиралась у себя въ комнатѣ, продолжая тамъ свои занятія.

Отецъ все меньше сидѣлъ дома, уходя всегда говорилъ, что идетъ на минуту и не возвращался даже къ ужину. Мать медленно угасала, безъ малѣйшей жалобы или упрека. Существо чрезвычайно сдержанное, она умѣла даже своей безграничной любви къ дочери придать видъ какой-то холодности, которой измѣнила только разъ въ жизни, когда дочь была больна.

Бѣдная внѣшними событіями, жизнь эта была однако очень полна для молодой дѣвушки, переноса ея то въ міръ древнихъ республикъ, то въ область социальныхъ вопросовъ, то наконецъ въ сферу чистой науки съ алгебраическими уравненіями, извлеченіемъ корней и построеніемъ треугольниковъ. Не одна, а тысяча жизней были прожиты въ скромномъ уголкѣ этого домика, цѣлыя государства созда-

вались и разрушались тутъ, цѣлыя системы міра и ученія, добытыя трудомъ многихъ поколѣній, смѣнялись тутъ съ поразительной быстротой, отрицалось существованіе Бога, замышлялось новое государственное устройство!.. Г-жа Роланъ не читала, а переживала то, что было въ книгахъ. Она вмѣстѣ съ Гракхами предлагала аграрные законы Риму, вмѣстѣ съ народомъ удалялась на Авентинскую гору и подавала голосъ за трибуновъ.

Не обошлось дѣло и безъ сердечныхъ бурь, хотя истинную страсть ей суждено было испытать только на закатѣ своихъ дней. Первой любовью ея было существо совершенно ничтожное, неудавшійся литераторъ и педагогъ, маленькая, некрасивая, черноватая личность. Но вѣроятно въ томъ кружкѣ, который бывалъ у нихъ, онъ былъ все-таки умнѣе и развитѣе другихъ и остановилъ на себѣ вниманіе молодой дѣвушки. Конечно не таковъ былъ ея идеаль мужъ, который долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ выше ея. Но гдѣ же искать его? Кругомъ все было такъ мелко и ничтожно! Ла-Бланшери, таково было имя этого перваго претендента, оказавшагося вполнѣдствіи просто ловкимъ спекуляторомъ, искавшимъ богатыхъ невѣсть,—скоро увидалъ, какъ легко подѣйствовать на воображеніе этой дѣвушки, почти не видавшей людей... Онъ принесъ ей какую-то книжонку своего сочиненія, какое-то пособіе для отцовъ и матерей, показавшуюся ей тогда чрезвычайно умною. Въ письмѣ къ подругѣ она признается, что любовь къ нему могла бы дойти до безумія, если бъ она не приняла противъ нея мѣръ и не обуздывала воображенія серьезными занятіями. По счастью денежные расчеты отца спасли ее отъ этого брака. Онъ нашелъ, что Ла-Бланшери, какъ человѣкъ безъ всякихъ средствъ, не могъ быть мужемъ ея дочери, и предложилъ ему сначала найти себѣ мѣсто, а потомъ ужъ свататься. Марія Филипонъ только въ послѣдствіи узнала, каковы были истинныя намѣренія ея предмета. Этотъ ударъ, нанесенный ея первой любви, надолго отрезвилъ ее.

Между тѣмъ въ женихахъ недостатка не было, но все это были большею частію купцы, ювелиры, даже мясники. Отецъ ея былъ не прочь пристроить ее, но она рѣшительно возстала, такъ какъ среди купцовъ, по ея мнѣнію, не могло быть честныхъ людей. На бракъ она смотрѣла какъ на подвигъ и находила, что главной цѣлью его должно быть воспитаніе полезныхъ гражданъ для общества. Это заставляло ее искать не столько мужа, сколько воспитателя своихъ будущихъ дѣтей. Нельзя не видѣть въ этомъ опять вліяніе Руссо. Въ это время онъ былъ ея настольной книгой. Ея поклоненіе ему дошло до высшей точки. Она восхищалась сельской жизнью и отрицала искусство, которое по ея словамъ развиваетъ въ людяхъ дурныя инстинкты, заставляя ихъ выше всего ставить свой собственный интересъ и строить свое счастье на несчастіи и неспособности другихъ. Когда обожаніе Руссо перешло всѣ границы, она не выдержала и написала ему письмо и потомъ сама пошла за отвѣтомъ. Но Руссо ее не принялъ; ей от-

перла дверь его жена и сказала, что мужу ея нуженъ отдыхъ и онъ давно уже отказался отъ пріемовъ.

Настроенная его сочиненіями, она продолжала искать себѣ мужа-педагога. Въ числѣ жениховъ ея былъ одинъ докторъ. Эта профессія нравилась ей и хотя самъ женихъ былъ ей не по душѣ, она изъ принципа, потому что онъ былъ умный человѣкъ, съ которымъ умная женщина можетъ жить, дала ему согласіе. И опять свадьбу разстроилъ отецъ.

Около этого времени г-жу Роланъ ждала первая большая потеря въ ея жизни: она лишилась матери. Повторившійся параличъ унесъ ее въ нѣсколько часовъ. Потеря эта страшно поразила ее; она сама слегла и двѣ недѣли провела между жизнью и смертью.

IV.

Первое знакомство съ Роланомъ.—Его личность.—Сватовство.—Отказъ отца и монастырь. — Замужество. — Отношенія г-жи Роланъ къ мужу. — Внутренняя борьба.

Госпожѣ Роланъ было 20 лѣтъ, когда она познакомилась съ своимъ будущимъ мужемъ. Онъ нѣсколько лѣтъ бывалъ у нихъ въ домѣ прежде, чѣмъ она могла допустить мысль, что будетъ его женой. Дѣло въ томъ, что онъ былъ вдвое старше ее и годился ей въ отцы. Не смотря на всѣ диопрамбы, которыя она расточаетъ ему въ своихъ запискахъ, выставляя его человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, это былъ довольно сухой педантъ съ ограниченнымъ умомъ и неограниченнымъ эгоизмомъ. Старый холостякъ съ разбитымъ здоровьемъ, вѣчнымъ катарромъ желудка, съ необыкновенно высокимъ мнѣніемъ о себѣ, онъ прикрывалъ свое ничтожество суровымъ видомъ республиканца, свое упрямство—твердостью характера. Это была одна изъ тѣхъ ученыхъ бездарностей, которыя внушаютъ суевѣрное уваженіе толпѣ и заставляютъ предполагать неизмѣримую глубину тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ тупого самообожанія.

Своимъ первымъ знакомствомъ съ нимъ г-жа Роланъ обязана была своей подругѣ. Софія Кане прислала его къ ней съ письмомъ, уведомляя ее, что податель этого письма г. Роланъ Платьеръ и есть тотъ самый философъ, о которомъ она говорила ей прежде, человѣкъ строгихъ нравовъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и извѣстный своею ученостью. Какъ свѣтская дѣвушка, Софія Кане находила въ немъ только два недостатка: его слишкомъ неограниченное поклоненіе древности и презрѣніе къ современникамъ и его страстишку говорить о себѣ.

Это былъ человѣкъ 40 слишкомъ лѣтъ, высокій, желтый, худой, съ почтенной лысиной на головѣ и съ неподвижностью кабинетнаго ученаго, привыкшаго цѣлые дни проводить за письменнымъ столомъ.

Его сухой, отрывистый голосъ, какъ у людей, страдающихъ одышкой, былъ непріятенъ для уха, хотя онъ и говорилъ очень умныя вещи. Такъ по крайней мѣрѣ казалось 20-лѣтней дѣвушкѣ, давно уже томившейся ожиданіемъ умнаго и образованнаго человѣка, который рисовался въ ея воображеніи.

Послѣ смерти матери жизнь ея стала не весела. Отецъ завелъ себѣ любовницу, бросилъ дѣла, втянулся въ картежную игру и проживалъ не только свое, но и ея состояніе. Первое время онъ еще стѣснялся, старался иногда сидѣть дома и играть съ дочерью въ пикетъ; но такъ какъ обыгрывать дочь интереса не представляло, да она и сама видимо томилась этимъ, чувствуя непобѣдимое отвращеніе къ картамъ, то онъ освободилъ наконецъ и себя и ее отъ этихъ подвиговъ самопожертвованія.

Г. Роланъ продолжалъ бывать у нихъ; онъ любилъ поговорить, а Марія Филипонъ умѣла слушать. Между ними скоро установились дружескія отношенія. Уѣзжая въ Италію, Роланъ вручилъ ей на храненіе всѣ свои рукописи. Довѣріе его чрезвычайно польстило ей. Полтора года, проведенные имъ за границей, устроили его сердечныя дѣла лучше, чѣмъ онъ могъ бы устроить ихъ самъ. Его путевыя записки и философскія размышленія были читаны и перечитаны молодою Филипонъ. Судьба видимо хотѣла подшутить надъ ней, посылая ей въ молодости такихъ людей, какъ Роланъ и Ла-Бланшери и только въ зрѣлыхъ годахъ бросивъ ее въ кружокъ людей, дѣйствительно умныхъ и талантливыхъ и способныхъ зажечь въ ней позднюю и неудовлетворенную страсть. Нужно было всю ея неопытность, незнаніе людей и страстное желаніе вырваться изъ отцовскаго дома, чтобы повѣрить въ таланты Ролана и отдать ему свою судьбу.

Какъ истинный философъ, онъ употребилъ пять лѣтъ на то, чтобы объяснить ей свои чувства. Когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе, она была страшно удивлена. По ея словамъ, она привыкла смотрѣть на него, какъ на существо, неимѣющее пола. Но таково было вліяніе этого сухого моралиста на полную жизни и огня дѣвушку, что она считала себя недостойной его и откровенно объяснила ему, что не можетъ быть хорошей партіей для него; отецъ ея раззоренъ, а ея личное состояніе не превышаетъ 500 ливровъ годового дохода. Она серьезно совѣтовала ему подумать, но онъ настаивалъ и, тронутая этимъ, она согласилась.

Отецъ ея посмотрѣлъ на дѣло иначе. Чопорность Ролана была ему не по душѣ; онъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы дочь его, отказавшая выгоднымъ женихамъ, которые могли бы обезпечить ее на всю жизнь, могла выйти за эту высохшую мумію. Не посовѣтовавшись съ нею, онъ послалъ ему отказъ, и въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ. Дочь послѣ этого объявила ему, что не хочетъ больше жить съ нимъ въ одномъ домѣ, оставила ему кое-какія вещи свои и серебро на уплату его долговъ, себѣ взяла самое необходимое, наняла ком-

натку въ монастырѣ, гдѣ и прожила полгода, питаюсь картофелемъ, бобами и рисомъ, во всемъ нуждаюсь и изрѣдка только навѣщая отца, чтобы привести въ порядокъ его платье и бѣлье. Все это было сдѣлано сгоряча, въ надеждѣ на то, что женихъ прилетитъ къ ней и выветъ ее изъ этого добровольнаго заточенія.

Но время шло, а влюбленный философъ писалъ къ ней трогательныя письма, но этимъ и ограничивался. Въ 45 лѣтъ любовь глупостей не дѣлаетъ. Марія Филипонъ поняла это и это значительно отрезвило ее. Но гордость не позволяла ей измѣнить своему слову и вернуться къ отцу. Черезъ полгода Роланъ надумался и пришелъ навѣстить ее. Свиданіе это опять воспламенило ее и онъ тутъ же повторилъ свое предложеніе. На этотъ разъ она задумалась; но другого выхода не было и она дала свое согласіе. Безумный шагъ, который стоилъ ей потомъ долгой, непрерывной борьбы! Ей нужно было призвать на помощь всю свою философію, чтобы сдѣлать изъ себя сидѣлку, сестру милосердія и домашняго секретаря своего мужа; чтобы, удовлетворяя всѣмъ его старческимъ капризамъ, убѣдить себя, что она служитъ великому человѣку. Учиться у него алгебрѣ, которая отталкивала ее своею сухостью, составлять ему гербаріи, переписывать и держать корректуру его сочиненій, самой готовить ему тѣ кушанья, которые могъ переварить его ученый желудокъ и не смѣть даже противорѣчить ему, чтобы не вызвать тѣни неудовольствія на его лицѣ—вотъ что въ теченіи 12 лѣтъ наполняло жизнь этой умной и энергичной женщины.

Нужно было имѣть огромную силу воли, чтобы, обманывая другихъ, обмануть и себя, чтобы писать проекты своего мужа, управлять его именемъ, вдохнуть въ него душу, толкнуть его на политическую арену и каждую минуту повторять себѣ, что онъ все, а она только его орудіе. Это былъ подвигъ въ полномъ смыслѣ слова и она его совершила. Всѣ 400 страницъ ея мемуаровъ пересыпаны восклицаніями о томъ, что мужъ ея не умретъ въ потомствѣ, что справедливость Аристиды и строгость Катона были не единственными его добродѣтелями, что еслибъ ему немножко побольше знанія людей, то онъ былъ бы способенъ управлять не только министерствомъ, но цѣлымъ государствомъ. Изъ плохого чиновника и посредственнаго ученаго у нея выходитъ какой-то доблестный герой. Мы не стали бы распространяться объ этомъ, еслибъ вмѣстѣ съ своей женой „добродѣтельный Роланъ“ не дурачилъ другихъ и, завертываясь въ свою римскую тогу, не поднимался на неподобающую ему высоту. Всѣ его добродѣтели, о которыхъ столько трубили тогда, ограничивались честностью и надо признаться, мало дѣлали чести его времени, если человѣкъ, не набивавшій себѣ кармана чужими деньгами, могъ такъ сильно гордиться этимъ.

Что же дала г-жѣ Роланъ ея жизнь съ нимъ? „Были минуты, говорить она, когда я чувствовала, что мы не пара. Когда мы жили

въ уединеніи, мнѣ бывало подъ часъ тяжело; когда мы бывали въ обществѣ, мнѣ встрѣчались люди, которые мнѣ нравились и къ которымъ и я не всегда могла остаться равнодушной“ При такихъ условіяхъ уединеніе все-таки было лучше: оно меньше представляло соблазновъ, съ тѣхъ поръ особенно, какъ у нея родился ребенокъ и можно было приложить къ дѣлу свои теоріи воспитанія.

Семейные подвиги г-жи Роланъ, были ни сколько не меньше ея политическихъ подвиговъ, и ея жизнь съ сварливой и капризной свекровью, этотъ добровольный искусь, которому она подвергала себя, столько же дѣлали честь ея мужеству, сколько и знаменитое вполслѣдствіи письмо къ королю. Чтобы понять политическаго дѣятеля въ г-жѣ Роланъ, нужно видѣть въ ней женщину и прослѣдить ту адскую работу воли, ту постоянную ломку, которой она подчинила себя и свои чувства. Слишкомъ самолюбивая, чтобы стоять на заднемъ планѣ, она не искала дороги въ высшій свѣтъ, гдѣ могло быть только одно приличное для нея мѣсто, но и то уже къ несчастію занятое,—мѣсто французской королевы, этой вѣтряной, дерзкой, самоувѣренной, преданной чувственнымъ наслажденіямъ австрійки, какъ она о ней отзывался. Даже эшафотъ, уравнившій всѣхъ, не могъ примирить ее съ ней; она возмущалась тѣмъ, что ихъ участь одинакова. Вообще чувство снисходительности къ врагу было ей незнакомо: она не признавала въ другомъ лагерѣ не только добродѣтелей, но даже и талантовъ. Послѣ своего мужа она считала способными людьми только пять-шесть человекъ изъ его партіи; все остальное было на ея взглядъ или развратно или ниже посредственности. Франція представлялась ей какой-то пустыней, въ которой нельзя было набрать десяти человекъ, чтобы поставить во главѣ какого нибудь дѣла. Интересенъ между прочимъ ея отзывъ о Неккерѣ, котораго она называетъ жалкимъ ничтожествомъ съ раздутой славой и неимоვნю высокимъ мнѣніемъ о себѣ, не подозрѣвая, что этотъ отзывъ могъ быть всецѣло примѣненъ къ ея мужу и къ цѣлой плеядѣ подобныхъ ему государственныхъ людей, о которыхъ еще Монтескье сказалъ, что они поддерживаютъ государство такъ же, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго.

V.

Переломъ въ жизни г-жи Роланъ. — Начало революціи. — Отношеніе къ народу.—Ея идеаль. — Возникновеніе ея салона. — Разочарованіе въ людяхъ.— Знакомство съ Робеспьеромъ.—Роланъ сдѣланъ министромъ.

Жизнь г-жи Роланъ представляетъ собственно два періода: тридцать семь лѣтъ неизвѣстности и два года политической дѣятельности. Мы видѣли первый, перейдемъ теперь ко второму.

Начало революціи застало Ролана въ Лионѣ, гдѣ онъ служилъ по городскимъ выборамъ и обличалъ злоупотребленія городской админи-

страціи. Финансы города представляли тогда сколокъ съ государственныхъ финансовъ и благодаря повальному грабежу были въ такомъ же безнадежномъ состояніи. Ліонъ имѣлъ 40 милліоновъ долгу. Фабрики остановились, 20 тысячъ рабочихъ сидѣли безъ хлѣба, нужно было довести объ этомъ до свѣдѣнія національнаго собранія и депутатомъ туда былъ отправленъ Роланъ. Въ февралѣ 1791 г. онъ пріѣхалъ съ женой въ Парижъ.

Въ жизни ея съ этой минуты наступаетъ страшный переломъ. Семья, привязанности, даже любовь къ дочери, все отступаетъ на задній планъ! Политика какъ вино ударила ей въ голову. Ходъ событій казался ей слишкомъ медленнымъ. Еслибъ это было въ ея власти, она сразу подвинула бы его на десять лѣтъ. Она испытываетъ адскія мученія, когда видитъ, что около нея медлятъ, идутъ на сдѣлки, чего-то выжидаютъ. Наносить удары врагу и наносить ихъ мѣтко, кажется ей единственнымъ полезнымъ дѣломъ. Она не вѣритъ въ возможность мирныхъ переворотовъ. Она ждетъ какого-то возрожденія, которое сразу осчастливитъ цѣлую массу народа. Но еще важнѣе, чѣмъ это народное благо, было для нея уничтоженіе нѣкоторыхъ ей лично непріятныхъ предразсудковъ и привилегій. Чтобы талантъ могъ занять подобающее ему мѣсто, нужно было сравнять почву.

Что народъ былъ тутъ на второмъ планѣ, а на первомъ стояло для нея торжество буржуазіи, въ этомъ насъ убѣждаютъ собственныя ея признанія, разбросанныя въ ея запискахъ. Посмотримъ, какъ она относилась къ этому народу, во имя котораго начиналась революція. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ есть, правда, слова о томъ, что она скорѣе о его печальной участи. Но такъ ли это? Не было ли это чувство вымышленнымъ и не служило ли оно оправданіемъ къ тому, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ добывать себѣ право на извѣстность и на участіе въ государственномъ управленіи? Что такое былъ народъ въ ея глазахъ? Трусливая и невѣжественная масса, у которой эгоизмъ шель объ руку съ лѣнью! ¹⁾ Толпа глупцовъ, всегда готовая поклоняться тому, кто громче кричитъ. Удивить ее, ошеломить—значитъ въ тоже время и повелѣвать ею! Каждый фанатикъ, каждый ловкій плутъ, можетъ это сдѣлать. „О, какъ правъ былъ тотъ древній ораторъ, восклицаетъ она, который, услыхавъ, что народъ аплодируетъ ему, обратился къ своимъ друзьямъ и спросилъ, не сказалъ ли онъ какой нибудь глупости!

„Народъ несчастенъ и достоинъ сожалѣнія, потому что его обманываютъ и ведутъ на казнь въ лицѣ его лучшихъ представителей: (т. е. жирондистовъ).

„Народъ утопаетъ въ невѣжествѣ и упивается клеветой ²⁾. Всѣ по-

¹⁾ Mémoires de m-me Roland, стр. 45.

²⁾ Тамъ же, стр. 280.

пытки къ возрожденію его бесполезны; въ немъ слишкомъ много низкихъ инстинктовъ, онъ погрязъ въ порокахъ... Мы думали поднять его, говорить она, забывая, что низость и эгоизмъ лежатъ въ основѣ его характера ¹⁾).

„Свобода создана только для гордыхъ душъ, которыя презираютъ смерть и умѣютъ во время поразить врага, а не для этой развращенной націи, которая выходитъ изъ грязи и нищеты только для того, чтобы погрузиться въ развратъ и упиваться кровью эшафотовъ ²⁾).

Но довольно объ этомъ! Достаточно будетъ прибавить, что когда въ тюрьмѣ она столкнулась съ этимъ народомъ, она почувствовала такое отвращеніе къ нему, что избѣгала выходить изъ своей комнаты и нанимала женщину, которая носила ей воду, чтобы только не смѣшиваться съ толпой. Въ ея отношеніяхъ къ ней проглядывала та же смѣсь высокобѣрнаго сожалѣнія и презрѣнія, котораго она не могла простить аристократамъ въ отношеніи себя. Она не прочь была сдѣлать и добро, она лечила, напримѣръ, крестьянъ въ деревнѣ, но точно то же могла сдѣлать и любая изъ ненавистныхъ ей аристократокъ. Воспитанная на древнихъ классикахъ, поставившая себѣ за идеалъ греческія республики, гдѣ какой нибудь десятокъ тысячъ свободныхъ гражданъ процвѣталъ, опираясь на рабство и на крѣпостной трудъ другихъ десятковъ тысячъ, она не могла стать выше своего вѣка и въ своемъ стремленіи пересадить аѣинскую республику на французскую почву должна была вмѣстѣ съ сотнями другихъ, подобно ей заблуждавшихся людей, потерпѣть полнѣйшую неудачу.

Въ Парижѣ скромная квартира ея сдѣлалась скоро центромъ дѣлаго кружка. Соединяющимъ звеномъ послужило въ началѣ то, что хозяйку всегда можно было застать дома и что она жила въ такой части города, куда каждому изъ членовъ кружка недалеко было идти. Четыре раза въ недѣлю по вечерамъ у нея собирались депутаты и обсуждались государственные вопросы. Не принимая участія въ преніяхъ, она сидѣла въ сторонѣ и, прислушиваясь къ разговорамъ, работала или писала. Иногда ей случалось написать до десяти писемъ въ вечеръ, не теряя ни одного слова изъ того, что говорили. Сама она еще не рѣшалась заговорить: 37 лѣтъ скромной жизни не дали ей увѣренности въ томъ, что она не глупѣе другихъ и что всѣ эти государственные дѣятели только съ виду такъ страшно умны, а на дѣлѣ очень часто пустѣйшіе люди.

У нея не было еще тогда сознанія, что людей въ Парижѣ нѣтъ, что посредственность царитъ вездѣ и превосходитъ всякое вѣроятіе, что начиная съ низшаго агента, отъ котораго требуется только здра-

¹⁾ Тамъ же, стр. 202.

²⁾ Тамъ же, стр. 392.

вый смыслъ и грамотность въ изложеніи своихъ мнѣній, и до генераловъ, командующихъ арміями, все это сплошь заражено той же эпидеміей ничтожества. „И не то, чтобы не было умныхъ людей, l'esprit court les rues! говоритъ она, но не было рѣшительно людей, способныхъ управлять, не было характеровъ и ширины взгляда.“ Всѣ эти горькія заключенія, къ которымъ она пришла, когда мужъ ея былъ министромъ, въ то время были еще чужды ей. Она была скромна, какъ институтка, и думала, что люди, которые говорятъ громче ея, непременно должны быть умѣе ея. Она, читавшая Монтескье, Руссо, Вольтера и всѣхъ умвѣйшихъ авторовъ своего вѣка, долго не могла выйти изъ подѣ обаянія этихъ ораторовъ и, слушая ихъ горячія рѣчи, не смѣла возвысить голоса.

Но слушая постоянно эту болтовню и легкость, съ какою эти господа болтали по три, по четыре часа, ни къ чему рѣшительно не приходя, она начала задумываться. „Возьмите cadaго въ отдѣльности, говоритъ она, вы слышали превосходныя мысли, прекрасныя соображенія! Но все вмѣстѣ взятое совершенно лишено всякаго опредѣленнаго плана. Прекрасныя ораторы и философы, умвѣйшіе политики на словахъ, они ничего не стояли, когда нужно было дѣйствовать; ни знанія людей, ни умѣнья управлять ими не было и тѣни!“

Все разговоры и разговоры! Ей это, наконецъ, такъ надоѣло, что у нея явилось неудержимое желаніе дать имъ всѣмъ пощечину, не смотря на несомнѣнную честность ихъ убѣжденій.

Къ этому времени относится и ея знакомство съ Робеспьеромъ, которому она долго за его благія намѣренія прощала ту скуку, какую онъ на нее наводилъ. Ея участіе къ нему доходило до того, что въ одинъ изъ бурныхъ дней революціи, когда онъ не могъ считать себя въ безопасности, она съ мужемъ отыскивала его по городу, чтобы предложить ему пріютъ у себя въ квартирѣ. Для нея, какъ и для нѣкоторыхъ изъ ея друзей онъ былъ тогда просто „несчастный молодой человекъ“.

На этотъ разъ они пробыли съ мужемъ въ Парижѣ семь мѣсяцевъ и уѣхали въ деревню, гдѣ и провели всю осень. Однимъ изъ послѣднихъ постановленій національнаго собранія уничтожалась должность правительственныхъ инспекторовъ мануфактуръ и Роланъ, занимавшій ее, рѣшилъ ѣхать опять въ Парижъ, чтобы хлопотать о пенсіи за сорокалѣтнюю службу. Они вернулись туда въ декабрѣ, когда былъ поднятъ вопросъ о новомъ министерствѣ и дворѣ, готовый на всѣ уступки, искалъ популярныхъ министровъ. Римская тога Ролана, на этотъ разъ пригодилась ему. Его республиканскія убѣжденія, его ничтожество и упрямство, имѣвшее видъ твердости, были именно тѣми добродѣтелями, которыя требовались тогда отъ популярнаго министра. Въ концѣ мѣсяца онъ получилъ назначеніе и вмѣстѣ съ Дюмурье пришелъ сообщить объ этомъ жевѣ.

VI.

Дюмуре.—Мнѣніе г-жи Роланъ о немъ и о другихъ министрахъ.—Роланъ во дворцѣ.—Совѣтъ министровъ.—Салонъ сформировался.—Борьба съ Дюмурею.— Письмо къ королю.—Отставка.

Первымъ чувствомъ г-жи Роланъ, когда она узнала объ этомъ, было опасеніе, что съ такимъ человѣкомъ какъ Дюмуре, ея мужъ не уживется. Инстинктъ говорилъ ей, что Дюмуре, эта умнѣйшая личность во всемъ министерствѣ, не постѣснится, когда ему нужно будетъ снять съ дороги какого нибудь Ролана. Умный и ловкій придворный, онъ могъ шутя столкнуть недалекаго республиканца. Его свободныя, непринужденныя манеры, его привычка вращаться въ высшемъ свѣтѣ и слишкомъ проницательный взглядъ не понравились ей съ перваго знакомства. Она поняла, что этого человѣка трудно будетъ закрѣпить за собою и что въ ихъ кружкѣ онъ пассивной роли играть не станетъ. Человѣкъ незначительнаго происхожденія, какъ и всѣ почти люди ихъ партіи, онъ могъ всего ожидать отъ революціи, но ловкость, съ какой онъ создавалъ себѣ друзей во всѣхъ кружкахъ, не позволяла ему принадлежать исключительно ни одному изъ нихъ. Генераль, умѣвшій быть популярнымъ при дворѣ, въ арміи и среди яковинцевъ, былъ не надежнымъ другомъ въ глазахъ г-жи Роланъ. Нельзя было ожидать, чтобы 50-лѣтній мужчина, любившій весело пожить и проводить время съ актрисами, могъ находить особенное удовольствіе въ салонѣ хотя и красивой, но уже отцвѣтающей женщины и притомъ съ несомнѣннымъ притязаніемъ на политическую роль. Она видѣла въ немъ умнаго развратника, онъ въ ней — скучнаго фанатика. Дальше этого ихъ отношенія не шли.

Она саркастически замѣчаетъ, что онъ должно быть очень веселый собесѣдникъ въ обществѣ мужчинъ, когда они подвыпьютъ, и женщинъ сомнительнаго поведенія, но что съ порядочной женщиной онъ чувствуетъ себя неловко. Вообще, на ея взглядъ, его мѣсто было при дворѣ стараго режима; революція захватила его врасплохъ; онъ могъ служить ей смѣлостью и подчасъ геніальностью своихъ плановъ, но никогда ни одного изъ нихъ не въ состояніи былъ довести до конца. Чтобы стать во главѣ партіи, ему не доставало только одного—убѣжденія! Онъ никогда не вѣрилъ самъ тому дѣлу, которому служилъ. Онъ весь вылился въ двухъ словахъ:

— Если-бъ я былъ на мѣстѣ короля, говорилъ онъ, я провелъ бы всѣ партіи и самъ сталъ бы во главѣ революціи.

Изъ остальныхъ министровъ, никто по ея мнѣнію не стоялъ на высотѣ своего призванія. Она выдѣляетъ только военнаго министра Сервана, человѣка безконечно ей преданнаго и служившаго орудіемъ въ ея рукахъ. Обо всѣхъ другихъ она отзывалась только мелькомъ и довольно жестко. Такъ морской министеръ Лакость, чиновникъ съ

ногъ до головы, не отличался ни дѣятельностью, ни шириной взгляда, необходимою въ такія времена. Министръ юстиціи казался ей старой бабой по своей трусости и страсти къ дрызгамъ. Нѣсколько снисходительнѣе относится она къ министру финансовъ Клавьеру, человѣку ихъ партіи, котораго вмѣстѣ съ ея мужемъ выдвинули жирондисты; его она признаетъ хорошимъ работникомъ, но замѣчательно упрямымъ человѣкомъ, не уступавшимъ ни одной запятой въ своихъ проектахъ. Какъ истый кабинетный ученый, онъ не хотѣлъ знать ни жизни, ни чужихъ мнѣній, и находился въ вѣчной войнѣ съ ея мужемъ. При всемъ своемъ взаимномъ уваженіи эти люди другъ друга терпѣть не могли.

Такое разнокалиберное министерство изъ ученыхъ, чиновниковъ и республиканцевъ, съ ловкимъ придворнымъ во главѣ, уже само въ себѣ носило признаки разложенія, что и не замедлило вскорѣ обнаружиться. Предоставленное себѣ, оно тотчасъ же раздѣлилось на двѣ партіи: въ одной стоялъ Дюмурье и Лакость, въ другой три жирондиста — Роланъ, Клавьеръ и Серванъ; одинъ только министръ юстиціи сохранялъ нейтралитетъ.

Въ первое свое появленіе при дворѣ Роланъ вполне достигъ своей цѣли поразить и ужаснуть всѣхъ своей независимостью. Онъ пришелъ во дворецъ до того небрежно, даже грязно одѣтый, что произвелъ общій скандалъ. Главный церемоніймейстеръ подошелъ къ Дюмурье и, указывая съ безпокойствомъ на Ролана, шопотомъ сказалъ ему.

— Какъ, *monsieur!* даже и башмаки безъ пряжекъ?

— Да, *monsieur!* отвѣтилъ Дюмурье невозмутимо, все погибло!..

Г-жа Роланъ не безъ удовольствія рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ, видимо полагая, что и онъ клонится къ прославленію ея мужа. А между тѣмъ онъ своею мелочностью въ проявленіи патріотизма и своей неряшливостью, которую выставялъ напоказъ, вызывалъ насмѣшки даже со стороны Марата, а Камилль Демуленъ, долго спустя послѣ его смерти писалъ: „Я не думаю, чтобы свобода обязывала кого нибудь ходить въ грязи, въ рваномъ платьѣ и съ продранными локтями, какъ я часто видалъ Ролана и Гаде, которые этимъ щеголяли“.

Но войти во дворецъ въ грязномъ платьѣ оказалось легче, чѣмъ сохранить тамъ свою независимость, и г-жа Роланъ скоро должна была убѣдиться въ этомъ. Въ совѣтѣ министровъ, по ея словамъ, больше вели салонные разговоры и рассказывали анекдоты, чѣмъ занимались государственными дѣлами. Король читалъ газеты, съ каждымъ изъ министровъ считалъ долгомъ поговорить о его личныхъ дѣлахъ и такъ очаровалъ Ролана, что тотъ снялъ на время свою римскую тогу и, постепенно размягчаясь, приходилъ изъ совѣта къ жевѣ въ самомъ добродушномъ настроеніи. Та не могла простить ему этого и говорила, что всякій разъ, какъ она видитъ его въ такомъ настроеніи, она ждетъ, что онъ сдѣлаетъ какую нибудь глупость.

— Какую роль вы тамъ играете! говорила она. Вы всѣ въ пре-

красномъ расположеніи духа, потому что вамъ не дѣлають неприя-тостей, напротивъ за вами ухаживають. Каждый изъ васъ думаетъ, что можетъ дѣлать, что хочетъ, тогда какъ я увѣрена, что васъ всѣхъ тамъ дурачатъ.

Совѣтъ министровъ собирался четыре раза въ недѣлю. Въ эти дни министры обѣдали поочередно другъ у друга. У г-жи Роланъ прие-мный день была пятница. На этихъ то пятницахъ она впервые высту-пила въ роли политическаго дѣятеля. Ея салонъ, хотя она упорно утверждаетъ, что салона у нея не было, а былъ только кружокъ ея друзей, съ этихъ поръ носитъ исключительно политической характеръ. Тутъ обсуждались всѣ мѣры, имѣющія цѣлью унижить или оскорбить дворъ; тутъ сходились министры и депутаты, сочинялись письма, воз-званія, циркуляры; отсюда управлялось министерство внутреннихъ дѣлъ и контролировалось настроеніе умовъ въ провинціи. Здѣсь дѣ-лили карту Франціи и проводили черту, за которую не долженъ пе-реступить монархизмъ; здѣсь изучали военныя позиціи и производи-тельные силы страны и открывали превосходное настроеніе Юга. Здѣсь же разыгрался эпизодъ, положившій начало не примиримой вражды Дюмурье и Ролана.

Въ городѣ разнесся слухъ о какой-то крупной взятѣ, которую взялъ одинъ изъ чиновниковъ Дюмурье, директоръ департамента ино-странныхъ дѣлъ, и подѣлился ею съ любовницей Дюмурье, m-me Во-веръ. Исторія эта была рассказана въ салонѣ г-жи Роланъ. Весь кру-жокъ возмутился этимъ и устроилъ что-то въ родѣ суда надъ Дюмурье, которому посовѣтовали быть впередъ осторожнѣе въ выборѣ своихъ агентовъ. Роланъ выступилъ при этомъ въ роли обвинителя. Дюмурье, смотрѣвшій по своему на вопросы нравственности и полагавшій, что на такіе пустяки не стоитъ обращать и вниманія, сначала отдѣлы-вался шутками, но потомъ самъ рѣзко отвѣчалъ и прекратилъ свои посѣщенія. Г-жа Роланъ поняла, какого врага они нажили въ немъ и дала понять мужу, что если онъ не хочетъ, чтобы Дюмурье столк-нулъ его, то пусть постарается столкнуть его первый.

Сдѣлать это было однако труднѣе, чѣмъ она думала. Этотъ гени-альный интриганъ нашель комбинацію, которая сразу давала ему двѣ точки опоры: популярный во дворцѣ, сильный личнымъ расположеніемъ короля и королевы, онъ не побоялся войти на трибуну якобинцевъ и оттуда протянуть имъ руку, какъ друзьямъ. Оставляя такимъ обра-зомъ за флагомъ жирондистовъ и г-жу Роланъ, онъ смотрѣлъ дальше и видѣлъ лучше ихъ.

Послѣ разрыва съ нимъ ей легче было овладѣть мужемъ, вырвать его изъ подъ вліянія короля и вдохнуть въ него ту энергію, которою она дышала сама. Черезъ свою креатуру Сервана ей удалось провести въ національномъ собраніи декретъ о 20-ти тысячной арміи, которую рѣшено было собрать въ провинціи и двинуть въ Парижъ, какъ охра-рану для національнаго собранія. Не трудно было догадаться, про-

тивъ кого именно предназначалась эта армія. Король отказался подписать декретъ. Все это время г-жа Роланъ находилась въ возбужденномъ состояніи. Съ такимъ орудіемъ, какимъ были въ ея рукахъ два министра — ея мужъ и Серванъ, она могла направлять удары далеко. Борьба при такихъ условіяхъ казалась ей не только возможною, но и желательною. Она знала, что за ней стоитъ цѣлая партія, достигшая высшей точки своего могущества. Дѣйствительно это было время торжества жирондистовъ. Горячая рѣчь ихъ гремѣла отовсюду; на всѣхъ трибунахъ царили ихъ ораторы; изъ другихъ кружковъ слышались только одиночные протесты, тотчасъ же подавленные обвиненіями въ измѣнѣ и мятежѣ. Они такъ же не скупились на эти обвиненія, какъ потомъ и ихъ враги.

Возраставшая популярность Дюмурье не давала покоя г-жѣ Роланъ. Съ той минуты, какъ онъ ушелъ изъ ихъ кружка, сошелся съ леобинцами и успѣлъ втереться въ довѣріе къ королевѣ, она считала невозможнымъ, чтобы мужъ ея продолжалъ служить съ нимъ. Надо было поставить вопросъ прямо: онъ или Дюмурье! Рѣшить это могъ только король, но и онъ въ ея глазахъ былъ такимъ же опаснымъ врагомъ. Его цѣлью было скомпрометировать министровъ и лишить ихъ популярности. Чтобы не допустить до этого, нужно было принять мѣры и уронить его во мнѣніи народа прежде, чѣмъ онъ успѣетъ уронить въ его мнѣніи министровъ.

Она убѣдила мужа, что ему остается только два выхода:—или вырвать у короля подпись ненавистнаго ему декрета, или подавать въ отставку. Но уйти молча, какъ могъ это сдѣлать всякій послѣдній чиновникъ, она считала недостойнымъ его. Нужно было разоблачить политику двора и написать родъ манифеста, который въ одно и то же время послужилъ бы оправданіемъ ея мужу и обвинительнымъ актомъ противъ короля. Нужно было, чтобы отставка Ролана явилась гражданскимъ подвигомъ и послужила къ его прославленію; и вотъ они вдвоемъ рѣшили написать письмо и убѣдить министровъ подать его королю, какъ коллективное заявленіе отъ всего министерства. Письмо было написано, министры приглашены на совѣщаніе, но рѣзкій тонъ посланія заставилъ ихъ призадуматься. Начались споры изъ за отдѣльныхъ фразъ, одинъ предлагалъ подождать, другой совсѣмъ отказывался подписать его. Было ясно, что соглашеніе не возможно. Тогда г-жа Роланъ убѣдила мужа дѣйствовать одного и подать заявленіе только отъ своего имени.

Знаменитое письмо это, имѣвшее скорѣе видъ доноса, такъ какъ цѣлью его было не убѣдить короля, а унизить его въ общественномъ мнѣніи, всецѣло принадлежало ея перу. По ея словамъ, оно было написано однимъ духомъ, какъ и все почти, что она писала въ этомъ родѣ. Предоставляемъ судить читателю о благоразуміи министра, прибѣгавшаго въ рѣшительныя минуты къ перу раздраженной женщины и вынускавшаго какъ манифестъ пространное, цвѣтистое и во всѣхъ

отношеніяхъ безтактное посланіе своей жены. Г-жа Роланъ не имѣла за собой даже того оправданія, что ея цѣлью было открыть глаза королю; угрожающій и оскорбительный тонъ письма не допускалъ этой мысли, а употребленіе, которое она сдѣлала изъ него въ послѣдствіи, еще яснѣе показало, въ чемъ именно заключалось ея намѣреніе. Она знала, что должно случиться одно изъ двухъ: или письмо напугаетъ короля и заставитъ его искать спасенія въ ихъ поддержкѣ; тогда они поставятъ ему условіемъ удалить Дюмурье и во главѣ министерства станетъ ея мужъ; или письмо оскорбитъ короля, тогда ея мужъ предастъ его гласности.

Все это такъ именно и случилось. Письмо возбудило негодованіе при дворѣ и король поручилъ Дюмурье составить новое министерство. Рѣшено было впрочемъ смѣнить не всѣхъ министровъ, а только тѣхъ, которые принадлежали къ партіи жирондистовъ. Серванъ первый пришелъ къ ней съ этимъ извѣстіемъ.

— Поздравьте меня! сказалъ онъ; меня прогнали.

— Мнѣ очень жаль, замѣтила она, что вы первый удостоились этой чести. Надѣюсь впрочемъ, что и мужъ мой не замедлитъ удостоиться ее.

Но этого ей было мало; ей нужно было увлечь за собою все министерство. Она не упустила изъ виду главнаго врага своего, Дюмурье, и надѣялась уговорить министровъ подать коллективный протестъ противъ него и заявить, что они не желаютъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ совѣтѣ. Съ этой цѣлью, она послала за ними. Пришли только двое, но и тѣ видимо трусили. „Я никогда бы не повѣрила, говоритъ она, если бъ не была сама этому свидѣтельницей, до какой степени рѣдка въ людяхъ твердость воли и вѣрность сужденія и какъ мало людей, способныхъ управлять. Я понимаю теперь, отчего лица, стояція во главѣ какого нибудь дѣла доходятъ до полнѣйшаго презрѣнія къ людямъ; это неизбѣжный результатъ ихъ знанія жизни“.

Министры долго совѣтовались и отложили все до другого дня, а на другой день король потребовалъ одного изъ нихъ во дворецъ, откуда онъ вернулся съ вытянутымъ лицомъ и подалъ Ролану отставку.

— Ну вотъ, прогнали и меня, замѣтилъ тотъ улыбаясь.

Г-жа Роланъ только этого и ждала и сказала, что нужно не медля послать копію съ письма королю въ національное собраніе. „Я знала, какой эффектъ это должно произвести, говоритъ она, и не ошиблась въ этомъ. Мы достигали этимъ двойной цѣли: отставка мужа столько же послужила общему дѣлу, сколько и его личной славѣ. Я не гордилась его поступленіемъ въ министерство, но гордилась его выходомъ оттуда.“

VII.

Мнѣніе г-жи Роланъ о своей политической роли.—10-е августа.—Роланъ опять министр. — Дантонъ. — Трескотня министерскихъ циркуляровъ. — Секретные фонды.—Темныя орудія революціи.—Ссоры министровъ.—Бездѣйствіе Ролана.— Непослѣдовательность жирондистовъ.

Она не ошиблась въ расчетѣ. Письмо надѣлало шума и вызвало въ собраніи демонстрацію въ пользу ея мужа и всѣхъ смѣненныхъ министровъ. По постановленію собранія оно было напечатано и разо-слано по всѣмъ департаментамъ.

По поводу этого она находитъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Обвиненія, брошенныя въ нея Дантономъ и дру-гими ея врагами въ томъ, что не Роланъ, а она управляла минис-терствомъ, встрѣчаютъ съ ея стороны самый горячій отпоръ.

Признать ничтожество своего мужа, ей, которая всегда говорила, что мужъ долженъ стоять во всѣхъ отношеніяхъ выше жены, было обиднѣе для ея самолюбія, чѣмъ признать себя орудіемъ въ его рукахъ. Она упорно отрицаетъ всякое участіе свое въ администраціи; если она и писала его бумаги, то просто потому, что у нея было больше времени. Она не видитъ, почему бы жена не могла испол-нять должность секретаря своего мужа. Но убѣдить Парижъ въ томъ, что ея мужъ былъ все, а она ничто, было не такъ легко, какъ убѣ-дить въ этомъ самого Ролана, который, выдавая сочиненія жены за свои собственныя, самъ наконецъ началъ вѣрить тому, что все это было написано имъ. Ей пришлось даже на судѣ отстаивать его само-стоятельность, увѣряя, что мысль вездѣ принадлежитъ ему, а она только облекала ее въ форму живаго слова. Но все это ни къ чему не повело и злыя слова Дантона—„намъ нужны министры, которые смотрѣли бы на дѣло своими глазами, а не глазами своей жены“—сдѣлали свое дѣло. Г-жа Роланъ должна была убѣдиться, что ея слишкомъ явное участіе въ общественныхъ дѣлахъ убивало ея мужа вѣрнѣе, чѣмъ его собственное ничтожество!

Принужденная удалиться на время отъ дѣлъ, она съ нетерпѣ-ніемъ слѣдила за успѣхами революціи, ожидая той минуты, когда событія опять призовутъ ее на политическое поприще.

10-е августа оправдало ея ожиданія. Этотъ день, опрокинувшій всѣ ненавистныя ей предрасудки, и составлявшій торжество ея партіи, которая привѣтствовала его какъ начало новой, лучшей эры, былъ въ то же время днемъ печальнаго для нихъ поворота. Никто изъ ликующихъ жирондистовъ не предвидѣлъ еще того, что близокъ конецъ ихъ царству и что сигналъ, поданный къ международной войнѣ, скоро увлечетъ и ихъ въ эту бездну, куда они покатались съ неударжимой силой, сами того не созная.

10-е августа выдвинуло опять Ролана и его друзей. Онъ былъ снова сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но на этотъ разъ со-

ставъ министерства былъ иной и на мѣстѣ ненавистнаго ему Дюмурье стояла грозная фигура Дантона.

Первое время ихъ отношенія были довольно дружескія. Дантонъ запросто приходилъ къ нимъ обѣдать и когда не заставалъ мужа, то проводилъ время съ женой. Г-жа Роланъ говоритъ, однако, что даже и въ это время она не могла побѣдить какого то инстинктивнаго отвращенія къ нему. Читая ея записки, невольно думается, что этотъ человѣкъ, когда нибудь жестоко оскорбилъ ее и что есть что то недосказанное, чего она не прощаетъ ему. Забывая происхожденіе своихъ друзей, она ставитъ ему въ вину даже то, что до революціи онъ былъ ни кѣмъ неизвѣстнымъ адвокатомъ, что у него было больше долговъ, чѣмъ процессовъ и что его жена поддерживала свое скудное хозяйство только на тѣ 20 франковъ въ недѣлю, которые получала отъ отца. Она скорѣй готова протянуть руку Дюмурье, у котораго не отрицаетъ ни ума, ни таланта, чѣмъ этому мрачному трибуну, всѣмъ обязанному, какъ она думаетъ, своей наглости и силѣ своихъ легкихъ. Свой разрывъ съ нимъ она объясняетъ тѣмъ, что ея мужъ былъ для него слишкомъ честный человѣкъ, а она слишкомъ умная женщина, чтобы не разгадать его съ перваго же свиданія. Тутъ повторилась та же исторія, что и съ Дюмурье:—Дантонъ былъ не изъ тѣхъ людей, которыми можно управлять изъ салона. Въ кружкѣ г-жи Роланъ ему мѣста не было, и онъ пересталъ бывать у нея.

Первой заботой Ролана, по вступленіи въ министерство, было обновленіе почти всего административнаго состава и это одно уже жена ставитъ ему въ большую заслугу. По ея мнѣнію, съ такими людьми, какими онъ окружилъ себя, даже и менѣе способный человѣкъ могъ бы легко управлять министерствомъ. На дѣлѣ этого однакожь не видно, ибо вся дѣятельность его съ этихъ поръ посвящена многорѣчивымъ циркулярамъ, которыми онъ буквально наводнялъ провинцію. Прославленіе 10-го августа и воззваніе къ благоразумію народа, чтобы избіеніе швейцарцевъ не послужило сигналомъ къ продолженію рѣзни, стремленіе доказать, что святое право возстанія перестаетъ быть святымъ съ той минуты, когда вмѣсто враговъ отечества обращается на его друзей — составляло въ значительной степени содержаніе этихъ манифестовъ. Однихъ этихъ документовъ было бы достаточно, чтобы сохранить для потомства во всемъ его ничтожествѣ образъ „добродѣтельнаго Ролана“. Въ своемъ опьяненіи властью онъ дошелъ до того, что самъ называлъ себя великимъ.

„Величіе моей задачи, пишетъ онъ въ своихъ циркулярахъ, не испугало меня. Не трудно быть великимъ, когда забываешь о себѣ, такъ же, какъ не трудно быть могущественнымъ, когда не боишься смерти“. На ряду съ такимъ самопрославленіемъ, на которое способенъ только французъ, и съ трескотней фразъ, лишенныхъ всякаго содержанія, идутъ наивныя воззванія къ народу, приглашавшія бо-

гатаго дѣлиться своимъ излишкомъ съ бѣднымъ, и всѣхъ вообще уважать законъ. Бывшій правительственный инспекторъ, философъ и политико-экономъ, думалъ упрочить благо Франціи и оживить ея промышленность такой трескотней фразъ: „Пусть всѣ жизненные припасы отнынѣ подвозятся свободно! пусть такъ же свободно развивается хлѣбная торговля, чтобы невѣжество, испуганное ложными слухами, не скрывало хлѣбныхъ запасовъ и жадность не спекулировала народными бѣдствіями!.. Пусть желѣзо переливается въ ядра и даже слабыя женщины посвящаютъ свой трудъ на пользу общую!.. Возстань, Франція! твой часъ пробилъ. Насталъ день битвы, пусть онъ же будетъ для тебя и днемъ побѣды!“

Наводнять Францію такими циркулярами значило по ихъ мнѣнію управлять странюю. Казалось, что эти люди дали себѣ слово столько же пролить чернилъ, сколько ихъ враги проливали крови. Но кромѣ чернилъ на это ушли не малыя суммы денегъ, изъ тахъ-называемыхъ секретныхъ фондовъ. Употребленіе этихъ денегъ уже само по себѣ есть пятно въ дѣятельности республиканскихъ министровъ. Но г-жа Роланъ не только допускала своего мужа черпать изъ этого источника, она повидимому даже и не находила этого предосудительнымъ. Ея перо работало неутомимо, а секретные фонды давали возможность печатать ея статьи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и разсылать по всей Франціи. Это она называла *éclairer la France!*

Еще въ первое свое министерство Роланъ на тѣ же фонды издавалъ журналъ, имѣвшій цѣлью подорвать значеніе двора. Представитель королевской власти велъ съ нею подпольную борьбу тѣмъ же оружіемъ, за которое его партія осуждала деспотизмъ. Г-жа Роланъ говоритъ, что революція разжигаетъ страсти и что трудно въ такое время сохранить необходимое спокойствіе; поэтому употребляются иногда довольно сомнительныя орудія и довольно темныя личности служатъ общему дѣлу. Одной изъ такихъ темныхъ личностей она считала, напр., герцога Орлеанскаго и находила совершенно естественнымъ, что его употребили въ извѣстныя минуты для поднятія народнаго духа, какъ употребляютъ дрожжи для поднятія хлѣба, и затѣмъ остранили его, когда онъ былъ не нуженъ. Допуская такія сдѣлки, она не замѣчала, какое оружіе она дастъ въ руки врагамъ и какъ этимъ оружіемъ со временемъ побьютъ ее. „Страсти разгораются!“ Если этимъ путемъ она оправдывала 10-е августа, то другіе пошли дальше и тѣмъ же путемъ оправдали 2-е сентября.

Сто тысячъ франковъ, вотированные собраніемъ и отданные въ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ для распространенія въ народъ полезныхъ сочиненій, были костью, брошенной министрамъ. Какъ только Дантонъ и Фабръ узнали объ этомъ, они тотчасъ же явились къ Ролану съ предложеніемъ своихъ услугъ и брались доставить ему способныхъ журналистовъ. Роланъ отвѣчалъ уклончиво. Сто тысячъ были довольно крушюю суммой! Узналъ о нихъ и Ма-

ратъ и, не долго думая, тотчасъ потребовалъ 15 тысячъ себѣ, за что бралъ на себя обязанность распространять наиболее полезныя книги. Роланъ попросилъ прислать ихъ въ рукописи и Маратъ прислалъ цѣлый возъ. Одинъ видъ ихъ, говоритъ г-жа Роланъ, наводилъ ужасъ; между ними были трактаты о цѣляхъ рабства и еще что-то въ этомъ родѣ... Собраніе между тѣмъ вотировало еще два милліона на секретные расходы и тутъ уже у министровъ началась настоящая война. Дантонъ требовалъ, чтобы ихъ раздѣлили по ровну; Роланъ доказывалъ, что надо отдать ихъ въ распоряженіе совѣта министровъ, который рѣшалъ бы по большинству голосовъ, на что ихъ употребить. Дантонъ взялъ верхъ, потому что всѣ товарищи держали его сторону.

Если въ первое министерство Ролана совѣтъ министровъ занимался болтовней и невинными анекдотами, то на этотъ разъ въ немъ происходили сцены иного рода и бурныя пренія часто оканчивались взаимными дерзостями. Роланъ, желая, чтобы каждое его слово дошло до потомства, хотѣлъ непременно, чтобы на засѣданіяхъ совѣта присутствовалъ секретарь, обязанный буквально записывать пренія. Но такъ какъ въ эти дни общаго возбужденія трудно было найти человѣка, который согласился бы молчать, то и секретарь частенько вмѣшивался въ пренія. Роланъ сдѣлалъ ему разъ замѣчаніе.

— Да что же я по вашему, чернильница, что-ли? крикнулъ раздраженный секретарь.

Роланъ прочелъ ему нотацію, но въ словахъ секретаря отражалось только общее настроеніе: никто не хотѣлъ быть чернильницей.

Оправдывая бездѣйствіе своего мужа послѣ 2-го сентября, когда было перебито въ тюрьмахъ до тысячи человѣкъ, г-жа Роланъ всю вину сваливаетъ на собраніе и на коммуну. Она не находитъ словъ, чтобы заклеймить трусость собранія, которое оставило безнаказанными виновниковъ рѣзни. Но что дѣлали съ своей стороны министры? Что сдѣлалъ ее мужъ? Онъ писалъ и писалъ безъ конца! и въ коммуну, и къ военнымъ властямъ, и къ народу, приглашая заблудшихъ братьевъ прийти въ его объятія. *Si des frères égarés reconnaissent qu'ils se sont trompés*, говоритъ онъ, *qu'ils viennent! mes bras leur sont ouverts* ¹⁾! Онъ отдѣлывалъ свои фразы, когда нужно было дѣйствовать. „*J'ai admiré le 10 août, j'ai frémi sur les suites du 2 septembre* ²⁾!“ Такъ начинается онъ одно изъ своихъ изліяній. И въ то время, какъ Дантонъ устраивалъ свои дѣла, всюду набирая себѣ приверженцевъ и создавая себѣ друзей въ арміи, онъ сочинялъ посланія въ провинцію. Дантонъ запустилъ руку въ общественныя суммы и тратить ихъ безконтрольно, никому не давая отчета. Но почему же

¹⁾ Если заблудшіе братья сознаютъ свою ошибку, пусть придутъ ко мнѣ! мои объятія имъ открыты.

²⁾ Я преклонился передъ 10-мъ августа, и содрогнулся 2-го сентября.

Роланъ допустилъ это? почему онъ не вступилъ съ нимъ въ борьбу? Г-жа Роланъ объясняетъ это: министерство представляло для него слишкомъ сложный механизмъ; подробности поглощали его... Онъ писалъ циркуляры.

Испуганные новымъ движеніемъ, жирондисты провозгласили наконецъ то, что имъ слѣдовало провозгласить давно: что Парижъ не Франція, и что горсть бунтовщиковъ не составляетъ народа. Но то, что имѣло бы силу въ іюнѣ и въ августѣ, теряло всякое значеніе въ сентябрѣ. Пока народное возстаніе служило имъ, они признавали его божественнымъ правомъ народа. И кровь, пролитая 10-го августа, кровь защитниковъ тюлерійскаго дворца, была признана неизбѣжной и печальной жертвой народнаго возмездія. Но когда то же возмездіе пошло дальше и грозило ихъ собственнымъ идеямъ, они заговорили объ анархіи, о тиранніи демагоговъ, они взывали къ провинціи, возбуждая ее противъ Парижа. Эта страшная непослѣдовательность подкосила въ корнѣ ихъ партію; если прибавить къ этому, что ея лучшіе представители, сильные на трибунѣ, были мало способны къ какой либо иной дѣятельности, что адвокаты и журналисты по профессіи, они таковыми же оставались и въ самыя критическія минуты революціи, полагая, что убили врага сарказмомъ или ловкой остротой, то станетъ понятно, почему дни ихъ партіи были сочтены и никакіе манифесты и циркуляры не могли ее спасти.

VIII.

Народная депутація въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Письмо Ролана въ законодательное собраніе.—Терроръ.—Воззваніе къ Парижу.—Роланъ-обвинитель коммуны.—Защитникъ г-жи Роланъ.—Вторичная отставка.—Обвиненіе въ измѣнѣ.—Père Duchesne и его нападки на г-жу Роланъ.—Жизнь ея въ опасности.

Въ знаменитое воскресенье 2 сентября, когда извѣстіе о неудачѣ французскихъ войскъ на границѣ подняло обезумѣвшій народъ, и кровь лилась во всѣхъ парижскихъ тюрьмахъ, депутація изъ 200 человекъ явилась въ министерство внутреннихъ дѣлъ и громко требовала министра. Ролана не было дома. Жена его, услышавъ шумъ, выслала къ нимъ сказать, что если они желаютъ, то могутъ говорить съ ней. Нѣсколько человекъ поднялись къ ней наверхъ и объявили, что имъ нужно оружіе: они хотятъ идти на пруссаковъ. Она стала объяснять имъ, что у ея мужа нѣтъ оружія, что они могутъ обратиться за этимъ въ военное министерство. Ей отвѣчали непечатной бранью и потребовали самого Ролана. Тогда она, чтобъ убѣдить ихъ, что его нѣтъ дома, предложила имъ осмотрѣть всѣ комнаты и еще разъ посоветовала идти въ военное министерство или наконецъ идти въ коммуну съ жалобой; а кто хотѣлъ говорить съ ея мужемъ, тотъ

могъ найти его въ морскомъ министерствѣ, гдѣ въ эту минуту былъ въ сборѣ весь совѣтъ министровъ.

О рѣзнѣ, происходившей въ эту ночь, узнали только на другое утро. Первымъ дѣломъ Ролана было написать въ собраніе донесеніе обо всемъ случившемся. „Письмо это, столь же знаменитое, какъ и его письмо къ королю, говоритъ г-жа Роланъ, подняло такую же бурю восторговъ“. Хотя собственно трудно понять, къ чему могли относиться эта восторги? Неужели описаніе ужасовъ этой ночи было такъ картинно составлено, что могло возбудить восторгъ, и собраніе какъ Неронъ аплодировало зрѣлищу? Какъ бы то ни было, но оно ничего лучшаго не придумало, какъ напечатать и повсюду разослать рѣчь министра. Г-жа Роланъ видитъ въ этомъ весьма понятную дань удивленія слабымъ людямъ передъ мужествомъ человѣка, которымъ они восхищаются, но которому не смѣютъ подражать. И забывая, что ея мужъ не журналистъ, а государственный человѣкъ, она восхищается въ немъ тѣмъ, за что клеймилъ депутатовъ: его многословіемъ.

Рѣзня продолжалась; полиція оказалась безсильной; мирные граждане сидѣли по домамъ, не рѣшаясь выйти на улицу. И такъ продолжалось четыре дня! Нѣсколько сотъ человѣкъ навели терроръ на весь Парижъ. У Ролана разыгрались его катарры, разлилась желчь. 3-го числа онъ писалъ: „я требую отставки, если законы запрещаютъ мнѣ дѣйствовать“. Но 5-го числа рѣзня продолжалась, а онъ все оставался министромъ. 13-го, онъ обратился съ длиннымъ воззваніемъ къ Парижу, стараясь оправдать себя въ его глазахъ. Вообще задача была нелегкая: воздавая хвалу Парижу за рѣзню 10-го августа, произнести слово осужденія за рѣзню 2-го сентября! Нужно было, однимъ словомъ, подорвать силу коммуны, услугами которой можно было пользоваться, пока она была нужна, но которую слѣдовало немедленно уничтожить.

Г-жа Роланъ высказывается на этотъ счетъ очень рѣшительно. Это опять та же теорія о герцогѣ Орлеанскомъ. Такъ какъ самые энергичные дѣятели не всегда бываютъ самыми честными людьми, то нужно ими пользоваться, пока есть въ этомъ надобность и удалить ихъ, какъ только надобность въ нихъ миновала. Въ августѣ коммуна сослужила службу республикѣ, — это было хорошо; но въ сентябрѣ она ударилась въ крайность, — это было дурно! нужно было обуздать ее и Роланъ явился ея обвинителемъ въ собраніи. Обвинять ее — значило обвинять Парижъ! Попытка довольно смѣлая со стороны человѣка, который за нѣсколько дней до этого увѣрялъ, что героизмъ столицы нанесъ послѣдній ударъ деспотизму.

На обвиненіе въ тиранніи, коммуна отвѣтила Ролану тѣмъ же. Среди монтаньяровъ пронеслось насмѣшливое прозвище короля Ролана или roi Сосо, какъ называлъ его Эберъ въ своей газетѣ. За нимъ полетѣли другія, все болѣе и болѣе нелѣпыя обвиненія: въ воровствѣ, въ тайныхъ сношеніяхъ съ пруссаками. Въ одномъ изъ шум-

ныхъ собраній за честь оскорбленнаго министра вступился другъ его жены, мрачный жирондистъ Бюзо, послѣдняя любовь г-жи Роланъ, человекъ, внушавшій ей такую же безумную страсть, какую чувствовалъ къ ней самъ.

— Никогда, гремѣлъ онъ, люди 10-го августа не могутъ сойтись съ убійцами 2-го сентября!

Въ собраніи поднялся шумъ.

— Не о васъ говорятъ! кричали ему со всѣхъ сторонъ.

Но постоянныя нападкы на Ролана, въ которыхъ нерѣдко задѣвали и его жену, вывели его изъ себя и не было никакой возможности растолковать влюбленному, что не о немъ говорятъ.

Роланъ догадался, наконецъ, что надо уходить. Въ январѣ онъ подалъ въ отставку. На этотъ разъ никто его не удерживалъ; отставка его встрѣчена была общимъ молчаніемъ и онъ удалился въ глубокомъ уныніи съ однимъ только желаніемъ провести остатокъ своихъ дней въ тишинѣ и неизвѣстности! Желаніе мало исполнимое въ это время, когда судьба жирондистовъ была рѣшена и начались уже повальные обвиненія ихъ въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ Дюмурье, въ намѣреніи отдѣлить Парижъ отъ провинціи... Каждая новая неудача въ арміи и новое волненіе въ провинціи, возбуждая умы парижанъ, только ускоряло гибель людей, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они хотятъ двинуть на Парижъ силы департаментовъ. Могъ ли простить самодержавный Парижъ такое посягательство на свое великое міровое значеніе и еслибъ жирондисты не были виновны ни въ чемъ другомъ, то и этого одного было достаточно, чтобы повести ихъ на эшафотъ.

Все время, пока Роланъ оставался министромъ, онъ былъ предметомъ насмѣшекъ разныхъ якобинскихъ газетъ, особенно знаменитаго *Père Duchesne*, этого органа парижской коммуны. Листокъ этотъ, выходившій иногда въ 80 тысячахъ экземпляровъ, всегда на дрянной, пропускной бумагѣ, со множествомъ грамматическихъ ошибокъ и безъ обозначенія мѣсяца и числа, съ особеннымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ жену министра и говорилъ о ней, какъ о старой, раскрашенной бабѣ съ фальшивыми волосами. Никакая клевета не могла болѣе оскорбить г-жу Роланъ и она не въ силахъ была забыть ея. *Père Duchesne* представлялъ ее не иначе, какъ возлежащую на софѣ, *comme la ci-devant reine, madame Coco*, окруженною своими поклонниками, разными жирондистскими, *beaux-esprits*, и разсуждающею безъ конца о войнѣ, о политикѣ, о народномъ продовольствіи... Не могъ онъ также простить ей ея министерскихъ обѣдовъ, гдѣ собирались все тѣ же ненавистные ему умники и за хорошимъ обѣдомъ, поливая его хорошимъ виномъ, разсуждали о политикѣ. *Père Duchesne* разсказываетъ съ злой ироніей, какъ депутація санъ-кюлотовъ явилась разъ къ добродѣтельному Ролану въ то время, когда онъ обѣдалъ и какъ будто-бы двадцать поваровъ готовили ему разные фрикасе, а слу-

жившіе за столомъ лакеи бѣжали мимо нихъ съ блюдами и просили дать имъ поскорѣе дорогу, такъ какъ они несутъ соусы добродѣтельнаго Ролана. Рассказывалось далѣе, какъ одинъ изъ депутатовъ опрокинулъ въ потьмахъ десертъ добродѣтельнаго Ролана и т. д. Рѣге Duchesne описывалъ не только обѣды министра, но и любовниковъ его жены.

Рядомъ съ этими безнаказанными нападками на Ролана въ газетахъ, даже и самая жизнь его не была въ безопасности. Какія-то подозрительныя личности бродили по вечерамъ около его дома. Каждую ночь можно было ждать, что эта ночь будетъ для него послѣднею; и онъ, и жена иначе не спали, какъ съ пистолетомъ подъ подушкой. Нужно было особенно любить власть, чтобы не имѣть силъ разстаться съ ней даже и при такихъ условіяхъ. Друзья нѣсколько разъ предостерегали ихъ и не совѣтовали оставаться ночью въ министерскомъ отелѣ. Г-жа Роланъ только разъ уступила этимъ совѣтамъ и уже переодѣлась въ крестьянское платье, чтобы уйти изъ дому незамѣченной, но досада на себя за свою минутную слабость заставила ее сбросить съ себя это платье и остаться на зло всѣмъ. Въ этомъ случаѣ ею руководили еще и другія соображенія: она справедливо разсуждала, что въ своемъ домѣ они болѣе безопасны, чѣмъ на улицѣ. Можно было убить министра изъ за угла, но чтобы напасть на него въ его собственномъ домѣ требовалось гораздо больше дерзости со стороны его враговъ и не могло остаться безнаказаннымъ. „Если бъ это даже и случилось, говорить она, тѣмъ лучше! министръ, погибшій на своемъ постѣ послужилъ бы своей смертью общему дѣлу и не былъ бы забытъ потомствомъ.“ Она сама не прочь была погибнуть со славой, чтобы это видѣлъ цѣлый народъ и не забыла объ этомъ исторія. Такая именно смерть и ожидала ее.

IX.

31 мая.—Попытка арестовать Ролана.—Г-жа Роланъ въ Конвентѣ.—Ея негодованіе.—Разговоръ съ санъ-кюлотами.—Сцена ареста.—Тюрьма.—Душевное состояніе г-жи Роланъ.—Эпизоды въ тюрьмѣ.—Письмо къ Робеспьеру.—Скупость казны относительно заключенныхъ.

Послѣдній день мая былъ роковымъ днемъ для жирондистовъ. Дѣло шло для нихъ уже не о побѣдѣ, а просто о личной безопасности.

Коммуна не забыла Ролана и отмѣтила его въ числѣ своихъ жертвъ. 31 мая, когда во всѣхъ концахъ Парижа ударили въ набатъ и вооруженные толпы народа собирались на улицахъ, не зная еще, что случилось и кого надо бить, въ половинѣ шестого вечера шесть человекъ явились въ министерство съ приказомъ объ арестѣ Ролана. Приказъ былъ подписанъ революціоннымъ комитетомъ. Роланъ ска-

залъ, что не признаетъ этой власти и добровольно не подчинится ей, но что они могутъ взять его силой. Представители коммуны на этотъ разъ были вѣжливы и объявили только, что доведутъ о его отвѣтѣ до свѣдѣнія комитета.

Г-жа Роланъ рѣшила прибѣгнуть опять къ тому средству, которое уже два раза было употреблено ею съ такимъ успѣхомъ: обратиться съ письмомъ въ собраніе представителей. Громадный успѣхъ ея двухъ первыхъ писемъ, съ доносомъ на короля въ іюнѣ и на парижскую чернь въ сентябрѣ, позволялъ ей надѣяться, что и на этотъ разъ результатъ будетъ тотъ же. „Написать письмо, показать его мужу и отправиться въ собраніе было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, говорить она. Я съѣла одна въ фіакръ и поѣхала въ Тюльери. На мнѣ былъ только утренній капотъ, сверхъ котораго я накинула шаль и закрыла лицо вуалью“. На дворѣ Тюльери была масса вооруженнаго народа. Она прошла черезъ эту толпу, но всѣ двери въ залу собранія наша запертыми. Часовые не пропускали ее; никакія просьбы не помогали. Тогда она перемѣнила тонъ и заговорила языкомъ, котораго не постыдился бы любой сторонникъ Робеспьера.

— Развѣ вы не знаете, граждане, что въ такой день, когда отечество въ опасности, когда со всѣхъ сторонъ оно окружено измѣной, вы должны пропустить всякаго, кто имѣетъ сообщить собранію что нибудь важное! Почему вы знаете, какой громадной важности можетъ быть то письмо, которое я имѣю передать президенту!

Послѣ этихъ магическихъ словъ двери отворились и ее ввели въ залу просителей. Тамъ она нашла нѣкоего Роза и просила провести ее въ залу засѣданія или по крайней мѣрѣ хлопотать о томъ, чтобы письмо ея было прочитано въ этотъ же вечеръ. Онъ взялъ у нея письмо и ушелъ. Прошелъ цѣлый часъ. Она въ сильномъ волненіи ходила взадъ и впередъ, каждый разъ съ безпокойствомъ оглядываясь, когда дверь въ залу отворялась. Страшный гвалтъ слышался оттуда. Розъ вернулся наконецъ и объявилъ, что нѣтъ возможности добиться толку: въ собраніи шумъ невообразимый; у рѣшетки стоятъ съ прошеніями и требуютъ ареста двадцати двухъ.

— Кто предсѣдательствуетъ?

— Геро де-Сешень.

— А! значитъ мое письмо не будетъ прочитано. Приведите мнѣ кого нибудь изъ депутатовъ. Скажите Верньо, что мнѣ нужно говорить съ нимъ.

Прошло еще нѣсколько времени. Явился Верньо и ничего утѣшительнаго не сказалъ ей.

— Если васъ даже и допустятъ къ рѣшеткѣ, къ вамъ можетъ быть будутъ снисходительны, какъ къ женщинѣ, но едва ли вы чего нибудь добьетесь. Конвентъ самъ теперь безсиленъ.

— Какъ безсиленъ! Да онъ въ настоящую минуту все! воскликнула она съ негодованіемъ. Весь Парижъ ждетъ отъ него указанія,

какъ ему поступить. Если меня допустить, я скажу то, чего вы какъ депутатъ не можете сказать, не подвергаясь опасности. Я ничего на свѣтѣ не боюсь и если не спасу мужа, то по крайней мѣрѣ заставлю ихъ выслушать всю правду.

Чувствуя какъ гнѣвъ и негодованіе овладѣвають ею и какъ краснорѣчива она можетъ быть въ эту минуту она рвалась въ собраніе, чтобы сказать ему рѣчь. вмѣстѣ со всѣми жирондистами она думала, что даръ слова такое оружіе, противъ котораго устоять невозможно, что ея грозная рѣчь заглушитъ набатъ и покроетъ шумъ мятежа.

Верньо постарался убѣдить ее, что раньше полутора часовъ ея письма не прочтутъ; что прежде будетъ обсуждаться какой-то декретъ, да кромѣ того масса петиціонеровъ стоитъ у рѣшетки. Тогда она рѣшилась съѣздить домой, узнать, что тамъ дѣлается и потомъ вернуться опять.

Дорогой ее остановили войска; ѣхать дальше не было возможности. Она выскочила изъ фіакра и пошла пѣшкомъ. Пока она отыскала мужа, который скрывался у знакомыхъ, переговорила съ нимъ и поѣхала назадъ, былъ уже одиннадцатый часъ. По пустыннымъ, хотя и освѣщеннымъ улицамъ добралась она до карусельской площади. Но тамъ все уже было тихо и на мѣстѣ вооруженной, шумѣвшей толпы, стояли только двѣ пушки и нѣсколько часовыхъ. Двери собранія были заперты, засѣданіе закрыто. Нельзя представить себѣ ея гнѣва и отчаянія.

„Какъ! говоритъ она; въ день возстанія, когда съ утра бьетъ набатъ, когда за два часа передъ этимъ 40 тысячная вооруженная толпа окружала конвентъ и депутаты отъ разныхъ кварталовъ ворвались силою въ залу засѣданія, они рѣшились закрыть засѣданіе!“

Очевидно, что конвентъ самъ былъ безсиленъ и власть перешла въ руки парижской коммуны. Не зная, что дѣлать, отъ кого узнать, что случилось, она искала глазами, съ кѣмъ бы ей заговорить. У пушки стояло на часахъ нѣсколько санъ-кюлотовъ; она спросила ихъ, что тутъ произошло.

— О! отличная вещь! Они обнимались и пѣли марсельезу, вонъ тамъ, подъ деревомъ свободы.

Она вступила съ ними въ политическій разговоръ и замѣтила, что неизвѣстно еще, какъ посмотреть на это департаменты и что не мѣшало бы спросить сначала ихъ мнѣнія.

— Зачѣмъ? возразили они ей. Развѣ 10 августа спрашивали ихъ! Развѣ они не согласились со всѣмъ, что сдѣлалъ Парижъ? То же будетъ и теперь.

Отвѣтъ былъ жестокъ по своей справедливости. Слишкомъ поздно заговорили о департаментахъ! Если умѣли обходиться безъ нихъ прежде, къ чему было призывать ихъ теперь?

Въ ту же ночь г-жа Роланъ была арестована. Мужа ея не нашли;

онъ скрылся; а она, считая себя въ безопасности, вернулась домой. Даже арестъ не испугалъ ее; она была увѣрена, что никакихъ послѣдствій это имѣть не можетъ. Она еще надѣялась на торжество жирондистовъ и на то, что провинція придетъ къ нимъ на помощь. Она преувеличивала силы департаментовъ и безконечно умаляла значеніе Парижа. Что такое былъ Парижъ въ ея глазахъ? Одна восемьдесятъ третья часть Франціи. Ариметическій расчетъ говорилъ ей, что 82 департамента должны побѣдить 83-й. Расчетъ невѣрный! въ чемъ она сама должна была скоро убѣдиться.

Только что она вернулась домой въ эту ночь и сѣла за столъ, чтобы писать къ мужу, какъ кто-то постучалъ въ дверь. Было около 12 часовъ. Явилась цѣлая депутація отъ коммуны съ вопросомъ, гдѣ Роланъ. Узнавъ, что его нѣтъ, она очень недовольная удалилась, но у дверей оставила часового. Г-жа Роланъ поняла, что надо приготовиться къ всему, спросила себѣ поужинать, докончила письмо къ мужу и легла спать. Страшно утомленная, она моментально заснула; черезъ часъ ее разбудили и сказали, что ее желаютъ видѣть какіе то господа. Она наскоро одѣлась и вышла къ нимъ. Ей объявили, что пришли арестовать ее и опечатать всѣ ея вещи; при этомъ показали ей не одинъ, а даже два приказа объ арестѣ. Она съ минуту колебалась, перебирая въ умѣ все, что могло бы ей служить оправданіемъ къ открытому сопротивленію. Ночные аресты, какъ ей было извѣстно, были запрещены закономъ. Въ случаѣ, если бы стали ссылаться на другой законъ, который давалъ право коммунаѣ хватать подозрительныхъ лицъ, она могла оспаривать самую законность коммуны. Но это было опасно! власть эту признавалъ Парижъ и сопротивляться ей было бесполезно.

Она покорилась. Послали за судебными властями, опечатали всѣ ея вещи, шкафы, даже окна и даже фортепіано. Ей оставили только платья ея дочери и небольшой узелокъ съ бѣльемъ. Во время этой процедуры въ домъ набралось много постороннихъ зрителей и отъ пятидесяти до ста человѣкъ разгуливали по комнатамъ. Воздухъ сперся, духота была невыносимая, но никто не смѣлъ удалить толпу.

Въ 7 ч. утра она простилась съ дочерью и съ прислугой и спокойно вышла на улицу, гдѣ среди выстроившихся шпалерами солдатъ дошла до фіакра. На улицѣ толпился народъ и женщины кричали ей: „На гильотину!“ Она смѣло, не поднимая оконъ, проѣхала среди этой толпы, которая нѣсколько мѣсяцевъ спустя точно такъ же провожала ее на эшафотъ. Дорогой она нѣсколько напыщеннымъ, хотя и смѣлымъ языкомъ говорила съ провожавшими ее комиссарами и сама должна была сознаться, что они почти не поняли ее. Въ тюрьму она вошла спокойно. Тюрьма была для нея отдыхомъ послѣ политическихъ бурь и семейной жизни. Она давно уже не любила мужа и всей душой принадлежала другому. Быть наединѣ съ собой значило быть съ тѣмъ, къ кому постоянно стремилась ея мысль. Поддержи-

вать и утѣшать мужа, которому въ это время было за шестьдесятъ, становилось ей не подъ силу. Она вошла въ тюрьму, какъ другой вошелъ бы въ монастырь, чтобы отдохнуть душой. Пока мужъ ея былъ министромъ, служебныя интриги, борьба партій и жажда власти отодвигали родину на задній планъ. Запертая въ стѣнахъ Аббатства, она вспомнила о ней опять. Мысль объ этой погибающей родинѣ поддерживала ее въ послѣднія минуты жизни. Въ ней вновь проснулись чувства молодости, то чувство, съ какимъ она читала когда-то исторію Граковъ и древнихъ Аѳинъ. Она опять принялась за своего Плутарха и за свои любимыя книги.

Въ первый же день заключенія она написана въ конвентъ, тщетно взывая о справедливости. Ей хотѣлось, чтобы голосъ ея былъ услышанъ, если не для того, чтобы убѣдить конвентъ, который былъ уже совершенно безсиленъ, то хоть для того, чтобы ее услышала провинція. Прошло нѣсколько дней. Она ждала, что ее позовутъ къ допросу, но допроса не было. Приходили только разные господа изъ полиціи и еще откуда-то; всѣ они своимъ грязнымъ, растрепаннымъ видомъ внушали ей отвращеніе. Какая разница съ тѣми, кого она привыкла видѣть въ своихъ салонахъ! Революція выдвинула новыхъ дѣятелей. Одинъ изъ нихъ вступилъ съ ней въ разговоръ и спросилъ ее, довольна ли она своимъ помѣщеніемъ и не скучаетъ ли она.

— Скука, отвѣтила она ему, болѣзнь людей съ пустой головою и такой же пустой душой. Я не скучаю, но я протестую противъ несправедливости, съ какой меня заперли здѣсь и требую, чтобы меня выпустили.

— Да, но во время революціи столько дѣла, что нельзя за всѣмъ усмотрѣть.

— Подобный этому отвѣтъ далъ одинъ король женщинѣ, которая просила у него правосудія. На это она сказала ему: „Если у тебя нѣтъ времени оказать мнѣ правосудіе, у тебя нѣтъ времени быть королемъ“. Смотрите, чтобы и вамъ не сказали то же.

Время шло, допроса все не было. Г-жа Роланъ съ нетерпѣніемъ ждала, чѣмъ все это кончится. Когда она прочла декретъ объ арестѣ двадцати двухъ, газета выпала у нея изъ рукъ и она съ отчаяніемъ воскликнула:

— Моя родина погибла!

Съ арестомъ этихъ людей, этихъ лучшихъ представителей жирондизма, ея партія погибла. Вся надежда была на тѣхъ, которые успѣли бѣжать въ провинцію, чтобы посѣять въ ней идею о федеральной республикѣ. Но въ Парижѣ слово федералистъ было равносильно слову роялисть: оно вело на эшафотъ.

Послѣ неудачной попытки обратиться съ письмомъ въ конвентъ (письма этого не стали читать), г-жа Роланъ писала къ министрамъ, напоминая имъ ихъ обязанность посѣщать тюрьмы и выпускать оттуда

всѣхъ невинно заключенныхъ, къ редактору одной газеты и наконецъ къ самому Робеспьеру ¹⁾):

„Вы хорошо поймете, такъ начинала она, что я пишу къ вамъ не для того, чтобы о чемъ-нибудь просить васъ. Я никогда никого не просила, а тѣмъ менѣе способна на это теперь. Просить могутъ только или виновные или рабы. А я... не хочу даже жаловаться. Но какимъ образомъ я, женщина, могу быть замѣшана въ политическія бѣды и какая судьба меня ожидаетъ?—вотъ два вопроса, которые я вамъ предлагаю! Они важны не по отношенію ко мнѣ лично. Что за дѣло до того, что погибнетъ одна лишняя песчинка, одно лишнее существо въ общей гармоніи міровъ. Вопросы эти важны по отношенію къ свободѣ и къ счастью моей родины“...

Въ такомъ духѣ было все письмо. Оно было очень естественно со стороны человѣка, который, погибая самъ, думалъ, что съ нимъ вмѣстѣ погибаетъ весь міръ. Но въ немъ былъ между прочимъ намекъ на королеву, не дѣлавшій чести сердцу г-жи Роланъ. Мы уже упоминали какъ она возмущалась тѣмъ, что она, женщина строгихъ нравовъ, была поставлена на одну доску съ преступной и вѣтряной австрійкой. Духъ нетерпимости не оставлялъ ее даже и тутъ. Она не могла безъ негодованія говорить о своихъ товарищахъ по заключенію, среди которыхъ были и публичныя женщины и взятые съ улицы преступники. Аристократъ и санъ-кюлотъ были ей одинаково ненавистны.

Не смотря на ея заявленіе, что жаловаться она не будетъ, мы видимъ однако въ письмѣ жалобу на то, что она во всемъ нуждается и, не зная гдѣ достать денегъ, хотѣла продать пустыя бутылки изъ своего погреба; но это подняло цѣлую исторію, домъ окружили и арестовали хозяина. Въ тюрьмѣ ей пришлось испытать на себѣ послѣдствія одного изъ неудачныхъ распоряженій своего мужа. Въ бытность свою министромъ онъ уменьшилъ съ пяти франковъ на два сумму, отпускавшуюся ежедневно на содержаніе заключенныхъ. За вычетомъ 20 су въ пользу консержа, на остальные 20 су нужно было не только пить, ѣсть и одѣваться, но и платить за отопленіе да еще при тогдашней дороговизнѣ, когда цѣны на все поднялись втрое. Сначала не платили по крайней мѣрѣ за стѣны, но потомъ и за комнату въ тюрьмѣ надо было платить, какъ за номеръ въ гостинницѣ отъ 15 до 30 франковъ въ мѣсяцъ, смотря по тому, была ли въ ней одна или двѣ постели. За то стали отпускать по 1¹/₂ фунта хлѣба и по одной порціи бобовъ на человѣка.

Г-жа Роланъ, хотя и сильная духомъ, не могла однако переносить физическихъ лишеній и платила отдѣльно за обѣдъ. Обѣдъ былъ скромный, но все же масса заключенныхъ не имѣла даже и того, и это подало поводъ впоследствии обвинять ее въ томъ, что она пировала, когда другіе голодали. Кромѣ отдѣльнаго стола, она пользова-

¹⁾ Письмо это не было послано.

лась и другими удобствами: такъ, одна изъ заключенныхъ за деньги убирала ей комнату, а потомъ консьержъ помѣстилъ ее у себя, гдѣ она была окружена нѣкоторымъ комфортомъ и имѣла подъ рукой не только книги, но даже и фортепiano. Изъ ея словъ не видно, чтобы ей когда-нибудь пришло на мысль, что ея привилегированное положеніе можетъ возбудить такую же зависть и негодованіе въ другихъ, какое когда-то внушали ей аристократы съ ихъ ненавистными привилегіями. Было ли этому причиной сознаніе, что она страдаетъ невинно, когда другіе несутъ заслуженную кару, или просто извѣстный взглядъ на вещи, но она не считала своимъ долгомъ ѣсть съ общаго стола и нести на себѣ общую тягость.

Х.

Допросъ.—Освобожденіе и вторичный арестъ.—Новая тюрьма и ея нравы.—Послѣдняя любовь г-жи Роланъ.—Ея переписка съ Бюзо.—Ея отзывы о политикѣ.—Несбывшія надежды.—Послѣдняя борьба.—Мысль о самоубійствѣ.—Судъ и казнь.

Нужно однако сознаться, что она до послѣднихъ минутъ сохранила замѣчательное присутствіе духа. Она жила въ тюрьмѣ, какъ можно было жить гдѣ-нибудь у себя въ имѣннн, такъ же читала Плутарха и Тацита, занималась музыкой и писала къ друзьямъ. Она осталась вѣрна себѣ во всемъ, даже въ своемъ желаніи правиться, не покидавшемъ ее до послѣднихъ минутъ. И въ тѣ дни, когда никто не былъ увѣренъ, что доживетъ до вечера, она находила время заниматься своимъ туалетомъ, всегда быть изящно причесанной и красиво одѣтой: бѣлое кисейное платье съ кружевами и съ чернымъ бархатомъ и кокетливый чепчикъ на распущенныхъ волосахъ были ея обычнымъ нарядомъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ ее арестовали, она была приведена къ допросу. Но это была пустая формальность, совершенно лишняя для людей, которые говорятъ, что заговорщики никогда не оставляютъ вещественныхъ доказательствъ своего преступленія и что потому отсутствіе такихъ доказательствъ уже само по себѣ есть важная улика противъ нихъ, когда Эберъ въ своей газетѣ приглашалъ поторопиться и не терять много времени на то, чтобы укоротить на цѣлую голову подлецовъ, измѣнившихъ своему отечеству! На вопросахъ г-жа Роланъ держала себя съ достоинствомъ, но своими пространными отвѣтами выводила изъ терпѣнія демократовъ, любившихъ во всемъ краткость и быстроту.

Въ концѣ іюня ей пришло объявить, что она свободна. Она имѣла несчастье повѣрить этому и поѣхала домой. Но не успѣла она подняться на лѣстницу, какъ къ ней подошли двое какихъ-то людей и объявили ей, что она снова арестована. Къ чему сыграли съ ней эту

жестокую комедію, она не могла узнать. Впослѣдствіи, ей стало только извѣстно, что почти въ ту же минуту, какъ ее выпустили изъ тюрьмы, на ея мѣсто привели туда Бриссо и что можетъ быть нежеланіе, чтобъ онѣ встрѣтились и заставило такъ поспѣшно удалить ее оттуда. Нѣсколько позднѣе та же комната была занята знаменитой Шарлотой Корде.

Новая тюрьма, въ которую ее заперли, Сентъ-Пелажи, находилась въ самомъ бѣдномъ и самомъ буйномъ кварталѣ Парижа. Нравы ея обитателей, большею частію вышедшихъ изъ народа, отличались дикостью и не представляли ничего утѣшительнаго для нея. Вотъ тутъ то она и прибѣгла къ покровительству консьержа, чтобы укрыться тамъ среди цвѣтовъ и книгъ отъ близости съ этимъ народомъ, который когда-то представлялся ей такимъ несчастнымъ и задавленнымъ. Чтобы не дать отчаянію овладѣть собой, она старалась не сидѣть безъ дѣла. Въ этой тюрьмѣ были написаны ея мемуары. Отсюда же она продолжала свою переписку съ Бюзю, этой послѣдней любовью своей.

Бюзю уѣхалъ въ провинцію въ надеждѣ поднять ее, собрать тамъ армію и двинуть ее противъ Парижа. Г-жа Роланъ изъ тюрьмы благословляла его на это, старалась поднять его духъ и дать ему надежды, которыми жила сама. Всѣ ея письма дышатъ энергіей и всѣ ея усилія направлены къ тому, чтобы отговорить его отъ безумной попытки освободить ее. „Я боюсь только одного, говоритъ она, чтобы ты не вздумалъ спасти меня. Спасая Францію, ты спасешь и меня!“ Она старается убѣдить его, что могла бы это сдѣлать и безъ него, что уйти вовсе не такъ трудно, но она сама не хочетъ этого, чтобы не погубить другихъ и не подзодить подъ отвѣтственность тюремныхъ сторожей. „Могу ли я бѣжать, когда я знаю, что это будетъ торжествомъ моихъ враговъ. Бѣжать, значитъ скрываться и каждую минуту дрожать за свою жизнь. Не лучше ли остаться и ждать, чтобы самый ходъ событій привелъ къ моему освобожденію? Это иначе и не можетъ быть. Это вопросъ времени, не больше... Если даже и поведутъ меня на судъ, что за бѣда! Я это предвидѣла и съумѣю обратить это на пользу общую... Не думаю, чтобы имъ удалось погубить меня!“

Она рисуетъ ему свою жизнь въ тюрьмѣ гораздо лучше, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Никакія рѣшетки и задвижки не могутъ заковать ея мысли. Мысль ея свободна и такъ часто летитъ къ нему! Но спокойствіе и равнодушіе къ своей судьбѣ смѣняется гнѣвомъ всякій разъ, какъ она заговоритъ о политикѣ. Она не можетъ равнодушно говорить о конвентѣ, за которымъ не признаетъ никакихъ правъ. „Въ Парижѣ теперь нѣтъ властей! говоритъ она. То, что называется еще конвентомъ, представляетъ шайку разбойниковъ, которые ругаются, какъ извошники, проповѣдуютъ убійство и сами подають сигналъ къ грабежу...“ „На развалинахъ стараго порядка воз-

никъ новый во сто разъ ужаснѣе прежняго...“ „Платонъ былъ правъ, сравнивая демократію съ аукціономъ, на которомъ продаются всевозможныя формы правленія“.

Убѣждая его щадить себя, она ставитъ ему на видъ, какъ мало людей, способныхъ стоять во главѣ движенія и какъ они должны беречь себя. Сражаться въ рядахъ простыхъ солдатъ кажется ей преступленіемъ со стороны того, кто долженъ руководить движеніемъ. Пусть каждый остается тамъ, гдѣ онъ можетъ принести наибольшую пользу! Она ждетъ той минуты, когда двинется провинція, когда федеральныя войска пойдутъ освобождать Парижъ и народъ выйдетъ къ нимъ съ распростертыми объятіями. Та же легкость и пылкость воображенія, съ какой она дѣлила когда то карту Франціи у себя въ салонѣ, рисовала ей и теперь положеніе вещей въ какомъ то фантастическомъ свѣтѣ. „Нѣтъ ничего легче, какъ поднять народъ. Югъ отлично настроенъ. Прежде довольно было бы шести тысячъ чловѣкъ, чтобы переимѣнить правительство въ Парижѣ. Теперь нужно больше...“ Она подаетъ совѣты Бюзо, что нужно сдѣлать: захватить въ свои руки почту, распространять въ народѣ полезныя брошюры и обезпечить его продовольствіе. Она боится только одного, чтобы опять въ ихъ партіи не взяли верхъ люди, которые мечтаютъ, когда надо дѣйствовать. „Rêver le bien public! ¹⁾“—горькая фраза эта невольно срывается у нея съ языка, когда она заговоритъ о своихъ. Она начинаетъ понимать, что дѣятелей нѣтъ среди нихъ; что роль ихъ сыграна: они ударили въ набатъ и ушли, а на звуки этого набата сбѣжались другіе...

Въ письмахъ къ Бюзо она упоминаетъ о своей дочери, тогда уже 12 лѣтней дѣвочкѣ, которую взяло на свое попеченіе одно хорошее семейство, и о своемъ мужѣ. Въ отзывахъ о мужѣ слышится какая то смѣсь жалости и презрѣнія. Что иное могъ ей внушить этотъ чловѣкъ, бѣжавшій отъ опасности и влачившій гдѣ-то въ провинціи свою жалкую жизнь! Свобода уже потому не манитъ ее, что быть свободной для нея значило опять жить съ этимъ чловѣкомъ. Въ тюрьмѣ она ближе къ Бюзо, чѣмъ была бы на свободѣ, „Многіе удивляются моему спокойствію, пишетъ она ему: но никто не знаетъ моихъ наслажденій. Ты одинъ долженъ понимать ихъ“.

Чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ тревожнѣе дѣлается тонъ ея писемъ. Жажда личнаго счастья то уступаетъ порывамъ патріотизма, то опять беретъ надъ ними верхъ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ Бюзо: „Стоитъ ли думать о томъ, что ждетъ меня! Думай прежде всего о твоей родинѣ. Все остальное придетъ впослѣдствіи. „Но потомъ страсть беретъ верхъ и она съ отчаяніемъ признается, что если дѣла пойдутъ все такъ же дурно и никакой надежды не будетъ, она готова согласиться на его планы бѣгства. Она проситъ только объ

¹⁾ Мечтать объ общественномъ благѣ.

одномъ—разсчитать всѣ планы и какъ можно спокойнѣе дѣйствовать. Этимъ послѣднимъ воплемъ отчаянія оканчивается дошедшая до насъ переписка ихъ. Въ іюлѣ она написала ему это письмо, въ ноябрѣ она взшла на эшафотъ.

Въ этотъ промежутокъ времени у нея была минута страшной борьбы. Ждать ли казни или покончить съ собой раньше? Пока она надѣялась, что ея процессъ надѣлаетъ шуму въ Парижѣ и послужитъ столько же къ ея славлѣ, сколько и общему дѣлу, она съ нетерпѣніемъ ждала его. Но когда она убѣдилась, что никакого процесса не будетъ, а будетъ одна формальность, чтобы придать видъ законности уже заранѣе составленному приговору, мысль о самоубійствѣ стала все чаще мелькать у нея. „Два мѣсяца тому назадъ я добивалась чести взойти на эшафотъ; тогда могли еще оцѣнить мой подвигъ, могли говорить о немъ. Теперь все потеряно“...

Она пишетъ даже, что-то въ родѣ исповѣди, гдѣ обращается къ близкимъ, къ мужу, дочери, друзьямъ и проситъ простить ее... Не называя по имени Бюзо, она обращается и къ нему и тутъ высказываетъ положительную надежду на то, что они должны встрѣтиться въ другомъ, лучшемъ мірѣ. Эта вновь вспыхнувшая въ ней вѣра въ загробную жизнь переходитъ у нея въ какой-то экстазъ. Она проситъ своего возлюбленнаго не допускать, чтобы чужая рука посягнула на него и самому прекратить свое существованіе, если другого исхода нѣтъ.

Въ день казни Бриссо ее перевели въ третью и самую страшную тюрьму Консьержери, гдѣ никто долго не засиживался. Это была послѣдняя станція передъ эшафотомъ. Семь-восемь дней и все было коичено! судъ и гильотина ждали въ одинъ день.

Послѣднія слова ея, написанныя за нѣсколько дней до ея смерти, обращены къ ея судьямъ. Но въ нихъ есть одна фраза, обращенная къ иному судѣ:

„Боже праведный, просвѣти этотъ несчастный народъ, которому я такъ желала свободы!“

Судъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ пустою комедіей. Подсудимой не дали говорить, устроили для виду пренія, гдѣ единственный свидѣтель, дававшій показанія въ ея пользу, заплатилъ за это жизнью, и тутъ же прочли ей смертный приговоръ.

Въ день казни она была спокойна и даже весела. Она шла какъ на праздникъ, вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами. Въ пятомъ часу вечера ее вывели изъ тюрьмы. Какъ и въ день ея ареста народъ всю дорогу кричалъ: „на гильотину!“ Особенно неистовствовали женщины, грозившія ей кулакомъ. Она ѣхала стоя и съ печальной улыбкой смотрѣла на толпу; глаза ея горѣли, лицо тоже. Даже видъ эшафота не заставилъ ее поблѣднѣть. Телѣжка остановилась у самой лѣстницы, короткой и крутой, которая вела на платформу. Когда ее ввели на эшафотъ и стали привязывать къ доскѣ, глаза ея случайно

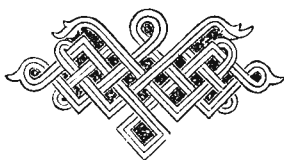
упали на громадную статую свободы, воздвигнутую во время празднествъ 10-го августа, и тутъ-то она сказала свои знаменитыя слова:

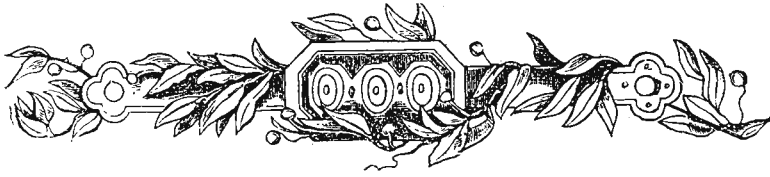
— Свобода! сколько преступленій совершается твоимъ именемъ!

Любители зрѣлищъ, присутствовавшіе при этой казни, должны были сознаться, что жирондисты умѣли умирать.

Но героизмъ на эшафотѣ не былъ рѣдкостью въ то время. Исторія указываетъ на удивительныя примѣры того, какую притягательную силу имѣла гильотина и какъ манія самоубійства овладѣвала людьми, которые каждый день приходили смотрѣть на нее. Были такіе любители зрѣлищъ, которые не пропускали ни одного и кончали тѣмъ, что сами клали голову подъ ножъ гильотины. Видъ смерти ошьянялъ ихъ, съ ними дѣлалось головокруженіе, что-то въ родѣ того, что испытываетъ человѣкъ, когда съ вышины смотритъ внизъ. Умереть въ такую минуту не трудно, но умереть красиво умѣлъ не всякій. А жирондисты умѣли это дѣлать и знали, что сказать на прощанье жадному до фразы Парижу. Умирала и Шарлота Корде, и Людовикъ XVI, и всѣ съ одинаковымъ мужествомъ. Мужество никого не удивляло! Но сказать съ эшафота народу: „Революція какъ Сатурнъ пожираетъ своихъ дѣтей!“ или что нибудь подобное, на это былъ способенъ только жирондистъ.

С. С.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

АНГЛІЯ ¹⁾.

НОВОЕ сочиненіе указаніемъ на которое мы закончили прошлую статью, посвященное изслѣдованію жизни Елисаветы англійской до восшествія на престолъ, написано Визенеромъ ²⁾. Авторъ уже не въ первый разъ избираетъ сюжетъ для историческаго сочиненія изъ исторіи Англїи XVI вѣка. Заслуженной извѣстностью пользуется его книга о „Марїи Стюартъ и Ботвелъ“, трудъ, составленный по источникамъ вполнѣ добросовѣстно, хотя съ главными выводами автора не всегда можно согласиться. И послѣднее сочиненіе Визенера „Молодость королевы Елисаветы Англійской“, читается съ большимъ интересомъ; оно написано на основаніи тщательнаго изслѣдованія какъ печатныхъ, такъ и не изданныхъ документовъ, какіе авторъ могъ собрать относительно своего предмета и въ духѣ строго-научнаго безпристрастія, особенно похвальнаго въ вопросѣ, въ которомъ не легко остаться безпристрастнымъ.

Благодаря изданію государственныхъ документовъ (Calendars of State Papers), печатаемыхъ лондонской архивной коммисіей, за послѣдніе годы явилась возможность проникнуть гораздо глубже въ интимную исторію Англїи XVI вѣка, представляющую безъ сомнѣнія самую трагическую эпоху въ ней по внезапнымъ переворотамъ и кровавымъ катастрофамъ, встрѣчающимся здѣсь на каждомъ шагѣ. Возникшая тогда борьба продолжается и по сіе время живо и настойчиво на поприщѣ исторіографіи между защитниками Тюдоровъ и протестантизма и приверженцами церкви и Марїи Стюартъ. Изъ груды неизданныхъ документовъ, почерпнутыхъ въ архивахъ, каждый бралъ то, что подходило къ его предвзятымъ идеямъ; и знаменитый

¹⁾ Окончаніе. См. № 11 „Историческаго Вѣстника“.

²⁾ La jeunesse d'Elisabeth d'Angleterre, par L. Wiesener. Paris. 1878.

историкъ протестантской королевы, Фраудъ, и католическій защитникъ Маріи Стюартъ, Готье, въ наше время также далеки другъ отъ друга, какъ ихъ предшественники въ XVI вѣкѣ, Мельвиль и Букананъ. Визенеръ же не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей-систематиковъ, которые заранѣе знаютъ, что хотять найти въ источникахъ. Располагая совершенно новыми документами, какъ наприм. корреспонденція посланника Карла V при дворѣ Маріи Тюдоръ, Симона Ренаръ, и бумаги Ноалья, авторъ ими воспользовался для того, чтобъ изобразить первую пору жизни Елисаветы, исполненной волненій, зачатки столь продолжительнаго и столь бурнаго царствованія, котораго онъ уже коснулся въ своемъ прежнемъ трудѣ. Онъ принялся за дѣло осторожно и осмотрительно, стараясь отдѣлать исторію отъ легенды, и почти всегда съ успѣхомъ. Безъ тѣни раздраженія онъ отвергъ многое, что было прибавлено къ дѣйствительнымъ фактамъ благочестивымъ усердіемъ Елисаветинскихъ лѣтописцевъ, и его портретъ юной принцессы не совѣмъ согласенъ съ изображеніями Гейвуда и Фокса. Мы не находимъ у Визенера въ осторожной узницѣ Вудстока и Гатфильда той смѣлой исповѣдницы протестантской вѣры, какою ее представляютъ вышеупомянутые историки и вмѣсто гордой Елисаветы, отвергавшей всѣ уступки и ни за что не хотѣвшей отречься ни отъ своихъ вѣрованій, ни отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ,—мы видимъ другую Елисавету, болѣе гибкую и менѣе искреннюю, но тѣмъ самымъ предохраняющую себя отъ опасностей, носившихся надъ ея головой.

Мы не станемъ входить въ подробности многочисленныхъ главъ, посвященныхъ дѣтству и юности Елисаветы. Родившись въ 1533 г., черезъ семь мѣсяцевъ послѣ брака Генриха VIII съ Анной Боленъ, она была трехъ лѣтъ, когда ея мать погибла на эшафотѣ и когда родной отецъ объявилъ ее передъ всѣмъ народомъ незаконнорожденной. Ея жалкое положеніе нѣсколько улучшилось лишь по вступленіи на престолъ ея брата; но и тутъ мы видимъ, какъ плохо ее воспитывали и какъ дурно она была окружена; живость ея темперамента вовлекала ее въ такое кокетство, которое подвергало ее самой жестокой клеветѣ и сдѣлало ее причастной въ уголовномъ процессѣ генераль-адмирала, лорда Сеймура. Положеніе Елисаветы стало гораздо хуже по смерти Эдуарда VI, въ 1553; арестованная послѣ паденія Іоанны Грей, она избѣгла опасности лишь посредствомъ неискренняго обращенія въ католицизмъ; въ слѣдующемъ году возмущеніе Ваята снова подвергло ея жизнь опасности; въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ она была заключена въ Тауэръ, этой государственной тюрьмѣ, которая рѣдко возвращала свободѣ своихъ жертвъ. Заключенная въ Вудстокскомъ замкѣ цѣлый годъ, снова призванная ко двору, она опять впадаетъ въ немилость за то, что отвергла руку герцога Савойскаго; и только 17 ноября 1558 г. она вздохнула легко, когда смерть Маріи Тюдоръ возвратила ей наконецъ дѣйствительную свободу въ то же время, какъ предоставила ей корону.

И такъ, жизнь Елисаветы до 25 лѣтъ была самая печальная какъ ясно видно изъ мелкихъ подробностей въ разсказѣ автора, которыхъ мы не касаемся. Живя почти постоянно подъ угрозой, оскорбляемая въ самыхъ сокровенныхъ своихъ чувствахъ, предоставленная на произволъ своихъ враговъ при дворѣ или любого заговорщика, выставлявшаго ея имя знаменемъ для возмущенія, обязанная своей необезпеченной свободой Филиппу II, — Елисавета съ горечью сознавала, что юность ея гибнетъ въ строгомъ заключеніи или въ мнимой свободѣ. Плохо подавляя порывы пылкой натуры размышленіями, наукой и наблюденіемъ надъ людьми, въ которыхъ она все болѣе разочаровывалась, — она съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за колебаніями чувства къ ней ея сестры и соперницы, хорошо зная по многимъ примѣрамъ въ своей семьѣ, что въ Англіи одинъ капризъ монарха могъ предать голову хотя-бы близкаго къ престолу лица въ руки палача.

Биографъ очевидно не имѣетъ симпатіи къ Елисаветѣ, онъ даже не цѣнитъ ее, какъ женщину; но онъ ее понимаетъ, объясняетъ и это все, чего можно требовать отъ автора въ данномъ случаѣ; кокетливая и скрытная, вспыльчивая и гнѣвная, чувственная, какъ должна была быть дочь Генриха VIII и Анны Боленъ, — великая королева англійская не имѣла откровенности въ страсти, она не знала тѣхъ непосредственныхъ порывовъ соперницы своей Маріи Стюартъ, которые увлекаютъ насъ невольно. Это все справедливо; но авторъ можетъ быть недостаточно выставилъ на видъ, что ужасныя испытанія, какимъ подверглась Елисавета въ юности, должны были придать ея характеру именно тѣ выдающіяся черты, за которыя ее упрекаютъ; не слѣдуетъ забывать, что юность Маріи Стюартъ развернулась въ жаркой атмосферѣ увлеченій и удовольствій французскаго двора; періодъ жестокой борьбы и испытаній начался для королевы шотландской уже послѣ трюа, какъ закончилось ея физическое развитіе и вполнѣ сложилось ея нравственное существо.

Какъ могла свободно развиваться душа Елисаветы, когда съ самыхъ раннихъ лѣтъ сосредоточенная въ себѣ самой, она терпѣла равнодушіе, пренебреженіе и оскорбленія всякаго рода? Какъ могла она сохранить свѣжесть дѣвственнаго чувства, когда въ 15 лѣтъ ей пришлось имѣть дѣло съ членами тайнаго совѣта, явившимися къ ней, чтобъ убѣдиться, не беременна-ли она ¹⁾? Какъ возможно было ей не сдѣлаться подозрительной и фальшивой, когда послѣ такой безотрадной юности и столькихъ отвратительныхъ интригъ ей приходилось видѣть вокругъ себя такихъ приближенныхъ, о которыхъ испанскій

¹⁾ Это случилось во время процесса лорда Сеймура, на которомъ было доказано свидѣтелями, что онъ приходилъ къ Елисаветѣ въ халатѣ, когда она еще не вставала съ постели и вообще обращался съ нею очень фамильярно, трепалъ ее по спинѣ и т. п.

посланникъ имѣлъ право писать Филиппу II, что „большинство членовъ совѣта и другихъ лордовъ, готовы продать себя тому, кто больше заплотить“. Елисавета вступила на престолъ, познавши дѣйствительность людской жизни съ самой невзрачной и непріятной ея стороны; женщина конечно отъ этого много потеряла, но за то государыня выиграла. И самъ авторъ приходитъ къ подобному заключенію: если онъ не любитъ Елисавету какъ женщину, то онъ очень цѣнитъ въ ней, какъ-бы противъ своего желанія, королеву англійскую. Онъ признаетъ ея высокія правительственныя способности, ея умѣнье повелѣвать, ея изумительную проницательность, осторожность и энергію, ея хладнокровіе въ критическія минуты; онъ удивляется силѣ ея ума и воли, никогда не подававшей ни событіямъ, ни лицамъ. Эти похвалы, впрочемъ вполнѣ заслуженныя, имѣютъ особенную цѣну въ устахъ страстнаго поклонника Маріи Стюартъ. Авторъ справедливо говоритъ, что одушевленная самымъ пылкимъ патриотизмомъ, Елисавета страстно любила славу своей страны, поэтому нельзя удивляться, если сердце ея народа билось любовью къ ней и если эта королева, которую часто представляютъ малодушной и коварной женщиной, до сихъ поръ еще служитъ предметомъ благодарнаго энтузіазма для всѣхъ англійскихъ патриотовъ.

Главный упрекъ, который можно сдѣлать автору, заключается въ томъ, что онъ злоупотребляетъ тѣмъ психологическимъ методомъ, съ помощью котораго многіе современные писатели имѣютъ претензію читать, словно по какому-то откровенію, въ сердцѣ историческихъ лицъ и заставляютъ ихъ разоблачать передъ читателемъ самыя сокровенныя мысли и чувства. У добросовѣстнаго писателя, каковъ Визенеръ, это не очень вредитъ дѣлу, но все-же нельзя сказать чтобъ это былъ хорошій приемъ.

Другое сочиненіе, о которомъ намъ приходится здѣсь говорить, нѣмецкаго автора, Гедеке, о Маріи Стюартъ ¹⁾, о предметѣ, который до сихъ поръ еще не потерялъ своей прелести,—нужно признать истинной заслугой передъ публикой, хотя читателямъ, знакомымъ съ исторической литературой, можетъ показаться страннымъ, что новал разработка всѣмъ извѣстной темы, не только восполняетъ важный пробѣлъ въ этомъ вопросѣ, но и удовлетворяетъ настоятельной потребности. Дѣло въ томъ, что за послѣднее время историческую литературу наводнила цѣлая масса изданій, основанныхъ на болѣе или менѣе новыхъ документахъ, но съ полнымъ отсутствіемъ критики и метода и съ очень пристрастнымъ и одностороннимъ отношеніемъ къ дѣлу. Множество появившихся сочиненій о Маріи Стюартъ во Франціи и Англии, вмѣсто того, чтобъ разъяснить, сдѣлали еще болѣе смутнымъ образъ несчастной шотландской королевы, которую съ одина-

¹⁾ Maria Stuart, v. Arnold von Gaedeke, Heidelberg. 1879.

ковымъ увлеченіемъ одни защищали и превозносили выше всякой мѣры, другіе обвиняли съ ожесточеніемъ, такъ-что читатель не удомѣваетъ, въ которой сторонѣ ему примкнуть. За выдающимся исключеніемъ „Шотландской исторіи“ Бёртона, и вышедшихъ въ 1875 г. документальныхъ изслѣдованій датчанина Скіерна о „Заключеніи графа Ботвеля въ Норвегіи и Даніи“, дѣлающихъ честь исторической наукѣ,—религіозныя и національныя страсти англійскихъ, шотландскихъ, американскихъ и французскихъ писателей о Маріи Стюартъ, ея характеръ и судьбѣ, и въ наше время продолжали сталкиваться съ не меньшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ и при ея жизни, какъ мы уже имѣли случай замѣтить по поводу Елисаветы. Противъ преобладающаго большинства защитниковъ Маріи Стюартъ съ клерикальной или съ юридической точки зрѣнія, стоитъ одиноко Фраудъ, извѣстный историкъ Англій XVI в., который относится пуритански сурово и враждебно къ шотландской королевѣ. Хотя Фраудъ имѣетъ за собою ту заслугу, что первый воспользовался почти не тронутыми до него документами въ англійскомъ государственномъ архивѣ и испанскими донесеніями въ Симанкѣ,—но все же онъ не далеко ушелъ отъ своихъ противниковъ по неспособности тщательно изслѣдовать и взвѣшивать значеніе своихъ источниковъ, въ которой его обвиняетъ нѣмецкій специалистъ по англійской исторіи, добросовѣстный ученый, Паули. Чрезвычайно поверхностный въ передачѣ и толкованіи своего богатаго матеріала, онъ страдаетъ, по мнѣнію Паули, склонностью къ преувеличеніямъ для достиженія романическаго эффекта и мало заботится объ относительной достовѣрности или правдоподобности своихъ источниковъ.

Въ виду вреднаго вліянія тенденціозныхъ сочиненій, породившихъ чуть не новыя легенды о несчастной королевѣ ¹⁾,—особенно была желательна новая біографія Маріи Стюартъ, изложенная просто, безпристрастно, и этому требованію вполне удовлетворяетъ книга Гедеке. Въ научномъ отношеніи это сочиненіе не имѣетъ самостоятельнаго значенія; въ основу его взята точка зрѣнія Ранке, такъ мастерски изобразившаго на немногихъ сжатыхъ страницахъ своей исторіи Англій въ XVI в. главные моменты жизни Маріи Стюартъ. Гедеке вполне раздѣляетъ мѣткое сужденіе Ранке о виновности королевы шотландской, но согласно съ нимъ сохраняетъ гуманно-объективную точку зрѣнія, возмущаясь позорнымъ обманомъ, съ помощью котораго плѣнницу систематически вовлекали въ пагубныя для нея поступки и негодуя на нарушеніе законныхъ формъ и жестокое обращеніе съ ней во время процесса и казни, на грубое злорадетво, отъ котораго и Фраудъ не могъ отдѣлаться при описаніи смерти Маріи Стюартъ.

¹⁾ Между ними нужно указать, какъ на особенно опасное по своему пристрастному отношенію обширное англійское сочиненіе Гозака „Марія, королева шотландская и ея обвинители“, вышедшая въ 1874 г.

Кромѣ отсутствія самостоятельной разработки предмета историческая критика можетъ сдѣлать автору другой, болѣе важный упрекъ: сочиненіе страдаетъ нѣкоторой неполнотой и неясностью, отчасти оттого, что самый интересный матеріалъ и собственныя спеціальныя изслѣдованія автора, имѣющія большое значеніе, не приведены имъ въ текстѣ, а находятся въ приложеніяхъ; отчасти оттого, что Гедеке не воспользовался всѣми документами по этому вопросу. Что же касается его жалобъ, будто перепиской враговъ и обвинителей Маріи Стюартъ до сихъ поръ трудно пользоваться потому, что потомки знатныхъ, скомпрометированныхъ въ то время фамилій неохотно допускаютъ въ свои фамиліные архивы,—то въ настоящую минуту эти жалобы не совсѣмъ основательны, послѣ того, какъ во многихъ годовыхъ отчетахъ королевской комиссіи историческихъ рукописей напечатанъ былъ цѣлый рядъ такихъ документовъ изъ частныхъ архивовъ, а при нѣкоторой рекомендаціи они могли сдѣлаться бы доступны и въ оригиналѣ; съ помощью же этихъ документовъ Гедеке могъ бы рѣшить много частныхъ вопросовъ и гораздо опредѣленнѣе мотивировать свои выводы.

Относительно внѣшней формы нужно сказать, что авторъ разбираемаго сочиненія отличается большими достоинствами, обладая обширнымъ знакомствомъ съ источниками, строгою наблюдательностью въ изслѣдованіи и сжатымъ, яснымъ изложеніемъ, оставляющимъ въ сторонѣ все не существенное, и не пускаясь въ опроверженія разныхъ тенденціозныхъ мнѣній, такъ что читатель имѣетъ возможность прослѣдить въ небольшомъ томѣ съ непрерывнымъ интересомъ за драматическимъ развитіемъ этого біографическаго очерка.

Мы не станемъ пересказывать хода отдѣльныхъ событій, изложенныхъ въ 8 главахъ одинаково привлекательно и безпристрастно; мы остановимся лишь на самомъ существенномъ спорномъ вопросѣ и отношеніи къ нему автора.

Вслѣдствіе разрыва Маріи съ мужемъ, Генрихомъ Дарнлеемъ, возвышеннымъ ею въ короли, возникли не только всѣ потрясающія катастрофы ея послѣдующей жизни и кровавый конецъ почти всѣхъ участниковъ дѣла, но и самыя способности и дарованія королевы получили опасное и пагубное для нея самой развитіе. Ея политическая страсть, разжигаемая поборниками католическаго фанатизма, роковымъ образомъ сплелась въ ея жизни съ другою дикою и слѣпой страстью къ графу Ботвелю, сопернику Риціо, убійцѣ Дарнлея, врагу ея своднаго брата, умнаго политика Мёррей. Ботвель, считавшійся протестантомъ, воспользовался именно этимъ обстоятельствомъ, чтобы избавиться отъ своей жены, изъ католической семьи Гордоновъ съ цѣлью жениться на королевѣ Маріи, которая еще до убійства Дарнлея находилась съ нимъ въ преступной связи. Этотъ энергическій, но неразборчивый въ средствахъ, коварный человѣкъ совершенно завладѣлъ ея волей, хотя она скоро должна была убѣдиться, что онъ желалъ получить ея руку

для того только, чтобъ самому захватить власть надъ анархически разнузданной страной. Гедеке справедливо замѣчаетъ, что въ убійствѣ Дарнлея шумный и открытый характеръ этого преступленія и вся неловкая обстановка, вѣроятно, умышленно были устроены Ботвелемъ для того, чтобы окончательно подчинить себѣ Марію: онъ былъ сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы сдѣлать всему свѣту явнымъ, что тутъ былъ не какой нибудь несчастный случай, а дѣйствительно было совершенно предумышленное убійство; такъ какъ въ его рукахъ были письма Маріи, которыя свидѣтельствовали по крайней мѣрѣ о ея пассивномъ соучастіи, то королева была лишена всякой возможности допустить слѣдствіе въ этомъ дѣлѣ и не могла болѣе отказать никакому требованію Ботвеля; съ этой минуты судьба ихъ обоихъ была неразрывно связана до ихъ окончательнаго паденія; они должны были стоять за одно или вмѣстѣ погибнуть.

Не прошло и пяти мѣсяцевъ со смерти Дарнлея, какъ въ стычкѣ при Карбери-Гиль Ботвелъ былъ разбитъ, а Марія попала въ руки своихъ враговъ. Ея заключеніе въ замкѣ Лохлеветъ и вынужденное здѣсь отреченіе отъ престола, ея бѣгство, послѣднее сопротивленіе при Лангъ-Сайдѣ, наконецъ ея переходъ въ Англію, все это быстро совершилось менѣе, чѣмъ въ годъ. Въ 1568 году начались сначала въ Лоркѣ, потомъ въ Вестминстерѣ переговоры между комиссарами обѣихъ націй, между обвинителями и защитниками Маріи, находившимися подъ сильнымъ давленіемъ реформатскихъ и католическихъ тенденцій туземныхъ и заграничныхъ. Фальшивое положеніе, которое королева Елисавета приняла вслѣдствіе этихъ вліяній съ самаго начала, относительно всѣхъ, касающихся этого дѣла вопросовъ, вовлекло ее въ важную по своимъ послѣдствіямъ ошибку, а именно, что она не рѣшилась, послѣ неудачи международнаго суда надъ Маріей—выпустить ее изъ заключенія, которое 19 лѣтъ спустя кончилось для нея на эшафотѣ. При этихъ переговорахъ самой важной уликой противъ Маріи Стюартъ служили ея письма къ Ботвелю, подлинность которыхъ старались опровергнуть, какъ современные приверженцы королевы шотландской, такъ и нынѣшніе фанатическіе ея защитники, всевозможными ухищреніями и тонкостями, съ желательной для нихъ цѣлью, устранить вмѣстѣ съ этими документами разныя темныя пятна изъ жизни своей героини, или по крайней мѣрѣ искусно скрыть ихъ. Но доказательства въ пользу того, что эти письма дѣйствительно существовали, и по содержанію своему до сихъ поръ сохранились — слишкомъ вѣски. Не только Фраудъ, вмѣстѣ со всѣми значительными прежними историками, стоитъ за подлинность ихъ, но Минье, авторъ лучшей изъ прежнихъ біографій Маріи Стюартъ, Бертонъ, самый дѣльный современный историкъ Шотландіи, и наконецъ—знаменитый нѣмецкій историкъ, Ранке, всѣ убѣждены въ ихъ подлинности; по этому приложеніе къ книгѣ Гедеке, заключающее въ себѣ изслѣдованіе объ этихъ письмахъ, имѣетъ особенное значеніе,

такъ какъ онъ самъ вновь пересматриваетъ всѣ источники и свидѣтельства за и противъ подлинности писемъ, спокойно взвѣшиваетъ и тѣ и другіе и доказываетъ несомнѣнный перевѣсъ неопровержимыхъ доказательствъ виновности Маріи Стюартъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность вопроса объ этихъ, столь извѣстныхъ и спорныхъ письмахъ: черезъ нѣсколько дней послѣ стычки при Карбери-Гиль, 20 іюня 1567 г., попала въ руки побѣдителей драгоценная шкатулка, выложенная серебромъ, съ шифромъ Франциска II, перваго супруга Маріи, въ которой Ботвелъ хранилъ съ эгоистическими видами всѣ письма королевы къ нему, даже такія, которыя она настоятельно просила его сжечь по прочтеніи. Кромѣ писемъ тутъ находился ихъ брачный договоръ, подписанный Маріей еще раньше ея мнимаго похищенія Ботвелемъ. Въ этихъ бумагахъ, правда, нѣтъ прямого доказательства участія Маріи въ убійствѣ Дарнлей, какъ то хотѣли доказать ея враги на конференціи, но изъ нихъ очевидно, что вполнѣ преданная Ботвелю, она нарушила вѣрность мужу. Прегніе и новые защитники Маріи, признающіе письма, найденныя въ шкатулкѣ подложными, не берутъ во вниманіе того, что уже 25 іюля Елисаветѣ донесли о существованіи тяжело обличающихъ Марію документовъ. Если Мёррей, бывший регентомъ, ими не воспользовался, то такая осторожность съ его стороны, пока Марія находилась въ Шотландіи, совершенно естественна. Но уже въ декабрѣ этого года письма эти въ оригиналѣ были предъявлены шотландскому парламенту, при чемъ приверженцы Маріи не сдѣлали никакаго заявленія противъ ихъ подлинности. Затѣмъ шотландскій статсъ-секретарь Летингтонъ, привезъ съ собою въ 1568 году копіи съ писемъ въ Іоркъ; но Марія, которая слишкомъ хорошо ихъ знала, настоятельно упросила его и другихъ сторонниковъ своихъ помѣшать ихъ предъявленію.

Однако не смотря на всѣ хитрыя уловки во время конференціи англійскіе комиссары, къ которымъ принадлежалъ герцогъ Норфолькъ, тогда еще не впутанный въ интригу съ королевой Маріей, — вынесли убѣжденіе, что обвиненіе противъ Маріи со стороны Мёррей обставлено достаточными доказательствами и уликами. Относительно дальнѣйшей судьбы подлинныхъ писемъ, которыя Букананъ перевелъ по латыни въ приложеніяхъ къ своему сочиненію *Detectio Mariae Reginae* (1572), извѣстно только, что послѣ насильственной смерти Мёррей они перешли сначала въ руки графа Ленокса, потомъ графа Мортонна, а въ 1582 г. принадлежали графу Гаури, у котораго королева Елисавета тщетно старалась ихъ приобрести; и наконецъ послѣ казни Гаури они были уничтожены Яковомъ VI, чтобы скрыть позоръ матери. Въ настоящее время мы имѣемъ только упомянутый латинскій переводъ Буканана и два современныхъ перевода съ латинскаго 8 писемъ и 12 сонетовъ, перепечатанныхъ Гедеке въ приложеніяхъ по изданію Тэле (*Teulet, Lettres de Marie Stuart*). Если въ этихъ перево-

дахъ искаженъ языкъ подлинниковъ и встрѣчаются ошибки въ числахъ, то это нисколько не удивительно; нужно принять въ расчетъ, какимъ образомъ въ то время переписывались или передавались на другомъ языкѣ историческіе документы. Содержаніе-же ихъ вполне подтверждается всѣми современными свидѣтельствами, доказательность которыхъ никакое адвокатское искусство не въ состояніи опровергнуть. Въ поддѣлкѣ этихъ писемъ обвиняли историка Буканана, но при этомъ совершенно упускали изъ виду огромное различіе въ стилистическомъ и психологическомъ отношеніи между его сочиненіемъ о „Заключеніи королевы Маріи“ и Приложеніями къ нему, гдѣ впервые появились эти письма. Рѣзкій риторическій обвинительный актъ литературно образованнаго политика совершенно пренебрегаетъ подробностями, заключающимися въ письмахъ, наивныя и непосредственныя изліянія которыхъ не могли быть сочинены имъ.

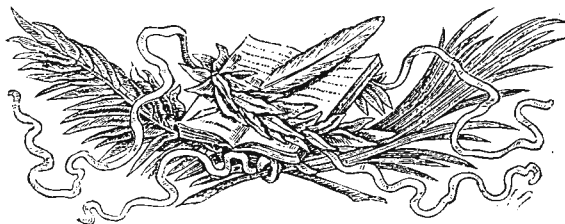
Едва-ли когда-либо можетъ вполне разсѣяться туманъ, окружающій эти письма; но то обстоятельство, что какъ друзья, такъ и враги Маріи Стюартъ одинаково вѣрили въ дѣйствительное существованіе опасныхъ для нея документовъ, что самые документы исчезли и уже послѣ ихъ исчезновенія начались нападки на ихъ подлинность, все это сильно подтверждаетъ мнѣніе Гедеке, согласнаго въ этомъ съ Бертонемъ. Мелкія техническія возраженія совершенно исчезаютъ передъ внутренней правдой этихъ писемъ, содержаніе которыхъ такъ существенно для освѣщенія трагической судьбы Маріи Стюартъ. Не слѣдуетъ забывать, какъ указываетъ Бертонъ, что въ жилахъ Маріи Стюартъ текла кровь Якова IV, Тюдоровъ и Гизовъ и что она выросла при дворѣ, гдѣ господствовали политическіе принципы Екатерины Медичи и та легкая мораль, которая нашла себѣ выраженіе въ „*Vie des dames galantes*“ Брантома и въ Новеллахъ королевы Маргариты Новарской. Гедеке справедливо выставляетъ на видъ несчастную склонность къ притворству, которая рано развилась въ юной Маріи подъ вліяніемъ ея обстановки: какъ она уже при вступленіи въ бракъ съ Францискомъ II съ чисто іезуитской логикой обѣщала шотландцамъ независимость своего королевства, которое она въ тоже самое время въ случаѣ, если умретъ бездѣтной, завѣщала королю французскому. Рядомъ съ этимъ притворствомъ въ ней сживалось какое-то слѣпое, ничѣмъ не смущавшееся своеволіе и гордость, въ чемъ она имѣла много схожаго съ своимъ несчастнымъ внукомъ, подобно ей погибшимъ на эшафотѣ.

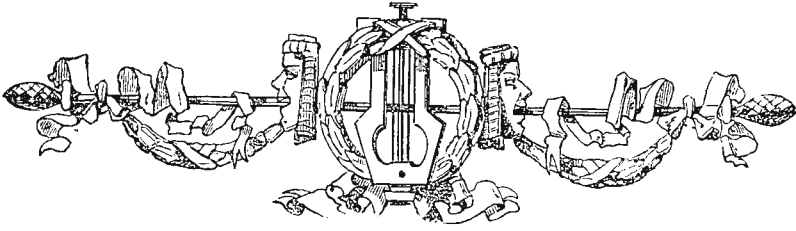
Что касается заключенія Маріи въ Англии, то Гедеке указываетъ яснѣе прежнихъ историковъ на ошибки въ этомъ случаѣ англійской политики. Дальновидный Сесиль (Берлей) высказывалъ въ самомъ началѣ заключенія, что всего опаснѣе будетъ для Англии, если Маріи Стюартъ удастся бѣжать во Францію; менѣе опасно, если она останется въ Англии и наконецъ безопаснѣе всего, если она возвратится въ Шотландію. Съ теченіемъ времени оказалось даже, что самую

большую опасность для Англии представляло ея пребываніе въ англійскомъ плѣну и правительству положительно слѣдовало дѣйствовать такъ, чтобы удалить ее изъ королевства и при первомъ удобномъ случаѣ отправить назадъ въ Шотландію. Правда, англичане нѣсколько разъ пытались сбыть ее, но всегда неудачно, впрочемъ не по собственной волѣ, а вслѣдствіе внезапныхъ перемѣнъ въ политическихъ обстоятельствахъ. Не смотря на это, однако, можно съ основаніемъ сдѣлать англійской политикѣ упрекъ въ томъ, что она была недостаточно ясна и энергична въ этомъ отношеніи, особенно вслѣдствіе враждебнаго вмѣшательства самой королевы Елисаветы. Опасности, которымъ Елисавета подвергалась въ теченіи многихъ лѣтъ со стороны убійцъ и дурная память, какою она навлекла на себя казнь своей двоюродной сестры, являются какъ бы заслуженной карой за тяжкую вину, которой она легко могла избѣжать.

Чрезвычайно удачный и привлекательный портретъ Маріи Стюартъ изъ того времени, когда она была французской дофиной, украшаетъ книгу Гедеке и много содѣйствуетъ интересу ея для публики.

Иф....ль.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Вылое. Стихотворенія В. Вуренина. С.-Петербургъ, 1880.

ВМѢСТѢ съ покойнымъ Грибоѣдовымъ мы можемъ сказать, что есло сравнить нынѣшнее время съ недавно миновавшимъ, то хотя и свѣжи преданіе, а многому вѣрится съ трудомъ. Не вдавался въ разностороннее опредѣленіе этой истины, довольно указать на то, какъ различно отражались военные триумфы и гражданскія торжества въ произведеніяхъ нашей поэзіи. Давно ли громъ побѣдъ и официальные праздники вызывали величавыя гимны на лирахъ восторженныхъ пѣвцовъ? Не говоримъ уже о томъ добромъ старомъ времени, когда занятіе какого-нибудь Хотина порождало торжественно-хвалебную оду Ломоносова, когда Державинъ настраивалъ свою лиру на громко-возвышенный тонъ при извѣстіи о взятіи Варшавы, а указъ о дозволеніи не называться рабомъ или слухъ объ устройствѣ придворнаго каруселя одушевлялъ пѣтическій полетъ Петрова. Все это дѣла давно минувшихъ дней, также какъ и искусственно препарированный патріотизмъ гг. Жанъ-Балтистовъ Руссо и Гинтеровъ, нашихъ образцовъ и наставниковъ въ этомъ родѣ хвалебныхъ пѣснопѣній. Но вспомните время болѣе къ намъ близкое. Давно ли Жуковский, въ качествѣ менестреля, пѣлъ въ станѣ русскихъ воиновъ побѣды нашихъ генераловъ надъ двенадцатью языками, приведенными Наполеономъ? Давно ли Пушкинъ славилъ бородинскую годовщину и вспоминалъ, какъ русская рать пришла къ Стамбуду и остановилась передъ щитомъ воинственнаго варяга, пригвожденнымъ къ цареградскимъ воротамъ? Давно ли Майковъ видѣлъ въ крымской войнѣ крестовый походъ и потомъ привѣтствовалъ сѣмена просвѣщенія, проворно распустившія ростки на русской общественной нивѣ? Отцы наши, а отчасти и сами мы помнимъ это время восторженной поэзіи.

И какъ же все измѣнилось! О торжественно-настроенныхъ лирахъ теперь нѣтъ и слуха, возвышенныя оды и хвалебныя пѣсни совѣмъ замолкли. И это не отъ того, чтобы въ наше время не было предметовъ для такихъ высокихъ пѣснопѣній, чтобы теперь не слышать было грома побѣдъ, не видать славныхъ триумфовъ и великихъ людей: напротивъ, на нашихъ глазахъ совершались недавно такія событія, какихъ не знали прошлые вѣка, такъ любившіе славословить себя въ преувеличенно-восторженныхъ гимнахъ. Мы видѣли объединеніе нѣмцевъ подъ эгидой прусскаго орла и плѣвъ французскаго сфинкса-

императора со всѣми его арміями, видѣли борьбу турецкихъ славянъ за свою независимость, наконецъ, послѣднія событія на Балканскомъ полуостровѣ, и передъ нами проходили величественные образы Бисмарка, Мольтке, Виконсфильда... И какъ же отзывался поэтъ на эти мировыя событія? Какими пѣснями привѣтствовала она этихъ гигантовъ нашего времени? Мы не знаемъ никакихъ замѣчательно-художественныхъ произведеній по этому предмету въ хвалебномъ родѣ, но въ то же время видимъ, что поэзія не осталась равнодушною къ пережитымъ нами событіямъ. Дѣло въ томъ только, что въ наше время событія эти вызвали не восторженные пѣсни, не пышно-хвалебные гимны, а сатирическое, или точнѣе насмѣшливо-проницательное отношеніе къ той оборотной сторонѣ медали, какую можно найти во всякомъ дѣлѣ, какъ бы оно ни было блестяще.

Мы не думаемъ затрогивать вопроса, хорошо это или дурно, а указываемъ на самый фактъ, предоставляя читателямъ обсуживать, насколько общество выиграло или проиграло отъ того, что лирическіе панегиристы смѣнились въ наше время стихотворцами-сатириками и пародистами. Мы хотимъ только указать, что на лирахъ, недавно еще воспѣвавшихъ военные лавры и гражданскіе мирты, теперь всѣ струны порваны, да никто и не думаетъ навязать ихъ. Былой восторгъ совсѣмъ заглушенъ ироническимъ смѣхомъ. Нетрудно назвать дѣльный рядъ произведеній нашихъ современныхъ поэтовъ въ такомъ родѣ; но мы остановимся теперь только на вышедшемъ недавно томѣ сочиненій г. В. Буренина, которымъ авторъ далъ общее названіе „Былое“. Кромѣ переводовъ изъ Байрона, В. Гюго, Барбье, Альфреда де-Мюссе и оригинальныхъ пѣсней разнаго содержанія, тутъ особенно замѣчательнъ отдѣлъ, названный „военно-поэтическими отголосками“ и „пѣснями дня“. Въ этихъ-то стихотвореніяхъ, наиболѣе свойственныхъ дарованію автора, и выразились тѣ пережитые имъ историческіе моменты, которые вѣроятно подали поводъ озаглавить весь сборникъ, какъ сводъ былыхъ впечатлѣній. Какъ же отразилось это былое въ сознаніи поэта? Какими пѣснями отзывался онъ на великія историческія событія недавняго времени, очевидно интересовавшія его, какъ человѣка мыслящаго и чуткаго ко всему живому?

Всѣ эти европейскія событія, которыя въ былое время породили бы дѣлая массы торжественныхъ одъ и хвалебныхъ пѣсней, вызвали у г. Буренина только одну сатиру. Но это не та сатира, какою въ старыя годы, съ неменьшею чѣмъ въ одахъ торжественностью, послѣдователи ювеналовскаго гнѣва и гораціанскаго эпикуреизма карали пороки и деспотизмъ во имя добродѣтели и свободы: это сатира шутивно-презрительная, болѣею частью въ видѣ пародіи на мотивы изъ извѣстныхъ произведеній прежнихъ поэтовъ, часто съ сохраненіемъ ихъ характерныхъ особенностей въ образахъ и краскахъ, въ складѣ и размѣрѣ, причѣмъ въ одно и то же время осмѣивается взятое событіе или лицо и косвенно пародируется прежнее поэтическое воззрѣніе. Возьмите, на примѣръ, стихотвореніе „На полученіе его сіятельствомъ графомъ Бисмаркомъ генераль-лейтенантскаго чина и на побѣды прусскія“. Въ одномъ уже этомъ заглавіи вы видите отношеніе автора, къ германскимъ побѣдамъ и къ великому канцлеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ Державинскому стихотворенію „Гимнъ лироэпическій на изгнаніе французовъ изъ отечества“, служившему темой для пародіи. Изъ сравненія этихъ пѣсней можно ясно понять указанную нами разницу въ поэтическомъ воззрѣніи прошлой и современной эпохи, а вмѣстѣ опредѣлить и характеръ дарованія г. Буренина, которое особенно обнаруживается въ стихотвореніяхъ подобнаго рода.

У кого достанетъ терпѣнія прочесть лиро-эпическій гимнъ Державина, писанный уже въ пору упадка его великаго таланта; тотъ съ трудомъ повѣритъ, чтобы современники поэта могли серьезно относиться къ этому набору трескучихъ словъ и напыщенныхъ выраженій. Въ наше время надобно замѣча-

тельное усилие, чтобы понять, какъ можно было читать безъ улыбки хотя, напримеръ, такое изображеніе французской революціи и Наполеона:

Открылась тайнѣ священныхъ дверь!
И шель изъ безднѣ огромный звѣрь,
Драконъ иль демонъ змѣвидный:
Вокругъ его ехидны
Со крыльевъ смерть и смрадъ трасуть,
Ногами солнце пруть;
Отенетя вокругъ всю ошибками сферу,
Горящу въ воздухъ прыщутъ сѣру,
Холмятъ дыханьемъ понтъ,
Льютъ ночь на горизонтъ
И движуть ось вся вселенны..
Иль галль творецъ то злыхъ чудесъ,
Похитившій у вѣтра крылы,
У доблести, у вѣры силы,
Скиптръ у царей, громъ у небесъ?..
Такъ онъ, то галль съ своимъ вождемъ
Навергнувъ на царей яремъ,
И всю почти плѣня Европу,
Далъ страшному Атропу
Не разъ ея же кровью пиръ;
Прервалъ звукъ нѣжныхъ лиръ,
Пресѣкъ спокойствіе, торги, трудъ мирный,
И, въ блескъ разбойника порфирный
Одѣвъ, возвелъ на тронъ,—
То былъ Наполеонъ.

Г. Буренинъ взялъ мотивъ и тонъ этой, въ нашихъ глазахъ совершенно комической оды, для ироническаго прославленія побѣдъ графа Бисмарка. Остроумно пародируя изысканно пышныя выраженія Державина, онъ представляетъ въ карикатурѣ этотъ надутый реторизмъ, который когда-то принимали за поэзію, и въ то же время пишетъ бойкую сатиру на пошлый шовинизмъ, сумѣвшій придать смѣшной оттѣнокъ самымъ серьезнымъ событіямъ и лицамъ. Размѣры нашей рецензіи не позволяютъ выписать всей сатиры г. Буренина, и мы приведемъ изъ нея только отрывокъ, соответствующій взятымъ стихамъ Державина и достаточный для опредѣленія характера всей пародіи. Вотъ какъ пѣвецъ Бисмарка представляетъ Парижъ послѣ плѣна Наполеона III.

Не гидра ль то шипитъ стоголава,
Огнемъ пыхнувъ изъ ста носовъ?
Не Этны-ль влокочаща лава
Струится горныхъ внизъ хребтовъ?
Нѣтъ, это чернъ непросвѣщенна,
Смутясь отъ Бонапарта плѣна,
Шумить въ Лутеціи стѣнахъ;
Круша имперіи основу,
Республику изводитъ нову
Изъ адскихъ нѣдръ народамъ въ страхъ.
Содрогся я: ужель ехидна
Главу надменно вознесетъ
И солнце трона свѣтовидно
Рогами буйными сопретъ?
Ужели злобы вновь тристаты
Дантоны встанутъ и Мараты?
И злая чернъ безъ панталонъ
Начнетъ вельможамъ и дворянамъ
Срывать главы въ восторгъ рьяномъ,
Порядка свергнувши препоятъ?
О страхъ! О скорбь! Но свѣтъ съ Эмпіра

Блеснулъ—и ужасы бѣгутъ!
 Се зрю: въ сіяніи мундира
 Къ столицѣ Франціи грядутъ
 Полки Боруссіи велики:
 Во дланяхъ ихъ штйки и пики,
 Имъ указываетъ путь гигантъ,
 Кой, либераловъ прекословью
 Не внемля, сталаю и кровью
 Сопрягъ германскій фатерландъ!

Съ такимъ же остроуміемъ осмѣиваетъ г. Буренинъ въ своихъ пародіяхъ всякую политическую фальшь, напускной патриотизмъ, драпированье въ поддѣльную гуманность, игру въ либерализмъ и искусственные слезы при мнимыхъ страданіяхъ за меньшихъ братій. Все это выражается въ формѣ пародій на какія-нибудь стихотворенія нашихъ извѣстныхъ поэтовъ. Такъ его „Графъ Шенгаузенскій“—пародія на баладу Жуковского „Графъ Габсбургскій“, „Дары прогресса“—на пьесу Лермонтова „Дары Терека“, „Шмидтъ и его сыновья, или сила канкана“ передѣлка балады Пушкина „Будрысь и его сыновья“ и пр. Можно замѣтить мимоходомъ, что канканъ часто вдохновляетъ г. Буренина, но это уже его маленькая слабость, также какъ и слабость къ пруссакамъ, которыхъ онъ больше чѣмъ кого-нибудь воспѣваетъ въ своихъ пародіяхъ. И надобно отдать справедливость автору, что это выходитъ у него очень удачно, такъ что его можно назвать въ нѣкоторомъ смыслѣ пѣвцомъ Бисмарка, Мольтке и ихъ касконосныхъ дружинъ. Особенно удалось г. Буренину „Торжество побѣдителей“, въ которомъ онъ искусно подражаетъ Жуковскому:

Паль канкана градъ вселенскій,
 Буйства вреднаго очагъ;
 И на выси Валерьевской
 Водрузивъ побѣдный стягъ,
 Рати прусскія возсѣли
 И гороховый экстрактъ,
 Распустивъ бульономъ, ѣли,
 „Wacht am Rhein“ горланя въ тактъ.

Воспѣвая нѣмцевъ г. Буренинъ не забываетъ однакожъ турокъ и англійчанъ. Пьесы „Конституція въ Константинополѣ“, „Талисманъ Мидхада“, „Турецкая дипломатія“, „Обѣдъ у султана“—все это бойкія сатиры на тѣ розовыя надежды, какія возлагались во время оно на великія реформы въ Турціи, или на ту канитель, какую тянула европейская дипломатія изъ ненависти къ Россіи и въ надеждѣ на выздоровленіе „больного человѣка“. Также злы и мѣткія стихотворенія, которыя г. Буренинъ посвящаетъ бывшимъ англійскимъ министрамъ: „Дума маркиза Садисбюри“, „Рѣчь лорда Биконсфильда на банкетѣ въ честь лорда мэра“. Последняя пьеса отличается уже характеромъ болѣе серьезной сатиры, нежели другія пародіи. Мы позволимъ себѣ выписать часть этого стихотворенія, такъ какъ взятый въ немъ мотивъ и въ настоящее время не утратилъ значенія въ виду того, что совершается въ Турціи.

Ужинъ былъ удивительный. Мясо и дичь
 И приправы съ продуктомъ Кайены,
 Крѣпкій портеръ и вина и пуншъ проглотивъ,
 Оживились весьма джентельмены.

Время сна приближилось. Лордъ Биконсфильдъ
 Поднялся и, въ заздравномъ бокалѣ
 Краснорѣчіе черная, сталъ говорить,
 И ему всѣ съ восторгомъ внимали.

„Мы стремимся къ политикѣ мира—вѣщаль
 Благородный премьеръ—слово это жъ
 Годъ назадъ я изрекъ, и теперь говорю...
 Намъ трактаты не пыльная ветошь.

„И согласно трактатамъ мы будемъ хранить
Независимость милыхъ намъ турокъ:
Въ этомъ дѣлѣ священномъ британскій народъ
И упоренъ и вмѣстѣ съ тѣмъ юрокъ.

„Мы славянамъ турецкимъ сочувствуемъ: въ насъ
Христіанскія то же вѣды души,
Мы скорбимъ, что болгаръ распинаютъ, что имъ
Турки рубятъ носы, рубятъ уши.

„Мы согласны: подобный порядокъ суровъ,
Прогрессивныя нужно реформы
Непрежнно ввести, измѣнивъ навсегда
Лихихъ варварствъ ужасныя формы.

„Для чего распинать тѣхъ, кто туркамъ даетъ
Средства жизнь наслажденьями тѣшить?
Трудъ рабовъ принимая въ расчетъ, можно ихъ
Благородно, по англійски вѣшать.

„Если жъ нужно порой дать острастку рабамъ—
Уши рѣжь, только рѣжь осторожно,
И по буквѣ трактатовъ священныхъ, а носъ...
Носъ оставить, я думаю можно...

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній г. Буренинъ заявляетъ, будто никогда не признавалъ себя поэтомъ и что другіе называютъ его „пересмѣшникомъ“. Намъ кажется, приговоръ этотъ слишкомъ скромный и далеко не справедливъ. Согласно съ характеромъ „Историч. Вѣстника“, мы въ настоящей замѣткѣ коснулись только того отдѣла стихотвореній г. Буренина, въ которомъ есть сторона историческая, и обошли его переводы и серьезныя оригинальныя пьесы. При болѣе полномъ обзорѣ мы указали бы, что если ему не совсѣмъ удастся переводъ своеобразнаго стиха Огюста Барбье, за то онъ очень удачно переводитъ Томаса Гуда, Альфреда де-Мюссе и даже трудно передаваемые на другой языкъ эпизоды изъ *Châtiments* Виктора Гюго. Что касается собственныхъ поэмъ г. Буренина, то онѣ теряютъ нѣсколько отъ невыдержанности и длиноты, хотя въ нихъ не мало прекрасныхъ поэтическихъ картинъ и живыхъ образовъ, не говоря уже о легкости и граціозномъ строѣ стиха. Инымъ можетъ быть не понравятся нѣкоторыя, слишкомъ пикантныя его сцены, но г. Буренинъ можетъ указать на то, что пуристы отворачивались и отъ нѣкоторыхъ главъ Байронова „Довъ Жуана“. Если же г. Буренина называютъ „пересмѣшникомъ“, то нельзя не замѣтить, что въ его пересмѣшкахъ не одно только балагурство: въ нихъ есть живая мысль и поэтической смыслъ. Не увлекаясь особенно этимъ родомъ поэзіи, мы однакожъ не относимся къ нему съ пренебреженіемъ сухихъ пуристовъ, а г. Буренинъ въ этомъ жанрѣ имѣетъ не много соперниковъ. Напомнимъ читателямъ старую истину, что въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Что „военно-поэтическіе отголоски“ г. Буренина, показывающіе оборотную сторону исторической медали недавнихъ событий, читаются безъ скуки, даже заставляютъ смѣяться и въ то же время заводятъ на мысли серьезныя—въ этомъ никто, конечно, ему не откажетъ. Если позволено будетъ для характеристики его поэзіи привести не совсѣмъ новое сравненіе, мы скажемъ, что муза его похожа не на античныя статуи, дѣвственныя при своей наготѣ, а на картинку, какія выставляются въ окнахъ магазиновъ, притомъ сдѣланную художественно и прекрасно иллюминированную.

А. М—въ.

Посланіе Многословное. Сочиненіе инока Зиновія, по рукописи XVI вѣка (съ приложеніемъ двухъ снимковъ). Трудъ Андрея Попова. М. 1880.

Конецъ XV вѣка и XVI вѣкъ ознаменованы въ исторіи русской церкви цѣлымъ рядомъ ересей. Первою изъ нихъ была ересь жидовствующихъ, принесенная въ 1470 году изъ Литвы въ Новгородъ жидомъ Схаріей и состоявшая въ томъ, что ея послѣдователи отвергали троицность Бога, божественность и мессіанство Иисуса Христа, таинства, посты, праздники, монашество, всю христіанскую обрядность. Сильные своимъ обширнымъ знакомствомъ съ священнымъ писаніемъ и твореніями св. отцовъ, искусною діалектикою и рационализмомъ, жидовствующие приобрѣли себѣ множество сторонниковъ въ лучшей части сперва новгородскаго, а потомъ московскаго духовенства, и въ то же время ихъ ученіе распространилось въ вологодскихъ и бѣлозерскихъ пустыняхъ и скитахъ, гдѣ нашло себѣ уже подготовленную почву въ реформаторскихъ стремленіяхъ тамошнихъ монаховъ. Въ 50-хъ годахъ XVI вѣка, на смѣну ереси жидовствующихъ, почти уничтоженной и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ, явился въ Россію чрезъ Польшу протестантизмъ и прежде всего выразился въ ереси Башкина или Бакшина. „Латынники“ (надо понимать: послѣдователи одной изъ протестантскихъ сектъ) аптекаръ Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ были его „развратителями“; вологодскіе и бѣлозерскіе монахи, или, какъ ихъ тогда называли, заводскіе старцы, съ которыми Башкинъ былъ въ сношеніяхъ, не только „не хулили его злобы“, но еще „утверждали его въ томъ“. Башкинъ не отвергалъ ни троицности Бога, ни божественности Христа, но не признавалъ Бога Сына равнымъ Богу Отцу; онъ отвергалъ храмы, иконы, посты, молитвы. Произведенное надъ нимъ слѣдствіе обнаружило его единомышленниковъ въ сѣверныхъ монастыряхъ, и поэтому было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ нѣкоторыхъ изъ заводскихъ старцевъ и доставленіи ихъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ, Феодосій Косой, былъ судимъ въ Москвѣ соборомъ (въ 1554 или 1555 году) и, вѣроятно, осужденъ (соборнаго дѣянія о немъ не сохранилось, но оно значится въ описи царскаго архива), но успѣлъ бѣжать изъ подъ стражи въ Литву.

Въ чемъ заключалось ученіе Косого? Заволжскіе старцы, къ которымъ онъ принадлежалъ, какъ мы видѣли, были знакомы, и съ ересью жидовствующихъ, и съ ученіемъ протестанта Башкина; къ жидовствующимъ ли, или къ Башкину склонялся Косой? Объ его ученіи мы до сихъ поръ знали, преимущественно изъ трехъ источниковъ: 1) изъ сочиненій кн. Курбскаго (главнымъ образомъ изъ Эпистолѣи его къ Кадіану Чаплию), 2) изъ сочиненія польскаго писателя XVII вѣка, протестанта Андрея Венгерскаго *Systema historiae chronologicum* (изъ него выписка у Костомарова, „Историч. монографіи“ I, 425) и 3) изъ „Истины Показанія“ монаха Новгородскаго Отенскаго монастыря Зиновія. Кн. Курбскій считаетъ Косого и его ученика Игнатія протестантами; точно также и у Венгерскаго Косой является однимъ изъ распространителей въ Литвѣ протестантскаго ученія; но Зиновій въ „Истины Показанія“ выставляетъ его послѣдователемъ жидовствующихъ; такъ, по Зиновію, онъ отвергалъ, подобно жидовствующимъ, троицность Бога, божественность и мессіанство Иисуса Христа, признавалъ авторитетъ лишь книгъ ветхаго завѣта, преимущественно Моисеевыхъ, и старался „отвращать людей отъ евангелія Христова“. Только что изданное „Посланіе Многословное“ разрѣшаетъ это несогласіе относительно Косого въ пользу Курбскаго и Венгерскаго; въ немъ ученіе Косого излагается, какъ не имѣющее въ своемъ основаніи ничего общаго съ ученіемъ жидовствующихъ и близкое къ протестантскому: Косой отвергалъ таинства, храмы, иконы, посты, церковныя пѣнопѣнія, но, подобно Башкину, не касается ни

тринности Бога, ни божественности Христа, признаетъ авторитетъ евангелія. Г. Поповъ объясняетъ такое различіе между двумя сочиненіями, что „Истины Показаніе“ изображаетъ ученіе Феодосія въ томъ видѣ, какъ оно было усвоено его великорусскими послѣдователями, а „Посланіе Многословное“ изображаетъ то же ученіе въ его дальнѣйшемъ развитіи, послѣ того какъ виновникъ его бѣжалъ въ Литву и здѣсь на свободѣ вступилъ въ ближайшее общеніе съ однородными ему представителями протестантскихъ ученій (предисловіе, 1). Но это объясненіе не можетъ насъ удовлетворить: общеніе съ дѣйствовавшими въ Литвѣ протестантскими проповѣдниками могло измѣнить воззрѣнія Косого на нѣкоторыя второстепенныя положенія религіи, но не могло повліять на его взглядъ на такіе предметы, которые составляютъ краеугольный камень вѣрующаго, именно на тринность Бога, божественность Христа, значеніе книгъ ветхаго и новаго заветъ; иначе говоря, оно не могло сдѣлать Косого изъ жидовствующаго христіаниномъ. Сверхъ того мы не имѣемъ никакихъ основаній утверждать, подобно г. Попову, что „Посланіе Многословное“ изображаетъ ученіе Косого, послѣ того какъ онъ сблизился съ литовскими протестантами, а „Истины Показаніе“ представляетъ его въ томъ видѣ, какъ оно было усвоено великорусскими послѣдователями Косого. „Истины Показаніе“ написано Зиновіемъ въ 1566 году, слѣдовательно, 10 лѣтъ спустя послѣ бѣгства Косого въ Литву (въ 1555 или въ 1556 году), когда антихристъ уже успѣлъ „развратить Литву Косымъ“ и когда его ученіе могло проникнуть и въ пограничныя съ Литвою русскія области. Изъ „Истинъ Показанія“ видно, что монахи Старо-русскаго Спасскаго монастыря узнали новое ученіе лишь незадолго до своего прихода къ Зиновію на собесѣдованіе, во всякомъ случаѣ много послѣ 1556 года; слѣдовательно, они узнали его отъ Косого не изъ далекихъ бѣлозерскихъ монастырей, какъ думаетъ г. Поповъ, а изъ близкой Литвы, и это ученіе есть одно и то же съ тѣмъ, которое около того же времени изложили православные литовцы въ письмѣ къ автору „Посланія Многословнаго“.

Несогласіе „Истинъ Показанія“ съ Посланіемъ Многословнымъ“ всего скорѣе объясняется тѣмъ, что Зиновій въ „Истинъ Показаніи“ представилъ ученіе Косого не въ истинномъ свѣтѣ и приписалъ ему такія воззрѣнія, какихъ у него никогда и не было, слѣдуя принятому въ церкви обычаю, не стѣсняясь ничѣмъ въ обвиненіяхъ еретиковъ. Припомнимъ, что митрополитъ Давидъ говорилъ Максиму Греку: „еллинскими и жидовскими мудрованіи и чернозвонными ихъ хитростями волшебными, отреченными отъ христіанскаго закона и житія хвалилися и возносилися и многое христіанство губиши“ (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1847 г. № 7, стр. 6), хотя обвинять Максима въ жидовствѣ, Давидъ конечно, не имѣлъ никакихъ основаній. Припомнимъ также, въ чемъ обвиняли православные католиковъ и богомиловъ.

Г. Поповъ считаетъ „Посланіе Многословное“ принадлежащимъ Зиновію; мы несогласны съ нимъ въ этомъ, хотя и признаемъ вмѣстѣ съ нимъ много общаго въ складѣ и слогѣ „Посланія“ и „Истинъ Показанія“. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что одинъ изъ современниковъ Зиновія писалъ слогомъ, замѣчательно сходнымъ съ слогомъ Зиновія; этому неизвѣстному современнику принадлежитъ одно изъ житій Іосифа Волоцкаго (такъ называемое „Житіе, написанное неизвѣстнымъ“), которое также отличается вычурностію изложенія и которое нельзя считать твореніемъ Зиновія¹⁾; ему же можетъ принадлежать и „Посланіе Многословное“. Считать послѣднее произведеніе принадлежащимъ Зиновію, препятствуютъ довольно крупныя разногласія между нимъ и „Истинъ Показаніемъ“. Одно изъ нихъ—относительно религіозныхъ воззрѣній Косого—мы уже указали; другое заключается въ томъ, что по „Истинъ Показанію“

¹⁾ Замѣчательно, что это житіе дошло до насъ только въ одномъ спискѣ, точно также какъ и „Посланіе Многословное“.

Косой съ товарищами были схвачены въ монастырѣ, привезены въ Москву для соборнаго суда и уже оттуда бѣжали въ Литву, что согласно и съ другими источниками (Высокопр. Макарія „Исторія р. церкви“, VI, 269, прим.); тогда какъ „Посланіе Многословное“ рассказываетъ, что они собрались въ Ново-озерѣ и, когда соборъ началъ розыскъ объ ихъ ереси, то они бѣжали съ Ново-озера: Игнатій на Двину, Косой и Вассіанъ съ прочими въ Литву. Наше мнѣніе о непринадлежности Зиновію „Посланія Многословнаго“ подтверждается различіемъ въ почеркѣ главной рукописи „Истинны Показанія“ и единственной рукописи „Посланія Многословнаго“, которыя обѣ трудно не признать за автографы авторовъ. Что касается до изданія „Посланія Многословнаго“, то мы должны сказать, что оно сдѣлано г. Поновымъ съ тою точностью и аккуратностью, которая отличаетъ всѣ его изданія.

А. С—скій.

Le Marquis Wielopolskii, sa vie et son temps. 1803—1877. Par M. Henry Lisicki. Wienne. 1880.

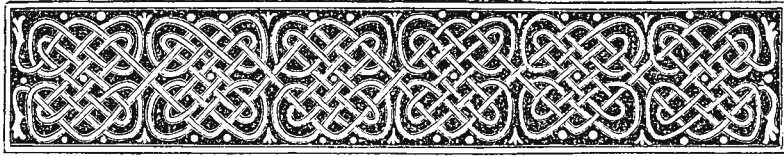
Два тома французскаго изданія біографіи маркиза Велепольскаго (вышедшей въ свѣтъ прежде на польскомъ языкѣ въ четырехъ томахъ) возбуждаютъ живой интересъ не только въ той долѣ читателей, которая принимаетъ близко къ сердцу различныя перипетіи такъ называемаго „польскаго вопроса“, какъ живого, затрогивающаго одну изъ современныхъ злобъ дня, но и среди тѣхъ, которые смотрятъ на вѣковой ходъ польскихъ смутъ съ исторической, болѣе спокойной точки зрѣнія. Цѣль автора дать матеріалъ для изученія дѣятельности такой, во всякомъ случаѣ, выдающейся исторической личности, какъ маркизъ Александръ Велепольскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовать, въ сжатомъ видѣ, тѣ обстоятельства, которыми подготовлены были цѣлесообразность этой дѣятельности, и причины, ее непосредственно вызвавшія. Авторъ начинаетъ свое дѣло издалека: съ возрожденія Польши подъ управленіемъ императора Александра I, рисуетъ тогдашнія неурядицы въ польскихъ сеймахъ, ходъ формированія тайныхъ обществъ въ странѣ, и въ живомъ, хорошо читающемся изложеніи подготавливаетъ читателя къ картинѣ революціи 1831 года, въ которомъ маркизу Велепольскому впервые пришлось выступить на серьезное служеніе польскому отечеству въ качествѣ дипломатическаго агента отъ имени временнаго польскаго правительства. Дѣятельность польской эмиграціи, принимавшей на себя нѣкоторый поэтический и даже мистическій характеръ, рассказана Лисицкимъ крайне интересно и подѣ часъ даже забавно. Рядомъ съ историческимъ очеркомъ событій особая глава посвящена собственно біографическимъ подробностямъ о самомъ маркизѣ. Эта двойственность не мало вредитъ сочиненію. При всей живости изложенія книги, историческія главы не представляютъ много новаго для людей, знакомыхъ съ имѣющимися уже въ распоряженіи исторической науки матеріалами за описываемое время. Какъ матеріалъ для журнальныхъ статей и извлеченій, эти очерки имѣютъ свой интересъ, и мы привели въ прошлой книжкѣ „Ист. Вѣстн.“ одинъ изъ очерковъ, въ которомъ рассказаны польскія смуты передъ возстаніемъ тридцатыхъ годовъ.

Главный интересъ сочиненія сосредоточивается на той эпохѣ, когда Велепольскій всталъ во главѣ управленія дѣлами своего края вначалѣ шестидесятыхъ годовъ. Эта эпоха обрисована авторомъ съ особенною любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ такою односторонностью, которая мѣстами заставляеть вообще не довѣрять автору. Тонъ горячаго поклонника героя книги и панегириста его дѣлъ,—условнаемый г. Лисицкимъ, значительно уменьшаетъ цѣну, какую для исторической науки могъ бы имѣть этотъ трудъ. Во всякомъ случаѣ,

дѣннаго для будущихъ историковъ матеріала тутъ много, такъ какъ авторъ руководствовался въ своемъ изложеніи бумагами и записками покойнаго маркиза. Самыя слабыя мѣста сочиненія тѣ, въ которыхъ г. Лисицкій трактуетъ о Россіи, о ея внутреннемъ положеніи и главныхъ дѣтеляхъ въ разсматриваемую эпоху. У автора не только нѣтъ нужныхъ познаній по этой части, но даже мало и того безпристрастія, какое мы находимъ въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ трудахъ западноевропейскихъ ученыхъ. Г. Лисицкій, очевидно, задался мыслью восхвалять только тѣ проявленія тогдашней политической мысли и дѣятельности, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ принципами его героя. (Такъ, въ крестьянскомъ вопросѣ онъ безусловный противникъ системы Милютина). Тоже, и еще въ большей степени, должно сказать и объ отношеніи автора къ польской революціонной партіи, среди которой даже ея противники не могутъ отрицать присутствія людей выдающихся и талантливыхъ. Въ описовкѣ же г. Лисицкаго даже такая несомнѣнно-замѣтная личность, какъ Лелевель, выходитъ чуть не идиотомъ, или по крайней мѣрѣ—какимъ-то злокозненнымъ противъ собственнаго отечества и умственно поврежденнымъ человѣкомъ. Затѣмъ, что касается главной дѣли сочиненія, то въ этомъ отношеніи книга Лисицкаго, какъ мы сказали, составляетъ явленіе, во всякомъ случаѣ, почтенное: на государственную дѣятельность маркиза Велепольскаго, его внутреннюю жизнь и умственный складъ пролить нѣкоторый свѣтъ; этимъ и можно пока удовольствоваться, по крайней мѣрѣ до появленія новыхъ записокъ и изслѣдованій, которыя бы вполне разъяснили эпоху, слишкомъ еще близкую къ намъ и ожидающую безпристрастнаго историка.

Н. С. К.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Дѣло о нашествіи антикваріевъ.

(Къ исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій).

ТАКЕ и чаще приходится встрѣчать въ нашей литературѣ интересныя разоблаченія частной, интимной, домашней дѣятельности нашихъ археологовъ и антикваріевъ прошлаго времени,—объ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ, о тѣхъ способахъ, какими они составляли для себя коллекціи старинныхъ книгъ и рукописей и проч. и проч. По поводу вышедшей недавно книги г. Барсукова „Жизнь и труды Строева“—особенно изъ вызванной ею полемики и апологетики—мы много узнали характерныхъ чертъ изъ старой археологической практики... Много также проливаетъ на нее свѣта „археологическая переписка“, напечатанная недавно на страницахъ „Древней и Новой Россіи“ тѣмъ же неутомимымъ изслѣдователемъ старины г. Барсуковымъ. Выступаютъ между нашими „палеологами“ личности свѣтлыя, безкорыстныя, работавшіе и тратившіе единственно для науки и отечественнаго просвѣщенія, крѣпко и упорно державшіе научное знамя, не преклоняясь передъ гнетомъ невѣжества и нужды,—таковы напр. Бодяинскій, Ундольскій и др... Но были „палеологи“ и себѣ на умѣ,—для которыхъ напр. собираніе старыхъ книгъ и рукописей было лишь любимой спекуляціей, источникомъ для наживы... Приобрѣтая часто за безцѣнокъ, чтобы послѣ продать въ-три-дорога, они, если вѣрять заявленнымъ свидѣтельствамъ людей компетентныхъ и не связанныхъ съ ними узами родства,—не совѣстились употреблять иногда даже чисто Пихлеровскіе способы при составленіи своихъ древнехранилищъ... Въ концѣ концовъ они соглашались отчуждать отъ себя свои любимыя приобретенія за большіе куши... Въ этомъ отношеніи, т. е. въ хорошемъ обдѣлываніи своихъ дѣлишекъ,—эти практицистическіе палеологи загибали за посясъ своихъ собратьевъ-идеалистовъ археологій... Эти послѣдніе поступали весьма наивно: они или жертвовали еще при жизни свои приобретенія и находки общественнымъ книгохранилищамъ, или же хранили ихъ у себя до смерти, какъ зѣницу ока, какъ любимое сокровище, въ которомъ жило ихъ сердце, не рѣшаясь отчуждать ихъ отъ себя, хотя бы за миліоны, и только послѣ ихъ смерти можно было отнять у нихъ ихъ драгоценности—хорошо еще если для общества и за приличное вознагражденіе семейству идеалиста-археолога, какъ это случилось съ библиотекой Ундольскаго, а

то просто отнять и предоставить за безцѣнокъ букинистамъ, какъ это случилось недавно съ библиотекой Бодянского, которой ниже друзья покойника не съумѣли сохранить и пристроить какъ слѣдуетъ, а допустили расхитить за безцѣнокъ рыночнымъ воронамъ книжнаго дѣла...

Отъ археологовъ-практиковъ, подобныхъ дѣйствовавшимъ на сѣверѣ Руси, не изъята была и Русь южная, и особенно юго-западная... И здѣсь въ старыя годы, особенно сороковые и пятидесятые, странствовали вездѣ по церквамъ и монастырямъ собиратели книжныхъ и рукописныхъ рѣдкостей. Бывали между ними идеалисты, дѣйствовавшіе ради пользы науки и края; но, по особенному положенію этого края, оказывалось между ними больше практиковъ и при томъ своеобразныхъ, такихъ, какихъ сѣверъ Россіи, къ счастью, не видѣлъ, по крайней мѣрѣ нарочито. Къ числу подобныхъ практиковъ принадлежали большею частію археологи-собиратели изъ поляковъ. Рѣдко преслѣдовались ими чисто научныя цѣли. Самое положеніе польскаго дѣла въ краѣ было таково, что не позволяло польскимъ патріотамъ относиться къ памятникамъ старины вполне объективно, научно, безпристрастно, а всегда внушало имъ заднія мысли, какъ во взглядѣ на эти памятники, такъ и въ пользованіи ими. Не личная корысть руководила при этомъ ими. Это было бы еще ничего для самыхъ памятниковъ. Нѣтъ, тутъ дѣйствовали дурно понятые общепольскіе національные виды... И вотъ въ этихъ видахъ практиковались иногда способы и приемы въ отношеніи къ собиравшимся памятникамъ просто невѣроятные, прямо граничившіе съ вандализмомъ. Памятники разыскивали съ тѣмъ, чтобы навсегда погубить ихъ для края, сдѣлать ихъ для него какъ бы не существующими... Исторію одного изъ такихъ антикваріевъ-поляковъ 50-хъ годовъ разсказалъ уважаемый нашъ южно-русскій историкъ В. Б. Антоновичъ еще въ покойной „Основѣ“. Имя этому археологу было Маріанъ Горжковскій. „Нѣсколько лѣтъ назадъ,—разсказываетъ г. Антоновичъ,—г. Горжковскій былъ учителемъ въ черниговской гимназій. Заявивъ о желаніи своемъ научно разработать исторію Малороссіи, онъ успѣлъ выхлопотать право заниматься во всѣхъ монастырскихъ бібліотекахъ кievской митрополіи и пересматривать всѣ находящіяся въ ея предѣлахъ церковныя архивы. Изъ собственныхъ словъ г. Горжковскаго, мы знаемъ, какъ онъ воспользовался этимъ позволеніемъ: то по довѣрію иноковъ, то подъ видомъ лица, будто бы присланнаго митрополитомъ Филаретомъ, частнымъ образомъ, для повѣрки состоянія монастырей, онъ присвоивалъ себѣ все, что относилось къ исторіи края и къ его сношеніямъ съ Польшою. Мы видѣли у него огромное собраніе древнихъ актовъ, изданій кievской академіи, церковныхъ книгъ и т. п. Спрашивается, съ какою цѣлью была сдѣлана вся эта коллекція? Г. Горжковскій не издалъ изъ нея никакихъ извлеченій, не сдѣлалъ ее доступною публикѣ и даже частнымъ знакомымъ не позволялъ заняться собранными имъ матеріалами,—онъ ее упряталъ такъ, что и слѣдъ простылъ... Такого добросовѣстнаго дѣйствія, вѣдь, не постыдился бы любой фанариотъ, безчинствующій въ Болгаріи, съ цѣлю уничтожить всѣ древніе памятники исторіи и литературы края. Въ заключеніе г. Горжковскій уѣхалъ за границу, и въ Римѣ въ прошломъ (1860) году поступилъ въ іезуитскій монастырь“¹⁾...

Вотъ какого рода археологи рыскали иногда на югѣ Россіи! Нашествіе ихъ равнялось иногда варварскому опустошенію страны... Что дѣйствія Маріана Горжковскаго, по собиранію памятниковъ старины въ юго-западномъ краѣ не были единичнымъ, исключительнымъ явленіемъ, это мы хотимъ подтвердить слѣдующимъ сообщеніемъ:

Въ архивѣ кишиневской духовной консисторіи есть любопытное дѣло, указывающее на слѣды дѣйствій какого-то неизвѣстнаго антикварія подольской

¹⁾ „Основа“, 1861 г. июль, письмо въ редакцію В. Антоновича, изъ Кіева, подъ заглавіемъ: „Что объ этомъ думать?“ въ отдѣлѣ Вісті, стр. 10-я.

губерніи въ 40-хъ годахъ. Какъ увидимъ ниже, этотъ дѣятель предупредилъ Горжковскаго и во времени своей дѣятельности и въ пріемахъ ея; о дѣлахъ ея ничего сказать не можемъ. Дѣло это относится къ 1843 году и носитъ такое названіе: „Дѣло о предохраненіи Городищскаго монастыря отъ нашествія антикваріевъ. Начато 25 мая 1843 года. Кончено 30 мая того же года“ ¹⁾. Сущность его въ слѣдующемъ:

Кишиневскій военный губернаторъ Федоровъ получилъ изъ Каменца-Подольскаго слѣдующее письмо, писанное 30-го марта 1843 года:

„Ваше превосходительство.

„По милости своей, надѣюсь, вы не прогнѣваетесь на меня, если я осмѣлился довести до вашего свѣденія слѣдующее покушеніе.

„На сихъ дняхъ мнѣ рассказали, что на чертѣ, отдѣляющей Бессарабію отъ нашей губерніи (должно полагать въ Сорокскомъ уѣздѣ), противъ пограничнаго нашего селенія Попенки, лежащаго въ Балтскомъ уѣздѣ, находится монастырь, котораго назвать не умѣли, заброшенный, да богатый древностями. цѣны коимъ монахи не знаютъ. Татарскіе набѣги на здѣшнія и бессарабскія мѣста давно кончились; вмѣсто ихъ явились антикварскіе, если не силою, то хитростію. И такъ одинъ антикварій нашей губерніи хочеть сдѣлать набѣгъ на этотъ монастырь и выманить отъ монаховъ все любопытное; для чего уже послалъ передовыхъ соглядатаевъ.

„Монастырь этотъ вашему превосходительству извѣстенъ и молва о древностяхъ его, легко статься можетъ, несправедлива: за всѣмъ тѣмъ, сдѣлавшись ревнителемъ старины и убѣжденный по опытамъ, что ее находятъ тамъ, гдѣ иногда совсѣмъ не предполагають,—не могъ я терпѣливо выслушать неблагонамѣреннаго покушенія и въ умѣ своемъ воскликнулъ: напишу о семъ покровителю бессарабскихъ древностей, его превосходительству, да отвратить онъ злонамѣренный ковь: за что наше возмутъ чужіе, когда въ Одессѣ есть и свое общество, и свои антикваріи?

„Простите великодушно моей рѣшимости, которая нисколько не измѣняетъ чувствъ особеннѣйшаго уваженія и преданности, съ коими имѣю честь всегда быть, вашего превосходительства, покорнѣйшій слуга, А. Ключаревъ ²⁾.“

Сдѣлавши помѣтку на этомъ письмѣ: „отвѣтъ посланъ,—нужно наблюсти“, бессарабскій губернаторъ отослалъ его тогдашнему архіепископу кишиневскому Димитрію (Сулимѣ). Преосвященный Димитрій препроводилъ письмо въ консисторію, написавши предварительно на немъ слѣдующую резолюцію: „25 мая 1843 г. По сему велѣть старшему оргѣвскому благочинному, чтобы онъ съѣхавъ немедленно въ горидишскій монастырь, строжайше подтвердилъ и находящемуся тамъ іеромонаху Нивифору съ монахами, и управляющему симъ монастыремъ сахарнянскому игумену Товіи, дабы а) никто не смѣлъ никому, кто бы то ни было, выдавать какихъ-либо вещей, или книгъ, или иконъ, находящихся какъ въ высѣченномъ въ каменной тамошней горѣ, древнемъ монастырѣ,—такъ и въ новой церкви и монастырѣ, б) ежели кто-либо пріѣдетъ туда съ требованіемъ отпустить ему что-либо изъ того монастыря, то, отказавъ ему въ томъ, немедленно съ нарочнымъ донести мнѣ, съ поясненіемъ, кто именно для сего туда пріѣзжалъ. Димитрій архіепископъ кишиневскій и хотинскій.“

На основаніи этой резолюціи, консисторія послала указъ старшему оргѣвскаго уѣзда благочинному протоіерею Симеону Бактагѣ; сей послѣдній, получивши указъ,—представилъ преосвященному Димитрію репортъ, что исполнилъ архипастырскую резолюцію въ точности:—этимъ и оканчивается

¹⁾ № 106-й. На восьми листахъ.

²⁾ Статскій совѣтникъ Ключаревъ былъ въ то время предсѣдателемъ казенной палаты въ Каменцѣ-Подольскомъ. Послѣ онъ перешелъ на службу въ Кіевъ. О немъ упоминаетъ г. Лѣсковъ въ своемъ разсказѣ „Владычій Судъ“.

„дѣло о предохраненіи Городищскаго монастыря отъ нашествія антикваріевъ“, находящееся въ кишиневской консисторіи... Пріѣзжалъ ли кто-нибудь въ Городищскій монастырь выманивать у монаховъ его древности, это остается неизвѣстнымъ: объ этомъ въ дѣлѣ ничего нѣтъ. Все же это „дѣло“, кишиневская духовная консисторія сдала въ архивъ подъ заглавіемъ, можно бы сказать курьезнымъ и вызывающимъ улыбку, если бы дѣятельность антикваріевъ, въ родѣ Маріана Горжковскаго, не имѣла въ себѣ признаковъ дѣйствительнаго варварскаго нашествія,—все же, говоримъ, это дѣло раскрываетъ передъ нами нѣкоторыя черты прошлой археологической практики на юго-западѣ и югѣ Россіи и можетъ поэтому доставить нѣкоторый матеріалъ для соображеній и выводовъ по исторіи частныхъ археологическихъ экскурсій.

Сообщено Л. С. Мацѣвичемъ.

Новгородская депутація въ 1831 году.

Ко дню празднованія тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго изъ Новгорода ежегодно отправляется къ высочайшему двору депутація съ вѣрноподданческимъ поздравленіемъ. Депутація эта была въ первый разъ принята, по высочайшему соизволенію, въ день крещенія его высочества въ 1831 году. Вотъ что сообщили тогда объ этомъ высочайшемъ приѣмѣ бывшій новгородскій уѣздный предводитель дворянства г. Тырковъ въ письмѣ къ графу Араччеву:

„Наконецъ депутація наша совершилась. Сегодня крестили великаго князя Николая Николаевича и мы удостоены были находиться при крещеніи. Воспріемниками были ихъ высочества наслѣдникъ цесаревичъ и великая княгиня Марія Николаевна. Новорожденнаго держала графиня Кочубей, а по сторонамъ ея, подлѣ подушки, стояли графъ Кочубей и князь Волконскій. Насъ помѣстили на лѣвой сторонѣ, подлѣ ширмъ, противъ мѣста занятаго государемъ императоромъ во время обѣдни. По окончаніи обѣдни гофъ-фурьеръ позвалъ насъ въ собственные комнаты государя. (Императорская фамилія живетъ въ новомъ дворцѣ, что прежде назывался Александровскимъ). Его величество принялъ насъ однихъ, такъ, что придворныхъ никого въ комнатахъ не было. Говорилъ съ нами, какъ отецъ среди дѣтей. Благодарилъ дворянство за доброе обхожденіе съ крестьянами, тишину и спокойствіе ими сохраненныя во время бунта, приписывалъ это ихъ довольству и попеченію объ нихъ помѣщикамъ, увѣрялъ, что примутся такія мѣры, которыми безопасность наша упрочится и что за неблагодарность военныхъ поселенъ воздастся достойное наказаніе. „Покойный императоръ братъ мой употреблялъ всѣ средства сдѣлать ихъ счастливыми, я зналъ его мысли и продолжалъ устраивать ихъ благополучіе, они заплатили неблагодарностію, теперь буду умѣть наказать ихъ“. Вотъ слова буквально государемъ сказанныя. Объявилъ намъ свое ожиданіе, что дѣла варшавскія скоро кончатся. Если они ведутся не съ такимъ успѣхомъ, какъ бы желалось, то много враговъ тайныхъ, носящихъ личину нашихъ пріятелей, мѣшаютъ въ томъ. Предварялъ насъ быть осторожными. Повсемѣстные разрушители порядка завидуютъ величію Россіи, она еще одна противустояла ихъ соблазнамъ и потому они тайно употребляютъ всѣ способы поколебать ее. Давалъ совѣты воспитывать дѣтей иначе, чтобы исправить ошибки прошлаго, обѣщалъ въ скоромъ времени открыть корпусъ, (что назначался въ Медвѣдѣ) для дѣтей нашихъ, куда они будутъ приниматься безпріятственно, и заключилъ благодарностію за посѣщеніе, повторилъ ее за доброе обращеніе съ крестьянами, чему къ прискорбію видить въ другихъ мѣстахъ примѣры противныя, присоединяя и то, чтобы дворянство старалось избирать на мѣста людей достойныхъ, которые могли бы быть ему надежными помощниками, тогда только могутъ ожидать честнаго и

прямого правосудія. Лишь только мы откланялись, какъ въ корридорѣ графъ Мегденъ объявилъ намъ, что императрицѣ угодно насъ видѣть. Мы приняты были въ ея спальнѣ. Она подошла къ намъ съ новорожденнымъ на рукахъ, допустила каждого къ рукамъ и удостоила насъ тѣмъ привѣтствіемъ, что она благополучно разрѣшилась въ тотъ день и чрезъ нѣсколько часовъ по возвращеніи отъ насъ императора и что праздновать будутъ тезоименитство его высочества въ день памяти новгородскаго угодника. Потомъ приглашены мы были къ обѣду, чѣмъ и кончилось наше представительство.

„Слова государя, отечески съ нами бесѣдовавшаго и открывшаго намъ собственное положеніе Россіи и отношенія къ ней другихъ, трогали насъ cadaго до глубины сердца, а милостивый и умилятельный пріемъ императрицы поразилъ насъ. Истинно, ваше сіятельство, не могу вспомнить безъ слезъ, онъ глубоко врѣзался въ чувствахъ cadaго изъ насъ. Изъ С.-Петербурга были приглашены только прусскій посолъ, Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, графъ Кочубей, князь Волконскій, князь Голицынъ, графы Несельроде и Бенкендорфъ. Графиня Кочубей получила браслетъ съ портретомъ государя, богато брилліантами осыпанный. Новгородскій кунецъ голова получилъ золотую медаль съ брилліантами на андреевской лентѣ. Объ другихъ подаркахъ не слыхалъ.

„Пожелавъ отъ души вашему сіятельству добраго здоровья, съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ и душевною преданностію, имѣю честь быть и проч. А. Тырковъ“.

„Царское Село, 22-го августа 1831 года“.

Изъ этого письма видно, что первая новгородская депутація состояла изъ дворянъ съ предводителемъ во главѣ; отъ купечества же находился только городской голова. Въ настоящее же время дворяне не участвуютъ въ депутаціи и она составляется исключительно изъ однихъ лишь купцовъ.

Сообщено Н. Г. Богословскимъ.

Письмо Н. В. Сушкова къ И. М. Снегиреву.

Конфиденціально.

„Перечитавъ прилагаемый отрывокъ съ глубокимъ вниманіемъ и обсудивъ его со всѣхъ сторонъ, какъ самый строгій критикъ, какъ самый неумолимый цензоръ, скажу вамъ, по совѣсти: не вижу что бы тутъ могло навлечь отвѣтственность автору и, какъ авторъ, рѣшительно ничего не боюсь.

„Дѣло то все въ томъ, что П. Н. Араповъ ¹⁾ жалѣетъ лишнихъ расходовъ на бумагу! Покуда онъ не имѣлъ ни одной статьи для своего „Альбома“ и вся надежда его была на меня, онъ самъ просилъ, чтобъ я помѣстилъ „Теньера“ ²⁾ и отрывки въ стихахъ. Теперь онъ привезъ кой-что изъ Петербурга и ему хотѣлось бы не выйти изъ извѣстнаго числа листовъ. Вотъ онъ и сталъ хитрить, находя что-то страшное въ отрывкѣ изъ пьесы игранной на театрѣ! По самолюбію мнѣ бы должно взять этотъ отрывокъ и отказать ужъ отъ всякаго участія въ его „Альбомѣ“; да потому же самолюбію мнѣ не хочется сознаться самому передъ собой, что Пинень провель Николая. При томъ я надѣялся возобновить эту комедію на сценѣ и для этого мнѣ нужно напомнить объ ней

¹⁾ Издатель „Драматическаго альбома“ (1850 г.) авторъ „Лѣтописи русскаго театра“ (1862) и нѣсколькихъ мелодрамъ, комедій и водевилей.

²⁾ „Давидъ Теньеръ, живописецъ“. Анекдотъ въ лицахъ въ 1 дѣйствіи съ куплетами; Н. В. Сушкова и П. А. Карсакова. Напечатанъ въ „Драматическомъ альбомѣ“ изд. Арповымъ.

публикѣ, хоть отрывками. Полагаясь, не говорю ужъ на дружбу вашу ко мнѣ, а собственно на вашу опытность въ дѣлѣ цензуры, я увѣренъ, что вы какъ въ рукописи, такъ и въ корректурныхъ листахъ, не найдете ничего не позволительнаго, особенно обративъ вниманіе на предисловіе, которое всегда ограждаетъ насъ отъ всякихъ нападковъ.

„Впрочемъ, вы довольно ужъ знаете мою сговорчивость, знаете и осторожность мою и направленіе мое въ моихъ посильныхъ трудахъ—думаю, что неблагонамѣренной кѣли мнѣ никто не припишетъ, чтобы я и ни напечаталъ. Наконецъ, я предпочту все сжечь, что ни написалъ, лучше, чѣмъ навлечь не-пріятность цензору, хотя бы вовсе незнакомому, не только вамъ.

„Если и запрещена какая нибудь повѣсть подъ названіемъ „Дуелисты“ все же не запрещено осмѣивать дуелей, которыя впрочемъ даже частно терпимы по Своду Законовъ. Та повѣсть могла быть не въ духѣ правительства, противна религіи, нравственности и мало ли что... а это комедія—„преданье старины глубокой“ и ужъ, конечно, не опасная вещь, если одобрена драматической цензурой.

„Если вы будете дома въ 12 часовъ завтра, то, послѣ обѣдни, я заѣду къ вамъ, чтобъ узнать ваше рѣшеніе.

„Грустно встрѣчать на каждомъ шагу въ людяхъ непризнательность и лицемеріе, когда самъ говоришь и поступаешь простодушно!.. Вотъ я цѣлый мѣсяцъ хлопоталъ съ типографіей, переправлялъ чужіе прозу и стихи, слѣпилъ глаза надъ корректурой, пожертвовалъ двумя драгоценными рукописями Екаторины—а Араповъ хитритъ со мною!!!

„Не знаю разберете ли вы мой экспромтъ? запечаталъ не пересчитывая его. Можетъ быть и разыгралось черезъ чуръ мое авторское самолюбіе. Вы посмѣетесь, пожмете плечами и скажете: бѣдные люди, стихотворцы!..

„И такъ до свиданья!

„Душевно преданный вашъ

Н. Сушковъ.

1850, 7 ноября.
Суббота.

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

С М Ъ С Ъ.

ПУШКИНСКАЯ выставка въ Петербургѣ. 19-е октября, день лицейской годовщины, съ которымъ обыкновенно связывается воспоминаніе о великомъ нашемъ поэтѣ А. С. Пушкинѣ, ознаменовался скромнымъ торжествомъ, устроеннымъ въ Петербургѣ, по почину литературнаго фонда,—открытіемъ выставки портретовъ Пушкина, его семейства, товарищей, друзей и современниковъ, скульптурныхъ изображеній поэта и нѣкоторыхъ друзей-поэтовъ, изображеній сценъ изъ его жизни, рисунковъ къ его сочиненіямъ, музыкальныхъ произведеній на его слова, изданій его сочиненій, альманаховъ, сборниковъ и книгъ, въ которыхъ помѣщены сочиненія Пушкина или о Пушкинѣ; вещи ему принадлежавшія; автографы поэта и пр. Въ числѣ портретовъ масляными красками обращалъ на себя особенное вниманіе портретъ Пушкина съ подписью „О. Кр. 1827“; онъ замѣчателенъ своимъ сходствомъ и большею выразительностью, чѣмъ портретъ, сохранившійся въ семействѣ поэта. Портретъ этотъ принадлежалъ прежде г. Арсеньеву, а нынѣ составляетъ собственность князя П. Н. Вяземскаго. Тѣмъ же лицомъ была выставлена картина, изображающая субботнее вечернее собраніе въ 1834 г. въ кабинетѣ Жуковскаго въ Зимнемъ дворцѣ. Слѣва представленъ Жуковский и Плетневъ, по другой сторонѣ письменнаго стола Кольцовъ, у дивана Гоголь; на диванѣ Пушкинъ, Одоевскій и Крыловъ, около дивана помѣщенъ Перовскій, бесѣдующій съ М. Ю. Вельгурскимъ, который расположился у камина. Надѣво отъ камина изображены Ф. Ф. Вигель и А. Н. Карамзинъ. Изъ портретовъ Н. Н. Гончаровой, жены Пушкина, особенно любопытенъ, сдѣланный акварелью моднымъ портретистомъ того времени Гау. Тутъ же были помѣщены извѣстная гравюра и самый оригиналъ ея, писанный масляными красками Чернецовымъ въ 1832 году, съ изображеніемъ Крылова, Пушкина, Гибдича и Жуковскаго. Изъ портретовъ друзей Пушкина слѣдуетъ упомянуть о портретѣ поэта П. А. Вяземскаго, литографированномъ съ рисунка чернымъ карандашемъ Крюгера, около 1835 г. Далѣе, въ одной рамкѣ были поставлены портреты графа Бенкендорфа, С. С. Уварова, княгини Е. П. Бѣлосельской-Бѣлозерской. Геккерена и тутъ же помѣщено объявленіе о „напиткѣ въ честь Пушкина завода Гревемюль въ Москвѣ“. Въ ряду литографированныхъ портретовъ заслуживало вниманія изображеніе Д. В. Давыдова, представленнаго въ одно и то же время писателемъ и рубакой. За портретами слѣдуютъ разнаго рода виды, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ произведеній Пушкина, рисунки къ его сочиненіямъ, иллюстраціи изъ альманаховъ—„Невскаго Альманаха“, „Полярной звѣзды“; лубочныя картины, гравюры моделей памятниковъ, въ томъ

числѣ нельзя не отмѣтить плянь памятника Пушкина (1862 г.), составленный Лавренко и Бахманомъ. Самая модель находится въ Александровскомъ лицѣ. Сверхъ того, были выставлены изображенія домовъ, гдѣ проживалъ Пушкинъ, и мѣстностей, наиболѣе имъ любимыхъ. Въ числѣ выставленныхъ бюстовъ находился, между прочимъ, гипсовый бюстъ князя П. А. Вяземскаго, сдѣланный ея высочествомъ принцессой Терезой Ольденбургской въ 1856 году, бюсты Баратынскаго, Жуковскаго и Языкова.

Довольновидное мѣсто на выставкѣ занимали автографы поэта, въ числѣ которыхъ особенно замѣчательнъ автографъ историческихъ набросковъ, писанныхъ Пушкинымъ въ періодъ пребыванія его въ Кишиневѣ въ 1822 году; рисунки карандашемъ, имъ самимъ сдѣланные, разновременныя изданія его сочиненій въ полномъ видѣ, въ переводахъ на многіе языки, отдѣльными произведеніями и брошюрами. Коллекція музыкальныхъ произведеній на слова Пушкина довольно обширна. Нельзя не упомянуть также о коллекціи вещей, принадлежащихъ поэту, а именно: черныи, суконный, двубортный жилетъ Пушкина, бывшій на немъ во время дуэли, при немъ собственноручная замѣтка князя П. А. Вяземскаго, палка поэта, толстая, съ набалдашникомъ, похожимъ на аметистъ; клочокъ волосъ съ помѣткой И. С. Тургенева, что этотъ клочекъ былъ срѣзанъ въ присутствіи маститаго беллетриста съ головы покойника его камердинеромъ 30-го января 1837 года, на другой день послѣ кончины поэта. Далѣе въ той же витринѣ были помѣщены: изданный въ Парижѣ въ 1814 г. экземпляръ *Виргилія*, маленькій, на сѣрой бумагѣ, по которому Пушкинъ въ лицѣ готовилъ латинскіе уроки; перстень, полученный поэтомъ отъ княгини Воронцовой и подавшій ему поводъ написать стихотвореніе „Талисманъ“. Въ настоящее время перстень этотъ, имѣющій видъ цѣпи съ сердоликовымъ камнемъ, принадлежитъ И. С. Тургеневу. Изъ видовъ небезынтересно изображеніе Жуковскаго у окна на берегу Женевскаго озера, а изъ картинъ достойна вниманія писанная г. Айвазовскимъ и изображающая Пушкина на южномъ берегу Крыма въ 1820 году. Полотно значительныхъ размѣровъ представляетъ Юрзуфъ раннимъ вечеромъ. Луна уже взошла, но гдѣ-то, внѣ картины, еще догораетъ заря, и послѣдніе лучи заката чуть тронули обросшія зеленою скалы. Предъ скалами тихое, едва плещущее море, посеребренное лѣной прибой. Скалы уходятъ въ прозрачныя лѣтнія сумерки; отраженіе потухающей зари кое-гдѣ вызвало на нихъ тѣ удивительныя свѣтлѣющія краски, которыми такъ владѣетъ знаменитый маринистъ. У самаго берега моря, на мшистомъ камнѣ лежитъ Пушкинъ; онъ сбросилъ свою соломенную шляпу, приподнялся на локтяхъ и глядитъ въ темнѣющую даль. Косые желто-розовые лучи заката слегка освѣщаютъ его плечи и голову. Лицо поэта, написанное въ профиль, въ общей композиціи картины составляетъ конечно только аксессуаръ, но оно не лишено ни сходства, ни выразительности. Больше невозможно и требовать по задачамъ картины, всю силу которой составляетъ конечно пейзажъ — этотъ столь извѣстный Южнобережскій пейзажъ г. Айвазовскаго, съ прозрачнымъ воздухомъ, прозрачною черноморскою волной и нарядно освѣщенными скалами.

Раскопка кургановъ близъ станицъ Бутова въ Подольскомъ уѣздѣ. Съ легкой руки нашихъ ученыхъ, обратившихъ вниманіе на важность раскопокъ и удѣляющихъ имъ свободныя минуты отъ своихъ трудовъ, доисторическая археологія начинаетъ интересоваться не только столичныхъ жителей, которымъ доступны засѣданія разныхъ обществъ и открыты кабинеты и музеи, съ хранящимися въ нихъ древностями, но и провинціальныхъ дѣятелей, посвящающихъ себя мирнымъ сельскимъ занятіямъ.

Такъ въ августѣ нынѣшняго года была произведена раскопка семи кургановъ въ лѣсной пустоши Кіовѣ, находящейся въ 12¹/₂ верстахъ отъ города Подольска, при селѣхъ Бутовѣхъ (въ 1¹/₂ верстѣ отъ него). Объ этой раскопкѣ „Московскія Вѣдомости“ сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія. По просьбѣ почет-

наго члена Археологическаго Института, А. А. Орлова, владѣлица этихъ кургановъ предоставила ихъ въ распоряженіе упомянутого учрежденія. Директоръ Института Н. В. Калачевъ и дѣйствительный членъ Н. Н. Оглоблинъ послѣдшии присоединили къ г. Орлову, и въ теченіе трехъ дней (17, 19 и 21 августа) были разрыты, съ соблюденіемъ научныхъ приѣмовъ, всѣ выше-означенные курганы, одни послойною съемкой насыпи, другіе посредствомъ углубленій въ средніе курганы въ формѣ воронки, съ расширеніемъ ихъ въ тѣ стороны, гдѣ оказывались или предполагались какіе-либо остатки похоронныхъ принадлежностей и костяковъ. Но между тѣмъ какъ археологи тщательно раскапывали и перебирали землю со встрѣчавшимися въ ней предметами, семья владѣлица съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдила за работами, въ которыхъ приняли также участіе пришедшіе изъ окружающихъ селеній крестьяне и крестьянки. Не касаясь подробностей и техническихъ приѣмовъ настоящихъ раскопокъ, которыя будутъ сообщены въ издаваемомъ Археологическимъ Институтомъ Сборникѣ, упомянемъ здѣсь лишь о нанесеніи г. Орловымъ мѣстности, въ которой производились эти раскопки, на планъ, и о найденныхъ въ курганахъ предметахъ, имѣющихъ значеніе для науки.

Составленіе топографической карты мѣстности разрываемыхъ кургановъ— дѣло весьма важное и потому обращаемъ вниманіе на эту работу, какой до сихъ поръ не представлялось въ печати, между тѣмъ какъ подготовленіе такимъ образомъ общей карты всѣхъ кургановъ, находящихся въ предѣлахъ Россіи, рѣшительно необходимо для лучшаго изученія разныхъ народностей, населявшихъ ее въ доисторическое время. Что же касается предметовъ найденныхъ въ курганахъ близъ Бутова, то, къ сожалѣнію, остатки череповъ, оказавшіеся въ однихъ курганахъ вмѣстѣ съ остатками прочихъ костей, а въ другихъ и безъ этихъ послѣднихъ, и наконецъ нѣкоторые отдѣльные кости до того немногочисленны, неполны и хрупки, что на основаніи ихъ трудно сказать, принадлежали ли похороненные здѣсь къ длинноголовымъ или короткоголовымъ, и когда именно они могли быть погребены. Тѣмъ не менѣе самая незначительность этихъ остатковъ, плотность лежащаго на матеріахъ песчанника, въ которомъ они найдены, а также известковаго пласта, встрѣчающагося вершковъ на 10 и болѣе ниже поверхности насыпи; форма кургановъ, представляющихъ сплюснутую возвышенность, доходящую отъ одного съ небольшимъ аршина до сажени отъ материка, а въ окружности имѣющую отъ 10 до 17 сажень; особенно же вырытыя вмѣстѣ съ костями вещи, въ коихъ не оказалось никакихъ слѣдовъ желѣза, указываютъ на весьма глубокую древность этихъ могилъ. Предметы здѣсь найденные суть: два глиняные горшка, лежавшіе одинъ у ногъ разрушеннаго костяка, изъ желтой глины, а другой, покрытый глиняною тарелкой, въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, изъ черной глины; оба сдѣланы на станкахъ (а не ручной работы) и обожжены; три витые мѣдные браслета съ неспаянными концами; мѣдное кольцо и женскій головной гребень изъ низкопробнаго серебра; кольцо и гребень съ вырѣзанными, или, правильнѣе сказать, выцарапанными украшеніями въ видѣ черточекъ, расположенныхъ въ однихъ мѣстахъ крестообразно, а въ другихъ параллельными линіями; изъ нихъ гребень особенно замѣчательнъ по своей формѣ: онъ имѣетъ видъ короны, державшейся на головѣ зубьями, не сохранившимися, но оставившими по себѣ слѣды съ приставшими взамѣнъ крайнихъ изъ нихъ волосами темнаго цвѣта. Изъ этихъ предметовъ, кромѣ одного браслета, всѣ остальные переданы для храненія въ музей Археологическаго Института.

Эпизодъ на годовщинѣ смерти С. М. Соловьева. Во время годовщины смерти нашего знаменитаго историка С. М. Соловьева произошелъ пренитересный эпизодъ, о которомъ „Русскія Вѣдомости“ рассказываютъ слѣдующее:

Когда многочисленные почитатели памяти покойнаго собрались вокругъ его могилы, то вниманіе всѣхъ привлекъ къ себѣ металлическій вѣнокъ, подо-

женный, какъ передавали, наканунѣ двумя неизвѣстными лицами, прїѣхавшими изъ Петербурга. Вънокъ этотъ обращать на себя вниманіе своею оригинальностью: по срединѣ его, на дощечкѣ, значилась слѣдующая загадочная надпись— „12-го декабря 1777. 197“. Въ первую минуту не могли постичь ея значенія, но затѣмъ припомнилось, что 12 декабря 1777 г. родился Александръ I и что имѣется сочиненіе Соловьева, изданное по случаю столѣтняго юбилея рожденія Александра I.

Послѣ этого оставалось только развернуть книгу Соловьева и отыскать сто девяносто седьмую страницу, гдѣ покойный историкъ характеризовалъ систему Меттерниха и дѣлалъ свои собственные выводы. Меттернихъ очень заботился о спокойствіи простого рабочаго народа, „настоящаго“ народа, по его выраженію, и, считая средніе классы врагами этого народа, рекомендовалъ правительствамъ составить противъ среднихъ классовъ союзъ.

„Но, продолжаетъ С. М. Соловьевъ, благодѣтель настоящаго народа забывалъ о достоинствѣ и обязанностяхъ настоящаго правительства. Настоящее правительство не задерживаетъ свой народъ, не видитъ настоящаго народа только въ неподвижной массѣ; оно вызываетъ изъ массы лучшія силы и употребляетъ ихъ на благо народа; оно не боится этихъ силъ, оно въ тѣсномъ союзѣ съ ними. Чтобы не бояться ничего, правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать въ народѣ жизненные силы, постоянно кропить его живую водой, не допускать въ немъ застоя, слѣдовательно—гнѣнія; не задерживать его въ состояніи младенчества, нравственнаго безсилія, которое въ минуту искушенія, дѣлаетъ его неспособнымъ отразить ударъ, встрѣтить твердо и спокойно, какъ прилично мужамъ, всякое движеніе, всякую новизну, критически относится къ каждому явленію; народу нужно либеральное, широкое воспитаніе, чтобъ ему не колебаться, не снестись при первомъ порывѣ вѣтра, не восторгаться первымъ громкимъ и красивымъ словомъ, не дурачиться и не бить стекло, какъ дѣти, которыхъ долго держали въ заперти и вдругъ выпустили на свободу. Но либеральное правительство должно быть сильно, и сильно оно тогда, когда привлекаетъ къ себѣ лучшія силы народа, опирается на нихъ. Правительство слабое не можетъ проводить либеральныхъ мѣръ спокойно; оно рискуетъ подвергнуть народъ тѣмъ болѣзненнымъ припадкамъ, которыя называются революціями, ибо, возбудивъ, освободивъ извѣстную силу, надобно и направлять ее. Правительство сильное имѣетъ право быть безнаказанно либеральнымъ и только люди очень близорукіе считаютъ нелиберальныя правительства сильными, думаютъ, что эту силу они приобрѣли вслѣдствіе нелиберальныхъ мѣръ. Давить и душить очень легкое дѣло, особенной силы здѣсь не требуется. Дайте воду слабому ребенку—и сколько хорошихъ вещей онъ перепортитъ, перебьетъ, переломастъ! Обращаться съ вещами безжизненными очень просто; но другіе приемы, потрудитѣ и посложитѣ, требуются при обращеніи съ тѣломъ живымъ, при охраненіи и развитіи жизни“.

Погода была холодная и сырая. Шель мелкій пронизывающій дождь. Мрачное нависшее небо согласовалась съ его внутреннимъ настроеніемъ. Теперь все кончено для него. Развязка наступила неожиданно. Онъ чувствовалъ личную ненависть къ Бонапарту. Дѣло отечества слилось съ его собственнымъ дѣломъ. Императоръ осыпалъ милостями его смертельнаго врага, бросилъ въ тюрьму его друга: демоническая сила этого человѣка погубила Антуанету.

Наполеонъ отнималъ у монарховъ короны, свободу у народовъ, у него онъ отнял и разрушилъ идеаль.

— Я возвращаюсь на родину съ чистой совѣстью и свободнымъ сердцемъ, сказалъ себѣ Эгбертъ, но я во многомъ обдѣлѣлъ. Поблѣкъ на всегда цвѣтущій вѣнокъ моихъ вѣроваій и надеждъ!

Чувство глубокаго спокойствія наполнило его сердце. Событія, связанныя съ его пребываніемъ въ Парижѣ, казались ему образами далекаго прошлаго. вмѣсто прежнихъ неясныхъ мечтаній и стремленій передъ нимъ возстала грозная дѣйствительность. Воображенію его представлялась война со всѣми ея ужасами, быть можетъ съ уничтоженіемъ нѣмецкой національности и послѣднихъ остатковъ священной Германской имперіи.

Въ сосѣдней улицѣ послышался бой барабановъ.

— Это полкъ изъ Испаніи, говорили прохожіе — онъ идетъ въ Страсбургъ!

У Эгберта дрогнуло сердце.

Войдя въ свою комнату, онъ вспомнилъ о письмѣ Веньямина, которое ему передала Антуанета. Онъ надѣялся, что Бурдонъ подробно сообщитъ ему о причинахъ, вызвавшихъ его арестъ и о средствахъ къ своему освобожденію. Но письмо состояло изъ нѣсколькихъ прощальныхъ словъ и вложенной въ него копии съ метрическаго свидѣтельства, подписанной священникомъ и пономаремъ церкви St.-Sulpice.

Эгбертъ поспѣшно прочиталъ ее:

„Марія Магдалена, дочь Атенаисъ Дешанъ, родилась 13 ноября 1790 года въ Парижѣ, въ приходѣ St.-Sulpice...“ Въ числѣ свидѣтелей при крещеніи подписался Армгартъ, секретарь графа Вольфсегга.

— Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Магдалена дочь графа Вольфсегга! сказалъ про себя Эгбертъ. Но кажется и Антуанета знаетъ эту тайну. Повидимому эта одна изъ причинъ ея досады противъ графа Вольфсегга. Неужели она завидуетъ привязанности отца къ дочери!

— Магдалена, моя дорогая! неволью произнесъ Эгбертъ, мысленно простирая къ ней руки.

ЧАСТЬ IV.

ГЛАВА I.

НА ЛѢВОМЪ берегу голубого Дуная, подъ яснымъ безоблачнымъ небомъ, растилается на далекомъ пространствѣ равнина Маркфельдъ, съ своими живописными деревьями, городками, садами, лугами и полями. Она окаймляетъ широкую полноводную рѣку съ многочисленными рукавами, островами и мелями и цѣпь холмиковъ на востокѣ, которая тянется къ югу отъ Вейкендорфа. Вдали, на свѣтломъ фонѣ вечерняго неба, слегка окрашеннаго красноватыми лучами заходящаго солнца, возвышается башня св. Стефана, окруженная куполами и остроконечными крышами.

Красивая, нарядная столица Австрійской имперіи опять занята непріателемъ.

Въ полдень 13 мая, 1809 года, французы подъ звуки музыки, съ распущенными знаменами вступили, въ городъ. Наполеонъ расположилъ свою главную квартиру въ Шенбруннѣ.

Война продолжалась менѣе, чѣмъ полтора мѣсяца. Наполеонъ окончилъ ее нѣсколькими рѣшительными ударами.

Вмѣсто перваго марта, какъ предполагалъ графъ Стадіонъ, главная австрійская армія, собравшаяся въ Богеміи подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла, выступила въ походъ только въ первыхъ числахъ апрѣля. Извѣстіе, что Наполеонъ самъ поведетъ свои войска въ Австрію подѣйствовало деморализующимъ образомъ на эрцгерцога. Онъ чувствовалъ себя равносильнымъ съ маршалами французской имперіи, но сознавалъ свое ничтоженство передъ гениемъ Наполеона.

Австрійцы были убѣждены, что Бонапарту не легко будетъ справиться съ испанскимъ возстаніемъ и что преслѣдованіе англичанъ

увлечетъ его на берега Атлантическаго океана, въ Лиссабонъ и даже на Гибралтаръ. Но противъ всякаго ожиданія императоръ, не окончивъ испанскаго похода, внезапно вернулся въ Парижъ и сталъ готовить свои войска, чтобы вести ихъ на Дунай. Между тѣмъ у австрійцевъ, подъ влияніемъ страха и новыхъ наполеоновскихъ побѣдъ, составилось слишкомъ преувеличенное понятіе о военной силѣ противника,— въ войскѣ начался ропотъ: осуждали легкомысліе графа Стадіона, самоувѣренность дворянъ и героическихъ стремленій императрицы Маріи Беатриче.

Еще большему нареканію со стороны приближенныхъ эрцгерцога подверглись ярые противники Наполеона: Генцъ, Шлегель, Горнмайеръ, иностранные агенты, прусскій и англійскій посланники, принимавшіе дѣятельное участіе въ составленіи тайнаго антинаполеонскаго союза, который въ это время растянулъ свои сѣти по всей Европѣ. Любимецъ эрцгерцога, графъ Филиппъ Грюнне, не стѣсняясь, толковалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что безумно ожидать чудесъ отъ народнаго ополченія.

— Неужели, говорилъ онъ, ктонибудь можетъ серіозно думать о томъ чтобы вывести въ бой противъ гренадеръ и конницы Наполеона какихънибудь ремесленниковъ, крестьянъ и горныхъ стрѣлковъ? Подобныя фантазіи хороши на сценѣ въ драмахъ и трагедіяхъ, (это былъ намекъ на императрицу, которая своей горячей ненавистью къ Бонапарту напоминала Медею или Клитемнестру), но такое войско будетъ плохо защищаться на полѣ брани.

Къ недоброжелательству и апатіи лицъ, которые должны были нести знамя и мечъ Австріи въ этой рѣшительной борьбѣ, присоединились еще несогласія военачальниковъ относительно плана дѣйствій. Сформированы были три арміи: одна изъ нихъ подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда въ Галиціи, должна была двинуться къ Варшавѣ для обороны противъ русскихъ, которые были союзниками Франціи по Тильзитскому миру; другая—внутри Австріи подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна была направлена противъ Италіи и въ случаѣ надобности могла поддержать возстаніе въ Тиролю; третья, самая значительная армія, подъ предводительствоъ эрцгерцога Карла, находилась въ Богеміи. Съ нею Германія связывала свои надежды на побѣду.

Австрія еще не оставила своихъ притязаній на германскую корону. Австрійское войско, далеко растянутое на западъ и сѣверъ, обязано было защищать на всѣхъ пунктахъ остатки нѣкогда могущественной имперіи. Судьба хотѣла еще разъ доставить внуку Рудольфа Габсбургскаго удобный случай для приобрѣтенія священнон корона и возстановленія нѣмецкаго владычества надъ міромъ.

Въ главномъ штабѣ эрцгерцога Карла началось разногласіе въ самый моментъ выступленія его арміи.

Одни предлагали оставить въ сторонѣ Дунайскую линію, высту-

пить къ Байрейту и, вытѣснивъ маршала Даву изъ Францена, идти вдоль Майна. Они надѣялись съ одной стороны на возстаніе въ Гессенѣ и Ганноверѣ, а съ другой, что внезапное отступление Даву дастъ возможность пруссакамъ привести свою армію въ боевой порядокъ.

Другіе, болѣе осторожныя, возставали противъ этого смѣлаго плана, доказывая всю его несостоятельность. Война велась противъ Наполеона, человѣка неистощимаго по своей находчивости въ стратегическомъ отношеніи и не имѣвшаго равнаго себѣ по быстротѣ и ловкости исполненія. Какъ рѣшиться оставить безъ защиты теченіе Дуная и отнять у себя возможность отступления! Такимъ образомъ будетъ открытъ свободный путь наступающему непріятелю въ столицу имперіи. Развѣ защита Дуная не должна быть первой задачей главнокомандующаго при всякой войнѣ Австріи съ Франціей?

Каждая сторона упорно отстаивала свое мнѣніе, теряя дорогое время въ безплодныхъ спорахъ и препирательствахъ, которыя со дня на день становились ожесточеннѣе. Къ этому скоро присоединилась личная непріязнь и раздоры между начальствующими лицами, которые неизбѣжно должны были отразиться на способѣ веденія войны.

Трудно одерживать побѣды, рассчитывая на дѣйствіе патристическихъ воззваній, одушевленіе и храбрость солдатъ, при отсутствіи единопдушія и пониманія дѣла со стороны начальствующихъ лицъ!

— На васъ мои дорогіе товарищи по оружію, говорилъ эрцгерцогъ, обращаясь къ своему войску,—устремлены взоры цѣлаго свѣта и всѣхъ, кому дорога національная честь и достоиніе! Вы не должны быть орудіями поработенія! Вы не будете проливать кровь за чуждые вамъ интересы и для удовлетворенія ненасытнаго корыстолюбія одного человѣка. На васъ не падетъ проклятіе, что вы губите народы, чтобы проложить путь чужеземцу къ похищенію престола на трупахъ защитниковъ отечества. Лучшая участь ожидаетъ васъ; въ вашихъ рукахъ свобода Европы! Ваши побѣды освободятъ ее изъ оковъ; отъ васъ ждутъ своего освобожденія наши соотечественники нѣмцы, которые противъ своей воли находятся въ рядахъ непріятеля!

Обращеніе эрцгерцога относилось къ лучшей арміи, которую когда либо видѣла Австрія подъ своими знаменами. Эта армія была полна мужества и рѣшимости исполнить свой долгъ до послѣдней крайности, но ей недоставало человѣка, который былъ бы въ состояніи направить ея удары. Нѣмцы, находившіеся въ рядахъ непріятеля, за исключеніемъ баварцевъ, не обманули бы надеждъ, которыя возлагалъ на нихъ эрцгерцогъ, еслибы Австрія въ началѣ кампаніи одержала хотя одну значительную побѣду. Крестьяне и бюргеры въ Франценѣ и Гессенѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія австрійцевъ и встрѣтили бы ихъ какъ своихъ освободителей, такъ какъ здѣсь ненависть къ владычеству Наполеона достигла крайнихъ предѣловъ. Но австрійцы не явились. Взамѣнъ ихъ прошли форсированнымъ маршемъ французы

подъ предводительствомъ Даву и Удино;—они слѣшили въ Регенсбургъ и на Дунай. За ними слѣдовали войска Рейнскаго Союза.

Между тѣмъ въ австрійской главной квартирѣ принято было рѣшеніе соединить несомвѣстимыя вещи.

Два корпуса были оставлены въ Богеміи, а самъ эрцгерцогъ съ главными силами двинулся къ Дунаю.

Война началась 9-го апрѣля. Австрійцы перешли Иннъ между Шердингомъ, Мюльгеймомъ и Браунау и вступили въ Баварію. Судьба баварскаго короля Макса Іосифа зависѣла отъ Наполеона. Онъ былъ королемъ по милости императора и поэтому не могло быть ни малѣйшей надежды на его помощь. Вдобавокъ, баварцы и австрійцы уже цѣлое столѣтіе ненавидѣли другъ друга непримиримою ненавистью. Тѣмъ не менѣе, быстрымъ, искусно направленнымъ нападеніемъ еще возможно было уничтожить одинъ за другимъ разсѣянные французскіе отряды. Австрійцы лишили себя и этихъ легкихъ побѣдъ, благодаря своей медленности. Если французы съ своей стороны также дѣйствовали робко и нерѣшительно при вступленіи въ непріятельскую землю, то у нихъ все пошло иначе съ прибытіемъ Наполеона на берега Дуная. Еще осенью 1805 года, во время войны трехъ императоровъ, онъ изучилъ рѣку, ея берега и узналъ ближайшую дорогу въ Вѣну.

Виртембергцы и баварцы привѣтствовали его появленіе такими же дикими и неистовыми криками: „Да здравствуетъ императоръ!“—какъ и ветераны его арміи. Какъ сказочный витязь пронесся онъ мимо нихъ на своемъ бѣломъ конѣ. Его присутствіе одушевило и солдатъ, и маршаловъ. Въ нѣсколько дней онъ разбилъ эрцгерцога въ сраженіяхъ при Танѣ, Абенсбергѣ, Эксмюль и Регенсбергѣ и заставилъ отступить къ Богеміи.

Австрійскіе солдаты не уступали французамъ въ храбрости и готовности пожертвовать своей жизнью; но между ихъ военачальниками не было людей, подобныхъ маршалу Лану, который первый взомель на стѣны Регенсбурга съ возгласомъ: „Впередъ! вы видите я не пересталъ быть солдатомъ!“ Не было во главѣ ихъ гениальнаго человѣка, подобнаго Наполеону, который въ разгаръ битвы былъ впереди всѣхъ подъ градомъ падавшихъ вокругъ него пуль, выказывая полное презрѣніе къ смерти. При Регенсбургѣ оружейная пуля ранила его въ ногу; едва сдѣлали ему перевязку, какъ онъ опять вскочилъ на своего коня и проѣхалъ передъ фронтомъ своей арміи.

Пока эрцгерцогъ собиралъ свое войско и приводилъ его въ порядокъ по ту сторону Богемскаго лѣса съ намѣреніемъ двинуться въ Вѣну, ближайшая дорога къ столицѣ вдоль Дуная оставалась открытою передъ побѣдителемъ. Здѣсь находился только незначительный армейскій корпусъ подъ начальствомъ генерала Гиллера, который быстро совершалъ свое отступленіе.

Императоръ послѣ этихъ пяти дней, еще болѣе утвердившихъ

славу его военнаго искусства, считалъ походъ оконченнымъ. Въ опьяненіи своего счастья онъ забылъ свое достоинство и въ своихъ реляціяхъ позволилъ себѣ неумѣстныя шутки надъ побѣжденнымъ врагомъ. Между прочимъ онъ сравнивалъ Австрію съ осломъ, длинныя уши котораго выглядываютъ изъ украденной имъ львиной шкуры и т. п. Въ старомъ городѣ Регенбургѣ, этомъ гнѣздѣ нѣмецкой знати, гдѣ такъ долго засѣдалъ имперскій сеймъ, онъ издалъ декретъ, по которому лишилъ помѣстьевъ всѣхъ имперскихъ князей и графовъ, числившихся на военной или гражданской австрійской службѣ. Онъ хотѣлъ поразить въ самое сердце непреклонныхъ дворянъ: Гогенцоллерновъ, Шварценберговъ, Лихтенштейновъ, Фюрстенберговъ, Стадіоновъ и Меттерниховъ.

Послѣ короткаго отдыха, французское войско двинулось всей массой къ вѣнѣ правымъ берегомъ Дуная. Передовыми отрядами командовалъ Массена, у Эдельсберга, гдѣ перекинутъ мостъ черезъ Траунъ, произошла стычка французовъ съ отступающимъ Гиллеромъ. Австрійцы со всѣхъ сторонъ окружены непріателемъ; ряды ихъ разорваны; имъ грозитъ опасность быть уничтоженными. Но вотъ на помощь имъ спѣшитъ баталіонъ вѣнскихъ волонтеровъ, въ числѣ которыхъ Эгбертъ и его пріятель Гуго, и баталіонъ изъ полка Линденау. Эти едва обученные рекруты превосходятъ старыхъ солдатъ силою и быстротою натиска; ихъ начальники Кюффель, графъ Салисъ и Баумгартенъ умѣютъ воспользоваться благопріятной минутой, предупреждаютъ французовъ, сбиваютъ ихъ съ позиціи и гонятъ черезъ мостъ; пули летятъ съ австрійской батареей, поставленной на сосѣдней горѣ. Однако къ вечеру австрійцы принуждены отступить передъ многочисленнымъ непріателемъ, хотя захватили у него множество плѣнныхъ и трехъ орловъ. Одинъ изъ нихъ взятъ отрядомъ капитана Эгберта Геймвальда.

На его долю досталась также честь стоять на одномъ изъ аванпостовъ на берегахъ Дуная, гдѣ Наполеонъ сдѣлалъ первую, но напрасную попытку перейти въ Маркфельдъ, такъ какъ этотъ пунктъ былъ защищенъ войсками эрцгерцога Карла, который успѣлъ соединиться съ корпусомъ Гиллера.

Эгбертъ никогда не забудетъ первыхъ пережитыхъ имъ недѣль послѣ своего возвращенія изъ Парижа въ началѣ марта. Это было для него время крайняго, страстнаго возбужденія; ему казалось, что онъ никогда еще не чувствовалъ въ себѣ такого избытка жизни и способности наслаждаться всѣмъ, что было прекраснаго въ мірѣ. Мысль, что онъ будетъ защищать оружіемъ и до послѣдней капли крови родину и дорогое для него существо наполняла гордостью его сердце.

Онъ засталъ графа Вольфсегга готовымъ къ отъѣзду въ главную квартиру эрцгерцога Карла. Министръ Стадіонъ особенно настаивалъ на этомъ, придавая большую важность присутствію въ лагерѣ Вольф-

сега, какъ человѣка, заслужившаго общее уваженіе, и непримиримаго врага Наполеона.

Графъ Вольфсеггъ былъ повидимому настолько поглощенъ текущими событіями, что равнодушно выслушалъ печальныя извѣстія, которыя сообщилъ ему Эгбертъ объ Антуанетѣ. Но Эгберту показалось, что это равнодушіе притворное. Равнымъ образомъ графъ не считалъ нужнымъ распространяться о рѣшеніи своего молодаго друга поступить въ вѣнскіе волонтеры, такъ какъ заранѣе ожидалъ этого.

11 марта при огромномъ стеченіи народа происходило освѣщеніе знаменъ ландвера.

— Никто изъ васъ—говорили начальники, обращаясь къ ополченцамъ—не захочетъ носить оковъ и терпѣть поруганіе отъ иноземцевъ! Истинный патріотизмъ создаетъ героевъ и обезпечиваетъ побѣду!..

Никогда еще Вѣна не видала такого праздника. Всѣ были одинаково одушевлены любовью къ родинѣ и готовностью пожертвовать жизнью для защиты стараго имперскаго города. Весной 1809 года, не только Австрія, но и вся Германія ожидала отъ Вѣны рѣшенія своей судьбы. Къ ней были обращены помыслы истинныхъ друзей отечества. Забыта была ненависть и раздоры, которые издавна разъединяли Австрію съ Пруссіей, такъ какъ оба народа пришли къ убѣжденію, что это единственная причина торжества французовъ. Личныя желанія и надежды должны были замолкнуть въ виду общихъ болѣе широкихъ интересовъ и опасности грозившей отечеству.

Когда на небѣ поднимается гроза и величественно свѣтится молнія въ ночныхъ облакахъ, кто станетъ обращать вниманіе на свѣчу, которую задуетъ буря!

Такъ было и съ Эгбертомъ. Подъ наплывомъ болѣе важныхъ событій, онъ не могъ горевать о потерѣ Антуанеты. У него едва доставало времени подумать о настоящемъ и распорядиться относительно ближайшаго будущаго. Теперь болѣе чѣмъ когда либо онъ научился цѣнить нравственныя достоинства и рѣдкой умъ Магдалены.

Безмолвно бросилась она въ объятія друга дѣтства, когда онъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи поступить волонтеромъ въ австрійское войско. Но онъ видѣлъ по выраженію ея лица, что она одобряетъ его намѣренія и что у ней достанетъ мужества овладѣть собою и своими чувствами. Никогда нравственная сила женщины не проявляется въ такой степени, какъ въ тотъ моментъ когда она провожаетъ любимаго человѣка на войну, или является на перевязочномъ пунктѣ въ качествѣ сестры милосердія. Высокая задача залечивать раны, смягчать неизбѣжное зло войны, окружаетъ ея голову свѣтлымъ ореоломъ. Забывая о самой себѣ, не чувствуя усталости, проводитъ она дни и ночи у постели раненыхъ и умирающихъ.

Съ каждымъ днемъ прибывало число раненыхъ и больныхъ, ко-

торыхъ свозили съ разныхъ сторонъ. Не мало ихъ лежало въ Гицингѣ, гдѣ теперь была Магдалена. Она неумоимо ухаживала за ними, заглушая этимъ заботу и боязнь, наполнявшую ея сердце.

Эгбертъ даже въ мирное время не рѣшился бы безъ согласія графа открыть Магдаленѣ тайну ея рожденія, не смотря на опасеніе, что она можетъ случайно узнать ее. Но теперь среди общаго волненія онъ считалъ еще болѣе неумѣстнымъ встревожить ее неожиданнѣмъ открытіемъ и отложилъ всякія объявленія до лучшихъ мирныхъ дней.

Эгбертъ, стоя на аванпостахъ, съ глубокой тоской смотрѣлъ черезъ широкую рѣку на городъ, гдѣ протекло его счастливое дѣтство. Еще такъ недавно гордая и ликующая, Вѣна лежала теперь униженная у ногъ побѣдителя. Эгбертъ былъ спокоенъ относительно Магдалены. Еще до занятія австрійской столицы французами она поселилась въ его домѣ въ Гицингѣ съ своей названной матерью. Здѣсь, почти подъ глазами императора, нечего было бояться какого нибудь наеилія со стороны побѣдителей. Хотя, вообще, Наполеонъ смотрѣлъ съ вѣсомъ пальцы на поведеніе своихъ солдатъ, но въ своемъ присутствіи требовалъ отъ нихъ спартанскаго воздержанія.

— Къ чему послужили патриотизмъ и готовность къ самоотверженію храбраго, великодушнаго народа?—спрашивалъ себя Эгбертъ. Зачѣмъ погибли тысячи людей на мосту Траунъ и на холмахъ Эбельсберга? Каждый изъ нихъ честно исполнялъ свой долгъ и безъ колебанія отдалъ жизнь на волю случая. Но всѣ эти жертвы не могли удержать французскаго императора ни на одинъ лишній часъ.

Наполеонъ сдержалъ слово, данное Эгберту въ Тюльери. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ двадцать второго февраля, а онъ уже расположился съ своимъ главнымъ штабомъ въ Шенбруннѣ. Неужели героизмъ и самоотверженіе безсильны передъ нимъ и должны разлетѣться въ прахъ, какъ пыль, которую поднимаютъ ноги его коня? Если справедливость дѣла, мужество и твердость въ бою, даютъ право на побѣду, то какъ могла она не быть на сторонѣ австрійцевъ? Что за загадку представляетъ свѣтъ съ существующимъ порядкомъ вещей и законами естественнаго развитія!

Изъ ближайшихъ деревень, Штаммесдорфъ и Зюсенбруннъ, пронесся по полю звонъ вечернихъ колоколовъ. Былъ шестой часъ на исходѣ.

Эгбертъ подошелъ къ узкому рукаву рѣки, поросшему ситникомъ и камышемъ, гдѣ два бревна, переброшенные черезъ воду, составляли шаткій и легко уничтожаемый мостъ на сосѣдній островъ. На берегу лѣниво стоялъ часовой съ ружьемъ въ рукахъ. Шумѣлъ Дунай, переполненный весенними водами.

Пока австрійское войско стояло лагеремъ въ Мархфельдѣ, Наполеонъ не могъ похвалиться окончательнымъ покореніемъ столицы. Эрцгерцогъ не выказывалъ намѣренія просить у него мира.

Императоръ рѣшилъ перейти рѣку и сбить съ позиціи непріятеля. Для достиженія этой цѣли онъ выбралъ большой островъ Лобау, лежащій немного ниже Вѣны, который по своей величинѣ могъ служить удобнымъ мѣстомъ для укрѣпленнаго лагеря, тѣмъ болѣе, что растущій тутъ густой лѣсъ и кустарникъ совершенно скрывалъ бы французское войско отъ непріятеля.

Уже нѣсколько дней работали безъ устали французы надъ сооруженіемъ моста отъ Кейзеръ-Эберсдорфа до Лобау, съ тѣмъ лихорадочнымъ рвеніемъ, которое Наполеонъ умѣлъ внушить своимъ людямъ въ рѣшительныя минуты. Семьдесятъ самыхъ большихъ и крупныхъ судовъ, ходившихъ по Дунаю между Линцемъ и Пресбургомъ, были употреблены въ дѣло. Но тутъ представилось неожиданное и довольно важное затрудненіе, которое невозможно было устранить: оказался недостатокъ въ якоряхъ для укрѣпленія судовъ. Чтобы успокоить нетерпѣніе императора, вмѣсто якорей опущены были въ воду старыя тяжелыя пушки, найденныя въ вѣнскомъ арсеналѣ и ящики съ ядрами. Такая замѣна могла только служить средствомъ, чтобы выйти изъ затрудненія, но она была недостаточна для удержанія судовъ при сильномъ напорѣ воды.

Между тѣмъ, значительныя отряды стрѣлковъ были отправлены въ лодкахъ для осмотра южнаго берега острова Лобау. Отбросивъ слабыя аванпосты австрійцевъ, они вскорѣ появились и на сѣверной сторонѣ въ лѣсной чащѣ, противъ деревень Аспергъ и Эслингенъ на лѣвомъ берегу.

Теперь уже не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія для австрійцевъ, видѣвшихъ всѣ эти приготовленія, что Лобау будетъ служить промежуточнымъ пунктомъ при переходѣ французовъ на Мархфельдъ. Даже Эгбертъ, при своей полной неопытности въ военномъ дѣлѣ, понималъ, какой рискъ былъ связанъ съ этимъ планомъ. Насильственный натискъ со стороны австрійцевъ могъ отбросить французовъ къ рѣкѣ. Эгбертъ, какъ уроженецъ Вѣны, зналъ, насколько капризенъ Дунай и не вѣрилъ въ прочность понтоннаго моста, устроеннаго на скорую руку. Еще сегодня утромъ эрцгерцогъ Карлъ съ конницей Лихтенштейна дѣлали рекогносцировку со стороны Лобау.—Кто знаетъ, можетъ быть завтра загремятъ пушки — думалъ Эгбертъ съ радостнымъ замираніемъ сердца.

Но вотъ встрепенулся сонный часовой и схватился за курокъ ружья.

Эгбертъ вздрогнулъ.

Раздался издали выстрѣлъ. За нимъ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ еще два выстрѣла. Они слышатся по ту сторону рѣки.

Не привѣтствуютъ ли этимъ способомъ французскіе часовые закатъ солнца, чтобы усладить свой слухъ выстрѣлами?

На каменной плотинѣ у Иедлерсдорфа также замѣтно необычайное движеніе. Лейтенантъ Гуго Шпрингъ, охранявшій этотъ постъ, под-

нимаетъ черножелтое знамя. Эгбертъ бѣжитъ къ нему стремглавъ черезъ иви. Черезъ минуту онъ уже стоялъ на плотинѣ около своего друга.

Гуго молча указалъ ему глазами на рѣку.

Посреди Дуная плыла лодка. Разъяренныя волны качали ее во всѣ стороны. Она выѣхала изъ маленькой бухты скрытой камышами. Французы слишкомъ поздно замѣтили лодку; ихъ выстрѣлы уже не достигаютъ ее. Сидящимъ въ ней грозитъ только опасность отъ полноводія рѣки. Солдаты, по распоряженію Шпринга, готовятъ доски и канатъ чтобъ помочь имъ высадиться. Вѣроятно дѣло идетъ о какомъ нибудь важномъ извѣстїи. Лодочникъ не сталъ бы рисковать жизнью изъ-за пустяговъ.

— Ступай сюда Эгбертъ, закричалъ Гуго своему начальнику, забывая военную дисциплину и входя въ рѣку по полямъ. Вѣдь это Черная Кристель! Полюбуйся, какъ она работаетъ веслами. Ну, волна хлеснула въ лодку. Теперь уже не далеко! Сюда!

Гребцы начинали изнемогать; но крики Гуго и людей стоявшихъ на берегу придали имъ новыя силы. Лодка въѣхала въ камышъ, покрывавшій илистый берегъ. Черная Кристель однимъ прыжкомъ очутилась на плотинѣ. Она все еще похожа на дикую кошку; щеки ея покрыты яркимъ румянцемъ, рукава бѣлой рубашки засучены выше локтя.

При видѣ знакомыхъ лицъ она громко вскрикнула отъ радости и, бросившись къ Эгберту, поцѣловала у него руку.

— Что случилось? Какъ ты попала сюда? Надѣюсь все благополучно въ Гицингѣ? спросилъ Эгбертъ взволнованнымъ голосомъ.

— У насъ все благополучно; барышня здорова. Даже г-нъ Армгартъ нашелся.

— Немудрено, послѣ такого долгаго отсутствія! замѣтилъ со смѣхомъ Гуго. Скажи пожалуйста много ли у васъ постояльцевъ?

— Всего одинъ старый полковникъ, который никого не обидитъ. Меня послала сюда не барышня, а мой господинъ.

— Кто такой?

— Она называетъ такъ барона Пухгейма! сказала Гуго.— Зачѣмъ онъ послалъ тебя сюда?

— Онъ велѣлъ передать эрцгерцогу эту бумагу, отвѣтила Кристель, вынимая изъ кармана письмо. Тутъ должно быть написаны страшныя вещи! Онъ такъ гвалтъ лошадей, что одна изъ нихъ пала въ Нуссдорфѣ.

— Откуда ты? Гдѣ ты встрѣтилась съ барономъ?

— Я изъ Эберсдорфа. Онъ самъ привезъ меня къ берегу.

— Онъ самъ привезъ тебя! повторилъ съ удивленіемъ Эгбертъ. Дай письмо. Дѣйствительно, оно адресовано на имя его высочества, эрцгерцога. Лейтенантъ Шпрингъ, отправляйтесь въ Эслангенъ. Мостъ долженъ быть немедленно снятъ, если онъ уже не въ рукахъ французовъ.

— Развѣ у васъ тутъ еще мостъ? спросила Кристель. Вотъ у французовъ по ту сторону острова рѣка снесла всю средину ихъ огромнаго моста. Я сама видѣла это. Тогда на башнѣ въ Эберсдорфѣ только что пробило три часа.

— У французовъ испорченъ мостъ къ Лобау! воскликнулъ Эгбертъ, не помни себя отъ радости. Ну Гуго, завтра у насъ непременно будетъ битва!

— Хуже не будетъ чѣмъ при Эбельсбергѣ—мрачно отвѣтилъ Гуго, подвизывая еще крѣпче свою шагу. — Театръ войны не прельщаетъ меня. Я предпочиталъ бы умереть на другомъ театрѣ, чтобы опять воскреснуть и слышать какъ меня стануть вызывать и апплодировать. А здѣсь я не могу считать себя отвѣтственнымъ, ни за исполненіе пьесы, ни за свою смерть. Ей вы! Налѣво кругомъ! Маршъ! крикнулъ онъ своимъ людямъ.

Кристель, оставшись наединѣ съ Эгбертомъ, рассказала ему подробно о своемъ путешествіи съ Пухгеймомъ. Госпожа Армгартъ отправилась ея утромъ въ городъ, чтобы провѣдать Жозефа, который остался въ Вьнѣ сторожить домъ своего молодого барина.

По дорогѣ у одного шинка, гдѣ всегда толпа извозчиковъ, ее остановилъ высокій человѣкъ въ голубой блузѣ съ длиннымъ хлыстомъ и въ поношенной полрковой шляпѣ, надвинутой на лобъ. Вглядѣвшись въ него, она едва не вскрикнула, но онъ закрылъ ей ротъ своей широкой рукой. Это былъ баронъ Пухгеймъ.

— Не поѣдешь ли ты со мной? спросилъ онъ Кристель.

— Разумѣется поѣду, отвѣтила она.

Въ это время подѣхалъ слуга барона съ телѣгой, нагруженной до верху досками.

— Я везу это французамъ для ихъ моста, сказалъ съ усмѣшкой Пухгеймъ. Ну Кристель, садись.

Она вскочила на доски; онъ усѣлся рядомъ съ ней. Они ѣхали то шагомъ, то скорѣе, на югъ отъ города къ Кейзеръ-Эберсдорфу. Съ каждымъ шагомъ дорога становилась все многолюднѣе. Вплоть до самого Дуная тѣсными рядами стояли телѣги, нагруженные досками и кольями. У берега работали саперы. Съ громкой музыкой подходили изъ города все новыя и новыя полки конныя и пѣшіе. За ними слѣдовали безконечныя вереницы пушекъ. Телѣга Пухгейма съ трудомъ добралась до берега. Мостъ былъ на половину оконченъ. Много солдатъ перебралось уже на ту сторону, за ними долженъ былъ перейти эскадронъ. Но тутъ произошелъ нѣкоторый безпорядокъ. Всадникамъ пришлось сойти съ лошадей и вести ихъ за поводъ. Въ иныхъ мѣстахъ нужно было наложить еще досокъ, въ другихъ укрѣпить колья. Между тѣмъ вода стала замѣтно подниматься. Глухо шумѣли волны. Два или три судна сорвались съ баласта и ихъ унесло теченіемъ. Эскадронъ остановился. Вода съ дикимъ ревомъ ворвалась въ образовавшееся отверстіе. Тутъ все смѣшалось и произошла невообра-

зимая суматоха. Солдаты, работники, извозчики, прїѣхавшіе съ своими фурами и телѣгами, все столпилось вмѣстѣ; одни тѣснились назадъ, другіе хотѣли во чтобы то ни стало пробраться впередъ. Баронъ, видя все это, громко захохоталъ и взявъ Кристель за руку бросился въ Нейдерфель. Въ этомъ городкѣ всѣ знали его и онъ безъ труда уговорилъ хозяина гостинницы дать ему охотничью телѣжку. Пока запрягали лошадей, онъ написалъ письмо эрцгерцогу, затѣмъ сѣлъ съ Кристель въ телѣжку и поспѣвалъ во всю прыть въ Нуссдорфъ. Но тутъ пала одна лошадь. Тогда Пухгеймъ выскочилъ изъ телѣжки, побѣжалъ на берегъ и отыскалъ лодочника, который спряталъ отъ французовъ свою лодку въ камышѣ. Лодочникъ долго колебался прежде, чѣмъ согласился перевезти Кристель на другой берегъ, пока наконецъ разныя обѣщанія со стороны барона и наличныя деньги не заставили его согласиться. Въ этотъ моментъ они увидѣли издали французскій патруль.

— Отправляйтесь скорѣе, сказалъ поспѣшно баронъ. Ты Кристель переѣдешь рѣку и отдашь письмо эрцгерцогу. Французы арестуютъ меня и я постараюсь задержать ихъ до тѣхъ поръ, пока вы не выйдете на другой берегъ.

Баронъ Пухгеймъ сдержалъ слово, иначе Кристель врядъ ли могла благополучно перебраться черезъ рѣку.

Въ Штамерсдорфѣ ожидали эрцгерцога, который объѣзжалъ верхомъ австрійскій лагерь и дѣлалъ смотръ отдѣльнымъ полкамъ. Эгбертъ отправился верхомъ на встрѣчу эрцгерцогу, чтобы скорѣе передать ему важное извѣстіе.

Черная Кристель сѣла на камень у дороги. Въ послѣдніе недѣли она такъ привыкла видѣть всюду солдатъ, что не боялась ихъ. Возможность провести по прежнему ночь подъ открытымъ небомъ имѣла для нея особенную прелесть. Послѣ методичной трудолюбивой жизни, которую она вела въ домѣ Армгартовъ, опять наступили для нея дни свободы, скитальчества, общенія съ природой. Она не могла себѣ дать отчета, что собственно радовало ее, но сердце ея было переполнено чувствомъ довольства и счастья. По прежнему наслаждалась она ароматомъ лѣса и живительной прохладой наступающей ночи.

Колокольный звонъ смѣшивался съ отдаленнымъ барабаннымъ боемъ. По временамъ слышался глухой ревъ рѣки. Кругомъ поднимался туманъ и ложился бѣлой пеленой по полю. Въ той сторонѣ, гдѣ за рѣкой видѣлась густая туча сѣроватаго пара, окрашеннаго лучами заходящаго солнца, лежала Вѣна.

— Онѣ вѣрно подумаютъ, что я осталась у Жозефа и не станутъ беспокоиться обо мнѣ, подумала Кристель.

Медленно опустила она рукава своей рубашки и завязала крѣпче платокъ на головѣ.

Она выросла и похорошѣла во время своего пребыванія у Армгартовъ. Правильный образъ жизни и здоровая пища благотвѣтельно по-

дѣйствовали на ея физическое развитіе. Въ умственномъ отношеніи она также значительно измѣнилась къ лучшему, благодаря вліянію Магдалены. Но ничто не могло стереть съ нея отпечатокъ какой-то дикой оригинальности. Темный цвѣтъ кожи, мечтательные, блестящіе глаза, своеобразное міросозерцаніе рѣзко отличали ее отъ другихъ дѣвушекъ ея возраста.

Въ ней сохранилась еще первобытная связь человѣка съ природой, которой такъ восхищался Гуго. Однако это не мѣшало Кристель хорошо и точно исполнять свои домашнія обязанности. Она была проворна въ работѣ и такъ послушна, что Магдаленѣ никогда не приходилось дѣлать ей какія бы то ни было замѣчанія или выговоры.

Сидя на камнѣ, среди наступающихъ сумерокъ, Кристель вздохнула свободнѣе, когда послѣдніе ряды марширующихъ солдатъ исчезли за деревьями. Она чувствовала себя вдали отъ людей и городской жизни. Теперь ничто не мѣшало ей думать о человѣкѣ, который всецѣло властвовалъ надъ ея умомъ и сердцемъ. Она не встрѣчала его со времени ихъ свиданія въ саду, но въ послѣднее время каждую ночь здѣзды говорили ей, что онъ въ Вѣнѣ и она увидитъ его. Разъ ей показалось даже, что Цамбелли выѣхалъ изъ замка Шёнбрунна въ свитѣ императора, но не въ своемъ обычномъ черномъ платьѣ, а въ богатомъ шитомъ мундирѣ. Сердце ея замерло, но черезъ секунду толпа всадниковъ исчезла изъ ея глазъ въ облакѣ пыли. Надежда встрѣтить снова любимаго человѣка и уловить его взглядъ заставила ее тотчасъ согласиться на предложеніе Пухгейма ѣхать съ нимъ. Эта надежда была сильнѣе безпокойства и разочарованія, которое она испытывала теперь.

Она вскочила на ноги и побѣжала въ ту сторону, гдѣ виднѣлся издали Бизамбергъ.

Между тѣмъ Эгбертъ уже давно доѣхалъ до Штаммесдорфа, гдѣ расположился генераль Гиллеръ. Эрцгерцогъ Карлъ стоялъ передъ деревенской гостинницей, окруженный своимъ штабомъ. Его маленькая невзрачная фигура въ сѣровато-синемъ сюртукѣ и красныхъ панталонахъ рѣзко выдѣлялась по своей простотѣ и повелительнымъ манерамъ среди окружающихъ его видныхъ и блестящихъ офицеровъ въ гусарскихъ, уланскихъ и гренадерскихъ мундирахъ.

— Извѣстіе изъ непріятельскаго лагеря! воскликнулъ Эгбертъ, соскакивая съ лошади.

Генераль Гиллеръ тотчасъ же узналъ храбраго волонтера, котораго онъ видѣлъ въ кровопролитной схваткѣ на Траунскомъ мосту и представилъ его эрцгерцогу.

Эгбертъ послѣ короткаго доклада подалъ главнокомандующему нисѣмо Пухгейма.

Эрцгерцогъ прочелъ письмо. Лучъ радости освѣтилъ его тонко очерченное лицо.

— Господа, сказалъ онъ, завтра мы сбросимъ французовъ въ

Дунай! Ихъ мостъ порванъ и не можетъ быть исправленъ до полуночи. Это пишетъ мнѣ свѣдущій человѣкъ. По его расчету до полудня завтрашняго дня въ Лобау не можетъ быть болѣе тридцати тысячъ. Сегодня вечеромъ самъ императоръ хотѣлъ переправиться черезъ рѣку. Но онъ забываетъ, что этотъ берегъ еще въ нашихъ рукахъ. Дунай поможетъ намъ; суда, которыя мы спустимъ по теченію, вторично разрушатъ мостъ и отрѣжутъ непріятелю сообщеніе съ твердой землей. И такъ за дѣло! Выйдемъ на защиту австрійскаго царствующаго дома и нашего отечества! Теперь представляется удобный случай однимъ ударомъ исправить сдѣланные нами промахи. Благодарю васъ, добавилъ эрцгерцогъ, обращаясь къ Эгберту съ благоклонной улыбкой.

Слуги подвели ему богато осѣдланнаго бѣлаго коня съ сѣрой гривой, который нетерпѣливо билъ копытами о землю.

— До завтра! сказалъ онъ, усаживаясь на сѣдло. — Это наша земля; здѣсь мы сложимъ свои головы, если намъ не суждено побѣдить Люцифера!

Съ этими словами эрцгерцогъ пришпорилъ коня и помчался галопомъ. Его свита слѣдовала за нимъ.

Но нѣкоторые изъ офицеровъ остались въ гостинницѣ, чтобы провести вечеръ съ товарищами, служившими подъ начальствомъ Гиллера. Тутъ былъ и графъ Вольфсеггъ. Встрѣча съ Эгбертомъ была особенно пріятна ему послѣ испытанныхъ имъ опасностей и при томъ глубококомъ разочарованіи, которое онъ вынесъ изъ всего видѣннаго имъ.

Съ болью въ сердцѣ разсказалъ онъ своему молодому другу о несчастномъ походѣ эрцгерцога въ Баварію, такъ какъ участвовалъ въ немъ и вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ вернулся обратно въ Богемію. Эгбертъ съ своей стороны долженъ былъ сообщить ему о Магдаленѣ и Армгартахъ, о которыхъ онъ уже около мѣсяца не имѣлъ никакихъ извѣстій. Затѣмъ разговоръ ихъ опять перешелъ къ военнымъ событіямъ. Графъ смотрѣлъ почти безнадежно на предстоящій день.

Бесѣда ихъ была прервана нѣсколькими офицерами, которые подошли къ нимъ.

Конница Лихтенштейна, между деревьями Аспернъ и Эслингенъ противъ сѣверной стороны острова Лобау, столкнулась съ французскимъ отрядомъ конныхъ егерей и драгунъ, подъ начальствомъ генерала Лассала. Произошла стычка.

— По счастью, добавили офицеры, поднято было больше шлы, чѣмъ пролито крови. Но какъ попали французы на берегъ Махфельда? Вѣроятно мы оставили къ ихъ услугамъ мостъ у Эслингена!...

Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что обѣ деревни заняты непріятельскими дивизіями Молитора и Буда, которыя уже начали возводить около нихъ свои укрѣпленія. Здѣсь же, но ближе къ рѣкѣ, ра-

скинута была походная палатка императора; слѣдовательно въ этомъ пунктѣ должна была начаться битва на слѣдующій день.

Сообразно съ этими извѣстіями, составленъ былъ эрцгерцогомъ планъ расположенія войскъ, который по своей простотѣ былъ доступенъ послѣднему изъ офицеровъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы сбить непріятеля съ занятой имъ позиціи. Сюда должны были стянуться всѣ австрійскія войска. Гиллеръ съ своимъ корпусомъ и дивизія генераль-лейтенанта Беллегарда получили приказъ двинуться съ праваго фланга вдоль Дуная; войска Гогенцоллерна составляли центръ; на лѣвомъ флангѣ поставленъ былъ корпусъ Розенберга, раздѣленный на двѣ колонны: одна изъ нихъ должна была направиться къ Эслингену, другая — къ Энцерсдорфу. Гренадеры, составлявшие резервъ, заняли склонъ Бизамберга, поросшій плодовыми деревьями. У Штаммерсдорфа велѣно было собраться вѣнскому ландверу и волонтерамъ.

Разставленное такимъ образомъ войско, въ 90 тысячъ человекъ, занимая сравнительно небольшое пространство, расположилось лагерь въ ожиданіи предстоящаго боя.

Медленно одинъ за другимъ зажглись безчисленные сторожевые огни. Издали раздавался грохотъ подъѣзжавшихъ пушекъ и телѣгъ съ боевыми снарядами; слышался лошадиный топотъ и мѣрные шаги пѣхоты. Но по близости Штаммерсдорфа все было спокойно; только утромъ долженъ былъ отсюда выступить генераль Гиллеръ съ своимъ корпусомъ, такъ какъ ему предстояло пройти самой короткой дорогой въ Аспернъ.

Была тихая и звѣздная весенняя ночь. Живописно растянулся по равнинѣ Маркфельда пестрый лагерь. Солдаты весело пируютъ. Несмотря на пораженія, они не упали духомъ; ихъ воодушевляетъ сознание, что они честно исполнили свой долгъ и въ храбрости не уступали непріятелю. Между тѣмъ изъ этихъ десятковъ тысячъ людей, собранныхъ на обширной равнинѣ, далеко не всѣмъ доступна была высокая идея свободы и любви къ отечеству, за которую они жертвовали жизнью. Чехи, венгерцы и различные народы, входившіе въ составъ австрійской имперіи, не считали ее своей родиной и врядъ ли отдавали себѣ отчетъ зачѣмъ ихъ привели сюда и почему они должны чувствовать ненависть къ Наполеону. Ихъ занимала война сама по себѣ, такъ какъ удовлетворяла ихъ воинственнымъ наклонностямъ и представляла удобный случай для наживы. Первый разъ видѣли они въ солдатскомъ мундирѣ сыновей богатыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ. Вступленіе въ армію волонтеровъ изъ Сѣверной Германіи, многихъ юношей и мужей, освобожденныхъ до сихъ поръ отъ воинской повинности, подѣйствовало обновляющимъ образомъ на устарѣлый и дряхлый организмъ австрійской солдатчины. Опять воскресло въ нѣмцахъ сознание общей національности, воинственный рыцарскій духъ и чувство чести, которые нѣкогда воодушевляли сборное войско принца

Евгенія Савойскаго и доставили ему побѣду надъ врагами. Всѣ одинаково желали поддержать австрійское знамя, хотя только одни идеалисты ожидали отъ предстоящей битвы освобожденія Европы и возстановленія австрійской національности, между тѣмъ какъ большинство находилось подъ тяжелымъ предчувствіемъ труднаго дня и сомнительнаго исхода битвы.

Ярко пылаютъ огни на полѣ. Среди ночной тишины слышатся самые разнообразныя звуки и тоны. Вотъ одинъ спокойно спитъ подъ деревьями, закутавшись въ свою шинель; товарищи его громко поютъ пѣсни. Здѣсь бутылка переходитъ изъ рукъ въ руки. Цыганъ, стоя передъ гусаромъ, наигрываетъ ему на гитарѣ мотивъ своихъ родныхъ пѣсень. Другіе хладнокровно курятъ трубки, изрѣдка обращаясь другъ къ другу съ полувопросомъ или отвѣтомъ. Старый сварливый капраль, сражавшійся при Гогенлиденѣ и Аустерлицѣ, развеселившись отъ нѣсколькихъ стакановъ вина, рассказываетъ новичкамъ свои похождения и подробно распространяется о томъ—какого рода смерть можетъ постигнуть ихъ въ предстоящей битвѣ. Шумная толпа собралась у маркитанскихъ палатокъ и телѣгъ; звонко раздается хохотъ хорошенькой маркитанки: солдаты наперерывъ добиваются у ней поцѣлуевъ. У поставленнаго на землѣ барабана идетъ картежная игра.

Въ гостинницѣ Штамерсдорфа собрался генералитетъ, офицеры и чины главнаго штаба. Всѣ окна и двери открыты настежь. Въ комнатахъ горитъ множество свѣчей. Пустые стаканы постоянно наполняются заново венгерскимъ виномъ.

Откуда-то принесено разстроенное фортепіано въ залу гостинницы. По временамъ, то одинъ, то другой, проходя мимо ударяетъ по клавишамъ. Дикая музыка, полная диссонансовъ! но въ ней слышится общее настроеніе.

Вотъ сидитъ начальство съ важными, серьезными лицами; они взвѣшиваютъ шансы успѣха на слѣдующій день, сравниваютъ свои и непріятельскія силы. Здѣсь чокаются и провозглашаютъ тосты за паденіе императора Наполеона „за свободу, могущество и величіе нѣмецкой націи“; тамъ обнимаются и съ стаканомъ въ рукѣ клянутся въ дружбѣ и вѣрности. У окна сидитъ молодой офицеръ, подперевъ голову рукою; передъ нимъ лежитъ листъ почтовой бумаги; онъ старается излить душу въ короткихъ многозначительныхъ словахъ. Тяжелое предчувствіе сдавило ему грудь. Онъ не переживетъ битвы. Кому пишетъ онъ—матери или своей возлюбленной?

На дворѣ слышится ржаніе. Стоятъ осѣдланныя лошади; онѣ поднимаютъ голову при каждомъ сигналѣ. Постоянно приходятъ люди съ извѣстіями. Въ сторонѣ отъ шумнаго лагеря, на уединенной тропинкѣ, проложенной вдоль утеса въ лѣсной прогалинѣ, ходятъ взадъ и впередъ двое людей. Это Эгбергъ и графъ Вольфсеггъ, который противъ своего обыкновенія казался грустнымъ и разстроеннымъ.

— Мы, разумѣется, знаемъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать, сказалъ

графъ. Но мы сражаемся теперь не за освобожденіе міра, а за спасеніе національной чести. Стадіонъ, я и всѣ наши друзья, желали народной войны, а наши предводители ведутъ кабинетную войну. Выходитъ такъ, что одинъ императоръ враждуетъ съ другимъ. Гдѣ возстаетъ народъ, какъ въ Тиролю, тамъ побѣда; она бѣжитъ отъ нашего эрцгерцога.

— Развѣ эрцгерцогъ не лучшій солдатъ въ Австріи?

— Несомнѣнно! въ случаѣ крайности онъ самъ поведетъ свое войско на штурмъ Асперна, но у него нѣтъ настоящаго довѣрія, ни къ себѣ, ни къ намъ. Я окончательно начинаю приходить къ убѣжденію, что этотъ Люциферъ не простой смертный. Только стихійная сила можетъ одолѣть его.

— Дунай уже сдѣлалъ первый опытъ, сказалъ Эгбертъ.

— Да, но завтра онъ справится и съ Дунаемъ. Я рассчитываю на ненависть народовъ, которые рано или поздно должны признать въ немъ своего смертельнаго врага. Къ несчастью австрійскій народъ не умѣетъ ненавидѣть! Въ этомъ пруссаки несравненно выше насъ. Бонапартъ долженъ остерегаться ихъ; они отомстятъ ему, когда представится случай. Но сколько будетъ пролито крови, пока наступитъ этотъ моментъ! Иногда мнѣ кажется, что тиранъ умретъ на похищенномъ имъ престолѣ, окруженный почетомъ. Послѣ этихъ тысячъ людей, другія тысячи съ такою же радостью обрекутъ себя смерти изъ-за него. Если онъ презираетъ покорныхъ ему рабовъ, то кто-же поставитъ ему это въ вину! Что такое справедливость, возмездіе? Прекрасныя, но пустыя слова. Узурпаторы и завоеватели не вымираютъ, потому что человѣчество не перестаетъ удивляться имъ и уважать ихъ. Развѣ люди, подобные Бонапарту не видятъ, что счастье всего вѣрнѣе сопутствуетъ величайшему преступнику? И они могутъ быть вполне убѣрены, что ихъ не постигнетъ наказаніе, хотя бы они совершали одно злодѣяніе за другимъ.

Эгбертъ не возражалъ, изъ боязни еще болѣе раздражить своего собесѣдника противорѣчіемъ.

— Я заражаю васъ своимъ малодушіемъ, сказалъ графъ послѣ минутнаго молчанія, пожимая руку Эгберту,— между тѣмъ для предстоящаго дня необходимо хорошее настроеніе духа. Простите меня! Но помимо зла, которое этотъ человѣкъ сдѣлалъ моей родинѣ, моимъ соотечественникамъ, онъ отнял у меня все, что у меня было дорогого въ жизни. Мой братъ умеръ въ борьбѣ противъ Франціи: Антуанета!... Мнѣ тяжело говорить о ней!... Самое худшее я узналъ сегодня: мой племянникъ Францъ Гондревиль служитъ въ гвардіи Наполеона! Можетъ быть мы встрѣтимся съ нимъ на полѣ битвы. Я всѣми покинутъ... Нѣтъ, это неправда, вы не оставили меня, Эгбертъ, теперь вы ближе моему сердцу, нежели мои кровные родные. Вы честнѣе, лучше ихъ! Кто знаетъ, можетъ быть мнѣ суждено и васъ потерять!... какая нибудь шальная пуля или ударъ сабли...

— Вы всегда были добры ко мнѣ графъ и я не нахожу словъ чтобы благодарить васъ. Можетъ быть вамъ это покажется страннымъ, но я твердо убѣжденъ, что не погибну въ битвѣ. На войнѣ и на охотѣ мы болѣе чѣмъ когда нибудь готовы придавать значеніе предзнаменованіямъ, предчувствію и пророчеству.

— Вы вѣроятно видѣли какой нибудь особенный сонъ и истолковали его въ свою пользу?

— Нѣтъ. Мнѣ предсказала г-жа Ленорманъ, что я буду участвовать въ кровопролитной битвѣ на Дунаѣ, буду раненъ, но не смертельно.

— Что-же, вы сами просили ее погадать вамъ?

— Разумѣется нѣтъ. Я долженъ былъ выслушать пророчества Ленорманъ по желанію императрицы Жозефины въ Malmaison. Тогда я не обратилъ особеннаго вниманія на слова гадальщицы и совершенно забылъ объ этой исторіи. Но теперь мнѣ живо припомнилось предсказаніе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя вещи уже начинаютъ приходить въ исполненіе.

— Въ то время, когда вы были въ Парижѣ, многое уже можно было предсказать относительно нынѣшней войны, не прибѣгая къ картамъ.

— Кромѣ подробностей. Если она могла вѣрно предугадать ихъ въ важныхъ дѣлахъ, то почему-же ея пророчество можетъ не исполниться относительно меня?

— Ваша вѣра въ Ленорманъ кажется мнѣ довольно наивною.

— Она даетъ мнѣ извѣстное спокойствіе, а это самое главное въ виду предстоящей битвы. Однако не смотря на карты Ленорманъ, продолжалъ Эгбертъ взволнованнымъ голосомъ, если мнѣ не суждено пережить завтрашній день... Вы исполните мое желаніе и передадите мой послѣдній поклонъ Магдаленѣ...

Графъ Вольфсеггъ крѣпко обнялъ своего молодого друга. Онъ хотѣлъ открыть ему тайну рожденія Магдалены, но слова замерли у него на губахъ. Какъ приметъ это признаніе Эгбертъ, воспитанный во всей строгости бюргерскихъ нравовъ? Не лучше ли отложить тяжелое объясненіе до другого, болѣе благоприятнаго времени, если имъ обоимъ удастся пережить ужасы войны?

— Бѣдное дитя, сказалъ графъ. Съ какой боязнью будетъ она прислушиваться къ грохоту пушекъ, вспоминая объ насъ. По вашимъ словамъ у нихъ все благополучно въ домѣ. Но зачѣмъ станемъ мы искусственно разстраивать себя, лучше прекратимъ всѣ разговоры о смерти и завѣщаніяхъ. Богъ дастъ, мы еще долго будемъ радоваться солнцу; кто бы не побѣдилъ изъ насъ, мы или французы, а мы должны собрать послѣднія силы для борьбы противъ этого исчадія ада.

Съ этими словами графъ Вольфсеггъ гордо поднялъ свою красивую голову. На лицѣ его не видно было и слѣда унынія. Энергія и

жажда дѣятельности опять воскресли въ немъ. Такимъ привыкъ его видѣть Эгбертъ.

Они повернули къ деревнѣ, такъ какъ графъ оставилъ тамъ свою лошадь у гостинницы. Ему предстояла еще довольно далекая поѣздка въ Ваграмъ, гдѣ теперь находился эрцгерцогъ. Въ лагерѣ все еще продолжался неумолкаемый шумъ, несмотря на поздній часъ ночи. Слышался говоръ, смѣхъ и пѣсни.

Тѣмъ поразительнѣе казалась мертвая тишина, царившая въ гостинницѣ, хотя изъ всѣхъ оконъ по прежнему виднѣлся яркій свѣтъ отъ множества зажженныхъ свѣчей.

Эгбертъ и графъ Вольфсеггъ подойдя ближе, узнали причину внезапно наступившей тишины. Наверху въ залѣ кто-то говорилъ рѣчь. Тѣсной толпой стояли кругомъ дома солдаты. Лица ихъ выражали напряженное вниманіе. Хотя нѣкоторыя отдѣльныя слова не доходили до нихъ, но это не мѣшало имъ уловить главный смыслъ рѣчи.

— Это голосъ Гуго! сказалъ Эгбертъ.

— Достойный дебютъ для драматическаго актера, отвѣтилъ графъ Вольфсеггъ. Войдемъ въ гостинницу!

Солдаты почтительно разступились передъ ними. Но въ домѣ была такая тѣснота, что имъ удалось только пробраться до нижнихъ ступеней лѣстницы. Этого было достаточно, потому что дверь въ залу верхняго этажа была отворена настежь.

Ораторъ стоялъ на столѣ. Онъ не даромъ готовилъ себя къ сценѣ: его звучный, внятнѣйшій голосъ пріятно дѣйствовалъ на слушателей.

— Товарищи по оружію! говорилъ онъ, обращаясь къ окружавшей его толпѣ. Завтра должна рѣшиться наша судьба! Мы стоимъ подъ самой Вѣной, гдѣ наши матери, жены, сестры, невѣсты, боязливо ожидаютъ исхода битвы. Неужели мы оставимъ городъ въ рукахъ непріятеля? Нѣтъ, отвѣчаю я за васъ, тысячу разъ нѣтъ! Защищая ничтожные города пали тысячи, десятки тысячъ людей! Троя сравнительно съ Вѣной была жалкимъ воронимъ гнѣздомъ, но тѣмъ не менѣе два великихъ народа оснашивали ее другъ у друга нѣсколько лѣтъ. За нее погибли герои, которымъ не чета Бонапартъ, съ своими маршалами! Если бы между нами не было раздоровъ изъ-за того, что одни носятъ черножелтыя, а другіа черныя и бѣлыя шапки, то французы не перешли бы Рейна и не стояли бы теперь у насъ, на берегахъ Дуная. Какое значеніе имѣютъ шапки! Иногда мудрецъ надѣваетъ на себя дурацкій колпакъ, убійца носитъ корону Франціи! Нашу землю поразили двѣ молніи, Аустерлицъ и Іена. Но это послужило намъ въ пользу. Мы поняли, что мы всѣ дѣти одной матери и нѣмцы, гдѣ бы мы ни родились, въ Бранденбургѣ или въ Австріи, въ Берлинѣ или въ Вѣнѣ. Съ сѣвера и запада послѣдшили сюда бойцы на защиту общей родины, нашего достоянія и чести. Французы сража-

ются въ угоду императору. Если бы не было цивилизованныхъ странъ, то онъ повелъ бы ихъ драться съ дикими и варварами на конецъ земли. Ему необходимъ запахъ крови, а французамъ нужны грабежи, убійства и пожары. Такъ всегда было и будетъ въ этомъ народѣ. Они враги мира и человѣчества, они коварны и завистливы какъ обезьяны и кровожадны какъ тигры. Изъ столѣтій въ столѣтіе во Франціи рождаются губители народовъ для опустошенія Европы. Самый ужасный изъ нихъ — нынѣшній французскій императоръ! Онъ страшнѣе Молоха, на раскаленные руки котораго въ Тирѣ и Карфагенѣ клали дѣтей. Для него не существуетъ никакихъ законовъ; нѣтъ мѣры его высокомерію; его мраморное сердце недоступно человѣколюбію. Съ триумфомъ переходитъ онъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну. Но побѣды не радуютъ его; они только пробуждаютъ въ немъ жажду къ новымъ побѣдамъ, новымъ войнамъ. Если бы сегодня Господь предложилъ ему владычество надъ землей, то завтра онъ сказалъ бы: отдай мнѣ и небо! Онъ не похожъ на остальныхъ людей. Это демонъ ненасытности, гордости и себялюбія, принявшій человѣческій образъ. Въ его лицѣ мы ведемъ борьбу съ силами ада, съ вѣчнымъ зломъ. Кто слѣдуетъ за нимъ? Толпа рабовъ, которымъ онъ даетъ на разграбленіе столицы Европы. Это не люди, выступившіе на защиту отечества, не герои, которые приносятъ высшую культуру варварскому міру, а простые наемники, грабители и разбойники. Мы защищаемъ право и святое дѣло и добровольно взяли за оружіе, не смотря на наши семейныя распри. Сбросимъ желѣзное иго этого корсиканца. Само небо благословляетъ насъ на борьбу, справедливѣе которой не было со временъ Маравона и Саламина. Чего намъ бояться? Смерти! Но съ смертью все кончается для человѣка—и заботы, и надежды! Конечно, лучше вовсе не родиться, не испытывать никогда голода, холода и жажды;—но стоитъ жить, чтобы умереть за отечество! Друзья, наполнимъ стаканы! Да здравствуетъ побѣда, если она возможна! Да здравствуетъ смерть, если она неизбѣжна! Выпьемъ за то, что выше побѣды и смерти, за славную будущность нашей дорогой Германіи!

Гуго сошелъ со стола при громкихъ и восторженныхъ крикахъ толпы. Въ его рѣчи выразилось общее настроеніе минуты; онъ высказалъ то, что думалъ и чувствовалъ каждый. Присутствующіе подняли стаканы и чокались другъ съ другомъ; болѣе буйные разбивали въ дребезги пустыя бутылки, гремѣли своими саблями и ружьями, стоявшими у стѣны. Каждый спѣшилъ заключить Гуго въ свои объятія.

— Да здравствуетъ Германія! Проклятіе Наполеону! ревъла толпа, наполнившая домъ, въ порывѣ воинственнаго опьяненія.

— Побѣда или смерть!—кричали солдаты на улицѣ.—Долой Наполеона! Да здравствуетъ главнокомандующій эрцгерцогъ Карлъ!“

Офицеры изъ оконъ разговаривали съ солдатами, поддерживая

веселое настроеніе, которое казалось имъ хорошимъ предзнаменованіемъ для слѣдующаго дня. На улицу вынесены были боченки пива и вина для угощенія солдатъ.

Издали послышались звуки трубъ.

Графъ Вольфсеггъ еще разъ обнялъ Эгберта и пожавъ руку Гуго, уѣхалъ со словами:

— До свиданія! Можетъ быть еще увидимся!

Оба друга остались одни въ полутемномъ дворѣ гостинницы.

— Наконецъ-то я могу вздохнуть свободно! сказалъ Гуго. Они едва не задушили меня въ своихъ объятіяхъ.

— Тебя можно поздравить, возразилъ Эгбертъ. Твой первый опытъ въ искусствѣ Демосоена удался вполне. Ты сильно подѣйствовалъ на сердца своихъ слушателей.

— Мой отецъ, почтенный приходскій священникъ, вѣроятно, напелъ бы, что моя рѣчь слишкомъ картинна и переполнена гиперболами. Пока это одни слова!

— Разумѣется, но мы должны осуществить ихъ, сказалъ Эгбертъ.

Въ это время къ колодцу, который находился среди двора, подошли дѣвушки съ ведрами. Въ числѣ ихъ была Кристель.

— Какъ ты попала сюда, колдунья? закричалъ Гуго, увидя ее.

— Онѣ просили меня помочь имъ, отвѣтила Кристель, указывая на дѣвушекъ.

— Ты останешься ночевать въ этой гостинницѣ, сказалъ Эгбертъ. Я поговорю съ хозяйкой, можетъ быть она согласится помѣстить тебя въ своей комнатѣ. Завтра ты должна нанять лодочника, который перевезъ бы тебя черезъ рѣку. Магдалена вѣроятно безпокоится о тебѣ.

— Я готова исполнить ваше приказаніе. Но всѣ толкуютъ, что завтра будетъ здѣсь битва. Что это такое? Позвольте мнѣ посмотреть на нее.

— О милая невинность!—воскликнулъ Гуго, цѣлуя Кристель.— Она хочетъ видѣть битву! Непостижимая иронія судьбы! Сотни тысячъ людей вооружились пушками, ружьями и саблями, чтобы взаимно убивать другъ друга. Какая цѣль всего этого? Чтобы доставить невиданное зрѣлище наивному ребенку!

Изъ оконъ гостинницы слышалась хоровая пѣсня съ припѣвомъ: *Perreat Napoleon!*

Часы на башнѣ пробили полночь.

ГЛАВА II.

— Побѣда! Побѣда! Бейте сборъ! Поставьте знамя въ брешѣ ограды! раздается голосъ полковника на кладбищѣ Аспернъ.

— Да здравствуетъ Австрія! отвѣчаютъ въ одинъ голосъ солдаты.

Изъ церкви, изъ прострѣленныхъ, пылающихъ и разрушенныхъ домовъ, изъ садовъ, кустарника, изгородей появляются темныя фигуры, съ лицами, почернѣвшими отъ пороха, въ разорванныхъ мундирахъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Это все уцѣлѣвшіе остатки блестящей, нарядной арміи. Здоровые идутъ скорымъ шагомъ, гордо поднося головы; медленно плетутся раненые, собравъ послѣднія силы.

Кончился день двадцать перваго мая, навсегда памятный въ австрійской исторіи. Непобѣдимый Наполеонъ въ первый разъ потерпѣлъ пораженіе. Бой, прекращенный съ наступленіемъ ночи, долженъ былъ возобновиться на слѣдующій день съ новой силой. На клочкѣ земли, пропитанномъ кровью нѣсколькихъ сотенъ людей, павшихъ во время пятичасоваго боя, развѣвается черножелтое знамя Габсбурговъ съ двойнымъ орломъ имперіи.

Планъ эрцгерцога былъ приведенъ въ исполненіе.

При яркомъ сіяніи майскаго солнца и безоблачномъ небѣ, около четырехъ часовъ по полудни выступило австрійское войско изъ Штаммерсдорфа.

Корпусъ генерала Гиллера, составлявшій авангардъ, двинулся къ Асперну. Два часа спустя долженъ былъ прибыть Розенбергъ въ Эслингенъ. Пространство между обѣими деревнями, отстоящими одна отъ другой на разстояніи полумили, занято было войсками Гогенцоллерна и конницей Иогана Лихтенштейна.

Деревня Аспернъ далеко раскинулась въ длину съ своими каменными домами и садами. Отъ Дуная проведена къ ней большая дорога черезъ лѣсокъ. На крайнемъ концѣ ея виднѣется церковь и кладбище, обнесенное кирпичной оградой. Къ сѣверу отъ деревни находится родъ насыпи и брустверъ, которыми французы воспользовались для своихъ укрѣпленій. На всѣхъ улицахъ у нихъ возведены баррикады изъ телѣгъ, плуговъ, крестьянскаго домашняго скарба, колевъ и досокъ. Всѣ дома заняты французами; они стрѣляютъ изъ оконъ и крышъ въ смѣльчаковъ, которымъ удастся взлѣзть на брустверъ. Мѣтко бьютъ ихъ ружья. Но австрійцы смѣло идутъ на приступъ. Видъ непріятели еще болѣе воодушевляетъ ихъ. Мрачно ложится темная туча дыма; все чаще и чаще сверкаютъ огни пушекъ; поднимается пожарное зарево; нѣсколько домовъ объаты пламенемъ. На узкомъ клочкѣ земли бьются десять тысячъ человѣкъ, какъ волны разъяреннаго моря. По временамъ, заглушая ревъ пушекъ и шумъ оружія, раздается громкій возгласъ: „Vive l'empereur!“ или „Vorwärts, Haus Oesterreich hoch!“ На минуту наступаетъ перерывъ; на-

чальники наскоро приводятъ въ порядокъ свои войска, раненые выбываютъ изъ строя; среди внезапно наступившей тишины слышатся стоны умирающихъ. Затѣмъ опять раздается громкая команда начальниковъ: „En avant!“ съ одной стороны и „In Reih und Glied!“ съ другой, и битва продолжается.

Груды труповъ лежатъ передъ брустверомъ, который окончательно взятъ австрійской пѣхотой. Французы въ безпорядкѣ бѣгутъ къ рѣкѣ вдоль большой дороги.

Съ восточной стороны на помощь австрійцамъ подошла въ это время колонна Беллегарда; другому австрійскому генералу, Ваканту, удалось овладѣть церковью. Но деревня еще занята непріателемъ. Маршалъ Массена хочетъ во что бы то ни стало отстоять ее, такъ какъ это самый важный пунктъ французской позиціи. Онъ упорно защищаетъ каждый шагъ земли. Свистятъ пули; череницы крышъ падаютъ на осаждающихъ, которые топорами и прикладами ружей выламываютъ двери и бросаются на встрѣчу непріателю. Битва превратилась въ множество единичныхъ схватокъ въ садахъ, у пылающихъ домовъ, на баррикадахъ, полуразрушенныхъ пушечными ядрами. Но тутъ среди шума внезапно раздается барабанный бой. Французы усиленнымъ маршемъ входятъ въ деревню съ южной стороны. Австрійцы поспѣшно смыкаютъ ряды, чтобы встрѣтить напоръ непріателя. За домами поднимается облако пыли — французская конница дѣлаетъ атаку. Начинается оглушительная ружейная стрѣльба, которой кажется не будетъ конца. Подъ градомъ пуль падаютъ люди и лошади. Еще моментъ и французская конница обращается въ бѣгство. Опрокидывая другъ друга, скачетъ она черезъ трупы и черезъ живыхъ людей; баррикады на каждомъ шагу преграждаютъ ей путь; австрійскіе штыки встрѣчаютъ ихъ на перекресткахъ улицъ. За деревней, въ маленькомъ лѣсу, состоящемъ изъ ольхи и березняка, на древесномъ пнѣ съ обнаженной головой сидитъ маршалъ Массена. Мимо него бѣгутъ побѣжденные. Въ безсильной ярости смотритъ онъ на нихъ; глаза его налились кровью, какъ у вепря, посаженнаго въ клѣтку.

Атака Наполеона на непріятельскій центръ также кончилась полной неудачей. Пѣхота Розенберга безпрепятственно подошла къ Эслингену съ правой стороны, такъ какъ вниманіе маршала Лана, стоявшаго передъ деревней, было отвлечено войсками Гогенцоллерна, которыя надвигались на него тѣсно сплоченной массой. По приказанію императора, маршалъ направилъ противъ непріателя всю имѣвшуюся на лицо конницу. Но усилія французовъ оказываются безуспѣшными противъ непроницаемаго четырехугольника Гогенцоллерна, плотной стѣны протянутыхъ штыковъ и непрерывнаго ружейнаго огня. Тѣмъ не менѣе конница возобновляетъ приступъ; люди и лошади съ яростью бросаются впередъ. Но вотъ падаетъ французскій генералъ Эспанъ; уланы и гусары Лихтенштейна врываются въ ряды французской конницы и гонятъ ее передъ собой.

Наступившіе сумерки служат сигналомъ къ прекращенію битвы. Раздѣленные небольшимъ пространствомъ стоятъ оба войска. Отдыхъ одинаково необходимъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ послѣ крайняго возбужденія еще больше чувствуется истощеніе силъ. Мертвая тишина, замѣнившая оглушительный шумъ битвы, производитъ подавляющее впечатлѣніе. Только изрѣдка, черезъ долгіе промежутки времени слышится выстрѣлы на аванпостахъ. Аспернъ объять пламенемъ. Половина деревни уже сгорѣла. Среди почернѣвшихъ стѣнъ и тлѣющихъ бревенъ лежатъ груды мертвыхъ тѣлъ. Во власти французовъ только крайніе концы обѣихъ деревень.

Чтобы защитить мостъ, отнятый у австрійцевъ, Массена приказалъ укрѣпить окопами лѣсокъ и маленький островъ, лежащій налѣво отъ Асперна.

Наполеонъ не можетъ и не хочетъ понять, что встрѣтилъ здѣсь непреодолимое сопротивленіе. Въ теченіи дня по вновь исправленному понтонному мосту къ нему прибыли въ Лобау многочисленныя подкрѣпленія изъ Эберсдорфа и Вѣны; къ утру слѣдующаго дня большая часть его гвардіи должна была собраться между Асперномъ и Элингеномъ.

— Развѣ у меня мало людей? Могутъ ли я не одержать побѣды? казалось спрашивалъ его недовольный взглядъ, когда вокругъ него заговорили о необходимости отступленія, такъ какъ никто не вѣрилъ въ прочность моста.

Быстро несетъ Дунай въ своемъ неудержимомъ теченіи пни, лодки, обломки всякаго рода, тяжелыя барки съ горючими веществами. Дрожить и качается во всѣ стороны мостъ. Волны съ шумомъ заливаютъ его. Солдаты переходя черезъ него, видятъ возрастающую опасность, все сильнѣе трясутся доски подъ ихъ ногами. У самыхъ смѣлыхъ содрагается сердце. Саперы съ минуты на минуту ожидаютъ полного крушенія моста. Глубокое уныніе начинаетъ овладѣвать всѣми.

Между тѣмъ австрійцы радуются побѣдѣ. Слѣдующій день долженъ довершить ее. Эта надежда утѣшаетъ ихъ въ жертвахъ, принесенныхъ смерти.

На сѣверной сторонѣ полуразрушенной кладбищенской ограды Асперна стоитъ Эгбертъ.

Онъ прибылъ сюда съ своими людьми къ пяти часамъ, когда только что начать былъ штурмъ французскаго бруствера. Первая пуля, попавшая въ баталіонъ волонтеровъ, сорвала ему шляпу съ головы.

— Поздравляю васъ, крикнулъ ему сѣдовласый полковникъ. — Пуля коснулась васъ, не сдѣлавъ вамъ вреда. Это самая вѣрная примѣта, что на сегодняшній день вы застрахованы отъ смерти.

Эгбертъ улыбнулся.

— Неужели и это предзнаменованіе не имѣетъ никакого значенія? невольно подумалъ онъ.

Ему кажется, что какая-то невидимая рука охраняетъ его среди горящихъ домовъ подъ градомъ пуль.

Волонтеры, дважды отброшенные, дѣлаютъ третій приступъ. Эгбертъ и другіе офицеры бросаются впередъ съ поднятыми саблями, за ними барабанщики и весь отрядъ.

Французы обращены въ бѣгство.

— Да здравствуетъ Австрія! воскликнулъ Гуго. — Друзья за мной! Не давайте имъ пощады! Сегодня, съ Божьей помощью...

Онъ не договорилъ своей фразы и упалъ на землю, обливаясь кровью. Пуля поразила его въ грудь.

Эгбертъ видѣлъ какъ упалъ его другъ. Но у него нѣтъ времени для слезъ. Суматоха битвы бѣшено увлекаетъ его за собой. Все что потомъ происходитъ вокругъ него, исчезаетъ и путается передъ его глазами, какъ неясныя туманныя картины. Сквозь облако дыма видятъ онъ ужасы, которые совершаются вокругъ него.

Только теперь, когда затихъ шумъ битвы, сознание дѣйствительности вернулось къ нему.

— Вы все еще безъ шляпы! замѣтилъ ему со смѣхомъ одинъ изъ товарищей.

Эгбертъ машинально поднялъ солдатскую фуражку лежавшую на землѣ и надѣлъ ее на свои развѣвающиеся волосы. Точно тяжелый камень свалился ему на грудь. Хотя у него нѣтъ ни одной раны, но онъ чувствуетъ боль во всемъ тѣлѣ, отъ множества ушибовъ, шрамовъ и царапинъ, полученныхъ въ пылу битвы. Безсильно опускается онъ на земляной валъ, изрытый пулями. Слезы навертываются на его рѣсницахъ. Умеръ его любимый другъ! Воображеніе рисуетъ ему счастливые часы, которые они пережили вмѣстѣ, ихъ путешествіе, шутки, мудрыя изрѣченія Гуго. Пропала молодая сила съ ея стремленіемъ къ идеалу, и съ ея блестящими надеждами!

— Вотъ она война!— съ горечью проговорилъ Эгбертъ, заливаясь слезами, какъ будто бы гибель Гуго заключала въ себѣ всѣ ужасы войны, забывая что по мимо его въ этотъ день убиты тысячи людей, изъ которыхъ многіе были также молоды и подавали такія же блестящія надежды, какъ его другъ и которыхъ жизнь была не менѣе дорога для ихъ близкихъ.

Къ Эгберту подошелъ старый солдатъ и, думая, что онъ раненъ, предложилъ ему свою походную фляжку, говоря, что водка лучшее лекарство отъ невзгодъ души и тѣла. Эгбертъ торопливо выпилъ глотокъ и вскочивъ на ноги утеръ рукавомъ слезы, упорно подступавшія къ его глазамъ. Онъ стыдился своего малодушія.

Съ рѣки дулъ сильный прохладный вѣтеръ. Солдаты, завернувшись въ свои шинели расположились на могилахъ кладбища, на остаткахъ стѣнъ и бруствера, при желтоватомъ отблескѣ догоравшихъ домовъ. Опять зажглась безконечная вереница сторожевыхъ огней. Участники минувшей битвы, довольные тѣмъ, что имъ удалось избѣгнуть опас-

ности хотятъ насладиться настоящей минутой, забывая о мертвыхъ и раненыхъ и опасностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на слѣдующій день. Каждый спѣшитъ подкрѣпить свои силы ѣдой, питьемъ, часомъ сна и приготовиться къ новой кровавой работѣ. Въ полудремотѣ сидитъ покачиваясь солдатъ, прислонившись къ стѣнѣ и положивъ ноги на трупъ. Другіе стерли метлами лужи крови и спокойно ложатся на это мѣсто. Въ виду близости непріятели запрещено всякое пѣніе и шумъ. Даже спящіе держатъ оружіе въ рукахъ. Носильщики отыскиваютъ раненыхъ на полѣ битвы, чтобы доставить ихъ на перевязочные пункты. Мертвыхъ складываютъ на большія телѣги и сбрасываютъ цѣлыми грудами въ на скоро вырытыя ямы.

Эгбертъ съ ужасомъ смотритъ на эти похороны и рѣшается во что бы то ни стало избавить своего друга отъ подобнаго погребенія.

Съ двумя носильщиками и факеломъ въ рукахъ, идетъ онъ на валъ къ тому мѣсту, гдѣ убитъ Гуго. Тѣло его легко было узнать по офицерскому мундиру съ серебрянными шнурами. Эгбертъ освѣщаетъ факеломъ блѣдное лицо убитаго и съ помощью пришедшихъ съ нимъ людей бережно кладетъ трупъ на носилки и прикрываетъ его шинелью.

Но куда нести его? Эгбертъ не можетъ оставить свой постъ. Если онъ отложить это дѣло до слѣдующаго дня, то кто поручится ему за исходъ предстоящей битвы!

Онъ не знаетъ на что рѣшиться и съ отчаяніемъ оглядывается кругомъ.

Издали виднѣется мерцающій свѣтъ фонаря, который повидимому все приближается къ нимъ.

— Эй, кто тутъ? Сюда!—кричитъ Эгбертъ, поднимая факель, въ смутной надеждѣ, что кто нибудь выведетъ его изъ затрудненія.

Ожиданіе не обмануло его. Это была Кристель и его молодой слуга, Леопольдъ, котораго онъ оставилъ въ Штаммерсдорфѣ.

Любопытство и смутная боязнь несчастія погналы молодую дѣвушку на поле битвы, не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія хозяевъ гостиницы остаться у нихъ. Леопольдъ, преданный слуга Эгберта, сынъ работника въ Гицингѣ, вызвался сопровождать ее, въ надеждѣ отыскать своего господина.

— Вы живы! воскликнула съ радостью Кристель, внимательно взглядываясь въ лицо Эгберта и хватая его за руку. Вы живы и невредимы! Я видѣла на дорогѣ убитаго; онъ лежитъ лицомъ къ землѣ и стонетъ, какъ тотъ...

Кристель не могла продолжать. Внѣ себя отъ ужаса, она крѣпко прицѣпилась къ его рукѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ.

Эгбертъ старался успокоить ее, объясняя ей возбужденное состояніе печальнымъ зрѣлищемъ битвы и множествомъ мертвыхъ и умирающихъ, которыхъ она видѣла по дорогѣ.

— Бѣдная Кристель, сказалъ онъ ласковымъ голосомъ. Я знаю, что тебя огорчить его смерть. Посмотри, они убили его!..

Съ этими словами Эгбертъ приподнялъ шинель съ блѣднаго лица Гуго. Красноватый отблескъ факела на минуту придалъ ему обманчивую окраску жизни. Рыдая и дрожа всѣмъ тѣломъ опустилась Кристель на колѣни передъ носилками. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, она робко взглянула на мертвеца, но тотчасъ же закрыла себѣ лицо обѣими руками.

— Ты хотѣла видѣть битву, сказалъ Эгбертъ невольно содрогаясь. И здѣсь и тамъ лежатъ мертвые, за нами сгорѣвшая деревня. Теперь ты знаешь, что такое война!..

Эгбертъ отдалъ необходимыя приказанія слугѣ, который съ помощью носильщиковъ долженъ былъ перенести тѣло въ Штаммерсдорфъ и уложить въ гробъ, а на слѣдующій день доставить его въ Нуссдорфъ. Отсюда ему будетъ нетрудно добраться до Гицинга, такъ какъ всѣ французскія войска переведены на южную сторону Вѣны, къ Эберсдорфу.

Эгбертъ написалъ также нѣсколько словъ Магдаленѣ и просилъ ее похоронить ихъ общаго друга въ саду помѣстья.

Сложивъ письмо, онъ подалъ его слугѣ.

Но тотъ въ замѣшательствѣ вертѣлъ шанку въ рукахъ, и не двигался съ мѣста:

— Позвольте мнѣ остаться здѣсь! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Если завтра... Да хранить васъ Господь!..

— Не безпокойся обо мнѣ, Леопольдъ. Ты окажешь мнѣ большую услугу, доставивъ тѣло въ Гицингъ. Я буду часто писать Армгартамъ и ты будешь знать отъ нихъ, гдѣ я. Если вздумаешь, то можешь опять отыскать меня.

Эгбертъ подошелъ къ Кристель и взявъ ее за руку поднялъ съ земли.

— Не плачь Кристель, сказалъ онъ.—Ни слезы, ни молитвы ни воскресятъ его. Мертвые нѣмы и не слышатъ насъ.

— Но они не всегда будутъ нѣмы.

— Это извѣстно одному Богу.

— Какъ вы думаете, онъ не сердится на меня? спросила Кристель, указывая на покойника.

— Нѣтъ, онъ былъ хорошій человекъ и любилъ тебя. Къ тому же мертвые не могутъ чувствовать ненависти къ живымъ.

— Ахъ, если бы это такъ было на дѣлѣ! Но они преслѣдуютъ насъ даже ночью, во снѣ.

— Однако, вамъ пора идти, сказалъ Эгбертъ обращаясь къ слугѣ.

Носильщики подняли покойника и въ сопровожденіи Леопольда двинулись въ путь.

— Иди за ними, Кристель. Дай руку Леопольду, сказалъ Эгбертъ.— Завтра ты будешь въ Гицингъ и не уйдешь больше изъ дому. Теперь ты знаешь, что такое битва и никогда не забудешь этого.

— Иду, отвѣтила Кристель, но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ быстро вернулась и спросила шопотомъ Эгберта:

— У васъ еще камень?.. я отдала его вамъ въ Гмунденѣ.

— Да, онъ у меня. Что это тебѣ вздумалось? спросилъ Эгбертъ, взявъ ее за руку.

— Берегите его.

— Что съ тобой? Какъ у тебя блестятъ глаза! рука твоя дрожитъ. У тебя лихорадка. Уходи скорѣе отсюда, отъ всѣхъ этихъ ужасовъ.

Носильщики шли впереди. За ними слѣдовалъ Леопольдъ съ Кристель. Еще моментъ и шествіе скрылось изъ глазъ Эгберта во мракѣ ночи.

Эгбертъ вернулся къ войску на кладбище. Природа взяла свое. Не смотря на постигшее его горе, печальные образы и мысли, наполнявшія его душу, онъ погрузился въ глубокой сонъ. Голова его покоится на разрытой могильной насыпи. Ярко горятъ звѣзды на темной синевѣ прозрачнаго неба.

Но вотъ одна за другой меркнуть звѣзды передъ утренней зарей. На аванпостахъ слышится трескъ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

На деревенской башнѣ только что пробило четыре часа.

Спящіе быстро поднимаются на ноги. Торопливо ѣдутъ солдаты. Щедрѣ чѣмъ когда либо ихъ угощаютъ виномъ.

Но вотъ уже выстроились въ боевомъ порядкѣ пѣхота и конница. Забыты всѣ невзгоды, вынесенныя страданія и опасности. Равнодушно смотрятъ солдаты на груды мертвыхъ, которыхъ не успѣли убрать въ прошлую ночь, на черныя развалины обгорѣвшихъ домовъ и окружающую ихъ картину разрушенія. Звонко раздаются въ утреннемъ воздухѣ звуки боевой музыки.

Австрійскіе полки, собранные подъ Асперномъ, ждутъ нападенія Массены, чтобы дать время Розенбергу овладѣть окончательно Эслингеномъ.

Передъ церковью устроены австрійскія баррикады изъ развалинъ сгорѣвшихъ домовъ. Наискось отъ церкви, на углу узкой улицы, ведущей въ открытое поле находится большой дворъ съ уцѣлѣвшимъ каменнымъ домомъ, который по своему расположенію представляетъ естественное укрѣпленіе. Защита его поручена небольшому отряду волонтеровъ, подъ начальствомъ Эгберта.

Крѣпкій двухъ-этажный домъ, стоящій на высотѣ, могъ легко выдержать непродолжительную осаду. Окна и дверь нижняго этажа задѣланы наглухо. У верхнихъ оконъ и проломовъ крыши поставлены лучшіе стрѣлки. Если бы непріятель вломился въ наружную дверь и овладѣлъ лѣстницей, то для осажденныхъ былъ еще выходъ въ садъ, гдѣ они могли удобно укрыться за группой старыхъ вязовъ и длиннымъ рядомъ кольевъ на грядахъ. У крѣпкихъ воротъ ведущихъ на дворъ поставлены двѣ заряженныя пушки.

Эгбертъ, войдя на крышу дома могъ видѣть всю боевую линію австрійцевъ на востокъ и на югъ до Лобау, гдѣ стояли французскія войска. Съ обѣихъ сторонъ несется конница по полю между деревьями. Ярко блеститъ утреннее солнце, отражаясь на кирасахъ французовъ. Быстро летятъ имъ на встрѣчу венгерскіе гусары въ своей фантастической одеждѣ, размахивая саблями. За ними собирается густая масса пѣхоты, одинъ за другимъ строятся полки.

Противъ своего обыкновенія, не смотря на усиленный бой барабановъ медленно подходятъ къ Асперну два полка изъ дивизіи St.-Суг, посланныхъ Массеной въ этотъ кратеръ, который снова начинаетъ выбрасывать огонь.

Шагъ за шагомъ подвигаются французы среди развалинъ жилищъ и опустошенія, произведеннаго пятичасовымъ боемъ, постоянно встрѣчая новыя препятствія. Невольно содрогнется нога, переступая черезъ трупы; cadaго занимаетъ мысль, что быть можетъ его постигнетъ та же участь и по окончаніи битвы подберутъ и его трупъ вмѣстѣ съ этими блѣднотлицыми товарищами, на которыхъ смерть положила свой неизгладимый отпечатокъ. Упорно защищаютъ австрійцы отъ непріятеля каждую пядь земли, пользуясь для своего прикрытія всякимъ выступомъ дома, остаткомъ стѣны или забора.

— Наши отступаютъ, кричитъ Эгбертъ волонтерамъ, сходя съ своего обсервационнаго пункта.—Будьте на готовѣ! Къ оружію!

Австрійцы бѣгутъ къ церкви. Съ крикомъ „Vive l'Empereur!“ преслѣдуютъ ихъ французы; но тутъ изъ сосѣдняго дома ихъ встрѣчаютъ тремя ружейными залпами. Пять человекъ убито на повалѣ; около двадцати раненыхъ выбываютъ изъ строя. Французы на минуту приведены въ замѣшательство, такъ какъ въ пылу преслѣдованія они не замѣтили каменный домъ, стоявшій въ сторонѣ.

Начальники тотчасъ же рѣшаются раздѣлить свои силы: одинъ полкъ остается у церкви; другой начинаетъ штурмъ дома. Французы выламываютъ дверь топорами и врываются въ длинныя сѣни. Эгбертъ, окруженный волонтерами, встрѣчаетъ ихъ со шпагой въ рукѣ и гонитъ ихъ внизъ по лѣстницѣ на узкую улицу. Такой же неудачей кончается попытка французовъ овладѣть воротами; пушечные выстрѣлы принуждаютъ ихъ къ отступленію. Еслибы въ это время подоспѣло ожидаемое подкрѣпленіе, то побѣда была бы рѣшена въ этомъ мѣстѣ. Между тѣмъ наличныя силы австрійцевъ слишкомъ недостаточны для погони; французы возвращаются назадъ, дѣлаютъ вторичный приступъ и врываются на дворъ черезъ полуразрушенныя ворота, не смотря на пушечные выстрѣлы. Съ штыкомъ въ рукѣ и съ дикими криками пробиваютъ они себѣ путь къ дому.

Въ этотъ моментъ австрійскій батальонъ, выйдя изъ сосѣдней улицы, нападаетъ съ фланга на озадаченнаго непріятеля.

Битва принимаетъ болѣе благоприятный оборотъ, но австрійцы слишкомъ удалились отъ церкви и дому. Они со всѣхъ сторонъ

окружены неприятелемъ; часть баталіона разсѣяна, другая обращена въ бѣгство. Эгбертъ воспользовался временнымъ удаленіемъ неприятеля, чтобы спасти своихъ людей и оба орудія. Одинъ изъ лейтенантовъ ведетъ остатки отряда къ церкви. Эгбертъ съ десятью волонтерами прикрываетъ его отступление. Три часа длилась осада: дальнѣйшая защита дома была свыше человѣческихъ силъ; всѣ окна прострѣлены, двери и ворота выломаны, половина стѣны окружавшей дворъ лежала въ развалинахъ.

Но вотъ опять возвращаются французы. Съ бѣшенствомъ видятъ они отступление небольшого отряда, и громко требуютъ сдачи. Эгбертъ съ своими товарищами былъ бы тотчасъ окруженъ ими, еслибы они могли воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ. Но улица покрыта полусгорѣвшими бревнами, досками, плугами, телѣгами, обломками домашней утвари, трупами людей и лошадей; все это затрудняетъ нападеніе. Наконецъ французы преодолеваютъ всѣ препятствія и бросаются на горсть храбрецовъ.

Пуля попадаетъ въ грудь Эгберта; но онъ не чувствуетъ ни раны, ни боли. Видя, что отрядъ его скрылся за оградой кладбища онъ старается шпагой отклонить направленныя противъ него штыки. Вторая пуля ранитъ его въ правую руку; шпага его сломана; но онъ хватается за нее лѣвой рукой.

— *C'est un brave!* кричатъ французскіе солдаты. Пощадите его.

— Сдайтесь, милостивый государь! сказалъ ихъ начальникъ, обращаясь къ Эгберту. Вы одни!...

Это былъ Бозльде, полковникъ четвертаго линейнаго полка.

Эгбертъ оглянулся. Товарищи лежали около него мертвые или раненые. У него закружилась голова. Онъ едва держался на ногахъ отъ внезапной слабости и боли въ рукѣ.

— Отдаю вамъ все, что осталось отъ моей шпаги, сказалъ онъ.

— Это можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ—замѣтилъ ему въ утѣшеніе полковникъ. Вы получили бы у насъ крестъ Почетнаго легіона за сегодняшний день. Вы безпощадно били насъ.

Эгберту сдѣлали перевязку и повели черезъ Аспернъ къ маленькому мосту, отдѣлявшему Мархфельдъ отъ острова Лобау. Плѣнникъ былъ въ самомъ печальномъ настроеніи духа. Его взяли въ плѣнъ! Не лучше ли было умереть какъ Гуго! Первая пуля попала ему въ грудь. Почему она не убила его?

Онъ оцупалъ лѣвой рукой боковой карманъ сюртука, чтобы убѣдиться тутъ ли его портфель. Но пальцы его дотронулись до чего-то твердаго. Это былъ опаль, подаренный ему Кристель. Пуля раздробила его. Изображеніе орла было уничтожено; остались какія-то неясныя очертанія.

Въ другое время порча камня, единственной улики противъ убійцы Жана Бурдона, сильно огорчила бы его. Но теперь онъ думалъ только

о своей несчастной судьбѣ. Не радовали его и лестные толки о немъ сопровождавшихъ его французскихъ солдатъ.

— Этотъ капитанъ храбрый человѣкъ!—говорили они, указывая на него: болѣе трехъ часовъ дрался онъ противъ насъ съ горстью людей!..

Эгбертъ, вспоминая о своемъ пораженіи, съ ужасомъ думалъ, что можетъ быть таже участь ожидаетъ австрійское войско. Оно представлялось ему разбитымъ и уничтоженнымъ.

Въ это время дѣйствительно рѣшалась судьба битвы, хотя иначе, нежели ожидалъ этого Эгбертъ.

Маршалъ Ланъ съ дивизіей С. Илера двинулся по дорогѣ между Ашерномъ и Эслингеномъ. Его первая атака была настолько удачна, что онъ принудилъ австрійцевъ къ отступленію и готовился нанести послѣдній ударъ, чтобы порвать австрійскую боевую линію. Но въ этотъ рѣшительный моментъ эрцгерцогъ Карлъ, взявъ знамя гренадерскаго полка бросается верхомъ на встрѣчу непріятеля, въ виду всего войска. Его примѣръ увлекаетъ нерѣшительныхъ и лѣнивыхъ. Самъ главнокомандующій принимаетъ участіе въ битвѣ! Никто не хочетъ отстать отъ него. Каждый хочетъ раздѣлить съ нимъ вѣнецъ побѣды или честь смерти на полѣ битвы. Пока неизвѣстно на чьей сторонѣ перевѣсъ. Но съ прибытіемъ резервовъ австрійцы еще рѣшительнѣе атакуютъ непріятеля. Маршалъ Ланъ съ трудомъ удерживаетъ позицію. Онъ посылаетъ одного изъ офицеровъ главнаго штаба къ императору съ просьбой послать ему подкрѣпленіе. Онъ хочетъ еще разъ попытать счастье, которое начинаетъ измѣнять ему.

Посланный офицеръ и Эгбертъ прибыли одновременно къ кирпичному заводу за Эслингеномъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда перекинуть мостъ черезъ узкій рукавъ Дуная на Лобау. Въ сторонѣ отъ дороги на походномъ стулѣ сидитъ императоръ передъ столомъ, на которомъ лежатъ карты и зрительныя трубы. Вокругъ него адъютанты и офицеры молча наблюдаютъ за битвой. Въ отдаленіи слуги держатъ за поводья осѣдланныхъ лошадей. Все пространство отъ этого мѣста до Дуная и Эслингена занято полками старой гвардіи. Неподвижно стоятъ подъ ружьемъ гордые ветераны въ своихъ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ. Эта непобѣдимая армія представляетъ собою единственное наличное войско, которое еще было въ распоряженіи Бонапарта. Передъ кирпичнымъ заводомъ возведена сильная батарея для защиты моста на случай внезапнаго нападенія изъ Энцерсдорфа, который уже находился во власти Розенберга.

Пройти мостъ не было никакой возможности. Эгберту приказали остановиться. Къ нему подошло нѣсколько офицеровъ изъ приближенныхъ императора. Они привѣтливо поздоровались съ нимъ.

— Теперь наша очередь повѣсить голову, сказали они. Ваши соотечественники приготовили намъ ловушку и мы попали въ нее.

Бонапартъ, отправивъ посланнаго маршала Лана съ отказомъ,

оглянулся въ ту сторону, гдѣ стоялъ Эгбертъ. Замѣтивъ австрійскій мундиръ, онъ приказалъ подвести къ себѣ плѣнника.

Эгбертъ отдалъ ему честь лѣвой рукой, такъ какъ правая была у него на перевязкѣ.

Императоръ равнодушно взглянулъ на него полусонными глазами, но черезъ секунду усталое лицо его неожиданно оживилось.

— А, это вы мосье Геймвальдъ! Я узналъ васъ, не смотря на вашъ мундиръ и ваши раны. Откуда вы?

— Изъ Асперна, ваше величество.

— Деревня опять отнята у насъ?

— Да, ваше величество, до церкви.

— Кто командуетъ австрійцами?

— Генераль Вагантъ, а на западъ отъ деревни генераль Гиллеръ.

— Куда дѣвался корпусъ Беллегарда, который вчера дрался въ Аспернѣ?

— Онъ присоединенъ къ остальной арміи.

— Кажется вашъ эргерцогъ хочетъ доказать мнѣ, что переправа черезъ большую рѣку въ виду стотысячной арміи—непростительная глупость. Я думалъ, что имѣю дѣло съ прежними австрійцами! Развѣ Германія переродилась? Но я во всякомъ случаѣ справлюсь съ нею!

Бонапартъ всталъ съ своего мѣста и скрестивъ руки на груди спросилъ:

— Какъ велика потеря?

— Я потерялъ около трети моего отряда.

— Почему вы не остались съ своими книгами? Наука настоящее призваніе нѣмцевъ...

Разговоръ прерванъ. Генераль-маіоръ Бертье сдѣлалъ знакъ Эгберту, чтобы онъ отошелъ въ сторону. На взмыленной лошади скакалъ гонецъ изъ Лобау съ депешей къ императору.

Адъютанты къ которымъ подошелъ Эгбертъ многозначительно переглядываются между собой.

— Вѣроятно опять порванъ мостъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ вполголоса. У всѣхъ лица кажутся озабоченными и серьезными.

Эгбертъ задѣлъ локтемъ стоявшаго около него господина и хочетъ извиниться. Но тотъ съ поклономъ предупреждаетъ его. Это шевалье Цамбелли. Оба пристально смотрятъ другъ на друга.

— Что ты безсмертенъ, что ли? Отчего ни одна пуля не поразила тебя? читаетъ Эгбертъ на мраморномъ лицѣ Цамбелли.

— Камень, видѣвшій твое преступленіе, спасъ мнѣ жизнь, хочетъ сказать онъ въ свою очередь. Но ни тотъ ни другой не рѣшаются прервать молчанія.

Императоръ прочелъ депеши и отдалъ вполголоса какія-то приказанія Бертье.

Затѣмъ онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояли слуги и громко крикнулъ, чтобы ему подали лошадь.

Солнце прямо свѣтило ему въ лицо, которое и теперь поразило Эгберта своей неподвижностью. Трудно было прочесть что либо на этомъ широкомъ мраморномъ лбѣ, осѣненномъ черною прядью волосъ.

Мамелюкъ Рустанъ подвелъ императору лошадь. Онъ ловко вскочилъ на нее. Окруженный облакомъ пыли, освѣщенный солнцемъ, точно Гомеровскій богъ войны, мчится онъ черезъ Мархфельдъ къ своимъ сражающимся легионамъ. За нимъ скачутъ его адъютанты. Цамбелли въ числѣ ихъ.

Эгбертъ стоитъ ослѣпленный и взволнованный. Ему кажется, что холодный всеобъемлющій взглядъ этого человѣка, чуждаго человѣческихъ ощущеній пригвоздилъ его къ мѣсту.

Но едва Наполеонъ скрылся изъ виду, какъ всѣ заговорили разомъ.

— Даву не можетъ перейти Дунай. Мостъ окончательно уничтоженъ! сказалъ одинъ.

— У насъ не хватаетъ боевыхъ запасовъ! Проклятый день! говорятъ другіе.

— Мы попали въ мѣшокъ; если эрцгерцогъ догадается покрѣпче затянуть узелъ, тогда — *vogue la galère!* Мы всѣ очутимся на днѣ Дуная.

— По крайней мѣрѣ наступитъ конецъ этой человѣческой бойнѣ.

— Напрасно чума не извела его въ сирійскихъ пустыняхъ! бормочетъ старшій полковникъ, только что получившій извѣстіе, что сынъ его убитъ наповаль.

Бертье сидитъ у стола и записываетъ приказанія императора.

Между тѣмъ перевязочный пунктъ переполненъ тяжело ранеными. Они рассказываютъ ужасы о рѣзнѣ, которая происходитъ на полѣ битвы.

Аспернъ опять занятъ австрійцами. Французы бѣгутъ къ единственному мосту, который ведетъ въ Лобау. Начальники съ трудомъ могутъ сохранить какой нибудь порядокъ въ этой неистовой суетнѣ окровавленныхъ, изнуренныхъ солдатъ, жаждущихъ отдыха и покоя. Проходитъ партія австрійскихъ плѣнниковъ. Эгбертъ хочетъ присоединиться къ своимъ товарищамъ, но Бертье останавливаетъ его.

— Императоръ говорилъ съ вами, сказалъ Бертье. Онъ можетъ опять потребовать васъ по своему возвращеніи.

Эгбертъ едва держится на ногахъ отъ усталости и потери крови. Онъ садится въ изнеможеніи у моста на кучу сваленныхъ досокъ. Кругомъ со всѣхъ сторонъ слышатся крики битвы, громъ пушечныхъ выстрѣловъ, лошадиный топотъ. Мостъ запруженъ бѣгущими, тѣлами съ порохомъ и артиллеріей. Тяжело раненые падаютъ подъ ноги лошадей. Общее смятеніе увеличивается съ каждой минутой.

Неподвижно стоит императорская гвардія и подсмѣивается надъ бѣгущими.

— Ну, сегодня маленькій капралъ плохо исполнилъ свое дѣло, говорятъ они между собою. Теперь онъ уже не долженъ ворчать, если съ другими случится неудача. Онъ самъ узналъ какъ это вкусно.

— Да не удирайте же такъ скоро, кричатъ другіе бѣгущимъ. Смотрите, потеряете подошвы!

— И штаны въ придачу!

— Какъ будто въ водѣ лучше умирать чѣмъ въ огнѣ! замѣчаетъ старый ветеранъ.

— Развѣ ты не знаешь, старина, что эти жабы перескачутъ черезъ всякое болото!

Въ это время на мосту происходитъ невообразимая суматоха и толкотня. Каждый старается проложить себѣ дорогу и столкнуть болѣе слабого. Нѣсколько человѣкъ раздавлено артиллеріей. Иные перелѣзаютъ черезъ повозки, на которыхъ перевозятъ раненыхъ. Крики, визгъ, говоръ, грохотъ артиллеріи, все это раздается разомъ.

Императоръ вернулся весь покрытый пылью.

— Ланъ раненъ, сказалъ онъ обращаясь къ Бертье, на лицѣ котораго выразился ужасъ при этомъ извѣстіи.

Медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ проходитъ Наполеонъ передъ фронтомъ своей гвардіи, какъ разсудительный игрокъ, который хладнокровно взвѣшиваетъ свою послѣднюю ставку. Гвардія не встрѣчаетъ его обычнымъ: „Vive l'Empereur!“ Молча, стоя на вытяжку, отдають ему честь ветераны. Ихъ молчаніе равносильно для него судебному приговору.

— Генералъ Мутонъ! зоветь императоръ.

Генералъ подошелъ къ нему.

— Мой храбрый Мутонъ, сказалъ торопливо Наполеонъ, взявшись за пуговицу его мундира, какъ онъ дѣлалъ это въ минуту сильнаго возбужденія. Наша судьба виситъ на волоскѣ. Я только что вернулся изъ Эслингена. Австрійцы могутъ овладѣть имъ. Возьмите съ собою вашихъ стрѣлковъ. Они были въ дѣлѣ при Эйлау. Удержите деревню во что бы то ни стало! Вы сами понимаете, что если непріятель ворвется съ этой стороны къ нашему мосту, то мы погибли. Не теряйте ни минуту. Я разсчитываю на васъ и знаю, что вы не обманете моихъ надеждъ.

Генералъ тотчасъ же удалился, чтобы исполнить повелѣніе императора.

Пока приходятъ въ движеніе австрійскіе полки, назначенные въ дѣло, Бонапартъ отдаетъ дальнѣйшія приказанія. Онъ видитъ всю невозможность перейти мостъ со всей массой артиллеріи, людей, телегъ и повозокъ до наступленія ночи, которая скрыла бы отъ непріятеля отступленіе его арміи. Наполеонъ убѣжденъ, что эрцгерцогъ

при своей крайней осторожности не станетъ беспокоить его по крайней мѣрѣ ночью послѣ чувствительныхъ ударовъ, полученныхъ имъ не смотря на побѣду. Но до наступленія темноты, онъ долженъ во что бы то ни стало удержать свою армію на этомъ берегу и отстоять мостъ отъ непріятеля.

Конница вытянута въ двѣ линіи; одна между Асперномъ и Эслингеномъ; другая между Эслингеномъ и Дунаемъ; за нею слѣдуетъ гвардія. Ружейные выстрѣлы почти прекратились. Только время отъ времени слышатся они со стороны Дуная.

Пробило пять часовъ.

Не скоро наступаютъ сумерки въ солнечный майскій день. Еще долго придется французамъ выдерживать ихъ трудное положеніе. Начинается непрерывная канонада. Австрійцы подвинули къ Эслингену свою многочисленную артиллерію и осыпаютъ непріятеля градомъ пуль и картечи.

Пули ложатся у ногъ императора. Медленно оставляетъ онъ свое мѣсто и идетъ къ мосту. Между полемъ битвы и рѣкой остается узкое пространство въ четверть мили. Тысячами лежатъ раненые. Число ихъ увеличивается съ минуты на минуту. Весь берегъ покрытъ обломками боевыхъ снарядовъ. Гренадеры въ послѣшномъ бѣгствѣ сбросили свои ранцы, конница—кирасы. Но мостъ уже непроходимъ. Многие, обезумѣвъ отъ страха, бросаются въ воду, чтобы переплыть на другую сторону въ надеждѣ скрыться отъ непріятеля.

Императоръ подходитъ къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ Эгбертъ. Цвѣтъ его лица пепельно-сѣрый; маленькая шляпа почти на затылкѣ; волосы въ беспорядкѣ покрываютъ ему лобъ.

— Воды, говоритъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Прежде чѣмъ слуги и адъютанты успѣли исполнить его желаніе, Эгбертъ добѣжалъ до рѣки, почерпнулъ въ свою шляпу воды и подалъ ее императору.

Наполеонъ провелъ мокрой рукой себѣ по лицу.

— Это освѣжаетъ! сказалъ онъ.

Скрестивъ руки на груди, смотритъ онъ на ужасающую картину битвы.

Вотъ онъ поворачивается къ рѣкѣ; на губахъ его показывается улыбка глубокаго презрѣнія.

— Это что значитъ? спрашиваетъ онъ стоявшаго возлѣ него Цамбелли, указывая на мостъ. Прикажите тотчасъ очистить все это и сбросить въ рѣку!

Верхомъ, съ поднятыми палашами бросаются жандармы къ мосту. На минуту раздирающіе крики и воли заглушаютъ шумъ битвы. Люди разогнаны ударами сабель и лошадиными копытами. Трупы, оружіе, телѣги, лафеты летятъ въ воду.

Въ полчаса мостъ былъ совершенно свободенъ.

Эгбертъ не дождался этого. Онъ послѣшно всталъ съ своего мѣста,

какъ только жандармы вѣхали на мостъ и отпавились на перевязочный пунктъ; но тутъ его ожидали другого рода ужасы. Онъ невольно содрогнулся при видѣ такого количества изувѣченныхъ раненыхъ и умирающихъ.

Доктора и ихъ помощники особенно хлопотали около двухъ тяжело раненыхъ.

Одинъ изъ нихъ былъ австрійскій генераль-лейтенантъ Веберъ, другой—маршалъ Ланъ.

Смертельная пуля поразила маршала въ тотъ моментъ, когда онъ сошелъ съ лошади, уступая настоятельнымъ просьбамъ своихъ приближенныхъ, которые доказывали ему, что оставаясь верхомъ во главѣ своего войска, онъ представлялъ собою слишкомъ удобную цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ. Печальная вѣсть съ быстротою молніи разнеслась въ войска и привела его въ уныніе. Маршалъ Ланъ былъ одинъ изъ самыхъ достойныхъ и храбрыхъ сподвижниковъ Наполеона во время его перваго знаменитаго похода въ Италію. Между солдатами онъ слылъ за республиканца, не смотря на свой маршалскій жезлъ. Ампутація, предпринятая врачами, пробудила раненаго изъ безсознательнаго состоянія и вызвала изъ его груди глухіе стоны.

Наполеонъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ вѣрнаго товарища своей юности, тотчасъ же отпавился на перевязочный пунктъ. Онъ подходитъ къ носилкамъ умирающаго и судорожно сжимаетъ его въ своихъ объятіяхъ.

— Вы теряете во мнѣ своего лучшаго друга, сказалъ Ланъ съ усиліемъ. Будьте счастливы... спасите войско...

— Вы не умрете, отвѣтилъ Наполеонъ. Они должны спасти васъ!

— Къ чему? Чтобы умереть въ одной изъ слѣдующихъ битвъ! возразилъ маршалъ, подымая немного голову. Развѣ новыя войны не ожидаютъ насъ, или это страшное пораженіе настолько подѣйствовало на васъ, что вы опомнились? Послѣ Эйлау—Аспернъ! Пусть это будетъ вамъ предостереженіемъ. Вы пожертвовали Франціей вашему честолюбію. Я не могу простить себѣ, что помогалъ вамъ въ вашихъ побѣдахъ... Моя жизнь или смерть не имѣютъ никакого значенія. Я всегда былъ солдатомъ и умираю имъ... Но Франція, ваше величество!.. На ней тяжело отзовется ваша жажда къ побѣдамъ. Она уже теперь тяготеетъ ими. Придетъ время, когда она проклянетъ васъ и это проклятіе можетъ положить конецъ вашему блестящему поприщу!..

Голова маршала бессильно опустилась на подушку.

Онъ говорилъ такимъ тихимъ и хриплымъ голосомъ, что только одинъ императоръ могъ слышать его.

Еще минуту держитъ Наполеонъ руку умирающаго, затѣмъ тихо опускаетъ ее. Ему подають лошадь. Онъ несется съ быстротою молніи черезъ мостъ, махая своимъ короткимъ хлыстомъ по воздуху, какъ будто хочетъ отогнать отъ себя тяжелыя мысли и видѣнія.

Усиленно продолжается пальба со стороны австрійцевъ; но старая гвардія непоколебима. Чѣмъ больше людей выбываетъ изъ строя, тѣмъ тѣснѣе смыкается она свои ряды. Эрцгерцогъ не рѣшается двинуть впередъ свои войска. Считаетъ ли онъ свои силы недостаточными, или онъ больше боится побѣжденнаго Наполеона, чѣмъ одерживающаго побѣды?

По распоряженію императора раненыхъ переносятъ черезъ мостъ въ Лобау. Эгбертъ идетъ около носилокъ генерала Вебера.

На островѣ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ повторяются тѣ-же безотрадныя сцены, что и на берегу Мархфельда.

Здѣсь расположились лагеремъ голодные и изнуренные полки, наполовину уничтоженные непріателемъ. Батарея, воздвигнутая на берегу противъ Эслингена и густой лѣсъ, растущій въ этой сторонѣ, служатъ достаточной защитой острова, еслибы явилась необходимость къ дѣятельной оборонѣ его противъ не пріятеля. Но солдаты потеряли довѣріе въ своимъ силамъ, начальники казались мрачными и недовольными. Всюду слышались обвиненія и насмѣшки надъ Бонапартомъ. Эгбертъ, прислушиваясь къ толкамъ солдатъ, видѣлъ, что они правы въ своихъ нареканіяхъ. Они обвиняли Бонапарта не въ пораженіи, а въ неосторожности, въ недостаткѣ боевыхъ снарядовъ, провіанта, перевязочныхъ средствъ. Заносчиво издѣваясь надъ прегрѣстствіями, не признавая законовъ природы, императоръ считаетъ невозможнымъ разрывъ воздвигнутаго имъ моста. Онъ убѣжденъ, что мостъ будетъ къ его услугамъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не прикажетъ снять его. Но рѣка неожиданно заявила свои права и доказала новому Ксерксу его безуміе.

Барки и лодки, переплывая рѣку съ опасностью жизни для лодочниковъ, привозятъ на островъ сухари, вино и воду; но это капля въ морѣ. Наступающая ночь можетъ лишить французовъ и этого послѣдняго сообщенія съ правымъ берегомъ Дуная. Сильный вѣтеръ вздуваетъ бушующія волны; все выше и выше поднимается вода въ рѣкѣ.

Суда, изъ которыхъ было построено мостъ, оторванныя волнами, несутся по теченію. Французамъ удалось спасти немногія изъ нихъ. Вода начинаетъ заливать островъ Лобау. Мѣстами образовались болота; каналы переполнены водой и похожи на дикіе горные потоки.

Австрійцы плѣнники переведены на другую сторону острова, къ тому мѣсту, гдѣ еще виднѣются на берегу остатки понтоннаго моста. Солдаты, заняты собираніемъ хвороста. Никто не смотритъ за плѣнниками; но побѣгъ немислимъ для нихъ,—передъ ними рѣка, позади островъ занятый непріателемъ. Эгбертъ сидитъ въ солдатской шинели на срубленномъ стволѣ дерева у носилокъ генерала Вебера, который стонетъ и мечется въ лихорадкѣ.

Дрожащимъ слабымъ свѣтомъ свѣтятся огни на противоположномъ берегу сквозь мракъ бурной ночи. Черныя тучи несутся по

небу, принимая самыя фантастическія очертанія. Изрѣдка выгянетъ изъ-за нихъ звѣзда. Бѣшено набѣгають волны на берегъ.

Великая армія подъ прикрытіемъ ночи совершаетъ свое отступление въ Лобау. На опушкѣ лѣса горять бивачные огни. Смѣшанный гулъ голосовъ сливается съ ревомъ Дуная. Все это представляется Эгберту какимъ-то фантастическимъ страшнымъ сномъ. Раны его начинаютъ горѣть; онъ чувствуетъ сильную ломоту во всемъ тѣлѣ. Но его поддерживаетъ избытокъ юношескихъ силъ и надежда, что его не долго продержатъ въ плѣну. Припоминая событія дня, онъ не можетъ понять, почему эрцгерцогъ Карлъ не преслѣдовалъ отступающаго врага.

Но что бы ни случилось въ будущемъ, Наполеонъ потерпѣлъ первое пораженіе!

Эгбертъ узнаетъ отъ французскихъ офицеровъ, что императоръ противъ обыкновенія собралъ военный совѣтъ у моста на сѣверной сторонѣ острова. Большинство маршаловъ было того мнѣнія, что необходимо оставить Лобау и, что лучше пожертвовать боевыми снарядами и орудіями, чѣмъ подвергать опасности войско. Но Массена и Бонапартъ были другого мнѣнія и оно взяло верхъ.

— Теперь наша жизнь въ рукахъ эрцгерцога Карла, говорили офицеры, видимо недовольные рѣшеніемъ военнаго совѣта.

Въ одинадцать часовъ вечера императоръ подошелъ къ своему разрушенному мосту въ сопровожденіи Бертье.

Не смотря на сдѣланныя ему представленія относительно опасности переѣзда черезъ рѣку въ такую позднюю пору и при сильномъ вѣтрѣ, Наполеонъ не хотѣлъ оставаться ни одной минуты долѣе въ Лобау. Неизвѣстно — мучило ли его опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ всякаго сообщенія, или онъ надѣялся поддержать свое войско съ праваго берега, гдѣ въ его рукахъ была Вѣна, только ничто не могло поколебать его рѣшенія.

Нашли лодку, собрали достаточное число гребцовъ изъ французскихъ понтонеровъ, но они не знали рѣки и не могли поручиться за благополучный переѣздъ, такъ какъ лодка могла быть отнесена теченіемъ въ сторону отъ Эберсдорфа.

— Гдѣ плѣнный австрійскій капитанъ Геймвальдъ, съ которымъ я говорилъ у кирпичнаго завода? спросилъ Наполеонъ.

Бертье разбудилъ Эгберта и привелъ къ императору.

— Вы говорили мнѣ въ Тюльери, что знаетъ Дунай и здѣшнія окрестности. Я хочу быть въ Эберсдорфѣ до полуночи. Вотъ лодка и гребцы. Возьметесь ли вы править рулемъ?

— Если прикажете, ваше величество; но я могу править только лѣвой рукой.

— Вамъ помогутъ. Всѣ ваши приказанія будутъ исполнены въ точности.

Прежде, чѣмъ Эгбертъ успѣлъ уговориться съ гребцами, импера-

торъ и Бертье вошли въ лодку. При мрачномъ освѣщеніи двухъ факеловъ блѣдное и неподвижное лицо Наполеона напоминало мертвеца. Полулежащая поза еще болѣе увеличивала это впечатлѣніе.

Закрывъ лицо рукою, онъ разразился громкимъ принужденнымъ смѣхомъ.

— Кто могъ ожидать этого! Потерять битву послѣ тридцати выигранныхъ сраженій! сказалъ онъ.

Волны качаютъ лодку во всѣ стороны. Но ровно гребутъ сильныя и привычныя гребцы. Эгбертъ править рулемъ.

— Они напрасно торжествуютъ и радуются своей побѣдѣ, продолжалъ Наполеонъ, разговаривая самъ съ собою. Меня не такъ легко уничтожить! Я еще настолько молодъ, что долго буду воевать...

Дремота начинаетъ одолевать его. Онъ закрываетъ глаза, но сонъ его тревоженъ и перемѣшанъ съ бредомъ.

— Кирасиры впередъ! говоритъ онъ повелительнымъ голосомъ. Чего вы боитесь, трусы! Впередъ! всѣ на баттарею. Что значать сотни тысячъ людей...

Гребцы, занятые своимъ дѣломъ, не слышатъ словъ императора; глухой ревъ разъяренной рѣки заглушаетъ ихъ. Бертье подходитъ къ Эгберту и становится у руля.

— Ну, какъ идутъ дѣла? спросилъ онъ.

— Мы переѣхали средину рѣки. Причалимъ у Эберсдорфа.

— Вы оказали намъ большую услугу, капитанъ. Чѣмъ могу я быть полезенъ вамъ?

— Я просилъ бы васъ отпустить меня на честное слово въ мой домъ у Шенбрунна.

— Для излеченія вашихъ ранъ? Ваше желаніе будетъ исполнено.

— Посвѣтите, крикнулъ Эгбертъ, — тутъ мель.

Оба факельщика подошли къ нему.

Одинъ во мракѣ сидитъ властелинъ, наводящій ужасъ на всю Европу, безпомощный противъ бушующей рѣки. Гребцы перешли на одну сторону, чтобы сняться съ мели, волны бьютъ въ лодку. Наполеонъ просыпается. Ноги его въ водѣ; шинель соскользнула съ плечь. Онъ бормочетъ непонятныя слова, приказанія, проклятія. Ему кажется невѣроятнымъ, чтобы богиня счастья, которая столько лѣтъ покровительствовала ему, могла отвернуться отъ своего любимца.

— Мы пріѣхали, сказалъ Эгбертъ.

Отблескъ факеловъ на рѣкѣ, возвѣщавшій прибытіе важной особы, былъ тотчасъ же замѣченъ на караульныхъ постахъ, разставленныхъ на берегу. Собрались слуги и жандармы. Генераль Савари выѣхалъ на встрѣчу съ экипажами и осѣдланными лошадьми.

Наполеонъ поднялся съ своего мѣста и стоитъ на носу лодки. Мрачнѣе грозной тучи лицо его. Со всѣхъ сторонъ мелькаютъ

фонари, отсвѣчиваютъ и пылаютъ факелы, раздуваемые вѣтромъ. Въ Эберсдорфѣ пробило полночь.

— Г-нъ Геймвальдъ! сказалъ Наполеонъ.

— Ваше величество!

— Не намѣрены ли вы и теперь проповѣдывать мнѣ миръ съ нѣмцами! Они будутъ хвастаться, что побѣдили меня. Между мной и Германіей не можетъ быть мира! Я долженъ еще отблагодарить ихъ за сегодняшній день!... Покойной ночи!

Не дожидаясь отвѣта, императоръ исчезъ въ толгѣ встрѣтившихъ его офицеровъ и слугъ.

Эгбертъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, потерпѣвшаго кораблекрушеніе въ чужой землѣ. Правый берегъ Дуная былъ въ рукахъ непріятеля. Онъ не зналъ къ кому обратиться, чтобы выбраться изъ окружавшей его суматохи.

Кто-то назвалъ его по имени. Это былъ Дероне, котораго Фуше прикомандировалъ къ полевой полиціи. Переговоривъ съ Эгбертомъ, Дероне обѣщаетъ ему найти экипажъ, который бы свезъ его въ Гицингъ.

— Вы перевезли его черезъ рѣку! сказалъ Дероне, пожимая плечами. Оставленная здѣсь гвардія только что ограбила начисто замокъ Эберсдорфъ, въ надеждѣ, что онъ останется на томъ берегу... Вѣдь это сумасшедшій человѣкъ! Что вамъ стоило сунуть его въ мѣшокъ и бросить въ воду по турецки? У васъ наступилъ бы миръ, а намъ была бы возвращена свобода! Можно ли упустить такой удобный случай!

ГЛАВА III.

Прошли тяжелые, печальные мѣсяцы, весна и лѣто. Лѣсъ одѣлся въ пестрыя краски осени, въ мнимый блескъ праздничнаго платья. Въ первыхъ числахъ октября начали спадать листья съ деревьевъ Шёнбрунскаго парка.

Величественный желтоватобѣлый дворецъ австрійскихъ императоровъ все еще даетъ пристанище воинственному узурпатору. Но это уже не побѣжденный при Аспернѣ, а побѣдитель при Ваграмѣ. Пятое и шестое іюля смыло пятно позора съ его легионовъ, хотя далеко не такъ, какъ онъ желалъ этого, потому что трофеи побѣды были скудные, сравнительно съ Аустерлицемъ и Іеной. Австрійцы отступили въ порядкѣ съ поля битвы; но Бонапартъ овладѣлъ Мархфельдомъ и, преслѣдуя непріятеля до Мерена, принудилъ его къ перемирію.

Съ тѣхъ поръ тянутся безконечные переговоры въ Альтенбургѣ двухъ посланниковъ: Меттерниха съ австрійской стороны и Шампаньи—съ французской. Императоръ Францъ, видя, что ихъ пере-

писка и рѣчи ни на волосъ не подвигаютъ дѣла, послалъ прямо къ Наполеону сперва Бубну, а потомъ Югана Лихтенштейна въ надеждѣ скорѣе заключить миръ съ самимъ господиномъ, нежели съ его слугами.

Блестящія ожиданія, съ которыми Австрія начала войну, разлетѣлись въ прахъ; сошли со сцены люди, которые вели ее. Австрія никогда больше не будетъ стремиться къ восстановленію прежней Германской имперіи и приобрѣтенію императорской короны Габсбурговъ; она должна предоставить эту задачу болѣе молодымъ силамъ. Графъ Стадіонъ только номинально исполняетъ свою должность; управление дѣлами имперіи предоставлено хладнокровному и миролюбивому Меттерниху. Онъ не раздѣляетъ, ни геройскихъ стремленій графа Стадіона, ни его грандіозныхъ плановъ и не чувствуетъ никакой ненависти къ Бонапарту. Въ союзѣ съ французскимъ императоромъ видитъ онъ безопасность и счастье Австріи. Сердце его не лежитъ къ Германіи, которая для него не болѣе, какъ географическое названіе. Только австрійское государство, въ узкомъ значеніи этого слова, и мечты о собственномъ повышеніи могутъ до извѣстной степени воодушевить Меттерниха.

Дероне, не смотря на всѣ хлопоты, не могъ достать экипажа для Эгберта раньше слѣдующаго утра. Онъ самъ проводилъ его въ Гидингъ и сдалъ на попеченіе Магдалены. Непривычное утомленіе двухъ дневной битвы и сильное нравственное потрясеніе вреднѣе отозвались на здоровьѣ Эгберта, нежели рана на рукѣ, которая оказалась неопасною, такъ какъ кость была не тронута. Нѣсколько недѣль пролежалъ онъ при смерти отъ непрерывной лихорадки и полного упадка силъ. Наконецъ молодость взяла свое и началось выздоровленіе; но оно шло крайне медленно, несмотря на нѣжную заботливость Магдалены. Глубокая душевная грусть, наполнявшая сердце Эгберта, мѣшала восстановленію физическихъ силъ. Къ печальнымъ воспоминаніямъ объ Антуанетѣ и смерти Гуго присоединялись мрачныя представленія о будущности Австріи. Слухи изъ лагеря были самого неутѣшительнаго свойства. Австрійское войско не въ состояніи было оказать теперь какое либо серьезное сопротивленіе Наполеону даже въ случаѣ настоящей необходимости; въ долинахъ Венгріи господствовали заразительныя болѣзни. Отъ графа Вольфсегга также не было никакихъ извѣстій. Послѣ битвы при Ваграмѣ онъ исчезъ безслѣдно. Одни утверждали, что видѣли его въ числѣ убитыхъ; другіе, что онъ попалъ въ руки французовъ и былъ отвезенъ въ одну изъ внутреннихъ крѣпостей. Между тѣмъ въ главной французской квартирѣ никто не слыхалъ о плѣнномъ австрійскомъ графѣ. Эгбертъ узналъ это отъ адъютанта Бертье. Послѣдній не забывалъ молодого капитана, оказавшаго такую важную услугу фран-

дузскому императору и во время болѣзни Эгберта нѣсколько разъ посылалъ своего адъютанта узнать объ его здоровьѣ.

Еслибы Эгбертъ обратился къ Бертье съ просьбой о своемъ освобожденіи, то этотъ вѣроятно тотчасъ же исполнилъ бы его желаніе, обойдя всѣ формальности. Но свобода не прельщала Эгберта, потому, что онъ не могъ пользоваться ею. Устройство какихъ бы то ни было частныхъ дѣлъ было немислимо до окончательнаго заключенія мира. О вторичномъ поступленіи въ армію также не могло быть и рѣчи. Даже помимо докторовъ, которые возстали бы противъ такого рѣшенія, Эгбертъ самъ чувствовалъ послѣ всякой прогулки насколько его силы не соотвѣтствуютъ трудностямъ и неудобствамъ лагерной жизни. Къ тому-же онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, что при новомъ государственномъ устройствѣ Австріи хотятъ вернуться къ стѣснительнымъ мѣрамъ первыхъ лѣтъ царствованія императора Франца и, что одной изъ этихъ мѣръ будетъ отмѣна ландвера и распушеніе волонтеровъ.

Дероне выходилъ изъ себя всякій разъ, когда заходила рѣчь объ этомъ.

— Они сами не понимаютъ своей пользы, сказалъ онъ разговаривая однажды съ Эгбертомъ. вмѣсто того, чтобы поддержать народное войско, которому Австрія обязана блестящимъ исходомъ битвы при Аспернѣ, они спѣшатъ уничтожить его при первой возможности. Всякое народное движеніе пугаетъ ихъ, хотя опытъ не разъ доказалъ имъ, что помимо народа имъ не одержать ни одной побѣды!

Эгбертъ и Дероне сидѣли на каменной скамейкѣ подъ старой липой, украшавшей собой большой садъ, который тянулся за домомъ до склона горы, поросшей темнымъ лѣсомъ, гдѣ находился императорскій звѣринецъ. Въ этомъ же саду была могила Гуго, украшенная мраморнымъ памятникомъ. Плющъ уже началъ обвивать его своими темнозелеными листьями.

— Къ чему намъ теперь народное ополченіе, или какое бы то ни было войско, когда мы не хотимъ больше сражаться — отвѣтилъ Эгбертъ на замѣчаніе Дероне. Наполеонъ безгранично властвуетъ въ Европѣ, отъ испанскихъ горъ до русской границы. Мы должны безмолвно повиноваться ему. Если ему вздумается уничтожить нѣмецкій народъ, то мы не можемъ помѣшать этому.

— Не сидите только сложа руки и вы справитесь съ нимъ. Не легко уничтожить цѣлый народъ. Я всегда говорилъ, что Наполеонъ сумасшедшій, которому удалось захватить въ руки оружіе, скованное французской революціей, благодаря нашей глупости. Если это оружіе перестанетъ служить ему, потому что все изнашивается на свѣтѣ, то люди съ удивленіемъ увидятъ, какъ ничтоженъ тотъ, передъ которымъ они такъ долго трепетали. Въ Аспернѣ онъ едва не сломалъ себѣ головы. Его мѣсто не въ Пантеонѣ, куда онъ мечтаетъ попасть послѣ смерти, а на кладбищѣ сумасшедшаго дома! Вооружитесь только

терпѣніемъ мой дорогой другъ. Берите примѣръ съ нашего бѣднаго Бурдона.

— Что съ нимъ? Не имѣете ли вы о немъ какихъ нибудь извѣстій?

— Онъ все еще сидитъ въ тюрьмѣ въ качествѣ государственнаго преступника, безъ суда и почти безъ допроса. Съ нашей стороны сдѣлано все, чтобы облегчить ему участь. Этотъ злодѣй, возсѣдающій въ Шёнбруннѣ, воображаетъ, что онъ окончательно истребилъ якобинцевъ! Онъ тоже думаетъ о Пруссіи и Испаніи, потому что сильно желаетъ этого и считаетъ свою волю всемогущей. Но его ожидаетъ горькое разочарованіе. Во Франціи не умрутъ идеи 1793 года; онъ восторжествуютъ еще при его жизни. Вотъ этого и ждетъ Бурдонъ, изучая въ тюрьмѣ животный магнетизмъ надъ кошками. Императоръ отпустить его по окончаніи мирныхъ переговоровъ.

— Но заключеніе мира отгадывается съ недѣли на недѣлю.

— Вамъ хотѣлось бы поскорѣе избавиться отъ насъ! сказалъ со смѣхомъ Дероне. — Я вполне понимаю это. По правдѣ сказать, мнѣ самому до смерти надоѣлъ присмотръ за добродушными нѣмцами. Мнѣ, поклоннику свободы и равенства, совѣстно арестовать людей, все преступленіе которыхъ заключается въ любви къ отечеству и ненависти къ чужеземному игу. Самъ императоръ не особенно хорошо чувствуетъ себя здѣсь, среди недовольнаго населенія. Но повидимому въ трактатѣ есть какой-то тайный пунктъ, котораго онъ добивается, а ваши соотечественники не хотятъ уступить.

— Почему вы думаете это? Развѣ вы занимаетесь дипломатіей?

— Отчасти. На мнѣ собственно лежитъ обязанность охранять жизнь Бонапарта. При этомъ я дѣлаю надъ нимъ свои наблюденія.

— Кто нибудь поручилъ вамъ это? спросилъ Эгбертъ.

Дероне прищурилъ глаза и съ улыбкой взглянулъ на своего собесѣдника.

— Можетъ быть и такъ, отвѣтилъ онъ, но я дѣлаю это также для себя, какъ диллетантъ психіатръ по собственной охотѣ. Я убѣжденъ, что у него составленъ новый планъ, и хочу заранѣе узнать въ чемъ дѣло, чтобы фактъ не особенно поразилъ меня.

— Неужели онъ готовитъ намъ еще большее униженіе? Не хочетъ ли онъ завладѣть престоломъ императора Франца?

— Пустяки! Это все громкія фразы, которыми онъ прикрываетъ свои настоящіе намѣренія. Въ этомъ онъ довольно неудачно подражаетъ Дантону. Нѣтъ, онъ готовитъ подкопъ въ другомъ направленіи. Что бы вы сказали, еслибы онъ вздумалъ жениться на австрійской принцессѣ!...

Разговоръ двухъ пріятелей былъ прерванъ появленіемъ адъютанта Бертье.

— Маршалъ, сказалъ онъ съ вѣжливымъ поклономъ, проситъ капитана Геймвальда пожаловать завтра на парадъ въ Шёнбруннѣ!

— Ну, значить, мы будемъ скоро укладывать наши чемоданы! воскликнулъ Дероне по уходѣ адъютанта. — Передъ возвращеніемъ во Францію онъ разыграетъ сцену великодушія и публично выразитъ вамъ свою благодарность за переѣздъ черезъ Дунай. Еслибы я былъ тогда въ лодкѣ на вашемъ мѣстѣ съ полдюжиной рѣшительныхъ людей, разумѣется французовъ, а не нѣмцевъ, которые даже къ узурпатору чувствуютъ уваженіе, тогда дѣла быть можетъ приняли бы совсѣмъ иной оборотъ... Но вотъ идетъ ваша благодѣтельная фея, фрейлейнъ Армгартъ. Честь имѣю принести вамъ мой низжайшій поклонъ фрейлейнъ и прошу не сердиться на меня, если я уведу отъ васъ мосье Геймвальда на короткую прогулку.

Магдалена съ благодарной улыбкой протянула руку Дероне. Она была увѣрена, что общество веселаго и остроумнаго француза лучше всего разсѣетъ печальное настроеніе Эгберта, которое поддерживалось уединеніемъ деревенской жизни.

Пріятели вышли изъ сада и пошли по лѣсной тропинкѣ. Эгбертъ, поднявшись на гору, оглянулся назадъ. Магдалена все еще стояла на прежнемъ мѣстѣ въ золотистомъ отблескѣ осенняго вечерняго солнца. Ему казалось, что онъ все еще видитъ взглядъ ея добрыхъ глазъ съ любовью устремленныхъ на него. Сердце его радостно забилось.

— Моя дорогая, милая! невольно подумалъ онъ.

Они шли молча; каждый былъ занятъ своими мыслями.

— Вы вѣроятно хотѣли мнѣ сообщить что нибудь? сказалъ наконецъ Эгбертъ.

— Да и такія вещи, о которыхъ неудобно толковать въ вашемъ саду, гдѣ насъ могутъ подслушать, а тѣмъ болѣе въ присутствіи фрейлейнъ Армгартъ. Однимъ словомъ вы должны благодарить небо за случай, который доставилъ вамъ покровительство императора, такъ какъ это пока спасаетъ васъ и вашъ домъ отъ несчастія. Витторіо Цамбелли...

— Развѣ онъ живъ? Вы ни разу не упоминали его имени въ послѣднее время; поэтому я былъ убѣжденъ, что онъ убитъ при Ваграмѣ, гдѣ погубило столько достойныхъ людей!

— Вы говорите такимъ печальнымъ тономъ, какъ будто сами собрались умирать. Вооружитесь мужествомъ, другъ мой! Вы должны защищать свою кожу. Жизнь есть борьба — говорятъ философы. Неужели я долженъ проповѣдывать это кровному нѣмцу! Знайте, что шевалье замышляетъ погубить васъ и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ скоро осуществятся его самыя смѣлыя мечты. Послѣ заключенія мира посыпятся награды. Поговариваютъ, что шевалье получить значительныя помѣстья и титулъ маркиза.

— За какія услуги?

— Онъ желаетъ, чтобы ничто не напоминало объ услугахъ, оказанныхъ имъ Бонапарту. Онъ не хотѣлъ-бы видѣть пятна на своемъ

гербъ и разумѣтся прежде всего постарается устранить тѣхъ, которыми извѣстно его участіе въ одномъ дѣлѣ. Веньяминъ Бурдонъ сидитъ въ тюрьмѣ; графъ Вольфсеггъ пропалъ безслѣдно; а третій—вы...

— Почему вы исключили себя, мосье Дероне? Мнѣ кажется, что вы для него опаснѣе всѣхъ насъ.

— Вотъ тутъ-то и ошибается шевалье въ своемъ расчетѣ, какъ это всегда бываетъ съ преступниками. Онъ все обдумалъ, взвѣсилъ всѣ шансы, а главное упустилъ изъ виду. Онъ не подозрѣваетъ моего существованія, а я слѣжу за нимъ шагъ за шагомъ, какъ его тѣнь. Благодаря этому я узналъ, что онъ тайкомъ прогуливается около вашего дома и разумѣтся не съ добрыми намѣреніями. Пока насъ спасаетъ покровительство императора. Трудно рѣшиться на крайнія мѣры противъ человѣка, оказавшаго такую важную услугу Наполеону, такъ какъ дѣло не обойдется безъ дознаній и слѣдствія.

— Вы преувеличиваете опасность, мосье Дероне.

— Можетъ быть. Но вѣдь это безвредно для васъ. Мнѣ только хочется, чтобы вы подумали о будущемъ. Когда императоръ выйдетъ изъ Шенбрунна, то въ этотъ день австрійская столица очутится безъ правительства и полиціи. Тогда держите ухо востро, и вспомните, что вы умѣете быть не только мечтателемъ, но и солдатомъ. Мы всегда успѣемъ попасть въ царство тѣней; торопиться съ этимъ нечего. Человѣку живется, то хуже, то лучше, но пока у него есть чѣмъ утолить голодъ и жажду, ему нечего особенно тяготиться жизнью.

Они сошли съ узкой тропинки и остановились подъ деревомъ, чтобы дать дорогу молодому человѣку, который шелъ къ нимъ на встрѣчу, прислушиваясь къ шороху сухихъ листьевъ подъ ногами.

— Это тоже мечтатель! сказалъ Эгбертъ. Таковъ складъ ума у большинства нѣмцевъ. Посмотрите, какъ онъ вздрогнулъ, увидя насъ. Ему не нравится, что мы нарушили его уединеніе.

Дероне тотчасъ замѣтилъ какую то неловкость въ манерахъ незнакомца. Онъ видимо старался подражать офицерамъ въ походѣ и движеніяхъ. На головѣ его была военная фуражка, но вмѣсто кокарды къ ней прикрѣплена была стальная пряжка; длинныя бѣлокурые волосы опускались на стоячій воротникъ его голубого сюртука. Высокіе сапоги, покрытые пылью, показывали, что онъ пришелъ издалека.

Поровнявшись съ обоими пріятелями онъ поклонился имъ и попросилъ указать дорогу въ Шенбруннъ.

— Идите по этой тропинкѣ до креста, а тамъ спуститесь съ горы и вы прямо выйдете на большую дорогу, отвѣтилъ Эгбертъ, который по акценту узналъ въ немъ уроженца сѣверной Германіи.

— Я вышелъ сегодня рано утромъ изъ Вѣны, сказалъ незнакомецъ, бродилъ по горамъ и хотѣлъ вернуться черезъ Шенбруннъ. Но къ сожалѣнію запоздалъ и мнѣ не удастся осмотрѣть садъ.

— Вы можете сдѣлать это завтра. Императоръ Наполеонъ назначилъ парадъ передъ дворцомъ; вы насладитесь двойнымъ зрѣлищемъ.

— Но я думаю будетъ трудно пробраться съвозъ толпу. Разумѣется я очень желалъ бы увидѣть вблизи императора Наполеона.

Голосъ незнакомца слегка задрожалъ.

Дероне стоялъ въ сторонѣ, прислонившись спиною къ дереву и не вмѣшивался въ разговоръ, такъ какъ плохо зналъ нѣмецкій языкъ, но не спускалъ глазъ съ незнакомца. Это былъ стройный двадцатилѣтній юноша съ красивымъ, почти женственнымъ лицомъ.

— Вы не уроженецъ Вѣны? спросилъ его неожиданно Дероне по французски.

— Нѣтъ, я изъ Тюрингена, отвѣтилъ этотъ ломаннымъ французскимъ языкомъ.

— Изъ какого города?

— Изъ Эрфурта.

— Однако вы совершили порядочный путь!

— Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ южной Германіей.

Дероне недовѣрчиво улыбнулся, но не считалъ нужнымъ спрашивать его больше. Онъ зналъ теперь, что привело юношу къ Шенбрунну и почему онъ желаетъ видѣть Бонапарта.

„Вотъ еще нѣмецкій студентъ, который бросилъ свои книги, узнавъ, что дѣлается здѣсь и хочетъ избавить свою страну отъ тирани, подумалъ Дероне. Изъ боязни наказанія и позора онъ медлитъ и не знаетъ на что рѣшиться.“

Эгбертъ предложилъ незнакомцу вывести его на дорогу и пошелъ съ нимъ рядомъ. Дероне шелъ сзади.

— Не слишкомъ ли скоро я иду для васъ, спросилъ юноша, видя, что Эгбертъ остановился. Вы кажется больны?

— Да, докторъ не похвалилъ бы меня, за такую ходьбу. У меня только что зажили раны.

— Раны! Развѣ вы участвовали въ битвахъ при Дунаѣ?

— Я былъ при Аспернѣ.

— Счастливецъ! Какъ я жалѣю, что не могъ быть тамъ.

— Вы еще очень молоды и можете быть не разъ будете участвовать въ сраженіяхъ. Но развѣ такое счастье быть на войнѣ!

— Я не представляю себѣ большаго счастья какъ идти на перекоръ смерти и наносить ее! продолжалъ съ воодушевленіемъ незнакомецъ; при этомъ лицо его приняло непріятное, почти злое выраженіе.—Если бы только было у меня ружье въ рукѣ и непріятель предо мной.

Молча шли они до креста, откуда тропинка, извиваясь по холму, вела внизъ къ деревнѣ Гицингу.

Незнакомецъ снялъ шляпу и, поблагодаривъ Эгберта, сталъ прощаться съ нимъ.

— Мой домъ въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда. Зайдите отдохнуть на минуту. Вамъ будетъ по пути.

— Благодарю васъ. Но я долженъ быть въ Вѣнѣ до наступленія сумерекъ. Можетъ быть завтра вы прокляли бы день и часъ, въ который дали мнѣ пристанище. Горе тому дому, куда я войду теперь.

Прежде, чѣмъ Эгбертъ успѣлъ что либо отвѣтить на эти странныя слова, незнакомецъ поспѣшно поклонился и почти бѣгомъ спустился внизъ по склону горы.

— Вотъ чудакъ, сказала Дероне, подходя къ Эгберту. О чемъ вы толковали съ нимъ? Онъ имѣетъ видъ помѣшаннаго.

— Онъ мечталъ о счастья похоть въ битву. Вѣроятно онъ перешелъ непосредственно отъ Гомера и Плутарха къ печальной дѣйствительности. Это какая то фантастическая личность; я не хотѣлъ бы опять встрѣтиться съ нимъ!

— Значитъ я былъ правъ. Это одинъ изъ тѣхъ, который явился сюда слишкомъ поздно. Кто знаетъ, можетъ быть Германія будетъ со временамъ прославлять его какъ своего героя.

— Онъ скорѣе имѣетъ видъ мученика.

Дероне засмѣялся.

— Сегодня вы по горло погрузились въ элегическое настроеніе духа. Воображаю себѣ какими яркими красками вы описали ему ужасы войны! Разумѣется многое можно сказать въ пользу мира. Да здравствуетъ богъ Панъ и идиллія! Видъ вашего уютнаго сельскаго дома и сада тамъ внизу, при солнечномъ закатѣ, даже меня настраиваетъ на сентиментальный ладъ. Я самъ готовъ мечтать съ вами сегодня о семейномъ счастьи, домашнемъ очагѣ и всеобъемлющей любви къ человѣчеству. Но, милый другъ, можемъ ли мы довольствоваться этимъ! Повѣрьте, что Европа стала бы съ сожалѣніемъ вспоминать о настоящихъ буряхъ, если бы въ недалекомъ будущемъ она была осуждена изъ году въ годъ пряхъ шерсть въ спокойномъ бездѣйствіи, подобно Геркулесу. Война не веселая, но вѣчная задача человѣческаго рода. Борьба за существованіе неизбѣжна. И вы не должны вѣсить пшугу на стѣну; держите ее на готовѣ. Прежде всего остерегайтесь Цамбелли. У него есть сообщники въ вашемъ домѣ. Берегитесь! Вы внѣ опасности только до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ въ Шенбруннѣ.

— И пока мосье Дероне разыгрываетъ роль моего духа покровителя, сказалъ Эгбертъ, пожимая ему руку.

— Но духъ покровитель, возразилъ прищурясь полицейскій, только съ вашей помощью можетъ охранить васъ отъ вашихъ враговъ. Однако мнѣ пора. Покойной ночи. Поклонитесь отъ меня фрейлейнъ Армгартъ. Я завидую вамъ. Вотъ если бы мы въ Парижѣ могли подобно вамъ полагаться на вѣрность нашихъ возлюбленныхъ. Помните ли вы эту плутовку Зефирину? Чортъ бы побралъ этого чловѣка!

Онъ совѣмъ обворожилъ ее! Какъ бы мнѣ хотѣлось скорѣе вернуться домой!..

Пріятели простились. Каждый пошелъ своей дорогой.

Въ это самое время двое офицеровъ, сидя у фонтана въ саду Шенбрунна, вели оживленную бесѣду объ обитателяхъ уютнаго домика въ Гицингѣ.

Только теперь по окончаніи войны случай свелъ легкомысленнаго хвастливаго Луазеля, вѣчно занятаго своими любовными исторіями, съ Витторіо Цамбелли, который представлялъ собою полную противоположность съ нимъ, по своей скрытности и упорному преслѣдованію затаенныхъ замысловъ.

Шевалье повидимому достигъ цѣли своихъ желаній. Онъ пользовался милостью и полнымъ довѣріемъ императора, особенно послѣ важной услуги, оказанной имъ при Ваграмѣ.

За нѣсколько дней передъ битвой, Цамбелли съ опасностью жизни собралъ подробныя свѣдѣнія о мѣстности и положеніи австрійскихъ войскъ. Его донесенія имѣли рѣшающее вліяніе на планъ битвы. Передавая затѣмъ маршалу Даву приказанія императора относительно штурма Ваграма въ самый разгаръ сраженія, среди града пуль, онъ заслужилъ удивленіе своихъ враговъ, которые были поражены его хладнокровіемъ и присутствіемъ духа. Такимъ образомъ родовыя помѣстья, о которыхъ онъ хлопоталъ отъ имени своей семьи и важный титулъ не могли ускользнуть отъ него, послѣ заключенія мира, такъ какъ они были достойной наградой за его заслуги. Но передъ нимъ поднимался призракъ прошлаго. Быстрый полетъ счастья всегда возбуждаетъ въ людяхъ подозрѣніе, что оно достигнуто не совѣмъ честными средствами. Въ подобныхъ случаяхъ клевета преслѣдуетъ даже безукоризненныхъ людей; тѣмъ болѣе долженъ былъ подвергнуться ей Цамбелли, прошлая жизнь котораго представляла собою столько загадочнаго и таинственнаго для празднаго любопытства.

Цамбелли не зналъ о существованіи Дероне; при томъ видномъ положеніи, какое онъ теперь занималъ въ свѣтѣ его не могла безпокоить полиція, въ видѣ мелкихъ чиновниковъ и писцовъ, къ которымъ принадлежалъ Дероне. Шевалье считалъ себя неизмѣримо выше ихъ. Но онъ зналъ, какъ недовѣрчиво относятся къ нему приближенные Наполеона и какъ зорко слѣдятъ они за каждымъ его шагомъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть всей шаткости своего положенія, и слишкомъ хладнокровенъ, чтобы забыть пятно, лежавшее на его прошломъ. Цамбелли не могъ объяснить увлеченіемъ сдѣланнаго имъ преступленія. Оно было необходимо для него, такъ какъ открывало ему дорогу къ счастью и онъ, какъ расчетливый игрокъ, смѣло бросилъ кости.

Прошелъ ровно годъ съ тѣхъ поръ, какъ Жанъ Бурдонъ, ожидая починки своего экипажа, сидѣлъ передъ мельницей Рабенъ. Еще недавно въ бессонную ночь, Витторіо Цамбелли припомнилъ малѣйшія

событія, связанныя съ этимъ днемъ. Почти одновременно генераль Андраши въ Вѣнѣ и Фуше изъ Парижа поручили ему слѣдить за однимъ французомъ, Жаномъ Бурдономъ, который ѣхалъ изъ Нанси къ графу Вольфсеггъ, и, при первой возможности захватить всѣ его бумаги. Шевалье еще въ Вѣнѣ познакомился съ графомъ Вольфсеггъ и его кружкомъ и имѣя самыя подробныя свѣдѣнія объ ихъ планахъ и заговорѣ не разъ писалъ объ этомъ Фуше.

Цамбелли поселился въ Гмунденѣ и сдѣлался постояннымъ гостемъ графа Вольфсеггъ въ его замкѣ Зебургъ. Нѣсколько дней спустя онъ узналъ, что Жанъ Бурдонъ втайнѣ готовится къ отъѣзду. Онъ рѣшился остановить его по дорогѣ и принудить къ выдачѣ бумагъ. Ни въ этотъ моментъ, ни въ то время, когда онъ ѣхалъ изъ Гмундена за экипажемъ Бурдона, ему не приходило въ голову, что это приключеніе можетъ окончиться убійствомъ.

Вотъ онъ идетъ съ Бурдономъ отъ мельницы въ лѣсъ, держа свою верховую лошадь за поводья. Нѣсколькихъ словъ было достаточно, чтобы этотъ осторожный человѣкъ потерялъ самообладаніе.

— Жанъ Бурдонъ, сказалъ ему шевалье, вашъ сынъ арестованъ въ Парижѣ за участіе въ заговорѣ противъ Наполеона и вы его убійца.

Бурдонъ поблѣднѣлъ какъ смерть и добровольно, не владѣя собой, послѣдовалъ за искусителемъ, который то пугая его, то пробуждая въ немъ надежду, все болѣе и болѣе заманивалъ его въ лѣсъ отъ жилья. Наконецъ они поднимаются на пустынную гору. Витторіо неожиданно требуетъ у озадаченнаго Бурдона его бумаги, говоря, что это можетъ спасти его сына. Бѣднякъ догадывается, что попалъ въ ловушку, зоветъ къ себѣ на помощь и забывая свои лѣта обращается въ бѣгство. Шевалье останавливаетъ его. Бурдонъ выбиваетъ изъ рукъ Витторіо хлыстъ, который тотъ поднялъ на него. Но тутъ заржала лошадь. Вѣрно гдѣ нибудь вблизи люди — думаетъ съ отчаяніемъ Витторіо. Все пропало! Ему остается одно средство. Онъ спускаетъ курокъ; раздается выстрѣлъ; за нимъ въ отдаленіи слышатся подобно эху другіе выстрѣлы. Это графъ Вольфсеггъ охотится съ своими пріятелями. Жанъ Бурдонъ лежитъ распростертый на землѣ въ предсмертной агоніи. Шевалье послѣшно осматриваетъ карманы убитаго, находитъ письма, поднимаетъ хлыстъ и идетъ къ старому дубу, чтобы отвязать свою верховую лошадь. Изъ кустовъ пристально смотритъ на него дѣтское лицо, помертвѣвшее отъ испуга. Это была Кристель. Взгляды ихъ встрѣчаются. Дѣвочка боязливо вздрагиваетъ и исчезаетъ. Вскочивъ на лошадь, шевалье мчится окольной дорогой въ Ламбахъ и застаетъ тамъ курьера, который ѣдетъ въ Парижъ. Онъ передаетъ ему часть писемъ, найденныхъ у Бурдона, запечатавъ ихъ въ пакетъ, адресованный на имя Фуше. Другіе оставляетъ у себя для пересмотра.

Вся эта картина возстаетъ въ его памяти съ поразительною ясностью.—Если бы сегодня повторилось все это, думаетъ Цамбелли, я

опять сдѣлалъ бы тоже самое. Мнѣ не оставалось иного исхода! Но онъ сознаетъ, что исторія убійства во всей своей наготѣ не должна быть извѣстна публикѣ. Ему безразлично, что думаютъ о немъ люди, пока нѣтъ противъ него прямого обвиненія или доказательствъ. Веньяминъ Бурдонъ въ тюрьмѣ, графъ Вольфсеггъ пропалъ безъ вѣсти; ни тотъ ни другой не могутъ вредить ему; но если будетъ поднято дѣло, то еще двое могутъ явиться свидѣтелями: Кристель и Эгбертъ.

— Какъ я уже говорилъ вамъ, мой милый Луазель, сказалъ Цамбелли, терпѣливо выслушавъ хвастливый разговоръ своего собесѣдника о какомъ-то любовномъ приключеніи—красавица, о которой вы упоминали на томъ знаменитомъ пикникѣ въ Пале-Рояль, гдѣ вы поссорились съ Дешанъ, живетъ въ нашемъ сосѣдствѣ и я имѣлъ честь познакомиться съ нею.

— Неужели! воскликнулъ Луазель. Я думаю она очень похорошѣла съ тѣхъ поръ! Въ 1805 году она была почти дѣвочка.

— Фрейлейнъ Армгартъ превзойдетъ всѣ ваши ожиданія. Она необыкновенно умна и хороша собой.

Луазель самодовольно погладилъ свою русую бороду.

— Нужно будетъ сдѣлать ей визитъ, сказалъ онъ. Значитъ вы бываете у нихъ въ домѣ! Какъ вы познакомились съ ней? Я не считалъ васъ дамскимъ кавалеромъ.

— Да я никогда и не былъ имъ въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете, но я знакомъ съ хозяиномъ дома, въ которомъ живетъ фрейлейнъ съ своими родителями.

— Но вѣдь они не ея родители! Судя по шуму, который подняла эта сумашедшая Атенаисъ, эта фрейлейнъ ея дочь. Помните какъ тогда Дешанъ разозлилась на меня. Со стороны можно было подумать, что я виновникъ ея несчастья.

— Я не только знакомъ, но и друженъ съ г-мъ Геймвальдомъ, замѣтилъ шевалье.

— Геймвальдъ? Я почему-то вообразилъ себѣ, что онъ умеръ.

— Нѣтъ, онъ живъ! Вы его также не узнаете; это красивый видный мужчина. Онъ числится капитаномъ австрійской арміи.

— *Sacre tonnerre!* Этотъ ученый буквоѣдъ!

— Вы еще больше удивитесь, когда я скажу вамъ, что онъ попалъ въ плѣнъ при Аспернѣ и пользуется уваженіемъ нашего императора.

— Ну, это просто свѣтъ на изнанку. Нѣмцы точно переродились. Страна и народъ производятъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ послѣ Аустерлица. Тогда насъ принимали съ распростертыми объятіями. Всѣ радовались, что мы победили ихъ солдатъ и проучили высококѣрное австрійское дворянство. Насъ встрѣчали какъ побѣдителей, признавая славу и превосходство Франціи. Въ тѣ времена ни одному образованному и сколько нибудь достаточному нѣмцу и въ голову не приходило надѣть на себя солдатскій мундиръ. Теперь всѣ устреми-

лись въ армію. Гдѣ мы проходимъ, мужчины встрѣчаютъ насъ съ угрозами, женщины отворачиваются отъ насъ. Развѣ солнце Франціи начало меркнуть? Развѣ мы не первый народъ въ мірѣ! Кстати, объясните мнѣ пожалуйста, какое дѣло императору до этого Геймвальда?

Цамбелли пожалъ плечами.

— Я знаю только одно, что онъ перевезъ Бонапарта черезъ Дунай въ ту злополучную ночь послѣ Асперна. Впрочемъ, г-нъ Геймвальдъ очень милый человѣкъ и я долженъ предупредить васъ, полковникъ, что по моимъ наблюденіямъ, вы уже давно имѣете въ немъ опаснаго соперника въ сердцѣ фрейленъ Армгартъ.

— Ну, это какая нибудь невинная любовь, которая началась еще на школьной скамейкѣ, отвѣтилъ самодовольно Луазель, закинувъ назадъ голову. — Знаемъ мы эту нѣмецкую любовь. Повѣрьте, если французъ примется какъ слѣдуетъ за дѣло, то ни одна нѣмка не устоитъ противъ него. Что же касается этого господина, то еще въ 1805 году мы оба порывались свернуть другъ другу шею. Теперь ничто не мѣшаетъ намъ привести это въ исполненіе.

— Но вы забываете, что императоръ покровительствуетъ ему!

— Какое мнѣ дѣло до Бонапарта! Я не вмѣшиваюсь въ его политику; онъ долженъ также предоставить мнѣ свободу распоряжаться моею жизнью какъ мнѣ вздумается. Въ дѣлахъ чести и любви каждый самъ себѣ господинъ! Но можетъ быть все уладится само собою! Этотъ добрый нѣмецъ вѣроятно не замѣтитъ, что его обманываютъ. Неужели въ Магдаленѣ нѣтъ ни капли горячей крови матери? Люди поумнѣе этого Геймвальда были увѣнчаны рогами. Какъ вы думаете шевадье, знаетъ ли дѣвочка о своемъ происхожденіи?

— Едва ли. Ея отецъ графъ Вольфсеггъ...

— Я совсѣмъ забылъ его имя...

— Графъ вѣроятно подкунилъ Армгартовъ и потребовалъ отъ нихъ относительно этого строгаго молчанія, продолжалъ шевадье. — Дитя любви занимаетъ незавидное положеніе въ нѣмецкомъ обществѣ.

— Что за устарѣлыя предрасудки! воскликнулъ Луазель. Какъ счастливы въ этомъ отношеніи французы. У насъ талантъ и счастье всегда проложатъ себѣ дорогу. Я открою фрейлейнъ Армгартъ тайну ея происхожденія.

— Она вамъ будетъ очень благодарна за это, возразилъ Цамбелли, но при моей дружбѣ къ г-ну Геймвальду...

— Если мы встрѣтимся у него въ домѣ, то я сдѣлаю видъ, что не знакомъ съ вами, сказалъ со смѣхомъ Луазель.

Онъ уже воображалъ себя счастливымъ любовникомъ Магдалены и неизмѣннымъ гостемъ въ ея домѣ.

Цамбелли простившись съ Луазелемъ съ удовольствіемъ припоминалъ подробности ихъ разговора. Цѣль его была достигнута. Отказъ Магдалены не будетъ имѣть никакого значенія для тщеславнаго Луа-

зеля. Онъ будетъ продолжать свое назойливое ухаживанье до тѣхъ поръ, пока не принудить Эгберта вызвать его на поединокъ. Исходъ его неизвѣстенъ, но во всякомъ случаѣ Эгбертъ будетъ слишкомъ занятъ этой исторіей, чтобы думать объ убійцѣ Жана Бурдона. Если же Луазель переживетъ своего соперника, то Цамбелли не могъ желать для себя ничего лучшаго. Онъ не боялся тѣней и подобно Наполеону не стѣснялся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Между ними была только та разница, что дѣятельность шевалье вращалась въ болѣе тѣсной сферѣ.

Шевалье съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда онъ вернется въ Парижъ, окруженный блескомъ своего новаго положенія и съ титуломъ маркиза. Неужели и теперь Антуанета отвѣтитъ ему отказомъ, если онъ посвѣтается къ ней? Онъ почти ненавидѣлъ ее за то, что она пренебрегла имъ; въ его страсти къ ней играло не послѣднюю роль желаніе унижить ея гордость. Цамбелли не надѣялся найти счастье или успокоеніе въ обладаніи Антуанетой, но этотъ бракъ былъ такъ долго конечною цѣлью всѣхъ его стремленій, что помимо его онъ не представлялъ себѣ дальнѣйшаго существованія. Небогатая красавица изъ низшаго слоя общества никогда бы не прельстила бы шевалье, между тѣмъ какъ союзъ съ маркизой Гондревилль — графиней Вольфсеггъ открывалъ еще болѣе широкій путь его честолюбію и вышаль его въ собственныхъ глазахъ.

Не смотря на поздній октябрьскій вечеръ, воздухъ былъ тихій и душливый; съ юга тянулись по небу грозовыя тучи. Витторіо всталъ съ своего мѣста и направился къ дворцу.

„Будетъ темная дождливая ночь, подумалъ онъ, глядя на тучи. — Въ такую ночь всего удобнѣе покончить съ Кристель.“

Въ послѣднее время онъ часто видѣлъ ее. Она стояла на порогѣ дома, когда онъ проѣзжалъ верхомъ. На одномъ смотру передъ дворцомъ Шенбрунна онъ неожиданно замѣтилъ въ толпѣ зрителей взглядъ ея задумчивыхъ черныхъ глазъ, пристально устремленный на него. Нѣсколько разъ встрѣчалъ онъ ее и на дорожкахъ сада, но всегда на значительномъ разстояніи, такъ какъ Кристель видимо боялась подойти къ нему. Черезъ нѣсколько дней онъ самъ началъ искать свиданія съ ней и нашелъ ее подъ каштановымъ деревомъ у маленькой калитки, ведущей въ лѣсъ. Но влюбленная дѣвушка напрасно ждала отъ него нѣжныхъ объясненій; онъ только хотѣлъ собрать у нея нѣкоторыя свѣдѣнія объ обитателяхъ дома. Даже не сговорившись съ ней, Цамбелли зналъ, что она ожидаетъ его и, что онъ и сегодня найдетъ ее на томъ же мѣстѣ.

Мрачно собираются тучи надъ уютнымъ сельскимъ домикомъ съ красной черепичной кровлей, осѣненной деревьями. Изъ-за облаковъ выглянулъ послѣдній лучъ заходящаго солнца.

Все въ домѣ идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Каждый занятъ своимъ дѣломъ. Секретарь Армгартъ по прежнему занимаетъ свое

мѣсто за столомъ, у котораго собралась вся семья къ ужину. Гуго привезъ его сюда въ ту ночь, когда несчастный старикъ, выдавъ дешущу Стадіона, собирался кончить жизнь самоубійствомъ. Въ первыя недѣли послѣ своего водворенія въ Гицингѣ, секретарь жилъ уединенно въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома; старая глухая служанка прислуживала ему. Въ другое время, внезапное исчезновеніе человѣка, занимавшаго официальное положеніе, послужило бы поводомъ къ нескончаемымъ разговорамъ и разпросамъ, но теперь всѣ были на столько поглощены предстоящей войной, что едва обратили вниманіе на этотъ случай. Между тѣмъ управляющій имѣніемъ Эгберта въ Гицингѣ, у котораго было вдоволь всякаго дѣла на рукахъ, очень обрадовался, что у него явился помощникъ, въ лицѣ Армгарта, который взялъ на себя съ согласія Эгберта завѣдываніе хозяйственными книгами и счетами. Но это былъ не прежній веселый и разговорчивый Армгартъ; несчастіе быстро состарило его; волосы его посѣдѣли; на лицѣ явилось постоянное выраженіе усталости и унынія. Онъ чувствовалъ теперь непреодолимое отвращеніе къ картамъ и даже однажды убѣжалъ изъ комнаты, когда управляющій послѣ тяжелаго рабочаго дня предложилъ ему сыграть партію виста.

Тяжелое душевное состояніе Армгарта еще больше усилилось съ прїѣздомъ жены и дочери. Сначала онъ не хотѣлъ показываться имъ на глаза и когда, наконецъ, рѣшился выйти къ нимъ, то пугливо отклонилъ отъ себя ласки Магдалены, которая со слезами на глазахъ бросилась ему на шею. Разговаривая съ нею, онъ нѣсколько разъ въ разсѣянности называлъ ее „многоуважаемая фрейлейн“, такъ что она съ испугомъ смотрѣла на него, думая, что онъ помѣшался.

Магдалена объясняла его разстройство сильными нравственными потрясеніями. Вслѣдъ за вторженіемъ непріятели въ столицу и похоронами веселаго Гуго, который былъ всегда любимцемъ старика, Дероне привезъ къ нимъ умирающаго Эгберта. Дни и ночи просиживалъ Армгартъ у постели больного съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Выздоровленіе Эгберта было большой отрадой для опечаленной семьи послѣ столькихъ тяжелыхъ дней. Но скоро ихъ постигло новое горе—полная неизвѣстность о судьбѣ графа Вольфсегга. Бывшій секретарь его, казалось, не находилъ себѣ мѣста отъ безпокойства; точно тѣнь бродилъ онъ по дому изъ угла въ уголь. То онъ избѣгалъ встрѣчи съ Магдаленой, то безъ всякаго повода осыпалъ ее ласками, заливаясь слезами. Съ женой онъ велъ длинныя, таинственныя бесѣды; при этомъ запиралъ двери на ключъ, изъ боязни, чтобы его не подслушали. Все это повторялось почти изо дня въ день, такъ что Магдалена наконецъ привыкла къ странностямъ своего отца и не придавала имъ особеннаго значенія. Все больше и больше мысли ея и чувства обращались къ любимому человѣку. Мужественно вынесла она всѣ испытанія, посланныя ей судьбой; въ ея походкѣ и манерахъ еще больше,

чѣмъ прежде, сказывалась та увѣренность въ свои силы, которая такъ успокоительно дѣйствовала на Эгберта.

Армгарты удалились тотчасъ послѣ ужина. Магдалена осталась наединѣ съ Эгбертомъ.

Она стояла у открытаго окна и задумчиво смотрѣла на него своими добрыми, любящими глазами. Заботы и безсонныя ночи не тронули ни одной линіи ея хорошенькаго, слегка поблѣднѣвшаго лица. Ея густые, волнистые волосы падали золотистыми локонами на плечи. Черное платье и черный газовый платокъ представляли рѣзкій контрастъ съ нѣжной окраской ея лица и свѣтлорусыми волосами.

Эгбертъ, сидя у стола между двумя свѣчами, описалъ ей свою прогулку съ Дероне и встрѣчу съ молодымъ незнакомцемъ.

— Можетъ быть я ошибаюсь, замѣтилъ онъ, окончивъ разсказъ, но мнѣ показалось, что сегодня Кристель чѣмъ-то сильно взволнована.

Ему не хотѣлось сказать Магдаленѣ, что предостереженія Дероне побудили его обратить вниманіе на Кристель.

Магдалена засмѣялась.

— Она дѣйствительно не отличалась сегодня особенной ловкостью, отвѣтила она, но вы смотрѣли на нее такими строгими глазами, что на ея мѣстѣ и у меня пропалъ бы аппетитъ. Я очень рада, что вы мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, а то я думала, что Кристель сдѣлала что нибудь дурное.

— Да сохранить ее Господь отъ этого! Но мнѣ часто приходитъ въ голову, моя дорогая Магдалена, что всѣ ваши старанія воспитать эту дѣвушку, ни къ чему не приведутъ. Она остается все такой же дикой и скрытной. Въ одинъ прекрасный день она убѣжитъ отъ васъ въ лѣсъ.

— Кристель привязалась къ намъ и мы можемъ вполне рассчитывать на ея преданность. Во всемъ остальномъ вы должны быть снисходительны къ ней, Эгбертъ. Развѣ я могла заняться какъ слѣдуетъ ея воспитаніемъ? Война со всѣми ея ужасами происходитъ чуть не на нашихъ глазахъ! Кристель даже была на полѣ битвы и вернулась оттуда съ трупомъ вашего друга. Неужели все это не должно смущать ее, когда мы сами находимся въ возбужденномъ состояніи и вздрагиваемъ при всякомъ шорохѣ?

— Я вполне согласенъ съ вами, Магдалена, но вы упускаете изъ виду, что картины ужаса, которыя проходятъ передъ нею, могутъ имѣть для нея прелесть чудеснаго. Если она опять встрѣтитъ шевалье Цамбелли...

— Вы говорили мнѣ, что онъ попалъ въ адъютанты императора Наполеона и живетъ въ Шенбруннѣ?

— Я слышалъ это отъ Дероне. Вдобавокъ я самъ видѣлъ его при Аспернѣ.

— Насъ онъ пока не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ, сказала Магдалена. Врядъ ли онъ захочетъ поцасться опять мнѣ на глаза. Какъ

онъ обмануть меня тогда! Въмѣсто благодарности за то, что я пригласила его въ нашъ домъ, онъ погубилъ моего отца. Съ тѣхъ поръ меня постоянно мучить мысль, что все это случилось, благодаря моему легкомыслию. Я заставлю Кристель поклясться мнѣ, что она будетъ избѣгать всякой встрѣчи съ нимъ.

— Вы сами не должны встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ, ска- залъ съ живостью Эгбертъ, походя къ ней.

Они стояли молча одну минуту и смотрѣли на небо, подернутое тучами. Вдали слышалось глухое завываніе приближавшейся бури. Верхушки деревьевъ шумѣли, то жалобнымъ, то полуторжественнымъ тономъ. Подъ окнами разстился темный садъ. Отблескъ молніи освѣ- щалъ вѣтки деревьевъ и кусты.

Они невольно протянули другъ другу руки.

— Что дѣлаетъ теперь графиня Антуанета!? сказала неожиданно Магдалена. Вспоминаетъ ли она когда нибудь объ насъ?

Эгбертъ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, Магдалена, она забыла насъ. Тамъ на небѣ нѣсколько минутъ тому назадъ также горѣла блестящая звѣзда, но мрачная туча поглотила ее. Можетъ ли она помнить насъ, когда родина и семейныя воспоминанія потеряли для нея значеніе и она все промѣ- няла на великолѣпіе императорскаго двора? Отъ души желаю ей счастья.

— Она вполнѣ заслуживаетъ его. Она необыкновенно хороша собой!

— А вы не завидуете ея блестящей участи, Магдалена?

„Какой странный вопросъ! говорило ея лицо. Могу ли я завидо- вать въ эту минуту кому бы то ни было въ мірѣ!“

— Если бы я даже захотѣла, то не могла бы завидовать гра- финѣ, сказала она вслухъ. Почести не прельщаютъ меня, потому что я не въ состояніи наслаждаться ими. Я самая обыкновенная жен- щина. Моя лучшая мечта содѣйствовать хотя немного счастью тѣхъ, которые дороги мнѣ.

— Вы всегда были нашимъ ангеломъ хранителемъ, Магдалена.

— Ангеломъ безъ крыльевъ, котораго вы избалуете своей лестью.

— На что вамъ крылья, Магдалена. Развѣ вы хотите улетѣть отъ насъ?

— Да, я желала бы имѣть крылья, чтобы отыскать графа Вольф- сеггъ, который одинаково дорогъ всѣмъ намъ.

— Неужели вы все еще надѣетесь, что онъ живъ! Мнѣ кажется, что мы должны приучить себя къ мысли объ той невозвратной по- терѣ. Какая польза обманывать себя! Рано или поздно истина обна- ружится.

— Вы мужчина, Эгбертъ, и не можете въ такой степени чувство- вать его потерю, какъ я и моя бѣдная мать. Онъ былъ нашей един- ственной опорой. Вы видите въ какомъ печальномъ положеніи отецъ.

— Моя дорогая фрейлейнъ кажется совсѣмъ забыла о моемъ существованіи! Неужели наша давнишняя дружба, чувство благодарности къ вамъ, наша общая жизнь — все это написано на пескѣ и можетъ быть сметено первымъ порывомъ вѣтра!

— Я давно боялась этого объясненія, Эгбертъ, но оно неизбежно. Такая жизнь, какъ теперь, не можетъ продолжаться для насъ. Мы всѣмъ обязаны вашей добротѣ и дружбѣ и принимаемъ отъ васъ различныя одолженія, какъ блескъ солнца, за который никто не благодарить и не считаетъ нужнымъ справляться, откуда онъ. Не глядите на меня съ такимъ удивленіемъ. Не думайте, чтобы я отвергала права дружбы. Мы могли не краснѣя принимать ваше гостепріимство, пока продолжалось безпокойное военное время. Но это должно прекратиться съ наступленіемъ мира. Развѣ наши средства позволяютъ намъ пользоваться тѣмъ благосостояніемъ, которое окружаетъ насъ здѣсь?

— Значитъ миръ долженъ разлучить насъ! воскликнулъ Эгбертъ. Еще недостаетъ, чтобы вы заговорили о моихъ благодареніяхъ! Чѣмъ я заслужилъ это.

— Выслушайте меня хладнокровно, Эгбертъ. Войдите въ наше положеніе и поймите, что мы не имѣемъ права пользоваться вашею собственностью. Еслибы графъ Вольфсеггъ былъ здѣсь, то онъ доказалъ бы это лучше, чѣмъ я.

— Развѣ нуженъ между нами посредникъ, Магдалена! Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только однимъ способомъ. Неужели ты хочешь разстаться со мной, моя дорогая!

Магдалена опустила голову. Слезы душили ее.

Онъ обнялъ ее и нѣжно прижалъ къ своей груди.

— Будь моей женой, Магдалена! Сама судьба назначила насъ другъ для друга; мы не должны идти противъ ея рѣшенія.

— Я всегда любила тебя, Эгбертъ, даже тогда, когда не была увѣрена въ твоей привязанности. Но теперь, когда исполняется то, что я считала несбыточной мечтой, какой-то страхъ сжимаетъ мое сердце, какъ будто радость слишкомъ велика и счастье быть любимой тобой будетъ отнято у меня.

— Мы живемъ въ тяжелое время, моя дорогая; когда оно пройдетъ, мы будемъ вдвойнѣ наслаждаться счастьемъ.

— На что мнѣ будущность! Ты любишь меня?

— Да я люблю тебя.

Шопотъ ихъ заглушался порывами вѣтра, стонами и жалобами деревьевъ. Рѣдкія тяжелыя капли дождя падали на листья. Вѣтеръ, врываясь въ комнату, грозилъ погасить свѣчи. Эгбертъ заперъ окно. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло; злилась и завывала буря; потокъ дождя шумно лилъ на крышу и оконныя рамы. Магдалена сидѣла на скамейкѣ у ногъ Эгберта, положивъ руки ему на колѣни и смотрѣла

на него своими кроткими любящими глазами. Это была лучшая минута ея жизни. Сердца ея замирало отъ счастья.

Но вотъ сквозь шумъ дождя и бури раздался подавленный крикъ. Они прекратили разговоръ и стали прислушиваться; но ничего не было слышно, кромѣ однообразнаго завыванія бушующей непогоды.

На дворѣ подъ проливнымъ дождемъ стоитъ у каштановаго дерева Черная Кристель. Она плачетъ и кричитъ, подъ наплывомъ странныхъ ощущеній, не зная сама отъ горя или радости. Длинные волосы ея развѣваются по вѣтру; она то поднимаетъ руки къ небу, то протягиваетъ ихъ за какой-то тѣню.

Прошелъ ливень. Изрѣдка падаютъ рѣдкія капли дождя. Между деревьями Шенбрунна показался серебристый полукругъ прибывающаго мѣсяца.

Тамъ вдали, на высотѣ холма, идетъ скорыми шагами человѣкъ закутанннй въ темный плащъ. Или это только кажется Кристель и все это было игрою ея разстроеннаго воображенія?

Нѣтъ этими руками она обнимала его; рука этого человѣка растрепала ей волосы, сорвала съ нея корсетъ. Его губы горячо цѣловали ее. Слова его или поцѣлуи разлили огонь по ея жиламъ. Какъ бьются у ней виски, горятъ щеки; она вся дрожитъ! Но что случилось съ нею съ той минуты, когда она не дождавшись окончанія ужина убѣжала въ садъ?

Хотя онъ не далъ ей обѣщанія придти и она чувствовала свое ничтожество передъ нимъ, но какая-то непреодолимая сила тянула ее къ каштановому дереву; она была увѣрена, что онъ тамъ и ждетъ ее. Смутное сознаніе, что она дѣлаетъ дурное дѣло еще болѣе возбуждало въ ней желаніе быть съ нимъ. Поднявшаяся буря напѣвала ей дикую знакомую мелодію. Время отъ времени молнія освѣщала садъ своимъ желтоватымъ отблескомъ. Черная Кристель сѣла на деревяную скамейку, подъ свѣсившимися вѣтвями каштановаго дерева, все еще покрытаго листьями. Даже въ самомъ ожиданіи заключалось для нея необъяснимое удовольствіе. Она боится и въ то-же время жаждетъ увидѣть его. Проходя украдкой черезъ садъ она сорвала вѣтку ивы и нѣсколько запоздалыхъ цвѣтовъ, чтобы украсить себѣ голову къ его приходу. Ощущью плететь она вѣнокъ.

Придетъ ли онъ къ ней, бѣдной, некрасивой дѣвушкѣ, онъ, знатный шевалье въ шитомъ золотомъ платьѣ!

Она прислушивается.

По уединенной тропинкѣ изъ Шенбрунна кто-то крадется между деревьями. Влелнула молнія. Кристель увидѣла его и закрыла глаза рукой. Она не знаетъ, какъ очутилась въ его объятіяхъ, что онъ нашептывалъ ей! Но когда то въ дѣтствѣ ей рассказывали о пѣсняхъ ундины, которыми онъ губятъ сердца людей. Также полны чарующей прелести были его рѣчи. Она помнитъ только, что онъ сказалъ ей: „я люблю тебя, Кристель“...

Онъ любить ее! Возможно ли это? Теперь она одна у темнаго сада среди разразившейся бури. Сурово смотритъ на нее мѣсяць. Съ глубокой тоской возвращается она къ дерновой скамьѣ подь каштановымъ деревомъ. Она поднимаетъ разорванный вѣнокъ, которымъ хотѣла украсить свою голову.

Бѣдные цвѣты! Бѣдная Кристель! Она ли это говорить, или Магдалена зоветъ ее въ саду?

Магдалена, Эгбертъ!.. Посмѣеть ли она показаться имъ на глаза? Не раздѣляетъ ли ее цѣлая пропасть отъ нихъ! Онъ звалъ ее къ себѣ и говорилъ: Пойдемъ со мной. Брось ихъ.

Но куда идти ей?

Порывъ вѣтра вырвалъ вѣнокъ изъ ея рукъ и унесъ его внизъ по холму.

Гдѣ очутятся завтра цвѣты и вѣтка ивы?

Кристель дороже ихъ, какая участь ожидаетъ ее?

ГЛАВА IV.

Мало по малу улеглась буря. Къ восьми часамъ разсѣялись тучи и выглянуло солнце. Наступило холодное и ясное октябрьское утро.

Огромная толпа народа наполняла дворъ Шенбрунскаго дворца, гдѣ былъ назначенъ смотръ гвардіи. Не смотря на свою ненависть къ французамъ, жители Вѣны не могли устоять противъ соблазна увидѣть вблизи французскаго императора.

На ступеняхъ лѣстницы, выходящей на дворъ, стояли офицеры съ донесеніями и просьбами и между ними Эгбертъ въ гусарскомъ мундирѣ, въ которомъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ при Аспернѣ. Противъ дворца вдоль забора и газоновъ расположилась гвардія, рядомъ съ нею стояли солдаты, вышедшіе изъ госпиталей и возвращенные изъ австрійскаго плѣна, въ разнообразныхъ мундирахъ, представлявшихъ странную смѣсь цвѣтовъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

Солдаты громко разговаривали между собою, такъ какъ дисциплина значительно ослабѣла въ войскѣ во время послѣдняго похода. Вѣсть о скоромъ заключеніи мира возбудила общую радость. Бодрое и воинственное настроеніе, съ которымъ французы совершали свои первые походы, не могло устоять противъ тяжелой походной жизни, жестокихъ и упорныхъ битвъ. Всѣ они еще слушались своего вождя; но и теперь, какъ послѣ битвы при Эйлау, въ войскѣ начался ропотъ. Наполеонъ не слышалъ его, потому что не хотѣлъ его слышать. Незамѣтно, но неуклонно началъ ослабѣвать воинственный духъ французовъ. Орелъ взлетѣлъ слишкомъ высоко; крылья не могли долѣе

поддерживать его. Всѣ стремились къ покою; и потому вѣсть о мирѣ одинаково обрадовала всѣхъ.

За солдатами въ ближайшихъ аллеяхъ толпились зрители. Порядокъ не соблюдался строго; жандармы не преслѣдовали любопытныхъ сновавшихъ между разставленными полками. У оконъ дворца сидѣли разряженныя дамы изъ австрійскаго дворянства, рядомъ съ приближенными императора. Эгбертъ, случайно взглянувъ вверхъ, увидѣлъ у одного окна префекта Боссе, разговаривающаго съ графиней Беллегардъ, женой храбраго генерала, защитника Асперна.

„Графъ Ульрихъ правъ, подумалъ Эгбертъ. — Мы не умѣемъ ненавидѣть. Въ этомъ пруссаки выше насъ. Они отомстятъ Наполеону за поруганіе родины и не станутъ ползать, какъ мы, у ногъ побѣдителя или бросаться ему въ объятія.“

— Стройся!—раздалось на дворѣ.

Гвардейцы выстроились. Съ невольнымъ уваженіемъ смотрѣли зрители на этихъ людей, пережившихъ столько битвъ, на ихъ загорѣлыя лица, покрытыя шрамами. Съ минуты на минуту ожидали появления императора.

Передъ фронтомъ прохаживался молодой человекъ въ голубомъ мундирѣ, котораго Эгбертъ встрѣтилъ наканунѣ, во время прогулки. Сколько ни отгоняли его офицеры, но онъ упорно возвращался на свое мѣсто.

Одну минуту онъ стоялъ такъ близко къ лѣстницѣ, что Эгбертъ протянулъ ему руку. Незнакомецъ быстро оглянулся и бросилъ на него мрачный, блуждающій взглядъ.

„Онъ сумашедшій“—подумалъ Эгбертъ, опуская руку.

Императоръ вышелъ изъ дворца, окруженный многочисленной свитой. На немъ былъ его обычный зеленый мундиръ, маленькая шляпа и широкая красная лента черезъ плечо. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ листъ бумаги и медленно спускался по ступенямъ лѣстницы. Серьезное лицо его имѣло спокойное, почти печальное выраженіе.

Дойдя до середины лѣстницы, онъ остановился и посмотрѣлъ внизъ на стоявшихъ людей, на садъ, окружавшій дворъ. Пришла ли ему въ голову мысль, что онъ никогда не вернется сюда, не увидитъ больше ни этихъ деревьевъ, ни этихъ аллей, которыя такъ нравились ему? Или что другое тревожило его?.. Онъ разорвалъ на мелкіе клочки бумагу, которую держалъ въ рукѣ и бросилъ ихъ.

— Бертье!—позвалъ онъ, оборачиваясь къ своей свитѣ.

Бертье поспѣшно подошелъ къ нему.

— Знаете ли вы какую бумагу я разорвалъ сейчасъ? спросилъ вполголоса Наполеонъ. Мнѣ подаль ее Савари полчаса тому назадъ. Это донесеніе полицейскаго комиссара о томъ, что въ войскѣ существуетъ заговоръ.

— Я уже обращалъ вниманіе вашего величества на настроеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ полковъ...

— Они устали какъ воины Александра Македонскаго въ Индіи. Жаль, что предиріятія великихъ людей связаны съ этой жалкой массой. Черезъ годъ или два я распушу ихъ и соберу новое войско.

— Можетъ быть это ложный доносъ, ваше величество.

— Донесеніе такъ точно и подробно, что не можетъ быть ни выдуманно, ни преувеличено. Наконецъ порукой въ этомъ служить имя полицейскаго комиссара—Дероне. Онъ принадлежалъ прежде къ якобинцамъ и знаетъ все, что у нихъ дѣлается.

— Я такъ удивленъ, что не нахожу словъ...

— Они подкупили солдатъ изъ полка Луазеля. Генераль Савари велѣлъ арестовать двухъ зачинщиковъ. Разстрѣляйте ихъ втихомолку безъ слѣдствія и суда. Я не хочу огласки. Гдѣ полковникъ?

— Полковникъ Луазель, крикнулъ Бертье.

Никто не двинулся.

Луазель не присутствовалъ на парадѣ, потому что не былъ изъ числа назначенныхъ.

— Отошлите его въ Испанію съ депешой къ Сульту или королю Иосифу. Сдѣлайте это тотчасъ-же! Черезъ четыре часа онъ долженъ выѣхать изъ Вѣны. Я не хочу имѣть при себѣ дураковъ, разыгрывающихъ роль Брута или Кассія.

— Не лучше ли арестовать его, ваше величество?

— Этого франта! Чтобы онъ вообразилъ, что я боюсь его — возразилъ Наполеонъ, пожимая плечами, съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія.

Бертье почтительно отошелъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

Императоръ быстро сошелъ съ лѣстницы, не обращая вниманія на стоявшихъ тутъ офицеровъ. Отдавая поклонъ Эгберту и его товарищамъ онъ остановился на минуту.

— Что вы теперь совсѣмъ выздоровѣли, мосе Геймвальдъ?

— Да, ваше величество.

— Ни вы, ни я, не забудемъ Асперна. Когда кончится парадъ Бертье приведетъ васъ ко мнѣ.

Императора встрѣтили на дворѣ громкимъ крикомъ: „Vive l'Empereur“, барабаннымъ боемъ и военной музыкой. Эгбертъ видѣлъ какъ человѣкъ въ голубомъ мундирѣ послѣшно бросился впередъ, чтобы видѣть императора и почти загородилъ ему дорогу. Адъютанты оттащили его. Наполеонъ ничего не замѣтилъ и съ руками сложенными на сизѣ подошелъ къ солдатамъ. Нѣсколько офицеровъ изъ свиты императора и въ томъ числѣ Цамбелли, остались на лѣстницѣ и вступили въ разговоръ съ стоявшими тутъ австрійцами. Эгбертъ слышалъ, какъ они толковали о заключеніи вѣчнаго мира между обоими народами, такъ какъ Бонапартъ почти публично сказалъ князю Югану Лихтенштейну, что онъ желаетъ вступить въ неразрывный союзъ съ Австрійей.

— Не мы, а русскіе, настоящіе враги Европы, говорили французы.

Послѣдняя война показала, что нельзя довѣрять этому народу. Императоръ Александръ во время своего пребыванія въ Ерфуртъ далъ слово придти къ намъ на помощь со всѣмъ войскомъ и не исполнилъ своего обѣщанія. Непомѣрное честолюбіе влечетъ его къ завоеванію Константинополя. Наполеонъ никогда не допуститъ до этого. Французы и нѣмцы призваны охранять цивилизацію запада отъ новаго погрома варваровъ...

Эгбертъ съ ужасомъ слушалъ это. Едва кончился одинъ походъ, какъ Бонапартъ затѣвалъ новую войну, которая будетъ встрѣчена съ такимъ-же сочувствіемъ многими изъ его приближенныхъ, какъ и прежніе его походы. Если одни, пресытившись побѣдами, хотѣли мирно наслаждаться плодами своихъ трудовъ, то рядомъ съ ними была молодежь, которая въ свою очередь жаждала почестей и приключеній.

Медленно проходилъ императоръ передъ полками, не говоря ни слова похвалы или одобренія, и останавливаясь только передъ тѣми, которые возвратились изъ плѣна или были выпущены изъ госпиталей. Онъ милостиво разговаривалъ съ ними и спрашивалъ объ ихъ приключеніяхъ. Въ это время къ нему подбѣжалъ, весь запыхавшись, генералъ Раппъ, съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ волненія; и въ тотъ же моментъ два жандарма, схвативъ подъ руки челоуѣка въ голубомъ мундирѣ, повели его на гауптвахту въ нижній этажъ дворца.

Наполеонъ выслушалъ донесеніе генерала Раппа съ тѣмъ неподвижнымъ и равнодушнымъ лицомъ, съ которымъ онъ въ большинствѣ случаевъ выслушивалъ и хорошія, и дурныя извѣстія.

По окончаніи парада императоръ ровнымъ и медленнымъ шагомъ поднялся на лѣстницу.

Въ пріемной залѣ дворца стоялъ Эгбертъ въ числѣ многихъ другихъ лицъ. Его позвали въ кабинетъ Наполеона.

Императоръ только что подписалъ депешу.

— Шевалье Цамбелли, сказалъ онъ, обращаясь къ группѣ своихъ адъютантовъ, стоявшихъ въ углу залы.

Цамбелли подошелъ къ нему.

— Вы передадите это полковнику Луазелю. Онъ долженъ немедленно ѣхать въ Мадридъ. Вчера вы долго разговаривали съ нимъ въ саду и вѣрно знаете, гдѣ его найти. Онъ долженъ былъ явиться сегодня на парадъ. Я не люблю, когда офицеры пренебрегаютъ своими обязанностями. Постарайтесь исполнить скорѣе мое приказаніе.

Цамбелли поблѣднѣлъ, принимая запечатанное письмо изъ рукъ Бертье.

„Если бы я зналъ, кто прислужился мнѣ такимъ способомъ!“ подумалъ онъ, не помня себя отъ ярости.

Когда Цамбелли вышелъ изъ залы, Эгбертъ по знаку Бертье подошелъ къ императору и съ удивленіемъ увидѣлъ въ рукахъ его величества длинный кивжалъ.

Наполеонъ замѣтилъ этотъ взглядъ и принужденно улыбнулся.

— Вы когда то восхваляли мнѣ скромныя добродѣтели нѣмцевъ, мосе Гейнвальдъ, сказалъ онъ,—и краснорѣчиво описывали ихъ мирное настроеніе. Или война такъ измѣнила ихъ? Полюбуйтесь, вотъ кинжалъ, которымъ вашъ соотечественникъ хотѣлъ убить меня.

— Ваше величество!..

— Это вѣроятно порывъ ложно понятаго патріотизма, сказалъ рѣзкимъ голосомъ Наполеонъ, бросая кинжалъ на столъ.—Я не поставлю въ вину цѣлому народу поступокъ какого нибудь безумца. Но все это послѣдствія вашихъ злополучныхъ тайныхъ обществъ. Они хотѣли создать въ Тиролѣ новую Вандею! Недостааетъ только адской машины и второго Кадудала! Но я положу этому конецъ.

Эгбертъ хотѣлъ возражать, но императоръ прервалъ его на полсловъ.

— Видно скоро заживаютъ раны и забываются пораженія, продолжалъ онъ.—Вы, австрійцы, могли убѣдиться на опытѣ, что я могущественнѣе васъ. Я могъ уничтожить ваше государство и не сдѣлалъ этого. Германия будетъ благоденствовать и наслаждаться миромъ подъ покровительствомъ Франціи.

— Но ваше величество это равносильно тому, если бы вы сказали: *Finis Germaniae!*

— Развѣ Баварія и Пруссія перестали существовать? Развѣ я посягаю на престолъ вашего императора? Нѣтъ, я никогда не задавался мыслью производить перевороты въ мірѣ; мои войны должны служить только къ обновленію устарѣлой Европы и распространенію истинной свободы.

— Развѣ существуетъ свобода безъ отечества, ваше величество!

— Забудьте на минуту, что вы нѣмецъ и посмотрите на вещи съ общечеловѣческой точки зрѣнія; и тогда вы поймете мои намѣренія. Вспомните старое изреченіе: французы—мечъ, нѣмцы—книга міра! Говоря это, я разумѣется не думаю выражать сомнѣнія относительно храбрости вашего народа, такъ какъ я могъ убѣдиться въ ней во время послѣдней войны. Я далъ себѣ слово употребить всѣ усилія, чтобы жить въ дружбѣ съ Австріей. Однако не смѣю дольше задерживать васъ. Примите это на память рокового часа, когда вы оказали мнѣ дѣйствительную услугу.

Онъ взялъ со стола медальонъ, украшенный темными рубинами и подаль его Эгберту. Миниатюрный рисунокъ на эмали изображалъ берегъ Лобау противъ Кейзеръ-Эберсдорфа. На золотой пластинкѣ Наполеонъ собственноручно вырѣзалъ свое имя.

Онъ отклонилъ благодарность Эгберта, поспѣшно кивнувъ ему головой съ дружелюбной улыбкой, которая рѣдко появлялась на его лицѣ.

По выходѣ Эгберта онъ приказалъ всѣмъ удалиться изъ комнаты кромѣ нѣсколькихъ приближенныхъ лицъ.

— Ну, теперь займемся вашимъ узникомъ, Раппъ, сказалъ Наполеонъ суровымъ голосомъ.—Расскажите какъ это случилось.

Генераль доложилъ, что во время парада одинъ молодой человекъ такъ упорно протискивался впередъ, чтобы встать ближе къ императору, что это обратило общее вниманіе. Видя, что никакія увѣщанія не дѣйствуютъ, онъ, Раппъ, самъ взялъ незнакомца за шиворотъ и приказалъ отвести на гауптвахту, не смотря на его сопротивленіе. Во время обыска на немъ найденъ кинжалъ, который и былъ представленъ его величеству.

— Это вѣроятно какойнибудь помѣшанный! Вы должны освидѣтельствовать его, Корвизаръ. Нѣмцы также склонны къ сумасшествію, какъ и англичане.

Корвизаръ былъ главный лейбъ-медикъ Наполеона.

— Надѣюсь, вы сдѣлали предварительный допросъ? спросилъ онъ, обращаясь опять къ генералу Раппу.—Кто онъ такой?

— Его имя Фридрихъ Штапсъ. Онъ прибылъ сюда изъ Эрфурта. Его отецъ приходскій священникъ въ Наумбургѣ.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Протестанскаго.

— Сколько ему лѣтъ?

— Восемнадцать.

Наполеонъ замолчалъ. Скрестивъ руки на груди онъ задумчиво стоялъ у окна, повернувшись спиной къ присутствующимъ. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ ктонибудь шевельнулся въ залѣ. Все какъ будто окаменѣло на своихъ мѣстахъ. Но также весело светило въ окна осеннее солнце, отражаясь на стѣнахъ, картинахъ, шитыхъ мундирахъ и на золотой коронѣ съ орломъ надъ краснымъ бархатнымъ кресломъ...

— Какъ вы объясните это? спросилъ Наполеонъ.—Слыханное ли дѣло, чтобы нѣмецъ, протестантъ и, вдобавокъ, такой юноша, хладнокровно рѣшился совершить убійство? Что это такое, Раппъ? Можно ли было ожидать чегонибудь подобнаго въ Германіи!

— Это все тайныя общества, ваше величество... возразилъ Раппъ, повторяя слова, сказанныя передъ тѣмъ Наполеономъ, чтобы дать какойнибудь отвѣтъ и замѣтно обрадовался, когда императоръ избавилъ его отъ необходимости кончить начатую фразу.

Наполеонъ по своей привычкѣ началъ ходить взадъ и впередъ по коннатѣ, больше разговаривая самъ съ собой, нежели съ присутствующими.

— А кто образовалъ эти тайныя общества? продолжалъ онъ.— Идеологи и профессора! Нѣмцы добрый и послушный народъ, но его портятъ князья и дворянство, которые мстятъ мнѣ за то, что я отнялъ у нихъ права. Они всюду подняли возстаніе. Развѣ я Неронъ или Калигула? Но они принуждаютъ меня разстрѣливать ослѣпленныхъ юношей и бѣдныхъ крестьянъ. Ктонибудь долженъ властво-

вать надъ людьми. Я могущественнѣе всѣхъ, слѣдовательно сама судьба назначила меня для этого. Изъ сколькихъ битвъ я вышелъ невредимымъ! Противъ меня безсильны и адскія мапиры и кинжалы убійцы! Развѣ это бываетъ съ обыкновенными людьми? Но миръ необходимъ. Битва при Аспернѣ воодушевила сонныхъ нѣмцевъ. Они видѣли мое пораженіе и не могутъ простить мнѣ, что я разбилъ ихъ надежды при Ваграмѣ. Миръ будетъ данъ имъ. Когда они успокоятся, то сами будутъ благословлять мое владычество. Я не могу дать австрійцамъ лучшаго доказательства моего уваженія, какъ женившись на одной изъ ихъ принцессъ. Эту жертву я долженъ принести имъ и будущности. Династія Наполеона будетъ выше всѣхъ царскихъ и королевскихъ родовъ когда либо существовавшихъ на землѣ. Вся Европа будетъ у ногъ ея. Передайте князю Лихтенштейну, что я готовъ подписать мирный договоръ. Примите мѣры, чтобы эта несчастная исторія не получила огласки... Ружейный залпъ въ сердце... вѣтеръ разсѣетъ дымъ, а съ дымомъ исчезнетъ и память объ этомъ безумцѣ!..

Въ отсутствіе Эгберта полковникъ Арманъ Луазель постучался въ дверь его дома въ Гицингѣ и приказалъ доложить о себѣ. Онъ радовался солнечному сіянію, такъ какъ при яркомъ освѣщеніи еще красивѣе казался его богатый, шитый золотомъ мундиръ. Помня поговорку, что по платью встрѣчаютъ, онъ рассчитывалъ на легкую побѣду. При томъ радостномъ настроеніи духа, въ которомъ онъ находился, ему и въ голову не приходило, что такъ скоро разлетятся всѣ его надежды.

Республиканскія убѣжденія для легкомысленнаго и тщеславнаго Луазеля были не болѣе какъ знамя, котораго онъ придерживался, чтобы выдвинуться впередъ и добиться сопротивленіемъ императору того почета, котораго онъ не могъ достигнуть инымъ способомъ. Кромѣ того въ томъ полку, въ которомъ онъ служилъ, было нѣсколько офицеровъ, увлеченныхъ идеями 1793 года и распространявшихъ ихъ между солдатами. Чтобы заслужить популярность, Луазель настроился на тотъ же тонъ и благодаря этому пользовался извѣстнымъ уваженіемъ между своими сослуживцами.

Послѣ изгнанія Моро въ войскѣ не осталось ни одного республиканскаго генерала; но либеральное настроеніе поддерживалось полковниками и офицерами. Дероне подсмѣивался надъ этимъ, и говорилъ, что „республика стала не такъ разборчива какъ прежде и снизойдетъ до утеръ-офицеровъ“. Луазель ничего не зналъ о заговорѣ въ полку противъ жизни Бонапарта, такъ какъ якобинцы боялись посвятить легкомысленнаго щеголя въ свои смѣлые и преступные замыслы.

Г-жа Армгартъ не могла отказать въ приѣмѣ французскому полковнику, который явился къ нимъ въ домъ подъ предлогомъ стараго знакомства. Но бывший секретарь наотрѣзъ объявилъ, что не выйдетъ изъ кабинета, не смотря на просьбы жены и Магдалены.

Молодая дѣвушка послѣ блаженныхъ минутъ проведенныхъ ею наканунѣ съ Эгбертомъ, была въ самомъ веселомъ и спокойномъ настроеніи духа. Она радовалась случаю выказать свое презрѣніе пазойливому человѣку, который нѣкогда такъ безцеремонно преслѣдовалъ ее въ надеждѣ воспользоваться ея неопытностью.

Храбрый полковникъ невольно смутился отъ той спокойной увѣренности, съ которой встрѣтила его Магдалена. Въ своемъ легкомыслии онъ представлялъ себѣ ее прежнимъ робкимъ и пугливымъ ребенкомъ, и очень удивился когда увидѣлъ передъ собою взрослую дѣвушку съ приличными манерами, полными достоинства. Впечатлѣніе было настолько сильно, что онъ не рѣшился пустить въ ходъ прекрасныя рѣчи, которыя онъ обыкновенно расточалъ дамамъ и почти молча сѣлъ на стулъ, указанный ему Магдаленой.

Появленіе г-жи Армгартъ вывело его изъ затрудненія, такъ какъ съ нею легче было завязать разговоръ.

„Разумѣется эта женщина не можетъ быть матерью Магдалены! думалъ Луазель.—Съ перваго взгляда видно, что гордая красавица дочь графа! Она замѣчательно похожа на Дешанъ въ молодости!“

Дѣлая эти наблюденія, подсказанныя его фантазійю, Лойзель болталъ безъ умолку. Онъ разсказалъ между прочимъ, что по прибытіи въ Вѣну тотчасъ же отправился отыскивать сѣрый домъ съ фронтономъ въ надеждѣ встрѣтить своихъ дорогихъ и незабвенныхъ друзей. Такимъ образомъ онъ узналъ отъ стараго Жозефа, что все семейство живетъ въ Гичингѣ и что г. Эгбертъ Геймвальдъ отличался въ битвѣ при Аспергѣ.

— Мосье Геймвальдъ пользуется наилучшею репутаціей между приближенными императора, добавилъ Луазель.—Всѣ хвалятъ его. Если бы онъ хотѣлъ поступить въ французскую армію, то ему заранѣе можно было бы предсказать блестящую будущность.

Луазель восхвалялъ своего соперника, думая заслужить этимъ расположеніе Магдалены. Но она спокойно отвѣтила ему:

— Г-нъ Геймвальдъ никогда не сдѣлаетъ этого, потому что не захочетъ измѣнить своему отечеству. Вдобавокъ, онъ не чувствуетъ никакого призванія къ военной службѣ и взялся за оружіе вслѣдствіе необходимости.

Полковникъ не нашелся сразу, что отвѣтить на это и рѣшилъ, что пора начать разговоръ о дѣлѣ. Похваставшись передъ Цамбелли, что онъ откроетъ Магдаленѣ тайну ея происхожденія, онъ хотѣлъ исполнить свое обѣщаніе.

— Вы, вѣроятно, слышали, mesdames, что на-дняхъ ждутъ заключенія мира. Тогда французы и австрійцы будутъ навсегда друзьями и союзниками и между ними возникнутъ другія болѣе тѣсныя отношенія, которыя могутъ пробудить въ нѣмцѣ желаніе жить въ Парижѣ и сдѣлаться французскимъ гражданиномъ.

Г-жа Армгартъ инстинктивно почувствовала какой-то намекъ въ этихъ словахъ.

— Г-нъ Гейвальдъ въ прошломъ году былъ въ Парижѣ, сказала она,—я увѣрена, что онъ не скоро вернется туда.

— Да, я слышала объ этомъ, но, къ сожалѣнiю, ни разу не встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ, возразилъ Луазель.— У насъ об-щая знакомая—одна пѣвица... Надѣюсь, это не секретъ...

— Онъ никогда не говорилъ намъ объ этомъ!—воскликнула г-жа Армгартъ взволнованнымъ голосомъ.

— Это довольно пожилая женщина. Ее зовутъ Атенаисъ Дешанъ. Если не ошибаюсь, г-нъ Гейвальдъ познакомился съ ней черезъ графа Вольфсегга.

Г-жа Армгартъ окончательно растерялась при сопоставленiи этихъ двухъ именъ. Не зная, какъ выпутаться изъ бѣды, она воспользовалась приходомъ служанки и послѣшно вышла изъ комнаты подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженiй.

Полковникъ надѣялся возбудить ревность Магдалены, но видя, что это не удастся ему, остановился въ недоумѣнiи: онъ не зналъ, продолжать ли ему разговоръ или заговорить о чемънибудь другомъ.

— Вы, кажется, удивляетесь молчанiю г-на Гейвальда,—сказала Магдалена,— но по возвращенiи изъ Парижа у него было столько лѣтъ, что онъ могъ забыть о своемъ знакомствѣ съ пѣвицей.

Насмѣшка, которая слышалась въ этомъ отвѣтѣ, показала оскорбительною самолюбивому Луазелю.

— Вы очень ошибаетесь! воскликнулъ онъ.— Г-нъ Гейвальдъ никогда не забудетъ этой встрѣчи. То, что онъ узналъ о пѣвицѣ, имѣетъ для него большое значенiе. Если онъ умолчалъ объ этомъ, то изъ боязни, что разоблаченiе истины можетъ отразиться на его отношенiяхъ къ фрейлейнъ Армгартъ...

— Ко мнѣ! Я не понимаю васъ, возразила Магдалена, краснѣя. Ей хотѣлось указать дверь дерзкому французу, но ее остановило смутное опасенiе, что онъ не осмѣлился бы говорить съ нею такимъ образомъ безъ основательной причины. Она вопросительно взглянула на него, ожидая отвѣта.

Храбрый полковникъ, не видя иного исхода, счелъ за лучшее сообщить все, что ему было извѣстно объ отношенiяхъ Дешанъ съ графомъ Вольфсеггъ и описалъ яркими красками горе обманутой женщины, у которой насильно отняли ребенка. Хотя разскащикъ не дѣлалъ никакихъ замѣчанiй, но изъ его словъ было ясно, что графъ игралъ незавидную роль въ этой исторiи и что Армгарты, подкупленные его деньгами, помогли ему выполнить дурное дѣло.

— Позвольте мнѣ надѣяться, добавилъ Луазель—что вы, фрейлейнъ, не сердитесь на меня, что я открылъ вамъ имя вашей матери и не подозреваете меня въ какихъ либо своекорыстныхъ цѣляхъ. Мнѣ очень

жаль, если я огорчилъ васъ, но меня утѣшаетъ мысль, что я исполнилъ свой долгъ. Воображаю себѣ, какъ обрадуется бѣдная Дешанъ, когда я скажу ей, что видѣлъ ея дочь, что она здорова и счастлива и сдѣлалась красавицей.

Луазель могъ еще долго говорить на эту тему, потому что Магдалена перестала слушать его. Неподвижно, въ полусознательномъ состояніи сидѣла она въ своемъ креслѣ, закрывъ лицо руками.

Вошелъ слуга и доложилъ, что адъютантъ императора желаетъ видѣть полковника Луазеля.

Луазель вскочилъ съ своего мѣста и ловко раскланялся передъ Магдаленой; но когда она молча кивнула ему головой, неподвижная, блѣдная, какъ мраморная статуя, у него замерло сердце отъ жалости и онъ былъ радъ, что можетъ выйти изъ комнаты подъ благовиднымъ предлогомъ.

Но ему не было времени ни обдумать свой поступокъ, ни почувствовать раскаяніе, потому что на дворѣ его ждалъ Цамбелли съ приказомъ отъ императора ѣхать немедленно въ Испанію.

Магдалена, оставшись одна, поспѣшила закрыть дверь на задвижку. У ней кружилась голова отъ наплыва тяжелыхъ мыслей и ощущеній. Она должна навсегда проститься съ весельемъ, счастьемъ, беззаботною молодостью. Все, чѣмъ она жила до сихъ поръ, во что вѣрила, оказалось обманомъ! Ложь окружала ее съ самаго момента ея рожденія. Можетъ ли она придавать какое нибудь значеніе великодушію графа или привязанности ея мнимыхъ родителей! Ихъ любовь и нѣжность къ ней были ничто иное, какъ ухаживанье подкупленныхъ участниковъ постыднаго дѣла. Зачѣмъ она остается въ этомъ домѣ? Развѣ она принадлежитъ къ этому бюргерскому кружку, куда случайно закинула ее судьба? Еще такъ недавно ей казалось невозможнымъ пользоваться благодѣяніями Эгберта, а теперь?.. Неужели она можетъ считать себя равноправной съ нимъ и хотя одну минуту допустить мысль о томъ, чтобы раздѣлить его честное имя! Но откуда узналъ Луазель всѣ эти подробности? Не посланъ ли онъ къ ней несчастной матерью, съ которой насильно разлучили ее? Что удерживаетъ ее здѣсь? Не мечты ли, которымъ не суждено осуществиться! Она должна скорѣе бѣжать изъ этого дома, гдѣ все напоминаетъ ей объ утраченномъ счастьѣ. Не здѣсь ея мѣсто, а около больной, всѣми покинутой женщины. Она употребитъ всѣ усилія, чтобы изгладить жестокой поступокъ отца. Это будетъ теперь главною цѣлью ея существованія, вмѣсто мирной, счастливой жизни, которую она представляла для себя въ будущемъ. Одна смерть можетъ избавить ее отъ тѣхъ мученій, которыя ожидаютъ ее...

Стукъ въ дверь пробудилъ огорченную дѣвушку отъ ея мрачныхъ мыслей; но она не двигалась съ мѣста: ноги отказывались служить ей. Немного погодя она услышала за дверью знакомый голосъ, который назвалъ ее по имени.

Это былъ Эгбертъ.

Она вздрогнула. Еще не доставало встрѣчи съ нимъ, чтобы переполнить мѣру ея страданій. Первою мыслью Магдалены было выбѣжать изъ комнаты. Но куда? Гдѣ скроетъ она свой стыдъ и горе!...

Она подошла къ двери и отперла задвижку. Увидя Эгберта она отодвинулась отъ него и закрыла себѣ лицо руками.

— Зачѣмъ обманывали они меня такъ долго!.. проговорила она рыдая. — Даже ты скрывалъ это отъ меня...

Съ Магдаленой сдѣлалось дурно. Онъ едва успѣлъ подхватить ее въ свои объятія и отнести на диванъ.

Возвратясь домой, Эгбертъ сильно встревожился, когда служанка сообщила ему о посѣщеніи какого-то французскаго офицера. Имъ овладѣло чувство неопредѣленнаго страха, которое еще больше увеличилось, когда мимо него поспѣшно проскользнула г-жа Армгартъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ его. Состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Магдалену, и восклицаніе, которымъ она встрѣтила его, объяснили ему, что случилось въ его отсутствіе.

— Зачѣмъ ты вчера не сказалъ мнѣ этого, сказала Магдалена приходя въ себя, и тономъ, въ которомъ слышался горькій упрекъ.

— Ты всегда была и будешь для меня дорогой подругой моей юности. Какое мнѣ дѣло до твоего происхожденія; развѣ ты виновна въ немъ? Я не считалъ себя въ правѣ открыть тебѣ тайну, которую узналъ случайно, благодаря лихорадочному бреду больной и противъ ея воли. Только отецъ твой могъ сообщить тебѣ печальную истину.

— Онъ стыдится называть меня своей дочерью, отвѣтила съ грустной усмѣшкой Магдалена. — У него едва хватало смѣлости изрѣдка и украдкой подарить меня лаской въ видѣ милости. Не онъ, а ненавистный Луазель открылъ мнѣ мой позоръ.

— Арманъ Луазель! Но онъ не будетъ беспокоить тебя. Ты никогда не встрѣтишь больше этого человѣка. Императоръ сегодня отправляетъ его въ Испанію.

— Но онъ все-таки будетъ знать, кто я.

— Кто ты! Чистое и милое существо, навсегда дорогое моему сердцу. Если моя любовь...

— Я не стою твоей любви. Развѣ ты не видишь какую ловушку они подготовили тебѣ? На ихъ рукахъ была отверженная; они тяготились ею и поспѣшили воспользоваться случаемъ, который свелъ ее съ лучшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ... они рады сбыть несчастную съ своихъ рукъ и прикрыть его честнымъ именемъ ея безчестіе. Неужели ты думаешь, что я стану помогать имъ въ этомъ? Я никогда не выйду за тебя замужъ при этихъ условіяхъ. Я уйду въ Парижъ къ моей матери.

— Останься со мной Магдалена! сказалъ человѣкъ въ крестьянскомъ платьѣ, стоявшій на порогѣ. Прости своему отцу; онъ всегда любилъ и любить тебя!

Это былъ графъ Вольфсеггъ. Они были такъ заняты своимъ разговоромъ, что не замѣтили его присутствія.

Появленіе человѣка, котораго оплакивали какъ мертваго, наполнило радостью сердце Магдалины. Она забыла терзавшее ее горе и невольно бросилась къ нему. Онъ заключилъ ее въ свои объятія, осылая нѣжными ласками.

— Мои дорогіе друзья, какъ я счастливъ, что вижу васъ, проговорилъ графъ Ульрихъ, разстроеннымъ голосомъ, протягивая руку Эгберту; теперь ничто не разлучитъ меня съ вами!

Успокоившись отъ волненія первыхъ моментовъ свиданія, графъ объяснилъ причину своего внезапнаго исчезновенія со времени Ваграмской битвы.

Въ ночь послѣ битвы, эригерцогъ Карлъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ былъ поднятъ вопросъ объ отступленіи дѣйствующей арміи и возможности предпринять что нибудь рѣшительное въ Тиролю, гдѣ борьба Андрея Гофера и его храбрыхъ товарищей противъ войскъ Наполеона возбудила общее удивленіе. Для рѣшенія послѣдняго вопроса необходимо было послать въ горы опытнаго и надежнаго человѣка, который бы сумѣлъ поддержать крестьянъ въ ихъ сопротивленіи. Самымъ подходящимъ для этого человѣкомъ былъ графъ Вольфсеггъ, такъ какъ хорошо зналъ страну и еще во время приготовленій къ войнѣ велъ дѣятельные переговоры съ вожаками крестьянскаго возстанія въ Тиролю черезъ Теймера изъ Клагенфурта и патера Марселя.

Графъ Вольфсеггъ вполнѣ сознавалъ что въ главной квартирѣ слишкомъ поздно обратились къ идеѣ народной войны, которая быть можетъ принесла-бы совѣмъ иные результаты, если-бы съ самого начала поддержали ее фактически, а не одними прокламаціями. Тѣмъ не менѣе, какъ ярый защитникъ народной войны, онъ не могъ отказаться отъ даннаго ему порученія и въ ту же ночь отправился въ Тиролю черезъ южную Богемію.

Въ то время, когда Эгбертъ лежалъ больной въ Гицингѣ, графъ принималъ дѣятельное участіе въ побѣдоносныхъ и славныхъ стычкахъ тирольцевъ противъ маршала Лефебвра, которыя кончились бѣгствомъ высокопороднаго маршала и постыднымъ разгромленіемъ его войска. Въ первыхъ числахъ сентября упорные слухи о скоромъ заключеніи мира побудили графа Вольфсегга поспѣшить въ лагерь императора Франца, чтобы съ своей стороны способствовать при заключеніи мира соблюденію тѣхъ обѣщаній, которыя многократно и торжественно даны были тирольцамъ австрійскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ графъ провелъ болѣе мѣсяца вблизи тѣхъ, которыхъ онъ такъ горячо желалъ видѣть и судьба которыхъ постоянно занимала его. Наконецъ, онъ не выдержалъ пытки ожиданія и вернулся въ Вѣну, не заботясь о послѣдствіяхъ своего смѣлаго поступка. Онъ прибылъ во время, чтобы успокоить Магдалену и разсѣять бурю,

которая готова была разразиться надъ этими людьми, испытанными столько горя въ послѣдніе мѣсяцы. Счастье снова улыбнулось имъ.

Одна Кристель не принимала участія въ радости пріютившей ее семьи. Въ сторонѣ отъ всѣхъ жила она своей отдѣльной жизнью. Никогда еще она не была такъ неловка и нерадива въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ въ этотъ день. На верху въ комнатѣ лежалъ связанный узелокъ съ ея вещами. Безпокойно посматривала она на солнце, удивляясь, зачѣмъ оно медлитъ такъ своимъ закатомъ. Когда же наступитъ вечеръ съ его розовыми облаками и ночь съ ея чернымъ покровомъ, которая должна возвратитъ счастье и свободу бѣдной Кристель? Какія бы препятствія и опасности не ожидали ее, они не испугаютъ влюбленную дѣвушку; она найдетъ того, кто для нея дороже жизни.

Конецъ четвертой части.

ЧАСТЬ V.

ГЛАВА I.

ВЪТО 1810-го года началось въ Парижѣ блестящей вереницей празднествъ, которыя быстро слѣдовали одно за другимъ. Въ концѣ юня населеніе столицы занято было приготовлениями къ роскошному балу, который былъ назначенъ у австрійскаго посланника князя Карла фонъ Шварценберга въ честь новобрачной четы—Наполеона и Маріи Луизы.

Мысль о разводѣ съ Жозефиной окончательно созрѣла въ головѣ Наполеона во время мирныхъ переговоровъ въ Вѣнѣ и Шенбруннѣ. Много разъ думалъ онъ объ этомъ и прежде, но не рѣшался бросить вѣрную подругу своей молодости, величія и славы. Послѣ битвы при Ваграмѣ, когда со всѣхъ сторонъ стали до него доходить слухи о недовольствѣ солдатъ и разныхъ толкахъ въ народѣ, онъ еще болѣе убѣдился въ необходимости вступить въ новый бракъ съ принцессой какой нибудь старинной королевской фамиліи для продолженія своего рода. Наболѣе подходящей для него невѣстой была одна изъ дочерей императора Франца. Во избѣжаніе отказа, онъ намекнулъ о своемъ намѣреніи князю Іогану Лихтенштейну и, заручившись согласіемъ австрійскаго правительства, рѣшился приступить къ формальнымъ переговорамъ. Пока онъ не былъ разведенъ съ Жозефиной не могло быть и рѣчи о болѣе или менѣе открытомъ сватовствѣ; тѣмъ не менѣе вопросъ о бракѣ былъ включенъ въ число пунктовъ мирнаго трактата; Наполеонъ формулировалъ свое требованіе въ видѣ просьбы; императоръ Францъ изъявлялъ согласіе на бракъ своей дочери Маріи Луизы съ французскимъ императоромъ. Весною 1810 года отпразднована была свадьба.

Событіе эти произвело сильное волненіе въ нѣмецкомъ народѣ. Въ старинныхъ сагахъ такимъ образомъ отдавали дѣвушекъ дракону для спасенія страны. Но всегда являлся рыцарь съ заколдованнымъ оружіемъ, побѣждалъ чудовище и освобождалъ несчастную жертву. Кто-же рѣшится вырвать молодую эрцгерцогиню изъ рукъ Люцифера? Дому, въ который вступала Марія Луиза, грозила гибель. Еще свѣжо было воспоминаніе о несчастной дочери Маріи Терезіи; повидимому та-же участь ожидала ея правнучку.

Наполеонъ встрѣтилъ молодую супругу со всевозможнымъ почетомъ и любезностью, но онъ не могъ доставить ей симпатію французской націи. До сихъ поръ онъ пользовался расположеніемъ массы какъ сынъ революціи. Французы любили въ немъ императора, котораго они сами выбрали и возвеличили, въ надеждѣ, что онъ осуществитъ принципы 1789 года. Но когда Наполеонъ женился на родственницѣ ненавистой Маріи Антуанеты, то это показалось большинству неопровержимымъ доказательствомъ его полного разрыва съ революціей.

Болѣе серьезные и образованные люди уже давно пришли къ убѣжденію, что себялюбіе было единственной пружиной всѣхъ поступковъ узурпатора и, что мнимая защита свободы, не болѣе какъ маска, принятая имъ, чтобы обмануть французскій народъ и навести трепетъ на монарховъ другихъ странъ. Теперь это убѣжденіе сдѣлалось всеобщимъ. Фактъ былъ на лицо: побѣдитель, пользуясь своимъ положеніемъ, присвоилъ себѣ дочь побѣжденнаго, прежде чѣмъ на Мархфельдѣ выросла новая трава надъ могилами убитыхъ.

Въ то время, какъ приближенные Наполеона, чиновничій кругъ, сенаторы и вновь созданные дворяне устраивали празднества въ честь новобрачныхъ, а эмигранты сѣдѣли въ Парижѣ, чтобы занять свои прежнія мѣста, столица была переполнена пасквилями и насмѣшливыми стихами по поводу новой женитьбы узурпатора. Пасквили передавались изъ рукъ въ руки; ихъ пѣли въ шинкахъ, у воротъ домовъ и даже въ гостинныхъ достаточныхъ людей. Всѣ жалѣли Жозефину, восхваляя ея достоинства и привлекательную наружность и холодно, почти враждебно относились къ австрійской эрцгерцогинѣ.

Никогда еще въ Парижѣ не бывало такого количества нѣмцевъ какъ весной этого года, что отчасти объяснялось участіемъ къ молодой императрицѣ, особенно со стороны австрійцевъ, изъ которыхъ каждый желалъ узнать о судьбѣ своей соотечественницы. Французы, играя роль великодушныхъ побѣдителей, принимали ихъ какъ дорогихъ гостей и соперничали другъ передъ другомъ, чтобы поддержать славу старофранцузской вѣжливости и любезности. Дипломаты придавали большое значеніе присутствію графа Меттерниха, который въ качествѣ перваго министра управлялъ тогда дѣлами Австріи.

Эгбертъ, Магдалена и графъ Вольфсеггъ не принадлежали къ числу тѣхъ, которые были привлечены въ Парижъ политическими

цѣлями или желаніемъ взглянуть на новую императрицу. Хотя Магдалена послѣ долгаго колебанія уступила просьбамъ и убѣжденіямъ Эгберта, но не рѣшалась выйти за него замужъ безъ благословенія матери, желая, хотя бы до извѣстной степени, загладить жестокій поступокъ графа Вольфсегга.

Это требованіе вполне согласовалось съ понятіями и чувствами Эгберта и онъ охотно вызвался сопровождать Магдалену въ Парижъ. Но графъ Вольфсеггъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился на поѣздку. Онъ ненавидѣлъ городъ Люцифера быть можетъ потому, что нѣкогда слишкомъ горячо любилъ его.

Первые дни пребыванія въ Парижѣ прошли для нихъ въ хлопотахъ по устройству квартиры и въ дѣловыхъ визитахъ. Эгбертъ опять увидѣлся съ Веньяминомъ Бурдономъ, который былъ выпущенъ на свободу тотчасъ по заключеніи мира. Встрѣча молодыхъ людей была самая дружеская, но къ графу Бурдонъ относился съ прежнимъ недоувѣріемъ плебея къ знатному барину. Тѣмъ не менѣе онъ самъ вызвался подготовить Дешанъ къ встрѣчѣ съ ея прежнимъ любовникомъ, такъ какъ со времени послѣдней болѣзни пѣвицы приобрѣлъ надъ нею безграничное вліяніе. На нее благотѣльно должно было подѣйствовать и то обстоятельство, что человекъ, къ которому она съ перваго взгляда почувствовала такое расположеніе, сдѣлался женихомъ ея дочери. Но при крайней раздражительности пѣвицы необходимо было соблюсти возможную осторожность, такъ какъ всякая случайность могла помѣшать примиренію.

Первый разъ Магдалена увидѣла свою мать на сценѣ во всемъ блескѣ и очарованіи ея искусства. Ея могучій голосъ тронулъ до глубины души впечатлительную дѣвушку. Сидя въ ложѣ между Эгбертомъ и графомъ Вольфсеггъ, она плакала отъ радости и умиленія. Атенаисъ во время пѣнія нѣсколько разъ смотрѣла въ ту сторону, гдѣ они сидѣли. Узнала ли она Эгберта или инстинктивно чувствовала особенное влеченіе къ хорошенькой дѣвушкѣ, которая во все время представленія не спускала съ нея глазъ?

Послѣ этого предварительнаго знакомства издали, Бурдонъ предложилъ устроить свиданіе матери и дочери на своей квартирѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Атенаисъ пріѣдетъ къ нему по первому его приглашенію, а тамъ, въ случаѣ какого нибудь недоразумѣнія, его помощь была къ услугамъ Магдалены.

Утромъ этого многозначительнаго дня графъ Вольфсеггъ увелъ Эгберта на раннюю прогулку. Они ходили взадъ и впередъ по каштановымъ аллеямъ Тюльерійскаго сада: Еще не видно было никого изъ гуляющихъ. Сѣровато-свинцовый цвѣтъ неба предвѣщалъ дождливый день. Птицы боязливо перелетали съ дерева на дерево и затѣмъ опять поспѣшно возвращались въ свои гнѣзда.

Графъ Вольфсеггъ казался озабоченнымъ.

— Я не предвижу ничего хорошего отъ сегодняшняго вечера, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Неужели свиданіе съ дочерью не заставитъ ее забыть прошлаго! возразилъ Эгбертъ.—Развѣ не prospetся въ ней сознаніе...

— Не собственной ли вины? прервалъ графъ Вольфсеггъ съ грустной усмѣшкой. Я убѣжденъ въ противномъ. Женщина въ подобныхъ случаяхъ всегда считаетъ себя правой передъ мужчиной. Аテナисъ въ молодости отличалась сильными страстями, необузданной фантазіей и непомѣрнымъ упрямствомъ. Въ тѣ времена я самъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы имѣть какое либо вліяніе на такую женщину.

— Но съ тѣхъ поръ прошло столько лѣтъ, сказалъ Эгбертъ, что вѣроятно Дешанъ сдѣлалась спокойнѣе; измѣнились и самыя условія жизни и настроеніе общества.

— Не подлежитъ сомнѣнію, что общественное настроеніе отзывается на нашихъ личныхъ отношеніяхъ и придаетъ имъ извѣстную окраску. Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ собственномъ опытомъ. Я познакомился съ Аテナисъ въ пору перваго ошьяненія революціей, когда еще никакіе ужасы и безумія не оскверняли ее. Всякій благомыслящій чловѣкъ въ Европѣ, кто только былъ проникнуть мыслью объ улучшеніи судьбы угнетеннаго народа и желалъ болѣе разумнаго государственнаго управленія, съ искреннимъ сочувствіемъ относился къ героической націи, выступившей на защиту свободы. Какъ приверженецъ Иосифа II, благороднѣйшаго изъ людей, которыхъ мнѣ когда либо случалось встрѣчать въ жизни, я пользовался дурной репутаціей въ кругу нашихъ австрійскихъ дворянъ и, видя, что всякая дѣятельность закрыта для меня на родинѣ, я отправился во Францію. Я также заплатилъ дань времени. Помните, какъ я преслѣдовалъ васъ за ваши идеи космополитизма? Теперь ваша очередь насмѣхаться надо мной. Въ тѣ времена я самъ вѣрилъ въ свободу безъ отечества, въ братство людей безъ различія народностей.

— Мы должны быть благодарны французамъ; они вылечили насъ отъ этого заблужденія, замѣтилъ Эгбертъ. Императоръ Наполеонъ, не желая этого, возбудилъ въ нѣмцахъ сознаніе своей національности...

— Въ моментъ моего прибытія въ Парижъ — продолжалъ графъ Вольфсеггъ, французы праздновали свою вторичную побѣду надъ Людовикомъ XVI-мъ. Въ числѣ вакханокъ, которыя перевезли королевскую фамилію изъ Версаля въ Парижъ, была Аテナисъ. Благодаря своей красотѣ и живости она была выбрана въ депутацію, которой поручено было передать королю коллективную просьбу парижанъ. Аテナисъ, тогда еще уличная пѣвица, пользовалась большой славой между рабочими, которые превозносили ее до небесъ. Такое поклоненіе избаловало ее и внушило ей слишкомъ высокое понятіе о своемъ талантѣ. Но въ этомъ была своя хорошая сторона, потому что гордость явилась противовѣсомъ дурныхъ наклонностей ея природы. Съ

страстнымъ увлеченіемъ, какъ всѣ француженки низшихъ классовъ, бросилась она въ потокъ революціи. Старухи изображали изъ себя фурій и парокъ, молодыя женщины превратились въ дикихъ, соблазнительныхъ вакханокъ, не знавшихъ ни въ чемъ удержки. Я въ первый разъ встрѣтилъ Атенаисъ въ якобинскомъ клубѣ. Всепоглощающая страсть овладѣла мною. Не знаю испытывала ли она нѣчто подобное или это было только польщенное тщеславіе, но мы сошлись и я чувствовалъ себя самымъ счастливымъ изъ смертныхъ. Однако и въ эту пору полнаго блаженства и любовнаго упоенія я оставался въ душѣ нѣмецкимъ школьнымъ педагогомъ. Я нанялъ ей хорошаго учителя пѣнія и самъ взялся учить ее фортепіанной игрѣ, въ которой когда-то отличался большимъ искусствомъ. Любовь и музыка настолько поглотили насъ, что революція почти не существовала для насъ. Теперь, когда я вспоминаю это время, мнѣ кажется почти невѣроятнымъ, что среди окружающаго насъ бушующаго океана мы могли найти себѣ подобное романическое убѣжище, не потрясенное никакой бурей и не залитое волнами...

Графъ Вольфсеггъ остановился: ему послышался какой-то странный шорохъ въ кустахъ, мимо которыхъ они шли. Эгбертъ также оглянулся.

— Это вѣроятно какая нибудь птица! сказалъ онъ. Вы видите, опять все затихло.

Они сѣли на скамейку. Графъ Вольфсеггъ продолжалъ свой рассказъ:

— Идиллія продолжалась для насъ до рожденія Магдалены. Атенаисъ не отличалась постоянствомъ въ своихъ привязанностяхъ, а во мнѣ былъ достаточный запасъ ревности. Между нами начались несогласія; но пока это были обычныя ссоры влюбленныхъ, которыя длятся не долго и кончаются горячими объятіями. Со стороны подобныя отношенія кажутся невыносимыми, но для лицъ переживающихъ ихъ они имѣютъ своего рода притягательную силу и доставляютъ извѣстное наслажденіе. Мы прожили такимъ образомъ цѣлый годъ, переходя отъ страстныхъ порывовъ къ полному пресмыченію, то сближаясь, то отталкивая другъ друга. Это была какая то цыганская жизнь, фантастически окрашенная сумрачнымъ свѣтомъ политической грозы. Мы нѣмцы не созданы для такой жизни; мы прежде всего ищемъ постоянства и спокойствія въ нашихъ привязанностяхъ и потому такъ охотно переносимъ скуку. Въ одинъ прекрасный день мнѣ пришла несчастная фантазія заговорить съ Атенаисъ о бракѣ. Предразсудки и обязанности моего званія исчезли для меня, подъ вліяніемъ страсти и тогдашняго броженія умовъ. Я надѣялся, что Атенаисъ, сдѣлавшись моей женой, научится сдерживать себя и, что сознаніе новаго общественнаго положенія благотѣльно подѣйствуетъ на ея богато одаренную природу. Развѣ всѣ мы не безумцы и не рабы нашего воспитанія! Изъ женщины, вышедшей изъ народа, съ извѣстными наклон-

ностями и привычками, которая даже искусство могла понять только съ внѣшней, чисто матеріальной стороны я, аристократъ—якобинець хотѣлъ сдѣлать какую-то принцессу! Попытка кончилась полной неудачей. Атенаисъ не только не измѣнилась къ лучшему, но съ каждымъ днемъ становилась заносчивѣе и заявляла новыя притязанія и требованія. Человѣкъ болѣе спокойный и разсудительный, прямо идущій къ своей цѣли, безъ колебаній и излишняго рвенія, вѣроятно нашелся бы и при этихъ обстоятельствахъ; но я рѣшительно не зналъ какъ выйти изъ моего затруднительнаго положенія. Вскорѣ я началъ раскаяваться въ моемъ обѣщаніи; собственное сознаніе мучило меня болѣе упрековъ сестры. Вдобавокъ общественныя дѣла приняли оборотъ крайне непріятный для меня. Война противъ Германіи была почти рѣшена, такъ какъ только она могла пробудить полусзнувшія революціонныя страсти. Даже самые увлекающіеся оптимисты должны были убѣдиться, что трудно ожидать хорошихъ результатовъ отъ броженія, въ которомъ были уже всѣ задатки гибели. Медленно, но неуклонно зрѣла во мнѣ рѣшимость уѣхать изъ Парижа и разстаться съ Атенаисъ. Разлука при другихъ обстоятельствахъ врядъ ли огорчила бы которагонибудь изъ насъ. Атенаисъ видимо желала переимѣнить любовника и я долженъ сказать ей въ оправданіе, что я былъ настолько капризенъ и угрюмъ въ обращеніи съ нею, что она не могла находить особеннаго удовольствія въ моемъ сожителствѣ. Къ несчастію мы оба любили ребенка одинаково сильно и нѣжно. Инстинктъ матери и женщины подсказалъ ей, что я намѣреваюсь уѣхать изъ Парижа и увезти съ собою дочь; поссорившись со мною однажды, она наотрѣзъ объявила, что скорѣе убьетъ дѣвочку, чѣмъ оставитъ ее на моихъ рукахъ. Эта угроза еще болѣе укрѣпила меня въ моемъ намѣреніи. Ребенокъ, воспитанный подобной матерью, во время господства анархіи заранѣе обреченъ былъ на гибель. Мой секретарь Армгартъ вызвался помогать мнѣ и составилъ планъ похищенія. Ему удалось уговорить кормилицу, которая за извѣстную сумму денегъ согласилась проводить насъ до Брюсселя. Несравненно труднѣе было обмануть Атенаисъ, но и тутъ насъ выручила ея страсть къ Дантону, одному изъ самыхъ могущественныхъ дѣятелей революціи. Она употребляла всѣ усилія чтобы возбудить мою ревность и довести до бѣшенства; я съ своей стороны разыгрывалъ роль обманутаго любовника, осмѣивалъ ее упреками, чтобы поддержать ея увлеченіе, такъ какъ поставилъ себѣ задачею во что бы то ни стало вырвать маленькую Магдалену изъ парижскаго водоворота. Атенаисъ отправилась однажды съ своимъ возлюбленнымъ въ одну изъ окрестныхъ деревень Парижа. Мы воспользовались этимъ, чтобы увезти ребенка и кормилицу и благополучно достигли Брюсселя, а тамъ уже нечего было опасаться какихъ бы то ни было преслѣдованій. По приѣздѣ въ Вѣну необходимо было позаботиться объ участи Магдалены. Тутъ я случайно узналъ, что Армгартъ ухаживаетъ за одной дѣвушкой, но что бѣдность мѣшаетъ ему

жениться. Я помогъ ему деньгами и доставилъ мѣсто въ государственной канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы молодые супруги взяли къ себѣ мою дочь и воспитали ее, какъ свое собственное дитя. Послѣ того я много лѣтъ ничего не слыхалъ о Дешанъ и былъ убѣжденъ, что она погибла въ числѣ многихъ другихъ жертвъ революціи. Но вслѣдъ за провозглашеніемъ Бонапарта первымъ консуломъ, я опять услышалъ ея имя. Газеты восхваляли ее не только за голосъ, но за красоту и неподражаемую игру и называли ее звѣздой французской оперы. Помимо этого я узналъ частнымъ образомъ, что Атенаисъ пользовалась особеннымъ покровительствомъ супруги перваго консула. Вы, быть можетъ, спросите меня, почему я съ тѣхъ поръ не сдѣлалъ никакой попытки помириться съ женщиной, игравшей такую важную роль въ моей жизни? Сознаюсь откровенно, что я боялся вліянія подобной матери на мою дочь и не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить моихъ заботъ о ней. Но, какъ всегда бываетъ въ натянутыхъ положеніяхъ, судьба явилась мнѣ на помощь, и избавила меня отъ тяжелаго объясненія съ вами и Магдаленой.

— Я убѣжденъ, сказалъ Эгбертъ, что она и сегодня выручить васъ и все кончится наилучшимъ образомъ.

Графъ Вольфсеггъ молча поднялся съ своего мѣста. Былъ ли онъ потрясенъ рассказомъ своего тяжелаго прошлаго и чувствовалъ потребность уединенія или какое нибудь дѣло призывало его, но, простившись съ Эгбертомъ, онъ послѣшно свернулъ въ боковую аллею и исчезъ за деревьями.

Теперь ничто не мѣшало Эгберту предаться своимъ мыслямъ. Онъ сидѣлъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ упавшая муфта доставила ему знакомство съ пѣвицей. Ему живо припомнилась эта встрѣча, весь разговоръ, смѣющаяся Зефирина, старый маркизь... Дѣтъ за деревьями прошла Антуанета подъ руку съ своимъ старымъ родственникомъ. Что случилось съ нею? Эгбертъ на дняхъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе, что маркиза Антуанета де Гондревиль назначена первой фрейлиной новой императрицы, съ оговоркой, что Марія Луиза знала маркизу еще въ Вѣнѣ и сама выразила желаніе имѣть ее въ своемъ штатѣ. Вотъ все, что Эгбертъ зналъ о ней. Графъ упорно молчалъ о своихъ родственникахъ; старый маркизь Гондревиль послѣдовалъ примѣру дочери и сына и переселился во Францію. Одна только мать Антуанеты, по прежнему ненавидѣвшая Бонапарта, осталась въ Австріи. Ни Эгбертъ, ни Магдалена не рѣшались распрашивать графа объ его племянницѣ, зная на сколько это будетъ неприятно ему. Но здѣсь, среди этихъ деревьевъ, передъ этимъ великолѣпнымъ дворцомъ, который сдѣлался ея жилищемъ, образъ красивой дѣвушки опять возсталъ въ душѣ Эгберта. Предчувствіе говорило ему, что она несчастна и, что дѣйствительность не оправдала ея ожиданій. Но ему и въ голову не приходило, что въ эти минуты, когда онъ предавался

лѣнивому раздумью, только нѣсколько шаговъ отдѣляетъ его отъ прекрасной маркизы.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ дворца отдѣлено было отъ сада небольшое пространство, исключительно предназначенное для императора и его двора. Высокія густыя деревья и живая изгородь за рѣшеткой служили достаточной защитой отъ празднаго любопытства гуляющей публики.

Въ одной изъ боковыхъ аллей этого небольшого дворцоваго сада, который былъ совершенно безлюденъ въ этотъ ранній часъ утра, медленно ходили взадъ и впередъ кавалеръ и дама. Никто не рѣшился бы помѣшать ихъ разговору, если бы они даже выбрали менѣе удобное время для своей прогулки. Всякій, завидя ихъ издали поспѣшилъ бы свернуть въ сторону.

Это были Наполеонъ и Антуанета.

Онъ говорилъ одинъ; она шла, молча, опустивъ голову. Глядя на нее трудно было рѣшить: слышитъ ли она его слова, такъ какъ вся ея фигура скорѣе напоминала автомата, чѣмъ живое существо. Она опустила вуаль своей большой шляпы и сквозь этотъ темный покровъ, при тускломъ освѣщеніи пасмурнаго утра, щеки ея казались мертвенно блѣдными.

— Зачѣмъ отказываетесь вы отъ предложенія маркиза Цамбелли? сказалъ Наполеонъ. Онъ происходитъ изъ стариннаго дворянскаго рода и я цѣню его заслуги. Вѣрьте мнѣ, Антуанета, я не сталъ бы совѣтовать вамъ выйти замужъ за человѣка недостойнаго васъ. Онъ знаетъ и любитъ васъ не со вчерашняго дня. Вы сами говорили мнѣ, что онъ еще въ Австріи ухаживалъ за вами.

— Я также не разъ говорила вамъ, что всегда боялась васъ и страхъ былъ сильнѣе всякаго другого чувства, возразила съ горечью Антуанета.

— Вы были предубѣждены противъ меня. Мои враги, австрійцы, вѣроятно насказали вамъ всевозможныхъ ужасовъ о Цамбелли. Но вы измѣните свое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ. вспомните, какъ вы прежде ненавидѣли меня, а потомъ... добавилъ онъ съ усмѣшкой.

Антуанета вздрогнула, но ничего не отвѣтила ему.

— Я требую, чтобы вы послушались голоса разсудка, продолжалъ Наполеонъ. Вы не будете несчастны съ маркизомъ Цамбелли; онъ заразился въ Германіи разными романическими бреднями, которыя такъ нравятся женщинамъ, а это обстоятельство, въ связи съ общими юношескими воспоминаніями поставитъ вашъ бракъ въ лучшія условія, чѣмъ большинство браковъ по приличію.

Наполеонъ не желалъ оскорбить ее; но подобныя объясненія были не въ его характерѣ, тонъ его голоса оставался холоднымъ и суровымъ. Онъ обходился съ нею, какъ вообще привыкъ обходиться съ людьми, даже съ тѣми, которыхъ онъ считалъ достойными привязанности и воображалъ, что они дороги ему. Равнодушіе его возмутило

Антуанету; она готова была вынести его гнѣвъ, но не могла помириться съ мыслью быть брошенной имъ.

— Ваше величество, рѣзко замѣтила Антуанета, вы забываете что въ дѣлахъ супружества, помимо чужихъ совѣтовъ, привязанность должна также играть нѣкоторую роль. Я не люблю маркиза Цамбелли и это должно быть извѣстно вашему величеству; а при этихъ условіяхъ я не желаю промѣнять свою свободу на супружеское рабство.

— Вы говорите о любви! Развѣ я спрашивалъ свое сердце, оттолкнувъ отъ себя Жозефину?

— Если вы не послушались своего сердца, то вы поступили такъ, какъ вамъ казалось нужнымъ и разумнымъ. Во всякомъ случаѣ вы дѣлали какъ хотѣли, а я должна покоряться чужой волѣ.

— Да, но я этого хочу.

Спротивленіе раздражало Наполеона. Онъ почти оттолкнулъ отъ себя ея руку, которую до этого нѣжно сжималъ въ своихъ рукахъ.

— Я требую и отъ васъ, Антуанета, чтобы вы повиновались мнѣ. Вы напрасно дѣлаете видъ, что сердитесь на меня, всѣ эти женскія продѣлки не производятъ на меня никакого впечатлѣнія. Вы должны выйти замужъ. Мы не можемъ помѣшать злословію и потому имъ будетъ не трудно возстановить противъ васъ императрицу. Я не желаю скандаловъ при моемъ дворѣ. Сдѣлавшись маркизой Цамбелли, вы сохраните прежнее положеніе при императрицѣ и останетесь при мнѣ... Вашъ мужъ будетъ часто въ отлучкѣ по дѣламъ службы...

Наполеонъ говорилъ быстро и отрывисто по своей привычкѣ. За мѣтивъ, что она отстала отъ него на нѣсколько шаговъ, онъ замолчалъ и оглянулся. Лицо его оставалось такимъ же безстрастнымъ и холоднымъ.

— Развѣ вы больны Антуанета?

— Я жду какого рода будутъ ваши дальнѣйшія распоряженія относительно будущей супруги маркиза Цамбелли.

— Вы такая же глупая, сентиментальная нѣмка, какъ всѣ ваши соотечественницы!... сказалъ съ досадой Наполеонъ.

— Я не привыкла, чтобы со мной обращались подобнымъ образомъ...

Антуанета была внѣ себя отъ негодованія. Невольнымъ движеніемъ она откинула вуаль съ своего лица. На щекахъ ея выступилъ яркій румянецъ. Глаза ея блестѣли. Она была необыкновенно хороша въ эту минуту. Наполеонъ отвернулся, чтобы не поддаться очарованію ея красоты, но тотчасъ же опять взглянулъ на нее. Онъ наблюдалъ борьбу страстей на ея лицѣ, выжидая минуту утомленія, когда она опять покорится его волѣ.

Ему не долго пришлось ждать. Она не выдержала его суроваго взгляда и залилась слезами.

— Вы плачете, потому что не выносите, чтобы съ вами обра-
20*

лись какъ съ мужчиной! Развѣ я требую отъ васъ чего нибудь неразумнаго или того, что выше человѣческихъ силъ? Неужели вы принимали меня за аркадскаго пастушка! Въ нашемъ положеніи мы должны прежде всего еоблюдать приличія и чувство собственнаго достоинства. Я желаю вамъ добра и люблю васъ. Но я не Геркулесъ и не буду сидѣть за прялкой у ногъ Омфалы. Никогда женщина не заставитъ меня измѣнить моего рѣшенія. Повторяю вамъ, этотъ бракъ необходимъ. Когда вы успокоитесь, то сами прійдете къ такому же убѣжденію. До свиданія Антуанета.

— Вы уходите отъ меня! проговорила она рыдая.

— Не думаете ли вы перевернуть свѣтъ вашими слезами!

Онъ слегка прикоснулся къ своей шляпѣ въ видѣ поклона и медленно направился вдоль аллеи къ дворцу, заложивъ руки на спину.

Антуанета въ изнеможеніи опустила на траву подъ темными вѣтвями сосенъ. Ей казалось, что ее погребли живо. Будущность закрыта для нея; осталось одно прошлое. Она вспомнила блистательный балъ передъ началомъ австрійской войны, когда, олицетворяя собой богиню побѣды, она поднесла Наполеону лавровый вѣнокъ и онъ бросилъ на нее взглядъ, въ которомъ выражался нѣмой вопросъ и требованіе. Она не отвѣтила отрицательно, хотя предвидѣла трагическій конецъ подобной любви. Страсть и честолюбіе были сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній. Быть любовницей Цезаря считалось величайшимъ счастьемъ для женщины, какъ въ старомъ Римѣ, такъ и въ повомъ, который во всемъ подражалъ ему. Антуанетѣ казалось, что она нашла цѣль жизни въ задачѣ привязать къ себѣ самаго гениальнаго человѣка столѣтія. Отказавшись отъ родины, пожертвовавъ для него будущностью, семейными отношеніями и традиціями, она надѣялась, что его наклонность къ ней будетъ прочнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ къ другимъ женщинамъ. Покинутая и растерянная, съ краской стыда на лицѣ припоминала она теперь дни своего мнимаго счастья. Онъ не только разошелся съ ней, какъ съ Жозефиной, но бросаетъ ее какъ плодъ, проѣденный червями или какъ пресыщенный пьяница небрежно передаетъ опрокинутый кубокъ своему сосѣду. Развѣ она заслужила подобное униженіе! Развѣ могъ человѣкъ, въ которомъ была хотя слабая искра любви къ ней бросить ее такимъ способомъ! Годъ тому назадъ, она преклонялась передъ нимъ, какъ передъ высшимъ, неземнымъ существомъ. Какимъ жалкимъ и ничтожнымъ казался онъ ей теперь! Какую постыдную роль играла она сама во всей этой исторіи! Не любя ее, онъ удостоивалъ ее своимъ вниманіемъ для удовлетворенія мимолетной прихоти побѣдителя. Неужели гордая, блестящая Антуанета не заслуживала лучшей участи! Новый Цезарь дарилъ ее какъ невольницу своему любимцу. Можетъ быть именно въ одинъ изъ моментовъ, когда она въ оцѣненіи блаженства покоилась въ его объятіяхъ, онъ выбралъ того, кому

хотѣлъ передать ее. Все глубже и яснѣе чувствовала она свой позоръ и униженіе.

Между тѣмъ въ поступкѣ съ Антуанетой Наполеонъ оставался вѣренъ своимъ понятіямъ и складу характера. Едва ли въ молодости онъ былъ способенъ понимать ощущенія и требованія женскаго сердца. Фантазія его легче воспламенялась, нежели чувственность, но это была не болѣе какъ вспышка, которая проходила вслѣдъ за удовлетвореніемъ желанія. Если женщины не могли пожаловаться на него, что онъ хвастался своими побѣдами, то съ другой стороны ни одна не могла похвалиться, что онъ щадилъ ее чувство. Онъ смотрѣлъ на любовныя похожденія какъ на пріятное препровожденіе часовъ досуда; слезы и упреки раздражали его. Нѣкоторое время красота Антуанеты увлекала его; онъ находилъ удовольствіе въ разговорахъ съ нею; но она скоро утратила для него интересъ новизны; онъ думалъ, что дѣлаетъ достаточно, дозволивъ своей любовницѣ оставаться въ штатѣ своей супруги.

Витторіо Цамбелли, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получившій званіе маркиза, владѣя богатыми помѣстьями, сдѣлалъ формальное предложеніе Антуанетѣ, но получивъ отказъ, обратился къ императору съ просьбой о посредничествѣ.

Наполеонъ находилъ этотъ бракъ вполне приличнымъ и не заботился о мотивахъ отказа Антуанеты: онъ придавалъ имъ также мало значенія, какъ ея слезамъ и гнѣву, объясняя ихъ женской слабостью и тщеславіемъ. Не его была вина, если она относилась къ этому браку съ такой неумѣстной серьезностью. Онъ никогда не думалъ возвысить Антуанету надъ другими женщинами, какъ она воображала это въ своемъ безуміи, но также не хотѣлъ унижить ее этимъ бракомъ. Это была своего рода заботливость объ ея судьбѣ: онъ желалъ доставить ей опредѣленное положеніе въ свѣтѣ.

Антуанета должна была призвать на помощь всю свою гордость чтобы овладѣть собою.

Она слишкомъ долго жила въ заоблачномъ мірѣ, чтобы примириться съ печальной дѣйствительностью. Но она не подчинится чужой волѣ безъ борьбы. Прочь слезы и жалобы! Никто не долженъ видѣть ея страданій!

Она поднялась съ своего мѣста, и машинально, сама того не замѣчая, вышла изъ калитки въ ту часть сада, которая была доступна публикѣ.

Едва сдѣлала она нѣсколько шаговъ по уединенной аллеѣ, какъ увидѣла издали Эгберта, который шелъ ей на встрѣчу. Онъ также узналъ ее. Они остановились другъ передъ другомъ въ нѣмомъ удивленіи.

Антуанета, благодаря своей привычкѣ къ свѣту, скорѣе овладѣла собой и поздоровалась съ Эгбертомъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

— Графиня Антуанета! воскликнулъ наконецъ Эгбертъ, и, за

бывая разницу ихъ общественнаго положенія невольно протянулъ ей обѣ руки. При томъ душевномъ состояніи, въ которомъ находилась теперь Антуанета, это движеніе показалось ей вполнѣ естественнымъ; она дружески положила свою руку въ его руки. Присутствіе преданнаго человѣка оживило ее и согрѣло ея оледенѣвшую кровь. Она осыпала Эгберта вопросами, относительно его личной жизни со времени ихъ послѣдней разлуки, но ни разу не упомянула о графѣ Вольфсеггъ.

Когда Эгбертъ между прочимъ разсказалъ ей о своей встрѣчѣ съ Наполеономъ послѣ Асперна, она удивила его своимъ восклицаніемъ:

— Счастливецъ! Я завидую вамъ! Вы видѣли его униженіе!..

Окончивъ свой разсказъ, Эгбертъ невольно зашнулся, когда Антуанета спросила его о причинахъ, побудившихъ его пріѣхать въ Парижъ.

Она повторила свой вопросъ:

— Что вы дѣлаете тутъ? Можетъ быть вы также пріѣхали сюда чтобы поздравить эрцгерцогиню? Много австрійцевъ представлялось ей; она приняла ихъ очень милостиво.

— Мое незначительное общественное положеніе избавляетъ меня отъ необходимости видѣть нѣмецкую принцессу на престолѣ Наполеона. Это зрѣлище не можетъ доставить особеннаго удовольствія нѣмцу, который хотя сколько нибудь любить свое отечество. Я пріѣхалъ въ Парижъ по одному частному дѣлу.

— Если бы я случайно не встрѣтила васъ, мосье Геймвальдъ, то вы вѣроятно не сочли бы нужнымъ извѣстить меня о своемъ пріѣздѣ. Развѣ это та дружба, которую вы общали мнѣ!

— Мое обѣщаніе было дано при другихъ обстоятельствахъ. Житейское море бросило наши корабли въ разныя стороны.

— Но они опять встрѣтились.

— Только подъ другими флагами. Одинъ корабль смѣло несется впередъ; попутный вѣтеръ вздуваетъ бѣлоснѣжныя паруса...

— Это вашъ корабль, прервала Антуанета. Отъ другого остались одни изуродованные обломки, гонимые волнами.

— Вы ли это говорите, графиня Антуанета! сказалъ съ удивленіемъ Эгбертъ.

Онъ не кончилъ своей фразы. Взглянувъ пристальнѣе на свою собесѣдницу, онъ былъ пораженъ грустнымъ выраженіемъ ея лица, на которомъ еще видны были слѣды недавнихъ слезъ.

— Я страдаю бессонницей, сказала поспѣшно Антуанета, чтобы избѣжать вопроса съ его стороны. Это главная причина моей ранней прогулки... Мы уже давно бесѣдуемъ съ вами, но вы не сказали мнѣ ни слова о Магдаленѣ. Неужели она сердится на меня, что я такъ долго не писала ей? Но мое существованіе настолько безцвѣтно и пусто, не смотря на окружающій меня блескъ, что мнѣ трудно поддерживать переписку. Не случилось ли чего нибудь дурнаго съ Магдаленой? Ваше молчаніе начинаетъ беспокоить меня...

— Нѣтъ, Магдалена здорова. Ваше желаніе исполнилось, мы помолвлены... она въ Парижѣ.

— Въ Парижѣ! одна, безъ родныхъ!

— Графъ Вольфсеггъ съ нами...

Антуанета измѣнилась въ лицѣ. Глаза приняли мрачное, недовольное выраженіе.

Эгбертъ остановился въ замѣшательствѣ. Его молчаніе еще болѣе раздражило Антуанету.

— Дядя и мать повидимому забыли о моемъ существованіи. Развѣ я совершила какое нибудь преступленіе, оставшись въ Парижѣ! При своей исключительной, чисто нѣмецкой любви къ отечеству, они преувеличиваютъ вину мою и моего брата. Между тѣмъ тысячи людей сдѣлали то-же. Такъ поступилъ и дядя на Ваграмскомъ полѣ; онъ покорился сильнѣйшему.

— Но онъ не захотѣлъ протянуть ему руки въ знакъ примиренія.

— Можетъ быть вы требуете отъ меня раскаянія?

— Я ничего не требую, но только хочу объяснить поступокъ графа Вольфсегга.

— Какъ его здоровье?

— Онъ здоровъ, но упалъ духомъ.

— Вы съ Магдаленой скорѣе чѣмъ кто нибудь можете утѣшить его и возвратить ему надежду на лучшую будущность. Не краснѣйте. Я знаю тайну моего дяди.

— Ничто не заставитъ его забыть васъ, графиня Антуанета.

— Миѣ вѣроятно опять придется огорчить его. Вы нашъ общій другъ; и потому я желала бы узнать ваше мнѣніе... Меня хотятъ выдать замужъ за маркиза Цамбелли...

Она ждала удивленія и неудовольствія со стороны Эгберта; но вмѣсто этого она увидѣла выраженіе ужаса на его лицѣ.

— За маркиза Витторію Цамбелли! Кто же можетъ настаивать на этомъ бракѣ!

— Тотъ, чья воля всеильна—императоръ Наполеонъ!

— Онъ не можетъ требовать этого! Какой бы онъ ни былъ тиранъ, онъ вѣроятно не желаетъ вашего безчестія!

— Если бы Наполеонъ слышалъ эту фразу, то назвалъ бы васъ безумнымъ нѣмцемъ. Онъ не видитъ ничего безчестнаго въ томъ, что фрейлина его супруги выйдетъ замужъ за его фаворита. На противъ того онъ думаетъ осчастливить ее этимъ бракомъ.

— Но это невозможно. Императоръ не знаетъ, что этотъ человекъ убійца Жана Бурдона! Ваши родные должны вступить въ это дѣло. Графъ Вольфсеггъ, наконецъ я самъ—явима противъ него свидѣтелями на судѣ.

Волненіе Эгберта сообщилося Антуанетѣ. Онъ говорилъ такимъ увѣреннымъ тономъ, что трудно было усумниться въ истинѣ его словъ. Если обвиненіе будетъ доказано, то Антуанета могла не только

отказаться от ненавистнаго брака, но еще сказать Наполеону:—вотъ твои любимцы! Ты хотѣлъ отдать меня вору и убійцѣ!..

Но прежде чѣмъ сказать это, она должна узнать дѣло до малѣйшихъ подробностей. Эгбертъ едва успѣвалъ отвѣчать на ея вопросы.

— Типе, насъ подслушиваютъ, сказала вполголоса Антуанета. Я слышала шорохъ въ кустахъ.

Эгбертъ началъ прислушиваться. Ему тоже показалось, что кто-то пробирается въ кустарникѣ. Онъ оглянулся и увидѣлъ худощавую женскую фигуру, въ коричневомъ платѣ, которая тотчасъ-же скрылась за поворотомъ аллеи; онъ не могъ ее разглядѣть, но фигура показалась ему знакомой.

„Неужели это Кристель! подумалъ онъ съ безпокойствомъ. Какъ она могла попасть сюда?“

— Это вѣроятно какая нибудь нищая, сказала Антуанета, спокойнымъ голосомъ.

Эгбертъ не считалъ нужнымъ сообщать своей догадки Антуанетѣ и продолжалъ прерванный разговоръ; но мысль о Кристель не покидала его. Она исчезла изъ его дому въ тотъ самый день, когда онъ видѣлъ въ послѣдній разъ Цамбелли въ Шенбрунѣ. Сама ли она добровольно послѣдовала за нимъ или была увезена имъ насильно? Всѣ попытки отыскать пропавшую дѣвушку окончились полной неудачей. Если онъ не ошибся и это была дѣйствительно Кристель, то вѣроятно Цамбелли до сихъ поръ держитъ ее при себѣ изъ предосторожности, какъ свидѣтельницу или участницу его преступленія.

Эгбертъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что Кристель вѣроятно слышала весь его разговоръ съ Антуанетой и поспѣшитъ передать его Цамбелли, который такимъ образомъ успѣетъ принять мѣры и приготовиться къ нападенію. Въ случаѣ открытой борьбы всѣ шансы успѣха будутъ на его сторонѣ.

Они подошли къ повороту аллеи.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами, графиня, сказала Эгбертъ. Магдалена давно ожидаетъ меня.

— До свиданія, отвѣтила Антуанета, протягивая ему руку.

— Могу ли я сообщить графу Вольфсеггу о нашей встрѣчѣ?

— Если вы увѣрены, что онъ приметъ это извѣстіе благосклонно...

Говоря это, Антуанета вскрикнула и отскочила въ испугѣ. Передъ нею стояла блѣдная, исхудалая дѣвушка, съ распущенными волосами и черными, сверкающими глазами.

— Ты хочешь выйти за него замужъ! проговорила она съ яростью, хватая за руку Антуанету. Изъ за тебя онъ бросилъ меня, билъ какъ собаку! Ты...

Антуанета дѣлала напрасныя усилія, чтобы освободиться отъ костлявыхъ пальцевъ, судорожно сжимавшихъ ея правую руку.

— Кристель, опомнись! воскликнулъ Эгбертъ, взявъ ее за плечо.

Но она не обратила на него никакого вниманія и еще крѣпче вцѣпилась въ руку своей соперницы.

Антуанета, смущенная приключеніемъ, которое грозило обратить вниманіе публики, такъ какъ уже нѣсколько любопытныхъ слѣшило къ нимъ съ разныхъ сторонъ, сняла дорогой браслетъ съ своей руки и подала его Кристель.

Но та съ пренебреженіемъ бросила на землю богатый даръ.

— Ты не откупишься отъ меня! Я не отстану отъ тебя! Ты не выйдешь за него замужъ!.. кричала Кристель.

Эгберту удалось наконецъ освободить Антуанету.

— Кристель, сказалъ онъ наклоняясь къ ней, вспомни мельницу Рабенъ!

Громкое рыданіе вырвалось изъ груди обезумѣвшей дѣвушки. Она со стономъ упала на землю; съ нею начались судороги.

Антуанета воспользовалась этимъ моментомъ и убѣжала отъ жалкаго зрѣлища мученій, которыя она могла только усилить своимъ присутствіемъ.

Кругомъ Кристель собралась мало по малу большая толпа. Тутъ были и поденщики, работавшіе въ саду, гуляющая и празднующаяся публика, молодая женщины, старухи и уличные мальчишки.

— Это сумашедшая, сказалъ одинъ.

— Она цыганка, возразилъ другой. Я уже не разъ встрѣчалъ ее. Она поетъ цыганскія пѣсни.

— Можетъ быть это не она?

— Нѣтъ, это та самая, на дняхъ она пѣла въ погребкѣ „Краснаго льва“. Я сразу узналъ эту черную колдунью!

— Бѣдняжка! сказалъ кто-то изъ толпы. Вѣроятно ее соблазнилъ какой нибудь знатный баринъ и выбросилъ на улицу.

— Мы только что выломили эту сорную траву, а она опять выросла! замѣтила старуха съ наружностію мегеры. Изъ за чего мы хлопотали и дѣлали революцію?

— Ничто не измѣнится, пока на свѣтѣ будутъ богачи!

— Вы слышали, у австрійскаго посланника будетъ большой балъ.

— Это позоръ для Франціи! Мы проливали нашу кровь...

— Маленькій капраль сдѣлалъ порядочную глупость, прогнавъ отъ себя добрую Жозефину. Нашелъ на кого промѣнять ее!

— Дерется съ тестемъ, а женится на дочери.

— Теперь это въ модѣ. Держу пари, что негодяй, соблазвившій эту несчастную дѣвушку бросилъ ее, чтобы жениться на богатой.

Эгбертъ, видя, что не будетъ конца болтовнѣ, потерялъ терпѣніе и крикнулъ, обращаясь къ толпѣ:

— „Помогите же мнѣ, господа, отнести больную въ карету. Мы ее отвеземъ въ госпиталь. Кто достанетъ мнѣ карету, получить золотой

Соблазнъ получить золотую монету оказалъ свое дѣйствіе. Какой то работникъ тотчасъ побѣжалъ нанимать карету. Двое другихъ

подняли дѣвушку съ земли и понесли за Эгбертомъ. Остальные шли за нимъ издали, восхваляя великодушіе богатаго иностранца и втихомолку посмѣиваясь надъ его странными манерами.

Такъ кончилась счастливая жизнь, о которой мечтала бѣдная Кристель, въ тотъ день, когда рѣшилась бѣжать отъ Армгартовъ.

Первыя недѣли новой жизни показались ей какимъ то прекраснымъ сномъ. Цамбелли поручилъ ее старому слугѣ, который привезъ ее въ Парижъ, прежде нежели французскія войска выступили изъ Вѣны. Это путешествіе доставило ей нескончаемое удовольствіе. Каждый день она видѣла что нибудь новое; при этомъ не было ни работы, ни строгаго домашняго порядка. Сопровождавшій ее слуга былъ суровый, несообщительный человѣкъ, отъ котораго съ трудомъ можно было добиться нѣсколько словъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Но это было по сердцу Кристель, такъ какъ его присутствіе не мѣшало ей предаваться своимъ мыслямъ, которыя парили какъ ласточки при весеннемъ солнцѣ. Только по временамъ сердце ее боязливо замирало въ груди, когда она вспоминала, какъ дружелюбно относились къ ней Эгбертъ и Магдалена и какъ дурно отплатила она имъ за ихъ благодѣянія. Но тутъ воображеніе рисовало ей образъ Витторіо; и она опять чувствовала себя довольной и счастливой.

Парижъ привелъ ее еще въ большій восторгъ. Огромный, блистательный городъ, мишура, которой она могла украситься, произвели на нее свое дѣйствіе. Часто заходитъ шевалье въ ея маленькую квартиру въ городскомъ предмѣстьѣ, гдѣ хозяйка, старыя эльзасцы, съ трудомъ понимали ее, но старались всячески угодить ей, благодаря деньгамъ Витторіо.

Черная Кристель жила какъ въ чадѣ, среди чуждаго, непонятнаго и одурающаго міра, окружавшаго ее. Опьяненіе представляло для нея столько прелести, что она не хотѣла очнуться. Но, противъ ея воли любовь пробудила ее изъ умственнаго сна. Выведенная такимъ образомъ изъ состоянія полусознательнаго блаженства, она уже не могла вернуться къ мраку прежняго существованія. У ней явилось сознаніе дѣйствительности. Понять характеръ Витторіо она не могла, но для нея все болѣе и болѣе дѣлалось очевиднымъ, что онъ хочетъ во что бы то ни стало отдѣлаться отъ нея и что наступилъ конецъ ея счастью. Чувство самосохраненія заговорило въ ней; она не хотѣла безъ борьбы потерять человѣка, котораго она любила. Ея ревность раздражала его и приводила въ дурное расположеніе духа. Онъ мучилъ и билъ ее. Для него любовь была только средствомъ, чтобы выманить ее изъ дома Эгберта и имѣть въ своей власти единственную свидѣтельницу его преступленія. Теперь, когда его цѣль была достигнута, ничто не связывало его съ ней; онъ счелъ за лучшее бросить бѣдную, обманутую дѣвушку въ необъятную пропасть гигантскаго города. Всего лучше, если отчаніе доведетъ ее до само-

убійства. Ихъ связь держалась на волоскѣ; не трудно было порвать ее. Мало по малу онъ прекратилъ свои посѣщенія. Изъ остатка страданія онъ подарилъ ей однажды кошелекъ съ золотыми, зная, что это только временная помощь и что скоро нужда вступить въ свои права.

Быстро была поднята Кристель на высоту своего счастья, но еще быстрѣ слетѣла она внизъ. Цѣлыя недѣли ждала она его ежеминутно днемъ и ночью. Можетъ быть онъ боленъ или уѣхалъ изъ Парижа? Гдѣ найти его въ огромномъ городѣ, среди людей, говорящихъ на чуждомъ ей языкѣ, на которомъ она едва выучила нѣсколько словъ? Ея хозяева не знали гдѣ онъ и не хотѣли помочь ей въ поискахъ. Имъ казалось вполне естественнымъ, что простая дѣвушка такъ скоро наскучила знатному господину. Если она осталась безъ всякихъ средствъ, то кто виновать, что въ дни счастья она не съумѣла обеспечить свою будущность. Ее выгнали на улицу. Блуждая по городу съ утра до поздней ночи, она просила милостыню, нѣла въ шинкахъ. Инстинктъ бродяги помогалъ ей отыскивать себѣ ночлегъ. Прошлую ночь она провела въ будкѣ, гдѣ садовники складывали свои инструменты и поднявшись съ разсвѣтомъ бродила по саду безъ определенной цѣли. До ея слуха долетѣли нѣмецкія слова. Она стала прислушиваться и узнала голосъ Эгберта, который разговаривалъ съ графомъ Вольфсеггъ. Ей хотѣлось дождаться удаленія графа, чтобы подойти къ своему бывшему господину и молить его о помощи и защитѣ. Но тутъ появленіе нарядной дамы остановило ее. Она услышала имя Витторіо Цамбелли. Все помутилось въ ея головѣ, когда она узнала страшную новость...

Ее везутъ въ госпиталь въ rue Tarante, противъ дома, гдѣ живетъ Веньяминъ Бурдонъ. Безсознательно, какъ ребенокъ, покоится она на рукахъ женщины, нанятой Эгбертомъ. Онъ самъ сидитъ напротивъ, но неподвижныя, стеклянныя глаза несчастной дѣвушки не узнаютъ того, котораго она въ былые дни называла своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Г Л А В А II.

— Здѣсь вы можете слѣдить за ходомъ нашего разговора и выйти къ намъ въ удобную минуту, сказалъ Веньяминъ Бурдонъ, приглашая графа Вольфсегга и Магдалену въ свою бібліотеку, которая была рядомъ съ зеленой залой, гдѣ висѣла голова Медузы надъ зеркаломъ.

Тюремное заключеніе въ башнѣ Vincennes начертило нѣсколько преждевременныхъ морщинъ на тонко очерченномъ лицѣ Бурдона, но въ общемъ наружность его нисколько не измѣнилась.

Съ графомъ онъ держалъ себя крайне сдержанно и видимо избѣгалъ всякой короткости, но Магдалена съ перваго раза очаровала его своимъ умомъ и простотой обращенія. Онъ интересовался ею, какъ невѣстой своего друга и находилъ, что ея жизнь представляетъ много общаго съ его судьбой. Она также была жертвой предразсудковъ, которые лишили ее положенія въ свѣтѣ, принадлежавшаго ей по рожденію.

— Если при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ должны существовать сословія, сказалъ онъ однажды Эгберту, то Магдалена не хуже другихъ выполнила бы роль маркизы Гондревилль. Бѣдные охотно обращались бы къ ней за помощью; она не оскорбляла бы ихъ своей напыщенностью и тщеславіемъ, между тѣмъ какъ Антуанета...

Онъ не кончилъ своей рѣчи изъ боязни огорчить Эгберта.

Если при своемъ нерасположеніи къ аристократамъ онъ самъ вывался примирить графа съ пѣвицей, то этому съ одной стороны способствовала его дружба къ Магдаленѣ и Эгберту, а съ другой—желаніе унижить гордаго дворянина.

Графъ Вольфсеггъ, не смотря на непріятную вѣсть о предполагаемомъ бракѣ Антуанеты и безпокойство, которое онъ испытывалъ въ ожиданіи предстоящаго свиданія, употреблялъ всѣ усилія чтобы поддержать разговоръ. Бурдонъ отвѣчалъ односложными словами. Магдалена казалась печальнѣе обыкновеннаго. Къ заботамъ о собственной судьбѣ присоединилось сожалѣніе о Кристель. Бурдонъ, внимательно осмотрѣвшій больную, не могъ сообщить ей ничего утѣшительнаго. Разсудокъ бѣдной дѣвушки помрачился отъ сильныхъ, вынесенныхъ ею страданій; здоровье было надорвано крайней нуждой и случайными ночлегами.

Вошелъ Эгбертъ. Первый его вопросъ былъ о Кристель.

Бурдонъ отвѣтилъ, что не надѣется на ея выздоровленіе.

— Неужели, добавилъ онъ съ горечью,—никакая кара не постигнетъ негодяя, погубившаго это несчастное существо? Между тѣмъ здравый разсудокъ приводитъ меня къ убѣжденію, что эта исторія сойдетъ ему съ рукъ, какъ и смерть моего отца. Законъ безсильенъ противъ людей, которымъ покровительствуетъ Бонапартъ.

— Брядъ ли императоръ станетъ держать около себя человѣка, противъ котораго существуютъ подобныя обвиненія, возразилъ Эгбертъ. — Нужно только, чтобы кто-нибудь выяснилъ ему личность Цамбелли.

Графъ Вольфсеггъ недоувѣрчиво покачалъ головой.

— Какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, сказалъ онъ, французскій императоръ поступитъ такъ, какъ ему будетъ выгоднѣе. Если Цамбелли еще нуженъ ему, то ничто не заставитъ его прогнать отъ себя этого человѣка; если же Наполеонъ выжалъ изъ него все, что хотѣлъ, то воспользуется первымъ предлогомъ, чтобы бросить его какъ негодный лимонъ.

— Злодѣй никогда не отступится отъ своего сообщника, замѣтилъ Бурдонъ.—Тирану нужны убійцы! Напрасно думаютъ, что Наполеонъ успокоится на лаврахъ около своей молодой супруги. Онъ скоро опять сядетъ на лошадь. Только въ походѣ онъ чувствуетъ себя бодрымъ и здоровымъ. Если продолжится миръ, онъ растолстѣетъ какъ Вителлій и умретъ отъ ожиренія. Наша пріятельница Ленорманъ вполне постигла связь между его тѣлесными свойствами и душевными наклонностями и сообразно съ этимъ предсказала ожидавшую его судьбу.

— Это очень любопытно! воскликнулъ съ живостью Эгбертъ.— Расскажите намъ, что ожидаетъ Наполеона. Все, что предсказала мнѣ эта странная женщина исполнилось въ точности...

— И вы теперь безгранично вѣрите каждому ея слову, прервалъ его Бурдонъ;—но вы забыли, что до сихъ поръ исполнилась только половина ея предсказанія.

— Остается еще пожаръ, въ которомъ императрица Жозефина...

— Предсказаніе уже потому не имѣетъ значенія, сказалъ Бурдонъ, что мы не дослушали его. Оракулъ былъ прерванъ тогда неожиданнымъ прибытіемъ Наполеона. Я понялъ такимъ образомъ, что Жозефина будетъ спасена вами изъ пожара. Но Жозефина больше не императрица.

— Быть можетъ Ленорманъ намекала на нынѣшнюю императрицу? замѣтилъ графъ Вольфсеггъ.

— Не думаю, хотя гадальщица въ тотъ вечеръ, о которомъ я упоминалъ, предсказывая судьбу Наполеона, прямо назвала австрійскую принцессу. Тутъ также на сценѣ пожаръ.

— Однако вы до сихъ поръ не рассказали намъ, въ чемъ состоитъ это предсказаніе, сказала Магдалена, у которой сердце боязливо билось отъ ежеминутнаго ожиданія звонка. Она надѣялась, что рассказъ Бурдона отвлечетъ ея мысли отъ настоящаго.

— Извольте, я передамъ вамъ въ точности все, что мнѣ самому извѣстно. Я слышалъ это отъ очевидца — Дероне, слѣдовательно изъ самаго вѣрнаго источника. Въ декабрѣ прошлаго года у Ленорманъ собралось однажды вечеромъ избранное общество: нѣсколько придворныхъ дамъ, два *si-devant* графа и одинъ маркизъ. Дероне, разумѣется, не былъ изъ числа приглашенныхъ, но онъ былъ посланъ Фуше для наблюденій и хозяйка дома не осмѣлилась отказать ему въ пріемѣ. Онъ скромно стоялъ въ углу просторной комнаты и вдали отъ стола, на которомъ гадальщица раскладывала карты. Всѣ жаждали узнать отъ нея не столько участь Франціи, сколько личную судьбу Наполеона. Начало вечера прошло въ скучныхъ, ничего не выражающихъ разговорахъ, которыми умная женщина намѣренно старалась утомить своихъ слушателей. Но мало по малу карточные духи начали овладѣвать ею; голосъ ея сдѣлался едва слышнымъ, движенія порывистыми. Тутъ она предсказала женитьбу Наполеона на эрцгерцогинѣ, рожде-

ніе императорскаго принца и войну съ Россією. Легковѣрные поклонники гадалщицы были поражены ея словами, но пока они не произвели никакого впечатлѣнія на Дероне.

— „Императоръ, продолжала Ленорманъ нерѣшительнымъ, дрожащимъ голосомъ, идетъ все дальше и дальше черезъ рѣки, лѣса и степи; большой городъ въ его рукахъ, онъ уже считаетъ себя властелиномъ міра, но вотъ поднимается зарево необъятнаго, неугасимаго пожара. Городъ уничтоженъ; Наполеонъ долженъ отступить. Непрiятель гонится по его пятамъ; отступление имѣетъ видъ постыднаго бѣгства. Я вижу, какъ противъ него возстаютъ всѣ народы и монархи Европы, гроза надвигается все ближе и ближе къ границамъ Франціи. Наѣзники съ Кавказа и Урала гарцуютъ на парижскихъ площадяхъ. Императоръ увезенъ на уединенный островъ среди океана и скрытъ отъ взоровъ людей...“

— Вы можете себѣ представить, какое дѣйствіе произвели эти слова на слушателей! Всѣ тотчасъ же обратились въ бѣгство, проклиная себя за неумѣстное любопытство, хотя въ сущности всѣ были одинаково довольны предсказаніемъ и убѣждены, что гадалщица посвящена въ тайны человѣческихъ судебъ. Дероне говорилъ, что онъ послѣ этого нѣсколько дней не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, которое на него произвела эта женщина своими пророчествами. Ленорманъ, разумѣется, говорила все это подъ вліяніемъ видѣннаго сна и въ полусознательномъ состояніи, потому что въ здоровомъ разсудкѣ никто не рѣшится говорить вслухъ подобныя вещи. Дероне сдѣлалъ докладъ Фуше въ общихъ чертахъ и только мимоходомъ упомянулъ о предсказаніи Ленорманъ, рассчитывая на скромность ея гостей. Потому ли, что ихъ было слишкомъ много, или нѣкоторые изъ нихъ рассказали о случившемся своимъ близкимъ, но во всякомъ случаѣ исторія получила огласку и дошла до свѣдѣнія императора. Онъ удовольствовался тѣмъ, что изгналъ изъ Парижа прорицательницу, которая благодаря ненависти императора, войдетъ еще въ большую славу.

Разсказъ Бурдона произвелъ глубокое впечатлѣніе на его слушателей, но онъ самъ не придавалъ никакого значенія словамъ гадалщицы. По его мнѣнію, это была не болѣе, какъ болтовня болѣзненно возбужденной женщины, которая къ фактамъ дѣйствительной жизни примѣшиваетъ образы, созданные ея неудержимой фантазіей.

Эгбертъ горячо возсталъ противъ такого объясненія. Между обоими пріятелями завязался оживленный споръ, который былъ неожиданно прерванъ громкимъ звонкомъ.

— Мы когда нибудь возобновимъ этотъ споръ въ болѣе удобное время, сказалъ Бурдонъ. Какъ бы ни былъ суровъ и печаленъ міръ фактовъ, но среди его я чувствую себя гораздо лучше, чѣмъ въ области сновидѣній. Не падайте духомъ, моя дорогая пріятельница, добавилъ онъ, обращаясь къ Магдаленѣ.

Онъ вышелъ съ Эгбертомъ въ сосѣднюю комнату. Магдалена и графъ остались въ библіотекѣ.

Высокая крыша госпиталя, стоявшаго противъ оконъ квартиры Бурдона, освѣщалась послѣдними лучами заходящаго солнца, слабый красноватый отблескъ наполнялъ библіотечную комнату, отражаясь на длинныхъ рядахъ книгъ.

— Да, это она, сказалъ задумчиво графъ Вольфсеггъ, услышавъ голосъ Атенаисъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Однако у васъ странный способъ обращаться съ друзьями, сказала громко пѣвица, поздоровавшись съ Бурдономъ. Вы заставляете дамъ дѣлать вамъ визиты. Меня это нисколько не смущаетъ. Я могла бы быть вашей старшей сестрой и, вдобавокъ, вы имѣете полное право требовать отъ меня что хотите, потому что вы спасли мнѣ жизнь. Но вы пригласили меня такимъ таинственнымъ способомъ, что мнѣ пришло въ голову, не приготовили ли вы мнѣ какого нибудь сюрприза.

— Вы не ошиблись. Имѣю честь представить вамъ вашего пріятеля Геймвальда. Вы, вѣроятно, не ожидали увидѣть его?

Онъ подвелъ къ ней Эгберта, который стоялъ въ дверяхъ библіотеки, за портьерой.

Лицо Атенаисъ просвѣтлѣло отъ радости. Не стѣснясь присутствіемъ Бурдона, она встрѣтила Эгберта съ открытыми объятіями и прижала къ своей груди.

— Вы опять въ Парижѣ! Очень рада видѣть васъ, проговорила она скороговоркой. Я все время сердилась на васъ, что вы уѣхали не простившись со мной и въ продолженіе цѣлаго года не написали мнѣ ни одного письма, не смотря на ужасы, которые совершались у васъ въ Австріи. Этотъ Наполеонъ настоящее чудовище... Не пугайтесь, мы здѣсь одни; эта голова Медузы не сдѣлаетъ доноса. Во времена терора мы знали, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ убиваютъ людей! Тогда гибли одни только измѣнники и аристократы; они дѣйствительно стоили тюремнаго заключенія и гильотины. Но битвы этого тирана не имѣютъ никакой цѣли и тяготятъ всѣхъ. Мы съ вами Бурдонъ, вышли сухи изъ воды и теперь обречены на роль безучастныхъ зрителей. Что дала намъ послѣдняя война? Удовольствіе видѣть новую Марію Антуанету на французскомъ престолѣ!

— Вы не должны сердиться на мадемуазель Дешанъ, Эгбертъ, сказалъ Бурдонъ. Она бранитъ австрійцевъ изъ преданности къ Жозефинѣ.

— Да, Жозефина всегда правилась мнѣ. Эта женщина по моему вкусу, добродушная, нѣжная, страстная, а не холодная равнодушная кукла; она также отдала дань молодости какъ и другіе люди.

— Жаль только, что она немного суевѣрна, замѣтилъ шутя Венъяминъ, чтобы подразнить Дешанъ.

— Это еще не преступленіе. Я сама суевѣрна. Вотъ, напримѣръ,

когда я прошлой весной встрѣтила въ Тюльерійскомъ саду нашего прекраснаго Іосифа—сказала Атенаисъ, указывая на Эгберта, я тотчасъ же подумала, что онъ принесетъ мнѣ счастье. Не смѣйтесь Бурдонъ! О любви не можетъ быть и рѣчи. Но дѣло въ томъ, что до этого момента я ненавидѣла всѣхъ австрійцевъ и одного человѣка больше всѣхъ. Но нашъ общій другъ заставилъ меня на половину перемѣнить мнѣніе.

— Можетъ быть мнѣ удастся окончательно разувѣрить васъ, сказалъ Эгбертъ.

Черные глаза Атенаисъ блеснули, но она ничего не отвѣтила и продолжала свой разговоръ съ Бурдономъ.

— Можетъ быть вы и это называете суевѣріемъ, но я ни за что не стала бы жить въ этомъ домѣ. Самый видъ госпиталя наводитъ на меня тоску, когда я проѣзжаю мимо него. Изъ этого окна виденъ дворъ. Какой онъ пустой и печальный! Я не желала бы очутиться здѣсь и послѣ смерти. На вашемъ мѣстѣ Бурдонъ, я не спала бы порядочно ни одной ночи, а въ полночь вздрагивала бы отъ всякаго стука въ дверь или упавшаго кирпича, ожидая, что ко мнѣ явится привидѣніе. Даже присутствіе интересной больной врядъ ли удержало бы меня.

— Какой больной?

— Вы дѣлаете видъ, что ничего не знаете! Но вы меня не увѣрите, что до васъ не дошли слухи о больной, которую молодой иностранецъ привезъ сегодня утромъ въ госпиталь. Или быть можетъ вамъ не показали ее? Теперь уже весь Парижъ говоритъ объ этомъ.

— Я все таки не понимаю въ чемъ дѣло.

Бурдонъ сдѣлалъ знакъ Эгберту, чтобы онъ не выдавалъ его. Эгбертъ тѣмъ охотнѣе исполнилъ его желаніе, что всѣ его мысли были поглощены Магдаленой. Онъ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что разговоръ все болѣе и болѣе удаляется отъ цѣли и живо представлялъ себѣ всѣ мученія, которыя должна была въ это время испытывать Магдалена.

— Мой дорогой Бурдонъ, я разувѣтса могу передать вамъ только сотую долю того, о чемъ толкуютъ въ Парижѣ. Эта уличная пѣвица сдѣлалась героиней дня. Она остановила важную даму въ Тюльерійскомъ саду. Вы спросите: съ какою цѣлью? Но это обыкновенная исторія. Какой то богатый господинъ соблазнилъ бѣдняжку и бросилъ ее изъ-за придворной дамы.

— Въ этомъ и заключается вся исторія?

— Разувѣтса нѣтъ! О такихъ вещахъ и говорить не стоитъ. Я сама была когда-то въ подобномъ положеніи, а теперь, мнѣ даже смѣшно вспомнить мое тогдашнее отчаяніе. Не она первая и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Исторія эта имѣетъ совсѣмъ другого рода интересъ. Говорятъ, что любовникъ несчастной дѣвушки совершилъ какое-то преступленіе и она знала объ этомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, но объ этомъ говорятъ втихомолку; можетъ быть тутъ нѣтъ и слова правды. Одно несомнѣнно, что императоръ видѣлъ приключеніе изъ окна. Чему вы смѣтесъ, Бурдонъ? Мадемуазель Марсъ публично рассказывала это на бульварѣ. Вы знаете, она ненавидитъ эту даму, маркизу Гондревилль...

— Вы говорите, что императоръ видѣлъ все изъ окна? спросилъ Эгбертъ.

— Я передаю то, что слышала. Однако простите мою неосторожность. Вы знакомы съ дамой, о которой идетъ рѣчь. Я не хотѣла огорчать васъ, мосье Геймвальдъ. Но что дѣлать, эти знатныя дамы хотя и называются герцогинями и маркизами, но ничѣмъ не лучше насъ актрисъ. Напротивъ, ихъ хроника еще скандальнѣе нашей.

Въ библиотечной комнаткѣ послышался какой-то возгласъ. Онъ вырвался изъ груди графа Вольфсегга. Ему было невыносимо слышать, что его племянница, Гондревилль-Вольфсеггъ, сдѣлалась предметомъ праздныхъ толковъ бульварной публики. Хотя онъ считался въ Австріи однимъ изъ самыхъ свободомыслящихъ людей и чуть ли не якобинцемъ, но въ настоящемъ случаѣ гордость аристократа заговорила въ немъ.

Атенаисъ вздрогнула, услыхавъ возгласъ графа Вольфсегга и стала прислушиваться.

— Что это такое? спросила она встревоженнымъ голосомъ.

— Не знаю, отвѣтилъ равнодушно Веньяминъ и желая отвлечь вниманіе своей собесѣдницы добавилъ:— слухи оказались не совсѣмъ точными, мадемуазель Атенаисъ. Я знаю больную, равно какъ и мосье Геймвальдъ.

— Мосье Геймвальдъ?

— Онъ собственно и есть тотъ молодой иностранецъ, который, привезъ несчастную въ госпиталь. Эта дѣвушка его соотечественница; ее соблазнилъ французскій офицеръ, за которымъ она послѣдовала въ Парижъ.

— Значитъ она изъ Вѣны? спросила Дешанъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Несомнѣнно, эта дѣвушка жила въ домѣ Геймвальда.

— Въ вашемъ домѣ! воскликнула Атенаисъ, обращаясь къ Эгберту. Ради Бога скажите, неужели это правда? или Бурдонъ безсовѣстно издѣвается надо мной!

Глаза ея расширились отъ испуга; она вся дрожала.

— Бурдонъ говоритъ правду, мадемуазель Атенаисъ. Я дѣйствительно пріютилъ это бѣдное, запуганное существо. Къ сожалѣнію намъ не удалось привязать ее къ себѣ. Однажды ночью она неожиданно оставила нашъ домъ. Но я не понимаю, почему ея судьба тревожитъ васъ такимъ образомъ? Мнѣ кажется, что посторонніе люди ничего не могутъ чувствовать къ ней кромѣ состраданія.

Эгбертъ бросилъ недовольный взглядъ на своего друга. Неужели

Бурдонъ хочетъ увѣрить Атенаисъ, что несчастная дѣвушка ея дочь, съ тѣмъ чтобы привести ее въ отчаяніе и затѣмъ порадовать появленіемъ Магдалены и устроить такимъ образомъ примиреніе пѣвицы съ ея бывшимъ возлюбленнымъ! Планъ этотъ казался ему слишкомъ замысловатымъ, такъ какъ по его мнѣнію дѣло можно было устроить гораздо проще, безъ напрасныхъ терзаній для Атенаисъ.

Но Дешанъ замѣтила взглядъ Эгберта и при своей впечатлительности истолковала его въ обратномъ смыслѣ.

— Вы скрываете отъ меня истину! воскликнула она взволнованнымъ, умоляющимъ голосомъ. Я напрасно рассчитывала на вашу дружбу, мосье Эгбертъ. Помните ли вы ту исторію, которая привела меня въ отчаяніе годъ тому назадъ? Я повѣрила словамъ этого хвастуна, но потомъ убѣдилась, что онъ оклеветалъ Магдалену и окончательно успокоилась, зная что она у васъ въ домѣ. Я надѣялась... Но какъ бы ни были безумны надежды матери, такъ естественно желать всего лучшаго для тѣхъ, кого мы любимъ! Теперь все кончено! Сведите меня къ вашей больной, Бурдонъ; я буду проводить дни и ночи у ея постели. Ласки матери утѣшатъ ея въ потерю любимаго человѣка. Я не имѣю права ни жаловаться, ни упрекать ее. Стоитъ мнѣ только вспомнить мою собственную молодость. Зачѣмъ вы медлите, Бурдонъ? Быть можетъ она мучится въ эту минуту; наемныя сидѣлки окружаютъ ее... Но что это такое! Я слышала вздохъ, кто-то плачетъ; она вѣрно въ этой комнатѣ—не удерживайте меня! Я здѣсь Магдалена!..

Внѣ себя отъ безпокойства Дешанъ вскочила съ мѣста и бросилась къ двери, но отступила назадъ, увидя передъ собой незнакомую, стройную фигуру дѣвушки, стоявшую на порогѣ.

— Я ваша дочь! проговорила съ смущеніемъ Магдалена, протягивая ей обѣ руки.

Атенаисъ не двигалась съ мѣста. Она была въ такомъ отчаяніи, при мысли о болѣзни и несчастіи дочери, что сердце ея отказывалось вѣрить дѣйствительности. Неужели эта нарядная, хорошенькая дѣвушка съ приличными манерами, полными достоинства, можетъ быть ея дочерью!

— Не отталкивайте меня! проговорила Магдалена сквозь слезы.

— Позвольте мнѣ представить ее вамъ, Атенаисъ! сказалъ графъ Вольфсеггъ, выходя изъ библіотеки. Это наша дочь. Не откажите ей въ тѣхъ ласкахъ, которыми вы хотѣли утѣшить ту несчастную обманутую дѣвушку. Необходимость заставила меня отнять у васъ ребенка; вы видите ее теперь взрослой дѣвушкой. Оставаясь съ вами, она быть можетъ также поступила бы на сцену и испытала всѣ превратности судьбы. Я не думаю упрекать васъ, но вы сами врядъ ли будете оспаривать это. Я не доставилъ ей ни блеска, ни почестей, но взявъ этого сберегъ ее и далъ хорошее, хотя бюргерское воспитаніе. Несомнѣнно цвѣты разцвѣтаютъ еще роскошнѣе послѣ бури и не рѣдко талантъ развивается во всемъ блескѣ въ борьбѣ съ нуждой и

тяжелыми обстоятельствами жизни; вы сами доказываете это своимъ примѣромъ, Атенаисъ. Но не слѣдуетъ ставить дѣвушку въ зависимость отъ подобныхъ условій, рассчитывая во что бы то ни стало на успѣхъ. Я хотѣлъ обеспечить будущность моего ребенка. Простите то горе, которое я причинилъ вамъ тогда. Я до сихъ поръ держусь того убѣжденія, что только скромное положеніе въ свѣтѣ можетъ гарантировать намъ счастье. Мнѣ кажется, что я вдвойнѣ достигъ своей цѣли. Каждая мать можетъ гордиться такой дочерью!.. Магдалена любитъ одного молодого человѣка, и знаетъ его много лѣтъ; онъ предлагаетъ ей свое сердце и имя. Любовь ихъ не похожа на ту страсть, которую мы чувствовали нѣкогда другъ къ другу; это спокойная, тихая привязанность, какую способны испытывать одни нѣмцы. Просите ея согласія, Эгбертъ; отъ этого зависитъ ваше счастье. Помогите мнѣ успокоить оскорбленное сердце матери и женщины.

Простота и чувство собственного достоинства, которыми была проникнута рѣчь графа Вольфсегга тронули впечатлительную французенку. Она горячо обняла Магдалену и прижала къ своему сердцу.

— Моя дорогая! проговорила съ рыданіемъ Атенаисъ, какъ я счастлива, что вижу тебя! Какая ты хорошенькая! Неужели ты сама пожелала видѣть меня?

— Я не рѣшалась выйти замужъ безъ вашего согласія, сказала краснѣя Магдалена, смущенная порывистыми движеніями и горячностью матери.

— Развѣ я могла желать лучшаго мужа моей дочери! отвѣтила Дешанъ, взглянувъ на Эгберта съ ласковой улыбкой.

— Но вы не должны больше сердиться на моего отца, сказала Магдалена.

— Она уже простила меня, возразилъ графъ Вольфсеггъ. Да будетъ миръ между нами, Атенаисъ. Мы пережили вмѣстѣ безумныя, но хорошія минуты. Ни вы, ни я не забудемъ ихъ. Я радъ, что хотя на закатѣ нашихъ дней мы опять встрѣтились съ вами.

— Мой дорогой Ульрихъ! воскликнула Дешанъ, протягивая ему руку. Вотъ вамъ моя рука въ знакъ дружбы!.. Вы видите, добавила она, обращаясь къ Бурдону, что это за тиранъ! Онъ всегда былъ такой и всѣхъ заставлялъ покоряться своей волѣ. Я не разъ думала, что если бы между дворянами нашлось дюжины двѣ подобныхъ господъ, какъ этотъ упрямый графъ, они положили бы конецъ революціи.

— Или устроили бы республику Вашингтона, возразилъ Бурдонъ, и мы были бы избавлены отъ Наполеона!

Слуга зажегъ свѣчи. Бурдонъ съ улыбкой взглянулъ на своихъ гостей. Всѣ казались довольными и счастливыми. Завязался непринужденный разговоръ, прерываемый веселымъ смѣхомъ и громкими выраженіями радости Атенаисъ, которая не могла прійти въ себя отъ счастья.

Въ этотъ же самый часъ, среди наступающихъ сумерекъ, маркизь Витторіо Цамбелли безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по аллеямъ сада, примыкавшаго къ его дому въ *Chaussée d'Antin*. Этотъ дорого стоящій домъ, богато изукрашенный внутри и снаружи, по словамъ враговъ Цамбелли былъ купленъ имъ на „деньги, утаенныя во время австрійской войны“.

Сдѣлавшись маркизомъ и адъютантомъ императора, обладая большими помѣстьями, Цамбелли достигъ цѣли своихъ стремленій, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся получить руку Антуанеты, что было его заветной мечтой въ теченіи многихъ лѣтъ. Но тутъ онъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами. Слухъ о заключеніи въ Тюльерійскомъ саду тотчасъ дошелъ до него и притомъ съ разными комментаріями.

Легкомысленное и живое населеніе Парижа, быстро переходя отъ одного впечатлѣнія къ другому, жадно хватается за всякую новость, которая могла бы подать поводъ къ празднымъ толкамъ. При Наполеонѣ вниманіе парижанъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, было обращено на мелкія событія частной жизни, скандалы и анекдоты двора и театральнаго міра, такъ какъ запрещено было говорить публично о вопросахъ, касающихся политики. Благодаря этому, исторія загадочной нищей немедленно разнеслась по городу. Особенный интересъ ея заключался въ той роли, которую играла въ ней фрейлина молодой императрицы. Имя маркизы Гондревилль повторялось съ злобной усмѣшкой. Многіе, особенно дамы, радовались ея униженію. Представительницы старинной французской аристократіи не могли простить ей то видное положеніе, которое она занимала при французскомъ дворѣ; остальные ненавидѣли Антуанету за ея гордость. Никто не рѣшался говорить объ ея отношеніяхъ къ Наполеону, но они возбудили неудовольствіе и ревность мадемуазель Марсъ, которая воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы отомстить своей соперницѣ. Если Наполеонъ всюду имѣлъ своихъ шпионовъ, то съ другой стороны за нимъ слѣдили еще внимательнѣе. Всего усерднѣе въ этомъ отношеніи были дворцовые камердинеры. Подмѣчая даже самыя ничтожныя обстоятельства изъ жизни Наполеона они сообщали свои наблюденія публикѣ, которая придавала значеніе первой важности всему, что прямо или косвенно касалось императора. Этимъ способомъ узнала мадемуазель Марсъ, а черезъ нее и весь рододъ, что вслѣдъ за спеной въ саду Наполеонъ очень долго разговаривалъ съ маркизой Гондревилль.

Всѣ эти извѣстія произвели подавляющее впечатлѣніе на маркиза Цамбелли. Ему не трудно было объяснить себѣ нѣкоторыя, не совсемъ ясныя подробности. Противъ его ожиданія Кристель не умертвила себя и не пала жертвой тѣхъ искушеній, которыми такъ богаты Новый Вавилонъ. Непрошенная свидѣтельница его преступленія осталась жива и можетъ погубить его. Она вѣроятно узнала отъ кого

нибудь о предполагаемомъ бракѣ, и выждавъ удобную минуту заявила о своихъ правахъ Антуанетѣ. Кто знаетъ, что наговорила она противъ него въ припадкѣ безумной ревности? Онъ уже почти достигъ цѣли своихъ желаній и теперь все обрушилось! Вмѣсто блестящаго приза, который онъ считалъ достойной наградой своихъ усилій, его ожидала ссылка на галеры.

Голова его шла кругомъ; онъ не видѣлъ исхода изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился. Одну минуту ему удалось успокоить себя тѣмъ, что Наполеонъ до сихъ поръ не потребовалъ его къ себѣ. Но онъ зналъ, какъ ловко умѣлъ Наполеонъ прикинуться ничего незнающимъ и какъ терпѣливо и долго выждалъ удачнаго момента чтобы нанести ударъ. Еще со времени его возвращенія изъ Испаніи въ 1809 году паденіе Фуше было для императора вопросомъ рѣшеннымъ. Но только на дняхъ разразилась буря. Генераль Савари былъ назначенъ министромъ полиціи, а Фуше отправленъ въ изгнаніе съ почетнымъ титуломъ римскаго губернатора. Но на подобный исходъ не могъ рассчитывать Витторіо въ случаѣ противнаго вѣтра. Наполеонъ долженъ былъ щадить Фуше, но съ нимъ онъ не станетъ церемониться и отбросить отъ себя какъ неприятную и опасную гадину.

Витторіо не былъ трусомъ; ему стало досадно за то уныніе, которое овладѣло его сердцемъ. Неужели Антуанета повѣритъ словамъ сумасшедшей дѣвушки? спрашивалъ онъ себя. Можетъ быть обо мнѣ даже не было и рѣчи и всѣ эти подробности придуманы праздною публикой! Развѣ не могло дѣло произойти напимѣръ такимъ образомъ: нищая обратилась къ нарядной дамѣ съ просьбой о милостынѣ. Лицо ея показалось дамѣ знакомымъ. Какъ бы ни измѣнилась Черная Кристель, но Антуанета могла узнать ее, такъ какъ не разъ видала ее въ окрестностяхъ замка Зебургъ. Если она назвала по имени несчастную, то съ Кристель отъ испуга могли сдѣлаться судороги...

Но такъ ли было въ дѣйствительности? Цамбелли рѣшилъ во что бы то ни стало разъяснить этотъ вопросъ до слѣдующаго утра, потому что завтра день его дежурства при императорѣ.

Цамбелли одѣлся въ самое простое платье, чтобы не обращать на себя вниманіе прохожихъ. Прежде всего онъ отправился къ хозяевамъ, у которыхъ жила Кристель, въ надеждѣ узнать чтонибудь объ ея судьбѣ съ того времени, какъ она оставила ихъ. Изъ ихъ безсвязной болтовни онъ узналъ только одно, весьма важное для него обстоятельство, что даже въ минуты самаго сильнаго гнѣва Кристель ни разу не произнесла противъ него ни одного слова упрека. Неужели она будетъ откровеннѣе съ Антуанетой! Это казалось ему невѣроятнымъ; но уже прошло два мѣсяца съ того времени, какъ хозяева выгнали Кристель, а въ такой срокъ нужда и горе могли ожесточить ее и поддѣйствовать на ея разсудокъ.

Выйдя на улицу, Цамбелли не зналъ на что рѣшиться: пойти ли

въ госпиталь на улицѣ Таганне или къ отелю Мартиньи, гдѣ онъ надѣялся встрѣтить Антуанету... Можетъ быть его допустить къ постели Кристель...

Какъ бы хорошо было, если бы она, увидя его, умерла отъ испуга!

Опасность явилась съ той стороны, гдѣ онъ менѣе всего ожидалъ ее. Теперь уже поздно было упрекать себя за неосторожность. Дѣло шло о жизни и смерти. Если бы Кристель была безъ пріюта онъ отыскалъ бы ее на улицахъ Парижа, но въ госпиталь она была отдалена отъ него цѣлою пропастью. Несчастливая дѣвушка, отданная на попеченіе общественной благотворительности при такихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ неизбѣжно должна была возбудить участіе и любопытство публики. Помимо докторовъ и сестеръ милосердія полиція и газеты не упустятъ ее изъ виду.

Дорого бы далъ Цамбелли чтобы узнать—кто привезъ нищую въ госпиталь въ наемной каретѣ? Ему говорили, что какой то иностранецъ. Почти навѣрное можно было предположить, что это былъ нѣмецъ, потому что иначе Кристель не сѣмѣла бы объясниться съ нимъ и только соотечественница могла внушить ему такое состраданіе.

Блуждая по городу безъ опредѣленной цѣли, Цамбелли очутился по близости своего жилища передъ дворцомъ Montesson, гдѣ праздная толпа любопытныхъ загородила ему дорогу.

У воротъ стояли телѣги и фуры, нагруженныя коврами, канделябрами, зеркалами, тропическими растеніями и т. п. Великолѣпный дворецъ Montesson съ обширнымъ дворомъ и садомъ былъ въ это время занятъ австрійскимъ посланникомъ княземъ Карломъ фонъ-Шварценбергъ. Привезенныя вещи должны были служить для украшенія дворца къ предстоящему балу, который долженъ былъ дать посланникъ 1-го іюля въ честь новобрачной императорской четы.

Хотя дворецъ по своей величинѣ и великолѣпному убранству вполне соответствовалъ блеску подобнаго празднества и чести габсбургско-лотарингскаго дома, представителемъ котораго былъ князь фонъ-Шварценбергъ, но тѣмъ не менѣе посланникъ считалъ нужнымъ расширить его и убрать заново. Для этой цѣли былъ нанятъ сосѣдній домъ и соединенъ съ дворцомъ гигантской крытой деревянной галереей, которая предназначалась для танцовъ и для устройства которой уничтожена была значительная часть сада. Красота и легкость этой постройки представляла собой чудо архитектурнаго искусства; по слухамъ, ходившимъ въ городѣ, блескъ и роскошь внутренняго убранства должны были затмить все, что до сихъ поръ видѣли жители Парижа во время подобныхъ празднествъ. Работа шла день и ночь, но, не смотря на всѣ усилія, она подвигалась довольно медленно, такъ какъ желаніе князя совмѣстить удобство съ требованіями изящества постоянно представляло новыя затруд-

ненія. Тѣмъ не менѣ плотники и декораторы старались превзойти самихъ себя въ искусствѣ. Помимо хорошей платы каждый надѣялся заслужить милостивый взглядъ императора въ награду за свои труды и безсонныя ночи.

Но съ момента, когда день бала былъ окончательно назначенъ всѣми овладѣло лихорадочное безпокойство. Австрійскій посланникъ обыкновенно хладнокровный и терпѣливый сталъ торопить работниковъ и сердился на ихъ медленность; его знакомые, приходившіе съ нимъ на постройку, вслѣдъ за похвалою неизмѣнно выражали сомнѣніе въ своевременномъ окончаніи работъ. При этихъ условіяхъ о прочности не могло быть и рѣчи. Хотя никто не высказывалъ этого, но большинство рабочихъ и даже постороннихъ зрителей, были убѣждены, что эта воздушная постройка, разукрашенная и убранная на скорую руку не выдержитъ единственной ночи, для которой она воздвигалась и исчезнетъ къ утру, какъ волшебныя замки фей.

Цамбелли подошелъ къ одной изъ группъ, стоявшихъ передъ дворцомъ. Толпа была настолько велика, что ему нечего было опасаться, что онъ обратитъ на себя чье либо вниманіе.

Какъ разговоры, такъ и отдѣльныя замѣчанія и возгласы относились главнымъ образомъ къ предстоящему празднеству, къ которому дѣлались такія грандіозныя приготовленія. Не смотря на прямую выгоду для рабочихъ и купцовъ толпа находила совершенно неумѣстною подобную расточительность. Парижане, встрѣтивъ недоброжелательно бракъ Наполеона съ австрійской принцессой, также недружелюбно относились и къ празднику, который устраивался въ честь этого брака.

— Какая духота! Девять часовъ вечера, а все еще невыносимо жарко! сказалъ одинъ, снимая шляпу и утирая себѣ лобъ носовымъ платкомъ.

— Ну, еще не такъ будутъ задыхаться тѣ, которымъ придется плясать въ этой залѣ.

— Говорятъ, сегодня утромъ камни и стѣны до того прокались отъ солнца, что рабочіе должны были поливать ихъ водой.

— Ты и повѣрилъ! Австрійцы нарочно выдумываютъ разныя басни, чтобы похвастать своимъ праздникомъ, такъ какъ они не могутъ похвалиться своими побѣдами.

— Ни своей принцессой. Развѣ ее можно сравнить съ Жозефиной?

— Тѣмъ не менѣ я не взялъ бы Жозефину себѣ въ жены. Яблоко побывало уже во многихъ рукахъ.

— Но оно все-таки пришлось по вкусу маленькому капралу. Не дурно жениться на возлюбленной Барра.

— И получить армію въ видѣ свадебнаго подарка.

— Эта армія уже не существуетъ! Жозефина въ отставкѣ. Что выйдетъ изъ всего этого!

— При этой жарѣ нечего ждать кромѣ эпидеміи!

— Франція уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ изнурительной лихорадкой. Говорятъ, гдѣ то на Дунаѣ австрійцы порядкомъ потрепали Бонапарта.

— Это нахальная ложь! Развѣ ты не читаешь бюллетени?

— Каковъ чудакъ! Тебя можно показывать за деньги на бульварахъ! Нашелся-таки человѣкъ, который вѣритъ бюллетенямъ!

Къ группѣ разговаривающихъ подошло нѣсколько человѣкъ.

— Смотрите, еще телѣга! Она нагружена цвѣтами и дерномъ.

— Все высохло и обратилось въ сѣно, какъ будто они привезли эти цвѣты изъ пустыни.

— вмѣсто свѣчей посланникъ долженъ былъ бы провести воду изъ Сены для поливки своей постройки. Какова пыль и духота!

— Недостаетъ только фейерверка, а затѣмъ бури...

— Какъ давно не было дождя! Утромъ выпало нѣсколько капель, но этимъ дѣло и кончилось.

— Я ничего не замѣтилъ.

— Въ это время я былъ въ Тюльерійскомъ саду.

— Значитъ вы были на мѣстѣ происшествія! Не можете ли вы сообщить намъ что нибудь объ исторіи, которая случилась съ нищей и придворной дамой?

— Разумѣется. Дама прогуливалась съ своимъ возлюбленнымъ. На нихъ набросилась нищая съ явнымъ намѣреніемъ убить обоихъ. Въ рукахъ ея былъ длинный кинжалъ съ отравленнымъ лезвіемъ. Самъ Дороне допрашивалъ ее. Вы знаете Дороне? Онъ ловокъ какъ чортъ въ этихъ дѣлахъ...

— Пусти! прервалъ работникъ въ голубой блузѣ, сдвигая шапку со лба. Все это преувеличено. Я былъ тутъ и снесъ на собственныхъ рукахъ бѣдняжку въ карету. Это еще совсѣмъ молоденькая дѣвочка и легкая какъ перышко. Затѣмъ я сѣлъ на козлы съ кучеромъ и свезъ ее въ госпиталь. Ни одинъ полицейскій не допрашивалъ ее; мы сдали больную на руки доктору Бурдону.

— Кто это такой?

— Онъ не особенно красивъ, кривобокій и съ большой головой. Но его знаетъ всякій въ предмѣстьяхъ. Видно вы аристократъ, что не слыхали о немъ. Это славный парень!

— Рассказывайте дальше! послышался голосъ изъ толпы. Значитъ Бурдонъ лечитъ ее? Она вѣрно выздоровѣетъ, потому что у него есть средство противъ всѣхъ болѣзней.

— У васъ должно быть много денегъ, что вы можете тратить время такимъ образомъ, замѣтилъ ядовито первый расказчикъ, обращаясь къ работнику, который изобличилъ его во лжи.

— Деньги свалились съ неба для меня. Я получилъ золотой отъ сострадательнаго иностранца, которому я помогъ свезти нищую въ госпиталь.

— Ну, это щедрая плата! Скажите пожалуйста, какой видъ у этого иностранца?

— Молодой, стройный, съ бѣлокурыми волосами. Я предполагаю, что онъ нѣмецъ, также какъ и нищая. Если не ошибаюсь онъ называлъ ее Крестель.

— Удивительная исторія! Но я не понимаю, зачѣмъ эту дѣвочку свезли въ госпиталь?

— Точно вы не знаете? Во Франціи всегда будутъ тѣ-же порядки. При Людовикѣ XV, людей за всякое лишнее слово запирали въ Бастилію; теперь ихъ прячутъ въ сумасшедшій домъ. Не велика разница между оковами и сумасшедшей рубашкой!

— На этотъ разъ имъ не удастся замѣять эту исторію! воскликнулъ работникъ. Мосье Бурдонъ долго разговаривалъ о чемъ-то съ молодымъ иностранцемъ и такъ серьезно посматривалъ на больную, что мнѣ тогда-же пришло въ голову, что дѣло не шуточное.

— Однако они заставили всю улицу своими возами. Скоро нельзя будетъ шевельнуть ни рукой ни ногой.

— Воображаю себѣ, какая здѣсь будетъ давка 1-го іюля!

— Лишь бы они опять не подставили адской машины, какъ въ улицѣ St. Nicaise.

— Ну, пріятель, вы забываете, что не слѣдуетъ говорить о такихъ щекотливыхъ вещахъ.

— А случай былъ-бы удобный. Ночь, толкотня — одинъ выстрѣлъ... и все кончено!..

— Вы своей болтовней подведете всѣхъ насъ?

— Это якобинецъ! приверженецъ Робеспьера!

— Смотри, я тебѣ раскрою черепъ! Развѣ я похожъ на якобинца. Я простой парикмахеръ и только высказываю свое мнѣніе. Тутъ можетъ быть только одинъ исходъ...

Съ этими словами парикмахеръ щелкнулъ пальцами, подражая пистолетному выстрѣлу.

— Господа, это шпіонъ! Поколотимъ его! Онъ хочетъ поймать насъ въ ловушку. Если онъ парикмахеръ, то сверните ему парикъ на сторону. Нужно проучивать этихъ людей!

Толпа зашумѣла. Еще моментъ и всѣ бросились бы на невинную жертву болтливости, но по счастью кто-то замѣтилъ Витторію, который удалялся быстрыми шагами по улицѣ.

— Вотъ настоящій шпіонъ! воскликнулъ неожиданный защитникъ несчастнаго парикмахера, указывая на Цамбелли. Мнѣ онъ уже давно казался подозрительнымъ. Если бы вы видѣли какъ онъ внимательно слушалъ исторію нищей! Онъ спѣшитъ къ Савари съ доносомъ и наплететъ на насъ всякую всячину.

— Догоните его! закричало нѣсколько голосовъ. Бросимте его въ Сену!

— Туда ему и дорога! Чортъ бы побралъ всѣхъ ихъ.

— Видно во Франціи никогда не будетъ покою отъ полиціи и шпіоновъ!

Витторіо уже былъ далеко; онъ только слышалъ крики и проклятія, которыя раздавались ему вслѣдъ. Но они не производили на него никакого впечатлѣнія. Одна мысль поглощала его.

Не Черная Кристель, а Геймвальдъ выдалъ его. По странному стеченію обстоятельствъ судьба опять свела Кристель съ этимъ человекомъ въ Тюльерійскомъ саду, какъ прежде на мельницѣ Рабенъ и въ Вѣнѣ. Хотя имя молодого иностранца не было произнесено, но Цамбелли тотчасъ же догадался, что это былъ Эгбертъ, какъ изъ описанія его наружности, сдѣланнаго работникомъ, такъ и изъ участія, которое онъ оказалъ Кристель.

Значить онъ не даромъ почувствовалъ такую ненависть къ Геймвальду съ перваго момента ихъ встрѣчи! Всѣ попытки обезоружить его и принудить къ молчанію кончились полной неудачей. Если онъ не убилъ его, то опять таки вслѣдствіи неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Какъ отыскать Эгберта среди многолюднаго и необъятнаго Парижа? Между тѣмъ всякая, даромъ потерянная минута, могла ускорить гибель Цамбелли. Эгбертъ имѣлъ доступъ къ императору; если еще Антуанета за одно съ нимъ, то для Цамбелли не было исхода изъ его затруднительнаго положенія.

Онъ не чувствовалъ никакого раскаянія въ своемъ преступленіи, но боялся наказанія.

Ему казалось всего удобнѣе навести справки въ госпиталь. Быть можетъ привратникъ знаетъ адресъ Геймвальда. Онъ узнаетъ кстаги въ какомъ положеніи Кристель.

На пасмурномъ облачномъ небѣ уже кое-гдѣ зажглись звѣзды, когда Цамбелли вошелъ въ улицу Таганне. Воздухъ былъ тяжелый, и все еще дулъ теплый удушливый вѣтеръ.

Изнемогая отъ усталости, Цамбелли остановился передъ порталомъ госпиталя. Онъ вынулъ на всякій случай деньги изъ своего кошелька, хотя самъ не зналъ, въ чемъ будутъ заключаться его вопросы и отвѣты. Главный входъ уже былъ запертъ, но при свѣтѣ фонари можно было различить мѣдную ручку звонка. Изъ полукруглаго окна надъ дверью видѣлся слабый отблескъ лампы, горѣвшей въ корридорѣ.

Цамбелли невольно взглянулъ на противоположный домъ, въ которомъ жилъ Венъяминъ Бурдонъ. Домъ этотъ въ ночномъ полумракѣ казался еще печальнѣе и фантастичнѣе, нежели днемъ. Яркое освѣщенныя окна квартиры врача поразили Цамбелли. Не собрались ли тамъ ненавистные ему люди и не совѣщаются ли они объ его гибели?

У подъѣзда остановилась карета. Кучеръ нѣсколько разъ хлопнулъ бичемъ, чтобы извѣстить господъ о своемъ прибытіи.

Витторіо рѣшилъ дожидаться до тѣхъ поръ, пока кто нибудь выйдетъ изъ дому.

Гдѣ-то въ отдаленіи на церковной башнѣ пробило десять. Медленно взошелъ мѣсяцъ, подернутый облаками надъ массой скученныхъ зданій.

Наконецъ дверь отворилась. Вышли двѣ дамы, въ сопровожденіи троихъ мужчинъ, которые вполголоса разговаривали между собою. Витторіо узналъ по фигурѣ Веньямина и Эгберта, но не могъ догадаться, кто былъ третій; дамы также показались ему незнакомыми.

Постѣ долгаго и дружескаго прощанья, дамы сѣли въ карету съ господиномъ, котораго Витторіо не могъ узнать, не смотря на всѣ усилія.

— Не оставайтесь долго въ госпиталѣ, Эгбертъ! Я только тогда покоенъ, когда вижу васъ, сказалъ онъ изъ окна кареты.

Это былъ голосъ графа Вольфсегга.

Карета быстро покатила по улицѣ St. Benoit.

Цамбелли съ отчаяніемъ опустился на каменную скамейку у воротъ госпиталя. Если Бурдонъ и Эгбертъ замѣтятъ его, то какъ объяснить имъ свое присутствіе? Выступъ ниши пока скрывалъ его отъ ихъ глазъ. Онъ инстинктивно схватился за рукоятку сабли.

— Наконецъ-то мнѣ удалось видѣть дѣйствительно счастливыхъ людей, сказалъ Бурдонъ. Я долженъ отмѣтить сегодняшний день краснымъ карандашемъ въ моей записной книжкѣ.

— Мы безконечно благодарны вамъ, возразилъ Эгбертъ. Безъ вашей помощи дѣло никогда не кончилось бы такимъ образомъ. Дай вамъ Богъ такого-же успѣха съ этимъ несчастнымъ существомъ.

— Мы сейчасъ узнаемъ, какъ она провела вечеръ. Если она спала все это время, то сонъ лучше всего подкрѣпитъ ея разстроенные нервы.

Разговаривая такимъ образомъ пріятели вышли на средину улицы. Цамбелли всталъ и прижался спиной къ стѣнѣ; фигура его имѣла неподвижность статуи, мертвенная блѣдность покрыла лицо его; одни только глаза свѣтились лихорадочнымъ блескомъ.

Съ другого конца улицы приближалось нѣсколько молодыхъ людей. Одни пѣли; другіе громко разговаривали между собою и смѣялись.

— Это что такое! воскликнулъ съ удивленіемъ Бурдонъ, останавливаясь передъ госпиталемъ и указывая на флигель, стоявшій посреди двора, фасадъ котораго былъ обращенъ на улицу.

Мѣсяцъ освѣщалъ окна верхняго этажа, стекла блестѣли голубовато серебристымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ нижній этажъ былъ совершенно закрытъ стѣной.

Эгбертъ поднялъ голову и увидѣлъ у открытаго окна второго этажа бѣлую фигуру. На минуту она исчезла въ темномъ фонѣ комнаты потомъ снова появилась съ простыней, которую привязала къ окну, какъ будто собиралась бѣжать изъ госпиталя этимъ способомъ.

Внезапно вскочила она на подоконникъ, придерживаясь рукой за косякъ. Ноги у ней были босыя; сверхъ рубашки была надѣта темная юбка.

— Лунатикъ! сказалъ Бурдонъ.

Хотя Эгбертъ не могъ различить лица на такомъ разстояніи, но движенія и фигура показались ему знакомыми.

— Это Черная Кристаль! воскликнулъ онъ съ ужасомъ.

Цамбелли, услыхавъ это восклицаніе, поспѣшно позвонилъ у воротъ госпиталя.

Въ тоже время подошли пѣвцы.

— Тише господа, воскликнулъ Бурдонъ, вы можете испугать ее. Эта женщина лунатикъ! Припадокъ только что начался.

Пѣвцы остановились, привлеченные любопытствомъ.

Несчастная стояла уже на узкомъ карнизѣ окна, и какъ будто повисла на воздухѣ, представляя собой страшное, чарующее зрѣлище. Спокойно свѣтилъ на нее мѣсяцъ изъ за серебристо-сѣрыхъ облаковъ.

Съ шумомъ отворилась дверь, выходившая на улицу. Вслѣдъ за Витторіо нѣсколько молодыхъ людей поспѣшно взбѣжали на лѣстницу мимо оторопѣвшаго привратника.

Бурдонъ отворилъ своимъ ключемъ небольшую калитку въ стѣнѣ, которая прямо вела во дворъ госпиталя. Въ это время тутъ уже все поднялось на ноги. Сбѣжались больничные сторожа, сестры милосердія, слуги. Одни бросились на дворъ, другіе въ ту часть госпиталя, гдѣ была комната несчастной. Это была та самая нища, которую привезли сегодня утромъ въ судорогахъ изъ Тюльерійскаго сада. Послѣ сеанса извѣстнаго въ то время магнетизера Бурдона она заснула крѣпкимъ сномъ. Сидѣлка оставалась при ней нѣсколько часовъ и, видя, что больная не просыпается, вышла въ убѣжденіи, что она просплетъ всю ночь. Но Кристель должно быть проснулась вскорѣ послѣ этого и у ней явилось желаніе бѣжать изъ госпиталя.

Стоявшіе на дворѣ смогрѣли съ ужасомъ, какъ дѣвушка ходила взадъ и впередъ по карнизу. У окна висѣла привязанная простыня доходившая до перваго этажа; вѣтеръ вздувалъ ее. Больная, повидимому, забыла о своемъ первоначальномъ намѣреніи спуститься изъ окна съ помощью простыни. Она сѣла на край подоконника и, ударя босыми ногами объ стѣну, тихо покачивалась взадъ и впередъ. Лунный свѣтъ ярко освѣщаль ея блѣдное исхудалое лицо. Мѣрно шумѣли верхушки деревьевъ, растущихъ на дворѣ, подъ ея ногами.

У всѣхъ замерло сердце отъ боязливаго ожиданія. Лунное освѣщеніе придавало особенное очарованіе стройной, изящной фигурѣ Кристель. Бѣдный смятый цвѣтокъ, слѣдующій порывъ вѣтра снесетъ тебя съ вѣтки!

По распоряженію Бурдона сторожа принесли лѣстницы и старались прислонить ихъ къ стѣнѣ. Другіе предлагали на всякій случай положить матрацы подъ окномъ. Эгбертъ, зная ловкость и проворство Кристель убѣждалъ не трогать ее, говоря, что она сама вернется въ комнату. Дѣйствительно, минуту спустя, больная опять поднялась на ноги и стоя на окнѣ стала прислушиваться.

По знаку Бурдона на дворѣ водворилась мертвая тишина. Лѣстницы были подставлены. Теперь не трудно было кому нибудь добраться до окна и, выждавъ удобную минуту, схватить дѣвушку и свести ее на землю.

Въ это же самое время нѣсколько человѣкъ столпилось передъ комнатою Кристель. Въ числѣ ихъ былъ Цамбелли. Дверь была заперта внутри, такъ что отворить ее безъ шума не было никакой возможности.

— Развѣ въ эту комнату нѣтъ другого хода? спросилъ Витторіо.

Повелительный тонъ, съ которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, оказалъ свое дѣйствіе на больничныхъ сторожей и служанокъ, которыя на столько потеряли голову, что ни одинъ изъ нихъ не обратилъ вниманіе на то, что Цамбелли совершенно не знакомый для нихъ человѣкъ.

Оказалось, что въ комнату Кристель есть еще ходъ черезъ корридоръ и небольшую коморку, которая зимой служила для дровъ.

— Но и эта дверь постоянно заперта, замѣтилъ одинъ изъ сторожей.

— Посмотримъ! возразилъ Витторіо. Укажите какъ пройти туда.

Его провели по длинному корридору къ закрытой двери; но она поддавалась отъ перваго толчка.

Коморка освѣщалась крошечнымъ окномъ, пропускавшимъ узкую полоску луннаго свѣта. Никто не рѣшался войти въ нее, изъ боязни что въ ней спряталась сумасшедшая.

— Вы можете идти! сказалъ Витторіо провожавшимъ его сторожамъ.

Тѣ поспѣшно удалились, довольные тѣмъ, что могутъ избавиться отъ присутствія человѣка, наводившаго на нихъ инстинктивный страхъ.

Цамбелли долженъ былъ согнуться, чтобы пройти низкую коморку; шляпа слетѣла съ его головы; но ему не было времени отыскать ее.

Чувствовала ли Кристель близость любимаго человѣка или это была простая случайность, только лице ея, до сихъ поръ обращенное къ лунному свѣту, внезапно повернулось въ ту сторону, гдѣ былъ Цамбелли.

Дверь тихо отворилась.

— Витторіо! вырвалось изъ блѣдныхъ губъ дѣвушки.

— Кристель! сказалъ онъ ласково своимъ звучнымъ голосомъ, который всегда такъ магически дѣйствовалъ на нее.

Она раскрыла глаза и протянула ему руки, но въ тотъ же моментъ нога соскользнула у ней съ узкаго подоконника. Потерявъ равновѣсіе она упала навзничъ на вымощенный дворъ.

Ее подняли мертвую съ радробленнымъ черепомъ.

Цамбелли отодвинулъ задвижку и выбѣжалъ изъ комнаты. Никто

не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Всѣ были заняты трагической кончиной дѣвушки; и только тогда нѣкоторые изъ сторожей и прислуги вспомнили о таинственномъ незнакомцѣ, когда на мѣсто происшествія явилась полиція. Но показанія были такъ различны, что трудно было вывести какое либо заключеніе. При обыскѣ найдена была шляпа Витторіо. Полицейскій комиссаръ молча разглядывалъ ее и приказалъ снести ее къ себѣ на домъ. Этотъ комиссаръ былъ Дероне.

Г Л А В А ІІІ.

Наступилъ давно ожидаемый день 1-го іюля. Трудно было бы сказать: гдѣ въ этотъ вечеръ была большая суета, шумъ и давка— въ самомъ ли дворцѣ австрійскаго посольства или внѣ его? Обширные залы уже начали наполняться приглашенными; тутъ была и вся балетная труппа Большой Оперы, которая должна была выполнить пантомину съ австрійскими народными танцами на сценѣ, устроенной для этой цѣли. Многочисленная прислуга и отрядъ императорской гвардіи въ великолѣпныхъ мундирахъ, разставленный на дворѣ и у всѣхъ входовъ еще больше увеличили собой толпу. Передъ дворцомъ стояла другая, съ минуты на минуту возрастающая шумная толпа зрителей.

Дворецъ освѣтили задолго до наступленія темноты. Тысячи фонарей и цвѣтныхъ шаровъ фантастически освѣщали садъ, разливая яркій свѣтъ на далекое пространство. Чуть ли нѣ весь Парижъ поднялся на ноги. Праздникъ князя Шварценберга такъ исключительно занималъ въ послѣднее время публику, что въ этотъ вечеръ каждый считалъ своимъ долгомъ отправиться на улицу Montblanc, хотя бы въ качествѣ празднаго наблюдателя. Если для большинства все удовольствіе заключалось въ томъ, что они увидятъ издали плюмажи кавалеровъ, головные уборы дамъ, то скудость зрѣлища выкупалась тщеславнымъ сознаніемъ, что и они присутствуютъ на праздникѣ. Полиція выбивалась изъ силъ, чтобы сохранить какой нибудь порядокъ и свободный путь для подъѣзжавшихъ экипажей, такъ какъ всѣ тѣснились къ главному подъѣзду, чтобы увидѣть вблизи императора и императрицу. Не было конца толкамъ, анекдотамъ, различнымъ догадкамъ. Были и такіе, которые находили прямую связь между праздникомъ и исторіей въ Тюльерійскомъ саду, которая имѣла такой печальный конецъ. Разнесся слухъ, что кто то столкнулъ несчастную съ окна. Не смотря на довольно значительное число очевидцевъ, отрицавшихъ это, народная фантазія упорно отстаивала придуманную сказку, благодаря таинственной лич-

ности, которая такъ внезапно появилась въ госпиталь и также быстро исчезла. Шляпа, найденная Дероне, служила достаточнымъ доказательствомъ непреложности факта. Съ нѣкоторой натяжкой не трудно было сдѣлать переходъ отъ нищей къ празднику. Многіе почему то были убѣждены, что преступникъ выдастъ себя на предстоящемъ балѣ. Иные были не прочь воскресить нищую и намекали на возможность ея появленія среди танцующихъ. Рядомъ съ этимъ шли толки о заговорахъ и покушеніяхъ на жизнь Наполеона, такъ какъ этого рода слухи не умолкали со времени битвы при Аспернѣ, вслѣдствіи таинственности, въ которую облечено было покушеніе молодого Штабса. Между тѣмъ въ этой пестрой, глазѣющей и волнуемой толпѣ едва ли былъ хоть одинъ человѣкъ, имѣющій какой нибудь поводъ для подобныхъ предположеній; даже мало было такихъ, которые искренно вѣрили имъ. Но нужно же сократить какъ нибудь долгіе часы скучнаго ожиданія. Чѣмъ нелѣпѣе и невѣроятнѣе была сказка, тѣмъ большій эффектъ производила она, хотя забывалась въ слѣдующую же минуту для другой небылицы или при видѣ богатой кареты.

Эгбертъ и графъ Вольфсеггъ помимо своей воли также очутились на праздникѣ въ числѣ гостей. Не смотря на всѣ отговорки, настоятельная просьба графа Шварценберга заставила ихъ принять приглашеніе. Эгбертъ надѣялся, что по своему скромному положенію въ свѣтѣ онъ будетъ избавленъ отъ подобной чести. Но Меттернихъ обратилъ на него вниманіе австрійскаго посланника, рассказавъ его свиданіе съ Наполеономъ въ Malmaison и Шенбруннѣ. Хозяину праздника казалось необходимымъ представить императору знакомое лицо среди множества австрійцевъ, совершенно чуждыхъ его величеству или даже быть можетъ неприятныхъ ему. Эгбертъ покорился необходимости и, зная, что Наполеонъ замѣтитъ его и вѣроятно удостоитъ своимъ разговоромъ, счелъ нужнымъ одѣть капитанскій мундиръ. Воспоминаніе о трагическихъ событіяхъ послѣдней войны было настолько живо въ памяти Эгберта, что онъ болѣе всего на свѣтѣ желалъ спокойствія и мирнаго счастья. Мысль, что онъ долженъ хотя на нѣсколько часовъ очутиться среди шумной праздничной толпы тяготила его. Онъ не боялся встрѣчи съ Наполеономъ, но ему было неприятно опять увидѣть этого человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души.

На этомъ праздникѣ онъ вѣроятно встрѣтитъ Антуанету. Прійдется ли ему проститься съ нею навсегда или съ надеждой на новое свиданіе? Со времени ихъ случайной встрѣчи въ Тюльерійскомъ саду, она не сдѣлала ни малѣйшей попытки увидѣться съ нимъ или съ графомъ Вольфсеггъ. Быть можетъ она не хотѣла или не могла воспользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя онъ сообщилъ ей о маркизѣ Цамбелли? Считала ли она для себя униженнымъ обратиться къ помощи дяди или надѣялась сама устроить свою судьбу? Все это онъ узнаетъ сегодня! Какъ трудно выбиться ему изъ той сѣти за-

путанныхъ событій, въ которую онъ попалъ съ той октябрьской ночи, когда впервые вошелъ въ замокъ графа Вольфсегга! Теперь уже поздно обвинять себя въ томъ, что онъ не устоялъ тогда противъ соблазна блестящей судьбы, созданной его фантазіей и причинилъ столько горя Магдаленѣ. Но въ виду ихъ общаго счастья онъ сдѣлаетъ сегодня послѣдній шагъ, чтобы выступить изъ заколдованнаго круга, въ который закинула его судьба.

По желанію князя Шварценберга австрійцы собрались у него раньше другихъ, такъ какъ въ качествѣ представителей Австріи они должны были наравнѣ съ нимъ принимать гостей. Почти одновременно прибыли и пруссаки, состоящіе при прусскомъ посольствѣ.

Всѣ знали, что Наполеонъ ненавидитъ Пруссію и кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что врядъ-ли его величеству будетъ пріятно видѣть пруссаковъ въ числѣ хозяевъ праздника, устроеннаго въ честь его брака.

— Весьма вѣроятно, отвѣтилъ надменно князь Шварценбергъ, но пруссаки мнѣ ближе, чѣмъ французы.

— Вы правы, князь, замѣтилъ графъ Вольфсеггъ, мы подносимъ Наполеону наше вино въ золотомъ кубкѣ, какое намъ дѣло если оно не понравится ему.

Не смотря на бракъ Наполеона съ австрійской эрцгерцогиней и союзъ заключенный между обѣими державами, большинство австрійцевъ все еще мечтало о возстановленіи великой Германской имперіи. При входѣ въ большую залу устроенъ былъ транспарантъ съ гигантскою нѣмецкою надписью:

Mit sanfter Schönheit Reiz strahlt Heldenkraft verbunden;
Heil! Heil! Die goldene Zeit ist wieder uns gefunden! ¹⁾

Однако, не смотря на единичныя проявленія національной вражды что-то радостное и примиряющее слышалось въ веселыхъ звукахъ оркестровъ; чувство невольнаго удовольствія охватывало каждого при видѣ изящной и роскошной обстановки праздника.

Въ огромной танцевальной залѣ не видно было ни малѣйшаго признака досчатыхъ стѣнъ. Онѣ исчезли за массой газа, кисеи, цвѣтовъ, зеркалъ, ковровъ, затканыхъ золотомъ и разукрашенныхъ колоннъ. Снаружи клеенчатое полотно защищало крышу и стѣны въ случаѣ непогоды. Не смотря на мрачное настроеніе Эгберта, видъ прекрасной залы даже на него произвелъ чарующее впечатлѣніе, когда онъ вмѣстѣ съ другими вошелъ въ нее изъ сада по широкимъ ступенямъ главнаго входа. Здѣсь были свѣтъ и веселье. Изъ сада вѣяло прохладою, вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ. Свѣтъ нѣсколькихъ тысячъ свѣчей отражался всѣми цвѣтами радуги въ хрустальныхъ люстрахъ и въ стѣнныхъ зеркалахъ. Всюду блескъ и сіяніе! Двѣ громадныя

¹⁾ Съ прелестью кроткой красоты сіяетъ сила побѣдителя!
Хвала тебѣ! Опять вернулось золотое время!

короны какъ будто висѣли въ воздухѣ посреди залы на легкихъ гирляндахъ. Такія же гирлянды цвѣтовъ протягивались по всей залѣ, то сплетаясь вмѣстѣ вѣнками, то опять расходясь въ разныя стороны и покрывая собой потолокъ и стѣны.

Передъ главнымъ входомъ, въ углубленіи залы, на высокой эстрадѣ съ ступенями, покрытой богатымъ ковромъ стояли два кресла, обтянутыя темнокраснымъ бархатомъ для императора и императрицы. Ножки кресель представляли позолоченныя львиныя лапы; спинки были украшены императорскимъ гербомъ. Мѣсто передъ эстрадой во всю ширину залы было приготовлено для танцующихъ. На одномъ концѣ залы были устроены подмостки для музыкантовъ, на другомъ концѣ была галлерей, убранныя въ томъ же вкусѣ какъ и вся зала, съ выходами въ садъ и въ внутренніе покои дворца. Въ случаѣ чрезмѣрной жары или тѣсноты въ залѣ, галлерей эта могла служить убѣжищемъ для танцующихъ.

Пока ничто не мѣшало Эгберту любоваться величественнымъ зрѣлищемъ цѣлаго и красотою частностей. Десятки людей были едва замѣтны благодаря громадному пространству залы. Всѣ наперерывъ хвалили вкусъ графа Шварценберга и роскошь обстановки. Не смотря на ненависть австрійцевъ къ Наполеону и французской націи, ихъ національная гордость была удовлетворена сознаниемъ, что подобнаго праздника еще никто не устраивалъ въ честь императора. Одинъ только графъ Вольфсеггъ находилъ неумѣстными всякія изъявленія дружбы со стороны Австріи.

— Всѣ эти толки о мирѣ ни къ чему не ведутъ, сказалъ онъ Эгберту и стоявшимъ возлѣ него австрійцамъ.— Никто не вѣритъ имъ и Наполеонъ меньше всѣхъ. Онъ только выжидаетъ удобной минуты, чтобы окончательно раздавить насъ, а мы...

Графъ Вольфсеггъ не окончилъ своей фразы, потому что въ это время къ нему подошелъ хозяинъ дома съ вопросомъ: нравится ли ему убранство залы и не находитъ ли онъ нужнымъ сдѣлать какое-нибудь измѣненіе?

— Всякое измѣненіе можетъ только нарушить гармонію цѣлаго, отвѣтилъ графъ съ любезной улыбкой.— Можно опасаться только одного, что танцующіе вмѣсто удовольствія будутъ осуждены на пытку. Въ залѣ уже теперь становится душно.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ горячо возстали противъ этого, но кто-то замѣтилъ:

— Здѣсь запахъ гари!

Всѣ робко переглянулись между собой. Каждый какъ будто хотѣлъ отклонить отъ себя отвѣтственность за неосторожное слово и спрашивалъ другого—не ты ли сказалъ это?

Князь Шварценбергъ поблѣднѣлъ; еще рѣзче выступило выраженіе заботы и безпокойства на его лицѣ, которое поразило многихъ изъ близко знавшихъ его, съ самаго начала вечера.

Глаза всѣхъ невольно обратились на зажженные люстры и свѣчи, но онѣ горѣли ровнымъ, спокойнымъ свѣтомъ.

Князь быстро повернулся къ одному изъ слугъ.

— Гдѣ полицейскій, присланный префектурой? спросилъ онъ.

Слуга удалился.

— Французы просили меня объ этомъ, добавилъ хозяинъ дома, обращаясь къ графу Вольфсеггу. — Они боятся слишкомъ большого стеченія публики и хотѣтъ взять на себя заботу о безопасности своего государя.

Въ это время къ нимъ незамѣтно подошелъ господинъ, одѣтый какъ остальные гости и передалъ князю визитную карточку съ вѣжливымъ поклономъ.

Князь мелькомъ взглянулъ на нее.

— Отъ герцога Ровиго? сказалъ онъ. — Вы мосье Дероне?

— Да, ваше сіятельство! Я полицейскій комиссаръ. Генераль Са-вари удостоилъ послать меня на вашъ блистательный праздникъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, мосье Дероне. Герцогъ оказалъ мнѣ большую услугу, выбравъ лучшаго изъ своихъ чиновниковъ. Надѣюсь, что ихъ императорскія величества будутъ въ полной безопасности на моемъ балѣ.

— Я увѣренъ въ этомъ, отвѣтилъ Дероне. — Что же касается улицы, то не только вы князь, но и я не считаю себя отвѣтственнымъ за нее.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ приходомъ слуги, который доложилъ, что къ дворцу подъѣхало нѣсколько каретъ. Князь послѣшно вышелъ изъ залы на встрѣчу гостямъ. Болѣе знатные изъ австрійцевъ послѣдовали за нимъ, и въ томъ числѣ графъ Вольфсеггъ.

Эгбертъ остался наединѣ съ Дероне. Молча обошли они залу. Кромѣ главнаго входа и двухъ выходовъ черезъ галлерею была еще небольшая потаенная дверь за тронными креслами.

— Душевно радъ, что ваша невѣста не будетъ на этомъ балѣ! воскликнулъ неожиданно Дероне, пожимая руку Эгберту. — Здѣсь не безопасно. Можно позавидовать тѣмъ, кто остался дома!

— Вы пугаете меня! Неужели готовится какое-нибудь новое покушеніе? Это было бы крайне неумѣстно!...

— Какъ могла прійти вамъ подобная фантазія? Я ничего не слыхалъ ни о заговорахъ, ни о замыслахъ противъ жизни Наполеона. Но все, чѣмъ вы восхищаетесь здѣсь можетъ обратиться въ ловушку. Если случайно сдѣлается пожаръ...

— Князь повидимому также боится этого. Нужно позаботиться о водѣ и пожарныхъ трубахъ.

Дероне громко захохоталъ.

— Вотъ фраза, которая бы сдѣлала честь Соломону. Разумѣется объ этомъ уже давно позаботились. Но развѣ вы не видите, что тутъ огонь будетъ также трудно остановить, какъ революцію! Однако, до свиданія! Я долженъ взглянуть, что дѣлается въ саду.

Изъ боковыхъ входовъ хлынулъ разомъ потокъ публики. Каждой дамѣ при входѣ въ залу подносили букетъ цвѣтовъ. Богатыя платья со шлейфами по модѣ имперіи, надавшими граціозными складками, фантастическіе уборы изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, рѣдкихъ перьевъ и цвѣтовъ, цвѣтныя шали, картинно наброшенныя на плечи—казались необыкновенно эффектными при яркомъ бальномъ освѣщеніи среди разнообразныхъ мундировъ, украшенныхъ блестящими орденами, аксельбантами и т. п. Изъ множества присутствовавшихъ тутъ вновь созданныхъ королей, князей, герцоговъ и маршаловъ; одни были извѣстны какъ военачальники и государственные люди, другіе прославились злодѣяніями, совершенными во время революціи, воровствомъ и убійствами. Среди этого общества героевъ и негодяевъ, добродѣтельныхъ женщинъ и непотребныхъ тварей, молодые люди, не занимавшіе, подобно Эгберту, высокаго положенія въ свѣтѣ, не могли претендовать на чье-либо вниманіе и должны были сами искать себѣ развлеченія до начала танцевъ. Хотя Эгбертъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Malmaison, но они едва удостоили его легкимъ поклономъ и нѣсколькими словами привѣтствія, такъ что ничто не мѣшало ему предаться созерцанію праздника. Настроеніе гостей далеко не соответствовало блеску окружающей обстановки. Всякое громкое проявленіе веселости было подавлено присутствіемъ высокопоставленныхъ особъ и ожиданіемъ пріѣзда ихъ величествъ. Не смотря на все стараніе нѣмцевъ и французовъ сблизиться и принять задуманный тонъ, ничто не могло изгнать чопорности въ ихъ отношеніяхъ. Только вѣжливость и привычка къ свѣтскому обращенію скрывали до извѣстной степени презрѣніе побѣдителей и ненависть побѣжденныхъ. Обѣ княгини Шварценбергъ, жена и невѣстка посланника, лѣбезно встрѣчали гостей и знакомили ихъ другъ съ другомъ.

Между тѣмъ зала все болѣе и болѣе переполнялась гостями. Мѣста вдоль стѣнъ были заняты дамами; кавалеры стояли за ихъ стульями. Тутъ и тамъ образовались группы разговаривающихъ.

Но вотъ раздался на дворѣ бой барабановъ, бряцанье ружей, возгласы команды офицеровъ, означавшіе прибытіе императора. Всѣ встали, разговоръ перешелъ въ шопоть.

Наполеонъ вошелъ въ залу изъ галереи подъ руку съ Маріей Луизой. У подѣзда встрѣтили его Меттерникъ и оба Шварценберга и проводили его черезъ парадныя комнаты дворца. За ними шла блестящая свита придворныхъ дамъ, адъютантовъ и камергеровъ. При вступленіи императора въ залу оркестръ заигралъ триумфальный маршъ. Эгбертъ, стоя недалеко отъ эстрады, приготовленной для императорской фамиліи могъ удобно разглядѣть новобрачныхъ и слѣдить за ихъ шествіемъ по залѣ.

Марія Луиза представляла собою типъ нѣмецкой красавицы: полная, съ бѣлокурыми волосами, добродушнымъ и почти дѣтскимъ вы-

раженіемъ лица, которое представляло странный контрастъ съ суровою наружностью Наполеона. Онъ окинулъ залу своимъ мрачнымъ взглядомъ и, слегка кивнувъ головой хозяйну дома, казалось сдѣлалъ ему какое то одобрительное замѣчаніе. Но лицо его оставалось неподвижнымъ; даже тѣнь улыбки не смягчала его.

Пройдя половину зали императоръ замѣтно ускорилъ шаги. Публика почтительно разступалась передъ нимъ на обѣ стороны. Онъ холодно отвѣчалъ на поклоны и мимоходомъ говорилъ нѣсколько словъ тому или другому лицу. Пышныя празднества утомляли его, потому что налагали на него извѣстное принужденіе.

Когда императорская чета приблизилась къ эстрадѣ, Эгбертъ поспѣшно удался съ своего мѣста и всталъ за рядами стульевъ. За императрицей шла Антуанета во всей своей горделивой красотѣ. Эгбертъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, но онъ не увидѣлъ въ немъ и тѣни той грусти, которая поразила его при ихъ встрѣчѣ въ Тюльерійскомъ саду и вызвавъ воспоминаніе о прошлыхъ дняхъ наполнило его душу чувствомъ блаженства и горя. Эта холодная красавица съ ниткой жемчуга на лебединой шеѣ и съ брилльянтовой діадемой, усѣянной рубинами на пышныхъ волосахъ, не имѣла ничего общаго съ заплаканной печальной дѣвушкой, такъ дружелюбно разговаривавшей съ нимъ. Жесткое выраженіе ея глазъ произвело непріятное впечатлѣніе на Эгберта.

„Она вѣроятно сердится на тебя за то, что ты осмѣлился принять на себя роль совѣтника и уже дала свое согласіе на бракъ, который ей былъ ненавистенъ. Зачѣмъ желалъ ты встрѣчи съ нею? спрашивалъ себя Эгбертъ. Вблизи этого Люцифера должны замолкнуть всѣ человѣческія чувства. Можетъ быть она уже раскаялась въ томъ, что повѣрила тебѣ тайну своего сердца.

Эгберту было невыносимо оставаться въ залѣ и онъ рѣшилъ обратиться въ садъ. Но многіе уже предупредили его въ этомъ намѣреніи, такъ какъ жара въ залѣ увеличивалась съ минуты на минуту. У главнаго входа его остановила толпа публики.

— Возьмите и меня съ собой, г-нъ Геймвальдъ, сказалъ кто-то на нѣмецкомъ языкѣ съ иностраннымъ акцентомъ.

Эгбертъ вздрогнулъ, услыхавъ знакомый голосъ и оглянулся.

Онъ увидѣлъ маркиза Цамбелли.

— Садъ этотъ открытъ для всѣхъ гостей, отвѣтилъ онъ уклончиво.

Они опять стояли другъ передъ другомъ. Эгбертъ вспомнилъ ихъ первую встрѣчу въ гостинной замка Зебургъ. Но еще мрачнѣе смотрѣли впалые глаза Витторіо. Безсонныя ночи, проведенныя въ тяжелыхъ размышленіяхъ оставили свой слѣдъ на его блѣдномъ, суровомъ лицѣ. Невольный ужасъ охватилъ Эгберта. Онъ не боялся нападенія со стороны маркиза, но его душа содрагалась отъ соприкосновенія съ человѣкомъ, котораго онъ ненавидѣлъ и презиралъ въ

одно и то же время. Неужели эта темная фигура будетъ вѣчно преслѣдовать его и онъ только тогда избавится отъ нея, когда послѣдуетъ мщеніе убійцѣ за смерть Жана Бурдона?

— Разумѣется, садъ открытъ для всѣхъ, отвѣтилъ съ принужденной улыбкой Цамбелли, но въ моемъ вопросѣ заключалась просьба наслаждаться имъ въ вашемъ обществѣ.

Эгбертъ былъ въ нерѣшимости, что отвѣтить ему, но онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Дероне, который одобрительно кивнулъ ему головой.

Эгбертъ молча поклонился. Маркизь Цамбелли, принявъ это за знакъ согласія, подошелъ къ нему.

Выходя изъ залы они оба невольно взглянули на эстраду. За кресломъ Маріи Луизы стояла Антуанета. Лица ея не было видно; она наклонилась къ императрицѣ и шепнула ей что-то на ухо. Марія Луиза весело засмѣялась. Наполеонъ стоялъ возлѣ своей супруги, заложивъ руки за спину по своему обыкновенію.

Но вотъ хозяинъ дома подвелъ къ нему одного изъ гостей, съ которымъ его величество желалъ познакомиться. Антуанета вздрогнула, увидя его и быстро подняла голову. На лицѣ ея выразился испугъ и чувство стыда съ безсильнымъ гнѣвомъ.

— Это графъ Вольфсеггъ! воскликнули въ одинъ голосъ Эгбертъ и Цамбелли.

— Да, чудныя дѣла творятся на свѣтѣ! сказалъ Дероне, который очутился возлѣ нихъ. Императоръ разговариваетъ съ графомъ Вольфсеггъ! Сегодня день сюрпризовъ! Я былъ за кулисами. Готовится театральное представленіе. Посмотримъ какъ оно сойдетъ!..

Цамбелли не обратилъ никакого вниманія на слова полицейскаго чиновника. Глаза его были устремлены на двухъ людей, разговаривавшихъ на эстрадѣ. Ему казалось, что онъ явственно слышитъ, какъ они произносятъ его имя. Только натискъ толпы, стремившейся въ садъ пробудилъ его изъ задумчивости. Эгбертъ, не дожидаясь его сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Дероне исчезъ.

Въ саду подъ деревьями вѣяло вечерней прохладой. Уже былъ одиннадцатый часъ ночи. Аллеи были ярко освѣщены разноцвѣтными фонарями, но въ чащѣ деревь, въ кустахъ и полукруглыхъ бесѣдкахъ, гдѣ были устроены скамьи для отдыха, царствовалъ пріятный полумракъ. Въ разныхъ мѣстахъ сада разставлены были группы музыкантовъ, которые наигрывали тихія, едва слышныя мелодіи. На широкомъ лугѣ посреди сада былъ устроенъ небольшой театръ; только немногіе знали, въ чемъ будетъ состоять представленіе. Эта неизвѣстность еще больше привлекала публику.

Все гулявшіе въ саду стремились сюда, такъ какъ всякій хотѣлъ заблаговременно занять лучшее мѣсто. Для ихъ величествъ и нѣсколькихъ избранныхъ особъ были поставлены кресла передъ самой сценой.

Эгбертъ также направилъ свои шаги къ театру, такъ какъ по- нялъ изъ словъ Дероне, что онъ долженъ привести сюда Цамбелли. Нечего было бояться сопротивленія со стороны маркиза. Онъ маши- нально шелъ по аллеѣ и казалось обдумывалъ послѣдствія своей бесѣды съ Эгбертомъ, прежде чѣмъ заговорить съ нимъ.

Со времени смерти Кристель онъ не зналъ ни минуты спокой- ствія. Когда несчастная ушла изъ окна, у него едва не вырвался крикъ радости. Онъ былъ избавленъ отъ единственнаго очевидца его преступления. Съ какими бы обвиненіями не явились противъ него враги его теперь, все это останется въ области предположеній, по- тому что ни одинъ смертный не можетъ теперь сказать на судѣ: „вотъ убійца! я самъ видѣлъ, какъ онъ застрѣлилъ Жана Бурдона“! Но то, что онъ считалъ своимъ освобожденіемъ сдѣлалось для него источникомъ нескончаемыхъ мученій. Гдѣ бы онъ ни былъ, одинъ- или въ обществѣ, образъ Черной Кристель упорно преслѣдовалъ его.

Газеты каждый день рассказывали ея исторію съ новыми вари- ціями. Весь Парижъ былъ занятъ ею. Никто не называлъ имени маркиза Цамбелли, слѣдовательно не только Антуанета, но даже Эг- бертъ не сочли нужнымъ сообщить публикѣ объ его отношеніяхъ къ Кристель. Тѣмъ не менѣе всѣмъ было извѣстно его сватовство къ Антуанетѣ и у многихъ явилось подозрѣніе, что онъ знаетъ объ этой исторіи больше, чѣмъ желаетъ показать это. Цамбелли не могъ избѣ- жать вопросительныхъ взглядовъ и намековъ, которые дѣлались съ явнымъ намѣреніемъ разсердить его или въ надеждѣ что онъ из- мѣнитъ своей тайнѣ. У него не было никакого оружія для защиты; онъ долженъ былъ съ видимымъ равнодушіемъ принимать эти улолы кинжала въ его сердцѣ, находясь въ постоянномъ страхѣ обнаружить свои ощущенія какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ или выраже- ніемъ лица.

Всѣ его попытки вывѣдать что либо отъ Антуанеты окончились полной неудачей. Маркиза де Гонревилль не принимала его подѣ- предлогомъ болѣзни; на свои письма онъ не получалъ никакого от- вѣта. Старый маркизь Мартиньи обходился съ нимъ съ ледяной холодностью и не смотря на всѣ уловки Витторіо упорно избѣгалъ всякаго объясненія.

Еще загадочнѣе казалось ему обращеніе императора. Наполеонъ, противъ ожиданія не сдѣлалъ ему ни одного вопроса и даже ни разу не упомянулъ о встрѣчѣ Антуанеты съ нищей, хотя конечно имѣлъ объ этомъ самыя подробныя свѣдѣнія. Онъ какъ будто не хотѣлъ и слышать о приключеніи въ Тюльерійскомъ саду и однажды въ присутствіи Цамбелли нахмурилъ брови, когда кто-то указалъ ему на газетную статью, гдѣ краснорѣчиво рассказывалась исторія бѣдной Кристель.

Маркизь чувствовалъ себя какъ бы посаженнымъ въ темную, безъ- исходную тюрьму. Страхъ, котораго онъ прежде никогда не испыты-

валь, рисоваль ему фантастическія картины ужаса. Рядъ вопросовъ беспокоилъ его. Что сказалъ Эгбертъ Антуанетъ? Насколько ему извѣстна тайна смерти Жана Бурдона и не сообщалъ ли онъ еще кому нибудь своихъ догадокъ? Не подозрѣвалъ ли онъ причину трагическаго конца Черной Кристель?

Витторіо былъ теперь богатъ и занималъ слишкомъ видное положеніе въ свѣтѣ, чтобъ уступить поле безъ борьбы. Когда онъ былъ бѣднымъ и малоизвѣстнымъ искателемъ приключеній, ему было легко обратиться въ бѣгство и слиться на время съ безымянной массой. Но теперь онъ дорожилъ своими помѣстями и достигнутыми почестями. Онъ не хотѣлъ терять ихъ, не желалъ отказаться отъ чего бы то ни было, даже отъ своихъ притязаній на руку Антуанеты. Онъ не могъ дать себѣ отчета: ненавидитъ ли онъ ее или имъ руководить желаніе обладать ею?

Страсть отуманивала его чувства, парализовала умъ и волю.

— Г-нъ Геймвальдъ, сказалъ онъ по нѣмецки, чтобы проходившіе около нихъ не могли понять его словъ, я долженъ сдѣлать вамъ признаніе.

— Мнѣ маркизъ! Хотя мы нѣсколько разъ встрѣчались съ вами въ военное и мирное время, но я не могу представить себѣ какого рода признанія я могу услышать отъ васъ. Мнѣ кажется, что я не имѣю на это ни малѣйшаго права.

— Да, г-нъ Геймвальдъ, я вынужденъ явиться передъ вами въ качествѣ собственнаго обвинителя. Дѣло касается Черной Кристель; прошу спокойно выслушать меня. Бѣдная дѣвушка влюбилась въ меня. Въ одну злополучную ночь я настолько потерялъ голову, что увезъ ее изъ вашего дома. Это былъ дурной, непростительный поступокъ, какъ относительно несчастной, такъ и васъ г-нъ Геймвальдъ. Солдаты многое позволяютъ себѣ во время похода... Разумѣется не достойно развитого человѣка оправдывать себя безнравственностью другихъ. Связь наша окончилась, какъ всѣ подобныя связи. Мы разстались послѣ одной крупной ссоры. Конечно, и въ этомъ случаѣ наибольшая вина была на моей сторонѣ. Подъ влияніемъ гнѣва и пресыщенія слишкомъ поздно явилось во мнѣ сознаніе, что я во всякомъ случаѣ обязанъ позаботиться о судьбѣ покинутой мною дѣвушки.

— Вы правы, замѣтилъ съ горечью Эгбертъ, не мѣшало бы раньше вспомнить о ней.

— Можетъ быть все обошлось бы самымъ благополучнымъ образомъ, если бы мы опять встрѣтились съ нею, продолжалъ невозмутимымъ голосомъ Цамбелли. Но я не нашелъ ее на прежней квартирѣ и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ отказался отъ дальнѣйшихъ поисковъ, зная, какъ скоро исчезаетъ слѣдъ всякой пропавшей дѣвушки въ этомъ громадномъ городѣ. Наконецъ газеты, описавшія исторію нищей въ Тюльерійскомъ саду, объяснили мнѣ многое.

Сердце мое облилось кровью при этомъ извѣстїи... Не считайте меня безчувственнымъ, мосе Геймвальдъ! Хотя судьба болѣе закалила меня, нежели васъ, но я также горько оплакиваю смерть этой несчастной, какъ и вы.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Эгбертъ, возмущенный наглостью Цамбелли. Но я все таки желалъ бы знать, что прикажете вы дѣлать мнѣ съ вашимъ признаніемъ и раскаяніемъ? Я не думалъ требовать отъ васъ ничего подобнаго. На сколько мнѣ извѣстно, такого рода поступки не портятъ карьеры офицера и не налагаютъ пятна на дворянскій гербъ.

— Тонъ, съ которымъ вы говорите это, г-нъ Геймвальдъ, суровѣ вашихъ словъ. Я могъ бы въ свое оправданіе сослаться на отсутствіе воли, силу страсти, но дѣло отъ этого не выиграло бы ни на волосъ въ вашихъ глазахъ. Вы можете быть удивляетесь, почему я заговорилъ съ вами объ этомъ? Но эта несчастная, очутившись въ Вѣнѣ, не имѣла ни родныхъ ни знакомыхъ. Вы замѣнили ей отца и брата, приняли ее въ свой домъ. Если кто нибудь изъ людей имѣетъ право обвинять меня за Кристель, то это вы! Я чувствовалъ неудержимую потребность высказаться передъ вами, чтобы вы не судили обо мнѣ ложно.

Эгбертъ съ трудомъ сдерживалъ свое негодованіе и только мысль о томъ, что онъ находится въ обществѣ остановила его.

— Я вовсе не ложно судилъ о васъ, маркизъ, сказалъ онъ съ холодною вѣжливостью. Этотъ разговоръ во всякомъ случаѣ мнѣ кажется неумѣстнымъ. Наши принципы слишкомъ расходятся чтобы мы могли понять другъ друга. Я не имѣю никакого желанія судить о вашихъ поступкахъ.

— Но если какая нибудь дорогая вамъ особа, спроситъ ваше мнѣніе обо мнѣ, напримѣръ маркиза Гондревилль?..

— Какъ прикажете понимать вашъ вопросъ, маркизъ Цамбелли? Если это своего рода требованіе, то я не понимаю, зачѣмъ вся эта комедія раскаянія, которую вы разыграли предо мной. Не думаете ли вы, что я очернилъ васъ передъ маркизой Гондревилль? Достаточно было указать ей на одинъ фактъ изъ вашего прошлаго.

— Изъ моего прошлаго? спросилъ Цамбелли.

— Развѣ вы забыли смерть Жана Бурдона? отвѣтилъ Эгбертъ.

Увѣренность, что Эгберту извѣстенъ фактъ убійства и ему нечего ждать отъ него пощады, возвратила спокойствіе и самообладаніе маркизу.

— Такого рода обвиненія требуютъ удовлетворенія! сказалъ онъ, поднявъ голову.

— Я къ вашимъ услугамъ...

Въ этотъ моментъ въ саду раздались громкіе звуки музыки.

Императоръ съ императрицей вступили въ садъ.

Въ главныхъ аллеяхъ зажглися триумфальныя арки, заблестѣли

надписи „Vive l'Empereur“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за секунду передъ тѣмъ былъ полный мракъ. Ракеты, пестрые огненные шары, бураки полетѣли на воздухъ при громкихъ крикахъ толпы передъ дворцомъ и веселыхъ возгласахъ общества собравшагося въ саду.

Подъ яснымъ ночнымъ небомъ, среди зелени деревъ исчезла принужденность господствовавшая въ залѣ; казалось всѣ почувствовали себя легко и свободно въ полумракѣ. Это вѣроятно придало смѣлость одной дамѣ, взять Эгберта за руку и увлечь его за собою. Онъ могъ только замѣтить, что она въ домино. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они подошли къ двери, ведущей въ театръ. Удивленный Эгбертъ очутился на сценѣ. Лампы были зажжены; все было почти готово къ началу представленія. Дероне разставлялъ пожарныхъ; нѣкоторыя изъ актрисъ смѣялись, указывая другъ другу на молодого офицера изъ-за кулисъ.

Прежде чѣмъ Эгбертъ успѣлъ опомниться, таинственная дама сбросила съ себя домино.

— Отвѣчайте на одинъ вопросъ, сказала она со смѣхомъ,—и вы свободны. Скажите: кто я?

— Кристель!... Зефирина!

— Bravo! воскликнула маленькая танцовщица, хлопая въ ладоши, значить я дѣйствительно похожа на ту цыганку, которая выбросилась изъ окна. На извѣстномъ разстояніи сходство будетъ еще поразительнѣе.

— Что это значить?

— Спросите у Дероне. Я должна изображать въ балетѣ цыганку. „Одѣнь коричневую юбку, мое сокровище, сказалъ онъ,—въ Австріи всѣ цыганки носятъ такія юбки, да кстати завей волосы. Между зрителями будетъ одинъ человекъ, который любилъ смуглую дѣвушку“... Я убѣждена, что это вы мосье Гаймвальдъ.

— Я? съ чего это вамъ пришло въ голову?

— Пожалуйста не отрекайтесь. Вотъ вы тотчасъ узнали ту дѣвушку въ этомъ отвратительномъ нарядѣ. Къ Зефиринѣ вы всегда были равнодушны.

— По мѣстамъ! крикнулъ режиссёръ. — Мадемуазель Зефирина уйдите за кулисы.

Эгбертъ едва успѣлъ поцѣловать ей руку. Дероне увелъ его.

Музыканты въ это время уже настраивали свои инструменты.

Пріятели вышли въ садъ.

— Я убѣжденъ, что появленіе мнимой Кристель произведетъ потрясающее впечатлѣніе на маркиза Цамбелли, сказалъ Дероне.

— Напрасно вы рассчитываете на это, возразилъ Эгбертъ.—Онъ только что сдѣлалъ мнѣ признаніе въ своей бывшей связи съ Кристель и притомъ самымъ циническимъ образомъ.

— Онъ все сказалъ вамъ?

— Онъ сознался въ томъ, что соблазнилъ несчастную дѣвушку, а потомъ бросилъ ее. Если дѣйствительность не произвела на него

никакого впечатлѣнія, то что можетъ сдѣлать ея блѣдное отраженіе на сценѣ? Онъ отвернется и уйдетъ, не дождавшись конца представленія.

— Я не сталъ бы спорить противъ этого, если бы дѣло шло только о томъ, что онъ обманулъ и покинулъ дѣвушку. Но тутъ замѣшана шляпа, мой другъ...

Въ это время князь Шварценбергъ подвелъ своихъ гостей къ театру. Марія-Луиза по знаку Наполеона сѣла на приготовленное ей мѣсто. Онъ самъ еще стоялъ, разговаривая съ графомъ Вольфсеггъ. Праздникъ не занималъ его; въ манерахъ и въ выраженіи его лица можно было ясно прочесть: къ чему всѣ эти пустяки и дѣтскія забавы! Нѣкоторые изъ отвѣтовъ графа Вольфсегга заинтересовали его; онъ намѣренно завелъ съ нимъ продолжительный разговоръ, частью изъ самолюбиваго желанія расположить его въ свою пользу, отчасти съ тою цѣлью, чтобы въ лицѣ графа высказать свою милость къ австрійцамъ.

— Между нѣмцами и мною существуетъ недоразумѣніе, сказалъ Наполеонъ.—Я не желаю ни вредить имъ, ни уничтожить ихъ національности. У всѣхъ насъ только два врага: Англія и Россія. Англичане захватили въ свои руки торговлю цѣлаго міра и эксплуатируютъ въ свою пользу Европу, Азію и Америку. Я отстаиваю свободу морей. Развѣ для насъ это не имѣетъ такое же значеніе, какъ и для французовъ? Съ этой цѣлью я совершилъ походъ въ Египетъ и проникну въ Индію.

— При этомъ ваше императорское величество на пути къ Гангу выберетъ Москву промежуточнымъ пунктомъ...

— Да, это будетъ удобно во всѣхъ отношеніяхъ. Мои планы противъ Англіи не удались, вслѣдствіе неспособности и недоброежелательства людей, которые не могли или не хотѣли понять меня. Увѣряютъ, что нельзя создать флотъ въ короткое время. Пустяки! Все возможно тамъ, гдѣ есть сила и могучая воля! Но я одинъ; господствуя на сушѣ я долженъ быть въ зависимости отъ другихъ людей на морѣ. Повѣрьте, графъ, война съ Россіей необходима.

— Я самъ убѣжденъ въ томъ ваше величество! сказалъ графъ тономъ, въ которомъ слышалась едва уловимая иронія.

— Россія съ своими казаками угрожаетъ новымъ нашествіемъ. Неудержимо расширяетъ она свои предѣлы на югъ и на востокъ. Меня упрекаютъ въ стремленіи къ завоеваніямъ, но настоящій преемникъ Тамерлана въ Петербургѣ. Съ вашей стороны была сдѣлана непростительная глупость — это раздѣлъ Польши. Но этого уже не вернешь. Если Франція и Германія будутъ дѣйствовать за одно, то они могутъ положить предѣлъ алчности русскихъ. Въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ я могъ бы раздѣлить міръ съ Александромъ I. За обладаніе Константинополемъ онъ пожертвовалъ бы и своимъ другомъ прусскимъ королемъ и вашимъ императоромъ. Но я не хочу имѣть

ничего общаго съ нимъ. Я отстаиваю цивилизацію Европы и нѣмцы должны помогать мнѣ въ этомъ. Я отброшу русскихъ въ ихънеобработанныя степи, на Уралъ... Европа будетъ навсегда избавлена отъ того страха, который ей внушаютъ русскіе...

— Но мнѣ кажется, ваше величество, что для исполненія такихъ грандіозныхъ плановъ потребуется слишкомъ много времени.

— Много времени! возразилъ съ усмѣшкой Наполеонъ.—Мнѣ всего сорокъ лѣтъ. Въ два года мои приготовления къ походу будутъ окончены, а до этого обнаружится, желаетъ ли Александръ I жить со мной въ мирѣ. Въ Петербургѣ встрѣчаютъ моихъ враговъ съ распростертыми объятіями. Въ совѣтѣ царя главную роль играютъ авантюристы, бунтовщики, прусскіе офицеры, подкупленные Англіей. Не понимаю, на что надѣются русскіе? Можетъ быть вы объясните мнѣ это?

— Россія представляетъ собою особый міръ. Она страшна не своими пушками и людьми, а своей пустынностью и пространствомъ.

— Пространство не существуетъ для моей конницы.

— Можетъ быть царь убѣжденъ въ противномъ.

— Вы считаете походъ въ Россію опаснымъ? Но это мой послѣдній походъ. Послѣ этого Европа будетъ наслаждаться миромъ въ теченіи столѣтій. Вы кажется не разъ были моимъ противникомъ на полѣ битвы?

— Да, ваше величество.

— Къ счастью пули пощадили васъ. Но не даромъ погибло столько людей въ моихъ битвахъ! Моя цѣль была—создать великую имперію на подобіе римской, которая совмѣщала бы всѣ цивилизованныя народы для охраны міра отъ варваровъ. Я хотѣлъ возстановить порядокъ, обезопасить науку, искусство, собственность. Вездѣ куда только проникли мои орлы я далъ народамъ новые, лучшіе законы. Потомки наши пожнутъ плоды моихъ трудовъ. Вотъ задача моей жизни... У васъ есть дѣти?

— Одна дочь, ваше величество.

— Которую вы вѣроятно выдадите замужъ за порядочнаго человѣка. Еще одинъ вопросъ, графъ Вольфсеггъ—вы родственникъ маркизы Гондревилль, фрейлины императрицы?

— Она моя племянница, ваше величество.

— Человѣкъ, оказавшій мнѣ большія услуги, маркизь Цамбелли проситъ ея руки. Онъ рассчитывалъ на мое содѣйствіе, но разумѣется ваше мнѣніе въ настоящемъ случаѣ должно имѣть перевѣсъ.

— Вы слишкомъ милостивы, ваше величество, но Антуанета совершеннолѣтняя и я не считаю себя въ правѣ стѣснять ея волю.

— Но вамъ лично маркизь не нравится? Что это за человѣкъ? Многіе старались очернить его въ моихъ глазахъ. Но все это бабья болтовня. Вы мужчина и отъ васъ я узнаю правду. Вы не отдали бы свою дочь за маркиза?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Почему? Не вслѣдствіи ли того, что онъ служить у меня и бросилъ изъ-за этого австрійскую службу?

— Нѣтъ, ваше величество! По своему происхожденію онъ всегда могъ считать себя вашимъ подданнымъ. Хотя въ военное время трудно быть слишкомъ строгимъ въ выборѣ людей и подобные люди бывають необходимы, но я не ожидалъ встрѣтить при дворѣ вашего величества человѣка, котораго вся Вѣна знаетъ какъ шпиона, и который замѣшанъ въ одномъ темномъ дѣлѣ...

— Вся Вѣна! повторилъ Наполеонъ, судорожно сжимая поля своей шляпы.

Графъ Вольфсеггъ ожидалъ взрыва его гнѣва, но онъ овладѣлъ собой и сказалъ съ презрительной усмѣшкой:

— Что дѣлать, графъ! Нельзя управлять міромъ съ помощью философовъ, плуты необходимы намъ. Да развѣ народы въ сущности заслуживають иныхъ порядковъ? Но разумѣется не слѣдуетъ держать при себѣ плутовъ, которые попадаютъ въ просакъ!..

Наполеонъ отвернулся и сѣлъ въ кресло. Хозяинъ воспользовался этимъ моментомъ и подавъ знакъ, чтобы подняли занавѣсъ.

Молодая императрица едва не вскрикнула отъ радости и противъ всякаго этикета протянула руку князю Шварценбергу.

Декорация изображала замокъ Лаксенбургъ, гдѣ Марія Луиза провела свое дѣтство.

Это тонкое вниманіе со стороны хозяина дома видимо понравилось Наполеону, такъ какъ на его губахъ появилась милостивая улыбка.

На сценѣ представленъ былъ праздникъ мира въ одной австрійской деревнѣ. Балетъ начался національными танцами, въ которыхъ принимали участіе венгры, чехи, цыгане, австрійскіе крестьяне и крестьянки. По окончаніи танцевъ, исполненныхъ съ живостью и граціей, вышла Зефирина, одѣтая цыганкой, въ коричневой юбкѣ, поразительно похожая на Кристель своей стройной фигурой, искусно гримированнымъ лицомъ и темными волнистыми волосами. Подходя то къ одному, то къ другому, она предсказывала будущее по линиямъ руки.

Въ это время, молодой стрѣлокъ, одѣтый въ полудеревенское, полугородское платье упорно преслѣдовалъ ее своимъ ухаживаніемъ и дѣлалъ самыя невѣроятныя прыжки въ своей новомодной шляпѣ. Чтобы избавиться отъ него она бросилась изъ окна и лежала неподвижно какъ мертвая. Шляпа полетѣла за нею. Крестьянки и крестьяне сбѣжались на мѣсто происшествія. Наказаніе ожидало виновнаго, котораго узнали по шляпѣ; но тутъ цыганка встала со смѣхомъ; произошла сцена примиренія, выраженная въ танцахъ.

Эгбертъ простившись съ Зефириной не могъ пробраться впередъ и долженъ былъ встать съ боку, такъ что ему было удобнѣе наблюдать за публикой, нежели видѣть то, что дѣлалось на сценѣ.

Въ первомъ ряду сидѣла императорская чета. Марія Луиза съ беззаботностью молодости наслаждалась зрѣлищемъ. Добродушное лицо ея сіяло отъ удовольствія при видѣ знакомыхъ танцевъ, напоминавшихъ ея родину; шутки маленькой цыганки вызывали ея веселый смѣхъ. По временамъ она оборачивалась къ придворнымъ дамамъ чтобы обратить ихъ вниманіе на то, что дѣлалось на сценѣ и тѣ, въ угоду императрицѣ старались наперерывъ выразить свое удовольствіе. Одна Антуанета стояла неподвижно и казалось не обращала никакого вниманія на то, что окружало ее. Думала ли она о своей судьбѣ или вспоминала дни своей счастливой молодости? Нѣсколько шаговъ отдѣляли ее отъ дяди, но между ними была непроходимая пропасть. О чемъ говорилъ съ нимъ такъ долго императоръ? По той разсѣянности, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ на представленіе, вѣроятно разговоръ шелъ о предметахъ, близко интересующихъ его. Она знала, что на этомъ балѣ должна рѣшиться ея участь и чувствовала какъ холодѣло ея сердце.

Эгбертъ понималъ, почему Дероне хотѣлъ воскресить Кристель въ лицѣ Зефирины и вывести ее на сценѣ, но онъ не могъ объяснить себѣ смыслъ фарса со шляпой. Развѣ Дероне и Веньяминъ считаютъ Цамбелли виновнымъ въ смерти Кристель?

Всѣ старанія Эгберта уловить выраженіе лица Цамбелли оказались тщетными. Витторіо, сообразно своему положенію, сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора, но изъ предосторожности выбралъ себѣ мѣсто за деревомъ, которое на половину скрывало его. Здѣсь онъ былъ въ полной безопасности отъ любопытства публики, но могъ видѣть сцену до малѣйшихъ подробностей. Пoblѣднѣлъ ли онъ при появленіи мнимой Кристель? Какъ подѣйствовала на него сцена съ шляпой? Одна только звѣзда, смотрѣвшая ему въ лицо сквозь вѣтки деревъ могла на это отвѣтить.

Но за его кресломъ стоялъ человекъ, который слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

Это былъ Дероне.

— Несчастная шляпа!—пробормоталъ полицейскій комиссаръ.— Она служитъ уликой своему господину. Послѣ этого начнешь бояться собственныхъ вещей! Неправда-ли? добавилъ онъ, обращаясь къ маркизу Цамбелли.

— Тѣмъ болѣе, возразилъ хладнокровно маркизь, когда потеряешь ее, какъ это случилось со мной нѣсколько дней тому назадъ.

— И когда найдетъ ее полиція...

Цамбелли оглянулся. Онъ узналъ человекъ, который такъ назойливо вмѣшивался въ его разговоръ съ Эгбертомъ.

— Кто вы такой? Шляпочникъ или нѣчто другое? Не отдаете ли вы на прокатъ маскарадныхъ нарядовъ?

— Нѣтъ, но я имѣю счастье находить потерянные вещи—набалдашники палокъ и шляпы.

— Этимъ занимаются только ветошники! Въ качествѣ адъютанта его императорскаго величества я спрашиваю васъ: по какому праву вы находитесь здѣсь?

— По тому праву, что я полицейскій комиссаръ Дероне.

Цамбелли презрительно кивнулъ головой и отвернулся, дѣлая видъ, что считаетъ ниже своего достоинства говорить съ подобными людьми.

Но выказанное имъ презрѣніе служило только средствомъ, чтобы скрыть испугъ, охватившій его душу. Онъ чувствовалъ себя опутаннымъ со всѣхъ сторонъ людьми, которые повидимому поставили себѣ задачей погубить его. Но это состояніе безпомощности продолжалось всего одинъ моментъ. Теперь онъ зналъ, гдѣ была опасность и это возвратило ему мужество; болѣе чѣмъ когда нибудь онъ хотѣлъ жить и наслаждаться, на зло своимъ врагамъ. Возможность близкаго паденія только усиливала его желаніе остаться на высотѣ своего величія.

Балетъ кончился при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Немного погодя начался фейерверкъ, въ которомъ не было недостатка въ символическихъ восхваленіяхъ императора и его молодой супруги, въ видѣ орловъ съ распростертыми крыльями, лестныхъ надписей изъ разноцвѣтныхъ огней и т. п.

Тяжелое состояніе духа оставило князя Шварценберга. Онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Слава Богу! сказалъ онъ подходя къ графу Вольфсеггу. Самое трудное кончилось. Императоръ уѣдетъ послѣ первыхъ танцевъ. Тогда пусть молодежь веселится сколько ей угодно. Его присутствіе стѣсняетъ всѣхъ. Кстати, Наполеонъ долго разговаривалъ съ вами. Не сообщалъ ли онъ вамъ о своихъ новыхъ планахъ?

— Ему уже представляется, что онъ сидитъ на лошади и ѣдетъ черезъ русскую степь, отвѣтилъ съ улыбкой графъ Вольфсеггъ.

Фейерверкъ кончился. Все общество по приглашенію князя вернулось въ танцевальную залу.

Цамбелли удалось, наконецъ, подойти къ Антуанетѣ.

— Выслушайте меня, сказалъ онъ настойчиво, удерживая ее за кисти ея шали.

— Что вамъ угодно, маркизъ?

— Я люблю васъ, Антуанета. Быть можетъ это безуміе... Вы отвергли мое предложеніе, но вы должны принадлежать мнѣ, хотя бы всѣ силы ада были противъ меня. Не отвѣчайте мнѣ, кивните только головой въ знакъ согласія и мы уѣдемъ съ вами въ Италію, Англію, куда вы захотите.

— Не для того ли, чтобы убѣжать отъ тѣни Жана Бурдона?

Его рука судорожно сжала кисти шали. Онъ не отшатнулся отъ нея, но еще больше наклонился къ ней; она чувствовала его горячее дыханіе у своего лица. Хочетъ ли онъ поцѣловать ее или убить?

— Вы не поняли моего намѣренія, Антуанета, шепнулъ онъ ей на ухо. Мы уѣдемъ отсюда, чтобы возстановить честь любовницы Наполеона.

Антуанета вскрикнула и едва успѣла ухватиться за ближайшую колонну, такъ какъ ноги отказывались служить ей.

Цамбелли исчезъ въ толпѣ.

Императоръ въ это время входилъ въ залу съ своей супругой. Услыхавъ крикъ Антуанеты, онъ быстро оглянулся, но не сказалъ ни одного слова. Только въ залѣ, когда Антуанета очутилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, онъ подошелъ къ ней. Всѣ отступили отъ него, на сколько позволяло приличіе, такъ какъ никто не хотѣлъ подслушивать ихъ разговора.

Слуги въ это время разносили десертъ. Оркестръ игралъ веселую прелюдію къ танцамъ.

— Какъ вы блѣдны, Антуанета! сказалъ Наполеонъ вполголоса. Что съ вами случилось?

— Маркизь Цамбелли..

— Вы отняли у него послѣднюю надежду. Такъ и быть, я беру назадъ свое слово. Ваши родные не желаютъ этого брака. Говорили вы съ вашимъ дядей?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Онъ отличный человѣкъ! Вы должны уѣхать съ нимъ на нѣкоторое время въ Германію, къ вашей матери.

— Ваше величество!..

— Вашъ отказъ и несчастная исторія съ нищей произвели дурное впечатлѣніе на общество. Весь Парижъ говоритъ объ этомъ. Мнѣ это крайне неприятно. Такіе же слухи и сплетни подали поводъ къ насмѣшкамъ надъ Бурбонами и ускорили ихъ паденіе. Вашъ отъѣздъ заставитъ ихъ замолчать. Всякіе скандалы легко забываются въ Парижѣ. Когда вы опять вернетесь сюда, никто не напомнитъ вамъ больше объ этихъ вещахъ. Я желаю вамъ добра, Антуанета. Вамъ нуженъ другой воздухъ и другіе люди; здѣсь все волнуетъ васъ.

Ей хотѣлось сказать ему:—Ты одинъ, жестокій человѣкъ, можешь успокоить меня и дать мнѣ счастье, или довести до отчаянія! Но слова замерли на ея губахъ. Она видѣла два мрачныхъ, неумолимыхъ глаза, устремленныхъ на нее, въ которыхъ не было и тѣни любви и нѣжности.

— Да, я понимаю, чего вы желаете отъ меня, сказала она беззвучнымъ голосомъ.

— Надѣюсь, что вы не истолкуете въ дурную сторону моихъ намѣреній. Ваше сердце идетъ въ разрѣзъ съ разумомъ. Этого не должно быть, Антуанета. Вы слишкомъ серьезно смотрите на жизнь. Прійдетъ время, когда вы иначе отнесетесь къ своему прошлому. Предоставьте мнѣ помирить васъ съ вашими родственниками.

Наполеонъ видѣлъ, что напрасно тратитъ время, убѣждая ее,

такъ какъ она молча стояла передъ нимъ, какъ мраморная статуя и, казалось, еще болѣе каменѣла отъ его словъ. Онъ уже началъ терять терпѣніе, но къ своему удовольствію замѣтилъ Эгберта среди проходившихъ мимо него людей, изъ которыхъ каждый раскланивался передъ нимъ на почтительномъ отдаленіи.

— Капитанъ Геймвальдъ! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.

Онъ не помнилъ ни одного случая въ своей жизни, когда такъ кстати являлся къ нему человекъ, чтобы вывести изъ затруднительнаго положенія.

Императрица въ это время разговаривала съ молодой княгиней Шварценбергъ, но услыжавъ нѣмецкую фамилію невольно оглянулась.

— Очень радъ видѣть васъ въ Парижѣ, капитанъ Геймвальдъ, сказалъ Наполеонъ, отвѣчая на поклонъ Эгберта. Надѣюсь, мы теперь друзья съ вами.

Эгбертъ, вмѣсто отвѣта поклонился еще разъ.

Madame, продолжалъ Наполеонъ, взявъ за руку Марію Луизу, — прошу васъ удостоить своимъ вниманіемъ этого молодого человека изъ Вѣны. Отъ него я впервые услышалъ ваше имя... отъ него и маркизы Гондревилль. Не считаю нужнымъ представлять его вамъ, маркиза. Вы не только соотечественники, но кажется и хорошіе знакомые. Вы вѣрно желаете поговорить другъ съ другомъ. Я ожидалъ отъ васъ, капитанъ, большей находчивости съ дамами. Вы были проворнѣе при Аспергѣ. Императрица подтвердитъ это. А вы, князь, распорядитесь насчетъ танцевъ. Иначе молодежь будетъ на меня сердиться.

Марія Луиза, улыбаясь, кивнула головой Эгберту и сказала нѣсколько словъ, которыхъ онъ не разслышалъ; взявъ подъ руку своего супруга, она направилась къ эстрадѣ, гдѣ стояли назначенныя для нихъ кресла.

Пары одна за другой становились по своимъ мѣстамъ. Неаполитанская королева съ княземъ Эстергази и вице-король Евгенийъ съ молодой княгиней Шварценбергъ — невѣсткой посланника, открыли балъ.

Пробило полночь.

Что-то опяняющее было въ нѣжныхъ, ласкающихъ звукахъ музыки, въ блескѣ и шумѣ праздника. Эгберту казалось, что онъ видитъ сонъ. Опять явилось передъ нимъ прекрасное, свѣтлое видѣніе, такъ часто посѣщавшее его во время юношескихъ грезъ. Придворная жизнь научила ее скрывать свое горе. Она стояла стройная и величественная, съ діадемой на волосахъ; бѣлое платье придавало ей видъ жрицы.

— Антуанета... пробормоталъ Эгбертъ.

Но что это... видъ ли танцующихъ? Все какъ будто кружилось вокругъ него.

— Мы должны повиноваться, сказала она съ горькой усмѣшкой,

взявъ его подъ руку.—Этотъ человѣкъ хочетъ распоряжаться даже нашей радостью, нашимъ счастьемъ. Развѣ онъ можетъ дать комунибудь счастье! Исполнимъ его приказаніе... Въ послѣдній разъ...

Эгбертъ провель ее нѣсколько шаговъ по залѣ. Она пошатнулась; едва сдерживаемыя рыданія душили ее.

— Нѣтъ, я еще не могу танцовать; подождемъ слѣдующаго танца, сказала она, сдѣлавъ надъ собой усиліе.

— Вамъ нездоровится, Антуанета. Пойдемте лучше въ садъ. Свѣжій воздухъ освѣжитъ васъ.

— Нѣтъ, мы будемъ танцовать. Мы еще никогда не танцовали съ вами. Теперь мнѣ легче; это сдѣлалось отъ жары... Вамъ разумѣется танцы не доставятъ никакого удовольствія, такъ какъ здѣсь нѣтъ Магдалены. Когда вы оба будете наслаждаться счастьемъ, не забывайте меня. Мнѣ иногда представляется, что я немного способствовала вашему счастью, такъ какъ остановила васъ въ тотъ моментъ, когда и вы стремились взлетѣть на высоту. Но на высотѣ насъ ждетъ одиночество и холодъ, леденящій холодъ...

— Императоръ говорилъ съ вами? Что, онъ все еще настаиваетъ на этомъ злополучномъ супружествѣ?

— Напротивъ! Я окончательно избавилась отъ этого; императоръ высылаетъ меня въ Германію къ моей матери...

— Въ Германію! къ намъ! Какое счастье для всѣхъ насъ! И вы говорите это съ такимъ печальнымъ лицомъ, Антуанета! Неужели родина, воспоминанія молодости, мы всѣ, которые любимъ и уважаемъ васъ, ничто для васъ, сравнительно съ этимъ человѣкомъ!

— Не говорите мнѣ объ уваженіи, сказала она блѣднѣя.—Если бы можно было стереть что либо съ доски жизни, то я отъ всей души хотѣла бы опять очутиться около моего любимаго озера или прямо съ этого праздника броситься въ его прозрачныя волны и пойти ко дну.

— Что за мысли! Вы нравственно больны и въ этомъ виновата Парижъ и придворная жизнь. Приѣзжайте къ намъ и вы избавитесь отъ непріятныхъ впечатлѣній, которыя гнетутъ васъ, какъ тяжелый сонъ.

— Да, если бы это былъ сонъ! Какъ бы рада была я опять увидѣть мать, обнять ея колѣна; но теперь... это невозможно...

— Графъ Вольфсеггъ поможетъ вамъ своимъ посредничествомъ и примиритъ васъ съ матерью?

— Мой дядя и императоръ люди одного закала. У Наполеона одинъ кумиръ—онъ самъ; графъ Вольфсеггъ считаетъ честь выше всего на свѣтѣ. Какую цѣну имѣетъ для нихъ женщина? Каждый изъ нихъ безъ малѣйшаго состраданія принесетъ меня въ жертву своему кумиру. Какъ бы хорошо было намъ жить на свѣтѣ, если бы у насъ не было сердца!

— Къ чему такое отчаяніе, Антуанета? Жизнь постоянно наноситъ намъ раны, но она же и залечиваетъ ихъ.

— Кроткая душа! подумала Антуанета;—ты не извѣдалъ поцѣлуевъ демона!..

Начался экосезъ. Императорская чета намѣревалась въ то время обойти залу.

Наполеонъ всталъ съ своего мѣста.

— Пойдемте танцовать, воскликнула Антуанета, увлекая за собой Эгберта и судорожно сжимая его руку. — Я не хочу больше видѣть этого человѣка. Начинайте скорѣе. Какъ бы я хотѣла кружиться такъ до безконечности и умереть среди этой музыки, блеска, и веселья.

Безумный порывъ овладѣвшій ею, лишилъ и Эгберта сознанія дѣйствительности. Быстро унеслись они въ вихрѣ живого танца. Она прижималась къ нему; выбившіеся локоны ея волосъ ласкали его губы.

Сложивъ руки на спинѣ, Наполеонъ отошелъ за колонны галереи чтобы не мѣшать танцующимъ. Онъ казался разсѣяннымъ. Двухлѣтній миръ, который только что начался и въ продолженіи котораго онъ думалъ заняться приготовленіями къ новой гигантской войнѣ уже началъ тяготить его. Онъ остановился на секунду и молча глядѣлъ на танцующихъ.

Узналъ ли онъ среди ихъ Антуанету по ея бѣлокурымъ развѣвающимся волосамъ?

— Маркизь Цамбелли! сказалъ онъ своимъ рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ.

— Ваше величество! отвѣтилъ маркизь, поспѣшно подходя къ нему.

— Вы еще не получали извѣстій изъ Испаніи о вашемъ другѣ, полковникѣ Луазелѣ?

— Вашему величеству сдѣлано ложное донесеніе! Полковникъ Луазель никогда не былъ моимъ другомъ.

— Завтра утромъ вы отправитесь въ Мадридъ. Парижскій воздухъ вреденъ для васъ.

— Ваше величество...

— Или еще лучше, подайте въ отставку. Тогда толки объ васъ скоро умолкнутъ. Что вы считаете меня слѣпымъ, милостивый государь? Я охотно буду держать при себѣ каторжниковъ, но не глупцовъ, которые позволяютъ перехитрить себя.

— Ваше величество.

— Вы можете уйти!..

Весь этотъ разговоръ продолжался не болѣе минуты. Наполеонъ говорилъ вполголоса, ни разу не взглянувъ на маркиза; на лицѣ его не шевельнулся ни одинъ мускулъ.

Все помутилось въ глазахъ маркиза; но онъ устоялъ на ногахъ и отдавъ честь его величеству, отошелъ отъ него. Рука его инстинктивно схватилась за рукоятку сабли.

„Приколи его, мелькнуло въ головѣ Цамбелли, ты освободишь челоуѣчество отъ его худшаго врага и твое имя сдѣлается безсмертнымъ наравнѣ съ его именемъ!..“

— Пожаръ! Пожаръ! раздался громкій крикъ съ галереи, около которой стоялъ императоръ.

Внезапный порывъ сквозного вѣтра при открываніи дверей поднялъ одну изъ газовыхъ занавѣсей, прикрывавшихъ колонну галереи и набросилъ ее на свѣчи стѣнного канделябра. Въ тотъ же моментъ запылала воздушная ткань. Наполеонъ взглянулъ наверхъ. Стоявшій возлѣ него графъ Бенггеймъ, поспѣшно сорвалъ занавѣсь и началъ гасить ее вмѣстѣ съ камергеромъ его величества, графомъ Дюмануаръ. Благодаря имъ огонь былъ скоро потушенъ. Наполеонъ бросилъ на нихъ дружелюбный взглядъ и мановеніемъ руки водворилъ порядокъ между окружающими его. Но въ то время, когда вниманіе всѣхъ было обращено на сорванную занавѣсь, неожиданно загорѣлось у потолка, отъ искры, упавшей на драпировку. Быстро вспыхнула легкая, розовая кисея, обвивавшая верхній карнизъ галереи. Шипящее пламя охватило розетки и банты изъ газа и шелка, жадно пожирая длинныя цѣпи цвѣтовъ, извиваясь по нимъ вверхъ и внизъ. Вотъ оно дошло до потолка, пробралось въ пестрые обои—еще секунда и вся галерея была объята тысячами огненныхъ языковъ.

Но также весело раздавалась музыка, лаская слухъ; посреди залы продолжались оживленные танцы.

— Пожаръ! послышалось вновь въ праздничной толпѣ. Всѣ лица указались отъ ужаса и отчаянія.

— Пожаръ! пожаръ! раздавалось съ разныхъ сторонъ.

Возлѣ Наполеона стоитъ графъ Вольфсеггъ. Глаза ихъ встрѣтились. Не старается ли каждый прочесть выраженіе испуга на лицѣ другого?

Но также холодны и безстрастны какъ всегда глаза Наполеона. Онъ задумчиво смотритъ на пламя, какъ бы для того чтобы убѣдиться, что всякая попытка остановить пожаръ будетъ безуспѣшна. Нахмутивъ брови, онъ оглянулся на своихъ приближенныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ изъ боязни покушенія на жизнь императора со стороны нѣмцевъ или яacobинцевъ, обнажили шпаги, но его взгляда было бостаточно чтобы они опять вложили оружіе въ ножны. Медленно, чѣмъ было нужно чтобы доказать свою неустрашимость графу Вольфсеггъ и Шварценбергу, которые шли около него, императоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по залѣ на встрѣчу своей супруги, которая спѣшила къ нему, дрожа отъ испуга. Онъ взялъ ее за руку и громко сказалъ:

— Успокойтесь! опасность еще не такъ велика. Выходъ свободенъ...

Князь Шварценбергъ повелъ императорскую чету черезъ садъ.

— Я велѣлъ подѣхать каретѣ вашего величества къ воротамъ сада, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ? спросилъ императоръ. Не думаете ли вы, что меня ожидаетъ какая нибудь опасность отъ толпы у главнаго подѣзда?

Неужели и вы князь, вѣрите въ существованіе какихъ-то заговорщиковъ! Все это бабьи сказки. Я уѣду съ того мѣста, гдѣ ожидаютъ меня мои подданные. Кто здѣсь изъ полицейскихъ?

Дероне тотчасъ же явился, черный отъ копоти и дыма.

— Полицейскій комисаръ Дероне, поспѣшилъ онъ доложить о себѣ.

— Очень радъ, что вы здѣсь. Я слышалъ о васъ. Есть ли какаянибудь возможность отстоять танцевальную залу?

— Нѣтъ, ваше величество.

— И вы думаете?..

— Нѣкоторые поплатятся жизнью за свое участіе на праздникѣ.

— А тамъ, на улицѣ?

— Съ этой стороны все спокойно. Парижане заняты теперь пожаромъ и забудутъ объ адской машинѣ, если бы она была приготовлена у нихъ.

Слуга доложилъ, что кареты поданы на улицѣ Montblanc у главного подъѣзда.

— Я не прощаюсь съ вами, князь, сказалъ Наполеонъ и тотчасъ же вернулся сюда. Не теряйте присутствія духа, господа! Помощь не заставитъ себя ждать. Я рассчитываю на ваше усердіе, Дероне.

Съ отъѣздомъ императора исчезъ всякій признакъ порядка и разсудительности, которые еще поддерживались въ обществѣ присутствіемъ императора, тѣмъ болѣе, что пламя быстро распространилось, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія.

Переходъ отъ беззаботнаго веселія къ испугу былъ такъ неожиданъ, что не сразу могло явиться у всѣхъ сознание своей безпомощности и опаснаго положенія. Галлерей походила на огненное море, красныя волны котораго съ шумомъ и трескомъ разливались по залѣ. Оба выхода черезъ галлерей были закрыты; гостямъ оставался одинъ путь къ побѣгу—черезъ главный входъ. При общемъ смятеніи, говорѣ и крикахъ, только немногіе вспомнили о двери за императорскими креслами. Всѣ устремились разомъ къ главному входу, каждый думалъ только о себѣ, подъ вліяніемъ слѣпого эгоистическаго чувства самосохраненія. Легкія платья дамъ еще больше увеличивали опасность такъ какъ искры сыпались со всѣхъ сторонъ; ихъ длинныя шлейфы мѣшали быстротѣ бѣгства. Многія упали на полъ отъ натиска толпы, бѣгущіе перескакивали черезъ нихъ, не обращая вниманія на ихъ крики и стоны; другія обрасывали съ себя шарфы и шали, обрывали дорогія кружева. Всякое различіе общественнаго положенія, которое такъ строго соблюдалось въ этомъ обществѣ, исчезло; женщины забыли свою сдержанность, мужчины—свое рыцарство. У всѣхъ было одно стремленіе—спасти свою жизнь во что бы то ни стало. Дероне, пожарные и нѣсколько человѣкъ изъ общества, которые съ самаго начала пожара явились къ нимъ въ садъ на помощь, употребляли всѣ свои усилія, чтобы остановить огонь. Но ихъ

было слишкомъ мало чтобы достигнуть сколько нибудь дѣйствительныхъ результатовъ. Ничто не могло спасти залу. Колонны, поддерживавшіе потолокъ уже были объяты пламенемъ. Не доставало воды для небольшихъ пожарныхъ трубъ. Между тѣмъ помощь, обѣщанная Наполеономъ не являлась. Огромное зарево пожара отражалось на мрачномъ небѣ, на которомъ собиралась гроза. Поднявшійся вѣтеръ раздувалъ огонь съ неудержимою силою. Мелкій дождь искръ разносился по саду и улицѣ. Среди завыванія вѣтра, треска огня, слышались вопли ярости и отчаянія людей, дополняя собой величественную и дикую картину разрушенія.

Изъ залы выносили въ садъ женщинъ въ обморожѣ, раненыхъ и умирающихъ; другіе отыскивали своихъ близкихъ, и не находя ихъ бросались назадъ въ гигантскій кратеръ въ безумной надеждѣ вырвать жену, дочь или любимую женщину изъ пылающей могилы. По временамъ огонь останавливался и какъ бы собирался съ новыми силами, давая отдыхъ людямъ, которые напрасно старались потушить его.

Графъ Вольфсеггъ благополучно достигъ ступеней главнаго входа.

— Эгбертъ! Эгбертъ! кричалъ онъ своимъ сильнымъ голосомъ.

Невыразимый страхъ овладѣлъ имъ. Во все время праздника онъ почти не отходилъ отъ своего молодого друга, но при началѣ пожара, когда все переиначилось въ залѣ, онъ потерялъ его изъ виду.

— Эгбертъ! крикнулъ онъ еще разъ. Никто не откликнулся на его зовъ.

— Г-нъ Геймвальдъ еще въ залѣ, сказалъ стоявшій возлѣ него маркизъ Цамбелли, съ выраженіемъ злорадства и ненависти на лицѣ.— Онъ танцуетъ экосезъ съ маркизой Гондревилль.

— Съ Антуанетой! воскликнулъ графъ Вольфсеггъ, не помня себя отъ горя и безпокойства. Два существа, которыхъ онъ послѣ дочери любилъ больше всего на свѣтѣ, находились въ неминуемой опасности. Онъ закрылъ себѣ лицо руками.

— Если они умрутъ, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ, добавилъ Цамбелли.

Вольфсеггъ уже не слушалъ его. Съ крикомъ: Эгбертъ! Антуанета! онъ бросился назадъ въ залу.

Витторіо мрачно посмотрѣлъ ему вслѣдъ. До сихъ поръ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки, чтобы подать помощь погибающимъ. Онъ стоялъ у входа и смотрѣлъ на волнующуюся, растерянную толпу со всѣхъ сторонъ окруженную пламенемъ. Уже много разъ сбрасывали его съ этого мѣста, гдѣ онъ загораживалъ собою дорогу бѣгущимъ, но онъ упорно возвращался назадъ, какъ будто это зрѣлище разрушенія и смерти имѣло для него особую притягательную силу.

Безумная радость охватила его сердце, когда онъ увидѣлъ танцевальную залу охваченную пламенемъ. Пусть рушится и гибнетъ все вмѣстѣ съ разрушеніемъ его надеждъ—его враги, женщина, которую

онъ страстно любилъ и ненавидѣлъ въ одно и то же время и тотъ человѣкъ, который ослѣпилъ его своимъ блескомъ, дважды довелъ его до убійства и теперь съ презрѣніемъ оттолкнулъ его отъ себя. Онъ хотѣлъ насмотрѣться на зрѣлище ихъ гибели, а потомъ раздѣлить ихъ участь. Зачѣмъ жить, когда всѣ надежды, стремленія, достигнутыя почести—все разлетѣлось въ прахъ. Развѣ есть для него иной исходъ, кромѣ смерти! Вернуться къ прежней неизвѣстности? Но кто поручится ему, что вслѣдъ за немилостью императора на него не будетъ сдѣланъ доносъ и его не осудятъ на галеры? Прошлое начало рисоваться ему въ другихъ краскахъ. Онъ видѣлъ передъ собою Жана Бурдона съ впалыми глазами и мертвенно блѣднымъ лицомъ, лежащаго на травѣ и облитаго кровью. Но вотъ что-то темное промелькнуло мимо него. Онъ отскочилъ въ испугѣ. Это была Кристель. Привидѣніе исчезло въ толпѣ, секунду спустя онъ опять увидѣлъ ея голову въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя. Ему показалось, что она кивнула ему головой. Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

Онъ схватилъ себя за голову. Что это съ нимъ? Не начало ли это сумашествія. Развѣ онъ забылъ, что эта цыганка танцевала на сценѣ. Его враги думали поймать его на этомъ случайномъ сходствѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не рѣшается взглянуть въ ту сторону, гдѣ стоитъ дѣвушка въ коричневой юбкѣ. За пылающими колоннами слышится раздирающій крикъ:

— Антуанета! Антуанета!

Дворъ и садъ были переполнены не одними гостями. Полиція и прислуга не въ состояніи была задерживать болѣе народную массу. Одни пробрались въ ворота, другіе черезъ сосѣдніе дворы; иные прямо перелѣзали черезъ заборъ. Въ то время какъ большинство стремилось только насытить свое любопытство, нашлось не мало мошенниковъ и воровъ, которые спѣшили воспользоваться общимъ смятеніемъ. Не даромъ нѣсколько часовъ тому назадъ выставили имъ на показъ столько брилліантовъ, золота и разныхъ дорогихъ вещей!

Въ толпѣ мелькаютъ фигуры танцоровъ и танцовщицъ въ фантастическихъ балетныхъ нарядахъ; румяна плохо скрываютъ ужасъ, который изображается на ихъ лицахъ. Все кружится, снуетъ взадъ и впередъ; всюду шумъ, крики и стоны. Зефирина ищетъ Эгберта и Дероне и громко зоветъ ихъ. Опасность для остающихся въ залѣ увеличивается съ минуты на минуты. Со всѣхъ сторонъ летятъ горячіе обломки, доски, цѣляя хлопья огня; искры, разносимыя вѣтромъ, падаютъ огненнымъ дождемъ на дворецъ и ближайшіе дома. Увѣренность въ скоромъ прибытіи императора заставляетъ многихъ работать съ удвоенною силою. Явилась, наконецъ, и обѣщанная помощь. Одни за другими подбѣзжаютъ пожарныя трубы. Знатные господа работаютъ наравнѣ съ блузниками, слугами и пожарными; они сбросили съ себя парадное платье, носятъ воду, разрубаютъ топорами горячія стѣны. Но масса праздныхъ, спующихъ взадъ и

впередъ людей мѣшаетъ имъ. Подъ тяжестью толпы обрушились ступени главнаго входа, обращеннаго въ садъ. Многіе получили ушибы; иныхъ подняли за мертво. Бѣгство становится еще болѣе затруднительнымъ.

Витторіо мало по малу оправился отъ испуга, причиненнаго появленіемъ мнимой Кристель. Ему показалось, что онъ узнаетъ въ вихрѣ пламени стройную женскую фигуру съ распущенными волосами и въ нцлающимъ платьѣ. Но вотъ облако дыма скрыло ее отъ его глазъ. Не Антуанета ли это? или быть можетъ это только призракъ, вызванный его воображеніемъ? Въ этотъ моментъ съ трескомъ слетѣла съ потолка большая люстра; надъ нею поднялась колонна черноватаго дыма, опоясанная багровыми полосами огня.

Когда вторично показалось пламя надъ галлерей, въ танцевальной залѣ явственно раздакъ зловѣщій крикъ: Пожаръ! Пожаръ!

Эгбертъ хотѣлъ остановиться и вывести Антуанету изъ толпы.

— Это пустыки! ложная тревога! говоритъ ему Антуанета, почти насильно увлекая его въ ряды танцующихъ.

Но звуки музыки внезапно умолкаютъ. Скрипачи останавливаются, какъ будто у нихъ нѣтъ времени даже для одного удара смычка.

Порядокъ паръ нарушенъ. Мѣрный и стройный танецъ превращается въ дикое, беспорядочное бѣгство. Эгбертъ, крѣпко ухвативъ за руку Антуанету, спѣшитъ къ эстрадѣ, въ надеждѣ вывести молодую графиню черезъ потаенную дверь за императорскими креслами.

— Вы дрожите Эгбертъ? Что съ вами?

— Я не успокоюсь, пока не уведу васъ отсюда. Вашъ шлейфъ волочится по полу, поднимите его; онъ можетъ загорѣться отъ искры.

— Вы беспокоитесь обо мнѣ? Но если бы вы могли прочесть то, что у меня дѣлается на душѣ!

— Какое у васъ странное выраженіе лица! Что вы задумались Антуанета? Идите же!

Обнявъ ее за талью, онъ почти насильно заставляетъ ее идти за собою.

Она вырывается изъ его рукъ; тѣснота мѣшаетъ ему добраться до эстрады.

— Оставьте меня, Эгбертъ; мнѣ нѣтъ иного исхода кромѣ смерти. Мое сердце умерло. Вспомните одинъ нашъ разговоръ о Семелѣ, сгорѣвшей въ Олимпійскомъ огнѣ...

Сама ли она вырвалась отъ него или ихъ разъединилъ натискъ толпы? Онъ еще видитъ ее. Но что это съ ней! Какое безуміе! она направляется прямо къ галлерей, объята пламенемъ! Эгбертъ бросился за нею въ надеждѣ спасти ее. Всего нѣсколько шаговъ отдѣляютъ ихъ. Но вотъ она пошатнулась и упала. Не смотря на его отчаянныя усилія пробраться впередъ, непроходимая стѣна людей окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и уноситъ съ собою.

Между тѣмъ на дворѣ и въ саду, гдѣ еще за минуту передъ

тѣмъ господствовалъ полный хаосъ водворилась внезапная тишина и порядокъ. Приѣхалъ императоръ. Проводивъ свою супругу до Тюльери, откуда она должна была отправиться въ St.-Cloud, онъ вернулся на пожаръ.

— Вы видите, я сдержалъ слово, сказалъ онъ князю Шварценбергу, который былъ внѣ себя отъ безпокойства, предчувствуя страшную потерю. Его невѣстка Паулина Шварценбергъ осталась въ залѣ; за минуту передъ тѣмъ пронесли его молодую племянницу покрытую обжогами.

По распоряженію императора на дворъ вступилъ батальонъ его гвардіи и гонить передъ собою всѣхъ праздныхъ зрителей, не занятыхъ тушеніемъ пожара и не принадлежащихъ къ домашнему штату австрійскаго посланника. Всѣ выходы, двери и корридоры дворца заняты солдатами; они оцѣпили все мѣсто пожара. Точно и безпрекословно исполняется всякое приказаніе. Наполеонъ стоитъ молча передъ разрушенными ступенями главнаго входа въ свое мѣсто събромъ невзрачномъ сюртукѣ, съ руками сложенными на груди. Его фигура ярко освѣщена багровымъ пламенемъ. Всѣ робко отступили отъ него. Новый министръ полиціи Савари и полицейскій префектъ Дюбуа избѣгаютъ попасться на глаза властелина изъ боязни подвергнуться его гнѣву, предоставляя ему въ случаѣ неудовольствія излить свою ярость надъ младшими полицейскими чинами и пожарными. Даже тѣ, которые не видятъ Наполеона чувствуютъ его присутствіе.

На небѣ собираются грозовыя тучи, но огонь начинаетъ стихать. Сверху слышится глухой трескъ, дрогнулъ потолокъ, еще нѣсколько секундъ и великолѣпное праздничное зданіе, сооруженное на одну ночь, рушилось съ грохотомъ, представляя собою гигантскій пылающій костеръ. Тутъ уже нечего было спасать; всѣ усилія должны быть направлены на то, чтобы остановить распространеніе пожара.

Какъ ни великъ страхъ къ Наполеону и уваженіе къ его присутствію, но трагическій конецъ праздника произвелъ на всѣхъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, чтобы у каждаго не явилось желаніе подѣлиться своими соображеніями. Многіе шопотомъ напоминали другъ другу о фейерверкѣ 30 мая 1770 года, устроенномъ въ честь свадьбы Маріи Антуанеты и Людовика XVI-го. Какъ тогда, такъ и теперь факелы гимenea смѣшаны съ пламенемъ пожара и обагрены кровью. Это былъ тотъ-же роковой австро-французскій союзъ! Опять оправдывался голосъ народа, осуждавшаго этотъ бракъ. Пожаръ, гибель столькихъ людей служатъ печальнымъ предзнаменованіемъ для новобрачныхъ.

— Не веселая трагедія ожидаетъ насъ въ будущемъ! сказалъ одинъ.

— Чего достигъ онъ этимъ бракомъ! Нѣмцы все также ненавидятъ его, а французовъ онъ положительно возстановилъ противъ себя, возразилъ другой.

— Онъ самъ роетъ себѣ яму!

Не такія ли соображенія омрачаютъ душу и чело Наполеона? Подозрѣваетъ ли онъ толки въ народѣ, возбужденные этимъ несчастнымъ событіемъ? Неужели судьба начинаетъ измѣнять ему? Не былъ ли Аспернъ первымъ признакомъ, что солнце его счастья близко къ закату, а этотъ пожаръ не есть-ли вторичное предзнаменованіе грозящей ему бѣды? Неужели у Наполеона, какъ у всѣхъ смертныхъ, могло пробудиться хотя минутное сознаніе непрочности земныхъ благъ?

Онъ повелительно указалъ рукою на пылавшій передъ нимъ костеръ. Пожарные, рабочіе, офицеры поспѣшно бросились по направленію его руки. Въ облакѣ сѣроватаго дыма виднѣлись трое людей, которые медленно пробирались по уцѣлѣвшимъ балкамъ и доскамъ, все ближе и ближе къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ императоръ. Они въ разорванныхъ, обгорѣлыхъ платьяхъ; лица ихъ почернѣли отъ копоти и покрыты обжогами. Они несутъ кого-то. По ключьямъ бѣлаго платья можно догадаться, что это женщина.

— Носилки! Зовите скорѣе доктора! Она еще жива! крикнулъ Наполеонъ, замѣтивъ судорожное движеніе въ рукѣ обгорѣвшей женщины.

— Докторъ уже здѣсь съ нѣсколькими помощниками.

— Кто такой?

— Венъяминъ Бурдонъ, изъ госпиталя въ улицѣ Таганне.

— Зовите его сюда.

Трое мужчинъ съ своей ношей перешагнули послѣднія доски, загоравшія имъ дорогу и вошли въ садъ.

Это были Эгбертъ, Вольфсеггъ и Дероне; они несли Антуанету.

Слабый, но раздирающій крикъ вырвался изъ груди несчастной.

Двое людей бросились къ ней: Наполеонъ и Цамбелли.

Слѣдуя порыву своего горя, Витторіо забылъ всякое уваженіе къ императору и кинулся къ обгорѣвшей женщинѣ съ поднятой рукою, какъ будто хотѣлъ убить всякаго, кто вздумалъ-бы остановить его.

Съ дикимъ крикомъ: Антуанета! опустился онъ на колѣни, но вслѣдъ затѣмъ упалъ навзничъ, какъ будто пораженный молніей.

— Жива ли она? спросилъ Наполеонъ, подходя ближе.

— Да, но скоро умереть! отвѣтилъ рѣзко графъ Вольфсеггъ, стиснувъ зубы.

Наполеонъ наклонился надъ той, которая представляла собой жалкую тѣнь прежней блестящей маркизы де-Гондревилль. Онъ видѣлъ обезображенное лицо, искаженное болью.

Она подняла рѣсницы. Губы ея прошептали что-то. Ему показалось, что она сказала— „Семела!..“ или это былъ обманъ воображенія?

Явились слуги съ носилками и докторъ.

— Бурдонъ! сказалъ императоръ суровымъ, хриплымъ голосомъ, она должна жить!

— Нѣтъ, ваше величество. Мы всѣ должны желать, чтобы она

умерла. Если она выйдетъ изъ этого безчувственнаго состоянія, то пробужденіе будетъ для нея хуже смерти.

Умирающую переложили на мягкія носилки и понесли въ домъ. Бурдонъ утѣшалъ Эгберта, который не могъ болѣе удерживать своихъ слезъ.

Наполеонъ и графъ Вольфсеггъ остались одни.

— Прочь отсюда, пробормоталъ Наполеонъ. Только и можно жить на полѣ битвы!

Онъ быстро повернулся къ графу Вольфсеггъ:

— И такъ въ Москву! Смерть или побѣда! Нѣмцы послѣдуютъ за мной...

— Надѣюсь, что нѣтъ! отвѣтилъ графъ Вольфсеггъ.

Наполеонъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ его.

Надъ ихъ головами разразился первый ударъ грома; молнія освѣтила черныя тучи.

Наполеонъ вышелъ изъ сада, опустивъ руки въ карманы своего военнаго сюртука.

Графъ Вольфсеггъ послалъ ему вслѣдъ проклятіе. Разслышалъ ли его Наполеонъ?

Потоками хлынулъ дождь, заливая огромное дымящееся пожарище.

— Подымите его! крикнулъ Дероне, толкая ногой лежащаго на землѣ Витторіо.

Двое полицейскихъ приподняли съ земли изящнаго маркиза, трясли его, поворачивали во всѣ стороны, но онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни.

— Онъ умеръ, сказалъ Дероне, взглянувъ на лицо Цамбелли. Туда ему и дорога! Бросьте его!

Наступила осень съ кроткимъ солнечнымъ сіяніемъ. Яркая зелень деревъ померкла; кое гдѣ уже появились желтые листья.

Въ замкѣ Зебургъ, между озерами Траунъ и Аттеръ готовится семейное празднество по случаю свадьбы пріемной дочери графа Вольфсегга съ Эгбертомъ Геймвальдомъ. Мѣстные жители помнили его съ октябрьской ночи 1808 г. когда онъ впервые явился въ замокъ съ вѣстью о насильственной смерти Жана Бурдона; другіе видѣли его при Аспернѣ и на мосту при Эбельсбергѣ во время схватки съ французами и съ уваженіемъ отзывались о храбрости молодого капитана.

Сначала внезапное появленіе Магдалены, пріѣхавшей изъ Парижа вмѣстѣ съ графомъ возбудило много толковъ и послужило поводомъ къ злословію; каждый рассказывалъ ея исторію по своему. Но въ самомъ непродолжительномъ времени Магдалена расположила къ себѣ простодушныхъ деревенскихъ жителей своей обходительностью и такъ

томъ, съ которымъ она держала себя. Въ ней не было и тѣни заносчивости и той высокоумной снисходительности, съ какой обыкновенно знатныя дамы обходятся съ бѣдными и съ тѣми, которыхъ онѣ считаютъ ниже себя по общественному положенію. Прислуга въ замкѣ радовалась, что бразды домашняго правленія скоро перейдутъ въ ея руки и, что они будутъ избавлены отъ воркотни старой маркизы Гондревилль, которая со дня на день дѣлалась раздражительнѣе и брюзгливѣе. Даже мрачное лицо графа Вольфсегга замѣтно просвѣтлялось въ присутствіи Магдалены.

— Если бы барышни не было въ замкѣ, замѣтилъ однажды старый управляющій, то можно было бы повѣситься отъ собственной тоски.

— Ну, это было бы безбожно! возразилъ патеръ Марсель, который сталъ еще болѣе походить на лисицу. Развѣ можно толковать о смерти, когда у насъ есть старое тирольское вино на погребѣ и надежда увидѣть въ будущемъ году страшную комету.

О приключеніяхъ капуцина въ послѣдніе годы ходили странные слухи. Одни простодушно вѣрили его розказнямъ въ родѣ того, что онъ собственноручно отрѣзалъ головы у двѣнадцати спящихъ французовъ. Если же кто нибудь выражалъ сомнѣніе въ подлинности этихъ страшныхъ исторій, то патеръ набожно поднималъ глаза къ небу какъ будто хотѣлъ сказать:—Что дѣлать! участь праведниковъ терпѣливо выносить клевету,—или же останавливалъ болтуна вопросомъ:

— Развѣ вы были при этомъ? Докажите, что я говорю неправду! Весьма немногіе находили, что отвѣтить на это. Большинство придерживалось убѣжденія, что капуцинъ намѣренно рассказываетъ сказки чтобы отвести глаза и что во время войны въ его рукахъ была длинная пороховая нить протянутая изъ Вѣны въ Тирольскія горы.

Какъ у прислуги, такъ и у господъ въ замкѣ Зебургъ патеръ Марсель былъ почетнымъ и любимымъ гостемъ, который умѣлъ понять шутку и самъ подшутить надъ другимъ умно и кстати. Въ день своего приѣзда изъ Парижа въ концѣ іюля графъ послалъ за нимъ въ Гмунденъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Непоколебимая вѣра патера, что скоро наступитъ часъ освобожденія Германіи отъ ненавистнаго французскаго ига благотѣльно дѣйствовала на графа Вольфсегга, который не столько терзался своими семейными огорченіями, сколько мыслю о позорѣ своего отечества и безсильнымъ гнѣвомъ на слѣпое счастье Наполеона. Онъ не вынесъ изъ своей поѣздки въ Парижъ надежды на продолжительный миръ, какъ другіе его соотечественники. На праздникъ у австрійскаго посланника Наполеонъ довѣрилъ ему свои затаенные планы. Миръ долженъ былъ служить для него приготовленіемъ къ новой гигантской войнѣ; его видимая бездѣятельность, поѣздки, которыя онъ принималъ съ своей молодой супругой, громадныя постройки, за которыя восхваляли его газеты, скрывали вооруженіе его войскъ. Изъ част-

ныхъ писемъ, получаемыхъ изъ Петербурга, видно было, что и Александръ I безостановочно занятъ увеличеніемъ своей арміи и укрѣпленіями. Воображеніе рисовало графу Вольфсеггу безчисленныя толпы конницы и пѣхоты, которыя направлялись въ Россію, оглушающій шумъ оружія, поля битвы, кровь и стоны умирающихъ, зарево пожаровъ. Вернется ли вся эта масса изъ сѣверныхъ степей или погибнетъ и исчезнетъ безслѣдно въ снѣжныхъ сугробахъ?

Но сегодня радость отца пересилила печальныя мысли и заботы о родинѣ. Подъ руку съ Эгбертомъ стоитъ Магдалена съ улыбкой счастья на лицѣ и, краснѣя принимаетъ поздравленія гостей. Это все то-же общество, которое такъ тяготило Антуанету своимъ застоємъ и мелочными интересами. Но Магдалена была обыкновенная женщина, какъ она сама называла себя. Ея мечты о счастья не заходили за предѣлы тѣснаго семейнаго круга; честолюбіе было недоступно ея кроткой привязчивой душѣ. Эгбертъ съ любовью смотритъ на избранную своего сердца. Это не прежній мечтательный, увлекающійся юноша. Созерцательная жизнь, чуждая общественныхъ интересовъ, къ которой онъ стремился въ дни своей ранней молодости сдѣлалась невозможною для него. Опасность, грозившая его отечеству и участіе въ послѣдней войнѣ пробудили въ немъ сознаніе тѣсной связи, существующей между отдѣльными личностями и государствомъ, которому онъ принадлежитъ по рожденію, воспитанію, языку и привычкамъ. Время испытаній еще не прошло для Австріи и Германіи, но Магдалена поможетъ ему пережить ихъ, а въ случаѣ необходимости онъ явится изъ первыхъ на защиту своего отечества. Прекрасные дни юношескихъ грезъ и бессознательнаго веселія безвозвратно прошли для Эгберта; но онъ не жалѣетъ о нихъ. Только съ окончаніемъ лѣта, когда отъ неба и земли вѣетъ осенью, наступаетъ пора для жатвы хлѣба, сбора плодовъ и винограда. Чѣмъ сильнѣе чувствуетъ человѣкъ приближеніе осени въ своемъ сердцѣ, тѣмъ болѣе цѣнить онъ то счастье, которое выпало ему на долю и тѣмъ сознательнѣе относится къ жизни.

Поздравляя новобрачныхъ, графъ поднялъ свой стаканъ.

— Мы пережили великое, тяжелое время, сказалъ онъ, — много потерпѣли горя, но оно придало намъ новыя силы! Когда опасность казалась неминуемой мы одержали славную побѣду при Аспернѣ. Это должно поддерживать насъ. Въ послѣднюю войну всѣ наши помыслы были направлены къ восстановленію неразрывнаго свободнаго нѣмецкаго государства; къ этому должны мы стремиться и теперь, пока наши надежды не осуществятся. Если мы, старики, не доживемъ до новой имперіи, то дѣти или внуки наши увидятъ ее. Завоеватель, наложивъ на насъ свою желѣзную руку пробудилъ въ насъ сознаніе нашего національнаго единства. Разъединеніе Пруссіи и Австріи послужило первой ступенью къ его величію и славѣ; дружескій союзъ двухъ великихъ германскихъ народовъ, приведетъ его къ гибели и

сдѣлаеть насъ свободными гражданами. Какимъ бы именемъ не почитило потомство Бонапарта, назоветъ ли оно его героемъ или бичемъ чловѣчества, но мы, нѣмцы, должны желать гибели Люцифера, такъ какъ съ нею начнется заря свободы для Германіи. Выпьемъ друзья за гибель Люцифера!

Тостъ графа Вольфсегга былъ встрѣченъ громкими криками одобренія собравшагося общества.

Конецъ пятой и послѣдней части.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВЪСТНИКА“

1880 года *).

А.

- Абади, докторъ, т. III, 339.
- Абаза, Никол. Сав., главноуполномоченный Общества „Краснаго Креста“, т. III, 177—180.
- Абанумовъ, Андрей Ив., сенаторъ, т. I, 481.
- Абдъ-Эль-Надеръ, эмиръ, т. III, 549.
- Аванумъ, корьевскій протопопъ, расколотчикъ, т. II, 549; т. III, 567.
- Августинъ I, мексиканскій императоръ (генераль Итурбиде), т. I, 832.
- Августъ:
— Голштейнъ-Ольденбургскій принцъ, т. I, 502.
— Прусскій принцъ, т. I, 634.
- Авенсн, Федоръ, румынскій писатель, т. I, 658.
- Агаангель, архіепископъ, т. II, 398.
- Адамовичъ, надворный совѣт., т. I, 480.
- фонъ-Адернасъ, Псковскій губернаторъ, т. III, 247, 280.
- Аксановы:
— Иванъ Серг., т. I, 237—239, 241; т. II, 564, 572; т. III, 404.
— Констант. Серг., т. I, 237, 239, 241, 248.
— Серг. Тимоф., т. I, 242.
- Алабинъ, т. III, 431.
- Аландскій, П. И., профессоръ, т. I, 892.
- Алдатовъ, ротмистръ, т. II, 47, 51, 52, 59, 67, 70, 72, 73, 75, 77, 79—82, 88, 89, 91.
- Алебертусъ, Фридрихъ, самозванный Бѣлорусскій царевичъ, т. III, 435, 451.
- Александра Федоровна, императрица, т. II, 342—344, 347, 348; т. III, 742.
- Александреску, румынскій писатель, т. I, 657, 658.
- Александри, Базиль, румынскій писатель, т. I, 655, 656, 657.
- Александръ VII, папа римскій, т. II, 159, 160.
- Александръ Николаевичъ, императоръ. Посѣщеніе липецкихъ минеральныхъ водъ, т. III, 203—204. Упомян. т. I, 125; т. II, 112.
- Александръ Павловичъ, императоръ. Портретъ его, писанный Меттернихомъ въ 1829 г., т. I, 62, 168—180, 230. Пребываніе его въ Ижевскомъ заводѣ въ 1824 г., т. I, 557—566. Предположеніе о постановкѣ памятника въ Мещовскѣ, т. I, 875—877. Анекдоты о немъ, т. II, 205—208, 556, 557. Упомян. т. I, 377, 387, 390, 391, 449, 536, 719, 879; т. II, 223, 451, 665; т. III, 271, 312, 316, 317, 550, 578, 581, 586.
- Аленъевъ, Алексѣй Александр., уѣздный судья, т. III, 320.
- Аленскій Михайловичъ, Московскій царь, т. I, 6, 69; т. II, 549; т. III, 433—436, 438—442, 450, 451.

*) Въ „Указатель“ не вошли имена, упоминаемыя въ статьяхъ беллетристическихъ и въ историческихъ романахъ, помѣщенныхъ въ приложеніи.

- Аленскій Петровичъ, царевичъ, т. I, 215, 216, 445; т. II, 426; т. III, 146—158.
- Али, мавръ, шкиперъ, пріятель Пушкина, т. II, 657, 659.
- Альба, герцогъ, испанскій полководецъ, т. II, 410.
- Альмианстъ, докторъ, т. II, 276, 286.
- Ананьевъ, вѣстовой унтеръ-офицеръ перваго кадет. корпуса, т. I, 115, 116, 122.
- Ангальтъ, гр. Ѡ. Е., т. II, 108.
- Ангелы, греческая династія, т. II, 5, 6.
- Андреевскій. Е. К., штабсъ-кап. Ст. его: отъ Эрзерума до Тифлиса въ 1878 году, т. II, 46—91.
- Андрейновъ, Кирсановскій засѣдатель, т. III, 323.
- Андріенно, Лукьянъ, запорожець, т. I, 9.
- Андросовъ, Ив. Ив., орловскій купецъ, т. III, 652.
- Аничковъ, полиціймейстеръ, т. I, 265.
- Анна Іоанновна, императрица, т. I, 460, 461, 472, 548, 555.
- Анна Леопольдовна, правительница, т. I, 556.
- Анна Федоровна, великая княгиня (Юліана, принцесса Кобургская), т. I, 622, 623.
- Анненковъ, П. В., т. II, 572; т. III, 689, 695, 713.
- Антонинъ, архимандритъ. Замятка о повѣдѣхъ его въ Румелію, т. I, 884.
- Антоній, Казанскій архіепископъ, т. III, 795.
- Антоновичъ, В. В., профессоръ Кіевского университета. Замятки о его ученыхъ трудахъ, т. II, 178—186; т. III, 864. Упомян. т. I, 662, 664.
- Антонъ, орловскій мѣдникъ, астрономъ-самоучка, т. III, 659.
- Аполлинарій, Кіевскій викарный епископъ, т. III, 208.
- Апостоль, Даниилъ Павл., малороссійскій гетманъ, т. II, 712, 722.
- Апраксинъ, графъ, Владимірскій губернаторъ, т. I, 772.
- Аранчовъ, гр. Алексій Андреев., генераль-отъ-артиллерій. Письма къ нему: игуменьи Максимиллы Шиткиной, т. I, 647, 648; архимандрита Фотія, т. II, 204, 205. Анекдотъ, т. III, 249, 430. Упомян. т. I, 114, 477, 502, 565, 566; т. II, 111, 437; т. III, 866, 867.
- Араповъ, П. Н., драматическій писатель, т. III, 867, 868.
- Арбуа-де-Жюбенвиль, французскій ученый, т. II, 152, 153.
- Ардалионъ, саваксарскій іеромонахъ, т. III, 123.
- Ардашевъ, Вас. Зах., пономарь, т. I, 558.
- Д'Армансонъ, французскій военный министръ, т. II, 165, 166, 530, 535, 542, 759, 761.
- Ариссія, румынскій ученый, т. I, 656.
- Аристовъ, Н. Я., профессоръ. Ст. его: Разработка русской исторіи въ послѣдніи 25 лѣтъ (1855—1880 г.), т. I, 666—680. Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, т. III, 5—24. Симбирскіе юродивые, т. III, 566—575. Характеристика преосвященнаго Іоанна, епископа Смоленскаго, т. III, 786—795. Упомян. т. III, 432.
- Арифельдъ, Александр. Осипов., стат. совѣт., т. I, 237.
- Ариды:
- Н. Ѡ., т. I, 686.
- Эрн. Мор., германскій поэтъ-патріотъ, т. I, 346.
- Арсеній, Кіевскій митрополитъ, т. III, 626—630.
- Арсеньевъ, дѣйств. стат. совѣт., т. I, 279, 280.
- Д'Артуа, графъ, т. III, 371.
- Аршіакъ, секретарь французскаго посольства въ Петербургѣ, т. III, 745, 746.
- Асмоль, антикварій XVII вѣка, т. I, 68.
- Аспелинъ, т. III, 431.
- Аеонасіи, архіепископъ Казанскій, т. III, 790.

В.

- Багговуть, адъютантъ главнаго директора всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, т. I, 120, 121.
- Багратионы, князья:
- Петръ Ив., генералъ, т. I, 281, 282, 292.
- П. Р., т. II, 402.
- Бада-Дудинъ, моравскій ученый, т. I, 664.
- Базень, французскій генералъ, т. I, 831, 832.
- Байеръ, президентъ біологическаго общества, т. III, 336.
- Бантага, Симеонъ, протоіерей, т. III, 865.
- Балашовъ, Александръ Дмитр., министръ полиціи, т. I, 479, 481, 482, 492, 495, 497, 499, 500, т. III, 638.
- Баратынскіе:
- А. А., генераль-лейтенантъ, тамбов. губери. предводитель дворянства, т. III, 142.
- Евгеній Абрам., поэтъ, т. III, 703.
- Барловъ, артистъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ, т. III, 392.

- Барлуй, Мих. Савичъ**, содержатель пансіона, т. I, 28.
- Барсуковъ, Н. П.** т. III, 863.
- Бартоновъ, П. И.**, редакторъ „Русскаго Архива“, т. II, 572; т. III, 404, 405, 616.
- Баттль, Иосифъ**, декораторъ англійскаго театра, т. III, 520.
- Батушковъ, Констант. Никол.**, поэтъ, т. II, 437, 447, 616.
- Бауеръ, Каролина** (графиня Вроэль-Платеръ), актриса. Записки ея, т. I, 619—635; т. III, 372—398.
- Бахметевъ, Тамбовскій губернаторъ**, т. I, 218.
- Бачиони, Элиза**, принцесса, т. III, 381.
- Башнинъ, сектантъ**, т. III, 859.
- Башуцкій, Петербургскій комендантъ**, т. I, 293.
- Безбородно, Александръ Андр.**, свѣтлѣйшій князь, государственный канцлеръ, т. I, 437.
- Бенлемишевъ, С. И.**, Тамбовскій губернский предводитель дворянства, т. III, 142.
- Бенкешовъ, генераль отъ-инфантеріи**, т. I, 289.
- Бенксаевы**, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
- Белецкій-Носенно, Пав. Пав.**, малоросійскій писатель, т. II, 551, 597—614.
- Белзеньскій, французскій прелатъ**, т. II, 525.
- Бельгревъ. См. Вестминстеръ.**
- Бенда, Амалия**, Гейдельбергская актриса, т. I, 622.
- Бенжами Елисъ**, отставной прапорщикъ, т. I, 357.
- Бенигсенъ, генераль отъ-кавалеріи**, корпусный командиръ, т. I, 477.
- Беннендорфъ, гр. Александръ Христоф.**, генераль-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, т. III, 680—685, 693, 698, 699, 702—704, 706—708, 715, 719, 720, 722, 731, 734, 739, 746, 747, 867.
- Бергъ, Н. В.**, Ст. его: Къ біографіи графа А. Замойскаго, т. III, 97—109. Эмиръ Тадъ-Уль-Фехръ Абдъ-Эль-Нисанъ, т. III, 547—565.
- Беренгаръ - Турскій**, философъ - схоластикъ, т. III, 607, 610.
- Берни, французскій кардиналъ**, т. II, 160—170.
- Берриозъ, иезуитъ**, т. II, 529.
- Бертильонъ, профессоръ высшей школы антропологіи въ Парижѣ**, т. III, 336.
- Бёртонъ, англійскій историкъ**, т. III, 850, 852.
- Бертъ, принцъ Невшателъскій**, т. II, 358.
- Беръ:**
— Михаилъ, драматургъ, т. III, 382.
- Яковъ, т. III, 382.
- Бестужевы:**
— Алексѣй, декабристъ, т. III, 253, 254, 274, 584.
— Петръ Александр., декабристъ. Замятка о немъ, т. I, 222—225.
— Серг. Мих., штабсъ-ротмистръ, т. I, 237.
- Бестужевы-Рюмины:**
— Алексѣй Петр., графъ, государственный канцлеръ, т. III, 311.
— Мих. Петр., русскій резидентъ въ Стокгольмѣ, т. II, 433.
— К. Н., профессоръ. Предисловіе и примѣчанія къ разсказу Московскій бунтъ 1648 г., т. I, 69—73. Библиографическія замѣтки его, т. I, 215, 216, 456; т. III, 399—403.
- Бибиновъ, Александръ Ильичъ**, генераль-аншефъ, т. III, 348.
- Бигловы**, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
- Бидерманъ, историкъ и публицистъ**, т. I, 567.
- Бидло, Никол. Готфрид.**, лейбъ-медикъ, т. I, 464, 465, 466.
- Биронъ, Иоганъ Эрнстъ**, герцогъ курляндскій, т. I, 548—550, 552, 555, 556.
- Бируновъ, цензоръ**, т. III, 257, 258.
- Бирхъ, Христіанъ**, шведъ, докторъ, т. III, 376.
- фонъ-Бисмаркъ, гр. Фридрихъ**, генераль, военный писатель, т. I, 627, 628.
- фонъ-Бишовъ-Зйлертъ, графиня**, т. I, 632.
- Бленнеръ, генераль Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ**, т. I, 808—812.
- Блохинъ, поручикъ**, т. III, 136.
- Блудовъ, гр. Дм. Никол.**, статсъ-секретарь, министръ внутр. дѣлъ, т. III, 715.
- Блюмеръ, генераль**, т. III, 591.
- Бобринскій, Михаилъ**, профессоръ, т. II, 388, 389.
- Бобровъ, Андрей Петров.**, бригадиръ, экономя Первый Кадетскаго Корпуса, т. I, 123—129.
- Богинъ, Павелъ**, т. III, 433, 441, 443, 444.
- Богомоловъ, И. С.** архитекторъ, т. II, 395.
- Богословскій, Н. Г.** Сообщ. замѣтку: Новгородская депутация въ 1831 году, т. III, 866, 867.
- Бодянскій, О. М.**, т. II, 385, 386; т. III, 863, 864.
- фонъ-Бонъ, ливонскій помѣщикъ**, т. I, 631, 632.
- Боленъ, Анна**, вторая супруга англійскаго короля Генриха VIII, т. III, 845.
- Болячь, Цезарь**, румынскій писатель, т. I, 658.

- де-Бомонъ, Парижскій архіепископъ, т. II, 528.
- Бонапарты:**
— Принцъ-кардиналъ, т. III, 335.
— См. Наполеонъ и Иосифъ.
- Бонулеско** (Бодани). См. Гавриилъ.
- Бордье**, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336.
- Борисовъ**. См. Иннокентій.
- Боровиновскій, А.**, писатель. Библиографическая замѣтка о его очеркѣ изъ мало-россійской поэзіи, т. I, 435, 436.
- Боровскій, Левъ**, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 718.
- Бородинъ**, пошѣщивъ, т. III, 137.
- Бороздинъ**, Порховскій исправникъ, т. III, 417, 420.
- Ботвель**, англійскій графъ, т. III, 849—851.
- Ботта, Софія**, таинственная личность, т. I, 626.
- де-Брантонъ**, Генрихъ, юристъ, т. III, 611—614.
- Браницкая**, графиня, т. I, 489, 490.
- Бранонъ**, генераль Сѣверо-Американск. Соедин. Штатовъ, т. I, 817.
- Бредфордъ**, т. III, 618.
- де-Брианъ**. См. Ольди.
- Бриннеръ, А. Г.**, профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ. Библиографическая замѣтка о книгѣ его: *Der Zarewitsch Alexei*, т. I, 215, 216. Ст. его: Россія и Европа при Петрѣ Великомъ, т. II, 409—434. Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранной печати, т. III, 146—158.
- Бриссо**, глава жирондистовъ, т. III, 804.
- Бродскій, Викторъ**, художникъ, т. II, 40.
- Брона, Павелъ-Андрей**, докторъ, вице-президентъ парижской медицинской академіи. Биографическій очеркъ. Т. III, 331—342.
- Броль, Шарль**, графъ, т. II, 171—177.
- Бронниковъ**, тамбовскій недоросль-канцеляристъ, т. III, 138.
- Брозль-Платеръ**, графиня. См. Бауеръ Каролина.
- Бруновъ**, баронъ Эрнстъ-Филиппъ, русскій дипломатъ, т. II, 658.
- Бруховецкій**, Гетманъ Запорожской Сѣчи, т. I, 3.
- Буассье, Гастонъ**, археологъ, т. III, 284—287, 294, 295, 298, 305.
- Будбергъ**, баронъ, генераль отъ инфантеріи, Петербургскій военный губернаторъ, т. I, 273, 274.
- Будри**, учитель французскаго языка Александровскаго лицея, т. II, 226.
- Булатовъ, Я.**, засѣдатель Тамбовскаго уѣзднаго суда, т. III, 321.
- Булгановы:**
— Андр. Терент., Пермскій бергъ-инспекторъ, т. III, 430.
— Михаилъ. См. Макарій.
— Ал. Як., т. III, 722.
— О. И. Ст. его: Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ, т. III, 58—69. Герасимъ Степ. Лебедевъ, путешественникъ - музыкантъ, т. III, 515—524.
- Булгаринъ**, Фад. Венедиктов., т. I, 524, 525; т. II, 648; т. III, 687, 702, 703, 707, 720, 734, 735.
- Булунтеану**, румынскій писатель, т. I, 658.
- Булушевы**, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
- Бурбоны**, династія, т. II, 527, 530.
- Буренинъ, В. П.**, писатель, т. III, 854—858.
- Буслаевъ, О. И.**, профессоръ, т. III, 211.
- Бутаринъ**, французскій ученый, т. II, 170, 171.
- Бухаревъ**, См. Фодоръ.
- Буше**, скрипачъ, т. III, 379, 380.
- Буэтгенъ**, французскій прелатъ, т. II, 528.
- Бычковъ**, Афанасій Фодоров., академикъ, т. I, 231, 453, 455, 884.
- Бѣлещій**, Алексѣй, запорожскій полковникъ, т. I, 11.
- Бѣликъ**, Фодоръ, запорожскій войсковой товарищъ, т. I, 7, 8.
- Бѣлинскій**, Виссар. Григор., критикъ, т. III, 689, 739, 740.
- Бѣловъ**, Евг. Алекс., Библиографическія замѣтки его, т. I, 644, 645. Ст. его: Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ въ началѣ XIX вѣка, т. III, 306—319.
- Бѣлозерская**, Н. А. Библиографическая замѣтка, т. I, 437—441.
- Бѣлоруссовъ**, И., писатель, т. III, 188, 189.
- Бѣлый**, Степанъ, запорожскій судья, т. I, 10.
- Бѣлявскій**, начальн. граждан. экспедиціи канц. твер. ген.-губ., т. I, 490, 491.
- Бюзо**, жирондистъ, т. III, 832, 840—842.
- Бюлеръ**, баронъ, т. I, 228.

В.

- Варшавскій**, Ив. Пав., коллеж. асес., т. I, 499.
- Ванареску**, румынскій стихотворецъ, т. I, 656, 658.
- Валентино**, графъ, т. I, 809, 810.
- Валицкій**, польскій патриотъ, т. III, 602.
- Вальнеръ**, В. В., т. I, 649.
- Вальронъ**, французскій исторіографъ, т. II, 152, 153.
- Вальтровичъ**, Мих., инженеръ, т. II, 404.

- Васильевы:**
— Графъ, дѣйств. ст. сов., Тульскій вице-губернаторъ, т. I, 259; т. II, 799.
— Дорофей, дьячекъ тамбовской епархіи, т. III, 121.
— Иосифъ, протоіерей, т. II, 397, 398.
- Васильчиковъ,** князь Иларіонъ Вас., председатель государственнаго совѣта, т. III, 867.
- Ведениндъ,** Изъ дневника его: Студенческіе годы Гейне, т. II, 508—521.
- Ведель-Ярльсбергъ,** графъ, т. II, 334, 335.
- Веденяпинъ,** Шацкій помѣщикъ, т. III, 136.
- Вейзенбахъ,** Яганъ (Юганъ), т. I, 445, 446.
- Вененштеттъ,** этнографъ, т. I, 889, 890.
- Велепольскій,** Александръ, графъ, маркизъ, т. III, 108, 576, 602, 861, 862.
- Велзарій,** византійскій полководецъ VI вѣка. Легенда о немъ, т. III, 343—352.
- Вельмеръ,** Арнольдъ, издатель записокъ Каролины Бауеръ, т. I, 620, 621.
- Вельминовъ,** Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 137.
- Венюковъ,** т. II, 546.
- Веневитиновы:**
— А. В., т. I, 692.
— Дмит. Владим., поэтъ, т. I, 510, 513—515, 692, 693; т. III, 689, 702.
- Вердеревскій,** генералъ лейтенантъ, т. I, 295.
- Верещана,** Николай, школьный товарищъ Мицкевича, т. I, 729.
- Верниковскій,** т. I, 721.
- Верньо,** Пьеръ-Викторинъ, начальникъ партіи жирондистовъ, т. III, 834, 835.
- Веселовскій,** А. Н., академикъ, т. I, 455; т. III, 432.
- Вестенгардтъ,** Мете, иностранка, т. I, 549—555.
- Вестминстеръ:**
— Марквиза. Дневникъ ея. Т. II, 331—349.
— Ричардъ, маркизъ, виконтъ Бельгрень, т. II, 332, 334, 336, 342—344, 347, 349.
- Вечерухинъ,** гласный Петербургской городской думы, т. I, 263.
- Вигель,** Ф. Ф., авторъ воспоминаній, т. II, 669, 670, 671, 672.
- Визенеръ,** писатель, т. III, 844—847.
- Винторія,** королева Великобританіи и императрица Индіи, т. I, 623.
- Вильгельмъ:**
— Король англійскій, герцогъ нормандскій, т. III, 604, 605, 608.
— Король виртембергскій, т. III, 550.
- Вильдъ,** Львовскій книгопродавецъ и издатель, т. III, 227.
- Вильмотъ,** миссъ, т. III, 617, 618.
- Винтеръ,** стат. сов., начальн. отд. военнаго департамента, т. I, 477.
- Винцентъ,** Генри, чаргистъ, т. I, 402, 403.
- Вирховъ,** Рудольфъ, фیزیологъ. Статья его: Развалины Трои, т. I, 415—430.
- Висковатый,** П. А., профессоръ, т. I, 879—882.
- Виссаріонъ,** архимандритъ Трегуляевскаго монастыря, т. III, 124.
- Витановскій,** Петръ, Пружанскій предводитель дворянства, славянскій патриотъ, т. III, 634.
- Витгенштейнъ,** князь, прусскій обер-камергеръ, т. III, 382, 388.
- Витче,** французскій историкъ, т. II, 154.
- Воверъ,** любовница французскаго министра Дюмурье, т. III, 823.
- de-Vogüé,** французскій писатель. Библиографическая замѣтка о его статьѣ: De Byzance à Moscou. Les voyages d'un patriarche, т. I, 442, 443.
- Воейновъ,** Петръ, гвардіи капитанъ, т. I, 458.
- Войниковъ,** болгарскій драматургъ, т. III, 205.
- Волковы:**
— Кирсановскій капитанъ-исправникъ, т. III, 135, 136.
— Писатель, т. III, 348.
— Полковникъ, слѣдователь по дѣлу о скопцахъ, т. I, 755, 760, 761.
- Волконскіе:**
— Княгиня Зинаида, т. II, 26.
— Кн. Петръ Мих., министръ двора, т. I, 143 — 147; т. III, 392, 393, 866, 867.
— Декабристъ, т. III, 585.
- Волосковъ,** Терентій Нв., механикъ-самоучка, т. II, 402.
- Вольмаръ,** адъютантъ графа П. А. Толстаго, т. I, 284, 285, 296.
- Вольнисъ,** актриса французскаго театра въ Петербургѣ, т. I, 186.
- Вольтеръ,** французскій писатель и ученый, т. III, 346, 347, 355, 357.
- Вольфъ,** Маврик. Осип., петербургскій книгопродавецъ-издатель, т. I, 230.
- Воронцовы:**
— Гр. Р. И., Тамбовскій генералъ-губернаторъ, т. II, 202.
— Гр. Сем. Роман., т. III, 307, 308, 313—319, 523, 617, 618.
— Кн. Мих. Семен., фельдмаршалъ, т. I, 295; т. II, 655—657, 662, 663.
- Вульфъ-Осипова,** Прасков. Александр., владѣтельница с. Тригорскаго, т. III, 269, 271, 274.
- Вѣрунскій,** Эмиль, докторъ, т. II, 405.
- Вяземскіе,** князья:
— Петръ Андр., поэтъ и критикъ. Письмо

къ нему Скобельцина, т. II, 391. Библиографическая замѣтка о его сочиненіяхъ, т. I, 213—215, 636, 637. Упомян. т. I, 244, 248, 249, 523; т. II, 25, 27, 249, 390, 445, 648, 650—653, 661, 663, 671, 681, 783, 784, 786, 787; т. III, 256, 257, 274, 411, 515, 702—705, 719, 746.

— П. П. Сообщ. письма Пушкина къ Скобельцину и Скобельцину къ Вяземскому, т. II, 390, 391, 789.

Вязмитиновъ, Сергѣй Козьмичъ, генералъ отъ инфантеріи, т. I, 473, 474, 476, 477, 481, 495, 496, 500, 501.

Г.

Габсбурги, династія, т. I, 580—582, 590.

Гавриловъ, А. В., т. II, 383.

Гавриилъ, епископъ Тверской, т. III, 350.

Гавриилъ Бонулеско (Бодани), въ мирѣ Григорій, митрополитъ Кишиневскій, Экзархъ Молдо-Влахійскій, т. I, 356, 357.

Гагарины:

— Кн. Алексѣй Матв., т. I, 462, 463.

— Кн. Анна Петр., рожденная Шафировъ, т. I, 462, 465, 468, 471.

Гадри, французскій финансистъ, т. III, 811.

Гайдатель, инженеръ, т. I, 721.

Галаганъ, полковникъ, т. II, 717.

Галичъ, профессоръ Александровскаго лицея, т. II, 233.

Гальтонъ, Джемсъ, англійскій психологъ и социологъ, т. I, 359.

Гамалѣи, малороссійскіе помѣщики, т. I, 32, 44, 45.

Гаммеръ, ориенталистъ, т. III, 552.

Гане, румынскій писатель—новелистъ, т. I, 658.

Гарбинскій, В., секретарь гр. А. Замойскаго, т. III, 108.

Гарденбергъ, Карлъ-Августъ, прусскій государственный канцлеръ, т. I, 175, 587.

Гарнави, библиотечаръ импер. публичн. библиотеки, т. I, 231.

Гарновскій, Иванъ Антон., майоръ т. I, 493, 494.

Гартунгъ, Марья Александр., рожденная Пушкина, т. II, 563.

Гауеншельдъ, учитель нѣмецкаго языка Александровскаго лицея, т. II, 226.

Гауме, генералъ, польскій министръ, т. III, 591.

Гауфъ, нѣмецкій писатель, т. III, 375.

Геддонъ, Иванъ, резидентъ, т. III, 433, 434, 442, 446, 447.

Гедене, нѣмецкій писатель, т. III, 847—853.

Геденовъ, Александръ Мих., дѣйств. тайн. сов., директоръ императ. театровъ, т. I, 185—187.

Гедеоны-Святополкъ, (кн. Четвертинскій), Кіевскій митрополитъ, т. II, 719.

Гейне:

— Генрихъ, поэтъ. Студенческіе годы его, т. II, 508—521.

— Саломовъ, дядя поэта, т. II, 519, 521.

Генеренъ, баронъ, голландскій посланникъ въ Петербургѣ, т. III, 742—746, 748.

Гельмерсенъ, директоръ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ, т. III, 392.

Гельнерви, лордъ, т. III, 617, 618.

Гемузеусъ, режиссеръ нѣмецкой группы въ Петербургѣ, т. I, 187.

Геніпъ, князь, т. III, 361, 362.

Геннади, Григ. Никол., библиографъ. Некрологъ; т. I, 884, 885.

Геннадій, патриархъ Константинопольскій, т. I, 442.

Геннегоферъ, майоръ баденскаго герцогства, т. I, 629.

Генрихъ VIII, англійскій король, т. III, 845.

Георгеску, румынскій писатель, т. I, 658.

Георгій (Конисскій), архіепископъ, т. II, 580, 581.

Георгъ:

— Голштейнъ-Ольденбургскій принцъ, т. I, 483—491, 501.

— I-й, англійскій король, т. II, 426, 428.

— IV, англійскій король, т. I, 174.

Гепецкій, Емельянъ, священникъ, учитель Кишиневской дух. семинаріи, т. I, 352.

Герасимовъ, Илья, крестьянинъ с. Арской-слободы, юродивый, т. III, 570.

Герингъ, Вильгельмъ, писатель (псевдонимъ: Вильбальдъ Алексисъ), т. III, 374, 375.

Германъ, Б. А., Пермскій губернаторъ, т. III, 637.

Гѣрресъ, издатель и журналистъ, т. I, 589, 590.

Герье, В. И. Статьи его: Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, т. I, 74—111. Национальная историографія въ Германіи, т. I, 567—593. Письмо его къ редактору, т. I, 664.

Гѣте, Иоганъ-Волфгангъ, поэтъ, т. II, 349.

Геттунъ:

— Вас. Никиф., дѣйствит. ст. сов. Записки его 1771—1815 г., т. I, 26—67, 253—296, 473—504.

— Васса Степанъ, рожденная Копасева, т. I, 36.

— Никиф. Ив., чиновникъ XIV класса, т. I, 27.

— Семенъ Никиф., т. I, 52, 53.

— Ѳ. В., инжен.-подполковникъ. Сообщ.

- записки В. Н. Геттуна, т. I, 26 — 67, 253—296, 473—504.
- Оедоръ Максимов., т. I, 47, 253, 254, 275, 476, 487, 491, 499, 500.
- Гибертъ, концессионеръ, т. III, 104, 106.
- Гилленборгъ, Карль, шведскій посланникъ въ Лондонъ, т. II, 427, 428.
- Гильза, баронъ, бригадный генералъ Сѣверо-Американ. Соедин. Штатовъ, т. I, 810, 813.
- Гильфердингъ, Александр. Оедор., ученый, т. III, 753.
- Гиппарсий, тамбов. лѣсничій, т. III, 139.
- Гирцель, лейпцигская издательская фирма, т. I, 567, 568.
- Гладстонъ, англійскій государственный человѣкъ, т. I, 594.
- Глинка:
- Авдотья Павлов., рожденная Голенничева-Кутузова, т. II, 476.
- Оедоръ Никол., писатель. Биографія его, т. II, 472—481. Биографическія свѣдѣнія. т. I, 658, 659. Упомян. т. II, 453, 651.
- Гнейзенау, графъ Нейдгардтъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 572.
- Гнѣдичъ, Ник. Ив. Письмо Пушкина къ нему, т. II, 392, 393. Отношенія къ нему М. Е. Лобанова, т. II, 667—709. Упомян., т. II, 447.
- Гоге, балерина, т. I, 633; т. III, 384.
- Гогенцоллерны, прусская династія, т. I, 567, 572, 574.
- Гоголь, Никол. Вас., писатель. Памятникъ въ Нѣжинѣ, т. III, 429. Упомян. т. II, 572; т. III, 50.
- Гоголь, Вас. Афан., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 50—54.
- Гозанъ, англійскій писатель, т. III, 848.
- Голенничевъ - Кутузовъ, Мих. Ларіон., фельдмаршалъ, т. I, 255, 256.
- Голлицыны:
- Кн. Александръ, декабристъ, т. II, 99.
- Кн. Александр. Никол., министръ народнаго просвѣщенія, т. I, 449, 767, 768.
- Кн. Валеріанъ, декабристъ, т. II, 99.
- Кн. Дмит. Влад., московскій генералъ-губернаторъ, т. II, 346, 347.
- Кн. Дмит. Алексѣев., полномочный министръ въ Гагъ, т. III, 412.
- Кн. Мих. Мих., генералъ-фельдмаршалъ, т. II, 413.
- Княгиня Настасья Петр., дворцовая боярыня, т. I, 547.
- Кн. Сергій Оедор., генералъ-аншефъ, т. I, 348.
- Голованъ, орловскій мѣщанинъ, т. III, 641—678.
- Головинны:
- Гр. Александр. Оедор., т. I, 462.
- Гр. Наталья Петр., рожденная Шафирова, т. I, 462.
- Головинны:
- Графиня, т. III, 424, 425.
- Гр. Гавр. Ив. государственный канцлеръ и сенаторъ, т. II, 714.
- Гр. Юрій Александр., сенаторъ, т. I, 45.
- Василій, бѣглый солдатъ, т. III, 629, 630.
- Голубинскій, Е., профессоръ московской духовной академіи, т. III, 620—623.
- Голь, Ярославъ, докторъ, т. II, 405.
- Гольцъ, графъ, т. III, 384.
- Гончаровы, фрейлины, свояченицы А. С. Пушкина, т. III, 743.
- Горголи, Ив., сенаторъ, т. I, 774.
- Горжиковскій, Маріанъ, бывший учитель Черниговской гимназіи, археологъ-хищникъ, т. III, 864.
- Гороховскій, совѣтникъ Тамбовской казенной палаты, т. III, 323.
- Горчаковы:
- Кн. Мих. Дм., генералъ-адъютантъ, намѣстникъ Царства Польскаго, т. III, 103—105.
- Тамбовская помѣщица, т. III, 135.
- Гоуъ, англійскій дипломатъ, т. II, 423.
- Гоффъ, тамбовскій лекаръ, т. III, 130, 131.
- Грбаръ, погарскій домовладѣлецъ, т. I, 30.
- Грbbe, кавказскій генералъ, т. I, 881, 882.
- Градовскій, Г. К., т. II, 574.
- Грановскій, Т. Н., профессоръ, т. I, 84—86.
- Грандъ, американск. генералъ, т. I, 816.
- Грей, Джонъ, ирландскій агитаторъ, т. I, 602.
- Грелле, квакеръ, т. II, 438, 439.
- Грень, Тамбовскій городничій, т. III, 637.
- Гречъ, Никол. Ив., писатель, т. I, 188; т. III, 687, 702.
- Грибовичъ, Павелъ, запорожець, т. I, 16.
- Григорій:
- IV, патриархъ Константинопольскій, т. I, 443.
- VII, папа римскій, т. III, 609.
- Григоровичи:
- Козьма Ильичъ, секретарь Новгородъ-Сѣверскаго губернскаго правленія, т. I, 31, 32, 34.
- Н. И., писатель, т. I, 437.
- Профессоръ, т. I, 653.
- Григоровы:
- С. Сообц. замѣтку: Непокорные колокола, т. II, 796, 797.
- Тамбовскій помѣщикъ, освободившій своихъ крестьянъ, т. III, 134.

- Григорьевъ**, генераль-майоръ, Тамбовскій комендантъ, т. II, 798.
- Гриммъ**. См. Самойловъ.
- Гринвальдъ**, Устинья Петров., т. I, 547, 548.
- Гринъ** (Green), Христофоръ, т. III, 518.
- Грицко**, запорожскій посланецъ, т. I, 8.
- Гродденъ**, Эрнестъ, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 717, 718.
- Гротъ**, Я. К., академикъ, т. I, 455; т. II, 561, 565, 568.
- Грудзинская**, Иоанна. См. Ловичъ, княгиня.
- Губской**, генераль, т. II, 52.
- Гудима**, коллеж. ассес., т. I, 257, 268, 270, 272.
- Гудовичъ**, гр. И. В., Тамбовскій генераль губернаторъ, т. II, 204, 598; т. III, 142.
- Гунъ**, писатель, т. III, 606.
- Гулянь-Артемовскій**, П. П., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 25—46.
- Гумбольдтъ**, Александръ, баронъ, натуралистъ, т. I, 857, 858.
- Гуровскій**. Адамъ, польскій графъ, т. III, 633.
- Гурьевъ**, графъ, министръ финансовъ, т. I, 495.
- Гусевы**:
— Дм. Оедоров., профессоръ Казанской духовной академіи, т. III, 793, 794.
— Петербургскій купецъ, т. I, 287, 288.
— Этнографъ, т. III, 755.
- Гуссейнъ-бей**, командиръ турецкихъ жандармовъ, т. II, 48, 49, 53—55, 59.
- Густавъ III**, шведскій король, т. III, 160, 161, 163, 164, 368, 369.
- Гэй**, (Gay), т. III, 518.
- Гэйдъ**, (Hude), т. III, 518.
- С. Б.**, племянникъ секунданта Пушкина, т. II, 574, 575.
— Секундантъ А. С. Пушкина, т. III, 746.
- Даниловичъ**, юристъ, т. I, 721, 893.
- Даниловъ**, И. Г., т. II, 382.
- Даніилъ**, митрополитъ Московскій, т. I, 304.
- Дантесъ-Генеренъ**, кавалергардскій офицеръ, убившій Пушкина на дуэли, т. III, 742—746, 748.
- Дантонъ**, французскій министръ, т. III, 826—829.
- Дарлей**, Генрихъ, мужъ Маріи Стюартъ, т. III, 849—851.
- Дашновы**:
— Д. В., т. II, 670, 671.
— Княгиня Екат. Роман., т. III, 617, 618.
— П. Я. Сообщ. письма: Пушкина къ Гнѣдичу, т. II, 392, 393. Гр. Сегюра къ Потемкину, т. III, 193—198. Н. Д. Сушкова къ И. М. Снегиреву, т. III, 867, 868.
— Стольнигъ, посоль въ Англію, т. III, 452.
- Девриенты**:
— Карлъ, трагикъ, т. I, 630.
— Людвикъ, актеръ, т. III, 375, 377.
- Дежневъ**, путешественникъ, т. II, 280.
- Дельвигъ**, баронъ Антонъ Антон., поэтъ, т. III, 270, 278, 703, 704, 719.
- Демейно**, Игнатій, ректоръ университета Сантъ-Яго въ Чили, т. I, 721.
- Демидовъ**, Николай Иван., генераль-адъютантъ, главный директоръ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, т. I, 120 — 122, 135—138.
- Дени**, Эрнестъ, французскій ученый, т. II, 405.
- Денисовъ**, дьяконъ Тамбовской губерніи, т. III, 121.
- Державинъ**, Гавр. Роман., поэтъ и министръ юстиціи, т. I, 257; т. III, 133, 141, 142, 255, 318.
- Дерикеръ**, Вас. Вас., писатель и врачъ гомотопатъ, т. I, 152, 156.
- Дерингъ**, поручикъ, т. I, 631.
- Дѣчи**, Людв., венгерскій писатель и дипломатъ, т. I, 891.
- Джонстонъ**, генераль южно-американской службы, т. I, 811.
- Джура**, Михайло, чиновникъ Погарскаго уѣзднаго суда, т. I, 30, 31, 32.
- Дзѣдушицкій**, польскій графъ, т. III, 235, 240.
- Дибичъ-Забалманскій**, Ив. Ив., фельд-маршалъ, т. I, 562—564; т. III, 602.
- Дивовъ**, дѣйств. ст. сов., директоръ министерства полиціи, т. I, 498.
- Дитѣвы**, тамбовскіе дворяне, т. III, 13.

Д.

Давъ, портретистъ, т. II, 673, 674.

Давыдовы:

— Иванъ, дьякъ, посланный въ Англію въ 1662 г., т. III, 433—453.

— Ив. Ив., профессоръ, т. I, 509.

Дали, профессоръ высшей школы антропологін въ Парижѣ, т. III, 336.

Дальманъ, историкъ, т. I, 591.

Данзасы:

— Александръ Логин., генераль отъ инфантеріи, председатель главнаго военнаго суда. Некрологъ, т. I, 885—888.

— Логинъ Ив., гофмейстеръ пажескаго корпуса, т. I, 885.

Дидро, Дени, энциклопедистъ. Прощаніе его съ Екатериной II. Т. III, 411, 415, 616.

Диксонъ, шотландскій купецъ, т. II, 333.

Діасъ, Порфирій, генералъ мексиканской республики, т. I, 833, 835, 836.

Дмитріевъ, Ив. Ив., министръ юстиціи и писатель, т. I, 500, т. II, 452; т. III, 256, 257, 704, 719.

Дмитріевъ - Мамоновъ, Эмануилъ Александр., т. I, 238.

Дмитрій (Сулима), архіепископъ Кишиневскій, т. III, 865.

Дмитрій Ивановичъ Донской, великій князь. Замятки по поводу 500-лѣтія Куликовской битвы, т. III, 422—424, 427—429.

Добринскій, городовою секретарь, т. I, 45.

Добровольскій, смотритель Ковенскаго училища, т. I, 728.

Добролюбовъ, И. В. Сообщ. замятку: Семинарское торжество 1797 г., т. I, 646, 647.

Домунины:

— Прапорщикъ, т. II, 201.

— Уѣздный судья, т. II, 201.

Долгоруки, князья:

— Алексѣй Григ., т. I, 457

— Вас. Лук., русскій резидентъ въ Давни, т. II, 420, 430.

— Ив. Алекс., т. I, 472.

— Марья Ив., рожденная княжна Голицына, въ иночествѣ Маргарита, т. I, 457—459, 469, 472.

— Марья Петр., рожденная Шафирова, т. I, 457, 462—468.

— Настасья Серг. т. I, 466.

— Никол. Серг., т. I, 466.

— Петръ Петр., генералъ-адъютантъ, т. I, 289.

— Серг. Григ. Статья о немъ т. I, 457—472.

— Управляющій французскимъ театромъ въ Петербургѣ, т. III, 392.

Дороговъ, капитанъ, т. III, 419.

Дорошенко, украинскій гетманъ, т. I, 13.

Досмевъ, румынскій митрополитъ, т. I, 556.

Достоевскій, Ф. М., романистъ, т. II, 670—672; т. III, 263, 264.

Драшусова, Елизавет. Алекс., супруга адъютанта москов. универс., т. I, 238.

Дребушъ, Тверской губерн. прокуроръ, т. I, 490, 501.

Дриновъ, профессоръ, т. II, 404.

Дробышоны:

— Петръ, духоборецъ, т. I, 446, 447.

— Филиппъ, духоборецъ, т. I, 447.

Дроздовъ. См. Филаретъ.

Друговъ, тамбовскій врачъ, т. I, 447.

Дубасовъ, И. И. Сообщ. замятки: О бывшихъ городничихъ, т. I, 218. Къ исторіи тамбовскихъ духоборцевъ, т. I, 446, 447. О фельдмаршалѣ графѣ Каменскомъ, т. II, 199—204. Два тамбовскихъ дѣятеля прошлаго вѣка, т. II, 797, 798. Изъ тамбовскихъ лѣтописей, т. III, 120—145, 320—330. Деревенскій лѣтописецъ, т. III, 626—631.

Дубельтъ, Леонтій Вас., т. I, 248.

Дубровицкій, Фѣдоръ Птеров., экспедиторъ канцеляріи генералъ-прокурора, т. I, 47, 49.

Дудинъ, Бѣда, моравскій историографъ, т. II, 405.

Думитрашновъ, К. Д., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 43—49.

Дунса, румынскій романистъ, т. I, 658.

Дурново, М. В., рожденная кн. Кочубей, т. III, 453.

Дуровъ, городничій, отецъ дѣвочки—кавалериста, т. I, 566.

Дуффи, Чарльзъ Гээнъ, ирландскій патриотъ, т. I, 602, 610, 617.

Духовскій, генералъ, начальникъ штаба Московскаго военнаго округа, т. II, 50; т. III, 422, 424.

Дузъ, аббатъ, французскій ученый, т. II, 154, 155.

Дюбуа, аббатъ, т. II, 525.

Дюмурье, французскій министръ, т. III, 821—825, 827.

Дютасси, полковникъ сѣверо-американской службы, т. I, 810.

Е.

Евгеній:

— Принцъ Савойскій, т. II, 417.

— Псковскій архіепископъ, т. III, 125—129, 132.

Евсюновъ, майоръ, т. III, 135.

Егоровскій, Стенанъ, пономарь с. Егоровки, Моршанскаго уѣзда, т. III, 129.

Егоровъ, Леонтій, священникъ с. Мордова, Тамбовской губерніи, т. III, 131.

Ежевскій, Іосифъ, учитель, т. I, 721.

Езерскій, полякъ-заговорщикъ, т. III, 600.

Екатерина:

— I, императрица, т. I, 547, 548, 550; т. II, 433; т. III, 152—155, 631, 632.

— II, императрица. Собственноручная записка ея, т. I, 217. Прощаніе съ нею энциклопедиста Дидро, т. III, 411—415.

Упомян. т. I, 262, 564, 622, 755, 761; т. II, 105—107, 109, 175; т. III, 347—350, 367—371, 616, 617.

Екатерина Павловна, великая княгиня, т. I, 175, 483—485, 488—491, 501, 502; т. III, 550, 551.

Елагинъ, Ив. Перфильев., директоръ театровъ, т. III, 348.

Елена Павловна, великая княгиня, т. I, 528, 529, 687, 695; т. II, 344.

Елизавета:

— Англійская королева, т. II, 409; т. III, 844—847, 850, 851, 853.

— Румынская княгиня, т. I, 658.

Елизавета Петровна, императрица. Именные указы ея, т. I, 217, 444; т. II, 555, 556; т. III, 410, 411. Упомян. т. I, 548—550, 556, 874, 875; т. III, 309, 310, 311.

Елизаровъ, Андрей, стольникъ, т. I, 22.

Елышевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Еммануэловскій, Степ. Ив., дворянинъ, т. I, 499, 500.

Енгальчевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Енакѣвы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Ермоловы:

— Александр. Ив., археологъ и нумизматъ, т. II, 674.

— Алексѣй Петр., генералъ отъ инфантеріи, т. I, 348, 349; т. III, 647.

Есиповъ, Г. В. Сообщилъ: собственноручную записку императрицы Екатерины II, т. I, 217. Замѣтки: Поблажка нѣмцамъ, т. I, 445, 446; Яганна Петрова, т. I, 547—556. Предположеніе мещовскаго дворянства о памятникѣ Александру I, т. I, 875—877. Докладная записка о скопцѣ Селивановѣ, т. II, 198. Упом. т. II, 386, 387.

Ефремовы:

— Александр. Павл., надв. совѣт., т. I, 287.

— П. А., т. II, 789, 790.

Ешевскій, С. В., профессоръ, т. I, 678.

Ж.

Жакоуз, нантскій епископъ, т. II, 398.

Ждановъ, Ив. Н. Статья его: Церковно-земскій соборъ 1551 года, т. I, 297—310.

Желтухинъ, Петръ Фед., предсѣдатель дивановъ Молдавіи и Валахіи, т. I, 877, 878.

Жильветра, Каспаръ, адвокатъ, т. II, 40, 41.

Желобужскій, Ив. Аеонас., дворянинъ. Посольство его въ Англію въ 1662 г., т. III, 433—453.

Жорини, Людвигъ, художникъ, т. III, 426, 427.

Жуковский, Вас. Андреев., поэтъ, т. II,

444, 445, 449, 451, 452, 669—671, 676; т. III, 204, 703, 713, 714, 720, 723, 731.

З.

Забѣлинъ, Ив. Егор. Библиографическая замѣтка о его Исторіи Русской жизни, т. I, 210—213.

Забѣлло, скульпторъ, т. II, 395.

Завадовскіе:

— Гр. Петръ Вас., министръ народного просвѣщенія, т. I, 45, 448.

— Яковъ Вас., Новгородъ-Сѣверскій гражданскій губернаторъ, т. I, 36.

Завалишинъ, Дм. Ирин. Замѣтки и статьи его: Декабристы М. С. Лунинъ,

т. I, 139—149. О рукописной литературѣ 20-хъ годовъ, т. I, 218—220. Графиня Орлова-Чесменская и Фотій, т. I, 857—

879. Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I, т. I, 879. Къ характеристикѣ С. С. Ланскаго, т. I, 883. Воспоминаніе о графѣ А. И. Остерманѣ-Толстомъ, т. II,

92—99. Отношенія Китая къ Россіи, т. III, 110—119.

Загосининъ, М. Н., писатель. Отношенія въ нему М. Е. Лобанова, т. II, 667—709.

Замойскіе, графы:

— Андрей, великій коронный канцлеръ, т. III, 98.

— Андрей, біографія его, т. III, 97—109.

— Владиславъ, генералъ, т. III, 592—596, 598.

— Константинъ, ординаръ, т. III, 98.

— Роза, рожденная гр. Потоцкая, т. III, 98, 103.

— Софья, рожденная Чарторгская, т. III, 98.

— Станиславъ, ординаръ, т. III, 98.

— Янъ, канцлеръ и великій коронный гетманъ, т. III, 97.

— Юма, великій коронный канцлеръ, т. III, 98.

Замысловскій, Е. Е., профес., т. III, 402.

Занъ, Юма, геологъ и минералогъ, т. I, 721, 722, 724, 728, 730.

Зарубинъ, П. А., этнографъ, т. III, 779.

Зеленскій, докторъ Перваго Кадетскаго Корпуса, т. 128—134.

Зеттингеръ, прапорщикъ, тамбовскій дворянинъ, т. III, 139.

Зигура-Стилевичъ, приближенный Мазепы, т. II, 727.

Зиновій, монахъ новгородскаго Отенскаго монастыря, т. III, 859—861.

Зихлеану, румынскій писатель, т. I, 658.

Злобинъ, вольскій гражданинъ, т. I, 277, 278, 281, 282, 283, 482, 483.

Зонтагъ:
— Генриетта. См. гр. Росси.
— Няна, въ иночествѣ Юліана, т. III, 388, 390.
Зубъ, посланецъ гетмана Самойловича, т. I, 5, 6.
Зуевъ, капитанъ, приставъ кн. С. Г. Долгорукова, т. I, 472.

И.

Ивановы:
— Андр. Ив., засѣдатель Тамбовской уголовной палаты, т. III, 320.
— Издатель Пушкинскаго юбилейнаго альбома, т. II, 779, 788.
— Н. А., профессоръ, т. I, 678.
— Пермскій купецъ, т. III, 637.
— Петръ, тамбовскій священникъ, т. III, 122.
Иванъ Васильевичъ Грозный, царь Московскій. Народныя преданія о немъ, т. III, 15, 16. Упомин. т. I, 297—302, 305, 310; т. III, 432.
Иванъ (Михайловичъ), игуменъ Даниловскаго монастыря, т. III, 530, 542.
Иванюкъ, запорожець, т. I, 9.
Ивашичъ, Яковъ Ожж., началн. отдѣл. канцеляріи главнокомандующаго войсками въ Ц. П., т. I, 541, 543, 545.
Игнатьевы:
— Никол. Павл., генералъ-адъютантъ, русскій дипломатъ, т. II, 47.
— Яковъ, духовный отецъ царевича Алексѣя Петровича, т. III, 151.
Иконниковъ, В. С., профессоръ, т. I, 661, 892.
Иларіоновъ, священникъ Тамбовской епархіи, т. III, 131.
Иловайскае:
— Д. И., профессоръ, т. II, 799; т. III, 399—401, 408, 422.
— Тамбовскій священникъ, т. III, 631.
Ильгенъ, прусскій министръ, т. II, 423, 424.
Илья Ивановичъ, кучеръ императора Александра I, т. I, 560.
Иззовъ, генералъ, т. II, 615, 616, 619, 655.
Иннокентій:
— (Иванъ Борисовъ), архіепископъ Херсонскій и Тавричскій, т. I, 230; т. II, 397.
— Соликамскій игуменъ, т. III, 638.
Иречанъ:
— Герменегильдъ, докторъ, т. III, 190, 191.
— К., пражскій профессоръ, т. II, 403, 405, 407, 408.
Исидоръ, Петербургскій митрополитъ.

Его литературныя интересы; т. II, 396—402.

Игонъ, англійскій историкъ, т. III, 603—605.

Итурбиде. См. Августинъ I.

І.

Іаковъ:
— III, претендентъ англійскаго престола, т. II, 428, 429.
— VI, англійскій король, т. III, 851.
— Владимірскій епископъ, т. III, 208.
Іеремія 2-й, патріархъ Константинопольскій, т. I, 442, 443.
Іеронимъ, іеромонахъ, учитель Тамбовской семинаріи, т. III, 630, 631.
Іоаннимъ:
— Архимандритъ Спасо-Евѣнкіевскаго монастыря, т. I, 776, 777.
— Московскій патріархъ, т. I, 21.
Іоаннъ (Соколовъ), епископъ Смоленскій, ученый духовный писатель. Характеристика его, т. III, 786—795.
Іоиль, архимандритъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря, т. III, 124.
Іосафъ:
— Бонапартъ, король Неаполя и Сициліи, т. II, 350, 351.
— Митрополитъ, т. I, 309.
— Московскій патріархъ, т. I, 22.
Іустинъ, Пермскій архіерей, т. III, 638.

К.

Кавелинъ, К. Д., ученый, т. III, 307.
Каверинъ, Липецкій уѣздный стряпчій, т. III, 326.
Казанскій, Тамбовскій чиновникъ, т. III, 328, 329.
Казначеева, Варв. Дмитр., рожденная княж. Волконская, т. II, 658.
Кайдановъ, учитель исторіи и географіи Александровскаго лицея, т. II, 226.
Калачовъ, Н. В., сенаторъ, юристъ, т. II, 138, 139, 381—383, 572; т. III, 797—799, 801, 871.
Калениновичъ, Никифоръ, черниговскій полковой есаулъ, т. II, 710, 711.
Калиновскій, коллеж. ассес., т. I, 292.
Камбасаресъ, французскій канцлеръ, т. II, 357.
Каменецкій, Осипъ Кирил., лейбъ-медикъ, т. I, 500.

- Каменские, графы:**
— Мих. Федот., генераль-фельдмаршалъ. Замятка къ биографіи его, т. II, 199—204. Упомян. т. I, 256—273, 476.
— Никол. Мих., генераль, т. I, 263, 351, 357.
— С. М., т. III, 404.
Каминъ, Н., этнографъ, т. III, 755.
Каналь, иезуитъ, т. III, 358.
Кане, Софія, другъ жирондистки Роланъ, т. III, 808, 809, 814.
Канищевъ, Демидъ, служитель кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 471, 472.
Каноненко, коронскій сотникъ, т. II, 716.
Кантимиръ Деметръ, румынскій писатель, т. I, 656.
Канчурины, Тамбовск. дворяне, т. III, 133.
Каравеловъ, болгарскій писатель, т. III, 205.
Караевъ, Кадомскій секретарь, т. III, 137, 138.
Каразинъ, В. Н., статскій совѣтникъ, т. I, 229, 230; т. III, 35, 36.
Каразинъ, Никол. Михайл., исторіографъ, т. I, 78, 91, 92, 94; т. II, 245, 445, 447, 451, 452, 786; т. III, 34, 306, 312, 313, 399, 400.
Каратыгины:
— Петръ Андр., актеръ, т. III, 182—184.
— П. П., сынъ актера, т. III, 182—184, 193, 199.
Карлейль, графъ, англійскій посоль, т. III, 452.
Карль:
— I, англійскій король, т. III, 439.
— II, англійскій король, т. III, 433—436, 438, 439, 447—451.
— VI, германскій императоръ, т. II, 426, 432.
— XII, шведскій король, т. II, 412, 417, 418, 425, 427, 428, 430.
— XIV, (Бернадотъ), шведскій король, т. II, 338, 339.
— Альбертъ, король Сардинскій, т. III, 389.
— Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій, т. I, 634.
Карль-Эммануилъ IV, сардинскій король, т. I, 438, 441.
Кариговъ, Егоръ Вас., тайн. сов., т. I, 477.
Карповъ, профессоръ, т. II, 386.
Карцевъ, учитель математики Александровскаго лицея, т. II, 226.
де-Кастелла, Рудольфъ, начальникъ швейцарцевъ, т. III, 359.
Катаррель, Чарлусъ, „ближній королевскій человекъ“, т. III, 447.
Катовъ, Мих. Никиф., редакторъ Московскихъ Вѣдомостей, т. II, 564, 565.
Катовъ, борисоглѣбскій помѣщикъ, т. III, 121.
Катрановъ, малороссійскій писатель, т. II, 588, 590.
фонъ-Науфманъ, К. П., туркестанскій генераль-губернаторъ, т. III, 88.
Кохановъ, генераль, т. II, 53.
Кашаевы, Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
Квитна (Основьяненко), Григор. Федор., писатель, т. II, 581; т. III, 40, 41.
Кейдъ (Куд), Александръ, т. III, 518.
Кельсиевъ, писатель, т. III, 77.
Кенигсмаркъ, графъ, т. I, 629.
Кенигъ, полковникъ, т. III, 382—384.
Кербедзъ, архитекторъ и инженеръ, т. I, 721.
Кернъ, Анна Петровна, т. III, 271—273, 277.
Кибальчичъ, Т. В., объ археологическихъ находкахъ его, т. II, 215, 216, 381, 382.
Кипренскій, Орестъ Адамов, профессоръ живописи, т. II, 674.
Кирѣевскіе:
— Ив. Вас., писатель, т. I, 237, 241.
— Петръ Вас., ученый, т. III, 720.
Кишинъ-Жгерскій, Викентій, польскій литераторъ, т. I, 448—450.
Кіевскій, Александръ, служитель кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 471, 472.
Клавьеръ, французскій министръ финансовъ, т. III, 822.
Кланвильямъ, лордъ, т. III, 387.
Клауренъ, нѣмецкій писатель, т. III, 375.
Клевелендъ, герцогъ, т. III, 448, 449.
Клейнмихель, гр. П. А., т. I, 221.
Клементьевъ, городничій, т. III, 326.
Клинновстремъ, французскій писатель, т. III, 165, 167.
Клочко, Федоръ, запорожскій посланецъ, т. I, 8.
Клюгины, московскіе купцы, т. III, 424.
Ключаревъ, А., стат. совѣт., предсѣдатель Подольской казенной палаты, т. III, 865.
Ключевскій, В. О., профессоръ, т. II, 564.
Кнезебекъ, Карль-Фридр., прусскій генераль-фельдмаршалъ, т. I, 576.
Кобургскіе:
— Антуанета, принцесса, т. I, 622, 623.
— Викторія, принцесса, т. I, 623.
— Леопольдъ, герцогъ, см. Леопольдъ I.
— Софія, принцесса, т. I, 622, 623.
— Юліана, принцес. См. Анна Федоровна.
Кобылецкая, Марья Емельян., рожденная Чеблокова, т. I, 475, 476.
Новачевичъ, Любомиръ, бѣлградскій профессоръ, т. II, 404.

- Ковалевскій, Иосифъ**, профессоръ Казанскаго и Варшавскаго университетовъ, т. I, 721; т. II, 33.
- Когалыничану**, румынскій государственный человекъ и писатель, т. I, 653.
- Козодавлевъ, Осипъ Петр.**, сенаторъ, т. I, 253, 254.
- Козицкій, Григ. Вас.**, статсъ-секретарь, т. III, 348.
- Козловскій, Павелъ**, батуринскій козакъ, т. II, 726, 727.
- Козловъ, Ив. Ив.**, поэтъ, т. II, 37.
- Козьминъ**, литераторъ, т. III, 348.
- Коляинскъ**, т. III, 432.
- Колобовы:**
— Лицедкій дворянскій засѣдатель, т. III, 138.
— Москов. купеческій родъ, т. III, 675.
— Тамбовская помѣщица, т. III, 627.
- Колосовскій**, т. III, 425, 426.
- Колосовъ, В.**, Сообщ. замѣтку о канонизации патрiарха Никона. Т. II, 793—796.
- Кольчевъ**, управляющій имѣниемъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 460, 468.
- Кольцовъ, Алексѣй Вас.**, поэтъ, т. III, 624.
- Кольцовъ-Мосальскій**, князь, сенаторъ, т. I, 289.
- Колубанинъ, Никол. Петр.**, сенаторъ, т. I, 707.
- Комаровскій, графъ**, генераль-адъютантъ, т. I, 256.
- Комнины**, греческая династія, т. II, 5, 6.
- Коморницкій**, плебанъ, т. III, 564.
- Кондановъ**, актеръ, т. III, 184.
- Кондратьевы:**
— Братья, тамбовскіе помѣшники, т. III, 138.
— Священникъ с. Лыся-Горы, Тамбовской губерніи, т. III, 121.
- Кондэ**, принцъ, т. III, 370.
- Конисскій**. См. Георгій.
- Константинъ Николаевичъ**, великій князь, т. I, 686, 687.
- Константинъ Павловичъ**, великій князь, т. I, 128, 129, 139, 141, 148, 294, 439, 564, 565, 622, 623; т. II, 111; т. III, 551, 578, 581—583, 590—593, 595—598.
- Конта**, Лю-Франсуа, принцъ, т. II, 171, 172, 174.
- Контрымъ**. Казиміръ, издатель юмористической газеты въ Вильнѣ, т. I, 718.
- Коньковъ**, петербургскій купецъ, т. I, 481.
- Корелинъ, М. С.** Ст. его: Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка, т. III, 353—371.
- Корнеа**, румынскій поэтъ-лирикъ, т. I, 658.
- Корниловъ, Ѳ. П.**, т. II, 563.
- Корниевскій, В. И.** Ст. его: Легенда о Велизаріи, т. III, 343—352.
- Коротковы:**
— Ебатер. Ив., т. I, 563.
— Мих. Матв., капитанъ, инвалидный начальникъ, т. I, 562—566.
- Корсановъ, Д. А.** Ст. его: Кн. С. Г. Долгорукой и его семья въ ссылкѣ, т. I, 457—472.
- Корфъ**, Модестъ Андреевичъ, баронъ, членъ государств. совѣта, т. I, 687.
- Коршъ, В. Ѳ.**, писатель, т. III, 185, 186.
- Косачъ, Зах. Григ.**, т. I, 500.
- Косой, Феодосій**, сектантъ, т. III, 859—861.
- Коста**, Генри, маркизъ, т. I, 437, 438, 440.
- Костенецкій**, артиллерійскій генераль, т. II, 95.
- Костомаровъ, Никол. Иван.**, историкъ. Ст. его: Самозванецъ лже-царевичъ Сяжеовъ, т. I, 1—25. Критическая замѣтка, т. II, 178—186, 585, 586. Письмо къ нему Ф. К. Неслуховскаго, т. III, 217, Упомян. т. III, 25, 28, 33, 37, 54, 427.
- Костум**, Миронъ, первый румынскій стихотворецъ, т. I, 656.
- Котляревскіе:**
— А. А., профес., т. I, 662, 663, 892,
— Ив. Петр., писатель, т. II, 581—597; т. III, 28, 31, 44, 52.
- Кохановскій**, сенаторъ-кастелланъ, т. III, 593.
- Кочубей:**
— Кн. Вас. Викент. гофмейст., т. III, 453.
— Графиня, т. III, 866, 867.
— Гр. Викт. Павл., мин. внутрен. дѣлъ, т. I, 276, 278, 289—291, 294, 763, 764; т. III, 315, 316, 318, 866, 867.
— Кн. Елена Павл., рожденная Бибилова, т. III, 453.
- Кочуевъ**, мѣщанинъ, юродивый, т. III, 567, 568.
- Кошанскій**, профессоръ русскаго языка Александровскаго лицея, т. II, 226, 250.
- Кошелевы:**
— Александр. Ив., т. I, 237, 243.
— Капитанъ, приставъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 472.
— Тамбовскій губернаторъ, т. III, 142.
- Кощеевъ**, Авраамъ, дякъ, т. I, 22.
- Кояловичъ**. Мих. Осип., профес. Петербургской духов. академіи, т. II, 195, 196.
- Кравченко**, генераль, т. II, 50.
- Кравичъ**, Констант. Дмитр., математикъ, т. III, 659.
- Краевскій**, Александръ, т. III, 108.
- Крамеръ**, Анна, дворцовая дѣвица, т. I, 547.
- Красицкій**, Игнатій, католическій епископъ, польскій поэтъ и писатель, т. III, 31, 32.

Красно-Милашевичъ, Вас. Ив., тайн. сов., председательствующій въ диванахъ Молдавіи и Валахіи, т. I, 352, 353, 356, 357.

Красовскіе:

— Мих., ученый, т. I, 663.

— Александръ Ивановичъ, цензоръ, потомъ; председатель комитета иностранной цензуры, т. III, 257, 258.

Крафтъ, Виліамъ (Виліамъ) „ближній человекъ“ англійскаго короля, т. III, 448.

Крашевскій, Иосифъ, польскій писатель, т. III, 242.

Кремійскій, Алексѣй Павлов., т. I, 275.

Крецеану, румынскій поэтъ, т. I, 658.

Кривницкій, польскій писатель, т. III, 633.

Кривенцевъ, тамбовскій засѣдатель, т. III, 629.

Кривоцовы:

— Тульскій губернаторъ, т. II, 391.

— Другъ А. С. Пушкина, т. III, 709.

Криче, губернаторъ въ Галиціи, т. III, 223.
де-Кроза, писатель, т. III, 606, 607, 609, 610.

Кромвель, Оливеръ, протекторъ соединенныхъ республикъ: Англійи, Шотландіи и Ирландіи, т. III, 439, 440.

Круглый, А. О. Ст. его: М. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гвѣдичу и Загоскину, т. II, 667—709.

Кружиковскій, Леонъ, директоръ висянскаго пароходства, т. III, 106.

Крупениновъ, коллежск. совѣтн., т. I, 257, 258, 268—270, 274.

Крыжановскій, офицеръ польской арміи, заговорщикъ, т. III, 584—587, 590, 591.

Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, т. III, 703.

Кудрявцевъ, служилый дворянинъ Тамбовской губерніи, т. III, 138, 139.

Кузнецовы:

— Е. А., стат. сов., т. I, 685.

— Этнографъ, т. III, 94.

Кулаковскій, т. I, 721.

Кулишъ, Пантелейм. Александр., писатель, т. II, 586—588, 592—594, 596; т. III, 30, 33, 35, 44, 54.

Кульбергъ, путешественникъ, т. III, 84.

Куницыны:

— Н. И. Замятка его: Близко ли паденіе Англій? т. I, 159—167.

— Профессоръ нравственныхъ наукъ Александровскаго лицея, т. II, 227, 228, 250—252.

Кунстъ, Вильгельмъ, трагикъ, т. I, 630.

Кунцевъ, повѣтчикъ погарскаго уѣзднаго суда, т. I, 29.

Куперъ, Томасъ, англійскій поэтъ, т. I, 402, 404, 405.

Купріяновъ, нав. сов., т. I, 256, 257, 270.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борисовичъ, д. тайн. сов., генераль-прокуроръ, т. I, 45.

Курбскій, кн. Андрей Михайл., эмигрантъ, т. I, 303, 305.

Курочкинъ, Н. С., писатель, т. II, 573, 574.

Кусовниковы:

— Надворн. совѣтн., т. I, 277.

— Откупщикъ, т. I, 482.

Кустодіевъ, дьяконъ с. Никольскаго, Тамбовской губ., т. III, 130, 131.

Кутлинскій, студентъ богословія, т. III, 121.

Нухаренно, Я. Г., малороссійскій писатель, т. II, 581, 597; т. III, 54—57.

Нуселевъ, С. Е. Сообщилъ замѣтку о новѣйшихъ археологическихъ открытіяхъ въ Египтѣ и Ассиріи, т. II, 800—804.

Настельри, лордъ, англійскій дипломатъ, т. I, 175.

Нюстнеръ, прусскій генераль-адъютантъ, т. I, 850, 853.

Нюхельбегеръ, Вильгельмъ Карловичъ, поэтъ, декабристъ, т. I, 523, 526; т. III, 733.

Л.

Ла-Бланшери, т. III, 813.

Лавровъ, дѣйств. ст. сов., директоръ министерства полиціи, т. I, 498.

Ла-Гарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитатель императора Александра I, т. I, 170; т. III, 361.

Лаго, австрійскій посолъ въ Мексикѣ, т. I, 841.

Лазаревскій, А. М. Ст. его: Люди старой Малороссіи. Т. II, 710—730. Упомян. т. II, 547.

Лазаръ, румынскій учитель, т. I, 656.

Ланость, французскій морской министръ, т. III, 821, 822.

Лалаевъ, генераль-майоръ, т. II, 100, 118.

Ламанскій, В. И. Ст. его: Могущество турокъ османовъ въ Европѣ, т. II, 5—23.

Ламартинъ, Альфонсъ, французскій поэтъ и государственный человекъ, т. I, 611.

Ланской, гр. С. С., министръ внутрен. дѣлъ; къ характеристикѣ его; т. I, 883; т. II, 384.

Ланфранкъ, архіепископъ Кантерберійскій, т. III, 605—610.

Лапедать, румынскій писатель, т. I, 658.

Лаптевы:

— Помѣщикъ Тамбовской губерніи, т. III, 122.

— Путешественникъ, т. II, 270.

- Тайный совѣт., Тамбовскій губерна-
торъ, т. III, 323, 324.
- Ларионовъ, Петръ**, священникъ, т. III,
120.
- Ласицкій, священникъ** с. Новобогоялен-
скаго, Козловскаго у., т. III, 122.
- Лафиттъ**, французскій банкиръ, т. I,
145.
- Лахтинъ, Никол. Андр.**, начальн. отдѣ-
ленія канцеляріи главнокомандующаго вой-
сками въ Ц. П., т. I, 537—540, 542, 543.
- Лебедевъ, Герасимъ Степан.**, русскій
путешественникъ-музыкантъ въ Индіи въ
концѣ XVIII вѣка. Біографія, т. III, 515—
524.
- Лешеръ**, французскій делегатъ на Пуш-
кинскомъ праздникѣ 1880 года, т. II, 566,
567, 570.
- Лейбницъ, баронъ Готфридъ Вильгельмъ**,
философъ, т. II, 410, 412, 418, 423.
- Лейна, Максимъ**, т. I, 445, 446.
- Ленсъ, М. И.**, т. III, 199.
- Лелевель, Иоакимъ**, профессоръ Вилен-
скаго университета, т. I, 718; т. III,
588—590, 596, 601, 602, 862.
- Лемьеръ, балерина**, т. I, 633.
- Леонидъ, архимандритъ**, т. II, 399.
- Леонова, Д. М.**, пѣвица, т. II, 575.
- Леонтьевы:**
— Кипріянь, священникъ с. Махровка,
Борисоглѣбскаго уѣзда, т. III, 122.
— Сенаторъ, т. II, 797.
- Леонъ**, полковникъ мексиканской рес-
публики, т. I, 834.
- Леопольдъ:**
— I, Георгъ-Христіанъ-Фридрихъ, ко-
роль бельгийцевъ (герцогъ Кобургскій), т.
I, 621, 623, 624; т. III, 393—397.
— II, нѣмецкій императоръ, т. III, 368,
369.
- Лермонтовъ, Мих. Юр.**, поэтъ. Къ біо-
графіи его, т. I, 879—882.
- Лерхъ**, т. III, 431.
- Летингтонъ**, шотландскій статсъ-секре-
тарь, т. III, 851.
- Летушевичъ, З.**, протоіерей, т. I, 558.
- Лигицъ, графиня**, т. III, 388, 389.
- Лизаветъ, камеръ-фрау императрицы**
Елизаветы Петровны, т. I, 549—554.
- Лизогубъ**, каневскій полковникъ, т. I, 16.
- Лилленротъ**, шведскій резидентъ, т. II,
413.
- Линкольнъ, Абрагамъ**, президентъ Сѣверо-
Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 811, 816,
819—823.
- де-Линъ, принцъ**, т. I, 625; т. III, 361.
- Лисицкій, Генрихъ**, писатель, т. III, 576,
861, 862.
- Литвинъ, Матвѣй**, аптекарь, сектантъ,
т. III, 859.
- Лобановъ, Мих. Евстаф.**, писатель. От-
ношенія его къ Гибдичу и Загоскину, т.
II, 667—709.
- Лобановы-Ростовскіе:**
— Кн. Дмит. Ів., генераль отъ инфан-
теріи, министръ юстиціи, т. I, 477—482.
— Кн. Я. Н., малороссійскій генераль-
губернаторъ, т. II, 583.
- Лобyseвичъ**, малороссійскій писатель,
т. II, 580.
- Ловичъ, княгиня, Жанета Антоновна**
(Іоанна Грудзинская), супруга цесаревича
Константина Павловича, т. III, 591,
595.
- Ледеръ, Фридрихъ Христіан.**, анатомъ
и хирургъ, т. I, 515.
- Лодыженскій, А.** Статья его: Русское по-
сольство въ Англію, т. III, 433—453.
- Лозертъ**, профессоръ, т. II, 405.
- Ломени-де-Бриеннъ**, французск. министръ,
т. III, 363, 364.
- Ломоносовъ, Михайло Вас.**, академикъ,
натуралистъ и филологъ, т. III, 255, 624.
- Лопухинъ**, Калужскій гражданскій губер-
наторъ, т. I, 876, 877.
- Лорисъ-Меликовъ, Мих. Таріелов.**, гене-
раль-адъютантъ, министръ внутрен. дѣлъ,
т. II, 50—54, 57, 60.
- Лубяновскій, Ѳеодоръ Петр.**, статсъ-секре-
тарь, т. I, 483, 484.
- Лудольфъ**, совѣтникъ юстиціи въ Бер-
линѣ, т. III, 374.
- Луна**, запорожецъ, т. I, 8, 9.
- Лукасинскій**, майоръ польской арміи,
заговорщикъ, т. III, 581, 582.
- Лукинны:**
— Пранорщикъ, т. II, 201.
— Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 135.
- Лукчиони, Бранда**, партизанъ, т. I, 438,
439.
- Лукиняновъ, Алексѣй Тимоѳ.**, Погарскій
уѣздный судья, т. I, 30.
- Лунинъ, Мих. Серг.**, декабристъ. За-
мѣтка о немъ, т. I, 139—149.
- Лушевъ, А. М.**, художникъ, т. III, 453.
- Лысогорскій, Тимоѳей**, священникъ Там-
бовской епархіи, т. III, 626—631.
- Львовъ, кн. Владим. Владим.**, цензоръ,
т. I, 237.
- Любецкій, польскій министръ финансовъ**,
т. III, 592—596, 598, 599.
- Любичъ, Симеонъ**, директоръ аграмскаго
музея, т. II, 403, 404.
- Любощинскій**, сенаторъ, т. III, 797.
- Людвинъ:**
— Герцогъ Баденскій, т. I, 629.
— XIV, французскій король, т. II, 158,
159, 420.
— XV, французскій король, т. II, 160,
163—174, 176, 527, 530, 531, 533, 534, 540.
— XVI, французскій король, т. III, 160,
161, 368—370.

Люнсембургская, герцогиня, т. III, 360, 361.

Люнгбергъ, шведскій профессоръ, т. III, 214, 215.

Лѣсковы:

— Александра (Акилина) Вас., рожденная Колобова, т. III, 642, 675—678.

— Никол. Семенов., писатель. Статьи его: Кадетскій монастырь, т. I, 112—138. Русскій демократъ въ Польшѣ, т. I, 533—546. Несмертельный Голованъ, т. III, 641—678. Забѣтки: Изъ мелочей архiereйской жизни, т. II, 255—267. Митрополитъ Исидоръ въ его литературныхъ интересахъ, т. II, 396—402. Анекдотъ объ Александрѣ I, т. II, 556, 557. Биографическая замѣтка, т. I, 431—434. Упомян. т. II, 383—385.

— Сем. Дмитр., совѣтникъ Орловскаго губерн. правл., т. III, 642.

— Орловскій совѣстный судья, т. III, 673—675.

Лялинъ, В. А., т. II, 381.

М.

Маасъ, Вильгельмина, актриса, т. I, 629.

Магденно, П. И., помѣщикъ, т. I, 879, 880, 882.

Магнусъ, боронъ, прусскій посолъ въ Мексикѣ, т. I, 839, 840.

Магометь:

— I-й, т. II, 7.

— II-й, т. II, 9.

Маевскій, полякъ-заговорщикъ, основатель „храмовниковъ“, т. III, 587.

Мазарини, Жюль, кардиналъ и французскій министръ, т. II, 158, 159.

Мазепа, Иванъ, гетманъ малороссійскій, т. II, 711, 713, 721, 722.

Майновы:

— А. Н., поэтъ, т. II, 566, 574.

— Аппол. Александр., директоръ Московскаго театра, т. III, 184.

— Л. Н., членъ географическаго общества. Забѣтка его: Прощаніе Дидро съ императрицей Екатериной II, т. III, 411—415. Упомян. т. III, 95.

Майновъ, В. Н. Статья его: Русскій ученый въ Новой Гвинее, т. I, 358—373. Скопцескій ересархъ Кондратій Селяновъ, т. I, 755—778. Норденшельдъ и его послѣднее путешествіе, т. II, 268—292. Успѣхи географическихъ знаній въ Россіи, т. III, 70—96. Поль-Брока—основатель антропологій, т. III, 331—342. Мерт-

вый городокъ, путевыя замѣтки, т. III, 525—546.

Маioresку, Титу, румынскій эстетикъ, т. I, 658.

Манарій:

— (Михаилъ Булгаковъ), митрополитъ московскій, т. I, 431—434, 454; т. II, 562.

— Митрополитъ Московскій (1542—1564 г.), т. I, 299, 301.

Мановъ, Левъ Саввичъ, статсъ-секр., министръ внутр. дѣлъ, потомъ почтъ и телеграфовъ, т. I, 230.

Максимиліанъ:

— Герцогъ лейхтенбергскій, т. I, 682, 684, 686.

— Мексиканскій императоръ, т. I, 289, 831—848.

Максимилла (Шишкина), игуменья Духова монастыря. Письма ея къ гр. Аракчееву, т. I, 647, 648.

Максимовичъ, Мих. Александр., профессоръ Кіевскаго университета, т. III, 189, 190.

Максимовы:

— Дьячекъ Тамбов. епархіи, т. III, 131.

— Этнографъ, т. III, 94.

Манушевъ, профессоръ, т. III, 633.

Манъ-Ги, Томасъ Дарси, ирландскій агитаторъ т. I, 617.

Манъ-Дугаль, американскій сенаторъ, т. I, 817.

Манъ-Дузль, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 806.

Манъ-Карти, членъ англійскаго парламента. Извлеченіе изъ его сочиненій, т. I, 393—414.

Манъ-Клеланъ, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 806, 811.

Малаховскій, Густавъ, полякъ-заговорщикъ, т. III, 589, 597, 601.

Малаховъ, М. В. Ст. его: На золотомъ прінскѣ, т. II, 731—749.

Малиновскій, директоръ Александровскаго лицея, т. II, 232.

Мальшовъ, Усманскій дворянскій депутатъ, т. III, 141.

Мальшинъ, откупщикъ, т. I, 482.

Мамановичъ, М. Ф., директоръ лицевыхъ минеральныхъ водъ, т. III, 203, 204.

Маматкинины, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Мамотовы:

— Князь, сивасскій исправн., т. II, 201.

— Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Марать, французскій министръ, т. III, 828, 829.

Марія-Антуанета, королева французская, т. III, 159—163, 165—167, 362.

Марія Ильминина, супруга царя Алексѣя Михайловича, т. I, 14, 18.

Марія Николаевна, великая княгиня, въ

- супружествѣ герцогиня лейхтенбергская, т. III, 866.
- Марія Павловна**, герцогиня веймарская, т. II, 349.
- Марія Стюартъ**, королева шотландская, т. III, 846—853.
- Марія Терезія**, королева Венгрии и Богемии, т. II, 163, 164, 167.
- Марія Федоровна**, императрица, т. I, 287; т. II, 245, 343, 668; т. III, 516.
- Марневичъ**, Н. А., малороссійскій писатель, т. II, 599.
- Марнецъ**, максиканскій генералъ, т. I, 832, 833, 837.
- Марновичи**:
— Дворяне, т. I, 499, 500.
— Полковникъ, т. II, 717, 723, 724.
- Марновы**:
— А. К., нумизматъ, т. II, 214.
— Е., этнографъ, т. III, 754.
- Марльборо**, герцогъ, т. II, 417.
- Мармонтель**, писатель, т. III, 346—351.
- Мартень**, Генри, французскій исторіографъ, т. II, 151, 152, 161.
- Мартинъ**, Джонъ, англійскій государственный человѣкъ, т. I, 617, 618.
- Мартыновы**:
— А. А. археологъ, т. II, 553; т. III, 424, 425.
— И. Г. Сообщ. замѣтку: Судьба декабриста Петра Бесугужева, т. I, 222—225.
— Капитанъ, т. II, 200.
- Мартьяновъ**, П. К. Сообщ. замѣтку: Къ біографіи М. Ю. Лермонтова, т. I, 879—882.
- Масловы**:
— Моршанскій капитанъ-исправникъ, т. II, 201.
— Степ. Алекс., т. I, 237.
- Массонъ**, французскій историкъ, т. II, 160, 161, 170.
- Матѣевъ**, гр. Андрей Артамоновичъ, посолъ въ Вѣнѣ, т. II, 413, 415, 416; т. III, 149.
- Матковичъ**, Петръ, славянскій ученый, т. II, 403, 404.
- Маторинъ**, Федоръ, крестьянинъ с. Мамонтова, Моршанскаго уѣзда, т. III, 120.
- Матье**, эльзасецъ, т. I, 577.
- Мацѣвичъ**, Левъ С. Статья его: Сынъ Суворова, т. I, 346—357. Замѣтка, т. III, 863—866.
- Мачинскій**, Дмитрій, священникъ, т. II, 804, 805.
- Мегденъ**, графъ, т. III, 867.
- Мемъ**, Фр., французскій писатель, т. III, 172—175.
- Мейчинъ**, Д. М. Ст. его: Крестьянскіе суды въ старину, т. III, 796—802. Упомян., т. II, 332.
- Мелентіевъ**, діаконъ, т. III, 130.
- Мельниковъ**, этнографъ, т. III, 767.
- Мендельсонъ-Бартольди**, Феликсъ, композиторъ, т. III, 382.
- фонъ-Меникъ**, Тамбовскій засѣдатель, т. I, 447.
- Менна**, Василій, чукотскій староста, т. II, 288—290.
- Меншиковъ**, кн. Александръ Данилов., генералисимусъ, т. II, 430, 713; т. III, 309.
- Меньшой**, Иванъ, т. III, 416.
- Мережня**, запорожець, т. I, 8, 9.
- Меренбергъ**, гр. Наталья Александр., рожденная Пушкина, т. II, 563.
- Мерзляковъ**, Алексій Федор., профессоръ, т. I, 508—513.
- Меррей**, шотландскій регентъ, т. III, 851.
- Ле-Меръ**, французскій священникъ, т. II, 529.
- Месилинь**, козловскій купецъ, т. III, 326.
- Меттернихи**, князья:
— Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ, герцогъ Портелла, австрійскій государственный человѣкъ. Изъ записокъ его, т. I, 168—180, 374—392. Упомян. т. I, 581, 582; т. III, 99, 100, 232, 872.
— Рихардъ, австрійскій дипломатъ, т. I, 376, 379, 380.
- Мецишевскій**, начальникъ штаба польскихъ войскъ, т. III, 591.
- Мещериновъ**, елатомскій дворянскій депутатъ, т. III, 140, 141.
- Мещерскіе**, князья:
— Петръ Сергѣев., оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, т. I, 773, 774.
— Семень, т. III, 348.
- Мигеръ**, Томасъ Френсисъ, ирландскій агитаторъ, т. I, 610, 611, 613, 617.
- Миддендорфъ**, академикъ, т. II, 270.
- Миндуха-Мамлай**, Н. Н., путешественникъ. Его изслѣдованія въ Новой Гвинее, т. I, 358—373.
- Микошевскій**, польскій писатель, т. III, 633.
- Минулинъ**, русскій посолъ, т. III, 453.
- Миллеры**:
— Ор. Ф., профессоръ. Библиографическія замѣтки его, т. I, 210—213, 435, 436, 869, 870; т. II, 789, 790, 806—808; т. III, 185—188. Упомян. т. II, 574.
— Секретарь шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, т. III, 722.
- Миллисно**, П. П., педагогъ, т. II, 109.
- Милорадовичъ**, гр. Мих. Андр., с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, т. II, 4473, 75, 717, 718.
- Милославскіе**:
— Илья Данилов., бояринъ, т. I, 14.
— П., писатель, т. I, 869, 870.
- Милюковъ**, А. П. Изъ воспоминаній его: Знакомство съ Сенковскимъ, т. I, 150—

158. Библиографическія замѣтки его, т. I, 213—215, 636—640, 872, 873; т. II, 193—195, 383—385. Биографія О. Н. Глинки, т. II, 472—481.
- Милотинъ**, Никол. Алексѣев., русскій государственный человекъ, т. I, 707, 708.
- Мининъ**, лейтенантъ, т. II, 270.
- Минихъ**, гр. Бурхардъ Христіанов., генералъ-фельдмаршалъ, т. I, 552, 868.
- Минутоли**:
— Гофмаршалъ герцога Мейнингенскаго, т. III, 375.
— Посланникъ въ Персію, т. III, 375.
- Мионовъ**, Тамбовскій губернаторъ, т. III, 130.
- Митусовъ**, Г. П., сенаторъ, т. I, 248.
- Митчель**, Джонъ, ирландскій патриотъ, т. I, 610—614, 616—618.
- Михайловскій**, болгарскій писатель, т. III, 205.
- Михайловы**:
— Даниилъ, шацкій протопопъ, миссіонеръ, т. II, 203, 204.
— Дьячекъ г. Шацка, т. III, 129.
— Задонскій врачъ, т. II, 200.
- Михаилъ**, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, т. I, 765, 766.
- Михаилъ Павловичъ**, великій князь, т. II, 112; т. III, 723.
- Михельсонъ**, Ив. Иван., генералъ отъ кавалеріи, т. I, 262.
- Михевичъ**, В. О. Ст. его: Извращеніе народнаго гнѣсотворчества, т. III, 749—779. Замѣтка: Непреклонный маіоръ, т. III, 415—421.
- Мищевичи**:
— Адамъ, поэтъ. О пребываніи его въ Россію, т. I, 713—731; т. II, 24—45. Упомян. т. III, 236.
— Александръ, профессоръ Харьковскаго университета, т. I, 714.
— Целина, супруга поэта, рожденная Шимановская, т. II, 35—37, 42—45.
- Мишле**, французскій историографъ, т. I, 75, 76.
- Миусскій**, запорожець, т. I, 2, 4, 5, 9, 19.
- Міятоничъ**, Чедомилъ, сербскій ученый, т. II, 403, 404.
- де-Мо**, виконтъ, французскій историкъ, т. II, 156, 157.
- Модестовъ**, В. И., профессоръ Сиб. духов. академіи. Ст. его: Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей, т. III, 282—305, 491—514. Упомян. т. II, 378—380.
- Момаровъ**, кирсановскій помѣщикъ, т. III, 135.
- Молчановы**:
— Стальсъ-секретарь, т. I, 443.
— Публицистъ, т. III, 755.
- Мольенъ**, французскій государственный казначей, т. II, 363.
- Монбарри**, князь, французскій военный министръ, т. III, 363.
- Монжела**, графъ, первый министръ Баваріи, т. I, 582.
- Мордвиновъ**, Н. С., графъ, чл. госуд. сов., т. III, 740.
- Мордовцевъ**, Д. А., писатель Библиографическая замѣтка, т. II, 386, 387.
- Морисъ**, писатель, т. III, 606, 610.
- Морозовы**:
Борисъ Ив., дядька царя Алексѣя Михайловича, т. I, 69—73.
Т. С., московскій комерсантъ, т. II, 386.
- Мортилье**, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336.
- Морфиль**, У. Р., англійскій ученый, т. I, 68; т. III, 624.
- Мостовскій**, графъ, польскій министръ, т. III, 580.
- Мохначій**, Морицъ, польскій литераторъ, заговорщикъ, т. III, 587, 597, 599, 601.
- Мошеева**, тамбовская помѣщица, т. III, 136.
- Мукоствевъ**, Зотъ, крестьянинъ-духоборець, т. I, 446, 447.
- Муравьевъ**, декабристъ, т. III, 584.
- Мусинъ-Пушкинъ**, М. Н., попечитель Петербургскаго учебнаго округа, т. I, 248.
- Мустьева**, Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
- Мутовкинъ**, Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 325.
- Мухановъ**, Павелъ Александр., главный директоръ внутреннихъ дѣлъ въ Ц. II., т. III, 104—108.
- Мышецкіе**, князья:
— Андрей Денисовъ, т. II, 527, 528, 536, 538, 539.
— Жандармскій офицеръ, т. III, 534.
Семень Денисовъ, т. III, 528, 532.
— Мясининъ, Александръ Деомидъ, т. I, 501.
- Мяновскій**, профессоръ, т. I, 721.
- Мясновъ**, капитанъ воронежскаго гарнизона, т. I, 459, 461, 462, 464, 470—472.
- Мэнъ**, писатель, т. III, 612, 613.

И.

Надхинъ, Г. П. Сообщ. четыре анекдота объ императорѣ Александрѣ I, т. II, 205—208.

Назимовъ, Владим. Иван., попечитель Московскаго учебнаго округа, т. I, 243, 244, 247.

- Найтъ** (Knight), Робертъ Чемберсъ, т. III, 521.
- Наполеонъ:**
— I, Бонапартъ, императоръ французъ. Характеристика его, т. II, 350—373. Его программа исторіи, т. III, 214, т. I, 168, 171, 177, 295, 296, 378, 382—391, 576, 577, 581, 586.
— III, императоръ французъ, т. I, 832; т. III, 549.
- Нарышкинъ**, Семенъ Кирил., генераль-аншефъ, т. III, 348.
- Нассау-Зигенъ**, принцъ, т. III, 193, 370.
- Науменко**, В. II., т. I, 662.
- Націусъ**, лютеранскій пасторъ, т. I, 553.
- Нащоминъ**, Пав. Вонновичъ, другъ А. С. Пушкина, т. III, 723, 728, 739.
- Неваховичъ**, чиновникъ театральной дирекціи, т. I, 187.
- Негри**, румынскій министр и писатель, т. I, 657.
- Негруци**, румынскій писатель, т. I, 656, 657.
- Незеленовъ**, А. И., профессоръ, т. II, 573, 574.
- Нейманъ**, Амалія, актриса, т. I, 627, 629.
- Неккеръ**, французскій министр, т. III, 363, 364.
- Неклюдовъ**, Тамбовскій губернаторъ, т. II, 797, 798, т. III, 326.
- Нельсонъ**, англійскій полководецъ, т. I, 160.
- Немировичи-Данчени:**
— В. И., писатель и этнографъ, т. III, 77, 191, 192.
— Канцеляристъ, т. I, 50, 51.
- Немойовскій**, Винцентъ, полякъ-заговорщикъ, т. III, 578, 579, 601, 602.
- Неплюевъ**, И. И., сенаторъ, бывшій начальникъ Оренбургскаго края, т. II, 110.
- Нероновъ**, подмосковный помѣщикъ, т. II, 197, 198.
- Неслуховскій**, Ф. К. Ст. его: Адамъ Мицкевичъ въ Россіи, т. I, 713—731; т. II, 24—45. Біографія польскаго историка Карла Шайнохи, т. III, 217—244.
- Нессельроде**, гр. Карлъ Васильев., русскій дипломатъ, т. I, 176; т. II, 666; т. III, 867.
- Нефедовъ**, этнографъ, т. III, 754, 755.
- Небургъ**, прусскій казначей-совѣтникъ, т. I, 857.
- Никитины:**
— Архитекторъ, т. III, 640.
— В. Н., писатель, т. II, 374—377.
— Дипломатъ, т. II, 411, 412.
— Иванъ Савичъ, поэтъ, т. III, 624.
- Никифоровъ**, Юрій, подьячій, голецъ въ Англию, т. III, 433.
- Никифоръ**, іеромонахъ городищенскаго монастыря, т. III, 865.
- Никодимъ**, Орловскій архіерей, т. III, 655.
- Николай**, епископъ Тамбовскій, т. III, 630.
- Николай Николаевичъ**, великій князь, т. II, 47, 48; т. III, 866, 867.
- Николай Павловичъ**, императоръ, т. I, 119, 182—184, 187—189, 221, 222, 250, 859; т. II, 31, 342, 343, 347, 384, 399, т. III, 132, 133, 330, 389, 586, 587, 600, 601, 679, 748, 866, 867.
- Николсану**, румынскій писатель, т. I, 658.
- Николеско**, Дмитрій, румынскій исправникъ, т. I, 352—354.
- Никольскіе:**
— Григ. Борис., Казанскій профессоръ, т. I, 651.
— П. И., профессоръ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, т. III, 429.
— П. Ф., т. III, 627.
- Никонъ**, патріархъ всероссійскій. Замятѣва о канонизаціи его, т. II, 793—796.
- Нилова**, Е. К., Тамбовская помѣщица, сотрудница поэта Державина, т. III, 133.
- Ниль**, архіепископъ Ярославскій, т. II, 397.
- Новановичъ**, Стоянъ, профессоръ, т. II, 403, 404.
- Новиновы:**
— Вас. Григ., экспедиторъ Новгородъ-Сѣверск. губ. правл., т. I, 34.
— Никол. Ив., русскій писатель и журналистъ, т. II, 193, 194, 436.
- Новиціе:**
— Генераль польскихъ войскъ, т. III, 591.
— Никол. Никит., секретарь министра внутрен. дѣлъ гр. Кочубея, т. I, 289—291.
- Новосильцевъ**, гр. Никол. Никол., предсѣдатель Государств. Совѣта и Комитета Министровъ, т. I, 730, 731.
- Норденшельды:**
— Адольфъ-Эрикъ, путешественникъ. Статья о его послѣднемъ путешествіи, т. II, 268—292.
— Маргарита-Софія, т. II, 273.
— Нилсъ-Густавъ, т. II, 273.
- Нордквистъ**, лейтенантъ, т. II, 276, 282, 286, 290, 291.
- Норовъ**, Авраамъ Серг., министр народн. просвѣщ., т. I, 243, 244, 248.
- Норрисъ**, англійскій адмиралъ, т. II, 426, 429.
- Норфолькъ**, герцогъ, т. III, 851.
- Нѣмцевичъ**, Юліанъ-Урсонъ, адъютантъ Костюшки, т. III, 580, 593, 600, 602.

О.

Обертанъ, французскій писатель, т. II, 757—763, 775.

О-Бриены:

— Вильямъ Смитъ, ирландскій агитаторъ, т. I, 609—617.

— Полковникъ Сѣверо-Американскихъ Соедин. Штатовъ, т. I, 824.

Овелакъ, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336, 337.

Оглоблинъ, Н. Н., членъ археологическаго института, т. II, 383; т. III, 871.

Оглобля, Игнатъ, запорожець, т. I, 9.

Огородниковъ, Андрей, симбирскій мѣщанинъ, юродивый, т. III, 571—574.

Одобесну, румынскій писатель - новелистъ, т. I, 658.

Одоевскіе, князья:

— Владим. Ѳеодоръ, сенаторъ и литераторъ. Литературно-біографическій очеркъ о немъ, т. I, 505—532, 681—712. Упомин. т. III, 719, 734, 735.

— Ольга Степан., т. I, 707.

— Петръ Ив., т. I, 527.

Одынецъ, А. Ѳ., поэтъ, т. I, 713, т. II, 34—37, 39, 40, 42, 43, 45.

Онаровский, графъ, генераль-адъютантъ, т. I, 176.

Ознобищинъ, Тамбовскій губервскій предводитель дворянства, т. III, 139.

О'Ноннель:

— Даниель, ирландскій патриотъ, т. I, 594—618.

— Джонъ, ирландс. агитаторъ, т. I, 602.

О'Нонноръ, Фергусъ, чартистъ, т. I, 401—403, 407, 409, 410.

Олеарій, Адамъ, писатель XVII вѣка, т. I, 68—70

Оленины:

— Алексій Никол., директоръ публичной библіотеки и президентъ академіи художествъ, т. II, 669, 675, 676, 799.

— Елизав. Марк., рожденная Полторацкая, т. II, 675.

Олешкевичъ, Юсифъ, живописецъ, т. II, 38—40, 44.

Ольдекопъ, чиновникъ шефа жандармовъ, т. III, 684, 685.

Ольди, Фанни (де-Брианъ), пѣвица, т. I, 859, 860.

Опенушинъ, А. М., скульпторъ, т. II, 395.

Опочининъ, полковникъ, т. I, 265.

Оппенъ-Риттеръ, камердинеръ гр. Н. И. Панина, т. I, 875.

Оре, Анна, шведка, кухарка императрицы Елизаветы Петровны, т. I, 875.

Ореусъ, ротный командиръ Перваго Кадетскаго Корпуса, т. I, 116, 120.

Орлеанскій, герцогъ Людовикъ-Филиппъ-Юсифъ (citoyen Egalité), т. III, 365.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексѣевна. Замятка объ отношеніяхъ ея къ Фотію, т. I, 877—879. Упом. т. II, 397.

Орловскій, Александръ Осип., живописецъ, т. II, 40, 41.

Орлозы:

— А. А., членъ археологическаго института, т. III, 871.

— Кн. Алексій Ѳеодор., дипломатъ, т. I, 142, 143.

— В., студентъ Казанской духовной академіи, т. III, 792.

— Гр. Владиміръ, т. III, 348.

— Гр. Григ. Григ., генераль-фельдцейгмейстеръ, т. III, 348.

— М. Ф., генераль, т. II, 442.

Оскаръ, шведскій король, т. II, 339.

Осокинъ, Гавр. Ив., т. I, 649—651.

Остерманъ, гр. Андрей Ив., вице-канцлеръ, вносльвдст. дѣйств. тайн. сов. и кабинетъ-министръ, т. III, 309.

Остерманъ-Толстые, графы:

— Александръ Ив., генераль. Воспоминаніе о немъ, т. II, 92—99.

— Елизав. Алексѣв., рожденная княжна Голицына, т. II, 93, 97, 98.

Островскіе:

— А. Н., писатель, т. II, 570.

— Польскій патриотъ, т. III, 596.

Острогорскій, В., т. II, 779, 782, 783.

Отъе, французъ, т. I, 276.

Офросимовъ, Московскій военный генераль-губернаторъ, т. I, 219.

II.

Павель, юродивый, т. III, 568, 569, 570, 571.

Павель-Петровичъ, императоръ, т. I, 43, 62, 113, 347, 564, 565, 646, 647, т. III, 216, 311, 312, 516, 517, 723.

Павлицева, О. С., рожденная Пушкина, т. II, 787.

Павловъ, М. Г., профессоръ, т. I, 509.

Паганини, Николо, скрипачъ, т. III, 380—382.

Паисій, Александрійскій патриархъ, т. I, 6, 22.

Палаціосъ, полковникъ, тюремный смотритель въ Мексикѣ, т. I, 841—844.

фонъ-деръ-Паленъ, гр. Петръ Алексѣв., т. I, 57, 59, 253, 254.

Палеологи, греческая династія, т. II, 6, 8.

Палицынъ, Тамбовскій губернаторъ, т. I, 446, 447.

- Пальмерстонъ**, лордъ, т. II, 387.
- Панаевъ**, Владим. Ив., писатель, т. I, 649, 650.
- Панама**, Полина, фаворитка герцога Эрнста III, т. I, 623—625.
- Панинъ**, гр. Никита Ивановичъ, т. I, 874, 875.
- Пановъ**, А. Г., Тамбовскій губернский предводитель дворянства, т. III, 141.
- Пароеній**, архимандритъ, настоятель Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря, т. I, 763, 765, 767, 768, 770, 772, 773, 775.
- Пасеневъ**, Петербургскій гражд. губернаторъ, т. I, 280.
- Пасевичи**:
— Ив. Ѳедор., свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, генералъ-фельд-маршалъ, т. I, 533, 535, 536, 542—545; т. III, 100, 101, 699.
— С. Ф., Тамбов. губернаторъ, т. III, 125.
- Патнановъ**, К. П., профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. III, 206—208.
- Патнуль**, Иоганъ-Рейнгольдъ, т. II, 414, 416, 417.
- Паули**, нѣмецкій профессоръ, т. III, 606, 848.
- Паулучи**, маркизъ, начальникъ западнаго края, т. III, 247.
- Паутовъ**, бухгалтеръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 130.
- Паць**, польскій графъ, т. III, 593, 594.
- Пашенно**, секретарь Новгородъ-Сѣверскаго губернатора, т. I, 32.
- Пелехъ**, запорожецъ, т. I, 5.
- Пельгревъ**, историкъ, т. III, 606.
- Пермяковъ**, Шацкій расправный судья, т. II, 201.
- Персий**, Мих. Степ., директоръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 114—123, 133.
- Пестель**, П. И., декабристъ, т. III, 585.
- Петрашевскіе**:
— Мелкопомѣстный шляхтичъ изъ Литвы, т. III, 633—637.
— Ученый, т. I, 721,
- Петровы**:
— Андрей, юродивый, лже-Христосъ, т. III, 567.
— Михаилъ, прикащикъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 459.
— Н. И., профессоръ Киевской духовной академіи. Ст. его: Очерки изъ украинской литературы, т. II, 577—614; т. III, 25—57.
— Терентій, пономарь Тамбовской епархіи, т. III, 121.
- Петръ**:
— I (Великій), императоръ Россіи и Европа въ его время, т. II, 409—434. Упомян. т. I, 216, 453, 547, 548, 555, 867; т. II, 20, 100—102, 713, 717, 796, 797; т. III, 89, 146, 147, 151—153, 155—157, 213, 308, 631,
— П. императоръ, т. I, 464.
— (Шпьянковъ), саровскій монахъ, т. III, 123.
- Пещуровъ**, предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, т. III, 247.
- Пименовъ**, Н. С., профессоръ скульптуры, т. II, 394, 395.
- Пироговъ**, Н. П., хирургъ. Статья о немъ, т. III, 58—69. Упомян. т. I, 686.
- Писемскій**, А. Ѳ., романистъ, т. II, 569.
- Платень**, графъ, т. II, 333.
- Платонъ**, Костромской архіепископъ, т. III, 627.
- Плещеевы**:
— А. Н., поэтъ, т. II, 572.
— Леонтій Степ., судья земскаго приказа, т. I, 70—72.
- Побѣдоносцевъ**, К. П., членъ государственнаго совѣта, т. I, 696.
- Погодинъ**, Мих. Петр., профессоръ, т. I, 215, 243, 508, 696, 712; т. II, 397; т. III, 400, 687, 702.
- Погожевъ**, Е. А., т. II, 574.
- Поковъ**, Аеонасій Петр., секретарь Петербургскаго военнаго губернатора, т. I, 56, 59, 60, 255, 256.
- Понорскіе-Жоравини**:
— Ив. Ив., подполковникъ, т. I, 54—57, 475.
— Ѳедоръ Ив., майоръ, т. I, 54.
- Покровский**, Н. В., профессоръ, т. II, 213.
- Полевые**:
— Никол. Алексѣевъ, публицистъ, т. I, 523; т. II, 701.
— П. Н., писатель, т. III, 400—403, 702.
- Полежаевъ**, П., писатель, т. I, 642—644.
- Полимарповъ**, сенаторъ, т. I, 45.
- Политеану**, румынскій писатель, т. I, 658.
- Полиньякъ**, графиня, т. III, 362.
- Политиновскій**, директоръ министерства полиціи, т. I, 497.
- Полонскій**, Я. П., поэтъ, т. II, 567, 574.
- Полтева**, Ирина, старица, т. III, 537.
- Полуботонъ**, Павелъ Леонтьевъ, наказной гетманъ, т. II, 547, 712, 714, 722.
- Получичи**, грекъ, т. I, 492.
- Поль**, польскій поэтъ, т. III, 226.
- Поляковъ**, путешественникъ, т. III, 85.
- Помпадуръ**, Жанна-Антуанета, фаворитка Людовика XV, т. I, 160, 161, 163—169; т. II, 544.
- Пономаревы**:
— П. А. Сообщ. замѣтку: С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки и общество друзей признательности, т. I, 649—652.

- С. И., т. II, 790—792.
Понятовскій, кн. Иосифъ-Антоній, польскій генералъ, т. I, 349.
Поповы:
 — Андрей, ученый, т. III, 859—861.
 — Архитекторъ, т. III, 640.
 — Дѣйств. тайн. совѣтн., членъ госуд. сов. и комитета министровъ, т. I, 480.
 — Н. Л., пермскій купецъ, т. III, 637, 638.
Порошинъ, воспитатель цесаревича Павла Петровича, т. III, 139.
Потаповичъ, тамбовскій чиновникъ, т. III, 329.
Потемкинъ - Таврическій, кн. Григорій Александровичъ. Письма къ нему гр. Сегюра, т. III, 193—198.
Поторминскій, М. А., священникъ, преподаватель Кіевской духовной семинаріи, т. I, 640—642.
Потоцкіе, графы:
 — Станиславъ, т. III, 590, 591.
 — Оома, т. III, 108.
Потуловъ, Липецкій дворянскій застѣдатель, т. III, 139.
Потѣхинъ, А. А., писатель, т. II, 572.
Прентисъ, генералъ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 811.
Преображенскіе:
 — В. В., алатырскій докторъ, т. III, 570.
 — Владимірскій частный приставъ, т. I, 766.
 — С. Е., т. II, 779, 780.
Пржевальскій, Н. М., ученый путешественникъ, т. II, 215, 402; т. III, 79, 80, 638—640.
Придансъ, Уильямъ, англійскій посланникъ въ Москвѣ, т. III, 440.
Прованскій, графъ, т. III, 370.
Прозоровскій, князь Петръ Семенов., столикъ. Посольство его въ Англію въ 1662 г., т. III, 433—453.
Прокоповичи:
 — А. А., директоръ Московскаго университетскаго пансіона, т. I, 508.
 — Теофанъ. См. это слово.
Прончищевъ, путешественникъ, т. II, 270.
Прохоровъ, В. А., археологъ, т. II, 382.
Процикъ Золотаръ, запорожецъ, т. I, 17.
Пршецлавскій, Осияшъ Антон., дѣйств. ст. сов., т. I, 248.
Прядильщиковъ, О. А., т. III, 637.
Пугачевъ, Емельянъ, (лже-Петръ III). Народныя преданія о немъ, т. III, 23—81.
де-Пуле, М. Ф., т. III, 26, 33.
Пульскій, венгерскій писатель, т. I, 588.
Путвинскій, слѣдственный приставъ, т. I, 763, 766.
Путятинъ, кн. П. А., т. II, 214.
Пуцилло, секретарь комисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. I, 661.
Пушкины:
 — Александръ Александр., т. II, 563.
 — Александръ Серг., поэтъ. Біографія его, т. II, 217—254, 435—453, 615—666; т. III, 245—281, 679—748. Письмо его къ Снегиреву, т. II, 205. Отношенія его къ Скобелевцу, т. II, 390, 391. Письмо его къ Скобелевцу, т. II, 391. Письмо его къ Гнѣдичу, с. II, 392, 393. Памятникъ ему въ Москвѣ, т. II, 394—396, 560—576. Памятникъ въ Одессѣ, т. III, 426, 427. Юбилейная литература, т. II, 779—790. Последнее слово о мѣсторожденіи, т. III, 424—426. Выставка въ Петербургѣ, т. III, 869, 870. Упомян. т. I, 219; т. II, 27—32, 709; т. III, 188, 189, 198, 199, 619.
 — Вас. Льв., дядя поэта, т. II, 222, 246; т. III, 280.
 — Григорій Александр., т. II, 563.
 — Левъ Сергѣевъ, братъ поэта, т. III, 728.
 — Наталья Никол., рожденная Гончарова, супруга поэта, т. III, 707, 708, 720, 737, 743, 745.
 — Серг. Львов., отецъ поэта, т. II, 222, 246; т. III, 247—249, 685, 728.
Пфейферъ, актриса, т. III, 376.
Пчелна, Василій, поволжскій юродивый, т. III, 567.
Пшеничный, директоръ министерства полиціи, т. I, 497.
Пэнь, убійца американскаго министра Сьюарда, т. I, 821.
Пясечніе:
 — П. Я., путешественникъ, т. III, 176, 177, 200—203.
 — Юрискъ, т. I, 722.
Пятновскій, Ал. Петр. Статья его: Князь В. Ф. Одоевскій, т. I, 505—532, 681—712. Библиографическая замѣтка, т. II, 374—377.

Р.

- Рагозинъ**, Викторъ, т. III, 624, 625.
Радзивиллъ, князь, польскій генералъ, т. III, 593, 602.
Радонежскій, А. Замѣтка о его книгѣ для чтенія, т. II, 549—551.
Раевскіе:
 — Александръ Никол., декабристъ, т. II, 617, 658.
 — В. Ф., майоръ, т. II, 625, 626.

- М. О., православный священник въ Вѣнѣ, т. II, 398, 399.
- Никол. Ник., генераль, т. II, 616, 617.
- Разинъ**, Стенька, самозванецъ. Народныя преданія о немъ, т. III, 17, 18. Упомян. т. I, 6, 14, 22.
- Разумовскій**, кн. Андр. Кирил., т. I, 50, 51; т. III, 516.
- Раичъ**, Сем. Егор., т. I, 523.
- Ракочи**, Евген., венгерскій писатель и директоръ народнаго театра, т. I, 891.
- Рамизъ-Паша**, турецкій адмираль, т. III, 549, 550.
- Ранне**, Леоп. Ф., нѣмецкій историографъ, т. I, 75; т. III, 848, 850.
- Рассадинъ**, Ив., т. II, 779, 780.
- Раупахъ**, Эрнстъ, драматургъ, т. III, 376—378.
- Раухъ**:
— Генераль, прусскій военный агентъ въ Россіи, т. I, 188.
— Суальторъ, т. III, 382.
- Рахманиновъ**, И. Г., Козловскій помѣщикъ, переводчикъ сочиненій Вольтера, т. III, 133.
- Рачи**, Францъ, докторъ, президентъ юго-славянскои академіи, т. II, 403.
- Рашель**, актриса, т. I, 858, 859.
- Редернъ** графъ, директоръ берлинскаго театра, т. III, 377.
- Ремень**, Ант., докторъ, т. II, 405.
- Рельштабъ**, Людвигъ, музыкальный и театралный рецензентъ, т. III, 374, 387.
- Рене-де-ля-Манульеръ**, Пьеръ, французскій священникъ, т. III, 167—170.
- фонъ-Рень**, генераль, т. II, 716, 717.
- Реутскій**, секретаръ Погарскаго земскаго суда, т. I, 50, 51.
- Рецъ**, французскій кардиналъ, т. III 158—160.
- Ржевускіе**:
— Вацлавъ, т. III, 549.
— Гр. Вацлавъ-Северинъ (эмиръ Тадзь-Уль-Фехръ Абдъ-Эль-Нисавъ). Біографія, т. III, 547—565.
— Констанція, рожден. княгиня Любомірская, т. III, 549.
— Михайль-Флоріанъ, коронный подскарбій, т. III, 549.
— Польскій дворянскій домъ, т. III, 549.
— Розалія, рожденная княгиня Любомірская, т. III, 560.
— Розалія, рожденная Ходкевичъ, т. III, 560.
— Станиславъ-Матвѣй, гетманъ, т. III, 549.
- Рива**, кавалеръ, итальянскій посолъ въ Требизондѣ, т. II, 48, 49.
- Римскій-Норсановъ**, Ив. Никол., генераль-майоръ, т. I, 44, 45.
- Риттеръ**, ученый, т. I, 86.
- Риттихъ**, географъ, т. III, 91, 92.
- Рихтеръ**, Александръ Борисов., дѣйств. ст. сов., т. I, 248, 249.
- Ришелье**, Жерменъ Эммануэль, герцогъ, французскій эмигрантъ, одесскій генераль-губернаторъ, т. III, 370.
- Робертсонъ**, англійскій историкъ, т. I, 161.
- Робеспьеръ**, Максимилианъ - Франсуа - Исидоръ, французскій революціонеръ, т. III, 820, 836.
- Ровандъ** (Ривантъ), Яковъ Яковл., англійскій купецъ въ Москвѣ, т. III, 425, 426.
- Родионовъ**, Мартынъ, скопецъ, т. I, 759, 760.
- Романскій**, Борисоглѣбскій городничій, т. III, 325.
- Розень**, баронъ, Готенбургскій губернаторъ, т. II, 333.
- Розетти**, румынскій писатель, т. I, 658.
- Розлачь**, Ив. Степ., секретаръ Петербургскаго военнаго губернатора, т. I, 57—60.
- Ронанъ**, Феликсъ. Ст. его: Характеристика Наполеона I, т. II, 350—373. Упомян. т. II, 522—528, 530, 537, 542—544, 755—771, 775.
- Роланъ**:
— Марія Жанна, рожденная Филиппъ. Біографія, т. III, 803—843.
— Платерь, французскій министръ, т. III, 814—818, 820, 822, 823, 826, 828—833, 836.
- Романовъ**, Иванъ, толмачъ аптекарскаго приказа, т. III, 442.
- Ромодановскій**, кн. Ѳеодоръ Юрьев., князь-кесарь, т. I, 16, 17, 20, 445, 446.
- Россель**, Джонъ, лордъ, т. I, 399.
- Росси**, графы:
— Генриетта, рожденная Зонтагъ, т. I, 850; т. III, 378, 379, 385—390.
— Сардинскій посланникъ въ Парижѣ, а потомъ въ Петербургѣ, т. III, 389, 390.
- Ростовцевъ**, Ив. Ив., дѣйств. ст. сов., директоръ училищъ, т. I, 290.
- Росточинъ**, гр. Ѳеодоръ Васил., Московскій генераль-губернаторъ, т. II, 35.
- Рубинштейнъ**, Никол. Григор., т. II, 566 567.
- Руварачъ**, Иларіонъ, архивариусъ сербскаго патріархата въ Карловицѣ, т. II, 404.
- Рудановъ**, т. III, 431.
- Рудзини**, венеціанскій посланникъ, т. II, 411.
- Рудниковъ**, Борисоглѣбскій городничій, т. I, 218.
- Рудольфовъ**, Як. Вас., экономъ и профессоръ Казанской духовной академіи, т. III, 794.
- Румянцевы**:
— В. Е., секретаръ археологическаго общества, т. III, 640.

— Гр. Никол. Петр., русский дипломатъ, т. I, 390.

— Петръ, гвардіи поруч., т. I, 458, 459.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александровичъ, малороссійскій генераль-губернаторъ, т. I, 35; т. III, 370.

Русановъ, Ив. Ив., генераль-майоръ, т. I, 481, 482.

Руссо, Жанъ-Жакъ, энциклопедистъ, т. III, 357, 358, 813.

Рыбинновъ, Павелъ Никол., Калишскій вице-губернаторъ, энографъ, т. III, 752.

Рыдзевскій, генераль, т. II, 53.

Рыжовъ, Александръ Аван., солигаличскій кварталный надзиратель, т. II, 384.

Рылѣвъ, декабристъ, т. I, 127, 132; т. III, 255.

Рѣдвиниъ, приказчикъ, истребитель разбойниковъ, т. II, 557—559.

Рѣпиниъ, кн. Н. Г., т. III, 741.

Рѣпиниъ-Волконскій, кн. Николай Григ., правитель Саксоніи и малороссійскій генераль-губерн., т. I, 879.

Рюминъ, откупщикъ, т. I, 482.

С.

Савастьяновъ, стряпчий, т. I, 14, 18.

Савельевъ, А. И. Библиографическая замѣтка о его историческомъ очеркѣ инженернаго управленія въ Россіи, т. I, 867—869.

Савновъ, усманскій дворянскій засѣдатель, т. III, 138.

Савринскій, священникъ г. Бурнака, Борисоглѣбскаго уѣзда, т. III, 124, 125.

Сакаевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Салтыковы:

— Марья Петр., рожденная Шафирова, т. I, 462, 463, 465, 466.

— Михаилъ Мих., т. I, 462, 463, 467.

— С. А., т. I, 471.

Сальмирскій, практикантъ горнаго корпуса, т. III, 430.

Сальмъ-Сальмъ:

— Принцесса. Записки ея; т. I, 805—848.

— Феликсъ, принцъ, т. I, 807, 808, 813, 822, 827—829, 837, 839, 847.

Самаринъ, Юрій Фед., т. II, 551, 552, 806—808; т. III, 404.

Самбурскіе:

— Андрей Аван., священникъ, т. III, 515, 519, 520, 522, 523.

— Ив. Фом., директоръ канцеляріи главнокомандующаго войсками въ Ц. П., т. I, 533—546.

Самойловичъ, гетманъ Запорожской Сѣчи, т. I, 6, 7, 17, 23.

Сампалаевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.

Самойловъ, Александръ (Гриммъ), графъ-самозванецъ, т. III, 384, 385.

Самсоновъ, А. Н., актеръ т. I, 637—640.

Сандельсъ, графъ, норвежскій вице-король, т. II, 334.

Саминъ, Іосифъ, т. I, 304.

Сапѣга, литовскій гетманъ, т. II, 411.

Сарій, Флоріанъ, (Saryusz Florian), родоначальникъ фамиліи гр. Замойскихъ, т. III, 97.

Сариотти, М. И., т. I, 694.

Сафиръ, юмористъ, т. III, 378, 387.

Свербеевъ, Дмитр. Никол., надворный совѣтникъ, т. I, 237.

Самцовъ, тамбовскій помѣщикъ, т. III, 324.

Свѣчинъ, Никол. Серг., генераль отъ инфантеріи, т. I, 59.

Сегюръ-д'Агессо, гр. Луи Филиппъ, французскій посланникъ въ Петербургѣ. Письма его къ Потемкину-Таврическому, т. III, 193—198.

Сеймуръ, лордъ, генераль-адмираль, т. III, 845.

Селивановъ, Кондратій, скопцескій ересиархъ. Ссылка его въ Спасо-Евѣмѣевъ монастырь, т. I, 755—778. Упом. т. II, 198; т. III, 567.

Селимъ II, турецкій султанъ, т. II, 18, 19.

Семеновскіе:

— В. И., т. III, 798.

— М. И., редакторъ-издатель „Русской Старины“, т. II, 387.

Семеновы:

— Вице-предсѣдатель географическаго общества, т. III, 87.

— Ек. Семен., актриса, т. II, 672, 680, 681; т. III, 184.

Сементновскій, генераль, т. III, 591.

Семигорская, Любовь Григорьев., рожд. Шалонская, т. I, 872, 873.

Семиинскій, Луціанъ, польскій поэтъ, т. III, 547, 564.

Семеновскій, Осипъ Иванов., писатель. Знакомство съ нимъ А. П. Милюкова, т. I, 150—158. Упомин. т. III, 734.

Сенъ-Жермень, графъ, французскій военный министръ, т. III, 363.

Сенъ-Жозефъ, (Антуанъ), баронъ, т. III, 195.

де-Сенъ-Круа, графъ, т. III, 195.

Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, т. I, 773.

Сербанеску, румынскій писатель, т. I, 658.

Сербиновичъ, К. С., т. I, 248.

- Серванъ**, французскій военный министр, т. III, 821—825.
- Сергій**, архимандритъ, ректоръ Подольской семинаріи, т. III, 123.
- Серебряновъ**, Дмит. Сем., стат. сов., т. I, 290, 484.
- Сигизмундъ II Августъ**, король польскій, т. II, 409, 417.
- Сидоровъ**, изслѣдователь Печорскаго края, т. III, 76, 77.
- Сидэнгэмъ**, Уильямъ, градоначальникъ Мадраса (town major), т. III, 517.
- Сильвестръ**, священникъ, наставникъ царя Ивана Грознаго, т. I, 309, 310.
- Симеонъ**, лже-царевичъ, т. I, 1—25.
- Семёнъ Аленъевичъ**, царевичъ, т. I, 6, 22.
- Симонъ**, архіепископъ Рязанскій, т. I, 646, 647.
- Синельниковъ**, предсѣдатель Тамбовскаго губернскаго магистрата, т. II, 201.
- Синицкій**, Климъ, чиновникъ погарскаго уѣзднаго суда, т. I, 30.
- Ситовскій**, повѣтникъ козловскаго духовнаго правленія, т. III, 125.
- Снаворонская**, гр. Екатерина Вас., рожденная Энгельгардтъ, т. III, 194.
- Сворцовъ**, Ив. Вас., титулярн. совѣтн., т. III, 424—426.
- Скобелевъ**, И. Н. генераль-маіоръ, военный генераль-полкицейстеръ I арміи, т. II, 663—665.
- Скобелъчинъ**, Фѣдоръ Аванас., тамбовскій помѣщикъ. Знакомство его съ Пушкинымъ и письма его къ Пушкину и Вяземскому, т. II, 390, 391.
- Скоропадскіе:**
— Вас. Ильичъ, т. II, 710, 719, 723, 726.
— Ив. Ильичъ, гетманъ малороссійскій, т. II, 710—730.
— Ив. Мих., т. II, 726.
— Илья Федор., украинскій генеральный референдарій, т. II, 710—730.
— Констант. Тимоф., т. II, 730.
— Марфа Степан., рожденная Шпрай, т. II, 725.
— Мих. Вас., т. II, 719, 722—726.
— Настасья Марков., рожденная Годубъ, т. II, 711, 713, 717—719.
— Пав. Ильичъ, т. II, 710, 726, 727, 730.
— Пелагея Никифор., рожденная Колениковичъ, т. II, 710.
— Петръ Мих., т. II, 726.
— Прасковья Данил., рожденная Апостоль, т. II, 722.
— Тимоф. Павл., т. II, 730.
— Ульяна Юрьевна, рожденная Четвертинская, т. II, 719, 722.
— Федоръ, казакъ, т. II, 710.
— Яковъ Мих., т. II, 726.
- Сириницынъ**, Валерій Валеріев., тайн. совѣтн., т. I, 248.
- Скударный**. См. Слѣпушкинъ.
- Славейковъ**, болгарскій писатель, т. III, 205.
- Славиу**, Иванъ, румынскій писатель-новелистъ, т. I, 658.
- Словацкій**, Юлій, польскій поэтъ, т. III, 565.
- Словскій**, Н. Г. Сообщ. письма: игуменьи Максимиаллы Шишкиной къ гр. Аракчееву, т. I, 647, 648; архимандрита Фотія къ гр. Аракчееву, т. II, 204, 205.
- Слѣпушкинъ** (Скударный), Фѣдоръ Никиф., поэтъ-самоучка, т. III, 624.
- Смагинъ**, Спасскій дворянинъ, т. III, 141.
- Смирдинъ**, книгопродавецъ и издатель, т. III, 733, 734.
- Смирновъ**, Яковъ Ив., священникъ при посольствѣ въ Лондонѣ, т. III, 522, 524.
- Смитъ**, Георгъ, т. II, 801—804.
- Снегиревъ**, И. М. Письмо къ нему Н. Д. Сущкова, т. III, 867, 868. Упомян. т. II, 205.
- Снорбекъ**, гр. Фридрихъ, главный директоръ юстиціи въ Ц. П., т. III, 106, 107.
- Снядецкіе:**
— Андрей, профессоръ, т. I, 718, 722.
— Иванъ, профессоръ, т. I, 718, 722.
- Соболевскіе:**
— Польскій графъ, т. III, 592.
— С. А., т. I, 707; т. III, 683.
- Соболевъ**, надворн. совѣтн., т. I, 255, 256, 257.
- Соколовскій**, членъ управы благочинія, т. I, 261.
- Соколовы:**
— Иванъ, т. II, 186—192.
— Коллеж. совѣт., т. I, 487.
— Смоленскій епископъ. См. Іоаннъ.
- Соллогубъ**, графъ, т. I, 701; т. III, 742.
- Соловьевы:**
— М. М., профессоръ Владимірской семинаріи, т. III, 208.
— Подполковникъ, военный надзиратель, т. I, 562.
— Сергій Мих., историкъ. Статья о немъ В. И. Герье, т. I, 74—111. Упом. т. I, 237, 455, 644, 645, 670, 671; т. II, 805; т. III, 211, 306, 307, 310, 399, 400, 871, 872.
- Солтыкъ**, польскій графъ, т. III, 601, 602.
- Сорокинъ**, Н. В. Статья его: Въ пескахъ Кара-Кумъ, т. II, 454—471.
- Сосновскій**, полковникъ, путешественникъ, т. III, 80, 81.
- Софія Алексѣевна**, царица, т. II, 413.
- Сперанскій**, гр. Мих. Мих., пребываніе его въ Пермь, т. III, 637, 638. Упомян. т. III, 317.
- Срезневскій**, Изм. Ив., профессоръ.

- Некрологъ, т. I, 659—661. Биографическая замѣтка, т. I, 892—896. Упомянут. т. I, 455.
- Станицинскій, Спасскій городничій, т. III, 330.
- Стантонъ, военный министръ Сѣверо-Америк. Соедин. Штатовъ, т. I, 811.
- Стасовъ, В. В., т. II, 383.
- Стебсь, англійскій историкъ, т. III, 606, 609.
- Стенгопъ, Эсэръ, графиня, т. III, 556—562.
- Стенька Разинъ. См. Разинъ.
- Степановъ, Пав. Вас., дворянскій застѣпатель, т. III, 320.
- Стерлиговъ, лейтенантъ, т. II, 270.
- Стефанъ (Семень Яворскій), митрополитъ, т. II, 551, 552, 807; т. III, 156, 157.
- Стецкій, Т., т. I, 664.
- Стогъ, директоръ министерства полиціи, т. I, 498.
- Столыпинъ, двоюродный братъ поэта Лермонтова, т. I, 879—882.
- Стороженко, Н. А., профессоръ, т. II, 564.
- Стоунинъ, В. Я. Биографія А. С. Пушкина, т. II, 217—254, 435—453, 615—666; т. III, 245—281, 679—748. Упом. т. III, 187, 188.
- Страффордъ, англійскій дипломатъ, т. II, 422.
- Страховъ, подполковникъ, Борисоглѣбскій городничій, т. II, 200.
- Строгановъ, гр. Григор. Александр., т. III, 747.
- Струве, журналистъ и ученый, т. I, 809.
- Стройсь, голландецъ, т. II, 547.
- Стунсбергъ, путешественникъ, т. II, 276, 283.
- Субботинъ. Замѣтка о книгѣ его: Городъ Владиміръ въ 1877 году, т. I, 451—453.
- Суворовы-Рымнинскіе:
— Гр. Александр. Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ, т. I, 262, 263, 346—350, 438—441.
— Гр. Аркад. Александр., генераль-лейтенантъ. Статья о немъ, т. I, 346—357.
— Гр. Елена Александр., рожденная Нарышкина, т. I, 355.
— Гр. Варвара Ив., рожденная княгиня Прозоровская, т. I, 355, 356.
- Сулима. См.отри Дмитрій.
- Султановъ, преподаватель строительскаго училища въ Петербургѣ, т. III, 640.
- Суриковъ, поэтъ, т. III, 624.
- Суслевъ, Ив. Тимоѳ., еретикъ, т. I, 757, 758.
- Сухомяновъ, М. И., статья его: Изъ литературы пятидесятыхъ годовъ, т. I, 233—252. Замѣтка его: Высочайшія повелѣнія о буквѣ „ѣ“, т. I, 447—450. Упомянут. т. I, 454; т. II, 567.
- Сушкочъ, Н. Д. Письмо его къ И. М. Снегиреву, т. III, 867, 868.
- Сьюардъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Сѣверо-Американ. Штатовъ, т. I, 821.
- Сѣверцовъ, путешественникъ, т. III, 87.
- Сѣрно, Иванъ, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи, т. I, 2—7, 10—18, 20, 22, 23.
- Сѣровскій, польскій генералъ, т. III, 596.

Т.

- Тадъ-Уль - Фехръ - Абдъ - Эль - Нишанъ, эмиръ. См. Ржевускій Вацлавъ-Северинъ.
- Талейранъ, т. I, 577, 578, 582.
- Танскіе:
— Антонъ, полковникъ, т. II, 717.
— Василій, полковникъ, т. II, 717.
- Тарасевичъ, Осипъ, вѣжинскій есаулъ, т. II, 716, 717.
- Тархановъ, князь, подполковникъ, т. II, 52—54, 61.
- Татищевъ, посланникъ въ Вѣнѣ, т. II, 99.
- Телферъ, берлинскій актеръ, т. III, 378.
- Тиммъ, тайный совѣтникъ, т. III, 392.
- Титовы:
— А. А., предсѣдатель Ростовской земской управы, т. II, 216, 388.
— Секретарь Тамбовской казенной палаты, т. II, 201.
- Тихоновъ:
— Н. С., профессоръ, т. II, 548, 549, 561, 563, 567.
— К. Н., т. II, 553; т. III, 354.
- Тиша-Тишинскій, т. II, 214, 215.
- Товій, сахарнянскій игуменъ, т. III, 865.
- Товьянскій, (Towiański), Андрей, мистикъ, т. III, 236, 237.
- Тонмановъ, бібліотекаръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, т. I, 228.
- Толди, Степ., венгерскій писатель, т. I, 891.
- Толстые:
— Анисья, дворцовая боярышня, т. I, 547.
— Графъ, А. И. корпусный командиръ всей гвардіи, т. I, 481.
— Гр. А. П., оберъ-прокуроръ свят. синода, т. II, 398; т. III, 790, 791.
— Гр. Д. А., оберъ-прокуроръ свят. синода и быв. министръ народнаго просвѣщенія, т. II, 398.
— Ив. Матв., т. II, 96.

- Гр. Петръ Александр., т. I, 266—270, 273, 274, 276, 278—296.
- Гр. Фед. Петр., скульпторъ, т. II, 474.
- Томка**, В., профессоръ, т. II, 405.
- Томъ**, англійскій революціонеръ, т. I, 394.
- Топинаръ**, профессоръ высшей школы антропологии въ Парижѣ, т. III, 336, 337, 339, 340.
- Торгановъ**, мѣщанинъ - прожекторъ, т. I, 284.
- Тордасіу**, Михалу, седмьградскій епископъ, т. I, 656.
- Тормасовъ**, гр. Александр. Петровичъ, главнокомандующій въ Москвѣ, т. I, 275.
- Тоть**, Эдуардъ, венгерскій писатель, т. I, 891.
- Трасиниъ**, полковникъ, флигель-адъютантъ, т. I, 881, 882.
- Траутфетеръ**, подполковникъ, т. I, 549.
- Траханіотовъ**, Петръ Тихонов., начальникъ артиллеріи въ Москвѣ, т. I, 70—72.
- Трейчке** (Treitschke), нѣмецкій исторіографъ, т. I, 567—593.
- Трембицкій**, польскій генералъ, т. III, 591.
- Трефоловъ**, Л. Н. Сообщ. анекдотъ: Прогулка маленькаго нѣмца по Невскому проспекту, т. I, 221, 222.
- Троицкій**, тамбов. иподіаконъ, т. III, 126.
- Трофимовъ**, Иванъ, священникъ с. Терноваго, Козловскаго у., т. III, 121, 122.
- Троцій**, Трофимъ, запорожецъ, т. I, 17.
- Троцинскій**, Дмитр. Прокофьев., статсъ-секретарь, сенаторъ, т. II, 198; т. III, 50, 51, 313.
- Тругартъ**, Антонъ, писатель, т. I, 448.
- Туганъ-Барановскій**, т. II, 382.
- Тургеневы**:
— Алек. Ив., государственный членъ и писатель, т. II, 655, 787; т. III, 747.
— Ив. Серг., писатель, т. I, 708; т. II, 563, 566, 568, 569.
- Турчаниновъ**, заводчикъ, т. I, 48.
- Туръ**, Евгенія, писательница, т. I, 872, 873.
- де-ла-Туръ**, домашній учитель, т. II, 200.
- Тымовскій**, статсъ-секретарь Царства Польскаго, т. III, 106.
- Тырновъ**, А., Новгородскій уѣздный предводитель дворянства, т. III, 866, 867.
- Тюменевы**, Тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
- Тюргеймъ**, гр. А., т. III, 353—357, 365.
- Гр. Серг. Семен., министръ народн. просвѣщенія, т. I, 149, 357; т. III, 738.
- Екат. Семен., рожденная Лунина, т. I, 139, 149.
- Удомъ**, генералъ-маіоръ, т. I, 351, 353.
- Уйфальви**, Карль, преподаватель парижской школы восточныхъ языковъ, т. I, 226—228.
- Улановъ**, подканцеляристъ, т. III, 121.
- Уманецъ**, Ф. М. Замѣтка его: Погибающая русская сила, т. III, 780—785.
- Урекіа**, румынскій историческій писатель, т. I, 658.
- Усовъ**, копистъ, т. I, 47, 48.
- Утробинъ**, Григорій, протоіерей Сарапульскаго собора. Отрывекъ изъ его воспоминаній. Т. I, 557—566.
- Уцмиевъ**, князь, прапорщикъ, ханъ карабахскій, т. II, 47.
- Ушановы**:
— Андрей Алексѣев., елатомскій помѣщикъ, т. III, 133, 134.
— Андрей Ив., начальникъ тайной канцеляріи, т. I, 465, 548—556.

Ф.

- Фабръ**, французскій министръ, т. III, 828.
- Фанъ-деръ-Флаасъ**, медикъ, т. I, 685.
- Федерманъ**, маіоръ, правитель Тамбовскихъ и Козловскихъ ямовъ, т. III, 136.
- Федоровичъ**, Козловскій исправникъ, т. III, 326.
- фонъ-Ферзенъ**, Іоаннъ-Аксель, шведскій графъ, т. III, 159—167.
- Филаретъ**:
— (Дроздовъ), Московскій митрополитъ, т. II, 254—264, 399, 400; т. III, 693.
— Иеромонахъ, экономъ Казанской духовной академіи, т. III, 793, 794.
- Филатовъ**, тамбовскій помѣщикъ, т. III, 140.
- Филипповичъ**, Данила, еретикъ, т. I, 757, 758, 759.
- Филипонъ**, французскій граверъ, т. III, 804.
- Филоновъ**, А., т. II, 779, 780.
- Фіалковскій**, Варшавскій архіепископъ, т. III, 107.
- Фіорелла**, французскій генералъ, комендантъ Туринской пѣтадели, т. I, 439.
- Флери**, кардиналъ, воспитатель Людовика XV, т. II, 525—527.
- Флетчеръ**, англійскій писатель, т. III, 801.
- фонъ-Фонсъ**, помощникъ шефа жандармовъ гр. Бенкендорфа, т. III, 693.

У.

Уваровы:

— Гр. А. С., археологъ, т. II, 213.

Фотій, архимандритъ. Отношенія его къ гр. А. А. Орловой-Чесменской, т. I, 877—879. Письмо его къ гр. Аракчееву, т. II, 204, 205, 397, 398, 439.

Францисци, Иванъ, словацкій патриотъ, т. III, 210, 211.

Францъ:

— I, австрійскій императоръ, т. I, 171, 172, 174, 175, 581, 582.

— II, австрійскій императоръ, т. I, 377, 385.

— II, германскій императоръ, т. I, 581, 582.

Фраудъ, англійскій историкъ XVI вѣка, т. III, 848, 850.

Фрейнъ, гофмейстеръ владѣтельнаго дома Эрбахъ-Эрбахъ, т. III, 357, 358.

Фридрихъ I (Вильгельмъ-Карль), король Виртембергскій, т. I, 577, 578.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— I, германскій императоръ, т. I, 175, 587, 632, 848, 863; т. III, 378.

— I, прусскій король, т. II, 420, 423—426, 434.

— II, прусскій король, т. II, 161, 167; т. III, 358, 359.

— IV, прусскій король, т. I, 850, 856—858.

Фриманъ, англійскій историкъ, т. III, 606.

Фримонъ, генералъ Сѣверо-Американскихъ Соедин. Штатовъ, т. I, 810, 812.

Фростъ, чартистъ, т. I, 403, 404.

Фуксъ, К. Ф., казанскій профессоръ, т. I, 651.

Х.

Хайденъ, румынскій историческій писатель, т. I, 658.

Ханенинъ, Ив. Никол., подполковникъ, Потапскій уѣздн. предвод. дворян., т. I, 28.

Ханыновъ, Н. В., ученый, т. III, 338.

Хвоцинскій, Тамбовскій губернский страпцій, т. III, 326.

Хеймъ, Вилимъ, прапорщикъ, т. III, 442.

Хелладъ-Радулеску, румынскій писатель, т. I, 658.

Хиздео, чиновникъ, т. III, 330.

Хитрово, Серг. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, т. I, 259, 271.

Хитровъ, Павелъ, ученикъ Тамбовской семинаріи, т. III, 130.

Хлопцкій, генералъ польскихъ войскъ, т. III, 590, 593, 594, 596—602.

Хмыровъ, М. Д., писатель. Сообщ. Указы императрицы Елизаветы Петровны,

т. I, 217, 444, 454; т. II, 555, 556; т. III, 410, 411. Замятки: о шведской кухаркѣ императрицы Елизаветы Петровны, т. I, 874, 875. Тетеревиная тучела, т. II, 197, 198. Стихотворное прошеніе Екатерины I, т. III, 631, 632.

Хованскіе, князья:

— Васил. Петр., т. I, 462, 463.

— Екатер. Петр., рожденная Шафпрова, т. I, 462, 467.

Ходзьно:

— Игнатій, польскій писатель. Очерки его: Домикъ моего дѣдушки, т. I, 191—209. Записки квестара, т. III, 119—149, 293—330.

— Иосифъ, т. I, 721.

Хомутиновъ, крестьянинъ с. Разказаова, Тамбовскаго уѣзда, пропогандистъ молоканской секты, т. III, 124.

Хомяновъ, Алексѣй Степан., писатель, т. I, 159, 237—239, 241, 248, 721.

Хотынецкій, Константинъ, докторъ, т. III, 551.

Хотѣвъ, Андрей, сектантъ, т. III, 859.

Христіани, Рудольфъ, докторъ, т. II, 519, 521.

Христофоръ, Вологодскій архіерей, т. II, 397.

Хрущовъ, секретарь тайной канцеляріи, т. I, 555.

Хуаресь, Бенито, президентъ Мексиканской Республики, т. I, 836, 838, 845—847.

Ц.

Цастровъ, прусскій генералъ, т. III, 375.

Цвѣдникъ-Зюденгорстъ, профессоръ, т. II, 408.

Цещь, Іоаннъ, византійскій монахъ XII вѣка, т. III, 344, 351.

Цзо-Цзунъ-Танъ, генералъ-губернаторъ китайскій, т. III, 200—203.

Цилланусъ, маіоръ, командиръ псковскаго гарнизоннаго баталіона, т. III, 418—420.

Цимбалистовъ, Герас. Алексѣев., генералъ-провантъмейстеръ, т. I, 272, 273.

Циціановъ, князь, т. I, 878, 879.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., т. I, 237.

Чадуевъ, Василій, стрѣлецкій сотникъ, посланецъ въ Малороссію по дѣлу лжецаревича Симеона, т. I, 6, 9—12, 15, 17, 20.

- Чаевъ, Н. А.**, т. II, 570.
Чапышевы, тамбовскіе дворяне, т. III, 133.
Чарторижскій, князь Адамъ, министр иностран. дѣлъ, т. III, 313 — 315, 588, 592, 593, 596, 597, 600—602.
Чеблоковы:
 — Аграфена Федор., т. I, 475.
 — Емельянъ Андр., надв. совѣт., откупщикъ, т. I, 475, 476, 482, 483.
 — Надежда Емельян., т. I, 476.
Чекановскій, путешественникъ, т. III, 85.
Челюскинъ, лейтенантъ, т. II, 270.
Чернасовы:
 — Ив. Ант., баронъ, кабинетъ-министръ, т. I, 874, 875.
 — Ротный командиръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 120.
Чернаскій, кн. Владим. Александровичъ, т. I, 239, 241, 546; т. III, 191, 192, 618, 619.
Чернышевъ, гр. Зах. Григ., т. III, 348.
Чернышъ, полковникъ, т. II, 717.
Чернявскій, профессоръ Виленскаго университета, т. I, 723.
Черняченко, Алексѣй, генеральный подесаулъ, т. I, 9, 14, 18.
Чертовъ, Ив., дворовый человекъ кн. С. Г. Долгорукаго, т. I, 460.
Честеръ, Ома, герцогъ, т. III, 449.
Четвертинскіе:
 — Гедеонъ-Святополкъ. См. это слово.
 — Юрій Гедеонов., т. II, 719, 720, 721, 722.
 — Янушъ Гедеонов., т. II, 719, 720, 721.
Чечотъ, Иванъ, этнографъ, т. I, 722, 723.
Чина, Григ., венгерскій писатель, т. I, 890.
Чистовъ, Назаръ Ив., дьякъ, т. I, 70.
Чубинскій, этнографъ, т. III, 94.

III.

- Шайноха** (Шхейнога), Карлъ, польскій историкъ. Біографія его, т. III, 217—244.
Шалауровъ, путешественникъ, т. II, 280, 281.
Шалонскіе:
 — Григорій, поручикъ, т. I, 872.
 — Любовь Григорьевна; см. Семягорская.
 — Семейство, т. I, 872, 873.
Шантелозъ, Р., французскій историкъ, т. II, 158—160.
Шантръ, Эрнестъ, хранитель Пюнскаго музея, т. I, 661, 662.
Шараповъ, этнографъ, т. III, 755.
Шарлотта, супруга царевича Алексѣя Петровича, т. III, 153—155.
Шаригорскъ, путешественникъ, т. III, 84.
Шафировы:
 — Исаія Петр., т. I, 462, 464, 465.
 — Петръ Пав., баронъ, дѣйств. тайн. сов., т. I, 469, 470, 472; т. II, 714.
Шахеръ-Мазохъ, директоръ полиціи въ Галиціи, т. III, 223.
Шаховскіе, князья:
 — Алексѣй Алексѣев., драматическій писатель, т. II, 670.
 — Яковъ Петровичъ, т. III, 310.
 — Петръ, управлявшій Псковскою губерніей, т. III, 417—420.
Шашоль, заporожець, т. I, 9.
Шварценбергъ, австрійскій фельдмаршалъ, т. I, 174; т. II, 97.
Шевченко, Тарасъ Григорьев., поэтъ, т. III, 54, 55, 624.
Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ, т. III, 687, 702.
Шегаровъ, помѣщикъ, т. III, 136.
Шембекъ, польскій генералъ, заговорщикъ, т. III, 598.
Шемичичъ, Василій, сѣверскій князь, т. I, 304.
Шервудъ, архитекторъ историческаго музея въ Москвѣ, т. III, 211, 213.
Шереметевы, графы:
 — Борисъ Петр., фельдмаршалъ, т. I, 436, 437.
 — Мих. Борис., т. II, 714, 715.
 — С. Д., т. I, 215.
Шерюэль, французск. историкъ, т. II, 157.
Шеферъ, Сонскій профессоръ, т. II, 161.
Шиловъ, Александръ Ив., еретикъ, т. I, 776.
Шимановскія:
 — Елена, т. II, 35—38.
 — Панистка, т. II, 35, 36, 42, 43.
Шиттъ, докторъ, квартирмейстеръ Северо-Американскихъ Соедин. Штатовъ, т. I, 809.
Шишина. См. Максимила.
Шишковы:
 — Александръ Семен., президентъ российской академіи, т. I, 234, 249; т. II, 24, 37; т. III, 187, 188.
 — Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 135.
Шлегель, Августъ-Вильгельмъ, поэтъ, т. III, 375, 376.
Шлиманнъ, ученый. Изслѣдованія его развалинъ Трои, т. I, 415, 419, 424, 426—428. Упомин. т. I, 888, 889.
Шмидтъ:
 — Историкъ, т. II, 155.
 — Полковникъ, баталіонный командиръ перваго кадетскаго корпуса, т. I, 120.

— 2-й, ротный командир первого кадетского корпуса, т. I, 120.

Шнейдеръ, Луи, (Леонтий Абрамовичъ), писатель. Записки его, т. I, 181—190, 849—866.

Шницуловъ, Борисоглѣбскій помѣщикъ, т. III, 134, 135.

Шпилевскій, С. М., археологъ, т. II, 381, 567.

Шредеръ:

— Вильгельмина, актриса, т. I, 630—632.

— Софія, актриса, т. I, 630.

Шречковичъ, профессоръ, т. II, 404.

Шри - Голонъ - Натъ - Дишъ, бенгалецъ, т. III, 518.

Шталины:

— Борисоглѣбскій расправный судья, т. II, 201.

— Тамбовскій помѣщикъ, т. III, 134.

Штарембергъ, австрійскій посланникъ въ Парижъ, т. II, 163, 164, 166.

Штонмаръ:

— Кобургская фамилія, т. I, 621, 622.

— Христіанъ, врачъ и довѣренный другъ герцога Леопольда Кобургскаго, т. I, 625; т. III, 393—397.

Штуръ, Людевитъ, словакъ, т. III, 633.

Шуазель-Амбоазъ, Этьенъ-Франсуа, французскій министръ, т. II, 160, 167—169, 172, 174—176; т. III, 360, 361.

Шубинъ, прапорщикъ, любимецъ Елизаветы Петровны, т. I, 548.

Шуваловы, графы:

— Андрей Петр., дѣйств. тайн. сов., т. III, 348, 350.

— Генераль-фельдцейхмейстеръ, т. I, 868.

— Мавра Егоровна, т. I, 874, 875.

— Петръ Иван., ген.-фельдм., т. II, 104; т. III, 309, 310.

Шугуровъ, М. Ѳ., т. III, 411, 617, 618.

Шульгинъ, Яковъ Степ., Архангельскій купецъ, т. I, 54—56, 276—278.

Шульманъ, генераль-лейтенантъ, бывшій интендантъ кавказской арміи 1876—1878 г., т. III, 619, 620.

Шумецъ, Степанъ, сенатскій курьеръ, т. I, 459, 460.

Шхейнога-Втлинскій, Вацлавъ, областной судья въ Галиціи, т. III, 219, 220.

Щ.

Щаповъ, А. П., профессоръ Казанской духовной академіи, т. III, 791, 794.

Щеголевъ, Семень, подъячій, посланецъ въ Малоросію по дѣлу лже-царевича Симеона, т. I, 6, 9, 11, 17.

Щербанъ, Макс., запорожецъ, т. I, 7, 8.

Э.

д'Эгильонъ, герцогъ, т. II, 176.

Эзарну, Румынскій историческій писатель, т. I, 658.

Эллерманъ, ротный командир первого кадетскаго корпуса, т. I, 120.

Эмлеръ, Иос., докторъ, т. II, 405.

Энгальчевъ, князь, тамбовскій помѣщикъ, т. III, 136.

Энгельгардтъ:

— Анна Андреев., т. I, 40, 67.

— Директоръ Александровскаго лицея, т. II, 240—243, 251, 252.

— Евфросинья Гаврил., надворн. совѣтница, рожд. Витковичъ, т. I, 39, 40, 43, 50—52, 60—67.

— Илья Андреев., т. I, 39, 45.

— Надежда Андреев., т. I, 39, 40, 43, 65, 67.

д'Эонъ, Карлъ-Женевьева-Люи-Огюст. Андре-Тимовей (д'Эонъ де-Бомонъ), тайный дипломатическій агентъ, т. II, 174, 175.

Эрбахъ-Эрбахъ, принцъ, т. III, 357.

Эрнестъ:

— Джонъ, чартистъ, т. I, 402, 413.

— III-й, герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, т. I, 623—625.

Эртель, Ѳед. Ѳед., генераль-маіоръ, т. I, 256, 257, 263, 264, 276, 285, 286, 478, 479.

Эснобедо, генераль Мексиканской Республики, т. I, 835—837, 840, 844, 845, 847.

Эстергази, гр. Валентинъ-Владиславъ, т. III, 353, 359—371.

Эстеръ, актриса французскаго театра въ Петербургѣ, т. I, 186, 187.

Ю.

Юзефовичъ, Алексій Астафьев., Волынскій гражд. губернаторъ, т. I, 34, 35.

Юрьевъ, С. А., т. II, 566, 567, 570.

Я.

Яблоновскій, Антонъ, польскій князь, заговорщикъ, т. III, 584—586.

Яворскій, Семень. См. Стефанъ.

Яганна Петрова, камеръ-медхенъ Екатерины I. Очеркъ; т. I, 547—556.

Ягичъ, В. В., профессоръ, т. III, 204—206.

Языковъ, Дмитр. Ив., писатель, т. I, 448.

Яновенко, Андрей, запорожскій писарь, т. I, 10.

Яновлевъ, Савелій, крестьянинъ Богородскаго уѣзда, стихотворный импровизаторъ, т. III, 773—776.

Якушкины:

— Декабристъ, т. II, 625.

— И. Д., т. II, 474.

Яншуль, П. И., т. III, 406, 407.

Ястребовъ, Ив., докторъ медицины, т. I, 649—652.

Ө.

Өедоровы:

— Алекс. Өед., судья Тамбовскаго совѣстнаго суда, т. III, 320.

— Иванъ, дьячекъ с. Пашатова, Темниковскаго уѣзда, т. III, 129.

— Кишиневскій военный губернаторъ, т. III, 865.

— Никол. Вас., дворянскій засѣдатель, т. III, 320.

— Романъ, священникъ с. Колтева, т. III, 122.

Өедоръ:

— (Бухаревъ), Казанскій архимандритъ, т. III, 790.

— Крестьянинъ с. Стемаса, юродивый, т. III, 569.

Өедюхинъ, Моршанскій засѣдатель, т. III, 323.

Өеодосій, епископъ Тамбовскій, т. III, 630.

Өеодотій, архіепископъ Симбирскій, т. III, 570—572.

Өеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ Новгородскій, т. II, 551, 552.

Өеофиластовъ, Евдокимъ, Печкинскій благотворитель, т. I, 558.

Өеофилактъ, Тамбовскій епископъ, т. III, 627, 630.

Өеофиль, Тамбовскій епископъ, т. III, 630.

Өомиль 1-й, священникъ с. Кулябовки, Борисоглѣбскаго уѣзда, т. III, 123.

Өорогъ, Андрей, полковникъ, переводчикъ при русскомъ посольствѣ въ Англію въ 1662 г., т. III, 442, 443, 445, 453.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1881 ГОДУ
ЖУРНАЛА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.
(ВТОРОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1881 г. въ томъ же объемѣ, по той же программѣ, и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

Въ первыхъ книжкахъ „Историческаго Вѣстника“ 1881 года, будутъ, между прочимъ, напечатаны слѣдующія статьи:

„Черниговка“. Быль второй половины XVII вѣка; **Н. И. Костома-рова**. — „Ольховникъ“. Разказъ изъ воспоминаній возвратившагося на родину изъ Сибири; **Его-же**. — „Несчастный“. Неизданная повѣсть **Т. Г. Шевченки**. — „Дворянинъ-старовѣръ“; Историческая повѣсть **Д. Л. Мордовцева**. — „Старые годы“. Историческіе разказы **В. С. Соловьева**. — „Решидъ-бей“. Историческая повѣсть изъ эпохи переселенія Кавказскихъ горцевъ въ Турцію; **В. И. Немировича-Данченко**. — „Религіозные мечтатели и нововѣры“. Современные этюды; **Н. С. Лѣскова**. — „Монастырскій геній.“ — **Его-же**. — „Живые мертвецы“. Очерки русскаго сектаторства; **В. Н. Майнова**. — „Морская экспедиція польскихъ повстанцевъ въ 1863 году“; **Н. В. Берга**. — „Потомокъ. нормандскихъ герцоговъ на Камѣ“. Изъ преданій прошлаго вѣка; **П. А. Пономарева**. — „Школьные годы“ Отрывокъ изъ воспоминаній **В. Г. Авсеенки**. — „Выдержки изъ дневника“ **В. И. Аскоченскаго**. — „Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ“; **А. В. Фигнера**. — „Изъ семейныхъ воспоминаній“; **Н. С. Маевского**. — Воспоминанія о Я. П. Бутковѣ“; **А. П. Милюкова**. — „Русскій путешественникъ по иностраннымъ государствамъ въ прошломъ вѣкѣ“; **Его-же**. — „Очерки русскаго придворнаго быта въ прошлѣмъ столѣтіи“; **Е. П. Карновича**. — „Разказы изъ дѣль XVIII столѣтія“; **Г. В. Есипова**. — „Русскій дипломатъ князь Б. П. Козловскій“; **Князя П. П. Вяземскаго**. — „Декабристы среди людей шестидесятыхъ годовъ“; **В. О. Михневича**. — „Карточная игра и картежники на Руси съ древнѣйшихъ временъ“; **Его-же**. — „Августъ-Людвигъ Шлецеръ“; Проф. **К. Н. Бестужева-Рюмина**. — „Взглядъ

на развитіе Московскаго единодержавія“; **И. Е. Забѣлина**. — „Обзоръ простонародной литературы“; **Его-же**. — „Очерки Украинской литературы нынѣшняго вѣка“; Проф. **Н. И. Петрова**. — „Эпизодъ изъ литературы сороковыхъ годовъ“; Акад. **М. И. Сухомлинова**. — „Университетская жизнь въ Кіевѣ; 1869 — 1877 г.“; Проф. **В. И. Модестова**. — „Афанасій Прокофьевичъ Шаповъ“; Проф. **Н. Я. Аристова**. — „Разбойники и бѣгле послѣ Петра Великаго; **Его-же**. — „Отрицательныя воззрѣнія иностранцевъ на Россію XVIII вѣка. Графъ Локателли и Сабатье-де-Кабръ“; Проф. **Д. А. Корсакова**. — „Московскія Вѣдомости во время французской революціи“; Проф. **А. И. Кирпичникова**. — „Московскій словесникъ-моралистъ“ (И. М. Снегиревъ); **Ф. И. Булгакова**. — „Послѣднія пятнадцать лѣтъ въ исторіи русскаго просвѣщенія“. **Его-же**. — „Шесть мѣсяцевъ въ Средней Азій“. Путевыя записки Проф. **Н. В. Сорокина**. — „Двѣ политики въ Славянскомъ вопросѣ“; Проф. **А. А. Кочубинскаго**. — „Народныя обычаи Абруццъ“; Проф. **И. В. Цвѣтаева** и др.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ будутъ напечатаны два переводныхъ историческихъ романа: „Графиня Шатобрианъ“ соч. **Лаубе**, и „Кромвель“ соч. **Роденберга**.

Къ первымъ тремъ книжкамъ „Историческаго Вѣстника“ будутъ приложены портреты нашихъ современныхъ историковъ: **Е. Н. Вестужева-Рюмина**, **И. Е. Забѣлина** и **Д. И. Иловайскаго**, гравированные въ Парижѣ извѣстнымъ граверомъ **Панемакеромъ**.

„Историческій Вѣстникъ“ выходитъ ежемѣсячно, книжками въ объемѣ до 16 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Подписная цѣна въ годъ, со всѣми приложеніями, **десять руб. съ пересылкой и доставкой на домъ**.

Главная контора въ Петербургѣ: книжный магазинъ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., № 60. **Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ:** Московское отдѣленіе книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, домъ Ремесленной Управы.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ; за полгода **шесть** руб.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскіе и иностранные (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель-редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

